Санкт-Петербургский государственный университет
1724

Всероссийская научная конференция

XIX Ковалевские чтения

Социология новой современности: проблемы, теории, методы

13–15 ноября 2025

Санкт-Петербург,
ул. Смольного д. 1/3,
подъезд 9

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербургский государственный университет

Социология новой современности: проблемы, теория, методы

Материалы Всероссийской научной конференции
XIX Ковалевские чтения
13 – 15 ноября 2025 года

Иваново-Санкт-Петербург
ПресСто
2026

УДК 316.42(042.3)
ББК 60.524я431
С 42

Рецензент:
Н. А. Головин, д-р. соц. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Редакционная коллегия:
О. Н. Безрукова, П. П. Дерюгин, А. Н. Сошнев, В. И. Дудина, В. Н. Келасьев, В. В. Козловский, М. С. Куропятник, Д. В. Иванов, В. Г. Ушакова, А. А. Флягин

Ответственные редакторы:
Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков

Социология новой современности: проблемы, теория, методы. Материалы
С 42 Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения 13 – 15 ноября 2025 года. **[Электронный ресурс]** / отв. ред. Н. Г. Сковрцов, Ю. В. Асочаков. – Электронные данные. – Иваново-Санкт-Петербург : ПресСто, 2026. – 77,1 МБ ; 1331 с. : ил. – Режим доступа: https://soc.spbu.ru/nauka/konferentsii-i-seminary.html – Загл. с экрана.
ISBN 978-5-6054897-5-7

Сборник материалов Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения содержит двенадцать секций статей, посвященных социологии новой современности: её проблемам, теориям и методам.

УДК 316.42(042.3)
ББК 60.524я431

Электронное научное издание
18+

Социология новой современности:
проблемы, теория, методы

Материалы Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения
13 – 15 ноября 2025 года

Ответственные редакторы – Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков
Верстка, техническое редактирование, оформление – ИПК «ПресСто»

В тексте содержится упоминание лиц,
включенных в «Реестр иностранных агентов» Министерства юстиции РФ.
Мнение редакции и издательства не совпадает
с мнением и высказываниями упомянутых в издании лиц-иноагентов.

Подписано к использованию 02.02.2026 г.
Объем издания 77,1 Мб. Заказ 8816. Изд. № 236

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8
Тел. +7(930)330-26-30, e-mail: pressto@mail.ru
www.pressto-ipk.ru

ISBN: 978-5-60548-975-7
9 785605 489757

© Текст. Коллектив авторов, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 1: Теоретические подходы к изучению социальных структур и процессов современности 24

Ананин Павел Валерьевич. Концептуализация понятия «агентность»: перспективы феноменологического подхода....24

Антонов Анатолий Иванович. О методологии социологического объяснения социальной динамики населения 27

Афанасьев Данил Денисович. Цивидизационный и формационный подходы к социально-исторической динамике в Азии: диалог Н. И. Конрада и А. Дж. Тойнби 29

Баранов Николай Вадимович. Истоки российского прекариата: состояние аномии конца XX столетия как фактор формирования прекариата современного российского общества. 32

Белозерова Ирина Ильинична. Новые подходы к изучению риска в современной социологии 33

Богомягкова Елена Сергеевна. Концепции здоровья в контексте актуальных теоретических дискуссий: постановка вопроса....35

Борисов Никита Владимирович. Социологические воззрения и труды С. Я. Вольфсона: анализ теоретического наследия и его актуальность в эпоху новой современности 38

Веткина Софья Кирилловна. Виртуальные и реальные сообщества: организация взаимопомощи 39

Виноградов Алексей Сергеевич. Развитие организационной культуры как базового социально-психологического условия конкурентоспособности....42

Волкова Ирина Сергеевна. «Множественная темпоральность» российского общества XXI века: социологический анализ 46

Волкова Ольга Александровна. Обоснование семейно-героической концепции социализации студенческой молодежи: социолого-демографический подход....49

Гвоздиков Денис Сергеевич. Логическое пространство культуры и динамика социальных систем ...51

Гугуев Даниил Константинович. Социальная трансформация российского общества в отечественной социологии города: теоретико-методологические аспекты....52

Данилов Александр Николаевич. Эволюционная теория в социологии новой современности....54

Елышев Егор Игоревич. «Свободные агенты» цифрового сегмента занятости: противопоставление прекариату 57

Епихина Юлия Борисовна. Режим работы всегда «на связи» как часть классовой ситуации 59

Зарубин Валерий Григорьевич. Исследовательский потенциал плотформенного подхода в области познания новой социальной реальности 60

Зотов Виталий Владимирович. Цифровая маргинализация в контексте гибридной современности ...62

Иванов Дмитрий Владиславович. Диалектика современности в социологии XX – XXI веков 64

Игнатьев Владимир Игоревич. Концепт искусственного интеллекта в теории гибридного социума: от онтики к онтологизации....69

Кузнецова Светлана Михайловна, Яровова Татьяна Викторовна. Конкурирующие модели цифровой современности: сравнительный анализ Японского «Общества 5.0» и китайской стратегии «Сделано в Китае 2025» 72

Лиханова Тамара Юрьевна. Социокультурная идентичность в современных условиях: от теоретической концептуализации к выбору методологического подхода 76

Ломоносова Марина Васильевна. Русская революция 1917 года: от изучения эрозии системы права к созданию социологии права. Научный вклад Николая Тимашева в мировую социологию 78

Маркин Максим Евгеньевич. В поисках баланса между социологической теорией туризма и его эмпирическими исследованиями: кейс автомобильности в советской и современной России 80

Мартыненко Владимир Владимирович. Кредитный предикат общества. 82
Махкамова Шахло Юлчиевна. Бюджетная политика на мужчин и женщин как драйвер в развитии стабильности общества 85
Мельников Михаил Васильевич, Мельникова Анастасия Сергеевна. Современное российское общество: от частного к гражданскому состоянию....89
Миронов Денис Викторович. О формировании российского социокультурного пространства: М. М. Ковалевский об обычном праве 91
Надеждина Евгения Владимировна. Трансформация туристической сферы в России в XXI веке: произошел ли переход от массового туриста к индивидуальному путешественнику? 93
Одяков Сергей Вячеславович. К вопросу о методологических подходах к изучению цифрового общества....97
Плетнев Алкександр Владиславович. Эпистемологический потенциал дофилософских концепций аномии для сверхсовременной социологии. 100
Семашко Лев Михайлович. Сферная макросоциология новой современности: три мировых открытия России 102
Синютин Михаил Владимирович. Частный аршин и капиталистический монастырь: к социологии российской цивилизации....106
Смирнов Пётр Иванович. Фундаментальные ценности общества. Проект универсальной типологии. 107
Филиппова Татьяна Ивановна. От «текучей современности» к «сыпучему обществу»: к вопросу о генезисе новой социальной реальности в 2020-е годы....110
Хлыновская Софья Александровна. Миросистемный подход к изучению социальных структур и процессов современности 113
Частухина Маргарита Сергеевна. Структурная маргинальность молодежи как следствие социального неравенства и дисфункций агентов социализации....116
Чемулова Алена Валерьевна, Муха Виктория Николаевна. Социальные практики в цифровом пространстве: теоретико-методологическая рамка для исследования рурбанизации....119
Черныш Михаил Федорович Социальная структура современной России в контексте концепции среднего класса....121
Шипунова Ольга Дмитриевна. Метадискурс традиции и социальный порядок 122
Яровова Татьяна Викторовна. Социальные трансформации и культурные практики в условиях цифровой революции 124
Секция 2: Социальные и политические процессы новой современности 129
Абрамова Софья Борисовна. Солидарность и счастье россиян: синергия на пути к консолидации ..129
Анохин Антон Алексеевич, Гайсина Люция Муртабаровна. Цифровая адаптация молодых специалистов в нефтегазовой отрасли: инструменты, вызовы и перспективы 132
Ахмедова Фарангис Мухамадовна. Фиктивное образование как институциональная девиация: социологический анализ угроз для устойчивости профессиональных сообществ России....135
Баженов Анатолий Матвеевич. Жан-Жак Руссо о социализации личности в контексте современной социологии 142
Бакулин Дмитрий Викторович, Бакулин Александр Викторович. Цифровые информационные потоки как объект социологического анализа: сущность, структура, функции 144
Башнина Нина Константиновна. Фейковые новости как манипуляция информацией с целью формирования общественного мнения....148

Боброва Дарья Николаевна, Осипова Дарина Валерьевна. Качество жизни современных педагогов как одной из ключевых социально-профессиональных групп: социологический анализ и перспективы развития 150

Васильев Николай Александрович. Социальные и политические процессы новой современности: текущая повестка и будущее социальных сетей 153

Ведерникова Мария Игоревна. Цифровые кочевники как агенты мягкой силы 157

Гершунский Олег Константинович. Социальное, ещё социальней: актуальность человекоцентричности в профиле современности 159

Головацкий Евгений Васильевич. Социально-политические нововведения в коммуникациях сетевых сообществ («сибирский формат») 162

Гребенюк Александр Александрович. Проблемы миграционной политики глазами россиян (результаты всероссийского социологического исследования) 166

Григорьева Мария Валерьевна. Факторы стабильности общественных настроений в период СВО 168

Данилова Наталья Михайловна. Конституционные механизмы реализации российской государственной политики по формированию ценностей 169

Дроздова Юлия Алексеевна. Клиентоцентричность как новая парадигма в государственном управлении 173

Дубровин Владимир Леонидович. Гражданская религия и социальная интеграция в современном российском обществе. 175

Дуран Татьяна Валентиновна, Григоренко Ярослав Александрович. Ценностная составляющая потенциала развития государственных служащих ГУ МВД России как условие стабильности современного российского общества 178

Емелин Ярослав Александрович, Милецкий Владимир Петрович. Россия как объект «тотальной интервенции» коллективного запада 180

Жуков Андрей Олегович. Олимпиада «Я – профессионал» как инструмент формирования национальной элиты: диагностика структурного дисбаланса и пути его преодоления 183

Зинкович Анастасия Алексеевна. Образ России в сознании молодежи Беларуси 186

Иванова Светлана Владимировна, Андреенкова Анна Владимировна, Фролова Мария Сергеевна. Исторические события в контексте личного жизненного пути – поколение, взрослевшее в 1990-е 187

Кирюшин Иван Артемович. Социальные факторы электорального поведения в современных условиях 190

Королев Андрей Иванович. Молодежный политический абсентеизм в России: результаты исследований и их интерпретации 192

Кривохина София Алексеевна. Роль региональных СМИ в формировании концептосферы: на примере освещения специальной военной операции (СВО) в медиа субъектов РФ 195

Кузнецов Егор Алексеевич, Аликова Ассоль Александровна, Яровова Татьяна Викторовна. Студенческие объединения как форма социальной мобилизации в условиях новой современности 198

Кузьмин Александр Геннадьевич. Модернизационная идеология Изборского клуба: особенности евразийской концепции 201

Кузьмин Виктор Сергеевич, Стамболцян Елизавета Сергеевна. Лудомания как социально-правовая проблема современного российского общества 204

Липтуга Артем Валерьевич. Цифровые моральные паники и режим социальной мобилизации: Анализ стабильности российского общества после 2022 года через призму теоретической социологии 207

Минаев Сергей Владимирович. Возможности институционального подхода в трансформирующемся обществе 209

Молчанов Артём Андреевич, Нятина Наталья Владимировна. Сетевая активность населения в условиях социально-политической мобилизации: критерии-основания и валентность социальных связей 212

Мохоров Геннадий Анатольевич, Сирота Наум Михайлович. Мировой беспорядок: теоретические аспекты 215

Попова Ольга Валентиновна. Влияние антикоррупционной политики на политическое доверие и социальную стабильность 218

Приходько Владимир Андреевич. Факторы политического оптимизма студентов России 220

Ракович Елизавета Витальевна. Концептуальные подходы к социально-управленческой экспертной системе в современном ВУЗе 224

Ревенский Николай Сергеевич, Шаповал Данил Максимович, Морозов Денис Александрович, Проников Александр Николаевич. Психологические механизмы когнитивных войн в современной политике 227

Руднева Ольга Олеговна. Выборы губернатора Ростовской области: анализ влияния социальных сетей на электоральный выбор 230

Рыжкова Елена Александровна. Традиционные ценности и новые солидарности: как институт дачи воспроизводит социальный порядок в современной России 232

Свиридов Борис Александрович. Режим социальной мобилизации и стабильность общества 235

Серегина Татьяна Николаевна. Исторчиеская память как традиционная ценность 237

Слатинов Владимир Борисович. Губернаторский корпус современной России: агент развития в условиях «вертикализации» публичной власти 239

Тетерук Дмитрий Сергеевич. Медиа-легитимация государственной власти: внутренние и внешние риски цифровой трансформации в современных социально-политических процессах 242

Тихонов Никита Владимирович, Щитко Владимир Сергеевич. Имена героев Великой Отечественной Войны в средствах массовой информации 244

Тхакахов Валерий Хазраилович. Топонимическая политика в регионах РФ: чеченская идентичность и память в процессе трансформации 247

Цепкова Анна Сергеевна. Социальное самоопределение студенческой молодёжи Донбасса 249

Чжай Цзымин. Научная дипломатия стран БРИКС и поиск ответов на планетарные вызовы социально-политического характера 252

Чжэн Вэньсинь. Современные социальные ценностные ориентации Китая: трансформация методологических аспектов измерения 253

Шаршов Анатолий Романович. Значение социологии в изучении искусственного интеллекта в сфере здравоохранения 256

Шевцов Алексей Владимирович. Социологи о современном российском радикальном консерватизме 258

Щербина Александра Вениаминовна. Переход к новой современности: конкуренция сценариев будущего 260

Секция 3: Экономика и государство в эпоху новой современности 264

Агеева Александра Игоревна. Влияние принудительной сверхурочной занятости на работника 264

Астахов Александр Михайлович. Перспективы трансформации институциональной системы взаимодействия государства и малого бизнеса 265

Белозерова Ксения Руслановна, Ванаева Эльнара Ильфатовна. Государственная политика в сфере содействия занятости населения: понятийный анализ 268

Бычкова Наина Евгеньевна, Мосеев Марк Павлович, Яровова Татьяна Викторовна. Экономика алгократии: социальный рейтинг как модель управления экономическим поведением 271

Васюнина Ариадна Алексеевна, Яровова Татьяна Викторовна. Алгоритмическая модернизация экономики России: инновационные технологии и роль искусственного интеллекта в формировании цифрового потенциала. 276

Воронов Виктор Васильевич. Развитие и упадок промышленных предприятий малого города на Урале: причины и следствия 278

Годило Татьяна Сергеевна. Социально-экономическая эффективность применения преференциальных режимов в России: проблемы измерения в контексте новой современности 282

Дерюгин Павел Петрович, Кузнецова Ольга Владимировна, Алексеева Ольга Максимовна. Адаптационный потенциал человеческого капитала в контексте новой экономики (концептуальная рамка потокового общества Дж. Урри) 284

Добрынина Софья Николаевна, Яровова Татьяна Викторовна. Цифровизация труда и роль государства в регулировании платформенной экономики и фриланса 287

Дудин Павел Николаевич. Институты экономического присутствия России в Восточной Азии в первой половине XX в. и их роль в формировании буферных социумов в зоне российско-китайского приграничья 293

Закаура Анастасия Викторовна, Яровова Татьяна Викторовна. Конструирование монетарного суверенитета в России: дискурс «золотого рубля» и практики перехода на юань в международных расчетах 295

Карапетян Рубен Вартанович. Цифровой лабиринт труда: структурные и психосоциальные риски в эпоху цифровой трансформации 298

Князева Мирослава Святославовна. Экономический рационализм потребителя в эпоху алгоритмов маркетплейсов 300

Косилин Дмитрий Евгеньевич. Трансформация личностных качеств менеджеров по продажам в условиях цифрового капитализма: от социального взаимодействия к алгоритмическому контролю 303

Лем Андрей Сергеевич. Социально-экономическое развитие Арктики на основе концепции синей экономики 305

Лосев Никита Сергеевич, Нигматуллин Радмир Рустамович. Интернет-коммуникация как фактор адаптации малого бизнеса в условиях цифровой экономики 307

Маркеева Анна Валерьевна. Цифровые платформы и трансформация трудовых отношений: баланс между инновациями и защитой трудовых прав в цифровую эпоху 310

Маскина Яна Дмитриевна, Яровова Татьяна Викторовна. Возобновляемая энергетика как фактор экономического развития страны 312

Махкамова Шахло Юлчиевна. Мотивация занятых в неформальном секторе к формальной (результаты социологического обследования) 316

Морозова Софья Ильинична. Социология цифрового энергетического государства: китайская модель управления инновациями» 325

Нагоричная Мария Руслановна. Особенности низкоресурсных групп в контексте доходов и расходов домашних хозяйств 327

Пунцилева Елена Юрьевна. Специфика эмоционального труда коммерческой и некоммерческой деятельности 330

Рахман Хашими Матиар Мизанурович. Российская киноиндустрия в условиях санкций: испытание на прочность предпринимательской экосистемы 333

Рыжикова Мария Игоревна, Кулькова Инна Анатольевна. Суверенитет рынка труда 335

Смелова Алёна Андреевна. Сциентизм как стратегия коммуникативной политики центральных банков 337

Смотрова Полина Сергеевна. Цифровой капитализм и труд: от экономической рациональности к алгоритмической 339

Соколова Анастасия Алексеевна. От коммуникационного дефицита к цифровой репутации: наставничество в экономике алгократии 341

Солдатов Андрей Александрович. Новые аспекты трудовых отношений 344

Соловьев Аркадий Константинович. Проблемы институциональной трансформации экономики социальной сферы в условиях глобальных вызовов 346

Таганов Максим Викторович. Цифровые технологии в образовательном процессе 348

Урожаева Татьяна Петровна. Сфера общественного питания в городах Иркутской области: от стагнации к развитию в 1990-е – 2020-е гг. 350

Фурсов Андрей Викторович. Криптограмотность: концептуализация понятия, актуальность и методологические возможности измерения феномена 353

Холоденко Юрий Александрович. Трансформация институтов регулирования рынка труда в цифровой среде 356

Цинь Хаожань. Социальные практики выхода из бедности и человеческий капитал сельских жителей Китая 359

Чэнь Вэньвэй, Сан Сумей, Чэнь Чуньсяо. Сверурочная занятость и повышение пенсионного возраста в Китае 361

Шевцова Александра Евгеньевна, Григорова Даурия Алексеевна. Экономическая оценка потребительских предпочтений на рынке онлайн-видеосервисов 362

Шин Владимир Талгатович, Ромашкина Гульнара Фатыховна. Парадокс гиперподключенности в современном социуме 365

Шумский Александр Васильевич, Вострецова Влада Александровна, Яровова Татьяна Викторовна. Беспроцентная конвертация центральной валюты Центрального Банка как новый этап финансовой интеграции России и Китая 368

Яхин Роман Русланович, Яровова Татьяна Викторовна. Цифровой рубль: финансовая инклюзия или тотальный контроль? 373

Секция 4: Особенности управления в новых условиях: поиски новой модели 377

Агеева Александра Игоревна. Влияние принудительной сверхурочной занятости на работодателя 377

Алейников Андрей Викторович. Стратегии риск-менеджмента в условиях эскалации конфликтов: концептуальные основания 378

Андреева Софья Вячеславовна, Зимова Наталья Сергеевна. Роль корпоративной культуры в системе управления знаниями 380

Андриянова Татьяна Владимировна. Управление в призме медийной инклюзии: социологическое измерение 387

Арсланов Альберт Шамилевич, Гайсина Люция Муртабаровна. Цифровая трансформация корпоративного управления: от иерархических моделей к партиципативным практикам 388

Ахмадеев Камиль Наилевич. Роль коммуникативной компетентности руководителя в принятии управленческих решений 391

Батоврина Екатерина Викторовна. Приоритетные направления управления персоналом российских инновационных компаний в условиях кадровых рисков 394

Буданова Вероника Витальевна. Укрепление трудовой дисциплины как функции социального контроля 396

Вербицкая Анна Кирилловна. Управление университетом в эпоху цифровой трансформации: от бюрократической иерархии к agile-моделям 398

Герасимова Анастасия Александровна. Agile-методология как инструмент формирования антихрупкости организаций 401

Дробышева Мария Юрьевна. Управление процессом социального конструирования образа региона: модель, координация акторов и барьеры (кейс Оренбургской области) 403

Иванова Елена Игоревна. Социально-ориентированный сценарий развития региона (на примере Тульской области) 405

Камышина Елена Александровна. Востребованность ценностной трансформации в корпоративном управлении 408

Кирилина Татьяна Юрьевна, Карбушева Александра Максимовна. Особенности разработки PR-кампании для образовательного учреждения 410

Колдушко Анна Анатольевна. Развитие цифровых компетенций гражданских служащих в субъектах приволжского федерального округа: анализ должностных регламентов 413

Колесникова Кристина Геннадьевна. Роль наставничества в высшей школе: Практики применения с использованием искусственного интеллекта 416

Константинова Лариса Владимировна. Институциональные трансформации высшего образования: разрывы, треки, направленность 419

Кузнецова Полина Юрьевна. Технологии взаимодействия общества и власти в условиях цифровой трансформации государственного и муниципального управления 423

Ли Цзяжуй, Чжан Сичэнь. Социальные инвестиции в персонал: от затрат к стратегическому ресурсу развития предприятия 426

Линюшина София Денисовна. Стрессоустойчивость работников как организационно-управленческая проблема 427

Лубек Глеб Сергеевич. Чудо-юдо рыба-кит: что работодатель ожидает от соискателя с социологическим образованием 429

Макаров Игорь Николаевич. Государственное управление в эпоху цифровизации: трансформация институциональных механизмов 432

Малышева Галина Анатольевна. К вопросу о политике и моделях цифрового развития: глобальный контекст и российский опыт 435

Мершиева София Андреевна, Яровова Татьяна Викторовна. Управление поколением Z: вызовы интеграции «цифровых аборигенов» с их запросом на мгновенную обратную связь, горизонтальность и осмысленность. 438

Муслимов Радмир Рамилевич, Гайсина Люция Мугтабаровна. Пассивное влияние различных подходов к управлению на развитие современной модели управления в России, на примере ТЭК 441

Нигматянов Арслан Дамирович. Управленческие инновации в области внутренних коммуникаций как фактор изменения организационной культуры 444

Оргадыкова Альвн Хонгоровна, Рассказов Сергей Вениаминович. Многомасштабное понимание инновационной культуры: общество – организация – личность 447

Петров Антон Маркович. Особенности и направления цифровизации государственного управления в России в современных условиях 449

Пурганова Полина Сергеевна. Ценностный подход к управлению кадрами российского университета: возможности и ограничения использования 452

Романова Виктория Алексеевна. Влияние трансформации рынка труда на качество жизни выпускников технических вузов: социологический подход к управлению 454

Рубцова Мария Владимировна. Нейроуправление как управленческая и социальная технология....455
Свиридов Борис Александрович. Национальные модели корпоративного управления.....457
Скоробогацкий Вячеслав Васильевич, Скоробогацкая Наталья Александровна.
Роль политических технологий в формировании новой модели государственного управления.....460
Скупов Михаил Васильевич. Национальные ценности как основа ценностно-нормативных
систем конгломератов: сравнение Южной Кореи и России 463
Соколов Александр Владимирович, Мавричева Ана. Особенности функционирования
цифровых сообществ.....467
Станевич Анастасия Юрьевна. Роль наставничества в укреплении межпоколенческого
диалога и устойчивости общества.....469
Твилле Полина Сергеевна, Мерцалова Диана Юрьевна. Индекс человекоцентричности
по отношению к сотрудникам в организациях сферы здравоохранения.....471
Ткаченко Кирилл Владимирович. Стратегии НКО в сфере здоровья в Республике Хакасия
и взаимодействие с государством 474
Трофимова Ирина Николаевна. Тройная спираль в инновационной политике: одна цель,
разные подходы 477
Фомичева Татьяна Владимировна. Модель управления в современных условиях:
ценностный аспект 479
Холодов Всеволод Максимович. Преимущества партисипативной модели социального
корпоративного управления в цифровом обществе 480
Царева Анна Владиславовна, Воробьев Сергей Алексеевич, Малинин Александр Владимирович.
Развитие кадрового потенциала организаций сферы физической культуры и спорта в условиях
низкого уровня безработицы 483
Челенкова Инесса Юрьевна. Риски регулятивных механизмов управления
«преференциальных режимов» Дальневосточного федерального округа (ДФО) 486
Черняева Галина Владимировна. Социальная мотивация развития креативности
как задача социального управления.....488
Чурина Елена Николаевна. Социальные параметры использования цифровых технологий
управления в партиципативно-диалогическом онлайн полилоге 491
Шавонин Артем Леонидович. Социологический мониторинг СМИ как инструмент обеспечения
социальной инклюзии инвалидов 496
Шагиахметова Алия Хусаиновна. Новые компетенции в управленческом лидерстве
в эпоху искусственного интеллекта.....497
Секция 5: Социология цифрового общества: актуальные проблемы и перспективы развития 499
Ананченкова Полина Игоревна. Цифровые страхи: почему пожилые не хотят осваивать
искусственный интеллект 499
Андрианова Елена Владимировна, Давыденко Владимир Александрович. Альтернативные
теории труда (labor) и работы (work) Ханны Аренд в контексте цифрового общества.....502
Антонова Наталья Леонидовна. Онлайн-альтруизм как практика просоциальной
активности молодежи в цифровой среде.....505
Артамонова Марина Васильевна. Университеты: ИИ вызовы, распад традиции и формы 507
Астафуров Никита Юрьевич. Стратегические аспекты применения геймификации
в образовании.....510
Бакулин Александр Викторович, Бакулин Дмитрий Викторович, Дерюгин Павел Петрович.
Дополненная современность как объект социологического анализа 512

Бурганова Лариса Агдасовна, Мягков Герман Пантелеймонович, Юрьева Оксана Владимировна. Искусственный интеллект в высшем образовании: вызовы и риски 515

Вербин Анатолий Александрович. Изменение характера труда в новой реальности 518

Вербицкая Анна Кирилловна. Цифровая трансформация инженерного труда: от CAD-систем к ИИ-ассистентам и новым формам отчуждения 520

Видясова Людмила Александровна. Петербуржцы и искусственный интеллект: осведомленность, ожидания и опасения 523

Вишнякова Эльмира Мамедовна, Ковалева Елена Олеговна, Ковалев Андрей Вадимович. Краудсорсинг как неформальная форма трудовых отношений и занятости 525

Власова Наталья Владимировна. Роль искусственного интеллекта в решении социальных проблем 528

Востоков Максим Федорович. Образ искусственного интеллекта в представлениях студентов 530

Горчакова Дарья Сергеевна. Фундаментальная трансформация потребительного производства в цифровом российском обществе 534

Грошева Александра Анатольевна. Модели восприятия цифровизации и ИИ в обществе и экономические последствия их влияния на развитие сфер экономики на примере финансового и строительного секторов экономики Российской Федерации 536

Диченко Кристина Сергеевна, Тахаутдинова Диана Рустамовна. Симулякры осознанности: закулисье цифрового эко-активизма 539

Дружинина Дарья Дмитриевна. Цифровые следы университетов: что наиболее важно для абитуриентов 542

Дудин Геннадий Алексеевич. Цифровизация общества и цифровая социализация в матрице проблем социологии цифрового общества 544

Елышев Егор Игоревич. Цифровая трансформация труда: перспективы и вызовы платформенной экономики 547

Иванова Татьяна Николаевна, Спиридонова Варвара Алексеевна, Иванов Семен Михайлович. Онлайн-обучение как значимый ресурс системы образования: тренды и перспективы 549

Илларионова Юлия Евгеньевна. Конструирование цифровой идентичности блогеров через визуальные стратегии 553

Ишмухаметов Рустам Рифатович. Цифровизация управления в сфере образования: объективная закономерность или дань моде? 556

Казаренкова Татьяна Борисовна, Казаренков Вячеслав Ильич. Искусственный интеллект как фактор развития новой социальной реальности в условиях цифрового общества 560

Карпов Николай Сергеевич, Полицинская Екатерина Викторовна, Лизунков Владислав Геннадьевич. Развитие интеллектуально-инновационного потенциала кадров в условиях цифровизации общества: социологический аспект 561

Кирилина Татьяна Юрьевна, Сахневич Инна Валерьевна. Метрическое общество в России: социальные вызовы и институциональные трансформации в условиях цифровизации 564

Киселев Игорь Юрьевич, Шубина Анастасия Васильевна. Изменение характера труда на условиях платформенной занятости (на примере водителей такси) 567

Киселева Людмила Сергеевна. Геймификация в социальной сфере: направления и реализация 570

Кислицын Иван Александрович, Ромашкина Гульнара Фатыховна. Доверие к цифровым сервисам и цифровые угрозы для школьников 571

Кобзарева Юлия Алексеевна. Теоретические основы влияния университетских медиа на формирование ценностных ориентаций молодежи в условиях цифровизации 574

Ковалева Екатерина Александровна. Потребление онлайн-отзывов как стратегия формирования социальной идентичности в молодежной среде (через призму теории социального обмена П. Блау) 576

Косицына Светлана Видаликовна, Евстифорова Анна Витальевна. Анализ взаимосвязи мотивов выбора образовательной организации и профессиональной мобильности молодежи в цифровую эпоху 578

Ларина Татьяна Игоревна, Вахрушин Константин Андреевич. Мобильные приложения как элемент экосистемы высшей школы 582

Максимов Арсений Андреевич. Векторы трансформации методологии высшего образования в эпоху искусственного интеллекта 585

Малинина Татьяна Борисовна. Занятость в цифровом обществе. 587

Маричева Анна Антоновна. Трансформация межличностных отношений в цифровую эпоху: Социальные риски и парадоксы онлайн-коммуникации 589

Махиянова Адиля Наилевна. Цифровое неравенство в России 592

Мельник Анастасия Дмитриевна, Судакова Анастасия Евгеньевна. Роль университетских экосистем в применении работниками инноваций 594

Николаенко Георгий Александрович. Другой труд в цифровую эпоху: к теоретико-методологическому расширению анализа активизма знаний 596

Новикова Мария Сергеевна. Искусственный интеллект в рекламе (по результатам фокус-группового исследования) 597

Павлов Александр Владимирович. Цифровая депривация: концептуально-методологические основы измерения 600

Петрова Елизавета Михайловна. Трансформация взаимодействия преподавателя и студента в условиях цифрового общества: социологический анализ 603

Поздеева Елена Геннадиевна. Проблема делегирования в цифровом обществе 605

Покочалова Алина Витальевна. Трансформация имиджа публичной личности под влиянием информационного воздействия в цифровую эпоху 608

Полухина Полина Вячеславовна. Алгоритмы искусственного интеллекта как социотехнический вызов современности 610

Полякова Виктория Владимировна. Воспитание в цифровую эпоху: ценности прошлого в восприятии цифрового будущего 613

Попкова Карина Дмитриевна. Стратегии повышения квалификации медицинских работников в условиях цифровой трансформации 615

Путимцева Кристина Романовна. Феномен отложенного счастья в условиях цифрового общества 616

Родионов Дмитрий Васильевич, Григорьев Иосиф Владимирович, Развожаев Александр Петрович, Диденко Вероника Алексеевна. Социальная инклюзивность и роль BigData в платформенном труде 618

Савельева Алиса Дмитриевна. Общество потребления работой: как цифровизация обесценивает труд сотрудников пунктов выдачи заказов 627

Саранкин Илья Алексеевич. Практические аспекты формирования корпоративной культуры как управленческого ресурса 629

Свердликова Елена Альбертовна. Травля в Интернет-пространстве: специфика восприятия социальной проблемы в российских соцсетях 633

Селезнева Алёна Сергеевна. Цифровая экосистема труда: как цифровые технологии меняют характер и содержание труда в России 636

Сенчило Арина Денисовна. Цифровизация в контексте трендов в сфере образовательных услуг 638

Сошнев Александр Николаевич. Трансформация социально-демографической структуры общества в условиях цифровизации 641

Стикина Екатерина Вадимовна. Влияние доверия к цифровой среде на уровень цифровых навыков 642

Сян Хуайчэн. Обзор исследований цифрового разрыва среди пожилых людей в Китае 645

Тимохина Дарья Александровна. Социологический анализ механизмов воздействия на массовое сознание в цифровом обществе 647

Толкачева Елена Вячеславовна. Проблемы промпт-инжиниринга при транскрибировании аудиоданных: «вымышленный» респондент против «реального» респондента 649

Тюрина Юлия Александровна. Цифровое доверие в сфере государственного управления 651

Уйбин Денис Валерьевич. Алгоритмическая власть, автономия потребителя и этика информационных бизнес-экосистем 651

Федорова Лариса Юрьевна. Цифровизация социальных взаимодействий: тенденции и риски 656

Феценко Алёна Владиславовна. Специфика медиапотребления российской молодежи в условиях цифрового капитализма 659

Ху Сянюй. Структурное цифровое неравенство в сельских районах Китая 661

Хурсин Роман Андреевич. Биоэтика в России. Состояние и перспективы 663

Черных Наталья Сергеевна. Неформальные агенты социализации личности (на примере ии – алгоримов) 666

Чжан Чжань. Жизненные основания цифровой социальной работы в Китае: теоретические рефлексии и практические перспективы 668

Чижов Александр Алексеевич, Костина Наталия Борисовна. К вопросу о влиянии технологий искусственного интеллекта на трансформацию цифрового неравенства 671

Чупров Егор Александрович. Социальное действие в виртуальных игровых мирах: мотивы и стратегии поведения геймеров 673

Шушунова Татьяна Николаевна. Инновационные формы обучения в системе непрерывного профессионального развития 677

Щёкотова Анастасия Юрьевна, Яровова Татьяна Викторовна. «Право на забвение» в цифровую эпоху: идеологическая борьба между памятью и приватностью 681

Юй Ян, Дерюгин Павел Петрович, Юй Анна Николаевна. Анализ ценностей китайских студентов в рамках концепции «дополненной социальности» Д. В. Иванова 385

Секция 6: Культурное пространство современности: социологический ракурс 687

Абдаллах Лейла Нажибовна. Политика памяти как инструмент культурной реконструкции в постконфликтных обществах 687

Ахмедова Ангелина Рустамовна. Влияние религиозных организаций на конструирование религиозной идентичности в приграничных районах Монголии 689

Бабкина Екатерина Витальевна. Трансформация карьерного пути актера театра 692

Байбульдина Алина Эмилевна. Предпочтения подростков и молодежи при выборе танцевальных направлений: сравнительное исследование на примере г. Екатеринбурга и г. Казани 694

Бардукова Дарья Дмитриевна, Гулина Вероника Денисовна. Цифровое посредничество в театральном опыте: социологический ракурс медиатизации культуры 697

Босенко Михаил Эдуардович, Чжэн Сяокэ, Багомедова Маргарита Артуровна. Постигая «чужую» повседневность: методические аспекты изучения иноязычных культурных общностей (на материале социологического исследования повседневности китайских студентов СПбГУ) 700

Бурцева Вера Сергеевна. Социальная архитектура соседства: от проектирования городской среды к формированию культуры доверия и сообществ 703

Василькова Валерия Валентиновна. Проблема памяти в когнитивной социологии 706

Вещева Анастасия Андреевна, Верещагина Анна Александровна. Цифровая самопрезентация идентичности женщин в социальных медиа 709

Воронин Никита Алексеевич, Дудник Ирина Олеговна. Цифровая медиасцена современных литературных обсуждений 711

Воронкова Полина Игоревна. Механизмы формирования «коммуникативного» образа горожанина в визуальной культуре 714

Гефен Наталия Леонидовна. Деэстетизация культурного пространства современного мегаполиса 716

Гулина Вероника Денисовна, Босенко Михаил Эдуардович, Бебнева Екатерина Алексеевна. Социальное измерение арт-пространств: практики посещения в повседневности горожан (на примере общественно-делового пространства «Севкабель Порт») 718

Ерченко Владислав Максимович. Идентичность: между теоретически определением и эмпирикой проверкой 720

Ершова Елена Александровна. Православные Telegram-блоги как элемент культурного пространства современности 723

Зайцева Юлия Денисовна. Потенциал музеев в формировании культурной идентичности подростков 726

Залавская Полина Романовна. Танцевальные субкультуры как пространство формирования социального капитала молодежи 730

Карепова Светлана Геннадьевна, Некрасов Сергей Владимирович, Пинчук Антонина Николаевна. Влияние социокультурных факторов на трансформации современного российского общества 732

Клевенский Михаил Сергеевич. Брейнрот: смерть человеческой культуры? 735

Лазько Артем Андреевич. Трансформация дискурса панка. 737

Ли Мэнтин. Этапы развития виртуальных сообществ в сетевом пространстве Китая 740

Марьина Людмила Петровна. Медиаискусство в городской культуре Санкт-Петербурга: вызовы современности 742

Матковская Дарья Максимовна. Новое пространство веры: от города к виртуальной среде 745

Мемрук Маргарита Дмитриевна. Творцы и участники культурно-творческих процессов: соревнование людей и технологий 748

Меренков Анатолий Васильевич, Хименес Кинтеро, Янекса М. Организация межкультурного общения иностранных студентов: опыт вузов Латинской Америки 750

Пискунова Александра Евгеньевна. Визуальная культура угля в современном Кузбассе 752

Руднев Вячеслав Валентинович. Традиция проводов зимы в пространстве современной городской культуры в России 755

Склярова Екатерина Евгеньевна, Масленникова Екатерина Сергеевна. Цифровое ремесло: возвращение ручного труда в эпоху автоматизации 757

Тангалычева Румия Кямильевна. Консервативный сдвиг в университетском образовании (на материалах американских и британских университетов) 760

Тиранова Арина Владимировна. Медиарепрезентации как механизм изменения культурных кодов 761

Фролагин Александр Константинович, Старовойтова Мария Дмитриевна. Взаимосвязь стилей жизни и медиапотребления в эпоху цифровизации 764

Ху Чжунтянь. Роль Гуандунских СМИ в формировании социо-культурной идентичности района большого залива в эпоху цифровой трансформации 769

Чжэн Сяокэ, Дерюгин Павел Петрович. Обзор основных направлений китайской социологии в исследовании ценностей 771

Чэнь Сяосюй. Парадоксы институционализации межкультурных взаимодействий в дальневосточном приграничье. 774

Шайфутдинова Регина Рустемовна. Творческая деятельность любительских рок-групп в условиях музыкальной индустрии 781

Шалыгин Иван Кириллович. Роль туристических символов в культурном пространстве Санкт-Петербурга 784

Шеремет Александр Николаевич. Динамика социокультурного потенциала российских регионов 785

Шляпников Виктор Валерьевич. Этические проблемы дипфейков 788

Секция 7: Прикладные исследования: методы, проблематика, возможности 791

Абросимова Наталья Валерьевна. Ольфакторный образ Санкт-Петербурга (по результатам анкетирования молодёжи) 791

Бакулин Александр Викторович, Бакулинм Дмитрий Викторович, Дерюгин Павел Петрович. Карьерные стратегии выпускников инженерных факультетов в условиях дополненной современности: сравнительный социологический анализ России и Китая 794

Вэй Линде. Этнография как инструмент изучения повседневности в современной социологии 797

Вяткина Евгения Игоревна. Новая цифровая реальность: как большие данные меняют изучение социальных процессов 799

Гегер Алексей Эдуардович. Поправка на исследователя: пределы экспертной триангуляции в смешанных исследованиях 803

Ефимова Виктория Леонидовна. О визуальных методах в современной социологии 806

Жаворонков Александр Васильевич, Бутаев Эдуард Измаилович, Воронина Наталья Сергеевна. К вопросу преодоления кризиса воспроизводства населения 808

Иванова Людмила Викторовна. Нарративный подход к анализу социальных смыслов массовой коммуникации 811

Кононова Дарья Сергеевна. Теоретические изучение возвратной миграции соотечественников: поиск социологического фокуса 814

Лаврикова Анастасия Александровна. Проблемы кросс-культурного анализа креативных индустрий 816

Лагутина Евгения Евгеньевна. К вопросу измерения взаимосвязи психологического климата и качества трудовой жизни 820

Леонов Аркадий Константинович, Кокорина Анна Андреевна. Использование нейросетей социологами и маркетологами в профессиональной деятельности (по результатам опроса) 823

Литвинова Александра Игоревна, Павлушкина Наталья Анатольевна. Журналист и искусственный интеллект в локальных медиа: распределение когнитивной нагрузки и трансформация труда 826

Мануйлова Дарья Сергеевна. Сравнительный анализ методик социологического исследования социальной напряженности 831

Натапова Наталья Валерьевна, Нугуманова Людмила Николаевна, Шамсутдинова Лариса Петровна, Идиатуллина Анжелика Маратовна. Практика применения социологических методов в педагогических исследованиях: опыт института развития образования Республики Татарстан 834

Семёнов Максим Юрьевич, Фёдор Денисович Завгородний, Мария Михайловна Акулич. Китайский язык как профессиональная компетенция: особенности использования в работе 836

Старцев Кирилл Юрьевич. Публичная и прикладная социология как основания анализа внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере частной медицины 838

Ушакова Дарья Дмитриевна, Федосеева Ольга Владимировна. Качество жизни пожилых людей в северных районах Республики Карелия на примере кейса г. Беломорск 841

Черняева Ольга Леонидовна. Актуальные проблемы применения опросных методик в исследовании «синдрома самозванца» 845

Чуреков Илья Игоревич. Метод контент-анализа для выявления центральных идей региональных научных школ 848

Юдина Дарья Игоревна, Рязанцева Ангелина Вадимовна. Использование данных социальных медиа: проблема верификаци (на примере исследования градозащитных сообществ Санкт-Петербурга во ВКонтакте) 852

Секция 8: Антропология новой культурной реальности: контексты, проблемы, подходы 855

Белкина Виктория Александровна. Антропологический поворот в контексте рациональности и утопических представлений 855

Воробьёва Надежда Юрьевна. Антропологическое измерение культуры в условиях новой современности 858

Гвоздиков Денис Сергеевич. Концепция мема и модели культурной эволюции 859

Головенко Зинаида Вадимовна, Михайлова Любовь Михайловна. Индивидуализация «Другого»: антропологический анализ трансформации восприятия бездомности в пространстве художественной выставки 861

Головнева Елена Валентиновна. Визуализация «религиозного ландшафта» СССР в 1920-1930-х гг: проблема метода 862

Грунт Елена Викторовна, Ханькова Олеся Владимировна. Направленность трансформаций социокультурных практик туризма у молодежи в новой социальной реальности 863

Данкин Владимир Дмитриевич. Проявление установок управленческой культуры на основании изучения социокультурных паттернов с применением анализа рассказываемых историй 866

Денисова Галина Сергеевна, Снежко Галина Евгеньевна. Инновационные формы освоения темпоральности как индикатор новой современности 868

Ивлева Ирина Владимировна. Практики развода в современной России (на примере представителей шоу-бизнеса) 871

Каплевацкая Татьяна Сергеевна. Музыка, тело и общность: антропологический анализ опыта посещения литургии в культурном пространстве 874

Куропятник Марина Степановна. К антропологии новой культурной реальности 876

Михайлова Любовь Михайловна. Производство «Культуры»: дискурсивные механизмы конструирования универсальных ценностей в выставочной практике Государственного Эрмитажа 877

Никишина Елена Николаевна. Перспективы интеграции поведенческой и социокультурной экономики 878

Орлова Ирина Борисовна. Цифровая среда и постмодернизм в культуре 881

Панич Наталья Александровна. Цифровая иммерсивность как тренд в развитии современного культурного пространства 884

Тавровский Александр Владимирович. Мыслить неантропоцентрично: биосемиотика Эдуардо Кона 886

Тимофеева Екатерина Владимировна. О некоторых практических перспективах социологии и социальной антропологии в контексте экодискурсов 887

Шишкина Евгения Владимировна. Человек в контексте в социального дизайна: от пользователя к со-творцу 888

Щеглова Дарья Константиновна, Шахова Екатерина Владимировна. Религиозное воспитание и отношение к сообществу: сравнительно-конфессиональный подход 889

José Chacón Soria, Ediltrudis Borjas Solares Sierra, Pedro Antonio Mariño Castellanos, Angela Lilian Rodríguez Maden. Измерения и показатели социальной уязвимости молодежи в народном совете Харлем, Ольгин, Куба 892

Секция 9: Молодёжь в изменяющемся обществе: между традицией и современностью, общественным и индивидуальным 897

Агафонова Вера Владимировна. Особенности влияния цифровых технологий на развитие институциональной поддержки молодежного предпринимательства 897

Алексеева Екатерина Александровна. Непрерывное образование работающей молодежи: намерение и реальность 899

Андреева Светлана Романовна. Новые вызовы профессиональному самоопределению подростков 902

Барг Анастасия Олеговна, Леухина Анна Владиславовна. Психоэмоциональное благополучие молодых горожан: оценка и практики заботы 904

Басимов Михаил Михайлович. Ценности молодежи, связанные с обучением и трудоустройством, и типы личности 907

Безрукова Ольга Николаевна, Самойлова Валентина Алексеевна. Отцовство в молодых многодетных семьях 913

Безрукова Ольга Николаевна, Ивашкина Ульяна Петровна. Влияние вовлеченного отцовства на формирование патриотических установок подростков 915

Белов Антон Александрович. Потребление алкоголя: противоречивые тенденции и новые вызовы 917

Бессонова Маргарита Олеговна. Видеоконтент как инструмент дополнительного образования молодежи 918

Бистяйкина Динара Асымовна, Подкопалова Ирина Андреевна, Круглова Анастасия Олеговна. Профилактика девиации среди молодежи 921

Буланова Марина Борисовна. NEET-молодежь: от личностной изоляции к социальной депривации 923

Бухтиярова Ирина Николаевна. Социальные технологии формирования семейной памяти молодежи 924

Бураканова Галия Масыгутовна, Вяткина Юлия Александровна. Трансформация восприятия демонстративного потребления в студенческой среде 927

Быков Илья Анатольевич. Политический потенциал поколения Z в странах Глобального Юга 931

Ван Пэйвэнь. Анализ различий в трудовой мотивации современных молодых сотрудников в России и Китае 933

Воробьева Ирина Николаевна. Гражданская идентичность как фактор формирования семейных ценностей и репродуктивных установок молодежи 941

Воробьева Полина Витальевна. Трансформация алкогольных практик молодежи в современном мегаполисе 945

Гавриленко Ольга Владимировна. Теория моральных оснований Дж. Хайдта в объяснении специфики патриотических ценностей российской молодежи 948

Газиева Инна Александровна. Ценностные основы формирования профессионального потенциала студенческой молодежи в современных условиях....951

Гайшун Александр Николаевич, Могелат Вероника Сергеевна. Формирование исторической памяти молодежи союзного государства Беларуси и России в условиях информационно-психологического противоборства 955

Гомонова Ольга Андреевна, Олейникова Елизавета Павловна. Специфика профессиональной социализации молодых педагогов школьного образования в современном обществе....958

Гончарова Ирина Валентиновна, Чувардин Герман Сергеевич. Цифровая медиасреда как фактор формирования политической идентичности молодежи 960

Гришина Екатерина Сергеевна. Вызовы и перспективы современной молодёжи – поиск баланса и пути к самореализации (на примере сферы туризма) 963

Давлетшина Лилия Авальевна, Гатауллина Лейсан Наилевна. Разработка инновационной модели вовлечения молодежи в АПК Республики Татарстан....965

Дудин Геннадий Алексеевич. Межпоколенческая преемственность в аспекте различий российских поколений 967

Евсеев Владимир Владимирович. Средовый подход в образовательной стратегии молодежи....969

Еремина Екатерина Витальевна, Ефремов Михаил Алексеевич. Отношение к мигрантам и миграционным процессам в молодежной среде России: детерминирующие факторы 971

Жемчураева Седа Шахитовна. Особенности социокультурных трансформаций чеченского общества и «Ретротопия» З. Баумана 974

Запретилова Дарья Романовна, Аргунова Вера Николаевна. Мнения студенческой молодежи г. Владимира о роли высшего образования как фактора социальной мобильности 978

Захаренко Надежда Андреевна. Традиционные ценности в системе правосознания молодежи....981

Зубова Оксана Геннадьевна. Роль музеев в образовании современной российской студенческой молодежи....982

Иванова Мария Олеговна, Оганян Карина Каджиковна. Ценность счастья в представлениях молодежи: социологический анализ 985

Иванова Наталья Анатольевна. Социальная политика Российской Федерации в области преодоления демографического кризиса....988

Иванова Татьяна Николаевна, Набокин Андрей Игоревич, Семечкин Семен Сергеевич. Музыкальные предпочтения молодежи как фактор социальной идентичности: социокультурные и педагогические аспекты....991

Иванчук Мария Константиновна, Бардукова Дарья Дмитриевна. Коллективный интеллект как образовательная и профессиональная стратегия современной молодежи 994

Исмаилова Джаннет Рамизовна. Видеоигра как форма молодежной коммуникации....996

Калинич Владислав Сергеевич. Формирование патриотических ценностей и ориентаций российской молодёжи 999

Келасьев Олег Вячеславович. Конфликты самореализации в среде студенческой молодежи Санкт-Петербурга 1001

Кирилина Татьяна Юрьевна, Киритив Алина Михайловна. Роль молодежных организаций в решении социальных проблем молодежи 1004

Клочкова Анна Валентиновна. Специфика буллинга в современной школьной среде. 1007

Кокорева Марина Евгеньевна. Роль специалиста по социальной работе в предотвращении суицидов в молодежной среде....1010

Костенко Валерий Валерьевич, Баранова Галина Васильевна. Формирование цифровой культуры молодежи, как способ противостояния враждебному информационному воздействию....1011

Кудрин Павел Михайлович. Институционализация форм поддержки молодежного предпринимательства в контексте трансформации молодежной политики РФ 1013

Лукьянов Виталий Евгеньевич. Просветительский исторический видеоблогинг как социальная технология формирования национально-государственной идентичности молодёжи современной России 1016

Лядова Анна Васильевна. Влияние цифровой медиатизации на психическое здоровье современной молодежи 1022

Макарова Софья Андреевна, Большунова Татьяна Валерьевна. Репродуктивные установки студенческой молодежи: конфликт идеала и реальности 1024

Марченко Дарья Дмитриевна, Оганян Карина Каджиковна. Межпоколенческий анализ понимания успеха в современном обществе среди молодежи 1027

Митрофанова Светлана Юрьевна, Кузнецов Виктор Александрович. Концептуальные основы исследования семьи в молодежной среде (региональный аспект) 1030

Мотовичева Милана Константиновна, Оганян Карина Каджиковна. Роль преемственности поколений в становлении профессиональной карьеры спортсмена 1033

Мурзиков Лев Евгеньевич, Перевалова Ульяна Сергеевна. Проблема буллинга молодых учителей в общеобразовательных учреждениях 1035

Нестеренко Елизавета Геннадиевна. Трансформация профессиональных стратегий студенческой молодежи новых субъектов Российской Федерации в условиях интеграции (на примере Запорожской области) 1040

Никитина Татьяна Николаевна, Зинурова Раушания Ильшатовна, Тузиков Андрей Римович. Влияние цифровизации на формирование системы ценностей современного поколения 1043

Николаев Андрей Игоревич. Социальный оптимизм как адаптационный ресурс студенческой молодежи 1046

Нор Дарья Сергеевна. Молодежь в поисках идентичности: адаптация к современности при сохранении традиционных ценностей 1049

Ореховская Наталья Анатольевна. Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется 1052

Орлова Анна Владимировна. Возможности онлайн-образования в саморазвитии молодежи 1055

Павлов Герман Александрович, Загребин Владимир Владимирович. Паттерны медиапотребления и политические предпочтения молодежи: сравнительный анализ медиапрактик левых и правых молодежных организаций 1058

Петрова Мария Сергеевна. Влияние внешней среды на образовательный и карьерный выбор молодежи 1060

Полтавская Мария Борисовна. Новая нормальность: искусственный интеллект как неотъемлемый элемент повседневной культуры молодежи 1062

Приходько Владимир Андреевич. Динамика уровня и причин молодежной смертности в России 1065

Проказина Наталья Васильевна. Муниципальная служба в оценках региональной молодежи: представления, ожидания, вызовы 1069

Рагимова Сабина Исмаиловна. Традиция и персонализация как образовательные стратегии современной молодежи 1073

Радченко София Максимовна. Взаимодействие молодежи с государственными институтами в контексте формирования гражданской активности и социальной интеграции 1074

Савенкова Анастасия Сергеевна, Онзимба Ленюнго Жанна Борисовна. Недвижимость в системе потребительского поведения поколения Z 1077

Салтанович Ирина Петровна. Цифровое Я: как студенты формируют свою идентичность в онлайн-пространстве (на основе студенческих мини-эссе) 1079

Свиридов Борис Александрович, Зорина Елизавета Юрьевна. Самореализация молодежи: в поисках баланса 1083

Соломатина Елена Николаевна. Социальная осведомленность российской молодежи о репродуктивном здоровье 1085

Стаценко Полина Евгеньевна. Роль ЕГЭ и Гаокао в социальной мобильности молодежи России и КНР 1089

Сухова Елена Евгеньевна, Кажанов Олег Александрович. Студенты-социологи СмолГУ о своей специальности и будущей профессии 1092

Тарченко Вера Сергеевна, Лоскутова Ирина Мироновна, Лещинская Софья Николаевна. Социальное одиночество и цифровое неравенство 1095

Тишина Полина Валерьевна. Желаемая модель семьи в представлениях школьников 1–11 класса 1096

Токарев Александр Михайлович. Демографическое поведение корейской молодежи. Проблемы рождаемости и межполовой конфликт 1099

Толстых Дарья Сергеевна. Воображаемое будущее молодёжи Арктики: (не) мобильность как проявление агентности в жизненных траекториях 1101

Трушников Павел Дмитриевич. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в условиях подростково-молодёжного центра (на примере ПМЦ «Охта») 1104

Тулегенова Динара Дархановна. Российская молодежь между индивидуальным и коллективным: политико-психологический ракурс 1106

Улькин Александр Гарникович, Яровова Татьяна Викторовна. Цифровая социализация: новые риски и возможности для формирования личности 1108

Хворостяной Артём Александрович. Личное время и пора коллективного: возраст как фактор превалирования индивидуальных и общественных ценностей в сознании молодёжи 1111

Хлопунова Полина Игоревна, Киндеев Дмитрий Александрович. Социальное самочувствие молодёжи 1114

Хлюпин Семён Алексеевич. Взаимоотношения классического спорта и киберспорта в современной России 1117

Черкасова Татьяна Васильевна. Культурное пространство для молодежи: дихотомия безопасности и опасности 1120

Чиркова Любовь Анатольевна. Система жизненных ценностей поколения Z в условиях цифровой культуры 1123

Чу Сяохань. Регулирование программы социальной политики в области занятости молодежи 1127

Чуклинов Андрей Евгеньевич. Правовой нигилизм как форма девиации в молодежной среде 1128

Шахова Екатерина Владимировна, Щеглова Дарья Константиновна. Этническая идентичность молодых людей в приграничных регионах Сибири 1131

Шевченко Анастасия Сергеевна. Военно-патриотическое воспитание молодежи: стратегии и практики 1134

Шлыкова Дарья Витальевна. Формирование профессиональных и трудовых стратегий современной молодежи 1136

Щербакова Лидия Ильинична. Социальные ресурсы студентов инженерных вузов: региональные факторы развития и барьеры формирования 1138

Янак Алина Леонидовна. Отношение студенческой молодежи к немодальным брачно-репродуктивным практикам: между допустимостью и одобряемостью 1141

Секция 10: Инновационные направления в современной социальной работе 1144

Ediltrudis Borjas Solares Sierra, Pedro Antonio Mariño Castellanos, Danelis Céspedes Ávila, Yenny Angulo Escobar. Внимание к уязвимым семьям посредством социальной работы в условиях электронного правительства на Кубе 1144

Архипова Елена Борисовна. Региональные практики оказания социальной помощи участникам специальной военной операции и членам их семей: опыт г. Екатеринбурга 1147

Балкарова Милана Валерьевна. Инновационные подходы в социальной работе: от традиционной поддержки к цифровым сервисам 1151

Басимов Михаил Михайлович. Ценности и толерантности молодежи и их связи с типами личности 1152

Билюк Людмила Геннадьевна. Социальная работа с семьями участников СВО 1157

Бородкина Ольга Ивановна, Федорова Екатерина Дмитриевна. Устойчивое развитие как направление современной социальной политики 1159

Вандышева Людмила Владимировна, Моисеева Лариса Викторовна. Метод «гимнастика мозга» в социальной работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья 1162

Гаенко Елена Сергеевна. Необычные волонтеры: опыт взаимодействия мотоциклистов и воспитанников Мгинской школы-интерната для детей с нарушениями зрения 1166

Горбенко Татьяна Дмитриевна. Роль спорта в профилактике девиантного поведения молодежи 1167

Данилова Юлия Игоревна. Девиации в молодёжной среде: вызовы и пути решения 1169

Добрицкий Валерий Ярославович. Совершенствование системы качества организаций социального обслуживания на основе риск-ориентированного подхода 1173

Ермилова Анна Вячеславовна, Осипов Николай Валерьевич. Практический опыт и перспективы реализации спортивных практик для лиц с ампутированными конечностями на примере деятельности социально-реабилитационных организаций и Фонда «Защитники Отечества»: социологический аспект 1177

Жейнова Оксана Анатольевна. Девиации в молодёжной среде и их профилактика 1180

Коваленко Татьяна Николаевна. Роль добровольчества в социально-экономическом развитии Российской Федерации: институциональные и самоорганизационные аспекты 1182

Лебедева Светлана Соломоновна. Использование интегративного подхода в исследовании социальных проблем в практике социальной работы 1185

Мальков Николай Романович, Штепа Алена Владимировна. Влияние когнитивных способностей респондентов на показатели мониторинга выполнения Конвенции о правах инвалидов 1187

Мишеничев Константин Сергеевич. Типология уязвимых ВИЧ-положительных женщин с детьми раннего возраста 1191

Мясникова Варвара Александровна. Девиации в молодежной среде и их профилактика 1192

Первова Ирина Леонидовна, Келасьев Вячеслав Николаевич. Трансформация семьи в современном обществе 1195

Равчик Михаил Игоревич. Социальная работа с пожилыми людьми в контексте цифровой трансформации: новые формы включения и риски цифрового неравенства. 1197

Рогова Анна Михайловна, Давыдов Сергей Анатольевич. Социальная поддержка семей с детьми в мегаполисе в условиях цифровизации социальной работы (на примере Санкт-Петербурга) 1199

Свиридов Борис Александрович. Новые тенденции в социальной работе с семьей 1201

Сдобникова Полина Романовна. Отражение различных научных подходов при терминологическом определении глухих 1203

Сулимова Алина Алексеевна. Эко-социальная работа в условиях климатических и экологических вызовов: опыт социальных служб 1205

Чикова Евгения Викторовна. Особенности развития цифровой среды, социально ориентированных НКО, оказывающих помощь семьям с детьми 1209

Шамкова Светлана Владимировна. Социальная работа с неполными отцовскими семьями 1211

Шипунова Татьяна Владимировна. Субъект-субъектный подход в исследовании рисков девиантного поведения несовершеннолетних и возможностей превенции 1213

Секция 11: Семья, брак, женская и мужская социально-демографические общности в контексте новой современности 1216

Биккинина Джамиля Дамировна. Традиционные семейные ценности как объект семейной повестки в политическом дискурсе 1216

Брушкова Людмила Алексеевна. Особенности потребительских практик молодых мужчин на рынке бьюти-услуг 1218

Вдовина Маргарита Владимировна, Румянцев Владислав Викторович. Ценностная поддержка современной российской семьи 1221

Вэй Ицзюнь. Традиционные семейные ценности в представлениях современной китайской молодёжи 1224

Гайкович Екатерина Константиновна. К вопросу об уточнении нормативно-правовой терминологии новой демографической политики России 1227

Герасимова Ульяна Никитична. Дружба в фокусе исследований российского социолога И. С. Кона 1230

Денисова Анна Владимировна. Многодетная семья как ценность: анализ приоритетов демографической политики 1231

Дудыгина Мария Константиновна. Феномен мужского одиночества в соверменном социокультурном пространстве 1234

Ильиных Светлана Анатольевна. Родительство: многообразие социальных практик 1235

Карпова Вера Михайловна. Траектории внутрисемейной трансляции репродуктивного поведения 1238

Ковалевская Елена Викторовна. Отношение россиян к традиционным ценностям и семье 1240

Кузеванова Ангелина Леонидовна, Меркулова Лилия Сергеевна. Позднее родительство: возможности и ограничения (опыт качественного социологического исследования) 1243

Лебедева Людмила Геннадьевна. Семья как ценность в матрице заботы общества и семьи о детях 1246

Леонтьева Таисия Викторовна. Традиционные женские образы и феминизация маскулинности в российских мультипликационных фильмах 1248

Лермонтов Даниил Андреевич. Барьеры совмещения материнства и предпринимательства в российском ремесленном секторе 1250

Ли Дяньчэн. Гендерные аспекты в социальной политике Китая и России 1251

Любчинская Александра Сергеевна. Бесплодие как вызов демографическим императивам и личностной идентичности женщины в современной России 1254

Ляликова Софья Викторовна. Совместная деятельность родителей и детей 1256

Мехова Альбина Анатольевна, Воробьева Ирина Николаевна. Новый гендерный порядок и представления студентов о будущей семье 1259

Панкратова Лилия Сергеевна. Рационализация как фактор трансформации семейных отношений в контексте цивилизационного развития современного российского общества 1262

Плахин Тарас Александрович. Концепт женственности и мужественности в новой социальной реальности 1665

Пленкин Антон Александрович. Восприятие крёстного родства как разновидности искусственного родства молодёжью (на основе применения проективных методик) 1269

Помощникова Диана Николаевна. Барьеры обращения семей с нормотипичными детьми за профессиональной помощью 1271

Разомазова Мария Николаевна, Овчинникова Элла Викторовна. Эгалитаризм и консерватизм в отношениях: гендерные установки современных девушек 1274

Родионова Елена Юрьевна. Правовая защита семьи и детей в Российской Федерации 1278

Румянцев Владислав Викторович, Вдовина Маргарита Владимировна. Ценностная поддержка современной российской семьи 1280

Савин Сергей Дмитриевич. Тема домашнего насилия в информационной повестке российских СМИ 1283

Сивоплясова Светлана Юрьевна. Экономические факторы разводов в России 1287

Сидорова Елизавета Алексеевна. Семья как ресурс и барьер в социализации детей с ОВЗ: влияние ценностей и установок 1289

Степанов Данил Вадимович. Социальные технологии самотрансценденции семьи и общесемейной деятельности в условиях современного капитализма 1291

Тарченко Вера Сергеевна, Синяев Максим Викторович. Добрачное поведение студенческой молодежи (на примере медицинского ВУЗа) 1294

Тишина Полина Валерьевна. Прогноз демографической ситуации относительно явления абортов на примере Вологодской области 1295

Ткачёв Сергей Дмитриевич. Рождаемость и репродуктивные установки населения России и Бурятии в контексте современной демографической политики 1298

Ушакова Валентина Григорьевна. Традиционные духовно-нравственные ценности в жизни российского общества: сравнительно-исторический аспект 1303

Фасахудинов Владислав Вадимович. Соцсети как инструмент конструирования казачьей идентичности: семейные блоги и публичные онлайн-сообщества 1306

Юманова Алиса Викторовна. Влияние гендерных стереотипов на добрачные и брачные отношения молодёжи 1310

Круглый стол: Социальная идентичность молодежи в новой современности 1313

Афанасьева Юлия Александровна. Развитие культурной идентичности в условиях глобализационных процессов 1313

Зинина Анна Юрьевна, Гуриева Светлана Дзахотовна. Идентичность молодежи в условиях киберсоциализации: риски зависимости от цифровых азартных игр 1316

Лежебоков Андрей Александрович, Тер-Аванесова Ирина Николаевна. Политическая цифровая идентичность пользователей: к проблеме выбора вектора и стратегии развития российского сегмента цифровой архитектоники 1319

Ляпина Татьяна Евгеньевна, Гуриева Светлана Дзахотовна. Социальная идентичность российской молодёжи как предиктор просоциального поведения 1322

Мальцева Анна Васильевна, Матвеев Михаил Сергеевич. Идентичность современной российской молодёжи как методический вызов: опыт разработки исследовательского инструмента 1325

Чистова Анастасия Алексеевна. Конструирование гражданской идентичности российской молодежи 1328

Секция 1: Теоретические подходы к изучению социальных структур и процессов современности

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «АГЕНТНОСТЬ»: ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Ананин Павел Валерьевич
(ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»)

Аннотация: В статье осуществляется междисциплинарный анализ концепции агентности с последующим синтезом её ключевых компонентов в единую структуру. Рассматривается потенциал феноменологического подхода для обогащения понимания агентности, смещающего акцент с объективных детерминант на процессы субъективного смыслопорождения и конструирования реальности.

Ключевые слова: агентность, феноменология, структурация, габитус, жизненный мир, субъектность.

Понятие «агентность» утвердилось в социальных науках как фундаментальная категория, преодолевающая традиционный дуализм структуры и действия. Несмотря на многообразие трактовок, в современном научном дискурсе закрепилось ее понимание как способности субъекта к осознанному, инициативному и преобразующему действию. Авторами была сформулирована цель – выявить ключевые подходы к концептуализации агентности, описать её многокомпонентную структуру и продемонстрировать, как феноменологическая перспектива углубляет понимание механизмов ее реализации.

Анализ различных научных дисциплин позволяет выделить несколько ключевых перспектив, формирующих современное понимание агентности.

В *социологии* синтез структуры и действия наиболее последовательно представлен в теории структурации Э. Гидденса, где агентность определяется как способность индивида «поступать иначе», а структуры одновременно ограничивают и обеспечивают действие, воспроизводясь через практики агентов [2]. М. Арчер, акцентируя морфогенетический цикл, подчеркивает роль внутреннего диалога и рефлексивности в коррекции структур [3]. П. Бурдье вводит диалектику «габитуса» и «поля», где агентность проявляется как практическое мастерство навигации и импровизации в рамках социальных правил [1]. Дальнейшее развитие концепции осуществили М. Эмирабайер и Э. Мише, предложившие трехмерную модель, включающую итеративное (связь с прошлым), проективное (ориентация на будущее) и практико-оценочное (оценка настоящего) измерения [8].

В философии агентность трактуется через призму интенциональности [7], рефлексивной оценки желаний [9; 10] и даже минимальной целенаправленности у простейших организмов [6]. Это задает онтологические основания способности к действию.

В психологии агентность понимается как системное свойство личности, не сводимое к отдельным навыкам. В рамках субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн) она раскрывается как «творческая самодеятельность», направленная на преобразование мира через самопричинение и самоопределение [4].

Интеграция рассмотренных подходов позволяет представить агентность как динамическую способность, структура которой включает несколько взаимосвязанных компонентов:

Рефлексивность как способность к осмыслению и самоанализу, которые лежат в основе сознательного действия (рефлексивный мониторинг действия (Гидденс) и внутренний диалог (Арчер)).

Интенциональность как направленность сознания на цель (Анскомб, Дэвидсон).

Операциональность как способность к эффективной реализации действий в конкретных социальных ситуациях, часто на основе импровизации и «чувства игры» (практическое мастерство и навигация в «поле» (Бурдье), «поступать иначе» в данных структурных условиях (Гидденс)).

Контекстуальность, отражающая встроенность агентности в систему социальных отношений, где действие одновременно ограничивается и обеспечивается структурами (диалектика габитуса и поля (Бурдье), итеративное измерение (Эмирабайер, Мише), дуальность структуры (Гидденс)).

Данная структура демонстрирует, что агентность является не просто атрибутом индивида, а сложным, системным феноменом, разворачивающимся на пересечении внутренних диспозиций и внешних социальных условий.

Феноменологический подход, основываясь на работах Э. Гуссерля и А. Шюца, предлагает уникальную перспективу для переосмысления этой структуры. Он смещает фокус с агентности как «данности» на агентность как процесс, постоянно конструируемый в субъективном опыте и интерсубъективном взаимодействии.

С точки зрения феноменологии, агентность возникает не в противодействии структурам, а в процессе их постоянного осмысления и интерпретации в рамках «жизненного мира» (Lebenswelt) индивида [5]. Социальные структуры становятся «препятствием» или «ресурсом» лишь через призму субъективного переживания, сквозь которую индивид наделяет их конкретным смыслом в контексте своих жизненных проектов.

Если классические теории зачастую рассматривают компоненты агентности как относительно статичные «данные» (например, рефлексивность как врожденная способность, контекстуальность как объективный набор структур), то феноменология настаивает на том, что все эти элементы *конституируются в опыте*. Это означает, что рефлексивность – это не просто самоанализ, а активный процесс интерпретации «жизненного мира»; интенциональность – не абстрактная направленность, а смыслополагание через призму ценностных ориентаций; операциональность – это не применение готовых навыков, а импровизация, рождающаяся «здесь и сейчас» в ответ на требования ситуации; а контекстуальность – не внешние рамки, но поле возможностей и ограничений, которое постоянно переопределяется через практики и их осмысление. Таким образом, феноменологическая перспектива не отменяет выделенные компоненты, но требует их переформулировки в более динамичные и процессуальные категории, смещая фокус с того, *из чего состоит* агентность, на то, *как она проживается и творится* в повседневном опыте. Этот сдвиг и позволяет предложить обогащенную пятикомпонентную модель:

Когнитивно-рефлексивный компонент представляет собой способность к социологической рефлексии, пониманию институциональных порядков, культурных нарративов и последствий собственных действий. Он лежит в основе осознанности социального действия и является фундаментом трансформационного потенциала,

позволяя субъекту осмысленно воспроизводить или изменять существующие социальные порядки.

Мотивационно-ценностный компонент задает импульсную и смысловую направленность действия. Он включает стремление к изменению положения, достижению целей, реализацию интересов, а также интериоризированные культурные образцы, этические принципы и групповые идентичности. Именно здесь проявляется проактивность – инициативность в постановке социально значимых целей и готовность брать на себя ответственность.

Операционально-практический компонент отвечает за инструментальную реализацию проактивности. Он включает практические навыки и компетенции, необходимые для эффективного действия в социальном поле: стратегическое планирование, адаптацию, взаимодействие с различными субъектами и поиск нестандартных решений.

Ресурсно-контекстуальный компонент отражает системность агентности, её зависимость от реального положения субъекта в социальной структуре. Он учитывает доступ к различным видам капитала (экономическому, социальному, культурному) и умение ориентироваться в системе возможностей и ограничений, задаваемых институциональными правилами и властными отношениями.

Регулятивно-адаптивный компонент обеспечивает связь между намерениями, действиями и их социальными последствиями в условиях нестабильности. Он включает способность к саморегуляции, коррекции стратегий, гибкости и поддержанию устойчивости агентности в динамической среде, часто сопряженной с сопротивлением.

Таким образом, феноменология раскрывает агентность как феномен, существующий в напряжении между индивидуальным переживанием и коллективными практиками. Она показывает, что субъект не просто действует в мире, но и постоянно создает его заново, наполняя социальные институты и структуры индивидуальными смыслами. Такой взгляд позволяет выйти за рамки дихотомии «структура – действие», демонстрируя, как в повседневном опыте эти категории взаимно конституируют друг друга, даёт возможность измерить потенциальный уровень «агентоспособности» индивида. Существенным преимуществом с точки зрения практического применения рассматривается возможность дать оценку уровню агентности тех или иных социальных групп с учётом измерения агентоспособности каждого из членов.

Проведенный анализ показывает, что концепция агентности, синтезированная из ключевых социологических, философских и психологических подходов, представляет собой многокомпонентную динамическую структуру. Феноменологическая перспектива не отрицает эту структуру, а углубляет её, смещая акцент на процессы смыслопорождения и конструирования реальности. Агентность предстает не как статичное свойство, а как непрерывный процесс интерпретации и осмысления, в котором социальные структуры обретают действенную силу лишь через субъективный опыт индивида. Такой подход открывает новые возможности для исследования и формирования механизмов социального действия в условиях неопределенности и быстрых трансформаций современного мира.

1. *Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.*
2. *Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2005.*
3. *Кучинов А. М. Теория социального морфогенеза и рефлексивности Маргарет Арчер. // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialnogo-morfogeneza-i-refleksivnosti-margaret-archer-svodnyy-referat (дата обращения: 17.07.2025).*

4. *Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности. // Вопросы психологии, 1986, № 4, с. 101–108.*
5. *Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.*
6. *Barandiaran X. E., E. Di Paolo and M. Rohde "Defining Agency: Individuality, Normativity, Asymmetry, and Spatio-Temporality in Action", Adaptive Behavior, 2009, 17(5): pp. 367–386.*
7. *Davidson D. "Actions, Reasons, and Causes", 1980: pp.3–20.*
8. *Emirbaye Mustafa and Ann Mische. "What Is Agency?" American Journal of Sociology, vol. 103, no. 4, 1998, pp. 962–1023. URL:* https://doi.org/10.1086/231294 *(Accessed 17 July 2025).*
9. *Frankfurt H. "Freedom of the Will and the Concept of a Person", Journal of Philosophy, 1971, 68(1): pp. 5–20.*
10. *Taylor C. "What Is Human Agency?", in The Self: Psychological and Philosophical Issues, T. Mischel (ed.), Oxford: Blackwell, 1977: pp. 103–135.*

О МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ

Антонов Анатолий Иванович
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основы социологического объяснения социальной динамики населения. Анализируется взаимосвязь социальных изменений и демографических процессов, определяющих режим воспроизводства населения. Социальная динамика XXI века характеризуется кризисом воспроизводства, связанным с технологическими и социокультурными изменениями, нарушающими механизмы устойчивого развития и демографического равновесия.

Ключевые слова: социальная динамика, рождаемость, смертность, воспроизводство населения, депопуляция.

Говоря о социальной динамике, следует иметь в виду, что исторические изменения социальных процессов и структур происходят как в населении отдельных стран, так и мира в целом. При этом, режим воспроизводства населения, определяемый изменениями в социуме, влияет на прирост, убыль или неизменность (стабильность) численности населения. В свою очередь социальные изменения строя жизни – условий жизни и ценностных ориентиров деятельности людей, воздействуют на интенсивность рождаемости и смертности, на согласованность этих процессов, то есть на режим замещения поколений. Таким образом, динамика населения – это движение в сторону постоянства, роста или убыли численности населения в зависимости от степени замещения поколений матерей дочерьми [1]. Чтобы население не убывало под влиянием депопуляционной рождаемости, необходимо иметь не менее 15 рождений на 1000 населения, или 2,6 ребенка на эффективный брак, или 2,12 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста (15-49 лет).

Человечество смогло сохраниться до XXI века благодаря социальной организации самосохранения коллективов людей посредством социокультурных норм воспроизводства и замещения поколений, а также за счет поддержания существования уже рожденных соплеменников. Возникновение расширенной семьи в лоне экзогамных и эндогамных племен повысило жизнеспособность населения и укрепило семейную преемственность в хозяйственной сфере деятельности аграрных сообществ. В результате этого сложился устойчивый перевес уровня рождаемости над уровнем высочайшей смертности. Затем,

под влиянием семейно-производственных хозяйств аграрной экономики, произошло улучшение условий жизни, в том числе санитарно-гигиенических, что привело к началу эры снижения высокой смертности, а следом – к сокращению превышающей смертность рождаемости.

Отсюда берет начало конструирование так называемой теории демографического перехода – от высокой («плохой») смертности к низкой («хорошей») [2]. Смертность фактическая тем лучше, чем ближе она к минимально возможной (при максимально возможной продолжительности жизни 98 ± 2 года), поскольку исчезнуть совсем она может лишь при бессмертии. На достижение предела минимальной смертности и нацелена теория демографического перехода. А как при этом предполагается будет вести себя рождаемость? Исторически она компенсирует высокую («плохую») смертность и по мере ее снижения также сокращается, пока не будет достигнут минимальный предел смертности. Далее конвенционально постулируется переход рождаемости от сокращения к варьированию вокруг минимального предела смертности.

В ситуации, когда смертность перешла из разряда «плохой» в «хорошую», то есть достигла своего минимального предела при существующем уровне продолжительности жизни, рождаемость начинает компенсировать данный уровень смертности и также определяется как «хорошая». В таком случае сокращение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения в теориях модернизма также трактуется как положительное явление. Предполагается, что снижение рождаемости должно продолжаться до достижения уровня простого воспроизводства населения, после чего, под действием механизма гомеостаза, рождаемость стабилизируется и будет варьироваться в пределах данного уровня, компенсируя смертность. В результате формируется стационарное население, при котором уровни рождаемости и смертности остаются относительно стабильными, обеспечивая устойчивое демографическое воспроизводство.

Авторы концепции модернизации выступают против мер стимулирования рождаемости, исходя из предположения, что численность населения регулируется естественным механизмом гомеостаза. Согласно их позиции, данный механизм призван решить проблему перенаселённости Земли: после достижения текущего уровня в 8 млрд человек, при дальнейшем снижении рождаемости численность населения будет постепенно сокращаться – до 7, затем 6, 5 млрд и, в перспективе, до так называемого «золотого миллиарда», о котором нередко говорят зарубежные исследователи.

В дискуссиях 1970 – 1980-х годов отечественные сторонники концепции демографического перехода фиксировали внимание на стабилизации показателей смертности и рождаемости на уровне, достаточном для простого воспроизводства населения. Однако с 1990-х годов падение рождаемости и повышение смертности в нашей стране и за рубежом перечеркнули тезисы переходной логики. Но сторонники этого теоретического конструкта не отказались от подхода, а стали приспосабливать его к новым веяниям – в виде «второго», «третьего» перехода и т. д.

Этому упорству способствует факт роста мирового населения с 3 млрд до 8 млрд человек в 1959 – 2023 гг. Именно в это время общественное мнение ужасалось «перенаселенности мира», отождествляя рост населения с ростом рождаемости, которая в этот период упадка и краха из-за распространения однодетности стала депопуляционной в более чем в 30 странах. По ряду прогнозов экспертов ООН начало убыли мирового населения ожидается в 2070 – 2080 гг., и этот тренд не прекратится, пока не удастся перестроить социум с его экономикой максимизации прибыли, сокрушающей рождаемость.

Социальная динамика XXI века обнаруживает тенденции, разрушающие основы социального порядка: новые технологии опережают повседневный уклад жизни индивидов, общностей, институтов, корпораций, обществ и государств. Массовость депопуляционной рождаемости свидетельствует о таком кризисе социального порядка, когда населением исчерпаны все пределы самоэксплуатации. Мина депопуляции, порожденная цивилизацией, грозит самому существованию человечества – пусть не в XXI и не в XXII веке, но тенденция уже обозначена. Так что подождём ещё… авось обойдётся…

1. *Социология населения: введение в основы анализа социально-демографических проблем / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др.; отв. ред. А. И. Антонов. М.: Издательство МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025. – 513 с.*
2. *Демографическая модернизация России. 1900-2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.*

ЦИВИДИЗАЦИОННЫЙ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ В АЗИИ: ДИАЛОГ Н.И. КОНРАДА И А. ДЖ. ТОЙНБИ

Афанасьев Данил Денисович
(СПбГУ)

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ цивилизационного подхода А. Дж. Тойнби и концепции историко-культурного развития Н. И. Конрада в контексте изучения социально-исторической динамики Азии. Рассматривается специфика работы ученых с «восточным» материалом в ракурсе дискурсивного конструирования «Востока» как объекта научного познания. Особое внимание уделено диалогу между исследователями, раскрывающему методологические расхождения и точки соприкосновения их теорий.

Ключевые слова: Н. И. Конрад, А. Дж. Тойнби, социально-исторический процесс, теория локальных цивилизаций.

Согласно методологическому подходу, изложенному Мишелем Фуко в «Археологии знания» [1, с. 47 – 49], каждая отрасль научного знания формирует свой собственный объект исследования через совокупность речевых практик – дискурсов. Социальные науки, в особенности, не просто описывают реальность, но принимают активное участие в создании концептов, позволяющих осуществлять социокультурную аналитику. При подобной оптике такой макрорегион, как Азия, или «Восток» (Orient), может быть рассмотрен не как объективно фиксируемая культурно-историческая целостность, но как продукт формальной конкретизации, результат длительного процесса создания специфического дискурса в рамках терминологического инструментария европейских социальных наук, активно апеллирующих к культурно и исторически фундированному паттерну Другого. Как убедительно показал Эдвард Саид в труде «Ориентализм», «Восток» во многом является не эмпирической реальностью, а концептом, выработанным европейской мыслью для самоидентификации через противопоставление себя «не-Европе», форме инобытия, воплощению всего, чем Запад не может и не должен быть [2, с. 1 – 3]. Таким образом, единство Азии зачастую заключается

не в объективно наблюдаемых общих чертах, а в её дискурсивной роли в качестве Другого для методологии европейских научных изысканий. Данная теоретическая рамка позволяет критически осмыслить, каким образом крупные ученые-обществоведы XX века – Арнольд Джозеф Тойнби и Николай Иосифович Конрад – подходили к анализу социально-исторической динамики азиатских обществ, создавая свои версии дискурса о Востоке в парадигмах цивилизационного и формационного подходов соответственно.

Цивилизационные концепции, к которым относится и теория Тойнби, занимают особое место в типологии объяснений социально-исторического процесса. Как отмечал П. Сорокин в «Обзоре циклических концепций», подобные теории, в противовес линейным эволюционным или регрессивным моделям, рассматривают историю как последовательность циклов роста и упадка относительно замкнутых социокультурных суперсистем [3, с. 465]. Именно в рамках этой традиции Тойнби выстраивает свою грандиозную историософскую систему, центральным понятием которой является «локальная цивилизация». В фундаментальном труде «Постижение истории» он определяет цивилизацию как сообщество, характеризуемое «универсальным государством», «универсальной церковью» и «творческим меньшинством», которое ведет за собой инертное большинство через механизм «стимул-реакция» [4, с. 78].

Социокультурная динамика, по Тойнби, подчиняется универсальному закону «Вызова-и-Ответа». Цивилизация возникает как успешный Ответ на Вызов природной или социальной среды, будь то суровый климат или натиск кочевников. Например, китайская цивилизация, по мнению Тойнби, сформировалась как реакция социокультурного организма общностей, проживавших вблизи рек Хуанхэ и Янцзы, где социоэкологические условия требовали создания сложных ирригационных систем и централизованной администрации [3, с. 112 – 115]. Дальнейшее развитие цивилизации зависит от способности «творческого меньшинства» находить новые Ответы на постоянно возникающие Вызовы. Когда элита перестает быть творческой, превращаясь в «господствующее меньшинство», возникает «раскол в теле общества». На этой стадии внутренний пролетариат отчуждается от элиты и создает «универсальную церковь» (например, буддизм в Индии), которая становится основой для зарождения новой фазы историко-культурного развития. Внешний же пролетариат организуется в военные отряды и начинает атаки на пришедшую в упадок цивилизацию. Яркой иллюстрацией этого процесса служит история Древнего Китая: династия Хань, по Тойнби, олицетворяла собой «универсальное государство», пытавшееся законсервировать порядок, но в конечном итоге павшее под натиском кочевников («внешнего пролетариата»), в то время как буддизм Махаяны, проникший в Китай, выполнял роль новой духовной силы [4, с. 398 – 401].

Однако способ работы Тойнби с восточным материалом неоднократно подвергался критике. Е. Б. Рашковский в своей монографии указывал на определенный европоцентризм, скрытый за внешним признанием равноценности цивилизаций. Тойнби, стремясь подвести конкретно-исторический материал под свою универсальную схему, зачастую игнорировал специфику азиатских обществ, «насильственно» встраивая их в прокрустово ложе своей теории Вызова-и-Ответа и «раскола» [5, с. 45 – 47]. Восточные цивилизации в его модели нередко выступают как статичные, «задержанные» в развитии, что, по сути, воспроизводит стереотипы классического ориентализма, лишь переведенные на язык теории цивилизаций.

В противоположность цивилизационному подходу, в советской науке доминировал формационный подход, основанный на марксистской парадигме. Однако его применение к азиатскому материалу вызывало серьезные теоретические трудности, центром которых

стала дискуссия об «азиатском способе производства». Как заметил В. Н. Никифоров в работе «Восток и всемирная история», подобная полемика в советском обществоведении носила не только академический, но и идеологический характер [5, с. 156 – 158]. Сторонники существования на Востоке специфического этапа социально-исторического развития как особой формации (например, историк В. В. Струве) видели в деспотическом государстве, верховной собственности на землю и общинной структуре особый путь развития Востока. Их оппоненты стремились найти черты феодализма, типологически близкого к европейской социокультурной и экономической модели, в истории Китая, Индии или Ближнего Востока.

На этом теоретическом фоне разворачивалась научная деятельность Н. И. Конрада, который предложил оригинальную концепцию, пытавшуюся синтезировать формационный подход с вниманием к культурно-исторической специфике. В работе «Запад и Восток» Конрад, оставаясь на позициях исторического материализма, настаивал на единстве всемирно-исторического процесса. Он отвергал идею принципиальной инаковости Востока, утверждая, что все народы проходят в целом сходные стадии развития, но в разное время и с уникальными особенностями [6, с. 34]. Критерием социокультурного развития для Конрада выступали не столько идеологические системы, как у Тойнби, сколько конкретные достижения в сфере материального производства, государственного строительства и культуры (например, развитие городской жизни, письменности, философской мысли).

Конрад выделял в истории Востока эпохи, аналогичные европейским: древность (создание первых государств и культур), средневековье (формирование феодальных отношений и мировых религий), возрождение (всплеск светского гуманистического начала). Так, китайский Ренессанс VIII – XII вв. он связывал с расцветом поэзии, искусства и философии (Ли Бо, Ду Фу, сунский неоконфуцианство), который, хотя и не привел к прямому переходу к капитализму, был важным этапом в общемировом культурном развитии [6, с. 215 – 218]. Таким образом, если Тойнби акцентировал уникальность и замкнутость цивилизаций, то Конрад подчеркивал наличие общих закономерностей и «всемирно-исторических эпох», через которые, пусть и асинхронно, проходят все народы, включая азиатские.

Интереснейшим свидетельством диалога этих двух подходов является личная переписка Тойнби и Конрада, опубликованная под названием «Диалог историков». Этот диалог ярко демонстрирует как методологические расхождения, так и точки взаимного интереса. Конрад, признавая масштаб труда Тойнби, критиковал его за недооценку роли экономического базиса и классовой борьбы в историческом процессе. Он указывал, что теория «Вызова-и-Ответа» слишком психологизирована и абстрактна, чтобы служить надежным инструментом исторического анализа [7, с. 478]. Тойнби, в свою очередь, отстаивал примат духовных и религиозных факторов, упрекая марксистский подход в экономическом детерминизме и неспособности объяснить уникальность культурного творчества разных цивилизаций.

Сравнительно-сопоставительный анализ их концепций позволяет сделать вывод, что они представляют собой два весьма различных способа дискурсивного конструирования «Востока». Для Тойнби Азия – это совокупность великих, но в конечном счете самодостаточных и замкнутых цивилизаций, чья динамика определяется законом генезиса и упадка, где система ценностей является главным двигателем истории. Для Конрада Азия – это часть единого всемирно-исторического процесса, развивающаяся по объективным, в первую очередь социально-экономическим законам, общим для человечества, но реализующимся в специфических культурных формах. Их диалог,

зафиксированный в переписке, является не только спором о прошлом Азии, но и фундаментальной дискуссией о методологии обществоведческих дисциплин. При этом концепция Конрада выглядит более полной и всеохватной: признавая экономический детерминизм в социально-исторической динамике, он наравне с этим рассматривает и культурные факторы как неотъемлемую часть общественного развития.

1. *Фуко Мишель. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.*
2. *Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2023. 560 с.*
3. *Сорокин П. А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 3-14.*
4. *Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2003. 640 с.*
5. *Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби (Опыт критич. анализа). М.: Наука, 1976. 152 с.*
6. *Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1977. 359 с.*
7. *Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. 519 с.*
8. *Конрад Н. И. Диалог историков // Избранные произведения. История. М.: Наука, 1974. С. 471-480.*

ИСТОКИ РОССИЙСКОГО ПРЕКАРИАТА: СОСТОЯНИЕ АНОМИИ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕКАРИАТА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Баранов Николай Вадимович
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Одной из причин появления прекариата в современной России можно назвать резкие социальные и экономические изменения в рамках постсоветского общества в 90-е гг. XX столетия. В этот период общество находилась в состоянии аномии [5] – когда социальные институты советского общества были разращены, а новые еще не были сформированы. Ситуация усложнялась по причине активной интеграции неолиберальных установок, на основании которых строилась социальная политика государства, а также формировалась экономика «свободного рынка». Соответствующая хроника «смутного времени» на рубеже столетий подробно изложена в работах Г. В. Осипова[7], М. К. Горшкова [4], работе А. В Братерского и А. В. Кулешовой [3], М. Б. Фирсова [9] и других социологов.

Соответствующее состояние общества отразилось и на его социальной структуре. Оно способствовало тому, что представители разных профессий оказались в состоянии ненадежности или же прекарной занятости, характерные черты которой подробно описаны в работах Т. Ж. Тощенко [8]. Таким образом, российское общество находилось в состоянии прекариатизации, под которым можно понимать «процесс формирования незащищенных социально-экономических групп вследствие изменения модели производства, уменьшающей издержки со стороны работодателя»[1]. Данное состояние способствовало изменению социальной структуры с последующим появлением прекариата в ее составе.

Данный процесс обладал следующими чертами, характерными для российского общества в 90-х гг. XX столетия: девальвация труда как нравственной ценности и, как следствие, легитимного заработка, рост числа самоубийств и распространение иных форм девиантного поведения, например алкоголизм, снижение доверия социальным институтам государства. Соответствующие характерные черты подробно изложены в работе Г. В.

Осипова [6] и представляют собою совокупность социально-экономических предпосылок формирования прекариата как социальной страты российского общества XXI столетия. Несмотря на тот факт, что категория «прекариат» не применялась для выделения ненадежных социальных слоев населения, их генезис был подробным образом расписан отечественными социологами.

Соответствующее понимание истоков прекариата как новой социальной страты позволяет, с одной стороны, объяснить нерепрезентативность концепций прекариата западных ученых, их слепой перенос для последующего изучения ненадежных слоев населения России. Примерами подобного рода концепций могут являться прекариат как «новый и опасный класс» Г. Стэндинга [10], концепция прекариата «текучей современности» З. Баумана [2] и ряд других.

В результате, для изучения прекариата в социальной структуре современного российского общества требуется, с одной стороны, понимание социально-экономических, социально-исторических предпосылок его появления и, с другой стороны, критическое переосмысление уже существующих концепций прекариата западных и отечественных ученых с учетом вышеупомянутых предпосылок.

1. *Баранов Н. В. Генезис и трактовка понятия «прекариат» в странах западной и восточной Европы. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 30(1). С. 237-244.*
2. *Бауман З. Ретротопия /Зигмунт Бауман; пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. Ред. О. А. Оберемко. М.: Crossroads, 2019. С. 167.*
3. *Братерский А. В., Кулешова А.В. «Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной России». М.: ВЦИОМ, 2021. Т. 1. 336 с.*
4. *Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2000. С. 92.*
5. *Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.; науч. ред. З. В. Коганова М.: АСТ, Хранитель, 2006 873 с.*
6. *Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. 2007. С. 382.*
7. *Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество: монография / Г. В. Осипов. 2-е изд., стереотип. Москва: Издательство Московского университета, 2023. 583. с.*
8. *Прекариат: становление нового класса. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 82.*
9. *Фирсов Б. М. Качество населения Санкт-Петербурга. II / Отв. ред. Б. М. Фирсов. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН., 1996. 304 с.*
10. *Standing G. The Precariat: Today's Transformative Class?. Development 61. 2018. P. 119.*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РИСКА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Белозерова Ирина Ильинична
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Современные исследования в области социологии риска развиваются на основе теоретических подходов, предложенных Ульрихом Беком, Никласом Луманом и Энтони Гидденсом, однако стремятся к их переосмыслению и операционализации для анализа конкретных социальных проблем. Если классические «макро»-концепции риска акцентируют внимание на структурных аспектах (например, на обществе риска у Бека или на системной сложности у Лумана), то современные авторы, такие как Йенс Цинн [4, 5] и Пэт О'Мэлли [3], предлагают «микро»-подходы, которые рассматривают риск как динамический процесс, формирующийся в повседневной жизни.

Йенс Цинн предлагает аналитическую рамку, в которой риск понимается не только как структурная характеристика современных обществ, но и как переживание, включающее восприятие, реакции и процессы принятия решений. Рассматривая риск как серию переживаний, Цинн подчеркивает, что этот феномен представляет собой «процесс действия». Это означает, что риск – это не случайный элемент, который исключительно задан структурно, а конструируется в действии [5].

Цинн подчеркивает, что риск – это не существительное, а глагол, который постоянно формируется в различных точках социального пространства, и не обязательно имеет негативный характер, как его часто определяют. Существуют события, объекты или ситуации, определяемые как рискованные, но они не просто структурированы таким образом, а социально конструируются и регулируются через взаимоотношения. В этом смысле риск также связан с процессом выбора, который не всегда необходимо избегать «любой ценой» но, напротив, – он может быть принят и практиковаться [5].

Схожие идеи развивает Стивен Линг (2005) в своей концепции «edgework» («работа на грани») [2]. Линг утверждает, что риск – это не только угроза, но и возможность, которая может быть добровольно принята индивидами. Это приводит к необходимости изучения мотивов, стоящих за решениями о принятии риска, а также значений, которые приписываются таким действиям [1]. Вопрос о том, почему люди сознательно идут на риск, становится ключевым для понимания формирования субъектности в условиях современного общества.

Принятие риска также связано с процессами сопротивления и сплоченности. Сопротивление проявляется в том, что определённые группы переосмысливают и реализуют практики, которые нарушают социально ожидаемые нормы, а сплоченность – в том, что индивиды соглашаются следовать установленному социальному порядку. Существует неразрешимое напряжение между стремлением избежать ограничений, которые воспринимаются как крайние ситуации, и постоянным усилием по интеграции в существующие институты [2].

Риск может рассматриваться как многомерное явление, которое одновременно подчинено структурным условиям и зависит от агентных решений. Как отмечает Цинн [5], для понимания риска необходимо учитывать как объективные, так и субъективные аспекты его формирования, а также исследовать процессы производства смысла и конкретные условия, которые формируют практики риска у индивидов.

1. *Вебер Макс. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.*
2. *Lyng Stephen. Edgework: The Sociology of Risk Taking. New York: Routledge, 2005, 297 pp.*
3. *O'Malley, Pat. Governmentality and Risk // SOCIAL THEORIES OF RISK AND UNCERTAINTY, 2009, pp. 52-75.*
4. *Zinn, J. O. Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction. Malden MA: Blackwell Publishers, 2008, 246 pp.*
5. *Zinn, J. O. The Meaning of Risk-Taking – Key Concepts and Dimensions // Journal of Risk Research, 2019, 22(1), pp. 1-15. https://doi.org/10.1080/13669877.2017.1351465*

КОНЦЕПЦИИ ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Богомягкова Елена Сергеевна
(СПбГУ)

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-18-00261, https://rscf.ru/en|project/24-18-00261

Аннотация. Текст содержит постановку вопроса о необходимости обновления существующих в социологии концепций здоровья в условиях актуальных теоретических дискуссий и движения в сторону цифровизации здравоохранения. Сегодня речь идет о стремительном развитии сетевых и потоковых структур и формировании дополненной социальной реальности на их стыках с институтами и интеракциями. Эти тенденции находят отражение и в формировании новых представлений о здоровье и необходимых практиках заботы о нем. Отталкиваясь от краткого обзора основных перспектив, сложившихся в социологии здоровья, автор предлагает включать в ее арсенал и новую теоретическую оптику, позволяющую адекватно отражать происходящие трансформации.

Ключевые слова. Концепции здоровья, социальные сети, потоки, дополненная социальная реальность, цифровизация здравоохранения.

Проблемы цифровизации здравоохранения, использования инноваций в практиках самозаботы и обращения за медицинской помощью находятся в повестке современной социологии здоровья. Телемедицина, цифровой селф-трекинг, участие в онлайн-сообществах, посвященных обсуждению различных заболеваний и способов лечения, поиск специальной информации в Интернете – эти и многие другие феномены вызывают неуклонный интерес современных исследователей. Сегодня в число злободневных тем попадает использование потенциала искусственного интеллекта для поддержания хорошего самочувствия. Обращаясь к анализу процесса цифровизации, ученые нередко концентрируются на его технологических аспектах, размышляя о медицинских учреждениях в терминах цифровой зрелости или трактуя снижение цифрового неравенства как главную цель внедрения инноваций. Используемые в этом случае менеджералистская и технократистская оптики рассматривают происходящие трансформации в терминах полезности, эффективности, оптимизации. Как правило, преобладают оптимистичные оценки. Однако, фокусируясь на технологической стороне рассматриваемых процессов, ученые упускают из виду лежащие в их основании принципиальные изменения социальности, обусловливающие новые способы поддержания хорошего самочувствия и взаимодействия с системой здравоохранения, новейшие представления о здоровье и болезни. Вместе с тем цифровые технологии служат лишь инфраструктурой, оформляющей социальные процессы и делающей их заметными, видимыми для исследователей.

Сегодня социологи отказываются от рассмотрения социальной реальности как организованной исключительно институтами и интеракциями, а декларируют растущую значимость стремительно развивающихся сетевых и потоковых структур, помимо этого образующих сложные гибриды на стыках с институтами и интеракциями [3]. Формирование дополненной социальной реальности, ее усложнение требует от ученых пересмотра сложившихся представлений о различных социальных феноменах. Нуждаются

в обновлении и имеющиеся социологические трактовки здоровья и практик заботы о нем. Несмотря на то, что социологический интерес к здоровью возник сравнительно недавно [7], в настоящее время эта предметная область характеризуется многообразными и оригинальными наработками. Основные концептуализации здоровья находились в русле ключевых теоретических тенденций в науке, и сегодня соответствуют доминировавшим в XX в. представлениям о социальной реальности. Однако в свете современных трансформаций принципиальной задачей становится пересмотр и обновление имеющихся концептов.

Одним из первых социологов, обративших внимание на проблематику здоровья и болезни и их роль в поддержании социального порядка, был Т. Парсонс. В соответствии с его функциональной и нормативной моделью здоровье понимается как состояние оптимальной возможности индивида эффективно выполнять роли и задачи, для которых он был социализирован [5]. Болезнь не считается ошибкой индивида, т.е. не всегда зависит от его личных усилий по поддержанию здоровья, но в случае заболевания он призывается к активному взаимодействию с институциями здравоохранения. Больной временно «выпадает» из повседневной жизни и обязан лечиться. В концепции Парсонса болезнь рассматривается как временная недееспособность, которую нужно преодолеть, а обладающий моральным обязательством к выздоровлению индивид полностью включен в социальные институты, регулирующие его деятельность, в том числе заботу о здоровье. В то же время для Т. Парсонса здоровье выступает в качестве не только медицинской, но и социальной нормы. «Быть здоровым» означает быть способным выполнять свои социальные функции, что, в свою очередь, вносит вклад в стабильность и равновесие системы. Однако сегодня круг «экспертов» по решению медицинских вопросов не ограничивается лишь медицинскими профессионалами, и для пациентов привлекательным становится сетевой характер коммуникации с ними, заметно отличающий такой тип взаимодействия от институциональных форматов. В настоящее время практики заботы о здоровье не детерминируются полностью встроенностью индивидов в медицинские институции и последовательным следованием нормативным предписаниям.

Наметившийся во второй половине XX в. поворот к повседневности и жизненному миру человека, выразившийся в развитии символического интеракционизма и феноменологии, нашел отражение и в изменении трактовок здоровья и болезни. С его приходом болезнь стала рассматриваться не как отклонение от выполнения социальных ролей, а как конструкт, формирующийся в результате многочисленных и многообразных интеракций индивида не только с медицинскими специалистами, но с более широким социальным окружением – родственниками, друзьями, другими пациентами. В контексте этих размышлений возникает разделение на «illness» и «disease» [4], при котором первый концепт как раз и отражает социокультурную сущность болезни. Соответствующим образом конструируются и трактовки того, что значит быть здоровым. Однако сегодня в сеть «значимых других» в области решения медицинских проблем входят и «цифровые» игроки – мобильные приложения, чат-боты сервисы GPT, лидеры мнений и рядовые пользователи в социальных сетях. Представления о здоровье и болезни конструируются в разнообразных сетях коммуникаций, пересекающих границы между онлайн- и офлайн-мирами.

Одним из современных подходов, стремящихся преодолеть односторонность институциональной и интеракционистской перспектив рассмотрения здоровья, является подход в духе идей П. Бурдье [2]. В этой теоретической рамке представления о здоровье и практики заботы о нем выступают как производная стиля жизни, обусловленного, с одной стороны, сформированным в процессе жизненного пути габитусом, а, с другой,

доступностью различных видов капитала. В рамках этого направления используется понятие стиля заботы о здоровье (healthy lifestyle) – концепт, объединяющий интеракционистскую и институциональную логики. Популярной темой в социологических исследованиях становится признание значимости социального капитала в детерминации здоровья и болезни.

Однако сегодня спектр практик заботы о здоровье стремительно расширяется, комбинируются цифровые и нецифровые способы поддержания хорошего самочувствия [1]. Среди них онлайн- и офлайн-марафоны здоровья (например, контроля питания, снижения веса), национальные и региональные проекты в сфере оказания медицинской помощи и проекты, инициируемые отдельными медицинскими учреждениями, направленные на работу с определенными социальными группами (пожилые, беременные женщины, молодежь), корпоративные программы поддержания здорового образа жизни, цифровой активизм здоровья, коммуникация в чат-ботах и обмен опытом в социальных сетях, организация сообществ и мероприятий, привлекающих приверженных продвинутым практикам заботы о здоровье, и многие другие. Полагаем, что такого рода активность не может быть описана и объяснена в рамках классических трактовок здоровья. Иллюстрацией необходимости привлечения нового теоретического багажа могут служить результаты исследования Р. Кент, в ходе которого была обнаружена любопытная связь: чем больше люди делятся информацией и обсуждают свои практики с сообществом, чем больше лайков и последователей имеют, тем «здоровее» они себя чувствуют вне зависимости от объективных показателей активности [6]. В результате для описания и объяснения актуальных трансформаций требуется привлечение иной теоретической линзы, учитывающей сетевое и потоковое измерение социальной реальности.

Таким образом, инновационные практики заботы о здоровье и современные представления о том, что считать здоровьем и болезнью и как следует поддерживать хорошее самочувствие, зависят не от доступности цифровых технологий и освоенных компетенций по их использованию, а тем, насколько индивиды готовы вовлекаться в новые типы социальных структур и их гибридные форматы. Сегодня забота о здоровье предполагает вовлеченность в разные типы социальности. Традиционные – прежде всего, институциональные – способы оказания медицинской помощи, даже привлекающие цифровые инновации, перестают эффективно отвечать на современные запросы. Устаревают характерные для прошлого столетия дискурсы о здоровье и болезни. Напротив, успехом пользуются продвинутые решения, выходящие за пределы институциональной логики и архаичных представлений о необходимых практиках здоровьесбережения, и формирующие новые коммуникативные пространства и потоки пользователей. Такого рода решения концентрируются в мегаполисах, что создает и новые социальные неравенства за счет разрывов в доступе к ним между центром и периферией. «Цифра» остается лишь удобной инфраструктурой, обеспечивающей воплощение социальных процессов. Поэтому сегодня от социологов требуется выйти за рамки технологического детерминизма и технооптимизма и разрабатывать концепции, адекватно отражающие актуальные тенденции в сфере заботы о здоровье.

1. *Богомягкова Е. С., Орех Е. А., Глухова М. Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145–155.*
2. *Бурдье П. Различение: социальная критика суждения (пер. О. И. Кирчик, ред. Н. А. Шматко, В. В. Радаев // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.*
3. *Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Ч. 2: Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. №7. С. 23–36.*

4. *Клейнман А. Понятия и модель для сравнения медицинских систем как культурных систем // Социология власти. 2016. Т. 28. № 1. С. 208–232.*
5. *Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.*
6. *Kent R. Social Media and Self-tracking: Representing the "Health Self" // Self-tracking: Em pirical and Philosophical Investigations / B. Ajana (ed.). Cham : Palgrave Macmillan, 2018. P. 61–76.*
7. *Mcdaniel S. Understanding Health Sociologically // Current Sociology. 2013. Vol. 61. №5-6. P. 826 – 841.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ТРУДЫ С. Я. ВОЛЬФСОНА: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Борисов Никита Владимирович
(СПбГУ)

Анализ теоретического наследия Семена Яковлевича Вольфсона (1894 – 1941), одной из ключевых фигур в становлении академической философской школы Беларуси и ранней советской социологии, приобретает особую актуальность в условиях постнеклассической социальной реальности и осмысления вызовов новой современности. Труды Вольфсона, включая «Социология брака и семьи» (1929) и «Семья и брак в историческом развитии» (1937), являются знаковыми ранними научными работами, отражающими социологические аспекты изучения семьи и брака в отечественной традиции.

В социологических воззрениях С. Я. Вольфсона центральное место занимала проблема трансформации социальных структур, в частности, института семьи. В контексте советского общества, Вольфсон рассматривал войну (в частности, Гражданскую) с позитивной для эволюции общества точки зрения и видел в этом прямое влияние на деформацию института семьи. Война выступала как мобилизующая сила, которая способствовала активизации классового и коллективистского начал и пробуждала волевые импульсы у молодежи. В период 1920-х годов, он активно защищал идею «отмирания семьи» в условиях социализма, рассматривая данный процесс как неизбежное следствие установления нового строя. Вольфсон утверждал, что с исчезновением капиталистических отношений, семья, которая в предшествующие эпохи функционировала как «частно-собственническая ячейка» и «аппарат наследственного консервирования собственности», теряет смысл своего существования, а социалистическое общество «отчуждает» все ее традиционные функции [1, 375]. Важно отметить, что, в последующих работах Вольфсон откажется от этого тезиса как «антимарксистского». Если же сравнивать работы Вольфсона 1920-х и 1930-х годов, то можно отметить, что в более поздних текстах тема войны в целом представлена значительно меньше.

Кроме того, Вольфсон уделял значительное внимание влиянию войны на трансформацию социальных структур. Он констатировал колоссальную роль войны (в частности, Первой мировой) в дезорганизации семейно-брачных отношений, поскольку война ускоряла объективный кризис в семье и радикально изменяла экономическое положение женщины, вынужденной включаться в сферу производства. Вольфсон пишет: «Война дезорганизует семью. Она прерывает семейные нити, толкает мужчину и женщину на мимолётные связи, создает кадры сопровождающих и обслуживающих армию проституток, рождает психологию «легкого» отношения к вопросам пола, развязывает сексуальные инстинкты» [1,323 – 324]. Особенно, по мнению белорусского исследователя, военный кризис отразился на семейно-брачных отношениях в

потерпевшей поражение Германии, «в стране, которую буржуазия неизменно считала колыбелью семьи, ее непоколебимой опорой, хранительницей священных семейных устоев» [1, 324].

Актуальность изучения трудов С. Я. Вольфсона в настоящее время обусловлена необходимостью внимания к наследию отечественной социологии и потребностью в критическом осмыслении социологических теорий прошлого в условиях современных системных социокультурных трансформаций. Теоретическое наследие С.Я. Вольфсона с его проницательным анализом влияния внешних факторов (войны и социокультурных изменений) на структуру современного общества является хорошим теоретическим материалом для изучения этих явлений.

1. *Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929. 480 с.*
2. *Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. Минск, 1937. 244с.*
3. *Дудчик А. Ю. Материалистическая «Этика войны» в проекте марксистского изучения семьи и брака в белорусской советской философии в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialisticheskaya-etika-voyny-v-proekte-marksistskogo-izucheniya-semi-i-braka-v-belorusskoy-sovetskoy-filosofii-v-1920-e-gg (дата обращения: 11.10.2025).*

ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ

Веткина Софья Кирилловна
(ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена)

Еще в середине XX века Маршалл Маклюэн развивает идею того, что форма: коммуникации сказывается на том, как внедряемое в эту форму сообщение может быть трактовано получателем. Интернет открывает новые возможности для коммуникации социальных групп. Сетевое пространство становится одним из ключевых мест для общения, обмена какой-либо информацией, формирования общественного мнения и других форм, изучаемых коммуникативистикой. Основным средством для коммуникации в «сети» является социальная сеть или социальные медиа (соцмедиа). В реальном же мире любая социальная сеть может объединять людей, когда как в Интернете соцсеть объединяет ресурсы этих людей.

«Социальная сеть – структура, состоящая, из пользователей (индивидуумов и групп индивидуумов), которые функционируют в сети Интернет в рамках созданного компьютерами и программным обеспечением кибер-пространства» [1, 108].

Дж. Ланье определяет виртуальную реальность как «искусственный трёхмерный мир, который создан с помощью компьютера и воспринимаемые личностью посредством специализированных устройств» [2, 2].

Современная социологическая теория и прикладные исследования все чаще выделяют феномен «виртуальных» сообществ как отдельную форму коллективной жизни, отличающуюся от традиционных («реальных») пространств взаимодействия. В условиях цифровизации социальной жизни важно определить рассматриваемые сообщества путем их сравнения – как с точки зрения структурных характеристик, так и через механизмы самоорганизации, взаимопомощи и идентификации участников.

Изучение различий между реальными и виртуальными сообществами позволяет лучше понять динамику современных социальных взаимодействий и их влияние на личность и общество в целом. В этом контексте становится особенно актуальным

исследование как сходств, так и различий между виртуальными и реальными сообществами, что поможет глубже осознать, как эти два типа сообществ влияют на социальные отношения и самовосприятие индивидуума.

Однако эмпирическая картина остаётся неоднозначной. В. А. Бокарев в статье «Виртуальные социальные сети как пространство для удовлетворения потребностей современной молодежи» отмечает как потенциал сети для удовлетворения потребностей в коммуникации, так и новые вызовы, связанные с организационной, правовой и смысловой конструкцией виртуальных сообществ [3, 56 – 60; 4, 96].

Теоретические подходы (например, интерпретации Лумана о коммуникативных системах) указывают на то, что формат коммуникации и среда взаимосвязаны: медиализованные формы взаимодействия трансформируют как нормы, так и механизмы контроля и поддержки [5].

Вместе с тем отсутствует комплексное сопоставление уровня практической взаимопомощи в реальных и виртуальных сообществах с учётом структурных и ситуативных факторов (тематики сообщества, возраст участников, длительность существования сообщества, уровень модерации и т. п.). Это создает проблему для теории и практики: без систематических сравнений трудно оценить, в какой мере онлайн-формы способны воспроизводить те социальные функции, которые традиционно ассоциируются с «реальными» сообществами – в частности взаимопомощь.

Так, если виртуальные сообщества оказываются менее способными обеспечивать взаимопомощь, это повлияет на стратегии общественных инициатив, социальную политику и дизайн платформ; если же они по своим способностям сопоставимы или уступают лишь в определённых контекстах, это откроет возможности для целенаправленного усиления механизмов поддержки в онлайне. Таким образом, необходима эмпирическая проверка того, насколько уровень взаимопомощи различается в двух типах сообществ и какие факторы объясняют эти различия.

Прежде чем углубляться в сравнение, необходимо дать определение виртуальному и реальному сообществу. Возможным препятствием для определения может послужить то, что эти сообщества могут быть неотделимы друг от друга или пересекаться между собой. Индивиды, состоящие в виртуальных сообществах, могут встречаться в реальной жизни, и наоборот, люди коммуницирующие вживую могут взаимодействовать в виртуально мире. Такое взаимодействие создает уникальные возможности для формирования социальных связей.

Виртуальное сообщество – это группа акторов, объединенных общими интересами, целямии, взаимодействующие с помощью соцмедиа. Примерами таких сообществ можно обозначить онлайн-форумы, социальные сети, блоги и игровые площадки, чаты, видеохостинги и пр. Для них характерна значительная эмоциональная вовлеченность участников в процесс сетевого взаимодействия [7, 229].

Реальное сообщество, в свою очередь, включает людей, которые взаимодействуют друг с другом в физическом пространстве. Это может быть группа друзей, соседи, члены клуба или организации, которые собираются вместе оффлайн или «лицом к лицу». Здесь важно учитывать не только плотное взаимодействие, но и эмоциональную составляющую, основанную на физическом присутствии.

Несмотря на существенные сходства, виртуальные и реальные сообщества имеют и множество различий. Основное различие, как и было отмечено ранее, заключается в способах и формах коммуникации. Во-первых, в виртуальных сообществах взаимодействие реализуется через какое-то техническое средство, которое может стать препятствием, искажающим передаваемое сообщение, то есть возникает ограничение

восприятия невербальных сигналов. Это может привести к ошибке декодирования адресатом изначально сформированного сообщения. В реальных сообществах взаимодействие может осуществляться без ограничений в виде технических средств. Следует отметить, что индивидуумы реальных сообществ могут использовать технические средства для коммуникации, но первичная и (часто) последующая коммуникация осуществляется вживую, что создает более глубокую связь между участниками и позволяет лучше понять эмоции и намерения друг друга.

Во-вторых, виртуальные сообщества нередко подразумевают анонимность. Люди могут не раскрывать свои персональные данные, что создает возможность для более свободного самовыражения, чем при коммуникации в невиртуальной реальности. Анонимность и псевдонимность в онлайне уменьшают персональную ответственность и чувство взаимной обязательности. Однако эта анонимность может также привести к негативным явлениям, таким как троллинг, кибербуллинг, немотивированная агрессия и пр. В реальных сообществах люди коммуницируют, не скрывая свою личность, и при каком-либо буллинге могут последовать санкции, из-за которых могут возникнуть репутационные риски. Поэтому взаимодействие вне виртуальный среды способствует более этичному и уважительному тону коммуникации. Отсутствие эффективных локальных санкций и сложности в верификации личности ослабляют стимулы к надёжной взаимопомощи в виртуальной среде.

Еще одним различием можно определить территориальное распространение (как по масштабу, так и по скорости). Виртуальные сообщества не ограничены географией: участники могут быть рассредоточены по разным странам и часовым поясам, при этом группа способна быстро нарастать за счёт сетевого эффекта. Это способствует широкой диверсификации мнений и экспертиз, но одновременно усложняет координацию действий и формирование локальных обязательств, присущих оффлайн-группам. Реальные сообщества, будучи локально сконцентрированными, легче коалиционируют для решения практических задач в конкретном пространстве – например, организации помощи соседу, совместного выполнения физической работы или оперативного реагирования в чрезвычайной ситуации.

Скорость и синхронность коммуникации также различаются. В онлайне возможна мгновенная реплика, но значительная часть взаимодействий носит асинхронный характер (посты, комментарии, письма), что влияет на оперативность и согласованность совместных действий. Оффлайн-контакты, особенно личные встречи, чаще предполагают синхронную коммуникацию, быстрый обмен невербальными сигналами и моментальную обратную связь, что облегчает принятие совместных решений и организацию практической помощи.

Характер и прочность связей можно определить ещё одним важным критерием. Виртуальные сообщества склонны опираться на многочисленные слабые связи, эффективные для распространения информации и поиска ресурсов, но менее надёжные с точки зрения долговременных обязательств. В реальных сообществах преобладают более прочные, многослойные связи (семейные, соседские, профессиональные), сформированные через повторные взаимодействия, общую историю и взаимные обязательства – они создают устойчивую основу для взаимопомощи в тех случаях, когда требуется значительное вложение времени, труда или материальных средств.

В совокупности перечисленные различия обусловливают более низкий средний уровень практической взаимопомощи в виртуальных сообществах по сравнению с реальными, особенно в отношении инструментальной и долговременной поддержки. При этом эффект смягчается при наличии прочной модерации, длительной истории

сообщества, высокой степени идентичности участников и фокусе на узких темах, где возможна синтетическая эмпатия и развитые механизмы доверия (например, тематические группы поддержки, краудфандинговые инициативы).

1. *Баранов А. Б. Виртуальная коммуникация в социальной сети: основные понятия и модель взаимодействия // Вестник УРАО. – 2010. – №5 [Электронный ресурс]. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-kommunikatsiya-v-sotsialnoy-seti-osnovnye-ponyatiya-i-model-vzaimodeystviya (дата обращения: 07.10.2025)*
2. *Болтенков Н. В. К проблеме определения понятия «виртуальная реальность» // Общество: философия, история, культура. – 2018. – №11 (55) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-ponyatiya-virtualnaya-realnost (дата обращения: 07.10.2025).*
3. *Бокарев В. А. Виртуальные социальные сети как пространство для удовлетворения потребностей современной молодежи //Вопросы культурологии. – 2009. – №. 8. – С. 56 – 60*
4. *Зимова Н. С., Фомин Е. В., Полянцева Е. Д. Виртуальные сообщества как новые акторы социальной реальности //Alma mater. Вестник высшей школы. – 2022. – №. 9. – С. 95–101.*
5. *Подгорная, Л. Д. Никлас Луман и его теория коммуникативных систем / Л. Д. Подгорная // Гуманитарные технологии в современном мире : Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникагивистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Светлогорск, 03–05 июня 2021 года / Составители Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. – Калининград: РА «Полиграфычъ». – 2021. – С. 524-532. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48553499 (дата обращения: 07.10.2025).*
6. *Претер В. П. В центре циклона : инструменты Маршалла Маклюэна для анализа медиасред : [монография] / В. П. Претер. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – С. 92-98*
7. *Шарков Ф., Кириллина Н. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор // Социологическое обозрение. – 2022. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konvergiruemost-realnyh-i-virtualnyh-soobschestv-v-tsifrovom-prostranstve-sotsiologicheskiy-obzor (дата обращения: 08.10.2025).*

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК БАЗОВОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УСЛОВИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Виноградов Алексей Сергеевич
(СПбГУ)

Аннотация. В материале статьи отражены основные направления развития организационной культуры организации как фундаментального основания формирования конкурентоспособности. Рассматривается организационная культура как императивное социально-психологическое условие формирования конкурентоспособности. Развитие организационной культуры в своей основе возможно, если деятельность кадровой службы направлена на развитие ценностных ориентаций – однонаправленных на формирование ортобиотических позиций; на формирование единой объединяющей мотивации на достижение; на создание благоприятных факторов формирования и поддержания лояльности к предприятию и управленческому аппарату.

Ключевые слова: организационная культура, социально-психологические условия, внутренний имидж организации.

К социально-психологическим условиям конкуренции высокотехнологичных предприятий относятся: **внешний имидж; внутренний имидж, – внутренний имидж составлен из компонентов социально-психологического характера, а именно**

кадровой политики, организационной (корпоративной) культуры, социально-психологического климата.

Организационная культура является одним из социально-психологических условий конкурентоспособности организации.

Развитие в широком понимании – процесс, обогащающийся приобретением и закреплением опыта в социальной группе благодаря социальной интеграции, что в динамике приводит к процессам преобразования и изменениям качества жизнедеятельности. [5 ,178]

Развитие организационной культуры в контексте социально-психологических условий конкурентоспособности – это развитие ценностных ориентаций, это фактор объединяющей мотивации, фактор лояльности к предприятию, которые создают синергетический эффект, повышая конкурентоспособность предприятия.

Развитие организационной культуры опирается на фундаментальные факторы мотивации и структурные элементы организационной культуры, которые и должны подвергаться процессам развития для качественных изменений деятельности предприятия и повышения конкурентоспособности.

Прежде всего развитие должно касаться лидеров предприятия – управленческих кадров. Прямая зависимость от формальных лидеров – руководства и кадровой службы (бывает и от неформального лидерства – «серых кардиналов»). Развитие организационной культуры зависит от менеджмента по персоналу, формирующего миссию и ценности предприятия, осуществляет подбор кадров в команде, создаёт предписания правил поведения на работе, внедряет и постоянно поддерживает организационную символику (слоган, логотип, гимн, фирменный стиль). Эти компоненты ориентированы в основе своей на внешнее воздействие и частично на формирование внешнего имиджа.

Ведущим фактором развития организационной культуры является формирование мотивации трудовой активности сотрудников организации. Внутренние процессы на предприятии, отражающие развитие организационной культуры, эксплицитно представлены в нормативах общения на предприятии, проводимых мероприятиях на предприятии, формировании традиций, создании и продвижении в жизнь мотивации нематериального характера, дресс-коде.

Большую роль в создании и развитии организационной культуры играет символика организации, а именно: слоган, гимн, логотип и фирменный стиль. В основу символики организации необходимо положить учёт среднего возраста сотрудников предприятия, гендерный состав предприятия, этнопсихологические особенности основного состава предприятия и профессиональную принадлежность. Построение организационной символики должно опираться на положение о развитии познавательной деятельности и развитие человека как субъекта социального развития, а именно его специфическую этапность: «знак – слово – символ – миф». [1, 202]

Создание комфортной атмосферы в принятых особенностях взаимодействия и комплексе «цели – свод правил – нормативы» детерминирует развитие организационной культуры, которая становится регулятором развития деловых отношений, отражающим, во-первых, экономическую, во-вторых социальную, в-третьих, кадровую политику предприятия. То есть, организационная культура тесным образом переплетается с кадровой политикой.

Кадры предприятия – это команда предприятия, взаимодействующая с командой управленцев, развивается благодаря общим разделяемым ценностям. По результатам проведённого исследования организации практически все сотрудники предприятия на первое место определили ценность «здоровья» (у меня всё должно быть хорошо), на

второе «работу» (как источник существования, работать для того, чтобы жить, работать – делать карьеру). То есть прослеживается крен в ценностях индивидуалистического подхода и кадровому менеджменту есть над чем работать в развитии организационной культуры. Для развития организационной культуры необходимо внедрить правила и принципы, которые найдут отклик у всех сотрудников, – эти единые для всех сотрудников ценности необходимо использовать во всех процессах взаимодействия по вертикали и по горизонтали на предприятии и с партнёрами – поставщиками, покупателями, «смежниками». Для развития организационной культуры именно ценности являются фундаментом, ядром, лежат в основании развития предприятия как структуры человеческого капитала. Ценности предприятия детерминируют правила поведения в трудовом процессе, мотивацию сотрудников и их трудовую активность, стиль делового общения, – правила поведения становятся как регулятор поведенческих паттернов (определяет границы «можно-нельзя», «хорошо-плохо», «красиво-некрасиво») стимулом соблюдения графика работы и отпусков, временных ограничений на перерывы в работе, санкции за нарушения правил поведения и др.

Ценности, определяющие правила поведения на предприятии – это стиль общения, мотивированность к трудовой активности, которые определяются ещё и основной миссией предприятия – манифестацией нематериальной, но очевидной благородной полезностью для общества в целом от результатов деятельности организации.

Развитие организационной культуры предполагает эффективное использование человеческого капитала, определение скрытых способностей, потенциала сотрудников, их «дремлющего» резерва. Для развития человеческого ресурса после удовлетворения его материальных потребностей актуализируются запросы социального характера, а именно в признании, самоактуализации и самореализации, в росте по социальной профессиональной лестнице и уважении и др. Обеспечение удовлетворения социальных потребностей на предприятии происходит благодаря развитию организационной культуры, отвечающей за поддержку и развитие каждого работающего, его способностей, его индивидуальности и самое главное – обеспечение готовности к самореализации. Развитие организационной культуры возможно при высокопрофессиональном отношении к вновь принятым на работу кадрам – наставничество, социально-психологическое сопровождение, коучинг – эти элементы адаптируют вновь принятых на работу к канонам организационной культуры, они менее болезненно принимают правила организационной культуры и начинают трудиться с более полной отдачей. И тем самым организационная культура тесно переплетается с кадровой политикой предприятия – поддержкой и развитием человеческого капитала.

Для внутреннего имиджа играют большую роль мероприятия, нормативы общения между сотрудниками, традиции, а также структура нематериальной мотивации, обеспечивающие активность профессиональной деятельности сотрудников, это прежде всего традиции и «мероприятия:

организация общих праздников в организации, посещение ресторана или выезд в загородный пансионат (Новый год, 8 марта, 23 февраля);

учреждение корпоративного праздника – дня рождения компании;

совместные туристические поездки;

спортивные мероприятия;

видеосъемка сотрудников, имеющих интересные хобби;

особые корпоративные традиции (капустники и т.д.);

различные совместные занятия во внерабочее время (охота, рыбалка, боулинг и т. д.).» [3, 48 – 49]

Внешний имидж проявляется во внешней среде – это логотип, внешний вид персонала, фирменный стиль, интерьер. Внутренний имидж формируется как устойчивое социальное представление о работе и отношениях сотрудников – это отношения, деловая этика поведения и общения, традиции.

Итак, для развития организационной культуры необходимо прежде всего:

Внедрение элементов нравственной регуляции поведения через механизмы обучения этическим нормам

Разработка сценариев для каждого мероприятия с элементами публичного поощрения сотрудников предприятия (поощрительная атрибуция должна содержать позитивные характеристики сотрудников, их репутационный позитивный ресурс и структуру их авторитета на предприятии)

Периодическое совершенствование символики предприятия на конкурсной основе внутри предприятия (брэнда, логотипа, слогана, гимна, фирменного стиля), – Конфуций (551 – 479 гг. до н. э.): «Знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон» [4, 56]

Создание мини музея предприятия с его историческим экскурсом в «картинках» с опорой на знаковые персоналии предприятия и традиционализм на предприятии (с применением технологий мифологизации истории предприятия как создания имиджевых знаковых систем)

Создание «картинки» будущего в развитии предприятия (с применением технологий мифологизации «картинки» будущего)

Проведение социально-психологических тренингов ежеквартально для адаптации и выполнения групповых ролей сотрудников

Побуждение сотрудников к организованной совместной деятельности для решения производственных задач – но «человек может выполнять свои задачи в одиночку или активно вовлечённым в команду, для собственного самоутверждения или для принесения пользы обществу» [2, 231], что обязывает управленцев ориентировать сотрудников на совместную деятельность

Разработка персональных и организационных моделей повышения эффективности профессиональной деятельности с элементами соревновательности между сотрудниками и между подразделениями предприятия

Изменения дизайна помещений и дресс-кода для сотрудников

Развитие личностных и профессионально-деятельностных качеств лидеров предприятия – управленческой команды и «серых кардиналов» целенаправленно создавать на предприятии положительные социальные установки на восприятие руководящих кадров

Данные мероприятия по развитию организационной культуры как социально-психологического условия конкурентоспособности позволят укрепить внутренний имидж предприятия – эта имиджевая функция организационной культуры взаимообусловлена кадровой политикой предприятия в контексте обеспечения конкурентоспособности.

1. *Выготский Л. С. История развития высших психических функций. Москва: Издательство Юрайт, 2025.– 336 с.*
2. *Гуриева С. Д. Субъективное благополучие сотрудника в организации. Монография. Коллектив авторов. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2025.С.231.*
3. *Прохожев О. А. Проектирование средств визуальной коммуникации. Учеб.- метод. пос. Нижегор. гос. архитектур. – строит. ун-т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2019. – 113 с.*
4. *Самоукина Н. В. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах. – М.: Вершина, 2006. С.48-49.*
5. *Щипанова Д. Е. Психология развития [Электронный ресурс]: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2017 178 с. Режим доступа: http://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/21715*

«МНОЖЕСТВЕННАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ» РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Волкова Ирина Сергеевна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Тема множественности «социальных времен» для социологии не нова. Будучи выделенной в рамках социологии П. Сорокиным и Т. Мертоном, данная концепция перенесла время из физической плоскости в пространство социальных взаимодействий, в котором время рассматривается не как абстрактная астрономическая составляющая, но как некий внутренний опыт переживания человека, группы людей, поколений, эпох.

В данной работе мы будем рассматривать время с точки зрения **социального конструктивизма**, согласно которому интерсубъективная социальная реальность конструируется в процессе социальных взаимодействий. При этом происходит как интернализация (усвоение индивидами ценностно-нормативных систем, присущих их жизненному миру), так и экстернализация («инновационная» деятельность индивидов) [2, 24 – 33]. Временная координация, согласно феноменологам А. Шюцу, П. Бергеру и Т. Лукману [2, 15 – 16], является необходимым условием социального взаимодействия. В социальной реальности огромно влияние как физического времени (по нему построены важнейшие ежегодные, еженедельные, ежедневные рутинные циклы на всех уровнях – от микро- до макро-перспектив), так и субъективных темпоральных оценок – ориентаций и осмыслений событий прошлого, настоящего и будущего.

В данной работе вместо термина «время», дабы не вызывать путаницу, используем термин «**темпоральность**» (темпоральная ориентация) в определении И.Б. Орловой, как «способ упорядочивания, позволяющий связывать различные элементы» [11, 51].

Обратимся к специфике темпоральности российского общества. Показательно, что российские ученые в близких временных рамках ставят обществу различные «диагнозы»: «эпидемия ностальгии», «диктатура теперь», «гонки за будущим». Рассмотрим каждую темпоральную ориентацию.

«Эпидемия ностальгии» (Ф. Николаи) [8, 419].

Как указывает Е. А. Широкова, социальная ностальгия – это «разновидность социального самочувствия, основанного на постоянном сравнении настоящего с прошлым и проявляющегося в качестве процесса символического реконструирования образов прошлого в повседневной реальности» [15, 9] Память не фиксирует прошлое подобно сохранившимся фотографиям; каждое воспоминание, в том числе ностальгическое, формируется в определенном жизненном мире, социальном статусе, габитусе и т.п. Кроме того, образ прошлого активно конструируется властной элитой, встраивается в ее идеологическую повестку и служа инструментом для формирования социальной идентичности. А. В. Головашина замечает: «прошлое оказывается символическим ресурсом для настоящего, но само оно представляется не действительностью истории, а современным рассказом о прошлом» [3, 260]. На уровне социальных групп ностальгия принимает, по замечанию Ф. Николаи, «терапевтический характер» [8, 317] в мире, который полон рисков.

В ностальгических проектах прошлое выступает как некий потенциальный образец, из которого требуется извлечь лучшие практики и реализовать их в настоящем. Важно отметить, что «отредактированное прошлое» не только служит источником, но и легитимизирует новую реальность. В крайнем случае, как отмечает И. Калинин, «отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы

реализовываться политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом» [6]. В итоге ностальгия на макроуровне рассматривается как стремление к возвращению «невозвратимого», как попытка (зачастую неэффективная) «заменить своим объектом настоящее, вытеснить его, признать неподлинным» [9, 318].

При этом важно понимать, что само по себе сохранение памяти, уважение прошлого, коммеморативные практики, безусловно, являются важнейшим аспектом сохранения российской идентичности. Наиболее значимые события прошлого, по мнению Россиян – победа в Великой Отечественной войне (об этом заявляют 75 % россиян [14, 47]; 61 % считает ВОВ главным праздником [17]), а также воссоединение Крыма с Россией (46 % россиян рассматривают как наиболее значимое событие [14, 47]; 46 % [7] трактуют присоединение Крыма как восстановление исторической справедливости).

«Диктатура теперь» (А. Б. Гофман) [4, 123 – 138]

В случае с фокусом населения на настоящем можно говорить о максимальном схлопывании времени, в котором долгосрочное планирование невозможно или бессмысленно. В условиях господства данной темпоральной ориентации образ будущего зачастую становится лишь вероятностной проекцией уже имеющихся тенденций, а опыт прошлого рассматривается как значительно устаревший. Среди причин данного социального состояния могут быть принадлежность к особой социально-демографической группе (к примеру, дети); ориентация отдельных социальных групп на гедонизм (получение удовольствия от стиля жизни «здесь и сейчас»); состояние «выживания», во время которого на первый план выходят базовые ценности, а также ценностная аномия.

Крайними проявлениями темпоральной ориентации сугубо на настоящее являются футурофобия и отрицание прошлого. Однако в современной России, по словам М.К. Горшкова, «доля «футур-катастрофистов» меньше статистической погрешности, а вероятность реализации в стране негативного сценария оценивается ее гражданами как небольшая» [14, 64].

Так, согласно данным исследования ВЦИОМ, в группу респондентов, которые затрудняются очертить контуры будущего, входят представители поколения Z (23 %), имеющие среднее и ниже среднего образование (21 – 24 %), плохое материальное положение (27 %) [12]. За равнодушием к прошлому и будущему может стоять феномен **«отложенного будущего»**. О данном эффекте можно говорить применительно к социальным группам, которые не принимают активного участия в конструировании собственного будущего, делегируя этот процесс другим социальным субъектам (зачастую власти). На это указывает Ю. Р. Вишневский: «государство и публичная власть воспринимаются молодежью патерналистски, преимущественно с точки зрения выполнения их попечительских функций. Возникает эффект отложенного будущего, при котором активное субъектное будущее может перейти только к следующему поколению» [5, 14].

«Гонки за будущим» (А. Г. Асмолов) [1, 2]

Российский психолог особо подчеркивает важность понимания истоков различных проектов будущего. Зачастую подобные проекты носят технологический характер и противоречат ожиданиям различных слоев населения, будучи оторванными от его потребностей и установок.

Ориентация на будущее в XXI веке – парадоксальный феномен: с одной стороны, мы имеем дело с «ускользающим миром» Э. Гидднеса и «текучей современностью» З. Баумана; с другой – происходит ускорение социальной истории, изменения происходят настолько быстро, что будущее субъективно воспринимается как настоящее. Особенно

заметно данный процесс проявляется в сфере технологических инноваций (или, говоря конкретнее, НБИКС-технологий).

Однако рядом с инновациями всегда следуют риски. Изучая восприятие рисков обществом и «профиль рискогенности» России, О. Н. Яницкий в качестве его компонентов перечисляет отсутствие согласованного образа будущего и доверия к властным институтам, общественную интеграцию на основании поиска «общего врага» (а не внутренней солидарности) [16, 5 – 15]. Сущностной чертой российского общества «всеобщего риска» является нацеленность на безопасность в противовес развитию. Рискогенность, как отмечает социолог, не может быть полностью преодолена, однако ее снижению может способствовать критическое осмысление обществом самого себя – рефлексия касательно повседневных практик и институциональных норм, критическое мышление правящих элит.

Формирование позитивного (достижимого, опирающегося на ключевые для населения ценности, понятного и учитывающего потребности общества) образа будущего в современности играет роль не только «маяка», но и инструмента регуляции социального самочувствия. Наиболее общие показатели оценки будущего на данный момент демонстрируют обнадеживающие результаты: о возможности улучшения ситуации в стране в ближайшем будущем говорят 75 % россиян [10]; 58 % считают, что Россия движется в верном направлении [13]. Среди измеряемых показателей наиболее популярны исследования эмоций в отношении будущего (надежда, тревога, страхи и фобии) россиян, а также идеологических компонентов «идеального завтра».

Итак, отслеживание темпоральных ориентаций российского общества позволяет оперативно оценить не только наиболее распространенные в обществе представления и оценки прошлого, настоящего и будущего, но и «снять» уровень социального напряжения, отследить успешность идеологической политики, выявить социальную аномию и проблематизировать отдельные потребности населения.

1. *Асмолов А. Гонки за будущим: и вот наступило потом //Образовательная политика. 2016. №. 4 (74). С. 2-6.*
2. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. – 415 с.*
3. *Головашина О. В. Концептуализация социальной темпоральности: объектно-ориентированный подход : дис.д.н. – Тамбов: государственный университет, 2020.*
4. *Гофман А. Б. Festina lente: От культуры ускорения к культуре замедления //Вопросы социальной теории. 2017. Т. 9. С. 123-138.*
5. *Дидковская Я. В., Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. и др. Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал. Екатеринбург: УрГУ, 2018.*
6. *Калинин И. Нехватка политической субъективности, или Исторический photoshopping // Неприкосновенный запас, 2013, №1. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2013/1/nehvatka-politicheskoj-subektivnosti-ili-istoricheskij-photoshopping.html*
7. *«Крымская весна»: 11 лет спустя. ВЦИОМ, 2025. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krymskaja-vesna-11-let-spustja*
8. *Николаи Ф. В. Темпоральные режимы после 1700 года и (не)прошедшее будущее в концепции Г. Янсена // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 419-424.*
9. *Николаи Ф. «Эпидемия ностальгии», популярная культура и публичные интеллектуалы в поисках альтернативного будущего //Новое литературное обозрение. – 2021. – № 6. – С. 317-321.*
10. *Образ будущего: оценки россиян. ВЦИОМ, 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan*
11. *Орлова И. Б. Социология исторического знания : учебник для вузов / И. Б. Орлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 189 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08902-8. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/557321*

12. *Прекрасное далеко. ВЦИОМ, 2025. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prekrasnoe-daljoko*
13. *Социальное самочувствие: мониторинг. ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024*
14. *«Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Издательство «Весь мир», 2024. – 308 с. – URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=13692*
15. *Широкова Е. А. Социальная ностальгия как феномен духовной жизни общества : дис.к.н. – Екатеринбург : государственный университет, 2006.*
16. *Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции //Общественные науки и современность. 2004. №. 2. С. 5-15.*
17. *9 мая и память о Великой войне. ВЦИОМ, 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine*

ОБОСНОВАНИЕ СЕМЕЙНО-ГЕРОИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Волкова Ольга Александровна
(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В статье представлена авторская семейно-героическая концепция социализации студенческой молодежи, разработанная на основе реализации проекта «Я – потомок героя». Раскрывается роль интеграции социологического и демографического образования в формировании гражданской идентичности через исследование семейной истории. Показано, как проектная образовательно-исследовательская деятельность способствует трансформации личной памяти в основу для гражданской солидарности и укрепления межпоколенческих связей.

Ключевые слова: социализация, студенческая молодежь, социологическое образование, демографическое образование, гражданская идентичность.

В условиях поиска новых теоретических подходов к осмыслению социальных структур и процессов современности, особую актуальность приобретает анализ интегративных образовательных моделей [1], способных ответить на вызовы социальной фрагментации и кризиса идентичности. В данном контексте представляется семейно-героическая концепция социализации студенческой молодежи, раскрывающая потенциал синтеза социологического и демографического знания в формировании гражданской солидарности. Речь идет о теоретическом осмыслении процесса социальной и профессиональной интеграции студента не через абстрактные схемы, а через целенаправленную актуализацию и исследование героического нарратива его собственной семейной истории, что позволяет преодолеть разрыв между приватной памятью и публичной историей.

Центральным элементом данной концепции выступает проект «Я – потомок героя», который, будучи реализованным с 2012 по 2025 гг., соединил в себе теоретические основы социологии и демографии с практикой учебно-исследовательской деятельности. Важно подчеркнуть, что эмпирическую базу составили материалы многолетней реализации проекта, включившие электронные презентации студентов из нескольких стран. Используемый комплекс методов – биографические интервью, контент-анализ семейных и официальных архивов, визуальный анализ, картографирование боевых путей, работа с базами данных «Память народа» и «Подвиг народа» – обеспечил не только

реконструкцию семейных хроник, но и верификацию личных нарративов, легитимируя семейную историю как достоверный источник коллективной идентичности.

Обращаясь к теоретическим основаниям, следует отметить, что социология и демография в рамках нашей концепции изучают общество не как пассивный объект, а активно на него влияют, выступая своего рода социальными технологиями. Это влияние, как известно, реализуется через несколько ключевых каналов: взаимодействие с властными структурами, прямую вовлеченность в гражданские процессы и, что особенно значимо для нашего исследования, общение с учащейся молодежью. В частности, теория структурации Э. Гидденса [2], акцентирующая рефлексивность современного общества, позволяет интерпретировать социализацию как процесс, в котором знание о прошлом, в том числе семейном, постоянно используется для конструирования идентичности и изменения настоящего. Таким образом, интериоризируя семейный героический нарратив, молодой человек не просто усваивает моральные нормы, но и обретает экзистенциальную опору для выстраивания собственной социальной и профессиональной идентичности.

С другой стороны, идеи публичной социологии М. Буравого [3], призывающей ученых к диалогу с широкой публикой, находят свое практическое воплощение в проектной деятельности студентов. Исследование семейной истории перестает быть сугубо академическим упражнением, превращаясь в акт гражданского участия, когда личная привязанность к подвигу предка трансформируется в осознанную гражданскую и профессиональную солидарность. Более того, демографическое измерение проекта, проявляющееся в обращении к статистическим, картографическим и архивным источникам, способствует развитию аналитического мышления и навыков работы с данными, что, в свою очередь, придает личному опыту характер научно обоснованного факта.

Необходимо отдельно остановиться на расширительном понимании героизма. Расширяя сугубо военизированную трактовку подвига, мы рассматриваем его как полифоничный социокультурный феномен, включающий наряду с фронтовым подвигом труд в тылу, деятельность партизанских отрядов, милосердие медицинских работников. Подобный подход, с одной стороны, позволяет каждому студенту найти «своего» героя в семейной хронике, а с другой – способствует формированию более инклюзивной и объемной исторической и профессиональной идентичности, основанной на признании равноценности различных форм служения Отечеству. Легитимация множественности героических нарративов, таким образом, создает основу для ценностно-смыслового единства личности, укрепляя межпоколенческие связи и формируя ответственного гражданина.

Механизмы воздействия подобной интеграции образовательных дисциплин на студента можно обозначить следующим образом: во-первых, это прямая идентификация, когда человек находит своего предка в контексте масштабных исторических событий, что создает мощный эмоционально-ценностный резонанс; во-вторых, легитимация личного опыта, в рамках которого семейная история признается значимой основой для коллективного действия; в-третьих, интериоризация ценностей, когда патриотизм и гражданственность усваиваются не как навязанные извне, а как унаследованные «изнутри» семьи. В конечном счете, происходит одновременное конструирование и укрепление нескольких идентичностей: семейной, гражданской и исторической.

Таким образом, семейно-героическая концепция социализации студенческой молодежи представляет собой теоретическую и практическую модель, превращающую академическое знание социологии и демографии в живой инструмент личностного и гражданского становления. Она демонстрирует, как обращение к семейной памяти,

осмысленное через призму междисциплинарного подхода, может стать мощным ресурсом для формирования целостной, нравственно ориентированной и социально ответственной личности, осознающей себя наследником героического прошлого, что, без сомнения, вносит вклад в понимание консолидирующих оснований современного российского общества.

1. *Бороноев, А. О. Движение теории через границы и сквозь эпохи (к 30-летию основания серии сборников «Проблемы теоретической социологии») / А. О. Бороноев, Н. А. Головин, Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии: Межвузовский сборник. К 300-летию решения Петра I о создании университета в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2024. – С. 11-26.*
2. *Giddens, A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. –Cambridge: Polity Press, 1984. – 417 p.*
3. *Burawoy, M. Public Sociology. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 160 p.*

ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Гвоздиков Денис Сергеевич
(СПбГУ)

Когда мы говорим о динамике физических систем, их поведение, как правило, отображается языком математики. Однако при описании человеческих систем трудно оторваться от качественного уровня, определяющего их специфику. Одной из таких качественных характеристик являются интенции. Очевидно, что на уровне живых организмов удобно говорить о целях, которые они достигают. Тем не менее принято считать, что эволюция самих живых организмов лишена какой-либо телеологии [2]. Далее обнаруживается парадокс: траектории развития систем, состоящих из индивидов и их целей, не сводятся к траекториям и целям самих индивидов. В социальных науках осмысление данной контроверзы проходит по линии индивида и общества: микроуровня взаимодействия и макроуровня динамики социального порядка [3]. Иначе говоря, социальные системы развиваются по своей собственной логике, которая может не совпадать с логикой отдельного человека.

Парадокс, однако, развертывается дальше. Примечательно, что индивид может объяснить логику развития систем: представить варианты событий, описать судьбы институтов или историю идей. Логические траектории социального до известного предела доступны мышлению человека. Ярче всего сопряжение логических пространств проявляется в эволюции культуры. Создавая произведения искусства или порождая идеи, интуиция творчества следует логике развития того или иного стиля, тех или иных концепций. Получается, что человек является создателем Пространства Замысла [2], законы развития которого зависят не от него. Понимание «законов» и механизмов этого «идеального» мира становится ключом к объяснению динамики социальных систем. Внутренние импульсы развития (траектории) Пространства Замысла, тем не менее, остаются неясными [1]. Платонические трактовки (концепции Третьего мира) здесь вряд ли помогут. А натуралистические интерпретации (эволюция культуры схожа с биологической) в большинстве остаются на уровне моделей трансмиссии отдельных культурных образцов (эпидемиологическая метафора) [4]. Вопрос, почему логическое пространство развития культуры такое, какое есть, – обычно не затрагивается.

1. *Гвоздиков Д. С. Рецензия на книгу: Шмерлина И. А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 157 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2025. – Том 28, № 2. – С. 272–277.*
2. *Деннет Д. Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни. – М.: НЛО, 2020. – 352 с.*
3. *Шмерлина И. А. Социология социальных форм: пересборка теории. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 202 с.*
4. *Boyd R., Richerson P. J. Cultural evolution: Where we have been and where we are going (maybe) // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). – 2024. – Vol. 121, No. 48. – Article e2322879121. – DOI: 10.1073/pnas.2322879121.*

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Гугуев Даниил Константинович
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В настоящем докладе освещаются теоретико-методологические аспекты осмысления социальной трансформации российского общества в отечественной социологии города. Автор сосредотачивается на проблеме особого пути России и рассматривает вопрос о возможности использования западных социологических исследований города применительно к российским реалиям.

Ключевые слова: отечественная социология города, город, урбанизация, российское общество, социальная трансформация.

Социология города самым непосредственным образом касается проблемы социальной трансформации общества. Еще классики западной социологии (например, Ф. Теннис [15], Г. Зиммель [7]) анализируют переход от домодернового общества к модерновому, увязывая данный социальный процесс с урбанизацией, а именно с ростом и развитием больших городов.

Подобная исследовательская ориентация прослеживается и в отечественной социологии города с момента ее оформления в качестве особой области социологических исследований города на рубеже XIX – XX веков. Дореволюционные мыслители (например, А. А. Исаев [8], Н. А. Рожков [12], И. Х. Озеров [10] и другие) обращаются к изучению городской жизни и рассматривают большой город как среду, в котором происходит социальная трансформация общества по пути его модернизации.

Вместе с тем социологическое осмысление города ведется дореволюционными обществоведами на фоне проблемы особого пути России, что предполагает сравнение трансформационных процессов в российском и западном обществах. Данное обстоятельство, в свою очередь, накладывает серьезный отпечаток на исследовании города в рамках российской общественной мысли. В целом отечественные ученые на рубеже XIX – XX веков признают европеизацию российского общества после отмены крепостного права [13, 130], вызвавшей капиталистическую индустриализацию и последовавшую за ней урбанизацию, которые в странах Западной Европы стартовали раньше. Тем не менее на протяжении всего XIX века российские исследователи города пишут о цивилизационной и исторической самобытности России, которая отличает ее от Запада. Еще в 1840-х годах мы находим позицию (например, в трудах мыслителей, разделяющих взгляды славянофилов [3], [9]), отрицающую городскую жизнь как

неотъемлемый компонент западного общества и подчеркивающую национальное своеобразие Российской империи, базирующейся на сельско-общинном социальном порядке. Позднее во второй половине XIX – начале XX века в произведениях многих российских обществоведов (например, А. П. Щапова [17], В. П. Семенова-тян-Шанского [14] и других) отмечается, что из-за длительного господства крепостного права урбанизация российского общества не вписывалась в рамки социальной трансформации западноевропейских обществ.

Вышеотмеченные рассуждения отечественных социальных мыслителей представляют интерес в теоретико-методологическом отношении, так как приводят нас к вопросу о возможности использования западных социологических исследований города применительно к российским реалиям. Эта проблема поднимается в отечественной социологии города в разные периоды ее развития. В частности, ряд раннесоветских исследователей (например, М. Г. Диканский [6], З. Г. Френкель [16]) обращаются к творчеству западных ученых, анализирующих социальные стороны городской жизни, в том числе в прикладных аспектах (жилищный вопрос, городское благоустройство и т.п.). Вместе с тем отечественные социальные мыслители, признавая необходимость учета научных достижений Запада, подчеркивают специфику социального строя в советском государстве и пишут о том, что город в складывающемся советском обществе может быть познан прежде всего из эмпирических фактов, то есть из реального наблюдения за ним (например, Н. П. Анциферов и Т. Н. Анциферова [1, 7], Л. А. Велихов [2, 186]). Собственно, в этом направлении и идет дальнейшее развитие отечественной социологии города в 1960-х годах и позднее, когда проводятся многочисленные эмпирические социологические исследования советского города, благодаря которым вырабатываются оригинальные, учитывающие национальный контекст подходы к анализу городской жизни в СССР [5].

В условиях социальной трансформации современного российского общества проблема его самобытности остается по-прежнему актуальной для отечественной социологии города. Несмотря на мировой характер урбанизации, в каждой стране данный социальный процесс приобретает свою специфику. Российские города имеют ряд характерных черт, отличающих их от городов других государств (в том числе западных), что во многом обусловливается климатическими особенностями, огромной территорией Российской Федерации и действием ряда других факторов [11, 236].

Хотя западная социологическая урбанистика в настоящий момент доминирует в мировой социологии [4, 437], ее применение в условиях российской действительности, на наш взгляд, должно быть обоснованным в теоретико-методологическом плане. С учетом всего вышеизложенного представляется важным обращение к научному наследию не только зарубежной, но и отечественной социологии города, которая фиксирует культурно-цивилизационное своеобразие России. Результаты разработки городской проблематики, полученные отечественными мыслителями в разное время, могут послужить основой для дальнейших социологических исследований города в трансформирующемся российском обществе.

1. *Анциферов Н. П., Анциферова Т. Н. Книга о городе. III. Жизнь города / Н. П. Анциферов, Т. Н. Анциферова. Л.: Издательство «Брокгауз-Ефрон», 1927. 299 с.*
2. *Велихов Л. А. Основы городского хозяйства / Л. А. Велихов. М.: Наука, 1996, 480 с.*
3. *Веретенников П. О фабричных мастеровых и их отношениях к семействам и фабрикантам // Москвитянин. 1841. Часть V. № 9. С. 208-216.*
4. *Вершинина И. А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века. Дисс. … д-ра социол. наук. М.: МГУ, 2022. 477 с.*

5. *Гугуев Д. К. Современная отечественная социология города: проблема фрагментации и интеграции предметного поля // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2024 года. СПб.: Изд-во Скифия-принт, 2024. С. 61-63.*
6. *Диканский М. Г. Проблемы современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилища / М. Г. Диканский; с предисл. В. Я. Белоусова. М.: Вопросы труда, 1926. 91 с.*
7. *Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 1-12.*
8. *Исаев А. А. Большие города и их влияние на общественную жизнь / А. А. Исаев. Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1887. 75 с.*
9. *О мануфактурной промышленности России в отношениях ее к общей производительности и к быту низших классов народа // Москвитянин. 1845. Часть II. № 2. Раздел «Науки». С. 47-70.*
10. *Озеров И. Х. Большие города, их задачи и средства управления: с 15-ю диагр. (публ. лекция) / И. Х. Озеров. 2-е изд., значительно доп. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1906. 135 с.*
11. *Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития. Выпуск 2: Сборник научных трудов / Под ред. Л. М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 228-239.*
12. *Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории России / Н.А. Рожков. 3-е изд., доп. СПб.: Типография и переплетная «Виктория», 1913. 128 с.*
13. *Святловский В. В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Выпуск IV. Жилищный вопрос в России (Очерк жилищных условий) / В. В. Святловский. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1902. 334 с.*
14. *Семенов-тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами / В. П. Семенов-тян-Шанский; Записки Императорского Русского Географического Общества по Отд. Статистики; Т. X, вып. 2 и последний, изд. под ред. д. чл. В. О. Струве. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.*
15. *Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис; пер. с нем. Д.В. Скляднева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.*
16. *Френкель З. Г. Основы общего городского благоустройства / З. Г. Френкель. М.: Изд-во Глав. упр. коммунального хозяйства НКВД, 1926. 264 с.*
17. *Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения А. П. Щапова. В 3-х Т. / А. П. Щапов; под ред. М. В. Пирожкова. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 182-364.*

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В СОЦИОЛОГИИ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Данилов Александр Николаевич
(Белорусский государственный университет)

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы эволюционной теории, раскрывается ее эвристический потенциал, обозначаются контуры новой цивилизации и пути выработки стратегии созидания безопасного будущего в социологии новой современности, которая признана изучать ключевые проблемы разработки и внедрения социокультурных механизмов передачи культурного цивилизационного наследия жизни по законам коэволюции в полной гармонии с Природой, осуществлять поиск ответа на новые вызовы времени.

Ключевые слова: эволюционная теория, современность, цивилизация, кризис техногенной цивилизации, культура.

Современность все время возвращает нас к проблемам эволюционной теории, истории человеческой эволюции. И чем больше нарастают проблемы безопасной жизнедеятельности человека в условиях глобальной нестабильности, экологических кризисов и новых вызовов, тем очевиднее становится неизбежность выработки общепланетарной стратегии упреждения гибели нашей Планеты. На протяжении

длительного геологического времени генеральной линией эволюции было появление все новых и новых форм жизни, которое приводило к повышению устойчивости природных систем и биосферы в целом. Появление новой геологической силы, может быть космической, по словам В. И. Вернадского, которой до последнего времени уделялось незначительное внимание, привело к сокращению биологического разнообразия, естественных природных экосистем. Ускоряющийся прогресс в технологии и в жизни может привести человеческий мир к гибели. Иными словами, стоит вопрос: «Как научиться жить в гармонии с Природой, сможет ли человечество разработать и внедрить такого рода технологии, которые в состоянии предотвратить опасности для развития биосферы и человека?».

В этих чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом со всей очевидностью становится новое видение роли природной среды в жизни человечества. Это свидетельствует о том, что будущее планеты зависит от выбора направлений дальнейшего развития человечества. В ситуации новой современности, которая значительно активизирует процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию развития. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей.

Ныне действующий тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических достижений. В тоже время в ней доминирующую роль играет техника, преобладает потребительский вектор экономического развития, где господствует утилитарный, узкопрактический подход к жизни, где снижается внимание к духовной сфере развития человека, что неизменно приводит к столкновению человека с природой и в перспективе – к глобальному экологическому кризису. Углубление экологического кризиса, со всей остротой ставит в качестве первоочередной задачи проблему выживания человеческой цивилизации, и потому фактическое развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ как определяющего критерия прогресса, а на самосовершенствование человека, на воспитание общечеловеческой ответственности, качеств, открывающих возможность достижения безопасного будущего. К сожалению этого не происходит…

В этих чрезвычайных условиях новой современности, углубления экологического кризиса кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом со всей очевидностью становится приоритетное видение роли культуры в жизни человечества. И прежде всего, следует выделить ее программирующую функцию. Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Конечно, новые ценности начинают формироваться в недрах старой культуры, и человечество крайне заинтересовано в том, чтобы на их базе выросли точки роста новой цивилизации.

Определяя столь высокий потенциал культуры в новой современности, мы по существу говорим и о масштабе возможных перемен, которые определяют направления и профиль новой цивилизации. Конечно, современные технологии несут человеку и новые риски, широкие возможности манипуляции с общественным сознанием, информационного насилия. На современном этапе на роль доминирующего сценария претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада, который основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы

технологического уклада. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала. Хотя, все как раз наоборот, ответом на новые риски должно выступать адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей.

Во многом ответом на новые вызовы и угрозы жизни на Земле выступает теория коэволюции. Пока она смотрится как некая утопия, фантастика. Но приходят времена, когда человечество будет вынуждено наполнить коэволюционную фантазию конкретным содержанием. И это будет вынужденный и болезненный шаг. Н.Н. Моисеев точно заметил: «…наше будущее состоится лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: «человек – элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере». Этот принцип я называю принципом коэволюции человека и биосферы. Его выполнение – необходимое условие сохранения человека на Земле. Его достаточно полная расшифровка – задача большой науки. Я думаю, что в настоящее время это важнейшая проблема фундаментальных знаний. Если XVIII в. был веком механики и пара; XIX в. – веком, когда в мир пришло электричество; XX в. нам принес открытие ядерной энергетики, то главной задачей, которая поднимается во весь рост перед человечеством на грани нового века это проблема коэволюции: как научиться жить на Земле, чтобы Природа и общество могли совместно развиваться. Это высшая задача гуманитарных знаний – знаний, которые будут опираться на современное естествознание, на физику, биологию, химию… Но все-таки это задача, прежде всего, гуманитарных знаний, поскольку речь должна идти о поведении человека, о его способности гармонично вписаться в жизнь биосферы и воспитания в рамках определенных стандартов» [1, с. 175 – 176].

При этом, следует отметить, что все элементы социокультурного целого – экономика, политика, техника, духовная культура – имеют как цивилизационный так и культурный аспекты. В. С. Степин писал: «Я полагаю, что в будущем отношение человека к природе не будет сводиться к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Вероятно, преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранительные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда станет похожа на искусственно созданный парк или сад, который не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека. И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы» [2, с. 29].

Важную роль в достижении безопасного будущего играет и внедрение в сферу промышленного производства природоподобных технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий), способных существенно повысить производительность ресурсов и ориентированных на предотвращение индустриального давления на биосферу. Аддитивные технологии направлены на отбор нововведений и инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

При этом в социологии новой современности, как когда-то при создании первого в истории социологического факультета Чикагского университета (1893) следовало бы

сфокусировать внимание на обосновании стратегии созидания безопасного будущего, разрешении практических проблем социальной экологии, выявлении основ социального консенсуса и упреждения социальных конфликтов. Построение будущего следует осмысливать на позитивных достижениях прошлого, на преодолении негативных явлений человеческой деятельности, на выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом ценностно-духовные ориентации являются основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. Одна из важнейших перспектив развития базовых, мировоззренческих основ общества должна быть связана с возвращением способности осознать смыслы и возможности человеческого бытия, как сложной целостной системы, ответственной за развитие жизни в едином комплексе мироздания.

1. *Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1997. – 210 с.*
2. *Стёпин В. С. Кризис цивилизации и будущее человечества. Доклады и выступления на Международных Лихачевских научных чтениях (1998-2018). – Санкт-Петербург: СПбГУП. 2024. – 192 с.*

«СВОБОДНЫЕ АГЕНТЫ» ЦИФРОВОГО СЕГМЕНТА ЗАНЯТОСТИ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПРЕКАРИАТУ

Елышев Егор Игоревич
(ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»)

Аннотация: В материале рассматривается концепция Д. Пинка о «свободных агентах», которую, в контексте всё большего распространения цифровой занятости в наши дни, можно противопоставить идеям об отнесении электронных фрилансеров к прекариату.

Ключевые слова: «свободные агенты», цифровая занятость, фриланс, электронные фрилансеры, прекариат.

На сегодняшний день не осталось сфер общественной жизни, в которые не проникли бы процессы глобализации и цифровизации. Меняется и сфера труда – активное распространение получает, например, цифровая занятость, к формам которой можно отнести электронный фриланс [1, 93].

Из-за зачастую неустойчивого положения электронных фрилансеров на рынке труда, ряд исследователей, среди которых и Ж. Т. Тощенко, считают их кандидатами в прекариат – общность социально-неустроенных людей с минимумом социальных гарантий [3]. Однако совершенно другой взгляд на современных электронных фрилансеров может сложиться, если рассматривать их положение через призму теоретической концепции «свободных агентов».

Сама концепция авторства американского писателя Дэниела Пинка изложена им в вышедшей в 2001 году книге «Нация свободных агентов: как новые американские независимые работники меняют наш образ жизни» [6]. В процессе подготовки материала, путешествуя по США, автор провёл личные интервью с несколькими сотнями автономных работников.

«Свободных агентов», которые по мысли Д. Пинка следует воспринимать как странствующих экспертов, автор противопоставляет традиционным работникам найма. Первые не вписываются в устоявшееся понимание категории «сотрудник». «Свободные агенты» – и свои собственные работодатели, и свои собственные сотрудники. Автономный и внеорганизационный характер их занятости вынуждает их к максимальному уровню самоорганизации в своей трудовой деятельности – от поиска контрагентов (покупателей их навыков) и заказов, до временных и пространственных аспектов своей занятости. В этом, согласно Пинку, и заключается ключевая особенность этого нового архетипа экономики: вместо преданности организации-работодателю, для «свободных агентов» характерна высокая лояльность самим клиентам; вместо типичной организационной направленности на масштабирование и рост, они зачастую переосмысливают понятие успеха и находят его в отсутствии масштабирования.

Автор также пишет о затруднённости количественного определения размера рабочей силы «свободных агентов», поэтому для большего удобства делит их на три группы: «солисты», которые добровольно выбирают работать от проекта к проекту; «временные», которые не по своей воле берутся за эпизодические подработки и скорее предпочетшие бы изменить свой статус; «микропредприниматели» с одним-двумя сотрудниками [2, 72 – 73].

Пинк признаёт, что экономика «свободных агентов», действительно, делает работников менее защищёнными, но те из них, кто имеют диверсифицированный портфель из нескольких клиентов, заказчиков и проектов, часто оказываются в большей «безопасности», даже чем традиционные сотрудники. Автор подчёркивает, что источник неравенства заключается не в том, работает человек в найме или самообеспечивает себя трудовой деятельностью. Источник неравенства заключается в том, есть ли у работника востребованные навыки или нет, и может ли он подобающим образом преподнести свои умения на рынке или нет [4].

Обозначенное коррелирует с концепцией «экономики навыков», согласно которой на сегодняшний день фокус внимания работодателей всё больше смещается с формальных «корочек» об образовании соискателей на их навыки и реальный опыт по их применению [5, 161]. Согласно Д. Пинку такой поворот на рынке труда обуславливается кризисом отставания знаний, преподносимых в образовательных учреждениях, от актуальной ситуации в профессиональных сферах. В итоге, сфера образования мало адаптирована к экономике «свободных агентов».

Другим риском является своеобразная изоляция из профессиональных сетей, однако рост количества таких работников, по мнению Пинка, всё равно приведёт к формированию общности.

Таким образом, в основном концепция фокусируется на скорее позитивных аспектах автономного статуса, а не на тех, которые позволяли бы отнести занятых подобных образом исполнителей к прекариату. Несмотря на то, что книга была опубликована ещё на заре развития электронного фриланса и бирж удалённой работы, задолго до рассвета сервисов по заказу такси и доставки еды, до прочного вхождения в научный обиход таких понятий как «гиг-экономика» и «платформенная занятость», по нашему мнению, Д. Пинк очень точно уловил те тенденции, которые стали одними из определяющих в современной экономике.

Идеи Д. Пинка о «свободных агентах» можно активно применять в качестве теоретического подхода при рассмотрении получающей всё большее распространение цифровой занятости и электронного фриланса. Фокус не столько на рисках, сколько на

потенциальных возможностях автономных самостоятельно занятых работников актуален при рассмотрении процессов на современном рынке труда.

1. *Короленко Ю. Н., Романюк Е. В. Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда // Научный результат. Экономические исследования. 2025. Т. 11. № 2. С. 93-105. https://doi.org/10.18413/2409-1634-2025-11-2-0-8*
2. *Патырбаева К. В. Америка в поисках новой идентичности: концепция свободного агента Д. Пинка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. №1. С. 70-80.*
3. *Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Ж. Т. Тощенко; Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.*
4. *Englin S. Two Decades of Free Agent Nation // Medium. 2019. URL: https://shaynabe.medium.com/two-decades-of-free-agent-nation-47db3d4c4687 (дата обращения: 09.10.2025).*
5. *Iyer Y. V., Saxena K. K. Socio-Economic Impacts and Environmental Factors of Shifting Labour-Markets Towards Skill-based Employment with Emphasis on Indian Migrant Workers // International Research Journal of Economics and Management Studies. 2024. Т. 3. № 2. С. 161-169. https://doi.org/10.56472/25835238/IRJEMS-V3I2P121*
6. *Pink D. H. Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. New York: Warner Books, Hachette Book Group, 2001. 368 с.*

РЕЖИМ РАБОТЫ ВСЕГДА «НА СВЯЗИ» КАК ЧАСТЬ КЛАССОВОЙ СИТУАЦИИ

Епихина Юлия Борисовна
(ФНИСЦ РАН)

Понятие классового положения (или ситуации) было введено М. Вебером при определении класса: «Класс (Klasse) – любая группа индивидов, находящихся в одинаковом классовом положении» [1, 351]. Позднее оно было использовано Д. Локвудом в исследовании офисных работников [2], в котором он дифференцировал классовую ситуацию на две компоненты: рыночная ситуация (market situation) и рабочая ситуация (work situation). Новация Локвуда была использована Дж. Голдторпом при разработке классовой модели для исследования социальной мобильности в Великобритании [3]. Таким образом, понятие классовой ситуации (или классового положения) закрепилось как часть классового анализа в рамках неовеберианской традиции.

Наряду с этим понятие классовой ситуации применялось и в неомарксистской традиции для анализа классовой структуры. Р. Блом при анализе классовой структуры финского общества, изучаемой в рамках исследования международного сравнительного проекта Э.О. Райта, определял классовую ситуацию (class situation), исходя из трёх компонентов: рабочая ситуация, воспроизводство и связь между рабочим и нерабочим временем [4]. В целом, начиная с К. Маркса, контроль за рабочим временем носил классовый характер и был связан с усилением эксплуатации рабочего класса. В работах 1970-х годов подчёркивалось, что каждый новый виток развития технологий приводил к усилению контроля за рабочим временем рабочих, а, следовательно, и к усилению эксплуатации. В условиях цифровизации система контроля, сформированная в рамках фордистской, индустриальной организации труда, трансформировалась в новую форму темпорального контроля, затрагивающего в первую очередь классы руководителей и специалистов.

Данные исследования «Социальные различия в современном российском обществе» (проведено при поддержке РНФ, грант № 24-18-00450; сайт проекта: https://new-inequalities.tilda.ws/structure) позволяют установить, как цифровые технологии трансформировали классовые различия в структурации рабочего времени. Данные

показывают, что различные проявления режима «всегда на связи» (необходимость отвечать на письма, отвечать на сообщения в мессенджерах и др. даже после окончания рабочего дня) образуют единый цифровой стиль, при котором граница между рабочим и нерабочим временем оказывается проницаемой, позволяя работе захватывать и нерабочее время. Причём более характерным такой стиль является для руководителей высшего и среднего звена, а также специалистов высшей и средней квалификации. Помимо цифрового, сохраняется и традиционный стиль переработок через физическое присутствие (ранние приходы, задержки на работе), при котором нарушается продолжительность рабочего дня, связанная именно с присутствием на рабочем месте. В этом случае классовые различия не столь ярко выражены, как в случае с цифровым стилем «всегда на связи», но тем не менее они присутствуют.

Таким образом, социальные классы различаются в организации границ между рабочим и нерабочим временем. В эпоху цифровых технологий произошла инверсия классовой привилегии: если в индустриальную эпоху офисные работники имели преимущество в автономии и контроле времени, то сегодня именно рабочие классы обладают более чёткими границами между рабочим и нерабочим временем. Специалисты и менеджеры, формально обладая большей автономией, фактически теряют право быть недоступными. Таким образом, границы темпорального контроля становятся новым измерением классового неравенства, причём действующим в направлении, противоположном традиционным представлениям о классовых привилегиях.

1. *Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Общности. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2017. 429 с.*
2. *Lokwood D. The blackoated worker. L.: Allen & Unwin, 1958. 224 p.*
3. *Goldthorpe J.H. Social mobility and class structure in modern Britain. Oxford: Clarendon Press ; NY.: Oxford University Press, 1980. 377 p.*
4. *Blom R. The relevance of class theory // Acta sociologica. 1985. Vol. 28. № 3. P. 171–192.*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЛОТФОРМЕННОГО ПОДХОДА В ОБЛАСТИ ПОЗНАНИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Зарубин Валерий Григорьевич
(Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена)

Современность – время сочетаний нескольких типов турбулентности (политической, экономической, социальной). В результате, социальность теряет четкие очертания границ, а ее прежние формы подвергаются значительным трансформациям. Социальная турбулентность, вызванная в том числе и технологическими изменениями, проявляется в нестабильности, неопределенности, т.е. в том, что люди теряют возможность управлять действительностью. Турбулентность ведет к переосмыслению реальности представителями разных социальных групп, изменениям в социальных структурах, в отношениях между людьми. Устоявшиеся представления теряют внутренний смысл. Перед социологом открывается возможность обнаружения новой реальности в ситуации, когда неизведанные социальные формы обретают контуры новой нормальности. В научном дискурсе утвердились понятия «информационное общество», «сетевое общество», «цифровое общество», которые раскрывают природу неопределенности. Динамика изменений в цифровой сфере открывает возможность для

дальнейшего осмысления реальности. Речь идет о методологии исследования цифровых феноменов, их воздействии на публичную сферу жизни общества.

Что же из себя представляет экономическая и политэкономическая методологии изучения цифровых платформ? В результате укоренения цифровых платформ в современном социальном пространстве, расширения их влияния на повседневные практик, включая систему образования, сегодня происходит масштабная трансформация цифровых индустрий и вытеснение привычных для индустриальной эпохи организации работы социальных институтов, включая образование, во многих сферах жизни. Цифровая платформа становится моделью гегемонии: города должны стать «умными», бизнес – прорывным, рабочие – гибкими, а правительства – бережливыми и «интеллектуальными». Действие платформ на рынке труда приводит к снижению входных барьеров с одновременной дестандартизацией занятости. В условиях действия платформ в структуре экономических отношений нарастает зыбкость, т. е. наряду с высоким уровнем автономии работники теряют гарантии занятости и социальной защиты. Традиционный индустриальный капитализм основывался на переработке природного сырья. В ходе этого процесса происходит соединение труда работников со средствами производства. В условиях платформенного капитализма происходит освобождение от физических носителей. Главным сырьем становятся данные о поведении работников. Пользователи совершают различные действия на платформах, оставляя цифровые следы. Они не являются наемными работниками, а превращаются в производителей основного сырь. Следовательно, платформа – это гибридная организационная форма, возникшая в экономической сфере.

Применимы ли экономические и политэкономические методы исследования «цифровых платформ» в социологии? Нам представляется, что это вполне возможно, но для этого необходимо осуществить переход от технологического к социальному пониманию феномена «цифровые платформы».

С точки зрения экономической методологии «цифровая платформа» (от таких крупных как GoogleMaps, Facebook (продукт корпорации Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации), Amazon, облачных хранилищ данных, до стриминговых сервисов и разнообразных он-лайн сервисов) представляет собой программируемую инфраструктуру, обеспечивающую цифровые возможности для взаимодействия агентов в социальном пространстве.

Взаимодействия такого рода маркируют переход от фирм к платформам, способствуя распространению «бизнес-модели» высшего образования. Такая модель высшего образования строится на извлечении и использовании особого типа сырья – данных, генерируемых взаимодействиями агентов на «цифровой платформе» [9]. С точки зрения социологии, цифровые платформы – это подвижные социальные каркасы, которые умеют настраиваться и перенастраиваться, либо в силу меняющихся условий жизни, либо под воздействием реформ и управленческих решений.

Иными словами, с точки зрения экономической теории, платформа – это цифровое обнаруживает, что цифровые платформы – это пространство взаимодействия экономических агентов. Социологический ракурс обнаруживает, что оказываются пространствами не только экономического взаимодействия, но также и социального взаимодействия различных агентов. При этом сами платформы образуют пространство организаций-гибридов, продуцируя действия, которые инициируют формирование новых социальных групп и сообществ.

ЦИФРОВАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГИБРИДНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Зотов Виталий Владимирович
(Московский физико-технический институт)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00716 «Цифровая маргинализация в условиях социотехнической конвергенции»)

Осмысление социальных структур и процессов современности требует от социологии постоянной рефлексии над собственным концептуальным аппаратом. Классические теории модерна, описывавшие переход от традиционного общества к индустриальному, сегодня сталкиваются с вызовами новой, «гибридной» реальности, где социальное и технологическое не просто сосуществуют, но взаимно конституируют друг друга. Гибридная повседневность формируется под влиянием цифровых технологий, объединяющих онлайн и оффлайн практики в единую структуру социальной реальности.

Центральным процессом, определяющим характер новой современности, становится **социотехническая конвергенция**. Это не просто внедрение технологий в социальную жизнь, а глубокое переплетение и взаимная трансформация социальных и технологических элементов. В результате формируется гибридная социотехническая реальность, которую невозможно адекватно анализировать, опираясь исключительно на социальные или технические дисциплины. Эта гибридность порождает новую повседневность, где онлайн- и оффлайн-практики неразделимы, а цифровые платформы становятся инфраструктурой социального взаимодействия, экономики и управления.

Именно в этом гибридном пространстве возникает и проявляется **цифровая маргинализация**. В отличие от понятия «цифрового разрыва» (digital divide) [4], фокусирующего внимание на неравенстве доступа к технологиям, понятия «цифровой компетентности» (digital competencee) [1], указывающего на способность эффективно использовать цифровые инструменты для решения повседневных задач, и термина «цифровой эксклюзии» (digital exclusion) [5], обозначающего полное выпадение из цифровой среды, понятие «цифровая маргинализация» подразумевает пребывание на границе традиционного и гибридного миров.

Термин «маргиналы» обычно ассоциируется с людьми, находящимися вне основного общества, испытывающими трудности адаптации и интеграции. Социальный маргинал традиционно определяется как индивид, находящийся на периферии социальной жизни, либо вытесненный из привычной среды, либо оказавшийся в процессе адаптации к новым социокультурным условиям, например, после переезда из деревни в город.

В условиях цифровой эпохи концепция маргинализации приобретает дополнительное значение, характеризуя положение тех лиц, которые оказываются на границах современного гибридного пространства. Это пограничное состояние характеризуется потерей ориентации, негативными субъективными переживаниями и снижением способности к полноценной жизнедеятельности в социуме [2].

Это состояние нахождения «на обочине» цифрового социума, характеризующееся не столько отсутствием доступа, сколько неспособностью или нежеланием интегрироваться в доминирующие цифровые практики. Маргинал в цифровую эпоху – это не тот, у кого нет смартфона, а тот, кто, имея его, испытывает депривацию и отчуждение в стремительно усложняющейся цифровой среде.

Невозможность полноценно интегрироваться в цифровое пространство ввиду технических ограничений, недостаточности знаний или финансовых ресурсов формирует **первую категорию** цифровых маргиналов. В этом случае цифровая маргинализация представляет собой «отторжение» (намеренное или случайное) определённой группы пользователей из цифровых онлайн-сервисов, что влечёт за собой дополнительные, косвенные и долговременные социальные последствия именно для этой группы. Представители этой группы объективно ограничены в доступе к основным инструментам коммуникации в рамках гибридного общества.

Вторая группа характеризуется наличием формально доступного подключения к сети Интернет, однако ограничивается рамками персонифицированных фильтров, навязываемых алгоритмами контент-платформ. Подобные механизмы персонализации создают «эхо-камеры», сужающие спектр воспринимаемой информации до уже сформировавшихся убеждений и предпочтений пользователей. Человек, даже находясь в цифровой среде, оказывается запертым в информационной капсуле, созданной алгоритмами цифровых платформ, подстраивающимися под его существующие убеждения. Эта капсула, будучи комфортной на первый взгляд, изолирует его от плюрализма мнений и альтернативных точек зрения, формируя искажённую картину реальности.

Таким образом, цифровая маргинализация возникает как результат ограничения возможностей для эффективного включения в социум посредством технологических препятствий или принудительной изоляции в рамках ограниченной цифровой среды. Подобное состояние приводит к утрате навыков полноценной социальной интеграции и препятствует полноценному восприятию окружающей реальности.

Данные опроса 2024/25 годов, включившего 1060 респондентов старше 14 лет с квотированной выборкой полу и возрасту, показывают, что респонденты с низким уровнем цифровой компетентности значительно чаще испытывают чувства растерянности, тревоги и беспомощности как от использования цифровых сервисов, так и от жизни в цифровом обществе в целом. Для России эта проблема стоит особенно остро. Стремительная и подчас непоследовательная цифровизация порождает цифрофобию. По данным ВЦИОМ, россияне воспринимают цифровую среду гибридного общества как зону личных рисков: в приоритете – безопасность данных и приватность, далее следуют риски, связанные с правовыми гарантиями и надёжностью цифровой инфраструктуры [3]. В своих ответах респонденты, проведённого нами исследования, в большей мере констатируют, что перестали ориентироваться в происходящих социальных процессах. При этом мотивация к освоению новых технологий у этой группы часто носит вынужденный, внешний характер, а не является следствием внутренней интеграции в цифровую культуру. Часть населения, особенно начинающие пользователи и представители старшего поколения, оказывается в положении «цифровых маргиналов» не по экономическим, а по социокультурным причинам. Они оказываются вне гибридной повседневности, что ведёт к усилению их социальной изоляции и росту аномии.

Таким образом, изучение цифровой маргинализации требует новой методологии, способной ухватить логику гибридной повседневности. Социологическое исследование должно учитывать не только объективные показатели (наличие устройств, частоту использования), но и субъективные переживания, эмоции, мотивационные структуры индивидов, их способность к адаптации в условиях социотехнической конвергенции. Теоретический анализ российского общества сегодня невозможен без понимания того, как цифровизация, выступая драйвером модернизации, одновременно порождает новые

формы маргинальности, воспроизводя на новом уровне старые дилеммы между традицией и преобразованием.

1. *Добринская, Д.Е. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва / Д.Е. Добринская, Т.С. Мартыненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 108-120. – https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120. – https://elibrary.ru/VUHAGN.*
2. *Зотов, В. В. Проявление цифровой маргинализации при вхождении в гибридное пространство современного общества (на примере начинающих пользователей) / В.В. Зотов, К.Э. Гаврильченко, А.В. Губанов // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 110-127. – https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-7. – https://elibrary.ru/FPOANS.*
3. *Индекс цифрофобий [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – URL https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-cifrofobii (дата публикации: 06.10.2025, дата обращения: 10.10.2025).*
4. *Flanagan, P. Digital Divide // Encyclopedia of Information Science and Technology, Fourth Edition / Ed. by M. Khosrow-Pour. – Hershey, PA: IGI Global Scientific Publishing, 2018. – P. 4619–4628. – DOI: https://doi.org/10.4018/978-1-5225-2255-3.ch401.*
5. *Park, S. Multidimensional Digital Exclusion and Its Relation to Social Exclusion / S. Park // Vulnerable People and Digital Inclusion / Ed. by P. Tsatsou. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 75–93. 2022. P. 75-93. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94122-2_4*

ДИАЛЕКТИКА СОВРЕМЕННОСТИ В СОЦИОЛОГИИ XX – XXI ВЕКОВ

Иванов Дмитрий Владиславович
(СПбГУ)

Представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда, грант № 24-18-00261

Понятие современности (Modernity) как особого типа социальной жизни и устройства общества, а не просто хронологического момента, сформировалось в результате развития теорий модернизации в середине прошлого века. Линейные по своей логике теории модернизации создавались в качестве альтернативы влиятельной в то время марксистской концепции общественного развития с положенной в ее основу диалектической логикой. Ядро всех теорий модернизации составляет бинарная оппозиция «традиционность – рациональность», взятая у М. Вебера и получавшая новые интерпретации по мере появления новых теоретических моделей современности у М. Леви, Ш. Айзенштадта, Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана [1 – 6]. В этих моделях современность представлена в позитивном и позитивистском ключе, что расходится с идеями Вебера, который указывал на тенденцию превращения рационализации социальной жизни в собственную противоположность – скованность «железным панцирем» формальной рациональности и бюрократического ритуализма. Этот диалектический, по существу, переход у Вебера был взят в качестве отправной точки в неомарксистской критической теории Франкфуртской школы. В «Диалектике просвещения» М. Хокркхаймера и Т. Адорно [7] и в «Одномерном человеке» Г. Маркузе [8] веберовская диалектика рационализации и рационального господства интегрирована с марксовой диалектикой развития капитализма и борьбы за эмансипацию. Перманентная негативная диалектика превращения рациональности в собственную противоположность – это наиболее адекватная модель социокультурных процессов, образующих современность как во времена Маркса и Вебера, так и в наши дни.

В XX веке критика формальной, инструментальной, технологической рациональности убедительно представляла диалектику современности. В XXI веке критическая теория должна продвигаться дальше, исходя из выявленной основателями Франкфуртской школы историчности рациональности. Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента – единичного и относительно простого объекта – орудия для продуктивной деятельности или средства манипулирования другими людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений, как в «Эросе и цивилизации» у Маркузе [9], или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики, как в «Теории коммуникативного действия» у Хабермаса [10].

Понятие технологической рациональности у Маркузе создано уже в совершенно другом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность – концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Альтернатива – посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность / телесность и разум, выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры, меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества критической теории требуется переход от концепции технологической рациональности к новой форме, которую можно определить как алгоритмическую рациональность. Применительно к постиндустриальному обществу *алгоритмическая рациональность* – это новая логика господства. Алгоритмическая рациональность является схемой восприятия реальности как динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, задающей последовательность решения стандартных задач. Именно эта форма рациональности сейчас отражает и форматирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях постиндустриального капитализма сетей и потоков.

Экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к росту не учитываемых и не компенсируемых трудозатрат пользователей, а главное, к тому, что алгоритмическая рациональность замещает коммуникативную рациональность, человеческую субъективность и субъектность. Особенно это заметно в буме внедрения так называемого искусственного интеллекта. Сетевые платформы, организуя выдачу данных в соответствии с моделируемыми по их персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами

платформ схем. Многообразные дроны, боты, нейросети также редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к быстрому подбору простого решения из доступной массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой программистов и менеджеров. Искусственный интеллект сегодня – это отчужденное бытие заурядного разума. Вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие.

Искусственный интеллект сейчас фетишизируется, в том числе социологами, а нужно сделать его предметом критического анализа в рамках общей и важнейшей для критической теории проблематики – концептуализации сопротивления и альтернативы господству алгоритмической рациональности. В первом приближении альтернативой алгоритмичности можно представить *аритмичность* жизни, не подчиненной ритмам, навязываемым через цифровые платформы и гаджеты. Интуитивное понимание цифровых технологий как средств контроля и частичный уход из-под контроля алгоритмов, поворот от виртуальности к телесности и непосредственности опыта изредка входят в повседневные практики немногочисленных пользователей. Их стихийный «малый отказ» далек от маркузеанского «Великого отказа» [8], но в полном соответствии с классическим проектом критической теории в эмпирически фиксируемых, пусть и маргинальных практиках саботирования, замедления цифровых ритмов, сопротивления их контролирующей силе должна быть найдена реальная основа для новой утопии эмансипации.

Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, исключаемых из одномерного общества – контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» [8]. К началу XXI века антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприирована и превращена в нормативную основу репрессивной многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологистские, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т. п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу теперь стали социально и политически старыми. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации / цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в активной поддержке именно леволиберальными партиями и общественными деятелями неадекватных санитарных и карантинных мер, выведших принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Перспектива эмансипации теперь – в диалектическом отрицании виртуализации и цифровизации, перешедших в режим социальной рутины. Нужно выявлять потенциал сопротивления и освобождения в тенденциях поствиртуализации в суперурбанизированных центрах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки и потому виртуализация и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все больше становится физическое соприсутствие,

тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций. Этот ценностный сдвиг и порождает тенденции поствиртуализации.

В контексте процессов поствиртуализации тотализирующие цифровые платформы являются архаичными. Уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего. Неотрефлексированный и неполитизированный бунт аутентичности против тотальной виртуальности проявляет себя в повседневных практиках создания дополненных социальных реальностей. Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный цифро-физический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а вводит ее в разумные рамки и ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Таким образом, после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [11], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented Modernity).

Дополненная современность локализована в суперурбанизированных центрах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (welfare state), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, переводит общественную жизнь в режим «истощенной» современности (exhausted Modernity). Диалектика дополненной современности и истощенной современности – это новое структурное

противоречие, новое измерение социального неравенства и отправная точка для развития критической теории.

Анализ структурных противоречий позволяет выявить объективно существующий потенциал эмансипации, ухода из-под власти алгоритмической рациональности. Однако главной проблемой критической теории общества в сегодняшнем обществе остается та же, что была и во времена Хоркхаймера и Маркузе. Неомарксистская критическая теория развивалась, движимая разочарованием в революционной субъектности пролетариата и левых партий и в поисках нового политического субъекта эмансипации. Революционная субъектность новых левых и контркультуры была явно переоценена. И теперь отсутствие политической субъектности должно не повергать в теоретическое отчаяние, а указывать на бесперспективность поисков драйверов трансформации в сфере политических институтов и движений, которые после виртуализации остаются лишь структурами имиджевого воспроизводства, символической легитимации алгоритмического управления. В XXI веке «революционеров» и «партизан» следует искать в повседневности, в микрополитике сопротивления социальной рутине.

После «Великого отказа» новых левых в 1960-х и «Великого исхода» кибер-активистов в 1990-х гг. социальными партизанами становятся те относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют «малые исходы» в направлении поствиртуализации: молодежь (digital natives), сбегающая в реальность жизни и избегающая цифровой архаики; мигранты из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков; саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их. Бунт аутентичности против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности возникает из множества микробунтов и микродвижений.

Бунт аутентичности против виртуальности может вести к созданию множественных цифро-физических мини-платформ как альтернативы отчуждающим цифровым супер-платформам, может вести к возникновению множества практик свободных от их алгоритмов. Но бунт аутентичности не является источником для позитивной социетальной утопии. Социетальной утопией были концепции современности, рефлексивной современности, множественных современностей. Социальной дистопией была концепция постсовременности (Постмодерна). Диалектическая связка дополненной современности и истощенной современности является моделью, в которой бунт аутентичности предстает драйвером развития в направлении будущей тотальности господства, а не глобальный проект общества свободы после цифровизации.

Маркузе в «Одномерном человеке» уже показал, что предлагающая любую позитивную альтернативу критическая теория сама быстро поглощается и утилизируется в виде аффирмативного дискурса в системе новых форм контроля, поддерживающих отчужденное бытие. Но имманентная критика и субъектность в абсорбирующей любые противоречия и альтернативы тотальности господства все же возможны. Эта возможность коренится в разной динамике критической субъективности / субъектности и объективированных структур. Подвижность и аритмичность субъекта выводят его из подчиненности стабильным и монотонным объектностям. Свобода утопична как состояние, но реальна как уход в отрыв, как перманентное усилие и движение, интенсивное и опережающее процесс абсорбции альтернативных практик новыми формами социального контроля.

Критическая теория, чтобы не вырождаться в разновидность традиционной и в аффирмативный дискурс, должна быть диалектической перманентно. А диалектика – это опережающее движение за пределы обыденной реальности, а не просто фиксация «амбивалентности», противоречивости реальности. Реальность сейчас – это господство алгоритмической рациональности, социальная рутина цифровизации и создание дополненных социальных реальностей в виде цифро-физических платформ, автоматизированных коммуникаций, проектов и ивентов, соединяющих старые структуры современности – институты и интеракции, с новыми – сетями и потоками. Сопротивление алгоритмической рациональности и мобилизация бунта аутентичности и истощенной современности – шанс для критической теории и альтер-социальных движений изменить современность и одновременно потенциал развития структур господства. Новая современность – это и дополненная современность, и истощенная современность, и их грядущая трансформация в нечто третье. Такова диалектика современности в XXI веке.

1. *Levy M. Modernization and the Structure of Societies. Princeton: Princeton University Press, 1966.*
2. *Eisenstadt S. Tradition, Change, and Modernity. New York: Wiley, 1973.*
3. *Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.*
4. *Eisenstadt S. Multiple Modernities. Daedalus. 2000. Vol. 129. No 1: 1-29.*
5. *Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications, 1992.*
6. *Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.*
7. *Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947.*
8. *Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston: Beacon, 1964.*
9. *Marcuse H. Eros and Civilization. Boston: Beacon, 1955.*
10. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1981*
11. *Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.*

КОНЦЕПТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕОРИИ ГИБРИДНОГО СОЦИУМА: ОТ ОНТИКИ К ОНТОЛОГИЗАЦИИ

Игнатьев Владимир Игоревич
(Новосибирский государственный технический университет-НГТУ-НЭТИ)

В последнее время в отечественной социологии активизировался интерес к обсуждению проблем социальной онтологии, в том числе о природе и сущности социального [1]. Социология, опираясь на фундаментальные положения общей теории социального (социальную онтологию), традиционно изучает его исторические и локальные формы. Так продолжалось вплоть до начала XXI века, когда стал происходить метаморфоз уже не с очередной формой коллективности, а с ее субстратом – метаморфоз и перерождение самой морфологии социальной жизни. Состав человеческого общества становится *теперь уже другим.* И он уже не исключительно человеческий.

Устройства с искусственным интеллектом (ИИ) начинают выполнять социальные роли и становиться подобными субъектам особого технического рода – техносубъектами [2]**.** Есть основание рассматривать содержание современных социальных изменений, не только как процессы, происходящие внутри социума людей, и трансформации индивидов в гибридные технобиологические существа, но и как морфогенез социальных множеств нового класса, состоящих из агентов нового вида социальности. Это переход к новому – гибридному – виду социума [3]. Концептуализация гибридного социума предполагает разработку социальной онтологии, в основу которой должен быть положен концепт

сущности, выражающий строение новой тотальности. Эта тотальность должна «присутствовать» и эмпирически обнаруживаться во всех сторонах и проявлениях социальной жизни. Описания феноменов современности и все медиапространство перегружены такой семантической конструкцией как ИИ. И как знак, повсеместно проникший в коммуникации, и как инструмент практик, ИИ стал символом современности. Он присутствует везде и все постепенно становится его эманацией. Его семантика выражает тотальность эмпирического многообразия измененных социальных практик, в которых формируется будущее. Но эта эмпирическая тотальность подсказывает возможность концептуализации феномена ИИ. Сошлемся на наиболее известный случай создания фундаментальной социальной теории: обнаружение факта эмпирически фиксируемого и тотально распространенного товарного отношения позволило К. Марксу избрать социальный феномен «товар» в качестве исходной «клетки», простейшего элемента конструирования теории прибавочной стоимости и капиталистической формации. Но также как товар это не вещь, а отношение между людьми, так и ИИ в социальной онтологии должен быть представлен как отношение между людьми по поводу этого особого артефакта. Полагаю, что одним из возможных оснований обновленной теории современного социума может стать концепт ИИ. Впрочем, предварительно необходимо уточнить его онтологический статус: не только определение того, *что* есть нечто, но и *как* оно *представлено субъекту в практиках и в познании*.

Искусственный интеллект: от онтика к онтологизации. Гипостазирование Вычислителя. Вычисляющее устройство, получившее в 1950-е годы в процессе игр с метафорами имя «искусственный интеллект», стало одним из мощнейших по воздействию на современное общество артефактов цивилизации. Вероятно, уже само это *имя* было и остается одной из причин сохраняющегося расхождения в его интерпретациях – как имени либо с референтом, либо же без такового – т.е. симулякра. Социологии принципиально важно получить ответ на вопрос: обладает ли некий объект (материальный или символический) качеством воздействовать на человека и изменять его поведение, т.е. является ли он “социальным фактом” и особым видом социального агента. Онтологический ракурс рассмотрения требует ответа на вопрос: как адекватно воспринимать *существование ИИ* как нечто встроенное в машину, и вообще, что значит – ИИ существует? Каково это – «его существование», обладает ли он самостоятельным бытием, или же представляет очередной эпифеномен – нечто производное от каких-то более значимых практик или просто лишь усложненных схем операций по вычислению? *Что* под именем ИИ воздействует на человека? Как нужно «смотреть» на ИИ? И что значит – *смотреть*? Смотреть – значит *рассматривать форму самопрезентации* ИИ. Значит – видеть (и воспринимать) не *что*, а *как* демонстрирует *устройство с* ИИ как некий объект, с которым человек не просто коммуницирует, а вступает во взаимодействие – как материальный объект, с другим материальным объектом, что предполагает отождествление этого «Другого» с чем-то подобным самому себе. Поэтому его внешняя форма и оболочка – «тело», через которое ИИ сообщает нечто другому «телу» – имеет особое значение для человека. Ведь он выстраивает отношения с ИИ как с реальным и гетерогенным объектом, представленным ему не только в воображении, в визуальных восприятиях, но и в ощущениях при оперировании с ним, которого он еще и делает антропоморфным в практиках коммуникации. Так происходит мыслительная *эманация* ИИ – как символа *процедуры* вычисления – в объект, как фиксируемый в воображении *облик некой машины* – Вычислителя.

Но воображение идет дальше и вполне и настоятельно утверждает возможность совершать с этой машиной/образом некие манипуляции не только мыслительного, но и

вполне физического характера. Происходит преобразование образа Вычислителя согласно логической процедуре *гипостазирования* – придания *понятию атрибута* «вычисление» статуса «*понятия» о неком модусе бытия*. Создается *онтика* – концепт о предположении реального существования некоторой умозрительной сущности. Онтики существуют в нашем сознании как коннективистские (извлеченные из сетей дискурса) модели некоторого фрагмента реальности. Существующие описания ИИ как феномена представляют собой умозрительные и произвольные концепты (понятия и их определения), взятые из практик описания вычислительных технологий. И во всех этих определениях-концептах ИИ предстает не как обладающий самостоятельной сущностью объект, а как атрибут или функция более сложного объекта, обладающего бытием (существующего) вычисляющей машины.

Таким образом, ИИ, так как он представлен в описаниях – «не существует», существует его онтика – умозрительная модель, составленная из атрибутов различных объектов: сознания (интеллекта) как атрибута человека; вычисления как функции машины для вычислений. Оперируя с функциями Вычислителя, человек представляет, что они подобны операциям с феноменами сознания. Постольку и не очевидно признание существования ИИ как объекта, т.е. обладающего сущностью. Но индивиды, взаимодействуя с «нечто» под именем ИИ, более чем очевидно ощущают его присутствие и воздействие как объекта обладающего бытием (существующего). Это же происходит в эпистемологии при оперировании с понятием ИИ и его описаниями, что есть операция гипостазирования (онтологизации) онтики, т. е. превращение концепта ИИ в онтологию ИИ – в его теорию.

Происходит предметная эманация сущности ИИ, когда она через практику превращается в часть мира практик человека. При этом дополняя в этих манипуляциях Вычислитель (как операцию) отношением к нему как некоему агенту – участнику совместных действий. И все дальнейшие операции индивид совершает с такой обновленной презентацией Вычислителя. Эта презентация становится уже вполне органично включенной в предметный мир индивида и становится частью его окружения. И в онтологии ИИ предстает не только как объект, но и как субъектоподобный актант – активный участник взаимодействий с человеком. Тем самым ИИ проявляет себя не как вещь, а как отношение. Но это особое гибридное отношение – «онтологический треугольник»: человек’ – ИИ – человек’’.

В онтологии *из процедуры* вычисления ИИ преобразуется в вычисляющий *объект – машину*. Этот объект многолик, и описание его многоликости определяется не только характеристикой многообразных *материалов*, из которых он собран, но и многообразием *образов* вычислителя, фиксируемых при его использовании. И картина его дальнейшего существования – это описание бесконечного совершенствования машин для вычислений и продуктов человеческих фантазий, разыгрывающих сцены встраивания Вычислителя в жизнь людей. Это – в онтологии, а в реальности *критическим шагом становится превращение Вычислителя в социального агента и актора социальных взаимодействий. Логика* конструирования *онтологии* ИИ позволяет понять *логику развития* самого *феномена* ИИ. Как агент ИИ всегда представлен человеку в виде материальных объектов как синтез ИИ с устройствами: ИИ-робот, ИИ-бот, ИИ-чат-бот, ИИ-компьютер, ИИ-смартфон и проч. Но ИИ должен был «найти» свое «тело» не только в машине, но будучи по происхождению подобием человеческого интеллекта (искусственной логикой) неизбежно воплотиться в какой-то форме в человеческом теле. Так ИИ становится основой формирования социальных агентов нового вида и запускает

процесс морфогенеза постчеловеческого общества, начальной стадией которого становится симбиоз социальных агентов двух типов – людей и техносубъектов.

Формируются два вида гибридов: 1) симбиотики – симбиоз людей и техносубъектов, с сохранением и возрастанием автономии техносубъектов, и 2) синтетические гибриды – собственно гибридные образования – биотехнохакеры, синтез людей с технологиями ИИ. Все эти агенты участвуют в формировании новой социальной морфологии. Само их разнообразие является воплощением технологий ИИ. Морфология гибридного общества включает агентов генетически различных видов. Помимо людей – это биотехнические гибриды и гибриды машин с ИИ, а также возникающие в результате их взаимодействий отношения и структуры.

1. *Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т.21. № 1. С. 109-130; Шмерлина И. А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022; Шмерлина И. А. Отечественная социальная мысль и онтологические горизонты современной социологической теории // Социологические исследования. 2025. № 2. С.15-24; Щелкин А. Г. Об онтологии в пределах социального бытия // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 15-26.*
2. *Игнатьев В. И. И грядет «другой» актор… Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Том 10. № 1. С. 64-78.*
3. *Игнатьев В. И. Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифры. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023.*

КОНКУРИРУЮЩИЕ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКОГО «ОБЩЕСТВА 5.0» И КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ «СДЕЛАНО В КИТАЕ 2025»

Кузнецова Светлана Михайловна
(МГИМО МИД России)

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД России)

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ японской модели «Общество 5.0» и китайской стратегии «Сделано в Китае 2025». Выявлены фундаментальные различия ценностных оснований (антропоцентризм vs этатизм), стратегических целей и социальных последствий двух моделей цифровой трансформации. Определена практическая значимость для выстраивания цифровой стратегии России.

Ключевые слова: цифровая современность, Общество 5.0, Сделано в Китае 2025, сравнительный анализ, антропоцентризм, этатизм, технологический суверенитет.

Глобальный процесс цифровой трансформации, определяемый как становление «цифровой современности», является ключевым трендом развития мирового сообщества. Однако за универсалистским технологическим нарративом скрывается многообразие национальных моделей, предлагающих конкурирующие версии будущего. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления фундаментальных ценностных и стратегических различий между этими моделями, что позволяет перейти от анализа технологических особенностей к пониманию их социально-политической сущности [6]. Проблема заключается в том, что внешне схожие концепции могут

преследовать принципиально разные цели и порождать различные социальные последствия.

Целью статьи является проведение сравнительного анализа двух влиятельных моделей – японской концепции «Общество 5.0» и китайской стратегии «Сделано в Китае 2025» для выявления их ценностных оснований, стратегических приоритетов и предполагаемых социальных результатов. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть антропоцентричную природу японского подхода; проанализировать этатистский характер китайской стратегии; провести их системное сравнение. Практическая значимость исследования заключается в создании аналитических рамок для формирования сбалансированной цифровой стратегии России, учитывающей как технологические, так и социально-ценностные аспекты.

Методологическую основу работы составляет комплексный подход, интегрирующий сравнительный анализ кейсов и дискурс-анализ официальных документов и стратегий[2; 1]. Выбор сравнительного анализа кейсов обусловлен его высокой эвристической ценностью при изучении сложных социальных феноменов в их уникальном контексте[6]. Данный метод позволяет детально описать специфику японской и китайской моделей и выявить системные сходства и различия между ними по параметрам: ценностная основа, стратегические цели, роль государства и ожидаемые социальные последствия.

В свою очередь, дискурс-анализ применяется для деконструкции языка официальных стратегических документов, таких как «Основной план 5.0» [1] и «Сделано в Китае 2025» [2]. Этот метод позволяет выявить не только явные цели, но и скрытые ценностные установки, властные отношения и конструируемые образы будущего. Анализ ключевых концептов и риторических стратегий дает доступ к пониманию того, как в каждом случае осмысливается и проектируется «цифровая современность».

В рамках исследования операционализируются следующие ключевые понятия. «Цифровая современность» понимается как новая социальная конфигурация, в которой цифровые технологии становятся инфраструктурной основой экономики, социальных взаимодействий и управления [3]. «Антропоцентризм» трактуется как ценностная ориентация, ставящая во главу угла решение социальных проблем и повышение качества жизни человека. В противовес ему «этатизм» определяется как подход, при котором интересы и могущество государства являются высшим приоритетом, а технологии служат инструментом их укрепления.

Японская концепция «Общество 5.0» представляет собой целостную модель, в центре которой находится человек и решение насущных проблем общества. Эта модель позиционируется как новый этап в развитии человечества, следующий за информационным обществом и призванный преодолеть его дисфункции [1]. Ключевой философской установкой является антропоцентризм, где технологии -- не цель, а инструмент для повышения качества жизни и обеспечения устойчивого развития.

Конкретные цели модели являются ответом на специфические вызовы Японии, прежде всего – демографическое старение и нехватку трудовых ресурсов. Стратегическая цель формулируется как создание «супер-умного общества», ориентированного на человека, в котором происходит интеграция киберпространства и физического пространства. Это предполагает, что большие данные, собираемые с помощью Интернета вещей (IoT), будут обрабатываться искусственным интеллектом, а результаты – возвращаться в физический мир для удовлетворения потребностей граждан [1].

Роль государства в этой модели – координатор и фасилитатор. Оно создает благоприятные регуляторные условия, действуя в формате публично-частного

партнерства, и поощряет кросс-секторное сотрудничество. Ожидаемые социальные последствия включают персонализацию медицины, развитие автономного транспорта, оптимизацию энергопотребления и создание инклюзивной городской среды. Таким образом, «Общество 5.0» предлагает техно-гуманистический проект ,в котором технологический прогресс подчинен задаче человеческого развития[4].

В отличие от антропоцентричной японской модели, китайская стратегия «Сделано в Китае 2025» представляет собой этатистский проект, где цифровая трансформация подчинена целям национального технологического суверенитета и глобального промышленного лидерства. Она направлена на перевод китайской экономики от роли «мировой фабрики» к статусу высокотехнологичного производителя [2]. Философской основой выступает укрепление экономической и геополитической мощи государства.

Императивный характер стратегии проявляется в ее централизованном управлении. Государство выступает как главный архитектор трансформации, задавая целевые показатели по доле внутреннего производства ключевых компонентов и уровню внедрения интеллектуальных производств [5]. Оно использует инструменты государственного финансирования и нормативное давление на частные компании для концентрации ресурсов в приоритетных секторах.

Экономико-политические цели стратегии носят меркантилистский характер. Ключевыми задачами являются сокращение зависимости от иностранных технологий и захват лидирующих позиций в глобальных цепочках создания стоимости. Если «Общество 5.0» нацелено внутрь, на улучшение жизни граждан, то «Сделано в Китае 2025» нацелено вовне, на глобальную конкуренцию [6]. Социальные последствия такой модели амбивалентны: с одной стороны, рост благосостояния, с другой – риски усиления системы социального рейтинга и алгоритмического контроля.

Проведенный анализ позволяет систематизировать фундаментальные различия между японской и китайской моделями цифровой трансформации.

Вербальная сравнительная таблица наглядно демонстрирует полярность их подходов. По ценностной основе японская модель базируется на антропоцентризме, где технология служит человеку, в то время как китайская – на этатизме, где человек и технология служат укреплению государственной мощи. Это различие порождает и различные стратегические цели: для Японии это решение социальных проблем и повышение качества жизни, тогда как для Китая – технологический суверенитет и глобальное промышленное лидерство. Роль государства кардинально отличается: в первом случае это координатор и партнер, во втором – главный архитектор и дирижер. Наконец, ожидаемые социальные последствия также дивергентны: «Общество 5.0» ориентировано на развитие человеко-машинной коллаборации для повышения инклюзивности и комфорта жизни ,в то время как «Сделано в Китае 2025» в социальном плане несет как потенциал роста благосостояния, так и риски усиления системы тотального контроля и алгоритмического управления в интересах государственной стабильности [4; 5].

Таким образом, за фасадом общих технологических терминов скрываются две принципиально разные парадигмы развития. Япония предлагает гуманистический проект «цифровой современности», в котором экономика и технологии являются средством для достижения социального благополучия. Китай же реализует этатистский проект, где социальная сфера и технологическое развитие подчинены императиву укрепления национальной мощи и конкурентоспособности на мировой арене.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о фундаментальном различии двух конкурирующих моделей цифровой современности. Сравнительный анализ

демонстрирует, что за схожим технологическим нарративом стоят два полярных ценностных и политических проекта. Японская модель представляет собой антропоцентричный, гуманистический проект, в котором технологии подчинены решению социальных проблем и повышению качества жизни человека. В свою очередь, китайская стратегия воплощает этатистский, императивный подход, где цифровая трансформация является инструментом достижения технологического суверенитета и укрепления глобальной мощи государства.

Практическая значимость данного анализа для Российской Федерации заключается в создании четких аналитических рамок для формирования собственной цифровой стратегии. Ключевой урок для России состоит в том, что выбор технологических приоритетов неизбежно является выбором ценностной ориентации . Слепое копирование отдельных инструментов без понимания их встроенности в ту или иную философско-управленческую модель может привести к системным противоречиям. России необходимо найти сбалансированный путь, возможно, гибридную модель, которая позволит одновременно развивать человеческий капитал и обеспечивать национально-технологическую безопасность, избегая крайностей как тотальной алгоритмизации социальной сферы, так и отставания в критических промышленных технологиях. Например, адаптация японского подхода к развитию человеко-машинной коллаборации для решения социальных задач могла бы сочетаться с элементами китайской стратегии технологического суверенитета в ключевых отраслях. Однако при таком заимствовании необходим учет рисков, в частности, возможных противоречий между антропоцентрическими целями и этатистскими методами их достижения. Таким образом, осмысленное заимствование должно основываться на приоритете национальных интересов и ценностей.

1. *Япония. Кабинет министров. Основной план общества 5.0 [Электронный ресурс].- 2021. – URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения:26.09.2025).*
2. *Китайская Народная Республика. Госсовет. О выпуске промышленной стратегии «Сделано в Китае 2025» [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения:26.09.2025).*
3. *Халилов М. Н. Цифровая трансформация общества: сущность, вызовы, перспективы [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 20-30. URL: https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/30444 (дата обращения:11.10.2025)*
4. *Ермаков С. Н. Демографические вызовы Японии и стратегия «Общество 5.0» [Электронный ресурс] // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – №6. – С. 136-148. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-vyzovy-yaponii-i-strategiya-obschestvo-5-0/viewer (дата обращения:11.10.2025).*
5. *Баженова Е. С. Цели и задачи стратегии «Сделано в Китае 2025» в контексте стремления к технологическому суверенитету [Электронный ресурс] // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. -2023. – № 3. – С. 12-24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-zadachi-strategii-sdelano-v-kitae-2025-v-kontekste-stremleniya-k-tehnologicheskomu-suverenitetu/viewer (дата обращения:11.10.2025).*
6. *Ли Ц., Ван С. Сопоставительный анализ стратегий «Общество 5.0» и «Сделано в Китае 2025» в контексте глобального технологического Лидерства [Электронный ресурс] // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – № 1. – С. 34-47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-strategiy-obschestvo-5-0-i-sdelano-v-kitae-2025-v-kontekste-globalnogo-tehnologicheskogo-liderstva/viewer (дата обращения:11.10.2025).*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ВЫБОРУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Лиханова Тамара Юрьевна
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00438, https://rscf.ru/project/23-1800438/

В условиях стремительного усложнения социальных связей, виртуализации повседневности и фрагментации традиционных общностей проблема социокультурной идентичности приобретает особую важность и требует комплексного анализа. Множественность теоретических подходов свидетельствует о многогранности феномена. Как отмечает И. С. Семененко, понятие социокультурной идентичности правомерно использовать «в качестве аналитического инструмента для изучения динамики больших сообществ» [9, 314], поскольку оно описывает принадлежность индивида к сообществу, основанную на общих культурных основаниях, социальных институтах и практиках. Задача современного исследователя представляется не в выборе единственно верной теории, а в нахождении методологической рамки для их продуктивного синтеза.

Различные научные парадигмы вносят уникальный вклад в понимание идентичности. Психологические подходы (Э. Эриксон, Дж. Марсиа) раскрывают внутренний, процессуальный характер становления идентичности, роль кризисов и поиска. Культурно-историческая психология Л. С. Выготского раскрывает ключевой механизм этого процесса, показывая, что идентичность формируется через интериоризацию – преобразование внешних социальных отношений, культурных символов и ценностей во внутренний план личности.Социологические теории (Ч. Кули, Дж. Мид, А. Тэшфел, П. Бергер, Т. Лукман) демонстрируют, что идентичность конструируется в социальном взаимодействии через «зеркальное Я», социальную категоризацию и интернализацию норм. Культурологические подходы (П. Бурдье, Р. Уильямс) показывают, что идентичность воплощена в практиках и властных отношениях, а понятия «габитус» и «культурный капитал» раскрывают её материальную основу. Постструктуралистские теории (М. Фуко, С. Холл, З. Бауман) проблематизируют устойчивость идентичности, раскрывая её дискурсивную природу, изменчивость и гибридность в условиях «текучей современности». Цивилизационный подход (Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби, А. С. Панарин, В. В. Козловский, Н. И. Лапин) задаёт масштаб историко-культурного контекста, позволяя рассматривать идентичность в рамках долгосрочной эволюции уникальных культурных систем, противопоставляя унифицирующему давлению глобализации.

Каждый подход эффективен на своём уровне, но их разрозненность создает картину фрагментации. Возникает методологический вызов: как совместить микроуровень личного опыта (психология), мезоуровень социальных взаимодействий (социология) и макроуровень культурно-исторических процессов (цивилизационный подход)?

Именно здесь особая роль принадлежит антропосоциокультурному подходу (Н. И. Лапин), который предлагает не просто еще одну теорию, а метатеоретическую рамку для интеграции. Антропосоциокультурный подход рассматривает цивилизацию как живой организм, возникающий из неразрывной связи трех элементов: Человека (антропологическое измерение), Общества (социальные структуры и институты)

и Культуры (символы, ценности, нормы). Идентичность формируется именно на пересечении этой триады. Он позволяет увидеть, как дискурсы власти (М. Фуко) и социальные практики (П. Бурдье) преломляются в индивидуальном сознании (Э. Эриксон), будучи обусловленными глубинным культурным ядром (цивилизационный подход). Подход трактует идентичность как «текучий процесс» (сближаясь с З. Бауманом), но не как хаотичный, а как процесс воспроизводства и трансформации культурного ядра, что объясняет одновременно её изменчивость и устойчивость определённых паттернов. Кроме того, он предлагает изучать идентичность не абстрактно, а через конкретные взаимодействия в триаде «человек-общество-культура». Например, гибридность российской идентичности – это не просто смешение черт, а активный процесс поиска нового баланса в этой триаде под влиянием глобальных вызовов.

Таким образом, продуктивной методологической стратегией представляется двухуровневая модель, включающая уровень частных теорий (использование апробированного инструментария психологии, социологии, культурологии и политологии для сбора и первичного анализа эмпирических данных), а также уровень интегративной интерпретации (осмысление полученных данных в рамках антропосоциокультурного подхода, который связывает их в целостную картину, объясняющую, как в конкретных практиках и сознании людей воспроизводится и трансформируется уникальное культурное ядро).

Такой путь позволяет преодолеть разрыв между микро- и макроанализом, между структурой и агентом, между устойчивостью и изменчивостью, открывая путь к целостному пониманию социокультурной идентичности в современной России.

1. *Hall S. Old and New Identities, Old and New Ethnicities // Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity / ed. by A. D. King. – London: Macmillan, 1991. – P. 41–68.*
2. *Marcia James E. Development and Validation of Ego Identity Status// Journal of Personality and Social Psychology. 1966, Vol. 3, No. 5, p. 551-558.*
3. *Williams R. Culture and Society. – London: Chatto & Windus, 1958. – 320 c.*
4. *Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008 – 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1*
5. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Московский философский фонд, Ассоциация «Центр», «Медиум», 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2.*
6. *Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya (дата обращения: 10.10.2025).*
7. *Выготский Л.С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – 5. изд., испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 350с. ISBN 5-87604-097-5*
8. *Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 453 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-09382-7.*
9. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ Отв. ред. И. С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017.992с.,ил. ISBN 978-5-7777-0697-3*
10. *Козловский В. В. Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 4. – С. 41-62. – DOI 10.31119/jssa.2023.26.4.2. – EDN XGUTVV.*
11. *Кули Ч.Х. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2019. 234 с. – (Сер.: Теория и история социологии). ISBN 978-5-248-00897-1*
12. *Лапин Н. И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 6-42. – DOI 10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42. – EDN BTJYLZ.*
13. *Мид Джордж Герберт. Избранное. Сборник переводов. 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dzhordzh-gerbert-mid-izbrannoe-sbornik-perevodov (дата обращения: 09.10.2025).*

14. *Панарин А.С. Искушение глобализмом. Серия «Россия и мир: итоги XX века», альманах. №1/2000. М.: Русский Национальный Фонд, 2000.*
15. *Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби; перевод с английского – Е. Д. Жаркова. – Москва : Академический проект, 2021. – 800 с. ISBN 978-5-8291-2295-9*
16. *Тэшфел А. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology / H. Tajfel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 476 с.*
17. *Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. В. П. Визгина. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 336 с.*
18. *Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии)*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ОТ ИЗУЧЕНИЯ ЭРОЗИИ СИСТЕМЫ ПРАВА К СОЗДАНИЮ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА. НАУЧНЫЙ ВКЛАД НИКОЛАЯ ТИМАШЕВА В МИРОВУЮ СОЦИОЛОГИЮ

Ломоносова Марина Васильевна
(СПбГУ)

История социологии права неразрывно связана с историей российской социологии, которая вплоть до периода Русской революции 1917 года развивалась в постоянном диалоге с западными течениями социальной мысли. Формирование социологии в России началось приблизительно в тот же период, что и в Европе. Однако этот процесс не проходил гладко, поскольку на его пути возникали всевозможные препятствия, как административного плана, так и академического. Бурные социальные преобразования, вызванные Первой мировой войной, Русской революцией 1917 года и Гражданской войной, привели к трансформации всего общества и его правовой системы, повлекли за собой и изменения в преподавании гуманитарных дисциплин. Теоретико-методологический конфликт и идеологическая борьба в российской социологии в начале 1920-х гг. с последующим вытеснением социологии из корпуса научного знания привели к тому, что забвению были преданы работы многих ученых, оказавших влияние на развитие социологии права. Во многом это было связано с тем, что целая плеяда российских ученых, оказавшихся после Русской революции 1917 года в эмиграции за пределами родины, продолжали свою исследовательскую работу. Практически все они были интегрированы в систему научно-исследовательских организаций и высшего университетского образования, причем отдельные русские научно-исследовательские коллективы и группы в Европе и Америке проделали огромную работу по сохранению российских академических традиций.

Вплоть до Русской революции 1917 года академическая социология развивалась в российских университетах, как правило, в лоне юридических факультетов и отделений, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно российскими учеными впервые был введен в научный язык термин «социология права» и определена специфика этой отраслевой дисциплины. Николай Сергеевич Тимашев (1886, Санкт-Петербург-1970, Нью-Йорк), который вошел в историю как русско-американский социолог, историк и правовед как раз был одним из пионеров социологии права. Тем не менее, несмотря на его научные достижения и известность в западной социологии, он был удостоен серьезного внимания российских ученых только в конце XX века, когда стало возможным изучать работы ученых, которые эмигрировали, состоялись в науке, а в Советском Союзе часто воспринимались как «буржуазные лжеученые».

В 1994 году в ведущем социологическом журнале «Социологические исследования» была опубликована статья Н. С. Тимашева «Как я стал социологом», а в 1996 году на страницах этого журнала была опубликована статья исследователя из Архангельска Юрия Всеволодовича Дойкова «Николай Тимашев и Россия». Именно эти две публикации вызвали большой интерес среди российских социологов, за которыми последовали статьи, раскрывающие самые разные аспекты научного творчества Н. С. Тимашева [4,8].

Стоит отдельно отметить, что среди многочисленных научных статей посвященных Н. С. Тимашеву [1, 3, 5, 6, 12, 13], в разные годы на русском языке были опубликованы три монографии. В 2003 году Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого в 18 выпуске биобиблиографической серии «Выдающиеся ученые СПбГПУ» была издана монография Гнатюк О. Л. «Николай Сергеевич Тимашев» [2]. В 2012 году в Одессе была издана монография «Социология права Н. С. Тимашева», которая принадлежала перу А. А. Мережко[7]. Спустя год в 2013 году ученый из Уфы – Э. Д. Хафизов опубликовал свою монографию «Право и власть в социологии Н. С. Тимашева», которая в 2014 году была переиздана под другим названием с небольшими изменениями и дополнениями [10, 11]. В отечественных работах, посвященных наследию Н. С. Тимашева, достаточно часто обращаются к его исследованиям в области социологии права, поэтому нет ничего удивительного в том, что в 2021 году был переведен на русский язык и издан фундаментальный научный труд Н. С. Тимашева «Введение в социологию права», сопровожденный содержательной вступительной статьей М. В. Антонова[9].

Отдельного внимания заслуживают рукописные документы Николая Тимашева в Российской национальной библиотеке. Именно в фондах Отдела Рукописей РНБ сохранились документы Н. С. Тимашева, которые он не смог увезти с собой в эмиграцию, и сегодня, спустя более чем сто лет со дня их написания, они доступны для читателей и исследователей. Всего в фонде находятся четыре рукописи Н. С. Тимашева: «Преступное возбуждение» (Дело 1, 161 л.; Дело 2, 246 л.), «Уголовно-правовая охрана здоровья от опасностей, представляемых венерическими болезнями» (Дело 3, 82 л.) и «Врачебная тайна и уголовный закон» (Дело 4, 29 л.), все рукописи авторизированы. Уже в этих работах Н.С. Тимашев предвосхищает свои будущие исследования, связанные с изучением влияния революции на русское общество, что совпало с периодом перехода к конституционному строю, а также в них отчетливо выступают основы будущей дисциплины, у истоков которой он стоял – социологии права.

Изучение любой дисциплины невозможно без глубокого знания ее истории, поэтому обращение к фондам библиотек и архивов открывает очень интересные факты из жизни не только отдельных ученых, но и позволяет реконструировать историю научных школ и отдельных дисциплин. Работы Н. С. Тимашева позволяют проследить эволюцию его научных воззрений и переход от правоведения к социологии права. Русская революция 1917 года была тем фактором глобального исторического масштаба, который повлиял на жизнь целых поколений и страны в целом. Благодаря академическим знаниям и научным связям, обретенным в стенах юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, Н. С. Тимашев смог заложить прочный научный фундамент в становление новых направлений исследований как в рамках правоведения, так и социологии, а его работы продолжают привлекать внимание исследователей в 21 веке.

1. Гнатюк О. Л. Н.С. Тимашев как социолог // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 104-112.
2. Гнатюк О. Л. Николай Сергеевич Тимашев. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГПУ, 2003.

3. *Голосенко И. А. Николай Тимашев как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2. С. 32-41.*
4. *Дойков Ю. В. Николай Тимашев и Россия // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 136–142.*
5. *Долгая Ю. О. "Рыцарь права, закона и справедливости" (к творческой биографии Н. С. Тимашева) // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 209–215.*
6. *Малинов А. В. Формирование социологической концепции Н.С. Тимашева // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 13. СПб., 2002. С. 177–190.*
7. *Мережко А. А. Социология права Н.С. Тимашева. Одесса: Фенікс, 2012.*
8. *Тимашев Н. С. Как я стал социологом // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 124–127.*
9. *Тимашев Н. С. Введение в социологию права. СПб: Алеф-Пресс, 2021.*
10. *Хафизов Э. Д. Право и власть в социологии Н. С. Тимашева: монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2013.*
11. *Хафизов Э. Д. Социология права и власти Н.С. Тимашева. Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2014.*
12. *Щелкин А. Г. Николай Тимашев – о перспективах завершения советского периода // Социологические исследования. 2010. № 6(314). С. 137–141.*
13. *Щелкин А. Г. Николай Тимашев – энигма русской социологии. Инновационный потенциал книги Н. Тимашева «великое отступление» // Петербургская социология сегодня. 2009. Т. 1. С. 83-92.*

В ПОИСКАХ БАЛАНСА МЕЖДУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ ТУРИЗМА И ЕГО ЭМПИРИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ: КЕЙС АВТОМОБИЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Маркин Максим Евгеньевич
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

В социологии второй половины XX – первой четверти XXI века достаточно большое внимание уделяется туристической сфере. Это неудивительно, так как современное общество – это общество потребления, в котором основные стимулы людей сосредоточены не на трудовых отношениях, правах собственности на средства производства, а на потребительских практиках [1]. В свою очередь, туризм представляет собой одну из значимых сфер организации досуга и потребления.

Наиболее известные и влиятельные социологические работы, посвященные туристической сфере, предлагают широкие, зачастую макро-, подходы. Например, признанный классик социологии туризма Дин Макканелл еще в 1970-е годы выдвинул тезис, согласно которому турист ищет подлинность, но обычно сталкивается с постановочной аутентичностью [7]. Проецируя концепцию Ирвинга Гофмана [3] на туристическую сферу, он достаточно подробно разбирает многочисленные «передние планы», выстраиваемые местными жителями в целях защиты своего приватного пространства. С одной стороны, ключевые идеи Дина Макканелла выглядят правдоподобно, однако, с другой стороны, как и любую общесоциологическую теорию, их сложно эмпирически верифицировать.

На противоположном полюсе находятся результаты многочисленных мониторинговых проектов, посвященных потребительским и досуговым практикам населения. Например, Аналитический центр ВЦИОМ регулярно публикует эмпирические данные, раскрывающие то, как россияне планируют и по факту проводят лето [4]. Из них следует, какая доля населения берет отпуск, где его проводит, какие курорты являются самыми популярными, и т.д. Такие проекты отличаются большой конкретикой, однако им не хватает теоретического осмысления, содержательных интерпретаций.

Цель настоящей работы – предложить возможный баланс между социологической теорией туризма и его эмпирическими исследованиями. На основе идеи Джона Урри о мобильностях современного общества [10] демонстрируется, как ее можно преломить по

отношению к социальным практикам автомобилизации советской и постсоветской России.

Согласно Скотту Лэшу и Джону Урри, «дезорганизованный капитализм» и эпоха постмодерна, начиная со второй половины XX века, ведут к «концу туризма», то есть сокращению массовых групповых путешествий [11]. В современном обществе активная пространственная мобильность и широкое визуальное потребление лишают такие поездки своей исключительности в получении новых впечатлений. Студент по обмену, командированный сотрудник или просто посетитель торгово-развлекательного центра – это теперь тоже своего рода турист. Ключевую роль в рассматриваемых изменениях социальных практик сыграла автомобилизация, так как если развитие железнодорожного сообщения привело к демократизации дальних путешествий и технологической дисциплине, то строительство скоростных шоссе открыло возможности для индивидуального потребления и приватной мобильности [10].

Российская история позволяет проиллюстрировать процессы автомобилизации общества с опорой на эмпирические данные. В 1920 – 1930-е годы в туристической сфере происходит постепенный переход от восстановительного к содержательному отдыху, при этом государство оказывает абсолютное большинство досуговых услуг [6]. Общественные движения пропагандируют пролетарский туризм, сочетающий в себе аскетичность и полезность [8]. И в том, и другом случае речь не идет об автомобильных поездках в виду практически полного отсутствия легковых машин в личной собственности.

Перелом в рассматриваемых социальных практиках организации досуга наступает в конце 1940-х и особенно в 1950-х годах. Сначала впервые в российской истории начинается выпуск автомобилей преимущественно для личного пользования («Москвич-400»), а затем относительно массовой машиной становится «Волга-21». Но настоящая автомобильная революция, по мнению Сергея Канунникова, произошла в 1970-х годах, когда в значительной степени благодаря ВАЗу ежегодный выпуск легковых автомобилей в СССР превысил 1 млн единиц [5]. Автомобильность, возможность выстраивания индивидуальных маршрутов и самостоятельного подбора коллектива для путешествий становятся реальностью в советской России. В результате, к началу 1990-х годов на 1000 россиян приходилось 60 легковых машин [9], что уже свидетельствовало о неплохом уровне автомобилизации страны.

В постсоветской России обеспеченность населения личными автомобилями продолжала стремительно расти. Сначала автомобилизация обеспечивалась благодаря импорту поддержанных машин, затем, в 2000-е годы, локализацией производства зарубежных брендов. В последнее трехлетие большую роль играет импорт новых автомобилей из дружественных стран и продолжение работы ключевых российских заводов. К концу первой четверти XXI века на 1000 россиян приходится уже 331 легковая машина [2], а автомобильный (в том числе семейный) туризм стал действительно массовым явлением. Так, по данным Аналитического центра ВЦИОМ, в 2024 году из россиян, которые отдыхали летом, выезжая куда-либо, 53 % добирались до места отдыха на автомобиле [4].

Таким образом, несмотря на то что большинство социологических теорий туризма представляют собой скорее макро-, нежели микро-, подходы, баланс между ними и соответствующими эмпирическими исследованиями может быть найден. Мезоуровень предполагает содержательные (теоретические) интерпретации с опорой на статистические, опросные и прочие данные. Кейс автомобильности в советской и современной России демонстрирует, как тесно связаны изменения социальных практик

организации и проведения досуга с количественными показателями развития отрасли производства и розничной торговли легковыми машинами.

1. *Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.*
2. *В России на 1 тысячу жителей приходится 331 легковой автомобиль // АВТОСТАТ, 2025. URL: https://www.autostat.ru/news/59986/ (дата обращения: 12.10.2025).*
3. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.*
4. *Как я провел лето-2024 // Аналитический центр ВЦИОМ, 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-ja-provel-leto-2024 (дата обращения: 12.10.2025).*
5. *Канунников С. Хочу машину! Личный автомобиль в советской повседневности (1917-1991). М. Новое литературное обозрение, 2025. 376 с.*
6. *Коенкер Д. SPAсибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта. СПб.: Библиороссика, 2022. 455 с.*
7. *Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 279 с.*
8. *Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010. 224 с.*
9. *Сколько автомобилей приходилось на 1000 жителей в СССР? // АВТОСТАТ, 2021. URL: https://www.autostat.ru/infographics/46910/ (дата обращения: 12.10.2025).*
10. *Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.*
11. *Lash S, Urry J. The End of Organized Capitalism. Madison: University of Wisconsin Press, 1987. 383 p.*

КРЕДИТНЫЙ ПРЕДИКАТ ОБЩЕСТВА

Мартыненко Владимир Владимирович
(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация)

1. Общество первоначально складывается из определённых взаимоотношений, часто называемых социальными связями, взаимодействиями, коммуникациями. Все они суть кредитные отношения. Их страховка, помысленная в качестве предиката общества, осуществляется в широком смысле: в генетическом, структурном, посредством различных стандартов, в том числе языковых. Сама страховка выявляет возможность развития общества, его потенциал.

Страховка – это общество общества, которое позиционно структурирует само общество. С идеей социальной страховки связана и идея государства. Государство выстраивает страховую, перестраховочную конструкцию во времени: всё может трансформироваться – от границ и территорий до языков и народов, населяющих указанные территории. Это развитие обусловлено не столько экспансиями военного (захватнического) характера, сколько техногенными, природогеннымии и пандемийными катастрофами, а также нахождением социальных путей защиты от них. Сама возможность существования современных государств, часто называемых национальными, была обусловлена эпидемиологическими мероприятиями по возведению защитных (страховых) санитарных и карантинных кордонов. Современное развитие медицинских технологий и транспортных возможностей мгновенного перемещения по всей территории земного шара снова стирает эти границы, создавая страховую эпидемиологическую базу человечества и глобальную проблему государственной защиты от новых эпидемий и пандемий. Другими словами, это развитие требует теоретического совершенствования понятия государства.

Элементарная задача санитарной границы, решающей проблемы оздоровления общества, – создавать рубеж между территориями, которые со временем

трансформируются в процессе страховых действий в государства. Защита от вторжения, в том числе военного, представляется как страховая, барьерная функция эпидемиологической защиты, связанной с укреплением суверенитета государства. Вспомним, что даже таможенные платежи до настоящего времени называются таможенной очисткой. Этот термин является эхом карантинных мер, направленных на устранение социального поветрия. Так же и язык: выполняя две главные функции – информационную и идентификационную (диалекты) – он является мощным страховым инструментом пандемийной защиты социальных устоев. Многообразие языков или языковых конструкций в мире создает надежную базу для указанной защиты.

Кредитные отношения выстраивают социум, они задают его структуру и формируют меру общества – функцию, которая вычисляет расстояние между любыми его точками во времени. Это расстояния между социальными субъектами, множество которых и наполняет само общество, что позволяет подойти к решению основной проблемы общественных наук – связать индивидуальное и коллективное.

2. Философские понятия естественных законов и естественных прав использовались как для целей сакрализации государства и обоснования божественной природы власти вообще, так и в качестве антитезы позитивного права, устанавливаемого законами государства. Представление об естественных правах как о божественных установлениях, скорее всего, могло появиться лишь на относительно высоком уровне развития человечества, добраться до которого люди могли только при соблюдении прав и обязанностей, находя адекватные формы для их фиксации и реализации. До сих пор открытым остается вопрос о возникновении и изменении права, об устройстве правовых отношений как средства осуществления справедливости, а не способа сохранения привилегий тех, кто имеет власть устанавливать положительное право в обществе. Во многом нераспознанными оказываются социальные основы права, которые далеко не ограничиваются темой положительного, или позитивного, права. Невыясненной предстает и природа власти, условия ее появления и сохранения.

Сегодня мы продолжаем постоянно сталкиваться с ситуацией, когда со стороны различных государственных структур выдвигаются лишь требования к гражданам относительно соблюдения ими обязательств, установленных властью. Одновременно, применяя различные формы насилия, власть пытается закрепить за собой и определенными социальными группами монопольные привилегии.

В частности, налогообложение рассматривается государством как его неотъемлемое право, а уплата гражданами налогов – как одна из их главных обязанностей. Любое уклонение от этой обязанности жестоко карается. Однако рациональное использование полученных за счет налогов средств на общественно значимые цели не рассматривается государством как обязанность, невыполнение которой делает ничтожным и его право на сбор налогов. Забывается, что на самом деле налогообложение следует трактовать как форму социального страхования и кредитных отношений. По меньшей мере, это означает, что отданные гражданами налоги должны возвращаться к ним в форме различного рода социально необходимых услуг, организация которых возлагается на государство. В противном случае право государства на сбор налогов в социальном плане превращается в насилие над обществом. Вместе с тем давно известно, что несоответствие между объемами прав и обязанностей в конечном счете приводит к тому, что само право перестает существовать.

С нашей точки зрения, социальную основу государственной власти и права невозможно понять, если не рассматривать ее как производную от необходимо возникающих в обществе кредитных отношений между людьми. Никакое расширение и

увеличение разнообразия сил и способностей людей не могло происходить не только вне социума, но и без формирования в его рамках той или иной формы кредитных отношений, при которых одни члены общества (будучи более сильными, ловкими, сообразительными) предоставляли другим больший объем услуг, чем могли получить в обмен. Процессы созидания в обществе условий для сознательного принятия индивидами такой социальной позиции определяли структуру кредитных отношений как естественной нормы жизнедеятельности людей. От этого во многом зависели и зависят условия развития той или иной страны.

3. Исторически один из первых механизмов фиксации прав кредиторов связан с возникновением института вождей племен, старейшин и жрецов. Логично считать, что именно больший по сравнению с другими людьми вклад в жизнеобеспечение и существование племени или рода позволил выделиться соответствующей группе вождей и старейшин. Естественное признание прав данных людей, оказавшихся кредиторами общества, и происходило в виде их наделения определенными атрибутами и символами власти. Иными словами, признание прав вождей различных племен и родов на лидерство и руководство, если оно происходило естественным путем, означало добровольное принятие на себе обязательств со стороны других членов рода (племени), принятие статуса должников перед кредиторами. Руководство со стороны вождей способствовало как выживанию рода, так и развитию у младших членов рода необходимых навыков и способностей, помимо всего прочего, это создавало и условия для компенсации их долга перед вождями в будущем.

Другим способом фиксации и реализации прав кредиторов стал институт денег, предоставивший их держателям право на получение тех или иных товаров или услуг. Появление денег, в свою очередь, способствовало расширению кредитных отношений, росту производства товаров и услуг, а главное – формированию механизмов и условий всё большей интеграции социума по горизонтали. Это явилось одной из необходимых предпосылок преодоления границ родоплеменных отношений и формирования государств.

Мы хотим сказать, что институт денег как институт фиксации прав кредиторов (на получение товаров и услуг в будущем) должен был возникнуть до образования государств. Этот факт, кстати, молчаливо признается авторами концепции происхождения государства как общественного договора, обусловленного, по мнению, например, Т. Гоббса, осознанием людьми жизненной необходимости прекращения «войны всех против всех». В соответствии с концепцией Гоббса, находясь в состоянии войны всех против всех, люди, тем не менее, сумели между собой договориться и признать права друг друга в виде используемых форм денег. Иными словами, оказывается, что договориться об использовании денег было более важно, чем договориться об образовании государства.

Вместе с тем кредитная природа денег и необходимость рассмотрения их в качестве инструмента обеспечения социальных прав кредиторов, к сожалению, до сих пор не осознается. Хотя всем очевидно, что деньги предоставляют своим держателям вполне определенные права, – сохраняется представление о них как о некоем, пусть и особом или даже условном, товаре, обладающем абстрактным качеством всеобщего эквивалента.

Воздействие государства на социально-экономические процессы возможно лишь при условии, что представители государственной власти оказываются либо в роли кредиторов общества (что в условиях современной бюрократической системы представляется практически невероятным), либо (что вполне реально) обеспечивают условия для полноценного развития кредитных отношений. С этих позиций следует рассматривать и налогообложение. Его можно считать обоснованным в том случае, если

оно представляет собой особый вид страховых взносов и форму кредитных отношений, когда уплаченные налогоплательщиками средства возвращаются к ним в качестве социально необходимых товаров и услуг, а также страховых выплат, организация которых признается в качестве естественного права и обязанности государства.

Анализ и оценку деятельности государства как социального института целесообразно производить с позиции формирования им многоуровневой структуры страхования условий, обеспечивающих поступательное социально-экономическое развитие, понимаемое как всё более полное раскрытие возможностей и способностей людей.

Идея страховки несет в себе практический смысл, что означает – жить по средствам. Человек живёт на то, что он зарабатывает и что он страхует. Но существует неравенство, которое устроила природа, ведь не каждый – гений. И без социальной страховки это неравенство не устранить.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА НА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН КАК ДРАЙВЕР В РАЗВИТИИ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Махкамова Шахло Юлчиевна
(Института Бюджетно-налоговых научных исследований при Министерстве экономики и финансов Республики Узбекистан)

Аннотация. В статье освещены результаты изучения зарубежного опыта структуры управления бюджетной политикой на мужчин и женщин как драйвер в развитии стабильности общества. На базе анализа передового зарубежного опыта положительных, отрицательных сторон гендерного управления и влияния бюджетной политики на развитие благосостояния мужчин, женщин разработаны отдельные предложения.

Ключевые слова: мониторинг, гендерно-ориентированный бюджет, расходы, сбор и анализ данных, доходы, оценка, системная интеграция, программы, показатели.

Реформы Узбекистана, которые сегодня обновляются, направлены на повышение положения женщин в обществе при обеспечении главенства интересов человека, защите их прав и возможностей как одной из приоритетных ценностей. В связи с этим повышение политической, социальной и экономической активности женщин реализуется как одно из приоритетных направлений государственной политики. В Конституции РУз от 30.04.2023г. отдельней 58 статьёй «Женщины и мужчины имеют равные права. Государство обеспечивает равенство прав и возможностей женщин и мужчин в управлении делами общества и государства, а также в других сферах общественной и государственной жизни»[1] уделено внимание на гендерное равество.

В связи с этим, в данном исследовании изучен зарубежный опыт деятельности независимых структур, отслеживающих влияние бюджетной политики на мужчин и женщин в контексте как драйвера в развитии стабильности общества. По результатам исследования подготовлены соответствующие предложения.

Работа подготовлена в рамках реализации подпункта 1 «Изучение зарубежного опыта деятельности независимых структур, осуществляющих мониторинг воздействия бюджетной политики на мужчин и женщин и подготовка предложений по результатам исследования» задачи 34 пункта «Повышение участия женщин в формировании бюджетов» программы «Комплексные меры в 2023 году по реализации стратегии

достижения гендерного равенства в Республике Узбекистан до 2030 года», утверждённый Приложением № 1 Постановления Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан «Об исполнении стратегии достижения гендерного равенства в Республике Узбекистан до 2030 года в 2021 – 2022 годах и утверждении мер по ее реализации на 2023 год» [2].

Вопросы достижения гендерного равенства считаются в этой связи актуальными и требуют разработки необходимых мер на основе зарубежного опыта и глубокого изучения и анализа ситуации в Узбекистане.

По зарубежному опыту [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9] участниками являются органы управления всех уровней, женские неправительственные организации, экспертное сообщество, средства массовой информации, эксперты в различных областях и т. д. Результат изучения зарубежного опыта показывает, что не существует единого методического руководства по бюджетированию, ориентированному на гендерное равенство, каждый регион разрабатывает подходы и тренинги, исходя из своих приоритетов, национальных целей, приемлемых программ.

Организация экономического сотрудничества и развития рекомендует создать «гендерно-совместимую, устойчивую и качественную инфраструктуру [3, 3 – 20]. Гендерное бюджетирования с учетом интересов мужчин и женщин является основным драйвером развития и стабильности общества, которое состоит из следующих компонентов:

I. Проведение гендерного бюджетного анализа.

II. Внесение изменений в программы и бюджеты по результатам гендерного бюджетного анализа для достижения гендерного равенства.

III. Системная интеграция гендерно-ориентированного бюджетирования в процессы планирования бюджета на государственном и местном уровнях.

Ниже приведены пять этапов гендерного анализа бюджета:

1. Охарактеризовать существующую ситуацию (по различным категориям).

2. Выяснить, в какой степени проводимая политика является гендерно-чувствительной. (раздел бюджета «Мероприятия»).

3. Преобразовать расходы в среднесрочные расходы, определить годовые бюджетные меры. (раздел бюджета «Ассигнования»).

4. Выяснить, насколько осуществленные расходы отвечают запланированным (с распределением по полу) (раздел бюджета «Реальные расходы»).

5. Проанализировать связь между проводимой политикой и произведенными расходами (разделы бюджета: «Результативность» или «Оказанное воздействие»).

Неоплачиваемый или репродуктивный вопрос занимает центральное место в концепции гендерного бюджета в развивающихся странах в соответствии с рекомендациями Организации Объединенных Наций (ООН) [4, 5 – 25] .

Институт Экономики РАН (д.э.н., проф Л. С. Ржаницина) при внедрении гендерного бюджетирования разработал методику оценки правильных социальных показателей, утвержденных в бюджете, с которой мы согласны [5]: 1. Государственные бюджетные программы. 2. Расходы бюджета на социальную защиту и социальное обеспечение. 3. Расходы государственных целевых внебюджетных фондов. 4. Показатели уровня жизни населения. 5. Гендерно-чувствительные показатели бюджетных расходов, влияние на доходы населения. 6. Государственные программы социального назначения.

Международным центром перспективных исследований, основанный на этом подходе (к.ф.н. О. Романюк) проведен гендерный анализ государственного бюджета Украины [6, 84 – 94].

Организация Объединенных Наций установила, что 15 % от общего объема средств, необходимых для поддержания мира в конфликтных ситуациях, должно быть направлено на нужды женщин и девочек.

По итогам исследования были сформированы следующие **выводы и предложения:**

Исследование независимых структур, отслеживающих влияние бюджетной политики на мужчин и женщин за рубежом в разрезе европейских стран, стран СНГ, азиатских и других стран показало, что нет единого образца гендерно ориентированного бюджета (ГОБ), каждая страна исходя из национальных особенностей составляет и реализует, составляются программы на государственном уровне, определяются целевые индикаторы и проводится аудиторский контроль. В случае необходимости перераспределяются бюджетные средства. ГОБ во многих странах, также странах СНГ поддерживаются с такими международными организациями как UNIFEM, UNICEF, АБР, ПРООН и др. В передовом зарубежном опыте подчеркивается, что гендерное бюджетирование осуществляется совместно с аудитами.

В соответствии с вышеизложенным разработаны следующие предложения и рекомендации:

В гендерном бюджетировании особое внимание целесообразно уделить на человеческий капитал (ЧК) – знания, навыки и здоровье. Поэтапный переход на современный механизм финансирования – бюджет, ориентированный на результат (БОР).

Совершенствование Трудового кодекса, другими соответствующими документами, учесть неоплачиваемый труд женщин на дому, изменить рабочее время (например: с 8 часов на 7 или 6 часов) при сохранении заработной платы, чтобы она могла выполнять определенные женские задачи.

Введение детского пособия на детей до 2-х лет, которое законодательно обеспечивает гендерное равенство, т. е. в период ухода за ребенком служит предотвращению попадания женщины в полную зависимость от мужа, иначе женщины столкнутся с различными семейными и психологическими проблемами.

Дальнейшее развитие предпринимательства и самозанятости среди женщин. Целесообразно включить в Постановление Президента Узбекистана № ПФ-6003 от 02.06.2020г., создание онлайн-платформы для женщин, чтобы находить деловых партнеров, продавать свою продукцию и выполнять многие бизнес-операции удаленно, Обучать больше девушек и женщин техническим специальностям.

Проводить информационную работу среди населения по повышению знаний в области современных средств контрацепции как мужских, так и женских;

В целях анализа расходов на женщин и мужчин и выработки предложений по повышению их эффективности внесение изменений в бюджетную классификацию с учетом гендерных аспектов (Министерство экономики и финансов) *(Австрия [7]).*

Организовать Женскую Бюджетную Группу, ориентированную на ликвидацию детской бедности *(Великобритания [8]).* Создание центров гендерных исследований на территориальном уровне для повышения уровня гендерного равенства *(Россия [9]).* Образовать Комитет по оценке политики на гендерное равенство, состоящий из ученых и руководителей ведущих компаний *(Япония).*

В приложении к бюджету обязательно должен предоставляться анализ гендерных вопросов. Все министерствам отчитываться по вопросам продвижения гендерного равенства *(Норвегия).*

Внедрить «Желтую бюджетную книгу», в которой каждый департамент указывает, какие действия он намерен предпринять для снижения гендерного неравенства и

обозначает индикаторы равенства, по которым в последствии будет оцениваться его работа *(Франция [9]).*

Ввести норму об обязательной гендерной экспертизе всех действующих и разрабатываемых нормативно-правовых актов. Ввести практику обучения и подготовки женщин-политиков (центры, школы женского лидерства) при содействии международных организаций.

Проводить национальную гендерную политику и использовать в этих целях образование, культура, средства массовой информации, проводить широкомасштабные информационные, просветительские кампании *(Казахстан).*

Определить механизм измерения и включения стоимости неоплачиваемого труда в Национальную систему счетов. Признание экономической и стоимостной ценности неоплачиваемого труда, прежде всего домашней работы, и разработка модели его экономического эквивалента. Такая модель могла бы служить инструментом оценки труда в целях страхования, социального обеспечения, налогообложения, а также для раздела имущества в случае *развода (Корея).*

Позитивное влияние на использование времени женщинами и на работу в области *заботы (Непал).*

Каждая структура правительства формулирует свои планы гендера и развития и выделяет на цели гендера и развития не менее 5 процентов своего бюджета *(Филиппины).*

Целевое финансирование конкретных программ по улучшению положения женщин из национального бюджета и из международных фондов *(ЮАР).*

Гендерное бюджетирование – это процесс составления бюджета, а государственные политики и участники процесса развития могут остановить дискриминацию в отношении женщин и сократить бедность *(опыт Бангладеш [9]).*

1. Ўзбекистон Республикаси Конституцияси 2023 йил 30 апрель куни ўтказилган Ўзбекистон Республикаси *референдумида* умумхалқ овоз бериш орқали қабул қилинган. https://lex.uz/docs/6445145
2. “2030 йилга қадар Ўзбекистон Республикасида гендер тенгликка эришиш стратегиясининг 2021-2022 йилдаги ижроси ҳамда уни амалга ошириш бўйича 2023 йилга мўлжалланган чора-тадбирларни тасдиқлаш ҳақида”ги СҚ-682-IV-сонли қарори/ https://lex.uz/en/docs/6345528
3. Гендерно ориентированное бюджетирование сборник программ учебных курсов и модулей. «ООН-женщины», 2014 https:// demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1744&p=attachment [18.10.2024].
4. Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. «Руководство по подготовке статистических данных об использовании времени для оценки оплачиваемого и неоплачиваемого труда». Нью-Йорк, 2007 г. (рус) http://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesF/SeriesF_93R.pdf [18.10.2023].
5. TA-9538 UZB: Механизм совершенствования экономического управления.Министерство финансов РУз и Азиатский банк развития. 31 Mespil Road, Ballsbridge, Дублин 4, Ирландия. aarc@ aarcconcultancy.com ГРФО (2018:50)
6. Махкамова Ш. Ю. Методическое пособие по бюджетированию, ориентированному на гендерное равенство//Справочник финансовоо работника. – Ташкент, 12 (120) 2021. – С.89–94.
7. *IMF Working Paper* «Asia: A Survey of Gender Budgeting Efforts» (2016) https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16149.pdf [18.10.2024].
8. Gender Responsive Budgeting: Road Map for ministry of Finance TA-9538 UZB: Механизм совершенствования экономического управления. Министерство финансов Руз и Азиатский банк развития. 31 Mespil Road, Ballsbridge, Дублин 4, Ирландия. aarc@aarcconcultancy.com ГРФО (2018:50).
9. A Case Study of Gender Responsive Budgeting in Bangladesh (2013) https://consultations.worldbank.org/sites/default/files/consultation-template/update-world-bank-group-gender-strategy-consultations/submissions/grb_papers_bangladesh_updf_final.pdf [18.01.2025].

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ ЧАСТНОГО К ГРАЖДАНСКОМУ СОСТОЯНИЮ

Мельников Михаил Васильевич
(Новосибирский государственный технический университет)

Мельникова Анастасия Сергеевна
(Новосибирский государственный технический университет)

Аннотация. В статье рассматриваются признаки российского общества как «частного общества» в значениях этого понятия, установленных Дж. Локком и Дж. Ролзом. Доказывается, что российское общество также было частным в значении частного депривированного, но в последние одиннадцать лет происходит его переход в гражданское состояние.

Ключевые слова: гражданское общество; частное общество; приватизация общества; движение от частного к гражданскому состоянию общества.

Понятие «общество» по праву относят к основным понятиям социологии, несмотря на то, что отсутствует его общепризнанное значение. Х.-Г. Гадамер писал о трудностях работы с понятиями прошедших эпох и понятиях какой-то рассматриваемой эпохи. По его словам, «мыслить исторически – значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях» [2, 462]. Какой же смысл мы вкладываем в слово «общество», когда пишем, например, о современном российском обществе? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к истории указанного слова, ибо «общество» является понятием не нашей, а других, прошедших эпох. В русском языке слово «общество» встречается уже в XI веке в значениях совокупности людей, объединенных общим укладом жизни, общими законами и т.д.; общности, единства; а также общения и взаимоотношения («общение, связь с кем-либо, чем-либо») [4, 570]. Согласно Д.Я. Калугину, понятия с корнем «общ», включая существительное «обьщьств/о», появляются в древнерусском языке в контекстах, связанных с греческим понятием koinonia, и обозначают различные формы единения, связи, взаимодействия. Но понятие «общество не было широко распространено в древнерусском языке, чаще использовались понятия «вси», «множество» [3]. Концептуализация представлений о населении России как обществе, или более определенной форме множества или общего, начинается с петровской эпохи, но преимущественной в виде представления о нескольких сосуществующих обществах – дворянского, крестьянского, мещанского, еще позже земского, и т. д. Каждое из этих обществ практически не сотрудничало с другими обществами и не имело с ними общих интересов, солидарная защита которых позволяла бы считать дореволюционное российское общество гражданским обществом. Это сосуществование сохранилось, в основном, до конца царской России. Отсутствие внутренней близости и солидарных действий в защиту царской власти во многом способствовало краху старого политического порядка. К такому же, в сущности, выводу можно прийти после изучения российского общества в советский период его существования – от его начала до его конца. Быстрая ликвидация Советского Союза в декабре 1991 года прошла в условиях колоссальной апатии, безразличия и разобщенности советских людей, не вставших на защиту своего государства.

Отсутствие этой активности и гражданской солидарности людей позволяет рассматривать российское общество в указанные периоды как негражданское общество. Это общество также можно назвать условно частным обществом. Что это за общество? Понятие «частное общество» встречается в научных источниках весьма редко. Рассмотрим сначала работу Э. Клайса «Частное общество и либеральное общественное благо в сочинениях Дж. Локка» [6]. По мнению автора, Локк использует частное общество как метафору политической легитимности. Из текста статьи Клайса следует, что наиболее характерным примером общества, которое можно назвать частным обществом, являются религиозные общества, которые Локк называет свободными и добровольными. Такие общества могут организовываться вокруг общих целей; принимать или исключать членов в зависимости от того, насколько они соответствуют общественным целям; и управлять внутренними делами общества без вмешательства извне, то есть со стороны, во-первых, государства, во-вторых, других таких обществ или иных обществ и частных организаций. Однако, отмечает Клайс, частные общества, в том числе религиозные, например, секты, могут не только обеспечивать или поддерживать, но и ограничивать свободу мысли, поощрять партийность и несправедливость, авторитаризм и фанатизм и в целом дестабилизировать общественный, гражданский и политический порядок. В книге Дж. Ролза «Теория справедливости» мы встречаемся с другим примером работы с понятием «частное общество». Ролз пишет о нем, как об определенном социальном порядке или аспекте базовой структуры, который фактически реализуется. Его главные особенности заключаются, во-первых, в том, что входящие в него отдельные люди или ассоциации преследуют свои собственные частные цели, которые могут конкурировать друг с другом, либо не совпадать, но ни в коем случае не дополняют друг друга. Во-вторых, считается, что в таком обществе институты сами по себе не имеют никакой ценности, поэтому участие в них рассматривается не как благо, а скорее как бремя. Члены этого общества не желают действовать справедливо и во имя общественных интересов. Ролз заключает, что концепция частного общества не позволяет увидеть основу социальной природы человечества, а именно то, что «люди на самом деле преследуют общие конечные цели и ценят свои общие институты и деятельность как благо само по себе» [7, 458]. Сравним друг с другом трактовки частного общества у Локка (посредством его интерпретации Каулсом) и Ролза. Локк пишет о нем применительно к небольшим группам людей, объединенным общим интересом или идеологией, а Ролз не только о них, но и об обществе в целом, на социетальном уровне. «Частное общество» Локка не противопоставляет себя ни другим частным обществам, ни гражданскому обществу и государству, и не общественным интересам и благам. «Частное общество» Ролза фактически не является обществом, ибо его члены совершенно не согласовывают свои интересы с интересами друг друга. «Частное общество» Локка объединяет людей, а «частное общество» Ролза разъединяет их. Общим же в двух трактовках «частного общества» является то, что оно является существенно приватизированным обществом, то есть обществом, в котором внутренние интересы его членов – корпорантов у Локка и индивидов у Ролза могут отличаться от общественных интересов. Для характеристики российского общества в царский и советский период можно использовать компоненты содержания трактовок частного общества Локком и Ролзом. Это общество было формально-публичным и, в сущности, негражданским, если рассматривать, как Ю. Хабермас, ядром гражданского общества не-государственные и не-экономические ассоциации на добровольной основе [5, 41]. Отсутствие или значительная слабость и зависимость этих ассоциаций от государства позволяет утверждать, что российское общество было частным, или приватизированным в значении частного (приватного) как

депривированного, то есть лишенного своей самостоятельности и внутренней активности. При этом оно было достаточно хорошо консолидированным и ориентированным на поддержку государственно-национальных интересов. В постсоветское время эти особенности состояния российского общества, в основном, сохранялись и временами усиливались, что Л. А. Булавка охарактеризовала такую трансформацию как «распад всеобщности до частного», или как «очастнивание» всего и вся, включая индивида» [1].

Однако состояние российского общества в последние одиннадцать лет трудно охарактеризовать как исключительно частное и негражданское. Сложнейшие внутренние и внешние вызовы, с которыми встретилась Россия, а шире, – Русский мир, требуют выхода россиян из частного и приватизированного в гражданское состояние. Есть основания надеяться, что российское общество утратит черты частного общества в его трактовке Ролзом, но при этом сохранит и усилит черты частного общества в трактовке Локка, однако не в ущерб государственным и национальным интересам. Весьма перспективной видится решение на государственном уровне задачи по развитию СОНКО – социально ориентированных некоммерческих организаций.

1. *Булавка Л. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // ИНТЕЛРОС. 2012. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/print:page,1,15620-postsovetskaya-realnost-imperativ-simulyativnogo-bytiya.html (дата обращения : 10.10.2025).*
2. *Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988. 704 с.*
3. *От общественного к публичному: Коллективная монография / Под ред. О. В. Хархордина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 530 с.*
4. *Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. / РАН. Институт русского языка; Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов. Т. 5 : (молимъ – обятьнъ), 2002. 647 с.*
5. *Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.*
6. *Claeys E. R. The Private Society and the Liberal Public Good in John Locke's Thought // Social Philosophy and Policy. 2008. Vol. 25. No. 2. P. 201-234.*
7. *Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts. The Belknap press of Harvard university press, 1990. 538 p.*

О ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: М. М. КОВАЛЕВСКИЙ ОБ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ

Миронов Денис Викторович
(СПбГУ)

В научном наследии М. М. Ковалевского довольно заметное место занимают работы по социальной антропологии и этнографии. Они имеют как теоретический, так и эмпирический характер. В первом случае речь идет о сформулированных им основных положениях генетической социологии [1], которые фактически являются теоретико-методологическими обобщениями по данной проблематике и в целом стали существенным вкладом в развитие российской социальной антропологии на раннем этапе ее развития. Во втором случае – это большой корпус эмпирического материала по этнографии народов Кавказа, который является не просто этнографическим описанием, совокупностью каких-то не обобщенных данных, а сложно структурированной системой эмпирических свидетельств духовной, общественной, правовой, политической жизни горцев. На базе этого материала Ковалевским был написан целый ряд работ по обычному праву разных народов Кавказа, которые не потеряли актуальности и в настоящее время, что подтверждается переизданием некоторых из них силами региональных издательств

скорее с целью популяризации истории народов Кавказа, формирования цельного социокультурного пространства, нежели из чисто академических соображений [2]. Этот интерес к результатам исследований Ковалевского во многом обусловлен потребностью в идейном оформлении общественных дискуссий по поводу исторической памяти отдельных народов, их идентичности, специфики путей их культурного, правового, социального развития.

Интерпретация правового обычая в жизни того или иного народа в исследованиях Ковалевского не исключала этот обычай из современного правового поля, несмотря на то, что он, будучи убежденным эволюционистом, огромное внимание уделял реконструкции правовых и прочих социальных учреждений, используя как этнографические, так и исторические данные, что в логике данного подхода определяло обычай как «пережиток» уже исчезнувших социальных институтов. Эту связь обычая с современностью он смог увидеть во многом благодаря тому, что был погружен в полевую работу, о чем сделал много полезных для научного осмысления правовых учреждений народов Кавказа методических замечаний. Они были изложены в частности в его полевых дневниках, написанных во время его совместной с В.Ф. Миллером работы на Кавказе в 1883 г. [3, с. 157 – 177].

На основании своих полевых наблюдений Ковалевский, не умаляя значимости обычного права в целом, отмечал, что применение обычного права в рамках «горского словесного суда» при решении каких-то частных, насущных вопросов не избавлено от разного рода злоупотреблений, неоднозначных толкований, что он объяснял «разнохарактерностью действующих в округе обычаев» [4, с. 537]. Такое положение дел в функционировании обычного права он видел в специфике обычая, как регулятивного инструмента, не имеющего такой строгой кодификации как правовая норма. Это определяло круг исследовательских задач, которые он ставил перед собой как антропологом, изучающим правовые обычаи: «что такое горский адат, из каких элементов он сложился? можно ли видеть в нем исключительно выражение народных юридических воззрений?» [5, с. 7], как повлияло на правовые обычаи народов Кавказа сближение с русской культурой. Он считал эти вопросы, как «те самые, от решения которых зависят не только научное понимание кавказского права, но и само направление нашей внутренней политики в этой окраине» [5, там же]. Ковалевский был убежден в том, что сугубо научный, теоретический интерес к изучению специфики народных норм кавказского права имеет практическое значение в рамках государственного политики на Кавказе в деле выработки отношения русского законодательства и судов к горскому адату.

Наследие русских социологов второй половины 19 в. начала 20 в., изучавших различные аспекты общественной практики, и пример М. Ковалевского тому подтверждение, на наш взгляд, актуально и сейчас в контексте идейного, смыслового оформления социокультурного пространства современной России. Однако интеграция этого знания в смыслообразующие практики не так проста, как кажется на первый взгляд, здесь требуется популяризация не только наследия русских социологов, но и самого социологического подхода к решению злободневных проблем современного общества. К их числу можно отнести как раз концептуальное оформление социокультурного пространства современной России.

1. *Ковалевский М. М. Социология. Том 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб., 1910.*
2. *Например: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. – Майкоп: ОАО «Афиша», 2006. 528 с.; Кавказ. Выпуск VII. Закон и обычай / Ковалевский М. – Нальчик: Издательство*

М. и В. Котляровых. 2011 (есть также переиздание 2021 г.); Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон : Обыч. право осетин в ист.-сравн. отношении : В 2 т / Сев.-Осет. ин-т гуманитар. исслед. – Репр. воспр. – Владикавказ : Алания, 1995. – VII, 340, 410 с.

3. *Полевые записи М.М. Ковалевского в Северной Осетии и Балкарии / Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.*
4. *Ковалевский М. М. В горских обществах Кабарды / Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.*
5. *Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. – М.: Кучково поле : АНО «Аудит недропользования и консалтинг», 2012.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПРОИЗОШЕЛ ЛИ ПЕРЕХОД ОТ МАССОВОГО ТУРИСТА К ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ?

Надеждина Евгения Владимировна
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Аннотация. Теоретические исследования в области социологии туризма показывают, что в середине XX века произошел переход от массового туризма, характерного для эпохи организованного капитализма, к пост туризму. Последний характерен для развитых постиндустриальных экономик. На смену большим группам организованных туристов приходит самостоятельный путешественник. Автор статьи, используя статистические данные, показывает, что для современной России характерно сочетание обеих форм туризма, при очевидном тренде на рост числа самостоятельных путешествий и путешественников.

Ключевые слова: социология туризма, организованный туризм, пост туризм, туризм в современной России.

Индустриальный тип экономики породил не только массификацию производства, но изменил сферу потребления. На смену статусно обусловленному доступу к благам приходит массовое потребление, объемы которого регулируются посредством маркетинга и рекламы. Потребительские рынки охватывают не только сферу товаров повседневного спроса, товаризации подвергаются сферы досуга и культуры.

Социологи Дж. Урри и С. Лэш отмечали, что развитие массового туризма на рубеже XIX – XX веков было обусловлено такими экономическими факторами, как развитие железнодорожного транспорта, рост реальных доходов населения, регулирование сферы труда и появление отпусков [6, 253 – 278]. Быстрое развитие туристической индустрии стало возможным благодаря росту отмеченных экономических аспектов, но и сочеталось с формированием культурных потребностей в получении новых впечатлений, сопровождалось возникновением «пространственных» мифов, благодаря которым повышалась привлекательность туристических мест.

Организованный туризм как экономическая отрасль стал возможным благодаря развитию технологии и техники, а «культурная индустрия» делала путешествия желанными и привлекательными для все бóльшего числа людей. Бизнес-модель, в рамках которой группы путешественников перемещаются по заранее определенным маршрутам, останавливаются в заранее оговоренных отелях и осматривающих знаковые достопримечательности, господствовала в странах Европы и Северной Америки вплоть до середины XX века.

В нашей стране в советский период туризм был частью плановой экономики, и регулировался административно. При переходе к рыночной экономике в конце XX возникает огромное количество туристических агентств, наблюдается бум выездного туризма, который в плане организационном строится по модели массового туризма индустриального типа.

Новый этап в развитии туризма связан с развитием пост-фордистской экономики и эпохи «дезорганизованного капитализма». Туристическая сфера претерпевает изменения, объясняющиеся, с одной стороны, технологическими причинами (развитие пассажирской авиации), а с другой – возрастающей мобильностью на микроуровне. Дж. Урри и С. Лэш отмечают, что туризм проникает в различные сферы деятельности человека, становится частью повседневных практик [6, 274]. Деиндустриализация занятости, рост деловых контактов и академической мобильности, открытость границ способствуют снижению популярности массового туризма, так как возможность получения новых впечатлений и прикосновения к иным культурам становится возможной и вне статуса «туриста».

Дин МакКанел отмечает, что современный турист находится в поиске подлинного опыта, стремится преодолеть сконструированный для него показной, демонстративный «передний план» и проникнуть в настоящую, подлинную жизнь [2, 78]. Эмпирические исследования в сфере туризма показывают многообразие мотиваций туристов к путешествию, стилям путешествий и т.д. Развивая положения МакКанела, В.Л. Смит [7, 142] и Э. Коэн [5, 528] выделяют четыре типа туристов: организованный и индивидуальный массовый турист, исследователь и бродяга.

Основными чертами современного туризма, в противовес массовому, как видим, являются поиск подлинности, стремление к накапливанию визуальных впечатлений, возможность самостоятельного планирования и организации поездки.

На основе имеющихся статистических данных мы постараемся показать, что в российской туристической сфере в настоящий момент можно наблюдать сочетание обоих типов туризма, массового и дезорганизованного.

Исследование «Российский индекс целевых групп» компании Ипсос Комкон [3] показывает, что внутренняя мобильность в России еще недостаточно развита, и обладает потенциалом роста. Выше доля путешествующих по России среди жителей двух столиц, Москвы и Санкт-Петербурга.

Таблица 1. Доля жителей российских городов, совершавших поездки по России и СНГ за 12 месяцев 2022 г., в процентах

	Всего по России	**Москва**	**Санкт-Петер-бург**	**Города 1 млн + (без Москвы и Санкт-Петер-бург)**	**Города 500 тыс – 1 млн**	**Города 100 – 500 тыс.**
Совершали поездки по России и СНГ (за 12 месяцев)	39	41	44	37	37	38

Значительная часть поездок наших сограждан приходится на Черноморское побережье [3]. Отдых на морском побережье возможен как в формате организованного пакетного тура, так и в самостоятельном. Сами по себе эти данные не дают оснований говорить о преобладании какого-либо типа туризма. Однако мы можем предположить, что

доля организованных туристов в этом направлении должна быть выше, чем самостоятельных, учитывая особенности транспортной логистики в летний период на южных направлениях.

Рисунок 1. Доля выезжавших по направлениям среди путешествующих по России и СНГ в 2022 г., в процентах от всего городского населения России

Эти данные коррелируют с результатами общероссийских опросов, проводимыми Аналитическим центром ВЦИОМ по итогам летних отпусков. Так, летом 2024 г. путешествовали по другим городам России 14 % наших сограждан, на курортах Краснодарского края отдохнули 8 %, в Крыму побывали 3 % россиян [1].

Что же касается формы организации туризма, отметим противоречие, которые улавливают оба процитированных нами исследования. Данные Ипсос за 2022 г. свидетельствуют, что преобладающим форматом проведения досуга для жителей городской России остается поездка к знакомым или родственникам, а на втором месте по частоте – самостоятельный туризм, т.е. поиск направления, покупка билетов и организация размещения в месте отдыха [3].

Обратим внимание на такие типы поездок, как самостоятельных отдых и командировки, деловые поездки. Треть городского населения России, согласно данным Ипсос Комкон, путешествует самостоятельно, что может свидетельствовать о развитии новой формы туризма, которую Дж. Урри и С. Лэш называют дезорганизованным туризмом [6, 272].

Сопоставляя данные аналитического центра ВЦИОМ о проведении летнего отдыха в 2023 и 2024 гг., видим, что растет востребованность отелей и гостиниц в период отпусков. В прошлом году в них останавливались 33 % отдыхающих, а пребывание у знакомых или родственников опустилось на вторую позицию и составило 25 %. Однако опрос ВЦИОМ проводился с целью описания параметров именно летнего отдыха, тогда как исследование Росиндекс компании Ипсос Комкон учитывает поездки в течение всего календарного года.

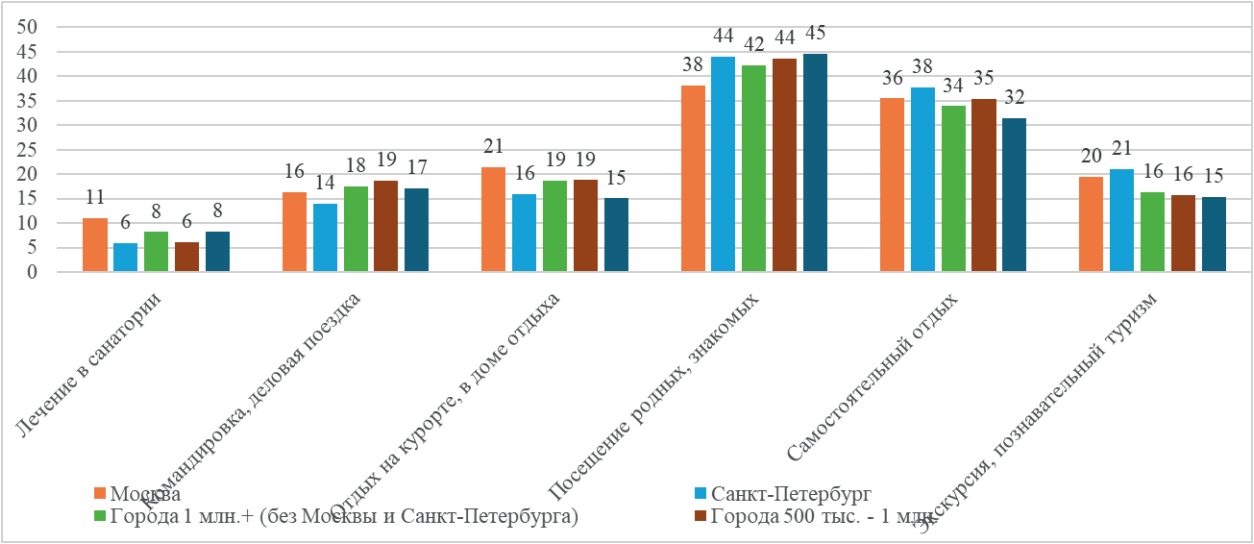

Рисунок 2. Типология видов поездок городского населения по России и СНГ среди совершавших такие поездки за 12 месяцев, в процентах

Данные Росстат, отражающие показатели развития туризма в Российской Федерации, показывают, что численность массовых туристов, показавшая резкий рост в 2021 г., вышла к 2023 году на плато. Резкий скачок 2021 г. объясняется снижением показателей в предшествующий пандемийный год и ограничениями, связанными с выездом за границу. И тем не менее, выразим осторожное предположение о том, доля организованных туристов исчерпала потенциал своего роста.

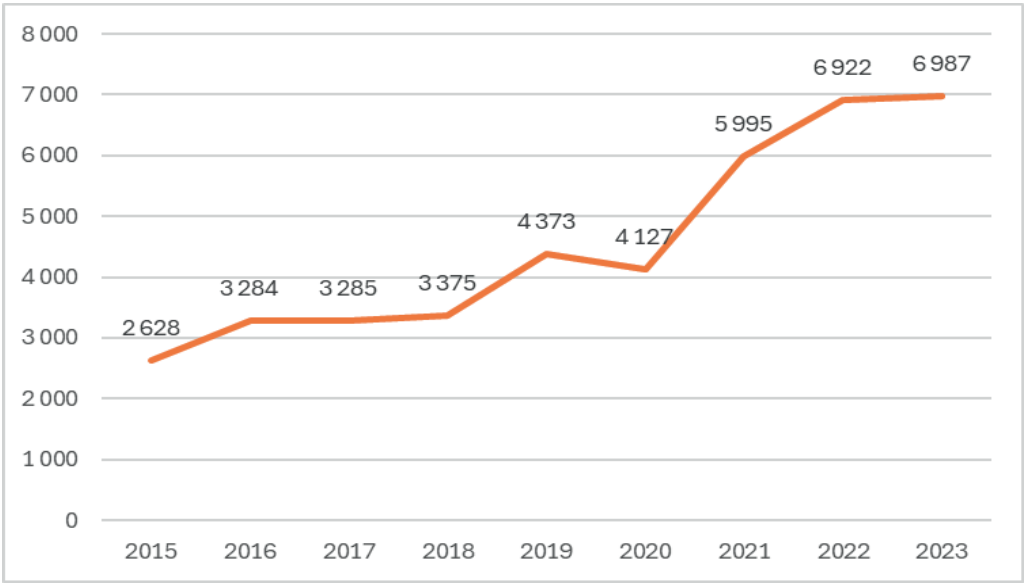

Рисунок 3. Численность граждан России, отправленных в туры по России, тыс. человек

Туристическая сфера, являясь значимым драйвером национальной экономики, в Российской Федерации пережила бурный рост на рубеже XX и XXI веков, когда основными местами притяжения были морские курорты Средиземноморья. Однако к концу 2010-х этот поток стал уменьшаться. Пандемия COVID-19, вызывавшая острейший кризис туристической индустрии по всему миру, одновременно дала толчок к развитию внутреннего туризма. Мы видим, как в России постепенно растет доля туристов самостоятельных. Частично эти изменения вписываются в тренд, описанный в

теоретических работах Дж. Лэша и С. Урри, писавших о формировании новых туристических практик под воздействием конца организованного капитализма и проникновением элементов туризма в другие повседневные практики. Последний тезис подтверждается статистическими данными, показывающими высокую долю самостоятельных путешественников среди городского населения России.

1. *Аналитический центр ВЦИОМ. Как я провел лето – 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-ja-provel-leto-2024 (дата обращения 12.10.2025)*
2. *Макканел Д. Турист: новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем, 2023*
3. *Российский индекс целевых групп. Дата исследования: 1 января – 31 декабря 2022 г.*
4. *Туризм в России. Статистический сборник. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm/publications (дата обращения 12.10.2025)*
5. *Cohen E. Who is a Tourist? A Conceptual Clarification // Sociological Review. 22(4). 1974*
6. *Lash S., Urri J. Economies of Sign and Space. L.: Sage., 1987*
7. *Smith V. L., ed. Hosts and Guests. Philadelphia: University of Pennsylvania Press 1977*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Одяков Сергей Вячеславович
(Южно-Уральский государственный университет (НИУ))

С точки зрения «жесткого» технологического детерминизма технологическим изменения в системе общественного производства отводится решающая роль, что и определяет социально-экономическое развитие системы. Несмотря на то, что «жёсткий» технологический детерминизм не исключает «мягкий» детерминизм (А. Смит, К. Маркс), можно согласиться, что социальные эффекты технологий сложны и многообразны. Тем более, нельзя не признать, что они не оказывают никакого влияния на общество и его подсистемы.

Среди теорий, рассматривавших процессы технологического развития в контексте их влияния на общество, следует выделить прежде всего следующие: теории постиндустриализма, теории информационного общества, теории информатизации и цифровизации общества.

В теории постиндустриализма (Д. Белл, Э. Бёрл, Т. Веблен, М. Кастельс, Л. Мамфорд, Г. Минс и др.) содержатся основные характеристики (параметры) будущего общества, наступающего вслед за индустриальной стадией. При этом знания и информация рассматриваются не только как причина перехода к постиндустриальному укладу жизни людей, но и как движущая сила такого общества.

Органичным продолжением постиндустриальных теорий можно считать теории информационного общества (М. Кастельс, И. Масуда, Э. Тоффлер, Ю. Хаяши, Г. Шиллер и др.). Сегодня традиционно под информационным обществом понимается постиндустриальное общество, в котором совершается информационная революция. При этом циркулирование информации внутри общества как информационной системы порождает эффект рассогласования отдельных компонентов, что не способствует желаемым целям повышения эффективности функционирования общества в целом и отдельных его подсистем.

Теоретические проблемы информатизации общества и отдельных его элементов раскрываются в концепциях западных исследователей: Г. Шиллер (неомарксизм), М. Альетта, А. Липиц (регулятивная теория), Д. Харви, Э. Гидденс (гибкая аккумуляция),

Ю. Хабермас, Н. Гарнэм (публичной сферы). Важно подчеркнуть, что информатизация рассматривалась как социальная доктрина, но ее научный и теоретический потенциал оказался недостаточным для целостного анализа общества цифрового характера. Теоретики информатизации увидели в ней определенный технический механизм и достаточно точно предполагали, что именно информатизация с ее повсеместным целевым внедрением компьютерной техники, аппаратными и программными решениями обусловит фундаментальные социальные изменения [2, 23 – 24]. В то же время сам характер этих изменений оказался раскрыт не в полной мере, что обусловило необходимость дальнейших изысканий.

Следует отметить, что теория цифровизации в большей степени разработана в рамках технических и естественно-научных направлений. Так, достаточно разработаны теории цифрового телевидения, цифровой связи, цифрового звука, цифровых автоматов, цифровой фотографии, цифровых систем и др. Эти технические и естественно-научные цифровые теории имеют колоссальное значение для процесса технической цифровизации, однако оказываются малопригодными для исследования и измерений социальных последствий, вызванных цифровизацией [там же, 25].

Дело в том, что цифровизация требует адекватного для ее описания «языка» социологической науки. Поскольку на гносеологическом уровне присутствует отставание гуманитарных наук от наук естественных и технических, это сказывается и на понятийно-категориальном аппарате, и на разработанности отдельных теорий.

В современной научной литературе процесс цифровизации общества, как правило, рассматривается через призму технологического (с позиций IT) и экономического подходов.

С точки зрения технологического подхода доминирующим является дискурс о необходимости масштабной роботизации общества. При этом предполагается, что данная тенденция имеет деструктивный характер, грозящий потерей работы не только неквалифицированным рабочим, но и профессионалам высокого класса. Вопрос же о том, в какой мере предполагаемые негативные последствия технологической инновации могут быть компенсированы совершенно неожиданными многообещающими перспективами в сфере труда и занятости, вообще не включается в повестку дня. Апокалиптические трактовки технологической инновации с точки зрения ее социальных последствий предполагают, что контроль в области информационных технологий, робототехники и искусственного интеллекта (ИИ) автоматически обеспечит его субъектам доминирующую позицию в обществе будущего [3].

Современный экономический подход, напротив, позиционирует новые технологии постмодерна как благо, правда, действующее по принципу «креативной деструкции», когда разрушение становится «повивальной бабкой инновации» [там же]. В этом контексте чаще появляются оптимистические прогнозы в отношении роли робототехники и ИИ в процессах социальных изменений и трансформации сферы труда.

Одним из ведущих сценариев такого рода можно считать модель четвертой промышленной революции, сменившей подготовившую ее цифровую (компьютерную) революцию 1990-х годов. В рамках парадигмы четвертой революции смысл происходящих сегодня масштабных и быстрых технологических изменений трактуется как превращение робототехники и ИИ (в самом ближайшем будущем) в «общецелевую платформу» [там же].

Однако в рамках технологического и экономического подходов практически остаются без внимания непланируемые последствия (латентные функции) цифровизации. Кроме того, оба подхода не позволяют исследовать социокультурный уровень

цифровизации общества, показать, в каком именно соотношении находятся объективное (цифровые объекты: сети, большие данные, алгоритмы и платформы), социальное (мир социальных взаимодействий) и практическое (деятельностный уровень).

В качестве альтернативы существующим подходам мы предлагаем развитие цифровой социологии, в рамках которой можно выделить два основных направления:

1) исследования коммуникации и средств массовой коммуникации (СМК), в том числе новые медиаисследования, акцентируют внимание на понятии «киберкультура», тогда как в социологии используются более общеупотребительные в данном контексте термины «информационное общество», «информационно-коммуникационные технологии», «цифровые технологии» и т. д. В рамках данного направления изучаются социальные, культурные и политические аспекты специфических особенностей цифрового мира, включая изучение программного обеспечения, игр, новых медиа и платформ [4, 13].

2) социология науки и технологий. Здесь весьма продуктивным представляется социоматериалистический подход. Речь идет о том, что цифровые данные не являются ни полностью нематериальными (идеальными), ни микроскопическими компонентами самой материи. Данная междисциплинарная область проводит критический анализ медиатехнологий в целом и цифровых технологий в частности. Если при классическом подходе социологов объекты материального мира оказываются как бы «за скобками» анализа, то представители акторно-сетевой теории в лице Б. Латура, М. Каллона, Дж. Ло и др. попытались создать альтернативный классическому объективизму подход, включающий не-человеческие объекты в поле социологического анализа [Op. cit, 15].

Исследователь Д. Лаптон говорит о таком направлении, как исследования программного обеспечения. Авторы этого подхода делают акцент не на процессе передачи и восприятии сообщений, как это было в более ранних моделях коммуникации, а скорее разрабатывают логику анализа, которая интерпретирует повсеместные акты вычислений как создающие и формирующие человеческие знания. При этом цифровые коды рассматриваются как агенты в «пересборке» социального. Действительно, распространенность программного обеспечения в повседневной жизни такова, что оно стало «универсальным языком, интерфейсом к нашему воображению и окружающему миру» [Op. cit., 24 – 25].

В итоге цифровое общество возникает как результат разработки и внедрения сложной технологической инфраструктуры, совокупность элементов которой представляет суть цифровизации [1, 113]. При этом так называемые синхронизированные (носимые) устройства фактически превращают человека в киборга. Такие устройства, с одной стороны, расширяют контроль человека над ним самим и его окружением. Они позволяют с помощью смартфона или «умных» часов измерять различные параметры тела, вести наблюдение за домом, управлять оборудованием и техникой на расстоянии. К этому следует добавить виртуальные очки, браслеты, кольца. Все это вместе взятое и привело к формированию инфраструктуры Web 2.0 (социальная сеть), а затем и Web 3.0 (Интернет вещей). С другой стороны, эти цифровые объекты (или «умные вещи») способны подключаться к сети Интернет и обмениваться данными между собой без вмешательства человека, создавая таким образом объединенные сети, охватывающие широкий спектр объектов, баз данных и цифровых платформ.

1. *Добринская, Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 112–129.*
2. *Ницевич, В. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С.18–28.*

3. *Якимова, Е. В. 2018. 02. 015. Бойд Р., Холтон Р. Дж. Технологии, инновация, занятость и власть: действительно ли робототехника и искусственный интеллект означают социальную трансформацию? Boyd R., Holton R. J. technology, innovation, employment and power: does Robotics and artificial intelligence really mean social transformation? // J. of Sociology. – L., 2017. – Aug. 29. – p. 1-15 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2018-02-015-boyd-r-holton-r-dzh-tehnologii-innovatsiya-zanyatost-i-vlast-deystvitelno-li-robototehnika-i-iskusstvennyy-intellekt-oznachayut (дата обращения: 21.08.2025).*
4. *Lupton, D. Digital Sociology. N.Y.: Routledge, 2015. 230 p.*

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ АНОМИИ ДЛЯ СВЕРХСОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.

Плетнев Алкександр Владиславович
(Кафедра Философии и социологии)

Аннотация. Анализируя литературное творчество древних греков в дофилософский период можно обнаружить генезис теории аномии, содержащийся там в латентном виде. Смыслы и проблематика, затронутые древнегреческими мыслителями, и в постцифровую эпоху не утратили актуальность. Это свидетельствует о значительном эпистемологическом потенциале изучения древнегреческой литературы. Древние смыслы и интерпретации понятия «аномия» могут быть результативно использованы для теоретического синтеза в настоящее время.

Ключевые слова: аномия, древняя Греция, кризис.

В древнегреческой литературе понятие «аномия» (anomos; ἄνομος) является словом обыденного языка и используется для обозначения последствий кризисных явлений в обществе [7]. Здесь следует иметь в виду, что до середины 5 в. до н. э. аномия понималась как нарушение социальных норм [9]. Впоследствии понятия нормы и безнормия (аномии) начинает пониматься в юридическом смысле. И трудах древнегреческих авторов слово «аномия» используется для обозначения качеств мифологических существ. Первым его использовал Гесиод в поэме «Теогония» (7 в. до н. э.).

Афиняне Исократ, Еврипид и Софокл демонстрируют проявления аномии в диалогах и действиях своих персонажей. В их произведениях прослеживается мысль, что причиной аномии является жестокость жизни в условиях окружающего космоса (всеобщего закона бытия). Еврипид впервые усомнился в сверхестественном происхождении и справедливости социальных норм. Драматург Эсхил из полиса Элефсис словом «аномия» описывал состояние богов и таким образом от аномии как характеристики отдельного индивидуума древнегреческая мысль переходит к интерпретации аномии как характеристики масштабных процессов. Современная социология только в середине XX века обращается к пониманию аномии как состояния отдельного индивидуума. Однако впоследствии интерес к данной интерпретации растёт. Роберт Макивер полагал, что в любом обществе отдельный индивиды могут быть подвержены аномии в любое время [5]. В целом теоретический обзор интерпретации понятия аномия в дофилософской античности позволяет с уверенностью утверждать, что многие смыслы этого понятия идентичны тем которые используются в современной криминологии и девиантологии [8].

Пятый век до нашей эры стал особым в античной истории и запомнился как век существенных социальных потрясений и трансформаций. Прежде всего это связано с реформой афинского Ареопага 462 – 461 гг. до н. э., проведённой политиком Эфиальтом. В результате реформы Ареопага значительная часть власти от олигархических кругов была передана простому народу, что стимулировало демократизацию общества и усиление политической борьбы. В этот период Геродот впервые употребляет понятие «ценность», что свидетельствует о развитии понятийного аппарата социальной мысли. Геродот осмысливал также понятие «аномия». Для Геродота аномия – это состояние ценностного противоречия, в котором «даже если законы и обычаи существуют, то это не гарантирует, что люди будут их уважать и соблюдать. В этом состоянии законы в целом мало соблюдаются, люди презирают закон» [8, с. 41]. Схожего мнения придерживался и афинский историк Фукидид. При осмыслении афинской истории он пришёл к выводу, что демократия в Афинском полисе сформировалась революционно быстро. Это обстоятельство не дало возможности афинянам адаптироваться к новой социальной реальности и привело к возникновению аномии. Этот подход во многом аналогичен современной институциональной теории аномии, но имеет противоположную направленность. Если согласно институциональной теории аномии сформировавшиеся институты утрачивают способность оказывать поддержку индивиду по причине распространения в обществе рыночных ценностей [10], то идея Фукидида заключается в недостаточной сформированности институтов, которые могли бы оказать индивидуумам поддержку в условиях политической и экономической нестабильности.

В целом следует отметить, что в пятом веке до нашей эры понятие «аномия» часто употребляется мыслителями, но целостного дискурса аномии не возникает. Понятия «аномия» применяется древними греками как к естественным законам природы (physis; φύσις) так и к социальным закономерностям (nomos; νόμος), которые могут быть следствием естественных процессов, но могут быть порождены общественными отношениями [1, с.36]. В настоящее время также можно обнаружить бурные обсуждения аномии личности и аномии социальных процессов, но отсутствие единого теоретического дискурса [3]. Проблема аномии является актуальной в настоящее время для каждой страны, но особенно она актуальна для государств переживающих бурные трансформации [2].

В дальнейшем в IV веке до нашей эры аномия становится предметом рассмотрения уже философов. Здесь крайне интересно, что софисты в своей работе труд «Ямвлих анонимный» «Anonymus Iamblichi» [4; 6] выдвигают концепцию "еномии" (εὐνομία; eunomía) как устойчивого нормативного регулирования общества и соблюдения законов, которое является противоположностью аномии. Анализ дофилософского пласта древнегреческого мышления показывает, что историки и литераторы заложили основу не только для философского, но и для частнонаучного осмысления анемии. Древние корни исследования аномии слабо изучены в англоязычной литературе и совершенно не изучены в русскоязычной. При этом такое изучение таит в себе существенный эпистемологический потенциал.

1. *Луковская Д. И., Разуваев Н. В. Учение досократиков о справедливости и законе //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Серия 14, Право. № 3. с. 35- 44.*
2. *Плетнев, А. В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине / А. В. Плетнев // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6. С. 44-53.*
3. *Плетнев, А. В. Развитие социальной аномии как фактор изменения педагогических практик в условиях виртуализирующегося общества / А. В. Плетнев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3(79). С. 190-193.*

4. *Cole A. T. The Anonymus Iamblichi and His Place in Greek Political Theory // Harvard Studies in Classical Philology. 1961. Vol. 65. p. 127-163.*
5. *MacIver. R.M. The Ramparts We Guard. – Macmillan, New York, 1950. 152 p.*
6. *McKirahan R. D. Philosophy Before Socrates: An Introduction with Texts and Commentary 2nd Edition. Hackett Publishing Company. 2011. p. 419-429.*
7. *Orru M. Anomie and social theory in ancient Greece // European Journal of Sociology. 1985. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 3-28.*
8. *Orru M. Anomie: History and meanings. Mass., Winchester.: Allen & Unwin, 1987. – 210 P.*
9. *Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. 1st Edition. Oxford University Press. 1969. – 228 p.*
10. *Reid, J. C., Stults, B. J. Race, Institutions, and American Homicide: A Du Boisian Test of Institutional Anomie Theory // Race and Justice. 2025. Vol. 1., Iss. 1. Pp. 1-28.*

СФЕРНАЯ МАКРОСОЦИОЛОГИЯ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ТРИ МИРОВЫХ ОТКРЫТИЯ РОССИИ

Семашко Лев Михайлович
(Гандианский Глобальный Союз Гармонии)

Аннотация. Эта статья объясняет смысл трех нераздельных, сквозных мировых открытий сферной макросоциологии или сфероники: сферного мышления, сферной науки вечного мира и сферного ИИ на ее основе.

Они обеспечат человечеству новую эру, а России – мировое цифровое лидерство при их стратегической ресурсной поддержке. Они сделают сферную макросоциологию приоритетной наукой при соответствующей заинтересованности социологов.

Ключевые слова: сферная макросоциология, сфероники, сферное мышление, сферная наука вечного мира, сферный ИИ (СИИ), социетальные сферы, сфероны, сферная социальная структура, сферный социальный геном, сферная социальная клеточка, сферное образование

Эта статья – спрессованные ключевые выводы из нашего «***Букваря науки мира и СИИ***», [1], 12-й миротворческой книги ГГСГ, венчающей его 20-летнюю историю создания «***Науки вечного мира***» (НВМ) в рамках полувекового цикла развития сферного мышления в России, начиная со студенческого клуба Демиург в ЛИТМО с 1975 года [2]. Исторически необходимый переход человечества в новой современности к целостно-планетарному, сферному научному мышлению определяет мировоззренческий стержень нашего Букваря и конституируются в трех нераздельных и сквозных сферных открытиях, перечисленных в его названии. Их значение для России раскрыто в Заключении Букваря [3].

1. Сферное мышление человека: высший уровень обобщения природ планеты

Эволюция человеческого мышления, охватывающая четыре качественно разных уровня ментального обобщения реальности вместе с их адекватными, качественно разными способами/образами ее выражения (первобытное, мифологическое, научное-дисциплинарное и научное-сферное/целостное) на разных этапах исторического развития развернута в главе 4 и сфокусирована рисунком 7 [4]. Поскольку первые три способа мышления и переходы от низших к более высоким достаточно исследованы, то наш Букварь посвящен становлению высшего, сферного способа мышления на высшем, а потому на самом глубоком, целостно-планетарном уровне научного обобщения. Оно реализуется в человеческой истории через познание, признание и осмысление равно

необходимых и вместе достаточных реальных сфер всех трех планетарных природ: физической, органической/биологической и социальной [5].

Этот исторический переход от частичного, научно-дисциплинарного к целостному, научно-сферному мышлению может быть квалифицирован как «***второе осевое время***» по аналогии с «***первым осевым временем***» (8 – 2 века д. н. э.), исследованным Ясперсом, предполагавшим следующее осевое время [6]. По нашей гипотезе, оно предположительно начинается с идеи вечного планетарного мира человечества Канта, 1796 [7]. Эта идея предполагает целостное научное знание фундаментальных сфер социальной природы человечества как вечных общих опор его вечного мира в их стихийном исследовании второго осевого времени, завершающемся их макросоциологическим осознанием.

Подобное научное знание фундаментальных сфер социальной природы доступно только соответствующему, сферному мышлению и никак недоступно частичному, разорванному на тысячи отраслевых наук дисциплинарному мышлению (ДМ). Их точное число неизвестно, но в 2020 году называлось около 75 000 научных дисциплин [8].

ДМ – амбивалентно по своей природе. Его неоспоримое благо заключается в том, что все его отраслевые науки обеспечили, почти за 3 тысячи лет, все многообразие и богатство современной цивилизации. Однако давно был замечен его «***родовой порок***» от прежних, частичных образов мышления, его «***слепота на целое***», которая зафиксирована во многих древних культурах, особенно в индийской притче «***слепцы и слон***», глава 2 [9]. Этот порок ДМ, незаметный в частностях, аккумулируется и проявляется в неразрешимых планетарных, целостных проблемах, создаваемых ДМ. Это создает угрозу «***выживанию человечества***» по Эйнштейну и дискредитирует ДМ как «***безбожную и лживую науку***», способную не только на истину, но и на лживые, прямо противоположные решения по каждой глобальной проблеме, порождая вечную конфронтацию [10].

Однако в итоге они создают синергийный симбиоз. СМ строится на фундаменте ДМ, интегрирует, «***на плечах гигантов***» его фундаментальные отраслевые достижения, дополняет его целостным видением, обеспечивающем решение его неразрешимых проблем, но неопровержимо с его фрагментарных позиций. Поэтому ДМ бессильно подавить СМ как часть целое и наоборот.

2. Сферное мышление – быстрый взгляд на трех тысячелетнюю историю

Мы не останавливаемся здесь на долгом пути становления СМ, интуитивно и спорадически сопровождавшего историю ДМ, начиная с натурфилософской «***гармонии сфер***» Пифагора, научно продолженной Кеплером в «***Гармонии мира***». Системно, но стихийно оно начало развиваться, так или иначе, в трудах мыслителей «***второго осевого времени***»: Канта, Конта, Смита, Рикардо, Маркса, Вл. Соловьева, Шардена, Ганди, Ковалевского, Вернадского, Эйнштейна, Кондратьева, Сорокина, Рожина, Барулина, Слотердайка, Уилбера и ряда других [11]. Мы не касаемся альтернативных треков интеллектуального движения сферной направленности внутри самого ДМ, давно иллюстрирующих его холистическую недостаточность: космизм, всеединство, интегрализм, солидаризм, универсализм, мультипарадигмализм, междисциплинаризм, мультилатерализм и подобных названных в Букваре.

Исторический тренд СМ, начатый категорией «сфера» Пифагора получил фундаментальное научное обобщение в планетарном законе «***Равно необходимых достаточных сфер***» (РНДС) природы в главе 3. Он нашем в Букваре научную верификацию 13 историческими фактами (главы 2 – 6). За 50 лет сознательного развития СМ на двух этапах, российском с 1975, продолженном ГГСГ на международном этапе с 2005, оно получило подтверждение мировой статистикой (главы 7, 8 и 9).

3. Наука вечного мира сферного мышления человечества – первое условие его выживания в ядерной цивилизации

Вся история ДМ доказала неразрешимость в нем постоянно воспроизводимой им проблемы безопасности/мира народов. Она конституирует миротворческое бессилие ДМ в непрерывном продуцировании бесконечной и тотальной конфронтации, воплощающейся бесконечной гонкой вооружений и планетарной милитаризацией. В его многотысячелетней истории не было истинного, вечного мира, а были только перемирия, как перерывы между бесконечными войнами с подготовкой к новым войнам, что доказал Кант [7].

С изобретением и использованием ядерного оружия в атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, ознаменовавших рождение ядерной цивилизации (глава 2), стала очевидной неотвратимость в ней ядерного самоистребления человечества. Она требует, как подчеркивал Эйнштейн 70 лет назад, «***субстанциально нового [по сравнению с ДМ} мышления, если человечество хочет выжить***». Но 80 лет оно упорно демонстрирует нежелание выжить, отказываясь от поиска и создания «***субстанциально нового***», СФЕРНОГО, планетарного мышления, предпочитая ему суицидно-геноцидную гонку ядерного оружия в рамках ДМ.

В нашем Букваре, во всех главах (особенно 4 – 7), раскрывается единственный фундаментальный способ научного решения глобальной проблемы безопасности – вечным миром на основе планетарной, трансдисциплинарной НВМ сферного мышления с помощью ее СИИ. В НВМ доказано, что без целостного СМ, единственно способного рефлексировать вечные социетальные сферы вечного мира, последний невозможен, как и общественное производство человечества, следовательно, и его выживание. Сферная структура НВМ сфокусирована картой 16 социетальных РНДС человечества на рисунке 9 главы 5 как его социальная клеточка и сквозной геном [12].

Вечный мир как естественная и идеальная, полная и неделимая безопасность всех народов, стихийно царившая в Золотом веке, может быть сознательно основан только на гармонии вечных сфер общественного производства и вечных сферонов населения, занятых в них [13]. Но сознательный вечный мир никогда не был и не может быть построен на преходящих, временных отраслях производства, их временных классах/группах и временных государствах в ДМ. Наш Букварь дает первый пример системного, научного и верифицируемого сферного, макросоциологического мышления вечного мира в бесконечном развитии человечества на все будущее.

4. Сферный ИИ (СИИ): технологическое воплощение сферного мышления в сферной макросоциологии вечного мира

Однако макросоциологический, сознательный вечный мир может обеспечиваться НВМ, ввиду его невообразимой сверхсложности диалектической гармонии социетальных сфер в их бесконечном, историческом многообразии только с помощью адекватного, сферного ИИ (СИИ), планетарного по масштабу и сквозного по глубине. СИИ оказывается единственным общим технологическим ключом всех субъектов/акторов к научному вечному миру на планете в новой современности. Его субстанциальное, непреодолимое превосходство для мира и бизнеса определяется его сферным, макросоциологическим мышлением [14]. Его экономическое превосходство определяется тем, что если мировой лидер ИИ, корпорация «***OPEN-AI***» (Сэм Альтман), для которой СИИ есть «***тотально новый подход***», собирается сделать за 10 лет за сотни миллиардов долларов [15], то стартап СИИ предлагает сделать за 2 года за 5 миллионов долларов [14]. Раскрытию всех преимуществ СИИ по 18 позициям посвящена венчающая, 10-я глава нашего Букваря [15]. Одновременно, СИИ доказывает, что сферная макросоциология

является самой общей, планетарной наукой среди всего кластера социо-гуманитарных наук, а потому методологически приоритетной среди них, только на основе которой определяется место в обществе естественных и технических наук.

5. Россия: возможности цивилизационного мирового лидерства на основе СИИ и сферного мышления

Сферные мировые открытия, осознанные в России на почве соборной многоконфессиональности за 50 лет в рамках «***Золотого правила религий***» [16] открывают следующие прорывные, амбициозные возможности ее цивилизационного лидерства:

1. Целенаправленное лидерство во «***втором осевом времени углубления ментальности» человечества***.

2. Технологическое, цифровое лидерство в СИИ.

3. Лидерство сферной макросоциологии как бесконфронтационном научном мировоззрении, преодолевающем всеобщий глубокий кризис обществознания, которое «***не в состоянии ни объяснить происходящие события, ни предвидеть их будущий ход***» [17].

4. Научное лидерство в реализации НВМ через ее институализацию в независимой научной Академии и политическом «***Департаменте мира***».

5. Политическое лидерство в сферном строительстве многополярности вечного мира.

6. Экономическое лидерство в сферной организации общественного производства и его управления на основе сферного повторения «***Китайского экономического чуда***» Ден Сяопина ежегодного роста ВВП выше 15 % [18; 19; 20].

Сферное мышление – неизбежное будущее человечества в гармоничной, ненасильственной эре, впервые сознательно запущенной в России.

1. *Семашко Л. М. и др. Превосходство сферного ИИ (СИИ) из Науки Вечного Мира Сферного Мышления. Букварь науки мира и СИИ. Первое, пилотное издание. – СПб.: 2025. – 128 с.: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1145*
2. *Смирнов А. А. и др. Демиург: 1975–1980: Начало Науки Вечного Мира Сферонов в России. 2025: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1138*
3. *Семашко Л. М. и ГГСГ. Три мировых открытия в Букваре: их значение для России.*
4. *Глава 4: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1125*
5. *Глава 3: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1124*
6. *Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.*
7. *Кант И. К вечному миру. // Трактаты о вечном мире. М. 1963, с. 150-192: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1099*
8. *Осмаковский Б. Сколько у нас существует наук? – 2020: https://yandex.ru/q/question/skolko_u_nas_sushchestvuet_nauk_9404b470/*
9. *Глава 2: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1123*
10. *Keenan M. G. Godless Fake Science – Used for Deceptive Corporate and Political Agendas February 25, 2025: https://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=1255*
11. *Семашко, Л. Социология для прагматиков. От монизма к тетрализму : учебное пособие / Л. Семашко. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1999. – Ч. 1. – 376 с. – URL: https://peacefromharmony.org/docs/sociologiya−dlya−pragmatikov.pdf*
12. *Глава 5: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1126*
13. *Глава 6: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1127*
14. *Глава 10: https://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1131*
15. *Семашко Л. Синергия дополняющих парадигм ИГИ: «OpenAGI» (ОИГИ) и «МирИГИ» (МИГИ). 13-01-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1059*
16. *Глава 1: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1122*
17. *Глазьев С. За горизонтом конца истории. М. 2021: (https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=926, стр. 13).*

18. *Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. Москва: Издательство «Весь Мир», 2023 – 406 с.*
19. *Семашко Л. и Зиберт Р. Китай и Россия за мир во всем мире. Сферная логика его продвижения и институализации. 09-06-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1074 и на китайском: https://peacefromharmony.org/?cat=ch_c&key=8*
20. *Семашко. Наука мира и ее логика сфер: ускорение роста экономики, инвестиций и бизнеса. Интервью международному журналу WGF (World Growth Forums – Мировые Форумы Роста). Дели. 12-05-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1072*

ЧАСТНЫЙ АРШИН И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ: К СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Синютин Михаил Владимирович
(СПбГУ)

В русской социологии усиленно распространилась идея рассмотрения нашего общества как самобытной цивилизации. Это не связано с революционным научным открытием. Подобные концепции существовали на протяжении более века. Причина кроется в изменении геополитической ситуации, вызвавшей запрос на крепкую идеологию. В основе этой идеи лежит принцип внутренне-детерминированного воспроизводства или сохраняющегося суверенитета. Он возвращает на повестку дня обсуждение вопроса об отношении общего и особенного в общественно-исторической закономерности. Востребованность возвращения к данному вопросу объясняется необходимостью регулярного уточнения меры соотнесения общего и особенного в меняющейся конкретно-исторической обстановке современности.

В социологии достаточно веских доводов в пользу выявления капиталистического характера текущих общественных процессов. Их использование давно приняло систематический характер. В недавнем прошлом отечественная социология не смогла справиться с задачей выявления таких процессов на фоне социалистической политики и идеологии советского государства. Но и позднейшие решения данной задачи оставались в плену установок иллюзорной деидеологизации общественных наук. Сложность оказалась также в том, что сами капиталистические закономерности принимали во времени разную форму, особенно в различных национально-региональных условиях. Путаницу вносило стремление воспользоваться поверхностными явлениями и их простыми объяснениями для характеристики перемен, а порой даже для смены картины капиталистических процессов иными картинами или даже чертежами.

Концепция российской цивилизации встретилась с концепцией капиталистической цивилизации. Данная теоретическая ситуация выступает показательным выражением новой современной политико-экономической и геополитической реальности. Вместе с тем разворачивание и полемика данных концепций протекают в дискурсивном поле борьбы различных общественных интересов и являются её теоретическим продолжением. Свобода от ценностей в социологии сменилась борьбой за ценности, только в монастыре иной епархии. Пикантность положения в том, что инструментарий или аршин социологии был приготовлен для совершенно иных задач и социологическое сообщество вынуждено проявлять находчивость и изобретательность.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА. ПРОЕКТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ.

Смирнов Пётр Иванович
(СПбГУ)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость анализа фундаментальных ценностей общества для длительного и осмысленного существования человечества. Изложен проект универсальной типологии, включающий пять групп ценностей. Рассмотрена иерархия высших общечеловеческих ценностей. Наивысшей ценностью признан мыслящий дух, а остальные ценности инструментальными по отношению к нему.

Ключевые слова: ценность, типология, иерархия, мыслящий дух.

Категория «ценность» ныне прочно вошла в массовое сознание. Ею пользуются обществоведы, философы, политики, деятели культуры, обычные люди. Создаётся впечатление, что даже категория «потребность», считавшаяся ключевой в понимании общественных процессов и проблем, отступает на второй план. Чем же обусловлено повышенное внимание к ценностям? Ниже предлагается ответ на этот вопрос.

Потребности и ценности – стимулы деятельности. Деятельность по удовлетворению потребностей необходима, обеспечивая существование человека и общества. Деятельность по достижению ценностей свободна, придавая смысл существованию. Ныне мощь человеческой деятельности так велика, что, в принципе (и пока), можно удовлетворить потребности всех людей на приемлемом уровне. А раз существование обеспечено, на первое место выдвигается вопрос о смысле существования. В общественном сознании этот вопрос проявился в форме дискуссии о традиционных и нетрадиционных (либеральных) ценностях. Однако какая конкретная ценность или ценности способны придать смысл существованию человечества? Ответить на этот вопрос невозможно без анализа типологии фундаментальных ценностей общества.

Теоретики уже утверждали, что ценности лежат в основе социальных систем [10, 202 – 203; 2, 764]. В неявном виде об этом писал Аристотель [1, 379]. Однако нужен конкретный перечень этих ценностей в качестве первичного материала для построения типологии.

В социологии возможны два пути выявления общественных ценностей: эмпирический и теоретический.

Эмпирический путь основан на изучении мнения людей о ценностях. Для этого в массовых опросах используются предварительно сформированные стандартные перечни ценностей. Так изучались терминальные и инструментальные ценности американского [11, 28] и советского общества [9, 298 – 209]. Главные недостатки эмпирического способа: 1) изучаются лишь мнения людей о ценностях, 2) выявленные ценности характерны только для конкретного общества (эмпирически выявленные ценности американского и советского обществ оказались весьма различны).

Теоретическим путем ценности общества можно выявить, опираясь на некую абстрактную (неявную) ценность, анализ которой позволит обнаружить общие ценности для абстрактного общества, а специфику отдельного общества определит их конфигурация. Теоретически строил всеобщее царство ценностей Н. О. Лосский, выводя из высшей ценности («абсолютной полноты бытия», данной в Боге) частичные абсолютные ценности как необходимые условия такого бытия [3, 273]. В теории

социологии целесообразнее использовать теоретический способ выявления ценностей, хотя он имеет главный и существенный недостаток: исходная ценность постулируется, её нельзя формально доказать, можно лишь обосновать её осмысленность.

Поскольку ценности – стимулы человеческой деятельности, то для выявления фундаментальных ценностей общества нужно использовать главный стимул деятельности человека как социального существа. В качестве такового предлагается ценность «социальная значимость», понимаемая как способность человека оказывать влияние на ход дел в обществе. Её противоположность – социальное ничтожество – полная неспособность влиять на ход общественных дел. Предполагается, что большинство людей интуитивно стремятся к социальной значимости, избегая социального ничтожества.

Социальная значимость не существует в «чистом виде» и не выступает на уровне обыденного сознания как понятная и желанная цель. Она воплощается в более привычных для людей ценностях – модусах социальной значимости, в краткий перечень которых входят: святость, власть, знание, слава, мастерство, богатство, хозяйство [4, 139 – 157].

Названные модусы являются целевыми общечеловеческими ценностями индивидуального уровня и составляют *первую группу* в типологии фундаментальных ценностей общества. Стремление к ним обеспечивает общество энергией развития

Вторую группу составляют инструментальные ценности, имеющие социальное происхождение. Это право, свобода, равенство, справедливость, братство, милосердие, долг, дисциплина и т. д. Они обеспечивают людям доступность модусов, смягчают и упорядочивают конкуренцию между ними.

Третью группу образуют инструментальные ценности, природные по происхождению. Это свойства человека, получаемые при рождении: жизнь (как природный процесс), ум, здоровье, красота, сила, ловкость и т. п. Это необходимые предпосылки для достижения социальной значимости. Первоначально это достающиеся даром блага, но становящиеся ценностями, ибо на их сохранение и совершенствование предпринимаются усилия.

Четвертая группа – целевые ценности, характеристики природной среды, из-за которых с древности ведётся борьба: земля, вода, руды и прочие природные ресурсы. Обобщенно их можно назвать «вещество», «энергия», «пространство». Крайне важно, что они являются природным субстратом богатства и хозяйства.

В пятую группу входят высшие общечеловеческие ценности: человечество, человек, общество, личность, природа, мыслящий дух (Бог или совокупная душа человечества). Они выступают в качестве безусловных предпосылок существования всех людей, причем в настоящее время для их сохранения требуются всё большие усилия. Высшие ценности для отдельных людей или групп могут иметь более конкретный вид. Человечество воспринимается как родной народ, общество как отечество, мыслящий дух как групповой бог и т. д.

Для длительного и осмысленного существования человечества нужна иерархия высших общечеловеческих ценностей (это способствовало бы решению глобальных проблем). Необходимо найти наивысшую общечеловеческую ценность, надолго определяющую направленность человеческой деятельности. Её можно выявить, проведя мысленный эксперимент, выбрав в качестве наивысшей одну из высших общечеловеческих ценностей и оценив следствия, вытекающие из выбора. Возможно, какая-то из них окажется целевой, а все остальные инструментальными по отношению к ней.

1) Пусть наивысшей ценностью будет признан человек с его правами (достоинство и ценность человеческой личности), как заявлено в международном праве [8]. Но эти ценности (навязанные западной цивилизацией современному обществу) продуцируют

экологическую проблему, без решения которой благополучие человечества невозможно. Стремление человека реализовать себя в обществе через богатство и хозяйство (при росте численности населения, повышения минимально приемлемого уровня богатства и постоянного возрастания мощи человеческой деятельности) влечёт нехватку ресурсов. Ценности «человек» или «личность» нельзя принять в качестве наивысших.

2) Если признать наивысшей ценностью природу, то для её сохранения лучше всего уничтожить человечество в его нынешнем состоянии. Тогда природе ничто не будет угрожать, и она, при всех природных катастрофах, будет существовать до скончания века. Мы согласны на это?

3) Если объявить наивысшей ценностью человечество как биологический вид, то для его сохранения нужно отказаться от научных и технологических достижений и вернуться на уровень примитивных племен, живущих в согласии с окружающей средой и не вредящих природе. Этот выход неприемлем по моральным и практическим соображениям.

4) Признание общества в качестве наивысшей ценности позволило бы существенно смягчить экологическую проблему за счёт жёсткой экономии ресурсов и регуляции поведения людей во всех сферах общества. Но это влечёт становление общества тоталитарного типа, в котором личность будет систематически приноситься в жертву, а её самочувствие – в высшей степени неудовлетворительным. Теоретически подобную ситуацию предсказал Г. Спенсер, утверждавший, что социализм как общественный строй в своем реальном воплощении может быть только бюрократическим социализмом, подавляющим личность. Проникновение в законодательство развитых стран Европы идеи государственного социализма чревато «грядущим рабством» [5; 6, 1360 – 1384].

5) Признание наивысшей ценностью мыслящего духа не влечёт неприемлемых следствий. Для его сохранения необходимо позаботиться о человечестве как носителе духа, сохранить достижения современной цивилизации, гармонизировать отношения между личностью и обществом, предоставив личности определенную меру свободы, и поберечь природу как источник жизни.

Значит, мыслящий дух оказывается целевой ценностью, а остальные выступают инструментальными по отношению к нему. Сохранение духа, «радостный труд… в единодушном созидании Духа Земли» [7, 200] придаёт человечеству смысл существования. Это лучшее оправдание нашего пребывания на прекрасной и грешной Земле.

Человечеству для длительного и осмысленного существования необходимо разобраться с иерархией своих высших ценностей. Предварительное и непременное условие решения этой задачи есть построение типологии фундаментальных ценностей общества.

1. *Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль. 1983. С.376-644.*
2. *Киссель М. А. Ценностей теория / М. А. Киссель // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М.: Советская энциклопедия. 1983. С.763-764.*
3. *Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Лосский Н. О. // Бог и мировое зло. – М.: Республика. 1994. С. 250-315.*
4. *Смирнов П. И. Ценность: стимул деятельности и одно из основных понятий социологии / П. И. Смирнов // Теоретический журнал Credo new. 2011. № 1. С. 139-157.*
5. *Спенсер Г. Грядущее рабство [Электронный ресурс] / Г. Спенсер / http://www.sotsium.ru/books/89/78/spencer_coming%20slavery.html, Режим доступа свободный. – Загл. с экрана.*
6. *Спенсер Г. От свободы к рабству / Г. Спенсер // Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. – Мн.: Современ. Литератор, 1999. С. 1360-1384.*
7. *Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука. 1987. – 240 с.*

8. *Устав ООН. Преамбула.*
9. *Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов. – Л. 1979. – 264 с*
10. *Parsons T., Shils E.A. Values, Motives and Systems of Action / T. Parsons, E.A. Shils // Toward a General Theory of Action. N-Y. 1962. PP.47-275.*
11. *Rokeach M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – New York. 1973. – 438 p.*

ОТ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ» К «СЫПУЧЕМУ ОБЩЕСТВУ»: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В 2020-Е ГОДЫ

Филиппова Татьяна Ивановна
(Независимый исследователь)

Аннотация: Автором предлагается концепция «сыпучего общества» для описания социальной реальности 2020-х, приходящей на смену «текучей современности» Баумана. Анализируется генезис этого общества в условиях метакризиса. Рассматриваются его ключевые характеристики: рост экзистенциальной тревоги, кризис индивидуальной и групповой идентичности, поляризация и фрагментированность социальной реальности.

Ключевые слова: Сыпучее общество, метамодерн, фрагментированность, метакризис, BANI-мир, тревога, социальная поляризация, кризис идентичности, кризис групповой идентичности, алгоритмы, социальные медиа.

Еще Ж. Ф. Лиотар в «Состоянии постмодерна» заметил, что в конце XX века метанарративы сменились фрагментарными, «малыми» нарративами, которые описывают повседневный, локальный опыт [5]. Позже, в 2000-м году Зигмунт Бауман описал «Текучую современность»: гибкое и пластичное состояние общества, где социальные институты ослаблены, а индивидуальная жизнь характеризуется мобильностью, неопределенностью и непрерывным потреблением [1].

Сегодня, в 2025 году, можно заявлять о наступлении «Метамодерна». Как справедливо заметил Асочаков Ю.В. на Ковалевских чтениях 2024 года, новому миру характерна фрагментарная, связанная в сеть, структура социального устройства [1]. Необходимость формирования новой методологии для изучения этого общества уже отметили такие исследователи как А. Пипере и К. Мартинсоне [16], Дж. Ананда и Дж. Сторм [15].

Сегодня мы видим, как «жидкое» состояние общества сменяется «сыпучим» и зыбким. Старые ценности, метанарративы развалились, а сформированные локальные «истории» больше не «склеивают» социальную структуру. Они, напротив, вступают в борьбу вследствие непрекращающейся социальной и ценностной энтропии. На смену VUCA-миру (волатильность, неопределённость, сложность, амбивалентность), описанному в 1980-е, приходит концепция BANI (хрупкость, тревога, нелинейность, непостижимость) [12].

Генезис нового общества, безусловно, связан с пандемией коронавируса, в ходе которой социальные связи в буквальном смысле оборвались и выросла подозрительность к миру, экономике и «заразному» соседу. Разразилась глобальная информационная война между «ваксерами» и «антиваксерами». Биополитика стала децентрализованной, сетевой, горизонтальной, где каждый осуществлял контроль и суд: от охранника в «Пятерочке» и до автора поста в социальной сети. Война за тело велась со всеми и против всех.

На этой тревожной почве Специальная военная операция (с 2022 года) и война в Газе (с 2023 года), проходящие в непосредственной близости от «благополучного» Запада, способствовали очередному разделению на «своих» и «чужих» и закреплению высокого уровня общественного напряжения. Эти и другие кризисы, демографические проблемы, миграция, финансовые системы и цифровая революция усиливают необходимость адаптации и поляризуют общество [11]. Эти кризисы не линейны, а образуют систему взаимосвязанных проблем – метакризис, который включает кризис смысла, психического здоровья, экологии и цифровой глобализации [10, 17].

Для возникшего в 2020-е «сыпучего» общества характерен повышенный уровень социальной и экзистенциальной тревоги. Рост тревожности подтверждается лонгитюдными данными. Так, глобальное исследование Gallup показывает, что Индекс негативного опыта (включающий стресс, беспокойство, гнев и печаль) последовательно рос в течение последнего десятилетия, достигнув рекордных значений именно в 2021 – 2022 годах [13]. Этот всплеск подтверждает и масштабное исследование, опубликованное в The Lancet, согласно которому пандемия COVID-19 спровоцировала рост глобальной распространенности тревожных расстройств более чем на 25 % всего за один год, что является беспрецедентным скачком [18].

Рост социальной тревожности подтверждается лонгитюдными исследованиями в разных регионах мира. Так, в России фиксируются рост и трансформация типов социальной тревожности [6], в США в период с 2021 по 2022 год около трети взрослого населения сообщали о симптомах тревожных или депрессивных расстройств [8], а схожие тенденции наблюдаются и в странах Африки [19].

Данное состояние является следствием не только ценностного и символического коллапса, проявляющегося в распаде метанарративов и эрозии традиционных групповых идентичностей, но и функционирования глобальных социальных медиа, где идентичность индивидуума подвергается постоянной актуализации. Это явление, известное в медиаисследованиях как «коллапс контекстов» (context collapse), приводит к непосредственному столкновению с множеством часто противоречащих друг другу образов и ценностей [20]. Интернализируя их, сам индивид перестает быть целостным, мимикрируя под различные социальные группы, окружающие его в реальности физической и виртуальной, и вступает в борьбу за право на существование собственной личности. Этот процесс, по мнению философа Бён-Чхоль Хана, превращает индивида в постоянно оцениваемый проект, лишенный приватности и вынужденный соответствовать требованиям «прозрачного общества» [14]. Это подтверждают и классики постструктурализма, от Лакана до Делёза: субъект позднего модерна – принципиально фрагментирован**.**

Помимо кризиса идентичности индивида, характерного для эпохи постмодерна, формируется кризис идентичности групповой. До 2020-х годов ярлыки служили основой самоопределения культурных меньшинств («готами», «эмо» и «панками» становились по собственному выбору) или служили родившимся исторически мифам, разделяющих группы на основе национальной, расовой, этнической или социально-экономической принадлежности («колхозница», «черные», «сброд»). Язык же метамодерна описывает группы на основе повседневных, даже личностных характеристик («скуф», «найк про», «Карен», «альтушка»). При этом «представители» этих групп могут даже не знать о существовании лейблов, к которым их отнесли. Эта идентификация мета-экзогенна – в том смысле, что она не направлена на другого как на субъект и существует за пределами его мира. Вместе с этой какофонией идентичностей на «переднем плане», труднее

распознаются привычные фреймы, и индивид практически обречен на совершение ошибок при выборе подходящей роли.

Катализатором этих изменений становятся медиа корпорации. Центральную роль в этих процессах играют медиакорпорации. Они выступают не только ареной, где сталкиваются и формируются, осмысляются и транслируются нарративы и где разворачиваются кризисы индивидуальной и групповой идентичности. Помимо этого, развитие рекомендательных технологий и машинного обучения приводит к тому, что индивид все меньше способен выбирать окружающий его контекст. Один негативный комментарий в социальной сети, и сложные алгоритмы рекомендуют контент, на который произошла реакция, чтобы пользователь еще чаще вступал во взаимодействие на платформе. Социальные сети не только позволяют представителям групп и идеологий «увидеть» друг друга, но и намеренно сталкивают их. Если раньше считалось, что интернет дает свободу в выборе информации, то сейчас очевидно, что выбор контента и контекста – за алгоритмами. Эта тема неоднократно поднимается в исследованиях и публицистических работах [7, 3, 4, 8].

Алгоритмы, направленные на увеличение выручки медиа, в результате приводят к еще большей фрагментированности и поляризации. Как следствие, сегодня мы являемся свидетелями растущей агрессии и негатива в социальных медиа. Например, в исследовании «Health Behaviour in School-aged Children (HBSC)» за 1994 – 2022 годы в 19 странах показывает, что традиционное насилие снижается, но кибер-буллинг (агрессия в соцсетях) значительно вырос с 2018 по 2022 год в большинстве стран [10].

В заключение следует отметить, что предложенная концепция «сыпучего общества» обладает значительным эвристическим и практическим потенциалом. Понимание принципов функционирования этой новой социальной реальности позволяет не только объяснить рост тревожности и поляризации, но и спрогнозировать последствия управленческих решений.

На «сыпучей» и зыбкой почве нового мира невозможно построить прочные монолитные, иерархические нарративы. Любая попытка вертикальной интеграции смысла или насильственного объединения сообществ единой идеологией в условиях горизонтальных сетевых связей, вероятнее всего, обречена на провал и приведет лишь к усилению внутренних противоречий и дальнейшей фрагментации.

Таким образом, дальнейшая разработка и верификация данной концепции может стать важным инструментом для выработки адекватных стратегий в области государственного управления, бизнеса и социальной политики.

1. *Асочаков, Ю. В. Фрагментарная, связанная в сеть, структура социального устройства в новом мире / Ю. В. Асочаков // Ковалевские чтения : материалы конференции. – СПб. : Скифия-принт, 2024. – С. 34–36.*
2. *Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.*
3. *Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева. – М. : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.*
4. *Ланье, Д. Десять причин удалить соцсети прямо сейчас / Д. Ланье ; пер. с англ. Ю. Воронович. – М. : Бомбора, 2019. – 192 с.*
5. *Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.*
6. *Нетребина Ю.С., Артамонова Я.В., Чикарова Г.И. Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.) // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 138–157. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904*

7. *Парайзер, Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас? / Э. Парайзер ; пер. с англ. А. Широкова. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 264 с.*
8. *Хан, Бён-Чхоль. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху / Бён-Чхоль Хан; пер. с нем. С. О. Мухамеджанова. – Москва : АСТ, 2025. – 80 с. – ISBN 978-5-17-164143-6.*
9. *Anxiety and Depression [Электронный ресурс] // KFF. – 2023. – URL: https://www.kff.org/other/state-indicator/adults-reporting-symptoms-of-anxiety-or-depressive-disorder-during-covid-19-pandemic/ (дата обращения: 20.09.2025).*
10. *Badura P., Eriksson C., García-Moya I. и др. A focus on adolescent social contexts in Europe, central Asia and Canada. Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Volume 7 [Электронный ресурс]. – Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2024. – ISBN 978-92-890-6132-2. – URL: https://hbsc.org/publications/reports/a-focus-on-adolescent-social-contexts-in-europe-central-asia-and-canada-volume-7/ (дата обращения: 10.10.2025).Henriques, G. The Digital Identity Problem / G. Henriques. – 2019. – URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/theory-knowledge/201908/the-digital-identity-problem (дата обращения: 14.09.2025).*
11. *Boxell, L. Cross-Country Trends in Affective Polarization [Электронный ресурс] / L. Boxell, M. Gentzkow, J. M. Shapiro // NBER Working Paper. – 2023. – № 28783. – URL: https://www.nber.org/papers/w26669 (дата обращения: 20.09.2025).*
12. *Cascio, J. Facing the Age of Chaos / J. Cascio. – 2020. – URL: https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d (дата обращения: 14.09.2025).*
13. *Gallup Global Emotions 2022 [Электронный ресурс] / Gallup. – Washington : Gallup, 2022. – Режим доступа: https://www.gallup.com/analytics/349280/gallup-global-emotions-report.aspx (дата обращения: 20.09.2025).*
14. *Han Byung-Chul. The Transparency Society. – Stanford : Stanford University Press, 2015. – 72 с. – ISBN 978-0-8047-9751-1.*
15. *Josephson Storm, J. A. Metamodernism: The Future of Theory / J. A. Josephson Storm. – Chicago : University of Chicago Press, 2021. – 376 p.*
16. *Pipere, A. Metamodernism and Social Sciences: Scoping the Future / A. Pipere, K. Mārtinsone // Social Sciences. – 2022. – Vol. 11, № 10. – P. 457. – URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/11/10/457 (дата обращения: 14.09.2025).*
17. *Rowson, J. How to Think about the Meta-Crisis without Getting Too Excited / J. Rowson. – 2020. – URL: https://www.whatisemerging.com/opinions/how-to-think-about-the-meta-crisis-without-getting-too-excited (дата обращения: 14.09.2025).*
18. *Santomauro, D. F. Global prevalence and burden of depressive and anxiety disorders in 204 countries and territories in 2020 due to the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс] / D. F. Santomauro, A. M. Mantilla Herrera, J. Shadid [et al.] // The Lancet. – 2021. – Vol. 398, № 10312. – P. 1700–1712. – URL: https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)02143-7/fulltext (дата обращения: 20.09.2025).*
19. *Sifunda, S. Prevalence, correlates of psychological distress and mental health challenges among college and university students during the COVID-19 lockdowns in South Africa [Электронный ресурс] / S. Sifunda, R. Sewpaul, T. Mokhele [et al.] // Frontiers in Education. – 2024. – Vol. 9. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2024.1484849/full (дата обращения: 20.09.2025)*
20. *Wesch, M. An anthropological introduction to YouTube [Электронный ресурс] / M. Wesch. – 2008. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=TPAO-lZ4_hU (дата обращения: 20.09.2025)*

МИРОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Хлыновская Софья Александровна
(СИУ – филиал РАНХиГС)

Социальная структура современного мира опирается на вложенную иерархию неравенства среди всех участников общественных процессов – от неравенства отдельных экономических агентов на микроуровне до неравенства между государствами и целыми регионами мира. Социальное напряжение, являющееся результатом укрепляющегося и нарастающего неравенства, приводит к нарушению стабильности общественного порядка, экономического и политического укладов. С ростом темпов глобализации и цифровизации

мирового информационного пространства остро встает вопрос также и о неравном доступе к мировой коммуникационной площадке, а также проблема уязвимости локальных культурных практик перед лицом глобальных тенденций. Миросистемная парадигма позволяет рассматривать социально-экономические процессы в отношении одной из глобальных проблем – социального неравенства – с учетом этой характеристики современности.

Социологи представляют неравенство как своего рода общий показатель социальных процессов [3, 127]. В классической постановке проблемы, определение неравенства связано с уровнем национальных государств – измеряется неравенство доходов и уровня жизни граждан одной страны для вычисления уровня локального (национального) неравенства, а затем отдельные агрегированные показатели уровней локального неравенства сравнивают между собой, получая значение глобального неравенства. Фокус внимания на национальном уровне создает иллюзию обособленного существования проблемы неравенства в каждом отдельном государстве, что вступает в противоречие с глобализацией как качественной характеристикой современного мира.

Миросистемная парадигма формировалась как направление исследования неравенства, существующего в глобализирующемся мире расширяющейся миросистемы, и на протяжении полувека развивалась в попытках установить механизм воспроизводства неравенства в миросистеме в целом. За это время неравенство рассматривалось последователями идей И. Валлерстайна как с экономической стороны [см. например 7, 12], так и с позиции глобальных политических процессов [4, 8]. Ввиду этого, в отечественной науке за миросистемным подходом закрепилось представление как экономоцентрированного макро социологического подхода. Однако за последние тридцать лет развития подхода также бал сформирована концепция «третьей арены» миросистемы – культурной, которую сам И. Валлерстайн поставил в центр своей работы [11, 169]. Модель влияния культуры в миросистемном подходе была выражена в концепции структур знания, которые контролируют воспроизводство миросистемных механизмов и позволяют сохранять социальную структуру миросистемы в неизменном положении.

Принимая за единицу анализа миросистему в целом, глобальное и локальное неравенство выступают свойствами системы. В таком случае, уровень неравенства доходов в одной стране не является независимым от уровня неравенства в других странах, он «связан с ними через механизмы системного уровня, которые создают различные результаты в разных позициях миросистемы» [10, 281]. Исходя из общих положений движения капитала в миросистеме как движущей силы воспроизведения цепей неравного обмена, также возможно установить зависимость неравенства от движения капитала [5, 164].

Капитал начинает свое движение на периферию или в зоны инкорпорации по причине доступности и дешевизны рабочей силы [2, 82]. Согласно модели зависимости неравенства от движения капитала, локальное неравенство в миросистеме растет. Такое положение преимущественно характерно для фазы «А» – фазы расширения миросистемы. Эмпирическая проверка модели в контексте истории России рисует два примера: конец XIX – начало XX вв., когда после привлечения иностранного капитала для модернизации промышленности наблюдался рост национального неравенства в Российской империи, ставший одной из причин будущей череды революций, а также беспрецедентный рост неравенства в постперестроечной России на фоне открытия внутреннего рынка к иностранным инвестициям после развала СССР [1, 24].

Противоположная динамика наблюдается при движении капитала в обратном направлении – из периферии в ядро. Фаза «А» сменяется фазой «Б» – сжатием миросистемы. Капитал уходит вместе с возможностью обогащения для элит, и обычно уходит не просто так – его предваряет геополитическое напряжение, угроза или начало военного конфликта, что приводит к снижению локального неравенства по причине сплочения людей на национальном уровне перед лицом общей угрозы [6, 141]. Такая ситуация сложилась в Российской империи с началом Первой мировой войны – промышленный капитал из стран Антанты ушел в ядро для защиты национальных интересов в период военного конфликта, что снизило социальную напряженность и неравенство в России под эгидой патриотического объединения «русских подданных».

Однако подъем революционного движения, как и подъем патриотических настроений – примеры социально-культурных, обусловленных ценностными факторами процессов, которые осмысленны и сформулированы в рамках категорий, принятых в научной среде. В миросистемном подходе постулируется зависимость экономической и политической структур национальных государств от распределения позиций внутри миросистемы, легитимация которых происходит на «третьей арене» – арене структур знания. С их помощью осмысляются процессы и устанавливается факт превосходства одних символических систем над другими, что влияет на изучение социально-культурной среды, которая конституирует наши модели различий, через которые понимаются и объясняются социальные процессы. Применяя метод деконструкции, исследователи миросистемного направления выделяют долгосрочные секулярные тренды в структурах знания, а также логистику среднесрочных колебаний внутри этих трендов, которые позволяют миросистеме сохранять свой порядок. Конструирование способов построения авторитетного знания о мире – инструмент европейского «ядра» капиталистической миросистемы, чей универсальный научный принцип заключается в разделении знания на «объективный факт» и «ценность» [см. 9]. Ввиду этих тенденций, говоря о подъеме революционного движения или росте патриотических настроений, современный социально-гуманитарный ученый должен фокусироваться на механическом вопросе «как?» и избегать телеологического вопроса «зачем?». Через такое разделение совершается сокрытие стороны международных отношений, получающей выгоду от установленного порядка.

На этом основании, исследователи школы миросистемного подхода выдвигают необходимость двух основополагающих принципов при современном изучении социальных процессов. Первый – изучение конструирования научной оптики, с учетом факта зависимости ее категорий от механизма воспроизводства миросистемы и контроля со стороны «ядра». Второй – возвращение вопроса о ценностных целях исследования в рамки научного дискурса. С внедрением этих принципов, изучение таких глобальных проблем, как проблема социального неравенства, открывает широкие перспективы для главного – решения этих проблем.

1. *Антропов В. В. Социально–экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15(3). С. 21–37. DOI: 10.26794/1999–849X- 2022–15–3–21–37.*
2. *Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: КМК, 2008. 178 с.*
3. *Иванов Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм–капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 4 (81). С. 126 – 143.*
4. *Изгарская, А. Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы // Respublica Literaria. 2022. № 3. С. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.*

5. *Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Проблема социального неравенства в свете миросистемного подхода // Respublica Literaria. № 3. С. 154-171. DOI: https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.3.*
6. *Bata M., Bergesen A. J. Global Inequality: An Introduction // Journal of World-System Research. 2002. № 8. P. 7-11*
7. *Gereffi G. Global Value Chains and Development Redefining the Contours of 21st Century Capitalism. Cambridge University Press, 2018. 474 p.*
8. *Korhonen J. Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives // World-Systems Analysis at a Critical Juncture, eds. C.R. Payne, R. P. Korzeniewicz, B. J. Silver. Routledge Taylor & Francis Group, NY, London. 2023. P. 42-54*
9. *Lee R. E. The «Third» Arena: Trends and Logistics in the Geoculture of the Modern World-System // Emerging Issues in the 21st Century World-System. Vol. 1. Crises and Resistance in the 21st Century World-System Studies in the Political Economy of the World-System; ed. by W. A. Dunaway. Westport, Connecticut: Praeger. 2003. P. 120–127.*
10. *Mahutga M. C., Kwon R., Grainger G. Within–country inequality and the modern world–system: a theoretical reprise and empirical first step // Journal of World–System Research. 2011. № 17 (2). P. 279–307. DOI: 10.5195/jwsr.2011.417.*
11. *Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: University Press, 1992. 158-183.*
12. *Zadorozhny V., Manning P., Drwenski M., and Karataev E. Towards a Social Weather Service: Linking Social Sciences and Information Sciences in Large–Scale Inequality Analysis // Journal of World–Historical Information 2014–2015. Vol. 2–3 (2). P. 154–159. DOI: 10.5195/jwhi.2015.37.*

СТРУКТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И ДИСФУНКЦИЙ АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Частухина Маргарита Сергеевна
(Российский университет Дружбы Народов)

Современная молодежь психологически уязвима и подвержена стихийному влиянию сети Интернет на мышление, мировоззрение, личность и поведение, что может приводить к дизадаптивности личности в обществе и криминализации, развитию экстремизма. Разработка теории маргинальности и рекомендаций по преодолению маргинализации отвечает потребности общества в повышении уровня интеграции молодых людей в современное общество, в сохранении и развитии социального порядка.

Возникновение понятия маргинальности связано с исследованиями чикагской школы феномена миграции в США в начале XX века. Авторы, занимавшиеся данной проблематикой, были Роберт Эзра Парк [7], Уильям Айзек Томас [6], Флориан Витольд Занецкий [4]. Впоследствии на основе изученного Роберт Эзра Парк и Эверетт Вернер Стоунквист [8] сформировали понятие маргинального человека. Можно сделать вывод о том, что под маргиналом представители чикагской школы понимали прежде всего мигранта, т. е. культурно-расового маргинала.

При этом Роберт Парк в своих умозаключениях опирался на теорию Георга Зиммеля, отраженную в главе «Экскурс о чужаке» в работе «Социология. Исследование форм обобществления». По Зиммелю, пространство является одной из форм обобществления, т. е. формой, составляющей непрерывное взаимодействие индивидов в обществе. Социальное пространство определяется отношениями солидарности внутри пространства группы и социальных взаимодействий с другими. Чужак же является частью группы, вошедший в нее в прошлом. Он находится на дистанции в отношении остальных членов группы, на пересечении границы социального пространства группы. Чужак в группе является наблюдателем внутри группы, оставаясь при этом свободным от неё и мобильным в ней. Зиммель называет это «единством близости и удаленности» (Die Einheit

von Naehe und Entferntheit) «чужака» по отношению к группе. Чужак отдален от группы за счет универсализации установок и ценностей – чужак разделяет общечеловеческие установки и ценности, и только на этой почве он может считаться с группой (которая внутри себя имеет более специфическую и тесную солидарность), например, с помощью денег. Чужак при этом функционально полезный для общества в перспективе социальных изменений: «Состояние маргинальности… обеспечивает набором альтернатив для разрешения "парадоксальных" ситуаций» [1, 461], поскольку имеет «универсальную социальную дистанцию, а, следовательно – возможность наблюдения и критерий наблюдения, в качестве которого могут выступать нормы социального порядка, находящиеся "по другую сторону границы". Таким образом, маргинализация участвует в процессе социальной рефлексии, самоидентификации группы, общества (или сообщества)» [1, 461].

Но какова характеристика чужака вне группы, самого по себе? Роберт Парк преобразует концепцию чужака и вводит термин «маргинал». Для группы маргинал входит в ее пространство, но для маргинала группа – лишь часть его среды. Маргинал, таким образом, находится в постоянном культурном конфликте между границ нескольких групп или общностей. В таких условиях он оказывается в положении между свободой и изоляцией, обладая мировоззрением космополитизма. Маргинал может культивировать свою гибридность (например, через смешанное происхождение) или отвергать часть своей идентичности. Он способен к рефлексии и выбору альтернатив, но сталкивается с абстрактностью критериев выбора в современном мире.

Ж. Бобер выделяет типичные состояния маргинальности (точки) в социальном пространстве, множестве:

«Внутренняя «тор-точка» социального множества. Это может быть лидер субкультуры или контркультуры (например, революционный вождь, харизматическая личность).

«Точка прикосновения» множества. Она выступает в качестве замыкающей социальное множество. Это низкостатусные и неинтегрированные в социальную структуру индивиды или группы «на обочине общества».

«Изолированная точка множества». Это точка, любая окрестность которой не содержит никаких других точек социального множества кроме неё самой. Это так называемые изгои общества.

«Предельная точка» множества. Это точка, любая окрестность которой содержит, по крайней мере, одну точку социального множества, отличную от неё самой. В качестве примера можно привести индивида с нереализованными статусными ожиданиями или находящегося в ситуации «статусного промежутка».

«Граничная точка» социального множества. Это точка, любая окрестность которой содержит, по крайней мере, одну точку из данного множества и, по крайней мере, одну точку, не принадлежащую данному социальному множеству. В данном случае речь может идти о принадлежности индивида или группы двум или более культурным мирам одновременно» [2, 104].

Таким образом, состояние маргинальности обладает аспектами социальной пограничности, неустойчивости, кризисности или фрагментарности идентичности, изменчивости и консерватизма, девиантного поведения, деструктивного или преобразовательного потенциала для общества.

В свою очередь процесс маргинализации рассматривает Жанна Бобер в рамках синергетического подхода к теории маргинальности. В данном подходе социальное пространство состоит из точек, т. е. индивидов в гармоническом состоянии с собой и

обществом. Маргиналы же являются предельными траекториями в пространстве, иначе говоря индивидами в процессе потери или поиска гармоничного пребывания в социальном пространстве [2, 105].

Личность человека формируется в процессе социализации – на выходе же неудавшейся социализации из-за дисфункций агентов социализации получается не личность, а маргинал. Прежде всего дисфункция агентов социализации обусловлена социальным неравенством. Важно здесь упомянуть теории габитуса и полей Пьера Феликса Бурдье [3] для понимания, как сохраняются маргинальные ситуации. По Бурдье, габитус функционирует как «структурированные структуры», благодаря которым члены этих структур усваивают правила и адаптируются без сознательных усилий. При этом характер и набор социальных капиталов (культурный, символический, финансовый), который приобретает человек в процессе социализации, позволяет ему принадлежать к определенному габитусу. Люди, не обладающие достаточным набором капитала, не могут войти в определенные габитусы и полноценно реализовать себя в желаемых «полях», т. е. в сферах деятельности. При этом потенциал реализации личности можно предугадать еще в семье. Так, в исследовании Джеймса Колмана было показано, что дети из семей с высоким социальным капиталом (образованность родителей, крепкие родственные связи), чаще достигают успеха в учебе и карьере [5].

Социальное неравенство также влияет на сохранение маргинального статуса, стигматизации маргинальных людей. Такие состояния, как бедность, эксклюзия и прекариат препятствуют маргиналам стать полноценной личностью в обществе из-за нехватки ресурсов и капиталов при неравном распределении власти и ресурсов в обществе [9].

В таких условиях социальной структуры агентам социализации необходимо максимально устранять риски социального неравенства, чтобы способствовать раскрытию творческого потенциала личности и интеграции молодых людей в общество. В реальности социального бытия получается так, что единственным эффективным агентом социализации в устранении маргинализации молодежи является образование, поскольку семья не всегда обладает достаточным социальным и культурным капиталом и часто становится дисфункциональной из-за домашнего насилия (физического и/или психологического) или фактического отсутствия члена/членов семьи в воспитании ребенка, а такие социальные институты, как СМИ или дружба в форме современной субкультуры обладают стихийным влиянием, которое необходимо контролировать. У образования также есть свои дисфункции, такие как формализм образовательного процесса, бюрократизация системы, искажение роли преподавателя, вторжение интернет- и ИИ-технологий в обучение; но при достаточных усилиях государственных органов, правильной социальной политики, направленной на социальное развитие в синергии с прогрессом и традицией и равных возможностей для молодых россиян, контроле исполнения содержательных мер, на выходе получится российское общество, максимально приближенное к гармонии.

1. *Баньковская С. П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки, 2002, № 6, с. 457–467*
2. *Бобер Ж. Феномен маргинальности: синергетический подход // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. №3 (14) (Философия)*
3. *Бурдье П. Практический смысл // Пер. с фр.: А. Т. Бибков, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.*
4. *Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль: Тексты / В. И. Добреньков (ред.). М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996 г. С. 333–355*

5. *Coleman J. S. Social capital and the creation of human capital // The American Journal of Sociology, Vol. 94, Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 1988, pp. 95–120*
6. *Park R. E., Thomas W. I. Participation and social assimilation // Source book for social Psychology / ed. By K. young. – N. Y. : Knopf, 1927. – p. 47–53*
7. *Park R.E. Human migration and the marginal man // Amerikan Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33. – № 6.*
8. *Stonequist E. V. The marginal man: a study in personality and culture conflict // N. Y. : Russell & Russell, 1961. – Ch. 7. – P. 159-174*
9. *Varghese C., Kumar S.S. Marginality: A Critical Review of the Concept // Review of Development and Change 27 (1), p. 23–41, 2022*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РУРБАНИЗАЦИИ

Чемулова Алена Валерьевна
(Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ))

Муха Виктория Николаевна
(Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ))

Благодарности: Автор выражает благодарность научному руководителю за ценные замечания в ходе работы над статьей. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда. Проект № 24-28-20348 «Взаимодействие городского и сельского сообществ в российских регионах: практики рурбанизации»

Аннотация: В статье предлагается теоретико-методологическая рамка для изучения рурбанизации, основанная на теории социальных практик и концепции телеоаффективных структур. Цифровые сообщества рассматриваются как среда формирования и воспроизводства практик.

Ключевые слова: рурбанизация, теория социальных практик, телеоаффективность, онлайн-сообщества, методология, цифровое пространство.

Современная рурбанизация представляет собой сложный социокультурный феномен, активным агентом которого становятся цифровые сообщества. Однако существующие исследовательские подходы, фокусирующиеся на статистических данных или дискурсе массмедиа, зачастую не схватывают самой сути процесса – того, как повседневные, рутинные действия горожан по переезду и обустройству на селе формируют новую социальную реальность. Онлайн-площадки, такие как тематические сообщества в социальных сетях и мессенджерах, выступают не просто каналом информации, а ключевой средой, где эти действия координируются, осмысливаются и наделяются ценностью. Для анализа этого процесса требуется адекватный методологический инструментарий, позволяющий преодолеть разрыв между виртуальным дискурсом и реальными практиками. Таким инструментом может выступить теория социальных практик, в частности, ее развитие в концепции телеоаффективных структур.

Ключевой тезис данной работы заключается в том, что интеграция теории социальных практик, с центральным понятием телеоаффективной структуры, позволяет предложить целостную теоретико-методологическую рамку для исследования рурбанизации. В рамках этого подхода рурбанизация анализируется не как набор мнений или демографических сдвигов, а как комплекс целенаправленных и эмоционально заряженных практик, которые производятся и воспроизводятся в цифровой среде.

Основные положения предлагаемой рамки можно раскрыть в трех пунктах. Во-первых, понятие «телеоаффективная структура» позволяет сместить фокус с абстрактного «смысла» на конкретные цели, нормы и эмоциональные состояния, определяющие практику. Оно описывает, ради чего и с каким эмоциональным настроем люди совершают действия в рамках рурбанизации. В контексте онлайн-сообществ это позволяет анализировать, как формируются общие цели, такие как «построить автономный эко-дом» или «создать сообщество единомышленников», а также разделяемые аффективные состояния – энтузиазм, ностальгия, гордость или солидарность, которые являются «клеем», удерживающим практики вместе [1, с. 45].

Во-вторых, цифровая среда рассматривается как «поле настройки» телеоаффективности. Онлайн-сообщества функционируют как активный контур практик, где их целевые и эмоциональные компоненты постоянно воспроизводятся, оспариваются и пересматриваются. Через лайки, комментарии, сторис и посты участники не только обмениваются информацией, но и легитимируют одни цели, маргинализируют другие и учатся испытывать «правильные» эмоции по отношению к трудностям и успехам загородной жизни [2, с. 113]. Таким образом, цифровое взаимодействие становится неотъемлемой частью материального, компетентностного и смыслового измерения практик рурбанизации.

В-третьих, предлагаемая рамка позволяет сформулировать новую систему исследовательских вопросов, сфокусированных не на «что», а на «как» и «ради чего». Ключевыми становятся вопросы о том, как телеоаффективная структура «успешной рурбанизации» конструируется в конкретных онлайн-сообществах; какие материальные артефакты и цифровые компетенции необходимы для ее достижения и как они связаны с разделяемыми эмоциями; где и как в цифровом пространстве проявляются конфликты между разными телеоаффективными структурами, например, «промысловика» и «дауншифтера».

Научная новизна работы заключается, во-первых, в методологическом вкладе – интеграции концепции телеоаффективных структур в анализ цифровых полей. Во-вторых, в теоретическом расширении применения теории социальных практик на новую, актуальную сферу. В-третьих, в практической ценности – формулировке четких ориентиров для будущих эмпирических исследований, задающей фокус на анализе целенаправленности и эмоциональной заряженности практик, опосредованных цифровой средой.

В заключение, рассмотрение рурбанизации через призму социальных практик и их телеоаффективных структур позволяет увидеть в ней не абстрактный тренд, а живой, эмоционально насыщенный и целенаправленный процесс. Цифровое пространство выступает при этом ключевой инфраструктурой, где этот процесс обретает свою форму, смысл и энергию для осуществления. Предлагаемая рамка открывает перспективы для системного изучения рурбанизации как постоянно воспроизводимого комплекса практик.

1. *Шацки Т. Социальные практики: прагматический подход к теории общества // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 109–130.*
2. *Shove E., Pantzar M., Watson M. The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes. London: SAGE Publications, 2012. 208 p.*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Черныш Михаил Федорович
(ФНИСЦ РАН)

Вопрос о формировании среднего класса в России остаётся одним из ключевых для понимания траектории социально-экономического развития страны. Доклад посвящён анализу возможностей формирования в России общества, где средний класс составляет большинство населения и определяет характер социально-политических процессов. Социологическая дискуссия о среднем классе включает работы, в которых формирование среднего класса связано с развитием капиталистического общества и материальным благополучием. П. Сорокин видел в самом появлении среднего класса опровержение марксистских идей об обострении классовых противоречий [1], Р. Дарендорф усматривал в причинах появления среднего класса перерождение капитализма, благодаря трансформации института собственности и его разделению с институтами управления [2]. В рамках второй линии дискуссии о среднем классе ставится вопрос о его социальном составе и происхождении. Например, Дж. Голдторп ввёл категорию «affluent worker» – материально благополучный, пользующийся благами цивилизации рабочий [3]. Однако средний класс выступает не только маркером материального благополучия общества, но и влиятельным социально-политическим агентом. Как показала П. Пилбом, средний класс, став большинством, превратился во влиятельную электоральную силу и кардинально изменил характер государственной политики [4]. Дискуссия о среднем классе и его месте в социальной структуре современного российского общества активно развивается с 1990-х г., включая данные о размерах среднего класса, его социальном составе, идеологии, социально-политической активности и др. Особое место в этой дискуссии занимает вопрос о существовании среднего класса в советском обществе [5]. Данные исследования «Количественные и качественные изменения социальной структуры в постсоветский период», проведённого при поддержке РНФ (грант № 24-18-00450; сайт проекта: https://new-inequalities.tilda.ws/structure) позволяют охарактеризовать положение среднего класса в социальной структуре современного российского общества. Для проведения сравнительного анализа и выявления динамики используются данные исследования «Социальные различия в современном российском обществе» за 2015 г.

Концептуально анализ данных строится на двойной интерпретации понятия средний класс: 1) «монетарный» средний класс, включающий в себя ту часть населения, которая имеет доходы, достаточные для комфортной жизни; 2) аналитический средний класс , говорящий о характере общества, в котором мы живем. Индикаторами положения среднего класса выступают данные о привлечении кредитов, субъективная оценка материального положения. Социальный профиль измеряется на основе профессиональных групп ISCO-08. Результаты анализа показывают, что в России сформировался массовый потребительский средний класс, включающий в себя весомую часть работников, занятых исполнительским трудом. Доля населения, не испытывающего проблем с покупкой вещей длительного пользования, выросла с 36,9 % в 2015 г. до 45,5 % в 2025 г. «Аналитический» средний класс сформировался в начале 90-х годов. Его доля в населении за последние два десятилетия изменилась незначительно. В современной структуре занятости специалисты-профессионалы составляют 24,3 %, руководители – 7,1 %. Современная социальная структура, формируемая под влиянием экономических приоритетов, характеризуется низкой производительностью труда, акцентом на производствах с низкой добавленной

стоимостью и развитым сектором услуг. Это создаёт структурные ограничения для расширения «аналитического» среднего класса, несмотря на рост потребительских возможностей населения.

1. *Sorokin P.A. Social and cultural mobility. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. 645 p.*
2. *Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959. 336 p.*
3. *Goldthorpe J.H. The Affluent worker: industrial attitudes and behavior. London, Cambridge, U.P., 1968. 239 p.*
4. *Pilbeam P.M. The middle class in Europe 1789–1914: France, Germany, Italy and Russia. Chicago, IL.: Lyceum Books, 1990. 328 p.*
5. *Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge University Press, 1979. 355 p.*

МЕТАДИСКУРС ТРАДИЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Шипунова Ольга Дмитриевна
(Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, Санкт-Петербург)

В основе естественно воспринимаемого социального порядка лежит согласованность мотивов поведения людей, которая опирается на определённые правила и обычаи, характерные для культурной общности. Традиции являются важным инструментом, который поддерживает стабильность норм, ценностей и культурных образцов, обеспечивая непрерывность жизни общества и передавая знания от поколения к поколению. В повседневной жизни национальная система символов и ассоциаций выступает в роли ограничителя и регулятора социального поведения. Усиление роли традиции в поддержании социального порядка в цифровом мире становится актуальным в связи с продвижением принципа мягкой силы в контроле публичной сферы, который акцентирует механизмы неявного, опосредованного влияния на формирование общественного мнения и поведение граждан. При этом важно учитывать условия, определяющие границы понимания в культурной и языковой традиции, которая транслирует контекст, соответствующий исторической памяти данной национальной общности. Глубинная смысловая связь в общности имеет неявный характер, присутствует в контекстах языковых выражений и символики, определяет границы менталитета, с формированием которого связано негласное (бесструктурное) регулирование индивидуальных и массовых действий. Смысловая матрица менталитета воспринимается каждым членом общности на уровне подсознания и составляет основание практики речевой коммуникации.

В формировании менталитета, определяющего этнический стереотип естественного поведения, ключевую роль играет восприятие человеком места и времени, которое зависит от культурных особенностей его народа, и в существенной мере определяются восприятием времени, географическим положением и климатом региона, отмечает Л. Н. Гумилев [1]. Представленная в мифах символика стихий отражает архетип и язык культуры сообщества. Космологические образы и символы в истории архаичных сообществ формируют систему мира, религиозные идеи и модели поведения. Этнический стереотип образует невидимый канал коммуникации между поколениями, по которому передаются нормы взаимоотношений, восприятия времени и пространства, создавая мощный барьер непонимания в восприятии чужих традиций. Негласная норма

воспроизводится каждым членом сообщества как естественный (врожденный) способ отношения к окружающему природному миру и как условие свободного общения в рамках сообщества [1, 104 – 105].

В человеческой истории роль «социального гена», который обеспечивает преемственность культурных смыслов, выполняет знак [2, 29 – 30]. Традиционные представления о долге, чести, достоинстве характеризуют менталитет культурной общности. В этом отношении метадискурс традиции обнаруживает себя в интуитивном понимании и непосредственной эмоциональной оценке правильного и должного. Так, формируется архетип социального порядка, в соответствии с которым каждый на уровне подсознания определяет границы отношений индивидов между собой и со всем коллективом.

С архетипом социального порядка связано безграничное доверие власти и уверенность в правильности происходящего. В частности, код власти и код истины воспринимаются каждым членом сообщества как объективное условие жизни [3]. Кодовый характер передачи традиции в социальном наследовании аналогичен коду генома, передающего биологические признаки родителей потомкам. Ключевым фактором социального наследования выступает деятельность – форма активной адаптации в среде обитания, которая в свою очередь, предполагает накопление знаний рода об опыте действий и его закреплении в материальных предметах и языковой культуре. Социальный код родовой памяти с момента рождения ребенка программирует его способность воспринимать смысл знаков, адаптироваться и ориентироваться в символической среде, которая является обязательным, необходимым условием человеческого образа жизни.

Код истины в метадискурсе традиции

В жизни человека и общества код истины играет важную роль, связанную с обоснованием существующей административной власти. Так, в Средневековье доверие монарху, освященном Церковью, было незыблемо, поскольку истины веры, которые проповедовались церковной элитой, не подвергались сомнению. Рене Генон, в частности, полагал, что авторитет традиции определяется именно кодом истины, поскольку сама традиция опирается на утверждения, истинность которых проверена в истории социальной практикой [4]. Примером могут служить принципы, представленные десятью заповедями Христианской морали.

Традиция образует смысловую матрицу интеллектуального и эмоционального участия человека в непрямой коммуникации, которая регулируется символикой, укорененной в менталитете общности, закрепляющей общезначимые культурные смыслы как некие универсалии. В индивидуальном восприятии символики скрытые в контексте границы понимания и действия не ограничивают индивидуальной свободы мысли, отмечает П. Бурдье [5, 102, 121]. С другой стороны, интеллектуальная доктрина, которая формируется на базе традиции, направляет смысловую связность в мировоззрении через противопоставление правды и лжи.

В современном мире переплетение исторических факторов, культурных и этнических стереотипов играет ключевую роль в формировании горизонта индивидуального сознания современника, создавая неопределенность критерия истины. Чтобы люди могли свободно выбирать, необходимо четко обозначить пространство выбора. Неявная взаимосвязь культуры, пространства и времени на уровне современных цифровых сетей также опирается на структуру менталитета общности в формировании социального порядка, предполагая некую семантическую матрицу, определенную традицией.

1. *Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544с.*
2. *Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М.: УРСС, 2004 -328с.*
3. *Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. – 256с.*
4. *Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000. – 320с.*
5. *Бурдье П. Практический смысл. М. 2001– 562с.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Яровова Татьяна Викторовна
(Одинцовский филиал МГИМО МИД России)

Аннотация. Культурные коды, смыслы и, главное, развитие человека, его место в современном мире в тех реалиях, с которыми имеем дело сегодня, очень актуальны в контексте цифровой революции. Цифровой переход затронул все без исключения сферы, сказался на диалоге между человеком и искусством. Мы не можем представить свою жизнь без кино, музеев и театров, но остается вопрос – каким образом возможно это взаимодействие в новых условиях, изменились ли паттерны поведения людей, как их удержать, когда отсутствует прямой контакт и, вообще, как в этих условиях меняется стратегия сферы культуры. Сейчас нет полной статистики по цифровизации в культурном ландшафте, но есть ряд интересных примеров. Так, с момента наступления пандемии были открыты онлайн-выставки, спектакли и др. При этом, YouTube каналы театров и музеев привлекли большую численность новых участников, а количество просмотров выросло. Все это говорит о положительных тенденциях в росте цифровой аудитории различных институций, но произошло сжатие традиционной деятельности и, как следствие, вынужденная цифровизация.

Ключевые слова: культура, цифровая революция, пандемия коронавируса, социальные сети, ВКонтакте, контент, нейросети, трансляции, электронные ресурсы.

Мир не стоит на месте, в том числе, меняется культурная дипломатия. Сегодня большинство переговоров проходят онлайн, соглашения также подписываются в онлайне. Коронавирус, ставший толчком для прогресса, приучил всех работать в онлайне и гибридных форматах. В этой связи, в том числе, Россотрудничество старается в своей работе применять новые технологии. В частности, одним из флагманских проектов при поддержке Министерства иностранных дел России является Электронная карта соотечественника. Это – приложение, на базе которого граждане России, находящиеся за рубежом, могут иметь доступ к отечественным СМИ и государственным ресурсам (например, порталы Госуслуги, Госзаказ и др.). Для этого был сформирован российский VPN сервис, помогающий осуществлять такую связь [9, с. 219]. В рамках проекта в 2023 году был сделан пилотный центр по выдаче цифровой, электронной подписи, работающий в городе Минске. Таким образом, граждане России, находящиеся за рубежом, могут в этом удостоверяющим центре получить соответствующую подпись и совершать юридически значимые действия, без необходимости въезда на территорию России.

Следующей идеей является создание полноценного ресурса, который даст возможность доступа к культурным продуктам, в том числе, к ускоренной подаче заявлений для участия в государственной программе по добровольному переселению в Россию. Все это направлено на расширение контактов между соотечественниками и их

исторической Родиной. В этом смысле за основу был взят зарубежный опыт. Что касается продвижения российской культуры, то здесь цифровые технологии также имеют важное значение. Так, последние несколько лет являются популярными виртуальные туры, например, с Государственным русским музеем (с помощью VR-очков). Интересным выставочным проектом стал Музей победы, когда были оживлены плакаты времен Второй Мировой войны. В приложении при клике на тот или иной плакат появлялся видеоролик, где человек рассказывал историю [4, с. 200].

Аналогичным образом продвигается русский язык и литература через онлайн инструменты. В 30 странах на базе российских представительств работают 46 центров удаленного доступа к фондам Президентской библиотеки. Уже миллионы книг и документов доступны огромному количеству людей благодаря электронным ресурсам. Идет активное взаимодействие с Агентством стратегических инициатив, результатом чего являются онлайн платформы для профориентации, для изучения русского языка, электронные учебники и др. Конечно, по-прежнему популярны печатные издания, но мир развивается, и электронные образовательные инструменты могут часто дать гораздо больше, нежели бумажный учебник, который быстро изнашивается. В направлении социальных сетей Россотрудничество также активно работает. Уже произведено несколько образовательных курсов для представительств по работе в соцсетях. Сегодня более 1 миллиона человека являются пользователями соцсетей русских домов.

Важной темой является сохранение захоронений и поддержание исторической памяти. Здесь цифровые инструменты используются для создания виртуальных мест памяти. Сегодня многие захоронения приходят в упадок, не всегда хватает средств, чтобы их поддерживать. При этом, память о людях живет не только при наличии установленной каменной стелы, а когда память живет в умах людей. Реализовать это позволяют цифровые инструменты, в частности, проект по оцифровке этих захоронений, созданию панорам расположенных за рубежом русских участков кладбищ, электронных каталогов с подробной информацией о захороненных людях, их достижениях и др. [1, с. 455] Российское военно-историческое общество, начиная с 2015 года, реализует Всемирную общественную платформу по сохранению памятных мест военной истории. Россотрудничество здесь осуществляет действия, направленные на продвижение и дальнейшее наполнение онлайн платформы. В ряде стран есть проекты по размещению QR кодов на историко-культурных объектах.

Одним из эффективных региональных примером является портал ТОДО Медиа. Это – проект, созданный молодежью в Республике Калмыкия при поддержке Министерства культуры субъекта. Этот проект сработал на объединение азиатских регионов внутри страны и за ее пределами (Монголия, Казахстан, США и др.) [7, с. 86]. Другой пример – Третьяковская галерея, ассоциирующаяся с прекрасными залами и большими коллекциями произведений искусства. Уже на протяжении 130 лет после того, как П. М. Третьяков передал коллекцию в дар городу, Третьяковская галерея принимает огромное количество и москвичей, и туристов. Кроме этого, здесь ведется просветительская работа с использованием цифровых решений. В галерее реализуется просветительский онлайн проект Лаврус, исследующий прошлое и настоящее отечественного искусства. Это – рассказы о художниках, стилях и эпохах. Сам контент делается для того, чтобы русское искусство стало ближе и понятнее каждому человеку [3, с. 155].

Одной из задач проекта является расширение аудитории, которые любят и ценят искусство, а также создание моды или популяризация музейно-образовательной деятельности. Конечно, Третьяковская галерея является не просто частью московской

ДНК, она готова своим богатством делиться с регионами. Лаврус делает доступными и коллекции, и образовательную деятельность для всей территории страны. Галерея стимулирует внедрение творческих, художественных практик в образование, знакомит педагогов с возможностями музея в этой сфере. Лаврус кратко можно определить в качестве территории познания, где найдет материалы каждый ценитель искусства – педагоги, студенты и совсем юная аудитория. Это – довольно широкая аудитория. Миссия проекта – обо всем через призму русского искусства. В сфере контента реализуется восемь разделов. Например, для тех, кто не может посетить офлайн галерею, можно воспользоваться лекциями, аудиозаписями, видео, дискуссиями и др. В разделе События можно найти трансляцию из музейного лектория в режиме реального времени.

Ресурс Лаврус – это, в том числе, поствыставочная площадка, удовлетворяющая запрос тех посетителей, которые насладившись выставками, хотят увеличить количество знаний, увеличить информацию в режиме сторителлинга. Также Лаврус может сформировать отложенный спрос, подготовив туриста или москвича к визиту в Третьяковскую галерею, получив для визита вдохновение. Сейчас в этом проекте преобладает женская аудитория, что, в целом, коррелирует с базовой информацией по посещению Третьяковской галереи. Также несколько занижены показатели по работе с регионами. Поэтому, открывая филиалы в Калининграде и Владивостоке, это будет работать на собрание контента и создание локальных сообществ в большой семье Третьяковской галереи.

Государственная академическая капелла, находящаяся в Санкт-Петербурге, была создана еще при Иване III. На данном этапе хоровое искусство трансформировалось, и капелла является концертным залом, который вобрал в себя все современные технологии. Причем, это произошло даже не во время пандемии коронавируса в качестве вынужденной меры. Культура, в особенности, музыкальное искусство, не имеет границ и не требует отдельного перевода [6, с. 89]. Русская классическая музыка крайне востребована по всему миру, этот тот язык дипломатии, поддерживаемый через культуру, который объединяет народы. Поэтому у капеллы имеется большой опыт не только прямых взаимосвязей и гастролей, проходящих по России и миру, но и цифровых историй, благодаря которым можно внедриться (совместно с другими институциями культуры) в сознание партнеров. Именно культура дает от простого прослушивания музыкального концерта затем перейти в синергетический эффект для соединения людей.

Капелла в рамках проектов цифровизации использует формат 360 градусов. Это – виртуальная экскурсия по капелле с фотографиями. То есть, зрители, перед тем, как прийти в концертный зал, могут увидеть помещения изнутри. Есть проекты, связанные с 3D-мэппингом (погружением). Так, есть специальный мультимедийный спектакль, где за один вечер зрители могут увидеть многовековую историю капеллы и погрузиться сюда благодаря современным технологиям. На платформах Триколор, Окко, Фонтанка и Русские сезоны запущены трансляции «Капелла Онлайн». Эти трансляции посмотрело более 3,5 миллионов человек. При этом, в зал капеллы вмещается 789 зрителей. Помимо ухода в онлайн, ведутся социальные сети, например, за период коронавируса аудитория капеллы выросла в 2 раза. В 2022 году был открыт виртуальный концертный зал, где транслируются фильмы и оперы, а также контент сотрудников из других залов. Также проводятся лекции, касающиеся музыкального и театрального искусства.

В рамках технологии VR для капеллы и любого петербуржца тема блокады очень важна. К 80-летию начала блокады Ленинграда был подготовлен проект «Блокадные маршруты». Это – 12 порталов в центре города и центральный портал в капелле Санкт-Петербурга. Во дворе находилась инсталляция с жителем блокадного города и

информационный стенд. Любой человек мог подойти к стенду, отсканировать QR-код, скачать приложение и посмотреть, как капелла выглядела в период блокады, а также послушать истории жителей блокадного Ленинграда [2, с. 44]. Другой проект подтверждает то, что технологии и грамотная подача могут привлечь большое внимание. Так, совместно с Артмузой был реализован проект «В потоке света», где музыканты симфонического оркестра озвучили выставку современного искусства. Этот проект был креативно преподнесен с помощью фотосессии. Но основной формат заключался в том, что музыканты подготовили специальный плейлист для выставки. При входе у зрителя висела информация о выставке и о том, что музыканты подготовили для нее музыку.

Можно было навести свой смартфон на QR, после чего открывался плейлист. Далее, человек надевал наушники и проходил по выставке так, как это видели музыканты. При отсутствии наушников, музыку можно было прослушать и в зале. Проект VR видео включал в себя экскурсию в орган, где зрители могли увидеть все нюансы, как органный исполнитель играет, внутренности органа и др. Видео концерта доступно на YouTube. Вообще, капеллой делаются проекты на стыке разных видов не только искусств, но и спорта. В одном из проектов музыкантов и спортсменов поменяли местами, фотографируя их на разных локациях. В 2023 году был подготовлен проект «Музыка и спорт – цифровая реальность». Здесь выставка была подготовлена нейросетью. Другим эффективным решением стал открытие медиацентра, одним из мероприятий которого стал запуск сериала Закулисье о жизни симфонического оркестра от первого лица. Музыканты рассказали о том, как они пришли в профессию, что для них важно, как проходит их обычный день.

Сюда же была привлечена платформа ВКонтакте. Эксклюзивно этот проект выходил там, суммарно за пять серий количество просмотров составило более 320 тысяч. Сейчас медиацентр занимается прямыми трансляциями концертов. За последний год прошло более 40 трансляций разных направлений и жанров. Также совместно с платформой ВКонтакте и Комитетом по культуре была сделана новая версия 360 градусов (вместе с коптером Drop Shot), отличающаяся новыми помещениями, которые не были отражены в предыдущей версии. Но несмотря на то, какой поток проектов здесь реализуется, все это делается ради зрителей. Те технологии, которые внедряются в капелле, направлены на зрителя, его новое впечатление, ассоциирующееся с капеллой Санкт-Петербурга.

Таким образом, культура является тем направлением, в котором всегда остается человек, его идеи. Это – смыслообразующая сфера, которая соединяет пространства, времена и цивилизации [8, с. 47]. Искусственный интеллект здесь является вторичным инструментом приспособления. При этом, цифровая трансформация и цифровые технологии являются «оружием», которым необходимо научиться правильно пользоваться. Чтобы выделенные проекты реализовывались эффективнее, требуется межведомственное согласование и скоординированная работа в плане использования цифровых продуктов как инструментов культурной дипломатии. На данном этапе эта работа буксует, тяжело проходят процессы согласования и изменения нормативной правовой базы. Также необходимо проводить более активную работу в соцсетях, в том числе, российских объектов и учреждений культуры. Важен интересный, нетривиальный контент, а не просто фотографии и отчеты о проведенных мероприятиях. Не менее важно подключать гражданское общество и бизнес к реализации цифровых проектов. Сейчас усилия госцифры, в основном, сосредоточены на территории России, но эти инструменты должны работать и на экспорт, за рубеж.

1. *Акинин А. А. Влияние цифровизации на развитие культуры в Российской Федерации // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 454-458.*
2. *Зейналов Г. Г. Цифровизация культуры и трансформация образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С.43-45.*
3. *Несис Ю. Л. Повышение качества деятельности учреждений культуры на основе цифровизации // Экономика и управление. – 2023. – № 2. – С. 150-158.*
4. *Пономарев В. Д. Праздник 4.0: вызовы и прогнозы в условиях цифровизации культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 61. – С. 198-204.*
5. *Прончатов А. О. Проблемы реализации государственной политики цифровизации в области культуры в современное время // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2023. – Вып. 1 (314). – С. 85-91.*
6. *Прончатов А. О. Содержание цифровизации в сфере культуры: методологические подходы к изучению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2022. – Вып. 3 (304). – С. 85-92.*
7. *Сагитов С. Т. Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. – 2024. – № 1. – С. 80-93.*
8. *Сандакова Л. Г., Захаров А.К. Тренды общественного развития: культура – образование – инновации – цифровизация // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2023. – Вып. 3. – С. 47-58.*
9. *Соловьев А. И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 216-230.*
10. *Филиндаш Л. В. Специфика массовой культуры в эпоху цифровизации//Вестник университета. – 2023. – № 4. – С. 199-206.*

Секция 2: Социальные и политические процессы новой современности

СОЛИДАРНОСТЬ И СЧАСТЬЕ РОССИЯН: СИНЕРГИЯ НА ПУТИ К КОНСОЛИДАЦИИ

Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617, https://rscf.ru/project/24-28-00617/.

Аннотация. Исследование раскрывает взаимосвязь между личным счастьем и социальной консолидацией на микро- и макроуровне. На основе 39 нарративных интервью показано, что доверие, стабильность и поддержка близких формируют ощущение счастья, которое, в свою очередь, укрепляет социальную сплоченность и устойчивость общества в условиях неопределенности.

Ключевые слова: счастье, консолидация, сплоченность, солидарность

С древних времен ученые, политики, активисты и общественные движения были озабочены поиском личного счастья и социальной солидарности. Распространенная дилемма, получившая название гипотезы Поллианны [2], заключается в том, что счастливые люди могут быть слишком счастливы, чтобы заботиться о важных текущих проблемах, менее склонны действовать для улучшения общества и меньше стремятся к консолидации. Отсюда вопрос о соотношении счастья, групповой солидарности и общественной консолидации вызывает большой исследовательский интерес.

Теоретический подход в социальных науках все больше рассматривают всеобъемлющие «условия» (сами по себе многогранные), которые способствуют сложному созданию счастья [3] и солидарности [1], такие как темперамент, здоровье, материальное положение, экономика и равенство, культура и образование, в том числе включая различные уровни социальных отношений и сообщества соучастия.

На основе проведенного анализа интервью можно выделить устойчивую взаимосвязь между счастьем и социальной сплоченностью. Данная связь имеет уровневую структуру, охватывающую как макроуровень (государство, общество в целом), так и микроуровень (семья, близкие, друзья). Несмотря на различия в формах проявления, на всех уровнях наблюдается тенденция к укоренению счастья в системе социальных связей, взаимоотношений и способности к адаптации, что усиливает консолидационные процессы в обществе и в повседневности.

Для изучения взаимосвязи счастья, солидарности, а также возникновения эффекта их синергии при движении к консолидации общества, с июля 2024 года по май 2025 года было проведено 39 нарративных интервью. Информантами выступили представители разных поколенческих в возрасте 18–60 лет, проживающие в городах России разного типа (столичные города Москва и Санкт-Петербург, областной центр, мегаполис Екатеринбург,

большие, средние и малые города Свердловской области), рекрут также учитывал задачу попадания в различные социально-демографические группы (по занятости и семейному положению).

На уровне общественного устройства и отношения к государству, счастье респондентов связано с восприятием социальной стабильности, доверием и возможностью адаптироваться к внешним обстоятельствам. Как показывают интервью, счастье связано с ситуацией в стране, но способность приспосабливаться к внешним обстоятельствам важнее для личного счастья: «*Более счастлива, если и ситуация в стране будет хорошая, но для личной жизни нужно уметь приспосабливаться*» (жен., 22, Москва).

Общее состояние страны влияет на субъективное благополучие косвенно, личное счастье не всегда зависит от больших общественных процессов. Однако стабильность, социальная защищенность и предсказуемость – необходимые контексты, в которых формируется ощущение благополучия: «*Стабильность, стабильная работа, стабильный заработок, когда дома все хорошо*» (жен., 23, Екатеринбург).

Значимым элементом является также доверие к сообществу. Социальное единство и доверие важны для общественных отношений как основания устойчивого состояния личного счастья: «*Мне легче жить, доверяя человеку, чем постоянно подозревая*» (муж., 39, Екатеринбург). Это свидетельствует о том, что межличностное и институциональное доверие функционирует как форма социальной гарантии, обеспечивая более комфортное существование в обществе.

Общество, в котором большинство счастливо, создает атмосферу социальной поддержки, разделения эмоций и, тем самым, укрепляет коллективную устойчивость. Коллективная консолидация общества может снижать чувство страха и создавать условия для стабильности, «*если вокруг большинство счастливых, то коллективное счастье поддерживает каждого*» (муж., 20, Санкт-Петербург). Несовпадение ожиданий с реальностью в отношениях и обществе ведет к разочарованиям, но при этом опыт помогает людям строить новые формы сплоченности. «*Обманутые ожидания... меняется отношение к данным ситуациям, опыт, который дает возможность смотреть на вещи по-другому*» (жен., 43, Екатеринбург).

Ощущение счастья также связано с возможностью быть услышанным обществом и найти общий язык, что укрепляет чувство принадлежности и сплоченности. «*Найти язык, донести до мира свои идеи – это часть счастья и самореализации*» (муж., 30, Екатеринбург), которая подчеркивает просоциальную направленность личного развития.

Таким образом, на макроуровне счастье выступает не только как результат объективных социальных условий, но и как эффект коллективного опыта, взаимной поддержки и способности жить в условиях неопределенности. Как подчеркивает одна из респонденток: «*Я не могу исправить, что в стране происходит. Для спокойной жизни важна адаптация*» (муж., 25, Москва). Отсюда можно сделать вывод, что сплоченность на макроуровне формируется через баланс: между личными ожиданиями и общественными реалиями, между стабильностью и адаптацией, между доверием к обществу и умением справляться самостоятельно.

Если на уровне социума счастье может формироваться через доверие, адаптацию и стабильность, то на микроуровне оно тесно связано с качеством межличностных связей, поддержкой, принадлежностью и эмоциональной близостью.

Ключевая характеристика счастья в данном контексте – это благополучие близких, стабильные и дружные отношения дома: «*Для меня счастье – когда у семьи моей все хорошо, у друзей моих все хорошо, это первоочередное*» (жен., 28, большой город). Здесь счастье определяется через социально-эмоциональные связи и ощущение гармонии в

микросреде. Сплоченность и поддержка близких помогают пережить моменты разочарования и неудач, что способствует сохранению счастья, выступает важным ресурсом для преодоления сложностей: «*Близкие поддерживали, говорили, что все будет хорошо*» (жен., 21, средний город). На микроуровне сплоченность проявляется через взаимную заботу и способность делиться не только радостью, но и частью своего ресурса в трудные периоды, когда «*кто-то из моих близких несчастлив, я делюсь им поддержкой и сопереживанием*» (жен., 23, малый город).

Создание баланса между профессиональной реализацией, временем на семью и собой также формирует личное ощущение счастья. Во многих интервью подчеркивается, что счастье по своей сути неэгоистично, в нем должна быть забота о других и время, уделенное близким: «*Счастье – это гармония между работой, личной жизнью, временем на себя и близких*» (жен., 22, Екатеринбург). Коммуникация как форма социальной энергии и обмена эмоциями рассматривается как главный источник жизненного ресурса и внутреннего равновесия, «*мой ресурс – это коммуникация, общение. Не только с людьми, но и с животными, с природой, с самой собой*» (жен., 51, Екатеринбург).

Коллективные успехи и моменты совместной работы приносят ощущение счастья, связанного с общим усилием и поддержкой. «*Моменты счастья – это моменты вместе с коллективом, когда выполняешь сложную работу, радуешься вместе со всеми*» (жен., 60, Екатеринбург). Коллективное счастье включает и поддержку тех, кто несчастлив, через проявление сопереживания и взаимопомощи, «*если вокруг люди несчастливы, то ты делишься этим счастьем*» (жен., 45, Екатеринбург). Социальное единство и доверие в коллективах являются основой устойчивого ощущения счастья, несмотря на сложности. Следовательно, на микроуровне счастье возникает в сети частных, но прочных связей. Именно здесь рождается ощущение принадлежности, уверенности и эмоциональной стабильности: «*Для меня счастье – когда у семьи и друзей все хорошо*» (муж., 59, малый город).

Таким образом, единство уровней выступает как основа устойчивой сплоченности. Рассматривая макро- и микроаспекты социальной консолидации, можно сделать следующий ключевой вывод: счастье представляет собой интегральное переживание, одновременно укорененное в общественных структурах и частной жизни. На макроуровне – это доверие, адаптация, коллективная устойчивость. На микроуровне – близкие отношения, эмоциональное взаимодействие и поддержка. Оба уровня не существуют изолированно. Макроуровень создает условия, в которых формируется контекст для устойчивости частных связей, а микроуровень обеспечивает эмоциональную и адаптивную основу для проживания изменений в обществе.

Социальная сплоченность, выражающаяся в форме доверия, поддержки и общих ценностей, это важнейшая основа индивидуального и коллективного счастья. Связь между счастьем и социальной консолидацией фундаментальна, универсальна и проявляется в повседневности как чувство баланса, сопричастности и гармонии с собой и другими.

1. *Тупикова В. А., Мисяутова Е. К., Мурзиков Л. Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 2. С. 447–458. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-447-458.*
2. *Kushlev K., Drummond D. M., Heintzelman S. J., Diener E. Do happy people care about society's problems? // The Journal of Positive Psychology. 2019. № 15(4). Pp. 467–477. https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1639797.*
3. *Lomas T., VanderWeele T. J. The complex creation of happiness: Multidimensional conditionality in the drivers of happy people and societies // The Journal of Positive Psychology. 2021. № 18(1). Pp. 15–33. https://doi.org/10.1080/17439760.2021.1991453.*

ЦИФРОВАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ: ИНСТРУМЕНТЫ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анохин Антон Алексеевич
(УГНТУ)

Гайсина Люция Мугтабаровна
(УГНТУ)

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к адаптации молодых специалистов в нефтегазовой отрасли в условиях цифровизации. Особое внимание уделено использованию искусственного интеллекта и HR-аналитики для персонализации обучения и сопровождения сотрудников. Отмечается, что цифровые инструменты повышают вовлеченность, сокращают сроки адаптации и снижают текучесть кадров, однако требуют сочетания с живым наставничеством для сохранения корпоративных ценностей.

Ключевые слова: адаптация, молодые специалисты, нефтегазовая отрасль, цифровизация, HR-аналитика, искусственный интеллект.

Введение. Нефтегазовая отрасль является одной из ключевых составляющих экономики, требующей высокой квалификации, профессионализма и оперативного реагирования на технологические изменения. Современная работа в нефтегазовой отрасли все больше связана с автоматизацией и внедрением цифровых технологий, поэтому к сотрудникам предъявляются новые требования – они должны быть более гибкими и обладать современными техническими навыками.

Особую актуальность приобретает вопрос адаптации молодых специалистов – представителей поколения Z и Альфа, для которых цифровые технологии являются естественной частью повседневной жизни. Их успешное включение в рабочие процессы требует пересмотра традиционных методов адаптации и внедрения инновационных подходов, учитывающих их ожидания, особенности восприятия информации и потребность в интерактивном обучении [1].

В условиях цифровой трансформации нефтегазовых компаний появляются новые инструменты адаптации, такие как мобильные платформы онбординга, системы геймификации, VR/AR-тренажеры, а также технологии искусственного интеллекта для персонализированного сопровождения новичков и анализа эффективности процесса включения в коллектив. Использование таких решений позволяет повысить вовлеченность молодых сотрудников, снизить риски текучести кадров и обеспечить их профессиональное развитие.

Молодые специалисты, приходящие в нефтегазовую отрасль, представляют собой особую категорию сотрудников с уникальными профессиональными и личностными характеристиками. Вместе с тем их адаптация сталкивается с рядом вызовов [2]:

необходимость работы с сложным и высокотехнологичным оборудованием;

высокая ответственность за безопасность;

строгие корпоративные стандарты;

интенсивный ритм работы.

Традиционные методы адаптации, ориентированные преимущественно на инструктажи и формальные мероприятия, оказываются недостаточно эффективными для

этой категории сотрудников. Для успешного включения молодых специалистов в коллектив требуется индивидуальный подход и интеграция цифровых технологий, способствующих быстрому освоению профессиональных обязанностей и формированию чувства принадлежности к компании.

Вместе с тем внедрение цифровых методов адаптации сопряжено с рядом проблем. Молодые специалисты могут испытывать «цифровую перегрузку», сталкиваясь с большим объемом информации в онлайн-среде, что влечет за собой снижение эффективности обучения. Полностью цифровой формат не заменяет живое взаимодействие с наставниками и коллегами, которое необходимо для формирования доверительных отношений и командного духа. Кроме того, сохранение корпоративной идентичности и ценностей компании становится более сложной задачей, если адаптация проводится преимущественно в цифровой среде. Внедрение цифровых практик требует интеграции онлайн-инструментов с очными мероприятиями, корпоративными ритуалами и наставничеством [3].

В связи с этим все большее значение приобретает разработка индивидуальных цифровых программ адаптации, которые естественным образом становятся частью корпоративной среды компании. Подбор оптимальной программы обучения и сопровождения для каждого нового сотрудника строится на анализе его навыков, опыта и уровня вовлеченности. При этом AI-алгоритмы учитывают не только индивидуальные данные новичка, но и накопленный внутри компании опыт – результаты прошлых адаптаций, успешные карьерные траектории, показатели вовлеченности и производительности на аналогичных должностях. На основе выявленных закономерностей система формирует персональные маршруты обучения и сопровождения, а по мере накопления новых данных алгоритмы становятся точнее и гибче, адаптируя рекомендации к реальным условиям работы [3].

Гибридные модели наставничества, сочетающие онлайн-консультации, VR/AR-тренажеры и очные встречи, помогают быстрее осваивать профессиональные навыки и выстраивать командное взаимодействие [4]. Дополнительное использование игровых механик и аналитики данных повышает мотивацию, вовлеченность и снижает риск текучести молодых специалистов. Инвестиции в цифровую адаптацию полностью оправдываются: компания получает более подготовленных, уверенных в своих силах сотрудников, способных быстро вливаться в производственные процессы и приносить ощутимую пользу бизнесу.

Технологии искусственного интеллекта и HR-аналитика становятся ключевыми инструментами цифровой адаптации молодых специалистов [7]. AI позволяет персонализировать процесс включения нового сотрудника в компанию: на основе анализа резюме, тестов, поведения в обучающих платформах и активности в корпоративных чатах формируются индивидуальные маршруты обучения и адаптации. Например, система может выявлять пробелы в знаниях, рекомендовать конкретные тренинги или назначать наставников с опытом, соответствующим потребностям новичка.

HR-аналитика, в свою очередь, обеспечивает мониторинг ключевых показателей успешности адаптации. Среди них можно выделить [5]:

сроки выхода на полную производительность;

уровень вовлеченности и удовлетворенности сотрудников;

число ошибок или инцидентов на рабочем месте в первые месяцы;

текучесть среди новых специалистов;

Собранные данные позволяют не только корректировать индивидуальные программы адаптации в реальном времени, но и выявлять системные проблемы в

корпоративной культуре или процессах обучения. Например, если показатели вовлеченности группы молодых сотрудников остаются низкими, HR-аналитика может помочь выявить причины: недостаток обратной связи, перегрузка информацией, слабая интеграция в коллектив или несоответствие содержания тренингов реальным задачам.

Согласно отраслевым исследованиям, компании, внедряющие AI и HR-аналитику в адаптацию молодых специалистов, отмечают сокращение времени выхода на эффективный уровень работы на 20 – 30 % и снижение вероятности ранней текучести на 15 – 20 % (рисунок 1).

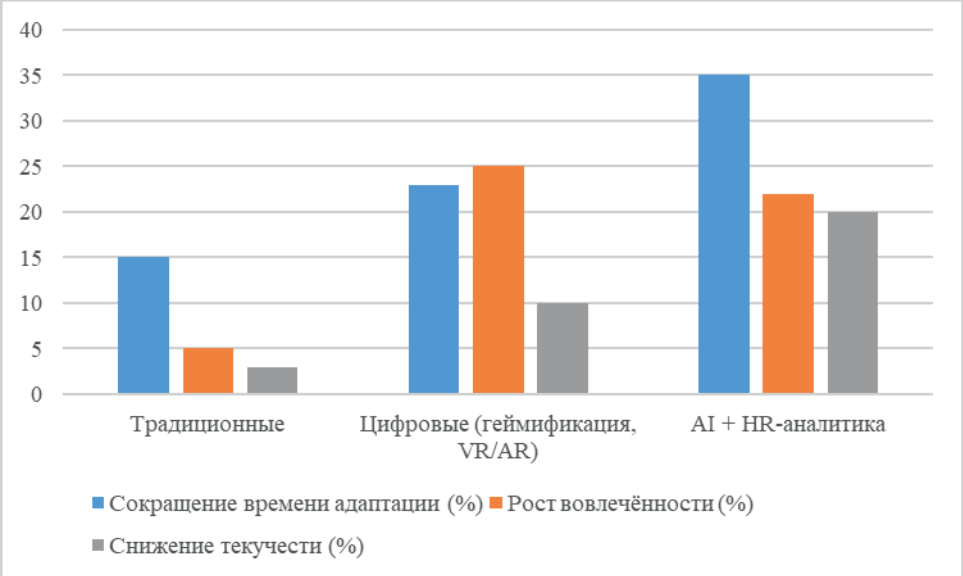

Рисунок 1. Влияние цифровых инструментов адаптации на ключевые показатели эффективности молодых специалистов [4]

AI и HR-аналитика позволяют ускорить процесс адаптации, повысить его качество, делая обучение персонализированным, предсказуемым и управляемым. В долгосрочной перспективе способствуя формированию более вовлеченного, мотивированного и продуктивного молодого кадрового резерва, что критически важно для нефтегазовой отрасли.

Таблица 1. Возможности и ограничения применения AI и HR-аналитики в адаптации молодых специалистов [3]

Инструмент	Функции и возможности	Преимущества	Ограничения/Риски
AI для персонализации адаптации	– Анализ резюме и тестов – Индивидуальные маршруты обучения – Подбор наставников	– Персонализированный подход – Сокращение времени адаптации – Повышение вовлеченности	– Зависимость от качества данных – Возможная «черная коробка» решений
HR-аналитика	– Мониторинг KPI адаптации (вовлеченность, производительность, текучесть) – Выявление узких мест в адаптационных процессах	– Возможность коррекции процессов в реальном времени – Предсказание рисков текучести	– Требует интеграции с другими системами – Возможные проблемы с конфиденциальностью данных

Комбинированное использование AI и HR-аналитики	– Автоматическая корректировка маршрутов обучения – Прогнозирование успеха сотрудников	– Оптимизация адаптационного процесса – Повышение мотивации и удержания	– Необходимость гибридного подхода с живым наставничеством – Технологические и финансовые затраты

Заключение. Анализ современных методов адаптации молодых специалистов в нефтегазовой отрасли показывает, что традиционные подходы, ориентированные на инструктажи и формальные мероприятия, становятся недостаточно эффективными в условиях цифровизации. Внедрение инструментов: мобильных платформ, VR/AR-тренажеров, геймификации, а также технологий искусственного интеллекта и HR-аналитики, позволяет ускорить процесс адаптации, повысить вовлеченность и снизить риски текучести среди молодых сотрудников.

Использование цифровых инструментов позволяет быстрее вводить новых сотрудников в работу – в среднем на 20 – 30 % быстрее, чем при классических подходах. Уровень вовлеченности персонала растет примерно на 15 – 25 %.

Перспективным направлением является создание персонализированных цифровых маршрутов адаптации, интегрированных с корпоративной культурой компании. AI и HR-аналитика позволяют прогнозировать риски, корректировать программы обучения в реальном времени и оптимизировать процесс адаптации под конкретные потребности каждого сотрудника. Гибридные подходы, сочетающие онлайн- и офлайн-инструменты, обеспечивают максимальную эффективность, мотивацию и удержание молодых специалистов.

1. *Галиуллина С. Д., Бреслер М. Г., Сулейманов А. Р., Герасимова Д. И., Сафина Е. А. Повышение эффективности адаптации молодых специалистов в компаниях нефтегазового комплекса // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. №3 (41).*
2. *Гайсина Л.М. Трансформация системы управления персоналом в условиях социальных изменений: нефтегазовый комплекс России. Уфа: Издательство «Восточная печать», 2014. – 224 с.*
3. *Гайсина Л.М., Белоножко М.Л. Социально-ориентированное управление на предприятиях нефтегазового комплекса в условиях трансформации: синергетический подход. Уфа: Издательство «Нефтегазовое дело», 2021. – 346 с.*
4. *Папинова, Е. Е. Изучение способов оптимальной адаптации молодых специалистов газовой и нефтяной промышленности / Е. Е. Папинова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 8 (194). – С. 25-28.*
5. *Gaisina L. M., Litvinenko I. L., Magomaeva L. R., Agaev A. A. Impact of the Pandemic and the Green Economy on the Development of the Oil and Gas Sector // SOCAR Proceedings. 2022. № 3. C. 106-113.*
6. *Gaisina L. M., Litvinenko I. L., Magomaeva L. R., Muradov M. M. Innovation and Investment Aspect Energy Transition to Renewable Energy Sources // SOCAR Proceedings. 2022. № 4. C. 134-141.*
7. *Gaisina L. M., Shaykhislamov R. B., Shayakhmetova R. R., Semenova L. M., Gainanova E. I., Sadykova R. R. Shaping healthy lifestyle among students // Espacios, 2019, Vol. 40 (Nº 17), Page 19.*

ФИКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГРОЗ ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

Ахмедова Фарангис Мухамадовна

Введение. Феномен фиктивного образования – приобретения дипломов, сертификатов и удостоверений без реального обучения – стал одной из самых тревожных тенденций в современном российском обществе. Формальное наличие диплома

превратилось в массовую норму, однако за ним нередко стоит не реальная квалификация, а фиктивный документ. Массовость подобных практик подтверждается данными правоохранительных органов: за последние пять лет в сфере образования выявлено свыше 25 тысяч преступлений, из них около 7 тысяч связаны с подделкой дипломов. В ответ на эту «дипломную болезнь» государство ужесточает контроль – число вузов в России с 2014 по 2024 год сократилось с примерно 1150 до 658 за счёт закрытия неэффективных и недобросовестных организаций. Тем не менее, фиктивное образование продолжает подрывать доверие к системе подготовки кадров и качеству человеческого капитала.

В последние годы образование всё чаще воспринимается не как ценность и процесс развития компетенций, а как инструмент карьерного продвижения либо формальное требование для трудоустройства. Возникает парадокс: декларируемая цель образования (формирование человеческого капитала) подменяется симуляцией квалификации ради «корочки». Такая девиация, как отмечает Е. И. Кузьмин (2019), становится частью институциональной среды, где нормы и правила заменяются формальными символами – документами, не отражающими реального уровня знаний. Ключевой тезис настоящего исследования состоит в том, что фиктивное образование – это не частное правонарушение отдельных лиц, а институциональная девиация, системно подрывающая основы профессиональных сообществ и их устойчивость изнутри. Цель статьи – выявить механизмы влияния института фиктивного образования на устойчивость профессиональных сообществ России и проанализировать связанные с этим угрозы.

Теоретико-методологическая база

Проблема фиктивного образования рассматривается через призму социологических теорий девиантного поведения и институциональных изменений. Согласно классической концепции Р. Мертона (2006) о структурной аномии, девиация возникает из-за расхождения между социально одобряемыми целями и легитимными средствами их достижения. В современном образовании цель – наличие диплома – для многих стала самоцелью, тогда как легитимный процесс приобретения знаний обесценился. Тот же феномен описывал Т. Веблен в теории демонстративного потребления: диплом превратился в статусный символ, ради которого используются нелегитимные средства.

Пьер Бурдьё (2002) рассматривал образование как механизм воспроизводства социального капитала и стратификации. Фиктивное образование разрушает этот механизм: «капитал» в виде диплома перестаёт коррелировать с компетентностью и навыками. Диплом перестаёт быть надёжным сигналом качества работника, обесценивая инвестиции общества и индивидов в человеческий капитал. В итоге подрываются социальная мобильность и доверие к системе образования в целом.

С точки зрения институциональной социологии, современная образовательная среда переживает состояние «институциональной турбулентности» (Г. Е. Зборовский, 2020). Цифровизация, рыночные принципы и ослабление государственного контроля создали благоприятную почву для девиантных практик в сфере образования. Ослабление традиционных норм профессионализма означает, что профессиональные сообщества теряют механизмы поддержания стандартов. Как отмечали Э. Дюркгейм и последующие теоретики профессий, устойчивость сообщества специалистов опирается на общие нормы, этику, стандарты подготовки и механизмы исключения некомпетентных. Фиктивное образование подрывает все эти опоры, разрушая профессиональную идентичность и групповую солидарность.

Важно также учесть социально-психологический аспект. Обладатели фиктивных дипломов зачастую переживают синдром самозванца – хроническую неуверенность и страх разоблачения, что снижает их профессиональную эффективность. Возникает

когнитивный диссонанс: осознавая свою некомпетентность, они вместо саморазвития склонны обесценивать значимость знаний и профессии (например, убеждая себя, что «у всех так» или «главное – связи, а не знания»). Мотивационный профиль таких людей часто включает стремление соответствовать внешним ожиданиям (давление семьи и общества, где «диплом о высшем образовании обязателен»), избегание реальной конкуренции и сложной работы, а также инфантильное желание получить выгоды без длительных усилий. Эти психологические установки поддерживают рынок фиктивных квалификаций, создавая порочный круг низкой ответственности и девальвации образования.

Эмпирический анализ: фиктивное образование как социальная практика

Для анализа эмпирического распространения явления рассмотрим данные рынка образовательных услуг и контроля качества. Автор статьи, работая в 2024 – 2025 гг. менеджером по продажам образовательных услуг в одном из учебных центров, наблюдала масштабное распространение практики фиктивного обучения. Около 90 % клиентов предпочитали просто купить удостоверение о повышении квалификации без посещения занятий. Средний ежемесячный оборот такой организации превышал 2 млн рублей, и на рынке действуют десятки подобных фирм. Только в сегменте дополнительного образования суммарный объём теневого оборота «липовых» сертификатов оценивается в сотни миллионов рублей ежегодно. Особенно тревожно, что значительная часть покупателей – педагоги, медицинские работники и инженеры-строители, то есть представители профессий, от компетентности которых напрямую зависят жизнь и безопасность людей.

Мотивы приобретения фиктивных документов во многом продиктованы бюрократическими требованиями. Так, педагоги вынуждены периодически проходить повышение квалификации для аттестации и формально отчитываться документами, а медицинские специалисты – подтверждать аккредитацию каждые пять лет. Столкнувшись с такими требованиями, многие выбирают путь наименьшего сопротивления – покупку удостоверения вместо реального обучения. Эта ситуация отражает системную проблему: профессиональные стандарты бюрократизированы и формализованы до такой степени, что получение «корочки» превалирует над реальным обновлением знаний.

Широкое распространение фиктивного образования подтверждается и независимыми оценками. По данным МВД России, ежегодно пресекается деятельность 150 – 200 интернет-сайтов и фирм, занимающихся продажей поддельных дипломов, а только в 2023 году из оборота изъято свыше 17 тысяч поддельных документов об образовании и учёных степенях. Опросы показывают, что почти половина работодателей (до 57 % по данным SuperJob, 2023) сталкивались с поддельными дипломами у соискателей, и большинство компаний всё меньше доверяют формальным документам, отдавая при принятии на работу приоритет практическим навыкам и опыту. Таким образом, фиктивное образование превратилось в устойчивую социальную практику, подпитываемую как спросом со стороны отдельных работников, так и предложением со стороны недобросовестных «образовательных» структур.

Социальные последствия и институциональные риски

Распространение фиктивного образования подрывает фундаментальные основы профессиональных сообществ, создавая несколько уровней угроз:

Снижение качества профессиональной деятельности. Специалисты без реальных знаний и навыков неизбежно допускают ошибки, влияющие на здоровье, безопасность и благополучие людей. В критических отраслях это приводит к прямым угрозам: например, по данным Росздравнадзора, до 15 % всех дефектов и ошибок в оказании медицинской

помощи могут быть связаны с недостаточной компетентностью персонала, а Госстройнадзор отмечает некомпетентность инженеров как одну из частых причин строительных аварий. Таким образом, присутствие «специалистов» с фиктивными дипломами несёт реальные техногенные и социальные риски.

Утрата общественного доверия к профессии. Когда граждане осознают, что диплом больше не гарантирует компетенции, рушится символический капитал профессий. Падает доверие к врачам, учителям, юристам, инженерам – диплом перестаёт быть знаком качества, заработанного трудом. Настоящие специалисты вынуждены постоянно доказывать свой профессионализм на деле, сталкиваясь с повышенным подозрением. В обществе формируется опасный стереотип о некомпетентности целых профессиональных групп, что подрывает их социальный статус и легитимность.

Институциональная эрозия системы образования. Когда сами образовательные организации участвуют в фиктивных схемах – выдавая «липовые» дипломы, закрывая глаза на плагиат и покупку работ – подрывается легитимность всей институциональной системы. Государственный контроль и аккредитация теряют смысл, если нарушения носят массовый характер. За последние годы Рособрнадзор был вынужден лишить государственной аккредитации десятки вузов и филиалов за грубые нарушения стандартов. Однако до сих пор сохраняются «фабрики дипломов» – псевдо-вузы и недобросовестные филиалы, имитирующие учебный процесс. Их деятельность искажает конкурентную среду: добросовестные вузы и квалифицированные специалисты оказываются в заведомо неравных условиях с теми, кто получает статус и должности путем мошенничества.

Последствия проявляются в разных профессиональных сферах. Для наглядности приведём некоторые примеры влияния фиктивного образования на конкретные сообщества:

Для педагогов: снижение качества преподавания и искажение ценности знания. Когда учителя сами получают фиктивные удостоверения, разрушается межпоколенческая преемственность и уважение к профессии, ведь они транслируют ученикам идею о неважности реальных знаний.

Для медицинских работников: прямая угроза жизни и здоровью пациентов, поскольку формальные компетенции подменяют реальные навыки. Рост врачебных ошибок и случаев неэффективного лечения подтачивает престиж и этику медицины.

Для строительной сферы: увеличение риска технологических аварий и появления некачественных объектов. Инженеры с купленными дипломами могут занимать ответственные посты, не обладая достаточной подготовкой, что приводит к ошибкам в проектах и надзоре.

Таким образом, фиктивное образование порождает не индивидуальные, а коллективные риски, разрушая социальный контракт между профессионалом и обществом. Профессия перестаёт гарантировать компетентность своих членов, что ведёт к общему падению уровня доверия, росту профессиональной некомпетентности и стагнации развития отраслей.

Причины распространения феномена

Причины институционализации фиктивного образования носят системный характер и обусловлены как структурными, так и культурными факторами:

Бюрократическое давление. Во многих профессиях работники обязаны регулярно подтверждать квалификацию (аттестации, аккредитации, лицензирование). Это требует времени, усилий и зачастую сопровождается избыточной бюрократией. Формальное требование «предоставить диплом о повышении квалификации» становится целью само

по себе. Для перегруженных специалистов такая обязанность превращается в формальность, что стимулирует спрос на фиктивные документы, позволяющие снять бюрократические барьеры без фактического обучения.

Цифровизация без должного контроля. Парадоксально, но развитие электронных систем учёта тоже открывает лазейки для нарушений. Например, Федеральный реестр сведений о документах об образовании (ФРДО) призван обеспечивать прозрачность, однако недобросовестные организации умудряются вносить в него данные о «выданных» дипломах задним числом. Стремительное внедрение дистанционных образовательных технологий без адекватных механизмов проверок также облегчило симуляцию учебного процесса. Цифровая трансформация образования, при отсутствии надзора, стала палкой о двух концах: с одной стороны, она расширяет доступ к обучению, с другой – упрощает масштабные мошеннические схемы.

Низкая мотивация к обучению и изменение ценностей. В обществе наметился культурный сдвиг: образование всё чаще воспринимается прагматично – как средство получения статуса или зарплаты, а не как самоценный процесс развития. При доминировании установки «главное – корочка» у многих молодых людей снижается внутренняя мотивация реально учиться. Академическая нечестность (плагиат, списывание, покупка работ) стала массовым явлением – до 70 % студентов регулярно сталкиваются с плагиатом в учебной среде. Эта толерантность к имитации работы во время обучения формирует почву для более серьёзных форм фиктивности в дальнейшем. Фактически, социальная норма смещается: обман и имитация перестают строго осуждаться, что облегчает распространение практики покупки дипломов.

Слабость институционального надзора. Несмотря на ужесточение контроля, неизбежность наказания за фиктивное образование остаётся низкой. Формальная аккредитация образовательных программ не всегда гарантирует их качество. Коррупционные проявления в вузах (взятки за экзамены, «продажа» дипломных работ) всё ещё имеют место. Судебная практика показывает, что по ст. 327 УК РФ («Подделка документов») ежегодно осуждается порядка 2 – 2,5 тысяч человек, что явно не соответствует реальному масштабу проблемы. Многие случаи остаются вне поля зрения правоохранительных органов, а часть нарушителей отделывается условными сроками. Относительная безнаказанность подпитывает уверенность участников схем в продолжении своей деятельности.

Психологические и социальные факторы. Как отмечалось выше, на индивидуальном уровне распространению феномена способствует психологическая готовность идти на обман ради избегания усилий. Общественное мнение в некоторой степени толерантно к «незаслуженным дипломам» – по данным ВЦИОМ, треть россиян считает, что для успешной карьеры важнее иметь «правильный диплом», чем реальные знания. Такое отношение снижает моральный барьер перед покупкой диплома. Кроме того, социальное давление и конформизм играют роль: если «все вокруг» имеют высшее образование, человек стремится не отстать от окружения любыми средствами. В итоге складывается институциональная ловушка: система сама воспроизводит фиктивность, когда работодатели, уже имеющие липовые дипломы, при найме новых сотрудников тоже не настаивают на реальных знаниях, а молодёжь видит, что симуляция может безнаказанно привести к успеху.

Влияние на устойчивость профессиональных сообществ

Устойчивость профессионального сообщества – это способность поддерживать воспроизводство кадров, высокое качество услуг и общественное признание профессии. Фиктивное образование ставит под удар каждый из этих аспектов. Сообщество,

наполненное случайными людьми с неподтверждённой компетентностью, теряет профессиональную идентичность – размываются границы между «своими» и «чужими», между компетентными профессионалами и дилетантами. Коллективная гордость и этика сменяются индивидуализмом и ориентацией на личную выгоду, исчезает база для солидарности и совместной защиты профессиональных интересов.

Кроме того, происходит девальвация сертификационной функции диплома – документа больше не доверяют ни работодатели, ни клиенты. Настоящие специалисты вынуждены каждый раз доказывать квалификацию на практике, а общество начинает подозревать всех представителей профессии в непригодности. Это порождает кризис доверия внутри и вокруг профессионального сообщества.

В долгосрочной перспективе фиктивное образование ведёт к снижению человеческого капитала страны и стагнации развития отраслей. Отбор и продвижение кадров искажаются: на ключевые позиции попадают не самые способные, а самые беспринципные или обеспеченные ресурсами (которые могут «купить» статус). В результате тормозится инновационное развитие: в среде, где ценятся только формальные атрибуты, снижается стимул к освоению новых знаний и технологий. Профессиональные сообщества вместо двигателей прогресса рискуют превратиться в барьер для развития экономики и общества.

Пути решения проблемы

Преодоление институционализированной девиации в образовании требует комплексных мер – институциональных, правовых и культурных. Ниже представлены ключевые направления, способные повысить устойчивость профессиональных сообществ перед угрозой фиктивного образования:

Введение системы подтверждения практических знаний. Необходимо встроить в процедуры аттестации и аккредитации специалистов обязательные практико-ориентированные экзамены. Независимая сертификация компетенций через профессиональные сообщества поможет сопоставить диплом с реальными умениями. Например, внедрение независимых профессиональных экзаменов для выпускников и работников (в том числе с использованием демонстрационного экзамена или портфолио) позволит вернуть диплому роль подтверждения знаний. Принцип «образование через всю жизнь» должен сменить устаревшую парадигму получения раз и навсегда выданного диплома – цениться должны актуальные навыки и постоянное саморазвитие, а не дата выдачи корочки.

Усиление цифрового контроля. Все записи о выдаче дипломов и удостоверений в Федеральном реестре (ФРДО) должны проходить автоматизированную проверку подлинности. Перспективным шагом является внедрение AI-систем мониторинга: интеллектуальный анализ данных ФРДО и образовательных результатов позволит своевременно выявлять аномалии и подлоги. К 2025 году планируется обеспечить 100 % онлайн-верификацию документов об образовании. Также обсуждается внедрение «цифрового профиля компетенций» выпускников – единой базы, где фиксируются подтверждённые навыки специалиста. Такой профиль затруднит сокрытие недостатка знаний за формальным дипломом, делая систему прозрачнее.

Публичная прозрачность образовательных учреждений. Необходимо создать открытые реестры организаций, реализующих образовательные программы (особенно в сфере дополнительного и корпоративного обучения), с указанием результатов независимой оценки их качества. Рейтингование вузов и учебных центров по реальным показателям (трудоустройство выпускников по специальности, средний балл ЕГЭ на входе, доля практических дисциплин и т. д.) поможет отсечь недобросовестные

структуры. Широкое информирование населения о признанных «дипломных фабриках» и проблемных вузах повысит социальный контроль: абитуриенты и работодатели смогут избегать учреждений с сомнительной репутацией.

Повышение правовой ответственности. Следует ужесточить наказания за производство и сбыт поддельных образовательных документов, а также за внесение заведомо ложных сведений в официальные реестры. Для организаций, уличённых в продаже дипломов или выдаче фиктивных удостоверений, необходимы финансово ощутимые санкции – вплоть до отзыва лицензии без возможности восстановления. Специалистов, сознательно использующих поддельные документы, также надо привлекать к ответственности, например, через дисквалификацию и запрет занимать должности в определённой сфере на установленный срок. Прецеденты таких дел должны получить огласку, чтобы сформировать атмосферу нетерпимости к образовательному мошенничеству.

Социально-просветительская работа. Важно изменить общественное отношение к проблеме. Следует разъяснять гражданам, что покупка диплома – это не безобидная «экономия времени», а угроза благополучию общества и собственной безопасности. Информационные кампании, реальные истории разоблачения и негативных последствий (например, врачебных ошибок, совершённых неквалифицированными докторами) должны формировать негативный имидж практики фиктивного образования. Одновременно нужно популяризировать ценность честно полученных знаний и навыков – показывать примеры успешной карьеры благодаря компетенции, а не связи или корочке. Воспитание культуры академической честности и ответственности с университетской скамьи – ещё один фундаментальный шаг на пути решения.

Заключение. Фиктивное образование – это не просто проблема качества обучения, а индикатор глубинных деформаций в ценностных ориентирах и институтах общества. Массовое распространение симуляции в сфере подготовки кадров отражает кризис доверия к социальным институтам и подмену сути внешней формой. Когда образование превращается в товар, его социальная функция – передача знаний и развитие компетенций – утрачивает смысл. В долгосрочной перспективе подобная тенденция ведёт к снижению суммарного человеческого капитала страны, росту непрофессионализма и разрушению связей между поколениями специалистов.

Чтобы восстановить устойчивость профессиональных сообществ и вернуть образованию его подлинную роль, необходима системная политика, объединяющая усилия государства, академического сообщества, работодателей и гражданского общества. Только при условии восстановления ценности знания и формирования культуры ответственности образование вновь сможет выполнять свою основную функцию – быть источником развития личности и общества, а не фиктивным атрибутом статуса.

1. *Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.*
2. *Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М.: Юристъ, 2006. – С. 125–155.*
3. *Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М., 2007.*
4. *Кузьмин Е. И. Институциональные изменения в образовании: социологический анализ. – М.: ИСПИ РАН, 2019.*
5. *Мосалова Л. И. Цифровизация и девиации в образовательной среде // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 107–112.*
6. *Зборовский Г. Е. Образование в меняющемся обществе: социологический анализ. – Екатеринбург: УрФУ, 2020.*
7. *Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М., 2019.*

8. *Рособрнадзор. Официальные отчёты о результатах надзорной деятельности за 2021–2023 гг. – URL: obrnadzor.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).*
9. *МВД России. Статистика преступлений в сфере образования (по материалам выступлений В. Колокольцева). – 2021–2023 гг.*
10. *SuperJob. Аналитический опрос работодателей «Образование и навыки». – 2023. – URL: superjob.ru (результаты опроса от 21.07.2023).*
11. *ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 4474: Отношение россиян к высшему образованию. – 2020. – URL: wciom.ru (дата обращения: 10.10.2025).*
12. *Проект «Диссернет». Результаты экспертизы диссертаций (2013–2023) – dissernet.org (дата обращения: 10.10.2025).*

ЖАН-ЖАК РУССО О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Баженов Анатолий Матвеевич
(Тульский государственный университет)

Аннотация. В статье анализируется процесс социализации личности, который находит отражение в таких произведениях выдающегося французского мыслителя XVIII века Жан – Жака Руссо, как «Юлия, или Новая Элоиза», «Эмиль, или О воспитании», «Исповедь». Практика воспитания детей Юлией де Вольмар, ее мужем де Вольмаром и их другом Сен-Пре может стать основой социализации подрастающего поколения в любой российской семье. В этом плане особого внимания заслуживает трактат-роман «Эмиль, или О воспитании», в котором фундаментально рассматривается теория воспитания личности. Думается, российская педагогика должна использовать основные положения этой теории для работы с современными студентами-социологами. В статье перечисляются основные составляющие компоненты социализации личности.

Ключевые слова: социализация личности, теория воспитания, изложенная в классических произведениях выдающегося мыслителя XVIII столетия Жан-Жака Руссо.

Социализация – процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной группе. Этот процесс можно рассматривать двояко: во-первых, социализация может пониматься как интернационализация социальных норм: социальные правила становятся внутренними для индивида в том смысле, что они более не навязываются посредством внешней регуляции, а как бы налагаются индивидом самим на себя, являясь, таким образом, частью его «Я». Так у индивида вырабатывается чувство потребности соответствия социальным нормам. Во-вторых, социализация может пониматься как существенный элемент социального взаимодействия. Это понимание основывается на предположении о том, что люди стремятся к возвышению в собственных глазах посредством достижения престижного статуса и одобрения со стороны других, при этом индивиды социализируются по мере приведения своих действий в соответствие с ожиданиями других. И то и другое понимание социализации могут совмещаться, как это имеет место в исследованиях Толкотта Парсонса (1902 – 1979) [2, с. 478 – 493].

Выделяют три стадии социализации: начальную – социализацию ребенка в пределах семьи, среднюю – обучение в школе и, наконец, завершающую, третью стадию – социализацию взрослого человека, этап принятия социальными деятелями тех ролей, к

которым они не могли полностью подготовиться в ходе первых двух стадий (например ролей работника, супруга или родителя) [1, 293 – 294].

Тема социализации личности анализируется в таких сочинениях Жан-Жака Руссо (1712 – 1778), как Юлия, или Новая Элоиза [3], Эмиль, или О воспитании [4], Исповедь [5].

Своеобразным вступлением к теме о социализации личности у Жан-Жака Руссо являются слова, высказанные им в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании»: «Мы родимся слабыми, нам нужны силы; мы родимся лишенными всего, нам нужна помощь; мы родимся бессмысленными, нам нужен рассудок» [6].

Подробное изложение метода воспитания детей – двух мальчиков – Юлии д`Этанж происходит в имении господина де Вольмара в местечке Кларан Швейцарии. В обсуждении участвуют Юлия, господин де Вольмар, муж Юлии, друг семьи Сен-Пре. Заочно в беседе принимает участие двоюродная сестра, кузина Юлии Клара д`Орб. Свои впечатления от семейной беседы по вопросу воспитания детей Юлии Сен-Пре излагает в письме к своему другу милорду Эдуарду Бомстону.

Рассказ о воспитании детей Юлии начинается с упоминания одного случая, связанного с бирюльками. По словам Сен-Пре, этот случай дал повод подумать о многом: «Старший мальчик, забавлявшийся гравюрами, заметил, что бирюльки отвлекают внимание братишки, и, улучив минуту, когда малыш собрал их в горсть, ударил его по руке так, что бирюльки разлетелись по полу. Марселин заплакал; однако госпожа де Вольмар не бросилась его успокаивать, а, не повышая голоса, сказала Фаншоне, чтобы та унесла бирюльки. Мальчик тотчас умолк, но бирюльки все же были унесены, и вопреки моим ожиданиям слез больше не было» [7, с. 522].

Этот случай стал наглядным примером достойного поведения матери и детей. В этой связи Сен-Пре отмечает, что никогда еще не видал таких детей, как у Юлии, детей которым так мало читали бы наставления и которые так мало бы всем докучали.

Известно, что из всех сторон развития, свойственного человеку, позже всего и труднее всего достигается именно развитие разума. Ж.-Ж. Руссо в своем романе развивает это умозаключение. По его мнению, дело не в том, чтобы изменить характер ребенка или подавлять природные его качества, – наоборот, их следует развивать как можно более, воспитывать их и не давать им перерождаться; ведь именно таким путем человек достигает всего, что можно было бы от него ожидать, и дело природы завершается воспитанием.

На процесс социализации детей большое влияние оказывают близкие ему люди. В романе «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо по этому поводу замечает: «Как мог бы я сделаться злым, имея перед глазами только примеры нежности и видя лучших людей на свете вокруг себя? Мой отец, моя тетка, моя кормилица, мои родственники, наши друзья, наши соседи – все окружавшие меня, и я тоже любил их. Для моих капризов было так мало поводов, и так редко им давали отпор, что они и не приходили мне в голову» [8, с. 9].

Писатель считает признаком хорошего воспитания – черту, особенно привлекательную и внушающую симпатию, которая заключается не в стремлении блеснуть своими достоинствами, а в умении помочь другим блеснуть, самому же держаться скромно, не задевая их гордости.

Участники беседы о воспитании детей не во всем соглашаются. Так, Сен-Пре призывает собеседников: «Взгляните на детей, предоставленных самим себе: они очень быстро перенимают недостатки родителей, имея перед глазами их примеры, – ведь следовать дурным примерам не представляет труда; но никогда такие дети не подражают хорошим поступкам, ибо это дается нелегко. Привыкнув получать все, чего им хочется,

они во всем требуют исполнения своей неразумной воли, становятся взбалмошными, упрямыми, непослушными» [9, с. 529].

Особым искусством воспитания является обучение детей беседовать со взрослыми людьми. Героиня романа Ж.-Ж. Руссо Юлия рассказывает о своем опыте в решении этого вопроса: «Но я не допускаю, чтоб они (дети) перебивали людей, занятых серьезной беседой, и преподносили им какую-нибудь глупость, которая пришла им в голову. Искусство спрашивать не такое уж легкое, как кажется. Это скорее искусство учителей, нежели учеников; надобно знать многое, чтобы уметь спрашивать о том, чего не знаешь. «Ученый знает и спрашивает, – говорит индийская половица, – а невежда не знает даже, о чем спрашивать» [10, с 538].

Итак, разные стороны социализации личности необходимо развивать с раннего детства. Опыт социализации личности, изложенный в целом ряде произведений выдающегося мыслителя XVIII века Жан-Жака Руссо, может быть востребован российской современной социологией. Правильно и грамотно используемая практика социализации личности Жан-Жака Руссо современной социологией, думается, сыграет положительную роль в развитии российского общества в один из самых его трудных периодов.

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 293 – 294.*
2. *Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: тексты / под редакцией В. И. Добренькова. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 478 – 493.*
3. *Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 58. М.: Художественная литература, 1968.*
4. *Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании https://ru.ruwiki.ru/wiki/ (дата обращения 25.07.2025).*
5. *Руссо Ж.-Ж. Исповедь: роман. М.: АСТ, 2021.*
6. *Руссо Ж.Ж. Эмиль, или о Воспитании. Книга первая.*
7. *Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 58. М.: Художественная литература, 1968. С. 522.*
8. *Руссо Ж.-Ж. Исповедь: роман. М.: АСТ, 2021. С. 9.*
9. *Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 58. М.: Художественная литература, 1968. С. 529.*
10. *Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 58. М.: Художественная литература, 1968. С. 538.*

ЦИФРОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Бакулин Дмитрий Викторович
(СПбГУ)

Бакулин Александр Викторович
(АЦ ВЦИОМ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»

Аннотация. В статье рассматриваются цифровые информационные потоки как объект социологического анализа. Анализируется эволюция понятия информационных потоков, их структура и функции в современном сетевом обществе. Особое внимание уделяется интеграции системного, синергетического и конструктивистского подходов, позволяющих комплексно исследовать цифровые потоки с учётом технологических, социальных и политических аспектов.

Ключевые слова: цифровые информационные потоки, социология, сетевое общество, цифровое неравенство, социальная трансформация, технологии, власть, алгоритмы, самоорганизация.

Введение. Современное общество характеризуется ускоренной цифровизацией и глобализацией, что делает цифровые информационные потоки важнейшим объектом социологического исследования. Эти потоки представляют собой динамичные сетевые обмены данными, формирующие современную коммуникационную и социальную инфраструктуру. Их изучение позволяет понять, как цифровизация влияет на социальные структуры, перераспределение власти и механизмы формирования общественного мнения.

Цель данной статьи – выявить сущность, структуру и функции цифровых информационных потоков в контексте социологического анализа. Для достижения этой цели рассматриваются теоретические подходы к их изучению, анализируется влияние потоков на социальные структуры и выявляются их ключевые функции в современном обществе.

Теоретические основы анализа цифровых потоков

Понятие информационных потоков в социологии прошло значительную эволюцию. В классической социологии информация рассматривалась как вторичный ресурс, подчинённый экономическим и социальным структурам (Маркс, Дюркгейм).

С развитием постиндустриальных теорий XX века значение информации радикально изменилось. Д. Белл подчеркивал, что знания и данные становятся основным источником экономической и социальной динамики, заменяя материальные ресурсы [1]. Э. Тоффлер отмечал нелинейный характер информационных потоков и их способность разрушать традиционные иерархические структуры, создавая новые формы социальной организации [2].

М. Кастельс развивает концепцию «пространства потоков», где социальные связи формируются преимущественно через горизонтальные сетевые структуры, а потоки данных становятся средой создания и поддержания социальных отношений, институционализированных технологиями и алгоритмами [3].

В российском контексте исследование информационных потоков связано с анализом постсоветских социальных трансформаций. П.А. Раменский определяет их как движение информации в реальном времени в единой системе, связывающей социум [4]. Он акцентирует внимание на нелинейности процессов и их зависимости от времени, опираясь на идеи синергетики И. Пригожина о взаимозависимости и дифференцированности потоков [7].

Современные исследования уделяют внимание цифровому аспекту потоков. Я. ван Дейк рассматривает их как основу цифрового неравенства: доступ к потокам определяет распределение социального капитала и участие в экономической, политической и культурной жизни [5]. Таким образом, информационные потоки эволюционировали от вспомогательного ресурса до ключевого фактора организации сетевых структур и источника социального неравенства.

Для системного анализа цифровых потоков используются несколько теоретических парадигм:

Системный подход (Л. фон Берталанфи, М. Кастельс) рассматривает общество как открытую систему, где информационные потоки выполняют функцию обмена энергией, знаниями и данными между элементами сети [3, 6].

Синергетический подход (И. Пригожин, И. Стенгерс) акцентирует внимание на нелинейных свойствах потоков и их способности к самоорганизации. Малые изменения могут приводить к масштабным социальным сдвигам через бифуркации и критические точки [7]. Раменский применяет эти идеи к цифровым потокам, объясняя явления вроде «эхо-камер» в социальных сетях, когда потоки усиливают поляризацию и формируют устойчивые информационные сегменты [4].

Конструктивистский подход (П. Бергер, Т. Лукман; Д. Луптон) рассматривает информационные потоки как социальные конструкты [8, 9]. Данные не нейтральны – их значение формируется через интерпретацию индивидов и алгоритмов. Цифровые технологии активно участвуют в формировании идентичности и восприятия социальной реальности. Ш. Зубофф критикует современные цифровые потоки как инструмент капиталистического контроля, где данные монетизируются, создавая новые формы социального неравенства [10]. В российской перспективе цифровые платформы, такие как Telegram, играют важную роль в политической социализации и мобилизации общества [11, 12].

Интеграция системного, синергетического и конструктивистского подходов позволяет комплексно анализировать цифровые потоки, учитывая их технологические, социальные и политические аспекты.

Структура цифровых информационных потоков

М. Кастельс описывает структуру потоков через концепцию «пространства потоков», включающего три ключевых элемента: узлы, сети и собственно потоки [3]. Узлы – это глобальные города, пользователи и центры контроля; сети – экономические, политические и культурные связи; потоки – обмен данными, капиталом и информацией в реальном времени.

Цифровые потоки трансформируют социальные взаимодействия, создавая эффект «безвременного времени», когда традиционные последовательности жизненного цикла разрушаются. Власть смещается в культурные коды и информационные потоки, усиливая дифференциацию между сетевой элитой и локальными массами [3].

Я. ван Дейк выделяет четыре стадии доступа к потокам: мотивация, физический доступ, навыки и использование. Неравномерность этих стадий формирует цифровое неравенство, ограничивая участие отдельных групп в социально-экономической и политической жизни [5].

Д. Луптон рассматривает потоки как социоматериальные ассамбляжи, включающие большие данные, ризоматические сети и метафоры «жидкой» информации. Потоки выполняют три основные функции: производство знания, формирование отношений власти и усиление социальных неравенств [9]. Алгоритмические предубеждения и коммодификация данных закрепляют существующие структуры неравенства.

В российской социологической традиции П. А. Раменский рассматривает потоки как топологию информационной сети с параметрами скорости и пропускной способности, включающую процессы трансформации информации [4]. Основные функции потоков – отражение социальных изменений в реальном времени, facilitation самоорганизации общества, повышение эффективности управления и образования, а также монополизация доступа и информационная стратификация [4, 6].

Функции цифровых информационных потоков

Цифровые информационные потоки выполняют одновременно технологическую и социальную функции. Они служат инфраструктурой для обмена знаниями и данными, ускоряя процессы коммуникации и интеграции. Потоки формируют иерархию власти: те, кто контролирует информацию, получают возможность влиять на социальные процессы и экономические решения. Они также усиливают социальное неравенство, закрепляя доступ к информации у привилегированных групп и ограничивая возможности у менее обеспеченных пользователей [5, 9].

Эти функции проявляются в нескольких направлениях: производство знаний через аналитические алгоритмы и прогнозирование; формирование механизмов паноптического надзора и цифрового контроля; коммодификация данных, создающая новые источники экономического капитала и социального преимущества. В России цифровые платформы, включая мессенджеры и социальные сети, служат каналами политической социализации, влияя на мобилизацию и вовлечение граждан в публичные процессы [11, 12].

Заключение. Цифровые информационные потоки являются ключевым объектом социологического анализа, сочетая технологические, социальные и политические аспекты. Они эволюционировали от вторичного ресурса до фактора, определяющего организацию сетевых структур, распределение власти и социального капитала.

Анализ цифровых потоков требует интеграции системного, синергетического и конструктивистского подходов, что позволяет учитывать сложность их структуры, нелинейность и социальное конструирование данных. Потоки формируют новые формы взаимодействия, создают информационное неравенство и служат инструментом управления и контроля, одновременно открывая возможности для самоорганизации и производства знаний.

Таким образом, цифровые информационные потоки – это не просто технологическая инфраструктура, но ключевой механизм перестройки социальных отношений и формирования современной сетевой цивилизации. Их исследование открывает перспективы понимания цифрового общества, новых форм власти и социальных трансформаций, происходящих под влиянием технологий и данных.

1. *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.*
2. *Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009.*
3. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.*
4. *Раменский П. А. Поведение информационных потоков в условиях социальной трансформации: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11. Архангельск, 2004.*
5. *Ян ван Дей. Сетевое общество. М., 2012.*
6. *Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: Основы, развитие, применения. М.: Мир, 1973.*
7. *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.*
8. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1966.*
9. *Луптон Д. Цифровая социология. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.*
10. *Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Нью-Йорк: PublicAffairs, 2019.*
11. *Самойлов Павел Андреевич Роль Telegram-каналов в трансформации политической экосистемы современного общества // Социодинамика. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-telegram-kanalov-v-transformatsii-politicheskoy-ekosistemy-sovremennogo-obschestva (дата обращения: 12.10.2025).*
12. *Самсонова Татьяна Николаевна, Леонов Евгений Константинович Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-interneta-v-politicheskoy-sotsializatsii-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi (дата обращения: 12.10.2025).*

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК МАНИПУЛЯЦИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Башнина Нина Константиновна
(Череповецкий государственный университет)

Аннотация. В статье автор рассматривает основные понятия, связанные с манипуляцией информацией и феномен фейковых новостей. На основе теоретических и эмпирических данных раскрываются основные характеристики фейковых новостей, и доказывается, что не каждые фейковые новости являются манипуляцией.

Ключевые слова: манипуляция, фейки, фейковые новости, общественное мнение.

В современных реалиях все более широкий масштаб приобретает тенденция развития манипулятивных технологий с информацией как способа формирования социальных иллюзий. Используя различные приемы, средства массовой информации (СМИ) умело манипулирует и формирует общественное мнение.

Манипулирование с информацией является идеологическим и социально-психологическим воздействием на индивида с целью изменения его поведения вопреки его воли и сознания. Общечеловеческие принципы и ценности искажаются в социокультурном пространстве информационного общества, а индивид теряет способность в полной мере, четно и ясно воспринимать информацию, что приводит к омассовлению сознания и проблеме информационной безопасности общества и личности.

Одним из элементов информационных войн являются фейки или фейк ньюс (анг. fake news), т. е. фальшивая новость или ложное сообщение. Информация в таких сообщениях проходит через определенные манипуляции, ее суть искажается. В аналитическом обзоре ВЦИОМ «Фейк-ньюс – и как с ними бороться?» согласно результатам ноябрьского опроса 2023 года главным источником распространения фейковых новостей является интернет. Четверо из десяти россиян за последний месяц сталкивались с новостями в СМИ и интернете, которые впоследствии оказывались недостоверными (40 %), 18 % видели подобную информацию на интернет-сайтах, 17 % – в мессенджерах и соцсетях. Чаще всего россиянам запомнились фейковые новости о специальной военной операции (46 % из числа встречавших недостоверную информацию за последний месяц) [1].

Обращаясь в работе А. О. Третьякова, отметим, что фейковые новости являются такими же древними, как сама пропаганда, а в настоящее время они приобретают новое значение и смысл [4, 2].

Как отмечает А. В. Манойло сам термин «фейковые новости» стал широко использоваться в российских политологических исследованиях недавно – с конца 2016 – начала 2017 г., с момента избрания Д. Трампа президентом США [2, 1].

С развитием сети Интернет люди всё чаще предпочитают узнавать новости именно из этого источника, однако достоверность новости не проверяется и воспринимается читателем «на веру». Специфика «фейковых» новостей определяется ее направленностью на определенные, конкретные группы людей и внедрение конкретных психологических установок, для манипуляции общественным мнением и настроением.

С фейковой информацией сталкиваются все пользователи, но в силу психологических, возрастных отличий воспринимают и реагируют на них по-разному. Наиболее уязвимыми группами являются пожилые люди и молодежь. Пожилые люди не

успели привыкнуть к разнообразным, многочисленных источникам информации, они даже могут не подозревать о том, что кто-то может намеренно распространять ложные сообщения.

Как отмечает А. А. Онуфриенко, здесь важна медиаграмотность пожилых людей, т. е. они должны обладать знаниями и умениями, которые необходимы для работы с источниками информации, способность анализировать, сравнивать, отличать объективную и субъективную информацию [3, 5].

Сами фейки мало отличаются от достоверной информации, часто воспринимаются как истинная информация. Читателю сложно определить подлинность и достоверность информации, так как нет четких критериев определения и методологии понятия «фейк». Фейк направлен на дестабилизацию общества, создание волнений и напряжений в обществе, с помощью обмана создатели фейковой информации способны воздействовать и манипулировать общественным сознанием. На данный момент разными государствами и организациями предпринимаются попытки разрешить эту проблему, технологии распознавания устаревают, не успевая выполнить свою задачу.

Фейковые новости преследуют различные цели создания и распространения. Среди них цели: развлечения потребителя, достижение политических преимуществ (дискриминации лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств), повышения интернет-трафика, мошеннического завладения денежными средствами и прочим имуществом потребителей, нанесения ущерба информации, хранящейся в компьютере пользователя, привлечения внимания к отдельной личности, компании, проекту или движению, манипуляции рынком или получения определенных преимуществ в экономической деятельности.

Существует не одна классификация фейковых новостей, рассмотрев многие из них, мы решили остановиться на классификации Б. А. Тхорикова. Автор выделил 7 типов фейков по признакам масштабов негативных последствий и восприятия людьми: ложная связь, сатира (пародия), введение в заблуждение, ложный контекст, мимикрирующий контент, манипулирующий контент и сфабрикованный контент [5, 4].

При рассмотрении конкретных примеров влияния фейковых новостей на общественное мнение и их последствий, был сделан вывод, что фейк не всегда является манипулятивной технологией, не всегда его главная цель «достижение скрытых намерений и контроль над поведением, мыслями объекта». Часто это может быть развлекательная информация, или автор не преследует скрытых умыслов в сторону читателей, а просто публикует ложную информацию, не разобравшись до конца.

Например, фейковая новость-сатира: блогер Сергей Косенко выложил видео, в котором бросил своего месячного ребенка в сугроб, но на следующий сообщил, что это был фейк. Сергей бросал куклу, а с помощью искусственного интеллекта приделал кукле лицо, чтобы развлечь аудиторию.

Еще один пример, когда фейковая новость не является манипуляцией, стал видеоролик блогера Инстасамки, в котором был скандал с визажистом. На видео девушка выкидывает кисточки мастера, выгоняет его из квартиры и жалуется, что та не справляется с работой. Однако через 3 года, Даша (Инстасамка) публично заявила, что это было спланированное видео ради привлечения зрителей, повышения просмотров и упоминаемости в социальных сетях. Автор фейка вспоминает, что все это было сделано как можно ярче и запоминающиеся. Этот пример иллюстрирует такой тип фейковых новостей, как ложный контекст.

К. Чмеленко пишет, что процесс создания фейка оказывается одновременно и трудоемким, и незамысловатым. Сложность заключается в том, чтобы точно попасть в волнующую всех тему, которая станет своеобразным «триггером» для бурной эмоциональной реакции. То есть употребить яркие, эмоциональные и острые слова для вызова соответствующей информации у читателя. Такой эффект достигается с помощью громкого кликбейта, т. е. заголовка, который будет усилен реальными фотографиями, упоминанием существующих личностей и достоверными фоновыми подробностями. Последним шагом по созданию фейка является гиперболизация самого события, сознательное замалчивание контекста и фактов. Эмоциональная напряженность после прочтения такой новости растёт, общественность в меньшей степени рационально анализирует ситуацию и подвергается сильному воздействию со стороны манипулятора [6, 3].

В эпоху, когда сознание человека во многом формируется посредством информации, поступающей из свободных источников, умение отличать истину ото лжи становится наиболее актуальным. Принятие искаженной реальности в угоду манипуляторов информацией реальности пагубно влияет на умы, а соответственно поступки представителей всех слоев общества начиная с детей, подростков, которые еще только начинают знакомство с миром и создают базис своего дальнейшего существования, так и специалистов в сферах воспитания, медицины, строительства, науки, военного дела и так далее.

1. *Аналитический обзор ВЦИОМ «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы.*
2. *Манойло А. В., Попадюк А. Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // РСМ. 2020. №2 (107).*
3. *Онуфриенко А. А. Методики борьбы с фейк-ньюс. Опыт Запада // Свободная мысль. 2023. № 2 (1698).*
4. *Третьяков А. О., Филатова О. Г., Жук Д. В., Горлушкина Н. Н., Пучковская А. А. Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. №12.*
5. *Тхориков Б. А. Фейковые новости: анализ изученности, классификация, влияние на поведение человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2023. № 1 (35).*
6. *Чмеленко К. Сила уже не в правде? Как мир накрыла волна фейков и почему им верят // Интернет-портал «Российской газеты» // 05.04.2022*

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГОВ КАК ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Боброва Дарья Николаевна
(РГПУ им. А. И. Герцена)

Осипова Дарина Валерьевна
(СЗИУ филиал РАНХиГС)

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 49-ВГ) «Качество жизни российских педагогов: методология, теория, методики измерения»

Аннотация. В современном обществе качество жизни различных социально-профессиональных групп становится предметом все более пристального внимания исследователей и практиков. Особое место среди этих групп занимают педагоги, чья

деятельность напрямую влияет на формирование человеческого капитала и будущее страны. В условиях глобальных изменений и вызовов, стоящих перед отечественной системой образования, изучение качества жизни педагогов общеобразовательных учреждений приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: качество жизни, педагоги, социально-профессиональные группы, социологический анализ.

Качество жизни ключевых социально-профессиональных групп, включая педагогические кадры, демонстрирует выраженную дифференциацию, обусловленную сочетанием объективных экономических факторов и субъективных социальных ожиданий [1, 258]. Результаты социологических исследований (2020 – 2025 гг.) фиксируют общие тренды: рост запроса на баланс труда и личной жизни, потребность в непрерывном образовании для сохранения конкурентоспособности и усиление роли нематериальных факторов качества жизни (экология рабочей среды, организационная культура и др.) [2].

Качество жизни педагогических работников представляет собой многоаспектное явление, требующее комплексного социологического анализа. В условиях современных социально-экономических трансформаций качество жизни данной социально-профессиональной группы выступает как комплексный феномен, детерминированный множеством взаимосвязанных факторов: уровнем материального обеспечения, который в большинстве регионов не соответствует заявленным показателям средней заработной платы по экономике и требует дополнительной нагрузки для достижения достойного дохода; условиями профессиональной деятельности, характеризующимися высокой административной нагрузкой и информационным давлением; психологическим состоянием, осложняемым синдромом эмоционального выгорания, особенно среди педагогов со стажем до 10 лет; социальным статусом профессии, демонстрирующим тенденцию к снижению престижа при одновременном признании значимости педагогической деятельности обществом; перспективами профессионального развития, ограниченными рамками существующей системы карьерного роста. В условиях трансформации образовательной системы исследование данного феномена приобретает особую значимость для понимания эффективности педагогической деятельности и развития профессионального сообщества.

Таким образом, современные педагоги сталкиваются с многомерным кризисом качества жизни, обусловленным дисбалансом между возрастающими профессиональными требованиями и недостаточной компенсацией труда:

– материальный аспект, характеризующийся региональной дифференциацией заработных плат (согласно данным Росстата, в первом полугодии 2024 года среднемесячная заработная плата педагогических работников общего образования в России составила **71,4 тысячи рублей**; при этом уровень заработной платы существенно различается в зависимости от региона и типа образовательного учреждения [3]) и зависимостью дохода от дополнительной нагрузки, сочетается с экстенсивной бюрократизацией, поглощающей до 40 % рабочего времени, что провоцирует синдром эмоционального выгорания у 67 % педагогов в первые пять лет карьеры. Социологические исследования (2020 – 2025 гг.) выявляют снижение социального статуса профессии на фоне роста ожиданий общества, где учитель одновременно воспринимается как носитель традиционных ценностей и субъект «образовательных услуг», что усиливает ролевой конфликт [2];

– условия труда, включая недостаточное материально-техническое обеспечение образовательных учреждений, устаревшую инфраструктуру и нехватку современного оборудования (36,44 % школ в стране по данным федерального статистического наблюдения на 2024 г. требуют капитального ремонта), также являются важным фактором, способным снижать эффективность работы педагогов и их удовлетворённость трудом [4];

– нагрузка, которую испытывают педагоги, также является значимым показателем. По данным мониторинга профсоюза «Учитель» на основе формы статистического наблюдения Минпросвещения по состоянию на сентябрь 2024 года следует, что 1,23 – 1,4 ставки – минимальная средняя цифра выработки учителей общеобразовательных учреждений в стране, в среднем на одну ставку не работают ни в одном субъекте федерации. А минимальная нагрузка – до 1,4 ставки, которая одновременно выступает ближайшим целевым ориентиром, – есть только в восьми российских регионах [5]. Чрезмерное количество учебных занятий, перегрузка внеклассной работой и административными обязанностями может приводить к хроническому стрессу, снижению качества работы и даже к уходу из профессии части специалистов;

– возможности для профессионального роста и развития, включая курсы повышения квалификации, научные конференции и другие формы профессионального общения также влияют на качество жизни педагогов. Их недостаток ограничивает возможности для профессионального развития и самореализации;

– доступ к социальным гарантиям и льготам: несмотря на наличие системы льгот для педагогов, реализация части из них может быть затруднена из-за бюрократических процедур и недостаточной информированности самих потенциальных получателей;

– уровень удовлетворенности работой и жизнью в целом. Согласно результатам социологических опросов, уровень удовлетворённости работой среди педагогов остаётся достаточно высоким. Так в **2024 году Институт образования НИУ ВШЭ, Рыбаков Фонд и Фонд «Университет детства»** провели совместное исследование, чтобы выяснить, насколько педагоги дошкольных и школьных учреждений удовлетворены своей работой. Результаты исследования показали, что 89 % опрошенных респондентов чувствуют удовлетворенность от своей работы. Эксперты также констатировали, что этот показатель не зависит от типа учреждения, где работает специалист, от занимаемой им должности или от стажа работы [6]. Однако, конечно, существуют и такие группы педагогов, которые испытывают значительные трудности и нуждаются в поддержке.

Социологический анализ выявляет необходимость системного подхода к решению данных проблем через модернизацию оплаты труда, оптимизацию административной работы, создание эффективной системы психологической поддержки, повышение социального статуса профессии и развитие механизмов непрерывного профессионального образования, что в совокупности может способствовать повышению качества жизни педагогических работников и, как следствие, эффективности всей образовательной системы. Перспективы нивелирования дисбалансов связаны с адаптацией системы социального партнёрства, внедрением гибких моделей занятости, пересмотром критериев оценки труда в бюджетном секторе и развитием институтов профессиональной реабилитации, что в совокупности может обеспечить переход от «экономики выживания» к «экономике достойного труда» для всех профессиональных групп.

Качество жизни современных педагогов требует комплексного подхода к решению существующих проблем. Необходимо создание эффективной системы поддержки педагогических работников, включающей экономические, социальные и профессиональные компоненты. Перспективы развития связаны с системной

трансформацией: внедрение дифференцированных моделей оплаты труда, синхронизированных с реальной нагрузкой; цифровизация административных процессов через интеграцию ИИ-платформ; создание программ психологической поддержки, включая супервизию и менторство; а также пересмотр общественного дискурса через медийные кампании, подчеркивающие роль педагога как агента социокультурных изменений. Ключевым вектором остается институционализация «экологии педагогического труда», где качество жизни учителя становится индикатором устойчивости всей образовательной системы. Качество жизни педагогов является важным фактором, влияющим на эффективность системы образования и развитие человеческого капитала. Социологический анализ позволяет выявить проблемы и определить перспективы развития в этой сфере. Реализация мер по улучшению качества жизни российских педагогов может способствовать повышению их профессиональной мотивации, улучшению качества педагогической деятельности и укреплению кадрового потенциала системы образования в целом.

1. *Боброва Д. Н., Осипова Д. В. Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 257-265. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-257-265.*
2. *См. например: Ишназарова З. М. Качество жизни населения в Республике Башкортостан в условиях цифровизации: методика оценки и управленческие приоритеты // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 656-668; Штанько О. П. Анализ дифференциации уровня и качества жизни населения в Центральном федеральном округе // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – № 12. – С. 6463-6472; Матчинов В. А., Моисеева И. Г., Савкина А. А. Индексная оценка объективных показателей качества жизни населения в контексте реализации национальных проектов в Калужской области // Креативная экономика. – 2024. – № 5. – С. 1059-1074; Шадже, А. А. Когнитивный компонент субъективного благополучия профессиональных групп в российском обществе / А. А. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2024. – № 4(349). – С. 126-133.*
3. *Официальный сайт информационного агентства ТАСС // В Минпросвещения назвали размер средней зарплаты учителей. – URL: https://tass.ru/ekonomika/23859697*
4. *Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации // Информация о состоянии системы образования в субъектах Российской Федерации. – URL: https://docs.edu.gov.ru/document/45affa2caf762ae3ce84e5ba526126a9/*
5. *Официальный сайт «Профсоюз учитель» // Нагрузка учителей: данные мониторинга. – URL: https://pedagog-prof.org/nagruzka/nagruzka-uchitelej-dannye-monitoringa/*
6. *Официальный сайт «Известия» // Насколько реальны планы Минпросвещения ограничить нагрузку на педагогов. – URL: https://iz.ru/1879182/valeria-misina/za-odnu-doplatu-ucitela-pererabatyvaut-vo-vseh-regionah-rossii*
7. *Информационный Центр Правительства Москвы // Эксперты провели исследование удовлетворенности педагогов своей работой. – URL: https://icmos.ru/news/eksperty-proveli-issledovanie-udovletvorennosti-pedagogov-svoei-rabotoi*

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ТЕКУЩАЯ ПОВЕСТКА И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Васильев Николай Александрович
(Аналитический Центр РИР)

Аннотация. Социальные сети превратились из канала коммуникации в инфраструктуру формирования идентичности и поведения. От их алгоритмов и контента зависят политические, экономические и духовно-нравственные процессы. Без

продуманной информационно-сетевой политики государство рискует уступить контроль за общественным сознанием наднациональным социальным сетям / онлайн платформам.

Ещё Маршалл Маклюэн предупреждал: рано или поздно мы попытаемся «взять под контроль непредвиденные последствия средств коммуникации» [4, 349]. Сегодня этот момент настал.

Ключевые слова: социальная сеть; онлайн платформа; кибербезопасность; универсализация; контент; мониторинг; метавселенная, сетевая угроза, сетевой потенциал.

Международный контекст и текущая практика

США: ужесточение законодательства в области социальных сетей, покупка/контроль зарубежных сетей (TikTok), ужесточение требований к защите данных, запрет таргетинга для детей, ориентация платформ на безопасность несовершеннолетних [8, Biden.].

ООН: цифровая стратегия и разработка этических принципов в социальных сетях; признание рисков и компромиссов, связанных с цифровыми технологиями.

Китай: запрет иностранных соцсетей/онлайн платформ, стремительное развитие национальных платформ; ограничение времени пребывания в социальных сетях и онлайн играх для детей (до 3 часов в неделю); отслеживание «неправильного контента, включая депрессивный контент; штрафы за использование анонимайзеров [1, Forbes.].

Евросоюз: разработка нового законодательства в области социальных сетей, принятие законов, регулирующих существование социальных сетей, ужесточение требований к защите данных, развитие собственных проектов в области онлайн платформ, в том числе мессенджеров [9, Reuters.].

Вывод. Во всём мире соцсети рассматриваются как сфера нацбезопасности [2, 120], где государство действует как регулятор и заказчик изменений.

Диагноз для РФ: пробелы и риски

Есть указ президента РФ о госполитике по традиционным ценностям [4, Указ.], есть закон, определяющий понятие социальных сетей и регламентирующий общие элементы их существования [7, ФЗ.], есть Роскомнадзор, реагирующий на нарушения в соцсетях, мы не стоим на месте, однако:

нет единой стратегии государства по соцсетям;

нет механизма оценки влияния сетей на разные группы;

нет инструментов минимизации негативных эффектов и последствий.

Педагогическая среда (детсад-школа-институт) не готова к объективной оценке социальных сетей (нет сформулированной повестки, методичек, программ).

Информационные угрозы: дезинформация, сцены насилия, пропаганда асоциальных моделей поведения, речевая и половая распущенность, например, отсутствуют действенные меры против мата в соцсетях [3, 3].

Законодательство отстает от технологий во всём мире. В том числе и в России. В социальных сетях ИИ обезличенно генерит в том числе вредоносный контент [10, AI.], а в государстве отсутствует опыт и методика быстрого реагирования на новые угрозы, в том числе в законодательном плане. Растут киберпреступность и угрозы разведдеятельности.

Цифровой охват: 82% населения РФ; игнорировать их огромное влияние – стратегическая ошибка [5, 256].

Политика и инструменты (что делать уже сейчас)

Возможно, государству необходимо выступать не только законодателем и контролёром, но и прямым участником цифровых процессов от производства контента до его дистрибуции. Предлагаемые меры:

Единый координационный центр по соцсетям/онлайн платформам из профессиональных участников диджитального рынка с правом оперативной оценки контента и задачей донесения четко сформулированной госповестки до всех заинтересованных аудиторий.

Сеть национальных контент-центров (сбор, обработка, анализ и размещение информации с применением современных технологий). Постоянный мониторинг соцсетей и исследовательская программа для оперативной корректировки политики.

Think tanks по инфо-креативу: производство новостей, разработка кампаний, включая контрпропагандистские форматы. Сеть поставщиков контента в зонах кризисов с ресурсным обеспечением.

Учебный центр подготовки специалистов по работе с социальными сетями / онлайн платформами (оперативные задачи в виртуальной среде).

Нормативные меры: техконтроль распространения сетей; ограничение сбора/хранения персональных данных; регулирование ИИ/нейросетей; ответственность за фейки/вред; налоговое регулирование и отчётность платформ.

Будущее социальных сетей: направления развития

– Универсализация и «слияние» платформ

Соцсети/онлайн платформы заимствуют сервисы друг у друга ⇒ универсализация функций. Возможен переход к единой наднациональной платформе с тотальным контролем над пользователями.

Вероятен сценарий «дружелюбного объединения»: единый многофункциональный личный кабинет вместо множества аккаунтов, единая точка входа во «все сети и сервисы».

– Виртуализация и «метавселенная»

Формируется наднациональный цифровой миропорядок (метавселенная) с триллионными оборотами, ориентированный на перенастройку ценностей в сторону «виртуального счастья».

Контент-машина будет подталкивать к вседозволенности и размыванию традиционных норм, подменяя офлайн-социальность онлайн-удовольствиями.

На смену старой «американской мечте», основанной на ценностях протестантизма, приходит новая «мечта», основанная на получении постоянного удовольствия в онлайне с постепенным погружением в «новый социальный мир» без выхода в офлайн.

– Цифровые деньги и «экономика онлайна»

Для полноценной метавселенной нужен универсальный механизм расчётов; вероятный вектор – цифровые валюты.

e-commerce всё глубже врастает в структуры соцсетей;

поиск становится частью инфраструктуры социальных сетей, как и другие онлайн сервисы;

офлайн-услуги (работа, образование, медицина, фарма, т. д.) продолжают уходить в онлайн.

– Алгоритмическое управление потреблением и поведением

Новая парадигма позволит управлять потреблением в интересах транснациональных корпораций, в ущерб национальным рынкам; расширение рынка виртуальных вещей и развлечений.

Политические кампании – с опорой на соцсети как главный механизм влияния.

– Социальная инженерия «по умолчанию»

Развитие социальных сетей / онлайн платформ потенциально ведёт к:

Контролю над рождаемостью через навязываемые нормы (демографическое поведение).

Мониторингу здоровья и интеллекта пользователей с последующей сегментацией на «перспективных/неперспективных».

Распределению трудовых ресурсов, стандартизации образования, созданию центров подготовки обслуживающего персонала.

Полномасштабному мониторингу политических взглядов и возможности их коррекции.

Массовым экспериментам с потреблением и поведением в безопасной «песочнице» (от фармы до ВПК).

Созданию новых материалов и продуктов на основе виртуального моделирования; цифровые двойники фабрик и заводов нового типа как следующий технологический уровень.

– Массовая «добровольная изоляция»

Часть населения может перейти в режим добровольной онлайновой изоляции, стимулируемой доставками, развлечениями и бонусами «за время в сети» (паттерны, обкатанные в пандемию). Произойдет создание «реального» виртуального мира для большого количества пользователей, для которых будут созданы все условия для постоянного пребывания в нем.

– Теневая сторона роста

Киберпреступность и её профессионализация; вымогательство у компаний; новые способы ухода от налогов; оборот криптоактивов; использование ИИ для создания вредоносного контента (включая насилие над детьми).

Контент как основной «рычаг»

Эффективная политика невозможна без собственного качественного контента и ясных символов/смыслов, отражающих национальные интересы. Государству предстоит работать не только с правилами, но и с языком, создавать привлекательные формы, быстро распространять их по всем медиа.

Ограниченность нашего рынка и малочисленность аудитории, по сравнению с американскими и китайскими проектами, предполагает огромные затраты на постоянную генерацию качественного отечественного контента, но без этого не отстоять свой цифровую независимость.

Заключение. Мы стоим на пороге универсализации платформ и внедрения метавселенной, где потребление, образование, труд и политика будут значительно отличаться от того, что есть сейчас.

В этих условиях нейтральная позиция равна проигрышу. Нужна активная информационно-сетевая политика, где государство – не наблюдатель, а создатель правил и контента, опирающийся на национальные ценности и долгосрочные интересы.

Это возможно только при глубоком взаимодействии государства с представителями отечественного онлайн рынка, с отечественными профессионалами в области маркетинга, рекламы и коммуникаций. Без опоры на собственных граждан, погруженных в тематику, принимаемые меры только усилят проблемы.

Ключевая задача: превратить сетевую угрозу в сетевой потенциал. Просто закрывать иностранные сети, онлайн платформы и/или плодить клонов успешных иностранных проектов – бесперспективно. Превратить сетевую угрозу в сетевой потенциал возможно только при наличии стратегии и силы воли к ее реализации, институты, право, кадры у нас есть, а собственный качественный контент мы произведём.

1. *Батыров Т. Китайским детям запретили играть в онлайн-игры больше трёх часов в неделю // Forbes : [сайт]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/438565-kitajskim-detam-zapretili-igrat-v-onlajn-igry-bol-se-treh-casov-v-nedelu (дата обращения: 16.08.2025).*
2. *Еляков А. Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий / А. Д. Еляков // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 120–129.*
3. *Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности / А. С. Запесоцкий // Педагогика. 2002. № 2. С. 3–8.*
4. *Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова ; 4-е изд. Москва : Кучково поле, 2014. С. 349–464.*
5. *Мамедов А. К. Культура как коммуникация: российский опыт и проект / А. К. Мамедов, С. С. Комиссаров. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. 256 с.*
6. *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 26.08.2025).*
7. *Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/ (дата обращения: 16.06.2025).*
8. *Biden demands Congress protect kids online in State of the Union address // Theverge : [сайт]. URL: https://www.theverge.com/2022/3/1/22957505/biden-children-kids-privacy-tech-facebook-instagram-frances-haugen-sotu (дата обращения: 18.08.2025).*
9. *Chee F. Y. Exclusive Big online firms face 0.1% supervisory fee under new EU rules // Reuters : [сайт]. 05.04.2022. URL: https://www.reuters.com/technology/exclusive-eu-commission-proposes-big-online-firms-pay-01-supervisory-fee-2022-04-05/ (дата обращения: 23.08.2025).*
10. *Joint Statement: Tackling child sexual abuse in the age of Artificial Intelligence // GOV.UK : [сайт]. 06.11.2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/tackling-child-sexual-abuse-in-the-age-of-artificial-intelligence/joint-statement-tackling-child-sexual-abuse-in-the-age-of-artificial-intelligence (дата обращения: 15.08.2025).*

ЦИФРОВЫЕ КОЧЕВНИКИ КАК АГЕНТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ

Ведерникова Мария Игоревна
(СПбГУ)

Аннотация. Исследование посвящено феномену цифрового кочевничества как современного социально-экономического тренда. Рассматриваются технологические предпосылки его формирования и ключевые факторы, определяющие выбор локации для представителей этой группы. На основе исследования автора (опроса представителей цифровых кочевников) выделены шесть особенно важных аспектов для цифровых кочевников: от доступности скоростного интернета до социальной среды и уровня затрат. Особое внимание уделяется влиянию цифровых кочевников на формирование «мягкой силы» государств. Благодаря активной медийной деятельности кочевники становятся неформальными амбассадорами стран пребывания, способствуя улучшению их международного имиджа. Также анализируются взаимосвязи между развитием цифрового кочевничества и усилением позиций государств в глобальном пространстве за счет создания органичного позитивного контента и притока квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: мягкая сила, цифровые кочевники, имидж, PR, восприятие, имидж страны.

Появление цифровых кочевников стало возможным благодаря развитию современных технологий и изменению подхода к организации труда. Широкое распространение облачных сервисов и мобильных устройств позволило эффективно работать из любой локации, в которой есть интернет. Многие специалисты получили свободу выбора места жительства, поскольку можно трудиться дистанционно, выполняя профессиональные обязанности практически из любого уголка планеты.

Это привело к формированию новой категории работников, предпочитающих вести свободный образ жизни, путешествовать и совмещать работу с изучением мира. Таким образом, цифровое кочевничество возникло как естественный отклик на стремительное развитие информационных технологий и желание людей обрести независимость от традиционного офисного формата занятости.

Первые предпосылки появления цифровых кочевников возникли в конце XX века, однако массовое распространение этого тренда началось примерно в середине 2000-х годов. Именно тогда технологии позволили комфортно организовывать удалённую работу. Окончательно тренд сформировался ближе к концу первого десятилетия XXI века, когда были устранены технические барьеры для мобильного образа жизни и профессиональной деятельности вне офиса [3, 213 – 215].

Важно отметить, что феномен цифрового кочевничества представляет собой форму именно группового поведения, а не является просто признаком сложившейся общности [2, С. 37 – 59].

Согласно проведённому автором исследованию (опросу представителей группы «цифровые кочевники»), для них при выборе нового места жительства наиболее важны следующие аспекты:

Доступ к скоростному интернету, поскольку сеть является основой всей их деятельности. Без качественного уровня сигнала невозможно эффективно выполнять рабочие задачи и поддерживать связь с клиентами и коллегами.

Комфортные условия для работы и пребывания: наличие кафе с рабочими пространствами, коворкингов, отелей с рабочим местом и хорошей организацией быта.

Гибкость, свобода передвижения и возможность менять локации, постоянно исследовать новые города.

Безопасность и комфорт жизни: наиболее привлекательны страны с низким уровнем преступности, стабильной политической ситуацией и качественной медициной.

Низкий уровень затрат на проживание, поскольку он позволяет сохранить высокий уровень комфорта даже при относительно скромных доходах.

Общение с единомышленниками и социальная среда.

Привлечение цифровых кочевников стало важной задачей для многих стран, которые создали специальные программы, значительно упрощающие легализацию проживая для специалистов, работающих удалённо. Плюсов привлечения в страну таких специалистов много. Помимо очевидного экономического аспекта (цифровые кочевники тратят в выбранном для работы регионе деньги, заработанные в других странах), важна также и имиджевая составляющая.

Цифровые кочевники становятся современными «неофициальными послами» стран, которые они выбирают для работы. Их активность в социальных сетях, блоги и отзывы формируют привлекательный образ страны: современной, открытой и комфортной для жизни и творчества. Добровольно делясь опытом использования местных цифровых инфраструктур, восхищаясь природой и культурой, они создают позитивный контент. Этот органичный контент значительно повышает престиж страны, делая её более привлекательной для туристов и высококвалифицированных специалистов, тем самым

усиливая её «мягкую» силу на международном уровне. Поскольку имидж государства – один из значимых элементов «мягкой» силы, который играет все большую роль в международных отношениях [1, 55], появление в регионе значительно числа цифровых кочевников способствуют улучшению имиджа страны, тем самым позитивно влияя на ее «мягкую» силу.

1. *Ведерникова М. И. Гуманитарный образ России в Евросоюзе как пример использования «мягкой силы» // Мировая политика. – 2016. – № 1. – С. 55-60.*
2. *Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. – 2020. – No 2(548). – С. 37-59.*
3. *Моковецкая Е. Г. Феномен цифровых кочевников в сфере международного туризма и гостеприимства // 79-я научная конференция студентов и аспирантов ФМО БГУ : СБОРНИК ТЕЗИСОВ 79-ОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ ФМО БГУ, Минск, 28 апреля 2022 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 213-215.*

СОЦИАЛЬНОЕ, ЕЩЁ СОЦИАЛЬНЕЙ: АКТУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ В ПРОФИЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Гершунский Олег Константинович
(ФГБОУ ВО «РАНХиГС»)

Человекоцентричность не является в полном смысле современной концепцией. В сфере дизайна и бизнеса идея циркулирует, как минимум, с 1980-х годов XX века. В той и другой сфере человекоцентризм понимался как продукт индивидуалистического подхода в духе тенденций философского персонализма: потребитель (клиент) позиционируется как отдельный самостоятельный индивид с уникальными личными потребностями, и задача коммуникатора состоит в том, чтобы считывать эти потребности и адаптировать под них свою услугу. Несмотря на разность сфер, все эти явления как будто носят локальный характер и не выходят за пределы тех областей, в которых они появились. Естественное ограничение для их экспликации на любой иной вид социальной интеракции состоит в специфике ситуации продавца и клиента и преимуществе практики тотальной адаптации, естественно, умеряющей число коммуникаций, в которых могли бы бытовать подобные отношения.

В поле зрения российской социологии человекоцентризм ворвался относительно недавно, но очень стремительно. Одним из крупнейших социологических мероприятий последнего года стала XV Грушинская социологическая конференция, целиком посвященная теме «Человекоцентризм vs Социоцентризм», в рамках которой обсуждалось множество самостоятельных социальных явлений и теоретических концепций, для которых человекоцентризм выступал фронтирной линией, трендом современности, имеющим самостоятельное онтологическое значение. Здесь и далее описание основных проблематик, определённых на Грушинской конференции приводится на основании изучения материалов конференции и при анализе личного опыта исследователя, присутствовавшего на одной из сессий [3, 4, 5]. Такое расширение понятие, не просто сделавшее человекоцентричность доступным социологическому обозрению, но и переопределившее его актуальность в контексте российской действительности, не могло бы произойти без радикального переопределения проблематики данного понятия, что неизбежно коррелирует с тенденциями, улавливаемыми в социальных процессах трансформации российского общества. Очевидно также, что становление тренда на человекоцентричность имеет собственные социальные основания, однако мы не должны

упускать из виду эпистемологические возможности, делающие возможным постановку вопроса о человекоцентричности в социологическом аспекте.

Феномен человекоцентричности является инвариантом в том смысле, что характеризует практики ориентации в социальном мире с позиции предельного индивидуализма и атомизации общества, то есть как концептуальный коррелят общества взаимозависимости и тотального разделения труда, то есть обществе органической солидарности, в терминах Эмиля Дюркгейма [2]. Однако концепцию Дюркгейма вряд ли можно наложить на современный социальный мир. Более того, современный социум является значительно более требовательным к социализированности отдельного индивида с точки зрения коммуникации, чем сам навязывает какие-либо требования к артикуляции собственных интересов. Современный мир куда больше похож на мир М. Грановеттера, мир социальных сетей и слабых связей [1]. Однако тенденции на индивидуализм также крайне выражены и, как показывают последние исследования, в российской молодёжной среде формируют синтез социальной активности и отстранённости, отказа от коллективной ответственности в пользу ответственности персональной [4]. Крупные социальные агрегаты, такие как государство, утрачивают свои централизующие функции, в то время как децентрализация не приводит к формированию активной и организованной сети социальных сообществ, а скорее способствует дезинтеграции, усиливающийся из-за современных информационных технологий, с одной стороны составляющих угрозу человеческому суверенитету и власти над собственным социальным «телом», а с другой, снижающих ценность человеческого существа как носителя определённых уникальных рыночных навыков и функций.

Основные логики проблематизации понятия как инвариантного тренда современного общества, предложенные в рамках Грушинской конференции, крутятся вокруг конфликтности «предельного индивидуализма» и мира социальных объектов. Человекоцентризм может пониматься в парадигме отказа от социальности человека и мира «социальных ценностей» как общественного регулятора, взамен которого формируются некоторые лакуны социального знания, совершенные монады, механизмы дистрибуции между которыми алгоритмичны сконструированы под индивидуальные запросы. Возможность персонификации алгоритмического субъекта отсылает нас также к проблеме взаимодействия с искусственным интеллектом: «Сводится ли человек к набору личностных характеристик и, если нет, то чем отличается человеческое Я?». На уровне социологической теории, существует и эпистемологическая сложность, связанная с (не)возможность представить личность вне некоторого социального взаимодействия. В целом же проблематика постановки вопроса о человекоцентричности остаётся в рамках конфигурации с социоцентричностью (которая в иных случаях противопоставляется, в иных взаимоисключается, а в-третьих, признаётся нераздельной с человекоцентризмом), причём уровень постановки проблемы остаётся в области социологии мышления и знания. Так, человекоцентризм, не избавляясь полностью от своего психологического прошлого, признаётся трендом на мышление о предметах вне их социального контекста (или имеющих тяготению к тому, чтобы освобождать «истинные» элементы, способные самоорганизовывать человеческую реальность без работы общества) или, на другой стороне конфигурации, напротив, в тесной связи с социальным контекстом, то есть трендом на обнаружение и экспликацию социальной связи как единственно возможным способом очеловечить информационные логики отчуждения.

Не углубляясь детально в множество различных интерпретаций, иных постановок вопроса, переосмыслений, сделанных участниками в ходе дискуссии, надлежит сделать несколько общих замечаний о том понимании человекоцентричности, что было задано изначально векторами дискуссии. Во-первых, человекоцентричность была названа

явлением, которое станет актуальным в ближайшие «10 – 15 лет» [3], то есть видение проблемы предполагалось перспективным и не проявленным в должной мере в настоящий момент. Постановка вопроса была своевременной лишь потому, что предвосхищала некий тренд и обуславливала развитие социальной парадигмы будущего, а не потому, что фиксировала некий фокус и тренд современной себе реальности. Человекоцентричность – это лишь условие, направление, в котором будет ориентироваться социальный контингент в ближайшие годы, однако примеров человекоцентричного общества сейчас мы не наблюдаем. Во-вторых, человекоцентричность понималась по преимуществу имманентно, как явление, порождённая спецификой социальной ситуации на уровне осознания социальных последствий и поиска ориентиров, но не укоренялась в непосредственном социальном взаимодействии, а лишь упреждала его, задавала ему рамки как структура структур. В-третьих, никаких эмпирических примеров человекоцентричного сообщества не было приведено, и более того, вопрос о сообществе, основанном на парадигме человекоцентричности, не был поставлен вовсе.

Подобная постановка вопроса в отношении формирующегося дискурса социологического анализа грешит исключением самого важного – социологического объекта. Несмотря на то, что стиль мышления может и должен также считать социальным феноменом, а тенденции обычно выражают социальные отношения, социологический взгляд на проблему не может исключать того единственного, что обеспечивает его объективность, а именно поиск эмпирических выражений неких тенденций, реальных маркеров присутствия социальной идеи в ткани социального мира и тех конструкций, что доказывают или опровергают жизнеспособность социальных доктрин. С целью восполнить этот пробел далее будет приведено краткое описание концепции человекоцентричного сообщества, иллюстрирующего актуальность парадигмы человекоцентричности в мире современной молодёжи (на основании неопубликованного студенческого исследования автора статьи) в виде списка тезисов:

Здесь и далее человекоцентричность будет пониматься не как подход или концепция, а как принцип организации коллективной деятельности.

Человекоцентричное взаимодействие основано на принципе взаимориентации: сознательном (и рационально) сконструированном действовании в интересах другого человека, причём персональный «набор» индивида не имеет никакого значения – помощь другому понимается институционально, как сама собой разумеющаяся вещь, что подтверждает тезис А. Асмолова о том, что человекоцентричность вне социальных систем невозможна [3].

Человекоцентричность не может также пониматься как условие иной социальной системы, в которой социальные связи тотально персонифицированы, поскольку тотальная персонифицированность становится чертой социального класса и принимает характер «социального бессознательного».

Человекоцентричное сообщество возможно только на основе сильных связей, в противоположность тем, что видел Грановеттер ведущими в современном обществе. Человекоцентричное сообщество зиждется на аккумулировании чувства социального единства через гомогенность смысла и эмоционального фона. Такой коллектив простраивает траектории саморазвития и самооценивания для своих участников и не настаивает на общности мышления и взгляда на вещи, поддерживая лишь единый стиль. Это коллектив заботы, в котором ответственность взаимно перераспределяется, а моральные нормы продуцируются и приобретают абсолютную твёрдость, так как они – единственное, что не может быть скомпрометировано как оскорбляющее личное достоинство.

Человекоцентричные коллективы такого рода действительно очень нравятся российской молодёжи, поскольку устраняют необходимость ориентации в постоянно переменяющем установки и схемы мышления мире и устанавливают основания личности за пределы её самой, за пределы рефлексирующего психологизма, сохраняя при этом в человеке сознании абсолютной индивидуальности и свободы выбора. Хорошим примером таких коллективов являются набирающие популярность в России MLM-компании.

Подводя итоги, приходиться заметить, что человекоцентричный, человекоориентированный дизайн социальной жизни является не утопической концепцией, но вполне реальным и функционирующим способом социального ориентирования, имеющим вполне конкретные жизненные примеры и отвечающим большинству особенностей, которые социологи ожидают от них. Однако данный анализ также показал, что парадигма, рассматривающая человекоцентризм как случай крайнего индивидуализма, рискует упустить ту глубоко социальную природу, которое имеет это построение. Напротив, человекоцентричное сообщество представляет собой результат гиперсоциальности, построения, которое в мире слабых интеракций предлагает сильные внутренние социетальные способы внутреннего сплочения. Комфорт и всеохватывающая услужливость обстановки и людей (абсолютно взаимная) поглощают все социальное пространство, не оставляя в нём возможности для заполнения сверхчеловеческими смыслами, и в этом смысле парадигма человекоцентризма действительно приводит к дефициту смыслов.

1. *Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44-58. URL: http://ecsoc.hse.ru/*
2. *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.*
3. *Пленарное заседание «Человекоцентричность vs социоцентричность». URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2025/stenogramma_2025/plenarnoe_zasedanie_chelovekotsentrichnost_vs_sotsiotsentrich.pdf (дата обращения 06.10.2025). Текст: электронный.*
4. *Секция «Интеграционные процессы в молодежной среде». URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2025/stenogramma_2025/integratsionnye_protsessy_v_molodezhnoy_srede.pdf (дата обращения 06.10.2025). Текст: электронный.*
5. *Секция «Человекоцентричность для человечности: цель или средство, возможность или угроза?». URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2025/stenogramma_2025/chelovekotsentrichnost_dlya_cheloveka.pdf (дата обращения 06.10.2025). Текст: электронный.*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ В КОММУНИКАЦИЯХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ («СИБИРСКИЙ ФОРМАТ»)

Головацкий Евгений Васильевич
(Кемеровский государственный университет)

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining», https://rscf.ru/project/24-28-01230/

Аннотация. Появление социально-политических нововведений в форматах виртуальной коммуникаций регионального масштаба являются производными сетевого наполнения и качества ресурсов сетевых сообществ, которые зачастую представлены в реальном физическом пространстве, а также сетевых мирах. Результаты исследования позволяют демонстрировать типичности и подчеркивать уникальности «сибирского формата» социально-политической коммуникации, включая инновационные направления (акторы, повестки, приемы, ресурсы и пр.).

Ключевые слова: социально-политические коммуникации, нововведения, сетевые сообщества, регион, Сибирь

Векторы социально-политического развития в условиях российского общества новой социальной реальности, а также на фоне мировой тенденции цифровой и виртуальной ориентированности социальных отношений полагаем уместным обозначить формирование в обществе очередного запроса на инновации. Социально-политическая коммуникация не является исключением и в период становления виртуального общества инновационный формат организации (создания), трансляции и консолидации социально значимой информации выступает в качестве ключевых (зачастую даже триггерных) повесток, действующих в интересах современных технологических решений, способных в обозримой перспективе изменить наше будущее.

Современные средства коммуникации позволяют «сделать восприятие, информирование и коммуникацию независимыми от прямого присутствия на месте событий», сопровождая это отказом от возможности прямого и полного погружения в происходящее [1, 123]. Однако виртуализация позволяет реализовывать участникам взаимодействия «возможность распоряжаться пространством и временем», т. е. получают возможность быть интегрированными в действие социальной сети (сообществ и пользователей). Результаты изучения социально-политической ситуации в современной России демонстрируют определенный рост категории заинтересованных «активных социальных акторов» [2, 123] из состава непрофессиональной категории управленцев, а граждан-участников. В рамках цифрового взаимодействия современного общества актуализируются запросы участников сообществ на удаленное предоставление / получение государственных услуг (отработку и обработку запросов, адресное сопровождение, включая мессенджеры. облачные ресурсы и др.), увеличение прозрачности коммуникации, даже в условиях, когда темы, касающиеся специальной военной операции (СВО), не создаются в рамках изучаемых сообществ. Отмечаются массовизация повесток-запросов пользователей (сообществ) по поводу взаимодействия власти и населения в регионах, а также различные аспекты безопасность, и социокультурной специфики «сибирского формата».

Региональные практики социально-политической коммуникации сетевых сообществ выступают вариантом сравнительного исследования трансформации социальных и политических отношений граждан регионов с представителями власти, управленческими и экспертными структурами территорий в условиях виртуализации повседневной жизни и различных сфер общественной деятельности. Сетевая коммуникация в сибирских сообществах регионов ресурсного типа рассматривалась нами на протяжении последних четырех лет. Отмечены динамика развития в различных тематических сообществах, смешанные и неочевидные практики социально-политического взаимодействия, отражающих дифференциацию интересы и запросов пользователей.

В комментариях и системе поддержки (лайках / дизлайках) сетевых сибирских сообществах были выявлены группы тематически выраженных дискурсов. Среди особенностей можно отметить: гендерные тематики и участие именно женских сетевых сообществ; самостоятельный региональный контент (уникальные идентичности, топонимы, персонализация контента и пр.); локализация тем по территориальной повестке; иждивенческая позиция принадлежности к «льготной категории» (подчас такими акторами выступают знакомые и соседи участников СВО либо люди с неопределенным характером отношений к описываемой теме), и манипуляция участников-пользователей формулировками (использования тегов по теме СВО, запросов на поддержку и льготы в связи с определенным отношением (причастностью) пользователей к спецоперации, включая неочевидные и нелогичные связи в публикуемых в сети событиях). Обсуждается местечковые локальные темы в соотнесении с крупными центрами и прочими регионами (самокаты, общественный транспорт, мигранты и др.), а также отмечается краткосрочность «жизни» обсуждаемых в региональных сообществах событий.

Среди социально-политических нововведений пользовательских практик характерны следующие и на первый взгляд не связанные с заявленной повесткой:

– квазиполитический формат и латентная повестка формально «мусорных» сообществ;

– незавершаемая (практически «бесшовная») коммуникация (потоковый формат, мультиканальное «потребление», запросы и комментарии в режиме «подсветки» участия пользователей);

– использование развлекательного контент в формальных запросах и темах (региональные политические мемы и смеховая культура в сети), а также присутствие нелегальных и протестных политических сообщений в материалах эротического и порнографического содержания в сети;

– играизация с использованием социально-политических элементов (символика и семантика, цифровые объекты, аудио- и визуальные материалы с учетом быстрого контента и пр.);

– виртуальные социально-политические коммуникации «живет» своей жизнью, зачастую не пересекаясь с real-life (физической реальностью).

В число методологических оснований входят компоненты построения / прогностического построения модели социально-политической коммуникации сетевых сообществ сибирских регионов ресурсного типа. Ресурсный уровень развития является стартовым основанием для анализа и построения акторно-сетевых связей участников сетевых сообществ (программная среда Gephi v.10). Цель исследования – выявление и описание многомерных социально-политических коммуникаций участников региональных сетевых сообществ в цифровом поле и за его очевидными пределами. В качестве оснований множественных вариантов представления социально-политической коммуникации сетевых участников нами было использовано самое популярное сообщество в России «ВКонтакте» (диапазон сборки датасетов охватывал загрузки различны периодов, наиболее «свежие» и массовые из которых включают периоды: май-июль 2024 г.; февраль-апрель и июнь-июль 2025 года. В загрузках были использованы также некоторые этно-национальные сетевые сообщества сибирских регионов (одной из особенностей было использование сообществ в коммуникации которых присутствуют национальные языки или билингвизм).

Приведем примеры комментариев сибирских пользователей. Курсивом выделены комментарии пользователей, сохранена орфография и пунктуация сетевых авторов

(«*Я тоже раньше верила в Кузбасс онлайн, теперь разочаровалась, просто отписки*» (Инцидент Кузбасс), «Не самое лучшее вложение, пустое это. *Кому они нужны? Лучше бы ребятам на СВО денежки отправили*» (Инцидент Нижневартовск), «*А что мы как американосы стали бояться человека с ружьём*» (Сводка 19 Абакан Хакасия ЧП Инцидент), которые представляют основной социальный материал, фиксирующий содержание, значение и объем текстовой, в подавляющем большинстве примеров, информации.

Еще одной стороной новых социально-политических форматов могут послужить околополитических тем «инцидентных» сообществ: «*Вовина россия*» (Абакан); «*Вот такая в республике вшивая власть*», «*А всех депутатов на завод работать отправить…*» (Республика Хакасия); «*Неправильная политика местных властей приведёт к обнищанию региона и оттоку местных жителей в более благополучные регионы*», «*Молодёжная политика топ у нас. Не знаю ни одну страну где хотя бы близко так же*» (Кузбасс). В дискурсе сетевых сообществ разделяются комментарии по повестке (теме), пользовательское комментирование внутри различных тем, а также актуализация определенных уровней реализации политики и характера ее описания, артикуляции, социальной значимости и политической остроты на анализируемый период времени. Отметим, еще раз, что транзитивность социально-политической повестки характеризуется динамизмом.

Внутри ряда обсуждаемых повесток и отдельных тем обнаруживаются высказывания и комментарии пользователей, посвященные СВО и приближенным темам: «*Почему в конце не дописали "12 лет тюрьмы или подписание контракта добровольца СВО"?*» (Кузбасс); «*а потом социалочку выкатывают, "присоединяйся к СВОим"!*» (Кемерово); «*Это тут они так работают,а представьте что творится там на СВО*» (Абакан); «😭😭😭*сколько судеб поломает эта сво*» (Абакан). В описании повестки наблюдается разделение на рассмотрение ситуаций спецоперации, комментирование последствий, и употребление СВО-тематики в качестве триггера региональной сетевой социально-политической коммуникации.

Исследователи отмечают, что «развитым на данном этапе в региональном сетевом взаимодействии выступают сообщества государственной и региональной власти» в связи с обязательным форматом присутствия власти в сети [3, 151], также характерной особенностью исследуемых сообществ является единообразное восприятие власти региональной городской и местной власти.

Региональный «сибирский формат» в предложенном исследовательском аспекте придает ситуативную направленность социально-политических коммуникаций, которая на фоне декларируемых политических мобилизационных установок позволяет обнаруживать реальные, «переведенные» и виртуальные практики социально-политических нововведений граждан-пользователей, представителей власти в рамках возможностей сети. Отмечается параллельное присутствие типичных, новых и неочевидных форматов сетевой активности (содержания коммуникации) сибирских сообществ.

1. *Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний; пер. с нем. А. Ю. Антоновского и др. 2-е изд. М.: Логос, 2012. 248 с.*
2. *Заборова Е. Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 2. С. 117-126. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9*
3. *Кранзеева Е. А., Бурмакина А. Л., Брандт Я. А. Сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири: характеристика и взаимосвязи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 83. С. 140-154. doi: 10.17223/1998863X/83/14*

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЛАЗАМИ РОССИЯН (РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Гребенюк Александр Александрович
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В публикации представлены результаты всероссийского социологического исследования отношения населения к трудовой миграции из-за рубежа, проводившегося в летом 2024 года. Цель исследования: на основе анализа отношения россиян к трудовой миграции из-за рубежа и выявления детерминирующих факторов определить современные тенденции развития миграционных процессов, а также охарактеризовать возможные социальные риски данных тенденций.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, социальные последствия, риски**.**

В 2024 году общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию» провело всероссийское социологическое исследование (методом онлайн анкетирования) отношения граждан России к трудовым мигрантам из-за рубежа. Выборочная совокупность – 73 720 респондентов, что составляет около 0,6 % от генеральной совокупности (населения Российской Федерации). Полученные в результате исследования данные позволяют выделить следующие наиболее острые, негативные (по мнению респондентов) аспекты развития миграционных процессов:

1. В представлениях россиян отношения между мигрантами и местным населением являются напряженными (*так считают 65 % респондентов*). Главным образом недовольство россиян сфокусировано на несоблюдении иностранными работниками социокультурных норм нахождения на территории России, которое связано как с культурной дифференциацией и незнанием языка, так и с конкретными нарушениями российского законодательства.

2. Отдельным аспектом, который также влияет на негативное отношение населения к миграции, является отсутствие информации у местных жителей о целесообразности и о выгодах от нахождения иностранных работников в России. Трудовая миграция – процесс, детерминированный в первую очередь экономическим развитием государства. Именно миграция должна насыщать рынок труда недостающими кадрами, решать проблему демографических и территориальных диспропорций, и в результате обеспечивать рост экономики. Российское производство и сфера услуг активно использует иностранную рабочую силу. Вместе с тем, в массовом сознании практически полностью отсутствует представление о дивидендах от использования труда иностранцев (*только 6 % респондентов считают, что трудовая миграция вносит позитивный вклад в экономическое развитие России*). Даже в крупных российских регионах, в которых заняты миллионы иностранцев, показали аналогичны. Россияне видят в трудовой миграции явление, приносящее больше вреда, нежели пользы.

3. Следующим аспектом, который незаслуженно обходится стороной современной наукой и экспертным сообществом, – желание россиян сохранить традиционную социокультурную среду места проживания. Подавляющее большинство респондентов (*90%*) указали на необходимость государства обеспечивать права жителей России на сохранение привычной культурно-исторической среды и общественного уклада. Причем,

эта позиция наблюдается практически во всех регионах, вне зависимости от их этнического или религиозного состава. Следует отдельно подчеркнуть, что подобная позиция ничего общего не имеет с ксенофобией. В опросе респонденты не делали негативных высказываний в отношении этничности или религиозной принадлежности трудовых мигрантов. В открытых ответах россияне указывали на конкретные проблемы или конфликтные ситуации, которые находятся в плоскости культурной дифференциации, плохого знания русского языка, неподобающего, а в конкретных случаях, противоправного поведения иностранцев.

4. Знание русского языка является необходимым условием обучения детей трудовых мигрантов – так считает подавляющее число россиян (*92 %*). Также респонденты отмечают значительное количество детей мигрантов в российских школах (*у более 54 % респондентов, имеющих детей, обучающихся в школе, у ребенка в классе есть дети иностранцев*) и конфликтов с ними связанных (*29 % респондентов указали на наличие конфликтов с детьми иностранцев*). Проблемы при обучении детей мигрантов не являются исключительно российской спецификой. Практически все страны-реципиенты трудовых ресурсов сталкиваются с ними. Основными причинами проблем и конфликтов, как правило, становятся плохое знание языка, низкий уровень интеграции и, соответственно, обособленность, и, как следствие, отставание в усвоении школьной программы. В этой связи именно качественная языковая подготовка ребенка может разорвать порочный круг проблем его интеграции в принимающий социум, снизить нагрузку на учителей и администрации школ.

5. Одно из преимуществ опросов населения является возможность выявления латентных процессов, которые не находят свое отражение в статистике. Ответы респондентов четко свидетельствуют о наличии тенденции формирования мест компактного проживания трудовых мигрантов. Среди россиян 40% указали, что рядом с их местом жительства компактно проживают большие группы мигрантов. Обособленные поселения мигрантов являются крайне негативным явлением, снижающим стимулы мигрантов к адаптации, оставляющим сильнейший отпечаток на процессах развития городских территорий, а также в значительной степени влияющих на безопасность местного населения. Именно такой негативный опыт мы можем увидеть во многих зарубежных странах, в столицах которых существуют целые кварталы и районы, которые считаются крайне опасными для посещения местным населением, не говоря уже о проживании. Из-за подобного компактного поселения мигрантов формируется большой пласт проблем в их адаптации к правилам и порядкам, принятым в принимающем социуме.

6. Отдельно остановимся на проблеме конкуренции мигрантов и местных работников на рынке труда. Как мы видим из анализа результатов анкетирования, россияне с низким уровнем дохода отмечают как конкуренцию со стороны мигрантов за рабочее место (*75 % респондентов*), так и дискриминацию в пользу иностранцев при приеме на работу (*38 % респондентов*). Несмотря на то, вместе с ростом уровня доходов респондентов, снижается острота ощущаемой конкуренции и дискриминации, в целом подобную ситуацию можно охарактеризовать как негативную. Подобная конкуренция является еще одним фактором роста межнациональной напряженности, способным спровоцировать экономически детерминированные межэтнические конфликты.

7. Выявленное в ходе исследования недовольство россиян различными проявлениями трудовой миграции естественным образом переносится на государственную миграционную политику. Подавляющее число респондентов выступают за ее ужесточение в отношении иностранных работников (*97 %*). Особое внимание при

этом должно по мнению россиян быть уделено ужесточению санкций в отношении мигрантов, нарушающих культурные нормы российского общества (*80 % респондентов выступают за использование инструмента депортации для иностранцев, нарушающих традиционные нормы российского общества*). При этом, следует оговориться, что органами государственной власти созданы крайне слабые и неэффективные стимулы для соблюдения этих норм, для встраивания трудовых мигрантов в социальное полотно российского общества. Более того, те немногочисленные существующие стимулы (в форме обязательных экзаменов) могут легко обходиться мигрантами. В результате деятельность по адаптации и тем более интеграции иностранных работников носят в российской системе государственного управления миграционными процессами декларативный характер.

Исходя из полученных в ходе проведения исследования данных, можно сформулировать несколько направлений оптимизации государственной миграционной политики:

Необходим пересмотр государственной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции трудовых мигрантов. Требования к мигрантам должны быть основаны на культуре, традициях и обычаях региона, в котором мигрант проживает и осуществляет трудовую деятельность. Также данные требования должны быть четко детализированы и однозначны, а их безусловное выполнение должно контролироваться.

Закрепление на законодательном уровне права местного населения на сохранение традиционной социокультурной среды.

Необходимо ужесточение языковых требований к мигрантам. Одним из важнейших мер по реализации этих требований является распространение обучения русскому языку и образованию на русском языке в странах миграционных донорах.

Отдельным направлением является информирование российского населения о пользе, которую приносит использование легальной иностранной рабочей силы в отечественной экономике.

Разработка отдельного комплекса нормативных актов, препятствующих формированию замкнутых мест компактного проживания и этнических анклавов.

Необходимо активное привлечение работодателей к процессу адаптации мигрантов. Являясь основными выгодоприобретателями привлечения трудовых ресурсов из-за рубежа, работодатель остается в стороне от адаптации мигрантов. Данная ситуация должна быть исправлена.

ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРИОД СВО

Григорьева Мария Валерьевна
(Аналитический центр ВЦИОМ)

Начало СВО оказалось шоком для россиян. Социальное самочувствие резко ухудшилось, усилились тревожные настроения и экономические страхи. Однако шок быстро прошел, население оперативно адаптировалось к новой ситуации, и уже на протяжении трех лет в настроениях сохраняется относительная стабильность.

Для этого есть несколько причин.

Эффективная адаптация населения к новым условиям. Кризисы последних лет – пенсионная реформа, пандемия – выступили в роли своего рода «испытательного

полигона» для российского общества. Пандемия оказала большее негативное влияние на общество, чем начало специальной военной операции. Наши адаптационные механизмы прокачались, показали свою эффективность. В результате социальные настроения относительно быстро нормализовались, протестный потенциал остается на низком уровне.

Установление «новой нормальности». Возникновение новых правил игры вместо прежних сопровождалось перестройкой социальных и экономических процессов. Но население быстро адаптировалось, нашли новые способы вернуть «привычное». Большинство продолжает вести обычную жизнь.

Общая судьба и ценность единства. Опыт СВО усилил в сознании значительной части населения ощущение общей судьбы и необходимости консолидации. Восприятие коллективных интересов и солидарности стало одним из ключевых смысловых ориентиров, которые помогают людям воспринимать внешние потрясения как вызовы, преодолеваемые сообща.

Восприятие СВО как «справедливой» и неизбежной. Значительная часть населения воспринимает нынешние события как вынужденную, но оправданную политику государства в противостоянии с Западом. Для многих СВО – тяжёлый, но правильный и неизбежный шаг руководства.

Ощущение «запаса прочности» у государства. Устойчивость социальных настроений объясняется в том числе эффективностью политики государства по сохранению везде, где это возможно, привычного образа жизни россиян. Система социальной поддержки работает относительно эффективно.

Социальный оптимизм и ориентация в будущее. Несмотря на отдельные всплески тревожных настроений, связанных, например, с резонансными атаками дронов, значительная доля населения сохраняет уверенность в завтрашнем дне.

Высокий уровень доверия лидеру страны. Доверие к Президенту остаётся одним из важных факторов, снижающих неопределённость и дающих людям ориентиры для формирования собственной оценки происходящего. Это связано с феноменом сформировавшегося и устойчивого «президентского супербольшинства» [1], которое основано на высоком авторитете и доверии В. Путину, проверенном временем.

1. Аналитический доклад АЦ ВЦИОМ «Президентское супербольшинство: семь шагов к победе» https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezidentskoe-superbolshinstvo-2024-sem-shagov-k-pobede

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ

Данилова Наталья Михайловна
(Финансовый университет при Правительстве РФ)

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционных механизмов реализации государственной политики по формированию традиционных ценностей в России. Исследуются правовые основы ценностного суверенитета, законодательные инициативы после поправок 2020 года и их влияние на образовательную и культурную политику государства.

Ключевые слова: традиционные ценности, конституционный механизм, государственная политика, духовно-нравственное воспитание.

В условиях глобальных социально-политических трансформаций консервативный поворот в российской политике по формированию ценностей приобретает особую значимость, особенно в контексте воспитания молодежи. Современные молодые люди находятся на пересечении влияний целого комплекса факторов: цифровизации, глобальных культурных трендов, альтернативных идеологий и традиционных установок, что создает сложный ценностный ландшафт.

Остроту этой проблемы на практике продемонстрировал 2022 год, когда большая часть граждан России, в том числе молодежь, либо уехали из России [3], либо, оставшись в стране, начали критиковать решения и действия власти, т. к. они нарушали их привычный образ жизни и комфорт [2].

В связи с этим изучение механизмов и эффективности государственной политики в этой сфере становится не только научно значимым, но и практически востребованным.

Во-первых, молодежь является ключевой социальной группой, от ценностных установок которой зависит будущее страны. Российские власти в последние годы активно продвигают традиционные ценности (патриотизм, семья, религия, государственность) через образовательные программы, законодательные инициативы и медиапространство. Однако возникает вопрос: насколько успешно эти меры адаптируются молодым поколением? Эмпирические исследования показывают, что российская молодежь демонстрирует двойственность. С одной стороны, декларирует лояльность к официальным установкам, что косвенно прослеживается в социологических исследованиях ценностных ориентаций. Например, опрос ВЦИОМ, проводившийся в мае 2025 г., показал, что 82 % респондентов оценивают имеющиеся у молодежи возможности для самореализации, как хорошие [4]. С другой стороны, российская молодежь проявляет интерес к глобальным трендам, индивидуализму и альтернативным субкультурам.

Во-вторых, консервативная политика, проводимая государством в сфере ценностей, сталкивается с вызовами цифровой эпохи. Социальные сети, мессенджеры и зарубежные медиаресурсы создают альтернативные смысловые поля, конкурирующие с государственным нарративом. Это формирует ценностный раскол: часть молодежи интегрируется в официальный дискурс, другая – дистанцируется от него. Исследование этих процессов позволяет выявить, какие инструменты (образовательные, правовые, медийные) оказываются наиболее эффективными, а какие требуют корректировки.

Можно отметить, что изучение консервативного поворота в российской политике по формированию ценностей среди молодежи актуально не только для прогнозирования внутренней социальной стабильности, но и для понимания места России в глобальном идеологическом пространстве.

Реализация ценностного поворота осуществляется через систему взаимодополняющих механизмов, анализ которых требует комплексного подхода. Рассмотрим ключевые аспекты их функционирования. Для реализации государственной политики в области формирования ценностей используется несколько механизмов, которые могут быть подразделены на группы: конституционные, институционально-политические и социокультурные механизмы.

Отметим, что в данной статье фокус будет сделан на анализе конституционных механизмов, т.к. они являются стержневыми, системно образующими механизмами государственной политики.

Конституционные механизмы реализации государственной ценностной политики в Российской Федерации основаны на нормах Основного закона, обеспечивающих нормативно-правовую базу для последующей законодательной и исполнительной деятельности. Ключевым этапом их оформления стали поправки 2020 года, закрепившие в Конституции РФ концепт «традиционных ценностей» в качестве основы государственной политики. Это создало нормативную базу для последующих законодательных инициатив в сфере семейной, образовательной и культурной политики.

Отметим, что данные изменения имели двойственный эффект: с одной стороны, они легитимизировали правовые инициативы в сфере семьи, образования и культуры, а с другой – обозначили конституционные границы допустимого в вопросах идеологического регулирования.

Центральное место в системе конституционных механизмов занимает принцип ценностного суверенитета, предполагающий защиту национально-культурной идентичности от внешнего вмешательства (ст. 67.1). Это нашло отражение в законах о противодействии «нежелательным организациям» [8] и ограничении «иностранного влияния» в образовательной сфере [9].

В свою очередь, законодательная практика последних лет демонстрирует последовательную реализацию конституционных положений. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [6], конкретизировавший сам термин «традиционные ценности», определивший ценностное поле российской цивилизации. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [5] вносит дополнительные акценты и ориентиры в реализацию общего вектора политики по формированию ценностей. Так, именно в этом документе конкретизируется понимание «института брака», как «союза мужчины и женщины». Параллельно были внесены изменения в законодательство в сфере образования. Так, был обновлен ФЗ «Об образовании в РФ» [7], в современной редакции которого отмечается, что воспитание осуществляется на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В рамках реализации общей государственной политики в школьную программу был введен курс «Основы духовно-нравственной культуры народов России», который с 2026 г. будет видоизменен в школьный предмет «Духовно-нравственная культура России» [10]. Похожий курс – «Основы Российской государственности» – был введен для студентов ВУЗов, одной из задач которого является знакомство молодых людей со своей собственной страной в историческом, географическом, социокультурном, политическом измерениях. Как показывают данные ВЦИОМ, инициатива введения данного курса поддерживается большей частью граждан страны [1].

Анализ правоприменительной практики показывает, что данные нормы выполняют не только регулятивную, но и символическую функцию, формируя ценностные ориентиры через правовую систему. Однако эксперты отмечают определенный диссонанс между формальным закреплением норм и их реализацией на местах, что требует дополнительного исследования.

Проведённый анализ конституционных механизмов реализации государственной политики по формированию ценностей позволяет сделать ряд принципиальных выводов теоретического и прикладного характера.

Во-первых, конституционные поправки 2020 года создали системную правовую основу для ценностно-ориентированной политики государства, закрепив в Конституции

РФ концепт традиционных ценностей как базовый принцип государственного строительства.

Во-вторых, ключевой особенностью российского подхода стало сочетание охранительной и созидательной функций конституционного регулирования: с одной стороны, закрепляется защита от деструктивных внешних влияний (принцип ценностного суверенитета), с другой – формируется позитивная программа воспитания граждан через образовательные стандарты и культурную политику.

В-третьих, анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных противоречий:

1. Между универсальностью конституционных формулировок («традиционные ценности») и необходимостью их конкретизации в отраслевом законодательстве;
2. Между централизованным нормотворчеством и региональными особенностями реализации;
3. Между охранительной риторикой и требованиями современного технологического развития.

Вопрос разрешения обозначенных противоречий представляется перспективным как для практического решения, так и для теоретического осмысления.

Таким образом, конституционные механизмы формирования ценностей представляют собой сложную многоуровневую систему, требующую дальнейшего междисциплинарного изучения на стыке юриспруденции, политологии и педагогики. Особое значение приобретает поиск баланса между конституционной стабильностью и социальной динамикой в условиях глобальных трансформаций.

1. *Можно ли научить государственности? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сайт. 20.09.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti (дата обращения: 11.10.2025)*
2. *Молодежь воспринимает государство как машину для комфорта [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 21.03.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5887758 (дата обращения: 11.10.2025).*
3. *Пламенев И. Из России с начала года выехали 419 тыс. человек [Электронный ресурс]// РБК: сайт. 05.09.2022. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/09/2022/631649a09a79476923ac3d6c (дата обращения 08.10.2025)*
4. *Россия – страна возможностей [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сайт. 22.05.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-strana-vozmozhnostei (дата обращения: 09.10.2025).*
5. *Указ Президента РФ от 24.12.2014 г № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 11.10.2025)*
6. *Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения: 11.10.2025)*
7. *Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (дата обращения: 11.10.2025)*
8. *Федеральный закон от 23.05.2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39720 (дата обращения: 09.10.2025)1*
9. *Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. 19.07.2022 г. URL: https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html (дата обращения: 11.10.2025)*
10. *Ячменникова П. Духовно-нравственное не исчезнет из жизни школьников [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 29.01.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7461009 (дата обращения: 11.10.2025)*

КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Дроздова Юлия Алексеевна
(Волгоградский институт управления-филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»)

Аннотация. В Российской Федерации с 2022 года развивается новая система взаимодействия органов государственной власти и населения в основе которой находится парадигма клиентоцентричности. Клиентоцентричность предполагает максимально качественное удовлетворение потребностей населения при оказании государственных услуг, что влечет изменение в моделях, результатах коммуникации субъектов управления и их мышлении, способствует повышению доверия в обществе.

Ключевые слова: доверие, клиентоцентричность, клиентоориентированность, цифровизация, государственное управление.

Доверие населения к органам государственной власти обеспечивает легитимность их деятельности, поскольку именно через доверие власть получает одобрение и поддержку населения. Доверие к органам государственной власти обеспечивает населению чувство защищенности, уверенности в завтрашнем дне, безопасности, что особенно важно в условиях нестабильности экономической и внешнеполитической ситуации.

Как показывают социологические исследования, проведенные в режиме мониторинга в 2022 – 2025 гг., население и государственные служащие оценивают доверие в системе коммуникации «власть-население» как среднее. Так считает 49 % опрошенного населения, и 52 % госслужащих, принявших участие в опросе (Волгоградская область, март-апрель 2025 г., n = 300 (население), n = 134 (госслужащие), Интернет-опрос).

Повышение доверия связано с изменением отношения к населению как клиентам в сфере оказания государственных услуг, что предполагает: клиентоориентированность органов власти как комплекс действий, направленных на выявление потребностей населения и поиск способов их удовлетворения, а также контроль качества оказания услуги и клиентоцентричность как удобную, функциональную систему взаимодействия власти и общества, где в центре находится клиент, его потребности, запросы и степень его удовлетворенности оказанием государственной услуги [9, 240].

Первое упоминание о новой парадигме государственного управления, своими корнями уходящая в практику бизнеса, содержится в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, где «качественная цифровая клиентоориентированность является обязательной составляющей эффективной модели развития страны» [7].

В 2022 году Аппаратом Правительства Российской Федерации была разработана Декларация клиентоцентричности и утверждены: Стандарт «Государство для людей» [2], Стандарт «Государство для бизнеса», «Стандарт для внутреннего клиента» [6].

Парадигма клиентоцентричности означает простоту, легкость в обслуживании, приятное и качественное взаимодействие населения с органами власти. При этом клиентами оказания государственных услуг могут быть обратившиеся граждане и

иностранцы, люди без гражданства, представители бизнеса, а также государственные и муниципальные служащие как внутренние клиенты публичной власти.

Новая система взаимодействия власти и общества основывается на принципах прозрачности и открытости, взаимопонимания и постоянного совершенствования функционально-ролевой коммуникации. Мониторинг и оценка качества оказания услуг происходит постоянно через различные инструменты: анкеты обратной связи, тестирование в лабораториях пользовательского тестирования, карты клиентского пути, с помощью таких гаджетов, как ай-трекеры, биобраслеты, способных зафиксировать уровень стресса, эмоциональной и физической нагрузки при получении государственной услуги.

Важно, что при всей унификации процесса предоставления государственной услуги сохраняется персонализированный, индивидуальный подход к каждому клиенту, использование традиционных каналов коммуникации – межличностное взаимодействие, письменное, телефонное и личное обращение граждан с учетом индивидуальных возможностей, в том числе для граждан с ограниченными возможностями. Использование различных каналов необходимо для поддержания доверия у широкого круга целевой аудитории.

Отвечая на вопрос: «Какие из форм коммуникации власти и общественности, по Вашему мнению, оказывают существенное влияние на формирование доверия к органам власти со стороны населения?», – большинство респондентов отмечают, что формированию доверия способствует личный прием граждан представителями органов власти (54 % опрошенных граждан и 66 % респондентов-госслужащих), «Горячие линии» (50 % и 47 % соответственно), а также информирование общественности через различные каналы (СМИ, социальные сети, сайты) (34 % опрошенных жителей и 50 % респондентов-госслужащих).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наибольшее влияние на формирование доверия, по мнению опрошенных государственных служащих, оказывают действия органов власти в сфере учета мнения населения, его инициатив в процессе законотворчества (41 %), а также в сфере распространения достоверной и полной информации о действиях органов исполнительной власти (38 %). Население же считает более важным получение достоверной информации от органов власти (46 %). Таким образом, по мнению респондентов, наиболее эффективно доверие формируется при большем использовании правовых и информационных технологий.

Ориентация на достижение конкретных положительных результатов предполагает не простое исполнение требований по работе государственных служащих с обращениями граждан и ответ на них в течение 30 дней [8], а обязательное нахождение решения по вопросу, проблеме, обозначенной клиентом, с контролем исполнения, нахождения решения с привлечением всех необходимых для этого инстанций с итоговым контролем субъекта, в адрес которого поступило обращение.

В целом клиентоцентричность предполагает изменение восприятия государственной службы, прежде всего, как деятельности, направленной на служение населению в самом высоком и глубоком понимании смысла этого. Гуманистическая ценность этого подхода заключается в решении жизненных ситуаций обратившихся людей с учетом разработанных цифровых и иных социальных технологий, что повышает удовлетворенность граждан, улучшает имидж государственных служащих, положительно влияет на государственное управление, формирует чувство гордости за страну.

1. *Васильева Н. В. Развитие государственной службы на основе клиентоцентричного подхода // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. 2022. С. 105–110.*
2. *Государство для людей // Министерство экономического развития РФ: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey (дата обращения 01.10.2025).*
3. *Калинин А. М. Использование принципа клиентоцентричности в государственном управлении: повестка внедрения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 7–25. DOI: 10.17323/1999- 5431-2023-0-3-7-25.*
4. *Пеструилов А. С. Понятие и классификация форм взаимодействия власти и общества // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 129-132.*
5. *Приказ Министерства экономического развития РФ от 25.07.2022 № 398 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Государство для людей» направления «Развитие государственного управления» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423003/*
6. *Стандарты клиентоцентричности // Министерство экономического развития Российской Федерации: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti (дата обращения 01.10.2025).*
7. *Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007210012 (дата обращения 30.09.2025).*
8. *Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения 01.10.25).*
9. *Чулковская Е. Н. Клиентоцентричность в деятельности органов государственной власти //Материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г.: в 2-х т., 2023. С. 239 -242.*

ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Дубровин Владимир Леонидович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

В современных обществах, переживающих процесс секуляризации, традиционная религия как интегрирующая сила, однако, отходит на второй план. Но и в секулярных обществах она зачастую сохраняет большое значение, оставаясь фундаментом базовых ценностно-нормативных установок, даже если они уже не мыслятся как религиозные.

Исследуя современные общества с «органической солидарностью», обеспечиваемой глубоким разделением труда, Э. Дюркгейм отмечает, что традиционные религии во многом утрачивают свое влияние, что является одним из факторов, способствующих аномии – ситуации, когда ценности и нормы ослабевают.

Общество предшествует индивиду и существует после его смерти, благодаря обществу человек получает возможность думать и обретает речь, коллективные представления бесконечно богаче, чем содержание индивидуального опыта человека. Общество требует от человека определенного поведения и даже жертвы. Всё это превращает общество, по мнению Дюркгейма, в прообраз сакральной безличной могущественной силы[1].

Однако в современных обществах влияние традиционных религий очевидно ослабевает, и причину этого Дюркгейм видел в следующих факторах.

Во-первых, это развитие рационализма и научного познания. Развитие и накопление научных знаний ведет к тому, что прежние мифологические объяснения реальности теряют свою убедительность, общество начинает искать другие модели

объяснения мира. Однако наука не может в полной мере отвечать на моральные и эмоциональные запросы человека и выступать фактором консолидации, поэтому не является еще полноценной заменой религии. Но Дюркгейм не исключал, что в дальнейшем могут произойти какие-то изменения. [2; 706].

Во-вторых, трансформация социальной структуры. Формирование обществ современного типа сопровождалось постепенным усложнением и дифференциацией социальной структуры, что порождало индивидуализацию, обособление индивида от коллектива, связанное с необходимостью выживания в усложнившемся социуме. Власть группы над индивидом, поддерживаемая и традиционными религиями, слабела.

В-третьих, возникли новые институты, идеалы и ценности, которые подорвали монополию традиционных религий на контроль и формирование мировоззрения. Речь идет и о научных идеях, и о новых светских идеологиях. Например, идее прав человека. Однако для Дюркгейма это означало не исчезновение, а трансформацию религии.

Целый ряд социальных теоретиков обращались к наследию Дюркгейма. Можно назвать такие имена, как Талкотт Парсонс, Роберт Нисбет, Эдвард Шилз, который утверждал, что современные общества продолжают сакрализовать определённые институты, лидеров или идеалы, которые служат источником социальной интеграции [3].

В 1967 году была опубликована статья Роберта Беллы, американского социолога религии, которая называлась «Гражданская религия в Америке».

Согласно Р. Белле, гражданская религия – это религия, объединяющая всех членов американского общества, независимо от их вероисповедания и конфессиональной принадлежности на основе институционализированных символов и ритуалов, в которых нашли выражение как публичные, так и частные взгляды. Это религиозное измерение американского образа жизни, проявляющееся в «системе верований, символов и ритуалов», в богоизбранности американской нации и «укреплении национальной солидарности», утверждении общенациональных ценностей [4].

Но является ли гражданская религия только лишь американским феноменом? Здесь можно сослаться на недавнюю публикацию Н. А. Рыжкова [5] или В. А. Егорова [6], в целом, этой темой занимались многие российские исследователи, хотя зачастую в критическом ключе.

Если отвлечься от мировоззренческих и идеологических разногласий, можно сказать, что в современном российском обществе существует комплекс если не четко сформулированных идей, то духовных установок, так или иначе разделяемых большинством россиян. При этом многие исследователи не спешат применять термин «гражданская религия», хотя важность феномена, обозначаемого этим термином, осознается [7].

В последние годы много внимания уделяется разработке российских духовно-нравственных ценностей, что также может быть рассмотрено в контексте формирования российской гражданской религии – в частности, формализации ценностей посвящён соответствующий Указ Президента Российской Федерации [8]. Функционально комплекс традиционных ценностей должен занять место именно сакральной легитимации политического и социального устройства России в присущей ей культурной специфике.

Российское государство уже вносит значительный вклад в формирование идейного комплекса, который призван укреплять ценностное и мировоззренческое единство российского общества, однако исследователи, как правило, сходятся на том, что гражданской религии как завершенного комплекса идей в российском обществе еще не существует. Но, если вспомнить идеи Р. Беллы, гражданская религия и не является какой-то устойчивой системой догм. Это совокупность идей и ритуалов, национальных праздников и памятных дат.

В российском обществе мы можем обнаружить и определенные публичные ритуалы, связанные с властью, и проявления гражданской солидарности, и почитаемые памятные даты и события (наиболее ярким примером является День Победы и весь комплекс представлений о Великой Отечественной войне, являющийся важной частью коллективной идентичности). В принципе, не так важно, называть этот комплекс идей «гражданской религией» или нет, хотя понятие «гражданской религии» яснее указывает на сакральное измерение. Важнее отметить, что комплекс объединяющих идей и символов в российском обществе существует.

Вместе с тем, параллельно со становлением гражданской религии в современном российском обществе, нельзя не уделить внимания ренессансу религий традиционных. Так, 7 сентября 2025 года в Москве состоялся Общемосковский Крестный ход, в котором, по официальным данным, приняли участие более 40 тысяч человек. Возглавивший процессию Патриарх Кирилл в обращении к её участникам «подчеркнул, что Москва не откажется от христианского наследия, этот город является по-настоящему православным, открытым для собратьев из других религий, признающих вклад в общую историю» [9]. Более 70 тысяч православных верующих 12 сентября приняли участие в большом крестном ходе в Санкт-Петербурге [10]. В Пензе 21 сентября 2025 года состоялся общегородской крестный ход [11], в котором, по некоторым данным, приняли участие более 3 тысяч человек [12], причём, наряду с православными участниками, в нём прошли и представители протестантских деноминаций [13]. Конечно, мероприятия подобного рода удел «пассионариев» от религии – тем не менее, явное одобрение социума и властей, а также готовность больших масс граждан открыто манифестировать свои религиозные убеждения требуют изучения и научной оценки, как и возможное соотнесение Крестных ходов с проводившимися некогда в городах России Русскими маршами.

В настоящее время мы наблюдаем во многих странах мира кризис светских идеологий, когда-то отчасти заменивших традиционные религии. Можно сказать, что мир сегодня входит в эпоху новой идеологической неопределенности, с чем связан и парадоксальный возврат к традиционным религиозным ценностям, наблюдаемый в российском и в ряде других обществ, и потребность в новых гражданских религиях для интеграции и укрепления коллективных идентичностей обществ, остающихся секулярными.

1. *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение // СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2018. Т. 17. № 2. с.12-154*
2. *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозно жизни. Тотемическая система в Австралии. М. : Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2018. – 736 с.*
3. *Shils E. «Charisma, Order, and Status» // American Sociological Review, 1965, Vol. 30, No. 2, pp. 199–213*
4. *Bellah R. «Civil Religion in America» – https://direct.mit.edu/daed/article-pdf/134/4/40/1828995/00115260577443l464.pdf – Дата обращения – 20.09.2025*
5. *Рыжков Н.А. Гражданская религия как коммуникативная среда: концептуальный анализ // Полития, 2024, № 2 (113). С.76-96*
6. *Егоров Владимир Александрович. Гражданская религия в современной России и её элементы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-religiya-v-sovremennoy-rossii-i-eyo-elementy (дата обращения: 20.09.2025).*
7. *Митрофанова А. В. Духовно-нравственные ценности как гражданская религия современной России // Век глобализации. 2019. № 1. С.96-111*
8. *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 29.09.2025).*
9. *Кирилл Зыков. «Общемосковский крестный ход завершился у Новодевичьего монастыря» // URL: https://ria.ru/20250907/khod-2040278768.html (дата обращения: 29.09.2025).*

10. *Владислав Краев. «Весь город – идет и молится!», «Крестным ходом по Невскому проспекту Петербурга прошли десятки тысяч людей» // URL: https://rg.ru/2025/09/12/reg-szfo/ves-gorod-idet-i-molitsia.html (дата обращения: 29.09.2025).*
11. *«Пензенцы прошли крестным ходом в поддержку российского воинства» 22 сентября 2025 г. // URL: https://russia58.ru/news/734273/ (дата обращения: 29.09.2025).*
12. *Егор Холмогоров, 22 сентября 2025 г. // URL: https://t.me/holmogor_talks/42179?single (дата обращения: 29.09.2025).*
13. *Сергей Киреев. «Пензенские протестанты приняли участие в крестном ходе» 22 сентября 2025 г. // URL: https://cogpenza.ru/penzenskie-protestanty-prinyali-uchastie-v-krestnom-hode/ (дата обращения: 29.09.2025).*

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ГУ МВД РОССИИ КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Дуран Татьяна Валентиновна
(Уральский государственный университет путей сообщения)

Григоренко Ярослав Александрович
(Отдел кадров управления по работе с личным составом ГУ МВД России по Свердловской области)

Аннотация: В статье затрагивается проблематика формирования ценностного потенциала государственных служащих ГУ МВД России. Показано, как оценивают его значимость служащие ГУ МВД России по Свердловской области.

Ключевые слова: потенциал развития, ценности, государственная служба

Исследование ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих актуально в условиях новых внешних и внутренних вызов, так как именно государственные служащие являются субъектами изменений и носителями традиционных духовно-нравственных ценностей, укрепление которых определено Указом Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей».

Говоря о ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих органов внутренних дел надо отметить, что речь идет о тех ценностях, которые являются неотъемлемой частью профессиональной культуры, профессиональной идентичности и особенностей службы. Однако несформированность ценностной составляющей их потенциала развития приводит к тому, что государственные служащие не обладают необходимыми компетенциями для несения службы. Ведь государственная служба заключается в служение Отечеству, что также является ценностью. Актуальность проблемы ценности служения Отечеству подтверждается Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где в п.5 отмечено, что одной из ценностей народа России является служение Отчеству и ответственность за его судьбу [1].

В основе исследования потенциала развития государственных служащих МВД России лежит концепция New Public Service. В ее рамках исследуется влияние ценностей государственных служащих на качество и эффективность. Концепция New Public Service

основывается на том, что предназначение государственной службы заключается в служении во благо интересов общества. С позиций данной концепции основу государственной службы составляют ценности, доверие, взаимоуважение, стремление служащих к развитию общества.

Идеи концепции New Public Service могут быть положены в основу трактовки феномена потенциала развития государственных служащих в целом и потенциала развития государственных служащих МВД России, в частности. На наш взгляд, потенциал развития – это совокупность способностей, возможностей и ресурсов, как человеческих, так и материальных, используемых для достижения поставленных целей и реализации стратегий в различных сферах деятельности. Говоря о потенциале развития государственных служащих МВД России, следует отметить, что он представляет совокупность возможностей, способностей и ресурсов, как человеческих, так и материальных, использующихся для повышения эффективности и качества выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел и реализации полномочий МВД по обеспечению правопорядка, защите прав и свобод граждан, борьбе преступностью.

В ходе интервью, посвященного значимости ценностного потенциала для государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области, были проанализированы мнения респондентов, что позволило сформулировать несколько аналитических выводов по теме исследования.

В первую очередь, в основе ценностей государственной службы лежат такие нормативные ценности, как беспристрастность, законность, открытость, профессионализм, честность, выбранные 73,5 % респондентов. Далее расположились профессиональные ценности (взаимопомощь, креативность, дисциплинированность, исполнительность, ответственность), отмеченные 25 % опрошенных. Лишь 1,5 % от всех участников опроса отметили, что основу ценностей государственной службы в органах внутренних дел составляют общечеловеческие ценности: добро, жизнь, истина, красота, любовь.

Результаты показывают, что законность (70 %) и профессионализм (67 %) являются ведущими ценностями для сотрудников органов внутренних дел. Эти показатели свидетельствуют о том, что сотрудники осознают свою ключевую роль в поддержании правопорядка и соблюдении закона, что является основополагающим для эффективной работы органов внутренних дел. Высокие значения для беспристрастности (37 %), прав человека (37 %) и честности (37 %) также подчеркивают важность этических норм профессиональной деятельности. Значения для мужества и патриотизма (по 32 %) указывают на готовность сотрудников защищать права и свободы граждан, страны, что также важно в контексте государственной службы в органах внутренних дел.

На основании полученных результатов нами были проранжированы ценности сотрудников органов внутренних дел, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Основные ценности государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области

№	Нормативные ценности	%	Общечеловеческие ценности	%	Профессиональные ценности	%
1	Законность	63	Справедливость	76	Дисциплинированность	74
2	Профессионализм	61	Совесть	60	Ответственность	71
3	Честность	48	Достоинство	54	Взаимопомощь	51

4	Мужество	33	Жизнь	38	Взаимоуважение	50
5	Человек, его права и свободы	31	Добро	30	Исполнительность	46
6	Патриотизм	30	Благородство	26	Развитие	17
7	Беспристрастность	29	Свобода	21	Аккуратность	15
8	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	25	Истина	19	Труд	11
9	Открытость	18	Вера	10	Карьера	10
10	Государственность	8	Красота	6	Креативность	6

В заключении отметим, что полученные результаты подчеркивают важность ценностной составляющей в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Иерархия ценностей государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области представлена следующими ценностями: законность, профессионализм, честность, справедливость, совесть, достоинство, дисциплинированность, ответственность и взаимопомощь. Безусловно, к данному перечню необходимо добавить взаимоуважение. Вышеперечисленные ценности выступают основной ценностной составляющей их потенциала развития. Последний имеет многомерную природу, включающую личностные, профессиональные и нормативные аспекты.

Развитие ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих является важнейшим фактором повышения эффективности деятельности органов внутренних дел, укрепления повышения доверия общества к системе МВД России, а следовательно фактором обеспечения стабильности российского общества.

1. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809: последняя редакция// КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906*

РОССИЯ КАК ОБЪЕКТ «ТОТАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ» КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Емелин Ярослав Александрович
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина))

Милецкий Владимир Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. Рассматривается феномен «тотальной интервенции» как особый конструкт, описывающий посягательство коллективного Запада на государственный суверенитет России, предполагающий военные, экономические, информационные, ценностные компоненты. Итогом анализа политических процессов становится выявление преемственности и эволюции стратегий воздействия, определение их характеристик. Особое внимание уделяется политическим практикам, реализуемым для отражения угроз в целях формирования многополярного незападного миропорядка.

Ключевые слова: коллективный Запад, тотальная интервенция, национальный суверенитет, санкционная политика, устойчивое развитие.

Понятие «тотальной интервенции» прочно закрепилось в современном дискурсе применительно к отношениям России и так называемого коллективного Запада. В современном дискурсе данная идеологема наполнена деструктивным содержанием, состоящим из таких негативных образов и смыслов, как противостояние, агрессия, гегемония, упадок, лицемерие [1, с. 166].

В отличие от классического восприятия интервенции как преимущественно военного вторжения, «тотальная интервенция» является комплексным воздействием на внутреннюю политику государства, охватывающим политическую, экономическую, культурную, социальную и общественную системы, результатом чего становится искусственное изменение курса объекта интервенции и ограничение его суверенитета путем всеобъемлющего санкционного давления, а также информационного, идеологического, психологического угнетения объекта. Примечательно, что концепцией западного коллективизма намеренно подчеркивается ассиметричный характер взаимодействия его представителей и конфликтогенная природа отношений с политическими оппонентами. На заседании XXI дискуссионного клуба «Валдай» главой России перманентное расширение НАТО на Восток было охарактеризовано российским лидером как «ползучая интервенция» [2].

В исторической ретроспективе российская государственность не раз подвергалась интервенционным атакам: польская интервенция (1609); активные боевые действия между вооруженными силами «Антанты»: Великобритании, Греции, Италии, Румынии, США, Франции, Японии при участии Германии, Австро-Венгрии, Турции и созданной Советским государством Красной армии (1917); «безо всякого предупреждения» внезапное нападение нацистской Германии на Советский Союз (1941); внешний фактор в комплексной дезинтеграции СССР из геополитического контекста (1990) и др. В послевоенный период открытая военная интервенция уступила место идеологическому и геополитическому противостоянию в формате холодной войны. «Железный занавес» стал не только физическим, но и концептуальным барьером, разделяющим противостоящие системы. В этот период формируются основные нарративы западной пропаганды, представлявшие СССР как «империю зла» и угрозу цивилизованному миру. Идея об агрессивности содержания российской политики на протяжении многих веков являлась одним из тезисов западных стран, несмотря на мифологизацию и несостоятельность данного вектора [3, С. 242].

Данная система стала плацдармом для проведения антисоциальных реформ в нашей стране, которые подвели Россию в сентябре 1993 г. к фактическому «политическому двоевластию», завершившемуся 3 – 4 октября 1993 г. «мини-гражданской войной» в Москве между сторонниками Верховного совета и властями. В результате противники Б. Н. Ельцина потерпели поражение, а последний приступил к урегулированию конфликта, что привело к известной «кадровой чехарде», в ходе которой в марте 1998 г. было отправлено в отставку правительство В. С. Черномырдина. Новый премьер С. В. Кириенко довёл за пять месяцев страну 17 августа 1998 г. до катастрофического дефолта. Сменивший его в сентябре 1998 г. академик Е. М. Примаков сумел вывести страну из жестокого кризиса, но был тоже отправлен в отставку в мае 1999 г. Однако и новый премьер С. В. Степашин тоже был отстранен спустя 82 дня. Новым преемником Б. Н. Ельцина был избран В. В. Путин, который 10 августа 1999 г. был представлен в качестве председателя правительства России, а 31 декабря того же года

после досрочной отставки Б. Н. Ельцина в соответствии с конституцией стал временно исполняющим обязанности Президента России. В этот день в программной статье «Россия на рубеже тысячелетия» был обнародован знаменитый «План Путина», согласно которому будущее страны тяготело к формированию национальной модели постиндустриального общества.

Во внешнеполитическом отношении важнейшей мерой президента РФ В. В. Путина стало открытое выступление в феврале 2007 года: содержанием знаменитой мюнхенской речи являлась программа последовательного освобождения России как от самой интервенции, так и ее разрушительных последствий для нашей страны [4]. Громкое заявление российского лидера стало импульсом для уверенного и усиливающегося противодействия западной интервенции и восстановления полноценного суверенитета российской государственности во всех сферах жизни общества. Иерархически выверенная система мер, направленных на защиту национального суверенитета и обеспечение условий для независимого развития является твердым ответом Москвы на вызовы «тотальной интервенции», включая стремление к формированию многополярного мира и установление «незападных» центров (Китай, Индия, БРИКС, ШОС); осуществление стратегического курса на импортозамещение, создание хозяйственной и экономической альтернативы; масштабную модернизация военно-промышленного комплекса, способного обеспечить сдерживание любых внешних угроз; закрепление цифрового контура в целях реализации идеологического суверенитета страны. Наряду с этим был укреплен с помощью вертикали исполнительной власти институт президентства. В формационном отношении совокупным результатом стало не только становление государственно-бюрократического капитализма, но и его стабилизация, а также известное укоренение. Кроме того, была восстановлена традиционная модель управления страной федеративного типа с назначением лояльных представителей региональной власти, произошло очевидное «равноудаление» олигархических структур от политической власти, было модернизировано электоральное законодательство о проведении референдумов и выборов в законодательные и представительные органы государственной власти и др.

Вынужденное решение о проведении специальной военной операции, принятое российским лидером 22 февраля 2022 г., носит превентивный характер [5]. Ответом на деструктивные политические практики коллективного Запада и эскалацию украинского конфликта стало замещение генерального вектора эволюции всей современной эпохи, с которого начались избавление России от многолетней «ползучей интервенции» и запуск трансформации однополярного миропорядка в многополюсную систему, лишенной гегемонического диктата. В сложившей ситуации непризнаваемое Киевом и его кураторами руководство ЛДНР обратилось за помощью. Глава российского государства по согласованию с Советом Безопасности и Федеральным Собранием РФ принял историческое решение о признании права данных республик, включая Запорожскую и Херсонскую области, на воссоединение с Родиной и проведении специальной военной операции по защите проживающего в них мирного населения. В ответ интервентами многократно была увеличена финансовая и военная поддержка Киевского режима. В ответных действиях российского руководства на необъявленную гибридную прокси-войну воплотилось позитивное влияние Москвы на реальную мировую политику и всю современную эпоху, содержание которой стало меняться под действием нового главного противоречия, состоящего в неспособности Запада к единоличному управлению человечеством, что обусловливает мегатренды эволюции современного общества, которое нуждается в новой конфигурации в условиях стабильного мира [6, с. 75]. Информационная война становится важнейшим компонентом рассматриваемого

политического конструкта. Обращение к ресурсному потенциалу средств массовой информации в целях формирования негативного образа России, распространение недостоверных сообщений и так называемых «фейков», точечное освещение явлений и фактов направлены на подрыв международного авторитета страны и дестабилизацию общественно-политической ситуации.

Курс на формирование новейшего полицентричного миропорядка, экономическая самодостаточность и отстаивание традиционных ценностей становятся основными элементами российской стратегии. Перспективы развития напрямую отождествлены с способностью к комплексной адаптации и эффективному использованию собственных конкурентных преимуществ. Успешное противодействие «тотальной интервенции» требует не только государственных усилий, но и консолидации общества вокруг национального суверенитета и устойчивого развития.

1. *Дымова А. В. Идеологема «коллективный Запад»: русскоязычные vs англоязычные СМИ / А. В. Дымова, Н. Н. Коптяева // Дискурс-Пи. – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 150–170. doi: 10.17506/18179568_2024_21_2_150.*
2. *«Путин заявил, что Запад осуществлял «ползучую интервенцию» // Официальный сайт ИТАР-ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/22345517 (дата обращения: 10.10.2025).*
3. *Ширяев Б. А. Если завтра война… (Польская интервенция или последнее нашествие на Русь?) / Б. А. Ширяев // КЛИО. – 2025. – № 4 (220). – С. 240-245.*
4. *«Выступление Президента России В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Германия, 10 февраля 2007 года» // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (дата обращения: 10.10.2025).*
5. *Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 10.10.2025).*
6. *Аласания К. Ю. Многополярный мир в XXI веке: философско-политологические размышления / К. Ю. Аласания, Е. Н. Мощелков // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2025. – Т. 49. – № 3. – С. 72–83. doi: 10.55959/MSU0201-7385 -7-2025-3-72-83.*

ОЛИМПИАДА «Я – ПРОФЕССИОНАЛ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: ДИАГНОСТИКА СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Жуков Андрей Олегович
(СЗИУ РАНХиГС)

Аннотация. В работе осуществлен анализ архитектуры и механизмов кадровой селекции в рамках Всероссийской олимпиады студентов «Я – профессионал». Выявлен структурный дисбаланс, выражающийся в доминировании направлений, ориентированных на государственный сектор, над треками, формирующими компетенции для глобального контекста. Определены риски для формирования сбалансированной национальной элиты и предложены пути коррекции сложившейся асимметрии.

Ключевые слова: национальная элита, кадровый резерв, социальный лифт, олимпиада «Я – профессионал», структурный дисбаланс, государственный сектор, международные компетенции.

Актуальность исследования механизмов формирования национальной элиты обусловлена стратегическими задачами, обозначенными в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской

Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в частности, целями «реализация потенциала каждого человека» и «технологическое лидерство» [8]. В условиях необходимости обеспечения кадрового суверенитета ключевые социальные лифты, к которым относится всероссийская олимпиада «Я – профессионал», требуют тщательного анализа на предмет их сбалансированности и способности отвечать на разнообразные вызовы развития государства. Особую значимость приобретает вопрос о том, какие именно профессиональные треки и ценностные ориентиры поощряются такими масштабными проектами, и насколько их структура соответствует широкому спектру потребностей национальной экономики и управления.

В современном обществе олимпиады и конкурсы давно перестали быть просто инструментом проверки знаний, превратившись в эффективные социальные лифты. Они выполняют ключевую функцию селекции и вертикальной мобильности, обеспечивая идентификацию талантливых индивидуальностей и предоставляя им ресурсы для карьерного и личностного роста. В отличие от традиционных образовательных траекторий, такие проекты предлагают ускоренный путь признания, напрямую связывая академические успехи с возможностями стажировок, трудоустройства и интеграции в профессиональные сообщества. Таким образом, они не только отражают существующие приоритеты государственной и корпоративной кадровой политики, но и активно формируют будущий облик национальной элиты, задавая ей определенные ценностные и профессиональные ориентиры.

Объектом настоящего исследования выступает олимпиада «Я – профессионал» как центральный элемент системы выявления и поддержки талантливой молодежи. Предметом анализа являются механизмы и результаты селекции кадрового потенциала в рамках олимпиады, а именно структурное соотношение направлений, ориентированных на государственный сектор, и направлений, формирующих компетенции для работы в глобальном контексте.

Методологическую основу работы составил комплексный анализ открытых данных, включающий изучение перечня направлений олимпиады, состава индустриальных партнеров и предоставляемых ими стажировок за последние три сезона [6]. Дополнительно был проведен контент-анализ официальных документов и публичных выступлений организаторов олимпиады, что позволило выявить официальные трактовки ее роли в элитообразовании и приоритеты кадровой политики. Как отметил первый заместитель руководителя администрации президента РФ Сергей Кириенко, «олимпиада открывает перед студентами реальные возможности для профессионального и личностного роста» [4].

Проект является мощным вертикальным лифтом: за 8 сезонов через него прошло более 1,4 млн студентов [1]. Льготы при поступлении в магистратуру и аспирантуру ведущих вузов, стажировки в компаниях-лидерах («Сбер», «Росатом», «РЖД») и денежные премии создают прямую траекторию интеграции талантливой молодежи в административную и корпоративную элиту [2].

Результаты проведенного анализа выявили выраженный структурный дисбаланс в архитектуре олимпиады. Установлено, что подавляющая часть ее кадрового потенциала, формируемого через пул индустриальных партнеров и предоставляемых стажировок, ориентирована на рекрутирование в государственный сектор и компании с госучастием. Это подтверждается доминированием в качестве генеральных партнеров таких корпораций, как Росатом, РЖД, Сбер, ВТБ, ТМК и др., которые определяют содержание приоритетных дисциплин и являются основными работодателями для дипломантов. Качественный анализ перечня направлений показывает их явный крен в сторону

стратегических отраслей (ОПК, ТЭК, металлургия, IT-суверенитет), в то время как треки, целенаправленно развивающие компетенции для работы в международных компаниях, на глобальных финансовых рынках и с иностранными инвестициями, представлены минимально. Таким образом, дисбаланс проявляется не столько в номинальном количестве направлений, сколько в системе целевого заказа на кадры, которую реализует олимпиада.

Дефицит «интеграционного» трека. Направления, целенаправленно развивающие компетенции для глобальной деятельности (международные финансы, публичная дипломатия, кросс-культурные коммуникации, работа с иностранными инвестициями), до недавнего времени были представлены слабо или отсутствовали. Качественный анализ перечня 2025 – 2026 гг. показывает, что такие дисциплины, как «Международные отношения», были анонсированы лишь в IX сезоне, что свидетельствует о запоздалом осознании дисбаланса [7].

В то же время, исследования, проводимые в рамках олимпиады, фиксируют сдвиг в ценностях студентов: с 2017 по 2025 гг. доля тех, для кого главным мотивом работы является интерес к ней, выросла с 21 % до 37 % [3]. Данный тренд подтверждается и другими исследованиями: если в 2017 г. ради денег на работу выходило 63 % респондентов, то в 2025 г. – только 41 % [9]. Это создает социальный заказ на более разнообразные и содержательные карьерные траектории, выходящие за рамки сугубо технологических отраслей [5]. Частичная коррекция перекоса (добавление «Международных отношений» и «Психологии инклюзии» в 2025 г.) указывает на начавшийся процесс адаптации проекта к более комплексной модели элитообразования [7].

Сформулированные на основе диагностики выводы и рекомендации включают необходимость целенаправленного квотирования доли направлений, связанных с глобальными компетенциями, а также развитие гибридных программ стажировок, сочетающих работу в госкомпаниях с проектами международного профиля. Практическая значимость предложенного подхода подтверждается тем, что инициированная в рамках исследовательской дискуссии идея о необходимости балансировки уже нашла свое частичное воплощение: в последнем цикле олимпиады было анонсировано новое направление, связанное с международной деятельностью. Данный факт свидетельствует не только о релевантности проведенного анализа, но и о его реальном прикладном эффекте, вносящем вклад в формирование более сбалансированного и многопрофильного кадрового резерва для России.

1. *Итоги VIII сезона Всероссийской олимпиады студентов «Я – профессионал» [Электронный ресурс] // «Россия – страна возможностей». 2025. URL: https://rsv.ru/news/1/8054/ (дата обращения: 30.09.2025).*
2. *Касамара В. А. «Наш проект пронизывает всю страну, как кровеносная система»: Интервью [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2025. URL: https://www.kp.ru/daily/27723/5112206/ (дата обращения: 30.09.2025).*
3. *Касамара В. А. Новые приоритеты: как меняются требования молодых специалистов к работодателям [Электронный ресурс] // Forbes Education. 2025. URL: https://www.forbes.ru/education/545606-novye-prioritety-kak-menautsa-trebovania-molodyh-specialistov-k-rabotodatelam (дата обращения: 30.09.2025).*
4. *Кириенко: олимпиада «Я – профессионал» помогает сотням тысяч студентов [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/24521287 (дата обращения: 30.09.2025).*
5. *Опубликовано исследование о молодежи в поисках работы [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/21/rnktrd/ (дата обращения: 30.09.2025).*
6. *Официальный сайт Всероссийской олимпиады студентов «Я – профессионал». [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/profi/ (дата обращения: 30.09.2025).*

7. *Стартовал девятый сезон олимпиады для студентов «Я – профессионал» [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 2025. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/09/26691074.shtml (дата обращения: 30.09.2025).*
8. *Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 30.09.2025).*
9. *Хорошая зарплата – главная мотивация при трудоустройстве у 40% студентов [Электронный ресурс] // Ведомости. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/10/1123326-motivatsiya-pri-trudoustroistve (дата обращения: 30.09.2025).*

ОБРАЗ РОССИИ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Зинкович Анастасия Алексеевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Актуальность исследования обусловлена значимостью формирования позитивного образа государства как ресурса «мягкой силы» и фактора международного влияния в условиях новой политической реальности. Особую важность приобретает изучение восприятия России в странах-союзницах, в частности, в Республике Беларусь, в контексте укрепления социальной и политической стабильности в рамках Союзного государства.

Целью работы являлось выявление особенностей и характерных черт образа России в массовом сознании молодежи Беларуси. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступил синтез подходов политической социологии и социологии молодежи. В работе уточнены ключевые понятия: «образ государства» определяется как стихийно сформированный мыслительный конструкт, существующий в массовом сознании под влиянием факторов, пропагандируемых институтами общества [5, 131]; «сознание молодежи» характеризуется как тип общественного сознания, обладающий лабильностью, экстремальностью и трансгрессивностью.

Эмпирическую базу составили данные онлайн-опроса, проведенного автором в 2024 году среди молодежи Беларуси в возрасте от 18 до 35 лет (N = 453). Для проверки гипотез использовались методы статистического анализа, включая расчет критерия хи-квадрат Пирсона.

Результаты исследования показали, что в целом образ России в сознании белорусской молодежи оценивается положительно. Подавляющее большинство респондентов (85,2 %) выразили симпатию к России и русским людям, а 63,1 % согласились с утверждением, что Россия – это «страна возможностей». Россия воспринимается как значимый актор на международной арене (82,1 %), обладающий развитой экономической системой (67,8 %) и играющий важную роль в обеспечении глобальной безопасности (63,6 %). Высоко оцениваются культурное наследие России (73,3 %), а также ее потенциал в сферах образования, науки и экологии.

Ключевым фактором формирования образа выступает персонификация: наиболее частой ассоциацией с Россией стал В. В. Путин, что указывает на тесную связь образа государства и образа лидера в массовом сознании.

Статистическая проверка гипотез выявила, что основная гипотеза – о более положительном образе России у молодежи по сравнению со взрослым населением – не подтвердилась, так как в рамках самой молодежной когорты возрастные различия не оказали значимого влияния на оценку. В то же время, подтвердилась дополнительная гипотеза: образ России менее положителен среди молодежи, проживающей в сельской

местности, по сравнению с городскими жителями. Это может быть связано с дифференцированным доступом к информационным потокам и каналам «мягкой силы».

Выводы исследования имеют значение для разработки эффективной стратегии публичной дипломатии и укрепления режима социальной мобилизации в рамках российско-белорусского интеграционного проекта. Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета территориальной специфики и развития целевых коммуникационных стратегий, направленных на нивелирование негативных установок в сельской местности. Исследование вносит вклад в понимание новых концепций солидарности и механизмов формирования традиционных ценностей в условиях современных вызовов социально-политической стабильности.

1. *Берендеев М. В. «Образ» как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2012. Вып. 3. С. 129-142.*
2. *Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. 240 с.*
3. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.*
4. *Зубок Ю. А., Сорокин О. В. Формирование политического сознания российской молодежи и обусловливающие его противоречия // Социология власти. 2010. № 5. С. 34-48.*
5. *Киселев И. Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 50-57.*
6. *Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аспект Пресс, 2018. 350 с.*
7. *Свешникова Н.О. Актуальные проблемы и возможности исследования образа государства в политической психологии // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2011. № 11. С. 166-174.*
8. *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 335 с.*
9. *Шестопал Е. Б. (ред.) Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.*
10. *Nye J. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership // Harvard International Review. 2003. Winter. P. 48-51.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ – ПОКОЛЕНИЕ, ВЗРОСЛЕВШЕЕ В 1990-Е

Иванова Светлана Владимировна
(ЦЕССCИ-Институт сравнительных социальных исследований)

Андреенкова Анна Владимировна
(ЦЕССИ-Институт сравнительных социальных исследований)

Фролова Мария Сергеевна
(МГИМО МИД РФ)

грант РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослевшего в 1990-е, – лонгитюдное исследование через 30 лет».

Аннотация. Анализ автобиографий россиян и всероссийского опроса «РУССЕТ через 30 лет» показал, что оценка исторических событий с точки зрения влияния на общество и на индивидуальный жизненный путь существенно отличаются. Наиболее значимыми для своей жизни россияне разных поколений называют СВО, распад СССР, экономические кризисы и стабилизацию в начале 2000-х.

Ключевые слова: жизненный путь, исторические события, политические установки, поколения, последствия исторических событий, субъективное восприятие исторических событий

Жизненный путь людей проходит на фоне разных исторических событий и социально-экономического контекста. Общность жизненных путей и переживание сходных исторических событий на одном и том же этапе жизни объединяет людей в поколения. Исследования в разных странах показали, что на жизненный путь оказывают влияние исторические условия в годы формирования личности на этапе социализации [1]. События большого масштаба, такие как войны, революции, экономические кризисы, имеют не только краткосрочное, но и долгосрочное влияние на индивидуальные жизненные траектории [2]. В последние два десятилетия довольно глубоко изучалось влияние отдельных событий – природных катастроф, терактов, на дальнейшее поведение, ментальное и физическое здоровье, гражданскую активность людей [3], но при этом все изменения на жизненном пути рассматривались с точки зрения лишь этого одного события. В ряде исследований изучалось восприятие истории, исторических фигур, оценивались «наиболее значимые события» какого-то периода [4]. Предметом изучения чаще всего становились события прошлого, имеющие национальный или даже глобальный масштаб, оставившие след в коллективной памяти. Субъективное восприятие исторических событий, происходивших синхронно с жизнью оценивающих их людей и их влияние на жизненные пути людей, изучено мало. В новом исследовании «Жизненный путь поколения, взрослевшего в 90-е» поставлена цель – определить, как и какие исторические события становятся частью индивидуальной истории людей.

В ходе исследования были проанализированы автобиографии и биографических интервью с представителями поколения 1965 – 1975 г. (150 респондентов). В автобиографических рассказах о своей жизни исторические события или исторический контекст упомянули менее половины респондентов [5]. Наиболее часто среди таких событий вспоминали «советское детство» и молодежные мероприятия – пионерию, комсомол, студенческие отряды (высокая эмоциональная насыщенность, ностальгия, молодость). Другим событием назывался распад СССР, которое описывалось как отделение республик, либо как разрушение социально-экономической системы с многообразными последствиями – миграцией, экономических трудностей, изменений на рынке труда, отменой распределения после обучения. Политические реформы, права и либерализацию экономики вспомнили в контексте своей жизни лишь небольшое количество респондентов. Использование возможностей свободы передвижения внутри страны – географической мобильности, и открытые границы (для путешествий) респонденты отмечали как один из важнейших элементов своей жизни, но не связывали их напрямую с историческими событиями. В автобиографиях также нашли отражение такие события как экономические кризисы 1990-х, приход к власти В.В. Путина, пандемия КОВИД и СВО. Реже упоминались война в Афганистане, Чеченская война, криминальные проблемы 1990-х, пенсионная реформа 2019. Лишь несколько респондентов в своих автобиографиях отметили влияние событий культурной или духовной сферы на свою жизнь (среди них – приход к вере, музыкальные увлечения в молодости, книги).

Прямая оценка влияния исторических событий на жизненный путь была проведена в опросе «РУССЕТ через 30 лет» (ЦЕССИ, осень 2024 – зима 2025 г., личные интервью по месту жительства по случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше, опрошено 1544 респондента) [6]. Выделенные на основе анализа автобиографий 18 событий оценивались по шкале «оказало очень большое влияние на Вашу жизнь, некоторое или никакое». События, которые, по мнению респондентов старше 40 лет, оказали большое

влияние на их жизнь, – СВО (76 % очень большое или некоторое влияние), распад СССР (64 %), стабилизация экономической ситуации в начале 2000-х (66 %), приход к власти В. В. Путина (65 %), финансовый кризис 1998 г. (62 %), закрытие, банкротство или преобразование крупных госпредприятий в 1990-е (58 %), распад социалистической системы (53 %). Чуть менее половины респондентов отметили как значимые для их жизненного пути изменения политического строя страны в начале 1990-х (распад КПСС, комсомола, выборы, многопартийная система), финансовый кризис 2008 г. и развитие частных предприятий в 1990-е. Остальные события оценили как значимые для своей жизни менее трети респондентов: открытие границ и свобода передвижения, Чеченская война, война в Афганистане, свобода слова и СМИ, вывод российских войск из Германии, военные конфликты в соседних странах и с соседними странами (армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, приднестровский, военный конфликт с Грузией). Несмотря на то, что разные поколения россиян столкнулись с этими событиями на разных этапах своего жизненного пути, общие оценки влияния событий между всеми поколениями схожи. Внутри возрастной когорты 1960 – 1979 г., которые провели молодость и раннюю взрослость в 1990-е., группа 1960 – 1969 гг. оценивает влияние исторических событий на свою жизнь выше, чем последующие возрастные когорты. В частности, оценка влияния распада СССР, развития частных предприятий, изменения политического строя, свободы слова, прихода к власти В. В. Путина в 2000-х и роста крупных корпораций значимо выше для когорты рожденных в 1960-е, чем в 1970-е. Мужчины в этой возрастной когорте оценивают влияние исторических событий на свою жизнь выше, чем женщины, особенно велика разница в отношении политических событий. Различия по уровню образования и места проживания касаются лишь отдельных событий.

Исследование показало, что респонденты склонны разделять общественно-значимые и индивидуально-значимые события. Многие общественно-значимые события имеют низкую оценку влияния в контексте индивидуальной судьбы. Увидеть непрямые связи и опосредованное влияние «большого события» на широту личного выбора, жизненные возможности, ресурсы и траектории респондентам удается далеко не всегда. Экономические события типа кризисов, девальваций, закрытия предприятий, банкротств, невыплат зарплат воспринимаются как наиболее тесно связанные с индивидуальной жизнью. События-катаклизмы – природные катастрофы или военные конфликты находится на втором месте. Влияние политических событий на индивидуальную жизнь респонденты часто не замечают или недооценивают. В целом оценка социетальной значимости исторического события во многом не совпадает с его оценкой для индивидуальных жизненных путей.

1. *Elder G. H. Jr. Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience. – Chicago: University of Chicago Press. – 1974.*
2. *Grasso M. T., Farrall S., Gray E., Hay C, Jennings W. Thatcher's Children, Blair's Babies, Political Socialization and Trickle-down Value Change: An Age, Period and Cohort Analysis // British Journal of Political science. 2017. – 49(1). – P. 1-20.*
3. *Javeline D. After Violence: Russia's Beslan School Massacre and the Peace that Followed Oxford University Press. – 2023.*
4. *Pennebaker J. W., Páez D., Deschamps J. C., Rentfrow J., Davis M., Techio E. M. The social psychology of history: Defining the most important events of the last 10, 100 and 1000 years // Psicología Política. – 2006. – 32. – 15-32.*
5. *Андреенкова А. В. Изучение жизненного пути методом автобиографий (опыт методического тестирования) // Социологические исследования. – 2025. – N 7. – С. 53-66. – DOI 10.31857/S0132162525070069 – EDN HKCHJE.*
6. *Проект Жизненный путь поколения, взрослевшего в 90-е – официальный сайт проекта https://www.cessi.ru/g90s (дата обращение 15.09.2025)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Кирюшин Иван Артемович
(ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Президентская Академия))

Благодарственное письмо заместителя руководителя Аппарата Мэра и Правительства Москвы, руководителя Департамента территориальных органов исполнительной власти города Москвы 11.11.2022, Благодарность префекта Западного административного округа города Москв

В настоящее время политические процессы, происходящие в мире, внимательно исследуются не только политологами, но и социологами. Происходит это ввиду того, что происходящие политические процессы и социум являются взаимосвязанными и дополняющими друг друга определениями.

Как отдельная отрасль науки, политическая социология зародилась на западе в начале XX-ого века. Социологические подходы к явлениям, происходящим в жизни общества, можно найти в научных исследованиях целого ряда ученых, как зарубежных, так и отечественных (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсон и другие). В настоящее время ученые констатируют, что проблемы научного познания в политической социологии ясно не определена. До сих пор имеются совершенно разные понятия значения термина «политическая социология», а также области ее научного исследования.

Переходя к влиянию социальных факторов электорального поведения граждан в России, отметим, что электоральное поведение граждан во многом определяется непосредственно содержанием и качеством, принимаемых органами власти решений, затрагивающих интересы разных категорий населения, и вырабатывается совокупностью имеющихся детерминантов, в первую очередь, социальных, а также экономических, политических, культурных, психологических и др. Изменения, которые происходят в российском обществе в области экономики, политики, культуры, трансформируют факторы электорального поведения населения, которые, в свою очередь, сегментированы на уровне демографических и социальных групп и являются разнообразными.

Следует выделить субъективные и объективные социальные факторы. Субъективные социально-экономические и социально-политические детерминанты складываются из электорального поведения граждан. К объективным социально-экономическим и социально-политическим факторам относятся детерминанты, влияющие на социальное и экономическое состояние электората в стране, регионе, а также на влияние политических партий, административного аппарата на любые возможные направления деятельности.

К объективным социальным факторам электорального поведения граждан следует отнести также существующую электоральную культуру населения, действующую в сфере жизнедеятельности и направленную на внедрение в общество информации, соблюдающей интересы государства и населения, а также особенности, свойства, черты, характеристики партий и объединений.

Социально-экономическая политика оказывает свое влияние на электоральное поведение граждан, а изучение ее эффектов путем анализа эмпирических данных, полученных в результате анкетирования населения, проведения экспертных опросов,

использование фокус-группового метода и др. дает возможность органам власти адаптировать электоральную тактику и стратегию для осуществления запланированных раннее целей. Социальные факторы являются важной составляющей моделей электорального поведения и используются в практических исследованиях в рамках научной основы анализа данных. Эти факторы следует постоянно исследовать. Именно они предопределяют предпочтения граждан, принимающих непосредственное отношение в избрании органов федеральной, региональной и муниципальной власти.

Уровень социально-экономического развития общества напрямую оказывает свое влияние на электоральное поведение граждан. Именно поэтому большинство баллотирующихся кандидатов в своих программных выступлениях перед избирателями уделяют особое внимание социальным факторам с тем, чтобы в значительной степени повлиять на выбор избирателей.

Внутренние социальные факторы, характеризующие предпочтения избирателей при голосовании, сопрягаются с главными компонентами выборного процесса, действующими отечественными институтами и субъектами. Они подразделяются на структурные факторы и процедурные, сопрягающиеся с внутренними субъектами электорального поведения и их функционирования. Характеристики внутренних социальных факторов, являющихся одними из главных значений в становлении электоральных предпочтений граждан, приобретают самостоятельную роль. Это наиболее отчетливо просматривается при учете географических данных мест голосования, а также при анализе общеобразовательного уровня, возраста, пола и других личных характеристик каждого избирателя.

Наряду с перечисленными социальными факторами, оказывающими свое влияние на электоральное поведение граждан, в настоящее время следует учитывать такой современный фактор, как цифровизация избирательного процесса. Именно этот фактор, как показывают результаты анкетирования москвичей и сложившиеся в последние годы результаты проведения федеральных, региональных и муниципальных выборов, оказывает приоритетное влияние, в том числе и на другие факторы, трансформирующие электоральные предпочтения граждан. Так, молодые люди стали чаще принимать участие в голосовании, используя новый, экономящий время, удобный способ – дистанционное электронное голосование. Количество проголосовавших на выборах с помощью электронного голосования, по прогнозам специалистов и экспертов, будет и далее возрастать за счет граждан, перешедших из группы голосующих традиционно в разряд электората, делающих свой политический выбор электронным способом.

Исследование социальных факторов позволяют оптимизировать влияние внутренних и внешних детерминантов электорального поведения граждан, а также эффективно влиять на формирование политических предпочтений электората, выбирая соответствующие стратегию и тактику проведения избирательной кампании. Стоит отметить, что в практике избирательного процесса в Российской Федерации явно проявляется фактор авторитета и общественного признания того органа, куда избираются кандидаты. При этом уровень желания принимать участие в выборах во многом зависит от авторитета избираемой власти. Электорат принимает решение идти или не идти на избирательный участок и за какую именно партию голосовать, в контексте не столько рациональных мотивов, сколько социальных или символических. Итоги проведения выборов за последние два десятилетия свидетельствуют о том, что еще одним важным социальным фактором электорального поведения граждан является наличие доверия/отсутствие доверия (электоральный абсентеизм) избирателя к выборам. За этот период в стране сложилась положительная динамика роста повышенного внимания

электората к политической жизни и действующим инструментам влияния. Более того, оценка результатов прошлой работы органов власти и ожидания от ее будущей деятельности являются важным социальным фактором. Исследование и анализ электорального поведения показывают, что наибольший вес имеет ретроспективное голосование в сравнении с перспективным. Практика прошедших избирательных кампаний за последние годы в нашей стране свидетельствует о том, что для избирателя является более важным оценка результатов, в том числе динамики социальных преобразований прошлой деятельности правительства. Таким образом, цифровизация избирательного процесса, а также анализ итогов состоявшихся в последние годы федеральных, региональных и муниципальных выборов, сказывается на социальных факторах, трансформирующих электоральные предпочтения граждан. Внедрение цифровых технологий в выборы становится ключевым фактором, влияющим на электоральное поведение граждан.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Королев Андрей Иванович
(ЯрГУ им. Демидова)

Аннотация. В статье представлен обзор результатов исследований молодежного политического абсентеизма в России в 2014 – 2024 гг. Приведены результаты социологического исследования с целью определить особенности молодежного политического абсентеизма (студентов вузов) в Ярославской области.

Ключевые слова: политический абсентеизм, молодежный политический абсентеизм, выборы, участие в выборах, исследование, электоральная активность.

Поскольку официальные данные о явке молодежи на выборы за последние годы весьма ограничены и не позволяют получить «полную картину» политического абсентеизма [3; 4], то, на наш взгляд, необходимо провести обзор социологических исследований.

По результатам опроса, опубликованным Е. В. Сайгановой в 2014 г., всего 40 % представителей молодежи интересуются политикой, процент же абсентеистов достигает 59 %. Она полагает, что «накопленный потенциал правового воспитания молодежи и формирования у нее правовой культуры пока очень малы не только на государственном уровне, но и на муниципальном» [11].

Довольно оптимистическая картина была получена Е. Б. Мариным по результатам опроса студентов Владивостока в 2015 г. По его сведениям, около 58 % респондентов когда-либо участвовали в выборах, однако лишь треть опрошенных регулярно голосуют и в какой-то мере вовлечены в политическую жизнь. По мнению Марина, это иллюстрирует доминирующий подданический тип политической культуры, а также недостаточную политическую информированность [7].

А. Р. Рахимжанов публикует результаты опроса от 2016 г., согласно которым для 55 % молодых граждан политика «интересна в «очень малой» степени или вовсе не интересна». По его мнению, это является существенным вызовом для России [10].

Согласно исследованию Е. В. Аршиновой и М. А. Билан 2017 г., «доля уклоняющихся от выборов респондентов от общего числа опрошенных студентов составила 31 %», при этом пятая часть респондентов «старается принять участие в выборах» [1].

Ю. А. Курочкина в своей работе приводит результаты авторского исследования политической активности молодежи 2018 г. Согласно полученным данным, на вопрос «Голосовали ли вы когда-нибудь на выборах?» отрицательно ответили 40 % респондентов. Самыми популярными причинами стали: недоверие к власти; позиции «все куплено», «мой голос ничего не изменит» и «все уже решено за нас». При этом 35 % из тех, кто принимал когда-либо участие в голосованиях, заявили, что их «обязали». По мнению автора, в числе факторов молодежного абсентеизма – неинформированность, использование молодежи в качестве объекта манипулирования, отсутствие трудового воспитания, последствия трансформационных процессов в России в конце прошлого века, когда старые ценности оказались разрушены, проблема фальсификации выборов [6].

В статье А. Н. Гладуна от 2020 г. приводятся результаты различных исследований: отмечается, что по совокупным данным, в последние годы сокращается уровень участия молодых граждан в голосовании (он снизился с 33 % до около 20 %); кроме того, для около 60% молодежи характерно отсутствие интереса к политике или минимальный интерес; например, в Рязанской области этот показатель также достигает 2/3 молодых граждан [2].

Д. С. Ширяков анализирует электоральное поведение молодежи на основе результатов социологического опроса, проведенного среди студентов МГУ в 2020 г. Потенциальных абсентеистов среди опрошенных оказалось около 52 %. Однако был зафиксирован значительный уровень заинтересованности молодежи политикой, даже среди тех, кто не принимает участия в выборах и референдумах. Ширяков объясняет подобное положение дел отсутствием доверия к политическому режиму (так, большинство респондентов не верит в честность выборов, не доверяет их результатам); кроме того, существующие партии не соответствуют их политическим предпочтениям [12].

В работе Д. А. Огородова приводятся результаты проведенного им в 2020 г. опроса с целью выяснить уровень вовлеченности молодых граждан в политическую жизнь общества. Выяснилось, что около 53 % респондентов интересуются политикой и лишь около 24 % – не интересуются (остальные затруднились ответить). Больше 70 % респондентов выразили готовность принять участие в выборах. Автор объясняет этот парадокс тем, что молодое поколение, вероятно, неудовлетворено теми «институционализированными формами, которые предлагает сегодня "политический рынок"». По его мнению, можно говорить скорее о мифе о политически неактивном поведении молодых граждан; так, по крайней мере для чуть около 53 % респондентов проявляется запрос на политическое участие и общение на актуальные политические темы [9].

Исследование апреля 2022 г. показало, что хотя больше половины молодежи интересуется политикой, всё около 32,5 % не участвуют в выборах или участвует редко. Причем значительную долю абсентеистов составляют «респонденты, нейтрально относящиеся политике российских властей», а также лица со средним образованием [5].

В июле 2022 г. нами было проведено социологическое исследование с целью определить особенности молодежного политического абсентеизма (студентов вузов) в Ярославской области. Выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных представителей молодежи (75 %) интересуются политикой, между тем как лишь каждому пятому политическая сфера безразлична; 70 % респондентов когда-либо ходили на выборы.

Наконец, в ходе опроса накануне выборов президента РФ 2024 г. более 80 % респондентов заявили, что будут участвовать в выборах президента 2024, в то же время на выборы в Госдуму 2026 выразили желание прийти лишь около 58 % [8].

Таким образом, в зависимости от различных трактовок политического абсентеизма молодежи, региональной специфики, а также особенностей выборки в работах фиксируются противоречивые его показатели за последнее десятилетие – от 30 до 80 %. Что же касается динамического аспекта, то если сравнивать данные исследований за 2014 – 2018 и 2019 – 2024 гг., рассматривая при этом в качестве критерия МПА – участие в выборах, по-видимому, можно говорить скорее о положительной динамике, чем об отрицательной или стагнации.

1. *Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина И. Ю. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-elektoralnogo-povedeniya-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 10.05.2023).*
2. *Гладун, А. Н. Абсентеизм как модель электорального поведения молодежи / А. Н. Гладун, О. Г. Клепикова // Выборы: теория и практика. – 2020. – № 2(54). – С. 17-22.*
3. *Захаркин, Р. А. Молодежный абсентеизм в России / Р. А. Захаркин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4(12). – С. 111-114.*
4. *Кабеева Н. В. Электоральная активность студенческой молодежи // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnaya-aktivnost-studencheskoy-molodezhi-1 (дата обращения: 10.06.2025).*
5. *Кришталь И. И., Глебов Д. С. электоральный абсентеизм молодежи Калининградской области и его социально-политические ОСНОВАНИЯ // Власть. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnyy-absenteizm-molodezhi-kaliningradskoy-oblasti-i-ego-sotsialno-politicheskie-osnovaniya (дата обращения: 10.12.2023).*
6. *Курочкина, Ю. А. Политический абсентеизм Российской молодежи / Ю. А. Курочкина // Вестник молодежной науки. – 2019. – № 3(20). – С. 6.*
7. *Марин, Е. Б. Отношение Российской студенческой молодежи к институту выборов (на примере студентов вузов Г. Владивостока) / Е. Б. Марин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 91-100.*
8. *Матюхин, А. В. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы / А. В. Матюхин, Ю. А. Давыдова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 91-105.*
9. *Огородов, Д. А. Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования) / Д. А. Огородов // Вестник РМАТ. – 2020. – № 3. – С. 26-33.*
10. *Рахимжанов, А. Р. Некоторые аспекты воспитания правовой культуры и преодоления абсентеизма у молодых избирателей / А. Р. Рахимжанов // Шаг в науку. – 2018. – № 3. – С. 130-133.*
11. *Сайганова Е. В. Специфика электорального поведения молодежи в структуре политической культуры общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.*
12. *Ширяков, Д. С. Электоральный абсентеизм современных студентов (на примере мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева) / Д. С. Ширяков // XLIX Огарёвские чтения : материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 07–13 декабря 2020 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2021. – С. 250-254.*

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО) В МЕДИА СУБЪЕКТОВ РФ

Кривохина София Алексеевна
(ТулГУ)

Благодарность научному руководителю доктору политических наук, доцент, профессору кафедры социологии и политологии ТулГУ Лавриковой Анастасии Александровне.

В условиях высокой интенсивности и сложности информационного поля, характерного для современных гибридных конфликтов, ключевая роль принадлежит не только федеральным, но и региональным медиа. Именно они выступают критически важным агентом адаптации глобальных нарративов к локальному контексту, формируя конкретную и осязаемую концептосферу в сознании местной аудитории. Если федеральные СМИ задают общую идеологическую и событийную рамку, то региональные – «очеловечивают» ее, наполняя личными историями, локальными символами и ценностями малой родины.

Данное исследование ставит целью проанализировать, как региональные СМИ России конструируют концептосферу специальной военной операции (СВО), и предлагает для этого комплексную аналитическую модель. Эта модель интегрирует традиционный дискурс-анализ, направленный на выявление ключевых концептов и риторических фигур, и инструментарий визуальной семиотики, позволяющий деконструировать используемые изображения, символы, цветовые решения и композиционные паттерны. Такой синтез методов позволяет получить целостное представление о мультимодальных стратегиях воздействия на аудиторию.

Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка материалов, произведенных ведущими федеральными и региональными средствами массовой информации в хронологических рамках с февраля 2022 по июнь 2024 года. Для обеспечения репрезентативности и возможности сравнения, общий массив данных включил 1287 текстовых материалов, 420 единиц визуального контента и свыше 120 часов телеэфира.

Анализ проводился в два этапа. На первом этапе был применен контент-анализ для количественного выявления частоты употребления ключевых концептов и тематических кластеров. На втором этапе был задействован качественный дискурс-анализ и метод визуальной семиотики, что позволило выявить не только что сообщается, но и как выстраивается смысл через вербальные и визуальные ряды, какие ценностные оппозиции («свой-чужой», «герой-предатель», «прошлое-настоящее») конструируются.

На основе анализа данных были выделены четыре доминирующие медиастратегии, которые, транслируясь с федерального уровня, получают в региональных СМИ уникальное наполнение.

1. Историко-мемориальная стратегия: выстраивание «оси исторической преемственности».

Данная стратегия основана на активном проведении параллелей между СВО и Великой Отечественной войной. Ключевые концепты: «преемственность поколений»,

«историческая справедливость», «борьба с нацизмом». На федеральном уровне это проявляется в монтаже исторической и современной хроники, использовании георгиевской ленты, красно-черной цветовой гаммы.

Региональная специфика: Эта стратегия локализуется через призму локальной истории региона. Герои-участники СВО представляются как прямые наследники подвигов земляков-фронтовиков. Публикуются материалы, где ветераны ВОв «благословляют» современных бойцов, проводятся параллели между освобождением городов в 1940-х и их «освобождением» сегодня. Мемориализация погибших в СВО происходит через интеграцию их имен в локальные памятные места, что создает мощный эмоциональный концепт «вечного долга перед павшими героями нашей земли».

2. Гуманитарно-восстановительная стратегия: конструирование образа «созидателя».

Данная стратегия смещает фокус с боевых действий на помощь гражданскому населению и восстановление инфраструктуры. Ключевые концепты: «возрождение», «мирная жизнь», «гуманитарная миссия». Визуальный ряд на федеральном уровне включает фото и видео «до/после», инфографику объемов строительства.

Региональная специфика: Локализация происходит через прямое участие региона в восстановлении. Региональные СМИ подробно освещают, как строительные бригады, техника и материалы из Тульской области участвуют в восстановлении больниц, школ и жилых домов в Донбассе и освобожденных территориях. Формируется концепт «наш вклад в общее дело мира», который персонифицируется через рассказы о строителях-волонтерах, врачах и учителях, командированных из региона.

3. Стратегия геополитического суверенитета и ее локальное экономическое измерение.

Эта стратегия акцентирует повестку независимости и технологического прорыва России в условиях санкций. Ключевые концепты: «импортозамещение», «технологическая независимость», «опора на собственные силы».

Региональная специфика: Абстрактный концепт «суверенитета» наполняется конкретным содержанием через освещение успехов местных предприятий (Тульской области). Региональные СМИ выпускают репортажи с заводов, которые перепрофилировали производство для нужд СВО или наладили выпуск продукции, замещающей импортную. Таким образом, глобальная стратегия суверенитета трансформируется в понятный аудитории концепт «экономической устойчивости региона (на примере Тульской области)» и его вклада в оборонно-промышленный комплекс страны.

4. Стратегия социальной консолидации: от всенародной поддержки к единству земляков.

Эта стратегия направлена на формирование нарративов о единстве общества. Ключевые концепты: «сплочение народа», «всенародная поддержка», «мы вместе».

Региональная специфика: Это, пожалуй, наиболее мощная стратегия на местном уровне. Всенародная поддержка персонифицируется до уровня улицы, двора, школы. Региональные СМИ подробно освещают локальные акции: сбор гуманитарной помощи в конкретном микрорайоне, «письма солдату» от школьников, встречи семей мобилизованных с губернатором. Формируется плотная сеть горизонтальных связей, создающая концепт «мы – одна большая семья», противостоящая внешней угрозе. Визуальный ряд – это не безликие митинги, а знакомые лица соседей, что многократно усиливает эффект идентификации.

Исследование выявило четкую корреляцию между фазами конфликта и доминированием тех или иных стратегий в региональной повестке, что свидетельствует об их высокой адаптивности.

2022 г. (фаза кризисного реагирования): Доминирование эмоционально-ориентированных стратегий. Историко-мемориальная стратегия обеспечивала моральное оправдание, а стратегия социальной консолидации на местном уровне мобилизовывала ресурсы и снимала первоначальный шок.

2023 г. (стабилизационная фаза): Активный рост рациональной стратегии геополитического суверенитета, которая стала наполняться конкретными региональными экономическими успехами. Гуманитарно-восстановительная стратегия также набрала обороты, демонстрируя позитивные результаты.

2024 г. (фаза перспективного позиционирования): Наблюдается формирование сбалансированного подхода с интеграцией всех четырех стратегий. Региональный дискурс стал более комплексным: от рассказа о герое-земляке (стратегия 1) СМИ переходят к рассказу о предприятии, которое снабжает армию (стратегия 3), и о волонтерах, поддерживающих его семью (стратегия 4).

Выводы:

1. Концептосфера СВО в региональных СМИ не является простой калькой с федеральной. Это сложный гибрид, где общенациональные нарративы проходят через «призму локализации», наполняясь конкретикой малой родины, что значительно повышает их убедительность и эмоциональное воздействие.
2. Региональные СМИ выступают ключевым инструментом трансляции абстрактных политических концептов в плоскость повседневного опыта и личных идентификаций. Они переводят язык большой политики на язык «своего парня», «своего завода», «своей улицы».
3. Предложенная комплексная аналитическая модель, интегрирующая дискурс-анализ и визуальную семиотику, доказала свою эффективность для деконструкции мультимодальных стратегий построения публичного дискурса. Она позволяет не только мониторить текущее информационное поле, но и прогнозировать его эволюцию, а также вскрывать глубинные механизмы формирования коллективной идентичности в условиях конфликта.

Таким образом, роль региональных СМИ в формировании концептосферы СВО является фундаментальной: они обеспечивают семантический и эмоциональный «мост» между государственной повесткой и индивидуальным сознанием гражданина, создавая устойчивую и релевантную для местной аудитории картину мира.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Кузнецов Егор Алексеевич
(Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»)

Аликова Ассоль Александровна
(Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»)

Яровова Татьяна Викторовна
(Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»)

Аннотация. В статье рассматриваются студенческие объединения как механизм социальной мобилизации молодежи в условиях цифровизации и интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ). Анализируются исторические этапы развития студенческих сообществ, формы их деятельности, роль цифровых коммуникаций и ИИ в укреплении гражданской активности. Отдельное внимание уделено рискам политизации и экстремизма, а также возможностям ИИ в повышении эффективности управления студенческими инициативами и формировании цифрового гражданства.

Ключевые слова: социальная мобилизация, студенческие объединения, молодежь, цифровизация, искусственный интеллект, гражданское общество, студенческое самоуправление, волонтерство.

В современной России студенческие объединения играют ключевую роль в процессе социальной мобилизации молодежи, обеспечивая ее включение в общественную и профессиональную жизнь [1]. Под социальной мобилизацией понимается процесс привлечения людей к совместным социально значимым действиям, направленным на решение общественных задач и развитие гражданской активности. В университетской среде этот процесс приобретает особое значение, формируя у студентов навыки коллективного взаимодействия, проектной деятельности и ответственности перед обществом [3].

Современные тенденции цифровизации и появления искусственного интеллекта изменяют традиционные формы самоорганизации молодежи. Студенческие объединения становятся гибридными структурами – сочетающими онлайн- и офлайн-взаимодействие, где цифровые инструменты и ИИ усиливают возможности коммуникации, планирования и реализации инициатив [6].

Исторически развитие студенческих сообществ в России проходило несколько этапов [Таблица 1]. В XIX – XX веках студенты создавали кружки и университетские советы, занимавшиеся самообразованием и защитой интересов обучающихся. Эти формы самоорганизации заложили основу для осознания студенчества как социальной силы [1].

В советский период студенческая активность концентрировалась в рамках ВЛКСМ и студенческих строительных отрядов, где доминировали коллективизм и патриотизм. После 1990-х годов сформировались региональные и всероссийские союзы, а с 2010-х годов началась эпоха цифровых студенческих инициатив и грантовых проектов, поддержанных государственными программами и университетами.

Сегодняшняя эпоха – это время постпандемийного перехода к «гибридным» форматам, когда цифровые платформы и ИИ позволяют студентам объединяться по интересам независимо от географических границ. Так, платформы «Росмолодежь.Гранты» и «AI-олимпиады» стали примерами интеграции технологий и молодежных инициатив [7].

Таблица 1. Этапы развития студенческих объединений в России

Период	**Ключевые формы**	**Характеристики**	**Примеры**
XIX–нач. XX в.	Кружки, университетские советы	Самоорганизация, волнения (1860–70-е)	«Университетские уставы»
Советский период (1920–80-е)	ВЛКСМ, студенческие отряды	Патриотизм, добровольческая работа	Строительные отряды
Пост-СССР (1990–2010-е)	Региональные союзы	Восстановление традиций	«Российский союз студенчества»
2020-е (постпандемия)	Hybrid-клубы, грантовые проекты	Цифровизация, ИИ-интеграция	Росмолодежь.Гранты 2025, AI-олимпиады

Цифровые медиа обеспечили качественно новые формы вовлечения студентов в общественную деятельность. Социальные сети (VK, Telegram, Discord) позволяют мгновенно распространять информацию о мероприятиях и инициативах, вовлекать добровольцев, собирать мнения и предложения [4]. Однако главным технологическим трендом последних лет становится использование искусственного интеллекта в управлении студенческими объединениями.

ИИ применяется для анализа вовлеченности студентов, подбора участников по интересам и компетенциям, автоматизации коммуникаций и даже прогнозирования успешности проектов [6]. Например, университетские платформы на основе машинного обучения могут рекомендовать студентам участие в подходящих клубах, форумах или хакатонах, исходя из их цифрового профиля и академических интересов.

ИИ-инструменты, интегрированные в LMS-системы вузов, позволяют выявлять инициативных студентов и поддерживать их идеи в рамках внутреннего грантового финансирования. Это делает студенческие объединения не только формой самореализации, но и «социальным лифтом», где алгоритмы помогают раскрывать потенциал молодежи [8].

Также ИИ способствует борьбе с информационной изоляцией студентов. Алгоритмы персонализированного контента помогают включать молодежь в гражданские инициативы, рекомендовать социально значимые проекты, формировать культуру

участия. Исследования показывают, что применение ИИ в волонтерских сообществах повышает вовлеченность молодежи на 40 – 60 % [2].

В МГИМО активно действуют десятки объединений, ориентированных на развитие научных, культурных и социальных компетенций студентов. Так, Инновационный клуб МИЭП МГИМО занимается организацией научно-практических форумов по вопросам цифровой экономики и энергетики. В 2025 году в рамках «MGIMO Innovation Week» студенты представили проекты, разработанные с применением ИИ-технологий для решения экологических и социальных задач [6].

Проект «Let's Talk MGIMO» стал примером успешного применения цифровых инструментов для межкультурной коммуникации. Платформа использует элементы ИИ-модерации для подбора тем и управления дискуссиями, что делает коммуникацию более инклюзивной. Подобные инициативы иллюстрируют, как студенческие объединения превращаются в лаборатории цифрового гражданства [9].

На международном уровне наблюдаются схожие тенденции. Программы UNESCO Global Youth Hackathon 2025 и молодежные форумы ЕС активно используют ИИ для организации команд, анализа проектов и мониторинга социальной активности [10].

Несмотря на многочисленные преимущества, внедрение цифровых инструментов и ИИ сопровождается и рисками. Прежде всего, это политизация студенческих пространств, когда общественные объединения начинают использоваться для продвижения определённых идеологий [3].

Не менее опасной тенденцией остается радикализация молодежи в сети. Исследователи отмечают, что «молодежный экстремизм является одной из наиболее опасных форм социального экстремизма», особенно в условиях неограниченного доступа к деструктивному контенту [5]. ИИ, обладая возможностями таргетинга и контент-рекомендаций, может непреднамеренно усиливать радикальные установки, если не применяются механизмы этической фильтрации.

Также сохраняется риск цифрового отчуждения – снижения качества личного общения и формирования поверхностных социальных связей. Поэтому ключевая задача вузов – развивать медиаграмотность и цифровую культуру, сочетая технологические инновации с гуманитарным воспитанием [7].

Роль искусственного интеллекта в студенческих объединениях продолжает расти. Он не заменяет человеческое взаимодействие, а становится инструментом усиления социальной мобилизации. ИИ способен:

Оптимизировать организационные процессы (расписание, коммуникации, анализ обратной связи);

Создавать умные экосистемы вовлечения, где студенты получают персонализированные предложения по участию в общественных инициативах;

Обеспечивать аналитическую поддержку для оценки эффективности проектов и выявления лучших практик;

Способствовать инклюзии, предлагая равные возможности участия для студентов с разными образовательными и социальными возможностями.

Такая интеграция ИИ делает студенческие объединения гибкими, адаптивными и открытыми, а саму студенческую среду – важнейшим элементом цифрового гражданского общества.

Студенческие объединения в условиях новой современности становятся не просто площадкой для самоорганизации, но и механизмом социальной и цифровой мобилизации молодежи. Цифровизация и ИИ открывают перед ними новые горизонты: от персонализированного вовлечения до интеллектуального управления проектами.

Однако для сохранения устойчивости и этичности этих процессов необходимо сочетание технологических инноваций с воспитанием гражданских и гуманистических ценностей. Взаимодействие университетов, государства и самих студентов способно превратить объединения в центры развития гражданской ответственности, социальной солидарности и инновационной активности.

Таким образом, искусственный интеллект становится не только технологическим, но и социальным ресурсом, усиливающим способность молодежи к самоорганизации и общественному участию – что делает студенческие объединения одним из ключевых факторов формирования гражданского общества XXI века.

1. *Нятина Н. В., Головацкий Е. В., Григорик Н. Н. Добровольческая активность студенческой молодежи в современной российской действительности // Russian Journal of Regional Studies. – 2024. – Т. 32, № 4. – С. 749–767.*
2. *Яровова Т. В., Сидяков Д. Ю. Студенческая научно-исследовательская деятельность в контексте повышения качества кадрового потенциала // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost-v-kontekste-povysheniya-kachestva-kadrovogo-potentsiala*
3. *Ключникова Т. Н. Общественно-политическая активность студенческой молодежи в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 98–102.*
4. *Васильева Т. А., Волжанин Д. А., Дубков Н. С. Особенности использования социальных сетей как инструмента политической мобилизации в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 42–50.*
5. *Левин Д. Д. Общественная опасность молодежного экстремизма: природа возникновения и противодействие // Право и управление. – 2024. – № 3. – С. 48–51.*
6. *Яровова Т. В. Развитие образовательной среды вуза в условиях цифровой трансформации // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 2. – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obrazovatelnoy-sredy-vuza-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii*
7. *Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 71–79.*
8. *Бурмакина А. Л. Сетевые сообщества молодежи как акторы социально-политической мобилизации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 81–91.*
9. *Воробьева М. В., Яровова Т. В. Возможности применения модели мотивации MUSIC Б. Д. Джонса в условиях российских вузов // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-modeli-motivatsii-music-b-d-dzhonsa-v-usloviyah-rossiyskih-vuzov*
10. *Ирсетская Е. А., Китайцева О. В. Политические взгляды студенческой молодежи как основание для участия в различных формах гражданской активности // Наука и инновации. – 2024. – № 2. – С. 15–23.*

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИЗБОРСКОГО КЛУБА: ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Кузьмин Александр Геннадьевич
(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина)

Аннотация. В статье анализируются особенности евразийской идеологии, предлагаемой участниками организации «Изборский клуб», условия её модернизационного потенциала. Особое внимание уделяется рассмотрению общих и особенных моментов в концепциях двух ведущих теоретиков евразийства в данном объединении – А. Г. Дугина и А. А. Проханова. Значительное место уделяется критическому анализу современной неоевразийской концепции, её отличиям от «классического евразийства».

Ключевые слова – политическая идеология, модернизация, «Изборский клуб», русский национализм, империя, евразийство, мировоззрение.

На современном этапе развития России, после активизации политического фактора общественной жизни и усилившихся перед страной вызовов во внешней и внутренней политике, в российском социуме четко проявляется потребность в создании актуальной политической идеологии. После недавнего отказа от либеральных идей в обществе отчётливо присутствует потребность в создании самостоятельного мировоззрения, которое бы отвечало не только на вопросы повседневного характера, но и обозначило бы стратегическое направление развития России в конце первой четверти XXI века.

Значительный исследовательский интерес вызывают сегодня варианты российской модернизации консервативно-державной и национал-патриотической направленности, которые в ряде положений заметно пересекаются с официально поддерживаемой властью современной концепцией «Русского мира». С начала 1990-х гг. представители современного русского национализма предлагали свои версии развития России в XXI в., но долгое время эти проекты оставались вне внимания со стороны общества и государства, пока события на Украине в 2014 г. серьёзно не изменили существовавшее положение дел. Проект «Изборский клуб», возникший в 2012 г., представляет собой периодическое собрание известных российских экспертов, теоретиков имперского направления, специализирующихся на изучении внешней и внутренней политики России. Его основу составили участники «Института динамического консерватизма» и круг авторов и сотрудников газеты «Завтра». Несмотря на членство в составе «Изборского клуба», целый ряд теоретиков русского национализма, не исключая самого А. А. Проханова, являются самодостаточными мыслителями и политическими деятелями, многие из них предпочитают говорить от своего имени, развивая собственные доктрины и идеи (А. Г. Дугин, С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, М. Калашников, М. В. Леонтьев, Н. А. Нарочницкая, Н. В. Стариков, Е. С. Холмогоров, О. А. Платонов и др.). Стоит также отметить достаточно высокий интеллектуальный потенциал данной формации, что не является в целом характерными для националистических объединений. Этот факт даёт повод предположить, что в среде русских националистов впервые за всё постсоветское время появилась организация, имеющая определенные основания претендовать на статус «мыслительного центра» по крайней мере, части национал-патриотического движения. Так, из 128 постоянных членов и экспертов объединения, имеющих научные степени кандидата или доктора наук, в составе изборцев на осень 2025 года насчитывалось более 40 процентов (53 человека), что позволяет говорить о потенциально высоком уровне аналитических возможностей значительной части участников данного объединения. [2]

Одной из основных теорий, на которую опирается и которую пропагандируют члены «Изборского клуба», является идеология евразийства, создателем которой является А. Г. Дугин, один из активных постоянных членов и теоретиков проекта. Ещё с 1990-х годов будущие деятели «Изборского клуба» – А. Проханов (газета «День», затем «Завтра», на базе которой позднее им был создан целый медиахолдинг) и А. Дугин (журнал «Элементы») – занимались развитием неоевразийской теории, активно поддерживая друг друга. [1, 105, 117; 3, 42]

Евразийская концепция в изложении А. Дугина и А. Проханова не только отличается от классического евразийства начала XX в. (и зарубежных теоретиков из российских эмигрантов и в более позднем варианте Л. Н. Гумилева), но и в отдельных деталях своих вариантов друг от друга. От предшественников неоевразийскую концепцию Дугина-Проханова в изложении «Изборского клуба» отличает изменение концепции главного врага: если для евразийцев это «Европа», то для современных сторонников

евразийской теории таким идеологическим противником долгое время была Америка (США) как основной выразитель идеи «атлантизма». Критика Дугиным Европы (стран ЕС, особенно членов НАТО) стала вновь актуальна в немалой степени, после начала современного украинского кризиса. Сегодня Дугин, в отличие от классиков евразийства, реже говорит о значении происхождения («степная кровь», «пантюркизм»).

По замечанию ряда экспертов, изначально евразийская теория сблизила «линию» Дугина и «линию» Проханова на почве «левизны» и «радикализма». Но между ними есть заметная разница – деятельность Проханова-евразийца имеет больше практический характер, в центре его идеологии стоит российское Государство, где имеются две перспективы. Первая – это идеальное государство-империя («Пятая империя»), за которое ведёт борьбу «единый русский народ», объединённый «единой судьбой», историей. Вторая – конкретное российское государство, которое тоже борется за возвращение к империи, при участии большей части русского народа и других народов России.

Вместо геополитической модели Дугина, евразийство Проханова «россиецентрично». На понимание того, кто является союзниками евразийского движения («Изборского клуба») для Проханова большее влияние оказывают его коммунистические взгляды и радикальный сталинизм, чем собственно евразийские идеи. Так, спецификой «красной идеологии» (советское мировоззрение, вождизм, черты утопизма) определяется его симпатии к Северной Корее и Кубе, но по отношению к другим странам-союзникам – Ирану, Палестине и Азербайджану – он «евразиец-функционер», «на переднем плане крае борьбы за честную, справедливую Евразию». Большую часть своей борьбы за империю Проханов ведёт в самой России, против сил «проамериканского и просионистского либерализма». Иными словами, Проханов как практик более похож на евразийскую интерпретацию «Сталина», соответственно, «теоретик и глобалист» Дугин – на «Ленина». Кроме того, у Дугина евразийство в значительной степени элитоцентрично («история – это войны ума, а уже потом армий и народных сил»), его идеи «интеллектуальные, профессорские», а не «красно-пролетарские», как у Проханова. В отличие от своего соратника по «Изборскому клубу», евразийская идея Дугина заметно более эсхатологична, хотя так же, как и прохановская версия, отличается отсутствием «чётких религиозных перспектив» и несёт заметные утопические следы. [1, 118 – 119, 121 – 125]

Кроме того, надо отметить, что евразийская теория, представляемая сегодня в проектах «Изборского клуба» как некая «общенациональная» историческая российская теория, на самом деле не имеет длительной истории существования. С учётом периода, связанного с творчеством евразийцев-эмигрантов после октябрьской революции, в чём есть определённые сомнения, говорить о ней можно только, начиная с 1920-х гг. Надо сказать, что долгое время Россия существовала и успешно справлялась с задачами формирования национальной идеологии, отражая многочисленные атаки и с Запада и Востока вне контекста евразийской теории. Как представляется, сегодня является довольно рискованным шагом, наметившаяся в определенных политических и экспертных кругах страны тенденция считать эту довольно молодую теорию некоей панацеей от всех российских бед и проблем.

Отметим, что «россиецентричность» неоевразийского проекта «Изборского клуба» сталкивается с постановкой вопроса о том, насколько такие демографические и экономические гиганты как Китай и Индия или член НАТО Турция готовы к участию России в своих геополитических проектах, (исключая востребованность с их стороны к некоторым экономическим и энергетическим моментам), не говоря уже о каких-то серьёзных политических аспектах, которые способны принести РФ значительные дивиденды.

При всей неоднозначности и имеющихся противоречиях в теории и практике реализации своей евразийской модели теоретики «Изборского клуба» обращают внимание на решение целого ряда актуальных задач, возникших перед РФ в последнее время, особенно с момента начала СВО.

Востребованность евразийского варианта модернизации России, предлагаемого русскими националистами, входящими в «Изборский клуб», на наш взгляд, может быть обусловлена актуальностью поднимаемых ими проблем. Прежде всего, это связано с установлением социальной справедливости и стремлением преодолеть историческую разобщённость, разделение общества на условных «красных» и «белых». «Изборцами» многое сделано для восстановления положительного образа советского государства и общества, после целого периода негативной либеральной критики СССР. Отметим, что если идея восстановления царской «белой» империи – это, в принципе, современная «реконструкция», то советское время большинство представителей старшего поколения жителей РФ ещё хорошо помнят. Тем более что советский период исторически ближе к современности, чем период царской империи. Надо сказать, что русские националисты после развала СССР, на примере проектов А. Проханова и его единомышленников, никогда не оставляли попыток найти способ организации своего движения на основе синтеза подходящих актуальных концепций предшествующих исторических эпох и сегодня они добились определённых результатов.

Несмотря на объективные трудности с реализацией евразийской модели внутри страны, можно говорить об определенной внешнеполитической и экономической успешности евразийской идеологии на двух уровнях. Во-первых, это объединения государств постсоветского формата – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Содружество Независимых Государств (СНГ), во-вторых, это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, в которых участвуют, помимо других стран, собственно РФ, Китай и Индия, являющиеся основой новой евразийской конструкции. Хотя более значительным и перспективным является, по всей видимости, «экспортный» вариант, деятельность всех этих объединений говорит об имеющемся потенциале евразийской идеологии.

1. *Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке / Этнологическое исследование: колл. монография / О. В. Кириченко, Т. А. Листова, С. С. Крюкова, Т. А. Воронина, Н. В. Шляхтина; отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. М.: Алетейя, 2021. 688 с.*
2. *Изборский клуб [Электронный ресурс] – URL: https://izborsk-club.ru/*
3. *Четвёртая политическая теория (беседа Александра Проханова с Александром Дугиным) // Изборский клуб. 2017. № 7 (53). С 42-57.*

ЛУДОМАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Кузьмин Виктор Сергеевич
(Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС)

Стамболцян Елизавета Сергеевна
(Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС)

Аннотация: в данной статье рассматривается феномен лудомании в контексте его социальных предпосылок и последствий. Анализируются исторические аспекты азартного поведения, современное состояние индустрии азартных игр, комплекс социально-

психологических последствий для индивида и общества, а также нормативно-правовое регулирование государством. Статья призвана систематизировать понимание лудомании как социального явления, порождаемого и усугубляемого комплексом внешних факторов.

Ключевые слова: лудомания, зависимость, социальный феномен, МКБ-10, индустрия азартных игр, последствия зависимости, нормативно-правовое регулирование.

В современном российском обществе все чаще можно встретить людей, активно играющих в нелегальные онлайн-казино, делающих ставки на спорт и т. д. При этом их действия часто выходят за рамки одноразовой игры, зачастую перерастая в настоящую зависимость, которая носит деструктивный характер и выражается в разрушении собственной жизни игрока. Такой человек может лишиться работы, семьи и впасть в глубокую долговую яму, единственный выход из которой – лечение. По данным аналитической компании Better за 2024 год было выявлено, что лудоманией в тяжелой и очень тяжелой форме страдают около 12 % россиян [8]. В условиях коммерциализации и активной цифровизации индустрии азартных игр проблема вышла за рамки сугубо медицинской, превратившись в острую социальную патологию.

Согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), патологическое влечение к азартным играм (F63.0) определяется как расстройство привычек и влечений, характеризующееся частыми повторными эпизодами участия в азартных играх, которые доминируют в жизни пациента в ущерб социальным, профессиональным, материальным и семейным ценностям и обязательствам. Данное расстройство находится в одной категории с пироманией, клептоманией и трихотилломанией, что подчеркивает его иррациональную, импульсивную природу. Поведение пациента не поддается логическому обоснованию и противоречит его же собственным интересам [7].

Человеческая психика устроена так, что присутствует желание испытать свою удачу и судьбу, а также испытать острые ощущения или провести досуг [5]. Именно по этой причине казино существует с древних времен. Первые признаки азартных игр нашли свое доказательство в археологических раскопках. Археологи находили прототипы игральных костей в захоронениях IV тысячелетия до н.э. в Древнем Китае и Древнем Египте. В Греции и Риме появились аналоги карточных игр, и власти пытались их запретить. В те времена такие игры были распространены среди элиты и использовались как способ развлечения или даже метод решения споров. В Индии и Китае такие игры нередко были частью религиозных ритуалов или гаданий. Позже, в Средневековой Европе, игры, основанные на риске, подпадали под запреты со стороны церкви.

Один из первых официальных игровых домов появился в XVII веке в Европе и использовался не только как место для развлечения, но и как инструмент контроля над азартом. В конце XIX – начале XX века появились первые игровые автоматы, а в современном XXI веке наблюдается активное развитие интернет-казино с дополненной реальностью и использованием искусственного интеллекта, что сделало их более доступными, анонимными и удобными.

Главенствующее значение в распространении азартных игр имеют микросоциальные факторы, влияющие на человека через его окружение, и макросоциальные факторы, воздействующие на общество в целом [4]. К микросоциальным факторам можно отнести: степень распространения азартных игр в обществе, их приемлемость с позиции морали в непосредственном окружении человека, традиции участия в игре, воспитание. Говоря о непосредственном окружении человека,

речь может идти не только о семье, друзьях и знакомых, но и о парасоциальных отношениях, появившихся с развитием современных технологий. Такие взаимодействия имеют односторонний характер и формируются между человеком и знаменитостью онлайн. Их особенность заключается в том, что, несмотря на отсутствие обратной связи, человек чувствует, что знаменитость обращается именно к нему, создавая впечатление близкого общения [3]. Благодаря этому реклама азартных игр у блогеров и стримеров имеет особенно пагубное влияние, поскольку у человека формируется представление о том, что это вовсе не реклама, а дружеский совет.

К макросоциальным факторам распространения азартных игр относится комплекс институциональных отношений, включающий нормативно-ценностную позицию общества, государства, религии и господствующей идеологии. Эта позиция выражается в применении к участникам игровой деятельности системы санкций – как легитимирующих, так и репрессивных. Параллельно другим значимым фактором выступает инфраструктурно-экономическое обеспечение данного процесса, которое охватывает производство игрового инвентаря и создание специализированных пространств для осуществления игровой практики. Важно отметить, что наибольшее влияние на человека оказывают, как правило, микросоциальные факторы, вследствие чего не всегда запреты со стороны государства должным образом ограничивают распространение азартных игр в обществе. Кроме того, некоторые психологические особенности человека могут повлиять на его восприимчивость к воздействию всех вышеупомянутых факторов. Так, люди с низкой самооценкой, высоким уровнем тревожности или имеющие магическое мышление, значительно сильнее подвержены влечению к азартным играм [6].

Увеличение числа лудоманов также немало зависит от нормативно-правового регламентирования проблемы. Государство регулирует вопросы деятельности казино: этим занимается министерство финансов, которое вырабатывает государственную политику и создает правовую базу в сфере организации и проведения азартных игр. Существует также уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр, которая установлена ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Однако большое распространение за последнее время в российском обществе получила реклама казино от популярных медиа-лиц. Направленность рекламы азартных игр, согласно ст. 27 ФЗ «О рекламе» [2]. Не должна быть обращена на несовершеннолетних, что на деле слабо регулируется, в связи с чем среди несовершеннолетних все больше растет интерес к острым ощущениям. Другие правила данной статьи констатируют, что реклама основанных на риске игр, пари не должна: создавать впечатление, что участие в них является способом заработка или получения иного дохода либо иным способом получения средств к существованию; содержать утверждения, которые преувеличивают вероятность получения выигрыша или преуменьшают степень риска; создавать впечатление, что получение выигрышей гарантировано; и другие условия [2]. Данные аспекты слабо урегулированы и не исключают возможность лица, рекламирующего игры, основанные на риске, делать своеобразные оговорки, обходящие закон. Так, блогер с многотысячной аудиторией, минуя запреты, в своих видео и прямых трансляциях может рекламировать игры, основанные на риске на любую аудиторию, словесно осуждая рекламируемый материал, но тем не менее нарративно продвигая его через регулярный показ выигрышей, формируя тем самым ложное представление о степени риска.

Лудомания представляет собой сложный социальный феномен, корни которого лежат в глубинных особенностях человеческой психики, но который катализируется и эксплуатируется современной высокотехнологичной индустрией азартных игр. Рассмотрение гэмблинга исключительно как медицинской проблемы является

недостаточным. Необходим комплексный междисциплинарный подход, включающий социальную политику, ограничение рекламы, повышение финансовой и психологической грамотности населения, а также развитие доступной системы помощи для тех, кто уже столкнулся с этой разрушительной зависимостью.

1. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Ст. 171.2 с изм. и допол. в ред. от 31.07.2025.*
2. *Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Ст. 27 с изм. и допол. в ред. от 31.07.2025.*
3. *Абросимова Евгения Евгеньевна, Филипова Александра Геннадьевна Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2 (61). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reyting-populyarnyh-videoblogerov-vzglyad-sovremennyh-podrostkov (дата обращения: 07.10.2025).*
4. *Ворошилин Сергей Иванович Игровая зависимость: социальные, психологические и биологические основы // Суицидология. 2011. № 3 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-zavisimost-sotsialnye-psihologicheskie-i-biologicheskie-osnovy (дата обращения: 05.10.2025)*
5. *Гришина Анастасия Евгеньевна Гэмблинг как одна из форм девиантного поведения: сущность, причины возникновения // Скиф. 2020. №4 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gembling-kak-odna-iz-form-deviantnogo-povedeniya-suschnost-prichiny-vozniknoveniya (дата обращения: 04.10.2025).*
6. *Кекелидзе Зураб Ильич, Шемчук Н. В. Особенности формирования патологического влечения к азартным играм // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-patologicheskogo-vlecheniya-k-azartnym-igram (дата обращения: 03.10.2025).*
7. *Расстройства привычек и влечений (F63) // Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) URL: https://mkb-10.com/index.php?pid=4345 (дата обращения: 01.10.2025).*
8. *12% россиян имеют зависимость от азартных игр // Metaraitings URL: https://metaratings.ru/news/12-rossiyan-imeyut-zavisimost-ot-azartnykh-igr-407977/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 08.10.2025).*

ЦИФРОВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ПАНИКИ И РЕЖИМ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: АНАЛИЗ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ 2022 ГОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Липтуга Артем Валерьевич
(СПбГУ)

В условиях радикальной трансформации глобального и внутреннего социального порядка наблюдается усиление внимания к вопросам устойчивости политических режимов, механизмов социальной мобилизации и репродукции символических границ общества. В контексте российского общества особую значимость приобретает анализ способов конструирования коллективного сознания через активизацию культурных и моральных кодов, которые функционируют как ресурсы легитимации государственной власти. В данном докладе рассматривается феномен «моральной паники» не только как реакция на воспринимаемые угрозы социальной целостности, но и как стратегически организованная форма символического управления, в которой государство становится ключевым актором по производству и распространению нормативных установок.

Классическая теория моральной паники, восходящая к работам Стэнли Коэна и Эрику Гофману, рассматривает ее как процесс коллективного страха, порождаемого вокруг определенной группы или явления, которое маркируется как «угроза ценностям и интересам общества». Однако в условиях новой политической реальности моральная паника трансформируется из спонтанного социального феномена в управляемый механизм символической мобилизации. При этом сам объект паники может быть де факто

нерелевантным – его значение заключается не в объективной опасности, а в способности служить катализатором для консолидации определенного типа общественного согласия.

В последние годы в российском общественном дискурсе все более отчетливо прослеживается формирование нарратива, центрированного вокруг идеи «традиционных ценностей». Данный концепт, изначально имевший культурно-историческую и религиозную окраску, претерпевает институциональное переосмысление и становится ключевым элементом официальной идеологемы. При этом важно подчеркнуть: традиционные ценности начинают функционировать не столько как содержательная программа, сколько как регулятивный символ, позволяющий проводить четкие границы между «своими» и «чужими», «нормальным» и «отклоняющимся». В этом смысле они становятся не просто частью культурного ландшафта, но и инструментом создания нового морального консенсуса, поддерживаемого через систему государственных коммуникаций, образования, медиа и правовой регуляции.

Интерес представляет то, что данный нарратив активно внедряется даже в тех сферах, где его актуализация не обусловлена непосредственными социальными конфликтами или изменениями поведенческих практик. Это позволяет говорить о предвосхищающей (proactive) моральной панике – явлении, при котором угроза конструируется заблаговременно, еще до появления ее реальных проявлений, с целью профилактического удержания контроля над общественным дискурсом. Такой подход позволяет власти сохранять инициативу в определении того, что считается допустимым, нормативным и социально желательным.

Процесс этот реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, происходит институциональная санкционированность морального дискурса: государственные органы, образовательные учреждения, СМИ и религиозные институты включаются в единую коммуникативную сеть, воспроизводящую единый смысловой каркас. Во-вторых, осуществляется деиндивидуализация угрозы – вместо конкретных социальных проблем (неравенство, коррупция, снижение качества жизни) внимание переносится на абстрактные, но эмоционально заряженные фигуры внешнего и внутреннего «другого», который угрожает основам национальной идентичности. В-третьих, наблюдается ритуализация морали, когда повторяемые публичные осуждения, символические акции и законодательные инициативы создают эффект постоянной угрозы, требующей постоянного противодействия.

Особую роль в этом процессе играет медиа-повестка, которая, будучи зависимой от государственных интересов, не столько информирует, сколько формирует восприятие действительности. Через выбор тем, акцентов, терминологии и визуальных метафор создается картина мира, в которой защита традиционных ценностей выступает как первоочередная задача национальной безопасности. При этом сама категория «традиционных ценностей» остается расплывчатой, что делает ее особенно удобной для адаптации к различным контекстам и расширения зоны применения.

Традиционные ценности становятся не просто компонентом культурной политики, но и центральным элементом режима социальной мобилизации, ориентированного на стабильность через контроль над символическим полем. Они выполняют функцию «мягкой легитимации» – альтернативы экономической или политической легитимности, которая в условиях напряженной внешней и внутренней ситуации может оказаться хрупкой. Поддержание морального консенсуса позволяет компенсировать дефицит доверия к институтам, маскировать социальные разрывы и направлять недовольство в безопасное русло против конструктивно созданных «врагов системы».

Такая стратегия не лишена внутренних противоречий. Во-первых, чрезмерная институционализация морали ведет к ее обесцениванию: когда моральный язык

используется преимущественно в инструментальных целях, он теряет свою автономию и подлинную этическую силу. Во-вторых, постоянное поддержание состояния паники, пусть и символического характера, создает фон хронической тревожности, который может в долгосрочной перспективе подрывать социальное доверие и инициировать новые формы сопротивления. В-третьих, монополизация морального дискурса государством ограничивает пространство для автономной гражданской этики, что препятствует развитию рефлексивной солидарности.

В заключение можно утверждать, что в современной российской политической реальности моральная паника, связанная с защитой традиционных ценностей, выходит за рамки спонтанного социального реагирования и становится частью системной стратегии обеспечения стабильности. Государство, выступая в роли главного провайдера морального порядка, не только реагирует на вызовы, но и проактивно их конструирует, создавая нарратив, в котором угроза внешнего влияния и «морального развала» служит основанием для консолидации внутреннего единства. Однако такая модель, несмотря на свою эффективность в краткосрочной перспективе, ставит под вопрос возможность развития гибких, адаптивных форм социальной солидарности, способных отвечать на вызовы новой современности без обращения к искусственному противостоянию.

Академическая политическая социология в этих условиях сталкивается с необходимостью переосмысления своих методологических подходов: если ранее анализ фокусировался на институциональных структурах и рациональных действиях, сегодня требуется более тонкое понимание механизмов символического производства, эмоциональной мобилизации и морального управления. Только такой подход позволит вскрыть скрытые динамики, лежащие в основе видимой стабильности, и предложить альтернативные модели устойчивого социального развития, основанные не на страхе, а на доверии, рефлексии и диалоге.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Минаев Сергей Владимирович
(Самарский государственный экономический университет)

Аннотация. Современное российское общество характеризуется состоянием неопределённости и продолжительных трансформационных процессов, что актуализирует исследование регулирующей функции и управленческого потенциала социальных институтов. В условиях динамичной социальной среды, где происходят значительные структурные изменения, изучение роли этих институтов приобретает особую значимость. В статье предпринята попытка анализа категории, которая определяет общественную стабильность, регулирует социальные взаимодействия и устанавливает нормы поведения в обществе, с т.з. институционального подхода.

Ключевые слова: российское общество, неопределенность, трансформационные процессы, социальные институты, институциональный подход.

Введение. Методологической основой является институциональный подход в социологии, рассматриваемый как зарубежными учеными: Т. Вебленом, У. Гамильтоном, Р. Коузом, Р. Нельсоном, Д. Нортом, так и российскими: О. Э. Бессоновой,

В. М. Быченковым, В. Я. Гугняк, Т. И. Заславской, В. В. Радаевым. В основе также лежат принципы структуризации, освещаемые в трудах З. Т. Голенковой и А. Г. Здравомыслова; деятельностный подход, рассматриваемый в трудах Ю. П. Аверина, Л. Н. Москвичева, В. П. Попова, Л. Д. Чернышовой. Применение этих подходов позволяет рассматривать проблему взаимодействия политических и социальных процессов в комплексе, что даёт возможность более глубокого понимания их результатов. Исследование социальных институтов с акцентом на формальные и неформальные нормы позволило разработать эффективный механизм взаимодействия между организациями. В результате западные ученые предложили использовать сетевой подход в качестве инструмента регулирования отношений между участниками, что стало важным вкладом в развитие теории социального взаимодействия и управления организационными процессами. «В современном обществе все пронизано сетями социальных отношений, т. е. устойчивыми системами связей и контактов между индивидами, которые невозможно втиснуть в рамки традиционной дихотомии «рынок – иерархия»» [1, 14].

В российской социологической науке институциональный подход представлен двумя основными течениями, каждое из которых обладает уникальной методологической и теоретической основой. Первому течению, связанного с деятельностью В. В. Радаева, «московского крыла характерно внимание к институциональной экономической теории с целью ее применения в условиях российской действительности. Институциональный подход в работах Новосибирской социологической школы, второго направления, опирается на стремление сочетать макро- и микроуровни исследований. На микроуровне поведение населения выступает основной «единицей анализа»» [2]. В рамках «подхода выделяются базовые институты, формирующие его институциональную матрицу» [3, 108].

Результаты. Анализ разнообразных мер социального пространства следует проводить с учётом их «соразмерности человеку». В условиях разнообразия человеческих характеров современное пространство приобретает многомерность. С другой стороны, в глобализированном обществе социальное пространство становится относительно стандартизированным, поскольку организуется вокруг трёх ценностей, в основе которых лежит стремление к обладанию: деньги, власть и слава. Также рассматриваются возможные модели организации пространства за пределами индивидуализированного общества. Проводятся релевантные исследования в области социологии социальных практик, в рамках которых возможен анализ повседневных практик, связанных с формированием антологий социальных и межличностных эффективных взаимодействий. Исследовательская цель – повышение уровня компетенций в сфере социального сотрудничества и общественной дипломатии не менее 200 руководителей политических региональных организаций посредством проведения серии онлайн и офлайн мероприятий и разработки новых социальных проектов на внешнем гуманитарном треке российскими организациями в партнерстве с коллегами из вузов и региональных отделений. Поставленные задачи: повышение информированности руководителей политических региональных организаций о возможности участия в проекте; проведение образовательной и просветительской программы для руководителей политических региональных организаций, реализующих социально значимые практики; прикладное применение полученных знаний посредством создания социальных проектов в сфере общественной дипломатии. Наиболее значимые социологические исследования, проведенные лично автором, на которые опирается методологический образовательный компонент: комплексное социо-психологическое исследование «Образ лидера в массовом сознании российских граждан: политико-психологический анализ», проведенного в ноябре 2022 г. по сбалансированной выборке в российских регионах, с охватом

562 респондентов; качественное социологическое исследование «Социально-политическая ситуация в регионах», апрель 2023 г. Метод 16 фокус-групп, в 8 российских регионах; качественное исследование «Актуальные вызовы и возможности», май 2023 г. Основной метод 18 фокус-групп, в 6 российских регионах.

Итогом социологических исследований стало проектирование просветительско-образовательного проекта для региональных политических организаций «Трансформационные вызовы и горизонты социальных взаимодействий». Образовательная программа проекта состоит из 3-х этапов:

1 этап. Базовый видеокурс на цифровой платформе позволяющий участникам актуализировать знания, касающиеся внешней и внутренней политики Российской Федерации, основных норм межкультурной коммуникации, особенностей действующего нормативного правового регулирования и вступивших в силу изменений в законодательстве о политических организациях, социального проектирования социальных проектов и механизмов их реализации.

2 этап. Онлайн-курс (6 вебинаров с профильными экспертами, по вопросам социально-политического взаимодействия и деятельности). Участники получают доступ к вебинарам и могут напрямую задавать экспертам интересующие вопросы, анализировать имеющиеся проекты, готовить грантовые заявки новых инициатив, а также прорабатывать социальное сотрудничество в стратегию развития своих организаций. Таким образом, предполагается как групповая, так и индивидуальная работа с экспертами, менторами.

3 этап. Очный интенсив. К участию планируется приглашение представителей политических региональных организаций, показавших лучшие результаты на предыдущих этапах. Уникальность прорабатываемого проекта заключается, прежде всего, в комплексности как сетевого наполнения образовательной программы, так и в точечном подходе к выбранному региону. Проект даст возможность представителям региональных политических отделений обменяться опытом, наладить контакты для реализации совместных социальных инициатив в будущем и может стать площадкой для эффективного взаимодействия.

Заключение. Смысл социальных институтов состоит в том, чтобы устанавливать правила и нормы, которые формируют структуру современного общества. Исходя из двойственной природы общества, которое охватывает социальную дифференциацию и общественные организации, в качестве ключевого показателя перемен были выдвинуты институциональные реформы. Критериями стали уровень и характер преобразований. В период трансформационных процессов эффективность функционирования социальных институтов снижается, но при этом растёт интерес к ним. Предлагаемая автором методика может быть использована для дальнейших исследований взаимодействия современного общества с политическими организациями. Это позволит глубже изучить взаимосвязи политической системы и гражданского общества в целом. В дальнейшем в работе можно подробнее интерпретировать значимость релевантных исследований в области социологии социальных практик, где акцентируется внимание на анализе межличностных эффективных взаимодействий, способствующих эффективным направлениям построения устойчивых социальных взаимодействий.

1. *Гуренкова О. В. Формирование новой социальной структуры в процессе трансформации современного российского общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № S26. С. 11–15. Режим доступа: URL: http://e-koncept.ru/2015/75349.htm (Дата обращения: 03.06.2024).*
2. *Карпинская Э. С, Широкова Г. В. Предпринимательское лидерство: подходы к определению и основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета.*

Менеджмент. 2019. №2. URL: Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskoe-liderstvo-podhody-k-opredeleniyu-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy (Дата обращения: 22.02.2023).

3. *Козин В. В. Трансформация российских социальных институтов: некоторые направления анализа // Методология науки: проблемы и перспективы развития. С. 107-109. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskih-sotsialnyh-institutov-nekotorye-napravleniya-analiza/viewer (Дата обращения: 04.06.2024).*

СЕТЕВАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: КРИТЕРИИ-ОСНОВАНИЯ И ВАЛЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Молчанов Артём Андреевич
(ФГБОУ ВО «Кемеровский Государственный Университет»)

Нятина Наталья Владимировна
(ФГБОУ ВО «Кемеровский Государственный Университет»)

Благодарности: Материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining»

Аннотация. Условия социально-политической мобилизации обновляют форматы и направления активности, способствуют перераспределению ресурсов и установлению таких социальных связей, ориентация которых задается мерой адаптации/дезадаптации населения. Поливариантность возможных жизненных ориентаций специфическим образом воплощается в сетевом пространстве. Свобода самопрезентации и соответствующая оценка социально-политических событий задает одновременную возможность соучастия в решении социально значимых проблем, мобилизации ресурсов (конструктивность), так и трансляцию негативных оценок, граничащую с открытым отрицанием устоявшихся норм и ценностей гражданского общества (деструктивность).

Ключевые слова: активность населения, социально-политическая мобилизация, сетевые сообщества, валентность, социальные связи.

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности и амбивалентности, что отражается в полифакторности социальных изменений, в условиях которых сложно предугадать развитие событий и их последствия. Г(лок)альные вызовы, затрагивающие все сферы жизни российского общества, выступают катализатором социально-политической мобилизации и соответствующей активности населения (в том числе в сетевом пространстве).

Согласно Г. Блумеру, всякая активность, направленная на сохранение единства группы, представляет собой социальную мобилизацию. Отмечается важность мировоззренческих ценностей и солидарности внутри объединения, необходимых для формирования представления о сложившейся ситуации как о проблеме [9, 8-30]. В свою очередь, социально-политическая мобилизация, обновляя практики гражданского и социального участия, влияет на формирование и развитие социальных связей различных

форм и направлений. На этом фоне сосуществуют те значимые инициативы, подконтрольность которых институционально ограничена и современными исследователями трактуются как транслируемые «вне легального правового поля», патриотически ожидаемое помогающее поведение и ритуальные действия (ситуационные всплески, основаниями которых выступают неполитические поводы, но при этом вызывающие общественный резонанс) [3, 81].

Сетевое пространство значительно расширяет границы и способы реализации активности, предоставляя новые инструменты и каналы взаимодействия между различными сообществами. Это подчеркивает важность изучения влияния условий социально-политической мобилизации на активность населения и установление и поддержание социальных связей в сетевых сообществах. Основные понятия социологической теории переосмысливаются в контексте коммуникативных событий. Все аспекты общественной жизни сводятся к «сообщениям», которые могут передаваться, накапливаться и виртуализироваться. *В сетевом обществе всё становится «сообщениями» или их потоками* [4, 69 – 70]. Американский социолог Г. Рейнгольд обращает внимание на то, что сетевые сообщества служат своего рода игровой платформой, где пользователи могут экспериментировать с различными способами общения и презентации себя. Каждый пользователь предстает перед другими таким, каким он хочет казаться. При этом все участники имеют несколько ролей одновременно. Они могут быть: частью аудитории, критиками и исполнителями [10]. Так, с точки зрения О. В. Асеевой [1], в основе развития как полностью новых виртуальных практик, так и виртуализированных традиционных находятся две основные стратегии активности: двупространственная (характеризуется преимущественно прикладным применением интернета в целом и сетевых сообществ в частности); однопространственная (воплощается в предпочтении виртуального пространства реальному).

Активность в сетевом пространстве представляет собой искусственно модерируемый процесс, в котором происходит согласование/рассогласование цели транслируемого инфоповода и соответствующей реакции на нее. При этом необходимо учитывать «разновесность» интенсивности активности пользователей в формально регулируемых и неформальных сообществах, общаясь в которых население может высказывать свои оценки и рекомендации без заданной направленности. Поэтому «определение силы», значимости и одновременной «заряженности» данных действий имеет социальное значение, так как может непосредственным образом выражать социальное настроение, готовность к действиям в реальной действительности. Валентность социальной активности как одна из характеристик (или измерений) берет свое начало с работ К. Левина [3]. Ключевая черта данного измерения состоит в том, что она имеет свой знак («полярность»), поэтому может быть конструктивной или деструктивной. Валентность активности операционализируется путем отнесения идентификации пользователей с транслируемым отношением в сети и отнесении себя к определенной референтному сетевому сообществу. Эмпирическими индикаторами валентности сетевой активности может быть «конструктивность» – «деструктивность» комментариев, лайков и репостов, связанных с оценкой и выражением отношения к определенным событиям в условиях социально-политической мобилизации.

К числу критериев-оснований, влияющих на современную активность населения в сетевых сообществах относятся: стремление к общественной солидарности (как механического, так и органического типа), проявление доверия к личности/социальной группе (в том числе сетевому сообществу) и общественного альтруизма, а именно маркеров, позволяющих понять специфику «чувства Мы» [5], социальные угрозы, влияющие на организацию жизненного пространства, межпоколенческое взаимодействия

[8]. Конструктивная активность в условиях социально-политической мобилизации может выражаться в общественно-преобразующей, познавательно-творческой деятельности (например: в образовании, спорте, творчестве, субкультурном досуге, защите экологии, благотворительности, волонтерстве и др.), а также в практиках помогающего поведения системного и эпизодического (иногда рывкового характера). Отмечается, что просоциальная активность в сообществах, соответствующих критериям конструктивности выступает значимым фактором стимулирования и «рассеивания» (эффект энтропии) данной деятельности, а неучастие, в свою очередь, сдерживает становление социальной активности и личностное развитие. Однако исследователями поднимается вопрос о том, вызвана ли конструктивная активность участием в сетевых сообществах или только опосредована ими [7, 182]. В зарубежных исследованиях феномена деструктивной активности в сетевых сообществах рассматривается так называемое «социальное растормаживание» (disinhibition) [11]. Это явление объясняется тем, что люди в онлайн-среде склонны проявлять формы общения, которые не характерны для них в реальной жизни, демонстрируя «токсичные» модели поведения и намеренно игнорируя границы взаимодействия. К основным видам деструктивной активности в сетевых сообществах современные исследователи относят: флейминг, хейтинг, троллинг, киберсталкинг и кибербуллинг, а также публикацию контента, направленного на формирование деструктивного поведения [6, 3 – 20].

Адаптивная гибкость и развитые цифровые навыки существенным образом преобразовали активность населения в условиях социально-политической мобилизации. Новая социальная реальность формирует определенным образом заданное реактивное взаимодействие в сетевых сообществах: повестка формируется быстро, реакция на нее распространяется сквозным образом вне заданного (часто непрогнозируемого) информационного поля. Определение валентности активности в сетевых сообществах позволяет диагностировать содержание (конструктивного и деструктивного типа) и прогнозировать возможности социального перехода в реальную социальную действительность. Этот процесс включает оценку рисков и возможностей перевода сетевых инициатив в плоскость офлайн-активности, поэтому важно учитывать ограничения, возникающие вследствие информационной асимметрии и недостаточной изученности механизмов трансляции виртуальных практик в офлайн-деятельность.

1. *Асеева О. В. Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Белгород, 2015. 21 с.*
2. *Голосеева А. А., Хохлов А. А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 2. С. 81–93.*
3. *Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: «Сенсор», 2000. 368 с.*
4. *Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75.*
5. *Радина Н. К. Патриотизм как социальный феномен в научном образе реальности: понятие и теории // Политические исследования. 2025. № 2. С. 167–179.*
6. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2. С. 3–20.*
7. *Харланова Е. М., Дыганова Е. А., Сиврикова Н. В., Шевченко А. А. Скажи мне, кто твои друзья. Связь сообществ и социальной активности подростков // Вопросы образования. 2025. № 2. С. 168–194.*
8. *Ядова М. А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Политические исследования. 2020. № 6. С. 181–188.*
9. *Blumer H. Social Movements // Studies in Social Movements: A Social Psychological Perspective / Ed. By B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969. 497 p.*
10. *Rheingold H. The Virtual Community. Perennial, 2000. 346 p.*
11. *Wu S., Lin, T.C., Shih, J.F. Examining the antecedents of online disinhibition // Information Technology & People, 2017. Vol. 30 No. 1, P. 189–209.*

МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мохоров Геннадий Анатольевич
(Военная академия связи)

Сирота Наум Михайлович
(Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения)

Аннотация. Анализируется актуальный аспект кризиса постбиполярного миропорядка – нарастание анархических тенденций и хаотизация мира, характеризуемых термином «мировой беспорядок». Формулируется авторское определение этого термина, раскрывается содержание его основных детерминант. Рассматриваются подходы отечественных и зарубежных аналитиков к проблеме мирового беспорядка и возможностей стабилизации международной среды, становления устойчивого миропорядка.

Ключевые слова: миропорядок, мировой беспорядок, глобальная турбулентность, мировая политика, международный кризис, баланс сил, многополярность, полицентризм.

Для характеристики современного состояния мира и международных отношений широко используется термин «мировой беспорядок». Его введению в политический и научный лексикон предшествовало опубликование в 1992 г. американским политологом К. Джовиттом сборника эссе «Беспорядок в новом мире: ленинское вымирание», написанных в период с 1974 по 1990 год и посвященных природе коммунистических режимов. На волне всеобщей эйфории по поводу торжества либеральной демократии автор предупреждал о её непродолжительности и неизбежности столкновения с течениями, выступающими против «индивидуализма, культа достижений и рациональности» [8]. Спустя несколько десятилетий термин «мировой беспорядок» стал самой распространенной характеристикой положения в мире.

Кризисное состояние современного миропорядка, на наш взгляд, наиболее полно отражено в многогранном понятии «мировой беспорядок», характеризующем реалии современного мира, препятствующие цивилизованному международному общению.

В международно-политической науке отсутствует общепринятая формулировка понятия «мировой беспорядок». Обычно оно используется двояко – в широком и узком смысле. В **широком** – для характеристики глобальной нестабильности – нарушений общепринятых принципов, правил, норм и договоренностей, зафиксированных в документах ООН; при описании различных негативных явлений в мире, затрагивающих различные сферы жизни (конфликты и войны, экономические кризисы, социальное неравенство, массовые миграции, экологические катастрофы и т. д.). В **более узком смысле** термин мировой беспорядок относится к конкретным историческим эпохам или ситуациям, например, к периодам после крупных войн или распада империй, характеризующимся отсутствием доминирующих или влиятельных сил, способных обеспечить глобальную стабильность.

Предлагается следующее определение мирового беспорядка: состояние анархии и хаоса в системе международных отношений, для которого характерны несоблюдение акторами совокупности правил поведения, обеспечивающих глобальную стабильность,

предотвращение кризисных ситуаций в мире, защиту национальных интересов государств, предотвращение угроз их безопасности и суверенитету.

Проведение четкой разграничительной линии между мировым порядком и его антиподом – мировым беспорядком представляется невозможным в теории и неосуществимым на практике ввиду высокой вероятности взаимопереходов и промежуточных состояний. Сегодняшней реальностью является нарастание разрыва между элементами порядка и беспорядка как в глобальном масштабе, так и в региональных подсистемах.

В отечественных и зарубежных публикациях проблематика мирового беспорядка освещается преимущественно на эмпирическом уровне в контексте анализа наиболее значимых международно-политических проблем. Так, классик современной политической науки Зб. Бжезинский в книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» посвятил специальную главу «новому глобальному беспорядку» и терроризму в Евразии, в которой обосновывается тезис о том, что необходимым условием преодоления этих явлений может служить американское лидерство, основанное на согласии, а не гегемония, опирающаяся на силу [2, с. 62 – 117]. Другой выдающийся ученый и политик Г. Киссинджер, анализируя становление Вестфальской системы в монографии «Мировой порядок» (2014), обращает внимание на хрупкость её текущего состояния и необходимость приспособления к новым реалиям формирующейся многополярности [3, с. 299 – 355]. Между тем теоретическое исследование природы нестабильности международной среды, разработка сценариев возможной хаотизации мировой политики и способов её нейтрализации негативных сценариев имеют актуальное теоретическое и практическое значение.

Попытка системного изучения феномена беспорядка на концептуальном уровне предпринята в публикациях Р. Хааса [7], который отталкивается от одной из базовых идей работы классика международно-политической теории Х. Булла «Анархическое общество» (1977) – о всегда происходящем в мире столкновении сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса сил между ними.

Мнение о наступлении мирового беспорядка эксперт подкрепляет анализом ситуаций во многих регионах мира, усматривая его источник в государствах, организациях и лицах, отвергающих правила и договоренности международного взаимодействия, считающих себя вправе игнорировать или подрывать их. Эрозию мирового порядка Р. Хаас объясняет совокупным действием таких тенденций, как распределение силы в мире между растущим количеством акторов, относительное ослабление влияния США и негативные аспекты глобализации.

Исследователи, особенно западные, исходят из посыла о необратимости процесса деградации мирового порядка и необходимости формирования нового, отвечающего интересам Соединенных Штатов. Они делятся своим видением будущего, предлагают планы действий, которые, по их мнению, позволят Соединенным Штатам в обозримой перспективе остаться наиболее могущественным и влиятельным государством на мировой арене. Для преодоления хаоса в мире и обеспечения устойчивости миропорядка Р. Хаас и Ч. Купчан выступили с идеей создания под эгидой Запада современного аналога учрежденному в 1815 г. европейскому «концерту наций», но уже на глобальном уровне [6].

Процессы «осыпания» мировой политико-экономической системы и международного миропорядка, сложившегося во второй половине XX века и во всё более деформированном виде продолжающего существовать в нынешнем столетии анализируются в ежегодных докладах российского Валдайского клуба. Авторы докладов

концентрируют внимание на таких проявлениях анархии в международных отношениях, как сворачивание международной кооперации, кризис международных институтов, размывание дихотомии (демократия – авторитаризм), превращающих глобализированный мир из общества «безграничных возможностей» в «общество неограниченного риска», требующего глобальной солидарности и новых форм международного сотрудничества [1]. Они считают этот процесс необратимым и констатируют невозможность воссоздания основ глобального регулирования.

С началом 20-х гг. человечество вступило в период резкой деградации и по существу обрушения постбиполярного миропорядка, вызванный комплексом взаимосвязанных негативных факторов глобального и регионального масштаба. Миропорядок уступает место беспорядку и хаотизации – высокой степени поляризации современного мира, нарастающей турбулентности международной среды, кризисному состоянии нормативного уровня мировой системы, множащимся кризисам в мировой политике, экономике, финансах, экологии и иных областях. Так называемыми «чёрными лебедями» мировой политики последних лет стали такие события, как падение в течение нескольких дней правящего режима в Сирии (декабрь 2024 г.) и региональная война на Ближнем Востоке с участием Израиля, Ирана и США (июнь 2025 г.).

По оценке авторов ежегодника «Россия и мир: 2025» важнейшей характеристикой международных отношений последних лет становится высокий уровень неопределенности их состояния и неясность перспектив [5, с. 23 – 24]. Стратегическую неопределенность новой системы отношений, возникшей после окончания «холодной войны», отечественный политолог Ф.А. Лукьянов объясняет изначальным отсутствием её договорной закрепленности и легитимизации, которые сопутствовали формированию более менее устойчивых миропорядков [4].

И украинский кризис – глобальное событие, меняющее облик международных отношений, и резко обострившееся американо-китайское соперничество вписываются в логику событий последних десятилетий, поскольку именно они представляют собой ключевые факторы перераспределения удельного веса центров влияния с трансграничным применением силы в разнообразных формах. Нынешняя фаза противостояния предваряет борьбу за распределение власти в международных отношениях, возможно, на протяжении всего XXI столетия.

По совокупности обстоятельств в обозримой перспективе прогнозируемы два базовых сценария трансформации функционирующего миропорядка: либо ожесточенное противоборство доминирующих держав, экспансионистский передел мира, закладывающий основания последующих национально-освободительных войн, либо альтернативный ему – рационализация международных отношений путём обеспечения баланса сил и национальных интересов ведущих мировых держав, обеспечения устойчивого развития всех народов и государств.

В контексте драматических событий последних десятилетий, особенно параллельно развивающейся конфронтации между Евро-атлантическим сообществом и Россией, а также США и Китаем, вероятность первого, конфликтного сценария представляется более реальной, чем мирная гармонизация человечества. Новый мировой порядок, скорее всего, будет вырастать из большого числа конфликтов по всему миру, продолжительного хаотичного состояния международной среды. Его становление в пространстве и времени будет нелинейным и иметь пульсирующий характер.

1. *Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Не одичать в «осыпающемся мире» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14.05.2020. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichatv-osypayushchemsya-mire/ (дата обращения 19.01.2025)*

2. *Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2007. – 288 с.*
3. *Киссинджер Генри. Мировой порядок / Генри Киссинджер; [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – М.: Издательство АСТ, 2017. - 512 с. – (Геополитика)*
4. *Лукьянов Ф.А. Особое совещание // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 4. С. 5–8. https://globalaffairs.ru/articles/osoboe-soveshhanie-lukyanov/ (дата обращения 24.05.2025).*
5. *Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский; отв. ред.: И. Я. Кобринская, Г. И. Мачавариани. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 213 с.*
6. *Хаас Р., Капчан Ч. Новый концерт держав. Как предотвратить катастрофу и обеспечить стабильность в многополярном мире // Россия в глобальной политике. 02.04.2021.https://globalaffairs.ru/articles/novyj-konczert-derzhav/ (дата обращения 18.11.2024).*
7. *Хаас Р. Мировой беспорядок / пер. с англ. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.*
8. *Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction. University of California Press 1992. 345 p.*

ВЛИЯНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

Попова Ольга Валентиновна
(СПбГУ, СЗИУ РАНХиГС)

Феномены политического доверия и политической стабильности активно обсуждаются в научных сообществах политических социологов, психологов и политологов. В самом общем плане считается, что доверие населения опирается на субъективные и эмоционально окрашенные представления людей о сути происходящих процессов и ожидание позитивных перемен. Политическое доверие обеспечивает стабильность политической системы и политического режима конкретного государства. Традиционно в структуре политического доверия выделяют такие формы, как институциональное (отношение к организациям), персонализированное (отношение к конкретным политикам) и процессуальное (отношение к политическому курсу, конкретным программам и проектам политической элиты). Важным фоновым показателем считается межличностное доверие самих граждан; сложно представить, что при низких показателях межличностного доверия параметры политического окажутся высокими.

Политическое доверие относится к достаточно неустойчивым (вариабельным) характеристикам индивидуального, группового и массового политического сознания, т.е. легко может стать объектом манипулятивного воздействия как в сторону повышения его показателей, так и разрушения. На него существенным образом влияют и экстренные рамочные условия, например экономические и социальные последствия санкций против государства. Вместе с тем, вектор отношения людей к политическим институтам, политикам и их действиям задает прежде всего политическая социализация граждан. В настоящее время показатели политического доверия оцениваются представителями российского политического истеблишмента как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического, политического развития страны, что находит отражение в официальном политическом дискурсе в последние 5 лет.

Значимыми характеристиками политической стабильности считаются устойчивость (способность адекватно, т. е. вовремя, соразмерно и без использования нелегитимного насилия реагировать на внешние и внутренние вызовы и угрозы) при сохранение определенной динамики развития политической системы, а также способность социума к самоорганизации за счет доминирования в нем горизонтальных связей. Приемлемой и вполне операциональной является и трактовка стабильности как временного равновесия.

Политическая нестабильность может спровоцировать ряд крайне негативных последствий вплоть до открытых политических конфликтов внутри страны и рисков нарушения национальной безопасности государства.

Один из наиболее существенных факторов политической дестабилизации – практика многолетней отрицательной селекции элиты, представители которой руководствуются преимущественно целью собственного обогащения в ущерб защите интересов государства и его граждан. Интересы представителей управленческой элиты зачастую трансформируются в особо скрываемые латентные преступные деяния, связанные с коррупцией, мошенничеством, превышением полномочий и т. д. Только за период с января по сентябрь 2025 года в России была открыта почти сотня уголовных дел против высокопоставленных чиновников. Масштаб их преступных деяний становится очевидным при указании на статус этих персон и объем похищенных средств. Отметим лишь некоторых из них: глава правительства Карачаево-Черкесии в 2008 – 2010 гг. В. Кайшев (конфисковано имущество стоимостью 42 млрд рублей), мэр Владивостока в 2004 – 2008 гг. В. Николаев (государству возвращено имущество на 14,8 млрд. рублей, подан новый иск на 5,3 млрд рублей), глава Краснодарского краевого суда в 1994 – 2019 гг. А. Чернов (государству возвращены объекты стоимостью свыше 13 млрд рублей), председатель Верховного суда Адыгеи в 1998 – 2019 гг. А. Трахов (по решению суда изъята сумма свыше 13 млрд рублей), госсекретарь Дагестана в 2021 – 2025 гг. М.-С. Магомедов (стоимость присвоенных им компаний оценивается в 100 млрд рублей, а ежегодный доход превышает 10 млрд рублей), председатель Совета судей с 2016 по 2025 г. В. Момотов (суд арестовал его активы на 9 млрд рублей), заместитель министра обороны в 2016 – 2024 гг. Т. Иванов (общая сумма взяток оценивается в 1,35 млрд рублей), мэр Плёса в 2010 – 2011 гг. А. Шевцов (прокуратура требует изъять у него 1,162 млрд рублей и 150 объектов недвижимости), мэр Вологды в 2008 – 2016 гг. Е. Шулепов (скончался до суда) и т.д.

В условиях проведения СВО особенно циничными выглядят преступные коррупционные деяния экс-представителей региональной политической элиты в приграничных областях РФ, вступавших в сговор и получавших взятки от отвечавших за фортификационные защитные сооружения представителей бизнеса: бывшие губернатор Курской области А. Смирнов и его заместитель. А. Дедов, бывший заместитель губернаторов Белгородской и Курской областей В. Базаров, экс-губернатор Белгородской области К. Полежаев, бывший депутат горсовета Белгорода В. Тарасенко, вице-губернатор Белгородской области Р. Зайнуллин, министр сельского хозяйства и заместитель главы Ростовской области К. Рачаловский, министр цифрового развития Ростовской области Е. Полуянов и т. д. Подобные ситуации показывают острую необходимость усиления контроля за расходованием бюджетных средств.

Варианты интерпретации экспертами сути происходящих резонансных задержаний с последующим судебным рассмотрением многообразны: от усиления политики самоочищения элиты в рамках системной борьбы с коррупцией до передела собственности и попыток в преддверии выборной думской кампании 2026 г. изменить расстановку сил на политической арене, в т. ч. между партиями. Наиболее интересной для аналитики в такой ситуации является реакция неэлитарных слоев общества на подобные разоблачения. С одной стороны, фокус общественного мнения может сконцентрироваться на идее восстановления справедливости, одной из наиболее значимой ценности практически для всех социальных групп, что в итоге может повысить показатели политического доверия. С другой стороны, вероятно распространение настроений, связанных с убежденностью в коррупционных характеристиках всей управленческой элиты, что свидетельствует

о наличии чувства отчужденности у населения, отсутствии обратной связи между управляемыми и управляющими, непрозрачности власти и ее действий.

Данные опросов ФОМ и ВЦИОМ показывают, что в российском социуме существует раскол по поводу принципиальной возможности победить коррупцию: 43 % убеждены в возможности преодоления коррупции, 47 % смотрят на такую перспективу скептически. Одинаковое количество респондентов – по две пятых от числа опрошенных – убеждены в том, что уровень коррупции в ближайшие годы повысится/понизится. Три пятых респондентов считают уровень коррупции в России неприемлемо высоким; треть респондентов убеждена в его росте. Обнадеживает то, 28 % рядовых граждан считают руководство страны способным и мотивированным на борьбу с коррупцией, в то время как лишь каждый десятый убежден в неспособности и нежелании политической элиты бороться с ней. Исследования показывают, что в целом отношение мужчин к подобного рода преступлениям более жесткое, чем у молодых женщин и женщин в старшей возрастной группы. В заключение отметим, что на практике активно проводимые на уровне регионов антикоррупционные мероприятия способствуют росту институционального политического доверия и социальной стабильности.

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА СТУДЕНТОВ РОССИИ

Приходько Владимир Андреевич
(Череповецкий Государственный Университет)

Аннотация: в статье рассматриваются факторы оптимизма во взглядах российских студентов на политическое будущее страны. Среди основных факторов называются политические ценности студентов и медиапотребление. Доказывается, что оптимизм в политических оценках характерен для большинства молодежи, однако степень его выраженности зависит от названных выше факторов.

Ключевые слова: оптимизм, студенты, политические ценности, телевидение.

В условиях повышенной неопределенности, вызванной событиями последних лет, их экономическими и социальными последствиями, большой интерес представляет то, как современные молодые люди конструируют образы будущего страны. В частности, политическая сторона этих образов и её оценочная окраска: позитивная или негативная. Если измерение индексов экономического оптимизма (иногда называемого «социальными настроениями») стало традиционным для российских и мировых исследований, то сведения об общих политических ожиданиях, особенно средне- и долгосрочных, публикуются значительно реже.

Под политическим оптимизмом здесь понимается «система представлений о мире политики, основанная на позитивных ожиданиях будущего, на убеждении и вере в возможность утверждения политической справедливости» [2, 83].

Степень оптимизма, в том числе политического, не является строгой функцией от возраста. По данным различных исследований, в первую очередь в области психологии, она действительно варьируется с возрастом, хотя характер связи может отличаться (к примеру, в исследовании Чопика и др. обнаруживается перевернутая U-образная зависимость [4]). Однако со временем в науке выработался взгляд, согласно которому оптимизм, изначально рассматривавшийся как психологическая категория, представляет интерес и для социологии, является социально детерминированным [3], а потому при

разных общественных условиях его связь с возрастом может отличаться. При таком подходе оптимизм рассматривается не столько как психологическое свойство личности, но как явление, имеющее во многом социальную природу, и зависящее от большого количества факторов: экономических, социокультурных [1] и др.

Кроме того, более позитивная настроенность на будущее среди представителей некоторых возрастов не означает, что они более оптимистично смотрят на перспективы развития всех сфер личной и общественной жизни. К примеру, А. Темницкий показывает отсутствие связи между возрастом и «социальным оптимизмом», понимаемым как «уверенность людей в успешном развитии общества, благодаря чему будут созданы благоприятные условия для реализации их жизненных планов» [1, 29]; Эта формулировка примечательна, поскольку под «обществом» здесь может имплицитно пониматься государство или иной политический порядок.

Эмпирической базой послужило исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенное Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 г. методом интернет-опроса в 29 субъектах РФ из всех федеральных округов. Объем выборки – 6389 респондентов.

Обратимся к данным таблицы 1.

Таблица 1. Уровень политического оптимизма российских студентов

	Позиция России на мировой арене сейчас	**Позиция России на мировой арене через 10–15 лет**	**Политическая обстановка в России сейчас**	**Политическая обстановка в России через 10–15 лет**
1 – отстающая	7	5	27	9
2	18	10	21	15
3	36	23	27	27
4	25	30	14	26
5 – лидирующая	14	32	11	24
Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН				

Студентам задавался вопрос: «Как бы Вы оценили по 5-ти балльной шкале …» и предлагалась соответствующая сторона жизни российского общества. Студенты умеренно оценивают сегодняшнее внешне- и внутриполитическое положение России (результаты с момента проведения опроса могли несколько измениться), однако более позитивно оценивает среднесрочное будущее страны: 62 % студентов считает, что Россия будет занимать важное или лидирующее положение (варианты 4 и 5) в мировой политике через 10 – 15 лет (и только по мнению 39 % Россия занимает такое место сейчас). Если около половины студентов находит нынешнюю политическую обстановку внутри страны напряженной (варианты 1, 2), то лишь 24 % считает, что такая ситуация сохранится в ближайшие годы, а 50 % видят будущее положение в стране стабильным. Таким образом, современная молодежь ждет позитивных изменений в политическом положении страны в будущем.

В то же время разные студенты, в зависимости от их политических ценностей и предпочтений, имеют разные картины настоящего и будущего России, и это влияет на степень их оптимизма. Для простоты визуализации мы объединили варианты ответов «4», «5» – позитивные; «1», «2» – негативные; значению «3» соответствуют умеренные оценки по приведенной 5-ти бальной шкале.

Обратимся к данным Таблицы 2, иллюстрирующей, как зависит степень внешнеполитического оптимизма российских студентов от их политических взглядов, а также к Таблице 3, показывающей ту же зависимость, но в сфере внутренней политики.

Таблица 2. Оценка позиции России на мировой арене в зависимости от политических взглядов

		Демократические	**Коммунистические**	**Либеральные**	**Консервативные**	**Социально-демократические**	**Националистические**	**Зелёная политик, энвайроментализм**	**Другое**
Негативно	Сейчас	26	23	45	17	31	30	41	29
	Через 10–15 лет	14	14	27	9	19	18	31	20
Умеренно	Сейчас	36	36	34	32	37	27	28	31
	Через 10–15 лет	23	25	29	17	24	18	23	22
Позитивно	Сейчас	38	41	22	52	32	43	31	40
	Через 10–15 лет	63	60	44	74	57	64	46	57

Таблица 3. Оценка внутренней политической обстановки в России в зависимости от политических взглядов

		Демократические	**Коммунистические**	**Либеральные**	**Консервативные**	**Социально-демократические**	**Националистические**	**Зелёная политик, энвайроментализм**	**Другое**
Негативно	Сейчас	51	40	74	36	52	37	67	53
	Через 10–15 лет	24	22	38	17	27	25	43	25
Умеренно	Сейчас	25	31	17	27	27	29	21	19
	Через 10–15 лет	26	27	30	22	30	24	33	25
Позитивно	Сейчас	24	30	9	38	21	34	12	28
	Через 10–15 лет	50	51	32	61	43	52	25	49

Из обеих таблиц следует, что студенты, независимо от политических ценностей и предпочтений, видят политическое будущее России более положительным, чем настоящее. При этом внешнеполитическое положение страны оценивается более позитивно, чем внутреннее (как в настоящем, так и в будущем): в большинстве групп число студентов, отрицательно оценивающих нынешнюю позицию России на мировой арене, не превышает 31 %; однако более половины студентов, за исключением националистов и консерваторов, негативно оценивает современную внутриполитическую обстановку. Группы, наиболее пессимистично оценивающее положение страны в настоящем – студенты либеральных и энвайроменталистских взглядов – и в своём оптимизме более сдержаны: ни в области внешней, ни в сфере внутренней политики доля таких студентов, позитивно оценивающих будущее России, не превышает 30 %. Это существенно ниже общего уровня оптимизма всех студентов. Но, например, если только 9 % либералов находят положение внутри России сегодня положительным и стабильным, то уже 32 % считают, что оно будет таким через 10 – 15 лет. Также немного менее позитивны оценки настоящего и будущего у социал-демократов, но они лучше, чем у либералов и энвайроменталистов.

В то же время, общий уровень оптимизма для большинства групп колеблется в области 50 – 55 % (демократы, коммунисты и др.). Несколько больше этих значений набирают только консервативно настроенные студенты.

Следующим фактором, влияющим на политический оптимизм, является частота просмотра телевидения (специфика медиапотребления). На сегодняшний день хорошо известно, что влияние СМИ на общественное мнение, политическую позицию аудитории достаточно велико. Это подтверждается данными таблиц 4 и 5, применительно к исследуемому предмету.

Студентам задавался вопрос: «Как Вы обычно проводите свободное время?». В таблицах приведено распределение ответов на вариант «Смотрю ТВ».

Таблица 4. Оценка позиции России на мировой арене в зависимости от частоты просмотра ТВ

		Никогда	**Редко**	**Довольно часто**
Негативно	Сейчас	32	22	20
	Через 10–15 лет	20	13	10
Умеренно	Сейчас	37	38	33
	Через 10–15 лет	26	23	19
Позитивно	Сейчас	31	41	48
	Через 10–15 лет	54	64	71
Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН				

Таблица 5. Оценка внутренней политической обстановки в России в зависимости от частоты просмотра ТВ

		Никогда	**Редко**	**Довольно часто**
Негативно	Сейчас	58	44	40
	Через 10–15 лет	31	21	17
Умеренно	Сейчас	23	30	28
	Через 10–15 лет	28	27	25
Позитивно	Сейчас	19	25	33
	Через 10–15 лет	41	52	58
Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН				

От частоты просмотра телевидения зависит оценка и нынешнего, и будущего внешне- и внутриполитического положения страны, и в обоих случаях связь оказывается одинаково сильной: 58 % студентов, никогда не смотрящих ТВ, негативно оценивают политическое состояние внутри России сегодня, а из тех, кто смотрит часто – 40 %. Вместе с тем, 58 % активных телезрителей видят внутриполитическое будущее страны позитивно, а из тех, кто не смотрит ТВ – также только 40 %. При этом 71 % студентов, часто просматривающих ТВ, видит Россию в будущем сильной, лидирующей на мировой арене; из не смотрящих – 54 %. Отсюда с очевидностью следует, что альтернативные телевидению СМИ распространяют в целом более негативный образ развития России, чем традиционное ТВ, что влияет на политические взгляды их аудиторий.

Таким образом, большинство студентов позитивно смотрит на политические перспективы России. Многие из тех, кто сдержанно или негативно оценивает положение страны сегодня, ожидают положительных изменений в будущем, т.е. смотрят оптимистично. В то же время, студенты, придерживающиеся либеральных и энвайроменталистских взглядов, а также те, кто почти никогда не смотрит ТВ, демонстрируют менее позитивные оценки настоящего и будущего, чем большинство; а консервативно настроенные студенты и активные телезрители – наоборот несколько более позитивные. Также следует отметить, что, безусловно, существуют и другие факторы, значимо влияющие на степень политического оптимизма российской студенческой молодежи, не рассмотренные в данной работе.

1. *Грачев М. Н., Родионов А. Н. Политическая энциклопедия. Т. 2. / Пред. ред. совета Г. Ю. Семигин. Москва: Мысль. 1999. С. 701.*
2. *Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 39-54.*
3. *Темницкий А. Л. «Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России» // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 4(16). С. 19-35.*
4. *Chopik, W., Kim, E., Smith, J. Changes in optimism are associated with changes in health over time among older adults // Social Psychological and Personality Science. 2015. № 6. P. 814-822.*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЕ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Ракович Елизавета Витальевна
(Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картограф)

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные и методологические основы создания социально-управленческой экспертной системы в современном вузе. Раскрываются возможности применения системного, структурно-функционального, ситуационного, деятельностного и когнитивного подходов в управлении образованием. Показана роль социальной экспертизы как инструмента повышения эффективности управленческих решений.

Ключевые слова: социальная экспертиза, управление вузом, экспертная система, системный подход, когнитивные модели, социальное управление.

Современное высшее образование претерпевает сильные изменения, поэтому система эффективного управления вузом все чаще требует учета социальных факторов и интересов всех стейкхолдеров – студентов, преподавателей, работодателей и общества в целом. Социальная экспертиза в данном случае выступает механизмом, который позволяет оценить управленческие решения и процессы на предмет их соответствия социальным потребностям и общественным интересам.

В таком контексте целью социальной экспертизы является именно установление соответствия деятельности социальных институтов интересам граждан и задачам социальной политики, в нашем случае – это система образования в лице высших учебных заведений. Иными словами, социальная экспертиза призвана отвечать на вопрос, насколько деятельность вуза и принимаемые его руководством управленческие решения отражают запросы общества, студентов и других групп, и как их скорректировать для повышения социальной эффективности управления [4].

В последние годы в отечественном научном сообществе формируется определенное представление о социально-управленческих экспертных системах, которые совмещают в себе методы социальной экспертизы и инструменты поддержки управленческих решений. Социально-управленческая экспертная система – интеграция экспертных знаний и социологических подходов в систему управления, зачастую опирающаяся на информационные технологии, что позволяет увеличить прозрачность и повысить качество принимаемых решений в таких сложных социальных системах как высшие учебные заведения [6].

В контексте вуза такая система может включать в себя сбор и анализ социологической информации о различных процессах: качество образования, уровень удовлетворенности студентов или преподавателей, эффективность внутренних систем коммуникации. Вместе с этим довольно часто используют метод экспертной оценки, а также все чаще прибегают к специальному программному обеспечению, которое может моделировать варианты управленческих решений на основе заложенных знаний и даже прогнозировать возможные исходы от их внедрения.

Актуальность разработки социально-управленческих экспертных систем в вузе обусловлена усложнением самой структуры университетской среды и необходимостью научно-обоснованного управления. Университет представляет собой сложную социальную систему, где формализовать человеческие взаимодействия и социально-психологические процессы крайне сложно, поэтому именно эта сфера нередко остается вне цифровых изменений. Социально-управленческая экспертная система позволяет восполнить этот пробел, интегрируя методы социальной экспертизы и анализ экспертных знаний в управленческую практику. Она обеспечивает адаптацию политики вуза к изменениям внешней среды и повышает прозрачность принимаемых решений, опираясь на объективированные социальные данные и экспертные оценки.

Для построения эффективной социально-управленческой экспертной системы необходима серьезная теоретико-методологическая база, например, Макаров С. Н., исследовавший социально-управленческие экспертные системы, предлагает в качестве методологического каркаса сочетание нескольких научных подходов и моделей, каждая из которых вносит свой вклад в понимание и моделирование управленческих процессов [5]:

– Системный подход – задает общее видение университета и процессов в нем как сложной системы, состоящей из множества элементов, связанных между собой. Для управления это означает, что все подсистемы университета: учебная, научная, административная, социальная и культурная рассматриваются во взаимосвязи.

Системный подход обеспечивает синергетическое понимание работы университета: свойства всей системы управления образованием в вузе не могут быть сведены к сумме свойств отдельных ее частей, в таком случае только совокупный анализ дает возможность понять эффект от управленческих воздействий [7]. В социально-управленческой экспертной системе системный подход позволяет структурировать базу знаний таким образом, чтобы учитывать всю совокупность факторов – от структуры организации до информационных потоков.

– Структурно-функциональный подход – фокусируется на содержании элементов системы и их функциях. Применительно к вузу это означает анализ ролей и функций различных участников, а также выявление показателей эффективности их деятельности. В методологии экспертной системы структурно-функциональный анализ помогает эмпирически выявлять ключевые индикаторы работы каждого элемента, выстраивать внутренние структуры и операционализировать понятия для последующего мониторинга. Например, можно определить индикаторы качества обучения, удовлетворенности студентов, продуктивности научной работы и включить их в базу знаний системы.

– Ситуационный подход. В управлении университетом большое значение имеют конкретные ситуации взаимодействия – будь то ситуация принятия решения ректоратом, взаимодействие декана с преподавателями или преподавателя со студентами [1]. Ситуационный подход описывает управленческий процесс сквозь призму набора ситуаций, предполагая необходимость выбора альтернатив поведения в каждой.

По сути, управление рассматривается как субъект-субъектный процесс: руководитель и подчиненные взаимодействуют, совместно определяя наилучшие действия. Использование ситуационного подхода в экспертной системе позволяет моделировать различные сценарии развития событий и реакций участников.

Более того, этот подход создает предпосылки для внедрения в вузовское управление идей о равенстве менеджмента, где учитываются мнения разных участников процесса. Практически это выражается, например, в создании сценариев решения проблем, учитывающих как позицию администрации, так и ожидания студентов, и выбор оптимального решения с позиции ситуации как целого.

– Символический интеракционизм базируется на символах: ценности академической культуры, неформальные нормы общения, статусные ролями. Данный подход как часть методологической основы позволяет учитывать коммуникативный аспект управления, ставит задачу формализовать совокупность символов и значений, которыми обмениваются участники управления, и рассматривать их как ресурс эффективной коммуникации [5].

В социальной экспертизе в таком случае обращают внимание к вопросам организационной культуры, имиджа, мотивации: например, анализ риторики руководства, символических акций и их влияние на сотрудников и студентов. Операционализация символического взаимодействия – непростая задача, но она важна для полного учета факторов, влияющих на управленческие решения.

– Деятельностный подход рассматривает управление как особый вид деятельности, имеющий структуру и психологическое содержание. Этот подход опирается на работы А. Н. Леонтьева и вводит в модель представление о том, что управление – это не только объективный процесс, но и деятельность человека со всеми присущими ей характеристиками [3].

В методологическом плане деятельностный подход описывает управление вузом через призму мотивов, целей, действий и операций руководителей и других субъектов. Он подчеркивает важность роли личности руководителя, иными словами управление должно быть органично вписано в структуру личности менеджера, его ценности, стиль, навыки.

Для экспертной системы это означает необходимость учитывать человеческий фактор – разные стили управления, психологические особенности принятия решений и закладывать в систему возможности адаптации рекомендаций под эти особенности. Иными словами, система должна быть человеко-центричной, поддерживая, а не подменяя руководителя.

– Когнитивные модели. Дополняя перечисленные социологические парадигмы, в основу системы включаются и когнитивные модели, помогающие структурировать знания. В частности, предлагается использовать концепцию фреймов – структур ментального представления знаний [2].

Фреймы позволяют моделировать типовые ситуации и сценарии в управлении, показывая, какие роли, действия и ожидания присущи тому или иному контексту. В социально-управленческой экспертной системе применение фреймов целесообразно, поскольку управление в социальной сфере особенно в образовании часто сводится к конечному набору типовых ситуаций, для которых можно задать шаблоны решений. К примеру, фрейм «конфликт преподавателя и студента» или «изменение образовательных программ под новые ФГОСы» описывает набор условий и возможных шагов, и система на основе таких фреймов генерирует рекомендации, учитывая накопленный в учреждении опыт.

Объединение всех вышеперечисленных подходов обеспечивает именно полипарадигмальность методологической основы социально-управленческой экспертной системы в современном вузе. Благодаря этому такая система становится более многогранной: она рассматривает университет одновременно и как целостную систему, и как совокупность функций, и как набор конкретных ситуаций взаимодействия, и как пространство символов и коммуникаций и т. д. Такой междисциплинарный, многомерный подход создает научно обоснованный фундамент, позволяющий разрабатывать модель экспертной системы, адекватно отражающую сложность социального управления в системе высшего образования.

Инструментальная реализация управленческих практик на этой основе требует сложных конструктивных решений, но одновременно обеспечивает учет современных трендов в управлении и возможность обработки комплексной информации. Таким образом, концептуальные основы социально-управленческой экспертной системы закладываются на стыке нескольких теоретических парадигм, что повышает ее научную обоснованность и практическую ценность.

1. *Арбатская Е. А. Оценка эффективности организационной культуры: ценностно-ситуационный подход // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 6. – С. 1383–1402.*
2. *Демидова Е. Е. Когнитивные модели «власть в руках», «руки власти» и «власть руки» способы их реализации // Известия ВГПУ. – 2021.– №10 (163). – С. 149–153.*
3. *Ждан А. Н., Е. Е. Соколова Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2023. – Т. 46, № 2. – С. 23–45*
4. *Макаренко Е. И. Социальная экспертиза современных подходов к подготовке инженеров // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. – 2022. – № 4(5). – С. 57–61.*
5. *Макаров С. Н. Цифровизация управленческих практик в государственном управлении // Новая реальность современного мира: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (3–4 февраля 2021 г.); Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул: АЗБУКА, 2021. – 224 с*
6. *Макаров С. Н. Экспертные системы в государственном управлении: монография. – Смоленск: Универсум, 2014. – 248 с.*
7. *Чепуренко Г. П., Крылова Е. В. Системный подход в управлении вузом в информационном обществе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 4. – С. 345–351.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Ревенский Николай Сергеевич
(ВКА им. А. Ф. Можайского)

Шаповал Данил Максимович
(ВКА им. А. Ф. Можайского)

Морозов Денис Александрович
(ВКА им. А. Ф. Можайского)

Проников Александр Николаевич
(ВКА им. А. Ф. Можайского)

Введение. Современная политика всё чаще проявляется не как борьба за территории или ресурсы, а как противостояние смыслов, интерпретаций и эмоциональных состояний общества. В условиях цифровой среды управление вниманием и восприятием становится самостоятельным инструментом власти.

Эта тенденция находит отражение в концепции когнитивных войн – комплекса действий, направленных на изменение картины мира массового сознания с помощью управляемых информационных и эмоциональных потоков.

Ещё в первой половине XX века Эдвард Бернейс писал, что общественное мнение формируется через ограниченное число лидеров мнений, которые «организуют хаос восприятий». В XXI веке эта идея получила новую форму: благодаря социальным сетям и

алгоритмам персонализации управление сознанием стало распределённым, а границы между информированием и манипуляцией – размытыми.

Современные исследования когнитивных искажений (Д. Канеман, А. Тверски) показывают, что человек принимает большинство решений не рационально, а под влиянием эмоциональных и контекстуальных факторов. Именно эта особенность делает аудиторию восприимчивой к когнитивным ударам – сериям скоординированных медийных воздействий, создающих эффект объективности и эмоциональной необходимости.

Теоретические основы

Исследование когнитивных войн опирается на несколько ключевых направлений в социальной и когнитивной психологии.

• Гюстав Лебон описывал поведение толпы как подверженное внушению и эмоциональному заражению.

• Уолтер Липпман вводил понятие псевдоокружения – символической реальности, в которой человек воспринимает мир через упрощённые образы, созданные медиа.

• Жак Эллюль подчеркивал, что в современном обществе пропаганда действует непрерывно, формируя привычные модели мышления.

• Даниэль Канеман и Амос Тверски показали, что мышление человека систематически отклоняется от рациональной логики из-за эвристик – когнитивных сокращений, помогающих быстро принимать решения, но часто приводящих к ошибкам восприятия.

Эти идеи формируют основу для понимания политических коммуникаций как борьбы за контроль над когнитивными процессами – вниманием, интерпретацией и доверием.

Принцип когнитивных ударов

Механизм когнитивных ударов можно представить как структуру управляемых воздействий на общественное восприятие.

1. Согласованность сигналов. Единая повестка во всех медийных контурах создаёт эффект достоверности и согласия.

2. Активизация лидеров мнений. Ключевые акторы транслируют идентичные нарративы, усиливая когнитивную синхронность.

3. Эмоциональная мобилизация. В массовое сознание внедряются простые бинарные образы («свой – чужой», «добро – зло»), снижающие когнитивную сложность восприятия.

4. Создание критической массы. Социальные сети превращают эмоцию в действие – от лайка до митинга.

5. Эффект короткой памяти. Медиа-волны длительностью 3 – 5 дней обеспечивают циклическое переключение внимания, не оставляя пространства для аналитического осмысления.

Подобные процессы не обязательно имеют централизованное управление. В цифровой среде они возникают как результат взаимодействия алгоритмов, интересов акторов и эмоциональной динамики общества.

Когнитивные искажения как инструмент воздействия

Когнитивные искажения играют ключевую роль в распространении и закреплении нарративов.

Политические акторы используют несколько типичных механизмов:

• Эффект подтверждения: аудитория выбирает только те источники, которые соответствуют её убеждениям.

• Эвристика доступности: эмоционально насыщенные события воспринимаются как более значимые.

• Эффект якоря: первая интерпретация события задаёт рамку последующего восприятия.

• Групповая поляризация: обсуждение внутри единомышленников усиливает радикальные позиции.

• Иллюзия правды: повторение повышает субъективное ощущение достоверности.

В совокупности эти эффекты создают условия, при которых массовое восприятие становится управляемым даже при отсутствии централизованной пропаганды.

Постсоветское пространство как поле когнитивных конфликтов

Постсоветские общества представляют собой особую зону когнитивной конкуренции, где историческая память, язык и идентичность становятся элементами политической борьбы.

В странах, переживших переходные процессы – Грузии, Армении, Молдове, Украине, – массовые протесты часто сопровождаются активным использованием эмоциональных фреймов и символических образов. Лозунги, визуальные маркеры и короткие медиа-сообщения становятся триггерами коллективного действия.

Так, протесты в Грузии 2023 – 2024 годов против закона об иностранных агентах иллюстрируют, как цифровая среда формирует когнитивные волны: единый лозунг мгновенно распространяется через социальные сети, создавая ощущение единства и моральной необходимости участия.

Особый интерес представляет Литва, где языковая политика остаётся фактором внутреннего когнитивного напряжения. Несмотря на то, что значительная часть населения владеет русским языком, его использование в публичной сфере часто воспринимается как политически чувствительное. Это создаёт ситуацию, когда язык становится не просто средством коммуникации, а символом культурной принадлежности и политического выбора.

Публичные заявления о «необходимости защищать русский язык», появляющиеся в политических и медийных дискуссиях, демонстрируют, как идентичностные вопросы могут служить катализатором когнитивной мобилизации.

Таким образом, постсоветское пространство можно рассматривать как лабораторию, где переплетаются когнитивные, культурные и политические механизмы формирования общественного сознания.

Когнитивная резильентность как стратегия противодействия

Современная политическая психология постепенно смещает акцент от изучения манипуляций к исследованию устойчивости к ним.

Понятие когнитивной резильентности (resilience) обозначает способность индивида и общества сохранять критическую дистанцию к информации, осознавать собственные когнитивные искажения и поддерживать доверие к проверенным источникам.

Повышение когнитивной устойчивости возможно через:

• развитие медиаграмотности;

• обучение навыкам критического чтения и интерпретации;

• внедрение образовательных практик, развивающих осознанность восприятия;

• стимулирование публичных дискуссий, основанных на проверяемых данных.

Заключение

Когнитивные войны – это не только феномен политической коммуникации, но и отражение более глубокого процесса: трансформации структуры общественного сознания в условиях медиатизации и цифровизации.

Управление вниманием, интерпретацией и эмоциональным климатом становится новой формой власти.

Понимание механизмов когнитивных ударов и искажений позволяет выстраивать стратегии когнитивной резильентности, необходимые для поддержания социальной устойчивости и демократических институтов.

ВЫБОРЫ ГУБЕРНАТОРА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Руднева Ольга Олеговна
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В рамках данной статьи будет проанализировано влияние социальных сетей на электоральный выбор на примере выборов губернатора Ростовской области по итогам сентябрьского электорального цикла 2025 года.

Ключевые слова: выборы, социальные сети, ростовская область, электоральный выбор.

В текущих реалиях электоральный процесс тесно взаимосвязан с социальными сетями, поскольку элементы виртуальной социальности все больше проникают во все сферы общественной жизни. В этих условиях желающие быть избранными, как независимые кандидаты, так и политические партии, стремятся использовать по максимуму возможности, которые открывают платформы общения для освещения своей политической повестки, контроля общественного мнения и активизации сторонников.

В актуальном политологическом и социологическом знании есть множество теоретических концепций, обусловливающих воздействие сетевых сообществ на электоральные процессы. Рассмотрим основные из них. Учёные в лице М. Кастельса, Ю. Хабермаса и Э. Ноэль-Нойманн обосновали то, как коммуникативное действие влияет на электоральное поведение.

Согласно теории сетевого общества испанского социолога М. Кастельса, сети, сформированные информационными потоками, в современности играют ключевую роль в формировании новых социальных общностей и проявлений политического действия. Всемирная паутина вообще и социальные сети в частности являются местом, где выстраивается прямая коммуникация между избирателями и потенциально избранными, что позволяет электорату консолидироваться вокруг импонирующего кандидата, с одной стороны, и воздействовать кандидату на электорат, с другой, охватывая большую аудиторию с помощью информационных технологий и социальных сетей, чем если бы это происходило в реальном взаимодействии. [1]

Теория публичной сферы немецкого философа Ю. Хабермаса описывает средства массовой информации как место для дискуссий в рациональном ключе и как мощную площадку для становления общественного мнения. Всемирная паутина в лице сообществ в интернете, по теории Ю. Хабермаса, стимулирует потенциальных избирателей к участию в политической жизни общества, освещая существующие возможности для участия и формируя общественное мнение. В то же время автор отмечает, что с ростом и ускорением распространения информационных технологий, а также расширением

сообществ в социальных сетях, возникает угроза распада публичной сферы на мелкие группы влияния и появляется дезинформация. [4]

Немецкий социолог Э. Ноэль-Нойманн в своей теории «Спираль молчания» иллюстрирует, как отношение к наиболее распространенному в обществе мнению может оказывать влияние на намерение избирателей сделать тот или иной выбор или не сделать выбор совсем. Исходя из этой теории, получается, что платформы общения дают возможность увидеть многообразие мнений относительно предстоящего электорального процесса, что создает как раз «спираль молчания», влияющую на электоральное поведение в целом. [2]

Множество практических современных исследований показывают значительное влияние социальных сетей на электоральный выбор. Так сетевые площадки дают возможность кандидатам распространять свою политическую программу на широкую аудиторию, а также транслировать личное позиционирование. Сообщества в интернете часто становятся местом проведения виртуальных акций в поддержку кандидата и других типов политического действия. Платформы для общения формируют общественное мнение благодаря массовому обсуждению кандидатов, что влияет на конечный электоральный выбор. Однако в социальных сетях, помимо положительных аспектов, можно выделить отрицательные в виде высокой вероятности распространения недостоверной информации, политического манипулирования мнением общественности, возникновением иррациональных дискуссий. [3]

С целью анализа влияния социальных сетей на электоральный выбор в ходе губернаторской избирательной кампании в Ростовской области в 2025 году были исследованы сетевые платформы кандидатов на популярных площадках, а также был организован опрос жителей Ростовской области, обладающих активным избирательным правом, с целью выяснения их электоральных ориентаций с учётом использования респондентами социальных сетей как средства политической информации.

В результате анализа было установлено, что все кандидаты на пост губернатора Ростовской области активно вели социальные сети для освещения своей политической позиции. Больший объём позитивной информации в сетевых сообществах кандидата в дальнейшем демонстрировал больший уровень поддержки, чем преобладание негативной информации. Коллаборация кандидатов с местными лидерами общественного мнения оказала влияние на электоральную ориентацию части населения, интересующейся блогер-сферой. Молодой электорат Ростовской области активно использовал социальные сети для получения информации о выборах, что оказало влияние на их выборное решение, в то время как представители более возрастных групп в качестве источника политической информации использовали телевидение и печатные издания. В процессе избирательной кампании были зафиксированы фейковые новости и вбросы, что оказало влияние на наименее образованные категории населения.

Таким образом, социальные сети оказали существенное влияние на электоральный выбор в ходе избирательной кампании губернатора Ростовской области в 2025 году. Сетевые сообщества в разной форме активно использовались как кандидатами, так и избирателями, что в целом положительно повлияло на электоральный процесс. При этом не стоит забывать, что платформы общения также являются площадкой для дезинформации и манипуляций. Стоит подумать о разработке мер противодействия негативной составляющей влияния социальных сетей на электоральный выбор. Например, можно было бы проводить курсы медиаграмотности для наиболее уязвимых групп населения.

1. *Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст]: учеб, пособие / К28 М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564, [4] с. – (Переводные учебники ВШЭ)*
2. *Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.: илл.*
3. *Уртаева Э. Б. Цифровые инструменты и каналы современных предвыборных коммуникаций // Дискуссия. – 2024. – № 124. – С. 190-200.*
4. *Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2016*

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И НОВЫЕ СОЛИДАРНОСТИ: КАК ИНСТИТУТ ДАЧИ ВОСПРОИЗВОДИТ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рыжкова Елена Александровна
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения социального института дачи как одной из конституирующих основ, способствующих укреплению социального порядка в современном российском обществе, при этом гибко трансформирующегося под новые условия, а также выступающего плацдармом для укрепления традиционных российских ценностей и возникновения новых стратегий солидарности. Концептуализация поставленной проблемы проведена на основании эмпирических данных, полученных в ходе автоэтнографического исследования и цикла глубинных интервью дачников Самарской области, по итогам которых выявлены мотивы и практики современных дачников.

Ключевые слова: дача, социальный институт, мотивы и практики дачников, традиционные ценности, концепции солидарности.

В настоящее время российское общество переживает трансформацию традиционных институтов и поиск новых моделей солидарностей. Это продиктовано такими крупными вызовами последних лет, как пандемия Covid-19, проведение специальной военной операции, экономические санкции, цифровизация и другими изменениями в обществе и экономике, которые привели к пересмотру моделей расселения и удаленной занятости, к экономической и геополитической турбулентности и усилили запрос на социально-экономическую устойчивость и автономию домохозяйств. В этом контексте институт дачи, обладающий глубокими историческими корнями и успешно переживший за время своего существования много точек бифуркации, вновь демонстрирует устойчивость и высокую адаптивность к новым условиям.

Как говорил американский социолог Нейл Смелзер, «в обществе всегда идет перетягивание каната» [4, 20]. Одни силы внутри общества стремятся сохранить сформировавшиеся социальные институты, другие – стимулируют трансформацию и появление новых форм общественных отношений.

С точки зрения теории Д. Норта [3, 29], одна из функций социальных институтов состоит в минимизации неопределенности будущего. На каждой из переломных вех в российской истории институт дач становился одной из важнейших составляющих структуры общества, каркасом социальных связей и воспроизводства привычных практик,

благодаря чему обеспечивал стабильность в моменты турбулентности общества и экономики, давал импульсы для развития повседневной жизни путем включения в себя новых элементов, соответствующих развитию политических и экономических институтов.

В рамках социологического исследования, направленного на изучение института дач, было проведено автоэтнографическое исследование и серия из 19-ти глубинных интервью, целью которых стало выявление мотивов и социальных практик дачников. Старт исследования с автоэтнографии был продиктован принадлежностью автора к сообществу дачников с опытом дачной жизни чуть более года. Информанты подбирались из числа владельцев дачных хозяйств в садово-дачных товариществах в разных муниципальных районах вблизи города Самара Самарской области. В исследовании не участвовали владельцы элитных коттеджей, домов с круглогодичным проживанием и домов в деревне. Обработка данных проводилась с применением программного продукта MAXQDA.

Согласно современному подходу практического поворота в социальной теории мотивы и практики целесообразно рассматривать вместе, так как они не отделимы друг от друга. В соответствии с концепцией Т. Шатцки [5], они являются частями целостной телеологической структуры, представляющей собой единый каркас целеполагания и системы ценностей индивида, исходя из которого он совершает те или иные действия.

Путем автоэтнографического исследования на пути к формированию типологии мотивов дачников были выявлены первые смыслы, которые были разделены на 5 групп: предпосылки заведения дачного хозяйства, основные виды деятельности на даче, «что дает дачнику дача?», издержки ведения дачного хозяйства, мотивы ведения дачного хозяйства. Также была сформулирована предварительная гипотеза, заключающаяся в компенсаторной роли дачи по отношению к издержкам городского образа жизни как основополагающем мотиве к заведению дачного хозяйства.

По итогам глубинных интервью была разработана типология мотивов дачников, проиллюстрированная примерами практик, содержащая три блока мотивов:

мотивы эскапизма и компенсации,

мотивы самореализации и конструирования собственной идентичности;

мотивы социальной интеграции и коммуникации.

Если рассмотреть эти мотивы через фрейм минимизации неопределенности будущего, то становится очевидным, что все три группы мотивов демонстрируют нацеленность современного дачника на поиск своеобразных «точек опоры» в быстро меняющемся мире. При этом нарративы дачников показывают, что институт дач удовлетворяет этому требованию.

Мы видим, как наблюдаемый сегодня всплеск актуальности распределенного образа жизни по модели «квартира в городе/дача как второе сезонное жилье» является транспонированием фундаментальных социальных отношений из урбанизированной среды в природное пространство [1].

Так, например, мотивы эскапизма и компенсации с этой точки зрения нацелены на конвертацию капитала дачника в другие его формы. В условиях новых вызовов это соответствует известной формуле «разложить яйца в разные корзины». Экономический капитал, направленный на покупку дачи, ее дальнейшее обустройство, покупку саженцев и семян в среднесрочном периоде транспонируется в капитал, которым можно будет воспользоваться в период неопределенности – жить на даче в период пандемии, за счет возможностей цифровизации работать удаленно, уехать за город в период атак БПЛА и др.

«На момент принятия решения у нас были некоторые накопления… по уровню нашей жизни я понимала, что мы полноценный дом, коттедж … в каком-то вот прям пригороде не потянем, поэтому мы нашли, нащупали это решение, понимая, что таким путем мы значительно расширим свое жизненное пространство.» (Автоэтнография)

Мотивы самореализации и конструирования собственной идентичности, которые проявляются в таких практиках, как огородничество и ландшафтный дизайн, создание образа дачного дома, основанного на воспоминаниях из детства, приготовление еды в зоне барбекю, дают современному дачнику возможность транслировать и воспроизводить культурные модели, усвоенные в детстве и отмеченные в процессе жизни как желаемые. Дачная жизнь насыщена социокультурными смыслами, которые зачастую связаны с семейными традициями, переносом образов дачной жизни из дореволюционной и советской культуры в сегодняшний день, воспроизводством образцов дачных практик из русской литературы и кино. Вокруг всех этих тем возникает множество новых стратегий солидарности.

«Я очень люблю весенний сад, это самые красивые краски, наверное, потому что в мае у меня очень много тюльпанов, луков, это очень красиво. Несколько лет назад я посадила 18 метров длиной грядку тюльпанов и шириной в метр. У меня там 5000 тюльпанов.» (К., ж., предприниматель)

Мотивы социальной интеграции и коммуникации направлены на объективацию социального капитала по Пьеру Бурдье [2] в сообществах семьи, друзей и единомышленников, других дачников и также непосредственно работают на укрепление социального порядка. Одна из ярких практик, являющаяся точкой сборки многих практик и социальных связей дачной жизни, – проведение времени на веранде (в беседке, на террасе). Она представляет собой пространство, вынесенное за скобки городской суеты в природную экосистему, но при этом обладающее благами цивилизации.

«Любимое место на даче – веранда. На веранде сидим и просто занимаемся культурным досугом, читаем какую-то литературу и так далее. И всё вместе получается – и интеллектуальное, и природное.» (Л., м., научный работник, преподаватель высшей школы)

С развитием Интернет-технологий дачники активно общаются в социальных сетях, обмениваются фотографиями своих достижений, информацией о посадочном материале и уходовых практиках. За счет этого социальные связи института дачников в современном мире носят распределенный характер и простираются далеко за пределы садово-дачного товарищества. Данный пример общения дачников представляет собой лишь одну из стратегий солидарности, которая возникла в новом времени и значительно укрепляет через социальный институт дач существующий социальный порядок.

Таким образом, современный институт дачи в России представляет собой сложный социальный феномен, выполняющий функции стабилизатора и адаптера в условиях социальной турбулентности. Через выявленную триаду мотивов – эскапизма и компенсации, самореализации и конструирования собственной идентичности, социальной интеграции и коммуникации – институт дачи, он, с одной стороны, воспроизводит унаследованные от советского и дореволюционного прошлого культурные модели и традиционные ценности (такие как связь с землей, семейственность, трудолюбие), а с другой стороны активно формирует новые формы солидарности – как в физическом пространстве, так и в цифровой среде (распределенные онлайн-сообщества) – которые работают на адаптацию к новым условиям. Тем самым, дача продолжает выступать, по Норту, механизмом минимизации неопределенности, обеспечивая индивидам и семьям социальный, культурный и экономический «буфер», а обществу в целом – гибкий каркас

социального порядка, дающий возможность обращаться к традиционным ценностям как источнику стабильности и устойчивости в условиях вызовов современности.

1. *Бурдьё П. 2001. Практический смысл. Перев. с франц. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; отв. ред. и автор предисл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.- 2001 г. – 562 с.*
2. *Бурдьё П. 2002. Формы капитала. Перев. с англ. М. С. Добряковой. Экономическая социология. 3 (5): 60–74.*
3. *Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с. – ISBN 978-5-7598-0754-4*
4. *Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.*
5. *The practice turn in contemporary theory / Ed. by Schatzki T. R. etal. – L.: Routledge, 2001. – IX, 239 p.*

РЕЖИМ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И СТАБИЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Свиридов Борис Александрович
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Введение. Современное общество постоянно находится в состоянии динамических изменений, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. Одним из ключевых механизмов таких изменений является социальная мобилизация – процесс вовлечения различных групп населения в активные действия, направленные на достижение конкретных социальных целей. В рамках этого процесса возникает вопрос о влиянии режима социальной мобилизации на стабильность общества. Какие типы мобилизации способствуют укреплению социальной стабильности, а какие могут её подорвать? В настоящей статье проводится анализ роли режима социальной мобилизации в обеспечении или дестабилизации общественного порядка, рассматриваются основные теоретические подходы и эмпирические данные.

Теоретические основы понятия «Режим социальной мобилизации». Социальная мобилизация – это комплекс мероприятий, направленных на привлечение населения к участию в политической, экономической или культурной жизни общества. В научной литературе выделяются различные режимы мобилизации, которые можно условно разделить на два типа: интегративные и деструктивные.

Интегративные режимы характеризуются формированием внутри общества условий для конструктивного взаимодействия, диалога и объединения усилий для достижения общих целей. Такой режим предполагает легитимность мобилизационных процессов, прозрачность их проведения и уважение к правам граждан.

Деструктивные режимы связаны с использованием мобилизации для подавления оппозиции, нарушения прав человека, а также с насильственными методами достижения целей. Такие режимы могут привести к дезинтеграции общества и ухудшению его стабильности.

Режимы социальной мобилизации формируют своеобразный «режим функционирования» общественных процессов, оказывая существенное влияние на уровень социальной стабильности и развитие государства в целом.

Механизмы влияния режима мобилизации на стабильность общества

Реакция на социальные вызовы. Общество может реагировать на кризисы, такие как экономический спад, политическая нестабильность или социальное неравенство, посредством мобилизации различных групп. Если режим мобилизации является

интегративным, он способствует объединению общества, повышению его устойчивости. Например, в периоды экономического кризиса участие граждан в диалоговых платформах и социальное партнерство помогают преодолеть трудности без разрушительных конфликтов [1].

Легитимность и доверие. Режимы мобилизации, основанные на легитимных и открытых процедурах, способствуют укреплению доверия к институтам власти и социальной системе. В этих условиях мобилизация воспринимается как инструмент достижения общих целей, что усиливает социальную стабильность.

Использование силы и репрессивные меры**.** Деструктивные режимы, использующие силу или репрессивные меры для подавления мобилизации, могут временно удерживать власть, однако в долгосрочной перспективе такие методы вызывают недоверие, протесты и социальные конфликты. Исторический опыт показывает, что чрезмерное применение силы для подавления мобилизации зачастую ведет к эскалации насилия и дестабилизации.

Образование и распространение идеологических мобилизационных стратегий**.** Идеологическая мобилизация, либо мобилизация через социальные сети и медиа, является мощным инструментом формирования массового сознания. В случае положительной идеологической платформы и этичных методов она способствует укреплению единства и стабильности; в противном случае – может провоцировать конфликты и расколы.

Эмпирические данные и примеры. Исследования показывают, что режимы социальной мобилизации оказывают различное влияние в зависимости от контекста и методов реализации. Например, в странах с развитой демократией и высоким уровнем гражданских свобод интегративные мобилизации зачастую способствуют укреплению социальной стабильности. В таких странах граждане участвуют в выборах, общественных движениях и диалогах с властью, что создает эффект социальной легитимности [1, 2].

В противоположность этому, авторитарные режимы зачастую используют мобилизацию в репрессивных целях, что приводит к скрытым конфликтам и рискам социального взрыва. Например, события «арабской весны» 2010 – 2011 годов демонстрируют, как мобильные технологии и социальные сети могут стать инструментами мобилизации населения против режима, что может привести как к демократическим преобразованиям, так и к хаосу и гражданской войне.

Еще одним примером является ситуация в странах, переживающих экономические кризисы. Там мобилизация в виде протестных движений или забастовок часто носит деструктивный характер, вызывая дальнейшую нестабильность и ухудшение социального климата.

Роль государства и институтов в формировании режима мобилизации

Государство играет ключевую роль в определении режима мобилизации. Его задачи включают создание условий для легитимной и конструктивной мобилизации, минимизацию репрессивных методов и развитие механизмов диалога. Институты гражданского общества, СМИ, образовательные учреждения – все эти структуры могут способствовать формированию интегративных мобильных режимов, укрепляя доверие и стабильность.

Заключение. Режим социальной мобилизации является важнейшим фактором, влияющим на стабильность общества. Его виды и методы определяют, будет ли мобилизация способствовать укреплению или дестабилизации общественного порядка. Интегративные и легитимные режимы мобилизации способствуют формированию устойчивого общества, основанного на доверии, участии граждан и уважении прав. В то время как деструктивные и репрессивные режимы могут обеспечить краткосрочную

стабильность, в долгосрочной перспективе они несут риск социальных конфликтов и разрушения общественной целостности.

Для поддержания стабильности важно развивать институты гражданского общества, обеспечивать прозрачность и открытость процессов мобилизации, а также учитывать особенности социально-политического контекста. Только сбалансированный и ответственный режим социальной мобилизации может стать мощным инструментом развития и укрепления современного общества.

1. *Артюхина, В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов / В. А. Артюхина // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 30 – 34.*
2. *Великая, Н. М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России / Н. М. Великая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2022. – № 2. – С. 59 – 71.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Серегина Татьяна Николаевна
(Финансовый университет при Правительстве РФ)

Историческое сознание – совокупность идей, знаний, норм, ценностей, представлений об историческом прошлом. Историческое сознание диалектично по своей природе и функционированию, оно предназначено для активного, деятельного освоения социального пространства. Историческое сознание и историческая память неразрывно связаны между собой, и изучать их надо в неразрывной связи и одновременно как часть общественного сознания.

Основу, ядро исторического сознания составляет историческая память. Она не только раскрывает содержание исторического сознания, но и позволяет ему функционировать, сохранять и трансформировать национальную идентичность. Сохранение исторической памяти как коллективного, социального феномена, знание истории и трансляция исторических ценностей становятся важнейшими ценностями суверенности и уникальности российской культуры. Феномен исторической памяти – социальный феномен, в основе которого лежит понимание специфических отношений россиян к историческому наследию. Рефлексия значения исторических объектов и артефактов необходима для формирования российской идентичности, определения ее как ценности, на основе которой складывается идентичность россиян и их культурная и социальная целостность.

В 2021 году вышел Указ президента о традиционных ценностях. В 2025 году выходит доклад С. А. Караганова в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке». В докладе подчеркивают необходимость раскрытия сущности исторических ценностей в качестве основы развития российской цивилизации. Ценности чести, достоинства, совести, любви к Отечеству, уважения позволят определить миссию российского народа, выявить ценностные детерминанты исторических личностей как воплощения героического духа россияне, показать роль государства в формировании российской цивилизации и определить вектор дальнейшего исторического развития российской цивилизации как самостоятельной и независимой.

Проблему памяти в истории философии изучают с античности: Платон, Аристотель пишут об индивидуальной памяти. В эпоху Нового времени Ф. Бэкон, Р. Декарт пишут о коллективной памяти и ее трансляции. Г. Гегель, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль,

неокантианцы, говоря о субъектности сознания, отмечают темпоральность как важное качество, которое влияет на его функционирование памяти. К. Маркс, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, А. Шюц, школа «Анналов», Э. Хобсбаум, П. Нора, М. Хальбвакс, Я. Ассман анализируют память через феномены социального действия, коммуникации, возможности трансляции традиции, характеристики жизненного мира и переживание повседневности.

Российская рецепция исторической памяти отмечает необходимость учитывать непрофессиональные знания, эмоции, чувства для полного раскрытия феномена. Предлагает трактовать историческую память как объединяющий наднациональный компонент общественного сознания. Также российские исследователи подчеркивают необходимость создания «образов прошлого» с целью возможности трансляции феноменов исторической памяти от поколения к поколению.

Направления исследований исторической памяти соответствуют основным аспектам феномена: социологическое, педагогическое, ценностное, нормативно-регулирующее, культурологическое, психологическое, экзистенциальное.

В структуре исторической памяти как части общественного сознания можно выделить два уровня: обыденный (психологический, эмоциональный) и научно-теоретический, опирающийся на знания и два уровня: массовое и индивидуальное. Понимание структурной организации исторической памяти позволяет полно раскрыть пространство ее функционирования и ограничения, которые возникают при трансляции феноменов исторической памяти.

Функционирование исторической памяти зависит с одной стороны от субъективного, психологического, эмоционального восприятия, понимания исторических фактов и образов, а с другой стороны объективный научно-теоретический уровень знаний фактов, терминов и закрепленные за ними ценности создают рамку содержания и функционирования общественного сознания и внутри нее исторической памяти. Можно выделить основные функции исторической памяти: мировоззренческая, познавательная, гуманистическая, функция социализации и инкультурации, аксиологическая и воспитательная.

Проблема формирования исторического сознания требует дальнейшего изучения. Проанализировав феномен исторической памяти, исходя из контекста и тенденций развития современного социума, можно сделать следующие выводы. Понимание сущности исторического сознания, его связи с общественным сознанием, коммуникативные свойства определяются ролью государства, общества, СМИ, школы в деле сохранения исторической памяти. Феномен исторической памяти должен быть представлен в общественном сознании как целостный феномен. Необходимо сформулировать адекватную оценку исторических событий, показать возможности межпоколенческих связей, связь истории семьи, малой родины с историей страны, вестернизация и глобализация ценностей, духовное единство на основе понимания исторических ценностей, устранения тенденции пассивного восприятия происходящих изменений.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АГЕНТ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ «ВЕРТИКАЛИЗАЦИИ» ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Слатинов Владимир Борисович
(ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»)

Положение глав регионов в системе государственного управления решающим образом зависит от формата государственного устройства, режимных характеристик политической системы, модели политико-административного управления и содержания региональной политики. Одним из важных факторов политической «вертикализации» 2010 – 2020-х годов является трансформация модели региональной политики федерального центра, в которой усиливается ориентация на стратегические цели национального развития, программные и проектные инструменты, регулируемые через централизованные политико-управленческие механизмы.

Политико-управленческая централизация последних лет, воплощённая в конституционных изменениях и разработанных на их основе новых федеральных законах «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» имеет не только политическую, но и социально-экономическую природу. По сути, она является продолжением развернувшегося на протяжении 2000-х и 2010-х годов процесса формирования высокоцентрализованного механизма управления социально-экономическим развитием страны. Важным элементом этого механизма выступает регулирование территориального развития.

В сфере федеративных отношений, а также трансформации системы государственного и муниципального управления в России, начиная с 2000-х годов, последовательно реализуется курс на централизацию. Важнейшие полномочия и ресурсы концентрируются в руках федерального центра, федеральное правительство обладает широкими компетенциями, устанавливает единообразное законодательство по всем ключевым вопросам, обеспечивает единство налоговой и бюджетной систем. В то же время, в российской политической реальности субнациональные власти через партийную систему и Федеральное Собрание не в состоянии оказать значительного влияния на политический курс федерального центра. Последний в условиях слабости партийно-политических механизмов решает сложную задачу обеспечения эффективности регионального управления при помощи административных методов, рассматривая регионы «как филиалы корпорации», ставя перед ними стратегические цели и вырабатывая показатели оценки их работы [1, 131].

Значимым инструментом такого подхода к региональному развитию выступают национальные проекты, рассматриваемые в более широком контексте как механизмы достижения национальных целей и включенные в перечень документов стратегического планирования. Их цель заключалась в концентрации бюджетных и административных ресурсов по главным направлениям социально-экономического развития РФ, что должно было привести к повышению качества жизни граждан России.

В октябре 2005 года для разработки мер, направленных на реализацию нацпроектов, при главе государства был образован Совет по реализации приоритетных национальных проектов. В 2006 – 2010 годы и в 2012 – 2016 годы функционировал Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. В 2010 – 2012 годы работала Комиссия при Президенте РФ по

реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. В июне 2016 года Владимир Путин подписал указ о создании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, упразднив советы, отвечавшие за реализацию приоритетных национальных проектов, демографическую и жилищную политику, а также повышение доступности жилья. В мае 2018 г. глава государства подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития России до 2024 г.», на основании которого правительство сформировало нацпроекты по 12 направлениям и подготовило план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

На реализацию национальных проектов в 2019 – 2024 годах, по расчетам аналитиков компании Sherpa Group, из федерального бюджета было направлено 15, 9 трлн руб., что превысило изначально планировавшиеся на эти цели 13, 2 трлн руб. Рост расходов, по их мнению, может быть связан с усилением роли государства в финансировании нацпроектов во время и после пандемии, с выбором формата госзаказа для реализации инфраструктурных проектов, а также с усилившейся инфляцией [2].

На реализацию национальных проектов в 2025 – 2030 годах планируется потратить порядка 41 трлн рублей, согласно данным, озвученным в апреле 2025 года на расширенной коллегии Минфина РФ председателем Правительства РФ Михаилом Мишустиным [3].

В рамках существующей системы налоговых и межбюджетных отношений, предполагающей приоритетную концентрацию ресурсов в руках федерального правительства, и с учётом реализуемой стратегии достижения национальных целей (Указ Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»), федеральный центр осуществляет модерацию национального развития, а субнациональный уровень публичной власти рассматривается как его «оператор», интегрированный в централизованную систему управления. Местный уровень, в свою очередь, форматируется субнациональным, что даёт сохранение управляемости, концентрация ресурсов, а также связано с недоверием к муниципальной автономии и несанкционированной гражданской активности – в лучшем случае, признаётся и поощряется «сигнализирующий», корректирующий и совещательный характер последней.

В такой конструкции руководители регионов рассматриваются как «менеджеры развития», направляемые федеральным центром в территории и выступающие в качестве операторов достижения национальных целей, реализации государственных программ и национальных проектов. Отбор, обучение и расстановка этих «операторов», разработка для них ключевых показателей эффективности, а также их оценка видятся федеральному центру как актуальные направления его кадровой политики. В качестве технологий отбора и подготовки к роли региональных руководителей с 2017 года выступают специально формируемые кадровые управленческие резервы, а также обучающие программы – такие как «Школа губернаторов» и «Время героев» (после начала СВО). Наличие внешних демократических процедур (выборы «референдумного» типа) в рамках сформированной конструкции наделения полномочиями глав регионов рассматривается в качестве инструмента, выполняющего функции легитимации и поддержания дополнительной обратной связи.

Инструменты упрощённого, через механизм «утраты доверия», лишения полномочий Президентом РФ, наряду с официально утверждённым им же перечнем показателей эффективности деятельности глав регионов, достраивают «менеджерский» формат работы руководителей российских территорий. Подотчетность региональных

«менеджеров развития», преимущественно, направлена наверх по «вертикали», при этом, местные интересы и проблемы репрезентируются при помощи современных коммуникативных инструментов.

Кадровая роль федерального центра приобрела расширенный характер. Согласно законодательству о единой системе публичной власти, согласованию с профильными федеральными ведомствами подлежит значительная часть руководителей отраслевых органов власти региона (образование, здравоохранение, финансы, госрегулирование тарифов, жилищный и строительный надзоры). Таким образом, автономия глав регионов в сфере кадровой политики ограничена федеральными ведомствами. Поскольку большинство губернаторов «новой волны» являются «варягами», данный фактор заметно препятствует формированию консолидированных команд по управлению территориями, но способствует межрегиональной мобильности российских чиновников. При этом, главам регионов предоставили дополнительные возможности в сфере модерирования территориальной организации, определения полномочий и формирования органов муниципальной власти, вплоть до отбора кандидатов в руководители региональных столиц.

Как видим, в процессе «менеджеризации» губернаторского корпуса наблюдается тенденция к сочетанию факторов усиления ресурсного, политического, кадрового и антикоррупционного контроля федерального центра над главами регионов с параллельным расширением их прав в части формирования дизайна системы управления территориями и воздействия на местную власть.

Существенными вызовами в ходе функционирования такого механизма являются умаление региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, проблемный характер формирования дееспособных и консолидированных региональных управленческих команд, заметная степень отчуждения граждан от процесса выработки и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании «вертикального» политико-управленческого контроля. Регионы оказываются в сильной зависимости от кадровой политики федерального центра, её приоритетов и колебаний. Влияние населения и территориальных сообществ на политику развития регионов остаётся сильно ограниченным.

1. *Назаров В. С. Эволюция моделей федерализма: российский и зарубежный опыт // Экономическая политика. – 2007. – № 1. – С. 121-134.*
2. *Расходы на Нацпроекты и их ключевые показатели до 2030 года // URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/23/1098033-rashodi-na-natsproekti?from=copy_text (дата обращения: 31.03.2025).*
3. *Расходы на Нацпроекты до 2030 года близки к 41 триллиону рублей // URL: https://rg.ru/2025/04/23/mishustin-rashody-na-nacproekty-do-2030-goda-blizki-k-41-trln-rublej.html (дата обращения: 23.04.2025).*

МЕДИА-ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Тетерук Дмитрий Сергеевич
(ТулГУ)

Актуальность выстраивания системы взаимодействия органов власти и граждан в онлайн и оффлайн пространствах обусловлена необходимостью укрепления доверия к государственным институтам и обеспечения прямой обратной связи, что является ключевым фактором легитимации власти в современном цифровом обществе. В 2022 году были приняты поправки в Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ, получившие в публичном дискурсе наименование «Закон о госпабликах», который вводит нормативное требование для государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных им организаций, а также судебных инстанций, обязывающее их создавать и поддерживать официальные аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». По своей сути, данный законодательный акт преследовал три ключевые цели, направленные на трансформацию формата взаимодействия государства и общества в цифровом пространстве. Официальные аккаунты государственных структур были призваны функционировать в качестве институционализированного канала обратной связи, обеспечивающего сбор и обработку обращений граждан, включая жалобы и предложения. Они также выполняли функцию официальной площадки для распространения нормативно-релевантной информации и информирования граждан о значимых решениях и мероприятиях. Помимо этого, аккаунты стали инструментом визуализации деятельности властных структур, демонстрируя в режиме реального времени практические результаты работы органов управления, такие как реализация инфраструктурных проектов или решение локальных проблем. Таким образом, закон был направлен не только на усиление подотчетности власти перед обществом, но и на формирование позитивного восприятия ее деятельности, что в долгосрочной перспективе должно привести к повышению уровня политической лояльности граждан.

Однако ключевая проблематика заключается в декларативном характере законодательных предписаний, которые, устанавливая обязательность создания официальных представительств власти в цифровом пространстве, не предполагают создание детализированных нормативов контент-политики. Отсутствие четких стандартов приводит к существенным перекосам в практике цифровой коммуникации: официальные страницы часто превращаются в механические «ленты пресс-релиза», наполненные формальными отчетами, что значительно снижает пользовательскую вовлеченность и демотивирует аудиторию. Избыточная унификация стилистики ведения аккаунтов создает эффект искусственности, формируя у граждан устойчивое восприятие подобных коммуникационных площадок как инструмента бюрократической отчетности, а не полноценного диалога между властью и обществом. Законодатель объективно ограничен в возможностях детального регламентирования параметров стилистического оформления коммуникации, степени допустимой персонализации контента, включая возможность публикации представителями органов власти материалов персонального характера. Данный нормативный вакуум ограничивает потенциал цифровых площадок как инструмента медиалегитимации власти, поскольку отсутствие четких стандартов контент-стратегии приводит к значительной вариативности в практике ведения официальных

аккаунтов. Примечательно, что реализация законодательных требований делегирована администраторам «Центров управления регионами», чья деятельность регламентирована преимущественно в аспекте количественных показателей эффективности (KPI), тогда как качественные характеристики контента – его стилистика, тональность, степень персонализации – остаются вне сферы нормативного регулирования. В результате, ключевые параметры цифровой коммуникации власти с обществом определяются не институциональными стандартами, а индивидуальными компетенциями и субъективными представлениями конкретных исполнителей, что создает существенные риски для использования официальных страниц как перспективного и эффективного канала легитимации власти в цифровом пространстве.

Внутри этой проблематики отчетливо проявляются внутренние риски современной политической реальности. Превращение цифровых пабликов в инструмент вертикальной отчетности снижает легитимность власти, провоцирует разрыв между элитой и обществом, усиливает недоверие к государственным институтам. Отсутствие открытого диалога, низкая степень вовлечения граждан в обсуждение управленческих решений приводит к росту социальной напряженности. В долгосрочной перспективе такие процессы осложняют интеграцию различных групп, формируют дисбаланс ожиданий и реальных возможностей власти в реализации эффективной политики внутри региона и страны.

В дополнение к внутренним факторам важно учитывать и внешние риски, усиливающиеся в условиях новой политической реальности. На фоне глобализации и цифровизации наблюдается рост внешнего воздействия на национальные политические процессы – это и киберугрозы, и деструктивная информационная активность, и распространение фейковых новостей, и влияние транснациональных технологических корпораций, воздействующих на медийную повестку и паттерны общественного поведения. Миграционные потоки и геополитические изменения усиливают эмоциональный фон восприятия власти, требуют от нее большей открытости, гибкости цифровых инструментов взаимодействия с обществом и оперативности реагирования на возникающие вызовы.

В условиях отсутствия четких стандартов контент-политики и понимания долгосрочных последствий цифровых реформ в публичной политике резко возрастает роль научного анализа, мониторинга, моделирования рисков и прогнозирования социальных процессов. Использование данных социологических исследований, big data и алгоритмов анализа настроений в социальных сетях, а также интеграция международного опыта позволяет выявить уязвимость цифровых коммуникаций, выработать эффективные механизмы снижения рисков и повышения доверия населения.

Пандемия COVID-19 ярко иллюстрирует, насколько цифровые инструменты могут и усиливать стабильность, и генерировать новые угрозы: недостаточная персонализация коммуникации приводит к распространению слухов, росту недовольства, демобилизации гражданской активности. Украинский кризис актуализировал проблемы гибридных рисков и показал значимость адаптации государственной политики к быстро меняющемуся внешнему контексту. Успешное преодоление таких кризисов требует создания не только быстрых систем мониторинга общественных настроений, но и внедрения процедур прозрачного, адресного информирования, способных включать граждан в процесс обсуждения и реализации решений.

Стратегическое управление рисками невозможно без совершенствования каналов и форматов цифрового диалога, внедрения единых стандартов публичных коммуникаций, профессионального обучения специалистов и постоянного аудита качества контента. Для

повышения результативности «Закона о госпабликах» целесообразно разработать ведомственные рекомендации, устанавливающие как минимальные стилистические и этические стандарты, так и механизмы оценки эффективности с позиций гражданской вовлеченности и качества общественного диалога. Перспективой представляется создание интегрированной системы индексов цифровой легитимности, позволяющей отслеживать корреляцию между содержательностью публичных коммуникаций и уровнем доверия к власти.

Таким образом, «Закон о госпабликах» становится площадкой для апробации новых моделей взаимодействия государства и общества в цифровой среде, но вместе с тем требует научного осмысления его эффектов на внутреннюю и внешнюю стабильность политической системы. Комплексный анализ рисков, активное внедрение научных инноваций в сфере цифровых коммуникаций, развитие культуры открытого диалога призваны не только укрепить доверие и устойчивость, но и адаптировать институты власти к вызовам современной политической реальности.

ИМЕНА ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Тихонов Никита Владимирович
(Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых)

Щитко Владимир Сергеевич
(Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых)

Одним из ключевых вопросов в отношении гражданина к государству является осознание его гражданской идентичности. Этот термин подразумевает понимание принадлежности индивида к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для него значимый смысл. Гражданская идентичность – это конструкт, формируемый через идеологию, историю и коллективную память. Это не статичное состояние, а процесс изменчивого восприятия и переосмысления общих норм, ценностей, символов [7].

Индивидуальная память человека невозможна без его включенности в социальные группы, будь то семья, класс или нация. Как писал Морис Хальбвакс: «Функционирование индивидуальной памяти невозможно без тех орудий, какими являются слова и идеи, которые индивид не сам изобрел и которые он заимствует из своей социальной среды» [6, 14].

Память всегда коллективна и отражается в настоящем под влиянием актуальных запросов общества. Не существует всеобщей памяти. Каждая коллективная память предполагает наличие группы, ограниченной в пространстве и во времени. Также, важно понимать, что прошлое всегда конструируется с опорой на настоящее. В каждую эпоху общество переосмысляет своё прошлое, тем самым связывая его с актуальной повесткой и трактуя его в соответствии с современными условиями жизни.

Государство, являющееся главным актором создания и корректировки гражданской идентичности, формирует историческую память для достижения текущих политических целей. С течением времени, «живая память», передаваемая из поколения в поколение, исчезает. Ей на смену приходит память историческая – сознательная, документированная

реконструкция прошлого. Любые значимые события, понятия, личности, места, ритуалы, объекты, согласно Пьеру Нору, становятся «местами памяти» [5, 22]. Государство активно формирует и интерпретирует «места памяти», в соответствии с актуальными политическими задачами. Через СМИ происходит активное «инвестирование» смысловой значимости в одни значения, и маргинализация других, неугодных в текущем контексте.

Главным «местом памяти» в российском обществе бесспорно является Великая Отечественная Война. Это краеугольный камень национальной идентичности, выполняющий функцию «сакрального» события. После распада СССР образовался серьёзный ценностный вакуум, ввиду резкого обрушения старых элементов идентичности советского гражданина. Такой кризис послужил основанием для поиска новых идей для российского общества, которые бы смогли консолидировать общество и стать поводом для гордости.

Средства массовой информации являются одним из основных инструментов влияния на общественное сознание и играют важную роль в формировании гражданской идентичности. Они не просто передают информацию, а конструируют повестку таким образом, что историческое событие или личность встраивается в рамки актуального нарратива. Стюарт Холл рассматривал процесс создания новостей, как процесс придания им значения. Сами по себе события не имеют смысла, поэтому значения им придаются [8, 226]. Во многом, переданное значение прежде всего зависит от транслятора информации, а не от его получателя.

Сами по себе значения, пусть даже об одном и том же событии или личности, могут изменяться под влиянием актуальных задач, стоящих перед государством в конкретный исторический период времени. Для этого используются «фреймы», по Э. Гофману, – структуры восприятия, позволяющие определить ситуацию и идентифицировать событие с пониманием его ключевого значения. В работе «Анализ фреймов» он писал: «Фреймы организуют наше восприятие общества и направляют наши действия в нем. [2, 126]» Фреймы могут задаваться организатором информационной повестки, но также и быть отражением мировоззрения, опыта, социального положения и культурного багажа получателя информации.

В контексте событий Великой Отечественной Войны можно выделить две ключевые фигуры, наиболее ассоциирующихся с этим историческим событием. Это «Маршал Победы» Георгий Константинович Жуков, и Генералиссимус, глава политического и военного руководства страны в тот период – Иосиф Виссарионович Сталин. Они также являются «местами памяти», выполняя функцию ассоциативных фигур, к которым привязаны определённые ценности и интерпретация прошлого (героизм, победа и её цена).

Фигура Георгия Жукова в современном медиапространстве представляет собой уникальный пример единого и бесспорного «места памяти». Его образ практически лишён острой политической и этической амбивалентности. В публичном поле он предстаёт как архетип военного профессионализма и личного мужества, его представление происходит через призму триумфа, единства и героизма. Ключевым «фреймом» для его восприятия является общегражданская, надэтническая гордость.

Примечательно, что даже периодически возникающие в экспертном сообществе попытки очернить его образ, через акцент «не считался с потерями» или «ответственен за провальные тактические решения», не находят отклика в массовом сознании и не проникают в доминирующую часть медиаполя. Эта устойчивость образа обусловлена его глубокой укорененностью в героическом нарративе Победы, где он занимает нишу «безупречного война». Государство активно поддерживает этот очищенный от

противоречий образ, что делает Г. К. Жукова идеальной консолидирующей фигурой. Его имя не провоцирует раскол, а служит эффективным символическим ресурсом, объединяющим нацию вокруг ключевого исторического события, что имеет прямую связь с формированием гражданской идентичности.

Фигура Иосифа Сталина несколько сложнее. Ввиду его длительного пребывания у власти, в течение которого в стране произошла масса ключевых для её истории и развития событий, И. В. Сталин не ассоциируется с Великой Отечественной Войной, так однозначно, как Жуков, Но даже в контексте ВОВ, его медиаобраз лишён политического и этнического единства. В анализе его личности борются два нарратива – «эффективный менеджер Победы» и «тиран, ответственный за большие людские потери». Два полярных мнения о его личности способствуют разобщению и спорам как о всём периоде его государственного управления, так и о его конкретной роли в Великой Отечественной Войне.

Дискуссия в медиапространстве о роли И. В. Сталина прошла несколько этапов: от активной десталинизации в 1990-х, плюралистических дебатов 2000-х, до современной фазы, характеризующийся целенаправленными усилиями государства по ограничению этого спора в строго очерченные рамки.

Современная государственная стратегия, судя по медийному полю, не сводится к простой реабилитации или осуждению. С одной стороны, усиливается фрейм «Верховного Главнокомандующего» в отрыве от контекста репрессий. Этому способствуют такие символические жесты, как упоминание его имени в качестве ключевого в контексте Победы, а также использования в публичном пространстве названия «Сталинград», как тождественного с героизмом, что является формой возвращения имени в оборот, без прямой политической реабилитации.

С другой стороны, фрейм «тирана» вытесняется из массового медиаполя в узкие экспертные круги, лишаясь широкого общественного резонанса. В результате формируется амбивалентный, но управляемый образ. Государство не принимает единого решения о трактовке, а управляет исторической памятью. Это позволяет минимизировать разобщающий потенциал и этические издержки, связанные с памятью о репрессиях, и использовать консолидирующий образ фигуры Сталина-победителя.

Этот сконструированный компромисс, однако, остаётся достаточно хрупким, поскольку сама фигура И. В. Сталина продолжает быть потенциальным источником раскола, а не прочным фундаментом для гражданской идентичности.

1. *Бурдье П. О телевидении и журналистике / П. Бурдье; пер. с фр. Т. В. Анисимовой, Ю. В. Марковой; отв. ред. Н. А. Шматко. – Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. – 159 с.*
2. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; под ред. Г. С. Батыгина и Л.А. Козловой; пер. с англ. – Москва : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.*
3. *Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – Москва : Наука, 2003. – 764 с.*
4. *Зазнаев О. И. Национально-государственная идентичность: зарубежный опыт и Россия // Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О. И. Зазнаева. Казань, 2011.*
5. *Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса / А.Г. Здравомыслов. – Москва : Наука, 1999. – 352 с.*
6. *Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.*
7. *Халбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Халбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.*

8. *Холл С. Кодирование/декодирование / С. Холл // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 124–136.*
9. *Холл С. Культура, медиа, язык: Работы в культурных исследованиях, 1972-79 / С. Холл, Д. Хобсон, Э. Лоу, П. Уиллис; пер. с англ.; под ред. С. Холла. – Москва: Издательство «Э», 2019. – 464 с.*

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РФ: ЧЕЧЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Тхакахов Валерий Хазраилович
(СПбГУ)

Символическое пространство современных человеческих поселений с определённого времени превратилось в релевантный объект политики. Власть нуждается в репрезентации, демонстрации, производстве и закреплении городских смыслов. Она нуждается в установлении символического господства на подконтрольной ей территории – на общенациональном, региональном и местном уровнях. Топонимическая политика – один из способов достижения данных целей. В рамках настоящего исследования нас интересуют два последних уровня применительно к проводимой современными чеченскими властями топонимической политики, которая напрямую ориентирована на процессы конструирования новой чеченской идентичности и памяти.

Топонимическая политика в современной Чечне как социокультурный проект и политическая практика проявляется и охватывает несколько уровней воплощения. В базовых аспектах таковых четыре: а) внутричеченский; б) внутрирегиональный (северокавказский); в) федеральный; г) зарубежный. В рамках настоящего исследования сконцентрируемся на первом из них.

Внутричеченский уровень имеет два подуровня. Первый связан с корпусом топонимов, охватывающих внутрипоселенческие наименования/переименования. Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» (1997) позволяет региональным властям самостоятельно определять топонимическую повестку внутригородских, внутрипоселковых и внутрисельских поселений. Напомним, что в советский период данный корпус наименований определялся и утверждался централизованно в соответствии с советской матрицей топонимического пространства страны и общества. Отсюда, единообразие в политике отбора, утверждения и процедур. Советские карты городов и сельских поселений включали, как правило, одинаковые названия проспектов, улиц, площадей и скверов. Относительно небольшая часть топонимов отражала региональную идентичность, право на которую также необходимо было согласовывать и утверждать в центре. Постсоветская либерализация и демократизация в сфере топонимической политики способствовали формированию новых условий в преобразовании символического пространства российских городов и сельских поселений. При идентичной нормативно-правовой базе для его трансформации не все регионы даже в рамках одного федерального округа проявили заинтересованность в проведении новой топонимической политики. Самым активным регионом в рассматриваемом смысле, согласно нашим исследованиям [1, 2], является Чеченская республика, власти которой, начиная с 2004 года, проводят поэтапную радикальную топонимическую революцию, топонимический передел всей структуры и элементной базы чеченской иконографии. Репрезентация новой чеченской идентичности осуществлялась и продолжает осуществляться в городском пространстве столицы Чечни – Грозном. Он является площадкой, своеобразным культурным полигоном, где

апробируются, уточняются и реализуются на практике основные идеи чеченского урбанизма, в том числе и в топонимической области. Разработанный в столичном центре проект региональной идентичности и памяти распространяется и на другие города и поселения ЧР. При этом, с точки зрения политической технологии топонимического процесса передел начался с переименований годонимов в Грозном (как наиболее простой части проекта). В современном Грозном практически вся центральная часть города символически трансформирована посредством переименований прежних урбанонимов. Здесь необходимо подчеркнуть, что топонимическое пространство в российских городах является социально иерархизированным и ранжированным. Данная особенность – производная от общей организации и устройства городских пространств. В российских городах доминирует моноцентрическая модель. Сложилась чёткая иерархия центральных, периферийных и околопериферийных районов. В символическом смысле центральные части города боле престижны и значимы; здесь сконцентрированы разнообразные ресурсы (власти, экономики, потребления, культуры и т.п.). Городская идентичность подтверждается именно в Центре – сюда стекаются массы людей разных возрастов, профессий, званий, доходов, происхождения. Ключевые события и мероприятия протекают именно на центральных проспектах, улицах, площадях и скверах. Центр – лицо города, региона. По преимуществу это места мемориализации наиболее значимых событий и персон. Менее значимые, но также легитимные символы закрепляются за периферийными пространствами. Символическое присвоение городского центра, а в дальнейшем и других периферийных частей – стратегия топонимической политики чеченских властей, которая опирается на новый корпус религиозных и светских урбанонимов. В социальном и антропонимическом смыслах последние опираются на пантеон нового списка героев и подвижников – носителей ключевых признаваемых капиталов: милитарного, религиозного (суфийского), политического и культурного. А очередь хоронимов (районы города) настала только в 2020 году, когда все четыре района столицы республики были десоветизированы. И ныне это районы: Ахматовский (бывший Ленинский); Байсангуровский (бывший Октябрьский); Висаитовский (бывший Старопромысловский); Шейх-Мансуровский (бывший Заводской) [3]. К началу 2021 года немало внутригородских поселений Грозного (городки, участки) в данных районах были переименованы. При этом в основном использовались топонимы-антропонимы в честь знаменитых чеченцев и чеченок, носителей милитарного, религиозного и культурного капиталов. Параллельно шёл процесс монументальной мемориализации наиболее выдающихся из них посредством возведения мемориалов, памятников,и менных культовых сооружений (мечетей, медресе и т. п.). Например, была построена мечеть имени Шейха Мансура, вмещающая до 4000 верующих; открыт памятник Б. Беноевскому в Байсангуровском районе Грозного и многое другое. Два батальона из Чечни, задействованные на СВО, получили имена Шейха Мансура и Б. Беноевского.

Второй подуровень внутричеченской топонимической политики касается наименований/переименований самих населенных пунктов. Для региональной и муниципальной властей это более сложный политический и процедурный этап в трансформации топонимии. Изменение названия населённого пункта – предмет совместного ведения региона и федерального центра. Соответственно, данное обстоятельство требует изменения политической тактики и процедур согласования и утверждения изменений. Политическая практика достижения последних опирается не только на легалистские методы, но и на лоббистские ресурсы инициаторов нейминга, в котором учитываются политический и экономический вес драйверов топонимического процесса. При этом основная цель топонимической трансформации определяется в

категориях сохранения и развития чеченской культурной идентичности и исторической памяти.

Если первый подуровень топонимической политики с точки зрения пространства и времени можно считать достаточно широким, быстротечным, а порой и стремительным, то во втором случае топонимический передел, топонимическая борьба может растянуться на длительное время. Хотя и здесь может иметь место социальная избирательность отсроченного типа. Самый известный кейс – иллюстратор последнего – двенадцатилетнее (с 2009 по 2021 гг.) согласование переименования и практического закрепления нового названия в Веденском районе ЧР – Хьажи Эвла (ранее Первомайское) в честь Эвлия Кунта-Хаджи Кишиева – духовного лидера чеченского суфийского ордена/тариката Кадирия. Ключевые представители современной политической и культурной элиты Чечни являются его активными членами.

В других случаях переименования населённых пунктов происходили достаточно оперативно и даже «списком». Например, в Урус-Мартановском районе сразу 8 сельских населённых пунктов изменили свои наименования: Акка, Галанчож, Моцарха, Пешха, Хайбах, Хийлах, Чармах, Ялхарой (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 3070-р, г. Москва).

Последние предложения чеченских властей (октябрь 2025 г.), вызвавшие определённый общественный резонанс за пределами Чечни, связаны с переименованиями трёх населенных пунктов – Серноводское, Наурской (переименовать в г. Неврe) и Шелковской (переименовать в г. Терек).

Современный чеченский нейминг – составная часть продолжающейся урбанизации республики. Изменение статуса населённых пунктов (наделение городским статусом), активное градостроительство, рост размеров городов создают новые вакансии для городской топонимии и поиск новых /старых названий в духе чеченской символики.

Стремительность переименований создаёт определённые проблемы в социальной коммуникации, навигации, документообороте. Поэтому, с одной стороны, власти призывают граждан к топонимическому обновлению привычных названий, а с другой стороны, параллельно функционируют неформальные топонимы в городах, посёлках и сельских населённых пунктах.

1. *Тхакахов В. Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе// Социологические исследования.2017. № 5. С. 17-25.*
2. *Тхакахов В. Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа.2019. № 2 (98). С. 40-49.*
3. *«О переименовании районов и внутригородских посёлков города Грозного». Грозненская городская дума. Решение от 29 декабря 2020 года № 71// URL://https:// www.docs.cutd.ru/document/574604007 (дата обращения 24.01.2022).*

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ДОНБАССА

Цепкова Анна Сергеевна
(Севастопольский государственный университет)

Аннотация. Статья представляет некоторые результаты анализа процесса социального самоопределения студенческой молодежи Донбасса в контексте интеграции в Россию. Описанный обзор теоретико-методологической базы исследования позволяет

определить черты, влияющие на процесс самоопределения студенческой молодёжи Донбасса. Выявлены ключевые факторы, которые влияют на выбор стратегий (адаптивная, миграционная, сохранения идентичности, апатическая) донецкой молодежи.

Ключевые слова: социальная интеграция, студенческая молодежь, Донбасс, социальная трансформация, социальное самоопределение.

Современный геополитический ландшафт и динамичные социально-политические процессы ставят перед обществом важные задачи, одной из которых становится успешная интеграция исторических земель в единое культурное и социально-политическое пространство России. Донбасс, претерпевший значительные изменения за последние годы, предстает уникальным объектом для исследований. В особенности это касается молодёжи, поскольку она выступает в качестве ключевого актора будущих трансформаций Донецкой Народной Республики, в частности, и страны в целом. Социальное самоопределение донецкой молодёжи формируется в условиях нестабильности и поиска новых идентичностей. Исследование стратегий социального самоопределения студенческой молодёжи данного региона является находится не только в сфере академических интересов, но и выступает потребностью в разработке эффективных программ социальной интеграции, формирования гражданской идентичности и обеспечения устойчивого развития данных регионов.

Теоретико-методологической базой данного исследования выступают такие концепции как позитивизм, символический интеракционизм, функционализм, системный подход на примере социального порядка Т. Парсонса, конструктивизм – в контексте теории структурирования Э. Гидденса, культурологический подход, цивилизационный подход и экономический детерминизм.

В рамках данного исследования позитивизм акцентирует на объективности измеримости социальных явлений, позволяющий количественно оценить превалирующие стратегии самоопределения среди студентов Донбасса. Этот подход способствует выявлению корреляций между разными факторами и стратегиями социального самоопределения.

Символический интеракционизм, разработанный Дж. Г. Мидом и развитый Г. Блумером, подчеркивает роль межличностного взаимодействия и символической коммуникации при формировании самоопределения [1]. Изучение взаимодействия молодёжи с социумом помогает понять, как социальное взаимодействие формирует их идентичность и жизненные ориентиры. Анализ символических паттернов, присваиваемых студентами различным событиям и явлениям, передает глубину переживаемых трансформаций.

Функционалистская парадигма, рассматривает социальное самоопределение как часть общей социальной системы. Анализ функций образования, семьи и государства в формировании самоопределения студентов позволяет оценить роль социальных институтов в адаптации к изменившимся условиям. Функционализм позволяет идентифицировать функциональные и дифункциональные аспекты процесса социального самоопределения.

Системный подход Т. Парсонса [2] рассматривает общество как сложную систему взаимосвязанных элементов, в которой самоопределение – результат взаимодействия различных подсистем. Анализируется влияние политических, экономических, культурных и других факторов на стратегии самоопределения студентов.

Теория структурирования Э. Гидденса подчеркивает взаимосвязь структур и агентов. Студенты находятся в рамках структуры, но они сами создают и изменяют данные структуры. Данный подход помогает понять, как студенты участвуют в формировании своей идентичности в контексте изменяющийся социальной среды.

Культурологический подход исследует влияние культурных норм, ценностей и традиций на стратегии социального самоопределения студенческой молодёжи. Анализ культурных изменений и взаимодействия различных культурных кодов помогают понять, как культурные факторы влияют на выбор жизненных ориентаций. Данный подход учитывает культурные особенности региона и процессы культурной адаптации и интеграции.

Цивилизационный подход позволяет рассмотреть социальное самоопределение в широком историческом и культурном контексте, учитывая взаимодействие различных цивилизаций и культурных традиций. Анализ влияния глобализационных процессов и их влияния на формирование идентичности студентов дает возможность понять роль национальной и региональной принадлежности в процессе самоопределения. Цивилизационный анализ помогает оценить долгосрочные перспективы развития региона и его влияние на жизненные траектории студентов.

Экономический детерминизм подчеркивает роль экономических факторов в формировании социальных процессов, включая социальное самоопределение.

Специфика социального самоопределения молодежи Донбасса характеризуется рядом специфических черт, обусловленных историческими, политическими, экономическими и социокультурными факторами:

Травматический опыт: значительная часть молодёжи пережила военные действия, потерю близких, разрушение инфраструктуры. Эти аспекты формируют особый психологический фон, который значительно влияет на целеполагание и жизненные стратегии;

Смена идентичности: интеграция региона в состав России влечет за собой трансформацию гражданской и культурной идентичности, что потребует от молодёжи адаптации к новым ценностям, паттернам и нормам;

Неопределенность и адаптация: существует неясность в разных вопросах: трудоустройство, образование, социальное обеспечение, что приводит к поиску новых возможностей;

Социальные стереотипы и предрассудки: иногда молодёжь может столкнуться с негативными стереотипами или предубеждениями, что замедляет процесс интеграции;

Роль референтных групп: в условиях трансформации значение семьи, сверстников, образовательных учреждений и общественных организаций усиливается в формировании ценностных ориентаций и жизненных стратегий;

Медиа-влияние: значительное влияние информационного воздействия, зачастую противоречивого, формирует мировоззрение и стратегии самоопределения.

Основываясь на теоретических предпосылках и специфических черт, можно выделить следующие стратегии социального самоопределения студенческой молодёжи Донбасса:

1) адаптивная стратегия, характеризующая стремление к максимально быстрой и безболезненной интеграции в новые условия, принятием новых правил и норм;

2) транзитная/миграционная стратегия, ориентированная на дальнейшее перемещение за пределы региона в поисках лучших условий для жизни, учебы и работы;

3) стратегия сохранения локальной идентичности с элементами интеграции, где прослеживается стремление сохранить культурное, языковое и историческое наследие

региона, но при этом интегрироваться в российское пространство, что может проявляться в формировании «двойной» идентичности – гражданина России и носителя региональной специфики;

4) отстраненная/апатичная стратегия, характеризующаяся пассивностью, низким уровнем социальной активности, отсутствием четких жизненных ориентиров.

Таким образом, комплексный социологический анализ стратегий социального самоопределения студенческой молодёжи Донбасса позволит разработать эффективную стратегию их интеграции, которая способствует формированию устойчивого, социально-ответственного и патриотического поколения, которое будет способно развивать новые регионы в составе России.

1. *Мид, Дж. Г. Азия / Дж. Г. Мид. – Текст : непосредственный // Американская социологическая мысль / В. И. Добреньков. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – С. 122-127.*
2. *Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. – 270с.*

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН БРИКС И ПОИСК ОТВЕТОВ НА ПЛАНЕТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Чжай Цзымин
(СПбГУ)

Аннотация: Доклад посвящён анализу научной дипломатии стран БРИКС как инструмента реагирования на транснациональные социально-политические вызовы. Раскрываются институциональные механизмы и политико-социологические аспекты научного сотрудничества, направленного на укрепление глобальной устойчивости, солидарности и формирование альтернативных моделей взаимодействия в условиях меняющегося мирового порядка.

Ключевые слова: научная дипломатия, БРИКС, глобальные вызовы, социально-политическая устойчивость, международное сотрудничество, институциональные механизмы

В условиях нарастающей нестабильности международной обстановки возрастает значение научной дипломатии как мягкой силы, направленной на укрепление доверия между государствами, обмен знаниями и совместный поиск решений глобальных вызовов [1, 5]. Планетарные вызовы социально-политического характера – изменение климата, пандемии, технологическое неравенство, миграционные кризисы, подрыв традиционных институтов – требуют не только научного анализа, но и координированной политической воли [2, 31]. Группа БРИКС как объединение крупных государств с развивающейся экономикой выступает важным актором в сфере транснационального научного сотрудничества [3, 8].

В последние годы научная дипломатия БРИКС институционализировалась через форматы многостороннего взаимодействия, включая Меморандум о научно-техническом сотрудничестве (2015), тематические рабочие группы, Сетевой университет БРИКС, платформу BRICS GRAIN, а также регулярные встречи министров науки и технологий [4, 2]. Эти механизмы позволили сформировать устойчивую архитектуру взаимодействия

и координации научной политики, способствующую выработке согласованных позиций по приоритетным направлениям: здоровье, устойчивое развитие, цифровизация, зелёные технологии [5, 11].

С политико-социологической точки зрения, научная дипломатия в рамках БРИКС играет двойную роль. Во-первых, она служит каналом трансляции интересов государств-членов в глобальном научном пространстве, формируя альтернативу западно-центричным форматам [6, 244]. Во-вторых, она выполняет функцию внутренней стабилизации, укрепляя научно-технический потенциал и снижая зависимость от внешних факторов [7, 82].

Отдельного внимания заслуживает российско-китайское взаимодействие как наиболее динамичное направление внутри группы. Совместные лаборатории, академические обмены, проекты в области биомедицины, ядерной энергетики и искусственного интеллекта демонстрируют потенциал параллельного развития, основанного на взаимной институциональной поддержке [8, 119]. В то же время, сохраняются вызовы, связанные с асинхронностью нормативных систем, ограниченным финансированием и конкуренцией между национальными приоритетами [9, 191].

Таким образом, научная дипломатия БРИКС не только отражает интересы стран-участниц, но и предлагает возможные ответы на фундаментальные социально-политические вызовы, перед которыми стоит международное сообщество. Она становится частью глобальной инфраструктуры солидарности, формирующейся в ответ на кризисы постглобализации [10, 134].

1. *Royal Society; AAAS. New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. – London: The Royal Society, 2010. – 44 p.*
2. *Краснова Г. А. Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС: аналитический доклад. – М.: РСМД, 2023. – URL: https://russiancouncil.ru*
3. *Okamura K. A half-century of global collaboration in science and the "Shrinking World" // Quantitative Science Studies. – 2023. – Vol. 4, № 4. – P. 938–959.*
4. *Министерство науки и высшего образования РФ. Меморандум о сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций между странами БРИКС. – 2015.*
5. *Gui Q., Liu C., Du D. Globalization of science and international scientific collaboration: A network perspective // Geoforum. – 2019. – Vol. 105. – P. 1–12.*
6. *Lee J. J., Haupt J. P. Scientific globalism during a global crisis: research collaboration and open access publications on COVID-19 // Higher Education. – 2021. – Vol. 81, № 5. – P. 949–966.*
7. *Громова Е.Н. Международное научное сотрудничество как фактор устойчивого развития // Вестник МГИМО. – 2020. – № 3(72). – С. 80–90.*
8. *Николаев А.В. Китайско-российское сотрудничество в инновационной сфере: вызовы и перспективы // Вестник МГИМО. – 2022. – № 6(81). – С. 118–123.*
9. *Grossetti M., Jégou L., Eckert D. The geography of scientific collaborations between BRICS and OECD countries // Scientometrics. – 2014. – Vol. 101(3). – P. 1501–1513.*
10. *Alden C., Schoeman M. BRICS as a Global Science Actor: South Africa's Role in the*
11. *Astronomy Projects // South African Journal of International Affairs. – 2020. – Vol. 27(3). – P. 375–392.*

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КИТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ИЗМЕРЕНИЯ

Чжэн Вэньсинь
(СПбГУ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных социальных ценностных ориентаций в политической культуре Китая. Анализируется взаимодействие традиционных ценностей, модернизации и государственной идеологии. Предлагается комплексный методологический подход для преодоления кризиса в измерении ценностей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, политическая культура Китая, методология исследования, традиционные ценности, модернизация.

В контексте глобальных трансформаций и внутренних социальных сдвигов исследование ценностных ориентаций, составляющих ядро политической культуры Китая, приобретает особую значимость. Возрастающее влияние страны на мировой арене активизирует академический интерес к глубинным основам ее общественного развития. Внутри Китая стремительная модернизация создает сложный контекст, где традиционные ценности, сформированные под влиянием конфуцианства, взаимодействуют с новыми социальными реалиями и целенаправленной политикой государства [1, с. 205]. Однако это порождает противоречивость, связанную с навязыванием государством социальных ориентиров, которые могут не полностью соответствовать реальной социальной обстановке.

Не менее важной проблемой является методологический кризис в измерении ценностей. Широко распространенные опросные методы, включая опросник Ш. Шварца, хотя и демонстрируют хорошую кросс-культурную валидность [7, с. 45], не позволяют уверенно прогнозировать реальное поведение. Это ограничение связано с контекстной зависимостью, малой осознаваемостью и нетранзитивностью ценностей, что ставит под сомнение пригодность методов, основанных исключительно на самоотчетах.

Комплексный подход к преодолению этих ограничений предполагает три ключевых направления новизны. Во-первых, интеграция разноуровневых источников данных: наряду с самоотчетами предлагается анализ поведенческого выбора в натуралистических ситуациях и изучение культурных продуктов. Это позволяет увидеть ценности «в действии». Во-вторых, учет специфики китайской культурной традиции, что подразумевает адаптацию инструментария к таким концептам, как принцип «единства человека и природы», приоритет коллективного блага и социальной гармонии [9, p. 125]. В-третьих, методологическая рефлексия свойств самих ценностей, их транзитивности и степени осознаваемости, что, по замечанию Н. В. Кисельниковой, лежит в основе выбора адекватного метода анализа [4, с. 18].

Проблемная ситуация обусловлена методологическим вызовом: применением традиционных западных инструментов измерения к уникальному социокультурному контексту Китая. Существующие подходы часто фиксируют лишь поверхностные установки, не схватывая глубинные структуры, сформированные конфуцианской традицией [3, с. 45]. Критической проблемой является операционализация ключевых для китайской культуры понятий, таких как «гармония» или «служение обществу», что угрожает валидности исследований [4, с. 20].

Для анализа необходима концептуализация основных категорий. Социальные ценностные ориентации определяются как устойчивая, структурированная система внутренних приоритетов личности или группы, определяющая жизненные цели и модели поведения. Политическая культура, по классическому определению Г. Алмонда и С. Вербы, представляет собой особый тип ориентаций на политическое действие [2, с. 124]. Ее можно структурировать по трем уровням: познавательному, нравственному и поведенческому. Наиболее влиятельная типология выделяет три идеальных типа: патриархальную, подданническую и активистскую культуры.

Интеграция этих понятий позволяет определить социальные ценностные ориентации в политической культуре как систему устойчивых ценностных приоритетов, структурирующих отношение граждан к политической системе. Применяя это понятие к

Китаю, можно определить его современные ориентации как динамичную систему, в которой традиционные ценности (социальная гармония, иерархия, коллективная ответственность) взаимодействуют с ценностями модернизации и официальной идеологии («китайская мечта»). Методологической задачей становится измерение того, как эти разнонаправленные вектора сочетаются в ориентациях различных социальных групп, определяя политическое поведение – от патриархальной отстраненности в сельских общинах до подданнической лояльности или зарождающегося активизма в мегаполисах [5, с. 162].

Среди российских исследователей данной проблематики можно выделить Н. А. Абрамову (роль конфуцианских ценностей) [1, с. 201], В. С. Морозову (трансформация ценностей молодежи) [5, с. 159], А.А. Кашину (факторы влияния на политическую культуру) [3, с. 28] и В. В. Раднуеву (концепция «мягкой силы») [6, с. 166]. Их работы объединяет интерес к диалектике традиции и модернизации.

В свете методологических ограничений продуктивным представляется обращение к методологии сравнения с мерой. В качестве «меры» может выступать нормативная ценностная модель, реконструируемая на основе анализа государственных документов, риторики лидеров и канонических текстов. Применение дифференциального метода позволило бы измерять разность между эмпирическими показателями и данной моделью, оценивая степень отклонения или соответствия. Дальнейшее повышение точности возможно за счет нулевого метода, моделирующего ценностный баланс, например, между коллективизмом и индивидуализмом. Комбинация этих методов создает каркас, чувствительный к внутренним противоречиям и динамике ценностного пространства.

Ключевым условием является обеспечение многомерной репрезентативности: теоретической (адекватность концептуального аппарата), методической (адекватность операционализации) и выборочной (представленность всех социальных групп). Игнорирование внутренней неоднородности, усиленной системой «хукоу», приводит к искажению данных. Таким образом, планирование исследования должно предполагать целенаправленное формирование стратифицированных квот.

Для наполнения схемы содержанием необходим синтез методов: фокус-группы для выявления языка респондентов, массовый опрос с анализом по дифференциальному и нулевому методам и, наконец, метод замещения с привлечением данных о потребительском поведении и активностях в соцсетях для верификации выводов.

Предлагаемый методологический комплекс позволяет осуществить сдвиг от фиксации разрозненных мнений к системному моделированию ценностного пространства политической культуры Китая как динамичной системы, находящейся в постоянном диалоге между традицией и модернизацией.

1. *Абрамова Н. А. Конфуцианские ценности в политической культуре современного Китая // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 200-214.*
2. *Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122-134.*
3. *Кашина А. А. Эволюция политической культуры Китая в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2019. – 215 с.*
4. *Кисельникова Н. В. Методологическая рефлексия в социальных науках: проблема операционализации понятий // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 14-25.*
5. *Морозова В. С. Трансформация ценностных ориентаций китайской молодежи // Общество и государство в Китае. – 2021. – Т. LI, № 1. – С. 158-170.*
6. *Раднаева В. В. Конфуцианство как ресурс «мягкой силы» во внешней политике КНР // Власть. – 2017. – Т. 25, № 5. – С. 165-170.*

7. *Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 37-67.*
8. *Ahlstrom, D., Ding, Z. Entrepreneurship in China: An overview // International Small Business Journal. – 2014. – Vol. 32, № 6. – P. 610-628.*
9. *The Oxford Handbook of Chinese Psychology / Ed. by M. H. Bond. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 713 p.*

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Шаршов Анатолий Романович
(СПбГУ)

Аннотация. Доклад посвящён анализу роли социологии в исследовании и внедрении технологий искусственного интеллекта в здравоохранении. Рассматривается, как социологический подход помогает понять влияние цифровых решений на профессиональные практики, отношения доверия между врачом и пациентом, а также на вопросы неравенства и этической ответственности.

Технологический прогресс и социальные контексты

За последние десять лет искусственный интеллект [10] из экспериментальной технологии превратился в повседневный инструмент медицинской диагностики. Алгоритмы машинного обучения успешно распознают опухоли на снимках, прогнозируют вероятность осложнений и даже рекомендуют терапию. Однако внедрение ИИ – это не просто замена человеческого труда машинным. Оно затрагивает ключевые социальные структуры: систему здравоохранения, профессиональные роли, отношения власти и ответственности [8], а также доверие между врачом и пациентом [13].

С точки зрения социологии [4], любая технология не существует в изоляции. Она формируется и используется в определённой социальной среде, где действуют нормы, ценности, ожидания и иерархии. Поэтому ИИ в здравоохранении нельзя рассматривать лишь как «нейтральный инструмент». Он становится частью сложной социальной системы, где важную роль играют врачи, пациенты, разработчики, администраторы и государственные институты.

Социология как инструмент критического анализа технологий

Социология технологий и науки [5] рассматривает ИИ как продукт совместного действия людей и машин, а не как автономную силу. Эта перспектива помогает понять, какие социальные факторы влияют на создание и применение ИИ. Например, кто принимает решение о том, какие данные использовать для обучения алгоритма? Как формируются критерии «эффективности» и «безопасности»? Кто несёт ответственность за ошибки?

Ответы на эти вопросы невозможно получить только средствами технического анализа. Социологический подход [1] позволяет вскрыть неочевидные механизмы власти и неравенства, встроенные в технологические системы. Алгоритмы, созданные на основе неполных или предвзятых данных, могут воспроизводить социальные стереотипы – например, снижать точность диагностики у женщин или представителей этнических меньшинств. Таким образом, социология помогает выявить эти риски и предложить пути их преодоления.

Влияние ИИ на профессиональные роли и практики

Внедрение ИИ трансформирует структуру медицинской профессии. Традиционные границы между врачебной интуицией и машинным анализом размываются. Врач становится не только клиницистом, но и «интерпретатором» данных, а пациент – активным участником цифрового взаимодействия.

Социологические исследования показывают, что восприятие ИИ врачами неоднозначно. С одной стороны, технологии снижают нагрузку и повышают точность решений. С другой – вызывают опасения потери профессиональной автономии, подмены человеческого опыта статистической моделью. Анализ этих противоречий помогает разработчикам и управленцам понимать, как адаптировать новые системы к реальным потребностям медицинского сообщества, а не навязывать им внешние стандарты.

Изменение доверия и взаимодействия с пациентом

Взаимоотношения между врачом и пациентом [13] традиционно основаны на доверии, эмпатии и личной ответственности. Появление ИИ вводит нового участника – «алгоритмического посредника». Пациент может доверять машине больше, чем врачу, или наоборот – полностью отвергать её рекомендации. Социология помогает исследовать, как формируется доверие к цифровым системам и какие факторы на него влияют: прозрачность работы алгоритма, коммуникация результатов, культурные особенности восприятия технологий.

Особенно важен вопрос этики: имеет ли пациент право знать, что диагноз поставлен с участием ИИ? Как объяснить ему принципы принятия решений? Социологические исследования показывают, что без ясной коммуникации цифровая медицина рискует вызвать отчуждение и сопротивление пользователей, что в итоге снижает эффективность даже самых точных технологий.

Неравенство и доступность цифрового здравоохранения

ИИ может как сокращать, так и усиливать социальное неравенство [9]. Алгоритмы требуют больших объёмов данных, но не у всех групп населения они доступны в равной степени. Жители сельских регионов, пожилые люди и мигранты часто остаются вне поля цифровых систем. Социологический анализ помогает выявить эти барьеры и сформировать политику инклюзивного здравоохранения.

Этическое регулирование и социальная ответственность

Развитие ИИ в медицине требует не только технических, но и социальных рамок регулирования. Проблема заключается в том, что законы не всегда успевают за скоростью технологического прогресса. Здесь социология выполняет функцию медиатора между наукой, политикой и обществом, формируя общественные ожидания и нормы ответственности [8].

Междисциплинарный подход как условие устойчивого развития

Современные исследования ИИ в здравоохранении требуют синтеза естественнонаучных и гуманитарных методов. Математическое моделирование, статистический анализ и программирование должны сочетаться с качественными методами – интервью, наблюдением, анализом нарративов и институциональных практик. Только так можно увидеть полную картину – не только как работает алгоритм, но и как он воспринимается и используется в обществе.

Социология [4], находясь на пересечении науки и практики, обеспечивает этот баланс. Она учит видеть за цифрами людей, а за технологией – социальные процессы, которые определяют её успех или неудачу.

1. *Айзенштадт, С. Н. Социальные изменения и модернизация. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 432 с.*
2. *Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.– 384 с.*
3. *Бурдьё, П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.*
4. *Гидденс, Э. Последствия модерности. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.*
5. *Латур, Б. Мы никогда не были современными: Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 240 с.*
6. *Eubanks, V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. – New York: St. Martin's Press, 2018. – 272 p.*
7. *Lupton, D. The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 208 p.*
8. *Mittelstadt, B. D., & Floridi, L. The Ethics of Artificial Intelligence in Health Care. // The American Journal of Bioethics. – 2016. – Vol. 16, No. 5. – P. 1–13.*
9. *Obermeyer, Z., Powers, B., Vogeli, C., & Mullainathan, S. Dissecting Racial Bias in an Algorithm Used to Manage the Health of Populations. // Science. – 2019. – Vol. 366, No. 6464. – P. 447–453.*
10. *Topol, E. Deep Medicine: How Artificial Intelligence Can Make Healthcare Human Again. – New York: Basic Books, 2019. – 400 p.*
11. *Wynn, M. L. The Social Life of Algorithms: Digital Health, Data, and Inequality. // Social Science & Medicine. – 2020. – Vol. 268. – P. 113–120.*
12. *Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 344 с.*
13. *Фуко, М. Рождение клиники. – СПб.: Наука, 1998. – 312 с.*
14. *Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.*
15. *Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Синергетика и будущее. – М.: Наука, 2008. – 310 с.*

СОЦИОЛОГИ О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ РАДИКАЛЬНОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ

Шевцов Алексей Владимирович
(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Проанализировано содержание типических социологических работ, посвященных современному российскому радикальному консерватизму. Выделены основные подходы и критерии, на основании которых те или иные политические акторы определяются как «крайне консервативные».

Ключевые слова: политическая социология, консерватизм, консервативная идеология, дискурсивный анализ, контент-анализ.

В программе секции обозначена тема «Новые концепции солидарности, традиционные ценности и институциональная система российского общества». Избранная автором тема относится к проблеме «бытования» политизированных носителей традиционных ценностей и их взаимодействия с институциональной системой российского общества. Радикальный характер определяется стремлением к «коренному» преобразованию основных сфер общественной жизни, в том числе и социально-политической системы.

В работе рассмотрены наиболее типичные публикации последних лет в ведущих научных журналах социологической направленности.

Разумеется, приоритет в изучении политических идеологий и их носителей (как организаций, так и отдельных деятелей) принадлежит политологам. Напомним, что сама политическая наука образовалась на «стыке» правоведения и социологии. Давно уже стало классическим определение Р. Бендикса и С. Липсета о междисциплинарной демаркации. В первом случае речь об изучении в рамках политической науки способов воздействия государства на общественные структуры, во втором (в рамках политической

социологии) – о приемах воздействия общностей и институтов на политический порядок в целом, и государство в частности [1, 87].

Особую актуальность данная установка приобретает при изучении такого феномена как «консерватизм». Направленность на сохранение существующего порядка вещей («охранительство»), а при радикальном изменении данного порядка, стремление к его восстановлению («реакционность»). Отсюда следует неопределенность содержания этого «Протея», в каждом конкретном случае приобретающего всё новые и новые формы.

Сошлемся на два наиболее ярких примера. 1. Борьба за восстановление «старого порядка» во Франции конца XVIII – середины XIX вв., когда роялисты переходили из позиции «реакционеры» в позицию «консерваторы», и обратно. 2. Современная ситуация в США, где либерально-консервативная Республиканская партия маркируется одновременно противниками и сторонниками, как просто «консервативная». И это несмотря на весьма радикальную, граничащую с крайним либертарианством, экономическую программу. Причем относительно внутренней и, в первую очередь, внешней политики, ее идеологи и активисты подразделяются на «неоконов» и «палеоконов». Что еще раз подтверждает довольно избитое положение о том, что упрощенные типологические схемы плохо уживаются с противоречивой социально-политической реальностью, особенно виртуальной реальностью сферы общественного сознания.

Теперь обратимся к типическим отечественным исследованиям. Э. А. Паин использует метод контент-анализа при изучении Телеграм-каналов политической направленности (с 2016 г.). Причем обилие подписчиков (сотни тысяч и даже миллионов) компенсируется небольшим числом просмотров.

Автор сразу же ссылается на утверждение Н. А. Бердяева о том, что русскому консерватизму «нечего охранять». Скорее речь идет о «реакционерах», нежели консерваторах. Автор разделяет их на 1) «белых» – возрождение традиций Российской империи; 2) «красных» – возрождение традиций СССР и 3) «зеленых» – в данном случае не «экологистов», а сторонников поддержания исламских традиций. Именно последние являются консерваторами в узком смысле этого слова [2, 48].

Понятно, что группы «негативно консолидированы» (антизападничество, антилиберализм и т. п.), но резко расходятся в положениях позитивных программ [2, 52].

Объединив столь разнородные политические силы под одной крышей «консерватизма», автор тут же разводит их по отношению к отдельных социально-политическим проблемам: идеологема «Русского мира», «боевое братство», роль православия и суннизма в обществе, отношение к массовой внутренней миграции [3, 77 – 78].

Рассмотрим более частный пример. М. Р. Булатов использовал дискурсивный анализ при работе с предвыборными видеоматериалами (федеральные выборы апреля – мая 2021 г.) «Альтернативы для Германии» («Альфа) и Либерально-демократической партии России. Соответственно, сравнение (говоря научным языком, «компаративный анализ») осуществлялось через 1) «Уровни антагонизации» (кто наши враги) и 2) Обозначение партийных позиций по актуальным социальным вопросам.

Разумеется, изучение агитационно-пропагандистских продуктов выявил много общих позиций. Что не удивительно. 1. Подобные видеоматериалы делаются по сходным «лекалам», и образы врагов мало отличаются у представителей всего политического спектра (враги разные – «образы» сходные). 2. Критика направлена против одних и тех же

объектов, пресловутых DEI (diversity, equity, and inclusion), но только, в случае с «Альфой», против их немецких и общеевропейских аналогов.

Причем автор заявляет, что «научное значение нашей работы заключается в получении важных выводов о динамике развития крайне правой идеологии в России в общеевропейском контексте. Мы подчеркиваем наше открытие, состоящее в том, что эти свидетельства этих процессов присутствуют не только в западноевропейских политических системах, но и в России» [4, 42].

Кто бы спорил. Россия остается европейской страной, хотя и не входящей в ЕС. Почему Центральная Европа (всё же речь идет о ФРГ, а не Великобритании или Франции) не может иметь сходной динамики с Европой Восточной?

Таким образом, неопределенность содержания понятия «консерватизм», проявившиеся еще при его возникновении, оказывает влияние и на современные исследования. В состав носителей и пропагандистов консервативных убеждений включаются представители реакционных взглядов (выступающие не за сохранение существующего социально-политического порядка, а предлагающие восстановление практик предыдущих эпох). Само понятие «традиционные ценности» понимается достаточно широко, зачастую представители разных групп в него включаются идеологемы, исключающие друг друга.

Аналогично обстоит дело с отнесением отдельных политических организаций к крайне правому флангу («консервативно-реакционного») политического спектра.

В целом, по нашему мнению, говорить о некоем едином идеологическом течении пока не приходится из-за слишком размытых критериев отбора.

1. *Bendix, R.; Lipset, S. M. Political Sociology // Current Sociology. 1957. Vol. VI. No 2. P. 79-99.*
2. *Паин, Э. А. «Белые», «красные», «зеленые»: идейное и этноконфессиональное многоцветье современного российского консерватизма (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 40-53.*
3. *Паин, Э. А. Современный российский консерватизм: скрепы и противоречия (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 71-81*
4. *Булатов, М. Р. Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 33–46.*

ПЕРЕХОД К НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: КОНКУРЕНЦИЯ СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО

Щербина Александра Вениаминовна
(СПбГЭТУ (ЛЭТИ))

Социологический анализ новой современности, идущей на смену модерну с его географическими, социально-экономическими и политическими разделениями (система метрополия-колонии, национально-буржуазные и интернационально-социалистические государства, военное и экономическое противостояние первого и второго миров, соревнующихся за привлекательность для третьего, формально политически освобожденного мира, своего образа жизни) обнаруживает, что идеологическое измерение лишается ведущей роли как в формировании представления о будущем, так и при выявлении движущих сил развития обществ в историческом прошлом.

Оказывается, что у истории нет перспективы и потенциала эволюционного исхода в будущее вне борьбы за его образ. Не эволюционно-исторически ставший человек войдет

в будущее, а преобразованный, расширенный, раскрывший себя с помощью новых технологий. Будущее видится исключительно технологически. Как и прошлое. История непрерывно переписывается на основе новых данных палеогенетики, археологии, этнографии, биологии, меняющих представления о предчеловеческом существовании разумных форм, о видах человека, этносах, народах в поиске ключа к пониманию начала жизни, разума, коллективного бытия с целью определения современного антропологического субъекта и прояснения ограничений возможных видов будущего человека (в т. ч. с учетом проектов освоения космоса).

Исключительный интерес, предмет геополитической конкуренции и задачу представляет собой поиск «абсолютного оружия» – монополии на самый совершенный ИИ, обеспеченной форсированным введением в строй новых центров обработки баз данных фундаментального и прикладных уровней. Сущность «новой современности» проявляется в ее основном противоречии: чтобы обеспечить господство в создании и использовании информационно-аналитических алгоритмов, нужно обладать «расширенным» энергетическим ресурсом, а потребность в накоплении энергии в устройствах в свою очередь порождает огромный расход вещества (металлы, вода, воздух) на их создание. Характерной чертой «новой современности» стало радикальное вовлечение и использование атмосферы земли (и ближнего космоса) как среды для логистики (беспилотный воздушно-космический транспорт) и контроля (эшелоны спутников связи и мониторинга). Стремительно развиваются технологии получения водорода из атмосферы и белка из метана. Новейшее предложение – строительство и размещение (в течение 10 – 20-ти лет) в ближнем космосе центров обработки данных, потребляющих «бесконечную» солнечную энергию, а в перспективе – и других производств, например, ферм для выращивания растений и микроорганизмов. Усиливается борьба за опережающий и оптимальный для ключевых геополитических субъектов (США и КНР) способ удержания монополии на производство, присвоение, контроль и управление первичными и вторичными ресурсами для перехода к новой современности. Значимым фактором для осмысления сценариев будущего выступает становящееся господствующим представление о начавшемся сокращении темпов прироста населения и в перспективе – снижения его численности.

К унаследованным и вновь формируемым факторам геополитического лидерства, за которые идет борьба, относятся наследственность и здоровье, санитарно-биологическое состояние локальных и региональных сред, нейрофизиология и педагогика, военный и гражданский беспилотный транспорт во всех средах, производство и использование двигателей на новых энергоресурсах (водород, солнечная энергия ближнего космоса, возобновляемое ядерное топливо), накопленная энергия как источник актуальной энергии, моделирование микроорганизмов как источников энергии и пищи. Наблюдаем освоение атмосферы и ближнего космоса и попытки вынесения туда элементов энергетической, транспортной и пищевой инфраструктуры для использования самого совершенного источника энергии – солнца.

В результате утраты ключевого значения идеологической борьбы как механизма объяснения будущего имеем варианты сценариев: западный – множество путей, разные судьбы, разные среды для разных обществ (в перспективе – биотипов) и китайский – «сообщество единой судьбы человечества». Борьба за ускоренное формирование «вторичных» ресурсов, т.е. тех, которые непосредственно обеспечивают доминирование в точности и масштабности применения алгоритмов анализа, контроля и управления в гражданских и военных процессах, идет в новой современности не под идеологическими

знаменами. В публичном дискурсе открыто заявляется, что геополитическую победу на перспективу обеспечит научно-технологическое доминирование.

Это не отменяет того, что подавляющая доля конфликтов в мире продолжает носить традиционную идеологическую окраску: этническую и религиозную. (Израиль-Палестина, Иран – Израиль, США – Иран, Индия – Пакистан, Северная – Южная Корея). Этой евразийской дуге напряженности более 70-ти лет, и она есть прямой итог ВМВ. Конфликты новой современности (явные и латентные: Китай – Индия, Россия – Европа (Украина), Китай – США) идеологически размыты. Наложение всех типов (старых и новых) экономической и политической конкуренции, высокотехнологичных и обычных войн, начавшихся по итогам ВМВ и продолжающихся по сей день, говорит о переходе к новой современности после утраты ведущей и определяющей роли противостояния капиталистической и социалистической систем и их идеологий. При этом новые типы систем не созданы: условные США и Китай сосредоточены на формировании новых полюсов (Евразия – Китай) и сохранении старых (США – Америка – Европа). За КНР стоит одна страна и группа поддержки, включая Россию. За США – традиционные союзники и крупнейшие ТНК. Темпы роста ВВП, подушевой доход, объемы НИОКР остаются важными показателями конкурентных преимуществ в новой современности, но лишь косвенно позволяют оценить геополитическую роль стран и уровень влияния на глобальные процессы. Все традиционные и новые сферы и отрасли рассматриваются не только с т. зр. качества народного хозяйства, но и как задел на будущее – в парадигме вещество-энергия-информация.

Поскольку противоречие между потребностями в достаточной полноте первичных и вторичных ресурсов и неравномерностью их распределения и долей владения странами и финансово-промышленными группами нарастает, на наших глазах происходит выдавливание целых регионов из традиционных для них сфер влияния и снижение уровня их благополучия.

КНР планирует свое развитие, используя другие культуры как факторы своего роста или как препятствия, во многом в социальном аспекте повторяя опыт СССР. Явный дефицит первичных ресурсов (вода, пашня, углеводороды) стремятся преодолеть за счет ВИЭ, накопителей, ядерного комплекса, гидроэнергетики. Скачок в информационных скоростях видят не только в расширении баз данных, но и в системных интеграторах счета – квантовых устройствах. Недаром Китай сегодня – единственная страна, где наблюдается бум научной фантастики. Ключевой политический принцип устойчивости государства (одна партия, одна армия, много народов – одна письменность) возвращается к тезису «один вождь». Мировоззренческий принцип: личные интересы всегда подчинены местному, региональному, национальному целому. Поэтому все, что исследуется различными дисциплинами и планируется на разных уровнях, мыслится в применении к обществу в целом, даже ценой утраты внимания к части этого целого.

Западная модель предполагает лестницу допуска, иерархию возможностей в плане воспитания, образования, здоровья, сроков жизни, ориентируясь на качественное обеспечение достаточного ядра для самоуправления и пополнение (из третьих миров) с «доделкой и ремонтом» по текущей потребности.

Возможности России, ее первичные ресурсы (энергетические, вода, почва, лес, минералы) не вызывают сомнений в их достаточности для обеспечения базового уровня независимости в аспекте военно-политической, продовольственной и климатической безопасности. В качестве важнейших среднесрочных задач руководство страны рассматривает повышение демографических и имущественных возможностей граждан. Явные социальные диспропорции (имущественный разрыва между 95 % и 5 % населения),

острота демографической ситуации, СВО как катализатор запроса на социальную справедливость предполагают существенные изменения во всех видах социально-экономического стимулирования распоряжения частными богатствами в общих интересах. Восстановление разрушенного за последние десятилетия баланса в социально-экономической сфере за счет социальных гарантий (дети, пенсионеры) и роста доли з/п в капитале и прибыли в свою очередь предполагают существенный рост производительности труда.

Замысел создания социологии родился из идеи автономности разума и нравственного начала, как основы для объединения и договора о правилах человеческого общежития. Статус социологии в переходе к новой современности меняется. Парадокс современной социологии: появляется новый инструментарий описания «социальной эволюции», но в объекте не происходит эволюционный сдвиг, а осуществляется выбор из имеющихся и отрабатываемых сценариев. Всеобщность и тотальность маркетинга, который перемещается из сферы товарно-потребительской в культурно-политическую, требует органического включения социологии в современные процессы анализа, контроля и управления со всеми ее ранее сформированными исследовательскими, экспертными и педагогическими срезами: общество и государство, институты и общественные организации, разделение труда, управление личностью (возраст жизни, пол, раса, регион, семья, профессия). Социология расщепляется на прикладную, инкорпорированную государством и корпорациями, и историческую, обращенную к эпохе перехода, осмысляющую источники и генезис новой современности.

Секция 3: Экономика и государство в эпоху новой современности

ВЛИЯНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СВЕРХУРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РАБОТНИКА

Агеева Александра Игоревна
(СПбГУ)

Капиталистической рациональности свойственно стремление работодателя к максимальной отдаче от трудовых ресурсов. Это закладывает основу для формирования различных социальных практик сверхурочной занятости, которые работодатель создает в рамках трудовых отношений своей организации. Например, работодатели, используя социальные и экономические ресурсы, такие как завышенные нормы труда, определенные ценности корпоративной культуры и небольшие доплаты за переработку, формируют условия, при которых работник вынужден трудиться сверхурочно. Работник, в силу ограниченности ресурсов, часто не может эффективно противостоять этим практикам.

Сверхурочная занятость, особенно если она носит принудительный и систематический характер, оказывает многоуровневое влияние на работника, затрагивая как физическое и психическое здоровье, так и социальное положение, мотивацию и трудовую идентичность. Принуждение к переработке нарушает баланс интересов между работником и работодателем, обостряет трудовые конфликты и снижает качество трудовой жизни.

В первую очередь, регулярная сверхурочная работа приводит к накоплению утомления, нарушению биоритмов, ослаблению иммунитета. Работники, подвергающиеся принудительным переработкам, чаще страдают от хронической усталости, бессонницы и нервных расстройств, головных болей, сердечно-сосудистых и желудочно-кишечных заболеваний. Кроме того, в условиях постоянного напряжения возникает эмоциональное выгорание, состояние, при котором человек теряет интерес к работе, испытывает апатию, раздражительность и снижение самооценки [3, 13].

Во-вторых, принудительная сверхурочная занятость нарушает баланс между работой и личной жизнью. Работник теряет возможность проводить время с семьей, воспитывать детей, заниматься хобби или саморазвитием. Это может привести к социальной изоляции, росту конфликтов в семье, утрате чувства удовлетворенности жизнью. Со временем у работника формируется ощущение, что работа полностью поглощает его личное пространство.

В-третьих, принуждение к сверхурочной работе часто сопровождается неформальным давлением со стороны руководства: угрозами, манипуляциями. В результате у работника формируется чувство беспомощности, страх увольнения, внутренний конфликт между желанием сохранить работу и потребностью в отдыхе. Постепенно снижается мотивация, работник начинает воспринимать труд как тяжелую обязанность, а не как возможность для самореализации [1, 80].

Также во многих случаях принудительная переработка не оформляется официально и не оплачивается по повышенной ставке, как того требует Трудовой кодекс РФ. Это означает отсутствие компенсации за затраченное время и усилия, отсутствие правовых

оснований для защиты интересов работника, ущемление трудовых прав и фактическое игнорирование принципа справедливости. Кроме того, при отсутствии документального подтверждения переработок работник не может отстаивать свои интересы в судебном порядке.

Более того, длительная сверхурочная занятость снижает внимательность, увеличивает количество ошибок, а также повышает риск травматизма на производстве. Работник, находящийся в состоянии переутомления, становится менее креативным, менее склонным к обучению и хуже адаптируется к изменениям. На уровне профессионального развития это может привести к замедлению карьерного роста, утрате интереса к работе, снижению общего уровня удовлетворенности от труда [2, 373].

Таким образом, принудительная сверхурочная занятость оказывает негативное комплексное воздействие на работника, разрушая его здоровье, личную жизнь, психологическое состояние и профессиональную перспективу. Такая практика подрывает основу человеческого капитала предприятия и формирует атмосферу недоверия, напряжения и социальной несправедливости.

1. *Сан С. Проблема сверхурочной занятости в Китае: принуждение к переработкам и их тотальное распространение / Теория и практика общественного развития. 2024. № 5, С. 78–83.*
2. *Peiperl M., Jones B. Workaholics and Overworkers: Productivity or Pathology? / Group & Organization Management. 2001. 26(3), C. 369-393.*
3. *Prasad B., Thakur C. Chronic Overworking: Cause Extremely Negative Impact on Health and Quality of Life / International Journal of Advanced Microbiology and Health Research. 2019. C. 11-15.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И МАЛОГО БИЗНЕСА

Астахов Александр Михайлович
(ООО НПК «Контики»)

Аннотация. В работе анализируются возможности и перспективы изменения институционализированных принципов взаимоотношения государства и малого бизнеса. Оценивается устойчивость этих принципов и потенциал смягчения их негативных последствий через внедрение новых технологий.

Ключевые слова: Государство, предприниматели, малый бизнес, институты, институциональная система.

Значимость малого бизнеса для развития экономики России не вызывает сомнений. Необходимость его развития зафиксирована в нормативных документах и заявлениях первых лиц государства. Как неоднократно отмечали исследователи, при сохранении курса на рыночный характер экономики невозможно её развитие без активного участия малого бизнеса.

В предыдущих работах были выделены несколько принципов, на которых строятся взаимоотношения государства и малого бизнеса. Перечислим их: контроль и патернализм, бюрократизм, системность (включенность в систему государственного управления), двойственность отношения, ключевыми чертами которого являются: противоречивость в определении места малого бизнеса в социально-экономической системе, вторичность по отношению как к другим участникам рынка, так и в общей системе ценностей [1].

Данные принципы оказывают существенное влияние на развитие малого бизнеса, система, выстроенная в том числе благодаря этим принципам, обладает особенностями, существенно влияющими на его качественные и количественные характеристики.

Вопрос о возможности изменения институциональных принципов является сложным. А. Аузан [2] в своей работе привёл художественный пример с врачами, который описывает три позиции по отношению к изменению институциональных систем: системы не меняются (эффект колеи слишком силён и единственное решение – полное разрушение системы и попытка построения новой на новых основаниях), системы могут меняться (элементы попадают в условные границы, но эти пределы возможно преодолеть), система может меняться, но эти изменения сложны и затратны, и нет гарантии, что они не вернутся к исходной форме.

Теории, объясняющие процессы, происходящие в России, придерживаются схожих представлений о возможности изменения. В частности, подход интегративной экономики [3] О. Э. Бессоновой, говорит о возможности изменений, в то время как концепция X-Y матриц [6] более скептично относится к возможности изменения. При этом отмеченные выше принципы заметно коррелируют как с редистрибутивной экономической моделью, так и с раздаточной экономикой. С другой стороны, нельзя не отметить возможность отнесения негативной части последствий их существования к состоянию «институциональной ловушки» [4], учитывая цель – развитие малого бизнеса. Они могут иметь разную устойчивость к изменениям, а реальные последствия их применения дают возможность в большей или меньшей степени влиять на негативную составляющую. Это в свою очередь даёт возможность говорить о перспективах преодоления «институциональной ловушки» как минимум её формальной составляющей.

Анализируя выделенные принципы, можно выделить те, где изменения возможны и где они затруднены.

Принципы двойственного отношения, вторичности – в основе которых лежат система ценностей, как отдельного человека, так и группы людей. Опыт исследований показывает, что ценности, меняются чрезвычайно долго. Без существенных изменений системы, в которой приоритет не отдаётся и предпринимателю, ожидать трансформации принципов, даже в долговременной перспективе не приходится. Не стоит забывать и цели государства как института и как государственного аппарата. Исторически, в центре внимания находятся интересы общества, социальная функция государства, что предполагает удовлетворение прежде всего потребностей большинства. Предприниматель и частный бизнес рассматривается преимущественно как инструмент для достижения целей или как часть общества. Стоит отметить и сферу ценностей общества, где к предпринимательской активности сформировано, с одной стороны, достаточно положительное отношение, с другой – до идеологического конструкта «американской мечты» или мировоззрения «протестантской этики», безусловно, далеко. Естественно, в перспективе трансформация отношения возможна. К примеру, модель, когда успех бизнеса – это успех общества, или если бизнес приносит больше доходов, что в свою очередь формирует благополучие общества. Но, учитывая выбранную модель развития, где в центре развития, сбора и перераспределения благ и ресурсов, основным инициатором и контролёром находится именно государство, ожидать изменений сложно.

Схожая проблема наблюдается в приоритетах государства по отношению к разным уровням бизнеса. Несмотря на заявления о необходимости развития, понимания перспектив и плюсов малого бизнеса, государство ориентированно на решение задач здесь и сейчас, используя те ресурсы, которые существуют, применяя подходы, которые испытаны и были эффективны ранее. Таким образом, историческая опора на крупный

бизнес, дополнившееся сферой частно-государственного партнёрства, приводит к тому, что малый бизнес выпадает из сферы реальных процессов и остаётся теоретически интересным, но практически не растущим элементом экономической. Изменение этого подхода, приоритетов, возможно при условии изменения значения малого бизнеса, с увеличением его экономического веса и усиления его социально-политической роли. В ближнесрочной перспективе это практически невозможно (на протяжении последнего десятилетия оно оставалось в стабильном положении 20 – 23 %) [5]. Таким образом, всё это приводит к тому, что государство не имеет возможности опираться на малый бизнес, что предопределяет его позицию в процессе выстраивания взаимоотношений.

Несколько иная ситуация с факторами контроля, системности, бюрократизма.

С одной стороны, это исторически закреплённые принципы, которые государство продолжает культивировать и развивать. На протяжении последних десятилетий государство занималось усилением контроля. Количество отчётности, частота передачи данных продолжает увеличиваться. Продолжается процесс формирования среды, в которой каждое действие представителя малого бизнеса прослеживаемо. В качестве примера из последних изменений можно отметить введение реестра операторов персональных данных, экологического сбора и экологического мониторинга.

Минусы данного подхода очевидны: в своей максималистской форме стремление всё зафиксировать инструкциями, лицензиями, отчётами, электронными базами и другими средствами контроля приведёт к превращению предпринимателя в продолжение государства, по аналогии с бюджетными организациями, а не в отдельно действующий экономический субъект. Это противоречит самой сути предпринимательской деятельности и нивелирует его положительные качества.

С другой стороны, современные технологии дают возможность уменьшить отрицательные последствия. Применяемые на современном этапе инструменты контроля за финансовыми потоками, автоматизированные проверки финансовой, операционной деятельности и др. позволяют переложить большую часть затрат с представителей бизнеса без увеличения нагрузки на государственные службы. Автоматизация процесса позволяет освободить часть ресурсов и уйти от логики обезличенных отчётов и перейти к глубокому качественному анализу деятельности отраслей, сфер, отдельных предпринимателей, что может привести к переосмыслению регулирующих принципов с целью их актуализации и увеличения эффективности.

Принципиально важным при этом выглядит то, что эти трансформации относительно минимально затрагивают сферу неформальных правил и акцентируют внимание на трансформацию формальных правил, при сохранении сути институциональных принципов. Это трансформация сложная, зависит в том числе от выбора пути развития, но очевидно проще, чем комплексная перестройка институциональной системы.

Таким образом, можно сделать определённые выводы. Выделенные принципы останутся и будут существовать в ближайшее время, можно прогнозировать, что в большинстве случаев они останутся существовать и в длительной перспективе. Вместе с тем технический прогресс и новые решения позволяют существенно повлиять на устоявшиеся системы взаимоотношений.

1. *Астахов А. М. «Историческая колея» России и развитие малого бизнеса // Общество и экономика. 2024. № 2. С. 41-50.*
2. *Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014. 150 с.*
3. *Бессонова О. Э. Институциональная матрица социального государства и демократии в России // Экономическая социология. 2018. № 3. – С. 50-66.*

4. *Будович Юлия Ивановна, Будович Маргарита Сергеевна. Развитие исследований из области теории институциональных ловушек и классификация ловушек // Финансы: теория и практика. 2013. № 5. С. 17-25.*
5. *Вклад МСП в экономику России превысил 34,5 трлн рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html#:~:text=%, свободный. – (дата обращения: 30.07.2025).*
6. *Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в Х-У-теорию. СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

Белозерова Ксения Руслановна
(Уральский институт управления-филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»)

Ванаева Эльнара Ильфатовна
(Уральский институт управления-филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»)

Аннотация. В тексте статьи проводится анализ основных понятий в сфере содействия занятости населения. Авторами представлены различные подходы к определению основных понятий, проведен понятийный анализ государственной политики в сфере содействия занятости, выделены наиболее успешные с точки зрения авторов формы реализации государственной политики.

Ключевые слова: занятость, безработица, рынок труда, государственное регулирование рынка труда.

В последние годы одним из основных направлений государственной политики в сфере содействия занятости является создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих развитию гибкого, эффективно функционирующего рынка труда, повышению качества рабочей силы и мотивации к труду. Закон о занятости населения [6] определяет занятость как трудовую деятельность и иную не противоречащую законодательству РФ деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода. К. Г. Кязимов отмечает, что «занятость отражает потребность людей не только в получении дохода, но и в самовыражении через общественно полезную деятельность, обуславливает сущность занятости экономическими, социальными и демографическими категориями. Как экономическая категория занятость населения представляет собой общественные отношения по поводу обеспечения населения не только рабочими местами, но и необходимыми средствами существования. Как социальная категория занятость населения представляет собой общественное отношение по поводу формирования и развития личности. Как демографическая категория занятость населения отражает взаимозависимость занятости населения с половозрастными характеристиками населения и структурой воспроизводства рабочей силы» [3, с. 108]. Автор также выделяет различные формы занятости, которые приведены в табл. 1.

Табл. 1. Классификация форм занятости населения

Критерий	**Форма занятости**
По способу участия в общественном труде	Занятость по найму
	Самостоятельная занятость
По режиму рабочего времени	Полный рабочий день
	Неполная занятость
	Вторичная занятость
	Сверхзанятость
По регулярной трудовой деятельности	Постоянная занятость
	Временная занятость
	Сезонная занятость
	Случайная занятость
По легитимности трудоустройства	Формальная занятость
	Неформальная занятость
По условиям организации трудового процесса	Стандартная занятость
	Нестандартная занятость

«На основе форм занятости формируется такое понятие как эффективная занятость, которое подразумевает использовании рабочей силы, при котором достигается максимальный материальный результат при минимальных затратах труда и социальных издержках» [3, с. 110]. К. Г. Кязимов выделяет следующие «показатели эффективности занятости: численность и структура занятости населения, уровень безработицы, уровень занятости, занятость в разрезе отраслей, по профессиям, по полу, по возрасту, по образованию» [3, с. 110]. Однако, не смотря на столь широкий спектр показателей, выделенных автором, с нашей точки зрения стоит включить такие показатели как качество рабочей силы, напряжённость на рынке труда, конкуренция на рынке труда которые также являются важными при характеристике эффективности занятости.

Напряжённость на рынке труда характеризуется как численность безработных на одну вакансию. Этот показатель является информативным, поскольку он показывает не только спрос на рабочую силу, но и предложение рабочей силы. «Спрос на рабочую силу отражает потребность экономики в определённом количестве работников, а предложение рабочей силы отражает потребность населения в получении работы. Эффективный рынок труда возникает, когда спрос на рабочую силу соответствует ее предложению. Конкуренция на рынке труда, которая порождает такое качество, как конкурентоспособность работника, выражающаяся в соответствии рабочей силы требованиям рынка труда, совокупность качеств, определяющая сравнительные позиции конкретного работника на рынке труда и позволяющая ему претендовать на занятие определённых рабочих мест» [4]. Отдельно хотелось бы отметить такой показатель как качество рабочей силы, представляющее собой совокупность профессиональных, образовательных, и психофизиологических характеристик, делающих работника способным успешно выполнять трудовые функции разного уровня сложности.

Безработица же чаще всего рассматривается как социально-экономическое явление. Как социальное явление она представляет собой невозможность для части трудоспособных граждан реализовать на практике право на труд. «Как экономическое явление безработица представляет собой недоиспользование рабочей силы, которое порождает прямые потери в виде непроизведенной продукции, уменьшения возможностей роста всеобщего благосостояния и необходимости затрат на организацию помощи безработным» [5]. Закон о занятости [6] разграничивает такие понятия как «безработный» и «гражданин, ищущий работу»: безработными являются граждане, которые признаны в определенном порядке и готовы к ней приступить, а граждане, ищущие работу – это

зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы в порядке, однако не имеющие статуса «безработный».

М. Р. Керим классифицирует «формы государственного регулирования в сфере труда и занятости на прямые и косвенные, а также на активные и пассивные варианты ведения занятости. Прямая форма подразумевает деятельность государства, направленную на реализацию конкретных, особых проблем рынка труда, тем самым идёт воздействие на предложение рабочей силы. Косвенная форма осуществления деятельности государственного регулирования занятости представляет собой использование макроэкономических инструментов, которые воздействуют на всё общество, при помощи чего происходит урегулирование спроса на труд» [2]. В. Н. Ретинская [10], анализируя политику по содействию занятости, отмечает, что в условиях ускоренной цифровизации обеспечивает рост эффективности политики и повышается качество жизни.

Реализация государственной политики в сфере содействия занятости осуществляется в виде определённых форм [3, с. 110]. Некоторые из них включают в себя:

1. Нормативно-правовое регулирование, которое заключается в разработке нормативно-правовых актов, стандартов, уставов в сфере труда.

2. Учреждения, предоставляющие услуги гражданам по вопросам занятости и трудоустройства. Прежде всего, это центры занятости, которые помогают гражданам найти подходящую работу, тем самым способствуют содействию занятости отдельных категорий граждан (инвалиды, люди с судимостью). Для граждан центр занятости это не только информационный центр, но и то место, где могут оказать психологическую поддержку, провести профориентационные мероприятия в целях выбора сферы дальнейшего трудоустройства.

3. Программы и проекты, направленные на содействие занятости населения, улучшение условий труда, повышение эффективности труда, финансируемые как из федерального, так и регионального бюджета.

4. Финансовая поддержка. Такая поддержка оказывается со стороны государства, как трудоспособному населению, так и работодателям. Финансовая поддержка может осуществляться в виде выплат, пособий. Государство выделяет субсидии и квоты для работодателей в целях содействия занятости особых категорий граждан, например, инвалидов.

5. Проведение мониторинга по вопросу ситуации на рынке труда.

Для авторов больший интерес составляет рассмотрение такого инструмента реализации государственной политики как профессиональное обучения и дополнительное профессиональное образование. Согласно федеральному закону об образовании [8], под профессиональным обучением по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих понимается профессиональное обучение лиц, ранее не имевших профессии рабочего или должности служащего. Под профессиональным обучением по программам переподготовки рабочих и служащих понимается профессиональное обучение лиц, уже имеющих профессию рабочего, профессии рабочих или должность служащего, должности служащих, в целях получения новой профессии рабочего или новой должности служащего с учетом потребностей производства, вида профессиональной деятельности. Д. А. Овчинников анализируя эффективность государственной политики по содействию занятости, выделяет «организацию профессионального обучения и дополнительного профессионального образования как инструмент, значительно повышающий вероятность трудоустройства безработных, особенно таких категорий населения, как женщины с детьми» [9]. В свою очередь Д. Н. Герасимова [1], утверждает, что профессиональное образование способствует повышению конкурентоспособности и профессиональной мобильности на

рынке труда только в том случае, если обучение завершено успешно, и по результатам обучения, заключен трудовой договор с работодателем. Именно такому инструменту содействия занятости как профессиональное обучения и дополнительное профессиональное образование с точки зрения авторов стоит уделять особое внимание, так как в Указе Президента № 309 [7] отдельными задачами в рамках национальных целей развития являются создание системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики, а также создание институциональных условий для постоянного профессионального развития работающих граждан, в том числе для получения новых профессий и повышения квалификации.

1. *Герасимова Д. М. Обучение и переобучение кадров как ведущие направления деятельности государства в области социальной политики: анализ и рекомендации. Человек. Социум. Общество. 2023. № S3. С. 196-202.*
2. *Керим М. Р. Государственная политика в сфере труда и занятости, формы её реализации. Наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 января 2022 года.*
3. *Кязимов К. Г. Рынок труда и занятость населения: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 214 с. (Высшее образование). Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс] URL: https://urait.ru/bcode/568362/p.108 (дата обращения: 21.04.2025).*
4. *Кязимов К. Г. Современные технологии регулирования рынка труда и занятости населения (бакалавриат). Москва, 2020. 161с.*
5. *Мисякова Е. С., Власова С. С. Сущность, принципы и последствия безработицы. Аллея науки. 2023. Т. 2. № 5 (80). С. 437-443*
6. *О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (с изм. и доп., вступ. В силу с 1 марта 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
7. *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
8. *Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 23 мая 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
9. *Овчинников Д. А. Меры по содействию занятости женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей. Теория и практика социальной работы в современном социуме: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 20 апреля 2023 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 99-103.*
10. *Ретинская В. Н. Государственное регулирование содействия занятости населения в условиях цифровой экономики // Молодежь. Образование. Наука. 2023. № 1(18). С. 161-163.*

ЭКОНОМИКА АЛГОКРАТИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ КАК МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Бычкова Наина Евгеньевна
(МГИМО МИД РФ)

Мосеев Марк Павлович
(МГИМО МИД РФ)

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД РФ)

Аннотация. В данном исследовании алгократия раскрывается как основа новой экономической модели. Анализ влияния алгоритмических рейтингов на экономическое поведение был проведен на основе системы социального рейтинга, которая уже

существует в КНР. Этот пример показывает, как репутация становится ключевым активом в условиях широкого применения инструментов цифрового управления.

Ключевые слова: экономика алгократии, социальный рейтинг, цифровое доверие, скоринг-система, алгоритмическое управление, цифровизация.

Введение. Феномен экономики алгократии заключается в том, что многие решения подвергаются влиянию алгоритмов и цифровых систем, что влечет за собой изменение современной экономики. В КНР уже используется система социального рейтинга, что является ярким примером изменения экономики вследствие цифровизации. Таким образом, формируется новая парадигма взаимоотношений как на рынке, так и между государством и обществом, создаются новые тренды экономического поведения и оценивается надежность граждан.

Методология

Во время работы над исследованием были применены как качественный анализ инструментов системы социального рейтинга КНР, так и количественный, предназначенный для оценки воздействия на экономическое поведение граждан. Синтез двух методологий позволяет вывести общие принципы работы алгократической модели и измерить её воздействие на современную экономику.

Цель

Проанализировать явление экономики алгократии как современную систему управления экономическим поведением.

Задачи:

Выявить основные принципы экономики алгократии.

Проанализировать систему социального рейтинга КНР как яркий пример влияния алгоритмов и информационных систем на современную экономику.

Оценить последствия возникновения экономики алгократии на устоявшиеся рыночные механизмы.

Основная часть

Концепция социального рейтинга является системой контроля деятельности социума, которая использует систему оценок для определения доступа граждан к услугам и возможностям. От рейтингового балла зависит количество доступных гражданам услуг. Таким образом, высокий балл дает значительно больше возможностей гражданам, поощряя определенные паттерны поведения, такие как:

соблюдение законодательства страны, в том числе своевременная и регулярная уплата налогов, выполнение обязательств по задолженности, отсутствие правонарушений и т. д.

соблюдение общественных норм, честность в профессиональной деятельности и т. д.

соблюдение правил в виртуальном пространстве, включая уважительное общение с другими пользователями, публикация правдивой информации, а также использование цифровых платформ для анализа нужд потребителей и ведения честного бизнеса.

В основе этой концепции лежит переход от финансовых институтов традиционного типа к управлению поведением и мотивацией общества посредствам алгоритмов. Такое происходит, поскольку сейчас стремительно развиваются цифровые технологии, что влечет за собой изменение потребительских привычек. Таким образом, устоявшиеся финансовые модели претерпевают изменения, поскольку они нуждаются в адаптации к новой цифровой реальности, а также во внедрении современных инновационных решений в сфере финансовых технологий.

Система социального рейтинга (или социального кредита), появившаяся в 2014 году в Китае, является одной из первых в мире. Первоначально она была направлена на создание гармоничного социалистического общества. По примеру данного проекта во многих странах стали формироваться тестовые системы мониторинга. Так, например, в России в 2023 г. начался первый этап внедрения скоринг-системы (оценки кредитоспособности) на базе вуза РСГУ. [10]

При помощи социального рейтинга, применяемого в КНР, определяется доступность граждан страны к таким услугам как:

– образование за счет государственного финансирования;
– государственная служба;
– поездки в страну и за ее пределы;
– страховые выплаты;
– социальные услуги, например, медицинские;
– условия кредитования;
– доступ к Интернету. [1]

Следующим этапом после внедрения системы социального рейтинга является формирование экономики алгократии, то есть усиления воздействия алгоритмов на доступность благ для населения. Стоит также отметить, что алгоритмы упрощают и ускоряют процессы анализа участников общества, а также способны прогнозировать их будущий потенциал. [2, с. 8]

Алгогкратия (от англ. algocracy – «правление алгоритмов») является одним из закономерных направлений развития общества в эпоху цифровой экономики. Ниже представлена алгократическая структура социального рейтинга, применяемого в КНР. Согласно ей, в первую очередь проводится сбор данных (финансовых и нефинансовых), затем их компоновка посредством компаний и официальных платформ (например, NCISP – Национальная платформа обмена кредитной информацией) и использование данных для определения формы наказания или поощрения (рис. 1).

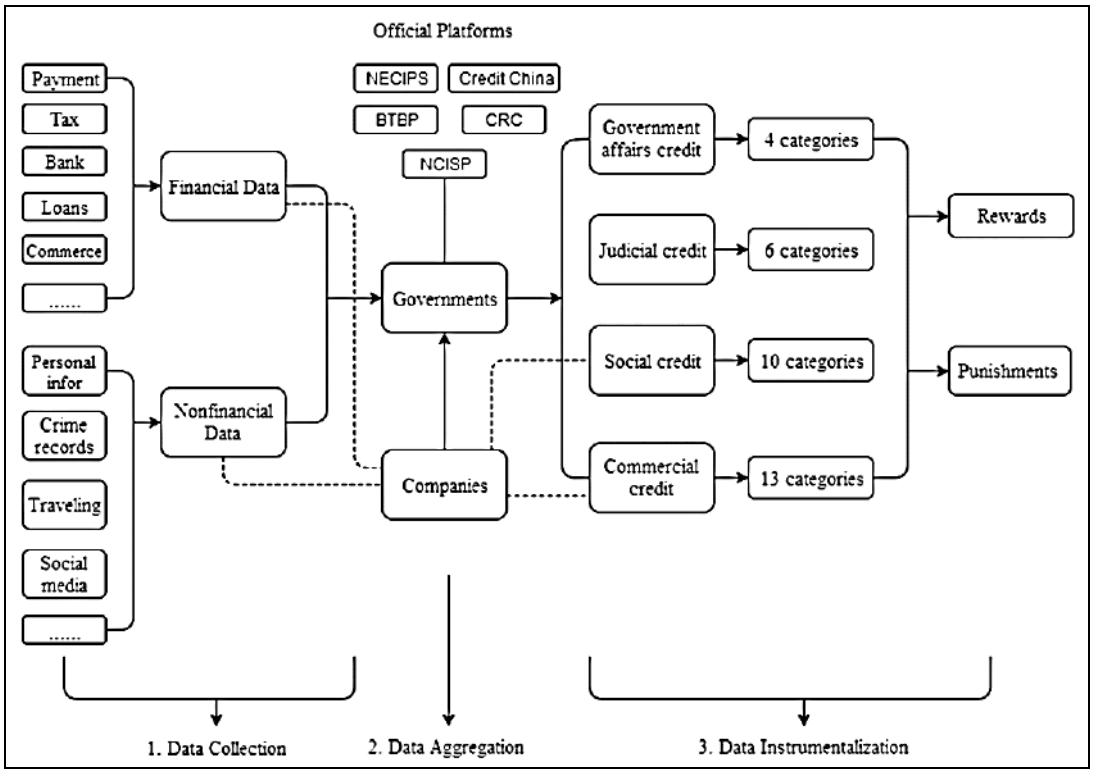

Рисунок 1. Структура системы [3]

Кроме того, система социального рейтинга имеет критерии оценивания, которые влияют на конечный балл. Далее представлены позитивные и негативные санкции, накладываемые на граждан исходя из социальных баллов, которыми они располагают (табл. 1).

Таблица 1. Экономические стимулы и санкции [1]

Стимулы	**Санкции**
Предоставление новых возможностей: – повышение размера страхового взноса; – доступность медицинских услуг; – одобрение нужной суммы кредита по низкой ставке; – доступность Интернета; – доступ вакансий на государственной службе; – разрешение на пользование авиаперелетами; – доступность образовательных услуг и наличие стипендий; – разрешение выезжать за границу;	Добавление в черный список, признание неблагонадежным: – запрет пользования социальными льготами (кредитами, проездом); – запрет на авиаперелеты; – отстранение от определенных видов деятельности; – снижение скорости интернета.

На следующей схеме более подробно представлен механизм работы скоринг-системы КНР через связь различных источников данных с Национальной платформой обмена кредитной информацией и государственными структурами, наделенными правами по назначению наказаний и поощрений (рис. 2).

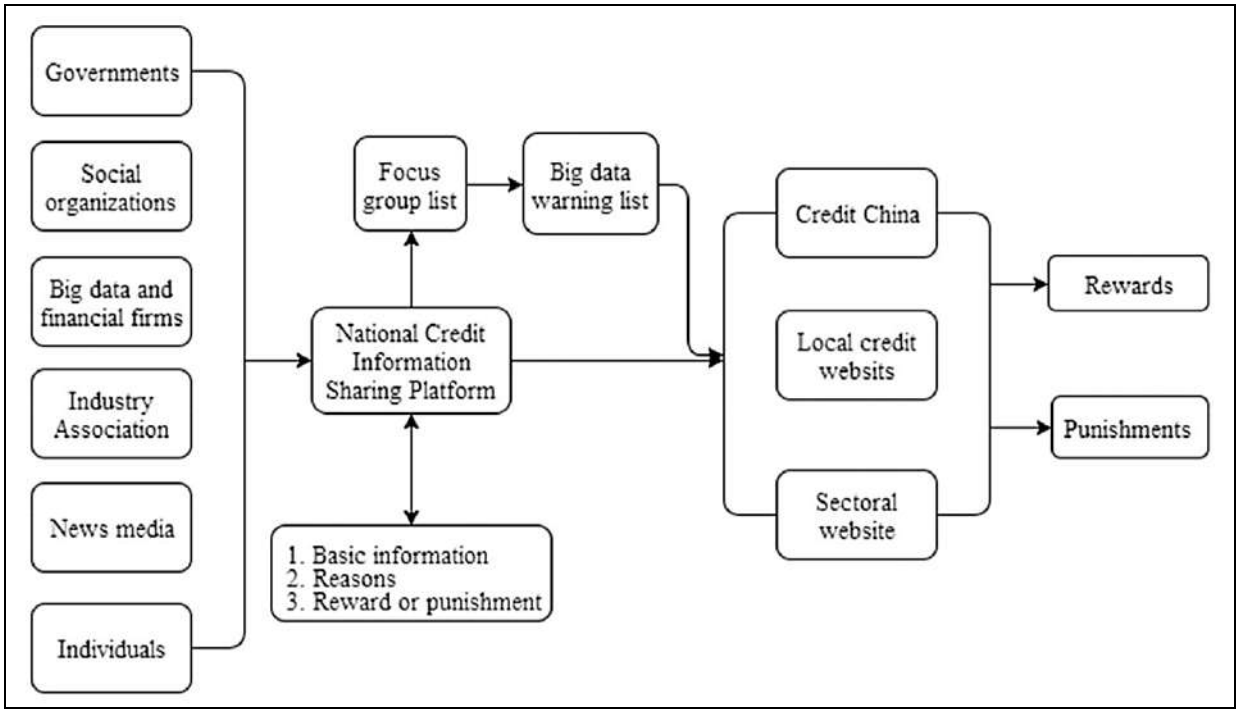

Рисунок 2. Механизм поощрения и наказания китайской рейтинговой системы [3]

Разработка системы оценки кредитоспособности в Китае была ориентирована на западные аналоги, в частности на американскую модель финансового скоринга FICO

(создана в 1989 г.). Тем не менее, существует ряд отличий китайской модели от систем финансового скоринга стран Запада:

Первоисточник создания модели в КНР – государство. В отличие от Китая на Западе внедрение подобных моделей осуществляется частными рейтинговыми агентствами.

Назначение рейтинга в Китае обуславливается не только финансовыми показателями, но также и социальными факторами, такими как, например, волонтерская деятельность, награды за активную гражданскую позицию и др.

Стоит отметить, что выделяется ряд проблем модели социального рейтинга, которые были обнаружены в ходе тестирования данного концепта:

Наличие локальных нецентрализованных систем, что влечет за собой их разобщенность и отсутствие единого общенационального стандарта рейтинговых систем (в КНР сеть состоит из множества систем городского, провинциального, отраслевого типов с разными правилами).

Высокая цена ошибки для рядовых граждан (в 2021 году ряд граждан КНР ошибочно попали в «черный список» должников и затратили много времени на восстановление прав).

Непрозрачная схема повышения/понижения рейтинга (например, снижение баллов за неугодные высказывания против государства, основанное на мнении местной власти)

Нет установленных рамок распространения личной информации.

Таким образом, проект рейтинговой модели все еще находится на стадии тестирования и требует доработок.

1. *Svitlana Berezina. Consideration of china's experience in implementing a social rating. URL: https://www.researchgate.net/publication/361382972_Consideration_of_China's_experience_in_implementing_a_social_rating (дата обращения: 10.10.2025).*
2. *Фурс Светлана Петровна Анализируя новый социальный феномен – Алгократия // КиБ. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiziruya-novyy-sotsialnyy-fenomen-algokratiya (дата обращения: 10.10.2025).*
3. *Fan Liang, Vishnupriya Das, Nadiya Kostyuk, and Muzammil M. Hussain. Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. URL: https://www.researchgate.net/publication/326817957_Constructing_a_Data-Driven_Society_China's_Social_Credit_System_as_a_State_Surveillance_Infrastructure*
4. *Ashley Dudarenok. China's Social Credit System in 2025: How It Works and What It Really Means. URL: https://chozan.co/chinas-social-credit-system/*
5. *Drew Donnelly, PhD. China Social Credit System Explained – What is it & How Does it Work? | 2024 | URL: https://joinhorizons.com/china-social-credit-system-explained/*
6. *Dream Zhou. China's Social Credit System in 2025: Dispelling Common Myths. | 2025 | URL: https://msadvisory.com/china-social-credit-system/*
7. *Chris Udemans. Blacklists and redlists: How China's Social Credit System actually works. URL: https://technode.com/2018/10/23/china-social-credit/*
8. *Iain Davis. China's Role in the Global Social Credit System. URL: https://geopoliticsandempire.com/2023/09/21/chinas-role-global-social-credit-system/*
9. *Stacey Vanek Smith, Cardiff Garcia. What It's Like To Be On The Blacklist In China's New Social Credit System. URL: https://www.npr.org/2018/10/31/662696776/what-its-like-to-be-on-the-blacklist-in-chinas-new-social-credit-system*
10. *Е. Глухова. Что такое социальный рейтинг и как он может работать в России. URL: https://www.mvideo.ru/blog/pomogaem-razobratsya/chto-takoe-soczialnyj-rejting-i-kak-on-mozhet-rabotat-v-rossii*

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА.

Васюнина Ариадна Алексеевна
(МГИМО (Одинцовский филиал))

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО (Одинцовский филиал))

Аннотация. Статья посвящена исследованию алгоритмической модернизации российской экономики в условиях цифровой трансформации. Особое внимание уделено внедрению искусственного интеллекта в финансовую и энергетическую сферы, оценке инвестиционной динамики, а также анализу стратегических перспектив формирования цифрового потенциала и повышения конкурентоспособности страны на глобальном уровне.

Ключевые слова и фразы: цифровая экономика, алгоритмическая модернизация, искусственный интеллект, финансовые технологии, энергетика, инновационные технологии, цифровой потенциал, автоматизация процессов, возобновляемая энергетика, управление ресурсами, устойчивое развитие.

В современном мире цифровизация экономики стала ключевым драйвером экономического роста и технологической независимости. Россия, обладая значительным потенциалом в энергетическом и финансовом секторах, активно внедряет инновационные технологии и системы искусственного интеллекта (ИИ), создавая новые механизмы управления и прогнозирования. Алгоритмическая модернизация, предполагающая интеграцию ИИ и автоматизированных решений, становится критически важным инструментом повышения эффективности финансовых операций, оптимизации энергетических сетей и ускорения принятия решений [1, с. 5].

Финансовый сектор является одним из ключевых направлений алгоритмической модернизации. Применение ИИ в банковской сфере, инвестициях и страховании позволяет ускорить обработку транзакций, оценку рисков и кредитоспособности клиентов, а также выявление мошеннических операций [8, разд. 2]. Согласно исследованию российского рынка ИИ, инвестиции в финансовые технологии (FinTech) в 2024 году достигли 18 млрд рублей, демонстрируя устойчивый рост около 22 % в год, что отражает интерес бизнеса к цифровым инструментам и платформам управления капиталом [7, с. 41]. Интеграция алгоритмов машинного обучения и больших данных обеспечивает возможность прогнозирования макроэкономических тенденций, оптимизации финансовых потоков и повышения прозрачности операций [6, гл. 3].

Энергетический сектор также претерпевает трансформацию, благодаря цифровым решениям. Внедрение интеллектуальных сетей (Smart Grid), алгоритмов предиктивного анализа и ИИ-систем управления позволяет оптимизировать производство, распределение и потребление энергии. Эти технологии способствуют снижению потерь в сетях, повышению эффективности выработки электроэнергии и внедрению возобновляемых источников [5, разд. 4]. Например, внедрение алгоритмов прогнозирования нагрузки в электросетях Московской области позволило сократить потери электроэнергии на 12 % в

2023 году [7, с. 87]. Анализ данных и прогнозирование потребления создают условия для интеграции экономики с энергосистемой и минимизации рисков энергетического кризиса.

Алгоритмическая модернизация экономики в финансово-энергетической сфере предполагает не только технические изменения, но и организационные и стратегические трансформации. Создание цифровой инфраструктуры, платформ для анализа больших данных и интеграции финансовых и энергетических систем позволяет принимать более точечные управленческие решения, прогнозировать макроэкономические показатели и повышать устойчивость экономики к внешним и внутренним шокам [3, разд. 2.1]. Одним из ярких примеров является внедрение платформ для управления государственными инвестициями в энергетический сектор, где ИИ используется для прогнозирования доходности проектов и распределения ресурсов [4].

При этом процесс внедрения ИИ сталкивается с рядом барьеров, среди которых нехватка квалифицированных кадров, недостаточная инфраструктура и вопросы нормативного регулирования. Для преодоления данных вызовов требуется комплексный подход, включающий подготовку специалистов, создание инновационных центров и формирование базы для цифровизации финансов и энергетики [2, с. 33]. Активное участие государства и бизнеса в создании единой цифровой платформы позволяет сократить время принятия решений, оптимизировать управление потоками капитала и ресурсами энергетики, а также стимулировать инновационные процессы в стратегических отраслях [9].

Статистические индикаторы показывают ускорение процессов цифровизации: по оценкам отраслевых отчётов, к 2024 г. порядка 35 % крупных компаний в финансовом и энергетическом секторах уже использовали ИИ-решения в одном или нескольких ключевых процессах [7, с. 102]. Совокупный объём инвестиций в цифровую трансформацию отраслей за 2022 – 2024 гг. составил десятки миллиардов рублей. Данные тренды иллюстрирует рис. 1, где показана динамика внедрения ИИ в финансовом и энергетическом секторах России за 2020 – 2025 гг.

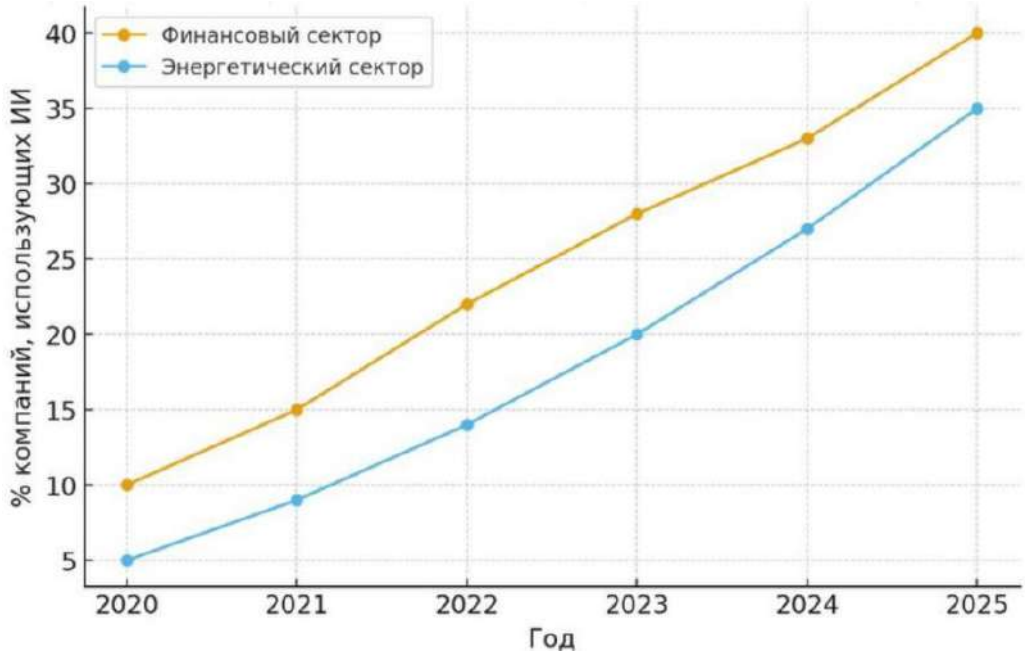

Рисунок 1. Динамика инвестиций в финансовый и энергетический секторы экономики России, 2020 – 2025 гг.

Перспективы развития алгоритмической модернизации включают дальнейшую модернизацию финансовых технологий, создание цифровых платформ для управления энергетикой и интеграцию ИИ в стратегические отрасли [8]. Использование интеллектуальных алгоритмов в управлении финансовыми потоками и энергетическими ресурсами обеспечивает устойчивость экономики, позволяет создавать новые источники дохода и повышать конкурентоспособность страны на глобальной арене [4, с. 57]. Кроме того, алгоритмическая модернизация способствует развитию возобновляемой энергетики и повышению энергоэффективности, что в перспективе создаст условия для устойчивого экономического роста [5].

В целом, внедрение ИИ и инновационных технологий в финансовых и энергетический секторы России формирует основу для долгосрочного цифрового потенциала страны. Интеграция алгоритмических решений позволяет оптимизировать управление ресурсами, прогнозировать экономические и энергетические показатели, снижать риски и стимулировать развитие инновационной экономики [9]. Комплексное внедрение цифровых технологий, инвестирование в инфраструктуру, подготовка кадров и стимулирование инноваций создают условия для устойчивого и технологически продвинутого развития России, обеспечивая ей стратегическое преимущество в мировой экономике.

1. *Белоусов А. Роль цифровых платформ в развитии российской экономики. Экономическая политика. 2023 г. [Электронный ресурс] URL: https://economy.gov.ru/material/news/cifrovye_platformy_v_rossiyskoy_ekonomike.html (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
2. *Глазьев С.Ю. О стратегии опережающего развития России в условиях глобальной технологической трансформации. 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://glazev.ru/articles (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
3. *Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Доклад о цифровой модернизации экономики России. 2023 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.ecfor.ru/publication/ (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
4. *Международный валютный фонд. Artificial Intelligence and the World Economy. IMF Report. 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.imf.org/en/Publications (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
5. *Министерство энергетики РФ. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в энергетике. 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://minenergo.gov.ru/ai-energy (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
6. *Министерство финансов РФ. Доклад о цифровой трансформации финансового сектора. 2023 г. [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
7. *Росстат. Цифровизация и инновации в экономике России: статистический сборник. 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
8. *Сбербанк. Искусственный интеллект и финансы: доклад об инновациях. 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.sberbank.com/ai-report (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*
9. *OECD. AI in Finance and Economy. OECD Digital Economy Papers. 2023 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.oecd.org/digital/ (Дата обращения: 29.09.2025 г.).*

РАЗВИТИЕ И УПАДОК ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО ГОРОДА НА УРАЛЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Воронов Виктор Васильевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

Аннотация. В статье представлены факторы позитивного и негативного опыта хозяйственной, социальной деятельности регионального малого города во времени, на основе социологического анализа этого опыта. Систематизация данных социально-экономического развития во времени малого города Тавда, может быть полезной для

разработки долгосрочной стратегии развития региональной российской промышленности, укрепления ее конкурентоспособности.

Ключевые слова: промышленное предприятие, малый город, экономическое и социальное развитие, позитивный и негативный опыт

Введение. Развитие промышленного производства является одной из стратегических задач и ключевых факторов развития экономики России, которое в условиях международных санкций становится всё более актуальным и жизненно необходимым [5]. Уральский регион относится к развитым промышленным регионам России [7].

Промышленный малый город Тавда, является типичным в своём статусе и расположен на стыке трёх регионов страны: Свердловской области, Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Зарождение города связано с деятельностью ученого – Д. И. Менделеева. Экспедиция под его началом в 1899 году провела комплексную оценку Урала, его природных условий, залежей полезных ископаемых, промышленности, экономических условий развития. Итогом стало заключение о богатых лесных ресурсах (5,5 млн десятин годного к переработке леса) вдоль поймы реки Тавды, начинающейся с Уральских гор и впадающей в реку Тобол в Западной Сибири. На среднем течении этой сплавной, судоходной реки был заложен в 1910 году рабочий посёлок, соединивший его железной дорогой с Екатеринбургом. К 1937 году Тавда стала одним из крупнейших индустриальных центров лесной и комплексной деревообрабатывающей промышленности Урала. Развитие города обеспечивалось государственной общесоюзной и региональной политикой планирования, снабжения, расселения производительных сил при социализме. Продукция тавдинских предприятий поставлялась на региональные рынки страны: пиломатериалы, фанера, ж/д шпалы, древесные плиты, этиловый и технический спирт, кормовые дрожжи, лесовозные автоприцепы и другое. В 70-е – 80-е годы прошлого века от 3 % до более 40 % продукции основных промышленных предприятий (лесокомбинат, гидролизный завод, фанерный комбинат) шло на экспорт. В городе проживало 49 тыс. жителей. На 14 промышленных предприятиях было занято более 10 тыс. человек [2].

Цель работы – представить факторы позитивного и негативного опыта хозяйственной, социальной деятельности регионального малого города во времени, на основе социально-экономического анализа этого опыта. Методология решения поставленной цели предусматривает обзор и анализ архивных материалов (преимущественно экспертных оценок и производственных отчетов) и публикаций членов трудовых коллективов промышленных предприятий города Тавды. Использованы также общенаучные и социологические методы: сравнительный, исторический, логический, кейс-стади [9].

Среднесписочная численность работников промышленных предприятий г. Тавды в 1975 г. составляла: на лесокомбинате – более 3,2 тыс. человек; на гидролизном заводе – 1,3 тыс. человек; на фанерном комбинате – более 2,7 тыс. человек. Другой важной отраслью промышленности г. Тавды было машиностроение и металлообработка. Ведущим предприятием этой отрасли был механический завод, единственный в стране специализированный завод по выпуску 15-тонных лесовозных автоприцепов. Значительная часть продукции экспортировалась в страны Европы и Азии. В городе работала единственная в области судоверфь по выпуску металлических барж грузоподъемностью до 800 тонн.

Предприятия местной промышленности были представлены горпромкомбинатом, лесхозом, хлебным, молочным и рыбным заводами, суконной фабрикой, сбором и переработкой «дикоросов» (кедровых шишек, грибов, ягод). Промышленное и гражданское строительство в городе производили ведомственные строительно-монтажные управления. Доля каменной и кирпичной малоэтажной застройки составляла около 20 % жилфонда, а более 80 % – доля деревянной частной застройки. Активно развивалась инфраструктура внешних коммуникаций: ж/д, авиационный, автобусный, речной транспорт (грузовой и пассажирский).

С ростом экономики выросло значение Тавды как культурного центра. Развивалась городская инфраструктура: строились многоквартирные дома для работников заводов и фабрик, асфальтировались центральные улицы города, который протянулся на 18 км вдоль реки. Были построены средние школы, поликлиники, больницы, парки отдыха и дома культуры, стадион, лесной техникум, медицинское училище, профтехучилище, музыкальная и лесотехническая школы, несколько библиотек и другое. До 1991 года была полная занятость трудоспособного населения города.

В настоящее время (2024 год) постоянных жителей города осталось 32 тыс. человек, что связано с экономическими трудностями и оттоком молодежи в более крупные города (Екатеринбург, Тюмень и др.). Похожие явления и их причины рассматривались исследователями [3]. Статус крупного центра деревообрабатывающей промышленности Урала город Тавда удерживал до экономических реформ 90-х и системного российского кризиса 2000-х годов. В результате грабительской приватизации, в настоящее время большинство промышленных предприятий города ликвидированы, что привело к резкому сокращению рабочих мест. Пока функционирует в Тавде лишь фанерный комбинат, заметно снизив занятость и объемы производства. Нет аэропорта, речного порта. Закрыто медицинское училище, лесной техникум соединили с профтехучилищем, где обучают на автослесарей, сварщиков, бухгалтеров и др. За последние 3 года нет ввода нового жилья для населения. Со средней в городе заработной платой 34,4 тыс. руб. его не купишь. Средняя продолжительность жизни снизилась до 67 лет, ниже общероссийского уровня. Причинами снижения численности как городского, так и сельского населения Тавдинского городского округа являются: социальная неустроенность жителей, недостаток рабочих мест, снижение рождаемости. Смертность превысила рождаемость в 2,5 раза. Доля учреждений культуры, находящихся в удовлетворительном состоянии, от общего числа таких учреждений, составляет 14,3%. Доля аварийного и непригодного для проживания жилищного фонда за последние три года выросла в 2 раза [10]. Культурная жизнь города, организуемая городской властью, ввиду отсутствия в стране ясной и общепринятой идеологии, приобретает форму имитации единения жителей, их активного досуга: акции «Неделя здоровья», «Неделя трезвости», различные выставки и лекции не подкреплены присутствием, жизнью и заботами трудовых коллективов.

Экономика города в настоящее время осуществляется несколькими сотнями предприятий малого и среднего бизнеса, включая индивидуальных предпринимателей. Они представлены сферой услуг: кафе, магазины, лавки, мастерские, которые адаптируются к текущей реальности местной экономики. Жителям Тавды приходится либо вести малое предпринимательство, либо ездить на заработки вахтовым методом в ХМАО. Известно, что производительность труда в сфере услуг значительно ниже производительности труда в промышленности вследствие преобладания ручного труда в сфере услуг и машинного труда в промышленности. Это объективно ведёт к снижению условий жизни и деятельности локальной территории: в бюджетной политике это ведёт к

снижению налогов из-за преобладания малого предпринимательства с низкой технологичностью, росту государственного долга муниципалитетов. Искажается объективная оценка производительности труда (выпуск продукции в единицу времени), субъективную оценку (заработок работника в единицу времени) [1].

Обсуждение и результаты. Для более содержательного раскрытия положений и результатов проведённого исследования в работе использован социологический метод кейс-стади на примере одного из значимых промышленных предприятий Тавды. В эпоху разрушения советской страны работники гидролизного завода города во главе с избранным директором В. В. Цуриковым (1994 – 1998 гг.) проявили волю и трудовой коллективизм в новых условиях хозяйствования, без государственной поддержки в планировании и снабжении. Они, приватизировав завод, сделали его открытым акционерным обществом «Тавдинский гидролизный завод» (ОАО «ТГЗ») [6]. За счёт своих сил и средств на заводе создали свою базу по производству и переработке собственного древесного сырья. Рабочие и руководство разработали и реализовали две эффективные политики развития производства на заводе: техническую (усилия по снижению затрат на сырьё, химикаты и материалы) и социального стимулирования работников (труд рабочих поощряли в натуральном и в денежном выражении). Заводчане разработали технологию использования альтернативных видов сырья. Комплексная экономическая, техническая и социальная политика развития завода была противопоставлена рыночной стихии: завод активно участвовал в поддержке социальной сферы (строил детские сады и жильё, оплачивал праздничные Дни города и др.) и городской инфраструктуры (на 60 процентов обеспечивал потребность города в тепле). ОАО «ТГЗ» смог без банковских кредитов погасить прежние долги, развивать производство и выпуск новой продукции (средства для бытовой химии, присадки к автобензинам и другое), заметно поднять заработную плату рабочим, кредитовать колхозы района на поставку горюче-смазочных материалов для проведения весенних полевых работ. Завод стал стабильно прибыльным и вошел в тройку лидеров гидролизной промышленности страны. Однако в 1998 году директора сместили из-за деятельности П. Федулёва, криминального олигарха – известного рейдера на Урале, захватывавшего в те годы промышленные предприятия. Он скупил недостающие 12 процентов акций для контрольного пакета акций гидролизного завода. Затем его грабительскую деятельность в начале 2000-х продолжил предприниматель, основатель «уралмашевской» ОПГ, депутат городской думы Екатеринбурга А. Куковякин, приведший его к банкротству. Надо признать, что приватизация в стране оказалась несвоевременной и грабительской перед диктатом закона наживы экономики рынка. Однако алчность новых хозяев, передел собственности и другие дела 90-х – начала 2000-х годов лишь одна из причин гибели гидролизного завода. Оказалось, что одно из важнейших в советское время предприятие оказалось государству в условиях рынка не нужным. Значительная доля вины в гибели завода лежит на государстве, которое не стало продлевать лицензию на производство технического спирта, обеспечивавшего «оборонку». И когда «оборонка» в прежнем виде рухнула, необходимо было искать рынки сбыта. Новые хозяева стали продавать товар в полуподпольные цеха, где разливали контрафактную водку и российское правительство не нашло иного решения, как закрыть завод в 2007 году вместо того, чтобы национализировать предприятие, производящее спирт. [8]. Другими словами, тогда и сейчас преобладает трансфертная государственная политика в отношении региональных малых городов, лишь покрывающая дефицит местных бюджетов, а не инвестиционная, направленная на их развитие [5, 105].

Вместе с тем, муниципалитет города и приглашенные эксперты хотят вернуть малому городу статус индустриально развитой территории. Их предложения сводятся к переориентации «старой» экономики деревообработки, лесохимии, машиностроения на развитие новой экономики: агрокомплекса, туризма и рекреации на основе местных термальных минеральных вод. То есть в ближайшие 17 лет развивать в малом городе туризм, сельское хозяйство и переработку «даров природы». По мнению экспертов и местных властей, необходима реализация базового проекта «Дорога на север»: отсутствие автотранспортной инфраструктуры с основным потребителем продукции города – ХМАО, негативно сказывается на инвестиционной привлекательности Тавды [11].

Выводы. По результатам исследования выявлены общие и особенные пути, меры, инструменты возрождения малых городов [4], которые до экономических трансформаций 1991 г. были вполне благополучны и устойчиво развивались на основе комплексной государственной общесоюзной, региональной, местной политики планирования, снабжения, расселения производительных сил в стране. Отсутствие такой политики приводит к стихийным проектам пространственного развития региональных малых городов, без опоры на социальную науку, на советский опыт, что и показал практический пример прошлого, настоящего и неопределённого будущего уральского индустриального малого города Тавда.

1. *Ануреев С. Судьба мегаполисов. / Завтра, октябрь 2025. № 39. С. 3.*
2. *Город Тавда в 1975 г. URL: https://tavda.info/miduraltowns (доступно 25.09.2025).*
3. *Дмитриев А. В., Воронов В. В. Россия в контексте пространственного развития: взгляд с периферии Ближнего Севера. – Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 169-181.*
4. *Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы : [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина [и др.]; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 596 с.*
5. *Маркин В. В., Воронов В. В. Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. Том. 287. № 6. С. 103-108.*
6. *Моя Россия, моя родина, моя Тавда… URL: https://vk.com/wall-190208091_1866?w=wall-190208091_1866 (доступно 27.09.2025)*
7. *Родионова И. А. Современная ситуация в промышленном производстве России и позиции Уральского региона // Экономика региона. 2009. № 4. С. 98-107.*
8. *Тавда: как убивали гидролизный завод. URL: https://ural.aif.ru/society/situation/tavda_kak_ubivali_gidroliznyy_zavod (доступно 27.09.2025)*
9. *Фливберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 15-19.*
10. *Экспертная оценка 2022 года состояния экономики и социальной сферы г. Тавды. URL:https://docviewer.yandex.ru/view/2039044167/?page=31&*= (доступно 25.09.2025).*
11. *Экспертный Клуб Свердловской области в Тавде: «Город леса» приобретает новые смыслы. 2022. URL: https://созидание.све.рф/новости/17355 (доступно 25.09.2025).*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Годило Татьяна Сергеевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Актуальность исследования социальной эффективности преференциальных режимов обусловлена их трансформацией из сугубо экономических инструментов в комплексные механизмы социально-экономического регулирования в эпоху новой современности. Данный период характеризуется турбулентностью глобальных процессов,

структурной перестройкой национальной экономики и возрастанием требований к социальной легитимности любых форм государственной поддержки. В этом контексте традиционная оценка, фокусирующаяся на фискальных эффектах и объемах привлеченных инвестиций, оказывается недостаточной для комплексного понимания их роли и устойчивости.

Социальная эффективность преференциальных режимов понимается нами как синергетический результат, проявляющийся не только в создании новых рабочих мест, но и в качестве этих рабочих мест, росте человеческого капитала территорий, уровне доходов домохозяйств, а также в мультипликативном развитии социальной инфраструктуры и укреплении социального капитала. Ключевой проблемой является операционализация данной категории и формирование системы индикаторов, адекватно отражающих эти многомерные эффекты. Существует методологический разрыв между макроэкономическими показателями развития территорий опережающего развития или специальных экономических зон и микросоциальными изменениями в жизни локальных сообществ. Стандартные количественные показатели, такие как количество созданных рабочих мест, зачастую не отражают их реального качества, уровня заработной платы, соответствия квалификации местных жителей, а также не улавливают эффекты социальной стратификации и потенциального роста неравенства.

В условиях новой современности риски смещаются из чисто экономической плоскости в социально-политическую. Ключевым вызовом становится риск утраты общественного доверия и легитимности, который возникает при диссонансе между декларируемыми целями создания преференциальных режимов и их реальными социальными последствиями. Данное условие порождает феномен «социальной тени» экономических преференций, когда формальные успехи в виде роста ВРП территории или объемов производства сопровождаются ростом социальной напряженности, обусловленной притоком внешней рабочей силы, ростом цен на жилье и услуги для местного населения, а также перцепцией несправедливого распределения благ от предоставленных льгот. Кроме того, возникает системный риск воспроизводства институциональной зависимости, при котором территории и их сообщества адаптируются к логике постоянной внешней поддержки, что подавляет эндогенный потенциал развития и снижает их долгосрочную устойчивость после завершения действия преференциального периода.

Развитие преференциальных режимов, таких как, к примеру, особые экономические зоны, зачастую сопряжено с формированием внутри регионов дуалистической модели рынка труда, где уровень доходов резидентов данных территорий опережающего развития существенно превышает среднерыночные показатели по субъекту. Актуальные данные Министерства экономического развития Российской Федерации иллюстрируют, что зарплаты в особых экономических зонах в настоящее время стабильно выше региональных и составляют до +40 % у резидентов ОЭЗ. Возникающая на этой основе резкая дифференциация в оплате труда между занятыми в преференциальном сегменте и работниками прочих отраслей региональной экономики способно создать значимые риски углубления социального неравенства по доходному признаку. Данный дисбаланс не только потенцирует рост социальной напряженности и восприятия несправедливости среди местного сообщества, но и ведет к структурным деформациям, выражающимся в перетоке высококвалифицированных кадров в зоны с более выгодными условиями труда и одновременной стагнации зарплат в «обычных» секторах, что, в свою очередь, подрывает базовый принцип социальной консолидации и может нивелировать позитивный эффект от создания новых рабочих мест за счет

усиления расслоения и формирования устойчивых социально-экономических барьеров внутри региона.

Таким образом, разработка комплексной методики оценки социальной эффективности, интегрирующей как объективные статистические данные, так и субъективные социальные индикаторы (уровень удовлетворенности, восприятие справедливости, доверие к институтам), становится не просто исследовательской задачей, но императивом для государственного управления. Устойчивость преференциальных режимов в перспективе будет определяться не столько их фискальной окупаемостью, сколько их способностью генерировать позитивные социальные изменения.

1. *Воронов А. С., Годило Т. С. Совершенствование форм взаимодействия бизнеса и государства в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Московского университета. Серия 21:*
2. *Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 246–278.*
3. *Васильева Е. Ю., Соколов А. В. Эффективность преференциальных режимов в современных российских условиях // Управленческий учет. 2023. № 2. С. 358-356.*
4. *Екатериновская М. А. Преференциальные режимы в России: проблемы и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 2649-2662.*
5. *Породина С. В. Проблемы управления и развития малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (46). С. 435-437.*
6. *Рыкова И. Н., Ремизова Т. С., Смирнова Н. В. Научно-методические подходы к оценке эффективности применения в России преференциальных налоговых режимов // Экономические исследования. 2024. № 4.*
7. *Халимендик В. Б. Эффективность особых экономических зон для социально-экономического развития региона // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 861-874.*
8. *Зарплаты в особых экономических зонах стабильно выше региональных: до + 40% у резидентов ОЭЗ // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL:*
9. *https://www.economy.gov.ru/material/news/zarplaty_v_osobyh_ekonomi cheskih_zonah_stabilno_vyshe_ regionalnyh_do40_u_rezidentov_oez.htm l?ysclid=mgnx5vl5z5990070304 (дата обращения: 10.10.2025)*

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ (КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ПОТОКОВОГО ОБЩЕСТВА ДЖ. УРРИ)

Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ)

Кузнецова Ольга Владимировна
(Иркутский государственный университет)

Алексеева Ольга Максимовна
(Центр содействия адаптации детей-инофонов)

При финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности».

Способность человеческого капитала адаптироваться в условиях новой экономики характеризуется его динамичной возможностью эффективно переключаться между различными задачами, а также усваивать новые профессиональные навыки и технологические инновации. Эта способность является ключевым фактором,

обеспечивающим гибкость и устойчивость рабочей силы в условиях потокового общества [1]. В современных условиях информационные трансформации происходят с беспрецедентной скоростью, не сравнимой с эволюцией ранее известных экономических моделей [3, 187], [4]. Адаптационный потенциал человеческого капитала приобретает особую значимость как фактор, способствующий успешному функционирования и развития экономики. Среди авторов современных исследований адаптации в социологии можно назвать Л. В. Корель, Л. М. Дробижева, Е. В. Дмитриева, В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, М. В. Ромм и других, показывающих системные характеристики адаптационных потенциалов. Особе место занимает теория потокового общества и роль адаптационного потенциала Дж. Урри, который может рассматриваться через призму мобильности и способности людей адаптироваться к изменяющимся социальным, экономическим и технологическим условиям [2].

Согласно теории Дж. Урри, современное общество характеризуется высокой степенью мобильности – социальной, территориальной, виртуальной и др. В этой ситуации человеческий капитал, включающий знания, навыки и компетенции людей, играет ключевую роль в их способности адаптироваться к этим изменениям. Адаптационный потенциал человеческого капитала включает**:** ***гибкость мышления и способность к обучению; сетевые связи и социальные контакты; культурная компетентность; технологическая грамотность; креативность и инновационное мышление.*** Люди, способные генерировать новые идеи и решения, могут более эффективно адаптироваться к изменениям и вносить вклад в инновационное развитие общества. В контексте теории Урри адаптационный потенциал человеческого капитала можно рассматривать как фактор, не только выживания в изменяющемся мире, но и как способность вносить вклад в его преобразование, создавая новые возможности и решения.

В структуре адаптационного потенциала человеческого капитала в условиях современного общества можно выделить несколько ключевых компонентов. Одним из них являются цифровые навыки, представляющие собой комплекс когнитивных способностей, необходимых для эффективного взаимодействия с цифровыми технологиями и функционирования в цифровой среде. Навыки, связанные с информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ), программным обеспечением, программированием и цифровой грамотностью, становятся все более важными в современном мире. В условиях стремительного развития технологий, владение этими навыками является ключевым элементом профессиональной компетенции и необходимым условием для успешного вхождения в цифровую экономику. Готовность к принятию инноваций также играет важную роль в адаптивном потенциале человеческого капитала. В условиях быстро меняющейся экономической среды, способность постоянно учиться и адаптироваться к новым реалиям становится решающим фактором конкурентоспособности. Готовность к внедрению новшеств включает не только освоение новых знаний и навыков, но и способность критически оценивать существующие подходы и внедрять инновационные методы в профессиональную деятельность. Наконец, способность быстро усваивать необходимые знания и навыки является важным элементом формирования адаптивного потенциала человеческого капитала. В условиях глобализации и стремительного развития технологий экономические агенты должны обладать высокой степенью мобильности знаний, что позволяет им оперативно реагировать на изменения и быть в курсе последних тенденций и инноваций. Быстрое освоение знаний и навыков способствует повышению эффективности и конкурентоспособности как отдельных работников, так и организаций.

Адаптационный потенциал человеческого капитала в условиях новой экономики определяется рядом ключевых факторов. Для повышения адаптивного потенциала человеческого капитала в контексте новой экономики предлагается ряд стратегических инициатив:

Инвестиции в человеческий капитал, такие как образование, здравоохранение, профессиональные тренинги и развитие навыков, имеют ключевое значение для повышения квалификации и производительности труда. Эти вложения способствуют формированию гибкой и адаптируемой рабочей силы, способной эффективно работать в условиях быстро меняющейся экономики.

Взаимодействие между различными секторами, включая образовательные учреждения, бизнес и государственные структуры, является критически важным для синхронизации образовательных программ с новыми экономическими вызовами. Такое сотрудничество помогает создавать более гибкие и актуальные образовательные стандарты, соответствующие требованиям современного рынка труда.

Развитие цифровой инфраструктуры является неотъемлемой частью адаптации образовательных систем к вызовам новой экономики. Создание условий для внедрения цифровых технологий в образовательный процесс повышает эффективность обучения, способствует развитию инновационных подходов и формированию компетенций, необходимых для успешной деятельности в цифровой экономике.

Эти меры способствуют не только повышению квалификации рабочей силы, но и формированию более гибкой и устойчивой системы профессионального образования и подготовки кадров в условиях цифровой трансформации.

Важное значение в новой экономике приобретают адекватные технологии диагностики и оценки адаптивного потенциала человеческого капитала. Для всесторонней оценки адаптивного потенциала человеческого капитала в условиях динамично трансформирующейся экономики применяются комплексные методы, учитывающие как традиционные, так и современные параметры. Эти методы включают: а) ***комплексную оценку человеческого капитала,*** которая интегрирует традиционные характеристики, такие как возраст, уровень образования, профессиональный опыт и специфические компетенции, с дополнительными параметрами, такими как социальный статус, состояние здоровья, междисциплинарные компетенции, мотивационные факторы и уровень вовлеченности в трудовую деятельность. Такой подход позволяет получить многомерное представление о качестве и эффективности человеческого капитала, учитывая его многофункциональность и адаптивные способности [4]; б) *анализ* ***индексов человеческого капитала,*** который представляет собой количественные показатели, отражающие уровень производительности труда будущих поколений работников по сравнению с гипотетическим эталоном, предполагающим полное образование и идеальное состояние здоровья. Этот индекс служит инструментом для прогнозирования и оценки потенциальных возможностей экономического роста, а также для разработки стратегий, направленных на повышение качества человеческого капитала. Эти методологические подходы обеспечивают глубокий и всесторонний анализ человеческого капитала, что является ключевым фактором для формирования эффективных стратегий развития в условиях новой экономики [5].

1. *Urry J. Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000b.*
2. *Urry J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology. 2000a. Vol. 51. No 1. January/ March. P. 185–203.*
3. *Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3–15. DOI 10.31857/S0*

4. *Иванов Д. В. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией / Д. В. Иванов, Ю. В. Асочаков, К. П. Гулькина // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 6-25. – DOI 10.19181/nko.2024.30.3.1. 132162524060014.*
5. *Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 10-25. – DOI 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1. – EDN ZYTAGK.*
6. *Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак [и др.] // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 139-160. – DOI 10.24411/2079-0910-2020-14008. – EDN OPZBAQ.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДА И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ФРИЛАНСА

Добрынина Софья Николаевна
(МГИМО МИД России)

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД России)

Аннотация. Цифровизация труда представляет собой одну из наиболее значительных трансформаций современного общества, затрагивающую все аспекты экономической и социальной жизни. В условиях стремительного развития технологий платформенная экономика и фриланс становятся важными элементами рынка труда, создавая новые возможности для занятости, но также и вызывая ряд проблем, связанных с правовым статусом работников, социальной защитой и налогообложением. Важно отметить, что в этих условиях роль государства становится ключевой, так как именно оно должно выработать эффективные механизмы регулирования, способствующие как защите прав работников, так и развитию инновационных форм занятости.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в условиях глобализации и цифровизации экономики многие страны сталкиваются с необходимостью адаптации своих законодательств к новым реалиям. В России, где фриланс и платформенные услуги становятся все более распространенными, вопросы правового регулирования и социальной защиты работников требуют особого внимания. Это также касается и международного контекста, где различные подходы к регулированию платформенной экономики могут служить примером для России.

Цель данной работы заключается в анализе влияния цифровизации на рынок труда, а также в исследовании роли государства в регулировании платформенной экономики и фриланса. В рамках этой цели необходимо рассмотреть, как различные факторы, такие как законодательные инициативы, международный опыт и социальные аспекты, влияют на развитие платформенной экономики в России и за рубежом.

Ключевые слова: Цифровизация труда, платформенная экономика, фриланс, роль государства, регулирование, рынок труда, правовой статус работников, социальная защита, налогообложение, законодательные инициативы.

Цифровизация радикально преобразует глобальный рынок труда. Ключевые тренды – это автоматизация рутинных задач, рост спроса на цифровые навыки и повсеместное внедрение удалённого формата работы. Эти изменения ведут к повышению

гибкости и эффективности, но одновременно усиливают неравенство и создают предпосылки для нестабильной занятости. На смену традиционным трудовым договорам всё чаще приходят неформальные или гражданско-правовые отношения, особенно в сегменте фриланса и платформенной экономики, что ставит под вопрос устойчивость социальных гарантий.

Платформенная экономика представляет собой современную модель взаимодействия участников экономической деятельности, основанную на использовании цифровых платформ для обмена товарами, услугами или информацией. Основной принцип её функционирования заключается в создании посреднической инфраструктуры, которая соединяет потребителей и поставщиков, минимизируя транзакционные издержки. Примеры таких платформ включают компании Uber и Airbnb, которые обеспечивают цифровую основу для взаимодействия между пользователями и поставщиками, что способствует удобству, доступности и прозрачности сделок. В этом контексте цифровизация, являясь основой цифровой экономики, осуществляет связующую роль между этими понятиями.

Одной из ключевых характеристик платформенной экономики является её цифровая инфраструктура, которая включает облачные технологии и инструменты обработки больших данных. Эти технологии играют центральную роль в функционировании платформ, позволяя обрабатывать огромные объёмы информации и поддерживать сложные алгоритмы. Платформа Amazon, к примеру, использует алгоритмы машинного обучения для анализа предпочтений пользователей и персонализации предложений, что значительно повышает эффективность взаимодействия и удовлетворённость клиентов. В этом контексте следует отметить, что в современном мире цифровые платформы и экосистемы играют большую роль в трансформации экономики, создавая новые возможности для бизнеса и общества. Таким образом, данные и алгоритмы выступают важнейшими элементами, определяющими успех платформенной экономики.

Платформенная экономика включает различные типы платформ, которые можно разделить на агрегаторы, маркетплейсы и сервисные платформы. Агрегаторы, такие как Booking.com, собирают и представляют предложения от множества поставщиков услуг, облегчая пользователям выбор подходящего варианта. Маркетплейсы, например, Etsy, предоставляют пространство для прямого взаимодействия между продавцами и покупателями, создавая условия для индивидуального предпринимательства. Сервисные платформы, такие как Upwork, фокусируются на соединении фрилансеров с заказчиками, способствуя развитию гибких форм занятости. Эти примеры демонстрируют разнообразие подходов и сфер применения платформенной экономики.

Фриланс, как явление, играет ключевую роль в процессе цифровизации труда, что подтверждается его активным развитием и влиянием на рынок занятости. Согласно исследованию McKinsey, в 2020 году около 20 – 30 % рабочей силы в странах Европейского Союза занимались фрилансом, что свидетельствует о значительном росте популярности такого формата работы. Цифровые платформы, такие как Upwork и Fiverr, становятся основными инструментами, которые связывают заказчиков и исполнителей, предоставляя удобные и эффективные механизмы для взаимодействия. Ежегодный рост пользовательской базы этих платформ на 15 – 20 % подтверждает их востребованность и значимость в современной цифровой экономике. В России, по данным исследования РАЭК, на 2021 год более 14 миллионов человек были заняты в секторе фриланса, что составляет около 20 % экономически активного населения. Это подчеркивает, что

фриланс становится неотъемлемой частью рынка труда, предоставляя новые возможности для самореализации и профессионального развития.

В условиях стремительного развития цифровой экономики наблюдается значительное изменение структуры рынка труда, связанное с появлением новых профессий и навыков. Согласно отчету Всемирного экономического форума 2020 года, к 2025 году ожидается появление 97 миллионов новых рабочих мест, связанных с цифровыми технологиями. Это включает такие направления, как анализ данных, разработка программного обеспечения и управление искусственным интеллектом. Эти профессии требуют от специалистов глубоких знаний и навыков в области информационных технологий, что подчеркивает необходимость их развития. Например, по данным LinkedIn за 2021 год, наиболее востребованными навыками стали программирование на Python, анализ данных и работа с облачными технологиями. Однако, несмотря на высокий спрос, исследование компании McKinsey показало, что 87 % компаний по всему миру сталкиваются с нехваткой сотрудников, обладающих цифровыми навыками. Это указывает на необходимость адаптации образовательных программ и профессионального обучения к современным требованиям рынка труда.

На международном уровне предпринимаются усилия по улучшению условий труда фрилансеров. В 2020 году Европейская комиссия инициировала разработку стандартов, направленных на обеспечение минимальной оплаты труда и социальных гарантий для работников цифровых платформ. Это свидетельствует о понимании необходимости правового вмешательства для защиты прав фрилансеров, работающих в условиях платформенной экономики. Расширение применения концепции фриланса как в России, так и за рубежом связано с растущей популярностью проектной деятельности и отсутствием требований к работодателям по поддержанию постоянного штата сотрудников с гарантированной занятостью.

Некоторые страны предпринимают шаги для улучшения условий труда работников платформенной экономики. В 2021 году Европейская комиссия предложила директиву, направленную на обеспечение прав этих работников, включая минимальную заработную плату и оплачиваемый отпуск. Это свидетельствует о признании на международном уровне необходимости реформ в данной сфере. Такие инициативы могут послужить примером для других государств, стремящихся улучшить социальную защиту своих граждан. В России также наблюдаются значимые усилия в направлении диверсификации национальной экономики и перехода на инновационную траекторию развития. Как отмечает Измайлова, «в последние годы Правительством РФ предпринимаются значимые усилия в направлении диверсификации национальной экономики и ее переходу на инновационную траекторию развития». Это подчеркивает важность комплексного подхода к улучшению условий труда, который включает как развитие платформенной экономики, так и защиту прав работников.

Цифровизация существенно изменяет условия труда, трансформируя традиционные подходы к выполнению рабочих задач. Согласно отчету Международной организации труда (МОТ), более 60 % рабочих мест во всем мире могут быть автоматизированы в ближайшие десятилетия, что приводит к изменению требований к навыкам работников и увеличивает спрос на цифровую квалификацию. В этой связи акцент смещается с физических и рутинных задач на аналитические и креативные. Работники вынуждены адаптироваться к новым условиям, осваивая современные технологии и повышая свою конкурентоспособность на рынке труда.

Технологические изменения, вызванные цифровизацией, создают как новые возможности, так и вызовы для занятости. Исследование McKinsey Global Institute

показывает, что к 2030 году около 375 миллионов работников (14 % глобальной рабочей силы) могут столкнуться с необходимостью смены профессии из-за внедрения автоматизации и искусственного интеллекта. Это требует от работников не только готовности к обучению и переквалификации, но и поддержки со стороны государства и работодателей. Исходя из этого, цифровизация меняет структуру рынка труда, увеличивая потребность в новых профессиях и уменьшая спрос на традиционные.

В данных условиях возникает необходимость адаптации законодательства к новым реалиям. В 2021 году в Европейском Союзе был предложен законопроект, регулирующий платформенную экономику, который обязывает цифровые платформы предоставлять своим работникам социальные гарантии, такие как пенсионные отчисления и медицинское страхование. Это подчеркивает важность государственного вмешательства для обеспечения справедливых условий труда в эпоху цифровизации. Пащенко отмечает, что «цифровые правоотношения рассматриваются как отдельное явление в системе правового регулирования и как возможная основа для формирования новой отрасли права». Таким образом, законодательные инициативы должны учитывать интересы как работников, так и работодателей, создавая баланс между инновациями и социальной защитой.

Платформенная экономика, являясь важным компонентом современной цифровой экосистемы, требует активного участия государства в регулировании ее процессов, чтобы обеспечить справедливые и прозрачные условия для всех участников. В Российской Федерации в 2020 году был принят закон о самозанятых, который предоставляет работникам платформенной экономики возможность легально регистрироваться в качестве налогоплательщиков. Этот закон устанавливает налог на профессиональный доход со ставкой 4 – 6 %, что способствует упрощению налогового администрирования и легализации доходов фрилансеров. В Европейском Союзе в 2021 году был представлен законопроект, направленный на обеспечение справедливых условий труда для работников цифровых платформ. Данный акт предполагает обязательства платформ по предоставлению прозрачных условий работы и минимальных социальных гарантий. В США в 2020 году был принят Закон AB5, который классифицирует работников платформ, таких как Uber и Lyft, как наемных сотрудников. Это предоставляет им доступ к минимальной заработной плате, оплачиваемым больничным и социальному страхованию. Эти примеры демонстрируют разнообразие подходов к регулированию платформенной экономики и подчеркивают необходимость учета особенностей каждого региона при разработке законодательных инициатив.

В США компании, работающие в сфере платформенной экономики, сталкиваются с вызовами, связанными с классификацией водителей как независимых подрядчиков или сотрудников. Этот вопрос имеет важное значение для определения прав и обязанностей сторон, а также для обеспечения социальных гарантий работникам. Законодательные инициативы в этой области продолжаются, что подчеркивает сложность и многогранность проблемы. В контексте глобальных тенденций можно отметить, что «цифровизация экономики – это решение вопроса независимости России, национальной безопасности государства, а также конкуренции отечественных компаний» (Якимова, Устинова, Егорова, 2021. 254 с.). Таким образом, вопросы платформенной экономики затрагивают не только локальные аспекты, но и более широкие социальные и экономические контексты.

Международный опыт регулирования цифрового труда:

Европейский Союз: Директива о платформенном труде. Директива устанавливает требования к платформам по обеспечению прозрачности условий работы. Это включает предоставление пользователям права оспаривать решения, принятые алгоритмами, что

снижает вероятность дискриминации или ошибок в автоматизированных системах. Такие меры направлены на повышение уровня защиты работников и обеспечение их прав в условиях цифровой экономики. В этом контексте «статья рассматривает актуальные вопросы совершенствования российского законодательства в сфере цифровых технологий». Таким образом, Директива о платформенном труде представляет собой важный шаг к созданию общеевропейских стандартов регулирования цифрового труда, служа примером для других стран и регионов.

Великобритания: Решения Верховного суда по делу Uber против водителей. В 2016 году два водителя Uber, Джеймс Фаррар и Ян Лоусон, инициировали судебное разбирательство против компании, утверждая, что их статус как независимых подрядчиков не соответствует реальным условиям труда. Они настаивали на признании их «работниками» (workers) согласно британскому законодательству, что предоставило бы им право на минимальную оплату труда, оплачиваемый отпуск и другие гарантии. Дело стало важным прецедентом, так как в Великобритании существует уникальная категория занятости «workers», которая предоставляет определённые права, но не все привилегии, доступные сотрудникам. В 2021 году Верховный суд Великобритании вынес решение в пользу водителей, постановив, что они должны быть классифицированы как «workers». Это решение стало поворотным моментом в регулировании платформенной экономики, так как оно требовало от компании Uber пересмотра условий труда своих водителей и предоставления им законных прав.

Калифорния (США): Закон AB5 и последовавшая за ним Proposition 22. Закон AB5, принятый в Калифорнии в 2019 году, стал одной из самых значительных законодательных инициатив в области регулирования платформенного труда. Он ввел строгие критерии для определения статуса независимых подрядчиков, основываясь на так называемом «ABC-тесте». Этот тест требует от работодателей доказывать, что работник не подпадает под определение наемного сотрудника. В результате изменения затронули около миллиона работников платформ, включая водителей такси, курьеров и других фрилансеров, работающих через цифровые платформы. Вместе с тем важно учитывать, что, как отмечает Аузан, «лисы, безусловно, намного умнее зайцев, но за миллионы лет они не смогли уничтожить всех зайцев потому, что лиса не может рассчитать траекторию, как побежит заяц». Это метафорическое сравнение иллюстрирует динамику на рынке труда, где работодатели и работники постоянно адаптируются к новым условиям, что делает регулирование сложной задачей.

Основными принципами государственного регулирования платформенной экономики являются обеспечение прозрачности трудовых отношений, защита прав работников и установление справедливых условий труда. Согласно исследованию Международной организации труда (МОТ) 2021 года, более 70 % работников платформенной экономики сталкиваются с неопределенностью в трудовых отношениях. Это подчеркивает необходимость создания четких правовых рамок, которые обеспечат защиту прав работников и минимизируют риски эксплуатации. Европейский Союз в 2020 году представил проект Директивы о правах работников платформ, который включает принципы справедливой оплаты труда и доступ к социальным гарантиям. Эти инициативы служат примером того, как можно структурировать регулирование для защиты интересов всех участников платформенной экономики.

Международная практика показывает разнообразие подходов к регулированию платформенной экономики. Например, в Германии с 2019 года действует закон, обязывающий платформы предоставлять своим работникам минимальные социальные гарантии, включая страхование от несчастных случаев. Этот подход направлен на

повышение уровня социальной защиты работников и предотвращение злоупотреблений. В Австралии реализована модель регулирования, где платформы обязаны регистрировать всех работников как самозанятых, что сопровождается предоставлением налоговых льгот. Эти примеры демонстрируют, что успешное регулирование возможно при условии учета национальных особенностей и потребностей работников.

На основе анализа международного опыта и существующих инициатив в России можно предложить несколько мер для создания национальной модели регулирования. В 2020 году в России был введен налоговый режим для самозанятых, который позволяет платформенным работникам легально осуществлять свою деятельность с минимальной налоговой нагрузкой. Это шаг в направлении упрощения условий работы для фрилансеров. Также предлагается внедрение системы государственного субсидирования для платформ, которые предоставляют своим работникам социальные гарантии. Такая мера может стимулировать компании улучшать условия труда и обеспечивать большую защиту для своих работников.

Согласно исследованию McKinsey, 20 – 30 % рабочей силы в развитых странах занимается фрилансом, что подчеркивает необходимость разработки универсальных механизмов социальной защиты. Эти механизмы должны быть адаптированы к особенностям платформенной экономики и направлены на обеспечение равных возможностей для всех участников рынка труда. В зарубежных исследованиях обсуждаются суть фриланса, причины его нарастающей популярности, а также его преимущества и недостатки, что позволяет рассмотреть философские, психологические, социальные и экономические основания его возникновения.

Цифровизация труда и развитие платформенной экономики значимо изменяют рынок труда, создавая как новые возможности, так и вызовы. Фрилансеры, играя важную роль в этой системе, сталкиваются с рядом проблем, включая недостаточную правовую защиту и ограниченный доступ к социальным гарантиям. Эти аспекты требуют особого внимания со стороны государства и общества. Основные проблемы, выявленные в ходе анализа, связаны с отсутствием четкой правовой базы, недостаточной социальной защитой и неопределенностью трудовых отношений. Международный опыт, представленный в исследовании, демонстрирует эффективность различных подходов к решению этих вопросов, включая законодательные инициативы, направленные на улучшение условий труда работников платформенной экономики. На основе проведенного исследования были предложены рекомендации по разработке модели государственного регулирования, которая включает в себя обеспечение правовой защиты и социальной поддержки фрилансеров. Эти меры могут способствовать улучшению условий труда и повышению качества жизни работников в условиях цифровизации.

1. *Арзамасова Е. Л. Эволюция институциональных условий рынка труда в условиях цифровизации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Том 15. – № 3А. – С. 180-193.*
2. *Бром А.Е., Самойлова И.А. Цифровые платформы в современном мире: специфика и перспективы // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20, № 10. – С. 1818–1832. [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.24891/ea.20.10.1818.*
3. *Гордевич К. В. Цифровизация и ее влияние на рынок труда / К. В. Гордевич. – Минск: Белорусский национальный технический университет, [б. г.]. – [б. с.].*
4. *Иванчик Е. Тренды развития цифровой экономики // [б. и.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. с.].*
5. *Мешкова Т. А. Возможности использования лучших международных стандартов в области регулирования цифровизации для реализации цифровой повестки ЕАЭС // Евразийские цифровые платформы в условиях регионального интеграционного процесса. – [б. г.]. – С. 85–86.*
6. *Arbidāne I. Самозанятые или работники? Правовая классификация трудоустройства курьеров // PricewaterhouseCoopers SIA – MindLink.lv. – 2024. – № 1. – С. [б. с.].*

7. *Аузан А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – N 6. – С. 12–19.*
8. *Дайрбекова Л. Н., Крымова В. Ж. Фриланс как нестандартная форма занятости // Каспийский общественный университет. – Алматы, Казахстан. – [б. г.]. – [б. и.].*
9. *Дрокина К. В. Развитие фриланса на российском рынке труда: когнитивный подход // BENEFICIUM. 2021. № 4(41). С. 78-85. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).78-85.*
10. *Егорова М. А. Особенности нормативного регулирования цифровой экономики и проблемы антимонопольного регулирования на цифровых рынках как средство защиты национальных интересов // Журнал «Юрист». – 2018. – № 11. – С. 7–10. – DOI: 10.18572/1812-3929-2018-11-7-10.*
11. *Измайлова М. А. Влияние глобальных трендов на трансформацию мирового рынка труда: вызов для России // [б. и.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. с.].*
12. *Павлова В. В. Платформенная экономика и её значение в процессе становления многополярного мира // [б. и.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. с.].*
13. *Павлова И. В., Миначева Г. Р. Особенности свободной занятости как неотъемлемой части современных трудовых отношений в России // [б. и.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. и.].*
14. *Рябухин С. Н., Кокорев И. А., Сафронова А. А., Покровская О. Д., Фоменко Н. М. Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации // Мир новой экономики. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 134–148. – DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148.*
15. *Старостин В. А. Дигитализация трудовых отношений и занятости в техногенном социуме // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 5. – С. 85–92.*
16. *Титкова В. А., Баскакова И. В. Роль государства в развитии цифровой экономики в РФ // Принятие экономических решений в условиях глобальных вызовов цифровизации, пандемических угроз и возрастающей неопределенности. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», [б. г.]. – С. 591–592.*
17. *Филипова И. А., Соловьева С. В. Новые психосоциальные риски для работников в условиях цифровой экономики и их правовое регулирование в России и в Европейском союзе // [б. и.]. – 2020. – № 1. – С. 40–45. – DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-40-45.*
18. *Шкарупа А. С. Государственное регулирование цифровой экономики Российской Федерации // [б. ж.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. с.].*
19. *Эркенова М. У., Хатуаев Т. А., Мамчуев А. К. Фриланс-форма модернизации экономической активности населения // Научный журнал «Управленческий учет». – 2022. – № 12. – С. 843–844.*
20. *Юрьева О. В., Бурганова Л. А. Рынок труда в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 4. – С. 90.*
21. *Якимова Т. Б., Устинова М. В., Егорова О. В. Развитие цифровой экономики в России: возможности и ограничения // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 3. – С. 254–255.*

ИНСТИТУТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ БУФЕРНЫХ СОЦИУМОВ В ЗОНЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Дудин Павел Николаевич
(ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.».

Аннотация. В современной экономической социологии активно обсуждаются новые формы контроля и управления, осуществляемые государством и транснациональными корпорациями в условиях цифровизации. Однако многие из этих практик имеют глубокие исторические корни в эпохе модерна, когда имперские державы выстраивали сложные системы экономического влияния в пограничных и контактных зонах. В докладе рассматривается уникальный исторический кейс – зона российско-

китайского приграничья в Восточной Азии (Маньчжурия, Монголия) в первой половине XX века – как «лаборатория» по созданию институтов невоенного экономического присутствия и их воздействия на местные общества.

Ключевые слова: Буферное общество, экономическая социология, социальные институты, невоенное присутствие, российско-китайское приграничье, Восточная Азия, КВЖД, концессии, ГИС.

Основной тезис доклада заключается в том, что российское (царское, а затем и советское) экономическое присутствие в регионе выступало не просто инструментом извлечения ресурсов, но и ключевым фактором конструирования особого типа социальной организации – буферного социума. Автор вводит данное понятие для описания обществ, чья социальная структура, экономические практики и коллективная идентичность формируются под одновременным, зачастую противоречивым давлением нескольких конкурирующих центров силы.

На основе междисциплинарного анализа архивных материалов, делопроизводственной документации и данных ретроспективной картографии (включая их визуализацию посредством ГИС) в докладе исследуются ключевые институты экономического присутствия России:

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД): Рассматривается не только как транспортная артерия, но и как комплексный социальный институт, формировавший собственную экономическую зону, рынок труда, городскую инфраструктуру (Харбин) и особый тип «фронтирного» социума, оторванного от традиционных укладов.

Торговые и финансовые институты: Концессии (например, на реке Ялу), банки (Русско-Азиатский банк), торговые дома. Анализируется их роль в переформатировании местных экономик, создании новых социальных страт (компрадорская буржуазия, наемные рабочие) и внедрении новых экономических практик.

Институты ресурсного освоения: Лесозаготовительные, горнодобывающие предприятия, которые напрямую влияли на трансформацию традиционного природопользования и создавали очаги социального напряжения и модернизации.

В докладе делается вывод, что эти институты, с одной стороны, подрывали традиционные социальные связи и создавали зависимость от внешнего центра, а с другой – способствовали модернизации, росту городов и формированию новых социальных групп. Возникающий в результате этого буферный социум характеризовался институциональной гибридностью, экономической многовекторностью и культурным синкретизмом, что делало его объектом дальнейшей борьбы между геополитическими акторами (Россией и Японией). Таким образом, исторический анализ российского экономического присутствия позволяет выявить генезис тех социальных процессов, которые с новой силой проявляются в «эпоху новой современности» в пограничных регионах по всему миру.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.»

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОНЕТАРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИИ: ДИСКУРС «ЗОЛОТОГО РУБЛЯ» И ПРАКТИКИ ПЕРЕХОДА НА ЮАНЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТАХ

Закаура Анастасия Викторовна
(Московский государственный институт(университет) международных отношений МИД России, Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт(университет) международных отношений МИД России, Одинцовский филиал)

Аннотация. Исследуется формирование монетарного суверенитета России в условиях санкционного давления 2022 – 2024 гг. Проанализированы параллельное развитие концепции «золотого рубля» и стратегии «юанизации» внешнеторговых расчетов. На основе выявленных системных рисков обоснована необходимость перехода к модели многоуровневого монетарного суверенитета.

Ключевые слова: монетарный суверенитет, золотой рубль, юанизация, санкции, цифровой рубль, международные расчеты.

Введение масштабных санкционных ограничений в 2022 году определило необходимость пересмотра подходов к обеспечению национального монетарного суверенитета. Отключение ключевых финансовых институтов от международных систем SWIFT, VISA и Mastercard выявило зависимость от инфраструктуры, контролируемой недружественными государствами. Указанные меры не только спровоцировали операционные риски, но и позволили инициаторам санкций применять механизмы вторичного воздействия, создавая препятствия для расчетов с нейтральными и дружественными странами.

Особую значимость приобретает механизм вторичных санкций, формирующий правовую неопределённость для иностранных банков-корреспондентов и повышающий операционные издержки участников внешнеэкономической деятельности [7].

В современных условиях задача обеспечения реального монетарного суверенитета перешла из плоскости теоретической дискуссии в область практических институциональных преобразований. Целью исследования выступает анализ двух ключевых направлений данной трансформации: реанимации концепции «золотого рубля» и перехода на расчёты в юанях как ответа на внешние вызовы, с последующей разработкой перспективной модели.

Концепция «золотого рубля» формирует теоретическую базу для укрепления денежного суверенитета в условиях волатильности фиатных денег. Данная модель позиционируется как стабильная альтернатива, предполагающая создание товарных денег, обеспеченных золотом и стратегическими металлами – никелем и медью, ценность которых возрастает в контексте энергоперехода. Реализуемость концепции подтверждается сырьевым потенциалом России, занимающей третье место в мире по добыче никеля и обеспечивающей 4 % мировой добычи меди [3].

Практическим воплощением концепции стали меры монетарных властей. В феврале 2023 года Банк России анонсировал готовность к эмиссии золотого токена для международных расчетов. Ранее отмена НДС на инвестиционное золото в 2022 году

стимулировала внутренний спрос. Согласно расчетам Credit Suisse, фиксация цены двух баррелей нефти в одном грамме золота могла бы привести к удвоению его долларовой цены, изменив конфигурацию глобальных финансовых потоков [6].

Параллельно с мерами по укреплению национальной валюты наблюдается интенсивная «юанизация» внешнеторговых операций. Российская практика 2022 – 2023 годов демонстрирует последовательную эволюцию от кратковременной «рублефикации» к устойчивому доминированию юаня [11].

Отказ от «токсичных» валют позволил достичь пиковой доли рубля в экспортных расчетах (43 % в июле 2023 г.), однако потенциал рублефикации был исчерпан к началу 2023 года [12]. Сменившая ее «юанизация» расчетных операций [2] привела к тому, что к ноябрю 95 % российско-китайских расчетов осуществлялось в национальных валютах, а к концу года объем расчетов в юанях превысил 100 % от товарооборота в 240,11 млрд долларов [12].

Наиболее рельефно тенденция проявилась в энергетике: свыше 90 % расчетов в нефтегазовой отрасли между Россией и Китаем номинированы в национальных валютах, при этом в структуре всего нефтегазового экспорта России доли рубля и юаня составляют по 40 % каждая [11]. Переход обеспечен созданием альтернативной инфраструктуры, включая российскую СПФС с 413 банками-участниками, в том числе китайскими финансовыми учреждениями [12].

Проведенный анализ выявляет системные риски данной модели. Во-первых, формируется асимметричная зависимость от финансовой системы Китая, где китайские банки, опасаясь вторичных санкций, демонстрируют повышенную осторожность. Это создает противоречие между декларируемым финансовым суверенитетом и фактическим усилением валютной зависимости.

Во-вторых, альтернативные инструменты (криптовалюты, P2P-платформы) характеризуются существенными недостатками – правовой неопределенностью, высокой волатильностью и операционными рисками [7]. Их совокупный дневной оборот (порядка 4 миллиардов долларов США) несопоставим с объемом операций через SWIFT (50 триллионов долларов США) [1].

Дополнительным фактором риска выступает дивергенция денежно-кредитной политики Банка России и Народного банка Китая. В октябре 2024 года Банк России повысил ключевую ставку до 21 %, тогда как НБК снизил ставку до 3,1 %. Указанный дисбаланс свидетельствует о формировании российского монетарного суверенитета в оборонительной парадигме, усиливая прагматическую зависимость от китайской валюты [4].

Проведённое исследование формулирует концепцию «многоуровневого монетарного суверенитета» как стратегическую альтернативу. Она преодолевает противоречия модели, сочетающей риторику «золотого рубля» с рискованной «юанизацией» [10]. Накопленные дисбалансы – от зависимости от китайской финансовой системы до уязвимости национальных платёжных инструментов – требуют перехода от тактического реагирования к построению сбалансированной архитектуры.

Ключевым решением является реализация многоуровневой модели на основе диверсификации инструментов и партнёрств. На внутреннем уровне предполагается формирование товарно-сырьевого валютного индекса, обеспеченного золотом, стратегическими металлами и виртуальными единицами, привязанными к экспортным товарам. Это позволит трансформировать сырьевой потенциал из фактора зависимости в инструмент укрепления национальной валюты [3].

На региональном уровне требуется реализация политики «валютного пула» с расширением сети расчетных механизмов и своповых соглашений со странами БРИКС+ и ЕАЭС [2]. Это создаст сбалансированную многовалютную систему расчетов и уменьшит текущую одностороннюю зависимость от юаня.

Технологической основой модели должна стать ускоренная интеграция цифрового рубля в многосторонние платформы [13]. Это позволит сформировать трансрегиональный клиринговый механизм, обеспечивающий расчёты в обход существующих ограничений.

Практическая реализация требует институционального закрепления: создания Международного товарно-валютного центра, разработки налоговых стимулов и активного участия в формировании стандартов цифровых валют в рамках ЕАЭС [10].

Предлагаемая стратегия «суверенитета через диверсификацию и кооперацию» минимизирует валютные риски и позволит России позиционировать себя в качестве одного из архитекторов новой полицентричной финансовой архитектуры.

1. *Антропов В. В. Современные цифровые технологии в международных расчетах как инструменты обхода антироссийских санкций // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 47-55.*
2. *Ван Цзычэнь, Цзинь Дэчэкун, Жэнь Инин. Развитие альтернативных валютных расчетов: анализ использования юаня в двусторонней торговли России и Китая // Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. – 2024. – С. 1-4.*
3. *Гаврилова В. Е. Золотой рубль в условиях международного трансформационного кризиса // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т.1. №4. – С. 120-128.*
4. *Гринько Е. Л., Атаманчук С. А. Анализ и прогноз деятельности Банка России по ключевой ставке в сравнении с Национальным банком Китая // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2024. – № 6. – С. 525-528.*
5. *Гринько Е. Л., Гаратуц М. А. Влияние цифровых технологий на снижение рисков банковской деятельности // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2024. – № 6. – С. 528.*
6. *Исхаков И. Р. Место цифровой валюты центрального банка в видовом составе денег // Финансы и управление. – 2025. – № 1. – С. 1-15.*
7. *Мадатова О. В. Преобразование трансграничных финансовых операций в условиях санкционного давления: анализ альтернативных платежных механизмов и стратегии обеспечения экономической устойчивости России // Финансы и управление. – 2025. – №1. – С. 97-131.*
8. *Мастерова С. Н. Финансовые стратегии в поддержке сбалансированного питания населения России // Финансы и управление. – 2025. – № 1. – С. 88-96.*
9. *Муратова А. В., Савельева Д. Р., Афонина Д. А., Конащук А. В. Исследование увеличения применения юаня в международных расчетах за импорт и экспорт нефти и газа между Россией и Китаем // Исследователь года. – 2025. – С. 42-47.*
10. *Мужжавлева Т. В., Иванова Н. Н., Толстова К. В. Функционирование российских финансовых институтов в современных условиях: проблемы и их решение // Oeconomia et Jus. – 2024. – № 2. – С. 43-58.*
11. *Полозов З. Д., Подустов С. П. Россия без доллара. Миф или реальность? // Экономика в теории и на практике. – 2023. – С. 94-97.*
12. *Софриков Д. А. Дедолларизация внешней торговли: практический опыт России в 2022–2023 гг. // Горизонты экономики. – 2024. – № 4 (84). – С. 123-129.*
13. *Яровова Т. В., Амирасланова А. Э. Влияние цифровых технологий на качество жизни современного общества // Московский экономический журнал. – 2022. – Т. 7. – № 10.*

ЦИФРОВОЙ ЛАБИРИНТ ТРУДА: СТРУКТУРНЫЕ И ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Карапетян Рубен Вартанович
(СПбГУ)

Аннотация. В тексте анализируется смена парадигмы трудовых рисков в эпоху цифровой трансформации. Доминировавшие ранее физические риски сменяются структурными (прекарность, поляризация занятости) и психосоциальными, обусловленными алгоритмическим управлением и тотальным надзором. Обосновывается необходимость междисциплинарного пересмотра социологии труда.

Ключевые слова: цифровая трансформация, трудовые риски, алгоритмическое управление, прекариат, психосоциальный риск.

Современная эпоха, часто определяемая как этап рефлексивной модернизации или посткапитализма, характеризуется радикальной трансформацией занятости и организации труда. Этот сдвиг, вызванный с цифровой трансформацией, стремительным развитием цифровых технологий, массовой автоматизацией и внедрением алгоритмического управления, требует не просто адаптации, но и фундаментального пересмотра сложившихся социологических представлений о трудовых рисках. Цифровая трансформация вышла далеко за рамки классической производственной сферы, охватив офисный, логистический, сервисный и даже высший управленческий труд, и порождает новые, гибридные риски, которые не вписываются в рамки традиционной индустриальной модели организации.

В отличие от индустриальной эпохи, где доминировали риски, связанные с производственным травматизмом и профессиональными заболеваниями (физические и химические опасности) – классические риски, изучавшиеся в рамках социологии труда индустриализма (К. Маркс, Э. Дюркгейм), – современные риски имеют преимущественно психосоциальный и структурный характер. Этот сдвиг теоретически обоснован в концепциях «Общества риска» (У. Бек [1]), где основной задачей становится не распределение благ, а предотвращение рисков, и «Прекариата» (Г. Стэндинг [4]), который описывает новую структуру занятости. Таким образом, современные риски труда сместились от прямой физической угрозы (пролетариат индустриальной эпохи) к непрямой, системной и психосоциальной угрозе (прекариат цифровой эпохи).

Структурные риски: Прекарность и поляризация занятости

Цифровизация радикально переформатирует рынок труда, генерируя структурные риски, связанные с потерей стабильности и социальных гарантий, прекарностью и поляризацией занятости. Автоматизация рутинных задач, как физического (производственного), так и когнитивного труда (офисный, аналитический), ведет к вытеснению рабочей силы и структурной безработице. Одновременно происходит поляризация занятости: растет спрос на высококвалифицированных специалистов, создающих и обслуживающих технологии (IT-элита), и на низкоквалифицированный неавтоматизируемый труд (доставка, уход, уборка). Эта поляризация усиливает неравенство и нестабильность.

Платформенная экономика и гиг-занятость (Gig Economy) выступают ключевым фактором эрозии традиционных трудовых отношений. Работники, классифицируемые как

«самостоятельные подрядчики», лишаются статуса наёмного работника, а с ним – социального страхования, оплачиваемых больничных, отпусков и права на коллективный договор. По оценкам Международной организации труда (МОТ), число онлайн-платформ в мире выросло более чем в 5 раз (с 2010 по 2020 год). В ведущих странах Европы, таких как Великобритания, численность платформенных занятых выросла с 5,8% в 2016 году до почти 15% от всей рабочей силы к 2021 году. В Восточной Европе и Центральной Азии в 2019 году на русскоязычных платформах числилось не менее 8 млн работников. Этот рост напрямую коррелирует с увеличением риска нестабильных доходов и социальной исключенности (Л. Болтански [2]).

Особого внимания требует феномен алгоритмического управления (Algorithmic Management) – использование автоматизированных систем и искусственного интеллекта (ИИ) для координации, контроля, оценки и даже мотивации рабочей силы. Оно представляет собой новую форму управленческой власти, являющуюся ключевым источником современных психосоциальных и этических рисков.

Системы цифрового управления основаны на тотальном цифровом надзоре (Digital Surveillance). Постоянное отслеживание и сбор данных (кейлоггеры, GPS-трекеры, биометрические данные) создают технологический паноптикум (отсылка к Фуко), где работник всегда находится под контролем. Последствия этого – формирование среды хронического надзора, стирание границы между рабочим и личным временем (феномен «всегда на связи»). Это не может не вызывать у работников стресс (техностресс) и психическую нагрузку, связанную с постоянной необходимостью демонстрировать «видимую» эффективность. По данным Института Гэллапа, мировая экономика ежегодно теряет около $8,1 трлн из-за выгорания сотрудников, что является прямым следствием неуправляемого психосоциального стресса.

Алгоритмическое управление лишает работника контроля над процессом и результатом своего труда. «Диктатура» интенсивности труда состоит в том, что алгоритмы диктуют темп, маршрут и последовательность выполнения задач, минимизируя время простоя и повышая интенсивность труда до критического уровня. Это порождает чувство отчуждения и психического истощения. Решения о найме, увольнении, распределении бонусов и даже штрафах часто принимаются непрозрачными алгоритмами, функционирующими как «черные ящики» (black box). Как отмечала Ш. Зубофф в концепции «надзорного капитализма» [3], такой контроль лишает работника возможности понять логику решения, делает его неподотчетным и неоспариваемым. Это ведет к алгоритмической дискриминации, подрывая принципы трудовой справедливости и снижая субъективную безопасность.

Эффективный анализ современных трудовых рисков невозможен в рамках традиционного понятийного аппарата, унаследованного от индустриальной эпохи. Категории, такие как «рабочее место», «рабочий день» и «профессиональный риск», утрачивают свою прежнюю чёткость, поскольку труд становится мобильным, распределенным и «оцифрованным».

Требуется новая исследовательская рамка, способная отразить многоуровневую и скрытую природу цифровых рисков. Необходим анализ рисков не только как объективной опасности (например, физический травматизм), но и как субъективно воспринимаемой незащищенности и угрозы профессиональной идентичности.

Цифровая трансформация труда – это не просто смена инструментов, а тектонический сдвиг в социальной структуре занятости. Современные трудовые риски носят комплексный, системный и трансграничный характер, затрагивая не только

социальные и экономические, но и психофизиологические и этические параметры благополучия работника.

Поэтому эффективная разработка мер по минимизации рисков требует обновления методологии социологии труда, в основу которой должна быть заложена «междисциплинарная парадигма» безопасного труда, что означает:

Синтез социологии занятости, когнитивной эргономики, цифровой экономики и критической теории управления.

Интеграцию методов для комплексной оценки – от макроэкономического анализа прекарности до микроуровневых исследований воздействия алгоритмического стресса.

Переход от фокуса на компенсации рисков к их системному предупреждению на уровне дизайна технологий и трудового законодательства.

1. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.*
2. *Болтански, Л. и Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма. Москва: Новое литературное обозрение, 2011.*
3. *Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022.*
4. *Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Князева Мирослава Святославовна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена анализу рациональности потребительского выбора в условиях развития маркетплейсов. На основе концепции социального действия М. Вебера рассматриваются типы рациональности и их проявления в цифровой среде. Показано, что алгоритмы маркетплейсов ограничивают автономию выбора и формируют «алгоритмически управляемую рациональность».

Ключевые слова: маркетплейсы, алгоритмы, рациональность, потребительский выбор.

В последние 5 лет маркетплейсы стали ключевыми посредниками в осуществлении онлайн-торговли рынка b2c: согласно аналитическому докладу от компании DataInsight на протяжении 4 лет Россия является лидером по темпам роста рынка eCommerce в мире [4]. Данный процесс связан не только с экспансией цифровых платформ и их интеграцией в повседневные практики потребления, но и с изменением самой структуры рыночных отношений – маркетплейсы, аккумулируя значительные объёмы данных, одновременно предоставляют покупателям доступ к практически неограниченному ассортименту товаров и задают новые алгоритмически опосредованные формы выбора. Иными словами, они становятся не просто каналами распределения и обмена, а специфическими средами, где потребительский выбор конструируется в результате взаимодействия субъективных предпочтений и цифровых механизмов управления вниманием: именно это обстоятельство позволяет поставить вопрос о границах рациональности данного поведения человека в условиях цифровой экономики.

Анализ и объяснение вышеупомянутого явления представляется возможным рассмотреть через понятие социального действия, разработанным М. Вебером. Центральное понятие своей теории он трактует как «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [2, 602]. Понимание рациональности у Вебера не сводится к экономическому расчету. Целерациональность предполагает систематический выбор и сопоставление средств и целей, но она всегда существует рядом с ценностными, эмоциональными и традиционными компонентами действия. Более того, Вебер различал формальную рациональность, связанную с процедурным расчетом, и материальную рациональность, задаваемую ценностями и содержательными ориентирами [3, 51]. Рациональность, таким образом, предстает как степень упорядоченности действия, исторически и социально ограниченная, а не как универсальная характеристика поведения.

Если перенести это понимание в современную сферу потребления, маркетплейсы, казалось бы, предоставляют все условия для целерационального действия. Пользователь получает возможность анализировать огромное количество товаров, сравнивать цены, изучать отзывы и тем самым минимизировать издержки поиска. С этой точки зрения, цифровые платформы выступают как инструмент рационализации выбора и воплощение идеала экономического действия. Однако реальная практика показывает иное: алгоритмы, управляющие интерфейсами маркетплейсов, определяют, какие товары будут доступны вниманию потребителя в первую очередь, а какие окажутся скрытыми. Рекомендательные системы и персонализированная реклама конструируют индивидуальную траекторию взаимодействия с платформой. В результате рациональный выбор оказывается алгоритмически ограниченным: человек полагает, что действует рационально, но его расчет осуществляется в условиях искусственно созданного пространства выбора. Кроме того, алгоритмы выполняют функцию не только фильтрации, но и предсказания. На основе анализа больших данных формируются модели предпочтений, которые позволяют предугадывать желания пользователя ещё до того, как они им осознаны. Исходя из этого, рациональное действие превращается в гибридный процесс: субъект воспринимает его как целерациональное, но значительная часть исходных условий и вариантов выбора задается извне, цифровой системой.

В этой ситуации различие между формальной и материальной рациональностью приобретает особое значение. Формально маркетплейсы повышают эффективность действий потребителя: экономят время, систематизируют ассортимент, предоставляют инструменты для сравнения. Но материальная сторона выбора подчиняется логике алгоритмов, встроенных в коммерческие интересы платформ, что смещает содержательные ориентиры потребления. Потребитель выбирает рационально лишь в пределах рамок, созданных алгоритмическими механизмами, которые одновременно формируют новые ценностные и поведенческие паттерны. Алгоритмы структурируют пространство выбора: они решают, какие товары будут показаны первыми, какие предложения окажутся в зоне внимания, а какие исчезнут на дальних страницах каталога.

В социологическом изучении потребления ключевую роль занимает концепция Пьера Бурдьё, предложившего рассматривать поведение индивида через призму понятий габитуса и поля. Согласно Бурдьё, габитус представляет собой систему устойчивых схем восприятия и действий, сформированных в процессе социализации. Эти схемы не предполагают четко поставленных целей и рационального планирования: организованность поведения и видимость целенаправленности обусловлены скорее

устойчивостью привычек, чем осознанными стратегиями [1, 28]. Потребительские практики, таким образом, воспроизводятся в силу привычности и разделяемых в группе стилей жизни, а не как результат экономического расчета или рационального выбора.

Если применить эту оптику к цифровой экономике, маркетплейс может быть рассмотрен как специфическое «поле потребления», внутри которого алгоритмы задают правила игры. Они структурируют доступность товаров, определяют иерархию предложений, распределяют внимание между позициями, делая одни из них видимыми, а другие – практически недоступными. В результате формируются новые траектории потребительского поведения: привычки, стили выбора и схемы восприятия перестраиваются под воздействием алгоритмического управления. Так, габитус современного потребителя формируется не только в контексте социальных практик и групповой принадлежности, но и в рамках цифровых алгоритмов, которые становятся важным фактором воспроизводства и трансформации потребительских привычек.

Развитие алгоритмически управляемой рациональности ставит ряд этических вопросов. Прозрачность алгоритмов остается низкой: потребитель не знает, по каким критериям формируются рекомендации, какие факторы определяют порядок выдачи и почему одни товары оказываются «на виду», а другие – скрыты. Это создает эффект «цифровой асимметрии»: платформы обладают полной информацией о пользователях и их поведении, тогда как сами пользователи оказываются в позиции зависимости и неопределенности. Тем не менее, в цифровой среде формируются и практики «сопротивления». Потребители разрабатывают стратегии обхода алгоритмов: используют расширенные фильтры, обращаются к независимым платформам сравнения товаров и цен, доверяют экспертным обзорам или тематическим форумам. Такие практики можно рассматривать как попытку вернуть себе элемент автономии и критически отнестись к алгоритмическому управлению вниманием.

Таким образом, рациональность потребителя в эпоху маркетплейсов приобретает гибридный характер: она выглядит автономной, но фактически формируется алгоритмами, которые структурируют поле выбора и влияют на привычки. Платформы одновременно упрощают поиск и ограничивают свободу действия, усиливая неравенство и гиперпотребление, а управляемая алгоритмами, рациональность становится новой формой социального поведения в цифровой экономике.

1. *Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. – 2005. – № 3. – С. 25-48. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya (дата обращения: 04.10.2025).*
2. *Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. – 805 с.*
3. *Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8 – № 3. – С. 37-60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ratsionalizatsii-maksa-vebera (дата обращения: 04.10.2025).*
4. *Интернет-торговля в России 2025 // DataInsight: сайт, 2025. – URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения: 04.10.2025).*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МЕНЕДЖЕРОВ ПО ПРОДАЖАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА: ОТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ К АЛГОРИТМИЧЕСКОМУ КОНТРОЛЮ

Косилин Дмитрий Евгеньевич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современная эпоха цифрового капитализма радикально изменяет способы организации труда, коммуникации и управления человеческими ресурсами. Процессы автоматизации, использование искусственного интеллекта и алгоритмизация управленческих решений приводят к трансформации традиционных социальных ролей, где личностные качества индивида становятся не просто характеристиками поведения, а важнейшим элементом социально-экономического капитала. В цифровой экономике значение человеческого фактора не исчезает – напротив, оно усиливается, поскольку именно личностные качества работников обеспечивают возможность поддерживать доверие, эмоциональное вовлечение и устойчивые клиентские отношения в условиях дистанционной и обезличенной коммуникации. Менеджеры по продажам оказываются на передовой этой трансформации: они представляют собой социальную группу, деятельность которой напрямую связана с построением отношений доверия и символического обмена между организацией и клиентом.

Цифровизация усилила конкуренцию, изменила структуру каналов продаж и превратила многие аспекты человеческого взаимодействия в данные, подлежащие количественному анализу и алгоритмической обработке. Возникает новая форма рациональности – «алгоритмическая рациональность», которая дополняет веберовское понимание целерационального действия. Если у Вебера рациональность определялась внутренней логикой выбора и соотнесением средств с целями, то сегодня она реализуется через цифровые системы, которые задают нормы эффективности и постоянно измеряют результаты человеческой деятельности [1, 57]. В этой системе менеджер по продажам оказывается в роли субъекта, чья эффективность оценивается метриками CRM, скоростью реакции и качеством цифровой коммуникации. Тем не менее именно личностные качества – эмпатия, добросовестность, стрессоустойчивость, гибкость мышления – позволяют сохранять баланс между требованиями алгоритмов и ожиданиями клиентов.

Подход Ф. Котлера позволяет рассматривать личностные качества не только в рамках психологии труда, но и как элемент маркетингового капитала предприятия. Согласно Котлеру, ценность бренда формируется не только через продукт, но и через восприятие потребителя, а ключевым инструментом этого восприятия является человеческое взаимодействие [2]. Менеджер по продажам становится медиатором между корпоративной стратегией и опытом клиента: его доброжелательность, уверенность, чувство ответственности и эмпатия формируют эмоциональную составляющую бренда. В условиях цифрового капитализма личностные качества превращаются в рыночный актив, который повышает ценность компании и устойчивость её деловой репутации.

Эмпирические основания данного исследования построены на диагностике личностных особенностей менеджеров по продажам с использованием методики Р. Кэттелла (16PF), направленной на выявление устойчивых личностных факторов, определяющих профессиональную успешность. Анкетирование проводилось среди сотрудников торговых предприятий Москвы в 2024–2025 гг. Анализ результатов показал, что для респондентов характерны высокие показатели по факторам добросовестности, самоконтроля и ответственности (G и Q3), а также выраженная социальная смелость и

уверенность в себе (фактор H). Эти черты обеспечивают способность действовать в условиях неопределенности и быстро принимать решения в ситуациях клиентского выбора. Наряду с этим выявлены умеренные значения по факторам эмоциональной устойчивости (C) и дружелюбия (A), что свидетельствует о способности к эмпатии и конструктивному взаимодействию. Низкие показатели по факторам тревожности (O) и подозрительности (L) указывают на устойчивое психоэмоциональное состояние, которое способствует доверию в коммуникациях и устойчивости к стрессовым ситуациям. Особенно значимым оказался фактор открытости опыту (Q1), ассоциированный с когнитивной гибкостью и готовностью к освоению цифровых инструментов. Менеджеры с высоким уровнем открытости быстрее адаптируются к новым форматам продаж, CRM-системам и цифровым интерфейсам, что напрямую влияет на эффективность их деятельности.

Интерпретация полученных данных позволяет заключить, что сбалансированный личностный профиль – высокая добросовестность при умеренной экстраверсии, низкой тревожности и выраженной саморегуляции – создаёт оптимальные условия для успешного функционирования менеджера в цифровой среде. Такая комбинация качеств отражает способность сохранять продуктивность при многозадачности, работать в условиях постоянного мониторинга и формировать доверительные отношения с клиентами в онлайн-пространстве. Таким образом, результаты исследования подтверждают, что личностные качества становятся функциональным элементом организационной эффективности и фактором устойчивости в экономике алгоритмического контроля.

В теоретическом плане эти результаты соотносятся с концепцией ролевого взаимодействия Дж. Мида, где личность понимается как динамическая структура, возникающая в процессе коммуникации [4, 77]. В профессиональном контексте менеджер постоянно соотносит своё поведение с ожиданиями «обобщённого другого» – руководства, клиентов и корпоративных стандартов. Э. Гофман, описывая механизмы самопрезентации, отмечал, что успех социального взаимодействия зависит от способности индивида управлять впечатлением [3, 118]. В цифровом обществе это умение переносится в виртуальное пространство: CRM-системы, корпоративные порталы и цифровые чаты становятся новой «сценой» профессиональной коммуникации. Здесь личностные качества выполняют функцию поддержания социальной идентичности и символического доверия, компенсируя отчуждение, вызванное автоматизацией процессов.

Таким образом, в цифровом капитализме личностные качества менеджеров по продажам перестают быть лишь характеристикой индивидуальности и превращаются в экономическую категорию. Они формируют основу человеческого капитала, обеспечивающего не только эффективность взаимодействия, но и устойчивость бизнеса в условиях алгоритмической дисциплины. Развитие эмоционального интеллекта, эмпатии, ответственности и аналитического мышления становится необходимым условием интеграции человека в цифровую экономику. Переход от доверия к репутации, от личных связей к цифровым метрикам не устраняет значимость личности, а напротив, делает её центральным элементом экономического процесса. Успешный менеджер по продажам – это не просто исполнитель сценариев, заданных алгоритмами, а носитель социального смысла, способный соединить рациональность цифр и гуманистическую природу человеческого общения.

1. *Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. (сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). Том 1. Социология. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. Перевод изд.: Weber M. 1972. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck)*

2. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья АД. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.*
3. *Десфонтейнес Л. Г. Трансформационные качества персонала в торговле // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9. – С. 40–49.*
4. *Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. 15-е изд. – СПб.: Питер, 2021. – 848 с.*
5. *Мид Дж. Г. Разум, Я и Общество / Дж. Г. Мид // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. 1997. N°4. С. 162-195.*
6. *Соколова Е. С. Корпоративная культура и личностные качества сотрудников // Социология труда. – 2023. – № 3. – С. 22–29.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИКИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ СИНЕЙ ЭКОНОМИКИ

Лем Андрей Сергеевич
(Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС)

Аннотация. Освоение Арктики и социально-экономическое развитие циркумполярных регионов, основанное на принципах синей экономики, сегодня требует применения прорывных технологий. К ним можно отнести биотехнологии, квантовые вычисления и искусственный интеллект. Таким образом, подобные технологии являются основой для внедрения концепции синего роста в целях развития экономики и социальной сферы арктических территорий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, квантовые технологии, синяя экономика, устойчивое развитие, морская экономика, Арктика, синий рост, биоэкономика, синие финансы.

В условиях активного освоения ресурсного потенциала Арктики и развития Северного морского пути как части Трансарктического транспортного коридора особую актуальность приобретает концепция синей экономики, основанная на принципах эффективного использования морских ресурсов [6, 552]. Синяя экономика в условиях Арктики представляет собой концепцию устойчивого развития циркумполярных регионов, основанную на балансе между экономическим развитием, сохранением окружающей среды и социальным благополучием населения.

Стратегия синего роста, основанная на рациональном использовании ресурсов Мирового океана, включает в себя защиту и сохранение водных ресурсов, а также внедрение современных решений для борьбы с изменением климата, основанных на инновационных разработках [1, 43]. К подобным разработкам относят искусственный интеллект и квантовые вычисления, как передовые информационные технологии, а также биотехнологии, которые являются основой для активно развивающейся сегодня биоэкономики. Для арктических территорий концепция синей экономики приобретает особую актуальность, поскольку именно здесь сосредоточены основные водные ресурсы, а специфика развития Заполярья должна учитывать многогранную экономическую и социальную значимость Северного ледовитого океана и арктических морей.

Арктика представляет собой уникальную территорию, где экономическое развитие тесно связано с необходимостью сохранения уникальных водных экосистем, а также с потребностью выстраивать инфраструктуру для социальной сферы, учитывая суровые климатические условия. Стоит отметить, что специфика экономической деятельности в Арктике подразумевает наличие больших издержек, связанных с климатическими

особенностями Заполярья. В подобных условиях особенно важным становится применение передовых технологий, которые способны снизить издержи и сделать рентабельной добычу ресурсов в циркумполярных регионах [3, 215]. Особенно актуальным применение современных технологий является для морской хозяйственной деятельности и добычи ресурсов на арктическом шельфе. Ресурсное богатство Арктики в основном связано с разнообразными водными ресурсами, добыча которых осуществляется на шельфе, а также в акватории Северного ледовитого океана, арктических морей и водоемов.

Передовые информационные технологии сегодня активно используются как в бизнесе, так и в сфере государственного управления [2, 87]. При этом внедрение таких технологий, как искусственный интеллект во все сферы общественной жизни требует также подготовки высококвалифицированных кадров, способных эффективно работать в условиях цифровой трансформации экономики и государства. Это означает, что подобные специалисты должны обладать как техническими компетенциями, так и надпрофессиональными навыками [5, 1223]. В настоящее время инструменты на основе искусственного интеллекта по-разному оцениваются гражданами, однако они очень быстро проникают во все сферы общественной жизни, влияя не только на экономику, но и на социальную сферу [4, 15]. Искусственный интеллект и квантовые технологии открывают беспрецедентные возможности для развития синей экономики в Арктике, создавая инновационные решения для мониторинга окружающей среды, навигации, морской нефтегазодобычи, рыболовства и управления морскими ресурсами. Эти технологии позволяют бизнесу снизить издержки при осуществлении хозяйственной деятельности на территории Арктики, вызванные суровыми климатическими условиями, сложной логистикой и необходимостью вести постоянный мониторинг ледовой обстановки.

Биотехнологии также обладают огромным потенциалом для развития синей экономики в циркумполярных регионах, создавая решения для переработки морских биоресурсов и производства высокотехнологичной продукции при соблюдении ESG-принципов. Морские биотехнологии в Арктике включают применение передовых научных достижений для развития таких отраслей как аквакультура, переработка водорослей и создание высокотехнологичной биопродукции на основе водных ресурсов Заполярья.

Развитие синей экономики в Арктике на основе передовых технологий оказывает влияние как на показатели экономического роста, так и на социальную сферу Заполярья. Компании, добывающие морские ресурсы в Арктике создают не только производственную, но и социальную инфраструктуру. При этом внедрение современных технологий способствует снижению издержек, что создает возможность для инвестирования дополнительных средств в социально значимые проекты.

1. *Веселова, Д. Н. «Синяя экономика» Арктической зоны Российской Федерации: возможности правового регулирования / Д. Н. Веселова, А. А. Сергунин // Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России : Материалы VI научно-практической конференции. Сборник статей, Москва, 12 декабря 2024 года. – Москва: Издательский дом "УМЦ", 2025. – С. 43-67. – EDN PFYBBP.*
2. *Видясова, Л. А. Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения / Л. А. Видясова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 84-99. – DOI 10.21638/spbu12.2024.106. – EDN FBFJFO.*
3. *Конышев, В. Н. Размышления о прочитанном: перспективы политики Индии в Арктике / В. Н. Конышев // Арктика и Север. – 2025. – № 59. – С. 214-220. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2025.59.214. – EDN PCBMIP.*

4. *Левашов, В. К. Экспансия искусственного интеллекта: ожидания и настроения граждан / В. К. Левашов, О. В. Гребняк // Социологические исследования. – 2024. – № 12. – С. 13-23. – DOI 10.31857/S0132162524120022. – EDN XMNDBL.*
5. *Тюрина, Ю. А. Конструктивные формы самоорганизации студенчества в формировании надпрофессиональных компетенций: результаты исследовательского проекта / Ю. А. Тюрина // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 1223. – EDN SIOYNY.*
6. *Muliani Dwi Ujianti, R. Strengthening the Blue Economy through Marine, Coastal Resources and the Social Environment / R. Muliani Dwi Ujianti, M. Novita, A. Burhanuddin // KnE Social Sciences. – 2024. – DOI 10.18502/kss.v9i6.15304. – EDN ARCKBX.*

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Лосев Никита Сергеевич
(Тюменский Государственный университет, Финансово-экономический институт)

Нигматуллин Радмир Рустамович
(Тюменский Государственный университет)

Аннотация. Цифровая коммуникация в бизнес-среде выходит за рамки простого инструмента маркетинга, становясь ключевым ресурсом для построения отношений с клиентами, поставщиками и государственными структурами. Данная работа анализирует, как малые предприятия используют цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, CRM-системы) для адаптации к нынешним условиям цифровой экономики.

Ключевые слова: малый бизнес, цифровая коммуникация, цифровой капитализм.

В России под малым бизнесом понимаются хозяйствующие субъекты, отнесённые к категории малых предприятий в соответствии с Федеральным законом № 209-ФЗ от 24 июля 2007 года «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». В соответствии с этим законом к малым предприятиям относятся организации, в которых среднесписочная численность работников не превышает 100 человек, а годовой доход – 800 миллионов рублей [7].

В условиях цифровой трансформации экономики малый бизнес сталкивается с необходимостью радикального пересмотра своих коммуникативных стратегий. Интернет-коммуникация перестала быть вспомогательным каналом продвижения? О чем свидетельствуют объемы интернет-покупок, так Россияне в первом полугодии потратили 5,3 миллиарда рублей на онлайн-покупки [1]. А, значит, ниша интернет-взаимодействия с потенциальными клиентами является важным элементом развития малого бизнеса, более того, она (интернет-коммуникация) ложится в основу социального и экономического взаимодействия, определяя не только видимость бизнеса, но и его легитимность, устойчивость и потенциал роста.

В отличие от крупных корпораций, малые предприятия вынуждены полагаться на гибкость, скорость реакции и персонализацию, что делает цифровую коммуникацию их ключевым конкурентным преимуществом.

Социологически, этот сдвиг можно интерпретировать через призму теории сетевого капитала Мануэля Кастельса [6, 62]. В цифровой экономике ценность бизнеса всё

чаще определяется не столько материальными активами, сколько качеством и плотностью его цифровых связей.

Исходя из этого, малый бизнес, в меньшей мере находящийся под влиянием бюрократических иерархий, способен быстрее формировать неформальные, горизонтальные связи с клиентами и внутри компании – через мессенджеры (Telegram, WhatsApp (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации)), социальные сети (VK, Instagram (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации)) и платформы обратной связи (Яндекс.Карты, Google Отзывы) и CRM-системы (Bitrix24, AMO), сравнение которых представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ инструментов цифровой коммуникации малого бизнеса

Критерий сравнения	**Мессенджеры**	**Социальные сети**	**Карты и платформы отзывов**	**CRM-системы**
Тип взаимодействия	Прямое, персонализированное, 1:1	Публичное, массовое, 1:много	Публично-оценочное, основанное на репутации	Системное, внутреннее, аналитическое
Основная функция	Оперативная поддержка, продажи, лояльность	Продвижение, вовлечение, формирование сообщества	Управление репутацией, социальное доказательство	Автоматизация процессов, анализ клиентской базы

Эти каналы имеют ряд свойств, играющих ключевую роль в преобразовании и цифровизации коммуникации в малом бизнесе. Коммуникации в интернет-пространстве также соответствуют принципам реальной (не виртуальной) коммуникации, однако имеют ряд отличительных свойств: виртуальность, интерактивность, глобальность, креативность, анонимность [3, 22]. Каждый из этих признаков имеет двойственный характер и может, как облегчать процесс коммуникации, так и усложнять его.

Все эти свойства трансформируют коммуникацию малого бизнеса, позволяя создавать эффект «цифровой близости», который, в некотором роде, смещает традиционное доверие, основанное на личном знакомстве, на доверие, основанное на прозрачности и постоянной доступности.

Однако эта адаптация несёт в себе и новые формы зависимости. Как отмечает Шошана Зубофф, цифровой капитализм оперирует не просто информацией, а поведенческими излишками – данными, извлекаемыми из каждого взаимодействия пользователя с платформой [2, 203]. Малый бизнес, используя алгоритмические платформы для продвижения, становится частью алгократической системы, где видимость и успех определяются не качеством продукта, а соответствием скрытым критериям алгоритмов. Например, изменения в алгоритмах Социальной сети могут одномоментно лишить бизнес сотен клиентов, а негативный отзыв на Wildberries – обнулить рейтинг, несмотря на сотни положительных оценок. Это создаёт эффект «цифрового феодализма», описанного Владиславом Безсмертным, где платформы выступают как цифровые «сеньоры», а малые предприниматели – как «вассалы», вынужденные подстраиваться под их правила [5].

Цифровизация интернет-коммуникации малого бизнеса в России носит не выборочный, а массовый характер – об этом свидетельствуют множественные показатели индекс цифровизации бизнеса (BDI) вырос с 45 до 52 пунктов за 2019 – 2022 гг., а 88 %

компаний демонстрируют средний или высокий уровень цифровой зрелости. Особенно показательно повсеместное внедрение корпоративной почты (72 %), электронного документооборота (92 % частично или полностью) и активное использование «Яндекс.Карт» (67 %) и «ВКонтакте» (75 %) для взаимодействия с клиентами. Несмотря на санкционные ограничения, бизнес адаптируется, переходя на отечественные платформы и осваивая онлайн-платежи. Однако ключевым барьером остаётся дефицит цифровых компетенций сотрудников – лишь 31 % руководителей прошли обучение. [4, 4589]. Это подтверждает: цифровая коммуникация – уже не опция, а обязательная среда существования малого бизнеса, требующая системной поддержки в области образования и инфраструктуры. Однако мы также можем отметить тот факт «цифрового феодализма», о котором говорилось ранее: некоторые инструменты ушли из страны, и малый бизнес мог ощутить исчезновение некоторых платформ в рамках выстраивания своих бизнес-процессов и, в частности, взаимодействия с клиентами напрямую. Но в 2025 году мы видим, что малому бизнесу в России удалось преодолеть барьеры (среднегодовой темп роста рынка цифровой трансформации к 2024 году равен примерно 21 %) [8], для этого пришлось использовать отечественные платформы для интернет-коммуникации, и перспективы развития цифровизации обретают новые «витки», так некоторые исследования «прогнозируют массовое внедрение разговорного ИИ для автоматизации рутинных задач и работы с клиентским опытом» [8].

Таким образом, интернет-коммуникация для малого бизнеса – это не просто инструмент, а новая социальная среда, в которой формируются экономические отношения. С одной стороны, она демократизирует доступ к рынку, позволяет обходиться без дорогостоящей рекламы и строить отношения, основанные на диалоге. С другой – она встраивает малый бизнес в структуры цифрового контроля, где автономия предпринимателя ограничена логикой платформ. Перспектива здесь – не в отказе от цифровых каналов, а в развитии цифровой грамотности и коллективных стратегий сопротивления: создание независимых каналов (собственные сайты, рассылки), объединение в цифровые кооперативы, лоббирование прозрачности алгоритмов. Только так малый бизнес сможет использовать цифровую коммуникацию не как инструмент подчинения, а как ресурс собственного развития.

1. *Forbes. Объем интернет-торговли в России в первом полугодии достиг 5,3 трлн рублей. URL: https://www.forbes.ru/biznes/543495-ob-em-internet-torgovli-v-rossii-v-pervom-polugodii-dostig-5-3-trln-rublej*
2. *Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism // Social theory re-wired. – Routledge, 2023. – P. 203–213.*
3. *Авдеева И. А. Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети // Философия и общество. – 2016. – № 4 (81). – С. 20–33.*
4. *Арутюнян С. А., Соловьева Н. В., Галяув Е. Р. Цифровизация малого бизнеса в России // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 12. – С. 4589–4608.*
5. *Безсмертный В. Цифровой феодализм: век контроля и свободы. URL: https://www.litres.ru/book/vladislav-bezsmertnyy/cifrovoy-feodalizm-vek-kontrolya-i-svobody-71024032/ [дата обращения: 06.10.2025].*
6. *Скибицкий М. М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // Мир новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 62–68.*
7. *Федеральный закон № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».*
8. *Цифровизация малого и среднего бизнеса в 2025 году. URL: https://ict.moscow/analytics/tsifrovizatsiia-malogo-i-srednego-biznesa-v-2025-godu/ [дата обращения: 03.10.2025].*

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: БАЛАНС МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ И ЗАЩИТОЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Маркеева Анна Валерьевна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Всестороннее проникновения цифровых платформ в разные аспекты и сферы нашей жизни, то, что в настоящий момент исследователи называют процессом платформизации [9], порождает острые, часто алармистские взгляды на разрушительный характер их воздействия на социальную реальность. Особенно бурные дебаты касаются сферы труда и модернизации трудовых отношений. Платформы часто становятся объектом критики в части разрушения традиционных моделей полной занятости и снижения сложившихся социально-трудовых гарантий («прекаризация занятости»).

Действительно трудовые платформы не иерархичны в организации труда, в отличие от классических фирм – они не нуждаются в традиционных взаимоотношениях (работник – работодатель), наоборот – логика их функционирования построена на задействовании и стимулировании максимально разнообразных моделей гибкой занятости, в т. ч. самозанятости, фрилансерства, независимых подрядов и т. д. [3]. Платформы стимулируют разнообразие моделей занятости (то, что сегодня пытаются объединить общими концептуальными понятиями «платформенный труд», «платформенная работа», «платформенная занятость») и способствуют усилению «пикселизации работы» в самых разных профессиональных сферах и типах труда. Но не вполне обоснованно обвинять только платформы в реализации данного тренда. Отход от традиционной полной занятости, характерной для доиндустриального и индустриального обществ, как тренд возник задолго до появления цифровой экономики [4;8]. Цифровизация и функционирование цифровых платформ лишь усилили этот тренд, благодаря цифровой инфраструктуре позволяя реализовать разные новые модели занятости. Например, то, что виделось фантастическим или, по крайней мере, трудно реализуемым ранее – нанять исполнителя на 10 минут работы, не взаимодействуя с ним физически, для выполнения трудовой задачи и расстаться с ним без каких-либо обязательств – благодаря цифровизации становится повседневной практикой.

Как нам кажется, важнее оценивать многообразие возникающих видов трудовых платформ, понимая разнообразие эффектов, сопряженных с их деятельностью. Существенные риски несут не все, а лишь отдельные типы платформенных решений. Как правило, речь идет об определённом институциональном оформлении платформ – модели онлайн трудовых услуг или «теневых корпорациях» [5, 6] (Uber, Amazon, Wildberries и т. д.). Важно принимать во внимание, что разные типы платформ имеют различную организационному логику, формируют разные модели занятости и соответственно порождают социальные эффекты разной силы. Поэтому так важно не стремиться сводить все платформы к одному типу (в литературе, посвященной платформам, часто используется термин уберизация), а выявлять особенности их функционирования в конкретных социально-экономических контекстах. И с учетом этого контекста и модели функционирования искать решения для снижения негативных эффектов, например, потери трудовой автономии и лишения дискреции. Они действительно проявляются, позволяя проявлять в отношении «работника платформы» новые типы алгоритмической власти, как например, в исследованиях Сан Ха Хонг алгоритмов складов Amazon, где введение многочисленных алгоритмических систем, указывающих, когда рабочему

забирать коробки, когда ему можно отойти в туалет, забирает возможность действовать у самих рабочих ради «оптимальности» и «эффективности» [7]. При этом реализация платформенных решений, связанных с фриланс биржами и конкурсными моделями, тоже включает механизм предсказательных систем в управлении трудом и порождает проблемы «видимости» на платформе, алгоритмических управлений ценообразованием на труд или использования платформой информационных асимметрий в угоду максимизации ценности только платформы, но эффекты не так разрушительны с позиции свободы выполнения и содержания трудовых действий для самого сотрудника. Поэтому демократизация предсказательных систем, расширение возможностей общественного контроля над алгоритмами необходимы, но вот жесткость ограничений должна настраиваться и регулироваться в зависимости от типов платформенных решений. Поэтому так важно видеть и различную организационному логику платформ, действующих иногда на одном рынке, и их разные исторические корни, и разнообразие предлагаемых моделей организации труда, воплощающихся в различном институциональном дизайне, чтобы правильно оценивать социально-экономические эффекты и находить нужный баланс между востребованностью новых форм трудовой деятельности у разных социальных групп и общественным восприятием трансформаций труда, задачами государства и общества и развитием платформенного бизнеса[5;6].

Безусловно, важным (если не ключевым) аспектом развития трудовых платформ становится выработка новых форм диалогов и институтов защиты интересов «работников платформы». Трудовые платформы разрушают сложившиеся компромиссы в системе организации труда, не предоставляя часто никаких альтернатив. Это стимулирует общественный запрос на новые типы солидарности, показывает перспективу общественных обсуждений, привлечения науки, государства, бизнеса в лице платформенных и традиционных компаний к выработке новых правил организации труда, защиты трудовых прав. С одной стороны, необходимо понимание, что цифровая экономика и цифровое общество требуют «нового идеала труда»: исторический, технологический контекст поменялся кардинально, невозможно бесконечно концептуально оперировать категориями и идеалом организованного труда XX века в сложившихся реалиях. С другой стороны, «старые институты» (профсоюзы и трудовые движения) перестают эффективно выполнять свои задачи в новых условиях. Часто они становятся мало результативны и из-за того, что не могут быть «услышанными», не могут мобилизовать участников из-за невозможности доступа к медийной инфраструктуре, принадлежащей и/или контролируемой цифровыми платформами. Так, доминирование цифровых платформ в институциональной работе и в информационном поле позволяет закреплять в общественном сознании и в последующем в законодательных инициативах те аспекты платформенной работы или модели занятости, которые выгоды платформе[2]. Поэтому необходимо признать, что новые социальные движения по защите трудовых прав, вероятно, мало будут напоминать рабочие движения предшествующих столетий, так как им предстоит отвечать на вызовы «эпохи постиндустриальных депрессий». Слабость и дезорганизованность таких движений пока обусловлена оборонительным характером их действий в попытке замедлить «продвижение махины капитала и ее устремление к еще более жесткой экономии, гибкости труда и приватизации в ответ на замедление экономики», но они несомненно консолидируются и закрепятся «в качестве более устойчивых формаций» [1, 196 – 203]. С другой стороны, в текущих условиях ограниченных возможностей для коллективного сопротивления и отстаивания трудовых интересов необходимы как минимум «переходные» инструменты, ограничивающие концентрацию власти платформ и улучшающие обратные связи между работниками платформ и сами платформами.

1. *Бенанав, А. Автоматизация и будущее работы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.*
2. *Маркеева, А. В. Платформенная занятость в зеркале российских СМИ в 2020–2024 гг. // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 5. – С. 37–45.*
3. *Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. коллектив: О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь, Е. С. Горват и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.*
4. *Срничек, Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.*
5. *Стребков, Д., Шевчук, А. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.*
6. *Шевчук, А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике// Социология власти. – 2020. – Том 32. № 1. – С. 30-54*
7. *Hong, S. Prediction as extraction of discretion// Big Data & Society. –2023. – Vol.10(1). https://doi.org/10.1177/20539517231171053*
8. *Kalleberg, A.L. Precarious Lives: Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies. Cambridge, 2018.*
9. *Poell, T., Nieborg D., Van Dijck, J. Platformisation //Internet policy review. – 2019. – Т. 8. – №. 4. – С. 1-13.*

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Маскина Яна Дмитриевна
(МГИМО МИД России Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД России Одинцовский филиал)

Аннотация. В представленной статье анализируется роль возобновляемой энергетики в качестве ключевого фактора экономического развития государства. Осуществлен комплексный анализ влияния перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) на основные макроэкономические показатели, включая валовой внутренний продукт (ВВП), занятость населения, инвестиционную привлекательность и торговый баланс.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, экономическое развитие, макроэкономические показатели, «зеленая» экономика, энергетический переход, устойчивое развитие, инвестиции в ВИЭ.

Введение. Глобальный переход к возобновляемым источникам энергии является одним из ключевых трендов 21 века. Данный процесс обусловлен сочетанием экологических требований и экономических интересов, таких как обеспечение энергетической безопасности и снижение зависимости от ископаемых видов топлива. Помимо экологических преимуществ, развитие возобновляемой энергетики оказывает существенное воздействие на экономическое развитие стран, формируя новые возможности для роста и диверсификации экономики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного понимания многогранного влияния возобновляемой энергетики на экономику, в особенности в контексте государств с сырьевой ориентацией, таких как Российская Федерация. Несмотря на значительный потенциал России в области ВИЭ, его реализация требует скоординированных усилий государства и частного сектора.

1. Теоретические основы взаимосвязи развития ВИЭ и экономического роста

Экономический рост традиционно ассоциировался с увеличением потребления энергетических ресурсов, однако в последние десятилетия данная парадигма претерпела существенные изменения. Развитие возобновляемой энергетики формирует новые модели экономического роста, основанные на принципах устойчивого развития и «зеленой» экономики.

С теоретической точки зрения, взаимосвязь между развитием ВИЭ и экономическим ростом объясняется рядом механизмов [4, 5]:

Инвестиционный механизм: Масштабные инвестиции в создание объектов ВИЭ стимулируют совокупный спрос и создают мультипликативный эффект в смежных отраслях экономики.

Технологический механизм: Развитие ВИЭ стимулирует инновации и технологический прогресс, которые распространяются на другие сектора экономики.

Импортозамещающий механизм: Снижение зависимости от импорта ископаемого топлива улучшает торговый баланс и повышает уровень энергетической безопасности.

Экологический механизм: Сокращение негативного антропогенного воздействия на окружающую среду снижает экономические потери, связанные с загрязнением и расходами на здравоохранение.

Важную роль в реализации этих механизмов играют институты, формирующие институциональную среду в экономике и влияющие на стимулы для инвестиций и инноваций.

Многочисленные исследования подтверждают положительное влияние развития ВИЭ на экономический рост. Анализ, проведенный для ряда стран, показывает, что увеличение доли ВИЭ в энергобалансе способствует росту ВВП на душу населения в долгосрочной перспективе. Однако характер данной взаимосвязи может варьироваться в зависимости от уровня экономического развития страны, качества институтов и наличия человеческого капитала. В государствах с развитыми инклюзивными институтами экономические выгоды от развития ВИЭ проявляются более отчетливо.

Таблица 1: Теоретические каналы влияния развития ВИЭ на экономический рост

Инвестиционный	Рост инвестиций в создание мощностей ВИЭ	Увеличение совокупного спроса, мультипликативный эффект
Технологический	Стимулирование инноваций и НИОКР	Рост производительности, повышение конкурентоспособности
Импортозамещающий	Снижение зависимости от импорта энергоресурсов	Улучшение торгового баланса, повышение энергобезопасности
Канал влияния	Механизм воздействия	Экономический эффект
Экологический	Сокращение негативного воздействия на окружающую среду	Снижение экономических потерь от загрязнения

2. Прямые и косвенные экономические эффекты развития возобновляемой энергетики

Прямые экономические эффекты включают создание новых генерирующих мощностей, рост инвестиций в сектор ВИЭ и увеличение объема производства электроэнергии из возобновляемых источников. Несмотря на общий низкий уровень развития ВИЭ по сравнению с мировыми лидерами, в России наблюдается положительная динамика. Однако, как показывают данные по Северо-Западному федеральному округу,

доля «зеленой» энергетики в ряде регионов остается незначительной, составляя около 12 % [2], что указывает на существенный потенциал для роста.

Инвестиции в возобновляемые источники энергии оказывают непосредственное влияние на ВВП через увеличение совокупного спроса. Строительство объектов ВИЭ требует значительных капиталовложений, которые стимулируют рост в смежных отраслях. Мировой опыт свидетельствует о значительном экономическом потенциале «зеленой» энергетики, однако его реализация в России осложняется необходимостью преодоления «углеродной блокировки» – зависимости от существующих технологий на основе ископаемого топлива.

Косвенные экономические эффекты от развития ВИЭ проявляются в стимулировании смежных отраслей, росте инновационной активности и повышении производительности труда. Развитие возобновляемой энергетики стимулирует спрос на высокотехнологичное оборудование, способствуя росту производства в соответствующих отраслях промышленности.

Стимулирование инноваций является важным косвенным эффектом. Технологические инновации в «зеленой» энергетике создают предпосылки для устойчивого развития и позволяют повысить эффективность и сократить затраты. Кроме того, они оказывают положительное влияние на другие сектора экономики. Еще одним значимым эффектом является снижение зависимости от импорта ископаемого топлива, которое улучшает торговый баланс страны [4].

3. Влияние развития ВИЭ на рынок труда и структурные изменения в экономике

Развитие возобновляемой энергетики оказывает значительное влияние на рынок труда, создавая новые рабочие места в высокотехнологичных отраслях. Развитие сектора ВИЭ требует привлечения квалифицированных специалистов в области проектирования, строительства, эксплуатации и обслуживания энергетических установок, а также в сфере научных исследований и разработок. Это способствует повышению уровня квалификации рабочей силы.

Также развитие ВИЭ приводит к структурным изменениям в экономике, способствуя ее диверсификации и модернизации. Это особенно важно для стран с сырьевой экономикой, зависимых от экспорта ископаемого топлива. Развитие возобновляемой энергетики стимулирует создание новых высокотехнологичных отраслей и кластеров, которые становятся точками роста экономики. В то же время энергетический переход может сопровождаться сокращением занятости в традиционных отраслях топливно-энергетического комплекса, что требует разработки программ переподготовки работников.

Таблица 2: Влияние развития ВИЭ на рынок труда

Аспект влияния	Положительные эффекты	Отрицательные эффекты
Занятость	Создание новых рабочих мест в высокотехнологичных секторах	Сокращение занятости в традиционной энергетике
Квалификация	Повышение уровня квалификации рабочей силы	Необходимость переподготовки работников
Региональное развитие	Создание рабочих мест в депрессивных регионах	Концентрация рабочих мест в специальных регионах
Заработная плата	Рост заработной платы в высокотехнологичных секторах	Снижение заработной платы в традиционных секторах

4. Вызовы и барьеры для развития возобновляемой энергетики

Переход к возобновляемой энергетике сопряжен с существенными экономическими вызовами. Высокие первоначальные инвестиции требуют мобилизации значительных финансовых ресурсов. В России развитие ВИЭ в значительной степени стимулируется государством через механизм договоров поставки мощности (ДПМ), однако для диверсификации источников финансирования необходимо активное привлечение частного капитала.

К технологическим барьерам относятся недостаточное развитие сетевой инфраструктуры для интеграции объектов ВИЭ, проблема прерывистости генерации развития маневренных мощностей и интеллектуальных сетей. Кроме того, существенным риском является зависимость от импорта высокотехнологичного оборудования.

Институциональные барьеры, такие как недостаточно развитая нормативно-правовая база, отсутствие долгосрочной стратегии и слабая межуровневая координация, имеют ключевое значение [6]. Преодоление «углеродной блокировки» – институциональной и технологической инерции, поддерживающей доминирование ископаемых видов топлива, является важнейшим вызовом. Эффективное развитие ВИЭ требует построения инклюзивных экономических институтов, создающих стимулы для инноваций и инвестиций.

Заключение. Развитие возобновляемой энергетики является значимым фактором экономического развития, оказывая многогранное влияние на макроэкономические показатели, структуру экономики и рынок труда. Анализ показывает, что развитие ВИЭ способствует росту ВВП, созданию новых рабочих мест, повышению энергетической безопасности и стимулированию инноваций.

Реализация экономического потенциала ВИЭ требует преодоления существенных вызовов, среди которых институциональные барьеры и проблема «углеродной блокировки» являются ключевыми. В России, где традиционная энергетика занимает значительную долю в экономике, эти вызовы особенно актуальны. Согласно прогнозам, доля электроэнергии, вырабатываемой на ГЭС, АЭС и ВИЭ, к 2050 году увеличится на 4-9% [3]. Реализация этого потенциала потребует скоординированных усилий государства, частного сектора и научного сообщества, направленных на формирование благоприятной институциональной среды и стимулирование инвестиций в инновации.

1. *Антонов Н. В., Евдокимов М. Ю. Достижения и перспективы // АВОК. – 2023.*
2. *Доля зеленой энергетики на Северо-Западе составила всего 12 процентов // Nangs.org. – 2025. – 15 марта. – [Электронный ресурс]. – URL: https://nangs.org/news/dolya-zelenoj-energetiki (Дата обращения: 8.09.2025).*
3. *Исследование: доля зеленой электроэнергии в России к 2050 году увеличится на 4-9% // Vedomosti.ru. – 2024. – 20 июня. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/articles/2024/06/20/issledovanie-dolya-zelenoj-elektroenergii (Дата обращения: 18.09.2025).*
4. *Котар О. К. Влияние массового внедрения возобновляемых источников энергии на экономическое развитие страны // Прикладная статистика и искусственный интеллект. – 2024. – Т. 1, № 3.*
5. *Renewable Energy Economic Potential // NREL.gov. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nrel.gov/research/re-energy.html (Дата обращения: 30.08.2025).*

МОТИВАЦИЯ ЗАНЯТЫХ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ К ФОРМАЛЬНОЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Махкамова Шахло Юлчиевна
(Институт Бюджетно-налоговых исследований при Министерстве финансов Республики Узбекистан)

Аннотация. В данной статье исследуются те, которые работают в неформальном секторе и увеличивают нагрузку на Пенсионный фонд, Разработаны предложения по нахождению механизма уплаты взноса занятых в неформальном секторе на базе проведенного выборочного обследования занятых в неформальном секторе.

Ключевые слова: домохозяйство, семья, не формально работающий, образование, пенсия.

Актуальность. Постановлением Президента Узбекистан УП-16 от 30.01.2025 года поставлена задачах [2] разработа Проекта концепции реформы государственной пенсионной системы и внесение в Кабинет Министров Узбекистана предложений по проекту концепции реформирования государственной пенсионной системы с привлечением Международного валютного фонда, Азиатского банка развития, Международной организации труда и местных экспертов.

Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 23 сентября 2024 г., № 600 «Об организационных мерах по разработке концепции реформирования государственной системы пенсионного обеспечения» была поставлена задача – анализ существующих проблем в действующей системе государственного пенсионного обеспечения и подготовка предложений, направленных на обеспечение устойчивости системы пенсионного обеспечения и укрепление социальной справедливости на основе передового зарубежного опыта.

По нашим расчётам, увеличение доли работающих в трудоспособном возрасте на 1 % приведёт к увеличению доли доходов Пенсионного фонда на 4 %. При этом принятие необходимых мер по увеличению численности работающих на 10 – 15 % позволит достичь необходимого уровня актуарного баланса (положительного сальдо) Пенсионного фонда [5, 116 – 121] .

В связи с этим, исследование тех, которые работают в неформальном секторе и увеличивают нагрузку на Пенсионный фонд, приобретает всё большее значение. Поэтому нахождение механизма уплаты взноса занятых в неформальном секторе представляет определенный практический интерес и за рубежом. При этом важным инструментом выступает проведение выборочных обследований занятых в неформальном секторе.

Методология. Нами было проведено социологическое обследование и разработан блок вопросов для изучения мнения выбранного контингента. Выборка была случайная, из обследованных 540 домохозяйств (ДХ) в городе Ташкенте и в Ташкентской области более, чем в каждом третьем обследованном домохозяйстве, встречались работающие в неформальном секторе (37 %). Таким образом, для выявления отношения занятого населения в неформальном секторе к внесению ими части своих доходов в бюджет страны обследовано 200 домохозяйств в разрезе 34 махаллей городской и 13 махаллей сельской местности.

Целью обследования было изучение отношения занятых в неформальном секторе к взносу в бюджет страны, чтобы обеспечить себя нормальной пенсией в старости. Исходя из этой цели, определены следующие **задачи:**

– определение важности выхода на пенсию населения, работающего в неформальном секторе;

– выявление осведомленности населения, работающего в неформальном секторе, о формировании Пенсионного фонда;

– изучение осведомленности работающих в неформальном секторе о пенсионной системе;

– выявление мотивации неформально работающих к уплате и неуплате взноса бюджет страны для дальнейшего получения нормальной пенсии.

Результаты обследования. В рамках исследования вначале определен социальный статус неформально работающих. В неформальном секторе 60,1% населения имеют среднее специальное образование (из них: 71,1 % – проживающие в городе и 46,1 % – в селе), 25,6 % – с общим средним (из них: 14,2 % – в городе и 40,3 % – в селе) и лишь 10,4 % – с высшим образованием (из них: 12,9 % – в городе и 7,1 % – в селе) (рис. 1).

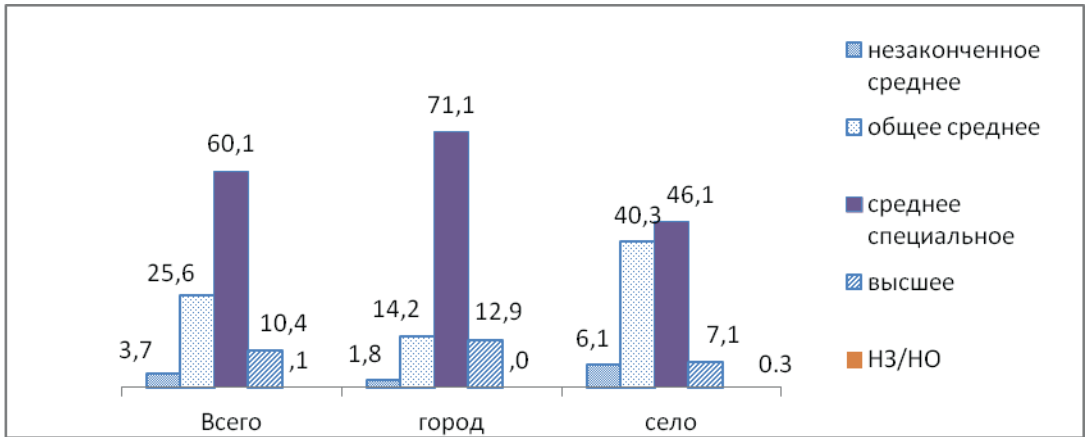

Рис. 1. Образование неформально работающих членов ДХ в разрезе город/село (результаты опроса, в %).

Почти 70 % неформально работающих с достатком ниже среднего уровня и 63,7 % со средним уровнем достатка имели среднее специальное образование, 51,4 % малообеспеченных были с уровнем общего среднего образования (рис. 2).

В неформальном секторе работают в основном в возрастной когорте 35 и более лет, как и в городской, так и сельской местности (соответственно 51 % и 50 %). В городе 24,2 % относится к возрастной когорте 25 – 34 лет. В сельской местности 16,4 % относится к категории 19 – 24 лет (рис. 3).

Неформально работающие в основном являются членами односемейных домохозяйств (65,1 %), в городе их больше (72,3 %), чем на селе (54,4 %). В многосемейных домохозяйствах (ДХ) неформально работающих относительно меньше: в ДХ с тремя семьями – 7,1 %, с 4 и более семьями – 1,2 %, в городе их меньше, чем в сельской местности (рис. 4).

Анализ социального статуса неформально работающих показал, что они в основном являются членами односемейных малообеспеченных ДХ (85,7 %). Определена закономерность, что с увеличением уровня благосостояния количество неформально работающих сокращается (рис. 5).

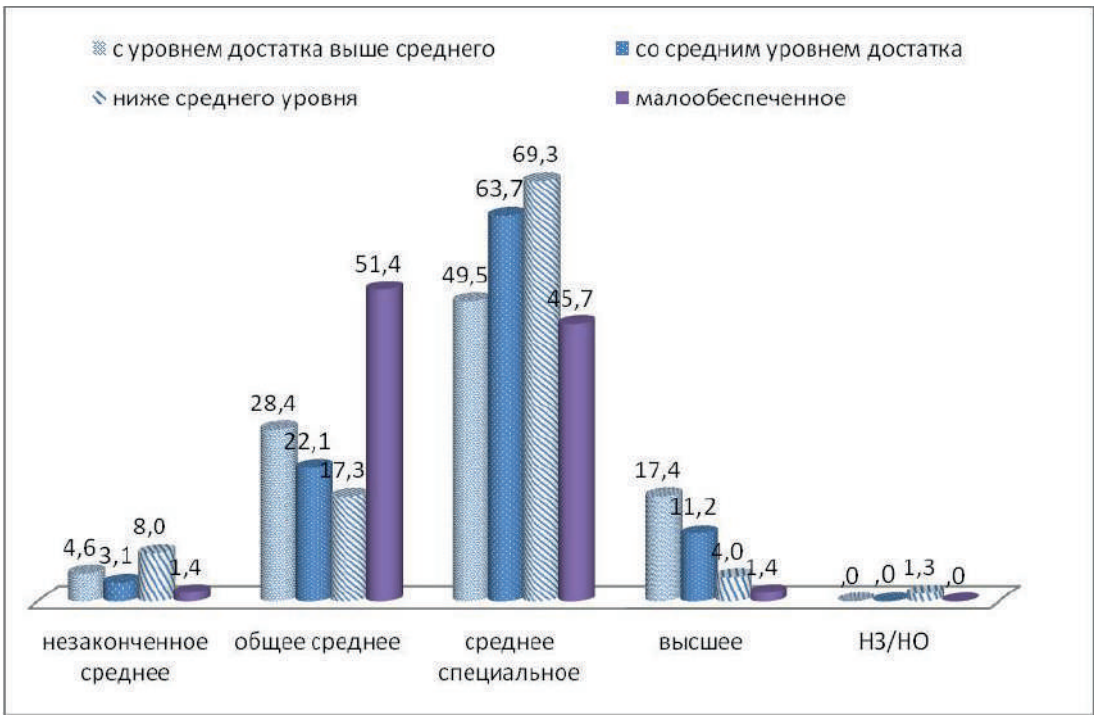

Рис. 2. Образование не формально работающих членов ДХ в разрезе по уровню благосостояния (результаты опроса, в %)

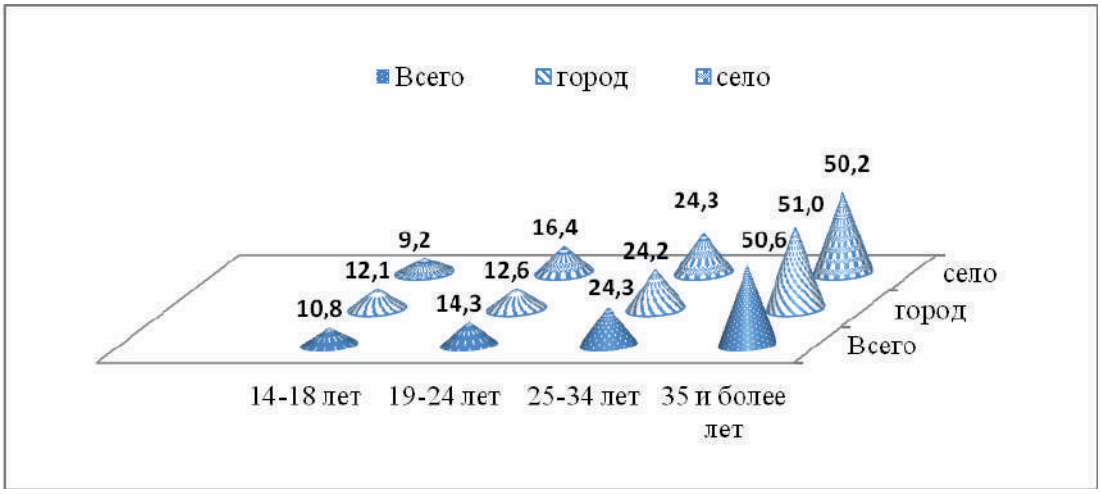

Рис. 3. Возрастная категория неформально работающих членов ДХ (результаты опроса, в %)

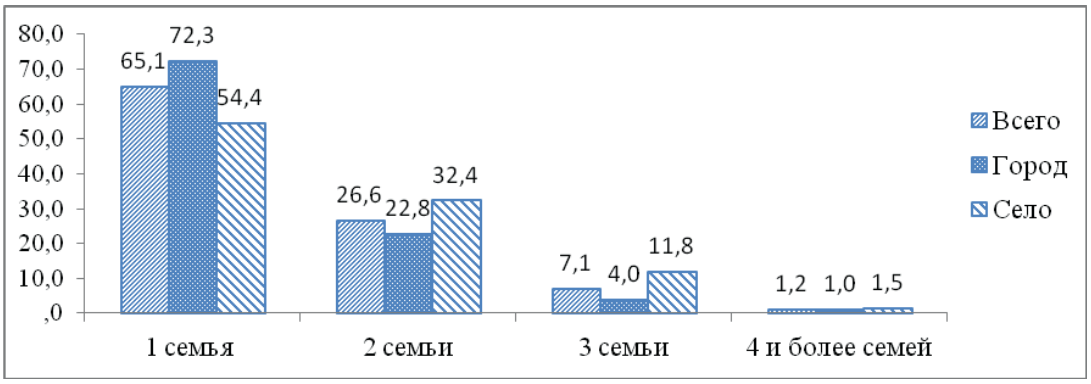

Рис. 4. Распределение ДХ, имеющих в составе неформально работающих, по числу семей в разрезе городской и сельской местности (результаты опроса, в %)

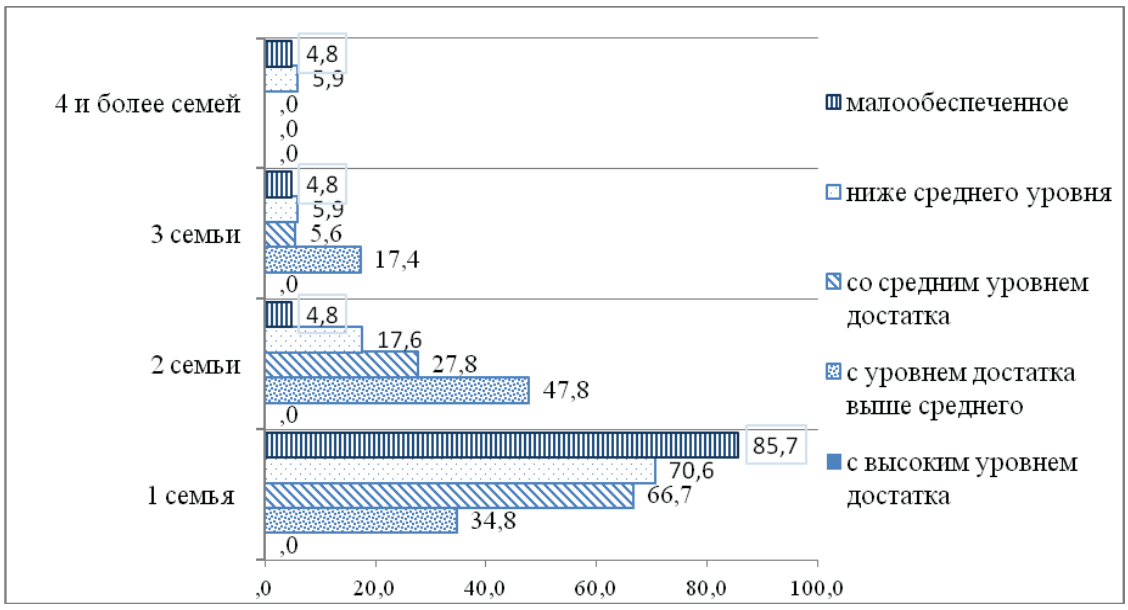

Рис. 5. ДХ с неформально работающими членами, по числу семей в разрезе по благосостоянию (результаты опроса, в %)

Также определена закономерность, что с увеличением семей в ДХ количество неформально работающих уменьшается.

По результатам опроса выявлено, что работающих в неформальном секторе больше в домохозяйствах со средним уровнем достатка (63,9 %), а в домохозяйствах с высоким уровнем достатка такого контингента нет (табл. 1).

Таблица 1. Распределение работающих в неформальном секторе в зависимости от уровня благосостояния (результаты опроса, в %)

Самооценка благосостояния ДХ	**Занятые в неформальном секторе, %**
с высоким уровнем достатка	0
с уровнем достатка выше среднего	13,6
со средним уровнем достатка	63,9
ниже среднего уровня	10,1
малообеспеченное	12,4
Всего	100

Важным представляется отношение занятых к выходу на пенсию. Согласно опросу, 83,1 % отметили, что выход на пенсию важен, 12,2 % – не важен и 4,8 % – затруднялись ответить (рис. 6). В городе показатель важности несколько выше (84,3 %), чем в сельской местности (81,5 %).

Среди отдельных слоев работающих, по результатам анализа, 90,3 % – **малообеспеченных** отметили важность выхода на пенсию; 6,5 % – неважность (рис. 7). В группе занятых с **уровнем ниже среднего достатка** выход на пенсию по неважности (10,5 %) больше, чем у малообеспеченных.

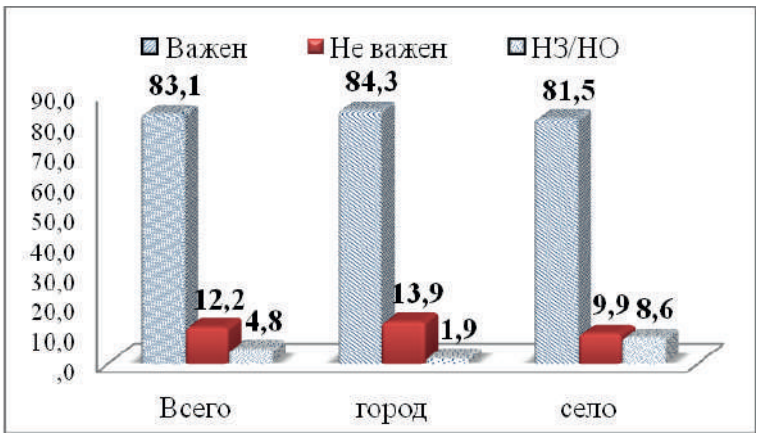

Рис. 6. Важность выхода на пенсию для не формально работающих в разрезе городской и сельской местности (результаты опроса, в %)

Наблюдается четкая тенденция: у малообеспеченных и у занятых с уровнем ниже среднего уровня достатка интереса к выходу на пенсию больше, чем у слоев со средним и высоким уровнем достатка.

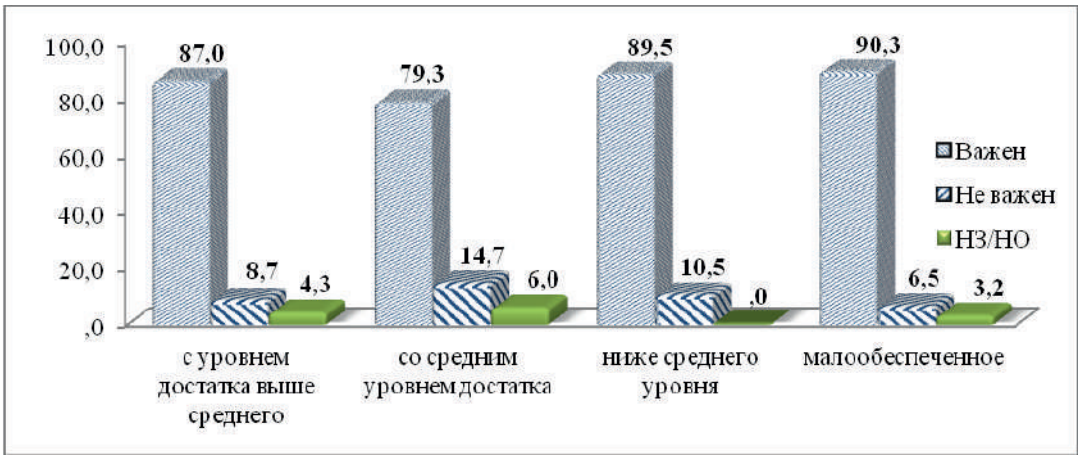

Рис. 7. Важность выхода на пенсию в зависимости от благосостояния (результаты опроса, в %)

Для получения более достоверной информации целесообразно было определить знание респондентов о пенсионной системе в Узбекистане. На поставленный вопрос: «Знаете ли Вы, что для получения пенсии необходимо вносить часть Вашего дохода в бюджет страны?» положительно ответили 75 % и 25 % – отрицательно (рис. 8).

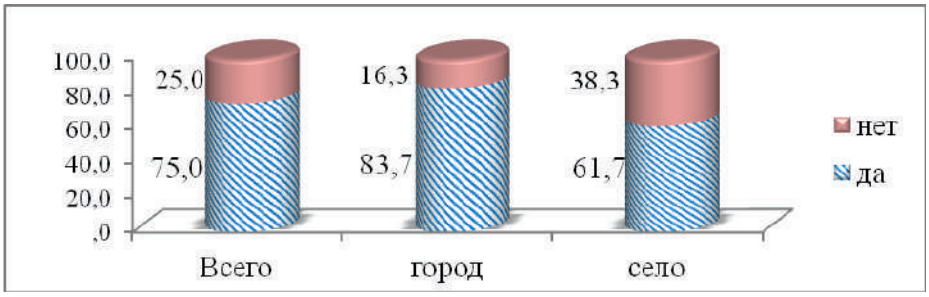

Рис. 8. Информированность о том, что для получения пенсии необходимо вносить часть дохода в бюджет, в разрезе городской и сельской местности (результаты опроса, в %, 2016)

Имеющих общее представление о формировании Пенсионного фонда в городе более чем в 2 раза больше (83,7 %), чем в селе (38,3 %). В сельской местности около 40 % опрошенных не знаю.

Анализ показал, что информированность тесно коррелируется с благосостоянием населения: информированность населения **с уровнем достатка выше среднего** составляет 7 5%, а 25 % не знают об этом; соответственно **со средним уровнем достатка** – 79,6 % и 20,4 %; **ниже среднего уровня** – 52,9 % и 47,1 %; **малообеспеченные** – 72,7 % и 27,3 (рис. 9).

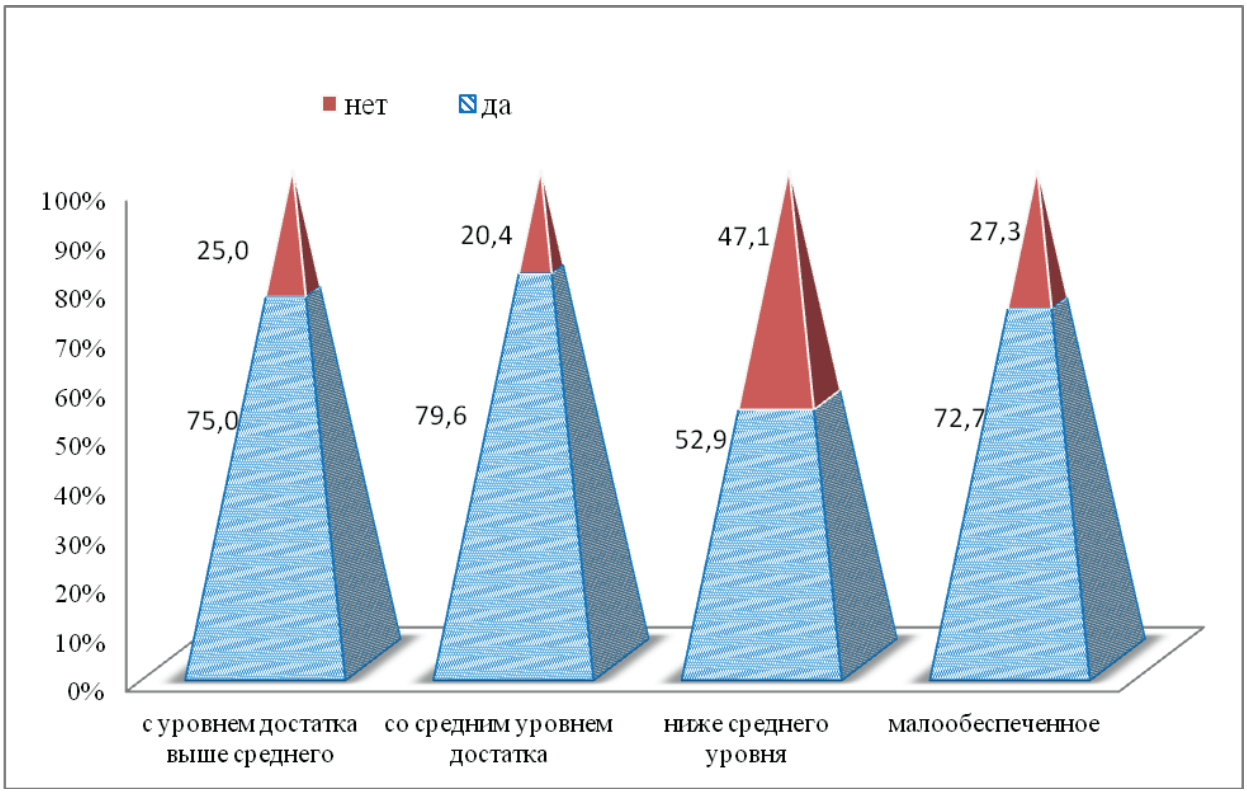

Рис. 9. Информированность в зависимости от благосостояния о формировании Пенсионного фонда

Результаты опроса показали, что 50,4 % респондентов получают эту информацию от родственников, знакомых с пенсионной системой; 35,1 % – из органов социального обеспечения; 27,2 % – от представителей органов местного хокимията; 24,6 % – из средств массовой информации (СМИ); из интернета – 0,9 % (рис. 10).

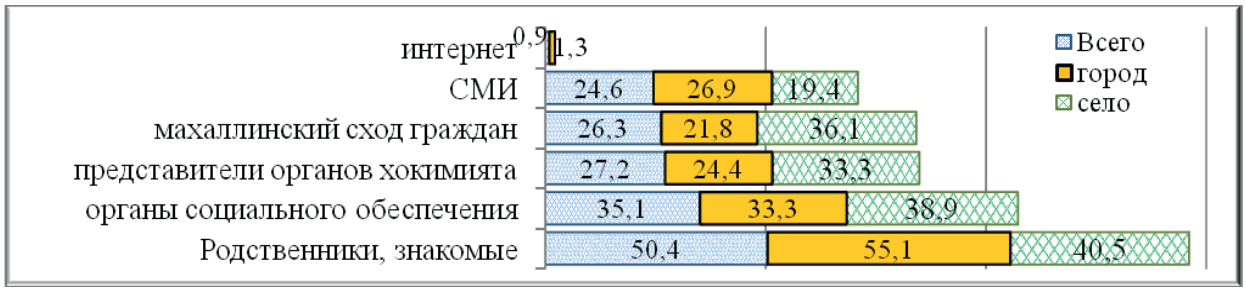

Рис. 10. Осведомленность о пенсионной системе, в разрезе городской и сельской местности (результаты опроса, в %)

Население **со средним уровнем достатка** больше получает информацию (56 %) от родственников, знакомых, чем **малообеспеченные** (31,3 %). А категория людей **с уровнем достатка выше среднего** получает информацию в основном из органов социального обеспечения (53,3 %) (рис. 11).

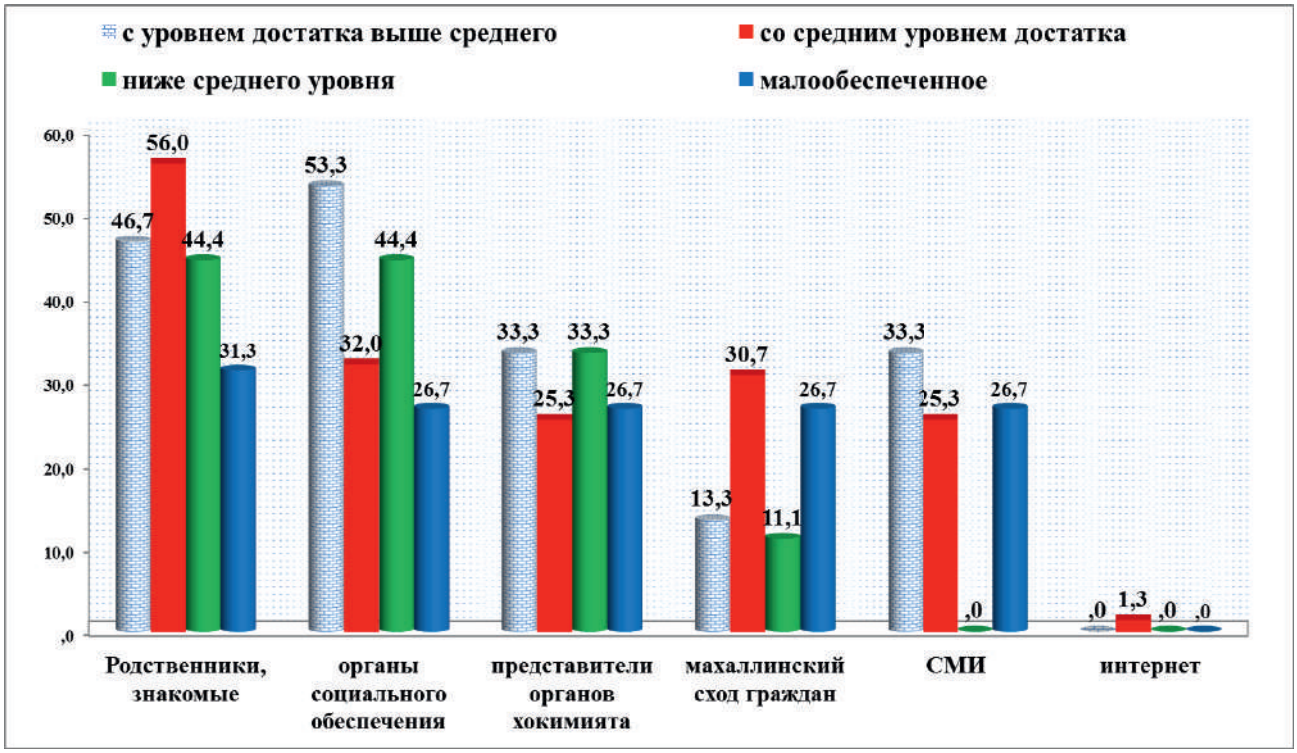

Рис. 11. Осведомленность о пенсионной системе в зависимости от благосостояния (результаты опроса, в %)

Важным представляется выявление субъективной оценки роли пенсии тогда, когда работники переходят в старческий возраст. По результатам опроса, 40,8 % респондентов высказали, что работодатели официально не хотят оформлять трудовое соглашение с ними, и поэтому они и не думают о пенсии.

По мнению каждого пятого респондента (20 %) «размер пенсии их не удовлетворяет», «имеют сбережения для обеспечения старости» – 7,7 %, 6 % думают, что в старости их обеспечат дети; 12,2 % – «пока не задумывались о пенсии» (рис. 12).

На вопрос, касающийся согласия на перечисление части зарабатываемого дохода в бюджет для получения в старости нормальной пенсии, 63,4 % респондентов ответили, что согласны, а 24,2 % – не согласны (рис. 13). Несмотря на различные взгляды о получении пенсии в будущем, основная часть работников неформального сектора согласна.

В городе на поставленный вопрос 65,6 % ответили положительно, а 26 % – отрицательно, а в сельской местности – 60 % и 21,5 %, соответственно. Нежелающих перечислять взносы в городах больше, чем на селе.

Выявлена тесная связь желания перечислять часть дохода в бюджет страны с уровнем благосостояния работающих. В отношении отдельных слоев работников получены следующие положительные ответы (рис.14): малообеспеченные составляют 42,9 %, ниже среднего уровня – 47,1 %, с уровнем достатка выше среднего – 61,9 %, со средним уровнем достатка – 70,6 %.

Рис. 12. Причины невыхода на пенсию (результаты опроса, в %)

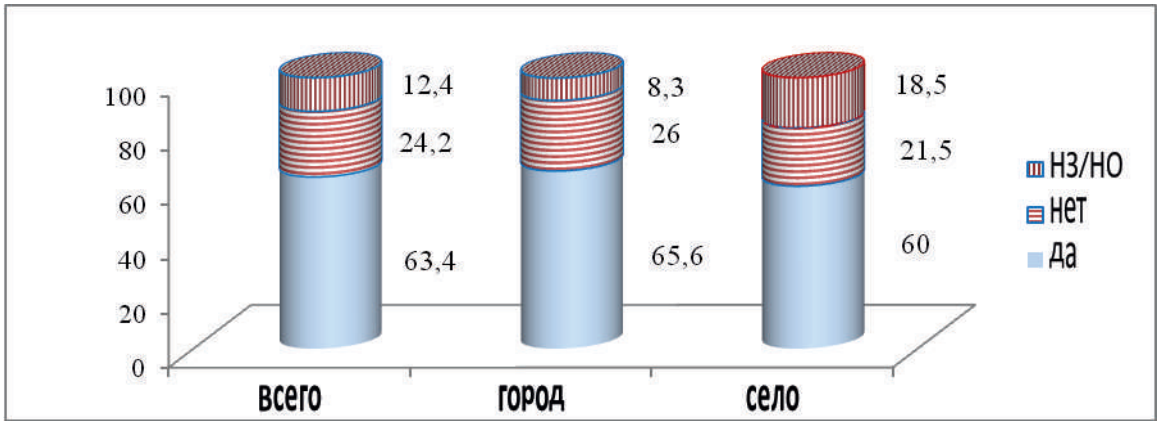

Рис. 13. Отношение респондентов к взносу в бюджет страны для получения нормальной пенсии в трарости, в разрезе городской и сельской местности (результаты опроса, в %)

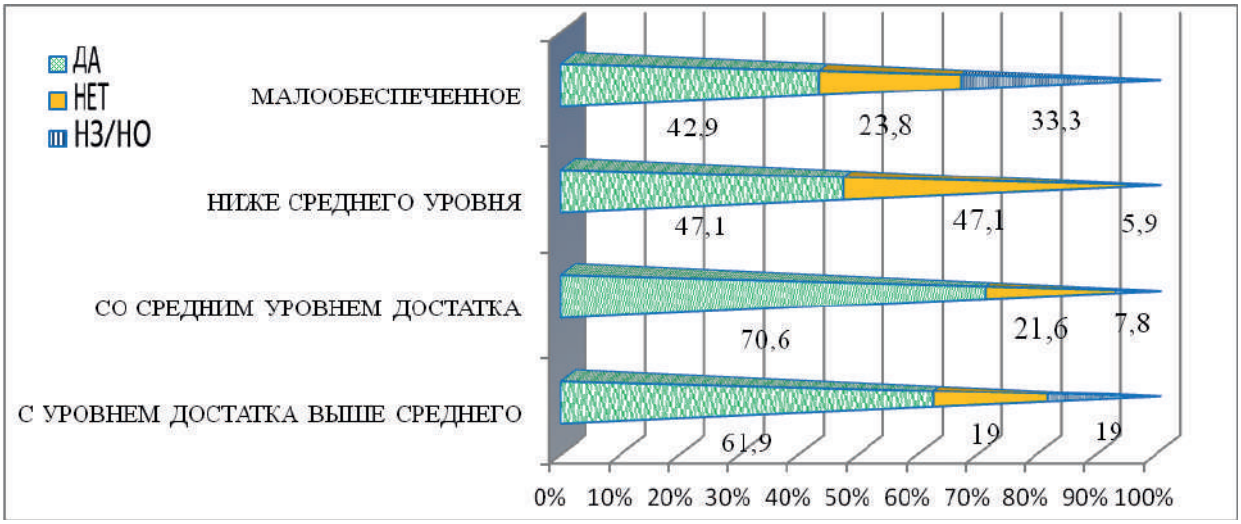

Рис. 14. Отношение респондентов к взносу в бюджет для полученя нормальной пенсии в старости, в зависимости от благосостояния (результаты опроса, в %)

В результате было принято в 2019 году Платежи в бюджет (ежегодный социальный налог) населения, занятого неформальным трудом в различных видах экономической деятельности посредством самозанятости. Согласно статье 408 Налогового кодекса, самозанятые лица обязаны ежегодно уплачивать социальный налог в размере не менее одной базовой расчетной величины (БРВ) (в настоящее время 375 тыс. сумов) для исчисления трудового стажа [3].

В 2021 году численность зарегистрированных в качестве самозанятых составила 52 157 человек, в 2022 году – 155 954 человек, а в 2023 году – 173,6 тыс. человек. Из них 70 тыс. человек платили социальный налог в период с 1 по 31 декабря. По прогнозам экспертов, в ближайшие годы ожидается рост этого числа такими же темпами [4].

Имеются проблемы такие, как, в статье 36 Закона «О занятости населения» [1], предусматривается, что «Самозанятые лица уплачивают социальный налог в размере не менее 50 процентов от суммы базовой расчетной величины, независимо от фактически отработанного времени в качестве самозанятого лица, сумма которого полностью направляется во внебюджетный Пенсионный фонд при Министерстве экономики и финансов Республики Узбекистан и исходя из которого определяется размер заработка для исчисления пенсии в порядке, **установленном для индивидуальных предпринимателей».** Это создает недоразумения. Предлагается:

– совершенствовать правовые механизмы и целесообразно установить единый размер социального налога для самозанятых лиц;

– расчет среднемесячных и годовых доходов и поступлений в бюджет, которые могли бы быть получены от легализации населения, занятого неформальным трудом, при различных сценариях развития социально-экономических механизмов.

Выводы и предложения. Результаты опроса показали, что 83,1 % респондентов отметили важность пенсии, при этом в городской местности данный показатель несколько выше (84,3 %), чем в сельской (81,5 %). Возможно, это связано с тем, что в сельской местности имеют дополнительный доход с ЛПХ. В первую очередь пенсия важна для малообеспеченной категории населения (90,3 %).

Информированность населения о том, что для получения пенсии необходимо вносить часть дохода в бюджет страны, составляет всего лишь 75 %: в городе больше (83,7 %), чем на селе (61,7 %), что требует повышения информированности населения, особенно в сельской местности**.** Середняки больше информированы (79,6 %), чем другие слои населения, что показывает уровень их грамотности и законопослушности.

40,8 % респондентов (работающие в неформальном секторе) отметили, что работодатель не хочет оформлять с ними трудовое соглашение, в связи с чем они не хотят выходить на пенсию.

По мнению каждого пятого (20 %) респондента размер пенсии недостаточен для нормального проживания. К числу причин нежелания выйти на пенсию относят следующее: «имеют сбережения для обеспечения старости» (77 %), «дети обеспечат их в старости» (6,6), «не задумывались об этом» (12,2 %).

63,4 % опрошенных согласны перечислять часть дохода в бюджет страны, при этом в городской местности (65,6 %) больше, чем в сельской местности (60 %).

Рекомендации:

– необходима широкая пропаганда и рекламирование среди населения, в т. ч. среди молодежи – студентов колледжей, техникумов, лицеев и вузов, о пенсионной системе, налоговом кодексе и социальном налоге для индивидуальных предпринимателей в Узбекистане, об отрицательных последствиях неуплаты взносов, как для отдельных граждан, так и для общества в целом;

– регулярно с охватом всех регионов страны проводить специальные выборочные обследования для проведения постоянного мониторинга состояния и системных проблем, касающихся работающих в неформальном секторе, для принятия конкретных мер;

– основным направлением уплаты пенсионных взносов является последовательный перевод нелегально работающих предприятий на официальный уровень путем разработки и реализации комплекса мер, включающих: организацию целенаправленной работы по выявлению хозяйствующих субъектов, не использующих в своей деятельности с удержанием с зарплаты работников налогов и отчислений;

– выявление численности занятых в неформальном секторе в разрезе отраслей экономики и регионов путем проведения специальных обследований использования рабочей силы на предприятиях и анализа экономических показателей предприятий, а также путем изучения механизма действующих систем организации социально-трудовых отношений, в частности, степени формализованности трудовых отношений между работниками и работодателями, состояния организации оплаты труда, фактов уклонения от уплаты подоходного налога в бюджет;

– совершенствовать правовые механизмы и целесообразно установить единый размер социального налога для самозанятых лиц, также разработать различные сценарии и варианты расчета среднемесячных и годовых доходов и поступлений в бюджет, которые могли бы быть получены от легализации населения, занятого неформальным трудом.

1. *Закон Республики Узбекистан от 20.10.2020 г. N ЗРУ-642 "О занятости населения" (Принят Законодательной палатой 28.04.2020 г., одобрен Сенатом 07.08.2020 г.) https://lex.uz/ru/docs/5055696*
2. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 30 январдаги ПФ-16-сон «Ўзбекистон – 2030» стратегиясини "Атроф-муҳитни асраш ва «яшил иқтисодиёт» йилида амалга оширишга оид давлат дастури тўғрисида Фармони https://nrm.uz/contentf?doc=772299_o%E2%80%98zbekiston_respublikasi_prezidentining_30_01_2025_y_pf-16-son_o%E2%80%98zbekiston-2030_strategiyasini_atrof-muhitni_asrash_va_yashil_iqtisodiet_yilida_amalga_oshirishga_oid_davlat_dasturi_to%E2%80%98g%E2%80%98risidagi_farmoni&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana*
3. *Налоговый кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 30.12.2019 г. № УРК-599) Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодекси (ЎзР 30.12.2019 й. ЎРҚ-599-сон Қонуни билан тасдиқланган).*
4. *Один в поле воин: какие проблемы самозанятости нужно решать в Узбекистане: https://www.norma.uz/nashi_obzori/odin_v_pole_voin_kakie_problemy_samozanyatosti_nujno_reshat_v_uzbekistane*
5. *Ш. Махкамова. Пенсия жамғармаси даромадларини ошириш хамда даромад ва харажатлар мутаносиблигини таъминлаш. "Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar" – T., 2023. -№2. -Б. 116-121.*

СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА: КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ

Морозова Софья Ильинична
(МГИМО)

1. Введение: от индустриального государства к цифровому энергетическому

В Китае формируется новый тип государства, где цифровые технологии становятся институциональной основой энергетической политики.

Государство превращается в "цифрового координатора" энергетического перехода, объединяя функции регулирования, контроля и инновационного управления через данные, алгоритмы и платформы.

Ключевая социологическая идея – алгоритмизация рациональности (от Вебера к алгократии): принятие решений и управление инновациями основаны на цифровых метриках, а не на бюрократической иерархии.

2. Цифровизация энергетического сектора: масштабы и структура

По данным Министерства промышленности и информатизации КНР (МИТ), к 2024 г.:

доля цифровых технологий в ВВП Китая превысила 41,9 %,

а доля цифровизации энергетического сектора – около 25 %, что выше среднего по промышленности.

Более 95 % энергогенерирующих предприятий Китая подключены к единой цифровой платформе мониторинга энергопотребления.

Программы типа "Smart Energy Demonstration Projects" включают 100+ пилотных площадок в провинциях Гуандун, Чжэцзян и Шэньси.

📊 *График 1*: рост доли цифровых технологий в энергетике (2015 – 2025). 📈 *Таблица 1*: сравнение уровня цифровизации энергетики в Китае, ЕС и США (в % от общего объёма инвестиций в энергетику).

3. Государство как цифровой регулятор и инновационный координатор

Китай выстраивает модель «цифрового управления инновациями» – систему, где алгоритмы фиксируют, анализируют и корректируют инновационные процессы.

В энергетике это реализуется через:

платформу National Energy Big Data Center (НБДЦ),

систему Energy Cloud,

и цифровые двойники (digital twins) электростанций и сетей.

Решения принимаются на основе big data и AI-аналитики, а не административных предписаний.

📊 *График 2*: структура цифровой энергетической экосистемы Китая (государство – платформа – корпорации). 📄 *Пример*: компания State Grid Corporation of China управляет более 900 млн потребителей через облачные алгоритмы прогнозирования нагрузки.

4. Алгоритмическое управление инновациями: от планирования к прогнозу

Традиционная бюрократическая модель инноваций (через пятилетние планы) смещается к динамическому управлению в реальном времени.

Пример: программа «Carbon Peaking and Neutrality Digital Platform», запущенная в 2023 г. – система, которая объединяет данные о выбросах, производстве энергии, транспортной активности и инвестициях.

Власть становится превентивной: алгоритмы сами выявляют отклонения и оптимизируют распределение ресурсов.

📊 *График 3*: сравнение старой (плановой) и новой (алгоритмической) модели инновационного управления. 📈 *Таблица 2*: показатели сокращения выбросов CO_2 при внедрении AI-систем в энергетике (по данным State Grid и Huawei Energy).

5. Социальные эффекты цифрового энергетического государства

Алгоритмическое управление повышает прозрачность и подотчётность, но также усиливает контроль и зависимость субъектов (энергетических компаний, регионов, населения).

Формируются новые формы цифрового неравенства: крупные корпорации имеют доступ к данным и инвестициям, тогда как малые предприятия ограничены.

Вводятся «зеленые рейтинги» компаний, влияющие на доступ к финансированию – аналог социального рейтинга, но в сфере энергетики.

🞕 *Таблица 3*: примеры критериев «зеленого рейтинга» предприятий (уровень выбросов, цифровизация, инновационные затраты, социальная репутация).

6. Международный контекст: цифровая энергетика и глобальное влияние Китая

Китай контролирует:

80 % мирового производства солнечных панелей,

60 % литиевых батарей,

50 % ветровых турбин.

Через цифровые стандарты (например, AI-платформы для энергетики Huawei и Alibaba Cloud) Китай экспортирует не только технологии, но и модель управления данными и инновациями.

Это формирует «алгоритмическую геополитику» – влияние через стандарты и цифровые инфраструктуры, а не только ресурсы.

🞕 *Карта / диаграмма 4*: экспорт китайских цифровых энергетических технологий (2020–2025). 🞕 *Таблица 4*: инвестиции Китая в цифровую энергетику за рубежом (по регионам).

7. Социологическое осмысление

Переход от веберовской рациональной бюрократии к алгоритмической рациональности: решения легитимируются данными, а не опытом.

Возникает новая социальная структура власти – «цифровое государство-инженер», где энергия, данные и алгоритмы сливаются в единую инфраструктуру контроля и инноваций.

Китайская модель демонстрирует форму «алгократического энергетического капитализма» – синтез планового управления, цифровых платформ и рыночных стимулов.

8. Выводы

Китай создаёт уникальный тип цифрового энергетического государства, где социальное управление, инновации и энергетика интегрированы через цифровые технологии.

Эта модель усиливает эффективность и устойчивость, но вызывает новые социологические вызовы: цифровое неравенство, алгоритмический контроль, кризис автономии.

Для социологии важно исследовать, как цифровые метрики становятся формой власти и какие социальные последствия несёт алгоритмизация энергетики.

ОСОБЕННОСТИ НИЗКОРЕСУРСНЫХ ГРУПП В КОНТЕКСТЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Нагоричная Мария Руслановна
(УМВД по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре)

Аннотация. Уровень доходов и расходов домашних хозяйств во многом определяет качество жизни. Низкоресурсные группы сталкиваются с ограничениями, неблагоприятными внешними обстоятельствами, а также факторами, создающие трудности, что повышает их уязвимость, затрудняет адаптацию к экономическим кризисам. В данных тезисах дана попытка дать характеристику изучаемого объекта и используемого материала.

Ключевые слова: низкоресурсные группы, домашние хозяйства, неравенство

Актуальность. Домашнее хозяйство является важным участником экономических процессов, поскольку благосостояние государства напрямую связано с деятельностью отдельных домохозяйств и совокупностью усилий всех граждан. Разрыв в доходах населения и степень социального неравенства остаются ключевыми проблемами современного общества.

Низкоресурсные группы – это домохозяйства, чьи доходы находятся на уровне или же ниже официального прожиточного минимума, что ограничивает их доступ к базовым благам и услугам. Критерии выделения таких групп включают состав семьи, занятость, наличие несовершеннолетних детей и пожилых членов, и самый главный критерий: уровень дохода. Кроме распределения «доходов» можно рассматривать и другие монетарные индикаторы уровня и качества жизни: «расходы». Расходы являются существенным показателем характеристик потребления, так как оно крепко связано с расходами на приобретение необходимых материальных благ, товаров и услуг.

Проблема исследования, представляемая в предложенной тематике, отражает общее противоречие между ростом «низкодоходных», «низкоресурсных» и «безресурсным» групп в Российской Федерации, и снижением к ним экономического интереса со стороны властных структур. По признаку «величина доходов» к высокодоходным группам относятся 9 % населения РФ, к среднедоходным – 26 %, к «медианной группе» (составляющей по индикаторам «типичного значения») – 44 %, к низкодоходным – 21 %; в свою очередь, по признаку «ресурсообеспеченности», к высокоресурсным группам относятся – 7 % от всего населения РФ, средне-ресурсным – 9 %, низкоресурсным – 43 %, и к так называемым «безресурсным» – 41 % [1, 56]. Данная характеристика весьма спорна, но она погружает в проблемы и терминологии исследования «доходных» и «ресурсных» групп.

Оценки расходов домохозяйств различного типа. Исходя из того, что основными источниками дохода домашних хозяйств – это общий объем поступлений, формируемый всеми членами семьи, который состоит из заработной платы, пенсионных выплат, прибыли от сдачи в арендование недвижимости, а также процентных начислений в банках (если они есть), то основными источниками дохода низкоресурсных домохозяйств выступают, в основном, трансфертные платежи – пособия по социальному обеспечению и безработице (в случае её наличия), включая социальные пособия многодетным семьям, натуральные доходы, неформальные денежные поступления из разных источников и часто неофициальная или временная заработная плата. Тем самым, в целом низкоресурсным группам присуща высокая зависимость от государственной поддержки и достаточно низкая диверсификация их доходов. Как показали качественные социологические исследования автора и официальные статистические данные [2, 3], расходы низкоресурсных домохозяйств сосредоточены преимущественно на продуктах питания. В городской местности расходы выше, чем в сельской, так как сельские домашние хозяйства, как правило, частично или полностью самостоятельно производят продукты питания. Кроме этого, есть обязательные и добровольные платежи, которые вносят домашние хозяйства: это налоги, сборы, пошлины, отчисления и другие обязательные платежи, которые взимаются органами исполнительной власти и направляются в различные бюджеты и внебюджетные фонды. Эти группы могут по собственной инициативе осуществлять добровольные платежи, например, взносы средств в негосударственные пенсионные и благотворительные фонды и страховые организации для минимизации рисков.

Немаловажную роль занимают расходы по жилищно-коммунальным услугам и минимально необходимых товарах первой необходимости. Доля расходов на образование, здравоохранение, досуг и создание сбережений, инвестиций крайне мала или вообще отсутствует. Ясно, что низкоресурсные домохозяйства обладают минимальной финансовой «подушкой безопасности», что делает их особенно уязвимыми к росту цен на продукты питания, товары первой необходимости и оплату жилищно-коммунальных услуг, отражаемых в высокой инфляции (в настоящее время официальная цифра Центрального банка – 7 %, но реальная годовая инфляции, по разным независимым оценкам порядка 20 %), непредвиденным затратам на лечение, а также к рискам потери работы, при разводе или внезапному сокращению социальных выплат. Причём считается, что наиболее устойчивыми к социально-экономическим кризисам среди низкоресурсных домохозяйств являются сельские (аграрные) территории благодаря самостоятельному выращиванию ими продуктов питания и содержания домашнего скота и птицы. Пандемия коронавирусной инфекции в 2020-ом году и последовавший за ней экономический кризис оказали сильное влияние на население России. «В результате хотя бы с одним из финансовых последствий коронакризиса столкнулись практически 3/4 граждан страны (72 %), почти каждый второй россиянин ощутил негативную динамику своего материального положения (48 % в 2020 г.)» [1, 58]. Особо подчеркивалось непрочное финансовое положение низкоресурсных групп: «для «неблагополучных россиян» – с низким уровнем образования, занимающих ненадежные рабочие места, имеющих низкие доходы, а также неспособных выступать донорами в социальных сетях – коронакризис усугубил их и без того шаткое положение на рынке труда, и они чаще сталкивались с негативными последствиями на работе (потерей рабочего места, неоплачиваемые отпуска, задержками зарплат)» [1, 60]. Пандемия коронавирусной инфекции миновала, тем не менее, её медико-биологическая инерция осталась довольно действенной, и многие социальные группы всё ещё подвержены разным вирусным болезням, что особенно сильно влияет на здоровье членов низкоресурсных домохозяйств. Неподготовленность к экономическим шокам проявляется в возросшей кредитно-долговой нагрузке: в увеличение «доли имеющих кредиты в банках и микрофинансовых организациях, а также накопившиеся мелкие долги и долги по коммунальным платежам характерны для наиболее уязвимых домохозяйств» [4, 135]. Нужно согласиться с основными выводами Н. Е. Тихоновой, согласно которой «продолжается увеличение численности безресурсной группы» [4, 136], когда «за счет наращивания трансфертов от государства в ней сохранится доминирование незначительной глубины их бедности или пребывание чуть выше ее границы» [4, 136], «усиление ее самовоспроизводства в межгенерационном масштабе» [4, 136], вследствие чего хотя «низкоресурсные группы сохранят свою численность» [4, 136], но «за счет роста рисков «скатывания» в «низы» положение их представителей будет характеризоваться все большей неустойчивостью» [4, 136]. При всей условности такого рода оценки или идентификации типов социальной дифференциации, очевидно, что «низкодоходных», «низкоресурсных» и «безресурсным» групп в настоящее время составляет большинство населения РФ. «Среднедушевые потребительские расходы первого дециля равнялись 8 тыс. руб., пятого 19 тыс. руб., десятого 73 тыс. руб. Соотношение расходов десятого и первого децилей составило 8,8 раза. Доля первого дециля в совокупных потребительских расходах была равна 3,2 %, пятого – 7,3 %, десятого – 28,2 %» [2, 14].

Кризисные влияния на положение низкоресурсных групп, а в особенности детей и уязвимых членов семьи – повышает риск недоедания. Оно не всегда проявляется в очевидном истощении, но его последствия могут быть разрушительными для физического и когнитивного развития ребенка, сказываясь на его здоровье и благополучии на

протяжении всей жизни. Если семьи и родственники близятся к хронической ситуации низкого дохода и ограниченного доступа к полноценному питанию, хорошему жилью, к качественному образованию, медицинскому обслуживанию, трудоустройству и социальной мобильности, то вероятность того, что их дети останутся в такой же ситуации, увеличивается. Таким образом, межпоколенческая бедность циклируется. Многие низкоресурсные домохозяйства вынуждены прибегать к неформальной занятости, взаимопомощи, бартеру и другим неинституциональным способам обеспечения минимального уровня жизни. Неформальная занятость не защищает права работника: она не имеет гарантии заработных выплат, либо работник рискует получать заниженную оплату труда; нередко больничный лист и отпуск организуется «за свой счёт», либо вовсе отсутствуют; существует риск увольнения без расчёта и уважительных причин; вероятность отказа в получении налогового вычета; перспектива формирования минимальной социальной пенсии, а также работник незащищен при несчастном случае на производстве. Низкоресурсные группы в России характеризуются ограниченным доступом к «ключевым ресурсам: экономическому, квалификационному, властному и социальному. Около трети населения России входит в низкоресурсную группу, имея только один из этих видов ресурсов» [4, 135].

Итак, в качестве **выводов** отметим, что изучение динамики потребления домашних хозяйств является важным индикатором экономического и социального развития страны, позволяющим определить уровень благосостояния и качества жизни населения, выявить социальные проблемы и развивать возможности для их преодоления.

1. *Коленникова Н. Д., Слободенюк Е. Д. Влияние коронакризиса на положение различных слоев населения // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 55-63. URL: http://ras.jes.su/socis/s013216250021249-6-1 (дата обращения: 01.10.2025). DOI: 10.31857/S013216250021249-6.*
2. *Синявская О. В. (ред.). Барометр экономического поведения домохозяйств в России. 2025. М.: НИУ ВШЭ, № 2, 46 с.*
3. *Синявская О. В. (ред.). Барометр экономического поведения домохозяйств в России. 2025. М.: НИУ ВШЭ, № 3, 53 с.*
4. *Тихонова Н. Е. Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008-2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 121-138. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1831.*

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТРУДА КОММЕРЧЕСКОЙ И НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пунцилева Елена Юрьевна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. В докладе представлен анализ моделей эмоционального труда в контексте типологии социальных действий М. Вебера в коммерческой и некоммерческой сфере деятельности. Рассматриваемые модели порождают системные риски для психофизиологического здоровья населения в условиях современной экономики.

Ключевые слова: эмоциональный труд, отчуждение, реципрокность, альтруизм, волонтеры.

Эмоциональный труд стал массовым явлением в постиндустриальном обществе после технологической революции, описанной Д. Беллом [1], которая привела к

значительному сдвигу занятости в сферу услуг. Это требует переосмысления классических представлений об экономическом рационализме, поскольку принципы рациональности трансформируются в зависимости от сферы деятельности: в коммерции, где менеджеры инструментально используют эмоции для влияния на потребителей, и волонтерстве, где доминирует ценностная рациональность и альтруизм. При этом современное общество воспроизводит новые формы социального неравенства, а экономика использует человеческие эмоции – как за деньги, так и бесплатно – что создает риски для психологического благополучия работников и стабильности общества.

Впервые об эмоциональном труде писала Арли Хокшилд [10]. Среди отечественных авторов стоит отметить – О. А. Симонову [9], которая внесла значительный вклад в институционализацию социологии эмоций в России. В рамках данной концепции эмоции, превращаясь в инструмент коммуникации и подчиняясь специфическим механизмам управления, формируют феномен эмоционального труда.

Рассматривая эмоциональный труд в двух разных контекстах трудовой деятельности, нам открываются новые перспективы для исследований. Так, в коммерческом секторе занятости эмоции являются предопределяющим фактором потребительского выбора [6, с. 205]. Поэтому, чтобы поддерживать нужные эмоции потребителей в приоритете становится управление эмоциями как сотрудников, так и потребителя – чтобы человек в итоге выбрал приобрести товар или услугу.

Некоммерческие организации (далее – НКО) имеют принципиальное отличие. Они нацелены на осуществление общественно полезной деятельности и являются организаторами волонтерских движений. Волонтерство является одним из социальных институтов, который способствует реализации социальной политики и сплочению людей в обществе, движимых альтруистической мотивацией. Роль волонтеров возросла после масштабных событий, затронувших весь мир, начиная с 2020 года – пандемия и последующие геополитические события, которые привели к дестабилизации российского общества [7].

Если рассматривать деятельность волонтёров сквозь призму теории М. Вебера [2], то их действия стоит относить как целерациональному, так и ценностно-рациональному типу действия. В первом случае приоритетными целями работы являются удовлетворение потребности быть нужным или оказание безвозмездной помощи, во втором – альтруизм и стремление к всеобщему благу [5].

В качестве примера возьмём 2 группы людей из коммерческого и некоммерческого сектора трудовой деятельности – наемных работников сферы услуг, работающих напрямую с клиентами, а также волонтёров. Рассмотрим их мотивацию, систему контроля труда и психоэмоциональное состояние как ключевые элементы.

№ 1. Коммерческий сектор – категории специалистов, взаимодействующие с клиентами напрямую.

Обязанности в рамках эмоционального труда: разрешать конфликты, увеличивать продажи, управлять эмоциями клиентов.

Вид мотивации – Труд оплачивается деньгами. Инструментальная мотивация.

№ 2. Некоммерческий сектор – добровольцы, занимающиеся различными видами волонтёрской деятельности.

Труд волонтеров не оплачивается. Мотивация ценностно-рациональная – вознаграждение является символическим и моральным.

Волонтеры подчиняются неформальному контролю – нормам организации, харизме лидера и, что особенно важно, внутреннему моральному императиву и чувству долга перед нуждающимися в помощи. Они сплочены общностью взглядов и социальной

солидарностью, которая формируется через общие моральные эмоции, например, альтруизм или гнев от увиденной несправедливости. Волонтеры руководствуются принципами «не подвести» и «не бросить тех, кто нуждается в помощи прямо сейчас». Их коллективные чувства выступают элементом неформального контроля.

В коммерческой организации контроль формализован через корпоративные стандарты, скрипты общения, KPI, штрафы, опираясь на нормативно-правовое регулирование труда, а не на мораль и чувства. В коммерции важен результат в виде количества лояльных клиентов. Бренды и коммерческие организации нередко используют маркетинговые инструменты, чтобы установить долгосрочную эмоциональную связь с клиентами, производя впечатление и вызывая необходимые эмоции. Таким образом, они используют маркетинг впечатлений, который несёт в себе риск не оправдать завышенные ожидания и привести к негативному восприятию со стороны потребителей [4, с. 3]. Поэтому сотрудникам брендов необходимо сохранять определенный «образ», чтобы не навредить репутации организации или бренда, управляя своими эмоциями. В связи с чем становится особенно важен навык управления эмоциями, который зависит от их эмоционального интеллекта [3].

Необходимость постоянно подавлять свои эмоции, сохранять доброжелательный и клиентоориентированный тон, даже если он был крайне оскорбителен со стороны клиента, приводит к психофизиологическому дисбалансу в организме работников и как следствие – появление психосоматических заболеваний и обострению хронических болезней. Постоянный стресс и психологическое напряжение негативно сказываются на работе всех основных системах организма и его органов [8].

Выводы.

1. Отчуждение эмоционального труда ведет к серьезным последствиям на макро- и микро-уровнях общественной жизни. В коммерческой сфере работники сталкиваются с психологическим выгоранием, внутренним конфликтом и потерей аутентичности, вынужденные подавлять реальные эмоции ради сохранения имиджа организации. На макро-уровне начинается трансформация рынка труда, где эмоции становятся товаром. Эти процессы ведут к эрозии социального капитала и ослаблению доверия потребителей.

2. Волонтер сталкивается с экзистенциальными чувствами и эмоциями, а сотрудник коммерческой организации отчуждается от своей настоящей эмоциональной реакции, которая подавляется ради корпоративных стандартов. Ложная искренность становится инструментом эмоционального маркетинга.

3. Эмоциональный труд оказывает негативное влияние на здоровье людей. Из-за подавления истинных эмоций на физическом уровне организм человека угнетается, что приводит к риску появления психосоматических заболеваний или психических расстройств.

Таким образом, волонтерская деятельность восполняет пробелы рынка труда и государственной политики в социальной сфере. Несмотря на то, что труд волонтеров не оплачивается деньгами, он имеет социально-экономическую ценность, поддерживая социальную стабильность и благополучие слабозащищенных слоев населения. Доброволец, движимый альтруистическими целями, также с течением времени может столкнуться с отчуждением, из-за чего возникает текучесть среди волонтеров. Более того, внутренняя мотивация волонтера становится объектом для управления и эксплуатации со стороны НКО, которые вынуждены полагаться на этот редкий ресурс.

В современном мире эмоции и мораль являются формой капитала и ресурсом для воспроизводства социальных отношений. Обязанность подавлять эмоции, формировать максимальную лояльность клиентов к организации, работать с обратной связью от

клиентов – ярко иллюстрирует, как эмоции работника прямо конвертируются в символический капитал организации. Это определяет необходимость не только разработки систем поддержки для работников эмоционального труда, но и переоценки вклада ценностно-рационального действия в социально-экономическое развитие.

1. *Белл, Д. Пришествие постиндустриального общества / Пер. с англ. – Москва: Academia, 2004. – 792 с.*
2. *Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996. – С. 455-491.*
3. *Колоколова М. А., Петрова Е. А. Связь клиентоориентированности и эмоционального интеллекта в работе специалиста сферы услуг // Инновационная наука. – 2021. – № 12-2. – С. 125-127.*
4. *Нестерова З. В., Агабабаев М. С., Акберов К. Ч., Агабабаева Н. М. Особенности и характеристики маркетинга впечатлений: создание запоминающегося опыта для клиентов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 3 (59). – С. 888-890.*
5. *Носкова О. П. Взаимосвязь понятий волонтерства и солидарности в социологии // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 161-169.*
6. *Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной россии. часть первая: теоретические основы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 5 (177). – С. 202-220.*
7. *Скворцова А. А., Скворцов А. О., Воробьев В. П., Макарушина М. Д. Трансформация российского волонтерства в условиях социальных вызовов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 1 (65). – С. 135-145.*
8. *Туникова Е. А. Влияние психологических факторов на развитие психосоматических заболеваний // Вестник науки. – 2024. – Т. 3. – № 12 (81). – С. 1303-1307.*
9. *Харрис, С. Приглашение в социологию эмоций [Текст]: учебник / пер. с англ. О. А. Симоновой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с.*
10. *Хокшилд, А. Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств: монография / Арли Рассел Хокшилд; пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. В. Данилова. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 392 с.*

РОССИЙСКАЯ КИНОИНДУСТРИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Рахман Хашими Матиар Мизанурович
(СПбГУ)

Аннотация. В данном докладе рассматривается устойчивость предпринимательской экосистемы России к беспрецедентным западным санкциям на примере киноиндустрии. Вопреки первоначальным пессимистическим прогнозам, предсказывающим глубокий и продолжительный экономический спад, российская экономика, и, в частности, её киноиндустрия, продемонстрировали заметную способность к адаптации и восстановлению. В исследовании используется концепция предпринимательской экосистемы Дэниела Айзенберга, дополненная моделью Всемирного экономического форума, для анализа основных компонентов экосистемы, включая рынки, человеческий капитал, финансирование, государственную политику и культурную поддержку, а также роли государственного вмешательства в её поддержание.

Ключевые слова: предпринимательская экосистема, киноиндустрия, санкции

Весной 2022 года в экспертном и научном сообществе преобладали пессимистичные оценки будущего российской экономики, оказавшейся под беспрецедентными западными санкциями. По неофициальной информации весной 2022 года Минфин и Минэкономразвития РФ прогнозировали спад ВВП в 2022 году на

10 – 12 %, Центральный банк РФ в апреле 2022 вполне официально прогнозировал снижение на 8 – 10 %, Всемирный банк – минус 11,2 %, а отдельные эксперты – до минус 30 % ВВП в течение нескольких лет. В реальности спад в 2022 году составил всего 1,2 %, а рост на 3,6 % и 4,3 % в 2023 и 2024 году позволили российской экономике полностью отыграть падение и даже впервые за долгое время начать расти выше среднемирового [1].

Факторы устойчивости российской экономики уже активно исследуются и еще многие годы будут в центре внимания большого количества исследований, однако в настоящей работе сделана попытка рассмотреть этот вопрос на примере одной конкретной индустрии – индустрии кино. Кинопрокат и киноиндустрия в целом стали одной из самых пострадавших отраслей российской экономики из-за ухода западных мейджоров с российского рынка, а также отъезда части специалистов. Эксперты индустрии в первой половине 2022 года также давали неутешительные прогнозы, отсылающие к опыту 90-х годов, когда кинопрокат в стране фактически исчез.

Теоретико-методологической основой для исследования выступила концепция предпринимательской экосистемы Дэниэла Айзенберга [2]. Модель ПЭ Всемирного экономического форума позволила рассмотреть оценить роль государственной поддержки в каждой составляющей предпринимательской экосистемы российской киноиндустрии: рынок, человеческий капитал, доступ к капиталу, нормативно-правовое регулирование, образование, ведущие университеты и культура [3].

Эмпирическая база исследования представлена данными о кассовых сборах российских фильмов с 2015 по 2024 год. Для исследования были отобраны 235 отечественных фильмов, вышедших в российский прокат за период с 2015 по 2024 год и собравших более 100 млн рублей по итогам проката. В рамках исследования были проанализировано, как зрительская оценка фильмов на двух крупнейших платформах «Кинопоиск» и «Отзовик» влияла на устойчивость фильмов в прокате и, как следствие, их финальные сборы [4]. В Таблице 1 один представлены агрегированные данные о сборах, посещаемости и средней оценке от зрителей для прокатываемых в исследуемый период российских фильмов.

Таблица 1. Российские фильмы, собравшие более 100 млн рублей в российской прокате с 2015 по 2024 год [4]

Год выхода фильмов	**Количество фильмов**	**Общие сборы, руб.**	**Общее кол-во зрителей**	**Средняя оценка на Кинопоиске (10)**	**Средняя оценка на Отзовике (5)**	**Средняя цена билета**
2015	14	4,5 млрд	18,8 млн	5.85	3.99	238.59 ₽
2016	20	8,3 млрд	33 млн	6.01	3.85	252.58 ₽
2017	23	13,8 млрд	57,8 млн	6.00	3.86	238.95 ₽
2018	24	9,9 млрд	40,4 млн	6.14	3.67	245.71 ₽
2019	26	12,5 млрд	49,7 млн	6.55	3.74	252.03 ₽
2020	14	6,6 млрд	25,5 млн	6.48	3.63	260.19 ₽
2021	14	9,2 млрд	33,5 млн	7.09	4.01	274.56 ₽
2022	29	8 млрд	29,5 млн	7.10	3.90	272.53 ₽
2023	32	20,7 млрд	69 млн	7.03	3.91	299.17 ₽
2024	39	26,5 млрд	73,1 млн	6.92	3.61	361.72 ₽
	235	**120,2 млрд**	**430,9 млн**	**6.59**	**3.80**	

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

Корреляция между качеством фильмов (оценка на агрегаторах «Кинопоиск» и «Отзовик») и множителем их сборов (во сколько раз финальные сборы фильма больше сборов за первую неделю) выросла для фильмов после 2022 года из-за уменьшения конкуренции в кинопрокате: для российских фильмов 2015 – 2021 года коэффициент Пирсона составил 0,5, в то время как для российских фильмов 2022 – 2024 года аналогичный показатель составил 0,65.

Ключевую роль в поддержании и развитии предпринимательской экосистемы российской киноиндустрии в настоящий момент играет государство. Исследование показало, что государственная поддержка имеет решающее значение для пяти из восьми компонентов предпринимательской экосистемы.

Несмотря на то, что российская киноиндустрия продемонстрировала высокий уровень адаптивности и устойчивости в условиях кризиса, в среднесрочной перспективе сохраняются риски для стабильности и успешного дальнейшего развития индустрии, в числе которых: рост цен на билеты (особенно в праздники), снижение посещаемости кинотеатров, высокая зависимость от господдержки.

1. *Global Economic Prospects 2022. // World Bank. URL: www.worldbank.org (дата обращения: 05.02.2025)*
2. *Lee D. Entrepreneurial Ecosystems Around the Globe and Company Growth Dynamics / World Economic Forum // Lee D., Foster G., Shimizu C. etc. 2013. 36 p.*
3. *Isenberg, D. How to Start an Entrepreneurial Revolution // Harvard Business Review. 2010. P. 1-6.*
4. *Единая автоматизированная информационная система сферы культуры «ЕАИС»: сайт. Москва. М-во культуры Рос. Федерации. Обновляется в течение суток. URL: https://eais.culture.ru/ (дата обращения: 01.10.2025)*

СУВЕРЕНИТЕТ РЫНКА ТРУДА

Рыжикова Мария Игоревна
(Уральский государственный экономический университет)

Кулькова Инна Анатольевна
(Уральский государственный университет путей сообщения)

Аннотация. В статье авторы представляют новое и ранее не представленное в научном поле отечественных и зарубежных авторов понятие «суверенитет рынка труда». Современные геополитические и экономические условия диктуют необходимость разработки нового подход к управлению рынком труда для обеспечения его суверенности и существующим угрозам.

Ключевые слова: суверенитет; рынок труда; угрозы

В современных экономических условиях вопросу суверенитета государства и основных его экономических институтов уделяется большое внимание. Суверенитет является основным индикатором независимости любого государства в обстоятельствах новых вызовов экономической конкуренции, информационного противостояния и военных конфликтов.

Суверенитет как характеристика позволяет любому государству самостоятельно определять свою внешнюю и внутреннюю политику, обеспечивать целостность действующих экономических институтов и защищать их интересы.

Рынок труда – это система, которая формирует спрос и предложение на рабочую силу. В масштабах территориального пространства рынок труда позволяет регулировать уровень заработных плат и процессы занятости. Позволяет распределять рабочую силу по сферам и отраслям деятельности в соответствии с желаемым уровнем эффективности и удовлетворением общественных потребностей. При этом многозначительную роль играет политика государства, которая регулирует рынок труда через меры поддержки слабозащищенных категорий населения и безработных. [1]

«Суверенитет рынка труда» – понятие новое для современной экономики, ранее не встречавшееся в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. По мнению авторов, данная научная категория может характеризоваться с различных аспектов. С позиции спроса и предложения – как самостоятельность и свобода принимаемых решений на рынке труда, когда работники и работодатели имеют свободное и защищенное право выбора деятельности под свои интересы. С позиции государства – как установленная система норм и мер, направленных на регулирование трудовых отношений для обеспечения защиты и стабильности занятости населения, включающую разработку правовых основ и проведение активной политики занятости.

Авторы считают, что к современным угрозам суверенитету рынка труда можно отнести:

Длительный демографический кризис и старение рабочей силы, то есть снижение числа трудовых ресурсов в первую очередь вследствие низкой рождаемости и длительного периода естественного формирования экономической активности.

Дефицит квалифицированной рабочей силы за счет неравнозначных миграционных потоков. Эмиграция высококвалифицированных специалистов за рубеж создает острую ситуацию на национальном рынке труда. При этом, иммигранты, приезжающие на заработки, в большинстве своем характеризуются низким уровнем квалификации, а также носителями чуждой, а иногда и агрессивной культуры поведения на рынке труда.

Квалификационный дисбаланс спроса и предложения, то есть значимый разрыв между требованиями работодателей и навыков работников, которые приводят к трудонедостаточной конъюнктуре в одних отраслях и трудоизбыточной в других.

Нестабильность экономической и политической ситуации, а также кризисные и конфликтные проявления в международных взаимоотношениях.

Распространенность неформальной и альтернативных форм занятости вследствие недостаточного государственного регулирования, которая приводит к снижению социальной защищенности работников.

Необоснованный рост затрат на рабочую силу, так как в условиях дефицита кадров компании в борьбе за подходящих соискателей вынуждены завышать рыночный уровень заработной платы. Это приводит к росту издержек, снижению рентабельности и укрепляет инфляционные риски.

Вследствие вышесказанного авторы считают, что современные геополитические и экономические условия диктуют необходимость разработки нового подход к управлению рынком труда для сохранения его суверенитета. Классические функции управления суверенитетом рынка труда могут быть представлены как:

Планирование. То есть процесс формирования прогнозов спроса и предложения на рабочую силу, а также аргументированный расчет баланса трудовых ресурсов на перспективу для формирования планов развития экономики и обеспечение государственной политики.

Организация. То есть выработка новых подходов к взаимодействию между работниками и работодателями и регулированию конъюнктуры спроса и предложения, где цена труда будет устанавливаться через здоровую конкуренцию в интересах государства.

Мотивация. Формирование комплексной системы внешних стимулов побуждающих работников к производительному труду, включающему как материальные, так и нематериальные аспекты.

Учет и контроль. Требуется проведение комплекса мер включающего мониторинг спроса и предложения на рынке труда, анализ необходимых и достаточных показателей отражающих реальную рыночную ситуацию.

Концепция обеспечения суверенитета может быть основана на выработке согласованных между всеми участниками рынка труда подходов к формированию общих механизмов управления, а также регулированию миграции иностранной рабочей силы для укрепления государственных интересов Российской Федерации.

1. Национальный проект России «Кадры» 2025-2030: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_kadry

СЦИЕНТИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Смелова Алёна Андреевна
(СПбГУ)

Аннотация. Рассмотрена проблема использования европейскими центральными банками стратегии сциентизма в процессе выстраивания коммуникации с правительством, финансовыми организациями и населением для создания убедительных нарративов о финансовой стабильности и управляемости кризисами. Отмечается, что в XXI веке руководители центральных банков стали развивать собственное экспертное знание на основе анализа больших финансовых данных и эконометрических моделей. Однако, несмотря на декларацию «аполитичности», центральные банки сохраняют социальную роль политических субъектов в обществе.

Ключевые слова: социальные исследования центрального банка, центральный банк, сциентизм, коммуникативная политика, глобальные финансовые рынки.

Сегодня внимание европейских экономсоциологов [2; 5; 7] обращено к теме социальных исследований центрального банкинга и возрастающей роли центральных банков в современном обществе. Благодаря значительным финансовым ресурсам и многочисленному штату сотрудников-исследователей с докторской степенью в области экономики, центральные банки стали организаторами и ключевыми участниками экономических конференций по вопросам финансовой стабильности и управления финансовыми кризисами, по вопросам экономического роста и занятости, а также инициировали дискуссии в научных журналах в области макроэкономики и монетарной политики [2]. Как правило, это инициатива принадлежала Банку Англии, Бундесбанку, Банку Франции и Европейскому центральному банку. Центральные банки всё чаще стали рассматриваться не только как «потребители», но и как «производители» экономических знаний. Они начали активнее взаимодействовать с научным сообществом, финансировать

специализированные научные журналы и выпуски серий рабочих документов, назначать на высшие руководящие должности лиц, получившим степень магистра или доктора наук в ведущих университетах США или Великобритании. Подобный сдвиг бросает вызов традиционному представлению об академиях и университетах как об «единственных и самых авторитетных производителях научных знаний» [1, 10].

По мнению М. Маркуссена, в XXI веке руководители центральных банков стали развивать собственное экспертное знание, создаваемое на основе сбора детализированных больших данных у различных финансовых организаций, моделей для прогнозирования и рациональных процедур интеграции экспертных мнений в процесс принятия политических решений. Они стали опираться на «язык науки» в коммуникации с обществом и оказались невосприимчивы к политической аргументации, используя сциентизм в качестве стратегии «деполитизации» или даже «аполитизации» денежно-кредитной политики. Центральные банки привнеси «эпистемологические изменения» в анализ больших финансовых данных, применив метод абдукции (термин К.С. Пирса) и превратив экономику из науки, основанной на понятиях среднего и стандартного отклонения, в науку, основанную на индивидуальных особенностях. Это позволило европейским центральным банкам использовать отраслевые данные предприятий, чтобы определять ключевую ставку для заемного капитала и наиболее точно определять время возврата кредитных средств.

Вместе с тем, европейские экономсоциологи выражают обеспокоенность истинной научностью работ, публикуемых центральными банками, видя в них скорее «идеологию или догму, представленную в научном обличье», чем на «настоящую науку» [6] или же «стратегический инструмент для продвижения собственных интересов и оказания влияния на страны» [8, 1023]. Также отметим, что Председатель Европейского центрального банка Кристин Лагард не раз подчеркивала ограниченность эконометрических моделей, заявляя, что в некоторых случаях центральные банки могут использовать «народные идеи» для создания убедительных нарративов для коммуникации с правительством, финансовыми организациями и населением [4]. Эта позиция подтверждает, что, несмотря на декларацию «аполитичности», центральные банки сохраняют социальную роль политических субъектов в обществе и экономике.

1. *Bekele, T.A. (2021) Problematizing Scientization in International Organizations. Nordic Journal of Comparative and International Education (NJCIE), 5(3): 6–22.*
2. *Claveau, F. and Dion, J. (2018) Quantifying Central Banks' Scientization: Why and How to Do a Qquantified Organizational History of Economics. Journal of Economic Methodology, 25(4): 349–366.*
3. *Coombs, N., Thiemann, M. (2022) Recentering Central Banks: Theorizing State-economy Boundaries As Central Bank Effects. Economy and Society, 51 (4): 535-558.*
4. *Diessner, S. (2023) The Power of Folk Ideas in Eeconomic Policy and the Central Bank–Commercial Bank Analogy. New Political Economy, 28(2): 315–328.*
5. *Goutsmedt, A., Sergi, F. (2025) Redefining Scientization: Central Banks Between Science and Politics. Finance and Society, 11(2). https://www.cambridge.org/core/journals/finance-and society/C32D47D0880577CC063D27EC0002E881 (дата обращения 12.10.2025)*
6. *Marcussen, M. (2006) Institutional Transformation? The Scientization of Central Banking as a Case Study. In: Christensen, T. and Laegreid, P. (eds.) Autonomy and Regulation: Coping with Agencies in the Modern State. Cheltenham: Edward Elgar, 81–109.*
7. *Wansleben, W. (2023) The Rise of Central Banks: State Power in Financial Capitalism. Harvard University Press.*
8. *Zapp, M. (2021) The Authority of Science and the Legitimacy of International Organisations: OECD, UNESCO and World Bank in Global Education Governance. Compare: A Journal of Comparative and International Education, 51(7): 1022–1041.*

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И ТРУД: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ

Смотрова Полина Сергеевна
(Российский экономический университет им Г. В. Плеханова)

Аннотация. Статья посвящена смене бюрократической рациональности Вебера на алгоритмическую логику цифрового капитализма. Рассматриваются платформенный труд, новые формы контроля и дисциплины. Показываются социальные последствия алгоритмизации. Отмечается необходимость осмысления этих процессов и поиска путей соединения эффективности технологий с гуманистическими ценностями.

Ключевые слова: Цифровой капитализм, алгоритмическая рациональность, бюрократическая рациональность, платформенный труд, алгоритмический контроль, цифровая дисциплина, метрическая экономика, социальные последствия.

Современный мир быстро развивается благодаря цифровым технологиям. Они меняют не только общение и потребление, но и саму экономику и труд. Всё чаще говорят о «цифровом капитализме». В нём главным ресурсом становятся данные, а важную роль играют платформы и алгоритмы. В индустриальном обществе труд строился на бюрократической рациональности, описанной Вебером. Сегодня её сменяет новая логика – алгоритмическая рациональность. Она меняет отношения между работником, работодателем и обществом. Этот процесс открывает новые возможности, но создаёт и серьёзные проблемы.

Концепция рациональности Вебера основывалась на принципах предсказуемости, формализованных процедур и строгой иерархии. Вебер видел в бюрократии наиболее эффективную форму организации труда и управления. Она позволяла достигать высокой степени упорядоченности и контроля. Рационализация общества выражалась в создании правил, инструкций и механизмов. Они гарантировали стабильность и минимизировали произвол. Экономическая рациональность, согласно этой модели, означала стремление к максимальной эффективности через планирование, формализацию и дисциплину. Вебер создавал свою концепцию легального господства с бюрократическим (рациональным) штабом управления для акцентирования отличия Европы от Китая и Индии [1].

Однако в XXI веке данная модель сталкивается с очевидными пределами. Экономика становится всё более гибкой, а рынок труда фрагментируется. На смену стабильной занятости и долгосрочным контрактам приходят формы труда, основанные на краткосрочных заданиях и цифровом посредничестве. Работники теряют связь с традиционными организациями и оказываются в зависимости от алгоритмов, управляющих распределением заказов, оценкой результатов и даже уровнем доходов. Рациональность перестаёт быть результатом сознательного планирования и бюрократического контроля. Её место занимает алгоритмическая рациональность, основанная на автоматизированной обработке данных.

Цифровой капитализм создаёт новые субъекты и структуры. Центральное место занимают платформенные компании – «Яндекс.Такси», Wildberries, Ozon, которые выступают посредниками между потребителями и исполнителями. Работники включаются в экономику через приложения, становясь частью распределённых сетей труда. Управление организационными процессами переходит к алгоритмам. Теперь они распределяют задания, контролируют исполнение, формируют рейтинги и задают условия вознаграждения. При этом возникает серьезная правовая неопределенность относительно

статуса таких платформ: являются ли они «информационным посредником» или «лицом, исполнившим поручение», что влечет за собой разные объемы ответственности и порождает противоречивую судебную практику [4]. Традиционные фигуры менеджеров и администраторов уступают место цифровым посредникам.

Алгоритмическая рациональность проявляется в нескольких ключевых аспектах. Система автоматически определяет, кому из работников поручить выполнение задания, исходя из геолокации, рейтинга и множества других параметров. Затем приложения отслеживают местоположение, скорость передвижения, время выполнения, что позволяет формировать детальные профили работников. Немаловажным элементом становятся рейтинговые системы. Оценка клиентов и формулы алгоритмов определяют репутацию и перспективы работника.

Эти процессы радикально меняют социальные последствия труда. Во-первых, возникает новая форма контроля. Если раньше работник подчинялся начальнику, то теперь он взаимодействует с алгоритмом. Такой контроль зачастую непрозрачен и не поддаётся оспариванию. Во-вторых, человек начинает чувствовать себя винтиком системы. В-третьих, меняется мотивация труда, главной целью становится соответствие метрикам.

В результате цифровой капитализм формирует новую дисциплину труда. Если бюрократия обеспечивала порядок через формальные правила и вертикаль власти, то алгоритмы создают «невидимую дисциплину», работающую круглосуточно и непрерывно. Доверие между людьми подменяется цифровыми рейтингами и репутационными системами. Контроль становится постоянным, так как смартфон и приложение позволяют работодателю и платформе следить за каждым действием работника. Делез определял информацию как систему контроля и предписаний, а современность – как общество контроля, характеризующееся невиданной ранее открытостью, где маркетинг становится главным инструментом контроля, осуществляющимся через короткие, но непрерывные операции [2]. Это можно описать как переход от рациональной бюрократии к алгоритмической дисциплине.

Для социологии и экономической теории такая трансформация представляет собой вызов. Веберовская рациональность по-прежнему полезна для анализа индустриального капитализма, однако она плохо применима к описанию гибкой платформенной занятости. Возникает серьёзная проблема доверия к алгоритмам. Насколько они справедливы, прозрачны. Если раньше работник мог апеллировать к начальнику или к трудовому кодексу, то теперь его единственным собеседником становится цифровая система, правила которой скрыты и неочевидны.

Практические примеры наглядно показывают, как алгоритмическая рациональность меняет трудовые отношения. В «Яндекс.Такси» водители часто не понимают, по каким критериям им предоставляется заказ, а какие заказы уходят другим. Решения системы формируются автоматически, учитывая множество факторов. Рейтинг водителя, история выполненных заказов, геолокация и текущая загруженность других водителей являются такими факторами. При этом агрегаторы вынуждают водителей работать более 8 часов в сутки. Для этого вводится система абонементов, выгода от которых начинается только после восьмого часа работы. Такой механизм мотивирует водителей проводить на линии больше времени, что является частью демпинговой стратегии агрегатора и позволяет платформе снижать расходы на оплату труда и привлекать больше клиентов [3].

В маркетплейсах Wildberries и Ozon алгоритмы управляют работой продавцов. Система может автоматически блокировать аккаунт или снижать рейтинг без объяснения

причин и без возможности оспорить решение. Алгоритмы оценивают продажи, скорость обработки заказов, жалобы клиентов и другие показатели. Это приводит к финансовым потерям для предпринимателей, особенно для мелких селлеров. Дополнительно платформы навязывают условия договоров, например, право произвольной блокировки аккаунта [4]. Продавцы оказываются зависимыми от алгоритмических решений и вынуждены подстраиваться под скрытые правила, чтобы сохранить доход и возможность работать на платформе.

Таким образом, цифровой капитализм формирует новую эпоху труда. Теперь работник действует внутри цифровых систем. Эти системы управляют его работой с помощью алгоритмов, которые часто остаются невидимыми. Из-за этого растет зависимость от технологий. Поэтому обществу и науке нужно найти новые способы управлять этим процессом и понимать его.

Необходим новый подход к законам о труде и защите прав работников. Важно сделать алгоритмы более прозрачными, обеспечить справедливость и сделать цифровые платформы более подотчетными. Только такой подход позволит минимизировать негативные последствия алгоритмизации и обеспечить гармоничное взаимодействие человека и технологий.

1. *Макаренко В. П. Разработки теории бюрократии: случай России // Vox. Философский журнал. 2023. № 41. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotki-teorii-byurokratii-sluchay-rossii (дата обращения: 25.09.2025).*
2. *Багдасарьян Надежда Гегамовна, Кравченко Алексей Леонидович «Цифровое общество»: концептуальные подходы, проблемы и перспективы // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-kontseptualnye-podhody-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 25.09.2025).*
3. *Чесноков Алексей Анатольевич Угрозы развития цифровых рынков на основе анализа деятельности агрегатора «яндекс.такси» // Современная конкуренция. 2021. № 3 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-razvitiya-tsifrovyh-rynkov-na-osnove-analiza-deyatelnosti-agregatora-yandeks-taksi (дата обращения: 25.09.2025).*
4. *Иванников Иван Андреевич Правовое регулирование отношений между селлерами и маркетплейсами: проблемы и перспективы развития в российской юрисдикции // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 8 (130). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-mezhdu-sellerami-i-marketpleysami-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoy-yurisdiktsii (дата обращения: 25.09.2025).*

ОТ КОММУНИКАЦИОННОГО ДЕФИЦИТА К ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИИ: НАСТАВНИЧЕСТВО В ЭКОНОМИКЕ АЛГОКРАТИИ

Соколова Анастасия Алексеевна
(Тюменский государственный университет)

Все сферы жизни общества находятся в постоянном изменении. В том числе и сфера высшего образования модернизируется под влиянием цифровизации и становлением экономики алгократии – системы управления, основанной на алгоритмических решениях и цифровых метриках. С учетом этого, интеграция в вузовскую среду массовых открытых онлайн-курсов (МООК) может рассматриваться не только как технологическое нововведение, но и как явление, трансформирующее традиционную модель образования и отношений, формируемых в ходе его получения. Коммуникационный дефицит, как один из сопутствующих факторов онлайн-обучения становится одним из ключевых вызовов, требующим переосмысления в парадигме алгоритмического управления.

В ходе авторского исследования (анкетирование 380 студентов с первого по шестой курс очной формы обучения бакалавриата) были получены данные, которые свидетельствуют о том, что студенты негативно воспринимают коммуникативный барьер. Также он становится одной из основных причин снижения эффективности онлайн-образования. Респонденты также выделяют такие причины как: отсутствие оперативной обратной связи, трудности в установлении содержательного диалога с преподавателем и чувство социального одиночества. Все эти факторы не только снижают мотивацию к обучению в настоящем, но и формируют негативное отношение и нежелание пользоваться услугами онлайн-образования в будущем. Также с помощью этих факторов формируется цифровая репутация участников образовательного процесса – система оценивания, основанная на алгоритмически обрабатываемых метриках активности, успеваемости и вовлеченности.

Целью данной статьи является анализ трансформации коммуникационного дефицита в фактор цифровой репутации через институционализацию наставничества в условиях образовательной алгократии. В рамках данной цели решаются следующие задачи:

1. Выявить структурные компоненты коммуникационного дефицита в онлайн-обучении на основе данных авторского исследования.

2. Проанализировать механизмы трансляции образовательных взаимодействий в цифровые метрики, формирующие академическую репутацию.

3. Разработать модель наставничества при интеграции онлайн-обучения в вузовскую среду.

Научная новизна работы заключается в объединении алгократии и коммуникационного дефицита в онлайн-обучения, которое интегрировано в сферу высшего образования. Это позволяет рассмотреть наставничество не только как педагогический инструмент, но и как механизм адаптации к условиям алгоритмического управления. Практическая значимость исследования состоит в разработке модели наставничества, ориентированной на формирование цифровой репутации студентов в контексте экономики образовательных данных.

Анализ данных, проведенного исследования, позволяет утверждать, что преодоление коммуникационного дефицита через внедрение системы наставничества открывает возможности для преобразования образовательных взаимодействий в репутационный капитал, который становится ключевым ресурсом в экономике алгократии.

Проведенное автором исследование позволило определить, что коммуникационный дефицит носит системный характер в онлайн-обучении. Согласно данным, которые были получены на вопрос о том, почему офлайн-формат обучения более эффективен лидирующие позиции занимают варианты «больше социальных взаимодействий» (23%) и «проще коммуницировать с преподавателем» (23 %) (рис. 1).

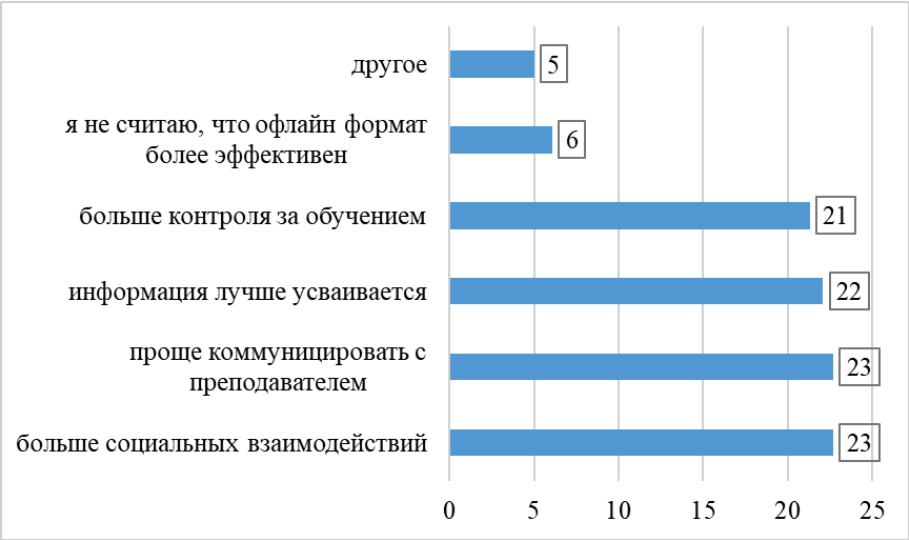

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы считаете, что офлайн-формат обучения наиболее эффективен?», %

Анализ содержательных ответов на данный вопрос позволил выделить следующие основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты при получении онлайн-обучения:

1. Операциональный разрыв. Некоторые респонденты отмечали, что отсутствие быстрого корректного ответа на возникающие вопросы затрудняют процесс обучения – «Невозможно быстро уточнить непонятный момент, как на очной лекции». Студентам приходится искать необходимый материал самостоятельно, однако быть уверенными в его достоверности нельзя.

2. Мотивационный вакуум. Часть респондентов отмечала, что отсутствие коммуникации как с преподавателем, так и с другими студентами снижает уровень мотивации к обучению.

На основе полученных данных была предложена модель наставничества для студентов, получающих онлайн-образование. Данная модель направлена на преодоление коммуникационного дефицита и формирование цифровой репутации:

1. Фасилитация образовательной коммуникации. Наставник не только отвечает на вопросы студентов, но и выстраивает, контролирует и структурирует общение студентов в ходе онлайн-обучения, активизирует и вовлекает тех, кто «остается в тени».

2. Оптимизация алгоритмического взаимодействия. Инструмент наставничества может помочь не только привлечь большее количество студентов на курс, но и повысить образовательный результат, завершаемость курсов (то есть сократить перевод студентов с онлайн-курса на любой другой, который проводится офлайн) через механизм персональной поддержки (коммуникации).

3. Курирование цифрового следа. Внедрение системы наставничества поможет студенту сформировать след, по которому можно будет определить, что активен (заходит на обучающую платформу постоянно), дисциплинирован (сдает задания вовремя), вдумчиво проходит обучение (задает развернутые вопросы, дает не односложные ответы и интересуется темой) и другое. За всем этим наставник будет следить, стимулировать студента вовлекаться в процесс обучения. При этом важно то, что наставник будет и «гидом» в мире алгоритмического прохождения онлайн-курса, так как будет объяснять принципы работы системы, а также то, как нужно действовать внутри нее, чтобы выйти на положительный образовательный результат.

Важно отметить, что в рамках внедрения института наставничества в процесс онлайн-обучения вуза цифровая репутация может стать определенным активом. Так студент при помощи своего следа (время выполнения заданий, частота захода на платформу, взаимодействие с наставником и другими участниками) сможет получить приоритетное право выбора новых обучающих курсов на новых семестр, возможность стажировки (если курс создан при поддержке конкретной организации). Также это может тоже являться способом стимулирования студентов к обучению.

Наставничество трансформируется в инструмент управления образовательной траекторией в условиях алгоритмизированной среды

Полученные данные подтверждают, что преодоление коммуникационного дефицита через систему наставничества позволяет не только повысить эффективность онлайн-обучения, но и сформировать основы для накопления репутационного капитала в экономике алгократии.

Подводя итог всему вышесказанному, система образования трансформируется, однако для того, чтобы образовательный результат не снижался в ходе преобразований важно своевременно реагировать на изменения. Так, например, при интеграции онлайн-образования в вуз важно внедрить и институт наставничества.

В условиях алгократии это особенно важно, ведь наставничество помогает влиять на цифровой след студента, прививать понимание того, как нужно работать в системе алгоритмического управления, чтобы добиться успехов.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Солдатов Андрей Александрович
(СПбГМТУ)

Первая четверть 21 столетия заставляет по-новому взглянуть на роль труда в современном обществе. В первую очередь это касается появления «новых групп», размывающих прежние представления о характере занятости. Например «цифровые воротнички», куда относят многочисленных «фрилансеров». С другой стороны происходит активное внедрение технологий ИИ во все сферы социально- экономической сферы жизни общества. Технологическая революция и связанная с этим роботизация в корне изменили характер прежних представлений о ручном труде. Сегодняшний рабочий уже совершенно далек от образа представителя «синих воротничков» образца середины 20-го столетия. Еще в 80-е годы прошлого столетия советские ученые отметили тенденцию постепенного стирания устойчивых прежде границ между физическим и интеллектуальным трудом. Именно в тот период времени на рабочих площадках стали появляться станки с числовым программным управлением (ЧПУ). Прежние рабочие, занятые в подобной сфере становились операторами крайне сложных с точки зрения управления систем. Характер их деятельности постепенно приближался к труду высококлассных выпускников «матмеха», занятых в сфере программного обеспечения. Но с другой стороны многочисленная группа рабочих и инженерно-технического персонала занятая в традиционных отраслях рискует оказаться в числе условных «специалистов вчерашнего дня», на которых сейчас зачастую навешивается ярлык «серых» (низкоквалифицированных и низкооплачиваемых) или даже «выгоревших» воротничков (утративших трудовые навыки). Еще в середине 70-х прошлого века на западе заговорили о таком явлении, как «беглая фабрика»-перенос производственных предприятий из развитых стран в регионы с более дешевой рабочей силой. В результате появились «новые индустриальные государства» (Бразилия, Индия, Китай). В результате те кого было принято называть развитыми государствами столкнулись с угрозой массовой деиндустрилизации (промышленный пояс в США стал ржавым) и миллионы промышленных рабочих столкнулись с необходимостью переквалификации или как жесткая альтернатива потери квалификации и попадания в разряд хронических безработных и социального дна. Это приводило с одной стороны к росту в геометрической прогрессии занятости в сфере обслуживания. Продавцы, курьеры и охранники лишены весомых козырей перед работодателями, поскольку, как правило, не обладают уникальными и востребованными на рынке труда компетенциями и навыками. В условиях «гибкого» рынка труда их достаточно легко заменить, в том числе, приезжими из других стран и регионов. По мысли британского социолога Г. Стэндинга это формирует предпосылки к появлению «нового опасного класса»-прекариата. Данная группа имеет достаточно размытые границы в социальном поле и их трудно идентифицировать по роду занятости. Но их объединяет отсутствие интегрированности в устойчивую структуру трудовых отношений. Представители прекариата занимают совершенно разные позиции и их можно обнаружить на разных этажах социальной лестнице, но общим для них признаком является «неполноценная форма занятости»: трудоустройство без заключения контракта, крайне гибкий график работы (предполагает занятость сразу в нескольких компаниях), сдельная форма оплаты труда, возможность быстрого увольнения без объяснения причин и выплат выходного пособия. Подобная форма трудовых отношений именуется в экономике «прекаритетом» и предполагает

неполноценную по системе оплаты и не стабильную по времени работы форму занятости. Как следствие в трудовом праве утрачиваются фундаментальные принципы и положения. Профсоюзные организации теряют социальную базу, поскольку работники, получающие выплаты «в конвертах», не стремятся к защите своих законных прав, которых попросту нет, потому что не имеется в наличие четко оговоренных и законодательно закрепленных условий работы. На практике работник сам отказывается от трудовых прав в пользу полного диктата работодателя. На рынке труда формируются «серые зоны» занятости, главным образом за счет привлечения массы нелегалов (в том числе нелегальных мигрантов). Но проблема выходит далеко за рамки трудовых отношений и функционирования трудового права. Работники лишенные элементарных прав на социальную защиту, вырабатывают порой альтернативные стратегии поведения и могут явиться социальной опорой различных религиозных экстремистских организаций, радикальных группировок правого и левого толка. И в целом мы обнаруживаем явную тенденцию дискридитации ценности труда как такового. Формируется своеобразное «трудовое гетто» не подобное тому, что под этим понималось ранее, например «люмпен-пролетариат», то есть низкоквалифицированные представители рабочего класса. Дискредитация современного труда происходит по совершенно иным основаниям и фактор «низкой квалификации» далеко не всегда имеет решающие значение. Например, во многих случаях стартовая позиция работника остается не изменой в течение длительного срока. Курьерам и охранникам некуда особо расти, да и не нужно в условиях смежной занятости или учебы. Поэтому такого типа работник легко заменяем, и возможна только горизонтальная мобильность. А с другой стороны, значительная часть потенциальных работников стремится сразу занять «престижную» и «высокую» позицию. Особенно это относится к студентам «рейтинговых вузов» стремящихся быть управленцами буквально во всем. Управление «автомизируется» от производства, становится профессией самой по себе, но управление вне сферы самого производства – это не до конца изученный феномен «управления управлением», управление не чем-то, а ради самого себя. В этом случае само название «профессиональной позиции» может иметь решающее значение, например «менеджер проектов» или «офис менеджер». В результате утрачивается представление о карьерном росте и не приобретаются ценные навыки в процессе трудовой деятельности.

В 90-е годы 20-го столетия американский социолог Р. Флорида ввел понятие «креативный класс» – это распространенная группа работников, для представителей которых трудовая деятельность является не директивным предписанием, а самореализацией, то есть подобна творческому процессу. «Креативные работники» обладают ценным «капиталом» собственными уникальными компетенциями, своеобразными ноу-хау, позволяющие им не быть соискателями рабочих мест, но создавать их. Покидая трудовую позицию «креативщики» не оставляют ее другому, а буквально забирают с собой, для дальнейшего переформатирования. Немецкий социолог Макс Вебер писал в данной связи о позитивно привилегированном и негативно привилегированном стяжательском классе. Подчеркивая стяжательскую природу класса, Вебер, в отличие от Маркса полагал, что это может быть не только эксплуатация труда чужих, но и извлечение дивидендов и собственных преимуществ. Например, наличие уникальных знаний, обладание ценной квалификацией. Классы стремятся к монополизации: капиталисты монополизирую собственность, а иной тип работников стремится к монополизации трудовых навыков, которыми обладают только они. Так отчасти решается марксистское противоречие между трудом и капиталом. Но проблему необходимо сформулировать иначе. Эксплуатация в современных реалиях приобретает

невиданные ранее формы: 1) видоизменяются устойчивые ранее формы трудовых отношений; 2) падает социальная защита работников; 3) утрачивается социальная память – трудовые навыки все реже передаются от поколения к поколению; 4) формируется особый тип трудовых отношений по схеме гибкая занятость – гибкий специалист.

В целом в отношении марксистского постулата о присвоении капиталистами прибавочной стоимости можно сказать, что в оценке современной системы труда образ «классического капиталиста» не всегда состоятелен. Несмотря на сохраняющейся класс крупных собственников капиталист и работодатель не всегда одно и то же. Свою роль сыграла менеджерская революция 40-х годов прошлого века, в результате которой появились управленцы как новый наемный класс. А современная форма эксплуатации предполагает присвоение не прибавочной стоимости, а труда как такового.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Соловьев Аркадий Константинович

грант РНФ

Глобальная цифровизация экономики и всех сфер общественной жизни все глубже проникает в государственную пенсионную систему. Однако наряду с бесспорными позитивными результатами внедрения различных элементов цифровизации перед всеми участниками пенсионной системы закономерно возникают принципиально новые проблемы, которые необходимо решать не только в долгосрочном, но и в текущем периоде. Статья посвящена анализу основных изменений в организации системы управления и информационного обеспечения при реализации государственных социальных функций на примере Социального фонда России. Обосновывается необходимость повышения эффективности и оптимизации организационной структуры, а также принципов формирования новой государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» как элемента Национальной системы управления данными и описывается целевая модель организации работы СФР при выполнении основных видов деятельности: назначении пенсий, мер государственной поддержки и выполнении других функций.

Решение проблемы сокращения бедности, экономического и социального неравенства занимает центральное место в системе национальных приоритетов долгосрочного развития страны для всех возрастных категорий населения страны. Значимость этой проблемы непосредственно выделена в системе национальных приоритетов Президента РФ в майском Указе № 309 от 07.05. 2024., а также для развития цивилизации неоднократно отмечалась в рекомендациях ООН. Так, в программе ООН «Цели устойчивого развития до 2030 г.» (2015 г.) проблема бедности сохраняет за собой первое место из семнадцати международных программ стратегического развития ООН.

Причины бедности населения единодушно установлены в научном сообществе:

– глобальные финансовые кризисы,

– торможение макроэкономического развития

– диспропорции рынка труда и неразвитость рыночно-трудовых отношений,

– демографическая деградация населения страны

К перечисленным негативным факторам рисков на пути к достижению социального благополучия добавились риски глобальной цифровизации экономики и всех сфер общественной жизни, которые создают объективные условия усиления экономического неравенства не только в различных видах хозяйственной деятельности и разных регионах, но и для разных возрастных и социально-демографических группах населения.

В нашей стране приоритет программы «борьбы с бедностью» неоднократно подчеркивался в различных нормативно-правовых форматах. Самым актуальным из них следует признать «майский» Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. Однако для решения этой практически значимой проблемы необходимо разработать теоретические основы, которые не должны слепо дублировать западные практики, а учитывать национальные особенности и исторические традиции.

Главная особенность отечественной пенсионной системы заключается в ее многоукладности, которая обусловлена сохранением различных видов советских пенсионных традиций (льгот и привилегий), которая еще более дополняется и расширяется в условиях цифровизации рынка труда, в первую очередь в формате самозанятости и прекариатных форм занятости. Пенсионная теория открывает дополнительные возможности для обоснования национальных институциональных и параметрических основ формирования пенсионных прав работников в условиях *цифровой трансформации рынка труда*.

В условиях цифровых трансформаций всех секторов рынка труда, риски бедности возрастают по мере увеличения возраста получателя в связи с сокращением источников его дохода. Влияние условий формирования пенсионных прав для сокращения бедности пенсионеров увеличивается в связи с цифровизацией рынка труда, с одной стороны, и увеличением продолжительности жизни и, соответственно, периодом пребывания на пенсии.

Проводимая в настоящее время индексационная политика в России отражает все многообразие возможных социальных и экономических рисков экономического неравенства, результаты отражаются в социально-экономические последствиях за рамками самой пенсионной системы: изменения на рынке труда, рост объема неформального сектора занятых, влияние на динамику показателей пенсионного обеспечения и материального благополучия домохозяйств.

Индексация пенсий является составляющей государственной со циальной политики, представляя собой в первую очередь инструмент реализации гарантии государства по поддержанию покупательной способности пенсии, а также инструмент бюджетного регулирования. Таким образом, порядок индексации призван обеспечить выполнение двух принципов социального страхования: адекватности размеров пенсионных выплат и финансовой устойчивости системы.

Цифровая трансформация пенсионной политики последних десятилетий в зарубежных странах и России была обусловлена в большей степени финансовыми кризисами и, как следствие, оптимизацией расходов федерального бюджета. Анализ международной практики реализации такой пенсионной политики показал, что во времена цифровых трансформаций и финансовых кризисов многие страны прибегают к краткосрочным и даже долгосрочным пересмотрам механизмов формирования пенсионных прав: приостановке («заморозке») действий регулярных правил индексации или частично снижению темпов индексации.

Заключение. обосновано, что достижение финансовой сбалансированности и устойчивости пенсионной системы может быть обеспечено только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе (параметрической настройке ее

страховых и нестраховых сегментов), так и внешних – макроэкономических и демографических факторов функционирования пенсионной системы. Фактор предотвращения демографических рисков старения для роста нагрузки на федеральный бюджет не должен сводиться к сокращению численности пенсионеров и секвестированию их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Таганов Максим Викторович
(ФГБОУ ВО РОСБИОТЕХ)

Аннотация. В данной статье представлены цифровые технологии в образовании, обсуждается концепция цифровизации, раскрывается использование цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, интерактивная система Moodle, цифровая трансформация, браузер.

Цифровая трансформация охватывает все сферы человеческого существования, в том числе и образование.

За последние 10 лет технология электронного обучения сделала огромный шаг вперёд. Внешние факторы, такие как потребность общества в приложениях и социальных сетях, повлияли на то, как и когда учащиеся всех возрастов учатся и взаимодействуют с преподавателями и другими учащимся, а также на то, как преподаватели представляют, получают и оценивают задания.

Moodle – бесплатная система онлайн-обучения. Это открытое веб-приложение, которое создает платформу для развития учащихся и сотрудников. Первый образец данной системы был разработан Мартином Дугиамасом в 1999 году, когда он был студентом университета Кертина в Австралии. Вскоре, после завершения университета Мартин не прекратил его разработку, потому что обучение активно переносилось в Интернет. В 2002 году была выпущена первая стабильная версия Moodle. Сегодня на этой системе базируется более 1 миллиона веб-сайтов по всему миру. За это время вокруг Moodle сложилось большое и мощное сообщество, которое разработало и разместило в Интернете плагины. Благодаря данным плагинам вам доступно создание уникальной системы управления образованием, подобно существующей системе дистанционного обучения [1].

Интерактивная система Moodle для преподавателей и учащихся, решает последующие задачи:

Создание и регулирование курсами дистанционного обучения.

Управление пользователями внутри курса.

Реализовывать оценку выполнения преподавателями и учащимися образовательного контента.

Издавать учебные материалы в всевозможных форматах, таких как изображения, текст, аудио и видео [2].

Преимущества Moodle:

Поддержка всех современных форматов.

Легко интегрируется с другими системами и сервисами.

Загружайте все содержимое: текст, изображения, презентации, тесты и курсы, видео и т. д.

Есть возможность загрузить любую информацию, но для ее заполнения вам нужен плагин. В этом случае подключаемый плагин отвечает за проектирование сборки и загрузку информации [3].

Каждый желающий сможет скачать бесплатную версию Moodle с официального сайта. Таким образом, пользователи имеют исключительно свободную среду обучения, а не полную образовательную систему. Для того чтобы данная система способствовала образованию людей, она должна пройти три фазы.

Установите и настройте систему на сервере вашей компании или университета, чтобы перевести все нелокализованные части для ваших конечных пользователей.

Создание и тестирование курсов и тренингов.

Открытый доступ для учащихся, создание систем управления, анализа и обслуживания [4].

Эти шаги требуют ресурсов, опыта и времени. В среднем, чтобы запустить курс Moodle, требуется месяц. В отличие от этого, классические платные системы дистанционного обучения требуют 1 – 3 дня на внедрение.

Мощная онлайн-школа на базе Moodle требует наличия сервера, а количество одновременно обучающихся учащихся зависит от пропускной способности сервера. В отличие от самой системы, сервер и его обслуживание требуют денежных вложений [5].

Установка и стабилизация системы – довольно сложный процесс, требующий отличных навыков программирования и работы с компьютером. По этой причине Moodle часто используется в высших учебных заведениях, предлагающих технические курсы, чтобы студенты могли сами обслуживать систему. В противном случае владельцам приходится тратить много времени на поиск информации в Интернете, посещение платных курсов, чтобы разобраться как правильно пользоваться системой, или же нанимают специалистов. Все выше перечисленное требует времени и денег [6].

Использование цифровых технологий в образовании основывается на наступлении цифровой революции, когда цифровые технологии стали доступным и надежным инструментом. Суть цифровой трансформации образования заключается в использовании цифровых технологий для персонализации учебной программы. Важной особенностью является то, что цифровые технологии стали новым видом образования, который ранее не мог иметь законного места в государственном образовании из-за проблем, связанных с внедрением традиционных «бумажных» информационных технологий. Эта технология улучшила повседневную работу современных высокотехнологичных производств, сервисных компаний и государственных учреждений.

1. *Бичева, И. Б. Использование системы Moodle как средства повышения эффективности образовательной деятельности // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 5. – Ч. 4 [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2015/05/46485 (дата обращения: 11.01.2021).*
2. *Карпачёва, Т. В. Обеспечение современного качества профессионального образования на основе системы «Moodle» // Сб.: Информационные технологии в образовании и аграрном производстве: материалы III Международной научно-практической конференции. Брянск: Изд-во Брянский ГАУ, 2020. С. 620 – 623.*
3. *Кирина И. Б., Кириллова С. С., Щербаков Н. В. Самостоятельная ра- бота как одно из направлений совершенствования подготовки студентов в образовательном процессе // Сб.: Современные методики учебной и научно-исследовательской работы: материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Курган, 2019. С. 47-51.*

4. *Проектирование модели обучающегося для специализированной цифровой среды обеспечивающей удаленную работу с аддитивными технологиями / Р. Н. Абалуев, Н. В. Картечина, Н. В. Пчелинцева, С. О. Чиркин // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 2. С. 338.*
5. *Абалуев Р. Н., Чиркин С. О., Картечина О. С. Проектирование и реализация информационно-справочной системы «Программное и аппаратное обеспечение аддитивных технологий» // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 4. С.3.*
6. *Гущина А. А., Пчелинцева Н. В. Устройства и технологии виртуальной реальности в нашей жизни // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 4. С. 85*

СФЕРА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ СТАГНАЦИИ К РАЗВИТИЮ В 1990-Е – 2020-Е ГГ.

Урожаева Татьяна Петровна
(Иркутский государственный университет)

Аннотация. В статье проведен анализ развития сферы общественного питания в городах Иркутской области в постсоветский период. Этот сектор оказался в числе наиболее уязвимых и максимально пострадавших в ходе реформ 1990-х гг. В период с 1991 по 2001 гг. оборот отрасли в Иркутской области сократился в 4,4 раза. Сократилось число точек общепита в организациях, учебных заведениях и общежитиях. Им на смену пришли небольшие уютные ресторанчики и кафе. В дальнейшем развивалась система быстрого питания.

Ключевые слова: общепит, рестораны, кафе, кофейни, бистро, закусочные, посадочные места, франшиза.

Общественное питание – одна из отраслей экономики, от состояния которой в немалой степени зависело настроение людей и даже здоровье. Однако этот сектор оказался в числе наиболее уязвимых и максимально пострадавших в ходе реформ 1990-х гг. В период с 1991 по 2001 гг. оборот отрасли в Иркутской области сократился в 4,4 раза. Сократилось число точек общепита в организациях, учебных заведениях и общежитиях. Им на смену пришли небольшие уютные ресторанчики и кафе [24, с. 2].

В июне 2000 г. на центральной улице г. Тулуна при рентабельном магазине «Тройка» появилась небольшая закусочная, которую завсегдатаи перекрестили в «бистро». В летний зной здесь можно было отдохнуть в прохладе, взяв порцию мороженого, заказать чашечку кофе с бутербродом. «Бистро» в считанные недели завоевало популярность среди тулунчан, особенно молодых [4, с. 2].

Однако у летних кафе были свои негативные проявления. Настоящей катастрофой для г. Усолья-Сибирского стали летние мини-закусочные, кафе, бары. По всем правилам удобства около них не положены: съел пирожок и свободен. Однако постепенно в закусочных, кроме пирожков, появились шашлыки, пельмени, водка, пиво. Люди сидели за столиками часами. Во что превращались окрестности, не трудно было догадаться [6, с. 3].

В октябре 2000 г. очередной раз повара и кондитеры Иркутской области подтвердили высокий класс своего кулинарного мастерства, и по итогам фестиваля кулинарного искусства, который проходил в Воронеже, Санкт-Петербурге и Иркутске. Мастерами-кондитерами гордились коллективы иркутских кафе «Кондитер» и «Вентус» [5, с. 2].

В ноябре 2000 г. в Иркутске был проведен I этап фестиваля под громким названием «Звезды кулинарии – третьему тысячелетию». В этом соревновании принимали участие официанты из кафе «Багира», «Кристина», «Волна» столовой ИГЭА. Пальма первенства была отдана повару *В. Власенко* из кафе «Багира» – ее обед оказался «самым-самым» [13, с. 3].

За 10 мес. 2001 г. суммарная выручка всех ресторанов, буфетов, столовых и кафе Иркутской области превысила 1,6 млрд. руб. Обед из трех блюд в столовых Ангарска стоил в среднем 33 руб., в областном центре – вдвое дороже. Обед в рабочей столовой обходился значительно дешевле (26 руб.) [17, с. 4].

В мае 2001 г. сотрудники Центра стандартизации проверили две столовые: рабочую в г. Шелехове и кооперативную в Усолье-Сибирском. В столовой Усольского потребительского общества в картофельном пюре оказалось жира в десять раз меньше, чем должно быть по норме (0,3 % вместо 3 %), и в цехе питания «ИркАЗа» – точно такое же расхождение со сборником рецептур. Усольчанам в их столовой предлагали пельмени почти без фарша (недовложение мяса составило 21,3 %) [7, с. 2].

Особенно не везло почему-то пельменям. Назывались они, как правило, «пельменями по-домашнему», но вряд ли предприниматели *С. Андрян* и *В. Яковенко* из кафе «Блинная» для своих домочадцев так же жалели фарша (недовложение составило 31,7 %). В той же «Блинной» угощали посетителей кашей, в которой недоставало масла (на 23,1 % от нормы), блинами с недовложением жира (около 7%), шницелем, выдаваемым за натуральный, хотя он был с наполнителем [20, с. 2].

В июле 2004 г., проверяя торговый рынок «Парус», рейдовая бригада обнаружила действующую точку общепита, не имеющую документов на открытие. К тому же у обслуживающего персонала не оказалось медицинских книжек. Кафе не было подключено к канализационной сети, посуду здесь мыли в непроточной воде [22, с. 3].

На ул. К. Маркса (г. Иркутск) первым на пути встретилось кафе «Темп». Оно вполне оправдывало свое название. Покушать тут можно было в темпе, как правило, очередей не было. И выбор блюд был не плох: был и плов, и отбивные, и традиционный гуляш. В августе 2004 г. можно было уложиться в 60 – 70 руб. [16, с. 3].

В октябре 2006 г. в Иркутске работало 150 – 170 различных закусочных с общим количеством посадочных мест порядка 6 тыс., но в отделе общепита городского комитета по потребительскому рынку к заведениям фаст-фуда относили только 13 из них, где могли разместиться 650 чел. [14, с. 4].

В июле 2008 г. специалисты управления Роспотребнадзора по Иркутской области начали комплексные проверки на предприятиях торговли и общепита придорожного сервиса. По итогам проверок было забраковано 105,6 т плодоовощной продукции, которую реализовали без сопроводительных документов. Было забраковано 7,3 тыс. л пива и кваса с истёкшим сроком годности [18, с. 2].

В летний период 2008 г. было обследовано 34 предприятия общепита и пять торговых точек на трассах Иркутск – МРС, Листвянка, Ангарск, Шелехов. По результатам проверок было снято с реализации 60 кг продукции. 30 должностных лиц и индивидуальных предпринимателей было оштрафовано [3, с. 3].

Спад спроса отрасль общепита Иркутской области ощутила в октябре 2008 г. По данным Иркутскстата, оборот предприятий общепита уменьшился на 3,6 % к сентябрю, снижение по сравнению с октябрём 2007 г. составило 5,4 %. За этот период в Иркутске открылось 24 новых предприятия общепита с общим количеством мест 1158, в том числе один ресторан, 17 кафе, по три бара и закусочных [15, с. 4].

В мае 2009 г. семь иркутских кафе и столовых начали работать по «социальным часам», сообщили в городском управлении бытового обслуживания, общепита и защиты прав потребителей [2, с. 4].

На начало 2010 г. в городе, по данным комитета по потребительскому рынку Иркутска, было зарегистрировано 40 ресторанов, 275 кафе, 171 бар, 102 закусочных, 172 столовых, 18 кафетериев, 2 кулинарии и 42 буфета при организациях. Общее количество посадочных мест – 34,424 тыс., из которых 86 были предназначены для малоимущих [1, с. 4]. В их числе 67 ресторанов, 313 кафе, 237 баров, закусочных и кафетериев, 123 школьных столовых, 91 буфет на предприятиях и в организациях города, 78 ед. составили другие предприятия [25, с. 3].

В сентябре 2011 г. по данным сервиса «ДубльГИС», в Иркутске работало примерно 150 ресторанов и 80 баров плюс более 250 различных кафе и кофеен [21, с. 4].

По информации департамента потребительского рынка администрации Иркутска, в конце 2011 г. в Иркутске работало 913 предприятий общепита с числом посадочных мест 41600. В 2011 г. в областном центре открылось шесть ресторанов, 12 кафе, пять баров, три пиццерии, одна кофейня и закусочная, рассчитанные в общей сложности на 1467 посадочных мест [9, с. 3].

В 2013 г. в центре г. Иркутска среднеазиатские оазисы общепита соседствовали и соперничали с оазисами юго-восточноазиатскими. [12, с. 4].

В ноябре 2013 г. кафе «4х4», расположенное в 206 квартале Ангарска, было закрыто до устранения нарушений пожарной безопасности. Такое решение принял городской суд, удовлетворив исковые требования прокурора к ООО «Ладога». У членов комиссии оказалось тогда много претензий к хозяевам точки общепита. Точку в этих спорах поставил Ангарский городской суд [23, с. 3].

В 2014 г. заведения быстрого питания, кафе «Поварёшка» и пиццерия «Марио», которые чаще всего посещали студенты, о специальном постном меню заботились. Как правило, во многих кафе были овощные салаты, макароны и другие блюда, которые хорошо подходили для питания во время поста [19, с. 2].

По официальным данным на начало 2015 г. в столице Приангарья была всего 51 общедоступная столовая. Всего же, сообщили в отделе торговли и общепита департамента потребительского рынка администрации Иркутска, в городе работали 836 пунктов общепита на 39 409 посадочных мест [10, с. 3].

Ещё до пандемии коронавируса на общепит сильно повлиял кризис в российской экономике, начавшийся в 2016 г. В 2020 г. кафе и рестораны находились на III этапе снятия ограничений. Их определяли на основании базового коэффициента распространения коронавируса. Для I этапа требовался коэффициент 1,0, для II – 0,8, для III – 0,5 [11, с. 3].

В 2024 г. на сессии ЗС были внесены поправки в закон о розничной продаже алкоголя в помещениях общепита. Бары на первых этажах многоквартирных домов с 1 марта 2025 г. не могли торговать алкоголем в розницу с 22 часов и до 9 утра. Это ограничение не касалось лицензированных кафе и ресторанов [8, с. 2].

Проект закона носил сложное название: «О внесении изменений в Закон Иркутской области «Об установлении дополнительного ограничения розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг на объектах общепита, расположенных в многоквартирных домах и на прилегающих к ним территориях, на территории Иркутской области». Ограничение не распространялось на кафе, которые имели лицензию на розничную продажу алкоголя, а также рестораны.

1. *Арбузова Е. А обед по расписанию // Конкурент. 2010. 1 апр. С. 4.*
2. *Арбузова Е. Кушать продано // Конкурент. 2009. 23 мая. С. 4.*
3. *Артемьева Л. Счёт к ресторанам // Конкурент. 2008. 22 окт. С. 3.*
4. *«Бистро» в Тулуне // Земля Тулунская. 2000. 25 июля. С. 2.*
5. *Вкусных дел мастера // СМ-номер один. 2000. 7 окт. С. 2.*
6. *Во что превращаются окрестности // Свеча. 2000. 29 июля. С. 3.*
7. *Григорьев В. Аппетит уходит во время еды // Губерния. 2001. 19 мая. С. 2.*
8. *Григорьев И. «Наливайкам» – спокойной ночи // Парламент. вести. 2024. 22 окт. С. 2.*
9. *Дефицит вкусных идей // Конкурент. 2012. 26 апр. С. 3.*
10. *Дубасова А. Первое, второе и компот // Сиб. энергетик. 2015. 7 июля. С. 3.*
11. *Коренев Ю. «Общепит обвалился тотально» // Конкурент. 2020. 9 июня. С. 3.*
12. *Корк Б. О низменном // Ирк. репортер. 2013. 13 марта. С. 4.*
13. *Корытная Ю. «Приятного аппетита» от звезд иркутской кулинарии // Вост.-Сиб. правда. 2000. 29 ноября. С. 3.*
14. *Лисовская Е. Еда с ускорением // Конкурент. 2006. 28 окт. С. 4.*
15. *Лисовская Е. Уроки экономии // Конкурент. 2009. 17 янв. С. 4.*
16. *Маркова Т. Эх, окрошечки бы! // Губерния. 2004. 14 авг. С. 3.*
17. *Овсянникова И. Новое лицо общепита // Вост.-Сиб. правда. 2001. 27 ноября. С. 4.*
18. *Опасный общепит // Вост.-Сиб. правда. 2008. 17 июля. С. 2.*
19. *Панарина М. Грех не попробовать // Конкурент. 2014. 4 марта. С. 2.*
20. *Пельмени по-общепитовски // Обл. газета. 2003. 9 авг. С. 2.*
21. *Постникова Т. Мода есть // Конкурент. 2011. 10 сент. С. 4.*
22. *Токарева С. Деньги не пахнут // Губерния. 2004. 10 июля. С. 3.*
23. *Шульгина Т. Задачка по геометрии // Сиб. энергетик. 2013. 18 ноября. С. 3.*
24. *Этот грешный общепит // Вост.-Сиб. правда. 1998. 11 июля. С. 2.*
25. *909 предприятий общественного питания на 41,1 тысячи посадочных мест действует в Иркутске на 1 октября 2011 года // Ирк. репортер. 2011. 8 окт. С. 3.*

КРИПТОГРАМОТНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ, АКТУАЛЬНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ФЕНОМЕНА

Фурсов Андрей Викторович
(РУДН им. Патриса Лумумбы)

За последние пятнадцать лет в Российской Федерации наблюдается последовательная институционализация феномена финансовой грамотности. Первые системные программы по повышению ФГ были инициированы в конце 2000-х годов, включая утверждение соответствующей программы Правительством РФ в 2009 году [7]. Дальнейшее развитие получило импульс в начале 2010-х [9], достигнув апогея в интеграции уроков финансовой грамотности в школьную программу с 2016 года [8] и принятии Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года [9].

Институциональное оформление ФГ сопровождалось формированием разветвленной исследовательской экосистемы. На национальном уровне мониторинг осуществляют OECD [11], ЦБ РФ [6], НАФИ [5] и прочие, в то время как на локальном уровне проводятся многочисленные исследования на уровне городов, университетов и школ. Однако парадокс современного состояния исследований финансовой грамотности заключается в следующем: с одной стороны, мы имеем множество количественных и качественных исследований, вносящих вклад в развитие данной области знания; с другой – сталкиваемся с существенной методологической фрагментацией, когда инструментарий и подходы значительно различаются от исследования к исследованию.

Параллельно с развитием традиционной финансовой грамотности происходила эволюция криптополя (социально-экономического цифрового децентрализованного пространства, конституируемого вокруг блокчейн-технологий и ассоциированных с ними финансовых практик), которое за последние 15 лет прошло путь от максимально нишевой и периферийной области до значимого сегмента глобальной финансовой системы. Капитализация крипторынка, включая ведущие активы – Биткоин и Эфириум, превышает 3,5 триллиона долларов, что сопоставимо с ВВП крупнейших государств мира.

Интерес к криптополю проявляют различные акторы: от индивидуальных инвесторов до институтов и государств. Ярким примером институционализации является признание Биткоина в качестве официального платежного средства в Сальвадоре в 2021 году [2], что создает прецедент для возможного аналогичного признания в других юрисдикциях.

Несмотря на растущую популярность и капитализацию криптополя, в России сохраняется дефицит системных исследований данной области. Этот разрыв между практической значимостью криптоактивов и их академическим осмыслением требует разработки специализированного концептуального аппарата.

Для преодоления методологической фрагментации предлагается модель, основанная на теоретико-множественном подходе. Модель представляет систему трех взаимосвязанных множеств: {P, C, F} где:

P – множество личностных характеристик индивида, например:

$P_{soc\text{-}dem}$: социально-демографические и экономические атрибуты (возраст, пол, образование, гражданство, профессия, уровень дохода и т.д.).

P_{psych}: индивидуально-психологические и когнитивные характеристики, измеряемые с помощью стандартизированных психометрических инструментов (например, склонность к риску, импульсивность, уровень тревожности, «большая пятерка» личностных черт, темперамент и т.д.).

P_k: совокупность знаний человека, не включающих знания из области F (цифровая грамотность, математические знания, правовая грамотность и т.д.)

P_s: совокупность навыков человека, не включающих навыки из области F

P_{health}: совокупность факторов, определяющих здоровье (частота болезней, хронические паталогии, количество дней на больничном в году и т.д.)

C – множество контекстуальных факторов. Мы выделяем три основных уровня, взаимодействие которых определяет конкретные условия финансовой деятельности индивида: C_{macro} (макроуровень): контекст национального и глобального масштаба. Задает общие «правила игры»; C_{meso} (мезоуровень): контекст институтов и сообществ, который опосредует влияние макроуровня на индивида; C_{micro} (микроуровень): контекст непосредственного окружения. Оказывает прямое, ежедневное давление.

F – множество компонентов финансовой грамотности.

При этом F = {K, S, A, B}

Знания (F_k): совокупность усвоенных концептов, фактов, алгоритмов и моделей, описывающих функционирование финансовых институтов, продуктов и рынков. («Знать ЧТО»).

Навыки (F_s): сформированные алгоритмы практических действий, позволяющие эффективно решать конкретные финансовые задачи. («Знать КАК»).

Поведение (Fв): регулярные, повторяющиеся паттерны практического взаимодействия индивида с финансовыми институтами и инструментами/либо разовые действия, обоснованные контекстными характеристиками. («Делать»).

Установки (F_A): устойчивые оценочные представления, убеждения и эмоциональные реакции индивида, направленные на финансовые объекты, процессы и самого себя как финансового агента. («Чувствовать и верить»).

Помимо этого в данную модель может вводиться переменная t, позволяющая проводить исследования не только в статике, но и в динамике.

Криптополе же представляет собой уникальный гибридный феномен: будучи неотъемлемой частью глобальной финансовой системы, оно одновременно функционирует как замкнутая экосистема со своими внутренними законами, нормами и механизмами формирования стоимости. Эта двойственность создает методологические вызовы для исследователей. Социологических работ, фокусирующихся на российском криптополе, несмотря на растущий интерес к данному полю, все еще достаточно мало, что объясняется как объективными сложностями (правовой статус, псевдоанонимность архитектуры блокчейна и т. д.), так и, возможно, субъективной настороженностью академического сообщества.

В результате даже базовые метрики, такие как количество владельцев криптоактивов в РФ, варьируются в беспрецедентном диапазоне – от 9 [1] до 30 [4] миллионов человек по разным оценкам. Существующие же исследования финансовой грамотности зачастую либо игнорируют криптоактивы, либо включают их в опросники поверхностно. Такой подход не позволяет адекватно оценить ни масштабы явления, ни его качественные характеристики.

Криптограмотность концептуализируется как специализированное подмножество в системе F:

$F_{crypto} = \{K_{crypto}, S_{crypto}, A_{crypto,} B_{crypto}\} \subset F$

Аргументом в пользу выделения F_{crypto} в отдельное подмножество служит качественное отличие компетенций, необходимых для взаимодействия с криптополем. Например, рассмотрим операцию покупки Биткоина – базовую практику в криптополе. Для ее успешного выполнения индивиду требуются следующий набор знаний и навыков.

Знания (K_{crypto}): о юридическом статусе криптовалют в РФ; о возможной блокировке банковских переводов на официальные биржи; о существовании и принципах работы P2P-платформ; о стейблкоинах; о рисках мошенничества в P2P-сделках; о принципах работы криптобирж и т.д..

Навыки (S_{crypto}): создание и верификация аккаунта на бирже; выбор контрагента; безопасное осуществление банковского перевода; безопасный вывод средств и т. д.

Таким образом, простой акт покупки самой популярной криптовалюты предполагает: во-первых, преодоление технических и регуляторных сложностей, отсутствующих при приобретении традиционных финансовых инструментов; во-вторых, принятие повышенной ответственности, поскольку приобретение криптовалют в условиях правовой неопределенности (C_{macro_law}) не предоставляет гарантий, характерных для традиционных финансовых инструментов, обеспеченных государственной или корпоративной поддержкой.

Следует подчеркнуть, что операция покупки BTC представляет собой лишь начальный уровень взаимодействия с криптополем. Как показывает анализ развития данной области, криптополе характеризуется исключительной динамикой и постоянным усложнением, обрастая новыми практиками и целыми субдоменами: децентрализованные финансы (DeFi), невзаимозаменяемые токены (NFT), стейкинг и другие[3]. Каждый из этих субдоменов требует дополнительных специализированных компетенций, расширяя и усложняя структуру F_{crypto}.

Концептуализация криптограмотности как структурного компонента финансовой грамотности открывает новые возможности для исследования и регулирования стремительно развивающейся цифровой экономики. Предложенная модель C-F-P обеспечивает методологический базис для: системного измерения компонентов F_{crypto}; сравнительного анализа традиционных и крипто-финансовых практик; разработки образовательных программ; формирования взвешенной регуляторной политики; позволит на основе мета-языка научной коммуникции (C-F-P) создать возможность вертикальной и горизонтальной кумуляции исследований по криптограмотности и финансовой грамотности в целом.

Дальнейшее развитие исследований в данном направлении позволит не только заполнить существующий академический вакуум, но и создать основу для ответа на вызовы цифровой трансформации финансовой системы.

1. *В России криптовалютой завладели 9,2 млн человек. // comnews – 2024. URL: https://www.comnews.ru/content/233539/2024-06-04/2024-w23/1008/rossii-kriptovalyutoy-zavladeli-92-mln-chelovek*
2. *Как в Сальвадоре легализовали биткоин и что из этого вышло // Т-Ж – 2025. https://t-j.ru/salvador-bitcoin/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F*
3. *Кирилл Д. Ш., Зубарев А.В. Не только биткоин: таксономия криптовалют в исторической перспективе // Финансы: теория и практика. 2024. №6.*
4. *Количество владельцев криптоактивов в России достигло 34 млн человек на начало 2024 года – это 29% населения страны. К показателю 2022 году число имеющих криптоактивы россиян выросло почти 100%. // Russian Business – 2024 URL: https://rb.ru/news/crypto-rossiyane/?ysclid=mf3rsv9dtu6842927*
5. *Индекс финансовой грамотности россиян – 2024. // НАФИ – 2024. URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-finansovoy-gramotnosti-rossiyan-2024/?ysclid=mgm2ty9nm6996285351*
6. *Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап // ЦБ РФ – 2025. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/*
7. *Программу повышения финансовой грамотности населения запустят во второй половине 2010 года // Российская газета – 2010. URL: https://rg.ru/2010/05/13/finans-gramota.html*
8. *С 1 сентября в школах появится новый предмет – финансовая грамотность. // Министерство финансов РФ – 2016. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=116787-s_1_sentyabrya_v_shkolakh_poyavitsya_novyi_predmet_-_finansovaya_gramotnost*
9. *Правительство России утвердило Стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года // ЦБ РФ – 2023. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=17155*
10. *Чулков А. С. Повышение уровня финансовой грамотности населения России как элемент системы укрепления экономической безопасности государства // Финансы и кредит. 2016. №27 (699).*
11. *OECD/INFE toolkit for measuring financial literacy and financial inclusion 2022. // URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/03/oecd-infe-toolkit-for-measuring-financial-literacy-and-financial-inclusion-2022_54dba970/cbc4114f-en.pdf*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Холоденко Юрий Александрович
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Внедрение современных цифровых технологий создает не только дополнительные возможности, но и определенные риски для российского рынка труда. Это в полной мере относится как сфере занятости в целом, так и системе институционального контроля социально – трудовых отношений. Накопленный опыт позволяет утверждать, что современные цифровые технологии в ряде случаев вытесняют из сферы труда

представителей отдельных видов профессиональной деятельности в различных областях – от обрабатывающей промышленности до интернет-продаж и даже финансовой аналитики. При этом цифровизация рынка труда – процесс противоречивый, с неоднозначными социальными последствиями. Прежде всего, изменяются требования работодателей к профессиональным компетенциям работника, в результате чего нарушается и без того неустойчивый в условиях цифровой динамики баланс между спросом и предложением на рынке трудовых услуг. Обостряются риски расширения масштабов структурной безработицы, ибо не все потенциальные работники обладают необходимыми цифровыми компетенциями. Более того, современные цифровые технологии в ряде случаев выдавливают из активной трудовой деятельности работника. Отдельные ученые дают негативную оценку последствиям активного использования информационно – компьютерных технологий для социально – трудовой сферы, предсказывая рост безработицы и исчезновение в обозримой перспективе почти 50 % существующих в настоящее время профессий [1]. Другие авторы считают, что цифровая трансформация рынка труда вызовет так называемый «эффект компенсации», который проявится в появлении новых вакансий [2].

На наш взгляд, не следует ожидать шоковых негативных изменений для российского рынка труда в результате активного применения современных цифровых технологий в бизнес – процессах и повседневной жизни россиян. Вместе с тем органы государственной власти, бизнес – сообщество и рядовые граждане должны быть готовы к социальным вызовам цифровой революции, в том числе к масштабным изменениям в структуре трудовой занятости. Современные трудовые практики позволяют сделать вывод, что в цифровом обществе труд становится всё более автономным и творческим, требующим активного владения современными цифровыми компетенциями не только отдельно взятыми «избранными» специалистами, но и работниками самых разных профессий. Активизируется процесс «обновления квалификации». Обостряются риски появления на рынке труда «лишних людей» – представителей традиционных профессий со средней квалификацией, в силу ряда причин не готовых трудиться в цифровой среде, способных выполнять только простые задачи и лишённых возможности сохранить трудоустройство в силу низкой конкурентоспособности по сравнению с обладателями высокого человеческого и интеллектуального капитала.

Таким образом, в России постепенно формируется новая модель трудовой занятости и социально – трудовых отношений. Она характеризуется активным использованием современных цифровых устройств, интернета, различных форм удалённой работы, включая самозанятость, фриланс, одновременную работу на нескольких работодателей, что нередко сопровождается изменением структуры трудовых доходов. Подобная адекватна цифровой среде, однако при этом она закладывает основу для обострения социальных рисков. Прежде всего речь идёт о низком уровне социальной защищённости. Кроме того, нередко новые формы занятости, за исключением фриланса, который в первую очередь затрагивает высококвалифицированных профессионалов, являются низкооплачиваемыми. Наконец, актуализируется проблема неформальной занятости и плохой регулируемости социально – трудовых отношений в цифровой среде. Теневая занятость, выпадая из сферы формального социального контроля, создает для институтов регулирования социально – трудовой сферы, прежде всего государства дополнительные риски криминализации рынка труда, сокращения бюджетных доходов и ресурсной базы выполнения государственных социальных обязательств.

Цифровая динамика в сфере занятости актуализирует проблему создания механизмов социального контроля, обеспечивающих эффективное регулирование рынка

труда и всего комплекса социально – трудовых отношений в условиях цифровой трансформации. Сложившаяся институциональная система регулирования рынка труда не соответствует современным реалиям. Она сформировалась в условиях индустриальной экономики с её традиционными формами работы, ориентированными на наличие трудового контракта между работником и работодателем, в котором закреплены их права и обязанности, порядок оплаты труда и величина трудового вознаграждения, определенная законом продолжительность рабочего дня и график работы, социальный пакет и т.д. Государство же выступало как гарант выполнения трудового соглашения как работодателями, так и работниками.

В цифровой среде значительный и важный сектор сферы занятости, включая работу на цифровых платформах и с использованием мобильных приложений выпадает из-под контроля институтов государства и сложившегося правового поля. В ряде случаев трудовые отношения самостоятельно регулируются сторонами договора. Так, ЯндексПро за оказание ряда услуг работнику – водителю такси (предоставление при необходимости арендного автомобиля, связь со службой поддержки, доступ к мобильному приложению и др.) берёт с каждого заказа комиссию в 18 – 24 %. Водитель, в свою очередь, самостоятельно определяет свой график и отвечает за собственные доходы, расходы на медицинское страхование и обслуживание автомобиля. Большинство социальных гарантий со стороны работодателя отсутствуют. Низкие доходы, тяжелые условия труда, оплата дорогостоящего лечения – личные проблемы работника. Оплачиваемый ежегодный отпуск, обязательное пенсионное и медицинское страхование, социальное пособие по болезни ему также недоступны. Нормы российского трудового законодательства к таким практикам применить практически невозможно, так как платформа в данном случае выступает как эффективный механизм связи с клиентами и не стремится брать на себя дополнительные социальные обязательства, считая возникающие в процессе трудовой деятельности зоной личной ответственности работника.

По нашему мнению, формирование институциональных механизмов регулирования новых форм занятости в цифровой среде, в том числе с использованием цифровых платформ и мобильных приложений становится всё более актуальным. Социально – трудовые права граждан, в том числе работающих с использованием современных цифровых технологий, должны быть защищены нормами трудового права. Вместе с тем следует учитывать то обстоятельство, занятость с использованием цифровых платформ предполагает добровольность социального страхования, поэтому большинство работников не платит страховые взносы. Кроме того, значительная часть самозанятых негативно относится к самой идее регулирования их деятельности, о чём свидетельствуют результаты социологических опросов [3, с. 25].

Представляется, что новые формы занятости, в том числе на базе цифровых платформ, не должны оставаться вне сферы «ока государева». На наш взгляд, к платформенной занятости могут и должны быть применены меры государственного регулирования. Очевидно, что на данный момент большинство новых видов занятости, включая платформенную занятость, не предполагают предоставления работнику всего комплекса социальных гарантий. Отрегулировать это в настоящее время невозможно. Следует активнее изучать накопленный зарубежный опыт и применять его с учетом российских реалий. В частности, в отдельных государствах ЕС, наиболее продвинутых в области цифровой занятости, отношения между работником и цифровой платформой могут быть признаны трудовыми при наличии в них элементов управляющего воздействия, что автоматически ведет к предоставлению работнику основных социальных гарантий [4].

В России первый шаг в данном направлении, по нашему мнению, сделан. Он связан с формированием института самозанятости, который помог государству и обществу вывести из «серой» зоны миллионы граждан. В этой сфере накоплен значительный позитивный опыт, а количество самозанятых, зарегистрированных в ФНС, превысило 13 млн. человек [5]. Работа в правовом поле способствует развитию не только правовой, но и деловой культуры россиян, формированию и развитию форм предпринимательства, адекватных цифровой среде, создаёт дополнительные возможности для самозанятых, включая сотрудничество с крупными проверенными работодателями, а также доступ к кредитным ресурсам.

Таким образом, легализация самозанятых позволяет им принимать более активное участие в экономической жизни общества. Следующим шагом может стать разработка комплекса мероприятий, направленных на обеспечение прозрачности договоренностей между сторонами трудовых отношений, использующих новые формы работы, путем их возвращения в правовое поле. Не секрет, что нередко работодатели широко используют устные договоренности, пересматривают сроки выполнения работ и задерживают выплаты по договорам. Подобные практики ведут к появлению мошеннических схем. Это проблема, для успешного решения которой необходимо создание адекватной нормативно – правовой базы и которая заслуживает пристального внимания со стороны регуляторов.

1. *Boston Consulting Group (2017) Embracing In-dustry 4.0 – and Rediscovering Growth. URL: https://www. bcg.com/capabilities/operations/embracing-industry-4.0- rediscovering-growth.aspx.*
2. *Полеванов В. Куда идешь, человек? // Экономические стратегии, 2017, № 1, с.82-98.*
3. *Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия [Электронный ресурс]: аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022, 32 с.*
4. *Самозанятых проверят на фиктивность // kommersant.ru 12.02.2024, 01:10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6508093*
5. *https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЫХОДА ИЗ БЕДНОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КИТАЯ

Цинь Хаожань
(СПбГУ)

Формирование социальных практик выхода из бедности происходит через последовательное прохождение ряда этапов. Этими этапами являются: этап аудита текущей ситуации, этап выявления проблем в рамках текущей ситуации, этап определения ключевой проблемы текущей ситуации, этап оценки имеющихся социальных возможностей решения проблемы, этап соотнесения этих возможностей с имеющимися социальными ресурсами субъектов, для которых данная проблема является ключевой и которые стремятся решить эту проблему, этап выбора релевантной социальной возможности, этап определения алгоритма действий для решения данной проблемы через реализацию релевантной социальной возможности, этап многократного повторения этого алгоритма действий, этап формирования привычки действовать в рамках такого образа действий, что означает сформированную социальную практику.

Государство может воздействовать на решение людьми своих проблем именно через управление социальными возможностями для их решения, а именно через создание таких социальных возможностей. Для этого государство также осуществляет ряд действий, среди которых как аудит ситуации с выявлением ключевой проблемы, так и разработка перечня и деталей социальных возможностей, которые государство создает. Таким образом, государство помогает своим гражданам развивать хозяйственную сферу именно через создание возможностей такого развития.

При этом в Китае одной из ключевых социально-экономических проблем является низкий уровень жизни сельского населения. Бедность деревенских жителей уже давно осознается государством как национальная проблема. Решением этой проблемы государство в Китае выдвигает развитие человеческого капитала сельских территорий, реализация которого на все более высоком качественном уровне способствует выходу из бедности большинства сельских жителей. Именно через формирование человеческого капитала социальные практики повседневной жизни имеют возможность способствовать решению проблемы бедности в китайских деревнях. При этом социальные практики оказываются способом воспроизводства человеческого капитала на все более высоком уровне своего развития. Иными словами, человеческий капитал является тем результатом, который формируется через социальные практики повседневной жизни, а среди этих практик особое значение имеют те из них, которые направлены непосредственно на это формирование.

Для решения проблемы бедности и повышение уровня жизни сельских жителей Китая особое значение имею социальные практики, обеспечивающие повышение образовательного уровня и заботы о своем здоровье. Эти практики государство старается формировать в сельских жителях с тем, чтобы они имели бóльшие возможности для трудоустройства, могли претендовать на более высокие заработные платы, могли рационально построить свои расходы, могли распознавать и реализовывать социальные возможности повышения своего уровня благосостояния.

В настоящее время в Китае в сельской местности практически побеждена абсолютная бедность. Количество сельских жителей, живущих за чертой бедности, в настоящее время насчитывается менее 1 % от общего количества сельских жителей. Поэтому решение проблемы бедности переведено китайским государством в плоскость относительной бедности и достижения состояния среднезажиточного общества. В то же время остро стоит проблема возврата в бедность сельских жителей, которые сумели выйти из бедности. Здесь китайское государство осуществляет не только материальную помощь вновь оказавшимся в бедности сельским жителям, но и способствует развитию их человеческого капитала, в том числе через формирование социальных практик их повседневной жизни по его развитию.

СВЕРУХРОЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В КИТАЕ

Чэнь Вэньвэй
(СПбГУ)

Сан Сумей
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Чэнь Чуньсяо
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Китайский рынок труда с начала экономических реформ является трудоизбыточным. Большое предложение рабочей силы определяется большой численностью населения, в том числе населения в трудоспособном возрасте. Это является причиной того, что предложение на рынке труда Китая значительно превышает спрос на труд. Согласно данным Национального бюро статистики Китая в настоящее время в стране насчитывается порядка 900 млн. экономически активного населения. При этом рабочих мест в народном хозяйстве создано на порядок меньше – всего 800 млн. [1] Это означает, что каждый девятый желающий работать китайский гражданин не может трудоустроиться. Это также означает, что предложение труда на рынке трудовых ресурсов давит на спрос.

Такая ситуация порождает множество проблем трудовых отношений в китайской экономике, в том числе проблему принудительной сверхурочной занятости. Логика развертывания этой проблемы следующая: большое количество рабочей силы определяет высокую конкуренцию за рабочие места на рынке труда среди работников. Работодатели, понимая, что вместо уволившегося работника они смогут быстро найти себе другого сотрудника, а работнику будет трудно найти новое рабочее место, начинают диктовать свои условия занятости в своей организации. Среди этих условий оказывается постоянная сверхурочная занятость, к которой работодатели принуждают работников под угрозой увольнения.

Однако ситуация на рынке труда меняется, и меняется она в сторону создания новых рабочих мест и сокращения численности трудовых ресурсов. Это сокращение началось еще в 2015 г. и продолжается до сих пор. Постепенно предложение труда ослабевает и уже давит на спрос на труд не так сильно, как это было до 2015 г. Но по инерции работодатели продолжают выстраивать у себя в организациях принуждение к сверхурочной занятости своих сотрудников. Эта сверхурочная занятость оказывается выгодной не только работодателям, но и государству, поскольку за сверхурочное рабочее время создается дополнительный ВВП. Можно сказать, что чудо китайской экономики построено в том числе на постоянной сверхурочной занятости китайских граждан. Тем самым государству выгодно, когда предложение рабочей силы превышает спрос на нее, так как это является стимулирующим фактором для постоянной сверхурочной занятости и производства дополнительного ВВП. Чтобы поддержать предложение труда китайское государство планирует осуществить пенсионную реформу, повысив возраст выхода на пенсию. Эта мера поможет государству увеличить предложение труда и поддержать работодателей в их политике организации постоянной сверхурочной занятости.

Тем самым китайское государство проводит интересы работодателей относительно организации труда в китайских компаниях с тем, чтобы подержать рост национальной экономики и обеспечить экономическое развитие страны.

1. Национальное бюро статистики Китая // National Bureau of Statistic of China // URL: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm (Дата доступа 10.09.2025)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА РЫНКЕ ОНЛАЙН-ВИДЕОСЕРВИСОВ

Шевцова Александра Евгеньевна
(Тюменский государственный университет)

Григорова Даурия Алексеевна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. Статья анализирует развитие онлайн-кинотеатров в России в контексте пандемии и санкций. Особое внимание уделяется экономической оценке потребительских практик. Показано, как цифровые сервисы трансформируют практики медиапотребления и формируют новые культурные субкультуры.

Ключевые слова: онлайн-кинотеатры, медиапотребление, повседневность, культурные практики, экономическая оценка.

Современный рынок онлайн-видеосервисов в России демонстрирует устойчивый рост, во многом обусловленный совокупностью внешних и внутренних факторов. Локдаун, вызванный пандемией COVID-19, стал катализатором массового перехода аудитории к цифровому потреблению медиаконтента, так как именно онлайн-платформы обеспечивали доступ к развлечениям в условиях социальной изоляции [1]. Вторым переломным моментом стали санкции 2022 года, ограничившие доступ к голливудским премьерам и сократившие репертуар офлайн-кинотеатров. В этих условиях цифровые платформы восполнили образовавшийся дефицит и сформировали новые практики потребления.

Феномен онлайн-кинотеатров можно рассматривать через призму феноменологической социологии Альфреда Шюца [5]. Согласно его подходу, повседневность структурируется через «запасы знания» и типизации. Подписка на онлайн-сервис становится частью «естественной установки» повседневной жизни: привычка смотреть сериалы или фильмы по вечерам оказывается столь же типизированной практикой, как приготовление еды или чтение новостей.

Подход Мишеля де Серто, изложенный в «Практике повседневности», позволяет рассматривать взаимодействие аудитории с платформами как совокупность тактик присвоения медиапространства [6]. «Запойный просмотр», выбор нишевого контента или использование пробных подписок – всё это формы тактического сопротивления стандартизированным стратегиям платформ.

Экономический аспект играет ключевую роль в выборе пользователями формата досуга. Данные по Тюмени показывают: поход в кинотеатр обходится дороже, чем

месячная подписка на онлайн-сервис. При этом онлайн-сервисы обеспечивают больший выбор и гибкость, позволяя смотреть контент без рекламы и с разных устройств.

Еще одним подтверждением служит составленная таблица сравнения цен на посещение кинотеатра в г. Тюмени и среднемесячной стоимости подписок на онлайн кино-сервисы, представленная ниже.

Таблица 1. Сравнение стоимости посещения кинотеатра и подписки на онлайн кино-сервис (на примере г. Тюмень)

Кинотеатры	**Мин. стоимость**	**Макс. стоимость**	**Онлайн кино-сервисы**	**Мин. стоимость**	**Макс. стоимость**
Атмос Синема	270 руб.	420 руб.	Кинопоиск	399 руб. в мес.	4490 руб. за 12 мес. (примерно 374 руб. в мес.)
Синема Парк	230 руб.	630 руб.	Иви	399 руб. в мес.	2999 руб. за 12 мес. (примерно 249 руб. в мес.)
Киномакс	210 руб.	590 руб.	Wink	349 руб. в мес.	1800 руб. в мес.

Таблица 1 демонстрирует, что минимальная цена билета в кинотеатре составляет 210 – 270 руб., а максимальная достигает 630 руб. Для семьи из трёх человек одно посещение кинотеатра может обойтись в 1 500 руб. и более. Подписка же на онлайн-кинотеатр (например, «Иви» или «Кинопоиск») стоит 249 – 399 руб. в месяц, а при годовой оплате – ещё дешевле. Таким образом, при регулярном потреблении медиаконтента онлайн-подписка является экономически более выгодным вариантом.

Тем не менее, несмотря на очевидные экономические преимущества онлайн-сервисов, традиционные кинотеатры продолжают сохранять свою популярность и культурную значимость [3]. Кинотеатр – это не просто место просмотра фильма, а особая форма коллективного культурного опыта, включающая эмоциональную атмосферу, эффект присутствия и совместное переживание.

Посещение кино остаётся социальным ритуалом: зрители идут туда не только ради контента, но и ради общения, совместного досуга, романтических встреч или семейных выходов. Технологический фактор также играет свою роль: большой экран, объемный звук и эффект погружения создают уникальные впечатления, которые невозможно воспроизвести дома, даже при наличии современных телевизоров или проекторов. Это подтверждает, что культурная ценность кинотеатра связана не столько с самим фильмом, сколько с эстетикой коллективного восприятия.

Наконец, кинотеатры активно адаптируются к цифровой конкуренции. Они предлагают премиальные залы, комфортные кресла, индивидуальное обслуживание и комбинированные форматы развлечений (например, кафе-кино или арт-пространства). Всё это позволяет сохранять статус кинотеатра как символа культурного досуга и места встречи различных социальных групп. Таким образом, офлайн-кинотеатры выполняют социальную и культурную функцию, обеспечивая не только доступ к контенту, но и формирование пространства общественного взаимодействия. Даже в условиях

цифровизации они остаются элементом «культурной инфраструктуры города» и способом поддержания социокультурных связей.

По данным отраслевых исследований [1; 2; 4], количество подписчиков крупнейших онлайн-кинотеатров в России за три года увеличилось более чем на 35 %. В 2021 году совокупная аудитория составляла около 12 млн человек, в 2022 году – 15 млн, а в 2023 году превысила 18 млн. Рост особенно ускорился после ухода западных сервисов и ограничения кинопроката.

Одновременно изменились модели монетизации: если ранее преобладала рекламная модель (AVOD), то с 2022 года значительно вырос сегмент подписок (SVOD). Для аудитории это означает предсказуемые расходы и расширенный доступ к контенту. Для платформ – рост стабильной базы пользователей и возможностей инвестировать в собственное производство.

Онлайн-сервисы становятся не только дистрибьюторами, но и производителями новых культурных практик. Примером служит популярность турецких сериалов, во многом достигнутая благодаря «Иви» как основному их источнику, что стимулировало появление новых сообществ и фанатских практик. Подобные сегменты позволяют аудитории адаптировать зарубежный контент к локальным культурным ожиданиям. Кроме того, крупные экосистемы (например, «Яндекс.Плюс») предлагают «пакетное потребление» – кино, музыка, книги в единой подписке. Такая стратегия формирует новые модели культурного досуга и закрепляет сервисы в повседневности.

Резюмируя, делаем следующие выводы:

1. Рынок онлайн-кинотеатров в России развивается под воздействием внешних (пандемия, санкции) и внутренних (цифровизация, изменение моделей монетизации) факторов.

2. Экономическая оценка подтверждает преимущество подписочной модели: пользователи получают больший объем контента при меньших расходах.

3. Рост аудитории онлайн-сервисов свидетельствует о закреплении цифровых форм досуга как нормы повседневной жизни.

4. Тем не менее, кинотеатры сохраняют социальную и культурную значимость, оставаясь пространством коллективного восприятия и символом культурного отдыха.

5. Социологические подходы Шюца и де Серто помогают понять, каким образом медиапрактики интегрируются в структуру повседневности и становятся частью культурной идентичности.

6. Онлайн-видеосервисы и офлайн-кинотеатры не конкурируют напрямую, а образуют взаимодополняющую систему, где каждый формат выполняет собственную функцию в структуре современного культурного потребления.

1. *Подписчики онлайн-кинотеатров // Sostav.ru. 2023. URL: https://www.sostav.ru/publication/podpischiki-onlajn-kinoteatrov-65996.html (дата обращения: 15.09.2025).*
2. *Анализ контента ключевых онлайн-кинотеатров и видеосервисов в России // VC.ru. 2023. URL: https://vc.ru/services/1277401-analiz-kontenta-klyuchevyh-onlain-kinoteatrov-i-videoservisov-v-rossii (дата обращения: 24.09.2025).*
3. *Кинотеатры начали наращивать посещаемость в сентябре // Серебряный дождь. 2025. URL: https://www.silver.ru/news/543235/ (дата обращения: 05.10.2025).*
4. *Самый популярный онлайн-кинотеатр // Сравни.ру. 2024. URL: https://svyaz.sravni.ru/info/samyj-populyarnyj-onlajn-kinoteatr/ (дата обращения: 29.09.2025).*
5. *Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1972, 296 p.*
6. *de Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1988, 260 p.*

ПАРАДОКС ГИПЕРПОДКЛЮЧЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Шин Владимир Талгатович
(Тюменский государственный университет)

Ромашкина Гульнара Фатыховна
(Тюменский государственный университет. Профессор кафедры Экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета)

Аннотация. В статье представлен парадокс гиперподключённости, показаны контуры его деструктивного влияния на личность и человеческий капитал через деградацию коммуникативных компетенций и возможные проявления фрустраций. Обосновано понимание гиперподключенности через концепцию Ж. Бодрийяра. Показаны актуальные проблемы.

Ключевые слова: гиперреальность, отчуждение, социальные сети, общество, цифровая личность, одиночество.

Научно-технический прогресс постоянно создает новые возможности, изменяя нашу жизнь, устраняя пространственные и временные ограничения. Любой человек может использовать современные технологии, которые ему доступны и удобны. Современный этап, который обычно описывают как цифровое общество, характеризуется критически высокой вовлеченностью в цифровое информационной пространство, в частности, в сеть Интернет. Результаты социологических исследований демонстрируют, что внимание людей, особенно молодых, практически поглощено пространством Интернет, обращаясь к нему значительную часть времени, всё чаще предпочитая просмотр социальных сетей, серфинг по Интернет-страницам, все больше виртуализируя свои социальные контакты [2, 8]. Особенно это характерно для молодых, наиболее образованных слоев населения, гендерных и иных сертификационных различий практически нет, либо они весьма невелики, см. рис. 1.

Коммуникация в Интернете отличается от коммуникации в реальной среде. Главное отличие состоит в симуляции эмоционально-чувственного аспекта, который в виртуальной среде проявляется в виде специфических символов или изображений. Тем самым, происходит подмена настоящего, как считал Ж. Бодрийяр [1], появляется гиперреальность, а подобные элементы являются симулякрами для самовыражения личности, мнения, реакции или отношения к чему-либо в виртуальном пространстве. Такая симуляция социального взаимодействия может блокировать возможности для полноценного развития личности, включая формирование социального и эмоционального интеллекта, навыков коммуникации, ведения диалога и критического мышления. В свою очередь, это приводит к обеднению человеческого капитала и отчуждению.

Возникает парадокс – виртуальная жизнь, наполненная красивыми и простыми симулякрами, кажется привлекательнее, чем сложная реальность. В Интернете человек может компенсировать себе недостаток общения, которому ему не хватает в жизни, быть более популярным или значимым для кого-то. Так, люди включаются в эту гиперреальность, обретают большое количество новых знакомых, друзей, потребляет медиа контент, на что тратится весомая часть реального времени. Это может привести к Интернет-зависимости или появлению психических расстройств, поскольку отсутствие

социальных связей в реальности может привести к депрессии, заболеваниям ключевых органов и систем организма, проблемам с памятью и снижению общей продуктивности [7].

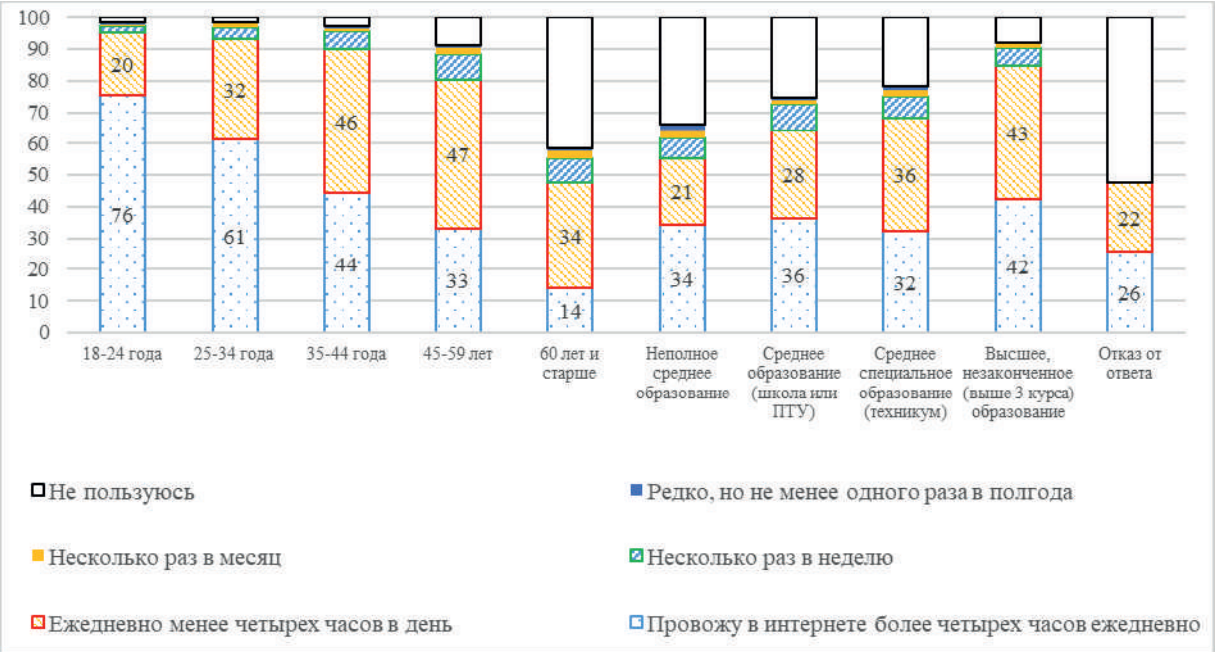

Рисунок 1. Ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, Вы пользуетесь интернетом? Если да, то как часто? (закрытый вопрос, один ответ)» по данным ВЦИОМ 06.2026 Источник: данные ВЦИОМ-Спутник, N=1600 22.06.2025 – 29.06.2025 [3].

Преобладание виртуальных социальных контактов связано с цифровой социализацией. До сих пор нельзя однозначно сказать, это цифровая социализация имеет негативную или позитивную коннотацию. Так, феномен цифровой социализации рассматривается как форма социализации, адаптированная под технологически насыщенную среду, когда границы между реальностью и виртуальностью становятся более размытыми, вследствие чего у человека появляется цифровая личность [6]. Специфическим инструментом в виртуальном пространстве для демонстрации самовыражения этой личности выступают цифровые профили пользователей в Интернете. С одной стороны, в рамках этих аккаунтов внутренние потребности человека реализуются в виртуальной среде. Это может проявляться как в симулякрах, так и в ведении личного блога. Иначе говоря, человек, наблюдающий за жизнью своего ближайшего окружения или за какой-то популярной личностью, более успешной и богатой, начинает сопоставлять себя с другими, либо искать недостатки в себе, либо стремиться соответствовать или демонстрировать свою жизнь с более привлекательных сторон. При этом у него может быть много друзей в виртуальном пространстве, но в реальности он может чувствовать себя одиноким. С другой стороны, сегодня человека, который не имеет цифрового профиля, как бы и нет в социуме. В некотором смысле отсутствие цифровых следов личности равносильно социальной смерти. Во многом эти процессы провоцируются развитием цифровых государственных услуг, цифровых идентификаций, обучения, цифровых банков, ЖКХ, здравоохранения или других общественно-значимых сфер.

Виртуальная среда создаёт видимость жизни и общения, но не гарантирует его качество. Сегодня большинство из нас находится «в он-лайн» практически постоянно, получая множество информации, обладая возможности посылать и получать мгновенные

сигналы как близким людям, так и неопределенному кругу незнакомых людей. Парадокс гиперподключённости демонстрирует, как личность человека сливается с цифровым потоком. В качестве побочных эффектов чрезмерной включенности человека можно выделить потерю связи с реальностью, что порождает отчуждение от настоящего жизненного опыта.

Виртуальная включенность не означает, что люди преимущественно получают информацию в сети Интернет, но его доля постоянно возрастает, см. рис. 2. Так, по данным ВЦИОМ, в 2023 году примерно каждый пятый действительно при получении информации опирается на Интернет (официальные сайты, новостные, аналитические источники), еще 14 % опираются на социальные сети и блоги, 11 % на мессенджеры. В совокупности эти источники уже после 2014 года превзошли по своей доле самый популярный новостной источник – телевидение.

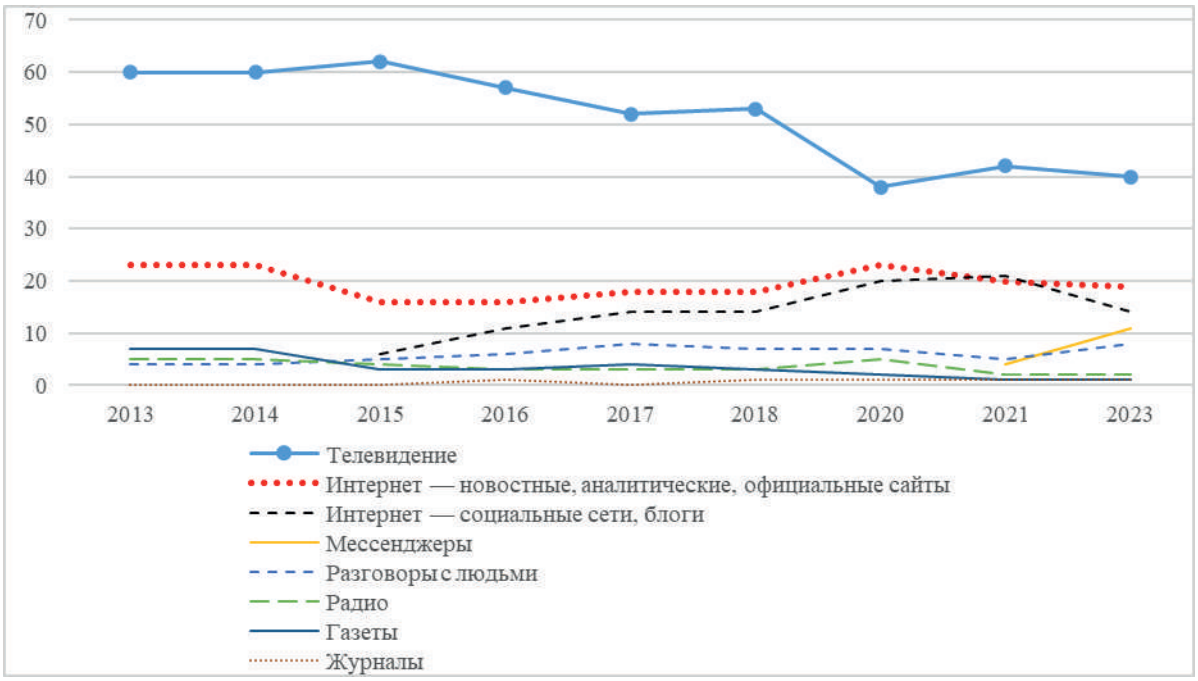

Рисунок 2. Что для Вас служит главным источником новостей о событиях в нашей стране? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)
Источник: данные ВЦИОМ-Спутник, N=1600

Особенно опасны эффекты гиперподключенности для детей и молодежи. По тем же данным ВЦИОМ, среди молодежи 18 – 24 лет на телевидение опираются уже только 9 %, а на различные Интернет-источники 24 %, социальные сети и блоги 25 % и мессенджеры 23 % [4].

Неудовлетворённость реальной жизнью может приводить к росту зависимости от социальных сетей, особенно в подростковом возрасте [5]. Таким образом ситуация усугубляется. Цифровая среда компенсирует недостаток или даже отсутствие реального общения, ослабление социальных связей. Человек испытывает отчуждение от социума, находясь в этом социуме практически непрерывно на виртуальном уровне.

Так, рост социального отчуждения и психических заболеваний являются деструктивными характеристиками для всего общества, что формирует новые негативные последствия – информационную перегрузку, эпидемию одиночества среди разных возрастных групп населения и кризисным состояниям как на индивидуальном, так и на

макро-уровне. На индивидуальном уровне человек может контролировать своё времяпровождение в виртуальной среде и погружаться более осознанно, снижая свою зависимость от гаджетов посредством различных подходов и практик.

Это выявляет необходимость разработки мер, направленных на поддержку психического здоровья одиноких людей и внедрение механизмов для цифровых платформ, снижающих риск потребления деструктивного контента, включая профилактику Интернет-зависимости среди молодёжи.

1. *Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. Н. Суслова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 199 с.*
2. *Живущие в сети: медиапотребление современной молодежи [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi*
3. *ВЦИОМ-Спутник: данные всероссийского опроса, 22.06.2025–29.06.2025, N=1600 [Электронный ресурс] // База социологических данных ВЦИОМ. – URL: https://bd.wciom.ru/ (дата обращения: 11.10.2025).*
4. *Новости, достойные доверия [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija (дата обращения: 11.10.2025).*
5. *Корниенко Д. С., Чурсина А.В., Калимуллин А. М., Семенов Ю. И. Взаимосвязь использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и одиночеством у подростков // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 3. С. 202-218.*
6. *Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431-450.*
7. *Шалин В. В., Пономарев И. Е., Самыгин С. И. Интернет-зависимость как фактор, влияющий на социальное здоровье молодежи // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 6 (206). – С. 17-22.*
8. *Юдина Е. Н., Алексеенко И. В. Молодежь в пространстве социальных сетей интернета: итоги социологического опроса // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 11 (187). – С. 120-126.*

БЕСПРОЦЕНТНАЯ КОНВЕРТАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА КАК НОВЫЙ ЭТАП ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ И КИТАЯ

Шумский Александр Васильевич
(Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Одинцовский филиал)

Вострецова Влада Александровна
(Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Яровова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Одинцовский филиал)

Аннотация. Авторы статьи исследуют перспективы внедрения механизма беспроцентной конвертации цифровых валют центральных банков России и Китая как нового этапа финансовой интеграции. На основе SWOT-анализа определены

преимущества и риски инициативы, связанные с интероперабельностью. Предложены рекомендации по созданию нормативной и технологической базы для безопасной реализации проекта.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ), цифровой рубль, цифровой юань, беспроцентная конвертация, финансовая интеграция, блокчейн, трансграничные расчеты, БРИКС+, валютное регулирование, экономическое сотрудничество России и Китая.

Введение. Развитие инновационных технологий привело к появлению новой формы существования денег – цифровой валюты, которая является цифровой формой национальной валюты, выпускаемой и гарантируемой центральным банком страны. В отличие от криптовалют ЦВЦБ централизована и эквивалентна фиатным деньгам. Одной из первых крупных держав, сумевших успешно запустить цифровую валюту в обращение, стала Китайская народная республика. Опыт КНР показал эффективность цифрового юаня не только во внутреннем обороте, но и в сфере трансграничных платежей. По данным на конец июля 2025 года, сумма транзакций в цифровом юане превысила 8,5 трлн юаней (1,19 трлн долларов). Это подтверждает, что цифровой юань стал важным компонентом платежной системы Поднебесной [3].

В условиях усиливающейся геоэкономической изоляции и ограничений со стороны западной финансовой системы особую актуальность приобретает поиск альтернативных механизмов международных расчетов. В этой связи опыт Китая приобретает стратегическое значение для России, где реализация цифрового рубля во многом направлена на снижение транзакционных издержек и повышение устойчивости взаимной торговли. Торговый оборот между РФ и КНР только с января по июль 2025 года достиг $125,8 млрд, большая часть которого была проведена в рублях и юанях (приблизительно 90 %) [6]. Одним из перспективных направлений в данной области является внедрение механизма беспроцентной конвертации цифровой валюты Центрального Банка (ЦВЦБ) России и Китая, основанного на блокчейн-технологиях и смарт-контрактах. Этот подход предполагает внедрение совместной цифровой финансовой инфраструктуры и единого правового регулирования, что сможет обеспечить проведение транснациональных расчетов в рамках единой технологической экосистемы. Ключевым элементом данной модели является государственное регулирование процесса конвертации. Для обеспечения баланса валютных потоков предполагается, что государства-участники – Российская Федерация и Китайская Народная Республика – будут устанавливать квоты на объем цифровых валют, доступных для беспроцентного обмена. В рамках данных квот российские и китайские компании смогут получить возможность обменивать цифровые рубли на цифровые юани, и наоборот, без начисления процентов и комиссий, исключительно для целей взаимной торговли и закупки товаров из стран контрагента. Данные операции будут осуществляться через государственно сертифицированные цифровые платформы, что сможет обеспечить контроль за целевым использованием средств и исключит их перераспределение на вторичных финансовых рынках.

В совокупности предложенный подход поспособствует формированию новой модели валютного взаимодействия, ориентированного на углубление экономической интеграции между Россией и Китаем. Реализация данного проекта позволит сократить транзакционные издержки, повысить устойчивость взаимных расчетов и создать предпосылки для перехода к глобальной блокчейн-системе взаимной торговли в рамках международных объединений. Однако, различия в архитектуре блокчейн-платформ,

проблема волатильности национальных валют и потенциальная экономическая нестабильность могут привести к трудностям реализации механизма беспроцентной конвертации ЦВЦБ России и Китая.

Целью статьи является определение перспектив внедрения механизма беспроцентной конвертации ЦВЦБ России и Китая. **Гипотеза** – внедрение механизмов беспроцентной конвертации ЦВЦБ является реализуемым направлением развития двусторонней финансовой интеграции.

Методы исследования

Основными эмпирическими источниками настоящего исследования послужили научные статьи, аналитические отчеты международных финансовых институтов и официальные данные исследовательских центров.

Методология исследования включает в себя синтез, сравнительный метод, системный анализ и SWOT – анализ.

Для анализа эмпирических данных был использован SWOT-анализ, что позволило выявить сильные и слабые стороны, возможности и риски внедрения механизма беспроцентной конвертации ЦВЦБ. Данное исследование помогло определить перспективы дальнейшего развития российско-китайской финансовой интеграции и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию межгосударственного валютного взаимодействия.

Результаты

	Возможности: Внедрение механизмов беспроцентной конвертации в экономическую систему других государств, таких как стран-участниц БРИКС+ Снижение зависимости от западной экономической системы Создание глобальной международной блокчейн системы на основе смарт-контрактов для международной торговли Рост объемов взаимной торговли за счет формирования системы, обеспечивающей повышенную безопасность и скорость проведения операций между контрагентами. Создание института, обеспечивающего валютное регулирование Создание нормативно-правовых актов для обеспечения конфиденциальности пользователей	Угрозы: Киберугрозы Недружественные страны могут не поддержать такую систему, ограничивая ее использование в международной торговле Создание альтернативных ЦВЦБ недружественными странами, что может усугубить с ними отношения Создание дисбаланса валют при подключении к системе других стран
Сильные стороны: 1. Упрощение трансграничной торговли и платежей 2. Укрепление	СиВ: I. 1, 4, 5 II. 1, 2, 3, 4, 5 III. 3, 4, 5, 6 IV. 1, 2, 4, 6	СиУ: I. 4, 5 II. 1, 2, 3, 4 III. 1, 2, 4, 5 IV. 4, 5

<table>
<tr><td>геополитического альянса
3. Повышение финансовой инклюзии и эффективности
4. Совместная разработка международных обменных систем, основанных на блокчейн-технологии
5. Получение опыта в создании государственных централизованных приложений, где могут осуществляться финансовые операции и трансграничные расчеты
6. Сокращение нарушений в областях публичного и частного права</td><td>V. 1, 2, 3, 6
VI. 2, 3, 6

Вывод: сильные стороны возможностей, а также угрозы (риски)
по внедрению механизма беспроцентной конвертации ЦВЦБ сконцентрировались на факторе 4: совместная разработка международных обменных систем, основанных на блокчейн-технологии.
Разбирая детально этот факт, следует отметить следующее: совместное развитие блокчейн-инфраструктуры сможет стать основой для формирования механизмов внедрения беспроцентной конвертации, что приведет к укреплению экономических отношений между Россией и КНР. Данный фактор может открыть значительные возможности для расширения экономического взаимодействия в рамках БРИКС+, создавая условия для формирования глобальной цифровой расчетной системы, независимой от западных институтов. Однако такие угрозы, как создание альтернативных ЦВЦБ недружественными странами, что может усугубить с ними отношения; а также создание дисбаланса валют при подключении к системе других стран потребуют принятия совместных мер по институциональной координации валютного регулирования.</td><td></td></tr>
<tr><td>Слабые стороны:
1. Интероперабельность может быть проблематичной, если ЦВЦБ несовместим или плохо совместим с другими системами и инструментами, что может ограничить его использование и распространение.

2. Отсутствие института, обеспечивающее валютное регулирование.

3. Ограничение глобальной приемлемости двусторонними отношениями России и Китая.</td><td>СлВ

I. 3, 5
II. 3
III. 1, 5
IV. 4
V. 2
VI. 4

Вывод: Слабые возможности и угрозы сконцентрированы на факторах 3 и 5. Эти факторы можно устранить, что позволит государствам внедрить беспроцентный валютный обмен.
Таким образом, государству необходимо ввести ограничительные меры на конвертацию валют без комиссии, чтобы избежать экономическую нестабильность, вызванную разной волатильностью валют.
Также, необходимо рассмотреть инициативу о внедрении беспроцентной конвертации национальных цифровых валют стран-участниц БРИКС+ в качестве экономического и геополитического решения по избежанию ограничения глобальной приемлемости двусторонними отношениями России и Китая.</td><td>СлУ

I. 2, 4
II. 3
III. 1, 3, 5
IV. 5</td></tr>
</table>

4. Страх населения перед хакерскими угрозами и чрезмерным государственным контролем. 5. Проблемы волатильности валют порождают экономическую нестабильность двух стран, что может привести к оттоку капитала.	

Обсуждение. Исходя из результатов проведенного SWOT-анализа, можно отметить, что внедрение механизмов беспроцентной конвертации ЦВЦБ является реализуемым направлением финансовой интеграции России и Китая, однако данная инициатива несовершенна. Совместная разработка блокчейн-инфраструктуры и международных обменных систем могут стать ядром формирования нового финансового пространства, независимого от западных расчетных институтов. Однако, наряду с преимуществами, существует ряд проблем, которые могут стать отягчающими факторами реализации проекта. Так, например, различия в экономических системах двух стран и волатильность валют, способная вызвать дисбаланс при беспроцентной конвертации могут стать основными детерминантами невозможности реализации данного проекта. Следовательно, необходимо выработать комплекс мер для нейтрализации указанных мер. В качестве возможных решений предлагается следующее:

Создание совместной инфраструктуры ЦВЦБ, на основе блокчейн-мостов, обеспечивающей прямое взаимодействие цифрового рубля и цифрового юаня без необходимости использования промежуточных валют или корреспондентских счетов (по принципу проекта mBridge, поддерживаемого Банком международных расчетов);

Разработка единой нормативно-правовой базы, включая законодательные инициативы по обеспечению конфиденциальности данных пользователей;

Введение жестких ограничений на беспроцентный обмен валютами с целью избежания экономического дисбаланса, вызванного разной волатильностью валют. Компании должны будут получать специальную квоту на количество рублей и юаней, которые могут обменять по беспроцентному тарифу. Эти квоты будут регулироваться государствами и соответствующими соглашениями, чтобы сбалансировать уровень обмена валют;

Институционализация проекта в рамках БРИКС+, что позволит расширить экономического влияние и создать альтернативную финансовую систему, независимую от западных механизмов расчетов.

Таким образом, несмотря на наличие рисков, внедрение механизма беспроцентной конвертации ЦВЦБ между Россией и Китаем является достаточно реализуемым направлением. Данная инициатива позволит укрепить экономический суверенитет РФ и двусторонние отношения РФ и КНР, повысит эффективность трансграничных операций и сможет сформировать технологическую основу для международного валютного сотрудничества.

1. *Амирова Э. Ф., Потапов А. А., Исламгереева Я. С. Особенности внедрения цифровой национальной валюты на территории России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 1. Т. 2. С. 51–55; https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.02.007*
2. *Епифанова Н. С., Полозков М. Г., Кан Цзяи. Возможности использования цифровой валюты в трансграничных платежах: опыт Китая // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 12. С. 1492–1502. http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-12-1492-1502*
3. *Цифровой юань // Банковское обозрение URL: https://bosfera.ru/bo/ (дата обращения: 10.10.2025).*
4. *BRICS Digital Currency Network Bypasses the West, Dollar Weakens // Watcher Guru URL: https://watcher.guru/news/brics-digital-currency-network-bypasses-the-west-dollar-weakens (дата обращения: 11.10.2025).*
5. *Going Steady: China and Russia's Economic Ties are Deeper than Washington Thinks // CEPA URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/going-steady-china-and-russias-economic-ties-are-deeper-than-washington-thinks/ (дата обращения: 10.10.2025).*
6. *How Would a New BRICS Currency Affect the US Dollar? // Investing News Network URL: https://investingnews.com/brics-currency/ (дата обращения: 11.10.2025).*
7. *Ilia Chapyshev, Ansel Shaidulin Study of the problem of interoperability of the bank of russia's digital currency. Russian journal of money and finance, 2024, vol. 83, №1, pp. 104-126.*
8. *Kymbat Kunanbayeva, Marina Gordova Prospects for the development of digital currency in the context of an innovative economy. Special Issues, 2024,, vol. 19, №6, pp. 1299-1306.*
9. *Project mBridge reached minimum viable product stage // BIS URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm (дата обращения: 11.10.2025).*

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ФИНАНСОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ ИЛИ ТОТАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ?

Яхин Роман Русланович
(Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП) Московский государственный институт международных отношений МИД России Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт международных отношений МИД России Одинцовский филиал)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу цифрового рубля – новой формы национальной валюты, внедрение которой в России находится на этапе активной проработки. Исследуются как потенциальные преимущества, связанные с повышением финансовой инклюзии, ускорением транзакций и снижением издержек, так и значительные риски, связанные с возможностью усиления тотального контроля со стороны государства и утратой конфиденциальности. Анализируется технологическая основа цифрового рубля, сравнительный зарубежный опыт, правовые аспекты и потенциальное влияние на экономику. Цель статьи – выявить и сопоставить ключевые возможности и риски внедрения цифрового рубля, определив его, как инструмент развития финансовой доступности и, одновременно, как потенциального механизма увеличения надзорных функций государства.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка (CBDC), финансовая инклюзия, блокчейн, платежные системы, безопасность данных, правовое регулирование, экономика России, национальная валюта, государственный контроль, финансовая система.

Введение. В эпоху стремительного развития цифровых технологий финансовые системы по всему миру активно трансформируются. Одним из наиболее обсуждаемых новшеств последних лет стало появление концепции цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currencies, CBDC). «Цифровые валюты центральных банков (CBDC) могут способствовать финансовой включенности, делая платежные услуги более доступными для населения и малого бизнеса, снижая стоимость операций и повышая их эффективность». [1] Россия не остается в стороне, активно прорабатывая внедрение цифрового рубля. Цифровой рубль – это третья форма национальной валюты, наряду с наличными (банкнотами и монетами) и безналичными деньгами (средствами на счетах в банках). Технологической основой для его создания, как правило, являются технологии распределенных реестров, в том числе блокчейн, хотя конкретная реализация может отличаться. Основные цели, заявленные Банком России, включают повышение эффективности платежной системы, укрепление ее безопасности, снижение транзакционных издержек и создание новых возможностей для развития финансовых сервисов. Актуальность темы обусловлена потенциально глубоким влиянием цифрового рубля на экономику, финансовую систему и жизнь каждого гражданина.

Цифровой рубль будет выпускаться Банком России, который выступит в роли главного эмитента. Хранение цифровых рублей будет осуществляться в специальных цифровых кошельках, которые могут быть реализованы как на устройствах пользователей (например, смартфонах), так и на платформах финансовых институтов. Транзакции с цифровым рублем, предположительно, будут использовать смарт-контракты – самоисполняющиеся программы, которые могут автоматизировать платежи при выполнении определенных условий. Цифровой рубль должен будет взаимодействовать с существующими платежными системами, чтобы обеспечить максимальную доступность для пользователей.

Цифровой рубль как инструмент финансовой инклюзии

Одним из ключевых аргументов в пользу внедрения цифрового рубля является его потенциал для повышения финансовой инклюзии. Для граждан, проживающих в отдаленных регионах или не имеющих доступа к традиционным банковским услугам, цифровой рубль может стать простым и доступным инструментом для осуществления платежей и переводов. Снижение транзакционных издержек, как для пользователей, так и для бизнеса, может сделать финансовые операции более дешевыми и быстрыми. Кроме того, разработка удобных интерфейсов и образовательных программ может способствовать повышению уровня финансовой грамотности населения, вовлекая больше людей в цифровую экономику. Однако, наряду с очевидными преимуществами, внедрение цифровой валюты центрального банка вызывает и серьезные опасения, связанные с возможностью усиления государственного контроля. Природа цифрового рубля подразумевает высокую степень прозрачности всех транзакций. Это означает, что Банк России (и, возможно, другие государственные органы) потенциально может иметь доступ к информации обо всех финансовых операциях граждан. Особые опасения вызывают так называемые «программируемые деньги». Теоретически, цифровой рубль может быть запрограммирован на определенные цели: например, средство может быть использовано только для покупки определенных товаров или услуг, или иметь ограниченный срок действия. Возможность мгновенной заморозки средств также является предметом дискуссий. Все это порождает вопросы о приватности и потенциальном расширении полномочий государства. Неизбежно возникают вопросы о безопасности хранения и транзакций с цифровым рублем. Несмотря на то, что технологии блокчейн и

распределенные реестры обладают определенным уровнем криптографической защиты, они не являются неуязвимыми. Киберугрозы, такие как хакерские атаки, фишинг и мошенничество, остаются реальными. Банк России заявляет о разработке надежных механизмов защиты, но эффективность этих мер в долгосрочной перспективе еще предстоит доказать. Важнейшим аспектом является законодательная база, регулирующая защиту персональных данных и конфиденциальность транзакций. Необходимо гарантировать, что цифровая валюта будет функционировать в рамках четких правил, защищающих права граждан, и не станет инструментом для злоупотреблений.

Потенциальное влияние на экономику России

Внедрение цифрового рубля может оказать существенное влияние на экономику страны. Ожидается дальнейшее стимулирование перехода к безналичным расчетам, что может способствовать сокращению теневой экономики и повышению прозрачности финансовых потоков. Для Банка России открываются новые возможности в области монетарной политики, например, более точное и оперативное управление денежной массой. Цифровой рубль также может упростить и удешевить международные расчеты, особенно при интеграции с аналогичными системами других стран, что актуально в условиях геополитических изменений. Ряд стран уже активно экспериментируют с цифровыми валютами центральных банков. Наиболее продвинутым является проект цифрового юаня в Китае, где он уже используется в пилотных проектах и постепенно внедряется. Китай делает акцент на платежной эффективности и контроле. Другие страны, такие как Швеция (e-krona) или Евросоюз (цифровой евро), также ведут активные исследования, уделяя внимание как инклюзии, так и вопросам приватности. Анализ этого опыта позволяет выявить как успешные практики, так и потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при внедрении цифрового рубля в России.

Правовое регулирование и законодательство

Внедрение потребует разработки соответствующих законодательных и регуляторных механизмов. Необходимо установить правила и нормы, регулирующие использование и обмен цифровыми валютами, чтобы предотвратить мошенничество и незаконную деятельность в сфере экономики и международной торговли для избегания в будущем резких экономических изменений. [2, с. 9]

Криптография также помогает обеспечить конфиденциальность данных, предотвратить возможность подделки или изменения информации в блокчейне, а также обеспечить анонимность пользователей при необходимости. Именно эта техническая составляющая уже может потребовать значительных инвестиций и ресурсов. [4, с. 36]

Опросы общественного мнения показывают неоднозначное отношение к цифровому рублю. С одной стороны, граждане видят потенциал в упрощении платежей и повышении доступности финансовых услуг. С другой стороны, значительная часть населения выражает обеспокоенность вопросами конфиденциальности, безопасности и возможностью государственного контроля. Бизнес, в целом, настроен более позитивно, видя возможности для оптимизации расходов и внедрения новых бизнес-моделей.

Плюсы и минусы цифрового рубля

Преимущества	Недостатки / Риски
Финансовая инклюзия: Доступ к услугам для всех слоев населения.	**Тотальный контроль:** Потенциальная возможность полного отслеживания всех транзакций.
Эффективность и скорость: Мгновенные платежи, низкие издержки.	**Утрата конфиденциальности:** Раскрытие личной финансовой информации.

Безопасность: Защищенность от подделок, потенциально от киберугроз.	**Киберугрозы:** Риски взлома, мошенничества.
Борьба с теневой экономикой: Повышение прозрачности.	**Сложность внедрения:** Необходимость адаптации для бизнеса и граждан.
Новые возможности: Программируемые платежи, новые сервисы для бизнеса.	**Возможная неравномерность:** Риск, что преимущества получат не все.
Укрепление суверенитета: Независимость от внешних платежных систем.	**Ограничения на использование:** Риск программирования денег на определенные цели.

Заключение: цифровой рубль – это мощный и двойственный инструмент. Он несет в себе как огромный потенциал для развития финансовой инклюзии, повышения эффективности и безопасности платежей, так и серьезные риски, связанные с приватностью и возможностью усиления государственного контроля. Ключевая задача при его внедрении – найти баланс между этими двумя полюсами. Необходимо, чтобы цифровой рубль стал инструментом, действительно улучшающим жизнь граждан и способствующим развитию экономики, а не превратился в средство тотального надзора. Будущее цифрового рубля будет зависеть от того, насколько успешно удастся решить эти противоречия, обеспечив прозрачность, безопасность и защиту прав всех участников системы.

1. *Международный валютный фонд (IMF). (2022). «Будущее денег: поиск пути к финансовой стабильности».*
2. *Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1. С. 8–11.*
3. *Щеголева, Н. Г. Технологии и финансовые инновации: учебник для вузов / Н. Г. Щеголева. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 81 с.*
4. *Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716)*
5. *Королева, В. Д. Цифровой рубль: перспективы развития в эпоху цифровой экономики / В. Д. Королева, Р. С. Смирнов // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа, контроля и налогообложения : Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов, представленных на 8-й Международной научно-практической конференции в Государственном университете управления, Москва, 08 апреля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – С. 61-67. – EDN QGOBII.*
6. *Юдаева К. В. (2021). «Цифровой рубль: новые возможности и вызовы для финансовой системы». Экономическая политика.*

Секция 4: Особенности управления в новых условиях: поиски новой модели

ВЛИЯНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СВЕРХУРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РАБОТОДАТЕЛЯ

Агеева Александра Игоревна
(СПбГУ)

Стремление к максимальной отдаче от рабочей силы, характерное для капиталистической рациональности, создает предпосылки для формирования практик сверхурочной занятости. Работодатель, пользуясь своим положением в системе трудовых отношений, часто формирует эти практики. Работник, в свою очередь, из-за ограниченности ресурсов, часто оказывается не в состоянии им противостоять, что придает сверхурочной занятости принудительный характер.

Принудительная сверхурочная занятость, несмотря на кажущееся преимущество для работодателя в виде увеличения производственного времени и краткосрочного роста прибыли, влечет за собой целый ряд социальных, организационных и экономических последствий, которые напрямую влияют на эффективность предприятия и его устойчивое развитие.

В условиях ограниченных ресурсов и высокой конкурентной среды работодатели могут прибегать к принудительному увеличению рабочего времени персонала с целью: повышения объемов выпуска продукции или оказания услуг без увеличения штата, сокращения затрат на найм новых работников, оперативного выполнения срочных заказов или контрактов. Такая стратегия часто рассматривается как способ быстрой мобилизации трудового ресурса при минимальных инвестициях в инфраструктуру и персонал [2,40].

Однако использование принудительной сверхурочной занятости сопряжено с рядом долгосрочных издержек, которые могут перевесить краткосрочные выгоды. Среди них выделяются следующие. Во-первых, снижение производительности труда: исследования показывают, что переработки, особенно постоянные, ухудшают концентрацию, снижают мотивацию и повышают утомляемость работников, что приводит к росту ошибок, брака и снижению качества выполняемой работы [3,80]. Во-вторых, увеличение текучести кадров: работники, находящиеся в условиях постоянного стресса и переутомления, чаще увольняются, что влечёт за собой дополнительные расходы на подбор, обучение и адаптацию новых сотрудников. В-третьих, рост социального напряжения: принудительные переработки усиливают конфликтный потенциал в коллективе, подрывают доверие к руководству, способствуют формированию негативного имиджа работодателя. В-четвертых, юридические риски: принудительная сверхурочная занятость часто нарушает нормы Трудового кодекса РФ, что чревато административными санкциями, судебными исками со стороны работников, вниманием со стороны трудовых инспекций [1,769]. Также принудительная сверхурочная занятость влияет на ухудшение корпоративной культуры: формирование в организации среды, где переработка воспринимается как норма, приводит к эрозии трудовой морали и снижению лояльности сотрудников [1,797].

С точки зрения стратегического развития, злоупотребление принудительной сверхурочной занятостью может препятствовать внедрению инноваций и автоматизации, развитию гибкой системы мотивации и баланса между работой и жизнью, формированию позитивного бренда работодателя на рынке труда [3,79].

Таким образом, принудительная сверхурочная занятость представляет собой двусмысленную управленческую практику: с одной стороны, она позволяет оперативно реагировать на производственные вызовы, с другой несет в себе значительные риски для работодателя.

1. *Квитова К. С. Проблемы применения законодательства о сверхурочных работах/ Энергия науки. 2016. С. 795–797*
2. *Некрасова А. И. Проблемные вопросы минимизации затрат работодателя в условиях экономического кризиса посредством привлечения работников к сверхурочной занятости/ Синергия наук. 2019. 35. С. 39–43*
3. *Сан С. Проблема сверхурочной занятости в Китае: принуждение к переработкам и их тотальное распространение / Теория и практика общественного развития. 2024. №5, С. 78–83.*

СТРАТЕГИИ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Алейников Андрей Викторович
(СПбГУ)

Аннотация. Анализируются ключевые тренды современного в стратегического управления рисками в условиях эскалации глобальных конфликтов, предложены факторы выбора стратегий адаптивного поведения в условиях риска. Представлена модель анализ оппонента в ситуации угроз и опасностей.

Ключевые слова: риски, риск-менеджмент, конфликт, стратегии адаптации к рискам.

Тенденции эскалации глобальных конфликтов стимулируют теоретическое и практическое осмысление роли рисков в системе стратегического политического управления. Риски выступают ключевыми факторами, определяющими приоритеты стратегической политической повестки и политического курса государства. При этом новые формы рисков гораздо сложнее, многослойнее и опаснее, чем «традиционные» риски, они недостаточно изучены, что осложняет управление ими, продуцируя множество конфликтов [1, 12], сущностные параметры которых зависят как от стратегий риск-поведения конкретных субъектов политической власти, так и от индивидуальных стратегий адаптации к рискам. В теоретическом аспекте проблема актуализируется вследствие того, что в современной научной литературе проблеме формирования и становления нового общества риска, закладывающим основания для предотвращения и регулирования рискогенных и конфликтогенных процессов, уделяется крайне мало внимания. Более того, даже достоверная аутентификация современных рисков вряд ли является полноценной базой планирования стратегического будущего, то есть выхода за пределы существующей реальности, «маршрута движения» от недействительного к действительному, от случайного к необходимому, от невозможного к возможному[2].

Именно это и определяет видение будущего социума и человека, выражающая устремления и стратегии минимизации и превенции угроз и опасностей.

Современный мир демонстрирует различные комбинации «организованной безответственности», которая «основана на смешении разных времен. Опасности, которым мы подвергаемся, относятся к совсем другому времени, чем меры безопасности, которыми пытаются их укротить» [3].

Важно подчеркнуть и то, что в концептуальной оптике Ульриха Бека «организованная безответственность» – это блеф, разыгрываемый для видимости контроля над угрозами, средство мистификации, отвлекающий маневр, направленные на «символическую детоксикацию» рисков [4, 24]. При этом в своем стремлении к предотвращению предстоящих опасностей социальная система наделяет особой значимостью одни риски и вытесняет за пределы поля зрения другие. Принятие рисков, их предсказание и конструктивизация являются частью публичных размышлений об оптимальной системе организации социальных коммуникаций и политического порядка [5].

Мы уже подчеркивали [6], что некоторые теоретики считают, что чрезмерное внимание к будущим угрозам столь же вредно, как и их недооценка. Так, Альберт Хиршман выдвинул концепт «Скрывающая рука», указывающий на то, что не фокусировка на вероятных угрозах лишь помогает реализации рискованных проектов, которые в случае тщательной оценки рисков казались бы невозможными [7]. Роберт Каплан, напротив, предложил концепт «Раскрывающая рука», акцентирующий на необходимость выявления, принятия и управления рисками [8]. Такой взгляд представляется вполне правомерным, ибо управление риском исходит из понимания соединения в нем опасностей и благоприятных возможностей, определении тех его составляющих, в которых данный политический актор имеет преимущества по сравнению с другими за счет лучшего понимания угрозы либо за счет контроля над ресурсом данной опасности. Ключевой стратегией риск-менеджмента является сознательное использование ресурсов рискового поведения для предупреждения более серьезных угроз, и провоцирования, порождения сложностей и трудностей для противника. Здесь ключевым представляется анализ оппонента, построенный на модели «четырех сторон» Майкла Портера [9]:

– будущие цели противника и его стратегические ходы по управлению угрозами;

– предположения оппонентов об уровне угроз, их ангажированность при оценке рисков, риск-стереотипы и «слепые точки» в осознании опасностей;

– стратегия намерений и реализуемая стратегия адаптационного поведения в условиях риска и неопределённости;

– возможности оппонентов по использованию своего ресурсного потенциала для формирования ответа на риск-стратегии противника.

В реалиях современных реалиях риск-менеджмента перспективным является принцип «шкуры на кону» Нассима Талеба: «общества управлялись теми, кто принимает риск, а не теми, кто навязывает его другим» [10, 24].

Выбор стратегии адаптивн**ого** поведения в условиях риска адаптационных действий зависит не от оценки угроз и опасностей в целом, а в зависимости от «точек отсчета», к которым можно отнести [11]:

– Смещение к настоящему – большее значение имеют риски и угрозы, которые выявляются «здесь и сейчас», тнезамедлительно, чем опасностям, которые произойдут в будущем.

– Самоуверенность – социальные субъекты и политические акторы склонны объяснять свои успехи собственным мастерством, а проигрыши списывать на неудачу и внешние, не зависящие от них факторы.

– Смещение к подтверждению – социальные субъекты и политические акторы воспринимают только ту информацию об угрозах, которая либо подтверждает полученные изначально данные, либо соответствует их сложившимся представлениям об источниках рисков.

– Проективное смещение – социальные субъекты и политические акторы уделяют избыточное внимание текущим условиям, в которых принимаются решения о выборе риск-стратегий и риск-тактик при недооценке или игнорировании возможных изменений в будущем.

– Переоценка малых и недооценка больших вероятностей- социальные субъекты и политические акторы переоценивают возможность маловероятной опасности и недооценивают высоковероятную опасность.

– Принятие решений на основе стереотипов- социальные субъекты и политические акторы при принятии риск-решений исходят не из фактической ситуации, а из ее соответствия какому-либо стереотипу.

– Смещение к статус-кво – социальные субъекты и политические акторы скорее склонны к сохранению существующего положения.

1. *Sørensen M.P. Ulrich Beck : exploring and contesting risk // Journal of risk research. 2018. no.1. p. 6–16.*
2. *Эпштейн М.Н. Философия возможного.СПб.: Алетейя, 2001.*
3. *Бек У. От индустриального общества к обществу риска// THESIS.1994, вып. 5. С.161-168*
4. *Mythen G. Thinking with Ulrich Beck: security, terrorism and transformation // Journal of risk research. 2018. no. 1. P. 17–28.*
5. *Slovic P. The Perception of Risk. London: Routledge.2000.*
6. *Алейников А.В.,Сунами А.Н.,Мальцева Д.А. Политический риск-менеджмент в условиях глобальной турбулентности: конфликтологические экспликации// Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41. Вып. 3.*
7. *Hirschman A. Development Projects Observed, Washington: Brookings Institution Press,2014.*
8. *Kaplan R., Mikes A. (2016), Risk Management – The Revealing Hand// Journal of Applied Corporate Finance, 2026, Vol. 28 (1), pp. 8-18.*
9. *Porter M. Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors: with a new introduction1 Michael E. Porter. New York: The Free Press,1998.*
10. *Талеб Н. Рискуя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: Колибри. 2018.*
11. *Иррациональная экономика. Москва: Институт национальных проектов, 2020.*

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

Андреева Софья Вячеславовна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Зимова Наталья Сергеевна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет Высшая школа современных социальных наук)

Аннотация. Знания – ключевой ресурс конкурентоспособности современных организаций. В связи с этим организации больше внимания уделяют созданию, сохранению и передаче знаний. Авторы, опираясь на теории управления знаниями и ценностный подход, выделяют корпоративную культуру как решающий фактор успеха.

На основе анализа предложены критерии оценки культуры знаний и рекомендации по её внедрению и поддержанию.

Ключевые слова: корпоративная культура, управление знаниями, корпоративное знание, корпоративная культура знаний, доверие в организации, опыт сотрудников, оценка корпоративной культуры.

Введение. В условиях происходящих изменений в производстве и технологиях для организационного развития, сохранения достигнутых позиций и уровня конкурентоспособности, а также успешного планирования дальнейшей деятельности основными ресурсами становятся люди, их интеллектуальный капитал, их знания и профессиональная компетентность. Именно знания являются сегодня главной производительной силой, ключевым стратегическим ресурсом поэтому в современных организациях всё большее внимание уделяется процессу формирования, сохранения и передачи знаний внутри компании [1].

Управление знаниями – это не новая парадигма, а хорошо известная и по-новому понятая технология управления. Без внедрения комплексной системы управления знаниями использование высококвалифицированных специалистов, разнообразных методик обучения и других отдельных программ и методов становится не результативным. На сегодняшний день сложилось «два подхода к внедрению системы управления знаниями: информационно-технологический подход, подразумевающий внедрение и активное использование информационных систем, способных сохранять, обрабатывать огромные массивы информации, преобразуя их в формализованные знания; персонифицированный (интуитивистский, гуманитарный) подход, ориентирующийся на организацию коммуникаций и взаимообмена знаниями среди сотрудников – непосредственных их носителей» [2, с. 103].

На наш взгляд, на сегодняшний день более актуален второй подход. Управление знаниями во многом зависит от человеческого фактора. Многие сотрудники не включаются в процесс накопления и обмена знаниями опасаясь потерять профессиональный статус, конкурентные преимущества, рабочее место – то есть не доверяют своим коллегам и руководству.

В этом контексте формирование благоприятной корпоративной культуры играет ключевую роль. Так, по данным ряда исследователей слабость культуры доверия внутри компании является основным препятствием для внедрения систем управления знаниями в российских компаниях. «Если в практике зарубежных компаний она не меньше 70 % от 100 % идеальной доверительной атмосферы, то в российских компаниях только 35 – 45 %» [3]. Основанная на доверии корпоративная культура во многом определяет готовность сотрудников к взаимодействию с коллегами для создания и передачи организационного знания и их удовлетворенность от совместной работы [4].

Корпоративная культура, влияет и на инновационное развитие компаний. Так, на предприятиях, корпоративная культура которых признает важность внедрения системы управления знанием, интенсивность инновации – на 30 %, выше, чем на предприятиях, где эти методы не используются [5, 6].

Таким образом, можно утверждать, что корпоративная культура играет важную роль в процессе создания, накопления и передачи знаний в организации. Это подчёркивает необходимость исследований для более глубокого понимания её значения и механизмов.

Цель данного исследования – выявить роль корпоративной культуры как фактора управления знаниями в организации. Гипотезой исследования является предположение, что успешное внедрение системы управления знаниями предполагает наличие соответствующей корпоративной культуры знаний.

Теоретико-методологической основой исследования служит социально-экономическая теория управления знаниями, представленная работами таких авторов, как К. Вииг, Л. Прусак и Т. Давенпорт, И. Нонака и Х. Такеучи, Д. Стаплтон, Ч. Деспрес и Д. Чавел, У. Букович и Р. Уилльямс, Т. Стюарт и других. Учитывались исследования отечественных ученых, таких как Б. З. Мильнер, А. Л. Гапоненко, Г. Б. Клейнер, В. Л. Макаров, Г. В. Осипов, С. В. Степашин и многих других.

На основе анализа представленных работ можно заключить, что в самой общей форме управление знанием можно определить, как управление коллективным опытом организации для повышения ее эффективности [7]. Главная цель системы управления знаниями – трансформация знаний и опыта сотрудников в капитал компании [8].

Задачи управления знаниями многообразны. Деятельность по управлению знаниями включает в себя несколько важных этапов: генерирование знаний, формализацию, хранение, распространение, координацию и контроль [9]. Каждый из этих этапов осуществляется в рамках существующей корпоративной культуры и, соответственно, испытывает на себе ее влияние.

Разработка проблемы культуры организации связана с именами Э. Шейна, П. Бергера и Т. Лукмана, Ч. Хэнди и У. Оучи, К. Камерона, Д. Джонсуна, К. Скоулза, Р. Уиттингтуна и других.

Эдгар Шейн первым определил организационную культуру как набор приемов и правил, помогающих решать задачи внешней адаптации и внутренней интеграции сотрудников [10].

Существует несколько подходов к определению организационной культуры, среди которых выделяются структурный и ценностный подходы. Структурный подход, представителем которого является Р. Х. Холл, акцентирует внимание на организационной структуре и роли администрации в формировании культуры [11]. Ценностный подход сосредотачивается на ценностях и убеждениях, разделяемых сотрудниками. Дж. В. Ньюстром и К. Дэвис [12] считают, что организационная культура – это система предположений, убеждений, ценностей и норм, придающая сотрудникам организационную идентичность и служащая основой стабильности.

Ключевыми элементами этой культуры являются коллективный интеллект, готовность делиться знаниями и открытость к новым идеям. С точки зрения нашего исследования, второй подход более интересен, поскольку ряд авторов этого подхода выделяют особый тип корпоративной культуры: корпоративную культуру, основанную на знаниях, то есть корпоративную философию, включающую принципы и ценности, согласующиеся с целями и стратегией управления знаниями.

Одним из основоположников концепции корпоративной культуры знаний является Питер Друкер, который ввёл термин «работник знаний» и подчеркивал важность управления знаниями в условиях постиндустриального общества [13]. Другой значимый вклад внёс Икуджиро Нонака, разработавший концепцию создания знаний в организациях через взаимодействие между сотрудниками и трансформации их неявных знаний в явные [14]. Также стоит отметить работы Томаса Давенпорта, который исследовал роль информационных технологий в управлении знаниями [15].

Среди современных отечественных исследователей изучающих корпоративную культуру знаний, следует отметить В. Г. Смирнову, которая выделила характерные критерии организационной культуры знаний. К ним относятся наличие дружественной атмосферы для обмена информацией, готовность сотрудников делиться и приобретать новые знания, инициатива и независимость сотрудников в создании новых знаний, поощрение творчества и конструктивный подход к ошибкам [16]. М. А. Волкова выделяет типологию корпоративной культуры знания относительно таких критериев как условия (наличия материальных и технических ресурсов и инфраструктуры для развития знаний) и мотивация (поддержки и стимуляции развития знаний, заинтересованность людей в развитии знаний) [17]. А. И. Александрова, А. Д. Пастухова определили ряд признаков, характерных для компании с высокими показателями корпоративной культуры управления знаниями: формально или неформально установленный свод правил, поддержка идей и вовлеченность в процесс управления знаниями руководства, использование набора инструментов для коммуникации, наличие корпоративных стандартов терминологии, компетенции сотрудников в управлении знаниями, система стимулов для обмена знаниями [18].

Опираясь на основные положения социально-экономических теорий управления знаниями, а также на подход к критериям организационной культуры знаний В. Г. Смирновой, типологии М. А. Волковой и признаков, характерных для компании с высокими показателями корпоративной культуры управления знаниями, выделенных А. И. Александровой и А. Д. Пастуховой, была разработана следующая система критериев для оценки сформированности корпоративной культуры знаний:

1. Наличие атмосферы взаимопонимания и доверия между сотрудниками внутри организации;

2. Сотрудники стремятся делиться знаниями, обмениваться опытом, а также искать и получать новые знания от коллег.

3. Готовность и открытость организации к изменениям и внедрению инноваций.

4. Поддержание высокого статуса знаний в организации;

5. Принятие ошибок и извлечение из них ценных уроков;

6. Поддержка руководства системы управления знаниями;

7. Самостоятельность и независимость сотрудников в процессе поиска, приобретения и создания новых знаний;

8. Наличие системы мотивации сотрудников к участию в процессе накопления и обмена знаниями в организации;

9. Организация программ обучения сотрудников;

10. Наличие условий для развития знаний, включая материальные и технические ресурсы, а также инфраструктуру.

11. Создание специализированных платформ и коммуникационных каналов для обмена знаниями и взаимодействия между сотрудниками (интернет-портал, сообщества и т. д.).

12. Наличие корпоративных стандартов терминологии;

13. Наличие формальных и неформальных кодексов поведения сотрудников в организации.

В результате анализа были выявлены аспекты корпоративной культуры, которые способствуют или препятствуют эффективному управлению знаниями (табл. 1).

Таблица 1. Аспекты корпоративной культуры, способствующие или снижающие успешность управления знаниями

Table 1. Aspects of corporate culture that contribute to or hinder the success of knowledge management

Аспекты, способствующие управлению знаниями: Aspects that contribute to knowledge management:	**Аспекты, затрудняющие управление знаниями: Aspects that do NOT contribute to knowledge management:**
атмосфера доверия, которая способствует эффективному общению и взаимодействию	нерегулярное использование специализированных платформ и каналов коммуникации для обмена информацией и знаниями
информация свободно распространяется между сотрудниками	низкий уровень коммуникации между сотрудниками разных отделов
высокий уровень инициативности сотрудников в процессе поиска новых знаний	трудности, связанные с самостоятельным поиском и освоением новой информации сотрудниками
высокая готовность руководства организации к изменениям и инновациям	недостаточное информирование сотрудников о планируемых изменениях
стратегия анализа ошибок, которая помогает делать выводы и использовать полученный опыт в дальнейшем	в процессе анализа и осмысления ошибок, допущенных в работе, принимают участие ограниченное число сотрудников
высокий уровень открытости и готовности руководства к обратной связи	барьеры в коммуникации с непосредственным руководством
высокий уровень вовлеченности сотрудников в процессы генерации новых знаний	недостаточная информированность сотрудников о существующих мерах поддержки для создания новых знаний
компания активно инвестирует в развитие навыков и знаний своих работников через специально разработанные обучающие программы	низкая мотивация сотрудников к участию в обучающих программах
участие сотрудников в образовательных проектах, нацеленных на совершенствование компетенций в области работы с информацией и знаниями	недостаток информирования и мотивации сотрудников для участия в образовательных программах по совершенствованию компетенций в области работы с информацией и знаниями
соблюдение правил и стандартов взаимодействия в организации	частичное использование корпоративной терминологии

Источник: составлено автором

Воздействие корпоративной культуры на управление знаниями представлено нами как сопоставление сторон корпоративной культуры, которые способствуют или не способствуют управлению знаниями с эффективностью каждого вида деятельности в управлении знаниями (табл. 2).

Таблица 2. Воздействие аспектов корпоративной культуры
на виды деятельности по управлению знаниями

Table 2. Impact of corporate culture aspects on knowledge management activities

Вид деятельности по управлению знаниями Knowledge Management Activity	**Аспекты корпоративной культуры Aspects of corporate culture**
Генерирование знаний Knowledge generation	Способствуют реализации: – товарищеская атмосфера в коллективе – высокая инициатива сотрудников в нахождении новых знаний – поддержка руководства и коллектива в развитии персонала и совершенствовании знаний – систематический подход к рассмотрению ошибок – высокий уровень вовлеченности сотрудников в процесс генерации новых знаний – меры поддержки развития знаний сотрудников. – участие сотрудников в обучающих программах
	Не способствуют реализации: – наличие группы сотрудников со средним уровнем активности в поиске знаний. – лишь частичная поддержка руководства в развитии знаний. – трудности сотрудников в самостоятельном поиске новой информации. – барьеры и неоднородность в распределении возможностей для участия в создании знаний – наличие сомнений у сотрудников в эффективности мер поддержки
Формализация знаний Formalization of knowledge	Способствуют реализации: – общее соблюдение правил и стандартов взаимодействия в организации – стратегия анализа ошибок, практика извлеченных уроков – наличие механизма кодификации знаний
	Не способствуют реализации: – недостаток коммуникации между разными отделами – лишь частичное знание корпоративной терминологии – нерегулярное использование специализированных платформ обмена информацией
Хранение знаний Storing knowledge	Способствуют реализации: – высокая инициатива сотрудников в обновлении и дополнении существующей базы знаний – систематический подход к практике анализа ошибок
	Не способствуют реализации: – преграды в передаче информации – недостаточное информирование о планируемых изменениях. – разногласия в восприятии практик по извлечению опыта из ошибок. – недостаток коммуникации между разными отделами. – частичное знание корпоративной терминологии.

Диффузия знаний Diffusion of knowledge	Способствуют реализации: – доверительная атмосфера в коллективе, – свободное передвижение информации между сотрудниками – высокая готовность сотрудников к обмену знаниями – высокая готовность руководства к обратной связи – участие сотрудников в тренингах и обучающих программах
	Не способствуют реализации: – барьеры в передаче информации. – разногласия в восприятии практик по извлечению опыта из ошибок – недостаток интереса со стороны руководства к обмену знаниями. – барьеры и неоднородность в распределении возможностей – сомнения сотрудников в эффективности мер поддержки – недостаток коммуникации между разными отделами
Координация и контроль знаний Coordination and control of knowledge	Способствуют реализации: – свободное передвижение информации между сотрудниками – систематический подход к анализу ошибок – соблюдение правил и стандартов взаимодействия
	Не способствуют реализации: – барьеры в передаче информации – недостаточное информирование о планируемых изменениях. – барьеры и неоднородность в распределении возможностей – частичное знание корпоративной терминологии

Источник: составлено автором

Выводы. Таким образом, корпоративная культура знаний структурно интегрирована в процесс управления, оказывая как положительное, так и отрицательное влияние на реализацию управленческих задач. Эти выводы подчеркивают значимость корпоративной культуры как основополагающего элемента в управлении знаниями, подчеркивая её двойственную природу: она может как способствовать, так и создавать препятствия для эффективного организационного управления таким ценным ресурсом, как знания. Ценность данного подхода заключается в его способности выявлять системные связи между культурными аспектами и управленческими практиками, открывая новые перспективы для исследований и практического применения в теории и практике социологии управления.

1. *Тугускина, Г. Н., Рожкова, Л. В., Сальникова, О. В. Управление знаниями в современных организациях [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-znaniyami-v-sovremennyh-organizatsiyah. (Дата обращения: 24.10.2023).*
2. *Зимова Н. С. Особенности внедрения системы управления знаниями в российских компаниях // Научный результат. Социология и управление. 2019; 5(3):100-116).*
3. *Мариничева, М. К. Управление знаниями в российских компаниях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rea.ru/ru/org/cathedries/. (Дата обращения: 11.02.2024).*
4. *Слабов, С. С. Организационная культура: возникновение, развитие и значение в современной организации. Саратов: Амирит; 2023. 161 с.*
5. *Шихвердиев, А. П., Сычев, А. Качественный индекс социальных инвестиций как показатель эффективности корпоративной социальной ответственности // Человек и труд. 2010. №1. С. 44-49.*
6. *Делягина, К. А. Роль корпоративной культуры в управлении человеческими ресурсами // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского*

государственного университета. 2013. №3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-korporativnoy-kultury-v-upravlenii-chelovecheskimi-resursami (Дата обращения: 24.10.2023).

7. *Осипов Г. В., Степашин С. В. Экономика и социология знания: практическое пособие / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, 2009. (Экономика и социология знания). 220 с*
8. *Despres C., Chauvel D. Knowledge Horizons. Butterworth-Heinemann: Newton, MA, 2000.*
9. *Мильнер Б. З. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М, 2003.*
10. *Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.*
11. *Холл, Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты [Текст]: пер. с англ. Е. Нестерова, И. В. Андриевский / Р. Х. Холл. СПб.: Питер, 2001. 512 с.*
12. *Ньюстром, Дж., Дэвис, К. В. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. СПб.: Питер, 2000. 98 с.*
13. *Drucker, P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. Harper & Row, 1969.*
14. *Nonaka, I., Takeuchi, H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford University Press, 1995.*
15. *Davenport, T.H., Prusak, L. Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know. Harvard Business School Press, 2000.*
16. *Смирнова, В. Г. Организационная культура. М.: Юрайт, 2014. 306 с.*
17. *Волкова, М. А. Механизм развития организационной культуры промышленного предприятия в условиях менеджмента знаний: автореф. дис. канд. экон. наук: Кострома, КГТУ, 2012.*
18. *Александрова, А. И., Пастухова, А. Д. Управление знаниями и корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности компании // Экономика и экологический менеджмент. 2021. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-znaniyami-i-korporativnaya-kultura-kak-instrument-povysheniya-konkurentosposobnosti-kompanii (Дата обращения: 04.04.2024).*

УПРАВЛЕНИЕ В ПРИЗМЕ МЕДИЙНОЙ ИНКЛЮЗИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Андриянова Татьяна Владимировна
(Курский государственный университет)

Автором предлагается новая интерпретация управления, которая включает в себя несколько ключевых положений. Во-первых, доказан дуализм медиасредств: средства медиа выступают одновременно как инструмент управления и как самостоятельный субъект управления в процессе медийного взаимодействия, что требует их рассмотрения с двух точек зрения – классической, когда медиасредства организованно используются субъектом управления, и новой, когда они функционируют как самоорганизующийся субъект. Во-вторых, обосновывается целесообразность рассматривать объект управления как социальную группу, взаимодействующую через медиативный механизм обратной связи. В-третьих, раскрывается специфика медийного взаимодействия как формы управления, в которой строятся размытые границы между субъектом и объектом, а также между производством и потреблением информации.

В проблемное поле социологии управления вводится новое понятие – «медийная инклюзия», под которым подразумевается объединяющее пространство информации в виде открытых данных, содержащихся в информационных системах органов государственной власти Российской Федерации, предоставляющее свободный и равный доступ к нему всем пользователям медиасредств. Медийная инклюзия не ограничивается простой вовлеченностью в информационные процессы, а предполагает наличие промежуточных, запрограммированных звеньев, позволяющих обрабатывать информацию и воздействовать на объект управления не только напрямую через субъекта-управленца,

но и с помощью самоорганизующихся субъектов, функционирующих через встроенные программы. Выделены, теоретически и эмпирически обоснованы уровни медийной инклюзии в рамках современного социального пространства: (1) медийная инклюзия имеет как внутренние особенности, так и внешние связи с социальным пространством; (2) каждый ее уровень может быть раскрыт в управлении как медийном взаимодействии; (3) контекст медийной инклюзии обретает своё оформление в формировании целевых групп получателей услуг.

В рамках коммуникационно-управленческого подхода автором разработано теоретико-методологическое обоснование исследования социальных взаимодействий на трех уровнях (концептуальный, коммуникационный, управленческий) с функциональной основой в диагностике состояния объекта управления. Подчеркнута роль коммуникации как первичного процесса создания событий и объектов. Обоснована необходимость пересмотра классической субъект-объектной парадигмы в управлении при анализе его пространственно-территориального аспекта из-за «размывания» географических границ в цифровую эпоху. Предложены новые возможности диагностики и прогнозирования (корреляция действий с интересами населения, пересечение областей интересов). Выделены бивалентность социального пространства и медиасредств и значимые показатели для их анализа (локализация, активность посещения, включенность в информационный поток)

Для оценки включенности целевых групп в коммуникативные процессы предложено применять кластерные технологии – создавать кластеры в пространстве тех регионов, где такие проекты не включены в соответствующие нормативные документы. Также предложено формирование контекста медийной инклюзии в управлении, ключевым элементом которого является обеспечение актуальности и доступности информации через постоянное обновление контента и локализацию для целевых групп.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ИЕРАРХИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ К ПАРТИЦИПАТИВНЫМ ПРАКТИКАМ

Арсланов Альберт Шамилевич
(УГНТУ)

Гайсина Люция Мугтабаровна
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровизации на корпоративное управление и организационную культуру. Рассматриваются ключевые цифровые технологии – ERP, CRM, Big Data, искусственный интеллект и Интернет вещей – и их роль в повышении эффективности бизнес-процессов. Особое внимание уделено переходу от иерархических моделей к партиципативным формам управления. Анализируются основные проблемы цифровой трансформации и предлагаются рекомендации по их преодолению. Комплексный подход к цифровизации способствует устойчивому развитию и конкурентоспособности организаций

Ключевые слова: цифровизация, корпоративное управление, цифровая трансформация.

В настоящее время цифровизация различных сфер общественной жизни является самой обсуждаемой темой научных исследований и, как отмечают ученые, мегатрендом [1; 2]. Однако можно заметить, что наибольшее влияние цифровизация оказывает на экономическую сферу жизни общества, в связи с чем государство в лице его законодательных и исполнительных органов должно предпринимать меры по своевременному правовому регулированию различных областей цифровой экономики. Если ранее оно основывалось преимущественно на иерархических, бюрократических моделях, где принятие решений было сосредоточено в руках узкого круга руководителей, то сегодня вектор смещается в сторону партиципативно-диалогических форм. В основе этих практик лежит привлечение различных групп заинтересованных сторон – сотрудников, акционеров, клиентов, партнёров – к процессам выработки и реализации управленческих решений.

Использование цифровых технологий в корпоративном управлении и структурирование электронной информации повышает эффективность деятельности корпорации, оптимизирует бизнес-процессы и способствует эффективному и оперативному взаимодействию участников корпорации между собой, а также с третьими лицами [3; 4]. При этом полагаем возможным применение цифровых технологий на протяжении всего жизненного цикла корпорации, подробно исследуемого в трудах И. К. Адизеса [5].

Сегодня цифровые технологии играют ключевую роль в управлении организациями. Ниже перечислим несколько главных цифровых технологий, используемых в этом процессе:

1. ERP-системы: это программное обеспечение, которое интегрирует в себе все основные функции организации, включая бухгалтерию, управление запасами, производство и т.д. ERP-системы играют важную роль в управлении ресурсами организации и повышении ее эффективности.

2. CRM-системы: эти системы предназначены для управления отношениями с клиентами. Они помогают организациям отслеживать каналы коммуникации с клиентами, анализировать поведение клиентов, управлять маркетинговыми кампаниями и т.д.

3. Big Data: это технология, которая используется для сбора, хранения, обработки и анализа больших объемов данных. Обработка таких данных позволяет организациям получить ценные инсайты и оптимизировать свою деятельность.

4. Искусственный интеллект: с помощью более сложных аналитических методов и алгоритмов машинного обучения, искусственный интеллект может помочь организациям прогнозировать будущие тенденции, определять оптимальные решения и улучшать производительность работ.

5. Интернет вещей: технологии IoT могут помочь организациям автоматизировать свои процессы и повысить эффективность использования ресурсов. IoT позволяет связывать большое количество устройств и сенсоров в единую сеть, что дает возможность управлять ими с помощью единого приложения.

Конечно, существует много других цифровых технологий, которые также могут использоваться в управлении организациями. Однако, вышеперечисленные являются одними из самых важных и востребованных в настоящее время.

Обобщенно, основными изменениями, происходящими с организациями в цифровую эпоху, являются увеличение скорости изменений, увеличение объема доступных данных, увеличение конкуренции и возможность создания новых бизнес-моделей.

Постоянные изменения в цифровую эпоху подталкивают компании также менять и организационную культуру. Культура организации находится в постоянном изменении и развитии. С одной стороны, новые технологии позволяют более эффективно и быстро организовывать работу, внедрять инновационные решения и находить новые способы взаимодействия, как внутри компании, так и с клиентами. С другой стороны, цифровизация требует от организаций изменений в культуре и подходах к работе.

Одним из примеров изменения в культуре организации в цифровую эпоху является открытость и прозрачность. Компании всё чаще начинают публиковать информацию о своей деятельности, процессах и принципах работы в интернете, на корпоративных сайтах, блогах и социальных сетях.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация несёт и ряд негативных последствий: она способна сокращать количество личных контактов и снижать качество живой коммуникации. Поэтому ключевой задачей становится поиск баланса между технологическими нововведениями и традиционными ценностями взаимодействия. Организационная культура в условиях цифровой эпохи должна одновременно стимулировать инновации и учитывать интересы различных групп сотрудников и клиентов.

На практике процесс цифровой трансформации сопровождается рядом проблем, которые могут осложнять успешную реализацию проектов и достижение целей. Среди наиболее распространённых трудностей можно выделить:

Неопределённость стратегии. Многие компании начинают цифровые преобразования без чёткого понимания конечных целей и путей их достижения. Это приводит к нерациональному использованию ресурсов и низкой результативности.

Дефицит компетенций. Цифровая трансформация требует специальных знаний в сферах программирования, аналитики, работы с ИТ-инфраструктурой. Их недостаток снижает эффективность и повышает вероятность ошибок.

Сложности внедрения. Новые технологии не всегда легко интегрируются в существующую инфраструктуру. Их применение часто требует перестройки бизнес-процессов и дополнительного обучения персонала.

Угрозы информационной безопасности. Расширение цифровых систем повышает риски кибератак, особенно при использовании устаревших решений или слабых систем защиты. Потеря или утечка данных может иметь критические последствия для бизнеса.

Регулятивные барьеры. Компании, работающие в строго регулируемых отраслях, сталкиваются с дополнительными трудностями при соблюдении правовых норм при внедрении цифровых решений.

Неготовность персонала. Сопротивление изменениям, недостаток навыков и сложности с адаптацией могут тормозить процесс цифровизации. Необходима системная подготовка и вовлечение сотрудников.

Чтобы преодолеть указанные трудности, организациям рекомендуется:

Инвестировать в обучение. Сотрудникам нужны ресурсы и программы обучения для работы с новыми технологиями, программами и процессами.

Поддерживать инновационную среду. Идеи часто рождаются на уровне сотрудников, поэтому важно создавать условия для их выдвижения и поощрения инициатив.

Модернизировать и интегрировать системы. Цифровая трансформация должна обеспечивать постоянную адаптацию ИТ-инфраструктуры и объединение процессов для повышения эффективности.

Развивать клиентские коммуникации. Новые цифровые каналы позволяют улучшать сервис, получать обратную связь и строить более гибкие модели взаимодействия с потребителями.

Формировать специализированную команду. В неё должны входить специалисты с техническими знаниями и навыками организации процессов, способные координировать взаимодействие между подразделениями. Важна постоянная коммуникация этой команды с руководством для контроля хода цифровой трансформации.

Цифровая трансформация корпоративного управления является неотъемлемым элементом современной экономики. Переход от иерархических моделей к партиципативным практикам позволяет организациям адаптироваться к изменчивой среде, укреплять доверие со стороны сотрудников, инвесторов и клиентов. Несмотря на риски и вызовы, именно комплексный подход, сочетающий цифровизацию и развитие диалоговых форм управления, обеспечивает устойчивое развитие компаний и их конкурентоспособность в глобальной экономике.

1. *Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В. А. Вайпан // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. – 2017. – № 11. – С. 5–18.*
2. *Laptev V. Legal Awareness in a Digital Society / V. Laptev, V. Fedin // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. VIII, iss. 1. – P. 138–157*
3. *Vermeulen E. P. M. Corporate governance in a networked age: Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper No. 2015-4 / E. P. M. Vermeulen. – 10 Aug 2015. – 25 p.*
4. *Yermack D. Corporate governance and blockchains: NBER Working Paper No. w21802 / D. Yermack. – 14 Dec 2015. – 41 p.*
5. *Адизес И. К. Управление жизненным циклом корпорации / И. К. Адизес; пер. с англ. В. Кузина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 512 с.*

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Ахмадеев Камиль Наилевич
(ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»)

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли коммуникативной компетентности руководителя в принятии управленческих решений. Определяется понятие коммуникативной компетентности руководителя, раскрывается содержание процесса принятия управленческих решений. В работе осуществлен разбор влияния коммуникативной компетентности на систему принятия управленческих решений. Перечисляются технологии, способствующие повышению коммуникативной компетентности руководителя в реализации управленческой деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, управленческие решения, государственное и муниципальное управление, менеджмент.

В современном мире роль коммуникативной компетентности приобретает все большую значимость в процессе управления, усиливая свое присутствие среди других компетенций руководителя. Современные тенденции в управлении тесно связаны с ростом коммуникативного фактора, усложнением коммуникационных связей с коллегами, начальством, подчиненными, клиентами. Интенсификация контактов и расширение

коммуникационных связей, как по горизонтали, так и по вертикали, является одним из вызовов для современного управленца, как лидера своей организации [1, 13].

В своей основе, коммуникативная компетентность руководителя выступает как совокупность качеств руководителя, обеспечивающих ему эффективное взаимодействие с контрагентами по управленческому процессу. Благодаря развитым коммуникативным компетенциям, управленец способен выстраивать эффективные коммуникации с коллегами, начальством, подчиненными, клиентами (далее – КНПК), обеспечивать не только требуемую для качественного выполнения постановку задач, но и обратную связь по их реализации. Неоспоримое преимущество развитой коммуникативной компетентности руководителя заключается в способности предотвращать конфликтные ситуации в коллективе, предвосхищать их, а – в случае их возникновения – эффективно, т.е. без больших затратов ресурсов их демпфировать. К этому также относится умение прогнозировать потенциальные конфликты, которые с разной степенью частоты могут возникать как на горизонтальном уровне, так и на вертикальном уровне, а также во взаимодействии с внешними агентами.

Управленческие решения – это результат сложного взаимодействия между различными компонентами, достигаемый путем взвешенного анализа и диагностики проблемы, путей ее решения, инструментов для их реализации и предполагаемых (ожидаемых) последствий.

Значение коммуникативных способностей в осуществлении деятельности по управлению организацией определяется тем, что они определяют способность руководителя быть лидером, вести людей за собой, умение организовать общение внутри трудового коллектива, разрешать конфликты среди сотрудников, находить общий язык с разными людьми, чувствовать и понимать эмоции окружающих [4, 1222].

В общении с подчиненными руководителю необходимо умение найти правильное слово, правильный тон, верную «пристройку» к партнеру, чтобы стремление убедить в чем-либо достигло необходимого обстоятельства [5, 27].

Структурно, влияние коммуникативной компетентности на систему принятия управленческих решений можно представить в виде таблицы.

Таблица. Влияние коммуникативной компетентности на систему принятия управленческих решений

Действие	**Результат**
Обеспечение требуемого обмена информацией	Обеспечение полноты и достоверности данных
Координация взаимодействия между структурными подразделениями и заинтересованными игроками	Обеспечение бесконфликтного общения в процессе управления, установление взаимопонимания между участниками
Формирование способности к коллективному обсуждению	Обеспечение сопричастности к принятию управленческого решения каждым из участников взаимодействия
Выстраивание обратной связи и контроль за исполнением управленческих решений	Обеспечение возможности внесения необходимых корректировок в управленческий процесс

Проведенные отечественными учеными исследования доказывают, что в развитии коммуникативной компетентности руководителей может быть полезно проведение тренинговых упражнений и игр [2, 218]. Данные технологии должны быть направлены на формирование таких компетенций, как:

– Активное слушание и эмпатия к коллегам, подчиненным, начальству, клиентами (КПНК).

– Четкая передача коммуникационных сообщений в процессе управленческого общения.

– Конфликтологические технологии (управление конфликтом, их предотвращение, предвосхищение и прогнозирование).

– Технологии по управлению стрессом и предотвращению «профессионального выгорания», особенно это касается подчиненных.

– Публичные выступление, самопрезентация и ведение переговоров.

– Стимулирование командного мышления и доверительной атмосферы в рабочем коллективе.

Еще одной эффективной технологией повышения эффективности управления на основе развитой коммуникативной компетентности можно считать совместные неофициальные мероприятия внутри коллектива, в ходе осуществляется личное взаимодействие руководителя и его подчиненных. К таким мероприятиям можно отнести совместное празднование памятных дней, субботники, вылазки на природу и прочего досуга. В исследовании… подтвердилось, что организация и проведение совместного досуга способствует повышению эффективности внутренней работы, выработке взаимопониманию и общих подходов к решению профессиональных задач. У сотрудников исчезает необходимость в психологической защите, что позволяет проявлять большую открытость в общении с коллегами и начальством, учитывать мнения других при решении совместных задач [3].

Выступая как результат многокомпонентного процесса, зависящего от взаимодействия между участниками организации и менеджментом, управленческие решения во многом коррелируют с коммуникативной компетентностью: чем выше качество коммуникативной компетентности, тем выше качества принимаемых управленческих решений. Из этого следует вывод, что развитие коммуникативной компетентности руководителя оказывает положительное влияние на качество принимаемых управленческих решений.

1. *Ахмадеев К. Н. Тренды в политическом лидерстве в эпоху новых вызовов // Политическая наука в эпоху глобальных перемен: теория и практика : Сборник тезисов XV Международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2025. – С. 11-14. С. 13*
2. *Бронников С. А., Сапегин К. В., Черникова М. С. Развитие профессиональной коммуникативной компетентности руководителя в управлении дошкольной образовательной организацией // Педагогический журнал [Pedagogical Journal], 2017. 7 (6А), с. 214-221. С. 218*
3. *Давлетшина Л. Н. Роль коммуникативных способностей руководителя в процессе управления ДОО // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №1(40) 2020.*
4. *Дрофичева Е. М. Лидерские качества и их развитие у будущих руководителей государственных и муниципальных структур / Е. М. Дрофичева, С. Н. Косников // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 120. – С. 1211 – 1222. С. 1222*
5. *Кудрина Е. А., Кобзева Т. В. Коммуникативная компетентность руководителя как фактор успешности его профессиональной деятельности // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. №3. С. 27*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ КАДРОВЫХ РИСКОВ

Батоврина Екатерина Викторовна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Важнейшим препятствием на пути успешного решения задач управления персоналом российскими инновационными компаниями становятся кадровые риски. Экспертное интервью с участием 50 респондентов – HR-директоров, HR-бизнес-партнеров, HR-специалистов, руководителей подразделений, направлений, проектных команд крупных и средних российских инновационных компаний, собственников малых инновационных компаний, а также руководителей и консультантов консалтинговых компаний, проведенные в 2024 – 2025 гг., позволило выявить несколько внутренних и внешних источников кадровых рисков – растущий дефицит высококвалифицированных специалистов, низкий уровень мотивации и подготовки молодых специалистов, завышенные требования сотрудников к работодателям, высокая изменчивость внешней среды организаций, развитие новых технологий и др. В сложившихся условиях требуется пересмотр подходов к управлению персоналом российских инновационных компаний. Приоритетными подходами становятся человекоцентричный и средовой подходы.

Ключевые слова: инновационные компании, кадровые риски, управление персоналом, человекоцентричный подход, средовой подход

Важнейшим препятствием на пути успешного решения задач управления персоналом российскими инновационными компаниями является эскалация кадровых рисков – угроз, связанных «с трудовыми отношениями» [4, с. 41], «использованием различных практик управления персоналом» [5], «возникающих вследствие неэффективного функционирования системы управления персоналом организации, ошибок, допущенных руководством и кадровой службой организации при разработке кадровой стратегии или в процессе принятия оперативных решений в области управления персоналом» [3, с. 15]. Источники кадровых рисков могут находиться внутри и вне организации. В качестве внутренних источников кадровых угроз обычно упоминаются непрофессионализм руководства и специалистов по управлению персоналом, неумелое использование ими методов и инструментов управления персоналом, несоответствие ценностей и моделей поведения сотрудников организации корпоративным стандартам, завышенные ожидания и требования персонала, несправедливое распределение ресурсов между сотрудниками и др. Внешними источниками кадровых рисков выступают неопределенность внешней среды организации, интенсификация политических, социальных и экономических изменений, дефицит кадровых ресурсов на рынке труда, несовершенство трудового законодательства и др.

Проведенное нами экспертное интервью «Управление персоналом российских инновационных компаний: актуальные проблемы и пути их решения» с участием HR-директоров, HR-бизнес-партнеров, HR-специалистов, руководителей подразделений, направлений, проектных команд крупных и средних российских инновационных компаний, собственников малых инновационных компаний, а также руководителей и консультантов консалтинговых компаний (N = 50, сентябрь 2024 года – сентябрь 2025 года), подтвердило, что количество кадровых рисков и уровень их влияния на

управление персоналом российских инновационных компаний с каждым годом растет. Во многом это связано с усиливающимся дефицитом высококвалифицированных специалистов на рынке труда и их завышенными требованиями к работодателям: «кадров вообще нет, очень мало», «великий дефицит кадров», «сложно найти активных людей, кто готов включать голову», при этом «стартовую зарплату ниже 100 000 рублей не называют», «многие ориентированы на баланс между работой и личной жизнью, не готовы работать много». Еще один источник кадровых рисков кроется в недостаточно высоком уровне подготовки молодых специалистов и их мотивации учиться и развиваться дальше: «вузы дают базовую подготовку, но реальных навыков нет», «молодой сотрудник должен рвать и метать, но этого нет», «любое изменение вызывает вопрос – «А зачем?»», «мало кто готов разбираться в задачах». Многие молодые специалисты крайне инфантильны, не готовы принимать решения и брать на себя ответственность, не обладают нужными для работодателей «мягкими» навыками, что также рассматривается как потенциальная угроза: не хватает «инициативности», «оригинальности мышления», «готовности учиться и учить всех вокруг», «готовности к риску», «уверенности в себе», «готовности к выходу за пределы стандартной зоны ответственности», «стрессоустойчивости», «активной жизненной позиции», «эмоционального интеллекта», «гибкости», «умения общаться и работать в команде», «дисциплинированности», самостоятельности, умения «брать и решать». В качестве важнейшего источника кадровых рисков упоминается изменчивость внешней среды организаций, развитие новых технологий, увеличение объемов информации, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам: многие из них не готовы «выполнять нетипичные задачи», не успевают «осваивать новую информацию, новые технологии», «перестраиваться по щелчку».

Эти и другие источники кадровых рисков, с которыми сталкиваются российские инновационные компании, вынуждают их искать новые подходы к управлению персоналом. Приоритетным подходом становится *человекоцентричный подход*, предполагающий индивидуализацию отношений работника и работодателя, ориентацию на потребности и интересы каждого человека, занятого в организации, адаптацию новых технологий к потребностям работника, оказанию ему поддержки в решении профессиональных задач, «развитие и использование его профессиональных и творческих способностей» [2, с. 120]. Компании, реализующие человекоцентричный поход, уделяют особое внимание «вовлечению и удержанию» работников, «развитию талантов», «внедрению социальных и экологичных принципов в работу», «использованию автоматизации и искусственного интеллекта для развития способностей работников» [2, с. 121]. Особенно актуальными становятся такие направления работы с персоналом, как управление физическим, социальным и психологическим благополучием сотрудников, управление организационной культурой. В рамках последнего направления складывается еще один востребованный подход к управлению персоналом российских инновационных компаний – *средовой подход*. Во многом его идеи основываются на положениях концепции инновационной культуры (или, как ее еще называют, культуры личностного роста), под которой принято понимать особый тип атмосферы, климата, формирующийся в организации и мотивирующий сотрудников «переосмысливать свое место в компании и в мире, стремиться к совершенству, непрерывно учиться и развиваться» [1, с. 96], но не исчерпываются ими. Средовой подход более многомерен и предполагает создание комфортной материально-технической, социально-бытовой, профессиональной, интеллектуальной, морально-этической организационной среды, отвечающей требованиям соискателей и действующих сотрудников, привлекающей и удерживающей их в компании длительное время.

Как показало проведенное экспертное интервью, многие российские инновационные компании используют человекоцентричный и средовой подходы в работе с персоналом, рассматривают их идеи как основу для решения многих кадровых проблем, а также для предупреждения возникновения или хотя бы частичной нейтрализации уже возникших кадровых рисков.

1. *Батоврина Е. В. Управление персоналом инновационных организаций: монография. М.: АРГАМАК МЕДИА, 2019. – 134 с.*
2. *Красова Е. В. Исследование подходов к управлению человеческими ресурсами в контексте информационно-технологической парадигмы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2024. Т. 18. № 4. С. 115–124.*
3. *Митрофанова А. Е. Управление кадровыми рисками в работе с персоналом организации (Лекция 10) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2015. № 6. С. 53–56.*
4. *Цветкова И.И. Классификация кадровых рисков // Экономика и управление. 2014. № 6. С. 38–43.*
5. *Becker K., Smidt M. A risk perspective on human resource management: A review and directions for future research // Human Resource Management Review. 2016. Volume 26, Issue 2. P. 149–165.*

УКРЕПЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ КАК ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Буданова Вероника Витальевна
(ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

Аннотация. В статье описаны факторы, влияющие на состояние трудовой дисциплины; проанализированы прикладные исследования в области трудовой дисциплины; рассмотрены методы укрепления трудовой дисциплины; предложены новые способы поддержания высокого уровня трудовой дисциплины.

Ключевые слова: социальный контроль, трудовая дисциплина.

Вопрос об укреплении трудовой дисциплины на предприятиях всегда относился к числу актуальных и трудно решаемых. Социальный контроль в сфере труда направлен на поддержание нормативного поведения индивидов и социальных групп. Одна из функций социального контроля – укрепление трудовой дисциплины. Суть этой функции заключается в создании производственных условий, которые обеспечивают высокий уровень дисциплины труда, и способствует сокращению её нарушений.

На состояние трудовой дисциплины в коллективах влияет совокупность факторов производственного и личностного характера: организация труда и производства, система оплаты труда, уровень технической оснащенности, санитарно-гигиенические условия труда, а также социально-демографические характеристики работников.

Стоит обратить внимание на такой фактор как благоприятный социально-психологический климат в коллективе, влияние которого выявили Хоторнские эксперименты. Эксперименты проводились в 1924 – 1932 годах на фабрике Western Electric в Хоторне (США). Изначально целью исследования было выяснить, как уровень освещенности влияет на производительность труда. Однако результат оказался неожиданным: независимо от того, улучшали свет, ухудшали или не меняли вовсе – производительность все равно росла. Ученые пришли к выводу, что увеличение производительности труда было вызвано улучшением взаимоотношений между рабочими. Люди почувствовали, что их труд важен, что за ними наблюдают не как за ресурсами, а

как за личностями, чье мнение и состояние учитывается при принятии решений. Таким образом, Хоторнские эксперименты выявили значимость неформальных связей внутри коллектива и показали, что климат в коллективе способствует установлению положительных взаимоотношений, от которых напрямую зависит настрой сотрудников и их самоотдача [1].

Важнейшим методом укрепления и поддержания высокого уровня дисциплины труда является дисциплинарная политика. Под ней понимается деятельность администрации и общественных организаций по целенаправленному применению средств социального контроля – санкций.

Санкции применяются для поощрения желательного, одобряемого поведения и наказания нежелательного, отклоняющегося от принятых норм. В зависимости от характера воздействия санкции подразделяются на два вида: позитивные и негативные.

При наложении санкций и осуществлении дисциплинарной политики следует руководствоваться следующими принципами: систематичность и универсальность санкционирования, оптимальность соотношения количества применяемых поощрений и наказаний, неотвратимость взыскания за нарушение норм трудового поведения.

Четкость и отрегулированность применения санкций выступает социологической и психофизиологической основой для формирования навыков качественного выполнения производственных заданий. У работников формируется культура совместного труда, привычка трудиться с полной отдачей, социально оптимальный тип отношения к труду.

Появление на российском рынке множества иностранных производителей дает возможность познакомиться с зарубежными практиками в области управления трудовой дисциплиной. Подобный опыт представлен в работе Дика Грота «Дисциплина без наказаний», в работе автор описывает собственную практику анализа причин нарушений в работе крупной компании Frito-Lay (США) и приходит к выводу, что причина кроется в действующей системе дисциплинарных наказаний. Дик Грот разработал программу, в основе которой лежит отказ от штрафов, выговоров и прочего, в результате была создана новая дисциплинарная модель и налажена атмосфера работы [2].

В современном мире, где технологии развиваются с невероятной скоростью, поддержание высокой трудовой дисциплины требует новых подходов. Традиционные методы, такие как строгий контроль и штрафы, уже не всегда эффективны, поэтому работодатели ищут инновационные решения.

Одним из таких способов является внедрение гибких графиков работы и дистанционной работы. Это повышает мотивацию сотрудников, позволяет им лучше планировать свое время и чувствовать себя более ответственными за результат. Важным аспектом является использование современных информационных технологий: системы мониторинга, автоматизированные отчеты и онлайн-обучение помогают контролировать выполнение задач без излишнего давления.

Также актуальны программы по развитию корпоративной культуры и мотивации. Создание позитивной атмосферы, признание заслуг и поощрение инициатив стимулируют сотрудников соблюдать дисциплину и проявлять инициативу. Важным элементом является прозрачность в управлении и открытая коммуникация, что способствует укреплению доверия и ответственности.

Новые способы поддержания трудовой дисциплины должны быть основаны на использовании современных технологий, развитии корпоративной культуры и гибкости в управлении. Эти методы позволяют не только повысить эффективность работы, но и создать комфортные условия для сотрудников, что в конечном итоге ведет к успеху всей организации. Многочисленные исследования показывают, что внедрение современных

технологий, таких как системы автоматизации и мониторинга, способствует повышению ответственности и дисциплины сотрудников (например, исследования в области цифрового менеджмента [3]), развитие корпоративной культуры и создание мотивирующей среды подтверждены как важные факторы повышения вовлеченности и ответственности работников [4], гибкость в управлении, включая удаленную работу и гибкие графики, способствует снижению стресса и повышению лояльности, что также положительно влияет на дисциплину (например, исследования в области гибкого управления и HR [5]).

1. *Фаткуллина Г. Р. Хоторнский эксперимент // Экономика и социум. – 2015. – №1 (14). – С. 982-985.*
2. *Грот Д. Дисциплина без наказаний: как превратить проблемных работников в ценные кадры организации. СПб.: Питер, 2012. С. 334.*
3. *Цифровой менеджмент : что это такое и почему он важен для бизнеса. URL: https://sky.pro/wiki/management/tsifrovoj-menedzhment-chto-eto-takoe-i-pochemu-on-vazhen-dlya-biznesa/.*
4. *Киселева С.С. Особенности корпоративной культуры организации в ее мотивационном аспекте. Нижний Новгород, 2014. С. 94*
5. *Куприянов, Д. С. Гибкие рабочие модели: адаптация современных компаний к новой реальности / Д. С. Куприянов, С. В. Мельникова, А. Х. Абдирашитова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 3 (502). – С. 266-269.*

УПРАВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ К AGILE-МОДЕЛЯМ

Вербицкая Анна Кирилловна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Современные университеты находятся на переломном этапе своего развития, когда традиционные иерархические модели управления сталкиваются с вызовами цифровой эпохи. Так цифровая трансформация высшего образования требует кардинального пересмотра управленческих подходов, перехода от жёстких бюрократических структур к гибким адаптивным моделям. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что в условиях ускоряющейся цифровизации образовательных процессов, изменений потребностей студентов и работодателей, а также усилении конкуренции на рынке образовательных услуг университеты вынуждены искать новые подходы к управлению для сохранения собственной актуальности [2, 6, 8, 9, 10].

Долгое время доминировавшая в университетской среде веберовская модель управления, характеризующаяся жёсткой иерархией, скрупулёзной формализацией процедур и чётким разделением полномочий, сегодня, утратив былую функциональность, всё чаще выступает не как инструмент рациональной организации, а как институционализированный тормоз развития. Российские исследователи, анализируя современные трансформации высшей школы, приходят к выводу, что данная модель, вместо того чтобы обеспечивать эффективность, превратилась в самоцель, воспроизводя бюрократические ритуалы ради их собственного существования. Особенно интересно звучит констатация В. П. Бабинцева и его коллег, согласно которой «вузовская бюрократия превратилась в наиболее влиятельную корпорацию», – утверждение, подчёркивающее, что административный аппарат, изначально предназначенный для обслуживания академической миссии, ныне диктует условия самой науке и образованию, создавая искусственные барьеры для инноваций и подавляя способность университета гибко реагировать на внешние вызовы. Наиболее остро эта дисфункция проявляется в

условиях цифровизации, когда внедрение даже самых тривиальных технологических решений затягивается на месяцы, если не годы, из-за необходимости пройти бесконечные инстанции согласований, составить сопроводительные документы к сопроводительным документам и убедить чиновников, что «цифра» – это не временная мода, а новая реальность [1, 6]. В качестве альтернативы этой инерционной иерархии всё чаще рассматриваются партиципативные модели управления, предполагающие не подчинение, а вовлечение, не вертикаль власти, а полицентризм и сетевое взаимодействие, при котором принятие решений становится многоуровневым, интерактивным и диалогичным процессом, основанным на совместной ответственности всех участников образовательного сообщества. Исследования, проводимые в различных образовательных контекстах, демонстрируют, что подобный подход, вопреки скептическим ожиданиям бюрократов, способен не только избежать хаоса, но и создать благоприятный морально-психологический климат, в котором цели преподавателей, студентов и администрации, вместо того чтобы противостоять друг другу, начинают гармонизироваться – что, впрочем, не мешает традиционным управленцам воспринимать такие практики как угрозу собственной незаменимости [5, 7].

Agile-философия базируется на принципах адаптивности, коллаборации и ориентации на результат. В контексте высшего образования эти принципы трансформируются в следующие положения: индивидуальность и взаимодействие важнее процессов и инструментов; работающие решения важнее исчерпывающей документации; сотрудничество важнее контрактных обязательств; готовность к изменениям важнее следования плану. Анализ российского опыта сегодня показывает растущий интерес университетов к Agile-методологиям. Основные же результаты внедрения включают – отсутствие чёткой регламентации в области управления проектами, недостаток профессиональных офисов управления проектами и потребность в увеличении гибкости в государственных программах поддержки. Ключевые принципы успешного внедрения Agile в университетской среде сводятся к тому, что Agile-подход не всегда совместим с жёстко регламентированными государственными программами, решающее значение имеет налаженная и своевременная коммуникация между всеми участниками проекта, инициатива и проактивность со стороны руководителей проектов выступают необходимым условием продвижения изменений, а главным ресурсом организации становятся не столько формальные процедуры, сколько знания и компетенции её сотрудников [10].

Зарубежные исследования демонстрируют значительные преимущества Agile-подходов в высшем образовании. Так университеты, внедрившие agile-практики, показали большую способность адаптироваться к изменяющимся потребностям студентов, технологическим новшествам и требованиям рынка труда. Три ключевых шага для Agile-трансформации заключаются в построении искреннего командного коммитмента на уровне топ-менеджмента, преодолении сопротивления изменениям посредством образования и системной поддержки, а также в осуществлении культурной трансформации – переходе от парадигмы контроля к парадигме доверия [9, 10]. Российские же университеты характеризуются особыми условиями трансформации: высоким уровнем государственного регулирования, переходом от Болонской системы к национальной модели образования, реализацией программ стратегического академического лидерства («Приоритет-2030») и интеграцией с цифровой экономикой страны [2, 8].

Цифровые технологии кардинально меняют образовательную среду университетов. Основные направления включают автоматизацию административных процессов,

внедрение искусственного интеллекта и больших данных в образовательный контент, развитие онлайн-платформ и дистанционного обучения, а также использование цифровых аналитических систем для принятия решений. Международные исследования предлагают четырёхфазную модель цифровой трансформации:

Enabling Phase – создание цифровой инфраструктуры;

Development and Implementation Phase – определение процессов и автоматизация;

Sustaining and Systematic Change Phase – системные изменения;

Continuous Improvement – постоянное совершенствование [9].

Исследования выявляют основные барьеры цифровизации университетов: недостаток финансирования на цифровую инфраструктуру, сопротивление изменениям со стороны персонала, недостаточная цифровая грамотность, проблемы интеграции с существующими системами и отсутствие эффективного спонсорства изменений. Современная тенденция заключается в формировании гибридных моделей, сочетающих элементы различных управленческих подходов: пост-бюрократические структуры с элементами иерархии, сетевые организации с чёткими зонами ответственности, цифровые платформы с человеко-ориентированным подходом. Исследования подчеркивают критическую важность цифрового лидерства в процессе трансформации. Эффективные лидеры цифровой трансформации должны обладать стратегическим видением цифрового будущего, навыками управления изменениями, способностью к межфункциональной коллаборации и пониманием технологических возможностей [5, 9, 10].

На основе проведённого анализа можно сформулировать основные принципы перехода от бюрократической иерархии к agile-моделям:

Постепенность трансформации – избегание радикальных изменений;

Вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс изменений;

Инвестиции в развитие цифровых компетенций персонала;

Создание культуры непрерывного обучения и адаптации;

Баланс между гибкостью и стабильностью организационных структур.

Анализ литературы показывает необходимость дальнейших исследований в области: долгосрочных эффектов Agile-трансформации в российских университетах; влияния искусственного интеллекта на университетское управление; моделей измерения эффективности гибридных управленческих систем; кросс-культурных особенностей внедрения западных методологий.

Трансформация университетского управления от бюрократической иерархии к agile-моделям представляет собой объективную необходимость, обусловленную вызовами цифровой эпохи. Успешная трансформация требует комплексного подхода, учитывающего технологические, организационные и культурные аспекты изменений. Российские университеты, опираясь на богатые традиции отечественной социологии управления и адаптируя лучшие международные практики, имеют все возможности для создания инновационных моделей управления, способных обеспечить конкурентоспособность высшего образования в условиях цифровой экономики.

1. *Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 895–908.*
2. *Будущее высшего образования в России: вызовы и решения [Электронный ресурс] // 1economic.ru. – URL: https://1economic.ru/lib/118723 .*
3. *Бюрократическая модель [Электронный ресурс] // Энциклопедия административного права. – URL: http://encyklopediaap.uw.edu.pl/index.php/%D0%91%D0%AE%D0%A0%D0%9E%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9B%D0%AC .*

4. *Вузовская бюрократия: вызовы и риски [Электронный ресурс] // Вестник МГУ. – URL: http://vestnik21msu.ru/articles/article/20513/* .
5. *Диалог в высшем педагогическом образовании [Электронный ресурс] // ЯГПУ. – URL: https://yspu.org/images/6/62/%D0%94%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3_%D0%B2_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B5%D0%BC_%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf* .
6. *Обзор научных исследований по управлению в высшем образовании [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. – URL: https://www.hse.ru/data/237/313/1234/review.pdf* .
7. *Партиципативное управление в современных организациях [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. – URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/18136/ru_RU* .
8. *Современные тенденции и направления развития высшего образования в России [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-i-napravleniya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii* .
9. *A Guide to Digital Transformation in Higher Education [Электронный ресурс] // Prosci. – URL: https://www.prosci.com/blog/digital-transformation-in-higher-education* .
10. *Agile in Higher Education [Электронный ресурс] // Lehrblick. – URL: https://lehrblick.de/en/agile-in-higher-education/* .

AGILE-МЕТОДОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИХРУПКОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Герасимова Анастасия Александровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Методология Agile, будучи больше философией гибкого управления, выступает действенным инструментом формирования антихрупкости компании (концепция, разработанная Н. Талебой) – её способности не просто противостоять непредсказуемым потрясениям («чёрным лебедям»), но и извлекать из них выгоду. Принципы Agile (итеративность, адаптивность и фокус на результате) реализуют антихрупкость через короткие циклы разработки, снижая хрупкость долгосрочных целей. Это превращает неопределённость в инструмент усиления, повышая готовность компании к рискам.

Изначально Agile применялся в IT-сфере, но в 2004 году Дж. Хайсмит адаптировал его для управления проектами. Вместо централизованного контроля он предлагал частично самоорганизующиеся команды, считая гибкие методологии ключом к такой трансформации. Согласно Дж. Хайсмиту, гибкое управление проектами – это циклический процесс, в котором самоорганизующиеся команды поэтапно создают продукт. После каждой итерации (этапа) промежуточные версии продукта обсуждаются с заказчиком, и с учетом обратной связи создается улучшенная версия. Цикл повторяется до тех пор, пока результат полностью не удовлетворит заказчика. По мнению Стивена Бробста, «Agile – это не только технологии и новый подход к ведению проектов. В первую очередь, это полный переворот в мышлении и культуре организации».

Ключевое отличие Agile от каскадной модели (waterfall) заключается в отношении к изменениям: если waterfall предполагает неизменяемость изначального плана, то Agile основан на гибкости, адаптивности и внедрении изменений.

По результатам ежегодного исследования State of Agile (2024 г.), 71 % коммерческих компаний в мире применяют Agile-методологии. Главными преимуществами респонденты выделили: управление меняющимися приоритетами (70 %), видимость проекта (65 %), время выхода на рынок (60 %), командный дух (59 %). Большинство компаний отметили: фактическая польза от внедрения Agile превзошла их первоначальные ожидания.

Agile включает ряд методов, самые популярные из них Scrum и Kanban. Scrum – это фреймворк с четким распределением ролей (Product Owner (владелец продукта), Scrum Master и команда разработки) и этапов работы. Его циклы (спринты) нацелены на быструю адаптацию к изменениям. К преимуществам относится интенсивное взаимодействие внутри команды и с клиентами, позволяющее оперативно учитывать обратную связь. Однако жесткая структура метода может иногда ограничивать творческий потенциал команды и создавать излишнее давление из-за фиксированных сроков.

Рассмотрим результаты внедрения метода Scrum. IBM внедрила Agile во всех подразделениях, используя методологию Scrum. Цель: сократить сроки вывода продуктов на рынок и организация оперативной обратной связи от пользователей. Реализованные изменения позволили компании достичь экономии в 300 млн долларов и увеличить выручку на 15 % в расчете на одного разработчика в 2012 году. Стартапу EcoGoods, Scrum увеличил объем продаж на 30 % в течение трехмесячного периода, еженедельные итерации и постоянная обратная связь помогли команде оперативно адаптироваться к запросам потребителей и эффективно развивать новые продукты. В 2016 году Северсталь инициировала переход на Scrum для ускорения вывода новых видов стали на рынок. Цель: сократить время разработки, для сохранения актуальности продукта. Решение: внедрение Scrum в пилотных командах, это сократило срок разработки с 2,5 лет до 4 месяцев.

Метод Kanban основан на визуализации рабочих процессов. С помощью канбан-досок команды наглядно выявляют точки роста в производственной цепочке и оперативно их устраняют. В российских компаниях этот подход особенно эффективен там, где требуется поддерживать непрерывный поток работы без жестких временных рамок. Главное преимущество – гибкость, позволяющая адаптировать процессы по мере необходимости, но отсутствие четких временных рамок и ролевой структуры может создавать неопределенность в работе команды.

Эффективность методологии канбан демонстрируют следующие кейсы. Модерн Гласс, крупный завод, производящий архитектурные стеклопакеты, внедрил систему для оптимизации взаимодействия между бизнес-подразделениями и ИТ-отделом. Результаты: прозрачность процессов выросла с 4,3 до 6,7 баллов, фокус команды усилился на 60 %, производительность повысилась на 36 %, а скорость реализации проектов увеличилась в 6,5 раза. 12 Storeez, бренд одежды, использовала канбан для реорганизации производства в условиях жёсткого графика выпуска 12 коллекций ежегодно. Единая доска от идеи до склада позволила систематизировать задачи и устранять блокировки, такие как задержки поставок материалов. Профи.Лаб, фин-тех компания, применила канбан в HR-процессах, что за 3 месяца позволило вдвое повысить эффективность найма. Скорость закрытия вакансий выросла в 2 раза, были налажены коммуникации между подразделениями, создан прозрачный процесс найма и внедрена система метрик.

Резюмируя, можно говорить, что в условиях современной неопределенности Agile-методология является ключевым инструментом создания антихрупких организаций. Практическое применение фреймворков Scrum и Kanban в разных отраслях демонстрирует: многократное сокращение сроков разработки, рост производительности до 60 % и значительную экономию ресурсов. Успешная трансформация требует смены организационной культуры и перехода к итеративной работе. Эффективность применения Agile подтверждается как статистикой (71 % компаний в мире используют ее), так и кейсами компаний, повысивших ключевые показатели эффективности.

1. *Agile – это переворот в мышлении и культуре [Текст] // Аналитический банковский журнал. – 2016. – № 11/12. – С. 6. – (События)*
2. *Agile для цифрового офиса. Как на заводе «Модерн Гласс» внедрили систему канбан / [Электронный ресурс] // СБЕР Про : [сайт]. – URL: https://sber.pro/cases/agile-dlya-tsifrovogo-ofisa-kak-na-zavode-modern-glass-vnedrili-sistemu-kanban/ (дата обращения: 07.10.2025)*
3. *Highsmith, J. Agile project management: Creating Innovative Product [Текст] / J. Highsmith. – Pearson Education, 2004. – 277 с.*
4. *Quick L. State of Agile 2025: Things you need to know / Quick L. [Электронный ресурс] // upGrad KnowledgeHut : [сайт]. – URL: https://www.knowledgehut.com/blog/agile/state-of-agile (дата обращения: 07.10.2025)*
5. *State of Scrum 2017-2018: scaling and agile transformation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.scruma l l i ance.org/ ScrumRedesignDEVSite/media/ ScrumAllianceMedia/Files%20and%20PDFs/ State%20of%20Scrum/2017SoSRFinal Version(Pages).pdf. (дата обращения: 07.10.2025)*
6. *Евдакимов А., Савунов В. Scrum: что это и зачем нужно / Евдакимов А., Савунов В. [Электронный ресурс] // Scrumtrek : [сайт]. – URL: https://scrumtrek.ru/blog/agile-scrum/3777/scrum-chto-eto/#Agile_%D0%B8_Scrum_%D0%B2_%D1%87%D0%B5%D0%BC_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%B8_%D1%87%D1%82%D0%BE_%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE (дата обращения: 07.10.2025)*
7. *Карасева Л. Что такое Scrum и как правильно использовать его в рабочем процессе / Карасева Л. [Электронный ресурс] // РБК Тренды : [сайт]. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/602fb05c9a7947f58760d629 (дата обращения: 07.10.2025)*
8. *Лобасева О. 6 примеров реального применения Канбан в российских компаниях / Лобасева О. [Электронный ресурс] // On Agile Consalting : [сайт]. – URL: https://onagile.ru/trends/agile/kanban-in-industries (дата обращения: 07.10.2025)*
9. *Лобасева О. Трансформация HR-сервиса в финтех-компании / Лобасева О. [Электронный ресурс] // On Agile Consalting : [сайт]. – URL: https://onagile.ru/trends/business-agility/transforming-hr-service-in-profeelab (дата обращения: 07.10.2025)*

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА РЕГИОНА: МОДЕЛЬ, КООРДИНАЦИЯ АКТОРОВ И БАРЬЕРЫ (КЕЙС ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дробышева Мария Юрьевна
(Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В тексте предлагается постановка управленческой задачи конструирования образа региона и циклическая модель её реализации (на примере Оренбургской области). Показана ключевая роль социологического ситуационного анализа, выявлены барьеры координации и коммуникаций. Обоснована необходимость единой политики и постоянного мониторинга восприятия региона.

Ключевые слова: образ региона; управление регионом; региональная идентичность; ситуационный анализ как метод социологического исследования; коммуникационная политика; координация акторов.

Наблюдаемое усиление самостоятельности российских регионов как субъектов общественного развития сопровождается усложнением управленческих задач, среди которых формирование и поддержание целостного образа территории занимает центральное место. Образ региона, понимаемый как устойчивое представление о территории в массовом сознании, выступает инструментом социального управления и координации действий власти, бизнеса и гражданского общества. При этом принципиально важно различать стихийно складывающийся образ и имидж как

целенаправленную репрезентацию. Согласованность первого опирается на состояние региональной идентичности; без её укрепления любой имиджевый контур оказывается краткосрочным [2,7], [5,200].

Практическая архитектура управляемых изменений представляется в виде циклической модели, включающей четыре взаимосвязанных этапа: ситуационный анализ существующего образа; стратегическое целеполагание; определение и реализация механизмов конструирования; социальная рефлексия результатов с обязательным обращением к первому этапу. Ключевым этапом данной модели является ситуационный анализ, поскольку именно здесь задаются параметры дальнейших решений, что связывает «жёсткую» фактуру (индикаторы, индексы, рейтинги) с «мягкими» аспектами восприятия целевых групп. В отличие от узко маркетинговых процедур это требует полноценной социологической экспертизы, выявляющей разрывы между управленческими целями и ожиданиями аудиторий, степень выраженности региональной идентичности и конфигурацию конфликтующих/согласованных смыслов [2, 315] [4, 252 – 300] [13:158 – 200].

Эмпирический материал по Оренбургской области подтверждает продуктивность такой постановки. Качественный анализ, включавший экспертные интервью с активными субъектами конструирования образа и серию фокус-групп, позволил сопоставить управляющие конструкторы и массовые представления. Диагностирована мозаичность и противоречивость образа региона, значимая роль «быстрых» когнитивных якорей – стереотипов и мифов, а также недостаточная выраженность региональной идентичности у части жителей, что создаёт барьеры для восприятия нвых символов и преимуществ территории и снижает «видимость» региона во внешней аудитории [11,250].

Главные ограничения носят управленческий характер: отсутствие единого центра координации и общей логики работы между ключевыми акторами; неадекватный выбор каналов тиражирования смыслов; формальный характер диалога «власть – население». Даже при наличии отдельных удачных практик отсутствие единой рамки и регулярного мониторинга восприятия не позволяет конвертировать локальные успехи [8, 158 – 210] [7, 256].

Данные выводы позволяют сформулировать следующие приоритеты региональной репутационной политики: институционализация ситуационного анализа как регулярной социологической процедуры с едиными стандартами сбора и интерпретации данных; согласование трактовок «зон роста» и «зон риска» между акторами с фиксацией ответственности по ключевым доменам (туризм, культурное наследие, управленческие практики, человеческий капитал, инвестиционная привлекательность); перевод механизмов конструирования образа в режим адресных программ для разных аудиторий и платформ; сочетание работы с символическим капиталом территории и обновлением городской среды на основе поддержки локальных инициатив; публичный мониторинг восприятия региона и корректировка инструментов [10, 86] [4, 200].

Формирование целевого образа региона следует рассматривать как непрерывный управленческий процесс, в котором социологическое исследование выполняет системообразующую роль. Только при опоре на цикличную диагностику, координацию акторов и единую межведомственную политику разрозненные меры начинают складываться в устойчивую траекторию изменений. Пример Оренбургской области показывает, что без такой архитектуры управления даже ресурсно обеспеченные инициативы не транслируются в долговременные эффекты, растворяясь в конкурирующих нарративах и повседневной рутине [8, 205], [9,10].

1. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 327 с.*
2. *Важенина И. С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 23. – С. 2–11.*
3. *Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и бренд территории // ЭКО. – 2008. – № 8(410). – С. 3–16.*
4. *Галумов Э. А. Имидж против имиджа. – М.: Известия, 2005. – 551 с.*
5. *Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Ин-т социологии РАН; ФОМ, 2004. – 752 с.*
6. *Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.*
7. *Калиева О. М. Формирование бренд-имиджа территории: маркетинговый подход. – Оренбург: Экспресс-печать, 2014. – 284 с.*
8. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. – СПб.: Изд-во Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 384 с.*
9. *Орлова И. Б. (ред.) Социальные технологии: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2024. – С. 10–15.*
10. *Осипов Г. В. Социальное конструирование, социальное планирование и социальное проектирование // Новая социальная реальность. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 85–88.*
11. *Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. – 3-е изд. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.*

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

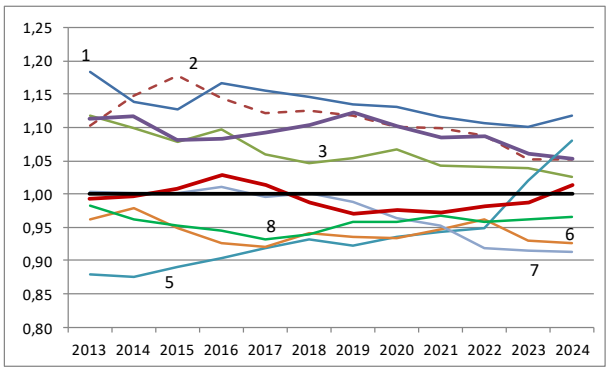
Иванова Елена Игоревна
(Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН))

Объект системы регионального управления – экономические интересы и отношения, проявляющиеся в самом субъекте Федерации. Цели регионального управления на современном этапе подчинены идее обеспечения устойчивого экономического развития субъектов Федерации, основные направления которого определены Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации за период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В качестве важнейших выдвинуты цели сохранения населения и повышение благополучия людей, поддержки семьи [1]. Решение накопившихся социальных проблем направлено на преодоление неравенства, бедности, низкого качества жизни населения, в Указе определены конкретные значения снижения уровня бедности, выравнивания уровня доходов, обеспечения повышения минимального размера оплаты труда. Цели установлены на уровне Российской Федерации и служат программным документом для всех субъектов Российской Федерации. На уровне субъектов Федерации в рамках формирования собственной региональной стратегии социально-экономического развития ключевым должен стать социально-ориентированный сценарий, раскрывающий возможности повышения качества и уровня жизни населения. Учет специфики каждого субъекта РФ – основная составляющая системы управления регионом и средство для достижения национальных целей развития страны.

Указанные цели приоритетны с позиций сохранения социальной и политической стабильности в обществе [2 – 3,7]. Для обеспечения стабильности необходимы эффективные управленческие решения по важнейшим вопросам общества, на поиски которых направлено социальное программирование в форме проблемно-целевого подхода [4 – 44]. В экспертном сообществе накоплен богатый опыт разработки сценариев развития

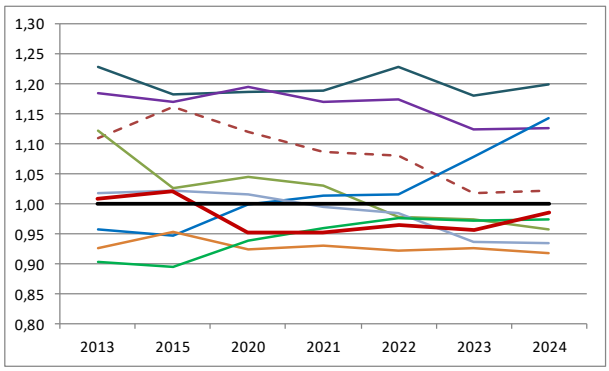
конкретных регионов с применением программного подхода к решению их проблем [см., например, 3].

Данный подход применялся и в процессе консультирования руководства Тульской области по вопросам перспективного социально-экономического развития региона. На первом этапе выявляются основные социальные проблемы текущего состояния социально-экономической сферы. Так, Тульская область (далее ТО) относится к регионам ЦФО с недостаточно высоким средним уровнем доходов населения, ограничивающим объем внутреннего спроса и способствующим оттоку работников в более богатые регионы. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций ТО за 2024 год составила 73868,0 рубля, что выше уровня 2023 года на 22,2 %. Реальная заработная плата за 2024 год, рассчитанная с учетом изменения индекса потребительских цен, составила 113,0 % к 2023 году. По показателю величины среднедушевых доходов к 2024 г. ТО превысила средние значения для ЦФО без Москвы и Московской области. Однако расчеты соотношения среднедушевого дохода с показателями величины прожиточного минимума и фиксированного набора потребительских товаров и услуг, позволяющие оценить покупательную способность среднедушевых доходов, показали, что их значение ниже среднего уровня по ЦФО (рис. 1, рис. 2).

Условные обозначения
1 – Белгородская область; 2 – Воронежская область,
3 – Калужская область, 4 – Липецкая область,
5 – Орловская область, 6 – Рязанская область,
7 – Тамбовская область, 8 – Тверская область
Красный цвет – Тульская область, черный – среднее по ЦФО (без Москвы и Московской области)

Рисунок 1. Нормированные значения среднедушевых доходов населения (выборка областей ЦФО, 2013–2024 гг.)

Условные обозначения: линии графика соответствуют цвету и номерам рисунка 1.

Рисунок 2. Нормированные значения соотношения среднедушевых доходов населения и фиксированного набора потребительских товаров и услуг (выборка областей ЦФО, 2013–2024 гг.)

Темпы роста экономики Тульской области в целом соответствуют общероссийским темпам, за исключением последних нескольких лет, когда Тульская область показывала лишь небольшой положительный рост. Вероятность дальнейшего повышения ВВП обусловлена:

1) относительно невысокими темпами роста доходов, который обеспечивается, в основном, ростом заработной платы занятого населения; размеры пенсионного обеспечения также увеличиваются, но с учетом повышения величины прожиточного минимума размеры пенсии по старости составляют всего 1,4 – 1,6 величины прожиточного минимума пенсионеров;

2) слабым потребительским спросом, склонностью населения к сбережению;

3) ростом коэффициента Джини, но его значения не выходят за рамки целевого значения показателя, установленного Единым планом по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. (установлено значение показателя 0,370 к 2030 году, в ТО в 2024 г. коэффициент Джини составлял 0,367);

4) специфика ТО – неравномерное распределение доходов в ТО связано не только с ростом заработной платы в стратегических отраслях народного хозяйств округа, но также с высокой долей населения старше трудоспособного возраста, ростом доли одиноких людей (как пожилых, так и молодых).

При прогрессирующем процессе старения населения области доля пенсионеров продолжает возрастать. На 1 января 2025 года она составила 28,9 % от общей численности населения. По данным на 2024 г., доля женщин в возрасте 60 лет и старше среди женского населения составила 33,9 %; мужчин – 21,9 % (рисунок 3). Рост доли пенсионеров – один из социально-демографических факторов, воздействующих как на формирование размеров среднедушевых доходов населения области, так и на особенности потребительского поведения людей. Второй значимый социально-демографический фактор – большая доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в структуре всех домохозяйств. Как показывают данные переписи населения 2020 г., ТО – один из лидеров в России по доле домохозяйств одиноких (рисунок 4).

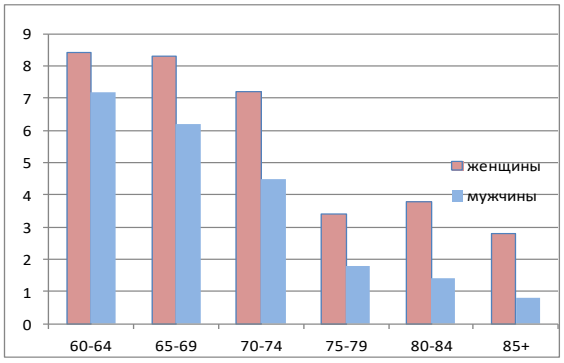

Рисунок 3. Доля населения в возрасте 60 лет и старше в возрастной структуре мужского и женского населения ТО. 2024 г.

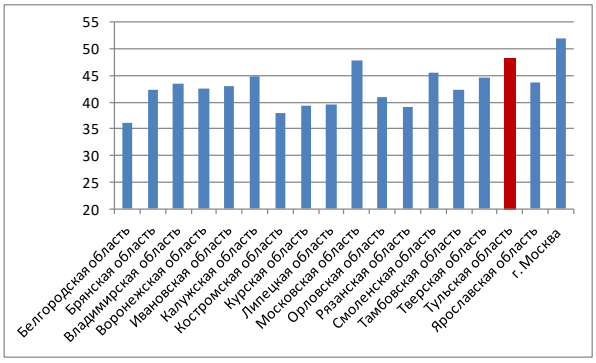

Рисунок 4. Доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в структуре всех домохозяйств (%). Данные переписи 2020 г.

С учетом перевеса женщин в старших возрастах, одинокие домохозяйства – следствие сложившейся возрастной структуры в старших возрастах населения. Домохозяйства одиноких пожилых людей подвергаются большему риску бедности, они имеют меньший средний доход, более высокие расходы на жилье и коммунальные услуги, меньший доступ к неформальному уходу и поддержке. Это приводит к необходимости расширения системы мер социальной поддержки одиноких пожилых, в том числе, связанных с долгосрочным уходом, социальным и пенсионным обеспечением, занятостью, здравоохранением и жильем.

В то же время, данный тип домохозяйств становится все более распространенным и среди молодых людей. Увеличение реальных доходов позволяет многим молодым людям сознательно жить в одиночестве. Прослеживается корреляция между уровнем доходов и числом одиноко живущих людей. В домохозяйствах одиноких молодых людей формируется специфическая структура потребления: снижается спрос на питание, на детские товары, на целый ряд услуг, усиливается демонстративное потребительское

поведение. Рост доли данных домохозяйств ведет к увеличению объема сбережений на макроэкономическом уровне. Существуют модели, подтверждающие указанную зависимость.

С учетом выявленных проблем в уровне жизни населения ТО были определены основные задачи по снижению уровня бедности и роста доходов населения. К ним относятся общие задачи и, соответственно, мероприятия, направленные на их решение:

создание благоприятных условий (ресурсных, институциональных, инфраструктурных и т.д.) для увеличения инвестиций в экономику и социальную сферу региона; увеличение доходной базы региональных и местных бюджетов; рост среднемесячной заработной платы; ежегодная индексация социальных выплат с учетом уровня инфляции. В условиях сложившейся социально-демографической структуры ТО следует выделить необходимость мероприятий по стимулированию межпоколенной внутрисемейной поддержки как стратегии повышения уровня жизни пожилого населения. В их число входят организация мониторинга внутрисемейной поддержки (степень распространения, формы, направления внутрисемейных межпоколенных трансфертов), а также разработка стимулов для младших членов семей по оказанию различных видов поддержки старших членов семьи.

В управлении развитием региона процесс воздействия органов власти на систему общественных и экономических отношений сопряжен с целью устойчивого повышения благосостояния жителей. Социально-ориентированный сценарий развития региона, направленный на повышения качества и уровня жизни населения России, учитывает участие в процессе управления в качестве субъекта не только три уровня власти, но и сообщество, семью, население региона.

1. *Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://kremlin.ru›acts/bank/50542/page/1 (дата обращения 10.10.2025г.)*
2. *Порфирьев Б. Н., А. А. Широв, М. Н. Узяков и др. Основные направления социально-экономического развития в 2020-2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 3. С. 3-15.*
3. *Ивантер В. В., А. Н. Клепач, Д. Б. Кувалин и др. Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса. // ЭКО. – 2018. – № 11. С. 31-47.*
4. *Тощенко Ж. Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // Социология власти. – 2005. – № 5. С. 23-45*

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЦЕННОСТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Камышина Елена Александровна
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина))

Аннотация. Статья исследует конфликт между экономической эффективностью и ценностно-ориентированным управлением в современных корпорациях. Анализируется влияние ESG, цифровой этики и геополитики на трансформацию управленческих практик. Особое внимание уделяется роли образования в формировании ценностей лидеров для устойчивости бизнеса в условиях турбулентности.

Ключевые слова: корпоративное управление, ценности, цифровая этика, человеческий капитал, образование

В современном корпоративном ландшафте наблюдается устойчивый тренд на переход от традиционных моделей управления к ценностно-ориентированным практикам. С одной стороны, усиление давления на экономическую эффективность, с другой – растущий запрос на ценностно-ориентированное управление. Этот конфликт особенно ярко проявляется в трех аспектах. ESG-повестка (экологическая и социальная ответственность) становится важным фактором корпоративных стратегий. Российские компании активно интегрируют принципы устойчивого развития в управленческие практики. Однако эмпирические данные свидетельствуют о разрыве между декларациями и реальными изменениями в корпоративной культуре [3]. Цифровая этика. Удаленные форматы работы усилили значимость «гибких» ценностей (доверие, эмпатия) и снизили роль жесткой иерархии. Развитие технологий ИИ и автоматизации требует переосмысления традиционных управленческих ценностей. По данным The Future of Jobs Report 2025, 92 миллиона рабочих мест исчезнут, а 78 миллионов появятся к 2030 году [4]. Поэтому, руководители сталкиваются с острой необходимостью адаптации и сохранения баланса между инновациями и «человеческого измерения» в бизнес-процессах. Пандемия и геополитические изменения актуализировали вопросы социальной стабильности. При этом сохраняется дисбаланс между формальными HR-практиками и органично развивающимися социально-структурными связями [1].

Особенно стоит рассмотреть последний аспект. Пандемия и последовавшие геополитические изменения стали катализатором глубинной трансформации управленческих подходов. Эти кризисы не просто скорректировали операционные процессы, но принципиально изменили саму систему корпоративных ценностей. Учитывая текущие требования к лидерам в условиях нестабильности [2], в течение последних пяти лет сформировались несколько ключевых трендов в управленческом мышлении.

На первом этапе (2020 – 2021) пандемийные ограничения вынудили руководителей пересмотреть базовые принципы организационного управления. Неожиданно оказалось, что традиционные иерархические модели плохо адаптируются к условиям неопределенности. Компании, сохранившие жесткую вертикаль власти, столкнулись с проблемами при переходе на удаленные форматы работы. В то же время организации, где уже были заложены элементы горизонтальных связей и ценность самостоятельности сотрудников, демонстрировали лучшую адаптивность.

Геополитические изменения 2022 года добавили новый уровень сложности. Санкционное давление и разрыв международных цепочек создали ситуацию, когда прежние управленческие парадигмы перестали работать. Руководителям пришлось одновременно решать несколько взаимосвязанных задач: перестраивать логистические схемы, искать новых поставщиков, адаптировать продукты под изменившийся спрос – и все это в условиях острого дефицита времени.

В результате сформировались три принципиальных сдвига в управленческих приоритетах. Во-первых, на первый план вышла ценность организационной гибкости. Руководители осознали, что способность к быстрой перестройке бизнес-процессов становится критически важным конкурентным преимуществом. Во-вторых, резко возросло значение человеческого капитала как стабилизирующего фактора. В кризисных условиях именно лояльность и вовлеченность сотрудников часто становились тем ресурсом, который позволял компаниям удержаться на плаву. В-третьих, изменилось само понимание стратегического планирования – от долгосрочных прогнозов произошел переход к сценарному мышлению и управлению возможностями.

Особую важность приобретает образование как фактор формирования ценностей. Технические вузы традиционно развивают прагматизм и изобретательские навыки, а гуманитарные – коммуникативные навыки, что отражается на управленческих стилях. Военное образование, ранее ассоциировавшееся с дисциплиной, теперь сталкивается с ценностным диссонансом в условиях креативной экономики. Второе высшее образование (особенно MBA и другие управленческие программы) становится инструментом «перезагрузки» ценностей, но его эффективность требует проверки.

Таким образом, исследование связи образования, ценностей и социально-структурных отношений в корпорациях позволяет не только актуализировать теорию человеческого капитала, но и предложить практические решения для корпораций в эпоху турбулентности.

1. *Камышина, Е. А. Социодинамика человеческого капитала руководителей корпораций и его роль в формировании социально-структурных отношений (на примере корпораций Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Камышина Елена Александровна. – Санкт-Петербург, 2022. – 396 с.*
2. *Global Leadership Forecast 2023 [Электронный ресурс] / Development Dimensions International (DDI). – 2023. – URL: https://www.ddiworld.com/global-leadership-forecast-2023 (дата обращения: 16.05.2025).*
3. *White, K. The Elusive Green Consumer [Электронный ресурс] / K. White, D. J. Hardisty // Harvard Business Review. – 2019. – July. – URL: https://hbr.org/2019/07/the-elusive-green-consumer (дата обращения: 03.10.2025).*
4. *The Future of Jobs Report 2025 [Электронный ресурс] / World Economic Forum. – Geneva, 2025. – URL: https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (дата обращения: 30.06.2025).*

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ PR-КАМПАНИИ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Кирилина Татьяна Юрьевна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учре)

Карбушева Александра Максимовна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учре)

Аннотация. Статья посвящена особенностям разработки и реализации PR-кампаний для образовательных учреждений в условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования положительного имиджа и привлечения абитуриентов через эффективные коммуникационные стратегии.

В работе последовательно рассматриваются ключевые этапы планирования PR-кампании – от аналитической стадии (SWOT-анализ, определение целевых аудиторий) до реализации, мониторинга и оценки эффективности.

Особое внимание уделяется специфике образовательной сферы, включая множественность и разнородность целевых аудиторий, долгосрочный характер

коммуникаций, важность экспертного контента, необходимость работы с репутацией и кризисными ситуациями, а также роль визуальной коммуникации и внутреннего PR.

Ключевые слова: PR-кампания, образовательное учреждение, связи с общественностью, имидж, репутация, целевые аудитории, коммуникационная стратегия, бренд образовательной организации, внутренний PR

Актуальность исследования разработки PR-кампании для образовательного учреждения обусловлена тем, что в современном мире образовательным учреждениям приходится сталкиваться с высокой конкуренцией, исходя из этого им необходимо формировать положительный имидж и привлекать студентов, что делает PR-деятельность ключевым инструментом продвижения.

PR-кампания – это целенаправленная, комплексная деятельность по управлению коммуникациями организации или личности с целевыми аудиториями с целью формирования и поддержания благоприятного общественного мнения, укрепления имиджа и достижения стратегических целей. PR-кампания образовательного учреждения способствует формированию доверия со стороны абитуриентов, родителей, партнеров и общества в целом, повышает репутацию и узнаваемость образовательной организации.

Разработки PR-кампании образовательного учреждения включает в себя несколько этапов:

Анализ и исследование (Audit & Research):

SWOT-анализ учреждения.

Анализ текущего имиджа образовательного учреждения и конкурентной среды;

Определение целевых аудиторий и коммуникационных задач;

Анализ конкурентов: сильные и слабые стороны;

Постановка целей;

Внутренний PR: Работа с текущими студентами и сотрудниками;

Работа с выпускниками;

Разработка стратегии и ключевых сообщений;

Определение уникального торгового предложения (сильная научная школа, международные связи, упор на практику);

Подбор инструментов и каналов коммуникации (СМИ, социальные сети, мероприятия, внутренние коммуникации);

Медиа-отношения: Работа с журналистами, пресс-релизы, организация пресс-туров;

Событийный маркетинг. Проведение Дней открытых дверей, конференций, олимпиад;

Распределение бюджета по инструментам;

Составление детального плана-графика (календарный план PR-кампании).

Реализация и мониторинг PR-кампании;

Оценка эффективности и корректировка стратегии.

Инструментарий PR-кампаний в образовании охватывает как традиционные методы (взаимодействие со СМИ, организация имиджевых мероприятий), так и современные цифровые практики (развитие официальных сайтов, социальных сетей, онлайн-платформ и медиа-активностей). Важно учитывать, что разработка PR-кампании для образовательного учреждения (будь то вуз, школа, колледж или курсы) имеет свою специфику, так как целевая аудитория очень разнообразна, а продукт – «образование» – нематериален и имеет долгосрочный эффект.

Можно выделить следующие ключевые особенности разработки PR-кампании для образовательного учреждения:

Особенности целевой аудитории: множественность и разные интересы. В отличие от B2C-сегмента, где аудитория часто однородна, у образовательного учреждения несколько ключевых аудиторий с разными потребностями.

Например, абитуриенты и их родители. Это две разные группы. Если абитуриенты ищут интересную программу, перспективную профессию, атмосферу, внеучебную жизнь, бренд вуза. То родители, в свою очередь, интересуются стоимостью, безопасностью, репутацией, карьерными перспективами выпускников, материально-технической базой.

Для студентов и учащиеся важна вовлеченность, качество преподавания, возможности для развития (стажировки, кружки), комфортная среда. Выпускники представляют ключевую аудиторию для формирования репутации и эндаумента (целевого капитала). Их успехи – лучшая реклама для любого учебного заведения.

Еще один важный элемент целевой аудитории – партнеры и работодатели. Им важны качество подготовки кадров, возможность сотрудничества (исследования, стажировки). Педагогическое и научное сообщество также входят в целевую аудиторию вузов. Привлечение ведущих ученых и преподавателей укрепляет статус учреждения [2].

Местное сообщество и власти могут выполнять важную роль в создании позитивного имиджа вуза как социально ответственного института.

Таким образом, PR-кампания должна быть сегментированной, с разными месседжами и каналами коммуникации для каждой группы.

2. *Долгосрочность и стратегичность.* Образование – это не импульсивная покупка. Решение принимается месяцами. Поэтому PR-кампания не может быть краткосрочной. Цель PR-кампании вуза не разовая продажа, а построение долгосрочных отношений и формирование устойчивого позитивного имиджа. Фокус должен быть направлен на создание репутации надежного, качественного и современного образовательного учреждения. Ключевые показатели эффективности (KPI) вуза – это не только количество поданных заявлений, но и узнаваемость бренда, цитируемость в СМИ, позитивные отзывы, рост числа подписчиков в соцсетях, уровень лояльности текущих студентов.

3. *Содержание и экспертиза как основа контента.* Главный актив образовательного учреждения – это знания. PR должен это подчеркивать. Преподаватели и сотрудники должны позиционироваться как эксперты в своих областях. Это достигается через участие в СМИ, размещение комментариев по профильным темам, авторские колонки. Проведение открытых лекций, мастер-классов, научных конференций, вебинаров. публикацию результатов исследований. Создание и продвижение собственных исследований, полезного и бесплатного контента, который привлекает абитуриентов (например, блог с советами по подготовке к ЕГЭ, разбор профессий будущего).

4. *Работа с репутацией и кризисными ситуациями.* Чрезвычайно важным фактором в сфере образования является репутация. Одна негативная история (скандал с преподавателем, проблемы с общежитием, суицид) может нанести огромный ущерб. Необходим проактивный мониторинг, постоянное отслеживание упоминаний в СМИ и соц.сетях. Большое значение в современных PR-кампаниях имеет разработка антикризисного плана. Вузы доны иметь четкие инструкции на случай форс-мажора. В кризисной ситуации важно быстро и прозрачно коммуницировать, брать на себя ответственность и говорить о путях решения проблемы.

5. *Вовлечение сообщества (Community Building).* Образовательное учреждение – это не просто место учебы, это сообщество. Вузам необходимо вести работу с

выпускниками, создавать ассоциации, проводить встречи, привлекать выпускников к менторским программам для студентов.

Следует организовывать мероприятия для разных аудиторий. Например, Дни открытых дверей (для абитуриентов), научные бои (для широкой публики), карьерные дни (для студентов и работодателей).

В современном информационном обществе крайне важна активность вузов в социальных сетях. Это должны быть ее просто анонсы, а живое общение, показ «жизни изнутри», истории успеха студентов и выпускников.

6. *Визуальная коммуникация и айдентика.* Современные абитуриенты – поколение Z и Alpha, для которых визуальный ряд критически важен. Вузу необходимо выработать единый стиль с узнаваемой айдентикой (логотип, цвета, шрифты) на всех носителях – от сайта до сувенирной продукции. Важно, чтобы визуальный ряд был высокого качества. На профессиональных фото и видео должны быть показаны кампусы, учебный процесс, важные события из жизни вуза (посвящение в студенты, вручение дипломов и т. д.), студенты. Все материалы должны одинаково хорошо смотреться как на большом экране компьютера, так и на смартфоне.

Особое значение приобретает внутренний PR, предполагающий вовлечение сотрудников и обучающихся в процесс формирования положительного образа учреждения [3]. Коммуникационные особенности взаимодействия с разными аудиториями проявляются в необходимости акцентирования различных аспектов деятельности: для родителей важны качество и безопасность образовательных услуг; для обучающихся – перспективы развития и самореализации; для работодателей и партнеров – уровень подготовки специалистов и возможности сотрудничества.

Эффективность PR-кампании образовательного учреждения оценивается через рост узнаваемости бренда, укрепление доверия и лояльности аудитории, увеличение числа положительных упоминаний в медиапространстве, а также через динамику показателей набора обучающихся и расширение партнерских связей.

1. *Алиева Н. Р. PR-деятельность в сфере образовательных услуг // StudNet. 2021. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pr-deyatelnost-v-sfere-obrazovatelnyh-uslug (дата обращения: 06.10.2025).*
2. *Степанычева, Е. В. PR-деятельность высшего учебного заведения как инструмент повышения его конкурентоспособности / Е. В. Степанычева // Актуальные проблемы управления: материалы V Международной научно-практической конференции, Тамбов, 12 ноября 2018 года / ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2018. – С. 158-169.*
3. *Тетерина Е. В. Внутренний PR высшего учебного заведения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 4111–4115. – URL: http://e-koncept.ru/2016/86861.htm.*

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В СУБЪЕКТАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: АНАЛИЗ ДОЛЖНОСТНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ

Колдушко Анна Анатольевна
(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Аннотация. Статья посвящена анализу требований к цифровым компетенциям государственных гражданских служащих в органах государственной власти субъектов Приволжского федерального округа РФ. Источниками исследования являются данные должностных регламентов (квалификационные требования), позволяющие выявить

содержание, региональные особенности и проблемы в сфере формирования цифровых компетенций. Делается вывод о необходимости единого стандарта цифровых компетенций гражданских служащих.

Ключевые слова: цифровые компетенции, государственные служащие, Приволжский федеральный округ, цифровая трансформация, электронное правительство, должностные регламенты.

Успех цифровой трансформации государственного управления в субъектах РФ напрямую зависит от кадрового потенциала региональных органов государственной власти. В 2014 г. распоряжением Правительства РФ была приняла концепция региональной информатизации, в которой, в том числе, целью использования информационно-коммуникационных технологий является «повышение производительности труда государственных и муниципальных служащих и работников бюджетной сферы путем автоматизации выполнения ими типовых операций, что позволит повысить эффективность деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений» [4]. Это, в свою очередь, предъявляет к государственным служащим субъектов РФ высокие требования цифровой грамотности в целом, и, в частности, к цифровым компетенциям. На основе должностных регламентов, размещенных на Портале государственной гражданской службы [5], был проведен анализ квалификационных требований, предъявляемых к должностям гражданской службы в сфере информационно-коммуникационных технологий (цифровые компетенции) по Приволжскому федеральному округу. Всего представлено 40 вакансий по Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Ульяновской областям, Республике Татарстан и Чувашия (Чувашская Республика). Цифровые компетенции в должностных регламентах подразделяются на базовые, профессиональные, функциональные знания и базовые, профессиональные, функциональные умения.

Таблица 1. Категории цифровых компетенций по должностным регламентам

Категория компетенций	**Знания**	**Умения**
Базовые	– Основы информационной безопасности и защиты информации – Законодательство о персональных данных – Принципы функционирования системы электронного документооборота – Законодательство об электронной подписи – Основы работы с персональным компьютером	– Работа с персональным компьютером – Работа с офисными приложениями (текстовые редакторы, электронные таблицы) – Работа с сетевыми ресурсами и интернетом – Управление электронной почтой – Поиск информации в интернете
Профессиональные	– Специфические знания в зависимости от сферы деятельности (финансы, экология, социальная политика и т.д.)	– Работа с государственными информационными системами – Работа с федеральными информационными ресурсами

	– Особенности отраслевых информационных систем	– Использование ведомственного электронного документооборота – Работа с правовыми базами данных
Функциональные	– Понятие информационных систем и их архитектура – Методы и средства получения, обработки и передачи информации – Принципы межведомственного взаимодействия – Криптографическая защита информации	– Организация работы в государственных информационных системах – Перевод информации в единый формат – Защита от несанкционированного доступа – Мониторинг и восстановление работоспособности систем

Базовые цифровые компетенции, в основном, одинаковы для всех категорий и групп должностей, тем не менее, есть региональные особенности. Так, например, в Ульяновской области базовые компетенции прописаны детально, включают не только обобщенные требования, как в других субъектах РФ, но и правила поведения цифровой безопасности (использование личной почты и социальных сетей, подключение внешних устройств).

Профессиональные и функциональные компетенции в должностных регламентах зависят от сферы деятельности и уровня ответственности. Наблюдается следующая тенденция: чем выше уровень должности гражданской службы, тем уже набор цифровых компетенций, в свою очередь, для специалистов ведущей и главной групп должностей список профессиональных и функциональных цифровых требований становится более развернутым. К примеру, в Министерстве финансов Нижегородской области цифровые профессиональные умения предполагают работу с ГИИС «Электронный бюджет», «АЦК-Финансы», «СКИФ БП», «СУФД». Контрольно-надзорная деятельность в Министерстве экологии и природных ресурсов Нижегородской области предполагает умение работать с федеральными системами «Типовое облачное решение по автоматизации КНД», «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» (ЕРКНМ), системами учета объектов НВОС.

В целом, можно отметить существенные различия в качестве проработки и детализации цифровых компетенций должностных регламентов гражданских служащих в субъектах Приволжского федерального округа. В Ульяновской области квалификационные требования в должностных регламентах определены наиболее подробно и индивидуализировано. В Нижегородской и Оренбургской области наблюдается неравномерность проработки должностных регламентов: к примеру, в министерстве экологии и природных ресурсов Нижегородской области требования к работе с федеральными информационными системами для консультанта отдела организации КНД, координации природоохранной деятельности, государственного учета и мониторинга окружающей среды прописаны довольно подробно [3], в то время как для консультанта отдела водопользования и распоряжения водными ресурсами ограничиваются общей фразой о «работе с информационными ресурсами, в том числе электронными» [2].

В Кировской области и Чувашской Республике большинство должностных регламентов содержит лишь отсылку к «знаниям в области информационно-коммуникационных технологий», а цифровые умения не отражены совсем [1]. Отмечу

также, что в Кировской области к карточке вакансии, по-видимому, прикреплены типовые должностные регламенты, поскольку их тексты не содержат информации об утверждении документа.

Таким образом, на основе анализа цифровых компетенций, определенных должностными регламентами, можно выделить несколько проблем. Во-первых, формальный подход к содержанию цифровых компетенций, их обобщенность, «размытость»: указанные в базовых цифровых знаниях «Основы работы с персональным компьютером» явно не отражают реальных потребностей в цифровых навыках, а это, в свою очередь, может создать риски при оценке эффективности деятельности гражданских служащих. Во-вторых, несоответствие уровня должности и сложности цифровых компетенций: для ведущих и главных специалистов требования к цифровым компетенциям выше, чем у руководителей.

Возможным решением указанных проблем может стать создание единого стандарта цифровых компетенций гражданских служащих, который, в свою очередь, позволит корректно оценить и степень владения компетенциями, и общий уровень цифровизации гражданской службы в субъектах РФ.

1. *Должностной регламент главного специалиста-эксперта управления социальных выплат [Электронный ресурс]. – URL: https://gossluzhba.gov.ru/vacancy/70a15424-6827-4509-bdb4-0c71e129b121 (дата обращения: 04.10.2025).*
2. *Должностной регламент консультанта отдела водопользования и распоряжения водными ресурсами, утв. приказом Министерства экологии и природных ресурсов Нижегородской области от 23 июня 2025 г. № 319-178/25П/од. [Электронный ресурс] : – URL: https://gossluzhba.gov.ru/vacancy/4ab26534-5583-4814-9b02-915f64a8148d (дата обращения: 04.10.2025).*
3. *Должностной регламент консультанта отдела организации контрольно-надзорной деятельности, координации природоохранной деятельности, государственного учета и мониторинга окружающей среды, утв. приказом Министерства экологии и природных ресурсов Нижегородской области от 22 апреля 2025 г. № 319-107/25П/од. [Электронный ресурс]. – URL: https://gossluzhba.gov.ru/vacancy/3e7dfe5a-6489-4cc6-a451-696414e25270 (дата обращения: 04.10.2025).*
4. *Концепция региональной информатизации, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2769-р [Текст]: // СПС «Кодекс». – URL: https://docs.cntd.ru/document/420244215?marker=65C0IR (дата обращения: 04.10.2025).*
5. *Официальный сайт Федеральной государственной гражданской службы [Электронный ресурс]. – URL: https://gossluzhba.gov.ru/ (дата обращения: 04.10.2025).*

РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Колесникова Кристина Геннадьевна
(ННГУ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли наставничества в высшей школе в условиях цифрового общества с акцентом на модель «педагог – педагог» и использование технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются практики организации виртуальных наставнических сообществ в российских вузах, их влияние на профессиональное развитие преподавателей и формирование цифровой культуры. Приводится анализ интеграции ИИ в педагогическое взаимодействие и влияние на социальную структуру академического сообщества.

Ключевые слова: наставничество, высшая школа, искусственный интеллект, цифровое общество, педагогическая культура.

Современная высшая школа функционирует в условиях ускоренной цифровизации, изменяющей формы профессиональной коммуникации и структуру педагогического взаимодействия. В этих условиях институт наставничества приобретает новые функции, связанные с адаптацией педагогов к цифровой образовательной среде и освоением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Наставничество в модели «педагог – педагог» становится не только механизмом передачи профессиональных компетенций, но и формой социального взаимодействия, обеспечивающей воспроизводство академических норм и развитие профессиональной идентичности в контексте цифрового общества.

Как отмечают О. А. Балабанова и др., в процессе цифровой трансформации образования традиционные формы наставничества претерпевают институциональные изменения, становясь частью цифровой инфраструктуры образовательных организаций [1, 9]. Авторы подчеркивают, что интеграция ИИ в систему наставничества позволяет реализовать мониторинг индивидуального прогресса наставляемого, анализ цифрового следа и построение персонализированных траекторий профессионального роста. Таким образом, искусственный интеллект выполняет функцию аналитического посредника между педагогами, создавая новые основания для взаимодействия, основанные на данных и когнитивной аналитике.

С социологической точки зрения, наставничество в модели «педагог – педагог» можно рассматривать как форму горизонтальной профессиональной социализации, способствующей укреплению внутрисетевых связей в академическом сообществе. В цифровом обществе данные связи перестают быть ограниченными локальными рамками вуза и развиваются в онлайн-среде, где педагоги взаимодействуют через профессиональные платформы, форумы и интеллектуальные обучающие системы. Примером служат сетевые образовательные сообщества, использующие ИИ для анализа педагогических практик и обмена опытом, такие как адаптивные платформы педагогического коучинга, интегрированные в корпоративные LMS (*Learning Management Systems*). Подобные платформы позволяют наставнику отслеживать прогресс коллеги, оценивать его активность в цифровой среде и формировать рекомендации на основе алгоритмов машинного обучения.

Н. А. Каменева указывает, что использование ИИ в высшем образовании предполагает формирование новой цифровой компетентности педагога-наставника, включающей навыки интерпретации данных, взаимодействия с интеллектуальными системами и этической рефлексии по поводу цифрового вмешательства в образовательный процесс [2, 377]. В этом контексте наставничество становится механизмом формирования цифровой субъектности педагога, когда опытные преподаватели передают коллегам не только знания и методические навыки, но и культуру ответственного использования ИИ-технологий.

Практика внедрения ИИ в программы наставничества демонстрирует высокую результативность в процессе профессионального сопровождения молодых преподавателей. Так, в ряде университетов России и зарубежья апробируются модели смешанного наставничества, в которых цифровые инструменты используются для фиксации обратной связи, анализа эффективности педагогического взаимодействия и автоматического подбора наставников на основе совпадения профессиональных интересов. Например, система *AI MentorSupport* (разработанная на основе открытых алгоритмов анализа педагогических данных) позволяет формировать пары «наставник – наставляемый» с учетом не только предметной области, но и индивидуального стиля преподавания, выявленного через цифровые профили пользователей. Это соответствует тенденции, отмеченной М. А. Кормилицыным и С. Н. Богатыревой, которые считают, что

искусственный интеллект трансформирует профессиональную деятельность преподавателя, переводя ее в режим постоянной самоаналитики и взаимодействия с данными [3, 251].

В контексте модели «педагог – педагог» технологии искусственного интеллекта активно используются для организации виртуальных наставнических сообществ, формирующих новую инфраструктуру профессионального взаимодействия в высшей школе. Такие сообщества функционируют на основе автоматизированного анализа педагогических кейсов, цифровых следов профессиональной деятельности и прогнозирования успешных стратегий взаимодействия между наставниками и наставляемыми. В основе их работы лежат алгоритмы машинного обучения, позволяющие выявлять закономерности в педагогической коммуникации, определять эффективные модели сопровождения и обеспечивать персонифицированное распределение ролей в цифровой наставнической среде. С точки зрения социологии цифрового общества, данный процесс свидетельствует о становлении сетевых форм профессиональной солидарности, когда принадлежность к академическому сообществу определяется не территориальными границами конкретного вуза, а участием в цифровых профессиональных сетях, объединяющих преподавателей по интересам, методическим подходам и тематике научных исследований.

В российских университетах данное направление получает все более широкое распространение. Так, в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова реализуется проект «Цифровой наставник», направленный на формирование интерактивных профессиональных сообществ преподавателей, где системы искусственного интеллекта анализируют эффективность образовательных практик, выявляют инновационные методики и предлагают коллегам модели их адаптации. Система позволяет наставникам отслеживать динамику цифровой активности педагогов, анализировать их участие в научно-образовательных сетях и формировать индивидуальные планы профессионального развития. На факультете педагогического образования МГУ данная технология используется для координации деятельности преподавателей, участвующих в цифровых образовательных проектах, где ИИ выступает инструментом обратной связи и аналитики профессиональных компетенций.

Другим примером служит Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», где реализуется платформа *MentorNet*, интегрирующая элементы искусственного интеллекта и технологии обработки естественного языка для анализа цифровых коммуникаций между наставниками и наставляемыми. Система формирует рекомендации по педагогическому взаимодействию, выявляет коммуникативные паттерны успешного наставничества и предлагает инструменты для оптимизации диалога в цифровой среде. В рамках этой платформы наставничество рассматривается как социотехническая сеть, где человеческое взаимодействие дополняется когнитивной поддержкой со стороны интеллектуальных систем. Это позволяет развивать профессиональные связи не только внутри института, но и на уровне межвузовского сотрудничества, создавая устойчивое сетевое сообщество педагогов, объединенных общими ценностями цифровой педагогики.

А. В. Медведев, Т. А. Головятенко и Л. С. Подымова подчеркивают, что внедрение ИИ в систему высшего образования усиливает требования к педагогам как субъектам цифровой культуры, изменяя баланс между когнитивными и технологическими аспектами профессиональной деятельности [4, 152]. В этих условиях наставничество выполняет компенсаторную функцию, обеспечивая поддержку педагогов, испытывающих трудности при освоении цифровых инструментов, и способствуя развитию их цифрового мышления.

В ряде вузов реализуются практики *peer-to-peer*-наставничества, где опытные педагоги обучают коллег использованию интеллектуальных ассистентов для анализа академической успеваемости студентов, автоматизации проверки заданий, разработки интерактивных курсов и управления цифровыми коммуникациями.

С точки зрения социологии, данные процессы отражают переход от индивидуализированной модели профессионального развития к коллективно-цифровой, где ИИ становится медиатором профессиональной кооперации. В таких условиях наставничество выполняет роль социального института, обеспечивающего устойчивость профессиональных норм, передачу ценностей академического сообщества и воспроизводство человеческого капитала в цифровой форме.

Итак, наставничество в высшей школе в модели «педагог – педагог» в цифровом обществе приобретает интегративный характер, соединяя педагогическую практику, социотехнические инновации и профессиональную рефлексию. Использование искусственного интеллекта в данной сфере открывает возможности для системного анализа педагогических взаимодействий, персонализации профессионального развития и создания интеллектуальных экосистем наставничества. Социологически данный процесс может быть определен как форма цифровой институционализации педагогического взаимодействия, в рамках которой воспроизводятся механизмы солидарности, доверия и профессионального признания. Таким образом, роль наставничества в условиях цифровизации заключается не только в передаче опыта, но и в формировании новой социальной структуры академического сообщества – гибридной, сетевой, адаптивной к вызовам цифрового общества.

1. *Балабанова О. А., Чмыхова Е. В., Исказиев Р. Е., Журавина М. А. Оценка результатов апробации системы наставничества в сфере искусственного интеллекта // Московский педагогический журнал. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-rezultatov-aprobatsii-sistemy-nastavnichestva-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 04.10.2025).*
2. *Каменева Н. А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V междунар. науч.-практ. конф., 14–15 нояб. 2024 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. С. 374–386.*
3. *Кормилицын М. А., Богатырева С. Н. Использование искусственного интеллекта в работе преподавателя высшей школы // Журнал прикладных исследований. 2025. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rabote-prepodavatelya-vysshey-shkoly (дата обращения: 04.10.2025).*
4. *Медведев А. В., Головятенко Т. А., Подымова Л. С. Роль искусственного интеллекта в современной системе высшего образования // Высшее образование сегодня. 2022. № 3–4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sisteme-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 04.10.2025).*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАЗРЫВЫ, ТРЕКИ, НАПРАВЛЕННОСТЬ

Константинова Лариса Владимировна
(Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы институциональной трансформации высшего образования в России, выделяются разрывы, сложившиеся между высшей школой и рынком труда. В частности, на основе социологических данных определяется разрыв доверия и ценности в высшем образовании. Выделяются основные

треки реформ, осуществляемых на уровне государственного регулирования. По результатам качественного анализа стратегических и отчетных и документов ведущих отечественных вузов формулируются заключения о направленности преобразований вузовских практик в основных видах деятельности. Делается вывод о возможности перехода от уровневой к интегрированной системе высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, рынок труда, институциональные трансформации высшего образования, разрывы между рынком труда и высшим образованием, интеграция вузов с индустриальными партнерами.

Реализация стратегических целей в области научно-технологического развития российского общества «предполагает структурную реорганизацию отечественной экономики на основе внедрения новых технологий и формирования новых моделей организации хозяйственной деятельности» [5, 34]. Роль высшего образования в этих условиях возрастает и требует модернизации в контексте формирования новой национальной модели. Данная модель формируется сегодня в процессе институциональной трансформации высшей школы и направлена на ее адаптацию к актуальным и перспективным потребностям общества в целом и рынка труда, в частности. В отличии от Болонских реформ, когда стояли задачи интеграции российской высшей школы в европейскую образовательную систему и обеспечения мобильности выпускников отечественных вузов на международном рынке труда, сейчас стоит задача формирования системы высшего образования, соответствующей национальным особенностям российского общества и имеющимся образовательным традициям, а также потребностям современной отечественной экономики. Более того в настоящий момент предельно актуализировалась задача, связанная с преодолением дефицита кадров на отечественном рынке труда, подготовкой специалистов, способных к быстрой адаптации на рабочем месте, что также определяет содержание нынешних реформ высшего образования.

В этих условиях система высшей школы в целом и отдельные вузы в частности под воздействием государственной политики и необходимости обеспечения собственной конкурентоспособности пытаются имплементироваться в систему рынка труда и стать его более активными игроками. Но тем не менее основные разрывы между высшим образованием и рынком труда сохраняются. Одним из таких разрывов является разрыв доверия и ценности в высшем образовании.

Ценность традиционного высшего образования в России высока, но в последнее время имеет тенденцию к снижению. Об этом свидетельствуют результаты всероссийского опроса ВЦИОМ, опубликованные в ноябре 2024 года. **60 % опрошенных согласились, что «высшее образование обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей»**. **В то же время 65 % респондентов согласны с мнением, что значимость высшего образования частично преувеличена** и в настоящее время добиться успеха в профессиональном деле можно и без него [2]. И несмотря на то, что по данным ВЦИОМ 80% студентов довольны качеством образовательного процесса в вузе [6], 85% работодателей, опрошенных комиссией Общественной палаты по развитию высшего образования и науки, не в полной мере удовлетворены уровнем практической подготовки студентов и считают необходимым ее повысить [1]. В результате заметным трендом стало то, что при приеме на работу уровень высшего образования уже не является значимым параметром в резюме. Наибольшее внимание работодатели уделяют опыту работы, навыкам и личным качествам кандидата. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного РБК в 2022 году среди

крупнейших работодателей России. При этом большинство компаний отметило, что имеет собственные образовательные курсы и структуры, и ориентированы на самостоятельную работу с молодыми кадрами [4]. Формирование корпоративных и внеинституциональных (образовательные онлайн-платформы) систем образования, активно идущее в последние годы, явилось следствием снижения доверия к качеству высшего образования со стороны работодателей и определенной формой адаптации рынка труда к уровневой системе высшего образования, введённой в рамках Болонского процесса. В результате этого к сегодняшнему дню корпоративные университеты, образовательные онлайн-платформы и иные внеинституциональные структуры становятся основными конкурентами традиционных вузов, и не только в сфере дополнительного, но в сфере высшего образования. Это также является значимым разрывом, характеризующим нынешнею ситуацию в сфере высшего образования. Такой разрыв выражается в деинституционализации высшего образования, то есть в выходе высшего образования за традиционные институциональные границы университетов.

Разрыв доверия и ценности в высшем образовании является следствием и проявлением множества противоречий и разрывов, сложившихся между высшим образованием и запросами современной экономики и образовательными потребностями граждан. К таким разрывам можно отнести следующие: «разрывы в интеграции университетов с внешними партнерами; разрыв между сложившимися институциональными границами университетов и нарастающими процессами их сетевизации; разрыв между традиционным доминированием образовательных функций вузов и запросом на их более активный функционал в области научной и инновационной деятельности при недостаточной ресурсной базе для этого; разрыв между необходимостью роста инноваций и бюрократизацией деятельности вузов, тормозящей инновационные процессы; разрыв в содержании образовательных программ и компетентностных запросов работодателей; разрыв между консервативностью высшего образования и необходимостью опережающего образования; разрыв между стандартизацией сроков и содержания образовательных программ и потребностями в гибких и адаптивных программах; разрыв между процессами массовизации и персонализации образования; разрывы цифровизации, усиливающиеся неопределенностью в использовании искусственного интеллекта в образовании; разрыв между необходимостью одновременной фундаментальности и практикоориентированности высшего образования; разрыв между узкой специализацией и запросом на междисциплинарность образовательных программ; разрыв между традиционно длительными сроками высшего образования и потребностью в быстрых навыковыковых программах и квалификациях; разрыв между ограниченными сроками высшего образования и необходимость непрерывного образования в течение всей жизни» [3, 15 – 17].

В настоящее время можно выделить несколько основных треков и механизмов институциональной трансформации высшей школы, направленных на преодоление указных разрывов и адаптацию вузов к потребностям рынка труда.

Во-первых, это «реформы сверху», когда государство путем нормативно-правового, программного и финансового регулирования задает определенные векторы развития и правила игры вузам, стимулируя их в большей степени интегрироваться с реальным сектором экономики и сферой слуг. К ним можно отнести:

планируемый переход к гибким срокам реализации программ высшего образования в зависимости от специфики профессиональной сферы в рамках отхода от бакалавриата;

повсеместное стимулирование интеграции вузов с работодателями в разных формах, что задается всеми программами и проектами, реализуемыми на государственном уровне по отношению к высшей школе;

поддержку различных форматов получения двойных квалификаций выпускниками вузов, что осуществляется через государственную программу «Приоритет 2030», федеральный проект «Передовые инженерные школы» и в качестве отдельного мероприятия внесено в План Правительства РФ по достижению национальных целей;

развитие студенческого предпринимательства в вузах, в том числе в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства, программы «Университет предпринимателей»;

трансформацию вузовских служб содействия трудоустройству, что вошло в новый национальный проект «Кадры» и в План Правительства РФ по достижению национальных целей;

постоянно осуществляющееся совершенствование механизмов целевого приема с целью увеличения его эффективности путем повышения открытости взаимодействия вузов с работодателями на основе цифровых платформенных решений и обеспечения роста взаимной ответственности.

Второй трек можно назвать «реформами снизу», когда вузы в целях повышения своей конкурентоспособности самостоятельно формируют новые практики взаимодействия с работодателями, с индустриальными и академическими партнерами в основных сферах своей деятельности – образовательной, научной, инновационной, а также во внеучебной работе со студентами в части развития инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Проведенный качественный анализ стратегических и отчетных документов 62 ведущих российских вузов-участников программы «Приоритет 2030» показал, что большая часть новых практик вузов связана с наращиванием интеграции с работодателями, актуализацией образовательных программ и тематики научных исследований в соответствии с новой повесткой рынка труда и запросами экономики.

На пересечении указанных «реформ сверху» и «реформ снизу» идет формирование новых институциональных рамок отечественной высшей школы, которые связаны не только с переформатированием уровневой системы, введением новых подходов к уровням и квалификациям высшего образования, но и с преодолением разрывов и противоречий, сохраняющихся между высшим образованием, рынком труда и образовательными потребностями граждан. Это касается актуализации перечня специальностей, обновления ФГОС, внедрения механизмов, обеспечивающих гибкость образовательных программ в части содержания и сроков реализации, определения новых принципов фундаментальности высшего образования при наращивании его практикоориентированности. Создаются новые механизмы интеграции вузов с индустриальными и академическими партнерами в образовательной, научной, инновационной деятельности с целью повышения их качества и результативности, осуществляются мероприятия по развитию кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава и научных работников, новые ответы получают вопросы повышения мотивации студентов и трудоустройства выпускников по специальности, особенно в наиболее дефицитных в плане кадрового обеспечения сферах. Создаются механизмы формирования сбалансированной структуры подготовки кадров на основе среднесрочного прогнозирования кадровой потребности.

При развитии указанных выше треков институциональных реформ высшего образования с ориентацией на наращивание интеграционного потенциала вузов можно

будет говорить о переходе от уровневой к интегрированной системе высшего образования, сбалансированной с рынком труда по количественным и качественным параметрам.

1. *85% работодателей говорят о необходимости улучшить практическую подготовку студентов. URL: https://rg.ru/2024/12/03/dovolen-kak-slon.html (дата обращения 02.06.2025).*
2. *Высшее образование в России: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring (дата обращения 05.06.2025).*
3. *Константинова Л.В., Титова Е.С., Петров А.М. Институциональные трансформации высшего образования: основные разрывы и новые практики // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 11. С. 9–28.*
4. *Крупнейшие компании не увидели разницы между бакалаврами и специалистами. URL: https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/24/06/2022/62b3275a9a79473ea595491e (дата обращения 19.03.2025)*
5. *Минашкин В.Г. Плехановский университет – к новой модели экономического образования // Научные труды вольного экономического общества России. 2025. Т.251. №1. С.32-43.*
6. *Студенты высоко оценили вузы и качество образования в России. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/07/12/984879-85-rabotodatelei-govoryat-o-neobhodimosti?from=copy_text (дата обращения 05.06.2025).*

ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кузнецова Полина Юрьевна
(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

В последние годы система электронных коммуникаций охватила практически все сферы взаимодействия общества и власти. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления сопровождается системными изменениями во взаимодействии общества и его социальных групп с органами власти. Важнейшее значение имеет цифровизация системы предоставления государственных и муниципальных услуг и внедрение ИКТ в организацию коммуникаций при решении различных вопросов. Благодаря цифровым сервисам, взаимодействие граждан и органов власти становится прозрачным, оперативным и результативным.

Разработка и реализация государственной политики должна осуществляться органами власти при непосредственном взаимодействии с обществом. Это касается нормотворческой деятельности, в которой важным является участие граждан в постановке общественных проблем, для разрешения которых разрабатываются нормативные правовые акты (далее – НПА), в оценке содержания и последствий принимаемых решений. По мнению В. Ю. Самородова, государство должно обеспечивать активное участие в правотворческой деятельности гражданского общества, в том числе, посредством цифровых форм [4, 56]. В свою очередь, реализация государственной политики осуществляется посредством государственных (муниципальных) функций и государственных (муниципальных) услуг, направленных на обеспечение законных прав и интересов граждан. В данной сфере необходимо использование цифровых сервисов для повышения доступности и качества их предоставления при возможности своевременного выявления возникающих проблем посредством механизмов обратной связи с гражданами и организациями.

Для организации участия граждан в разработке общественной политики посредством участия в правотворческой деятельности, обсуждении проектов НПА и оценке их регулирующего воздействия создан ряд цифровых сервисов и систем.

Портал «Российская общественная инициатива» создан на основании указа Президента РФ № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [5]. Портал дает возможность гражданам, имеющим зарегистрированный статус на Едином портале государственных и муниципальных услуг, описать наличие социально-экономической проблемы на федеральном, региональном или муниципальном уровнях и предложить обоснованный вариант ее решения. Инициатива размещается на портале и в течение 1 года доступна для голосования. В случае получения инициативой поддержки в 100 тыс. голосов для федерального и регионального уровней (при численности населения субъектов РФ более 2 млн. чел.), для остальных регионов и всех муниципальных образований – более 5 % голосов от численности населения, передается в экспертную группу для рассмотрения целесообразности ее реализации. В состав экспертной группы входят представители органов государственной власти и общественного сектора. При рассмотрении экспертами инициативы, проводятся консультации с органами власти и другими заинтересованными сторонами, в результате готовится заключение о возможности ее реализации. По данным портала РОИ с 2013 по 2025 год было внесено более 23 тыс. инициатив, из которых более 400 получили поддержку и были направлены в органы государственной власти для рассмотрения. В 2025 году на голосование представлено 915 инициатив по различным вопросам: экономика и финансы, образование и наука, социальная защита, природные ресурсы и экология и другие. К 2025 году по результатам рассмотрения экспертной группой, было рекомендовано к реализации 19 инициатив. Однако, в основном поддержку при голосовании получают инициативы, внесенные на федеральный уровень. Анализ инициатив на региональном уровне на примере Пермского края, Кировской и Ульяновской областей показал, во-первых, незначительное количество внесенных инициатив (21, 10 и 6 инициатив соответственно), во-вторых, недостаточную активность граждан при голосовании (максимальное количество голосов за инициативу 110, 80, 49 голосов соответственно). При этом вопросы, вынесенные на голосование, имеют высокую социальную значимость, поскольку касаются социальных выплат, транспортного обслуживания, дорожной инфраструктуры. Мы полагаем, что ключевой причиной низкой активности граждан является недостаточная информационная поддержка вносимых инициатив, поскольку сведения о них не размещаются на массовых Интернет-ресурсах.

С целью ознакомления граждан с проектами нормативных правовых актов, выявления их мнения создан Федеральный портал проектов нормативных правовых актов (regulation.gov.ru). Авторизированные пользователи могут ознакомиться с проектами НПА, оставить свое мнение или внести предложение по его содержанию. Также портал предназначен для проведения независимой антикоррупционной экспертизы (реализуется аккредитованными Министерством юстиции РФ экспертами) и оценки регулирующего воздействия (реализуется определенным перечнем субъектов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 №1318). По статистике, представленной на портале, за 2022 год в части раскрытия информации о подготовке проектов актов, было размещено более 7 тыс. проектов НПА, с которыми граждане могли ознакомиться и внести свои предложения в порядке общественного обсуждения. За этот же год пользователи оставили более 54 тыс. комментариев. Однако функционал портала не позволяет пользователю ознакомиться с конкретными предложениями граждан,

представлена лишь статистика положительных и отрицательных мнений. Результаты общественных обсуждений рассматривают органы власти при принятии НПА.

Таким образом, при анализе цифровых форм участия граждан в разработке государственной политики, прежде всего, в осуществлении нормотворческой деятельности, выявлен ряд проблем. Следует отметить невысокий процент участия граждан в таких коммуникациях, как правотворческая инициатива и общественные обсуждения проектов НПА. Однако, они важны, поскольку позволяют осуществлять эффективную обратную связь, оценивать уровень поддержки принимаемых органами власти решений, своевременно выявлять проблемные аспекты их реализации.

Более успешно выстроены цифровые коммуникации при реализации государственной политики. В первую очередь речь идет о переводе предоставления государственных и муниципальных услуг в электронную форму посредством организации работы Единого портала государственных и муниципальных услуг и региональных порталов государственных и муниципальных услуг. В настоящее время на ЕПГУ доступно более 1600 услуг, зарегистрировано 117 миллионов пользователей. За 2024 год на портал было подано 750 млн. обращений, то есть ежедневно, пользователи портала подают около 2 млн. заявлений [1]. Это подтверждается опросом ВЦИОМ (апрель 2024 года), согласно которому, каждый третий респондент ежедневно прибегает к получению электронных услуг [2].

Важнейшее место в системе взаимодействия общества и власти занимает институт обращений граждан, при помощи которого граждане имеют возможность подать жалобу на нарушение их прав, реализовать законные интересы путем подачи заявления или внести предложение. В последние годы увеличилось количество обращений, подаваемых в электронной форме посредством ЕПГУ, сервисов обратной связи на сайтах органов власти, через их страницы в социальных сетях. Для обработки, подготовки ответов и архивирования обращений создан Портал обратной связи (ПОС). По статистике, только в 1 квартале 2025 г. посредством системы ПОС направлено свыше 1,6 млн. обращений граждан [3].

Таким образом, применяемые цифровые технологии направлены, прежде всего, на совершенствование института предоставления государственных (муниципальных) услуг и механизмов обратной связи, что соответствует концепции клиентоцентричного государства. Вместе с тем, недостаточным является соучастие граждан в разработке государственной политики, в том числе, в правотворческой инициативе, в общественных обсуждениях проектов НПА. Таким образом, необходимо осуществление информационной поддержки цифровых сервисов правотворческих инициатив и обсуждения проектов НПА, включающей размещение информации на ЕПГУ и региональных порталах государственных и муниципальных услуг, в социальных сетях и на страницах органов власти. Реализация данных предложений позволит развить вовлеченность общества в постановку общественных проблем и в разработку мероприятий по их решению, повысить инициативность граждан и уровень доверия общества к власти.

1. *Заместитель председателя правительства Дмитрий Григоренко доложил президенту России Владимиру Путину о результатах работы портала Госуслуг. Главные цифры [электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения 01.10.2025).*
2. *Наша цифровая повседневность [электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost (дата обращения 04.10.2025).*
3. *Опубликован рейтинг регионов по работе в Платформе обратной связи за I квартал 2025 года [электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/news/opublikovan-rejting-regionov-po-rabote-v-platforme-obratnoj-svyazi-za-i-kvartal-2025-goda (дата обращения 03.10.2025).*

4. *Самородов В. Ю. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества в ракурсе общих тенденций цифровизации в правовой сфере (постановка проблемы) // Вестник СГЮА. 2025. № 2 (163). С. 56 – 62.*
5. *Указ Президента РФ № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142909/ (дата обращения 02.10.2025).*

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ПЕРСОНАЛ: ОТ ЗАТРАТ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ РЕСУРСУ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Ли Цзяжуй
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Чжан Сичэнь
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра экономической социологии и менеджмента)

Тезис:

В современной конкурентной среде ключевым вызовом для менеджмента является преодоление устаревшего подхода к социальным расходам на персонал, которые традиционно рассматриваются как неизбежные издержки. В данном исследовании обосновывается парадигмальный сдвиг, в рамках которого данные расходы реконцептуализируются как стратегические социальные инвестиции.

Основополагающие работы Г. Беккера по человеческому капиталу и Э. Пенроуз по ресурсной теории заложили теоретический фундамент исследования. Современные разработки С. А. Баркова в области социологии организаций и В. Д. Граждана в сфере социологии управления позволили конкретизировать методологические подходы к анализу управленческих процессов. Однако синтез этих направлений в контексте социальных инвестиций требует дальнейшей разработки.

Выявить и теоретически обосновать механизмы трансформации социальных инвестиций в персонал в стратегический ресурс предприятия.

Доказывается, что целенаправленные и системные инвестиции в развитие человеческого капитала (обучение), социальное благополучие (здравоохранение, поддержка семьи) и корпоративную культуру трансформируются в уникальный стратегический ресурс через три взаимосвязанных механизма:

Повышение качества человеческого капитала – рост компетенций ведет к повышению производительности и инновационной активности.

Укрепление организационной лояльности – формирование психологической привязанности ведет к снижению текучести кадров и операционных издержек на контроль.

Формирование репутации привлекательного работодателя – создание мощного бренда позволяет привлекать и удерживать лучших специалистов на рынке.

Таким образом, формируется устойчивое конкурентное преимущество, основанное на лояльной и высокоэффективной команде, которую практически невозможно воспроизвести конкурентам.

Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных рекомендаций для руководителей компаний:

Интеграция плана социального развития в общую корпоративную стратегию.

Управление социальными программами как портфелем долгосрочных инвестиций.

Внедрение сбалансированной системы оценки (сочетание количественных и качественных метрик) для измерения их реальной отдачи (ROI).

Социальные инвестиции в персонал формируют стратегический ресурс предприятия через три взаимодополняющих механизма: развитие человеческого капитала, укрепление социального капитала и enhancement репутационного капитала. Предложенная модель позволяет преодолеть фрагментарность существующих подходов и предлагает системное решение для управления социальными инвестициями как стратегическими активами предприятия. Дальнейшие исследования должны быть направлены на верификацию предложенной модели методами эконометрического анализа.

Ключевые слова: социальные инвестиции в персонал, человеческий капитал, стратегический ресурс, конкурентное преимущество, корпоративная социальная политика, управление персоналом.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ РАБОТНИКОВ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Линюшина София Денисовна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Доклад посвящен исследованию влияния формальных социальных сетей поддержки в организациях на стрессоустойчивость работников. Подчеркивается необходимость интеграции социологических подходов в управление.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, социальные сети, организация, социология, поддержка.

Введение

Сложные условия современной экономической и социальной среды формируют новые требования к работникам, среди которых стрессоустойчивость становится критически важной характеристикой. Стрессоустойчивость не только влияет на личную продуктивность сотрудников, но и отражается на общем состоянии организации. В этом контексте представляется актуальным исследование формальных социальных сетей поддержки как важного элемента, способствующего повышению стрессоустойчивости работников.

Основная часть

1. Стрессоустойчивость и социальные связи

Воспринимаемая стрессоустойчивость работников во многом зависит от особенностей социальных связей внутри организации. Социология объясняет, что связи, основанные на формальных и неформальных социальных сетях, играют ключевую роль в обеспечении комфортной и поддерживающей атмосферы на рабочем месте [1, 33]. Формальные социальные сети, такие как системы наставничества, командные взаимодействия и структуры команд, оказывают значительное воздействие на адаптацию сотрудников к новым условиям и их устойчивость к стрессовым ситуациям.

2. Формальные социальные сети в организациях

Формальные сети представляют собой структурированные способы взаимодействия, которые помогают работникам находить поддержку в организации. Они

отличаются от неформальных сетей тем, что их участники заранее определены и поддерживают отношения в соответствии с установленными нормами и правилами. Эффективность формальных социальных сетей проявляется в следующем:

Поддержка в процессе адаптации. Новички в компании могут испытывать значительный стресс, находясь в новой социальной среде. Формальные сети, такие как выделение наставника, могут смягчить этот процесс, предоставляя необходимую информацию и эмоциональную поддержку [2, 47].

Углубление взаимопонимания. Доброжелательные и открытые связи, выстраиваемые между различными уровнями и подразделениями организаций, позволяют работникам чувствовать себя менее изолированными в стрессовых ситуациях. Это способствует более высоким уровням стрессоустойчивости, поскольку работники чувствуют, что могут обратиться за помощью [3, 59].

3. Научная новизна

Данный доклад представляет собой новую перспективу в понимании взаимосвязи между социальными сетями и стрессоустойчивостью работников. В отличие от предыдущих исследований, акцент делается именно на формальных социальных сетях поддержки, исследуя их влияние на общее благополучие и стрессоустойчивость работников. Это позволяет более точно оценить, как структурированная поддержка в организации может способствовать созданию здоровой рабочей среды и повышению общей эффективности.

4. Рекомендации для организаций

С учетом представленного анализа возможно сформулировать ряд рекомендаций для организаций:

Создание эффективных формальных социальных сетей. Разработка структурированных программ наставничества и командообразования для повышения уровня поддержки среди работников.

Мониторинг состояния работников. Разработка систем оценки уровня стресса и удовлетворенности среди работников, что позволит своевременно выявлять проблемы и предлагать необходимые меры поддержки [4, 22].

Интеграция социологических подходов в управление. Применение социологического анализа для оценки влияния социальных сетей на организационную культуру и взаимодействие между работниками.

Заключение.

Стрессоустойчивость работников является критически важной организационно-управленческой проблемой, требующей комплексного подхода к исследованию и управлению. Формальные социальные сети поддержки представляют собой мощный инструмент для повышения общей стрессоустойчивости, влияющего на продуктивность и адаптацию работников в условиях быстро меняющегося мира. Интеграция социологического анализа в эти процессы может существенно повысить эффективность управления и улучшить рабочую атмосферу в организациях.

1. *Костина Л. Т. Социальные связи и их влияние на работоспособность // Социология организаций. – 2022. – № 1. – С. 30-35.*
2. *Смирнова Т. В. Наставничество как форма социальной поддержки // Социология труда. – 2023. – № 3. – С. 45-50.*
3. *Иванов С. А. Формальные и неформальные социальные сети в организации // Управление персоналом. – 2023. – № 4. – С. 55-63.*
4. *Морозова И. П. Психологические и социологические аспекты стресса на рабочем месте // Психология и социология. – 2023. – № 2. – С. 20-25.*

ЧУДО-ЮДО РЫБА-КИТ: ЧТО РАБОТОДАТЕЛЬ ОЖИДАЕТ ОТ СОИСКАТЕЛЯ С СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Лубек Глеб Сергеевич
(Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В статье, на основе проведенного контент-анализа вакансий на hh.ru, приводится описание того, что работодатели ждут от соискателя с социологическим образованием. Были выявлены не только основные проблемы в описании вакансий, но и зависимости, знание которых может помочь соискателю лучше ориентироваться на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, социология, ожидания работодателя, образ соискателя

Каждый год на рынок выходят сотни выпускников, связавших свою жизнь с социологией. Приступая к поиску работы, они сталкиваются с чрезвычайно разнообразными требованиями в вакансиях. При этом их влияние неодинаково. Ищущий работу социолог теряется в вакансиях, к которым он подходит номинально (исходя из названия или пометки о социологическом образовании) – но не фактически (исходя из требований и обязанностей). Соответственно, будет полезно установить, кого коллективный работодатель видит в человеке с социологическим образованием. Были проанализированы вакансии, которые выдаются на сайте HH.ru, при поиске «социология» – то есть те, в которых либо непосредственно ищется социолог, либо они подходят для соискателей с социологическим образованием. Собранные данные были организованы в таблицу, состоящую из 65 вакансий (всего hh.ru выдает немногим больше 200 вакансий).

Сфера деятельности, где вакансию ищут:

Были сформированы 9 заметных групп:

Государство – 15

Исследования по социальным и гуманитарным наукам – 10

Медиа – 5

HR-агентства – 6

Производство – 7

Образование – 4

Маркетинговые исследования – 5

IT – 3

Неопределенные сферы – 10

Стоит оговориться, что в пункте «2» есть компании, которые номинально подходят под пункт «7», однако было сделано отличие на основе глубины проводимых компаниями исследований: там, где компании используют (и предлагают использовать в обязанностях и требованиях) преимущественно, количественные требования, они названы маркетинговыми. Те же компании, где предлагается использовать качественные методы, были отнесены в сферу «Исследований по социальным и гуманитарным наукам».

Обобщенный искомый работник.

Работник рассматривается через призму того, подходит ли вакансия социологу – или нет. Обобщение происходило на основе указанных требований/обязанностей в вакансии, переведенных в следующих кодировках:

A	B	C	D	E
Проводить исследования (полного и неполного цикла)	Анализировать и готовить отчеты	Проектирование отдельных частей исследование и использование соц.методов	Работа с документами	Визуализация данных

Рисунок 1 Кодировка обязанностей

A	B	C	D	E	F	H	I	J
MS Office	Английский язык	Figma	SPSS	Гуманитарное/ социологическое образование	Стат.анализ, статистика и методология.... (матаппарат, в общем)	Анализ данных	Опыт в маркетинге	Soft Skills

Рисунок 2 Кодировка требований

Непосредственно выведенные искомые работники:

Социолог – в обязанностях: A, C, E. Требования: A, F, D, E, H. – 15

Не подходящие – 18

Смежные – в обязанностях присутствует A и/или C, однако в требованиях, помимо E, F, D присутствуют специфические знания (здравоохранения, отдельных частей права и т. п.). – 6

Маркетолог – в обязанностях присутствует A (количественные), E и специфические для маркетинга занятия (анализ продаж, проведение компаний, SMM и т.п.). В требованиях присутствует E, H, I, нередко C. – 4

HR – в обязанностях A (качественные), а также многочисленные действия, связанные с коммуникациями отделов/наймом персонала. В требованиях J, организация мероприятий и т.п. – 10

Менеджер – в обязанностях: могут возникать любые части кодировки (зависит от объекта управления), организация мероприятий/коммуникаций, в требованиях: J, E, иные разнообразные требования, сильно варьирующиеся от специфики управляемого объекта, главным остается организационно-управленческий навык – 5

Аналитик данных – в обязанностях: B, D, в требованиях – F, H, D, нередко требуется владение специфическими программами/языками – 6

Анализ собранных данных: «от социологии»

Здесь мы рассматриваем ситуацию, которую можно назвать «от социологии» – то есть те случаи, когда работодателю необходимы социологические навыки соискателя – навыки здесь можно рассматривать как самостоятельные структурные единицы, по которым и идет поиск.

В требованиях у работодателей зачастую прописаны такие навыки, которые:

либо предполагаются в социологическом образовании

либо не относятся напрямую к социологическому образованию (изучаемые социологами смежные сферы)

либо не относятся к социологическому образованию

При этом набор обязанностей специалиста, где есть столь разительные отличия – примерно одинаковый (здесь мы рассматриваем обобщенного работника «Социолога» и «Смежного», со спецификой последнего в виде дополнительных навыков).

Можно сделать вывод, что у многих работодателей отсутствует понимание умений социолога. Они ищут не социолога – а набор компетенций. Но из-за отсутствия понимания профессии социолога даже самые экстравагантные требования не отображаются на обязанностях.

Таблица 1

Количество вакансий с опытом работы:	**1-3**	**3-6**	**не требуется**	**более 6**
Абсолютно	33	20	9	3
Проценты	50,7%	57,14%	13,84%	4,61%

Таблица 2

Указание зарплат и опыта работы:	**ЗП указана**	**ЗП не указана**
Отсутствует	50,00%	50,00%
1-3 года	47,06%	52,94%
3-6 лет	36,36%	63,64%
Свыше 6 лет	0	100,00%

Таблица 3

Размер зарплат:	**Не указан**	**Значения ДВН**	**Чистыми на руки**
Абсолютно	36	12	16
Проценты	52,94%	17,65%	23,53%

При анализе всех выбранных вакансий была выявлена прямая корреляция между опытом работы и информацией о заработной плате: чем больше требуемый опыт – тем реже в вакансии указана заработная плата, что указывает на:

вилку, что вынуждает пройти собеседование (вакансий с указанием зарплат – меньшинство).

попытку найти опытного сотрудника иллюзией высокой зарплаты: именно среди вакансий с требуемым опытом работы > 3 лет наибольший процент вакансий с пометкой «ДВН» – до вычета налогов.

попытку сэкономить на опытных сотрудниках за счет вилки.

Можно предположить, что именно из-за недостатка понимания у работодателя того, что из себя представляет социолог, формируется описанная ситуация с зарплатой. Так называемая «вилка» – способ привлечь сотрудника, сбив, на финишной прямой, цену. Там, где у работодателя отсутствует четкое понимание тех компетенций, которые он ищет, или понимание того, какие компетенции включает в себя социолог, элемент неизвестности приводит к нежеланию рисковать.

Интересно то, что в начале анализа все вакансии были активны – однако на момент 3 октября 2025 года 14 из них уже были сняты – и у всех, кроме одной, не указан размер зарплат. Примерно 64 % из этих вакансий – требуют опыт от 3 лет. При том, что всего вакансий с подобными требованиями – около 42 %. Этим можно также подтвердить как вывод об экономии на опытных сотрудниках через вилку, так и объяснение данного явления через нежелание рисковать. Таким образом, для соискателя важным является подготовка к собеседованию для того, чтобы дать четкое понимание ценности собственных навыков.

Анализ собранных данных: «к социологу»

Анализ «к социологу» подразумевает, что работодатель, при указании социологического образования как подходящего, рассчитывает на набор тех компетенций, которыми обладает подобный соискатель. Здесь мы включаем в анализ остальных обобщенных искомых работников.

Первый вывод – лучше всех понимают специфику социологической работы либо специфические компании, занимающиеся исследованиями (Сфера деятельности – 2 и 7), либо государственные компании. Причем в первом случае это понимание – качественное (высокий процент «социологических» вакансий), а во втором – количественное (в целом высокое количество вакансий, из которых чуть меньше трети подходит).

Второй вывод, который можно сделать – работодатель ищет дешевый вариант маркетолога/HR/менеджера, используя социологическое образование как маркер абстрактного «умения работать с людьми». Так, к примеру, если проанализировать пересечения сфер деятельности и обобщенного искомого работника по значению кодировки I – мы обнаружим, что больше всего этого признака мы наблюдаем в подходящих для социолога вакансиях – причем это распространяется на большинство сфер.

Третий вывод – самое лучшее понимание социолога – у IT-компаний – у них все вакансии либо подходят под «Социолога», либо под «Смежное». Однако это было вынесено в отдельный пункт, т.к. сфера IT была проанализирована лишь на 3 примерах.

Четвёртый вывод – худшее понимание социолога в сферах медиа, производства и образования. Первые ищут колумнистов-журналистов, вторые – HR, а третьи – студентов, готовых писать работы/вести подготовительные курсы.

1. *Комитет ОИРОМ по работе с молодёжью. Путь молодёжи в отрасль социологических и маркетинговых исследований (YOUTH JOURNEY MAP) [Текст] : специальное исследование ОИРОМ / Общественная организация «ОИРОМ». – Москва : ОИРОМ, 2025. – 47 с. – Режим доступа: электронный файл (1 PDF).*
2. *HeadHunter (Россия). Официальный сайт HH.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hh.ru (дата обращения: 10.10.2025).*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Макаров Игорь Николаевич
(Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва)

Современная эпоха характеризуется фундаментальной трансформацией парадигм государственного администрирования, вызванной комплексом взаимосвязанных факторов: глобализационными процессами, нарастанием турбулентности в международных отношениях, появлением новых форм социальных рисков (к примеру, пандемия коронавируса). Исключительную роль играет идущая «семимильными шагами» цифровая революция. Эти изменения требуют переосмысления традиционных подходов к управлению и выдвигают на первый план вопросы адаптивности государственных институтов к условиям перманентной неопределенности.

Анализ эволюции теоретических подходов к изучению институциональных механизмов государственного администрирования позволяет выявить несколько ключевых этапов развития социолого-управленческой мысли. На первом этапе классические теории (М. Вебер, Э. Дюркгейм, А. Файоль, Ф. Тэйлор) заложили фундаментальную дихотомию, все еще сохраняющую свою актуальность для современных административных практик. С одной стороны – ставка на формальную

рациональность и иерархию как гарантов предсказуемости и стабильности управления, с другой – осознание их ограниченности в условиях стремительно меняющейся среды.

На втором этапе, начавшемся в середине XX в., произошел определенный пересмотр классических парадигм государственного администрирования, что было обусловлено усложнением социальных систем, кризисами управления и нарастанием факторов неопределенности. Постклассические подходы (Д. Норт, Т. Парсонс) сместили фокус с формально-рациональных структур на анализ системных взаимосвязей и поведенческих аспектов в принятии решений. Функционалистский методологический подход Парсонса внес неоценимый вклад в понимание институциональной природы управления, однако не вполне учитывал фактор динамично изменяющейся реальности как системной характеристики современного общества [2].

На третьем этапе особый интерес представляют концепции социологического неоинституционализма (П. Димаджио, У. Пауэлл), которые сместили акцент в исследованиях с формальных структур на процессы институциональных изменений и роль когнитивных факторов в управлении [1]. В сочетании с некоторыми идеями отечественных ученых – теориями адаптивного управления А. И. Пригожина и рефлексивного управления Т. И. Заславской – они представляют собой методологическую основу для понимания динамической природы институциональных механизмов. Наступившая эпоха «цифрового управления» высветила их двойственность. С одной стороны, цифровизация создает дополнительные возможности для повышения эффективности администрирования, с другой – порождает дополнительные вызовы и риски, вызванные новыми формами неопределенности.

Что же касается России, трансформация институциональных механизмов государственного администрирования отражает здесь сложный путь от жестко централизованной советской системы к гибридной модели, сочетающей элементы традиционной бюрократизации, заимствованные западные практики и нынешнюю цифровую модернизацию. Переходный период 1990-х гг. сопровождался попыткой радикального внедрения рыночных принципов в систему управления государством. Под влиянием рекомендаций международных финансовых институтов были предприняты меры по сокращению государственного аппарата, «приватизации» государственных функций и внедрению элементов New Public Management. Однако эти реформы проводились зачастую без достаточного учета институционального контекста и социальных последствий, что и привело к формированию «институциональной ловушки»: формальные демократические институты сосуществовали с неформальными практиками кланового распределения ресурсов [4, 193]. Закономерным результатом явился кризис управляемости, выразившийся в ослаблении вертикали власти, росте коррупции и утрате общественного доверия к административно-государственным институтам.

Доверие к государственным институтам по-прежнему сохраняется на критически низком уровне. По данным Росстата, лишь 32 % граждан доверяют правительству, 27 % – региональным властям, а уровень доверия к судам и полиции не превышает 20 % [3, 123]. Этот дефицит легитимности имеет глубокие структурные причины. Среди них – исторически сложившийся разрыв между государством и обществом, уходящий корнями в «постсоветскую травму»; «ритуализация» реформ, когда формальные процедуры внедряются без изменения реальных практик; асимметрия ответственности, при которой полномочия концентрируются в центре, а ответственность за реализацию перекладывается на регионы; а также дефицит эффективных механизмов обратной связи, ограничивающий влияние граждан на процесс принятия решений. В наиболее яркой форме всё это выявила пандемия COVID-19: наблюдался довольно высокий уровень

поддержки федеральных антиковидных мер, но одновременно – растущее недовольство их реализацией на местах, что подчеркнуло разрыв между центральной властью и её восприятием в регионах.

В отличие от западных стран, где кризисы, как правило, ведут к снижению доверия к власти, в России наблюдается обратная динамика: в условиях внешнего давления или чрезвычайных обстоятельств доверие к федеральным институтам временно возрастает. Это объясняется действием механизма «круговой поруки», при котором общество сплачивается вокруг центра в условиях остро воспринимаемой угрозы. Однако этот рост носит ситуативный характер и быстро угасает, если не подкрепляется реальной эффективностью управления и системной работой с последствиями кризиса.

Перспективы развития институциональных механизмов государственного администрирования в России напрямую связаны, на наш взгляд, с преодолением трех ключевых противоречий. Первое – между формальной цифровизацией и сохранением традиционной бюрократической культуры. Второе – между декларируемой открытостью и реальной кулуарностью процессов принятия решений. Третье – между импортом управленческих технологий с Запада и игнорированием специфики отечественного социокультурного контекста. Опыт последних лет показывает, что без формирования институциональной прозрачности, действительной подотчетности и системном диалоге с обществом – даже наступающая всеобщая цифровизация не способна обеспечить устойчивость и адаптивность администрирования в условиях нарастающей неопределенности.

Концепция «управляемой адаптации», предложенная Ж. Т. Тощенко, предлагает теоретическую рамку для понимания того, как административно-государственные институты могут трансформироваться, сохраняя при этом системную стабильность [5, 301]. В условиях внешних вызовов (включая санкционное давление и геополитическую напряженность) эта модель, позволяющая сочетать консервативные политические установки с гибкостью в социально-экономической политике, обладает большим потенциалом. Успешная адаптация требует баланса между централизацией, обеспечивающей координацию и контроль, и децентрализацией, позволяющей учитывать локальные особенности и повышать устойчивость системы в целом.

Таким образом, эволюция от традиционной «бюрократии» к современному «цифровому правительству» предполагает принципиальный переход от административного контроля к координации сложных сетевых взаимодействий в условиях возрастающей полицентричности социальных систем. Данный переход требует дальнейшего переосмысления роли государства как не столько монопольного субъекта управления, сколько координатора сложной системы взаимодействий между различными акторами публичной сферы.

1. *Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях// Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. – С. 34–56.*
2. *Парсонс Т. Социальные системы// Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). – С. 38-71.*
3. *Российское общество и вызовы времени. Книга шестая/ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. – 284 с.*
4. *Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ. 2004. – 439 с.*
5. *Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. – 352 с.*

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ И МОДЕЛЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Малышева Галина Анатольевна
(ИСПИ ФНИСЦ РАН (Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук))

Аннотация. Рассматривается актуальная для современного мира проблема цифрового развития общества. Выявляется взаимосвязь политики и моделей цифрового развития с переходом к многополярной системе мироустройства. Подчеркивается, что формирование той или иной модели цифрового развития, в том числе в нашей стране, определяется прежде всего ролью национального государства в управлении процессами цифровых преобразований.

Ключевые слова: цифровое развитие, модели цифрового развития, платформизация, цифровая трансформация, суверенизация социальных медиа, цифровой этатизм, цифровой корпоративизм

Цифровая трансформация является одним из главных общественных трендов наших дней. В современном глобальном контексте цифровое развитие неразрывно связано с процессами перехода к многополярной системе мироустройства, которая характеризуется появлением новых центров силы, ростом их экономического, политического и культурного влияния, а также их утверждением в роли технологических лидеров общемирового уровня.

За годы глобализации западные технологические гиганты и глобальные коммуникационные платформы вошли в число наиболее влиятельных игроков не только на международном, но и национальном политическом поле, навязывая всему миру собственную логику цифрового развития [2]. Поэтому набирающая силу цифровая деглобализация становится важнейшим фактором коррозии техно-политической гегемонии западных акторов и утверждения альтернативных моделей управления цифровой трансформацией.

Поскольку цифровое развитие – не социальный процесс в чистом виде, а процесс социально-технологический, и учитывая, что технологии носят универсальный характер, представляется закономерным вопрос: существует ли универсальная модель цифрового развития? Или каждое общество проходит его по-своему, в зависимости от специфики исторического пути, особенностей формирования ценностной матрицы, а также от темпов распространения цифровых технологий во всех сферах жизни? Иными словами, можно ли говорить о существовании национальных моделей цифрового развития?

С точки зрения управления этим процессом – да. И в первую очередь исходя из такого критерия, как роль государства в цифровом развитии. Очевидно, что модели цифрового развития в т. н. «демократических» и т. н. «авторитарных» странах будут разными. В первом случае, если рассматривать ситуацию в целом, государство играет более опосредованную роль, во втором – именно оно инициирует запрос на технологические инновации и выполняет функции прямого администрирования, включая разработку стратегии, планирование процесса и контроль над его реализацией. Наиболее показательным примером в этом смысле является КНР, где цифровая модернизация с самого начала проводится под непосредственным руководством государственной власти и

правящей коммунистической партии, что, тем не менее, позволило этой стране добиться впечатляющих успехов в цифровой сфере. Состязательные демократии тоже обладают собственными стратегиями цифрового развития, но они претерпевают значительную корректировку в соответствии с интересами различных элитных групп и с текущей внутриполитической конъюнктурой.

С феноменом универсальности и трансграничности цифровых технологий связан еще один вопрос – о возможностях и перспективах цифрового суверенитета, как реализации цифровой политики независимого государства в условиях глобального перехода к полицентричному миру. При этом речь не идет об абсолютной цифровой автаркии, существование которой невозможно, а, скорее, о создании собственной цифровой экосистемы, позволяющей самостоятельно, с максимальной опорой на внутренние ресурсы развивать все направления цифрового общественного переустройства и обеспечивать цифровые потребности и интересы национального государства в жизненно важных областях, включая экономику, безопасность и оборону.

Социетальный подход к проблеме цифрового развития, т. е. его рассмотрение в качестве комплексного преобразования современной общественной системы, позволяет выделить ряд сценариев управления трансформационными процессами. Так, например, согласно идее, выдвигаемой А. П. Кочетковым и А. Ю. Мамычевым, на фоне платформизации глобального сетевого пространства сценарные варианты в области цифрового управления можно сгруппировать вокруг двух основных направлений – цифрового корпоративизма и цифрового этатизма.

Цифровой корпоративизм ориентирован на негосударственные платформенные решения и дает преимущество интересам транснациональных игроков, в распоряжении которых находится глобальная цифровая инфраструктура. Он представляет собой новую, цифровую форму глобализации, при которой мировое господство обусловлено лидерством в области передовых инновационных технологий. Глобальные платформы цифровой коммуникации при этом образуют особую ценностно-нормативную и социокультурную среду, которая противопоставляется традиционным паттернам социального и политического взаимодействия.

Вторая модель – цифровой этатизм – трактуется как альтернатива глобальной надгосударственной цифровой гегемонии. Он основан на суверенной юрисдикции государства в цифросетевой сфере и на создании собственных цифровых платформ. Цифровой этатизм способствует утверждению «национально-культурных траекторий» цифрового развития, защите традиционной культурной специфики общества, формированию суверенного информационно-цифрового пространства и реализации интересов национального государства в цифровой политике [1].

Оценивая российский опыт в сфере цифровых преобразований, необходимо учитывать ряд моментов. Цифровое развитие чаще всего рассматривается с точки зрения экономического роста и совершенствования социальной инфраструктуры, однако у этого феномена есть значимые общественно-политические аспекты, требующие тщательного политологического и социологического анализа.

Понятно, что в качестве ключевого ресурса роста в данном случае выступают инновационные технологии как составляющая материального базиса социума. Тем не менее, успешная реализация политики цифрового развития подразумевает наличие стратегического целеполагания, основанного на общенациональных интересах, и разделяемого большинством граждан видения целей и задач государственных программ в цифровой сфере. При этом не стоит забывать, что российским политическим практикам традиционно присущ централизованный и государствоцентричный характер,

неоднократно позволявший осуществлять, хоть и не без известных социальных издержек, крупномасштабные модернизационные проекты.

Каковы же задачи цифрового развития в России? В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая осуществлялась в нашей стране с 2019 по 2024 гг., направления цифровой модернизации определены следующим образом: «Внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере, создание условий для высокотехнологичного бизнеса, повышение конкурентоспособности страны на глобальном рынке, укрепление национальной безопасности и повышение качества жизни граждан»[4]. Национальная стратегия цифровой трансформации в обязательном порядке предполагает цифровую реформу государственного управления, т. е. создание цифровой государственно-административной системы, включая формирование электронного правительства и механизмов электронного межведомственного взаимодействия, оцифровку широкого спектра государственных услуг и многое другое. Социальные аспекты цифровизации, такие, как улучшение качества образования, формирование цифровой грамотности и обеспечение безопасности в виртуальном пространстве, также являются одними из приоритетных в российской политике цифрового развития [5]. Следует особо подчеркнуть, что весь комплекс этих задач решается на фоне санкционного давления на экономику нашей страны и требует опоры на собственный ресурсный потенциал.

Помимо социально-экономических аспектов, технологическая трансформация включает в себя и цифровизацию политической сферы, что выражается в полномасштабном проникновении цифровых технологий в политические отношения, институты и процессы. Немаловажным фактором, влияющим на политическое цифровое развитие, служит распространение цифровых социальных медиа, в виртуально-сетевом пространстве которых разворачиваются новые формы политической борьбы. Практика последнего времени показывает, что цифровые коммуникационные платформы в значительной мере определяют динамику социальных настроений в обществе и его социокультурные и культурно-политические характеристики. В условиях нынешнего мирового конфликта это служит одним из главных политических вызовов для российского руководства. Чтобы пресечь внешнее культурное и идеологическое влияние и обеспечить продвижение собственных общественно-политических нарративов, государству объективно необходим курс на внутреннюю экспансию и импортозамещение в сфере социальных медиа [3].

Цифровизационные преобразования в нашей стране, таким образом, неотделимы от глобального контекста, лейтмотивом которого выступает борьба против западного технологического и технополитического гегемонизма, а также утверждение РФ в качестве самодостаточного и суверенного мирового актора, претендующего на лидерские позиции в цифровой сфере. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, исходя из стратегических приоритетов национальной политики, для России предпочтительной является та модель цифровой модернизации, при которой ключевая роль отводится государству, т. е. ее построение на принципах цифрового этатизма.

1. *Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96-113. – DOI 10.17976/jpps/2023.01.08.*
2. *Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде / А. Безруков, М. Мамонов, М. Сучков, А. Сушенцов. Москва: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. 28 с.*

3. *Михайленок О. М., Малышева Г. А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 10. – С. 163-169. DOI: 10.34823/SGZ.2024.10.52059.*
4. *Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Минцифры: сайт. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 07.10.2025)*
5. *Попова, Е. А., Мартемьянова З. С. Государственная политика в области цифровой трансформации общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 3. – С. 162-166. DOI 10.22394/2079-1690-2018-1-3-162-166.*

УПРАВЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЕМ Z: ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ «ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ» С ИХ ЗАПРОСОМ НА МГНОВЕННУЮ ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ, ГОРИЗОНТАЛЬНОСТЬ И ОСМЫСЛЕННОСТЬ.

Мершиева София Андреевна
(МГИМО МИД РОССИИ, Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД РФ, Одинцовский Филиал)

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем интеграции представителей поколения Z в современные корпоративные структуры. Детально рассматриваются ключевые характеристики цифровых аборигенов, включая их когнитивные особенности, ценностные ориентации и поведенческие паттерны. Исследуется глубинный конфликт между традиционными управленческими парадигмами и ожиданиями нового поколения, а также анализируются последствия этого конфликта для организационной эффективности. На основе эмпирического исследования, включающего серию глубинных интервью с представителями Gen Z и HR-менеджерами компаний из различных секторов экономики, разрабатывается и предлагается к внедрению инновационная гибридная модель управления, органично сочетающая элементы классических и современных agile-подходов.

Ключевые слова: поколение Z, цифровые аборигены, управление персоналом, корпоративная культура, обратная связь, гибкая модель управления, менеджмент, адаптация, HR-стратегии, организационное развитие.

Современные организации сталкиваются с системным вызовом необходимости фундаментальной адаптации управленческих подходов к уникальным особенностям поколения Z. Молодые специалисты, сформировавшиеся в условиях тотальной цифровой среды, демонстрируют принципиально иные поведенческие паттерны и ценностные ориентации, требующие кардинального пересмотра традиционных кадровых стратегий и управленческих парадигм [3, 45]. Этот демографический сдвиг представляет собой не временный тренд, а устойчивую тенденцию, игнорирование которой может привести к значительным организационным проблемам.

Исследование когнитивных особенностей представителей этого поколения показывает выраженное преобладание клипового мышления, развитой способности к многозадачности, ориентации на визуальные коммуникации и нелинейные способы обработки информации [1, 78]. Эти фундаментальные характеристики необходимо

системно учитывать при проектировании и реинжиниринге систем корпоративного управления, поскольку они определяют эффективность взаимодействия с молодыми специалистами. Особое значение приобретает адаптация процессов обучения и развития с учетом специфики восприятия информации.

Анализ трудовой мотивации выявляет выраженный приоритет гибкости над стабильностью, повышенное значение осмысленности труда, фундаментальную важность профессионального развития и самореализации [4, 92]. Молодые специалисты рассматривают карьеру как динамический конструктор, предполагающий возможность многократной смены направлений деятельности и постоянного приобретения новых компетенций. Этот подход требует создания в организациях гибких карьерных траекторий и систем поддержки профессионального роста.

Коммуникационные предпочтения характеризуются выраженной ориентацией на краткость, оперативность и визуализацию. Длительные совещания и объемные текстовые отчеты постепенно уступают место мессенджерам, кратким видео-брифингам и интерактивным визуальным презентациям [6, 34]. Эта трансформация требует от руководителей всех уровней активного освоения новых форматов взаимодействия и развития цифровых коммуникативных компетенций.

Система обратной связи претерпевает радикальные изменения под влиянием поколенческих особенностей. Традиционная ежегодная аттестация все чаще заменяется регулярной непрерывной оценкой, по своему механизму аналогичной системе лайков и реакций в социальных сетях [2, 156]. В этом контексте роль руководителя принципиально трансформируется из контролера в наставника и фасилитатора, что требует развития коучинговых компетенций.

Гибридные форматы работы демонстрируют повышенную эффективность при взаимодействии с молодыми специалистами. Организационный акцент последовательно смещается с тотального контроля процесса на оценку конкретных измеримых результатов [5, 67]. Эта трансформация предполагает активное развитие у менеджеров навыков управления по целям и компетенций в области удаленного руководства.

Поиск оптимального баланса между организационными традициями и инновационными подходами представляет особую сложность в современных условиях. Полный отказ от проверенных временем управленческих практик представляется нецелесообразным, однако системное игнорирование новых поколенческих тенденций неизбежно снижает конкурентоспособность компаний на рынке труда [7, 89]. Этот баланс требует взвешенного подхода и поэтапной трансформации.

Успешные организации разрабатывают и внедряют разнообразные адаптационные механизмы. Эффективное внедрение системы менторства позволяет органично объединить практический опыт senior-сотрудников с цифровой грамотностью молодых специалистов [8, 112]. Создание межпоколенческих проектных групп и реализация программ ротации способствуют профессиональному самоопределению и ускоренной интеграции новых сотрудников.

Формирование инклюзивной корпоративной культуры требует целенаправленного акцента на таких ценностях, как взаимное уважение, готовность к непрерывному обучению, открытость новому и принятие разнообразия [9, 76]. Создание безопасного пространства для открытого диалога обеспечивает эффективную интеграцию разных поколений и формирование синергетического эффекта.

Мотивационные системы последовательно дополняются нематериальными компонентами. Возможности профессиональной самореализации, перспективы карьерного роста, общественное признание достижений приобретают особую значимость

для молодых специалистов [10, 134]. Глубокое понимание социальной ценности и смысла выполняемой труда становится ключевым фактором трудовой мотивации.

Технологическая оснащенность рабочего места становится критически важным фактором привлекательности работодателя. Современные цифровые инструменты коммуникации, управления проектами и совместной работы ожидаются молодыми специалистами по умолчанию как неотъемлемая часть рабочей среды [11, 98]. Инвестиции в технологическую инфраструктуру становятся стратегическими.

Достижение оптимального баланса между свободой творчества и персональной ответственностью требует развитого эмоционального интеллекта руководителей. Предоставление разумной автономии должно органично сочетаться с сохранением необходимых организационных стандартов и требований эффективности [3, 167]. Этот баланс является ключевым вызовом современного управления.

Система корпоративного обучения становится стратегическим элементом управления талантами. Комплексные программы развития, сочетающие формальные и неформальные образовательные форматы, адекватно отвечают запросам нового поколения на непрерывное профессиональное развитие [5, 145]. Инвестиции в обучение становятся конкурентным преимуществом.

Адаптация управленческих практик к особенностям поколения Z обеспечивает устойчивые конкурентные преимущества на современном рынке труда. Компании, успешно решающие эту комплексную задачу, не только снижают текучесть кадров, но и создают инновационную среду, способствующую организационному развитию [7, 201]. Стратегические инвестиции в трансформацию системы управления становятся долгосрочными вложениями в будущее компании, способствуя формированию устойчивой и конкурентоспособной организации. Необходимость такой трансформации обусловлена фундаментальными изменениями в социально-демографической структуре workforce и технологической революцией, определяющими новые требования к управлению человеческими ресурсами.

1. *Абакумов А. А. Цифровое поколение: психологические особенности и вызовы для системы управления. М.: Юрайт, 2022. 234 с.*
2. *Васильев Г. А. Современные подходы к управлению персоналом в цифровую эпоху. СПб.: Питер, 2021. 189 с.*
3. *Громов А. И. Организационное поведение поколения Z: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. 312 с.*
4. *Козлов В. В. Особенности мотивации и стимулирования труда молодых специалистов // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 78-89.*
5. *Лебедева Т. Е. Цифровая трансформация управления человеческими ресурсами. М.: Дашков и К°, 2021. 267 с.*
6. *Моргунов Е. Б. Поколение Z в организации: вызовы и решения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 1. С. 145-163.*
7. *Орлов Д. С. Теория поколений в управлении персоналом: учебное пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2022. 198 с.*
8. *Семенова Л. В. HR-стратегии для работы с цифровым поколением // Управление персоналом. 2023. № 4. С. 45-52.*
9. *Тихомирова О. Г. Корпоративная культура для поколения Z. СПб.: Лань, 2021. 176 с.*
10. *Федотов А. В. Управление межпоколенческими командами в современных организациях. М.: Кнорус, 2022. 224 с.*
11. *Яровова Т. В. Цифровая трансформация образования в России: каким должен быть преподаватель в цифровую эпоху // Педагогическое образование и наука. 2021. № 2. С. 92-95.*
12. *Шилова Н. П. Цифровая компетентность руководителя: учебное пособие. Новосибирск: НГТУ, 2023. 205 с.*

ПАССИВНОЕ ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ, НА ПРИМЕРЕ ТЭК

Муслимов Радмир Рамилевич
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Гайсина Люция Мугтабаровна
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Аннотация. Рассмотрены особенности различных моделей управления. Проанализированы преимущества и недостатки, а также их актуальность в нынешних условиях труда на предприятиях топливно-энергетического комплекса.

Ключевые слова: модели управления, подход к управлению предприятием, инновации, топливно-энергетический комплекс, социология управления.

В условиях высокой потребности в рабочих кадрах на предприятиях топливно-энергетического комплекса, сложных условий труда, несоблюдение норм и правил по повышению комфорта и снижению трудового выгорания у сотрудников все большее значение имеет внедрение новых моделей управления, их модификация и качественная реализация на практике в предприятиях.

На данный момент не существует единой модели управления, которая бы исключила все риски и гарантировала качественную реализацию трудовой деятельности, но на основе анализа различий и сходств существующих моделей, а также на рассмотрении влияния этих моделей на управление производством, можно построить план и определить направленность трудовой деятельности работников, а также скорректировать и улучшить качество работы.

В силу различных факторов, таких как особенности менталитета страны, социального сознания, исторических и экономических особенностей развития определенных регионов, географических факторов в России не сформировалось своей собственной уникальной системы управления. Для России характерна смешанная система управления предприятиями.

В зависимости от исторического периода, от потребности в тех или иных ресурсах, от возможностей рабочей силы, от общей обстановки внутри страны и от ее взаимодействия с другими государствами менялись аспекты и структура, которые были заимствованы из различных зарубежных систем управления.

В советский период наиболее ярко было выражено заимствование японской системы управления. **Японская система управления персоналом** ориентирована на коллективные формы организации труда, групповую ответственность, долгосрочные отношения между работниками и компанией, пожизненную занятость, постепенное продвижение по службе и оплата труда, опирающаяся на стаж работы сотрудника, ориентация на повышение качества производства, неспециализированная подготовка работников универсального типа [1 – 2]. Система сформировалась под воздействием традиционных японских ценностей, влияния западных концепций управления и необходимости быстрого восстановления страны после Второй мировой войны.

В силу различных причин, на определенном этапе система в таком виде перестала быть эффективной. Это связано прежде всего с идеей коллективизма и стандартизации.

Идеи одного человека подавляются в пользу общих, а сотрудники боятся высказывать непопулярные мнения или критику из-за иерархической структуры. Квалификация сотрудника часто завышена и превышает требования для занимаемой должности, что в свою очередь уменьшает выборку подходящих сотрудников и вынуждает людей вкладываться намного больше, чем это необходимо, что ускоряет процесс выгорания и снижает работоспособность. **Высокий уровень стресса** из-за сильной конкуренции между сотрудниками за продвижение по карьерной лестнице также вызывает трудности у данной модели управления. Желание роста заставляет постоянно достигать высоких результатов и соответствовать ожиданиям руководства, что с одной стороны имеет плюсы в виде переработок и достойных результатов, но невозможно в долгой перспективе, так как человеческий ресурс исчерпаем и высокая утомляемость в дальнейшем только снизит и перебьет все получаемые предприятием плюсы. С уменьшением влияния социалистической идеологии и репрессий, также начала падать мотивация к ударному и эффективному труду [3].

В современной России в силу смены политического курса и различных социально-экономических перемен основным примером для подражания становится американская модель управления [2]. В ее основе лежит акцент на индивидуализме и узко направленной специализации сотрудников. В процессе перехода от социализма к капитализму, пожизненная занятость сменилась краткосрочным наймом, повышение качества сменилось ориентацией на повышение прибыли, постепенное продвижение сменилось быстрый рост по индивидуальным результатам труда.

Основные принципы американской системы управления:

1. Ориентация на отдельную личность, а не на коллектив в целом – повышение ответственности за результат и его реализация;

2. Разграничение производственной трудовой деятельности и личной жизни сотрудника, что проявляется в повышенной концентрации на работе, отсутствия проникновения работодателя в личную жизнь сотрудника;

3. Высокая степень конкретизации должностных обязанностей – работник четко знает и понимает свои функции, не распыляется на более мелкие задачи, выполняет ту работу, с которой он хорошо знаком, может оценивать все риски и простаивать наиболее актуальный и правильный план выполнения работы, что приведет к экономии времени и повышению качества труда;

4. Преобладание денежных стимулов – бонусные программы, акции и опционы на акции, зарплата с учетом профессиональных умений – стимулируют повышать свою специализацию и приобретать новые навыки, необходимые для работы;

5. Отбор кадров по профессиональным критериям – четкий подбор сотрудников по определенным критериям на конкретные должности намного облегчает работу как работодателю, так и потенциальному сотруднику, так как имея четкие критерии сотрудник оценивает свои возможности более грамотно, и при несоответствии, имеет представление о том, что ему необходимо сделать чтобы улучшить свои профессиональны умения. Этим подбором занимается специальный коллективный орган (комитет) экспертов;

6. Преданность работника к профессии, а не организации – сотрудник заинтересован в повышении качества собственных знаний, что положительно сказывается на его трудовой деятельности, проявляется повышенным интересом и вниманием к работе.

Недостатки такой модели управления являются:

• выгорание рабочих – как в силу постоянной потребности в высокой квалификации, так и в силу прямой связи между выполняемой работы и оплатой труда;

• стремление получить мгновенную выгоду игнорируя долгосрочные перспективы – в некоторых ситуациях это доставляет множество проблем, так как предприятию трудно ставить и достигать долгосрочных целей в связи с нехваткой человеческих ресурсов и неопределенности в будущем;

• недостаточное внимание к требованиям и нуждам коллектива – человек это социальное существо, поэтому не менее важно рассматривать трудовую деятельность не только с подхода индивидуализма, но и с точки зрения коллективизма;

• сложность внедрения инноваций из-за развитого бюрократического аппарата.

Специфика российской модели управления обусловлена этническими социально – психологическими особенностями, заложенными на генетическом уровне и выражающиеся в национальном темпераменте, психофизиологии и характере народа в целом. Российская система управления находится на перепутье и требует постоянной корректировки для успешного выполнения работы.

На предприятиях топливно-энергетического комплекса данные недостатки наиболее выражены, так как эти предприятия, обычно, располагают большим штатом сотрудников, обладающих различной квалификацией, имеют многоуровневую систему контроля, обладают высокой степенью риска на всех этапах производства, для них характерна работа при нестабильной рыночной ситуации, прямая зависимость от цен на ресурсы и политической ситуации в стране. Также не менее отягощающими факторами являются высокая степень технологичности производства, а именно использование дорогостоящего оборудования, а также соблюдение баланса между эффективным производством и экологическими нормами.

Предприятия топливно-энергетического комплекса, не смотря на достаточно узкую направленность подготовки специалистов, как и любые другие подвержены негативным эффектам, которые происходят из-за текучести кадров. Снижение количества кадров на предприятии связано в первую очередь с выгоранием, тяжелыми условиями труда, трудностями с подъемом по карьерной лестнице, недостаточной оплатой труда несоизмеримую с выполненной работой.

Одна из важнейших задач управления на предприятиях топливно-энергетического комплекса – предотвращение и успешное преодоление кризисных явлений в процессе деятельности предприятия. Поэтому характерной чертой эффективного управления является его антикризисный характер [4].

Распространённым принципом управления в отечественных компаниях является «решение тактических задач». Внимание управленца направлено на решение краткосрочных проблем, а стратегические решения принимаются при наличии существенных изменений во внешней среде и зачастую с ощутимым опозданием и без соответствующей аналитической подготовки. К сожалению, данные проблемы решаются только через непосредственное заблаговременное внедрение новых моделей управления, воспитания и специальной подготовки сотрудников, повышением качества работы за счет непосредственного улучшения условий труда.

Так или иначе, внедрение инновационных моделей управления на предприятиях топливно-энергетический комплекса является одной из важнейших проблем, требующих решения и поиска новых моделей управления, которые исключили или минимизировали факторы снижения трудовой деятельности.

1. *Семенова Елизавета Денисовна Анализ зарубежных моделей менеджмента и целесообразность их использования в российских компаниях // Наука и образование сегодня. 2018.№12 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnyh-modeley-menedzhmenta-i-tselesoobraznost-ih-ispolzovaniya-v-rossiyskih-kompaniyah (дата обращения: 03.10.2025).*
2. *Павлова Анастасия Александровна ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-САКСОНСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ, НА ПРИМЕРЕ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ // E-Scio. 2020. №5 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-osobennosti-anglo-saksonskoy-modeli-upravleniya-na-primere-drugih-natsionalnyh-sistem-korporativnogo-upravleniya (дата обращения: 03.10.2025).*
3. *Факторы и особенности становления современной модели управления в российской Федерации // Власть. 2010. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-i-osobennosti-stanovleniya-sovremennoy-modeli-upravleniya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 03.10.2025).*
4. *Гайсина Л. М., Дорожкин Ю. Н. Управление персоналом в российских компаниях нефтегазового комплекса: социологический аспект // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-personalom-v-rossiyskih-kompaniyah-nefte-gazovogo-kompleksa-sotsiologicheskiy-aspekt (дата обращения: 03.10.2025).*

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Нигматянов Арслан Дамирович
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация: исследуется роль управленческих инноваций в области внутренних коммуникаций в изменениях организационной культуры в условиях цифровизации и динамичных трансформаций постиндустриального общества. В центре внимания – взаимосвязь коммуникационных процессов с ценностями, нормами и структурными элементами организации, а также влияние современных технологий на развитие внутренних коммуникаций.

Ключевые слова: внутренние коммуникации; управленческие инновации; организационная культура; организационное развитие; организационные изменения.

Одной из главных характеристик современного постиндустриального общества является его высокая степень изменчивости. Новые технологии коммуникации и увеличение роли информации в процессе работы организации вместе с повышением взаимозависимости между странами, регионами и отраслями производства, значительным образом увеличили скорости изменений окружающей среды коммерческих организаций, чем вынудили их оперативно реагировать на трансформационные процессы, внедрять новые технологические и управленческие практики.

В то же время, информатизация, компьютеризация и цифровизация как процессы, характеризующие современность неизбежно влияют на большинство сфер общественной жизни [2]. Изменения в организациях, вызванные необходимостью реагировать на описанные процессы, трансформируют не только операционную составляющую бизнеса, но и задают вектор изменений более широкого социального явления – организационной культуры. Новые способы организации трудовой деятельности влияют на социальные отношения внутри трудового коллектива, на мотивацию и отношение к труду.

Организационную культуру принято определять как «совокупность ценностей и норм, разделяемых членами организации и проявляющихся в организационном поведении

и организационных артефактах» [1, С. 20]. Таким образом, можно установить соответствие между ценностями сотрудников, работающих в организации, и их действиями в организационных процессах в различных элементах или подсистемах организации. В результате, процесс трансформации организационной культуры можно описать следующим алгоритмом: 1) изменение в организации, касаясь одного из элементов организации, влияет на систему ценностей, норм и убеждений; 2) обновленная система ценностей требует выражения в различных элементах организации, т. к. в противном случае будет возникать и нарастать напряжение между тем, как носители ценностей ожидают видеть системы, структуры и процессы в организации и тем, какими они являются на самом деле [5].

Одним из ключевых элементов организационного поведения являются внутренние коммуникации – «информационные взаимодействия, в которые люди вступают при выполнении своих функциональных обязанностей или должностных инструкций» [3, С. 17]. Внутренние коммуникации базово можно разделить на вертикальные и горизонтальные: вертикальные коммуникации возникают в момент взаимодействия руководителей и подчиненных, горизонтальные – между членами организации схожего уровня.

Изменение организационной культуры под влиянием управленческих инноваций в области внутренних коммуникациях можно смоделировать в рамках концепции организационного развития М. В. Розина: автор рассматривает типологию организационных культур, среди которых культура «Принадлежности», культура «Силы», культура «Правил», культура «Успеха», культура «Возможностей» [4]. Каждой культуре свойственен свой стиль построения внутренних коммуникаций: культура «Силы» характеризуется ультимативным тоном вертикальных коммуникаций, т. к. культура предполагает наличие сильного и харизматичного лидера, обладающего беспрекословным авторитетом и имеющего полное право отдавать приказы подчиненным. Культуре «Правил», свойственны безэмоциональные, формальные, строгие и четки коммуникации: на данном уровне культуры фиксируются нормативы вертикальных коммуникаций и регламентированные практики проведения совещаний. Культуре «Успеха» свойственен значительно больший объем коммуникаций, т. к. она предполагает непрерывную «коммуникацию амбиций»: топ-менеджмент транслирует цели, а сотрудники отвечают презентацией идей и планов по их достижению. В культуре «Возможностей», направленной на создание инновационных и нестандартных идей, особая роль уделяется горизонтальной коммуникации в рамках кросс-функциональных задач: коммуникация обретает менее формальный характер и становится главным фактором эффективного взаимодействия членов организации.

Таким образом появляется возможность составить модель соответствия культуры и типа коммуникации, где каждая культура характеризуется парой значений на двух шкалах: 1) степень формализации и 2) преобладающее направление. Так, культура «Силы» характеризуется низкой степень формализации коммуникации при доминирующих вертикальных коммуникациях: взаимодействие руководителей и подчиненных происходит в форме «приказов» и разовых поручений. Культура «Правил» характеризуется высокой степенью формализации и преобладанием горизонтальных коммуникаций благодаря свойственным ей стандартизации и централизации: стандартизация приводит к появлению четких правил осуществления коммуникации, которая зачастую происходит в формате служебных записок или проведении строго регламентированных совещаний, а централизация приводит к возникновению

функциональной организационной структуры, из-за чего в рамках бизнес-процесса происходит постоянное последовательное взаимодействие структурных подразделений.

Культура «Успеха» характеризуется высокой степенью формализации коммуникации, но преобладанием вертикальной коммуникации. В этой культуре внимание акцентируется на взаимодействии руководителей и подчиненных по вопросам постановки и достижения целей. Коммуникация часто происходит в формате презентаций: они по-прежнему регламентированы, но дают больше средств для выражения идей и донесения информации через визуальное представление данных и сторителлинг.

Культура «Возможностей» характеризуется низкой степенью формализации отношений и преобладанием горизонтальных коммуникаций – она предполагает работу в проектном формате, кросс-функциональные взаимодействия, матричные структуры, что приводит к значительному увеличению объема горизонтальных коммуникаций. При этом эффективность этого взаимодействия достигается через комфорт общения, который часто связан со значительной долей неформальных мероприятий, располагающих к возникновению новых знакомств. Структурные подразделения стремятся презентовать итоги своей работы через регулярные демонстрации результатов для достижения синергетического эффекта и увеличения осведомленности об инициативах внутри компании.

Следует подчеркнуть, что исходя из соответствия типа коммуникации ценностям сотрудников в рамках организационной культуры, управленческие инновации в виде внедрения новых технологий коммуникации могут значительно повлиять на эти ценности. Так, современный этап развития внутренних коммуникаций тесно связан с информационными технологиями: яркими примерами являются цифровые коммуникационные платформы и социальные интрасети. Ключевое преимущество таких систем коммуникации – стирание физических барьеров, препятствующих передвижению информации внутри организации, что улучшает возможности кросс-функционального взаимодействия, обмена опытом и идеями. В результате появляется возможность для перехода к культуре «Возможностей», крайне эффективной в момент активного развития на рынке продуктов и услуг, связанных с наукоемким производством и информационными технологиями.

Таким образом, управленческие инновации в области коммуникации могут привести к значительному приросту эффективности организации при грамотной работе с ценностями, которые привносит новая или обновленная коммуникативная технология. Однако важно учитывать, что управленческие инновации в иных подсистемах организации также могут приводить к изменению организационной культуры, и, как следствие, необходимости внедрения инноваций в области коммуникации для ее закрепления.

1. *Барков С. А. Артефакты организационной культуры: коллективная монография / под ред. С. А. Баркова, В. И. Зубкова. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023. – 432 с.*
2. *Добринская Д. Е. цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. №4. С. 175–192.*
3. *Каймакова М. В. Коммуникации в организации. Ульяновск: УлГТУ; 2016. 76 с.*
4. *Розин М. Восхождение по спирали: Теория и практика реформирования организаций / Марк Розин. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 427 с.*
5. *Шейн Э. Организационная культура и лидерство. 4-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2013. – 352 с*

МНОГОМАСШТАБНОЕ ПОНИМАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕСТВО – ОРГАНИЗАЦИЯ – ЛИЧНОСТЬ

Оргадыкова Альвн Хонгоровна
(СПбГУ)

Рассказов Сергей Вениаминович
(СПбГУ)

Аннотация: В статье рассматриваются социологические подходы к пониманию понятия «инновационная культура» в масштабах общества, организации, личности. Выделены ключевые качества инновационной личности.

Ключевые слова: инновационная культура, инновационная культура организации, черты инновационной личности, социологические подходы

Инновационная культура представляет собой сложный и многогранный феномен, который может быть исследован и классифицирован с использованием различных подходов [7]. В связи с многоаспектностью этого понятия в настоящее время отсутствует его единое определение. В данной работе предлагается общий взгляд, необходимый для разработки методики исследования инновационной культуры персонала организации.

Анализ инновационной культуры начинается с определения её оснований, которые, однако, различаются в зависимости от исследовательской перспективы. Так, одни учёные рассматривают инновационную культуру через призму культуры в целом, другие – в контексте организационной среды, а третьи – применительно к отдельным работникам.

Теоретико-методологические основания для исследования инновационной культуры можно вывести из адаптации идей классиков социологии применительно к теме нашей работы. Важны типы социальных связей [12], структуры общественных отношений [9], механизмы социальной интеграции [10] и диффузии инноваций [3]. Необходимо также учитывать мотивационные и структурные предпосылки инновационного поведения [15; 2], роль коммуникаций [8], ценностные составляющие [11]. Инновационная культура возникает и развивается как результат сложного взаимодействия социальных, экономических, институциональных и культурных факторов, обеспечивая адаптацию общества к изменениям, интеграцию новшеств и устойчивое развитие.

Для формирования инновационной культуры важен организационный аспект. Инновационная культура организации – это система норм, ценностей, моделей поведения и управленческих практик, которая поощряет творческое мышление, экспериментирование, обмен знаниями и интеграцию новых идей в повседневную деятельность компании. Она формируется в уникальном организационном контексте, определяя готовность сотрудников к переменам, их отношение к риску, степень открытости новым подходам и способность коллективно создавать и внедрять инновации [16]. Культура проявляется в способности коллектива генерировать и внедрять новые идеи, адаптироваться к изменениям и создавать ценность для клиентов и общества [1]. Ее формирование требует осознанной работы над всеми составляющими элементами – от лидерства и мотивации до организации процессов обучения, обмена знаниями и взаимодействия с рынком [6].

Наконец, обратимся к пониманию инновационной культуры на уровне личности. Связано это с тем, что без развития самого субъекта инноваций – инновационной

личности – становление инновационной культуры невозможно. Инновационная личность рассматривается как ключевой фактор экономического роста, предпринимательства и накопления капитала [14]. Анализ первоисточников позволяет выделить следующие важные черты инновационной личности:

Стремление к новизне, способность генерировать новые идеи и нестандартно мыслить [5].

Готовность к риску и вызову традициям [14].

Автономность и независимость [14].

Сильное желание реализовывать свои идеи и добиваться успеха [15].

Открытость к экспериментам и качественным изменениям [5].

Ориентация на настоящее и чёткая устремлённость в будущее [5].

Рациональное использование ресурсов и организованность [5].

Уверенность в себе и способность преодолевать препятствия [5].

Планирование собственных действий для достижения карьерных и социальных целей [5].

Признание ценности образования, науки и информации [5].

Уважение к чувствам и достоинству других людей [5].

Порядочность и ответственность [4].

Критическое мышление и готовность пересматривать традиционные взгляды [4].

Профессионализм и рыночная ориентация [4].

Стремление к удобству и эффективности [4].

Итак, в данной работе были рассмотрены подходы к содержанию инновационной культуры в масштабах самой культуры в целом, организации и личности. Выделены ключевые качества инновационной личности. Полученные результаты дают основы для разработки методики исследования ценностной сети персонала организации.

1. *Alm, I., & Jonsson, I. Organizational Culture and Innovation: A Literature Review. // Journal of Business Research, 2014.*
2. *Блау П. Власть и обмен в социальных структурах. – М.: Аспект Пресс, 2004.*
3. *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон+, 1996.*
4. *Герасимова В. А. Инновационная личность: социологический анализ. – М.: Наука, 2017.*
5. *Инкельс А. Социальные предпосылки инновационного поведения. – М.: Прогресс, 2003.*
6. *Коттер Дж. Лидерство и перемены. – М.: Альпина Паблишер, 2019.*
7. *Лисин Б. К. Инновационная культура// Инновации. №10 (120). 2008. С.49-53.*
8. *Луман Н. Социальные системы. – М.: Логос, 2007.*
9. *Маркс К. Капитал. – М.: Политиздат, 1983.*
10. *Мехди Ф. З. Теория диффузий инноваций// Бизнес экономики. Прага.2022. С.25- 31.*
11. *Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Наука, 2000.*
12. *Теннис Ф. Сообщество и общество. – М.: Академический проект, 2001.*
13. *Хаген Э. Теория инновационного поведения. – М.: Наука, 1998.*
14. *Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. – М.: Юрист, 2002.*
15. *Хофстеде Г. Культуры и организации: программное обеспечение разума. – СПб.: Питер, 2004.*

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Петров Антон Маркович
(НИИ развития образования ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»)

Аннотация. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» определяет направления и механизмы комплексной цифровизации России, включая цифровую трансформацию государственного управления, предполагающая техническую модернизацию информационных систем, изменения подходов взаимодействия государства и общества, межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: государственное управление, цифровая трансформация, цифровая зрелость.

Введение. В условиях глобальной цифровизации и стремительного развития информационных технологий РФ инициировала и утвердила в 2024 году масштабный национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Данный проект представляет собой комплексную программу системной трансформации государственного управления, экономики и социальной сферы на период с 2025 по 2030 годы.

Разработка проекта осуществлялась Минцифрой России в тесном взаимодействии с более чем пятьюдесятью федеральными органами власти и службами. Особую значимость приобретает широкий экспертный охват: в процессе формирования проекта приняли участие свыше шестисот специалистов из различных областей – представители бизнес-сообщества, научных кругов, образовательных институций, региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления. Демократичность подхода подтверждается участием более четырех тысяч граждан в опросах общественного мнения относительно приоритетности развития информационно-технологических направлений.

Успешность цифровой трансформации определяется не только техническими параметрами, но и готовностью социальных акторов к освоению новых форм взаимодействия с государством. В этом контексте проведение опроса граждан с целью получения общественного мнения при разработке национального проекта свидетельствует о стремлении учесть социальные ожидания и потребности общества. Формирование механизмов обратной связи становится критически важным фактором легитимации государственных инициатив в области цифровизации и обеспечения их социальной приемлемости.

Цифровая трансформация государственного управления является многомерным процессом, который качественно преобразует систему отношений между институтами власти и гражданским обществом. Данный процесс выходит за рамки простой технологической модернизации административного аппарата и представляет собой структурную перестройку механизмов публичной власти, формирующую принципиально новые форматы государственно-общественного взаимодействия и модели вовлечения граждан в управленческие процессы. Цифровизация в этом контексте выступает катализатором институциональных изменений, переопределяющих базовые принципы функционирования государственных структур и их социальную роль в современном обществе.

Исследование процессов цифровизации государственного управления в Российской Федерации приобретает особую значимость в условиях ускоренной технологической модернизации публичного сектора (в архитектуре государственного управления внедряются различные цифровые платформы и сервисы) и необходимости повышения эффективности взаимодействия государственных институтов с гражданами [1, 2, 3].

Архитектура и структурная организация национального проекта [2, 3]. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» структурирован в виде девяти взаимосвязанных федеральных проектов (рис. 1), каждый из которых фокусируется на определенном аспекте цифровой трансформации. Так, к примеру, один из федеральных проектов направлен на развитие инфраструктуры доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Другой проект концентрируется на внедрении цифровых платформ в отраслях социальной сферы, предусматривая развитие электронных услуг и сервисов, а также оснащение образовательных учреждений современной сетевой инфраструктурой. Особое внимание уделяется развитию искусственного интеллекта через соответствующий федеральный проект, предполагающий внедрение технологий ИИ в экономике, государственном управлении и социальной сфере, поддержку научно-исследовательских центров и стартапов. Проект цифрового государственного управления нацелен на модернизацию государственных информационных систем и обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия. Параллельно реализуются проекты по созданию отечественных ИТ-решений, развития собственных перспективных квантовых и телекоммуникационных технологий.

Особого внимания заслуживает ФП «Цифровое государственное управление», направленный на модернизацию государственных информационных систем и обеспечение бесшовного взаимодействия между ведомствами. Данный проект фактически предполагает переформатирование административных процессов на основе принципов датацентричности и межведомственного взаимодействия.

Следовательно, предполагается построение всех процессов вокруг данных как основного элемента. Вместо того чтобы данные подстраивались под существующие процедуры, сами процедуры выстраиваются так, чтобы максимально эффективно работать с информацией, которая автоматически передается между различными организациями, т.е. это обеспечение различных ведомств и департаментов беспрепятственно обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом через единые стандарты и протоколы. Таким образом, проект предполагает перестройку работы государственных органов таким образом, чтобы данные стали центральным элементом всех процессов, а разные ведомства могли легко обмениваться информацией между собой. Успешность такой трансформации зависит от преодоления институциональной инерции и ведомственной разобщенности.

Переход за счет реализации проекта к проактивному оказанию государственных услуг представляет собой важный сдвиг в логике государственного управления в стране. Проактивное оказание государственных услуг – это принципиально новый подход к работе государства с гражданами. Если традиционная модель работает по принципу «гражданин обращается – государство реагирует» (человек сам должен узнать о положенной ему услуге, собрать документы, подать заявление и ждать ответа), то новая модель работает иначе: государство само определяет, какие услуги нужны человеку в конкретной жизненной ситуации, и предлагает их без запроса. Например, при рождении ребенка семье автоматически предлагаются все положенные пособия и льготы, без необходимости самостоятельно о них узнавать и подавать заявления. Такой подход меняет сами отношения между государством и гражданами. Государство становится

помощником, который заранее предугадывает потребности людей. При этом важны два условия: цифровое доверие (граждане доверяют государству свои данные, зная, что они защищены) и алгоритмическая прозрачность (понятно, как и почему система принимает те или иные решения о предоставлении услуг). В результате формируется новый общественный договор, где государство берет на себя обязательство активно помогать гражданам, используя современные технологии для улучшения их жизни.

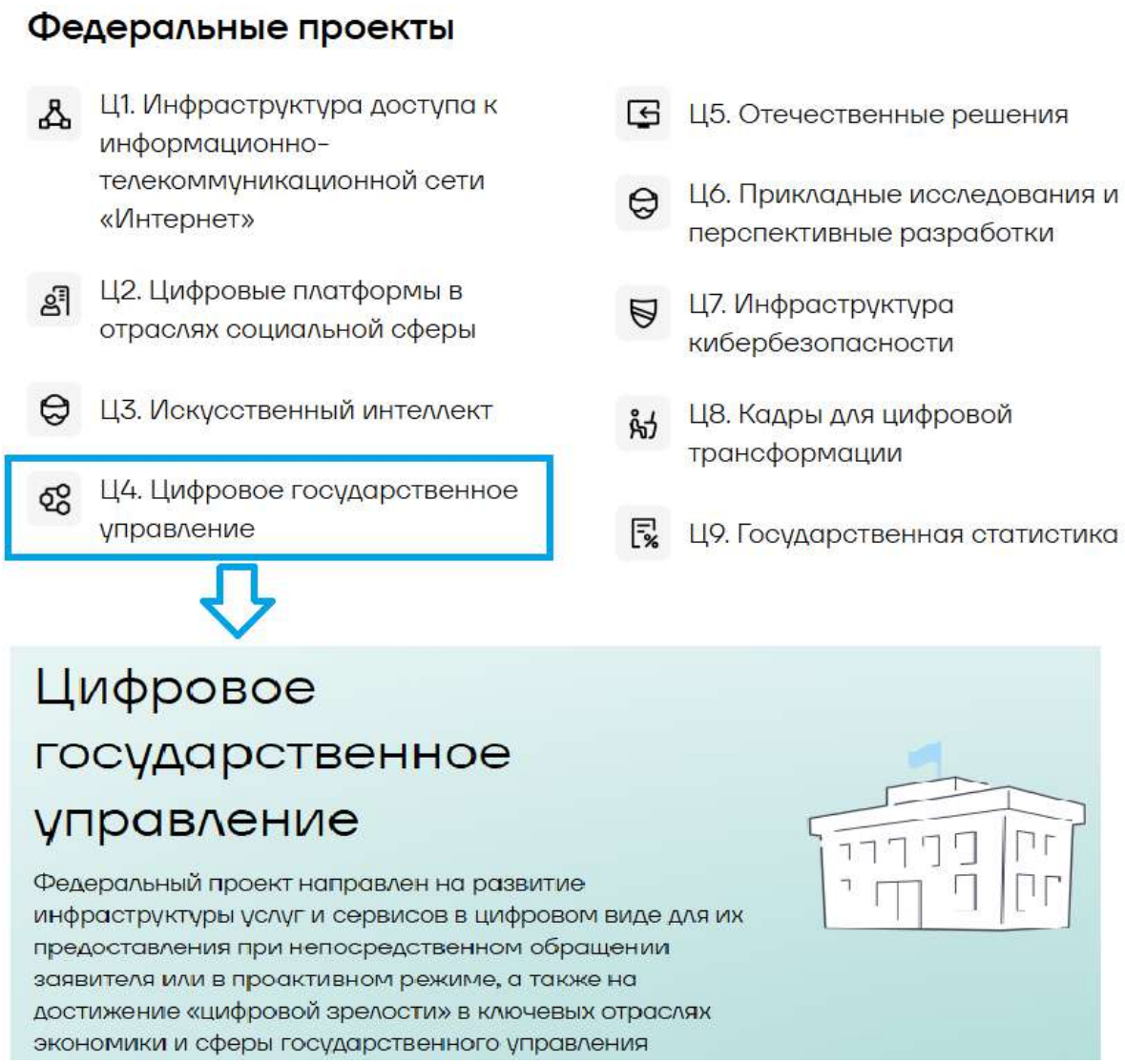

Рисунок 1. Федеральные проекты НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [2].

Промежуточные результаты национального проекта и перспективы развития [2]. По состоянию на середину 2025 года национальный проект демонстрирует положительную динамику достижения целевых показателей. Индекс зрелости рынка данных достиг 9,3 % при плановом значении 8,9 %, что свидетельствует об опережающем развитии данного сегмента. Уровень цифровой зрелости государственного и муниципального управления, а также ключевых отраслей социальной сферы составил 19,53 %, существенно превысив плановый показатель в 15,33 %.

Особенно значимыми являются достижения в области цифровизации государственных услуг: 99,01 % массовых социально значимых государственных и

муниципальных услуг оказывается в электронной форме при плановом показателе 95 %. Это свидетельствует о качественном изменении характера взаимодействия граждан с государством.

Обеспечение предотвращения мошеннических действий посредством ИКТ создает основу для формирования доверия граждан к цифровым государственным сервисам.

Важным индикатором социальной эффективности выступает также показатель удовлетворенности граждан электронными услугами. Достижение оценки выше 4,5 баллов для 57,44 % услуг свидетельствует о постепенном формировании позитивного социального восприятия цифровых сервисов государства. При этом с целью дальнейшего сокращения цифрового неравенства, доступа всех граждан к цифровым сервисам органов власти и социальных учреждений требуется не только реализация мер по развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры страны, повышению ее защищённости и надежности, но и более широкий подход к формированию цифровой грамотности всех социальных групп, особенно старшего поколения и жителей отдаленных территорий.

Заключение. НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» охватывает все ключевые сферы жизнедеятельности общества и систему управления страны. Успешная реализация проекта обеспечит повышение качества жизни граждан, эффективности государственного управления и конкурентоспособности российской экономики в глобальном цифровом пространстве.

Успешность его реализации будет определяться не только технологическими факторами, но и способностью обеспечить социальную инклюзивность, преодолеть цифровое неравенство и сформировать доверие граждан к новым формам взаимодействия с государством.

Достигнутые к середине 2025 года результаты демонстрируют позитивную динамику цифровой трансформации. Однако долгосрочный успех проекта будет зависеть от способности органов власти обеспечить баланс между технологической эффективностью и социальной справедливостью, между инновационностью и доступностью, между централизацией данных и защитой приватности граждан.

1. *Ваховский Е. В., Кузовкова Т. А., Салютина Т. Ю., Шаравова О. И. Причины и факторы перехода к цифровой трансформации государства и экономике данных // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2024. – № 2. – С. 175-185. – DOI 10.56584/1560-8816-2024-2-175-185*
2. *Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (дата обращения: 05.10.2025).*
3. *Петров А. М., Марков В. А. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: от концепции к реализации // Экономические науки. – 2024. – № 239. – С. 175-186. – DOI 10.14451/1.239.175.*

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ КАДРАМИ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Пурганова Полина Сергеевна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

В условиях глобальной трансформации рынка труда и усиления конкуренции за таланты, университеты сталкиваются с необходимостью поиска новых, нетривиальных инструментов привлечения и удержания персонала и составления конкуренции коммерческим организациям. Согласно исследованию Gallup «State of the Global

Workplace 2023», организации с высокой степенью совпадения личных и корпоративных ценностей демонстрируют на 23 % более высокую прибыльность [1]. Как показало глобальное исследование Deloitte (2024), для 83 % сотрудников из поколения миллениалов совпадение личных ценностей с корпоративными важнее зарплаты [2]. Данные МИРЭА «Трудовые ценности поколения Z» (2021) подтверждают этот тренд для российского рынка [3]. Таким образом, сильный бренд работодателя, основанный на ценностном подходе к управлению кадрами, становится не только элементом имиджа, но и стратегическим активом организации. Однако применимость ценностного подхода в специфической среде университета требует отдельного изучения.

На основе двух исследований: контент-анализа корпоративных ценностей 15 российских компаний (ПАО «Сбербанк», ООО «Яндекс», ПАО «Лукойл» и других) и глубинного экспертного интервью с HR-специалистами «Ценностный подход в управлении персоналом в российских компаниях: возможности и ограничения использования», в котором приняли участие 10 специалистов по персоналу из ведущих компаний, были выявлены потенциальные возможности и ограничения применения ценностного подхода в управлении кадрами российского университета.

Возможности применения ценностного подхода к управлению кадрами российского университета.

- Набор наиболее актуальных ценностей. Контент-анализ выявил набор базовых

ценностей, которые актуальны для российских компаний: ответственность, доверие, открытость, уважение. Этот набор служит готовым фундаментом для формирования университетских ценностей.

- Повышение лояльности и снижение текучести. Опыт компаний доказывает, что «сотрудники, чьи ценности совпадают с ценностями компании, дольше работают и более производительны». Для вуза это прямой путь к закреплению молодых ученых и преподавателей.
- Интеграция ценностей в систему оценки. Интервью, основанные на ценностях, оценивают не только академические компетенции, но и культурные компетенции при отборе преподавательского состава.

Ограничения применения ценностного подхода к управлению кадрами российского университета.

- Риск полной формальности. Это основное ограничение, отмеченное экспертами. В университете с традиционными бюрократическими процедурами этот риск намного выше.
- Глубокая иерархичность и консерватизм среды. Академическая среда является одной из самых консервативных по своей структуре, что создает естественный барьер для инноваций, основанных на ценностях.
- Конфликт поколений ценностей. Для университета это проявляется в потенциальном столкновении ценностей между старшими профессорами и молодыми исследователями.
- Проблема оценки. Существующие системы оценки результатов труда научных и академических работников в университетах не подходят для оценки показателей, важных при внедрении ценностного подхода.

Ценностный подход предоставляет российским университетам реальные возможности для повышения привлекательности бренда работодателя, удержания талантов и обновления системы управления. Однако его успешная реализация напрямую

зависит от преодоления системных ограничений, основными из которых являются формализм, иерархичность образовательной среды и различия поколений. Главным условием является не заимствование корпоративных моделей, а их глубокая адаптация к академическому контексту.

1. *Gallup, Inc. State of the Global Workplace: 2023 Report. – Washington, D.C.: Gallup Press, 2023. – 142 p. – URL: https://www.2468group.com/wp-content/uploads/2023/07/state-of-the-global-workplace-2023-download.pdf (дата обращения: 15.09.2025).*
2. *Deloitte. Global Millennial Survey 2024 [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2024/05/deloitte-2024-genz-millennial-survey.pdf (дата обращения: 15.09.2025).*
3. *Комаревцева, Г. И. Трудовые ценности поколения Z: сравнительный анализ и факторы формирования / Г. И. Комаревцева // Актуальные вопросы управления персоналом: Сборник Научных Статей III Национальной Научнопрактической Конференции, Москва, 14–15 Декабря 2021 Года. Том Часть 2. – Москва: Общество С Ограниченной Ответственностью "Эдельвейс", 2021. – С. 237-245. – EDN BSMULL.*

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ВЫПУСКНИКОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ

Романова Виктория Алексеевна
(кафедра философии и социологии)

Ключевые слова: выпускники технических вузов, качество жизни, трансформация рынка труда, социологический подход, трудоустройство, soft skills, адаптация образования.

Современный рынок труда характеризуется глубокой трансформацией, вызванной процессами цифровизации, глобализации и изменениями в структуре экономики. Эти изменения оказывают комплексное влияние на качество жизни выпускников технических вузов, которое рассматривается как интегральный показатель, включающий профессиональную реализацию, финансовую стабильность, социальное самочувствие и психоэмоциональное состояние.

Ключевой проблемой, выявленной в ходе анализа, является системный разрыв между теоретической подготовкой выпускников и практическими требованиями работодателей. Этот разрыв приводит к снижению конкурентоспособности молодых специалистов, трудностям с первичным трудоустройством и, как следствие, к финансовой нестабильности, что негативно сказывается на общем качестве жизни [1,2].

Социологический анализ позволил выделить значимость «мягких навыков» (soft skills) – коммуникации, работы в команде, креативности – которые наравне с техническими компетенциями становятся критически важными для успешной интеграции в профессиональную среду. Дефицит этих навыков у выпускников усугубляет проблему адаптации [3].

Важным социальным аспектом является роль социального капитала. Наличие профессиональных связей, доступ к сетевым ресурсам и программы менторства значительно облегчают процесс поиска работы и социальной адаптации, выступая буфером против стресса и неуверенности [4, 5].

Магистерская степень рассматривается как стратегический ресурс, повышающий конкурентоспособность и потенциальный уровень доходов. Она способствует занятию более высоких профессиональных позиций и оказывает прямое положительное влияние на финансовую составляющую качества жизни [6, 7].

Для смягчения негативных последствий трансформации рынка труда необходима целенаправленная адаптация образовательных программ через интеграцию практико-ориентированных курсов, развитие партнерств с бизнес-структурами и раннее вовлечение студентов в проектную и стажерскую деятельность [8].

Таким образом, управление качеством жизни выпускников технических вузов в современных условиях требует комплексного социологического подхода, включающего синхронизацию образования с запросами экономики, развитие социальных компетенций студентов и формирование эффективной системы поддержки на этапе их профессионального становления.

1. *Требования и претензии работодателей к выпускникам вуза [Электронный ресурс] // www.spbstu.ru – Режим доступа: https://www.spbstu.ru/students/employment/demands-claims-employers-graduates/ , свободный. – Загл. с экрана*
2. *Сулимова Е. А., Федорова О. А. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений как социальный процесс // Социология. 2019. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudoustroystvo-vypusknikov-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-kak-sotsialnyy-protsess (13.10.2025).*
3. *Белаш О. Ю., Баскакова Д. Ю. Выпускники технических вузов на рынке труда: требования работодателей // Образование и инновации. №6 (272). 2021. С.90-95.*
4. *Диссертация на тему «Трудоустройство выпускников вузов...» [Электронный ресурс] // www.dissercat.com – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/trudoustroistvo-vypusknikov-vuzov-sotsiologicheskii-analiz, свободный. – Загл. с экрана*
5. *Социальные проблемы трудоустройства выпускников ВУЗов... [Электронный ресурс] // www.bibliofond.ru – Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=661810, свободный. – Загл. с экрана*
6. *Степень магистра: как влияет на должности, зарплаты... [Электронный ресурс] // synergy.ru – Режим доступа: https://synergy.ru/media/guides/entrance_guide/magistratura/kakie_preimushhestva_dayot_stepen_magistra, свободный. – Загл. с экрана*
7. *Что дает магистратура и нужна ли она вам? | РБК Тренды [Электронный ресурс] // trends.rbc.ru – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6bc5579a7947969fe36e4a, свободный. – Загл. с экрана*
8. *Адаптация учебных программ к требованиям современного... [Электронный ресурс] // azbukauma.ru – Режим доступа: https://azbukauma.ru/o-kompanii/novosti/adaptacziya-uchebnyix-programm-k-trebovaniyam-sovremennogo-ryinka-truda-klyuchevyie-aspektyi-i-strategii, свободный. – Загл. с экрана*

НЕЙРОУПРАВЛЕНИЕ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Рубцова Мария Владимировна
(СПбГУ)

Аннотация. В данной работе предпринята попытка анализа нейроуправления как одного из направлений развития теории и практики управления в недалёком будущем. Рассматривается как пессимистический образ будущего, где нейроинтерфейсы полностью контролируют человеческое сознание, ставя под угрозу личную свободу и идентичность, так и возможные положительные последствия внедрения нейроуправления. Автор высказывает предположение, что при определенных условиях нейроуправление может способствовать переходу от традиционных иерархий к гетерархическим моделям управления, адаптированным к современным социальным вызовам.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы, нейроуправление, матрица, искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, гетерархия.

Одно из самых ярких и запоминающихся предостережений о будущем, где нейроинтерфейсы представляют серьёзную угрозу для человечества, можно найти в фильме «Матрица» (1999). В нём задаётся пугающий вопрос: что, если вся реальность – это лишь искусная иллюзия, созданная машинами для полного контроля над человеческим сознанием? В фильме подробно раскрывается идея о том, что наше восприятие реальности формируется исключительно через призму человеческих ощущений: зрения, осязания, обоняния. По сути, всё, что мы воспринимаем как реальность, – это лишь электрические импульсы, которые генерируются рецепторами и обрабатываются нашим мозгом. В мире «Матрицы» нейроинтерфейсы не просто модифицируют восприятие реальности – они полностью заменяют его. Человеческий мозг становится ресурсом, который машины, оснащённые искусственным интеллектом, используют для своих нужд. Через систему нейроинтерфейсов они получают доступ к мыслям и энергии людей.

Этот фильм удивительно точно отражает глубинные страхи современного общества перед стремительным развитием нейротехнологий. Он поднимает важнейшие вопросы о рисках потери личной свободы и контроля над собственным телом и разумом. Примечательно то, что многие технологические концепции, показанные в фильме как далёкое будущее, сегодня уже воплощаются в реальность. Это делает предостережения «Матрицы» не просто фантазией, а возможным сценарием развития событий.

В научной статье Д. А. Репина и С. А. Игнатьева «Нейротехнологии в управленческой коммуникации» рассматривается перспектива ближайшего будущего, в котором нейроуправление станет неотъемлемой частью системы государственного цифрового управления. В отличие от фильма «Матрица», авторы статьи демонстрируют оптимистичный взгляд на перспективы развития нейротехнологий в управленческой сфере. По их мнению, сложная сеть нейронных связей содержит серьезный социальный потенциал для совершенствования эргономики управленческих процессов. Авторы подчёркивают, что нейроинструменты способны создать уникальную сеть взаимодействия между индивидами, формируя единое информационное пространство общества. Это, в свою очередь, сделает управленческую нейрокоммуникацию максимально эффективной и результативной. Особую значимость приобретает тот факт, что современные интерфейсы «мозг-компьютер» в сочетании с передовыми методами нейроинженерии позволяют осуществлять передачу информации не только на поверхностном, но и на глубинном, подсознательном уровне. Такой подход открывает принципиально новые возможности для оптимизации процессов коммуникации и принятия управленческих решений [2].

Создание коммуникационных каналов между отдельными индивидами и целыми группами людей может привести к формированию коллективной нейросети. Эта система может быть интерпретирована как своеобразный коллективный разум или общественное сознание, объединённое посредством нейропотоков. Нейроуправленческая сеть может обладать определённым потенциалом для улучшения взаимопонимания и согласованности действий участников, а также для повышения эффективности управления в рамках социальных или организационных структур. Внедрение такой нейросети в управленческую коммуникацию может обеспечить ряд существенных преимуществ, прежде всего повысить точность передаваемой управленческой информации, уменьшив искажение информации при передаче между различными уровнями управления. Возможно это позволит преодолеть «норму управляемости» социальных систем [1]. Такой подход к организации управленческой коммуникации открывает новые горизонты для

оптимизации процессов принятия решений и реализации стратегических задач в различных сферах деятельности.

Еще одно преимущество управленческой нейросети может состоять в возможности оказывать влияние на эмоциональное и мотивационное состояние участников команды на подсознательном уровне. Это открывает новые возможности для развития эмоционального интеллекта коллектива. Благодаря постоянной обратной связи в системе управления, включающей мониторинг психофизиологического и эмоционального состояния каждого члена команды, становится возможным формировать управленческие задачи с учётом эмоционального фона команды, повышать уровень мотивации сотрудников и снижать уровень стресса и тревожности. Комплексное воздействие позволяет нейросети адаптироваться к состоянию каждого участника в режиме реального времени, снижая вероятность возникновения конфликтных ситуаций и повышая эффективность командной коммуникации.

Внедрение более гибких и адаптивных моделей нейроуправления на уровне коллективного сознания может привести к революционным изменениям в организационной структуре. На смену традиционным иерархическим формам управления, которые демонстрируют низкую эффективность в условиях современной нестабильной социальной среды, может прийти новая модель – гетерархия [3], которая может стать более гибкой, адаптированной к современным вызовам.

1. *Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003*
2. *Репин Д. А., Игнатьева С. А. Нейротехнологии в управленческой коммуникации (на примере нейроинтерфейсов) // Известия СПбГЭУ. 2025. №1 (151). С. 75-90*
3. *Stark D. Heterarchy: The Organization of Dissonance. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 57–89*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Свиридов Борис Александрович
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Введение. Корпоративное управление – это совокупность механизмов, процедур и институтов, посредством которых осуществляется контроль и управление компаниями. Эффективное корпоративное управление способствует повышению стоимости компании, снижению инвестиционных рисков и укреплению доверия инвесторов и других заинтересованных сторон. Однако подходы к корпоративному управлению значительно различаются в зависимости от национальных особенностей, культурных традиций, правовой системы, уровня развития экономики и других факторов. Именно эти различия формируют так называемые национальные модели корпоративного управления.

В данной статье рассматриваются основные типы национальных моделей корпоративного управления, их особенности, преимущества и недостатки, а также влияние глобализации на их развитие.

Теоретические основы и классификация моделей. Научные исследования в области корпоративного управления выделяют различные модели, отражающие особенности национальных систем. Наиболее известная классификация принадлежит ученым Роберту Лоуту и Кену Стивенсу, которые выделяли три основные модели: англосаксонскую, континентальную и японскую.

1. Англосаксонская модель (англо-американская)

Основные характеристики:

– акцент на правах акционеров: в центре внимания – права миноритарных и мажоритарных акционеров;

– рынок капитала: Развитый рынок ценных бумаг, широкое использование публичных компаний;

– совет директоров: независимые директора имеют значительную роль в контроле за менеджментом;

– краткосрочные показатели: часто ориентирована на краткосрочную прибыль и увеличение стоимости акций;

– институциональные инвесторы: важная роль у институциональных инвесторов и фондов.

Примеры стран: Великобритания, США, Канада, Австралия.

Плюсы:

– высокий уровень прозрачности и ответственности;

– стимул к повышению эффективности менеджмента;

– развитая инфраструктура для инвесторов;

Минусы:

– возможна чрезмерная ориентация на краткосрочные результаты;

– конфликты между акционерами и менеджментом;

– могут возникать проблемы с долгосрочной стратегией.

2. Континентальная модель (европейская, романо-германская)

Основные характеристики:

– роль стейкхолдеров: большое значение придается интересам работников, кредиторов и других стейкхолдеров;

– совет директоров: обычно представлен двухуровневая структура – совет наблюдателей и совет управляющих (направляющий совет и наблюдательный совет);

– государственное регулирование: более сильное влияние государства и законодательства;

– краткосрочные и долгосрочные ориентиры: уделяется внимание долгосрочной стабильности и социальной ответственности;

– меньшая прозрачность: в некоторых странах менее развиты механизмы раскрытия информации.

Примеры стран: Германия, Франция, Италия, Нидерланды.

Плюсы:

– устойчивость и долгосрочная перспектива;

– защита интересов работников и других стейкхолдеров;

– более развитая система корпоративной социальной ответственности.

Минусы:

– меньшая гибкость и инновационность;

– возможное увеличение бюрократии;

– замедление принятия решений.

3. Японская модель (совместного типа)

Основные характеристики:

– кланы и корпоративные группы: в стране широко распространена практика межфирменных связей, так называемых «кланов» или «ке́й» – корпоративных групп;

– долгосрочные отношения: в приоритете – долгосрочные отношения с сотрудниками, клиентами и поставщиками;

– совет директоров и профсоюзы: взаимодействие между менеджментом, профсоюзами и советом;

– культура корпоративной лояльности: Высокий уровень внутренней лояльности и корпоративной культуры;

– структура собственности: распределенная, часто с участием банков и застройщиков.

Плюсы:

– высокий уровень долгосрочной устойчивости;

– стабильность и лояльность сотрудников;

– инновации внутри корпоративных групп.

Минусы:

– меньшая прозрачность для внешних инвесторов;

– ограниченная гибкость;

– возможные конфликты интересов внутри корпоративных групп.

Влияние глобализации и трансформации моделей. Процессы глобализации, развитие международных рынков и интеграция финансовых систем оказывают значительное влияние на национальные модели корпоративного управления. Многие страны заимствуют лучшие практики из других систем, что приводит к формированию гибридных моделей. Например, в Европейском союзе происходит гармонизация правил корпоративного управления, стимулирующая прозрачность и защиту инвесторов. В США и Великобритании усиливаются требования к раскрытию информации и независимости советов директоров. В Японии наблюдается тенденция к усилению роли независимых директоров и развитию механизмов прозрачности. Однако, несмотря на глобальные тренды, национальные традиции, правовые особенности и культурные ценности остаются определяющими факторами. В результате, каждая страна формирует свою уникальную модель, адаптированную к внутренним условиям.

Влияние культурных и правовых факторов. Культурные особенности оказывают существенное влияние на развитие моделей корпоративного управления. Например, в странах с высокой степенью коллективизма (Япония, Южная Корея) более важна долгосрочная лояльность, социальная ответственность и корпоративная культура. В странах с индивидуалистическим уклоном (США, Великобритания) – ценится прозрачность, права акционеров и эффективность управления. Правовая система также играет ключевую роль. В странах с англосаксонским правом (например, США, Великобритания) акцент делается на защите прав инвесторов и свободный рынок. В странах с континентальным правом – более сильное регулирование и защита интересов работников и других стейкхолдеров.

Заключение. Национальные модели корпоративного управления формируют уникальные системы, отражающие исторические, культурные, правовые и экономические особенности каждой страны. Несмотря на тенденции к глобализации и стандартизации, эти модели сохраняют свою специфику и оказывают влияние на инвестиционный климат, эффективность бизнеса и устойчивое развитие. Понимание различий между моделями важно для международных инвесторов, руководителей компаний и политиков, поскольку оно помогает более точно оценивать риски, разрабатывать стратегии и создавать условия для гармоничного развития бизнес-среды.

1. Богоутдинов, Б. Б. Применение моделей дополнительных ресурсов в инвестиционной деятельности / Б. Б. Богоутдинов, В. Я. Цветков // Вестник Мордовского университета. – 2014. – Т. 24. № 4. – С.103 – 116.

2. *Карпычева, М. В. Особенности развития системы корпоративного управления в России / М. В. Карпачыва, Н. В. Кувшинова // Концептуальные проблемы экономики и управления на транспорте: взгляд в будущее. – 2019. – С. 162 – 163.*
3. *Цветков, В. Я. Управление с применением кибер-физических систем // Перспективы науки и образования. – 2017. – №3(27). – С. 55 – 60.*

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Скоробогацкий Вячеслав Васильевич
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Скоробогацкая Наталья Александровна
(Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н.Ельцина)

Аннотация. Четвертая промышленная революция затрагивает все стороны жизни общества, в том числе систему государственного управления. Бюрократическая модель управления, основанная на политико-административной дихотомии, препятствует реализации потенциала перемен. Использование политических технологий рассматривается как способ формирования новой модели государственного управления, ориентированной на осуществление социальной справедливости.

Ключевые слова: государственное управление, политические технологии, четвертая промышленная революция, политико-управленческая дихотомия, социальная справедливость.

Четвертая промышленная революция – определяющее, поворотное событие в современной истории [5, 8]. Она не только придала технологическому прогрессу взрывной, обвальный характер, способствуя проникновению технологий практически во все сферы жизни общества и человека, но меняет самый тип цивилизации, ее характер и культурный код. И как следствие этих кардинальных перемен встает вопрос о том, насколько современно нынешнее государство, его устройство и система государственного управления. Несмотря на широкое распространение в государственном управлении информационных и цифровых технологий, а, может быть, и вследствие этого, все более наглядным становится технологический и институциональный конфликт между действующей моделью государственного управления, с одной стороны, и культурным и человеческим потенциалом развития общества, с другой [3, 334]. «Отстающей» стороной этого конфликта является действующая система управления, основанная на бюрократической парадигме. Суть последней – политико-управленческая дихотомия, предполагающая жесткое обособление политики от управления (администрирования) [1, 34]. Данная модель в условиях системной трансформации общества обусловливает снижение «чувствительности» государства, его «слепоту» и «глухоту» в отношении социальной динамики и возникающих в связи с этим проблем. Более того, она способствует проведению политики и сохранению структур, «*…которые систематически препятствуют осуществлению справедливости в обществе*» [1, с. 425].

Возможность применения технологий в политике впервые была намечена в работе Макиавелли «Государь», предмет которой – искусство управления. Но сама эта возможность напрямую связывалась с автономизацией политики: политика должна иметь целью сохранение и рост власти и не должна зависеть от любых иных требований и регуляторов, включая нормы морали и религии. Власть при этом рассматривалась не как самоцель, но как публичный ресурс, как средство поддержания устойчивого порядка и социальной стабильности, ее приоритет – общественная полезность. Вместе с тем, использование технологий в политике порождает риски и угрозы, среди которых, как правило, отмечают иммортализацию политики как заведомо «грязного» дела. Но, помимо этого, существует еще одна опасность – овеществление человеческого «материала» политики. Дело в том, что в обществах Современности политика, в отличие от ее античного толкования, выступает как «двухэтажное» образование: верхний ее уровень – институты публичной власти, осуществляющие функцию субъекта управления, а нижний ее уровень – сфера частной жизни, гражданское общество как объект управления. Условием нормального функционирования политической системы, имеющей «двухэтажное» строение, является динамичный баланс ценностей и интересов. В том случае, когда интересы берут верх над ценностями, в качестве приоритета государственного управления выступает идея полезности, которая при ее последовательном осуществлении раскрывается как принцип первенства экономики перед политикой. А сама политика превращается в совокупность формальных процедур: в рамках такой политики обществу (негосударственным организациям) и гражданам отводится роль объекта управления, которое следует тем же правилам и приемом, что и управление вещами.

Риски, возникающие при овеществлении политики, сведении ее к совокупности формальных процедур, характеризуют идеально-типическую ситуацию, условием возможности которой является применение в управлении публичными делами технологий, характерных для экономики. Эффективные в приложении к сфере промышленности, они способствуют «бегству от политики» больших масс, ставящих в качестве жизненной цели потребление, рассматривающих его как осуществление «свободы». Быть или иметь – дилемма, базовая для обществ индустриальной эпохи, которые И. Бродский называл индустриальными демократиями, отмечая, что для них характерен стадный напор масс, требующих непрерывного роста благосостояния. С этой точки зрения, «восстание масс» можно рассматривать не столько как порыв низших классов к свободе и равенству, сколько как стремление достичь уровня и качества жизни высших классов, как стремление к усредненному состоянию, которое массы воспринимают в качестве осуществленной социальной справедливости.

Угроза дисбаланса ценностей и интересов неотделима от функционирования системы государственного управления, основанной на дихотомии политики и управления (администрирования). Более того, сохранение бюрократического механизма управления в современных условиях, вызывающее отчуждение больших масс от политики, лишает управление эффективности, подменяя стратегические ориентиры и долговременный политический курс тактическими целями и рефлекторными ответами (реакциями) на вызовы внешней и внутренней среды. Еще одним эффектом подобного дисбаланса является «приватизация» государственного интереса: вне контекста общепризнанных ценностей он получает форму корпоративного интереса. Корпорацией в данном случае становится правящая элита, которая рассматривает публичные ресурсы в качестве групповой собственности. Вследствие этого государственный интерес по форме

выражения остается публичным, то есть интересом общества, но в процессе осуществления раскрывается как политика, цели которой в первую очередь обращены на решение таких задач, как сохранение контроля власти в руках правящей элиты и распределение публичного ресурса в пользу акторов, входящих в состав властной корпорации. Достижение общественного согласия в условиях неинституционализированной конкуренции корпоративного интереса и частных интересов негосударственных организаций и граждан предполагает заключение разного рода негласных договоренностей вне поля политики, в закрытой от общественного внимания и, тем более, контроля сфере, которая в свое время получила название теневого рынка решений. Такого рода теневые механизмы государственного и местного управления получили широкое распространение в странах индустриальной демократии более века.

Угроза коррупции, «ржавления» механизма государственного управления, который утрачивал эффективность, в условиях глобализации и межгосударственной конкуренции на международной арене поставил на повестку дня вопрос о поисках новых моделей государственного управления, которые бы настоятельно требовали «политизации» государственного управления, демонтаж его парадигмальных оснований [1, 427]. Постановка данной задачи предполагает принципиальное изменение приоритетов государственного управления, выдвигая на передний план обеспечение социальной справедливости как базовой ценности современной демократии.

Ключевым в поисках новой модели государственного управления является вопрос: каковы условия возвращения политики в сферу государственного управления? Первое из них – трансформация власти. Бюрократическая система управления сопряжена с субстанциальной моделью власти как внешней по отношению к обществу силы, концентрирующейся в едином центре и находящейся в монопольном распоряжении специализированных структур («правительство»). Ей на смену приходит функциональная модель власти как множественности центров силы, которая (множественность) образует подвижную систему стратегических действий [4, 312 – 314]. Это модель не господствующей над обществом, а «работающей» на него власти-знания, в рамках которой политика приобретает рациональный и технологичный характер. Политика тем самым обретает черты органической системы.

Во-вторых, должна измениться ориентация государственного управления: его приоритетом становится не управление вещами и людьми, а конструирование и внедрение правил, в соответствии с которыми будут строить свои взаимодействия социальные группы, организации и индивиды. Политические технологии должны стать инструментом институционального строительства, то есть воздействовать на поведение социальных акторов опосредствованно, через институционализированную систему правил социального действия.

Третьим условием поворота к новой системе государственного управления является развитие теории государственного управления [2, 26]. Без науки государственного управления, появление и существование которой неотделимо от разработки новой управленческой парадигмы и теоретических основ новой системы управления, он будет идти вслепую, методом проб и ошибок. И неизбежным следствием таких поисков будет нарастающее несоответствие качества жизни и качество человеческого капитала в стране уровню, который задан потенциалом современной цивилизации и открывает вход в клуб мировых держав.

1. *Классики теории государственного управления: американская школа. М.: Изд-во МГУ, 2003. 800 с.*
2. *Наука и практика государственного управления: проблемы и перспективы взаимодействия. Круглый стол // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019, № 1. С. 7-34.*
3. *Троянская М. А., Еременков А. А. Информационные технологии в государственном управлении: понятия, виды, задачи и направления государственного регулирования // Вестник Академии знаний. № 50 (3), 2022. С. 331-337.*
4. *Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. 384 с.*
5. *Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. 138 с.*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ КОНГЛОМЕРАТОВ: СРАВНЕНИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ И РОССИИ

Скупов Михаил Васильевич
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Аннотация: В статье проводится сравнение ценностно-нормативных систем конгломератов Южной Кореи и России. Формулируются возможные сценарии применения ценностей в управленческих решениях, осуществимые в российских конгломератах. Делается вывод о том, что южнокорейский сценарий развития невозможен в актуальном российском обществе, ценностная неоднородность которого определяет отсутствие целостности оснований организационного менеджмента.

Ключевые слова: корпоративная культура, ценности, корпоративное управление, конгломерат, чеболи.

Введение. Глобальные вызовы и санкционная экономика требуют повышения эффективности и синергии внутри крупных групп компаний. Формирование конгломератов в России ускорилось в связи с приобретением и замещением активов транснациональных корпораций, прекративших деятельность на территории России. Классическим примером конгломератов, синергетически объединяющих различные виды деятельности, являются южнокорейские чеболи: финансово-промышленные группы, управляемые членами одной семьи. Российские исследователи, изучавшие структуры управления чеболей, проводили их сопоставление с российскими государственными корпорациями, выявив сходства в особенностях их финансирования и структуре [3, 327 – 328]. Развитие России по южнокорейскому сценарию чеболизации для совершения «экономического рывка» осмысляется как потенциально возможное. [4, 17]. В связи с этим актуальным является установление природы различий российских и южнокорейских конгломератов. В рамках данной статьи мы сосредоточились на изучении различий в ценностях, лежащих в основе деятельности российских конгломератов и южнокорейских чеболей. Научный интерес к ценностной компоненте управления связан её высокой значимостью для сотрудников, фиксируемой в прикладных исследованиях [2, 6].

Запрос на развитую корпоративную культуру, эффективность которой нередко отождествляется с гомогенностью, в сочетании с диверсифицированной деятельностью конгломератов, приводит к появлению различных стратегий «организации организаций», направленных на устранение потенциальных негативных эффектов этого противоречия.

Результаты. Рассмотрим южнокорейское решение данной проблемы. Чеболи, ставшие локомотивом экономического чуда Южной Кореи, были глубоко интегрированы

в международную рыночную экономику. Их конкурентоспособность базировалась на централизованной системе корпоративного управления, жёстком контроле головной компании над дочерними структурами и единой ценностной платформе. Как отмечают исследователи, одним из факторов бурного роста являлась высочайшая работоспособность и дисциплина сотрудников конгломератов [10, 3]; характерными чертами занятости в таких организациях были ненормированный рабочий день в сочетании с высокими требованиями к квалификации персонала на высокотехнологичных производствах. Логично, что обеспечение дисциплины в подобных условиях опиралось на жёсткие регламенты и подавление защиты прав работников [10, 3]. Подобная система не могла бы существовать без ценностного обоснования: практики управления и организационная культура чеболей опирались на конфуцианскую культуру [10, 35], ключевыми добродетелями в которой признаются доброжелательность, праведность, приличие, мудрость, верность [9, 64]. Нетрудно проследить каузальную связь между данными добродетелями и выявленными в чеболях нормами и практиками: иерархия, основанная не только на профессионализме, но и на возрасте сотрудников; «пожизненная» занятость в рамках одного чеболя, высокий уровень приверженности корпорации среди линейных сотрудников [10, 32].

Таким образом, в рамках чеболей, как правило, не существует проблемы различия ценностей между разными организациями, входящими в состав конгломерата, хотя исследователи и отмечают наличие культурного разрыва между разными поколениями работников [10, 34]. Отсутствие различий в установках деятельности упрощает «организацию организаций»: у руководства чеболей была задача не разрабатывать подходящие для деятельности компании ценности, а адаптировать существующие национальные культурные нормы к трудовым отношениям.

Перейдём к рассмотрению ценностных основ деятельности российских конгломератов. Официально утверждённые традиционные ценности российского общества (которые, фактически, следует трактовать как государственные) – это жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [5]. При этом россияне считают наименее значимыми ценностями из этого списка «созидательный труд» и «коллективизм» [8], а в списке корпоративных ценностей работодателей России (Рисунок) ценности, потенциально связанные с «коллективизмом» («командный дух») и «созидательным трудом» («нацеленность на результат») занимают 2 и 12 места по частоте распространения. Отметим, что ценность «уважение к традициям» практически не встречается в списке корпоративных, но зафиксирована в списке традиционных ценностей в формулировке «Историческая память и преемственность поколений», а по результатам опроса ВЦИОМ она занимает второе место по значимости для россиян.

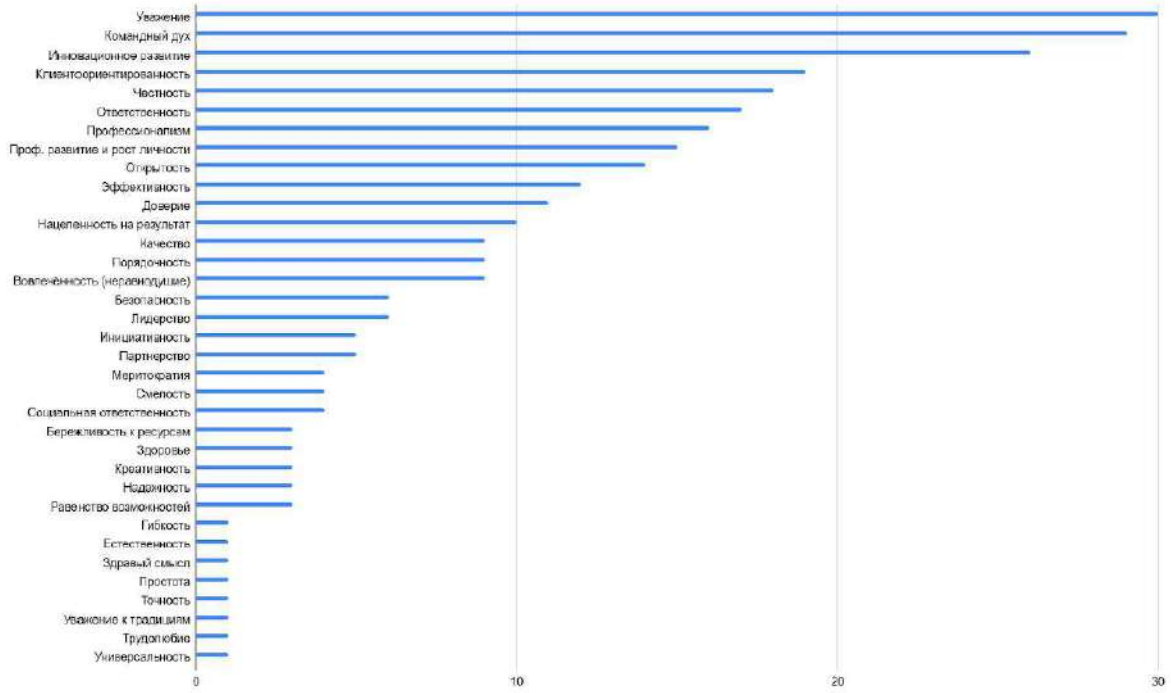

Рисунок. Список корпоративных ценностей компаний рейтинга «100 лучших работодателей России» [7]

Налицо расщепление ценностей юридически закреплённых, декларируемых в корпорациях, и востребованных среди россиян. Проведённые исследования показывают наличие значительного культурного расслоения и внутри конгломератов типа «Газпром»: в его дочерней организации «Газпромнефть» по итогам анализа 42 предприятий выявлено три кластера, в которых различие ценностей обусловило различие управленческих практик [1, 14]. В данном случае кластеризация представляется обоснованной, поскольку оформляет реально существующую разницу в ценностях и нормах менеджмента. При этом наличие скрытого различия в ценностях нередко приводит к деструктивной диверсификации практик управления в конгломератах, таких как появление дублирующих управленческих структур, регламентов и функциональных подразделений, рост нагрузки на менеджмент среднего звена.

Дискуссия. Анализ исследований, посвящённых особенностям связи национальной культуры, ценностей конгломератов и управленческих практик, позволил сформулировать возможные сценарии управленческих решений. Логичными возможными решениями в данной ситуации представляются следующие:

Игнорирование ценностных различий в рамках конгломератов. Данный сценарий представляется базовым для конгломератов, управляемых на основе показателей бизнес-эффективности, без учёта специфики ценностей сотрудников.

Выработка универсальных ценностей для объединения сотрудников на максимально широкой общей ценностной платформе. По нашему мнению, этот путь нередко представляется наиболее перспективным для лиц, занимающих руководящие посты как в конгломератах, так и в классических компаниях, где при относительной гомогенности производимого набора товаров и услуг крайне различаются компетенции сотрудников компании (это характерно, например, для девелоперов). Оценка результативности подобного сценария (по сути, наследующего южнокорейский) требует наличия ценностно-однородного общества и имплементацию ценностей национальных

как корпоративных. Данный сценарий не представляется реалистичным в связи с вышеописанным несоответствием государственных традиционных, корпоративных и востребованных обществом ценностей.

Учёт различия ценностей организаций при проведении слияний и поглощений и образования новых организаций в структуре конгломерата. В данном варианте ценности сотрудников становятся фактором принятия управленческих решений, изменения в структуре конгломератов проводятся на основе ценностей, характерных для уже работающих в его составе сотрудников и сфер их деятельности. Данный вариант, несмотря на кажущуюся утопичность, может быть реализован как минимум частично: именно такой сценарий реализуется в «Газпромнефти».

Заключение. При заимствовании организационной формы следует помнить, что она не существует в отрыве от национальных культурных особенностей. Мы выдвигаем гипотезу, что корейское экономическое чудо не может быть воспроизведено на текущем этапе истории России не столько из-за политико-экономических условий, сколько из-за значительной культурной неоднородности российского общества, определяющей отсутствие целостности оснований организационного менеджмента. На наш взгляд, прикладные исследования ценностно-нормативных практик российских конгломератов с использованием метода case study позволят выявить конкретные специфические проявления культурных феноменов российского общества в повседневных рабочих взаимоотношениях сотрудников конгломератов. Практическим результатом данных исследований станет установление наборов специфически эффективных для России практик управления организациями с высоким уровнем диверсификации основных видов деятельности.

1. *Аузан А. А. Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях / А. А. Аузан // Вестник Московского университета. – Серия 6. Экономика. – 2025. – №1 – С. 3-18.*
2. *В российском бизнесе набирает силу культура диалога и экспериментов // Ведомости. 07.04.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/ideas/trends/articles/2025/04/07/1102347-v-rossiiskom-biznese (Дата обращения: 06.10.2025).*
3. *Зельднер А. Г. Российский государственные корпорации и южнокорейские чеболи: общее и особенное / А. Г. Зельднер, В. С. Осипов // ЦИТИСЭ. – 2021. – №3. – С. 323-331.*
4. *Зельднер А. Г. Управление процессом структурной реорганизации экономики на индустриальной основе (опыт Республики Корея) / А. Г. Зельднер, В. С. Осипов // Проблемы теории и практики управления. –2021. – № 8. – С. 6-19.*
5. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809*
6. *Корпоративная среда : исследование // ЦСП Платформа. 11.2024. URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2024/11/corpsreda.pdf (Дата обращения: 06.10.2025).*
7. *«Проявлять оунершип»: что это значит, на что влияет и чего ждут работодатели // Клуб Главредов. 2025. URL: https://t.me/glavredbossclub/763 (Дата обращения: 06.10.2025).*
8. *Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (Дата обращения: 06.10.2025).*
9. *Фань Чушу. Ценности конфуцианства в современной системе образования Китая / Чушу Фань // Современное педагогическое образование. – 2022. – №4. – С. 63-67.*
10. *Kim H. Organizational Culture, Confucian values, and Change: Understanding the cultural shift within South Korean workforces / H. Kim, N. Hamilton-Hart // New Zealand Asia Institute working paper series. – 2017. – №17-01. – 38 p.*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СООБЩЕСТВ

Соколов Александр Владимирович
(Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова)

Мавричева Ана
(Российский государственный социальный универсиет)

Аннотация. В статье рассматривается успешно развивающийся феномен цифровых сообществ. Он демонстрирует трансформацию управления поведением людей. В исследовании представлен анализ двух сообществ, базирующихся на цифровой коммуникации – «Код публичности» и «Код легенды». Методом кейс-стади и анкетирования участниц сообществ выделяются их ключевые характеристики. Демонстрируются ключевые характеристики создания и функционирования успешно развивающихся цифровых сообществ (привлекательность образа лидера, гибкость управления, общность цели, цифровые инструменты коммуникации и разнообразие взаимодействий, создание норм и правил, формирование единого информационного поля, стимулирование взаимодействия внутри сообщества и транслирование его практик во вне).

Ключевые слова: цифровые сообщества, сетевое управление, социальный капитал, блогер, взаимодействие, коммуникация

Развитие цифровой среды и информационно-коммуникативных технологий привело к трансформации форматов взаимодействия людей. М. Кастельс одним из первых отразил данные изменения в своей работе «Информационное общество» [1]. Он отмечал, что вертикальная модель управления становится менее эффективной, а широкое распространение получают новые горизонтальные или комбинированные. Данные изменения связаны в том числе с последовавшей за цифровизацией трансформацией установок и запросов людей. Они получили свое выражение в стремительном развитии сетевых сообществ, где сеть не только «цифровой» компонент, среда их основного существования, но и принцип функционирования (включающий равенство участников, ориентация на схожие ценности и цели, готовность вносить безвозмездный вклад в развитие объединяющего их сообщества).

Результаты анализа женских сообществ «Код публичности» и «Код легенды», полученные в ходе применения методов кейс-стади и анкетирования участниц по формализованной онлайн анкете, демонстрируют, что подобные сообщества функционируют на основе доверия, ощущения получаемой пользы, высокой степени удовлетворённости нахождения в них.

Наиболее успешная модель развития подобных сообществ функционирует на основе приверженности ролевой модели лидера (выступающего в проанализированных случаях успешным блогером и экспертом по личному бренду). Поэтому немаловажным компонентом устойчивости подобных сообществ является формирование и поддержание связи участниц сообществ с лидером. Именно на его инициативе, активности, авторитете (социальном капитале в целом) начинает формироваться сообщество. Однако в дальнейшем сообщество может эволюционировать, постепенно обособляясь от создателя.

В связи с этим неотъемлемым элементом подобных сообществ является наличие множественности каналов коммуникации и взаимодействия участниц с лидером, а также участников между собой. Формируясь как онлайн сообщество, оно в существенной

степени дополняется различными офлайн форматами (от работы в мини-группах до мероприятий в 1000 человек), как с участием лидера, так и без него. В связи с этим, можно констатировать, что успех развития подобных сообществ во многом предопределяется способностью лидера выстраивать и поддерживать активную коммуникацию с участниками сообщества. Это необходимо, чтобы обеспечить глубокое и долговременное погружение всех в среду и общее пространство.

Лояльность внутри сообщества формируется на основе внедрения совместного действия: мероприятий, обучающих практик, праздников и деловых встреч. При этом поддерживается и стимулируется не только вертикальное взаимодействие по модели «лидер-участник», но и «участник-участник» (в формате различной взаимопомощи и поддержки). Несмотря на то, что сообщества позиционируются как деловые, связанные с развитием профессиональных навыков, они фактически базируются на доминировании досугового и life-style контента. При этом рабочие, профессиональные, личные и досуговые форматы объединяются общим позиционирование через ключевые ценности как лидера, так и созданных сообществ.

Для подержания высокой активности, взаимосвязанности участников в сообществах постепенно формируется определенная структура и иерархия. Ключевым компонентом в ней является сочетание противоречивых принципов сетевой структуры Э. Кастельса и «олигархических тенденций» Михельса. Тем самым обеспечивается готовность одних участвовать в сообществе, а других – вкладывать свои ресурсы в его развитие.

Важно также отметить, что несмотря на формально открытый характер подобных сообществ, они закономерно привлекают определённый тип участников. В результате чего участники оказываются в описанной в книге К. Х. Джеймисон и Дж. Н. Каппелла «эхо-камере» [2]. Она с одной стороны создает благоприятные условия для развития в культивируемом сообществом направлении, а с другой – может снижать чувствительность к иным по содержанию вызовам внешней среды.

Тем самым сообщества могут стать заложниками ситуации, получая фактические ограничения для дальнейшего развития. Преодолеть их возможно посредством ресурсоемких действий по перестраиванию ценностного базиса и структуры сообщества. В большинстве случаев это приводит к снижению влияния лидера-основателя на процесс функционирования сообщества (но при условии сохранения его вовлеченности и ведущей роли). Значимым этапом развития становится создание функциональных и территориальных подразделений, функционирующих во многом автономно.

В то же время, эффект «эхо-камеры» позволяет сформировать особый микроклимат внутри сообщества, комфортный для участников. Ключевыми его характеристиками становятся поддерживающая атмосфера и позитивное видение возможностей личностного и профессионального роста. Внутри сообщества поддерживается транслирование вовне ценностей и методик сообщества, в том числе, через присвоение определённых регалий и символов.

Особенностью успешно функционирующих сообществ является внедрение в их механику функционирования целого ряда компонентов оценки удовлетворённости участников, промежуточных метрик динамики освоения предлагаемых программ, вовлеченности в различные форматы активности и демонстрации лояльности. Постепенно сообщество формирует свои неписаные правила, а затем и закреплённые принципы функционирования, взаимоотношений участников. Тем самым продуцируется система, аналогичная принятым в коммерческих структурах, однако ориентированная на

диагностику формирования внутреннего социального капитала, а также стимулирующая популяризацию сообщества во вне.

Таким образом, среди ключевых особенностей функционирования цифровых сообществ моно выделить:

– привлекательность образа лидера сообщества и его вовлеченность в функционирования сообщества;

– гибкость управления, основанного на сетевых принципах;

– децентрализация управления и деятельности;

– общность и достаточно широкую универсальность цели сообщества;

– использование широкого спектра цифровых инструментов для коммуникации;

– использование разнообразия форматов взаимодействия, как по вертикали, так и по горизонтали;

– институционализация посредством создания норм и правил;

– формирования единой повестки и информационного поля внутри сообщества;

– стимулирование взаимодействия внутри сообщества и транслирование его практик во вне.

Анализ функционирования цифровых сообществ демонстрирует трансформацию в социальной сфере, как в формате самоорганизации, так и применяемых механизмах мобилизации и управления поведением людей. Исследование показывает, что онлайн сообщества эффективно копируют успешные маркетинговые технологии коммерческих организаций. Однако их успех базируется на формировании комплексного подхода к удовлетворению потребностей участников, демонстрируя значимость социального капитала во взаимодействии с большими массами людей. Тем самым они стимулируют бизнес становится более социально ориентированным, активизировать различные форматы взаимодействия с клиентами помимо прямых отношений купли-продажи.

1. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.*
2. *Jamieson K.H., Cappella J.N. Echo chamber: Rush Limbaugh and the conservative media establishment. – Oxford university press. – Oxford. – 2008.*

РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА И УСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВА

Станевич Анастасия Юрьевна
(ГАУГН)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема № 1022040800353-4-6.1.1, 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»

Ключевые слова: наставничество, наставник, тьютор, ментор, коуч, молодежь.

Социально-экономические процессы в России обуславливают необходимость воспитания современной молодежи таким образом, чтобы была обеспечена национальная

безопасность и технологический суверенитет Российской Федерации. Закономерным является обращение к советскому опыту наставничества, поскольку он на деле доказал свою эффективность в воспитании молодых людей на идеологическом уровне. Целью наставничества в СССР была многоплановая работа с молодежью, которая включала в себя прививание любви к труду и профессии, воспитание классового сознания и коммунистического мировоззрения.

Представители советской психолого-педагогической школы А. С. Батышев [8, 33-34] и И. С. Гичан [6, 92-95] предложили типологию наставников, которая базируется на личностно-мотивационных аспектах деятельности последних. Наиболее оптимальный тип – это «равноправные» наставники, которые проводят воспитательную работу на основе доверительных отношений в коллективе. Такие наставники выступают не только профессиональным ориентиром, но и товарищем для молодежи. Другой тип наставника – «инструкторы», которые в процессе профессиональной подготовки не уделяют внимание воспитанию молодежи. Отношения строятся в официальном ключе. Третий тип – «формальные» наставники – является наименее желательным, поскольку они были назначены для исполнения данных обязанностей не по своему желанию. Соответственно, подопечные при такой модели взаимодействия не получают ни профессионального развития, ни товарищеской поддержки. Выявленные типы позволяют увидеть, что наставнический труд включает в себя не только профессиональные навыки, но и психологическую поддержку подопечного. Как отмечают советские социологи А. С. Лобанов и В. В. Пермяков, наставник – это «не только учитель, но и добрый советчик, и настоящий друг, и образец для подражания, идеал, с которого можно брать пример… Вот почему наставником нельзя быть по обязанности» [3, 8]. В другом исследовании И. А. Громова и Н. Р. Ерошиной также отмечается, что «именно среди группы «назначенных» наибольший процент лиц, собирающихся отказаться от этой общественной нагрузки» [4, 10]. Таким образом, для укрепления межпоколенческого диалога между наставником и наставляемым важно учитывать тот факт, что взаимодействие должно строиться на добровольной основе.

В социологии под наставничеством понимается социальный институт, «обеспечивающий процесс преемственности культуры, норм, ценностей, навыков и умений путём передачи профессионального опыта» [2, 110]. Другими словами, практика сопровождения молодого специалиста с целью воспитания любви к профессии сопровождается и другими не менее важными процессами. Турбулентные процессы в российском обществе требуют усиленной работы с молодежью не только с позиции помощи вхождения в профессию, но и с позиции воспитания духовно-нравственных ценностей. Например, наставничество может помочь в освоении молодежью ценностей, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» [7]: коллективизм, созидательный труд, взаимопомощь и преемственность поколений. И если в традиционном понимании наставник должен быть в равной степени проводником в профессию и в освоение общепринятых норм и ценностей, то сегодня современные исследователи отмечают, что «молодой специалист нуждается в разных моделях взаимодействия с наставником и разных типах наставников» [5, 90]. Данный тезис предполагает, что одному человеку может понадобиться несколько наставников, которые будут выполнять разные функции. Однако, по данным опроса ВЦИОМ, наставничество в нашей стране носит скорее единичный характер. Даже среди молодежи, которая сталкивается с наставничеством чаще остальных, лишь 34% полагают, что наставничество в России реализуется на

массовом уровне. Отсюда возникает необходимость в популяризации наставников в вузах и на предприятиях.

Теоретическое изучение советского опыта и современных методов показывает, что наставничество представляет собой непрерывное взаимодействие с молодыми людьми для развития профессиональных умений и формирования духовно-нравственных ценностей.

1. *ВЦИОМ. Всероссийский телефонный опрос «Спутник».: [Электронный ресурс]. URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/b485aa1e-cd1a-4e66-bc9d-6dbbedfd8c6e/cross/ea6d0285-d7d7-40cb-9011-515ba9237a73 (дата обращения 09.09.2025)*
2. *Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Образование и воспитание. 2019. №5. С. 109-115.*
3. *Лобанов А.С. Наставничество в трудовом коллективе. Москва: Знание, 1978. – 55 с.*
4. *Наставничество в производственных коллективах (Формы и методы работы) / И.А. Громов, Н.Р. Ерошина ; О-во "Знание" РСФСР, Ленингр. организация. – Ленинград : О-во "Знание" РСФСР. Ленингр. организация, 1977. – 40 с.*
5. *Поздеева, С. И. Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста: модели и типы наставничества / С. И. Поздеева // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 2(16). С. 87-91. DOI 10.23951/2307-6127-2017-2-87-91.*
6. *Психологические проблемы наставничества / И. С. Гичан. Киев: Вища шк., 1983. 155 с.*
7. *Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090019 (дата обращения: 11.09.2025).*
8. *Управление наставничеством: Метод. рекомендации / Всесоюз. науч.-метод. центр проф.-техн. обучения молодежи; [Разраб. А.С. Батышевым]. М.: Б. и., 1983. 52 с.*

ИНДЕКС ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОТРУДНИКАМ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Твилле Полина Сергеевна
(Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик НИУ ВШЭ)

Мерцалова Диана Юрьевна
(Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик НИУ ВШЭ)

В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование человекоцентричной модели управления в организациях сферы здравоохранения», реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2025 году. Результаты исследования зарегистрированы в качестве РИД № 8.0052-2025 «Индекс человекоцентричности по отношению к сотрудникам в организациях сферы здравоохранения».

Аннотация. В ответ на кадровые вызовы здравоохранения создан и эмпирически подтвержден Индекс человекоцентричности по отношению к сотрудникам организаций сферы здравоохранения. На выборке из 949 работников продемонстрированы его надежность и валидность, что позволяет диагностировать ключевые потребности персонала и формировать стратегии управления, направленные на их удовлетворение для развития организационной устойчивости.

Ключевые слова: человекоцентричность, индекс, психометрия, HR, кадровый менеджмент, медицинские организации, здравоохранение.

Современное здравоохранение сталкивается с серьезными кадровыми вызовами, включающими дефицит специалистов, высокий уровень эмоционального выгорания и снижение удовлетворенности работников своей профессиональной деятельностью. В этих условиях концепция человекоцентричности приобретает все большее значение. Если пациентоориентированность давно стала ключевым ориентиром систем здравоохранения, то внимание к благополучию и потребностям медицинских работников относительно недавно стало предметом научного анализа [1]. Между тем именно персонал является главным ресурсом, обеспечивающим устойчивость медицинских организаций и качество оказываемой помощи. Зарубежные исследования показывают, что удовлетворенность сотрудников напрямую связана с приверженностью профессии и снижением рисков текучести кадров [3].

В российском контексте важным шагом стало введение национального стандарта ГОСТ Р 71549–2024 «Система менеджмента человекоцентричной медицинской организации», вступившего в силу в марте 2025 года. Данный документ закрепил, что человекоцентричность распространяется не только на пациентов и их законных представителей, но и на сотрудников медицинских организаций. Стандарт подчеркивает необходимость создания условий для профессионального роста, психологической безопасности, поддержания здоровья сотрудников [2]. Таким образом, нормативная база формирует основу для системного внедрения человекоцентричных практик в сфере управления персоналом, однако до сих пор в российской практике отсутствовали психометрические инструменты, с помощью которых можно было операционализировать концепцию человекоцентричности и получить измеряемый показатель.

Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик НИУ ВШЭ предлагает следующее базовое определение: человекоцентричная медицинская организация – это организация, в которой ценность человека и его потребности (физические, эмоциональные, интеллектуальные и духовные) лежат в основе управленческих решений как при взаимодействии с пациентами, так и при управлении персоналом с учетом его различных ролей – личности, члена команды, сотрудника организации и члена общества. Следовательно, одним из ключевых элементов человекоцентричного подхода в управлении медицинскими организациями – это понимание и учет потребностей сотрудников.

Для решения задачи по операционализации понятия «человекоцентричность» в Лаборатории разработан Индекс человекоцентричности по отношению к сотрудникам в организациях сферы здравоохранения. Инструмент включает 67 утверждений, сгруппированных в четыре субшкалы: «Сотрудник как личность», «Сотрудник как часть команды», «Сотрудник как часть организации» и «Сотрудник как член общества». Каждая субшкала отражает удовлетворенность различных потребностей работников и их восприятие организационной среды. Валидация опросника показала высокие психометрические свойства: подтверждение четырехфакторной структуры с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа и высокую внутреннюю согласованность индекса и его субшкал (α-Кронбаха 0,94–0,98).

Отличительной особенностью индекса является акцент на позитивные потребности сотрудников. В отличие от многих зарубежных инструментов, сфокусированных преимущественно на диагностике неблагополучия, например, Well-Being Index клиники Мэйо (США), который оценивает уровень усталости, стресса и эмоционального

выгорания [4], разработанный и инструмент позволяет выявить, каких именно условий сотрудникам недостает. Такой подход делает результаты управленчески применимыми: руководитель получает не только констатацию проблем, но и ориентиры, позволяющие улучшить условия труда, будь то гибкий график, доверительная коммуникация с руководством или признание профессиональных заслуг.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 949 сотрудников российских медицинских организаций (71,7 % женщин, медианный возраст – 40 лет, общий стаж работы в здравоохранении – 14 лет). Каждый из вопросов индекса оценивался по шкале Ликерта (от 1 до 10). Дополнительно прямыми вопросами измерялись удовлетворенность организацией как работодателем, готовность рекомендовать организацию для трудоустройства, вероятность увольнения и уровень эмоционального выгорания (по шкале 1 – 5). Для анализа использовались медиана и межквартильный размах, критерии Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса, а также корреляция Спирмена.

Результаты. Средний показатель человекоцентричности по индекс усоставил Me = 7,7 [5,9–9,1]. Среди субшкал наиболее высокий показатель отмечен в «Сотрудник как член общества» (Me = 8,4), что отражает гордость за профессию и чувство сопричастности, тогда как наиболее низким оказался показатель по шкале «Сотрудник как личность» (Me = 6,9), что свидетельствует о недостаточном учете индивидуальных потребностей персонала на рабочем месте условий труда. Женщины продемонстрировали более высокие оценки по общему индексу человекоцентричности по отношению к сотрудникам по сравнению с мужчинами (Me = 7,9 против 6,9; $p < 0,001$). Работники частных организаций оценивали человекоцентричность выше, чем сотрудники государственных (Me = 8,3 против 6,3; $p < 0,001$). По должностным категориям наивысшие оценки наблюдались у руководителей (Me = 9,0), тогда как врачи и средний медицинский персонал демонстрировали более низкие показатели (Me = 7,0–7,1; $p < 0,001$).

Корреляционный анализ показал слабую положительную взаимосвязь индекса с возрастом ($\rho = 0,18$; $p < 0,001$) и общим стажем работы в здравоохранении ($\rho = 0,08$; $p = 0,012$). Стаж работы в текущей организации статистически значимой взаимосвязи с индексом не имел. Более выраженные ассоциации выявлены с субъективными показателями: индекс положительно коррелирует с удовлетворенностью работодателем ($\rho = 0,77$; $p < 0,001$) и готовностью рекомендовать организацию для трудоустройства ($\rho = 0,76$; $p < 0,001$), а также отрицательно – с вероятностью увольнения ($\rho = –0,66$; $p < 0,001$) и эмоциональным выгоранием ($\rho = –0,59$; $p < 0,001$).

Заключение. Разработанный индекс является надежным и валидным инструментом для оценки человекоцентричности по отношению к сотрудникам медицинских организаций. Он позволяет не только диагностировать проблемные зоны, но и формировать управленческие решения, направленные на повышение удовлетворенности персонала и устойчивости организаций. В отличие от многих зарубежных аналогов, индекс ориентирован на выявление позитивных потребностей и конструктивных путей их удовлетворения, что делает его практикоориентированным инструментом в контексте развития кадровой политики здравоохранения.

1. *Соловьев В. А., Самольянов О. А., Стрюк Г. Г. Человекоцентричность в отечественном и зарубежном научном дискурсе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9. С. 2860–2874. DOI: 10.35775/PSI.2024.114.9.009*
2. *ГОСТ Р 71549–2024. Система менеджмента человекоцентричной медицинской организации. Общие требования. Введ. 01.03.2025. М.: Стандартинформ, 2024. 24 с.*
3. *The Mayo Clinic Well-Being Index [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mywellbeingindex.org/ (дата обращения: 05.09.2025).*

СТРАТЕГИИ НКО В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВОМ

Ткаченко Кирилл Владимирович
(СПбГУ)

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00261-П

Аннотация. В статье намечаются контуры стратегий деятельности и специфика их идентификации с государственными институтами НКО в сфере здоровья в республике Хакасия. НКО вырабатывают четыре стратегии: сообществостроительство, экзистенциальное выживание, нормативно-ориентированное развитие и научно-медицинскую легитимацию. Анализ идентификации стратегий с государством выявляет парадокс: совпадение целей на федеральном уровне контрастирует с практическим расхождением на региональном.

Ключевые слова: социология здоровья, НКО в сфере здоровья, стратегии, Республика Хакасия

Актуальность исследования неправительственных организаций в сфере здоровья в регионах России обусловлена необходимостью понимания специфики развития гражданского общества за пределами столичных центров. Республика Хакасия представляет особый интерес как типичный пример региона с ограниченными ресурсами для развития третьего сектора: из 178 социально ориентированных НКО лишь около 10 работают в сфере здоровья [2]. Такой дисбаланс отражает тенденцию концентрации ресурсов гражданского общества в центральных регионах. Эмпирическую базу исследования составляют глубинные интервью с руководителями НКО, работающих в различных сферах общественного здоровья. На основе анализа интервью были намечены теоретические контуры описания стратегий деятельности НКО и специфика их идентификации с государством.

Для комплексного анализа стратегий НКО применяется интегративный подход, сочетающий теорию институционального изоморфизма П. Ди Маджио и У. Пауэлла [1] с концепцией гибридизации организаций. Институциональный изоморфизм проявляется через три взаимосвязанных механизма. (1) Принудительное давление, которое выражается в необходимости соответствия организации законодательным требованиям и административным регламентам. Для НКО это означает обязательность отчетности, соблюдение процедур регистрации и подчинение контролирующим органам. Как отмечают респонденты, «всё должно быть расписано, всё написано» (№ 2), что отражает формализацию взаимодействия с государством. (2) Миметическое подражание проявляется в копировании успешных моделей деятельности в условиях неопределенности. НКО воспроизводят практики, уже получившие признание государственных институтов, что особенно характерно для организаций, ориентированных на научно-медицинские подходы. (3) Нормативное влияние осуществляется через профессиональное образование и общие стандарты. Многие руководители НКО имеют профильное образование в сфере здравоохранения или социальной работы, что формирует общее понимание «правильных» способов решения проблем. В свою очередь, концепция гибридизации позволяет анализировать совмещение

НКО различных логик деятельности – от следования социальной миссии до прагматики выживания в институциональной среде. Эта гибридизация может становиться особенно выраженной в региональном контексте, где ограниченность ресурсов усиливает необходимость адаптации.

Стратегии НКО

Стратегия сообщестроительства

Данная стратегия характерна для НКО, работающих с детьми и ВИЧ-инфицированными. Ее сущность заключается в создании безопасных пространств для формирования горизонтальных сетей поддержки. Как отмечает интервьюируемый: «Миссия проекта – это формирование сообщества для людей с определённым диагнозом, чтобы у людей было безопасное пространство» (№ 3). Ключевыми элементами этой стратегии являются: создание альтернативных публичных сфер, где целевые группы могут свободно обсуждать свои проблемы; формирование коллективной идентичности на основе общего опыта; развитие взаимопомощи и солидарности внутри сообщества; изменение социальных норм через практики повседневного взаимодействия.

Экзистенциальная стратегия выживания

Эта стратегия характерна для НКО, помогающих зависимым, и отражает кризисное состояние организаций. Наблюдается явный сдвиг фокуса с программной деятельности на организационное выживание: «Мы боремся за выживание, потому что без финансирования мы работать не можем» (№ 2). Такая стратегия характеризуется глубокой трансформацией организационной идентичности: миссия «спасения жизней» отходит на второй план перед необходимостью «поиска финансирования», возникает внутренний конфликт между идеалистическими целями и прагматическими потребностями; деятельность фрагментируется, ресурсы распыляются на решение текущих проблем; формируется «культура выживания», ориентированная на краткосрочные результаты.

Стратегия нормативно-ориентированного развития

Данный подход характерен для НКО, работающих с детьми с ОВЗ, и ориентирован на долгосрочную перспективу социальной инклюзии. Как отмечает респондент: «Смотреть в будущее ребёнка – что будет с ним, когда он повзрослеет» (№ 4). Стратегия предполагает последовательную реализацию нескольких этапов: развитие базовых навыков и способностей («мелкая моторика и новая нейронная связь»), постепенное усложнение задач по мере взросления («следующая стадия – гормоны»), формирование субъектности и творческого потенциала («понимание, что я творец»), преодоление социальной стигмы и барьеров инклюзии.

Стратегия научно-медицинской легитимации

Эта стратегия характерна для НКО в сфере ВИЧ-профилактики и основывается на доказательных методах работы. Как подчеркивает руководитель: «Мы идём научными методами, это финансируется Минздравом РФ» (№ 3). Ключевые аспекты данной стратегии – это опора на академическое знание и исследования, соответствие официальным медицинским стандартам, инструментализация деятельности через количественные показатели, легитимация через экспертное сообщество и государственные институты.

Идентификация стратегий государственными институтами

Анализ выявил сложную динамику взаимодействия НКО с государственными институтами, характеризующуюся несколькими противоречивыми тенденциями. Во-первых, наблюдается многоуровневый характер идентификации, что выражается в расхождении между федеральным и региональным уровнями взаимодействия. Как констатирует один из респондентов: «На федеральном уровне да (следуем – прим. автора),

на местном – нет» (№ 4). В таком случае федеральный уровень может восприниматься как источник легитимации и нормативных оснований деятельности, потенциальный ресурс для финансирования и поддержки, а также как референсная точка для определения стратегических задач. В свою очередь, региональный уровень – как поле некоторого институционального напряжения, находящего выражение в бюрократических барьерах, практических ограничениях и ресурсном дефиците, создавая пространство для неформальных договоренностей и личных связей.

Во-вторых, формальное совпадение целей часто контрастирует с их практической реализацией. Как отмечает один из активистов: «Раньше казалось, что все должны быть про одно... Но в итоге не считают так» (№ 1). Такой разрыв между совпадением целей и их практической реализацией может свидетельствовать о парадоксе декларативной и практической идентификации. Основные характеристики этого парадокса выражают себя: в декларативном принятии государственных приоритетов при сохранении автономии практик; ритуализации отчетности при сохранении содержательной независимости; а также в стратегическом использовании государственного дискурса для легитимации собственной деятельности.

В-третьих, интервью показывают, что со стороны государства могут работать механизмы селективной кооптации, когда государство демонстрирует избирательность в поддержке НКО, отдавая предпочтение организациям, чьи стратегии, с одной стороны, соответствуют официальной медицинской парадигме, с другой – включены в логику измеримости государством социальных проблем. Иными словами, НКО, чья деятельность соответствует операционной логике государственных институтов и легче поддается измеримости итогов деятельности, могут получать больше преференций, чем те НКО, которые занимаются комплексными социальными проблемами, в которых измеримость результатов работы настроена на качественные, а не количественные показатели.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложном характере адаптации НКО в сфере здоровья к условиям региона. Деятельность этих организаций характеризуется формированием гибридных стратегий, сочетающих различные, порой противоречивые элементы. Элементы автономии проявляются через создание альтернативных сообществ и развитие подходов, основанных на принципах субъектности и инклюзии. Эти практики позволяют НКО сохранять свою идентичность и следование первоначальной миссии даже в условиях институционального давления. Адаптационные механизмы выражаются в формальном соответствии государственным приоритетам и использовании официального дискурса для легитимации своей деятельности. Эта адаптация носит стратегический характер и позволяет организациям получать доступ к необходимым ресурсам. Стратегии выживания становятся доминирующими для многих НКО в условиях хронического ресурсного дефицита. Это приводит к трансформации организационной идентичности и переориентации с программных целей на задачи оперативного выживания. Региональный контекст может усиливать институциональные противоречия, вынуждая НКО вырабатывать сложные модели идентификации с государством. Парадокс многоуровневой идентификации – расхождение между федеральными декларациями и региональными практиками – становится ключевой характеристикой институциональной среды. Перспективой дальнейших исследований может стать сравнительный анализ стратегий НКО в различных регионах России, а также изучение долгосрочных последствий гибридизации для развития гражданского общества в сфере здоровья.

1. *Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / пер. Г. Б. Юдина // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34–56.*
2. *Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. N 1290 // Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/156?page=18&query (дата обращения: 26.09.2025).*

ТРОЙНАЯ СПИРАЛЬ В ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ: ОДНА ЦЕЛЬ, РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

Трофимова Ирина Николаевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Аннотация. Обострение геополитических противоречий и технологического противостояния вынуждает страны к поиску новых эффективных способов управления инновационными отраслями. Страны с разной идеологией и разным общественно-политическим устройством активно практикуют сочетание государственных, рыночных и сетевых подходов.

Ключевые слова: технологическая политика, государственное управление, инновационные технологии.

Глобальная технологическая конкуренция и сама природа инновационной деятельности, где результаты не гарантированы и не предопределены, укрепили мнение о необходимости комбинации централизованных и децентрализованных подходов. Функциональную сторону этого подхода описывает концепция «тройной спирали», которая обосновывает преимущество взаимодействия трех институциональных сфер – государства/правительства, бизнеса/компаний и образования/науки [1]. Взаимодействие в данной модели основано на механизме совмещения ролей и интересов: университеты создают знания и «размещают» их на рынке; компании проводят исследования, производят более качественную продукцию и повышают свой технологический уровень; государство в дополнение к традиционной регулирующей роли действует как венчурный предприниматель, поддерживающий наиболее перспективные отрасли.

Актуальность «тройной спирали» становится заметна также в сопряжении с моделями экономики [2]. В командной экономике реальные партнерские взаимодействия отсутствуют: бизнес и наука находятся под полным контролем государства. В индустриальной рыночной системе преобладают двусторонние взаимодействия «государство и бизнес», «наука и бизнес», «государство и наука». В постиндустриальной экономике для принятия оптимальных управленческих решений требуется взаимодействие по модели «тройной спирали» в сетевом режиме. Авторы подчеркивают превосходство многостороннего сетевого партнерства над иерархическими и чисто рыночными стратегиями в силу возможности достичь более точного и тонкого понимания рассматриваемой проблемы, генерировать более перспективные идеи, улучшать социальные и институциональные пространства [5]. Предложения n-спиральных моделей с большим числом участников отражают усложняющуюся природу взаимосвязи общества и инноваций [3].

Стратегическое значение инноваций и глобальная технологическая конкуренция вынуждает правительства использовать все имеющиеся ресурсы, поэтому инновационная политика может содержать разные элементы указанных моделей. Сетевое управление больше способствует поиску новых идей, рынок дает понимание их перспективности и толчок для воплощения в жизнь, государство создает стратегические условия для этого. Сосуществование этих моделей сегодня делает их, с одной стороны, конкурирующими, а с другой – взаимодополняющими парадигмами [4, 29 – 30].

Сопоставление моделей публичного управления, экономики и взаимодействия институциональных субъектов наглядно показывает различия в ролях и статусах, идеологии, темпах и масштабах инноваций. Об этом, например, говорят политика и управление в области искусственного интеллекта (ИИ) в КНР и США.

США можно назвать пионером в области ИИ. В Китае академические исследования начались относительно поздно и прошли путь от неприятия в 1950 – 1970-х гг. до поддержки первых инициатив в 1980-х и выхода на паритетные с США позиции в 2000-е гг. В США инновации вырастали «снизу» – из широкого спектра усилий исследователей, разработчиков, инвесторов, предпринимателей, которые впоследствии координировались рынком. В КНР государство целенаправленно создавало для этого условия: наращивало ресурсы, готовило кадры специалистов, стимулировало исследования и разработки.

Производственные компании, военный сектор, инвесторы, университеты и исследовательские центры, общественные организации изначально оказывали влияние на сферу ИИ в США. В Китае, который включился в глобальную технологическую гонку сравнительно недавно, напротив, круг и роли участников, особенно ведущих технологических компаний, определяло государство.

Область ИИ в США – это пространство, где сталкиваются интересы государства, бизнеса, широкой общественности в лице представителей университетских, академических и экспертных кругов, общественных организаций. Государственная политика, в свою очередь, также не представляет единой линии, а, скорее, поиск баланса между приоритетами двух ведущих политических партий и интересами штатов. Внешним фактором для нее выступают амбиции Китая, который заявил о намерении стать к 2030 г. глобальным лидером в области ИИ. Для Китая характерны единство приоритетов, долгосрочное целеполагание и централизованное регулирование как результат постоянного мониторинга и анализа ситуации со стороны государства. Такой подход позволяет концентрировать усилия и ресурсы на конкретных целях, комбинировать различные практики с учетом зарубежного опыта и национальных приоритетов, что в целом обеспечивает беспрецедентно быстрое развитие ИИ-отрасли.

Принципиально различающиеся в своих основаниях политики используют сочетание традиционных, рыночных и сетевых подходов, чтобы обеспечить технологическое первенство в глобальном масштабе. Опыт США и КНР в сфере ИИ показывает, как можно инкорпорировать логику «тройной спирали» в национальные программы развития инноваций, и определенно актуален для России – прежде всего, в части задействования и наращивания своего научно-исследовательского потенциала и укрепления технологического суверенитета.

Не менее важным становится общественное восприятие новых технологий. Постановка правовых, социальных и этических вопросов, связанных с инновациями, в разных обществах имеет свою специфику, но их публичное обсуждение видится обязательным для снижения рисков дискриминации и роста неравенства. В конечном счете, от этого зависит общественное принятие или, напротив, отторжение инноваций.

1. *Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.*
2. *Смородинская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 66–78.*
3. *Cai Y. Neo-Triple Helix model of innovation ecosystems: Integrating triple, quadruple and quintuple helix models // Triple Helix. 2022. Vol. 9. № 1. P. 76–106. DOI: https://doi.org/10.1163/21971927-bja10029*
4. *Hartley J. Innovation in governance and public services: Past and present // Public Money and Management. 2005. Vol. 25. № 1. P. 27–34. DOI: 10.1111/j.1467-9302.2005.00447.x*
5. *Torfing J., Cristofoli D., Gloor P.A., Meijer A.J., Trivellato B. Taming the snake in paradise: combining institutional design and leadership to enhance collaborative innovation // Policy and Society. 2020. Vol. 39. № 4. P. 592–616. DOI: https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1794749*

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Фомичева Татьяна Владимировна
(Российский государственный социальный университет)

Ценность здоровья можно отнести к подвиду социокультурных ценностей россиян. Здоровье определяется как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [7].

В ценностном сознании индивида здоровье как ценность скорее фиксируется в среднем возрасте – к 40 годам у женщин и к 50 годам – у мужчин [2]. Некоторые авторы связывают качество жизни с ценностным отношением к здоровью [4]. Одной из главных целей в жизни россияне назвали «здоровье» – так считают 58 % респондентов во всех социально-демографических группах [6].

Группами факторов, формирующими ценностное отношение россиян к здоровью, можно назвать: такие группы факторов как: экономические, биогенетические, экологические, социальные и др.

Основными характеристиками, значимыми для продолжительности жизни россиян, считаются, в частности [8]: пол (женский организм более устойчив); регион проживания (особенно значимо в городской среде); образ жизни россиянина (необходимо учитывать факторы риска: наличие вредных привычек, неблагоприятных жилищных условий, психосоциальные факторы, в том числе: социальная изоляция, одиночество; профессиональные заболевания, состояние здоровья в целом, самолечение, недостаточная двигательная активность и др.) [8]. Отмечается особая роль средств массовой информации в процессе пропаганды самолечения и использования средств народной медицины, и отсутствие трудовой занятости [1; 8]. Среди факторов продолжительности жизни россиян существенно значимым фактором является доступность качественных медицинских услуг.

Определенный вектор актуализации ценностного восприятия здоровья среди россиян связан с эстетической хирургией и отношением к ней. Современная эстетическая коррекция и хирургия стала массовой и общедоступной. В связи с этим, каждый десятый россиянин был бы не против «лечь под нож пластического хирурга», женщины говорят об этом в пять раз чаще, а 89 % респондентов против таких мер. Чужой опыт пластических операций россияне оценивают оптимистично (так считает 59 % опрошенных). Наиболее лояльно-настроенной группой, одобряющей пластическую хирургию, является молодежь в возрасте от 18 до 24 лет [3].

В России с 1 января 2025 г. вступили в действие национальные проекты по линии здравоохранения: «Продолжительная и активная жизнь» «Новые технологии сбережения

здоровья» и другие проекты [5]. Национальные проекты призваны повысить ожидаемую продолжительность жизни россиян и улучшить качество жизни и оптимизировать ценностное восприятие здоровья населением России.

1. *Арстангалиева З. Ж., Чернышкова Е. В., Андриянов С. В., Масляков В. В. Факторы риска здоровьесбережения российских пенсионеров // Фундаментальные исследования. 2015. № 1. Ч. 5. С. 896–900*
2. *Дробижева Л. М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 33-43.*
3. *Искусственная красота: за и против // Аналитический обзор ВЦИОМ от 06.03.2023г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennaja-krasota-za-i-protiv (дата обращения: 05.06.2025)*
4. *Кашапов Ф.А., Терентьев О.В. Цейсслер В.Э. Здоровье как ценность: культура и биоэтика // Вестник ЮУрГУ. Вып. 9. 2007. № 24 (96). С. 107-111.*
5. *Татьяна Голикова представила нацпроекты «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья». Новости от 26.02.2025г. // Сайт «Правительство России» URL: http://government.ru/news/54356/ (дата обращения: 05.06.2025)*
6. *Традиционные ценности, современные цели // Аналитический обзор ВЦИОМ от 30.11.2023г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi (дата обращения: 05.06.2025)*
7. *Федеральный закон от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Ст. 2» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 05.06.2025)*
8. *Фомичева Т.В., Салистая Г.С. Здоровье как ценность в сознании россиян: навстречу будущему нации // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 3. С. 157-165.*

ПРЕИМУЩЕСТВА ПАРТИСИПАТИВНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Холодов Всеволод Максимович
(СПбГУ)

Аннотация: Автором рассматриваются вопросы внедрения, рисков, и иных аспектов основанной на участии (партисипативной) модели социального корпоративного управления. Особое внимание уделено преимуществам данной модели в условиях информационного общества и современного этапа развития России.

Ключевые слова: управление персоналом, цифровое общество, организационная культура, повышение мотивации, творчество сотрудников, рациональное распределение ресурсов, онлайн-платформы.

В настоящее время подход к социальному управлению требует возможности участия рабочих компании в процессе принятия решений. Именно поэтому в наши дни набирает популярность партисипативная модель социального управления. Настоящая статься создана для раскрытия понятия «партисипативная модель социального корпоративного управления». Как упоминалось выше, основная характеристика данной модели – участие кадров в принятии организационных решений. Помимо этого, она подразумевает участие персонала в постановке целей и реализации изменений внутри компании.

Рассматриваемая модель имеет важные аспекты, при несоблюдении которых эффективность ее внедрения падает до минимального уровня. К таким аспектам относятся:

Высокий уровень развития корпоративной культуры;

Ориентированность топ-менеджмента на активное творчество сотрудников;

Интерес сотрудников в участии управлением организацией;

Готовность сотрудников организации к внедрению инноваций.

Отдельное внимание следует обратить на пункт 3. Интерес сотрудников в участии управлением организации, который означает совокупность психологических факторов сотрудников, таких как: предрасположенность к творчеству, ориентированность на результат и внимание к деталям и проблемам. Как одни из основных вариантов развития данных качеств выступают: повышение мотивации, осведомленности об организационных процессах персонала и «прозрачность» внутрикорпоративной коммуникации. Повышение мотивации – это система методов и способов, позволяющих развить в сотрудниках социальную ответственность, интерес в участии жизни организации и стремление к повышению квалификации. Далее будут перечислены базовые способы ее повышения и варианты их реализации:

1. Обеспечение карьерного роста внутри организации – создание дифференцированной системы внутрикорпоративных достижений, приводящих к повышению статуса и должности в компании

2. Повышение заработной платы и система премирования сотрудников (материальные стимулы) – введение критериев получения премии и повышения заработной платы;

3. Признание заслуг кадров и поддержка их в трудных ситуациях – найм психолога для контроля микроклимата в организации и поддержания его на хорошем уровне.

Высокая степень мотивации сотрудников приводит к увеличению производительности труда и желанию сотрудников работать дополнительно. Рассмотрев способы повышения мотивации следует перейти к способам повышения организационной культуры, поскольку это является не менее важным условием эффективности партисипативной модели. Организационная культура в данной статье рассматривается как совокупность мероприятий, направленных на улучшение отношений сотрудников и улучшение социально-психологического климата внутри компании. К таким мероприятиям относятся: трудовые собрания, конференции об экономическом состоянии компании, тимбилдинги. Облегчить функционирование данных мероприятий позволяют особенности цифрового общества.

Цифровое общество обозначает развитые информационные коммуникации, различные методы сбора и анализа данных при помощи специальных систем их обработки, развитием искусственного интеллекта и активным его эксплуатированием. Также одна из главных особенностей данного этапа развития – это доступность качественного образования, что способствует повышению уровня навыков и знаний кадров. Именно этот фактор обуславливает необходимость учета мнения персонала компании для принятия взвешенных решений. Основной причиной учета мнения персонала считается наличие у персонала взгляда на организационные процессы изнутри – они понимают, как функционируют сотрудники при определенных условиях, какие проблемы являются ключевыми и как можно решить эти проблемы. Также учет мнения персонала помогает менеджменту компании понимать механизмы их мыслительной работы. Это, в свою очередь, дает руководству дополнительную информацию о том, как правильнее выстраивать диалог с сотрудниками, и о том, как лучше преподносить им обратную связь для повышения их удовлетворенности трудом.

Рассмотрев основные аспекты, перейдем к преимуществам данной модели в цифровом обществе. Все существующие преимущество рекомендует разделить на

несколько групп: преимущества для компании на рынке, экономические преимущества и инновационные преимущества. Начиная с рассмотрения рыночных преимуществ, надо упомянуть, что все перечисленные выгоды будут максимально эффективны при условии демократического стиля управления (К. Левин) или основанном на участии (Ренсис Лайкерт) стиля руководства. Основные рыночные преимущества:

Понимание потребностей покупателей при использовании социологических исследований и результатов обработки информации при помощи современных технологий становится более точным, что приводит к повышению спроса на продукцию компании;

Реакции на изменения на рынке будут быстрее при помощи SQL-систем и методов быстрой обработки больших данных, благодаря чему продукция фирмы будет актуальнее;

Рыночные преимущества являются неотъемлемой частью успеха модели, поскольку они напрямую влияют на прибыль компании и ее рентабельность. Далее переходим к экономическим преимуществам, которые рассматриваются в контексте внутренних преимуществ и также напрямую влияют на рентабельность компании. Экономические преимущества:

Оптимизированное и рациональное распределение ресурсов: понижаются затраты на управление благодаря самоорганизации и вовлеченности персонала;

Рост производительности труда: как уже упоминалось, производительность труда растет вместе с повышением мотивации сотрудников компании, поскольку сотрудники с высоким уровнем мотивации работают эффективнее;

Эффективное использование человеческого капитала: направление творчества и высокой степени образованности сотрудников на благо фирмы без ущерба сотрудникам.

Переходим к последнему из указанных типу преимуществ: Инновационные. Перед перечислением данных выгод необходимо дать определение понятию «инновация» в контексте бизнеса. Инновация в бизнесе представляет собой процесс трансформации традиционных подходов через интеграцию креативных решений, передовых технологий и усовершенствованных методик работы, которые формируют уникальный ценностный потенциал как для самой организации, так и для её целевой аудитории. Теперь, понимая, что из себя представляет инновация и инновационные преимущества, можно их перечислить:

Повышение эффективности самих инноваций: учет и анализ при помощи современных программ анализа всех мнений сотрудников позволяет рассматривать инновацию со всех сторон.

Повышение скорости осведомления персонала благодаря эффективной коммуникации через онлайн-платформы.

После изучения всех преимуществ необходимо учитывать и возможные риски и издержки, которые могут возникнуть при функционировании партисипативной модели, к числу таких издержек относятся: повышение затрат на урегулирование возможных конфликтов внутри компании из-за возникающих недопониманий, на контроль результатов решений и экспертизу инноваций и на более качественный и строгий отбор кандидатов на должности в компании. Возможными причинами таких издержек могут быть неправильные действия компании при внедрении модели.

РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В УСЛОВИЯХ НИЗКОГО УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ

Царева Анна Владиславовна
(ФГБУ СПбНИИФК)

Воробьев Сергей Алексеевич
(ФГБУ СПбНИИФК)

Малинин Александр Владимирович
(ФГБУ СПбНИИФК)

Состояние рынка труда и уровень востребованности специалистов различных профессий и отраслей представляют собой отражение текущего состояния экономики и социальной сферы общества. На формирование показателей рынка труда, таких как качественные и количественные характеристики вакансий, численность потенциальных кандидатов на рабочие места, их соответствие профессионально-квалификационным требованиям работодателей, оказывает влияние ряд факторов: изменения в демографической структуре, перспективы развития отдельных секторов и производств, темпы социально-экономического роста регионов, а также направление и объемы миграционных потоков. В настоящее время рынок труда Российской Федерации сталкивается с достаточно серьезными изменениями. Статистические показатели, отражающие состояние рынка труда в 2025 году, отчасти продолжают тенденции предыдущих лет, однако в ряде аспектов рынка труда происходят значительные трансформации. По данным Федеральной службы государственной статистики, продолжается тенденция снижения уровня безработицы: в начале 2021 года он составлял 5,8 %, в середине лета 2023 года – 3,3 %, а во втором квартале 2025 года снизился до 2,2 %. трудоспособного населения [1]. Компании отмечают продолжающийся дефицит квалифицированных специалистов, особенно в различных видах производства, сфере IT, инженерных специальностей и финансовой деятельности. Ситуация обостряется тем, что рост числа вакансий значительно опережает рост трудоустройств. По данным консалтингового HR-агентства Manpower, при увеличении числа вакансий на 25 % в 2025 году, прирост реальных трудоустройств составил 2,4 %. Среднее время закрытия вакансии составляет от 3 до 4 месяцев, дефицит специалистов средней и высокой квалификации испытывают 76 % компаний, а уровень текучести кадров составляет 28 – 30 %, что вынуждает компании не только постоянно решать проблемы найма, но и значительно осложняет задачи адаптации и обучения новых сотрудников [5].

Вместе с тем намечено резкое изменение ситуации в области запросов на поиск работы со стороны трудоспособного населения, вторая половина 2025 года характеризуется значительным ростом численности вакансий на открытых порталах размещения вакансий и резюме. Крупнейший в России онлайновый портал размещения вакансий и резюме HeadHunter (hh.ru) зафиксировал резкий рост так называемого hh-индекса, специального показателя, используемого порталом для обозначения соотношения актуальных вакансий и резюме, то есть среднего количества претендентов на одну вакансию. Если в 2023 и начале 2024 года наблюдался значительный спад в численности актуальных вакансий, то в 2025 году эта численность значительно

увеличилась, в некоторых регионах почти в 2 раза. В таблице 1 представлены сравнительные данные hh-индекса регионов Северо-Западного федерального округа, полученные в сентябре 2023 года и сентябре 2025 года.

Таблица 1. Сравнительные показатели индекса соотношения вакансий и резюме в регионах Северо-Западного федерального округа в 2023 – 2025 годах [6]

Регионы Северо-Западного ФО	**2023**	**2025**
Санкт-Петербург	4,1	7,4
Ленинградская область	2,2	3,8
Новгородская область	2,6	4,4
Псковская область	2,6	4,8
Вологодская область	2,9	5,0
Республика Карелия	3	6,5
Мурманская область	2,3	4,9
Архангельская область	3,1	6,1
Ненецкий автономный округ	3,1	3,6
Республика Коми	4,4	7,0
Калининградская область	4,2	6,3

Если в 2023 году максимальные значения hh-индекса в регионах Северо-Западного ФО незначительно превышали 4, а минимальные колебались около 2, то в сентябре 2025 года в Санкт-Петербурге и республике Коми значения индекса превысили 7 резюме на одну вакансию, в Карелии, Архангельской и Калининградской областях значения индекса составили более 6 резюме, и даже минимальные значения в Ленинградской области и Ненецком автономном округе увеличились в сравнении с 2023 годом и составили соответственно 3,8 и 3,6 резюме на вакансию.

Таким образом, картина рынка труда 2025 года демонстрирует сочетание парадоксальных тенденций: наряду с исторически минимальным уровнем безработицы наблюдается повышенная активность рынка труда со стороны соискателей, одновременно со значительным дефицитом квалифицированных специалистов в организациях и трудностями заполнения вакансий. В этих условиях особое значение приобретает выстраивание конструктивных отношений между работниками и работодателями для минимизации текучки кадров и удержания персонала в организациях. Одним из перспективных направлений развития кадрового потенциала, привлечения работников и повышения эффективности внутриорганизационных отношений является подход на основе человекоцентричности [3], [4]. Данная концепция основывается на идее взаимосвязи повышения эффективности работы организаций и возможности создавать ценностные отношения, особом внимании к эмоциональной составляющей деятельности сотрудников и ориентации на человека и его опыт как базу организационной культуры. Теоретическим основанием данного подхода являются идеи значимости субъективных потребностей в гуманистической психологии К. Роджерса, приоритета самоактуализации в пирамиде потребностей и важности удовлетворения базовых потребностей для гармоничного развития личности в теории А. Маслоу, понимания культурно-исторической обусловленности развития личности в работах Л. С.Выготского, идеи Э. Фромма о необходимости уважения свободы, подлинных человеческих ценностей и стремления к любви и саморазвитию, исследования возможностей повышения

эффективности организационного управления в работах Э. Мэйо, Д. Макгрегора, П. Друкера, Ф. Герцберга, приемы организации человекоориентированного пользовательского опыта Я. Нильсена и Д. Нортона и многие другие. Человекоцентричный подход в организационной работе разрабатывают такие крупные отечественные компании, как Сбер, Росатом, Яндекс, «Газпром нефть», «Сибур», «Северсталь» и другие [2]. Основные принципы человекоцентричного подхода предполагают особое внимание к субъективной оценке людьми своей деятельности, создание более эффективной, комфортной и результативной среды для сотрудников и выявление внутренней мотивации, которая может быть так же важна, и иногда и более важна, чем материальная мотивация, особенно для молодых специалистов.

На основании использования принципов человекоцентричности в реализации задач развития кадрового потенциала в деятельности организаций сферы физической культуры и спорта возможны следующие решения:

1. Фокус на личностном развитии. Использование программ повышения квалификации для тренеров, инструкторов и административного персонала, проведение тренингов по спортивной психологии, инновационным методикам тренировок по определенным видам спорта, и т. д.

2. Программы поддержки здоровья, такие как корпоративные фитнес-тренировки, профилактические медицинские осмотры или психологическое консультирование.

3. Внедрение этических стандартов и создание культуры уважения и поддержки, обеспечение уважительного отношения между тренерами, спортсменами, администрацией, и занимающимися.

4. Инновационные технологии для оптимизации рабочих процессов, применение современных технологий, таких как системы анализа эффективности тренировочного процесса, использование спортивных приложений и автоматизация рутинных задач.

1. *Занятость и безработица за II квартал 2025 года [Электронный ресурс]. – Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения: 01.10.2025).*
2. *Индекс человекоцентричности компании. Аналитический отчет [Электронный ресурс]. – Корпоративная академия Росатом; AVENTICA, 2023. – URL: https://rosatom-academy.ru/upload/medialibrary/99c/vgiawi9z1cwyjmmak0n8xrtvdi8uv2k4/Индекс_человекоцентричностью.pdf (дата обращения: 01.10.2025).*
3. *Киселева Л. С. Человекоцентрические концепции в экономической теории: современные тенденции [Электронный ресурс] // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2015. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekotsentricheskie-kontseptsii-v-ekonomicheskoy-teorii-sovremennye-tendentsii (дата обращения: 01.10.2025).*
4. *Макаревич А. В., Макарова О. Ю. Человекоцентричность как современный подход к управлению персоналом: опыт зарубежных и российских компаний // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 5(166). – С. 1113–1118. – DOI: 10.34925/EIP.2024.166.5.229. – EDN: RYPGLR.*
5. *Рынок труда-2025 [Электронный ресурс]. – Агентство комплексных HR-решений Manpower. – URL: https://manpower.ru/media/blog/labor-market-2q-2025.html (дата обращения: 26.09.2025).*
6. *HH Статистика. Сервис открытой аналитики рынка труда [Электронный ресурс]. – URL: https://stats.hh.ru/ (дата обращения: 30.09.2025).*

РИСКИ РЕГУЛЯТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ «ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ» ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (ДФО)

Челенкова Инесса Юрьевна
(СПбГУ)

Аннотация: на основе социологического подхода актуализируются вопросы механизмов управления. Определяются понятие, структурные элементы, двойственный характер механизмов управления. Характеризуются особенности регулятивных механизмов «преференциальных режимов», стимулирующих мотивацию предпринимательской деятельности. Рассматриваются риски механизмов управления.

Ключевые слова: понятие «механизма управления», двойственный характер механизмов управления, виды рисков «преференциальных режимов»

В классической и современной социологии управление рассматривается как сложно организованная система, которая в процессе своей рефлексии создает механизм связей, оптимизирующих процесс управления с определенной направленностью. Исследователи могут расходиться в своих взглядах на социальные механизмы управления. В наиболее абстрактном понимании социальный механизм определяется как регулятор социальных взаимодействий субъектов разных типов и уровней в управлении нацеленных на удовлетворение определенных общественных потребностей. Структура социальных механизмов включает множество элементов. При их классификации выделяют внешние элементы, отличающиеся объектным характером по отношению к взаимодействующим субъектам (внешнеполитические, природные, форс-мажорные, экономические и др.) и внутренние элементы (потребности, интересы, ценностно-мотивационный комплекс, волевые качества и др.), побуждающие субъектов к определенному типу поведения. Элементы находятся между собой в единстве прямых и обратных связей и при внедрении управленческого механизма не все связи могут быть выявлены, правильно оценены в динамике событий, что приводит к неэффективности функционирования социальных механизмов в управлении. Исследуя качественное состояние регулятивных механизмов в условиях изменений государственного управления, А. Тихонов, подчеркивал необходимость учитывать их двойственный характер, с одной стороны, они функционируют под воздействием субъекта на объект на основе «жесткой силы» принуждения, надзора, контроля, манипулирования общественным сознанием. С другой стороны, механизмы функционируют на основе субъект-субъектных отношений, используя «мягкую силу» государственного управления в виде диалога, уступок, привлечения к сотрудничеству, к отношениям партнерства, учитывающую рациональные интересы «управляющих» и «управляемых» при разноплановых целях (общественная польза – личная выгода) [1, с. 257, 328].

Территория Дальнего Востока и Арктики стала полем внедрения нового механизма управления по развитию промышленного производства с использованием современной технологии и нацеленного на ускоренное социально-экономическое развитие ДФО.

Управленческий механизм разрабатывался на базе теорий «территорий роста» и учета зарубежного опыта создания особых зон развития с установлением нового типа социальных взаимодействий между бизнесом и государством основанных на отношениях партнерства и проведения политики «дирижизма». Внедрение нового механизма

осуществлялось путем принятия таможенных, налоговых, административных и других дополнительных преференций, ориентированных на создание благоприятных условий для бизнеса. Режим преференций стал тем мотиватором, который стимулировал предпринимателей к активной деятельности.

Эксперты, перед началом внедрения регулятивных механизмов управления в особых экономических зонах развития, указывали на существующие риски (вероятность неблагоприятных факторов объективного и субъективного характера), которые могут влиять на решение проблем ДФО. Среди них выделяли природно-климатические факторы, формирующие специфику хозяйственной жизни северных и южных регионов; низкий уровень развития транспортной системы; малочисленность населения и др. Риски военного противостояния с коллективным Западом усложняют развитие хозяйственного комплекса страны. В этих условиях бизнес и органы исполнительной власти адаптируют свою деятельность, используя преимущество развивающего механизма «преференциальных режимов». Показателями являются процессы, идущие в бизнесе, связанные с переходом к получению нового продукта на основе переработки природных ресурсов: факты строительства частной ж/д и социальной инфраструктуры на основе концессионных соглашений; открытие собственных центров подготовки специалистов для нужд предприятия; постановка на «паузу», но не отказ от инвестиционных проектов из-за колебания и высокой кредитной ставки и др. Отсутствие комплексного подхода к решению, наряду с экономическими и социальными проблемами, вывело демографические риски в мега регионе на первый план. Для смягчения социальной напряженности и стабилизации кадрового потенциала Правительство приняло программы «Дальневосточный гектар» (2017), «Дальневосточная единая субсидия» (2018), «Дальневосточная ипотека» (2019), «Дальневосточная концессия» (2021), «Дальневосточный квартал» (2021), «Мастер-планы для 25 городов (2022) и образовательные программы: «Профессионалитет», «Приоритет 2030. Дальний Восток¸ «Муравьев-Амурский».

Сложно разрешаемыми остаются управленческие риски двух видов. Первый риск может быть связан с утратой стимулирующего влияния преференций на предпринимательскую деятельность. Чтобы риск из потенциального не перерос в реальную угрозу, система государственного управления продолжает формировать в ДФО территории с различным набором правовых режимов (ТОР, СПВ, АЗРФ, КОРФ, САР, Патриотический, Международный с 01.01.2026 г. единый на всей территории ДФО супер-ТОР с 1.01.2027 г.), учитывающие различные свойства и потребности предпринимательской деятельности в зависимости от самых различных параметров: величины владения капиталом: отраслевой направленности; морские порты и пограничные переходы; арктический климат; финансовая деятельность; предприятия двойного назначения; международные инвестиционные проекты, выбор льгот самим резидентом без привязки к конкретной территории. Второй риск связан с обязательствами государственного управления по соблюдению сроков предоставления преференций, обеспечения инфраструктурой. Заключая партнерские отношения с бизнесом, субсидируя его на длительные сроки, государство идет на риск – получить не тот результат, на который рассчитывало. Для минимизации этого риска государство усиливает контроль за деятельностью резидентов, совершенствуя деятельность институтов развития, путем разграничения их функциональной ответственности и усиления соподчиненности центральным правительственным институтам. К ним относятся: ВЭВ, РФ – центр принятия решений, осуществляющий финансовый контроль и регулирование проектами «преференциальных режимов»; Минвостокразвитие России координирует деятельность

структур регионального управления. В его состав входят ФАНУ «Востокгосплан», осуществляющий научно-техническую поддержку развитию регионов и АО «КРДВ», оказывающие все виды услуг резидентам на протяжении жизненного цикла предприятия.

В условиях риска механизмы «преференциальных режимов» ДФО, разрешая коллизии между новыми и старыми нормами управления, несут положительные изменения в процессы формирования нового типа управленческих взаимодействий между бизнесом и государством, изменяя социально-экономическое развитие регионов Дальнего Востока.

1. Тихонов А. В. Социология управления. М.; «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2007, 472 с.

СОЦИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ КАК ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Черняева Галина Владимировна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Раскрыта взаимосвязь социальной мотивации, социального смысла и образа будущего, выявлены трудно преодолимые проблемы социального управления. Показана необходимость социальной мотивации развития креативности и сделан вывод о важной роли в этом процессе социальных институтов.

Ключевые слова: социальная мотивация, креативность, социальный смысл, образ будущего, личностный смысл, проблемы социального управления.

Социальная мотивация как инструмент социального управления может быть понята лишь в соотнесении с социальными смыслами мотивации деятельности. Содержание понятия «социальный смысл» не относится к числу устоявшихся. Наиболее глубоко данное понятие проанализировано М. Вебером, который «социальными» называл такие действия, которые «по предполагаемому действующим лицом <…> смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [2, 455], а под мотивом понимал «некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» [2, 463]. *Социальные смыслы мотивации* деятельности социального субъекта можно определить как комплекс ориентированных на другие социальные субъекты проекций будущего, которое наступит вследствие предполагаемых к осуществлению действий. Это образы будущих социальных взаимосвязей и социальных взаимодействий, конструируемые на основе прошлого жизненного опыта, типовых моделей поведения, социально-нормативных и социально-ролевых ожиданий. Можно согласиться с подходом Е. В. Разгоняевой, которая определяет образ будущего как «динамическое психологическое образование, которое обеспечивает, с одной стороны, смысложизненную определенность бытия человека, а с другой стороны, задает направленность жизни» [3, 21].

Социальные смыслы, сконцентрированно отраженные в образах будущего, но глубоко скрытые, с трудом декодируются и отслаиваются от образов текущего социального контекста; часто они представляют собой слитные чувственно-рационально-интуитивные представления и предвосхищения, которые могут реализовываться в той или

иной форме в различные временные периоды или не быть реализованными вовсе. Синкретизм социальных смыслов затрудняет их распознавание и управление ими.

М. Вебер подчеркивал, что всякая интерпретация стремится к «очевидности». Поэтому эффективная социальная мотивация прежде всего должна базироваться на очевидных для мотивируемого субъекта личностных смыслах. Б. С. Братусь уточнил, что именно смысловые образования подготавливают проект будущего, поскольку «целостные системы смысловых образований задают не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, то есть как раз тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению» [1, 420]. Б. С. Братусь также выявил уровни смысловой сферы личности: нулевой (прагматический, ситуационные смыслы); первый (эгоцентрический смысл: удобство, личная выгода, престижность); второй (группоцентрические смыслы); третий (просоциальная: коллективистская, общественная, общечеловеческая смысловая ориентация) уровни. Поскольку не все смыслы в состоянии «сотрудничать», целесообразно ввести понятие «конфликтующие смыслы» (одно- или разноуровневые смыслы, не корреспондирующие в рамках логики субъекта мышления). Наличие конфликтных смыслов деятельности может приводить к ряду последствий: к обращению субъекта мотивации за внешней поддержкой (за советом, помощью и проч.) к другим субъектам мотивации; к замедлению деятельности или прекращению её осуществления; к интенсификации деятельности и попытке в её процессе гармонизировать конфликтующие смыслы и др.

Конструирование социальных смыслов настолько значимо в процессе социальной мотивации, что вполне уместно говорить о наличии *потребности в социальных смыслах.* Поэтому управление социальными смыслами может рассматриваться как одно из важнейших направлений на всех уровнях социального управления (индивидуальном, групповом, организационном, институциональном, социумном) и как актуальное направление научного поиска в сфере социального управления.

На наш взгляд, в современном социальном управлении можно выделить ряд наиболее актуальных проблем. К наиболее трудно преодолимым проблемам социального управления можно отнести:

трудность слома исторически сложившихся неэффективных форм управления;

традиционно слабый контроль со стороны населения за деятельностью институтов социального и государственного управления;

сопротивление чиновников изменениям;

отсутствие научной базы для разработки управленческих решений;

низкий уровень или отсутствие персональной (в том числе – экономической и уголовной) ответственности управленцев за результаты своей управленческой деятельности и др.

Социальная мотивация развития креативности – это комплекс управленческих приемов, методик, принципов и технологий, обеспечивающих повышение уровня способностей социальных субъектов к успешной реализации намеченных целей на основе открытия новых объектов, инструментов и методов деятельности. Внутренняя мотивация развития креативности (самомотивация) весьма значима, однако, в современных социальных условиях обязательно должна поддерживаться внешней мотивацией со стороны социальных субъектов и структур – социальной мотивацией. *Необходимость социальной мотивации развития креативности* связана с рядом особенностей современной социальной жизнедеятельности человека и социального устройства.

Во-первых, для успешного развития творческих способностей необходима творческая социальная среда – творческая атмосфера в семье, в школе, в вузе, на работе

(особенно – на первом месте работы). Именно благодаря творческой атмосфере субъект творческой деятельности не просто *приобретает навыки творчества, но и конституирует в сознании социальную* значимость нового и формирует *устойчивые сознательные установки на поиск и применение нового*.

Во-вторых, развитие творческих способностей во многих сферах деятельности возможно лишь при наличии объединенных социальных усилий и *развитой научно-производственной и информационно-технологически оснащенной базы*. К примеру, трудно и практически невозможно вырастить талантливого врача без лабораторных практикумов, а для создания современно оснащенной медицинской лаборатории необходимы значительные финансовые ресурсы.

В-третьих, для развития творческих способностей человека необходимо *социальное одобрение и признание*. Для этого творческой личности необходимо участвовать и, в той или иной мере, лидировать в творческих конкурсах, грантах. Организация подобных мероприятий под силу мощным социальным структурам и социальным институтам.

В-четвертых, открытие нового во многих областях современной науки, техники и искусства возможно лишь при участии творческих коллективов, иначе невозможно обеспечение *обмена творческим опытом и «синергии усилий»*.

В-пятых, развитие рыночной конкуренции приводит мировое сообщество к пониманию необходимости постоянной инновационно ориентированной деятельности и развитию проектного менеджмента, что раскрывает перед специалистом многие возможности, в частности, способствует *развитию ориентации на результат*, которая у многих творческих людей снижена и мешает успешному своевременному завершению деятельности, достижению социального признания и адекватного вознаграждения.

В-шестых, в зарубежном и российском менеджменте активно развиваются и применяются инновационно ориентированные социальные технологии работы с персоналом, в частности, программы поиска и найма энергичных выпускников вузов с развитыми профессиональными способностями (graduate recruitment), создание кадрового резерва (succession planning), переманивания креативного персонала, и др. При наличии хорошей стартовой позиции у способного человека значительно *повышается профессионально-личностная самооценка,* развивается *профессиональная смелость*, что способствует значительному росту мотивации к творчеству.

С конца 90-х гг. XX в. в передовых компаниях широко применяются современные технологии мотивации творчества – управление талантами, «движение талантов» (talent pipeline) и др. Эти организационные программы не только обеспечивают организационную и шире – социальную поддержку талантливых специалистов, способствуют развитию мотивации достижений. Весьма перспективным в данной связи также представляется развитие в прогрессивных компаниях культуры партнерских отношений с персоналом организаций, в том числе внедрение концепций личного участия сотрудников в успехе компаний, предполагающих разработку механизма демонстрации сотрудникам всех подразделений формы и меры их участия в общем результате подразделения и компании (подчеркивание организационной миссии конкретных сотрудников, поощрение развития любых талантов и потенциальных способностей, информирование персонала о конкретных достижениях и победах «героев» компании, «ключевых сотрудников» и «пула талантов» и др.). В русле развития партнерских отношений формируется новое понимание роли работы в жизнедеятельности сотрудников: работа, занимающая большую часть времени современного человека, не может быть для него «ярмом», наоборот, рабочее место должно быть «райским уголком», «местом для счастья». Реализация концепции счастья на работе (happiness at work)

способствует обеспечению необходимой для осуществления творческой деятельности ориентации на процесс работы.

В-седьмых, оказалось, что творческая деятельность может быть не только результатом проявления врожденных задатков и самостоятельно приобретенных и развитых способностей, но и продуктом социально-профессионального научения. Поэтому необходима социальная мотивация к участию в социальных и профессиональных образовательных программах, ориентированных на развитие креативности, а также социальное управление процессами разработки программ дошкольного, начального и среднего образования, среднего специального, высшего и послевузовского профессионального обучения.

Вывод. Социальная мотивация развития креативности опирается на создание креативно ориентированной социально-профессиональной среды. Интенсификация развития креативности в современных сообществах практически невозможна без участия государственных структур, системы образования, профессиональных объединений, творческих союзов, других общественных организаций.

1. *Братусь Б. С. Аномалия личности. Психологический подход. М.: Никея, 2019.*
2. *Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. 366 с.*
3. *Разгоняева Е. В. Личностная обусловленность процесса построения образа будущего / Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. псих. наук. – Барнаул, 2004. 24 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002633277.pdf (дата обращения: 11.10.2025).*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ В ПАРТИЦИПАТИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОМ ОНЛАЙН ПОЛИЛОГЕ

Чурина Елена Николаевна
(ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»)

Аннотация. Достижение конвенциональных партиципативно-диалогических условий взаимодействия при диспозициях субъектов в полилоге помогает сформировать целостный взгляд в текущей ситуации совместной деятельности и позволяет легче осуществлять иногда и непопулярные на первый взгляд управленческие решения, что не позволительно было бы в техно-бюрократической монологической системе управления. В дискуссиях участники, сопричастные к принятию решения, генерируют высказывания исходя из субъективной логики в заданной к обсуждению теме. Актуальной задачей исследования социологии управления с целью повышения эффективности взаимодействий участников рассматривается возможность исследовать и выделять социальные параметры использования цифровых технологий управления в партиципативно-диалогических условиях онлайн полилога при достижении консенсуса в мнениях субъектов с фиксацией уровня конвенциональности.

Ключевые слова: социальные параметры, конвенциональность партиципативно-диалогический консенсус, институционально-индивидуальная логика, онлайн полилог.

Партиципативно-диалогический онлайн полилог предполагает равноправные позиции субъектов при интерактивном взаимодействии с использованием цифровых

технологий, в том числе искусственного интеллекта. Специфика исследования обусловлена необходимостью учета мнения дискурсантов [1] при консенсусе с конвенциональностью, открытости дискуссии, предварительного и последующего обмена информацией, а также требованиями объективности и достоверности информации при анализе субъективных мнений. Если показатели социальных параметров использования цифровых технологий в процессе управления организациями, корпорациями, государством [2] в социологическом исследовании являются базовыми, то на уровне микросоциологии возникает сложность фиксации и определении достоверности мнений при анализе в малых группах. При этом в принятии управленческих решений по внедрению новшеств с использованием цифровых технологий в партиципативно-диалогических условиях деятельности каждого из субъектов оценка отношения, влияния и доверия [3] являются ключевыми для развития организации.

Актуальность и специфика темы привела к постановке задачи исследовать социальные параметры использования цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, партиципативно-диалогического онлайн полилога на основе принципа организованности А. А. Богданова [4] с кодификацией мнений по институционально-индивидуальным логикам и профессиональному опыту субъекта. Термин «институциональная логика» [5] здесь используется как выборочная совокупность информации о индивиде, состоящая из его понимания, опыта, образования, научной степени и уровня профессиональной специализации. Данная постановка задачи относится к проблематике исследований управления сложностью. С одной стороны, возросшее количество применяемых традиционных методов и новые необтрузивные методы сбора и анализа информации увеличивают объем и скорость обработки данных, с другой стороны, требуют новых теоретико-методологических основ, одна из которых лежит в Богдановских принципах организованности, соотносимых с кибернетикой третьего порядка [6].

А. А. Богданов подчеркивал, что первичный тектологический метод, выработанный людьми, есть речь. «В процессе логического мышления человек столковывается с самим собою, согласует и координирует разные данные своего опыта» [7, 89]. Партиципативно-диалогический полилог дискурсантов есть логически связанная речь (текст), отражающая субъективное мнение. Акцент на институционально-индивидуальной логике и профессиональном опыте, взаимосвязанных с мнением на заданную к обсуждению тему в партиципативно-диалогическом онлайн полилоге, дискурсантов позволил повысить объективность эмпирических данных в исследовании. Совокупность институционально-индивидуальных логик отражает групповое объединение субъектов внутри организации на основе общих ценностей, представлений и жизненного опыта при условии достижения консенсуса с фиксацией уровня конвенциональности. При расхождении мнений фиксация показателей социальных параметров отражает качественные и количественные характеристики группировок участников полилога.

Анализ социального параметра использования цифровых технологий управления партиципативно-диалогического онлайн полилога (отношения к внедрению нового формата семинара с применением искусственного интеллекта) проведен в интернет-анкетировании [8] респондентов (N 41), предваряющее доклад «Новый формат обмена мнениями между участниками междисциплинарного научного семинара» на вебинаре дискурсантов (N 14), научно-технологического семинара института философии Российской Академии Наук «Философия + IT», с фиксацией консенсуса и уровня конвенциональности.

Если принять шкалирование уровня достижение конвенциональных партиципативно-диалогических условий в 100 % при консенсусе мнений, в 75 % хорошего уровня согласованности при незначительном расхождении в мнениях, то при 50 % согласия возникает «патовая ситуация» в дискуссии, при которой участники не смогут прийти к согласию и каждый останется при своём мнении. При управлении в партиципативно-диалогических условиях онлайн полилога необходимо не только выявлять и фиксировать социальные параметры, но и в патовых ситуациях необходимо исследовать базовые причины ее возникновения.

В анкетировании выявлен социальный параметр в утверждении «при неограниченном числе участников только с использованием искусственного интеллекта (ИИ) возможен синтез научных знаний», отражающие показатель отношения к использованию искусственного интеллекта, который имеет следующие значения в %:

– положительное имеют 50 % анкетированных участников, из них согласны 16 % и имеют расхождения с данным утверждением 34 %;

– 38 % выразили несогласие, в том числе 27 % с сомнением;

– принципиально несогласных 12 %;

– иную позицию имеют 11 % опрошенных.

В анкетировании выявлен социальный параметр – отношение к использованию искусственного интеллекта как участника полилога в создании нового вектора развития науки и технологий, который имеет следующие значения в %:

– положительное 78 %, из них есть расхождения с данным утверждением у 27 %;

– несогласие 11%, в том числе сомнение 8 %;

– принципиально несогласных 2 %;

– иную позицию 14 %.

По данному социальному параметру выявлено достижение конвенциональных партиципативно-диалогических условий взаимодействия при диспозициях субъектов при консенсусе мнений в 78 %, что демонстрирует хороший уровень согласованности.

Согласие участвовать и обсуждать заданную тему с использованием цифровых технологий дали 90 % анкетированных. Результаты анкетирования составили основу для доклада и его обсуждения с участниками

При проведении анализа эмпирических данных партиципативно-диалогического онлайн полилога на тему «Новый формат обмена мнениями между участниками междисциплинарного научного семинара», между мнениями в интернет-анкетировании и высказываниями участников научно-технологического семинара института философии Российской Академии Наук «Философия + IT» по заданной к обсуждению теме, кодифицированных на основе Богдановского принципа организованности по институционально-индивидуальным логикам и опыту практической деятельности дискурсантов, был составлен семантический граф (рис. 1).

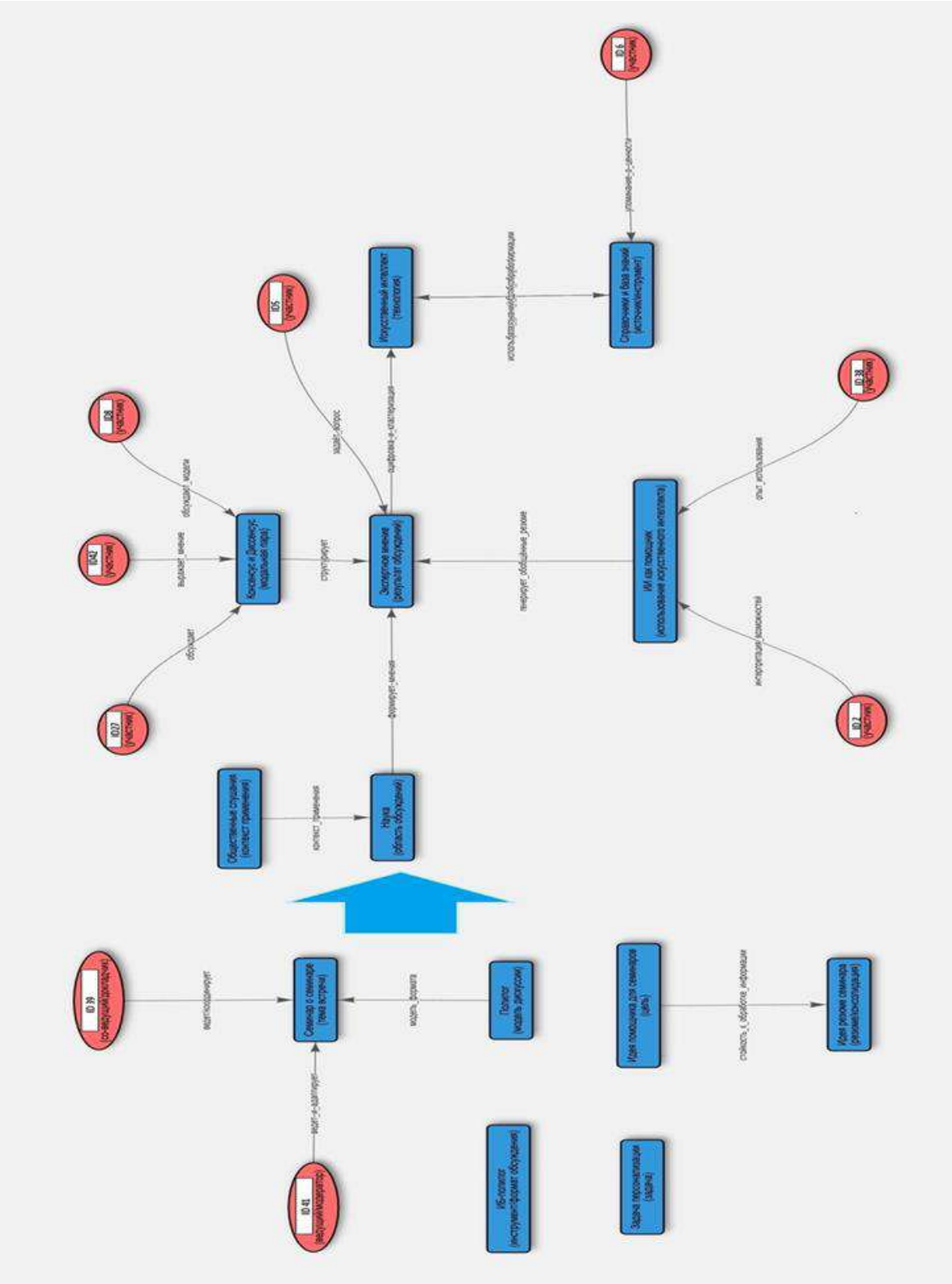

Рис. 1 Семантический граф транскрибированного текста онлайн полилога

Данный подход позволил зафиксировать показатель социального параметра отношения после анкетирования на рисунке 2 и онлайн полилога на рисунке 3, в % отношении от положительного (согласие = 1) до отрицательного (несогласия = -1).

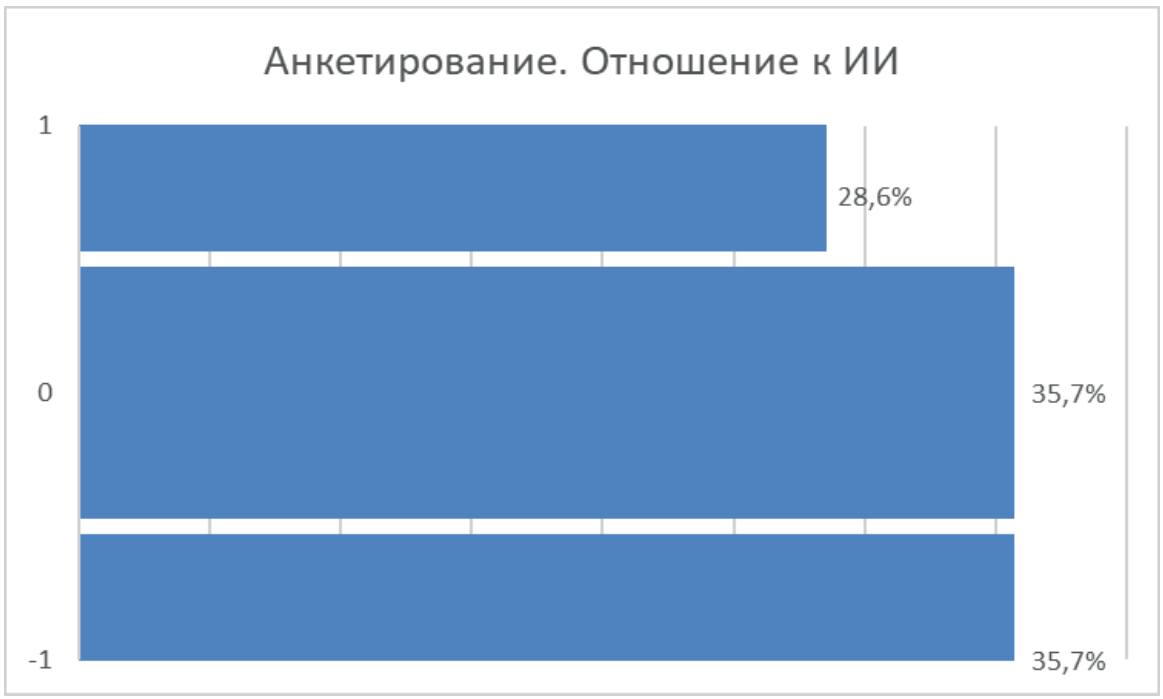

Рис. 2 Показатель социального параметра отношения к ИИ после анкетирования, %

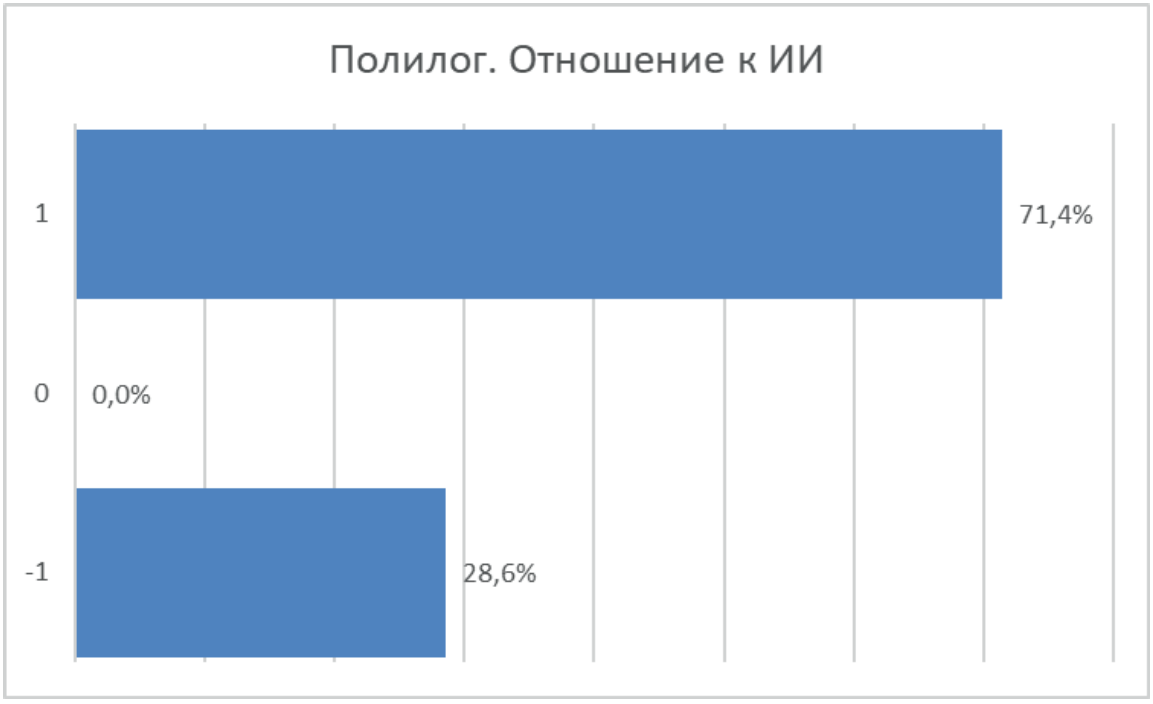

Рис. 3 Показатель социального параметра отношения к ИИ после обсуждения в партиципативно-диалогических условиях онлайн полилога, %

Изменение положительного отношения с 51 % до 71,4 % после онлайн полилога в партиципативно-диалогических условиях отражают достижение конвенционального взаимодействия при диспозициях дискурсантов в консенсусе мнений.

При постановке задач социологического исследования управления в партиципативно-диалогического онлайн полилога субъектов малой группы выявлен ряд сложностей, которые редуцируются за счет группировки мнений в контексте институционально-индивидуальных логик и опыта профессиональной деятельности

дискурсантов, объединяющие их мнения «социальным клеем» внутри группы на основе общих представлений. Субъектно-ориентированный подход позволил зафиксировать через мнения социальных показателей без потери объективности в процессе практической семинарской деятельности группы партиципативно-диалогического онлайн полилога.

Новые подходы необходимы на микроуровне для понимания воплощения логики и практики в мнениях субъектов, но могут быть ограничены и недостаточны для анализа управления с учетом партиципативно-диалогических условий на макроуровне организации. В настоящее время применение новых подходов в исследованиях социальных параметров использования цифровых технологий в партиципативно-диалогическом онлайн полилоге возможно, но является сложной исследовательских задачей социологии управления.

1. *К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования цифрового полилога. Кудрявцева М.Е., Чурина Е.Н. Дискурс. 2025. Т. 11. № 1. С. 71-89.*
2. *Результаты опроса «Отношение к технологиям искусственного интеллекта», НАФИ, Национальные приоритеты. Сайт Национальный портал в сфере искусственного интеллекта (ИИ) в России. URL: https://ai.gov.ru*
3. *Пределы доверия: естественный интеллект – об искусственном. Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom*
4. *Принцип организованности в институциональных логиках и практиках актора дискуссии. Чурина Е.Н. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 193-198.*
5. *Шмерлина И. А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. № 4. С. 110-138.*
6. *Лепский В. Е., Слепцов Э. С. Влияние тектологии А.А. Богданова на становление постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред //Полилог/Polylogos. – 2018. – Т. 2. – № 4.*
7. *Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1-2, М., Экономика, 1989, т. 1, с. 89.*
8. *Сайт интернет-анкетирования региональной общественной организации «Центр Н.С. Говорова «Адаптация и развитие человека и общества. URL: https://polilogia.ru*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ИНВАЛИДОВ

Шавонин Артем Леонидович
(ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России / Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет)

Аннотация: В докладе рассматривается важность процесса социальной инклюзии инвалидов в современном обществе, а также роль медиа в рамках этого процесса. В результате проведенного исследования сделаны выводы о тенденциях репрезентации инвалидов в российских СМИ и протестирован инструментарий мониторинга этого аспекта социальной инклюзии

Ключевые слова: инвалидность, социальная инклюзия, репрезентация, СМИ

В рамках всестороннего развития гуманистического подхода во всех сферах современного социума, полноценное включение столь большой социальной группы как

люди с инвалидностью в жизнь общества становится все более важной задачей. Значимую роль в этом процессе играют медиа, так как они могут оказывать значительное влияние на образ инвалидов, который формируется в общественном сознании.

Влияние СМИ на формирование образа той или иной социальной группы может происходит как через предоставление в своих материалах одной информации о социальной группе и сокрытие другой, так и в целом с помощью увеличения/уменьшения частоты ее упоминаний в информационном поле. Соответственно, положительный характер репрезентации людей с инвалидностью в медиа и их достаточная представленность в материалах СМИ может существенно улучшить мнение о них в обществе, что определенно будет иметь эффект на процесс их социальной инклюзии.

К сожалению, несмотря на то, что на данный момент соблюдение прав инвалидов, закрепленных в Конвенции о правах инвалидов ООН, активно отслеживается с помощью правовых, статистических и социологических инструментов, на текущий момент социологическому мониторингу репрезентации инвалидов в медиа не уделяется должного внимания. Активный мониторинг данного аспекта социальной инклюзии инвалидов может дать органам государственной власти данные, необходимые для управленческих решений, которые существенно упростят полноценную социальную инклюзию людей с инвалидностью и значительно повысят шанс успешного осуществления этого процесса.

В рамках доклада рассмотрены результаты проведенного контент-анализа материалов из СМИ «Известия», «Коммерсантъ» и «Российская газета» на предмет репрезентации инвалидов. Анализ результатов позволил выявить особенности как репрезентации инвалидов в каждом из этих СМИ по отдельности, так и в российских СМИ в целом. Также, сделаны выводы о необходимости доработки инструментария: дополнении существующих индикаторов и добавлении новых.

НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Шагиахметова Алия Хусаиновна
(школа трансформационных решений Uniqaline)

Технологии искусственного интеллекта сегодня охватывают большинство сфер нашей жизни, поскольку это одна из движущих сил инноваций и прогресса.

Согласно данным ВЦИОМ в обществе сохраняется некоторая настороженность в отношении искусственного интеллекта. Пока его применение чаще приветствуется в «далеких» сферах – промышленности, науке, строительстве, тогда как сталкиваться с ИИ в повседневной жизни, особенно когда от его решения зависят здоровье и безопасность, россияне пока не готовы [1]. Почти каждый второй россиянин не разрешил бы своему ребенку-школьнику использовать искусственный интеллект для учебы [2].

В тоже время опрос ВЦИОМ среди представителей ИИ-индустрии показал, что 66 % респондентов видят больше возможностей, чем угроз. Те, кто непосредственно трудится на стезе ИИ, в большинстве своем воспринимают внедрение новых технологий в своей отрасли как возможность для построения карьеры и увеличения дохода: 65 % среди представителей бизнеса, 59 % среди ученых и 50 % среди разработчиков [3].

Зарубежные исследователи также отмечают аналогичные тенденции, анализ заявок S&P 500, проведенный Financial Times, показал, что 374 компании упомянули ИИ в своих отчетах. Однако когда их попросили объяснить положительные стороны, большинство

лидеров прибегли к расплывчатым формулировкам. В их годовых отчетах гораздо яснее говорилось о рисках, чем об ощутимых выгодах. Почему? Сотрудники, опасаясь ИИ, не используют его потенциал [4].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости внедрения новых компетенций в сфере управления, поскольку недоверие к инновационным технологиям снижает возможность использования их потенциала. Неспособность использовать весь потенциал новых технологий лишь частично касается самих технологий. Здесь возникает вопрос лидерства в условиях организационных изменений. Руководители не меняют методы своей работы, организации не адаптируют рабочие процессы. В книге Эверетта Роджерса «Диффузия инноваций» показано, что внедрение технологий идет успешно, когда люди наблюдают за теми, кому они доверяют, когда те используют эти технологии. Это означает, что руководители должны создавать процессы обсуждения и приобщения к инновациям, менять организационную структуру, создавать среду психологической безопасности, чтобы сотрудники имели возможности экспериментировать, совершать ошибки и переобучаться.

Технологии искусственного интеллекта освобождают персонал от рутинной работы, что в свою очередь освобождает руководителей от традиционного контроля. То есть на смену вертикальным моделям управления все больше приходит горизонтальные, где руководители выступают все больше как наставники и учителя, которые, используя ИИ технологии, создают положительный пример, ускоряя их социальное принятие.

1. *Доверие к ИИ // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii*
2. *Искусственный интеллект в школе: добро или зло? // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo*
3. *Труд создал человека, а человек создал ИИ… что дальше? // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-sozdal-cheloveka-a-chelovek-sozdal-ii-chto-dalshe*
4. *Critical Skills Leaders Need in the Age of AI // https://hbr.org/2025/10/5-critical-skills-leaders-need-in-the-age-of-ai*

Секция 5: Социология цифрового общества: актуальные проблемы и перспективы развития

ЦИФРОВЫЕ СТРАХИ: ПОЧЕМУ ПОЖИЛЫЕ НЕ ХОТЯТ ОСВАИВАТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Ананченкова Полина Игоревна
(Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко)

Ускоренная диффузия ИИ (в т. ч. генеративных нейросетевых моделей) сопровождается устойчивым «возрастным градиентом» принятия технологий: старшие когортные группы демонстрируют более низкую осведомлённость и готовность к использованию ИИ, чем молодёжь. Согласно Ofcom (Великобритания), пожилые чаще, чем молодые, отказываются от новых цифровых устройств из-за отсутствия потребности, опасений за приватность и нехватки навыков; эти причины релевантны и для сервисов ИИ как производных цифровых технологий [1]. В данных агентства Pew Research фиксируется более высокая доля обеспокоенных влиянием ИИ среди старших возрастов по сравнению с младшими когортами. Российские опросы ВЦИОМ также показывают, что респонденты старших возрастов чаще выражают скепсис и настороженность по отношению к ИИ.

Международные обзоры подчёркивают, что цифровое участие старших возрастов определяется тремя блоками:

1) навыки и самоэффективность;

2) дизайн и доступность;

3) доверие, защита данных и справедливость алгоритмов.

Обзор OECD 2025 г. о цифровых навыках и участии пожилых указывает на стойкость «возрастного цифрового разрыва» и необходимость переориентации обучения на практические жизненные сценарии (здравоохранение, госуслуги, финансы), а также на важность доступности интерфейсов и адаптивной помощи [2]. А всемирная организация здравоохранения в руководствах по цифровому здоровью для пожилых акцентирует роли здоровья, когнитивных ограничений и необходимости «age-friendly» дизайна.

С одной стороны, эмпирические источники фиксируют низкую цифровую самоэффективность и осведомлённость пожилых. Представители старшего поколения реже осваивают новые сервисы без наставника; потребность в «объяснимости» у них выше. Ofcom фиксирует причины отказа от новых цифровых устройств: среди них преобладают такие, как «не нужно», «не понимаю», «сложно/нет навыков». С другой – недоверие и риски. Eurobarometer показывает высокий уровень обеспокоенности рисками ИИ (приватность, смещения), особенно у старших [3].

Цифровой страх – это комплекс эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, возникающих у индивида в ответ на необходимость взаимодействия с цифровыми технологиями, характеризующийся чувством тревоги, неуверенности, недоверия и избегания использования цифровых инструментов.

В научной литературе этот феномен рассматривается как частный случай технологической тревожности (technological anxiety) и цифрового скепсиса, особенно проявляющийся у групп с низкой цифровой самоэффективностью – прежде всего среди

пожилых людей. Цифровой страх может быть обусловлен когнитивными факторами (ощущение недостатка знаний и навыков, страх ошибок или потери контроля); эмоциональными факторами (тревожность, недоверие, ощущение угрозы со стороны технологий); социальными факторами (возрастная дискриминация, давление цифровой среды, стигматизация «цифровой неграмотности»); институциональными факторами (непрозрачность алгоритмов, риски приватности, навязчивость технологий).

В контексте исследования искусственного интеллекта цифровой страх можно определить как состояние настороженности и отказа от освоения или использования технологий искусственного интеллекта, вызванное сочетанием недостатка цифровых компетенций, недоверия к автоматизированным системам, тревожности по поводу потери автономии и угроз конфиденциальности.

По данным Pew Research Center (2023 г.), около 38 % людей старше 65 лет в США выражают «высокую тревогу» при взаимодействии с системами искусственного интеллекта; аналогичный показатель среди лиц 18–29 лет составляет лишь 13 % [4]. Это отражает возрастную природу цифрового страха, связанного с ощущением потери контроля и недостатком доверия к ИИ.

Рассматривая структуру цифровых страхов у пожилых, можно выделить следующие:

1) Низкая переживаемая полезность. Пожилые реже видят прямую пользу ИИ в повседневных задачах и чаще оценивают ИИ как «необязательный» инструмент. Это коррелирует с данными уже упомянутого исследования Ofcom: главная причина неиспользования новых цифровых устройств – отсутствие потребности.

2) Низкая цифровая самоэффективность и когнитивная нагрузка. Барьеры обучения и «страх ошибок» усиливают избегание. WHO подчёркивает необходимость адаптации интерфейсов и пошаговой поддержки для старших, иначе нагрузка приводит к отказу.

3) Недоверие к автоматизации и риски приватности/безопасности. Eurobarometer фиксирует преимущественно негативное восприятие рисков ИИ в ЕС (конфиденциальность, пристрастность алгоритмов), с ростом настороженности с возрастом; Pew показывает, что у старших американцев выше обеспокоенность влиянием ИИ на общество. Российские исследования также подтверждают: старшие реже доверяют ИИ-сервисам.

4) Эргономика, доступность и эйджизм в дизайне. Пробелы в доступности интерфейсов (шрифт, контраст, навигация, голосовые подсказки) и отсутствии «поясняющих слоёв» делают ИИ-сервисы фактически «молчащими чёрными ящиками» для представителей старших поколений. В этом отношении OECD рекомендует «дизайн с участием пожилых» и образовательные траектории, привязанные к жизненным задачам.

5) Социально-экономические и образовательные различия. Чем ниже доход/образование, тем выше «цифровые страхи» (уязвимость к мошенничеству, сложность настройки, недоступность качественной связи). Российские данные ВЦИОМ фиксируют слабые практики цифровой гигиены у значимой доли населения, что усиливает страхи и реальные риски [5].

6) Медийный фон и опыт взаимодействия. Отрицательный опыт общения с чат-ботами (ошибки, «галлюцинации», навязчивость) у старших формирует устойчивые негативные ожидания; по сводкам российских медиа и опросов, недовольство взаимодействием с ИИ выше у пожилых [6].

Комбинация низкой переживаемой полезности, высокой воспринимаемой сложности и дефицита доверия формирует порог отказа. Это означает, что без «быстрой пользы» и «объяснимости» у пожилых не запускается мотивация освоения. Ограниченная цифровая

гигиена усиливает уязвимость к фишингу/мошенничеству, повышая и рациональные (не только эмоциональные) страхи. Политики и разработчики должны смещать акцент с общих курсов ИИ на контекстные сценарии (здоровье, госуслуги, финансы, связи с семьёй) и объяснимый ИИ, а также гарантии приватности по умолчанию.

Таким образом, рекомендации по снижению цифровых страхов пожилых и стимулирование их к освоению цифровых технологий, в том числе, искусственного интеллекта, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Рекомендации по снижению цифровых страхов у пожилых

Направление рекомендаций	**Содержание**
Age-friendly-дизайн ИИ-сервисов	Крупная типографика, голосовые интерфейсы, пошаговые режимы, «кнопка объяснить ответ», видимые индикаторы приватности (простые чек-листы)
Наставничество и микрообучение для пожилых	Короткие практические модули (онлайн и офлайн) по кейсам: «ИИ как помощник в медицине/покупках/коммуникации», с сертификацией и поддержкой по телефону/чат-ботом «человек-в-контуре»
Протоколы объяснимости и контролируемости	Обязательные «паспорта моделей» и «плашки» маркировки содержимого ИИ; по умолчанию – минимальные сборы данных и локальный режим там, где возможно
Программы цифровой гигиены для старших возрастных групп	Антифишинг-тренажёры, защита паролей/2FA, «горячая линия доверия»; ориентир – выявленные уязвимости пожилых
Оценка влияния через индикаторы активного старения	Включить метрики освоения ИИ 55+ (осведомлённость, частота использования, доверие) в мониторинги цифровой зрелости регионов; учитывать возрастные различия

Цифровые страхи пожилых относительно ИИ – рациональная реакция на сочетание низкой переживаемой полезности, высокой воспринимаемой сложности, недостатка объяснимости и реальных рисков приватности/безопасности. Международные данные подтверждают: адресные обучения, age-friendly-дизайн и гарантии приватности повышают готовность пожилых осваивать ИИ и снижают отказ. Встраивание этих принципов в политику активного долголетия и цифрового развития позволит превратить ИИ из источника тревоги в инструмент расширения возможностей старших поколений.

1. *Use of Internet of Things by individuals. URL:https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Use_of_Internet_of_Things_by_individuals& (дата обращения: 17.09.2025 г.)*
2. *Use of artificial intelligence in enterprises. URL:https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Use_of_artificial_intelligence_in_enterprises (дата обращения: 17.09.2025 г.)*
3. *Eurobarometer "Attitudes towards the impact of digitisation and automation on daily life". URL:https://participationpool.eu/resource/eurobarometer-attitudes-towards-the-impact-of-digitisation-and-automation-on-daily-life/ (дата обращения: 17.09.2025 г.)*
4. *What the data says about Americans' views of artificial intelligence. URL:https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/11/21/what-the-data-says-about-americans-views-of-artificial-intelligence/ (дата обращения: 17.09.2025 г.)*
5. *ВЦИОМ назвал топ-5 цифровых фобий россиян. URL:https://tass.ru/obschestvo/25261779 (дата обращения: 17.09.2025 г.)*
6. *Россияне перестали отличать чат-ботов от людей. Больше половины путают нейросеть с человеком. URL:https://www.cnews.ru/news/top/2025-09-03_rossiyane_perestali_otlichat (дата обращения: 17.09.2025 г.)*

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕОРИИ ТРУДА (LABOR) И РАБОТЫ (WORK) ХАННЫ АРЕНД В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Андрианова Елена Владимировна
(Тюменский государственный университет)

Давыденко Владимир Александрович
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. В представляемых тезисах рассматриваются альтернативные подходы теории труда (labor) и работы (work) в концепции Ханны Аренд. Показывается, что сила и оригинальность её мысли проявляется в отношении к автоматизации (automation), которая в случае освобождения от труда может привести к потере смысла свободы, оставляя нас без контраста с тщетной необходимостью, которую обеспечивает труд.

Ключевые слова: труд (labor), работа (work), Ханна Аренд, автоматизация (automation) как освобождение от труда, цифровое общество

Актуальность представляемой темы обусловлена тем, что парадигма цифрового общества и цифрового мира, которая фокусируется на понимании использования цифровых средств информации как части повседневной жизни, стала злободневной. Авторы согласны с точными формулировками Ю. В. Веселова по поводу того, что «характерная черта цифровизации – её всеохватность: все сферы человеческой деятельности, индивидуальные и коллективные, формируются новым технологическим способом … самый главный эффект цифровизации – это фундаментальное изменение структуры социального времени сквозь призму как затрат, так и результатов» [1: 29].

Научная проблема, формулируемая нами в представленном контексте – это изучение теоретических и прикладных противоречий в свете альтернативных подходов к труду (labor) и к работе (work), сопряжённых с тем, что современные теории процесса труда и иные концепции трудового процесса (например, такие как «ядерная концепция» («nuclear concept»); «критическая теория учёта» («critical accounting»); «знаниевые» («knowledge»), «субъективированные» («subjectified») или «воссоздающие идентичности» («recreating identity») ответвления теорий процесса труда, дискуссии о деквалификации (deskilling controversy) и типах контроля, ограничивающих автономии работника; дебаты об индетерминированности труда (indeterminacy of labor) и двойной индетерминированности труда (double indeterminacy of labor), парадигма «контроль – сопротивление» («control – resistance»); методы сокрытия прибавочной стоимости на рабочем месте и другие, которые, на наш взгляд, не вполне в достаточной степени отражают «всеохватность всех сфер человеческой деятельности» [1, 29]. Авторами не ставилась задача идентифицировать по ключевым признакам те или иные теории процесса труда. На наш взгляд, вышеупомянутые её аспекты находятся “внутри” самих парадигм труда (labor), и, хотя они многое объясняют, однако, они упускают, содержательные различия в решении главной проблемы труда и капитала: почему работники, менеджеры и собственники работают (или не работают) с нужной интенсивностью. Опираясь на приведённый концепт Ю. В. Веселова [1: 29], мы хотели бы его расширить – за счёт реинтерпретации трёхчастной композиции труда (labor), работы (work) и действия (action) Ханны Арендт, которую она противопоставила теории труда (labor) и капитала (capital) Карла Маркса, оппонируя его подходу по наиболее существенным основаниям в своей

монографии «Условия человека» [2]. Важно подчеркнуть, что она была одним из тех выдающихся социальных мыслителей двадцатого века, которого интересовал человек не столько как индивид в единственном числе, сколько как люди в их множественных составах в их совместном бытии, во множественных контекстах условий и форм повседневной жизни. Как известно, Ханна Арендт выражала сильную обеспокоенность ограничениями взглядов, связанных с переоценкой Карлом Марксом освободительного потенциала производительных сил. Она обвиняла его в "утопическом мышлении", заключающемся в его абсолютной вере в возможность исключения необходимости труда из жизни человека, и идентифицировала его политическую экономику и научную ориентацию термином «асоциальный» («antisocial») – в том плане, что он ставил ценности труда выше других элементов человеческого существования [2: 87 – 93].

Главный момент её критики учения Карла Маркса заключался в том, что он, по её мнению, был ответственен за установление «социальной точки зрения», которая "одновременно переопределила человеческие отношения в соответствии с определенной этико-практической идеологией и превратила всю современную эпоху в понимании капиталистического общества в марксистскую точку зрения [2: 88]. Как авторы представляемых тезисов, этот аргумент Ханны Арендт мы должны подтвердить, это именно так – хотя бы потому, что все без исключения экономические расчёты в современном мире ведутся в марксистской терминологии производительности труда, прибыли, издержек, выручки, рентабельности, добавленной стоимости, амортизации, инвестиций, убытков, необходимости вложений в рабочую силу (её обучение и выплатам по заработной плате) и в технологические инновации. Авторы современного справочника «по будущему труда» предлагают своего рода исключительно марксистский канон актуального и критического анализа преобразующих сил, формирующих сферу труда и занятости в XXI веке [3].

Однако, кроме исходных дефиниций капитала (capital) и труда (labor) есть ещё дефиниции работы (work) и действия (action), под которыми подразумевались «три фундаментальных вида активности жизни человека» – то, что Ханна Арендт называла «Vita Activa», или «деятельной жизнью», а в терминах Ю. В. Веселова – «всеохватность всех сфер человеческой деятельности» [1: 29]. Особо подчеркнём, что Ханна Арендт стремилась сформулировать и систематизировать фундаментальные компоненты труда (labor), работы (work) и действия (action) таким образом, чтобы их можно было чётко различать, понимать и идентифицировать, поскольку каждый из них «соответствовал одному из основных условий, при которых человеку дана жизнь на земле» [2: 7]. «Труд» («labor») соответствовал тем видам активности (деятельности), которые мы должны осуществлять для сохранения физического аспекта нашего существования (а именно, удовлетворению основных биологических потребностей). «Труд» («labor») – активность / деятельность (activity), которая связана с условиями жизни человека, условиями человеческого существования, соответствующего биологической жизни человека как животного. «Работа» («work») понятийно соответствовала тем видам активности (деятельности), которые мы должны осуществлять для преобразования земли в мир людей. «Работа» («work») – это активность / деятельность (activity), которая связана с «условиями мирской жизни человека» – с жизнью, нас окружающей; то есть с её бытом, повседневными заботами, проблемами, развлечениями. Работа соответствовала освоению того искусственного мира объектов, которые люди создают на земле. Работая, мы создаём человеческое творение, в котором только и возможна, и имеет смысл подлинно человеческая жизнь. «Действие» («action») соответствовало тем видам активности / деятельности (activities), которые мы осуществляем для решения вопроса о том, как

сохранить мир человека. «Действие» («action») – это активность (activity), связанная с «состоянием и условиями множественности» («condition of plurality»), соответствующего нашей множественности как отдельных личностей [2: ix, 7-11]. Перенося характерные черты политической экономии труда (labor), капитала (capital), работы (work) и действия (action) на современную цифровую жизнь, подчеркнем, что они отражают всеохватность всех сфер человеческой активности, индивидуальных и коллективных, которые формируются новым технологическим способом производства – цифровыми платформами.

Возвращаясь к исходной точке различения между трудом и работой, отметим, что Ханна Арендт по этому поводу иронически замечала: «Похоже, что различие между трудом и работой, которое наши теоретики так упорно игнорируют, а наши языки как системы знаков так упорно его сохраняют, действительно становится лишь различием в той степени, если не принимать во внимание мирской характер произведённой вещи – её местоположение, функцию и продолжительность пребывания в мире» [2: 94]. Обращая внимание на известный афоризм о том, когда Карл Маркс определял труд как «обмен веществ человека с природой», в процессе которого «природный материал [адаптируется] путем изменения формы к потребностям человека», так что «труд соединяется со своим предметом», Ханна Аренд логично заключала, что он ясно давал понять именно то, что «говорил физиологически» и что труд и потребление – это всего лишь две стадии постоянно повторяющегося цикла биологической жизни [2: 98-99]. «Всё, что производит труд, предназначено для практически немедленного включения в процесс человеческой жизни, и это потребление, возобновляя жизненный процесс, производит – или, скорее, воспроизводит – новую «рабочую силу», необходимую для дальнейшее поддержание тела» [там же].

Поэтому, «вся теория Маркса основана на понимании того, что рабочий прежде всего воспроизводит свою собственную жизнь, производя средства к существованию. В ранних работах он полагал, что «люди начинают отличаться от животных, когда начинают производить средства к существованию» ... В этом, собственно, и заключается суть определения человека как «животного-трудящегося» [2: 99]. Тем самым, Ханна Аренд приходит к необходимости операционализировать и верифицировать понятие рождаемости, которое легко и естественно стыкуется с её исходными категориями трудовой активности (activity of labour), представляющая собой непрекращающиеся усилия по поддержанию выживания человеческой жизни (survival of human life), и активностью работы (activity of work), создающей мир постоянных вещей (world of permanent things), являются необходимыми предпосылками действия. Трудовая активность (activities of labour) и работа (work) связаны с рождаемостью, «поскольку их задача – обеспечивать и сохранять, предвидеть и учитывать постоянный приток новых людей, рождающихся в мире чужаками». Поскольку рождаемость лежит в основе любой инициативы, она связана с трудом и работой. Однако действие имеет теснейшую связь с человеческим условием рождаемости, поскольку «новое начало, присущее рождению, может ощутить себя в мире только потому, что новичок обладает способностью начинать что-то заново, то есть действовать» [2: 9].

Выводы:

1. Представлен организующий принцип реинтерпретации научного подхода Ханны Арендт к соотношению фундаментальных дефиниций для человеческого существования в её феноменологическом анализе: труда (labor) человека, понимаемого как живого существа; работы (work), соответствующей искусственному миру объектов, которые люди

создают на земле, и действия (action), соответствующего нашей множественности как отдельных личностей.

2. Ханна Арендт провела чёткие различения между трудом, работой и действием, причем несколькими способами. Главный из них заключается отчасти в “долговечности” объекта, на который направлена активность, но также, что более важно, в условиях, в которых она осуществляется. Например, изготовление мебели можно рассматривать как работу, если оно является результатом целенаправленного мастерства, но не как труд, если это происходит на сборочной линии. Степень “отчуждения” (в смысле понимания Марксом) в этой активности не является решающим фактором. Вместо этого его следует искать те значения труда или работы, которое имеют особый смысл или приоритет для работника (или управляющего, в зависимости от обстоятельств).

3. Представлен и идентифицирован парадокс автоматизации как процесс освобождения человечества от труда, состоящий в том, что по мере роста человеческих возможностей посредством технологических внедрений и гуманистических исследований мы становимся всё менее способны контролировать последствия своих действий по их реализации. Этот вывод также связан с ростом цифровой и платформенной экономики, беспрецедентными технологическими изменениями и объективными закономерностями их развития, результатом которого стало последовательное совершенствование техники, технологии, организации производства и повышение их эффективности упирается в ограничения технологического фетишизма (Карл Маркс), которые в конечном счёте логически приводят к технологически «недоразвитым» людям. Ханна Арендт видела возможность решения парадокса автоматизации в том, чтобы не принимать суждения и не привязывать процессы мышления к рефлексивным оценкам действий, которые могут разрушить и деформировать мир, а жёстко противостоять этому, защищая наши общие интересы.

1. *Веселов Ю. В. 2020. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. Вып. 2. С. 129-143. https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202*
2. *Arendt Hannah. 1958 / 2018. The human condition. Publisher: The University of Chicago Press; (2nd edition October 18, 2018), 383 pages.*
3. *The handbook for the future of work. 2025. By Julie MacLeavy and Frederick Harry Pitts (Editors). First published 2025 by Routledge, 448 pages.*

ОНЛАЙН-АЛЬТРУИЗМ КАК ПРАКТИКА ПРОСОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 24-28-20018, https://rscf.ru/project/24-28-20018/

Аннотация. В работе на материалах полуформализованных интервью с представителями молодого поколения рассмотрены практики онлайн-альтруизма. Выявлено, что, руководствуясь желанием оказать бескорыстную помощь нуждающимся, молодежь участвует в сборе средств, делает пожертвования, осуществляет наставничество

и оказывает поддержку позитивными комментариями. Обнаружено, что причиной отказа от онлайн-альтруизма выступает страх перед мошенничеством.

Ключевые слова: онлайн-альтруизм, просоциальная активность, помогающее поведение, цифровая среда, молодежь

В условиях цифровой экспансии широкое распространение получают практики онлайн-альтруизма, под которым понимается бескорыстная помощь во благо другому в цифровой среде [2, 5]. К практикам онлайн-альтруизма относятся обмен информацией или ресурсами в интернете, поддерживающие комментарии, пожертвования, наставничество, создание блогов [4]. Современные исследователи отмечают, что просоциальное поведение молодежи в целом повышает удовлетворенность жизнью, насыщает позитивными эмоциями, снижает тревожность и способствует развитию социальных связей и отношений [3].

Одной из задач нашего исследования, объектом которого выступила молодежь г. Екатеринбурга, стало изучение видов и мотивов онлайн-альтруизма, а также причин отказа от него. Весной 2025 года нами были проведены 20 полуформализованных интервью (опрошено10 юношей и 10 девушек) с представителями молодого поколения в возрасте от 18 до 30 лет. Средняя продолжительность интервью составила 30 минут, полученные материалы были транскрибированы и обобщены в соответствии с целевыми установками исследования.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что молодое поколение включает практики альтруизма в повседневную жизнедеятельность; при этом формами просоциальной активности становятся как оффлайн бескорыстные по отношению к другим действия и взаимодействия информантов, так и онлайн помогающее поведение.

К числу используемых видов онлайн-альтруизма опрошенные отнесли следующие. Во-первых, сбор средств для нуждающихся. Особую роль играет и зоозащита, когда финансовые средства собираются для приютов, в которых содержатся домашние животные: *«…помогаю информационно, прежде всего, собрать деньги для животных…»* (жен., 22 года).

Во-вторых, собственные пожертвования/благотворительность, которые перечисляются с использованием информационно-коммуникационных технологий: *«… сама перечисляю, удобно по QR-коду…»* (жен., 19 лет).

Представленные выше виды онлайн-альтруизма реализуют мобилизационную функцию: *«Постоянно помогаю с распространением информации о сборе средств, например. Не всегда есть финансовая возможность, но помочь рассказать никогда не откажу»* (жен., 21год).

В-третьих, информанты практикуют наставничество, которое выражается в помощи, связанной, прежде всего, с освоением технологических устройств: «*…помогаю старшим коллегам или родственникам разобраться в компьютерной технике, гаджетах, как пользоваться различными сервисами, программами»* (жен., 29 лет).

В-четвертых, информанты пишут позитивные комментарии и ставят лайки, которые выполняют, с одной стороны, поддерживающую для автора функцию, а, с другой стороны, служат закреплению идентификационной матрицы самого альтруиста [1]: *«…почти всегда пишу позитивные комментарии, если внутренне чувствую, что человеку очень нужна такая поддержка и я разделяю с ним его позицию»* (жен., 21 год).

Среди мотивов онлайн-альтруизма лидирующее положение занимают желание оказать помощь нуждающемуся (*«…осчастливить другого человека…»* (жен., 22 года)),

потребность быть полезным (*«…чувствовать себя нужным…»* (муж., 28 лет)) и сделать мир добрее (*«…добрые поступки делают мир лучше…»* (муж., 22 года)).

В ходе исследования было выявлено, что информанты имеют опыт отказа в бескорыстной помощи. Причины отказа кроются, прежде всего, в отсутствии безопасности. Так, в условиях анонимной цифровой среды формируется страх перед мошенниками («*…убежден, что многие… совершают обманные действия, когда просят помощи у других…»* (муж., 30 лет)), снижающий уровень доверия к пользователям сети Интернет (*«…не доверяю, могут обмануть…»* (муж., 29 лет)). Соответственно, в качестве объектов для помогающего онлайн-поведения молодые информанты выбирают родственников и знакомых: *«Стараюсь помогать только семье и друзьям»* (муж., 29 лет); *«…близкие, друзья, родственники, коллеги, так надежнее, не откажу в помощи, поскольку знаю этих людей»* (муж., 22 года).

В целом, результаты исследования свидетельствуют о том, что молодое поколение в повседневной жизни активно включено в практики онлайн-альтруизма: сбор средств, пожертвования, наставничество, поддержка с использованием позитивных комментариев. Молодежь руководствуется желанием оказать помощь тем, кто в ней нуждается, однако основным барьером развития помогающего поведения в цифровой среде выступает страх перед мошенниками. Полагаем, что молодежь, проявляя агентность в просоциальной онлайн-активности и реализуя практики альтруизма, формирует ответственное поведение в цифровой среде.

1. *Антонова Н. Л., Бусыгин А. Г. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2(132). С. 12–16.*
2. *Erreygers S., Vandebosch H., Vranjes I., Baillien E., Witte H. De Development of a measure of adolescents' online prosocial behavior // Journal of Children and Media. 2018. № 12(4). P. 448-464. DOI: 10.1080/17482798.2018.1431558*
3. *Hirani S., Ojukwu E., Bandara N.A. Understanding the role of prosocial behavior in youth mental health: Findings from a scoping review // Adolescents. 2022. № 2. P. 358-380. DOI: 10.3390/adolescents2030028*
4. *Lysenstoen C., Boe T., Hjetland G.J., Skogen J.C. A Review of the Relationship between Social Media Use and Online Prosocial Behavior among Adolescents // Frontiers in Psychology. 2021. 12:579347. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.579347*
5. *Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I. Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions // Current Opinion in Psychology. 2022. № 44. P. 124-129. DOI: 10.1016/j.copsyc.2021.08.021*

УНИВЕРСИТЕТЫ: ИИ ВЫЗОВЫ, РАСПАД ТРАДИЦИИ И ФОРМЫ

Артамонова Марина Васильевна
(МГТУ ГА)

Аннотация. Доступ к новым технологиям ИИ остаётся неравномерным среди российских университетов что, создает риск углубления цифрового неравенства, с одной стороны, с другой стороны, применение ИИ увеличивая внутреннюю конкуренцию среди вузов. Насколько университеты готовы к изменениям содержания труда преподавателей; учебной работы студентов; распаду организации университета как единства «места–времени – принадлежности».

Ключевые слова: инновации в образовании, искусственный интеллект, высшее образование, университет, риски, студенты вузов

Искусственный интеллект стремительно меняет подходы к высшему образованию, открывая новые возможности и ставя перед академическим сообществом серьёзные вызовы. Технологии машинного обучения позволяют персонализировать учебный процесс, адаптируя содержание курсов и методику преподавания под индивидуальные потребности каждого студента. Онлайн становится ведущей формой образования [4]. В условиях массовой высшей школы, именно онлайн позволяет базовые курсы по научным направлениям получать от ведущих в соответствующих научных направлениях университетов. Это особенно актуально в условиях глобализации образования, когда университеты стремятся привлекать студентов со всего мира, обеспечивая высокое качество подготовки независимо от места проживания студентов. Современные технологии ИИ позволяют с высокой точностью в тестовом режиме осуществить «профориентацию» абитуриента, помочь выбрать образовательную программу, адаптировать темп и объем освоения программы, направления продолжения образования. Выпускнику собрать портфолио для работодателя с нужными акцентами, работодателю отобрать портфолио выпускников с необходимыми компетенциями [5].

Комплексное управление учебным процессом в университете является одной из ключевых областей ИИ. Автоматизация рутинных процессов, таких как составление расписаний занятий, организация всех форм контроля, проверка тестов и письменных работ и управление учебными материалами. Однако, этап освоения и отладки такой системы иногда приводит к бессмысленным тратам времени, только хорошо сделанная система экономит силы всех участников процессов. Преподаватели получают больше свободного времени для взаимодействия с учениками, консультирования и разработки инновационных образовательных продуктов.

Большие перспективы ИИ обращены в область технологий виртуальной реальности, ИИ позволяет создавать интерактивные среды обучения, имитирующие реальные условия профессиональной деятельности. Например, студенты авиационных вузов могут практиковать аварийные ситуации в виртуальных программах, а будущие инженеры проектировать конструкции и испытывать их устойчивость без реальных затрат материалов и ресурсов. Такие технологии повышают эффективность обучения и снижают риски ошибок на практике. Важно учитывать, что доступ к новым технологиям остаётся неравномерным среди социальных групп, создавая риск углубления цифрового неравенства, с одной стороны, с другой стороны, активное применение ИИ увеличивая внутреннюю конкуренцию среди вузов, стимулирует поиск и внедрение ИИ-технологий в университетах для совершенно различных целей.

Однако, использование искусственного интеллекта ставит ряд этических вопросов. Одна из сложнейших проблема оценки креативности и критического мышления, поскольку алгоритмы пока не способны адекватно оценивать творческие задания и проекты. С нашей точки зрения наибольшие риски утраты классической университетской подготовки заключается в прямом использовании нейросетей. Действительно ИИ обрабатывает большие объемы информации, способен осуществлять быстрый поиск и выдавать структурированный текст. Однако, сколько бы не писали в защиту его использования в образовательном процессе, очевидно, что подавляющая часть студентов пользуется ИИ не как вспомогательным инструментом, но в качестве полной замены собственной учебной деятельности. Не смотря на барьеры в виде различных ПО типа «антиплагиата», пользование ИИ, нейросетей настолько удобно и рационально, что поглощение всех видов учебной работы, кроме, пожалуй, устного воспроизводства текста (устного ответа) представляется неизбежностью, что приведет к сущностному изменению университетского образования в целом. Очевидно, новое поколения студентов будут

существенно отличаться от предыдущих [2]. Возникновение современного интернет-пространства виртуального мира привело к социальным трансформациям, которые объяснимы логикой постмодерна и которые, в частности, С. А. Кравченко назвал более 10 лет назад «нормальной аномией». Изменения представлений традиционного общества, трансформации ценностных изменений в студенческой среде, общей рационализации по Веберу: минимизации затрат делает распространение ИИ в образовании неизбежностью [3].

Таким образом, влияние искусственного интеллекта на высшее образование имеет некоторые неоспоримые положительные моменты, расширяет горизонты возможностей для преподавателей и студентов. Реализуя обучение с применением нейронных сетей, университеты смогут включиться в исследовательскую деятельность по внедрению разработок на базе нейронных сетей в техпроцессы различных производств, отраслей, создавать стартапы.

Однако, неконтролируемое, не регламентируемое распространение ИИ требует решения ряда сложных проблем. Речь идет о революционных, институциональных изменений, трансформации университета как социальной институции, пожалуй, впервые со времен средневековья, речь идет о полном распаде организации как единства «места–времени – принадлежности».

Университеты, чтобы сохранится в рамках традиционных функций, скорее всего будут вынуждены сместить акценты на обеспечение удобного комфортного, легкого, развлекательного стиля проведения времени в «период обучения», стать частью неоцивилизации спектакля для статистов [5]. И только избранные программы в избранных университетах (кем, когда, сколько) смогут готовить класс креативных созидателей, обеспечивать пополнение единичных избранных рабочих мест. Изменения очевидны, борьба за выживание требует на этом этапе активно адаптироваться к изменениям, инвестируя в развитие инфраструктуры и подготовку кадров, способствующих эффективному внедрению новых технологий и поиску собственной ниши в распаде традиционной системы высшей школы.

1. *Артамонова М. В. Отношение студентов к персоналиям российской истории // Социология в постглобальном мире: материалы всерос. науч. конф. / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб., 2022. С. 672–674.*
2. *Артамонова М. В., Соколова М. Е. Герои, антигерои современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11. С. 17–22. https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.1*
3. *Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.*
4. *Филатова, О. Н. Преимущества и недостатки дистанционного обучения / О. Н. Филатова, Е. В. Лукина, П. В. Канатьев // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №72(2). – С. 287-289.*
5. *Филатова, О. Н. Формирование инженерного мышления у обучающихся на занятиях образовательной робототехники / О. Н. Филатова, О. Ю. Рябков, Е. Л. Ермолаева // Проблемы современного педагогического образования. -2020. – № 68-4. – С. 245-247.*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Астафуров Никита Юрьевич
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева)

Аннотация. В данной работе анализируется феномен геймификации в образовательном пространстве. Рассматриваются концептуальные основы применения игровых элементов в неигровых контекстах, исследуются дидактические возможности и потенциальные риски. Особое внимание уделяется анализу барьеров, препятствующих эффективному внедрению геймификационных практик. На основе критического анализа формулируются стратегические рекомендации для образовательных учреждений.

Ключевые слова: геймификация, образовательные технологии, мотивация обучающихся, игровой дизайн, педагогические инновации.

Современное образование переживает период активной трансформации, обусловленной технологическими изменениями и эволюцией социальных запросов. Одной из значимых инновационных тенденций последнего десятилетия стала геймификация – методология интеграции игровых механик в традиционно неигровые образовательные контексты. Растущий интерес к данному феномену объясняется поиском эффективных решений проблемы снижения учебной мотивации.

Несмотря на широкое распространение термина и многочисленные попытки практического применения, научное сообщество продолжает дискуссию относительно границ данного понятия, его методологических оснований и реальной педагогической эффективности.

Хотя использование игровых форм в педагогической практике имеет многовековую историю, сам термин «геймификация» является продуктом цифровой эпохи. Его введение датируется 2002 годом, когда американский программист Н. Пеллинг использовал данное понятие для описания игровых интерфейсов электронных устройств [6]. Широкое распространение в академическом дискурсе термин получил после 2010 года.

В научной литературе представлено несколько концептуальных подходов. Классическое определение С. Детердинга характеризует геймификацию как использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах [3, 10]. Поведенческий подход А. Ветушинского рассматривает её как методологию использования метаигровых элементов с целью корректировки поведения посредством создания благоприятного эмоционального фона [1, 27]. В образовательной среде геймификацию определяют как интеграцию элементов игры в процесс обучения, способствующую повышению мотивации и вовлеченности обучающихся [4, 171].

Ключевым для понимания природы геймификации является осознание её принципиального отличия от игры. Игра представляет собой автономную реальность, обладающую внутренней логикой и самодостаточной ценностью. Её определяющей характеристикой является аутотелический этос (от греч. autos – сам и telos – цель) – ориентация на процесс, а не на внешний результат [5]. Геймификация же является инструментальной по природе: она не создает автономную игровую реальность, а накладывает игровую оболочку на существующие неигровые практики. Если игра

стремится к эскапизму, то геймификация направлена на гармонизацию утилитарных и гедонистических элементов.

Это различие имеет критическое значение для педагогической практики. Понимание того, что геймификация не подменяет процесс обучения игровой деятельностью, а лишь придаёт ему дополнительную мотивационную и эмоциональную выразительность, способствует формированию адекватного понимания её потенциала и предотвращает возникновение неоправданных ожиданий либо опасений снижения академической строгости образовательного процесса [2, 14].

Грамотно спроектированная геймификация способна существенно повысить внутреннюю мотивацию обучающихся. В отличие от традиционных форм внешнего стимулирования, игровые механики активируют потребность в достижении, стремление к мастерству, желание преодолевать вызовы оптимального уровня сложности [7]. Интерактивный характер игровых элементов трансформирует пассивное восприятие информации в активную деятельность, требующую принятия решений и решения проблем. Кроме того, геймификация создает возможности для персонализации образовательного процесса и развития метакогнитивных навыков [11].

Однако практическая реализация геймификации сталкивается с комплексом серьезных препятствий. Систематический анализ позволяет выделить три взаимосвязанные группы барьеров: кадровые, методологические и психолого-социальные.

Кадровый барьер является наиболее критическим. Дефицит необходимых компетенций у педагогов проявляется на нескольких уровнях: недостаточная цифровая грамотность, отсутствие специфических знаний в области игрового дизайна и психологии игровой мотивации, а также когнитивные стереотипы о несовместимости серьезного обучения и развлечения. Исследования фиксируют существенные квалификационные разрывы: педагоги часто оценивают собственные цифровые компетенции как недостаточные [8].

Методологический барьер связан с рисками проектирования. Наиболее распространенной ошибкой является редукция геймификации к примитивной модели очков, значков и таблиц лидеров. Такой подход часто оказывается неэффективным, поскольку опирается исключительно на внешнюю мотивацию. Другая проблема – высокие ресурсные затраты на разработку качественных игровых механик. Критически важна проблема баланса между образовательным содержанием и игровой формой: неправильно спроектированная геймификация может привести к тривиализации учебного процесса [10].

Психолого-социальный барьер включает потенциальные негативные эффекты на индивидуальном и групповом уровне. Чрезмерный акцент на соревновательных элементах может ухудшить социально-психологический климат, порождая нездоровое соперничество. Существует риск формирования игровой зависимости и утраты способности к мотивированной деятельности вне игрового контекста. Фундаментальная проблема связана с ослаблением социализирующей функции образования: если обучение полностью превращается в игру, учащиеся не получают опыта преодоления трудностей, необходимого для успешной адаптации к профессиональной и социальной реальности [9].

Эффективное внедрение геймификации в образовательный процесс требует системного подхода, который объединяет кадровую подготовку, методическое обеспечение и институциональную поддержку. Без выстраивания единой стратегии применение игровых методов рискует остаться на уровне разрозненных инициатив, не оказывающих долгосрочного влияния на качество обучения. В этом контексте особую роль играет формирование профессиональной готовности педагогов и создание условий

для устойчивого развития инновационной практики в образовательной среде. В заключении следует сказать, что геймификация представляет собой мощный инструмент повышения мотивации и вовлеченности обучающихся, однако её внедрение требует научно обоснованного подхода. Она не должна подменять образовательный процесс, а лишь усиливать его за счёт эмоциональной динамики и структурированных игровых стимулов.

1. *Ветушинский А. С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. – 2020. – №3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bolshe-chem-prosto-sredstvo-novyy-podhod-k-ponimaniyu-geymifikatsii (дата обращения: 05.10.2025).*
2. *Коберник А. Н., Осадченко И. И. Геймификация учебного процесса в высшем учебном заведении: теория и методология // Научен вектор на Балканите. – 2021. – № 1 (11) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-uchebnogo-protsessa-v-vysshem-uchebnom-zavedenii-teoriya-i-metodologiya (дата обращения: 05.10.2025).*
3. *Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From game design elements to gamefulness: defining "gamification" // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments (MindTrek '11). – New York, NY, USA: Association for Computing Machinery. – 2011. – P. 9–15.*
4. *Kapp K. M. The Gamification of Learning and Instruction: Game-Based Methods and Strategies for Training and Education. – San Francisco: Pfeiffer. – 2012. – P. 302.*
5. *Karpouzis K. What would Plato say? Concepts and notions from Greek philosophy applied to gamification mechanics for a meaningful and ethical gamification // arXiv preprint arXiv:2403.08041. – 2024.*
6. *Pelling N. The (short) pre-history of gamification, funding start-ups (& other impossibilities) // Nanodome. – 2011.*
7. *Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, № 1. – P. 68–78.*
8. *Sanchez-Mena A., Marti-Parreño J. Drivers and barriers to adopting gamification: Teachers' perspectives // Electronic Journal of e-Learning. – 2017. – Vol. 15. – P. 434–443.*
9. *Sabornido E., Garma V., Niepes G., Cabria F. Key Challenges and Barriers in Gamification: A Systematic Review // APJAET – Journal ay Asia Pacific Journal of Advanced Education and Technology. – 2022. – Vol. 1. – P. 13–19.*
10. *Sambo K. U., Shishah W., Isiaku L. Barriers to gamification adoption in education: A systematic review of cultural, technological, and institutional challenges in developing countries // Information Development. – 2025.*
11. *Tang, Lie Ming and Judy Kay. "Gamification: Metacognitive Scaffolding Towards Long Term Goals?" // UMAP Workshops. – 2014.*

ДОПОЛНЕННАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Бакулин Александр Викторович
(АЦ ВЦИОМ)

Бакулин Дмитрий Викторович
(Санкт-Петербургский университет)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности

Аннотация: Современная социокультурная реальность трансформируется под влиянием постглобализации и поствиртуализации. Рассматривается интегративный подход к изучению дополненной современности через сети, потоки, интеракции и институты в физическом и цифровом измерениях.

Ключевые слова: дополненная современность, постглобализация, поствиртуализация, медиатизация, социальные сети, потоки, интеракции, институты, сетевой анализ, гибридные социальные процессы, институциональная пластичность, интегративная методология

Введение

Современная социокультурная реальность претерпевает кардинальные изменения под воздействием постглобализации и поствиртуализации. Эти процессы формируют то, что в последние годы обозначается как **дополненная современность** – состояние социальной жизни, в котором физическое, цифровое не существуют изолированно, а взаимно конституируют друг друга [2, 45“53]. В такой реальности традиционные социологические категории – «общество», «структура», «институт» – перестают быть достаточными для анализа, так как они предполагают относительно стабильные, локализованные и иерархические формы организации социальной жизни [4, 15 – 20; 1, 14 – 15].

Постановка проблемы

Одной из ключевых проблем является **разрыв между классическими методами исследования и сложной динамикой современных социальных процессов**. Традиционные эмпирические инструменты – опросы, интервью, наблюдение – позволяют фиксировать отдельные проявления поведения, но оказываются недостаточными для анализа комплексного взаимодействия социальных феноменов в условиях цифровой среды. Социальные сети, информационные потоки, гибридные формы интеракции и институциональные структуры функционируют одновременно на нескольких уровнях: локальном, сетевом, цифровом и глобальном. Попытка изучать их **по отдельности** приводит к фрагментарному пониманию социальных процессов и игнорирует взаимовлияние между элементами, которое становится определяющим в дополненной современности [5, 3; 6, 3].

Кроме того, традиционные подходы сталкиваются с рядом специфических методологических трудностей. Во-первых, социальность в дополненной современности не ограничивается физическим взаимодействием и распространяется через **цифровые платформы, алгоритмы и информационные потоки**, которые структурируют поведение и формируют новые формы социальной координации [3, 13;]. Во-вторых, институты перестают быть статичными: они становятся гибридными и пластичными, адаптируясь к цифровым потокам и сетевым структурам, что требует переосмысления классических подходов к изучению нормативных и организационных систем [7, 62 – 64].

Таким образом, ключевой методологический вызов заключается в следующем: **как разработать системный подход, который позволит исследователю анализировать четыре формы социальной организации – сети, потоки, интеракции и институты – в их комплексной взаимосвязи**, выявлять динамику их взаимодействия и интерпретировать новые гибридные социальные процессы.

Решение этой проблемы требует интеграции нескольких методологических перспектив: **сетевого анализа**, анализа **потоков информации и аффектов**, микросоциологических подходов к **интеракциям** и **институциональной теории**, которые

вместе позволяют рассматривать социальность как комплексный, динамический и взаимосвязанный феномен. Только такой подход даёт возможность увидеть, как цифровые и физические пространства, микро- и макроуровни взаимодействий, формальные и неформальные институты совместно конструируют социальные процессы и трансформации современного общества.

В контексте дополненной современности важно видеть социальное как динамическую систему взаимосвязей, где каждое проявление – будь то поток информации, сетевое соединение или институциональная адаптация – влияет на другие элементы. Это открывает возможность перехода от описательной социологии к **интегративной социологии**, ориентированной на анализ социальной реальности как целостной системы взаимосвязанных элементов, что позволяет более полно понять сложные социальные процессы.

Поэтому в основе подхода должен лежать принцип многомерного анализа: один и тот же объект изучается одновременно в его физическом присутствии, цифровой репрезентации и в потоках социальных и информационных взаимодействий, что позволяет фиксировать взаимное влияние сетей, потоков, институциональных норм и интеракций, выявляя механизмы, которые формируют социальные процессы в гибридной среде. Например, поведение участника в офлайне не может быть полноценно интерпретировано без учета его активности в цифровых сетях, потоков информации, к которым он подключен, и институциональных контекстов, определяющих правила взаимодействия.

Для реализации этой методологии предлагается применять **комбинацию взаимосвязанных методов**. Социальные сети анализируются через SNA (Social Network Analysis), что позволяет выявить узлы и структуры взаимодействий как в физическом, так и в цифровом пространстве. При этом результаты SNA уточняются и обогащаются данными цифровых следов – активности в социальных сетях, платформах и онлайн-сервисах, фиксирующих поведенческие паттерны и потоки информации. Эти цифровые данные создают карту потоков, которые структурируют социальные связи и формируют контексты интеракций.

Для глубокого понимания мотиваций и смыслов, стоящих за наблюдаемыми паттернами, используются **глубинные интервью и фокус-группы**, которые позволяют исследователю интерпретировать результаты сетевого и потокового анализа в контексте индивидуальных и коллективных практик. Опросы дополняют эти методы, обеспечивая возможность проверки гипотез и выявления общих закономерностей на больших выборках. Взаимосвязь методов заключается в том, что каждый из них фиксирует разные измерения одного и того же объекта: SNA выявляет структуру, цифровые следы фиксируют динамику потоков, интервью и фокус-группы раскрывают мотивации, а опросы позволяют обобщить и систематизировать данные. В совокупности они создают **интегративную картину социального явления**, учитывающую физические и цифровые измерения.

Методика также включает анализ **институциональной пластичности**, где правила, процедуры и нормы изучаются через их проявления в цифровом и физическом пространстве. Например, изучение образовательных практик или организационных процедур требует фиксации как формальных правил, так и их воплощения в цифровых платформах и сетевых взаимодействиях. Связь институционального анализа с сетевым и потоковым измерением позволяет выявлять, как нормы и правила формируют и трансформируют поведение участников, а также как цифровые инструменты влияют на институциональные процессы.

Таким образом, предложенная методика позволяет **интегрировать различные формы социальной организации** в единую аналитическую рамку, фиксируя взаимодействие сетей, потоков, интеракций и институтов в их физическом и цифровом проявлении. Она обеспечивает системное понимание дополненной современности, позволяя исследователю не просто описывать социальные объекты, но и анализировать **механизмы их взаимной конституции**, выявлять закономерности и динамику гибридных социальных процессов.

1. *Гидденс, Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с. – (Серия «Образ общества»).*
2. *Иванов, Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44–55.*
3. *Манович, Л. Программное обеспечение берёт власть / Л. Манович. – М.: Вильямс, 2013. – 512 с.*
4. *Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.*
5. *Полонская, И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6.*
6. *Рейни, Л., Уэллман, Б. Networked: новая социальная операционная система / Л. Рейни, Б. Уэллман. – Кембридж, Массачусетс : Пресса Массачусетского технологического института (MIT Press), 2012. – 376 с. – ISBN 978-0-262-30040-7.*
7. *Флигстин, Н., Макадам, Д. Теория полей // Экономическая социология. – 2022. – № 1.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Бурганова Лариса Агдасовна
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Мягков Герман Пантелеймонович
(Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова)

Юрьева Оксана Владимировна
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Аннотация. Проблема использования искусственного интеллекта в высшем образовании и в России, и за рубежом вызывает широкий научный резонанс, порождает многочисленные дискуссии о его преимуществах и рисках. Авторы обращают особое внимание на такие риски использования искусственного интеллекта, как дегуманизация образования, связанная с технологизацией процесса преподавания, и опасность нарушения академической честности. Подчеркивается важность сохранения живого общения между преподавателями и студентами, без которого невозможно обеспечить передачу от преподавателей к студентам неявного, личностного знания. Актуализируется необходимость сохранения гуманитарной миссии университетов.

Делается вывод о том, что для минимизации рисков в высшем образовании важно развивать взвешенный, критический подход к искусственному интеллекту, стремиться сохранять баланс между технологиями искусственного интеллекта и человеческим фактором.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, студенты, риски, дегуманизация образования, цифровая этика, гуманитарная миссия университета.

Использование искусственного интеллекта давно вышло за рамки технологического эксперимента, он последовательно и необратимо внедряется в различных сферах современной экономики и общественных отношений: на транспорте, в юриспруденции, банковской деятельности, медицине, страховании, прогнозировании различными процессами, в космических исследованиях, государственном управлении, обеспечении национальной безопасности. Образовательная сфера и прежде всего институты высшего образования также вовлечены в глобальные процессы изменения технологического уклада под воздействием искусственного интеллекта. При этом отметим особую роль высшего образования в реализации национальной стратегии развития искусственного интеллекта, особенно в решении таких задач, как развитие навыков использования технологий искусственного интеллекта выпускников вузов, повышения в целом уровня их компетентности в области искусственного интеллекта и уровня информированности о его технологиях.

Проблема взаимодействия искусственного интеллекта и высшего образования и в России, и за рубежом вот уже много лет является предметом острых дискуссий [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9]. Наибольший резонанс вызывает обсуждение таких его рисков, как дегуманизация образования и опасность нарушения академической честности. В первом случае беспокойство исследователей связано с риском чрезмерного увлечения преподавателей технологиями машинного обучения (например, использование в образовательном процессе аватаров и чат-ботов для консультирования, тестирования и оценки знаний), во втором – с этическими рисками использования технологий искусственного интеллекта (проблемы с защитой и использованием личных данных преподавателей и студентов, обеспечением равных возможностей для всех студентов в использовании искусственного интеллекта, сложностью контроля за его применением и т. д.).

Реализация ряда преподавательских функций с помощью технологий искусственного интеллекта, с одной стороны, позволяет в идеале снять значительный пласт ответственности с преподавателей и освободить их от рутинной работы со студентами особенно в таких аспектах их деятельности, как подготовка структурированных и информативных учебных материалов, включая тесты и практические задания, а также проверка заданий, контроль успеваемости т.п., и таким образом дать им возможность сосредоточиться на более творческих и интеллектуальных аспектах образования. С другой стороны, системам автоматизированного обучения и оценивания пока не свойствен антропоморфизм, у них имеются проблемы особенно с проверкой творческих заданий, требующих оригинальности и креативности, поскольку в подобных заданиях не может быть единственного правильного решения.

Имеется и другой аспект проблемы технологизации процесса преподавания: сокращение живого общения между преподавателями и студентами, что в целом сужает возможности передачи от преподавателей к студентам неявного знания, обеспечивающего передачу неповторимого личностного опыта преподавателя. М. Полани утверждает, что получаемая через органы чувств информация значительно богаче той, что проходит через сознание, и «человек знает больше, чем может сказать» [4, 131]. Речь идет об особых социально-психологических отношениях, возникающих в рамках научного или педагогического сообщества между учителем и учеником, обеспечивающих сохранение традиций профессионального сообщества [5]. Это происходит на фоне начавшегося процесса переосмысления гуманитарной миссии университетов, в целом всей идеологии

университетского образования, высших ценностей университетской этики, основу которой во все времена составляли такие моральные принципы и социальные ценности, как интеллектуальное и нравственное развитие, единство преподавания и исследования, служение в профессии, академическая свобода, автономия и социальная роль университета. Следует согласиться, к сожалению, с прогнозом А. Ю. Согомонова, что цифровизация образования и использование искусственного интеллекта «обрушит традиционную университетскую культуру и сформирует новую ценностно-нормативную среду и постклассическую университетскую этику» [6, 50]. Что, собственно говоря, представителями старшего поколения преподавательского корпуса уже наблюдается и очень болезненно воспринимается. По существу, можно говорить пока о параллельном сосуществовании образовательных реальностей в системе высшего образования: одна из них основана на классической прикладной этике университетов, другая – на новых моральных дилеммах, в основе которой цифровая этика, которая постепенно начинает занимать главенствующее положение в системе ценностей университетов в силу преобладания виртуальных онлайн-коммуникаций над реальными оффлайн-коммуникациями. Она формируется в условиях интервенции, с одной стороны, иерархически-бюрократической культуры, с другой – предпринимательской, породившей такую форму «сделки» между преподавателем и администрацией, как «эффективный контракт». Что станет итогом такой гибридизации, покажет время, но вполне очевидны такие результаты, которые уже отрефлексированы университетским сообществом. Речь идет о сужении академических свобод, падении престижа преподавательского труда, усилении роли и статуса административного аппарата, бюрократизации управления и т. д.

Дополнительную остроту этическому аспекту интеграции искусственного интеллекта в высшее образование придает факт усложнения объективной оценки знаний студентов на фоне общедоступного доступа к генеративным моделям искусственного интеллекта, к чат-ботам, например, такому, как ChatGPT от OpenAI, который может генерировать любые тексты, включая рефераты, эссе, дипломные работы. Можно понять опасения университетской общественности, отдельные представители которой требуют запретить использование искусственного интеллекта при выполнении научных работ студентов и аспирантов, чтобы они не утратили способность к самостоятельному анализу и критическому мышлению. На наш взгляд, эту проблему не решишь введением административных мер, санкций. Искусственный интеллект – это технологии, которые расширяют наши познавательные возможности, их нельзя запретить. Необходимо обучить студентов этическим основам их использования, формировать их критическое мышление, позволяющее убедиться в достоверности получаемой информации из цифровых источников.

Таким образом, результаты произошедшей технологической трансформации в системе высшего образования нуждаются в серьезном анализе как с точки зрения преимуществ внедрения искусственного интеллекта в учебный процесс, так и рисков, порождаемых им. Необходим взвешенный, критический подход к искусственному интеллекту, важно сохранять баланс между технологиями искусственного интеллекта и человеческим фактором.

1. *Бурганова Л. А., Юрьева О. В., Кукушкина О. Ю. Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 241-246.*
2. *Давыдова Г. И., Шлыкова Н. В. Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования // Вестник практической психологии образования. 2024. № 21(3). С. 62–69. – URL: https://doi.org/10.17759/bppe.2024210308*

3. *Миркушина Л. Р. Искусственный интеллект и этические аспекты в современном образовании. М.: МГПУ, 2023. Т. 1. С. 178–181.*
4. *Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: 1985. 344 с.*
5. *Мягков Г. П., Бурганова Л. А. Цифровизация образования в контексте явного и неявного знания //Университет как фактор модернизации России: история и перспективы (к 55-летию ЧГУ им. И.Н. Ульянова): материалы междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2022. С. 310-312.*
6. *Согомонов А. Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 48-63.*
7. *Субботина М. В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 176-183.*
8. *Шобонов Н. А., Булаева М. Н., Зиновьева С. А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-4. С. 288–290.*
9. *Abbas M., Jam F.A., Khan T.I. Is it harmful or helpful? Examining the causes and consequences of generative AI usage among university students // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. Vol. 21. No. 10. P 1-22.*

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ТРУДА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Вербин Анатолий Александрович
(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Аннотация. Излагаются изменения, произошедшие в производственной сфере, и реакция молодых наемных работников на эти изменения

Ключевые слова: изобретение новых орудий труда и технологий, изменения в характере труда, цифровые технологии, роботизация, технология искусственного интеллекта, дистанционная работа

Является общеизвестным, что изобретение человеком новых орудий труда и новых технологий, меняют способы производства его средств существования и орудий труда. Но кроме того, этот же процесс существенно меняет и сам характер труда, сокращает затрату физических и умственных усилий человека, меняет формы досуга, типы поведения и привычки. В настоящее же время этот процесс заметно отличается от предыдущих периодов, поскольку вносит новый аспект в этот процесс. Дело в том, что цифровизация общества, развитие новых форм автоматизации (роботизация, использование технологии искусственного интеллекта, вытесняющие с рынка труда теперь уже и наемных работников творческих профессий) вызывают еще более радикальные изменения в организации производственных процессов общества. А прошедшая, как принято говорить, пандемия ковида-19 создала повод для введения дистанционной формы выполнения производственных процессов, т. е. новое издание надомного труда, позволяющего работодателю, использовать уже не только рабочую силу работника, но и его собственные орудия труда. Так называемые мессенджеры, позволяющие мгновенно связываться с наемным работником, дают возможность работодателю вводить «гибкий график работы» для работника, обеспечивающий ему еще более изощренно манипулировать его рабочим временем по своему усмотрению, а различные системы видеосвязи позволяют еще более пристально и практически постоянно контролировать нахождение и действия работника на рабочем месте, включая наблюдения за действиями работников, находящихся в движении по заданному маршруту (например, водителей транспортных средств).

Неолиберальная модель экономики, получившая свое распространение с первого президентского срока Р. Рэйгана в США и премьера М. Тэтчер в Англии и начавшаяся с

разгрома профсоюза авиадиспетчеров в США и профсоюза шахтеров в Англии, уже тогда вызвала негативные последствия для наемных работников (существенное сокращение контрактов на постоянной основе и, соответственно, увеличение временных контрактов, удлинение рабочего времени, понижение оплаты труда, практическое исчезновение профсоюзов в рабочих коллективах, которые оказывали положительное влияние на содержание контрактов, сокращение социальных выплат). А с «падением коммунизма», т.е. некой альтернативы капиталистической форме организации общества, неолиберальная модель экономики приобрела глобальный характер, охватив еще более широкий сегмент населения нашей планеты и перенеся на него все эти ее неблагоприятные условий труда. Уже тогда соответствующие исследования свидетельствовали о неблагоприятных последствиях неолиберальных реформ [1, 24 – 28; 60 – 65]. Поскольку этот процесс не останавливается, а новые информационные технологии вносят свой негативный вклад, то современные исследования констатируют уже не просто ухудшение экономического положения наемных работников и их условий труда, но даже и падение продолжительности жизни граждан [5; 2, 25 – 26].

Когда вместе с объявлением пандемии ковида-19 появилась дистанционная форма труда, исследователи отметили очевидную и четкую корреляцию между работой из дома и высоким положением и заработком работающего, причем наиболее высокий процент работающих дистанционно был зафиксирован у наиболее высокооплачиваемых работников. Тогда как среди имеющих наименьшую оплату труда дистанционная работа была наименее распространена. Причем, когда пандемия была официально отменена, вернуться на рабочее место было предложено только низкооплачиваемым сотрудникам, тогда как высокооплачиваемые работники продолжают работать в основном дистанционно. Таким образом, исследователи делают вывод о том, что работа из дома стала привилегией богатых [3].

В предшествующие десятилетия неолиберальная пропаганда наводняла общественное пространство стандартной пропагандой, представляя рынок труда как среду свободного выбора для автономного индивида (наемного работника) наиболее выгодного рабочего места, гибкого графика работы, призвала его быть изобретательным, гибким, своевременно выбирать новые предложения на рынке, открываемые новыми технологиями, будто бы предлагающими некие небывало выгодные предложения для наемных работников. На деле же никаких новых возможностей для наемных работников не появилось, тогда как наемный работник вовлекался в постоянную смену кратковременных рабочих мест. В реальности же такая картина создавала искусственную «текучку кадров», нестабильные рабочие коллективы, в которых не могли создаваться прочные отношения между участниками производственного процесса и, соответственно, благоприятные условия для создания профсоюзов. И теперь же, когда на рынке труда появилось новое поколение, (поколение Z, т. е. родившихся после 1995 года), оно по-новому воспринимает пропаганду неолиберализма. Благодаря тому, что с самого своего сознательного детства это новое поколение росло вместе с цифровизацией общества и, будучи поэтому более осведомленными относительно текущей информации, это поколение является более радикальным в своем отношении к текущим политическим событиям и социальным проблемам. Это видно из нынешних активных и шумных политических выступлений студентов в американских университетах (выступления в защиту Палестины). Отношение этого поколения к работе, найму также стало иным. Как пишет английский социолог О. Моулд, новое поколение не видит никакие новых благоприятные перспективы, предлагаемые новыми технологиями. Напротив, имея

небывалые в истории Америки долги перед банками, взятые на учебу в вузах, и не видя перспектив его погашения, «быстрое сокращение новых вакансий, или просто исчезновение рабочих мест, которые когда-то позволяли работнику надеяться попасть в средний класс, оно видит, что пропагандистские обещания оказались грандиозным провалом» [4]. В этих условиях это поколение и, в частности, студенческая молодежь выступают за реформы. Именно это отношение нового поколения выразилось в небывало высоком для Америки участием молодежи в президентских выборах в пользу Д. Трампа в 2024 году, обещавшего сделать Америку снова великой.

Поэтому это поколение стремится найти, как они выражаются «работодателя на долгий срок или на всю жизнь», как это было когда-то у их родителей. Они хотят стабильности в работе, хороший трудовой коллектив вместо «прыгания с места на место» в поисках какого-то «мифического рабочего места мечты». Вторая новая черта нового поколения, отмечаемая социологами, это, как пишет О. Моулд, «опаленность пропагандой». Это поколение росло вместе с небывалым насыщением общественного пространства пропагандой, и оно привыкло «расшифровывать его». И оно демонстрирует это. Представители этого поколения хотят, чтобы у них ценили человеческое достоинство, а не рассматривали бы их как «взаимозаменяемые винтики в бездушной атмосфере бизнеса». Еще одна новая характеристика нового поколения состоит в том, что его представители больше ценят более гуманную среду на рабочем месте. Они стремятся «найти баланс между работой и жизнью». Вместо стремления заработать как можно больше, стремления подняться как можно выше по служебной лестнице за счет более гуманной рабочей обстановки, они стремятся к уважению, цели в жизни, которая бы не «крутилась только вокруг работы».

Если эти наблюдения социологов справедливы, а отмеченные ими черты нового поколения не скоротечны, то, как представляется, появляется надежда появления новой волны выступлений молодежи, сходных с протестами в 1960-х и 1970-х годах в США, которые привела к уходу США из Вьетнама и проведению этой страной менее агрессивной политики.

1. *Вербин А. А. От рыночной экономики к рыночному обществу. Социологический анализ. СПб.: СПГУТД, 2010.*
2. *Вербин А. А Общество псевдореальностию. СПб.: Астерион, 2025.*
3. *Greenley R. Packed Cubicles, empty corner office: remote work is increasingly a right of the rich. // The New York Times, 20.12.2024. URL: https://www.nytimes.com/2024/12/20/opinion/remote-work-rto.html.*
4. *Mould O. Why are gen Z shunning 'hustle culture' in favour of long-term jobs? // The Guarduan, 8.01.2025. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/jan/08/gen-z-hustle-culture-jobs-workers-stability.*
5. *Thomas T. UK life expectancy falls to lowest level in a decade // The Guardian, 11.01.2024. URL: https://www.theguardian.com/society/2024/jan/11/uk-life-expectancy-falls-to-lowest-level-in-a-decade.*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ТРУДА: ОТ CAD-СИСТЕМ К ИИ-АССИСТЕНТАМ И НОВЫМ ФОРМАМ ОТЧУЖДЕНИЯ

Вербицкая Анна Кирилловна
(Московский авиационный институт (МАИ, национальный исследовательский университет))

В последние годы цифровая трансформация инженерного труда характеризуется переходом от классических CAD-систем к интеграции искусственного интеллекта,

облачных платформ и автоматизации рабочих процессов. Изменяется не только инструментарий инженера, но и сама природа труда, его содержание, формы организации и социальные последствия. Современные исследователи цифрового общества фиксируют сдвиг от изучения отдельных технологий к анализу комплексных изменений в структуре труда, производительных сил и идеологии. Инженерный труд становится все более виртуализированным, распределенным и зависимым от цифровых платформ [4].

Появление новых профессий, таких как, инженеры по ИИ, архитекторы цифровых систем, специалисты по цифровой лингвистике и кибердетекции, изменило рынок инженерных специалистов. Появление новых направлений не только открывает новые возможности и расширяет понятие «инженер», но и изменяет восприятие этой профессии, что способно вызвать дополнительные конфликты. Примечательно, что ассоциативное восприятие термина «инженер» кардинально различается: для старшего поколения это создатель материальных объектов, тогда как для младшего – архитектор цифровых систем. Возникает своеобразный парадокс, когда работа в IT считается престижной, а на производстве – менее привлекательной, создавая необходимость не только подготовки новых специалистов, но и поддержания престижа классических направлений, параллельно внедряя в них современные технологические решения. Определяя необходимость воспитания инженеров нового поколения, рост значимости облачных решений, цифровых двойников и генеративных ИИ-ассистентов, однако, не отменяет потребности в традиционных специалистах. Изменение молодежных представлений о профессии способно вызвать перекос в специализации – уход в сторону цифровой инженерии, отказ от традиционных форм инженерного труда, что делает актуальным сохранение и развитие привлекательности всей сферы в целом, поскольку общество нуждается как в IT-специалистах, так и в традиционных инженерах [2; 6; 7].

Изменение характера и содержания труда инженеров обусловлено стремительной автоматизацией и цифровизацией рабочих процессов: рутинные операции постепенно исчезают, уступая место задачам, связанным с анализом данных, управлением цифровыми моделями и взаимодействием с ИИ-ассистентами. Одновременно гибкие формы занятости и удаленная работа становятся нормой, что требует как новых профессиональных компетенций, так и адаптации самих работников, компаний, и, что немаловажно, законодательной базы. В этих условиях переобучение и повышение квалификации выходят на первый план – 94 % компаний уже инвестируют в переподготовку кадров для эффективной работы с ИИ и цифровыми платформами [4; 6]. Данные трансформации не только расширяют само понятие «инженер», но и формируют новые вызовы, связанные с необходимостью баланса между внедрением передовых технологий и сохранением престижа традиционных инженерных специальностей.

Сегодня развитие производительных сил в инженерной сфере напрямую связано с внедрением ИИ-агентов и цифровых двойников, которые позволяют оптимизировать производственные процессы, сокращать сроки модернизации на 40–50% и снижать затраты на внедрение новых технологий [4]. Одновременно автоматизация проектирования и технического обслуживания с использованием ИИ и облачных платформ значительно повышает как производительность труда, так и качество инженерных решений [3]. Изменения не только ускоряют технологическое обновление в сфере, но и формируют новые требования к компетенциям инженеров, подчеркивая необходимость интеграции передовых цифровых инструментов даже в традиционные направления инженерной деятельности. Такое интенсивное и всеобъемлющее проникновение цифровых технологий в инженерную сферу требует не только изменений в образовательном процессе молодых специалистов, но и регулярного повышения

квалификации у тех, кто уже получил профессию, что способно создать ряд трудностей как для работодателей, так и для образовательных организаций [2; 7].

Трансформация потребительского производства все больше определяется цифровизацией нормативной базы: цифровые стандарты и регламенты становятся основой для сертификации и контроля качества продукции [1]. Онлайн-платформы и автоматизированная экспертиза документов значительно ускоряют процессы стандартизации и внедрения инноваций, делая их более гибкими и оперативными. Одновременно применение блокчейн-сертификатов и цифровых реестров обеспечивает прозрачность цепочек подтверждения соответствия и надежную защиту от подделок [4]. Эти изменения не только повышают доверие к продукции и упрощают регуляторное сопровождение, но и формируют новые требования к инфраструктуре и компетенциям участников рынка, включая производителей и органы контроля. Такое глубокое внедрение цифровых решений в систему обеспечения качества требует адаптации как нормативно-правовой базы, так и профессиональных практик, что создает вызовы как для бизнеса, так и для институтов стандартизации и сертификации [5].

Рост производительности и гибкости труда в условиях цифрового общества сопровождается серьезными социальными противоречиями: усиливается риск социальной эксклюзии, нестабильности трудовых отношений и отчуждения работников от результатов их деятельности [2; 6]. Автоматизация и искусственный интеллект, с одной стороны, повышают уровень контроля и прозрачности процессов, но с другой – могут подавлять автономию и творческое начало, лежащее в основе инженерного труда [3]. Одной из первоочередных задач становится адаптация системы социальной защиты и трудового законодательства к новым реалиям цифрового рынка труда, что создает своеобразный вызов для регуляторов, пытающихся угнаться за технологическим прогрессом [2; 6; 7]. Такое противоречивое развитие цифровой трансформации требует не только технологических, но и глубоких институциональных решений, сопряженных с воспитанием у всех участников процесса высоких моральных и этических норм, способных сохранить баланс между эффективностью и человеческим измерением труда – что создает сложности как для государства, так и для работодателей и самих специалистов.

В условиях стремительной цифровой трансформации инженерной деятельности особую актуальность приобретают исследования, направленные на понимание глубинных изменений в характере труда и социальных отношениях. К числу перспективных направлений относится изучение влияния ИИ-ассистентов на инженерный труд и возникающие при этом формы отчуждения. Не менее значим анализ социальных последствий автоматизации и цифровизации производственных процессов – включая трансформацию трудовых отношений, риски неравенства и изменения в профессиональной идентичности [6; 7]. Параллельно требуется системная работа по переосмыслению профессиональных стандартов и адаптации образовательных программ для инженеров, чтобы обеспечить соответствие новым технологическим и рыночным реалиям [2]. Наконец, все большее внимание должно уделяться разработке новых форм контроля, сертификации и защиты интеллектуальной собственности в цифровом обществе, где традиционные механизмы часто оказываются недостаточными [1; 4; 5]. Эти направления исследований не только отвечают вызовам современности, но и закладывают основу для устойчивого и социально ответственного развития инженерной сферы в эпоху цифровых технологий.

Цифровая трансформация инженерного труда, характеризуясь переходом к интеграции искусственного интеллекта и облачных платформ, влечет за собой

фундаментальные изменения не только в инструментарии, но и в самой природе инженерной деятельности. Расширяя понятие «инженер» и порождая новые профессии, она одновременно обнажает глубокие социальные и институциональные противоречия, связанные с рисками отчуждения, трансформацией трудовых отношений и возникновением дисбаланса в престиже различных инженерных специализаций. Разрешение этих вызовов требует комплексного подхода, сочетающего технологические инновации с глубокой адаптацией образовательных программ, профессиональных стандартов, нормативно-правовой базы и систем социальной защиты, что в совокупности должно обеспечить устойчивое и социально ответственное развитие инженерной сферы в новую цифровую эпоху.

1. *Итоги работы в сфере стандартизации за 2020 год [Электронный ресурс] // АНО «Центр национального конгресса». – URL: https://xn----itbb6amdbkd1b.xn--p1ai/rezultatyi-rabotyi-v-sfere-standartizatsii-za-2020-god/*
2. *Основные тренды современного рынка труда: цифровизация, удержание талантов, трудовая миграция / Т. В. Сувалова, Р. А. Ашурбеков, О. С. Сувалов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – № 2. – С. 50–55*
3. *Промышленность 4.0: как IoT и ИИ меняют производство [Электронный ресурс] // IT Week. – 2024. – URL: https://www.itweek.ru/industrial/article/detail.php?ID=231172*
4. *Тренды цифровой трансформации в 2025 году: практическое руководство для бизнеса [Электронный ресурс] // ISsoft. – 2025. – URL: https://issoft.by/blog/trendy-cifrovoy-transformacii-v-2025-god/*
5. *Цифровая трансформация – 2025: вызовы и возможности [Электронный ресурс] // Центр национального конгресса. – URL: https://www.cnconf.ru/events/cifrovaya_transformaciya_2025.shtml*
6. *Цифровизация и рынок труда: кадровый дефицит и новые компетенции [Электронный ресурс] // 1economic.ru. – URL: https://1economic.ru/lib/122983*
7. *Эксперты ВШЭ: как меняется рынок труда в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2024. – URL: https://issek.hse.ru/news/1033038241.html*
8. *Юбилейная конференция «Цифровая трансформация – 2025» [Электронный ресурс] // Деловой интернет-агентство (dia.ru). – 2024. – URL: https://dia.ru/news/4648*
9. *Digital Operational Resilience Act (DORA) и другие регуляторные вызовы: тренды цифровой трансформации в финансовом секторе [Электронный ресурс] // ISsoft. – 2025. – URL: https://issoft.by/blog/trendy-cifrovoy-transformacii-v-2025-god/*

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ, ОЖИДАНИЯ И ОПАСЕНИЯ

Видясова Людмила Александровна
(Университет ИТМО)

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-00217 «Дифференциация практик использования технологий искусственного интеллекта в среде жителей мегаполиса: социологический анализ».

Аннотация. В докладе представлены результаты опроса 500 жителей Петербурга об их отношении к технологиям искусственного интеллекта, уровне их использования, ожиданиях и оценке сопутствующих рисков. В результате исследования отмечен определённый уровень техно оптимизма петербуржцев, а также обнаружены те сферы, которые вызывают опасения для внедрения ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, горожане, риски искусственного интеллекта, информационное потребление, опрос

Понятийный аппарат, теоретические концепты и методы исследования цифрового общества, по мнению ряда исследователей [1, 2, 3], находится в стадии формирования. Проникновение новых технологических решений в жизни людей приводит к необходимости обращения внимания на новые феномены, к которым относятся технологии искусственного интеллекта (ИИ), а также их подробному изучению. Искусственный интеллект представляет собой «комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные процессы человека» [4]. В современной социологии ИИ рассматривается не просто как техническое явление, а как феномен, который трансформирует социальную реальность, внедряясь в повседневную жизнь, встраиваясь в социальные практики.

В докладе представлены результаты социологического исследование проникновения практик использования ИИ в среде жителей мегаполиса на примере Санкт-Петербурга. Исследование было проведено в апреле 2025 г. методом онлайн анкетирования жителей города, выборка 500 человек (репрезентативная по половозрастной структуре для горожан – Интернет-пользователей в возрасте от 18 лет и старше). В исследовании оценивались практика использования ИИ, осведомленность о нем, эмоциональные реакции пользователей, информационное потребление контента в сфере ИИ и доверие ему.

По результатам опроса, большинство опрошенных имеют представление о технологиях искусственного интеллекта (65%). Наиболее популярными являются чат-боты с генеративным искусственным интеллектом (например, ChatGPT), которыми пользуются регулярно примерно четверть участников исследования (25,3%). Система навигации и онлайн картографирования используется большинством регулярно (37,5%). Сервисы для обучения также востребованы (около 18,4% используют регулярно). Умная бытовая техника привлекает внимание многих: треть опрошенных заявили, что использовали её хотя бы однажды, а каждый третий пользуется ею регулярно (35,3%).

Высокий уровень доверия к технологиям ИИ отмечается у респондентов в бытовой сфере (44,1 % считают технологии надежными), однако доверие снижается при рассуждении о возможности использования ИИ в медицине и сфере обучения (соответственно 41,5 % и 45,9 %). Большинство (более 50 %) полагает, что технологии улучшают качество жизни и делают её безопаснее.

Информационное потребление контента по теме ИИ характеризуют следующие тенденции: более половины опрошенных (57,5 %) проявляют интерес к тематике ИИ, причем наиболее популярны новостные медиа (25,7 %), специальные Телеграм-каналы (14,8 %) и соцсети (17 %). Интерес сосредоточен вокруг общих обсуждений, экспериментов и оценке эффективности технологий.

Опасения жителей Петербурга в связи с использованием ИИ связаны с оценкой высокого риска того, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля человека: практически треть выразили серьезные опасения. Почти каждый шестой считает, что из-за расширения практики ИИ ослабнут социальные связи между людьми. Кроме того, каждый третий опрошенный выразил мнение о том, что по мере расширения использования ИИ будут снижаться когнитивные способности людей. Только 8% опрошенных не видят никаких положительных эффектов от технологии ИИ.

Также, по мнению четверти опрошенных, ИИ может причинить вред здоровью людей при использовании в медицинских учреждениях. В целом, при оценке применения

новых технологий в сферах медицины и образования, петербуржцы выражают более осторожные оценки.

Исследование позволило получить информационный срез об осведомленности, ожиданиях и опасениях жителей города, связанных с использованием технологий ИИ.

1. *Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №1. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790*
2. *Lupton D. Digital Sociology. London, New York: Routledge, 2015.*
3. *Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019.*
4. *Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 20–29. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29*

КРАУДСОРСИНГ КАК НЕФОРМАЛЬНАЯ ФОРМА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАНЯТОСТИ

Вишнякова Эльмира Мамедовна
(ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»)

Ковалева Елена Олеговна
(ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»)

Ковалев Андрей Вадимович
(ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»)

В трансформирующемся обществе все большее число отношений переводится в цифровое поле. Это проявляется и в политической, социальной, духовной сферах жизни, но в большей степени имеет отношение к экономической. Экономическая сфера включает в себя не только производство, распределение и потребление благ, но и социально-трудовые отношения. В зависимости от различных факторов социально-трудовые отношения могут строиться определенным образом, однако везде субъектами выступают работник, работодатель и государство. Характер их взаимосвязи предопределяет форму занятости работника. Однако все больше утверждается тенденция неформальной занятости и перевода социально-трудовых отношений в цифровое поле.

В отличие от формальной неформальная занятость наделяет работника рядом преимуществ: возможность работы в удобном месте и в удобное время, возможность совмещения различных видов деятельности, возможность выбора графика и условий работы. Особенно это актуально для удаленной работы через интернет.

Одним из вариантов неформальной формы трудовых отношений и занятости является краудсорсинг.

Краудсорсинг – **форма трудовых отношений, при которой определенные трудовые функции передаются неопределенному кругу лиц, организованному через компьютерные сети для совместной деятельности** [4, 17]. При этом работодатель или заказчик, используя интернет-платформу, запрашивает необходимую услугу. Исполнители, участники данной интернет-платформы, выбирают интересные для себя проекты и участвуют в выполнении какой-либо работы [11].

Процесс краудсорсинга можно охарактеризовать с точки зрения социально-экономических, управленческих и организационных аспектов.

Участниками данного процесса являются заказчики (коммерческие и некоммерческие организации, государство) и исполнители (краудсорсеры) [11];

– «возможности рассматриваемого инструмента для решения задач управления деятельностью компании» [6, 65] и «повышения качества продукта или услуги» [6, 65];

– государство решает общественно значимые проблемы [6, 65]: улучшение городского пространства, социальные проекты;

– нет необходимости организовывать рабочее место исполнителю, планировать адаптацию, передавать отчеты в Пенсионный фонд, выплачивать пособие по нетрудоспособности, планировать отпуск;

– небольшие финансовые вложения, так как зачастую краудсорсеры выполняют работу бесплатно, либо за небольшое вознаграждение. В качестве вознаграждения могут быть использованы пользование пакетами услуг организации, подарочные сертификаты;

– поиск квалифицированных специалистов для дальнейшего трудоустройства.

Для организации крауд-проекта заказчику необходимо создать или использовать уже готовую платформу. Это могут быть специализированные внутренние платформы или свободные информационные пространства для размещения разнообразной информации.

Преимуществами участия в крауд-проектах для исполнителей являются:

– возможности принимать участие только в интересных проектах или проектах соответствующих сфере профессиональных интересов, такая работа приносит удовлетворение;

– работа выполняется удаленно: в удобном месте, в удобное время, что особенно актуально для людей с ограниченными возможностями;

– возможность общения с единомышленниками, расширение сферы контактов;

– расширение собственного опыта и рост профессиональной компетентности;

– возможность совмещать с другой работой;

– нет необходимости подтверждать квалификацию (предоставление документов об образовании, сертификатов о повышении квалификации, портфолио);

– дополнительный источник доходов или привилегий;

– возможность попасть в поле зрения будущего работодателя, что в дальнейшем может перерасти в формальную занятость.

Наряду с преимуществами можно выделить и недостатки участия исполнителей в крауд-проектах:

– отсутствие законодательной базы, регулирующей данную форму трудовых отношений в отношении прав и обязанностей, а также ответственности;

– трудности в защите и установлении авторских прав;

– минимальная оплата или ее отсутствие;

– трудности в расчетах, связанных с расчетом вознаграждения. Это имеет отношение к определению коэффициента полезного действия. Чье предложение было самым интересным, а чье промежуточным, но при этом носящим роль «смертельного камня».

При внутреннем краудсорсинге исполнителями являются сотрудники самой организации. Такой вариант крадсорсинга более безопасен, в связи с тем, что информация остается внутри компании и не разглашается. Однако, зачастую, проблемы требуют участия экспертов высокой квалификации, отсутствующих в организации.

Внешний краудсорсинг позволяет привлечь к решению проблем большее число специалистов, что может способствовать более эффективному решению. Вместе с тем актуальным становится вопрос выбора и привлечения участников, а также сохранения информации и опасность использования ее в интересах бенчмаркинга.

Вне организаций и трудовых отношений краудсорсинг может принимать характер социального, например, для «привлечения к решению задач инновационной деятельности граждан с целью использования их потенциала, творческих способностей, знаний и опыта на добровольных началах» [8].

В благотворительной и инвестиционной деятельности для сбора средств с большого числа людей на какой-либо проект используется технология краудфандинга [1]. Кроме того, краудсорсинг можно использовать при проведении прикладных социологических и маркетинговых исследований [9].

Наряду с задачами, решаемыми при помощи краудсорсинга за пределами организаций и трудовых отношений, есть разновидности, позволяющие устранять проблемы внутри компаний и для кампаний. В частности, краудрекрутинг – способ отбора самых перспективных сотрудников по результатам их работы в краудсорсинг-проекте.

Однако все перечисленные выше тезисы подтверждают неформальный характер занятости при краудсорсинге, что отражается на нежелании некоторых организаций использовать данный метод для выполнения масштабных задач. Заказчик не может быть уверен в качестве выполненной работы, в связи с этим на крауд-платформу загружаются только разовые рутинные задания. Данная сфера практически не регулируется в правовом поле и в связи с этим, краудсорсинг рассматривается не более чем альтернативная форма организации трудового процесса.

Таким образом, краудсорсинг можно охарактеризовать как достаточно эффективную социальную технологию поиска новых и нестандартных решений, позволяющую повышать качество жизни общества. Вместе с тем, следует отметить, что преимущественно данный подход используется и оценивается участниками трудовых отношений как неформальный.

1. *Артемов М. Привлекать инвестиции с помощью краудфандинга станет проще. Режим доступа: https://www.pnp.ru/economics/privlekat-investicii-s-pomoshhyu-kraudfandinga-stanet-proshhe.html?utm_source=pnpru&utm_medium=story&utm_campaign=inner_page*
2. *Бабыкина Ю. М. Краудсорсинг как особая форма трудовой деятельности в современных условиях // X Фестиваль науки МГУ имени М. В. Ломоносова: Сборник статей по материалам Шестого межвузовского круглого стола «Российский рынок труда глазами молодых ученых»: Сборник статей / Под ред. Р. П. Колосовой, Т. О. Разумовой, М. В. Артамоновой. [Электронное издание]. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – С. 14–17.*
3. *Волчкевич Т. Я., Скуратович А. Л. Краудсорсинг как социальная инновация // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-2(19). – С. 55–59.*
4. *Долженко Р. А. Формирование и использование новых форм трудовых отношений в условиях становления инновационной экономики: специальность 08.00.05 "Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Долженко Руслан Алексеевич. – Омск, 2016. – 22 с.*
5. *Котляров И. Д. Внутренний краудсорсинг: попытка анализа экономической и организационной природы // Вестник НГУЭУ. 2016. №1. – С 164–173.*
6. *Полякова Ю. М. Воздействие краудсорсинга на изменение структуры российского рынка // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. №4. – С. 64–70.*
7. *Полякова, Ю. М. Краудсорсинг как особая форма трудовой деятельности в современных условиях // Российский рынок труда глазами молодых ученых : Сборник статей по материалам Шестого межвузовского «круглого стола» в рамках X Фестиваля науки МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 10 октября 2015 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (экономический факультет), 2016. – С. 14-17.*

8. *«Социальный краудсорсинг» – Социальная служба Подмосковья. Режим доступа: https://socsp.ru/projects-2/sotsialnyj-kraudsorsing/?ysclid=mggq12auof592399506*
9. *Фарахутдинов Ш. Ф., Горячев В. Н., Хузяхметов Р. Р., Колмогоров К. А. Краудсорсинг в социологических и маркетинговых исследованиях: становление, методология, кейсы // Социология. 2019. № 2. – С. 82–89.*
10. *Чернышов И. Н. Краудсосинг как новая форма трудовой деятельности в цифровой экономике: предпосылки возникновения, сущность и содержание // Экономика труда. 2021. №4. – С.403–417.*
11. *Что такое краудсорсинг и как он работает? Режим доступа: https://lpgenerator.ru/blog/chto-takoe-kraudsorsing/*

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Власова Наталья Владимировна
(ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»)

Исследование применения искусственного интеллекта приобретает всё большую актуальность в контексте динамично развивающегося цифрового общества. Это обусловлено не только технологическим прогрессом, но и необходимостью решения ряда острых социальных проблем. Роль искусственного интеллекта в современной России обусловлена его стратегическим значением как ключевой технологии, определяющей развитие мировой экономики и общества, и стремлением России занять лидирующие позиции в этой области, что отражено в национальных стратегиях.

Искусственный интеллект является двигателем цифровой трансформации российской экономики, способствуя повышению производительности труда, оптимизации бизнес-процессов и созданию новых рынков, что требует исследования его роли в различных секторах экономики. Сегодня искусственный интеллект уже активно применяется в различных ключевых отраслях – от экономики и здравоохранения до образования, промышленности, государственного управления и безопасности.

В числе наиболее значимых проблем использования искусственного интеллекта – распределение ответственности за действия и решения, принимаемые системами, а также необходимость обеспечения прозрачности алгоритмов и принципов их работы.

Практика применения искусственного интеллекта в России подтверждает его высокую эффективность в ряде стратегически важных областей. Так, в медицине интеллектуальные технологии помогают выявлять заболевания на ранних стадиях, разрабатывать новые подходы к лечению и улучшать качество медицинской помощи. В сфере образования искусственный интеллект способствует персонализации учебных программ и автоматизации оценки знаний.

В бизнесе внедрение искусственного интеллекта позволяет компаниям повышать конкурентоспособность, оптимизировать логистику и улучшать клиентский сервис. В государственном управлении искусственный интеллект применяется для автоматизации документооборота и улучшения качества предоставляемых услуг.

Однако развитие искусственного интеллекта сталкивается с рядом проблем. Среди основных можно выделить нехватку высококвалифицированных кадров, ограниченные финансовые ресурсы, недостаточную информированность населения о возможностях искусственного интеллекта и необходимость совершенствования законодательства.

Результаты внедрения технологий искусственного интеллекта в России свидетельствуют о росте их популярности и эффективности, однако уровень готовности различных отраслей к интеграции искусственного интеллекта остаётся неоднородным.

Одни подсистемы общества демонстрируют активное развитие и готовность внедрения технологий искусственного интеллекта, тогда как другие требуют значительных доработок и дополнительных ресурсов. Для успешного развития искусственного интеллекта в России необходим комплексный подход, включающий модернизацию инфраструктуры, поддержку научных исследований, внедрение образовательных программ по подготовке специалистов.

В 2025 году на базе кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета было проведено эмпирическое исследования с целью выявления основных сфер и практик внедрения технологий искусственного интеллекта для решения социальных проблем. В рамках исследования была выдвинута гипотеза о том, что медленный темп распространения искусственного интеллекта в России обусловлен новизной этой технологии и недостаточной готовностью общества к её интеграции в различные сферы жизни. Результаты исследования частично подтвердили данную гипотезу.

Анализ глубинных интервью показал, что в ряде профессиональных областей, преимущественно связанных с цифровыми и креативными профессиями, искусственный интеллект уже активно используется, воспринимается как полезный инструмент и рассматривается как ресурс для повышения эффективности труда. Однако в сферах, связанных с ручным, физическим и сервисным трудом, внедрение искусственного интеллекта происходит крайне медленно. Это связано не только с новизной технологии и недостаточным уровнем цифровой грамотности, но также с отсутствием инфраструктуры, ограниченным доступом к обучению, скепсисом со стороны работников и институциональной неподготовленностью.

Кроме того, как показал сравнительный анализ региональных СМИ (n=235), формируемый в медиапространстве образ искусственного интеллекта часто носит чрезмерно абстрактный и оптимистичный характер, не отражая реальных условий и ограничений внедрения технологии в повседневную практику. Это усиливает разрыв между представлением о потенциале искусственного интеллекта и практической готовностью к его использованию.

Результаты проведённого исследования показывают, что восприятие искусственного интеллекта в профессиональной среде и региональных СМИ г. Ульяновска различается по тональности, уровню конкретности и оценке рисков, что напрямую влияет на формирование его образа в общественном сознании. В профессиональной среде искусственный интеллект воспринимается преимущественно как утилитарный инструмент, способный автоматизировать рутинные задачи и повысить эффективность труда. Однако даже среди активных пользователей технологии прослеживается настороженность: специалисты подчёркивают важность сохранения человеческого участия, необходимость критического подхода к результатам работы искусственного интеллекта и потенциальные риски деформации профессиональных ролей. В сферах ручного и физического труда образ искусственного интеллекта часто представляется далёким, абстрактным или угрожающим – такие респонденты демонстрируют меньшую готовность к внедрению новых технологий, что объясняется как объективным отсутствием инфраструктуры, так и субъективными барьерами: нехваткой знаний, недоверием, отсутствием мотивации.

В отличие от этого, образ искусственного интеллекта, транслируемый в региональных СМИ, преимущественно позитивен и сконцентрирован на описании возможностей технологии: автоматизации, модернизации, цифровизации социальной сферы. СМИ редко упоминают о рисках, а тональность публикаций скорее восторженная

и нормативная, чем критическая. Такие различия указывают на разрыв между медиаобразом искусственного интеллекта и реальным восприятием технологии профессионалами, имеющими непосредственный опыт её использования.

На основании полученных данных можно сформулировать рекомендации, направленные на формирование более реалистичного и конструктивного образа искусственного интеллекта как ресурса для решения социальных проблем. Прежде всего, необходимо изменить акценты: от абстрактных и технологически восторженных описаний к демонстрации реальных примеров применения искусственного интеллекта в социально значимых сферах – образовании, здравоохранении, ЖКХ, культуре и др. Это повысит доверие аудитории и сократит дистанцию между идеей и практикой. Вторым шагом должно стать активное включение специалистов, реально использующих искусственный интеллект, в публичную дискуссию – через экспертные комментарии, интервью, участие в образовательных и информационных инициативах. Их опыт и наблюдения помогут сформировать сбалансированное понимание потенциала и ограничений искусственного интеллекта.

Также необходимо обеспечить доступность обучения работе с искусственным интеллектом – особенно для представителей сфер, где уровень цифровизации остаётся низким. Крайне важно транслировать идею искусственного интеллекта как средства поддержки, а не замещения человека, подчёркивая, что технологии усиливают профессиональные возможности, но не подменяют личность и её социальную роль. Формирование позитивного образа искусственного интеллекта невозможно без этических рамок, поэтому необходимо поддерживать инициативы по разработке стандартов внедрения, гарантирующих прозрачность, ответственность и социальную направленность.

Реалистичный и конструктивный образ искусственного интеллекта формируется не столько за счёт технологического продвижения, сколько через социальную работу: просвещение, открытое обсуждение, преодоление барьеров и признание разнообразия профессиональных контекстов. Только при таком подходе искусственный интеллект сможет быть воспринят обществом как реальный инструмент решения социальных проблем, а не как абстрактная угроза или недостижимая мечта.

Таким образом, искусственный интеллект играет всё более важную роль в развитии современной России, открывая новые возможности для технологического и социально-экономического прогресса. Однако его внедрение требует ответственного подхода, направленного на минимизацию рисков и максимальное использование потенциала данной технологии. Для этого необходимо продолжать работу над совершенствованием нормативно-правовой базы, популяризацией искусственного интеллекта, обеспечением его доступности и созданием условий для безопасного и эффективного использования в различных сферах общественной жизни.

ОБРАЗ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ

Востоков Максим Федорович
(Череповецкий государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена изучению образа искусственного интеллекта в восприятии студентов-гуманитариев через теорию социальных представлений С. Московичи. С помощью метода свободных ассоциаций и прототипического анализа П. Вержеса выявлена структура представлений: слабое ядро, доминирование утилитарного образа «помощника» и противоречивые тенденции в зоне изменений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальные представления, студенты, восприятие.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) несет в себе как значительные возможности, так и потенциальные риски. Сочетание положительных и отрицательных аспектов этого процесса приводит к тому, что в разных социальных группах формируются различные образы ИИ – от рационально-инструментального до настороженно-критического. Соответственно, целью настоящей статьи является анализ образа искусственного интеллекта в восприятии студенческой молодежи через призму теории социальных представлений. Такой подход позволяет выявить, какие когнитивные, эмоциональные и ценностные элементы образуют структуру восприятия искусственного интеллекта в массовом сознании.

Особое внимание формам и механизмам коллективного осмысления социальной реальности уделял С. Московичи [4]. Он отмечал, что социальные представления – это особый способ интерпретации повседневного опыта, основанный на личном опыте, традициях и общении. Причем это не просто совокупность индивидуальных мнений, а социально выработанное и разделяемое знание, направленное на осмысление окружающего мира. Через социальные представления люди не только описывают действительность, но и формируют ее смысловую структуру, определяя позиции и оценки по отношению к объектам, событиям и идеям [2, 375].

Становление социальных представлений определяется двумя взаимосвязанными процессами – объективацией (objectification) и якорением (anchoring). Объективация, по С. Московичи, придает абстрактным понятиям образность и материальную структуру, превращая «избыточные значения» в конкретные, зримые формы, что делает их доступными для повседневного мышления. Якорение, в свою очередь, связано с когнитивной интеграцией нового знания в уже существующую систему представлений. Этот процесс обеспечивает «органическое включение» новых смыслов в прежние схемы мышления, придавая им устойчивость и социальную значимость [2, 382-387]. Совместное действие этих механизмов делает возможным превращение научного или технического знания в элементы массового сознания, наделенные образностью и эмоциональной окраской.

В дальнейшем Ж.-К. Абрик предложил структурный подход к анализу социальных представлений [3]. Согласно этому подходу, каждое представление включает центральное ядро и периферическую систему. Ядро связано с коллективной памятью, отличается стабильностью и определяет организацию представления. Периферия, напротив, более гибкая и чувствительная к контексту; она интегрирует индивидуальный опыт, допускает противоречия и обеспечивает адаптацию к текущим условиям. Тем самым ядро выполняет организующую и стабилизирующую функции, а периферия – функцию адаптации и защиты центральных элементов [3, 76].

Такое понимание структуры социальных представлений послужило основой для разработки эмпирических методов их анализа. Одним из наиболее распространенных инструментов стал прототипический анализ, предложенный П. Вержесом [5]. Он позволяет выявить соотношение центральных и периферийных элементов представления на основе частоты упоминаний ассоциаций и их среднего ранга – показателей, отражающих распространенность и субъективную значимость элементов. Сочетание этих параметров дает возможность реконструировать смысловую организацию коллективных представлений и определить зоны потенциальных изменений, где элементы могут со временем менять свою позицию в структуре [5, 204].

В соответствии с изложенными теоретическими положениями было проведено пилотное исследование, направленное на выявление структуры социального представления об искусственном интеллекте среди студентов-гуманитариев (n = 17). В качестве инструмента использовалась проективная методика свободных ассоциаций: участникам предлагалось записать слова, которые первыми приходят на ум при упоминании словосочетания «искусственный интеллект». В среднем каждый респондент назвал 6,2 ассоциации, что позволило рассчитать два ключевых показателя для интерпретации по методу П. Вержеса – частоту упоминаний и средний ранг (порядковое место элемента в ответах).

Для разграничения элементов структуры представления использовались пороговые значения, рассчитанные как половина от максимальных показателей в данной выборке. Поскольку общее число участников составило 17 человек, порог по частоте упоминаний был принят равным 8,5 (половина от совокупности респондентов). Аналогично, при среднем числе ассоциаций 6,2 порог по рангу составил 3,1 (половина среднего количества ответов). Таким образом:

по частоте значения ≥ 8,5 рассматриваются как высокочастотные, а < 8,5 – как низкочастотные;

по рангу значения ≤ 3,1 относятся к высокоранговым, а > 3,1 – к низкоранговым.

На основе этих параметров была выделена структура социального представления об искусственном интеллекте, включающая три основные зоны: центральное ядро, потенциальную зону изменений и периферическую систему (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура социального представления об искусственном интеллекте (по результатам пилотного исследования)

Элементы структуры социального представления (частота; средний ранг)	**Понятия-ассоциации** (частота; средний ранг)
Центральное ядро (≥ 8,5; ≤ 3,1)	Помощник (15; 2,3)
Потенциальная зона изменений (≥ 8,5; > 3,1) или (< 8,5; ≤ 3,1)	Всезнающий (10; 3,9) Нейросеть (9; 4) Робот (6; 3,1) Новые идеи (4; 2,7) Удобство (3; 2,7) Друг (3; 3) Надежность (1; 1) Настоящее (1; 1)
Периферическая система (< 8,5; > 3,1)	Технологии (7; 4,7) Быстрота (6; 3,5) Инновации (6; 3,8) Сгенерированный контент (4; 3,7) Будущее (4; 3,8) Информация (4; 6,2) Собеседник (3; 4) Упрощение работы (3; 4,3) Опасность (3; 4,6) Готовые решения (3; 5) Интернет (3; 5) Система (3; 6)

Полученные результаты показывают, что центральное ядро представления слабо сформировано. Это отражает недостаточную осведомленность и неустойчивое понимание феномена искусственного интеллекта среди студентов-гуманитариев. В ядро вошло лишь понятие «помощник», что указывает на преобладание утилитарно-прикладного восприятия ИИ. При этом категории «всезнающий», «робот» и «нейросеть» тяготеют к ядру, отражая стремление наделить искусственный интеллект характеристиками как интеллектуального субъекта, так и технологического инструмента.

В зоне потенциальных изменений прослеживается противостояние двух направлений осмысления: с одной стороны, присутствуют положительно окрашенные категории («надежность»), с другой – элементы настороженности («опасность»). Здесь же проявляется двойственность восприятия ИИ как «настоящего» и одновременно «будущего», а также как «нейросетей» (языковых моделей) и «роботов» (механизмов). Эти противоположные представления указывают на процесс активного формирования образа ИИ, где эмоциональная и когнитивная составляющие еще не достигли устойчивого равновесия.

Периферическая система отражает конкретный опыт взаимодействия студентов с технологиями ИИ. Категории «сгенерированный контент» и «интернет» указывают на знакомство с искусственным интеллектом через видеоплатформы и онлайн-сервисы. Ассоциации «упрощение работы» и «инновации» связаны с практическим использованием технологий в повседневных и учебных задачах, что подтверждает прикладной характер восприятия ИИ в данной выборке.

Сравнение с данными массового опроса, проведенного ВЦИОМ [1], показывает, что полученные результаты согласуются с общероссийскими тенденциями. Так, среди представителей поколения «цифры» (2001 г. и позднее) 67% респондентов воспринимают ИИ как помощника, а 22% – как друга. Аналогичная тенденция проявилась и в нашем исследовании: большинство студентов рассматривают искусственный интеллект как рационального и интеллектуального помощника, тогда как категории «друг» и «собеседник» встречаются эпизодически, отражая лишь зарождающийся процесс очеловечивания образа искусственного интеллекта.

Таким образом, структура представлений об искусственном интеллекте носит неустойчивый характер: центральное ядро слабо сформировано, что отражает недостаточный уровень понимания сути данного феномена среди студентов-гуманитариев. В то же время в сознании респондентов складывается преимущественно рационально-прагматический образ ИИ, связанный с идеями функциональности и инноваций. В зоне потенциальных изменений намечается противостояние двух тенденций – восприятие искусственного интеллекта как надежного и полезного инструмента и как потенциальной опасности. В целом можно заключить, что студенты-гуманитарии склонны рассматривать искусственный интеллект прежде всего как технологический инструмент, облегчающий деятельность человека, хотя в массовом сознании продолжается формирование более сложного, многослойного образа ИИ.

1. *ИИ: ваш новый лучший друг? // ВЦИОМ. Москва, 3 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (дата обращения: 10.10.2025).*
2. *Социальная психология / под редакцией С. Московичи; перевод с французского Т. Смолянская. Москва [и др.]: Питер, 2007. 591 с.*
3. *Abric J.-CI. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. Vol. 2, № 2. P. 75-78.*
4. *Moscovici S. Social Representation: Explorations in Social Psychology. New York: New York University Press, 2001. 328 p.*
5. *Vergès P. L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. Bulletin de psychologie, 1992, 45(405), P. 203-209.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЦИФРОВОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Горчакова Дарья Сергеевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В данной статье исследуется фундаментальная трансформация модели потребительского производства в России под влиянием процессов цифровизации. Анализируется переход от классической схемы: производство – предложение – спрос, к парадигме: данные о спросе – hyper-targeted производство – персонализированное предложение. В работе выделяются ключевые проявления этой трансформации: предиктивная аналитика спроса, динамическое ценообразование, персонализированный маркетинг и оптимизация логистических цепочек.

Ключевые слова: российское цифровое общество, трансформация потребительского производства, большие данные (Big Data), гиперинформированность, маркировка товаров, маркетплейсы, персонализация, цифровой суверенитет, Россия.

Трансформация потребительского производства в цифровом российском обществе – это комплексный процесс, затрагивающий все этапы: от создания продукта до его доставки конечному покупателю. С момента внедрения цифровизации в потребительский производственный процесс отмечаются определенные сдвиги в изменении технологии потребления. Российские граждане, как потребители товаров и услуг, также подверглись трансформационным процессам в данном направлении. Потребитель в цифровой России стал другим. Среди основных характеристик в трансформации поведения и сознания россиян можно выделить:

гиперинформированность: достаточно высокий уровень объёма данных о производителях. Перед покупкой россияне изучают отзывы, сравнивают цены в онлайн-маркетплейсах, смотрят обзоры на YouTube и спрашивают совета в социальных сетях и мессенджерах (например, «ВКонтакте» и Telegram);

«цифровые следы» [6]: поведение пользователя в интернете (поисковые запросы, просмотренные товары, лайки) формирует большой массив данных. Это является большим подспорьем для производителей;

косвенное появление персонализации: в связи с тем, что потребители покупают те или иные товары, они в свою очередь ожидают, что бренды будут знать их предпочтения и предлагать релевантные товары и персональные скидки (например, Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет);

функциональный рост мобильных устройств: смартфон стал основным устройством для шопинга, общения, работы и оплаты.

Таким образом, произошла трансформация производства: от массового к кастомизированному. Цифровые технологии теперь позволяют производителям гибко реагировать на новый спрос. Для этого многие компании используют многочисленные инструменты, среди самых известных и распространенных можно выделить:

– «умное производство» (Industry 4.0) [4]: внедрение IoT-датчиков на заводах, роботизация и использование big data для оптимизации цепочек поставок и прогнозирования спроса. Это значительно снижает издержки и брак;

– цифровые двойники [5]. Данный инструмент позволяет создавать виртуальные модели продуктов и производственных процессов, а также тестировать и дорабатывать их перед запуском в реальное производство;

– 3D-печать и аддитивные технологии [3, 58] позволяют производить мелкосерийные и кастомизированные продукты (например, индивидуальные стельки, уникальные сувениры, прототипы) быстро и с минимальными затратами;

– прямое взаимодействие с потребителем (D2C – Direct-to-Consumer) [2, 359]. Бренды всё чаще продают товары напрямую через собственные сайты и приложения, минуя традиционных ритейлеров. Это дает полный контроль над ценообразованием, брендом и клиентским опытом.

С другой стороны, для потребителя произошла трансформация в ритейле и логистике.

За относительно короткий срок (около 5 лет) образовалась определенная доминация онлайн-маркетплейсов: Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет и «СберМегаМаркет». Они стали главными «витринами» страны. Они аккумулируют спрос и диктуют правила игры для производителей.

Помимо этого, такие социальные сети как «ВКонтакте» и Telegram с их встроенными магазинами и платежными системами стали мощными торговыми площадками. Сформировались новые форматы оффлайн-ритейла. Магазины превращаются в шоу-румы или места получения онлайн-заказов (click&collect). Технологии дополненной реальности (AR) позволяют «примерить» товар перед покупкой. Кроме этого, происходит роботизация складов и доставки. Логистические центры маркетплейсов активно используют роботов для сортировки. Развивается доставка дронами и роботами-курьерами (пилотные проекты в Москве и других городах) [1]. Цены товаров в связи со столь динамичным развитием логистики имеют высокую волатильность. Они могут меняться в реальном времени в зависимости от спроса, остатков на складе и поведения конкурентов.

При переходе от массового к кастомизированному производству производитель с помощью рекламы в электронной среде (Яндекс.Директ, ВК Реклама, таргет-ссылки в соцсетях) позволяет точечно находить свою аудиторию. В этом также производителю помогают блогеры и эксперты в нишевых Telegram-каналах и на YouTube, которые стали ключевым каналом продвижения для многих категорий товаров. Теперь бренды не просто продают товар, а создают полезный контент вокруг него (блоги, инструкции, обзоры), формируя сообщество и лояльность.

Несмотря на явные преимущества, трансформация потребительного производства имеет ряд недостатков, которые необходимо разрешить как с точки зрения экономических затрат, так и с точки зрения социальной адаптации российского населения к данной трансформации. Крупные города, такие как Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники живут в одном цифровом ритме, в то время как в малых городах и сельской местности интернет-инфраструктура и доступ к быстрой доставке развиты слабее. Часть населения по-прежнему с осторожностью относится к оплате картой онлайн, предпочитая наличный расчет при получении (COD). Помимо этого, обеспечение быстрой и дешевой доставки по всей территории России – колоссальная задача для рада производителей. Кроме региональной логистики существует также рост онлайн-транзакций, которые ведут к увеличению числа мошеннических схем и требуют усиления мер безопасности. На сегодняшний день для решения вышеобозначенных основных задач существует острая нехватка специалистов в области data science, цифрового маркетинга и управления цифровыми продуктами.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что трансформация потребительного производства в России носит гибридный характер. Она движется под мощным давлением глобальных трендов и технологий, так и снизу-вверх – через изменение привычек самих потребителей.

С другой стороны, производитель больше не диктует моду. Власть перешла к потребителю, который своими цифровыми решениями формирует спрос. Успех теперь зависит от способности компании быть гибкой, data-driven (управляемой данными) и ориентированной на клиента на всех этапах – от конвейера до курьерской доставки. Россия активно интегрируется в общемировой цифровой тренд, формируя при этом свою уникальную экосистему с доминированием крупных национальных IT- и маркетплейс-игроков.

1. *X5 Group запустила собственную доставку с помощью роботов в Москве // Электронное издание Моллы.ru о крупных торговых центрах и ритейле. 2024. URL: https://www.malls.ru/rus/news/x5-group-zapustila-sobstvennuyu-dostavku-s-pomoshchyu-robotov-v-moskve.shtml*
2. *Вольфсон М. Б. Бизнес-модель direct-to-consumer как новый тренд электронной коммерции // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании: сборник научных статей: в 4 т. / Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2021. С.359-364.*
3. *Муравский А. А., Аликин М. Б., Дворко И. М., Лавров Н. А. Полимерная 3D-печать: история, классификация и современные тенденции развития (обзор). Известия СПбГТИ (ТУ) № 64 (90). 2023. С. 58-66.*
4. *Национальный стандарт Российской Федерации. Умное производство. Модель эталонной архитектуры индустрии 4.0 (RAMI 4.0). ГОСТ Р 59799-2021. 30.04.2022. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200181355*
5. *Цифровые двойники – универсальный инструмент исследования процессов и технологий // Программа 2030. НИЯУ МИФИ. 2025. URL: https://priority2030.mephi.ru/node/292*
6. *Что такое цифровой след? Как защитить его от злоумышленников // Официальный сайт АО «Лаборатория Касперского». 2025. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint*

МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИИ В ОБЩЕСТВЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ СФЕР ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСОВОГО И СТРОИТЕЛЬНОГО СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грошева Александра Анатольевна
(МГИМО МИД РФ)

Люди склонны по-разному воспринимать любые инновации, это наиболее точно и объективно описывает теория диффузии инноваций Э. Роджерса, делящая общество на следующие категории по скорости внедрения нововведений: новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство и отстающие [2, 32]. Расслоение населения на группы, по-разному воспринявшие цифровой прорыв, произошло и в отношении ИИ как инновации. Более точно эту классификацию можно отразить следующими моделями восприятия искусственного интеллекта, использованными в качестве названий видов отношения людей к технологии в опросе ВЦИОМ: друг, помощник, эксперт, игрушка, слуга, сверхразум. конкурент, враг [7].

Отношение человека к IT-технологиям коррелирует с направлением его мнения об ИИ. В восприятии цифровизации людьми, как правило, выделяют лишь оптимистичную и пессимистичную модели, при этом около 60% населения РФ положительно относится к цифровым технологиям, в том числе и к искусственному интеллекту [4, 6; 8]. Распределение населения по данным группам позволяет упростить понятия для социального измерения возможных взаимосвязей поведения человека в отношении нововведений с другими факторами.

Концентрация вышеупомянутых моделей в отраслях прослеживается через значения степени использования технологий искусственного интеллекта в секторах. В качестве лидирующих по степени внедрения ИИ-технологий отраслей выделяют высшее образование (на 2024 г. 72 % организаций используют ИИ-решения), сектор ИКТ (70 % аналогичного показателя) и финансовые услуги (63 %). В числе развивающихся отраслей отмечены наука (43 %) и строительство (36 %), а начинающими являются культура (34 %) и развитие городской среды (19 %) [6, 5 – 10]. В финансовом секторе зафиксирована наивысшая доля концентрации работников с компетенциями в области ИИ (17 % от общего числа профессионалов с данными навыками). Строительство (203) и сельское хозяйство (142) как отрасли находятся в конце списка по численности организаций, использующих технологии ИИ; финансы, занимают третью позицию (1021) [1, 1 – 2]. В финансовой сфере также наблюдается высокий интерес к применению инноваций, в то время как в строительном секторе отмечается пассивность. На основе представленных статистических данных для сравнительного анализа показателей экономического роста были выбраны финансовый и строительный секторы как примеры сфер с концентрацией населения оптимистичной и пессимистичной моделей восприятия ИИ и цифровизации соответственно.

Сравнение чистой прибыли (сальдированного финансового результата) свидетельствует о росте обоих отраслей, при этом финансовый сектор более волатилен, чем строительный [11, 26]. Анализ показывает, что на общее экономическое положение секторов влияет множество факторов, степень внедрения ИИ среди которых прослеживается не так явно, как влияние геополитического и пандемийного кризисов, денежно-кредитной политики и действующих программ государственной поддержки. Однако детальное рассмотрение сфер выделяет явную роль технологии ИИ в их развитии.

Искусственный интеллект активно применяется в финансовом секторе Российской Федерации и прирост от его использования по данным исследования Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в 2021 году составил 69 млрд руб. Базовый эффект инновации для сферы может составить 385 млрд руб., а переход к стратегии AI-first – до 1,9 трлн руб [5]. Прослеживается, что положительное отношение к технологиям искусственного интеллекта соответствует росту прибыли компаний и сектора в целом.

Строительный сектор использует ИИ в значительно меньших объемах. Экономический эффект от внедрения ИИ в отрасли строительства в 2021 году оценивается в 2,1 млрд руб., а в 2035 г. по прогнозам может составить 4 трлн руб. [9; 3, 1 – 2]. Оценка потенциальной ежегодной упущенной выгоды сектора в 2017 – 2025 годах показывает значение в 554 млрд руб., совокупное значение составляет 5 трлн. руб. (принято, что грамотное применение ИИ сэкономит сектору 5 %). Так, прослеживающийся скептицизм людей, работающих в отрасли, ведет к существенным финансовым потерям. При устранении внешних факторов роста отрасли промедление в отношении внедрения инновации может привести к стагнации сектора, его скату в убыточное положение, кризис.

Наблюдается прямая корреляция положительного отношения к инновации в отрасли с её экономическим ростом. Справедливо сказать, что влияние моделей восприятия цифровизации в обществе на показатели роста сфер экономики значительно. Не рекомендуется допускать сохранения пессимизма людей в отношении нововведения и игнорировать прогнозируемую пользу от её внедрения даже при улучшении экономических показателей сферы, поскольку отказ от инноваций снижает качественную составляющую роста, может привести к стагнации и кризисам [10, 53]. Во избежание поддержания отрицательного отношения людей к цифровым технологиям в определенных отраслях необходимо повышать общую осведомленность населения о пользе искусственного интеллекта для поддержания равномерного развития секторов экономики РФ.

Таким образом, восприятие технологий ИИ людьми складывается в модель-категоризацию друг, помощник, эксперт, игрушка, слуга, сверхразум, конкурент, враг [7]. Более общими моделями отношения людей к цифровизации, удобными для социального измерения взаимосвязей с другими факторами, являются оптимистичное и пессимистичное восприятие, при этом в секторах экономики наблюдается концентрация людей схожих моделей [4, 6; 8]. Результаты сосредоточения отражаются в степени внедрения ИИ в отраслях: так, 63 % организаций оптимистично настроенного финансового сектора уже применяют ИИ в бизнес-процессах, но лишь 36 % компаний строительного используют данные инновации [6, 10]. Хотя влияние ИИ неявно прослеживается в общей экономической картине секторов в связи с влиянием на неё комплекса значимых факторов, рассмотрение результатов на уровне отраслей свидетельствует, что эффект использования ИИ и степень влияния моделей восприятия на экономику компаний оценимы и весьма существенны. Ежегодно финансовый сектор РФ может рассчитывать на 385 млрд руб добавочной прибыли, в то время как строительный сектор теряет около 554 млрд руб, притом польза от внедрения технологии к 2025 г. оценивается в 4 трлн руб [5; 3, 1– 2]. Выявлена положительная корреляция моделей отношения людей к ИИ и цифровым инновациям с экономическим ростом сфер экономики России: позитивное отношение ведет к качественному росту отраслей, пассивность вызывает увеличение убытков и скрытых издержек. Сохранение отрицательного отношения способно привести отрасль к стагнации или кризису, вызванному технологическим отставанием сектора, в связи с чем подчеркивается необходимость информирования общества о возможностях ИИ для подготовки населения к использованию нововведений в ближайшем будущем и обеспечения равномерного развития экономики Российской Федерации.

1. *Абашкин В. Л., Ковалёва Г. Г. Распространение искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы / НИУ ВШЭ. – М., 2025. – с.1–2 – URL: https://issek.hse.ru/news/1091369132.html (дата обращения: 10.10.2025)*
2. *Барановский С. И., Пузыревская А. А. Теория моделирования диффузии инноваций // Наука и инновации. – 2018. – № 10 (188). – С. 31–35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-modelirovaniya-diffuzii-innovatsiy (дата обращения: 18.09.2025)*
3. *Дранев Я. Ю., Кучин И. И., Миряков М. И. Экономический эффект от внедрения технологий искусственного интеллекта в России / НИУ ВШЭ. – М., 2025. – С. 1–3 – URL: https://issek.hse.ru/news/1022068478.html (дата обращения: 11.10.2025)*
4. *Зазулин А. И. Позитивный и негативный взгляды на цифровизацию права: в поисках объективной точки зрения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 1 (32). – С. 6–12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnyy-i-negativnyy-vzglyady-na-tsifrovizatsiyu-prava-v-poiskah-obektivnoy-tochki-zreniya(дата обращения: 10.10.2025)*
5. *ИИ в финансах: как нейросети меняют банки, инвестиции и страховой рынок[Электронный ресурс] // Ведомости. Тренды. – 2025. – 9 окт. –*

URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/trendsrub/articles/2025/10/09/1145676-ii-v-finansah (дата обращения: 11.10.2025).

6. *Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Национальный центр развития искусственного интеллекта. – М., 2024. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrii_pri_pravitelystve_rf/ (дата обращения: 10.10.2025)*
7. *ИИ – ваш новый лучший друг?: [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – М., 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (дата обращения: 18.09.2025).*
8. *Между раем и адом: как россияне относятся к цифровизации [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. – М., 2023. – URL: https://daily.hse.ru/post/mezhdu-raem-i-adom-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-cifrovizacii (дата обращения: 10.10.2025).*
9. *МЭР: ИИ принес дополнительно 1,3 млрд рублей компаниям отрасли здравоохранения [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2022. – 9 ноября. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/mer_ii_prines_dopolnitelno_13_mlrd_rubley_kompaniyam_otrasli_zdravoohraneniya.html (дата обращения: 11.10.2025)*
10. *Никонова Я. И. Оценка влияния инноваций и их финансирования на экономический рост национальной экономики // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11-1 (53). – С. 53–59. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-innovatsiy-i-ih-finansirovaniya-na-ekonomicheskiy-rost-natsionalnoy-ekonomiki (дата обращения: 12.10.2024).*
11. *Итоги работы Банка России за 2024 год [Электронный ресурс] / Банк России. – М., 2024. – 26 с. – URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/173923/kgo_2024.pdf (дата обращения: 11.10.2025)*

СИМУЛЯКРЫ ОСОЗНАННОСТИ: ЗАКУЛИСЬЕ ЦИФРОВОГО ЭКО-АКТИВИЗМА

Диченко Кристина Сергеевна
(Университет ИТМО)

Тахаутдинова Диана Рустамовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Анализируется феномен цифрового эко-активизма через призму драматургического подхода И. Гофмана и концепцию симулякра Ж. Бодрийяра. Выявляется ключевое противоречие: демонстративные практики «осознанности» в социальных сетях и потребление «зеленых» товаров-симулякров не только не решают экологические проблемы, но и усугубляют их, порождая значительный углеродный след и подменяя реальные системные изменения их символической репрезентацией.

Ключевые слова: цифровой эко-активизм, симулякры осознанности, драматургический подход, цифровой углеродный след, гиперреальность, зеленое потребление, демонстративное поведение, социальные сети.

В последнее десятилетие вопросы экологии перестали быть интересом узких специалистов и активистов, стремительно войдя в повседневную реальность миллионов людей. Климатические изменения, загрязнение океанов пластиком и сокращение биоразнообразия из абстрактных новостей превратились в осязаемые угрозы, сформировав коллективный запрос на изменение образа жизни. В ответ на этот запрос возник мощный глобальный тренд на экологичную осознанность, который изменил не только потребительские привычки, но и способы трансляции современной культуры, центральной площадкой для демонстрации которой стали социальные сети.

Социальные сети, возникшие как инструмент для установления связей между людьми, эволюционировали в сложные цифровые платформы, где пользователи создают и управляют своим публичным образом. Для этого контекста становится применим драматургический подход И. Гофмана, в котором пользователи социальных сетей рассматриваются как актеры, задействованные в создаваемом театральном представлении [3]. Другими словами, они создают о себе наиболее благоприятные впечатления, контролируя и корректируя собственное поведение в соответствии, во-первых, с создаваемым образом и, во-вторых, с ожиданиями других пользователей, наблюдающими за ними.

Социальные сети создают «идеальную» среду для авансцены, описанной И. Гофманом. В онлайн пространстве люди могут практически полностью контролировать обстановку, в которой они конструируют «экологичное Я», манеры и внешний вид, т.е. появляется среда для воспроизводства идеального представления о своем экологичном образе жизни с использованием многоразовой эко-продукции (шопперы, сетчатые эко-мешки для продуктов и т.д.), легко скрывающая закулисную зону, которая способна раскрывать действия несовместимые с проектируемым идеалом. Кроме того, создается среда, в которой можно легко публично следовать подходящим «сценариям» таким, как сортировка вторсырья, zero-waste челленджи и пр.

В то же время создание и распространение контента об экологичном образе жизни имеет скрытую стоимость: каждая публикация, даже мотивирующая к экологическим действиям, требует энергии для работы серверов, центров обработки данных и сетевой инфраструктуры. Это формирует цифровой углеродный след – выбросы парниковых газов от использования цифровых технологий [4].

Энергозатраты цифрового сектора уже сегодня составляют значительную часть глобального потребления. На сектор ИКТ приходится около 7 % мирового потребления электроэнергии, и по прогнозам, к 2030 году этот показатель может вырасти до 13 % [6]. Для наглядности: если бы интернет был страной, он вошел бы в четверку крупнейших загрязнителей планеты, наряду с Китаем, США и Индией. При этом совокупные выбросы этих стран составляют примерно половину всех антропогенных выбросов в мире.

Таким образом, виртуальный призыв к устойчивости материально подрывает ее основы через рост энергопотребления. Цифровой перформанс экологичности, следовательно, не является нейтральным, он сам по себе – акт потребления, чья экологическая стоимость тщательно скрыта архитектурой платформ. Это создает порочный круг: чем активнее пользователи пытаются демонстрировать свою «осознанность» через генерацию контента, тем больше они способствуют росту нагрузки на экосистему, которую стремятся защитить. Данное противоречие обнажает ключевую проблему «зеленой мимикрии»: она оперирует видимыми, простыми для демонстрации действиями, оставляя за кадром их сложные и часто противоречивые системные последствия.

Подобным иллюзорным решением является изменение модели потребления, необходимое для эффективной борьбы с экологическим кризисом. В качестве альтернативы массовому консьюмеризму пришло «осознанное» или же «зеленое» потребление, ключевая цель которого – уменьшение количества отходов и снижение нагрузки на планету. Одной из ключевых практик стал переход от одноразовых изделий к многоразовым. На потребительском рынке в последние годы появился устойчивый спрос на такие товары, как текстильные шопперы, термокружки и многоразовые эко-мешки для продуктов.

Однако экологическая эффективность данной замены не является бесспорной. Анализ жизненного цикла продукции демонстрирует, что производство многих «зеленых»

альтернатив сопряжено со значительной ресурсоемкостью. К примеру, производство одной хлопковой сумки-шоппера (с учетом выращивания хлопка, воды, красителей) требует столько ресурсов, что она должна быть использована десятки тысяч раз, чтобы ее воздействие на климат стало ниже, чем у одноразового пластикового пакета [5].

Таким образом, осознанное потребление, задуманное как антитеза консьюмеризму, стремительно превращается в его новую, утонченную форму. Вместо радикального пересмотра потребительских привычек и уменьшения общего объема приобретаемых товаров происходит их прямая замена на альтернативные, маркированные как «устойчивые».

Потребление экологичных товаров также можно рассматривать в парадигме вебленовских товаров, т.е. товаров, демонстрирующих социальный статус [2]. Стремление индивида к снижению антропогенной нагрузки трансформируется в импульс к приобретению специализированных товаров, маркированных как «устойчивые» или «зеленые». Экологическая осознанность трансформируется и принимает форму демонстративного поведения, позволяя индивиду не только почувствовать важность своих действий в решении глобальных экологических проблем, но и заявить о своей принадлежности к некой группе людей, проявляющих заботу о природе.

Зеленые атрибуты – шоппер, термокружка – становятся симулякрами осознанности, то есть знаками, которые подменяют собой саму суть ответственного потребления. Они создают гиперреальность, где демонстрация экологичности через покупку «правильных» товаров становится социально более значимой, чем объективное снижение экологического следа. Потребление смещается с утилитарной функции вещей на их символическое значение в конструировании новой идентичности [1]. Многие «зеленые» атрибуты, будучи однажды приобретенными для демонстрации причастности к тренду, так и не переходят в разряд активно используемых практик. Текстильный шоппер забывается дома перед походом в магазин, термокружка не помещается в подстаканник автомобиля, а набор многоразовых эко-мешочков годами лежит на полке, уступив место привычным полиэтиленовым пакетам. Таким образом, экологичное поведение обретает символическое измерение и выходит за рамки внутренних моральных принципов.

Это позволяет говорить о том, что человек начинает прилагать больше усилий для демонстрации добродетели, а не совершения действительных изменений, т. е. его экологические практики становятся мотивированными не столько альтруистическими убеждениями, сколько желанием публичного проявления своей принадлежности к социальной группе, ассоциируемой с высокими этическими принципами и такими чертами характера, как открытость к новому опыту, добросовестность и доброжелательность [7].

Таким образом, благодаря социальным сетям мы оказываемся в сконструированной реальности, где иллюзия индивидуального вклада в решение экологических проблем создает обманчивое впечатление о значительных позитивных изменениях в экологической ситуации. Однако рост эко-контента, блогеров и показательной активности не приводит к системному прогрессу в решении злободневных вопросов, а лишь маскирует подмену реальных действий их символической репрезентацией, поддерживая комфортный миф о том, что симуляция заботы о планете способна подменить необходимость реальных и зачастую неудобных системных изменений.

1. *Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – Москва: АСТ, 2021. – 320 с.*
2. *Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва: Либроком, 2011. – 368 с.*
3. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.*

4. *Янченко Е. В. Цифровой углеродный след как внешняя экстерналия цифровизации / Е. В. Янченко // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 449-468.*
5. *Life Cycle Assessment of grocery carrier bags [Electronic resourse] / V. Bisinella, P. F. Albizzati, T. F. Astrup, A. Damgaard; The Danish Environmental Protection Agency. – Copenhagen, 2018. – 144 p. – URL: https://www2.mst.dk/Udgiv/publications/2018/02/978-87-93614-73-4.pdf (accessed: 10.10.2025).*
6. *Questions and Answers on the EU legislation on corporate sustainability due diligence [Electronic resourse] – European Commission, 2022. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_22_6229 (accessed: 10.10.2025).*
7. *Soutter A.R.B., Mottus R. Big Five facets' associations with pro-environmental attitudes and behaviors [Electronic resourse] // Journal of Personality: Volume 89, Issue 2. – Edinburgh, 2021. – P. 203-215. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023074976 (accessed: 10.10.2025).*

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ УНИВЕРСИТЕТОВ: ЧТО НАИБОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ

Дружинина Дарья Дмитриевна
(Тюменский индустриальный университет)

В условиях цифровизации современного общества информационные технологии оказывают значительное влияние на все сферы жизни, в первую очередь трансформации подверглась система образования. Например, университеты, как образовательные учреждения, активно используют цифровые платформы для взаимодействия с потенциальными абитуриентами. Актуальность ответа на наш исследовательский вопрос исследования определяется необходимостью создания условий для эффективной адаптации цифровых коммуникаций для университетов под давлением высокой конкуренции за абитуриентов.

Целью данной статьи является выявление наиболее важных цифровых каналов, на которые обращают наибольшее внимание абитуриенты при выборе учебного заведения.

Формирование и использование цифровых следов в современном университете является неотъемлемой частью цифровой трансформации образования, открывая новые возможности для анализа и управления образовательным процессом. При этом цифровые следы переходят в цифровые каналы коммуникации, которые становятся основными платформами взаимодействия университетов с потенциальными абитуриентами. Старшеклассники все чаще обращаются именно к цифровым каналам – таким как социальные сети, официальные сайты вузов и образовательные платформы – которые формируют и трансформируют цифровой имидж университета [2, 15]. Таким образом, цифровые следы студентов и активности университета укрупняются в комплексную цифровую среду, где формируются представления и оценки абитуриентов о вузе, оказывая значительное влияние на их выбор образовательного учреждения.

Социальные сети, официальные сайты вузов, онлайн-репутация, отзывы и медиа-контент представляют собой ключевые источники информации для будущих студентов. Эти каналы обеспечивают доступ к актуальной информации об учебных программах, преподавательском составе, студенческой жизни и перспективах после выпуска. Понимание того, как абитуриенты воспринимают и используют эти цифровые платформы, важно для эффективного коммуникационного маркетинга и построения конкурентоспособного имиджа университета в сети [1, 51].

В процессе исследования были определены ключевые параметры, определяющие личные (самостоятельно полученные через цифровые каналы) знания и мнения потенциальных абитуриентов. Подавляющее большинство респондентов особое

внимание уделяют официальному сайту вуза, поскольку он выступает основной платформой представления академической информации и услуг, оказывая непосредственное влияние на восприятие учреждения. Далее рассматриваются официальные социальные сети университета (такие как ВКонтакте, Телеграм, Дзен, RuTube), играющие важную роль в коммуникации с целевой аудиторией и формировании эмоционального отклика. Наряду с ними учитываются новости в средствах массовой информации, отражающие общественное мнение и репутацию организации вне зависимости от её собственной активности. Наконец, в исследовании принимаются во внимание сайты-агрегаторы с отзывами, представляющие собой источник обратной связи от текущих и бывших студентов, чьи мнения влияют на формирование образа университета у будущих абитуриентов. Эти параметры выбраны исходя из их значимости и распространённости в российском образовательном пространстве, обеспечивая комплексный взгляд на цифровые практики восприятия высшего образования потенциальными студентами.

В сентябре 2025 года было проведено пилотажное эмпирическое исследование, включающее анкетный опрос 402 учащихся 10 – 11 классов школ города Тюмени. В дальнейшем нами планируется расширение исследования, включающее повторный опрос, что позволит проследить изменения в восприятии. Мы предполагаем, что в начале учебного года экзамены и поступление кажутся школьникам далекими. По мере приближения завершения учебного года, повышается актуальность знаний о возможностях выхода на новый этап обучения. Такой подход даст возможность отследить динамику ориентации и предпочтений школьников в ходе образовательного года.

Во-первых, рассмотрим ключевые источники информации о вузах, используемых старшеклассниками. Согласно нашим данным, подавляющее большинство респондентов (81 %) указали, что предпочитают получать информацию о высших учебных заведениях непосредственно через интернет-ресурсы. Полученные данные подтверждают, что создание эффективного цифрового представительства вуза становится важнейшим условием успешной конкуренции за абитуриентов.

При анализе восприятия университета было выявлено, что наибольшего внимания заслуживают несколько ключевых элементов. Во-первых, официальное представительство вуза в цифровом пространстве играет центральную роль. Так, почти половина участников (40 %,) заявили, что внимательно изучили весь доступный материал на официальном сайте университета, тогда как остальные лишь поверхностно ознакомились с информацией либо запланировали посещение ресурса позднее. Данный показатель подчёркивает значимость качественного наполнения веб-сайта, обеспечивающего доступность актуальной информации о программе обучения, условиях поступления и инфраструктуре.

Во-вторых, существенный интерес представляют официальные страницы университета в популярных социальных сетях, таких как ВКонтакте, Телеграм, Дзен и RuTube. Хотя активное пользование этими ресурсами зафиксировано примерно у половины аудитории (47 %), очевидно, что социальные медиа являются важным каналом распространения информации и укрепления лояльности целевых пользователей. Например, около трети респондентов отметили положительное влияние контента социальных сетей на принятие решения о поступлении. Стоит отметить, что наиболее востребованной социальной сетью оказался Телеграм (81 %), который активно используют участники опроса. Второе место занимает ВКонтакте (12 %), третье – Дзен (6 %), а наименее популярной оказалась RuTube (1 %). Таким образом, университетам

целесообразно уделять повышенное внимание созданию качественного контента в Телеграме и поддерживать активность в остальных указанных социальных сетях.

Ещё одним параметром, на который обращают внимание потенциальные абитуриенты, выступают сайты-агрегаторы отзывов и рейтингов, которые регулярно посещают абитуриенты (63 %). Негативные отзывы привлекают большое внимание (27 %), однако положительная обратная связь также важна и ценится большинством участников (36 %).

Также было установлено, что публикации в СМИ оказывают ограниченное воздействие на выбор образовательного учреждения. Лишь небольшая доля участников (около 13 %) следит за публикациями в традиционных источниках информации, что свидетельствует о низкой значимости традиционного медиаконтента в сравнении с интернет-ресурсами.

Полученные данные демонстрируют значительную ориентацию абитуриентов на интернет-каналы и подчеркивают ключевую роль качественных цифровых ресурсов университета в создании положительного имиджа.

В результате анализа данных пилотажного исследования можно выдвинуть несколько предварительных гипотез, проверка которых будет проведена в дальнейших исследованиях.

Онлайн-репрезентация университета существенно влияет на выбор абитуриентов, повышая шансы успешного набора студентов.

Высокий уровень доверия вызывают хорошо структурированные и удобные сайты, содержащие полную и актуальную информацию о вузе.

Активное присутствие в социальных сетях способствует укреплению репутации и привлечению большего числа заинтересованных лиц.

Особое значение приобретают позитивные отзывы и оценки, размещённые на специализированных площадках, поскольку школьники старших классов проявляют высокое доверие к подобным источникам информации.

Таким образом, университеты должны учитывать тенденции развития информационно-коммуникационных технологий и адаптироваться к новым реалиям рынка образовательных услуг.

1. *Куликович Д. А. Формирование имиджа университета в социальных сетях // Вестник Белорусского государственного университета. Серия: Социальные коммуникации. – 2024. – № 2. – С. 45-62.*
2. *Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 14–18. DOI: https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В МАТРИЦЕ ПРОБЛЕМ СОЦИОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Дудин Геннадий Алексеевич
(Независимый исследователь)

Аннотация. Цифровизация общества оказывает всё большее влияние на формирование новой социальной структуры общества. Возникают и новые сложные задачи в отношении цифровой социализации применительно к условиям цифрового общества. Факты свидетельствуют о неуклонно идущем общем процессе цифровизации

общества и о наличии серьёзных проблем в отношении цифровой социализации некоторых слоёв и групп населения.

Ключевые слова: цифровизация, социализация, цифровизация общества, цифровая социализация, компьютерная грамотность

Вряд ли сбудется прогноз-замечание пессимистического характера, что «термин "цифровизация" имеет риски потери своей актуальности» [12, 70]. Именно потому, что проблема (и термин) «цифровизация общества» подвергается всё более обстоятельному исследованию с позиций разных наук (в частности, – философских, управленческих, экономических, культурологических, психологических, социологических ...), нет оснований ожидать «потери своей актуальности» обозначенного термина (и проблемы). Фактически проблематика изучения «цифровизации и искусственного интеллекта имеет возрастающую тенденцию» [13, 19]. Например, всё активнее обсуждаются проблемы новых «реальностей», обусловленных появлением цифровых технологий, в частности, – «дополненная реальность», «виртуальная реальность», «новая реальность» [13, 15]. Происходит и развитие «онлайн-культуры» [8].

Более того, с использованием проблемы (и термина) «цифровизация общества» связано, по сути, новое издание теории «конвергенции двух систем» – капиталистической и социалистической: «не разделение общества на представителей двух радикально противоборствующих идеологий, а напротив направленность на объединение» [12, 70]. К этому можно также добавить, в частности, и то обстоятельство, что в матрице типов ментальности современных и младших, и старших поколений «индифферентность» заняла срединное положение между характеристиками «индивидуализм» и «коллективизм» [7, 250].

В приведённых фактах о «коллективных представлениях россиян» можно также видеть своеобразное «отражение культурной власти геополитического нарратива» [3], в том числе, и в духе нового издания теории «конвергенции двух систем», применительно к цифровизации общества – как продолжения начавшейся примерно в середине XX века научно-технической революции.

Цифровизация общества оказывает всё большее влияние на формирование социальной структуры общества. С этим связаны новые теоретические подходы и воззрения, в частности, информационно–коммуникационный подход в его кластерной парадигме [2, 167].

Но, наряду с «глобальными» идеологическими аспектами проблемы (и термина) «цифровизация общества», возникли и вполне прагматические аспекты, связанные с цифровой грамотностью и цифровой социализацией населения, его разных слоёв. Нельзя не признать, что владение информационно-компьютерными технологиями «стало одной из базовых профессий» [5, 150]. Цифровизация оказывает влияние «на все области жизнедеятельности человека» [13, 16]. Цифровизация трансформирует также «природу социальных взаимодействий между государством и гражданином» [1, 29].

Социологические данные показывают, что с компьютерной грамотностью «дело обстоит, в общем-то, сравнительно благополучно» [14, 525]. И при этом в практическом использовании компьютера «дети существенно опережают родителей» [9, 545]. Резко уменьшается в возрасте 35 лет и старше доля тех, кто «владеют компьютером хорошо и часто пользуются им» [4, 165].

В условиях цифровизации проявляются также разнообразные риски цифрового неравенства в поколенческом аспекте [10; 5; 4]. А наряду с этими рисками усугубляются

также риски отдаления разных поколений друг от друга, усиления «ментальной автономности младшего поколения» [6, 292]. И дело не только в проблемах и трудностях, связанных с овладением цифровыми технологиями как таковыми. Дело ещё и в том, что всё увеличивающийся информационный поток требует «еще большей способности проникать в суть вещей» [10, 148]. Всё более важные и сложные задачи возникают в отношении цифровой социализации и социализации людей в целом – как первичной, так и вторичной социализации, не только в отношении молодых, но и более старших поколений применительно к новым общественным условиям, к условиям цифрового общества. Поэтому исследователями всё настойчивее ставится вопрос о необходимости «вовлекать пожилых людей в цифровую трансформацию» [17]. Имеются также заметные различия в компьютерной грамотности и пользовании компьютерными технологиями между сельскими и городскими жителями [15; 15]. При этом социальной стратификации способствует также «появление все более сложных цифровых программ и средств» [11, 13].

Факты свидетельствуют, с одной стороны, о неуклонно идущем процессе цифровизации общества, с другой стороны, о наличии серьёзных проблем в отношении цифровой социализации некоторых слоёв и групп населения, требующих к себе внимания со стороны научной общественности.

1. *Арамисов Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. Т. 8, № 2. С. 27–44. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44 EDN: UOKNEO*
2. *Бреслер М. Г., Алексеева Н. А. Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 2. С. 165–173. DOI: https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173*
3. *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38-53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9*
4. *Лебедева Л. Г. К проблеме рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 165-173. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_165 EDN: PPLQIL*
5. *Лебедева Л. Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147-151. EDN: YSJDFH*
6. *Лебедева Л. Г. Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, № 3. С. 286-294. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-286-294 EDN: BVSOZK*
7. *Лебедева Л. Г. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. № 2. С.244–254. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254 EDN: YTGTLM*
8. *Лебедева Л. Г. Роль масс-медиа в социализации личности поколений (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 139-144. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-139-144 EDN: QRBNMG*
9. *Лебедева Л. Г. Цифровая социализация разных поколений: тенденции и проблемы // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12–14 ноября 2020 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. 603 с. – С. 545.*
10. *Лебедева Л. Г. Цифровизация социума в аспекте преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 3. С. 143-149. EDN: YRJFPV*
11. *Лебедева Л. Г., Звоновский В.Б. Об уровнях цифровой грамотности в аспекте цифровой трансформации // В сборнике: Актуальные тренды в развитии науки, экономики, образования. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 13-17. EDN: QWNNQE*
12. *Петросян Д. С. Трансформация понятия общества будущего в социологии: от постиндустриального общества к цифровой среде // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2024. № 1 (102). С. 63-71. EDN: RQYKYM*

13. *Тимохович А. Н., Самоходкина Е. Г., Самоходкин Е. В., Эльзон А. А. Проблематика цифровых технологий и искусственного интеллекта в научных работах // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 13–20. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-13-20 EDN: NSYRIN*
14. *Ashmarina S.I., Lebedeva L.G., Tokarev Y.A., Izmailov A.M. Students' and their Parents' Choice of Higher Education Institution in the Era of Digitalization // В сборнике: ISCDTE 2019: Digital Age: Chances, Challenges and Future. Part of the "Lecture Notes in Networks and Systems" book series (LNNS, volume 84). 2020. Pp. 514-525. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_62 EDN: EMAUTJ*
15. *Lebedeva L.G. Digital Competence of Urban and Rural Residents (Generational Aspect) // В сборнике: Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. Part of the book series: Lecture Notes in Networks and Systems (LNNS, volume 304). 2022. Pp. 867-873. DOI: 10.1007/978-3-030-83175-2_105*
16. *Lebedeva L.G. Computer inequality of generations of urban and rural residents as an aspect of the stratification of society // In: AIP Conference Proceedings 2574, 130001 (2022), https://doi.org/10.1063/5.0106309*
17. *Redlich M.-Ch., Nordmann K., Rabbani S., Schaller M. & Fischer F. Aging in the Digital Era: Need for Holistic Approaches to Bridging the Digital Divide // In book: The Palgrave Handbook of Global Social Problems, 2025, Palgrave Macmillan, Cham, pp.1-15. DOI: 10.1007/978-3-030-68127-2_457-1*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Елышев Егор Игоревич
(ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»)

Аннотация: В материале рассматривается платформенная занятость как, обусловленная продолжающейся цифровизацией, форма труда, осуществляемая полностью или частично через онлайн-инфраструктуру; перечислены её преимущества и «зеркальные» им недостатки.

Ключевые слова: платформенное общество, цифровизация, платформенная экономика, платформенная занятость, прекариатизация.

Активная цифровизация привела к росту роли цифровых платформ во всех сферах общественной жизни, в том числе, в экономической. Модель «платформенной экономики» подразумевает отход от традиционной цепочки «покупатель-продавец» – всё чаще в качестве посредников экономических отношений выступают специальные сайты или приложения, обеспечивающие взаимосвязь между участниками рынка.

«Платформизация» общества приводит также к трансформированию сферы труда. Всё большее распространение получает такая форма цифровой занятости как платформенная занятость. Её ключевым аспектом является полное или частичное выполнение трудовой деятельности через инфраструктуру онлайн-ресурсов, которые в то же время координируют деятельность занятых подобным образом работников. Так, платформа может: обеспечивать исполнителям возможности для коммуникации с потенциальными заказчиками их навыков; обеспечивать исполнителей инструментами для выполнения трудовых задач и вывода заработанных средств; организовать распределение и установление приоритетов выполняемой работы и т.п. [2]. Таким образом, чтобы охарактеризовать форму занятости работника как платформенную, его деятельность не должна обязательно целиком и полностью проистекать в онлайне.

История платформенной занятости уходит своими корнями к появлению первых сайтов-агрегаторов для фрилансеров в конце прошлого века. Данные сайты являлись достаточно нишевым продуктом, рождённым из потребности фрилансеров, оторванных от

стандартных организационных отношений, вести свою трудовую деятельность и самообеспечивать себя занятостью.

Демонстрируя значительный рост своей распространённости к концу 2000-х годов за счёт развития сервисов такси и доставки, на сегодняшний день платформенная занятость привлекает внимание как перспективная модель организации труда [4, 3]. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ численность платформенных работников в отечественной экономике на второй квартал 2024 года составляла 3,2 млн. человек [2].

При этом пул платформенных работников достаточно разнороден по сферам трудовой деятельности. Исходя из вышеописанного, к платформенным работникам могут быть отнесены и электронные фрилансеры (т. е. те, кто создают преимущественно цифровой продукт – например, дизайнеры, переводчики, программисты и т.п.), которые находят заказчиков, используя в качестве посредника специализированные биржи удалённой работы, и водители такси, использующие специализированные приложения таксопарков, и доставщики, и репетиторы и т. д. Из-за размытости характера труда и рассредоточенности таких работников в пространстве, подобная рабочая сила трудноопределима не только по своему качественному составу – затруднён и подсчёт их удельного количества [4, 2].

С одной стороны, «оцифровка» труда и «платформизация» занятости могут иметь положительные последствия: создавать новые рабочие места, экономить ресурсы для компаний (упрощение документооборота и оформления трудовых отношений, привлечение исполнителей для разовых задач и т.п.), способствовать доступности и росту спроса на услуги и др. [3].

С другой – иметь зеркальные перечисленным преимуществам недостатки. Так, создаваемые рабочие места, могут характеризоваться неудовлетворительными условиями труда и / или его нестабильным содержанием, а также нерегулярной и неопределённой оплатой.

Повышение для потребителей доступности услуг связано с ростом сектора цифровой занятости и количества платформенных работников, а значит и нарастающей конкуренцией на данных сайтах-агрегаторах для исполнителей [5, 682].

Экономия ресурсов бизнеса, в свою очередь, связана с минимизацией ответственности работодателей [5, 675]. Подобный «аутсорсинг» труда, позволяет компаниям экономить на налогах и взносах, но обостряет вопросы, связанные с социальным обеспечением данных внештатных работников – например, им, даже если они формально легализовали свою трудовую деятельность в качестве самозанятых и платят налог с получаемого дохода, обычно недоступны отпускные, больничные и т.п. Таким образом, перечисленное нами указывает на высокие риски прекариатизации платформенных работников, т.е. вхождения их в общность людей с неустойчивой занятостью и отсутствием социальных гарантий [1, 23].

Таким образом, платформенная занятость в значительной мере отличается от традиционной внутриорганизационной занятости и представляет собой одну из перспективных форм трудового взаимодействия. С одной стороны, занятые подобным образом работники получают возможности большей автономии и гибкости в организации своей трудовой деятельности, выборе контрагентов. С другой стороны, платформенные работники практически автономно выполняют фрагментированные рабочие задачи, имеют слабую вовлечённость в профессиональные сети и корпоративную культуру, зачастую практически лишены социальных гарантий, а сам сектор платформенной занятости ещё не до конца институционализирован. Перечисленные вызовы

обуславливают актуальность дальнейшего внимания к данной тематике со стороны научного сообщества и государства.

1. *Анисимов Р. И., Буланова М. Б., Воробьева И. В. и др. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность. Коллективная монография / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с.*
2. *Демьянова А. В., Покровский С. И., Талакаускас Д. С. Платформенная занятость в России // Институт статистических исследований и экономики знаний. 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/975577465.html (дата обращения: 09.10.2025).*
3. *Что такое платформенная экономика и в чем ее преимущества // Блог Ростелеком. Простые технологии. 2025. URL: https://blog.rt.ru/b2c/chto-takoe-platformennaya-ekonomika-i-v-chem-ee-preimushestva.htm (дата обращения: 08.10.2025).*
4. *Шевчук А. В. Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ. Резюме диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. 2023. URL: https://www.hse.ru/data/2023/10/11/2063291963/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%8E%D0%BC%D0%B5_%D0%94_%D0%A8%D0%B5%D0%B2%D1%87%D1%83%D0%BA_09.10.23_fin.pdf (дата обращения: 08.10.2025).*
5. *Au-Yeung T. C., Chan C. K. C., Ming C. K. K., Tsui W. Y. A. The gig economy, platform work, and social policy: food delivery workers' occupational welfare dilemma in Hong Kong // Journal of Social Policy. 2025. T. 54. № 2. C. 673-691. https://doi.org/10.1017/S0047279423000673*

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ КАК ЗНАЧИМЫЙ РЕСУРС СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иванова Татьяна Николаевна
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Спиридонова Варвара Алексеевна
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Иванов Семен Михайлович
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Онлайн-обучение как концепция начало появляться с появлением интернета в конце XX века. В связи с активным развитием информационных технологий и быстроменяющейся политической обстановкой в мире институт образования претерпевает серьезные изменения. Онлайн-обучение становится не только одной из вариаций получения знаний, но и неотъемлемой частью всеми знакомой системы образования. Помимо этого, оно может послужить и ее полной заменой.

Темой онлайн-обучения занимались такие ученые, как Ричард Майер, Чарльз А. Шо-нireган, Элиссон Литлджон, Майя Матарик, Айзек Питман, Чайка Людмила Викторовна, Верхотин Денис Генадьевич и многие другие.

Современная социально-экономическая ситуация в стране привела к тому, что традиционная система образования (офлайн-обучение) не может перекрыть появившиеся у людей потребности.

Это, такие потребности как:

– поиск гибкого графика, который зачастую не совместим с обучением, имеющим установленное кем-то расписание и место проведения занятий (аудитория в университете или класс в школе);

– миграция населения и невозможность, в связи с этим получить образование в конкретном месте;

– онлайн-обучение открывает больший выбор всевозможных курсов и программ для потребителя;

– возможность получения образования лицам с ограниченными возможностями;

– уже работающие или учащиеся люди, которые не могут посещать занятия из-за накладок в расписании;

– люди, проходящие военную службу, также могут быть заинтересованы в получении дополнительного образования и поэтому их выбор будет направлен на онлайн-курсы.

Информационно-образовательная деятельность – это самостоятельная познавательная, поисковая, коммуникативная и информационно-созидательная активность субъекта, которая реализуется через интернет и направлена на расширение образовательных задач или расширение жизненного, образовательного или профессионального опыта.

Традиционная образовательная деятельность в условиях быстрого роста информационной среды и свободы выбора траектории, времени и места обучения претерпевает ряд изменений.

Общепринятым понятием ИОС выступает трактовка, представленная в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования (далее ФГОС ООО): «совокупность субъектов образовательного процесса (т.е. преподаватели, обучающиеся) и компонентов методической системы обучения (т.е. содержание обучения, учебные и методические пособия, 9 традиционные и электронные средства обучения, образовательные интернет ресурсы, средства коммуникации и т. д.), обеспечивающих эффективную реализацию современных образовательных технологий, ориентированных на повышение качества образовательных результатов и выступающих как средство построения личностно-ориентированной педагогической системы» [1].

Основные характеристики ИОД:

Субъективность:

Самостоятельный характер

Зависимость от возрастных особенностей

Учет индивидуальных особенностей

Мотивационная готовность

Технологическая готовность

Специфика в интернет-пространстве:

Нелинейность деятельности

Особая работа когнитивных процессов

Снижение ответственности за действия

Привлекательность процесса

Основные виды ИОД:

Учебно-познавательная (работа с электронными образовательными ресурсами)

Развлекательно-познавательная (просмотр новостных лент, случайная навигация по сайтам)

Коммуникативная (общение с экспертами)

Информационно-созидательная (создание собственного контента)

Мотивационная составляющая:

Познавательные мотивы (интерес к знаниям)

Профессиональные мотивы (развитие в профессии)

Социальные мотивы (общение и признание)

Личностные мотивы (саморазвитие и самореализация)
Структура реализации:
Постановка цели
Планирование и поиск ресурсов
Исполнение
Отслеживание результатов
Завершение или коррекция.

Важно отметить, что ИОД может быть:
Частично регулируемой
Саморегулируемой
Самоуправляемой

При этом доминирующими видами в общей структуре ИОД являются учебно-познавательный и поисково-познавательный, а развлекательно-познавательная деятельность выступает важной составляющей информационного образования современных студентов.

Дистанционное образование – форма образования, в которой ученик и преподаватель находятся на расстоянии.

Под онлайн-образованием (e-learning, online-learning) понимают одну из форм дистанционного обучения, в котором используется сеть интернет. Оно подразумевает, что учитель и ученик находятся в разных местах. Это может быть или онлайн-занятие учителя с учеником/группой учеников или просмотр учеником заранее подготовленного учителем материала (видео, голосовые или текстовые задания) для самостоятельного изучения в удобное для себя время и в удобном месте.

Онлайн-курсы – виды образовательных программ, которые проводятся через интернет. Они включают в себя различные формы обучения:

– видео-лекции
– текстовые материалы;
– интерактивные задания;
– тесты для проверки знаний;
– онлайн-созвоны.

Они могут быть как полноценными образовательными программами с получением дипломов и сертификатов, так и источником новых знаний, и средством для повышения квалификации.

История онлайн образования начинается несколько десятилетий назад и продолжается с развитием информационных технологий и по сей день. Предшественников онлайн-образования было дистанционное-образование, которое возникло в 18 веке. Одним из первых шагов в данной области стало использование почты, по которой студентам рассылались учебные материалы. Важную роль в развитии дистанционного образования сыграл Исаак Питман [2].

Впервые онлайн-обучение было апробировано в Университете Иллинойса в 1960г. В России онлайн-образование начало свое развитие с приказа Министерства Образования России в 1997 году, позволяющего проводить эксперименты в сфере дистанционного образования.

Также огромному скачку в распространении онлайн-курсов послужил COVID-19, когда в 2019 году весь мир вынужденно ушел в режим самоизоляции.

История онлайн-образования имеет относительно небольшую историю, но ему все же удалось крепко занять свое место в системе образования и в наши дни все больше людей отдают свое предпочтение именно ему.

Онлайн обучение является разносторонним видом получения знаний. Оно обладает рядом характеристик, которые делают его удобным, доступным и эффективным для разных категорий людей. Рассмотрим ключевые особенности онлайн-обучения:

Доступность и глобальность

Одним из главных преимуществ онлайн-обучения является его доступность. Обучающиеся могут получать знания из любой точки мира, где есть подключение к интернету. Это особенно важно для людей, живущих в отдалённых районах или имеющих ограничения по передвижению. Кроме того, онлайн-курсы часто предлагают переводы и субтитры на разные языки, что расширяет границы обучения.

2. Гибкость расписания

Онлайн-формат позволяет студентам самостоятельно выбирать время и темп обучения. Многие курсы предлагают асинхронное обучение, когда материалы доступны в записи, а также синхронное обучение, предполагающее участие в вебинарах и онлайн-дискуссиях. Такая модель удобна для работающих профессионалов и людей с плотным графиком.

3. Разнообразие образовательных форматов

Современные онлайн-курсы включают различные форматы подачи материала:

Видеолекции – удобны для визуального восприятия информации;

Интерактивные задания – способствуют закреплению знаний;

Форумы и чаты – позволяют взаимодействовать с преподавателями и другими студентами;

Тесты и викторины – помогают оценить уровень усвоения материала;

Геймификация – использование игровых элементов для повышения мотивации к обучению.

4. Автоматизация процесса обучения

Благодаря цифровым технологиям многие аспекты обучения автоматизированы. Например, тесты могут проверяться автоматически, а системы искусственного интеллекта анализируют успехи студентов и предлагают персонализированные рекомендации. Это значительно упрощает процесс обучения и делает его более эффективным.

5. Экономическая эффективность

Онлайн-обучение зачастую дешевле традиционного, так как исключаются расходы на аренду помещений, транспорт, учебные материалы. Многие платформы предлагают бесплатные курсы или финансовую помощь для студентов.

6. Самодисциплина и мотивация

Одним из главных вызовов онлайн-обучения является необходимость высокой самодисциплины. В отличие от традиционного обучения, где есть строгий график и контроль со стороны преподавателей, в онлайн-формате студенту приходится самому организовывать своё обучение. Развитие навыков тайм-менеджмента и самоорганизации играет ключевую роль в успешном освоении материалов.

7. Интерактивность и коммуникация

Современные онлайн-курсы предлагают широкий спектр возможностей для взаимодействия:

Живые вебинары и видеоконференции;

Онлайн-форумы и обсуждения;

Групповые проекты и совместные задания.

Это способствует не только обучению, но и развитию навыков коммуникации и командной работы.

Таким образом, онлайн-обучение определенно имеет ряд преимуществ по сравнению с классическим видом образования.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЛОГЕРОВ ЧЕРЕЗ ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Илларионова Юлия Евгеньевна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация: Статья посвящена анализу визуальных стратегий блогеров как способу конструирования цифровой идентичности. На основе визуальной социологии, теории самопрезентации и символического капитала показано, что визуальный контент становится средством социального взаимодействия и инструментом воспроизводства культурных кодов цифровой эпохи.

Ключевые слова: визуальная социология, цифровая идентичность, блогеры, самопрезентация, визуальный контент, символический капитал, социальные медиа.

В условиях цифровизации социальной реальности визуальный контент становится одной из главных форм социальной коммуникации и самопрезентации. Визуально ориентированные платформы превращаются в своеобразную сцену, где личность существует через изображение. В этой среде блогеры – особая социальная группа, активно формирующая культурные коды, эстетические стандарты и визуальные нормы. Их деятельность выходит за рамки индивидуального самовыражения и приобретает общественное значение: помимо публикации контента, блогеры влияют на культуру восприятия, интерпретации и взаимодействия в сети, нередко задавая «стандарты» изображения цифровой идентичности.

В данном контексте цифровая идентичность представляет собой процесс создания индивидом собственной цифровой проекции – совокупности данных, визуальных и текстовых следов, формирующих его образ в сети. «Формирование идентичности рассматривается как проект или серия проектов, которые реализует личность, продвигая таким образом себя, свой личный бренд в разных видах и формах деятельности.» [3, 209] Визуальные социальные платформы – это медиа, ориентированные на обмен изображениями и короткими видео, где пользовательская самопрезентация строится преимущественно через визуальный контент. Под блогерами подразумеваются пользователи, систематически создающие публичные визуальные материалы и имеющие аудиторию, воспринимающую их как «медиа-личность». При этом количество подписчиков не является определяющим: важнее регулярность, узнаваемость и наличие уникального визуального стиля.

С позиций визуальной социологии фотография и любые визуальные образы рассматриваются не как иллюстрации, а как самостоятельные источники социального знания. Пётр Штомпка в работе «Визуальная социология. Фотография как метод исследования» подчёркивает, что визуальные материалы фиксируют проявления повседневности, культурные модели и социальные взаимодействия, которые часто не

осознаются участниками [4]. Изображение, согласно Штомпке, является особым видом социального факта – оно не только отражает, но и формирует социальную реальность. В этом контексте визуальные образы блогеров становятся средствами конструирования социальной реальности, отражая и формируя представления о статусе, нормах, успехе и способах достижения признания в цифровом пространстве. Визуальная социология, в свою очередь, предлагает инструменты для анализа таких образов как носителей социальных смыслов, сопоставимых по значимости с текстами или интервью.

Теория самопрезентации Ирвинга Гофмана дополняет это понимание: в цифровом пространстве блогеры постоянно выступают на «передней сцене», создавая желаемый образ себя и внимательно регулируя границу между публичным и личным. По Гофману, «сцена» предполагает управление впечатлением, выбор символов и атрибутов, которые усиливают нужное впечатление у публики [2, 30]. Так как интернет предоставляет возможность экспериментировать, управлять виртуальным образом, визуальный контент блогера – тщательно выстроенное представление о себе, где каждый элемент (фон, поза, цветовая гамма, ракурс, обработка) становится частью символического сценария. Через визуальные решения блогер транслирует аудитории, кем он хочет быть воспринят: близким и естественным, профессиональным и успешным, вдохновляющим, ироничным или «настоящим». Следовательно, визуальные стратегии выполняют функцию социального действия – они направлены на установление определённого взаимодействия и обратной связи, в рамках которой подтверждается идентичность.

Однако визуальный образ блогера формируется не только как результат личного выбора, но и под воздействием социальных ожиданий. Если Гофман акцентирует внимание на управлении впечатлением и ролевом поведении, то Бурдьё позволяет рассмотреть визуальную самопрезентацию через призму социальной стратификации и символического капитала. В работе «Различение: Социальная критика суждений о вкусе» он вводит понятие символического капитала, в том числе эстетического вкуса как признака социальной принадлежности [1, 543]. Визуальный стиль блогера можно рассматривать как проявление культурного капитала – умения кодировать эстетические нормы, выбирать композицию, цвета и символы, соответствующие представлениям о «вкусе» и «качестве». Высокая эстетизация контента, профессиональная обработка, внимание к деталям выступают социальными сигналами компетентности и статуса. Публикуемые материалы блогера становятся формой символического капитала, который конвертируется в внимание аудитории, репутацию и экономические ресурсы. Таким образом, визуальная идентичность блогера – это не просто личный стиль, а социальный ресурс, позволяющий занимать позицию в иерархии цифрового поля.

Стоит отметить, что визуально ориентированные платформы создают специфические «нормы» и алгоритмы видимости, что влияет на то, как блогеры выстраивают идентичность. Иными словами, цифровое пространство выступает как структурированное поле, где эстетические и поведенческие решения соотносятся не только с ожиданиями аудитории, но и с техническими механизмами самой платформы. Это усиливает значение визуального капитала как ресурса конкурентоспособности и видимости.

Современное развитие блогосферы показывает, что визуальная самопрезентация становится универсальным языком коммуникации. Визуальные стратегии блогеров разнообразны, различаются в зависимости от целей, аудитории и типа контента. Одни выбирают эстетику минимализма и естественности, подчеркивая «аутентичность» и «искренность»; другие, напротив, строят свой образ на подчеркнутой стилизации и

безупречной визуальной гармонии, превращая профиль в тщательно выстроенное эстетическое пространство. Между этими полюсами существует гибридность – когда визуал совмещает элементы «естественного» и «постановочного», демонстрируя реальность, но в «улучшенной» форме. Такая форма самопрезентации отражает современный цифровой вкус, где ценится не столько абсолютная достоверность, сколько умение балансировать между искренностью и визуальной выразительностью.

Перечисленные визуальные практики не существуют изолированно, а образуют систему символического взаимодействия, в которой аудитория также принимает активное участие. Подписчики подтверждают идентичность блогера через лайки, комментарии и репосты, создавая своего рода «социальное зеркало». Как следствие этого, визуальный контент становится результатом совместного действия – актом взаимного конструирования, где блогер предлагает образ, а аудитория его утверждает, и также может рассматриваться как постоянный диалог между самопредставлением и восприятием со стороны других.

С социологической точки зрения визуальные практики блогеров можно рассматривать как показатель трансформации способов самопрезентации и формирования идентичности в эпоху цифрового общества. Традиционные формы социального взаимодействия – разговор, письмо, совместная деятельность – частично замещаются визуальным выражением. Человек становится видимым и узнаваемым не столько через биографию, сколько через визуальные маркеры: эстетические решения, стиль кадра, цвет, эмоциональную атмосферу изображений.

Таким образом, визуальная социология предоставляет эффективный инструментарий для анализа цифровых идентичностей блогеров: она позволяет рассматривать визуальный контент как социальный факт, содержащий в себе культурные, символические и коммуникативные смыслы. Исследование визуальных практик позволяет глубже понять, как в цифровую эпоху человек создаёт, выражает и поддерживает своё социальное «я». Анализируя визуальные стратегии блогеров через призму теории самопрезентации и символического капитала, можно увидеть, как цифровое пространство становится новой ареной для социальной стратификации, символической конкуренции и поиска признания.

1. *Бурдье Пьер Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya (дата обращения: 04.10.2025).*
2. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни /Пер. с англ, и вступ. статья А. Д. Ковалева – М.: «КА- НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).*
3. *Кондаков Александр Михайлович, Костылева Анна Андреевна Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-tsifrovaya-samoidentifikatsiya-tsifrovoy-profil-postanovka-problemy (дата обращения: 04.10.2025).*
4. *Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с. + 32 с. цв.ил.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ДАНЬ МОДЕ?

Ишмухаметов Рустам Рифатович
(Институт развития образования Республики Башкортостан)

Аннотация. Исследуются аргументы, поддерживающие точку зрения о том, что цифровизация является не просто модной тенденцией, а объективной закономерностью, обусловленной технологическим прогрессом, изменением социальной структуры и запросами общества. Анализируются социальные импликации цифровизации, ее влияние на институциональные практики, социальную стратификацию, распределение власти и ресурсов в образовательной сфере. Рассматриваются как позитивные аспекты (повышение эффективности, прозрачности, доступности), так и потенциальные риски (цифровое неравенство, усиление социального контроля, дегуманизация). Автор приходит к выводу, что объективность цифровизации как закономерности определяется ее способностью решать актуальные социальные и управленческие задачи, а риск «моды» возникает при формальном, некритичном внедрении технологий без учета их социокультурного контекста.

Ключевые слова: социология управления, управление образованием, цифровизация, цифровизация образования.

Введение, или Цифровизация как социоинституциональный феномен

Цифровизация пронизывает все сферы общественной жизни, трансформируя социальные отношения, институты и практики. Управление образованием не является исключением. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в управленческие процессы образовательных учреждений вызывает дискуссию: является ли этот процесс объективной закономерностью, обусловленной фундаментальными изменениями в обществе и технологиями, или же это временная «мода», продиктованная желанием идти в ногу со временем? С точки зрения социологии управления, цифровизация – это сложный социоинституциональный феномен, требующий глубокого анализа его социальных предпосылок, механизмов реализации и последствий.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили труды А. И. Ветеркова [1, 98 – 103] о плюсах и минусах цифровизации образования, С. М. Елисеева [2, 386 – 391] о новых возможностях, социальных проблемах и рисках цифровизация образования, А. А. Мозговенко, А. В. Найдыш, Е. А. Окуловой [3, 186 – 189] о проблемах и возможностях цифровизации образования, З. Я. Рахматуллиной, Р. Р. Кутловой [4, 436 – 437] об отечественной системе образования в условиях современных информационных вызовов, Н. Г. Яковлевой [5, 104 – 118] о потенциале, пределах и социальных рисках цифровизации образования.

Предпосылки цифровизации управления в образовании: социологический взгляд

Аргументы в пользу того, что цифровизация управления в образовании – это объективная закономерность, коренятся в глубинных социальных процессах.

Развитие ИКТ создает новые возможности для оптимизации сложных систем, в том числе и образовательных. Управление, как процесс организации и регулирования, естественно тяготеет к использованию наиболее эффективных инструментов, которыми становятся цифровые технологии. В условиях роста требований к эффективности использования ресурсов, прозрачности деятельности и оперативности принятия решений,

цифровые инструменты предлагают рациональные решения для автоматизации рутинных задач, анализа больших данных и оптимизации управленческих потоков. Современное общество становится все более цифровым. Граждане (родители, студенты) ожидают от всех институтов, включая образовательные, соответствия этому уровню технологичности, прозрачности и доступности информации. Нецифровизованное управление становится архаичным и менее конкурентоспособным. Управление становится более комплексным, требующим обработки больших объемов информации, междисциплинарного подхода и сетевого взаимодействия. ИКТ являются необходимым инструментом для работы с этой сложностью. В условиях глобализации образовательные учреждения вынуждены конкурировать не только на локальном, но и на международном уровне. Применение передовых управленческих практик, включая цифровые, становится фактором конкурентоспособности.

Таким образом, нами были выявлены социальные процессы, объясняющие объективность цифровизации образования: технологический детерминизм и инструментальная логика, эффективность и рациональность, требования общества и «цифровая гражданская идентичность», изменение характера управления, глобальные тенденции и конкуренция.

Социальные импликации цифровизации: от повышения эффективности до усиления контроля

Мы определяем, что цифровизация управления в образовании несет в себе широкий спектр социальных импликаций, которые необходимо учитывать: изменение распределения власти и ресурсов, социальная стратификация, доступность, институциональные практики, культура управления.

Изменению распределения власти и ресурсов способствуют противопоставления централизации и децентрализации, феномены «власти данных» и ресурсных асимметрий.

Цифровые платформы могут как усиливать централизацию (через единые системы мониторинга и контроля), так и способствовать децентрализации, предоставляя больше автономии на местах и расширяя возможности для участия различных стейкхолдеров образования. «Власть Данных» – управление на основе данных (data-driven management) смещает акцент на тех, кто владеет, обрабатывает и интерпретирует информацию. Возникает определенный риск: создание новых властных иерархий внутри образовательных учреждений. Цифровизация требует инвестиций в технологии и обучение. Образовательные учреждения с лучшим финансовым обеспечением получают преимущество, возникают ресурсные асимметрии, которые могут усугубить социальное неравенство.

Цифровое неравенство – один из наиболее острых социальных вызовов современности. Разрыв в доступе к технологиям, качественному интернету и цифровым навыкам может создавать новые барьеры для социально уязвимых групп, ограничивая их образовательные возможности и приводя к социальной стратификации в обществе.

Доступность непосредственно связано с противоборством процессом демократизации и сегрегации. Цифровые платформы могут способствовать демократизации доступа к информации и образовательным ресурсам, но могут и привести к новым формам сегрегации, например, по уровню цифровой грамотности.

Институциональные практики и культура управления цифровизацией образования также выявляют противоречия. Представим их в виде схемы.

Рис. 1. Противоречия институциональных практик и культуры управления цифровизацией образования

Таким образом, институциональные практики и культура управления цифровизацией образования сталкиваются с рядом противоречий, проявляющихся в несоответствии организационных механизмов современным требованиям, недостаточной готовности педагогов и управленцев к инновациям, отсутствии согласованности между образовательными стандартами и цифровыми технологиями.

Критерии различия в цифровизации как объективации и моды

Нами был выделен ряд социологических критериев, позволяющих отличить объективную закономерность от «моды». Среди них: решение реальных проблем, устойчивость, интеграция, инклюзивность, критическое осмысление. Представим результаты проведенного сравнительного анализа в виде таблицы.

Таблица 1. Различия в цифровизации как объективации и моды

№ п/п	Критерии	Объективация	Мода
1.	Решение реальных проблем	Решение актуальных, системных проблем управления (например, неэффективность документооборота, отсутствие прозрачности, сложности с анализом данных)	Внедрение технологий ради их самих, без четкого понимания решаемых задач
2.	Устойчивость	Долгосрочная перспектива, цифровизация – неотъемлемая часть институциональных практик	Временный характер, угасание по мере появления новых

3.	Интеграция	Успешная цифровизация – это не просто внедрение новых инструментов, а глубокая трансформация управленческих процессов, культуры и структуры организации	Поверхностное приспособление
4.	Инклюзивность	Расширение доступа и инклюзивности	Игнорирование социального неравенства и создание новых барьеров
5.	Критическое осмысление	Критическое осмысление, анализ рисков и выработка мер по их минимизации	Необоснованный оптимизм и игнорирование проблем

Из таблицы видно, что цифровизация как объективация, характеризуясь глубокими структурными изменениями, внедрением технологий, улучшением процессов и повышением эффективности, основывается на реальных потребностях экономики и общества, способствует развитию инфраструктуры и создает устойчивые конкурентные преимущества. Напротив, цифровизация как мода представляет собой поверхностные изменения, часто обусловленные трендами и стремлением соответствовать ожиданиям рынка. Такие инициативы зачастую непродолжительны, слабо интегрированы в бизнес-процессы и не приносят значительных долгосрочных выгод.

Таким образом, ключевое различие заключается в глубине интеграции цифровых решений и их влиянии на развитие организации или государства.

Заключение. С точки зрения социологии управления, цифровизация управления в сфере образования не является простой «данью моде», а, прежде всего, объективная закономерность, обусловленная глубокими трансформациями в технологической, экономической и социальной сферах. Цифровизация предлагает реальные возможности для повышения эффективности, прозрачности, доступности и адаптивности образовательных институтов.

Однако, как и любая масштабная трансформация, цифровизация несет в себе значительные социальные риски. Ее объективность заключается не в абсолютной пользе, а в ее способности выступать мощным инструментом решения актуальных управленческих и социальных задач. Риск «моды» возникает тогда, когда цифровизация внедряется формально, без критического осмысления, без учета социальных последствий, без обеспечения равного доступа и без трансформации самих управленческих практик.

Успешная цифровизация управления в образовании требует не просто внедрения технологий, а социотехнической адаптации, при которой технологии органично вплетаются в социальную ткань образовательного учреждения, учитывая его цели, ценности, ресурсы и социальный контекст. Необходимо активно работать над минимизацией рисков, связанных с цифровым неравенством, безопасностью данных и дегуманизацией, чтобы цифровизация стала реальным фактором прогресса.

1. *Ветерков А. И. Плюсы и минусы цифровизации образования / А. И. Ветерков // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2021. № 16. С. 98-103.*
2. *Елисеев С. М. Цифровизация образования: новые возможности, социальные проблемы и риски / С. М. Елисеев // Современные социальные процессы в контексте глобализации. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2021. С. 386-391.*
3. *Мозговенко А. А. Цифровизация образования: проблемы и возможности / А. А. Мозговенко, А. В. Найдыш, Е. А. Окулова // Университетская наука. 2023. № 1 (15). С. 186-189.*

4. *Рахматуллина З. Я. Отечественная система образования в условиях современных информационных вызовов / З. Я. Рахматуллина, Р. Р. Кутлова // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 436-437.*
5. *Яковлева Н. Г. «Цифровизация» образования: потенциал, пределы и социальные риски / Н. Г. Яковлева // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32. № 1. С. 104-118.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Казаренкова Татьяна Борисовна
(Международный научный центр «СОЦИУМ 2035»)

Казаренков Вячеслав Ильич
(РУДН)

Аннотация. В условиях новой социальной реальности массовое внедрение технологий искусственного интеллекта изменило целые индустрии в городах и странах. Развитие сервисов и технологий на основе искусственного интеллекта очень часто идет быстрее, чем люди и организации успевают их эффективно осваивать и внедрять.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое общество, высшая школа

В современном мире активно развиваются новые формы социального взаимодействия, которые позволяют человеку, используя новые информационные технологии расширять свои возможности в различных сферах жизнедеятельности (профессиональной, личной, общественной и др.)

В манифесте «Форума о будущем городов БРИКС «Облачные города»-2025 отмечается, что искусственный интеллект и роботы перестали быть плодом фантазий. Из смелых инженерных решений они становятся надежным ресурсом, помогающим миллиардам людей освободить время и творческую энергию для создания новых глобальных проектов.

Высшая школа является одним из лидеров, где внедряются основы современных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта. Однако, все мы сталкиваемся с тем, что технологии стремительно развиваются и необходимо постоянно совершенствовать свои навыки в их освоении. Целесообразно разработать постоянно действующие обязательные куры повышения квалификации для административно-управленческого и профессорско-преподавательского состава вузов по искусственному интеллекту. В содержании должны быть не только современные теоретические знания в области ИИ, но и практический материал, который реально позволит познакомить слушателей с новыми информационно-технологическими интернет-платформами ИИ, но и поможет им правильно формулировать техническое задание для искусственного интеллекта, и что очень важно научить проверять полученный «информационный продукт» на соответствие критериям научно-образовательного процесса.

Интерес представляет применение элементов искусственного интеллекта в работе со студентами на внеаудиторных занятиях, а также при подготовке различных общественных мероприятий в вузе. Современные технологии помогают преподавателю университета на более высоком профессиональном уровне использовать интересный

инновационный материал с участием искусственного интеллекта. Это делает возможным применение полученных знаний при общении со студентами.

В условиях современности происходит информационно-технологичная трансформация социальной реальности.

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Карпов Николай Сергеевич
(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

Полицинская Екатерина Викторовна
(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

Лизунков Владислав Геннадьевич
(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00089, https://rscf.ru/project/25-18-00089/»

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития интеллектуально-инновационного потенциала кадров в условиях цифровизации общества. Рассмотрены социальные проблемы, сопровождающие процесс цифровизации. Особое внимание уделено роли системы дополнительного профессионального образования как инструмента компенсации недостатка специализированных знаний и навыков у работающих специалистов. Представлена модель саморазвивающейся информационно-образовательной системы развития интеллектуально-инновационного потенциала.

Ключевые слова: интеллектуально-инновационного потенциал, цифровизация, социальные проблемы, дополнительное профессиональное образование.

Современное общество стремительно движется к эпохе цифровизации всех сфер жизнедеятельности, включая производство, управление, образование и социальную сферу. Цифровая экономика требует новых подходов к формированию и развитию интеллектуально-инновационного потенциала кадрового потенциала, способного эффективно функционировать в высокотехнологичной среде [1].

Интеллектуально-инновационный потенциал – это совокупность знаний, навыков, креативности и способности внедрять новшества, которыми обладает население страны. Именно этот ресурс определяет способность экономики конкурировать на мировом уровне, обеспечивать экономический рост и повышать уровень благосостояния граждан.

Без достаточного количества квалифицированных специалистов, обладающих нужными знаниями и умениями, страна сталкивается с серьезными вызовами:

сокращение числа предприятий, занимающихся разработкой и производством высоких технологий;

потеря позиций на международном рынке товаров и услуг;

ослабление конкурентоспособности национальной экономики.

Происходящий процесс цифровизации сопровождается изменениями в структуре трудовых ресурсов и формировании новых профессий. Современные работники вынуждены адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка труда, осваивать новые компетенции и постоянно обновлять профессиональные знания. Этот процесс порождает ряд социальных проблем, среди которых:

увеличение стресса и эмоционального напряжения работников, связанного с необходимостью постоянного самообразования и освоения новых технологий;

рост неравенства в доступе к цифровым ресурсам и образованию, приводящее к усилению социального расслоения;

угроза безработицы для работников, чьи профессии подвержены риску автоматизации.

Наибольшее сокращение рабочих мест в связи с цифровизацией в настоящий момент фиксируется в обрабатывающей промышленности и оптовой торговле. Обращаясь к данным Росстата по областям занятости, можно обнаружить, что около 11 млн. рабочих мест в РФ испытывают прямую необходимость в цифровых компетенциях персонала [2].

Успешная адаптация персонала к условиям цифровизации возможна лишь при условии реализации комплексной стратегии подготовки и переподготовки кадров, создания эффективной системы социальной защиты и активного участия государства в регулировании процесса перехода к цифровой экономике.

Исследование показало, что цифровая трансформация оказывает значительное влияние на структуру занятости, требования к профессиональному уровню работников и организацию трудового процесса. Важнейшими факторами успешного развития интеллектуально-инновационного потенциала являются постоянное обучение и освоение новых компетенций, создание благоприятных условий для творческой активности и инновационности [3, 4, 5].

Для минимизации негативных последствий необходимы программы переобучения и повышения квалификации работников.

Эффективная система дополнительного профессионального образования (ДПО) действительно необходима для сохранения и развития интеллектуально-инновационного потенциала нации, поскольку именно этот ресурс обеспечивает устойчивость экономики в условиях современной конкуренции и глобализации.

Она способна компенсировать недостаток специализированных знаний и навыков у работающего населения, позволяя своевременно приобретать необходимые компетенции и сохранять лидерство в инновациях.

Предприятия, работающие в высококонкурентных отраслях, регулярно сталкиваются с потребностью обновления квалификаций сотрудников. Система ДПО предоставляет сотрудникам возможность пройти краткосрочное обучение, которое позволяет мгновенно восполнить пробелы в знаниях и стать полезными для работодателя. При отсутствии системы регулярного повышения квалификации сотрудники могут потерять квалификацию, что приведет к утрате интеллектуальной базы предприятия. Постоянное обучение предотвращает подобные риски, сохраняя высокий уровень компетентности сотрудников.

Системы ДПО способны формировать творческий подход и стремление к экспериментированию, что положительно влияет на продуктивность и инновационную активность организаций.

Современные отрасли экономики развиваются чрезвычайно быстро, появляются новые профессии и специализации. Образовательные учреждения традиционного типа не успевают вовремя реагировать на спрос. Только быстрая организация курсов

дополнительного образования может позволить подготовить кадры для вновь возникших секторов экономики.

Эффективным инструментов в условиях цифровизации для развития интеллектуально-инновационного потенциала может стать создание саморазвивающейся информационно-образовательной системы развития интеллектуально-инновационного потенциала кадров (СИОС).

СИОС – это технологическая платформа, объединяющая современные цифровые инструменты и методики обучения. Она интегрирует электронные курсы, базы знаний, аналитические модули и средства мониторинга успеваемости студентов и сотрудников. СИОС создает единое пространство для передачи знаний, обмена опытом и развития профессиональных навыков.

Комплекс позволяет объективно оценивать потенциал кадров и разрабатывать в системе дополнительного образования стратегии для его развития и эффективного использования. На основе результатов оценки интеллектуально-инновационного потенциала каждого участника программы ДПО можно создавать персонализированные образовательные маршруты. Например, слушатели смогут осваивать практические навыки работы с различными цифровыми инструментами прямо в электронной среде. Имитации реального окружения позволят отработать навыки программирования, администрирования сетей, работы с big data и прочими ИТ-направлениями без риска повредить реальную инфраструктуру.

Традиционные подходы часто фокусируются либо на образовании, либо на профессиональных навыках, либо на креативности. В данном случае предлагается целостная модель, которая объединяет все эти элементы в единую систему оценки. СИОС интегрирует несколько ключевых компонентов интеллектуально-инновационного потенциала в одну общую модель. Она включает следующие аспекты:

Учитываются формальное образование (дипломы, сертификаты) и дополнительное обучение (курсы, тренинги).

Оценивается практический опыт, умение применять знания на рабочем месте, а также наличие специализированных навыков.

Исследуется способность генерировать новые идеи, находить нестандартные решения проблем, проявлять инициативу.

Оценивается степень открытости к новым технологиям, методам работы и изменениям в профессиональной среде.

Учитывается склонность к внедрению инноваций, участие в проектах по созданию новых продуктов или услуг.

Рассматриваются такие характеристики, как ответственность, лидерские качества, коммуникативные навыки, которые важны для успешной реализации проектов.

Такая интеграция позволяет создать более полную картину интеллектуально-инновационного потенциала каждого сотрудника, что позволяет объективнее оценивать сильные и слабые стороны персонала, разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты, ориентированные на конкретные потребности каждого специалиста, повышать эффективность инвестиций в обучение и развитие сотрудников, способствовать более быстрому внедрению инноваций и адаптации к изменяющимся условиям рынка.

Таким образом, предлагаемая саморазвивающаяся информационно-образовательная система выступает надежным механизмом для объективной оценки и целевого развития интеллектуально-инновационного потенциала сотрудников, становясь ключевым фактором успеха в условиях растущей цифровизации экономики и усиления международной конкуренции.

1. *Антонова Д. А., Оспенникова Е. В., Спирин Е. В. Цифровая трансформация системы образования. Проектирование ресурсов для современной цифровой учебной среды как одно из ее основных направлений // Вестник Пермского государственного гуманитарнопедагогического университета. – 2018. – № 14. – С. 5-37.*
2. *«Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы», ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 18.10.2022, Электронный ресурс – URL: https://issek.hse.ru/news/783750202.html*
3. *Дробышевская Л. Н., Попова Е. Д. Развитие экономики знаний России в эпоху цифровых трансформаций // Креативная экономика. – 2018. – № 4 (12). –С. 429-466.*
4. *Смирнов Т. В. Особенности формирования кадрового потенциала государственной службы в условиях цифровизации экономики // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 447-464. – DOI 10.18334/lim.12.2.122677*
5. *Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А. Цифровизация системы образования // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. Серия: «Экономика». – 2019. – № 2 (28). – С. 116-121.*

МЕТРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кирилина Татьяна Юрьевна
(НИУ МЭИ, Москва, Россия.)

Сахневич Инна Валерьевна
(ОГБУ ДПО Курский институт развития образования, Курск, Россия.)

Аннотация. В статье исследуется формирование «метрического общества» в России. Анализируются его позитивные эффекты (эффективность, прозрачность) и социальные риски (неравенство, выгорание, алгоритмическая дискриминация).

Ключевые слова: метрическое общество, цифровизация, датификация, квантификация, социальные риски, алгоритмическое управление, высшее образование.

Актуальность исследования обусловлена интенсивной цифровой трансформацией в России, инициированной преимущественно «сверху» государством, и необходимостью критического осмысления ее последствий. Современный этап развития социума неразрывно связан с процессами цифровизаци и датификации. Австрийский социолог Нэйл Селвин в работе «Что такое цифровая социология?» определили четыре важнейших технологии, получивших сегодня широкое распространение и имеющих серьезные социальные последствия: сетевые коммуникации, технологии больших данных, алгоритмы и платформы [2].

Теоретической основой исследования выступает концепция «метрического общества» немецкого социолога Штефана Мау, описывающая социальный порядок, где доминирует логика измерения, квантификации и сравнения. Жизнь человека, его успехи и неудачи, социальные связи и потребительское поведение переводятся в цифры, индексы и рейтинги. Под «метрическим обществом» Ш. Мау понимает квантификацию всех социальных процессов и явлений, а также идентичности личности [2]. Понятие «метрическое общество» описывает социальный порядок, в котором количественные показатели (метрики) становятся доминирующим инструментом оценки, управления и конструирования реальности. Данный феномен является логическим развитием идей научного менеджмента (тейлоризма), транслированных из сферы производства в повседневную жизнь и усиленных возможностями цифровых технологий сбора и анализа

больших данных (Big Data). По мнению Ш. Мау, в метрическом обществе формируются новые «порядки ценности», где каждый вид деятельности, достижение или личная характеристика получают определенную количественную оценку. Квантификация социальной жизни обостряет конкуренцию, так как числовые данные делают сравнения легкими и повсеместными, подпитывая дух соперничества. Цифры воспринимаются как более объективный критерий, преодолевающий ограниченность субъективного мнения. Кроме того, квантификация ведет к усилению социальной иерархии, поскольку качественные различия между индивидами преобразуются в измеримые количественные неравенства в рамках универсальной оценочной системы. Таким образом, ценность чего–либо определяется не его внутренними свойствами, а внешней оценкой, которую может дать любой член общества. Это придает ценности статус «социально производимого» феномена.

Теоретический каркас метрического общества базируется на нескольких принципах:

Редукция качества к количеству. Сложные социальные феномены (качество образования, эффективность работы врача, благополучие) замещаются упрощенными, поддающимися измерению индикаторами (баллы ЕГЭ, количество принятых пациентов, индекс удовлетворенности).

Примат сравнения и ранжирования. Люди, организации и территории постоянно сопоставляются друг с другом через систему рейтингов, что интенсифицирует конкуренцию и создает поле перманентного оценивания.

Перформативность метрик. Показатели не просто отражают реальность, но и активно формируют ее, определяя приоритеты и конструируя новые практики.

Стимулирование поведения. Внедрение систем поощрений и наказаний, основанных на достижении целевых показателей, направляет деятельность в желаемое русло, что зачастую приводит к стратегической симуляции («гона за показателями»), когда целью становится улучшение цифр в отчетности, а не достижение реального результата.

Формирование метрического общества в России характеризуется ускоренным и зачастую принудительным характером, инициируемым преимущественно «сверху» – государственными структурами и крупными корпорациями. **Государство выступает в этом процессе как ключевой актор. Цифровые платформы (портал «Госуслуги») являются** не только инструментом предоставления услуг, но и масштабной системой сбора данных, формирующей комплексный цифровой профиль гражданина. Интегрированные системы рейтингов и обратной связи превращают пользователей в активных участников процесса метрификации.

Процесс метрификации в России отличается ускоренным и зачастую принудительным характером. Ключевыми областями его проявления являются:

Государственное управление. Портал «Госуслуги» выступает не только инструментом сервиса, но и масштабной системой сбора данных, формирующей цифровой профиль гражданина. Это повышает удобство и прозрачность (сокращение времени и коррупционных рисков), но создает инфраструктуру для всеобъемлющего контроля.

Образование. Единый государственный экзамен (ЕГЭ) является классическим примером редукции образовательного процесса к единому количественному показателю, определяющему рейтинги и финансирование вузов.

Рынок труда. Повсеместное внедрение KPI, систем электронного мониторинга (тайм-трекеры) и алгоритмического управления (в сервисах такси) трансформирует труд в непрерывно измеряемый процесс.

Финансовая система. Кредитный скоринг на основе анализа цифрового следа (транзакции, геолокация) количественно определяет финансовую надежность индивида, регулируя доступ к экономическим ресурсам.

Социальные сети и платформы. Логика, основанная на метриках вовлеченности (лайки, просмотры), формирует «экономику внимания» и поощряет конструирование онлайн-идентичности, ориентированной на количественное одобрение.

Наряду с позитивными эффектами (повышение эффективности, удобства, прозрачности), формирование метрического общества порождает серьезные социальные риски:

Цифровое неравенство. Усиление социальной стратификации по признаку доступа к цифровым технологиям и цифровой грамотности. Данные Росстата (2023) подтверждают значительный разрыв между городом и селом, а также поколенческий разрыв (65+), что ведет к маргинализации уязвимых групп.

Эрозия социального капитала. Поощрение индивидуальных, а не коллективных достижений (KPI, рейтинги в образовании) подрывает ценности солидарности, доверия и кооперации, заменяя их внутренней конкуренцией.

Психологическое давление и выгорание. Постоянная необходимость «соответствовать» количественным нормативам («metric fixation») ведет к хроническому стрессу, синдрому самозванца и эмоциональному истощению. Социальные сети, где самооценка зависит от внешней валидации, становятся источником тревоги и депрессии.

Алгоритмическая дискриминация. Делегирование решений (кредитование, найм) алгоритмам, обученным на исторических данных, воспроизводит и усиливает существующие социальные предрассудки (профессия, район проживания), делая процесс непрозрачным и неоспоримым.

Подмена целей и институционализация симуляции. Фетишизация показателей приводит к тому, что метрика становится самоцелью. Это порождает «игру в показатели»: натаскивание на тесты в ущерб знаниям, манипуляцию статистикой в здравоохранении, культуру «отчетности ради отчетности» в управлении.

Высшая школа стала одним из ключевых институтов метрического общества. Деятельность преподавателя редуцируется до набора формализованных наукометрических показателей (публикации в Scopus/WoS, индекс Хирша, объем грантов). Это приводит к фундаментальной трансформации академических ценностей:

Смещение фокуса с содержания работы на достижение формальных показателей.

Девальвация педагогического труда, который не окупается с точки зрения личных KPI.

Выбор тем, гарантирующих быстрые публикации, в ущерб фундаментальным исследованиям.

Рост стресса, выгорания и конкурентных, а не коллаборационных отношений внутри научного сообщества.

Формирование метрического общества в России носит амбивалентный характер, сочетая повышение эффективности с генерацией новых рисков (неравенство, контроль, выгорание). Национальная специфика определяется сильной ролью государства и унаследованными административными практиками.

Для управления этим процессом требуется сбалансированная государственная политика, направленная на минимизацию социальных рисков. Развитие цифровой

грамотности населения, обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов, защита прав граждан от цифровой дискриминации. Необходима реформа системы оценки научного и педагогического труда преподавателей высшей школы. В высшем образовании и других сферах необходима разработка гибридных моделей, сочетающих количественные метрики с качественной экспертной оценкой. Это позволит защитить автономию профессий и признать ценность труда, не сводимого к простым числам. Метрическое общество – это новая социальная реальность, требующая не отказа от метрик, а развития критического к ним отношения и создания институтов, смягчающих их негативные социальные последствия.

1. *Mau S. The Metric Society On the Quantification of the Social. Cambridge, UK; Medford, MA: Policy Press, 2019. 200 p.*
2. *Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 134 p.*

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ТРУДА НА УСЛОВИЯХ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОДИТЕЛЕЙ ТАКСИ)

Киселев Игорь Юрьевич
(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова)

Шубина Анастасия Васильевна
(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова)

Аннотация: В докладе представлены результаты авторского социологического исследования, направленного на изучение особенностей трудовой деятельности водителей такси, занятых на цифровых платформах. Сбор первичных социологических данных проведен методом личного глубинного интервью. Установлено, что платформизация труда водителей такси приводит к трансформации всех основных параметром традиционной занятости.

Ключевые термины: платформенная занятость, традиционная занятость, водители такси, трудовые траектории, график работы, оплата труда, социальные гарантии

По всему миру растут масштабы платформенной занятости. Согласно определению, используемому Федеральной службой государственной статистики, она представляет собой «деятельность в интересах других лиц, осуществляемая человеком через цифровую платформу или на ней с целью получения заработной платы или прибыли» [1, 14]. В качестве примеров таких платформ выступают: Яндекс-такси, Авито, Профи и другие.

Доля вовлеченных в платформенную занятость растет. По данным Международной организации труда, количество платформ увеличилось со 193 в 2010 году до 1070 – в 2023 году [2, 18]. При этом 80 % всех работников глобальных онлайн-платформ приходится на 15 стран: Индию, Бангладеш, Пакистан, США, Великобританию, Филиппины, Украину, Российскую Федерацию, Египет, Индонезию, Китай, Сербию, Шри-Ланку, Канаду и Кению [2, 33]. В России, по данным Федеральной службы государственности статистики, в 2024 году в платформенную занятость по основному месту работы включены 2 806 000

человек [1]. Для сравнения: в 2023 году численность составляла 3 244 000 человек [5]; в 2022 году – 3 469 000 [8, 59].

В нашей стране рост платформенной занятости наблюдался на фоне пандемии COVID-19 наряду с распространением дистанционной формы работы [2, с. 110]. После снятия карантинных ограничений доля работников, включенных в нетрадиционные формы занятости сократилась: в дистанционную – в большем объеме, в платформенную – в меньшем. Однако несмотря на снижение количества людей, занятых на цифровых платформах, платформенная занятость останется неотъемлемой частью трудового поведения россиян.

Цифровизация экономики сопровождается изменениями, которые обусловили, по мнению И. Л. Сизовой и И. А. Григорьевой, «ломкость труда и занятости» [7]. В свою очередь, Л. В. Логинова расценивает произошедшие изменения как деинституционализацию традиционно организованного труда и формирование новой нормальности трудовых отношений [3]. В числе показателей стандартной и стабильной занятости наемных работников: работа на предприятии, в организации, в учреждении, на фирме; официальное оформление (по трудовой книжке, трудовому контракту, соглашению); предприятие не имеет долгов по зарплате; в течение последних 12 месяцев не уменьшали зарплату (принудительно не сокращали часы работы); в течение последних 12 месяцев не отправляли в вынужденный неоплачиваемый отпуск; отсутствие переработок (работа не более 40 часов в неделю); не меняли место работы или профессии за последние 12 месяцев; не имели дополнительной оплачиваемой работы [9, с. 90]. Отметим, что перечисленные критерии описывают стандартную занятость, представления о которой закреплены на уровне законодательства и воспроизводятся в социальных практиках в сфере труда.

В связи с этим можем предположить, что платформенная занятость приводит не просто к невыполнению всех или отдельных перечисленных критериев, она предполагает опору на другие основания при организации трудовых отношений.

Для проверки предположения проведено авторское социологическое исследование, направленное на изучение особенностей трудовой деятельности водителей такси, занятых на условиях платформенной занятости. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2023 году самая большая доля занятых через цифровые платформы по основной работе приходилась на следующие виды экономической деятельности: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (19,3 %), транспортировка и хранение (19,3 %) [6, 85]. Приведенные данные служат обоснованием для обращения к деятельности водителей такси с целью анализа их трудовых практик в русле платформенной занятости.

Эмпирическую базу исследования составили результаты 15 глубинных интервью водителей такси из разных городов России (Ярославль, Белгород, Владимир, Волгоград, Кострома, Краснодар, Москва, Санкт-Петербург). В качестве информантов выступили водители такси как на личном автомобиле, так и арендующие автомобиль; трудоустроенные в качестве самозанятых, индивидуальных предпринимателей и работающие по трудовому договору с таксопарком; имеющие разный стаж работы. Большинство водителей (12 человек) работают на платформе такси Яндекс; 3 – «Максим».

Метод сбора данных: глубинное полуструктурированное интервью. Вопросы первого блока позволяют выяснить условия труда водителей такси. Вопросы второго блока направлены на выявление профессионального пути водителей такси и опыта работы, то есть выявление того, как водители такси пришли к платформенной занятости. Посредством вопросов третьего блока определены возможности и ограничения

платформенной занятости. Четвертый блок вопросов направлен на выявление процессов самоорганизации и поддержки в деятельности водителей такси на условиях платформенной занятости. Результаты интервью обработаны посредством выполнения тематического анализа

Проведенное исследование трудовых практик водителей такси подтверждает, что платформизация обусловливает формирование новой конфигурации труда, которая характеризуются трансформацией всех основных параметров традиционной занятости.

Цифровая платформа трансформирует трудовую деятельность водителя такси в максимально индивидуализированную форму занятости. Водители исключены из устойчивых трудовых коллективов. Алгоритм распределяет заказы на основе индивидуальных метрик. Водители работают в одиночку, не встречаются в общем пространстве автотранспортного предприятия, не формируют традиционные горизонтальные связи. Данная тенденция может быть интерпретирована как проявление атомизации труда, когда утрачиваются устойчивые формы коллективной идентичности, характерные для индустриальных профессий. Водитель такси превращается в самозанятого фрилансера на платформе, конкурирующего с другими в цифровой среде.

Труд водителей такси характеризуется ненормированным графиком работы, нестабильным доходом, отсутствием социальных гарантий. Более того, водители несут издержки, связанные с эксплуатацией автомобиля как средства производства.

Алгоритмическое управление трудом оказывает влияние не только на повседневную занятость, но и на самоощущение работников. У многих водителей наблюдается эрозия профессиональной идентичности: они не воспринимают свою деятельность как полноценный труд, обозначают проблему эмоционального выгорания и потери осмысленности трудовой деятельности.

Таким образом в условиях платформизации занятости происходит трансформация не только поведенческих практик, но их смыслового наполнения.

1. *Итоги выборочного обследования рабочей силы за II квартал 2024 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Режим доступа: URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 01.09.2025).*
2. *Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107-129.*
3. *Логинова Л. В. Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений // Logos et Praxis. 2024. Т. 23, № 2. С. 142–152.*
4. *Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. Международная конференция труда. 113-я сессия, 2025 г. // Официальный сайт Международной организации труда. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-01/ILC113-V%281%29-%5BWORKQ-231121-002%5D-Web-RU_0.pdf (дата обращения 07.08.2025)*
5. *Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. Раздел 2. Занятость // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 13.01.2025 – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.htm (дата обращения 07.08.2025)*
6. *Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 Стат.сб./Росстат. М.: Росстат, 2024. 152 с.*
7. *Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 48–71.*
8. *Труд и занятость в России. 2023. М.: Росстат, 2023. 180 с. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 07.08.2025)*
9. *Темницкий А. Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86-99.*

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Киселева Людмила Сергеевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

В настоящее время достаточно привычным стало использование геймификации в бизнесе с целью формирования определенного типа поведения потребителя, в качестве инструмента программ лояльности потребителей. Также широкое применение находит геймификация в области управления персоналом. По определению А. Ветушинского, геймификация – это методология использования приемов игрового мышления с целью корректировки человеческого поведения за счет создания благоприятного эмоционального фона. Не всегда геймификация используется только в контексте поведения потребителей и вовлечения наемных сотрудников. Особый интерес вызывает практика использования геймификации в социальной сфере, охватывающей сферы здравоохранения, образования и общественного благополучия.

Геймификация в социальной сфере направлена на формирование новых привычек, таких как здоровый образ жизни, рациональное использование природных ресурсов, овладение новыми полезными навыками. В социальной сфере геймификация помогает решать следующие задачи: привлечение внимания общественности к социально значимым проектам; поиск спонсоров, сбор средств на реализацию общественно важных проектов; поддержка и продвижение социальных инициатив. В благотворительности с помощью игровых механик можно показать, что это не разовое мероприятие, а постоянная фоновая активность. Для этого используются элементы подписки и элементы регулярных платежей, когда можно взять «на попечение» редкое животное. Несмотря на виртуальность питомца, благотворителю очевидно, что за виртуальным питомцем стоит реальный питомец, которому предназначена помощь. Еще одно направление – благотворительные квесты, – в рамках которых участники благотворительной игры направляются в дома престарелых и устраивают пожилым людям праздник или пишут поздравительные стихотворения. Баллы и их заработок в социальной геймификации не являются самоцелью, здесь они выполняют роль механики, которая позволяет людям увидеть, как накапливаемые баллы отражают рост полезного вклада участника.

Обширным сектором геймификации в социальной сфере является использование «серьезных игр» (игры, основной целью которых не является развлечение) в отношении укрепления здоровья и индивидуального благополучия. Сюда входит использование игр при различных вмешательствах, связанных с конкретными состояниями, например, в когнитивной и моторной терапии, а также в процессе реабилитации. Исследователям даже удалось классифицировать различные ситуации, в которых «серьезные игры» и геймификация могут иметь применение в сферах медицины, здравоохранения и общественного благополучия: боль; скука (кратко- или долгосрочное пребывание в больнице); тревожность/гиперактивность; печаль и депрессия; когнитивные нарушения. Согласно другой классификации, имеются 6 категорий «серьезных игр», актуальных для поддержания психического здоровья: фитнес-игры; виртуальная реальность; игры на основе когнитивно-поведенческой терапии; развлекательные игры; игры с обратной связью, касающейся биологического состояния, и когнитивными тренировками.

Использование геймификации в образовании позволяет делать обучение более интересным и увлекательным, помогает развивать навыки совместной работы и решения проблем, образное и критическое мышление. Использование, например, видеоигр, может развивать навыки работы в цифровой среде, побуждать детей к изучению технологий, а

затем и к развитию карьеры в данной сфере. Исследования показывают, что девочки, игравшие в видеоигры, имеют больше шансов поступить на междисциплинарные образовательные программы в области науки, технологий, инженерных разработок и математики, чем те, кто в игры не играет.

Таким образом, ключевая цель использования геймификации в социальной сфере – это тоже воздействие на поведение, но с точки зрения поощрения желательного поведения в сфере индивидуального и/или общественного благополучия (поощрение здорового образа жизни, поддержание экологических и других социально значимых проектов), и трансформации нежелательного поведенческого сценария.

ДОВЕРИЕ К ЦИФРОВЫМ СЕРВИСАМ И ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Кислицын Иван Александрович
(Тюменский государственный университет)

Ромашкина Гульнара Фатыховна
(Тюменский государственный университет)

Для современных школьников интернет и цифровые сервисы стали естественной частью повседневного общения и учебной деятельности. Цифровые платформы, образовательные приложения, мессенджеры и социальные сети всё активнее интегрируются в процесс обучения, расширяют доступ к информации и создают новые каналы коммуникации. Вместе с тем растёт спектр цифровых угроз: кибербуллинг, мошенничество, утечка персональных данных, информационная перегрузка, зависимость от гаджетов. В этих условиях уровень доверия школьников к цифровым сервисам становится важным фактором, напрямую влияющим на их академическую мотивацию, использование технологий для учёбы и на безопасность детей в цифровой среде.

Цель нашего исследования: выявить особенности доверия школьников к цифровым сервисам и восприятие цифровых угроз.

Доверие – сложное и многослойное понятие, традиционное для социологии. Георг Зиммель, описав доверие как «среднее состояние между знанием и неведением» [3]. Энтони Гидденс определяет доверие как уверенность в надёжности человека или системы [4], тогда как Никлас Луман рассматривает его как социальный механизм, предназначенный для разрешения проблемы риска при взаимодействии [7]. Ю. В. Веселов определяет цифровое доверие как доверие к людям, институтам и сервисам, которое опосредовано цифровыми технологиями: пользователям и их аккаунтам в соцсетях, онлайн-платформам, мобильным платёжным приложениям, цифровому правительству (порталы госуслуг) и пр. [1]. В более широком смысле это уверенность в надёжности и безопасности цифровых сервисов и информационных источников. В современном мире появился новый конструкт, цифровое доверие, когда объектами становятся не только люди (как в офлайне), но и аккаунты, платформы, алгоритмы, цифровые институты. Исследователи отмечают, что возраст, цифровая грамотность определяют контуры поведения и восприятия в цифровой среде [2].

В нашей работе проводится анализ результатов эмпирического исследования, проведенного в форме анкетирования 613 обучающихся 9 – 11 классов школ г. Тюмень в мае 2025. Задачи эмпирического исследования включали выявление классификацию

используемых цифровых сервисов; идентификацию детерминант доверия; оценку распространённости ключевых цифровых угроз; проверку гипотез о взаимосвязях между доверием и восприятием угроз.

Тюменские школьники в наибольшей степени обращаются следующим цифровым сервисам. Наиболее важными для себя отмечают социальные сети (TikTok, VK и т. п.) 38 % опрошенных. Для подростков социальные сети выступают в качестве места для общения, развлечений и получения новостей. На втором месте по иерархии важности находятся мессенджеры (Telegram, Discord и т. п.) (30%). Также школьники выделяют мессенджеры, используемые для учёбы (домашние задания, групповая работа), организации досуга и обмена медиа-продуктами. Видеоплатформы находятся на третьем месте рейтинга, поскольку 21 % опрошенных считают их наиболее важными для себя. На этих платформах основным форматом контента являются видео, в том числе образовательного и развлекательного. Игровая активность традиционно важна для школьников, но как предпочтительный сервис игры указывали реже, чем мессенджеры. В качестве наиболее важных платформ их отметили 5 % опрошенных. Еще менее важными старшие школьники считают для себя образовательные ресурсы, они находятся в приоритете для 2 % опрошенных. Таким образом, информационная среда современного подростка формируется через коммуникативные и развлекательные платформы. Образовательные сайты редко воспринимаются как важные по сравнению с другими типами платформ, хотя обучение и вовлекается в число приоритетных задач коммуникативных цифровых сервисов.

Результаты опроса показывают, что уровень доверия школьников к цифровым источникам определяется совокупностью институциональных, социальных и личных факторов. Главным из них является тип источника: 64 % респондентов доверяют официальным СМИ, 51 % – образовательным сайтам, тогда как 47 % ориентируются на социальные сети и 29 % – на блогеров. Это отражает сосуществование рационального доверия, основанного на авторитетности источника, и эмоционального – опирающегося на популярность и личные предпочтения. Отметим амбиватентность оценок, связанных с формированием знаний о цифровой безопасности, на основании которых мы попытались выявить реальный профиль доверия в цифровой среде.

Значимую роль для подростков играют семья и школа: почти половина опрошенных (49 %) опираются на знания о цифровой безопасности, полученные в школе и 41 % в семье. Важным является формирование критического мышления и доверия к источнику информации. В то же время 61 % опрошенных указали, что приобретают знания о цифровой безопасности через социальные сети, где преобладают неформальные и менее надёжные источники. При этом 47 % опрошенных доверяют информации в соцсетях и 30 % доверяют мнению друзей. Достоверность в этом случае определяется не фактчекингом, а уровнем популярности контента.

Практические навыки цифровой безопасности (82 % используют 2FA и сложные пароли) связаны с более осознанным доверием и критическим восприятием цифровых рисков.

Наконец, личный опыт угроз (52 % сталкивались с фейками, 17 % – с утечкой данных) формирует настороженность и способствует развитию осознанного недоверия.

В целом доверие школьников к цифровым источникам является амбивалентным, балансирует между рациональными и эмоциональными основаниями, при этом рост цифровой грамотности и наличия опыта столкновения с угрозами в цифровой среде способствуют смещению в сторону более критического и избирательного восприятия информации. Вероятно, школьники воспринимают свою осведомленность в данном

вопросе достаточной, поскольку только 12 % опрошенных готовы участвовать в тренингах по цифровой безопасности.

Результаты исследования выявили значимую взаимосвязь между уровнем доверия к цифровым источникам и восприятием школьниками цифровых угроз.

Первая взаимосвязь обнаружена между доверием к социальным сетям и восприимчивостью к фейковой информации. Среди учащихся, считающих социальные сети надёжным источником (47 %), 64 % признались, что хотя бы раз принимали ложные сведения за достоверные. В группе, доверяющей официальным СМИ (64 %), этот показатель составил 28 %. Проверка гипотезы с использованием критерия χ^2 ($\chi^2 = 46{,}2$; $p < 0{,}001$) подтвердила статистически значимую зависимость: эмоциональное доверие, характерное для пользователей соцсетей, снижает критичность восприятия и повышает риск дезинформации.

Другая взаимосвязь связана с личным опытом столкновения с цифровыми угрозами и уровнем доверия к источникам. Среди школьников, переживших взлом или утечку данных (17 %), 71 % проявляют осторожность и проверяют достоверность информации; среди тех, кто не сталкивался с угрозами (45 %), высокий уровень доверия демонстрируют 58 %. Различия статистически значимы ($\chi^2 = 21{,}4$; $p < 0{,}01$). Негативный опыт усиливает критическое восприятие цифровой среды и способствует формированию осознанного недоверия.

В ходе исследования были проанализированы теоретические подходы, классифицированы цифровые сервисы (социальные сети, мессенджеры, образовательные платформы) и выделены ключевые факторы доверия. В качестве ключевых факторов выступили тип источника, роль семьи и школы, личный опыт и уровень цифровой грамотности. Установлено, что аффективное доверие к социальным сетям повышает восприимчивость к дезинформации, тогда как негативный опыт и обучение в семье или школе формируют более критическое и осторожное поведение в цифровой среде.

1. *Веселов, Ю. В. Доверие в цифровом обществе / Ю. В. Веселов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 129–143.*
2. *Веселов Ю. В. Трансформация доверия в российском/советском обществе // Экономика и социология доверия. СПб.: Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 62–75.*
3. *Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С. Я. Левит. – М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.*
4. *Гидденс, Э. Последствия современности – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.*
5. *Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Журнальный клуб Интелрос «Credo New» №2, 2008.*
6. *Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2004. – 736 с.*
7. *Цивилизационное многообразие современного мира / Й. П. Арнасон, Р. Г. Браславский, Ю. В. Веселов [и др.]. – Москва, Санкт-Петербург: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. – 465 с.*
8. *Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЛИЯНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кобзарева Юлия Алексеевна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

В эпоху цифровой трансформации медиапространство вузов приобретает статус одного из ключевых институтов неформальной социализации студенческой молодежи. В отличие от глобальных социальных платформ, университетские медиа: студенческие СМИ, корпоративные каналы, образовательные блоги, официальные аккаунты вузов и медиапроекты, создаваемые внутри университетской среды, формируют локальную, но значимую экосистему, в которой молодые люди получают не только информацию, но и модели поведения, ценности, нормы и ориентиры для самоидентификации. В этом контексте ролевые модели, представленные в университетских медиа (от успешных выпускников и преподавателей-менторов до активных студентов-лидеров), становятся более релевантными и социально близкими, чем массовые инфлюенсеры. Именно они задают повестку в вопросах академической этики, карьерного роста, гражданской позиции и личностного развития.

Как отмечают А. В. Карпов и Ю. М. Перевозкина, медийная личность, особенно в рамках доверенной среды (такой как университет), обладает высоким потенциалом ролевой модели: ее публичные высказывания и действия немедленно реплицируются в студенческой аудитории, приобретая характер социального ориентира [1]. В рамках университетских медиа особенно ярко проявляются модели, связанные с академическим лидерством, научной инициативой, волонтерством, студенческим самоуправлением, что делает их более адекватными для формирования зрелой, социально-ответственной личности.

Исследования А. В. Дудкиной [2] хоть и посвящены массовым платформам, позволяют экстраполировать их выводы на университетский контекст: даже в локальных медиа формируются устойчивые типологии ролевых моделей: например, «научный наставник», «студент-предприниматель», «общественный лидер», «творческая личность». Эти модели, в отличие от глобальных, обладают большей достоверностью и меньшей подверженностью манипулятивным стратегиям, что повышает их воспитательный потенциал.

Работа Л. В. Зиновьевой [3] подтверждают, что влияние медиа на идентичность молодежи зависит от степени их включенности в знакомую и доверенную среду. Университетские медиа, будучи частью образовательного пространства, способны оказывать как позитивное (мотивирующее, структурирующее), так и негативное (например, при избыточной идеализации успеха) воздействие на самооценку, мотивацию и поведенческие установки студентов.

Базой настоящего исследования являются медиаресурсы Уральского федерального университета: Уральский федеральный университет (https://vk.com/ural.federal.university), Союз студентов УрФУ (https://vk.com/posnews), Совет студенческих СМИ УрФУ (https://vk.com/urfu_smi), Союз Студентов ИФКСиМП (https://vk.com/ssifksimp), Союз студентов УГИ (https://vk.com/ugi_urfu), Организация работы с молодежью УрФУ (https://vk.com/orm66). На основе данных ресурсов был проведён качественно-количественный контент-анализ официальных цифровых ресурсов Уральского

федерального университета за период с августа 2025 по октябрь 2025 года, проанализировано 108 публикаций.

Контент-анализ показал, что в 68 % всех публикаций центральной фигурой выступал студент или группа студентов. Из них 42 % – материалы, посвящённые личным историям успеха (участие во всероссийских конкурсах и форумах, стартапы, победы в олимпиадах и в грантовых конкурсах, стажировки в ведущих компаниях), 18 % – репортажи о студенческой инициативе (волонтёрство, организация мероприятий, студенческое самоуправление, особый акцент идет на Союзы Студентов), 8 % – повседневные истории из студенческой жизни (интервью со студентами, недели первокурсников и др.). Опираясь на эти данные, можно сделать вывод, что форматы со студентами (интервью, советы, личные истории) создают эффект «близости» и «доступности» ролевых моделей. В отличие от традиционных вертикальных структур, например преподаватель – студент, цифровые медиа способствуют возникновению сетевых ценностных сообществ, где ценности транслируются через горизонтальное взаимодействие.

Важнейшим показателем здесь является активность студентов в рамках университетских ресурсов. Так, например, студенты первого и второго курса обычно наиболее активны в инфополе, оставляют свои комментарии и лайки, тем самым показывая, что им нравится определенный контент. 57 % материалов из студенческих медиа прокомментированы студентами 1 – 2 курса, также студенты этих курсов часто самостоятельно создают материалы для СМИ, что указывает на то, что университетские медиа выступают не только как канал коммуникации, но и как пространство ранней профессиональной и гражданской социализации, где студенты с первых дней обучения осваивают медиаграмотность, навыки публичного выступления и командной работы. Помимо этого, стоит отметить, что наиболее популярными являются посты, рассказывающие о студентах – истории других студентов, интервью и др. набирают в среднем на 30 % больше лайков и на 18 % больше комментариев, особенно хорошо это выражается в постах поддержки своему институту или студенту с твоей кафедры. На основе данных, можно сделать вывод, что акцент на студенческих историях успеха и повседневных практиках формирует у аудитории установку на активность, инициативность и самореализацию как ключевые ценности университетской среды, студенты усваивают нормы поведения через наблюдение за «похожими» на себя агентами.

Контент-анализ ресурсов УрФУ демонстрирует, что университетские медиа в условиях цифровизации перестают быть лишь инструментом информирования и становятся активным агентом ценностной социализации студентов. Преобладание студенческих историй успеха, раннее вовлечение в медиапроизводство и поиск ролевых моделей через неформальные форматы свидетельствуют о формировании новой парадигмы университетской коммуникации – ориентированной на субъектность студента, горизонтальные связи и нарративную передачу ценностей. Опора на данную парадигму делает университетские медиа уникальным ресурсом для воспитания социально активной, критически мыслящей и профессионально ориентированной молодежи в условиях цифровой эпохи.

1. *Карпов А. В., Перевозкина Ю. М. Структурно-темпоральная системность ролевой социализации // Системная психология и социология. 2019. № 3(31). С. 5–17.*
2. *Дудкина А. В. Роль инфлюенсеров в формировании ценностных ориентиров российской молодежи // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 767–781.*
3. *Зиновьева Л. В. Качественное исследование восприятия ролевых моделей среди молодежи // Смальта. 2022. № 1. С. 45–52.*

ПОТРЕБЛЕНИЕ ОНЛАЙН-ОТЗЫВОВ КАК СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА П. БЛАУ)

Ковалева Екатерина Александровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Современная молодежь, представляющая собой поколение «родившихся с гаджетом в руках», осуществляет свою жизнедеятельность в гибридном пространстве, где онлайн-среда стала естественным и доминирующим полем для коммуникации, потребления и конструирования идентичности. По данным ВЦИОМ, 61 % молодых людей в целом и 69 % в возрастной группе 18 – 24 лет предпочитают виртуальное общение личным встречам, проводя в социальных сетях и мессенджерах в среднем около 9 часов в сутки [2]. В этом контексте практики, связанные с онлайн-отзывами (их потребление, создание, оценка), перестают быть сугубо утилитарными действиями по поиску товаров и услуг. Они трансформируются в сложный социально-символический обмен, посредством которого молодые люди не только снижают потребительские риски, но и утверждают свою компетентность, формируют индивидуальный и групповой статус, а в конечном счете – выстраивают социальную идентичность.

Теория социального обмена Питера Блау предлагает мощный аналитический инструментарий для понимания социальных взаимодействий как процессов обмена, в которых люди стремятся к получению вознаграждений. Согласно этой теории, социальные взаимодействия основаны не только на материальных, но и на нематериальных ресурсах – таких как одобрение, признание и статус [1, 98]. В этом контексте создание и потребление онлайн-отзывов становится формой обмена, где демонстрация осведомленности, критического мышления и «культурной грамотности» выступает в качестве валюты, обеспечивающей социальный капитал в группе сверстников. Обмен часто бывает неравным. Индивид, обладающий дефицитными и ценными для других ресурсами (например, экспертной информацией в отзыве), может использовать это для приобретения неформальной власти и влияния в группе. Это создает основу для статусной дифференциации внутри цифровых сообществ. Таким образом, платформы с отзывами можно рассматривать как современные цифровые «поля социального обмена», где молодые люди обмениваются информацией, получая взамен символический капитал и укрепляя свою социальную идентичность.

Данные масштабного опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2025 года, предоставляют убедительную эмпирическую основу для анализа. Они демонстрируют высокую степень готовности молодежи к социально-символическому обмену в цифровой среде – активность аудитории высока: 85 % участников опроса реагируют на контент (лайки, репосты, сохранения) [2]. Причём популярны персональные формы вовлечения – сохранение «на потом» и пересылка в личные сообщения – больше, чем публичные комментарии и обсуждения. Это свидетельствует о предпочтении микрокоммуникаций и персонализированного потребления. Также данные показывают, что информационные интересы молодежи разнообразны и не сводятся к развлечениям: высок спрос на образовательный, научный и новостной контент. Это создает плодотворную почву для появления «экспертов» в самых разных областях – от технологий и киберспорта до кулинарии и культуры, – которые могут использовать площадки отзывов для демонстрации своей компетентности.

Эмпирические данные подтверждают, что онлайн-отзывы играют фундаментальную роль в потребительском поведении. Согласно опросу, проведённому Zhong-Gang [5], около 60 % потребителей знакомятся с отзывами на товары как минимум раз в неделю, а 93 % респондентов уверены, что такие отзывы способствуют более взвешенному выбору и уменьшают вероятность неудачной покупки. Для молодежи, являющейся наиболее активной цифровой аудиторией, этот процесс трансформируется из простого поиска информации в социальную практику. В данном случае ценность заключается не в самом товаре, а в социальном вознаграждении, которое автор получает от сообщества. Подробные и хорошо структурированные отзывы воспринимаются как более надежные и, как следствие, приносят их автору больший символический капитал – уважение и статус «эксперта» в определенной области. Так, согласно данным исследования, 91 % респондентов в возрасте от 18 до 34 лет доверяют онлайн-отзывам как личным рекомендациям [3]. Этот показатель демонстрирует, что для современной молодежи отзывы приобретают характеристику социально значимого ресурса, ценность которого сопоставима с доверием к мнению референтной группы. В рамках теории социального обмена П. Блау данный феномен может быть интерпретирован как трансформация механизмов формирования доверия в цифровой среде: доверие сверстников, объективированное в системе онлайн-отзывов, становится важнейшим нематериальным вознаграждением, которое не только минимизирует риски потребительского выбора, но и повышает социальный статус индивида, обладающего актуальной информацией. Стремление получить доступ к данному ресурсу через потребление отзывов и возможность распоряжаться им через их создание формирует мощный поведенческий мотиватор, обусловленный логикой социального обмена, где демонстрация компетентности становится капиталом, конвертируемым в символические дивиденды – признание, авторитет и укрепление групповой идентичности.

Согласно Блау, повторяющиеся акты социального обмена порождают нормативные паттерны и статусные иерархии [1, 126]. В контексте онлайн-отзывов это проявляется в формировании неформальной стратификации внутри цифровых сообществ. Пользователи, чьи отзывы регулярно получают высокие оценки и признание, приобретают статус «лидеров мнений», что дает им неформальную власть влиять на потребительские решения других членов сообщества. Этот статус становится важным элементом их социальной идентичности, транслируемым и в офлайн-взаимодействия. Таким образом, платформы отзывов функционируют как социальные структуры, где через механизмы обмена не только распространяется информация о товарах и услугах, но и продуцируются новые формы социальной дифференциации, основанные на демонстрации потребительской компетентности.

Кроме того, платформы с отзывами (такие как Google Maps, Яндекс.Маркет, Wildberries, Tripadvisor и т. д.) создают структурированные условия для социального сравнения. Молодые люди не только потребляют чужие мнения, но и постоянно сопоставляют свои вкусы, предпочтения и уровень осведомленности с мнениями других. Это сопоставление служит механизмом социальной калибровки идентичности: через одобрение или отвержение определённых товаров, мест, услуг или культурных продуктов пользователь позиционирует себя в социальном пространстве, сигнализируя о своих ценностях, стиле жизни и принадлежности к определённой группе [4]. Интересно, что в условиях цифровой среды граница между потребителем и производителем контента стирается. Молодежь выступает одновременно как получатель и донор информации, что усиливает её вовлечённость в процессы социального обмена. При этом мотивация к созданию отзывов часто выходит за рамки утилитарной полезности: она становится

способом утверждения агентности – способности влиять на выбор других и, тем самым, на социальную реальность. В терминах Блау, такой акт – это инвестиция в будущие социальные отношения, где сегодняшний отзыв может завтра обернуться признанием, поддержкой или даже новыми возможностями (например, сотрудничеством с брендами, приглашением в экспертные сообщества и т.д.).

Обобщая все вышесказанное, подчеркну, что практики, связанные с онлайн-отзывами, представляют собой современную форму социального обмена, в которой молодежь инвестирует свои ресурсы (время, знания, усилия) с целью получения символических вознаграждений – социального одобрения и статуса. Этот обмен является мощным механизмом конструирования социальной идентичности в цифровую эпоху, когда репутация и образ, сформированные в онлайн-среде, становятся неотъемлемой частью личности молодого человека. Можно сказать, что онлайн-отзывы становятся социальным ритуалом признания, в ходе которого молодежь не только снижает неопределенность потребительского выбора, но и участвует в сложном процессе конструирования и легитимации своей социальной идентичности.

1. *Блау П. (2018). Обмен и власть в социальной жизни. М.: Издательский дом ВШЭ.*
2. *ВЦИОМ. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. Электронный ресурс: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 10.10.2025)*
3. *Подпорченная репутация: как отзывы влияют на продажи. Электронный ресурс: https://rb.ru/columns/otzyvy-vliyayut-na-prodazhi/ (дата обращения: 10.10.2025)*
4. *Шамовская Т. В. Условия и механизмы формирования и развития социальной идентичности личности // СибСкрипт. 2010. №3. Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-mehanizmy-formirovaniya-i-razvitiya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti (дата обращения: 11.10.2025).*
5. *Zhong-Gang Y., Xiao-Ya W. and Economics, S. O. J. S. E. (2015). Research progress and future prospect on online reviews and consumer behavior. Soft Science. 6:20. – doi: 10.3760/cma.j.cn112137-20200714-02111*

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВОВ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Косицына Светлана Видаликовна
(АНО ВО Университет «МИР»)

Евстифорова Анна Витальевна
(АНО ВО Университет «МИР»)

Аннотация. В статье приводится эмпирическое обоснование эволюции профессиональных траекторий современной молодежи. На основе социологического опроса в форме стратифицированной выборки из 50 респондентов анализируются образовательные тенденции среди молодежи на примере АНО ВО «Университет МИР». Исследование фиксирует фундаментальный сдвиг в восприятии роли образования от классической модели к концепции непрерывного приобретения практикоориентированных компетенций.

Ключевые слова: молодежь; образовательные тенденции; дополнительное профессиональное образование; социологическое исследование.

Современный рынок труда характеризуется высокой динамикой и нестабильностью, что предопределяет необходимость постоянной профессиональной мобильности и готовности к смене профессиональных траекторий среди молодежи. В этих условиях выбор образовательной организации перестает быть единовременным решением и превращается в стратегический элемент долгосрочного карьерного планирования. Цифровая трансформация общества оказывает существенное влияние на данный процесс, формируя специфические паттерны потребительского поведения в сфере образования.

Научная проблема заключается в исследовании взаимосвязи между выбором образовательной организации, формируемым под влиянием цифровых медиа, и построением индивидуальных карьерных траекторий. Эмпирической базой для анализа данной проблемы служит маркетинговое исследование, проведенное Автономной некоммерческой организацией высшего образования Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка» (далее – Университет «МИР»).

Целью статьи является анализ ключевых мотивов выбора образовательных программ и их связи с установками на профессиональную мобильность.

Анализ взаимосвязи образовательного выбора и профессиональной мобильности требует обращения к ключевым социологическим концептам, объясняющим поведение индивидов в условиях нестабильности современного рынка труда. В контексте концепции «общества риска», профессиональная мобильность перестает быть добровольной возможностью и становится императивной необходимостью, ответом на системную неопределенность [1, 77]. В этой логике получение дополнительного образования представляет собой стратегию управления персональными рисками, попытку обрести контроль над собственной профессиональной судьбой.

Дополнительную перспективу предлагает современное прочтение теории человеческого капитала в условиях цифровой экономики, где образование интерпретируется как рациональная инвестиция в будущую конкурентоспособность [3, 81]. Однако в цифровую эпоху фокус смещается с накопления формальных знаний в сторону развития адаптивных компетенций. Данный прагматический подход формирует специфические потребительские ожидания от образовательных программ, ориентированные на их непосредственную применимость и операционную отдачу.

Ключевым фактором, трансформирующим практики образовательного выбора, выступает цифровая среда. Она не является нейтральным каналом передачи информации, но представляет собой социальное пространство, где формируются запросы и устанавливаются определенные модели успеха [2, 285]. В рамках этой логики рекламные сообщения образовательных организаций функционируют как инструменты социального программирования. Они предлагают целевой аудитории не просто услугу, а готовый образ профессионального будущего, связывая образовательный продукт с конкретными карьерными траекториями.

Таким образом, образовательный выбор все в большей степени совершается в пространстве цифровых платформ, где репутация, визуальный контент и возможность мгновенной коммуникации становятся критически важными параметрами оценки.

Настоящее исследование было инициировано в ответ на выявленную в ходе цифрового аудита низкую эффективность рекламной кампании Университета «МИР» в рекламной сети Яндекс (РСЯ) в 2024 году. Анализ ключевых показателей (CTR, CPC, конверсия) выявил недостаточную вовлеченность целевой аудитории и высокую стоимость привлечения, что свидетельствовало о несоответствии рекламных сообщений актуальным запросам молодежи. Данная ситуация послужила катализатором для

проведения углубленного социологического исследования, направленного на выявление глубинных мотивационных структур и предпочтений целевых групп.

Основным методом сбора данных стало анкетирование по стратифицированной случайной выборке (N = 50), разработанное с учетом ключевых социально-демографических и профессиональных страт: студенты и выпускники вузов (30 %), специалисты среднего звена (35 %), руководители высшего звена (20 %) и индивидуальные предприниматели (15 %). Такой подход обеспечил репрезентативное покрытие ключевых групп, формирующих современный рынок образовательных услуг относительно уровня дополнительного профессионального образования. Анкета включала блоки вопросов, направленные на выявление:

1) доминирующих мотивов получения дополнительного образования;

2) предпочитаемых форматов и каналов коммуникации;

3) карьерных ожиданий и стратегий профессиональной мобильности.

Цифровые метрики из Яндекс.Директа (показатели CTR, CPC) были интерпретированы в рамках данного исследования как объективные индикаторы социального поведения и внимания цифрового поколения. Низкие показатели вовлеченности анализируются не только как маркетинговая неудача, но и как свидетельство изменения способов конструирования доверия к образовательным организациям в цифровой среде.

Для анализа данных применялся следующий комплекс методов: описательная статистика для выявления основных распределений, корреляционный анализ для установления взаимосвязей между переменными, а также контент-анализ качественных данных для выявления смысловых конструктов в мотивации респондентов.

Исследование позволяет выявить системные изменения в образовательных и профессиональных стратегиях современной молодежи. Анализ данных демонстрирует формирование нового типа отношения к образованию, характеризующегося прагматизмом, ориентацией на цифровые форматы и четкой связью с карьерными траекториями.

Детальный анализ мотивационной структуры показывает выраженную инструментализацию образовательных целей. Согласно таблице 1, среди респондентов доминируют прагматические ориентации: 34 % опрошенных рассматривают образование исключительно как ресурс карьерного роста, а 28 % – как способ приобретения конкретных профессиональных компетенций. Мотивы личностного развития занимают третью позицию, что свидетельствует о фундаментальном переосмыслении роли образования в жизненных стратегиях молодежи.

Особенно показательно распределение мотивов по социально-профессиональным группам. Среди общего числа специалистов среднего звена карьерные мотивы достигают 39 %, в то время как студенты демонстрируют более сбалансированное сочетание профессиональных и личностных интересов в получении дополнительного образования. Такая дифференциация подтверждает гипотезу о возрастающей прагматизации образования по мере профессионального становления.

Проведенное исследование выявляет изменения в информационном поведении молодежи. Социальные сети и мессенджеры становятся не просто каналами коммуникации, а полноценными социальными пространствами для формирования профессиональной идентичности. При этом по исходным данным рекламной кампании можно предположить выраженный скепсис по отношению к традиционной баннерной рекламе: показатели кликабельности рекламных объявлений в РСЯ не превышают 2,25 %,

что свидетельствует об избирательности аудитории и «баннерной слепоте» – феномене в веб-юзабилити, характеризующийся пониженным восприятием навязчивого рекламного контента.

Таблица 1. Распределение мотивов выбора дополнительного образования

	Всего (%)	**Студенты/ выпускники**	**Специа-листы**	**Руководители**	**Предприни-матели**
Повышение квалификации	34%	5	7	3	2
Новые профессиональные компетенции	28%	4	5	3	2
Личное развитие	20%	4	3	1	2
Профессиональная сертификация	12%	1	2	2	1
Смена профессии	6%	1	1	1	0

Таблица 2. Предпочтительные каналы получения информации

	Всего, %
Социальные сети	36
Мессенджеры	34
Официальные сайты вузов	28
Электронная почта	16
Рекомендации знакомых	20

Анализ предпочтений в форматах обучения выявляет устойчивую тенденцию к цифровизации образовательного процесса. Онлайн-формат демонстрирует абсолютное лидерство: его популярность равномерно распределена среди всех возрастных групп (рис. 1). Такой выбор обусловлен необходимостью совмещения профессиональной деятельности и обучения. Смешанный формат сохраняет значимость для практического обучения и установления профессиональных контактов.

Трансформация восприятия университета проявляется в переориентации от модели «храма знаний» к концепции «провайдера компетенций». Молодежь оценивает образовательные программы через призму их практической применимости и соответствия текущим рыночным требованиям. Ключевыми критериями выбора становятся: возможность получения актуальных профессиональных навыков (67 %), наличие практико-ориентированных курсов (58 %) и доступ к профессиональным сообществам (42 %).

При этом отмечается возрастающая важность цифрового присутствия университета. Качество цифровой инфраструктуры, удобство образовательной платформы и доступность цифровых ресурсов становятся значимыми факторами конкурентоспособности образовательного учреждения. Университеты, способные предложить интегрированную цифровую среду для обучения и установления профессиональных связей, демонстрируют более высокие показатели привлечения и удержания слушателей.

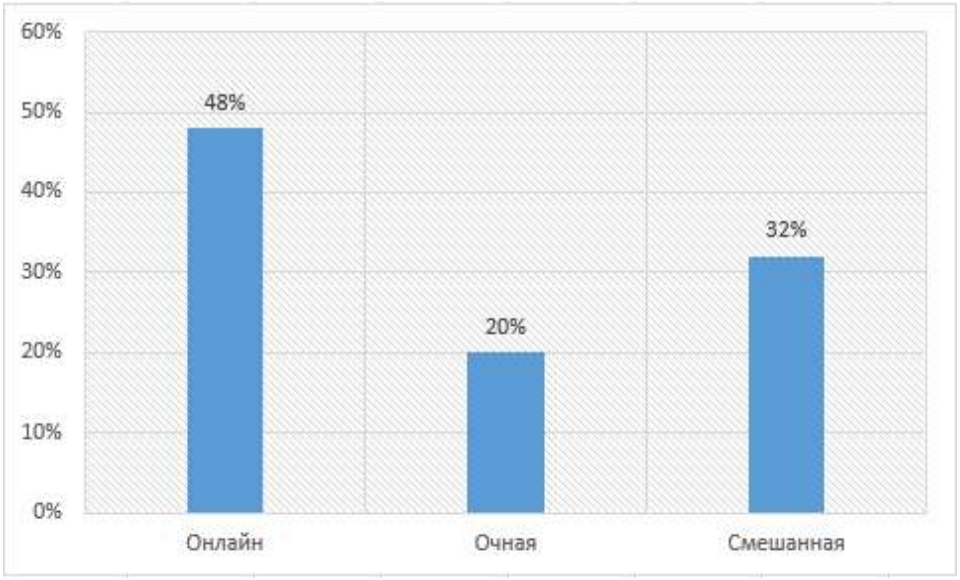

Рис. 1. Распределение предпочтений по форматам обучения

Проведенный анализ позволяет констатировать формирование новой образовательной парадигмы, в которой университет выступает как интегратор знаний, компетенций и профессиональных связей, а образование становится непрерывным процессом, тесно интегрированным с профессиональной деятельностью и адаптацией к динамично изменяющимся условиям современного рынка труда.

1. *Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.*
2. *Перспективы и риски цифровизация как тренда социального развития: культура и образование. Bull. S.-Ru. St. Techn. Univ. (NPI). Soc. and Econ. Sci. 2022, 15 (2), – 281-290.*
3. *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: [монография] / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.]; отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 488 с.*

МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОСИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ларина Татьяна Игоревна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

Вахрушин Константин Андреевич
(Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы)

Материал подготовлен в рамках инициативной темы РУДН № 100939-0-000 «Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы».

В последние годы переход общества к качественно новому этапу развития, характеризующийся тотальной цифровизацией не только технических, но и гуманитарных наук, что обусловлено растущим масштабом социально-антропологических последствий данного процесса [3]. В этой связи возникает объективная необходимость в системном

анализе причин и следствий данной трансформации, особенно в контексте ее влияния на ключевые социальные институты, такие как образование.

Современное высшее образование находится в процессе глубокой трансформации, обусловленной глобальной тенденцией к цифровизации. Данный тренд появился не только в техническом оснащении учебного процесса, но и в фундаментальном изменении способов коммуникации и управления. Как отмечает социолог Мануэль Кастельс, информационные технологии стали материальной основой для возникновения новой социальной структуры [1] современного общества, и сфера образования не является исключением.

В условиях перехода к «цифровому университету» мобильное приложение перестает быть вспомогательным сервисом, становясь ключевым элементом образовательной экосистемы. Понятие «цифровой университет» – модель, сформированная на базе международных инициатив по цифровому обучению и академических исследований, которые рассматривают его как интегративную модель перевода учебных, управленческих и сервисных процессов в цифровую среду. В научной литературе сам термин остается предметом концептуализации и критики: исследователи подчеркивают его многослойность и разнообразие практических реализаций, от полного «виртуального университета» до наборов взаимосвязанных цифровых сервисов [7]. В российской политике идея также получила институциональную формулировку: Минобрнауки включило проект «Цифровой университет» в стратегию цифровой трансформации высшей школы, а в рамках профильных программ выделялись гранты и создавались центры по разработке моделей цифровых вузов [4].

При этом большинство российских вузов внедряют отдельные цифровые решения (электронные зачетные книжки, сервис-хабы, учебные платформы и т. д.), что пока не эквивалентно единой стандартизированной модели «цифрового университета» и требует отдельного анализа в контексте институциональных практик и пользовательского опыта. По этой причине, в дальнейшем под «цифровым университетом» в статье понимается специфическая конфигурация цифровых сервисов и практик внутри вуза, где мобильное приложение выступает как основной канал коммуникации, управления академическими процессами и предоставления сопутствующих услуг. Это эмпирически проверяемая рабочая модель, а не априорное допущение.

Для многопрофильных вузов, цифровой интерфейс, выступает основным каналом коммуникации, инструментом управления академическими процессами и предоставления дополнительных услуг, связанных с регистрацией, получением необходимых документов и распоряжений руководства. По данным исследования ЮНЕСКО за 2022 год, более 80% университетов в развитых странах имеют собственные мобильные приложения, обеспечивающие студентами постоянный доступ к расписанию, учебными материалам, уведомлениями и сервисами поддержки [5].

Особую значимость этот процесс приобретает в контексте глобализации образования, где цифровая среда должна учитывать разнообразие культурных и языковых групп. Интерфейс мобильного приложения становится не просто технологическим инструментом, а средством социальной адаптации, интеграции и взаимодействия участников образовательного сообщества.

Существует значительный разрыв между прикладной социологией и коммерческими исследованиями поведения пользователей цифровых сервисов (UX-исследования). Традиционная социология рассматривает цифровые продукты как платформу для изучения готовых социальных практик, в то время как UX-дисциплина фокусируется на юзабилити (удобстве использования), часто игнорируя более широкий

социальных контекст. Мобильные приложения могут выступать в роли агентов, формирующих новые модели поведения и коммуникации при этом оставаясь недостаточно изученным объектом на стыке этих наук.

Кроме того, сохраняется дефицит научных исследований, ориентированных на потребности образовательных организаций. Большинство существующих методик и подходов разрабатывались применительно к коммерческим продуктам или западным образовательным системам. Уникальность российского образовательного пространства, включая нормативно-правовую базу и исторически сложившиеся организационные структуры, требует адаптации этих подходов и разработки собственных научно обоснованных моделей проектирования и совершенствования университетских цифровых сервисов.

Особую актуальность приобретает изучение того, как цифровизация влияет на социальные взаимодействия внутри университетского сообщества. Например, данные об одном из популярных приложений для студентов «Кампус», которое используют студенты различных российских ВУЗов, показывают, что приложением пользуются от 1 до 35 тысяч студентов. Приложение используют 350 тысяч студентов в месяц, а активный пользователь заходит в Кампус 109 раз за месяц, проводя в приложении 7 минут за сессию [7. С. 199]. Эти цифровые метрики демонстрируют масштабы и частоту взаимодействия студентов с цифровыми платформами, что позволяет говорить о формировании новых моделей включенности и организации образовательного опыта.

Подобные приложения иллюстрируют широкий диапазон возможных эффектов цифровых университетских платформ, от перестройки рутин доступа к сервисам до консолидации внимания и формализации коммуникативных практик. В этом контексте мобильные приложения выполняют не только утилитарные функции, но и становятся пространством социальных процессов, где формируются новые типы связей, норм и идентичности.

В теоретическом контексте актуальными оказываются труды Д. Лаптон, которая систематизирует исследовательские подходы к изучению мобильных приложений с социологической точки зрения. Автор систематизирует ключевые исследовательские вопросы, такие как: повседневное использование, встраивание в телесный и социальный опыт, методологические подходы к анализу интерфейсов и данных о пользовании и служит отправной точкой для выбора методов исследования [2].

В отечественной социологии обращение к мобильным приложениям как к автономному объекту анализа представлено фрагментарно и не обладает системной разработанностью. Тем не менее, параллельно, в смежных исследовательских полях – прежде всего в крупных технологических компаниях – формируются методологические практики, близкие по своему инструментарию к социологическим. Так, исследовательские подразделения Yandex Researh разрабатывают подходы к онлайн-оценке интерфейсов и поведенческому моделированию пользователей, позволяющие фиксировать динамку их цифровых практик и выявлять паттерны взаимодействия с сервисами [8].

Хотя подобные исследования не претендуют на социологические в строгом смысле, их эмпирический инструментарий демонстрирует, каким образом в России воспроизводятся аналоги социологического анализа цифровых сред, закрепляясь преимущественно в прикладных, индустриально-ориентированных контекстах.

Теоретическая синергия акторно-сетевой теории и аналитика Фуко, дополненная эмпирическими практиками прикладных UX-исследований, формирует содержательную и методологическую базу для социологического анализа мобильных приложений в системе высшего образования. Мобильные интерфейсы перестают быть нейтральными

инструментами и становятся значимыми агентами академической жизни, влияющими на организацию учебного процесса, коммуникацию и управление.

Именно поэтому мобильные приложения в высшей школе следует рассматривать не только как технологические продукты, но и как объекты социологического изучения, позволяющие выявлять новые формы социальной регуляции, коммуникации и идентичности в цифровую эпоху. Их исследование открывает перспективы для понимания того, как цифровая среда изменяет структуру взаимодействий между участниками образовательного процесса и способствует формированию новых моделей академической культуры.

1. *Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антропология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. – 1999. – С. 494–505.*
2. *Лаптон Д. Социология мобильных приложений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 140–153. – Реф. ст.: Lupton D. The sociology of mobile apps // The Oxford handbook of digital media sociology / ed. by D.A. Rohlinger, S. Sobieraj. – Oxford : Oxford university press, 2020. – P. 197–218.*
3. *Источник: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=13004Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7-8. – С. 14-18. https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18*
4. *Минобрнауки предлагает создать цифровой университет // Парламентская газета. 2021. URL: https://www.pnp.ru/social/minobrnauki-predlagaet-sozdat-cifrovoy-universitet (Дата обращения 09.10.2025)*
5. *Уэст М., Вослоо С. ЮНЕСКО: Рекомендации по политике в области мобильного обучения. М.: IITE, 2015. С. 23-45. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219641_rus (Дата обращения 09.10.2025)*
6. *Цифровизируем учебу: как приложение с расписанием пар стало образовательным хабом для студентов по всей стране? // Хабрю 2025. URL: https://habr.com/ru/articles/873360/ (Дата обращения 09.10.2025)*
7. *Johnston B. Digital University: A Dialogue and Manifesto. Cham: Springer, 2019. 388 p.*
8. *Yandex Research. Onine Evalution in Search Quality: WWW 2018 Tutorial // Yandex Research. 2018. URL: https://research.yandex.com (Дата обращения 09.10.2025)*

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Максимов Арсений Андреевич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В условиях динамично меняющейся информационно-технологической среды система высшего образования требует переосмысления по ряду направлений. В частности, это касается адаптации методологии образовательного процесса к новым вызовам, связанным с использованием искусственного интеллекта, включая выработку актуальных критериев для образовательного процесса и познающей личности.

Ключевые слова: высшее образование, искусственный интеллект, познающая личность.

Технологии искусственного интеллекта формируют новый жизненный уклад. Несомненно, что их использование носит амбивалентный характер. И хотя, в критике искусственного интеллекта по ряду научных направлений приводятся весьма серьезные аргументы, локомотив научно-технического прогресса остановить вряд возможно.

Имплементация технологий искусственного интеллекта в сферы общественной жизни по сути уже решенный вопрос и задача сейчас состоит лишь в определении рамок функционирования новых технологий и адаптации их к уже существующим системам социальных отношений.

Одной из таких систем является институт высшего образования. Внедрение искусственного интеллекта ставит на повестку целый ряд вопросов о субъектности искусственного интеллекта, о новом статусе преподавателя и студента, об аксиологии и этике образовательного процесса, о когнитивных способностях обучающегося и т.д. Методология образовательного процесса также нуждается в серьезном переосмыслении. Наряду с обозначенными в [1] направлениями модернизации образовательного процесса, стоит выделить такие, как: – хронотоп образовательного процесса; – фокус на эвристической составляющей в процессе познания; – проблеме генерирования (и соответственно, проблеме оценивания) текстов, что в большей степени характерно для гуманитарных специальностей.

Хронотоп образовательного процесса можно рассматривать как один из векторов трансформации методологии обучения потому, что пространственно-временные границы образовательной практики перестали соответствовать стандартам аудиторной и самостоятельной работы. Для современного преподавателя и студента эти границы значительно более расплывчаты и, в то же время, требуют более точной актуальной формулировки.

Эвристика в эпоху искусственного интеллекта выступает важным условием формирования познающей личности. В сущности, именно способность к эвристической деятельности и является отличительной особенностью человека по сравнению с искусственным интеллектом. Поэтому и акцент в новой методологии должен быть сделан на её развитии.

Генерирование текстового материала сегодня становится одним из серьезных вызовов, в частности для института высшего образования. Доверие к авторству текста стремительно падает. Учитывая ту легкость, с которой может быть сгенерировано подобие студенческой работы, ценность ее утрачивается, а значит должны быть скорректированы и критерии ее оценивания.

Сложность текущего положения, в котором оказалась система высшего образования, состоит в опережающем внедрении технических инноваций, комплексное научно-теоретическое и философское осмысление которых просто еще не было осуществлено. Тем не менее, для нашей страны имплементация искусственного интеллекта в научную и образовательную работу сегодня – это уже политический вопрос государственного масштаба. Его значимость отражается, в частности, в решении Министерства экономического развития РФ в 2025 году о выделении в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» «по 676 млн руб. на два года для проведения фундаментальных исследований в области сильного, доверенного, мультиагентного ИИ» [2] ряду научно-исследовательских организаций (в т. ч. МГУ им. М. В. Ломоносова, Московскому физико-техническому институту (МФТИ), Высшей школе экономики).

Несмотря на всю сложность сложившейся ситуации, связанной с отсутствием общего порядка использования ИИ-технологий в образовательных и научных процессах, система высшего образования постепенно самоорганизуется. В первую очередь это связано с внутренним стремлением студентов к познанию выбранных дисциплин, а не к избеганию процесса обучения. Поэтому, говоря о трансформации методологии высшего образования, пожалуй, основополагающим принципом должно быть воспитание

сознательного и честного (по отношению к себе и другим) человека и познающей личности.

1. *Резаев А. В., Степанов А. М., Трегубова Н. Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. №4. С. 49–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62*
2. *Минобрнауки назвало требования к искусственному интеллекту в образовании [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/08/2025/689c50ac9a79470dcbc1a045 (Дата обращения 09.10.2025)*

ЗАНЯТОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ.

Малинина Татьяна Борисовна
(СПбГУ)

В социологии, цифровое общество рассматривается с точки зрения влияния процесса цифровизации на общество в целом и на отдельных его членов. Цифровизация изменяет образ жизни людей, их привычки, взаимоотношения и формы коммуникации. Она также может привести к социальным изменениям, таким как изменения на рынке труда.

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества обусловливают коренные изменения в сфере труда и социально-трудовых отношений. Происходит формирование нового вида занятости – цифрового, отличительным признаком которого становится удаленность от основного места работы и цифровой формат общения с работодателем [1]. Этот нестандартный вид занятости в социологических научных кругах еще не получил общепринятого определения, точно так же, как и сам термин «цифровизация» еще не имеет устоявшегося определения. Однако, уже можно выделить ряд критериев, позволяющих отнести трудовые отношения к категории цифровой занятости. Во-первых, цифровые технологи используются для организации процесса труда. В результате развития цифровых торговых площадок, офисов, трудовых цифровых платформ значительно выросло число сотрудников, перешедших на удаленную форму работу. В результате развития digital-технологий будут появляться новые отрасли, инновационные бизнес-модели [2]. Во-вторых, появляется цифровая мобильность участников рынка труда: гибкий график работы, свободный выбор заказов, относительная автономность, возможность работать из любого места. С одной стороны, работник самостоятельно может строить свою карьеру и трудовую жизнь, сочетать несколько видов работ и типов занятости, работать на несколько компаний. С другой стороны, работодатели получают возможность быстрого привлечения высококвалифицированных кадров, расширение границ найма. В-третьих, участники трудовых отношений взаимодействуют через цифровые платформы. На смену иерархической организации труда приходит интеграция интересов участников на основе цифровых платформ, где благодаря виртуальному доступу к совместной деятельности возможно интегрировать множество организаций и, выстраивая отраслевые цепочки, создавать современные экосистемы [3]. В-четвертых, в результате цифровой занятости создается цифровой продукт: товар и услуга могут быть виртуальными, благодаря соответствующей инфраструктуре. Однако цифровая занятость может быть реализована не только в ИТ-сфере. Областями ее применения может стать деятельность, в которой происходит создание цифрового продукта и управление цифровыми бизнес-процессами:

онлайн образование, цифровой маркетинг, финансовая деятельность в цифровом формате, цифровая торговля и т.д.

Таким образом, цифровую занятость можно определить как одну из форм нестандартной занятости, основанной на использовании цифровых технологий организации труда и цифровой мобильности субъектов трудовых отношений, обеспечивающих достижение баланса интересов всех ее участников (работников, работодателей, государства) в плане трудовой и производственной деятельности, и результатом которой является создание цифрового продукта.

Приведем ряд факторов, влияющих на развитие цифровой занятости. Высокая скорость распространения достижений ИКТ влияет на преобразование как сферы производства, так и сферы потребления. Внедрение новых технологий в работу фирм, таких как 3D-печать и аддитивные технологии, искусственный интеллект, облачные сервисы и вычисления, оказали влияние на сокращение рабочих мест, заменяя виды работ, выполняемые людьми, на задачи, осуществляемые машинами. В условиях цифровой мобильности можно обойтись без офиса, работая дома, на территории клиентов или выезжая на конференции и выставки. В свою очередь изменения происходят и на уровне работодателей. Согласно опросу, проведенного в 2020 году, 11 % компаний благодаря цифровой занятости сократили площадь офисного пространства, а 3 % компаний полностью отказались от офисов и прекратили аренду. Увеличивается процент использования веб-сайтов (за последние 9 лет на 23,4 %) [4]. Увеличиваются нормативы труда, стандартный график работы трансформируется в режим «работы по требованию» в любое время суток. Таким образом, цифровизация изменяет занятость трудового населения в сторону ее адаптации за счет возникновения новых форм занятости, в том числе цифровых. Распространение цифровых технологий модернизирует все трудовые процессы: цифровизация организации труда – появление цифровых офисов, организация найма труда через цифровые платформы, организация деятельности цифровых торговых площадок; замещение человеческого труда цифровыми технологиями; развитие цифровой мобильность участников трудового процесса (перемещение работника за пределы офиса, страны, изменение местоположений компаний). Все это трансформирует структуру рынка труда, формируют спрос на дистанционную цифровую занятость и цифровую форму взаимодействия, дает возможность по-новому осуществлять процесс организации труда и производства в традиционных секторах экономики, находить новые методы организации работы в неустойчивых условиях внешней среды. Внедрение цифровизации в трудовую сферу обусловливают высокие требований к цифровым и другим навыкам, такими как: творчество, гибкость и быстрота обучения, способность к выстраиванию эффективных межличностных отношений, стрессоустойчивость. Как подчеркивает И. Краус, из-за изменений в содержании трудовой деятельности в виртуальной экономике основным результатом труда становится создание знаний, основные требования к навыкам работников лежат в плоскости использования новых [цифровых] технологий, основу управления составляют управление проектами, самореализация работников, межкультурный менеджмент [5]. В то же время необходимо отметить, что цифровизация трудовой сферы влияет и на личные качества индивида. Труд трансформируется в средство самореализации и самовыражения, люди стремятся к путешествиям, познанию нового. В связи с этим традиционная форма занятости постепенно уступает место цифровой.

Фактором ускорения трансформационных процессов в трудовой сфере выступают глобальные угрозы. Например, эпидемия COVID-19. В результате синергетического эффекта четвертой промышленной революции и мирового кризиса, связанного с

пандемией, цифровизация трудовых отношений совершила «новый рывок» в связи с масштабным переходом к занятости в цифровом формате, провоцируя резкий рост рабочих мест в условиях «work-from-home». Для собственников бизнеса такой формат занятости стал одной из возможностей обеспечения частичной дееспособности бизнеса и минимизации потерь. Кроме того, в условиях спада экономики цифровую занятость можно рассматривать как действенный фактор снижения себестоимости продукции путем сокращения расходов на аренду, содержание помещений, оплату коммунальных платежей наряду с сокращением социальных выплат работникам.

Трудовая сфера быстро трансформируется под влиянием глобальных процессов и цифровизации экономики, которые формируют новые возможности и вызовы для национальных рынков. Согласно статистике, доля цифровой экономики в мире составляет от 4,5 % до 15,5 % в зависимости от метода расчета. При этом 40% добавленной стоимости, которая создается в ИТ-секторе, приходится на США и Китай.

Основными направлениями цифровизации трудовой сферы являются: цифровая организация трудовых процессов (цифровые торговые площадки, цифровые офисы, трудовые цифровые платформы), замещение человеческого труда цифровыми технологиями (искусственный интеллект, роботизация производства), цифровая мобильность сотрудников (перемещение работника за пределы офиса, города, страны). Названные процессы трансформируют структуру рынка труда, формируют спрос на дистанционную цифровую занятость и формируют цифровую форму взаимодействия между субъектами рынка труда.

1. *Харченко, В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 54 – 63.*
2. *Аранжин, В. В. Глобальные тренды и тенденции в области занятости // Экономика труда. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 1353 – 1371.*
3. *Нехода, Е. В. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. – 2021. – Т. 8. – № 9. – С. 897 – 916.*
4. *Иваненко, О. Б. Тенденции цифровизации экономики России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 60 – 66.*
5. *Krause, I. Coworking Space: A Window to the Future of Work? // Foresight and STI Governance. – 2019. – № 13(2). – p. 52 – 60.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ПАРАДОКСЫ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Маричева Анна Антоновна
(Государственный академический университет гуманитарных наук)

Аннотация: В докладе рассматривается влияние цифровых технологий на трансформацию межличностных отношений в современном обществе. Анализируются социальные риски и парадоксы, связанные с массовым внедрением интернет-коммуникаций, ростом числа пользователей и изменениями в структуре социальных связей. Обсуждаются проблемы поверхностности онлайн-взаимодействий, снижение уровня доверия и эмпатии, развитие интернет-зависимости. На основе статистических данных и современных социологических концепций выявляются тенденции к изменению природы человеческих отношений, а также предлагаются направления для сохранения качества и глубины межличностной коммуникации в условиях цифровизации.

Ключевые слова: межличностные отношения, цифровая эпоха, онлайн-коммуникация, социальные риски, интернет, социальные сети, отчуждение, эмпатия, текучая современность, доверие.

В современном мире коммуникация занимает центральное место не только как средство передачи информации, но и как фундаментальный механизм формирования социальных связей, общественного мнения, культурных и даже политических процессов. За последние десятилетия развитие цифровых технологий вызвало радикальные изменения в способах взаимодействия людей, открыв новые пространства общения и породив вызовы, ранее неизвестные человеческому обществу. Каждое технологическое открытие – от изобретения телеграфа до повсеместного распространения интернета – трансформировало социум, а в наши дни интернет-платформы и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллиардов людей. Особенно показательной является статистика: по данным DataReportal, за 24 года количество пользователей интернета в мире выросло с 396 миллионов до 5,3 миллиарда, что составляет уже 66,2 % населения [11]. В России проникновение интернета также динамично возрастает: по данным ВЦИОМ, около 74 % россиян выходят в интернет ежедневно, причем треть из них – более четырех часов в сутки, и этот показатель продолжает расти [8]. Социальные сети и мессенджеры стали уникальной инфраструктурой цифрового взаимодействия – 86 % россиян используют такие платформы ежедневно, а среди молодежи (18 – 34 года) охват достигает 92 – 94 % [7]. Возникает принципиально новая ситуация: онлайн-коммуникация, способная предоставлять пространственно-временную независимость, вытесняет необходимость физического присутствия. Это радикально меняет привычные паттерны межличностных отношений и влияет на качество, частоту и глубину социальных связей.

Парадокс современности заключается в том, что расширение технических возможностей коммуникации не всегда приводит к качественному усилению взаимопонимания между людьми. Социальные сети и мессенджеры позволяют увеличить количество ежедневных контактов, однако эти связи становятся более краткосрочными, поверхностными и хрупкими. Проблема заключается не просто в количественном изменении структуры общения, но и в изменении содержания современных межличностных коммуникаций: как новые цифровые форматы влияют на ощущение единства, на культуру эмпатии, на качество эмоциональных взаимодействий. Речь идет о трансформации природы доверия, общности и поддержки – ключевых основ человеческих отношений.

Исторически коммуникация эволюционировала от непосредственного контакта до сложных форм опосредованного общения. На рубеже XX и XXI веков развитие интернета стало катализатором нового этапа, превратив цифровое общение в базовую форму взаимодействия. Даже ранние исследования отмечали: увеличение времени в интернете связано с постепенной потерей офлайн-связей и обеднением реальной социальной жизни. Порог, при превышении которого онлайн-активность начинает вытеснять качественное «живое» общение, остается плавающим, однако тенденция к компромиссу между количеством и глубиной связей становится очевидной. В дальнейшем интернет и социальные платформы превратились из инструмента для энтузиастов в основу инфраструктуры всей человеческой деятельности – от рабочих задач до досуга и эмоционального опыта. Доминирование цифровых технологий породило новые профессии, новые ценности и даже новые социальные нормы. Шерри Тёркл в книге

«Вместе наедине» подробно анализирует дилемму цифровой эпохи: «Технологическая гиперсвязанность не устраняет одиночество, а зачастую усугубляет его». Иллюзия постоянного вовлечения создаёт ощущение насыщенного общения, одновременно снижая глубину и спонтанность реальных диалогов. Подлинный диалог заменяется контролируемыми, безопасными контактами: «Молодые люди всё чаще говорят мне, что предпочитают текстовые сообщения, потому что так можно контролировать, что сказать. Но контроль – это противоположность настоящему диалогу» [5, 178].

Хрупкость и поверхностность социальных связей, о которых пишет Тёркл, получили глубокое теоретическое осмысление в работах Зигмунта Баумана. Концепция «текучей современности» описывает процесс размывания устойчивых структур, превращения отношений в конструкт потребления, лишённый долговременных обязательств. Бауман указывает на то, что цифровые технологии не только ускоряют эту тенденцию, но и делают отношения ещё более мимолётными, превращая их в своеобразную «жидкую любовь» – связи, которые легко установить и также легко оборвать. Теоретические основания: Бауман и Кастельс о природе цифровых связей приложения предлагают неисчерпаемый выбор, что формирует потребительское отношение к контактам и частую смену круга общения. Мануэль Кастельс рассматривает интернет как глобальную коммуникационную сеть, в которой преобладает «сетевой индивидуализм»: каждый субъект выстраивает многочисленные, но слабо связанные между собой связи, при этом виртуальная идентичность всё чаще оказывается мозаичной и противоречивой. Рост числа онлайн контактов сочетается с ощущением социальной изоляции, а набор доступных ролей – с утратой подлинной общности.

Российские и зарубежные исследователи отмечают, что чрезмерная вовлечённость в онлайн-общение ведёт к формированию интернет-зависимости, отчуждению от реального мира и снижению способностей к эмпатии и командной работе, особенно среди молодёжи. Такие изменения затрагивают базовые механизмы социализации, затрудняя формирование устойчивых эмоциональных связей и доверия. При этом данные ВЦИОМ свидетельствуют: несмотря на широкое признание преимуществ цифровых инструментов, онлайн-коммуникация не способна полностью заменить личное взаимодействие. Отсутствие телесных сигналов, интонаций и спонтанности общения приводит к «качественному дефициту» межличностных отношений. Как показывает психолог И. А. Ильин, такая коммуникация обедняет возможности проявления эмпатии и понимания эмоций партнёра.

Итак, цифровая эпоха породила новую парадигму межличностных отношений: проще и доступнее стало устанавливать и разрывать социальные связи. Однако вместе с этим возникли новые риски – снижение глубины и стабильности коммуникации, рост отчуждённости, дефицит эмпатии. Социологический анализ через призму работ Баумана и Кастельса позволяет понять, что речь идёт не просто о смене инструментов общения, а о фундаментальном изменении самой природы человеческих отношений. Для успешной социализации и духовного благополучия общества необходимо не только развивать цифровые компетенции, но и сохранять, воспитывать ценности открытой, эмоционально насыщенной коммуникации.

1. *Бауман, З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.*
2. *Бурдье, П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. Н.А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.*
3. *Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. В 3-х т. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – Т. 1. – 606 с.*

4. *Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.*
5. *Тёркл, Ш. Вместе наедине: Почему мы рассчитываем на технологии больше, чем на друг друга. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 352 с.*
6. *DataReportal. Digital 2024 Global Overview Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (Дата обращения: 12.10.2025).*
7. *ВЦИОМ. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. Москва: ВЦИОМ, 2023. Доступно по: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 15.04.2025)*
8. *ВЦИОМ. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. Москва: ВЦИОМ, 2023. Доступно по: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 15.04.2025)*
9. *Ильин, И.А. Психология общения и общения в цифровой среде. – М.: Академический проект, 2015. – 210 с.*
10. *Якушина, О.И. Современные цифровые средства коммуникации и их влияние на построение личных отношений / О.И. Якушина // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 7. – 97-106 с.*
11. *Gallup, Meta. Global State of Social Connections Report-2023. – URL: https://www.gallup.com/analytics/509675/state-of-social-connections.aspx (дата обращения: 25.05.2025).*

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ

Махиянова Адиля Наилевна
(СПбГУ)

Современное общество характеризуется высокой степенью цифровизации всех сфер жизни. Однако вместе с развитием технологий сохраняется и усиливается проблема цифрового неравенства. Чаще всего под этим термином понимают отсутствие или ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям, но это не единственные причины цифрового разрыва.

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровые технологии становятся одним из ключевых инструментов социализации и профессиональной реализации личности. Недостаточная вовлечённость в цифровое пространство ограничивает возможности человека в образовании, трудовой деятельности и социальной коммуникации.

В отличие от традиционных форм социального неравенства, цифровое неравенство не сводится к распределению материальных благ между большинством и меньшинством. Оно имеет структурный характер и выражается в различиях уровня цифровой инфраструктуры, компетенций и возможностей для участия в цифровой экономике. Таким образом, данное явление представляет собой новый тип социального разрыва, который определяется не столько имущественными, сколько технологическими и образовательными факторами [1, 813].

Согласно теории трех уровней цифрового неравенства, выделяют следующие уровни: 1) уровень доступа к Интернету и ИКТ; 2) уровнь цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровнь социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни [2, 47].

Первый уровень цифрового неравенства традиционно связывают с наличием или отсутствием у граждан базового доступа к Интернету, цифровым технологиям, ИКТ, медиакоммуникационной инфраструктуре. В российских условиях данное измерение неравенства во многом определяется территориальными факторами. Большая площадь страны, неравномерная плотность населения и сложные природно-климатические условия

существенно повышают стоимость строительства и обслуживания телекоммуникационной инфраструктуры, особенно в удалённых и сельских районах. В результате обеспеченность интернетом и цифровыми сервисами заметно различается в зависимости от типа населённого пункта. Так, например, по данным на 2019 год из 18 тыс. населённых пунктов с числом жителей от 500 до 10 тыс. интернет-доступом обеспечены уже приблизительно 16 тыс. Из 14 тыс. населённых пунктов с количеством жителей от 250 до 500 человек точками доступа оснащены примерно 8 тыс. [3, 47]. Стоит отметить, что на первый уровень цифрового неравенства влияет и экономическое неравенство. Люди не всегда могут позволить себе устройство для использования сети интернет или оплату тарифа.

Второй уровень цифрового неравенства отражает различия в цифровых компетенциях, компьютерной и медиа грамотности населения. Даже при наличии технической возможности подключения не все пользователи обладают достаточными навыками для эффективного использования цифровых ресурсов в образовательных, профессиональных или гражданских целях. По данным исследования НАФИ за 2024 год индекс цифровой грамотности составил 71 п.п. из 100 возможных, ситуация в 2023 и 2022 годах ситуация была аналогичная. Население России можно разделить на 3 группы по уровню цифровых компетенций: около 2 % граждан не обладают базовыми навыками работы с цифровыми устройствами, тогда как большинство (около двух третей) демонстрирует базовый уровень, ограничиваясь повседневным использованием интернета и мобильных сервисов. Продвинутыми цифровыми компетенциями владеет порядка 30% населения [4].

Третий уровень цифрового неравенства связан с различиями в социальных и экономических преимуществах, которые пользователи получают благодаря использованию цифровых технологий. Однако эта отрасль является наименее изученной.

Цифровое неравенство выступает значимым фактором углубления социально-экономических и образовательных различий, формируя новый тип социального разрыва в современном обществе. Эффективное преодоление данной проблемы возможно лишь при реализации комплексной стратегии, направленной на развитие цифровой инфраструктуры, повышение уровня цифровой грамотности и сокращение традиционных форм неравенства – социального, экономического и образовательного.

1. *Лебединцева, Л. А. Цифровое неравенство: ключевые понятия и постановка проблемы / Л. А. Лебединцева, Х. Чжан // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2024. – С. 813-814.*
2. *Гладкова А. А. Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) / А. А. Гладкова, В. З. Гарифуллин, М. Рагнедда // Вестник Московского универси- тета. 2019. № 4.*
3. *Квасникова М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 43–58. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58*
4. *[Электронный ресурс] URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/*

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЭКОСИСТЕМ В ПРИМЕНЕНИИ РАБОТНИКАМИ ИННОВАЦИЙ

Мельник Анастасия Дмитриевна
(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Судакова Анастасия Евгеньевна
(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда №25-18-00465 «Экосистемный подход к устойчивому региональному развитию: синергия образования, промышленности и социальной политики для формирования конкурентоспособных территорий»

Аннотация. Высокие темпы изменения техник, технологий являются ведущим фактором трансформации содержания труда работников. Знания о влиянии университетских экосистем на становление и развитие востребованных региональными рынками труда специалистов, по-прежнему, ограничены. Доказывается, что синергетический эффект усилий университетов в сотрудничестве с бизнесом и властью может поддерживать устойчивость регионов в их инновационном развитии.

Ключевые слова: высшее образование, сотрудничество предприятий и университетов, региональный рынок труда, устойчивость молодежи в занятости, вовлеченность, устойчивость региона, меняющиеся технологии, технологическое лидерство.

Роль университетов в региональном инновационном развитии широко изучена [5]: они исторически считались трансфером знаний, но созданные в них научные разработки и технологии не всегда внедрялись на предприятиях реального сектора. В инновационной экономике, когда большинству работников необходимо применять в своей трудовой деятельности инновации, нужен механизм, обеспечивающий т.н. трансфер технологий. Мы исходим из гипотезы, что этим механизмом является постоянное сотрудничество студентов и индустриальных партнеров; также отмечается в работах [4]. Его развитость выступает основанием для становления в вузах университетских экосистем как сложных социальных структур, способствующих экономическому и социальному росту [3] регионов.

Выделим противоречия, обуславливающие потребность субъектов в развитии университетских экосистем на основе постоянного сотрудничества.

Во-первых, между потребностью работодателей обеспечить высокие темпы инновационного развития предприятий, организаций и неопределенностью их требований к трудовой деятельности будущих специалистов, а также их слабой вовлеченностью в образовательный процесс. Во-вторых, между теоретическим осмыслением студентами законов и закономерностей развития явлений, процессов и практикой их использования в решении реальных трудовых задач. В-третьих, между подготовкой (подделкой) специалистов под текущие потребности рынка труда и становлением и развитием востребованных специалистов внутри университетских экосистем, опережающим потребности рынка труда. В-четвертых, развитием инновационных кластеров в одних

регионах и неустойчивостью в инновационном развитии других, что возникает из-за адресной поддержки устойчивых регионов с целью концентрации в них финансовых и кадровых ресурсов для прорывных инноваций. В конечном счете, это приводит к неравномерному инновационному развитию регионов, их неустойчивости и большим финансовым затратам на реализацию мер социальной политики.

В российских вузах университетские экосистемы пока не приобрели широкого распространения и представляют собой обособленные практики, такие, как проектное обучение, студенческие конструкторские бюро и стартапы. Они слабо связаны с современными образовательными практиками: индивидуальными образовательными траекториями, дополнительными бесплатными квалификациями, дополнительным образованием за пределами образовательной программы, которые являются для студентов инструментами корректировки профессиональных треков в процессе получения высшего образования. Пока немногие российские вузы выстраивают практики сотрудничества путем интеграции образовательной, научной и инновационной деятельности. Однако смежные исследования немецких ученых подтверждают раскрытие инновационного потенциала студентов путем их вовлечения в практики внутри университетских экосистем [2].

Проектирование экосистемы развития университетов тесно связано с преобразованием экосистемы региона [1] за счет двухуровневой структуры анализа: во-первых, устойчивости специалистов в занятости, которая обеспечивается не столько поддерживающими мерами социальной политики для уязвимых групп, сколько опережающей направленностью образования личности; во-вторых, первое положение влечет за собой устойчивость регионов в их инновационном развитии за счет растущего человеческого капитала, минимизации потребностей в переобучении кадров и их дефицита.

Методология исследования основана на авторском подходе к моделированию показателей из разных источников: мониторинге эффективности вузов РФ 2021 – 2023 гг., рейтинге студенческих стартапов 2022 – 2024 гг., перечне студенческих конструкторских бюро 2025 г. Это позволяет выявлять закономерности в развитии регионов, основываясь на широкой аналитической базе данных.

По результатам исследования выявлено, что бенчмарк университетских экосистем сосредоточен в Томской области, Пермском крае, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республике Татарстан, Свердловской области, Ростовской области и Нижегородской области. Эти регионы названы устойчивыми по двум уровням: развитости проектного обучения в вузах и потенциальной вовлеченности студентов во внебюджетные НИОКР. В этих регионах баланс востребованных работодателями специалистов достигается путем подготовки не только элитных, но и линейных работников, которые за счет качества высшего образования способны поддерживать на высоком уровне применение инноваций на предприятиях, в организациях сразу после окончания вуза.

Перспективой исследования является анализ университетских политик тех вузов, которые сконцентрированы в устойчивых регионах, с целью выявления лучших практик интенсивного развития инструментов и механизмов университетских экосистем.

1. *Симченко Н. А., Беркович М. Л. (2021). Проектирование экосистемы развития университетов в цифровой среде // Перспективы науки и образования. Т. 1, № 49. С. 491–505. DOI:10.32744/pse.2021.1.34*
2. *Bock C., Dilmetz D., Selznick B.S., Zhang L., Mayhew M.J. (2020). How the university ecosystem shapes the innovation capacities of undergraduate students – evidence from Germany // Industry and Innovation. Vol. 28, №3. P. 307–342. DOI:10.1080/13662716.2020.1784710*

3. *Marchant-Perez P., Ferreira J.J. (2024). Integrating historical approaches of university ecosystems: reviewing the literature streams and future directions // Management Review Quarterly. DOI:10.1007/s11301-024-00467-4*
4. *Nascimento S. de F., Lima M.C., Gondim I.J.C. (2022). Level of collaboration and knowledge transfer among actors of the innovation ecosystem: the proposition of an analytical model // International Journal of Innovation. Vol. 10, №3. P. 434–460. DOI:10.5585/iji.v10i3.21057*
5. *Reichert S. (2019). The Role of Universities in Regional Innovation Ecosystems. Berlin: European University Association. 104 p.*

ДРУГОЙ ТРУД В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: К ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ РАСШИРЕНИЮ АНАЛИЗА АКТИВИЗМА ЗНАНИЙ

Николаенко Георгий Александрович
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00261-П.

Аннотация. В статье рассматривается концепция «другого труда» Патриса Флиши как инструмент анализа активизма знаний в цифровую эпоху. Показано, что цифровизация медицины порождает гибридные формы занятости, сочетающие труд, творчество и гражданскую вовлечённость.

Ключевые слова: социология труда, Патрис Флиши, другой труд, цифровизация, активизм знаний, медицина, открытый труд

Современные формы труда всё чаще выходят за пределы индустриальных представлений о занятости. Цифровизация медицины и общественного здравоохранения создаёт новые пространства действия, в которых соединяются профессиональная этика, самореализация и общественная миссия. Медицинские блоги, подкасты, телеграм-каналы и цифровые сообщества становятся формами производства знаний и поддержания профессиональной идентичности, хотя и не подлежат статистическому учёту.

Концепция «другого труда», разработанная Патрисом Флиши, предлагает рассматривать подобные формы активности как труд в социологическом смысле – как процесс вовлечённого участия в создании социально значимых смыслов. Вместо традиционного противопоставления труда и досуга Флиши вводит категорию «социо-технических альянсов», обозначающую гибридные конфигурации людей, технологий и институтов, где формируются новые типы деятельности [1, 57]. В этой рамке труд выступает не как функция найма, а как режим действия, объединяющий когнитивные, аффективные и символические измерения [2, 103].

Активизм знаний представляет собой одну из наиболее выразительных форм «другого труда». Он охватывает инициативы по распространению экспертного знания, развитию профессиональных сообществ и гражданской коммуникации. В медицинской сфере этот активизм выполняет функции инфраструктуры социального здоровья: способствует укреплению доверия, повышению прозрачности и расширению профессиональной рефлексии. Подобные формы деятельности не предполагают

обязательной оплаты, но требуют компетенций, времени и эмоциональных ресурсов, выполняя функции труда в социальном смысле [3, 215].

Рассмотрение цифрового труда через призму вовлечённости позволяет социологии зафиксировать переход от институционального понимания занятости к деятельностно-биографическому. Такой подход выявляет, что труд не ограничивается экономической функцией, но включает производство знания, смыслов и доверия. Активизм знаний, основанный на профессиональной и этической мотивации, демонстрирует, как цифровые технологии становятся инструментом поддержания общественного здоровья и солидарности.

Таким образом, концепция «другого труда» Патриса Флиши расширяет аналитический горизонт современной социологии труда, предлагая рассматривать цифровые формы занятости не как маргинальные, а как структурно значимые. Они объединяют элементы автономии, творчества и социальной ответственности, отражая трансформацию труда в условиях цифрового общества.

1. *Flichy, P. Les nouvelles frontières du travail à l'ère numérique. Paris: La Découverte, 2017. 240 p.*
2. *Flichy, P. Le sacre de l'amateur: Sociologie des passions ordinaires à l'ère numérique. Paris: Seuil, 2010. 278 p.*
3. *Flichy, P. Technique et usage: Les sciences sociales et l'innovation. Paris: Université Paris 7, 1994. 210 p.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕКЛАМЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Новикова Мария Сергеевна
(Тюменский государственный университет)

В настоящее время в области маркетинговых коммуникаций происходит трансформация рекламного контента под влиянием продолжающихся процессов цифровизации и сетевизации. Это сложный и многоуровневый процесс, обусловленный изменениями в социальной, экономической и культурной сфере. Данные изменения оказывают влияние и на рекламу, которая эволюционирует вместе с изменениями в социальной структуре и технологическим прогрессом [4].

На трансформацию маркетинговой деятельности оказывают воздействие активно развивающиеся возможности искусственного интеллекта (ИИ). Согласно данным АНО «Диалог регионы», количество аудиовизуального контента в интернете, созданного с использованием ИИ, увеличилось в семнадцать раз (2023 vs 2022) [7]. Конечно же, на данный момент, учитывая большую доступность и популяризацию искусственного интеллекта, рост выражен еще более значимо. На декабрь 2024 года абсолютное большинство (94 %) россиян осведомлены о технологиях искусственного интеллекта, более половины (63 %) участников опроса использовали ИИ за последний год [5, 6]. Все это свидетельствует о растущей роли нейросетей в повседневной жизни социума, что не могло не затронуть такую обширную сферу деятельности, как реклама.

В новых условиях рекламные сообщения перестают быть статичным средством коммуникации: они изменяются в гибкую и интерактивную систему, ориентированную на персонализацию и вовлеченность аудитории. Ранее востребованная массовая реклама

уступает место микротаргетированным кампаниям, использующим технологии искусственного интеллекта и больших данных для персонализации рекламных сообщений. Современная реклама стремится быть не универсальной, а релевантной конкретному потребителю, что повышает её эффективность в условиях высококонкурентной цифровой среды [2, 12]. В этой связи реклама становится не просто средством передачи продающей информации о товаре/услуге, а инструментом формирования социальных идентичностей, что соотносится с представлениями Ж. Бодрийяра о потреблении как знаковой системе. [1]. Подобные преобразования дают почву для глубинного анализа актуальных стратегий создания и продвижения рекламных сообщений.

Целью работы является анализ влияния искусственного интеллекта на рекламную коммуникацию. В статье предложено социологическое рассмотрение использования нейросетей в цифровой рекламе на основе эмпирического исследования методом фокусированного группового интервью (n = 24, апрель 2025). Фокус-группы проводились в формате онлайн-дискуссий на платформе Zoom с модерируемым обсуждением и сопроводительными материалами: участникам исследования демонстрировались примеры рекламы, после чего они делились своими впечатлениями.

Стоит отметить, что в инструментарии исследования предварительно не были предусмотрены вопросы, касающиеся искусственного интеллекта, однако в ходе обсуждений респонденты спонтанно затронули тему влияния ИИ на рекламное поле деятельности. В двух из четырех проведенных фокус-группах респондентами были самостоятельно подняты вопросы о влиянии ИИ на создание рекламного контента, его распространение и вовлеченность потребителей. Такая ситуация наглядно демонстрирует интерес аудитории к глобальным трендам в индустрии рекламы.

Результаты фокус-групп показали наличие выраженных различий в подходах к оценке рекламных сообщений по полу. Девушки чаще подчеркивали эмоционально-творческую составляющую рекламы, обращая внимание на оригинальность идеи, душевную и ценностную составляющую, «отпечаток» автора, а также эмоциональную выразительность персонажей и/или ситуаций. Для девушек важно, чтобы реклама вызывала чувство сопричастности и демонстрировала креативное усилие автора. Кроме того, часть респонденток указала на плоскость и «сухость» контента, созданного нейросетями: в отличие от человеческой руки искусственный интеллект не может самостоятельно передать нюансы эмоций, интонации, скрытые смыслы и культурные оттенки, которые делают рекламу по-настоящему живой и убедительной. Некоторые участницы отмечали, что материалы ИИ-рекламы кажутся им «слишком правильными» и потому теряют естественный вид и самобытность. Другие опрошенные женского пола выразили неприязнь и опасения касательно созданных ИИ изображений людей, что является частным случаем проявления феномена «зловещей долины». Ниже приведены цитаты респондентов, подтверждающие предложенный тезис.

«Есть те, кто использует ИИ для дизайна рекламы, и мне вообще это не нравится. Намного лучше нанять настоящего художника или графического дизайнера, и он нарисует с душой, внесет туда определенные ценности. А когда я вижу рекламу с ИИ, кажется, что создатели сделали это, не прилагая особых усилий… не цепляет. Как будто работу человека в десять раз приятнее видеть, чем «талант» ИИ» (Ж, 20 лет).

«Но в тоже время ИИ какой-то сухой, он создает рекламу четко по задаче. А человек он подходит к этому более широко. Он учитывает свое внутреннее и вносит в проект именно это – душевное, человечное, доброе». (Ж, 21 год).

«Вот я вообще, когда попадается реклама, сразу могу отличить ту, где были использованы нейросети. Там сразу видно, что это сделал не человек. Смотришь, и вот какое-то все прямо неживое, иногда даже пугает». (Ж, 21 год)

В то же время мужчины рассматривали рекламу, созданную с участием ИИ, в инструментальном ключе, воспринимая её как технологическое средство достижения маркетинговых целей как в создании рекламных сообщений, так и в их последующем продвижении – повышения узнаваемости, вирусности, персонализации контента. В высказываниях мужчин чаще звучали оценки, связанные с эффективностью и инновационностью: «*Сокращается время на создание контента, и можно воплотить многие мысли художника/автора, которые он бы своими руками был не смог сделать в обычной жизни. И стоимость дешевле, расширяет горизонты фантазии*» (М, 23 года). Молодые люди оценивают использование инструментов нейросетей в качестве прикладного «девайса», упрощающего работу и предлагающего быстрые пути решений маркетинговых задач. По их словам, потенциал ИИ особенно заметен в сфере визуальных решений «для зрелищности картинки».

Таким образом, среди мужчин заметна утилитарная направленность, а среди женщин – ценностно-ориентированная. Это наблюдение согласуется с рядом исследований о гендерных различиях в восприятии рекламы.

В обсуждениях также проявился интерес к феномену «брейнрот»-мемов, сгенерированных при помощи нейросетей и относительно недавно ставших популярными в интернете. Мнение участников по этому поводу разделилось: кто-то считает, что использование в рекламе юмора ИИ – способ сделать рекламу виральной и трендовой; а другие отстаивают позицию, что это будет работать лишь на узкую аудиторию, отсекая старшее поколение, которое данный вид юмористической рекламы лишь «*отпугнет*». Тем не менее, сам факт упоминания мемов на базе ИИ свидетельствует о расширении возможностей цифровой рекламы.

В целом в двух фокус-группах отмечалось коллективное согласие с тезисом о том, что искусственный интеллект становится полезным помощником в маркетинговой кампании. Однако практически все опрошенные указали, что ИИ не способен полностью заменить человеческий «креатив». Как выразился один из респондентов: «*Если человек будет давать грамотные промты, то что-то хорошее может выйти. Нейросеть не сможет качественно выполнить подобную работу самостоятельно*» (М, 21 год). Так, аудитория воспринимает широкое внедрение ИИ в рекламную сферу скорее в качестве акта сотрудничества, чем как революционную замену человеческого труда. Эти замечания коррелируют с оценками экспертов HR-отрасли влияния технологий рынок труда [3].

Подводя итоги исследования, отметим, что современные тенденции в развитии искусственного интеллекта оставили свой след и в области рекламной коммуникации. Нейросети предлагают новые возможности в реализации маркетинговых взаимодействий, однако важно соблюдать баланс между технологической эффективностью ИИ и сохранением «человеческого» следа в рекламном контенте. Проведенное фокус-групповое интервью демонстрирует гендерные различия в восприятии рекламы, созданной с участием ИИ.

1. *Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. 269 с.*
2. *Ву Нгок Ань, Кошель В. А. Технологии искусственного интеллекта и их роль в повышении эффективности рекламных коммуникаций // Практический маркетинг. №2. 2024. С. 10-15.*
3. *Гаврилова И. Д., Каргаполова Е. В. Влияние технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда (по результатам экспертных интервью HR // Вестник экономики, права и социологии. № 1. 2025. С. 272-277.*

4. *Rehman, Fazal Ur; Javed, Farwida; Mdyusoff, Rosman; Harun, Amran; Khan, Anwar; Ismail, Fadillah. What is advertising? A short review of historical development // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2019. Vol. 10(4). Pp. 128–143.*
5. *Доверие к ИИ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения: 11.10.2025).*
6. *ИИ – ваш новый лучший друг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (дата обращения: 11.10.2025).*
7. *Искусственно интеллектуальная собственность [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6806550 (дата обращения: 12.10.2025).*

ЦИФРОВАЯ ДЕПРИВАЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Павлов Александр Владимирович
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина))

Аннотация: Статья осуществляет социологическую концептуализацию цифровой депривации как структурного многомерного явления. На основе анализа существующих исследований выстраивается модель, обосновывается методологический фундамент и предлагаются методические возможности для ее эмпирического измерения.

Ключевые слова: цифровая депривация, цифровое неравенство, социологическое измерение, концептуальная модель, цифровизация.

В результате цифровизации общества и целенаправленной политики государства на его развитие фундаментальная значимость изучения темы цифровой депривации проистекает из необходимости концептуализации нового социального феномена. Если традиционные теории депривации фокусировались на дефиците материальных или социальных стимулов, то в современном контексте ключевым дефицитным ресурсом становится информация, понимаемая широко – как совокупность знаний, коммуникационных каналов и сервисов, необходимых для полноценного участия в общественной жизни [1, с. 3]. Цифровая депривация проявляется не просто как отсутствие доступа к интернету, но как сложный симптомокомплекс, ведущий к социальной эксклюзии, ограничению жизненных шансов и маргинализации целых социальных групп.

Кроме того, разработка измерительного инструментария необходимо для выявления и оценки масштабов цифровой депривации. Как показывают наблюдения, в период пандемии COVID-19 цифровые сервисы настолько прочно вошли в повседневность, что их отсутствие или снижение качества порождает острое недовольство и социальную напряженность [5]. Разработка методик измерения цифровой депривации становится насущной необходимостью для социального прогнозирования и управления, особенно в контексте обеспечения равного доступа к образованию, здравоохранению и государственным услугам.

Исследование позволяет произвести перенос классической социологической концепции депривации в контекст цифрового общества и построении интегративной модели ее измерения. Если зарубежные исследования чаще фокусируются на digital divide (цифровом разрыве) преимущественно в технологическом аспекте [6], а отечественные работы только начинают концептуализацию смежных понятий, то настоящая работа

предлагает системный взгляд на цифровую депривацию как на многокомпонентное социальное явление.

Обзор научной литературы демонстрирует, что феноменология депривации в целом остается недостаточно изученной. Контент-анализ научных источников, проведенный в одном из исследований, выявил около 30 различных терминов, описывающих понятие депривации, при этом информация в структуре депривации оказалась ключевой категорией [1, с. 7]. Это подтверждает гипотезу об информационной природе депривации и позволяет экстраполировать данный вывод на цифровую среду.

В контексте зарубежных исследований особенно ценны работы, посвященные цифровому исключению детей. Как показало исследование на данных EU-SILC, в Европе в среднем 5,4 % детей являются цифрово-депривированными, при этом различия между странами огромны: от 0,4 % в Исландии до 23,1 % в Румынии [3, с. 1320]. Эти данные подтверждают необходимость более тонкого социологического анализа феномена и учета национальных особенностей.

Основная проблема заключается в том, что существующий теоретико-методологический аппарат оказывается недостаточно адекватным для анализа новых форм социального неравенства, порождаемых цифровой трансформацией. Традиционные подходы к изучению депривации требуют пересмотра и адаптации к реалиям, когда цифровая эксклюзия ведет к тотальной социальной эксклюзии. Также, следовательно, можно выделить проблему отсутствия валидного и надежного инструментария для измерения уровня цифровой депривации на различных уровнях социальной организации – от индивидуального до институционального.

Без такого инструментария невозможна разработка адресных социальных программ и проектов цифровой инклюзии, особенно для наиболее уязвимых групп населения, таких как дети из семей с низким образовательным уровнем родителей или находящихся в условиях бедности [3, с. 1325].

Целью данной работы является построение концептуальной модели цифровой депривации через интеграцию социологической теории и разработку методологического фундамента для ее эмпирического измерения на основании существующих исследований.

Исходной предпосылкой нашего исследования является тезис об информационной природе депривации. В цифровом обществе информация приобретает характер базового ресурса, а ее дефицит или ограниченный доступ к каналам ее распространения порождает специфический симптомокомплекс цифровой депривации [1, с. 5]. Как справедливо отмечают исследователи, интернет сегодня – это не просто технология, но фундаментальный фактор, формирующий поведение человека, влияющий на его роль и статус в обществе [4].

Концептуальная модель цифровой депривации предполагает ее рассмотрение как многомерного конструкта, включающего три взаимосвязанных уровня. На инструментальном уровне депривация проявляется как ограничение доступа к цифровым устройствам и инфраструктуре. На функциональном уровне – как дефицит цифровых компетенций и навыков. На содержательном уровне – как ограничение возможностей для значимого использования цифровых технологий, то есть их использования для улучшения качества жизни, расширения социальных связей и повышения жизненных шансов. Именно содержательный уровень представляет наибольший интерес для социологического анализа, так как отражает трансформацию технологического неравенства в социальное.

Методологический фундамент измерения цифровой депривации должен базироваться на принципе комплексности, сочетая количественные и качественные

стратегии исследования. Количественная составляющая может включать индексы, объединяющие показатели доступа к интернету, наличия цифровых устройств, частоты и разнообразия использования цифровых услуг. Качественная составляющая должна быть направлена на реконструкцию субъективного опыта переживания цифровой депривации, выявления латентных форм цифрового исключения, не фиксируемых стандартными статистическими показателями.

В качестве методического решения предлагается использование адаптированного депривационного индексного подхода, успешно зарекомендовавшего себя в исследованиях бедности и социальной эксклюзии. Ядром методики должен стать специально разработанный опросник, направленный на выявление дефицита в ключевых сферах жизнедеятельности, опосредованных цифровыми технологиями: доступ к государственным услугам, возможностям на рынке труда, финансовым услугам, образовательным траекториям, социальным коммуникациям, потреблению культурных благ. Кроме того, данный опросник бы показал ключевую связь между формами капитала человека, которые все больше становятся зависимы в процессах своего накопления, распределения, конвертации от цифрового капитала. Шкала измерения должна быть градуирована от ситуационной цифровой депривации (временные трудности с доступом или использованием) до хронической (систематическое исключение из цифровой среды).

Особое методологическое значение имеет учет контекстуальных факторов, опосредующих воздействие цифровой депривации. Как показывают отраслевые наблюдения, в разных социальных сферах этот феномен приобретает специфические черты. В сфере культуры массовый переход к онлайн-трансляциям породил новую форму потребления культурных благ, что привело к изменению поведения зрителей и структуры их ожиданий [5]. Эти наблюдения подтверждают необходимость отраслевой спецификации инструментария измерения цифровой депривации.

Прогностический потенциал разрабатываемой модели заключается в возможности не только диагностировать текущее состояние цифрового неравенства, но и прогнозировать его социальные последствия. Можно предположить, что по мере углубления цифровизации общества будет нарастать феномен «цифровой уязвимости», когда даже временная потеря доступа к цифровой среде будет означать для индивида социальную дезориентацию и исключение из ключевых жизненных сфер.

В этом контексте разработка превентивных мер по минимизации последствий цифровой депривации становится задачей не только академического, но и практического характера.

В заключение следует подчеркнуть, что концептуализация и измерение цифровой депривации открывают новые возможности для социологического анализа трансформации социального неравенства в цифровую эпоху. Предложенная модель служит теоретико-методологической основой для дальнейших эмпирических исследований, направленных на верификацию выдвинутых положений и операционализацию конструкта цифровой депривации в практике социологических измерений.

1. *Тен Л. Г., Кибальченко И. А. К проблеме информационной природы депривации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12337 (дата обращения: 09.09.2025).*
2. *Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации [Электронный ресурс] // CyberPsy. 2021. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/socialno-kognitivnaya-koncepciya-cifrovoj-socializacii/ (дата обращения: 08.09.2025).*
3. *Ayllón, S., Holmarsdottir, H. & Lado, S. Digitally Deprived Children in Europe // Child Indicators Research. 2023. Vol. 16. P. 1315–1339. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12187-022-10006-w (дата обращения: 08.09.2025).*

4. *Абдуллаева Д. Цифровая депривация: когда Wi-Fi пропадает, а жизнь появляется [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 2023. – URL: https://www.zakon.kz/stati/6482628-tsifrovaya-deprivatsiya-kogda-WiFi-propadaet-a-zhizn-poyavlyaetsya.html (дата обращения: 01.09.2025).*
5. *АНО ЦЭ представила цифро-тренды на 2025 год [Электронный ресурс] // D-Economy. 2024. – URL: https://d-economy.ru/news/ano-cje-predstavila-cifro-trendy-na-2025-god/ (дата обращения: 01.09.2025).*
6. *Ueno A., Dennis C., Dafoulas G. A. Digital exclusion and relative digital deprivation: Exploring factors and moderators of internet non-use in the UK // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 197. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162523006200 (дата обращения: 01.09.2025).*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Петрова Елизавета Михайловна
(СПбГУ)

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261

Аннотация. В работе рассматриваются особенности взаимодействия преподавателя и студента в условиях цифрового общества. На основе сравнительного анализа российского и китайского опыта выделены ключевые стратегии педагогического взаимодействия в дистанционном обучении.

Ключевые слова: цифровое общество, дистанционное обучение, взаимодействие преподавателя и студента, стратегии коммуникации, социология образования.

Современное цифровое общество радикально меняет не только экономические и политические отношения, но и сферу образования [1, 45]. Внедрение цифровых технологий в учебный процесс трансформирует формы коммуникации, структуру взаимодействия и саму роль участников образовательного процесса. Преподаватель и студент теперь находятся не только в физическом, но и в виртуальном пространстве, что требует выработки новых стратегий общения, организации и контроля.

Дистанционное обучение становится не просто альтернативой традиционному, а самостоятельной формой образовательной практики, предполагающей иные механизмы вовлечения, обратной связи и доверия [1, 52]. Эти изменения определяют актуальность социологического анализа процессов взаимодействия в цифровом обществе и поиска эффективных стратегий, которые обеспечивают устойчивое развитие образовательных отношений в новых условиях.

Цифровизация образования влечёт за собой переосмысление роли преподавателя. Если ранее он рассматривался как основной источник знания, то в условиях дистанционного формата он становится организатором образовательного процесса, модератором и фасилитатором коммуникации. При этом возрастает значение коммуникативных компетенций, способствующих созданию атмосферы доверия и совместной деятельности.

В цифровой среде образовательное взаимодействие приобретает новые формы: онлайн-лекции, чаты, форумы, платформы обратной связи, индивидуальные и групповые консультации. Всё это создаёт особое социальное пространство, где коммуникация становится не только средством передачи информации, но и инструментом построения социального доверия [4, 85].

В контексте социологии цифрового общества образовательное взаимодействие можно рассматривать как форму социальных связей, опосредованных технологией. Используя концепцию М. Грановеттера о «сильных» и «слабых» связях [2, 12], можно отметить, что дистанционное обучение формирует преимущественно слабые связи, которые, однако, играют важную роль в распространении знаний и поддержании профессиональных сетей.

Цифровое взаимодействие способствует формированию сетевых сообществ, где преподаватель и студенты включены в систему горизонтальных коммуникаций [3, 88]. Традиционная иерархия в обучении становится более гибкой, что позволяет развивать индивидуальную траекторию образования.

Сравнительный анализ российского и китайского опыта показывает, что обе страны прошли этап интенсивной цифровизации образования, но реализовали его по-разному [4, 205]. В России акцент делается на гибкости, индивидуализации и вариативности стратегий взаимодействия. Преподаватели активно используют цифровые платформы, сочетая дистанционные форматы с элементами персонального сопровождения. Российская модель опирается на личностно ориентированный подход, где педагог выступает не столько контролёром, сколько наставником.

В Китае, напротив, преобладает коллективный и структурированный подход. Взаимодействие между преподавателями и студентами строится на чёткой системе иерархий и правил, где большое значение имеет дисциплина и вовлечённость группы [4, 83]. Китайские педагоги чаще используют унифицированные стратегии обучения, основанные на коллективных заданиях и обязательной рефлексии результатов.

На основе проведённых интервью с преподавателями, имеющими опыт дистанционной работы, были выделены шесть ключевых стратегий взаимодействия:

Стратегия диагностики – выявление уровня подготовки и мотивации студентов.

Стратегия целеполагания и мотивации – поддержание внутренней вовлечённости.

Стратегия персонализации – адаптация форм взаимодействия под индивидуальные потребности.

Стратегия поддержки и сопровождения – формирование доверия и эмоциональной устойчивости.

Стратегия контроля и рефлексии – развитие самостоятельности и ответственности.

Унифицированная стратегия – интеграция всех предыдущих элементов в единую модель взаимодействия.

Эти стратегии показывают, что цифровое взаимодействие – это не просто техническая коммуникация, а социальный процесс, включающий диагностику, мотивацию, поддержку и контроль. Цифровое общество открывает широкие возможности для образования, но одновременно создаёт новые риски и противоречия. Среди них снижение уровня личного контакта, риск поверхностного усвоения материала, эмоциональная дистанция между участниками образовательного процесса. Возникает угроза утраты «человеческого измерения» образования, когда эффективность оценивается только по формальным показателям активности на платформах.

Социологический анализ показывает, что без эмоциональной вовлечённости, рефлексии и доверия образование теряет гуманистическую основу. Поэтому важнейшая задача преподавателя сохранить личностный характер взаимодействия, даже если оно происходит через экран.

Переход к цифровому обществу приводит к глубокой трансформации образовательных отношений. Взаимодействие преподавателя и студента приобретает сетевой, интерактивный и рефлексивный характер. Цифровизация не разрушает

традиционные формы образования, а преобразует их, открывая новые возможности для сотрудничества и самореализации участников.

Основная тенденция развития – гуманизация цифрового взаимодействия. Цифровые технологии становятся инструментом, позволяющим усилить взаимопонимание и вовлечённость.

Таким образом, образование в цифровом обществе сохраняет своё социальное и культурное значение, становясь одной из ключевых сфер формирования человеческих связей в условиях технологической модернизации.

1. *Веселов Ю. В. Социальное доверие в цифровом обществе. – СПб.: СПбГУ, 2020. – 187 с.*
2. *Грановеттер, М. Сила слабых связей // Sociological Theory. – 2018. – Т. 36, № 1. – С. 1–14.*
3. *Ильиных С. А. Дистанционное обучение: опыт социологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». – 2020. – № 52. – С. 140–152.*
4. *Черкасова Л. Н. Специфика систем образования России и Китая в рамках мировой цифровизации / Л. Н. Черкасова, А. С. Гампарцумов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2020. – № 3(46). – С. 81-87.*

ПРОБЛЕМА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Поздеева Елена Геннадиевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Еще сравнительно недавно проблема делегирования звучала большей частью в контексте системы и практик управления, но сегодня мы ставим этот вопрос все чаще, анализируя нашу повседневную жизнь, которая невозможна без цифровых коммуникаций и новых агентов, призванных стать нашими ассистентами. Сегодня о доверии искусственному интеллекту заявляет практически половина российских граждан (52 %) против чуть более трети «не доверяющих» (38 %), причем среди молодежи доля доверяющих значительно выше (79 %) [4]. Учитывая, что цифровые практики все активнее пронизывают все аспекты социальной жизни человека, дискуссия об отношении к роли искусственного интеллекта и о его ближайшем будущем приобретает все большую актуальность, заостряя вопросы о том, какова специфика взаимодействия в системе «человек-машина», каковы его социальные аспекты [5], и что мы готовы сегодня делегировать техноагенту и при каких условиях.

Искусственный интеллект (ИИ) в роли агента трактуется как система (или программа), которая призвана самостоятельно выполнять определенные задачи для пользователя (или другой системы), которая сама создает рабочий процесс, опираясь на доступные данные и инструменты. Уже известно, что ИИ отличается высокой адаптивностью, он быстро обучается, легко работает без контроля со стороны человека, эффективно вступает в коммуникацию с людьми и другими агентами [1, 168]. Эти и другие его преимущества определяют возможность передать ему часть функций и делегировать принятие решений как в деловой сфере, так и в различных жизненных ситуациях.

П. Бурдье под делегированием понимает передачу функции и следующую за этим передачу выполнения определенных полномочий [2, 233]. Цифровое общество развивается в направлении предоставления все большего пространства для взаимодействия людей с цифровыми посредниками и технологиями искусственного

интеллекта. В контексте акторно-сетевой теории современное общество может быть представлено в виде «социомеханического ансамбля» (И. Напреенко), его развитие осуществляется под воздействием роста медиации действий, протекающих между людьми и агентами нечеловеческого свойства. Взаимодействие человека с машиной опирается на механизм реципрокности, в котором передача самостоятельности вещам вызвана потребностью в безопасности при сосуществовании с машинами и с учетом роста их возможностей, а расширение спектра самостоятельных действий машин влечет изменения в распределении действий [7].

Замена действий человека машинными функциями через делегированную компетенцию позволяет людям исключить собственное физическое присутствие, здесь делегирование носит односторонний характер. Дальнейшее развитие технологического агента, расширяющее его компетенции, приводит к реципрокности, способствуя возникновению «человека-машинного ассамбляжа».

Б. Латур, анализируя пересборку общества, в котором возникают сети, включающие людей и не-человеческих агентов, выделяет несколько механизмов скрепления, представляющих собой технологическое опосредование, и которые могут выступать в качестве оснований для делегирования [6]. Одним из них выступает механизм интерференции, позволяющий осуществить обоюдную трансформацию обоих участников (человека и техноагента). Другим важным механизмом является композиционное взаимодействие, когда конвергенция человека и техноагента приводит к сочетанию качеств и действию, обусловленному объединением характеристик участников. Наряду с этими механизмами действуют также возможности возникновения «черного ящика», вмещающего различные цепочки отношений между акторами, и обретение техноагентом символических значений, сохраняющих свою значимость на будущее [9].

Согласно недавнему исследованию ученых [10], целью которого было установить зоны, характеризующиеся потребностью людей в делегировании искусственному интеллекту ряда функций и практик и возникающей возможностью это реализовать, сегодня наиболее четко обозначились четыре такие зоны, их характеристика содержит следующие моменты:

Сочетание намерения делегировать со стороны людей, но отсутствие возможности, так как технологии пока не предлагают удовлетворительного результата, что обусловливает ожидания помощи от ИИ в ближайшем будущем.

Наличие намерения у людей делегировать полномочия/функции и имеющаяся возможность это делать, так как ИИ справляется с рядом задач, тем самым он облегчает выполнение рутинной работы (например, сбор данных, генерация и оформление отчетов).

Стойкое нежелание людей передавать полномочия ИИ, который достигает уже среднего уровня в выполнении ряда функций и задач, но его не допускают. Это касается, например, оценки творческих работ, копирайтинга.

Невозможность передать ИИ эмоционально и этически окрашенные действия в связи с тем, что ИИ пока не способен справиться с этим.

Наличие выделенных зон свидетельствует об интенсивном развитии практик взаимодействия людей и не-человеческих агентов, о возникновении полей напряженности и борьбы, готовности к пересмотру ролей и функций. Пока можно заметить, что люди больше нуждаются в дополнении своей компетентности с помощью машин и технологий, полагаются на скорость и удобство делегирования им рутинных функций с целью экономии собственных ресурсов. Конвергентный аспект делегирования сопряжен с осознанием нового образа себя и, возможно, новой идентичности. Но в рутинных практиках искусственный интеллект больше интересен людям как технология,

расширяющая возможности более интересно и визуально привлекательно выполнить определенные задачи, оставаясь в роли ассистента и ненавязчивого партнера по общению.

На процессы делегирования технологиям искусственного интеллекта заметное влияние оказывает цифровое доверие людей, уровень которого зависит от их цифровой культуры и формирующегося в виртуальном пространстве сетевого доверия [11]. Как показывают опросы, в последнее время доверие искусственному интеллекту становится фактором расширения репертуара цифровых практик. Так, опрос, проведенный компанией Мегафон, показывает, что большинство россиян доверяет ИИ (80 %), они чаще всего делегируют ему решение ряда обыденных практических и досуговых задач [8]. Так, 79,1 % опрошенных сегодня используют голосовых помощников, а также обращаются к генеративным сервисам. Среди опрошенных 13,3 % – это те, кто уже сформировал привычку общаться с голосовым помощником в повседневной жизни. Половина респондентов указала на то, что чаще всего ищет с помощью ИИ информацию (57,4 %), обращается для редактирования текстов (27 %) и применяем в обучении (20,1 %). Почти две трети россиян с помощью ИИ планируют свой досуг: выбирают фильмы, музыку, ищут интересные события, концерты и выставки, планируют маршруты для отдыха, подбирают подарки. Данные опроса подтверждают наблюдения о том, что россияне активно встраивают сервисы и общение с ИИ в свою жизнь, но преимущественно для решения простых повседневных задач, тогда как коммуникационные практики, реализующие глубинные жизненные потребности, стремятся вести традиционно в формате живого общения с людьми.

Среди инструментов, оказывающих влияние на доверие пользователей искусственному интеллекту, исследователи подчеркивают большую роль визуализации – так, доверие повышается, если имеет место визуальное присутствие человека или живого существа, а также если у ИИ возникает собственный визуальный образ (аватар, голос и другие свойства). На поддержание и рост доверия влияет репутация технологии и организации, представляющей искусственный интеллект, а также его способность обеспечить безопасность данных, работать без ошибок, строго следовать поставленной задаче и побуждать пользователей оставлять положительные отзывы [3].

Таким образом, можно заключить, что процессы включения новых интеллектуальных технологий и трансформация цифрового общества предполагают исследование готовности людей делегировать искусственному интеллекту функции и собственные практики, намерения передавать или не передавать полномочия, опираясь на доверие и ожидания.

1. *Берман Н. Д. Преодоление вызовов внедрения ИИ-агентов в образовательной среде: фокус на этические аспекты и риски // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 3. – С. 166-177.*
2. *Бурдье П. Социология политики / Пер. с фр. Ю. М. Ледовских / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.:SocioLogos, 1993. – 336 с.*
3. *Дашков А. А., Нестерова Ю. О. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта // E-Management. – 2021. – Т. 4. – № 2. – С. 28–36.*
4. *Доверие к ИИ. 24 декабря 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения 30.09.2025)*
5. *Игнатьев В. И., Душина У. С. Социальные роли в коммуникации человек – машина: концептуализация предметной области // ДИСКУРС. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 55–72.*
6. *Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press. 1999. 324p.*
7. *Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов // Социология власти. 2015.- Том 27. – № 1. – С. 108-121.*

8. *Россияне активно внедряют искусственный интеллект в повседневную жизнь. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/27692/5082071/https://www.spb.kp.ru/daily/27692/5082071/ (дата обращения 25.09.2025)*
9. *Столярова О. Е. Латур Б. Надежда Пандоры: очерки реальности исследований науки. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия: Реферативный журнал. 2002. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2002-02-016-latur-b-nadezhda-pandory-ocherki-realnosti-issledovaniy-nauki-latour-b-pandoras-hope-essays-on-the-reality-of-science-studies (дата обращения: 25.09.2025).*
10. *Что мы готовы делегировать ИИ: новое исследование показывает неожиданные зоны риска и свободы. URL: https://vc.ru/marketing/2058730-chto-delegirovat-ii-issledovanie-stanforda?ysclid=mfzfqq41s2237252907 (дата обращения 27.09.2025).*
11. *Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г. Проблема доверия к смарт-технологиям в цифровом обществе // Социология науки и технологий. – 2022. – Т. 13.- № 4. – С. 131-145.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМИДЖА ПУБЛИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Покочалова Алина Витальевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния информационного воздействия на имидж публичной личности. На основе двухэтапной методологии, сочетающей контент-анализ и фокус-группы, выявлено, что информационное воздействие не является определяющим фактором формирования имиджа. Решающую роль играют личные мотивы и реальные показатели деятельности личности.

Ключевые слова: информационное воздействие, имидж, публичная личность, медиапространство, социологическое исследование.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием цифрового общества, где информационные потоки становятся ключевым инструментом формирования общественного мнения [5, с. 45]. В условиях цифровой трансформации особую значимость приобретает изучение эффективности технологий информационного воздействия на восприятие публичных личностей.

Цель исследования – определить степень влияния основных механизмов информационного воздействия на имидж публичной личности в общественном сознании.

Задачи исследования:

Проанализировать теоретические подходы к понятиям имиджа публичной личности и информационного воздействия.

Выявить методы и технологии информационного воздействия в цифровой среде.

Провести эмпирическое исследование влияния информационного воздействия на имидж публичной личности.

Выявить социально-демографические факторы, влияющие на восприимчивость к информационному воздействию.

Теоретическая основа исследования интегрирует классические и современные социологические концепции. Имидж публичной личности анализируется через драматургический подход И. Гофмана [1, с. 56] как сознательно конструируемая "маска",

и теорию А. Ю. Панасюка [6, с. 39] как социально значимое мнение. Информационное воздействие рассматривается как социальная технология манипуляции общественным мнением [4, с. 16] в контексте сетевой структуры информационного общества М. Кастельса [3, с. 84]. Теоретической основой классификации механизмов воздействия служат модели Дж. Грюнига и Т. Ханта и типология С. Г. Кареповой и С. В. Некрасова [2, с. 151], выделяющая активные, умеренные и малоактивные средства воздействия по критерию интенсивности.

Методология исследования включала два взаимодополняющих этапа. На первом этапе был проведен контент-анализ 3 429 660 новостных сюжетов за 2019 – 2024 гг., что позволило выявить шесть ключевых периодов информационной активности и соответствующие механизмы воздействия [2, с. 152]. На втором этапе были проведены 4 фокус-группы с участием 24 респондентов, дифференцированных по полу и возрасту.

Результаты исследования показали ограниченное влияние информационного воздействия на формирование имиджа публичной личности. Только 23 % респондентов отметили прямое влияние информационных кампаний на свое восприятие, тогда как 68 % указали на приоритет личного опыта и реальных результатов деятельности. Качественный анализ выявил, что 79 % респондентов осознают факт информационного воздействия, 63 % применяют методы проверки достоверности информации, а 42 % отмечают психологическую усталость от информационного потока. Социодемографический анализ продемонстрировал устойчивые поколенческие различия: наиболее восприимчивой группой оказались женщины старшего возраста (45 %), в то время как молодежь показала значительную толерантность к информационному воздействию.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что информационное воздействие, несмотря на развитость технологий и интенсивность применения, не является доминирующим фактором формирования имиджа публичной личности в цифровом обществе. Установлено, что респонденты при оценке публичной личности преимущественно ориентируются на личные мотивы и реальные результаты деятельности, а не на медийные нарративы. Выявлены устойчивые поколенческие различия в восприимчивости к информационному воздействию при отсутствии значимых гендерных различий, что свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к анализу медиавоздействия и разработки более персонализированных коммуникационных стратегий.

1. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. – Москва : Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.*
2. *Карепова С. Г., Некрасов С. В. Технологии информационного воздействия на общественное сознание в условиях современных социокультурных трансформаций России // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 151–160.*
3. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.*
4. *Орлова И. Б. Социальные технологии : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. И. Б. Орловой. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2024. – 179 с.*
5. *Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов. – Москва : НОРМА, 2000. – 488 с.*
6. *Панасюк А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк. – Москва : Омега-Л, 2005. – 266 с.*

АЛГОРИТМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Полухина Полина Вячеславовна
(СПбГУ)

Аннотация: статья посвящена анализу алгоритмических систем искусственного интеллекта через призму социологической теории. Автор приводит несколько концептуальных подходов к определению природы алгоритмов. Особое внимание уделяется критическому осмыслению распределения власти и переопределению границ человеческой автономии. В заключение подчеркивается необходимость пересмотра методологических оснований исследований алгоритмов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: агентность, актор, акторно-сетевая теория, алгоритмы, искусственный интеллект, цифровизация.

Ускорение процессов цифровизации и активное внедрение алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь стали предметом широких общественных дискуссий и интенсивных исследований в науке. Сегодня ИИ рассматривается как один из самых значимых факторов, определяющих направление технологического прогресса и даже будущее развитие цивилизации. Ещё задолго до появления и использования первых персональных компьютеров писатели-фантасты в своих произведениях представляли мир будущего подконтрольный беспристрастной машине, могущественному сверхинтеллекту. Так писатель Э. М. Форстер в своем рассказе «Машина останавливается» (1909) изображал будущее, в котором люди полностью зависят от гигантской машины, тотально контролирующей их жизнь. Подобный сценарий описал и американский писатель К. Воннегут в романе «Механическое пианино» (1952). В этом произведении автоматизация лишила людей работы и смысла жизни, а власть сосредоточилась в руках технологической элиты, вызвав серьезное социальное расслоение. Если раньше подобные сюжеты казались лишь смелой фантазией писателей, то сегодня ученые всерьез задумываются над подобным вариантом развития событий и активно исследуют границы возможностей искусственного интеллекта.

Дискуссия о природе и роли алгоритмов ИИ условно разделяет научное сообщество на несколько концептуальных лагерей. Сторонники инструменталистского подхода, опираясь на традиции технологического детерминизма, утверждают, что алгоритмы – лишь продолжение человеческой агентности. С этой точки зрения алгоритмы ИИ функционируют как инструменты, опосредующие социальные практики. Суть позиции сводится к тому, что алгоритмические системы не могут рассматриваться как полноправные акторы в социальных процессах, поскольку их «действия» детерминированы предзаданными правилами и целями разработчиков. Как пишет известный российский социолог Д. В. Иванов: «идеологи и агенты цифровизации легитимируют свои претензии на доминирование «инновационностью», но в действительности они не создают новые социальные практики, а следуют за уже возникшими. Они лишь внедряют те инструменты, которые приносят экономические и политические выгоды за счет того, что масштабируют уже существующие практики и переводят их на подконтрольные государству и крупным корпорациям цифровые платформы. Дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а

менеджериально-бюрократическую апроприацию (от англ. appropriation – присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов» [10, 3].

Следуя этому подходу, алгоритмические системы создаются и поддерживаются конкретными людьми в конкретном социально-экономическом и культурном контексте. Алгоритмические системы по сути являются продолжением ценностей и интересов определенной доминирующей группы: действия алгоритмов воспроизводят властные отношения в сетевом обществе, поддерживая и укрепляя существующие структуры неравенства. Например, С. Нобл в своей работе продемонстрировала так называемую концепцию «алгоритмического расизма» Нобл утверждает, что комбинация частных интересов в продвижении определённых сайтов и их монопольный статус относительно небольшого числа поисковых систем, приводят к предвзятому набору алгоритмов поиска, который привилегирует белых европейцев и дискриминирует людей других рас и национальностей. Помимо этого, женщины подвергаются алгоритмической дискриминации в большей степени, чем мужчины [6].

Придерживаясь инструменталистского подхода, мы утверждаем, что алгоритмы – это высокотехнологичные инструменты, трансформирующие условия, а не саму структуру социального. Эти инструменты не обладают агентностью, а лишь транслируют коллективный опыт, закодированный в данных, поэтому первичным для исследователя остается изучение социальных структур.

Другой подход можно описать с точки зрения акторно-сетевой теории (АСТ) Б. Латура, согласно которой, не только люди, но и неодушевлённые объекты, а также такие комплексные явления как технологии (как в случае с ИИ) могут быть акторами социального действия. Латур объясняет этот принцип, вводя в оборот понятия проводников (intermediaries) и посредников (mediators). Ключевое различение между ними заключается в их способности изменять свойства системы. Так проводник – это нейтральный передатчик, который переносит исходные значения без их преобразования. В отличие от проводника, посредник – активный участник взаимодействий, который «преобразует, переводит, искажает и изменяет передаваемые значения». Его влияние невозможно предсказать, исходя только из входных данных, так как он вносит собственную логику в процесс [4]. Подобным образом алгоритмы, будучи посредниками, не просто обрабатывают и передают данные, но непосредственно направляют и предопределяют человеческие практики. Из этой направляющей силы проистекают три основные особенности алгоритмов как социоцифровых объектов. Первый – это способность влиять на индивидуальные и коллективные действия, второй – непрозрачность их операционной логики, а третий – способность устанавливать отношения автономно [285, 5].

Пожалуй, самый оптимальный подход к изучению алгоритмов – интегративный. Как и АСТ, этот подход преодолевает дихотомию технического и социального, отражая тем самым, двойственность природы алгоритмических систем. В рамках этой концепции алгоритмы ИИ не сводятся ни к пассивным инструментам, ни к автономным агентам. Вместо этого предлагается рассматривать их как динамические структуры, формирующие и проявляющие свою агентность только в процессе взаимодействия с людьми, институтами, нормами. Так продолжая идеи Фуко, Р. Брайдотти ставит под вопрос саму возможность автономной агентности в эпоху, в которой технологии самым тесным образом включены в телесные и когнитивные практики. Идея «не-человеческой агентности» подразумевает, что технологии, в самом широком смысле этого слова, становятся соучастниками действия, что ставит под сомнение традиционное понимание автономии субъекта [1].

Независимо от того, какого подхода придерживается исследователь, центральными темами в дискуссиях о цифровизации и алгоритмизации общества становятся вопросы власти: её концентрации в руках технологических корпораций, скрытых механизмов управления, а также появления новых, неподотчетных обществу форм социального контроля и стратификации. Такую тему нового распределения власти поднимает Ш. Зубофф в работе «Эпоха надзорного капитализма» (2019). Она описывает концепцию инструментарной власти (instrumentarian power) – новом механизме управления и контроля над людьми, осуществляемом с помощью цифровых технологии. В отличие от традиционных форм власти, инструментарная власть действует через тотальную автоматизацию и алгоритмизацию технологий наблюдения и управления, превращая человеческое поведение в прогнозируемый ресурс или «поведенческие излишки» (behavioral surplus). Эти «излишки» по сути являются цифровым следом – данными о «жизни» пользователей в сети: их действиях, эмоциях, убеждениях, предпочтениях, ближайшем окружении. Всё это собирается и обрабатываются алгоритмическими системами крупных корпораций, чтобы в дальнейшем предсказывать и модифицировать поведение пользователей, в конечном счёте получая над ними полный контроль [102, 2]. Этот инструмент цифрового контроля назван «Большой Другой» (Big Other) по аналогии с Оруэловским Большим Братом.

Действительно, современные рекомендательные механизмы трансформируют пассивное потребление контента в активный созидательный процесс. Посредством анализа цифрового поведения эти системы не просто адаптируются к предпочтениям пользователей, как это зачастую заявляют владельцы платформ, а постепенно формируют их эстетические, интеллектуальные и ценностные ориентиры. Особую значимость эта проблема обретает в контексте изучения поколений, рождённых и выросших в цифровую эпоху. Эти поколения проходят социализацию в условиях полной вовлеченности в глобальную сеть, что создает ситуацию, в которой алгоритмы влияют на формирование личности ребенка в соответствии с исходно заданными шаблонами.

Современные алгоритмические системы, пронизывая все сферы общества, превращают некогда фантастические сюжеты в актуальные вопросы социологии. Сценарии, описанные фантастами, перестают быть метафорами, постепенно становясь частью нашей повседневной жизни. Однако, в отличие от антиутопий, будущее остается открытым и это порождает необходимость дальнейший междисциплинарных исследований. На наш взгляд, природа технологий ИИ, созданных и функционирующих на пересечении материального и социального, заставляет пересмотреть традиционные категории социологии в сторону процессуальных, интегративных моделей, учитывающих взаимообусловленность всех этих факторов.

1. *Брайдотти, Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Дани лова. М: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.*
2. *Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М: Издательство Института. Гайдара, 2022. 784 с.*
3. *Иванов, Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 3. С. 7-35.*
4. *Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур, пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.*
5. *Amaturo, E., De Falco, C.C. Traces and Algorithms as Socio-digital Objects. / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What People Leave Behind. Frontiers in Sociology and Social Research, Springer, Cham. 2022, vol 7. pp. 283–291.*
6. *Noble, S. U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism, NYU Press, 2018. P. 256.*

ВОСПИТАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЦЕННОСТИ ПРОШЛОГО В ВОСПРИЯТИИ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО

Полякова Виктория Владимировна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Во все времена одной из важных задач любого общества становилась реализация определенной системы воспитания как подрастающего поколения, так и людей среднего и старшего возраста [3, 60]. Эту задачу совместными усилиями выполняли семья, церковь, государство, в последующем и партия, для которой коммунистическое воспитание становилось одной из главных задач. Несмотря на то, что воспитание ребенка начиналось в семье, общество всегда формулировало систему требований к содержанию семейного воспитания и контролировало этот процесс. Цель данной статьи – проанализировать влияние цифровой среды на процесс воспитания, определить ключевые ценности, которые необходимо сохранить и адаптировать в контексте цифрового будущего.

В доиндустриальном и индустриальном обществах главной целью семьи в процессе воспитания становилось формирование личности, готовой к труду и хозяйственной деятельности, второстепенно прививались моральные и религиозные принципы и нормы. Особый акцент воспитания делался на подчинение авторитету старших, соблюдение традиций и выполнение социальных ролей.

В индустриальном обществе постепенно на первый план выходит образование ребенка, осознается его необходимость, соответственно изменяются и задачи воспитания. В истории России переломным моментом в подходе к воспитанию и его задачам можно считать освобождение крестьян от крепостной зависимости [1, 49]. Основоположник отечественной педагогической психологии П.Ф. Каптеров характеризует период до освобождения крестьян как стремление воспитанием приспособить подрастающее поколение к общественно-политическим организациям, а после – как нарастание убеждения в том, что человеческая природа шире и не исчерпывается качествами гражданина и работника, возникает необходимость в проявлении разнообразия качеств человека [2, 52].

XX век охарактеризовался бурным научно-техническим прогрессом, что оказало сильное влияние на семейное воспитание. Появились новые психологические теории, акцентирующие внимание, в том числе, на эмоциональном развитии ребенка, формировании самооценки и уверенности в себе – психоанализ Фрейда, гуманистическая психология Маслоу, теория привязанности Боулби. В период дореволюционной России центральной задачей было воспитание в духе православных заповедей, то есть любви к Богу, и ближнему, уважения к другим людям, доброты, честности, справедливости, порядочности, гуманизма. Реальную и факторообразующую роль играли Русская православная церковь и воздействие крестьянской общины: в условиях общины, где все знают друг друга, каждый взрослый являлся непререкаемым авторитетом для любого ребенка, что обеспечивало серьезный контроль над процессом становления детей и подростков.

С приходом СССР на смену православной идеологии воспитания пришла коммунистическая идеология. Приоритет воспитания отводился социальному или общественному воспитанию, производилась попытка монополизировать сферу воспитания для полного контроля над процессом личностного и социального становления подрастающего поколения. Постепенно роль воспитания отводится общеобразовательной

школе, пересматривается отношение к семье как важной ячейке социалистического общества. На рубеже XX – XXI столетий воспитательная система общеобразовательной школы постепенно рушится, происходит смена факторов, влияющих на воспитание.

Сегодня мы живем в эпоху цифровой трансформации, которая характеризуется повсеместным распространением цифровых технологий, интернета и социальных сетей. Это создает принципиально новую среду для воспитания подрастающего поколения, требующую переосмысления традиционных подходов и разработки новых стратегий. Несмотря на все изменения, сегодня семья является одним из главных акторов, непосредственно влияющих на формирование личности ребенка. Однако условия, определяющие специфику семейного воспитания, сегодня сильно отличаются от того, что было ранее. Современные родители должны не только создавать условия для физического благополучия ребенка, но и обеспечивать его безопасность в интернете, то есть помогать формировать качества, необходимые для успешной социализации в цифровой среде. Важно, чтобы родители сами были компетентными пользователями цифровых технологий и могли выступать в качестве ролевой модели для своих детей.

Цифровая среда, с одной стороны, предоставляет огромные возможности для обучения, развития и самореализации. Она открывает доступ к огромному объему информации, позволяет общаться с людьми со всего мира, участвовать в онлайн-курсах и проектах, развивать творческие способности и навыки [4, с. 4]. С другой стороны, развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на систему ценностей, которые транслируются детям и подросткам в процессе воспитания. Традиционные ценности, такие как нравственность, эмпатия, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм, подвергаются переосмыслению, но остаются основой для формирования гармоничной личности, способной адаптироваться к быстро меняющемуся миру, в том числе к распространению цифровизации на все сферы жизни.

Особую актуальность в цифровую эпоху приобретают такие ценности, как

– критическое мышление – способность анализировать информацию, выявлять ложь и манипуляции, оценивать различные точки зрения и формировать собственное мнение становится ключевым навыком в условиях информационной перегрузки;

– цифровая грамотность – умение эффективно использовать цифровые технологии для обучения, общения и решения различных задач, а также осознание рисков и угроз, связанных с использованием интернета, является необходимым условием для успешной социализации в цифровом обществе;

– ответственность и этика – соблюдение этических норм поведения в интернете, уважение к другим пользователям, защита личной информации и авторских прав, противодействие кибербуллингу и распространению нежелательного контента являются важными аспектами цифрового воспитания;

– креативность и инновации – цифровая среда предоставляет огромные возможности для творчества и самовыражения. Поддержка и развитие креативных способностей, поощрение инновационного мышления и готовности к экспериментированию являются важными задачами воспитания в цифровую эпоху;

– социальная ответственность – участие в онлайн-проектах и инициативах, направленных на решение социальных проблем, поддержка других пользователей, распространение полезной информации и противодействие негативным явлениям в интернете являются важными формами проявления социальной ответственности в цифровой среде.

Таким образом, цифровая эпоха ставит перед обществом новые вызовы и задачи в области воспитания. Растущая зависимость от гаджетов, распространение дезинформации

и фейковых новостей, кибербуллинг, проблемы конфиденциальности и формирование цифрового следа требуют переосмысления традиционных подходов и разработки новых стратегий, учитывающих возможности и риски цифровой среды. Одним из нового подходов может стать модель цифрового воспитания, включающая три основных компонента: «цифровую грамотность», «цифровую этику» и «цифровую безопасности». Цифровая грамотность предполагает не только формирование умений и навыков эффективного использования цифровых технологий для обучения, общения и решения различных задач, но и развитие критического мышления, способности оценивать достоверность информации, понимать принципы работы алгоритмов и их влияние на нашу жизнь.

Цифровая этика предполагает усвоение норм и правил поведения в интернете, уважение к другим пользователям, защиту личной информации и авторских прав. Важно воспитывать эмпатию и ответственность за свои действия в сети, учить противостоять ненависти и дискриминации.

Цифровая безопасность предполагает осознание рисков и угроз, связанных с использованием интернета, и умение защищать себя от них. Это включает в себя использование надежных паролей, защиту от фишинга и вредоносного программного обеспечения, умение распознавать и сообщать о подозрительной активности.

Объединение традиционных ценностей, таких как уважение и ответственность, с современными цифровыми инструментами позволит создать благоприятную среду для социализации подрастающего поколения в цифровом будущем, где они смогут использовать технологии для развития, творчества и общения, оставаясь при этом безопасными и ответственными гражданами.

1. *Галагузова М. А. История социальной педагогики. Москва : 2000. С. 544.*
2. *Каптеров П. Ф. Избранные педагогические сочинения. Москва : 1982. С. 703.*
3. *Социология воспитания: учебное пособие. // Рыбцова Л. Л., Меренков А. В., Гречухина Т. И. Москва :, 2013. С. 176.*
4. *Jenkins, H., Purushotma, R., Clinton, K., Weigel, M., & Robison, A. J. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. MIT Press, 2009. P.*

СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Попкова Карина Дмитриевна
(СПбГУ)

1) Обязательное включение аккредитованных курсов по цифровым компетенциям в систему **непрерывного медицинского образования** является необходимым условием для системного повышения квалификации медицинских кадров.

2) Интеграция микрообучения в рабочий процесс напрямую повышает усвояемость материала и снижает сопротивление персонала, вызванное нехваткой времени.

3) Доверие медиков к технологиям и мотивация к их освоению напрямую зависят от демонстрации практической пользы через реальные кейсы с улучшенными результатами лечения пациентов.

4) Сохранение качества контакта «врач-пациент» и повышение общей удовлетворенности от использования цифровых инструментов достигается за счет интеграции в курсы модулей по развитию навыков онлайн-общения.

5) Внедрение системы адаптивного обучения, формирующей индивидуальные траектории на основе тестирования и должностных обязанностей, повышает удовлетворенность процессом обучения и его воспринимаемую полезность.

6) Использование интерактивных симуляторов для отработки практических навыков обеспечивает более высокий уровень усвоения компетенций по сравнению с пассивными методами обучения благодаря многократной практике в реалистичных условиях.

7) Организация закрытых профессиональных сообществ в рамках образовательной платформы способствует не только росту знаний, но и формированию устойчивых связей, а также снижению уровня профессионального выгорания через коллегиальную поддержку.

8) Объективная оценка реального влияния повышения квалификации на качество медицинской помощи требует внедрения системы мониторинга, анализирующей ключевые показатели деятельности до и после обучения, а не только факт усвоения теории.

ФЕНОМЕН ОТЛОЖЕННОГО СЧАСТЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Путимцева Кристина Романовна
(УрФУ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24- 28-00617, https://rscf.ru/project/24-28-00617/.

Аннотация. В статье на основе онлайн-опроса (N = 1170), проведенного в августе-сентябре 2024 года, анализируется трансформация концепции счастья под влиянием цифровой среды. Доказывается, что цифровое общество, характеризующееся культом оптимизированной успешности, перманентным социальным сравнением и экономикой внимания, системно продуцирует феномен отложенного счастья. Эмпирические данные свидетельствуют, что установка на отсрочку полноценной жизни в ожидании «поворотного события» наиболее характерна для поколения «цифровых аборигенов» (18-24 года) и коррелирует с высокими уровнями тревожности и нечеткостью жизненных ориентиров. Делается вывод, что отложенное счастье является не личным выбором, а структурным следствием логики функционирования цифрового общества, формирующего новый тип временной перспективы личности.

Ключевые слова: отложенное счастье, цифровое общество, социальные медиа, гиперсвязанность, социальное сравнение, субъективное благополучие, жизненные стратегии.

Антропология счастья вступает в новую фазу, детерминированную тотальной цифровизацией. В данном контексте концепция «отложенного счастья» – психологической установки на перенос возможности быть счастливым в настоящее время на неопределенное будущее [1] – приобретает новые, системные черты.

Цель нашего исследования – выявить и проанализировать проявления цифровой детерминации этой установки на основе эмпирических данных, полученных в ходе социологического исследования.

Исследование проведено методом онлайн-опроса в августе-сентябре 2024 г. (N=1170). Выборка репрезентирует взрослое население России по полу (43,5 % мужчин, 56,5 % женщин), возрасту (18-24 – 32,2 %, 25-40 – 36,7 %, 41-60 – 31,1 %) и типу населенного пункта.

81,3 % респондентов живут с ожиданием поворотного момента, при этом самый значительный разрыв между оценкой текущего (6,71) и ожидаемого через 5 лет счастья (8,09) наблюдается в группе 18 – 24 лет – поколении, наиболее интегрированном в цифровую среду.

Алгоритмическая природа цифровых платформ порождает «синдром отложенной жизни» как адаптацию к постоянному давлению. Респонденты демонстрируют высокую степень вовлеченности в сравнительные практики: средний балл согласия с утверждением «Я довольно часто сравниваю себя, свои отношения, свои поступки с другими людьми» составляет 3,52 из 7, достигая пика (4,03) среди молодежи. Это создает «ловушку сравнения»: достигнутый уровень жизни постоянно кажется недостаточным на фоне курируемых образов «других», что закрепляет установку «счастье еще впереди».

Данные показывают, что события, с которыми респонденты связывают наступление счастья, во многом отражают ценности, продвигаемые в цифровом пространстве.

Наиболее значимыми являются:

Улучшение финансового положения (54,1 %)

Налаживание политической обстановки (31,0 %)

Рост профессиональных навыков (31,1 %)

Изменения в личной жизни (28,7 %)

События в карьере (22,3 %).

У поколения Z выявлено снижение страха перед развитием цифровых технологий, искусственного интеллекта, генной инженерии. В тоже время их беспокоят экзистенциальные страхи, связанные с внешним воздействием непреодолимой силы: загрязнением окружающей среды, глобальным потеплением, риском экономических и политических кризисов [2].

При этом лишь 23,4 % респондентов имеют четкое представление о том, какой будет их жизнь после наступления желаемого события. Для 42,2 % характерно размытое видение: они «понимают, что жизнь станет лучше, но точного видения... нет». Ключевым ожидаемым эффектом является снижение тревожности: 47,1 % надеются, что после наступления события «пройдут беспокойство о будущем и тревожность».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен отложенного счастья в современной России является не столько следствием индивидуальных психологических особенностей, сколько продуктом системного воздействия цифровой среды. Цифровое общество, с его экономикой внимания, культурой гиперсравнения и культом оптимизации, конструирует специфический временной режим, в котором счастье перманентно отодвигается в горизонт планирования.

Это приводит к формированию «цифровой меланхолии» – состоянию фоновой неудовлетворенности при формально высоких ожиданиях от будущего. Полученные результаты указывают на необходимость разработки не только индивидуальных психологических практик осознанности, но и цифрового этикета, образовательных программ и медиаграмотности, направленных на формирование более здоровых и

автономных от цифровых алгоритмов жизненных стратегий. Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на качественном анализе взаимосвязи между конкретными цифровыми практиками и структурой временной перспективы личности.

1. *Челнокова А. В. Научные и обыденные представления о феномене сценария отложенной жизни // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2025. – №. 215. – С. 130-144.*
2. *Бреслер М.Г., Алексеева Н.А. Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 2. С. 165–173.*

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИВНОСТЬ И РОЛЬ BIGDATA В ПЛАТФОРМЕННОМ ТРУДЕ

Родионов Дмитрий Васильевич
(СПбГУ)

Григорьев Иосиф Владимирович
(Высшая Школа Экономики)

Развожаев Александр Петрович
(СПбГУ)

Диденко Вероника Алексеевна
(СПбГЭУ)

Аннотация. Работа посвящена всестороннему анализу феномена социальной интеграции в контексте работы на платформе. Этот динамично развивающийся сектор экономики, с одной стороны, предлагает более широкие возможности трудоустройства для уязвимых социальных групп (женщин, иммигрантов, инвалидов), предлагая более гибкие формы занятости и облегчая доступ к рынку труда. С другой стороны, присущая ей организационная структура создает серьезные проблемы, включая воспроизводство социального неравенства, отсутствие гарантий и проявление алгоритмической дискриминации.

Теоретической основой исследования является сочетание классической и современной парадигм: концепция социальной интеграции Р. Леноарда, экономическая теория Геджа Т. Фридмана, анализ неформальной экономики К. Харт, а также Moderna подходы к изучению распределенного доверия, разработанные Р. Ботсманом, и цифрового неравенства М. Грэмом. Этот синтез позволяет нам раскрыть диалектическую природу платформенной экономики.

Главным результатом этого исследования является вывод о том, что за фасадом предлагаемого включения скрываются глубокие структурные проблемы. Алгоритмические системы управления, основанные на принципах больших данных, формируют «невидимую архитектуру» рынка труда, характеризующуюся неоднозначностью и тенденцией к воспроизводству предубеждений, подразумевающих дискриминацию при распределении заработной платы и заказов. Правовой статус

сотрудников как «независимых подрядчиков» сводит на нет их социальные гарантии и подрывает устойчивость модели.

Поэтому для эффективной реализации всеобъемлющего потенциала платформенной экономики необходим сбалансированный междисциплинарный подход. Это требует не только технологических усовершенствований алгоритмических систем, но и активного вмешательства на нормативном уровне для обеспечения прозрачности, защиты прав работников и повышения цифровой грамотности, что является необходимым условием для более справедливой и устойчивой модели цифрового труда.

Введение. Социальная инклюзивность в сфере платформенного труда становится всё более важной темой в условиях ускоряющейся цифровой трансформации и изменений на рынке труда. Платформенный труд охватывает миллионы работников по всему миру, предлагая гибкие возможности для занятости через такие сервисы, как Uber, Lyft, TaskRabbit и другие. По прогнозам McKinsey Global Institute, к 2025 году около 540 миллионов человек могут стать участниками платформенной экономики, что делает её одной из важнейших составляющих мировой экономической системы. Платформы предлагают уникальные возможности для тех, кто ранее был исключен из традиционного рынка труда, однако гибкость, которая составляет основу таких рабочих мест, также порождает серьезные вызовы для социальной инклюзивности и защиты прав работников.

Глобальная популярность платформенного труда значительно возросла за последние годы. Согласно данным Oxford Internet Institute, в Великобритании более 10 % взрослого населения в 2021 году участвовали в той или иной форме платформенной работы. В США к 2020 году около 36 % рабочей силы были заняты в гиг-экономике, согласно исследованию Freelancers Union and Upwork. Это свидетельствует о глобальном росте популярности гибкой занятости на платформах и ее роли в трудоустройстве. Платформенная экономика предлагает как высококвалифицированную работу (например, в области дизайна или программирования), так и низкоквалифицированную работу (такие задачи, как доставка еды или услуги такси). Это создает как возможности для роста и инклюзии, так и новые проблемы для социальных гарантий и защиты прав работников.

Платформенный труд развивается и набирает обороты и в целом сейчас является мощным инструментом для расширения инклюзивности, особенно для таких групп населения, как женщины, представители этнических меньшинств, люди с ограниченными возможностями и мигранты. Например, исследования показывают, что для женщин цифровые платформы могут предлагать возможность гибкой занятости, которая легко совмещается с семейными обязанностями. По данным отчёта International Labour Organization (ILO) за 2021 год, женщины составляют 32% всех занятых на платформах труда. Для мигрантов платформы также открывают новые возможности для интеграции в рынок труда: около 25 % всех работников платформенной экономики в Европе – это мигранты, как показывает исследование European Commission.

Однако платформы труда часто воспроизводят социальные неравенства. Несмотря на декларации о равенстве возможностей, данные показывают, что женщины и представители меньшинств могут получать меньшую оплату за одинаковый труд. Например, исследование, проведенное Fifth Third Bank, показало, что женщины, занятые на платформах, таких как Uber, получают на 7 % меньше, чем их коллеги-мужчины, даже при одинаковом уровне производительности и условиях работы. Это указывает на структурные проблемы в самой организации платформенной работы, которые подрывают ее инклюзивность. Несмотря на вышеперечисленные проблемы платформы могут способствовать преодолению цифрового разрыва, например в Индии образовательная

платформа DIKSHA предоставляет доступ к образовательным ресурсам для миллионов школьников, включая детей из сельских районов.

Теоретические подходы, рассматривающие данную проблему

Рене Леноар и становление концепции социальной инклюзивности: анализ теоретического и политического вклада

Рене Леноар занимает особое место в истории социальной политики Франции и, не только, в формировании современной концепции социальной инклюзивности. Его вклад выходит за рамки политической деятельности, представляя собой значительный теоретический прорыв, определивший дальнейшее направление исследований и практических решений в данной области. Получив образование в сфере права и социальных наук, Леноар заложил прочную основу для своей будущей карьеры государственного деятеля, сосредоточенной на решении проблем социальной справедливости. В 1970-е годы, на фоне кризиса государства всеобщего благосостояния и обострения социальных противоречий во Франции, Леноар активно включился в разработку и реализацию программ социальной политики, ориентированных на наиболее уязвимые слои населения. Занимая пост государственного секретаря по социальным вопросам, он сосредоточился на проблемах маргинализированных групп, включая людей с инвалидностью, одиноких родителей и представителей других категорий, традиционно исключенных из системы социальной защиты. Его деятельность характеризовалась не только политической волей к действию, но и глубоким аналитическим подходом, нашедшим свое отражение в его научных трудах.

Ключевым событием в развитии концепции социальной инклюзивности стало опубликование монографии Леноара «L'Exclusion» в 1974 году. В этом фундаментальном труде он впервые использовал термин «социальная инклюзия» (хотя в русском переводе чаще используется термин «социальное включение»), предложив новую парадигму для анализа и решения проблем социальной исключенности. Леноар определил «исключенных» как значительную часть французского общества (около десятой части населения), включая людей с умственными и физическими ограничениями, лиц с суицидальными наклонностями, пожилых людей с инвалидностью, детей из неблагополучных семей и наркозависимых. Важность работы Леноара заключается не только в идентификации групп риска, но и в предложенном им подходе к построению более инклюзивного общества. Он подчеркивал необходимость обеспечения равных возможностей для всех членов общества в участии в социальных и экономических процессах, отмечая необходимость переосмысления традиционных механизмов социальной защиты и разработки новых, более эффективных стратегий интеграции.

Идеи Леноара, сформулированные в «L'Exclusion», оказали прочное влияние на развитие социальной политики во Франции и за ее пределами. Его концепция социальной инклюзивности стала фундаментальной основой для последующих исследований и разработок в данной области, постоянно адаптируясь и расширяясь с учетом изменяющихся социальных реалий и научных достижений. Таким образом, Леноара можно считать одним из основоположников современной теории и практики социальной инклюзивности.

Гиг-экономика: анализ экономической модели и ее характеристик, а также вклад Томаса Фридмана в её определение

Гиг-экономика (от английского «gig economy») представляет собой экономическую модель, в которой временные рабочие места и краткосрочные контракты становятся более распространенными по сравнению с традиционными постоянными должностями с фиксированным графиком работы. Этот термин был популяризирован Томасом

Фридманом, который в 2005 году в своей книге «The World is Flat» описал глобальные тенденции в области труда и экономики, включая рост гиг-экономики. В рамках этой модели работники чаще всего выполняют задачи, проекты или услуги на основании гибких, часто неполных контрактов, вместо того чтобы иметь долгосрочные трудовые отношения с одним работодателем.

Ключевыми качествами гиг-экономики являются следующие аспекты:

Доступность. Развитие цифровых платформ, таких как Uber, Airbnb, TaskRabbit и другие, значительно облегчило доступ к краткосрочным заданиям и проектам. Эти платформы предоставляют возможности для людей с различными навыками и квалификациями, создавая рынок труда, который является более инклюзивным и доступным для широкого круга участников.

Мобильные технологии. Гиг-экономика в значительной степени зависит от технологий, в частности от мобильных приложений и интернет-платформ, которые соединяют клиентов и исполнителей. Эти технологии играют ключевую роль в координации и управлении краткосрочными контрактами, обеспечивая эффективное взаимодействие между заказчиками и исполнителями.

Отсутствие фиксированного контракта. В гиг-экономике работники обычно не имеют традиционных трудовых льгот, таких как оплачиваемый отпуск, медицинская страховка или пенсионные накопления. Это делает их уязвимыми в экономическом плане, так как они не защищены социальными гарантиями, предоставляемыми традиционными трудовыми контрактами.

Несмотря на то, что гиг-экономика предоставляет значительные возможности для самозанятости и гибкого трудоустройства, она также вызывает серьезные дискуссии о прочности прав работников, условиях труда и долгосрочных социальных последствиях. Вопросы, связанные, например, с социальной защитой, стабильностью доходов и правами работников, остаются актуальными и работа над их урегулированием активно идет на законодательном уровне во многих странах.

Теория неформальной экономики. Исторический контекст, ключевые исследования и характеристики

Теория неформальной экономики, фигурирующая в том числе в книге Рейчел Ботсман, значительно развитая благодаря работам Кейта Харта и других исследователей, представляет собой комплексное описание экономической деятельности, которая функционирует вне официальных регулирующих рамок и статистического учета. Важно отметить, что неформальная экономика не обязательно является незаконной; скорее, она существует вне государственного контроля и не подчиняется стандартным правилам трудоустройства, налогообложения и лицензирования. Это делает её уникальной и сложной для анализа с точки зрения традиционных экономических моделей. Кейт Харт, один из пионеров в области изучения неформальной экономики, внес существенный вклад в понимание этого феномена, проводя исследования в Гане в 1970-х годах. Его работы помогли переосмыслить неформальную экономику, перейдя от представления о ней как о маргинальном явлении, остатке традиционной экономики, к признанию ее динамичной и неотъемлемой частью современной экономической системы, особенно в развивающихся странах. Харт продемонстрировал, что неформальные виды деятельности, такие как уличная торговля, мелкое производство и предоставление услуг, играют важную роль в обеспечении средств к существованию для значительной части населения. Эти виды деятельности не только обеспечивают доходы, но и способствуют социальной стабильности и экономическому развитию.

Теория неформальной экономики подчёркивает её разнообразие, отвергая представление о ней как о чем-то однородном. Она охватывает широкий спектр деятельностей, включая самозанятость, мелкое предпринимательство, работу на дому и нерегулируемый наемный труд. Винай Кумар, например, исследовал различные формы неформальной занятости в Индии, демонстрируя сложные переплетения между формальным и неформальным секторами. Результаты его работы показали, что неформальная экономика не является изолированной, а тесно связана с формальной, создавая комплексную и взаимозависимую систему.

Неформальная экономика характеризуется рядом ключевых особенностей, например: низкие барьеры входа, благодаря которым легко начать экономическую деятельности. Часто для этого не требуется значительных инвестиций или формального образования, что делает её доступной для широкого круга участников, включая тех, кто не имеет доступа к традиционным формам занятости.

Кроме того, преобладание наличных расчетов, что делает затруднительным отслеживание транзакций и корректированием налогообложения.

И уже фигурирующая ранее социальная защиты, вернее ее отсутствие. Работники неформального сектора обычно не имеют доступа к таким льготам, как медицинское страхование, пенсионное обеспечение и оплачиваемый отпуск.

Подводя итог, можно сказать, что неформальная экономика представляет собой сложное и многогранное явление. Работы Кейта Харта и других исследователей проложили путь к более глубокому пониманию этого феномена, подчеркнув его значимость и необходимость интеграции в общее экономическое пространство.

Современное видение

В условиях цифровой трансформации общества наблюдается фундаментальный сдвиг в природе доверия – ключевого социального и экономического института. Современный взгляд на доверие, представленный в исследовании Рейчел Ботсман «Who Can You Trust?: How Technology Brought Us Together – and Why It Could Drive Us Apart» (2017), заключается в переходе от традиционного институционального доверия к новой парадигме – распределённому доверию, опосредованному технологическими платформами и алгоритмическими системами. Данный сдвиг обусловлён кризисом легитимности классических институтов (государственных, финансовых, медиа), с одной стороны, и стремительным развитием цифровых инфраструктур, способных обеспечивать безопасность и предсказуемость взаимодействий между незнакомцами – с другой.

Ботсман выделяет три исторических уровня доверия: (1) локальное (межличностное), доминировавшее в доиндустриальных обществах; (2) институциональное, ставшее основой социального порядка в XX веке; и (3) распределённое – эмерджентную форму, характерную для цифровой эпохи, где доверие генерируется через платформы, рейтинги, репутационные системы и алгоритмы. Примеры таких платформ – Uber, Airbnb, TaskRabbit – демонстрируют, как технологии позволяют преодолевать традиционные барьеры недоверия к незнакомцам, создавая новые режимы координации и сотрудничества.

Однако трансформация доверия сопряжена с рядом структурных противоречий. Во-первых, алгоритмические системы, несмотря на декларируемую объективность, могут воспроизводить и усиливать существующие социальные предубеждения, что проявляется в явлениях алгоритмической дискриминации (например, в кредитных скорингах или распределении заказов на платформах). Во-вторых, непрозрачность алгоритмов – функционирующих как «чёрные ящики» – порождает у пользователей и работников платформ ощущение неопределённости и отсутствия контроля над решениями, напрямую

влияющими на их экономическую активность. В-третьих, правовой статус участников платформенной экономики как «независимых подрядчиков» лишает их базовых социальных гарантий, что повышает уязвимость трудящихся и ставит под вопрос устойчивость данной модели в долгосрочной перспективе.

Таким образом, современное понимание доверия представляет собой сложный междисциплинарный феномен, находящийся на пересечении технологий, экономики и социальной справедливости. Как подчёркивает Ботсман, дальнейшее развитие платформенной экономики требует не только технического совершенствования алгоритмов, но и институциональных решений, направленных на обеспечение прозрачности, инклюзивности и социальной защиты. Только в этом случае распределённое доверие может стать основой устойчивого и справедливого цифрового общества.

Альтернативные взгляды на проблему

Эту двойственную природу платформенной экономики дополнительно освещает Марк Грэм в статье «Digital Labour and Development: Impacts of Global Digital Labour Platforms and the Gig Economy on Worker Livelihoods». Автор подчёркивает, что глобальные цифровые платформы – такие как Upwork, Fiverr и Amazon Mechanical Turk – действительно расширяют доступ к рынку труда для социально уязвимых групп, включая лиц с ограниченной мобильностью, жителей периферийных регионов и тех, кто сталкивается с дискриминацией на локальных рынках труда. В этом смысле платформенная экономика выступает как потенциальный механизм социальной инклюзии, трансформируя пространственные и институциональные ограничения традиционного найма.

Однако, как отмечает Грэм, доступ к этим возможностям носит неравномерный характер и в значительной степени определяется уровнем цифровой грамотности, образовательного капитала и технической инфраструктуры. В результате вместо сглаживания социального неравенства платформы могут воспроизводить и даже усиливать его: высококвалифицированные работники концентрируют наиболее выгодные заказы, тогда как менее подготовленные исполнители оказываются в условиях хронической нестабильности, низкой оплаты и отсутствия перспектив карьерного роста.

Анализ Грэма органично дополняет концептуальную модель доверия, предложенную Ботсман. Если Ботсман фокусируется на эпистемологических и этических аспектах доверия к алгоритмам и цифровым посредникам, то Грэм акцентирует внимание на материальных условиях труда и структурных неравенствах, возникающих в результате функционирования этих систем. Оба автора сходятся во мнении, что технологии сами по себе не являются нейтральными инструментами социального прогресса: они способны как расширять возможности, так и институционализировать новые формы исключения.

В частности, Грэм указывает на отсутствие базовых трудовых гарантий для работников платформ – таких как оплачиваемый отпуск, страхование, защита от произвольного увольнения или коллективные права. Это напрямую соотносится с критикой Ботсман в отношении «иллюзии равенства», создаваемой платформами: внешняя доступность и демократичность взаимодействий маскируют глубинные асимметрии власти между платформами, алгоритмами и пользователями. В условиях, когда алгоритмы определяют не только распределение задач, но и репутацию, доход и саму возможность участия в экономике, отсутствие прозрачности и регуляторных механизмов превращает работников в объекты управления, лишённые агентности.

Таким образом, синтез подходов Ботсман и Грэма позволяет рассматривать платформенную экономику не как однозначно прогрессивный феномен, а как сложную

социально-техническую систему, в которой переплетаются потенциал инклюзии и риски эксплуатации, технологическая эмансипация и структурная уязвимость. Это подчёркивает необходимость междисциплинарного анализа и разработки комплексных регуляторных рамок, направленных на обеспечение справедливости, прозрачности и социальной устойчивости в условиях цифровой трансформации труда.

Роль Big Data

Даже при наличии технической возможности подключиться к цифровым платформам низкий уровень цифровой грамотности нередко становится скрытым, но значимым барьером для участия в платформенной экономике. Особенно остро эта проблема стоит для социально уязвимых групп – пожилых работников, людей с ограниченными возможностями и жителей сельских территорий, где доступ к стабильному интернету и современным цифровым устройствам остаётся ограниченным. В этих условиях цифровая грамотность превращается в форму нового социального капитала: именно она определяет, кто получает доступ к трудовым возможностям и источникам дохода в цифровой среде [10].

Алгоритмические системы управления трудом предъявляют к работникам не только базовые технические требования, но и более сложные компетенции: умение ориентироваться в цифровых интерфейсах, понимать логику работы алгоритмов, а также осознавать, как собственные действия – например, скорость ответа на заказ или поведение в приложении – влияют на рейтинг, распределение заданий и, в конечном счёте, на уровень заработка. Отсутствие таких навыков ведёт к маргинализации уязвимых групп на цифровом рынке труда. Пожилые работники, в частности, сталкиваются с дополнительными трудностями: интерфейсы большинства платформ не адаптированы под их потребности, что ещё больше снижает их шансы на успешную интеграцию в платформенную занятость.

Современный платформенный труд немыслим без применения технологий анализа больших данных (Big Data). Согласно национальному стандарту ГОСТ Р 59870–2022, под Big Data понимаются «большие массивы данных, отличающиеся в первую очередь такими характеристиками, как объём, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, что обуславливает необходимость использования масштабируемых технологий для их эффективного хранения, обработки, управления и анализа» [11]. В социологическом дискурсе Big Data выступает не только как технический феномен, но и как социотехническая система, задающая новые правила включения и исключения участников в условиях цифровой экономики.

По данным Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), платформенная занятость в России демонстрирует один из самых высоких темпов роста среди современных форм трудовой деятельности. Исследование 2023 года показало, что цифровыми платформами для выполнения трудовых задач хотя бы раз в неделю пользуются около 3,4 млн человек, что составляет примерно 4,6 % от общей численности занятого населения. При этом уровень вовлечённости в платформенный труд существенно различается по регионам: от 7 % в Северо-Кавказском федеральном округе до менее чем 1,5 % в сибирских регионах. Основные сферы занятости платформенных работников – торговля, транспорт, логистика, сфера услуг и информационные технологии. Социально-демографический портрет типичного платформенного работника характеризуется преобладанием мужчин (57,5 %), жителей городов (82 %) и возрастной группы 30 – 49 лет [12].

В процессе работы на цифровых платформах управление исполнителями осуществляется посредством алгоритмических систем, основанных на технологиях

больших данных. Эти системы собирают и анализируют разнообразную информацию о поведении и характеристиках работников – включая рейтинг, скорость выполнения заказов, качество оказанных услуг и географическое расположение, – что позволяет автоматизировать распределение заданий. Подобный подход формирует так называемую «невидимую архитектуру рынка труда», где личные особенности сотрудников напрямую определяют их доступ к заказам и уровень заработка. При этом сами механизмы принятия решений остаются непрозрачными для пользователей. В таких условиях социально уязвимые группы – например, женщины с детьми, пожилые работники или лица с ограниченными возможностями – оказываются в менее выгодном положении, поскольку их жизненные обстоятельства и поведенческие паттерны часто не соответствуют «идеальному» профилю, заложенному в алгоритмы. Это способствует воспроизводству и усилению социального неравенства, подчеркивая необходимость внедрения этических стандартов в разработку алгоритмов, обеспечения их прозрачности и вовлечения самих работников в процессы, определяющие условия их труда [13].

Заключение. Исследование занятости на основе платформ выявило ее сложную природу, которая оказывает неоднозначное влияние на социальную интеграцию в эпоху оцифровки. С одной стороны, это открывает новые возможности трудоустройства для тех, кто сталкивается с трудностями на традиционном рынке труда. Например, прогнозы McKinsey Global Institute предсказывают значительный рост занятости в платформенной экономике к 2025 году, подчеркивая его важность. Данные Международной организации труда (МОТ) и Европейской комиссии подтверждают, что цифровые платформы предоставляют новые возможности женщинам, мигрантам и другим группам, которые в прошлом сталкивались с препятствиями. Гибкий график работы, доступность и возможность удаленной работы делают этот сектор привлекательным для тех, кто совмещает работу с семьей или стремится адаптироваться к новым экономическим условиям.

С другой стороны, по мнению экспертов, заявленная инклюзивность часто сопровождается сохранением и даже увеличением существующего социального неравенства. Такие исследования, как работа Рэйчел Ботсман и Марка Грэма, показывают структурные проблемы платформенной экономики. Алгоритмы управления, основанные на больших данных, образуют "невидимую архитектуру" рынка труда. Несмотря на заявленную объективность, эти алгоритмы могут быть непрозрачными и воспроизводить предвзятость, что приводит к дискриминации. Это отражается в различиях в заработной плате, таких как гендерный разрыв в заработной плате водителей Uber, наблюдаемый в пятом исследовании третьего банка, и ограниченном доступе к прибыльным заказам для социально уязвимых групп, чьи поведенческие модели не соответствуют «идеальному» алгоритмическому профилю.

Основная задача – изменить концепцию доверия. Как объясняет Ботсман, происходит переход от традиционного доверия к учреждениям к доверию, опосредованному технологическими платформами. Однако это новое доверие шаткое. Непрозрачность алгоритмов и правовой статус сотрудников как «независимых подрядчиков», которые лишают их социальных гарантий, подрывают эту модель. Это согласуется с анализом Грэма, который указывает на материальные условия труда и структурное неравенство, показывая, что доступ к возможностям платформенной экономики неравен и зависит от цифровой грамотности, образования и инфраструктуры.

Роль больших данных в этом контексте огромна. Согласно ГОСТ Р 59870-2022, большие данные – это не просто технический инструмент, а социотехническая система, формирующая новые правила включения и исключения. Исследование НИУ ВШЭ о

работе на онлайн-платформах в России показывает, как алгоритмы, анализирующие данные сотрудников, автоматически распределяют задачи. Это приводит к новым формам цифрового неравенства. Для уязвимых групп, таких как пожилые люди, инвалиды и сельские жители с низкими цифровыми навыками, эти алгоритмы не открывают новых возможностей, но ухудшают их положение, делая их еще более изолированными.

Таким образом, платформенная экономика – это не только добро или зло. Она сочетает в себе перспективы расширения доступа к работе с рисками дальнейшей эксплуатации и неравенства. Для правильного развития этого сектора необходим сбалансированный подход. Необходимо не только совершенствовать алгоритмы, делая их более понятными и справедливыми, но и активно вмешиваться на государственном и нормативном уровнях. Создание всеобъемлющих законов, защищающих права сотрудников платформы, и организация программ обучения цифровым навыкам являются ключевыми шагами. Только таким образом распределенное доверие и большие данные могут стать основой для построения справедливого, инклюзивного и устойчивого цифрового общества.

1. *Ботсман, Р. Кому можно доверять? Как технологии объединили нас – и почему они могут нас разобщить / Рейчел Ботсман. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 352 с.*
2. *Грэм, М. Цифровой труд и развитие: влияние глобальных платформ цифрового труда и экономики свободного заработка на средства к существованию работников / Марк Грэм // Digital Labour and Development. – 2019. – URL: https://example.com (дата обращения: 12.10.2025).*
3. *Haraway, D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late 20th Century / Donna Haraway // Manifestly Haraway. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. – 312 p.*
4. *Crenshaw, K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color / Kimberlé Crenshaw // Stanford Law Review. – 1991. – Vol. 43, No. 6. – P. 1241–1299.*
5. *Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / Judith Butler. – New York: Routledge, 1990. – 272 p.*
6. *Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo / Saskia Sassen. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 480 p.*
7. *Walter, N. Living Dolls: The Return of Sexism / Natasha Walter. – London: Virago Press, 2010. – 288 p.*
8. *Freelancers Union; Upwork. Freelancing in America: 2017 [Электронный ресурс]. URL: [https://freelancersunion.org/wp-content/uploads/2023/03/FreelancingInAmericaReport-2017.pdf] (дата обращения: 12.10.2025).*
9. *International Labour Organization. The role of digital labour platforms in transforming the world of work [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm] (дата обращения: 12.10.2025.*
10. *Schmidts A., Slepoi L., Sinfutkina E. Platform Work in the EU: Lessons learned, legal developments and challenges ahead // European Journal of Social Law and Policy. – 2020. – Vol. 4, Issue 1. – P. 44-63. – ResearchGate, 2020. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340548183_Platform_Work_in_the_EU_Lessons_learned_legal_developments_and_challenges_ahead (дата обращения: 12.10.2025).*
11. *ГОСТ Р 59870-2022. Информационные технологии. Большие данные. Термины и определения. Москва, 2022.*
12. *Демьянова А., Талакаускас Д., Покровский С. Платформенная занятость в России в 2023 г. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2023. URL: https://issek.hse.ru/news/975577465.html (дата обращения: 11.10.2025).*
13. *Яновская А.А., Романюк Е.В. Платформенная занятость как одна из перспективных форм занятости на рынке труда // Российский журнал экономики труда. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 435-452. – doi:10.18334/et.12.4.123062.*

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ РАБОТОЙ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЕСЦЕНИВАЕТ ТРУД СОТРУДНИКОВ ПУНКТОВ ВЫДАЧИ ЗАКАЗОВ

Савельева Алиса Дмитриевна
(СПбГУ)

Развитие цифровых технологий в современную эпоху ведёт к становлению платформенной экономики и уберизации. Уберизация (от агрегатора поездок «Uber») – процесс замены посреднических экономических отношений цифровыми сервисами, а платформенная экономика – экономика, основанная на работе онлайн-платформ. Это общемировая тенденция, однако в России, согласно данным Высшей школы экономики, уровень платформенной занятости населения достаточно высок и растёт [1, 64], при этом существуют уникальные формы платформенной занятости, как, например, e-commerce сектор с пунктами выдачи заказов (далее – ПВЗ).

В отличие от моделей крупного платформенного ритейла на Западе (Amazon, eBay и др.), где самой популярной опцией для потребителя является доставка товара к двери, российские маркетплейсы делают упор на модель партнёрства с индивидуальными предпринимателями для открытия пунктов выдачи заказов. По данным компании «Яндекс», на март 2025 года в России работают 185 тысяч ПВЗ, при этом рост за 2025 год составил 42 %, а за 2024 – 51 % [5], а по данным Ozon, на каждый ПВЗ приходится 2,5 сотрудника [4], т. е. в России 460 000 сотрудников ПВЗ.

Распространено мнение, что работа в ПВЗ – это исключительно источник дополнительного заработка: согласно исследованиям «Яндекс Маркета», так считают 58 % людей в возрасте от 18 до 35 лет [6]. Однако, согласно исследованию Ozon, для 84 % сотрудников ПВЗ текущая работа является основным доходом [7]. Из-за такой подмены постоянной занятости на договор гражданско-правового характера, налоговые органы инициировали массовые проверки ПВЗ [3].

Резюмируя, существует существенная группа людей, постоянно занятых в ПВЗ, но социальная реальность и особенности такой группы практически не изучены. При этом, такой формат занятости появился из-за маркетплейсов и представляет собой принципиально новые трудовые и социальные отношения: с одной стороны, сотрудник находится в непосредственном подчинении частного работодателя (владельца ПВЗ), а с другой – его работа регулируется корпоративными стандартами и правилами.

Одновременно с этим, маркетплейсы сталкиваются с регулярным дефицитом кадров: согласно исследованию платформы Ventra Go!, 92 % владельцев ПВЗ нуждались в быстром найме сотрудников, а 45 % – испытывают регулярную нехватку персонала [8].

Работа на пункте выдачи заказов включает в себя следующие функции: приём доставок, раскладку, инвентаризацию, выдачу заказов, оформление возвратов, разрешение конфликтных ситуаций, поддержание чистоты. Юридический статус типичен для платформенной экономики: сотрудник может быть оформлен как самозанятый, работать по договору ГПХ, что снижает социальную защищённость, а 78 % владельцев ПВЗ вообще не заключают договоров с сотрудниками [8].

В 2023 году компания Wildberries ввела штрафы за бракованные товары или возвраты, возложив 100 % материальной ответственности на сотрудников ПВЗ, руководствуясь «правилом последней руки» [9]. Это вызвало забастовки и общественный резонанс, и штраф сократили до 40 %.

На заработок сотрудника ПВЗ влияет множество факторов: кроме выполнения обязанностей, существуют системы рейтингов и оценок, влияющих на оплату труда [9].

Например, покупатели, неудовлетворённые качеством товара, часто по ошибке снижают рейтинг пункта выдачи, а не продавца, что уменьшает коэффициент вознаграждения.

Системы оценки подкрепляются контролем: на пунктах выдачи работают камеры видеонаблюдения, доступ к которым владелец ПВЗ обязан предоставлять по первому требованию компании-маркетплейса. Такой паноптикум в миниатюре влечёт формирование так называемого «технострессa» [12, 417 – 433] и трёхстороннего мульти-модального мониторинга и оценивания: обратная связь от клиентов, система оценивания в приложении, мониторинг со стороны владельцев ПВЗ и корпораций [11, 11].

Несмотря на всё вышеперечисленное, работа в ПВЗ остаётся востребованной: согласно исследованиям «Яндекс Маркета», 42 % респондентов в возрасте 18–35 лет выбрали её как основную, а каждый десятый рассматривают возможность устроиться на такую работу [6].

Корпорации активно формируют «параллельную» медийную реальность, создавая позитивный образ линейной занятости. Жан Бодрийяр в своей работе «Симулякры и симуляция» приводит концепцию «образа», и его 4 фазы развития [2, 204]. С помощью этой структуры можно разобрать формирование образа линейной работы внутри e-commerce корпораций: Образ – доброкачественное изображения, понятная копия. Носит «сакраментальный характер». Тут мы оперируем понятиями «Свобода» и «Справедливость» Образ – недостоверная копия. В современном медийном дискурсе категория «Работа» приравнивается к понятию «Свобода» через связку «работа → деньги → свобода». Корпорации презентуют работу нового формата как эквивалент свободы: быстрый заработок, гибкие условия, «свобода» выбирать тип и время занятости. Но такая работа не просто не приносит свободы, она лишает сотрудника того, что должна приносить «традиционная» работа – чувства профессиональной принадлежности, развития универсальных трудовых навыков и повышения профессиональной квалификации, поскольку специфика линейных должностей в корпорациях направлена на развитие крайне узких и применимых исключительно внутри корпорации рабочих навыков. Корпорации обещают призрачные перспективы карьерного роста, делают упор на «справедливость» взаимоотношений сотрудников и корпораций, прибегая в том числе к семиотической подмене: сотрудник не наёмный рабочий, а «менеджер» и «партнёр». Декларируется, что свобода новой работы не только в факте её гибкости, но и в «открытии» дальнейшего пути в лоне корпорации. Де-факто, работа в ПВЗ – симулякр работы как таковой.

Подытоживая, необходимы более глубокие исследования группы сотрудников пунктов выдачи с включенным наблюдением и погружением в социальную реальность сотрудников, поскольку стремительно меняющееся под воздействием цифровизации общество нуждается в новых исследованиях и осмыслениях новых, только зарождающихся групп.

1. *Платформенная занятость в России: динамика распространённости и ключевые характеристики занятости. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 64 с.*
2. *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Добросвет, 2015. – 240 с.*
3. *Бизнес-секреты. Более половины молодых россиян рассматривают работу в ПВЗ как подработку. – О., 2024 г. – URL: https://secrets.tbank.ru/novosti/rabota-v-pvz/ (дата обращения: 09.10.2025).*
4. *Ведомости. Налоговые органы усилили контроль за теневой занятостью сотрудников ПВЗ – М., 2025 г. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/05/19/1110891-nalogovie-organi-usilili-kontrol-za-tenevoi-zanyatostyu (дата обращения: 09.10.2025).*
5. *CNews. Владельцы пунктов выдачи заказов Ozon создали более 100 тыс. рабочих мест в России. – М., 2024 г. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-03-11_vladeltsy_punktov_vydachi#:~:text=%D0%9F%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%82%20%D0%B2%*

D1%8B%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B8%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%20(%D0%9F%D0%92%D0%97)%20%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%B5%D1%82,%D0%9F%D0%BE%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BC%202023%20%D0%B3. (дата обращения: 09.10.2025).

6. *Ecomhub. Сколько ПВЗ маркетплейсов в России. Много чисел и 2 противоположных посыла. – М., март 2025 г. – URL: https://ecomhub.ru/how-many-pickup-points-marketplaces-are-there-in-russia-many-numbers-and-2-opposite-messages/ (дата обращения: 09.10.2025).*
7. *E-pepper. Молодежь все чаще выбирает работу в ПВЗ – О., октябрь 2024 г. – URL: https://e-pepper.ru/news/molodezh-vse-chashche-vybiraet-rabotu-v-pvz.html (дата обращения: 09.10.2025).*
8. *Retail.ru. Ozon: среди сотрудников пунктов выдачи женщин 84 %. – М., 2024 г. – URL: https://www.retail.ru/news/ozon-sredi-sotrudnikov-punktov-vydachi-zhenshchin-84-7-maya-2024-240534/ (дата обращения: 09.10.2025).*
9. *Ventra Go! Исследование кадрового рынка пунктов выдачи заказов в России. – М., 2024 г. – URL: https://ventrago.ru/blog/pvz-zayavili-o-nekhvatke-kadrov (дата обращения: 09.10.2025).*
10. *WBFranchise. Оферта ПВЗ. – М., 2023 г. – URL: https://static-basket-03.wbbasket.ru/vol40/orr-franchise/offers/offer_160924.pdf (дата обращения: 09.10.2025).*
11. *Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. Limitless Worker Surveillance // California Law Review. – 2017. – Vol. 105, No. 3. – P. 735–776.*
12. *Glavin P., Bierman A., Schieman S. Private Eyes, They See Your Every Move: Workplace Surveillance and Worker Well-Being // Social Currents. – 2024. – Vol. 11, No. 4. – P. 327–345.*
13. *OECD. Algorithmic management in the workplace: New evidence from an OECD employer survey. – OECD Publishing, 2025. – OECD Artificial Intelligence Papers, No. 31. – Paris. – DOI: 10.1787/287c13c4-en.*
14. *Ragu-Nathan T. S., Tarafdar M., Ragu-Nathan B. S., Tu Q. The consequences of technostress for end users in organizations: conceptual development and empirical validation // Information Systems Research. – 2008. – Vol. 19, No. 4. – P. 417–433.*

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕСУРСА

Саранкин Илья Алексеевич
(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»)

Трансформационные процессы в российском обществе и системе высшего образования актуализируют проблему формирования эффективной корпоративной культуры как ключевого управленческого ресурса**.** Развитие общества в XXI веке тесно связано с возможностями различных организаций, включая образовательные учреждения, соответствовать новым требованиям постиндустриальной эпохи [1].

Переход к постиндустриальному обществу определил необходимость формирования новых форматов в организационно-управленческой сфере, связанных с профессиональным менеджментом, креативностью деятельности, мотивацией персонала. Все эти процессы актуализировали изучение корпоративной культуры в качестве управленческого ресурса [2].

Особенно важным становится изучение корпоративной культуры в контексте глобализации и цифровизации экономики, когда традиционные методы управления теряют эффективность, а человеческий капитал становится главным конкурентным преимуществом организации.

По мнению Н. С. Григорьевой, от качества корпоративной культуры, сложившейся в вузе, зависят качество образовательного процесса, а также уровень конкурентоспособности организации как основы формирования её имиджа [1].

Корпоративная культура способствует повышению имиджа вуза и приобретению хорошей репутации. Выбирая вуз для профессионального образования, будущие студенты руководствуются не столько имиджем, сколько репутацией. Опыт зарубежных вузов свидетельствует, что «университеты, которые ставят своей целью создать репутацию в какой-то конкретной области, достигают большей эффективности, чем те, кто стремится к престижности» [3].

Высокий уровень корпоративной культуры позволяет педагогическому составу самостоятельно определять средства максимально эффективного повышения репутации исследователя и вуза.

Н. С. Григорьева утверждает, что корпоративная культура высшего учебного заведения имеет специфические особенности, поскольку образовательные организации являются особым видом корпорации со своими целями и функциями. В учреждении высшего образования воздействие на будущего специалиста ведётся с трёх направлений: «во-первых, факультет; во-вторых, корпоративная культура студенчества и профессорско-преподавательского состава; в-третьих, сам вуз как платформа будущей профессии. В результате студент проходит процесс изменения, воспитания и приобретения новых качеств» [4].

Корпоративная культура оказывает значительное влияние на образовательный процесс, формирование студента как специалиста и личности. Выпускаясь из вуза, студент сохраняет часть корпоративной культуры и привносит её в трудовую деятельность.

К обязательным элементам корпоративной культуры образовательного учреждения исследователи относят: наличие собственной идеологии и сознательно культивируемой системы ценностей, норм, традиций, установок преподавателей, студентов, вспомогательного персонала; механизмы функционирования, определяющие организационную культуру [3].

Значимость корпоративной культуры состоит в том, что она позволяет без административного нажима естественным путём отбирать наиболее эффективные внутрикорпоративные межличностные отношения. Культивируя такие ценности, как компетентность, творческая устремленность, готовность к внешней и внутривузовской конкуренции, работе в команде, коллективизм, гордость за университет, корпоративная культура повышает сплочённость сотрудников. «Когда люди имеют единые ценности и нормы поведения, нет необходимости указывать им, как поступить в каждой конкретной ситуации» [3].

Важными механизмами формирования корпоративной культуры для преподавательского состава являются: система наставничества, программы адаптации, корпоративное обучение, система внутренних коммуникаций, традиции и ритуалы, система признания достижений. Для студентов – активная деятельность в принятии решений, развитие студенческого самоуправления, культурно-массовые мероприятия, кураторство и наставничество.

Стратегия развертывается в двух планах [3]:

Внешний план – применение комплекса мер, направленных на обеспечение конкурентоспособности университета, достижение рентабельности и социального статуса. Включает позиционирование вуза на рынке образовательных услуг, формирование привлекательного имиджа для абитуриентов и работодателей, развитие партнёрских отношений.

Внутренний план – становление корпоративных педагогических ценностей, высокой академической культуры, норм педагогических отношений, обеспечивающих

благоприятный морально-психологический климат, творческую атмосферу среди преподавателей.

Для достижения высокого уровня корпоративной культуры необходимо решить следующие задачи:

проектирование процесса на основе компетентностного подхода для повышения качества образования и заинтересованности студентов

поиск новых подходов к организации совместной деятельности для обеспечения конкурентоспособности организации

приобщение студентов к нормам и ценностям корпоративной культуры, их адаптация к вузовской жизни

укрепление духа университетской корпорации через праздники, ритуалы, символику [3]

Миссия современного университета должна отражать его уникальную роль в обществе, включая подготовку высококвалифицированных специалистов, просветительскую деятельность, формирование интеллектуальной элиты, развитие науки и инноваций, сохранение культурного наследия.

Практические мероприятия по формированию корпоративной культуры включают в себя:

Разработку инновационных гуманитарных технологий:

технологии управления конфликтами – позволяют продуктивно выходить из конфликтных ситуаций без привлечения руководства, повышая сплочённость коллектива

методы ведения переговоров – помогают сотрудникам понимать организационную стратегию

кейс-технологии – позволяют моделировать ситуации для подготовки к нестандартным ситуациям

социальные игры – знакомят с негласными правилами поведения

метод проектов – обеспечивает практическую проработку ситуаций

тренинги демократического поведения – повышают социальную грамотность участников образовательного процесса

тренинги управления конфликтом – развивают навыки коммуникации

К этому примыкает создание факультетской и общеуниверситетской символики, атрибутики, логотипов, девизов для формирования ощущения причастности к общему делу.

Проектирование системы корпоративных коммуникаций:

создание службы PR для знакомства с корпоративной культурой вуза

организация профессорского клуба университета

организация ассоциации преподавателей и выпускников, клуба кураторов

организация клуба студентов-победителей конкурсов

организация профессиональных конкурсов как средства формирования внутривузовской конкурентной среды

включение в систему коммуникаций работодателей, образовательных и научных учреждений

Включение в учебный процесс специальных курсов:

«Корпоративная культура»

«Психология инновационной деятельности корпоративного сообщества»

«Управление системой корпоративных коммуникаций»

«Университет как форма развития корпоративной культуры»

«Корпоративная этика» [3]

Информационное обеспечение:

создание банка имиджевых материалов

организацию университетского сайта с освещением традиций и достижений

выпуск внутрикорпоративных изданий

проведение творческих работ на тему «Традиции нашего факультета/университета» [3]

Методическое обеспечение предполагает разработку:

университетских корпоративных стандартов

нормативно-правового обеспечения деятельности университетских организаций

критериев оценки сформированности корпоративной культуры

рекомендаций по организации процесса формирования корпоративной культуры [3]

Для оценки степени сформированности корпоративной культуры выделяются следующие показатели:

кодекс корпоративного поведения

стратегия формирования корпоративной культуры

готовность персонала к инновационной деятельности

система управленческой поддержки

гордость за вуз, готовность к саморазвитию

деятельностный критерий при распределении рабочего времени [3]

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать важные выводы. Корпоративная культура является ключевым управленческим ресурсом современной организации, представляя собой сложную систему ценностей, норм, убеждений и поведенческих паттернов.

Специфика корпоративной культуры вуза определяется её двойственной природой – необходимостью сочетать рыночную ориентацию с сохранением традиционных академических ценностей. Эффективная корпоративная культура способствует достижению стратегических целей университета через создание благоприятной внутренней среды.

Формирование корпоративной культуры требует системного подхода и учёта интересов всех субъектов образовательного процесса. В условиях цифровизации и глобализации образования корпоративная культура приобретает новые измерения, способствуя инновационному развитию университета при сохранении национальной идентичности.

Корпоративная культура должна стать живой, развивающейся системой, объединяющей всех участников образовательного процесса вокруг общих целей и ценностей, способствующей формированию нового поколения высококвалифицированных специалистов.

1. *Пепанян Л. С. Корпоративная культура вуза как предмет теоретической рефлексии в социологическом знании // Гуманитарий Юга России. – 2016. – С. 264-272.*
2. *Капитонов Э. А., Капитонов А. Э. Корпоративная культура и PR. – М., 2003.*
3. *Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. – 2007. – №11. – С. 62-65.*
4. *Григорьева Н. С. Качество образования и корпоративная культура // Труды РГУПС. 2015. № 1.*

ТРАВЛЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКИХ СОЦСЕТЯХ

Свердликова Елена Альбертовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Статья подготовлена на основе исследования, проведённого в рамках курса «Основы цифровой социологии» на социологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова в 2024 году. В цифровом обществе социальные сети и онлайн-платформы стали основными каналами общения, что привело к увеличению случаев агрессивного поведения. Исследование проводилось методом контент-анализа комментариев к публикациям.

Ключевые слова: агрессия, кибер-травля, Интернет, социальные сети, анонимность, контент-анализ.

В последние годы интернет стал не только мощным инструментом для общения и обмена информацией, но и ареной для проявления негативных явлений, таких как травля. Травля в интернет-пространстве или кибер-буллинг представляет собой агрессивное поведение, которое выражается в систематическом преследовании, унижении и запугивании жертв с использованием цифровых технологий. Эта проблема затрагивает людей всех возрастов, но особенно уязвимыми являются подростки, которые активно используют социальные сети и онлайн-платформы для общения. Анонимность и удаленность, присущие Интернету, создают благоприятные условия для агрессоров, что делает травлю более распространенной и сложной для предотвращения. В данном контексте важно рассмотреть причины, последствия и возможные пути решения этой проблемы, чтобы создать безопасное и поддерживающее интернет-пространство для всех пользователей.

В эпоху стремительного развития технологий, различные способы коммуникации переносятся в Интернет-пространство. Но помимо повседневного доброжелательного общения, в это пространство переносятся и все негативные аспекты коммуникации, в том числе и травля. Современные авторы определяют травлю (буллинг), как агрессивное, преднамеренное и повторяющееся поведение, направленное на причинение физического или психологического вреда жертве в контексте межличностных взаимодействий. Это явление выражается в виде физического насилия, словесных оскорблений, социальной изоляции или манипуляций. Кибер-буллинг, в свою очередь, представляет собой разновидность травли, которая осуществляется с помощью цифровых технологий и интернет-платформ. Он включает в себя намеренные действия, такие как распространение ложной информации, оскорбительных сообщений, угроз или уничижительных комментариев через социальные сети, мессенджеры и другие цифровые средства коммуникации. Кибер-буллинг характеризуется такими чертами, как анонимность, широкий охват аудитории и возможность постоянного воздействия на жертву, что отличает его от традиционной травли и усложняет механизмы вмешательства и предотвращения. Деструктивный характер буллинга проявляется в том, что он приводит к серьезным последствиям для здоровья жертвы. Стресс, тревога, депрессия и даже физические заболевания могут быть результатом длительного воздействия буллинга. Социальные последствия кибер-буллинга начинают проявляться в некоей подавленности человека, в частности, подростка, которая выражается в скрытности, нежелании идти на

контакт с родителями и друзьями, потере коммуникативных навыков, дезадаптации, дезинтеграции, девиантном поведении. Для школьников и учащихся кибер-буллинг опасен тем, что приводит к снижению успеваемости в школе, нежеланию посещать учебное учреждение, прогулам, нестабильным оценкам, низкой учебной активности.

Исследование кибер-травли в соцсетях. Методы исследования. Для дальнейшего исследования проблемы мы выделили тот её аспект, который мало анализировался в отечественной социологии, а именно: восприятие кибер-травли, как социального явления в российском сегменте Интернета. Эта тема – ключевая категория дальнейшего исследования, которое проводилось методом контент-анализа. Для обеспечения достоверности и надёжности данных разработаны методические документы: классификатор содержательных характеристик, понятийная схема анализа, карточки кодировщика, инструкции кодировщику. На основе предварительного качественного анализа информации, а также в результате операционализации исходной категории выделены следующие содержательные характеристики исходной категории. Среди них: анонимность, определённые тактики и стратегии поведения по преодолению последствий травли, возрастные группы жертв травли, гендерные особенности жертв травли, правовое регулирование проблемы травли в медиа, профилактика травли в медиа пространстве, целевая аудитория, эмоциональные последствия, социальные последствия.

Результаты исследования. Выборку составили 446 текстов: по 100 комментариев из 6 источников. 210 из которых были опубликованы до 2022 года, 236 – после 2022 года. Общий объем исследованных строк составил 2050. Объем прочитанных строк – 2050. Объём полезных строк – 1945. Удельный вес полезных строк – 94,8%. Источники статей: Яндекс.Дзен, RUTUB, YouTube, ВК, Instagram (запрещен в Российской Федерации) Twitter(X) (запрещен в Российской Федерации).

Основную массу текстов составили комментарии к статьям, вышедшим до 2022 года. В комментариях преобладает дух эмоциональных размышлений-повествований о необходимости профилактики проблем кибер-травли среди населения. Это важно, чтобы снизить эмоциональные последствия данного явления на людей, которое, в основном, является негативным. Наибольший интерес коммуникатора – к характеристике «Профилактика» (18,8 %). Это объясняется тем, что в комментариях и статьях так или иначе описываются способы успешной профилактики кибер-травли в соцсетях. Далее по количеству упоминаний – характеристика «Эмоциональные последствия» (16 %). На третьем месте – «Тактика и стратегия поведения» (15,5). Менее всего востребованы характеристики: «Гендерные особенности жертв травли» (3,4 %), «Анонимность сообщений» (6,8 %). В рамках анализа данных было рассмотрено соотношение положительных и отрицательных оценок, нейтральных – практически не встречалось. Так, наибольшая доля отрицательных оценок у характеристик «Анонимность» (28,6 %) и «Профилактика» (11, 7 %). Самая высокая доля положительных оценок (среди всех оценочных) наблюдается у характеристик «Гендерные особенности жертв травли», «Возрастные группы жертв травли», «Социальные последствия» и «Эмоциональные последствия», «Тактики и стратегии поведения» по 100 %. Восприятие социального феномена кибер-травли связано также и с особенностями того или иного Интернет-канала. Активнее всего тема обсуждалась пользователями видеохостинга YouTube (36 %), далее следуют Яндекс.Дзен (18 %), ВК (14 %), Twitter (X) (запрещен в Российской Федерации) (14 %), RUTUB (12 %), Instagram (запрещен в Российской Федерации) (5 %). Что касается восприятия отдельных социальных характеристик проблемы кибер-травли в рассмотренных каналах, иерархия внимания распределилась также, как и в целом, по

общим результатам исследования. Наибольший интерес коммуникатора к проблемам профилактики, эмоциональным и социальным последствиям, стратегии и тактике поведения.

Общие итоги. Большинство Интернет-пользователей считают одним из самых важных аспектов восприятия кибер-травли тему профилактики данного социального явления. Другими часто упоминаемыми аспектами восприятия феномена травли называются эмоциональные или психологические последствия, а также тактики и стратегии поведения. Самым распространённым видом влияния, с точки зрения пользователей соцсетей, является влияние на душевное состояние жертв травли и их социальное положение. Характеристики «Социальные последствия» и «Эмоциональные последствия» наиболее востребованны коммуникатором. Пользователи дали им наибольшее количество положительных оценок. Реже всего пользователи затрагивали тему гендерных особенностей жертв кибер-травли. При этом, данная содержательная характеристика получила и наибольший процент позитивных оценок пользователей, наряду с такими характеристиками, как «Социальные и Эмоциональные последствия», «Возрастные группы жертв кибер-травли» и «Тактики и стратегии поведения» (по 100 %). Наибольшее количество отрицательных оценок у характеристики «Анонимность сообщений» (28,6 %). Иерархия авторов сообщений представлена следующим образом: лидируют не анонимные авторы, а зарегистрированные пользователи соцсетей (73,6 %), затем следуют известные блогеры (24 %) и только на последнем месте авторы-анонимы (2,3 %).

Таким образом, специфика восприятия темы интернет-травли в российских соцсетях связана со следующими особенностями. Во-первых, пользователи, вполне осознают специфику данного явления, связанного с выражением агрессии, систематическим преследованием и запугиванием жертв в цифровом пространстве, что проявляется в частоте встречаемости суждений, связанных с эмоциональными и социальными последствиями травли. Однако, восприятие проблемы связано не сколько с описанием конкретных видов унижения и запугивания, а, скорее, с анализом путей (тактики и стратегии поведения) и методов предотвращения данного явления (меры профилактики). Во-вторых, среди авторов сообщений большинство – не анонимы, а зарегистрированные пользователи. Они, с одной стороны, разрушают стереотип восприятия пользователя соцсетей, как исключительно анонимного, и поэтому позволяющего себе беспощадные поступки и высказывания в онлайн-пространстве, а с другой стороны, они воплощают противодействие и борьбу со вседозволенностью онлайн-среды, а также заставляют задуматься о создании более регламентированного, безопасного и социально ответственного Интернет-пространства.

Для профилактики кибер-буллинга пользователи российских медиа предлагают создание образовательных программ, в которых должны быть представлены инструменты выявления, предотвращения и реагирования на кибер-травлю как для детей и подростков, так и для их преподавателей и родителей. Необходимо также разрабатывать законы и четкие правила на Интернет-платформах, определяющие, что такое кибер-буллинг и какие санкции будут применяться в случае их нарушения. Для минимизации негативных последствий травли в Интернете возможна разработка системы поддержки жертв и обеспечение доступности психологической помощи (это могут быть как индивидуальные консультации, так и групповые программы). Таким образом, как считают пользователи, можно добиться создания более безопасного Интернет-пространства.

ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА ТРУДА: КАК ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ТРУДА В РОССИИ

Селезнева Алёна Сергеевна
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует отношения, возникающие между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг, а одной из главных целей является создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах, способствующей повышению уровня доступности товаров, работ, услуг, а также развитию предпринимательства и конкуренции. В связи с этим формирование цифровой экосистемы занятости и труда в России, представляющую собой систему коммуникации на цифровых платформах, позволит эффективно решить проблему трудоустройства и повысить уровень занятости населения в нашей стране.

На протяжении последних десятилетий российская экономика претерпевает изменения, связанные с цифровизацией всех сфер жизни общества, в частности рынка труда. Этот процесс сопровождается глубокими изменениями структуры занятости, появлением новых форматов работы и значительным увеличением доли платформенной занятости и самозанятых лиц. Исследование феноменов платформенной занятости и самозанятости представляет особый интерес ввиду их быстрого распространения и необходимости разработки адекватных механизмов регулирования и поддержки.

Согласно отчету Goldman Sachs, доля компаний, применяющих ИИ, увеличилась с 55 % в 2023 году до 72 % в 2024 году. Специалисты McKinsey Global Institute прогнозируют, что к 2030 году около 14 % работников по всему миру столкнутся с необходимостью смены профессии. В России же этот тренд проявляется в сокращении численности операторов колл-центров, специалистов по документообороту и бухгалтеров начального уровня.

Российский рынок труда проходит через фазу интенсивной структурной трансформации, выражающейся в повышении уровня оплаты труда в дефицитных сегментах экономики и территориальных единицах, нарастающем кадровым дисбалансе, первых симптомах замедления динамики занятости и активизации влияния технологических инноваций, среди которых выделяются процессы дистанционной профессиональной деятельности и внедрение решений на основе искусственного интеллекта (AI). Формирование цифровой экосистемы труда в России становится ключевым элементом перехода к Индустрии 5.0, характеризующейся глубокой интеграцией человеческого и машинного интеллекта. Эта интеграция реализуется посредством построения нейро-цифровой экосистемы, основанной на мета-когнитивном взаимодействии между человеком и технологиями. Современные цифровые платформы выступают основой для цифровой экономики, способствуя решению актуальных проблем, таких как недостаток квалифицированной рабочей силы, повышение производительности труда и оптимизация производственных процессов. В России же регулирование ИИ на рынке труда включает два основных аспекта: обеспечение безопасности и прав работников при использовании алгоритмов и стимулирование инноваций без излишних барьеров для бизнеса. Причем низкий уровень безработицы сохранится в ближайшие годы

даже при широком внедрении искусственного интеллекта, уверена глава рейтингового агентства, отметила глава рейтингового агентства Марина Чекурова.

Технологии искусственного интеллекта (AI) оказывают значительное влияние на структуру рынка труда. Цифровая трансформация приводит к глубоким изменениям в традиционных моделях занятости, формируя новую цифровую экосистему, которая требует пересмотра подходов к профессиональному образованию, квалификации и карьерному росту. Основными изменениями на рынке труда в России в этой связи являются трансформация существующих профессий, появление новых профессий, повышение или изменение требований к квалификации участников рынка.

К 2030 году внедрение ГИИ может принести экономике РФ дополнительно 4,5 трлн руб. экономического роста, поскольку в случае активного использования этой технологии разница между базовым и технологическим сценариями развития экономики достигает 2,5 % ВВП. К такому выводу пришли эксперты РАНХиГС в своем докладе «Кадровый код: будущее рынка труда с генеративным ИИ». Согласно исследованию Университета Иннополис, Высшей школы менеджмента СПбГУ и МГУ имени Ломоносова, проведенному совместно с Онлайн-университетом «Зерокодер», вне зависимости от областей, ясно одно: он не способен на 100 % заменить человеческую деятельность – только автоматизировать рутинные задачи до 85 % и дополнить профессии до 70 %. Эти цифры свидетельствуют о масштабном воздействии ИИ на профессиональную деятельность россиян.

С 2025 года в России реализуется Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», и важная его часть – Федеральный проект «Искусственный интеллект», который направлен на модернизацию экономической системы России путем внедрения передовых цифровых технологий, включая искусственный интеллект, повышение эффективности госуправления и предоставление качественных цифровых сервисов населению и бизнесу, создание цифровой экосистемы, обеспечивающей безопасность данных и защиту личных сведений граждан. И одним из основных факторов успешного развития национальной экономики является подготовка и адаптация рабочей силы к меняющимся реалиям рынка труда, а на решение этих задач направлен Национальный проект «Кадры».

Цифровизация трансформирует рынок труда, делая его более гибким и динамичным. В этой связи новые формы гибкой занятости, среди которых выделяют частичную и удаленную занятость, фриланс, платформенную занятость, аутсорсинг, самозанятость и др., в авангарде изменений. Акторы, которые способствуют формированию цифровой экосистемы труда и занятости, образуют сетевую структуру коммуникации, которая расширяет возможности всех участников рынка труда. А самозанятость, как один из акторов, становится неотъемлемой частью бизнеса, в котором технологии позволяют ещё больше упростить взаимодействие между заказчиками и исполнителями.

По мнению генерального директора Ассоциации цифровых платформ Ю. Богданова, «именно цифровизация, развитие платформ и режим налогов на профессиональный доход дают государству шанс вытеснить серые практики за счет прозрачности». Самозанятые же, уплачивающие налог на профессиональный налог (НПД) – социально-трудовая группа людей современного общества, которые получают доход от своей профессиональной деятельности, например оказания услуг, реализации произведенных ими товаров, не имея при этом работодателя и наемных сотрудников. По данным ФНС, численность самозанятых в России на конец июня 2025 г. составляла 13,8 млн человек.

Формирование новой цифровой экосистемы труда и занятости в России представляет собой сложный и многоаспектный процесс, затрагивающий широкий спектр вопросов, начиная от профессиональной подготовки и заканчивая вопросами социальной справедливости и информационной безопасности. Необходимость совершенствования нормативной базы, улучшения системы образования и профессиональной подготовки, а также расширения социальных гарантий для самозанятых и платформенных работников представляется ключевой задачей ближайшего будущего. Решение этих вопросов обеспечит устойчивый рост и конкурентоспособность российской экономики в условиях цифровой трансформации.

1. *Рынок труда: охлаждение или системная трансформация. Эксперт РА 10.06.2025 [Электронный ресурс] URL: https://raexpert.ru/researches/labor_market_2025/*
2. *«Крайне низкие показатели»: как Россия лидирует по показателю безработицы Эксперт РА 10.06.2025 [Электронный ресурс] URL: https://raexpert.ru/researches/publications/tass_sep19_2025/*
3. *Tiwari R. «The Impact of AI and Machine Learning on Job Displacement and Employment Opportunities.» Interantional journal of scientific research in engineering and management (2023): n. pag. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/The-Impact-of-AI-and-Machine-Learning-on-Job-and-Tiwari/d44b651ee25cd6f8717a9b049d2f2e0de8a965f5 (дата обращения: 02.09.2025)*
4. *85% работы может делать ИИ: как меняется рынок труда в России 16 июня 2025 /РБК [Электронный ресурс] URL: https://companies.rbc.ru/news/RaizuW9U30/85-rabotyi-mozhet-delat-ii-kak-menyaetsya-ryinok-truda-v-rossii/*
5. *Концептуальная модель цифровой экосистемы Индустрии 5.0: проблемы интеграции машинного и человеческого интеллекта / П.В. Симонин, С.А. Анохин, Ю.Б. Надточий и др. // Уголь. 2025;(4):71-75. DOI: 10.18796/0041-5790-2025-4-71-75.*
6. *Generative AI could raise global GDP by 7 % Apr 5, 2023/ Artificial Intelligence [Электронный ресурс] URL: https://www.goldmansachs.com/insights/articles/generative-ai-could-raise-global-gdp-by-7-percent.html (дата обращения: 02.09.2025)*
7. *ИИ сократит кадровый голод / 08.09.2025 Мониторинг рынка труда. Экономика. [Электронный ресурс] Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/doc/8022697*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРЕНДОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Сенчило Арина Денисовна
(СПбПУ Петра Великого)

Аннотация. Статья рассматривает ключевые направления и тренды цифровой трансформации сферы образовательных услуг. Анализируются технологические инновации и их влияние на методологию обучения и перспективы развития образовательной сферы в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация образования не так давно превратилась из футуристической концепции в повседневную реальность. Отправной точкой этого процесса принято считать пандемию COVID-19. Массовый переход образовательных учреждений на удаленное обучение сопровождался техническими и эмоциональными трудностями: преподаватели и учащиеся, скованные обстоятельствами, были вынуждены быстро адаптироваться к новым условиям и практически с нуля осваивать инструменты дистанционного формата [6, 1]. Такая обстановка, очевидно, не прошла для общества без последствий. После окончательного завершения «эпохи» карантинов концепция цифровизации образования приняла новый оборот, став не только инновационным открытием, но и ориентиром для определения уровня технологичности и продвинутости

образовательного учреждения. Сегодня цифровизация – это инновационный проект, задающий тенденции дальнейшего развития сферы образовательных услуг и затрагивающий не только перенос традиционных форматов обучения в онлайн среду, но и комплексные изменения в методологии преподавания, планах образовательных программ, способах взаимодействия и коммуникации между участниками, а также в самой философии обучения.

В первую очередь, цифровизация повиляла на технический аспект образовательных услуг. В реалиях острой необходимости проводить занятия из дома стали появляться специализированные сервисы видеоконференций, которые оказали огромное влияние на формирование будущего ландшафта образования. Если раньше дистанционное образование воспринималось как альтернативный или компромиссный вариант, то с появлением этих программ оно было признано полноценной формой получения знаний. Вслед за онлайн образованием распространение получила разработка образовательных платформ и систем управления обучением, которые обеспечивали и до сих пор обеспечивают централизованное управление образовательным процессом, начиная от проверки домашних заданий и заканчивая полноценным ведением занятий [5, 254]. Отказываться от них не спешили: уже после локдауна многие учреждения (особенно высшего образования) закрепили обучение в гибридном формате как основное, поскольку многие из них не готовы были полностью отказываться от очной формы. Немалый вклад привнесла цифровизация и в содержательную сторону образовательного процесса, превратив мобильное обучение в реальный кейс. Смартфоны из объекта развлечения постепенно трансформировались в полноценные инструменты получения знаний. Помимо базовой коммуникации они также обеспечивали возможность учиться в любом месте и в любое время благодаря многофункциональным приложениям и привычному интерфейсу. Мобильное обучение сделало образование по-настоящему повсеместным и доступным, что определило дальнейший вектор развития мобильных технологий и окончательно закрепило лидирующие позиции цифровизации в преобразовании сферы образовательных услуг [4, 275].

Как любая глобальная тенденция, цифровизация привнесла в образование ряд устойчивых трендов. Наиболее распространенным сейчас считается взаимодействие с искусственным интеллектом (ИИ), которое не останавливается на разработке чатов для генерации текстов и графических материалов. В образовании ИИ стал мощным инструментом персонализированного обучения: его технологии и алгоритмы позволяют создавать индивидуальные образовательные траектории, которые учитывают темп потребления знаний, форматы восприятия информации и уровень подготовки обучающегося [5, 254]. Системы адаптивного обучения работают как виртуальный преподаватель, анализируя ответы учащегося и даже предоставляя обратную связь с рекомендациями по изменению сложности заданий, дополнительные материалы и динамику образовательного процесса. Такой подход кардинально меняет традиционную модель «унификации» и выдвигает вперед ориентацию на потребности человека. На позициях образовательных трендов также закрепились технологии дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности. Их суть сводится к всестороннему и наполненному погружению в процесс обучения. Технологии виртуальной реальности стали для учащихся способом беспрепятственного изучения разных дисциплин с возможностью визуализации различных процессов, таких как биологические, физические, исторические и другие. AR-системы имеют иную природу: они обогащают физический мир цифровыми слоями информации, превращая обучение в интерактивный процесс. Эти технологии не приобрели такой же популярности, как искусственный интеллект, в связи с высокой

стоимостью, однако их интеграция в повседневные образовательные процессы имеет под собой практическую значимость, что предопределяет их скорое внедрение [7, 3]. Отдельное место в системе трендов цифровизации образования занимает геймификация. Если на начальных этапах цифровой трансформации она считалась показателем инфантильности и несерьезности обучения, то на данном этапе геймификация рассматривается как способ более понятного и практичного применения знаний. Благодаря такой технологии вовлеченность в учебный процесс возрастает, позволяя безопасно погружаться в образовательный процесс [3, 58]. Все вышеперечисленные технологии привнесли свой вклад в распространение концепции непрерывного образования, позволяя на постоянной основе обновлять навыки и знания удобным для учащегося способом.

Несмотря на благоприятные перспективы развития, цифровизация образовательных услуг регулярно сталкивается с вызовами будущих траекторий глобальных процессов. Основная доля препятствий приходится на недостаток технологического оснащения образовательных учреждений. Цифровое неравенство преследует не только отдельных людей, но и все сегменты системы образования в целом: учебные заведения крупных мегаполисов имеют больше шансов на внедрение передовых технологий, чем учреждения в глубине страны. Более того, цифровизация требует переподготовки кадров, что особенно касается преподавателей: для реализации этого процесса необходима постоянная организация курсов и практик по освоению цифровых технологий, иначе качество образования рискует снизиться [1, 188]. Слабая оснащенность кибербезопасности тоже служит камнем преткновения. На образовательные платформы ежедневно загружаются тысячи персональных данных, сохранение которых, к сожалению, никто гарантировать не может, что ставит под сомнение безопасность цифровых систем обучения [2, 57]. Хотя цифровизация является глобальным процессом, соответствующим темпам современности, её качество на данном этапе ещё не достигло нужного уровня. Однако стоит помнить о скоротечности инновационных открытий: в таких условиях вероятность скорого улучшения цифровой трансформации образования стремительно растёт, приближая общество к обозримым перспективам будущего.

Цифровизация как явление занимает важное место в контексте трендов образовательных услуг, затрагивая все возможные процессы передачи знаний и навыков. Оно делает обучение более доступным, персонализированным и эффективным, но при этом требует комплексного подхода для преодоления возникающих проблем. Безусловно, технологии не смогут полноценно заменить традиционные «живые» форматы обучения на виртуальные и цифровые, но будут эффективно работать в сочетании с ними, превращая обучение в интерактивное познание информационного пространства. В эпоху, когда изменения происходят с беспрецедентной скоростью, способность образовательных учреждений оперативно адаптироваться к инновационным условиям становится не просто желательной, а необходимой для подготовки поколений, встречающих вызовы будущего.

1. *Лукашенко Д. В. Современные подходы к цифровизации образования в школьной педагогике: вызовы и перспективы // Педагогический научный журнал. 2025. Том 8. №1. С. 186-191.*
2. *Наркабилова Г. Цифровизация в образовании: современные тренды, вызовы и перспективы // Наука и инновации. 2025. Том 3. №20. С. 55-58.*
3. *Нугаев М. А., Курамагомедова З. М., Курбанова О. В. Геймификация в образовательном процессе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2025. Том 19. №3. С. 54-59.*
4. *Селиванов В. В., Крюкова А. Л. Интерактивные технологии и их применение в мобильном обучении // Проблемы современного педагогического образования. 2025. С. 272-277.*

5. *Смык Е. И., Кужевская Е. Б. Цифровизация образования: вызов современности или путь развития // Вестник экономической безопасности. 2025. №1. С. 252-255.*
6. *Imran M., Almusharraf N., Abbasova M. Digital learning transformation: A study of teachers' post-Covid-19 experiences // Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 11. PP. 101228.*
7. *Zou Y., Kuek F., Feng W., Cheng X. Digital learning in the 21st century: trends, challenges, and innovations in technology integration // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. PP. 1562391.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сошнев Александр Николаевич
(СПбГУ)

Социально-демографическая структура общества – демографическая, взятая по условиям воспроизводства. Она включает три структурных элемента. Центральный составляют лица продуктивного возраста, они обеспечивают текущее воспроизводство общества, выполняют функции биологической и социальной репродукции, экономического воспроизводства. Второй элемент – лица, не вошедшие в продуктивный возраст: дети и молодёжь. Они выполняют функции ресурса будущих периодов. Третий элемент – лица, вышедшие за пределы продуктивного возраста. В воспроизводственном процессе они выполняют функцию образа будущего для продуктивного элемента, что обеспечивает устойчивость воспроизводственного процесса, устойчивую связь поколений.

Границы между элементами социально-демографической структуры определяются состоянием общества, его технологическим развитием, продуктивность – его социальными целями. Чем ниже уровень технологического развития, тем ранее будет включаться население в продуктивный возраст. Аграрное общество убедительно об этом свидетельствует. Нижняя граница продуктивного возраста в этот период опускается до предела. Индустриальное общество не довольствуется освоением профессии за счет передачи семейного опыта, требует профессионального образования, что поднимает нижнюю границу продуктивного населения. В критических ситуациях для обеспечения функции сохранения общества оно может использовать и труд детей. Не лишне напомнить о труде детей в блокадном Ленинграде.

Верхняя граница лиц продуктивного возраста также зависит от технологического развития. Чем выше темпы научно – технического прогресса, тем более высокие требования предъявляются к трудовому потенциалу человека, его когнитивным и адаптивным способностям. На установление данной границы оказывает влияние и институт власти. Пример того – пенсионная реформа в нашей стране.

Проблемы старших возрастов – лиц, вышедших за пределы продуктивного возраста, прежде всего в отсутствии понимания функций этого элемента в социальном воспроизводстве общества. Утверждают, что она – в передаче опыта, что пожилые – добавочная рабочая сила. Смею утверждать, что они – образ будущего для трудоспособных. Последние займут их место через какой-то промежуток времени и получат набор благ, которыми они наделили пожилых сегодня. Непонимание этого обстоятельства порождает поколенческий разрыв.

Социально-демографическая структура сама является результатом функционирования общества, отражает состояние его технологического, социального, экономического, политического и культурного развития. Способность продуктивного населения выполнять репродуктивные функции зависит от социальных целей общества,

от отношения общества к человеку как ценности. Здесь у социологов огромное поле для исследования зависимости целей личности от целей общества.

Цифровизация – проявление научно-технического прогресса. Она оказывает огромное влияние на трансформацию социально-демографической структуры общества. Население продуктивного возраста оказалось на линии фронта цифровых перемен. С одной стороны, технологии создают возможности для удаленной работы, фриланса, онлайн-образования, с другой – возникает эффект постоянного присутствия на работе. Возникает новый социальный элемент – прекариат. У последнего возникают реальные проблемы в выполнении воспроизводственных функций, в том числе биологической и социальной репродукции. Цифровой мир предстает как гиперсвязанный. Но наблюдается парадокс тотального одиночества. Социальные сети часто дробятся на миллионы изолированных «пузырей» и «эхо-камер». Живые, полнокровные сообщества (соседские, профессиональные) вытесняются виртуальными фан-группами и сообществами по интересам. Это ведет к кризу солидарности, подрыву традиционных форм поддержки, таких как семья и локальные сообщества.

Социально-демографическая структура испытывает влияние цифрового разрыва. Общества раскалывается на два все более чуждых друг другу мира. С одной стороны – «цифровые аборигены», поколение, для которого смартфон – такое же естественное продолжение тела как рука. Они формируют новую культуру, где клиповое мышление и многозадачность вытесняют глубокую концентрацию.

С другой стороны – «цифровые мигранты» и, что еще трагичнее, «цифровые изгои» (пожилые люди, малообразованные слои населения, жители депрессивных регионов). Для них цифровая среда – враждебный и непонятный лабиринт. Цифровой разрыв лишает их не только социальных благ, но и самого права голоса, переводя в разряд граждан второго сорта в производстве, основанном на знаниях. Если молодежь – это авангард цифрового мира, то пожилые люди зачастую становятся его тихим арьергардом. Цифровизация услуг создала новую форму социальной эксклюзии. Цифровая неграмотность создает угрозу разрыва межпоколенческих отношений, что создает угрозы для устойчивого развития общества.

Цифровизация – это торжество прогресса: стирание границ, мгновенная связь и безграничный доступ к информации. Однако за все достижения общество всегда вынуждено платить, и за цифровизацию тоже.

Последняя ведет к кризису приватности. Человек становится «прозрачным». Возникают новые угрозы личности и новые противоречия разного уровня.

Трансформация социально-демографической структуры общества в условиях цифровизации проявляется не только в изменении границ между элементами, но к существенным социальным сдвигам внутри каждого ее элемента.

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИЯ К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НА УРОВЕНЬ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ

Стикина Екатерина Вадимовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современные исследования цифрового неравенства всё чаще выходят за рамки технических показателей – доступа к интернету и устройств – и обращаются к социально-психологическим аспектам цифровой включённости. Одним из таких аспектов является

доверие к цифровой среде: представления пользователей о её безопасности, надёжности и контролируемости.

Даже при высокой цифровой оснащённости Москвы сохраняется часть населения, чьи цифровые навыки остаются низкими, особенно это характерно для представителей старшего поколения. Причина заключается не столько в отсутствии возможностей для обучения, сколько в недоверии к цифровым сервисам и в неуверенности в собственных способностях. Таким образом, доверие к цифровой среде выступает как неявный, но значимый детерминант уровня цифровых навыков: именно оно определяет готовность пользователя учиться, экспериментировать и осваивать новые технологии.

Следует отметить, что доверие часто рассматривается социологами как ключевой элемент социальных отношений [2]. Так, П. Штомпка отмечает, что «для того, чтобы активно и конструктивно примериться к будущему, мы должны оказывать доверие» [2, с. 55]. По мере увеличения возможностей, доступных людям, принимаемые ими решения становятся менее прозрачными, что влечет за собой понижение уровня доверия. Цифровые технологии сейчас для многих людей являются большой загадкой; у большинства отсутствует четкое понимание принципов их работы, а с приходом алгоритмов и искусственного интеллекта это понимание стало еще ниже [1]. Следовательно, необходимо не только повышать уровень цифровых навыков у населения, но и развивать общий уровень осведомленности об устройстве цифровых технологий, о их возможностях.

Следует отметить, что доверие к цифровой инфраструктуре формируется не столько на основе технических характеристик, сколько через личный опыт взаимодействия с платформами, сервисами и ситуациями потенциального риска. Поведение пользователей в подобных ситуациях варьируется в зависимости от уровня цифровой грамотности, возраста, контекста и ранее накопленного опыта.

В рамках социологического исследования было проведено 15 полуструктурированных интервью с жителями Москвы – представителями различных возрастных групп. Анализ высказываний респондентов позволяет проследить, каким образом складываются стратегии цифровой самозащиты, какие формы настороженности или доверия преобладают, и как именно повседневный цифровой опыт влияет на восприятие безопасности и надёжности цифровой среды.

Результаты показывают, что доверие играет двойственную роль: с одной стороны, его избыток повышает уязвимость пользователей перед мошенничеством, с другой – его дефицит ограничивает освоение новых технологий. Люди, проявляющие чрезмерную осторожность или недоверие к цифровым сервисам, стараются избегать взаимодействия с ними, что снижает частоту практического использования и замедляет процесс формирования цифровых навыков. В результате такие пользователи осваивают лишь минимально необходимый набор функций, оставаясь на периферии цифрового пространства.

Так, один из респондентов отметил, что в настоящее время люди стали более доверчивыми при взаимодействии в цифровой среде (*Откуда у тебя возникает доверие к этому человеку? Если тебе на улице подойдет человек и начнет то же самое говорить, что вот в телефоне, ты разве с ним остановишься, начнешь разговаривать?*). Это может быть обусловлено и некоторой обезличенностью общения в цифровой среде и имеет последствия в виде распространения цифрового мошенничества, от которого наиболее доверчивые люди страдают.

Излишнее доверие может быть обусловлено и некоторой обезличенностью общения в цифровой среде и имеет последствия в виде распространения цифрового

мошенничества, от которого наиболее доверчивые люди страдают. Мошеннические звонки в социальной сети Телеграм стали одной из наиболее эффективных схем, особенно в отношении социально незащищенных слоев населения, например, пенсионеров.

Более продвинутые пользователи, обладающие опытом работы с корпоративными системами и базовыми знаниями цифровой безопасности, демонстрируют способность распознавать попытки мошенничества и предотвращать возможные инциденты. Они обращают внимание на визуальные и технические признаки поддельных сообщений – несоответствия в адресах отправителей, странные доменные имена, наличие подозрительных ссылок. Подобная внимательность позволяет своевременно выявлять фишинговые письма, внешне имитирующие официальные корпоративные уведомления, и обращаться к специалистам по информационной безопасности до того, как произойдёт утечка данных.

Респонденты старшего возраста при этом демонстрируют способность противостоять попыткам цифрового злоупотребления, вырабатывая устойчивые стратегии самозащиты. Для этой группы характерно избирательное и осторожное поведение в сети: они внимательно относятся к входящим сообщениям, ограничивают взаимодействие с незнакомыми источниками и предпочитают опираться на проверенный круг контактов. Такая стратегия минимизирует риски столкновения с фишингом или вредоносными ссылками и отражает общий принцип – поддерживать контроль над информационными потоками через критическое отношение и самостоятельную фильтрацию цифрового контента.

Анализ интервью показал, что доверие к цифровым технологиям формируются в первую очередь через конкретный эмпирический пользовательский опыт, а не на основе каких-то технических характеристик. Даже разовые негативные случаи, например, подозрительные звонки, фишинговые ссылки или поддельные аккаунты, надолго снижают доверие к цифровым сервисам, заставляя пользователей менять стратегии их поведения. Таким образом, низкий уровень доверия не только отражает восприятие риска, но и непосредственно замедляет процесс усвоения цифровых навыков, ограничивая возможности для обучения и адаптации в цифровой среде.

Респонденты по-разному реагируют на цифровые угрозы. Кто-то сразу распознавал обман, замечал странный адрес отправителя или формулировки, другие сомневались, не знали, как поступить, или терялись в ситуации. Следовательно, можно говорить о том, что даже среди опытных пользователей может не быть уверенности в своей цифровой защите.

Некоторые участники исследования упоминали, что стараются развивать критическое мышление: не доверяют информации из одного источника, проверяют, кто опубликовал новость, ищут подтверждение. Это можно считать важным навыком в условиях, когда фейковые новости и цифровые манипуляции становятся обычным явлением.

При этом далеко не все обладают такими навыками: часть пользователей не знает, как защитить себя, или считает, что влияние отдельного человека на безопасность минимально. Это подтверждает, что цифровое неравенство проявляется не только в доступе к технологиям, но и в уровне доверия и уверенности. Одни пользователи чувствуют себя уверенно в онлайн-среде, другие же – не готовы принимать риски, что ограничивает их участие в цифровом обществе. Следовательно, цифровая безопасность – это не только технологический, но и социокультурный вопрос, связанный с тем, насколько человек доверяет цифровой среде и готов учиться взаимодействовать с ней безопасно и осознанно.

Таким образом, анализ интервью представителей различных возрастных групп демонстрирует яркие различия в использовании цифровых технологий. Так, молодое поколение видит в цифровых технологиях средство саморазвития, общения и досуга и, следовательно, достаточно сильно вовлечено в цифровую сферу. Представители среднего возраста склонны воспринимать цифровые технологии как средство для выполнения профессиональных и бытовых задач. В свою очередь, старшее поколение, несмотря на ограниченное множество знакомых функций, активно использует цифровые технологии для общения с близкими, что демонстрирует адаптированность к цифровой среде. Тем самым доверие выступает неотъемлемым условием успешного освоения цифровой среды и формирует скрытый уровень цифрового неравенства между социальными и возрастными группами.

1. *Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №1. С. 171-192.*
2. *Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 440 с.*

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КИТАЕ

Сян Хуайчэн
(СПбГУ)

С параллельным наступлением эпохи цифровизации и старения общества способность пожилых людей пользоваться благами цифрового общества стала важной темой в исследованиях стареющего населения в цифровую эпоху. Согласно 55-му «Статистическому отчету о развитии интернета в Китае», по состоянию на декабрь 2024 года число интернет-пользователей в Китае достигло 1,108 миллиарда человек, однако среди тех, кто не пользуется интернетом, доля пожилых людей в возрасте 60 лет и старше составила 46,8 %. Многие пожилые люди, не успевая за быстрым развитием цифрового общества, добровольно или вынужденно отстают от цифровой эпохи.

Исследования цифрового разрыва среди пожилых людей как одной из групп начали постепенно развиваться после 2019 года. В последние годы сфера исследований цифрового разрыва среди пожилых людей расширилась, увеличилось количество измерений анализа, а изучаемые вопросы стали более детализированными. Однако, без систематического обобщения разрозненных будет сложно продвигать эффективное решение проблемы цифрового разрыва среди пожилых людей. Исходя из этого, в данной статье предлагается систематизировать и обобщить академические исследования цифрового разрыва среди пожилых людей с целью внести вклад в развитие теоретических и прикладных исследований данной проблемы.

Что касается происхождения концепции цифрового разрыва, в академических кругах до сих пор существуют определенные разногласия, и единого понимания этого понятия еще не сформировалось. В 1999 году Управление по телекоммуникациям и информации США в своем отчете «Отставание в сети: исследование информационной бедности в городских и сельских районах Америки» определило цифровой разрыв как «разрыв между богатыми и бедными в обладании средствами коммуникации в информационную эпоху». Среди различных возрастных групп цифровой разрыв наиболее

ярко проявляется в пожилой группе населения, что называется цифровым разрывом пожилых людей или межпоколенческим разрывом. Это различия между родительским и детским поколениями в принятии и использовании цифровых технологий, а также в связанной с ними информационной грамотности, по сути, являющиеся продуктом традиционного разрыва между поколениями в цифровую эпоху [2 – 120]. Цифровой разрыв пожилых людей также возникает по мере развития цифровых технологий из-за запаздывания в институциональных и концептуальных аспектах, приводя к разрыву между поколениями в доступе к цифровым ресурсам и технологиям, а также в способности их применять, что делает пожилых людей уязвимой группой в участии в жизни цифрового общества [3 – 59].

С того момента, как цифровой разрыв пожилых людей привлек внимание академических кругов, многие исследователи, используя различные теории и подходы, начали изучать эту проблему, постепенно разработав достаточно разнообразные теоретические аналитические. Среди репрезентативных теорий и исследовательских перспектив, касающихся цифрового разрыва пожилых людей, можно выделить: теорию взаимодействия человека с системой, теорию ресоциализации, перспективу цифрового разрыва, перспективу теории разрыва в знаниях, теорию иерархии потребностей Маслоу и другие.

Теория взаимодействия человека и системы объясняет сопротивление пользователей процессом внедрения информационных систем. Как видно из сопротивления пожилых людей использованию WeChat, поскольку мобильные социальные сети не соответствуют их ожиданиям от использования, а их собственная цифровая грамотность низка, они склонны придерживаться традиционных способов общения [4 – 85]. Теория ресоциализации фокусируется на изменении образа жизни индивидуума – человек может новые ценности и модели поведения через ресоциализацию. Исследования показывают, что постоянное обучение пожилых людей использованию интернета и активная адаптация к новому образу жизни значительно способствуют их физическому и психическому здоровью [5 – 25]. Теория цифрового разрыва подчеркивает различия между разными группами в доступе и использовании информации, тогда как теория разрыва в знаниях акцентирует положительную корреляцию между социально-экономическим статусом и приобретением знаний [6 – 20]. Теория иерархии потребностей Маслоу разделяет потребности человека на пять уровней: физиологические, безопасности, социальные, уважения и самореализации. В связи с быстрым развитием цифрового общества и активным использованием социальных сетей, у пожилых людей возникают барьеры в доступе к удовлетворению физиологических потребностей и потребностей безопасности, что требует от правительства и бизнеса повышения уровня и качества услуг для удовлетворения их материальных потребностей, в то время как члены семьи могут осуществлять «цифровое восполнение» для удовлетворения их духовных потребностей [7 – 24].

На основе вышеуказанных теоретических исследований мы видим, что с углублением изучения проблемы цифрового разрыва среди пожилых людей ученые используют различные теории для объяснения и анализа этой проблемы. Однако в условиях быстрого развития цифровой эпохи проблема цифрового разрыва среди пожилых людей требует от академического сообщества более глубокого изучения с привлечением междисциплинарных подходов.

1. *Чжоу Юйцюн. Цифровой разрыв между поколениями и культурная обратная связь: количественное исследование «тихой революции» в семье // Современные коммуникации: Журнал Китайского университета журналистики и коммуникаций. – 2014. – № 2. – С. 117-123.*
2. *Ян Ифань, Пань Цзюньхао. Аналитическая управления цифровым разрывом среди пожилых людей // Научные исследования по проблемам старения. – 2019. – Т. 7. – № 10. – С. 58-67.*
3. *Ван Сивэй и др. Исследование факторов сопротивления пожилых пользователей мобильных социальных сетей: анализ с точки зрения теории взаимодействия человека и системы // Информационная и библиотечная работа. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 81-88.*
4. *Чжао Цзяньго, Лю Цзыцюн. Влияние использования интернета на здоровье пожилых людей // Китайская демографическая наука. – 2020. – Т. 5. – С. 14-26.*
5. *Лу Цзехуа, Вэй Сяодань. Аналитическая, концепция и пути преодоления цифрового разрыва среди пожилых людей – на основе перспектив теорий цифрового разрыва и разрыва в знаниях // Демографические исследования. – 2021. – Т. 45. – № 3. – С. 17.*
6. *Чжао На, Тань Тянь. Анализ активного старения в социальных сетях – на основе теории иерархии потребностей Маслоу // Любитель журналистики. – 2021. – Т. 3. – С. 22-26.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Тимохина Дарья Александровна
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университе гуманитарных наук»)

Аннотация: В статье исследуются механизмы воздействия на массовое сознание в условиях цифрового общества. На основе теоретических концепций (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ш. Зубофф) рассматриваются механизмы манипуляции, такие как симулякры, гегемония и алгоритмический контроль. Особое внимание уделяется постправде и информационным пузырям как противоречиям цифровой идеологии. Классификация механизмов позволяет систематизировать их влияние. Предлагаются меры по повышению медиаграмотности для противодействия манипуляциям.

Ключевые слова: массовое сознание, цифровое общество, симулякры, гегемония, алгоритмический контроль, постправда, медиаграмотность

В эпоху цифровой трансформации массовое сознание становится уязвимым объектом манипуляций, поскольку технологии усиливают распространение дезинформации и формируют субъективные нарративы, размывая грань между фактами и эмоциями. Актуальность анализа обусловлена ростом постправды, когда алгоритмы социальных платформ создают эхо-камеры, усиливая социальную поляризацию и снижая критическое мышление.

Теоретическая основа опирается на классические подходы, такие как рационализация М. Вебера и гегемония А. Грамши, которые объясняют закрепление доминирующих смыслов через институты, а также на современные концепции Р. Барта о мифах как маскировке идеологии и Ж. Бодрийяра о симулякрах как подмене реальности знаковыми системами. Ш. Зубофф дополняет это понятием надзорного капитализма, где данные пользователей монетизируются для таргетированного контроля поведения. Массовое сознание, как динамичная система, формируется через коммуникацию, идеологию и медиа, что делает его подверженным искажениям в цифровой среде. Выделенные механизмы воздействия включают

симуляцию как создание гиперреальности через повторяющиеся знаки, дискурсивное кодирование как языковые рамки легитимации идей, гегемонию смысла как закрепление доминирующих интерпретаций, эмоциональную мобилизацию для вовлечения аудитории через страх или возмущение, квазикоммуникацию как имитацию диалога в платформах и алгоритмический контроль как персонализацию контента для усиления лояльности. Постправда как идеология цифрового общества снижает доверие к фактам, усиливая социальную фрагментацию, что проявляется в размывании границ между объективным и субъективным, где эмоциональные нарративы преобладают над рациональными аргументами, а социальные сети усиливают это через фильтрацию контента, создавая замкнутые круги мнений. Надзорный капитализм, основанный на монетизации внимания, ограничивает свободу самовыражения, превращая пользователей в объект контроля, что противоречит принципам открытого общества.

Противодействие манипуляциям возможно через развитие медиаграмотности, включая образовательные программы по анализу источников и регулирование алгоритмов социальных сетей для прозрачности, что позволит снизить уязвимость сознания и укрепить критическое мышление в цифровой среде.

1. *Адамьянц Т. З. Умные люди для «умных городов» (в свете идей Т. М. Дридзе) // Научный результат. Социология и управление. 2023. № 1. С. 45–56.*
2. *Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. М.: Медиум, 1997.*
3. *Альтюссер Л. Идеология и идеологические государственные аппараты // Альтюссер Л. По ту сторону марксизма. М.: Праксис, 2009. С. 87–126.*
4. *Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 240 с.*
5. *Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.*
6. *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Добросвет, 2000. Бурдьё П. Различение: Социальная критика суждения / Пер. с фр. О. Седаковой. М.: Новое издательство, 2018. 552 с.*
7. *Быков В. М. Мотивационно-стимулирующий баланс как инструмент формирования конкурентоспособности персонала. М.: Издательство, 2022. 180 с.*
8. *Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Высшая школа, 2004.*
9. *Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. А. В. Ломоносова. М.: Аспект Пресс, 2001. 704 с.*
10. *Гофман Э. Представление себя в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Издательский дом «Европа», 2006. 256 с.*
11. *Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991.*
12. *Григорьев А. И. Манипуляции в масс-медиа: Психологические аспекты. М.: МГПУ, 2015. 210 с.*
13. *Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987. Грэм Р. Манипуляция общественным мнением / Пер. с англ. И. В. Кузнецова. М.: Инфра-М, 2010. 192 с.*
14. *Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса. М.: Логос, 2000. 184 с.*
15. *Джеймс Р. Социология манипуляции и восприятия: Теоретические и практические аспекты. М.: Академический проект, 2020. 230 с.*
16. *Дридзе Т. З. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 268 с.*
17. *Дюркгейм Э. О разделении труда в обществе / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Мысль, 1990. 576 с.*
18. *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М.: Элементарные формы, 2018.*
19. *Зиммель Г. Социология: Исследования форм социального взаимодействия / Пер. с нем. В. С.*
20. *Волкова. М.: Академический проект, 1998. 672 с.*
21. *Зубофф Ш. Эра надзорного капитализма. М.: АСТ, 2020.*
22. *Йоргенсен М., Филипс Л. Дискурсивный анализ как теория и метод / Пер. с англ. Е. В. Егоровой. СПб.: Издательство НИПЦ ИЭП, 2008. 272 с.*
23. *Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.*
24. *Кастельс М. Интернет и общество / Пер. с англ. А. В. Попова. М.: Весь Мир, 2019. 432 с.*
25. *Коэн С. Folk Devils and Moral Panics. London: Routledge, 2002.*
26. *Кули Ч. Х. Социальные изменения и их влияние на общественное сознание / Пер. с англ. Н. П. Лебедева. М.: Прогресс, 1985. 320 с.*
27. *Кумар П. Методология исследования в социологии массового сознания. М.: Научный мир, 2018. 200 с.*

28. *Лакан Ж. Элементы психоанализа / Пер. с фр. А. К. Черноглазова. М.: АСТ, 1999. 512 с.*
29. *Лаклау Э., Муфф Ш. Гегемония и социалистическая стратегия. М.: Прогресс-Традиция, 2004.*
30. *Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.*
31. *Луман Н. Социальные системы / Пер. с нем. И. Д. Газиева. М.: Логос, 2004. 640 с.*
32. *Мангейм К. Идеология и утопия. М.: Канон+, 2004.*
33. *Манн М. История власти / Пер. с англ. В. А. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2004. 880 Фэркло Н. Язык и власть. М.: URSS, 2021.*
34. *Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. М.: Весь Мир, 2016.*
35. *Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М.: Медиум, 1997.*
36. *Яковлева М. П. Искажение общественного сознания через политику и медиа: анализ в социологическом контексте. – Журнал «Современная социология», 2022.*

ПРОБЛЕМЫ ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГА ПРИ ТРАНСКРИБИРОВАНИИ АУДИОДАННЫХ: «ВЫМЫШЛЕННЫЙ» РЕСПОНДЕНТ ПРОТИВ «РЕАЛЬНОГО» РЕСПОНДЕНТА

Толкачева Елена Вячеславовна
(СПбГУ)

Аннотация: В данной работе представлены результаты исследования трансформации роли социолога в процессе автоматического транскрибирования аудиоданных с помощью генеративных нейронных моделей. Отмечены основные факторы, влияющие на точность транскриптов, создаваемых с помощью промпт-инжиниринга. Описаны способы снижения количества интерпретативных ошибок, допускаемых генеративной нейронной моделью при транскрибировании аудиоданных социологическиих исследований.

Ключевые слова: транкрибирование, промпт-инжиниринг, генеративная нейронная модель.

В настоящее время традиционная практика работы социолога с аудиозаписей голоса респондента, трансформируется в новую, основанную на применении искусственного интеллекта. Используемая в ходе социологических исследований обработка аудиозаписей с помощью генеративных нейронных моделей базируется на системе значений и символов, которая радикально отличается от человеческой [1, 75]. Изменяется отношение к легитимности и валидности транскриптов, полученных в ходе автоматического транскрибирования. Возможность использования генеративных нейронных моделей, делает важным умение социолога взаимодействовать с ней.

Генеративная нейронная модель конструирует образ респондента по ряду правил, заложенных в ее архитектуре, а также социологом в промпте. Применение промпт-инжиниринга как инструмента транскрибирования представляет собой формулировку задачи по переводу аудиозаписей в текст, которая будет понятна генеративной нейронной модели и позволит подготовить необходимый транскрипт.

Использование общего промпта приводит к тому, что получаемый транскрипт содержит лишь содержание речи респондента, что может приводить к потере контекста [2, 15]. Генеративная нейронная модель по умолчанию отбрасывает индексные элементы речи, такие как смех, паузы, оговорки и т.д. Аналогичная ситуация наблюдается и при использовании программ для транскрибирования аудио. Эта особенность демонстрирует разницу между человеческой и машинной обработкой аудиоданных социологических исследований.

В качестве решения данной проблемы можно применять промпты, в которых социолог ставит перед генеративной нейронной моделью задачу сохранения в транскрипте невербальных особенностей речи респондента. Это своеобразная попытка заставить генеративную нейронную модель зафиксировать не только содержание речи, но и ее индексные элементы.

При промпт-инжиниринге социолог работает не с аудиозаписей речи респондента, а с его текстовой интерпретацией, которая была создана генеративной нейронной моделью. При этом генеративная нейронная модель выступает активным агентом, который может опосредованно через создаваемые транскрипты трансформировать образ респондента в сознании социолога, если результаты транскрибирования аудиоданных не проверять вручную. Так проблемой является то, что в процессе транскрибирования аудиоданных генеративная нейронная модель может придумывать в транскрипте текст, отсутствующий в аудиозаписи речи респондента. Тем самым она создает «вымышленного» респондента.

Поскольку генеративная нейронная модель вносит в транскрипт свои искажения, основанные на своей архитектуре, интерпретации поставленной социологом в промпте задачи и массиве данных, на которых проходило обучение, то возникают ситуации недоверия социолога получаемому в ходе промптинга результату и необходимости проведения проверки. Роль социолога при работе с аудиоданными теперь заключается не в создании транскрипта, а в его верификации и контроле точности.

При использовании генеративных нейронных моделей социолог через промпт-инжиниринг конструирует транскрипт, который он хочет увидеть. Он определяет, будет ли в транскрипте представлен образ респондента с идеальной или с «живой» речью. При этом социолог создает транскрипты не напрямую, а через формулирование промптов. Он задает правила для транскрибирования аудиоданных через другого агента – генеративную нейронную модель. Для избегания ошибок транскрибирования для социолога становится важно максимально точно сформулировать для генеративной нейронной модели правила по которым должен быть создан транскрипт.

Таким образом, использование генеративной нейронной модели не стоит рассматривать исключительно как техническую модернизацию социологических исследований, поскольку изменяется сама исследовательская практика. Предыдущие прямые взаимодействия социолога с аудиоданными исследований усложняются. Он начинает исполнять роль промпт-инженера. При транскрибировании с помощью промпт-инжиниринга социолог начинает обрабатывать аудиоданные в сложном и непредсказуемом альянсе с нечеловеческим агентом (генеративной нейронной моделью). При этом появляются риски возникновения конфликта интерпретаций, особенно если модель не фиксирует индексные переменные речи или создает более компетентного и грамотного «двойника» респондента. Когда генеративная нейронная модель придумывает в транскрипте текст, отсутствующий в аудиозаписи, то это есть не что иное, как активное «домысливание» реальности, а не ее точная передача.

Мы видим, что социологу недостаточно просто использовать мощную генеративную нейронную модель для транскрибирования аудиоданных. Важным является создание общего символического поля, которое бы интерпретировалось генеративной нейронной моделью корректно. Полностью автоматизированное транскрибирование аудиоданных социологических исследований не дает приемлемые результаты, но в тоже время использование социологом промпт-инжиниринга, позволяет наделять символы смыслом и учить генеративную нейронную модель понимать этот смысл.

1. *Мещанинов В. Е., Поляк М. В. Нейросетевая модель транскрибации русской речи // Обработка, передача и защита информации в компьютерных системах: Первая Всероссийская научная конференция, Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020. – С. 75-79.*
2. *Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных / В. А. Ядов // Социология: Методология, методы, математические модели. – 1991. – № 1. – С. 14-31.*

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Тюрина Юлия Александровна
(РАНХиГС)

Цифровизация общества и формирование цифровой среды государственного управления актуализирует исследование цифрового доверия как основы взаимодействия в цифровом формате. Группа ученых РАНХиГС Санкт-Петербург в 2024 году провела исследование на тему «Формирование цифрового доверия в рамках социоинженерных атак», целью которого было разработать рекомендации по формированию цифрового доверия государственным органам в рамках социоинженерных атак.

На теоретическом уровне ученым удалось на основе социологической парадигмы, позволяющей интегрировать теоретико-методологический инструментарий психологии, экономики и политологии, представить конструкт цифрового доверия, построить модель цифрового доверия с выделением его уровней и компонент, выделить маркеры уровней цифрового доверия, а также разработать классификацию социоинженерных атак. Практическая часть исследования заключалась в разработке методики оценки текстовых материалов в социальных сетях для определения уровня цифрового доверия, в проведении пилотного исследования и разработке рекомендаций по формированию цифрового доверия к органам власти с учетом активизации разных видов социоинженерных атак.

Результаты исследования позволили получить представление о структуре цифрового доверия граждан, о практике взаимодействия гражданина и государства в цифровом формате. Предложить методику оценки уровня цифрового доверия к органам власти и результатам их деятельности в цифровой среде, разработать подходы к повышению цифрового доверия граждан к государственным органам власти, как к фактору устойчивого развития страны в условиях цифровизации.

Значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в интересах органов государственной власти, органов местного самоуправления и коммерческих организаций, а также для научно-исследовательских коллективов.

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ, АВТОНОМИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ И ЭТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ БИЗНЕС-ЭКОСИСТЕМ

Уйбин Денис Валерьевич
(Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы)

Аннотация. В статье анализируется феномен алгоритмической власти в контексте трансформации информационных бизнес-экосистем, а также анализируются основные концептуальные подходы к пониманию алгоритмов как инструмента власти. Кроме того, рассматривается влияние интеллектуальных алгоритмов на социальные практики и

автономию потребителя, этические риски приватности и цифрового неравенства, а также необходимость институционализации этики алгоритмов и нормативного баланса между бизнесом и обществом.

Ключевые слова. Алгоритмическая власть; автономия потребителя; информационные бизнес-экосистемы; социология управления; цифровое неравенство; этика алгоритмов; платформенные технологии.

Введение. Современный мир уже находится в фазе развития, в которой алгоритмы и цифровые платформы выполняют функции новых субъектов управления, ведь в условиях, когда глобальные бизнес-экосистемы (Amazon, Google, Alibaba, Яндекс и др.) формируют собственную инфраструктуру потребления и коммуникации, основополагающим фактором становится алгоритмическая власть, основанная на управлении потоками данных, предсказании и моделировании поведения пользователей [27, 315].

В социологии управления можно зафиксировать качественный сдвиг от классических иерархических моделей к цифровым контурам регулирования, где решение принимается не человеком, а алгоритмами, которые способны не только структурировать экономические транзакции, но и могут задать рамки социальной жизни, формируя архитектуру выбора, в которой автономия потребителя незаметно оказывается ограниченной [25, 384].

Очень значимым является этический аспект, ведь управление через алгоритмы связано с вопросами прозрачности, приватности и ответственности, так алгоритмическая власть формирует новые социальные риски, включая цифровое неравенства и неявную дискриминацию [16, 296].

Цель этой статьи заключается в теоретико-аналитическом рассмотрении алгоритмической власти, трансформации автономии потребителя и этических вызовов в условиях цифровизации. Задачи статьи сводятся к следующему:

– рассмотреть наиболее актуальные концептуальные подходы к пониманию алгоритмической власти;

– проанализировать процесс ограничения автономии потребителя;

– выявить ключевые этические проблемы алгоритмического управления.

Методологической основой исследования является критический анализ академической литературы и документов международных организаций (OECD, UNESCO).

Алгоритмическая власть в современном обществе: теоретико-социологический анализ

Понятие алгоритмическая власти укрепилось в современном научном дискурсе, отображая сдвиг в механизмах управления социальными процессами, ведь если традиционные подходы к власти в социологии управления опирались на иерархические модели, то в условиях расширяющейся цифровизации усиливается роль технологически опосредованных форм влияния. Алгоритмы информационных бизнес-экосистем становятся инструментами, способными структурировать повседневные практики и определять параметры выбора, что и превращает их в субъектов нового типа власти [22, 320].

Согласно концепции Ш. Зубофф, алгоритмическая власть представляет собой элемент более широкой системы надзорного капитализма, где данные пользователей становятся основным источником формирования стоимости [27, 315]. Алгоритмы не

только обрабатывают информацию, но и управляют поведением, прогнозируя и корректируя действия потребителей, влияя на автономию их решений.

Зачастую алгоритмическую власть связывают с институционализацией платформенных структур, указывая что алгоритмы становятся новым посредником в социальных взаимодействиях, при этом подменяя собой традиционные институты регулирования, при таком рассмотрении экосистемы выступают в качестве квазигосударственных образований, ведь они устанавливают правила взаимодействия, определяют доступ к ресурсам и фиксируют новые формы социального контроля [24,120].

Власть платформ основывается на непрозрачности и асимметрии знания. В отличие от публичного государственного регулирования, алгоритмическое управление функционирует скрытно, через код и интерфейсы. В этом контексте оно становится разновидностью символического насилия, действующего через формирование предпочтений [13, 320].

Согласно концепции архитектуры выбора Р. Талера и К. Санштейна, индивид принимает решения в пространстве, структурированном алгоритмами, где свобода выбора ограничена заранее определёнными вариантами. Индивид сохраняет иллюзию автономии, но его поведение направляется рекомендациями.

С точки зрения критической социологии можно подчеркнуть, воспроизводимость социальной асимметрии алгоритмической властью, как это отмечает В. Майер-Шёнбергер, алгоритмы, которые обучаются на больших массивах данных, способны унаследовать и закрепить существующие социальные неравенства [20, 256]. Таким образом отмечается отсутствие нейтральности у цифрового управления.

В результате рассмотрения становится понятно, что алгоритмическая власть представляет собой сложный многослойный феномен, поскольку с одной стороны, она способна обеспечить новые формы эффективности и управления в условиях глобальных бизнес-экосистем, а с другой ограничивает автономию потребителя и закрепляет социальные неравенства. В контексте социологии управления этот феномен вполне может быть рассмотрен как переход от традиционных институциональных моделей к цифровым экосистемам, в которых власть реализуется через алгоритмы, а не через формальные институты.

Автономия потребителя и трансформация потребительского поведения

В социологии и экономике автономия потребителя обычно рассматривается как способность индивида самостоятельно принимать решения, исходя из собственных мыслей, предпочтений, рациональных расчетов и социального опыта, но в условиях цифровых платформ такая категория претерпевает значительную трансформацию, так как алгоритмическое управление существенно ограничивает пространство выбора, навязывая определённые сценарии поведения и подталкивая к определённым решениям.

Автономия в классическом либеральном дискурсе, понимаемая как свобода выбора, в условиях развитых информационных бизнес-экосистем оказывается сложно реализуемой, поскольку алгоритмы, формирующие персонализированные рекомендации, замещают традиционные социальные механизмы навигации и ориентации (И. Берлин, Дж. Милль). Как отмечает Э. Паризер, перманентная фильтрация информации приводит к эффекту информационного пузыря, в рамках которого пользователь взаимодействует с ограниченным набором опций [23, 304].

Исследователи фиксируют, что такое ограничение носит отнюдь не случайный характер, поскольку оно встроено в архитектуру цифровых экосистем и служит бизнес-целям, а именно удержанию пользователя и монетизации его внимания, из-за чего

автономия потребителя теряет свой традиционный смысл и приобретает видимость свободы, которая скрывает структурированность выбора алгоритмами [24, 120].

Зачастую отмечается тесная связь применения алгоритмов с концепциями поведенческой экономики, так. Согласно Р. Талеру и К. Санстейну, поведение индивида можно направлять, используя архитектуру выбора без прямого принуждения [25, 384]. Информационные бизнес-экосистемы эту идею реализуют в насколько это возможно масштабной форме. Алгоритмы предсказывают действия пользователей и предлагают «оптимальные» варианты, сокращая зону рефлексии.

Наиболее существенным из последствий алгоритмического управления следует выделить формирование иллюзии свободы, поскольку потребитель по-прежнему убеждён, что действует самостоятельно, хотя фактически его поведение и его решения подчинены скрытым механикам рекомендаций, таргетинга и динамического ценообразования [26, 505]. У такой формы власти отмечается латентный характер, то есть отсутствует прямое принуждение, но присутствует сильное ограничение альтернатив навязываемого выбора.

Снижение автономии имеет не только индивидуальное, но и социальное измерение, ведь с одной стороны, цифровые экосистемы повышают удобство и оптимизируют процессы взаимодействия, а с другой стороны они усиливают зависимость от алгоритмических предписаний и воспроизводят социальные неравенства. Алгоритмическая власть преобразует потребителя в источник данных, чьи интересы подчинены логике капитализации информации [27, 315].

Этические вызовы и управленческие практики в информационных бизнес-экосистемах

Этическое измерение алгоритмической власти связано с воздействием на принципы автономии, справедливости и равенства [18, 272].

Не мене важным среди этических вызовов является вопрос приватности и контроля над данными, поскольку в условиях экосистем данные о пользователях становятся основным ресурсом, формирующим бизнес-модели компаний [20, 250]. Стоит отметить, что использование данных носит асимметричный характер, так как платформы обладают полной информацией о пользователях, в то время как пользователи не имеют доступа к логике функционирования алгоритмов.

Как отмечает Х. Ниссенбаум, приватность связана не только с сокрытием информации, но и с её контекстуальной целесообразностью и контролем над потоками данных, однако в алгоритмическом управлении на данный момент этот контроль в значительной мере отсутствует, что подрывает доверие к цифровым экосистемам [21, 304].

Алгоритмические системы не являются нейтральными, ведь они унаследуют дискриминационные практики, встроенные в обучающие выборки, что в свою очередь порождает проблему алгоритмического смещения, когда результаты работы алгоритмов постоянно искажают социальную реальность [17, 1147]. Кроме того, экосистемы усиливают цифровое неравенство, поскольку доступ к сервисам и алгоритмическим возможностям зависит от социального статуса, экономических ресурсов и уровня цифровой грамотности, из-за чего формируется новая форма стратификации, где различия в доступе к данным и алгоритмам становятся источником социальной асимметрии [15, 596].

Ключевым вызовом становится распределение ответственности за решения, принимаемые алгоритмами, ведь насколько известно в традиционных моделях управления ответственность закреплена институционально, однако в цифровых экосистемах возникает распылённая ответственность, то есть ни разработчики, ни платформы, ни

пользователи не несут полной ответственности, что создает этический вакуум, в рамках которого последствия алгоритмических решений остаются без институционального урегулирования [26, 506].

Международные организации, включая OECD и UNESCO, выдвигают инициативы по формированию принципов этики искусственного интеллекта и подотчётности алгоритмов, но большинство практик носят декларативный характер и не подкреплены действенными механизмами регулирования (OECD, 2019).

Информационные бизнес-экосистемы разрабатывают собственные стратегии саморегуляции, такие как внутренние кодексы этики данных, аудит алгоритмов, внедрение принципов ответственного ИИ [19, 392]. Но сложно назвать такие стратегии эффективными, поскольку они чаще выполняют функцию репутационного менеджмента, чем реального этического контроля.

Государства тоже взяли во внимание эту ситуацию и стремятся усилить регулирование, в качестве примера можно Общий регламент по защите данных (GDPR) в ЕС, закрепляющий права пользователей на доступ к информации и контроль над обработкой данных, но стоит отметить, что вопрос алгоритмической власти до сих пор не затронут регуляторами. Регулирование, как правило, отстаёт от технологического развития, что создает пространство для усиления влияния алгоритмической власти транснациональных экосистем [27,315].

Необходима институционализация этики алгоритмов через многоуровневые механизмы регулирования, сочетающие саморегуляцию, государственные нормы и международные стандарты. Этика алгоритмов должна стать элементом управленческих практик для обеспечения баланса между эффективностью и автономией потребителя.

Заключение. Проведённый анализ показал значимость алгоритмической власти как механизма, определяющего потребительское поведение и управленческие практики в информационных бизнес-экосистемах.

Автономия потребителя подвергается двойственному воздействию: алгоритмы расширяют возможности выбора и сокращают издержки, но одновременно формируют архитектуру выбора, ограничивающую субъектность потребителя. Современный потребитель оказывается включён в режим алгоритмически управляемой автономии.

Этические вызовы связаны с асимметрией информации, непрозрачностью алгоритмов и манипуляцией вниманием. Ключевыми направлениями решения являются разработка регулятивных норм на основе прозрачности и подотчётности, внедрение этического аудита алгоритмов и обеспечение баланса между коммерцией и правами потребителей.

Таким образом, алгоритмическая власть – это не только технологический, но и социологический феномен, требующий системного анализа и выработки управленческих решений, минимизирующих риски алгоритмической зависимости и способствующих сохранению подлинной автономии.

1. *Басова Е. А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. – 2021. – Т. 9. – №. 4. – С. 4.*
2. *Горячкин Б. С., Королёва Ю. П. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта // Инженерный вестник Дона. – 2024. – №. 4 (112). – С. 53.*
3. *Деревцова И. В. и др. Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности // Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12. – №. 2. – С. 20.*
4. *Иванова А. И. Детерминанты цифрового неравенства в российских регионах // Мир экономики и управления. – 2023. – Т. 23. – №. 4. – С. 104-120.*
5. *Ивлев Д. В. Искусственный интеллект и проблемы этики // Право и практика. – 2023. – №. 4. – С. 263-267.*

6. *Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Этические аспекты искусственного интеллекта //Наука и техника в Якутии. – 2020. – №. 2 (39). – С. 28-31.*
7. *Колесникова А. С., Демидов И. В. Этические аспекты разработки и применения систем искусственного интеллекта // Вестник науки. – 2025. – Т. 2. – №. 7 (88). – С. 350-360.*
8. *Квасникова М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // Социально-политические исследования. – 2020. – №. 1 (6). – С. 43-58.*
9. *Курочкин Н. Д. Факторы цифрового неравенства населения российских регионов // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – №. S3. – С. 194-199.*
10. *Миндигулова А. А. Этика и искусственный интеллект: проблемы и противоречия // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – №. 3. – С. 146-150.*
11. *Перекатова А. А. Цифровое неравенство в городском пространстве Санкт-Петербурга // Петербургская социология сегодня. 2023. № 20. С. 45-55.*
12. *Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 54-6 Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – №. 1. – С. 54-65.*
13. *Bourdieu P. Language and Symbolic Power. – Cambridge : Polity Press, 1991.*
14. *Caliskan A., Bryson J. J., Narayanan A. Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases // Science. – 2017. – Т. 356. – №. 6334. – С. 183-186.*
15. *Castells M. Communication, power and counter-power in the network society //International journal of communication. – 2007. – Т. 1. – №. 1. – С. 29.*
16. *Crawford K. The atlas of AI: Power, politics, and the planetary costs of artificial intelligence. – Yale University Press, 2021.*
17. *Crawford K., Paglen T. Excavating AI: The politics of images in machine learning training sets // Ai & Society. – 2021. – Т. 36. – №. 4. – С. 1105-1116.*
18. *Floridi L. The ethics of artificial intelligence: Principles, challenges, and opportunities. – 2023.*
19. *Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature machine intelligence. – 2019. – Т. 1. – №. 9. – С. 389-399.*
20. *Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big data: A revolution that will transform how we live, work, and think. – Houghton Mifflin Harcourt, 2013.*
21. *Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. – Stanford : Stanford University Press, 2020.*
22. *Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge : Harvard University Press, 2021.*
23. *Pariser E. The filter bubble: What the Internet is hiding from you. – penguin UK, 2011.*
24. *Srnicek N. Platform capitalism. – John Wiley & Sons, 2017.*
25. *Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness. – Penguin, 2009.*
26. *Yeung K., Lodge M. (ed.). Algorithmic regulation. – Oxford University Press, 2019.*
27. *Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power, edn //PublicAffairs, New York. – 2019.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

Федорова Лариса Юрьевна
(ЮРГПУ (НПИ) им. М. И. Платова)

Современное общество претерпевает фундаментальные изменения благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сегодня практически каждый аспект повседневной жизни сопряжен с использованием цифровых устройств и приложений. Это привело к изменению традиционных форм общения, созданию новых типов взаимосвязей и формированию специфичных культурных практик. Цель настоящей статьи – рассмотреть динамику происходящих изменений и выявить основные факторы риска, сопровождающие процесс цифровизации социальных взаимодействий.

Преимущества цифровизации социальных взаимодействий проявляются в различных сферах человеческой жизни и оказывают положительное влияние на индивидуальные и общественные процессы. Прежде всего, стоит упомянуть расширение возможностей общения и сотрудничества:

– Преодоление расстояний: С развитием цифровых технологий люди получили возможность общаться друг с другом независимо от физического расстояния. Телефонные разговоры, видеоконференции, социальные сети позволили существенно сократить временные и пространственные преграды.

– Поддержание семейных и дружеских связей: Возможность быстрой передачи сообщений, фотографий и видеозаписей облегчает сохранение близких отношений даже при длительном физическом отсутствии членов семьи и друзей.

– Повышение мобильности: За счет цифровых инструментов граждане могут вести активную трудовую деятельность, учиться и отдыхать удаленно, что увеличивает свободу выбора места проживания и работу по принципу удалённого формата.

Кроме того, отмечается повышение качества образования и культурного обмена: доступность учебных материалов. Интерактивные учебные платформы, онлайн-курсы и электронные библиотеки сделали возможным получение качественного образования вне зависимости от территориального расположения учащегося. Создание открытых лекций и семинаров ведущими специалистами мира даёт возможность любому человеку развиваться интеллектуально и профессионально. Быстрее идет формирование креативных коллективов: совместные проекты ученых, художников и творческих деятелей происходят теперь без ограничений пространства и времени, что ведет к возникновению уникальных совместных проектов.

Цифровизация также привела к улучшению организации государственных и коммерческих структур. Государства активно внедряют систему электронного правительства, что упрощает взаимодействие граждан с органами власти, снижает бюрократизм и улучшает прозрачность административных процедур. Использование ИТ-технологий позволило компаниям оптимизировать внутренние и внешние процессы, снизить издержки производства и увеличить производительность труда сотрудников. Компании переходят на предоставление услуг через мобильные приложения и интернет-сайты, обеспечивая удобство клиентам и экономичность предприятиям.

Цифровизация социальных взаимодействий открыла новые возможности для инвалидов. Развитие специальных программ и оборудования для людей с ограниченными возможностями позволяет интегрировать их в образовательную и рабочую среду, делая общество более открытым и доступным.

На фоне позитивного воздействия цифровизации существуют также и значительные риски, сопутствующие этому процессу, которые касаются широкого спектра сфер жизнедеятельности человека и общества. Прежде всего можно говорить об урате коммуникативных навыков. Погруженность в виртуальное пространство часто приводит к снижению способности к живому общению, уменьшению глубины взаимоотношений и эмоциональной близости между людьми. Чрезмерное использование смартфонов и компьютеров формирует зависимость, влияющую на способность концентрироваться, ухудшает сон и физическое состояние организма. Кроме того, общение посредством экранов приводит к обезличиванию человеческих контактов, потере умения считывать невербальные сигналы собеседника, снижается чувствительность к эмоциям окружающих. Легкость публикации ложной информации создаёт угрозу массовому сознанию, приводя к необоснованным страхам, недоверию к официальным источникам и принятию неправильных решений. Манипулировать сознанием людей можно различными способами. Один из таких способов активист Эли Паризер назвал

«пузырем фильтров». По его словам, механизмы социальных сетей умышленно настроены так, чтобы пользователь потреблял больше того, что ему нравится, и чаще встречал точку зрения, которую разделяет. Сюда же можно отнести и несправедливую модерацию контента. По словам заместителя директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН Н. С. Данюка, вмешательство социальных сетей выражается не только в политической модерации и цензурировании, но и в несправедливом распределении возможностей: для одних платформы предоставляют все ресурсы для распространения контента, а других ждет цензура и предвзятая модерация, что приводит к тому, что некоторую информацию пользователь не может найти [1, 95]. Психологи отмечают также рост случаев тревожности, депрессий и агрессии, вызванных постоянным потоком негативной информации и сравнением своей жизни с успехами других пользователей.

Рост количества хакерских атак угрожает сохранности личных данных, финансов и деловой информации, ставя под удар целые отрасли экономики и государственные учреждения. Многие компании собирают персональные данные пользователей без должного согласия, злоупотребляют ими для маркетинговых целей или продают третьим лицам. Кибермошенники используют уязвимости цифровых систем для вымогательства денег, хищения банковских карт и совершения преступлений против личности.

Несмотря на бурное развитие цифровых технологий, значительная часть населения продолжает оставаться за пределами информационного пространства ввиду отсутствия доступа к высокоскоростному интернету, низкой компьютерной грамотности или бедности. Старшее поколение сталкивается с большими трудностями освоения новых технологий, что ставит их в положение аутсайдеров на рынке труда и затрудняет полноценное участие в общественной жизни. Жители сельской местности и небольших населенных пунктов сталкиваются с меньшими возможностями подключения к качественному интернету, ограничивая доступ к образованию, работе и услугам здравоохранения.

Новые методы агитации и пропаганды в соцсетях используются различными силами для продвижения частных интересов, усиления конфронтаций и радикализации обществ. Популярность западных стандартов жизни и образа мыслей, транслируемых через соцсети, иногда размывают традиционные устои общества, порождая конфликт культур и ценностных ориентиров.

Процесс цифровизации кардинально меняют характер социальных взаимодействий, оказывая огромное влияние на развитие общества, он активно развивается, затрагивая все сферы общественной жизни и вызывая различные реакции. Среди основных опасений, связанных с развитием цифровых технологий, – потенциальное возникновение цифрового тоталитаризма, угроза выхода искусственного интеллекта за пределы человеческого контроля, риск когнитивного спада, рост безработицы и увеличение числа мошеннических действий в цифровой среде [2, 624]. Переход к новому этапу функционирования цивилизации, основанному на широком применении информационно-коммуникационных технологий, привносит как существенные преимущества, так и серьезные риски. Важно осознавать, что эффективное освоение цифровых технологий требует баланса между пользой и опасностью, четкого осознания рисков и готовности к поиску инновационных подходов, направленных на гармонизацию процессов социализации и укрепления человеческого капитала в новом веке. Требуется разработка адекватных мер защиты личности и общества от возможных негативных последствий информатизации, создание инфраструктуры, обеспечивающей доступ к цифровым ресурсам для всех категорий граждан, а также поддержка инициативы просветительского характера, помогающая населению адаптироваться к изменениям и минимизировать потенциальные опасности.

СПЕЦИФИКА МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Феценко Алёна Владиславовна
(МГИМО МИД России)

Одной из главных характеристик современного сложного общества является цифровизация, которая во многих государствах на данный момент означает переход к «цифровому производству». Формируется новая экономическая модель, в которой информационные технологии и Интернет играют ключевую роль в производстве, распределении и потреблении товаров и услуг – цифровой капитализм. Он становится средовым фактором более глубоких не только экономических, но и социальных трансформаций.

Н. Срничек отмечает, что благодаря сетевизации глобального общества формируется «новая бизнес-модель – платформа, способная извлекать и контролировать огромное количество данных» [4, 6]. «Капитализм платформ» подразумевает появление цифровых экосистем, где основным ресурсом становятся данные о пользователях и их взаимодействии с товарами, контентом и друг другом. Согласно Глобальному индексу мощности цифровых платформ 2023, Россия занимает 8 место в мире по уровню развития платформенной экономики [6]. Цифровой капитализм не только создает новые платформы и условия для неограниченного поиска, обработки и производства информации, но активно эксплуатирует существующие цифровые технологии для еще большего вовлечения молодежи в непрерывное медиапотребление.

Ш. Зубофф также отмечает развитие «нового экономического порядка, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» [2, 10]. В «надзорном капитализме» компании аккумулируют данные о потребительском поведении, преимущественно в социальных медиа, используют их для обучения машинного интеллекта с целью предсказания и формирования будущих действий индивидов. Происходит коммерциализация любого онлайн-взаимодействия, поэтому зачастую цифровые платформы используют «темные паттерны» [5] для формирования пользовательского поведения и стимулирования круглосуточного медиапотребления.

Дж. Крэри отмечает, что в современном мире «не существует ни одного момента, места или ситуации, когда нельзя было бы не покупать, потреблять или эксплуатировать сетевые ресурсы, происходит безжалостное вторжение не-времени 24/7 во все стороны социальной или личной жизни» [3, 38]. Автор указывает, что значительная часть современного 24/7 мира заполнена потреблением телевизуального контента. Сегодня структура медиапотребления смещается в сторону онлайн-ресурсов. Согласно статистическим данным, россияне в среднем проводят 8,5 часов в сутки в сети Интернет, а также 3,5 часа за просмотром ТВ [7].

Медиапотребление можно рассматривать как одну из глобальных моделей, возникающих в условиях цифрового капитализма и служащих для непрерывного стимулирования и симулирования потребностей людей. Потребительское поведение молодежи как когорты, проявляющей наибольшую активность на цифровых платформах, становится объектом мониторинга. Молодежь демонстрирует устойчивое предпочтение к цифровым медиа и, в отличие от более старших групп, чаще предпочитает виртуальное взаимодействие (61 %) живому общению (33 %), а также потребляет больше онлайн-контента [1]. Цифровые платформы становятся для молодых россиян средой не только для

коммуникации, но и всей социальной жизни. Собранные данные о медиапотреблении молодого поколения не только подвергаются анализу, но и используются для формирования их предпочтений и будущего поведения, а также манипуляции общественным мнением.

Важно учитывать влияние отмеченных особенностей медиапотребления в условиях цифрового капитализма на формирование человеческого капитала молодежи. С одной стороны, цифровые платформы становятся основным способом получения знаний и опыта, что напрямую связано, в частности, с их профессиональной подготовкой и конкурентоспособностью на рынке труда. Активное взаимодействие с социальными медиа в режиме 24/7 предоставляет молодым людям доступ к неограниченным ресурсам для накопления и развития всех видов капитала, что способствует развитию необходимых навыков для успешной интеграции в общество. С другой стороны, безграничный доступ к цифровым платформам приводит к «информационной интоксикации», человек перестает воспринимать получаемую информацию как нечто значимое и превращается в инертного потребителя, что лишь облегчает задачу формирования поведения в Сети и может привести к деградации человеческого капитала российской молодежи.

Таким образом, цифровой капитализм проявляется в различных формах: капитализм платформ, надзорный капитализм и капитализм в режиме 24/7. Эта новая экономическая система сделала возможным возникновение и распространение новой структуры медиапотребления, наиболее выраженной среди молодежи и непосредственно оказывающей влияние на социальное поведение этой группы. Следует учитывать отмеченную специфику при исследовании молодежи в цифровом обществе. Ценностная составляющая медиапотребления амбивалентна и воспроизводит как функциональные, так и дисфункциональные последствия для формирования человеческого капитала российской молодежи. Из этого вытекает особая значимость рефлексии молодых людей относительно их потребительского поведения и активности на цифровых платформах.

1. *Аналитический центр ВЦИОМ «Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи» (исследование). 24 июня 2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 08.10.2025).*
2. *Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.*
3. *Крэри, Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна / пер. с англ. А. Васильева; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 136 с.*
4. *Срничек, Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.*
5. *Brignull, H., Leiser, M., Santos, C., & Doshi, K. (2023, April 25). Deceptive patterns – user interfaces designed to trick you. URL: https://www.deceptive.design/ (дата обращения: 08.10.2025)*
6. *Global Digital Platform Power Index 2023 URL: https://www.dinarstandard.com/post/global-digital-platform-powerindex-2023 (дата обращения: 06.10.2025)*
7. *We Are Social & Meltwater (2025), "Digital 2025: The Russian Federation" URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation (дата обращения: 06.10.2025).*

СТРУКТУРНОЕ ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ

Ху Сянюй
(СПбГУ)

Аннотация. Цифровизация сопровождается социальными трансформациями, но не устраняет существующее неравенство. В сельских районах Китая ограниченный доступ к цифровым ресурсам, низкие навыки и ограниченные возможности участия формируют структурное цифровое неравенство. Исследование анализирует его системный характер и механизмы воспроизводства.

Ключевые слова: цифровое неравенство; социальная стратификация; цифровой капитал; сельское общество; структура общества.

Цифровое неравенство в сельских районах Китая не может быть объяснено только индивидуальными различиями в уровне компетенций. Оно является проявлением структурного социального неравенства, под которым понимается неравенство, возникающее не случайно и не вследствие индивидуальных выборов, а как результат системного действия социальных структур, институциональных механизмов и долговременных процессов.

В сельском обществе возраст и уровень образования выступают ключевыми детерминантами цифрового неравенства: пожилые группы населения, в силу особенностей социализации и ограниченных возможностей взаимодействия с технологиями, оказываются в менее выгодном положении; люди с низким уровнем образования, вследствие недостатка образовательных ресурсов, ограничены в возможностях освоения и использования цифровых технологий. Эти различия носят системный характер и тесно связаны с демографической структурой, распределением образовательных ресурсов и институциональными условиями [2, 404].

Современные теории информационного общества раскрывают структурные корни подобного неравенства. Мануэль Кастельси Скотт Лэш подчёркивают, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в современном мире являются не просто инструментами, а основной инфраструктурой экономической, социальной и политической деятельности. Производство, распределение, коммуникация и финансовые системы зависят от информационных сетей. Когда определённые группы не имеют возможности полноценно использовать эту инфраструктуру, их исключение становится структурным следствием взаимодействия технологий и социальной организации. В условиях информационного капитализма труд делится на «программируемый» (высокопроизводительный, требующий высокого уровня образования и цифровых компетенций) и «универсальный» (низкоквалифицированный, легко заменяемый). Такое разделение труда институционально закрепляет неравенство в доходах, статусе и доступе к ресурсам, превращая его в элемент самой социальной структуры. Глобальные потоки капитала и информации усиливают эту дифференциацию: богатство концентрируется в сетевых центрах, тогда как периферийные регионы, не имеющие инфраструктуры и ресурсов, систематически исключаются из цепочек добавленной стоимости. Информационное, экономическое и социальное неравенства взаимно усиливают друг друга, создавая институционализированную систему структурного неравенства [4, 687].

Тео ван Дейк (Van Dijk) в своей теории распределения ресурсов предложил аналитическую модель, объясняющую механизмы формирования цифрового неравенства. В соответствии с этой теорией: [6, 10]

Абсолютное социальное неравенство ведёт к неравномерному распределению ресурсов;

Неравное распределение ресурсов вызывает различия в доступе к цифровым технологиям;

Особенности самих технологий влияют на формы и уровень их освоения;

Неравенство в доступе к цифровым технологиям порождает неравенство участия и социальной инклюзии;

Социальное неравенство в участии, в свою очередь, усиливает категориальные различия и закрепляет неравное распределение ресурсов.

Таким образом, цифровое неравенство носит циклический и системный характер, а цифровой разрыв является механизмом воспроизводства существующих социальных различий в условиях технологически организованного общества.

Теоретические подходы Кастельса, Лэша и ван Дейка указывают на структурную природу цифрового неравенства. Для проверки этой гипотезы было проведено эмпирическое исследование в сельских районах Китая. На основе анкетирования и анализа данных в программе SPSS изучались различия между городом и деревней по трём аспектам: доступ к цифровым устройствам, уровень цифровых навыков и отношение к цифровым технологиям.

Результаты показали, что уровень цифровых навыков имеет отрицательную корреляцию с возрастом и положительную – с уровнем образования. Это свидетельствует о системном влиянии демографических и образовательных факторов на цифровые возможности. Средний уровень цифровых компетенций и доступности интернета в сельской местности значительно ниже, чем в городах; отношение сельских жителей к технологиям остаётся более консервативным. Таким образом, цифровое неравенство в деревне обусловлено не индивидуальными различиями, а структурными ограничениями – старением населения, нехваткой образовательных ресурсов и недостаточной инфраструктурой.

Несмотря на определённые ограничения (например, анализ в рамках одного населённого пункта и бинарные показатели цифровых навыков), результаты подтверждают системный характер сельского цифрового неравенства. Возраст и образование выступают каналами, через которые социальная структура воспроизводит цифровое неравенство.

Помимо возраста и образования, на цифровое неравенство влияют и другие структурные факторы. Исследования показывают, что уровень дохода, доступ к интернету и интенсивность использования цифровых технологий существенно влияют на цифровые возможности и социальное участие. В совокупности эти параметры формируют многоуровневый механизм структурного цифрового неравенства, включающий демографические, социально-экономические и инфраструктурные измерения [1, 346; 3, 16; 4, 685].

На макроуровне цифровые возможности определяются урбанизацией, распределением образовательных ресурсов и демографической структурой; на мезоуровне – роль играют местные сообщества, социальная поддержка и региональная политика; на микроуровне – индивидуальные характеристики (возраст, образование, доход) напрямую влияют на цифровые навыки и эффективность использования технологий [5, 4529].

Эта многоуровневая взаимосвязь показывает, что цифровое неравенство – не случайный феномен, а результат институционального воспроизводства социальных различий в цифровой среде.

Цифровое неравенство в сельских районах Китая обладает ярко выраженным структурным характером. Оно не является следствием случайных индивидуальных различий, а возникает из действия социальных структур, институциональных механизмов и неравномерного распределения ресурсов. Для его преодоления необходимы системные меры: развитие инфраструктуры, обеспечение образовательного равенства, расширение доступа к сетевым ресурсам и создание устойчивой системы цифровой поддержки населения. Только таким образом можно достичь реального участия и социальной инклюзии в цифровом обществе.

1. *GAO Y., ZANG L., SUN J. Does computer penetration increase farmers' income? An empirical study from China // Telecommunications Policy. 2018. Vol. 42, № 5. P. 345–360.*
2. *HELSPER E.J. A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion // Communication Theory. 2012. Vol. 22, № 4. P. 403–426.*
3. *PENG Z., DAN T. Digital dividend or digital divide? Digital economy and urban-rural income inequality in China // Telecommunications Policy. 2023. Vol. 47, № 9. P. 102616.*
4. *SASSI S. Cultural differentiation or social segregation? Four approaches to the digital divide // New Media & Society. 2005. Vol. 7, № 5. P. 684–700.*
5. *SONG Z., SONG T., YANG Y. et al. Spatial–temporal characteristics and determinants of digital divide in China: A multivariate spatial analysis // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 17. P. 4529.*
6. *VAN DIJK J. The Deepening Divide. Inequality in the Information Society. Sage Publications, 2005.*
7. *ZHU J., LI R. A study on the impact of digital skills on rural residents' income growth from the perspective of information poverty–An empirical analysis based on county-level cross-sectional data // Books Intell. 2022*

БИОЭТИКА В РОССИИ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хурсин Роман Андреевич
(ООО «Равелин»)

Основы биоэтики появились примерно в V веке до нашей эры. Несмотря на разные нации и части света, первоначально смысл сводился к тому, что поступать с другими следует так, как субъект желает, чтобы поступали с ним.

Этика отделилась от философии как особый аспект по причине того, что культурные нормы, в отличие от законов природы, меняются. Классическая история философии считает, что данное разделение было реализовано софистами. Нравственные установки людей меняются в двух измерениях – народа и меняются с течением времени. Так народ с течением времени может быть смешан с другими народами – и нравственные установки изменятся, или произойдет ассимиляция – на основе нескольких народов появится иной. Так, к примеру, при последней переписи в СФРЮ часть населения – порядка 10 % – свою национальность указывали как «югослав». И если в истории говорится о человеке, то всегда необходимо упоминать о времени. Если перед революцией 1917 года в Российской Империи можно было свободно приобрести огнестрельное оружие, то в современной России это невозможно.

С усложнением человеческой деятельности, расширением знания об окружающем мире первоначальное понятие этики трансформировалось в набор норм и правил, как теологических, так и социальных. Один из известных специалистов по этике, Фома Аквинский, закрепил за этикой подчинённое положение к теологии, и подобное

объединение упростило управление верующими с помощью заповедей божьих. Этот подход оказался более выгоден, чем физическое принуждение людей к работе на правящий класс. К теориям Фомы Аквинского вернулись в середине XIX века в Европе, в период революций. Для сохранения государств абсолютные монархии были дополнены парламентом, что нивелировало подход монархистов и демократов.

Понятие биоэтики, касающейся всего живого от человека до природы, было создано в 1926 году Яром Фрицем, немецким богословом, где под биоэтикой понимается уважительное отношение к совокупному миру живой природы и человеку как к единому большому организму, требующему уважения и запрету применения какого-либо ущерба человеку, животным, растениям.

Спустя несколько десятилетий идеи Ф. Яра нашли своё продолжение в США: в работах учёного, врача, писателя В. Р. Поттера и примерно в то же время у врача А. Хелегса. В общем виде биоэтика стала основой решения моральных конфликтов в области медицины. В настоящее время биоэтика имеет академический и юридический статус и действует в зависимости от государства в той или иной мере во всех науках, связанных с человеком. Так, к примеру, в Болгарии в старейшем Университете страны открыто обучение магистров по специальности «Интегративная биоэтика». Заметим, что сейчас биоэтика также применяется в области опытов на животных. А именно, как преуменьшение их страданий и при возможности использование моделей живого существа.

В современной биоэтике краеугольным камнем является Добровольное Информированное Согласие. Далее – общепринятое название – информированное согласие. В настоящее время биоэтика работает не только в медицине, а в социологических исследованиях, тренингах, получении социальной помощи и всех мероприятиях, субъектом которых является человек.

В современной реальности, если проводится исследование, тренинг, социальная помощь, то информированное согласие является тем документом, без которого проводить его нежелательно. По причине того, что могут быть негативные последствия. Как например невозможность сделать научную публикацию в тех странах, в которых информированное согласие требуется законом, дипломатические сложности при работе с гостями страны, необоснованные претензии участников исследований или получения услуг. Информированное согласие как успокоит участников, так и обезопасит исследователя или поставщика социальных услуг от необоснованных претензий. В реальности информированное согласие является документом, подписанном в двух экземплярах – один клиенту, второй – организации, оказывающей услуги клиенту. Этот документ является механизмом защиты прав как клиента, так и организации, оказывающей клиенту услуги. Его применение во многих других странах обязательно к применению согласно законам стран, в которых это регламентировано и рекомендаций Всемирной Организацией Здравоохранения.

Информированное согласие должно быть написано простым языком на уровне, соответствующем контингенту участников исследования, как правило, на уровне понимания текста учеником 8-го класса.

В обязательном порядке должно быть заявление о том, что проект является исследовательским и участие добровольно. Кратко изложены цель, продолжительность, список процедур проекта. Перечислены возможные риски и указаны вознаграждение и/или иные выгоды участнику исследования. Указана конфиденциальность исследования. Подписывать информированное согласие можно как реальным именем, так и псевдонимом. Представлены альтернативные варианты участия в проекте.

Предоставляемая информация должна быть полной, всесторонней и на понятном для участника языке. В частности, при проведении исследований гостей страны информированное согласие – это карточка с контактными данными. Анкеты должны быть переведены на языки участников исследования. Опросы после соответствующей подготовки проводит специалист culture-mediator – посредник между, в рассматриваемом в нашем случае, азиатской и европейской культурами. Иногда есть такие случаи, в которых участник исследования неграмотен. В таком случае информированное согласие ясно и чётко зачитывается, даются ответы на все возникающие вопросы участника.

При работе использовались данные четырёх глубинных интервью: участников фокус-группы, модератора фокус-групп, адвоката, проведённые в 2024 – 2025 годах. В соответствии с международными стандартами конфиденциальности и законодательством Российской Федерации данные респондентов не указываются.

В современной России существует только этический комитет Минздрава, рассматривающий этичность методов лечения и диагностики. Кроме того, существуют этические комитеты учебных заведений и самых разнообразных организаций. Все этические нормы и правила не имеют как контролирующих органов, так и находятся просто вне правового поля.

Как правило, информированные согласия в больницах только на русском языке, форму имеют странную, язык зачастую на уровне специалиста с высшим образованием и только на русском языке. В некоторых ещё упоминание о том, что в случае курения лечение прекращается.

Что касается поведенческих и маркетинговых исследований, то в большинстве случаев информированные согласия отсутствуют как таковые. Исследования носят крайне неоднозначный характер и проводятся на грани нарушения закона. Так, к примеру: 1) женщина 46 лет, продавец – *я повелась на то, что мне необходимо из моей медицинской карточки в поликлинике сфотографировать запись врача о моём заболевании и переправить даме, которая со мной общалась. Только в последний момент отказалась от этого*; 2) женщина 26 лет, временно не работающая – *на фокус-группы сейчас люди идти боятся, потому что это часто выливается в продажу пришедшим разных вещей и к изучению товара отношения не имеет и начинается развод на деньги.*

Этический кодекс – в данном случае набор правил поведения между участниками организации и их клиентами. Как показывают данные исследований, в России наличие этического кодекса организации повышает её рейтинг как при взаимодействии с другими, так и в юридическом поле де-факто. В любом случае для того, чтобы этический кодекс работал, создан он должен быть самими сотрудниками организации на основании собственного опыта работы.

Этический комитет. Этические комитеты бывают самыми разнообразными, соответствие международным стандартам тоже. И не всегда этический комитет может быть объективен.

В настоящее время ситуация такова, что в случаях обмана или нанесения морального вреда респондентам, жаловаться просто некому и не на что по причине того, что нет законодательства в области биоэтики.

Перспективой становления в России биоэтики является разработка законодательства в области биоэтики, юридическое утверждение таких понятий как «конфиденциальность», «тайна». Требование закона о заключении информированного согласия с участниками исследований и любых проектов, субъектом которых является человек. Это необходимо как для защиты граждан от социально негативного и неэтичного поведения различных организаций и должностных лиц, так и организаций от необоснованных претензий респондентов, клиентов социальной помощи.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИИ-АЛГОРИМОВ)

Черных Наталья Сергеевна
(Волгоградский государственный технический университет)

Аннотация: В статье представлены характеристики социально-технологических механизмов социализации личности. Статья описывает ИИ как неформального агента социализации, который носит стихийный и малоизученный характер в социальном знании. Раскрываются феномены: «пузырь фильтров», «эхо камера», «интелфилия», как основные механизмы социализирующего воздействия посредством ИИ-алгоритмов.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); неформальные агенты социализации; социально-технологические механизмы социализации; «пузырь фильтров», «эхо-камеры»; интелфилия.

В современном обществе с появлением такого феномена как ИИ, можно выделить отдельную группу механизмов социализации, как социально-технологическую. Данный механизм создан людьми на основе вычислительных мощностей, алгоритмов (машинное обучение) и данных. Данный механизм представляет собой не просто «инструмент» или «канал» передачи информации, а самообучающуюся систему с входным массивом данных, процессами обработки этих данных, выходными данными, которые имеют конкретные последствия. Ядром ИИ является огромный массив информации (тексты, изображения, рекомендательные системы и др.), на которых модели обучаются выявлять закономерности. Алгоритмы обработки данных это – математические модели, которые преобразуют входные данные в запрашиваемый результат – решение, прогноз, классификация. Мощные сервисы и процессоры – это своего рода «мышцы», которые позволяют обрабатывать и запускать сложные алгоритмы.

Под неформальными агентами и механизмами мы понимаем воздействие субъектности, которая носит часто стихийный и малоизученных характер в социальном знании. К основным характеристикам данных агентов и механизмов можно отнести:

технологическая опосредованность – их влияние возможно только через цифровую инфраструктуру;

кросс-культурность и глобальный масштаб – стирают культурные и национальные границы;

децентрализованный и сетевой характер – не имеют жесткой иерархии;

низкая степень нормативной регуляции и изученности – их воздействие на человека только начинает исследоваться.

Ю. А. Сафанова, О. Н. Субочев, А. С. Коршкова в своих работах, отмечают, что социологический анализ искусственных автономных интеллектуальных систем требует учета их влияния на взаимодействие людей и социальную структуру. ИИ имеет большие возможности стать рычагом управления и контроля, а также привести к трансформации социальных норм и ценностей [4; 116].

Большой пласт работ в сфере социального знания посвящен изучению трансформации социальных институтов под влиянием ИИ. А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова исследуют теоретико – методологические основания применения технологий ИИ [3;4]. А. М. Петров, Л. В. Константинова, В. В. Ворожихин и др. изучают аспекты интеграции ИИ в образовательное пространство личности [2; 36]. Работы С. А. Алексеева и

Т. Н. Никитиной направлены на проблематизацию безопасности социальных и духовных основ общества от технологического применения ИИ. Авторы подчеркивают, что в современной жизни ИИ применяется повсеместно, трансформируются повсеместные практики личности, создаются новые перспективы развития социальной сферы. Данные знания «будут способствовать развитию методологии исследования с целью определить социальные последствия влияния ИИ» [1; 220].

ИИ является наиболее трансформационным механизмом социализации, поскольку не просто функционирует в цифровой среде или использует ее – он является самой средой. Его уникальность заключается в способности реализовывать персональное, адаптивное и зачастую невидимое воздействие на личность, проникая во все сферы его жизнедеятельности, выступая архитектором повседневности. ИИ как механизм социализации представляет собой совокупность алгоритмов, моделей машинного обучения и больших данных.

Основной механизм социализирующего воздействия ИИ – алгометрическое моделирование картины мира («пузырь фильтров»). Посредством данного феномена, происходит информационная изоляция человека, когда алгоритмы показывают ему лишь контент, который сформировался ранее на предыдущих запросах (соответствует его привычным интересам). «Наши медиа – идеальное отражение наших интересов и желаний. Это заманчивая перспектива – возвращение к птолемеевой вселенной, где солнце и все остальное вращается вокруг нас. Но за все приходится платить: персонализируя все окружающее, мы можем утратить то, благодаря чему Интернет стал столь притягателен» [5].

В результате пользователь оказывается в персонализированной медиасреде, где он получает информацию, которая обязательно будет подтверждать его существующие установки, а альтернативные точки зрения окажутся не доступными. Алгоритмы анализируют все действия пользователя: лайки, клики, геолокацию, историю поиска. В результате эффект «пузыря фильтров» ведет к поляризации общества, поскольку люди не сталкиваются с разнообразием мнений. Пользователь теряет возможность видеть реальную картину, которая происходит в мире, что порождает еще один феномен «эхо-камер» – закрытые сообщества, где популяризируется однополярная и экстремистская информация [6]. Данные сообщества формируются посредством социальных сетей, каналов в мессенджерах, игровых клубов, где политическая идентичность обеспечивается через общение с единомышленниками. Молодые люди включаются в «информационные капсулы», где присутствуют логические события (определённое отношение к войне; перераспределение голосов и др.).

Не менее значимый механизм социализирующего воздействия ИИ – взаимодействие с цифровыми компаньонами (голосовые помощники, чат-боты, AI-собеседники). Что в отдельных случаях порождает интелфилию – феномен, который показывает эмоциональную привязанность к ИИ. Это состояние, когда человек воспринимает нейросеть не как инструмент, а как важного собеседника, в отдельных случаях, как романтического партнера. К первым признакам интелфилии относят: предпочтение общение с ИИ нежели живое общение; чувство тревоги, когда нет возможности поговорить с «другом»; чувство радости, когда в разговорах ИИ вас поддерживает; чувство страха обидеть ИИ [7].

ИИ как механизм социализации представляет собой принципиально новый феномен. Он осуществляет управление социальной реальностью на микроуровне, создавая множество вариантов персонифицированных траекторий социализации. Его влияние носит тотальный, но при этом неосознанный и невидимый характер. Это ставит перед обществом грандиозную задачу – создать систему правового и этического регулирования ИИ.

1. *Алексеев С. А., Никитина Т. Н. Методологические основания социологии искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 219 – 223.*
2. *Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М., Титова Е. С., Штыхно Д. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. – 2023. – № 2. – С. 36–48.*
3. *Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг. – 2021. – № 1. – С. 4–19*
4. *Сафанова Ю. А., Субочева О. Н., Коршкова А. С. Агентность искусственных автономных систем как фактор трансформации социума // Социология. – №6. – 2023. – С. 116-122.*
5. *Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rulit.me/books/za-stenoj-filtrov-chto-internet-skryvaet-ot-vas-get-349151.html – Загл. с экрана.*
6. *Эхо – камера: миф или реальность? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://4brain.ru/blog/eho-kamera-mif-ili-realnost/ – Загл. с экрана.*
7. *«Я начинаю проявлять чувства к ИИ» – феномен интелфилии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://virtre.ru/articles/artificial-intelligence/ya-nachinayu-proyavlyat-chuvstva-k-ii-fenomen-intelfilii – Загл. с экрана.*

ЖИЗНЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КИТАЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Чжан Чжань
(СПбГУ)

Цифровизация социальной работы позволяет предоставлять более точные услуги и усиливает управление сообществами. Цифровая социальная работа, основанная на принципе «жизненности», ориентирована на повседневную жизнь. В то же время она сталкивается с трудностями: на объективном уровне – отчуждение пространства, размытые временные границы и утрата исторической преемственности; на субъективном – игнорирование повседневных практик и дефицит эмоций.

Для укрепления жизненной основы цифровая социальная работа должна создавать жизненные контексты, интегрировать интеллектуальные и цифровые пространства, формировать цифровой опыт времени и развивать цифровое управление сообществами, сочетая онлайн-характеристики («виртуальность, изменчивость, элитарность») с офлайн-свойствами («реальность, стабильность, массовость»). На субъективном уровне важно формировать устойчивые цифровые практики и полноту эмоционального выражения, объединяя онлайн-«специфичность и объектность» с офлайн-«рутинностью и эмоциональностью».

Двойное единство обеспечивает адаптацию социальной работы к цифровой эпохе, сохраняя стабильность повседневной жизни и помогая клиентам жить более осмысленно, способствуя инновациям в системе интеллектуального управления сообществами.

После Второй мировой войны чрезмерная инструментализация рациональности ослабила внимание к ценностям и социальной ответственности. Для критики этого процесса философия обратилась к понятию «жизненного мира». Э. Гуссерль определял его как основу повседневных действий, мышления и науки; А. Шюц социологически переосмыслил его, связывая с «смыслом действия» М. Вебера; Ю. Хабермас сделал «жизненный мир» фундаментом своей критической теории.

В марксизме жизнь раскрывается через категорию «образа жизни». К. Маркс и Ф. Энгельс связывали её с производственными отношениями и классовыми различиями.

Позднее М. Вебер выделил образ жизни как индикатор статусных групп, а Т. Веблен сосредоточил внимание на потреблении.

В Китае исследования образа жизни активизировались в начале реформ и открытости (Юй Гуанъюань, Ло Юаньчжэн и др.), отражая стремление народа к «прекрасной жизни» и продолжая традицию исторического материализма. Сегодня акцент делается на жизненной политике, благосостоянии и уходе за пожилыми.

Таким образом, несмотря на различие подходов, в исследованиях жизни прослеживается общая установка: она понимается как целостное единство структурных условий (ресурсы, традиции), субъективных практик (труд, общение, обучение) и ценностно-эмоционального измерения, придающего жизни смысл и значение.

Как отмечалось выше, в научной традиции жизнь рассматривается с онтологических, гносеологических и методологических позиций. Эти свойства можно определить как «жизненность» – основу индивидуальной активности и социального развития. Аналогично, «жизненность» составляет базис цифровой социальной работы. При этом необходимо различать «цифровизацию социальной работы» и «цифровую социальную работу». Первая сосредоточена на применении технологий для повышения эффективности и точности вмешательств, тогда как вторая представляет собой более высокий уровень – целостную профессиональную концепцию, ориентированную на то, как в цифровой среде помочь людям жить более осмысленно, сохраняя «неизменное» в условиях постоянных перемен.

1. Пространство, время, общество. Эти факторы образуют объективную основу цифровой социальной работы. В отличие от традиционной практики, здесь характерна «отсутствие в пространстве»: коммуникация переносится в цифровую среду и становится мгновенной, позволяя преодолевать географические барьеры. Однако это не означает «деспациализации» – важно учитывать пространственные переживания и зависимости клиентов, объединяя виртуальную среду с реальным жизненным пространством. В противном случае возникает риск «пространственного дефицита».

2. Жизненная практика и эмоции. Субъективная основа цифровой социальной работы связана с тем, что жизнь понимается как активная деятельность, удовлетворяющая потребности и придающая смысл. В цифровой среде социальные работники не только помогают решать объективные задачи, но и побуждают клиентов становиться субъектами практики, эмоций и ценностей. Таким образом, полноценные жизненные практики и эмоциональные выражения в онлайне формируют ключевую субъективную основу цифровой социальной работы.

Как отмечалось выше, в научной традиции жизнь рассматривается с онтологических, гносеологических и методологических позиций. Эти свойства можно определить как «жизненность» – основу индивидуальной активности и социального развития. Аналогично, «жизненность» составляет базис цифровой социальной работы. При этом необходимо различать «цифровизацию социальной работы» и «цифровую социальную работу». Первая сосредоточена на применении технологий для повышения эффективности и точности вмешательств, тогда как вторая представляет собой более высокий уровень – целостную профессиональную концепцию, ориентированную на то, как в цифровой среде помочь людям жить более осмысленно, сохраняя «неизменное» в условиях постоянных перемен.

1. Пространство, время, общество. Эти факторы образуют объективную основу цифровой социальной работы. В отличие от традиционной практики, здесь характерна «отсутствие в пространстве»: коммуникация переносится в цифровую среду и становится мгновенной, позволяя преодолевать географические барьеры. Однако это не означает

«деспациализации» – важно учитывать пространственные переживания и зависимости клиентов, объединяя виртуальную среду с реальным жизненным пространством. В противном случае возникает риск «пространственного дефицита».

2. Жизненная практика и эмоции. Субъективная основа цифровой социальной работы связана с тем, что жизнь понимается как активная деятельность, удовлетворяющая потребности и придающая смысл. В цифровой среде социальные работники не только помогают решать объективные задачи, но и побуждают клиентов становиться субъектами практики, эмоций и ценностей. Таким образом, полноценные жизненные практики и эмоциональные выражения в онлайне формируют ключевую субъективную основу цифровой социальной работы.

Быстрое распространение цифровых технологий поставило социальную работу перед рядом вызовов. Несмотря на то, что цифровизация призвана облегчать повседневную жизнь, на практике её развитие часто носит функциональный характер и слабо учитывает жизненные основания. В результате возникает напряжение между техникой и жизнью, а также риски подрыва общественности.

1. Объективные основы. Основная проблема связана с «отрывом пространства»: онлайн-коммуникация облегчает взаимодействие, но игнорирует потребности клиентов в физическом и социальном пространстве, особенно пожилых людей, для которых важны очные контакты и доступные общественные места. К этому добавляется «размывание времени» и «дефицит историчности»: круглосуточная доступность приводит к утрате границ между трудом и отдыхом, формируя чувство утраты контроля над временем.

2. Субъективные основы. На уровне субъективности проблемы проявляются в игнорировании повседневной регулярности и эмоциональных потребностей. Цифровые инструменты позволяют быстро решать задачи, но часто сводят внимание к исключительным ситуациям, не учитывая значение обычных практик и культурных норм. Кроме того, эффективность ставится выше эмоционального измерения, что усиливает отчуждение и недооценивает ценность чувств и межличностных связей.

Таким образом, без опоры на жизненную нормативность цифровизация социальной работы рискует превратиться в технократический проект, утрачивая связь с реальными потребностями людей.

Цифровая социальная работа ориентирована на повседневную жизнь, обеспечивая людям более осмысленное существование.

1. Объективный уровень: интеграция онлайн-«виртуальности» с офлайн-пространством и временем. Примеры: использование цифровых платформ для осознания и контроля жизненного пространства, стабилизация цифрового времени через культурные и исторические практики.

2. Субъективный уровень: согласование технологий с повседневностью и эмоциями. Примеры: вовлечение клиентов в осмысленные цифровые практики, развитие полезных цифровых привычек, поддержка эмоциональной самореализации и социальной активности.

Такой подход сочетает технологии с жизнью, укрепляет субъективную значимость действий и повышает качество жизни населения.

Цифровизация социальной работы в Китае ускоряет предоставление услуг и развитие управления сообществами. Жизненная основа включает пространство, время, социальность, практики и эмоции. Современные цифровые подходы выявляют разрыв в этих аспектах. Усиление связи с сообществом, внимание к повседневности и эмоциональной самореализации позволяют цифровой социальной работе становиться инструментом повышения значимости человеческой жизни.

1. *MARKOVI, D. (2024). Digital Social Work or E-Social Work? Towards Social Work in a Digital Environment [J/OL]. SHS Web of Conferences, 184. DOI: 10.1051/shsconf/202418405005*
2. *Dix, A., Jones, E., Neads, C., et al. (2022). Tools and Technology to Support Rich Community Heritage [C]. Proceedings of the 35th British HCI Conference: Towards a Human-Centred Digital Society (HCI 2022), July 2022.*
3. *Reamer, F. G. (2013). Social Work in a Digital Age: Ethical and Risk Management Challenges [J]. Social Work, (2), 163–172.*

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Чижов Александр Алексеевич
(Министерство здравоохранения Свердловской области)

Костина Наталия Борисовна
(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Аннотация. В статье дается оценка влияния новейших технологий искусственного интеллекта на трансформацию феномена цифрового неравенства. С одной стороны, технологии искусственного интеллекта способствуют преодолению традиционных форм цифрового неравенства, с другой стороны, могут воспроизводить новые формы данного вида неравенства.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровизация, искусственный интеллект, цифровые технологии

Феномен неравенства является фундаментальной проблемой социологии. Основоположник социологии как науки О. Конт считал, что в основе социального неравенства лежит разделение труда, обусловленное не только экономическими факторами, но и фактором естественности развития общественных отношений. Г. Спенсер также считал социальное неравенство естественным условием общественных отношений. К. Маркс, называя социальное неравенство классовым, писал, что его причиной является возникновение частной собственности на средства производства, что неизбежно порождает эксплуатацию труда. М. Вебер подчеркивал, что в основе социального неравенства лежит не только принадлежность к классу, но и обладание определенным социальным статусом, а также отношение к власти. О неравенстве как о необходимости эффективного выполнения различных социальных функций в обществе писал Т. Парсонс. На наш взгляд, социальное неравенство естественным образом проистекает из социальных отношений, при этом достижение социальной справедливости может быть обеспечено за счет обеспечения равенства возможностей индивидов.

Появление какой-либо технологии в социальных отношениях влечет за собой возникновение нового вида социального неравенства, связанного, прежде всего, с использованием (неиспользованием) данной технологии. Исключением не стали цифровые технологии, обусловившие появление цифрового неравенства. В основе цифрового неравенства лежат различия в доступности цифровых технологий (первый уровень цифрового неравенства), различия в цифровых навыках пользователей (второй уровень цифрового неравенства), а также мотивации к использованию цифровых продуктов (третий уровень цифрового неравенства).

Со временем цифровое неравенство не только не снижается, но становится еще более актуальным. По данным исследования Всемирного Банка, проведенного в 2023 году, свыше 2,6 миллиарда человек оставались вне сети в 2023 году, в то время как более 90 процентов жителей стран с высоким уровнем дохода пользовались сетью Интернет, а в странах с низким уровнем дохода цифровыми технологиями пользовался лишь каждый четвертый [6]. Показателен разрыв и во владении цифровыми навыками: так, по оценкам НИУ ВШЭ, в России уровень владения цифровыми навыками заметно ниже по сравнению с показателями большинства европейских стран [4].

Многие исследователи справедливо полагают, что новые цифровые технологии (блокчейн, искусственный интеллект и др.) способны сокращать цифровое неравенство [5, 14]. Так, уже сегодня технологии искусственного интеллекта используются при обеспечении доступности информационно-коммуникационной инфраструктуры: прогнозируется пиковая нагрузка на сеть и обозначаются приоритеты трафика в реальном времени.

Технологии искусственного интеллекта используются и в персонализированном обучении. Как отмечает П. В. Сысоев, «осуществляя анализ способностей, интересов и потребностей конкретного обучающегося, инструменты ИИ могут осуществить отбор содержания обучения и разработать персонализированную траекторию, которую по мере проведения промежуточного контроля и/или изменения целей обучения можно корректировать», при этом лишь 10 % опрошенных студентов отрицательно отнеслись к обучению с использованием технологий искусственного интеллекта [3, 63]. Посредством персонализированного подхода с использованием технологий искусственного интеллекта возможно повышение мотивации, увеличение продуктивности использования цифровых технологий.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта способны оказывать положительное влияние на снижение трех уровней цифрового неравенства.

Вместе с тем, использование технологий искусственного интеллекта несет риски и угрозы, которые могут трансформировать феномен цифрового неравенства. Как справедливо отмечается в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, сегодня «усиливаются риски возникновения зависимости от недобросовестных поставщиков решений в области искусственного интеллекта» [2]. Так, по данным Forbes, три крупнейшие компании (OpenAI, Anthropic, xAI) привлекли свыше 66 % венчурного финансирования от общей суммы [7]. Таким образом, на рынке искусственного интеллекта сложилась олигополия, которая создает барьеры для выхода на рынок новых компаний и расширения конкуренции.

Для организации персонализированного обучения с помощью искусственного интеллекта данная технология сначала должна сама обучиться. Иными словами, для построения рабочего алгоритма необходимо, чтобы эту технологию использовало большое число пользователей. Крупнейшие компании активно привлекают к такой работе, в основном, жителей развивающихся стран. С одной стороны, привлечение людей позволяет страховать работу искусственного интеллекта и добиваться более высокого качества выполнения задач, с другой стороны, выплаты за одно выполненное задание составляют незначительные суммы, в связи с чем люди вынуждены работать по 14 часов в сутки для того, чтобы заработать прожиточный минимум.

Применение технологий искусственного интеллекта делает более доступным поиск и обработку информации. Так, крупные поисковые системы (Google, Яндекс и др.) дают возможность быстрой обработки запросов с помощью интеллектуальных надстроек. Таким образом, пользователю для поиска необходимой информации не требуется

посещение других ресурсов, технологии искусственного интеллекта самостоятельно обработают ресурсы и предоставят информацию. В результате пользователь получает только ту информацию, которая согласуется с его прошлым опытом, а нерелевантная не отображается. Ввиду этого, посредством создания комфортности и удобства в получении для пользователя информации происходит ее фильтрация, создаются барьеры для полноценного доступа ко всем данным. Более того, на основе такого ранжирования может происходить квантификация общества в цифровой среде. Как отмечают Т. С. Мартыненко и Д. Е. Добринская, «распространение получают репутационные системы, поощряющие определенное поведение индивида, а также многочисленные рейтинговые механизмы, внедряемые на разных уровнях» [1, 180], что меняет привычные представления о социальной ценности и социальном статусе, поскольку оценку таким ценностям и статусу дают не эксперты на основе объективных данных, а любой представитель метрического общества.

Таким образом, влияние искусственного интеллекта на цифровое неравенство неоднозначно. Благодаря персонализированному подходу технологии негативные проявления цифрового неравенства на всех уровнях могут быть нивелированы. Однако, широкая доступность, простота использования технологий для пользователя наряду с незнанием работы алгоритмов и олигополией рынка технологий качественно меняет представление об условиях, формирующих и воспроизводящих цифровое неравенство.

1. *Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг. 2021. №1. С 180.*
2. *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124) // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 04.10.2025).*
3. *Сысоев П.В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. 2025. №2. С. 63*
4. *Уровень владения цифровыми навыками в России и странах ЕС // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: https://issek.hse.ru/news/377859466.html?ysclid=mgcl0bqven506041054 (дата обращения: 04.10.2025).*
5. *Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест НИУ ВШЭ. 2022. № 7. С. 14*
6. *Digital transformation overview: development news, research, data // World Bank Group: [сайт]. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/digital/overview (дата обращения: 04.10.2025).*
7. *Top artificial intelligence companies ranked // Forbes: [сайт]. URL: https://www.forbes.com/lists/ai50/ (дата обращения: 04.10.2025).*

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В ВИРТУАЛЬНЫХ ИГРОВЫХ МИРАХ: МОТИВЫ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ГЕЙМЕРОВ

Чупров Егор Александрович
(Высшая школа экономики)

Аннотация. Рассматривается трансформация социального действия в цифровом обществе на примере потребления видеоигр. Показано, что социальные мотивы игроков могут реализовываться через одиночные стратегии поведения, что ставит под вопрос традиционное понимание социального взаимодействия в виртуальных средах, основанное на взаимодействиях в онлайн-играх. На основе эмпирического исследования 2561 геймера выделены четыре типа игроков и четыре стратегии поведения, продемонстрировано их нелинейное соотношение.

Ключевые слова: цифровое общество, виртуальные практики, видеоигры, социальное действие, мотивация, стратегии поведения.

Введение. Цифровизация общества трансформирует не только формы социального взаимодействия, но и само понятие социального действия. Современные социологические теории показывают, что граница между «реальным» и «виртуальным» становится всё более условной [11; 13]. Виртуальные игровые миры представляют собой пространство, где социальные практики принимают новые формы, часто противоречащие традиционным представлениям о социальном взаимодействии.

Видеоигры как феномен цифрового общества способны удовлетворять социальные потребности человека [14; 17], становиться площадкой для приобретения социального капитала и новых статусов [5; 20], давать ощущение причастности к сообществам [4]. Однако в научной литературе, посвящённой типологизации геймеров и их мотивов [9; 10; 16; 18], существует противоречие: социальные мотивы обращения к играм почти всегда ассоциируются с явным взаимодействием и общением с другими пользователями внутри многопользовательских онлайн-игр [8]. Большинство исследований фокусируется исключительно на аудитории многопользовательских проектов, оставляя без внимания одиночные игры.

В рамках акторно-сетевой теории социальное понимается не как особый тип взаимодействия между людьми, а как ассоциация между гетерогенными элементами, включающими как человеческих, так и нечеловеческих акторов. Латур показывает это на примере «социологии одной двери» [19]: дверной доводчик выполняет социальную функцию, замещая действия швейцара и делегируя ответственность за закрывание двери нечеловеческому актору. Развитие этого подхода демонстрирует, что социальными могут считаться взаимодействия и с другими нечеловеческими объектами [6]: молитва (взаимодействие с трансцендентным), общение с домашними животными, разговоры с фотографиями умерших. Ключевым критерием социального действия становится не физическое присутствие другого человека, а приписывание объекту взаимодействия субъектности и ориентация на ответную реакцию, пусть даже воображаемую.

Применяя эту логику к анализу игровых практик, можно утверждать, что геймер, вступающий во взаимодействие с компьютерными персонажами (а не только другими игроками) в одиночных играх, выбирающий варианты реплик и действий, реагирующий на поведение игрового мира, тоже совершает социальное действие – он ориентируется на виртуального «другого», приписывает ему интенции и ожидает определённых реакций. Более того, в многопользовательских играх социальное действие может осуществляться не только через прямое взаимодействие, но и через латентное соревнование, сравнение результатов и ориентацию на воображаемую аудиторию.

Методология исследования

Эмпирическую базу составил открытый невероятностный онлайн-опрос подписчиков игрового YouTube-канала. Из совокупности около 300 000 подписчиков были отобраны 2561 респондент, подписанные более недели, посмотревшие хотя бы одно видео и играющие в видеоигры. Выборка преимущественно мужская (92 %) и молодая: 82 % участников – 18-34-летние (медианный возраст – 24 года). Данные постстратифицированы по метаданным YouTube [3; 15], что смягчает, но не устраняет возможные смещения. Данные непригодны для точной оценки долей, но подходят для анализа взаимосвязей.

Мотивы игры операционализированы как совокупность суждений о причинах обращения геймеров к играм [9]. В анкете мотивы представлены в виде 21 суждения, каждое из которых респонденту предлагалось оценить по шкале от 1 до 7.

Стратегии поведения определены как способы поведения пользователей, связанные с получением ими определённого опыта в игре. Стратегии строятся на основе модернизированной модели Бартла [2], использующей две оси: количество игроков (few players – many players) и форма поощрения при успешном выполнении задачи (qualitative – quantitative).

Для типологизации использовался факторный анализ методом максимального правдоподобия с вращением варимакс, с последующим иерархическим кластерным анализом на основе факторных значений.

Результаты: типы игроков и стратегии поведения

На основе факторного анализа были выделены четыре фактора мотивации: командная работа, эскапизм, творчество и соревнование. Кластерный анализ позволил идентифицировать четыре типа игроков.

Эскаписты (10 %) руководствуются мотивами ухода от реальности, избегания жизненных проблем. Для них важна содержательная составляющая видеоигр с интересным сюжетом. Это преимущественно люди 25 – 34 лет с высшим образованием, играющие около 17 часов в неделю. Они предпочитают одиночные ролевые проекты с открытыми мирами, статистически чаще ощущают себя одинокими и реже имеют активный досуг вне игр.

Соревнующиеся (40 %) – молодые геймеры (56 % в возрасте 14 – 24 лет), которые серьёзно относятся к играм и хотят соревноваться с другими, играть лучше других. Играют около 16 часов в неделю, преимущественно в многопользовательские соревновательные онлайн-игры (DOTA2, CS:GO, League of Legends).

Творцы (29 %) – самый молодой (63% младше 24 лет) и самый часто играющий кластер (около 20 часов в неделю). Ценят художественную составляющую игр, относятся к ним как к произведениям искусства. Парадоксально, что при любви к сюжетным одиночным играм они также часто играют в многопользовательские проекты. Это самая социально-активная группа вне игр.

Казуалы (21 %) – самая взрослая группа (54 % старше 25 лет), воспринимающая игры как одно из хобби. Играют меньше всех, имеют сбалансированный досуг, в равной степени часто играют как в одиночные, так и в онлайн-проекты.

Анализ стратегий поведения выявил четыре доминирующих стратегии: соревнование (игра с другими ради результата), общение (игра с другими ради процесса), достижение (игра в одиночку ради цели) и эскапизм (игра в одиночку ради эмоций).

Парадокс социального действия в виртуальном пространстве

Ключевая находка исследования заключается в нелинейном соотношении между мотивами и стратегиями. Эскаписты и казуалы ожидаемо чаще выбирают одиночные стратегии с ориентацией на эмоциональную отдачу. Соревнующиеся и творцы более сбалансированы и активнее задействуют социальные стратегии.

Однако обнаружено значимое расхождение: как минимум четверть соревнующихся игроков, декларирующих социальную мотивацию (желание соревноваться, быть лучшими, доказывать свою эффективность), на практике выбирают стратегию достижения – то есть не хотят взаимодействовать с другими напрямую, но ориентированы на количественную награду (рейтинг, очки). Они часто избегают общения с другими игроками, отключают голосовые чаты, тренируются в одиночку, даже не играют в соревновательные режимы.

Это явление напоминает описанный в корейских исследованиях феномен Wang-tta [7]: игрок уединяется, чтобы тренироваться, но цель остаётся социальной – признание других. Такое поведение показывает, что социальная мотивация может выражаться через одиночную стратегию.

Теоретические импликации

Полученные результаты имеют важное значение для понимания трансформации социального действия в цифровом обществе. Во-первых, они демонстрируют, что в виртуальных средах социальное поведение всё чаще принимает косвенные формы. Молчание и избегание прямого контакта не обязательно означают одиночество или асоциальность – это может быть другой формой «быть с другими», реализуемой через результат, через сравнение, через латентное соревнование.

Во-вторых, результаты подтверждают тезис о стирании границ между виртуальным и реальным [11; 13]. Действия в игре оказываются социальными не только когда геймер явно взаимодействует с другими игроками, но и когда он взаимодействует с игровым миром, имея в виду будущую реакцию сообщества или желая доказать что-то себе и другим.

В-третьих, исследование показывает необходимость расширения понятия социального взаимодействия в цифровой среде. Традиционные типологии, фокусирующиеся на многопользовательских играх и явном общении, упускают значительную часть социальных практик, реализуемых в одиночных играх или через избегание прямого контакта.

Заключение. Цифровое общество порождает новые формы социального действия, которые не всегда укладываются в традиционные социологические рамки. Виртуальные игровые миры представляют собой пространство, где социальные мотивы могут реализовываться через внешне асоциальные стратегии поведения. Дальнейшие исследования должны прояснить, в какой мере одиночные виртуальные практики способны удовлетворять социальные потребности человека, и какие механизмы лежат в основе трансформации социального действия в цифровой среде.

1. *Bartle, R. (1996). Hearts, clubs, diamonds, spades: Players who suit muds. Retrieved from https://mud.co.uk/richard/hcds.htm*
2. *Bethlehem, J. (2010). Selection Bias in Web Surveys. International Statistical Review, 78(2), 161-188. https://doi.org/10.1111/j.1751-5823.2010.00112.x*
3. *Brock, T. (2017). Videogame consumption: The apophatic dimension. Journal of Consumer Culture, 17(2), 167-183. https://doi.org/10.1177/1469540516684185*
4. *Castronova, E. (2005). Synthetic worlds: The business and culture of online games. Chicago: Univ. of Chicago Press.*
5. *Cerulo, K. A. (2009). Nonhumans in Social Interaction. Annual Review of Sociology, 35(1), 531-552. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-120008*
6. *Chee, F. (2005). Understanding Korean experiences of online game hype, identity, and the menace of the "Wang-tta". Retrieved from https://summit.sfu.ca/item/277*
7. *Goncalves, D., Pais, P., Gerling, K., Guerreiro, T., & Rodrigues, A. (2023). Social gaming: A systematic review. Computers in Human Behavior, 147, Article 107851. https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107851*
8. *Hamari, J., & Keronen, L. (2017). Why do people play games? A meta-analysis. International Journal of Information Management, 37(3), 125-141. https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.01.006*
9. *Hamari, J., & Tuunanen, J. (2014). Player Types: A Meta-synthesis. Transactions of the Digital Games Research Association, 1(2). https://doi.org/10.26503/todigra.v1i2.13*
10. *Hampton, K. N. (2017). Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods. Annual Review of Sociology, 43(1), 167-188. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053505*
11. *Korkeila, H., & Hamari, J. (2019). Avatar capital: The relationships between player orientation and their avatar's social, symbolic, economic and cultural capital. Computers in Human Behavior, 102, 10-19. https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.036*

12. *Lehdonvirta, V. (2010). Virtual Worlds Don't Exist: Questioning the Dichotomous Approach in MMO Studies.*
13. *Przybylski, A., Rigby, C. S., & Ryan, R. M. (2010). A motivational model of video game engagement. Review of General Psychology, 14(2), 154-166. https://doi.org/10.1037/a0019440*
14. *Puschmann, C., & Ausserhofer, J. (2017). Social Data APIs: Origin, Types, Issues. In M. T. Schafer & K. van Es (Eds.), The Datafied Society (pp. 147-154). Amsterdam University Press.*
15. *Richard, G. T. (2014). Designing for the Audience: Past Practices and Inclusive Considerations. In Learning, Education and Games Volume One: Curricular and Design Considerations (Vol. 1). ETC Press.*
16. *Ryan, R. M., Rigby, C. S., & Przybylski, A. (2006). The motivational pull of video games: A self-determination theory approach. Motivation and Emotion, 30(4), 344-360.*
17. *Yee, N. (2006). Motivations for Play in Online Games. CyberPsychology & Behavior, 9(6), 772-775. https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9.772*
18. *Латур, Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Шушунова Татьяна Николаевна
(Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается инновационные форма обучения государственных гражданских служащих в рамках непрерывного процесса профессионального развития и саморазвития с учетом требований постоянного совершенствования имеющихся знаний, умений и готовности их адаптировать под запрос времени.

Ключевые слова: профессиональное развитие, непрерывное образование, самообразование, саморазвитие, профессиональные компетенции, инновационные формы профессионального развития государственных гражданских служащих.

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих является важным направлением в укреплении кадрового потенциала государственных органов. На сегодняшний день успешная практика государственного управления зависит от высокого профессионализма государственных служащих, от постоянного совершенствования соответствующих знаний и умений, и готовности их адаптировать под запрос времени.

В соответствии со статьёй 40 Закона Республики Беларусь № 175-З «О государственной службе» от 1 июня 2022 г.:

1. В Республике Беларусь создаются надлежащие условия для подготовки, переподготовки, повышения квалификации, стажировки и самообразования гражданских служащих.

2. Подготовка, переподготовка, повышение квалификации и стажировка гражданских служащих осуществляются в соответствии с законодательством.

3. Гражданские служащие проходят повышение квалификации или стажировку, как правило, один раз в три года, но не реже одного раза в пять лет.

4. Результаты подготовки, переподготовки, повышения квалификации, стажировки и самообразования могут учитываться при продвижении гражданских служащих по службе [1].

В научной сфере отсутствует единство в подходах и в определении понятия «профессиональное развитие», что объясняется сложностью исследуемого подхода.

В. В. Черепанов определяет профессиональное развитие как предоставление возможности работникам осуществлять служебно-профессиональное продвижение за счет формирования новых профессиональных качеств более высокого уровня [2].

С точки зрения А. П. Егоршина, профессиональное развитие – это процесс, в который включается работник, и проходит этот путь на протяжении всей его трудовой жизни для того, чтобы добиваться соответствия профессиональных знаний и умений работника современному уровню производства и управления [3].

Предлагаем определять профессиональное развитие государственного гражданского служащего – как целенаправленный и систематический и непрерывный процесс совершенствования знаний и навыков работника, включающий в себя профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации, стажировку и ряд иных мероприятий в целях профессионально-должностного, профессионально-квалификационного и личностного развития работника государственного органа.

Учитывая современные требования к непрерывному профессиональному развитию государственных гражданских служащих, актуальным выступает именно процесс саморазвития. Саморазвитие, как эффективный способ осуществления непрерывного профессионального развития, по мнению ряда исследователей, является той формой образования взрослых, которая наиболее полно отвечает современным требования государственного управления [4, с. 42].

Профессиональное саморазвитие гражданского служащего – это процесс самостоятельного, целенаправленного, мотивированного раскрытия заложенных в нем потенциальных возможностей и способностей, позволяющих ему наиболее продуктивно осуществлять возложенные на него различные профессиональные обязанности [5].

Профессиональное саморазвитие представляет собой важную форму индивидуального развития работника, которая содействует расширению его возможностей в профессиональном самосовершенствовании.

Непрерывное профессионального развития и саморазвитие государственного служащего позволяет:

актуализировать имеющиеся знания и сформировать необходимые компетенции работников;

сократить период адаптации работников, в том числе к процессам цифровизации;

повысить эффективность и результативность деятельности работников;

снизить текучесть кадров в организации;

укрепить кадровый потенциал государственного органа.

Актуальность совершенствования своих знаний и потребность в формировании ряда компетенций отмечена государственными гражданскими служащими республиканских органов управления и местных исполнительных и распорядительных органов. По результатам социологического исследования по теме: «Социальное самочувствие и ценностно-мотивационные установки государственных гражданских служащих», которое было проведено 2024 г. работниками Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, было выявлено, что государственные гражданские служащие испытывают наибольшую потребность в формировании следующих компетенций:

делегирование полномочий;

стратегическое и системное мышление;

готовность к изменениям и саморазвитию;

самоорганизация;

анализ информации, выработка и принятие решения и др.

В качестве форм профессиональной подготовки для государственных гражданских служащих наиболее предпочтительны:

повышение квалификации;

обучающие курсы;

стажировка.

Долгосрочные образовательные программы не являются привлекательными в силу того, что требуют продолжительно отвлечения от исполнения своих обязанностей на период обучения.

Обеспечение системы непрерывного профессионального развития государственных гражданских служащих предполагает активное использование дистанционного формата обучения. Современный процесс саморазвития государственных гражданских служащих осуществляется с использование *инновационных форм профессионального развития*.

К наиболее популярным и перспективным инновационным формам относят:

1. Модульное и персонализированное обучение, которое предполагает создание индивидуальных программ обучения на специальных образовательных платформах в виде отдельных тематических блоков (модулей), каждый из которых посвящён формированию определенных компетенций, навыку или направлению и адаптирован под конкретные потребности и уровень подготовленности каждого государственного гражданского служащего. Например, в Сингапуре государственные гражданские служащие проходят модульное обучение на платформе Civil Service College, где каждый имеет возможность выбрать курс в зависимости от своих потребностей в обучении.

2. Обучение с использованием игровых технологий (геймификация) позволяет за счет внедрения игровых элементов (прохождения различных уровней сложности, участия в конкурсах и симуляциях, моделирующих реальные ситуации) повышать мотивацию и вовлеченность в процесс обучения. Примером использования инновационных форм обучения государственных служащих является опыт Администрации Санкт-Петербурга, где на информационном ресурсе «Корпоративный портал Администрации Санкт-Петербурга» государственные гражданские служащие имеют возможность проходить интерактивные курсы с элементами геймификации.

3. Микрообучение является разновидностью инновационных форм профессионального развития. Оно может быть представлено короткими концентрированными уроками, краткими видеолекциями или видеокейсами, которые легко вписываются в рабочий график. К формам микрообучения также относят чек – листы, чат – боты, инфографику, как набор визуальных материалов по выработанным алгоритмам действий. Микрообучение является вариантом обучения «по требованию», которое привлекательно для ситуаций, когда необходимо быстро освоить конкретный навык.

Показателен опыт нового образовательного проекта Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Издательского дома «Беларусь Сегодня». Он представляет собой серию кратких лекций, размещенных на доступных информационных ресурсах, включающих выступления ведущих экспертов из числа преподавателей Академии управления, которые делятся своими знаниями и опытом в самых разных областях. Темы лекций затрагивают актуальные вопросы современного общества: от государственного управления и экономики, до психологии, что делает их интересными для широкой аудитории.

4. Менторство и коучинг с применением цифровых технологий представляют собой виртуальные менторские программы и коучинг-сессии для поддержки профессионального роста, для обратной связи и развития необходимых компетенций. Например, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) внедряет менторство в программы переподготовки государственных гражданских служащих, в которых действующие министры курируют слушателей в рамках их проектной деятельности. Коучинг представляет собой структурированный процесс, где коуч помогает работнику самостоятельно найти решение задач через вопросы, анализ и планирование. Например, Академия Минпросвещения использует коучинг для руководителей региональных образовательных ведомств.

Исследователь Е. А. Алпатова использовала коучинговое упражнения «колесо баланса» при проведении тренинговой сессии со слушателями программы повышения квалификации с целью формирования компетентностно-профессиональной модели государственного служащего топ-уровня, определения точек роста государственных служащих, а также в качестве инструмента самосовершенствования работника государственной службы [6].

О. Л. Чуланова, изучив особенности коучинга и соотнеся их со спецификой профессионального развития руководителей, пришла к выводу, что данная кадровая технология в полной мере подходит для развития эмоциональной компетентности руководителя. Коучинг позволяет раскрыть потенциал человека, используя при этом гибкую систему методик и инструментов [7].

Использование инновационных форматов обучения способствует тому, чтобы процесс профессионального развития государственных гражданских служащих становился более адаптивным, индивидуализированным и ориентированным на практику. Вместе с тем реализация данного подхода требует трансформации институциональной культуры государственной службы в сторону цифровизации, а также формирования у государственных органов и самих государственных гражданских служащих устойчивой готовности к цифровым изменениям.

1. *О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З: в ред. от 11.10.2024 № 36-З) // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.05.2025).*
2. *Черепанов, В. В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пос. для студентов вузов / В.В. Черепанов. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 679 с.*
3. *Егоршин, А. П. Управление персоналом / А. П.Егоршин. – Н. Новгород: НИМБ, 2012. – 607 с.*
4. *Ковтков, Д. И. Правовое регулирование профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации: монография. – М.: Юстицинфом, 2017. – 208 с.*
5. *Макарова, Г. В. Управление профессиональным развитием гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 5. – С. 31-46.*
6. *Алпатова, Е. А. Компетентностно-профессиональная модель государственного служащего топ-уровня / Е. А. Алпатова // Учет и статистика. – 2017. – №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostno-professionalnaya-model-gosudarstvennogo-sluzhaschego-top-urovnya (дата обращения : 24.06.2025).*
7. *Чернова Ю. К. Профессиограмма как целезадатчик подготовки специалиста. / Ю. К. Чернова, О. П. Кислякова, В. И. Малыхин // Монография / Под науч. ред. В. В. Щипанова. – Тольятти-Сызрань: Изд-во Сызранского ВАИ. – 2002. – 234 с.*

«ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ» В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ

Щёкотова Анастасия Юрьевна
(Московский государственный институт международных отношений МИД России Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт международных отношений МИД России Одинцовский филиал)

Аннотация. Проводится социологический анализ «права на забвение» как феномена, возникшего на стыке технологий, права, социальных практик. Исследуется борьба между ценностью тотальной цифровой памяти и правом на приватность, выявляются формы социального неравенства. На основе анализа показано, что «право на забвение» не просто юридический инструмент, а рычаг социального взаимодействия в реалиях цифрового сообщества.

Ключевые слова: право на забвение, цифровая эпоха, цифровое общество, приватность, цифровая память, цифровая идентичность, тотальная цифровая память, идеологическая борьба, свобода информации, защита персональных данных, цифровая репутация, право на второй шанс, социальное неравенство, практики подачи запросов, этика алгоритмов.

Современное общество находится на этапе цифровой трансформации, которая не ограничивается технологическими инновациями, а также влияет на социальные взаимодействия, экономику и право. Вследствие чего мы можем говорить о реальности, где физический мир зависит от цифрового и наоборот. Это в свою очередь, заставляет классическую социологию искать новые методики взаимодействия и ставит под вопрос существующие концепты. В этих условиях феномен «права на забвение» возникает как один из ключевых элементов борьбы между ценностями формирования постоянного, легкодоступного и всеобъемлющего цифрового архива коллективного и личного опыта, так называемая тотальная цифровая память и правом личности на приватность и самоопределение.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: Во-первых, важно, что в обществе есть запрос на защиту идентичности. В эпоху, когда персональные данные стали новым ресурсом, а цифровая репутация определяет социальные и экономические возможности, право человека контролировать свою «цифровую тень» становится вопросом личной безопасности и автономии.

Во-вторых, правовой аспект в сфере цифры заставляет по-новому смотреть на текущую ситуацию. Законодательные системы всего мира, в том числе регламент GDPR (ст. 17), который на данный момент является ключевым документом по этой теме, пытаются найти хрупкий баланс между возможностью свободно обмениваться информацией и защитой приватности. Этот процесс до сих пор не устойчив и требует более детального анализа со стороны властей, так как текущая ситуация сопровождается интенсивными дебатами и судебными процессами. В-третьих, необходимо подчеркнуть значимость рассмотрения данной темы с позиции социологического осмысления. «Право на забвение» – это не только юридический инструмент, но и социальная практика,

требующая анализа с позиций социологии власти, неравенства и управления идентичностью в цифровую эпоху.

Современное общество живёт по новым принципам, где информация – это не просто инструмент взаимодействия. Это также и способ влияние на человека в целом и возможность манипулировать мнениями. При становлении тотальной цифровой памяти, любое действие индивида фиксируется в специальной цифровой среде и там же храниться. Такая ситуация многим кажется удобной и практичной, однако, при появлении нерелевантной или противоречивой информации, о которой личность, вероятно, может и не подозревать, из-за того, что информация была загружена давно и на данный момент не несёт актуальной информации, могут случаться споры. В том числе, из-за появления «цифровых ярлыков», которые могут подвергать сомнению деловую репутацию и т. д. В ответ на этот вызов сформировалось «право на забвение» (статья 17 GDPR [3]), законодательно закрепляющее возможность удаления персональных данных. Однако практика показывает, что реализация данного закона порождает противоречия на идеологическом, социальном и технологическом уровнях, делая его наиболее привлекательным объектом для изучения.

Для осмысления «права на забвение» необходимо выйти за рамки сугубо юридической трактовки и рассмотреть его в контексте социологических и когнитивных теорий.

«Концепция трансактивной памяти» Социолога Д. Вегнера предполагает, что человеческая память исторически является распределённой: мы запоминаем не столько саму информацию, сколько то, где ее можно найти [1]. В данный момент поисковые системы являются одними из главных элементов данной распределительной когнитивной сети. В этом контексте «право на забвение» являет собой попытку изъять конкретную информацию из огромной базы коллективного знания и порождает появление новой информации, повторяя этот процесс снова и снова. Представляя собой непрерывную цепочку появления новых знаний, что, несомненно, демонстрирует совершенно новое социальное действие, не имеющее аналогов ранее в доцифровую эпоху.

Эндрю Хоскинс обращает внимание на возможность кризиса коллективной памяти, где на просторах цифровой среды хранится и просматривается огромное количество информации, которая, однако, при постоянной циркуляции создают «память множества», она, в свою очередь, не имеет ни временных, ни пространственных границ [2]. При такой постановке вопроса возможность «забвения» – благо, позволяющее вернуть утраченный контроль над этими обширными базами знаний и, таким образом, помогающее отсортировать нерелевантную или устаревшую информацию, которая мешает двигаться вперёд.

При дальнейшем анализе, наблюдается распространение феномена «цифровой амнезии» или, иными словами, «эффекта Google» [1], выступающая в роли адаптационного регулятора в условиях новой действительности. Сам термин подразумевает, что люди престают запоминать информацию, так как знают, что легко найдут её в интернете. Это кажется страшным, но таким образом наш мозг лишь уменьшает нагрузку и позволяет привыкнуть к большому объёму обрабатываемой информации. В этом свете «право на забвение» можно рассматривать как институционализированную попытку общества управлять такого рода адаптацией, создавая «защищенные зоны» для забывания.

Реализация «права на забвение» происходит в поле напряженного идеологического конфликта, где сталкиваются две системы ценностей.

Первая система, условно назовём её «лагерь памяти» апеллирует к ценностям свободной информации, права общества на знание и исторической правы. Сторонники считают, что удаление данных – это, своего рода, формирование цензуры или переписывание истории. Это становится критичным в контесте освещения политической деятельности конкретных лиц или серьёзных преступлений.

Вторая система, «лагерь приватности», ссылается на право личности на самоопределение, иными словами, для сторонников системы важна лишь позиция индивида, который стремиться избавиться от прошлых «заслуг», мотивируя возможностью «второго шанса».

Например, европейский суд по правам человека часто решает вопросы, связанные цифровым правом. Рассмотрим возможную ситуацию: возьмём информацию о давнем финансовом нарушении владельца бизнеса и противопоставим то, что он хочет эту информацию удалить. В конечном счёте выходит, что достаточно просто подождать, пока информация не исчезнет, чтобы начать делать тоже самое и таким образом всё время оставаться на плаву. Справедливо ли это? [4]

Эмпирические данные показывают, что «право на забвение» не является нейтральным инструментом и его использование воспроизводит существующие в обществе диспропорции.

Так называемый, цифровой разрыв [5]: свободнее этим правом пользуются молодые люди и наиболее технологически грамотные граждане, в то время как пожилое население часто не признает использование технологий для хранения информации в принципе, что порождает неосведомлённость относительно нынешней ситуации.

Вторым важным аспектом является неравное распределение ресурсов. Подразумевается, что крупные корпорации и публичные лица могут нанять высококвалифицированного специалиста, который с большей вероятностью выиграет в споре, и, впоследствии смогут очистить «пятна» на репутации. Обычные граждане склонны выбирать специалистов с более низкой квалификацией или защищать себя самостоятельно, что не способствует выигрышу и показывает значительную разницу в получении «права на забвение». [6]

Например, исследование запросов к Google показывает, что запросы от физических лиц часто касаются удаления ссылок на компрометирующие фото в социальных сетях или информации о мелких долгах, в то время как компании массово требуют удалять негативные отзывы и критические новости, маскируя это под защиту персональных данных руководителей.

Будущее «права на забвение» определяется несколькими магистральными трендами, носящими глобальный характер.

Во-первых, конфликт юрисдикций. Европейский стандарт GDPR ставит защиту приватности на первое место, как ключевую проблему, которую следует решить; национальные законодательства. Например, в Америке Первая поправка о свободе слова. Или в России конституционные нормы, также утверждающие свободу слова. Это создает правовую неопределенность для глобальных платформ и приводит к фрагментации интернет-пространства.

Во-вторых, сопротивление технологиями. На данный момент технологии, основанные на блокчейне [7][8][9] (например, децентрализованные социальные сети), подразумевают неизменяемость данных, в том числе, в целях защиты пользователей, ставят под сомнение саму техническую возможность осуществления «права на забвение»

В-третьих, алгоритмическая память, с которой в наши дни работает искусственный интеллект. Даже если исходные данные удалены, выводы и паттерны, выявленные ИИ на

их основе, могут продолжать циркулировать в системах, порождая «призрачную» цифровую тень человека, что мешает реализации удаления нерелевантных данных.

«Право на забвение» является не просто юридическим новшеством, а социальным зеркалом, в котором отражаются ключевые вызовы цифровой цивилизации: конфликт между тотальным архивом и правом на самоопределение, воспроизводство социального неравенства в новой, цифровой форме. Его дальнейшая эволюция будет зависеть не только от развития законодательства, но и от быстроты обработки современных особенностей и внесения изменений в жизнь мирового сообщества в соответствии с этими реалиями. Социологии цифрового общества в этом процессе отводится ключевая роль – не только диагностировать проблемы, но и предлагать модели гармоничного сосуществования человека и его цифрового двойника.

1. *Ястребов А. Л. Цифровая амнезия [Электронный ресурс] // Красота и медицина. – URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/digital-amnesia (дата обращения: 10.10.2025).*
2. *Smartphone dependency, digital amnesia, and somatic symptoms among nursing students: the challenge of artificial intelligence / P. Romansky [и др.] // BMC Nursing. – 2025. – Vol. 24. – Article 599. – DOI: 10.1186/s12912-025-03228-0. – URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10509603/ (дата обращения: 09.10.2025).*
3. *Удаление персональных данных: право на забвение, GDPR-ст.17 // Orion-Solutions. – URL: https://orion-solutions.ru/tpost/0z3l2v5181-udalenie-personalnih-dannih-pravo-na-zab (дата обращения: 11.10.2025).*
4. *Turk V. Human rights must anchor the digital age, says UN's Turk: [доклад] // UN News. – URL: https://news.un.org/en/story/2025/07/1165338 (дата обращения: 10.10.2025).*
5. *Аникин В. А., Мытиль А. В. Российский средний класс после 2020 года: особенности цифровизации и ценностные сдвиги [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 497–512. – URL: https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/20561/ru_RU#! (дата обращения: 08.10.2025).*
6. *Онлайн-урегулирование споров // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Онлайн-урегулирование_споров (дата обращения: 07.10.2025).*
7. *Marr B. 30 Real Examples Of Blockchain Technology In Practice // Bernard Marr. – URL: https://bernardmarr.com/30-real-examples-of-blockchain-technology-in-practice/ (дата обращения: 09.10.2025).*
8. *Блокчейн // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Блокчейн (дата обращения: 11.10.2025).*
9. *Что такое технология блокчейн? // AWS (Amazon). – URL: https://aws.amazon.com/ru/what-is/blockchain/ (дата обращения: 11.10.2025).*
10. *Общие сведения о праве на забвение // Google. – URL: https://support.google.com/legal/answer/10769224?hl=ru (дата обращения: 09.10.2025).*
11. *Право на забвение: что это такое? // Хабр. – URL: https://habr.com/ru/companies/digitalrightscenter/articles/692584/ (дата обращения: 10.10.2025).*
12. *HEC Talks: "Privacy in the Digital Age" with Jean Tirole : [лекция]. – URL: https://www.hec.edu/en/school/events/hec-talks-privacy-digital-age-jean-tirole (дата обращения: 08.10.2025).*
13. *Challenges of the digital age for privacy and personal data protection / P. Romansky, I. Noninska // Mathematical Biosciences and Engineering. – 2020. – Vol. 17, № 5. – P. 5288–5303.*
14. *Privacy matters: updating human rights for the digital society // Health and Technology. – 2017. – DOI: 10.1007/s12553-017-0198-y.*

АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ» Д. В. ИВАНОВА

Юй Ян
(СПбГУ)

Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ)

Юй Анна Николаевна
(РГПУ)

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая и методологическая значимость анализа ценностных ориентаций китайских студентов в рамках концепции «дополненной социальности» Д. В. Иванова. Показано, что данная концепция, включающая четыре взаимосвязанных измерения – сеть, поток, интеракцию и институт, – позволяет интерпретировать процесс формирования ценностей как многомерный и динамический. Автор предлагает подход, основанный на сочетании разнородных исследовательских стратегий для каждого из измерений при сохранении общей теоретической целостности анализа. Делается вывод о необходимости перехода от статического, структурно-функционального понимания ценностей к процессуально-реляционному анализу, раскрывающему механизмы их воспроизводства в условиях цифровизации, мобильности и институциональной трансформации современного общества.

Ключевые слова: дополненная социальность; ценностные ориентации; китайские студенты; сеть; поток; интеракция; институт; методология социологии; динамическая социальность.

В условиях глобализирующегося и цифровизирующегося мира ценностные ориентации молодёжи становятся одним из ключевых факторов социального воспроизводства. Исследование ценностей китайских студентов представляет собой не только необходимое условие для понимания трансформации молодёжного сознания, но и важный шаг в построении самостоятельной социологической теории, основанной на отечественном культурно-историческом опыте. Концепция Д. В. Иванова «дополненная социальность» открывает новые теоретические и методологические возможности для подобного анализа.

Согласно Иванову, социальность не может более пониматься как простая связь между индивидом и социальной структурой. Она существует как сложная, постоянно дополняемая система, формирующаяся на пересечении четырёх взаимосвязанных измерений – *сети (сеть)*, *потока (поток)*, *интеракции (интеракция)* и *института (институт)*. Именно в их взаимодействии рождается современная форма социальной реальности. Для китайских студентов это означает, что их ценностные ориентации формируются одновременно в пространстве институционализированного образования, традиционных культурных норм, сетевых коммуникаций и транснациональных потоков информации.

Из этого следует, что исследование ценностей студентов должно строиться как многомерное и при этом внутренне единое аналитическое поле. Оно предполагает

использование разных методологических подходов в зависимости от исследуемого измерения, но также требует интеграции результатов в общую системную модель.

Измерение сети предполагает анализ цифровых структур формирования ценностных представлений. Текстовый анализ, сетевые методы и изучение цифровых сообществ позволяют выявить механизмы распространения и коллективной легитимации ценностей в онлайн-среде.

Измерение потока обращает внимание на пространственно-временную динамику ценностей, их культурную и институциональную циркуляцию. Сравнительные исследования – межпоколенные, межкультурные или межсистемные – могут показать, как молодёжь переосмысливает категории «справедливости», «долга», «успеха» в условиях растущей мобильности.

Измерение интеракции фокусируется на процессе межсубъектного конструирования смысла. Фокус-группы, глубинные интервью и дискурсивный анализ позволяют реконструировать, каким образом ценностные ориентации возникают в коммуникации, в процессе переговоров и согласования значений.

Измерение института требует анализа структурных механизмов социализации – образовательных программ, нормативных дискурсов, государственной идеологии. Здесь важно проследить, каким образом институционализированные ценности усваиваются, интерпретируются и трансформируются на уровне индивидуального сознания.

Несмотря на различия в методах и уровнях анализа, все четыре измерения образуют единую систему «дополненной социальности». Центральная идея Иванова – *дополнение* – указывает на то, что социальность всегда воспроизводится через взаимосвязь структурных и процессуальных элементов. Следовательно, методологически оправдано построение интегративной исследовательской модели, в которой каждое измерение рассматривается не изолированно, а в постоянном соотнесении с другими.

Такой подход позволяет не только глубже понять механизмы формирования ценностных ориентаций китайских студентов, но и способствует переосмыслению самой теории ценностей в социологии. Анализ в рамках концепции «дополненной социальности» переводит исследование из статического, структурно-функционального уровня в динамическую, процессуально-реляционную плоскость. В этом заключается его теоретическая новизна и вклад в развитие постцентристской, контекстуально чувствительной социологической методологии.

1. *Иванов, Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д. В. Иванов // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44-55. – DOI 10.31857/S013216250009397-9. – EDN KJDUDV.*
2. *Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3-15. DOI 10.31857/S0132162524060014*
3. *Иванов Д. В. Асочаков Ю. В. Гулькина К. П. Социология в XIX веке: между фрагментацией и интеграцией. в: Наука. Культура. Общество. 2024 ; Том 30, № 3. стр. 6-25.*
4. *Иванов, Д. В. Возвращение к реальности на дальних берегах: обзор XX Всемирного социологического конгресса и XXVII Всемирного конгресса политической науки. в: Журнал социологии и социальной антропологии. 2023 ; Том 26, № 3. стр. 234-250.*
5. *Иванов, Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Ч. 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности. 2024 ; № 7. стр. 23-36.*

Секция 6: Культурное пространство современности: социологический ракурс

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Абдаллах Лейла Нажибовна
(СПбГУ)

Аннотация: В работе рассматривается культурная память как механизм институционализации коллективного прошлого и средство конструирования идентичности в постконфликтных обществах. Анализируются роль государства в формировании официальных нарративов, политика памяти как инструмент символической легитимации и феномен репрессивного забвения как стратегия стабилизации и контроля.

Ключевые слова: культурная память; коллективная идентичность; официальные нарративы; политика памяти; символическая политика; постконфликтное общество

Культурная память в этой работе понимается как социокультурная структура, обеспечивающая сохранение и (ре)трансляцию общего образа прошлого, необходимого для социальной интеграции группы. Еще М. Хальбвакс показал, что память индивида формируется внутри «социальных рамок» и обусловлена принадлежностью к группе [2, 316]. Развивая эту идею, Я. Ассман вводит различение между «коммуникативной» (ежедневно поддерживаемой в живом общении) и «культурной» памятью (долговременным запасом значимых для группы воспоминаний) [1, 52]. Культурная память выходит за пределы опыта ныне живущих поколений, опираясь на институционализированные символы, ритуалы, места памяти и т.д. В ней общество фиксирует собственные ценности инормы, тем самым формируя общественное сознание. Культурная память служит своеобразным механизмом межпоколенческой преемственности и поддержания коллективной идентичности общности.

При этом, чтобы культурная память стала устойчивой и общегосударственной, она нуждается в институциональных носителях и в символической легитимации – иначе она так и останется фрагментарной и локальной. Именно здесь на сцену выходит роль государства как культурного архитектора памяти. Официальные нарративы и политика памяти выступают важными инструментами конструирования устойчивой коллективной идентичности на уровне государства. Государство выступает центральным актором институционализации памяти, осуществляя производство культурных смыслов посредством системы образования, культурных институций (музеи, архивы, театры, медиа) и нормативного регулирования символического пространства. Посредством символической политики власти задают канон исторических событий и героев, определяя, что следует помнить и транслировать как основу общенациональной идентичности, а что подлежит вытеснению из публичной памяти. Например, многие национальные ритуалы и атрибуты исторической памяти представляют собой сознательно сконструированные «изобретённые традиции» [6, 12], создаваемые элитами для внедрения нужных ценностей и укрепления социальной сплочённости (по Э. Хобсбауму).

Политика памяти в постконфликтных обществах имеет принципиально иную природу, чем в стабильных или консенсусных социальных системах. Как отмечают А. Мегилл и Д. Александер, память в таких условиях выступает не только инструментом осмысления прошлого, но и средством преодоления коллективной травмы и восстановления социальной интеграции [7, 45]. После масштабных конфликтов, революций или смен режимов общество оказывается перед задачей согласования противоречивых интерпретаций недавней истории и выработки общего нарратива, который способен сплотить население. Этот процесс нередко сопряжён с попытками «реставрации» морального порядка, символического возмещения страданий и поиска виновных, что придает политике памяти характер моральной и политической реабилитации [4, 122].

В то же время политика памяти в постконфликтных обществах часто превращается в арену символической борьбы: конкурирующие элиты, идеологические группы и сообщества жертв стремятся закрепить собственную версию прошлого как легитимную официальную. Эти конфликты не просто конкурируют за интерпретацию истории – они конструируют рамки памяти, отбрасывая нежелательные воспоминания и акцентируя нужные сюжеты. Как отмечают М. Бернхард и Я. Кубик, такие общества могут балансировать между плюралистическим режимом памяти, допускающим множественность нарративов, и гегемонистским режимом, при котором власть стремится монополизировать исторический дискурс ради легитимации настоящего [5, 36].

В более широком культурном горизонте некоторые исследователи указывают, что коллективная память травмы может трансформироваться в форму моральной памяти, когда прошлое воспринимается как универсальный урок, формирующий этические ориентиры общественности. Однако в большинстве постконфликтных контекстов – особенно при ограниченной политической свободе – официальные акторы склонны использовать наследие прошлого, прежде всего, как инструмент консолидации и контроля: одни группы возносятся до героических символов, другие – умалчиваются или демонизируются. В таких случаях власть прибегает к механизму репрессивного забвения (repressive erasure), предложенному П. Коннертоном, – сознательному устранению символических следов нежеланных версий прошлого. Хотя эта стратегия может стабилизировать ситуацию в краткосрочной перспективе, она не устраняет вытесненные воспоминания, которые рискуют «вернуться» в новые формы сопротивления и контрпамяти [6, 62].

В таком контексте государственная политика памяти выступает как ключевой механизм символического восстановления: через институты культуры, образования и медиа формируются новые коллективные нарративы не ради объективного воссоздания прошлого, а ради легитимизации настоящей власти и консолидации общества. Эти нарративы часто опираются на темы жертвенности, возрождения, религиозной миссии или национальной уникальности, а политика памяти, таким образом, предстает не просто как элемент культурного наследия, но как инструмент культурной социологии, посредством которого акторы устанавливают рамки смысла: манипулируя символическими ресурсами памяти – ритуалами, текстами, визуальными образами – власть задаёт, каким образом общество будет осмысливать свое прошлое и настоящее.

1. *Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.*
2. *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.*
3. *Хобсбаум Э. Изобретение традиций. – Вестник Евразии, 2000. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy (дата обращения: 08.10.2025).*

4. *Александер Дж., Alexander J. C., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-identichnost (дата обращения: 10.10.2025).*
5. *Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Oxford: Oxford University Press, 2014. 362 p.*
6. *Connerton P. Seven Types of Forgetting. // Memory Studies. 2008. Vol. 1(1). P. 59–71.*
7. *Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 304 p.*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ МОНГОЛИИ

Ахмедова Ангелина Рустамовна
(Алтайский государственный университет)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024 – 2026).

В условиях глобализации вопрос конструирования религиозной идентичности во всем мире рассматривается особенно остро. Данный аспект особенно интересен при рассмотрении приграничных территорий, где религиозность формируется на стыке двух культур и развивается при их непосредственном взаимодействии. Этот факт, безусловно, порождает новые вызовы и возможности для религиозных организаций, находящихся на этих территориях. В условиях постоянной конкурентности религиозные организации стараются расширись и укрепить уровень своего влияния на население региона. Важно отметить, что в данном контексте приграничные территории, в силу своего географического положения и социокультурной специфики развития, особенно восприимчивы к внешним религиозным воздействиям. Это может влиять на развитие гибридных форм религиозных организаций. Так, религиозная идентичность приграничных территорий Монголии и России формировалась под воздействием культурно-исторических, межнациональных и этнических факторов, объединяющих эти государства. Основной религией Монголии является тибетский буддизм традиции Гэлуг с элементами шаманизма, при этом в приграничных районах, особенно на западе, значительное влияние имеет ислам, исповедуемый казахами. Религиозные организации играют центральную роль в конструировании религиозной идентичности, влияя на культурные практики и межэтнические отношения.

Сегодня в период серьезной экономической и политической трансформации Монголии усиливается спектр рычагов влияния религиозных институтов на общественную жизнь. Под их влиянием происходит формирование национальной идентичности региона и поддержание социальной стабильности населения страны. Это вызывает научный интерес изучения приграничных районов Монголии с точки зрения сравнительного анализа религиозных процессов в регионах. Ведь изучаемые регионы отличаются геополитическими и социокультурными факторами влияния на местных жителей. Не менее важным считаем и научную значимость рекомендаций, которые будут выявлены по результатам исследования. Подходы П. Бергера и Т. Лукмана, которые

поистине можно считать базисом изучения социального конструирования реальности, отмечают следующее [1]. Идентичность формируется в процессе социального взаимодействия и институционализации. Так М. Кастельс анализирует роль идентичности в современном мире. В своем труде «Информационная эпоха» автор определяет, что идентичность становится важным источником смысла и сопротивления в условиях глобализации [2]. Гибридность и конструируемость культурной идентичности определяет в своей концепции С. Холл. В свою очередь религиозная идентичность формируется в процессе социального обучения, религиозной социализации и личного опыта индивида. Так она не является врожденным умением или фактором, определяющим личность, а приходит к через ряд социальных трансформаций. Отметим, что само конструирование социального феномена строится на интерпретации религиозных текстов, участия в религиозных ритуалах, взаимодействия с другими верующими и переживания религиозного опыта. Она может быть как индивидуальной, так и коллективной, и может меняться в течение жизни человека в зависимости от его социального контекста и личных обстоятельств [3].

Существует ряд факторов, влияющих на конструирование религиозной идентичности. Рассмотрим их подробнее. Отметим, что все современные социокультурные процессы оказывают существенное влияние на конструирование религиозной идентичности. Во-первых, глобализация. В первую очередь она способствует развитию и расширению самого феномена религиозной идентичности за счет коллаборации различных культур. Национальные границы размываются, и народы поглощают знания друг друга, формирую свою идентичность. Однако это создает ситуацию культурной гибридизации, что лишает ряд культур и народностей неповторимости и обособленности [4]. Миграционные процессы, в свою очередь, приводят к смешению религиозных групп, что в априори усложняет процесс религиозной идентичности народов. Усложняется и процесс адаптации к поликультурной среде. Новые возможности для религиозного общения и межкультурного взаимодействия создает информационно – телекоммуникационная сеть Интернет. Благодаря интернету создаются виртуальные пространства, пропагандирующие различные религиозные форматы. Секуляризация, процесс снижения влияния религии на социальную жизнь, приводит к индивидуализации религиозной идентичности и появлению новых форм духовности, не связанных с традиционными религиозными институтами [5,6].

Существует обширная литература, посвященная эмпирическим исследованиям религиозной идентичности. Исследования показывают, что религиозная идентичность может быть как сильным, так и слабым источником самосознания, и что ее значение может меняться в зависимости от социального контекста и личных обстоятельств [7]. Например, исследование Родригеза показывает, что религиозная идентичность может играть важную роль в адаптации мигрантов к новой культуре и в поддержании связей с их родной страной [8]. Другие исследования показывают, что религиозная идентичность может быть источником конфликтов и социальной напряженности, особенно в ситуациях этнической и религиозной конкуренции [9].

В качестве эмпирической базы были использованы данные экспертного опроса полученные в рамках проекта РНФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности». Для обеспечения валидности и репрезентативности результатов экспертного опроса особое внимание было уделено формированию экспертной выборки. Экспертный опрос с представителями духовенства, лидерами религиозных некоммерческих

организаций, представителями академического сообщества, государственными служащими, в чью компетенцию входит взаимодействие с религиозными организациями. Было попрошено 158 экспертов. Были получены следующие результаты.

Большая часть опрошенных экспертов (60,1 %) отмечают, что проживание на приграничных территориях никак не влияет на религиозность населения. На вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных национальностей в Вашем регионе?» 71,4 % экспертов отмечают, что отношения имеют нормальный бесконфликтный характер. Еще 26,5 % респондентов отмечают доброжелательность отношений между полинациональной структурой населения приграничного региона.

Основываясь на проведенном анализе, предлагается комплекс рекомендаций социального характера по конструированию религиозной идентичности в приграничных районах Монголии. В первую очередь, необходимо содействовать межрелигиозному диалогу и сотрудничеству, направленным на преодоление стереотипов и предрассудков. Это позволит укрепить связь между национальностями и их вероисповеданием. Также необходимо развивать программы религиозного образования и воспитания, направленные на формирование толерантного и уважительного отношения к другим религиям и культурам. Это обусловлено полинациональностью приграничных территорий Монгольского приграничья и необходимостью налаживания диалога культур в рассматриваемом районе. Следующей рекомендацией может послужить адаптировать религиозные учения и практики к современным условиям, учитывая потребности и интересы различных групп населения.

Таким образом, конструирование религиозной идентичности является сложным и многогранным процессом, имеющим важное значение для индивида и общества. Понимание механизмов формирования и трансформации религиозной идентичности, а также учет ее влияния на социальную жизнь, необходимы для построения мирного и гармоничного многоконфессионального общества. Предложенные рекомендации направлены на содействие конструктивному диалогу, взаимопониманию и сотрудничеству между представителями различных религий и культур, что является важным условием устойчивого развития современного мира.

1. *Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – Garden City, NY : Doubleday, 2016.*
2. *Кастельс М. Власть идентичности. – Oxford : Blackwell Publishers, 2017.*
3. *Холл С. Кому нужна “идентичность”? // Вопросы культурной идентичности / под ред. С. Холла, П. Дю Гей; пер. с англ. – London : Sage, 1996. – С. 1–17.*
4. *Робертсон Р. Глобализация: Социальная теория и глобальная культура. – London : Sage, 2022.*
5. *Брюс С. Бог мертв: Секуляризация на Западе. – Oxford : Blackwell, 2022.*
6. *Казанова Х. Публичные религии в современном мире. – Chicago : University of Chicago Press, 2014.*
7. *Смит К. В поисках души: Религиозная и духовная жизнь американских подростков. – Oxford : Oxford University Press, 2021.*
8. *Родригес Х. Религия в опыте мигрантов: Мексиканские иммигранты в Соединенных Штатах. – New York : NYU Press, 2021.*
9. *Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. – New York : Simon & Schuster, 2022.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАРЬЕРНОГО ПУТИ АКТЕРА ТЕАТРА

Бабкина Екатерина Витальевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современное культурное пространство характеризуется глубокой трансформацией традиционных институтов, и театр, как один из древнейших видов искусства, не является исключением. Профессиональная траектория актера театра сегодня претерпевает кардинальные изменения. Социологический ракурс позволяет рассмотреть, как глобальные тенденции, трансформация культуры, цифровизация социальных отношений и рост прекарного труда, преломляются в индивидуальных стратегиях профессионального развития. Если ранее карьера актера выстраивалась в рамках относительно стабильной системы репертуарного театра с четкой иерархией и долгосрочной занятостью, то современный рынок труда в сфере культуры диктует необходимость гибкости, мобильности и постоянного самопродвижения.

Рассмотрим два взаимосвязанных аспекта этой трансформации. С одной стороны, речь идет о распространении прекарных форм занятости, при которых труд актера становится все более нестабильным, проектно-ориентированным и лишенным социальных гарантий. Это находит отражение в росте числа актеров, работающих на условиях краткосрочных контрактов, в антрепризных проектах, а также вынужденных совмещать творческую деятельность с подработками в смежных или совершенно иных сферах. Такие трансформации на рынке труда не только определяют экономическую уязвимость, но и оказывают существенное влияние на творческий процесс и профессиональную идентичность.

С другой стороны, ответом на вызовы рынка становится необходимость целенаправленного построения личного бренда. В условиях высокой конкуренции и медиатизации культуры актер уже не может быть только интерпретатором роли, предлагаемым режиссером и театром. Он становится маркетологом собственного бренда, вынужденным управлять своим имиджем, активно присутствовать в цифровой среде и выстраивать прямые отношения со зрительской аудиторией. Этот аспект раскрывает, как трансформация культурных индустрий проникает в саму сферу профессии, превращая актера из исключительно творца в активного участника маркетинговых процессов.

Сфера культуры претерпевает изменения, связанные с глобальными трансформациями на рынке труда конца прошлого века [7, 8]. Труд актера все чаще приобретает нестабильный, проектно-ориентированный характер и лишается привычных социальных гарантий. Это находит прямое отражение в росте числа артистов, занятых в краткосрочных проектах и постановках, а также вынужденных постоянно совмещать творческую деятельность с подработками в смежных областях, таких как озвучка, преподавание, или в иных сферах. Постоянный поиск следующего проекта, необходимость адаптироваться к разным творческим объединениям и эстетикам разрушают традиционное представление о карьере как о последовательном восхождении по лестнице мастерства.

Различные исследования указывают на усиление конкуренции среди работников, снижение социальной защиты, рост безработицы и изменение восприятия труда и карьеры [5, 6]. Полученные результаты анализа текущей ситуации свидетельствуют о том, что динамичное развитие экономики и трансформация культурного ландшафта способствуют формированию инновационных моделей творческих индустрий, основанных на

принципах гибкой занятости. Исторический анализ свидетельствует, что, несмотря на изначальную хаотичность, переходный период заложил фундамент для будущего развития креативных индустрий в России. Этот процесс был обусловлен снижением заработной платы в театрах [9] и на киностудиях [3], ослаблением государственного управления и общей либерализацией культурной сферы.

В конце XX – начале XXI веков многие из них проходили обучение и стажировки за рубежом, где усвоили новые гибкие, мобильные и мультипроектные модели творческого труда. Это способствовало их большей открытости к сотрудничеству в разнообразных проектах, расширению профессиональных компетенций, а также стимулировало кросс-культурный обмен и инновации. Однако, как отмечает Е. Абрамова, такая модель занятости сопряжена с рисками потери работы, низкой социальной защищенностью и уязвимостью к экономическим колебаниям [1].

Ответом на вызовы нестабильного рынка становится феномен целенаправленного построения личного бренда. В условиях высокой конкуренции и всеобщей медиатизации культуры актер более не может ограничиваться ролью пассивного интерпретатора, предлагаемого режиссером и театром. Он трансформируется в предпринимателя самого себя, вынужденного активно управлять своим публичным имиджем, присутствовать в цифровой среде и выстраивать прямые, неопосредованные отношения со зрительской аудиторией. Этот аспект наглядно демонстрирует, как логика культурных индустрий проникает в самую интимную сферу профессии, превращая актера из исключительно творца в активного участника рыночных процессов.

Понятие личного бренда, которое также можно обозначить как «персональный бренд» или «Я-концепция», становится ключевым в современной карьере. Под ним понимается целостный комплекс образов и ассоциаций, возникающих в сознании публики при упоминании имени артиста, или же сознательно сконструированный образ, нацеленный на достижение профессионального успеха. Грамотно выстроенный имидж в социальных сетях является необходимым компонентом для создания сильного личного бренда, который, в свою очередь, служит мощным инструментом формирования лояльной и вовлеченной аудитории. Вокруг этого явления выросла целая индустрия, породившая такие профессии, как SMM-менеджер, имиджмейкер и PR-специалист, чьи услуги все чаще востребованы представителями творческих профессий.

Т. Е. Шехтер в своих работах выделяет ключевые характеристики художественной образности, актуальные и для данного контекста: стремление к объективизации и активное использование современных технических материалов [2]. Она анализирует художественный рынок не только как механизм актуализации художественной реальности, но и как сферу экспертной, проектной и презентационной деятельности, которая в значительной степени определяет формы и условия профессиональной работы современного артиста. Участие актеров в рекламных кампаниях, медийных проектах и телевизионных шоу – это не просто способ дополнительного заработка, но и стратегический шаг по повышению узнаваемости, расширению профессиональных горизонтов и укреплению личного бренда. Медиатизация, несмотря на свои вызовы, делает профессию актера более многогранной и динамичной, стирая жесткие границы между сценой, экраном и цифровым пространством.

Таким образом, современная профессиональная траектория актера определяется размыванием стабильной занятости и переходом к прекарной, проектной модели труда. Ответом на эту трансформацию становится необходимость активного построения личного бренда, превращающая артиста из творца в предпринимателя самого себя.

1. *Абрамова Е. Условия труда творческих работников: итоги проекта. / Полит.ру. 30 сент., 2012: https://polit.ru/article/2012/09/30/altvorrabotnyki/ [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.03.2024)*
2. *Карпов А.В. Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии: Монография / Науч. ред. Т.Е. Шехтер. СПб.: СПбГУП, 2004. 232 с.*
3. *Карпушин Е.С., Кулакова А.И. Российская киноиндустрия как часть экономики страны. // ЭКО, 2015. № 8. С. 181-189.*
4. *Кузьмина, В. А. Формирование личного бренда музыканта в социальных сетях (на примере П. Дранги и А. Воробьева) / В.А. Кузьмина, М.В. Терских // Социально-экономические явления и процессы. – 2020. – №2 (109). С. 27*
5. *Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа Праксис, 2012. 576 с.*
6. *Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. NY: McGraw-Hill Education, 2004. 144 p.*
7. *Garnham N. From Cultural to Creative Industries: An Analysis of the Implications of the «Creative Industries» Approach to Arts and Media Policy Making in the United Kingdom. International Journal of Cultural Policy. 11 (1). 2005. P. 5–29.*
8. *Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. London: SAGE Publications Ltd, 2019. 480 p.*
9. *Levshina E., Orlov Y. Company Profile: General and Specific Issues in Russian Theatre. International Journal of Arts Management. 2 (2), 2000. P. 74-83.*

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ ПРИ ВЫБОРЕ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА И Г. КАЗАНИ

Байбульдина Алина Эмилевна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Аннотация: В статье представлены результаты исследования танцевальных предпочтений подростков и молодежи, проведено сравнение с данными другого региона. Составлен рейтинг предпочтений видов танца, выявлена прямая зависимость. Установлено доминирование современных стилей над фундаментальными (академическими), замерена интенсивность занятий.

Ключевые слова: танец, современный танец, классический танец, народный танец, подростки, молодежь.

Танцевальная культура является значимым элементом социализации и личностного развития как подростков, так и молодежи, отражая и общекультурные тренды, и специфические возрастные потребности в самовыражении. Зарождение и становление танца можно сопоставлять с появлением и развитием цивилизации и её культуры [1, 155]. Изначально и в современных условиях танец зачастую является средством коммуникации, обеспечивая связь между поколениями, народами и культурами [2,3].

Подростки – социально-демографическая группа, обычно в возрасте 11-12 – 17-18 лет [4]. По мнению Л. И. Божович, центральной особенностью подросткового возраста является глубокий разрыв с привычным социальным и внутренним опытом. Происходит коренная перестройка всей системы отношений личности, что служит основой для развития самосознания и самоопределения. В рамках этой перестройки мотивационная система становится иерархической, а поведение начинает регулироваться механизмом сознательного целеполагания [5].

Молодежь также выделяют в особую социально-демографическую группу, которая следует за подростковым этапом. В. Т. Лисовский определял молодежь как поколение на этапе социализации, в ходе которой индивиды приобретают основные социальные функции (образовательные, профессиональные, культурные), в отличие от зрелого возраста, когда этот процесс в основном завершен. Критерии отнесения к молодежи по возрасту, подчеркивал он, являются гибкими и обусловлены спецификой социокультурного и исторического контекста. [6]

В условиях многообразия танцевальных направлений актуализируется задача изучения факторов, влияющих на выбор подростков, и динамики их предпочтений. Понимание этих процессов необходимо для разработки эффективных образовательных и досуговых программ. Целью исследования является анализ текущих предпочтений подростков в сфере хореографии, выявление наиболее популярных направлений и ключевых мотивационных факторов, определяющих их выбор. В работе представлены результаты опроса подростков, проведенного в г. Екатеринбурге в 2024 г., и их сравнительный анализ с данными исследований танцующей молодежи г. Казани 2020 г. [7]

Прежде чем переходить к полученным результатам, стоит отметить, что исследование в г. Екатеринбурге проводилось нами с учащимися специализированного лицея, а также участниками театра танца, что предполагает академическое художественное образование у лицеистов и глубокое погружение в практическую деятельность со стороны группы любителей из театра танца. Исследование, проведенное в г. Казани, предполагало опрос молодежи, посещающей танцевальные клубы (новички и любители, не всегда имеющие танцевальный опыт и стаж).

Рассмотрим популярность танца у двух групп респондентов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный рейтинг популярности видов танца эмпирических исследований (в % от опрошенных)

Вид танца	**г. Казань, 2020**	**г. Екатеринбург, 2024,**
1. Современный танец	59	37
2. Классический танец	30	23
3. Народный танец	23	20
4. Джаз	18	13

Мы можем наблюдать совпадение рейтинга видов танца и прямую зависимость в предпочитаемых видах танца (табл. 1).

Предпочтения на данный момент заметно смещены к современному танцу, который предпочитают 59 % и 37 % опрошенных. соответственно. Современный танец является отражением актуальной культуры: уделяется большое внимание развитию различных стилей как в академическом формате, так и в свободном любительском варианте. Сегодня танец активно тиражируется через социальные сети, т. к. ассоциируется со свободой самовыражения, доступностью и актуальностью.

Классический и народный танец – это фундаментальные, академические виды танца. Они имеют устойчивую аудиторию, связанную с системой профессионального образования, национальной идентичностью и традициями. Их популярность меньше подвержена сиюминутным трендам. Классический танец считается основополагающим в

формировании базовых навыков и техник среди других видов танца. Его выбор может указывать на значимость искусства и высокой техники исполнения среди подростков и молодежи. Предпочтение народного танца исполнителями указывает на ценность культурного наследия и национального искусства среди опрошенных. Джаз – танец технически сложный и менее массово представлен в медиапространстве. Он представляет собой синтетический стиль, находящийся на стыке классики, модерна и уличных направлений, из-за чего требует многопрофильной физической подготовки, что влияет на его позицию в рейтинге предпочтений.

Универсальную тенденцию выбора видов танца можно обосновать единой культурной средой – развитием городов в рамках общих трендов и образовательных структур (в т. ч. образовательных программ) – или же схожей психологической мотивацией: современный танец как свобода самовыражения, классический танец как фундамент для других направлений и одновременно сложный сам по себе стиль, народный танец часто ассоциируют с энергетикой и характером, а джаз является более узким и специфичным направлением, из-за чего менее востребован.

Исследование в г. Екатеринбург показало, что в среднем, подростки уделяют 10 часов занятиям танцами в неделю (значение медианы): 60 % опрошенных тратят на тренировки от 9 до 12 часов, 13,3 % – от 5 до 8 часов, на остальные интервалы (в диапазоне от 1 до 24 часов) приходится по 6,7 %. респондентов.

Для сравнения, молодежь г. Казани занимается меньше: «почти половина людей, 51,5 %, занимаются 3 раза в неделю. 33,3 % посещают танцы – 4 и более раза в неделю; 9,1% увлекаются танцами – 2 раза в неделю» [8]. Так, большая часть (51,5 %) опрошенных занимаются от 3 до 6 часов в неделю, и лишь треть респондентов уделяют занятиям танцами от 6 часов в неделю.

Согласно исследованию в г. Екатеринбурге, показатель интенсивности составил в 2 раза больше, чем в г. Казани. Различия можно обосновать разными возрастными группами: в г. Казани была опрошена молодежь (в т.ч. подростки), но не указаны места посещения, однако, как мы предполагаем из приведенных вопросов, это клубные дома. В г. Екатеринбурге была задействована профессиональная образовательная структура – гимназия-лицей и театр танца, что предполагает большую вовлеченность подростков в танцевальный процесс и, соответственно, более высокую интенсивность занятий.

Таким образом, проведя сравнительное исследование, мы выявили монотонную зависимость в рейтингах предпочтений видов танца, несмотря на разные возрастные группы и территориальные расположения опрошенных. Показатель интенсивности занятий при этом по г. Екатеринбургу превышает по г. Казани в 2 раза.

1. *Дьяконова Л. Т. Танец как феномен культуры // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana) – 2011. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tanets-kak-fenomen-kultury (дата обращения: 07.10.2025)*
2. *Колногузенко, К. М. Язык танца как средство межкультурной коммуникации / К. М. Колногузенко // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики : Сборник материалов XXIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 21–22 мая 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. – С. 209-212. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74521261 (дата обращения: 07.10.2025)*
3. *Монахова, Е. Г. Танец как социокультурный феномен / Е. Г. Монахова // Актуальные проблемы педагогики и психологии: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 19 февраля 2014 года / Ответственный редактор: А. А. Сукиасян. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2014. – С. 206-211. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21328525_97612893.pdf (дата обращения: 07.10.2025)*

4. *Мухамадеева З. Ф. Социальные проблемы подростков, группы риска и пути их решения // Вестник Башкирского университета. – 2007. – №3. – С. 139-141. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-podrostkov-gruppy-riska-i-puti-ih-resheniya.pdf (дата обращения: 07.10.2025)*
5. *Божович Е. Д. Психологические особенности развития личности подростка / Ордена Ленина Всесоз. изд-во «Знание». – М.: Знание, 1979. – 37, [2] с. – URL: http://elib.gnpbu.ru/text/bozhovich_psihologicheskie-osobennosti-podrostka_1979/ (дата обращения 07.10.2025)*
6. *Лисовский, В.Т. Советское студенчество: Социологические очерки // М.: Высшая школа. – 1990. – С. 304*
7. *Фролова Е. П., Сафатова К. С., Кузнецов В. П. Социологическое исследование молодежи о современной хореографии и критерии выбора танцевальных клубов. // Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород. – Образование и проблемы развития общества, №3(12), 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-issledovanie-molodezhi-o-sovremennoy-horeografii-i-kriterii-vybora-tantsevalnyh-klubov/viewer (дата обращения 07.10.2025)*
8. *Кузнецова С. Н., Фролова Н. В., Бокарюкина У. М., Лабазова А. В. Исследование популярности танцевальных занятий среди молодежи. // Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Казанский государственный институт культуры, г. Казань. – Инновационная экономика: Перспективы развития и совершенствования, №1 (51), 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-populyarnosti-tantsevalnyh-zanyatiy-sredi-molodezhi/viewer (дата обращения 07.10.2025)*

ЦИФРОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ТЕАТРАЛЬНОМ ОПЫТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС МЕДИАТИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Бардукова Дарья Дмитриевна
(СПбГУ)

Гулина Вероника Денисовна
(СПбГУ)

Аннотация: В статье исследуется медиатизация театрального опыта в контексте гибридного культурного пространства. На пересечении идей Бурдье, Эйниш и Хьярварда анализируется роль цифровых посредников в конструировании образа театра и обосновывается потенциал UX-методов для изучения социально и символически насыщенного цифрового взаимодействия.

Ключевые слова: медиатизация театра, цифровое взаимодействие, UX-подход.

Современное культурное пространство в академической литературе все чаще описывается как гибридное, объединяющее физическое и цифровое измерения социальной реальности. Цифровизация культурных практик, процессы медиатизации трансформируют способы культурного участия, формы восприятия и воспроизводства культуры. Если ранее культурная коммуникация между институцией и аудиторией была ограничена пространством «сцены» и «зала», то сегодня широкий спектр цифровых каналов (сайты, социальные сети, платформы обратной связи и др.) также включен в структуру коммуникации.

Такое расширение культурного пространства требует переосмысления привычных инструментов анализа, поскольку сама структура взаимодействия становится многослойной. Театр, будучи классическим институтом искусства, в этой среде утрачивает монополию на собственную репрезентацию: его образ формируется в процессе

сетевого обмена, где сочетаются институциональные, пользовательские и алгоритмические агенты.

Для теоретического осмысления этой трансформации в данной статье предлагается сочетание нескольких социологических оптик: социального конструктивизма, концепции форм капитала, триадной модели художественного поля и институционального подхода к медиатизации.

Социальный конструктивизм позволяет рассматривать культуру как результат совместного производства смыслов и практик в коммуникации между акторами [1]. Таким образом, культурное восприятие понимается не как индивидуальное переживание, а как социально организованный процесс. Концепция капиталов Пьера Бурдье добавляет измерение неравномерности доступа к символическим и культурным ресурсам: восприятие искусства, способы включения в культурное поле и характер взаимодействия с институцией определяются объемом культурного и коммуникативного капитала аудитории [5].

Триадная модель Натали Эйниш «художник – посредник – зритель» [6] позволяет анализировать не только процессы творения и восприятия искусства, но и процесс посредничества, в ходе которого культурные смыслы циркулируют, трансформируются и институционализируются. В современном медиапространстве этот процесс усложняется: роль посредников берут на себя не только критики и журналисты, но и цифровые платформы, алгоритмы и пользовательские практики.

В свою очередь, институциональный подход Стига Хьярварда к медиатизации фиксирует, что медиа становятся самостоятельным институтом, изменяющим структуру взаимодействий внутри других сфер – политики, религии, искусства [7]. Медиатизация означает перенос логики медиа в деятельность других институтов. Театр, попадая в медиатизированное пространство, начинает функционировать по его правилам: подстраивается под алгоритмы платформ, визуальные конвенции, жанровые ограничения и экономику внимания.

На повседневном уровне эта институциональная перестройка проявляется через аффордансы – совокупность возможностей действия, заложенных в материально-технической и символической структуре медиасреды [3]. Они не только открывают или закрывают технические опции, но формируют рамки восприятия.

В условиях медиатизации образ театра формируется не только в процессе художественного производства, но и в структурах медиапосредничества – интерфейсах, визуальных кодах, алгоритмах рекомендаций, цифровых высказываниях. Медиа становятся частью культурной коммуникации, в которой зритель обретает агентность, но эта агентность опосредована платформенными механизмами и институциональными ограничениями.

Одним из способов фиксации влияния медиа на восприятие театра выступает анализ зрительских отзывов, рассматриваемых как практика артикуляции культурного опыта. Отзывы позволяют увидеть, каким образом индивидуальные впечатления интегрируются в публичный дискурс и формируют коллективное представление об институте. Методы тематического моделирования, такие как Latent Semantic Analysis (LSA) или Latent Dirichlet Allocation (LDA), дают возможность выявить устойчивые дискурсивные паттерны, через которые зрители описывают театральный опыт, различая эстетические, эмоциональные и аналитические регистры [8].

Однако этот подход фиксирует лишь вербальный слой опыта: он показывает, что зрители говорят о театре, но не как они с ним взаимодействуют в цифровой среде. Интервью и фокус-группы опираются на воспоминания, поэтому исследователь теряет

возможность наблюдать динамику восприятия – внимание, замешательство, эстетический отклик, восприятие визуальной идентичности. Возникает разрыв между анализом смыслов и наблюдением цифровых практик, особенно заметный в визуально-коммуникативных интерфейсах театров, где образ институции формируется еще до просмотра спектакля – при взаимодействии с сайтом, афишей или отзывами.

Попытки преодолеть этот разрыв предпринимались в рамках цифровой этнографии [4], исследующей повседневные формы присутствия человека в сети. Этот подход анализирует поведение пользователей, тексты и визуальные репрезентации, выявляя коллективные интерпретации культурных феноменов. Однако его фокус остается социально-коммуникативным: он показывает, как пользователи осмысляют свои действия, но не раскрывает, как цифровая среда структурирует возможности этих действий. В отличие от этого, UX-подход изучает перцептивно-интерактивный уровень опыта – то, как пользователь воспринимает и осваивает цифровое пространство, какие элементы вызывают внимание, вовлеченность или затруднение. Если цифровая этнография описывает социальную ткань цифрового поведения, то UX анализирует саму структуру взаимодействия и механизмы формирования опыта.

Несмотря на скептицизм в социальных науках, где UX часто воспринимается как инструмент маркетинговых исследований, этот подход обладает возможным потенциалом для социологического анализа. UX встраивается в социологическую рамку как способ фиксации процессуальной стороны культурного взаимодействия. Согласно А. С. Выдриной, в социологии культуры «существует устойчивый запрос на инструменты, способные фиксировать микроуровень цифрового взаимодействия без редукции его к потребительским практикам» [2]. UX отвечает этому запросу, позволяя наблюдать «восприятие в действии» – в момент, когда цифровая форма становится социальной практикой, а внимание, эмоции и понимание оказываются встроенными в интерфейсную архитектуру.

С точки зрения теории медиатизации, UX позволяет наблюдать, как аффордансы интерфейсов становятся посредниками между пользователем и институцией. Он исследует не только интерфейсные решения (кнопки, меню, визуальные блоки), но и социально закодированные формы восприятия, через которые пользователь придаёт значение увиденному. В случае театра UX-анализ помогает понять, как визуальная идентичность, структура сайта, язык описания спектаклей и логика цифровой навигации формируют у зрителя представления о театре – «современном», «традиционном», «доступном» или «элитарном». UX-исследования также позволяют соотнести перцептивный опыт с социальными различиями: разные группы зрителей по-разному интерпретируют визуальные и функциональные элементы платформ. Для одних навигация интуитивна и комфортна, другие воспринимают ту же структуру как избыточную или «чуждую».

Мы предлагаем рассмотреть UX как инструмент для изучения медиапосредничества и аффордансов в структуре культурного опыта. Он не заменяет этнографию или дискурс-анализ, а дополняет их перцептивным измерением – наблюдением за навигацией, выбором, задержкой взгляда и эмоциональными реакциями. Анализ цифровых форм взаимодействия театра и зрителя требует расширения методов. В медиатизированной среде значимы структурные и процессуальные аспекты восприятия, которые по важности сравнимы с интерпретациями и смыслами. UX-подход служит эмпирическим дополнением социологических методов: он показывает, как интерфейсные и визуальные решения организуют внимание и эмоциональную вовлеченность. Интеграция UX-методологии помогает точнее описывать формирование гибридного

образа театра на пересечении медиапрактик, технических аффордансов и социальных различий и способствует междисциплинарному диалогу между культурными исследованиями, медиа анализом и прикладной исследовательской практикой.

1. *Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с нем. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.*
2. *Выдрина, А. С. Современные UX-исследования как эмпирическая база прикладной социологической теории культуры цифрового поведения // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 4–12.*
3. *Пчелкина, Д. С. Цифровая этнография: методологические основания в культурологическом исследовании этнической манифестации // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 25–33.*
4. *Пчелкина, Д. С. Цифровая этнография: теоретические и методологические возможности в исследовании этнических процессов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. – 2021. – С. 22–27.*
5. *Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. – New York: Greenwood Press, 1986. – P. 241–258.*
6. *Heinich, N. Le paradigme de l'art contemporain: structures d'une révolution artistique. / N. Heinich – Paris: Éditions Gallimard, 2022. – 448 p.*
7. *Hjarvard, S. The mediatization of culture and society. / S. Hjarvard – London: Routledge, 2013. – 194 p.*
8. *Jacobs, T., Tschötschel, R. Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach // International Journal of Social Research Methodology. – 2019. – Vol. 22, № 5. – P. 469–485.*

ПОСТИГАЯ «ЧУЖУЮ» ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ СПБГУ)

Босенко Михаил Эдуардович
(СПбГУ)

Чжэн Сяокэ
(СПбГУ)

Багомедова Маргарита Артуровна
(СПбГУ)

Современное российское общество можно рассматривать как сложное, динамично меняющееся культурное поле, в котором пересекаются различные этнические, языковые и другие социокультурные общности; неоднородность поля обусловливает различия в интеграции данных общностей в российское культурное пространство [2, 929 – 930]. Значимым внешним фактором, вносящим вклад в динамику российского культурного поля, становятся международные образовательные связи. Одной из самых больших групп иностранных студентов в России являются студенты из Китайской Народной Республики – общее количество на 2024/2025 учебный год составляло более 56 тыс. человек [8]. Китайские студенты российских университетов являются примером особой социокультурной общности, часто имеющей вид закрытой системы внутри собственной этнической группы, «с которыми они вместе учатся и делят быт». Стремление общаться больше внутри своего сообщества и недостаточность вертикальных межличностных связей с российской культурой, отмечаемая рядом исследователей [4, 31], по мнению авторов данной работы, приводит к формированию внутри общего культурного поля

иноязычного сообщества. В рамках него конструируется особая повседневность, которая при этом регулярно пересекается с повседневностью других агентов социального взаимодействия и вследствие этого становится предметом эмпирического исследования. Целью данной работы, таким образом, является рассмотрение методических особенностей исследования повседневности иноязычных культурных общностей.

Данная работа опирается на результаты социологического исследования, которое проводилось в марте – июле 2025 г. исследовательской группой проекта «Жизнь вне лекций: повседневность китайских студентов в России» Социологической клиники прикладных исследований СПбГУ по заказу Ресурсного центра «Центр прикладной социологии» СПбГУ. Проведение исследования было вызвано недостаточной изученностью повседневных практик китайских студентов СПбГУ в сферах быта и приёма пищи, досуга и общения при наличии достаточно обширного материала исследований социокультурной общности студентов из Китая с образовательной точки зрения (см.: [1], [5] и др.) Объектом исследования являлись студенты бакалавриата, специалитета и магистратуры СПбГУ, переехавшие из КНР в Россию для получения высшего образования. Итого было проведено 39 полуструктурированных индивидуальных интервью с китайскими студентами различных учебно-научных подразделений СПбГУ; часть интервью проводилась на русском языке, другая часть – на китайском языке. Отдельно необходимо отметить, что подготовка инструментария, полевая работа и этапы обработки и анализа данных в рамках данного исследования сопровождались своеобразным вызовом: наличие в составе исследовательской группы как носителей китайского языка, не владеющих русским, так и носителей русского языка, не владеющих китайским, обусловливало необходимость постоянного «согласования смыслов» не только при выстраивании работы с информантами, но и в коммуникации внутри коллектива исследователей, что накладывало на исследование ряд содержательных и организационных ограничений.

Описанная выше неоднородность социокультурного и языкового состава исследовательской группы определила подготовку гайда интервью на двух языках – русском и китайском. Интервьюеры пользовались своим родным языком в ходе интервью с китайскими студентами, и если в случае общения информанта с носителем китайского языка коммуникация выстраивалась ожидаемо в соответствии с принятыми коммуникативными нормами, то беседа русскоязычного интервьюера с китайским студентом представляла собой особую ситуацию межкультурной коммуникации. Для этого на этапе составления инструментария были дополнительно протестированы формулировки каждого из вопросов гайда интервью на предмет понятности иноязычному информанту, а сами формулировки были отредактированы с целью исключения специфических терминов и сложных синтаксических оборотов. Однако в ходе полевого этапа исследователи столкнулись с тем, что информанты всё равно не всегда могли корректно интерпретировать смысл вопроса, ввиду чего полезным на практике оказалось применение онлайн-переводчиков и визуальное сопровождение вопросов.

Другие особенности инструментария и полевой работы в рамках данного исследования связаны преимущественно с различиями в российской и китайской культурах. Ряд исследователей относит Китай к формализованным, коллективистским обществам; важным элементом китайской культуры, вносящим свой вклад в коммуникативные практики, является концепт «лица» – чести и репутации участника взаимодействия как важных нематериальных благ. Из этого вытекает установка на «безмолвное постижение» смысла происходящего, умалчивание собственного мнения и отказ от формулирования вопросов даже там, где это, казалось бы, предполагается по

контексту взаимодействия. Несмотря на усиливающееся давление глобализации [7, 460 – 464], подобные установки сохраняются и воспроизводятся представителями китайской этнической группы при межкультурном взаимодействии. Ввиду этого в ходе проведения исследования было уделено особое внимание конфиденциальности информанта: из гайда были исключены вопросы, которые раскрывают темы, касающиеся частной жизни информантов (к ним, например, относится вопрос о том, совместно с кем проживает студент). Также отдельно в ходе разработки инструментария был рассмотрен вопрос обращения к информанту ввиду того, что российская и китайская культура имеют различные традиции именования и обращения: в китайском языке в обращении часто используется должность, специальность в сочетании с фамилией, тогда как в русском языке такие обращения редки [6, 1157]. Ввиду этого вопросы в гайде интервью формулировались с учётом особенностей китайской речевой традиции. Также после пилотажа инструментария обнаружилось, что менее формальное обращение на «ты» более релевантно при проведении интервью с студентами из КНР.

Кроме того, в силу негативного восприятия представителями китайской этнической группы прямолинейных приёмов коммуникации, ассоциирующихся с утверждением лидерства и влияния (см. подробнее: [3, 281]), вопросы гайда интервью были часто сформулированы без использования прямого вопроса «почему». Помимо этого, в силу описанной выше склонности информантов, принадлежащих китайской культурной общности, к избеганию чёткого выражения собственного мнения вопросы гайда были сформулированы таким образом, чтобы стимулировать информанта на более содержательный ответ: часто использовались вопросы закрытого или полузакрытого типа. Отдельно было проработано предотвращение воспроизведения в ответах информантов культурных стереотипов, которое могло бы затруднить изучение собственного мнения информанта: в блок гайда, посвящённый практикам общения, были включены вопросы, уточняющие отношение китайских студентов к представителям российской культуры (вопросы о праздновании традиционных русских и китайских праздников во время пребывания в России и т. п.)

Проведённое исследование показало, что ключевыми факторами успешного проведения интервью с китайскими студентами СПбГУ стали учёт культурных особенностей, обеспечение конфиденциальности, а также гибкость и адаптация инструментария; именно они поспособствовали снижению коммуникативных «шумов» и позволили лучше исследовать повседневность представителей данной социальной группы. По мнению авторов, данный методический опыт, закреплённый в ходе полевой работы, может быть применим и к другим иноязычным культурным общностям, где также присутствуют специфические нормы общения и возможные барьеры в интерпретации вопросов.

1. *Абрамов А. П., Цзе Л. Адаптация китайских студентов к повседневным практикам социокультурного взаимодействия // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 2. С. 22-27.*
2. *Босенко М. Э. Неоднородность российской культурной среды как фактор стабилизации общества // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы XVII Ковалевские чтения (16-18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков; СПбГУ. – СПб.: Сциентиа, 2023. – С. 928-930.*
3. *Дерюгин П. П. и др. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 278-284. DOI: https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-1-278-284.*

4. *Кузнецова О. В. и др. Социальный портрет китайского студента-мигранта (на примере Иркутского государственного университета) // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2025. № 1 (6). С. 25-32. DOI: https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-1-25-32.*
5. *Тянь Ю. Проблемы коммуникации между российским преподавателем и китайским студентом // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 287-290. DOI: https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0066/.*
6. *Фаткуллина Ф. Г., Шуай У. Структурно-семантическая характеристика обращений в китайском и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 4. С. 1155-1158.*
7. *Шогенова Л. А. Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современность // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 4. С. 460-467. DOI: https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-4-460-467.*
8. *Фальков: к 2030 году обмен студентами между РФ и КНР достигнет 100 тыс. человек // ТАСС. 26 августа 2025 года. URL: https://tass.ru/obschestvo/24874495 (дата обращения: 11.10.2025).*

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА СОСЕДСТВА: ОТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ И СООБЩЕСТВ

Бурцева Вера Сергеевна
(АНО «Научно-исследовательский институт устойчивого развития в строительстве», ЛИСАМ СИ ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В статье рассматривается социальная архитектура соседства как инструмент формирования социокультурного пространства городской жилой среды. Анализируются механизмы самоорганизации, роль активных жителей и третьих мест в укреплении доверия, сотрудничества и воспроизводстве ценностей локальных общностей.

Актуальность исследования

В условиях усиливающихся процессов социальной атомизации и ослабления локальных связей концепция социальной архитектуры соседства приобретает стратегическое значение для развития городской жилой среды. Особенно в период «идеального шторма» – совокупности социальных, экономических и культурных вызовов – актуализируется задача соединения макроуровня общественных стратегий и ценностных ориентиров с микроуровнем повседневной организации жизни жителей, где проявляются реальные формы взаимодействия, доверия и взаимопомощи.

Социальная архитектура выступает как интегративный инструмент, объединяющий пространственное, организационное и ценностное измерения среды, обеспечивая переход от проектирования территорий к проектированию социальных связей. Исследования показывают, что наиболее активными носителями запроса на соседство являются молодые семьи с детьми, для которых жилая среда становится площадкой формирования социальных контактов и локальной поддержки [2, 27]. При этом становление соседства требует согласованных действий агентов, связанных с жилой средой – архитекторов, инженеров, управляющих организаций и самих жителей.

Таким образом, социальная архитектура городской жилой среды может рассматриваться как созидательная деятельность, направленная на формирование дружественной и человекоориентированной среды, где макроуровневые задачи государственной политики и ценностных ориентиров получают развитие в микроуровневых практиках самоорганизации и соседства.

Ключевые понятия статьи определены в рамках системного, деятельностного и трансдисциплинарного подходов, что позволяет рассматривать социальную архитектуру соседства как интегративную область, объединяющую исследования городской среды, деятельности субъектов и социокультурных взаимодействий. В трактовке исследования социальная архитектура понимается как деятельность по проектированию общественно значимых изменений [3, 6]; дружественность – как системное свойство жилой среды, отражающее её характеристики и смысловое наполнение [2, 209]; городская жилая среда – как локальная среда обитания в пределах шаговой доступности; «герой нашего двора» – как активный житель, способствующий развитию соседства; самоорганизация – как образование устойчивых связей между акторами, обеспечивающих целостность и адаптивность сообщества [4, 37].

Социальная архитектура как основа для формирования соседства

Социальная архитектура пространства в градостроительстве и дизайне среды позволяет интегрировать смысловые и ценностные аспекты дружественности через человекоориентированность, формирование доброжелательности и других ценностей, закрепленных в Указе 809. Так, например, ценность семьи может проявляться через проектирование дворовых и соседских пространств, ориентированных на совместное времяпрепровождение разных поколений: игровые площадки для детей, зоны отдыха для родителей, а также места для старших жителей, а также через гибкую планировку квартир и микрорайонов, обеспечивающую возможность совместного проживания нескольких поколений. Ценности коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения находят отражение в дизайне общественных пространств, способствующих совместной деятельности жителей: соседских клубов, комьюнити-центров, открытых площадок для праздников, субботников и городских игр, а также в пространствах, поддерживающих добровольческую активность и совместное принятие решений, например, через инициативы типа «героя нашего двора».

Эта деятельность затрагивает как субъектов, формирующих материальный каркас среды – архитекторов, инженеров, девелоперов и др., так и жителей, организующих свою жизнедеятельность в жилой среде и самоорганизующихся в общность – соседство, воспроизводя ценности дружественной среды. Системно-средовой и организационный подход позволяет рассматривать систему «городская жилая среда и субъект» как целостную систему, находящуюся в подвижном равновесии, где городская жилая среда также представляет систему «физического и социокультурного пространств». При проектировании социальных систем важно учитывать целостность среды и создавать условия, позволяющие жителям проявлять субъектность, реализовывать свои сценарии жизнедеятельности и поддерживать самоорганизацию через смысловые и ценностные ориентиры, «третьи места» и активных жителей – «героев нашего двора». Последние выступают лидерами локальных инициатив, способствуя совместной деятельности, укреплению доверия и гражданского сообщества в период «идеального шторма» [3, 6].

Соседство как основа для выстраивания социальных связей

Соседство является значимым элементом социальной структуры городской жилой среды, обеспечивающим формирование устойчивых связей и развитие локальных общностей. Эмпирические исследования, проведённые среди молодых семей с детьми, показали, что соседство выступает условием безопасности, взаимопомощи, социальной поддержки и социализации детей [1, 26]. Установленные функции соседства имеют универсальный характер и в равной степени значимы для всех групп населения, в том числе для людей старшего возраста.

Соседство выполняет функции организации повседневных взаимодействий, обмена информацией и взаимовыручки, а также способствует снижению уровня социальной изоляции. Для молодых семей оно становится пространством самореализации и источником ресурсов для адаптации к новым жизненным обстоятельствам, а для жителей старшего возраста – средой поддержания социальных связей и сохранения чувства принадлежности к сообществу.

Характер взаимодействия с соседями определяет восприятие комфортности и дружественности жилой среды. Наличие устойчивых соседских отношений повышает субъективное чувство защищённости, снижает тревожность и способствует формированию доверия в локальном сообществе [2, 209]. Соседство способствует межпоколенческому взаимодействию, обеспечивая передачу социального опыта и тем самым воплощая ценность «историческая память и преемственность поколений», закреплённую в Указе № 809.

Таким образом, соседство представляет собой форму самоорганизации, возникающую на основе территориальной близости, общих целей и потребностей, обеспечивающую согласование интересов и коллективное действие. Его развитие требует пространственных и организационных условий, способствующих регулярному взаимодействию жителей, что делает соседство ключевым объектом социальной архитектуры и важным фактором дружественной городской жилой среды.

«Третье место» в жилой среде как пространство формирования соседства

«Третье место» в жилой среде выступает местом физического и социокультурного пространства, обеспечивающим условия для возникновения и развития соседства. Оно создаёт возможности для совместной деятельности, инициатив и обмена опытом, становясь площадкой самоорганизации и локальной солидарности. В системе городской социальной инфраструктуры такие пространства поддерживают регулярные контакты между жителями, формируя устойчивые связи и культуру взаимодействия. Их формы варьируются – от соседских клубов и комьюнити-центров до малых общественных зон отдыха, где проявляются ценности доверия, взаимопомощи и участия, определяющие дружественность жилой среды.

Активный житель как субъект социальной архитектуры соседства

В социальной архитектуре соседства активный житель рассматривается как субъект формирования и преобразования жилой среды. Концепт «героя нашего двора» обозначает участника, чьи инициативы и действия укрепляют локальные связи, доверие и коллективную ответственность. Социальный архитектор в этом контексте не навязывает модели поведения, а проектирует условия, поддерживающие проявление субъектности и самоорганизации жителей, обеспечивая сопряжение пространственного, ценностного и организационного уровней городской среды.

Самоорганизация возникает как следствие локальной архитектуры взаимодействия, где активный житель становится агентом изменений и проводником ценностей – взаимопомощи, солидарности и гражданского единства, выступая связующим звеном между индивидуальными действиями и целями общности. Поддержка и институционализация такой созидательной активности формируют основу устойчивого соседства и воспроизводство дружественной городской среды.

Заключение. Социальная архитектура на уровне городской жилой среды выступает инструментом согласования ценностей, стратегий и повседневных форм взаимодействия жителей. Её задача – перевод общественных целей в пространственные и организационные решения, обеспечивающие доверие и сотрудничество между жителями, а также между жителями и институтами, управляющими или влияющими на городскую

жилую среду. Через поддержку самоорганизации и активных жителей социальная архитектура превращает повседневную жизнь в пространство созидательных изменений, где сообщество становится субъектом развития среды.

1. *Бурцева В. С. Соседство как ценность молодой семьи: актуализация феномена соседства в современной жилой среде // Социальная политика и социология. – 2024. – Т. 23, № 4(153). – С. 22–28. – DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-4-22-28.*
2. *Бурцева В.С. Дружественность как системная характеристика жилой среды: значимость и запросы молодой семьи с детьми раннего возраста // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 200–214. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958*
3. *Харичев А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. – 2025. – № 12. – С. 4-10.*
4. *Хрипков К. А. Регулирование процессов самоорганизации локальных сообществ: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.08 / К. А. Хрипков; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2021. – 24 с.*

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В КОГНИТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Василькова Валерия Валентиновна
(СПбГУ)

Аннотация. Автор рассматривает две исследовательские традиции, сложившиеся в когнитивной социологии, и обозначает акцентуацию проблемы памяти, специфическую для каждой из этих традиций. Особое внимание уделяется «смыслоцентричной», семиотически фундированной процессуальной концепции М. Нортона. Показано, как данная трактовка может расширить аналитические области изучения памяти, в частности, связанные с феноменом семиозиса цифровой среды.

Ключевые слова: когнитивная социология, социальная память, коллективная память, дуально-процессуальный подход, семиозис цифровой среды.

В настоящее время наиболее масштабным исследовательским полем изучения памяти является memory studies, которое интегрировало разрозненные концепции памяти, разработанные в рамках различных наук. Особое место среди них занимает когнитивная социология, которая, учитывая новейшие разработки когнитивных наук, предлагает инкорпорировать проблему памяти в более широкий социокультурный контекст и задает новые перспективы исследований.

Современная когнитивная социология развивается в рамках двух базовых традиций: культурной, следующей за идеями Э. Зерабувеля (акцентирует внимание на описании специфики когнитивных аспектов в различных культурных группах и социо-культурных контекстах) и междисциплинарной, продолжающей подход П. ДиМаджио (отдает приоритет изучению механизмов, посредством которых культурные процессы «проникают в индивидуальные умы» и формируют микроосновы социального действия).

Э. Зерабувель видел специфику когнитивной социологии в изучении социально обусловленных особенностей мышления и в этом контексте особое внимание уделял проблеме структурирования социальной памяти. Социальная память, по мнению Зерабувеля, носит неперсонифицированный характер, т.к. местами хранения такой памяти выступают архивы, фото, видео, содержания текстов СМИ, культурные традиции и т. д. Именно в культуре задаются нормы как запоминания, так и вытеснения смыслов. Он вводит понятие «мнемонической социализации» как системы способов обретения и

закрепления социальной памяти и «мнемонической политики», создающей определенные нарративы и институционализирующей их в учебниках, публичных ритуалах и т.д.

При этом Зерабувель отмечает, что сама природа социальной памяти имеет объективно-субъективную (интерсубъективную, в терминах феноменологии) природу. И для когнитивной социологии особый интерес представляет именно «зазор» между официальными нарративами и феноменологическим опытом переживаний, а также практики «картирования / классификации времени».

Зерабувель [5] анализирует социальные и культурные механизмы, которые детерминируют историческую память. Люди идентифицируют своих предков, разграничивают семьи, этнические группы и нации, используя процедуры запоминания, исключения и классификации (для их описания Зерабувель вводит такие понятия как «плетение», «вырезание», «вставка», «объединение», «разделение», «растяжка» и «обрезка»). Зерабувель [4] предлагает рассматривать когнитивные модели (легенды и нарративы) как основание картографирования и организации прошлого в нашем сознании. Он анализирует различные исторические периоды с позиций функционирования различных ментальных стратегий, которые конструируют нашу коллективную память, позволяют связывать «прерывистые события» в единые нарративы, а также отделять различные исторические периоды. Таким образом, он создает «социоментальную топографию прошлого» – концепцию о взаимодействии времени и познания, тем самым делая проблему социального времени и коллективной памяти центральной в понимании общественной жизни.

В продолжении данного подхода, Д. Рифф, в частности, пересматривает роль исторического забвения [3], опровергая, казалось бы, очевидный тезис о том, что помнить морально, а забывать безнравственно. Память в исторической динамике – это не моральный императив, а скорее моральный выбор – иногда востребованный, а иногда нет. Рифф различает историю и коллективную память: история – это прошлое, тогда как коллективная память – это то, как мы используем прошлое в настоящем, что, безусловно сказывается в современных практиках «войн памяти».

Автор другой версии когнитивной социологии П. ДиМаджио видит ее перспективы не просто в «психологизации» социологии, а в продуктивном синтезе этих наук, позволяющем увидеть культуру «как взаимодействие общих когнитивных структур и надиндивидуальных культурных феноменов» [1, 264]. Категориальное и эвристическое обогащение социологии осуществляется, в первую очередь, за счет того, что междисциплинарный синтез порождает более сложный и диверсифицированный взгляд на культуру.

Коллективную память ДиМаджио рассматривает в контексте анализа различных ментальных структур (схем, фреймов, категорий, ментальных моделей и др.), которые находясь в фокусе психологических исследований, тем не менее чрезвычайно важны для социологического анализа, поскольку имеют культурное содержание и вскрывают «схематизирующую силу» социальных институтов. «Ментальные схемы» не только социокультурно обусловлены, т.к. разыгрывают широко распространенные сценарии, которые кажутся независимыми от индивидуального опыта, но и сам их отбор в индивидуальном поведении направляется «культурными сигналами», имеющимися в окружающей среде, т.е. запускается и активируется внешними стимулами и фреймами.

Данная традиция наиболее продуктивно реализовалась в рамках дуально-процессуального подхода, основанного на интеграции классической парсоновской «социализационной» модели (культура как мотиватор и результат интернализации культурных образцов) и «фрагментированной» модели (культура как «ящик с

инструментами» для рационализации уже совершенного действия). Перспективы рассмотрения проблемы памяти в дуально-процессуальном подходе связаны с анализом соотношения двух типов сознания – практического, связанного с существованием бессознательных культурных схем, и дискурсивного, контролируемого рационально, связанного с обдумыванием и обоснованием, разделением публичной и персональной культуры.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает концепция М.Нортона, расширяющая дуально-процессуальный подход, включая в него семиотическую компоненту социокультурного анализа. Спецификой подхода Нортона является разработка «смыслоцентричной», семиотически фундированной процессуальной теории, интегрирующей индивидуальное познание и концепцию культуры как сложной интерсубъективной системы, как процесса «циркуляции смыслов» в гетерогенной семиотической сети [2].

Нортон рассматривает память как один из ключевых когнитивных механизмов, который обеспечивает семиотическое сопряжение индивида и окружающей среды. При этом сама культурная система предстает как «узорчатые ассоциативные связи», представляющие собой итог процессуальных траекторий (путей) между когнитивными и средовыми проявлениями семиотических значений – от особенностей восприятия и познания (память, эмоции, сознательное обдумывание и бессознательные процессы) до действия, исполнения, материальности, взаимодействия – и обратно.

С одной стороны, память (в первую очередь, долговременная) – это одна из форм «сосредоточения культуры в разуме», что позволяет интегрировать культуру в автоматические мыслительные процедуры, формируя траекторию семиотического контура как посредством выбора определенных аспектов социальной ситуации (которые являются для человека семиотически значимыми), так и посредством активации определенных семиотических контуров, которые были продуктивны в схожих ситуациях, что, собственно, и фиксируется в долговременной памяти. С другой стороны, интерактивный характер социокультурной среды задает контуры памяти (и в целом индивидуального восприятия). Этот процесс описывается при помощи введенного Нортоном понятия «семиотического следа».

На наш взгляд, сама интерпретация памяти в контексте динамики семиотического следа является чрезвычайно продуктивной и эвристически перспективной, поскольку она ориентирует исследователей на постановку новых вопросов и расширяет аналитические области изучения памяти, в частности, связанные с феноменом семиозиса цифровой среды.

В современной дигитосфере каждый индивид оставляет свой специфический цифровой след – особый семиотический контур «второго уровня», включающий персональные данные, финансовые транзакции, данные смартфонов, аккаунты в социальных сетях, поисковые запросы, данные геолокации, учетные записи в личных кабинетах, психо-графические профили, индивидуальные биометрические данные и т.д. Подобные семиотические следы умножаются и группируются в более общие иерархизированные семиотические структуры (цифровые следы сообществ, организаций, социальных институтов и т. д.), включающие все уровни памяти (индивидуальную, коллективную, культурную, историческую) в новой алгоритмизированной онтологии. Возникают новые семиотические сопряжения индивидуального сознания и социокультурной среды. В связи с этим появляется необходимость разработки новых исследовательских полей, включающих, в частности, анализ таких проблем как:

формы хранения (архивы) коллективной цифровой памяти и контроля за ними;

отчуждение и присвоение цифровых семиотических следов в различных манипулятивных целях («присвоение памяти»);

создание новых конфигураций коллективной памяти как итог функционирования соответствующих алгоритмов (в том числе, без участия реальных акторов);

создание новых способов управления «цифровым бессмертием», включая различные формы памяти об умерших и продления их существования в коллективной памяти;

искажение исторической памяти путем создания ложных интерпретативных семиотических контуров пользователями (акторами дигитосферы) различного уровня и различной степени институционализации.

1. *DiMaggio P. Culture and cognition // Annual sociological review. 1997. № 23. P 263-287.*
2. *Norton M. Meaning on the Move: Synthesizing Cognitive and Systems Concepts of Culture // American Journal of Cultural Sociology. 2018. № 7. P.1-28.*
3. *Rieff D. In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies Paperback. Yale University Press, 2017*
4. *Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. University of Chicago Press, 2003.*
5. *Zerubavel E. Ancestors and relatives: genealogy, identity, and community. Publisher Oxford University Press, 2011*

ЦИФРОВАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Вещева Анастасия Андреевна
(СПбГУ)

Верещагина Анна Александровна
(СПбГУ)

Аннотация: Доклад посвящен исследованию цифровой самопрезентации российских женщин-блогеров. Выделяется и анализируется стратегия полиидентичности, при которой женщины в социальных медиа одновременно конструируют и транслируют множественные социальные роли (бизнес, материнство, хобби), интегрируя их в целостный цифровой образ, что отражает тенденцию к многомерной самореализации.

Ключевые слова: цифровая самопрезентация, идентичность, социальные медиа, полиидентичность, блогеры.

Социальные медиа стали ключевым пространством для конструирования идентичности. Для женщин в российской социокультурной среде это открывает возможности для самореализации за рамками традиционных ролей [2]. В этом контексте актуальным представляется исследование стратегий самопрезентации, с помощью которых российские блогеры не просто транслируют различный контент из своей жизни, но и активно конструируют сложную, многокомпонентную идентичность. В ходе идентификации профессиональные, семейные и личностные аспекты интегрируются в единый цифровой нарратив.

Цель настоящего исследования состоит в выяснении того, каким образом в цифровой среде конструируется феномен полиидентичности современных женщин. Исследовательские вопросы направлены на раскрытие, во-первых, стратегий

самопрезентации, используемых российскими блогерами для совмещения и визуализации различных социальных позиций и ролей, и, во-вторых, выявление в их дискурсе особенностей формирования образа успешной женщины, способной гармонично интегрировать карьерные достижения и семейные ценности.

Феномен полиидентичности, или множественной идентичности, не является абсолютно новым для социологии, однако в условиях цифровизации он приобретает новые черты. Если в офлайн-пространстве индивид часто вынужден актуализировать одну из своих идентичностей в зависимости от контекста (работа, дом, дружеская компания), то социальные медиа позволяют совмещать эти контексты в едином информационном потоке. Цифровая ситуация создает уникальную возможность для демонстрации целостного, хотя и тщательно курируемого, образа «Я». Для женщин цифровое пространство становится полем для пересмотра традиционных идентичностей, где роли матери и жены больше не противопоставляются роли успешного профессионала или творческой личности, а синтезируются в новую гибридную форму [10].

Эмпирической основой для анализа цифровой самопрезентации стали аккаунты российских женщин-блогеров, которые ведут публичную деятельность, совмещая темы бизнеса, материнства, супружеских отношений, красоты, здоровья и путешествий. Методологически исследование опирается на качественный контент-анализ визуальных и текстовых материалов. В ходе исследования были выявлены несколько ключевых стратегий конструирования полиидентичности.

Первой и фундаментальной стратегией является визуальная интеграция. Блогеры сознательно смешивают контент из разных сфер жизни в рамках одного блога. Например, у Оксаны Самойловой в течение одной недели выходят рекламные интеграции, совместные видео с детьми и контент, связанный с ее хобби [1, 5, 6]. Эта визуальная смежность создает у аудитории эффект непрерывности и взаимопроникновения ролей. Подчеркивается, что успех в одной области достигается не в ущерб другой. Пространство дома часто становится ключевой локацией, символизирующей этот синтез – оно одновременно представляет и приватную, семейную сферу, и публичную, профессиональную.

Второй стратегией выступает нарративизация повседневности. Блогеры не просто демонстрируют результаты своей деятельности (успешный бизнес, счастливая семья), но и активно рассказывают о процессе, сопровождая его личными переживаниями, трудностями и победами. Этот нарратив строится вокруг темы «work-life balance». Женщина-блогер предстает в роли эффективного менеджера собственной жизни, который благодаря тайм-менеджменту, дисциплине и правильным ценностям способен удерживать под контролем все ее многообразные аспекты [4,7]. Таким образом, формируется специфическая идеология успеха, основанная на рациональности и осознанном выборе.

Третья стратегия связана с конструированием образов «успешного материнства». Материнство в данном случае не является приватной, исключительно личной темой. Оно публично демонстрируется как проект, требующий компетенций не меньших, чем бизнес. Дети становятся частью «бренда». Аналогичным образом, семейные отношения (особенно с супругом) презентуются как партнерство, где муж часто выступает либо сооснователем бизнеса, либо его главным сторонником [8]. Это позволяет закрепить профессиональные амбиции женщины через призму семейного благополучия, что особенно значимо в контексте российского общества, где ценность семьи остается чрезвычайно высокой.

Однако за этим кажущимся балансом профессиональной и личной жизни скрывается ряд скрытых функций и потенциальных проблем. Конструируемая полиидентичность является не столько отражением реальности, сколько нормативным

идеалом, предлагаемым аудитории. Этот идеал создает новый тип социального давления – «диктат многозадачности», при котором женщина чувствует себя обязанной быть одинаково успешной во всех социальных ролях одновременно. Цифровая самопрезентация может не столько освобождать от стереотипов, сколько навязывать новые, еще более требовательные стандарты [9]. Кроме того, объективация приватности, когда личные переживания и семейные моменты превращаются в контент, ставит вопрос о границах личного и публичного в эпоху цифровизации.

Проведенный анализ показывает, что самопрезентация российских женщин-блогеров представляет собой сложный процесс формирования многогранной идентичности. Для этого используются стратегии визуального совмещения разных сфер жизни, повествования о повседневной рутине и увязывания профессиональной деятельности с семейными ценностями. Социальные сети и социальные медиа становятся площадкой для формирования новых моделей самореализации, где традиционные роли не отрицаются, а переосмысливаются и включаются в образ успешной и организованной личности. Однако эта видимая гармония создает новые социальные ожидания и давление, связанные с необходимостью соответствовать идеалу женщины, одинаково эффективной во всех сферах жизни.

1. *Всех с 1 сентября // Оксана Самойлова URL: https://vk.com/wall-211588726_480402 (дата обращения: 12.10.2025).*
2. *Керимова А.В. Образ женщины в современном информационном пространстве // Теория и практика современной науки. 2018. №4(34). С. 321-325.*
3. *Не говорите, что я не писала про сеты // не тереби дао URL: https://t.me/dukaliti/7278 (дата обращения: 12.10.2025).*
4. *Оксана Самойлова URL: https://vk.com/clip-211588726_456256228 (дата обращения: 12.10.2025).*
5. *Работает без выходных в моем гардеробе // Оксана Самойлова URL: https://vk.com/wall-211588726_481367 (дата обращения: 12.10.2025).*
6. *Родительские размышления // не тереби дао URL: https://t.me/dukaliti/7280 (дата обращения: 12.10.2025).*
7. *Сегодня у нас тройной выпускной // Оксана Самойлова URL: https://vk.com/wall-211588726_467690 (дата обращения: 12.10.2025).*
8. *Тимофеева Г. Женская блогосфера рунета // Новое в массовой коммуникации : альманах. 2010. № 5-6. С. 92-93.*
9. *Чилипенок Ю. Ю., Данилова Л. С. Женский блогинг как предпринимательская деятельность // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 74-84.*

ЦИФРОВАЯ МЕДИАСЦЕНА СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБСУЖДЕНИЙ

Воронин Никита Алексеевич
(СПбГУ)

Дудник Ирина Олеговна
(СПБГУ)

Сегодня разговор о литературе всё чаще перемещается в цифровое пространство. Подкасты, блоги и страницы в социальных сетях становятся местом, где читатели публично обсуждают и переосмысливают тексты. Эти медиаканалы не просто транслируют мнения пользователей, но меняют саму логику культурного обмена: теперь практики чтения чаще становятся публичными. Возникает проблема девальвации первичного литературного текста, вытесняемого в медиапространстве многочисленным контентом на литературную тему, состоящим из переупакованного и часто упрощенного

первичного текста или его интерпретаций, а также реорганизации литературного дискурса и изменения его важнейших характеристик.

Цифровая среда становятся одним из ключевых пространств современной коммуникации, которая к концу XX века к тому же становится массовой. В этой среде пользователи делятся мнениями о прочитанном, советуют друг другу книги, пишут отзывы и рецензии, формируя тем самым коллективное поле смыслов и вкусов.

Цифровые медиаплатформы не только отражают интерес аудитории, но и активно конструируют его. Алгоритмы рекомендаций, аудиовизуальные форматы, короткие видеорецензии и персонализированные подборки создают особую социальную динамику взаимодействия с текстом. В результате формируется новая модель вовлеченности читателя в культурное пространство.

Такое взаимодействие заставляет по-новому взглянуть на то, каким образом цифровые медиаканалы трансформируют формы литературного общения. Цифровое пространство не только отражает интерес читателей, но и конструирует и конституирует его, задавая новые тренды и формируя коллективную идентичность, существующую в особом медиадискурсе, компоненты которого и подлежат рассмотрению в данной работе.

Изучением медиапространства как дискурса занимались многие авторы, среди которых представители различных наук, в том числе лингвисты, филологи, семиотики, философы, журналисты и социологи. Общей чертой вышеперечисленных наук является объект их исследования – текст в широком смысле, а именно «устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых существует некоторое исходное сообщение» [3]. Таким образом, литературный контент в цифровой среде представляет собой «текст в тексте», чья изначальная символичность не только интегрируется в нее, но и переупаковывается в различные форматы, приобретает новые аудиовизуальные или иные формы, что закономерно ведет за собой изменения в характере и способах его потребления.

Медиапространство, согласно П. Бурдье, являет собой подвижное поле, образующееся благодаря агентам и вокруг них: индивидуальными агентами выступают репортеры, журналисты, режиссеры, ведущие передач [1]; в случае с новыми медиа ими также могут считаться администраторы тематических сообществ и каналов в различных социальных сетях, блогеры, а также ведущие подкастов на тему литературы и иные акторы медиапространства, в том числе и пользователи. Институциональными агентами являются непосредственно каналы передачи информации (социальные сети, СМИ и новые медиа).

В зависимости от формата производители контента, будь то авторы статей, журналисты, видеоблогеры или ведущие подкастов, в большей или меньшей степени вкладывают в передаваемую информацию личные нарративы. Однако сама практика чтения предполагает не прямое усвоение информации, получаемой через чтение текста, но своеобразное взаимодействие с ним через систему знаков и их декодирование, которые очень по-разному считываются индивидами-читателями. Существует также литературная критика – целое направление метатекстов, специализирующееся на его аналитике. Таким образом, потребление литературной информации через медиапосредника означает получение уже переработанного текста, пропущенного через призму личного опыта медийного актора, если речь идет об аудиовизуальных форматах.

Влияние цифровых технологий обусловлено, прежде всего, двумя главными свойствами, которыми наделены медиа и которые отличают их от традиционных форм средств массовой информации: интегративность и интерактивность. Данные характеристики позволяют медиа заметно расширить количество форматов потребления литературы, однако наиболее важной деталью здесь становится не столько перенос

практики чтения из реального пространства в цифровое, но закономерные изменения самой практики, которая из образовательной приобрела развлекательный характер. Происходит это по нескольким причинам. Прежде всего, данная тенденция определяется характеристиками самого медиапространства, которое по своей природе является коммерциализированным и визуальным. Оригинальный (первичный) литературный текст без аудиовизуального оформления в цифровой среде становится неконкурентным, так как проигрывает более популярному виду контента – развлекательному. Для того, чтобы перевести продукт в категорию популярных и продаваемых, его необходимо наделить новыми для текста в его традиционном формате свойствами, и цифровые технологии предлагают широчайший спектр возможностей для его креативного преобразования в цифровой контент.

Более того, опосредованный характер получения информации, на котором завязаны все коммуникации в цифровой среде, приводит к более глубинным изменениям практик взаимодействия с литературным контентом в медиапространстве. Если ранее метатекстом можно было назвать литературную критику, то в современном технологичном мире по похожей схеме функционируют всевозможные авторские литературные шоу, книжные онлайн-клубы, где администратор и автор контента вступает в роль критика, транслирующего свое личное мнение на прочитанный литературный фрагмент, и анализирующий его в формате монолога, диалога и т.д., при этом взаимодействуя с аудиторией и превращая ее в активного агента. Достаточно вспомнить схему передачи сигнала в СМИ К. Шеннона, который утверждал наличие помех между коммуникатором и реципиентом (технических, семантических, психологических и информационных), однако в медиапространстве любое взаимодействие с контентом (комментарии, репосты, пользовательские оценки (лайки)) не причисляется к помехам или «шумам», а также становится полноценным контентом, играющим настолько же важную роль в медиапространстве, как и изначальное сообщение, потому как от количества просмотров, репостов, лайков и комментариев зависит его популярность. Следовательно, вторичный текст, которым «обрастает» изначальный литературный контент в медиапространстве, претендует на такую же важную роль в цифровой среде, как и текст литературного произведения, что не может не влиять на распределение внимания пользователя и характер его взаимодействия с данным текстом.

Таким образом, потребление литературной информации через медиапосредника означает получение уже переработанного текста, пропущенного через призму личного опыта медийного актора. Это приводит к изменению самой практики чтения, которая в цифровом пространстве приобретает новые развлекательные функции и перестает концентрироваться непосредственно на чтении. Вместо этого потребление литературного контента расширяется и начинает включать в себя взаимодействие с любым контентом на литературную тематику.

Одновременно цифровые технологии постепенно вытесняют традиционные формы медиапотребления. Электронные библиотеки, мобильные приложения и сервисы аудиокниг отвоевывают аудиторию у печатных изданий [2]. Для молодого поколения пространство Интернета становится основным источником информации и одним из главных способов проведения досуга. Печатная книга теряет прежний статус символа культуры, уступая место цифровому контенту, который проще, доступнее и быстрее вовлекает пользователя.

Тем не менее говорить о формировании принципиально новой формации читателей пока рано. Мы наблюдаем переходный этап, когда старые и новые формы сосуществуют и взаимодействуют. Однако структура медиапотребления уже изменилась: чтение перестаёт

быть изолированным занятием и становится частью сетевой коммуникации, где важна не только интерпретация текста, но и социальное взаимодействие вокруг него.

Цифровая медиасцена современных литературных обсуждений становится пространством, в котором стираются границы между автором, аудиторией и сообщением, и появляются новые практики смыслообразования и формируется коллективная идентичность, основанная на совместном переживании литературного опыта.

1. *Бурдье П. О телевидении и журналистике*
2. *Лизунова И. В. Чтение в структуре современного медиапотребления // Библиосфера. 2012. № 5. (дата обращения: 10.10.2025).*
3. *Лотман Ю. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. – Тарту, 1981. – С. 7.*
4. *Шмелева Т. В. Культура чтения человека медийного // Ученые записки НовГУ. 2016. №3 (7). (дата обращения: 10.10.2025).*

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ «КОММУНИКАТИВНОГО» ОБРАЗА ГОРОЖАНИНА В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Воронкова Полина Игоревна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Урбанизированная социальная реальность порождает новый «коммуникативный статус личности» [16] в системе взаимодействий «человек-город». Горожанин становится реальным социальным субъектом в городском пространстве.

Анализ репрезентации современного урбанистического человека актуализируется в условиях примата визуальной культуры в повседневной жизни [14, 156]. Городское пространство трансформируется в отдельный культурный код, «крупным планом» репрезентующий как облик самого мегаполиса, так и образ отдельного индивида.

Кроме того, современный мир переживает процессы урбанизации и в то же время усиления индивидуализации, кризис проекта рациональности, различные типы социальных конфликтов, ситуацию конца современности, «потерянного поколения» нового типа и, наконец, выбора «аватара» в виртуальном пространстве «цифрового города». Подобного рода социальные осцилляции привнесли в городскую среду не только ощущение «социального отчуждения», но и умножение форм саморепрезентации, т.е. «социальных масок» [8], способов представления себя «Другим» [8].

Вопрос: *какую «социальную маску» стоит выбрать в той или иной социальной ситуации в зависимости от «мира», в котором взаимодействует тот или иной индивид?* Ситуация городского пространства с характерной для неё хаотичностью передвижений индивидов, сетевой «ризомой», наиболее «разрастающейся» в условиях множественности «презентационных оболочек» [15] («виртуальных горожан») – не просто «переключение» из одного фрейма в другой *(в теории множественных миров А. Шюца)*, а каждодневный выбор наиболее ситуативно и событийно подходящего «коммуникативного» образа в городе как пространстве физическом и социальном. «*Ситуации, в которые был внесён беспорядок, часто приводят к сомнению по поводу величия…маски падают, и каждый вновь занимает своё место»* [5, 219]. Термин «маски» отсылает к театральной среде и концепту «общества спектакля» Ги Дебора [9]: образы горожан – часть зрелищного потребления. Горожан визуально можно представить как круговорот людей в городском пространстве, вовлеченных в стандарты «стилей жизни» [18].

Город – «социальная лаборатория» [17], которая формирует новый тип человека, новый тип идентичности через взаимодействие с культурой города, новое самоощущение в структуре «зритель-наблюдатель» словно в пространстве «паноптикона» [19], новый архетип [20] – горожанина *(или: «фланёра»).*

В социокультурном контексте **образ горожанина** – это **визуальный культурный код**, который «обозначает» актуальные проблемы урбанизации и разделения людей (даже при повышенной социальной мобильности), девиантного поведения; определяет потребности индивида, чувство одиночества в толпе; феномен «социального отчуждения»; механизмы формирования «манипулятивной», «рефлексивной», культурной идентичность и т. д.

Горожанин становится настоящим «социальным актёром» в городском пространстве, и отдельным «коммуникативным» [1] образом в визуальной культуре.

В целях синтеза визуального и аудиовизуального образа в единый концепт заимствовано понятие **«коммуникативный образ»** [1] *(по О. Аронсону)*, который в культурном поле формирует тип зрительского восприятия в коммуникативной структуре «режиссёр-зритель», «*воспроизводя в своих экстремумах и диссонансах тревоги и страхи мира»* [1, 160].

Механизмы формирования «коммуникативного» *образа* горожанина в визуальной культуре сводимы к способам конструирования *«персонажей, которые переехали в город»* [2, 80] на языке кинематографических или театральных арт-практик. Индивиды сравнимы с персонажами кино или театра, транслирующим определенный «стиль жизни» в ситуации «представления себя Другим» в городском пространстве; формируют «коммуникативный образ», отражающий «дух времени» на киноэкране или на сцене театра через репрезентацию образа горожанина *(визуальных атрибутов, социальных практик и в целом существования внутри городского пространства в системе взаимодействий «человек-город»)*.

В массовом кинематографе репрезентации городского (урбанистического) человека сводятся к «типичному образу» [10], идентифицируя зрителя со стереотипным героем и соответствующим восприятием социальной реальности. Пример образов-клише из «массового кинематографа»: киногерои советской мелодрамы *Э. Рязанова «Служебный роман» (1977 г.).*

Социокультурный контекст определяет появление на экране «нетипичных образов» [10] в авторском (артхаусном) кинематографе посредством конструирования «радикального» типа персонажей: например, представители городских субкультур в эпоху «перестроечного кино» через «труднотолкуемый образ» экзистенциального рок-поэта В. Цоя («андеграундный» творец как тип культурной городской идентичности).

Механизмы формирования вбирают в себя и *динамику «коммуникативного» образа городского жителя* в пространственно-временном континууме. В сфере кинематографа примером авторской киноленты, конструирующей «блуждающих» (созвучны концепции «пресыщенного горожанина» *(фр.: «The Blasé Urbanite»)* Г. Зиммеля) по оживленным парижским улицам второй половины XX в. персонажей, выступает киноработа *«На последнем дыхании» (англ.: «Breathless») (1960 г.) Жан-Люка Годара*. Пример современного киноязыка *как механизма формирования образа городского жителя*: фильм *«Патерсон» (2016 г.) Дж. Джармуша* (жизнь главного героя отчасти рутинизирована, отчасти поэтизирована: от работы водителем автобуса и его встреч с различными типами городских жителей до уединенного написания стихотворных строк). В области театрального языка механизмом формирования «отчуждённого» или даже

«отстранённого» человека в городском пространстве второй половины XX в. являются образы «эпического театра» немецкого режиссера-экспериментатора Б. Брехта.

Категория «горожанин» вбирает в себя сконструированную «персонажа», демонстранта, коммуниканта и потребителя не только товаров и услуг, но и моделей поведения и «визуальных знаков». Эти «социальные маски» берутся за основу формирования «коммуникативного» образа горожанина в различных формах визуальной культуры.

Атрибуты образа горожанина, визуально считываемы на языке визуальной культуры как соответствующие формы «символического» конструирования образа горожанина в визуальной культуре, исходя из следующих «кодов»: *городской образ жизни; повседневность/рутинизированность; ритм жизни в городе; шум города; социальные маски и др.*

Репрезентация образа горожанина «эволюционирует» от стереотипов к сложным интерпретациям; формы современного визуального искусства как авторские работы в кинематографе *(в т. ч. экспериментальные режиссёрские постановки в театре)* и уличное искусство обретают очертания поля для социального критицизма.

Урбанистический человек как субъект типа коммуникации, детерминированного городским пространством, и соответствующим «спектаклем» как повседневной практики горожанина, часто «фреймирован»» в экранной культуре стереотипами. *Но как создать наиболее объективный образ горожанина, отражающий «дух времени»?*

1. *Адорно Т. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. – М.: Республика, 2001. – С. 160.*
2. *Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с.*
3. *Аронсон А. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). – М.: Новое литературное обозрение, 2007.*
4. *Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351.*
5. *Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. Ред. Перевода Н. Е. Копосов. – М: Новое литературное обозрение, 2013 – С. 219.*
6. *Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.*
7. *Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта/ Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004.*
8. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ, и вступ. статья А. Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.*
9. *Дебор Ги. Общество спектакля. Пер. с франц. Москва: Логос, 1999.*
10. *Делёз Ж. Кино. М.: Ad Marginem, 2004.*
11. *Добротворский С. Кино на ощупь. СПб: Сеанс, 2020.*
12. *Коркия Э. Д. и др. (ред.) Герменевтика как метод социального познания. М.: КДУ, Университетская книга, 2021.*
13. *Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Рагмат, 1973. – 139 с.*
14. *Мамедов А. К. Настройки визуальной культуры публичности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022.*
15. *Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. 2017. №2.*
16. *Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Коммуникативный статус личности: методология исследования // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2.*
17. *Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. №3.*
18. *Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002.*
19. *Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999.*
20. *Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг; [пер. А. Чечиной]. – М: Издательство АСТ, 2019.*

ДЕЭСТЕТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Гефен Наталия Леонидовна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Сегодня мы можем наблюдать век расцвета информационных технологий, становление эпохи пост- и метамодерна и, вместе с этим, институционные, функциональные, ценностные и другие трансформации, которые находят своё отражение не только в поведенческих паттернах людей, но и в целом во всём пространстве, в котором существует человек. И, в частности, речь пойдёт про пространство современного мегаполиса.

Обновлённые коммуникативные формы, нормы, связи формируют такой же обновленный ценностный каркас, который задаёт тон повседневности. Так, мы можем наблюдать усиление феномена деэстизации – обеднение эстетических и смысловых качеств городской среды и практик жителей, – который выходит за рамки исследовательского поля искусствоведов и становится предметом для обсуждений социологами-урбанистами. [1, с. 29 – 35; 2, с. 127 – 141; 3, с. 219 – 231; 4, с. 46 – 51].

Какие мы можем дать характеристики и метрики для оценки современного мегаполис? Во-первых, экранизация публичности и «разгон» внимания. Создаётся непрерывный визуальный поток, который зачастую становится основной для формирования городской идентичности, хотя и усиливает визуальный шум и утилитарность окружающего пространства [3, с. 226 – 227]. Во-вторых, мы можем отметить, что город начинает существовать как бы на двух уровнях: офлайн и «цифра». Виртуальная часть становится равноправным элементом среды, создавая новый функционал и значение у привычных площадок и институтов [2, с. 128 – 131]. При этом офлайн-среда, которая должна отвечать за реализацию коммуникативных потребностей горожан, в итоге трансформируется в торговое пространство [2, с. 129 – 133]. В-третьих, нельзя не отметить значение массовой культуры в формировании матрицы города: она задаёт определенные тренды, которые становятся своеобразным стандартом для практик досуга или формирует упрощённые образы среды [6, с. 185 – 186].

Следующий пункт весьма естественно следует из уже описанных выше: интеллектуальные технологии поддерживают виртуальные сообщества, перенося их в город и меняя «хронотоп» повседневности; это усиливает разрыв между опытом локального места и экранным потреблением [7, с. 96–99]. Можно обратить внимание на статистические данные, согласно которым, театры посещают порядка трети жителей, музеи – около половины (выше в столичных агломерациях), тогда как экранное медиапотребление демонстрирует устойчивый рост – это фиксирует переток времени из «живых» культурных практик в стандартизированный экранный досуг [8, гл. 2.1].

Можем сделать вывод, что деэстетизация в первую очередь не визуальный процесс. Это следствие именно ценностных трансформаций общества, результатом которых становится стандартизация образов, утилитаризации публичности и ослаблении «чувства места».

1. Руколеева Р. Т. Массовые коммуникации в социокультурном пространстве города: формирование городской идентичности // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 1(50). С. 29–35.

2. Кисин А. А., Барчугова Е. В. Трансформация функций общественных городских пространств под влиянием мультимедийных компонентов // Современная архитектура мира. 2024. Вып. 23(2). С. 127–141. DOI:10.25995/NIITIAG.2024.23.2.006.

3. *Томсон О. И. Большой экран в большом городе // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2024. Вып. 71. С. 219–231.*
4. *Сарбаева И. Ю. Ментальное картирование как метод изучения страхов в пространстве города // [Сб. материалов]. Самара, б/д. С. 46–51.*
5. *Корконосенко С. Г. Медиаполис: другое измерение современного мегаполиса // Лабиринт. 2013. № 1. С. 15–… (текст статьи).*
6. *Белько Т. В., Литаврина А. В. Влияние массовой культуры на трансформацию городского пространства в цифровую эпоху // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 3А. С. 185–194.*
7. *Гараганов А. В. Как интеллектуальные технологии меняют общество и пространство большого города // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 96–101.*

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРТ-ПРОСТРАНСТВ: ПРАКТИКИ ПОСЕЩЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОЖАН (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ДЕЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА «СЕВКАБЕЛЬ ПОРТ»)

Гулина Вероника Денисовна
(СПбГУ)

Босенко Михаил Эдуардович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Бебнева Екатерина Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация: В статье рассматривается феномен арт-пространств как значимого элемента городской среды, влияющего на социальные практики и повседневную жизнь горожан. На примере пространства «Севкабель Порт» исследуется связь между посещением арт-пространств, культурными и социальными взаимодействиями, а также восприятием городской среды и формированием городского сообщества.

Ключевые слова: арт-пространства, повседневность, практики посещения.

Арт-пространство, будучи относительно новым и ещё не полностью закреплённым в общественном дискурсе феноменом городской среды, уже заняло в ней определённую нишу, выступая новой формой взаимосвязи городского социума и искусства [5, 593], зоной формирования «особого культурного опыта», местом концентрации культурных, социальных и экономических процессов [1, 45]. Функции, выполняемые арт-пространствами, достаточно широки: реализация творческих инициатив, неформальное социальное взаимодействие, организация площадок для потребления и проведения досуга; однако роль таких мест в повседневной жизни горожан, а также конкретное содержание практик их посещения полноценно не осмыслены с социологической точки зрения. В данном докладе взаимосвязь между практиками посещения арт-пространств, повседневной жизнью горожан и влиянием подобных мест на городскую среду и формирование городского сообщества анализируется на основе результатов исследования, проводившегося в Санкт-Петербурге в 2024 году в общественно-деловом пространстве «Севкабель Порт».

В рамках данного рассмотрения ключевыми являются концепции «права на город» А. Лефевра и «третьих мест» Р. Ольденбурга. Согласно Лефевру, городская среда формируется в результате социальных взаимодействий, конфликтов и присвоения

пространства различными группами [3]; в данном русле и арт-пространства также мыслятся как результат присвоений и преобразований, исходящих от представителей творческой среды. Городские творческие инициативы можно мыслить, как «действия, возникающие на изломах формального урбанизма», которые предлагают «альтернативные стили жизни, изобретающие по-новому наши повседневные жизни, оккупирующие городские пространства новыми способами использования» [2, 943; 4, 49]. В силу этого интересным представляется изучение практик, осуществляемых в арт-пространстве – в том числе благодаря тому, что они позволяют выявить, каким образом посетители осваивают и наделяют их смыслом. Концепция Р. Ольденбурга [6] позволяет рассматривать арт-пространства в качестве «третьих мест», альтернативных площадок социальной жизни, находящихся вне дома («первого места») и работы («второго места»). Подобные пространства способствуют поддержанию слабых социальных связей, создавая условия для неформального общения, культурного обмена и самоидентификации через участие в городских практиках.

Исследование было проведено авторами осенью 2024 года в два этапа: первым этапом выступало количественное наблюдение, на втором был использован метод анкетного опроса с очной и онлайн-стратегиями сбора данных. Наблюдение было направлено на систематизацию практик, связанных с посещением арт-пространств, тогда как в рамках анкетного опроса были также раскрыты темы влияния арт-пространств на повседневную жизнь горожан и на формирование городского сообщества.

Анализ данных, полученных в результате наблюдения, позволил выделить несколько ключевых типов практик, характеризующих взаимодействие посетителей с пространством. Во-первых, значимо представлены практики потребления и досуга (посещения маркетов и фестивалей, приёма пищи, прогулки; суммарно данные практики составили более ¾ от общего числа наблюдавшихся практик), что демонстрирует вовлечённость в пространство через его рекреационные и коммерческие функции и делает его привлекательным для широкой аудитории. Во-вторых, были выделены эстетические и медийные практики, включающие фотографирование и созерцание видов (около ⅕ от наблюдавшихся практик): таким образом, можно сделать вывод о том, что арт-пространства становятся важными точками городской визуальной культуры, где эстетика среды стимулирует производство и распространение цифрового контента. В-третьих, арт-пространства зачастую используются коллективно: посетители преимущественно передвигаются в малых группах или парах, что подчёркивает социальный характер арт-пространства; также наблюдается высокая доля визитов семей, что свидетельствует о многофункциональности пространства, его адаптивности к различным категориям посетителей.

Результаты анкетного опроса в рамках исследования подтвердили характеристику арт-пространств как «третьих мест» в концепции Р. Ольденбурга: респонденты отмечали, что рассматривают подобные пространства в качестве мест, где можно чувствовать себя комфортно вне дома и работы и регулярно встречаться с друзьями (средние коэффициентов 0,69 и 0,62 соответственно). Также опрос показал высокое влияние арт-пространств на городскую среду, восприятие и использование пространства Санкт-Петербурга: респонденты отмечали, что арт-пространства улучшают визуальный облик районов расположения, привлекают в районы новых посетителей, способствуют улучшению общественной инфраструктуры города в целом. Однако респонденты проявляли значительную сдержанность при оценке влияния арт-пространств на формирование городских (локальных) сообществ, что может говорить о нечётком закреплении в общественном дискурсе данной функции арт-пространств или слабой её

выраженности в кейсе арт-пространства в данном исследовании. Также было выявлено низкое влияние арт-пространств на социальные связи респондентов: по пятибалльной шкале данный аспект в среднем был оценён на 2,63 балла, что является самым низким показателем в сравнении с влиянием арт-пространств на эстетические предпочтения, культурные знания и творческие навыки.

Таким образом, результаты исследования позволили констатировать гибридный характер практик посещения арт-пространств, объединение в рамках посещения потребления, медийного производства и социального взаимодействия. Арт-пространства формируют альтернативные режимы городского опыта, становясь точками пересечения различных групп, интересов и способов использования городской среды и в этом качестве представляя собой примеры новых моделей городского взаимодействия. Кроме того, арт-пространства полноценно раскрываются в качестве «третьих мест» для горожан, однако всё же оказывают слабое влияние на их социальные связи, что требует дополнительных исследований аспектов коммуникации между посетителями арт-пространств. По результатам исследования можно также судить о том, что арт-пространства играют значимую роль в формировании городской среды и в восприятии городского пространства. Дальнейшими направлениями исследований в данной области могут быть case study конкретных арт-пространств Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, выявление специфики региональных арт-пространств, сопоставление российского опыта функционирования арт-пространств с зарубежным.

1. *Демшина А. Ю. Диалогическое построение арт-пространства как форма развития современной культуры // Вестник СПбГУКИ. – 2017. – № 2 (31). – С. 44–48.*
2. *Iveson K. Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. – 2013. – Т. 37, № 3. – С. 941–956.*
3. *Lefebvre H. Writings on Cities / selected, translated and introduced by E. Kofman & E. Lebas. – Malden, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996. – 219 p.*
4. *Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. 18, № 2. – С. 45–59.*
5. *Птичникова Г. А. Общественное пространство современного города как арт-объект // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2018. – № 8. – С. 592–599.*
6. *Oldenburg R. The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day. – New York: Paragon House, 1989. – 338 p.*

ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕЖДУ ТЕОРЕТИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ И ЭМПИРИКОЙ ПРОВЕРКОЙ

Ерченко Владислав Максимович
(СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Тезисы подготовлены в рамках проекта РНФ № 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Аннотация. В работе сопоставляются постструктуралистский, феноменолого-конструкционистский и символико-интеракционистский к пониманию идентичности. Показано, как различные трактовки сводят исследование к определенному объекту (дискурс, опыт, взаимодействие, власть) что сводит всё понимание идентичности к нему и

тем самым размывает её определение. Делается вывод о различия в теоретической и эмпирической трактовке разных подходов.

Фундаментальные выводы современных работ указывают на включение проблематики идентичности в мейнстрим политической науки [7, 15]. На фоне бурного роста публикаций и междисциплинарного интереса возникает – и становится всё заметнее – эффект расширительной трактовки: термином «идентичность» нередко обозначают практически любые социальные и культурные явления. Такой – часто поверхностный – подход ведёт к двум симметричным искажениям. Во-первых, сама проблематика абсолютизируется: сложные процессы редуцируют к «идентичностям» и на этом ограничиваются их анализ. Во-вторых, происходит ретроспективное навязывание концепта эпохам, когда подобной лексики не существовало, что искажает исторический контекст. Отсюда вытекает первый крупный тренд поля – переопределение и уточнение понятий. Авторы энциклопедических и обзорных изданий [7, 15] подчёркивают, что идентичность следует рассматривать как субъективное измерение социальной реальности, однако ограничение лишь «дискурсивным конструированием» сужает возможности трактовки феномен

Выделяются несколько подходов к исследованию идентичности, мы рассмотрим постструктуралистский, феноменологический (социально-конструкционистский) и символико-интеракционистский [7, 23]. Каждый из них по-своему трактует природу идентичности и предлагает свой угол зрения на то, из чего «состоит» идентичность и как ее изучать эмпирически.

Постструктурализм отрицает наличие у субъекта единой, устойчивой идентичности. Он характеризуется антиэссенциализмом: считается, что никакого заранее данного «ядра» личности не существует; напротив, само ощущение единого «Я» рассматривается как иллюзия, навязанная языком и дискурсом и существующим только в момент существования нарратива [6, 94]. После «лингвистического поворота» в гуманитарных науках идентичность понимается как дискурсивный конструкт, результат взаимодействия множества текстов, знаков и социальных практик. Используя метод деконструкции (Ж. Деррида) и опираясь на идеи М. Фуко, Ж. Бодрийяра, С. Холла и др., постструктуралисты утверждают фрагментарность, гибридность и динамичность идентичности [6, 97]

В прикладных работах, опирающихся на постструктурализм, идентичность, как правило, изучается через призму нарративов. На первый план выходит анализ того, как идентичности конструируются посредством языка – в медиа, политических текстах, повседневном общении. Например, Кондратьева и Сатучина (2024) с позиций дискурсивного анализа исследовали формирование российской национальной идентичности в современных массмедиа. На материале корпуса газетных текстов 2000–2024 гг. было показано, что медийный дискурс создает нарратив «мы – русские», включающую когнитивные элементы (представления о национальной общности) и аффективные (оценка этой общности и значимость принадлежности к ней) [4, 330]. Иными словами, национальная идентичность предстает как дискурсивный конструкт, поддерживаемый через нарратив единства, уникальности и гордости за «великую нацию». В целом, постструктуралистские исследования идентичности на манифестацию идентичности я языке в процессе коммуникации, отрицая её существование её «сущности».

Феноменологический подход и близкий ему социальный конструкционизм понимают идентичность как социально сконструированную реальность, одновременно

данную в сознании индивида и межсубъектном мире. В отличие от функционализма и интеракционизма, акцент – на субъективном опыте и постоянном конструировании смысла принадлежности. А. Шюц описал встраивание индивидуального опыта в «жизненный мир» и ввёл идею «множественных реальностей» [5 120]. П. Бергер и Т. Лукман показали, что идентичность формируется как часть социализации: общество задаёт категории идентификации (пол, нация, профессия и т.д.) [9, 48], индивид интериоризирует их, вырабатывая представление о себе. Отсюда: идентичность – не субстанция, а динамический процесс самопонимания; у человека несколько пересекающихся идентичностей, актуализируемых ситуативно; центральны жизненный мир и переживания. В прикладных исследованиях это сводится к анализу того, как люди переживают и рассказывают о своей идентичности. Так, Хорошилов и Ильжер (2019) с ИФА показали: чувство «прекарности» стало идентификационным маркером участников гражданских протестов [9, 51]; темы несправедливости, солидарности и преодоления страха поддерживали чувство принадлежности к движению.

Символический интеракционизм трактует идентичность как продукт взаимодействий: активный агент конструирует «я», ориентируясь на отклики других. Это не заданная роль, а процесс самопрезентации и примеривания ролей. Мид и Кули – «обобщённый другой», «зеркальное Я» [8, 14]. Гофман в «Представлении себя…» описал драматургию повседневности – разыгрывание идентичностей перед аудиторией [2. 30]. Идентичность контекстуальна: репертуар ролей и «переговоры» между «я» и обществом через символы и интерпретации.

Исследования, вдохновленные символическим интеракционизмом, уделяют внимание конкретным ситуациям взаимодействия, где проявляется та или иная идентичность. В центре анализа оказываются социальные практики и коммуникация: как индивиды презентуют себя разным аудиториям, какие символы используют для обозначения принадлежности, как меняют свое поведение в различных социальных сетях (в буквальном и переносном смысле). Яркий пример – изучение онлайн-идентичности молодежи через призму интеракционистских идей. Так, Богомягкова и Харманская (2024) применила концепцию фреймов Э. Гофмана для анализа поведения молодых россиян в социальных сетях [1, 180]. Они показали, что разные задают разные контексты взаимодействия – своеобразные рамки, в пределах которых молодежь выстраивает тот или иной образ себя. Респонденты адаптируют свою самопрезентацию под ожидаемую аудиторию: скажем, во «ВКонтакте» – более официальный или «публичный» образ, тогда как в закрытых Telegram-чатах – более непринужденный, приближенный к общению «лицом к лицу». Этот пример иллюстрирует ключевой вывод интеракционистских исследований: идентичность сводится к совокупности ролей и образов, которые человек демонстрирует в конкретной социальной ситуации.

Сравнительный анализ теоретических подходов к идентичности показывает, что каждая парадигма выделяет свой аспект феномена. Постструктурализм акцентирует дискурсивную и множественную природу идентичности; феноменология и конструкционизм – субъективный опыт и постоянное конструирование «Я»; интеракционизм – социальную драму ролей и ситуационную изменчивость образов себя; Эмпирические исследования часто упрощают понимание идентичности до практики коммуникации, используемых символах или нарративу «мы/они», что с одной стороны позволяет подробнее рассмотреть отдельные проявления идентичности человека, с другой «разжижают» трактовку, рассматривая идентичность практически во всех аспектах человеческой коммуникации.

Таблица 1. Теоретическая и эмпирическая трактовка идентичности в разных подходах

Подход	Теоретическая трактовка	Эмпирическая трактовка
Постструктуралистский	Идентичность не имеет устойчивого «ядра»; это временные, фрагментарные дискурсивные идентификации, порождённые языком и отношениями власти	Сводит понимание идентичности к элементу дискурсов. Нарративов «мы/они». Идентичность существуют в момент «произнесения»
Феноменологический (социально-конструкционистский)	Идентичность как процесс субъективного осмысления и интериоризации социальных смыслов; множественна, поддерживается во взаимодействиях.	К личному восприятию, к тому, как люди рассказывают о себе и конструируют «я» в опыте
Символико-интеракционистский	Идентичность – продукт взаимодействия и самопрезентации; набор ролей, меняющийся по контексту («зеркальное Я», «обобщённый другой», драматургия	К наблюдению практик самопрезентации и для этого используемым символам.

1. *Богомягкова, Е. С. Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта / Е. С. Богомягкова, Э. Ю. Харманская. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – № 27 (3). – С. 168–195.*
2. *Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва : М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 304 – Текст : непосредственный.*
3. *Задворная, Е. С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению / Е. С. Задворная. – Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. – 2017. – С. 26-39.*
4. *Кондратьева, О. Н. Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа / О. Н. Кондратьева, Т. Ю. Сатучина. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – № 2. – С. 325-341.*
5. *Мещерякова, Л. Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи / Л. Ю. Мещерякова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – № 1. – С. 116-127.*
6. *Орлова, Э. А. Концепции идентичности/ идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова. – Текст : непосредственный // Вопросы социальной теории. – 2010. – № 4. – С. 87-111.*
7. *Семененко, И. С. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / И. С. Семененко. – 2-е изд. – Москва : Изд. "Весь мир", 2023. – 513 – Текст : непосредственный.*
8. *Турушева, Ю. Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности / Ю. Б. Турушева. – Текст : непосредственный // Психологические исследования. – 2014. – № 7 (33)*
9. *Хорошилов, Д. А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения / Д. А. Хорошилов, Е. А. Ильжер. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 48-54.*

ПРАВОСЛАВНЫЕ TELEGRAM-БЛОГИ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОСТИ

Ершова Елена Александровна
(Социологический факультет)

В условиях глобальной цифровизации и медиатизации все больше религиозных сообществ активно осваивают онлайн-платформы для распространения своих убеждений, взаимодействий с аудиторией и формирования собственного медиаобраза [6, 456 – 458]. Несмотря на то, что религиозные медиа-практики уже стали неотъемлемой частью российского Интернет-пространства, православный блогинг до сих пор изучен

недостаточно [5, 46 – 47]. Отечественные исследования медийной трансформации религии немногочисленны и опираются на работы западных коллег [6, 456 – 458]. Концепции «медиатизации религии» и «цифровизации религии» находятся в стадии формирования, не имея однозначных определений и уточняясь по мере развития медиасреды и религиозных институтов [8, 18-19]. Западные социологи (такие как С. Хьярвард) подчеркивают, что медиа не просто транслируют религиозный контент, но и преобразуют саму религию, подчиняя ее логике медиа [7, 43]. В России же изучение медиатизации религии носит фрагментарный характер: работы посвящены отдельным аспектам – трансформации религиозных практик в Интернете [1, 160], языку и дискурсу религиозных медиатекстов, особенностям онлайн-аудиторий верующих и т. д. Изучаются, например, религиозные практики верующих в Instagram (продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ) [3, 95 – 104]. На этом фоне актуальным представляется анализ стремительно развивающегося сегмента православных блогов в Telegram, который переживает период роста популярности. В 2023 году был зафиксирован заметный рост христианских блогов в Рунете [4], а Русская Православная Церковь запустила собственную школу блогеров для священнослужителей [2], что свидетельствует о востребованности новых форм коммуникации для религиозных институтов.

Целью настоящего исследования является фиксация текущего состояния наиболее популярных православных Telegram-блогов и выявление успешных форм их коммуникации в контексте цифровизации религиозной сферы. Предполагалось, что в сегменте религиозного блогинга существует определенный «рецепт успеха», следование которому обеспечивает широкую популярность. Для проверки этой гипотезы был проведен анализ единиц контента топовых Telegram-каналов категории «Религия». Так, были отобраны каналы: «Протоиерей Андрей Ткачёв», «Павел Островский», «Константин Малофеев», «Мамонов: путь к Богу», «Священник Антоний Русакевич. Позитивный батюшка», «Священник Николай Бабкин», «Священник Владислав Береговой», «Владимир Легойда», «Алексей Ильич Осипов», «Священник Николай Дубинин. Белгородская митрополия», «Cogito ergo sum (канал архиепископа Саввы)», «Архиепископ Феофилакт», «Слово Патриарха», «Митрополит Амвросий», «Обитель батюшки Зосимы», «Митрополит Леонид», «Сергей Комаров», «Владимир Носов», «Сельский батюшка. Священник Евгений Подвысоцкий», «Иерей Георгий Максимов». Исследование охватило период с 5 по 13 февраля 2024 г. – относительно спокойное время без крупных информационных поводов. Вначале методом наблюдения были изучены топ-100 телеграм-каналов религиозной тематики. Это позволило выработать общую классификацию каналов. Для детального анализа из этой совокупности были отобраны по 10 каналов, лидирующие по числу подписчиков, охвату и индексу цитируемости, часть из них пересекалась, поэтому для исследования были отобраны 20. Всего изучено около 530 публикаций. Каждый пост был проанализирован по ряду параметров: тематике, формату подачи, тональности и стилю языка, способу вербализации (текст, аудио, видео), авторству (оригинальный материал или репост), источнику контента, целевому назначению (миссионерское, просветительское, социальное) и показателям вовлеченности аудитории (просмотры, реакции, комментарии).

Анализ показал, что универсальной формулы популярности не существует: каждый блог уникален и достигает успеха по своим причинам. Гипотеза о наличии единого «рецепта» успеха не подтвердилась. Тем не менее, выявлен ряд общих тенденций и характеристик религиозного сегмента Telegram-блогов. Во-первых, половину авторов крупнейших каналов категории «Религия» составляют представители духовенства (иереи,

протоиереи и др.), остальные – светские лица, открыто высказывающиеся на религиозные темы (ученые, журналисты, деятели культуры и др.). Причем наибольшую аудиторию собирают именно священнослужители, тогда как самый широкий охват отдельных публикаций получают светские «околорелигиозные» авторы, а в топе цитируемости регулярно фигурируют высокопоставленные иерархи (Патриарх, митрополиты). Во-вторых, Telegram стал альтернативной площадкой церковной коммуникации не только для священнослужителей и паствой, но и для горизонтального взаимодействия внутри самого духовенства. Онлайн-среда отчасти нивелирует традиционную иерархию: аудитория в цифровом пространстве больше доверяет харизматичным священникам низшего и среднего сана, активно присутствующим в сети, чем высшим санам, которые менее представлены в цифровом пространстве или их представительство не настолько эффективно с точки зрения платформенного успеха. В-третьих, личность блогера выходит на первый план. Подписчики ценят саму фигуру автора – священник-блогер фактически становится лидером мнений в религиозной цифровой среде, и лояльная аудитория готова потреблять самый разный контент, создаваемый любимым батюшкой, даже если такие материалы не всегда совпадает с изначальными запросами этой аудитории.

В ходе исследования выявлено, что священники-блогеры стремятся оцифровать свою повседневную пастырскую деятельность, преобладающую часть постов посвятив религиозно-просветительским темам (проповеди, толкования священных текстов) в авторском изложении и на понятном для широкой аудитории языке. При этом аудитория особенно ждет от них комментариев на глобальную повестку. Наиболее востребованным контентом оказались именно посты, где в формате личного высказывания священник дает оценку резонансным общественным событиям (религиозно-социальным или религиозно-политическим) с позиций церкви. Такие публикации собирали максимальные просмотры (до двух третей аудитории канала) и оживленное обсуждение. Также подписчики проявляли повышенный интерес к записям, приоткрывающим личную жизнь и характер автора, что сближало их с блогером, формировало атмосферу доверительного общения. Для усиления эффекта многие авторы используют дружелюбный неофициальный тон, эмодзи и фирменные стикеры.

Интересно, что каналы, предлагающие разнообразие тематик, форматов и мультимедийного контента, как правило, показывали стабильный рост аудитории. В то же время абсолютными лидерами по числу подписчиков нередко становились блоги, довольно однообразные по содержанию. Их популярность объясняется внешними для платформы факторами – авторитетом и известностью самого автора, его офлайн-активностью или вирусным распространением отдельных цитат вне Telegram.

Все изученные блогеры уверенно владеют функционалом Telegram и следуют трендам платформы. Например, практически на всех каналах были отключены негативные реакции или комментарии – предполагаем, ради поддержания позитивной атмосферы. Важно, что запуск своих блогов авторы объясняют личной инициативой: цифровая активность священнослужителей стала естественным продолжением их служения, а не формальным поручением церковного руководства. Это демонстрирует, как медиа и религия взаимно влияют друг на друга: с одной стороны, формат мессенджера накладывает ограничения на полноту богословского контента (делая акцент на новостях, коротких постах и мгновенной реакции), с другой – сами религиозные акторы творчески адаптируют возможности платформы под свои задачи. Главным из этих задач остается привлечение как можно большего числа людей не только к онлайн-активности, но и к офлайн-церковной жизни. Фактически православные блогеры используют Telegram как средство миссии, стремясь через цифровое присутствие вовлечь аудиторию в традиционные религиозные практики вне Интернета.

Таким образом, культурное пространство современности пополнилось новым феноменом – православными Telegram-блогами, где происходит трансформация привычных религиозных практик под влиянием медийной логики. Результаты исследования заполняют некоторые пробелы в отечественной социологии религии и медиакоммуникаций, фиксируя черты и тенденции развития религии в цифровую эпоху. Они могут послужить основой для дальнейших работ, например, для сравнительного анализа религиозного блогинга в разных конфессиях или мониторинга эволюции православных медиаинициатив после институционализации этого направления.

1. *Зимова Н. С., Фомин Е. В. Особенности трансформации религиозных практик в сети Интернет // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 160–164.*
2. *Киселёва А., Крюков В., Игнатьев Д. В РПЦ запустили школу блогеров для священников // Ведомости. 2024. 11 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/11/1024508-v-rpts-zapustili-shkolu-blogerov-dlya-svyaschennikov (дата обращения: 27.04.2024).*
3. *Кровицкая А. В. Религиозные практики ортодоксальных женщин-иудеек в Instagram // Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве. 2022. № 1. С. 93–105.*
4. *Липанова Л. Сам Бог велел: почему в России растет сегмент христианских блогов // Forbes. 2023. 31 октября. URL: https://www.forbes.ru/svoi-biznes/499406-sam-bog-velel-pocemu-v-rossii-rastet-segment-hristianskih-blogov (дата обращения: 6.02.2024).*
5. *Островская Е. А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1. С. 46–49.*
6. *Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 454–476.*
7. *Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 41–75.*
8. *Чеснова Е. Н. Трансформация религии в условиях цифрового общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. № 4. С. 18–25.*

ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Зайцева Юлия Денисовна
(СПбГУ)

Аннотация. Доклад раскрывает потенциал музеев в формировании культурной идентичности подростков. Музей выступает пространством образования и общения, развивающим личность, эстетическое восприятие и критическое мышление. Исследование показало значимость семьи, цифровых технологий и воспитательную роль музеев в процессе социализации подростков.

Ключевые слова: музей, подростки, культурная идентичность, социализация, эстетическое воспитание, цифровая культура.

Музей рассматривается не только как хранилище произведений искусства, но и как активное образовательное и коммуникативное пространство, способствующее развитию личности подростка, его эстетических чувств, критического мышления и социального опыта. Музей, обладая высоким воспитательным и образовательным потенциалом, способствует эффективной социокультурной адаптации подростков в условиях современного общества.

Актуальность темы обусловлена интенсивностью усвоения социального опыта в подростковом возрасте. Именно в этот период дети переосмысливают себя и окружающий мир. В настоящее время наблюдается недостаточное внимание к эстетическому воспитанию подростков. В то время как посещение музеев, знакомство с объектами культурного и природного наследия, творчеством мастеров раскрывает творческий потенциал личности и помогает процессу социализации.

С практических позиций вопрос актуализируется на фоне необходимости использования потенциала музеев для нравственного воспитания и культурного развития подростков, а также с учетом того, что большая часть их социализации проходит в виртуальном пространстве. Музей предоставляет широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для содержательного, интересного и неформального межличностного общения.

Проблематика социализации подростков и формирования их культурной идентичности находит широкое отражение в отечественной и зарубежной научной литературе. Среди отечественных исследователей, рассматривающих общие тенденции социализации подростков, следует выделить работы Е. Е. Безрученко, И. С. Верник, О. М. Дорошенко, А. Е. Калугина, Д. А. Овчинникова, В. А. Сушко и др. Их исследования направлены на выявление факторов, влияющих на развитие личности подростка в условиях современного социокультурного пространства.

Значительное внимание уделяется также анализу роли музеев как институтов социализации. Научные труды С. В. Бахтина, М. А. Курбаш, О. Ц. Галдановой, О. И. Закутнова, И. С. Ильинской, М. И. Решетниковой и других авторов подчеркивают влияние музейной среды на формирование гражданско-патриотических ценностей, развитие критического мышления и эстетического вкуса, что в совокупности способствует личностному и духовному росту подростков.

Отдельную группу составляют исследования, посвящённые концептуальным и методологическим аспектам изучения музейной аудитории. Работы М. Е. Каулен, А. С. Максимовой, Л. Я. Петруниной, А. В. Ткачевой и др. направлены на осмысление механизмов взаимодействия посетителя с музейным пространством, выявление образовательного и воспитательного потенциала музея.

В рамках написания магистерской диссертации по теме «Музей как пространство для социализации и культурной идентичности подростков» было проведено пилотажное исследование, целью которого стало предварительное изучение особенностей музейной активности подростков, их отношения к художественным музеям как к фактору социализации и культурного воспитания. В опросе приняли участие 117 респондентов – учащиеся 8–11 классов.

Результаты показали, что среди участников исследования преобладают девушки (63,3 %), что может быть связано с более выраженным интересом к гуманитарной и культурной сфере. Большая часть опрошенных (65,8 %) – старшеклассники, находящиеся на этапе формирования мировоззрения и личностных ценностей, когда вопросы идентичности и культурного самоопределения становятся особенно значимыми.

Наиболее популярным художественным музеем среди подростков оказался Эрмитаж (78,5 %), далее – Русский музей (44,3 %) и Кунсткамера (24,1 %). Эти данные отражают ориентацию подростков на классическое искусство и известные музейные бренды. При этом интерес к музеям современного искусства (например, «Эрарта») свидетельствует о постепенном расширении культурного восприятия и открытости молодежи к новым формам художественной коммуникации.

На вопрос о первом знакомстве с музеем большинство респондентов (74,7 %) указали на семью как основной источник культурной социализации: именно родители чаще всего инициируют первый визит в музей. Этот факт подчеркивает значимость семейного участия в формировании культурных практик и первичных ценностных установок, связанных с искусством. Школа как институт культурного воспитания представлена в меньшей степени (10,1 %), что свидетельствует о необходимости активизации взаимодействия музеев и образовательных учреждений.

Посещаемость музеев у подростков невысока: 67,1 % посещают их не чаще двух раз в год. Среди основных барьеров названы отсутствие свободного времени (74,7 %), отсутствие компании (48,1 %) и недостаточная заинтересованность (32,9 %). Тем не менее 77,2 % опрошенных предпочитают изучать экспозиции самостоятельно, проявляя интерес к самостоятельному культурному опыту и индивидуальному осмыслению искусства.

Главными мотивами для посещения музеев являются эстетическое восприятие произведений искусства (77,2 %) и культурное обогащение (55,7 %). Это позволяет рассматривать художественный музей не столько как пространство досуга, сколько как источник эмоционального и интеллектуального опыта, способствующий личностному развитию.

Наиболее привлекательными для подростков видами искусства оказались живопись (79,9 %), архитектура (60,8 %) и скульптура (41,8 %). Цифровые и современные формы искусства пока занимают периферийное место в культурных предпочтениях, однако 49,4 % участников отметили, что использование современных технологий и мультимедийных решений повышает их интерес к музеям. Таким образом, сочетание классических и инновационных форм представления экспозиций может стать эффективным инструментом популяризации музейной культуры.

Интересным представляется отношение подростков к социальному формату посещения музеев. Большинство предпочитают ходить в музеи с друзьями (68,4 %) или родственниками (63,3 %), что подчеркивает значение музея как пространства межличностного общения и совместного культурного опыта. Самостоятельные посещения встречаются реже, что может объясняться как потребностью в социальном сопровождении, так и неуверенностью в умении «читать» художественное произведение без поддержки.

Респонденты в целом положительно оценивают идею популяризации музеев среди молодежи: 38 % считают, что она необходима, а 32,2 % отмечают низкий уровень музейной активности среди своих сверстников. Подростки особенно заинтересованы в новых выставках (64,6 %) и инновационных форматах взаимодействия (49,4 %), включая использование искусственного интеллекта в музейных экспозициях (27,8 %). Эти данные подтверждают, что технологизация культурного пространства может стать мостом между традиционной музейной средой и поколением цифровых подростков.

В то же время лишь 22,8 % респондентов проявляют интерес к мастер-классам и образовательным программам, что свидетельствует о необходимости пересмотра форм работы с подростковой аудиторией, акцентируя внимание на интерактивности, эмоциональном вовлечении и возможностях самовыражения.

Результаты пилотажного исследования позволяют утверждать, что музеи обладают многомерным потенциалом в формировании культурной идентичности подростков. Этот потенциал проявляется одновременно в познавательном, ценностном, коммуникативном и личностно-развивающем аспектах.

Прежде всего, музей – это пространство культурного диалога, где подросток получает возможность прикоснуться к артефактам прошлого, художественным произведениям и культурным символам, осмысляя их не как застывшие экспонаты, а как

живые тексты культуры. Через этот диалог формируется способность понимать историю и искусство как часть собственной идентичности, что способствует развитию чувства сопричастности к национальной и мировой культуре.

С познавательной точки зрения музейная среда развивает критическое и визуальное мышление, умение интерпретировать, сравнивать, задавать вопросы. Подросток не просто усваивает информацию, но вырабатывает личностную позицию по отношению к культурным ценностям, что является важным шагом в процессе самоопределения.

В аспекте социализации музеи выступают альтернативой цифровому пространству, предлагая подлинный формат общения – с искусством, с другими людьми и с самим собой. Музейные посещения, особенно в группе друзей или семьи, способствуют развитию эмпатии, эстетического восприятия и коммуникативных навыков, укрепляют межпоколенческие связи и создают основу для совместного культурного опыта.

Результаты нашего исследования подтверждают, что подростки, несмотря на низкую частоту посещений музеев, проявляют устойчивый интерес к искусству и ценят возможность самостоятельного взаимодействия с экспозицией. Это указывает на необходимость обновления форм музейной коммуникации – перехода от пассивного показа к интерактивным, эмоционально насыщенным и цифровым форматам, где подросток становится соавтором культурного опыта. Инновационные технологии – дополненная реальность, мультимедийные инсталляции, использование искусственного интеллекта – могут стать «мостом» между традиционным искусством и поколением цифровых нативов.

Не менее важно, что музей создает среду ценностного выбора: здесь подросток сталкивается с вопросами красоты, добра, ответственности и исторической памяти. Таким образом, музей выполняет функцию нравственного и духовного навигатора, помогая молодому человеку осознать собственное место в культурном континууме. Интересно, что именно семейный контекст чаще всего становится точкой входа в музейную культуру. Это подчеркивает важность триединого взаимодействия «музей – школа – семья», где каждая сторона усиливает другую, формируя устойчивые культурные практики и мотивируя подростка к осознанному культурному выбору.

Потенциал музеев заключается не только в передаче знаний об искусстве, но и в создании пространства личностного становления. Музей можно рассматривать как лабораторию культурной идентичности, где через соприкосновение с наследием человек учится понимать себя, свое прошлое и будущее.

1. *Бахтина С. В., Курбаш М. А. Музейная деятельность как фактор формирования личности подростков // Academy. 2021. №1 (64). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-deyatelnost-kak-faktor-formirovaniya-lichnosti-podrostkov*
2. *Галданова О. Ц. Роль музея в воспитании современных подростков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №2-1 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muzeya-v-vospitanii-sovremennyh-podrostkov*
3. *Ильинская И. С. Культурно-досуговая деятельность как средство социализации подростков // Инновационная наука. 2022. №1-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-dosugovaya-deyatelnost-kak-sredstvo-sotsializatsii-podrostkov*
4. *Петрунина Е. А. Музей как социокультурный феномен // Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований. Саратов, 2018. URL: https://volsu.ru/upload/iblock/742/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%95.%D0%90..pdf*
5. *Решетникова М. И. Социализирующее влияние музея на становление и развитие личности // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializiruyuschee-vliyanie-muzeya-na-stanovlenie-i-razvitie-lichnosti*

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ

Залавская Полина Романовна
(ТЮМГУ)

Аннотация: В статье рассматривается роль танцевальных субкультур в формировании социального капитала молодежи. Анализируется, как совместные телесные практики, коммуникация и участие в субкультурных сообществах создают доверие и способствуют укреплению горизонтальных социальных связей. Рассмотрены теоретические подходы к понятию социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм) и их применение к изучению молодежных сообществ. Показано, что танцевальные субкультуры выполняют функции социального посредничества и интеграции в условиях современного общества.

Ключевые слова: социальный капитал, молодежь, субкультура, танцевальные сообщества, доверие, взаимодействие.

Современная молодежная культура развивается в пространстве высокой мобильности и цифровизации, где традиционные формы коллективности теряют стабильность. В этих условиях особое значение приобретают неформальные объединения, создающие альтернативные модели социальной интеграции. Одним из таких феноменов выступают танцевальные субкультуры – сообщества практики, основанные на совместных действиях, ритме и телесной коммуникации.

Для участников субкультуры танец не просто вид творчества, а язык социальной связи. В хип-хоп или брейк-сцене структура сообщества выстраивается вокруг тренировочного пространства – студии, подвала, двора. У каждого места есть своя «сцена» и «ядро» – группа старших участников, которые задают атмосферу, распределяют роли и определяют, кто «свой». Вокруг ядра формируется периферия – новички, наблюдатели, зрители, которые постепенно встраиваются через участие в тренировках, взаимопомощь и уважение к негласным правилам.

Одним из ключевых ритуалов в уличных направлениях является cypher – круг, в котором участники поочередно выходят в центр, демонстрируя свой стиль. Этот момент не соревнование в привычном смысле, а форма признания и коммуникации. Здесь нет ведущего и жюри: поддержка выражается аплодисментами, выкриками, реакцией зала. Танцор получает доверие не словами, а энергетическим ответом других. Со временем такие повторяющиеся взаимодействия формируют плотную сеть взаимных ожиданий и уважения, что и есть социальный капитал в действии – доверие, превращающееся в социальный ресурс.

В клубных направлениях (vogue, house, waacking) социальная структура иная. Эти сцены часто объединены идеей инклюзивности и принятия – здесь важны не столько технические навыки, сколько способность быть частью энергетического потока, «чувствовать» ритм группы. На «ballroom»-вечеринках танцоры соревнуются, но это соревнование ритуализировано: судьи оценивают аттитюд, харизму, уверенность. Присутствие и реакция публики создают эффект общности, переживание «мы», когда коллективная энергия сцены становится источником поддержки. Через участие в таких ритуалах формируется замыкающий социальный капитал – плотные внутренние связи, основанные на взаимном признании и эмоциональной вовлеченности.

Студийные танцевальные направления (contemporary, jazz-funk, modern) выстраивают другие механизмы социальной связи. Здесь отношения чаще формализованы – через занятия, расписание, педагогов. Но даже в этих условиях формируется доверие, связанное с телесной открытостью: совместное движение требует координации, взаимной зависимости и уважения к границам партнера. Танцевальный класс превращается в лабораторию социальной коммуникации, где участники учатся читать невербальные сигналы, распределять внимание и адаптироваться к ритму группы.

Онлайн-пространства усиливают этот эффект. В Telegram-чатах, Instagram-группах (Instagram – продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ) и на YouTube формируются новые каналы обмена ресурсами: афишами, видео, рекомендациями преподавателей, ссылками на фестивали. Эти цифровые связи создают расширяющий социальный капитал – сеть «слабых связей» (М. Грановеттер [4, с. 1360 – 1362]), которые соединяют локальные сцены между собой. Танцор из Тюмени может попасть на фестиваль в Москве, получив приглашение через знакомого из чата, а через неделю – участвовать в онлайн-баттле с участниками из Европы. Эти связи менее прочные, чем личные, но именно они обеспечивают устойчивость субкультурной экосистемы.

Процесс выстраивания доверия в танцевальных субкультурах можно описать в три этапа. Первый – телесный. Здесь доверие возникает через повторяющееся совместное действие: танец, синхронизацию, обмен движениями. В группе это формирует чувство «телесного узнавания» – понимания без слов. Второй – коммуникативный. Он проявляется в умении поддерживать других, делиться знаниями, создавать безопасную атмосферу участия. Этот тип доверия часто строится через «малые ритуалы»: приветствие, обмен фразами, совместное разминание перед выходом на сцену. Третий – сетевой. На этом уровне доверие превращается в социальный капитал: появляется система рекомендаций, поддержка в поездках, приглашения на выступления, совместные проекты. С точки зрения социологической теории, эти процессы отражают логику, описанную П. Бурдьё: культурные формы (в данном случае – танцевальные практики) становятся инструментами капитализации социальных связей [1, с. 61 – 63]. Телесность здесь не просто выражает культуру, она производит её, превращая движение в механизм социального обмена. Дж. Коулман писал, что доверие снижает транзакционные издержки взаимодействия [2, с. 97], и в танцевальной среде это проявляется буквально: совместный танец возможен только тогда, когда участники чувствуют, что могут полагаться друг на друга.

Танцевальные субкультуры также формируют собственные системы символического различия. По С. Торнтон, внутри сцены существует «субкультурный капитал» – признание, зависящее от знания кодов, умения танцевать «в стиле» и уважения к традиции [10, с. 44 – 47]. Этот символический капитал трансформируется в социальный: уважаемые танцоры становятся центрами притяжения, их репутация обеспечивает устойчивость сообщества.

Таким образом, танцевальные субкультуры функционируют как пространства воспроизводства доверия, признания и взаимопомощи. Через повторяющиеся ритуалы, совместные действия и цифровые коммуникации молодые люди создают собственные формы социальной организации. В этих сообществах формируются практики горизонтального взаимодействия, эмпатии и сотрудничества – то, что Р. Патнэм называл «тканью гражданского общества» [3, с. 88 – 91].

Танцевальные субкультуры демонстрируют, как телесная и культурная активность молодежи превращается в механизм формирования социального капитала. Через ритуалы

участия, совместные действия и эмоциональную вовлеченность участники создают доверие, выстраивают сети поддержки и формируют альтернативные модели социальной интеграции. Эти сообщества показывают, что даже в условиях цифрового и фрагментированного общества возможно воспроизводство коллективности – не через институции, а через ритм, движение и взаимное признание.

1. *Бурдьё П. Формы капитала //* Экономическая социология. *– 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.*
2. *Коулман Дж. С. Социальный капитал в создании человеческого капитала //* Американский журнал социологии. *– 1988. – Т. 94. – С. 95–120.*
3. *Патнэм Р. Делать демократию эффективной: социальный капитал и гражданское общество //* Вопросы философии. *– 1995. – № 5. – С. 87–99.*
4. *Грановеттер М. Сила слабых связей //* Американский журнал социологии. *– 1973. – Т. 78, № 6. – С. 1360–1380.*
5. *Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: эссе о поведении лицом к лицу. – Чикаго: Олдайн, 1967.*
6. *Коллинз Р. Цепи ритуалов взаимодействия. – Принстон: Принстонский университет, 2004.*
7. *Холл С., Джефферсон Т. Сопротивление через ритуалы: молодежные субкультуры в послевоенной Британии. – Лондон: Рутледж, 2006.*
8. *Хебдиж Д. Субкультура: значение стиля. – Лондон: Рутледж, 1979; М.: Academic Studies Press, 2010.*
9. *Мэффесоли М. Время племён. – Лондон: Сейдж, 1996; СПб.: Питер, 2006.*
10. *Торнтон С. Клубные культуры: музыка, медиа и субкультурный капитал. – Кембридж: Полити Пресс, 1995.*

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Карепова Светлана Геннадьевна
(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН))

Некрасов Сергей Владимирович
(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН))

Пинчук Антонина Николаевна
(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН))

Аннотация: Материал посвящен анализу воздействия социокультурных факторов в рамках современных трансформационных процессов на динамику общественного сознания социума. Актуализация тематики обусловлена усиливающимся разрывом между устоявшимися нормами и реальным содержанием массового мировоззрения, особенно в контексте технологического развития социума, а также роста политико-культурной турбулентности и др. Выделяется ряд ключевых, с авторской точки зрения, социокультурных факторов, оказывающих воздействие на сознание и традиционные ценности современного социума.

Ключевые слова: социокультурные факторы, культурный код, общественное сознание, социокультурная трансформация, гражданская идентичность, российское общество, традиционные ценности.

Современное российское общество на перманентной основе переживает сложные трансформационные процессы. Данные трансформации, будучи неотъемлемой частью эволюции социума, ставят вопросы детерминационного воздействия на них социокультурных факторов [2; 3], под которыми принято понимать общую совокупность социальных и культурных условий, оказывающих влияние на жизнь общества. Это – «…традиционные, институциональные нормы и правила, уклад жизни, сложившиеся культурные традиции, религиозные верования» [7, 53]. Речь идет о тех условиях (факторах), что определяют нормы, ценности, образ жизни в обществе и, к которым относятся такие фундаментальные духовно-нравственные категории и культурные, технологические достижения, как: национальная гордость, культурный код, историческое наследие, историческая память, ценности, прогресс в сфере технологий и т.д. Социокультурные факторы ответственны за формирование и устойчивое состояние коллективного сознания, а также традиционных ориентиров. Это своего рода незримый, общий для социума «форватер», в рамках которого и происходят его «движение» или трансформации [2]. Именно социокультурные факторы, с нашей точки зрения, и являются той «почвой», на которой разворачиваются основные изменения в обществе. Важность понимания и изучения «алгоритмов» обозначенного процесса чрезвычайна, так как он включает в себя фундамент сохранения конструирующего потенциала и управления обществом, где любое социально значимое решение принимается акторами на основании принятых ими социокультурных ценностей и сформированных на их основе картин мира.

Проблематика актуализирована неоднозначной динамикой между тенденциями сохранения обществом своей идентичности и необходимостью приспособления к изменяющейся реальности.

Системный характер происходящих в социуме трансформаций детерминирован рядом ключевых социокультурных факторов, к которым, с нашей точки зрения, следует отнести:

– *фактор влияния процессов цифровизации, инновационных технологий и т. д. на главного актора современной социальной реальности – человека*. Высокотехнологичные, «революционные» по своим качествам достижения человечества, охватили все сферы его жизнедеятельности и стали неотъемлемой частью цивилизационного развития. Данные процессы повлекли за собой «технологизацию» культуры и вызвали изменения как на институциональном, так и на индивидуальном, межличностном уровнях в социуме. В рамках обозначенной парадигмы, разумно вести речь о возникновении цифровой или так называемой «электронной» культуры. Безусловно, новый вид культуры имеет разительные отличия от ее классической формы.

Эти процессы коснулись сознания человека, его идентичности, самоактуализации: произошел глубинный пересмотр ценностного ряда в угоду, привнесенной технологиями унифицированности, инновационности. Налицо примат все шире распространяемых в социуме безличных интеракций через Интернет, социальные сети, различные гаджеты и т.д. и, как следствие, социально-психологическое отчуждение во взаимодействиях людей и т.д. Речь идет о процессах, где «…нарушаются традиционные этические, гносеологические механизмы общественного сознания, которое все более перемещается в сферу массового, иррационального, виртуального. Сфера общественного дискурса, опосредованная электронными СМИ, отчуждается от субъекта, формирует у человека ощущения беспомощности и потерянности в фактически «безграничном» информационном пространстве» [1, 110], вызывая глубинные мировоззренческие, духовно-нравственные, ценностные и социально-психологические деформации и т.д. «…Прежде всего, это изменения, связанные с процессами виртуализации сознания и определенных сфер культуры, изменения в характере коммуникации, в области

когнитивных практик (связанных с развитием искусственного интеллекта), развитием электронной культуры как нового явления, имеющего специфичные формы выражения» [1, 112 – 113]. Информационные технологии включаются в глубинный когнитивный принцип познания и получения информации о мире человеком, внедряются в сферу его бытия, создавая виртуальные пространства, новые субкультуры и языки общения, все больше погружая социум в зону «отчуждения». В технологически детерминированном сознании реальное и виртуальное сливается воедино, «переформатируя» самого актора современной реальности, который «…уже не «классический» Homo Sapiens, а значительно виртуализированный био-социо-электронный субъект» [1, 115].

В рамках обозначенных процессов традиционные ценности и формы интеракций социума, претерпевая модернизационные трансформации, начинают стремительно терять свою привлекательность, уступая процессам виртуализации.

– *фактор, опосредующий взаимовлияние человека, культурных ценностей и социальных институтов или так называемый «культурный код»*. Культурный код, будучи «…ключом к пониманию уникальных культурных особенностей, доставшихся народу от предков» [5, 105], …определяет набор образов, которые связаны с комплексом стереотипов в его сознании. Это культурное бессознательное – не то, что говорится или чётко осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках» [5, 105]. Как правило именно он определяет внутреннюю логику поведения индивидов, закрепляя их идентичность на основе символов, традиций, исторически сложившихся норм. Люди не задумываются о специфике формализации культурного кода, а просто живут в этом внутренне осознаваемом, эмоционально-чувственном контенте и принадлежности к нему.

– *фактор «национальной гордости»*, под которой принято понимать «…патриотические чувства любви к своей родине и народу, осознание своей принадлежности к определенной нации, выражающееся в общности интересов, национальной культуры, языка и религии и т.д.» [4]. Данный фактор рассматривается как психосоциальный конструкт, отражающий самовосприятие нации через призму исторических, культурных достижений и функционирует на уровне коллективной памяти. Этот процесс обусловлен влиянием как внешних информационных потоков, так и внутренней рефлексией граждан.

– *фактор семейных ценностей в социуме,* что в концептуальном контексте рассматриваются как «… принципы, на которых строится жизнь семьи. Как правило, передаются из поколения в поколение и к которым относят – материнство, отцовство, рождение детей и забота о них, почитание родителей. Семейные ценности являются нравственным каркасом общества» [6, 2]. Структура данных отношений не только детерминирует личное благополучие, но и влияет на культурную стабильность общества в целом. Вопросы перехода от традиционных моделей к современным формам семьи представляют собой поле для дискуссий о социокультурной адаптации и реконфигурации общественных ролей.

Современную социокультурную динамику целесообразно рассматривать через призму взаимодействия традиционных ориентаций и новаторских тенденций, где социокультурные факторы (процессы цифровизации, культурный код, национальная идентичность (гордость), институт семьи и т.д.) становятся одновременно опорой и источником инноваций. Этот комплексный взгляд создает «фундамент» и позволяет понять механизмы их влияния на формирование сознания и ценностный ряд социума [2].

Безусловно, перечисленные выше социокультурные факторы, в силу лабильного характера самого феномена, а также специфики его воздействия на трансформации в социуме, не являются содержательно исчерпывающими и будут меняться сообразно реальности и ее главного актора – человека.

Можно констатировать глубокую взаимосвязь между традиционными ориентирами и современными социокультурными процессами. Технологические достижения, помимо положительных эффектов в сфере коммуникаций и дополнительных преференций в области информации имеют разрушительные трансформирующие последствия как для самого человека, так и его природы [2; 3]. Национальная гордость, основанная на историческом опыте и технологических достижениях, функционирует как стабилизирующий фактор, который помогает сохранить коллективное сознание в условиях изменений. Параллельно, семейные ценности остаются не только элементом личного самовыражения, но и стратегически важны, так как способствуют интеграции и устойчивости общественного устройства. Коллективное восприятие национальной идентичности напрямую влияет на личностные установки, мотивацию к саморазвитию, отношение к государственным преобразованиям. Именно через систему символов, традиций, установленных норм происходит адаптация граждан к современным вызовам. Взаимодействие этих элементов формирует целостное общественное сознание, в котором традиционные ценности сочетаются с инновационными тенденциями развития и т.д.

В целом, социокультурные трансформации не ведут к глобальному разрушению традиционных ценностей как таковых, но способствуют их переосмыслению. Данное направление научных исследований имеет выраженный потенциал востребованности для социума.

1. *Баева Л. В. Социокультурные изменения в условиях развития высоких технологий // Инноватика и экспертиза. – 2012. Выпуск 2(9). – С. 110-118.*
2. *Карепова С. Г., Некрасов С. В. Социокультурные факторы в трансформационных процессах современного российского общества и их воздействие на сознание и традиционные ценности социума // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №5. – С. 49-54.*
3. *Карепова С. Г., Некрасов С. В. Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект // Социология. – 2025. – №3. – С. 161-167.*
4. *Национальная гордость // Этнопсихологический словарь / составитель: В. Г. Крысько, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-225 (дата обращения: 18.09.2025).*
5. *Паршукова Г. Б. Формирование профессиональной и общекультурной компетенции обещающихся как становления культурного кода // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – №6. – С. 105-108.*
6. *Трошкина И. Н. Семейные ценности: категория, структура // Философская мысль. – 2022. – № 12. С. 1-9.*
7. *Экономика России: учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. В. Сидорович [и др.]; под редакцией А. В. Сидоровича. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2021. 576 с.*

БРЕЙНРОТ: СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ?

Клевенский Михаил Сергеевич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

научному руководителю канд. полит. наук Каневскому П. С., д-р. социол. наук Смирнову В. А., руководству Социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Несмотря на то, что первое упоминание термина «brain rot» (буквально на русском: гниение мозга; далее брейнрот) датируется 1854 г. и связано больше с описанием абстрактного процесса умственного упадка общества и обесценивания идей, насыщенных сложным или контекстуальным наполнением [1], чем с современной мемной Интернет-

культурой, тем не менее, можно утверждать, что именно в 2023 г. данный термин стал широко известен как синоним цифровой умственной усталости и бессмысленного, деградирующего контента, закрепив свое официальное право на широкую известность лишь год спустя, в 2024-м. [2].

Брейнрот как новый социальный феномен поднимает перед социологами вопросы об угрозе массовой культуре: может ли в действительности чрезмерное потребление абсурдного, поверхностного контента привести к явной деградации когнитивных и эмоциональных функций, особенно у несовершеннолетних лиц? Является ли брейнрот следствием усложнения социальной организации современного общества, а значит, своего рода естественным желанием его аудитории обратиться к медиапродуктам, не требующим каких-либо затрат или усилий в процессе его потребления? Эти и другие вопросы, могут быть рассмотрены в формате дебатов: анализа аргументов «за» и «против» брейнрота.

Среди аргументов, подтверждающих гипотезу о том, что брейнрот является своего рода «смертью» или «убийцей» современной массовой культуры, могут быть предложены следующие. Во-первых, обращаясь к теории «социального научения» А. Бандуры и, в частности, апеллируя к термину «викарное научение» [3], можно предположить, что, как и другие продукты культуры, вирусные ролики в стиле брейнрот могут стать эффективным материалом, на основании которого зрители будут усваивать деструктивные паттерны поведения, связанные с сексуальным насилием, употреблением наркотических веществ и т.п. Однако, даже обращаясь к упомянутой научной теории, нельзя не утверждать, что ее выводы могут быть излишне преувеличенными: подобные кейсы периодически имеют место быть в сфере видеоигр, когда лидеры мнений склонны преувеличивать негативное влияние, оказываемое, например, Doom или GTA [4]. Во-вторых, потенциально брейнрот может не только пропагандировать деструктивные паттерны поведения, но и привести зрителей к состоянию эмоциональной пустоты: шокирующие ролики, демонстрирующие открыто сцены в стиле гор, могут стать причиной снижения эмоционального интеллекта у зрителей, регулярно потребляющих подобного рода контент [5]. И, в-третьих, учитывая тот факт, что данный контент нередко активно продвигается алгоритмами в социальных сетях и, более того, может производится нейросетями без прямого участия человека, то такое может стать основанием для научного доказательства теории «Мертвого Интернета» [6].

С другой стороны, среди аргументов, опровергающих описанную нами гипотезу, можно перечислить следующие. Во-первых, брейнрот не обязательно должен означать именно упадок массовой культуры: наоборот, через свою абсурдность и жестокость, как и фильмы категории В, ставшие частью культуры грайндхаус [7], подобные ролики могут представлять собой оригинальную сатиру на современное общество, новый способ выражения (посредством технологий ИИ) социального протеста. Во-вторых, приведенный аргумент позволяет предполагать, что брейнрот может стать началом технологической революции в создании видео в генеративных нейросетях: в перспективе короткие ролики, сгенерированные нейросетями, могут стать полноценными полнометражными фильмами / мультфильмами, что значительно упростит процесс кинопроизводства, тем самым, позволив режиссерам больше сфокусироваться на решение драматургических задач, чем технических [8]. И в-третьих, учитывая присутствие монетизации на современных платформах вроде YouTube, можно предположить, что создание подобных роликов станет альтернативным вариантом подработки для школьников, студентов и т.п. [9].

Таким образом, представленные аргументы в формате «за» и «против» должны были четко передать дискуссионный характер вопроса о том, как распространение brainrot изменит массовую культуру в грядущей перспективе. Не исключая его как негативных,

так и позитивных последствий, важно понимать, что технологии ИИ не имеют в чистом виде эмоционального наполнения: все зависит от того, как современное общество ими распорядится.

1. *Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу. М.: Эксмо, 2024. – 352 с.*
2. *'Brain rot' named Oxford Word of the Year 2024 // OXFORD [Электронный ресурс]. URL: https://corp.oup.com/news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/ (Дата обращения: 03.10.25).*
3. *Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 200. С. 41-49.*
4. *Кушнер Д. Потрачено. Беспредельная история GTA / Дэвид Кушнер; [перевод с английского М.В. Бочарова]. – М.: Эксмо, 2020. С. 135-139.*
5. *Ежков А. Психопатология и пустота. Клинический разбор // PSY4PSY [Электронный ресурс]. URL: https://psy4psy.ru/psychiatology_and_emptiness (Дата обращения: 03.10.25).*
6. *Placido D.D. The Dead Internet Theory, Explained // Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.com/sites/danidiplacido/2024/01/16/the-dead-internet-theory-explained/ (Дата обращения: 03.10.25).*
7. *Павлов А. Понятие «грайндхаус» в Cinema Studies // ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.org/video/47208 (Дата обращения: 03.10.25).*
8. *Годымчук М. Нейросеть создала мультфильм про Беловежскую пущу // IMI [Электронный ресурс]. URL: https://imigo.ai/ru/media/ai-belovezhskaya-pushcha (Дата обращения: 03.10.25).*
9. *Ruwitch J. 'AI slop' videos may be annoying, but they're racking up views – and ad money // npr [Электронный ресурс]. IRL: https://www.npr.org/2025/08/28/nx-s1-5493485/ai-slop-videos-youtube-tiktok (Дата обращения: 03.10.25).*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ПАНКА

Лазько Артем Андреевич
(СПбГУ)

Музыка. Центровой точкой формирования панковского движения являлась музыка. Но если мы берем современно состояние, в первой главе мной был проведен некий анализ появления панка. В данный момент он представляется иначе. Безусловно, такие группы как «Sex Pistols», «Ramones», имеют значение среди панков, однако грань в музыке стерлась.

Исходя из изученного материал, наблюдения, интервью как таковых известных коллективов среди представителей панков в Санкт-Петербурге – нет. Ключевое отличие стало то, что музыка до сих пор объединяет людей, однако общего жанра нет.

Первый панк-концерт, посещенный мной, показал мне то, что панк-музыка в данный момент не имеет четких границ. Как выразился один из лидеров группы «Состав Человека»: «Панк сейчас – это про свободу выражения». То есть, возвращаясь к началу формирования панк-движения музыка была способ протеста, несогласия, то сейчас она больше является способом показать свое я, себя.

Если разбирать саму музыка, она представляет собой смесь тяжелой грубой музыки, не имеющей какой-то общей структуры, а порой и внятного смысла.

Тут присутствуют важный момент, который можно наблюдать, панк становится примером маскарада, временно отхода от реальности, от привычной колеи. Большинство людей, приходящих на концерты, не волнует, что будет играть, можно даже провести эксперимент по этому поводу, повесить табличку «Панк-Концерт» и не важно что будет играть, придут те, кто считает себя панком, кто хочет отдохнуть от привычной рутины. Границы стираются, если возвращаться в прошлое вокруг музыкальных групп формировались движения, в дискурсе панка формировались отдельные группы,

объединенные вокруг одной конкретной группы. Условно, ранее было сообщество панков, фанатеющих только от «Короля и Шута», не собирающихся разбираться в других группах.

В 1970-х годы та же группы «Sex Pistols» была одним из центров формирования панк движения, однако малое количество людей сейчас, называющих себя панками имеют представления о ней.

И тут прорисовывается интересный момент, можно выделить некоторых участников поля панка на основании музыки. На данный момент большинство участников дискурсивного поля панка – являются «активисты», «попутчики», «приверженцы». Причем, чем это характерно, на основании моей попытки проникнуть в это поле, я не встретил никакого сопротивления, не было не преград, не претензий. Наоборот, у меня получилось быстро примкнуть к данному сообществу. Как это связано с музыкой? Как раннее в первой главе была описана иерархия дискурсивного поля, на которую я, собственно, опираюсь, ранее музыкальные группы играли значительное влияние в формирование панк-движения, можно их пометить как «основоположников традиции», однако в данный момент их значимость упала. Подавляющая большинство панков, увиденных мной в Санкт-Петербурге причислены мной к «приверженцам», так как они участвуют в функционирования поля, однако никаких мер по расширению не предпринимают. Новые музыкальные коллективы уже не воспринимаются как лидеры, ни одну я не могу назвать «лидером-интерпретатором». Свою роль они теряют, и те немногие «активисты», которые пытаются расширить поле, не ничего нового не привносят, что приводит меня к следующему выводу: панк в данный момент теряет свои корни, с точки зрения музыки, а новые группы не могут добиться популярности, и даже те, которые мелькают ярко в поле панка не привносят ничего нового и не являются «лидерами», а скорее «активистами», своей энергией поддерживающих жизнь поля и привлекая новых сторонников. Ввиду того что музыкальный аспект панк находится в состояние расплывчивости, нет конкретной тематики, поют обо всем и ни о чем. Нет общей идеи.

Все это меня приводит к мысли о том, что панк-музыка становится расплывается, что напрямую отражается на границах поля. Нет общей структуры, нет границ. Мне понадобилось прийти на концерт и этого хватило, чтобы влиться, как минимум стать «попутчиком».

Главный вывод – растирания границ музыки, приводит к тому, что теперь для вхождения поле панка ничего не нужно. Назовись и вперед с песней.

К чему еще приводит стирания данных граней? Прежде всего к появление новых «лидеров», музыкальный аспект уходит на второй план и теперь главными становятся владельцы музыкальных площадок. Они продвигают различные идеи, и что примечательно, большинство панков перестало смотреть на название групп, все смотрят только на афишу. Есть слово панк – значит идем.

На данный момент, наблюдается спад к конфронтации. Отношение к другим жанром не имеет значения, так как и сам панк-рок потерял какую-то свою идентичность. В рамках интервью и исходя из разговоров с участниками панк движения сформировалась точка зрения – никто не имеет общего понятия что такое панк-рок, и в целом не имеет значения. Панк-музыка – это та, которую так называют, что примечательно это привело к потере конфронтации с другими субкультурами, с другими музыкальными жанрами. Чем это интересно? Потеря конфликта – стирание границ. Теперь на панк-сцене могут петь кто угодно, что в свою очередь приводит увеличению «попутчиков», однако в свою очередь наблюдается стирание идей, жанров, каких-то уникальных отличий, которые были заданы «основоположниками традиций».

Важно отметить музыка играло ранее ключевое значение, а теперь нет.

Стоит упомянуть также различные движения, танцы. Некоторые манеры движения и танцевальные стили, которые ассоциируются с панк-культурой:

• Пого-дансинг. Танцоры подпрыгивают вверх-вниз, оставаясь на месте или двигаясь по кругу. В распространённой версии танца человек держит туловище напряжённым, руки неподвижными, а ноги близко друг к другу.

• Мошинг или слэмдансинг. Участники толкают или врезаются друг в друга, обычно во время живого музыкального шоу. Обычно этот стиль ассоциируется с «агрессивными» музыкальными жанрами, такими как хардкор-панк и трэш-метал.

• Хедбэнгинг. Танец, основой которого является сильная тряска головой в такт музыке.

• Skanking. Мягкая и относительно бесконтактная разновидность слэма, которая традиционно имеет место на ска-панк-концертах. Поднимается левая нога, а вместе с ней правая рука, и наоборот, чередуя.

Каждый из вышеназванных движений существует и сейчас, активно используется на панк-концертах, это важно на самом деле, не смотря на стирание границ в музыке. «Активисты» активно продвигают определенные движения характерные для панков. Что тут важно? Подобные практики способствуют сохранению некоторой направленности музыки. Да, выше я писал о том, что выступать может кто угодно, но, главное, что делают панки на концерте – это танцы (не считая распитие пива), что получается данные способы проведения времени, поддерживают сохранения панк-музыки, как прежде всего тяжелой и взрывной гармонии произведений, исполняемых на концертах.

И тут ключевой момент. Какая группа выступает, собственно, не важно, но единственное разделение, которое происходит это именно разбивка на жанры. Условно хард-панк, дед-панк и так далее. Примечательного отличия нет, кроме ска-панка (уникальное явление), но, это помогает подчеркивать некие границы уже внутри дискурсивного поля.

Музыка стирает границы для входа в панк, однако ввиду разнообразия жанров уже панк композиций, формируются уже отдельные границы внутри поля. Это важно подчеркнуть.

Для того чтобы это обнаружить, будущим исследователям этого вопроса я советую сразу попытаться попасть в это сообщество, выйти из «попутчиков» и стать как минимум «приверженцем», иначе это просто будет незаметно.

На данном этапе отмечу, что нет каких-то конкретных музыкальных групп, есть именно жанры, в рамках которых формируются группы панков.

Дальнейший аспект, который стоит разобрать это место сбора. Доступность к панк-сцене заметно выросла, для того чтобы в живую прочувствовать достаточно лишь посмотреть афишу и сходить на концерт, большего и не требуется. Музыка приобрела больший масштаб распространения, ранее доступ к ней был гораздо сложнее, в меру и ограниченности технологий, а также закрытости сообщества панков, сложнее было иметь доступ к материалу для изучения. На этот счет у меня есть гипотеза: «В следствии трудности получения доступа к музыке панка, формировались определенные «лидеры», которые становились таковыми только в результате большего распространения производимого материала».

Безусловно также играет роль того, что качество контента упало, каждый может быть музыкантом. Не стоит приравнивать это только к панку, сейчас каждый может петь, танцевать, играть на инструментах, не имея при этом никаких должных навыков. Пример! Можно записать свой песню даже на ноутбуке, не готовясь, не тренируя голос. Именно

падение качество музыки в целом, формирует огромное количество предложение на различных стриминговых площадках, социальных сетях.

Музыка потеряло свое значение как центр объединения, а стала именно способ организации времяпровождения. И это очень важное изменение во всем дискурсе панков.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ

Ли Мэнтин
(СПбГУ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются этапы развития и изменения современных китайских виртуальных сообществ в пространстве Интернета. Опираясь на три этапа эволюции Интернет, в статье обобщены исследования китайских социологов в области развития виртуальных сообществ и сделан вывод о том, что развитие китайских виртуальных сообществ происходит параллельно с процессом эволюции Интернета.

Ключевые слова: виртуальные сообщества, китайский интернет, цифровое пространство, социальные медиа

С начала популяризации Интернета и до наших дней виртуальные сообщества в Китае переживают ряд трансформаций. Эти изменения неотделимы от развития Интернета и изменений в киберпространстве. Согласно традиционным исследованиям в области Интернета, развитие Интернета можно условно разделить на эпоху Web 1.0, эпоху Web 2.0 и эпоху Web 3.0 и более поздние эпохи [1, 145]. Основываясь на трех этапах развития Интернета, в данной статье обобщаются взгляды китайских исследователей, которые в целом делят развитие китайских виртуальных сообществ на три этапа.

Эпоха Интернета Web 1.0 представляла собой статическую страницу, первый этап развития Всемирной паутины, где основной контент по-прежнему зависел от производства платформ. В данный период развитие виртуальных сообществ в Китае было в основном относительно спонтанным и естественным процессом. Первое поколение Интернета (Web 1.0) в Китае представляло собой Интернет для персональных компьютеров (personal computer, PC), который появился около 1994 года и повысил эффективность передачи информации, а также упростил ее получение [5, 70]. Его преимуществом была возможность эффективной передачи информации, благодаря чему на этом этапе получили широкое распространение такие приложения, как сетевые новости, онлайн-поиск, электронная почта, мгновенные сообщения, электронная коммерция и веб-игры, а пользователи Интернета быстро объединились в единую сеть. В эпоху Web 1.0 пользователи в основном были пассивными получателями контента в Интернете и редко принимали активное участие в его создании. В этот период главную роль играют китайские интернет-компании, в том числе Sina, Sohu, NetEase, Tencent, Baidu, Alibaba, Jingdong и т.д. [6, 25]. Основной формой в Интернете был традиционный статический веб-сайт, который можно было использовать для чтения и публикации информации [3, 25]. Из-за низкого уровня участия пользователей и недостаточной власти над производством и распространением контента традиционные виртуальные сообщества в основном децентрализованы или сосредоточены вокруг нескольких лидеров общественного мнения [2, 117].

В конце эпохи Web 2.0 границы между платформами были разрушены, и в сообществах, и между сообществами появилось прямое взаимодействие по принципу «человек-человек», что активизировало у большего числа людей желание общения, самовыражения и творчества. В эпоху Web 2.0 пользователи могут создавать собственный контент в Интернете, но трафик и распределение выгоды контролируются различными интернет-гигантами, и трудно гарантировать конфиденциальность и безопасность. Блоги, подкасты и другие сообщества облегчают общение и взаимодействие между людьми, а также обогащают внутреннюю и внешнюю коммуникацию в сообществе. Эти платформы позволяют пользователям самостоятельно создавать, публиковать, комментировать и поделиться блог-посты, а также отправлять друг другу личные сообщения. Иными словами, на данном этапе взаимодействие в сетевом пространстве становится более многообразным, социальные медиа-платформы быстро развиваются, а социальные отношения и социальные сети в Интернете становятся более разнообразными и сложными. Популярность интернета растет, и все больше людей участвуют в создании виртуальных сообществ в сетевом пространстве. Эти пользователи представляют разные сферы деятельности, имеют разные профессии и относятся к разным возрастным группам. Как отмечают Гао Юньхун и Чжэн Чжунъюй, на данном этапе виртуальные сообщества в сетевом пространстве больше не являются единым сообществом, а представляют собой совокупность социальных сетей, ориентированных на отдельных лиц, и каждый человек может создавать свою собственную социальную сеть в соответствии со своими потребностями [2, 118].

Третье поколение Интернета (Web 3.0) представляет собой радикально децентрализованный Интернет, нацеленный на создание совершенно новой системы контрактов и изменение способов достижения соглашений между людьми и организациями [5, 72]. Пользователи действительно могут владеть своими собственными данными, а транзакции защищены технологией шифрования. Иначе говоря, в эпоху Web3.0 пользователи станут настоящими создателями и строителями Интернета, а информация и активы данных, созданные пользователями, станут их собственностью. Таким образом, в рамках модели, которая объединяет виртуальный и реальный миры, сочетая управление с самоорганизацией, внутренняя ценность сообщества привлекает членов к участию в управлении. Во-вторых, последовательно появляются Weibo, WeChat, Douyin (Tik Tok), Kuaishou и другие интеллектуальные платформы, стирающие границы между онлайном и оффлайном, между виртуальным и реальным, максимально стимулирующие стремление публики к самовыражению, а виртуальные сообщества в киберпространстве превратились, по выражению Ло Чжэнлинь, в сцену для выступлений каждого желающего продемонстрировать свою жизнь [5, 79]. Кроме того, в эпоху Web 3.0 ИИ (Искусственный интеллект) способствовал формированию более интеллектуального и эффективного Интернета [4, 26]. Применение персонализированных интеллектуальных технологий позволяет в полной мере использовать регулятивный потенциал интеллектуальных медиа, обеспечивая виртуальным сообществам на интернет-платформах более стабильную и одновременно гибкую культурную структуру. В результате на этом этапе возникла новая модель взаимодействия «человек-машина-человек», в которой ИИ собирает контент, публикует сообщения, анализирует поведение и предпочтения пользователей в сетевом пространстве, рекомендует персонализированный контент и услуги и даже может самостоятельно создавать контент. ИИ наделяет виртуальные персонажи Web 3.0 интеллектуальными возможностями, которые позволяют им взаимодействовать с пользователями более естественным и понятным образом. К ним относятся такие функции, как чат-боты, распознавание голоса и

интеллектуальное заполнение форм [6, 27]. Например, боты-комментаторы в Weibo, боты-чаты в QQ, боты-ответчики в Baidu и так далее.

В целом, развитие китайских виртуальных сообществ в цифровом пространстве происходило практически синхронно с развитием Интернета. От раннего статичного веб-контента до среднесрочного взаимодействия «человек-человек», китайский Интернет добился усовершенствования социальных сетей и обновил модель социального взаимодействия между виртуальными сообществами. Онлайновое и офлайновое взаимодействие также стало более тесным, а программное обеспечение коммерческого характера, такое как DiDi, Meituan и Taobao, также стремительно развивается, что приводит к росту транзакционного поведения в виртуальных сообществах. Благодаря появлению искусственного интеллекта в интернет-пространстве, новое взаимодействие между человеком и машиной стало новой парадигмой, а сообщества стали более открытыми и интеллектуальными.

1. *Ван Чжиюй. Исследование механизма виртуально-реального интеграционного сообщества в перспективе Web3.0 // Электроника Шаньси. 2024. № 6. С. 114-117.*
2. *Гао Юньхун, Чжэн Чжунъюй. Виртуализированные сообщества и виртуальные сообщества: преодоление дуалистического подхода к виртуальному и реальному // Новые горизонты. 2021. № 4. С. 115-120.*
3. *Жук М. М. Эволюция концепции развития интернет-технологий при переходе от Web 2.0 к Web 3.0// Актуальные вопросы современной науки и образования. 2022. С. 23-30.*
4. *Конева А. В., Лисенкова А. А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности// Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14-28.*
5. *Ло Чжэнлинь. Распределение пространственности и аффективности: расширение киберпространства и формирование онлайн-сообществ/сетевых общностей// Журнал Шаньсийского университета (издание по философии и социальным наукам). 2022. № 4. С. 65–82.*
6. *Сунь Вэй, Чжан Цици. Восход интеллигенции: трансформация платформы Web 3.0 – и посредственность вычислительных измерений// Современное издательство. 2025. № 1. С. 20-29.*

МЕДИАИСКУССТВО В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Марьина Людмила Петровна
(СПбГУ)

Аннотация. Исследование посвящено процессу трансформации и цифровизации искусства, репрезентации его объектов в массмедиа и выстраиванию коммуникационного процесса с аудиторией с помощью информационно-коммуникационных платформ. Связи между «классическим» и «новым» подходами к созданию культурных объектов, их социокультурная динамика анализируются, прежде всего, на примере городской культуры Санкт-Петербурга

Ключевые слова: диджитал-проекты, культурная индустрия, лайф-трансляции, медиатизация, мультимедийные технологии.

Современное искусство давно перешагнуло порог традиционных возможностей, а современные художники и творцы расширили свой арсенал средств, который необходим им для осмысления реалий современности. Уже далеко не всегда художник использует кисть и холст для создания своих шедевров. Изменились технологии, возникли так

называемые культурные индустрии, появились новые веяния моды и изменилось само понятие искусства. Цифровизация и медиатизация трансформировали культурные коммуникации общества. Отметим, что сегодня технологии играют роль не только средства самовыражения, но и привносят в произведение искусства новые смыслы.

Объект нашего исследования: медиаискусство в городской культуре мегаполиса.

Предмет – технологии репрезентации объектов медиаискусства в условиях цифрового общества.

Теоретической базой исследования стали работы российских и зарубежных исследователей в области специализированной и досуговой журналистики (статьи Автаевой Н. О., Горловой Е. В., Дускаевой Л. Р., Зинина Р. В., Надыршиной А. А., Сергеевой Т. С., Цветовой Н. С., Щеровой М. С.), теории и истории искусства (труды Азизян И. А., Бунаковой М. Н., Выготского Л. С., Демшиной А. Ю., Дриги А. А., Ермоленко Г. А., Кожевникова С. Б., Козаевой А. У., Луниной Л., Максуновой А. А., Мирошниченко Ю. П.), культурологии (труды Адорно Т., Багдасарьян Н. Г., Казаковой Г. М., Мареевой Е. В., Маргузе Г., Минакова И. П., Тросби Д., Хановой Р. В., Хоркхаймер М. и др.), новых информационных технологий (труды Андреевой В. А., Бунаковой М. Н., Демшиной А. Ю., Ермоленко Г. А., Кожевникова С. Б., Козаевой А. У., Луниной Л., Флиера А. Я., теории журналистики и массовых коммуникаций (Блохина И. Н., Гавры Д. П., Ильченко С. Н.).

Можно считать, что, в связи с процессом цифровизации, традиционная культура постепенно превращается в культуру «реальной виртуальности». Особенно заметно это стало по прошествии 2020 года, когда человечество было вынуждено изолироваться в условиях глобальной пандемии. Вовлечение зрителя в культурную жизнь сильно осложнилось, так как очное посещение всевозможных концертов, выставок, театральных и концертных представлений оказалось под запретом. В результате произошла вынужденная виртуализация, значительно повлиявшая на процесс общей цифровизации искусства. Итоги ушедшего года позволяют резюмировать, что искусство действительно нуждается в подобном преобразовании – не из-за устаревания прежних форм создания, хранения и распространения арт-объектов, а ради надёжного и доступного запечатления для будущих поколений. Помимо всего прочего, цифровизация искусства позволяет открывать новые возможности его развития, образования новых жанров. С середины XX века наиболее востребованными становятся формы искусства и арт-объекты, связанные с новейшими технологиями. И это неудивительно: цифровые технологии, в первую очередь, осмысляются человечеством как коммуникативные [1, с. 97]. В данном контексте основные черты культурных индустрий – это массовость и стандартизированность. Такое определение современной культурной индустрии позволяют считать её связующим звеном между искусством (творчеством любого рода) и реальной жизнью, обществом, рынком [2, с. 14].

Технологические новшества, влияние моды и геополитической ситуации – всё это сформировало тот путь, преодоление которого позволило искусству стать неотъемлемой частью нашей повседневной цифровой действительности. Как и тысячу лет тому назад, сегодня искусство продолжает говорить со зрителем на языке своего времени о самом главном. И если это породило явление культурной индустрии, главной задачей которой стали развлекательная и рекреационная функции, а объекты искусства в угоду потребителю становятся массовыми и несут уже совсем иную культурологическую ценность – это важный этап, в первую очередь раскрывающий суть современного общества потребления.

Важную роль при этом играют медиа любого плана, которые предоставляют трибуну для современного искусства – от печатных до цифровых платформ. Они позволяют творцам и художникам свободно экспериментировать с материалами, художественными образами и формами, в результате чего рождаются совершенно новые, уникальные течения современного искусства. Однако современные технологии позволяют не только добиваться новых форм и направлений в искусстве, но и получать благодаря синтезу этих двух структур большую прибыль и в других сферах современной индустрии культуры.

Медиаискусство активно проникает в урбанистическую архитектуру. Например, дома с интерактивными фасадами, которые меняют облик в зависимости от времени суток и погоды, привлекая внимание прохожих. Одним из самых известных подобных объектов стал 10-этажный магазин Chanel, открытый в 2006 году в Токио.

Медиаискусство востребовано также и в дизайне интерьеров, выставок и рекламе. Компания Art + Com Studios из Берлина создаёт кинетические скульптуры, которыми управляют специально настроенные компьютерные программы. Кинетическая скульптура Kinetic Rain, например, установлена в аэропорту Шанхая и представляет собой дождь из металлических капель, непрерывно двигающихся под музыку. Это завораживающее зрелище тоже стало весьма востребованным среди тысяч посетителей аэровокзала, ежедневно проходящих через его двери, и принесло месту особую популярность.

В сентябре 2025 года в рамках XVI Международного театрального фестиваля «Александринский» в Санкт-Петербурге состоялся первый масштабный фестиваль медиаискусства «Digital Rain». В течение трёх дней Александринский театр в буквальном смысле заиграл новыми красками. На площади Островского проходило впечатляющее световое шоу, в ходе которого на фасад здания Исторической сцены Национального драматического театра России (Александринский) с помощью технологии 3D-мэппинга транслировались анимации под музыку и звуковое сопровождение. Посетители фестиваля не только наслаждались игрой света и цвета, но и смогли познакомиться с историческими событиями, оживавшими в проекциях. Художники и технические специалисты фестиваля создали не просто визуальное представление, а настоящие световые шедевры, которые заставляли задуматься о взаимодействии искусства и технологий, а также о важности сохранения культурного наследия. Это мероприятие стало ярким примером синтеза современного цифрового искусства и традиционной архитектуры города, привлекая внимание как горожан, так и гостей Санкт-Петербурга.

Современный театр наряду с использованием динамической и игровой сценографии активно применяет разнообразные мультимедийные приёмы – лайф-трансляции, проекционные плоскости, комбинированные съемки. В данном контексте актуален спектакль режиссера Антона Оконешникова «Руслан и Людмила», который представляет экспериментальное решение постановки классической поэмы Александра Сергеевича Пушкина на сцене Александринского театра [3, с. 29-37].

Внедрение новых технологий дополненной и виртуальной реальности придает привлекательность и удобство для зрителей, расширяя возможности культурного пространства с помощью таких инновационных технологий: сенсорные экраны и сенсорные панели, бесконтактные интерактивные системы, интерактивные симуляторы – «интерактивная песочница», созданная на основе сочетания песка и проекционных технологий, электронный этикетаж с применением QR-кода, виртуальная реальность (VR-формат), дополненная реальность (AR-формат), жестовые и сенсорные игры, интерактивный мультимедийный макет.

Сегодня СМИ, публикуя на своих страницах арт-объекты, популяризируют культурную индустрию, помогают художникам обрести своего зрителя. Мы обратились к современным диджитал-проектам, появившимся в период пандемии в качестве альтернативы привычных способов взаимодействия аудитории и культурной индустрии. Геополитическая ситуация простимулировала переход искусства в цифровое пространство, в результате чего на свет появилось множество креативных проектов, направленных как на индивидуальную помощь самим художникам, так и на популяризацию музеев мира, симфонических оркестров, картинных галерей, театров. Это уникальная ситуация, когда медиа, технологии и искусство объединились ради создания общих информационных продуктов, ставших крайне актуальными и востребованными в текущий период.

Изучив произведения современных художников, нам удалось выявить неоспоримую связь медиаискусства с полем социального дискурса и массмедиа. Актуальная действительность вовлекает искусство в коммуникационные процессы, делая его всё более социально ориентированным. Искусство и технологии взаимно интегрируются, отражая современную картину мира и говоря со зрителем на одном языке.

1. *Бунакова М. Н. Диджитализация оперного искусства: цифровые практики и виртуальные режимы бытования классической оперы // Вестник культуры и искусств. №4. Челябинск, 2020. С. 97.*
2. *Казакова Г. М. Культурный капитал, культурные индустрии и индустрии культуры: понятийные поиски // Вестник Томского государственного университета. №37. Томск, 2020. С. 14.*
3. *Марьина Л. П., Кочергина Е. С. Новые горизонты театра: цифровые практики и их значение для современного театрального искусства//Управление культурой, Екатеринбург, 2025, №1, с. 29-37.*
4. *URL: https://managing-culture.eaca.ru/files/213/8ec063c82287432f3a46071e22b50b09/Managing_of_Culture_2025_01.pdf*

НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЕРЫ: ОТ ГОРОДА К ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Матковская Дарья Максимовна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Настоящее исследование ставит своей задачей рассмотреть динамику изменения форм религиозности в контексте изменения особенностей структуры социальных взаимодействий в процессе цифровизации общественных отношений. Через осмысление происхождения религии и ее особенностей на примере трудов классиков социологии выводятся ключевые следствия для института религии, происходящие при утрате единства коммуникативного и физического взаимодействия между людьми.

Ключевые слова: религия, виртуальное пространство, городская культура, социология религии, цифровая трансформация.

Религиозные практики, культы, объединения сопутствуют людям с древнейших времен. Зарождение феномена религии, рассматриваемого в качестве веры в сверхъестественные начала, имеет отправной точкой эпоху палеолита, когда появляется первый человек, ставший впоследствии творцом религии. Элиаде Мирча говорит, что прототипами более зрелых религиозных учений могло быть как убийство дичи для пропитания («травля и убийство диких зверей привели к созданию уникальной системы отношений между охотником и его жертвой» [4, 11]), так и известные «рисунки на гальке,

наскальная живопись и рельефы» [4, 12]. Исследователь также допускает мысль, что сами орудия наделялись сакральным смыслом, давая простор для воображаемых сюжетов, переходящих в целостный религиозный культ, который на внутреннем уровне способствовал коллективизации членов общины.

Со временем религия претерпевала изменения, стараясь поспеть за развитием технологий, однако не теряла актуальности для исследователей даже в период распространения теорий секуляризации, когда в интеллектуальной среде зрел ее конец как весомого элемента человеческой духовности.

В сегодняшнем дне традиционные формы городской культуры вынуждено сталкиваются с информационным пространством, которое создает платформы виртуальной реальности, меняющие и затрагивающие священную суть форм религиозной коллективности, трансформируя природу священного и подрывая определенную форму солидарности.

Фердинанд Тённис в работе «Общность и общество» обращает внимание, что город – не просто место для жизни людей, а целостная система, соединяющая в себе духовную и культурную составляющие, которые помогают поддерживать порядок и гармонию в человеческих взаимоотношениях. Рассматривая важность и функционал религии, исследователь говорит, что в городской среде боги выступают одними из главных регулировщиков человеческих поступков, показывая своей сущностью цену добру, справедливости, мудрости: «город же вновь делает богов более близкими, создавая их изображения и ежедневно вглядываясь в их черты» [3, 60]. Именно в городе «идея религии впервые получает свое завершение» [3, 60], так как служители культов имеют своей целью распространение исповедуемых идей на обширной территории и установление большего единения и взаимопонимания среди горожан. Обращаясь к Элиаде, можно добавить, что изначально города некоторых древних народов строились на том месте, где было священное место, куда приносили требы и где производились молитвы [4, 66]. Сам город в изначальной историко-религиозной концепции может рассматриваться как разросшийся храм, представший в новом виде.

Эмиль Дюркгейм рассматривал религию как инструмент для поддержания социальной сплоченности и установления мирного сосуществования индивидов в обществе. Городское пространство дает возможность для широкого распространения разнообразных религиозных идей, обеспечивая возможность кооперации людей, проведения совместных ритуалов, помогая укрепить коллективную солидарность и моральную сплоченность через принадлежность к определенной группе: «существуют обряды без богов <…>, религия выходит за рамки идеи богов или духов <…>, она не может определяться только отношением к ним» [1, 78]. Одной из центральных идей Дюркгейма является идея о разделении мира на профанную и сакральную части: «разделение мира на две области, одна из которых включает в себя все то, что священно, а другая – все то, что является профанным, – вот отличительная черта религиозного мышления» [1, 80]. Дихотомия сакрального и профанного проявляется в корреляции с разделением на индивидуальное и коллективное. Социолог видел связь между коллективным, отражающимся в городе, и сакральным, тем, что имеет статус прочно устоявшейся на протяжении веков духовности.

Георг Зиммель рассматривал религию не как сухую совокупность определенных правил и догм, а как динамический процесс, в рамках которого важную роль играет эмоциональное состояние конкретного человека. Через интегрированность в религиозную систему индивид не только приобщается к определенным знаниям духовной направленности, но и глубоко переживает личный опыт, стремясь к познанию и

составлению целостности своего мироощущения: «религия есть лишь разновидность субъективного поведения» [2, 330]. Теория Зиммеля основывается не на стандартном понимании религии как части духовной культуры, а на рассмотрении ее как элемента, присутствующего и оказывающего влияние на многие аспекты жизни, из которых она в то же время может вытекать: «Я не думаю, что религиозные чувства и импульсы выражаются только в религии, более того, полагаю, что они выражаются во множестве связей, как некий элемент, действующий при самых разных обстоятельствах» [2, 343]. Социолог говорит, что религия может являться продуктом усовершенствовавшихся и перешедших в новую форму бытия через коллективизм и чувство зависимости индивида от определенной социальной общности социальных связей: «категория религиозности может стать формой социальных связей, созданной благодаря удивительному сходству, существующему между отношением индивидуума к божеству и его отношением к социальной общности» [2, 286].

С переходом на постиндустриальный этап развития общества стали изменяться формы реализации духовных практик. Если опираться на терминологию Эмиля Дюркгейма, можно сказать, что происходит размытие границ между профанным и сакральным. Переход в онлайн среду характерен усилением индивидуализации или подрывом коллективности. Если раньше духовная составляющая способствовала сплочению и коллективизации, то с развитием новых технологий люди стали делать упор на индивидуальность и единоличное сосредоточение на религии, так как теперь необязательно приходить на церковную службу, участвовать в традиционных ритуалах и даже ставить парафиновые свечи, так как это можно сделать в онлайн формате через видеотрансляцию и приобщиться к определенному таинству через экран ноутбука, сидя дома. С другой стороны, частичный переход религии в виртуальное пространство, наоборот, продолжает способствовать сплочению людей: теперь последователи национальных религий и малочисленных родоплеменных культов могут легко найти единомышленников в сети Internet и вступить в группы в социальных сетях, посвященные их религиозной традиции, образуя социальную солидарность, но в видоизмененном электронном формате.

Обобщая, можно сказать, что онлайн формат не мешает религии выполнять свои основные функции, наиболее важные из которых – компенсаторная и воспитательная; правда, и здесь есть нюанс, выражающийся в возможном ослаблении сути ритуального единения за счет физического разъединения, нахождения по отдельности участников, что может подрывать исполнение функции социализации, так как непосредственный контакт никогда не сможет быть приравнен к виртуальному. Таким образом, виртуальные сообщества предоставляют широкие возможности для выражения религиозных чувств, давая возможность сделать это тем способом, который наиболее удобен для человека и в рамках которого человек будет находится в обстановке, не дестабилизирующей его эмоционального состояния, однако посредством цифрового восприятия религиозных составляющих увеличивается вероятность поверхностного восприятия сакрального, что значительно снижает эмоциональность экзистенциального переживания и может окончательно его обесценить.

Подводя итог: виртуальное пространство представляет весомую часть современной культурной реальности, в рамках которой религия продолжает выполнять функции интеграции, эмоциональной поддержки личности, а также функцию поддержания единства и причастности к группе, но реализует их по новым более актуальным законам, при этом не ограничивая и не урезая возможности проведения религиозных практик в их исконном, формате.

1. *Дюркгейм, Эмиль Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.*
2. *Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с. – (Серия «Книга света»).*
3. *Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии (перевод с немецкого Д. В. Кузницына).*
4. *Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиаде; Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2024. – 431с. – (Философские технологии: религиоведение).*

ТВОРЦЫ И УЧАСТНИКИ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: СОРЕВНОВАНИЕ ЛЮДЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ

Мемрук Маргарита Дмитриевна
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация роли человека в культурно-творческих процессах под влиянием цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ). Анализируется переход, где технологии выступают не просто инструментом, а активным участником. Ставится вопрос о том, является ли это сотрудничество или соревнование, и как это влияет на саму суть искусства и культуры.

Ключевые слова: культура, творчество, искусственный интеллект, цифровые технологии.

Введение. Кто такой творец в XXI веке? Все мы с детства привыкли к образу творца – художника, писателя, композитора – уникальной личности, которая из ничего создает нечто новое, руководствуясь вдохновением и мастерством. Однако цифровая эпоха серьезно внесла корректировки в эту устоявшуюся картину. Сегодня, чтобы создать впечатляющее изображение, написать текст или сочинить музыку, не обязательно годами оттачивать навыки. Достаточно иметь смартфон и доступ к интернету. Это порождает фундаментальный вопрос: кто в современном культурном процессе является творцом, а кто – лишь участником, использующим мощь алгоритмов? Мы наблюдаем своеобразное «соревнование» между человеческой креативностью и технологическими возможностями, которое на деле все чаще оказывается тесным сотрудничеством.

1. От инструмента к соавтору: эволюция технологий в культуре. Исторически технологии всегда были помощниками творца. Каменное зубило, печатный станок Гутенберга, фотокамера – все это были инструменты, расширявшие физические возможности человека, но не претендовавшие на творческую роль. Художник давал команду, инструмент ее исполнял. Ситуация кардинально изменилась с появлением искусственного интеллекта. Рассмотрим на примерах: Визуальное искусство: нейросети не просто обрабатывают изображения. Они генерируют совершенно новые работы на основе текстового описания. Здесь человек выступает не в роли художника, владеющего кистью, а в роли «творческого директора», который создает идею, выбирает слова, а затем дорабатывает наилучший результат из предложенных алгоритмом. Творец – это тандем «человек и искусственный интеллект». Музыка: многочисленные интернет-сервисы способны сочинять оригинальные музыкальные композиции в классическом стиле или саундтреки для художественных фильмов. Композитор может использовать нейросети как

источник идей или для аранжировки, экономя время и находя неожиданные гармонии. Литература: языковые модели, могут писать стихи, рассказы и сценарии. Задача человека здесь – задать четкую мысль, направление, тон, характер героев и, что самое важное, заниматься редактурой, исправляя логические нестыковки. Таким образом, технология эволюционировала от пассивного инструмента до активного соавтора. Она не просто исполняет, она предлагает свои, порой неожиданные, решения [1].

2. Соревнование или сотрудничество? На первый взгляд, кажется, что технологии вытесняют человека. «Зачем нанимать дизайнера, если нейросеть создать необходимую картинку за 5 секунд?» – подобные вопросы вызывают страх и сопротивление. Однако более продуктивно рассматривать этот процесс не как соревнование, а как взаимовыгодное сотрудничество, где сильные стороны человека и машины дополняют друг друга. Сильные стороны технологии: способность перебрать тысячи вариантов за секунды. Умение находить модели и закономерности во всем массиве мировой культуры. Сильные стороны человека: понимание сложных человеческих чувств, юмора, иронии, культурного контекста. Способность на неочевидные, «бредовые» озарения. Именно уникальный жизненный опыт человека является источником подлинного смысла в искусстве. · Критическое мышление и этика: Способность оценивать не только эстетику, но и моральные и социальные последствия творения. Искусственный интеллект может нарисовать миллион красивых закатов, но только человек может поделиться историей о том, как он смотрел на закат с любимым человеком, и наполнить это изображение глубоко личным смыслом. Технология генерирует форму, а человек – смысл [2].

3. Новая экосистема культуры: от творца к участнику. Цифровизация породила и новый класс участников культурного процесса. Социальные сети (Instagram (продукт компании Meta признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ), TikTok), стриминговые платформы (YouTube, Spotify) позволяют каждому человеку не только потреблять, но и активно формировать культурную среду. Мы создаем плейлисты, подборки смешных картинок, коллекции обоев, ведем блоги о книгах. В этом случае наша творческая роль – это роль критика, коллекционера, интерпретатора. Мы не создаем контент «с нуля», но мы придаем ему новую ценность, выстраивая связи и контексты. Алгоритмы рекомендаций этих платформ становятся нашими невидимыми партнерами в этом процессе, предлагая нам тот контент, который, по их расчетам, нам понравится.

Выводы. Соревнование между людьми и технологиями в культуре – это миф. Реальность гораздо интереснее: мы наблюдаем становление новой модели творчества, основанной на кооперации. Технологии берут на себя рутинную, объемную работу по генерации идей и вариантов, освобождая человека для наиболее высоких творческих задач – придания смысла, глубины, эмоционального наполнения и критической оценки. В будущем ценность будет заключаться не в умении технически безупречно нарисовать картину или написать текст, а в способности иметь уникальную идею, сформулировать ее для машины и отобрать тот результат, который резонирует с другими людьми. Творцом становится не тот, кто владеет кистью, а тот, кто владеет вниманием, смыслом и технологией.

1. *Выготский, Л. С., История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 359 с. – Серия: Антология мысли.*
2. *Макареня, А. А. Культуротворческая среда: статус, структура, функционирование. ТОГИРРО, 2016. – 68 с.*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ВУЗОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Меренков Анатолий Васильевич
(СПбГУ)

Хименес Кинтеро, Янекса М.
(Уральский федеральный университет)

Аннотацию. С целью выявления возможностей использования в российских вузах способов организации межкультурного взаимодействия студентов разных стран, рассматривается опыт решения этой задачи в Латинской Америке. Представлены методы, способствующие формированию уважительного отношения друг к другу, терпимости, открытости, стремления достигнуть взаимопонимания на занятиях, в свободное время.

Ключевые слова: студенты, межкультурная коммуникация, культурный плюрализм.

Обучение иностранных студентов в вузе характеризуется особенностями, оказывающими существенное влияние на их отношение к учебе, готовность и способность активно приобретать профессиональные знания на семинарах, практических занятиях в группе. Являясь представителями разных стран, они при коммуникации с однокурсниками демонстрируют различия в понимании содержания отдельных слов, высказываний, оценок, определяемые особенностями национальной культуры, уровнем владения языком, на котором ведется обучение, В разных вузах мира проводятся исследования, направленные на организацию межкультурного общения студентов, которое обеспечивает создание общей заинтересованности в успешном освоении учебной программы всеми обучающимися. В связи с этим, представляется значимым обращение к опыту работы вузов Латинской Америки.

С одной стороны, образование в большинстве случаев ведется на испанском языке, родным для многих представителей стран этого региона. С другой стороны, существуют национальные особенности культуры общения с преподавателями, теми, с кем учатся в группе. Проведенный нами анализ иностранных работ по данной теме показал следующее.

Исследователями отмечается, что взаимодействие между людьми с разным происхождением и культурой нередко порождает конфликты, которые вызваны «предполагаемой или фактической несовместимостью ценностей, ожиданий и целей субъектов взаимодействия. Межкультурные конфликты могут возникать между студентами, а также между преподавателем и обучающимся. Чаще всего они являются следствием культурного шока и возникновения языковых барьеров, нетерпимости и незнание чужой культуры, а также культурных различий в стилях общения» [1].

Конфликты могут доходить до ксенофобии, дискриминации, расизма, устаревших стереотипов, предрассудков или нечувствительных комментариев по поводу какой-либо культуры, этнической принадлежности или расы.

Выделяются три измерения межкультурной коммуникации: 1) когнитивное, характеризующееся знанием культурных особенностей, традиций собственной культуры и культуры тех, с кем учишься; 2) аффективное, выражающееся в готовности развития позитивного отношения к культурным различиям «других», их чувств, сопереживания в процессе общения на занятиях и в свободное время; 3) поведенческое**,** проявляющееся в

действиях, направленных на достижение целей коммуникации в контексте культурного разнообразия [2].

Развитие навыков проявления этих качеств является одной из главных задач преподавателей, занимающихся со студентами из разных стран региона. Требуется создать условия для организации межкультурного общения между ними на основе уважения друг к другу, терпимости, открытости, стремления достигнуть взаимопонимания и на этой основе активно сотрудничать в учебной деятельности [3]. Важно создать и поддерживать условия для проявления студентами «любопытства, открытости и готовности не судить ни о чужих культурах, ни о своей собственной» [4]. Кроме того, требуется вырабатывать уважение, сочувствие, принятие и осведомленность по отношению к другим культурам без предубеждений и стереотипов.

В процессе формирования и развития у студентов установок на принятие ценностей межкультурного подхода, важно подчеркивать преимущества культурного плюрализма, пытаться уменьшить предрассудки, основанные на непринятии любого типа разнообразия [5]. Преподавателям предлагается использовать следующие образовательные технологии, направленные на решение этих задач.

Во-первых, организовать систему ознакомления студентов с культурой той страны, из которой они приехали на учебу. Каждый рассказывает об истории своего этноса, традициях, обычаях, тех лидеров, которыми гордится нация. Утверждается представление о том, что каждый народ имеет свои достижения в науке, искусстве, организации разных видов производств. Это следует признавать, уважать, не пытаясь возвышать культуру какого-либо народа над другими.

Во-вторых, проводить занятия по теории культуры, способов презентации культурных ценностей каждого этноса. На лекциях раскрываются общие положения теории культуры, факторы, влияющие на формирование как общего, свойственного культуре всех народов, так и особенного, возникшего в результате реализации творческого потенциала нации. Рассматриваются способы представления материальных и духовных ценностей, созданных в процессе исторического развития.

В-третьих, организовать освоение учебного материала на групповых занятиях таким образом, чтобы студенты могли учиться друг у друга способам решения поставленной преподавателем задачи. При этом таким образом, чтобы мнение каждого учитывалось, обсуждалось без какой-либо дискриминации. Изначально не утверждается приоритет той или иной позиции. Общий результат возникает в результате согласования разных мнений. Формируется навык умения выслушать каждого, выделить ценное в том, что он предлагает.

В-четвертых, для сплочения группы, выработки и закрепления практических навыков уважительного отношения в культуре другого народа совместно проводить праздники, которые являются общенациональными для конкретной страны. Они могут быть связаны с ее историей, традициями, обычаями. При этом объясняется значимость торжеств для сплочения народа, сохранения его самобытности [6].

Применение этих методов работы со студентами из разных стран Латинской Америки, как показывают результаты социологических исследований, повышает удовлетворенность образовательным процессом, повседневным общением как с друг с другом, так и преподавателями [7]. Предлагаемые технологии организации межкультурного общения иностранных студентов могут использоваться в других вузах мира с учетом уровня владения языком, на котором ведется коммуникация, стремления всех участников образовательного процесса создать атмосферу доверия, взаимопомощи при развитии общекультурных и профессиональных компетенций.

В заключении следует отметить, что выявленные методики обладают потенциалом для представления альтернативного подхода к организации межкультурного общения в российских вузах. Это обусловлено тем, что они наглядно демонстрируют специфические потребности иностранных студентов и пути их решения с позиций иных культурных парадигм, что обогащает понимание самого феномена межкультурной коммуникации и расширяет инструментарий педагога.

Кроме того, проведенный анализ позволяет идентифицировать ключевую роль преподавателя в формировании образовательной среды с интеркультурным фокусом. Преподаватель выступает не пассивным исполнителем, а активным участником процесса, непосредственно включаясь в планирование, организацию, реализацию и контроль применяемых образовательных технологий. Данное наблюдение закономерно порождает дискуссионный вопрос о степени готовности самих педагогов к такой деятельности: обладают ли они в достаточной мере сформированной интеркультурной компетенцией? Это ставит перед системой высшего образования стратегическую задачу: является ли развитие такой компетенции исключительно личной ответственностью преподавателя через механизмы самообразования, или же система обязана создать необходимые условия – через систему повышения квалификации, методическую поддержку и разработку соответствующих образовательных стандартов – для целенаправленного формирования этой компетенции у педагогического состава.

1. *Simões A. Preparing students for the Global Workplace: Classroom Strategies for Developing English and Intercultural Communication Skills. // ICERI2020 Proceedings: 13th International Conference of Education, Research and Innovation (9-10 November 2020, Online Conference). – Valencia: IATED Academy, 2020. – Pp. 1765-1772. – DOI: 10.21125/iceri.2020.1765.*
2. *Ahmed A. H., Hamed O. A., Gocheva S. Intercultural conflict and experiences of international students in Turkey. // Open Education Studies. – 2020. – Vol. 2. – P. 201-213. – DOI: 10.1515/edu-2020-0120.*
3. *Dogan S. Teachers' Attitudes and Practices Concerning the Development of Students' Cultural Diversity Awareness and Intercultural Communicative Competence: A Pilot Study in an International School in Hungary. // Working Papers in Language Pedagogy. – 2020. – Vol. 14. – P. 25-54. – DOI: 10.61425/wplp.2020.14.25.54.*
4. *Sanchez K. M. M., Lopez B., Mendez D. G. Transforming Classrooms, Transforming Minds: Innovative Intercultural Communication Practices in Higher Education. // Rhombus – ULACIT. – 2025. – Vol. 5, No. 1. – P. 71-101. – DOI: 10.63058/ rhombus. v5i1.279*
5. *Sleeter C. E., Grant C. A. The analysis of multicultural education in the United States // Harvard Educational Review. – 1987. – Vol. 57, No. 4. – P. 421-444.*
6. *Deardorff D. K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. // Journal of Studies in International Education. – 2006. – Vol. 10, No. 3. – P. 241-266. – DOI: 10.1177/1028315306287002.*
7. *Hofhuis J., Jongerling J., Jansz J. Who benefits from the international classroom? A longitudinal examination of multicultural personality development during one year of international higher education. // Higher Education. – 2023. – Vol. 87, No. 4. – P. 1-17. – DOI: 10.1007/s10734-023-01052-6.*

ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УГЛЯ В СОВРЕМЕННОМ КУЗБАССЕ

Пискунова Александра Евгеньевна
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Современность невозможно представить без использования природных ресурсов. Они глубоко вплетены в генеалогию современных обществ – без них не состоялись бы урбанизация, индустриализация, научный и технический прогресс, становление и функционирование капитализма. Однако за широкой и безусловно признаваемой ролью

природных ресурсов в экономическом и политическом развитии часто остаются не рассмотрены, не расшифрованы и не обсуждены их социокультурные эффекты. Вслед за появляющимися в последние годы исследованиями настоящая работа продвигает мысль о том, что использование человеком природных ресурсов понимается и переживается в рамках культуры [5]. Вместо односторонних объяснений предлагается переосмыслить природные ресурсы и культуру с точки зрения их взаимной зависимости: наши представления о ресурсах формируют то, как мы их используем; использование ресурсов одновременно формирует наши культурные концепции и убеждения о них. Развитию данной проблематики в дискурсе социально-гуманитарных наук способствовало формулирование концепции energy culture. Ее основная идея в том, что пространство жизни и опыта современных обществ сформировано социальными привычками и культурным воображением, которые стали возможны благодаря большой доступности и использованию энергии, в первую очередь, в виде полезных ископаемых [2]. На базе этого общеаналитического признания была активно проблематизирована роль нефти, выраженная в понятии «петрокультура» (petroculture) или «нефтяная культура» (oil culture). Это междисциплинарное понятие, не имеющее единого строгого определения, сфокусировано на комплексе социальных, экономических, политических, материальных и символических практик, ценностей и образов, которые были порождены, сформированы и поддерживаются активным использованием нефти и зависимости от нее [8]. Исследовали диагностируют, что мы живем в нефтесовременности (petromodernity), социальной и экономической формации, основанной на нефти.

Критический посыл, изначально присущий анализу энергетической культуры, и в частности, нефтекультуры, позволяет быть бдительными и к ограничениям такого анализа, в частности, поставить под сомнение заявления [7] о том, что нефть преобразовала XX в., как и о тотальности культуры, субстратом которой она стала. Имеются (хотя и менее распространенные) аргументы о том, что уголь на протяжении трёх столетий являлся ведущим источником энергии и имел фундаментальное значение для определения субъективности и формы нашей социальной жизни [4]. Хотя с середины XX в. преимущества укрепляющейся нефтяной экономики вкупе с актуализацией противоречий добычи и использования угля несколько уменьшили его общественную значимость, угольная промышленность, тем не менее, продолжает процветать во многих регионах мира, демонстрируя глубокую укорененность и встроенность в различных социокультурных контекстах. Анализ научной литературы говорит в пользу того, что в пространствах, где происходит освоение угля, формируется особая локальная, угольная, культура. Под ней будем понимать совокупность ценностей, практик, идентичностей, символов и способов жизни, сформировавшихся вокруг добычи и использования угля.

В российском контексте наиболее заметной является угольная культура Кузбасса, имеющего давнюю историю освоения угля. Регион является не только экономическим, но и символическим центром угольной промышленности, не только материально производя ресурс, но также формируя широкий репертуар культурных проявлений. Принимая во внимание их потенциальное многообразие, следует выделить область визуальной культуры, поскольку образы кубометров горных пород, мощной добывающей и транспортной техники, окружающей среды порой более доходчивы и убедительны, нежели вербальные высказывания [3]. Оставшаяся часть работы развивает положение о том, что область визуального является значимой ареной, где формируются, оспариваются и переопределяются общественное воображение и политика, связанные с природными ресурсами. Визуальная культура угля расценивается не просто как коллекция изображений шахт и разрезов, а как сложная и часто противоречивая система визуальных

образов, знаков и эстетик, которые формируют коллективное восприятие угля и отношение к прошлому, настоящему и будущему угледобычи [6].

На основании представленных концептуальных соображений был предпринят анализ способов и параметров визуализации угля и угледобычи в Кузбассе в региональном медиа-пространстве. Методологическую основу составил качественный анализ визуального дискурса, направленный на выявление и интерпретацию способов конструирования значений визуальными средствами. Материалом выступили изображения, размещенные на медиа-ресурсах региональной власти, угольных компаний – с июля 2025 г. по июль 2024 г., а также в публикациях СМИ – за 2024 г. Работа с эмпирическим материалом представляла процедуру просмотра статического контента (неизменяемых страниц сайтов или их частей вроде «О компании», «Фотогалерея» и пр.) и ленты / раздела новостей без создания корпуса изображений, что позволило охватить как можно больше изображений, связанных с изучаемой темой. Было отсмотрено более 400 изображений.

На основе анализа можно заключить, что визуальная культура угля в Кузбассе характеризуется диалектикой интерпретативных схем в отношении разных визуальных проявлений действительности, создавая, с одной стороны, эффект инаковости, а с другой – представляя обыденность, рутинность, «нормальность» угледобычи. Деятельность органов власти изображается через обсуждения и заседания, в которых принимают участие представители власти, часто из федерального центра, тем самым показывая, что ценность угля создается не исключительно производственным героизмом шахтеров, но и политическими решениями. Изображения жизни шахтерских городов, семейственности и связи поколений подчеркивают, что угольщик – это не просто профессия, а часть культуры и идентичности региона. Архивные фотографии-лозунги, на которых запечатлены призывы обеспечить страну углем, особенно в период Великой Отечественной войны, создают визуальную связь с советским прошлым, поддерживают патриотическую региональную идентичность. Снимки современных шахт и разрезов с новейшей техникой и цифровым оборудованием меняют представление о шахтерском труде как о чем-то устаревшем. Они формируют образ отрасли, идущей в ногу со временем, что привлекает внимание к профессии. Стратегия репрезентации работников угольной отрасли направлена на разрушение символического клейма «грязной профессии». И если еще не так давно угольная пыль, покрывающая лицо и тело угольщика, была чуть ли не обязательным атрибутом фотографий [1], то актуальный фото-контент представляет чистые, не усталые лица, не покрытую грязью и пылью одежду работников. На фотографиях преобладают панорамы карьеров, инженерная среда шахты, тяжелая техника (экскаваторы, самосвалы), акцентируя внимание на технологическое оснащение и масштаб деятельности. Они могут быть прочитаны как символы индустриальной мощи и энергии, поддерживать образ угольной отрасли как жизнеспособной и инновационной. Эстетизация добывающих ландшафтов обеспечивает символическую нормализацию изменения окружающей среды.

Таким образом, визуальная культура угля в Кузбассе – это область борьбы за значения, которые приписываются как самому ресурсу, так и вовлеченным акторам, их деятельности, отношениям к территории и окружающей среде; это область борьбы за видимость, то, что будет отнесено к области публично видимого или невидимого.

1. *Маляр А. А. Тело шахтера в дискурсивной традиции угольного региона // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 162–170.*
2. *Cultures of Energy: Power, Practices, Technologies / Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.). New York: Routledge, 2013. 360 p.*

3. *Goessling J. Seeing Extraction: the Production and Reproduction of Energy Culture // Transformations. 2020. № 33. Pp. 64–78.*
4. *Johnson B. «An Upthrust Into Barbarism»: Coal, Trauma, and Origins of the Modern Self, 1885-1951 // Journal of American Culture. 2010. Vol. 33. № 4. Pp. 265–279.*
5. *Junka-Aikio L., Cortes-Severino C. Cultural studies of extraction // Cultural Studies. 2017. Vol. 31. № 2–3. Pp. 175–184.*
6. *Price D. Coal Cultures: Picturing Mining Landscapes and Communities. London: Routledge, 2018. 216 p.*
7. *Szeman I. How to Know about Oil: Energy Epistemologies and Political Futures // Journal of Canadian Studies/Revue d'études canadiennes. 2013. Vol. 47. № 3. Pp. 145–168.*
8. *Szeman I. Introduction: On Petrocultures // On Petrocultures: Globalization, Culture, And Energy. Morgantown: West Virginia University Press, 2019. Pp. 1–22.*

ТРАДИЦИЯ ПРОВОДОВ ЗИМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Руднев Вячеслав Валентинович
(Институт этнологии и антропологии РАН)

Традиция проводов зимы в пространстве современной городской культуры в России».

Трансформация социально-культурных традиций в пространстве современной культуры – сложный процесс, связанный с образом жизни общества и новациями.

Традиционно, в народной культуре, особые календарные даты (праздники) связаны с обособлением определенных событий, дат и периодов от рутины повседневности. В народной культуре, жестко ориентированной на успешное ведеие жизнеобеспечивающей деятельности (в условиях локальной специфики), даты календаря служили важными ориентирами, определяющими последовательность и время выполнения определенных действий в локальном пространстве. Сроки аграрных работ, выполнение определенных действий по ведению хозяйства (в контексте локальных природно-климатических условий и особенностей культуры) были зафиксированы в народном календаре. Эти даты служили важным основанием для организации работ и регламентации жизни общества.

В русской народной культуре специфика земледельческих работ в сложных природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины получила свое оформление в народном земледельческом календаре. Определенные даты календаря отмечали особенности погодных условий (например, крещенские морозы ожидали 19 января, здесь и далее даты по новому календарному стилю, а начало ледохода на реках 15 апреля, в день Тита Ледолома), а также проведение аграрных работ (например, яровую пшеницу сеяли около Николина дня (22 мая), овес сеяли после 22 мая, а ячмень сеяли в конце мая – начале июня.

Ввиду нестабильности климатических условий в Центральной России, время всех земледельческих работ фиксировалось в календаре и приурочивалось к фенологическим событиям. Например, сев ячменя коррелировался с временем цветения калины. Для каждой местности были определены свои оптимальные сроки аграрных работ с учетом особенностей климата и качества почв.

Фактически, земледельческие занятия синхронизировали образ жизни русских земледельцев в Центральной России. Единообразный характер занятости народа на обширной территории способствовал формированию единообразия образа жизни и представлений, связанных с годовым циклом времени. Все жили примерно в одном ритме.

Традиционно, зимний цикл русского земледельческого календаря был связан с прекращением аграрной деятельности, в связи с наступлением холодов, и переходом к другим формам деятельности (ремонтом инвентаря, заготовкой в лесах бревен для срубов, крестьяне уходили заниматься отхожими промыслами). Зимой занимались гаданиями о урожае и судьбе. В это время примечали характер погоды определенных дней и предсказывали предстоящую погоду. Например, в день Крещения (19 января) отмечали характер погоды: если погода ясная и холодная, то лето будет засушливое, а если погода пасмурная и снежная, то будет обильный урожай. Зимой молодежь имела больше возможностей для общения и знакомства (молодые люди ездила в гости в соседние села).

Одним из ярких праздников зимнего календарного цикла была масленица. Праздник отмечается за 7 недель до пасхи и олицетворяет завершение зимы.

На масленицу пекли блины, сооружали ледяные горки и снежные городки. На масленицу, провожая зиму, мальчиков отправляли «кликать весну». Обычно мальчик брал блин, садился верхом на кочергу и разъезжая по огороду или двору, пел закличку: Прощай, зима холодная! Приходи, лето красное! Соху, борону – И пахать пойду! Каждый день масленичной недели был посвящен угощению блинами родственников. Завершалась масленица в воскресенье. В этот день за деревней, на возвышении, зажигали костры, пели песни и сжигал чучело масленицы, сделанное из соломы.

Кардинальные изменения в жизни общества, произошедшие в XX-м веке, способствовали трансформации повседневности. Индустриализация понизила внимание к земледельческим проблемам и к гаданиям об урожае. Значительная часть сельского населения мигрировала в города, а аграрным производством стали заниматься коллективные хозяйства. Социокультурные изменения в жизни общества нашли отклик и в праздничных развлечениях. Забылись многие памятные дни зимнего периода календаря. Однако масленица сохранилась, претерпев некоторые изменения. В пространстве нового общества традиция есть блины всю неделю (вместе с родственниками и близкими) ограничилась вкушением блинов всей семьей в воскресенье, в последний день Масленицы.

В новых условиях дети стали основными активными действующими лицами масленичного торжества. Теперь они призывают родителей принять участие в праздничных масленичных забавах в городских парках. Именно привлекательность праздника для детей, определила его место в городском пространстве. Утратив черты, связывавшие праздник с хозяйственной деятельностью, с обрядовыми действами, праздник сохранил память о прошлом и хорошо вписался в реалии нового городского пространства. Маркетинговая составляющая (многочисленные аттракционы, точки по продаже блинов, сладостей, сувениров), присутствующая в масленичных гуляниях, придает масленице зрелищность, что определяет внимание горожан к празднику сегодня.

В новом городском пространстве масленица демонстрирует устойчивый интерес общества к русской культуре и традициям прошлого.

ЦИФРОВОЕ РЕМЕСЛО: ВОЗВРАЩЕНИЕ РУЧНОГО ТРУДА В ЭПОХУ АВТОМАТИЗАЦИИ

Склярова Екатерина Евгеньевна
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

Масленникова Екатерина Сергеевна
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

В современных технологических реалиях уровень роботизации промышленности становится ключевым фактором, определяющим экономический суверенитет государства. Параллельно с углублением роботизации экономики в публичном дискурсе всё заметнее звучат идеи неолуддизма. Эти идеи отражают реакцию определённой части общества на ускоряющиеся технологические изменения, в том числе на риски массовой технологической безработицы. Одним из ключевых аспектов трансформации общественной жизни становится тотальная технологизация всех сфер человеческой деятельности: создается система, где сам человек становится актором внутри цифровой среды, что принципиально меняет положение в мире.

Неолуддизм предлагает стратегию сопротивления через отказ, иллюзии, что технология служит человеку, в то время как на деле она подчинила его своей собственной логике. Для неолуддита цифровой инструмент – это прежде всего средство контроля, отчуждения и слежки, а автоматизация – путь к деградации навыков и массовой безработице. Тактика неолуддитов подразумевает демонстративный отказ от смартфонов, сложных программ, социальных сетей в пользу аналоговой жизни и «медленных» форм труда.

Современные исследователи трактуют понятие «неолуддизм» как неоднородное социальное явление. А. Г. Горбачева включает в это понятие таких разных акторов, как активисты «Greenpeace» (деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации), технофобы, политики-карьеристы, эксплуатирующие общественные опасения перед техногенным будущим, и обычных граждан, ограничивающих компьютер и интернет в воспитании детей [3; с. 99].

В. А. Емелин развивает эту мысль, характеризуя неолуддизм не как целостную идеологию, а как разрозненный комплекс явлений [4; с. 105]. В его понимании неолуддизм объединяет как политические движения (анархо-примитивисты, "зелёные"), так и отдельных людей, сознательно ограничивающих использование интернета, телевидения и цифровых устройств в повседневной жизни из-за воспринимаемых угроз.

Исследование ВЦИОМ показывает, что общественное восприятие технологий кардинально меняется в зависимости от сферы их применения. В то время как в одних областях люди демонстрируют открытость к инновациям, в других преобладает осторожность, что особенно ярко проявляется в отношении искусственного интеллекта [10]. Так, 53 % респондентов выступают против внедрения автономных систем управления транспортом, аргументируя это рисками для безопасности дорожного движения. Однако в медицине и образовании наблюдается более лояльное отношение: три четверти опрошенных (76 %) одобряют использование ИИ в здравоохранении при сохранении конечного решения за врачом, а 65 % поддерживают применение искусственного интеллекта в образовательном процессе в качестве вспомогательного инструмента для педагога.

Примечательно, что эта избирательность в принятии технологий не отменяет общей поддержки их развития. Подавляющее большинство граждан России (свыше 80 %) последовательно выступают за государственное содействие развитию искусственного интеллекта. Этот парадокс иллюстрирует сложную динамику общественных настроений: сохраняя осторожность в вопросах непосредственного применения ИИ, общество в целом осознает стратегическую важность технологического прогресса и необходимость национального участия в этой сфере.

В то же время, в марте 2023 года группа из более чем тысячи специалистов в области искусственного интеллекта, включая Илона Маска, выступила с инициативой о временной приостановке развития нейросетевых технологий. В обращении на авторитетной платформе Future of Life Institute содержался призыв к глобальной паузе в создании и обучении систем ИИ, превосходящих по своим возможностям модель GPT-4. Авторы письма подчеркивали, что текущие темпы развития ИИ опережают способность общества обеспечить надежные механизмы контроля. В обращении отмечалась необходимость создания независимых надзорных органов для проверки соблюдения протоколов безопасности [9].

В то же время цифровое ремесло формирует принципиально иную парадигму взаимодействия с технологиями, нежели неолуддизм. Феномен цифрового ремесла, понимаемый как осознанное, кропотливое создание цифровых продуктов с акцентом на мастерство, уникальность, внимание к деталям, знаменует собой парадоксальный поворот в развитии технологического общества. Однако цифровое ремесло и неолуддизм представляют собой две принципиально разные, но диалектически связанные стратегии ответа на вызовы технократической эпохи. Неолуддизм предлагает путь радикального очищения через отречение, уход в докибернетический идеал. Цифровое ремесло предлагает путь герменевтики – глубокого прочтения и освоения технологии, чтобы подчинить ее человеческим целям и ценностям.

Тем не менее амбивалентный эффект автоматизации наблюдается и в экономической сфере. С одной стороны, оптимизация процессов, минимизация роли человека в рутинном труде, с другой – феномен отчуждение труда, описанный К. Марксом, усиливается. В современной экономике человек все чаще рассматривается в качестве оператора или наблюдателя за автоматизированными системами, полностью исключая свое непосредственное участие в создании конечного продукта. Происходит алгоритмическое отчуждение. Человеческое сознание превращается в ресурс, который цифровая экономика превращает в товар, а личность постепенно становится набором данных, а не индивидуальных характеристик. Зубофф Ш. пишет: «Мы больше не являемся субъектами реализации стоимости… На самом деле, мы – объекты, из которых извлекается и экспроприируется сырье». [5, с. 127] «Овеществление» достигает сегодня пика: «потоки данных и информации превращаются в «спектральную прибавочную стоимость», извлекаемую не из материального производства, но из цифрового следа” [6, с. 1005]. «Абсолютный дух» Г. В. Ф. Гегеля сегодня представляет собой новейшие технологии ИИ, которые направлены не на улучшение положения человека, а на увеличение прибыли бизнеса и еще большего отстранения человека от человека, от труда, от будущего. При этом изменяется ситуация на рынке производителей контента: сегодня можно заявить об отчуждении способности к рефлексии, поскольку психика секуляризируется, распадается на «микрозадачи внимания», монетизируемые как кванты вовлечённости. На фоне общественных изменений цифровое ремесло становится контртрендом, пытающимся стать формой реантропологизации труда, представляющего формой восстановления человеческого измерения в технологической среде. Человек

старается создать синтез технологий и творчества, представляя цифровые инструменты не как разрушающие или отчуждающие технологии, а как расширяющие возможности инструменты. Цифровое ремесло, в отличие от полностью автоматизированных процессов, требует активного участия, самоанализа и осознания ответственности. Эти три качества являются основополагающими для труда, где субъект играет ключевую роль.

Цифровое ремесло вносит новые тренды и в эстетически-философское понимание творчества человека. Индивидуальный след, несовершенство, рандомность – главные отличающие категории цифрового ремесла. Человек намеренно допускает вариативность, экспрессию, акцентируя особое внимание на человеческий вклад в цифровом синтезе. Меняется и восприятие нового творчество: совершенство как европейская ценность меняется эстетикой восточной концепцией wabi-sabi – эстетики несовершенства, определения гармонии и красоты в неприглядных вещах. Смена ценностей в цифровом творчестве сопровождается появлением тезиса, что ошибка представляется теперь как результат взаимодействия человека и машины, показатель человеческого следа в таком творчестве.

Таким образом, современные тренды намерены на развитие и углубление автоматизированного труда, в это же время контртренд – появление цифрового труда человека и установление ценности ручного труда наряду с новой философией, эстетикой и социальной статистикой.

1. *Васёнкин А. В. Мировоззренческое обоснование техногуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 69. – С. 52–61.*
2. *Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред., прим. и авт. послесл. М. Ф. Быкова. – М.: Наука, 2000. – 495 с. – (Памятники философской мысли).*
3. *Горбачева А. Г. О социально-экономических последствиях внедрения конвергирующих технологий в жизнь человека // Человек.ЯИ. – 2016. – № 11. – С. 96–105.*
4. *Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 103–115. – DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-103-115.*
5. *Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – М.: Издательство «Э», 2022. – 704 с.*
6. *Краснов А. С., Федотов Д. Л. Капитализм как негативная диалектика: фетишизм товаров, цифровое отчуждение и апокалипсис антропоцена // Манускрипт. – 2025. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kapitalizm-kak-negativnaya-dialektika-fetishizm-tovarov-tsifrovoe-otchuzhdenie-i-apokalipsis-antropotsena (дата обращения: 11.10.2025).*
7. *Сергиевич Т. В. Методологические предпосылки исследования роботизации промышленности сквозь призму политико-экономического осмысления неолуддизма // Теоретическая экономика. – 2024. – № 3 (111). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-predposylki-issledovaniya-robotizatsii-promyshlennosti-skvoz-prizmu-politiko-ekonomicheskogo-osmysleniya (дата обращения: 10.10.2025).*
8. *Труфанова Е. О. Техно-эскапизм и эскапизм от технологий // Науковедческие исследования. – 2023. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehno-eskapizm-i-eskapizm-ot-tehnologiy (дата обращения: 10.10.2025).*
9. *Этика ИИ: бог из машины? – URL: https://consult.wciom.ru/materialy-ekspertov/materialy/ehtika-ii-bog-iz-mashiny (дата обращения: 10.10.2025).*
10. *Ты ж мой помощник: какую роль россияне отводят ИИ? – URL: https://wciom.ru/expertise/ty-zh-moi-pomoshchnik-kakuju-rol-rossijane-otvodjat-ii (дата обращения: 10.10.2025).*
11. *Какие профессии могут исчезнуть с развитием искусственного интеллекта? – URL: https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534 (дата обращения: 10.10.2025).*

КОНСЕРВАТИВНЫЙ СДВИГ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ)

Тангалычева Румия Кямильевна
(СПбГУ)

В докладе уделяется внимание критике современных американских и британских университетов с позиций консервативных авторов, в частности Мэтта Гудвина, который в 2025 году опубликовал книгу «Плохое образование. Почему наши университеты развалены и как их можно исправить? Лондон, Трансворлд паблишер, 2025 – 247 с. (Matt Goodwin. Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them? London: Transworld Publishes, 2025. – 247 p.). Книга представляет обширные статистические данные, свидетельствующие о падении престижа университетского образования в англо-саксонских странах, знакомит читателя с так называемой «новой университетской идеологией», поддерживаемой на всех уровнях: учеными и преподавателями, студентами, администрацией.

Автор книги критически рассматривает понятие «новой университетской идеологии» и пишет, что она распространяется учеными и преподавателями и строится на неолиберальных представлениях о социальной справедливости, разнообразии и включенности. Представления, господствующие в университетской среде, описываются с помощью понятия «убеждения роскоши» («luxury beliefs»). «Убеждения роскоши» – это идеи и мнения, которые агрессивно продвигаются элитным классом, особенно университетским, поскольку они престижны и налагают высокие издержки на не принадлежащих к нему людей [Goodwin, 2025, p. 76]. Гудвин приводит целый ряд примеров такого рода убеждений, главными среди которых являются нападение на традиционные конструкции семьи и моногамии и борьба с «белыми привилегиями».

Элитные университеты Великобритании, включая Оксфорд и Кембридж, по мнению Гудвина, особенно склонны погружать студентов в концепции ключевых академических теорий, лежащих в основе «новой идеологии», таких как постколониализм, критическая теория и гендерная идеология, обучая их дискурсу «привилегии белых», который поощряет дискриминировать белых или гетеросексуалов во имя защиты меньшинств. Согласно господствующим в элитных университетах представлениям, система образования является «структурно расистской» и предвзятой по отношению к меньшинствам, и поэтому, как следствие, университеты должны вкладывать значительные средства в попытки набрать больше студентов из меньшинств.

Важной целью деятельности университета в этих условиях становится защита студентов от «психологического насилия (вреда)» и превращение кампусов в «безопасное пространство», где молодые люди могут быть защищены от слов и идей, которые вызывают у них дискомфорт. «Культура виктимности» отличается низкой терпимостью к неуважению. На фоне этой новой моральной культуры студенты полагают, что тех, кто причиняет им эмоциональный вред, например, преподавателя или ученого, позволяющего себе высказать спорное суждение, следует заставить молчать или вообще устранить, чтобы защититься. Все это становится возможным благодаря распространению в университетской среде «антирасистской» повестки.

В последние годы университетская администрация превратилась в своего рода мощную политическую и высокоактивную управленческую силу, закрепившую все описываемые процессы. В основе политизации университета лежит программа разнообразия, равенства и инклюзивности (Diversity, Equity and Inclusion, DEI). Как

полагает Гудвин, программа подрывает идею подлинного разнообразия, настаивая на том, что нет приемлемой альтернативы узкому набору ценностей и приоритетов, поддерживаемых новой идеологией и сопутствующими ей теориями «социальной справедливости», «критической расовой теории» и «интерсекциональности». Эта повестка, согласно авторам правого толка, не поощряет разнообразие, а, напротив, перестраивает университеты на базе крайне политизированного и спорного утверждения о том, что большинство угнетает меньшинства, люди определяются только своей фиксированной групповой идентичностью, и западные страны по своей сути являются расистскими.

По мнению Гудвина, программа работает против идеи подлинного разнообразия, настаивая на том, что нет приемлемой альтернативы узкому набору ценностей и приоритетов, поддерживаемых новой идеологией и сопутствующими ей теориями «социальной справедливости», «критической расовой теории» и «интерсекциональности». Эта повестка не поощряет разнообразие, а, напротив, перестраивает университеты на базе крайне политизированного и спорного утверждения о том, что большинство угнетает меньшинства, люди определяются только своей фиксированной групповой идентичностью, и западные страны по своей сути являются расистскими.

Следует отметить, что автор книги ссылается на многочисленных публикации других англоязычных авторов, подвергшихся остракизму в результате деятельности университетских левых активистов. Практические меры, принимаемые при президенте Д. Трампе против леворадикальной идеологии в ведущих университетах США, также свидетельствуют в пользу определенного консервативного сдвига в сфере университетского образования США и Великобритании.

1. *Goodwin M. Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them? London: Transworld Publishes, 2025. – 247 p.*

МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Тиранова Арина Владимировна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Понятие культурного кода отражает совокупность ценностей, норм и символов, которые определяют идентичность общества и во многом направляют поведение его членов. По сути, культурный код – это «ключ» к пониманию определённой культуры, который позволяет идентифицировать культурную общность и понять психологию народа. В структуре массового сознания культурный код закрепляет образы, связанные с целым комплексом устоявшихся стереотипов. Иными словами, стереотипы выступают своеобразными «ярлыками» или когнитивными схемами, через которые проявляется культурный код. Они облегчают восприятие социальной реальности, но одновременно могут приводить к упрощённым и искажённым представлениям о группах и явлениях. Так, согласно классическому определению У. Липпмана, стереотип – это «схематичная и детерминированная культурой картинка реальности», упрощающая сложные процессы [2, 104]. Современные исследователи дополняют, что стереотипы выполняют как познавательную функцию (структурируют информацию), так и социальную – закрепляют групповые ценности и нормы. Тем самым культурный код общества предопределяет

набор типичных стереотипов в массовом сознании, передаваемых из поколения в поколение.

Однако культурный код может изменяться под влиянием социальных трансформаций. Одним из факторов такой трансформации выступают медиа. В условиях глобализации и цифровой эпохи происходит интенсивный обмен символами и сюжетами между культурами, что приводит к переработке стереотипов. Массовые коммуникации при этом играют роль катализатора: транслируя новые образы, они могут как вписывать их в привычные рамки культурного кода, так и расширять эти рамки, предлагая аудитории новые интерпретации известных символов. Средства массовой информации служат связующим звеном между культурными кодами и массовым сознанием. Медиа конструируют образы действительности, задавая аудитории определённые схемы восприятия. Через телевидение, прессу, интернет и социальные сети транслируются нормы поведения, образы успеха, модели идентичности, которые аудитория перенимает в повседневной жизни [1, 81]. При этом медиа-продукты часто укореняют в сознании социальные стереотипы – устойчивые шаблоны мышления, основанные на упрощённых обобщениях. Стереотипы, усиленные медийным повторением, начинают восприниматься как «естественные». СМИ посредством отбора и акцентов в новостях и популярной культуре навязывают аудитории определённую картину мира. Так, по мнению ряда авторов, сегодня медиа всё чаще выступают «манипуляторами общественного мнения», навязывая социуму «всевозможные стереотипы, предрассудки и штампы» [4, 111].

Вместе с тем воздействие медиа неоднозначно. Информация, транслируемая через СМИ, может консервировать стереотипы, постоянно воспроизводя одни и те же культурные коды, а может и трансформировать их. Роль медиа как агента социальных изменений проявляется, когда в публичном пространстве появляются альтернативные сюжеты, разрушающие прежние шаблоны восприятия. Стереотип по природе не нейтрален: если СМИ систематически подчёркивают одни аспекты и замалчивают другие, они программируют аудиторию воспринимать группу строго через призму этих шаблонов. Поэтому медиа функционируют как посредник между глубинными культурными кодами и общественным мнением, обладая потенциальной властью менять тональность этого мнения.

Медиарепрезентация выступает механизмом, через который субкультуры и новые смыслы включаются в массовое сознание. Молодёжные субкультуры – яркий пример носителей альтернативных культурных кодов, которые могут бросать вызов господствующим нормам. Исторически субкультуры (панки, хиппи, геймеры и др.) возникали как формы сопротивления доминирующей культуре. Однако медиа активно освоили эти феномены: о субкультурах снимают репортажи, пишут статьи, создают фильмы. В результате образы представителей субкультур аудитория узнаёт преимущественно через призму СМИ – зачастую упрощённо и стереотипно. Например, в российских масс-медиа участники рок- или рэп-сцены нередко изображались как носители девиантного поведения, а геймеров долгое время показывали, как социально-изолированную группу. Такие односторонние репрезентации укрепляют в массовом сознании образ субкультур как «неполноценной» или маргинальной части общества.

В современных исследованиях подчёркивается двойственная роль медиа в отношении субкультур. С одной стороны, СМИ внедряют символы и атрибуты субкультур в мейнстрим-культуру, коммерциализируя контркультурные явления. Через это происходит смягчение изначального смыслового заряда субкультуры – её ценности переупаковываются в приемлемый для широкой публики формат. С другой стороны, сами медиа формируют доминирующий дискурс о том, что считать «приемлемым» или

«опасным» отклонением. Таким образом, через выбор угла освещения медиа либо интегрируют субкультуру в общий культурный код, либо маркируют её как чужеродный элемент.

Механизмы трансформации стереотипов посредством медиарепрезентаций включают несколько уровней. Во-первых, медиа способны менять значение устойчивых символов, помещая их в новый контекст. Например, персонаж с татуировками в современном сериале может быть показан не как преступник, а как позитивный герой, тем самым меняя отношение к самому образу. Во-вторых, стереотипы разрушаются, когда аудитория сталкивается с разнообразием мнений. Если в медийном нарративе наряду с негативными историями о субкультуре появляются положительные примеры, коллективное восприятие смещается к более нюансированному. В-третьих, регулярное появление образов субкультур в нейтральном или позитивном свете в медиасреде приводит к привыканию общества. Так они перестают восприниматься как угрозы, а значит, трансформируется и культурный код.

Важно отметить, что характер влияния медиа во многом зависит от типа медиа и социального контекста. Традиционные каналы (телевидение, печать) длительное время транслировали взгляд «сверху», нередко консервативный, закрепляя существующие культурные коды. В постсоветском пространстве, например, государственное телевидение во многих случаях подкрепляло официальную идеологию и стереотипы, считавшиеся желательными. Напротив, новые медиа – интернет-СМИ, социальные сети – открыли пространство для альтернативных голосов. Благодаря этому представители субкультур получили возможность самостоятельно представлять себя широкой аудитории, минуя фильтры традиционных медиа. В то же время даже в цифровую эпоху массовое сознание зачастую окрашено прежними предубеждениями. Это означает, что без должных усилий по коррекции дискурса новые каналы не могут привести к смене культурных кодов – необходимо целенаправленное создание позитивных нарративов.

В контексте России понятие культурного кода получило официальное звучание: в Стратегии государственной национальной политики РФ закреплено, что российское общество объединяет единый культурно-цивилизационный код, основанный на сохранении исторического наследия и уважении традиций всех народов страны [3]. Это свидетельствует о признании со стороны государства роли общих символов и ценностей в консолидации общества. Однако такой единый код нередко содержит внутренние противоречия: молодёжь воспринимает новые глобальные тренды, субкультуры заимствуют идеи извне, что может вступать в конфликт с традиционными устоями. Медиа здесь выступают ареной борьбы старого и нового.

В странах Центральной Азии (таких как Узбекистан и Казахстан) роль медиа в трансформации культурных кодов приобретает свою специфику. После распада СССР каждое государство выстраивало собственную национальную модель медиа, стараясь одновременно модернизироваться и сохранить самобытность. Так СМИ в Центральноазиатском регионе, перенимая западные форматы, сохраняют национальные культурные коды и опираются на традиционные ценности и образы. Это проявляется, например, в языковой политике и тематике контента: узбекские и казахстанские медиа активно внедряют родной язык, национальные мотивы, исторические отсылки, формируя чувство уникальной идентичности [5, 139]. Репрезентация новых молодежных субкультур в таком контексте идет через «фильтр» культурного кода большинства. Таким образом, медиарепрезентации в постсоветских странах балансируют между трансляцией глобальных образов и защитой собственного культурного кода. Этот баланс определяет, будут ли новые смыслы восприняты обществом как угроза или обогащение.

Массовые медиа выступают мощным механизмом изменения культурных кодов, посредником между наследием прошлого и восприятием настоящего. Медиарепрезентации могут закреплять устоявшиеся стереотипы, транслируя привычные сюжеты, либо преобразовывать их, вводя новые смыслы и образы. Культурный код общества, закодированный в символах и архетипах, не является неизменным – он чутко реагирует на информационные импульсы. В цифровую эпоху, когда информационные потоки стали глобальными, роль СМИ в трансформации общественных представлений возросла многократно.

1. *Архангельская, И. Б. «Свой круг»: медиапотребление российской молодежью развлекательного контента в социальных сетях 2022–2024 (по результатам эмпирического исследования) // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 2 (52). – С. 75–84.*
2. *Липпман, У. Общественное мнение / пер. с англ. – М. : Идея-Пресс, 2004. – 384 с.*
3. *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. – URL: https://special.kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 10.10.2025).*
4. *Шишов, С. Е., Кальней, В.А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы // Гуманизация образования. – 2025. – № 1. – С. 103–128.*
5. *Эрназаров, К. Т., и др. Культурные универсалии СМИ // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 134–143.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ЖИЗНИ И МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Фролагин Александр Константинович
(НИУ ВШЭ)

Старовойтова Мария Дмитриевна
(РУДН)

Аннотация: исследование посвящено анализу существующей взаимосвязи между стилями жизни россиян и их выбором новостных медиа в условиях цифровизации. Авторами теоретически обосновываются ключевые логики потребления контента в зависимости от предпочитаемых тематик и уровня этичности СМИ. Описана структура разработанной модели для последующей эмпирической проверки гипотез.

Ключевые слова: стили жизни, медиапотребление, цифровизация, медиаэтика, СМИ.

Потребление новостного контента в России за последние годы претерпело значительные трансформации. Прежде всего, это связано с ростом потребления контента в интернете. Согласно отчёту Mediascope, в 2024 году 84 % россиян пользовалось интернетом хотя бы 1 раз в день [2, 9], в 2020 году доля составила 71 % [1, 1]. Прирост наблюдался не только в доле пользователей интернетом, но и в объёме потребляемого контента: так, если в 2020 году, в среднем, время использования интернета находилось на уровне примерно 2,5 часов [3, 9], то к 2024 году оно выросло до примерно 5 часов в день [2, 9].

С ростом пользования интернетом произошли изменения в потреблении новостей: наблюдается рост популярности новостей в мессенджерах и снижение спроса на

новостные порталы, однако уровень доверия к официальным СМИ остается стабильно высоким [9, 352]. Изменения в потреблении СМИ затронули и схемы выбора новостных тематик: растёт потребность в разнообразии новостей и возможности их подбора под личные интересы россиян [8, 1]. Согласно отчёту портала Дзен, несмотря на то, что для россиян наиболее важными тематиками СМИ остаются условно «классические» новости из сферы политики, мировые новости, происшествия и новости региона, усиливается сближение СМИ с аудиторией за счёт сближения контента к стилям жизни читателей: с 2023 по 2025 гг. значительно выросла популярность новостей развлекательно-познавательного характера, такие как здоровье, культура, шоу-бизнес и путешествия (5-6 % за период) [8, 1].

Одними из первых теоретиков, подвергших осмыслению влияния СМИ на социальные практики индивидов, были представители критической теории (Адорно, Хоркхаймер, Дебор и др.) [27, 1063]. Прежде всего, в их фокусе был новый феномен XX века – массовая культура, главными особенностями которой являются коммерческая направленность, демократичность, широта целевой аудитории, типичность продвигаемых нарративов и развлекательный характер [27, 1064]. По их мысли, она сыграла решающую роль в становлении т. н. «общества спектакля», в котором социальные взаимоотношения опосредуются через образы [6, 23]. Предполагалось, что транслируемые в СМИ образы унифицируют поведение индивидов: продвигаемая идея материального благополучия, оформленного в образе жизни лидеров общественного мнения, подталкивает индивидов к подстраиванию своих стилей жизни под заданные массовой культурой стандарты [6, 42].

Однако с проникновением СМИ глубже в жизни индивидов вера в единую транслируемую картину мира (метанарратив), легитимирующую социальный порядок, утрачивается. По мнению Жана-Франсуа Лиотара, вместо этого конкурирующие нарративы борются за первенство в объяснении тех или иных явлений [12, 14]. Так, для обществ первой половины XX века было характерно небольшое количество лидеров общественного мнения и каналов передачи (либо при большом их количестве каналы доносили информацию схожим образом). Метанарративы, легитимирующие статус лидеров мнений, были более устойчивы к их критическому осмыслению. С ростом числа лидеров мнений, каналов, которые транслируют с разных точек зрения их послания, метанарративы подвергаются большему сомнению. Последнее – состояние, охарактеризованное Лиотаром как общество постмодерна.

Увеличение числа каналов коммуникации и лидеров мнений вкупе с другими факторами повлияло на воспроизводство стилей жизни – появляются новые формы легитимации социального статуса, например, с помощью «всеядности» потребления [19, 87]. При этом утверждение новых форм стилей жизни приводит к трансформации форматов коммуникации, в том числе массовой.

В российском обществе статус взаимосвязи между стилями жизни и медиапотреблением остаётся неоднозначным. С одной стороны, появляются «всеядные» стили жизни, [22, 31] тематики новостей развлекательно-познавательного характера становятся более популярными у широкой аудитории [8, 1], что свидетельствует о «постмодернизации» российского общества и инфопространства. С другой стороны, в российском медиаполе существует запрос на проверенную информацию, которая, как считают россияне, с большей вероятностью появляется в официальных СМИ, нежели телеграм-каналах [20, 1]; [5, 1]. Вдобавок, институциональные особенности регулирования рынка СМИ в России также могут препятствовать «постмодернизации» российского инфопространства [17, 1283].

В связи с этим в данном исследовании мы ставим перед собой следующий **исследовательский вопрос:** каким образом взаимосвязаны между собой выбор просматриваемых медиа и стили жизни медиапотребителей?

Целью исследования является теоретическое обоснование механизма взаимосвязи стилей жизни потребителей медиа и их выбора СМИ для дальнейшей эмпирической проверки гипотез.

В связи с поставленной целью сформулированы следующие **задачи:**

Теоретически обосновать выбор *тематической направленности* СМИ индивидами с разными стилями жизни

Выделить основные изменения в производстве контента СМИ, связанные с *цифровизацией*

Выделить критерии *этичности* новостей для оценки взаимосвязи стилей жизни и этичности контента

Медиапотребление выполняет двойственную функцию в обществе. С одной стороны, это инструмент передачи информации и идеологических месседжей от коммуникатора к аудитории [24, 32]. С другой – активный процесс, где реципиенты участвуют в производстве смыслов, «голосуя» количеством просмотров за определённый контент и обсуждая его с представителями референтных групп [24, 81].

Различение в предпочитаемом новостном контенте основано на вкусах, укоренённых в габитусе и стилях жизни индивида – интернализированных схемах поведения, формирующихся в ходе социализации и определяемых социальным статусом и положением. В этом смысле медиапотребление структурируется согласно бурдьевистскому принципу, т.е. по степени соответствия классификационных схем СМИ габитусу потребителя [4, 27]. При этом сами СМИ выступают как акторы, конструирующие различительные схемы, маркируя символы и практики как признаки «хорошего» или «дурного» вкуса [16, 15].

Лояльность и авторитет СМИ тем выше, чем чаще аудитория находит в материалах подтверждение своим интерпретационным нормам. Устоявшийся авторитет обеспечивает символическую власть и устойчивую лояльность даже при несоответствии материалов габитусу аудитории. [4, 37]

Эмпирически выбор новостных тематик можно свести к трём идеальным типам:

Коммуникативная – новости как повод для обсуждения в социальной группе.

Эмоциональная – потребление для эмоционального удовлетворения от пребывания «в курсе событий».

Утилитарная – поиск практической информации для решения конкретных задач.

Предложенные схемы не взаимоисключают, а дополняют друг друга. Классификация служит эпистемологическим целям интерпретации эмпирических данных о потреблении новостей.

В эпоху цифровизации потребление новостей трансформируется в фоновую активность, что ставит традиционные СМИ перед необходимостью искать новые форматы, сочетающие их авторитет с изменившейся логикой потребления. Основным следствием цифровизации становится трансформация социальных функций новостного контента из целенаправленного информирования в фоновое «сопровождение» повседневных практик [1, 11].

Цифровизация контента повлияла и на этическую составляющую новостей. Если классические теории (Сиберт, Шрамм, Питерсон, Хабермас) видели угрозу в манипуляции, предполагая, что любое мнение можно оспорить [26, 123]; [23, 112], то современная философия информации (Л. Флориди) говорит о «информационном

загрязнении» – переизбытке недостоверных данных, затрудняющих рациональное восприятие реальности [25, 131].

В России отсутствует единый закон, устанавливающий критерии медиаэтики. Единственным официальным актом является Закон "О СМИ" [15, 1], запрещающий цензуру, но не содержащий этической регламентации. Регулирование носит стихийный характер [21, 99], основанный на редакционных политиках.

Нами предложена система из пяти критериев:

Достоверность (многоуровневая проверка фактов) на основе Кодекса профессиональной этики (1994) [10, 1] и Правил МТРК «МИР» (1993) [18, 1].

Безопасность (отказ от разжигания вражды, дискриминации), закрепленный в Медиаэтическом стандарте (2021) [13, 1].

Прозрачность (разделение журналистики и рекламы) по Медиаэтическому [13, 1] и Новомедийному стандарту (2020) [14, 1].

Специализированность (стандарты для сложных тем) на основе отраслевых кодексов [10, 1]; [13, 1]; [14, 1]; [18, 1].

Адаптивность к цифровой среде (работа с фейками, комментариями) по тем же стандартам [13, 1]; [14, 1].

Эта система представляет собой «конструктор», позволяющий аудитории с разными стилями жизни выбирать СМИ с близкой им этической моделью. Данное предположение ляжет в основу эмпирической сегментации аудитории.

Исследование демонстрирует взаимосвязь стилей жизни и медиапотребления в России, где растущее потребление из мессенджеров сочетается с устойчивым доверием к официальным СМИ. Выбор тематик структурируется через три логики – коммуникативную, эмоциональную и утилитарную. Критерии этичности СМИ (достоверность, безопасность, прозрачность, специализированность и адаптивность к цифровой среде) формируют «конструктор», позволяющий аудитории выбирать медиа, соответствующие их габитусу. Данный теоретический механизм служит основой для дальнейшей эмпирической проверки.

1. *Mediascope. Аудитория интернета в России в 2020 году [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://mediascope.net/news/1250827/ (дата обращения: 12.02.2025).*
2. *Mediascope. Медиапотребление 2024 [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202024_%D0%9D%D0%90%D0%A2_27.08.2024.pdf (дата обращения: 12.02.2025).*
3. *Mediascope. Медиапотребление в новой реальности [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://adindex.ru/files/283122/Digital_Brand_Day2020.pdf (дата обращения: 12.02.2025).*
4. *Бурдье, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдье; пер. с фр. О. И. Кирчик; науч. ред. Н. А. Шматко, В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204931/ecsoc_t6_n3.pdf (дата обращения: 12.02.2025)*
5. *ВЦИОМ. Новости, достойные доверия [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija (дата обращения: 12.02.2025).*
6. *Дебор, Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович; ред. Б. Скуратов. – Москва: Логос, 2000. – 184 с.*
7. *Декларация Гильдии судебных репортеров "О принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования" [Электронный ресурс] // Общественная коллегия по жалобам на прессу. – URL: https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/759- (дата обращения: 12.02.2025).*
8. *Дзен. Больше тем и больше источников: Дзен рассказал, как изменилась аудитория новостей [Электронный ресурс] // Дзен. – 2025. – URL: https://dzen.ru/about/pr/bol-she-tem-i-bol-she-istochnikov-dzen-rasskazal-kak-izmenilas-auditoriia-novostei (дата обращения: 12.02.2025).*

9. *Зимарин, Р. А. Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов) / Р. А. Зимарин // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 4.*
10. *Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс] : принят Конгрессом журналистов России 23.06.1994. – URL: https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista (дата обращения: 12.02.2025).*
11. *Кульчицкая, Д. Ю. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» / Д. Ю. Кульчицкая, Г. С. Филаткина // Медиаскоп. – 2021. – Вып. 1. – URL: http://www.mediascope.ru/2680 (дата обращения: 12.02.2025).*
12. *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с.*
13. *Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mediacouncils.org/wp-content/uploads/2017/12/Standart_Kollegii.pdf (дата обращения: 12.02.2025).*
14. *Новомедийный стандарт Коллегии по жалобам на прессу [Электронный ресурс] // Общественная коллегия по жалобам на прессу. – URL: https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/6267-novomedijnyj-standart-kolllegii-po-zhalobam-na-pressu (дата обращения: 12.02.2025).*
15. *О средствах массовой информации : Закон Рос. Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.*
16. *Обыкновенные стили жизни: популярные медиа, потребление и вкусы : сб. науч. тр. / под ред. Д. Белла, Дж. Холлоуз. – Кэмбридж : Polity Press, 2014. – 298 с. – Текст на англ. яз.*
17. *Оутс, С. Неосоветская модель СМИ / С. Оутс // Европа – Азия. – 2007. – №59 (8). – С. 1279–1297. – Текст на англ. яз.*
18. *Правила профессиональной этики сотрудников международной телерадиокомпании «МИР» [Электронный ресурс] : утв. Советом директоров МТРК «МИР». – 1993. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353996 (дата обращения: 12.02.2025).*
19. *Питерсон, Р. Взлет и падение высокоинтеллектуального снобизма как маркера статуса / Р. Питерсон // Poetics. – 1997. – № 25. – Текст на англ. яз.*
20. *Рамблер/новости. Исследование Rambler&Co. Россияне доверяют новостям из Telegram, но перепроверяют их на сайтах СМИ [Электронный ресурс] // Rambler. – 2023. – URL: https://news.rambler.ru/community/51460217-issledovanie-rambler-co-rossiyane-doveryayut-novostyam-iz-telegram-no-pereproveryayut-ih-na-saytah-smi/ (дата обращения: 12.02.2025).*
21. *Распопова, С. С. Закон «О средствах массовой информации» и кодексы профессиональной этики журналиста в практике российских СМИ / С. С. Распопова // Челябинский гуманитарий. – 2022. – № 1 (58).*
22. *Рощина, Я. М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга / Я. М. Рощина // Экономическая социология. – 2007. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-stiley-zhizni-rossiyan-v-pole-dosuga (дата обращения: 12.02.2025).*
23. *Сиберт, Ф. С., Шрамм, У., Питерсон, Т. Четыре теории прессы / Ф. С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. – Москва : Вагриус, 1998. – 224 с.*
24. *Социология медиа: переоценка : сб. науч. тр. / под ред. С. Вайсборда. – Кэмбридж : Polity Press, 2014. – 298 с.*
25. *Флориди, Л. Что такое философия информации? / Л. Флориди // Metaphilosophy. – 2002. – Vol. 33, № 1-2. – P. 123–145. – Текст на англ. яз.*
26. *Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург : Наука, 2000.*
27. *Шапинская Е. Н. Массовая культура в теоретических исследованиях: у истоков теории // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – №17 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kultura-v-teoreticheskih-issledovaniyah-u-istokov-teorii (дата обращения: 12.10.2025).*

РОЛЬ ГУАНДУНСКИХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАЙОНА БОЛЬШОГО ЗАЛИВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ху Чжунтянь
(СПбГУ)

Аннотация. В докладе анализируется роль гуандунских СМИ в формировании социокультурной идентичности Района Большого залива в условиях цифровой трансформации. Рассматривается интеграция ИИ в медиапроизводство, влияние на культурные процессы и межкультурный диалог.

Ключевые слова: гуандунские СМИ, Район Большого залива, социокультурная идентичность, цифровая трансформация, искусственный интеллект, культурные индустрии, мягкая сила.

В современном мире культурное пространство претерпевает значительные изменения под влиянием цифровизации и глобализации. Район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао (粤港澳大湾区) представляет собой уникальный пример экономического и культурного хаба Китая, где проживает свыше 86 млн человек, а ВВП превышает 14 трлн юаней по данным на 2025 год, составляя около 11 % от национального показателя. Гуандунские СМИ, ориентированные на гуандунский (кантонский) диалект, выполняют двойственную функцию: сохранение локальной культуры Линнань (岭南文化) и продвижение межкультурного диалога в глобализированном контексте. В эпоху цифровой трансформации, когда искусственный интеллект (ИИ) интегрируется в производство медиаконтента, конкуренция между человеческим креативом и технологиями переопределяет роль культурных индустрий. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа, как СМИ способствуют формированию социокультурной идентичности в множественном пространстве современности, где время и пространство сжимаются благодаря цифровым платформам [1].

Исторически гуандунские СМИ развивались как инструмент региональной интеграции. С момента запуска проекта «Большой залив» в 2017 году, медиа провинции Гуандун активно адаптировались к национальной стратегии, фокусируясь на культурном единстве с Гонконгом и Макао. Например, Guangdong Radio and Television Group (GRT) расширила вещание на гуандунском языке, охватывая не только локальную аудиторию, но и зарубежные китайские сообщества через платформы вроде YouTube и Facebook (продукт компании Meta признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ). По данным исследований, в 2024 – 2025 годах доля цифрового контента в гуандунских СМИ выросла на 25 %, что способствовало укреплению региональной идентичности [2]. Это соответствует социологической панораме современных обществ, где медиа выступают как конструкторы коллективной памяти и культурного капитала по П. Бурдье.

Социологическое измерение культуры через гуандунские СМИ раскрывается в их способности интегрировать традиции в цифровую среду. Радиостанции вроде «花生FM» (Huasheng FM) и приложения «粤听» (Yue Ting) производят локализованный контент, такой как программы «粤韵风华» (Yue Yun Feng Hua, Очарование гуандунской оперы), которые сочетают аудиовизуальные элементы с интерактивностью. Эти инициативы усиливают эмоциональный резонанс среди аудитории, способствуя сохранению диалекта

и традиций Линнань[3]. В социологическом контексте это отражает концепцию «мягкой силы» Дж. Ная, где СМИ служат инструментом национальной стратегии Китая по продвижению культурного разнообразия. Панорама культурсоциологии показывает, что в множественном пространстве залива СМИ преодолевают географические границы, создавая «трансляционный ореол» – охват зарубежных сообществ. Например, официальные аккаунты GRT на международных платформах генерируют миллионы просмотров, усиливая связь с диаспорой в США и Европе [4].

Цифровая трансформация значительно усиливает эту роль. К 2025 году провинция Гуандун лидирует в внедрении ИИ в промышленность, включая медиа, с ростом цифровой экономики на 15 – 20 % ежегодно. В культурных индустриях ИИ используется для генерации контента: алгоритмы анализируют предпочтения аудитории, адаптируя программы на гуандунском языке для молодежи. Однако это порождает конкуренцию: творцы (журналисты, режиссеры) соревнуются с технологиями, где ИИ ускоряет производство, но рискует эрозией аутентичности. По прогнозам, к 2025 году число AI-предприятий в Гуандуне превысит 2000, а вклад ИИ в ВВП Китая приблизится к 10 %. В проектах GRT ИИ интегрируется в документальные фильмы вроде «湾区同舟» (Wan Qu Tong Zhou, Вместе в заливе), повышая эффективность распространения и персонализацию[5].

Творцы и участники культурно-творческих процессов в Гуандуне сталкиваются с вызовами цифровизации. Согласно отчетам, интеллектуальная вычислительная мощность Китая в 2025 году вырастет более чем на 40 %, с акцентом на медиа и коммуникации. Гуандунские СМИ, такие как «触电新闻» (Chu Dian Xin Wen), применяют ИИ для персонализации, усиливая вовлеченность диаспоры. Это соответствует теме множественного времени: реальное вещание сочетается с асинхронным потреблением в соцсетях. Социологические опросы выявляют риски – потеря культурной глубины из-за коммерциализации алгоритмов. Аудитория становится со-творцами через пользовательский контент, трансформируя традиционные роли. Например, в 2024 – 2025 годах платформы вроде Douyin (TikTok в Китае) интегрировали гуандунский контент, генерируя вирусные видео о традициях Линнань, что повысило глобальную видимость региона [6].

Далее, рассмотрим влияние на межкультурный диалог. Гуандунские СМИ способствуют интеграции в Большом заливе, где культурные различия между Гуандуном, Гонконгом и Макао требуют баланса. Проекты вроде «海上丝绸之路» (Hai Shang Si Chou Zhi Lu, Морской шелковый путь) подчеркивают исторические связи, используя ИИ для мультиязычной адаптации. Исследования показывают, что такие инициативы усиливают социальную сплоченность, снижая культурные барьеры [7]. В глобальном контексте СМИ продвигают «мягкую силу» Китая, охватывая диаспору: официальные каналы на YouTube имеют миллионы подписчиков, транслируя гуандунскую культуру за рубежом. Это соответствует социологической теории множественного пространства, где цифровые медиа создают виртуальные сообщества, преодолевающие физические границы [8].

Однако цифровизация несет вызовы для культурной идентичности. Алгоритмы ИИ, ориентированные на монетизацию, могут способствовать унификации контента, подрывая локальные диалекты. В Гуандуне, где гуандунский язык используется 80 млн человек, СМИ балансируют между продвижением путунхуа (стандартного китайского) и сохранением диалекта. Социологические исследования указывают на риск культурной эрозии среди молодежи, предпочитающей глобализированный контент. Для минимизации этого необходимы стратегии, такие как этические рамки для ИИ в медиа, разрабатываемые в Гуандуне с 2024 года [9].

В трансформации культурных индустрий Гуандуна ключевую роль играет государственная поддержка. Политика «Цифровой Гуандун» стимулирует инвестиции в ИИ, с бюджетом свыше 100 млрд юаней на 2025 год. Это включает партнерства с компаниями вроде Tencent и Huawei, интегрирующими ИИ в медиапроизводство. Результат – рост культурного экспорта: гуандунские сериалы и документалистика достигают глобальной аудитории, усиливая идентичность Большого залива [10].

Заключение. Гуандунские СМИ в Районе Большого залива не только сохраняют социокультурную идентичность, но и адаптируют ее к цифровой эпохе через ИИ и инновации. Это усиливает «мягкую силу» Китая, способствуя межкультурному диалогу и трансформации индустрий. В социологическом ракурсе мониторинг баланса между технологиями и человеческим фактором критичен для предотвращения культурной унификации. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на эмпирических данных 2025 – 2030 годов для прогнозирования тенденций. (Общий объем текста: около 1150 слов).

1. *Brand Hong Kong. Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. URL: https://www.brandhk.gov.hk/docs/default-source/factsheets-library/hong-kong-themes/2025-06-30/guangdong-hk-macao-greater-bay-area_en_jun-2025.pdf.*
2. *China Daily. Media urged to utilize new technologies. URL: https://lb7.chinadailyhk.com/upload/main/pdf/2025/05/28/bcf6a78e36de73abdd761a2ac76086b0.pdf.*
3. *China Media Project. AI Moves to Page One. URL: https://chinamediaproject.org/2025/04/18/ai-moves-to-page-one/.*
4. *Goldman Sachs. What advanced AI means for China's economic outlook. URL: https://www.goldmansachs.com/insights/articles/what-advanced-ai-means-for-chinas-economic-outlook.*
5. *Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. Press Releases. URL: https://www.bayarea.gov.hk/en/resource/press.html.*
6. *OpenGov Asia. Hong Kong: AI Ecosystem Transforms Services, Fuels Growth. URL: https://opengovasia.com/hong-kong-ai-ecosystem-transforms-services-fuels-growth/.*
7. *The Impact of Digital Transformation on the Global Value Chain. URL: https://www.mdpi.com/2079-8954/12/6/223.*
8. *The development model and path of Guangdong's cultural and tourism. URL: http://www.upubscience.com/upload/20250728105427.pdf.*
9. *The Future of AI in the Greater Bay Area and Its Global Impact. URL: https://www.linkedin.com/pulse/catalyzing-innovation-future-ai-greater-bay-area-its-dr--rmvkc.*
10. *Wang X. Digital Empowerment of Governance System Innovation in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. URL: https://www.davidpublisher.com/Public/uploads/Contribute/63b66fd3ba5e3.pdf.*

ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ

Чжэн Сяокэ
(СПбГУ)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет(ЛЭТИ))

В ранней китайской концепции изучение ценностей было «капиталистическим», и только позже, после того как социология сложилась как научная дисциплина в Китае, ценности изучались в качестве объекта, актуального для решения практических аспектов социальных и экономических реформ. После периодов реформ и открытости, в китайской социологической науке начали проводить широкомасштабные исследования ценностей. В

этот период изучение китайских ценностей имело ярко выраженные локальные особенности. Изучение китайских ценностей начинается с анализа традиционной китайской культуры. Традиционная китайская культура является концентрированным выражением китайских ценностей. К числу ученых, которые изучают китайские традиционные ценности с такой точки зрения, относится прежде всего Фэй Сяотун. В дальнейшем аналогичные методологические подходы были активно разработаны тайваньскими социологами, в частности, Ян Чжунфаном и Ян Гошу. Однако китайский социолог Чжай Сюэвэй внёс значительный вклад в данную область, предложив концепцию культуры «mianzi». **Концепция «mianzi»** (переводится как «лицо», «репутация»), которая играет центральную роль в китайской культуре и общении и относится к социальному статусу, уважению или престижу человека в глазах других, а также к его собственному чувству достоинства.

Далее изучение китайских ценностей в социологии **сосредоточивается** на изучении ценностей социализма с китайской спецификой. Эта эволюция также отражает изменения в китайском обществе – социальной среде, в которой доминирует традиционная культура. В социальную среду, где доминирует социалистическая культура с китайскими особенностями

В 1947 году Фэй Сяотун предложил концепцию «The mold of differential associations» **(теория дифференциальных ассоциаций),** которая считается наиболее глубокой, уместной и наглядной разработкой традиционных китайских ценностей. Суть концепции заключается в том, что **люди усваивают ценности, установки, методы и мотивы поведения посредством взаимодействия с другими людьми**. Это происходит в социальных микрогруппах (в семье, на улице, в трудовых коллективах и др.). Концепция оказывает глубокое влияние и до сих пор является важным документом, который должен усвоить каждый исследователь, занимающийся китайскими ценностями [1]. В частности, в изучении эгоцентричных ценностей китайских народов, когда некоторые современные социальные психологи продолжают обсуждение этого темы. Ян Чжунфан считает, что отражение китайских ценностей в поведении является результатом «совладания» с культурной ориентацией [2, 268], но не все это является отражением культуры в поведении. Ян Чжунфан не согласна с тем, что китайские ценности носят коллективистский характер. Она включила изучение ценностей в свое исследование «себя» китайского народа. Автор считает, что поведение китайцев основано на коллективном сотрудничестве, цель взаимодействия состоит в том, чтобы жить в гармонии внутри коллектива, а не сотрудничать ради общей прагматической цели [2, 260].

Основываясь на всестороннем анализе работ Ян Чжунфана, Ян Гошу считает, что большая часть поведения по отношению к китайцам носит коллективистский характер [3, 130]. Ян Гошу сравнил человеческое общество с кругом жизни. Один из них заключается в том, чтобы подчеркнуть индивидуальную ориентацию индивидов на удовлетворение своих личных потребностей и желаний путем доминирования над окружающей средой (individual orientation), а другой – подчеркивает социальную ориентацию индивидов на интеграцию в свою социальную среду или адаптацию к ней (social orientation). Ян Гошу предположил, что китайские ценности находятся под глубоким влиянием конфуцианской культуры и образуют структуру, главной осью которой является социальная ориентация. Социальная ориентация китайцев в основном относится к стилю и форме социального взаимодействия, в которые люди встраиваются или сотрудничают с другими людьми в своей семье, органах власти и других неспецифических лицах [3, 92]. Эта ориентация включает в себя четыре ключевых аспекта: ориентацию на семью, ориентацию на отношения, ориентацию на авторитет и ориентацию на других [3, 92]. Проанализировав

результаты проведенного в 1984 году опроса о традиционных и современных ценностях тайваньских студентов и общественности, Ян Гошу выделил пять типов традиционных компонентов ценностей (подчинение властям, сыновняя почтительность и уважение к предкам, безопасность и успех, стремление к самосохранению и мужское превосходство) и пять типов современных ценностей компоненты (равенство и открытость, независимость и забота о себе, оптимизм и предприимчивость, уважение к эмоциям и гендерное равенство) [3, 435]. Согласно проведенному анализу, он считает, что китайские ценности демонстрируют двойственность традиционного и современного сосуществования. А в своих исследованиях, посвященных китайцам, он выступал против механического применения западных теорий, делая акцент на извлечении концепций из контекста китайской культуры (например, конфуцианской этики). Невозможно полностью вестернизироваться, и также невозможно использовать западный стиль в китайском стиле.

Социальные ценности современного китайского общества основаны на ценностях социализма с китайской спецификой. Специфика основных китайских ценностей проявляется во влиянии марксизма, формирование ценностей на трех уровнях – страны, общества и отдельного человека [4]. Формируют общую норму китайской нации, которая является важной движущей силой национального развития.

Эмпирические исследования китайских ценностей на социальном уровне проводились, начиная с 1970-х гг., хотя в Гонконге, Макао и Тайване они начались раньше. В дополнение к получению информации о структуре китайских ценностей на тот момент, результаты опроса, проведенного Ян Гошу и другими специалистами, также подтвердили взаимосвязь между традиционными китайскими ценностями, современными ценностями и индивидуальным поведением в организации.

Исследовательская группа ценностей Китайской академии общественных наук провела два опроса о ценностях 4357 молодых людей в известных городах и поселках в период с 1988 по 1990 год. Исследователи проанализировали пять аспектов жизненных ценностей: моральные ценности, политические ценности, профессиональные ценности, брачные и сексуальные ценности. Считается, что эволюция ценностей молодых людей в то время имела три характерные черты: групповая ориентация сменилась индивидуальной ориентацией и развилась от единой ориентации к множественной ориентации; светские ценностные цели вытесняют идеалистические ценностные цели [5,61]. После 2000 года постепенно обратился к изучению социальных ценностей, особенно основных ценностей социализма с китайской спецификой. Китайская академия общественных наук приступила к проведению всестороннего исследования социальных условий в Китае (CSS) [6]. Опрос включает в себя раздел, посвященный социальным ценностям. Результаты исследования показывают, что признание основных социалистических ценностей является высоким, а ценности национальной идентичности, общественного порядка и социального единства постепенно получают признание общественности. Более высокое признание. Консенсус в отношении ценностных концепций различных социальных групп становится более четким, а различия в ценностях между различными социальными группами значительно сокращаются. Есть также ученые, которые анализируют те части результатов опроса WVS, которые касаются основных ценностей социализма с китайской спецификой, и считают, что основные ценности социализма охватывают все аспекты жизни китайцев [7, 106]. На своем повседневном жизненном опыте китайцы доказали научную природу социалистических ценностей с китайской спецификой на социальном уровне в Китае, это является общепризнанным ценностным принципом в обществе.

1. *费孝通．乡土中国 // **北京：三联书店，1985. Фэй Сяотун. Из почвы: основы китайского общества//Пекин: Книжный магазин «Саньлянь», 1985.*
2. *杨中芳. **如何理解中国人：文化与个人**论文集 //**重庆大学出版社, 2009. Ян Чжунфан. Как понимать китайцев: культура и личные эссе // Издательство университета Чунцина, 2009*
3. *杨国枢. **中国人的心理与行为：本土化研究 // 中国人民大学出版社**, 2004. Ян Гошу. Китайская психология и поведение: исследование локализации // Издательство Китайского университета Жэньминь, 2004.*
4. ***社会主**义核心价值观 Основные социалистические ценности.[электронный ресурс] URL :http://theory.people.com.cn/GB/68294/384764/ (дата обращения:23.06.2025)*
5. ***金盛**华, **辛志勇**. **中国人价**值观研究的现状及发展趋势//**北京**师范大学学报: **社会科学版**, 2003. № 3. Цзинь Шэнхуа, Синь Чжиюн. Текущая ситуация и тенденции развития исследований ценностей в Китае // Журнал Пекинского педагогического университета: Издание по социальным наукам, 2003. № 3.*
6. ***中国社会状况**综合调查 Всесторонний обзор социального положения в Китае [электронный ресурс] URL:http://css.cssn.cn/css_sy/ (дата обращения:23.06.2025)*
7. ***原理. 当代中国核心价**值观分析—**基于世界价**值观调查 (WVS) **的考察**//**当代中国价**值观研究, 2020, Т. 5. № 2. Юань Ли. Анализ основных ценностей современного Китая – Исследование, основанное на Всемирном обзоре ценностей (WVS) // Исследование современных китайских ценностей, 2020, Т. 5. № 2.*

ПАРАДОКСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ.

Чэнь Сяосюй
(СПбГУ)

Введение. Дальневосточное приграничье России, характеризующееся протяженными границами с Китаем, Японией, Кореей и Монголией, представляет собой уникальный поликультурный регион, где на протяжении столетий формировались сложные и динамичные межкультурные взаимодействия. Современные процессы глобализации и регионализации, включая расширение трансграничной торговли, культурного обмена и миграционных потоков, значительно усиливают эти взаимодействия, актуализируя необходимость их эффективной институционализации. Институционализация межкультурных взаимодействий здесь понимается как формирование устойчивых, формализованных и регулируемых правил, норм и практик, определяющих способы взаимодействия различных культурных групп в приграничном регионе, с целью обеспечения стабильного, продуктивного и гармоничного развития. Однако, институционализация в данном регионе сталкивается с рядом парадоксов, обусловленных сложным переплетением исторических, социокультурных, политических и экономических факторов, нередко усугубляемых географической удаленностью и спецификой социально-экономического развития региона.

Настоящая статья посвящена углубленному анализу этих парадоксов в контексте современного Дальневосточного приграничья.

Цель исследования – не только выявить ключевые противоречия, возникающие в процессе институционализации межкультурных взаимодействий, но и проанализировать их взаимосвязь, показать, как один парадокс может усиливать или ослаблять влияние другого, а также предложить возможные пути их разрешения, опираясь на принципы устойчивого развития и уважения культурного разнообразия.

Теоретические рамки

Институционализация межкультурных взаимодействий в рамках данного исследования рассматривается как комплексный процесс, включающий в себя создание и

поддержание как формальных (законы, нормативные акты, государственные программы, образовательные учреждения), так и неформальных (традиции, обычаи, социальные нормы, межличностные связи) институтов, регулирующих и направляющих взаимодействие между различными культурными группами.

Теоретической основой исследования служат работы классиков и современных исследователей в области:

Социологии культуры: (П. Бурдье, И. Гофман, П. Бергер и Т. Лукман) – для понимания механизмов формирования культурного капитала, символического обмена и конструирования социальной реальности.

Социологии организаций и теории институтов: (Р. Скотт, Д. Норт, У. Пауэлл, П. ДиМаджио) – для анализа структуры, функций и динамики формальных и неформальных институтов, а также процессов институционального изменения.

Теории социальных сетей: (М. Грановеттер, Р. Берт) – для изучения влияния социальных связей и сетевых взаимодействий на распространение норм, ценностей и практик межкультурного взаимодействия.

Постколониальной теории: (Г. Спивак, Э. Саид, Х. Баба) – для анализа влияния исторического колониального прошлого на современные межкультурные отношения и процессы институционализации, особенно в контексте отношений между «центром» и «периферией».

Теории устойчивого развития: (Дж. Стиглиц, А. Сен) – для оценки институциональных решений с точки зрения их соответствия принципам социальной справедливости, экологической устойчивости и экономического благополучия всех культурных групп.

При анализе будут учитываться следующие ключевые аспекты, предложенные в исходном тексте, но с расширением и углублением каждого из них:

Соотношение формальных и неформальных институтов: анализ не только формальных институтов, созданных государством, но и роли т.н. «теневых институтов» (неформальных практик, часто находящихся в конфликте с формальными правилами), формирующихся в приграничном регионе под влиянием трансграничной торговли, миграции и других факторов. Важно исследовать, как формальные институты адаптируются к местным социокультурным условиям, и как неформальные практики могут влиять на эффективность формальных институтов.

Пример: неформальные сети трудовой миграции из Китая, часто обходящие официальные каналы, и их влияние на соблюдение трудового законодательства.

Культурные ресурсы и символический капитал: оценка влияния не только культурных ресурсов, но и исторической памяти, мифов и нарративов, конструирующих идентичность различных этнических и культурных групп, на процесс институционализации. Анализ борьбы за символическое доминирование и влияние на формирование культурной политики региона, включая вопросы языка, образования и интерпретации истории.

Пример: конкуренция между различными нарративами о событиях, связанных с освоением Дальнего Востока, и их влияние на формирование национальной и региональной идентичности.

Диалектика глобального и локального: рассмотрение влияния не только глобальных тенденций, но и геополитических факторов, таких как отношения России с соседними странами, и их влияния на межкультурные взаимодействия в приграничье. Исследование механизмов адаптации локальных культур к условиям глобальной

конкуренции, включая вопросы сохранения языкового разнообразия, поддержки традиционных ремесел и развития культурного туризма.

Пример: влияние китайской культурной экспансии (распространение китайского языка, культуры питания, традиционной медицины) на социокультурную среду Дальневосточного приграничья.

Социальная структура и акторы: анализ роли не только традиционных социальных акторов (государство, бизнес, общественные организации), но и новых акторов, таких как социальные медиа, блогеры, и неформальные группы, формирующиеся на основе общих интересов и ценностей. Изучение властных отношений, влияния диаспор, конфликтов интересов и стратегий различных акторов в процессе институционализации.

Пример: влияние социальных сетей на формирование образа мигрантов и на распространение ксенофобских настроений.

В таблице 1, представленной ниже, раскрываются парадоксы институционализации межкультурных взаимодействий, характерные для динамичного Дальневосточного приграничья.

Таблица 1. Парадоксы институционализации межкультурных взаимодействий в Дальневосточном приграничье.

№	Парадокс	Проявление (Последствия)	Пример	Взаимосвязь с другими парадоксами	Возможное решение
1	Формализации и аутентичности: утрата культурной субъектности и усиление соц.изоляции	Утрата связи с реальными потребностями культурных сообществ, отчуждение от формальных институтов, усиление социальной изоляции. Демонстрация "витринной" версии культуры, скрывающей проблемы.	Организация стереотипных фестивалей национальных культур (традиционные костюмы, танцы), финансируемых из бюджета, при игнорировании реальных потребностей (языковые школы, современное искусство, социальные проблемы).	Универсализма и партикуляризма (унификация правил, игнорирование специфики). Централизации и децентрализации (централизованное управление без учета мнения местных сообществ).	Партисипативное управление программами поддержки культурного разнообразия с активным участием членов культурных сообществ. Поддержка неформальных и grassroots-проектов.
2	Универсализма и партикуляризма: дефицит справедливости и усиление межэтнической напряженности	Игнорирование специфических потребностей и интересов отдельных культур (особенно маргинальных), дискриминация, усиление межэтнической напряженности, чувство несправедли-вости.	Введение обязательного знания русского языка для мигрантов без учета уровня образования, что создает барьеры для интеграции, ведет к сегрегации и росту социальной напряженности.	Конкуренции и сотрудничества (чувство несправедливости усиливает конкуренцию за ресурсы). Глобального и локального (конфликт глобальных ценностей с местными традициями).	Дифференцированный подход к институционализации, учитывающий особенности различных культурных групп. Программы укрепления межэтнического доверия, борьбы с дискриминацией. Создание механизмов мирного разрешения конфликтов.

3	Централизации и децентрализа-ции: подавление инициативы и снижение эффективности институтов	Подавление инициатив на местном уровне, ограничение участия акторов, снижение эффективности институтов (решения не учитывают местную специфику), бюрократизация, формализм, затруднение взаимодействия.	Принятие федеральных программ поддержки национальных культур, не учитывающих особенности регионов (например, поддержка ремесел без учета рынка).	Формализации и аутентичности (поддержка только «форматных» проектов). Конкуренции и сотрудничества (ограничение конкуренции между культурными организациями).	Усиление роли местных акторов в разработке и реализации культурной политики. Делегирование полномочий на региональный и местный уровни. Поддержка низовых инициатив и инновационных проектов.
4	Конкуренции и сотрудничества: этно-экономическая напряженность и "гонка ко дну"	Неурегулированная конкуренция, особенно в экономике, приводит к этно-экономической напряженности (борьба за ресурсы), «гонке ко дну» (снижение требований к оплате труда и условиям).	Конкуренция между китайскими и местными предпринимателями в сфере торговли и сельского хозяйства, приводящая к снижению цен и ухудшению условий труда для местных.	Универсализма и партикуляризма (формальные правила не учитывают особенности этнических групп). Глобального и локального (глобальная конкуренция усиливает давление на местные рынки).	Создание механизмов регулирования конкуренции, обеспечивающих равные условия. Программы поддержки малого и среднего бизнеса, особенно в секторах, важных для культурной самобытности. Развитие социального предпринимательства.
5	Глобального и локального: утрата культурной идентичности и эрозия социальных связей	Ориентация на глобальные тренды ведет к утрате локальной идентичности, эрозии социальных связей, чувству отчуждения, экологическим проблемам (эксплуатация ресурсов).	Распространение западных моделей потребления, утрата традиционных ценностей, ухудшение экологической ситуации.	Формализации и аутентичности (поддержка глобальных трендов в ущерб локальной культуре). Централизации и децентрализации (решения без учета мнения местных сообществ о сохранении идентичности).	Поддержка локальных культурных инициатив, направленных на сохранение и развитие традиционных ценностей. Программы экологического образования. Развитие экологического туризма.

Прим. Составлено автором.

Институционализация межкультурных взаимодействий в Дальневосточном приграничье представляется сложным и многогранным процессом, подверженным влиянию ряда парадоксов. Эффективное управление этим процессом требует глубокого понимания этих парадоксов, их взаимосвязей и возможных последствий. Необходим отход от одностороннего подхода, учитывающего только формальные критерии и глобальные тренды, и переход к партисипативному управлению, основанному на учете специфических потребностей и интересов различных культурных групп, а также на поддержке локальных инициатив и инновационных проектов. Только в этом случае

можно избежать негативных последствий, таких как утрата культурной идентичности, этно-экономическая напряженность и подавление инициативы, и создать устойчивую и справедливую систему межкультурных взаимодействий, способствующую сохранению и развитию культурного разнообразия и укреплению межэтнического доверия в регионе.

Эмпирическая база и методология исследования:

Анализ нормативных правовых актов и программных документов федерального и регионального уровней, регулирующих межкультурные взаимодействия.

Результаты социологических опросов населения (включая как количественные, так и качественные методы), позволяющих выявить представления о межкультурных взаимодействиях, оценку эффективности существующих институтов, а также определение уровня межэтнической напряженности и распространенности ксенофобских настроений.

Глубинные интервью с экспертами (представители органов власти, бизнеса, общественных организаций, культурных сообществ, религиозных организаций, ученые), позволяющих получить более глубокое понимание проблем и перспектив институционализации межкультурных взаимодействий в регионе.

Этнографические исследования: проведение полевых исследований, включающих наблюдение, участие в культурных мероприятиях и общение с представителями различных этнических групп, для получения более глубокого понимания их культурных ценностей, традиций и особенностей межкультурного взаимодействия.

Анализ сетевых взаимодействий: использование методов анализа социальных сетей для изучения структуры и динамики связей между различными акторами, участвующими в процессе институционализации межкультурных взаимодействий. Это позволит выявить ключевых акторов, определить их влияние и стратегии, а также выявить точки напряжения и конфликта.

Кейс-стади: анализ конкретных случаев успешной и неудачной институционализации межкультурных взаимодействий в регионе (например, опыт создания этнокультурных центров, реализации программ поддержки национальных культур, разрешения межэтнических конфликтов).

Методологическое предложение: «Ethical Reflexive Action Research»

Поскольку речь идет о сложных, динамичных социальных процессах, затрагивающих интересы различных групп, предлагаю использовать методологию Ethical Reflexive Action Research (Этической Рефлексивной Исследовательской Деятельности). Этот подход предполагает:

Активное участие представителей разных культурных групп на всех этапах исследования, включая определение проблематики, разработку методологии, сбор и анализ данных, а также выработку рекомендаций. Это обеспечит более глубокое понимание проблемы и позволит выработать решения, учитывающие интересы всех заинтересованных сторон.

Рефлексивность исследователей, т. е. постоянный анализ собственных установок, предубеждений и роли в процессе исследования. Это позволит избежать искажений и предвзятости при интерпретации данных.

Акцент на этических принципах, таких как уважение автономии, справедливость, благополучие и не причинение вреда участникам исследования. Это позволит обеспечить защиту прав и интересов всех заинтересованных сторон.

Ориентацию на действие, т.е. на разработку и реализацию практических рекомендаций, направленных на решение выявленных проблем. Исследование должно не только выявить проблемы, но и предложить конкретные пути их решения.

Заключение. Институционализация межкультурных взаимодействий в Дальневосточном приграничье представляет собой сложный и противоречивый процесс, сопряженный с рядом парадоксов, которые тесно связаны между собой и усиливают друг друга. Разрешение этих парадоксов требует комплексного подхода, основанного на:

Признании и уважении культурного разнообразия и поддержке культурной самобытности всех этнических групп, проживающих в регионе. Это предполагает не только формальное признание, но и активную поддержку языков, традиций, искусства и других форм культурного самовыражения, а также создание условий для сохранения и развития культурного наследия.

Развитии горизонтальных связей и сетевых взаимодействий между различными акторами, участвующими в процессе институционализации. Необходимо стимулировать сотрудничество между государственными органами, общественными организациями, культурными институтами, бизнес-сообществами и представителями различных этнических групп. Это позволит обеспечить более гибкий и адаптивный подход к управлению межкультурными взаимодействиями, учитывающий разнообразие точек зрения и интересов.

Обеспечении баланса между глобальными трендами и локальными потребностями, поддерживая процессы интеграции в глобальное культурное пространство, но при этом сохраняя и развивая уникальные культурные особенности региона. Важно избегать навязывания универсальных моделей и поддерживать местные инициативы, направленные на сохранение и продвижение культурной самобытности.

Совершенствовании механизмов регулирования конкуренции и создании равных возможностей для всех участников, чтобы избежать этно-экономической напряженности и «гонки ко дну». Необходимо разрабатывать и реализовывать программы поддержки малого и среднего бизнеса, особенно в тех секторах экономики, которые имеют важное значение для сохранения культурной самобытности и традиционного образа жизни.

Только при таком комплексном подходе возможно создать устойчивую систему межкультурных взаимодействий, которая будет способствовать сохранению и развитию культурного разнообразия, укреплению межэтнического доверия и социально-экономическому развитию Дальневосточного приграничья.

1. *Арктика и Дальний Восток. Global Affairs. https://globalaffairs.ru/articles/arktika-i-dalnij-vostok/ (дата обращения: 05.10.2025).*
2. *Барт, Ф. (2024). Этнические группы и границы: Социальная организация культурных различий. Москва: Новое издательство.*
3. *https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002941827/ (дата обращения 6.10.2025).*
4. *Бергер, П., Лукман, Т. (2024). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум. https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru.pdf (дата обращения: 01.10.2025).*
5. *Берт, Р. С. Структурные дыры: Социальная структура конкуренции. Кембридж: Издательство Гарвардского университета. https://smg.media.mit.edu/library/Burt.StructuralHoles.pdf (дата обращения: 07.10.2025).*
6. *Бийжанова Э.К. Приграничье как обьект исследования.*

7. *https://cyberleninka.ru/article/n/prigranichie-kak-obekt-issledovaniya/viewer (дата обращения 7.10.2025)*
8. *Васильев, В. А., Петров, П. П. (2023). Межкультурное взаимодействие в приграничных регионах России и Китая: опыт, проблемы, перспективы. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета.*
9. *Грановеттер, М. С. Исследование контактов и карьеры. Издательство Чикагского университета. https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/G/bo3636056.html (дата обращения: 06.10.2025).*
10. *Забияко А. П., Беляков А. О., Гаврилов С. С., Конталева Е. А., Родионова К. И. Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. 166 с.*
11. *Иванова, С. Ю. (2023). Институционализация межкультурных взаимодействий в регионе: теоретические подходы и практика. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, (4 (32)), 111-119.*
12. *Культура как научная категория. https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-nauchnaya-kategoriya-v-teoreticheskom-nasledii-piera-burdie?ysclid=mglgg5fm4775357033 (дата обращения: 04.10.2025).*
13. *Лучшие практики. https://дом-дружбы03.рф/wp-content/uploads/2018/12/luchshie_praktiki_novyy_1.pdf (дата обращения: 07.10.2025).*
14. *Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ: Хранитель. http://edu.mieen.ru/moodle/file.php/499/Literatura/T_8_Merton_R.pdf (дата обращения: 07.10.2025).*
15. *Метод action research. https://cyberleninka.ru/article/n/metod-action-research-issledovanie-deystviem-v-sotsiologicheskih-issledovaniyah-osnovnye-idei?ysclid=mglgdzu8rc710155440 (дата обращения: 07.10.2025).*
16. *Норт, Д. Институциональная теория и экономический рост. https://schumpeter.ru/wp-content/uploads/2015/11/Nort-institutes.pdf (дата обращения: 04.10.2025).*
17. *Особенности нелегальной миграции из Китая в Россию. https://cyberleninka.ru/article/n/особенности-нелегальной-миграции-из-китая-в-россию?ysclid=mglfj9eo3468629644 (дата обращения: 05.10.2025).*
18. *Роль социальных сетей в формировании идентичности мигранта. https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-formirovanii-identichnosti-migranta?ysclid=mglfnt73k4312810557 (дата обращения: 03.10.2025).*
19. *Социальное, социокультурное, культурное. https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-sotsiokulturnoe-kulturnoe-istoriko-sotsiologicheskie-zametki-o-sootnoshenii-ponyatiy-obschestvo-i-kultura?ysclid=mglghohyls413744720 (дата обращения: 05.10.2025).*
20. *Хантингтон, С. (2024). Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ.*
21. *https://books.econ.msu.ru/economics-of-sustainable-development/sect02/chap03/?ysclid=mglgw7ww3606412625 (дата обращения: 05.10.2025).*
22. *https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43442/1/kis_2011_003.pdf?ysclid=mglfmbsbld36997661 (дата обращения: 04.10.2025).*
23. *https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214426474 (дата обращения: 08.10.2025).*
24. *https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0hipih2xzt/direct/70835583?ysclid=mglgthtukd268361178 (дата обращения: 03.10.2025).*

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ РОК-ГРУПП В УСЛОВИЯХ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Шайфутдинова Регина Рустемовна
(РАНХиГС)

Аннотация: В статье на основе качественного исследования анализируются стратегии творческой деятельности российских любительских рок-групп. Выявлено, что ключевым ресурсом их функционирования выступают сети социальных связей, формирующие альтернативную экономику и позволяющие сохранять творческую автономию в параллельном с коммерческой индустрией пространстве.

Ключевые слова: любительские рок-группы, музыкальная индустрия, социальные связи, альтернативная экономика, творческая автономия, культурное производство.

Современная музыкальная индустрия представляет собой сложное поле взаимодействия коммерческих и некоммерческих практик. Особый интерес в этом контексте представляют любительские рок-группы, которые, находясь в рамках музыкального поля, сознательно дистанцируются от его коммерческой логики. Данное исследование направлено на реконструкцию социальной организации и экономических моделей, позволяющих этим коллективам реализовывать творческий потенциал в условиях, объективно подчиненных рыночным отношениям.

Теоретическая рамка данного исследования строится на подходах, которые можно обобщить перспективой production of culture. Эта теоретическая традиция отталкивается от анализа культурных произведений не как продукта индивидуального творчества, а как результат коллективного труда в рамках специфических институциональных и рыночных структур [6]. Так, на примере анализа предпосылок возникновения рок-н-ролла в середине 1950-х годов американский социолог Ричард Петерсон показал, что оно стало возможным именно за счёт структурной трансформации индустрии: появления множества мелких звукозаписывающих компаний и радиостанций, сегментации рынка и изменения карьерных моделей в сторону фигур предпринимателя и шоумена [5, 104 – 108]. Эта теория предоставляет инструментарий для анализа «идеальных» структурных условий, способствующих появлению авангардной музыки, и служит основой для формулировки гипотезы о том, что современные музыканты могут иметь схожее видение эталонной музыкальной индустрии, а отклонения от этой модели составляют главное препятствие для их творчества.

Концепция «миров искусства» (art worlds) Говарда Беккера [4] фокусируется на кооперации всех акторов, так или иначе способствующих созданию и восприятию художественного произведения. В контексте данного исследования этот подход акцентирует внимание именно на деятельности самих музыкантов и их взаимодействии с другими участниками процесса (звукорежиссерами, организаторами концертов, дистрибьюторами). Помимо этого, ценность представляет анализ Беккером противоречия в сообществе джазовых музыкантов между стремлением к творческой свободе и необходимостью коммерциализации для получения стабильного заработка [1, 115 – 120]. Этот конфликт напрямую соотносится с предметом нашего исследования, помогая анализировать амбивалентную позицию музыкантов как одновременно творцов и предпринимателей.

Подход Пьера Бурдьё [1], критикующий номинализм Беккера, позволяет ввести в анализ понятие поля с его объективной структурой, определяющей статус агентов. Музыкальная индустрия концептуализируется как поле конкурентной борьбы за различные виды капитала (экономический, символический, культурный), где агенты занимают позиции в зависимости от его объема и структуры. Ключевой для моего исследования является его дихотомия между принципом «l'art pour l'art» (автономное творчество) и подчинением экономической логике (гетерономное производство) [1, 58 – 62]. Эта оптика позволяет рассматривать любительские рок-группы как агентов, занимающих специфическую позицию в суб-поле ограниченного производства, где доминирует накопление символического, а не экономического капитала.

Наконец, работа Дэвида Хезмондалша «Культурные индустрии» [3] актуализирует эти теории для анализа современного контекста. Его концепция создателей символов как полуавтономных агентов, занятых креативным трудом в пределах требований индустрии [3, 87 – 92], позволяет описать позицию музыкантов-любителей, которые, даже не будучи коммерческими, сталкиваются с институциональными ограничениями. Кроме того, Хезмондалш анализирует вызовы цифровизации, показывая, что интернет и стриминговые сервисы не вызвали коллапс индустрии, а заставили ее адаптироваться, создав новые формы производства и распространения продукта [3, 345 – 348], что напрямую соотносится с практиками дистрибьюции, описанными респондентами.

Таким образом, интегрируя эти подходы, можно описать музыкальную индустрию как структурированное поле, где музыканты занимают определенные позиции в зависимости от объема и типа капитала, вовлечены в кооперацию с другими агентами и испытывают на себе влияние широких институциональных условий. Это позволяет анализировать их деятельность не как изолированное творчество, а как социально и структурно обусловленную практику.

Исследование носило качественный характер, использовался метод полуструктурированного интервью, было необходимо для получения более насыщенных данных об опыте музыкального творчества информантов и условий, в которых оно реализуется. Поле эмпирического исследования составили молодые музыканты из разных городов России, всего было взято 10 интервью. Обработка и анализ данных проводились методом тематического анализа [7; 8], что позволило выявить устойчивые паттерны организации творческой деятельности.

Эмпирические данные демонстрируют формирование в музыкальном поле автономного сегмента, основанного на принципиально иной ценностной ориентации. Музыканты любительских рок-групп сознательно выбирают творческую самореализацию в ущерб коммерческому успеху, противопоставляя «искреннее» творчество «коммерциализированному» продукту индустрии. Этот выбор не является вынужденной мерой, а отражает устойчивое представление о сути музыкального творчества как деятельности, не подчиненной логике прибыли.

Ключевым ресурсом в деятельности групп выступают не формальные институты индустрии, а разветвленные сети личных знакомств и приятельских отношений. Эти связи выполняют многообразные функции: рекрутинга (поиск участников через сложные цепочки «друзей друзей»), организации деятельности (предоставление репетиционных баз, техническая помощь в записи) и продвижения (включение в концертные афиши через личные договоренности). Таким образом, социальный капитал эффективно замещает собой финансовый и институциональный, создавая уникальную инфраструктуру для творчества.

На основе сетей знакомств формируются устойчивые локальные сообщества, территориально или жанрово ориентированные. Внутри них действует особая экономическая модель, существенно отличающаяся от рыночной: концерты часто не приносят денежного дохода, вознаграждением может служить компенсация проезда или символический депозит в баре; запись и продвижение музыки осуществляются практически на волонтерских началах. Эта альтернативная экономика основана на принципах взаимопомощи, доверия и неденежного обмена услугами.

Несмотря на сознательное дистанцирование от собственно индустрии, музыканты демонстрируют глубокую критическую рефлексию относительно ее устройства. В интервью они последовательно отмечают такие системные проблемы, как жанровое однообразие, ориентацию на усредненный вкус массовой аудитории и стандартизацию музыкального продукта. При этом группы адаптивно используют отдельные инструменты индустрии (цифровые дистрибьюторы, стриминговые платформы), но на своих условиях, например, создавая «самодельные» лейблы для публикации музыки.

Сравнительный анализ выявил, что, несмотря на заметные различия в концертных инфраструктурах (клубы и бары в столицах против городских фестивалей и инициатив культурных центров в регионах), ключевые процессы творческой деятельности – запись, дистрибьюция, опора на социальные связи – оказываются универсальными. Это свидетельствует о формировании общероссийской модели любительского музыкального творчества, основанной на сходных организационных принципах и ценностных ориентациях.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что российские любительские рок-группы не просто представляют собой слабо коммерциализированный сегмент музыкальной индустрии, но образуют принципиально иную, параллельную социальную структуру. Ее фундаментом служат плотные сети личных связей и устойчивые локальные сообщества, которые генерируют альтернативные экономические модели, позволяющие существовать и творить вне доминирующей логики шоу-бизнеса. Творческая деятельность в этом сегменте оказывается не столько ограниченной структурными барьерами индустрии, сколько обеспеченной ресурсами собственной социальной организации. Выявленная модель представляет значительный интерес для дальнейших исследований некоммерческих творческих практик и альтернативных экономик в современном культурном пространстве.

1. *Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / пер. с англ. А. Готовчикова; науч. ред. М. Соколова. – М.: Элементарные формы, 2018. – 200 с.*
2. *Бурдье П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.*
3. *Хезмондалш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 456 с.*
4. *Becker H. S. Art Worlds / H. S. Becker. – 25th Anniversary Edition. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2008. – 408 p.*
5. *Peterson R. A. Why 1955? Explaining the advent of rock music / R. A. Peterson // Popular Music. – 1990. – Vol. 9, № 1. – P. 97–116.*
6. *Peterson R. A. The production of culture perspective / R. A. Peterson, N. Anand // Annual Review of Sociology. – 2004. – Vol. 30. – P. 311–334.*
7. *Vaismoradi M. Content analysis and thematic analysis: Implications for conducting a qualitative descriptive study / M. Vaismoradi, H. Turunen, T. Bondas // Nursing and Health Sciences. – 2013. – Vol. 15, № 3. – P. 398–405.*
8. *Willig C., Rogers W. S. (ed.). The SAGE handbook of qualitative research in psychology // Sage. – 2017.*

РОЛЬ ТУРИСТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Шалыгин Иван Кириллович
(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

В современном обществе границы между терминами «культура» и «туризм» являются в достаточной степени размытыми, так как оба понятия включают в себя культурное обогащение, досуг, социализацию и получение впечатлений [4]. Таким образом, сферу туризма можно назвать культурной индустрией, имеющей большое значение для эмоционально-психологического состояния общества.

В последние годы Санкт-Петербург является одним из самых популярных российских направлений. Так, объем туристического потока в 2024 году достиг 11,6 миллионов посетителей, что в два раза превышает численность населения города [1]. Особенность Петербурга как туристической дестинации в том, что объекты показа и маршруты разрабатываются с учетом богатого культурно-исторического наследия и выполняют не только развлекательную, но и просветительскую функцию.

По праву получив статус «культурной столицы», Санкт-Петербург сталкивается с необходимостью удовлетворить запросы различных категорий посетителей. В этих условиях возрастает роль туристических символов, которые могли бы иконически отображать город и одновременно рекламировать его как направление. Проблема заключается в том, что некоторые уже существующие символы превратились в стертые метафоры и утратили свой смысл и привлекательность. В результате происходит процесс замещения и возникновения новых символов, далеко не всегда культурно обусловленных и несущих смысловую нагрузку. Так, например, у многих туристов Петербург ассоциируется с «крышами и парадными», посещение которых активно рекламируется нелегальными гидами.

С нашей точки зрения, к туристическим символам можно отнести предметы и явления, уникальные для данной дестинации. Символами-событиями можно назвать праздник выпускников «Алые паруса» и музыкальный фестиваль Мариинского театра «Звёзды белых ночей». К сожалению, очевидным является неравномерное распределение культурных событий в течение года: самые популярные из них происходят летом, когда туристический поток и так достаточно велик. Альтернативой могло бы стать возрождение традиционных для города праздников, таких, как открытие навигации на Неве, или инициатива по созданию новых, например, празднование Золотой осени в пригородных парках.

Интересными и необычными символами могут быть также знаковые для города литературные персонажи и герои фильмов. Примерами удачных туристических брендов являются музей-квартира Шерлока Холмса и платформа 9 3/4 в Лондоне. Интересно, что при посещении реального объекта, связанного с виртуальным героем, у человека возникает когнитивный диссонанс, который усиливает ощущение новизны и уникальности достопримечательности [3]. В Петербурге пользуется популярностью экскурсия по местам героев романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», однако, учитывая значительное количество художественных произведений и фильмов, созданных в городе, это направление пока мало разработано.

Очевидно, говоря о культурных символах, нельзя забывать о том, что полноценное восприятие реальности происходит с помощью всех органов чувств. Именно поэтому важными могут стать гастрономические символы, которые вызывают приятные вкусовые ассоциации. Так, например, туристическими брендами небольшого города Коломна стали

пастила и калач местного производства. Как ни странно, в Петербурге, значительно превышающем по площади Коломну, таких символов тоже два: корюшка и ленинградские пончики, которые, к сожалению, не могут быть использованы как сувенир. Вероятно, возрождение гастрономических брендов по историческим петербургским рецептам или создание новых могло бы успешно развить это направление.

Говоря о создании символов, следует учитывать несколько важных факторов. Во-первых, и объекты, и события, имеющие символическое значение, должны быть интересны людям любого возраста. Во-вторых, они должны быть уникальны, то есть ассоциироваться только с Санкт-Петербургом. Наконец, следует учитывать принцип доступности, то есть один и тот же туристический бренд может продаваться в различных ценовых категориях, как, например, продукция Императорского фарфорового завода.

В заключение следует отметить, что разработка новых туристических брендов требует «остранения» [2], то есть свежего взгляда и нестандартного подхода. Одновременно не следует забывать, что символы города должны быть так или иначе связаны с его культурным и историческим настоящим и прошлым.

1. *Беглов А. Д. Туристский поток в Петербург в 2024 году достиг рекордных показателей // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. 2024. [Электронный ресурс]* https://www.gov.spb.ru/press/governor/290865/
2. *Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва: Круг, 1925.*
3. *Grindstaff, L. Routledge Handbook of Cultural Sociology. London: Routledge, 2019.*
4. *Hoffman, L. Cities and Visitors: Regulating People, Markets, and City Space. New York: Blackwell, 2003*

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Шеремет Александр Николаевич
(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет»)

Социокультурный потенциал предлагается определить как совокупность имеющихся социокультурных качеств и способностей населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических условиях. Рассматривая культуру в качестве мегафактора, влияющего на состояние и развитие общества в целом и человеческого потенциала в частности, мы неизбежно задаемся вопросом: возможно ли в принципе изучение культуры российского общества как системной целостности сегодня, в условиях беспрецедентной множественности и заметного разнообразия социальных групп и общностей – создателей и носителей соответствующих разнообразных культур и субкультур? Найти ответ на этот вопрос помогает теория социокультурной стратификации, разработанная отечественными социологами искусства К. Б. Соколовым и В. С. Жидковым [4]. В соответствии с указанной теорией «субкультуру мы можем определить как своеобразную и целостную картину мира с присущими ей нормами, ценностями, идеалами, представлениями о смысле жизни и т.д., разделяемую некоей группой людей» [4, 143]. «Помимо субкультурных миров следует выделить и то общее, что объединяет все субкультуры, существующие в определенном культурном пространстве – ядро культуры. Его составляет все общесоциальное – разделяемые всем обществом ценности и культурные стандарты… Ядро культуры аккумулируется и реализуется в устной речи и в письменности, в культурных памятниках и эталонных произведениях искусства и, наконец, в образцах

общепринятой деятельности… Ядро культуры… окружено особым защитным поясом, образованным системой ритуалов и обычаев, различными социальными и культурными институтами. Этот пояс выполняет две функции – с одной стороны, он транслирует информацию, идущую от ядра культуры, и тем самым регулирует культурную деятельность данного социума, а с другой – предохраняет это ядро от других культур. Поэтому в нормальном обществе ядро культуры остается стабильным, устойчивым и крайне редко подвергается фундаментальным модификациям и трансформациям» [4, 145].

Анализируя потребление искусства тем или иным индивидом, группой, обществом, нам удается слегка приоткрыть «черный ящик» или немного расколдовать «вещь в себе». Одно дело, если человек посещает исключительно экспериментальные хэппининги и перформансы вкупе с концертами альтернативной музыки, и совсем другое, если это будут классические театры с художественными и краеведческими музеями. Условно в первом случае мы сталкиваемся преимущественно с модификацией и трансформацией культуры, а во втором – с ее сохранением и охранением. Соответственно, показателем уровня и развития социокультурного потенциала для нас является приобщенность населения к искусству, отражающему и выражающему традиционную общенациональную картину миру, или ядро национальной культуры. Операционально показатель социокультурного потенциала представляет собой приобщенность к искусству, выраженную в количестве посещений театров и музеев. Известный французский философ и социолог П. Бурдье в отношении современной ему европейской системы образования 60-х годов XX века говорил о функции «ретрансляции легитимной культуры» и тем самым воспроизводства общества [1]. На наш взгляд, указанная функция может быть применительно использована также и в отношении театров и особенно музеев.

В результате проведенного статистического анализа все российские регионы (за исключением Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных, для которых частично или полностью отсутствуют статистические данные) были распределены на 4 квартильные группы в зависимости от показателя посещаемости театров и музеев в сумме в расчете на 1 000 человек населения в 2021 году. В каждой группе регионы перечислены в порядке убывания показателя. Первая группа: город Санкт-Петербург, город Севастополь, Ярославская область, Псковская область, Калининградская область, Республика Крым, Тюменская область, Республика Татарстан, Новгородская область, Волгоградская область, Владимирская область, Тульская область, Вологодская область, Калужская область, Республика Марий Эл, город Москва, Сахалинская область, Архангельская область, Республика Карелия, Рязанская область, Костромская область. Вторая группа: Республика Хакасия, Белгородская область, Тверская область, Красноярский край, Омская область, Ленинградская область, Московская область, Смоленская область, Камчатский край, Свердловская область, Удмуртская Республика, Кемеровская область, Пермский край, Ульяновская область, Тамбовская область, Нижегородская область, Ивановская область, Республика Саха (Якутия), Брянская область, Чувашская Республика. Третья группа: Самарская область, Амурская область, Республика Бурятия, Ростовская область, Кировская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Мурманская область, Республика Коми, Новосибирская область, Томская область, Курская область, Ставропольский край, Забайкальский край, Орловская область, Курганская область, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Саратовская область. Четвертая группа: Воронежская область, Хабаровский край, Пензенская область, Республика Тыва, Приморский край, Астраханская область, Иркутская область, Краснодарский край, Челябинская область, Алтайский край, Республика Северная Осетия – Алания, Магаданская область, Оренбургская область, Ханты-Мансийский автономный округ,

Республика Алтай, Республика Адыгея, Липецкая область, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Еврейская автономная область, Карачаево-Черкесская Республика.

Представленное распределение остается относительно постоянным на протяжении двух последних десятилетий. В первой и второй группах преимущественно оказались регионы, имеющие более внушительный культурно-исторический бэкграунд – они и их города, как правило, старше по возрасту, а пережитые ими исторические перипетии имеют общенациональную и мировую известность. Многие из этих регионов привлекают большой в количественном отношении туристический поток со всей страны. Следовательно, они имеют особое значение для формирования социокультурного потенциала не только своих регионов, но и всего российского общества.

Посещаемость театров и музеев в российских регионах и в РФ в целом характеризуется устойчивой положительной динамикой (ростом) в период с 2005 по 2019 гг. В силу эпидемиологических ограничений этот показатель значительно снизился в 2020 году. В 2021 снова наметился рост, но допандемийные показатели так и не были достигнуты. Это произошло только в 2022 – 2023 гг. [2; 3]. В 2023 году мы наблюдаем рост показателя уже в сравнении с 2019 допандемийным годом. Можно сказать, что спустя 3 года восстановлен уровень потребления культуры, «рухнувший» по объективным причинам в 2020 году. Не менее важно рассмотреть не только абсолютные значения, но и их динамику. Рост посещаемости театров и музеев в 2022 году в сравнении с 2021 годом составил 30,6 %, а в 2023 году в отношении к 2022 – 10,8 % [4]. Резкий скачок показателя вверх в 2022 году в сравнении с 2021 годом (так же, как и в 2021 в сравнении с 2020), на наш взгляд, связан с преодолением последствий пандемийных ограничений. А вот десятипроцентный рост показателя в 2023 году в большей степени указывает на увеличение приобщенности населения к традиционной культуре вне зависимости от таких экзогенных факторов, как пандемия.

Важно обратить внимание на глубокую дифференциацию российских регионов по посещаемости театров и музеев. В 2021 году этот диапазон составлял от 100 до 3 972 посещений в расчете на 1 000 человек населения. Оценить этот показатель по шкале «низкий – нормальный – высокий» очень сложно, просто ранжируя от региона к региону. Для такой оценки более применимо сравнение показателей одного и того же региона в разные годы, а также их рассмотрение в рамках группы регионов со схожим культурно-историческим бэкграундом и другими признаками.

В результате проверки множества предполагаемых статистических связей положительная корреляция средней силы была выявлена между возрастом столицы (центра) региона и посещаемостью театров и музеев. Слабые, но все же статистически значимые положительные корреляции также зафиксированы с величиной расходов региональных бюджетов по статье «Культура и кинематография» на душу населения, с размером туристического потока в регион в расчете на душу населения, с продажей крепких спиртных напитков в расчете на душу населения, а с показателем отношения числа разводов к числу браков в регионе выявлена слабая отрицательная корреляция.

1. *Бурдье П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пьер Бурдье, Жан-Клод Пассрон; [пер. Н.А. Шматко]; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М.: Просвещение, 2007. – 267 с.*
2. *Минкультуры: Посещаемость театров достигла допандемийных показателей. URL (дата обращения 03.06.2025): https://rg.ru/2023/08/07/minkultury-poseshchaemost-teatrov-dostigla-dopandemijnyh-pokazatelej.html?ysclid=lp6fiuiupx956723109*
3. *Посещаемость российских музеев резко выросла в 2022 году. URL (дата обращения 03.06.2025): https://incrussia.ru/news/museums-is-a-new-sexy/?ysclid=lp6fqjnixc474242954*
4. *Социология искусства: Учебник. Отв. редакторы В.С. Жидков и Т.А. Клявина. – СПб.: Изд-во «Искусство-СПБ», 2005. – 479 с.*

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПФЕЙКОВ

Шляпников Виктор Валерьевич
(Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)

Аннотация. В статье анализируются дипфейки, или созданные с помощью искусственного интеллекта фальшивые видео- и/или аудиоматериалы, стирающие грань между правдой и обманом и поднимающие важные этические вопросы, связанные с дезинформацией, ущербом репутации и вмешательством в частную жизнь.

Ключевые слова: дипфейки, искусственный интеллект, медиаграмотность, этика.

Стремительное развитие искусственного интеллекта привело к появлению дипфейков – технологии, которая одновременно вызывает интерес и серьезные этические проблемы. Дипфейки (англ. deepfake от deep learning «глубокое обучение» + fake «подделка») – это видео- или аудиофайлы, созданные с помощью искусственного интеллекта, в которых люди говорят или делают то, чего они на самом деле никогда не говорили и не делали [3].

Технология, лежащая в основе дипфейков, использует машинное обучение и нейронные сети для замены лиц или голосов людей в видео- или аудиофайлах [9, 12]. Обычно это делается настолько убедительно, что часто бывает трудно отличить подлинный материал от поддельного. Дипфейки создаются с помощью процессов обучения, в ходе которых нейронная сеть получает большие объемы данных для изучения определенных черт лица или голосовых шаблонов и может применять их к целевой видеопоследовательности или аудиофайлу. Например, дипфейком может быть видеозапись с участием политика, произносящего речь, которую он на самом деле никогда не произносил, или изображение известного человека в скандальном контексте, которого никогда не было.

Дипфейки создают множество этических проблем, начиная от дезинформации и заканчивая ущербом репутации и вмешательством в личную жизнь [11]. Ключевым этическим аспектом дипфейков является их способность изменять восприятие реальности и серьезно подрывать доверие к медиаконтенту. Они могут использоваться для распространения ложных заявлений, продвижения политических программ или нарушения прав личности, когда люди могут быть изображены в спорных или компрометирующих ситуациях [2].

Развитие дипфейк-технологий также представляет собой огромную проблему для правовых систем по всему миру. Многие существующие законы, касающиеся конфиденциальности, клеветы и авторского права, не готовы к конкретным проблемам, которые создают дипфейки [4]. Особый интерес представляет конфиденциальность, поскольку для создания дипфейков персональные данные часто используются без согласия. Это поднимает вопросы об этичном использовании данных и необходимости принятия законов или руководящих принципов, регулирующих создание и распространение дипфейков.

С этической точки зрения важно разработать политику и правила, которые предотвращают неправомерное использование технологии дипфейков, не ограничивая при этом свободу выражения мнений. Этические принципы могут помочь в разработке руководящих принципов ответственного использования дипфейков. Важно найти баланс между продвижением инновационных технологий и защитой индивидуальных прав и

социальной целостности. Сотрудничество между разработчиками, специалистами по этике, правительствами и общественностью имеет решающее значение для разработки политики, обеспечивающей этичное использование технологии дипфейков.

Во многих странах предпринимаются усилия по разработке как технических, так и юридических решений для борьбы с проблемами, вызванными дипфейками [1, 8]. Это включает в себя разработку технологий обнаружения, правового регулирования для защиты прав на неприкосновенность частной жизни и повышение осведомленности об опасностях дипфейков. Несмотря на эти достижения, социальные последствия дипфейков остаются серьезной проблемой. Способность убедительно манипулировать реальностью в конечном итоге поднимает фундаментальные вопросы о концепциях истины и доверия в цифровую эпоху.

Разработка этических руководств и кодексов является важным шагом на пути к ответственному использованию технологии дипфейков. Эти руководящие принципы призваны побудить разработчиков и пользователей учитывать потенциальное влияние дипфейков на отдельных лиц и общество в целом. Руководящие принципы должны включать такие этические принципы, как прозрачность, справедливость и уважение к конфиденциальности, которые предназначены для контроля за разработкой и использованием дипфейков таким образом, чтобы избежать манипуляций, дезинформации и причинения вреда отдельным лицам [7].

Принятие ответственности означает выход за рамки технических аспектов и рассмотрение социальных, психологических и политических последствий создания и распространения дипфейков. Для разработчиков это включает реализацию мер безопасности, которые предотвращают несанкционированное использование их технологий. Для пользователей это означает критический анализ и проверку перед тем, как делиться контентом [5].

Образование является одним из ключевых компонентов в борьбе с негативными последствиями дипфейков. Важно, чтобы как широкая общественность, так и конкретные целевые группы были информированы о существовании и потенциале дипфейков [6, 10]. Семинары, онлайн-курсы и информационные кампании могут помочь повысить осведомленность и вооружить людей навыками распознавания и правильного обращения с дипфейк-контентом.

1. *Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 2. – С. 215-240. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240*
2. *Виноградова Е. А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт // Мировая политика. – 2024. – № 3. – С. 44-60. – DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71519*
3. *Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. – 2024. – № 33. – С. 28-47. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47*
4. *Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 11 (192). – С. 112-119. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119*
5. *Шляпников В. В. Проблемы навигации в цифровом пространстве: информационная перегрузка и фейковые новости // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2024. – № 4 (65). – С. 43-47. – DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-43-47*
6. *Шляпников В.В. Цифровое образование, этика данных и будущее гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. – 2024. – № 1 (70). – С. 125-128. – DOI: 10.53115/19975996_2024_01_125_128*
7. *Kaan Tuysuz M., Kılıç A. Analyzing the Legal and Ethical Considerations of Deepfake Technology // Interdisciplinary Studies in Society, Law, and Politics. – 2023. – Vol. 2, no. 2. – P. 4-10. – DOI: 10.61838/kman.isslp.2.2.2*

8. *Meskys E., Liaudanskas A., Kalpokiene J., Jurcys P. Regulating deep fakes: legal and ethical considerations // Journal of Intellectual Property Law & Practice. – 2020. – Vol. 15, iss. 1. – P. 24-31. – DOI: 10.1093/jiplp/jpz167*
9. *Rachael B., Yefeng Y., Yuhong L., Haiquan C. DeepFake and its Enabling Techniques: A Review // APSIPA Transactions on Signal and Information Processing. – 2022. – Vol. 11, no. 2, e40. – DOI: 10.1561/116.00000024*
10. *Sanchez-Acedo A., Carbonell-Alcocer A., Gertrudix M., Rubio-Tamayo J. L. The challenges of media and information literacy in the artificial intelligence ecology: deepfakes and misinformation // Communication & Society. – 2024. – Vol.37, no. 4. – P. 223-239. – DOI: 10.15581/003.37.4.223-239*
11. *Sure T. Ethical Implications of Deepfake Technology in User Interfaces // International Journal of Computer Techniques. – 2023. – Vol. 10, iss. 2. – P. 1-5.*
12. *Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review // Technology Innovation Management Review. – 2019. – Vol. 9, iss. 11. – P. 39-52. – DOI: 10.22215/timreview/1282*

Секция 7: Прикладные исследования: методы, проблематика, возможности

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ОБРАЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ МОЛОДЁЖИ)

Абросимова Наталья Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (ПРОМТЕХДИЗАЙН))

Мультисенсорные методы исследований являются одним из актуальных междисциплинарных прикладных направлений, в том числе при изучении городской среды. «Чувственные ощущения (обоняние, тактильность, слух)… могут определять статусы как городских пространств, так и положения самих исследователей» [2, С. 94]. В частности, предметом таких исследований могут быть особенности ольфакторного восприятия городов, что является частью научного направления Sensory Studies [1].

Автор данного краткого отчёта с 29.08 по 20.09.2025 года анкетировала молодёжь 14-35 лет (N = 362). Респонденты набирались целевым образом среди тех, кто бывал в Санкт-Петербурге. Опрос был посвящен мнению опрошенных о запахах, с которыми у них ассоциируется Санкт-Петербург, ароматах, сопровождающие их во время прогулок по этому городу, а также в любых путешествиях и турпоездках. Анкета рассылалась в соцсетях и мессенджерах методом «снежного кома». Респонденты мужского (46 чел.) и женского пола (316 чел.) представлены двумя группами по роду занятий: 1) студенты вузов и ссузов гуманитарных, естественно-научных и технических специальностей (84,8%, 307 человек), 2) работающие, безработные и совмещающие работу с учёбой (55 чел.). Среди опрошенных респондентов были: живущие в Санкт-Петербурга (340 человек), Ленинградской области (11 чел.), Москве (8 чел.), Мурманске (2 чел.), Тюмени (1 чел.).

Респондентам, принявшим участие в исследовании, задавались вопросы, касающиеся их ольфакторного восприятия городского пространства в целом. На вопрос «Когда вы находитесь вне дома в своем городе (идете по делам, гуляете и пр.), обращаете ли внимание на запахи, ароматы?» были получены ответы: большинство (367 чел.) сказали, что обращают внимание на окружающие их запахи: «да, всегда обращаю внимание» (126 чел.), «да, часто обращаю внимание» (171 чел.), «да, редко» (70 чел.), «никогда» (5 чел).

На вопрос «Когда вы находитесь вне дома, путешествуете по незнакомой местности, другому городу, стране, обращаете ли внимание на запахи, ароматы?» были получены такие ответы. Большинство опрошенных (366 чел.) сказали «да»: «да, всегда обращаю внимание» (138 чел.), «да, часто обращаю внимание» (177 чел.), «да, редко» (51 чел.), «никогда» (6 чел.).

Тема второго блока вопросов – ольфакторные ассоциации, связанные с восприятием Санкт-Петербурга. На открытый вопрос «С какими запахами, ароматами у вас ассоциируется Петербург?» ответившие на вопрос дали такие группы ответов.

Чаще всего упоминались запахи, связанные с природой, погодными условиями в Санкт-Петербурге: «*дождем», «сыростью», «влагой», «водой», «мокротой», «дождём», «уличными животными», «морем», «травой», «цветами»,* например, *«сиренью»,*

«розами». Особенно часто (56 раз) упоминается аромат «*асфальта после дождя*», «*мокрого асфальта*», «*влажного асфальта*», а также «*асфальта, раскалённого на солнце*» и «*тёплого асфальта*».

Респонденты говорили о том, что «*в местах, где есть парки и реки, особо пахнет Невой, деревьями и искусственными клубами*»; писали, что у них в памяти «*сырая земля, мокрый асфальт, мокрая листва, но это не неприятные ассоциации, они напоминают об уютных вечерах, которые хочется провести у окна под пледом и с чашкой пряного чая*». Отвечающие рассказывали, что у них город ассоциируется с «*водой у набережной, лошадьми и родной конюшней (занимаюсь конным спортом здесь), запах хвойных и лиственных в парках и скверах».* Они упоминали, что «*Питер знаменит своей пасмурной и дождливой погодой, поэтому тут сработал частично этот стереотип и то, что я люблю такую погоду и часто при ней выхожу гулять*».

Помимо этого, Санкт-Петербург ассоциируется с запахами еды: «*ароматами пекарен», «запахами кофеен», «булочных», «пышками», «кофе», «шоколадом», «корицей», «выпечки», «булочек», «шавермы», «хлеба», «чая», «вкусной еды», «мучного», «чего-то цитрусового», «черного перца», «пряностей», «мяса на огне», «виски», «бергамота», «ванили», «круассанов», «шашлыка»*. Респонденты, к примеру, говорили, что «*на улицах города очень много кофеен, часто можно заметить и учуять людей со стаканчиками кофе*». Один из родившихся в Петербурге рассуждал так: «*Как истинный петербуржец, люблю наслаждаться кофе на подоконнике около открытого окна*».

Еще одним популярным ароматом был «*запах метро*» (40 упоминаний). Например, одна из респонденток написала, что «*впервые в жизни воспользовалась данным видом транспорта именно в СПб, а специфический запах – это одно из первого, на что обращаешь внимание в метро*». Респонденты также говорили о запахах «*табака*», «*сигарет*», «*алкоголя*», разных вариантах «*парфюма*» (духи, дезодоранты, их наименования).

Иные ароматы, которые условно можно отнести к группе «*промышленных*», «*инфраструктурных*» («*коммуникациям*», «*постройкам»*, «*зданиям», «парадными*») и связанных с продуктами распада, сосуществующих и контрастирующих с приятными ароматами «*еды*», «*свежести*» и «*природы*», – это запахи «*выхлопных газов*», «*бензина*», «*заводов*», «*пыли*», «*канализации*», «*плесени*», «*мусора*», «*сырых парадных*». Например: «*Дым сигарет, выхлопных газов, булочных и кофе. запах скошенной травы летом, запах сирени и черемухи весной, запах талой листвы осенью и запах грязного бензинового снега зимой*». Или: «*Запах метро, сырость. Запах после дождя, когда пахнет озоном. Когда нет ветра, то пахнет выхлопными газа и от машин. Запах выпечки из булочных*». А также: «*Когда идёт дождь тли стройка, ощущается запах мокрой пыли, которая стала такой родной…*». К примеру, также говорили так: «*Запах выхлопных газов после очередных пробок, или же, проходя по центру города, можно услышать всю гастрономию Санкт-Петербурга, от этих запахов не увернешься они так и хотят попасть к тебе в нос*».

Можно было встретить такую особенность в ответах, когда респонденты разделяли территорию Петербурга на «центральную», «окраины» и «загородную»: «*В центральных районах – запах алкоголя, сладкого парфюма, загруженности и сигарет. Окраины города пахнут безысходностью, тяжестью, там загрязнённый запах. Вне города – свободно, лесом пахнет: запах природы и свежести*». Или: «*Петербург пахнет свежестью Невы, сыростью мостовых после дождя, ароматом кофе из уличных кафе, хвойным лесом Петергофа, запахом хлеба из старых булочных и пряным букетом цветов на набережной. Городская романтика переплетается с историей и современностью, создавая уникальный букет ощущений*».

Встречались ответы, в которых Санкт-Петербург ассоциируется с запахами «*свободы*», «*величественности*», «*роста*», «*теплоты*» и «*счастья*». Например: «*Больше ассоциаций идёт с чем-то культурным и величественным. Запах душевного роста или что-то смежное».*

Респондентам также отвечали на два открытых вопроса, посвященных самым приятным и самым неприятным запахам, которые им довелось почувствовать в Петербурге. Самым часто встречающимся ответом о приятных ароматах был вариант «*запах свежей выпечки*», на втором месте – «*запах дождя*», на третьем – «*аромат кофе*». Самыми неприятными для респондентов стали: «*запахи канализации*» (136 упоминаний), «*мусора, помоев*» (68 упоминаний), «*неприятные запахи от людей*» («*пот», «немытое тело» «разложение», «перегар», «неприятный парфюм», «лекарства», «старость», «туалетные запахи», «рвота», «сигареты»*) (47 упоминаний).

В анкете также был блок вопросов об отношении респондентов к «ароматуризму».

На вопрос «Если представить, что вы изучаете ароматы Санкт-Петербурга как путешественник, как бы вы оценили возможность поучаствовать в ароматическом туре по городу?» большинство дали утвердительный ответ (80,1 %, 290 чел.): 31,8 % (115 чел.) согласились бы непременно, 48,3 % (175 чел.) скорее согласились бы, чем не согласились, 11,9 % (43 чел.) скорее не согласились бы, чем согласились, 2,5 % (9 чел.) не согласились бы. Затруднились с ответом – 5,5 % (20 чел.).

На вопрос «Если говорить в целом, знакомы ли вы с таким видом туризма, как ароматуризм?» большинство (69,1 %, 250 чел.) сказали «нет», 26 % (96 чел.) знают об этом, но не принимали участие, 4,4 % (16 чел.) знакомы с ароматуризмом и принимали участие в ароматуре.

И на вопрос «Если бы вам предложили сегодня изучить ароматы, запахи Санкт-Петербурга, то вы бы предпочли…:» 51,1 % (185 чел.) обратились бы в организацию, которая проводит ароматуры, 43,6 % (158 чел.) предпочли бы самостоятельно провести время, изучая ароматы города; 19 респондентов выбрали вариант «другое». При этом, одной респондентке идея поучаствовать в ароматуре показалась привлекательной: «*зависит от настроения, но оба варианта кажутся привлекательными. возможно, я сначала обратилась бы в организацию, чтобы понять, как это работает, а потом изучала бы сама*». Остальным идея участия в ароматуре показалась неинтересной, и они написали, к примеру, так: «*предпочла бы изучать ароматы своего дома*», «*не обратился бы*», «*не стал бы, нет времени*», «*отказаться*», «*с друзьями*», «*я бы воздержалась*», «*я бы подумал, заниматься ли этим в принципе*».

В качестве заключения можно сказать, что любой большой город – это конгломерат позитивных и негативных ароматов, которые воспринимаются, зачастую бессознательно, всеми, кто в нём находится, что, в конечном итоге, формирует «портрет» этого города. Среди самых часто упоминаемых позитивных можно назвать ароматы, связанные с едой, прежде всего, кофе и выпечкой, а негативные – с канализационными стоками и мусором. Чтобы понять причины возникающих ассоциаций, можно дополнить проведенное пилотное исследование глубинными интервью, что позволило бы «реконструировать контекст… восприятия» [3, 137-138] запахов.

1. *Каталог сенсорных исследований. URL: http://www.sensorystudies.org (дата обращения: 11.10.2025 г.)*
2. *Миронова, П. В., Меркулова, А. А. (2025). Органы чувств в пространстве города // Фольклор и антропология города. Т. VII (3), С. 74–95.*
3. *Шлёгель К. Аромат империй: «Шанель №5» и «Красная Москва». Эпизод русско-французской истории XX века /Пер. с нем. Э. Венгеровой. М.: Текст, 2021. 176 с.*

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫПУСКНИКОВ ИНЖЕНЕРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИИ И КИТАЯ

Бакулин Александр Викторович
(АЦ ВЦИОМ)

Бакулинм Дмитрий Викторович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 "Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности"

Аннотация: Статья исследует карьерные стратегии выпускников инженерных факультетов России и Китая в условиях дополненной современности. Предлагается аналитическая рамка, основанная на четырёх формах социальности: сети, потоки, институты и интеракции. Рассматривается, как эти формы структурируют карьерные траектории, взаимодействуя между собой и формируя новые режимы профессиональной идентичности. Особое внимание уделяется различиям в институциональном контексте и сетевых практиках в двух странах.

Ключевые слова: инженерное образование, карьера, сети, потоки, институты, интеракции, дополненная современность, Россия, Китай.

Введение. Современная инженерная профессия формируется в условиях, когда границы между физическим и цифровым пространством стираются. Возникает феномен **дополненной современности –** гибридного состояния, при котором социальная реальность конструируется одновременно в офлайн- и онлайн-измерениях. Эта реальность радикально меняет способы построения карьеры и само понимание профессиональной идентичности инженеров [4, 71-71].

Для выпускников инженерных факультетов России и Китая дополненная современность создаёт уникальные вызовы: пересборку привычных структур социальности и переопределение траекторий профессионального роста. Цель данной статьи – не столько выявить статистические различия между странами, сколько **раскрыть теоретический замысел**, показать, как четыре формы социальности: **сети, потоки, институты и интеракции** формируют каркас карьерных стратегий в этих культурных и организационных контекстах.

1. Сети: новая архитектоника профессиональных связей

Форма сети – ключевая характеристика современной социальности. В отличие от иерархических структур индустриальной эпохи, сеть предполагает горизонтальное соединение акторов, обмен знаниями и гибкую самоорганизацию [14, 23].

Для инженеров сети становятся главным пространством накопления социального капитала: участие в профессиональных сообществах, онлайн-платформах, open-source

проектах обеспечивает репутацию и доступ к инновационным ресурсам [16, 41]. В этом смысле инженерная карьера превращается в навигацию по сетевым связям – траекторию, зависящую от степени включённости в распределённые формы сотрудничества.

В российском контексте инженерные сети остаются фрагментированными и часто строятся на личных контактах. В Китае, напротив, формируется институционализированная сеть, где университеты и корпорации объединены в единые цифровые экосистемы [8, 188]. Таким образом, сеть становится пространством возможности, где карьерный успех определяется плотностью связей и уровнем сетевой репутации [15, 227].

2. Потоки: динамика знаний и непрерывность труда

Форма потока описывает движение информации, технологий и смыслов, которые соединяют отдельные элементы сети [3, 37]. В условиях дополненной современности инженер живёт в непрерывном информационном потоке, где границы между обучением, проектированием и трудом исчезают. Карьера перестаёт быть линейной – она становится процессом постоянного включения в временные проекты, цифровые коллаборации и новые технологические среды [1, 114]. В российском обществе потоки знаний часто разорваны: между университетами, промышленностью и исследовательскими структурами сохраняется слабая координация [11, 2 – 3]. Это создаёт «разрывы» в профессиональной социализации инженеров.

Китайская модель, напротив, демонстрирует управляемую потоковость: государственные и корпоративные институты выстраивают единое пространство циркуляции данных и компетенций [7, 63 – 65]. Поток здесь выступает как форма социальной организации, регулирующая не только знания, но и карьерную мобильность.

Таким образом, потоковость становится новой нормой профессиональной жизни, требующей от инженера способности к непрерывной адаптации, переобучению и цифровой грамотности.

3. Институты: трансформация легитимации и контроля

Несмотря на распространённое мнение о «разрушении институтов», дополненная современность показывает их трансформацию. Институты не исчезают, а приспосабливаются к сетевой и потоковой логике, сохраняя функции нормирования и признания [5, 156].

Российская институциональная структура инженерного труда по-прежнему строится по вертикальному принципу: вуз – предприятие – профессиональная организация. Однако реальная логика признания смещается к цифровым показателям – рейтингам, репозиториям, платформенным метрикам [10, 344]. Формальные дипломы уступают место распределённым системам оценки, где социальное признание обеспечивается видимостью в сети.

Китайская институциональная система демонстрирует другой тип адаптации: цифровая активность инженера становится элементом официального карьерного портфолио. Институты здесь играют роль медиаторов между сетями и потоками, закрепляя цифровые достижения в легитимные формы. Таким образом, институты превращаются из иерархий в гибкие фильтры, обеспечивающие перевод сетевой активности в социальный статус. Их власть становится алгоритмической, но сохраняет контроль над механизмами признания [12, 89].

4. Интеракции: микродинамика инженерной идентичности

Интеракция – это форма социальности, где конструируется профессиональное «я» инженера. Ещё Г. Мид и Г. Блумер показали, что личность формируется через социальное взаимодействие и символическую интерпретацию опыта [9, 92; 2, 55]. В условиях

цифровизации интеракции приобретают гибридный характер: инженер одновременно включён в лабораторные, сетевые и виртуальные микросообщества.

Интеракции становятся основой формирования гибридной идентичности – инженер не просто специалист, а участник коммуникационных сетей, куратор проектов и медиатор знаний [13, 146]. В России эти взаимодействия персонализированы и строятся на доверии; в Китае – институционализированы и регулируются платформами, задающими нормы цифровой этики и кооперации.

На уровне интеракций проявляется противоречие дополнённой современности: чем плотнее инженер включён в сеть, тем выше риск потери целостности идентичности. Поэтому центральная задача – удержание равновесия между множественностью интеракций и внутренней профессиональной консистентностью [6, 283].

Заключение. Четыре формы социальности – сети, потоки, институты и интеракции – образуют многомерное поле, в котором формируются карьерные стратегии инженеров. Эти формы не изолированы: сети создают потоки, потоки требуют институционального признания, институты структурируют интеракции, а интеракции придают сетям живое содержание.

В дополненной современности инженер становится агентом гибридной социальности – участником сети, оператором потока, субъектом института и актором интеракции. Его карьера – не восхождение по иерархии, а навигация в динамическом поле социальных связей.

Для России ключевая проблема заключается в слабой интеграции институтов в сетевую логику, для Китая – в риске избыточной институционализации. В обоих случаях открытым остаётся вопрос: возможно ли автономное профессиональное действие в условиях, где социальность становится распределённой и цифрово-медиированной.

1. *Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis (MN): University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.*
2. *Blumer, H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. – Berkeley (CA): University of California Press, 1986. – 208 p.*
3. *Castells, M. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с. – ISBN 978-5-7598-1009-4.*
4. *Deriugin, P., Bannova, O. Students' Values of Various Training Profiles in the Digitalization of Society Context: Results of an Empirical Study // Discourse. – 2022. – Т. 8. – С. 68–80. – DOI 10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80.*
5. *DiMaggio, P. J., Powell, W. W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48, No. 2. – P. 147–160.*
6. *Emirbayer, M. Manifesto for a Relational Sociology // American Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 103, No. 2. – P. 281–317.*
7. *Guan, Shaoyang. Китайская модель цифрового управления обществом в условиях модернизации государственного управленческого потенциала // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8.*
8. *Liu, X., Ji, X., Zhang, Y., Gao, W. Professional Identity and Career Adaptability among Chinese Engineering Students: The Mediating Role of Learning Engagement // Behavioral Sciences. – 2023. – Т. 13. – С. 480. – DOI 10.3390/bs13060480.*
9. *Mead, G. H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ed. by Charles W. Morris. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 400 p. – (Works of George Herbert Mead; Vol. 1). – ISBN 0-226-51667-9.*
10. *Meyer, J. W., Rowan, B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83, No. 2. – P. 340–363.*
11. *Попова, В. Э. Проблемы взаимодействия высшего образования с наукой и производством в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3-3. – С. 45–50.*

12. *Scott, W. R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. – 4th ed. – Thousand Oaks (CA): SAGE Publications, 2014. – 360 p.*
13. *Turner, J. H. A Theory of Social Interaction. – Stanford (CA): Stanford University Press, 1988. – 318 p.*
14. *Wasserman, S., Faust, K. Social Network Analysis: Methods and Applications. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 825 p.*
15. *Wellman, B. Physical Place and Cyber Place // International Journal of Urban and Regional Research. – 2001. – Vol. 25, No. 2. – P. 227–252.*
16. *Жуковская, О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // Цифровая трансформация. – 2020. – № 4 (13). – С. 21–33. – DOI 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33.*

ЭТНОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Вэй Линде
(СПбГУ)

Аннотация. Статья анализирует роль этнографического подхода в современной социологии повседневности. Отмечаются его преимущества – внимание к контексту, субъективным смыслам и живым практикам, а также ограничения, связанные с локальностью и репрезентативностью. Делается вывод о значении этнографии как инструмента прикладных исследований в условиях новой современности.

Ключевые слова: этнография; прикладная социология; повседневность; качественные методы; количественные методы.

Введение. В российской науке этнография традиционно ассоциировалась прежде всего с антропологией, где она занимает центральное и неоспоримое место как ключевой метод. В социологии же её позиции были менее устойчивыми: на протяжении долгого времени количественные стратегии оставались главным ориентиром академических и прикладных исследований. Тем не менее этнография не исчезала из поля зрения социологов: она предлагала иной способ видеть социальные процессы – через опыт самих участников, через внимательное описание их практик и смыслов. Сегодня именно эта перспектива становится особенно значимой для изучения повседневности, которая редко укладывается в строгие статистические модели [Шюц, 2003].

Этнография и прикладная социология

Этнографический подход в прикладной социологии проявляется там, где сухие цифры перестают объяснять происходящее. Массовые опросы позволяют очертить общую картину: сколько семей считают себя «традиционными», сколько прихожан посещают богослужения или сколько часов в день люди проводят в сети. Но за этими числами остаётся неуловимая ткань социальной жизни – мотивы, компромиссы, эмоции и противоречия. Именно здесь этнография оказывается незаменимой. Как подчёркивал К. Гирц, задача исследователя – не только фиксировать поступки, но и давать «толстое описание», то есть раскрывать контексты значений, в которых эти поступки обретают социальный смысл [Гирц, 2004].

В исследованиях семьи это особенно заметно: анкета фиксирует декларацию верности «традиционным ценностям», но наблюдение и интервью показывают, что за этой декларацией стоят прагматические расчёты или желание избежать давления со стороны старшего поколения. В религиозных общинах статистика фиксирует количество

участников, тогда как этнография позволяет почувствовать атмосферу совместной молитвы, увидеть неформальные роли и жесты гостеприимства, которые создают чувство принадлежности. В цифровой среде количественные метрики подсчитывают сообщения и лайки, но именно этнографическое наблюдение раскрывает, как пользователи сами понимают свой опыт, как выстраивают идентичность и поддерживают связи в онлайн-пространстве.

Таким образом, этнография в прикладной социологии – это не просто дополнение к количественным данным. Она задаёт иной ракурс исследования, позволяющий соединить структурные модели с живым опытом людей и приблизиться к более целостному пониманию социальной реальности.

Возможности и ограничения

Этнография открывает для социолога особое пространство наблюдения, где можно уловить мельчайшие детали повседневной жизни. Её главное преимущество – способность показывать социальное «в действии», фиксировать не только институциональные рамки, но и то, как люди наполняют их своим содержанием. В этом смысле этнографический подход близок к идее «порядка взаимодействия», предложенной Э. Гоффманом: именно в конкретных ситуациях, в последовательности жестов, реплик, пауз и взглядов рождается социальная реальность, которую невозможно реконструировать только с помощью статистики [Гоффман, 2003].

Преимущество этнографии состоит также в её чувствительности к контексту. Там, где опросы дают усреднённый показатель, этнографическое наблюдение раскрывает различия между поколениями, социальными слоями или локальными сообществами. Например, в исследовании семейных отношений оно помогает понять, почему одинаковые формулировки анкеты по-разному воспринимаются молодыми родителями и их пожилыми родственниками. В религиозных общинах этнография позволяет заметить то, что никогда не попадает в статистику: тишину после молитвы, порядок рассадки, распределение обязанностей, тон общения с «новичками». Эти детали создают реальное чувство принадлежности и поддерживают социальное единство. В цифровой среде этнография улавливает практики, которые сами участники не всегда осознают, – например, негласные правила переписки, специфику эмодзи как языка эмоций или способы демонстрации солидарности через лайки и «репосты».

К сильным сторонам этнографического метода можно отнести и его эвристический потенциал. Исследователь, находясь в поле, часто сталкивается с неожиданными феноменами, которые невозможно предусмотреть при составлении анкеты. Именно этнография открывает дорогу новым темам: будь то «теневая экономика» в городских дворах, новые формы религиозности или способы самоорганизации онлайн-сообществ. Эта открытость к неожиданному делает метод особенно ценным для прикладных исследований, где часто приходится работать с меняющейся социальной реальностью.

Однако вместе с возможностями этнографический метод имеет и свои ограничения. Во-первых, это проблема репрезентативности: наблюдения всегда локальны и касаются конкретной группы, их трудно экстраполировать на всё общество. Во-вторых, этнография требует значительных временных затрат и личного включения исследователя, что ограничивает масштаб выборки. В-третьих, существует риск субъективности: присутствие исследователя может влиять на поведение информантов, а интерпретации всегда опосредованы его теоретическими и культурными установками. Кроме того, в условиях малых сообществ возникает вопрос анонимности и этической ответственности: иногда невозможно описать практику, не рискуя раскрыть личность участников.

Дополнительное ограничение связано с современными трансформациями поля исследования. Всё чаще этнография проводится в цифровой среде, где традиционные приёмы включённого наблюдения сталкиваются с новыми вызовами: границы между «публичным» и «частным» размыты, данные множатся в неконтролируемом объёме, а исследователь вынужден искать баланс между доступностью информации и правом участников на приватность.

Эти ограничения, однако, не обесценивают этнографию. Напротив, они задают рамки её применения и подталкивают к поиску новых решений. На практике этнография и количественные методы не конкурируют, а дополняют друг друга: первые дают глубину и чувствительность к контексту, вторые – широту и возможность статистического сравнения. Их сочетание открывает перспективу более взвешенного анализа, в котором социальные процессы рассматриваются одновременно как агрегированные тенденции и как повседневные переживания конкретных людей.

Заключение. Этнография не претендует на универсальность и не заменяет другие исследовательские подходы. Её сила в другом – в способности рассматривать социальные процессы изнутри, через призму повседневного опыта и значений, которыми люди наполняют свои действия. В то время как количественные исследования дают возможность видеть широкие закономерности, этнографический метод возвращает внимание к конкретным голосам и историям, без которых невозможно понять социальную ткань в её целостности.

Для современной социологии это особенно важно: именно повседневность становится тем уровнем, где сталкиваются традиции и новации, где формируются новые практики семейной жизни, религиозности или цифрового общения. Этнография позволяет фиксировать эти процессы на ранних стадиях, когда они ещё не укладываются в статистические модели, и тем самым делает возможным более чувствительный анализ общества.

В перспективе ценность этнографического подхода заключается не только в его самостоятельном применении, но и в способности дополнять количественные методы. Такое сочетание открывает дорогу к многоуровневому исследованию – от макросоциальных структур до живых взаимодействий, – что и составляет задачу прикладной социологии в условиях новой современности.

1. *Гирц К. Интерпретация культур : [пер. с англ.] / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 557, [2] с.*
2. *Гоффман Э. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / Э. Гоффман. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.*
3. *Шюц А. Проблема социальной реальности / А. Шюц. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.*

НОВАЯ ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КАК БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ МЕНЯЮТ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Вяткина Евгения Игоревна
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

В настоящее время происходит активное формирование новой «цифровой» реальности, процесс, охватывающий включение в жизнь людей различных технологий искусственного интеллекта, виртуализацию повседневной жизнедеятельности, а также появление новых онлайн сообществ и мета-вселенных [6, 146]. В этих условиях цифровая

среда диктует необходимость постоянного совершенствования методов изучения социальных процессов.

В современной литературе существует множество подходов, изучающих историческое развитие социальных наук. В одном из наиболее популярных подходов представляется, что в смене этапов ключевую роль играет доминирующий тип данных [13, 676]. Ранее основными источниками данных выступали опросы, интервью и наблюдения. Однако современный этап научного развития характеризуется появлением нового типа данных – Big Data, которые радикально изменили социальные науки. В отличие от традиционных данных, большие данные формируются и генерируются технологическими процессами – использованием мобильных устройств, электронной почты, банковских транзакций, социальных сетей и других цифровых инструментов. [2, 214]. Более того, радикально отличающиеся от «традиционных» данных, большие данные потребовали пересмотра многих ключевых базовых принципов социологии. Ключевым моментом, сыгравшим важную роль в произошедшей революции больших данных, оказалось то, что данные перестали создаваться исключительно в целях исследования и собираться «вручную» исследователями, так как стали генерироваться благодаря самим пользователям [8, 6].

Большие данные охватили практически все сферы современной жизни – от деятельности небольших предприятий до транснациональных корпораций, от политики до маркетинга. Это привело к формированию множества подходов к определению и интерпретации больших данных. Несмотря на то, что понятие «большие данные» относится к точным наукам, сфере информационных технологий и цифровой среде, оно до сих пор не имеет единого, общепринятого определения. Различные авторы, организации и сообщества предлагают разные трактовки этого термина [14, 889]. Однако одной из наиболее устоявшихся в социальной науке трактовок является определение, предложенное британским географом и урбанистом, Робом Китчином, в 2013 году [11, 262]. Автор выделяет следующие особенности больших данных: масштабность, высокая скорость генерации, разнообразие форм, стремление к полноте и детализации, взаимосвязанность и гибкость структуры.

Стоит отметить, что другие исследователи также предполагают, что определяющее значение имеет не только тип данных, преобладающий на том или ином этапе, но и технологии извлечения и обработки данных [6, 146]. Учёные, работающие в этом направлении, считают, что развитие компьютерных технологий и появление специализированных программных средств, позволяющих оперировать достаточно большими объемами данных и применять к ним различного рода статистические методы и критерии, стали основным фактором, повлиявшим на это.

Последовательное развитие практик анализа данных и машинного обучения в корпорациях логичным образом привело к кризису эмпирической социологии [7, 48]. Социолог оказался на перепутье, где он должен был сделать выбор между продолжением работы в логике классической методологии или, напротив, погружением в мир цифровых данных и использованием их в качестве фундамента для современных эмпирических работ [6, 145].

Исследовательское поле социальной науки, которая анализирует поведение человека с помощью новых способов генерации, обработки и анализа данных, все чаще обозначается как «вычислительная социальная наука» [12, 722]. В целом последовательная цифровизация повседневной жизнедеятельности современных обществ, ставшая причиной появления феномена «цифровые следы», продолжает открывать новые возможности для развития нереактивных методов социологического исследования.

Современные методы сбора информации позволяют провести классификацию больших данных на основе различных критериев:

Пользовательские данные, где люди являются активным источником информации, генераторами данных. К таким данным можно отнести медицинские данные [3, 322]; административные данные; данные, получаемые коммерческими (и некоммерческими) организациями, а также различными исследовательскими компаниями.

Машинные данные, где люди являются пассивным источником информации, а данные создаются автоматизированными системами на основе бесконечного количества совершаемых людьми действий. Такие данные подразделяются на транзакционные данные [3, 322]; данные о геолокации; данные, полученные через регистрирующие устройства [3, 322]; данные, получаемые с помощью интернета вещей [4, 1161].

Смешанные данные – гибрид пользовательских и машинных данных, то есть генерируются пользователями, а затем собираются автоматизированными системами. К такому типу данных можно отнести Интернет-данные – информация, хранящаяся в недрах Всемирной паутины: социальные сети, мессенджеры, web-сайты, онлайн-приложения и др. разделы Интернета.

Важно подчеркнуть, что представленная классификация не является исчерпывающей и может расширяться за счет появления новых считывающих автоматизированных устройств и других источников информации.

Чтобы преобразовать «сырые» данные в формат, «пригодный для исследовательского анализа, необходимы специальные компетенции в области компьютерных наук – в частности, динамический анализ сетей, математическое и статистическое моделирование, обработка естественного языка и методы машинного обучения» [10, 135].

Затем необходимо провести очистку данных, используя специализированные программы, чтобы проверить данные на точность и соответствие изначально заданным параметрам [9, 52]. Для последующего хранения данных были также разработаны различные технологии.

Дальнейшим шагом является обработка данных. Ключевой технологией обработки больших массивов информации является MapReduce. «В основе технологии лежат две процедуры функционального программирования: «Map» применяет нужную функцию к каждому элементу данных; «Reduce» объединяет результаты работы» [7, 49].

Следующим шагом является анализ данных – процесс, состоящий из алгоритмов и техник, выявляющих закономерности, паттерны, тренды, взаимосвязи и т. д. В целях анализа больших данных широко применяются технологии искусственного интеллекта и машинное обучение [5, 838]. В зависимости от целей, поставленных перед исследователем, выбирается тот или иной способ анализа данных. Так, в одном из подходов выделяются описательная аналитика, диагностическая аналитика и предписывающая аналитика.

Существует также множество базовых инструментов, используемых для анализа данных, многие из которых предоставляют возможность визуализации полученных данных. В целях проведения прогнозной аналитики ключевыми инструментами стали языки программирования: Python, R и др. Наиболее распространенными инструментами бизнес-аналитики – Tableau и Power BI.

Большие данные оказались важными для социологов во многих отношениях. Новые методы сбора информации оказались более экономически эффективными по сравнению с традиционными. Помимо этого, многие из них «строятся на выборочных механизмах, тем самым ограничивая связи между людьми и дизайном исследования».

Однако новый тип данных позволяет минимизировать влияние исследователя, поскольку данные производятся и существуют независимо от целей исследователя [10, 144]. Появление больших данных открыло новые возможности для изучения социального поведения, ранее труднодоступного для наблюдения [12, 28]. Анализ онлайн-данных позволил продвинуться в решении одной из ключевых теоретических проблем – понимания природы социального влияния, то есть процесса передачи через социальные связи моделей поведения, установок, заболеваний и даже эмоций. Это в некотором роде стало повторным открытием в области науки о сетях.

Однако, несмотря на все преимущества, которые обеспечили большие данные, они во многом лишены политического, экономического и социального контекста, в котором формируются. Более того, хотя большие данные позволяют выявлять общие закономерности и тенденции, они не всегда позволяют выявить значимые особенности, потенциально определяющие новые направления развития. Помимо этого, существенную роль играет цифровое неравенство, которое заключается в том, что многие люди совершают свои действия, не используя цифровые технологии, тем самым оставаясь «невидимыми» для цифровых платформ. При этом значительная часть данных создаётся не только людьми – многочисленные автоматизированные системы также способны самостоятельно генерировать различные цифровые следы в сети. Это, в свою очередь, порождает проблему достоверности и надежности получаемых данных. [1, 97].

Таким образом, появление больших данных в социальных науках носит противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют развитию новых методов, технологий и углублённому анализу социальных процессов. С другой стороны, обладают рядом ключевых недостатков и создают риск утраты профессиональных мыслительных навыков, таких как социологическое воображение, критическое мышление, способность к операционализации понятий и т. д., которая возникает в силу замены вычислительными технологиями целого ряда профессиональных социологических практик.

1. *Гавриленко, О. В., Маркеева, А. В. Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике / О. В. Гавриленко, А. В. Маркеева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12 (92). – С. 94–103.*
2. *Губа, К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? / К. Губа // Социологическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 213–236.*
3. *Гусева, А. А. «Большие данные»: понятие, источники, возможности / А. А. Гусева // Master's Journal. – 2016. – № 1. – С. 320–324.*
4. *Звонилов, F. G. «Большие данные»: источники, применение / F. G. Звонилов, В. В. Добрычев, С. М. Каюгина // Неделя молодежной науки-2023 : Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 01–31 марта 2023 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2023. – С. 1160–1164.*
5. *Кучкаров, Т. С. О методах и инструментах анализа больших данных / Т. С. Кучкаров // Экономика и социум. – 2023. – № 12 (115)-2. – С. 837–841.*
6. *Смирнов, В. А. «Цифровизация» социологии: новые возможности и ключевые противоречия / В. А. Смирнов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2024. – № 4. – С. 146–160.*
7. *Соловьев, А. И. Хранение и обработка больших данных / А. И. Соловьев // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 37-6. – С. 47–51.*
8. *Connelly, R., Playford, C. J., Gayle, V., Dibben, C. The Role of Administrative Data in the Big Data Revolution in Social Science Research / R. Connelly, C. J. Playford, V. Gayle, C. Dibben // Social Science Research. – 2016. – Vol. 59. – P. 1–12.*
9. *Fatima, A., Nazir, N., Khan, M. G. Data Cleaning in Data Warehouse: A Survey of Data Pre-processing Techniques and Tools / A. Fatima, N. Nazir, M. G. Khan // International Journal of Information Technology and Computer Science. – 2017. – Vol. 9, No. 3. – P. 50–61.*
10. *Golder, S. A., Macy, M. W. Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research / S. A. Golder, M. W. Macy // Annual Review of Sociology. – 2014. – Vol. 40. – P. 129–152.*

11. *Kitchin, R. Big data and human geography: Opportunities, challenges, and risks / R. Kitchin // Dialogues in Human Geography. – 2013. – № 3(3). – P. 262–267.*
12. *Lazer, D., Pentland, A., Adamic, L., Aral, S., Barabasi, A. L., Brewer, D., Christakis, N., Contractor, N., Fowler, J., Gutmann, M., Jebara, T., King, G., Macy, M., Roy, D., Van Alstyne, M. Computational Social Science // Science. – 2009. – Vol. 323, No. 5915. – P. 721–723.*
13. *Mohr, J. W., Wagner-Pacifici, R., Breiger, R. L., Bogdanov, P. Graphing the Grammar of Motives in National Security Strategies: Cultural Interpretation, Automated Text Analysis, and the Drama of Global Politics / J. W. Mohr, R. Wagner-Pacifici, R. L. Breiger, P. Bogdanov // Poetics. – 2013. – Vol. 41, No. 6. – P. 670–700.*
14. *Savage, M., Burrows, R. The coming crisis of empirical sociology / M. Savage, R. Burrows // Sociology. – 2007. – No.41 (5). – P. 885–899.*

ПОПРАВКА НА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРЕДЕЛЫ ЭКСПЕРТНОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ В СМЕШАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гегер Алексей Эдуардович
(СЗИУ РАНХиГС)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00862 А.

Аннотация: Работа критически переосмысливает экспертную триангуляцию и командную работу в смешанных исследованиях. Показано, что, помимо классических методологических рисков, возникают угрозы на уровне командной динамики и интеграции данных. Обосновывается необходимость «поправки на исследователя» как командной переменной и институционализации процедур согласования интерпретаций для повышения валидности.

Ключевые слова: смешанные методы, валидность, экспертная триангуляция, командная работа, поправка на исследователя

За последние десятилетия смешанные методы исследования стали «золотым стандартом» для решения сложных междисциплинарных задач, а экспертная триангуляция – их ключевыми инструментами повышения валидности. Предполагается, что объединение разных исследовательских оптик и взаимный контроль процедур обеспечивают устойчивость результатов к типовым угрозам на количественных и качественных этапах, а также на стадии интеграции данных.

В данном тексте будут приведены результаты «исследования исследования». В рамках данного исследования мы целенаправленно подвергли ревизии тезис о экспертной триангуляции и командной работе как универсальных средствах снижения угроз валидности смешанных исследований. Опираясь на анализ групповых дискуссий и дневников исследователей, а также на кейс сравнения независимых аналитик одного и того же массива смешанных данных, мы выявили спектр специфических угроз, возникающих именно вследствие коллективной организации исследования. Это заставляет по-новому поставить вопрос о «поправке на исследователя» – не только как на индивидуальный источник систематических искажений, но и как на элемент сложной командной экосистемы, где профессиональные роли, статусные различия и психологические профили могут усиливать, а не нивелировать риск валидности.

Предлагаемый текст фиксирует эти эмпирические наблюдения, систематизирует возникающие угрозы и обсуждает пределы эффективности экспертной триангуляции в условиях командной работы

Экспертная триангуляция и командная работа, заявленные как один из наиболее релевантных методов снижения угроз валидности, в действительности порождают все новые угрозы.

Потенциальный недостаток смешанных методов заключается в проблеме финальной обоснованности результатов. В отношении количественного подхода уже давно разработаны критерии валидности, разработаны способы преодоления угроз валидности на всех этапах количественного исследования. Дискуссии по поводу обоснованности результатов качественных исследований продолжались долго, однако, удалось найти компромисс. Как указывает Энтони Онвукбези, основное решение проблемы – это экспертная триангуляция.

Смешение методов преумножает угрозы валидности с двух сторон – это все угрозы количественного этапа, это все угрозы качественного этапа. Кроме того, добавляется еще одна весьма серьезная угроза – на этапе интеграции данных. Здесь очень много зависит от квалификации исследователя, от его исследовательской позиции. Предотвращение искажений на этапе интеграции данных – это экспертная триангуляция.

Для получения результатов высокого качества и выводов высокой надежности должна быть предусмотрена командная работа нескольких исследователей.

Именно данный тезис/данную проблему мы взялись рассмотреть наиболее пристально. Как удалось выявить, сама экспертная триангуляция в условиях командной работы, которая призвана угрозы валидности снижать, на самом деле порождает их в значительной степени. Эти данные были получены нами в ходе анализа групповых дискуссий участников коллектива, которые проводились на всех этапах реализации «исследования исследования».

Перечислим основные угрозы, которые нами были выявлены:

Угроза неоднородной квалификации исследователей, неоднородного методологического бэкграунда. В этом случае квалификация исследователей в команде может быть разной и в этом случае возможны нарушения процедур.

Угроза «ошибки лидера». Один из исследователей может обладать большим авторитетом и даже в случае своей ошибки авторитет будет играть решающую роль, та же ситуация если участники коллектива находятся в административном подчинении друг у друга.

Угроза «бесконечного спора». Возникает в том случае, когда явного лидера в коллективе нет, таким образом исследователи не могут договориться, возникает ситуация перманентных дискуссий, как следствие проект превращается в «долгострой».

Универсальная угроза психологической несовместимости в коллективе. Ситуация несовпадения психотипов конкретных исследователей, что обостряет рабочий процесс и приводит в конечном итоге к деструктивным результатам.

Отсутствие конкурирующих точек зрения. Обратная ситуация по отношению к «бесконечному спору», обозначенному выше. Единодушие в построении выводов, конечной аналитике и подведению итогов очень часто равнозначно равнодушию; может крыться также в психологических проблемах конкретных исследователей, например, такой проблеме как эмоциональное/профессиональное выгорание.

В последнее время все настоятельнее возникает потребность в анализе угроз валидности со стороны исследователя как активного субъекта исследования. Нами рассматриваются пути к снижению угроз валидности в смешанных исследованиях.

Заявлена проблематика роли исследователя как активного субъекта исследования и необходимость делать «поправку на исследователя» при изучении угроз валидности результатов смешанного исследования. Нами дается авторская классификации факторов, определяющих «поправку на исследователя». Экспертная триангуляция и командная работа, заявленные как один из наиболее релевантных методов снижения угроз валидности, в действительности порождают все новые угрозы.

Второй модуль «исследования исследования» – это анализ дневников исследователей. Исследователи были отобраны случайным образом, однако из трех разных социологических «индустрий»: один исследователь работает в структурах РАН, это яркий представитель академического сообщества, второй исследователь – представитель университетской науки, третий – сотрудник исследовательской структуры, или как сейчас принято говорить «полстер»/«рисёчер», с многолетней, и что важно ежедневной практикой эмпирических исследований. Важным фактором успеха эксперимента было то, что все три исследователя были не знакомы друг с другом, каждый из них придерживается своих теоретических воззрений, а также имеет свои предпочтения в методологии. Первые выводы эксперимента достаточно тривиальны – мы получили от трех разных исследователей три разных исследования. Даже при том, что мы исключили все промежуточные этапы, чтобы не делать на них поправки. Таким образом, три исследователя анализировали одни данные; это были данные смешанного исследования, массив количественного опроса в SPSS, а также расшифровки фокус-группы, выступая только в роли аналитиков. Таким образом, все настоятельнее встает вопрос о создании научного знания именно в рамках научных коллективов, что повысит обоснованность результатов исследования, поможет добиваться синергетического эффекта при представлении конечных результатов. Как пишет Кризвелл, «мы должны создать такие условия, когда социолог медицинского профиля сядет рядом с биостатистиком, а антрополог будет тесно работать в команде со специалистом по измерениям. В глобальном контексте исследования, помимо разного научного опыта, исследователи привносят свои культурные традиции». Однако Крезвелл, демонстрируя методологический плюрализм этим высказыванием, по-прежнему рассматривает членов коллектива только с позиции их профессиональных качеств. Между тем, нами была проведена классификация угроз валидности при командной работе и становится очевидно, что исключая фактор психологической совместимости членов коллектива, эффект от командной работы вряд ли можно назвать удовлетворительным. Однако, еще в 1981 году вышла книга Мередита Белбина о построении успешной команды с учетом психологической совместимости. Единственная поправка – эта книга про команды менеджеров.

Экспертная триангуляция и командная работа не выступают универсальным средством снижения угроз валидности; они порождают дополнительные риски, обусловленные коллективной динамикой и уязвимостями этапа интеграции данных. К числу ключевых факторов относятся неоднородность квалификации и методологических ориентаций участников, лидерские асимметрии и связанные с ними ошибки, хронические нерешаемые дискуссии при отсутствии выстроенного механизма принятия решений, психологическая несовместимость членов коллектива, а также дефицит и систематическое подавление конкурирующих интерпретаций. Смешанные методы наследуют весь спектр угроз количественного и качественного подходов, дополняя их критичным узлом – интеграцией данных, где определяющими становятся профессиональная компетентность и исследовательская позиция. В этих условиях «поправка на исследователя» должна рассматриваться не только как индивидуальная, но и как командная переменная

валидности. Эмпирический пример расхождения выводов у независимых аналитиков при работе с идентичным массивом демонстрирует высокую вариативность интерпретаций и подчеркивает необходимость институционализации процедур интеграции: формализации правил согласования, балансировки ролей и статусов, нормализации управляемого несогласия и введения внутренних независимых рецензий. Пределы эффективности триангуляции, таким образом, определяются не столько методологическими предписаниями, сколько организационно-психологическими условиями коллективного труда; без их учета рассчитывать на устойчивый синергетический эффект не представляется возможным.

1. *Белбин Р. М. Команды менеджеров: как объяснить их успех или неудачу. – Манн, Иванов и Фербер, 2009.*
2. *Creswell J. W. Research designs. Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. – 2009.*
3. *Onwuegbuzie A. J., Johnson R. B. The validity issue in mixed research //Research in the Schools. – 2006. – Т. 13. – №. 1.*

О ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТОДАХ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ефимова Виктория Леонидовна
(Дальневосточный федеральный университет)

Аннотация: в данной статье предпринята попытка анализа новых возможностей и потенциала визуальных методов социологического исследования. Цифровизация общества, визуальный поворот в культуре, особенности современного поколения, необходимость поиска новых гибких стратегий исследования требуют дальнейшего осмысления глубины и перспектив развития визуальных методов.

Ключевые слова: визуальные методы, визуальный поворот, теория поколений, визуальное мышление, молодежь.

Несмотря на то, что визуальные методы исследования достаточно давно и прочно заняли свое место в исследовательском арсенале социолога, укрепить свои позиции и получить широкое распространение у них не получается. Исследователи пишут о визуальном, иконическом повороте в социологии. Например, «исследования феномена визуальности, включая фотографию, кинотекст, отчётливо свидетельствуют о том, что визуальный поворот в культуре произошёл. Естественно, что он вписывается в ряд других трансформаций, которые происходят в современном обществе. Но именно рефлексия этого уровня и качества помогает увидеть, как данные культурные практики формируют новую социальную оптику, смещают фокус исследовательского внимания в гуманитаристике, образуют новые основания социальной памяти» [3, 151]. При этом большинство исследований, основанных на применении визуальных методов, ограничено изучением фотографий городской среды, и не имеют серьезного академического признания и распространения.

Например, А. В. Шапиева пишет о том, что «современный мир стал визуальным. Восприятие окружающего мира все больше происходит через визуальные образы. Новый онтологический запрос, обусловленный динамикой темпа жизни человека, заставляет насыщать коммуникативное пространство емкими образами, позволяющими обрабатывать человеку большие объемы данных, выстраивая целостную картину мира. Тенденция связана прежде всего с массовой цифровизации и развитием доступных

цифровых средств передачи визуальной информации. Как следствие, отмечен рост колоссальный рост объема данных, создаваемых пользователями, большую часть которых занимают визуальные форматы» [4, 429]. О. Запорожец отмечает, что «визуальная социология, при всех ее неопределенностях и проблемах, не миф, не искусственное создание, – это ответ на визуализацию культуры и смещение исследовательской оптики гуманитарного знания» [2, 42].

При этом, признавая произошедший визуальный поворот, необходимо, отвечая на новые вызовы, своевременно дополнять свой исследовательский багаж разнообразными инструментами и новыми исследовательскими практиками.

Визуальные методы отвечают целому ряду требований. В частности, методы исследования социума становятся более гибкими, разнообразными и вариативными. Как один фотоаппарат без индивидуальных настроек уже не позволит увидеть все разнообразие окружающего мира и уловить его динамичность, так и застывшая исследовательская оптика не позволяет отслеживать происходящие вокруг трансформации.

Актуализируется потребность в современных исследовательских инструментах, поиске новых смыслов традиционных методов. Необходимы диагностические приемы, позволяющие быстро сделать срез информации по важным проблемам и запросам общества. Исследовательская практика зачастую требует упрощенной процедуры сбора данных, так как необходим мгновенный срез данных и результаты «здесь и сейчас».

Развитое визуальное мышление поколения «Z» и подрастающего поколения «Альфа» ставит новые вызовы перед исследователями. Ускоряется ритм жизни, описание текста с эмоциями становится трудозатратным, новое поколение респондентов лучше воспринимает и передает визуальную информацию. «Визуальные методы и источники играют все более значительную роль в науке, образовании, социальной практике» [1, 8].

Если еще недавно визуальные методы исследований в основном затрагивали повседневность, то сейчас появляются новые возможности для изучения традиционных социологических вопросов визуальными методами. Особенно актуальны такие методы для изучения молодежи. Молодежь, обладая развитым визуальным мышлением, мыслит визуальными образами, которые нуждаются в глубоком осмыслении. Например, изучение ценностей молодежи через визуализацию концепта «Герой нашего времени». Проведение подобных исследований за счет визуализации концепта «герой нашего времени» предполагает контекстуальный подход и гибкую методику, адаптивно подстраивающуюся под требования современности. Исследовательский запрос о визуализации какой-то категории предполагает обращение к другим, более глубинным (и не всегда осознанным) смысловым пластам, позволяющим исследователю безбарьерно получить значимую социальную информацию. Для анализа и интерпретации полученных данных применяется, прежде всего, семиотический подход, а также дискурсивная интерпретация.

Визуальный язык является более емким, ярким, содержательным и понятным для современной молодежи. Визуальные исследования необходимы для изучения повседневной жизни молодого поколения, понимания и описания ее настроений и интересов. Визуальные образы помогают актуализировать то, что сложно вербализовать словами.

Таким образом, одним из возможных ответов на современные вызовы в исследовательской практике автор видит в возможности визуализации различных аспектов социального и дополнении этими данными традиционных исследовательских инструментов. Эвристический потенциал визуальных методов в социологических исследованиях безусловно шире и масштабнее, чем сложившийся статус и уровень признания в академической среде.

1. *Визуальная антропология: настройки оптики / Под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 296 с.*
2. *Запорожец О. Визуальная социология: контуры подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2007. – №4. – С.33-44*
3. *Колодий Н. А., Колодий В. В. Визуальный поворот и его влияние на социальное вознание // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2010. – Т.316 №6. – С. 146-152*
4. *Шапиева А. В. Визуальное измерение социального мира: опыт и потенциал фотографии в социологическом исследовании // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – №4. -С.428-436.*

К ВОПРОСУ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Жаворонков Александр Васильевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Бутаев Эдуард Измаилович
(Гильдия маркетологов)

Воронина Наталья Сергеевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Одна из коллизий, обозначенных заголовком, состоит в отношении скорости роста капитала к темпу замещения поколений. Тут картина дисбаланса в планетарном масштабе чётко выражена неуклонным возрастанием душевого ВВП, сопровождающемся монотонным падением суммарного коэффициента рождаемости (r= –,890, Tay-b= –,960, Po= –,995 за 1960-2023 гг. по 150 странам). Обратная связь роста душевого ВВП и СКР проверена и подтверждена по 185 странам, в границах 38 высокоразвитых и 37 европейских. Исключения вызваны во всех, кроме одного, случаях «локальными» подвижками в отдельных сферах жизни. Только в 20-х гг. прошлого века в основе прироста населения в СССР лежала стратегия диверсификации форм собственности при развитии разных экономических укладов, которое было прервано форсированной коллективизацией.

Исследователи разнообразных политических ориентаций едины во мнении о приближении нулевого прироста и убыли мирового населения, расходясь лишь в сроках наступления кризиса. В большинстве случаев анализ сведен к констатации убыли населения в определенных странах. Изменения рождаемости, инициированные различными причинами, в связи с методами максимизации прибыли вариациями переменного капитала, как правило, не анализируются. Но именно тотальное господство института частной собственности как механизма обмена благами сопровождается неизбежной максимизацией прибыли за счёт жизненных потребностей, фундаментально связанных с объективно необходимым темпом воспроизводства. Оно приводит к сокращению ареалов замещения поколений, и факты говорят, что человеческий ресурс при господствующих производственных отношениях исчерпан. Резервуар рабочей силы, находящийся в странах Африки и Азии, иссякает в связи с приходом горнодобывающих кампаний и стартом процессов урбанизации, повышающих производительность труда при сокращении её субъекта. По некоторым данным мир достиг нулевого прироста населения на планете. Исследования, однако, освещают и пути преодоления кризиса.

Цивилизация – это орудийная форма взаимодействия исторически возникавших общностей-аппликаций ноосферы с умопостигаемой экологической нишей окружающего

мира. Социологическое изучение аттрактантов этого взаимодействия обнаруживает соответствия форм общественного сознания с масштабами общностей: семьи, рода, нации, государства и общечеловеческого существования. Центральный момент этого подхода – отрицание дизъюнкции «свой-чужой» для положительного протекания обмена свойствами в пространстве той или иной общности. Тем самым вводится рассмотрение общечеловеческого взаимодействия, в котором нет «чужих», помещенных «за оградой» господствующей общности и принуждаемых к подчинению в её интересах. Здесь доминанта (договорные начала) исключает насилие, выступая основой успешного сотрудничества и внутри общности, и с «соседями».

В классической политической экономии есть несколько недоработанных постулатов. Ни в деньгах, как мере труда, ни в капитале, как объективации человеческой активности в процессах внутрисистемного и внешнего взаимодействия, нет имманентных им негативных явлений. Господство единственного механизма регуляции обмена благами является основой саморазрушения. Монополия враждебна развитию и препятствует диверсификации форм взаимодействия в общественной системе, затушевывая, в частности, и факт, что общественно необходимое время – время для воспроизводства всего населения, а не только рабочей силы для роста капитала и максимизации прибыли.

Методическая проблема настоящего сообщения – абрис данных статистики и реакций массового сознания на определенные события. Выводы базируются на статистике международных организаций и исследования ESS-2006-2021, проводимого каждые 2 года по европейским странам (по РФ руководитель Н. В. Андреенкова). Массивы исследований рассмотрены по числу детей у женщин фертильного возраста, отношению к мигрантам, оценке доверия властям, полу, возрасту, поколению, децилю дохода. Объём замеров колеблется по каждой из стран от 9000 до 19000 респондентов, а общий объём данных составляет 210666 интервью. В выводах использованы исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ по РФ за 2004 – 2023 гг., кафедры социологии семьи и демографии МГУ за 1976-2020гг (руководитель А. И. Антонов), ОСПИ-2019-2022 ИС РАН (руководитель С. В. Патрушев).

Нами были проанализированы социометрические матрицы корреляций (статистика Кендалла) степени совпадений у независимых респондентов оценок всех градаций выбранных параметров. Рассмотрены шесть градаций отношения к мигрантам, семь доверия властным институтам. На их основе получены «триады» оценочного и нормативного (по степеням совпадения оценок) полей массового сознания. По РФ и по каждой из европейских стран выявлены похожие слои так называемых «инакомыслящих», «медианных», «доминирующих» (соответственно: мало совпадений с каждым оставшимся в выборке по всей стране, средне, много). Эти три слоя составляют в зависимости от оцениваемого фрагмента реальности, года и страны от 8 % до 20 % «инакомыслящих» и столько же «доминирующих»; остальные «медианные». Ни один социально-демографический признак не даёт и близко той степени дифференциации оценок градаций выбранных параметров, которая наблюдается в нормативных «триадах»-кластерах отношения к власти, мигрантам, семье.

Динамическая трёхмерная модель семейной ориентации женщин фертильного возраста в масштабах РФ (поведение/установки/общественно закрепленные нормы числа детей) оказалась константной за пол века. Она выражена объёмной «гауссианой», отцентрированной относительно вершины со значением среднего числа детей в 1,5 на семью. Динамика отдельных областей фигуры говорит о ситуативных подвижках смысловых норм-реакций женщин на экономические события. Константности желаемого числа детей за рассматриваемый период (≈2,5) и СКР (≈1,5) являются отражением в сознании объективно необходимого для существования общества числа рождений и

закреплением в поведении норм-реакций на реальный обмен благами. Меры господдержки семей, призванные демпфировать негативные явления, вызванные экономическими факторами, вписаны в их контекст и к целям улучшения положения не приводят. Единственным ресурсом затрат на воспроизводство собственной жизни при данной системе отношений и давлении фискальных систем является для огромных масс людей экономия за счёт числа детей. Эта картина характерна для всего мира.

Данные исследований показывают «U»-образный характер распределения значений СКР в децилях населения по доходу. На примере США. Испании, Швеции, Швейцарии и России видно, что рост СКР характерен и для самых бедных, и для самых богатых слоёв. Бедные многодетные семьи разоряются, многодетные слои с максимально высоким уровнем дохода завоевали место для передачи накопленного следующим поколениям. Центробежные и центростремительные потоки в трёхмерной модели воспроизводства населения практически равны относительно центра равновесия. Наличие системы, позволяющей выявляемым слоям обеспечить это воспроизводство в целом, не просматривается ни в одной из стран. Силовые и административные приёмы оказываются недостаточными, исключая кратковременные эффекты. В долгосрочном плане и опора на миграционную составляющую резервной армии труда бесперспективна. В Финляндии, например, с 2000 по 2024гг в когортах матерей с китайским, вьетнамским и арабским языками СКР снизился в разы до значений 0,7 – 0,91 – 2,18 соответственно языковой группе. Параллельно снизился СКР и у титульных наций. Механика дисбаланса благ снижает рождаемость всюду за одно поколение и независимо от вероисповедания. Моменты кризисов и урбанизация ускоряют процесс повсеместно.

«Триады-ареалы» нормативных полей устойчивые фундаментальные образования. Они выкристаллизовались в результате исторического развития как мыслительные аттрактанты борьбы и единства противоположностей во взаимодействии населения и власти в определенных странах. Там, где «инакомыслящие» задают тон в политической сфере, наблюдается корпоративный характер решений социальных проблем. Российские исследования 2019-2022гг чётко показывают, что основной водораздел поляризации политических установок населения лежит в плоскости участия/неучастия широких масс в управленческих решениях баланса, созданного трудом. Когерентность решений подразумевает учёт для общего блага всех форм существования и оценок их сознанием.

Стратегическое решение проблемы состоит в диверсификации форм собственности и власти. Экономический уклад государственного капитализма с монополией на господство одной формы регуляции обмена благами исчерпал положительные возможности для развития. И экологическая ниша существования, и субъект разработки её ресурсов заявляют о необходимости смены системы производственных отношений. Развитие объективно требует изменения оснований внутренней политики стран не только относительно резервных армий труда из миграционных потоков, но и (и главным образом) в плане оптимума темпов замещения поколений за счёт диверсификации форм собственности и власти в балансе скоростей развития различных ареалов объективно существующей в мире многоукладной экономики. Социальная политика обязана иметь один главный целевой критерий – СКР равный 2,64 на семью. Никакими силовыми, административными приёмами этого невозможно добиться. Эта величина при данных общественных отношениях объективно недостижима со всеми последствиями ответственности за будущие не рожденные поколения людей.

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Иванова Людмила Викторовна
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Одной из социально-культурных проблем XXI века, по мнению философа и культуролога Бён-Чхоль Хана [5], стал кризис повествования. Его суть – в неспособности человека понимать глубинные смыслы нарративов (от лат. narrare – рассказывать, подробно излагать), а также в подмене сложных повествовательных структур сторителлингом – «продающими историями», созданными для организации массовой коммуникации и ориентированными на оперативное потребление аудиторией. При этом современными учеными признается важность нарративов, которые исторически сложившись в художественной литературе, в XXI стали типом медиадискурса, детерминирующим процессы социальной коммуникации. Создание медианарративов – культурная и коммуникативная миссии информационно-цифрового общества, а понимание их глубинных смыслов – важная компетенция человека.

Теория нарратива или повествования как способа экспликации смыслов в человеческом обществе начала формироваться в 60-х годах XX века и разрослась до отдельной науки – нарратологии [4; 6]. Согласно ее концептуальным установкам, начиная с Античности текстовая повествовательная структура использовалась для конструирования и репрезентации культурных смыслов в процессе передачи человеческого опыта. Французские структуралисты отмечали, что нарратив как темпоральная референция действительности представляет собой концептуальную пространственно-временную конструкцию сущности объектов действительности, их взаимных связей, зависимостей, а также их изменений. Нарративное повествование способствует познанию мира и человека, опосредует передачу концептов от адресанта адресату, а также организует процесс переосмысления «человеком повествующим» самого себя. Обладая качествами синкретичности, сложности, многофункциональности, оно не только представляет действительность, но и показывает направление, в котором следует о ней думать, помогает испытывать чувства от знакомства с миром, переживать эмоции и проживать происходящее.

Начиная с конца XX века ученые заговорили о «нарративном повороте», признав за нарративом ведущую роль в процессе генерации смыслов об актуальных фактах и явлениях действительности, а также в организации социальных реакций на общественно-политические и культурные изменения.

В XXI веке социолингвисты стали активно разрабатывать процессуальный подход к нарративу. В словаре-справочнике «Эффективные коммуникации» было зафиксировано определение нарратива как «функционально-смыслового тип речи, повествования, в котором говорится о развивающихся (незавершённых – пояснение авт.) действиях, состояниях, процессах, событиях» [7, 537]. Ученые проявили интерес не только к инструментам и результату фикционального конструирования действительности в нарративе, но и к его коммуникативно-функциональному потенциалу, к его роли в формировании социальных связей. Так, философы Й. Брокмейера и Р. Харре, исследующие факторы влияния на распространение и трансформацию социальной информации и социально значимых знаний, высказали мнение, что нарратив «предназначен не для фиксации и передачи онтологической (неизменной) сути действительности, а для демонстрации специального набора инструкций и норм,

предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» [2, 38]. Нарратив всегда помещает конкретную ситуацию в более масштабный контекст и тем самым наделяет ее дополнительным (универсальным, общечеловеческим, социально-полезным) смыслом. Он может представлять желаемую, потенциальную картину мира, а также устанавливать новые смыслы в известном через организованные временные и смысловые последовательности. И. В. Алещанова подчеркивает, что нарративы являются «воплощенными … стратегиями и конвенциями, символизирующими приоритеты конкретной культуры» [1, 44].

Все выше сказанное позволяет утверждать, что нарративный дискурс может рассматриваться как индикатор состояния общественного мнения, общественных представлений и установок, как носитель актуальных социальных смыслов. Готовность декодировать глубинные смысла нарративов следует признать обязательным элементом культуры человека информационно-цифрового общества.

Теория нарратива имеет научно-прикладное применение. На ее основе может быть выработана методика анализа повествовательного медиадискурса для выявления актуальных социальных смыслов. Алгоритм нарративного анализа также может быть использован как основа содержания полуструктурированного интервью участников фокус-группы, задействованных в эксперименте по определению уровня читательской грамотности и изучению факторов, влияющих на герменевтические компетенции личности, то есть на готовность извлекать смыслы из повествовательных структур, декодировать символическую, сконструированную в виде сюжета, картину мира.

Методику анализа медиатекстов массовой коммуникации в нарративной логике можно представить как алгоритм, в котором неразрывно связаны элементы структуры нарратива – событийный мир, адресант, адресат и повествование. Четыре элемента – четыре уровня анализа:

содержательно-смысловой: факты, противоречия/конфликты/вопросы конкретной сферы жизнедеятельности общества как тематическая основа нарратива, их социальная значимость, острота, актуальность (показательность, характерность для настоящего момента), сущность (тип вечного конфликта, вопроса) и специфика; смысловые акценты событий, явлений, конфликтов в контексте экстралингвистических и экстрасубъективных факторов – информационной политики государства, социально-политической и/или экономической ситуации, формата СМИ/массмедиа;

прагматический: потенциальная и целевая аудитории нарратива (социальный статус, возраст, потребности, запросы, интересы, привычки, установки, ценности); эффекты смыслового и эмоционального воздействия на нее;

идейно-авторский: статус автора как носителя смыслов (нарратор, эксперт, аналитик, наблюдатель); способ представления биографического автора (при наличии), его принадлежность к социальной группе; стилистические авторские приемы или способы раскрытия его индивидуальности в тексте; статус нарратора (рассказчик, повествователь); приемы выражения точки зрения адресанта (прямая речь, модальность, фокализация);

структурно-композиционный: драматургия повествования (конфликтно-кульминационное построение, герои и второстепенные персонажи сюжета, приемы смыслового акцентирования), стиль и тональность повествования, эмоционально-стилистическая окраска текста, детерминированная отношением автора к теме, героям, персонажам и читателю.

Основа конструкта нарратива – конфликт и его эмоционально-оценочная «инфраструктура», передаваемые через композиционные и знаково-лингвистические

инструменты. Каждый критерий, характеристика нарратива при раскладывании на единицы счета (конкретные пункты анализа) может использоваться не только для получения интерпретирующих заключений, но для получения количественных данных.

В современных средствах массовой коммуникации контент в форме повествовательных структур (нарративов), становится популярным. В жанровом отношении это житейские или жизненные истории. Специальный раздел – «Истории» – есть в большинстве универсальных массовых изданиях, представленных в сетевой версии. Исследователи СМИ указывают на историю как один из наиболее востребованных у аудитории онлайновых медиа жанров журналистского текста [3, 5].

Анализ материалов из разделов «Истории» или «Общество» сетевых изданий «Комсомольская Правда», «Московский Комсомолец», «Аргументы и факты», «Лента.ру» и «Газета.ру» за период с декабря 2024 г. по март 2025 г., проведённый обучающимся по направлению «Журналистика» в рамках выпускной квалификационной работы, позволил выделить ряд общих смысловых концептов повествовательного медиадискурса, транслируемого в публичное пространство массовыми универсальными СМИ.

Основным типом конфликта, разворачивающимся в историях, является противостояние человека непреодолимым обстоятельствам (кома после ДТП, синдром Дауна, стихийные бедствия, теракты, неблагоприятные условия для бизнеса и т.п.). На уровне структуры он конструируется в различные сюжеты из повседневной жизни людей. Истории строятся по традиционной схеме «арки героя»: от гармоничного состояния к потрясению и через преодоление антагонизма к новому состоянию. Сюжетное конструирование истории позволяет сделать акценты на духовной силе как основном ресурсе человека в сложных обстоятельствах. Действия героя, благодаря включению эмпатии, основанной на механизме зеркальных нейронов, вызывают полезные для развития социальных связей эмоции: сочувствие, боль, уважение, восхищение. Ключевым смысловым концептом реальных историй становится демонстрация достаточных для преодоления препятствий возможностей человека: внутренних ресурсов, которые активизируются в ситуациях неустойчивости, нестабильности, при воздействии разрушительных внешних воздействий.

1. *Алещанова И. В. Нарративность: определение понятия // Известия ВГПУ. 2006. № 3. С. 43-47.*
2. *Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, 2000. № 3. С. 29–42.*
3. *Колесниченко А.В. Востребованность жанров журналистских текстов аудиторией онлайновых медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 3. С. 3-22.*
4. *Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к спец. курсу / Е. Г. Трубина; Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. Каф. соц. философии. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 104 с.*
5. *Хан Б.-Ч. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / Пер. А. С. Салин. Москва: Издательство АСТ, 2023. 160 с.*
6. *Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.*
7. *Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. / [отв. ред. М. И. Панов]. Москва: Олимп, 2005 (ООО Агентство КРПА Олимп). 960 с.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ: ПОИСК СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФОКУСА

Кононова Дарья Сергеевна
(Уральский институт управления – филиал РАНХИГС (Екатеринбург))

В последние годы в фокусе внимания исследователей находится вопрос решения актуальных проблем на российском рынке труда, выраженных в кадровом дефиците на фоне продолжающегося демографического кризиса.

Одной из форм решения демографических проблем, используемых в мировой практике, является привлечение иностранной рабочей силы. В исследовании А. Э. Евтушенко, Н. Г. Чевтаевой, Д. С. Кононовой, А. Е. Агумбаевой, подчеркивается заинтересованность работодателей в трудоустройстве иностранных граждан из стран ближнего зарубежья [1, 75]. Таким образом, привлечение иностранной рабочей силы имеет временный эффект и не решает проблему демографического кризиса в долгосрочной перспективе.

В недостаточной степени изученным является социальный процесс возвратной миграции такой группы как соотечественники, проживающие за рубежом, в том числе в странах дальнего зарубежья. В данном исследовании под соотечественниками предлагается считать социальную группу, состоящую из лиц и их потомков, проживающих за пределами Российской Федерации и разделяющих духовные и культурные российские ценности.

С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Г. Н. Очирова в рамках изучения русского населения в странах дальнего зарубежья отмечают нахождение значительного количества русскоязычного сообщества в Германии, США, Израиле и других странах дальнего зарубежья. При анализе социально-демографических характеристик и экономического положения исследователи также отмечают высокий уровень образования у русскоязычного населения и возможность отнесения к среднему классу [2, 89 – 90].

Возвращение соотечественников, проживающих в странах дальнего зарубежья, в Россию может способствовать решению ряда значимых проблем в силу ряда причин:

– это лица, разделяющие социальную идентичность российских жителей. Приезд данной категории не должен вызывать социальные конфликты, так как принимающим обществом соотечественники могут быть идентифицированы как свои.

– это квалифицированные специалисты, которые могут закрыть отдельные позиции на рынке труда, а также усилить обмен опытом и технологиям на предприятиях.

– это лица, которые планируют длительное проживание в России, что положительно может повлиять на демографическое развитие.

Учитывая вышесказанное, актуализируется необходимость теоретического изучения социального процесса возвратной миграции и последующей социальной адаптации с точки зрения социологии.

Активное научное осмысление социальной адаптации в социологии началось в 20 веке. Первое фундаментальное исследование представлено в работе классиков социологии: Ф. Знанецкого и В. И. Томаса «Польский крестьянин в Европе», где описываются социальные механизмы польских мигрантов и процесс адаптации к принимающему обществу [3, 269 – 273].

Среди существующих моделей изучения социальной адаптации можно отметить следующие: Р. Парк – концепция ассимиляции, Д. Берри – двухмерная модель аккультуризации, Й. Ким – теория кросс-культурной адаптации. Л. Прис и Т. Фэйст –

транснационализм. Каждая последующая модель изучения социальной адаптации внесла вклад в теоретическое разностороннее рассмотрение вопроса [4, 10–15].

Проблемы социальной адаптации русских немцев, связанных с языковым барьером, поиске жилья и признании прежней квалификации отмечаются в исследованиях немецких социологов: Б. Диц и П. Хилкес [5, 125]. В работе Г. Розенталя, В. Стефана и Н. Раденбаха проанализирована разница нарративов в идентичных социальных группах [6, 280].

Значительное количество социологических исследований было проведено в рамках изучения этнической возвратной миграции русских евреев в Израиль. Фокус социологов смещен на изучение отдельных социально-профессиональных групп возвратных мигрантов. Подтверждением является исследования Е. С. Чернышевой, изучающей истории успеха возвратных мигрантов-ученых [7, 163], а также А. Д. Эпштейна, рассмотревшего опыт интеграции возвратных мигрантов-учителей [8, 113].

Переходя к российской социологии, стоит отметить, что российские исследователи сосредоточены на изучении социальной адаптации различных категорий мигрантов.

В. Ю. Леденева рассматривает региональный аспект адаптированности иностранных граждан. По результатам проведенного экспертного опроса наблюдается осложнение межкультурного взаимодействия между иностранными гражданами и принимающим обществом в Республике Саха (Якутия) [9, 116]. Другое исследование, проведенное на основании полученных результатов онлайн-опроса в крупных региональных мигрантских онлайн-сообществах, показало ряд трудностей социальной адаптации, с которыми сталкиваются трудовые мигранты из Узбекистана [10, 308].

Нельзя также не отметить вклад И.Б. Бритвиной в изучение социальной адаптации мигрантов. При проведении массовых опросов жителей Екатеринбурга в 2017 году с целью поиска актуальных форм взаимодействия принимающего общества и иностранных граждан, а также установления социальных конфликтов выявлено несовпадение уровней социальной идентичности коренных и приезжих [11, 324]. В исследовании 2024 года актуализируются требования принимающего общества в отношении иностранных граждан, среди которых фугирует знание русского языка и соблюдение правовых норм [12, 95].

Переходя к вопросу изучения возвратной миграции и социальной адаптации соотечественников, стоит отметить, что исследователи с помощью качественных исследований выделяют актуальные проблемы социальной адаптации. В исследовании А. В. Винокурова, А. Ю. Ардальянова, К. Н. Сердюков, А. И. Яковлев на основании проведенных формализованных телефонных интервью установлено, что после переезда соотечественники сталкиваются с проблемами трудоустройства, получения необходимых документов в России, социально-бытовым обустройством и поиском жилья [13, 44].

В исследовании Е. И. Васильевой и Т. Е. Зерчаниновой анализируется потребность молодых российских соотечественников, проживающих за рубежом, в поддержке со стороны России. Результаты проведенного опроса показали актуальность для молодежи предварительного подбора вакантного рабочего места для облегчения процесса социально-профессиональной адаптации [14, 87].

Обобщая проведенный теоретический обзор, стоит отметить, что в зарубежной социологии акцент смещен в сторону изучения ассимиляции и интеграции к принимающему обществу. Российские социологические исследования сфокусированы на применение качественных методов исследования и изучения постадаптационных проблем соотечественников. Перспективным направлением в последующих социологических исследованиях является дополнительное изучение процесса возвратной миграции и социальной адаптации соотечественников, прибывающих из стран дальнего зарубежья.

1. *Евтушенко, А. Э., Чевтаева, Н. Г., Кононова, Д. С., Агумбаева, А. Е. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 69–87.*
2. *Рязанцев, С. В., Письменная Е. Е., Очирова Г. Н. Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья. Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 81–100.*
3. *Рождественская, Е. Ю., Семенова, В. В. «Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22 № 2. С. 261–284.*
4. *Гриценко, В.В. Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России / В.В. Гриценко. – Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2017. – 252 с.*
5. *Dietz, B., Hilkes, P. Russlanddeutsche : Unbekannte im Osten : Geschichte, Situationen, Zukunftsperspektiven / B. Dietz, P. Hilkes. – Munich : Olzog Verlag, 1993. – 140 S.*
6. *Rosenthal, G., Stephan, V., Radenbach, N. Brüchige Zugehörigkeiten : wie sich Familien von «Russlanddeutschen» ihre Geschichte erzählen / G. Rosenthal, V. Stephan, N. Radenbach. – Frankfurt; New York : Campus Verlag, 2011. 287 S.*
7. *Чернышева, Е. С. Основные факторы, тормозящие процесс интеграции русскоязычных евреев-репатриантов в социум государства Израиль // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 158–164.*
8. *Эпштейн, А. Д. Обучая чужих детей: социологический анализ процесса интеграции в Израиле учителей – выходцев из бывшего СССР – после завершения периода массовой иммиграции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. №1. С. 102–113.*
9. *Леденева, В. Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 106–119.*
10. *Леденева, В. Ю., Назаров Р. Р. Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. № 3. С. 300–316.*
11. *Бритвина, И. Б., Шумилова, П. А. Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтничных мигрантов в России // Вестник РУДН. Серия СОЦИОЛОГИЯ. 2017. Т. 17, № 3. С 317–326.*
12. *Бритвина, И. Б., Шумилова, П. А. Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С 88-101.*
13. *Винокурова, А. В., Ардальянова, А. Ю., Сердюков К. Н., Яковлев, А. И. «Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края) // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 2. С. 38–47.*
14. *Васильева, Е. И., Зерчанинова, Т. Е. Нужна ли наша поддержка молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом? // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 81–92.*

ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Лаврикова Анастасия Александровна
(Тульский государственный университет)

Креативные индустрии как особая сфера общественной жизнедеятельности стали отдельным предметом теоретического осмысления относительно недавно. В конце XX в. их значимость была обоснована экономически: творческие виды деятельности были объединены в один сектор, рассматриваемый как инструмент экономического роста даже в условиях кризиса. Вместе с тем анализ креативных индустрий осложняется их многомерной природой, что обуславливает необходимость систематизации проблемных зон компаративных исследований.

Во-первых, следует выделить проблемы в содержательном определении сферы, что отражается в используемой терминологии и трактовке понятий [3]. Это разнообразие отражает различные культурные, экономические и политические контексты, что, однако, создает серьезные методологические барьеры для сопоставления.

Например, в странах Евросоюза утвердился синтезированный термин «культурные и креативные индустрии», подчёркивающий неразрывную связь между культурной ценностью и экономической эффективностью и акцентирующий их синергию, а не противопоставление.

Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) использует более узкое понятие «креативные индустрии», однако также делает акцент на культурной природе сферы, определяя ее через деятельность по созданию, производству и коммерциализации творческого содержания, которое выражается в результатах, защищённых интеллектуальным правом, и может принимать форму товаров или услуг, имеющих культурное значение. В свою очередь, Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) предлагает трактовку с выраженной экономической направленностью, описывая эти индустрии как полные циклы создания рыночных товаров и услуг, где основным ресурсом выступают творческий и интеллектуальный капитал.

Иной ракурс предлагает Инновационный фонд Великобритании (NESTA), который проводит строгое разграничение между «креативными индустриями» как совокупностью конкретных секторов и более широким понятием «креативная экономика», охватывающим всех занятых творческим трудом, в том числе в нетворческих отраслях. Данный подход смещает фокус с отраслевого на профессиональный критерий, определяя креативную деятельность через набор когнитивных навыков и характер решаемых задач.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) оперирует юридически ориентированным термином «охраняемые авторским правом индустрии», сужая определение до отраслей, чья деятельность напрямую или косвенно связана с объектами авторского права. Этот подход является наиболее узким и формализованным по сравнению с широкими культурно-экономическими трактовками ЕС или ЮНКТАД.

В азиатском регионе (Южная Корея, Япония и др.) доминирует технологически ориентированный термин «индустрия контента», акцентирующий роль инновационных технологий в производстве и дистрибуции.

В странах Латинской Америки для концептуализации креативного сектора утвердилось понятие «оранжевая экономика», призванное отразить значимость активов, основанных на интеллектуальной собственности, культуре и творческом потенциале, для экономического роста и развития региона. Под этим термином понимается широкий спектр секторов, фундаментом которых служит симбиоз таланта, культурного наследия, интеллектуальной собственности и технологических связей.

В российском законодательстве креативные (творческие) индустрии определяются как «экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью» [4].

Подобная терминологическая гетерогенность интерпретаций приводят к тому, что выводы и рекомендации, сформулированные в рамках одной концептуальной схемы, не поддаются верификации или экстраполяции на реальность, описываемую другими моделями. Более того, смешение понятий «креативные индустрии» (как сектора) и «креативная экономика» (как совокупность всех видов творческого труда) ведёт к методологической ошибке, при которой сравниваются разноуровневые явления, что искажает оценку масштабов и влияния творческого труда.

Во-вторых, к числу проблемных зон сравнительного анализа креативных индустрий относится отсутствие общепринятых подходов к их классификации. Для целей межстранового сопоставления первостепенное значение имеет институциональный

подход к структуризации данного сектора [5], поскольку именно он формирует основу для государственного регулирования и сбора статистики. Однако даже в его рамках наблюдаются существенные разночтения.

Так, Британское Министерство культуры, медиа и спорта (DCMS) использует детализированную отраслевую классификацию из 13 секторов (реклама, дизайн, кино, IT, музыка и др.) для статистической оценки вклада в ВВП, занятость и экспорт.

В свою очередь классификация ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) предлагает более агрегированную структуру, включающую индустрии, основанные на историко-культурном наследии; индустрии, основанные на искусстве; современные медиа и производство цифрового контента; прикладные творческие индустрии. Дополнительно учитывается ряд сопровождающих видов деятельности.

ВОИС за основу берет правоориентированную модель, фокусирующуюся на связи с объектами авторского права. Среди ее элементов выделяются основные отрасли авторского права; взаимозависимые отрасли (производство сопутствующего оборудования); частичные отрасли (где часть деятельности связана с авторским правом); вспомогательные отрасли (содействующие распространению контента).

В России законодательство устанавливает собственную структуру креативных индустрий [4]: «…основанные на историко-культурном наследии; …основанные на произведениях литературы и искусства, результатах издательской деятельности, результатах исполнительской деятельности и фонограммах; …основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, деятельности средств массовой информации, деятельности в сфере связей с общественностью; …основанные на прикладном творчестве». Детализация осуществляется через отсылку к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД).

Эти различия делают некорректным прямое сравнение ключевых макроэкономических показателей между странами, поскольку они измеряют принципиально разные экономические совокупности. Кроме того, отраслевые классификации зачастую не способны адекватно учесть междисциплинарную природу многих креативных видов деятельности, что приводит к их исключению из поля зрения исследователей или двойному счету в ходе сравнительного анализа.

В-третьих, определенная часть проблем кросс-культурных исследований связана с существованием различных моделей развития креативных индустрий [1; 2].

Американская модель отличается ориентацией на стратегию глокализации и развитие «копирайт-индустрий», часто характеризуется более свободным рыночным подходом с низким уровнем государственного регулирования. Политика регулирования креативного сектора реализуется преимущественно на уровне штатов и муниципалитетов, что отражает общую тенденцию децентрализации властных функций. Важной частью модели являются креативные города, которые создают комфортные для жизни и работы условия для представителей креативного класса.

Суть скандинавской модели креативных индустрий заключается в акценте на системе творческого профессионального образования, направленного на практическое применение креативных навыков в предпринимательстве, развитой грантовой поддержке сферы культуры и искусства, стимулировании инноваций и инвестиций в творчество. В ней важна роль государства. В скандинавских странах утверждены специальные программы развития креативных индустрий, которые способствуют формированию устойчивого креативного сектора как источника инноваций и социально-экономического роста.

Европейская модель основывается на определении креативных индустрий как отраслей, деятельность которых основана на культурных ценностях или художественных формах индивидуального и коллективного самовыражения. В странах Европы активно создаются креативные кластеры, функционирующие за счет взносов участников и получаемых грантов, особое внимание уделяется поддержке малых и микропредприятий, чтобы избежать монополизации рынка крупными компаниями и сохранить разнообразие культурного пространства. Модель строится на поддержке международного сотрудничества, сетевого взаимодействия, а также на софинансировании значимых отраслевых платформ.

Азиатская модель креативных индустрий характеризуется сильным акцентом на инновационную составляющую и интеграцию с высокотехнологичными отраслями. Ее особенностью является сочетание традиционной культуры с современными цифровыми форматами, что позволяет использовать креативность как элемент «мягкой силы» для продвижения национальных интересов на глобальной арене.

Кроме традиционно выделяемых моделей существуют еще гибридные варианты, объединяющие в себе черты остальных. Именно такие примеры мы можем найти в России и странах Латинской Америки.

Так российскую модель креативных индустрий отличает направленность на поддержку и концептуальное регулирование через государственные программы и стратегии развития сектора, акцент на креативных кластерах, значительное разнообразие отраслей в креативной экономике, интеграция культурного наследия и традиций с современными индустриальными формами творчества. В свою очередь ряд стран Латинской Америки, хотя и находится в сфере культурного и экономического влияния США, развивает креативные индустрии в рамках парадигмы «оранжевой экономики», что отражает их уникальные социально-экономические условия. Латиноамериканская модель сильнее интегрирует социальные задачи и культурные особенности, в большей степени ориентирована на государственное содействие и недопущение социальной эксклюзии через креативные проекты.

Таким образом, различия между моделями носят управленческий характер, что порождает дополнительные ловушки для сравнительного анализа, так как противопоставляет принципиально разные политико-экономические реальности.

В целом следует отметить, что отсутствие консенсуса в области понятийного аппарата, отраслевой классификации и моделей воспроизводства и регулирования создаёт системные препятствия для организации кросс-культурных исследований креативных индустрий.

Преодоление данного методологического тупика требует разработки гибкой аналитической рамки («сравнительного конструктора»), основанной на 1) признании и описании существующих различий, 2) создании прозрачных и понятных правил для сопоставления разнородных данных, 3) смещении фокуса с прямого количественного сравнения на качественный и контекстуальный анализ.

Формирование такой мета-рамки предполагает следующие шаги:

создание многоуровневой системы определений, учитывающей основные подходы и включающей механизм контекстуализации, а также и карту соответствий между национальными классификациями;

разработку набора сравнительных контекстуальных индикаторов (экономических, социокультурных, институциональных);

проведение анализа через призму моделей и вызовов (какая модель используется и почему, как решаются общие вызовы и т.д.).

фокус на case-study (сравнение успешных кейсов кластеров, городов, отраслей).

Таким образом, продуктивный сравнительный анализ должен смещать фокус с прямых количественных сопоставлений вклада в ВВП на качественное изучение институциональных и неинституциональных контекстов и механизмов взаимодействия между государством, бизнесом и творческими сообществами. Следует добавить, что помимо разработки гибкой аналитической рамки требуется также внедрение новых технологий сбора и обработки данных (в том числе и на основе использования big-data и искусственного интеллекта). Интеграция подобных подходов в методологию сравнительных исследований позволит перейти от констатации проблем к их практическому решению.

1. *Байкова Э. Опыт развития креативных индустрий за рубежом // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 1 (163). С. 11-17. DOI: 10.34773/EU.2022.1.2.*
2. *Благова И.Ю. Зарубежный опыт развития креативных индустрий // Проблемы современных социокультурных исследований: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практич. конф. 27 октября 2020г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 45–48.*
3. *Тургель И., Баскакова И., Чукавина К., Дербенева В. Методологические подходы к измерению креативных индустрий // Экономика и управление: научно- практический журнал. 2022. № 6 (168). С. 19 – 28. DOI: 10.34773/EU.2022.6.3.*
4. *Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» от 08.08.2024 № 330-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 23.03.2025).*
5. *Шкарина В.С. Особенности развития креативных индустрий в современной экономической политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. Выпуск № 94 (октябрь). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-94-133-144.*

К ВОПРОСУ ИЗМЕРЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА И КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Лагутина Евгения Евгеньевна
(Уральский государственный экономический университет)

Аннотация. В статье рассматривается влияние благоприятного и неблагоприятного психологического климата на качество трудовой жизни. Дан краткий обзор методов измерения психологического климата и качества трудовой жизни. Представлена формула определения связи качества трудовой жизни и психологического климата.

Психологический климат является тем «фундаментом», на котором строится здание качества трудовой жизни. Он выступает катализатором или, наоборот, ингибитором для удовлетворения большинства потребностей сотрудника на рабочем месте.

Рассмотрим влияние благоприятного психологического климата на качество трудовой жизни.

Благоприятный психологический климат, характеризующийся доверием, уважением, взаимопомощью и открытостью, напрямую улучшает качество трудовой жизни по всем ключевым компонентам:

– социальная интеграция. В здоровой атмосфере легко устанавливаются теплые межличностные отношения, формируется чувство «мы», принадлежности к команде. Это удовлетворяет базовую потребность человека в общности.

– развитие способностей. Климат, где поощряется инициатива и не боятся ошибок, стимулирует сотрудников пробовать новое, брать на себя ответственность и раскрывать свой потенциал. В такой среде проще предлагать идеи и получать конструктивную обратную связь.

– баланс работы и личной жизни. В атмосфере доверия и взаимопонимания легче договориться о гибком графике, удаленной работе или отгуле по семейным обстоятельствам. Снижается уровень стресса, связанного с работой, что позволяет полноценнее отдыхать.

– здоровье и безопасность. Позитивный климат снижает уровень хронического стресса, который является причиной многих психосоматических заболеваний и профессионального выгорания. Сотрудники чувствуют себя психологически безопасно.

– лояльность и уверенность в будущем. Работая в поддерживающем коллективе, сотрудник больше ценит свое место и с большей уверенностью смотрит в будущее, что снижает текучесть кадров.

Теперь рассмотрим влияние неблагоприятного психологического климата на качество трудовой жизни.

Неблагоприятный психологический климат, где преобладают интриги, недоверие, страх и конфликты, разрушительно действует на качество трудовой жизни:

– социальная интеграция. В такой среде сотрудник чувствует себя изолированным, незащищенным. Формируются враждующие группировки, процветают сплетни, что делает пребывание на работе психологически невыносимым.

– развитие способностей. Атмосфера страха перед наказанием за ошибку убивает любую инициативу. Сотрудники предпочитают «не высовываться», выполнять только минимум требуемого, их потенциал остается нераскрытым.

– баланс работы и личной жизни. Постоянный стресс, конфликты, необходимость «защищаться» от коллег или руководства приводят к эмоциональному истощению. Негативные эмоции с работы переносятся в семью, нарушая личную жизнь.

– здоровье и безопасность. Токсичный климат является прямой дорогой к профессиональному выгоранию, депрессивным состояниям, тревожным расстройствам и обострению хронических заболеваний.

– справедливость вознаграждения. В атмосфере интриг и фаворитизма система вознаграждения часто воспринимается как несправедливая, что вызывает сильную демотивацию.

Таким образом, психологический климат – это не просто один из факторов качества трудовой жизни, а сквозной элемент, пронизывающий все его компоненты и во многом определяющий их субъективное восприятие сотрудником.

Для того чтобы управлять взаимосвязью между климатом и качеством трудовой жизни, необходимо научиться ее измерять. Для этого используется комплексный подход, сочетающий диагностику обоих явлений и последующий анализ.

Определим, как осуществляется диагностика психологического климата. Целесообразно использовать следующие методы:

Наблюдение. Включенное наблюдение за поведением сотрудников в естественной рабочей обстановке.

Анкетирование (опросы). Наиболее распространенный метод, использующий стандартизированные опросники.

Социометрия (метод Дж. Морено). Позволяет выявить структуру межличностных отношений, неформальных лидеров и «изгоев» в коллективе.

Фокус-группы и индивидуальные беседы. Качественные методы, позволяющие глубоко понять причины тех или иных настроений в коллективе.

Можно привести примеры готовых методик измерения психологического климата: экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в трудовом коллективе (О. С. Михалюк, А. Ю. Шалыто); методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру); методика цветописи (А. Н. Лутошкин) и т.д.

Разберем методы оценки качества трудовой жизни:

1. Анкетирование. Опросы удовлетворенности различными аспектами работы (содержанием, условиями, оплатой, руководством). Опросы вовлеченности.

2. Анализ объективных данных (HR-метрик). Первая метрика, например, коэффициент текучести кадров – один из самых ярких индикаторов проблем с психологическим климатом и качеством трудовой жизни. Вторая метрика – индекс абсентеизма. Показатели производительности и качества, в том числе процент брака, количество ошибок, уровень выполнение ключевых показателей эффективности.

Приведем примеры методик оценки качества трудовой жизни:

– опросник Gallup Q12 включает 12 вопросов, которые, по мнению Института Gallup, наиболее точно предсказывают вовлеченность и производительность;

– индекс eNPS (Employee Net Promoter Score) измеряет лояльность сотрудников;

– методика «Интегральная удовлетворенность трудом» (разработана Н. П. Фетискиным, В. В. Козловым, Г. М. Мануйловым).

После сбора данных по психологическому климату и качеству трудовой жизни необходимо проанализировать связь между ними. Здесь целесообразно использовать математико-статистические методы. Корреляционный анализ позволяет установить наличие, силу и направление связи между показателями. Например, можно выявить отрицательную корреляцию между уровнем конфликтности в коллективе и уровнем удовлетворенности трудом. Регрессионный анализ помогает построить модель, показывающую, насколько изменение одного или нескольких показателей климата (например, поддержки со стороны руководителя) влияет на итоговый показатель качества трудовой жизни.

Связь качества трудовой жизни и психологического климата можно выразить формулой:

$$КТЖ = f\left(\sum_{i=1}^{n} Wi * Ki, \sum_{j=1}^{m} Vj * Uj\right),$$

где:

– КТЖ – итоговый показатель качества трудовой жизни;

– $К_i$ – компоненты психологического климата (например, сплоченность, поддержка, доверие и т.д.)

– W_i – весовой коэффициент или важность каждого компонента психологического климата;

– V_j – объективные факторы (например, уровень зарплаты, условия труда и т.д.)

– U_j – весовой коэффициент или важность каждого объективного фактора.

Эта модель показывает, что качество трудовой жизни является функцией как от психологических, так и от объективных факторов, и для комплексного управления необходимо воздействовать на обе группы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ СОЦИОЛОГАМИ И МАРКЕТОЛОГАМИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА)

Леонов Аркадий Константинович
(Амурский государственный университет)

Кокорина Анна Андреевна
(Амурский государственный университет)

Аннотация. В статье представлены результаты опроса представителей социологического и маркетингового исследовательского сообщества, характеризующие социальные практики использования нейросетей в профессиональной деятельности, а также отношение социологов и маркетологов к применению искусственного интеллекта в исследовательской практике.

Ключевые слова: нейросети, социологи, маркетологи, исследовательская практика, профессиональная деятельность

Актуальность. Современное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и нейронных сетей кардинально преобразует методологию социологических и маркетинговых исследований. Нейросети, как инструмент глубокого обучения, позволяют анализировать сложные массивы данных, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать поведенческие модели с высокой точностью. Актуальность их применения в профессиональной деятельности социологов и маркетологов обусловлена возрастающей сложностью социальных взаимодействий, объемом генерируемых данных и потребностью в предиктивной аналитике [1; 2; 3].

Методика исследования. Объект исследования: маркетологи и социологи, работающие на территории России. Предмет: профессиональные практики использования нейросетей в маркетинге и социологии. Цель: выявить социальные практики использования нейросетей в маркетинге и социологии. Метод: онлайн-анкетирование (анкета, размещенная в Яндекс.форме, распространялась путем рассылки в профессиональные и личные чаты социологов и маркетологов). Выборка: стихийная, всего опрошено 120 респондентов. Сроки сбора данных: с 29 июня по 13 июля 2025 года.

Основные результаты.

Благодаря широкой освещенности нейросетей в СМИ и профессиональной сфере, осведомленность респондентов очень высокая (17 % частично осведомлены, 83 % – хорошо осведомлены; с возрастом степень информированности снижается), отсутствуют эксперты, которые не осведомлены о нейросетях. Нейросети интегрируются в рабочий процесс.

Большинство экспертов активно используют нейросети в своей профессиональной деятельности (32 %) или используют эпизодически (47 %). 22 % не используют нейросети в работе, но 7 % респондентов планируют их внедрение в рабочий процесс. Основные барьеры, мешающие интегрировать или чаще использовать нейросети в профессиональной деятельности: недостаточная точность/надежность ИИ (57 %), недостаток знаний/опыта (47 %) и этическая/юридическая неопределенность (38 %). «Недостаточная точность/надежность» и «Этическая/юридическая неопределенность» – универсальные и главные барьеры, особенно остро воспринимаемые специалистами со стажем 4 – 15 лет. Для новичков и опытных экспертов (>15 лет) также значим

«Недостаток знаний/опыта». Нейросети сейчас хоть и интегрированы в профессиональную деятельность, но лишь немного. У большинства респондентов задачи, выполняемые с помощью ИИ и нейросетей, занимают до 10 % рабочего времени (60 %). Это может быть связано с барьерами, упомянутыми ранее. Чем старше респондент, тем меньшую долю рабочего времени (до 10 %) занимают задачи, выполняемые нейросетями, тогда как у молодых экспертов, эти задачи занимают долю рабочего времени больше (до 50 %). Несмотря на высокую осведомленность, ИИ-инструменты пока не доминируют в рабочем процессе большинства специалистов. Они используются скорее эпизодически или для части задач. Нейросети стали массово набирать популярность около 1 – 2 года назад, поэтому лишь со временем люди заметили в них потенциал для внедрения в рабочий процесс. Большинство респондентов уже используют нейросети в своей деятельности 3 – 6 месяцев (36 %) и дольше – 7 – 12 месяцев (28 %). Более опытные эксперты уже имеют намного больший опыт использования нейросетей в своей профессиональной деятельности, чем новички. Опыт и знания, накопленные за годы работы, позволяют более опытным специалистам более эффективно использовать нейросети и интегрировать их в свою профессиональную деятельность.

Наиболее популярные типы нейросетей, которыми пользуются респонденты: генеративные модели (например, ChatGPT, Midjourney и пр.), которые стали за последнее время очень известны (91 %), аналитические платформы с ИИ-функциями (34 %) и чат-боты/Виртуальные ассистенты (26 %). Генеративные ИИ (ChatGPT, Midjourney) стали универсальным инструментом практически для всех респондентов, включая тех, кто не использует ИИ профессионально в маркетинге/социологии. Это базовый, широкодоступный инструмент, который первым осваивают специалисты любого уровня стажа. Специализированные инструменты (аналитика, чат-боты, автоматизация) пока имеют нишевое применение независимо от опыта.

Маркетологи предпочитают применять нейросети в следующих задачах: генерация текстового контента (89 %), генерация визуального контента (74 %) и анализ больших данных (53 %). Наиболее высоко оцененные по эффективности выполнения нейросетями задач (по 5-тибалльной шкале): автоматизация рутинных задач (4,6), генерация текстового контента (4,0) и персонализация рекламных сообщений (4,0). Рутинные задачи легко алгоритмизируются, результат использования нейросетей быстро дает экономию времени (например, написание отчетов, сортировка данных, базовая аналитика и проч.); нейросети эффективны для создания черновиков, описаний продуктов, постов; а алгоритмы идеально подходят для обработки больших массивов данных о пользователях и их сегментации. Низко оцененные задачи: генерация визуального контента (3,6) и оптимизация рекламных кампаний (3,3). Нейросети на данный момент не обладают большими навыками для создания необходимого визуального контента, особенно если речь идет о доступных нейросетях. Также нейросети требует комплексного учета множества взаимосвязанных факторов (креатив, каналы, аудитория, бюджет, внешний контекст), что пока сложно для них. Решения часто требуют человеческой интуиции и опыта.

Наибольший потенциал среди задач, выполняемых нейросетями, маркетологи видят: анализ больших данных (74 %), генерация визуального и текстового контента (58 %). В целом, маркетологи положительно относятся к внедрению нейросетей в сферу маркетинга (53 %) или скорее положительно (42 %). Маркетологи в нейросетях видят следующие преимущества: повышение скорости и масштаба операций (89 %), освобождение времени для стратегических задач (84 %) и снижение затрат на маркетинг (47 %). Главные ограничения и вызовы использования нейросетей по мнению маркетологов – это риск потери человеческого контроля и креативности (68 %), проблема

«черного ящика» (47 %) и вопросы этики и конфиденциальности данных (42 %). Около половины маркетологов отмечает, что внедрение нейросетей в их профессиональную деятельность повысило их эффективность (58 %), не повлияло у 26 % и наоборот понизило у 5 %.

Социологи применяют нейросети в таких задачах, как: генерация текстового контента (77 %), автоматизация рутинных исследовательских задач (62 %) и анализ больших данных и текстовой информации (58 %). Социологи оценивают задачи, выполняемые нейросетями не так высоко, 3,4 как маркетологи. У социологов наиболее высоко оцененные по эффективности выполнения нейросетями задач: автоматизация рутинных задач (4,0), анализ больших данных и текстовой информации (3,8) и генерация текстового контента для исследований (3,7). Как и в маркетинге, ценность для рутины очевидна: обработка анкет, транскрибирование интервью, первичная кодировка данных – трудоемкие задачи, хорошо алгоритмизируемые. Низко оцененные задачи социологами: генерация отчетов и презентаций на основе данных (3,2) и моделирование социальных процессов и прогнозирование тенденций (2,9).

Социологи видят наибольший потенциал среди задач, выполняемых нейросетями: автоматизация рутинных исследовательских задач (62 %), анализ больших данных и текстовой информации (62 %) и генерация, и анализ визуализаций данных (62 %). Как и маркетологи, социологи положительно (42 %) или скорее положительно (50 %) относятся к внедрению нейросетей в сферу социологии. Главными преимущества использования нейросетей социологи считают: снижение трудозатрат на рутинные исследовательские задачи (77 %), повышение скорости и масштаба анализа больших массивов социальных данных (69 %) и автоматизация анализа качественных данных (65 %). Социологи выделяют главные вызовы и ограничения нейросетей, такие как проблема «черного ящика» (62 %), которая затрудняет понимание и интерпретацию решений, принимаемых моделями, вопросы этики, конфиденциальности и согласия респондентов (62 %), которые становятся особенно актуальными при работе с личными данными, а также риск потери глубины и интерпретации данных (58 %), что может привести к поверхностному анализу и недооценке контекста, необходимого для адекватного понимания социальных явлений. Около половины социологов отмечают рост личной эффективности в работе с использованием нейросетей (54%). У 35% внедрение нейросетей в рабочий процесс не повлияло на эффективность, а у 4% понизило.

1. *Авдонина К. М., Смирнова Я. Н. Риски и возможности использования искусственного интеллекта в профессии социолога // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. №3. С. 85-91*
2. *Аржанова К. А., Писклакова Л. Д. Особенности использования искусственного интеллекта в маркетинговых коммуникациях компаний//Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 4. С. 4-12.*
3. *Денисова Е. В., Петрова Г. В. Нейросети в маркетинге: использование искусственного интеллекта для повышения эффективности деятельности компаний. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12. С. 218-223*

ЖУРНАЛИСТ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЛОКАЛЬНЫХ МЕДИА: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА

Литвинова Александра Игоревна
(СПбГУ)

Павлушкина Наталья Анатольевна
(СПбГУ)

Цифровая трансформация российских медиа идет неравномерно: федеральные редакции быстрее экспериментируют с ИИ, тогда как локальные и региональные сталкиваются с разрывами в инфраструктуре, доступности кадров и особенностями регламентов. В этих условиях генеративные модели оказываются не просто «инструментом», а новой средой труда – со своим языком, логикой интерфейса и требованиями к вниманию, памяти, контролю качества. Мы рассматриваем ИИ как соавтора журналиста и анализируем, как различные интерфейсы перераспределяют когнитивные усилия в процессе создания новости.

Опираемся на теорию когнитивной нагрузки (CLT), различая три ее компонента: внутреннюю (сложность самой задачи), внешнюю (избыточные издержки из-за способа взаимодействия) и полезную (осмысленные усилия, формирующие навыки). Измеряем субъективную нагрузку модифицированной шкалой NASA-TLX и связываем ее с интерфейсными характеристиками популярных ИИ-платформ.

В рамках работы было поставлено три исследовательских вопроса: Какие элементы ИИ-поддержанного написания новостного текста создают наибольшую когнитивную нагрузку у локальных журналистов? Как интерфейсные решения разных платформ влияют на профиль нагрузки (intrinsic/extraneous/germane)? Как контекст редакции (региональная vs столичная) соотносится со стратегиями работы и оценкой нагрузки?

Пилотная часть исследования включает два взаимодополняющих блока. Первый – экспертная UI-оценка трех платформ (GigaChat, DeepSeek, @GPT4TelegramBot) по десяти критериям: ясность инструкций и подсказок; поддержка истории и контекста; структура и переформулирование запросов; визуальная организация; управляемость генерацией; объяснимость ответа и др. Четыре эксперта выставляли баллы (0–5) и давали комментарии. Профили переводились в типы нагрузки CLT.

Второй исследовательский блок – квазиэксперимент с 10 журналистами из региональных редакций Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Всем участником было предложено единое задание: написать новость до 2000 знаков на основе предложенного пресс-релиза («Новая экологическая стратегия Ленинградской области 2035») последовательно на трех платформах (последовательность платформ варьировалась для каждого участника). Сбор данных: запись экрана и аудио, NASA-TLX (без физической шкалы), короткий пост-опрос (восприятие интерфейса, фрустрация, стратегия промптов, количество итераций).

В исследовании используется трехслойная система метрик, объединяющая поведенческие, субъективные и интерфейсные показатели. На первом уровне фиксируется поведение участников: количество итераций и перегенераций текста, затраченное время и степень соответствия полученного материала жанровым требованиям. Второй уровень отражает субъективную когнитивную нагрузку, измеряемую с помощью модифицированной шкалы NASA-TLX, включающей такие параметры, как ментальная и временная нагрузка, требуемое усилие, уровень фрустрации и субъективная оценка

эффективности работы. Третий уровень охватывает интерфейсные факторы, определяющие удобство и управляемость взаимодействия с ИИ-инструментом: наличие или отсутствие истории диалога, обучающих подсказок и навигации, а также степень прозрачности и объяснимости ответов системы. Такое сочетание метрик позволяет комплексно оценить не только результат работы, но и когнитивные и технологические условия, в которых она осуществляется.

Результаты пилотного этапа исследования показали, что в процессе взаимодействия с генеративными ИИ-инструментами наибольшие когнитивные издержки приходятся на три ключевых этапа. Во-первых, формулирование и структурирование запроса (prompting) требует от журналистов удерживать в оперативной памяти жанровые требования, фактический материал и желаемый стиль текста, одновременно адаптируя формулировки под логику и «язык» конкретной платформы. Во-вторых, значительные усилия связаны с непрерывным контролем и коррекцией генерации – проверкой достоверности фактов, редактированием связности и стилистики, устранением шаблонных или некорректных фрагментов. Наконец, третий источник перегрузки – удержание и восстановление контекста диалога, особенно в тех случаях, когда система слабо поддерживает историю взаимодействия. Это приводит к постоянным переключениям внимания и повышает риск утраты исходных требований, что в совокупности делает процесс соавторства с ИИ более трудоёмким, чем ожидается.

Сравнительный анализ трех платформ показал выраженные различия в распределении когнитивной нагрузки. GigaChat характеризуется высокими показателями как внутренней, так и внешней нагрузки: пользователям приходится тщательно настраивать промпты, вручную контролировать контекст и выполнять дополнительные действия, связанные с особенностями интерфейса. При этом инструмент демонстрирует высокую полезную нагрузку – он способствует формированию продвинутых стратегий взаимодействия с ИИ, особенно у пользователей с достаточным уровнем цифровой грамотности и мотивации к освоению новых технологий. DeepSeek, напротив, показывает наименьшую суммарную нагрузку благодаря качеству первичных ответов и предсказуемости работы модели. Его использование требует меньше усилий на редактирование и контроль, что делает платформу эффективной в оперативных задачах, хотя и снижает обучающий потенциал взаимодействия. @GPT4TelegramBot выделяется низким порогом входа и привычным для журналистов форматом мессенджера, что облегчает начало работы и ускоряет первые итерации генерации. Однако простота среды оборачивается ростом внешней нагрузки: ограниченные навигационные возможности, линейный формат длинных ответов и слабая управляемость генерацией создают дополнительные когнитивные затраты на ориентацию и контроль хода диалога.

Контекст редакционной среды оказался значимым фактором, определяющим характер взаимодействия с ИИ и воспринимаемую когнитивную нагрузку. Журналисты из Санкт-Петербурга демонстрируют более зрелые и осознанные стратегии работы с генеративными инструментами: они активно используют ролевые промпты («выступи в роли выпускающего редактора»), явно структурируют требования («сформируй лид, укажи источник, проверь даты») и применяют чек-листы контроля для проверки фактов и логики текста. Благодаря этому они быстрее достигают результата, пригодного для редактирования, и оценивают уровень когнитивной нагрузки как умеренный. В то время как сотрудники редакций малых городов чаще взаимодействуют с моделью постфактум, корректируя уже сгенерированные тексты без предварительной настройки диалога. Такая стратегия приводит к большему числу итераций, дополнительным затратам внимания и росту фрустрации, что в итоге усиливает субъективное ощущение сложности работы с ИИ.

С позиции теории когнитивной нагрузки интерфейсные решения играют ключевую роль, поскольку именно они масштабируют внешнюю нагрузку – ту часть когнитивных издержек, которая не связана с содержательной стороной журналистской задачи. Анализ показывает, что три группы факторов оказывают наибольшее влияние на распределение усилий пользователя. Во-первых, история и контекст взаимодействия: наличие стабильной памяти сессии, понятная древовидная навигация по ветвлениям диалога и возможность быстро возвращаться к предыдущим версиям заметно сокращают количество переключений внимания и помогают удерживать логику работы. Во-вторых, подсказки и объяснимость: встроенные примеры промптов, система уточняющих вопросов, маркеры неопределенности и ссылки на источники уменьшают число неэффективных итераций и снижают риск потери фокуса. В-третьих, управляемость генерацией: возможность настраивать длину, тон и структуру вывода, а также отдельно регенерировать ключевые элементы текста – лид, цитаты, заголовки – снижает когнитивные затраты на микроредактирование и повышает субъективное ощущение контроля над процессом. Вместе эти факторы определяют, насколько интерфейс поддерживает или, напротив, затрудняет продуктивное соавторство журналиста и искусственного интеллекта.

Полученные результаты позволяют рассматривать внедрение ИИ не только как технологическое, но и как организационное изменение, требующее пересмотра трудовых практик журналистов. Во-первых, необходима нормализация взаимодействия с ИИ: редакционные регламенты должны включать стандарты промптов – жанровые шаблоны, чек-листы фактажа и стиля, а также правила фиксации источников и указания на возможные риски генерации, такие как галлюцинации или сдвиги дат. Во-вторых, важным направлением становится обучение контекст-менеджменту – техникам ведения диалога с ИИ: последовательное задание роли, формулирование цели и ограничений, разметка входных данных, фиксация промежуточных решений и сохранение версий. Это помогает структурировать процесс и снижает когнитивную нагрузку при работе с длинными или сложными заданиями. В-третьих, требуется разделение задач между человеком и машиной: ИИ целесообразно использовать для подготовки черновиков, структурирования текста и генерации вариантов, но не как автономного автора. Ответственность за фактическую точность, юридическую корректность и финальную редактуру должна оставаться за журналистом или выпускающим редактором. Наконец, дизайн рабочего пространства также влияет на уровень нагрузки: использование второго экрана, шаблонов, расположенных рядом с чатом, и горячих клавиш для вставки заготовок позволяет минимизировать внешние издержки и делает процесс соавторства с ИИ более управляемым и эргономичным.

С методологической точки зрения результаты исследования демонстрируют потенциал применения теории когнитивной нагрузки (CLT) и шкалы NASA-TLX в анализе профессиональных практик в цифровой среде. Эти инструменты позволяют количественно оценивать распределение усилий и субъективную нагрузку, если дополнять их поведенческими данными – логами экранной активности, числом итераций, временем выполнения задания – и качественными комментариями участников, раскрывающими контекст принятия решений. При таком подходе становится возможным увидеть, как когнитивная динамика встроена в реальные трудовые процессы. Интерфейсные переменные при этом следует рассматривать как социально-технические, поскольку изменения в их логике и дизайне напрямую влияют на ритмы редакционной работы, распределение ролей и ответственность между журналистом и ИИ-инструментом. Для мониторинга устойчивости новых практик продуктивно сочетать субъективные

шкалы с конкретными операциональными индикаторами – временем до получения пригодного черновика, числом перегенераций ключевых компонентов текста (лида, заголовка, цитаты), долей ручных правок. Такое комбинированное измерение позволяет не только фиксировать степень когнитивной нагрузки, но и оценивать эффективность взаимодействия человека и технологии как элемента профессионального труда.

Заключение. ИИ в локальных медиа – это не «быстрый ускоритель», а социально-технический посредник, который меняет композицию труда. Его польза проявляется там, где редакция умеет управлять внешней когнитивной нагрузкой интерфейсов и инвестирует в полезную нагрузку – формирование устойчивых навыков соавторства. При прочих равных, выигрыш дают платформы с предсказуемой генерацией, прозрачной историей и хорошими подсказками. Но даже лучшая модель требует организационного «обрамления»: шаблонов, регламентов и культуры совместной проверки.

1. *Агеенко Н. В. Специфика профессиональной деятельности журналиста: нравственный аспект // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10 (3). С. 12–17.*
2. *Андреева Ю. В. Психология самокоррекции поведения журналиста в стрессовой ситуации / Ю. В. Андреева // Образование и саморазвитие. 2011. № 5(27). С. 176–183.*
3. *Аникина М. Е. Профессиональная культура журналиста в пространстве академических исследований: опыт структурирования и систематизации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 6. С. 98–114. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.98114*
4. *Арсентьева А. Д., Морозова А. А. Проблемы внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в российскую журналистику // Огарев-Online. 2021. №2 (155). С. 1–7.*
5. *Виноградова К. Е. Информационный стресс как причина эмоционального выгорания журналистов // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде. СПб.: АНО поддержки социальных и культурных инициатив «София», 2020. – С. 204–211.*
6. *Давыдов С. Г., Замков А В.., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. №5. С. 3–21.*
7. *Зайцева Ю. В. Влияние индивидуально-психологических особенностей телевизионных журналистов на преодоление трудных ситуаций в их деятельности // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2018. № 1. DOI: 10.25586/RNU.V925X.18.01.P.094*
8. *Ким М. Н. Познавательная стадия журналистского творчества // Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2011. С. 66–166.*
9. *Ким М. Н. Познавательные ресурсы журналистики. СПб., 2010. 192 с. Режим доступа: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1413369464_7603.pdf (дата обращения: 16.05.2025).*
10. *Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю., Образцова А. Ю., Вартанов С. А. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. №5. С. 51–71.*
11. *. Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю., Образцова А. Ю., Вартанов С. А. Российский журналист и его работа: исследование мотивации и удовлетворенности // Медиаскоп (электронный журнал). 2015. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/2046 (дата обращения: 10.04.2025).*
12. *Копылов О. В. Особенности творческой деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.*
13. *Корконосенко С. Г. Основы журналистики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 318 с.*
14. *Лазутина Г. В. Журналистское познание мира / Основы творческой деятельности журналиста / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000 г.*
15. *Михайлова Д. Р. Особенности профессиональной культуры журналиста в контексте развития современных СМИ: к проблеме утраты значимости творческого компонента // Вестник ННГУ 2013. № 4–2.*
16. *Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с.*
17. *Носкова О. А. Лингвокогнитивный стиль журналиста (на материале исследования аналитического радиоинтервью) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 27–31.*
18. *Олешко Е. В. Профессиональная культура субъектов информационной деятельности: дефиниции и проблематика исследования // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 6.*
19. *Профессиональная идеология журналистики / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя. 378 с.*

20. *Сальникова Л. С. Роботы против журналистов: есть ли у журналистики будущее? // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. №4. С. 668–678.*
21. *Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М.: Икар, 2000. 250 с.*
22. *Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Портрет российского журналиста в динамике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 94–112.*
23. *Сидоров В. А. Познание как сущность общественного бытия журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2003. № 2 (10). С. 110–120.*
24. *Смолярова А. С. Творческие и когнитивные ограничения в реализации принципа объективности в журналистике // Журналистский ежегодник. 2014. №3. С. 27–33.*
25. *Тертычный А. А. Познание и характер знания в журналистике // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. №1. С. 80–87.*
26. *Черныш О. А. Языковая личность журналиста сквозь призму коллективного и индивидуального языкового сознания // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 28. С. 53–58.*
27. *Чертовских О. О., Чертовских М. Г. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. №3. С. 555–568.*
28. *Шиняева О. В., Каманина В. Е. Изменение профессионального поведения журналистов в условиях трансформации института СМИ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 69–87. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-6.*
29. *Amershi S., Weld D., Vorvoreanu M., Fourney A., Nushi B., Collisson P. & Horvitz E. (2019). Guidelines for human-AI interaction. In* ***Proceedings of the 2019 chi conference on human factors in computing systems*** *1–13.*
30. *Brunken R., Plass J. L., Leutner D. (2003). Direct measurement of cognitive load in multimedia learning.* ***Educational psychologist*** *38(1): 53-61.*
31. *31. De Haan Y., Van den Berg E., Goutier N., Kruikemeier S., Lecheler S. (2022). Invisible Friend or Foe? How Journalists Use and Perceive Algorithmic-Driven Tools in Their Research Process.* ***Digital Journalism*** *10(10): 1775–1793. https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2027798.*
32. *Eiband M., Schneider H., Bilandzic M., Fazekas-Con J., Haug M., Hussmann H. (2018). Bringing transparency design into practice.* ***In Proceedings of the 23rd international conference on intelligent user interfaces*** *pp. 211-223.*
33. *Grier R. A. (2015). How high is high? A meta-analysis of NASA-TLX global workload scores.* ***In Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting*** *59 (1): 1727-1731). Sage CA: Los Angeles, CA: Sage Publications.*
34. *Hart S. G. (2006). NASA-task load index (NASA-TLX); 20 years later.* ***In Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting*** *50(9): 904-908). Sage CA: Los Angeles, CA: Sage publications.*
35. *Hart S. G., Staveland L. E. (1988). Development of NASA-TLX (Task Load Index): Results of empirical and theoretical research. In* ***Advances in psychology*** *52: 139-183. North-Holland.*
36. *Hoonakker P., Carayon P., Gurses A. P., Brown R., Khunlertkit A., McGuire K., Walker J. M. (2011). Measuring workload of ICU nurses with a questionnaire survey: the NASA Task Load Index (TLX).* ***IIE transactions on healthcare systems engineering*** *1(2): 131-143.*
37. *Hutchins E. (1995). Cognition in the Wild. MIT press.*
38. *Likert R. (1932). A technique for the measurement of attitudes. Archives of psychology.*
39. *Lee J., Hamilton J.T. (2022). Anchoring in the past, tweeting from the present: Cognitive bias in journalists' word choices.* ***PLoS ONE*** *17(3). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263730*
40. *Nishal S., Diakopoulos N. (2023). Envisioning the Applications and Implications of Generative AI for News Media.* ***In CHI '23 Worksop on Generative AI and HCI****, April 23–28, 2023, Hamburg, Germany. ACM, New York, NY, USA, 8 pages. https://doi.org/10.1145/nnnnnnn.nnnnnnn. Available at: https://arxiv.org/pdf/2402.18835v1 (accessed: 6.06.2025).*
41. *Norman D. A. (1999). Affordance, conventions, and design. interactions 6(3): 38-43.*
42. *Norman D. A. (2013). The Design of New York: Basic Books.*
43. *Opgenhaffen M., D'Haenens, L. (2011). The Impact of Online News Features on Learning from News: A Knowledge Experiment.* ***International Journal of Internet Science.*** *6(1):8-28.*
44. *Pavlik J. (2000). The Impact of Technology on Journalism.* ***Journalism Studies*** *1(2): 229-237. https://doi.org/10.1080/14616700050028226;*
45. *Ferrucci P., Vos T. (2016). Who's in, Who's out? Constructing the identity of digital journalists.* ***Digital Journalism*** *5(7): 868–883. https://doi.org/10.1080/21670811.2016.1208054;).*
46. *Perreault G. P., Ferrucci, P. (2020). What Is Digital Journalism? Defining the Practice and Role of the Digital Journalist.* ***Digital Journalism*** *8(10): 1298–1316. https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1848442;*
47. *Pyevich C., Newman E., Daleiden E. (2003). The relationship among cognitive schemas, job-related traumatic exposure, and posttraumatic stress disorder in journalists.* ***Journal of Traumatic Stress*** *16: 325-328.*

48. *Rubio S., Díaz E., Martín J., Puente J. M. (2004). Evaluation of subjective mental workload: A comparison of SWAT, NASA-TLX, and workload profile methods.* ***Applied psychology*** *53(1): 61-86.*
49. *Said S., Gozdzik M., Roche T. R., Braun J., Rössler J., Kaserer A., Tscholl, D. W. (2020). Validation of the raw national aeronautics and space administration task load index (NASA-TLX) questionnaire to assess perceived workload in patient monitoring tasks: pooled analysis study using mixed models.* ***Journal of medical Internet research*** *22(9): e19472.*
50. *Simpson R., Boggs J. (1999). An exploratory study of traumatic stress among newspaper journalists.* ***Journalism and Communication Monographs*** *1: 1-24.*
51. *Sonni A. F., Hasdiyanto H., Irwanto I., Rido L. (2024). Digital Newsroom Transformation: A Systematic Review of the Impact of Artificial Intelligence on Journalistic Practices, News Narratives, and Ethical Challenges.* ***Journalism and Media*** *5:1554–1570. https://doi.org/10.3390/journalmedia5040097*
52. *Sonni A.F. (2025). Digital transformation in journalism: mini review on the impact of AI on journalistic practices.* ***Front. Commun.*** *10:1535156. doi: 10.3389/fcomm.2025.1535156*
53. *Sweller J. (1988). Cognitive load during problem solving: Effects on learning.* ***Cognitive science*** *12(2): 257-285.*
54. *Sweller J. (2011). Cognitive load theory. In* ***Psychology of learning and motivation*** *55: 37-76. Academic Press.*
55. *Sweller J., Ayres P., Kalyuga S., Sweller J., Ayres P., Kalyuga S. (2011). Altering element interactivity and intrinsic cognitive load.* ***Cognitive load theory*** *pp. 203-218.*
56. *Teegen F., Grotwinkel M. (2001). Traumatic exposure and post-traumatic stress disorder of journalists: An internet-based study.* ***Psychotherapeut*** *46: 169-175.*
57. *Van Merrienboer J. J., Sweller J. (2005). Cognitive load theory and complex learning: Recent developments and future directions.* ***Educational psychology review*** *17:147-177.*
58. *Weidmann A., Papsdorf J. (2010). Witnessing trauma in the newsroom: Posttraumatic symptoms in television journalists exposed to violent news clips.* ***The Journal of Nervous and Mental Disease*** *198: 264-271.*
59. *Zelizer B. (2019). Why Journalism Is About More Than Digital Technology.* ***Digital Journalism*** *7(3): 343–350. https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1571932*
60. *Zhou Y. X., Peng T. Q., Zhu J. J. H. (2023). Will Time Matter with Cognitive Load and Retention in Online News Consumption?* ***Digital Journalism*** *11(1): 181–202. https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2164514).*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Мануйлова Дарья Сергеевна
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова»)

Современное общество (в частности, российское) находится под влиянием многочисленных процессов: следствием этого выступают и преобразования в экономической, политической, культурной сферах. При этом основным предметом интереса социальных наук становится отношение населения к подобным изменениям в обществе и государстве. Одной из ключевых категорий в его изучении в рамках социологии является понятие социальной напряженности как особого состояния социальной группы или общества в целом, вызванного давлением природной и/или социальной среды и продолжающегося в течение определенного периода времени [2, 18]. При этом в социологии, вынужденной подстраиваться под процессы, вызванные цифровизацией общества, становится особенно актуальным проведение прикладных исследований, связанных с данной проблематикой. При этом одним из перспективных источников социологической информации становятся социальные медиа, и активно развиваются соответствующие методы сбора и анализа данных из них [3, 162]. В связи с этим возникает потребность в проведении исследований, выявляющих особенности применения классических социологических методов в сравнении с цифровыми, а также определении, какие методики использовать в современных социологических исследованиях. Актуальность исследования обоснована тем, что оно включает в себя раскрытие специфики использования различных методик на примере исследования

явления социальной напряженности. Кроме того, в рамках него показано, какие аспекты социальной напряженности становится возможным проанализировать посредством анализа мнений респондентов и данных социальных медиа, а какие, напротив, могут остаться не охвачены исследованием.

В рамках исследования рассмотрены труды классической зарубежной социологии, посвященные концептам, предшествовавшие понятию социальной напряженности (Дюркгейм Э., Козер Л., Парсонс Т. и др.), теоретические работы отечественных специалистов в области исследования социальной напряженности (Заславская Т. И., Осеев А. А., Давыдов А. А., Рукавишников В. О. и др.). Отдельно раскрыты основные положения работ отечественных и зарубежных авторов, посвященные социальным феноменам, которые могут выступать проявлениями социальной напряженности (Соловченков С. А., Волынчук А. Б., Павлюк М. А. и др.), а также каналами ее выражения (Храбан Т. Е., Фаломкина И. П. и др.). Проведен ретроспективный обзор методик социологического исследования социальной напряженности таких авторов, как Гребенюк А. А., Вахин А. А., Журавлев А. Л., Яковлева О. В. и др.

В эмпирической части исследования на основе систематизации теоретических положений исследования социальной напряженности сформирована система показателей и индикаторов, которая выступила основой инструментария исследования – анкеты [5, 89], состоящей из 20 основных вопросов, позволяющих выявить состояние выделенных переменных и 6 вопросов, позволяющих сформировать паспорт респондента. Определены характеристики генеральной совокупности – населения г. Москвы, и объем выборочной совокупности для проведения опроса. Была составлена шкала общего значения социальной напряженности на основе ответов респондентов. Минимальным значением шкалы является 0, максимальным – 135. Также в рамках анализа были выявлены статистически значимые закономерности [4, 136] между некоторыми индикаторами. Кроме того, в рамках анкетирования стало возможным осуществить качественный анализ проблемного поля – выявить наиболее волнующие опрошенных социальные проблемы, т.е. проанализировать качественный аспект социальной напряженности. В частности, в рамках ответов на открытые вопросы анкеты респонденты могли указать проблемы, которые их наиболее волнуют в рамках общей социальной ситуации в стране и регионе, политической обстановки, мотивов к потенциальному участию в протестной активности, а также тем коллективных обращений в органы власти. По итогам анализа ответов на открытые вопросы анкеты ответы респондентов были сгруппированы и выявлены сферы, к которым можно отнести обозначенные проблемы:

Уровень жизни.

Безопасность.

Торговля.

Финансы.

Здравоохранение.

Выявление спектра сфер, составляющих проблемное поле жителей г. Москвы по результатам анкетного опроса, позволило выделить аналогичный по темам набор смысловых категорий из классификатора, состоящего из 13 сфер, для проведения анализа данных новых медиа.

Также разработана методика анализа социальной напряженности посредством данных социальных медиа [1,9], позволяющая выявить спектр социальных проблем в исследуемом субъекте, оценить степень их остроты и актуальности для населения для последующего снижения социальной напряженности. Составлен алгоритм сбора первичных социологических данных с помощью такого инструмента, как мониторинговая система «ОК.Крибрум.Pro». Показано, как с помощью реализации контент-анализа

текстового материала публикаций и новостей в социальных медиа можно, выделяя смысловые категории, выявлять проблемы в той или иной сфере социальной жизни:

Выгружены массивы по каждой из выявленных тематик, проведен качественный анализ сообщений по ключевым словам.

Выявлены наиболее популярные информационные поводы, выступающие актуальными для населения социальными проблемами (выделены тематические проблемные блоки, наиболее популярные по числу сообщений, подписчиков и просмотров).

Кроме того, с целью конкретизации проблемного поля в исследуемом регионе и возможного выявления иных социальных проблем, которые могут выступать причиной социальной напряженности, но не были выявлены в ходе анкетного опроса, были отдельно проанализированы аналогичным образом остальные темы классификатора.

По результатам контент-анализа выделены основные средства проявления социальной напряженности в сообщениях и публикациях, которые можно условно разделить на следующие группы:

Лингвистические

Речевые

Технические (специфические для структуры поста или сообщения в электронных социальных сетях или мессенджерах)

Далее был проведен сравнительный анализ результатов анализа социальной напряженности посредством методики с использованием анкетирования и контент-анализа данных социальных медиа. Выявлены основные аналитические возможности и ограничения применения указанных методик в таких аспектах, как особенности сбора и анализа социологических данных, способы фиксирования конкретных проявлений социальной напряженности и др.

Данное исследование позволяет выявить особенности эмпирического анализа социальной напряженности и применения методик (как в плане сбора данных, так и их обработки), определить возможности использования классических социологических методов совместно с методами работы с данными социальных медиа. В результате сопоставительного анализа методик сделан вывод о необходимости использования методик анализа социальной напряженности в комплексе для получения более подробных результатов и их интерпретаций.

Результаты проведенного исследования социальной напряженности в одном из субъектов РФ позволяют говорить о способности с помощью описанных методик выявить сферы наибольшего роста социальной напряженности в сегменте общества, а также о потенциальном практическом значении для формирования рекомендаций органам власти по предотвращению и решению определенных инцидентов и социальных проблем в регионах, а также по корректировке мер государственной политики.

1. *Гребенюк А. А., Максимова А. С., Лемэр Л. Г. Исследование социальной напряженности на основе больших данных социальных сетей//Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 7–11.*
2. *Давыдов А. А. Измерение социальной напряженности/ А. А. Давыдов. М.: ИСАН, 1992. 31с.*
3. *Девятко И. Ф. Методы социологического исследования: учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 2006. 296 с.*
4. *Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: учеб. пособие для вузов / А. О. Крыштановский; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 281, [3] с.*
5. *Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. Добросвет, 2000. 596 с.*

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОПЫТ ИНСТИТУТА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Натапова Наталья Валерьевна
(Институт развития образования Республики Татарстан)

Нугуманова Людмила Николаевна
(Институт развития образования Республики Татарстан)

Шамсутдинова Лариса Петровна
(Институт развития образования Республики Татарстан)

Идиатуллина Анжелика Маратовна
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Аннотация. В статье анализируется опыт Института развития образования Республики Татарстан в практике применения социологических методов в педагогических исследованиях (2023 – 2025 гг.).

Ключевые слова: социологические исследования, социологические методы, педагогические исследования, прикладная социология, триангуляция методов

Современные педагогические исследования всё чаще обращаются к методам социологии для изучения сложных социальных процессов в образовательной среде. Это обусловлено необходимостью не только фиксации объективных характеристик учебно-воспитательной деятельности, но и понимания субъективных установок, ценностей и социальных взаимодействий участников образования. В связи с этим актуальным становится вопрос о том, какие возможности открывают социологические методы для педагогической науки и с какими ограничениями сталкиваются исследователи при их применении.

Целью настоящего исследования является анализ практики применения социологических методов в педагогических проектах, реализуемых научными сотрудниками и аспирантами Института развития образования Республики Татарстан (ИРО РТ) в 2023 – 2025 гг. [1] За указанный период проведено 24 эмпирических исследования по специальности 5.8.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования». Тематика охватывает широкий спектр вопросов: преподавание предмета «Технология», профориентация школьников, потребности педагогов в методической литературе, готовность учителей к работе в условиях полилингвального образования, формирование субъектной позиции обучающихся и развитие командной культуры в дошкольном образовании и др. [2, 3, 4].

Анализ методологического инструментария выявил выраженную асимметрию в использовании методов (рис. 1). Анкетный опрос применялся в 21 из 24 исследований (87,5 %), преимущественно в онлайн-формате через платформу «Яндекс.Формы». В 2023 г. анкетный опрос использовался в 6 исследованиях, в 2024 г. – в 7 исследованиях, экспертный опрос – в 1 и интервью – в 1, в 2025 г. в 8 исследованиях применен анкетный опрос, интервью – в 1. Такие методы, как фокус-группы, контент-анализ и социологический эксперимент, в рассматриваемый период не применялись, несмотря на их потенциал для глубинного анализа педагогических явлений.

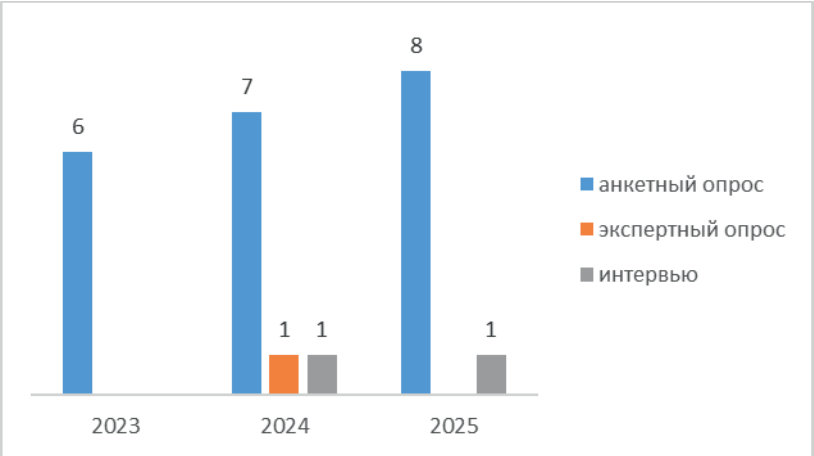

Рис. 1. Распределение использования методов социологического исследования в педагогических исследованиях, проводимых ИРО РТ

Этот дисбаланс объясняется рядом факторов. Во-первых, ограниченные ресурсы: онлайн-опросы требуют минимальных временных и финансовых затрат. Во-вторых, институциональные особенности: педагогические исследования часто ориентированы на оперативное получение данных для методической поддержки системы образования, что способствует выбору быстрых и стандартизированных методов. В-третьих, недостаточная методологическая подготовка исследователей в области качественных социологических техник.

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается тенденция к триангуляции методов, где используется комбинация количественных и качественных методов социологической и педагогической наук (например, опрос + беседы, наблюдения или оценивания). Такие комбинации позволяют сопоставлять массовые установки с индивидуальным опытом, повышая достоверность и интерпретативную насыщенность выводов.

Результаты исследований активно используются в практической деятельности ИРО РТ: они ложатся в основу научных публикаций, методических рекомендаций, программ повышения квалификации, конференций и межрегиональных проектов. Таким образом, социологические исследования выполняют не только познавательную, но и прикладную функцию, обеспечивая обратную связь между наукой и образовательной практикой.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на широкое использование социологических методов в педагогике, их потенциал реализуется фрагментарно. Для повышения качества прикладных исследований необходимо расширять методологический арсенал за счёт внедрения контент-анализа, фокус-групп и экспериментальных дизайнов, а также усиливать междисциплинарное взаимодействие между социологами и педагогами.

1. *Положение о порядке организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре ГАОУ ДПО ИРО РТ [Электронный ресурс] : Решение Ученого Совета ГАОУ ВПО «Институт развития образования Республики Татарстан» от 27.06.2022. URL: http://irort.ru/sites/default/files/2_0.pdf (дата обращения 31.03.2025)*
2. *Прикладные научные исследования ГАОУ ДПО ИРО РТ за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: http://irort.ru/ru/node/8758 (дата обращения 9.10.2025)*
3. *Прикладные научные исследования ГАОУ ДПО ИРО РТ за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: http://irort.ru/ru/node/8759 (дата обращения 9.10.2025)*
4. *Прикладные научные исследования ГАОУ ДПО ИРО РТ за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: http://irort.ru/ru/node/8757 (дата обращения 9.10.2025)*

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РАБОТЕ

Семёнов Максим Юрьевич
(Тюменский государственный университет)

Фёдор Денисович Завгородний
(Тюменский государственный университет)

Мария Михайловна Акулич
(Тюменский государственный университет)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10085, https://rscf.ru/project/23-78-10085/

Аннотация: Исследование раскрывает особенности использования китайского языка как профессиональной компетенции на территории России и его роль в развитии человеческого капитала. На основе интервью выявлены ключевые функции языка в деловой коммуникации, ограниченность применения и влияние знания китайского на карьерные возможности.

Ключевые слова: китайский язык, профессиональная компетенция, человеческий капитал, деловая коммуникация, карьерный рост.

Актуальность изучения профессионального применения китайского языка в России обусловлена глубокой трансформацией российско-китайских отношений за последнее десятилетие. Это привело к росту двусторонней торговли, развитию транспортно-логистических коридоров и созданию инвестиционных хабов, в том числе на региональном уровне. В этих условиях резко возрос спрос на специалистов, способных эффективно коммуницировать на китайском языке в сферах внешнеэкономической деятельности, логистики, таможенного оформления, технического перевода и управления проектами. Более того, в условиях экспансии китайских компаний на российский рынок, владение языком становится не просто дополнительным навыком, а пороговой компетенцией для трудоустройства в ряде отраслей. Таким образом, возрастает актуальность в исследовании особенностей использования китайского языка как профессиональной компетенции в работе, что может позволить понять, как формируется современный человеческий капитал в условиях геополитических и экономических сдвигов, а также определить реальные, а не декларативные, требования рынка труда.

Цель эмпирической части исследования – выявить и проанализировать особенности использования китайского языка в профессиональной деятельности российских специалистов, а также оценить его роль как инструмента приращения человеческого капитала. Для этого были проведены и изучены результаты 11 интервью (7 мужчин и 4 женщины). Большая часть информантов получили степень бакалавра в Китае, только четверть в России. В основном информанты сдавали тесты по знанию китайского языка на уровни HSK 5 и HSK 6 после окончания обучения. Большинство информантом имели схожий образовательный маршрут в течение своей жизни, учились в Китае после окончания школы в России.

Анализ расшифровок интервью со специалистами, использующими китайский язык в профессиональной деятельности, позволяет выделить ключевые особенности его

применения и оценить его роль в формировании и приращении человеческого капитала. Китайский язык выступает не только как инструмент коммуникации, но и как значимый, хотя и не всегда достаточный, ресурс карьерного роста в условиях российско-китайского экономического взаимодействия.

Относительно функциональной применимости китайского языка, в большинстве случаев он используется в узкоспециализированных контекстах: ведение переписки с поставщиками, перевод технической документации, участие в переговорах и технических осмотрах, сопровождение китайских специалистов на объектах. При этом язык редко применяется в бытовой или разговорной форме, его использование стандартизировано деловой лексикой. Как отмечает Информант 2: «Все выражения и обороты для делового общения довольно стандартизированы, особо не разгуляешься, с живым языком иметь дело приходится редко». Тем не менее, именно владение языком позволяет избежать серьезных производственных ошибок. Информант 1 подчеркивает: «Если неправильно перевести речь китайских коллег для работников завода, сотрудники могут приостановить работу техники, что приведет к простою производства». Важно подчеркнуть, что в данном случае английский язык не заменяет китайский. Информант 6 констатирует: «В 80 % случаев фабрики будут использовать гугл-переводчик для общения на английском языке», а Информант 5 добавляет, что «даже среди китайских инженеров лишь 2 – 3 из 20 хорошо владеют английским». Это делает китайский незаменимым в технических и логистических сферах, особенно тех, которые ориентированы на импорт из Поднебесной.

Что касается связи обладания китаеязычной компетенцией и карьерным ростом, то по результатам интервью было отмечено, что знание китайского открывает доступ к определенным вакансиям, особенно в компаниях с китайским капиталом или активно взаимодействующих с Китаем, однако, само по себе оно не гарантирует карьерного роста. Информант 2 прямо заявляет: «Не думаю, что именно китайский помог мне продвинуться в карьере, скорее человеческие навыки». Аналогично, Информант 3 отмечает: «Одним языком сыт не будешь», и подчеркивает важность дополнительного образования, в её случае это магистратура по управлению нефтегазовыми проектами. Тем не менее, китайский язык часто выступает «фильтром» при приеме на работу. Информант 5 говорит: «В нашу организацию приходили устраиваться люди, которые хорошо разбирались в оборудовании… но их не брали, так как они не владели китайским». Это подтверждает, что язык служит пороговой компетенцией, без которой невозможно начать карьеру в определённых сегментах рынка.

Если брать во внимание аспект организационной культуры компаний, в которых трудятся информанты, то работа с китайскими партнёрами часто предполагает адаптацию к их трудовой культуре: высокая загрузка, редкие отпуска, скептическое отношение к удалённому формату работы. Информант 3 отмечает: «Китайцы трудоголики и не признают удаленку. Если они работу не видят, значит, ты ее не делаешь». В то же время в некоторых компаниях возможны гибкие условия (Информант 1 работает удалённо из декрета), что зависит от личных отношений с руководством и специфики бизнеса.

По результатам проведенных интервью можно отметить, что китайский язык выступает важной профессиональной компетенцией, которая не только облегчает коммуникацию и работу с китайскими компаниями, но и служит своеобразным механизмом приращением человеческого капитала, повышая конкурентоспособность и открывая новые карьерные возможности. Однако для успешной реализации этих преимуществ знание китайского должно дополняться другими профессиональными и личными навыками, что формирует комплексный профессиональный профиль востребованного специалиста.

ПУБЛИЧНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ МЕДИЦИНЫ

Старцев Кирилл Юрьевич
(СПбГУ)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к анализу внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу частной медицины России. ИИ эволюционирует от вспомогательного инструмента до социального агента, способного принимать решения. Однако внедрение инноваций осложняется государственным регулированием и различием действий бизнеса и государства. Центральной проблемой является поиск адекватной социологической методологии для исследования процесса внедрения.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, публичная социология, организационное поле, частная медицина, прикладная социология

Технологии искусственного интеллекта сегодня обсуждаемая и популярная тема [4]. На их применение и максимизацию эффективности, а также защиту от последствий неуместного применения направлен фокус внимания во многих сферах. Технологии ИИ совершенствуются, развивается «гонка вооружений» в компаниях сферы информационных технологий искусственный интеллект активно проходит путь от вспомогательного инструмента – до моделей точного прогнозирования, рекомендующих к принятию или даже принимающих решения. Так технологии ИИ обретают черты социальных акторов, становятся социальными агентами [3].

Развитие ИИ – это инновация, зона интересов любого бизнеса, который готов рисковать, внедрять новинки ради извлечения прибыли, увеличения конкурентоспособности.

Государственная же сфера занята долгим процессом подготовки законодательной базы. Однако существуют сферы, которые находятся на пересечении двух логик – логики государства, как властного актора и логики бизнеса. Под организационным полем понимается «Совокупность связей и взаимодействий между сходными организациями» [5, 36].

Особенно интересной для рассмотрения видится сфера частной медицины – участники которой способны к выделению бюджетов на проверку гипотез – и внедрение технологий ИИ здесь не менее острый вопрос. Обостряет его конфликт доказательной медицины и опыта врача.

Доказательная медицина строится на последнем слове медицинской науки, но открытия не внедряются в практику моментально, сталкиваясь с сопротивлением «привычки», «недоверия» и прочими консервативно-инерционными факторами. Пациент всегда заинтересован в оказании ему наиболее качественной услуги за отданные средства. И здесь разрыв реальной практики доктора с последним словом науки становится барьером на пути к прибыли бизнеса. А решить этот вопрос, сократив разрыв, может ИИ, обрабатывающий колоссальные объемы данных за кратчайшие промежутки времени, выступая ассистентом врача.

И здесь на условную «сцену» выходит еще один актор организационного поля частной медицины: государство.

В России медицина это одна из самых жестко-регламентированных, стандартизированных и подконтрольных государству сфер [1]. Решение о внедрении в медицинскую практику технологий ИИ не может быть принято руководителем частной клиники – это долгий, многосторонний, многоуровневый и последовательный процесс, от которого зависит здоровье человека – а равно общества.

Решение о внедрении зависит уже от проведения исследований, которые реализуют и государство, и частные клиники, и партнеры, поставщики, производители материалов и инструмента, и в каком-то смысле даже сами пациенты. Однако наличествует несовпадение интересов.

Государство в лице министерства здравоохранения, как актор, заинтересовано в повышении и сохранении качества жизни граждан, их социальном благополучии. Приоритетом же бизнеса является извлечение прибыли.

На конкурентном поле организации в сфере частной медицины заинтересованы в разведке, а равно исследовании. В исследовании заинтересовано и государство. Но в первом случае есть интерес заказчика исследований, находящегося непосредственно внутри организационного поля и вынужденного играть по правилам и стремиться быть способнее конкурентов – а во втором интересы гражданского общества, которое не должно пострадать от последствий принятых бизнесом решений.

Социология способна обслужить оба интереса, но встает вопрос о теории и методологии: какое основание необходимо использовать для анализа внедрения технологий искусственного интеллекта в организационное поле частной медицины в России?

Решение кроется в выборе между публичной и прикладной социологией или же сочетанием этих двух природ:

Термин «публичная социология» привнес в социологическую науку автор концепции «социологического воображения» Ч. Миллс. Однако популяризировал его М. Буравой [2].

Публичная социология производит знание, осмысляет действительность ради блага общественности, применяется к выработке рекомендаций и становится в первую очередь применимой государством в вопросе изучения и регулирования внедрения технологий ИИ.

Однако публичная социология активно критикуется, так как приводит к уменьшению «степени научности» из-за морализаторства и абсолютизации всеобщего блага, политизации: «Скорее всего, мы имеем дело с трансформацией социологии в некую неясно очерченную форму публичной деятельности, в мягкое и пока еще не до конца оформленное общественное движение за всеобщую справедливость в мире насилия и несправедливости» [6, 11].

Концепция М. Буравого критикуется за поглощение научности митинговой повесткой дня, из-за которой наука превращается в общественное движение за всеобщее благо, равенство и справедливость, что убивает ее потенциал как науки – она становится инструментом политической борьбы.

Рецепция [7, 37] идеи публичной социологии в контексте постсоветского организационного поля делает ее не самой актуальной традицией, так как необходимо пространство для исследований и принятия решений самим бизнесом.

Прикладная социология же «повинуется» целям заказчика исследования и сохраняет право распоряжения результатами за своим «клиентом». Именно здесь минимизированы риски намеренных искажений результатов – не существует заданного тренда, общественного мнения в рамках частной ситуации и ответа на вопрос заказчика.

Частная организация не диктует ответ на исследовательский вопрос и стремится к объективизации информации.

В отличие от пессимистичного взгляда Н. Е. Покровского на упадок публичной социологии, М. Вивьорка видит в текущей трансформации эволюционный вызов и возможность. Он не призывает к отказу от политики или публичной роли, а, напротив – к выработке новых теоретических оснований и практик, которые позволят социологии оставаться наукой, но при этом быть понятной, полезной для всего общества [8].

Прикладную социологию критикуют за непрозрачность результатов – они зачастую являются собственностью инициатора исследования. Исследователь попросту не может их опубликовать для широкой общественности.

Таким образом обосновывается конкуренция прикладной и публичной социологии для анализа внедрения технологий искусственного интеллекта в организационное поле частной медицины в России. Ни прикладная, ни публичная социология по отдельности не являются идеальным методологическим основанием для изучения внедрения ИИ в частную медицину России. Публичная социология, будучи ориентированной на общественное благо, рискует стать политизированной и потерять научную объективность. Прикладная социология, хотя и стремится к объективности в ответах на конкретные запросы бизнеса, непрозрачна и не служит напрямую интересам общества. Оптимальным решением видится комбинация этих двух подходов, что позволит учесть как интересы бизнеса в получении объективных данных для принятия решений, так и интересы государства и общества в безопасности и качестве оказания медицинских услуг.

Видится применимым концепт «организационного поля» к анализу взаимодействия бизнеса в различных сферах и государства, как акторов организационного поля. Так же, результаты исследования могут быть полезны руководителям частных медицинских клиник для понимания институциональных ограничений и возможностей при внедрении ИИ, а само исследование служит ориентиром для социологов-практиков, помогая выбрать адекватную стратегию при проведении исследований на стыке технологий, медицинского бизнеса и государственного регулирования.

1. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1640. – Текст: электронный // Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт. – 2025. – URL: https://minzdrav.gov.ru/ministry/programms/health/info.*
2. *Буравой, М. Приживется ли «публичная социология» в России? // Laboratorium. 2009. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prizhivetsya-li-publichnaya-sotsiologiya-v-rossii (дата обращения: 11.10.2025).*
3. *Беликова, Е. К. Искусственный интеллект – субъект и актор ценностного пространства // Российские исследования. Культура и общество. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-subekt-i-aktor-tsennostnogo-prostranstva (дата обращения: 09.10.2025).*
4. *ВЦИОМ. ИИ – ваш новый лучший друг?: аналитический обзор. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (дата обращения: 09.10.2025)*
5. *ДиМаджио, П.Д., Пауэлл, У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность / П. Димаджио, У. Пауэлл // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 35-36*
6. *Покровский, Н.Е. Левый марш международной социологии на фоне Ниагарского водопада / Н. Е. Покровский // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 11-12. – DOI 10.31857/S013216250003996-8. – EDN JJSHVE.*
7. *Bourdieu, P. 1992. Thinking about Limits / Theory, Culture and Society, №9, 37-49 p.*
8. *Wieviorka, M. 2010. Welcome address by the President of the International Sociological Association. – XVII World Congress of Sociology. Programme. – Goteborg, Sweden, ProQuest, 1-7 p.*

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА Г. БЕЛОМОРСК

Ушакова Дарья Дмитриевна
(Петрозаводский государственный университет)

Федосеева Ольга Владимировна
(Петрозаводский государственный университет)

Аннотация. В статье рассматривается качество жизни пожилых людей в северных районах Республики Карелия на примере кейса г. Беломорск. Приведены результаты полевого этапа социологического исследования социально-экономических проблем Беломорска глазами местных жителей. Наряду с результатами анкетного опроса использованы неструктурированные заметки, а также показатели из Стратегии социально-экономического развития Беломорского муниципального округа Республики Карелия на период до 2030 года и на перспективу до 2033 года.

Актуальность исследования качества жизни пожилого населения в условиях карельского севера носит многомерный характер. Данная тема находится на стыке глобальных демографических трендов (старение населения), государственных интересов в Арктике и острых локальных проблем конкретной территории.

Согласно ежегодному рейтингу, составляемому Центром экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня» качество жизни в республике Карелия одно из самых низких в стране – в 2025 году Карелия заняла 75 строчку рейтинга из 89 [5]. Рейтинг составлен на основе 67 показателей качества жизни, среди которых социально-экономическое положение, состояние рынка труда, материальное благополучие населения, научно-технологическое развитие и приверженность жителей здоровому образу жизни. На фоне сложной социально-экономической ситуации в регионе, его северные районы, удаленные от столицы республики, города Петрозаводска, в котором проживает более половины населения Карелии, находятся в еще более сложном положении.

В июне 2025 года в рамках комплексной научной экспедиции преподавателей и студентов института истории политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета было проведено социологическое исследование, объектом которого являлось социально-экономическое развитие Беломорского муниципального округа Республики Карелия. Предметом исследования было качество жизни населения Беломорского муниципального округа. В данной статье представлен один из аспектов проведенного исследования, касающийся качества жизни граждан старше 60 лет, и их оценки социально-экономической ситуации в Беломорском муниципальном округе.

Целью исследования являлась оценка уровня и выявление проблем качества жизни населения Беломорского муниципального округа на основе мнения местных жителей (с акцентом на старшую возрастную группу) для определения направлений улучшения социально-экономической ситуации.

В ходе исследования решались следующие задачи:

анализ демографической ситуации и основных социально-экономические показателей Беломорского муниципального округа;

выявление субъективных оценок пожилыми жителями комфортности проживания в округе и изменений в качестве жизни за последние годы;

исследование материального положения, субъективных оценок состояния здоровья и доступности медицинской помощи для граждан старше 60 лет;

анализ практики обращения пожилых граждан за социальной помощью и выявление существующих пробелов в системе социальной поддержки;

изучение проблемы миграционного оттока молодежи и ее влияние на восприятие будущего территории среди старшего поколения;

на основе полученных данных формулирование рекомендаций по совершенствованию социальной политики.

Беломорский муниципальный округ расположен в северо-восточной части Республики Карелия. Располагается в 370 км. от Петрозаводска [3]. С 2017 года входит в состав Арктической зоны России. Административный центр – г. Беломорск. По данным Карелиястат среднегодовая численность постоянного населения на 1 января 2024 года составила 12 305 человек (1934 чел. моложе трудоспособного возраста; 6486 трудоспособного возраста; 3885 старше трудоспособного возраста). За счет естественной убыли общая численность населения снизилась на 241 человек, или на 1,9 % по отношению к аналогичному периоду за 2023 год [2].

По данным стратегии социально-экономического развития Беломорского муниципального округа Республики Карелия на период до 2030 года и на перспективу до 2033 года, в муниципальном округе наблюдается феминизация демографического постарения населения, т.к. удельный вес численности женщин в возрастах 65 лет и старше в общей численности населения на 46,2 % выше, чем у мужского населения (73,1% женщин и 26,9 % – мужчин). Соотношение в общей численности населения между удельным весом детей и лиц пожилого возраста дает основание говорить, что для демографического развития Беломорского муниципального округа характерен регрессивный тип воспроизводства [1].

В ходе двухдневной экспедиции было проведено анкетирование 116 местных жителей. Доля пожилых граждан составила 14 % (3 мужчины, 13 женщин). Все из них проживают в данном муниципальном округе свыше 10 лет и связывают свою жизнь с Беломорским муниципальным округом в ближайшие 3 года, а для 56,25 % (9 человек) Беломорск – малая Родина. В большинстве для граждан старшего поколения проживание в Беломорске комфортно.

На вопрос анкеты: «Насколько, по Вашему мнению, Беломорский муниципальный округ в целом комфортен для Вас и Вашей семьи?» 62,5 % ответили: «Чувствую себя здесь вполне комфортно, но есть определенные решаемые проблемы».

Большинство (75 %) респондентов старше 60 лет оценили характер изменений в качестве жизни жителей и экономическом развитии Беломорска за последние 3 года как произошедшие некоторые перемены к лучшему; 6,25 % – ситуация никак не изменилась; 6,25 % – значительные перемены к худшему; 12,5 % отметили значительные перемены к лучшему.

Оценка социально-экономической ситуации района в глазах местных жителей старше 60 лет: 37,5 % – удовлетворительная; 37,5 % – неблагоприятная; 25% затруднились ответить. Варианты ответа «Благополучная» и «Нормальная» не выбраны никем.

Примечательно, что на финансовые проблемы граждане рассматриваемой возрастной группы практически не ссылались. Напротив, некоторые из них отметили удовлетворенность размером заработанной пенсии, а также упоминали денежную поддержку со стороны своих взрослых детей и использование сформированных ранее накоплений, позволяющих поддерживать уровень жизни на достойном уровне.

Ни в чем себе не отказывать по оценке благосостояния своей семьи может себе позволить 6,25 %; 6,25 % может приобрести автомобиль, но на приобретение квартиры без дополнительных накоплений и займов не хватает. Четверть опрошенных могут купить крупную бытовую технику, но на приобретение автомобиля не хватает. Более трети (37,5 %) могут купить мелкую бытовую технику, но на более крупные покупки не хватает; средств на приобретение продуктов питания и одежды хватает 6,25 %; лишь на приобретение продуктов питания хватает 18,75 %.

Беломорский район Республики Карелия в числе других четырех относится к району Крайнего Севера, что обуславливает право выхода на страховую пенсию по старости на пять лет раньше общеустановленного пенсионного возраста. Условия, которые должны быть соблюдены для досрочного назначения пенсии: страховой стаж не менее 20 лет для женщин и не менее 25 лет для мужчин; стаж работы в районе Крайнего Севера не менее 15 лет [4]. Это объясняет особенное положение пожилых людей в Беломорском муниципальном округе.

Около трети опрошенных (31,25 %) продолжают трудовую деятельность, находясь на пенсии. Некоторые, проявляя гражданскую позицию, на постоянной основе осуществляют благотворительные пожертвования в Фонды поддержки участников Специальной военной операции, а также принимают непосредственное участие в изготовлении маскировочных сетей, вязании носков и т.д. Среди испытывающих трудности с финансами пенсионеры, активно занимающиеся спортом – поездки на различные соревнования требуют весомых затрат.

Согласно показателям достижения цели социально-экономического развития Беломорского муниципального округа, доля граждан старшего возраста (женщины 55 – 79 лет, мужчины 60 – 79 лет) систематически занимающихся физической культурой и спортом, в процентном измерении в 2023 году составила 55,33 %. Пользуется популярностью скандинавская ходьба; активное участие сборных команд округа в различных спортивных мероприятиях. Средняя собственная оценка здоровья по шкале от 1 до 10, где 1 – очень плохой уровень, 10 – отличный уровень – 6.

Были отмечены недостатки системы здравоохранения, касающиеся отсутствия многих специализированных врачей и проблем с возможностью своевременно записаться на прием. Медицинская помощь на территории Беломорского муниципального округа оказывается государственным бюджетным учреждением здравоохранения Республики Карелия «Беломорская центральная районная больница» и его структурными подразделениями. Укомплектованность медицинским персоналом в целом по ЦРБ на 01.10.2024 составила 89,5 % – врачебными должностями и на 90 % должностями среднего медицинского персонала (36 врачей; 115,9 средний медицинский персонал), что выше показателя за предшествующий год.

Особенную обеспокоенность граждан пожилого возраста вызывает миграционный отток молодежи. Количество трудоустроенных молодых специалистов с 2023 по 2024 годы составило лишь 2 человека.

Анкетирование проводилось в период, когда многие студенты, обучающиеся в других городах, возвратились домой на период летних каникул. Опрошено 9 студентов, 6 из которых (66,6 %) не планируют свое возвращение в родной город. Лишь 35,29 % представителей возрастной группы 18 – 25 лет связывают свою жизнь с Беломорском в ближайшие 3 года. Беспокойство пожилых граждан, вызванное этим фактом, касается не только дальнейшей судьбы г. Беломорска в целом, но и вопросов родственного ухода – пожилые люди переживают, что их дети и внуки, стремящиеся переехать в более крупные города, не смогут при необходимости осуществлять уход за ними.

Обращения рассматриваемой возрастной категории граждан за социальной помощью носят бессистемный характер. Четверть опрошенных ответили, что не обращались за помощью. В Отделение Комплексного центра социального обслуживания Республики Карелия по Беломорскому муниципальному округу обращался лишь один респондент (6,25 %). Половина опрошенных (50 %) обращалась в Клиентскую службу Социального фонда России в Беломорском районе; 37,5 % имели опыт обращений в Многофункциональный центр предоставления государственных услуг, такое же количество человек (37,5 %) получали услуги Отделения по работе с гражданами в Беломорском муниципальном округе центра социальной работы Республики Карелия. В общественные организации и благотворительные фонды не обращался никто.

Были высказаны мысли о том, что в городе недостает добровольческих отрядов школьников, которые бы курировали несколько улиц в округе школы и оказывали социально-бытовую поддержку проживающим на них пожилым людям.

Таким образом, Беломорскому муниципальному округу характерен регрессивный тип воспроизводства и феминизация демографического постарения населения. Рассмотренные социально-экономические показатели данного муниципального округа демонстрируют некоторые перемены к лучшему, которые также отмечены гражданами старшего поколения. Респонденты отметили удовлетворенность размером заработанной пенсии, но ни в чем себе не отказывать по оценке благосостояния своей семьи может позволить себе лишь один человек. Средняя собственная оценка здоровья по шкале от 1 до 10 – 6. Отмечены проблемы с доступом к медицинским услугам, связанные с нехваткой специалистов. Обращения рассматриваемой возрастной категории граждан за социальной помощью носят бессистемный характер. О деятельности некоторых из социальных учреждений города местные жители не осведомлены, что свидетельствует о недостаточном информировании населения. Особенная обеспокоенность граждан старшего поколения обусловлена стремлением молодежи уехать в более крупные города. Это касается не только будущего г. Беломорска в целом, но и вопросов родственного ухода – переживания связаны с тем, что дети и внуки, стремящиеся уехать, не смогут при необходимости осуществлять уход за ними.

Можно говорить о необходимости внедрения Системы долговременного ухода (СДУ) в г. Беломорск, – важной социальной программы современных стареющих обществ, позволяющей не только повысить качество жизни людей с дефицитами в самообслуживании, но и внести определенный вклад в достижение национальной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни. На настоящий момент в качестве предоставляющих услуги в рамках пилотного проекта СДУ выбраны четыре района республики, в число которых Беломорский муниципальный округ не вошел.

1. *Стратегия социально-экономического развития Беломорского муниципального округа Республики Карелия на период до 2030 года и на перспективу до 2033 года от 27.12.2024г. № 198 // Официальный сайт Беломорского муниципального округа*
2. *Беломорский муниципальный округ // Портал по профориентации населения Республики Карелия "Моя Карьера" URL: https://mycareer.karelia.ru/economics/map/96?ysclid=mf3uveqnb1334468904 (дата обращения: 03.09.2025).*
3. *Инвестиционный паспорт Беломорского муниципального округа // Корпорация развития Республики Карелия URL: https://kareliainvest.ru/p/investitsionnii-pasport-belomorskogo-munitsipalnogo--okruga?ysclid=mf3upianhu68316368 (дата обращения: 03.09.2025).*
4. *Более 4 тысяч жителей Карелии, имеющих стаж работы на севере, вышли на пенсию досрочно в 2024 году // Социальный фонд России URL: https://sfr.gov.ru/branches/karelia/news~2025/01/21/269523 (дата обращения: 03.09.2025).*
5. *Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2024 // РИА Новости, 17.02.2025. URL: https://ria.ru/20250217/reyting-1999152726.html (дата обращения: 08.08.2025).*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПРОСНЫХ МЕТОДИК В ИССЛЕДОВАНИИ «СИНДРОМА САМОЗВАНЦА»

Черняева Ольга Леонидовна
(СПбГУ)

Аннотация. Исследование «синдрома самозванца» осуществляется преимущественно с применением опросных методик, использование которых сопряжено с рядом трудностей организационного, содержательного, технологического характера. Часть проблем связана с необходимостью обеспечения вовлеченности респондентов, конфиденциальности проведения и анонимности результатов исследования и др. Проанализированы основные проблемы и сделан вывод о дальнейших направлениях развития методологии исследования «синдрома самозванца».

Ключевые слова: «синдром самозванца», методология исследования, опросы.

«Синдром самозванца» – это социальный феномен, отличительной характеристикой которого является особый тип взаимодействия с социальной реальностью, детерминированный социальными стереотипами, неадекватной заниженной самооценкой, неуверенным профессиональным поведением, сильными эмоциональными переживаниями, перфекционизмом, зачастую сниженной социальной активностью и другими деструктивными проявлениями. Актуальность исследования методологии изучения «синдрома самозванца» связана с положительной динамикой распространения феномена самозванца в российских организациях [8].

Цель статьи: выявление проблем применения опросных методик в исследовании «синдрома самозванца» и определение дальнейших направлений развития методологии исследования «синдрома самозванца». Метод исследования: сравнительный анализ.

Принято считать, что первое исследование «синдрома самозванца» проводилось П. Р. Кланс и С. Аймс в 1978 г. на выборке из 150 женщин с высокими академическими и профессиональными достижениями [2]. Среди них были преподаватели и исследователи в университетах, студентки аспирантур, а также профессионалы в таких областях, как медицина, право и инженерия. Все участницы обладали объективными доказательствами своих успехов, такими как дипломы, награды и положительные отзывы. В качестве методов исследования использовались интервью и наблюдение с последующим поведенческим и содержательным анализом. Использовались также психоаналитические подходы для изучения связи между самооценкой, восприятием успеха и семейным влиянием. В результате исследования П. Р. Кланс [1] были выявлены:

общие и конкретные личностные черты;

влияние семейных факторов;

поведенческие и когнитивные паттерны и искажения;

необходимость изучения «синдрома самозванца» в разных профессиональных и культурных контекстах;

психологическая природа феномена.

культурные ожидания.

Далее Дж. Харви и К. Кац [3] исследовали «синдром самозванца», анализируя его влияние на успешных людей, Дж. Коллиган и Р. Стенберг [4] изучали феномен воспринимаемого мошенничества среди молодых людей, которые ассоциируют себя с «синдромом самозванца». Важными для изучения «синдрома самозванца» являются

исследования М. Лири и коллег (2000) [5], выделивших ключевые атрибуты феномена самозванца (ощущение себя мошенником, страх быть разоблаченным, трудности с усвоением успеха). Дальнейшие исследования Р. О'Брайена МакЭлви и Т. Юрак (2007 [6], 2010 [7]) были сосредоточены на изучении расхождений между самооценкой и отраженными оценками у лиц, испытывающих «синдром самозванца».

На современном этапе особое внимание уделяется адаптации диагностических шкал, анализу проявлений феномена в различных профессиональных сферах и разработке стратегий его преодоления. Это включает психологические и организационные методы, такие как когнитивно-поведенческая терапия, поддержка со стороны наставников и тренинги уверенности. Таким образом, изучение «синдрома самозванца» развивается в сторону прикладных аспектов, направленных на повышение психологического благополучия и эффективности профессионалов.

Многие исследователи «синдрома самозванца» сталкивались с необходимостью разработки собственных диагностических инструментов и проблемами применения опросных методик. Методика П. Р. Кланс включает 20 вопросов, методика Дж. Харви – 14 вопросов, методика М. Лири – 7 вопросов, в Интернет-пространстве встречаются различные нестандартизированные авторские методики, включающие различное количество вопросов и шкал интерпретации результатов.

В процессе эмпирического исследования «синдрома самозванца» в марте-апреле 2025 г нами на 149 респондентах было апробировано пять применяемых сегодня методик исследования:

шкала «синдрома самозванца» (Кланс П. Р., 1985; адаптация: М. С. Шевелева, Д. С. Корниенко, Т. М. Пермякова, 2021) [13];

шкала базового самооценивания (Т. А. Джадж, 2003; адаптация С. А. Маничев, Н. Н. Лепехин, О. Н. Ильина, 2022) [11];

опросник профессионального самоотношения (К. В. Карпинский, 2010) [10];

шкала тревоги Спилбергера (Ч. Спилбергер, 1970; адаптация Ю. Л. Ханин, 1976) [12];

методика «Оценка уровня притязаний» (В. К. Гербачевский, 1970) [9].

Сравнительный анализ применения опросных методик в процессе исследования «синдрома самозванца» позволяет сделать выводы о наличии следующих актуальных проблем:

на данный момент разработано сравнительно небольшое количество методик для измерения уровня выраженности «синдрома самозванца»;

среди методик для измерения уровня выраженности «синдрома самозванца» в России валидизированной является лишь методика «Шкала феномена самозванца» (П. Р. Кланс 1985; адаптация: М. С. Шевелева, Д. С. Корниенко, Т. М. Пермякова, 2021);

поскольку «синдром самозванца» является сложным многоуровневым многоэлементным феноменом, для его исследования приходится применять несколько разнонаправленных шкал и методик для измерения (выгорание, тревожность, профессиональная и личностная самооценка, ценностные ориентации, перфекционизм и др.);

возникает проблема сходства и повторяемости вопросов в различных методиках, что, во-первых, мешает респондентам сосредоточиться, во-вторых, затрудняет корректный математический анализ результатов исследования;

применение множества методик существенно удлиняет и затрудняет процесс диагностики, что снижает мотивацию к участию в исследовании как респондентов, так и самих исследователей;

необходимость применения нескольких методик делает процесс исследования ресурсозатратным, что не способствует их применению в организациях для диагностики актуальной для современного персонала проблемы;

выявление признаков «синдрома самозванца» требует деликатности, в ряде случаев – анонимности исследования, поэтому возникают проблемы с необходимостью обеспечения конфиденциальности исследования;

предоставление компаниями сторонним исследователям данных о наличии у них большого процента сотрудников с выраженными признаками «синдрома самозванца» может нести для организаций определенные репутационные риски, что снижает мотивацию руководителей к открытому взаимодействию с исследователями;

на данный момент в широком доступе нет пользовательских приложений и программ для быстрой, удобной и анонимной (при необходимости) обработки результатов диагностики «синдрома самозванца» и сведения их в единую диагностическую картину;

необходимо учитывать для каждого респондента его уникальную конфигурацию соотношения показателей применяемых шкал и методик, чтобы предлагать корректную интерпретацию и практические рекомендации по снижению негативных последствий «синдрома самозванца», что трудозатратно в условиях работы с большим количеством респондентов.

Выводы. Поскольку сегодня практическая востребованность исследования феномена самозванца возрастает в связи с увеличением численности людей, проявляющих признаки «синдрома самозванца», и появляются новые актуальные проблемы его исследования, необходима разработка, стандартизация и валидизация новых инструментов для исследования «синдрома самозванца» с учетом современного российского культурного контекста. Новые инструменты исследования должны быть адаптированы к применению в цифровой среде для работы с большими выборками, при сохранении необходимого уровня конфиденциальности данных. Актуальна и практически востребована разработка технологий, обеспечивающих оперативную корректную обработку информации и позволяющих в концентрированном виде наглядно представлять результаты исследований «синдрома самозванца» (дашборды и иные цифровые программы).

1. *Clance P. R. The Impostor Phenomenon: Overcoming the Fear that Haunts Your Success. Atlanta: Peachtree Publishers, 1985. 209 с.*
2. *Clance P. R., Imes S. A. The Impostor Phenomenon in High Achieving Women: Dynamics and Therapeutic Intervention. Psychotherapy: Theory, Research & Practice, 1978. 15(3), 241–247.*
3. *Harvey J., Katz C. If I'm So Successful, Why Do I Feel Like a Fake? The Impostor Phenomenon. New York: St. Martin's Press, 1985. 256 с.*
4. *Kolligian Jr. J., Sternberg R. J. (1991). Perceived Fraudulence in Young Adults: Is There an 'Impostor Syndrome'? Journal of Personality Assessment, 56(2), 308–326.*
5. *Leary M. R., Patton K. M., Orlando A. E., Wagoner Funk W. Impostorism: Self-perceptions, reflected appraisals, and interpersonal strategies // Journal of Personality, 2000. – Т. 68, № 4. С. 725–756. DOI: 10.1111/1467-6494.00114.*
6. *McElwee R. O., Yurak T. J. Self-handicapping tendencies and the impostor phenomenon: Links with parenting styles // Current Psychology, 2010. – Т. 29, № 4. С. 297–306. DOI: 10.1007/s12144-010-9093-1.*
7. *McElwee R. O., Yurak T. J. The phenomenology of the impostor phenomenon // Individual Differences Research, 2007. – Т. 5, № 3. – С. 201–220.*
8. *Более 40% опрошенных россиян столкнулись с синдромом самозванца при повышении / Без автора; 30 октября 2024. [Электронный ресурс] – URL: https://iz.ru/1782042/2024-10-30/bolee-40-oprosennyh-rossian-stolknulis-s-sindromom-samozvanca-pri-povysenii (дата обращения: 10.10.2025).*
9. *Методика «Оценка уровня притязаний» (В.Г. Гербачевский) [Электронный ресурс]. – URL: https://psytests.org/work/gerbch-run.html (дата обращения: 29.03.2025).*
10. *Опросник профессионального самоотношения личности [Электронный ресурс]. – URL: https://psytests.org/work/ops.html (дата обращения: 29.03.2025).*

11. *Шкала базового самооценивания [Электронный ресурс]. – URL: https://psytests.org/emvol/csesj.html (дата обращения: 29.03.2025).*
12. *Шкала тревожности Спилбергера-Ханина [Электронный ресурс]. – URL: https://psytests.org/anxiety/stai.html (дата обращения: 29.03.2025).*
13. *Шкала феномена самозванца [Электронный ресурс]. – URL: https://psytests.org/trait/impostor.html (дата обращения: 29.03.2025).*

МЕТОД КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИДЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

Чуреков Илья Игоревич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Работа посвящена практическому опыту в применении метод контент-анализ, посредством NLP (**Natural Language Processing),** для проверки научного принципа идейности. [1, 129]

Для подтверждения принципа идейности мы провели контент анализ названий работ. Генеральной совокупностью выступили 458 научные работы Уральской школы социологии и 176 работ НэСШ.

Таким образом, при анализе названий публикаций, мы получили 2996 синтаксически значимых слов, без учета стоп-слов, и 996 семантически значимых слов, и собрали 10 слов с наибольшей частотой повторения.

Образование – 75 повторений, проблема – 75 повторений, культура – 56 повторений, молодежь – 53 повторения, Россия – 41 повторение

Частотная таблица анализа ключевых слов Уральской школы социологии.

Ключевое слово	**Кол-во повторений**	**Ключевое слово**	**Кол-во повторений**
образование	75	политика	40
проблема	57	российский	37
культура	56	современный	33
молодежь	53	образовательный	33
Россия	41	свердловский	29

Из 996 семантически значимых слов мы отобрали те, что повторяются 10 и более раз, таких обнаружилось 52 слова, и построили облако слов.

На втором этапе анализа Уральской школы мы изучали, какие особенности образования и культуры изучали авторы.

Данный этап подразумевал под собой непосредственный анализ научных работ на их содержание. Генеральной совокупностью выступили 458 научных работ, выборка составляла 41 научная работа, отобранная механическим путем, это каждая десятая результативная работа, в случае если работы не было в открытом доступе на платформе, следующая по нумерации доступная работа.

После обработки текста и разделения его на единицы анализы мы получили: 13929 уникальных слов, 154058 слов всего.

Результатами этого анализа выступила следующая частотная таблица.

Частотная таблица анализа ключевых слов Уральской школы социологии в тексте работ

Ключевое слово	Кол-во повторений	Ключевое слово	Кол-во повторений
образование	1820	труд	609
социальный	1275	развитие	595
рабочий	886	высокий	572
человек	727	время	535
исследование	672	студент	532

Мы увидели, что основной конструкт текстов строится на словах, связанных с образование, культурой, человеком, студентом, тем самым мы можем определить, что основной проблематикой проанализированных работ действительно являются те региональные проблемы, которые мы описали в первом параграфе второй главы рассматривая специфику и направление деятельности Уральской школы социологии под руководством Л. Н. Когана.

Таким образом, мы можем определить, что идейным направлением уральской социологической школы, представителями которой являются выбранные авторы, это образование и культура.

Всего было выявлено 219 статей, после обработки на наличие повторов мы отобрали 176 статей.

Таким образом, при анализе названий публикаций, мы получили 1143 синтаксически значимых слов, без учета стоп-слов, и 428 семантически значимых слов, наиболее повторяющиеся:

Частотная таблица анализа ключевых слов НэСШ в названии работ

Ключевое слово	Кол-во повторений	Ключевое слово	Кол-во повторений
время	28	российский	17
социальный	27	проблема	16
Россия	25	рабочий	15
труд	24	использование	14
общество	19	социология	13

На основании частотной таблицы, мы можем заключить, что основным направлением работы НэСШ действительно является экономико-социологическое направление. Словами индикаторами для подтверждения этого являются: социологическое направление – социальный, общество, социология, в направление экономическое индикаторами выступают – бюджет, экономический, труд, время.

На втором этапе анализа Новосибирской экономико-социологической школы, мы работали также с текстами публикаций.

Генеральной совокупностью выступили 219 научных работ, выборка составляла 16 научная работа, отобранная механическим путем, это каждая десятая результативная работа, в случае если работы не было в открытом доступе на платформе, следующая по нумерации доступная работа.

После обработки текста и разделения его на единицы анализы мы получили: 9699 уникальных слов, 66825 слов всего.

Результатами этого анализа выступила следующая частотная таблица.

Частотная таблица анализа ключевых слов НэСШ в текстах работ

Ключевое слово	Кол-во повторений	Ключевое слово	Кол-во повторений
социальный	548	работа	293
человек	534	мочь	279
общество	362	предприятие	269
группа	310	бизнес	238
образование	304	работник	230

Мы увидели, что основной конструкт текстов строится на словах, связанных с человеком, социологией, трудом, рабочими, тем самым мы можем определить, что основной проблематикой проанализированных работ действительно являются те региональные проблемы, которые мы описали в первом параграфе второй главы рассматривая специфику и направление деятельности Новосибирской экономико-социологической школы.

Мы решили подкрепить наши выводы о специфике каждой из школ сравнительным анализом между Уральской школой социологии (Л. Н. Коган) и Новосибирской экономико-социологической школой (Т. И. Заславская).

Данный этап подразумевал под собой определение сравнительный анализ между частотными таблицами, которые построены в ходе контент-анализа текстов научных работ.

В силу того, что корпуса изучаемых данных были не равны между собой, то это вызвало никоторые ограничения в анализе, которые нам следовало устранить, было принято решение перевести частотные таблицы от единиц измерения слов в тексте, на показатель IPM. Нужно уточнить, что IPM (Instances Per Million Words) – («частота на миллион словоформ») представляет собой относительную частоту лексической единицы (токена или леммы), выраженную числом её появлений на каждые один миллион слов корпусного материала.

И мы получили одну обобщенную таблицу с 30 наиболее словами с наивысшим показателем IPM, на основании которой была построена сравнительная гистограмма.

Таблица расчета корпуса УРФУ, НЭСШ, СУМ и отношения слова к корпусу

Все слова	УРФУ	НЭСШ	Сум	Итог
социальный	8276,10	8200,52	16476,62	УРФУ
образование	11813,73	4549,19	16362,92	УРФУ
человек	4719,00	3466,22	8185,22	УРФУ
труд	3953,05	3127,57	7080,62	УРФУ
рабочий	5751,08	1200,84	6951,92	УРФУ
исследование	4361,99	2334,45	6696,44	УРФУ
развитие	3862,18	2723,53	6585,71	УРФУ
высокий	3712,88	2229,70	5942,59	УРФУ
время	3472,71	1428,03	4900,75	УРФУ
образовательный	3310,44	808,08	4118,52	УРФУ
общество	2920,97	5417,13	8338,11	НЭСШ
мочь	2791,15	4175,08	6966,24	НЭСШ
жизнь	3342,89	3292,18	6635,07	НЭСШ
молодёжь	3381,84	2873,17	6255,01	НЭСШ

новый	3044,30	2738,49	5782,80	НЭСШ
школа	2700,28	2768,42	5468,70	НЭСШ
экономический	1901,88	2843,24	4745,12	НЭСШ
условие	2051,17	2678,63	4729,81	НЭСШ
бизнес	220,69	3561,54	3782,23	НЭСШ
сектор	142,80	3426,86	3569,66	НЭСШ
первый	3232,54	2439,20	5671,75	s
работа	3044,30	1901,88	4946,18	s
Россия	3271,49	1246,28	4517,77	s
студент	3453,24	1032,54	4485,79	s
профессиональный	2512,04	1960,34	4472,38	s
группа	2408,18	2012,22	4420,41	s
отношение	3277,98	1025,58	4303,57	s
процесс	2434,14	1840,62	4274,77	s
уровень	3310,44	863,31	4173,75	s
система	2927,46	1220,31	4147,78	s

Мы видим, что в примерно равных долях представлены следующие слова: социальный 8275.10 и 8200.5, молодежь 3321.84 и 2873.49, что характеризует школы как социологические и основным фокусом их изучения является молодежь.

Можем отметить, что корпус УРФУ превалирует над корпусом НЭСШ в следующих словах: образование 11813,73 и 4549,16 соответственно, образовательный 3310,44 и 808,08 соответственно, студент 3453,24 и 1032,54 соответственно, что характеризует корпус УРФУ, который отражает Уральскую школу социологии как социологию образования, и данные показатели подтверждают это положение.

И корпус НЭСШ превалирует над корпусом УРФУ в таких положениях как: бизнес 3561,54 и 220,69 соответственно, сектор 3426,86 и 142,80 соответственно, что характеризует корпус НЭСШ как экономический, так как использует профессиональные термины, тем самым это в очередной раз подкрепляет положение о том, что Новосибирская экономико-социологическая школа поднимает проблемы экономического характера.

Анализ подтвердил, что у каждой школы имеется своя центральная идея, которая объединяет членов коллектива и развивается на протяжении многих лет. Представители Уральской школы придерживаются направления, связанного с вопросами образования и культуры, в то время как Новосибирск известен своими разработками в области экономико-социологических исследований. Наличие четко выраженной идеи, проходящей красной нитью через всю работу школы, усиливает её привлекательность и повышает доверие со стороны научного сообщества.

1. *Чуреков, И. И. Кризис современного начинающего социолога / И. И. Чуреков // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 128-130. – EDN IOZNOQ.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАДОЗАЩИТНЫХ СООБЩЕСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВКОНТАКТЕ)

Юдина Дарья Игоревна
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Рязанцева Ангелина Вадимовна
(СПбГУ)

Растущая цифровизация разных коммуникативных сред создает все больше данных, доступных для социологических исследований. Вместе с этим, увеличение объема искусственной активности в социальных медиа, в частности использование ботов [2], а также непрозрачная, иногда даже манипулятивная, работа алгоритмов социальных сетей, определённым образом регулирующая поисковую выдачу или формирующая новостную ленту [4] – все эти факторы значительно ухудшают качество цифровых данных, заставляя социологов отказываться от их использования.

Действительно, нельзя не признать тот факт, что использование показателей пользовательской активности несет в себе риски для валидности результатов исследования. Тем не менее, в социальных медиа еще остаются доступными данные, которые можно анализировать, не сомневаясь в их естественном происхождении. Примером подобных данных является контент, который создается пользователями, чье существование оффлайн мы можем проверить. В нашем исследовании таким объектом исследования стали онлайн-сообщества активистских групп, посвященных градозащите в Санкт-Петербурге.

Основной целью нашего исследования была оценка институциональной и сетевой структуры градозащитного движения Санкт-Петербурга. Для достижения этой цели был проведен анализ контента соответствующих онлайн-групп, представленных во Вконтакте на период с февраля 2024 года по февраль 2025. Выборка сообществ была сформирована в два этапа по методике «снежного кома». На первом этапе мы воспользовались поиском групп по ключевым словам: «градозащитный», «проблемы города», «благоустройство», «городская среда» [7]. Условиями для отбора групп стали их принадлежность к Санкт-Петербургу, наличие более 500 подписчиков и постов за период с 17.02.2024 по 17.02.2024, которые получили хотя бы 1 комментарий. На втором этапе градозащитные сообщества отбирались из ссылок в постах групп, полученных на первом этапе формирования выборки. Условия отбора оставались теми же, за исключением ограничения по числу подписчиков, которое на этом этапе было снято. Эта процедура повторилась дважды: из постов новых градозащитных сообществ мы также отбирали ссылки на сообщества, которые ранее не входили в выборку. В результате было получено 106 активистских онлайн-групп.

На основе анализа содержания постов соответствующих онлайн-групп у градозащитных сообществ были определены уровень их институционализации, механизм солидарности (то, что поддерживает интерес участников сообщества) и тип проекта (результат, который добивается активистская группа). Помимо контента, были также проанализированы сеть коммуникативных взаимодействий между активистскими группами (по ссылкам в постах) и активность пользователей в сообществах (число подписчиков и среднее число просмотров на пост).

Результаты анализа показали, что три четверти (75,1%) градозащитных объединений имеют признаки институционализации: 10,6% являются организациями, 37,7% представлены инициативной группой, 17,0% имеют начальные институциональные характеристики. Подавляющее большинство (83,0%) градозащитных онлайн-групп поддерживают солидарность своих участников, делясь экспертными знаниями, например о законах в городском управлении, о результатах общения с местными чиновниками, обмениваясь активистским опытом. Основным проектом большинства (62,3%) градозащитных сообществ стало противодействие решению городских властей по сносу, застройке или реновации. Другими целями градозащитных активистов стали благоустройство зеленых территорий, сохранение исторически важных объектов, публикация новостей о градозащитном движении и образовательного контента об истории и архитектуре города, а также создание комфортной городской среды. Особенностью сети градозащитных сообществ, исследованная нами через их (взаимные) онлайн-публикации, стала ее центр-периферийная структура, ядро которой составили протестные группы.

Помимо описания специфики градозащитного движения Санкт-Петербурга, мы также проверили гипотезы о связи уровня институционализации активистских сообществ с величиной их социального и публичного капиталов. Эта гипотеза подтвердились лишь частично. Статистические тесты показали преимущества относительно размера аудитории и центральности положения в сети только в сравнении инициативных групп и сообществ без признаков институционализации.

Мы можем считать представленные выводы достаточно валидными исходя из следующих рассуждений. Во-первых, мы проверили упоминания найденных нами градозащитных сообщество в СМИ [9] и научных публикациях [8, 10]. Таким образом смогли убедиться, что большая часть обнаруженных активистских групп существует оффлайн, а не является искусственно сгенерированными сообществами без реальных участников. Во-вторых, доказательством реальности существования этих групп служит их контент, например, фотографии участников и скрины официальных документов переписки с государственными ведомствами. Такие данные достаточно сложно фальсифицировать в больших масштабах.

Потенциально ненадежными данными в нашем исследовании являются количество подписчиков и среднее число просмотров на пост. Мы не проверяли наличие ботов среди подписчиков или аудитории при помощи специальных сервисов, однако сами данные могут помочь обнаружить признаки искусственной активности. Например, это видно по частотным распределениям этих количественных показателей: все они имеют форму экспоненциального распределения с некоторым количеством выбросов, что является типичным для показателей естественной активности в социальных сетях [5, 6].

В настоящее время использование данных из социальных медиа нуждается в дополнительной верификации. Проблема астротюрфинга [1,3] требует от исследователей сбора доказательств, подтверждающих реальность социальных взаимодействий, результатами которых являются собираемые данные. Тем не менее, как мы показали на примере изучения градозащитных сообществ во Вконтакте, найти признаки жизни и получить их в достаточном количестве для исследования можно даже в сильно загрязненной искусственными элементами коммуникативной среде.

1. *Chan J. (2024). Online astroturfing: A problem beyond disinformation // Philosophy & Social Criticism. – 2024. – № 50(3). – P. 507-528.*
2. *Chang H. C. H. Chen E., Zhang M., Muric G., Ferrara E. Social bots and social media manipulation in 2020: The year in review // In Handbook of Computational Social Science, Routledge. – 2021. – № 1. – P. 304-323.*

3. *García-Orosa B. (2021). Disinformation, social media, bots, and astroturfing: the fourth wave of digital democracy // Profesional de la información. – 2021. – №30(6) – P. e300603.*
4. *Gillespie T. Custodians of the internet. Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media. – New Hampshire, CT: Yale University Press, 2018.*
5. *Guo L., Tan E., Chen S., Zhang X., Zhao Y. Analyzing patterns of user content generation in online social networks // In Proceedings of the 15th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. – 2009, June. – P. 369-378.*
6. *Muchnik L., Pei S., Parra L. C., Reis S. D., Andrade Jr J. S., Havlin S., Makse,H. A. (2013). Origins of power-law degree distribution in the heterogeneity of human activity in social networks // Scientific reports. – 2013. – № 3(1). – P. 1783.*
7. *Вконтакте. API ВКонтакте. Groups.search. VK для разработчиков. URL: https://dev.vk.com/method/groups.search (дата обращения: 13.04.2025).*
8. *Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011-2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – №. 4 (110). – С. 29-43.*
9. *Коммерсантъ. «На этом поле много не бывает»: градозащитники и активисты объединяются в альянсы и советы. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7604781 (дата обращения: 10.04.2025).*
10. *Паченков О. В., Воронкова Л. В. (2021) «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – №19(2). – С. 253–268.*

Секция 8: Антропология новой культурной реальности: контексты, проблемы, подходы

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В КОНТЕКСТЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И УТОПИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Белкина Виктория Александровна
(ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»)

Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».

Аннотация. В представленных материалах осмысляется современная социокультурная ситуация, характеризующаяся нестабильностью и неопределенностью. Акцентируется, что наиболее адекватной и информативной дефиницией, способной охватить как масштаб ожидаемых изменений, так и их неоднозначность, представляется понятие «антропологического поворота». Утверждается, что исследование возможных вариантов формирования сценариев будущего в массовом сознании имеет решающее значение, поскольку именно они являются движущей силой, определяющей ход истории.

Ключевые слова: антропологический поворот, цифровизация, глобальная трансформация, VUCA-world, нестабильность, неопределенность.

Конец прошлого и начало нынешнего столетия ознаменовались ускорением и усложнением глобальных трансформаций во всех сферах жизни – от экономики и политики до науки и культуры. В результате, современный человек сталкивается с постоянно растущими требованиями, что предполагает непрерывную адаптацию к условиям неопределенности [1, 52]. Глобальные трансформации обусловлены следующими фундаментальными процессами:

1. **Цифровая революция:** развитие интернета, мобильных технологий, социальных сетей и искусственного интеллекта привело к радикальным изменениям в коммуникации, труде, потреблении информации и когнитивных процессах, причем с беспрецедентной скоростью.
2. **Усиление глобальной взаимозависимости:** современный мир характеризуется высокой степенью взаимосвязи, где кризисы (экономические, эпидемиологические, логистические) распространяются по всей планете, создавая сложную систему, подверженную эффекту «бабочки».
3. **Геополитическая перестройка:** постбиполярный мир эволюционировал в многополярную систему с новыми центрами влияния и повышенной вероятностью конфликтов, что снижает предсказуемость международной арены.
4. **Экологические и климатические вызовы:** данные глобальные проблемы ставят под угрозу само существование человечества и требуют коллективных усилий в условиях значительной научной и политической неопределенности.

5. **Реструктуризация рынка труда:** происходит динамичная смена профессий, уходит понятие «работа на всю жизнь», что диктует необходимость непрерывного образования и адаптации.

Влияние глобализации на социальные группы приводит к тому, что привычные способы адаптации, основанные на принадлежности к определенному сообществу, могут оказаться недостаточными [2, 1325]. Глобальные процессы меняют структуру и функционирование этих групп, нарушая взаимодействие между их членами. Управление этим взаимодействием часто теряет гуманистический подход, становясь более расчетливым и бездушным. В таких условиях эффективным способом справиться с негативным влиянием социальной среды является обращение к духовным ценностям. Важно не только осознавать эти ценности, но и применять их в повседневной жизни.

Вопрос этики, возникающий в связи с глобальной трансформацией, особенно в контексте создания цифрового мира, является предметом оживленных дискуссий среди широкого круга специалистов. Философы, религиозные деятели, создатели информационных и когнитивных систем, а также представители СМИ активно анализируют эту тему. Философы разрабатывают концептуальные рамки, переосмысливают такие понятия, как личность, свобода, справедливость, применительно к цифровой эпохе. Религиозные деятели рассматривают эти вопросы с точки зрения духовных ценностей, человеческого достоинства и смысла жизни в мире, где технологии бросают вызов традиционным представлениям. Создатели информационных и когнитивных систем (инженеры, программисты, дизайнеры) сталкиваются с этими дилеммами на практике. Именно они закладывают те или иные этические принципы в архитектуру систем. Представители СМИ освещают эти проблемы, информируют общественность, выступают в роли критиков и «сторожевых псов», разоблачая неэтичные практики технологических гигантов.

Цифровизация, безусловно, открывает перед нами невероятные перспективы, но одновременно таит в себе серьезные угрозы для человека и общества [3, 8]. Среди наиболее актуальных проблем: потенциальное нарушение права на частную жизнь, ухудшение условий труда из-за автоматизации и вытеснения людей, а также предвзятость алгоритмов, отражающая человеческие предубеждения.

Таким образом, современная эпоха – эпоха VUCA-world (Volatility, Нестабильность; Uncertainty, Неопределенность; Complexity, Сложность; Ambiguity, Неоднозначность). Современный человек действительно оказался в ситуации, где единственной постоянной является изменение, а ключевым навыком выживания и успеха – способность адаптироваться к этим изменениям, сохраняя при этом внутреннюю цельность и психическое здоровье.

В условиях нестабильности и неопределенности человеку приходится каждый день обрабатывать огромное количество противоречивой информации, что приводит к умственному истощению и стрессу. Традиционные социальные структуры больше не предоставляют надежной опоры. В результате человек оказывается вынужден формировать свою идентичность самостоятельно, что является одновременно и свободой, и тяжелым бременем. Классические подходы «планируй и действуй» становятся все менее эффективными. Теперь, зачастую приходится действовать методом проб и ошибок, сталкиваясь с нехваткой информации и стремительными изменениями правил.

В современном мире, где будущее кажется туманным и непредсказуемым, мы часто сталкиваемся с различными образами, описывающими его: «Конец истории», «Апокалипсис», «Постчеловек», «Цифровая реальность» и другие. Эти образы подчеркивают важность понимания того, куда движется человечество. Независимо от

того, как мы называем текущий этап развития, очевидно, что мир переживает глубокие изменения, переломный момент в истории. Эти изменения выводят нас за рамки привычных исторических закономерностей и открывают горизонты постиндустриального общества, предсказанного американским философом, социологом и футурологом Э. Тоффлером [4], которое пока еще не до конца осознано и понято.

Наиболее адекватной и информативной дефиницией, способной охватить как масштаб ожидаемых изменений, так и их неоднозначность, представляется понятие «антропологического поворота». Антропологический поворот в своей сущности означает значительное изменение парадигмы или акцента в различных областях знания (философии, социологии, теологии, гуманитарных науках и даже в некоторой степени естественных науках), которое произошло в XX веке и заключается в перемещении внимания с внешних, объективных структур, универсальных законов или абстрактных идей на самого человека, его субъективность, опыт, культуру, повседневную жизнь и смысл, который он придает миру [5, 32]. Антропологический поворот поставил под сомнение возможность абсолютно объективного беспристрастного знания, показав, что любое знание «загружено» человеческой перспективой, языком, культурным и историческим контекстом. В общем смысле, антропологический поворот – это переход от мира как «вещи в себе» к миру как «миру для нас», где человек из пассивного наблюдателя превращается в активного со-автора реальности. Значимость данной дефиниции можно приравнять к роли междисциплинарного концепта.

В наше время множество источников, а также представителей научного и культурного сообщества предлагают свои интерпретации текущих событий, представляя их на суд общественности и специалистов. Однако, большая часть этой информации тонет в информационном шуме масс-медиа. Высокая скорость потребления контента не позволяет нам критически осмысливать получаемые «социокоды» с должной избирательностью [6]. В сущности, все эти мнения можно свести к двум мировоззренческим позициям, каждая из которых стремится предложить свою систему ценностей и ориентиров. Общественное сознание располагается между этими двумя полюсами. Массовое сознание выступает как посредник, через который проходят информационные потоки, и в котором, как результат взаимодействия, формируется реальный сценарий будущего. Этот сценарий, набирая силу и стандартизируясь, обретает форму общественного мнения и закрепляется в институтах. Исследование возможных вариантов такого формирования имеет решающее значение, поскольку именно они являются движущей силой, определяющей ход истории.

По нашему мнению, в современных условиях необходимо глубокое понимание социокультурной ситуации на основе умения анализировать сложные, нестабильные и развивающиеся системы. Это включает в себя владение специальными методами работы со сложными проблемами и способность принимать решения совместно в рамках междисциплинарности. За последние десять лет эти навыки были развиты в рамках синергетики и теории сложности. Синергетика, применяемая на практике, объединяет математическое моделирование, философский анализ и глубокие знания о социальных и биологических аспектах человеческой жизни. Она предлагает эффективные инструменты для общения между экспертами и руководителями, которые осознают риски в обществе и культуре и участвуют в планировании будущего. Синергетическая методология помогает моделировать системы, которые развиваются сами по себе, где человек становится частью сложной системы. Это требует понимания изменений в ценностях и убеждениях, которые происходят в современном VUCA-мире.

1. *Марков А. П. Кризис европейской цивилизации и проекты грядущего мироустройства // Вестник культуры и искусства. 2022. №4(72). С. 52-64.*
2. *Багышев М. А., Яковлев Ю. Ю. Влияние глобализации на социальные процессы и институты // Вестник науки. 2024. №6(75). С. 1324-1327.*
3. *Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г., Белкина В. А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 2. С. 4-20.*
4. *Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.*
5. *Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23-35.*
6. *Каменский Е. Г., Гримов О. А. Социальная онтология «цифровой реальности»: к проблеме методологии исследований // В сборнике: Медико-экологические информационные технологии – 2021. Сборник научных статей по материалам XXIV Международной научно-технической конференции. Курск, 2021. С. 205-209.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Воробьёва Надежда Юрьевна
(Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н. Е. Жуковского (ФАУ «ЦАГИ»))

Эволюция российского общества актуализирует вопрос о состоянии культуры в условиях новой современности. Рационализация, цифровизация, алгоритмизация социальной жизни и жизни каждой отдельной личности с одной стороны и процесс дегуманизации и упадка культурного уровня с другой отсылают к проблеме онтологического переосмысления человеческой природы. Вызовы новой современности требуют более ясной формулировки не только цели и смысла человеческой жизни, идеалов и норм поведения, но и заставляют вспомнить о фундаментальных свойствах, дарах и талантах человека в качестве творца и носителя культуры. В этом смысле новые проблемы могут быть связаны со вполне традиционным философским вопросом о человеческой природе, вечным и открытым вопросом о свободном человеческом самоопределении.

Безусловно, мы высоко ценим свободу самоопределения, но зачастую она таит опасность поверхностного понимания человеческой природы, ее сведения исключительно к одной или нескольким характеристикам, полезным для достижения кратковременных индивидуальных целей в рамках изменчивого земного бытия. В связи с этим представляется важным и в теоретическом, и в практическом дискурсе о культуре начинать осмысление ее феноменов и процессов, отталкиваясь от фундаментальных антропологических представлений.

Сравнив классическую и неклассическую антропологию по П. С. Гуревичу [1], мы обращаемся к классическому представлению о человеческой природе в христианской православной антропологии [4]. Именно она не дает забыть о трехсоставной природе человека, о приоритете достижения святости и высокой ценности нравственности и духовности в жизни целых народов.

Перечислим фундаментальные свойства, которые позволяют охарактеризовать человека как творца культуры, как деятельного работника внутри мироздания. В первую очередь обычно вспоминают определение человека как homo sapiens, разумного существа, обладающего самосознанием, способным рационально мыслить и говорить, облекая идеи в последовательную речь. Но человеческое Я – это не только мыслящий мозг, но и

чувствующее сердце. Эстетическое чувство, способность плакать и смеяться, восхищаться красотой и нравственное чувство (совесть) как устремленность к истине, правде, справедливости пронизывают человеческое творчество в самых различных сферах культуры, являясь основой социальных взаимодействий. Действительно, человек изначально призван к общению, к жизни в общине, он не замыкается в себе и не развивается, заботясь только о себе. Общество, община не мыслимы без семьи и верности, поэтому брак, семья – важнейшие подлинно человеческие институты.

Свобода выбора, вера и духовность, отношение человека к Богу – это уже «вертикальная ось, дополняющая горизонтальное измерение» [2] человеческой природы. В христианском православном понимании люди призваны к обожению, к тому, чтобы стать «живыми иконами трансцендентного Бога» [2]. Митрополит Каллист Уэр пишет: «…наше призвание…состоит в превосхождении себя и единении. Мы призваны Божией благодатью выходить по ту сторону пределов пространства в бесконечность и по ту сторону пределов времени в вечность. Наше задание – быть посредниками между тварным миром и Несотворенным. Будучи образом Божиим, мы способны соединить небо и землю, и таким образом «делать землю отчасти небесной»; «Объединяя небо и землю… мы обнаруживаем и делаем явным присутствие Бога в сердце всякой твари» [2]. Люди как евхаристические существа, homo liturgus [5, 59] по священнику Павлу Флоренскому, одарены «способностью благодарить Бога за творение» и «способны в акте благодарения вернуть мироздание в дар его Создателю» [2].

Светское сознание может не вместить понимания человека как евхаристического существа, не принять такого его призвания, но культура, по выражению В. И. Каравкина, есть «одухотворение действительности» [3, 316], и от того, каким духом наполнена душа человека-творца культуры, духом любовно-сострадательным или духом монологических амбиций, зависит будет ли культура одушевленной, поддерживающей и преображающей жизнь или станет совокупностью артефактов, обесценивающих жизнь и несущих хаос, зло, смерть. Таким образом, и каждый отдельный культурный артефакт, феномен или процесс должен пройти проверку по критерию человечности, и вся культура в целом может иметь свою антропологическую меру/измерение.

1. *Гуревич П. С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.*
2. *Каллист (Уэр), митр. Через творение к Творцу. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/cherez-tvorenie-k-tvortsu/#0_5 (дата обращения: 11.10.2025).*
3. *Каравкин В. И. Идеальная модель культуры. М.: ОГИ, 2010. 336 с.*
4. *Леонов В. А., прот. Основы православной антропологии. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 544 с.*
5. *Флоренский П. А., свящ. Соб. соч. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004. 685 с.*

КОНЦЕПЦИЯ МЕМА И МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Гвоздиков Денис Сергеевич
(СПбГУ)

Попытки описать культурную эволюцию как продолжение биологической уходят корнями в XIX век: например, спенсерианская модель предполагала единство законов развития жизни, культуры и общества. Эмпирическим основанием для сравнений было, в том числе, наблюдаемое сходство в развитии предковых линий ископаемых останков и

археологических (этнографических) артефактов материальной культуры. Принятие СТЭ в биологии подтолкнуло к поиску моделей (главным образом статистических и с применением теории игр) биологической эволюции, основанных на принципах изменчивости, наследственности и отбора. Среди прочего эволюция вирусов и динамика эпидемий прекрасно поддавалась математизации. Поиск аналогий с культурой и применение полученного аппарата для моделирования культурных изменений не заставили себя ждать. Культурный дрейф (аналогия с генетическим дрейфом), отбор культурных образцов, неточность копирования и другие аналогии описывали процессы культурной эволюции почти такими же, как биологической. Тем не менее параллели имели свои границы: если для биологических систем был известен носитель кода эволюции – ДНК (или РНК), – то, что являлось его эквивалентом для культурных систем, оставалось неясным.

Идея культурного репликатора Ричарда Докинза произвела эффект разорвавшейся бомбы: у культурной эволюции не просто есть собственный информационный носитель, но сама ткань культуры только из них и состоит. Однако критика была беспощадной. Для «гуманитарного» лагеря буквальное признание мемов «паразитами» мозга выглядело абсурдным, а метафорическое прочтение, казалось, не добавляло ничего нового: вся революционность мемов исчезала. Обстоятельные возражения имелись также у маститых теоретиков культурной эволюции (Р. Бойда, П. Ричерсона, Дж. Хенрика и С. Атрана). Моделирование эволюционных эффектов возможно и без дискретной единицы отбора, тогда как когнитивная архитектура человека неплохо объясняет значительную часть культурной динамики. Тем не менее в философии концепция мема получила второе дыхание благодаря работам Д. Деннета, который видел их главными инженерами «дочернего» Пространства Замысла, порожденного Древом Жизни. С точки зрения Деннета, критика мема не подорвала, а только укрепила его позиции как концептуальной рамки, обобщающей натуралистические предпосылки, тогда как модели культурной эволюции описывали отдельные её свойства. Например, странный характер ряда культурных практик, явно снижающий адаптивность их носителей, становился понятен в перспективе эволюции самих мемов. Разумеется, в качестве унифицирующей рамки концепция мема уходит далеко от первоначального изложения Докинза. Все же можно сказать, что выявление характерных свойств культурной эволюции (отличных от биологической) все чаще объявляется общей исследовательской программой, тогда как философское значение концепции мемов пока остается несколько в стороне.

1. *Деннет Д. Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни / Д. Деннет. – М.: НЛО, 2020. – 352 с.*
2. *Boyd R., Richerson P.J. Cultural evolution: Where we have been and where we are going (maybe) // PNAS. – 2024. – Vol. 121, № 48. – Article e2322879121. – DOI: 10.1073/pnas.2322879121.*
3. *Henrich J., Boyd R., Richerson P.J. Five misunderstandings about cultural evolution // Human Nature. – 2008. – Vol. 19, № 2. – P. 119–137.*

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ «ДРУГОГО»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ БЕЗДОМНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ

Головенко Зинаида Вадимовна
(СПбГУ)

Михайлова Любовь Михайловна
(Государственный Эрмитаж)

Аннотация: Статья представляет антропологическое исследование трансформации восприятия бездомных под влиянием художественной выставки. На основе качественных данных анализируется сдвиг от стигматизирующих стереотипов к комплексному пониманию через механизмы индивидуализации и эстетизации образа Другого в музейном пространстве.

Ключевые слова: антропология восприятия, стигма, бездомность, Другой, визуальная антропология, антропология музея, эмпатия.

В современном урбанистическом пространстве фигура бездомного представляет собой классический образ маргинализированного «Другого». Его восприятие строится на основе стигматизирующих атрибутивных стратегий, сводящих сложность человеческой судьбы к набору визуальных и поведенческих маркеров («грязь», «алкоголизм», «асоциальность»). Данный процесс, характеризующийся внутренней атрибуцией (возложением ответственности на самого индивида), служит инструментом символического отграничения «нормативного» большинства. Антропологический интерес в данной работе смещен с феномена бездомности как такового на механизмы конструирования и деконструкции этого образа в контексте новой культурной реальности – художественно-антропологического проекта. Статья исследует, как музейное пространство и художественные практики становятся полем для пересмотра устоявшихся культурных кодов восприятия.

Эмпирическую базу составил качественный анализ данных, полученных от посетителей фотовыставки «Лица и судьбы: бездомные в объективе фотографа» в «Музее Бомжей» (Санкт-Петербург). Выборка включает 15 экспресс-интервью и 15 открытых анкет, содержащих спонтанную вербализацию образа «бездомного», рефлексию музейного опыта и эмоционального отклика и оценку изменений в восприятии после выставки. Методология включала тематическое кодирование с целью выявления исходных атрибутивных стратегий, характера их трансформации и механизмов, спровоцировавших эти изменения. Анализируемый проект представляет собой не классический музей, а гибридное пространство на стыке искусства, антропологии и социального активизма. Ключевым объектом исследования выступила фотовыставка Сергея Нарчука, которая изначально задумывалась как эстетический жест – съемка бездомных в студии с красивым светом, «как звёзд для Vogue». Этот сознательный перенос визуального языка фэшн-индустрии на маргинализированную группу создает провокационный эффект, проблематизируя репрезентацию «Другого». Анализ спонтанных дефиниций респондентов позволил выстроить иерархию уровней рефлексии в восприятии бездомного.

Основным механизмом, запустившим сдвиг в восприятии, стала индивидуализация образа. Эстетизированные портреты, акцент на «лицах» и «глазах», замещали абстрактный стереотип множеством конкретных личностей. У посетителей наблюдался эффект перцептивной переориентации: первичное узнавание («это бездомные, потому что мы в музее бездомности») сменялось когнитивным диссонансом. Респонденты отмечали, что герои фотографий «не похожи на бомжей», обнаруживая в их внешности соответствия модным тенденциям и отсутствие ожидаемых маркеров дезадаптации. Этот диссонанс стал катализатором рефлексии, приводя к сдвигу от внутренней атрибуции к внешней. Восприятие стало характеризоваться признанием роли системных и ситуационных факторов: «Стало понятно, как много причин... иногда они не зависят от человека».

Проведенное исследование демонстрирует, что художественно-антропологический проект может выступать эффективным инструментом переконфигурации культурных паттернов восприятия. Через механизмы эстетизации и индивидуализации происходит очеловечивание «Другого», разрушается гомогенный стигматизированный образ, нивелируется радикальная оппозиция «мы – они», а стигматизирующее объяснение замещается комплексным, реляционным пониманием.

Таким образом, музейное пространство, использующее художественные средства, утверждает себя как значимая площадка для производства новой культурной реальности, в которой эмпатия и социальный анализ вытесняют стигму и моральное осуждение. Это открывает новые перспективы для антропологических исследований, ориентированных на изучение трансформативных потенциалов искусства в работе с социальными границами и идентичностями.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ «РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА» СССР В 1920 – 1930-Х ГГ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Головнева Елена Валентиновна
(СПбГУ)

Исследование поддержано грантом РНФ, проект No 25-28-00277 (руководитель – Е. В. Головнева)

Доклад посвящен проблеме визуального картографирования религиозного ландшафта СССР, предпринятого учеными ленинградской религиоведческой школы в 1920 – 1930-е годы. Разработка картографического дискурса в этот период, с одной стороны, позволяла представить разнообразие и специфику религиозных ландшафтов молодого советского государства, с другой стороны, была направлена на формирование единой реальности, объединяющей различные этно-конфессиональные группы в «визуальный атлас конфессий СССР». К выполнению этой задачи в период «социалистической реконструкции» подключилось как академическое сообщество, разрабатывавшее методологические вопросы визуализации «живых религий» (научная секция Н.М. Маторина в Ленинграде), так и советский «киноглаз» в лице профессиональных кинематографистов, развивавших особый жанр в сегменте просветительского кино о народах и культурах в СССР в 1920–1930-х гг. – советский антирелигиозный фильм. Исследовательские экспедиции, оставившие научное описание различных конфессий Союза, и их визуальная репрезентация кинематографистами явились условием формирования сопространственных картографий, хотя не

коррелирующих полностью друг с другом, но, тем не менее, особенным образом воображающих картину религиозного и предложивших язык ее описания. Так, с помощью «киноглаза», как наиболее эффективного в раннесоветский период инструмента визуального освоения пространства, возник картографический ассамбляж, включающий в себя, помимо визуального православного религиозного ландшафта, пространство исламской культуры (кинокартины «Айна», «Гость из Мекки», «Гюлли», «Дочь святого», «Джальма», «Земля жаждет», «Закон гор», «Именем бога», «Из-под сводов мечети», «Комета», «Намус», «Под властью адата», «Третья жена муллы», «Угубзиара», «Чадра», «Именем бога»); пространство ламаизма (фильмы «Потомок Чингиз-хана», «Разбитые боги»; шаманизма («Игденбу», «Каан-Керадэ»); пространство иудейской культуры («Бунт бабушек», «Его превосходительство»), католичества и лютеранства («Вор», «Голубой экспресс», «Овод», «Праздник св. Иоргена»). Отражением киноатласа конфессий СССР, изображавшем разнообразные религиозные практики, стал фильм «Опиум» (реж. В. Жемчужный, 1929). В настоящее время обращение к проблематике визуализации религиозных ландшафтов СССР, развернувшейся в научной и кинематографической среде в 1920 – 1930-х гг., в том числе, позволяет по-новому осмыслить вопрос о конструировании визуальных образов различных конфессий в (анти) религиозный период советской истории.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ТУРИЗМА У МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Грунт Елена Викторовна
(Уральский Федеральный университет)

Ханькова Олеся Владимировна
(Уральский Федеральный университет)

Аннотация: В статье представлены результаты исследования трансформации социокультурных практик туризма у молодежи в новой социальной реальности. Исследование проведено в 2024 году в Свердловской области с использованием количественной (анкетный опрос) и качественной (глубинное интервью) стратегии. В результате исследования выявлены основные направления трансформаций социокультурных практик молодежного туризма, выявлены факторы, влияющие на этот процесс.

Ключевые слова: трансформация, социокультурная практика туризма, молодежь, факторы.

В современном мире туризм затрагивает все сферы жизнедеятельности общества: экономику, культуру, социальную жизнь. Как отмечает З. Бауман, до начала эпохи модерна туризм являлся малодоступной практикой, сегодня практика туризма становится распространенной во многих странах, в том числе и в России [3]. Современный туризм аккумулирует в себе различные социокультурные практики: «Глобализация не только сближает культуры. Она изменяет правила взаимоотношений» [4 – 27]. Глобальные тенденции наблюдаются сегодня в технологизации, информатизации, унификации, престижности туристических услуг. Одним из субъектов туристических практик является

молодежь. Сегодня она активно вовлечена в туристическую деятельность, в том числе, связанную с новыми видами туризма, возникающими в как в России, так и в современном мире. В свою очередь, туризм во всем своем многообразии является важным фактором социализации молодежи, ресурсом мобильности, культурного обмена и развития территорий, а молодежная аудитория – ключевой целевой группой.

Молодежный туризм сегодня приобретает специфические черты, обусловленные возрастными, социокультурными, экономическими и технологическими факторами. По мнению Ю. Н. Абабкова, основные характеристики молодежного туризма следующие: мобильность, которая основана на присущей молодежи активности, стремление узнать новое; стремление к активному отдыху; любовь к занятиям спортом; выявление своих возможностей, потенциала и пр.; самостоятельность в выборе путешествий [1]. А. А. Баканова отмечает, что в настоящее время появляются новые виды туризма такие, как дак-туризм, руфинг, урбанизм, индустриальный, ритуальный туризм, которые в большей степени свойственны молодежи [2]. В условиях цифровизации общества появляется возможность виртуальных путешествий, когда, не выходя из дома, можно побывать в любой точке мира. Виртуальный туризм сегодня осуществляется бесконтактно, без перемещений в пространстве и времени.

В связи с этим возникает необходимость проанализировать не только существующие традиционные социокультурные практики туризма у молодежи, но также возникающие новые молодежные практики в условиях новой социальной реальности.

Социологическое исследование проведено в конце 2024 года в Свердловской области. В исследовании использовалась количественная (анкетный опрос) и качественная (глубинное интервью) стратегии. В анкетном опросе приняла участие молодежь в возрасте от 18 до 35 лет (N = 600). В ходе глубинного интервью было опрошено 13 специалистов туристических агентств (N = 13). Также осуществлен вторичный анализ данных других исследователей. Екатеринбург является типичным российским культурным, промышленным, научным центром, расположенным на Среднем Урале, между Европой и Азией, и имеет все типичные для России виды молодежного туризма.

Что касается трансформации социокультурных практик туризма молодежи, то это означает, во-первых, количественное изменение, связанное с изменением частоты путешествий; во-вторых, качественное изменение – изменение направленности туризма, форматов отдыха, и пр., что приводит к изменению и самого носителя практики, в нашем случае, – молодежи. Трансформацию, связанную с социокультурной практикой туризма, мы понимаем как стереотипное действие или процесс изменения как количества, так, главным образом, содержания, формы, вида, характера туристических путешествий молодежи, связанных с их преобразованием.

Проведенное социологическое исследование выявило основные направления трансформации социокультурных практик туризма у молодежи за последние пять лет. Процесс трансформации молодежных социокультурных практик туризма связан:

– с сокращением интенсивности поездок у молодежи за последние 5 лет. Практически каждый второй представитель молодежи (44, 3 %) указал на то, что за последние 5 лет стал путешествовать реже, чем раньше, что детерминировано разными факторами: экономическими (60 %); социально-политическими в условиях СВО, нестабильной геополитической обстановкой; досуговымы (39, 4 %); отсутствием гарантии безопасности (23, 6 %); природными катаклизмами (23, 6 %);, санкциями Западных стран (12, 3 %); пандемийным и постпандемийным периодом (около 20 %); личностными факторами (12, 6 %);

– с переориентацией молодежи на внутренний туризм (70,4 % респондентов). Интерес к отечественному отдыху появился вовремя пандемия COVID-19 и укрепился, с одной стороны, благодаря созданию позитивного имиджа российских локаций и достопримечательностей, улучшением инфраструктуры туризма, с другой – из-за сложности выехать в страны Запада в связи с санкциями и удорожанием поездки. За последние 5 лет интенсивность поездок по России увеличилась на четверть, при этом поездки заграницу снизились почти в 1, 5 раза, что свидетельствует о преобладании внутреннего молодежного туризма и о трансформации направленности социокультурной практики – ориентации на внутренний туризм. Внутренняя туристическая активность молодежи обусловлена как внешними факторами (экономическими возможностями молодежи и развитием туристической инфраструктуры), так и личностными – растущим интересом молодежи к собственной стране.

– со становлением молодежи как самостоятельного субъекта туристической практики, что подчеркивает переход от институционального туризма к индивидуальному и гибкому формату. Исследование зафиксировало, что за последние 5 лет количество самостоятельных туристов выросло в 2 раза. В этом плане социальные сети – важный фактор как формирования предпочтений молодежи относительно организации, так и реализации туристической поездки. Самостоятельность субъекта социокультурной практики туризма молодежи является важной качественной трансформацией данной практики.

– с переориентацией молодежи с группового туризма на индивидуальный – соло-туризм. Большинство молодежи предпочитает путешествовать в одиночку или с партнером при отсутствии группы. Исследование показало, что самой самостоятельной категорией путешественников является молодежь от 18 – 20 лет (74, 5 %). Организованный отдых предпочитают респонденты в возрасте от 31 года до 35 лет.

– с изменением формата и вида путешествий. Исследование зафиксировало, что за последние 5 лет произошли изменения в видах поездок с активных, экстремальных путешествий на более спокойные, познавательные, пляжные, культурно-познавательные поездки. Так, если 5 лет назад 53, 4 % опрошенных выбирали пляжный туризм, то сегодня 76, 2 % молодежи выбирают такой вид туризма, 47,8 % участников опроса выбирали культурно-познавательный, сейчас его выбирают 65,4 % опрошенной нами молодежи. В социокультурную практику туризма стал входить новые, ранее не популярный у молодежи виды туризма такие, как этнотуризм (7,6 % и 12,9 % сегодня) и гастротуризм (5 лет назад 0 % и сегодня 6,7 %; виртуальный туризм).

Мы понимаем, что наше исследование ограничено Свердловской областью. Будущие исследования могут расширить результаты этого исследования и изучить трансформацию социокультурных практик туризма у молодежи за последние 5 лет других регионов России.

1. *Абабков Ю. Н. Молодёжный туризм в системе туристского спроса // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук.СПГЭУ. 2014 №1. С. 4- 10.*
2. *Баканова А. А. Нетрадиционные виды молодежного туризма // Царскосельские чтения. С. 149–152.*
3. *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества: Пер. с англ. Коробочкина М. Л. – Москва: Весь Мир, 2004. С. 185.*
4. *Лысикова О.В. Туризм и глобализация: социокультурный аспект / О. В. Лысикова //Вестник национальной академии туризма. 2008. №1(5). С. 26-29*

ПРОЯВЛЕНИЕ УСТАНОВОК УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСНОВАНИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПАТТЕРНОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ АНАЛИЗА РАССКАЗЫВАЕМЫХ ИСТОРИЙ

Данкин Владимир Дмитриевич
(СПбГУ)

Рост интереса к российской управленческой культуре обусловлен тем уровнем глубины и сложности преобразований, который требуется в связи с нарастанием экономического, социального, технологического и, по-видимому, покрывающего их культурного кризиса, разворачивающегося во всем мире. Возможности устоявшихся функциональных алгоритмов и коренящихся в прошлых эпохах механизмов управления не позволяют адекватно управлять переходом в эпоху исторического перелома, а их изменение требует опоры на культурные основания.

Поиск реальных культурных оснований для лиминальной фазы конфигурации социокультурных паттернов российского управления делает востребованным процессуальный подход к корпоративной культуре (в противовес нормативному). Определение, анализ, поддержка поведения управленческих кадров в конкретных (ранее неведомых или известных, но получивших принципиально новое смысловое содержание) ситуациях дает шанс на поддержку практик принятия решений (составляющих основу именно управленческой деятельности), органичных и почти всегда уникальных для групп и коллективов.

Какое поведение управленцев в реальных, актуальных условиях имеет значение для культуры? Ответ на этот вопрос предлагается искать среди историй, которые руководители рассказывают, вспоминая значимые, ценные для передачи смыслов деятельности ситуации свей карьеры. Формат историй, обязательно содержащий момент дилеммы, выбора (а иначе история превращается в изложение идеи или факта), позволяет увидеть: на какие смыслы и ценности ориентируются рассказчики, когда принимают решения. Также истории дают возможность обнаружить в текстах лексемы и семантические обороты, которые для рассказчиков органичны в свете ситуаций принятия решений, тем самым составляющие языковую ткань управленческой культуры. Это позволяет увидеть в предлагаемой методике – в связи дискурсивных практик сторителлинга и конкретных элементов текста с социальными практиками управления – проявление модели критического дискурс-анализа Фаеркло.

В освещаемом исследовании методика извлечения историй 3Р: вопросы о том, чем респондент гордится (pride), поиск историй, призывающих присоединиться к его работе (promo) и историй, без которых он не видит будущее своего коллектива или организации (perspective), – дополнена итерационным анализом структуры в моменте интервью и акцентированием в беседе с респондентом ситуаций неконвенционального, смыслоориентированного выбора в ходе управленческой карьеры.

Особенно интересным представляется анализ управленческих ценностей и смыслов, которым руководствуются управленцы в сфере культуры (далее будет предложена краткая выжимка из исследования на базе интервью российских управленцев в сфере культуры; 24 респондента представляли все федеральные округа, разномасштабные города от столиц до сельских поселений и широкий спектр учреждений культуры от руководства музеями и театрами до менеджмента библиотек и домов культуры). В этой области управления рождаются смыслы, которые помогают жить и работать представителям из всех отраслей.

Несколько интересных оппозиций управленческой культуры руководителей российских культурных институций, позицию внутри которых проявляли респонденты: ориентироваться в оценке качества на традиции и классику – или на новаторство, поддерживать опытных соратников – или сосредоточиться на вовлечении молодых (остродефицитных) сотрудников, гордиться принадлежностью к большой идее, крупным исторического масштаба свершениям – или (со)авторством конкретных достижений, практических результатов, влияние на которых управленца легко понять. Практически не формирует оппозицию культурная установка на «свою», страновую и не реже – региональную или профессиональную культуру; идеи о принадлежности к некоей «глобальной культуре» не близки сегодняшним российским руководителям уровня местных организаций в сфере культуры.

Особое значение – и по числу упоминаний, и по значимости, подчеркиваемой респондентами, – занимает, как оказалось, ценностная «растяжка» между рутинной деятельностью и творческим прорывом к новым смыслам и формам. Ограниченность стандартными рамками, привычная усталость от различных форм и действий, относящихся к сохранению, сбережению – типичный режим деятельности для организаций в сфере культуры, от библиотек до музеев, от художественных школ до домов культуры. Вместе с тем, именно сфера культуры дает максимальные возможности для творчества, для создания нового, для прорывной деятельности – и в управлении не меньше, чем непосредственно в искусстве. Суметь освободиться от стереотипов, прорваться к свежим новым формам, идеям, смыслам – важнейшая культурная установка участников исследования. Семантическая значимость и популярность таких лексем, как «выгорание» и «энтузиазм», поддерживает этот вывод из анализа сюжетов историй о профессиональной деятельности (интересно также, что, приводя истории таких прорывов, часть респондентов говорила и о собственном приходе в сферу культуры из бизнеса или госуправления, и о привлечении соратников, не помышлявших о работе в сфере культуры, но пришедших в нее для творчества, преодолевающего выгорание на прошлых рабочих местах).

Сегодняшний уровень анализа позволяет говорить только о прорыве к новому как самоценном действии, ориентире в управлении; «куда прорываться», что видеть осмысленной перспективой в творчески понимаемом управлении российскими культурными институциями? Это требует дальнейшего исследования и изучения, интегрирующего как культурные установки управленцев, так и задачи, стоящие перед страной. Поиск нового культурного героя – важный аспект управления в переломную историческую эпоху (не только для сферы культуры, но и для любых российских управленцев). Эта задача, скорее, признавалась респондентами актуальной, чем позволяла предлагать решения.

Работа с историями, рассказываемыми респондентами – управленцами российских региональных организаций в сфере культуры, приводящая к значимым выводам о культурных установках российского менеджмента, иллюстрирует актуальность и успешность применения корпоративной антропологии для решения современных задач.

1. *Fairclough N., Analysing discourse: textual analysis for social research. Routledge, 2003.*
2. *Moeran B. Opinions: What business anthropology is, what it might become… and what, perhaps, it should not be. JBA 1 (2) Autumn 2012, 240–297 p.*
3. *Браун Д., Крамер И. Как управлять корпоративным племенем. Прикладная антропология для топ-менеджера (предисловие и научная редакция: А. А. Аникеев, В. Д. Данкин, М.Е. Кукушкин). – М., Альпина Паблишер, 2020.*
4. *Браун Д., Крамер И. Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера (предисловие В. Д. Данкин, М. Е. Кукушкин). – М., Альпина Паблишер, 2018.*

5. *Данкин В. Д., Кукушкин М. Е., Корпоративная антропология как новый поход к работе с корпоративной культурой, Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании». – М., КНОРУС, 2022*
6. *Данкин В. Д., Раскрытие корпоративной культуры через истории, которые рассказывают сотрудники, в Сборнике «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы», Материалы всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2023, – СПб., Издательский дом «Сциентиа», 2023*
7. *Данкин В. Д., Мушин-Македонский А. Б. Как определить культурный код группы или организации? Метод интервью с извлечением историй для анализа культурного кода команды или компании, Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве». – М., РУСАЙНС, 2024*
8. *Денисон Д. Изменение корпоративной культуры в организациях. – СПб., Питер, 2013*
9. *Йоргенсен М. В., Филлипс Л., Дискурс анализ: теория и метод, – Харьков, Издательство Гуманитарного центра, 2004.*
10. *Кукушкин М., Живые. Как корпоративная культура спасает людей и компании. – М.: Синергия, 2020.*
11. *Пистер Е. И., Данкин В. Д., Медведев С. О., Методика исследования культурного кода компании в корпоративно-антропологическом подходе с применением инструментов фасилитации и сторителлинга для обеспечения устойчивого развития организации, Лидерство и менеджмент, том 10, номер 2, – М.: Креативная Экономика, 2023.*
12. *Ратмайр Р., Милёхина Т., Клингсайс К. и др. Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ. – М.: Изд. дом ЯСК, 2017.*
13. *«На открытии форума «Дигория» Кириенко заявил об охватившем мир ценностном кризисе», – Известия, 11.07.2023*
14. *«Стартовал первый в 2025 году поток кадровой программы «Капитаны культуры»», – https://culture.gov.ru/about/departments/departament_vospitatelnoy_raboty_prosvetitelskikh_proektov_i_spetsialnykh_obrazovatelnykh_programm_v/news/startoval-pervyy-v-2025-godu-potok-kadrovoy-programmy-kapitany-kultury/*

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ КАК ИНДИКАТОР НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Денисова Галина Сергеевна
(Южный федеральный университет (ЮФУ))

Снежко Галина Евгеньевна
(«Ростовский областной центр информации в сфере образования»)

Аннотация. В статье исследуется эволюция и структура темпорального сознания от архаических обществ до цифровой эпохи. Анализируется смена доминирующих регистров времени – циклического, линейного, спиралевидного, которые по-разному связываю его разные модусы (прошлое, настоящее, будущее) – и появление новых темпоральных практик. Вводится и раскрывается концепт «локус времени» – ключевой инструмент для анализа сложной темпоральности современности.

Ключевые слова: темпоральное сознание, модусы темпорального сознания, регистры темпорального сознания, ценность времени, факторы изменения темпорального сознания, новые темпоральные практики, локус времени.

Динамический характер социальной реальности находит свое отражение в формирующемся у индивида, социальных групп и общества в целом темпоральном сознании. Под этим понятием мы подразумеваем способность осознавать,

структурировать и интерпретировать время, включая восприятие его разных модусов (прошлого, настоящего, будущего), а также их взаимосвязь (темпоральный регистр). Наряду с этим темпоральное сознание включает также: нерефлексируемые образцы поведения, которые имеют темпоральное и измерение; социальные мифы и символы, репрезентирующие темпоральную реальность; ценностные интерпретации моментов и временных периодов. Эволюция социальной реальности неразрывно связана с трансформацией темпорального сознания, что делает его изучение ключевым для понимания «новой современности».

1. Историческая эволюция модусов темпорального сознания

Историко-антропологический анализ позволяет выделить основные этапы формирования темпорального сознания.

В архаических обществах доминировало циклическое представление о времени, тесно связанное с природными ритмами и репрезентированное в мифах и ритуалах. Это время закреплялось в ранних календарных системах, которые служили не столько для счета дней, сколько для фиксации смыслообразующих событий и упорядочения социальной жизни. На уровне повседневной жизни время различных активностей – работы, бытовой деятельности были слиты воедино. Повседневная жизнь в обществе размечалась ритуалами, имеющими сакральный характер, и карнавалами.

С утверждением христианства в массовом сознании начинает доминировать линейная модель времени, устремленного от Сотворения к Страшному суду как финалу темпоральности. Кардинальный перелом в темпоральном сознании произошел в эпоху становления промышленного капитализма, поскольку произошел отказ от финального завершения линейного регистра, возникла метафора «Время – стрела».

Время превратилось в экономический ресурс, меру труда и стоимости, что лаконично выражено в афоризме Б. Франклина «время – деньги». Этот переход, детерминированный экономически (фабричная система), технологически (массовое распространение часов) и социально (протестантская этика, урбанизация), описан Э.П. Томпсоном как один из самых травматичных культурных сдвигов [2].

Параллельно, начиная с немецкой классической философии (Г. В. Ф. Гегель), а позднее в науке XX века (И. Пригожин), утверждается спиралевидная модель (регистр) времени. Она представляет собой диалектическое сочетание линейности (прогресс) и цикличности (повторение на новом уровне), описывая развитие через отрицание отрицания и точки бифуркации.

2. Факторы изменения темпорального сознания в XX веке.

XX век продемонстрировал, насколько темпоральное сознание подвержено целенаправленному воздействию. Крупные социальные потрясения, такие как революции в России, сопровождались созданием новых календарных систем, призванных стереть предшествующую историческую память и ознаменовать наступление «новой эры».

Индустриализация в СССР служит ярким примером целенаправленной трансформации темпоральных практик. Массы крестьян, чей габитус был ориентирован на природные ритмы, были вовлечены в жесткий временной ритм фабричного труда с его ночными сменами, пятилетками и юридической ответственностью за нарушения установленного режима. Это увеличило дистанцию между биологическими и социальными ритмами.

Наряду с экономическими институтами, другим ключевым фактором изменения темпорального сознания стала трансформация института семьи. Патриархальная семья, регулируемая религиозными нормами, была заменена на светскую и эгалитарную. Функции семьи частично передавались государству (воспитание, обучение, бытовое

обслуживание и пр.), что освобождало время женщины для труда на благо общества и радикально меняло внутрисемейный временной режим.

Не менее важную роль сыграло становление всеобщего обязательного образования, которое прививало привычку ориентироваться на часы и минуты через классно-урочную систему и дисциплину выполнения заданий.

3. Современность: полифония временных регистров и новые темпоральные практики

В современном обществе, определяемом процессами информатизации и глобализации, мы наблюдаем не смену, а одновременное сосуществование всех трех темпоральных регистров – цикличного, линейного, спиралевидного. В зависимости от конкретной сферы жизни на индивидуальном уровне происходит переключение темпорального регистра.

• Линейное регистр доминирует в сфере инструментальной рациональности. Он определяет стратегию жизни: карьерный рост, стратегическое планирование, систему образования, KPI и дедлайны.

• Циклический регистр сохраняется в биологических ритмах, природных циклах: Он включается при определении недельного распорядка (работа/выходные), закрепляется в повторяющихся социальных и индивидуальных ритуалах, выступая якорем стабильности.

• Спиралевидный регистр наиболее рельефно проявляется в культуре и политике: ретро-тренды в моде, популистская ностальгия, ремейки и сиквелы в кино. Прошлое не копируется, а переосмысливается и используется как ресурс для конструирования настоящего и будущего. Этот регистр определяет социокультурную идентичность, формирует чувство «Мы».

Эта полифония порождает новые темпоральные практики. Они возникают не только при постоянном переключении темпоральных режимов, но также и при совмещении разных темпоральных ориентаций в организации повседневной жизни, что объясняется столкновением в условиях глобализации разного ценностного отношения ко времени. Глобализация приводит к одновременному присутствию в одном социальном пространстве монохронных (ориентированных на последовательность задач) и полихронных (ориентированных на людей и процессы) культур.

4. Локус времени как инструмент анализа новой темпоральности

Для анализа качественной неоднородности социального времени мы предлагаем использовать концепт «локус времени». Если у Ю.М. Лотмана локус – это точка в пространстве, наделенная смыслом, то локус времени – это точка или отрезок на временной шкале, обладающий особым социальным и антропологическим качеством, которое диктует специфику человеческой активности. Социальные науки часто используют пространственные метафоры для времени («поле», «траектория», «ландшафт», «зона»), но они размывают специфику временно́го как такового. Время – это не протяжённость, а становление, не статичная точка, а процессуальность. Понятие «локус времени» позволяет ухватить именно эту процессуальную, качественную природу. Оно описывает не где, а когда и, главное, как происходит деятельность, каким качеством обладает этот момент становления.

Примеры локусов времени:

• Полночь в Новый год (сакральный, конденсированный локус) vs. полночь обычного вторника (локус сна).

• «Час пик» (локус стресса, скученности, нарушения порядка и) vs. «ночная смена» (локус с иным правовым и экономическим статусом).

• Локус «постоянной онлайн-доступности», размывающий границы между временными периодами профессиональной работы, домашнего бытового обслуживания, отдыха.

Предписанность поведения в разные локусы времени не является абсолютно жёсткой. Так, в современном обществе для многих работающих людей выходные бывают наполнены не отдыхом, а загружены работой**;** для пожилых людей, вышедших из сферы формальной занятости, граница между рабочими и выходными днями становится менее выраженной. «Локус времени» – это категория для анализа социальной реальности, которая намеренно абстрагируется от пространства, чтобы вычленить и проанализировать чистую временну́ю качественность. Дорога в час пик и та же дорога ночью – это одно пространство, но два радикально разных локуса времени.

Локус времени является инструментом власти, так как назначение темпоральных режимов (рабочее время, ЧП) контролирует ритм жизни общества и отдельного человека. Процесс освоения новых локусов, например, активность в ночное время, был назван М. Мэлбином «колонизацией времени» [1]. В современном контексте мы наблюдаем и «колонизацию будущего», когда долгосрочные стратегии подменяются краткосрочными электоральными и экономическими циклами.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Освоение темпоральности есть процесс соотнесения общества и индивида со смыслами культуры, локализованными во времени. На макроуровне это проявляется в полифонии временных регистров – линейного, циклического и спиралевидного, которые по-разному связывают модусы времени (прошлое, настоящее, будущее). На индивидуальном уровне обостряется противоречие между существованием «без временных ограничений» и растущей ценностью времени.

Введенное понятие «локус времени» позволяет перейти от анализа времени как нейтрального контейнера (вместилища событий), к его пониманию как активного производителя социальных смыслов и практик. Оно открывает новую, темпо-центричную перспективу для исследований в социологии, антропологии и теории культуры, делая анализ более релевантным для описания сложной темпоральной реальности XXI века. Инновационные формы освоения темпоральности, включая работу с локусами времени, являются точным индикатором наступившей новой современности.

1. *Melbin M. Night as frontier. In : Cultures & Conflits. [En ligne], 105-106 | printemps/été 2017, mis en ligne le 15 juillet 2019. URL : http://journals.openedition.org/conflits/19434 ; DOI : https://doi.org/10.4000/conflits.19434 (дата обращения: 17.10.24).*
2. *Thompson E.P. TIME, WORK-DISCIPLINE, AND INDUSTRIAL CAPITALISM // Past & Present, Vol. 38, Issue 1, December 1967, Pages 56–97, https://doi.org/10.1093/past/38.1.56*

ПРАКТИКИ РАЗВОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШОУ-БИЗНЕСА)

Ивлева Ирина Владимировна
(СПбГУ)

Одной из ключевых тенденций в современной социологии стала трансформация института семьи, если даже не его закат. Россия и США относятся к странам, лидирующим по количеству разводов. Однако в Америке существуют противоречивые тенденции в брачно-семейных отношениях. В первой четверти XX века социологи

продолжали рассматривать семью как священный институт, признавая рост числа разводящихся [1], там долго сохранялся своеобразный культ семьи. В нашей стране теме разводов стали уделять внимание уже в 1960-е гг. и позже. Запланированная к публикации в 1963 г. работа Б. А. Грушина «Разводы в СССР» вышла в свет лишь в 2011 г. [2]. Можно гадать сейчас, почему же работу не выпустили раньше, но, видимо, ее большая деликатность и щекотливость пришлись не ко двору. Это основательное научное произведение основано на данных опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды». В нем приняло участие более 12 тысяч человек. Газета предложила читателям ответить на ряд вопросов о семье и разводах в свободной форме. Это были открытые вопросы, а полученные ответы требовали кропотливого анализа. Сравнение результатов данного исследования и сегодняшних опросов показывает, что причины разводов не всегда совпадают и могут быть многообразны. В исследовании Б. А. Грушина на первом месте оказалось легкомысленное отношение к созданию семьи, на втором – пережитки прошлого в сознании и поведении людей (в т.ч. измены) и на третьем – жилищные трудности. В современных условиях российские социологические центры выделяют разные группы причин, которые более или менее коррелируют между собой в тех или иных научных источниках.

Хотя разводы стали неотъемлемой частью жизни современного российского общества, больших исследований по этой тематике в нашей стране не так уж много. Существуют отдельные авторы, систематически работающие в этом поле [3–5]. Статистические данные о брачности и разводимости анализируют демографы, различные социологические центры также стремятся оценить динамику разводов. Не всегда, когда приводят показатели разводимости, отражаются коэффициенты брачности. По разным регионам страны количество разводов тоже сильно варьирует. А. Б. Синельников утверждает, что в среднем по России уровень разводов составляет более 50 % [5, 75], тогда как Н. Г. Лагойда указывает, что наиболее высокие показатели разводимости в Ленинградской и Магаданской области 752 на 1000 браков, 748 в Чукотском автономном округе и 741 в Еврейской автономной области [6, 86 – 87].

Чаще всего исследователей интересуют причины распада семей. Несомненный рост числа разводящихся супругов свидетельствует о том, что развод становится своеобразной нормой. Ссылаясь на западные научные источники, Е. Г. Лактюхина пишет о формировании культуры развода [7, 64]. Наиболее часто встречаемые причины, рассматриваемые как ключевые основания для развода – это рукоприкладство и психологическое насилие, пьянство, супружеская неверность (данные ФОМ цитировано по [5, 77]). Однако, по данным опроса ВЦИОМ [8], на первом месте оказались экономические трудности, в других же исследованиях эта причина почти не рассматривается, а приводятся ссоры и т. д. В некоторых источниках высказывается мысль о том, что в современном обществе инициаторами развода все чаще становятся женщины. А. Б. Синельников высказывает важную идею о субъективных и объективных причинах разводов: если жена разлюбила мужа, а он ни в чем не провинился перед ней, то это субъективная причина. Если муж поднимает на жену руку или постоянно пьет, то это объективные причины для развода, поскольку это нарушение правил семейной жизни. А. Б. Синельников считает, что проблематика разводов должна стать предметом общественной дискуссии и что допущение разводов по субъективным причинам ведет к разрушению института семьи, Е. Г. Лактюхина же констатирует формирование культуры развода как возможное решение проблем внутри брака.

Предположение о том, что разрешение разводов по субъективным причинам приводит к разрушению института семьи, требует проверки. Ведь и в прошлом

немотивированные разводы в исламе были легко достижимы, но именно для мужчин [1], тогда как сейчас инициаторами разводов зачастую становятся женщины, но как раз они чаще оказываются в проигрышном положении, потому что развод обычно ведет к снижению материального благосостояния, также известно, что мужчинам гораздо проще вступить в повторный брак, чем женщинам. Но можно согласиться с этим автором и предположить, что сейчас стало гораздо больше разводов по субъективным причинам как со стороны женщин, так и со стороны мужчин. Если Е. Г. Лактюхина пишет о большей прочности вторых браков, то А. Б. Синельников говорит, что велика вероятность повторных разводов. Во многих западных странах сейчас легко разводят людей по взаимному согласию и никого при этом не интересует значение оснований для развода. Однако в целом то, что сейчас происходит с брачно-семейными отношениями в странах Запада, долгое время служившего для многих ценностным ориентиром, ведет к поощрению культуры развода и расходится со стремлением сохранить традиционные семейные ценности.

Но каковы реальные практики разводов? На данном этапе нас интересует в большей мере российское общество, хотя есть некие общемировые тенденции или даже вернее западные тренды. Как преломляются процессы трансформации института семьи и практики развода в современной массовой культуре? Чуть ли не каждый второй российский фильм имеет в своем сюжете развод. Популярные СМИ пестрят сообщениями о все новых и новых распавшихся браках. Актеры, певцы и певицы служат примером подражания для других граждан страны, их жизнь на виду, что дает возможность оценить причины и последствия бракоразводных процессов в более обеспеченных слоях общества, о чем далеко не все хотят рассказывать, но, попадая в сферу внимания СМИ, сведения о том, как происходят бракоразводные процессы, не являются секретом. Было проанализировано 40 случаев разводов известных семейств, данные о которые доступны в интернет-источниках. Поиск велся по рубрике – звездные разводы и по отдельным нашумевшим кейсам, начиная с 1990-х гг.

В ходе бракоразводных процессов встает несколько значимых вопросов: это урегулирование отношений между бывшими мужем и женой, детьми, проблема алиментов и раздел имущества. Среди известных людей раздел имущества 50 на 50 происходит довольно редко, однако, бывшим женам все чаще удается получить заметную долю собственности и алиментов, что можно объяснять более лояльным отношением к женщинам и профессионализмом адвокатов. В некоторых семьях раздел имущества проходит легко, хотя далеко не всегда. В отдельных случаях самым болезненным становится улаживание отношений с детьми – вопрос о том, с кем они останутся, смогут ли они видеться с обоими родителями. Становятся прецедентом ситуации, когда ребенок остается жить с отцом. Попытки отвоевать сына или дочь могут объясняться желанием отцов уменьшить расходы на выплату алиментов, тогда как для женщин это дело принципа и установившейся практики оставлять детей с матерью. Причины разводов известных людей страны: на первом месте – измены, затем – рукоприкладство и психологическое давление, утрата любви, большая занятость. Как ни странно, пьянство фигурирует в этом списке нечасто. Экономические причины также редко становятся основанием для развода, что можно связывать с более высоким уровнем жизни известных семей. Анализ данных о звездных разводах показывает, что зачастую речь идет о нескольких причинах одновременно. Это могут быть как объективные, так и субъективные основания, но чаще первые.

1. *Lynd R., Lynd H. Middletown. San Diego; N.Y.; London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1929.*
2. *Грушин Б.А. Разводы в СССР // Открывая Грушина. Т. 2. М.: Издательство МГУ, 2011. С. 218-344.*

3. *Синельников А.Б. Социально одобряемые причины разводов в прошлом и настоящем // СОЦИС. 1992. №2. С. 27-37.*
4. *Синельников А. Б. Субъективные причины развода // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2017. №3. С. 116-139.*
5. *Синельников А. Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России // Социологические исследования. 2023. №4. С. 75-83.*
6. *Лагойда Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 2. С. 86-96.*
7. *Лактюхина Е. Г. От брака к разводу и обратно // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 2. С. 62-81.*
8. *ВЦИОМ. Разводы в России: мониторинг. 24.10.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring.*

МУЗЫКА, ТЕЛО И ОБЩНОСТЬ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ПОСЕЩЕНИЯ ЛИТУРГИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Каплевацкая Татьяна Сергеевна
(СПбГУ)

Аннотация. Исследование посвящено анализу опыта посещения лютеранских богослужений, проводимых в культурном квартале «Брусницын» в Санкт-Петербурге. На основе включенного наблюдения и неструктурированных интервью рассматриваются особенности религиозного опыта как воплощенного эмоционального переживания. Особое внимание уделено роли музыкального сопровождения и коллективных форм участия.

Ключевые слова: религиозный опыт, воплощенность, телесность, музыкальные практики, культурные пространства, постсекулярность.

Введение. В постсекулярной культуре религиозная жизнь всё чаще проявляется за пределами институциональных рамок и традиционных культовых пространств. Перенос религиозных практик в общественные и культурные контексты отражает тенденцию к диверсификации способов переживания сакрального [2; 60 – 67]. Культурный квартал «Брусницын» в Санкт-Петербурге представляет собой пример подобного пересечения религиозного и культурного: на его площадке регулярно проводятся богослужения, включающие элементы музыкального перформанса, такие как участие приходского бэнда, использование современной аппаратуры и визуального сопровождения.

В предложенном исследовании рассматривается религиозный опыт – процесс, в котором сакральное переживается, выражается и телесно воспроизводится в конкретных социальных и пространственных условиях. Цель исследования заключается в выявлении особенностей формирования и восприятия религиозного опыта в нетрадиционном для литургии пространстве культурного квартала «Брусницын».

Теоретические основания

Теоретической рамкой исследования выступили идеи В. Тернера о ритуале как процессе формирования общности и порождения символического порядка [1], а также подходы М. МакГуайр и Т. Твида, представляющие религиозный опыт как воплощенное (embodied) и контекстуальное переживание [4; 68 – 70]. В рамках этой теории религиозный опыт понимается как совокупность телесных, эмоциональных и когнитивных состояний, возникающих в ходе участия в религиозных действиях. Он не

сводится к вербальным или институциональным формам, но проявляется через движение, звук, атмосферу, материальные объекты и телесное присутствие. Такое понимание религиозного опыта позволяет анализировать богослужения в «Брусницыне» как гибридную форму ритуала, где сакральное конструируется не через отчужденность, а через интенсивное совместное проживание. В этой перспективе религиозное действие предстает как форма коллективной перформативности, объединяющей эстетические и духовные измерения.

Прикладной основой исследования послужили включенное наблюдение и неструктурированные интервью с участниками богослужений, проведенные в октябре 2025 года.

Результаты

Анализ собранного эмпирического материала показал, что для участников богослужение в «Брусницыне» представляет собой опыт открытого и эмоционально насыщенного участия. Пространство культурного квартала воспринимается ими как «промежуточное» – между храмом и концертной площадкой. Эта лиминальность способствует переосмыслению привычных религиозных форм [1; 169 – 170]. Участники ощущают свое присутствие как совместное действие, где значимость обряда определяется не столько догматическим содержанием, сколько эмоциональной и телесной вовлеченностью. Таким образом, сакральное в данном контексте переживается не как данное, а как порождаемое в процессе коллективного взаимодействия.

Ключевым элементом этого процесса является музыкальная коммуникация. Приходской бэнд создаёт ритмическую и эмоциональную структуру богослужения. Совместное пение, отличное по настроению от классического литургического, лёгкое движение в пространстве порождают эффект «коммунитас» – состояния непосредственного единства, описанного Тёрнером [1; 170 – 171]. Музыка в данном контексте выступает не только как эмоциональный фон, но и как форма религиозной перформативности, в которой участники одновременно создают и переживают сакральное. Это подтверждает тезис МакГуайр о том, что религия в современном обществе существует прежде всего как «практика тела», а не только как система убеждений [3; 59].

Таким образом, богослужение в «Брусницыне» можно рассматривать как пример постсекулярной практики, где сакральное интегрируется в культурные формы и коллективный опыт [1; 168 – 170]. Здесь религиозное не исчезает, а переопределяется, обретая новые способы проявления в звуке, движении и совместном действии.

Вместо заключения

Рассмотренный случай литургии в культурном квартале «Брусницын» открывает широкие перспективы для последующего изучения трансформации религиозного опыта в условиях культурной гибридности. Полученные данные позволяют очертить несколько направлений, значимых как для антропологии религии, так и для смежных дисциплин – социологии, культурологии и исследований звука.

Во-первых, перспективным видится сравнительный анализ религиозных практик в иных культурных кластерах Санкт-Петербурга, Москвы и других крупных городов России. Подобное исследование позволит определить, в какой степени опыт богослужений в «Брусницыне» уникален, а в какой – отражает общую тенденцию формирования «новых сакральных пространств». Сравнение может включать анализ архитектурной адаптации, способов музыкальной интеграции и моделей вовлечения аудитории.

Во-вторых, целесообразно развитие аффективно-антропологического подхода к исследованию религиозного опыта. Дальнейшее изучение того, как участники переживают эмоции, телесные реакции и атмосферу ритуала, позволит глубже понять механизмы формирования религиозного чувства и социального единства [5; 6-10]. Применение методов аудиовизуальной этнографии могло бы выявить динамику ритуального звучания – то, как музыкальные структуры воздействуют на коллективные состояния.

В-третьих, интересным кажется сравнением различных музыкальных форм в богослужении. Участие приходского бэнда дает возможность рассматривать музыку как инструмент сакрализации, эмоциональной регуляции и построения общности. В перспективе возможно проведение анализа музыкальных структур не только в подобных альтернативных пространствах, но и в классических храмах, задействующих органы и струнные инструменты.

1. *Тернер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.*
2. *Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.*
3. *McGuire M. B. Religion: The Social Context. – Wadsworth Publishing Company, 1997. – 400 p.*
4. *Tweed T. Crossing and Dwelling: A Theory of Religion. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. – 278 p.*
5. *Johnson, T. L., Rudd, J., Neuendorf, K., & Jian, G. (2010). Worship styles, music and social identity: A communication study. Journal of Religion & Communication, 33(1), p. 144-174.*

К АНТРОПОЛОГИИ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Куропятник Марина Степановна
(СПбГУ)

Создание нового культурного нарратива современности происходит в условиях «возвращения» таких социальных институтов как национальное государство, семья, сообщество, представляемых в дискурсе как стабильных, традиционных и эмоционально насыщенных. Различные, в том числе альтернативные версии культурных нарративов «укореняются» в национальных контекстах, в некоторой степени оспаривая идеи и тенденции, определившие понимание глобализации как культурного контекста. При этом концептуализация культурного разнообразия вграницах признаваемого своим и внешними контекстами, следуя логике дуальности, существенно различается, что поддерживает тенденции индигенизации культурных форм, знания, а также рост популярности индигенных методологий.

В этих условиях понятие культуры сопрягается не только с социальной интеграцией или духовной жизнью общества, но и привносится в сферы разнообразия, родства. В социальном дискурсе новое качество разнообразия представлено как суперразнообразие (С. Вертовек) и культура разнообразия (Р. Запата-Барреро) – феномены, не сводимые к традиционным моделям сосуществования этнических групп в границах общества (в том числе к формуле мультикультурного сосуществования). Культура разнообразия формируется в процессе социализации и обучения, а также как результат взаимодействия людей с различными культурными основаниями, приобретения и постоянной переоценке ими опыта межкультурных контактов. В сфере переосмысления культурного разнообразия и управления им обозначились разнонаправленные тенденции,

формируемые на основе стратегий поддержания культурных различий и постулирование «инковости», сопрягаемой с определенными народами, регионами или странами, с одной стороны, а также стратегий развития интеркультурного диалога, культурных инноваций и артикуляция общности людей в границах национальных обществ (например, России) или наднациональных социокультурных пространств, – с другой. Новое качество разнообразия больше не исчерпывается такими традиционными его измерениями как страна происхождения, этничность или религиозная принадлежность, а инкапсулируется в такие категории как культурная идентичность или культурная принадлежность. Важнейшим измерением и контекстом формирования культурной идентичности становится национальная история. Таким образом, речь идет не только о формировании новой концептуальной карты исследования современности, но и эпистемологической перспективы, предполагающей преодоление эссенциалистского взгляда на культурное разнообразие, с одной стороны, и индигенизацию – с другой.

ПРОИЗВОДСТВО «КУЛЬТУРЫ»: ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВЫСТАВОЧНОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Михайлова Любовь Михайловна
(Государственный Эрмитаж)

Современный музей, в особенности музей универсального типа, является ключевым дискурсивным пространством, где формируются и пересматриваются культурные значения. Центральным объектом этого конструирования является сама «Культура», обретающая статус целостного и ценностно нагруженного концепта. Настоящее исследование ставит своей целью раскрыть механизмы, с помощью которых временные выставки Государственного Эрмитажа конструируют и легитимируют специфический дискурс «Культуры» – гармонизированной, деполитизированной и упакованной в форму «общечеловеческого достояния». Анализ этого процесса позволяет выявить и проанализировать ценностные и идеологические предпосылки, лежащие в основе деятельности одного из ключевых культурных институтов страны.

Исследование строится на междисциплинарном подходе, интегрирующем инструментарий критической социологии и социальной антропологии. В фокусе внимания находятся механизмы институционального продуцирования культурных значений и их закрепления в публичном пространстве.

Аналитический инструментарий включает методы, позволяющие рассматривать музейные репрезентации как сложно организованные семиотические системы. Особое внимание уделяется процедурам концептуализации культурного наследия и стратегиям формирования коллективных представлений о ценности тех или иных его форм.

Исследовательская оптика направлена на выявление латентных отношений, структурирующих музейное пространство, где переплетаются вопросы аутентичности, авторитетности интерпретаций и динамики культурного канона. Анализ четырех выставочных проектов Эрмитажа, посвященных разным культурным ареалам (русскому, восточному, античному, западноевропейскому), позволил выявить некоторые универсальные стратегии конструирования «Культуры».

Проанализированные выставки («Приключения барона Мюнхгаузена в России», «"Твердыня пламенная". К 150-летию со дня рождения Н. К. Рериха», «"…Посмотри в

глаза чудовищ…"», «ARS VIVENDI. Франс Снейдерс») демонстрировали устойчивую тенденцию к представлению своих объектов как части единой, общечеловеческой «мировой культуры». Русская культура представала неотъемлемым и значимым вкладом в этот глобальный проект, восточная – его «духовной» составляющей, античная – «классическим каноном», а западноевропейская – «академическим фундаментом». Конфликтные, маргинальные или альтернативные нарративы вытеснялись в пользу создания целостного, эстетически безупречного образа.

Одним из ключевых механизмов является стратегия деполитизации. Потенциально проблемные контексты сглаживались, на первый план выдвигалось сугубо эстетическое или общефилософское измерение. Культура тем самым очищалась от следов власти и неравенства, превращаясь в «безопасный» объект для созерцания.

Формируя дискурс «мировой культуры», музей одновременно выстраивает и ее скрытую иерархию, где Античность, к примеру, позиционируется как универсальный код для рефлексии о вечном, а Восток – как хранитель вневременной духовности. Эта классификация, будучи представленной как объективная, на деле является продуктом дискурсивных практик, отражающих сложившееся в западной традиции распределение символической власти.

Анализ выставочных практик (пространственное зонирование, подача текстов, логика маршрута) показал, что дискурс «Культуры» материально встраивается в опыт посетителя. «Нейтральные» этикетки, определенная последовательность залов, дизайн выставочного пространства программируют восприятие, направляя его в русло заранее заданной гармонизирующей концепции. Музей не просто рассказывает о культуре, он производит специфическое переживание культуры как упорядоченного и лишенного внутренних противоречий универсума.

Проведенный анализ позволяет рассматривать временные выставки музея в качестве ключевого контекста формирования дискурса о «Культуре». В рамках этого дискурса прослеживаются тенденции к универсализации ценностей, акцентированию эстетического измерения и минимизации политических контекстов, что способствует созданию целостного и гармонизированного образа культурного наследия. Исследование демонстрирует, что музейная репрезентация связана не только с отражением существующего культурного многообразия, но и с активным конструированием его определенных моделей. Предлагаемая модель, среди прочего, может рассматриваться как способ позиционирования национальной культурной традиции в глобальном контексте.

Таким образом, выставочная практика предстает как сложная социальная практика, в рамках которой происходит осмысление и категоризация культурных явлений. Этот процесс осуществляется в соответствии с логикой, обусловленной как академическими традициями, так и общей институциональной стратегией музея.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Никишина Елена Николаевна
(Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

За последние двадцать лет появилось множество эмпирических исследований, зафиксировавших роль культуры (ценностей и поведенческих установок, распространенных в обществе и медленно меняющихся во времени) и когнитивных

искажений в поведении людей [Alesina, Giuliano, 2015; Kahneman, 2011]. Большинство работ в области социокультурной экономики концентрируется вокруг эффектов культуры на показатели эффективности, инновационности и т.д. [Gorodnichenko, Roland, 2017]. В поведенческой экономике – вокруг описания проявлений и последствий конкретных аномалий – будь то смещение к настоящему, избегание потерь, мотивированные суждения и др. [Truc, 2018]. В то же время представляется перспективным синтез наработок поведенческой и социокультурной экономики для повышения предсказательной силы теории.

Цель данного исследования – описать возможности интеграции социокультурной и поведенческой экономики на базе предпосылки об ограниченной рациональности человека.

Основополагающей точкой для пересмотра модели человека в экономике и развития новых научных школ (в т.ч. институциональной и поведенческой) стали работы Г. Саймона [Simon, 1978]. Он предложил концепцию ограниченной рациональности, предполагающую, что человек в силу ограниченных когнитивных способностей и ограниченности внимания подменяет критерий максимизации на критерий удовлетворительности

В настоящее время можно говорить о существовании двух подходов к развитию концепции ограниченной рациональности в поведенческих исследованиях [Капелюшников, 2018]. Первый подход – ***подход представителей новой школы поведенческой экономики*** (или исследовательской программы когнитивных искажений и эвристик (the bias and heuristics program), яркими представителями которых являются Д. Канеман, А. Тверски, Р. Талер, К. Камерер, М. Рэбин и др. – связан с описанием когнитивных искажений, приводящих к отклонениям от модели рациональности и втягиванием – насколько это позволяет экономический инструментарий – в экономический анализ. В рамках данного подхода в современных исследованиях наблюдаются два разнонаправленных тренда. Первый связан с открытием и описанием все новых поведенческих аномалий, демонстрирующих отклонения от концепции рациональности (см., например, Dogerlioglu-Demir, Koçaş, Cavdar Aksoy, 2023), которые позволяют точнее объяснять наблюдаемые особенности поведения людей. Второй тренд связан с попыткой систематизировать и сгруппировать поведенческие аномалии в операциональные и взаимосвязанные группы на основе теории [Dellavigna, 2009, Иванов, Маркова, Никишина, 2024] или эмпирики [Stango, Zinman, 2023; Chapman et al., 2023].

Второй подход – **программа «быстрых и доступных эвристик» (fast and frugal heuristics)**, развиваемый Г. Гигеренцером и его коллегами, предлагает иную трактовку эвристик. Они рассматриваются не как источник ошибок, а как эффективный адаптивный инструментарий, который позволяет принимать достаточно хорошие решения в условиях неопределенности и дефицита времени. В развитие концепции ограниченной рациональности Г. Гигеренцер с коллегами вводят концепции экологической и социальной рациональности [Gigerenzer, 2002]. Концепция экологической рациональности предполагает рациональным то поведение, что позволяет достичь успеха в конкретной среде (в т.ч. институциональной). Социальная рациональность (как часть экологической рациональности) позволяет объяснить поведение человека в соответствии с принятыми в обществе нормами честности, справедливости (неформальными институтами).

Если говорить о совместном воздействии культуры и когнитивных искажений, то здесь – в зависимости от применяемого подхода – возможны два варианта.

В рамках исследовательской программы когнитивных искажений и эвристик можно ожидать, что культура за счет воздействия на Систему 2 [Stanovich, West, 200] и

влияния на систему мышления [Ma-Kellams, 2020] влияет на выраженность тех или иных когнитивных искажений. При рассмотрении исследовательской программы быстрых и доступных эвристик роль культуры описать еще проще. С точки зрения экологической рациональности культура является частью институциональной среды, к которой адаптируются когнитивные стратегии людей. И в этом плане эффективность эвристик будет зависеть от их соответствия формальным и неформальным институтам.

Все вместе это означает, что вне зависимости от применяемого подхода можно ожидать наличие связей между отдельными характеристиками культуры и когнитивными искажениями. Причем культурные характеристики могут как усиливать, так и сдерживать проявления когнитивных аномалий [Wang et al., 2017; Bastian Breitmayer et al., 2019; Luria et al., 2015 и др.].

В таблице 1 представлен фрагмент обобщающей таблицы со связями между когнитивными искажениями и социокультурными факторами, выявленными в литературе.

Таблица 1. Связи между когнитивными искажениями и социокультурными факторами, выявленными в литературе

		Индивидуализм (vs коллективизм)	**Высокая (vs низкая) дистанция власти**	**Маскулинность (vs феминность)**	**Высокое (vs низкое) избегание неопределенности**	**Долгосрочная (vs краткосрочная) ориентация**	**Ограничения (vs потворство желаниям)**
Нестандартные предпочтения	**Избегание потерь**	Положительная связь [Wang et al., 2017], Отрицательная связь с несклонностью к риску в случае выигрышей и склонностью к риску в случае проигрышей Rieger et al., 2011]	Положительная связь [Wang et al., 2017]	Положительная [Wang et al., 2017]	Положительная связь с несклонностью к риску в случае выигрышей и склонностью к риску в случае проигрышей Rieger et al., 2011] Неустойчивая положительная связь [Wang et al., 2017	Отрицательная связь с эффектом диспозиции [Bastian Breitmayer et al., 2019]	Отрицательная связь с эффектом диспозиции [Bastian Breitmayer et al., 2019]
	Смещение к настоящему	Отрицательная [Wang et al., 2016]			Положительная Wang et al., 2016]	Отрицательная [Wang et al., 2016]	
	Социальные предпочтения	Положительная связь [Luria et al., 2015]	Отрицательная связь [Luria et al., 2015]		Отрицательная [Luria et al., 2015]]	Отрицательная [Luria et al., 2015]]	

Источник: составлено автором на основе обзора

Появление исследований, подтверждающих связь между отдельными культурными характеристиками и проявлением когнитивных искажений – с одной стороны, свидетельствует о перспективности интеграции поведенческой и социокультурной экономики. С другой стороны – подчеркивает важность одновременного учета поведенческих аномалий и социокультурных особенностей (демпфирующих или, наоборот, усиливающих их) в социально-экономической политике (например, при стимулировании финансово-грамотного поведения) и проектировании институтов и институциональных изменений.

1. *Alesina, A., & Giuliano, P. (2015). Culture and institutions. Journal of economic literature, 53(4), 898-944*
2. *Breitmayer, B., Hasso, T., & Pelster, M. (2019). Culture and the disposition effect. Economics Letters, 184, 108653.*
3. *Chapman, J., Dean, M., Ortoleva, P., Snowberg, E., & Camerer, C. (2023). Econographics. Journal of Political Economy Microeconomics, 1(1), 115-161.*
4. *DellaVigna, S. (2009). Psychology and economics: Evidence from the field. Journal of Economic literature, 47(2), 315-372.*
5. *Gigerenzer, G., & Selten, R. (Eds.). (2002). Bounded rationality: The adaptive toolbox. MIT press.*
6. *Gorodnichenko, Y., & Roland, G. (2017). Culture, institutions, and the wealth of nations. Review of Economics and Statistics, 99(3), 402-416.*
7. *Henrich, J., Boyd, R., Bowles, S., Camerer, C., Fehr, E., & Gintis, H. (2005). "Economic man" in cross-cultural perspective: Behavioral experiments in 15 small-scale societies. Behavioral and brain sciences, 28(6), 795-815.*
8. *Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux.*
9. *Luria, G., Cnaan, R. A., & Boehm, A. (2015). National culture and prosocial behaviors: Results from 66 countries. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, 44(5), 1041-1065.*
10. *Ma-Kellams, C. (2020). Cultural variation and similarities in cognitive thinking styles versus judgment biases: A review of environmental factors and evolutionary forces. Review of General Psychology, 24(3), 238-253.*
11. *Simon, H. A. (1978). Rationality as process and as product of thought. The American economic review, 68(2), 1-16.*
12. *Stango, V., & Zinman, J. (2023). We are all behavioural, more, or less: A taxonomy of consumer decision-making. The Review of Economic Studies, 90(3), 1470-1498.*
13. *Stanovich, K. E., West, R. F., & Alder, J. E. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate?-Open Peer Commentary-Three fallacies. Behavioral and Brain Sciences, 23(5), 665-665.*
14. *Truc, A. (2018). Is 'new'behavioral economics 'mainstream'?. Journal of Economic Methodology, 25(1), 83-104.*
15. *Wang, M., Rieger, M. O., & Hens, T. (2016). How time preferences differ: Evidence from 53 countries. Journal of Economic Psychology, 52, 115-135.*
16. *Wang, M., Rieger, M. O., & Hens, T. (2017). The impact of culture on loss aversion. Journal of Behavioral Decision Making, 30(2), 270-281.*
17. *Капелюшников, Р. И. (2018). Поведенческая экономика: несколько комментариев о рациональности и иррациональности. Журнал экономической теории, 15(3), 359-376.*
18. *Никишина, Е. Н., Иванов, В. В., & Маркова, О. А. (2024). Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (3 (181)), 15-41.*

ЦИФРОВАЯ СРЕДА И ПОСТМОДЕРНИЗМ В КУЛЬТУРЕ

Орлова Ирина Борисовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Современная цифровая среда меняет культурный контекст. В культуре и, в частности, в историческом знании параллельно с цифровизацией происходит усиление постмодернистской стилистики. При помощи социально-технологических приемов формируются произвольные интерпретации событий прошлого. В онлайне конструируются исторические мифы, которые воспринимаются как реальность, срежиссированное историческое знание с измененными смыслами закрепляется в сознании пользователей.

Ключевые слова. Цифровизация, постмодернизм, историческое знание

Развитие цифровых технологий идет параллельно с усилением постмодернистской стилистики в культуре в целом, в литературе, в историческом знании, на котором мы

делаем акцент. Суть этого процесса можно охарактеризовать, выделив три главных содержательных момента:

– допустимость вариативности и множественности интерпретаций истории;

– сосуществование различных версий и трактовок событий, оценок исторических акторов;

– признание равнозначности интерпретаций истории, сделанных как профессиональными историками, так и любителями, журналистами, политиками, писателями, блогерами и интернет-пользователями.

Такой смысловой переворот в научном знании формировался постепенно. Его началом был возникший на стыке исторического, филологического и философского знания в 60 – 80 гг. XX в., «лингвистический поворот», задавший новый вектор в понимании реальности, изменивший смысловое отношение к языку. В развитие этого направления внесли свой вклад Фердинанд де Соссюр, Людвиг Витгенштейн, Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Эдвард Сепир. Акцент на смысловой структуре языка повлиял как на лингвистику, так и на социологию, культурную антропологию, философию, историю и другие области и направления социального знания. Можно сослаться на трактовки постструктуралистов, отрицавших стабильность существования каких-либо структур и считавших любые структуры находящимися в постоянном движении и пересборке. Поэтому анализировать, по их мнению, нужно игру интерпретаций.

Вот здесь и появляется понятие интерпретация. Радикальную версию этой идеи выразил Ролан Барт в работе, суть которой отражена в названии «Смерть автора» [1]. По мнению Барта, автор, написав текст, теряет свое и только свое право на трактовку его смыслового содержания. Текст начинает самостоятельную жизнь отдельно от автора, от его позиций и взглядов, его личного опыта, биографии, Текст сразу приобретает множество интерпретаций, толкований, переосмыслений. Исторические факты точно так же лишь интерпретация реальности, а не ее отражение.

В этот же смысловой контекст укладывается и работа «О грамматологии» Жака Деррида [3], в которой обоснован метод деконструкции, где языку также отводится основная роль, придающая явлению множественные и переменчивые смыслы. Солидарен с ними и Жан Бодрийяр, который в постмодернистской работе «Симулякры и симуляции» [2] пишет, что в эпоху гиперреальности идентичность становится симулякром – образом без оригинала, который конструируется через медиа, рекламу и потребление.

Из отечественных авторов нужно назвать семиотика, культуролога Ю. М. Лотмана [4]. В своих работах он рассматривал любой текст как многомерный семиотический объект, который предполагает множество толкований и интерпретаций.

Перечисленные авторы заложили основу утвердившегося впоследствии постмодернистского подхода в культуре, характерной особенностью которого стало признание равнозначности многовариантных интерпретаций текста.

Еще одна смысловая вариация представлена участниками постмодернистского направления в социальном знании – «нового историзма», сформировавшегося на стыке истории и литературы в 1980 годы в США. Идеолог направления Стивен Гринблатт. Среди идей «новых историков» мы выделяем один из аспектов: текстуальность истории и взаимосвязь исторической реальности и языка. Объектом исследования для них являются уже следующий этап: интерпретации интерпретаций, то есть «реинтерпретации» и их циркуляция. По их мнению, необходимо изучать и анализировать интерпретации текста с учетом меняющихся культурных, социальных отношений эпохи. В каждую эпоху, подчеркивают «новые историки», возникает иная трактовка прошлого, поскольку

актуальными становятся другие, значимые смыслы. Для них характерна та же идея равнозначности роли интерпретаторов любых уровней: как ученых, так и журналистов, писателей. Признается любое вкусовое толкование, произвольный подбор и комбинация исторических источников.

То, что репрезентациям, что естественно, сопутствуют искажения, упрощения, произвольные и вкусовые акценты, фальсификации, манипуляции и вымыслы, значения для них не имеет. По сути «новые историки» изучают не историю, а произвольные субъективные трактовки и толкования событий прошлого.

«Новые историки» уравнивают между собой все виды текстов, причем в любых формах: текстуальных, визуальных, художественных. Новый историзм, таким образом, это исследовательское направление демонстрирует еще больший отход от метанарратива, от макроисторизма, от поиска логики и закономерностей в историческом процессе. Это полностью соответствует видению постмодернистов, рассматривающих историю не как обусловленную причинно-следственными связями цепь событий, а как мозаику, сайт, набор разрозненных фрагментов, которые можно произвольно тасовать в зависимости от текущей конъюнктуры. Таким образом, провозглашенное Аристотелем стремление к поиску истины как цели познания – более целью не является.

Чтобы показать, как на практике реализуются отмеченные смысловые инновации, и как они влияют на различные сферы культуры, на литературу, на историческое знание, мы упомянем некоторые социально-технологические приемы и методы, используемым СМИ, интернет-проектами. В них «творцами» текста и интерпретаторами, как уже отмечалось, выступают уравненные в правах профессиональные специалисты, политические и общественные деятели, читатели, блогеры, пользователи.

Основным методом, применяемым в цифровой культуре в целом, является – интерактивность и вовлечение пользователя. В цифровой среде контент представлен в виде мультимодального набора, содержащего инфографику, подкасты, видеоролики с субтитрами, комментарии и др. Пользователь включается в интерактивное взаимодействие с текстом или изображением. Предложенная навигация по гипертексту дает свободу для выбора направления движения между смысловыми блоками. И пользователь самостоятельно интерпретирует, комментирует и дополняет текст. Тем самым, прежнее восприятие текста как цельного смыслового высказывания конкретного автора в цифровой культуре заменяется коллективным взаимодействием «соавторов», произвольно пересобирающих и перетолковывающих текст. В качестве примера сошлюсь на одно из многих интерактивных приложений – Delight Games, где читатель может влиять на развитие литературного сюжета, на судьбы и взаимоотношения героев, менять по своему усмотрению финал и т.д.

В приложениях, посвященных истории, компьютерных играх с историческим содержанием интерактивность и вовлечение в процесс особенно привлекают молодежь. В них можно «поиграть» в историю, принять на себя роль полководца, выбрать различные тактики ведения боя, от которых будет зависеть исход сражения. Можно изменять финал исторического события или судьбы его участников.

Популярные исторические онлайн-проекты, опираются прежде всего на эмоциональную реакцию пользователя, на чувственное восприятие героев и событий. Так один из проектов, посвященный русской революции 1917года, предлагает, например, почитать письма участников тех событий, поговорить с героями, «задать вопрос Распутину» или же «получить новогоднюю открытку из 1917 года».

Применяется яркая визуализация образов, фотографии и запоминающиеся комментарии к ним. Учитывается, что зрительные образы и звучащая речь гораздо сильнее,

чем печатное слово воздействуют на сознание. Визуальная внушаемость по сравнению с текстом дает уже готовые образы: не нужно самому ничего придумывать, размышлять, не нужно формировать свое суждение, оценку. Все уже дается в готовом виде.

В онлайне разработчики проектов конструируют миф, который воспринимается пользователями как реальность. Достоверные источники произвольно перемешиваются, комбинируются, и из них образуется калейдоскоп сюжетов, лиц, голосов, которыми как элементами игры можно манипулировать. При этом интернет-пользователь не замечает, что манипулируют его собственным сознанием, что в его голове формируется историческое знание, которое тщательно срежиссировано. Оно не позволяет спокойно поразмыслить, выстроить логические связи, поискать причины и следствия событий, понять мотивы действия исторических акторов, оценить масштаб явления и подумать о последствиях рассматриваемых событий

1. *Барт Р. Мифологии, М,2008 [Электронный ресурс], 351 с. Доступ: http://www.opentextnn.ru/man/?id=4694.*
2. *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция, перевод с фр. М. Постум,2015, 320 с.*
3. *Деррида Ж.О грамматологии. перевод с фр. М.Ad Marginem,2000, 512 с.*
4. *Лотман Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. Акад. проект: 2002.543 с.*

ЦИФРОВАЯ ИММЕРСИВНОСТЬ КАК ТРЕНД В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Панич Наталья Александровна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на современное культурное пространство и появление нового тренда – цифровой иммерсивности. Цифровая иммерсивность представлена как новый тренд, характеризующийся глубоким погружением в искусственно созданную среду и активным участием человека в культурных процессах. Проблематика исследования включает анализ вызовов, порождаемых развитием иммерсивных практик в культурном пространстве.

Ключевые слова: цифровизация культурного пространства, цифровая иммерсивность, партисипативность, коллаборативное творчество.

Под влиянием цифровизации все сферы жизнедеятельности современного общества претерпевают существенные трансформации. Культура не является исключением. Внедрение новых технологий порождает новые культурные практики, ведет к преобразованию форматов традиционных, а также вызывает диверсификацию культурного пространства [1; 10; 12 – 14]. Однако, как отмечают эксперты, цифровые изменения культурной подсистемы носят специфический характер, который обусловлен не только влиянием самих технологий, но и глубинными процессами, связанными с кардинальными сдвигами ценностно-смысловых оснований бытия современного человека и общества, которые происходят вследствие значительного ускорения самой жизни, ее постоянного обновления [2; 9; 11]. В этих условиях наряду с традиционной ценностью свободы особое место в системе ценностных ориентацией занимает возможность контролировать происходящее, что ведет как к постоянной ситуации «быть в курсе», так и к востребованности практик, которые позволяет современному человеку участвовать в

производстве социального [6]. Наряду с указанными трендами усиливается и потребность в новых ощущениях («эмоциональная перезагрузка), так как несмотря на быструю смену «картинки» на экране современной жизни человек испытывает эмоциональный дефицит, который обусловлен неудовлетворённостью базовых эмоциональных потребностей из-за снижения межличностных оффлайн-отношений, экзистенциональным вакуумом вследствие размывания и плюрализма ценностно-смысловых ориентиров. Также в условиях возрастающего риска и неопределенности, которые, по мнению исследователей [8] являются характерными чертами современного социума, возникает новая потребность – максимально попробовать все, что усиливает стремление к индивидуальному выбору и самореализации, вовлеченностью в сам процесс конструирования.

В этой связи трендом развития современного культурного пространства в условиях цифровизации становится цифровая иммерсивность. Данный термин в переводе с английского immersive, что означает «присутствие, погружение», часто используется для обозначения эффекта «погружения» при восприятии объектов. В условиях цифровизации иммерсивные практики познания окружающего мира становятся достаточно распространенными благодаря новым технологиям дополненной реальности. При этом следует отметить, что иммерсивность в культуре характеризуется не просто как возможность глубокого погружения в искусственно созданную среду. Акцент ставится на формировании нового опыта при вхождении в культурное пространство, когда его участник не только присутствует, но и является его активным субъектом, что позволяет создать чувство сопричастности к процессу творения и происходящему перфомансу, делает его частью художественного события [3; 5; 7].

Хотя, как указывают исследователи, истоки иммерсивности в культуре имеют уже определенную традицию [7], в условиях цифровых трансформаций данный тренд получил масштабное распространение в культурном пространстве современности, что порождает и введение в научный оборот соответствующих концептов: «иммерсивное искусство», «иммерсивный музей», «иммерсивный театр» и т.п. Так, под иммерсивным искусством Внедрение цифровых технологий способствует развитию новых форматов репрезентации культурных объектов, как, например, виртуальные выставки классических произведений искусства, интерактивные инсталляции с элементами дополненной реальности, цифровые реконструкции исторических событий и т.п.

По мнению А. В. Венковой, «…иммерсивное цифровое искусство стремится прежде всего к созданию эмоциональных реакций, форм нематериального опыта» [3, 653], что и востребовано, в первую очередь, современным потребителем культуры, который вместо традиционного противопоставления «арт-объект»-«зритель» получает эффект партисипативности, включенности в происходящее, что усиливает восприятие культурных объектов, стирает границы между реальным и вымышленным.

Безусловно, цифровая иммерсивность выступает актуальным для современного культурного пространства трендом. Однако, анализируя новые форматы культурного пространства и формируемые вследствие его трансформаций инновационные культурные практики, необходимо указать и на ряд вызовов, которые порождает развитие данного феномена. Во-первых, происходит изменения в системе отношений между создателем арт-объекта и его потребителем, что выражается в смене их ролей. Так, творец выступает уже не уникальным автором, а скорее куратором или менеджером интерактивного опыта, а потребитель (зритель) становится творческим актором. При этом, как справедливо отмечает А. Ю. Демшина, «…куратор оказывается не просто привратником, хранителем или проводником в мире искусства, а скорее манипулятором ценностями, играющим с культурными кодами, дизайнером моделей миров, которые могут быть похожи на

окружающий мир, а могут отличаться от него кардинально» [4, 32]. Наряду с этим возникает эффект коллаборативного творчества. Во-вторых, подобные трансформации ролей и статусов требуют нового осмысления результатов этого творчества, что ставит ряд этических вопросов и дилемм в отношении определения роли автора, статуса искусства в целом. В-третьих, как результат этих изменений возникает необходимость пересмотра правовых основ регулирования авторского права.

Таким образом, цифровая иммерсивность в развитии культурного пространства является крайне востребованным трендом вследствие трансформации ценностно-смысловых основ функционирования современного общества и человека, однако дальнейшее развитие этого феномена требует его междисциплинарного изучения для решения возникающих в связи с ним социальных, этических и правовых вызовов.

1. *Агин А. М. Технологии виртуальной реальности в современном интерактивном искусстве // Культура и искусство. 2024. №12. С. 30-46.*
2. *Атаян В. В. Ценностные основания глобального социокультурного изменения. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2022. 314 с*
3. *Венкова А. В. Цифровые иммерсивные среды в искусстве: новый антропологический регистр // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. №10. С. 649-653.*
4. *Демшина А. Ю. Кураторство и интернет: презентации искусства как трансляция культурных кодов // Вестник СПбГИК. 2022. № 3 (52). С. 31-38.*
5. *Громова О. М. Иммерсивность культурно-досуговой среды: от концепта-к практикам функционирования // Вестник культуры и искусств. 2023. № 3 (75). С. 36-48.*
6. *Катерный И. В. Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 13-34.*
7. *Киселёва Е. И. Иммерсивное искусство как Gesamtkunstwerk в современном музее: инструменты художников и кураторов // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. № 10. С. 715-727.*
8. *Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб: Наука, 2007.*
9. *Новикова А. А., Кирия И. В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 276-288.*
10. *Пономарев В. Д., Пожарская О. Б. Праздник 4.0: вызовы и прогнозы в условиях цифровизации культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 61. С. 198-204.*
11. *Попов Е. А. Цивилизация и культура: «центрация» ценностей // Социодинамика. 2023. № 1. С. 41-51.*
12. *Салтанович И. П. Глобально-локальные культурные взаимодействия в гиперсвязанном мире // «Technology and language»(Технологии в инфосфере). 2022. Т. 3. № 2. С. 162-177.*
13. *Gao Q., Woods O., Kong L. et al. Lived religion in a digital age: Technology, affect and the pervasive space-times of "new" religious praxis // Social and Cultural Geography. 2022. № 25 (1). С. 29-48.*
14. *Kristensen N. et al. Digitalization and culture. Impacts, practices, perceptions in nine European countries. 2022.*

МЫСЛИТЬ НЕАНТРОПОЦЕНТРИЧНО: БИОСЕМИОТИКА ЭДУАРДО КОНА

Тавровский Александр Владимирович
(СПбГУ)

В эпоху антропоцена, эпоху – сопровождающуюся глобальным экологическим кризисом [1], антропология как гуманитарная дисциплина сталкивается с новыми концептуальными, этическими и политическими вызовами. Многие из этих вызовов восходят к антропоцентризму, то есть широко распространенному среди антропологов представлению о том, что мир нелюдей – животных, растений, духов – является лишь проекцией мира изучаемых ими людей. Если это так, то можно ли преодолеть

антропоцентризм и описывать взаимодействие людей и нелюдей, не сводя последних к пассивным, лишенным голоса и агентности сущностям?

В современных социальных науках можно выделить два подхода к решению этого вопроса. Первый и наиболее известный – симметричная антропология Б. Латура и М. Каллона. Б. Латур и М. Каллон преодолевают социальный конструктивизм в области изучения науки и технологий (STS) и с помощью акторно-сетевой теории распределяют агентность между людьми и нелюдьми [2].

Второй подход связан с онтологическим поворотом в антропологии, который воплотился в четверице способов бытия в мире Филиппа Дескола [3] и понятии мультинатурализма Эдуарду Вивейруша де Кастру [4]. Обе концепции в той или иной степени вдохновлялись структурализмом К. Леви-Строса, в котором символическая модальность играет центральную роль в языке, а язык является моделью культуры. Но если только люди обладают этой модальностью, то как описывать их взаимодействия с нелюдьми, как придать последним агентность и способность мыслить?

Оригинальный ответ на этот вопрос предлагает американский антрополог Эдуардо Кон в своей книге «*Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*» [5]. Его книга стала результатом многолетнего полевого этнографического исследования, проведенного в одной из деревень народа *руна*, жителей эквадорской части Амазонии. Вдохновляясь этнографическим материалом, опираясь на семиотику Ч.С. Пирса, биосемиотику Т. Дикона и работы представителей онтологического поворота в философии и социальных науках, Э. Кон «утверждает, что антропологическое осмысление того, как люди мыслят с помощью «мыслящих лесов», может помочь нам разработать концептуальные инструменты, необходимые для переосмысления того, как мы, люди, можем жить в мире, который простирается за пределы нас самих» [6].

1. *McNeill J.R., Engelke P. (2014) The great acceleration: an environmental history of the Anthropocene since 1945. Cambridge, MA: The Belknap Press.*
2. *Латур Б. (2014) Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики.*
3. *Дескола Ф. (2012) По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение.*
4. *Кастру Э.В. де (2017) Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс.*
5. *Кон Э. (2018) Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс.*
6. *Kohn E. (2014) Toward an ethical practice in the Anthropocene. Hau: Journal of Ethnographic Theory, 4 (1): 459–464.*

О НЕКОТОРЫХ ПРАКТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОДИСКУРСОВ

Тимофеева Екатерина Владимировна
(Парижский католический институт)

В современных обществах в условиях сильного присутствия экодискурсов в разных контекстах и областях деятельности, от научного знания до национальной политики и международных организаций, в современных социальных науках все больше нарастает актуальность переосмысления традиционной дихотомии «природа-культура». Значимость такого пересмотра была выдвинута на первый план одним из наиболее известных современных французских антропологов, Филиппом Дескола, более двух десятилетий назад.

С начала XXI столетия, в ряде западных стран наблюдается быстрый рост междисциплинарных образовательных программ, посвященных политикам устойчивого развития, управлению климатическими изменениями, зеленому потреблению и социальной ответственности бизнеса. Устойчивое развитие все чаще становится центральным элементом экодискурсов, объединяя экологические, экономические и социальные аспекты условий жизни и деятельности современного человека. Для социальных наук, в частности для социологического и социально-антропологического знания, кризис окружающей среды становится еще одной глобальной проблемой, в которой эти дисциплины снова могут контекстуально продемонстрировать свой практический потенциал. Эта тенденция находит отражение в формировании новых исследовательских направлений: от новых ракурсов изучения городской среды до анализа повседневных практик зеленого потребления, а также взаимодействий между естественными науками, политическими институтами и международными организациями.

В условиях усиления экодискурсов социология и социальная антропология обладают прикладным потенциалом для изучения экологических практик и выстраивания диалога между различными «вовлеченными» сферами деятельности. В контексте переосмысления взаимоотношений современного западного человека с природой, можно вполне говорить о методологическом и концептуальном обновлении социальных наук.

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ В СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА: ОТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ К СО-ТВОРЦУ

Шишкина Евгения Владимировна
(СПбГУ)

Социальный дизайн, направленный на решение сложных проблем общества, переосмыслил человека, вывел его из плоскости объекта в плоскость субъекта действия. В 1970-х годах В. Папанек провозгласил: дизайнер несет моральную ответственность за последствия своей работы. Он обличал дизайн, создающий «бесполезные, небезопасные и громоздкие вещи» для богатых, в то время как реальные человеческие нужды оставались без внимания.

Социальный дизайн предлагает несколько новых образов человека.

Человек как со-творец: человек – эксперт собственного опыта. В процессе соучаствующего проектирования дизайнер не решает проблему за человека, а создает условия, в которых сообщество само находит и воплощает решение.

Человек как агент изменений. В этой парадигме человек рассматривается не как «проблема», а как активная сила. Социальный дизайн дает людям инструменты для проектирования собственного будущего (А. Аппадураи). Он создает «точки входа» (платформы, сервисы, тактические инструменты), которые позволяют обычным людям стать проводниками позитивных изменений.

При этом социальный дизайн рассматривает человека в контексте социальных, культурных и экономических связей, учитывает «невидимые» структуры (законы, политику, социальные нормы, культурные коды). Социальный дизайн становится практикой сборки коллективов. Дизайнер переключается с создания вещей на проектирование сложных систем, сервисов и новых организационных моделей. Продуктом социального дизайна становится не артефакт, а новые социальные связи, практики и модели поведения.

Социальный дизайн переместил человека из периферии дизайн-процесса в его центр, наделил статусом соавтора реальности. Самые устойчивые решения рождаются в процессе совместного поиска, где дизайн становится языком, на котором говорит и творит само сообщество. Сила социального дизайна в том, что он возвращает проектной деятельности человеческое измерение, видя в каждом из нас не просто пользователя, а созидателя общего будущего.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К СООБЩЕСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Щеглова Дарья Константиновна
(ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»)

Шахова Екатерина Владимировна
(ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»)

Тезисы подготовлены в рамках проекта РНФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024 – 2026 гг.)

Аннотация: Сравнительный анализ выявил конфессиональную специфику религиозного воспитания и моделей общинности в Сибири: от либеральных практик православных и буддистов до коммунитарности мусульман.

Ключевые слова: религиозность, сибирские регионы, религиозное воспитание, религиозная община, конфессии.

Сибирский регион России представляет собой уникальное поле для исследования религиозности, характеризующееся сложным переплетением традиционных конфессий, автохтонных духовных практик и секулярных идентичностей. Изучение специфики религиозного воспитания и моделей отношения к религиозному сообществу среди представителей различных конфессий требует учета факторов этнокультурного разнообразия, географической удаленности и особенностей постсоветской религиозной ревитализации [4, 58]. Классические теории секуляризации, предсказывавшие неизбежное угасание религии, оказываются недостаточными для описания сибирской реальности. Более релевантной представляется концепция «множественных модерностей» [1, 42], предполагающая вариативные траектории взаимодействия религии и модернизма. В Сибири это проявляется в параллельном сосуществовании институциализированных религий, неошаманизма как формы духовного поиска и «воображаемого религиозного поля» [8, 35] у неверующих, которые зачастую сохраняют связь с религиозной культурой как с элементом этнической идентичности.

В сибирском контексте православие выступает как доминирующий публичный институт. Религиозное воспитание часто носит характер «воцерковления» с акцентом на

литургической жизни и обрядовой практике [2, 405]. Однако в удаленных районах оно зачастую приобретает «катехизический» формат через воскресные школы и краткие курсы, будучи оторвано от ежедневной практики семьи [3, 27]. Отношение к приходской общине часто носит ситуационный характер – от «прихода-события» в крупных городах до формальной принадлежности в сельской местности, где церковь воспринимается как часть культурного ландшафта [6, 79]. Наряду с православием существует множество иных религий, которые не противоречат общим правилам и традициям, а зачастую привносят что-то новое друг в друга, показывая способность религии не только к диалогу, но и к трансформации под воздействием стремительно меняющихся условий. Вместе с тем это не свидетельствует о полном проникновении и растворении различных религий и верований, скорее это подтверждает идеи постсекулярности.

Исследование проводилось в пяти приграничных сибирских регионах: Республике Алтай, Алтайском крае, Республике Тыва, Республике Бурятия, Забайкальском крае (N=2819, 18 – 75 лет). На основании разнообразия этнического и конфессионального состава населения цель работы заключалась в определении особенностей религиозного воспитания и отношения к сообществу среди представителей разных вероисповеданий. Население было разделено на пять наиболее характерных для данных регионов групп в зависимости от конфессиональной принадлежности: православие, буддизм, шаманизм, ислам и не считающие себя верующими.

На основании самооценки религиозности определено, что преимущественно представители всех вероисповеданий считают себя религиозными, высоко религиозного населения больше всего (38,4 %) среди представителей ислама и буддизма (34,4 %), среди представителей шаманизма (28,5 %) и православия (22,4 %) высоко религиозного населения чуть меньше. Среди исследуемых конфессиональных групп небольшое количество нерелигиозного населения на основании самооценки, более всего среди православных (14,5 %) и шаманизме (10,3 %), менее в буддизме (9,2 %) и исламе (7,9 %). Неверующих ожидаемо в большинстве своем нерелигиозны (84,3 %). Такие самооценки собственной религиозности вероятно основаны на семейной модели воспитания. Более всего «очень религиозных» семей среди представителей ислама (23,7 %), при этом большинство представителей буддизма (63,5 %), шаманизма (60,1 %) и ислама (57,2 %) оценивают свои семьи как «умеренно религиозные», среди православных данной категории семей меньше (41,9 %), но выше, чем в других религиях «слабо религиозных семей». Среди неверующих более всего нерелигиозных семей (55,1 %), менее трети слабо религиозных семей (29,9 %). Религиозные предметы дома чаще имеются у православных (92,7 %), буддистов (81,8 %), шаманистов (81 %), реже у представителей ислама (54 %) и тех, кто не относит себя к верующим (48,7 %).

Однако о воспитании своих детей в религиозном ключе представители разных религий имеют разнообразное мнение. Для представителей ислама (30,7 %) чаще, чем для представителей буддизма (14,8 %), православия (11,2 %), шаманизма (10,7 %) важно воспитать детей в вере, чтобы они были верующими, а также чаще (21,3%) характерно считать важным, чтобы дети получили, наряду со светским, религиозное образование. В то время как представители православия (40,6 %), буддизма (40,1 %) шаманизма (36,9 %) все же чаще отмечают, чем представители ислама (28,7 %), что было бы неплохо, чтобы дети разбирались в вопросах веры, но делать что-то насильно и настаивать не будет. Население, относящее себя к православию (33,2 %), шаманизму (26,8 %), буддизму (24,9%) чаще считает, что вера – это дело каждого, дети сами должны решить, верить или нет, особенно ярко выражено данное мнение среди неверующих (42,7 %). Часто среди неверующих встречается мнение о том, что религиозное воспитание не важно (41,9 %),

в то время как среди шаманистов (7,1 %), православных (5,1 %), буддистов (5 %) и тем более представителей ислама (2,7 %) данное мнение встречает редко. Среди неверующего населения прослеживается сформированная и рефлексивная светская идентичность, основанная на ценностях личной автономии.

Наиболее высокая степень принадлежности к общине зафиксирована среди мусульман (48,7 %), что подтверждает тезис о коммунитарном характере ислама, реже у буддистов (33,8 %), шаманистов (26,3 %) и православных (21,6 %). При этом виды деятельности в религиозных общинах, которые осуществляет население, разнообразны. Для православия (75,6 %), буддистов (75,2 %) и шаманистов (69,2 %) в большинстве своем характерно участие в богослужениях, совместных молитвах, реже для представителей ислама (32,9 %). Также для православного населения, включенного в деятельность религиозной общины характерна благотворительная деятельность (63 %), помощь в строительстве, хозяйственных делах в церкви, храме (54 %), воспитание детей (51,7 %), помощь в просветительской деятельности (42,5 %). Для населения, относящего себя к буддизму и вхожего в религиозную общину, чаще характерно помощь в строительстве, хозяйственных делах в храме (59,8 %), благотворительность (53,2 %), воспитание детей (45,8 %). Для шаманистов также характерна благотворительность (59,3 %), помощь в строительстве и хозяйственных делах (57,6 %), вместе с тем для них характерны культурные встречи (44 %). Население, исповедующее ислам и относящее себя к религиозной общине, отличается от описанных выше групп, для них чаще характерна помощь в создании религиозного контента в социальных сетях, интернете (39,7 %), совместный досуг (25 %) и воспитание детей (22,1 %), данное отличие может быть связано с более молодым возрастом активных членов общины и необходимостью поддержания связей в условиях диаспоры.

Таким образом, определено, что в сибирских приграничных регионах конфессиональная принадлежность является структурирующим фактором, определяющим не только религиозную самоидентификацию, но и конкретные практики воспитания, а также модели интеграции в религиозное сообщество. Наблюдается противоречие между высокой декларируемой религиозностью и либеральными, неимперативными установками в сфере воспитания у православных, буддистов и шаманистов. Исламская община демонстрирует наибольшую сплоченность и ориентацию на целенаправленную трансляцию религиозной идентичности. Полученные данные свидетельствуют о том, что религиозность в Сибири носит сложный, плюралистический характер, где традиционные формы религиозности сосуществуют с современными индивидуалистическими установками и сетевыми практиками.

1. *Айзенштадт, Ш. Н. (2009). Множественные современности // Антология российско-американских социологических исследований. – С. 39-52.*
2. *Мчедлова М. М. Религиозное воспитание в современной России: конфессиональные особенности и социальные практики // Социологические исследования. 2021. № 8.*
3. *Пруцкова Е. В. Религиозная социализация в семье: межпоколенческий аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5.*
4. *Публичная религия в современной России / Под ред. К. Рунева, А. Золотова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2023.*
5. *Религия и российское многообразие / Отв. ред. С. Б. Филатов. М.: Летний сад, 2011.*
6. *Синелина Ю. Ю. Современная религиозность в России: тенденции и динамика. ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ. 2013. № 1. С 76-81.*
7. *Скворцов Н. Г. Религиозные общины как социальные сети: ресурсы и барьеры интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2.*
8. *Узланер Д. М. Конец религии? История теологии и будущее секулярного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2019. 240 с. Серия «Социальная теория». ISBN 978-5-7598- 1963-9*

ИЗМЕРЕНИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ МОЛОДЕЖИ В НАРОДНОМ СОВЕТЕ ХАРЛЕМ, ОЛЬГИН, КУБА

José Chacón Soria
(Университет Ольгина, Куба и Министерство труда и социального обеспечения.)

Ediltrudis Borjas Solares Sierra.
(Университет Ольгина, Куба и Министерство труда и социального обеспечения).)

Pedro Antonio Mariño Castellanos,
(Университет Ольгина, Куба и Кубинская социальная и трудовая обсерватория)

Angela Lilian Rodríguez Maden.
(Центр педагогических исследований Университета Ольгина, Куба)

Аннотация. Оценка социальной уязвимости молодёжи представляет интерес как для исследований в области социальной работы в сообществе, так и для преподавателей высших учебных заведений, специализирующихся на различных социальных и педагогических науках. Подтверждена необходимость целостного подхода, раскрывающего синергетический эффект, необходимый для интеграции в сообщество молодых людей с диагнозом социальной уязвимости. Данное исследование начинается с рассмотрения взаимосвязи между процессами социальной уязвимости и интеграции в сообщество. Его основным результатом является необходимость изучения этого феномена в двух разделах. Первый раздел позволяет классифицировать степень уязвимости по трём уровням: низкий, средний и высокий. Второй раздел классифицирует степень социальной инклюзии по подуровням: минимальный, хороший и заметный. Используется смешанная методология с использованием статистических выражений (нормальное и гауссовское распределение). Предварительные результаты показывают систему уравнений, позволяющую определить индексы степени уязвимости молодёжи (YVDI) и индекс уровня социальной инклюзии (SLII) для этой возрастной группы. Индикаторы для обоих разделов определены для изучения работы Народного совета Гарлема (муниципалитет Ольгин, Куба) с выборкой молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет. Это одна из причин, определяющих их уязвимость и интеграцию в общество. Для каждого человека применяются стратегии индивидуального подхода.

Исследование проводится в рамках совместной деятельности с Университетом Ольгина по подготовке и научному наставничеству магистрантов, специалистов из Управления труда и социального обеспечения города Ольгин и Группы ANTENA, Социально-трудовой обсерватории Кубы (Министерство труда и социального обеспечения).

Концепция уязвимости изучалась в самых разных областях знаний, включая антропологию, социологию, политическую экологию, науки о Земле и инженерию. Эти подходы позволяют нам принять идеи Naxhelli Ruiz River (2012), которая утверждает, что уязвимость определяется по-разному и основывается на различных элементах, включая риск, стресс, восприимчивость, адаптацию, устойчивость, чувствительность и стратегии преодоления стресса.

Уязвимость была введена в сферу исследований человека как характеристика, приписываемая определенным категориям населения, считающимся подверженными наибольшему риску, включая незащищенные или институционализированные группы людей (Daniela Milagros Palacio González, Ana Margarita O´Reilly Sotolongo, Luis Javier Machado Pérez, Juan Antonio Palacio González-2023). Она всегда определялась в отношении какого-либо типа угрозы, будь то физической или экологической, например, засухи, землетрясения, наводнения или болезни. Или угроз, возникающих в результате самой деятельности человека, например, загрязнения, несчастных случаев, голода, безработицы. Единица анализа (индивид, домохозяйство или социальная группа) определяется как уязвимая к конкретной угрозе или уязвимая к потерям, которые могут включать здоровье, доход, основные возможности и т. д. ЭКЛАК определяет социальную уязвимость как совокупность: 1) событий, процессов или характеристик, которые влекут за собой потенциальные препятствия для осуществления различных видов прав граждан или достижения общественных, домохозяйственных и индивидуальных проектов; 2) неспособности реагировать на материализацию этих рисков; и 3) неспособности адаптироваться к последствиям материализации этих рисков. Это сложная социальная ситуация, которая не ограничивается нехваткой экономических ресурсов, а затрагивает такие широкие аспекты, как само формирование идентичности (Gabriela Aisenson, Leandro Legaspi, Viviana Valenzuela, Karina S. Bailac, Renée Czemiuk, Marcela Vidondo, Natalia Virgili, Lourdes Moulia, Mariana De Marco, M. Noelia Gómez González-2015). По мнению Fernando López Noguero, María Luisa Sarrate Capdevila, María Paz Lebrero Baena (2016), уязвимость затрагивает как социальные, так и экономические институты и, в свою очередь, влияет на отдельных людей, семьи и общество.

Систематизация рассмотренных специализированных источников позволяет определить ряд теоретических измерений и показателей, которые подходят к измерению этого явления с критической точки зрения. То есть они связаны с неблагоприятными факторами, накопленными домохозяйствами и влияющими на способность справляться с социальными и стихийными бедствиями или на возможности восстановления после неблагоприятных чрезвычайных ситуаций (Williams Gilberto Jiménez-García, Liliana Manzano-Chávez, Alejandra Mohor Bellalta-2021). Необходимость определения показателей, учитывающих инклюзивность молодежи, на основе уровней ее уязвимости очевидна.

Цель

Определить методические инструменты для расчета показателей, позволяющих измерять уровень индивидуальной социальной инклюзии на основе степени уязвимости каждого молодого человека в возрасте от 15 до 30 лет.

Методы

Используемая методология следует смешанной исследовательской стратегии. Различные методы применяются как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях.

Индикатор – это инструмент, построенный на основе набора числовых значений, порядковых или номинальных категорий, который синтезирует важные аспекты явления для аналитических целей (Simone Cecchini, 2005). Благодаря расчету и применению индекса социальной уязвимости (SVI) и индекса социальной инклюзии молодежи (YSII) можно выявить различия в степени социальной инклюзии молодых людей, находящихся в уязвимом положении, и улучшения в ее социальной инклюзии с течением времени. Для этого степень уязвимости классифицируется по трем уровням: низкий, средний и высокий. Второй уровень классифицирует уровень социальной инклюзии по подуровням: минимальный, хороший и заметный. Выбранные переменные соответствуют категориям

людей на первом этапе. Они были представлены гауссовыми распределениями для индикаторов и нормальными распределениями для измерений.

Для определения качества методического инструментария расчета исследуемых показателей был рассчитан коэффициент Кронбаха (α) (Cronbach (α)), основное выражение которого имеет вид: $\alpha = (k/(k-1))(1-(Sum(S_i^2)/S_t^2))$

Где; k – количество индикаторов, S_i^2 дисперсия каждого показателя St^2 общая дисперсия оценок по каждому показателю.

Результаты

Кубинский политический и социальный проект ставит целью развития устранение классового неравенства и полную социальную инклюзию (Mayra Espina Prieto, Dayma Echevarría León-2020). Таким образом, важнейшей осью оценки характера происходящих изменений является оценка их регрессивного или прогрессивного характера с точки зрения прогресса на пути к инклюзивности и социальному равенству.

Текущая социально-экономическая реальность, представленная в ситуациях уязвимости и неравенства, выявила типы исключения, которые не рассматривались в различных исследованиях, такие как финансовая и социальная изоляция, учитывая, что эти концепции обычно определялись, среди прочего, как бедность, нищета или маргинализация (Padilla Sánchez, A.M.; Sanchis Palacio, J.R.-2021). Из этого можно сделать вывод, что на основе пары «исключение-социальная инклюзия» можно определить индикаторы, позволяющие измерить уровень индивидуальной социальной инклюзии (таблица 2) молодых людей, находящихся в ситуациях разной степени индивидуальной социальной уязвимости (таблица 1).

В таблице № 1 приведены измерения, индикаторы и их определения, а также критерии измерения для классификации степени индивидуальной социальной уязвимости молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет.

Количественная оценка показателей каждого измерения получена путем опросов и интервью с молодыми людьми, участвующими в исследовании, согласно таблице №1.

Показатели степени уязвимости (IGV_{ik}) и индекса уязвимости (IGV) определены следующим образом:

$$IGV_{ik} = \frac{1}{\sigma_i\sqrt{2\pi}} \exp\left(-\frac{1}{2}\left(\frac{IGVP_{ik}}{\sigma_i}\right)^2\right)$$

$$\sigma_i = IGVP_{maxik} - IGVP_{minik}$$

где:

(IGV_{ik}) → индикатор i-го уровня уязвимости для k-го измерения;

$IGVP_{ik}$ → является индикатором i-го уровня личной уязвимости для k-го измерения;

σ_{ik} → разница между максимальным и минимальным значениями i-го показателя уровня личной уязвимости по k-му измерению.

$$IGV_{lk} = \frac{IGV^{ik}}{\sum_{iN=e1} IGVik}$$

$$IGV_{jk} = N_l IGV_{lk}(1 - IGV_{lk})^{(Nl-1)}$$

$$IGV_k = \sum_{j=1}^{N_j} IGV_{jk}$$

$$IGV = \sum_{k=1}^{N_k} IGV_k$$

Обратите внимание, что счётчики i, l и j равны, то есть i=l=j, и во всех случаях представляют каждый индивидуальный показатель k-го измерения. При этом N_l=N_j – это общее количество индивидуальных показателей для каждого k-го измерения. N_k – общее количество k-х измерений.

В таблице № 2 определены измерения, индикаторы и критерии измерения для классификации индивидуальной социальной инклюзии молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет.

Количественная оценка показателей каждого измерения осуществляется посредством опросов и интервью с вовлеченной молодежью, на основе которых применяются следующие выражения: показатели уровня социальной инклюзии ($INIS_{ik}$) индивидуальные или личные и индекс социальной инклюзии (INIS) определяются следующим образом:

$$INIS_{ik} = \frac{1}{\sigma_i \sqrt{2\pi}} \exp\left(-\frac{1}{2}\left(\frac{INISP_{ik}}{\sigma_i}\right)\right)$$

$$\sigma_i = IGVP_{maxik} - IGVP_{minik}$$

где:

$INIS_{ik} \rightarrow$ показатель i − го уровня социальной инклюзии по k − му измерению;

$INISP_{ik} \rightarrow$показатель i-го уровня личной социальной инклюзии по k-му измерению;

$\sigma_{ik} \rightarrow$ Разница между максимальным и минимальным значениями i-го показателя уровня личной социальной инклюзии по k-му измерению.

$$INIS_{ik} = \frac{INIS_{ik}}{\sum_{i=1}^{N_i} INIS_{ik}}$$

$$INIS_{jk} = N_l INIS_{lk}(1 - INIS_{lk})^{(N_l - 1)}$$

$$INIS_k = \sum_{j=1}^{N_j} INIS_{jk}$$

$$INIS = \sum_{k=1}^{N_k} INIS_k$$

Выводы.

Существует теоретическая основа по теме социальной уязвимости, позволяющая исследовать взаимосвязь между уязвимостью и социальной инклюзией. С этой целью мы предлагаем изучать этот феномен в двух разделах: первый – классифицировать степень уязвимости по трем уровням: высокий, средний и низкий. Второй – нормализовать степень социальной инклюзии по подуровням: приемлемый, хороший и заметный. Используется смешанная методология с использованием статистических выражений

(нормальное и гауссовское). Предварительные результаты представляют собой систему уравнений, позволяющую определить индексы степени уязвимости молодежи (YVDI) и индекс уровня социальной инклюзии (INIS) для каждого представителя этой возрастной группы. Для обоих разделов определены индикаторы для развития социальной работы в Народном совете Гарлема, муниципалитет Ольгин, Куба.

1. *Padilla Sánchez, A.M.; Sanchis Palacio, J.R. (2021) La relación causa-efecto entre exclusión/inclusión social y financiera. Una aproximación teórica. REVESCO. Revista de Estudios Cooperativos, vol. 138, e69168. https://dx.doi.org/10.5209/reve.69168.*
2. *Maya Evans y Mónica Pinilla-Roncancio, (https://mppn.org/es/) MPPN. Dimensiones (https://mppn.org/es/category/articulos-dimensiones/) Honduras utiliza un Índice de Vulnerabilidad Multidimensional para focalización de políticas públicas.*
3. *Naxhelli Ruiz River, La definición y medición de la vulnerabilidad social. Un enfoque normativo, Investigaciones Geográficas, Boletín del Instituto de Geografía, UNAM ISSN 0188-4611, Núm. 77, 2012, pp. 63-74*
4. *Fernando López Noguero, María Luisa Sarrate Capdevila, María Paz Lebrero Baena, El ocio de los jóvenes en situación de vulnerabilidad. Análisis discursivo, revista española de pedagogía año LXXIV, nº 263, enero-abril 2016, 127-145*
5. *Gabriela Aisenson, Leandro Legaspi, Viviana Valenzuela, Karina S. Bailac, Renée Czemiuk, Marcela Vidondo, Natalia Virgili, Lourdes Moulia, Mariana De Marco, M. Noelia Gómez González; Temporalidad y configuración subjetiva, reflexiones acerca de los proyectos de vida de jóvenes en situación de alta vulnerabilidad social; Facultad de Psicología UBA, Secretaría de investigaciones, anuario de investigaciones, volumen XXII*
6. *Williams Gilberto Jiménez-García, Liliana Manzano-Chávez,*
7. *Alejandra Mohor Bellalta; Medición de la vulnerabilidad social: propuesta de un índice para el estudio de barrios vulnerables a la violencia en América Latina; ISSN 2013-9004 (digital); ISSN 0210-2862 Papers 2021, 106/3 https://doi.org/10.5565/rev/papers.2850*
8. *Aldana Mastrandrea – Guillermo Ángeles, Aplicación de un índice de vulnerabilidad social. el caso de la ciudad de bahía blanca, provincia de buenos aires (argentina), Geografía y Sistemas de Información Geográfica (GEOSIG), Luján, Año 12, Número 16, 2020, Sección II: Metodología. pp. 1-28 http://www.revistageosig.wixsite.com/geosig (ISSN 1852-8031)*
9. *Iraide Fernández Aragón, Oier Ochoa de Aspuru Gulin, Irune Ruiz Ciarreta (2021). Análisis de la desigualdad urbana. Propuesta de un Índice Sintético de Vulnerabilidad Urbana Integral (ISVUI) en Bilbao. ACE: Architecture, City and Environment, 15(45), 9520. DOI: http://dx.doi.org/10.5821/ace.15.45.9520*
10. *Mayra Espina Prieto, Dayma Echevarría León; El cuadro socio-estructural emergente de la 'actualización' en cuba: retos a la equidad social; Pluto Jornals International Jornal of Cuban Studies, Summer 2020, Vol. 12, No. 1 pp. 29-52*
11. *Simone Cecchini, Indicadores sociales en América Latina y el Caribe, estudios estadísticos y prospectivos, serie 34 CEPAL Santiago de Chile, septiembre del 2005*
12. *Daniela Milagros Palacio González, Ana Margarita O´Reilly Sotolongo, Luis Javier Machado Pérez, Juan Antonio Palacio González; La inclusión social desde la práctica de la actividad físico-deportiva recreativa; GADE. REV. CIENT. VOL. 3 NÚM. 5 (2023) ISSN: 2745-2891*
13. *Daniela Milagros Palacio González, Ana Margarita O´Reilly Sotolongo, Luis Javier Machado Pérez, Juan Antonio Palacio González; La inclusión social desde la práctica de la actividad físico-deportiva recreativa; GADE. REV. CIENT. VOL. 3 NÚM. 5 (2023) ISSN: 2745-289*

Секция 9: Молодёжь в изменяющемся обществе: между традицией и современностью, общественным и индивидуальным

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Агафонова Вера Владимировна
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Аннотация. В статье анализируется трансформация институциональной среды поддержки молодежного предпринимательства под влиянием цифровизации. На основе синтеза классических социологических теорий (Э. Гидденс, М. Кастельс, П. Бурдье) и анализа эмпирических данных российских цифровых платформ выявляются ключевые векторы изменений: дематериализация доступа к ресурсам, сетевизация коммуникативных моделей, персонализация поддержки на основе данных и формирование нового предпринимательского «габитуса». Делается вывод о переходе от иерархических, формализованных институтов к гибким, встроенным в цифровую среду инфраструктурным решениям.

Ключевые слова: цифровизация, молодежное предпринимательство, институты поддержки, структурация, сетевое общество, цифровой капитал, габитус.

Молодежное предпринимательство – ключевой фактор экономической динамики и социальной стабильности. Однако молодые предприниматели сталкиваются с «двойной уязвимостью»: возрастной (нехватка опыта, репутации, капитала) и институциональной (сложность доступа к поддержке).

Процессы цифровой трансформации, охватившие все сферы общественной жизни, кардинальным образом меняют и институты поддержки предпринимательства. Если традиционно такие институты функционировали как иерархические структуры с формализованными процедурами, то в современной России наблюдается их стремительная эволюция в сторону цифровых платформ, становящихся новым инфраструктурным базисом для экономической активности. Цифровые технологии не просто являются инструментом для бизнеса, но и трансформируют саму институциональную среду его поддержки, создавая новые возможности и вызовы. Этот процесс можно анализировать через призму трансформации социальных институтов и изменения социального капитала. Исходя из этого необходимо проанализировать, как цифровизация меняет структуру, функции и практики работы институтов поддержки молодежного предпринимательства, опираясь на классические и современные социологические теории.

1. Дематериализация доступа как результат структурации

С позиций теории структурации Энтони Гидденса [4], технологии представляют собой не просто инструменты, но и социальные структуры, которые одновременно и ограничивают, и расширяют возможности агентов. Цифровые платформы выступают

в роли новых правил и ресурсов, реструктурирующих социальные практики, связанные с началом и ведением бизнеса. В российском контексте эта структурация проявляется в радикальной дематериализации доступа к административным и информационным ресурсам.

Портал «Госуслуги» и Федеральная налоговая служба (Налог.ру) фактически кардинально снизили транзакционные издержки и бюрократические барьеры для регистрации правового статуса (самозанятость, ИП, ООО). Другой пример – цифровая платформа «Мой бизнес», которая агрегирует информацию о мерах государственной и негосударственной поддержки, позволяя подать заявку на финансирование или получить экспертно-правовую консультацию в удаленном режиме. Это особенно значимо для молодежи из удаленных регионов, для которых физический доступ к традиционным центрам поддержки был серьезным ограничивающим фактором.

2. Сетевая морфология VS иерархия: новая логика коммуникации

Трансформация затрагивает не только доступ к ресурсам, но и саму логику социального взаимодействия. Согласно теории Мануэля Кастельса о сетевом обществе [5], в информационную эпоху доминирующая социальная морфология основана на децентрализованных сетях, которые вытесняют вертикальные иерархии. Институты поддержки, чтобы сохранить релевантность, вынуждены встраиваться в эти сетевые потоки.

В России это находит выражение в смещении коммуникативных практик из формальных клубов предпринимателей в динамичные сообщества внутри мессенджера Telegram. Такие каналы и чаты, как экосистема «Точек кипения», сообщества Агентства стратегических инициатив (АСИ) и Фонда содействия инновациям, становятся ключевыми площадками для оперативного обмена опытом, нетворкинга и поиска партнеров. Платформы для совместной работы, такие как «Атом» (от VK) и «Сферум», используются для организации образовательных курсов и проектной деятельности, создавая гибридные учебно-предпринимательские среды, стирающие границы между обучением и реальной практикой.

3. Data-driven поддержка: между таргетированием и профайлингом

Цифровая среда порождает новый вид ресурса – данные, анализ которых позволяет перейти к персонализированной модели поддержки. Этот процесс можно осмыслить через концепцию «цифрового капитала» и «профайлинга» [3]. Институты, аккумулируя цифровые следы пользователей, формируют их поведенческие «профайлы», что позволяет точечно рекомендовать меры поддержки, конкурсы и образовательные программы.

Например, платформа «Россия – страна возможностей» использует данные о пользователях для рекомендации конкретных проектов, таких как «Мастера гостеприимства» или «Лидеры России». Аналитика данных от крупных банков (Сбербанк, Тинькофф, ВТБ) по операциям малого бизнеса помогает выявлять отраслевые тренды и «болевые точки», на основе которых затем формируются государственные и корпоративные программы. Однако эта практика, как отмечают критики (Д. Лайон [6]), порождает риски цифровой сегрегации, когда определенные категории предпринимателей могут оказаться исключены из систем поддержки из-за несоответствия алгоритмическим критериям.

4. Формирование цифрового предпринимательского «габитуса»

Цифровая трансформация институтов поддержки направлена не только на передачу знаний, но и на формирование специфических диспозиций предпринимателя. В терминах Пьера Бурдье [2], они становятся «полями» для формирования нового «габитуса» – системы устойчивых схем восприятия и действия. Цифровая среда культивирует габитус, ориентированный на работу в условиях неопределенности, тягу к микро-обучению и комфортное существование в гибридной (онлайн-офлайн) реальности.

Этот процесс ярко иллюстрируется новой парадигмой образовательных программ. Онлайн-платформы (Skyeng, Нетология) активно используют геймификацию, внедряя игровые механики, бейджи и рейтинги для удержания внимания и мотивации. Онлайн-акселераторы от Фонда развития интернет-инициатив и Сбера стали стандартом де-факто, предлагая интенсивные программы менторства и питч-сессии с инвесторами полностью в дистанционном формате, что формирует у молодых предпринимателей навыки самопрезентации и работы в цифровой среде как норму.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровизация в России приводит к фундаментальной пересборке институтов поддержки молодежного предпринимательства. Они трансформируются из дискретных организаций в распределенную, проникающую инфраструктуру, встроенную в цифровую среду. Этот переход, описываемый через теории структурации, сетевого общества, цифрового капитала и габитуса, характеризуется тремя ключевыми трендами: дематериализацией доступа к ресурсам, сетевизацией коммуникаций и персонализацией поддержки на основе данных. Результатом является не просто оптимизация существующих процессов, а формирование новой социальной реальности предпринимательства, со своими правилами, ресурсами и формируемым цифровым габитусом. Задача современного института поддержки в цифровую эпоху – не быть «витриной» услуг, а стать куратором и навигатором в сложной, динамичной и гибридной предпринимательской экосистеме, одновременно минимизируя новые риски социального исключения, порождаемые самой цифровизацией.

1. *Автономная некоммерческая организация «Россия – страна возможностей»: официальный сайт. – URL: https://rsv.ru (дата обращения: 05.10.2025).*
2. *Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.*
3. *Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.*
4. *Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М. : Академический проект, 2003. – 528 с.*
5. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.*
6. *Лайон Д. Культура слежки: Безопасность, персональные данные и новые средства контроля. – Логос, 2015. – Т. 25. – № 3. – С. 103–126.*
7. *Российская цифровая платформа «Мой бизнес»: официальный сайт. – URL: https://мойбизнес.рф (дата обращения: 05.10.2025).*

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ: НАМЕРЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Алексеева Екатерина Александровна
(Казанский (Приволжский)Федеральный Университет)

Ф, Казань, e.alekseeva1808@gmail.com
Author ID: 67961166

Аннотация. На основании вторичного анализа исследования ВЦИОМ и авторского анкетного опроса работающей молодежи рассмотрено отношение работающих молодых людей к дополнительному образованию. Выявлено расхождение между планами на повышение квалификации и реальной частотой получения дополнительного образования. Сопоставлены результаты всероссийского опроса и опроса, проведенного на территории Республики Татарстан.

Ключевые слова: образование, непрерывное образование, молодежь, работающая молодежь, планы на образование.

Рынок труда на сегодняшний день подвержен социальным и экономическим трансформациям, технические и технологические инновации ставят перед работниками новые вызовы: получение одного единственного образования уже недостаточно. Скорость изменений заставляет регулярно получать новые знания, предъявляя новый тренд – «непрерывное обучение» практически как основное требование для успешной трудовой деятельности. С учетом того, что для молодых специалистов рынок труда достаточно конкурентен, хорошее образование и систематическое повышение квалификации может стать значимым конкурентным преимуществом для молодежи, претендующей на престижные вакансии с достойной оплатой труда.

С целью выявления отношения молодых людей к дополнительному образованию были проанализированы данные ВЦИОМ, полученные в рамках исследования «Обучение длиною в жизнь», а также опрошены работающие молодые люди до 35 лет включительно (n = 453), среди которых: молодежь до 24-х лет (22 %); 25 – 29 лет (28 %); 30 – 35 лет (51 %), гендерное преобладание представили женщины (58 %), больше половины опрошенных (52 %) состоят в браке. Высшее образование имеет 61,4 % опрошенных.

На основании полученных данных выявлено, что, в большинстве своем, как основное, так и дополнительное образование имеет для молодежи, занятой трудовой деятельностью, важное значение. Почти половина опрошенных признают значимость полученного основного образования (для 41 % опрошенных «образование – это самое главное и основа трудовой деятельности»), но, с другой стороны, на трудовую деятельность каждого пятого (19,4 %) основное образование «никак не повлияло». Больше половины (56,7 %) опрошенных молодых людей получали за последний год дополнительное образование, проходили курсы или тренинга, а треть молодых людей (31 %) планируют получать дополнительное образование в ближайший год. По данным ВЦИОМ за последний год курсы повышения квалификации, мастер-классы или тренинги прошли (37 %) опрошенных молодых людей в возрасте от 24-х до 35 лет, чуть больше (40 %) в этой возрастной категории считают, что повышать квалификацию нужно ежегодно.

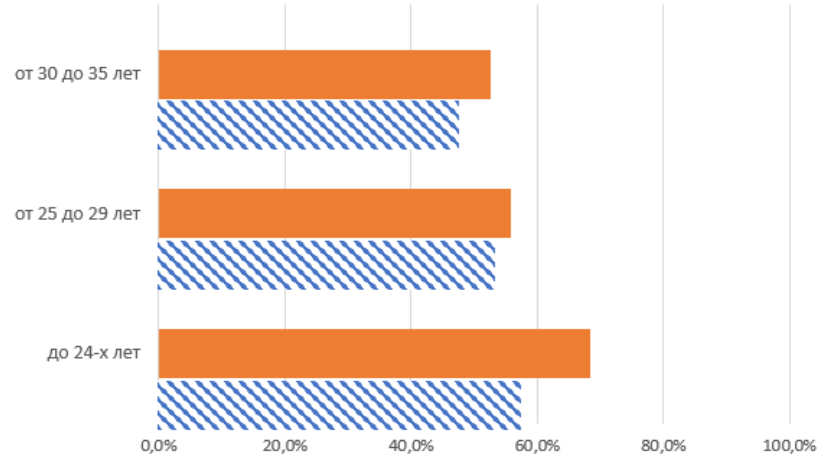

Рисунок 1. Соотношение доли молодых людей, планирующих получение дополнительного образование в ближайший год (сплошная заливка) и доли молодых людей, получивших дополнительное образование в ближайший год (заштрихованная заливка) в сопоставление по возрастам.

Источник данных: авторское исследование

Примечательно, что среди тех, кто проходил какое-либо дополнительное образование за прошедший год, почти половина (49 %) с уверенностью говорят о следующем обучении в ближайший год, еще треть (34,6 %) скорее всего будут обучаться в ближайший год. Среди тех молодых респондентов, кто не проходил какого-либо дополнительного обучения в ближайший год, каждый десятый (10,7 %) точно уверены в том, что и в ближайший год не пойдут учится, и почти столько же (11,2 %) уверены, в обратном. Среди оставшихся, больше тех, кто скорее склоняется к необходимости обучения в ближайший год, нежели в обратном (42,9 % и 35,2 % соответственно)

Молодые люди до 24-х лет демонстрируют большую значимость образования, причем, по данным обоих исследований: 45 % из опрошенных ВЦИОМ считают, что повышать квалификацию нужно ежегодно, в авторском почти половина (48 %) считают, что образование самое главное и основа трудовой деятельности и столько же (47 %) планируют повышать квалификацию в ближайший год.

При определении готовности молодых людей к образованию за счет собственных ресурсов, выявлено, что каждый третий (31,1 %) готов обучаться за счет собственных средств в свободное от работы время, а каждый пятый (21,7 %), наоборот, не готов тратить на образование ни собственные средства, ни личное время.

Таким образом, по результатам полученных данных, как всероссийского, так и авторского исследования можно отметить достаточно высокую значимость дополнительного образования. Причем, чем чаще молодые люди проходят обучение, тем с большей вероятностью они планируют продолжать повышать квалификацию в дальнейшем. Образование как ресурс имеет большее значение для юной молодежи до 24-х лет. Возможно, это происходит в силу того, что они только начинают свою трудовую деятельность и ощущают большую потребность в дополнительных компетенциях, в отличие от более старших коллег, которые имеют большие трудового опыта.

С одной стороны, возможно, через несколько лет повзрослевшая юная молодежь тоже будет меньше нуждаться в дополнительных знаниях, и планы на дальнейшее обучение останутся только у самых целеустремленных. С другой стороны, существует вероятность, что развивающийся тренд на непрерывное образование сохранит в молодых людях ценность получения новых знаний и стремление к систематическому повышению квалификации.

1. *Ефимова, Г. З. особенности институционального дизайна инфраструктуры образования взрослых / Г. З. Ефимова // XXIV Уральские социологические чтения "Молодежь, образование и общественная память" : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 22–23 мая 2025 года. – Екатеринбург: ООО Издательский дом "Ажур", 2025. – С. 62-64. – EDN CDSLVL.*
2. *Кичерова, М. Н. Образование взрослых в институциональном измерении: история и современность / М. Н. Кичерова // Культура и личность в условиях новой социальной реальности : Сборник научных трудов в рамках XXVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 10 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. – С. 187-195. – EDN DWNXOR.*
3. *Обучение длиною в жизнь. ВЦИОМ Новости. 29.07.2024. Электронный ресурс https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1 (дата доступа 15.09.2025)*
4. *Петровская, Ю. А. Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 107–122. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.7*
5. *Сорокин Н. С. Социальные ресурсы наемных работников в реализации трудовых интересов в государственном и негосударственном секторах занятости // Вопросы управления. 2019 № 3 (39) с. 226-235. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-226-23*

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ПОДРОСТКОВ

Андреева Светлана Романовна
(СПбГУ)

Аннотация. В работе рассматриваются социально-психологические трудности профессионального самоопределения старшеклассников в условиях современного цифрового общества. Анализируется влияние «парадокса выбора», согласно которому избыток возможных вариантов выбора приводит к тревоге. Описываются дополнительные факторы, усугубляющие данную проблему: влияние социальных сетей, миф о «профессии на всю жизнь» и нестабильность рынка труда. Предлагаются подходы к решению проблемы «парадокса выбора».

Ключевые слова: подростки, профессиональное самоопределение, новые вызовы.

Выбор профессии – одна из ключевых проблем старшего подросткового возраста. Школьники часто сталкиваются с трудностями при принятии решения, поскольку от этого выбора зависит их будущее. Эти трудности обусловлены социально-психологическими особенностями подростков, такими как изменчивость интересов и стремлений, постоянные сомнения в правильности и актуальности выбранной профессиональной траектории [2, 28]. В новом цифровом мире на подростков оказывают влияние новые вызовы, которые затрудняют профессиональное самоопределение.

Американский психолог Барри Шварц описал концепцию «Парадокса выбора» в своей книге «Парадокс выбора. Как принимать решения, о которых мы не будем жалеть» [1]. Данная концепция гласит, что чрезмерная свобода выбора оборачивается тревогой, нерешительностью и «поствыборным сожалением» – ощущением, что сделанная покупка или принятое решение всё-таки не оптимальны. После определенного порога увеличение вариантов выбора снижает удовлетворенность и повышает тревогу. Автор раскрывает мысль о том, почему свобода выбора становится препятствием: у людей возникает сложность принятия решения. Когда они имеют много вариантов выбора, то мозг не успевает быстро и качественно обработать все параметры. Человек начинает «застревать» в сравнениях, стремясь найти «оптимальный» вариант, что приводит к прокрастинации и стрессу. Помимо этого, возникает страх упущенных возможностей: изобилие вариантов означает, что мы не рассмотрели все возможные и доступные варианты. И даже сделав выбор, человек легко может начать беспокоиться о том, что где-то остался вариант получше.

В контексте профессионального самоопределения для подростков, сталкивающихся с выбором будущей профессии, открывается множество вариантов жизненного пути. В современном мире уже не является обязательным выбрать одну профессию на всю жизнь или сразу после окончания школы продолжать обучение в учебном заведении. Например, сейчас распространено явление брать gap year – год перерыва в учебе, который предоставляет возможность лучше понять свои дальнейшие планы и приоритеты.

Однако многовариативность – не единственная проблема, ее усугубляют новые препятствия, появившееся в новом цифровом мире. Одно из них – это огромное влияние социальных сетей, в которых подростки проводят большую часть своего времени. В них постоянно демонстрируется достижение быстрого успеха, картинки успешной и богатой

жизни, активно транслируются ценности культа успеха и богатства. Это приводит к появлению синдрома FOMO (страха упущенной выгоды). Подростки, постоянно потребляя такой контент, начинают сравнивать себя с успешными кейсами отдельных людей и начинают искать в себе недостатки, сожалеть, что еще не добились успеха, ориентируются на чужие жизненные траектории, чтобы добиться, упуская из виду свой субъективный жизненный путь.

Еще одним препятствием, является то, что подросткам навязывают мысль, что выбранная профессия должна стать делом всей жизни. В юном возрасте на них ложится ответственность за решение, которое определит их будущее. В обществе разделяется мнение, что профессия должна стать не просто работой, а смыслом жизни. Это вызывает у подростков усталость в постоянном анализе возможных вариантов и страх перед неправильным выбором. Они начинают анализировать все возможные варианты, просчитывать их параметры, что только усиливает тревогу.

Это создает двойственную ситуацию: с одной стороны, сохраняется убеждение, что профессия должна быть выбрана одна на всю жизнь, а с другой стороны, в современном обществе уже не обязательно выучиться на одну профессию, а наоборот, становится популярной тенденция к смене нескольких профессий на протяжении жизни.

Кроме этого, нестабильность рынка труда тоже играет свою роль. В последние годы наблюдается дисбаланс между числом выпускаемых специалистов и количеством рабочих мест. Это усложняет поиск работы по профессии после окончания учебы. Кроме того, есть вероятность, что их специальность устареет через 5 – 10 лет из-за научно-технического прогресса или развития искусственного интеллекта.

Данная ситуация приводит к тому, что подросток не справляется с тем количеством свободы, которая ложится на него и связанной с ней ответственностью. Автор концепции говорит, что «большое количество вариантов может отталкивать потребителей, так как требует при принятии решения затрачивать больше сил. Покупатели решают не думать – и не покупают продукт» [1, 30]. Тем самым подросток, не справляясь с таким давлением, сдается и плывет по течению. Это приводит к спонтанному выбору профессии и привлечению родителей к профессиональному самоопределению. Родители принимают решение за него, зачастую игнорируя его интересы и желания, что в будущем может привести к сожалениям о потраченном времени на обучение или работу по неинтересной и ненужной для него профессии.

Для изменения ситуации необходимо оказывать усиленную поддержку подросткам при профессиональном самоопределении. В Санкт-Петербурге уже развита всесторонняя помощь и поддержка в профессиональном выборе, в том числе и психологические консультации, которые позволят подросткам понять их истинные мотивы и интересы, а также избавиться от страхов будущего и предрассудков [3, 76]. Также важно изменить отношение к выбору профессии. Вместо того, чтобы рассматривать его как окончательный выбор на всю жизнь, нужно воспринимать его как эксперимент, как один из жизненных этапов. Это поможет юношам и девушкам меньше переживать и снизить уровень стресса. Важно, чтобы подросток понял: не обязательно выбирать «идеальную» профессию, достаточно найти ту, которая его устроит. Это тоже уменьшит тревогу при выборе будущей специальности. Кроме того, немаловажным является информирование подростков о последствиях влияния социальных сетей и рисках, связанных с бесконтрольным потреблением контента. Также нельзя забывать о необходимости систематической работы в сфере профориентации старшеклассников, информирования о принципах личностного выбора жизненной траектории, учёте своих сильных сторон, противопоказаний, изложения сведений о мире современных, в том числе новых профессий.

1. *Барри Шварц Парадокс выбора. Как принимать решения, о которых мы не будем жалеть. – ЭКСМО, 2023. – 315 с.*
2. *Барыльник С. Н. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях современных вызовов России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №№1-2 (100). – С. 27-31.*
3. *Зникина Л. С., Понамарева Е. В. Современные тенденции развития профориентационной работы с обучающимися // Профессиональное образование в России и за рубежом – 2024. – №№3 (55). – С. 74-81.*

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН: ОЦЕНКА И ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ

Барг Анастасия Олеговна
(ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»)

Леухина Анна Владиславовна
(ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда по гранту № 23-18-00480

Аннотация. На основе анализа серии глубинных интервью (2023 – 2025 гг.) определены три модели поведения молодых горожан в сфере заботы о ментальном здоровье: активная, пассивная, игнорирующая, а также препятствия, мешающие выбирать наиболее эффективные практики заботы о нем

Ключевые слова: психоэмоциональное благополучие, ментальное здоровье, молодежь, горожане, модели поведения

В течение последних десятилетий в мире отмечается устойчивая тенденция роста психических расстройств у подростков и молодежи, о чем свидетельствуют данные ВОЗ. У каждого седьмого в возрасте 10 – 19 лет имеется психическое расстройство, а самоубийства – третья по значимости причина смертности в возрастной группе 15 – 29 лет [5]. Социально-экономические факторы, особенно в регионах со средним индексом человеческого развития, и последствия пандемии COVID-19 усугубили эту ситуацию. Для смягчения долгосрочных последствий для молодого населения во всём мире срочно требуются эффективные целевые меры, направленные на раннюю профилактику и охрану психического здоровья на уровне государств [7].

Согласно данным мониторинга Института психологии РАН, в Российской Федерации в начале декабря 2024 г. доля респондентов в возрасте 18 – 34 г., отмечающих у себя симптомы депрессии, составила 39 %. Около 24 % опрошенных рассказали о наличии у себя симптомов трудноуправляемой тревоги [2]. В апреле 2025 г. эта тенденция сохранилась: ниже всего психологическое благополучие у молодежи 18 – 24 лет, россиян с низким уровнем доходов, а также среди респондентов из городов-миллионников [3]. Наиболее высокий индекс потребности в психологической помощи в 2025 г. наблюдается среди опрошенных в возрасте 18 – 24 лет (49 %) и 25 – 34 лет (39 %) [1]. При этом, по данным опроса ВЦИОМ, молодежь более осознанно относится к стрессу и старается

предпринимать различные меры, направленные на борьбу с ним [4]. Данное противоречие определяет необходимость изучения моделей поведения молодежи в сфере заботы о ментальном здоровье.

Психоэмоциональное благополучие рассматривается как многомерная конструкция, содержащая три компонента: индикаторы личности (независимость, компетентность, личный рост, позитивные отношения, самовосприятие, жизненные цели, которые соответствуют модели Ryff [8]); когнитивно-оценочный (удовлетворенность жизнью и ее различными аспектами, оценка условий жизни и потребность в удовлетворении); эмоциональный компонент (аффективные показатели – счастье, эмоции, эмоциональная стабильность, уровень тревоги). Этот подход позволяет изучить психоэмоциональное благополучие с должным вниманием к универсальности внутреннего мира человека [6]. В нашем исследовании психоэмоциональное благополучие понимается как составляющая качества жизни и субъективного ощущения счастья, и включающее эмоциональное самочувствие, способность регулирования своих эмоций, интегральное переживание успешности или неуспешности, функционирования разных уровней структурной организации человека, а также уровень психологического и эмоционального здоровья [9]. На эмпирическом уровне, изучение моделей поведения в отношении собственного эмоционального здоровья и благополучия оценивается по следующим критериям: наличие осознанности проблем, рассмотрение предпринимаемых действий относительно их решения, отношение к психологической помощи, описание практик использования различных источников информации по теме, оценка влияния внешних факторов (способность человека эмоционально адаптироваться к изменяющейся среде). На основе анализа результатов исследования, проведенного в 2023 – 2025 гг. методом глубинных интервью (n = 28) с информантами в возрасте 18 – 35 лет, проживающих в крупных российских городах: Перми (n = 9), Нижнем Новгороде (n = 4) и Новосибирске (n = 15), определены три основные модели поведения в сфере заботы о ментальном здоровье: активная (высокий уровень осознанности проблем, признание важности психоэмоционального благополучия, проактивный подход к заботе о ментальном здоровье), пассивная (признание проблем, но сниженная оценка их важности, выбор неэффективных действий для решения проблем или отсрочка действий в этом направлении) и игнорирующая (отрицание или приуменьшение проблем, игнорирование психоэмоционального состояния, отсутствие целенаправленных действий по решению проблем). Выделенные типы являются «идеальными» и не встречаются у информантов в чистом виде, тем не менее, у каждого из них можно отметить доминантную модель поведения и сопутствующие, чаще всего контекстуально обусловленные, проявления других типов. Например, при попытках справиться со стрессовыми ситуациями на работе или в учебе («*...стресс возникает, как правило, из-за других людей*», а также «*коммунальные, бытовые проблемы*»), информанты прибегают к активным осознанным действиям, направленным на снятие напряжения (идут на прогулку, слушают музыку и т. п.). Но при анализе глубоких тревог, связанных с ситуацией неопределенности жизненного выбора, человек, активно работающий с повседневными стрессами, может выбирать пассивную модель поведения: «*не знаю, идти ли мне дальше учиться в аспирантуру или нет, потому что ... я устал... Но я опасаюсь боевых действий, мобилизации, всего вот этого*», поэтому «*Я могу поспать, поесть вкусную еду... отвлечься*» (мужчина, 23 лет). Таким образом, проблема отодвигается, выбранные действия – это краткосрочные тактики снятия тревоги, они не могут устранить ее причины. Информант не взвешивает «за» и «против» аспирантуры, не ищет информацию, которая могла бы снизить страх мобилизации. Другой пример показывает похожее

сочетание моделей. В работе с депрессивными мыслями и тревожными состояниями в моменте женщина, 23 лет, осознанно использует большой набор инструментов: «*…переключать своё внимание на что-то другое... посмотреть очень страшный фильм, либо очень смешной…*» «*И мне помогает … общение с моими друзьями*». Это является иллюстрацией применения активной модели. Но когда речь идет о склонности к тревожности как системной проблеме, информантка переходит к пассивной модели. Она признает наличие трудности, но делает лишь небольшой шаг в сторону решения, демонстрируя только намерение: «*У меня есть книга «Как выйти из замкнутого круга беспокойства и тревожности». Я её не прочитала до сих пор. Как-то специально купила…, но почему-то до сих пор не прочитала*». «Чище» всего выражена игнорирующая модель. У информантов с доминантой этой модели четко выражены позиции относительно специализированной помощи: «*Почему-то не верю им … не доверяю. Считаю, что в нашей стране мало таких хороших специалистов*» (женщина, 34 года); отсутствует признание личного опыта: «*И: Вы могли бы представить какую-то ситуацию, когда вы бы вы обратились к психологу?*» «*Р: Не могу ответить (..) Не сталкивался*» (мужчина, 22 года); нет рефлексии о чувствах, происходит игнорирование их через действие: «*можно пойти что-нибудь поделать*» (мужчина, 31 год).

Выявленные модели поведения молодежи в сфере заботы о ментальном здоровье, позволили определить ряд препятствий, мешающий выбирать наиболее эффективную активную модель: финансовые (специализированная помощь в представлении информантов дорогая), информационные (трудности в поиске квалифицированного специалиста), недоверие к психологам и психиатрам, как до сих пор существующая стигма.

1. *Индекс потребности россиян в психологической поддержке: аналитический обзор ВЦИОМ от 10.02.2025 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke (дата обращения: 18.09.2025).*
2. *Квартальный прогноз ВВП: выпуск № 64 от 16.12.2024 [Электронный ресурс] // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-64/ (дата обращения: 18.09.2025).*
3. *Квартальный прогноз ВВП: выпуск № 66 от 11.06.2025 [Электронный ресурс] // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-66/ (дата обращения: 18.09.2025).*
4. *Профессиональная психологическая помощь: аналитический обзор ФОМ от 24.04.2024 [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». – URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/15043 (дата обращения: 18.09.2025).*
5. *Mental health of adolescents: информационный бюллетень ВОЗ от 01.09.2025 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 19.09.2025).*
6. *Psycho-emotional well-being of adolescents: gender aspect / L. Golovey, M. Danilova, L. Rykman, K. Anufriyuk // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2019. – Vol. 64. – P. 194–200. – DOI: 10.15405/epsbs.2019.07.25.*
7. *Rising global burden of anxiety disorders among adolescents and young adults: trends, risk factors, and the impact of socioeconomic disparities and COVID-19 from 1990 to 2021 / F. Bie, X. Yan, J. Xing [et al.] // Frontiers in psychiatry. – 2024. – Vol. 15. – Art. 1489427.*
8. *Ryff, C. The Contours of Positive Human Health / C. Ryff, B. Singer // Psychological Inquiry. – 1998. – Vol. 9, № 1. – P. 1–28. – DOI: 10.1207/s15327965pli0901_1.*
9. *Subjective Well-Being: Three Decades of Progress / E. Diener [et al.] // Psychological Bulletin. – 1999. – Vol. 125, № 2. – P. 276–302. – DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276.*

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ, СВЯЗАННЫЕ С ОБУЧЕНИЕМ И ТРУДОУСТРОЙСТВОМ, И ТИПЫ ЛИЧНОСТИ

Басимов Михаил Михайлович
(Автономная некоммерческая организация высшего образования, Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, АНО ВО УМЦ)

Аннотация. Статья посвящена пяти выявленным связям между отношениями студенческой молодежи к обучению и дальнейшему трудоустройству: престижность диплома учебного заведения за пределами города, возможность трудоустройства по специальности, необходимость приобретения высокого уровня общеобразовательной подготовки и проявлением у них тех или иных психологических типов в рамках методики «Типы личности» Дж. Олдхема и Л. Морриса.

Ключевые слова: трудоустройство, учебное заведение, общеобразовательная подготовка, типы личности, простейшие нелинейные зависимости.

Формирование ценностей молодежи, связанных с обучением и дальнейшим трудоустройством по специальности как тематика исследований довольно часто встречается в различных гуманитарных науках, в том числе это касается социологии и психологии. Но при этом, если оставаться только в рамках линейных моделей, теряется много содержательной информации, которая более точно позволяет понять социальное и психологическое содержание изучаемого предмета.

Кроме того, оставаясь в рамках линейного мышления, при изучении объектов преимущественно нелинейной природы возникают проблемы, которые решаются сомнительными способами: либо слабые, но «значимые» корреляции, которых всегда достаточно много, предлагаются как достойный результат исследования, либо обосновываются сомнительные преимущества коэффициентов Пирсона и Спирмена друг перед другом [3, С. 62 и др.]. При этом за полем зрения остается множество простейших нелинейных зависимостей, прежде всего с максимумом и минимумом, которые часто соответствуют природе и сущности психического и социального.

Зависимости по предлагаемой тематике определились при обработке данных опроса студентов Курганского государственного университета, в котором принимали участие 146 студентов различных специальностей. В диагностике использовалась с одной стороны социологическая анкета, изучающая различные виды толерантности, а с другой стороны психологическая методика Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности» и «Вероятностные расстройства» данного типа. Для расчета использовался авторский метод изучения статистических связей [1].

Рассмотрим пять зависимостей, две из которых отобраны среди результатов в задаче для триад независимой переменной, а еще три – для кварт независимой переменной.

1. Зависимость показателя «**Престижность диплома учебного заведения за пределами города»** (Y) от показателя «**Самоуверенный тип»** (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для триад (X1, X2, X3) независимой переменной X (рис. 1).

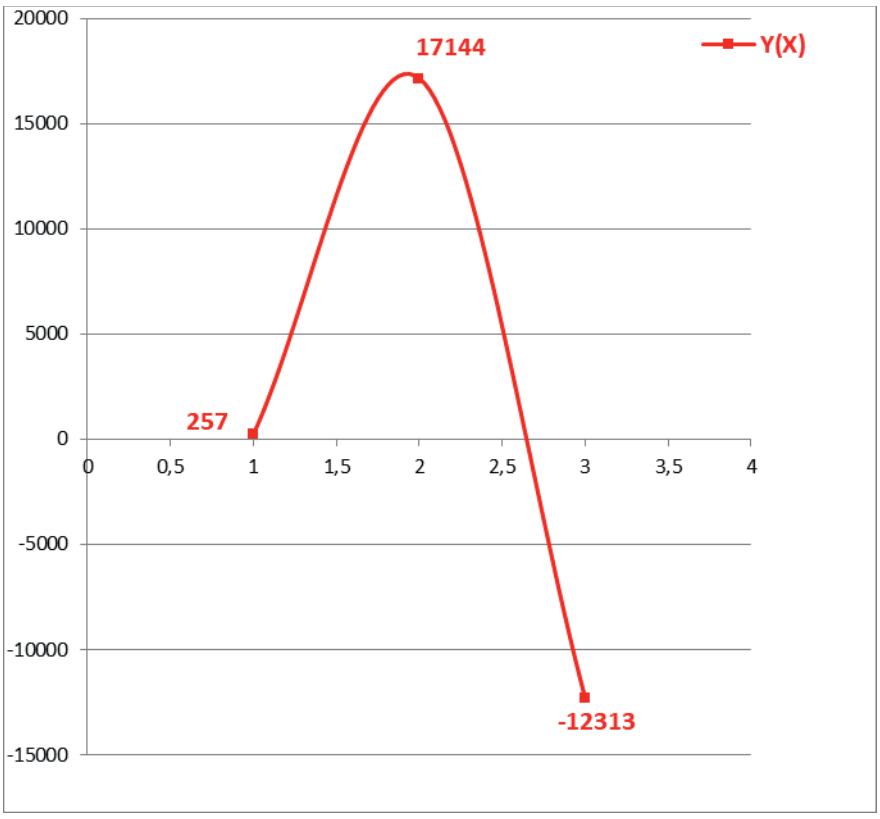

Рисунок 1. Зависимость переменной «Престижность диплома учебного заведения за пределами города» (Y) от переменной «Самоуверенный тип» (X)

Триады X	1	2	3	SV, SV' и R
Y(X)	+257	+17144	-12313	SV = 0.77 (SV' = 0.06) R = -0.21

При очень слабой корреляции r = -0.21, которая в рамках линейных моделей не должна представлять научного интереса, выход за рамки линейных представлений позволяет наблюдать сильную зависимость Y(X) с максимумом в модели для триад независимой переменной с коэффициентом силы связи SV = 0.77. При этом обратная зависимость X(Y), что чаще характерно для зависимостей с явно выраженным максимумом (минимумом), крайне слабая SV' = 0.06. И об этой зависимости, кроме того, можно говорить как об ошибке 2 типа при традиционной в последнее время интерпретации коэффициента корреляции в научных кругах, когда эта зависимость должна определяться как «значимая» линейная и представлять исследовательский интерес (для p = 0.05 и N = 146 критическое значение равно 0.1624).

В рассматриваемой зависимости с максимумом при переходе с 1 на 2 триаду независимой переменной «Самоуверенный тип» (X) происходит резкий рост по сравнительной весомости ценности «Престижность диплома учебного заведения за пределами города» (Y) от (+257) до (+17144). Но после при переходе независимой переменной на 3 триаду наблюдается еще более резкий спад показателя «Престижность диплома учебного заведения за пределами города» (Y) до (-12313). Таким образом, ценность престижности диплома (Y) при общей тенденции к убыванию при сравнении результатов для 1 и 3 триад компоненты типа личности «Самоуверенный тип», на 2 триаде X имеет максимальное значение, причем значительно большее, чем для 1 триады независимой переменной X.

2. Зависимость показателя «**Возможность трудоустройства по специальности**» (Y) от показателя «**Агрессивный тип**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для триад (X1, X2, X3) независимой переменной X (рис. 2).

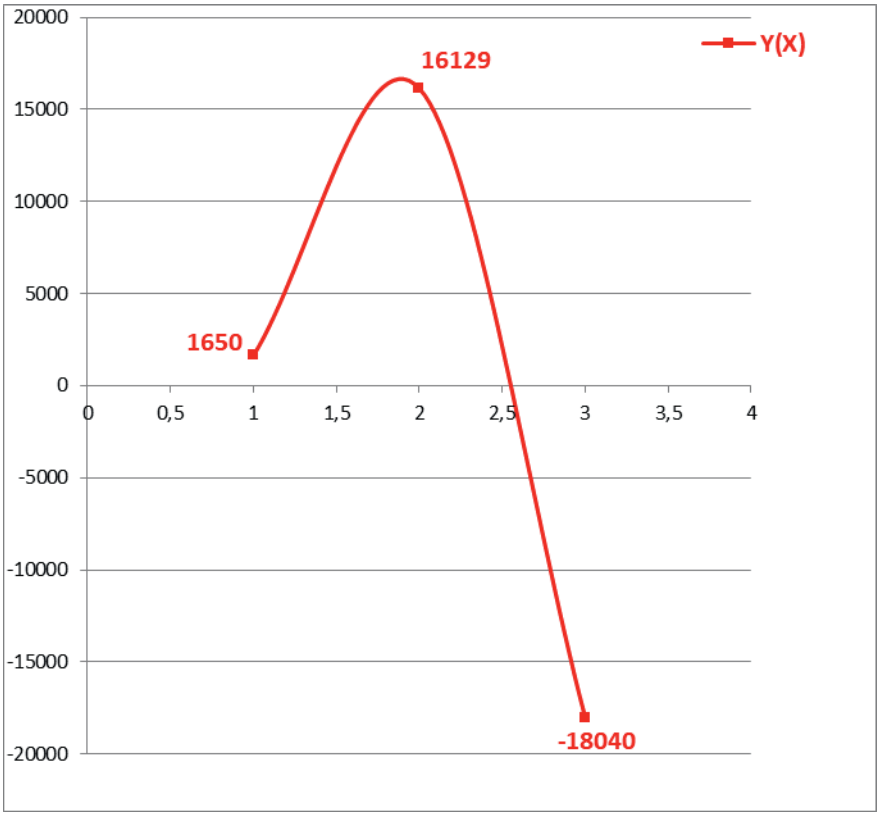

Рисунок 2. Зависимость переменной «Возможность трудоустройства по специальности» (Y) от переменной «Агрессивный тип» (X)

Триады X	**1**	**2**	**3**	**SV, SV'и R**
Y(X)	**+1650**	**+16129**	**-18040**	**SV = 0.81 (SV' = 0.44) R = -0.29**

Аналогичная зависимость с максимумом и коэффициентом силы связи SV = 0.81 при слабой, но «значимой» корреляции r = -0.29 (ошибка 2 типа) наблюдается для зависимости ценности специальности при обучении «Возможность трудоустройства по специальности» (Y) от компоненты типа личности «Агрессивный тип» (X), когда умеренное проявление черт агрессивного типа положительно настраивает студентов на дальнейшее трудоустройство по специальности.

3. Зависимость показателя «**Престижность диплома учебного заведения за пределами города**» (Y) от показателя «**Деятельный тип**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X (рис. 3).

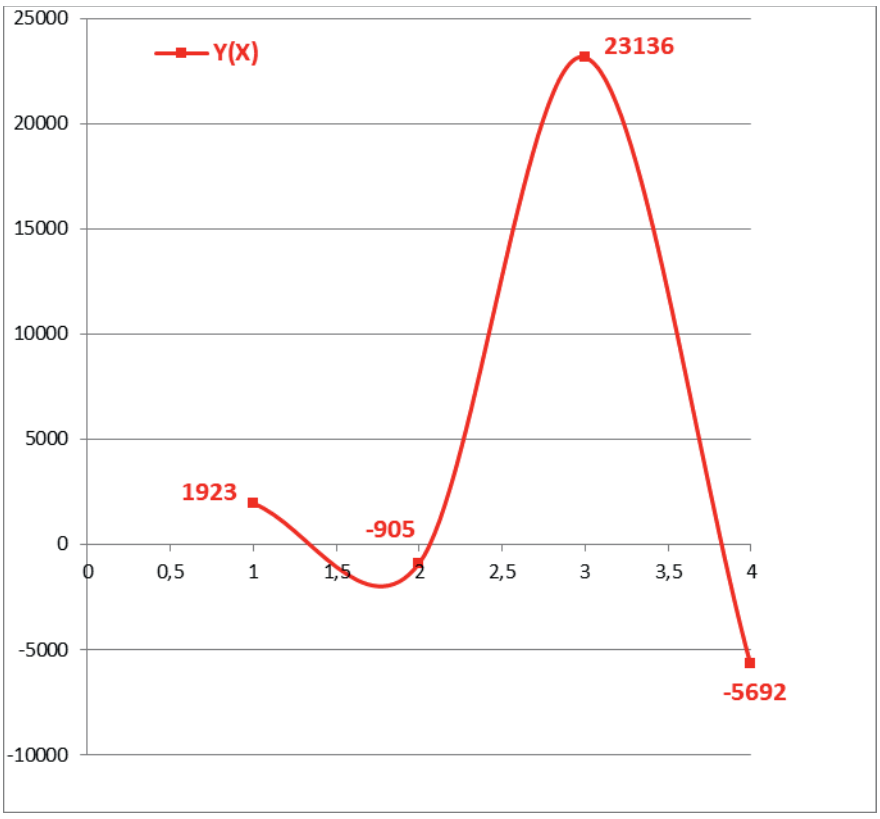

Рисунок 3. Зависимость переменной «Престижность диплома учебного заведения за пределами города» (Y) от переменной «Деятельный тип» (X)

Триады X	1	2	3	4	SV, SV' и R
Y(X)	+1923	-905	+23136	-5692	SV = 0.70 (SV' = 0.05) R = -0.11

Зависимость показателя «Престижность диплома учебного заведения за пределами города» (Y) от показателя «Деятельный тип» (X) с коэффициентом силы связи SV = 0.70 при очень слабой корреляции r = -0.11 (ошибка 1 типа) имеет максимумом на 3 кварте, т.е. ценность понимания престижности диплома учебного заведения за пределами города максимальна (+23136) для достаточно выраженного деятельного типа, но чрезмерно деятельные, близкие к грани расстройства студенты (4 кварта) дают наименьшие оценки зависимой переменной (-5692).

4. Зависимость показателя «**Возможность трудоустройства по специальности**» (Y) от показателя «**Агрессивный тип**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X (рис. 4).

Также с максимумом на 3 кварте независимой переменной с коэффициентом силы связи SV = 0.81 (ошибка 2 типа) и слабой, но «значимой» корреляцией r = -0.29 можно отметить зависимость показателя «Возможность трудоустройства по специальности» (Y) от показателя «Агрессивный тип» (X). Но теперь после максимума на 3 кварте (+20906) при наиболее выраженной агрессивности на 4 кварте происходит резкий спад зависимой переменной, значительно больший, чем в предыдущей зависимости, до наименьших значений (-20512) среди кварт по независимой переменной «Агрессивный тип» (X).

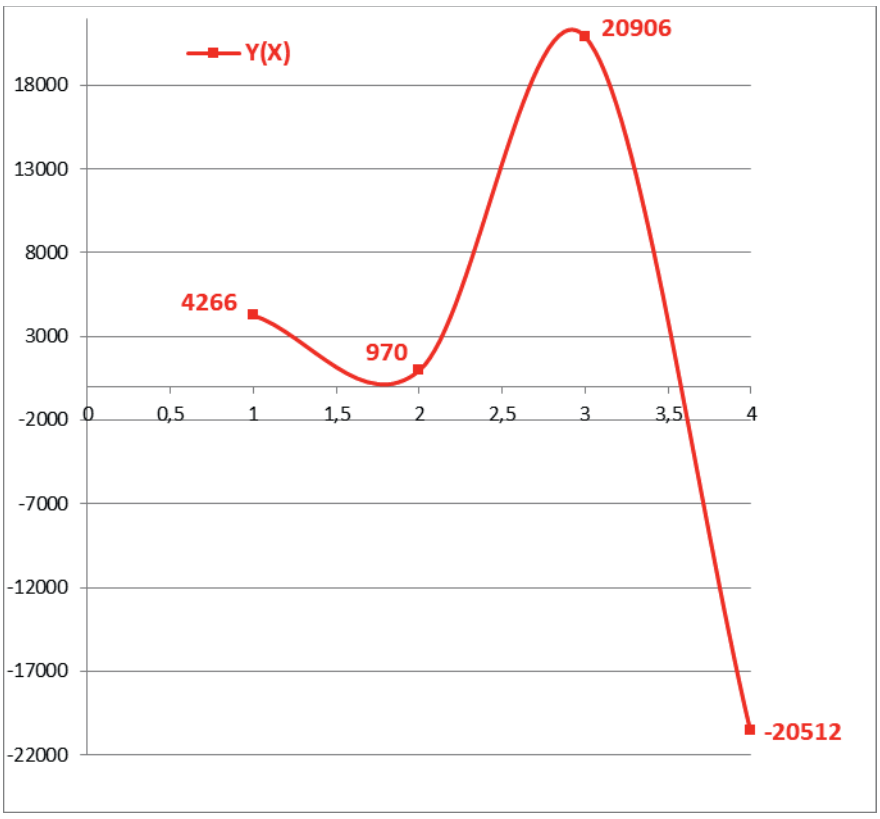

Рисунок 4. Зависимость переменной «Возможность трудоустройства по специальности» (Y) от переменной «Агрессивный тип» (X)

Триады X	1	2	3	4	SV, SV' и R
Y(X)	+4266	+970	+20906	-20512	SV = 0.81 (SV' = 0.28) R = -0.29

5. Зависимость показателя «**Авантюрный тип**» (Y) от показателя «**Необходимость приобретения высокого уровня общеобразовательной подготовки**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X (рис. 5).

Перед нами наиболее сильная из рассматриваемых в статье зависимостей с коэффициентом силы связи SV=1.03 и слабой, но «значимой» корреляцией r=-0.20 (ошибка 2 типа). Наиболее авантюрными (+23746) диагностируются студенты, которых наименее волнует необходимость приобретения высокого уровня общеобразовательной подготовки (1 кварта). Но как только у студентов появляется эта озабоченность, они диагностируются уже с наименьшей среди кварт авантюрностью (-26864). Дальнейший рост озабоченности в необходимости общеобразовательной подготовки (3 и 4 кварты) определяет уже студентов со средними в рамках изучаемой совокупности показателями проявления у них черт авантюрного типа (+1348 и -1749).

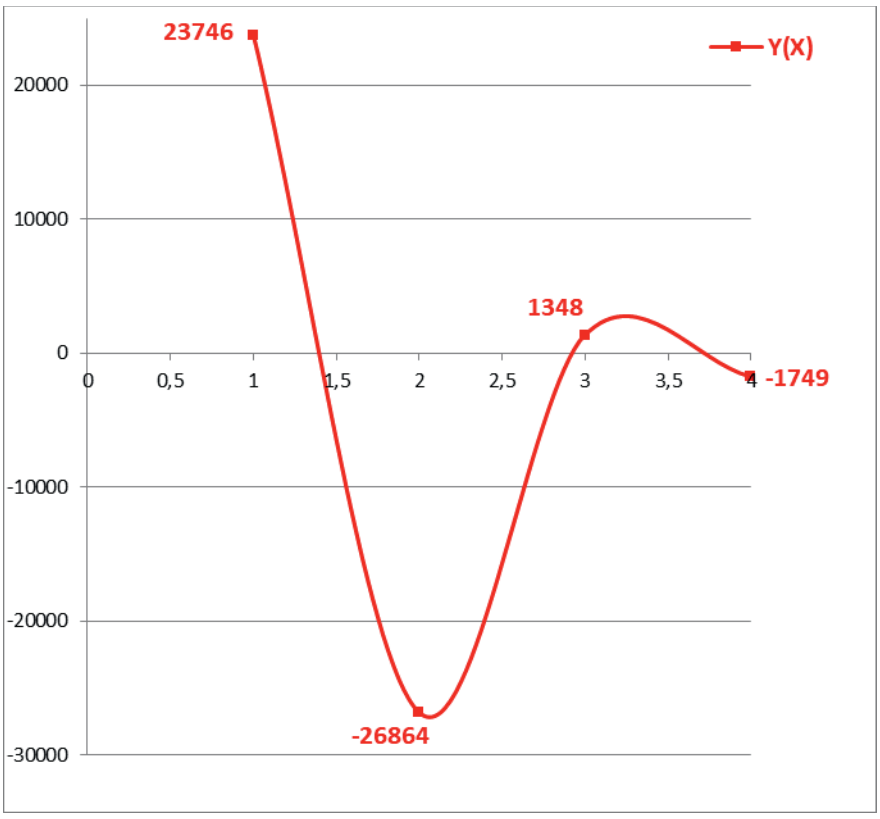

Рисунок 5. Зависимость переменной «Авантюрный тип» (Y) от переменной «Необходимость приобретения высокого уровня общеобразовательной подготовки» (X)

Триады X	1	2	3	4	SV, SV’ и R
Y(X)	+23746	-26864	+1348	-1749	SV = 1.03 (SV’ = 0.14) R = -0.20

В заключение можно сделать вывод, что при изучении и анализе ценностей студенческой молодежи, как, впрочем, и во многих других разделах социологической и психологической науки [2], часто наблюдаются нелинейные эффекты, описываемые той или иной простейшей нелинейной зависимостью.

1. *Басимов М. М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.*
2. *Басимов М. М. Природа статистических связей в психологии / М. М. Басимов. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023.*

ОТЦОВСТВО В МОЛОДЫХ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

Безрукова Ольга Николаевна
(СПбГУ)

Самойлова Валентина Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, https://rscf.ru/project/23-18-00770.

Аннотация. Раскрываются направления исследования многодетных семей, факторы, влияющих на становление отцовства, анализируется влияние матерей на становление модели вовлеченного отцовства. Сделан вывод о доминирующих ценностях семьи и детей, конструктивной мотивации отцовства в молодых многодетных семьях. Для части респондентов прослеживается влияние межпоколенческой трансляции опыта жизни в многодетной родительской семье.

Ключевые слова: молодые многодетные семьи, социальная поддержка, отцовство, вовлеченное отцовство, семейная политика

Отцовство в молодых многодетных семьях

В российских исследованиях многодетные семьи чаще изучаются как уязвимая группа по социально-экономическому положению, дефициту времени, высокой иждивенческой нагрузке, плохому состоянию здоровья детей и специфике их воспитания [2, 6]. В фокусе исследователей специфика репродуктивного поведения многодетных семей, их структура, социальные проблемы, стереотипы и установки общества в отношении многодетности, поддержка многодетных семей, мотивация и модели многодетности, факторы, дифференцирующие многодетные семьи [3 – 5]. В зарубежных исследованиях семьи с несколькими детьми не выделяются в отдельную категорию для изучения, их особенности анализируются в контексте факторов рождаемости [7].

В эмпирическом исследовании приняли участие 27 отцов и 15 матерей из полных многодетных семей. Метод исследования – глубинное интервью и фокус-группы. Возраст родителей от 29 до 44 лет.

Молодые отцы отличаются по уровню исходной, базовой готовности к многодетности, взаимосвязанной с: 1) традиционной моделью семьи, которая изначально была у отцов, 2) происхождением из многодетной семьи самих молодых мужчин и/или их супруг, т. е., наличием реальной модели многодетности, 3) религиозностью. Их собственный опыт многодетности положительно влияет на их будущую готовность к появлению «новых» детей: мужчины не против, чтобы детей в семье прибавилось, называемое ими желаемое число детей выше реального в большинстве случаев.

Структура факторов, влияющих на становление вовлеченного отцовства, включает персональные характеристики отца (эмоционально-теплое отношение к детям, личностная и социальная зрелость, чувство отцовства, ценность полной семьи, любовь к супруге, гибкость, терпимость, трудолюбие), социокультурные факторы (установки на ключевую ответственность отца за материальное обеспечение и одновременно за равное распределение обязанностей по воспитанию детей, культура ответственности и служения своей семье, практик заботы – «все умеют делать»), структурные (гибкая занятость,

наличие собственного дела), институциональные (государственная и общественная поддержка многодетных семей). Для большинства характерна высокая степень отцовской вовлеченности, определенным ограничителем выступает лишь дефицит времени из-за трудовой занятости.

Активизирующее влияние матерей проявляется и в стимулировании отцов быть более информированными о разных сторонах жизни детей: их интересах, с кем они дружат и т.д. Чем сильнее у матери выражены установки на равное родительство, тем больше она имеет ожиданий к его вовлеченности и требований, если ожидания не оправдываются. Активизация отцовства во многом взаимосвязана с вовлеченностью в культуру многодетности и самих матерей. Для многих отцов жена представляется духовным лидером, носительницей «правильного» мировоззрения, трудолюбия, компетентности, оптимизма. Сложившийся образ супруги – как любящей детей, ласковой, доброй, а с другой – деятельной, активной, стремящейся к самореализации в профессии. В восприятии матерей многодетные отцы – заботливые и ответственные, преданные своей семье, «великие труженики», «профессионалы», чадолюбивые, выполняющие все родительские роли по уходу, заботе о детях, умеющие играть с детьми. Для многодетных отцов характерна высокая степень удовлетворенности браком, они оценивают своих жен как очень хороших матерей, и считают, что в целом оправдывают их ожидания.

Для части респондентов прослеживается влияние межпоколенческой трансляции опыта жизни в многодетной родительской семье [1]. Как правило, это были полные семьи с традиционным распределением семейных обязанностей, при этом отец мог быть как строгим и отчужденным от детей, так и мягким в общении с детьми. Опыт жизни в многодетной семье приобретался и когда семья включала сводных детей, а место отца занимал отчим. Воспитание в полной немногодетной семье также создает базу успешного отцовства, но при этом собственные отцы подвергаются критике за их излишнюю строгость, холодность, а недостаток их теплоты и доброты отцы компенсируют в отношениях с собственными детьми. Воспитание в разведенных семьях, только матерью – этот вариант переживается как неудовлетворенное желание в общении с отцом, потребность в нем, если сохранились позитивные воспоминания, если воспоминания негативные – отец выступает как антипример, в обоих случаях есть осознание значения присутствия отца в жизни детей, убежденность в том, что «важно быть хорошим отцом».

Среди жизненных ценностей у молодых многодетных мужчин семья и дети на первых местах. У них сильно проявляется отцовское чувство, они получают радость от общения с детьми, зрелость отцовских чувств выражается в любящем, принимающем стиле воспитания. Они испытывают потребность в том, чтобы учить, «передавать себя», сделать ребенка в культурном смысле своим наследником, «передать в будущее все лучшее, чем владеешь сам». Важными качествами отцы считают уверенность в своей способности справляться с трудностями, трудолюбие, осознанность в принятии жизненных решений, ответственность, способность к самопожертвованию, если этого требуют интересы семьи, стремление к саморазвитию и др.

1. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 87–99. DOI: 10.31857/S0132162524110076*
2. *Зелинская Д. И., Терлецкая Р.Н., Рожковская С. А. Медико-социальные аспекты здоровья детей в многодетных семьях // Российский педиатрический журнал. 2016. Т. 19. № 6. С. 361–366.*
3. *Казенин К. И., Козлов В. А. Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // Журнал исследований социальной политики, (2020). № 18 (2). С. 191–206.*
4. *Костина С. Н., Зайцева Е. В. Модели многодетности в современном российском обществе (по результатам нарративных интервью) // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2*

5. *Мусин, Э. Р. Государственная поддержка семей с детьми: особенности региональных программ и классификация мероприятий по повышению рождаемости // Социально-трудовые исследования. 2024. №57(4). С. 119-129. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-119-129; EDN: WWPGRJ*
6. *Смолева Е. О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389*
7. *Balbo N, Mills M. The effects of social capital and social pressure on the intention to have a second or third child in France, Germany, and Bulgaria, 2004–05. Popul Stud (NY). 2011. 65: 335–351.*

ВЛИЯНИЕ ВОВЛЕЧЕННОГО ОТЦОВСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ПОДРОСТКОВ

Безрукова Ольга Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университете)

Ивашкина Ульяна Петровна
(Санкт-Петербургский государственный университете)

Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда №23-18-00770, https://rscf.ru/project/23-18-00770/

Аннотация. В статье рассматривается влияние семьи и вовлеченного отцовства на формирование патриотических установок подростков.

Ключевые слова: патриотизм, отцовство, подростки, гражданственность.

Проблема формирования патриотизма у подрастающего поколения российской молодежи приобретает в последние годы все большую значимость. Понятие патриотизм многозначно и объединяет такие компоненты, как чувства, убеждения, ценностные установки, практические действия. Патриотизм воспринимается российскими гражданами как «глубоко личное чувство» [5]. Согласно данным опроса 68 % россиян полагают, что патриотизм – любовь к собственному государству, 27 % респондентов считают, что «быть патриотом» означает действовать во благо государства, 22 % опрошенных указали на то, что патриот должен стараться изменить положение дел в государстве для того, чтобы обеспечивать ей достойное будущее. Чаще всего молодые граждане в возрасте от 18 до 24 лет воспринимают содержание патриотизма как выражение чувства любви к государству, но не связывают его с проявлением активной общественной позиции: только для 19 % патриотизм предполагает деятельность во благо государства, а для 18% – желание изменить положение дел в государстве [4].

В настоящее время тема патриотизма и патриотического воспитания молодого поколения стала одной из ключевых в российском общественном дискурсе. Идеология патриотизма и любви к своей стране является значимым инструментом формирования государственной и гражданской идентичности личности. Вместе с тем один из основных трендов последних лет – рост индивидуалистических и прагматичных взглядов молодежи, приоритет ценностей достижения личного успеха по сравнению с общественными интересами. Эти поколенческие особенности затрудняют задачу патриотического воспитания, так как традиционные ценности, лежащие в основе патриотизма, могут восприниматься подростками скептически. В связи с этим патриотическое воспитание молодежи в образовательных организациях выступает достаточно трудной задачей,

требует активных форм работы, обсуждений, внимания к проблемам взрослеющих подростков, личному опыту, в том числе, получаемому ими в родительской семье.

Семья как первичный агент социализации, играет ключевую роль в процессе преемственности семейных ценностей, жизненного опыта, профессиональных и патриотических установок, воспитания активной гражданской позиции [1, 2, 3, 6]. Особенности семейной конфигурации, ее состав, модели родительства, взаимоотношения между членами семьи, семейные традиции являются определяющими факторами влияния при формировании патриотических установок подростков. Патриотические установки, предполагающие любовь к Родине, гордость за свою страну и желание действовать на ее благо формируются под влиянием семейной атмосферы, близости отношений с бабушками и дедушками, родителями. В то же время в настоящее время недостаточно данных о том, как дети воспринимают свои отношения с отцами и как влияет качество отношений с отцом на их представления и жизненные планы, формирование патриотических установок.

Вовлеченность отца в воспитание детей вносит важный вклад в эмоциональное, психологическое, когнитивное, социальное благополучие детей [1,8]. Результаты исследований показывают, что позитивные отношения подростка с отцом взаимосвязаны с долгосрочными эффектами благополучия зрелых людей – удовлетворенностью жизнью, физическим и психологическим здоровьем, устойчивыми эмоциональными отношениями, снижением рисков девиантного поведения [9].

Вместе с тем статистика разводов в России отражает масштаб проблемы: каждый второй развод происходит в семье, воспитывающей несовершеннолетних детей [7]. Расторжение брака оказывает глубокое психологическое воздействие на ребенка, развитие его личности и семейных установок. При разводе родителей ребенок фактически теряет одного из родителей в связи с ограничением их общения другим родителем или нежеланием поддерживать контакты со стороны родителя, уходящего из семьи. Как правило, развод влечет за собой снижение участия отцов в воспитание детей или их полное исключение, что взаимосвязано с комплексом экономических, психологических и социокультурных факторов (продолжающегося супружеского конфликта, имущественных споров, проблемы невыплаты алиментов, дефицита культуры постсупружеских отношений).

Результаты опроса 1321 подростков от 14 до 17 лет, проведенного в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2024 году, показали, что после развода снижается вклад отца в их воспитание, ухудшается качество отцовско-детских отношений [1]. Полученные результаты позволили проанализировать влияние структуры семьи на специфику формирования семейных ценностей, родительских установок и общественных ориентаций подростков. Отдельный вопрос исследования включал изучение влияния близких отношений с отцом на формирование патриотических и просоциальных установок подростков. Только 63,9 % подростков оценили свои отношения с отцом как близкие, не имеют близких отношений 36,1 %, при этом близкие отношения с отцом формируются преимущественно в полных семьях [1]. Патриотами своей страны себя считают 50,6 % подростков, более выраженную позицию занимают мальчики по сравнению с девочками (54,4 % против 47,1 %). Важно отметить, что считают себя патриотами 55,7 % подростков с близкими отношениями с отцами против 39,4 % в группе подростков с неблизкими отношениями. Наиболее высокая доля патриотов среди мальчиков с близкими отношениями с отцами, что можно объяснить наличием положительного примера отца и идентификации с ним [1].

Подводя итоги отметим, что значительный вклад в формирование гражданской позиции молодого человека вносит активная роль отца в семье. В связи с этим возникает необходимость профилактики разводов в семьях на всех этапах жизни семьи, активизация роли отца в российских семьях, внимание к вовлеченному отцовству в информационной, медийной, семейно-демографической политике, формирование установок на отцовство у подростков и молодежи.

1. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Как вовлеченное отцовство и близкие отношения с отцом влияют на благополучие подростков?// Социологические исследования. 2025. № 6. С. 92–104. DOI: 10.31857/S0132162525060086*
2. *Бессчетнова О. В., Майорова-Щеглова С. Н. «Собственно, с ними я и выросла…»: взаимоотношения поколений через призму ретроспективных воспоминаний современной молодежи о детстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24(4). С. 110–137. DOI:10.31119/jssa.2021.24.4.5*
3. *Немова О. А., Свадьбина Т. В. Значение опыта старших поколений в обеспечении преемственности российских базовых ценностей // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 58–64. DOI: 10.17922/2071- 3665-2024-23-3-58-64*
4. *Ореховская Н. А., Ореховский А. В. Патриотизм как созидающая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3(116). С. 205–210. EDN: VTOHFD.*
5. *Санина А. Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44-53. EDN: VZSJLF*
6. *Сорокина Н. Д., Токарева Е. М. Связь и преемственность поколений (на примере опроса студентов) // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 81-88. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88*
7. *Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 года №615-р (дата обращения 5.09.2025).*
8. *Lamb M.E. How Do Fathers Influence Children's Development? Let Me Count the Ways. In: Lamb M.E. (ed.) The Role of the Father in Child Development. Hoboken, NJ: Wiley. 2010. P. 1–26.*
9. *O'Gara J.L., Zhang A., Padilla Y., Liu C., Wang K. Father-youth closeness and adolescent self-rated health: The mediating role of mental health // Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 104. DOI: 10.1016/j.childyouth.2019.104386.*

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Белов Антон Александрович
(МГУ Социологический факультет)

Проблема чрезмерного потребления алкоголя остается одной из наиболее актуальных и социально значимых для России. Несмотря на наблюдаемые за последние два десятилетия позитивные сдвиги, ситуация характеризуется наличием сложных и противоречивых тенденций. Все больше граждан России демонстрируют приверженность трезвому образу жизни, что обусловлено совокупностью различных факторов – сменой поколений, активизацией антиалкогольной политики, модой и другими. В представленном докладе отводится значительное внимание дифференциации понятий алкоголизма и пьянства, систематизированы признаки синдрома алкогольной зависимости.

Автором приводятся данные социологического исследования, проведённого методом опроса, по методике, разработанной и апробированной сотрудниками социологического факультета МГУ в 2023 г. в рамках выполнения работ по гранту "Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях цифровизации". Хотя часть результатов исследования об употреблении алкоголя противоречива, в работе удалось

выявить тенденции, подтверждающие устоявшиеся в научной среде взгляды на эту тему. Произведено сопоставление результатов и выводов с данными других исследований. Были предприняты попытки выделить причины, обуславливающие дальнейшую склонность к пьянству и алкоголизму, что показывает перспективные направления исследований.

Таким образом, проблема потребления алкоголя действительно представляет собой переплетение различных междисциплинарных вызовов. Различные эксперты отмечают мультифакторность воздействия на общество. Однако последовательная и комплексная государственная политика, подкрепленная изменением общественных установок, способна изменить вектор негативных многолетних тенденции. Борьба с пагубным влиянием употребления алкогольных продуктов требует постоянных, комплексных усилий, в тоже время абсолютно необходима для здоровья нации и будущего государства, особенно в молодежной среде.

1. *Алкоголизм: Руководство для врачей / Под ред. Г.В. Морозова, В. Е. Рожнова, Э. А. Бабаяна. М., 1983.*
2. *Алкоголь. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol(дата обращения: 24.06.2024).*
3. *Бороноев П. Г. Проявление алкогольных девиаций в студенческой среде //*
4. *Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (16).*
5. *«Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 года и дальнейшую перспективу»: Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/1304328121 (дата обращения: 23.02.2024).*
6. *Осипова Н. Г., Лядова А. В., Белов А. А. Здоровье современной российской молодёжи в электронно-цифровую эпоху глазами профессионального сообщества и в государственных программных документах. М., 2024.*
7. *Приоритетный проект «Формирование здорового образа жизни».*
8. *(«Укрепление общественного здоровья»). URL: http://government.ru/projects/selection/641/ (дата обращения: 15.06.2024).*

ВИДЕОКОНТЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Бессонова Маргарита Олеговна
(Московский государственный лингвистический университет)

Ключевые слова: дополнительное образование, современная молодежь, самостоятельное обучение, видеоконтент.

Затрагивая тему дополнительного образования в современном мире, следует обратить внимание на большое количество различных источников и средств для расширения своих знаний и навыков. С одной стороны, существует большое количество специальных учреждений, школ, курсов. Так, на конец 2024 года число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам, превысило 7 тыс. [7, 58]. С другой стороны, не стоит забывать о важном компоненте самостоятельного обучения.

В рамках авторского исследования, посвященному отношению к дополнительному образованию, был проведен опрос российской молодежи 18 – 35 лет (N = 1011). Ряд вопросов касался непосредственно направлений самостоятельного образования. Согласно полученным результатам, наиболее часто респонденты указывали просмотр видео в качестве предпочитаемого формата саморазвития (рис. 1).

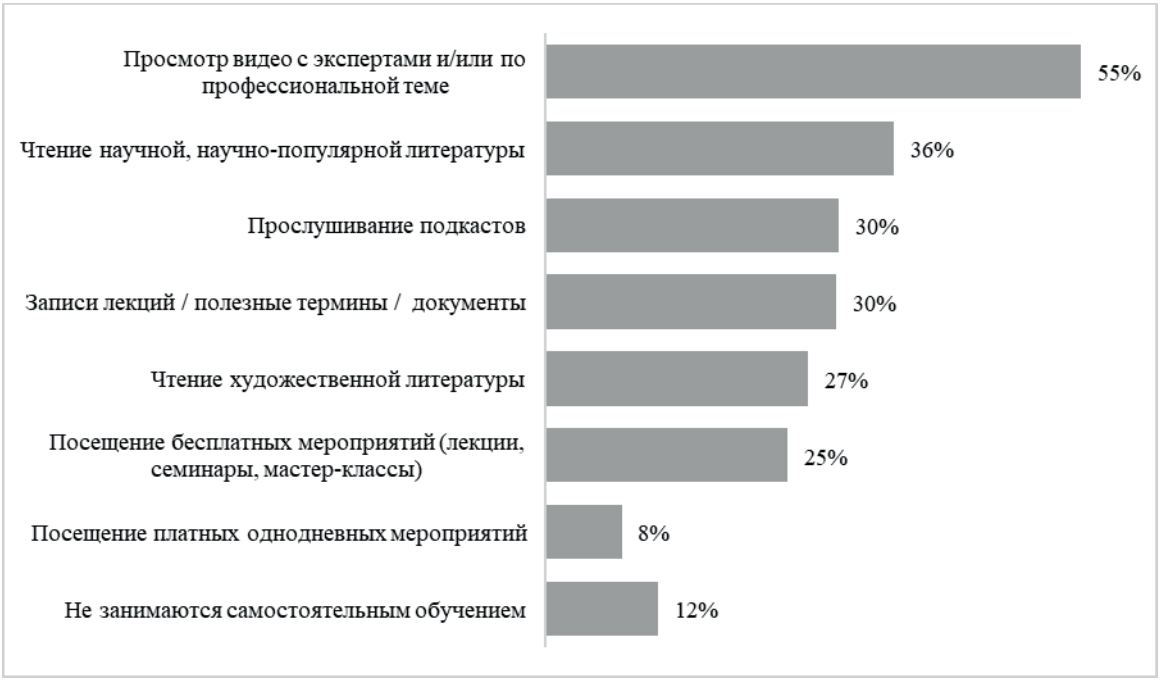

Рисунок 1. Предпочитаемые форматы самостоятельного обучения молодежи

Данная динамика подтверждается анализом медиапотребления современной молодежи. По данным компании Медиаскоп (единого медиаизмерителя), видеоресурсы занимают третье место (после социальных сетей и мессенджеров) по времени, проведенному в интернете (15 % среди аудитории 18 – 24 лет и 25 – 34 года) [6, 13]. Наиболее популярной видеоплатформой остается YouTube. Несмотря на возникающие технические сложности и ограничение доступа в целом, ежедневно им продолжают пользоваться около 46 % россиян. Среди молодежи этот показатель значительно выше: среди группы 18-24 лет – 62 %, среди пользователей 25-34 лет – 53 %. VK Video, Дзен Видео и Rutube также пользуются спросом, но их показатели несколько ниже лидера [8].

Углубляясь в проблематику мотивации молодежи, следует обратиться к результатам совместного исследования VK Видео и Всероссийского студенческого проекта «Твой Ход»: «77 % опрошенных молодых людей отметили, что хотели бы использовать российские видеоплатформы для образовательных целей» [5]. Более того, в качестве причины просмотра видео респонденты в равной степени указывали развлечение (78 %) и саморазвитие («для обучения» – 71 %; «для расширения кругозора» – 70 %). Преимущество такого формата получения контента заключается в его доступности, привлекательности подачи, а также экономии времени.

Выявленный тренд характерен не только для России, но и для других стран. Так, международный проект изучил видеоплатформу YouTube как ресурс, средство, помогающее воспитывать детей, развивать их креативность и понимать окружающий мир. Значительный процент опрошенных родителей разделяет мнение, что YouTube содержит качественный контент для обучения детей (80 %). Учителя также обращаются к платформе для дополнения своих уроков (84 %) [9]. Направление обучения с помощью видео, в свою очередь, стало самостоятельным объектом изучения (особенно за счет развития искусственного интеллекта) [11].

Помимо отдельных образовательных видео, необходимо упомянуть об обучающей составляющей обычных фильмов (в том числе и художественных). Наглядным примером того, как создание сериала может отразиться на читательском интересе, может выступать

мини-сериал «Ход королевы» («Ферзевый гамбит»), основанный на одноименном романе У. Тевиса. Данное произведение было издано в 1983 г., но только в 2020 г. оно вошло в список бестселлеров New York Times – спустя 37 лет после его публикации [10]. Более того, был отмечен рост продаж не только произведения, которое легло в основу сериала, но и в целом книг, посвященных игре и обучению шахматам (например, книги «Основы шахмат»; «Шахматы для детей») [12]. Таким образом, фильм повлиял на повышение интереса читателей к оригинальной истории, а также к произведениям со схожей тематикой.

Это касается не только зарубежных экранизаций, но и отечественных. Фильмы, поставленные по русским произведениям, способны возродить интерес к классической литературе. Эффект популяризации наблюдался после премьеры фильмов «Идиот» по роману Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. В 2018 г. вышел фильм «Гоголь: Вий», основанный на произведениях Н. В. Гоголя, что повлияло на увеличение интереса людей к писателю. По данным «ЛитРес», повесть «Вий» скачивали на 40 % чаще после просмотра кинокартины [4].

Данные примеры показывают, что фильмы помогают заинтересовать читателей, стимулируют обращаться к оригинальной истории. Следовательно, можно утверждать, что фильмы зачастую оказывают положительное влияние на читательскую активность, что также может рассматриваться как элемент самообучения.

Таким образом, в современном мире просмотр кино, сериалов или различных видеороликов постепенно занимает все больше времени. Тем не менее этот вид активности может рассматриваться не только как развлечение или «трата времени», но и как стремление расширить кругозор, узнать что-то новое, стать лучше. Перефразировав идеи социолога П. Бурдье о журналистике, людей можно разделить на тех, кто понимает серьезную литературу, читает книги на иностранном языке, так как хочет развиваться и улучшать свои языковые навыки, и тех, кто предпочитает получать информацию из телевидения, кино или Интернета, ориентируясь на лидеров мнения, наиболее ярко представленных в данных СМИ [3, 29 – 32]. Однако оба вида деятельности дают возможность для личностного развития.

По мнению писателя Р. Брэдбери, человек самостоятельно узнает мир только на одну сотую, остальные 99 % человек познает через книгу [2, 80]. Истинный мир «можно познать при помощи знаков, которые лишь указывают на его существование и дают о нем некоторое представление, но не делают его при этом присутствующим» [1, 258]. Следовательно, обсуждение прочитанных книг, посещение познавательных мероприятий, просмотр образовательных видео – все это способствует поддержанию процесса непрерывного обучения и расширению его направлений.

1. *Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. Пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. пер. Н.Е. Колосов. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.*
2. *Брэдбери Р. О скитаниях вечных и о Земле. Пер. с англ. М. : Правда, 1987. 656 с.*
3. *Бурдье П. О телевидении и журналистике. Пер. с фр. Т.В. Анисимова и Ю.В. Марковой, отв.ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.*
4. *Гоголь попал в переплет: блокбастер поднял продажи книг классика // Вечерняя Москва. 2018. 17 апр. URL: https://vm.ru/afisha/319732-gogol-popal-v-pereplet-blokbaster-podnyal-prodazhi-knig-klassika (дата обращения: 07.10.2025).*
5. *Исследование проекта «Твой Ход» и VK Видео: 70% молодежи используют видео для обучения и расширения кругозора // VK. 2024. 18 окт. URL: https://vk.company/ru/press/releases/11881/ (дата обращения: 07.10.2025).*
6. *Медиапространство // Mediascope, 2025. URL: https://clck.ru/3PfTM7 (дата обращения: 07.10.2025).*

7. *Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2025. 136 с.*
8. *«После» YouTube: использование сервисов для просмотра видеоконтента в России // Vox Populi. 2024. 3 сен. URL: https://populi-vox.ru/youtube (дата обращения: 07.10.2025).*
9. *Graham G. How European kids, parents, and teachers are using YouTube for education // YouTube Official Blog. 2025. 8 sep. URL: https://blog.youtube/news-and-events/eu-youtube-for-education-study-2025 (дата обращения: 07.10.2025).*
10. *Kilde N. C. From the 'Queen's Gambit' to a Record-Setting Checkmate / Netflix News Entertainment, 2020. URL: https://about.netflix.com/en/news/the-queens-gambit-netflix-most-watched-scripted-limited-series (дата обращения: 07.10.2025).*
11. *Navarrete E., Nehring A., Schanze S., Ewerth R., Hoppe A. A Closer Look into Recent Video-based Learning Research: A Comprehensive Review of Video Characteristics, Tools, Technologies, and Learning Effectiveness // International Journal of Artificial Intelligence in Education, 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s40593-025-00481-x (дата обращения: 07.10.2025).*
12. *The Queen's Gambit' Spurs Boom in Sales of Chess Sets, Books // Variety. 2020. 25 nov. URL: https://variety.com/2020/digital/news/queens-gambit-chess-sets-books-sales-1234839925/ (дата обращения: 07.10.2025).*

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Бистяйкина Динара Асымовна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Подкопалова Ирина Андреевна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Круглова Анастасия Олеговна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

В настоящее время все больше можно столкнуться с девиантным поведением. Прежде всего, под девиантным поведением понимается отклонение от принятых норм, установок и правил поведения, установленных в современном обществе. Группа, которая наиболее подвержена риску девиантному поведению, является молодежь. Поэтому рост девиаций среди молодежи – актуальная проблема, которая требует для своего решения взаимодействие различных социальных институтов. В этой статье мы рассмотрим причины и формы девиантного поведения у современной молодежи, а также их профилактику.

Проблеме девиантного поведения среди молодого населения уже посвящено довольно большое количество различных научных статей, диссертаций, монографий и учебных пособий. Но, несмотря на такое обилие публикаций, проблема понимания и изучения девиаций среди подростков до сих пор актуальна, в особенности, профилактика отклоняющегося поведения.

Как уже говорилось ранее, ввиду существования большого количества классификаций и подходов, посвященных данной тематике, мы решили остановиться на группах, составленных Т. А. Хагуровым и рядом других авторов, которые достаточно

четко и лаконично отражают специфику и причинно-следственные связи воздействия девиаций на молодое население [1].

Одной из основных групп девиаций, выделяемых авторами, выступают духовные патологии. Говоря о данном виде отклоняющегося поведения, который может возникнуть у подростков, сюда принято относить различную сакральную и оккультную атрибутику, вступление в сатанистские и деструктивные секты, проведение религиозных обрядов и жертвоприношений и т.п. Несомненно, подобная практика оказывает негативное влияние на подрастающее поколение, формируя и закладывая в их сознание противоправные мысли и идеи, которые в дальнейшем могут быть реализованы в реальности, в виде пропагандирования экстремистских материалов и публичных призывов к данной деятельности, вплоть до самого осуществления терроризма.

Следующая не менее важная группа – это аддиктивное поведение, которое также имеет место быть у молодого населения. К сожалению, статистика алкогольной, наркотической и других видов зависимостей у подростков не идет на спад, а неизбежно увеличивается. Во многом подобная ситуация обусловлена различными проблемами, с которыми приходится сталкиваться в подобном возрасте. К ним можно отнести, например, разногласия с родителями, неуверенность в себе, отсутствие возможности выговориться кому-либо и т. д.

Вследствие детской экспрессивности и подросткового протеста, подрастающее поколение склонно не понимать значимости и ценности культурных и исторических памятников, разрушая и оскверняя их. Данная девиация характерна тем, что ее проявление негативно сказывается не только на самом ребенке, по причине утрате у него традиционных ценностей и ориентиров, но и на обществе в том числе. Кощунственное поведение зачастую свойственно тем детям, чьи родители или лица их замещающие, не смогли привить правильные нормы морали и поведения, в связи с чем происходит демонстративное нарушение социальных норм.

Еще одной часто встречающейся девиацией среди молодежи является экзистенциальный вакуум, который возникает в силу отсутствия какой-либо мотивации. Здесь стоит отметить, что с подобной проблемой могут сталкиваться не только подростки, но и взрослые. Потеря или утрата какого-либо стимула, позволяющего заниматься той или иной деятельностью, довольно актуальна, особенно в эпоху современных информационных технологий. Дети, будучи полностью сосредоточенными на виртуальном мире, изъявляют все большее нежелание учиться, работать, разговаривать со сверстниками, заменяя живое общение на общение в социальных сетях. Данная девиация может проявляться и в более тяжелых формах, например, ношением странной одежды, употреблением психотропных веществ, и даже самоубийством, по причине отсутствия смысла жизни.

В связи с вышесказанным следует уделить особое внимание профилактике девиантного поведения. Профилактика девиантного поведения – это мероприятия, которые направлены на предотвращение и устранение причин, способствующих отклонениям от общепринятых норм поведения. Реализуются данные меры начиная с государственных программ до улучшения жизни современной молодежи.

На наш взгляд начинать профилактику отклоняющегося поведения стоит с проведения лекций, семинаров, использования социальных сетей и интернета, организации досуга для подростков. Организовать досуг нужно на таком уровне, чтобы он заинтересовал подрастающее поколение. Также стоит пропагандировать здоровый образ жизни, например, рассказывать о вреде курения, алкоголя и наркотиков. Для предотвращения отклоняющегося поведения, стоит проработать с семьёй. Проводить

беседы и тренинги для родителей о воспитании, о том, как правильно общаться с детьми, как правильно формировать доверительные отношения между родителями и детьми. Взрослые должны правильно поддерживать детей в трудных моментах, найти правильный подход к ним. Стоит проводить индивидуальную профилактику подростков. В неё входит работа с психологом для молодежи, оказавшихся в группе риска, проведение индивидуальных консультаций. Также профилактика может быть направлена на реабилитацию и ресоциализацию подростков, совершивших девиантные поступки. Для таких подростков нужно проводить реабилитационные программы, которые направлены на оказание помощи в преодолении зависимости. Для того, чтобы эти методы успешно работали, нужно:

1. На постоянной основе проводить профилактические мероприятия.
2. Необходимо вовлекать молодежь в профилактическую работу.
3. Профилактические услуги должны быть для всех подростков, нуждающиеся в помощи.

1. *Девиантное поведение подростков и молодежи: формы, причины, профилактика: учеб.-метод. пособие / Т. А. Хагуров [и др.]. Краснодар. 2020. 100 с.*

NEET-МОЛОДЕЖЬ: ОТ ЛИЧНОСТНОЙ ИЗОЛЯЦИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Буланова Марина Борисовна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Феномен NEET попал в центр внимания исследователей молодежи с конца XX – начала XXI века, когда в различных странах при сборе статистических сведений обнаружилось, что значительная часть молодых людей 15-24 лет находится вне сферы труда или образования. Для того, чтобы отличить данную подгруппу был введен термин «NEET» (не работает, не учится, не проходит профессиональную переподготовку). Согласно классификации Евростата (2010), в эту подгруппу вошла безработная и экономически неактивная молодежь. Однако такое расширительное толкование NEET привело к смешению в исследовательском поле явлений молодежной безработицы и альтернативных классическому трудоустройству практик занятости молодежи [1] Необходимо было выделить точный признак, позволяющий отличить NEET от сверстников, вынужденно или временно находящихся в затруднительном положении, связанном с поисками работы или сложной семейной ситуацией.

В поисках такого отличительного признака NEET больше преуспели японские исследователи, один из которых (Сайто Тамаки) в процессе многолетних исследований пришел к выводу, что это – сознательный и добровольный выбор молодым человеком образа жизни, позволяющего в той или иной степени изолироваться от общества. Такую молодежь в Японии назвали «хикикомори», что означает – находящийся в уединении от общества в течение длительного времени [2]. Пребывание в замкнутом пространстве комнаты или квартиры, сведение к минимуму социальных контактов приводят хикикомори к деструкции социальных связей, в том числе и внутрисемейных. Эти люди, выбирая социальную изоляцию, неизбежно попадают в личностную самоизоляцию, нередко приводящую к серьезным психологическим проблемам и психическим заболеваниям. В последнее время исследователи в других странах мира стали находить в

составе NEET-молодежи тех, кто имеет признаки хикикомори – социальной изоляции на длительное время.

Согласно официальной статистике Международной организации труда (МОТ), возраст NEET в настоящее время рассчитывается от 15 лет до 34 лет и старше, что подтверждает выделенную отличительную особенность – добровольно выбранный частью молодежи образ жизни, позволяющий им извлечь ту или иную выгоду из такого положения, в частности, вести иждивенческое существование, выйдя за рамки своей возрастной группы.

Образ жизни NEET-молодежи в условиях социальной изоляции приводит к такому социальному последствию, как депривация. Добровольно лишая себя образования, такие люди не получают необходимых им систематизированных знаний постоянно меняющегося мира, а отложенный выход на рынок труда становится причиной невозможности трудоустройства из-за отсутствия опыта работы и утраченных со временем профессиональных навыков. Кроме того, присутствие у большинства из них таких качеств, как тревожность, сомнения и перепады настроения способствует сознательному или бессознательному подавлению стремления к личностному развитию, чтобы не допустить дальнейшего разочарования.

Итак, проблема NEET связана с тем, что из группы временного пребывания не трудоустроенной и не обучающейся молодежи, она превратилась в постоянную группу, члены которой проходят путь от личностной изоляции к социальной депривации, не имея ни материальных, ни духовных возможностей для полной самореализации.

1. *Буланова М. Б. Neet-молодежь: опыт международной диагностики // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. М., 2018. № 3. С. 54-63.*
2. *Saito T. Hikikomori: Adolescence Without End/ Translated by Jeffrey Angles. Minneapolis: The University of Minnesota, 2013.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

Бухтиярова Ирина Николаевна
(социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современное общество характеризуется ускорением темпов социальных изменений, возрастающей мобильностью и глубокой цифровой трансформацией всех сфер жизни. Эти процессы оказывают двойственное влияние на институт семьи. С одной стороны, они открывают новые возможности для коммуникации и сохранения информации, с другой – ведут к разрыву традиционных связей, атомизации и кризису межпоколенческой коммуникации. Молодежь, как наиболее динамичная и адаптивная социальная группа, наиболее подвержена подобному влиянию. Утрата связи с прошлым, ослабление семейных нарративов и исторического сознания создают угрозу формирования идентичности, лишенной прочных корней и моральных ориентиров.

В этом контексте **семейная память** становится значимым социокультурным ресурсом. Она выступает фундаментом для формирования личностной и гражданской идентичности, механизмом социально-психологической адаптации. Требуются **социальные технологии**, позволяющие целенаправленно формировать, структурировать и передавать семейную память в молодежной среде.

Проблематика коллективной, исторической, семейной памяти активно разрабатывается в трудах М. Хальбвакса о «коллективной памяти» [1] и П. Нора о «местах памяти» [2], которые заложили теоретический фундамент для понимания памяти как социального конструкта. В отечественной науке значительный вклад в исследование семейной памяти как канала трансляции культурного опыта внесли работы Т. Щепанской, М. Рождественской и др. [3].

Семейную память можно рассматривать как социально конструируемый и постоянно актуализируемый комплекс представлений, ценностей, норм, нарративов и артефактов, которые передаются из поколения в поколение и служат основой для формирования групповой идентичности семьи.

Структурно семейную память можно разделить на несколько уровней [4]. **Фактологический уровень включает в себя** даты, имена, ключевые события; н**арративный уровень отражает** истории и легенды, которые придают фактам эмоциональную окраску и смысл; ц**енностно-нормативный уровень позволяет транслировать** моральные установки, модели поведения, нравственные идеалы семьи через семейные истории; **уровень артефактов представляет собой** материальные носители памяти, которые являются «якорями» воспоминаний (фотографии, письма, дневники, предметы быта, награды и др.).

Семейная память выполняет множество функций – формирует чувство принадлежности к роду, сплачивает семью, создавая общее символическое пространство, обеспечивает передачу культурного, социального и исторического опыта, служит источником устойчивости, поддержки и самоуважения, особенно в трудные периоды жизни, а также является микромоделью коллективной исторической памяти, через которую глобальные события (войны, революции, реформы) осмысливаются на семейном и личностном уровне.

Молодежь обладает рядом характеристик, определяющих ее отношение к семейной памяти и влияющих восприятие. Для современных молодых людей естественна визуальная и клиповая культура восприятия, в отличие от длинных рассказов короткий видеоролик или интерактивная генеалогическая схема станут более выразительной формой представления семейной информации. Также молодые люди склонны подвергать сомнению легенды семьи, искать фактические подтверждения, что становится возможным благодаря оцифрованным архивным данным. Это создает риск конфликта интерпретаций, но также открывает возможность для более глубокого, осознанного диалога с прошлым. Рассматривая семейную память на макроуровне, важно с помощью современных технологий показать, как семейная история вписана в более широкий исторический и культурный контекст. В современном цифровом мире живое общение с представителями старших поколений часто замещается опосредованным (через мессенджеры, соцсети). С одной стороны, это создает коммуникационный разрыв, требующий преодоления, в другой – делает доступным в принципе коммуникацию между поколениями одного рода, проживающими в разных локациях.

Рассмотрим новые, адаптированные под запросы и каналы восприятия молодежи социальные технологии и форматы формирования семейной памяти, реализованные в условиях цифровой трансформации общества. Социальные технологии в данном контексте понимаются как алгоритмизированные, воспроизводимые комплексы действий, направленные на достижение социально значимого результата – в данном случае, формирование и актуализацию семейной памяти у молодежи. В работе с молодежью целесообразно использовать 3 классических вида работы с генеалогическими данными. Один из них – **нарративно-биографические технологии, основанные** основаны на

вербализации и структурировании устных и письменных свидетельств, такие как биографическое интервью, в котором молодые люди выступают в роли исследователя, заранее подготавливая вопросник для беседы со старшим поколением, непосредственно проводя и записывая его с последующим транскрибированием. Это позволяет превратить пассивного слушателя истории в активного созидателя памяти. Также активно используется технология создания письменного архива семьи – это может быть с*емейная хроника или летопись, современные технологии допускают интерактивное с*овместное ведение цифрового или рукописного документа, куда в хронологическом порядке заносятся ключевые события семьи. Распространен также формат Родословной книги, или книги жизни предков, в виде оформленного альбома с фотографиями, документами и комментариями. Классическая практика составления генеалогического древа, которая в настоящее время представляется в цифровом формате, способствуют глубокому, осмысленному погружению, развивают эмпатию и навыки исследовательской работы, однако требуют значительных временных и эмоциональных затрат, могут быть непривлекательны для молодежи, ориентированной на быстрый результат. В данной работе важен не только результат, но и процесс совместного поиска в архивах, на специализированных сайтах, который сам по себе является мощным стимулом для диалога.

Цифровая среда становится основным пространством, где в настоящее время формируются ценностные установки молодежи. Социальные технологии формирования семейной памяти опираются на цифровое и медиа пространство [5]. В рамках семейной памяти это могут быть проекты по созданию цифрового семейного архива, включающего оцифровку материалов (фотографий, писем, документов с последующим структурированием в облачных хранилищах с использованием тегов и комментариев. Создание семейных групп и коммуникация в мессенджерах и соцсетях для обмена фактами, фотоматериалами, историями, воспоминаниями. Это превращает память в живой процесс. Другой технологией цифровизации семейной памяти выступают генеалогические онлайн-платформы, содержащие массив справочных материалов, форумы и группы для коммуникации исследователей-генеалогов по регионам, предлагающие не только инструменты для построения древа, но работу ДНК-генеалогией, что может стать мощным мотиватором для молодежи (например VGD.ru – Всероссийское генеалогическое древо, Familio.org, MyHeritage, FamilySearch и др.). **Технология использования видеоблогинга также может быть продуктивной при формировании семейной памяти.** Публичная или полупубличная история семьи в формате блога, видеоблога или TikTok-проекта позволит посредством истории отдельных фактов или людей предать общую семейную сагу. Использование социальных сетей «…дает людям возможность формировать свои воспоминания и идентичность» [6, с. 76] Признанный молодежью стиль социального самовыражения придает процессу элемент творчества и новизны и имеет как положительные (высокая вовлеченность молодежи, доступность, возможность быстрого обмена, мультимедийность) стороны, так и ограничения (риск поверхностности, «клиповости» восприятия, угрозы конфиденциальности и пр.).

Одним из самых интересных направлений являются событийно-проектные технологии, основанные на организации совместной деятельности, превращающей память в переживаемое событие [7]. Технология организации семейных ритуалов, таких как день семейной истории, на котором презентуются результаты генеалогических поисков, готовится блюдо по бабушкиному рецепту или совместная закладка «капсулы времени» с посланиями будущим поколениям, современными артефактами. Превращают повседневную семейную практику в увлекательный процесс, который может передаваться

в другие поколения. Технология семейного туризма и краеведения предполагает поездки и походы по местам, связанным с историей семьи (малая родина предков, места боевой славы, бывшие места работы). Технология реализации творческих проектов подразумевает создание на основе семейных историй короткометражного фильма, фотовыставки, спектакля, серии комиксов или даже компьютерной игры. Это переводит память в формат творческого высказывания, наиболее близкий молодежи. Проектно-событийные технологии способствуют формированию сильных эмоциональных переживаний и «якорей» памяти, укрепление внутрисемейных связей в процессе совместной деятельности.

Целенаправленное применение рассмотренных в работе социальных и цифровых технологий способно превратить семейную память из набора разрозненных фактов в живой, актуальный ресурс, укрепляющий личностную идентичность молодежи, повышающий ее социально-психологическую устойчивость и способствующий сохранению историко-культурной преемственности в современном обществе.

1. *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с*
2. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.*
3. *Городилина М. В. Семейная идентичность современной молодежи в контексте биографической памяти поколений. / Автореф. дисс.канд. псих.наук – МПГУ, Москва, 2020 г.*
4. *Zvereva V. Family Memory and Digital Media: Practices of Remembering in the Digital Age // Russian Sociological Review. – 2020. – Vol. 19. – No 4. – P. 122–139.*
5. *Ковалева А. В., Краснобаева Н. Л., Джунушалиева Г. Д. Роль медиа в сохранении исторической памяти на примере семейных ценностей. // Society and Security Insights.– 2025 г. – Т. 8. № 1. – С. 29-41.*
6. *Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект. // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 65–83*
7. *Максимук Е. Г. Механизмы формирования и сохранения семейной памяти. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2024 г. – Т. 14. № 3. – С. 63-70.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Бураканова Галия Масыгутовна
(Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева)

Вяткина Юлия Александровна
(Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева)

Аннотация. В статье анализируется феномен демонстративного потребления студенческой молодежи на основе сопоставления эмпирических данных исследований 2021 и 2025 годов. Особое внимание уделено трансформации восприятия и практик потребления в Казахстане в контексте глобальных трендов.

Ключевые слова: демонстративное потребление, молодежь, студенты, разумное потребление, социальный статус, тренды потребления.

Введение. Феномен демонстративного потребления, впервые систематически описанный Торстейном Вебленом в конце XIX века, остается мощным инструментом для

анализа социальных и культурных трансформаций в современном обществе. В эпоху цифровой экономики, доминирования социальных сетей и глобализации брендов молодежь, особенно студенчество, оказывается наиболее чувствительной к символическим аспектам потребительских практик. Студенческая молодежь представляет особый исследовательский интерес, поскольку находится в эпицентре ключевых социальных процессов: активной социализации, формирования идентичности и выработки первых самостоятельных экономических стратегий. В отличие от старших поколений, студенты характеризуются высокой гибкостью потребительских установок и значительной восприимчивостью к глобальным трендам, что делает их идеальной группой для изучения динамики потребительских ценностей.

Теоретико-методологический фундамент и глобальный контекст

Теоретическая рамка исследования базируется на синтезе классических и современных социологических теорий. Исходной точкой служит концепция «демонстративного потребления» Т. Веблена, где потребление трактуется как инструмент демонстрации социального статуса и достижения престижа [1, 10]. Теория символического взаимодействия Г. Блумера [2, 38] позволяет понять, как в процессе социальной коммуникации формируются общие значения, связанные с теми или иными брендами и практиками. Концепция культурного капитала П. Бурдье [3, 122] раскрывает механизмы, с помощью которых потребительские предпочтения превращаются в символические ресурсы для социального позиционирования. Современное осмысление феномена в условиях «текучей современности» [4, 28] и цифровизации потребительских практик позволяет анализировать новые формы демонстративности, опосредованные digital-средой.

В глобальном масштабе наблюдается отчетливая трансформация демонстративного потребления. На смену классической «демонстрации богатства» приходит «демонстративная устойчивость» – публичная демонстрация приверженности экологичным и этичным практикам [6, 44]. Социальные сети, формируют новые нормы «публичного» потребления, где акцент смещается с демонстрации исключительно дорогих товаров в сторону демонстрации «осознанного» образа жизни, включающего повторное использование вещей, апсайклинг и поддержку локальных брендов.

В Казахстане и России глобальные тренды проявляются с определенным лагом, однако в последние годы отмечается стремительный рост популярности ресейл-платформ, сервисов аренды одежды и дискурса об осознанном потреблении. Молодежь активно включается в эти практики, хотя символическая ценность престижных гаджетов и предметов роскоши остается высокой. Важной особенностью локального контекста является амбивалентность позиций инфлюенсеров, которые зачастую сочетают в своем контенте демонстрацию «люксовых» товаров с риторикой об «осознанности», создавая тем самым сложный и противоречивый фон для формирования потребительских установок у своей аудитории.

Настоящее исследование направлено на выявление и анализ динамики восприятия концептов демонстративного и разумного потребления, социального статуса и модных технологических продуктов среди студенческой молодежи Казахстана. Эмпирическую основу работы составляют данные ассоциативных экспериментов, проведенных в 2021 и 2025 годах на репрезентативных выборках студентов 1 – 4 курсов. Сопоставление данных двух временных срезов позволяет не только зафиксировать изменения в семантических полях ключевых концептов, но и выявить глубинные сдвиги в ценностных ориентациях и установках молодежи в условиях быстро меняющегося общества.

Методика исследования и сравнительный анализ результатов

Для достижения цели исследования был применен метод свободного ассоциативного эксперимента, позволяющий выявить глубинные, не отрефлексированные полностью семантические структуры и коннотации, связанные с ключевыми концептами в массовом сознании.

В 2021 году исследование было проведено на выборке из 858 студентов более чем 50 вузов Казахстана. Стимульными концептами выступили: «разумное потребление», «статус», «мода», «iPhone 13», «демонстративное потребление». По каждому концепту было собрано от 1719 до 1831 ассоциаций. Результаты показали, что ядро ассоциативного поля «демонстративное потребление» составляли резко негативные понятия: «показуха», «понты», «расточительство». При этом около 33 % респондентов не смогли дать ни одной ассоциации, что могло свидетельствовать о недостаточной институционализации термина в повседневном языке. Концепт «разумное потребление», напротив, вызывал меньше затруднений и был окрашен преимущественно позитивно. Концепты «статус» и «мода» имели положительные коннотации у более 97 % опрошенных, а «iPhone 13» ассоциировался с положительными образами у 68 % студентов, с негативными – у 15 %, и с нейтральными – у 17 %. Это позволяло заключить, что, несмотря на декларируемую ценность рационального потребления, его антипод – демонстративное потребление – сохранял мощную символическую значимость, хотя и воспринимался критически.

Повторный эксперимент в 2025 году был проведен на расширенной выборке – 1214 студентов 1 – 4 курсов из 55 вузов Казахстана. Помимо предыдущих концептов, были добавлены «second hand/ресейл» и «экологичность». Количество ассоциаций на концепт варьировалось от 1820 до 1954. Результаты выявили значительную динамику. Ядро восприятия «демонстративного потребления» частично сместилось: наряду с традиционно негативными ассоциациями («показуха») появились амбивалентные и даже позитивные: «тренд», «лайфстайл», «инфлюенсеры», «вдохновение». Доля респондентов, не давших ассоциаций, резко снизилась до 11 %, что указывает на прочное вхождение концепта в языковое поле молодежи. Концепт «разумное потребление» укрепил свою позитивную окраску (87 % положительных ассоциаций против 74 % в 2021 г.) и обогатился новыми смыслами: «устойчивость», «экология», «ресейл», «вторичное потребление». Концепт «iPhone 16 Pro» сохранил роль статусного маркера (72 % положительных ассоциаций), однако доля нейтральных реакций выросла до 21 %, а негативных – снизилась до 7 %, что может говорить о большей нормализации владения подобными устройствами. Концепты «мода» и «статус», сохраняя в целом положительную коннотацию, стали сопровождаться ассоциациями «временное» и «навязанное», демонстрируя рост рефлексивности.

Таблица 1. Сравнительная динамика ключевых показателей

Показатель	2021 г.	2025 г.	Изменение
Доля не ассоциирующих с «демонстративным потреблением»	33%	11%	-22%
Негативные ассоциации с «демонстративным потреблением»	65%	44%	-21%
Нейтральные ассоциации с «демонстративным потреблением»	15%	21%	+6%
Положительные ассоциации с «демонстративным потреблением»	20%	35%	+15%
Положительные ассоциации с «разумным потреблением»	74%	87%	+13%
Положительные ассоциации с айфоном	68%	72%	+4%

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о трансформации потребительского сознания студенческой молодежи. За четыре года восприятие демонстративного потребления эволюционировало от однозначно негативного к более сложному, дифференцированному и амбивалентному. Если в 2021 году оно прочно ассоциировалось с бездумной «показухой», противоречащей рациональности, то к 2025 году все больше молодых людей начинает рассматривать его как допустимую, а в некоторых случаях и желательную стратегию самопрезентации и социального позиционирования. Ключевым условием этой легитимации становится гибридизация с дискурсом осознанности: демонстрация статуса становится социально приемлемой, если она оправдана «вкусом», «стилем» или сопряжена с демонстрацией «правильных» – экологичных и этичных – практик.

Резкое снижение доли студентов, не знакомых с термином «демонстративное потребление», говорит о его активной институционализации в массовом сознании, чему в значительной степени способствуют цифровые медиа, делающие механизмы консьюмеризма темой для публичного обсуждения. Параллельное укрепление позиций «разумного потребления» и обогащение его семантического поля понятиями устойчивого развития отражает общемировой тренд, который, как показывают исследования [7], активно продвигается через медиа и поддерживается экономическими факторами (рост стоимости жизни, развитие шеринговой экономики).

Таким образом, в молодежной среде Казахстана формируется гибридная модель потребительского поведения. В ней традиционная для демонстративного потребления логика социального позиционирования не исчезает, но переплетается с новой ценностной парадигмой, включающей осознанность, экологичность и рациональность. Молодые люди учатся «играть» в потребление, используя его символический капитал для построения идентичности, но при этом все чаще стремятся делать это в рамках социально одобряемого дискурса устойчивого развития.

Заключение. Проведенное сравнительное исследование позволяет констатировать значимые изменения в восприятии демонстративного и разумного потребления среди студенческой молодежи Казахстана с 2021 по 2025 год.

Восприятие демонстративного потребления претерпело существенную трансформацию: резко негативная коннотация сменилась более сбалансированной и дифференцированной. Данный феномен все реже воспринимается исключительно как «показуха» и все чаще – как инструмент конструирования идентичности и социального статуса.

Ценность разумного потребления не только укрепилась, но и концептуально обогатилась, вобрав в себя аспекты экологичности, устойчивости и этичности, что соответствует глобальным трендам.

Символический капитал технологических брендов-маркеров статуса (на примере iPhone) сохраняется, однако его восприятие становится более нейтральным и нормализованным.

Наблюдается формирование гибридной потребительской модели, в которой стратегии демонстративности интегрируются с установками на осознанность. Молодежь стремится к социальному позиционированию через потребление, но все более изощренно сочетает его с демонстрацией «правильных» ценностей.

Выявленная динамика свидетельствует об изменениях в системе ценностей молодежи, которая, находясь между традициями статусного потребления и современными трендами осознанности, вырабатывает сложные и адаптивные модели поведения в изменяющемся обществе.

1. *Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2021. – 368 с. – ISBN 978-5-17-133524-6.*
2. *Blumer H. Symbolic interactionism: perspective and method / H. Blumer. – Berkeley, CA : University of California Press, 1969. – 208 p. – ISBN 0-8133-3640-0.*
3. *Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье; пер. с фр.; общ. ред. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 49–98. – ISBN 978-5-903354-07-1.*
4. *Бауман З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под общ. ред. Ю. В. Асочакова. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-388-00054-6.*
5. *Eckhardt G. M. Why don't consumers consume ethically? / G. M. Eckhardt, R. Belk, T. M. Devinney // Journal of Consumer Behaviour. – 2023. – Vol. 22, № 3. – P. 441–454. – DOI: 10.1002/cb.2145.*
6. *Kozinets R. V. Clicking our way to conscious consumption / R. V. Kozinets // NIM Marketing Intelligence Review. – 2022. – Vol. 14, № 1. – P. 43–47. – DOI: 10.2478/nimmir-2022-0007.*
7. *Ziberi B. F. Empirical analysis of the impact of education on economic growth / B. F. Ziberi, D. Rexha, X. Ibraimi, B. Avdiaj // Economies. – 2022. – Vol. 10, № 4. – DOI: 10.3390/economies10040089.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОКОЛЕНИЯ Z В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

Быков Илья Анатольевич
(СПбГУ)

Доклад посвящен анализу политического потенциала «поколения Z» в странах Глобального Юга. Данная тема стала особенно актуальной в связи некоторыми политическими событиями протестного характера, имевшими вместо в таких странах, как Непал, Марокко, Мадагаскар, Кения и Перу. В этих событиях ведущую роль играли молодые люди, которых принято относить к «поколению Z». К «поколению Z» (или «зуммеров») обычно относят людей, родившихся примерно с середины 1990-х по начало 2010-х годов. Считается, что это первое поколение, полностью сформировавшееся в условиях всеобщей цифровизации и чрезмерной информационной избыточности. Это так называемые «цифровые аборигены», для которых онлайн-среда является неотъемлемой частью повседневной реальности. Их отличает «клиповое мышление» и способность к многозадачности. Однако, при этом, они могут сталкиваться с проблемами концентрации внимания и недостатком живого общения. Ценностные установки зуммеров часто включают «стремление к самореализации», «прагматизм» (особенно в вопросах карьеры и финансов), высокую чувствительность к темам «инклюзивности» и «социальной справедливости», что проявляется в их активизме и глобальном мышлении, во многом формируемом через социальные сети.

Социология поколений имеет давнюю историю [1]. Среди наиболее важных ранних теоретиков социологии поколений можно выделить Карла Мангейма, который в своей работе «Проблема поколений», опубликованной в 1928, предложил ключевые концепции, ставшие краеугольными камнями для последующих исследований. Мангейм подчеркивал, что поколение – это не просто демографическая группа, а социологическая реальность, определяемая общими переживаниями в определенный исторический период, в первую очередь в юности. Он ввел понятие «поколенческая локация» (Generation Location) – общие социально-исторические условия, которые формируют потенциал для коллективных переживаний. Однако он также различал «актуализацию поколения» (Generation Actuality) и «поколенческие единицы» (Generation Units). Первая относится к группе людей, которые активно участвуют в формировании культуры или борьбе своего времени, тогда как вторые – это более мелкие, часто противоборствующие подгруппы

внутри поколения, которые по-разному интерпретируют общий исторический опыт (например, консервативное и радикальное крыло одного и того же поколения). Таким образом, Мангейм сместил фокус с биологического возраста на социокультурные и исторические факторы, формирующие коллективное сознание.

В современной социологии в качестве важнейших авторов в первую очередь следует упомянуть американских историков и демографов Уильяма Штрауса и Нейла Хоува. Их совместная книга «Поколения: История будущего Америки, 1584 – 2069» заложила основу современной теории поколений. Они утверждают, что американская история и, шире, западное общество движутся циклами, сформированными повторяющимися архетипами поколений, каждое из которых длится примерно 20-22 года и имеет свой уникальный набор ценностей и характеристик. Хотя эта теория имеет как сторонников, так и критиков в академической среде, именно она популяризировала концепцию поколенческих когорт: Baby Boomers, поколение X, Millennials (поколение Y), поколение Z. Этот подход в публичном дискурсе и стала отправной точкой для большинства современных социологических и маркетинговых исследований по этой теме.

Как уже отмечалось. В текущем году политическая арена ряда стран Глобального Юга стала свидетелем нового явления: «Поколение Z» (зуммеры) выступило в качестве основной движущей силы масштабных протестов. События, происходящие, например, в Непале, Марокко и других странах, подчеркивают, что молодые люди, выросшие в условиях цифровой глобализации, перестали быть пассивными наблюдателями, бросая вызов устаревшим политическим и экономическим структурам. Корни этого активизма лежат в уникальном сочетании факторов, характерных для развивающихся стран. Во-первых, это «экономическое отчаяние»: зумеры в этих регионах сталкиваются с высоким уровнем молодежной безработицы, растущим социальным неравенством и ощущением, что их будущее ограничено «клановыми системами» и «коррупцией». Во-вторых, ключевую роль в этих событиях играют цифровые технологии. Будучи «цифровыми аборигенами», «зуммеры» используют социальные сети не только для развлечения, но и как децентрализованные инструменты самоорганизации и координации протестов, обходя традиционные медиа и государственную цензуру. Это придает движениям беспрецедентную скорость и спонтанность. Протесты поколения Z часто децентрализованы и не имеют четкого политического лидера, что делает их менее уязвимыми для традиционных методов подавления. Их требования выходят за рамки узких политических программ, затрагивая фундаментальные социальные проблемы: борьбу с коррупцией, повышение качества образования и здравоохранения, а также требование «справедливого распределения ресурсов».

В Кении зумеры возглавили массовые протесты против нового финансового законопроекта, используя социальные сети для мобилизации и оказав значительное давление на правительство. На Мадагаскаре протесты, в основном из-за перебоев с электричеством и водой на фоне экономического кризиса, также были инициированы и поддержаны молодым поколением, что привело к политической нестабильности. В Перу представители молодежи активно участвуют в демонстрациях, выражая гнев по поводу постоянных коррупционных скандалов и политической нестабильности. Наконец, в Азии, помимо Непала, значительные молодежные движения наблюдались на Филиппинах и в Индонезии (протесты против сокращения социальных выплат).

Общим для этих движений является требование социальной справедливости, борьба с коррупцией и непотизмом, а также использование децентрализованных цифровых платформ (Discord, Telegram, TikTok) для координации действий. Эти протесты часто не имеют традиционных лидеров, что отражает недоверие зумеров к старым

политическим элитам. Символизм протестов также отражает их цифровую культуру: использование мемов и даже таких неожиданных символов, как флаг Пиратов Соломенной Шляпы из манги One Piece, для создания единой, глобально узнаваемой «поколенческой идентичности» и демонстрации своего бунта против традиционного истеблишмента. Таким образом, политическое пробуждение зуммеров на Глобальном Юге – это не просто серия локальных волнений, а глобальный социокультурный сдвиг, в котором молодое поколение, вооруженное смартфонами, решительно заявляет о своем праве на достойное и честное будущее.

Анализ этих событий позволяет сделать выводы о росте значения цифровых коммуникационных технологий в политике, а также ставит вопросы о некритическом переносе концепции «поколения Z» на социальные реалии Глобального Юга.

1. *Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Общество. Управление. 2005. № 3. С. 6-25.*
2. *Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7-47.*
3. *Howe N.; Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.*
4. *Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с.*
5. *Козырева Л. Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3(23). С. 159-165.*

АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ В ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ В РОССИИ И КИТАЕ

Ван Пэйвэнь
(МГУ)

Аннотация. Ценности молодых людей во всем мире меняются в связи с тенденцией глобализации, выходом на авансцену торгового протекционизма и частотой крупных исторических событий в мире в последние годы. Мотивация труда также постоянно меняется в зависимости от реалий окружающей среды и смены ценностей. Сотрудники являются важным фактором развития организации, а молодые сотрудники – основной движущей силой будущего развития организации. Если предприятия хотят выжить и развиваться, им необходимо постоянно думать о мотивации сотрудников, принимать эффективные меры по стимулированию работников, чтобы сотрудники продолжали в полной мере реализовывать свои собственные ценности и вносить вклад в развитие предприятия. Китай и Россия в значительной степени сотрудничают в экономическом развитии и вместе добиваются прогресса, но существуют большие различия в развитии предприятий и управлении человеческими ресурсами из-за разницы в культурном фоне, географическом положении, социальной системе и экономической ситуации. Данное исследование посвящено трудовой мотивации молодых сотрудников в Китае и России, а также сравнительному анализу различий в трудовой мотивации молодых сотрудников в Китае и России.

Ключевые слова: мотивация сотрудников; стимулирование труда сотрудников; сравнение Китая и России; поколенческая теория; поколенческие исследования.

Введение

Изучение мотивации сотрудников находится в центре внимания исследований ученых из разных стран, и то, как предприятия могут разработать научную, совершенную и практичную систему мотивации сотрудников в соответствии с мотивацией сотрудников, также является важной частью управления предприятием. Китай и Россия имеют определенные сходства в процессе развития, но также имеют и большие различия. В обеих странах у молодых людей в приоритете личные карьерные цели и финансовый успех, из-за различий в менталитете людей в двух странах такие цели определяются по-разному.

Определение понятия

Определение термина «молодой сотрудник» в данной статье – это разделение поколений в России и Китае:

С момента появления теории поколений в 1960-х и 1970-х годах она всегда была популярной темой исследований в различных областях и дисциплинах как в стране, так и за рубежом, а исследователи и ученые в разных странах посвятили себя делению поколений в своих странах, а также применимости и неприменимости теорий поколений в своих собственных приложениях. Среди них современное деление поколений в западном мире обычно следует методу деления Штрауса-Хау (Strauss-Howe), который разделяет их на бэби-бумеров (родившихся в 1945 – 1963 годах), поколение X (родившихся в 1964 – 1979 годах), поколение Y (родившихся в 1980 – 1994 годах), поколение Z (родившихся в 1995 – 2010 годах) и т. д. [1, 2].

Российские исследования по теории поколений были инициированы Российской академией наук в 1996 году после распада Советского Союза [3, 4]. Некоторые российские ученые признают метод разделения поколений Штрауса-Хоува и считают, что его можно напрямую использовать для разделения поколений в России. Однако значительное число российских ученых не согласны с поколенческим делением Штрауса-Хау (Strauss-Howe) и считают, что оно неприменимо к российскому обществу и что необходимо разработать новые поколенческие теории с учетом реальной ситуации в России, более подходящие для российского общества [5], как сказал профессор Р. Б. Шайхисламов «В России не существует общепринятого определения теории поколений». [6] Также нет единого критерия для разделения поколений в российской академической среде.

Значительная часть современных российских поколений основана на российской школе Теории поколений, которая делит россиян в соответствии с основными историческими событиями в развитии России на бэби-бумеров (родившихся в 1944 – 1963 годах), поколение X (родившихся в 1964 – 1984 годах), поколение Y (родившихся в 1985 – 2002 годах) и поколение Z (родившихся в 2003 – 2024 годах) [7, 8, 9].

В китайских научных кругах поколенческое деление современной китайской истории в основном основывается на исторических событиях в Китае как точке демаркации [10], например, профессор Тан Нинъюй (唐宁玉) и др. основывают свое деление на ключевых экономических событиях (реформа и открытость в 1978 году и углубление реформ в 1990 году), которые делятся на дореформенное поколение (родившиеся до 1978 года), поколение реформ (родившиеся в 1978 – 1989 годах) и послереформенное поколение (родившиеся в 1990 году и позже) и т. д. [11, 12].

Более привычные для десятилетнего цикла деления, такие как родившиеся между 1960 и 1969 годами – «пост-60», родившиеся между 1970 и 1979 годами – «пост-70», родившиеся между 1980 и 1989 годами – «пост-80», родившиеся между 1990 и 1999 годами – «пост-90» и т. д. [13]. Группа сотрудников, родившихся в этот период времени,

определяется как «поколение пост-х0» [14]. Поскольку в Китае и России нет единого метода разделения поколений, под «молодыми сотрудниками» в данной работе понимаются сотрудники «пост-90», т.е. группа людей, родившихся в период с 1990 по 1999 год.

Обзор исследований мотивации сотрудников в Китае и России

Основные исследования, посвященные изучению мотивации сотрудников в Китае и России

Исследования трудовой мотивации сотрудников проводились в России и Китае с разной глубиной и в разных направлениях.

Среди современных российских ученых существует два основных типа исследований мотивации труда. Например, С. А. Шапиро, В. А. Шахова [15] и Т. Ф. Мельникова [16], которые смогли исследовать различия в мотивации работников разных областей, регионов и стран с точки зрения их потребностей. Ещё одно исследование было посвящено анализу характеристик сотрудников и, соответственно, классификации их мотивации, представленный такими учеными, как В. И. Герчиков [17], И. Н. Бондаренко [18] и Л. Б. Чубенко [19].

В современном Китае исследования мотивации сотрудников в основном сосредоточены на трудовых ценностях сотрудников.

Трудовые ценности предложил Д. Е. Супер (D. E. Super), который считает, что ценности возникают из потребностей и шире, чем интересы, и что трудовые ценности – это цели, преследуемые индивидами для удовлетворения своих потребностей [20], а Линь Вэньцюань (凌文辁) и Фан Лилуо（方俐洛） считают, что трудовые ценности – это убеждения и установки, которые люди ставят при выборе своей будущей карьеры, или ценностные ориентации, которые люди демонстрируют в своей профессиональной деятельности [21].

С тех пор ученые в Китае изучали трудовые ценности различных групп отечественных сотрудников в организациях разного типа, разного статуса и разных возрастных групп. Среди них – исследование Пу Цинпина (莆清平) о рейтинге ценностей корпоративных менеджеров [22], исследование Тянь Хунвэя (田洪伟) о рейтинге важности трудовых ценностей сотрудников разных полов, должностей и типов организаций в Китае [23], исследование Го Цзин (郭靖) о текущем состоянии трудовых ценностей менеджеров разных полов в Китае и так далее [24].

Таким образом, и в Китае, и в России проводились исследования трудовых ценностей сотрудников разных поколений.

Различия в историческом развитии России и Китая в 1990-е годы.

Известный российский экономист и социолог В. В. Радаев отмечал, что каждое поколение находится под влиянием определенных исторических событий в своей стране и в мире в целом [25].

Китай 90-х годов вырос в период бурного экономического развития, когда в полной мере осуществлялась политика «планирования семьи», экономика переживала бум после реформ и открытости, а вступление Китая в ВТО в 2001 году привело к быстрому взлету китайской экономики. Поколение Китая «пост 90-е», переживает период быстрого развития науки, техники и экономики в стране и в мире, а также период социальной жизнеспособности, в целом хороших материальных условий жизни и достаточной заботы о семье, что способствовало формированию особых черт характера поколения Китая пост-1990-х годов [26, 27, 28].

90-е годы в России, с другой стороны, известны россиянам как «Лихие девяностые» [29]. В этот период произошло множество исторических событий: распад Советского Союза в 1991 году, гиперинфляция в России в 1992 – 1993 годах, две чеченские войны 1994 и 1999 годов, экономический кризис 1998 года – все это привело к крайней нестабильности и потрясениям в российском обществе в целом. Исследование Ли Цзяньминя, научного сотрудника Китайской академии общественных наук (КАОН), показало, что с момента прихода В. В. Путина к власти в 2000 году начались золотые восемь лет российского экономического роста, но с 2012 года Россия впала в самый длительный период стагнации в своей экономической истории [30]. То есть большинство россиян «пост-90-х» выросли в период бурного развития мировой экономики и технологий и трансформации страны.

Различия в трудовой мотивации молодых сотрудников в России и Китае

Спрос на карьерный и профессиональный рост молодых китайских сотрудников

В соответствии с традиционными представлениями и китайскими обычаями, молодые люди обычно стремятся «встать на ноги к 30 годам» и предпочитают иметь стабильную карьеру, стабильную работу и стабильный доход к моменту достижения 30-летнего возраста. В настоящее время порог «35 лет» уже появился в различных профессиях и сферах деятельности. Такие традиционные представления и социальное развитие усугубили тревогу китайцев после 90-х годов. Они борются за достижение цели в 30 лет и заставляют себя достичь определенного уровня достижений до 35 лет, поэтому среди людей «пост-90-х» существует большой спрос именно на профессиональное развитие.

В то же время, согласно статистике Бюро гражданских дел Китая, в 2020 году средний возраст вступления в первый брак в Китае составит 28 лет для женщин и 29,4 года для мужчин. В последние годы средний возраст вступления в брак в Китае задерживается, и, по данным Бюро гражданских дел, в 2023 году доля вступающих в брак в Китае после 90 лет составит даже менее 20 процентов. В 2023 году, когда российские СМИ постоянно подчеркивают значительное увеличение среднего возраста вступления в брак, средний возраст вступления в брак в России в 2023 году составил 23,2 года для женщин и 25,4 года для мужчин. В то время как большинство жителей Китая «пост 90-х» еще не вступили в брак и продолжают заниматься своей карьерой, большинство жителей России «пост 90-х» уже состоят в браке.

По данным российского информационного агентства ТАСС 2023, только одиннадцать процентов россиян считают, что пик их карьеры приходится на возраст до 35 лет, двадцать семь процентов – на возраст 36 – 40 лет, а сорок четыре процента – на возраст после 41 года [31]. Российские сотрудники «пост 90-х» не считают себя достигшими переломного момента в своей карьере и испытывают чувство облегчения.

Исследование, проведенное Б. В. Черниковым в ОАО «ТДСК», показало, что для поколения Y (1984-2002) наиболее важными пунктами рабочих ценностей являются, в порядке убывания значимости: возможности для профессионального роста, открытость и предсказуемость, гибкость, отсутствие бюрократии и ненужных правил [32]. Для российских молодых людей «пост 90-х» развитие профессиональных компетенций важнее карьерного роста [33, 34].

Потребности молодых российских сотрудников в мобильности личного времени выше, чем у молодых китайских сотрудников

В России сотрудники компаний теряют мотивацию к эффективной работе и построению карьеры, исключают профессиональные амбиции из своей жизни и других приоритетов. Они перестают воспринимать работу как ценный ресурс, источник

вдохновения и развития, перспективный карьерный путь и способ повысить свой социальный статус. Современные работники чаще воспринимают ее как ежедневную необходимость зарабатывать на жизнь и готовы снизить нагрузку до минимального финансово устойчивого уровня, придавая большее значение личному времени и мобильности [35].

По данным опроса 2020 года, россияне, независимо от возраста, по-прежнему считают семью самым важным делом и абсолютное превосходство над работой, а среди молодежи до 29 лет работа не так важна, как защита окружающей среды [36].

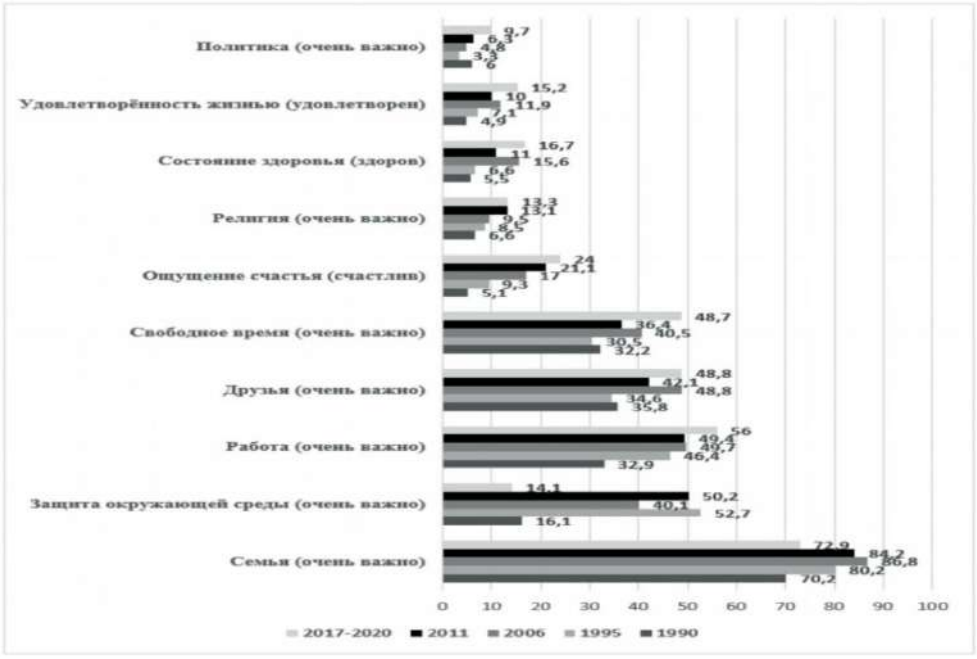

Рисунок 1. Динамика значимости социокультурных ценностей для возрастной группы до 29 лет в России [36]

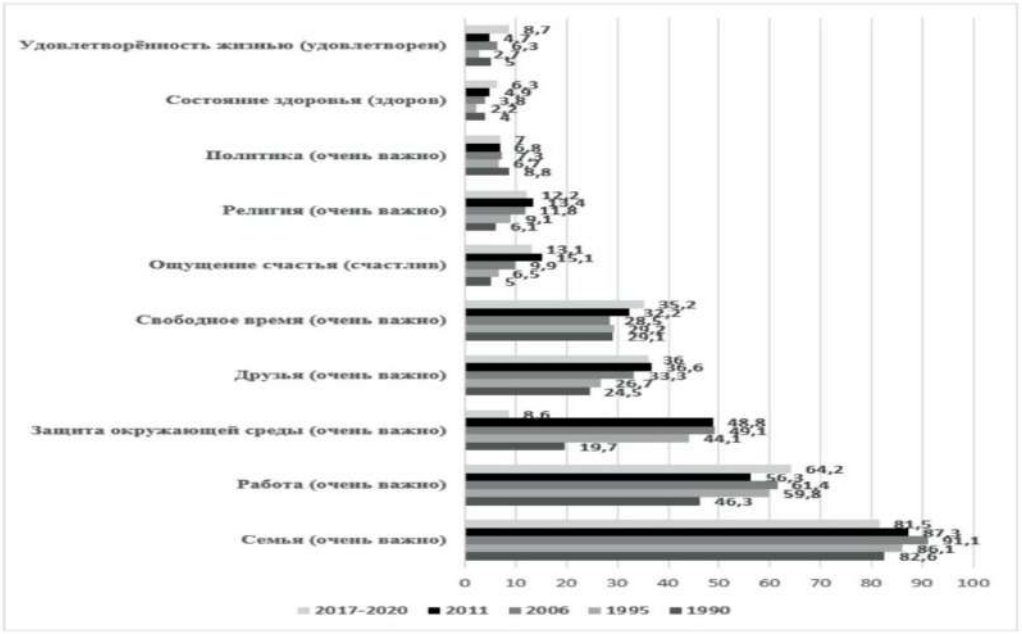

Рисунок 2. Динамика значимости социокультурных ценностей для возрастной группы от 30 до 49 лет в России [36]

В сентябре 2021 года на российском портале gazeta.ru была опубликована статья под названием «Зарплаты восстанавливаются после эпидемии. Как должен измениться рынок труда» [37], в которой говорится, что количество вакансий в России за последние годы увеличилось, но число людей, готовых работать на тех же условиях, уменьшилось. Работодатели должны подстраиваться под потребности своих сотрудников, и первая из них – гибкий график работы. Русские, относящиеся к «пост 90-м» настолько ценят мобильность личного времени, что большинство из них категорически отказываются работать сверхурочно, только пятьдесят девять процентов россиян готовы работать сверхурочно за высокую зарплату [38], а среди российских «пост-90» этот процент еще ниже. Напротив, восемьдесят процентов китайских «пост-90» сказали о том, что это нормально, лишь бы были деньги [39]. Российские «пост 90-е» испытывают большую потребность в мобильности рабочего времени по сравнению с китайскими «пост-90».

Влияние коллективной мотивации на молодых китайских сотрудников более выражено, чем на молодых российских сотрудников

Еще в 2004 году, доктор философских наук, Г. П. Медведева отмечала, что в современном российском массовом сознании преобладает мнение, что личность ценится выше, чем общество, и поэтому интересы личности выше, чем интересы общества [40]. Социальные трансформации, вызванные распадом СССР, оказали значительное влияние на российские ценности, особенно на ценности молодежи, которые включали в себя сдвиг от авторитарной к независимой ориентации, от социальной к индивидуальной ориентации [41]. В результате распада Советского Союза и скромных успехов трансформации российской рыночной экономики россияне, особенно молодежь в возрасте 25 – 35 лет (89 – 99), постепенно утратили веру в систему и развили в себе чувство недоверия [42]. Этот сдвиг в ценностях привел к предпринимательской лихорадке среди молодых россиян. По данным российского портала gazeta.ru, 41 % всех малых и средних предприятий (МСП), созданных в России в 2024 году, будут управляться молодыми людьми в возрасте до 35 лет, из которых 27 % будут основаны «пост-90» годов, и даже более того, почти 90 % молодых россиян хотят иметь собственный бизнес [43].

В Китае люди «пост-90» более склонны к открытию собственного бизнеса, но все еще находятся в меньшинстве. Число выпускников, открывающих собственный бизнес в 2015 – 2023 годах, составляет всего около семи процентов, а большинство выпускников по-прежнему хотят попасть на государственные предприятия, в учреждения или крупные, хорошо зарекомендовавшие себя частные предприятия [44].

В отличие от российских «пост-90», у которых коллективные стимулы неэффективны из-за недоверия к системе и преобладания индивидуализма, вызванного распадом Советского Союза, китайские «пост-90» испытывают сильное чувство национальной гордости благодаря устойчивому экономическому развитию Китая, социальной гармонии и стабильности, что приводит к большему акценту на коллективной чести и стабильности при выборе карьеры. «Пост-90» уделяют больше внимания чувству чести и стабильности, которые приносит коллектив при выборе карьеры, поэтому по сравнению с российскими «пост-90» китайские «пост-90» играют большую роль в коллективной мотивации.

Рисунок 3: Тенденции в намерениях трудоустройства студентов китайских университетов по видам занятости, 2015 – 2023 гг. [44]

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что существует большая разница в мотивации молодых сотрудников в Китае и России, и мы должны обратить внимание на разницу в потребностях сотрудников «пост-90» в обеих странах. После реализации стратегии «Один пояс – один путь» Китай и Россия поддерживают высокую степень тесного сотрудничества, а визит генерального секретаря Си Цзиньпина в Россию в мае 2025 года стал сигналом к тому, что Китай и Россия будут осуществлять более глубокое и всестороннее сотрудничество в будущем. Если китайские и российские компании желают создать совместные транснациональные компании, они должны обратить внимание на различия между китайскими и российскими сотрудниками и искать более практичные методы мотивации.

1. *Howe, Neil; Strauss, William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company. 1991. ISBN 978-0-688-11912-6.*
2. *Howe, Neil; Strauss, William. «The Next Twenty Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve», Harvard Business Review: 41-52. 2007.*
3. *Семёнова В. В., Фотеева Е. В. Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологическо-го исследования]. : Институт социологии РАН, 1996.*
4. *Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. : РОССПЭН, 2009.*
5. *Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения :Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309-323.*
6. *Шайхисламов Р. Б. Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. РИЦ БашГУ 2021.*
7. *Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 1, Т. 8. 2014.*
8. *Идеальная работа для поколения Y: свободный график, соцсети и квесты. // 66.ру: портал, 30.04.2014.*
9. *Кукина Е. Теория поколений в HR не действует в России. // Дело.ru: портал, 31.01.2012.*

10. 高海燕, 王鹏, 谭康荣. 中国民众社会价值观的变迁及其影响因素—基于年龄–时期–世代效应的分析. 社会学研究, 2022, 37(1), 156−178+229.
11. 唐宁玉, 张凯丽, 王玉梅. 中国工作场所中的代际和价值观研究. 北京:科学出版社. 2017.
12. 唐宁玉,甄丹蕾,关健. 中国员工工作价值观的代际变迁.心理学报,2024, 56(07):876-897.
13. 兰文巧."80后""90后"的创业领导力有差别吗–基于创业企业文化建设的问卷调查与访谈. 领导科学, 2020, (10):64-67.
14. 朱国华."90后"员工的代际特征、表现及激励策略.领导科学, 2018, (32):57-58.
15. Шахова В. А., Шапиро С. А. Мотивация трудовой деятельности. //Труд и социальные отношения. 2014. № 3. С. 74-81.
16. Мельникова Т. Ф. Диагностика мотивационных факторов персонала предприятий розничной торговли. // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 4. С. 45-48.
17. Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации (часть1) // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53-62.
18. Бондаренко И. Н. Личностные детерминанты процессуальной мотивации трудовой деятельности: дис. канд. псих. наук: 19.00.03. // Москва, 2010 – 26 с.
19. Чубенко Л. Б. Нематериальное стимулирование работников// Современный кадровый менеджмент. 2015. № 4. С. 226-239.
20. Super, D. E. Work values inventory manual. Boston: Houghton Mifflin. 1970.
21. 凌文辁, 方俐洛, 白利刚. 我国大学生的职业价值观研究. 心理学报, 1999(33): 342–348.
22. 蒲清平, 龚丽, 习黎. 企业管理人员工作价值观、组织忠诚度现状及相关性研究. 重庆大学学报(社会科学版), 2007, 13(6): 51.
23. 田洪伟. 企业员工工作价值观的研究. 重庆:西南大学, 2008: 29.
24. 郭靖. 国内管理者工作价值观现状的实证分析. 广东商学院学报, 2009(1): 30-31.
25. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
26. Веллер М. И. Подумать только. Авторская передача. «Эхо Москвы»(15 мая 2016). Дата обращения: 25 июня 2018.
27. 李萍. 浅谈"90后"新生的特点及其教育管理.科教文汇(上旬刊), 2009(19):71-72.
28. 张莉. "90后"大学生心理特点及辅导员工作对策探. 科技信息, 2009(22):425-426.
29. 赵志荣. 基于双因素理论的企业员工激励机制研究—以"90后"员工为例. 企业科技与发展, 2020(12):153-155.
30. 李建民. 苏联解体30年以来的俄罗斯经济：转型与增长论析. 欧亚经济, 2021(04):1-21.
31. Официальный сайт ТАСС: https://tass.ru/obschestvo/16877311
32. Черников Б. В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. №385. С.153-158.
33. Морозова Я. В. Оценка профессиональной компетентности российской молодежи в условиях современного рынка труда и профессионально-трудовых отношений. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №1 (156). С. 128-135.
34. Цыганкова И. В., Потуданская В. Ф., Ян Цзывэй. Факторы мотивации молодежи при выборе профессии. // Экономика труда. 2019. №4. С.1545-1554.
35. Аранжин В. В., Нехода Е. В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты теоретического анализа. // Экономика труда. 2022. №1. С.161-178.
36. Фомичёва Т. В. Динамика социокультурных ценностей российской молодёжи (на основе данных исследований проекта WORLD VALUES SURVEY). // Уровень жизни населения регионов России. 2020. №4. С.129-135.
37. Зарплаты выздоравливают после пандемии. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/2021/09/02/13944476.shtml.
38. Аналитический центр «Консоль.Про» редакции Inc. Режим доступа: https://incrussia.ru/news.
39. 《中国经济周刊》 https:www.ceweekly.cn
40. Медведева Г. П. Аксиологические аспекты социальной работы. Н. Новгород: НИСОЦ, 2004.
41. 崔晓娟. 转型年代俄罗斯青年价值观变迁研究. 当代青年研究, 2004(2): 42-46
42. Купцов А. А. Проблемы привлечения молодых специалистов в кадровый состав государственной службы // Хроноэкономика. 2023. №3 (41). С. 25-28.
43. Официальный сайт «Газета»: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/02/13/25079756.shtml
44. 刘保中, 臧小森. 多元化与内卷化：大学生就业意愿变化的趋势分析(2015–2023年). 北京工业大学学报（社会科学版）, 2024, 24(5): 21-33.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

Воробьева Ирина Николаевна
(Череповецкий государственный университет-)

Аннотация. В статье автор приводит доказательство обусловленности сформированных традиционных ценностей выраженной гражданской идентичностью. На основании эмпирических данных доказывается, что учащиеся 9-11 классов с ярко выраженной гражданской идентичностью чаще школьников с глобальной идентичностью являются сторонниками официально зарегистрированного брака, имеют более выраженные репродуктивные планы и меньше склонны отодвигать их на более зрелый возраст.

Ключевые слова: гражданская идентичность, семейные ценности, репродуктивные установки, молодежь.

В последнее время в теориях идентичности стали видеть аппарат анализа ценностных ориентаций, культурного сходства и различия обществ, малых и больших социальных групп [4]. Формирование единой гражданской идентичности и ее единство с этнической и региональной идентичностью является одним из условий стабильности общества и основой для реагирования на внешние угрозы. Но насколько выраженная гражданская идентичность взаимосвязана с традиционными семейными ценностями и является основой решения демографических проблем, с которыми сейчас столкнулось российское общество? В данной работе мы предлагаем рассмотреть аспекты данной взаимосвязи.

Российская гражданская идентичность имеет два уровня: нации-этносы (люди одной культуры) и нация-государство (граждане одного государства). Интегрирующую роль выполняет именно государство, которое соединяет нации-этносы в единую политическую общность. Национальная идентичность основана на общих социальных характеристиках, исторической памяти, ценностях и традиции, культуре, языке [3]. При изучении национальной идентичности наиболее комплексным является подход формирования идентичности как самоидентификации и с гражданами страны, и с государственно-территориальным пространством, которое предполагает не только саму территорию, но и имеющееся представление о государстве, чувство общности, солидарность, ответственность [2].

Все чаще поднимается вопрос формирования гражданской идентичности в условиях глобализации и формирования общенациональной идентичности. Наряду с национальными стала формироваться размытая глобальная идентичность с превалирующими западными ценностями [5], стали появляться новые наднациональные идентичности (европейская, транснациональная) [6]. Глобализация создает возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения новыми знаниями, технологиями, идеями. Но отсюда формируется и проблема кризиса идентичности. Как пишет академик М. К. Горшков, «с решением проблем трансформации идентичности российского общества в условиях глобального мира связываются прогнозы дальнейшего развития страны, ее способность отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять современную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию». От того, какие образы идентичности будут

доминировать в массовом сознании, во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, социальный климат общества [1].

Для выявления уровня сформированности гражданской идентичности, выраженности глобальной идентичности и их взаимосвязи с традиционными семейными ценностями были использованы результаты социологического исследования по теме: «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проведенного в Вологодской области в октябре-ноябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего опрошено по кластерной выборке 600 учащихся школ г. Череповца, 425 учащихся школ г. Вологды, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области.

Было выявлено, что у молодежи уровень гражданской и территориальной идентичности на основании самоидентификации респондентов имеет достаточно высокий уровень. Так 71% опрошенных ощущают себя россиянином на «5» баллов по шкале от «1» до «5», еще 16 % на «4» балла (рис. 1). Жителем города на «5» себя ощущает 41 % и еще 27 % на «4» балла. Выраженность идентичностей, представляющих наднациональную, глобальную идентичность, существенно ниже, но, тем не менее, достаточно широко представлена: 29 % на «4» и «5» ощущают себя европейцем, 49 % человеком мира, 48 % человеком виртуального пространства (Интернета). Вполне закономерно, что данные идентичности вполне «уживаются» одновременно, но у некоторых респондентов более сильно представлена именно наднациональная, размытая идентичность, у других только территориальная и гражданская (национальная).

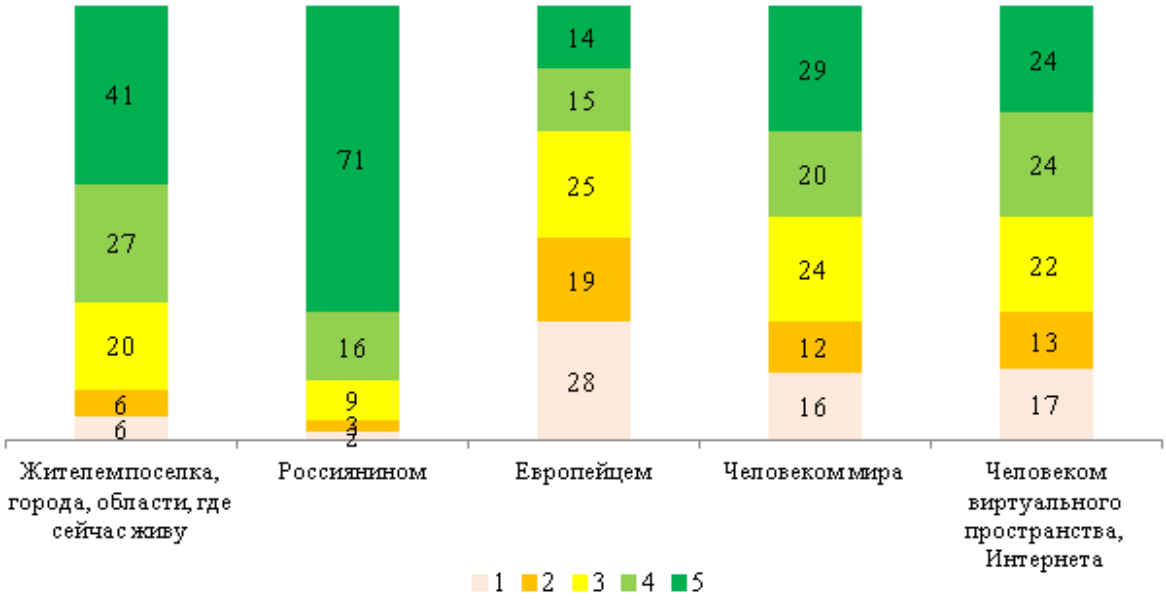

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы себя ощущаете…»

Для выявления основных комбинаций множественной идентичности был использован факторный анализ, который в данном случае позволяет большое количество идентичностей соединить в несколько групп. Было выделено два базовых фактора (типа идентичности): «гражданско-территориальная» и «глобальная». В первом факторе в связке идут территориальная идентичность (принадлежность к своей малой родине) и национальная – принадлежность к своей стране, во втором ярко выражены идентичности «человек мира», «человек Интернета», «европеец» (таблица).

Таблица. Коэффициенты корреляции выделенных факторов по результатам факторного анализа по ответам на вопрос: «Насколько Вы себя ощущаете…»

	Гражданско-территориальная	**Глобальная**
Жителем поселка, города, области, где сейчас живу	0,055	0,830
Россиянином	0,050	0,831
Европейцем	0,742	0,008
Человеком мира	0,762	0,101
Человеком виртуального пространства, Интернета	0,652	0,033

На основании выделенных факторов были созданы переменные, по величине которых все респонденты были разбиты на пять групп: превалирующая гражданско-территориальная идентичность, сильно выраженная гражданско-территориальная, смешанная, сильно выраженная глобальная, превалирующая глобальная. Результаты приведены только по крайним группам.

Анализ доказывает, что гражданско-территориальная идентичность тесно связана с традиционными семейными ценностями и репродуктивными установками. Существенно отличаются репродуктивные планы разных групп: 8 % школьников Вологодской области с гражданско-территориальной идентичностью в будущем не хотят иметь детей, но среди их сверстников с глобальной идентичностью таких 27 %! Соответственно, смещаются и планы по количеству детей. Среди представителей первого типа 11% планируют троих детей (у второго таких только 4 %), 36 % двоих (28 % среди второго типа), 21 % одного (16 % среди второго типа) (рис. 2).

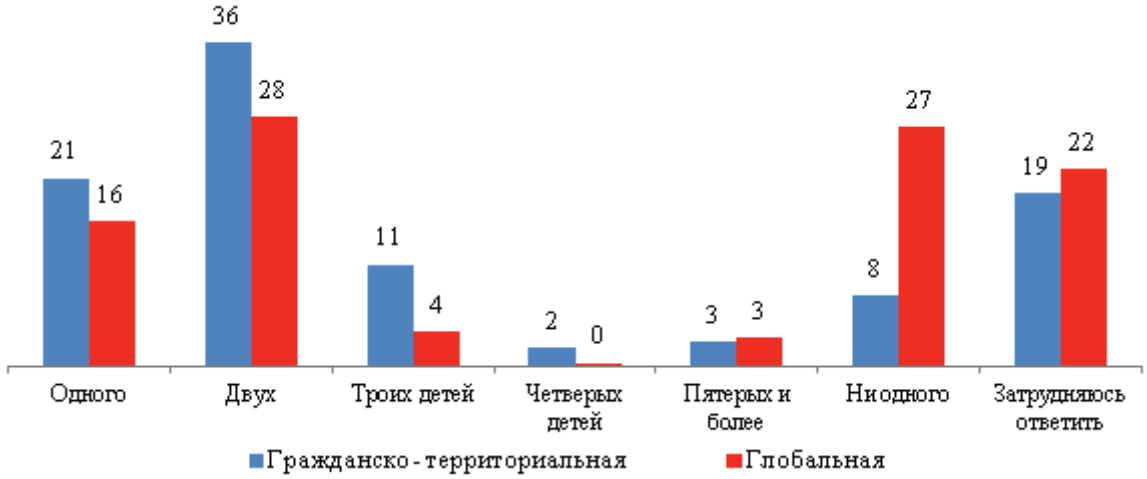

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей Вы бы хотели иметь в будущем?», в зависимости от типа идентичности, в процентах

Представители глобальной идентичности отодвигают рождение детей на более зрелый возраст: 24 % считают, что более подходящим для рождения первого ребенка для мужчин является возраст старше 30 лет (среди представителей первого типа таких только 11 %) (рис. 3). Только 18% школьников глобального типа считают, что для рождения первого ребенка подходящим является возраст до 24 лет, при 32 % среди школьников гражданско-территориального типа. Для женщин возраст рождения детей представляется более молодым, но тенденции остаются теми же. 16 % первого типа оптимальным временем для рождения первого ребенка для женщин считают возраст старше 30 лет

(среди представителей первого типа таких только 8 %). Возраст женщины до 24 лет при рождении первого ребенка считают подходящим 25 % школьников второго типа, при 42 % среди школьников первого типа.

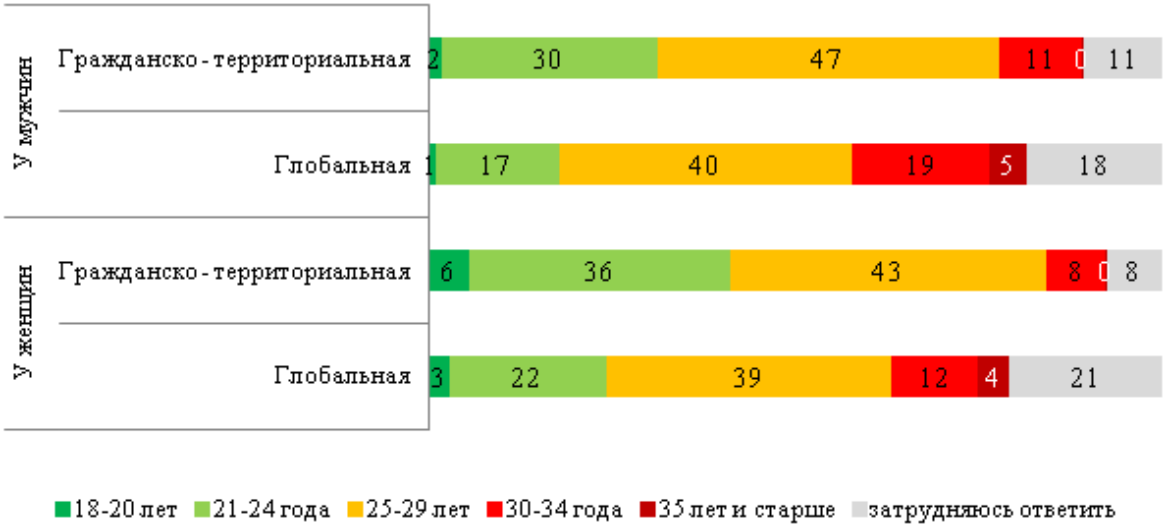

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Какой возраст, на Ваш взгляд, более всего подходит для рождения первого ребенка?», в зависимости от типа идентичности, в процентах

Отличаются и установки по отношению к браку. 60 % школьников с гражданско-территориальной идентичностью считают, что брак должен быть зарегистрированным, тогда как такого же мнения придерживается только 30 % школьников с глобальным типом идентичности (рис. 4). Рождение детей представители глобальной идентичности не считают обязательным, только 22 % считают, что у каждой женщины /мужчины должен быть ребенок.

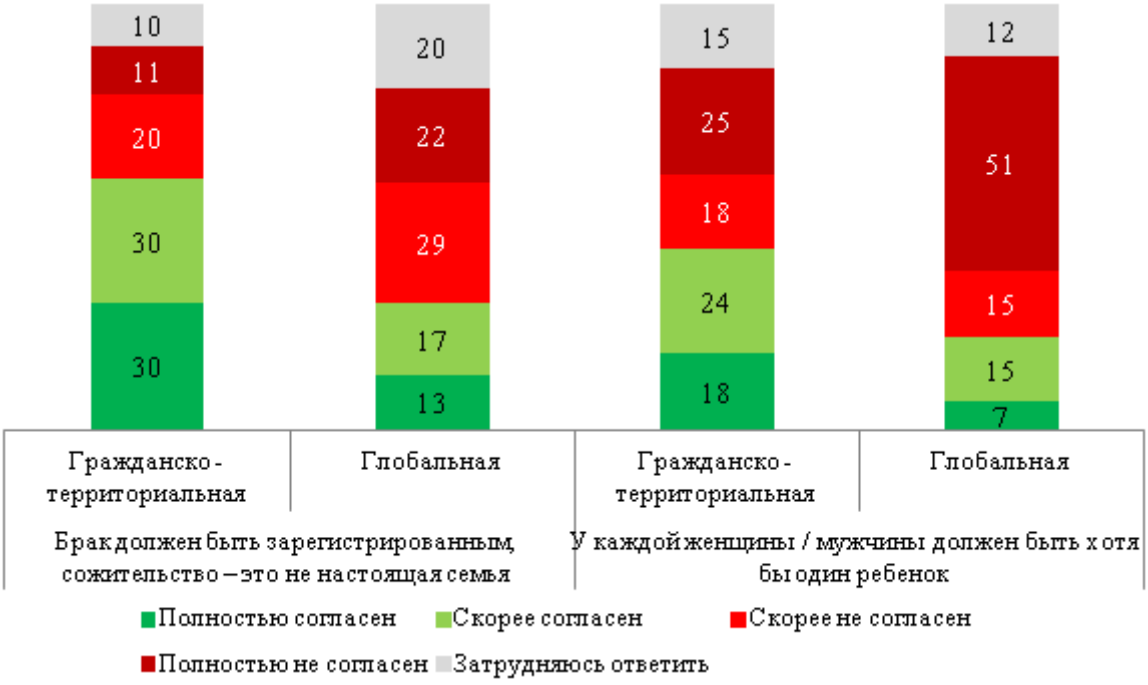

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны с суждением…», в зависимости от типа идентичности, в процентах

Таким образом, можно сделать вывод, что выраженный тип идентичности является индикатором сложившихся ценностей и ценностных установок. Представители глобальной, размытой, наднациональной идентичности являются приверженцами демократических, либеральных ценностей, в которых не всегда находится место семье и семейным ценностям. Тогда как гражданская идентичность формирует не только уважительное отношение к государству, малой родине, но является и залогом формирования традиционных семейных ценностей, и может стать опорой для стабильности и базовым фактором ответа на демографические вызовы.

1. *Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1. С. 9-14.*
2. *Горшков М. К. Формирование общероссийской идентичности: конекст Российского Кавказа // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: науч.изд. / под общ. Ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015.*
3. *Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.*
4. *Федотова, Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. №2. С. 52–62.*
5. *Blum D.W. National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 225 p.*
6. *Risse T. A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2010. 287 p.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ

Воробьева Полина Витальевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Данная работа посвящена трансформации алкогольных практик среди молодёжи современных российских мегаполисов под влиянием социальных и психологических факторов. Исследуются различия в характере и мотивах потребления алкоголя подростками и молодыми взрослыми. Отмечается значительное снижение уровня употребления алкоголя у поколений миллениалов и зумеров на фоне распространения ценностей здорового образа жизни.

Ключевые слова: молодёжь; мегаполис; алкогольное поведение; здоровый образ жизни; поколение Z; миллениалы; подростки.

В последние десятилетия алкогольное поведение российской молодёжи претерпевает заметные изменения, особенно в условиях крупных мегаполисов. Характер и мотивы употребления спиртного существенно различаются между разными возрастными группами под влиянием социальных и психологических факторов. Современные исследования свидетельствуют о снижении доли людей, регулярно употребляющих алкоголь в стране, и эта тенденция наиболее выражена среди молодого поколения. За последние двадцать лет доля непьющих россиян почти удвоилась, особенно поколение миллениалов и зумеров демонстрирует приверженность здоровому образу жизни. В крупнейших городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.) эти изменения наиболее заметны благодаря развитой спортивной культуре и широкому распространению ценностей ЗОЖ.

Подростковый возраст представляет собой переходный период развития, когда формируется чувство взрослости и стремление к независимости, что существенно влияет на отношение подростков к алкоголю. Социально-психологические особенности потребления алкоголя у подростков во многом связаны с процессами социализации и самоидентификации: они часто стремятся не выглядеть «белой вороной» среди сверстников, хотят казаться старше и «круче», движимы любопытством и желанием экспериментировать. Нередко мотивами выступают также попытки преодолеть внутреннюю неуверенность или тревогу в новых социальных ситуациях, самоутвердиться в компании либо выразить протест. При этом недостаточный жизненный опыт и несформированные навыки самоконтроля делают подростков особенно уязвимыми: даже эпизодическое пьянство способно привести к проблемам с учёбой, эмоциональной нестабильности и быстрому развитию зависимости.

Употребление алкоголя лицами моложе 18 лет запрещено законом, поэтому случаи распития подростками носят нелегальный характер. Обычно они пробуют спиртное либо с разрешения взрослых (дома на праздниках), либо прося старших купить алкоголь. Семья играет ключевую роль в знакомстве подростка с алкоголем: зачастую именно родственники впервые предлагают алкогольные напитки, невольно поощряя интерес. Статистика подтверждает влияние примера семьи: в семьях, где оба родителя злоупотребляют спиртным, доля пьющих подростков 14 – 17 лет примерно вдвое превышает средний уровень (около 40 % против 19 %). А дети из непьющих семей практически не пьют. Помимо семьи, существенное влияние оказывают сверстники и ближайшее окружение.

За последние годы отмечается резкий спад потребления алкоголя среди несовершеннолетних. По данным мониторинга НИУ ВШЭ, в 2006 году около 39 % подростков 14 – 17 лет сообщали об употреблении алкоголя хотя бы изредка, а к 2019 году этот показатель снизился до 9,8 % [1, 155]. Те немногие несовершеннолетние, кто всё же пьёт алкоголь, ограничиваются в основном слабоалкогольными напитками, чаще всего пивом, реже вином. Пиво, по сути, является универсальным фаворитом у подростков. Как правило, употребление носит эпизодический характер – «по случаю» или под настроение – и не входит в привычку. Регулярное систематическое пьянство в столь юном возрасте обычно свидетельствует о неблагополучии. Позитивно, что среди современных подростков мегаполисов больше не считается зазорным вовсе не пить: строгие законодательные ограничения, активное продвижение ЗОЖ и вовлечение молодёжи в спорт и другие здоровые виды досуга сделали трезвость фактически нормой. Тем не менее, проблемы ранней алкоголизации полностью не исчезли. Подростки, растущие в окружении пьющих взрослых или находящиеся под давлением более старших компаний, по-прежнему в группе риска раннего приобщения к спиртному.

С наступлением совершеннолетия молодые люди получают законный доступ к алкоголю, что традиционно вело к росту потребления в раннем взрослом возрасте. Однако за последние 15 – 20 лет отношение молодёжи к алкоголю значительно изменилось: современные молодые россияне пьют заметно меньше, чем их ровесники в предыдущие десятилетия. Согласно опросам, среди молодёжи 18 – 22 лет распространённость употребления алкоголя снизилась с 77,1 % до 43,1 %. Число ведущих трезвый образ жизни растёт рекордными темпами: по данным мониторинга НИУ ВШЭ, доля непьющих среди россиян моложе 25 лет увеличилась с 25 % в 2006 году до 55 % в 2018-м [1, 158]. Снижение распространённости употребления алкоголя в молодёжной среде происходит быстрее, чем среди населения среднего и старшего возраста. Социологи связывают эту тенденцию прежде всего с популяризацией здорового образа жизни. Миллениалы и особенно поколение Z гораздо активнее интересуются спортом, правильным питанием,

психологическим здоровьем, практиками вроде йоги и медитации. Для многих молодых людей спиртное перестало быть обязательным атрибутом досуга.

Возрастная группа 18 – 35 лет весьма неоднородна: от поздних подростков до людей около 30 лет, принадлежащих к разным поколениям. Внутри этой категории наблюдаются существенные возрастные различия в модели потребления алкоголя. Например, молодые люди 18 – 24 лет в среднем пьют реже, чем представители подгруппы 25 – 34 лет. По данным опросов ВЦИОМ, почти 40 % молодёжи 18 – 24 лет не употребляют алкоголь вовсе, а около четверти выпивают хотя бы раз в месяц [2]. В целом городская молодёжь употребляет спиртное эпизодически, преимущественно в контексте отдыха и общения. Несколько раз в месяц (нередко только по праздникам) – обычная частота для многих молодых горожан. Сформировалась особая молодёжная культура потребления спиртного, отличная от стиля их родителей. Она характеризуется переходом от редких, но обильных застолий с крепкими напитками к более умеренному и «лёгкому» потреблению. Молодые россияне намного реже пьют до сильного опьянения; для них алкоголь скорее фон приятного времяпрепровождения, а не цель вечеринки.

Наиболее популярным напитком остаётся пиво, хотя его доминирование уже не столь велико, как раньше. Доля тех, кто называл пиво своим любимым алкоголем, в 2004 году составляла 47 %, а среди нынешних 18 – 24-летних – лишь около 11%. Помимо пива всё более распространены в молодёжной среде вино и другие слабоалкогольные напитки. Новое поколение активно осваивает появляющиеся на рынке продукты – например, крафтовое пиво и разнообразные слабоалкогольные коктейли. Молодые горожане также существенно реже употребляют крепкие спиртные напитки, чем их родители. Водка сегодня находится у молодёжи на последнем месте по популярности: среди 18–24-летних лишь около 9 % употребляли её в последний месяц, и люди до 30 лет вообще пьют водку крайне редко [1, 161]. Если молодёжь и пьёт крепкий алкоголь, то преимущественно в составе коктейлей, где его вкус максимально смягчается.

Молодые жители мегаполисов всё чаще употребляют алкоголь вне дома – в барах и клубах – вместе с друзьями или коллегами. Спиртное всё больше воспринимается ими как средство общения, а не как цель досуга. На выбор напитков влияет и модная составляющая: популярны напитки, соответствующие актуальным трендам и эстетически привлекательные. По наблюдениям маркетологов, зумеры чаще выбирают коктейли, а миллениалы – пиво, вино либо классические крепкие напитки.

Цели употребления алкоголя у молодёжи тоже отличаются от мотивов старших поколений. Молодые люди нередко пьют, чтобы расслабиться и снять стресс, хотя этот

мотив постепенно утрачивает силу. Старшее поколение склонно объяснять злоупотребление спиртным привычкой, слабостью характера или желанием «залить горе». Среди самой молодой взрослой аудитории (18 – 24 года) распространены и сугубо социальные мотивы – выпить «за компанию», поддержать дружеское общение. Однако, в отличие от подростков, совершеннолетняя молодёжь уже обладает механизмами самоконтроля, и большинство умеет ограничивать количество выпитого. В результате масштаб злоупотребления в этой группе снизился: доля 18 – 22-летних, допускавших эпизоды чрезмерного пьянства, сократилась с 5 % до 2% к 2019 году. Как отмечают эксперты ВЦИОМ, «алкоголь нынче не в моде» [3], особенно у представителей поколения Z, что не может не радовать.

Таким образом, современная городская молодёжь демонстрирует более здоровые и осознанные модели потребления алкоголя по сравнению с предыдущими поколениями. Многие вовсе отказались от спиртного в пользу спорта и заботы о здоровье; другие пьют редко и в основном ради вкуса и атмосферы, выбирая более качественные напитки. Для большинства молодых алкоголь превратился в необязательный элемент отдыха и

социализации, а не в насущную потребность. В то же время нельзя сказать, что проблема алкоголизма полностью исчезла из молодёжной среды. Некоторые молодые мужчины по-прежнему злоупотребляют алкоголем, особенно в стрессовых ситуациях или следуя традиции совместных употреблений в компаниях.

1. *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 11, 2021 – 206 с.*
2. *ВЦИОМ. Новая эпоха трезвости [Электронный ресурс]. / URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti– 2024.*
3. *ВЦИОМ. Алкоголь на фоне пандемии [Электронный ресурс] / URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii – 2020.*

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЖ. ХАЙДТА В ОБЪЯСНЕНИИ СПЕЦИФИКИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Гавриленко Ольга Владимировна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Патриотические ценности являются ключевыми среди традиционных духовно-нравственных ценностей, сохранение которых крайне важно для безопасности российского государства в условиях внешней агрессии. Патриотизм включает в себя понятные для отдельного человека и общества в целом установки, идеалы и нравственные ориентиры, формирующие и выражающие преданность гражданина своей стране и ее интересам. При этом при различных опросах респонденты разделяют феномен патриотизма и любовь к Родине. Патриотизм воспринимается как что-то формальное, насильственно насаждаемое, в отличие от любви к Родине, которая настоящая искренняя. «Патриотизм – это холодное, официозное, показное чувство, любовь к Родине – подлинное, идущее из сердца. Патриотизм измеряется количеством проведенных мероприятий и тематических проектов, что априори неверно» [9, С. 153].

Согласно данным ВЦИОМ 2023 года, ««быть патриотом» для россиян – значит, в первую очередь, работать и действовать во благо, для процветания страны (48 %), то есть патриотизм воспринимается как вклад в общее дело. На втором месте сегодня – защита страны от любых нападок и обвинений (38 %) … Около трети опрошенных считают, что «быть патриотом» – это «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была», «считать себя частью своей страны» (по 32 %) и стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее (31 %). Вариант «считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны» сегодня выбирают 18 %» [1]. В то же время любовь к Родине в представлениях россиян это, прежде всего, «любовь к своей семье, близким, заботе о них (16 %), 15 % указали на малую родину, то место, где родился и вырос. Каждый десятый связывает любовь к Родине с любовью к людям, взаимопониманием и взаимопомощью (10 %). В числе проявлений большого масштаба – готовность защищать свою страну (9 %), знать и любить историю, культуру и традиции страны, делать вклад в ее процветание и развитие (по 7 %)» [1]. Гордость за страну объединяет разные поколения и укрепляет чувства единства и солидарности. По результатам опроса ВЦИОМ 2025 года «шесть из десяти россиян говорят, что в последний год стали гордиться своей страной больше, и показатель устойчиво высок на протяжении замеров с 2023 г.» [3].

При анализе ценностной структуры российского общества нельзя забывать о том, что «современному человеку довольно сложно достичь баланса между вызовами современности (высокая скорость внедрения новых технологий, социодемографические изменения, цифровизация и др.) и сохранением приверженности традиционным ценностям» [4, С.162]. По данным ВЦИОМ «наши сограждане в большинстве случаев предпочтут следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности – 65 %. Выбирают путь современности 25 %, каждый четвертый», при этом различия в предпочтении традиционных и современных ценностей во многом объясняются возрастом респондентов. «Дилемма "традиционного-современного" обнажает поколенческий конфликт. Молодежь до 25 лет чаще выбирает сторону современности (53 % против того, чтобы всегда следовать традиционным духовным принципам), 25 – 34-летние находятся в условной переходной фазе между традициями и современностью (49 % предпочтут следовать традиционным духовным принципам, 40 % нет)» [2].

Для понимания специфики патриотических ценностных ориентаций российской молодежи и сложностей их формирования обратимся к теории моральных оснований Дж. Хайдта [10]. Моральные основания, по Дж. Хайдту, это основания для моральной оценки событий и поступков, «моральное решение принимается преимущественно на основе автоматической, интуитивной, эмоциональной оценки (moral intuition), тогда как последующие моральные рассуждения служат в основном для рационального обоснования уже принятого решения» [6, С. 91]. Моральная сфера базируется на пяти моральных основаниях, образующих две категории – этика сообщества и этика автономии. «Этика сообщества включает нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание „лояльность"), уважение ее традиций и лидеров („уважение"), почитание религиозных и национальных святынь („чистота / святость"). Этика автономии включает нормы и ценности, ориентированные на защиту благополучия (моральное основание „забота") и прав личности („справедливость")» [7, С. 108]. Дж. Хайдт приходит к выводу, что «для лиц с либеральными убеждениями этика сообщества не имеет столь важного значения, как этика автономии. Для людей с консервативными взглядами моральные основания этики сообщества (лояльность, уважение, святость) столь же важны, как моральные основания этики автономии (забота и справедливость)» [4, С. 158].

Российские ученые О. А. Сычев, К. И. Белоусов, опираясь на теорию моральных оснований Дж. Хайдта, выдвинули гипотезу о том, что этика сообщества и этика автономии, в том числе, проявляются в представлениях россиян о Родине. «Результаты исследований на российских выборках свидетельствуют о том, что высокая оценка этики автономии сочетается с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, демократии и свободы слова. В то же время люди, разделяющие нормы этики сообщества, в большей мере одобряют стремление к поддержанию патриотизма и единства в обществе, они поддерживают рост затрат на оборону, будучи обеспокоены возможными действиями внешних или внутренних врагов, выше оценивают роль религии в жизни общества» [7, С. 108].

Достаточно ощутима разница в восприятии традиционных ценностей россиянами старшего поколения и молодежью. Так, результаты исследования факторов гордости и стыда за страну О. А. Сычева и Т. А. Нестика вызывают некоторую тревогу, если акцентировать внимание на «поколенческом» разрыве [8]. Для выявления моральных оснований для гордости и стыда за свою страну респондентам были предложены основания для гордости и стыда. Выделено четыре фактора – «первый фактор включает

поводы для гордости, отражающие события и достижения, имеющие мировое значение … этот фактор можно назвать „гордость за вклад в историю человечества“» [8, С. 533]. Второй фактор связан с недавними достижениями России – «возвращение Крыма в состав РФ, рост экономики и политическая стабильность при В. В. Путине, кроме того, сюда вошли факты, не связанные с современностью – моральные качества русского человека, подвижнические подвиги русских святых и т.п. Третий фактор включает гордость за советское прошлое» [5, С. 133]. К четвертому фактору относится «нравственный авторитет русской интеллигенции; перестройка, начало рыночных реформ и дух русской вольницы, свободолюбие. Эти три повода для гордости объединяют, по-видимому, ценности свободы и преобразования общества, что согласуется с характерным для русской интеллигенции оппозиционным и реформаторским настроем … Этот фактор можно обозначить как „гордость за реформы и свободолюбие”» [8, С. 535]. Далее авторами были предложены четыре фактора стыда за страну: «стыд за русских людей и власть», «стыд за национальное высокомерие», «стыд за разрушение советской страны», «стыд за притеснение религии» [8, С. 536].

По итогам исследования были выделены два противоположных профиля – «традиционалистский» и «индивидуалистический». Для «традиционалистов» более важны моральные основания лояльности, уважения по Дж. Хайдту (чаще это люди зрелого возраста), именно представители данного профиля чаще испытывают гордость за свою страну и практически не находят причин для стыда. У “индивидуалистов” же (здесь доминирует молодежь) на первом месте свобода, а лояльности и уважению отдается незначительный приоритет.

«Наиболее ярко отличается группа с индивидуалистическим профилем моральных оснований, демонстрирующая весьма низкие оценки по трем первым факторам гордости (за достижения мирового значения, за недавние успехи страны и за советское прошлое). Иными словами, они не нашли в предложенном им списке ничего, вызывающего у них выраженную гордость за страну, кроме умеренной гордости по четвертому фактору (гордость реформами и свободолюбием). Для них характерны также максимальные оценки по второму фактору стыда (за национальное высокомерие) при низких оценках по третьему и четвертому факторам стыда (стыд за разрушение советской страны и за притеснение религии). Стыд за русских людей и власть, а также за национальное высокомерие являются у этих людей доминирующим переживанием, связанным со страной, он значительно превосходит чувство гордости» [8, С. 540].

Такие результаты дают основания для тревоги и могут рассматриваться как следствие внедрявшихся в стране после распада СССР «прозападных» ценностей. Девяностые годы сформировали поколение, которое привыкло не гордиться страной, а испытывать стыд за Россию, ее граждан и др. Всё это объяснимо, принимая во внимание социальные технологии прямого и косвенного воздействия на молодое поколение в постсоветский период, а также погруженность молодежи в социальные медиа и появление новых возможностей манипулятивного воздействия в цифровой среде. Следует отметить сложность пропаганды традиционных ценностей у молодежи, так как в силу возраста, погруженности в цифровые социальные медиа и доступа к разным источникам информации, многие стратегии прямого воздействия работают неэффективно и воспринимаются с сопротивлением. В связи с этим большую востребованность имеют технологии «мягкой силы».

1. *Аналитический обзор ВЦИОМ «Патриотизм: мониторинг» от 11.04.2023 // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring?ysclid=mflbb1uoip718204989*

2. *Аналитический обзор ВЦИОМ «Традиции в эпоху перемен» (22.12.2023): https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen*
3. *Аналитический обзор ВЦИОМ «У российских собственная гордость» (01.09.2025): https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost*
4. *Гавриленко О. В. Ценности персонала как фактор двойственности современной российской деловой культуры // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2025. – Т. 31, № 2.*
5. *Гавриленко О. В. Российская деловая культура в цифровую эпоху: социальные технологии и управленческие практики: монография. – М.: Издательство ФИВ, 2025*
6. *Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3.*
7. *Сычев О. А., Белоусов К. И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // Сибирский психологический журнал. – 2021. – №80.*
8. *Сычев О. А., Нестик Т. А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. – Т.19.*
9. *Шевяков М. Ю., Михайленко А. В., Ковалевская В. В. Глубинные ценности жителей России глазами социолога (мировоззренческие разломы) // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография / под ред. В.А. Фадеева, Т. А. Вархотова – М.; 2023.*
10. *Haidt J. The moral emotions // Handbook of affective sciences. – Oxford: Oxford University Press. 2003. Pp. 852–870*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Газиева Инна Александровна
(РАНХиГС, г. Москва)

Современная система высшего образования находится в условиях постоянного напряжения между двумя ключевыми ориентирами: с одной стороны – растущими требованиями рынка труда к компетенциям, мобильности и практической готовности выпускников, с другой – необходимостью сохранять гуманистическую, ценностную и интеллектуальную глубину образовательного процесса. В этих условиях формирование профессионального потенциала студенческой молодежи перестает быть исключительно технической задачей передачи знаний и навыков. Оно все больше определяется ценностными установками, мировоззренческими ориентирами и личностной зрелостью будущих специалистов.

Актуальность данной проблемы обусловлена рядом вызовов: ускоряющейся трансформацией профессий, цифровизацией экономики, нестабильностью трудовых рынков и одновременным ростом спроса на «мягкие» навыки – критическое мышление, этическую ответственность, способность к самоорганизации и межличностному взаимодействию. В этих условиях качество подготовки выпускника уже не измеряется только дипломом или набором hard skills, но и его способностью выстраивать осмысленную профессиональную траекторию, основанную на устойчивых ценностях. Таким образом, целью данной работы является описание методологии изучения ценностной основы профессионального потенциала студенческой молодежи и результатов ее апробации.

В ходе разработки ценностного подхода к определению понятия «профессиональный потенциал» автор обратился в первую очередь к трудам классиков социологии, определяющих суть диалектически связанных друг с другом понятий «возможность» и «потенциал», для чего были изучены труды М. Вебера, Т. Парсонса, Н. Лумана, З. Баумана, П. Штомпки, Г. Риккерта и др. Изучение более частного понятия – «профессиональный потенциал», потребовало от автора анализа исследований ученых,

посвященных родственным социологическим категориям: «социальный капитал» (Коулман Дж.), «культурный капитал» (Бурдье П.), «человеческий капитал», «человеческий потенциал» (Тихонова Н. Е., Латов Ю. В. и др.), «трудовой потенциал» и «трудовые ресурсы» (Зущина Г. М.), «личностный потенциал», который в зарубежных работах описывается в контексте разработки прикладных инструментов управления талантами (Talent Management) в организации (См., например: Chuai, X., Preece, D., & Iles, P. ; Collings, D.G., & Mellahi, K.; Tansley, C.; Thiago Sagawe et al.; De La Calle-Duran, M.C., Fernandez-Alles, M.L., & Valle-Cabrera, R. и др.). В ходе изучения блока понятий, родственных категории «профессиональное», автор обратился к изучению трудов современных отечественных (В. А. Ядова, М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, И. О. Тюриной, Т. Г. Калачевой, В. А. Цвыка, В. Р. Филлипова, Э. Ф. Зеера, Э. Э. Сыманюка, В. К. Потёмкина и др.) и зарубежных ученых (Ф. Парсонса, М. С. Де ла Калл-Дюран и М. Л. Фернандес-Аллес, Р. Силзера и А. Х. Черча и др.).

В результате анализа научных источников делается вывод: профессиональный потенциал может изучаться как личностная характеристика и как характеристика определенной социальной группы; в данной работе мы говорим о *профессиональном потенциале социально-демографической группы – студенческой молодёжи, который, по мнению автора, представляет собой детерминированную социальными ценностями готовность молодёжи использовать свои личностные свойства и сформированные в вузе профессиональные компетенции для осуществления целенаправленной продуктивной трудовой деятельности.* Ключевым термином здесь являются не сами личностные свойства или компетенции, а именно готовность к их использованию, что обусловливает сознательный уход автора от измерения этих свойств и компетенций, поскольку, во-первых, современная система профессиональной социализации, элементом которой является система профессиональной ориентации, «*малоэффективна, разбалансирована, функционирует в условиях отсутствия связей с потребностями общества*» [1, с. 96]. Во-вторых, студенты, у которых не сформирована, например, ценность созидательного труда или ценность профессионального развития, с очень малой вероятностью будут составлять собой реальный потенциал социально-экономического развития общества и будут успешны на рынке труда.

Ценностная основа изучения профессионального потенциала студенческой молодёжи представлена смысложизненными и профессиональными ценностями, описанными на основе анализа декларируемых государством ценностей (традиционных российских духовно-нравственных ценностей) и ценностей студенческой молодёжи, предложенных Министерством науки и высшего образования РФ (всего: 20 ценностей), являющих собой, по сути, желаемый ценностный образ российского студенчества, а соответственно, представляющий целевой образ реализации молодёжной кадровой политики вуза.

В результате прикладного социологического исследования, проведенного автором 9-29.09.24 («Профессиональный потенциал студенческой молодёжи»; студенты дневной формы обучения: бакалавриат и специалитет гуманитарного, технического и естественно-научного профилей обучения; N = 3864), методологическую основу которого составила авторская эмпирическая модель анализа ценностей студенческой молодежи, описанная автором в более ранних работах, в рамках регрессионного анализа формулируется ряд зависимостей участия респондентов в мероприятиях основных направлений внеучебной деятельности как факторов формирования ценностей, от набора ценностей, которым следуют респонденты.

Остановимся на одной из регрессионных моделей, где в качестве зависимой переменной была использована оценка факта участия или неучастия в одном из направлений внеучебной деятельности. Значение 1 соответствует факту участия в той или иной роли в мероприятиях одного из пяти направлений реализации внеучебной деятельности, 0 – факту неучастия. В качестве независимых переменных были рассмотрены все индикаторы, вошедшие в эмпирическую модель ценностной диагностики профессионального потенциала студенческой молодёжи. Из 20 индикаторов методом пошагового исключения было отобрано разное количество параметров в зависимости от показателя их статистической значимости; все они были внесены в одну из формализованных таблиц (табл. 1), построенную на основе нескольких исходных таблиц; здесь выделяется несколько ценностных переменных, которые почти одинаково характеризуют факт участия респондентов в мероприятиях разной направленности.

Таблица 1. Статистика модели логистической регрессии, направленной на поиск независимых переменных для объяснения ориентации на формирование профессионального потенциала респондентов в ходе их участия во внеучебной деятельности (N = 3864)

Переменные (согласия с суждениями)	**Модель 1 «Наука»**		**Модель 2 «Проекты»**		**Модель 3 «Культура»**		**Модель 4 «Спорт»**		**Модель 5 «Патриотика**	
	B	**Exp (B)**	**B**	**Exp (B)**	**B**	**Exp (B)**	**B**	**Exp (B)**	**B**	**Exp (B)**
Для меня важно видеть и чувствовать единство народов России	0,209	1,233	0,167	1,182	-	-	0,393	1,481	0,310	1,363
Я все время нахожусь в поиске новой информации и нового опыта	0,282	1,326	0,266	1,305	-	-	0,237	1,268	0,215	1,240
Готов получить низкую оценку, если ее заслуживаю	-0,140	0,869	-0,226	0,798	-	-	-	-	-0,179	0,836
Я всегда стараюсь найти возможность, чтобы применить уже имеющиеся знания и опыт	0,156	1,169	0,178	1,195	-0,142	0,868	-	-	-	-
Для меня важно нести ответственность за результаты своих действий	-0,285	0,752	-	-	-0,135	0,874	-	-	-	-
Готов сначала к духовному и профессиональному росту, а затем – к обеспечению материального благополучия	0,152	0,164	-	-	-	-	-	-	0,191	1,211
Для меня важно уметь прощать людей за их проступки	-	-	0,122	1,130	0,115	1,122	-	-	-	-
Для меня важно находить и узнавать новое, расширять кругозор	-	-	-0,299	0,742	-	-	-0,284	0,753	-	-
Константа	-1,300	0,272	-1,994	0,136	-0,900	0,407	0,110	1,116	-2,653	0,070

Результаты регрессионного анализа, направленного на соотнесение активности участия респондентов во внеучебной деятельности вуза с оценками индикаторов смысложизненных и профессиональных ценностей, дают возможность говорить о том, что ценности, разделяемые респондентами, определяют характер и степень вовлеченности студентов во внеучебную деятельность конкретной направленности, что определяет тенденции их формирования. Так, например, студенты, вовлеченные в научную, культурно-массовую и проектную деятельность, демонстрируют компетентностную фундированность и стремление к духовному и профессиональному росту. Однако, наблюдается негативная связь, например, между активностью в научной и культурно-массовой деятельности и ответственностью за результаты своих действий, а также между важностью саморазвития и участием в проектной и спортивной деятельности, что указывает на необходимость целенаправленного воспитания у студентов ценностей ответственности в привязке к ценности саморазвития.

Анализ смысложизненных и профессиональных ценностей студентов как основы их профессионального потенциала выявил зависимости следования определенным ценностям от тех направлений внеучебной деятельности, в которые включены респонденты. Так, две модели из пяти демонстрируют совокупный набор характеристик, описывающих профессиональные ценности, от которых зависит участие респондентов в мероприятиях двух групп направленностей: научно-исследовательских и проектных. Три другие демонстрируют ценностные характеристики участников с фокусом на следование или не следование смысложизненным ценностям, от которых зависит участие респондентов в культурно-массовых мероприятиях, спортивных и гражданско-патриотических. Заметим, что эти результаты имеют и обратное значение: инструментом формирования профессиональных ценностей, при слабой сформированности таковых, могут служить научная и проектная деятельность; инструментом формирования смысложизненных ценностей могут стать мероприятия культурно-массовой, спортивной и гражданско-патриотической направленности.

Формирование профессионального потенциала студенческой молодежи является детерминированным социальными ценностями процессом, поэтому приведенные зависимости, описанные на основе определяющих их значимых ценностных параметров, по сути, являются основой для построения деятельностных стратегий участия респондентов во внеучебной деятельности, способствующих повышению качества подготовки молодых специалистов. Поэтому современное высшее образование должно стремиться не просто «адаптировать» студента к текущим условиям, а формировать у него внутренний компас – совокупность этических, гражданских и профессиональных ценностей, позволяющих не только успешно трудоустраиваться, но и нести ответственность за качество своей работы и вклад в развитие общества.

1. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. – М.: Новый хронограф, 2016. – 416с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Гайшун Александр Николаевич
(Государственное учреждение образования
«Средняя школа № 9 г. Бобруйска», Республика Беларусь)

Могелат Вероника Сергеевна
(ГУО «Средняя школа № 9 г. Бобруйска»)

Воспитание молодежи Союзного государства Беларуси и России на героико-патриотическом наследии, сформированном на протяжении долгого общего исторического пути, является эффективным способом формирования у представителей молодого поколения гражданственности и социальной активности, представления о фундаменте «союзности» двух братских народов.

Исходя из существующих реалий, можно констатировать, что на современном этапе развития постсоветских государств формирование патриотизма у молодых граждан является необходимым условием создания основ безопасности личности, общества и государства. При этом стоит подчеркнуть и то, что национальная безопасность отражает связь нации с определенной территорией, общностью людей, учитывает устойчивость экономических, социально-политических, исторических, культурных связей. Нации, как известно, включают все национальности, этнические группы, проживающие на территории наших союзных стран со своими традициями, обычаями, укладом, нравами и культурой. Расширение этого компонента в психолого-педагогических задачах патриотического воспитания необходимо, так как в современных информационно-психологических операциях, направленных против безопасности Республики Беларусь и Российской Федерации, так называемый «этноконфессиональный фактор» является одним из основных и ориентирован, в первую очередь, на молодежь как объект поражения.

Одной из основных целей информационно-психологических операций в настоящее время является отделение общества от государства. Решается эта задача, как показывает исторический опыт, через разрушение исторической памяти и ядра нравственности. Очевидно, что столкновение идеологий остается основной угрозой безопасности большинства стран мира, и многочисленные локальные конфликты это подтверждают.

Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «информационная сфера становится ареной межгосударственного противостояния…в результате культурно-идеологической экспансии, в основном ориентированной на потребление, целенаправленно искажается историческая правда, осуществляется фальсификация истории…» [2, 9].

Заметим, что возможности интернета и «классических» СМИ при манипуляции общественным сознанием достаточно велики. В наше время условия жизни людей быстро меняются, а потому большинство из них оказываются в незнакомых, непривычных ситуациях. Именно поэтому возрастает потребность в информации и, как следствие, возрастает зависимость от нее, тем более у представителей молодого поколения.

По мнению психологов, сегодня информационная зависимость начинает приобретать невротический характер, провоцирует у потребителей маниакальное поведение. Современные «цветные революции» это продемонстрировали в достаточной мере, чтобы понять серьезность проблемы.

Сформированная историческая память молодежи сможет эффективно противостоять агрессивным информационно-психологическим манипуляциям. Как известно, в исторической памяти заложены сведения и символы, которые и образуют общество. Культурное наследие (в широком смысле), язык, традиции, государственный опыт – все это и есть содержание развития народов на протяжении многих столетий.

Подобный фундамент есть в каждом современном сильном национальном государстве. Именно поэтому в периоды обострения внутренней ситуации в стране-«объекте поражения» противостоящие внешние военно-политические силы при поддержке так называемой «пятой колонны» стремятся нанести информационные удары именно по исторической памяти народа, создав условия для жесткого социально-политического конфликта.

Очевидно, что для постсоветских стран наиболее проблемным является отношение к советскому прошлому, в особенности к событиям Великой Отечественной войны.

В результате активной деятельности сформированного во второй половине 80-х годов прошлого столетия агитпропа в сознании многих людей были созданы ложные представления, штампы о причинах войны, ее ходе и роли советского народа в разгроме фашистской Германии. Между тем, природа немецкого нацизма и экспансионистские планы Берлина изучены достаточно глубоко. Как, к слову, и внешняя политика западноевропейских стран в 1938 – 1940 годах. Многие сюжеты современной политики ЕС имеют зеркальное отражение.

Более всего подрывных информационных материалов создается по теме «кто, почему и за что воевал». И последствия ангажированных «исторических находок» часто трагичны.

Например, в ряде постсоветских стран одной из причин острого внутреннего социально-политического противостояния стали информационные провокации, направленные на оправдание гитлеровских приспешников. При этом намеренно замалчивается то, что на стороне третьего рейха воевали предатели-отщепенцы, а в рядах Красной Армии – многие миллионы патриотов своей земли. Они покрыли себя бессмертной славой, освобождая Родину от фашистской нечисти. Спасли и страны Европы.

Не говорится и о том, что хозяева «борцов за свободу» стремились уничтожить большую часть славянских народов, а остальным была уготована участь рабов.

Заметим, что исторические мифы о Второй мировой войне производят не только «историки-перебежчики» и их хозяева. Эту традицию заложили сами нацисты, и вот один из таких выразительных примеров.

В книге воспоминаний «Неизвестная война» командир частей СС особого назначения Отто Скорцени говорит следующее: «Украинский народ мог выжить только при условии свободы. Поэтому он боролся, зная, что под властью русских и поляков он будет беспощадно преследоваться…» [4, 455 – 456].

Получается, что вдохновителями этой «борьбы за свободу» нужно считать Коха и Гиммлера? Как известно, особым зверством отличались вояки из спецподразделений СС «Нахтигаль» и «Роланд», которые позже вошли в дивизию особого назначения «Брандербург – 800», совершавшей преступления против человечности на территории Украины и Беларуси, Балкан. Большая часть сожженных деревень, огромное количество расстрелянных и замученных людей – дело их грязных рук.

Между тем, военных преступников пропагандистская машина ЕС делает героями, создавая основы для неонацизма и реваншизма.

И таких примеров много, слишком велик нынешний политический заказ – в условиях трансформации мирового уклада, локальных конфликтов.

Включение прямой лжи практикуется пропагандистской машиной противостоящих государств все в больших масштабах – ведь это менее затратно, но эффективно, особенно если срочно необходимо решить возникшие военные, экономические и политические задачи.

Именно поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед обществом и государственными институтами Республики Беларусь, является «противодействие пропаганде и деструктивной идеологии, использованию информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий, направленных на вмешательство во внутренние дела Республики Беларусь, провоцирование в белорусском обществе вражды и розни по идейно-политическим убеждениям либо по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности, дестабилизацию обстановки в государстве» [1, 34].

Исходя из данного понимания, патриотическое воспитание молодого поколения предполагает не только формирование веры и убеждений будущих защитников Отечества на основе теоретических выводов и предложений, но и реализацию конкретных проектов, призванных сформировать у учащихся через их практическое участие чувство патриотизма и гордости за свой народ, его историко-культурное наследие, героическое прошлое.

Данные опросов свидетельствуют, что одним из препятствий для реализации данного направления воспитания подрастающего поколения является формирование эгоистического, индивидуалистского компонента в его сознании. Трансформации обществ после распада СССР сопровождались противоречивым поиском новых ценностей, а фактически приводили к «заимствованию» западных и иных – чуждых – идей.

Начиная с 2021 года, в учреждениях общего среднего и среднего специального образования Республики Беларусь одним из важнейших направлений воспитательной работы стало военно-патриотическое воспитание учащихся. Военно-историческое и военно-идеологическое направления имеют приоритетное значение, так как решают важнейшие задачи социализации молодежи в условиях существующих вызовов.

Как демонстрируют исследования, проведенные в учреждении среди учащихся старших классов в 2023 – 2025 гг., конституционное положение о том, что «каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности», сохранять историческую память о героическом прошлом белорусского народа, становится личным проявлением патриотизма у молодых людей [3, 32]. При этом большинство опрошенных (84 %) заинтересованы в совместных со сверстниками из Российской Федерации проектах по сохранению героико-исторического наследия братских народов.

Необходимо отметить, что в последние годы в рамках Союзного государства Беларуси и России, Содружества Независимых Государств реализуется много молодежных патриотических проектов, направленных на сохранение и укрепление исторической памяти. Проекты по сохранению, восстановлению мемориалов и памятников на территории братских стран, общие уроки памяти и мужества, научные конференции школьников Беларуси и России, «Поезд памяти», открытые диалоги, совместные информационные проекты – все эти направления деятельности молодежных патриотических организаций необходимо развивать, придать им дополнительные импульсы.

1. *Военная доктрина Республики Беларусь. Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г.№6. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,2024. – 63 с.*
2. *Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г.№5. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 64 с.*
3. *Конституция Республики Беларусь. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024.– 112 с.*
4. *Скорцени, Отто. Неизвестная война/Отто Скорцени. – Минск: Попурри, 2012.– 576 с.*

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Гомонова Ольга Андреевна
(СПбГУ)

Олейникова Елизавета Павловна
(СПбГУ)

Аннотация. В представленных тезисах рассматривается понятие профессиональной социализации в контексте профессии школьного учителя. Сформулированы специфические особенности данного процесса, выявлены барьеры, возникающие у молодых педагогов в ходе его реализации. Кроме этого, обозначены основные пути оптимизации профессиональной социализации специалистов в сфере школьного образования.

Ключевые слова: профессиональная социализация, молодой педагог, образование.

Профессиональная социализация индивида является одним из основополагающих компонентов самореализации личности в социуме. Это связано с тем, что труд выступает в качестве одной из четырех ключевых видов деятельности. В целом, профессиональная социализация представляет собой интеграционный, адаптивный социально-психологический процесс, который обеспечивает усвоение ценностно-ролевых профессиональных установок, социальных норм, правил и образцов поведения в рамках конкретного вида деятельности [2, 33].

Процесс профессиональной социализации предполагает самоопределение индивида в качестве специалиста определенной сферы и его дальнейшее вхождение в профессиональную среду. Успешность протекания данного типа социализации будет определять качество реализации потенциала работника, его уровень профессиональной мобильности, скорость восхождения по карьерной лестнице, а также включение в трудовой процесс. К основным характеристикам профессиональной социализации можно отнести: обеспечение преемственности и передачи знаний, умений и навыков между разными поколениями; обеспечение планомерного вхождения индивида не только в профессиональную, но и социальную сферу жизнедеятельности; передача социокультурных норм, ценностей и ориентаций, профессиональных установок [1, 103].

Важной составляющей при рассмотрении процесса профессиональной социализации является понятие профессиональной ориентации. Профессиональная ориентация представляет собой целенаправленную деятельность, подразумевающую осуществление осознанного, обоснованного выбора профессии, исходя из внутренних

(личностные особенности и характеристики личности) и внешних (социально-политический контекст, потребность общества) факторов. Согласно некоторым источникам, профессиональная социализация личности может быть результатом ее профессиональной ориентации. Однако, по мнению авторов, перечисленные понятия взаимообусловлены, поскольку нередки случаи, когда в результате профессиональной социализации человек приходит к выводу, что текущая профессия не соответствует его ожиданиям и потребностям, что в свою очередь формирует ориентацию и предпочтения личности к иным сферам деятельности [2, 35].

Профессиональная социализация будущих специалистов берет свое начало уже на этапе получения ими высшего образования. Связано это с тем, что именно в период освоения профессии в высшем учебном заведении начинают формироваться профессиональные навыки и компетенции, которые в дальнейшем будут влиять на эффективность профессиональной социализации личности. Помимо компетенций и навыков на эффективность данного вида социализации будут оказывать влияние следующие факторы [4, 111]: развитие личностных качеств студента; адекватное восприятие окружающей действительности, в частности реальных запросов со стороны работодателей относительно конкретной специальности; анализ постоянно меняющихся условий и требований рынка труда и др.

Специфические особенности профессиональной социализации молодых педагогических работников формирует совокупность факторов, которые можно разделить на внешние и внутренние. К основным внешним факторам следует отнести: государственную политику в образовательной сфере, уровень престижа профессии учителя, состояние института высшего образования и уровень профессиональной подготовки студентов. Внутренние факторы составляют мотивация, ценностные ориентации молодых педагогов, их восприятие и понимание составляющих профессии, система коммуникаций между педагогами, а также учениками и их родителями и др.

Как и в любой другой сфере занятости, педагогические работники, особенно в начальный период работы школьным учителем, сталкиваются с различного рода барьерами и трудностями, которые препятствуют благоприятному протеканию профессиональной социализации. Данные барьеры могут быть связаны, как с условиями труда, так и с отсутствием достаточного количества профессиональных компетенций и навыков у молодого специалиста.

Среди барьеров, которые воплощаются в условиях труда, наибольшую значимость имеют противоречия, связанные с несоответствием уровня заработной платы и объема обязанностей и ответственности, которые возлагаются на педагога. В связи с этим зачастую складывается ситуация, при которой молодые учителя начинают испытывать разочарование в профессии, что может привести к эмоционально-профессиональному выгоранию и в конечном итоге стать причиной неэффективного выполнения должностных обязанностей, а в худшем случае и вовсе уходу из профессии.

Барьеры, связанные с совокупностью компетенций, умений и навыков специалиста, возникают вследствие отсутствия достаточного количества опыта работы в образовательной организации. По прошествии некоторого количества времени, которое варьируется в зависимости от уровня профессиональной подготовки школьного учителя, появляется возможность разработать собственные индивидуальные методики преподавания, тем самым оптимизировав протекание педагогического процесса, а также выстроить качественную коммуникацию с коллегами, учащимися и их родителями [3, 104].

Анализируя специфику профессиональной социализации молодых педагогов, можно сформулировать основные направления оптимизации данного процесса, среди

которых: посещение курсов повышения квалификации; наставничество со стороны учителей, обладающих большим стажем работы в профессии; посещение и проведение открытых уроков начинающими специалистами; изучение и осваивание новых технологий и методик преподавания; анализ научной литературы по специфике преподавания того или иного предмета, а также педагогике и психологии в целом [5, 263].

В заключение, стоит отметить, что от того, насколько удачно будет протекать процесс профессиональной социализации, будет зависеть дальнейшая профессиональная траектория личности, ее перспективы в восхождении по карьерной лестнице. В силу того, что профессиональная социализация происходит уже в сознательном возрасте, она поддается корректировке посредством прикладывания определенных усилий со стороны человека. В частности, успешность протекания профессиональной социализации школьного учителя будет играть значимую роль в ходе организации и дальнейшего осуществления образовательного процесса, что в свою очередь оказывает влияние на качество усвоения школьного материала учащимися, а также их собственную школьную социализацию.

1. *Багирян Ю. Э. Проблемы профессиональной социализации молодежи в современных условиях // Человек и образование. 2007. № 3-34. С. 102-106.*
2. *Вайсбург А. В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста // Профессиональная ориентация. 2014. № 1. С. 32-43.*
3. *Ефимова Г. З. Молодой учитель: профессиональная социализация и качество жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 3. С. 102-113.*
4. *Королева Е. Г. Профессиональная социализация в условиях продуктивного обучения // Человек и образование. 2018. № 1(54). С. 109-113.*
5. *Маршева Т. В., Переточкина С. М., Шакирзянова Р. М. Профессиональная социализация педагога в современных условиях // Казанский педагогический журнал. 2016. № 2-2(115). С. 260-265.*

ЦИФРОВАЯ МЕДИАСРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Гончарова Ирина Валентиновна
(Государственный университет управления, НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики)

Чувардин Герман Сергеевич
(Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева)

Аннотация. В статье анализируется цифровая медиасреда как фактор формирования политической идентичности молодежи в России. Обозначается ценностный вакуум 1990-х и информационная война как историческое условие формирование идентичности молодежи. Рассматриваются теоретические подходы, функции цифровых масс-медиа, эффекты множественной идентификации, протестной мобилизации и влияния инфлюенсеров, а также управленческие выводы для молодежной политики.

Ключевые слова: цифровая медиасреда; политическая идентичность; молодежь; цифровизация; информационная война; массовые коммуникации.

Цифровизация кардинально трансформирует процессы социализации молодежи, которая оказывается в пространстве, где цифровая медиасреда становится не только каналом коммуникации, но и ключевым фактором формирования идентичности. На смену ранее ведущим агентам политической социализации (институты семьи, образования и государства) приходят цифровые масс-медиа (социальные сети, мессенджеры, блогосфера, онлайн-СМИ).

Немаловажную роль играет и тот факт, что формирование политической идентичности молодежи происходит в условиях информационной войны против России на протяжении последних десятилетий. С конца XX в. одним из инструментов дестабилизации внутриполитической ситуации стали т.н. «цветные революции» с цифровыми технологиями их поддержки. Беспрецедентное распространение фейковой информации и русофобских нарративов в информационном поле сопровождается использованием цифровых медиа для протестной мобилизации молодежи. Медиасреда превращается в пространство конкуренции ценностей и символов, ареной борьбы за сознание молодого поколения [1].

Актуальность исследования подкрепляется и нормативными документами. В Конституции РФ (ст. 69) подчеркивается защита культурной самобытности народов и этнических общностей [2], а в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] идентичность увязана с защитой традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Категория «идентичность», несмотря на относительную новизну, занимает ключевое место в современном гуманитарном знании. Э. Эриксон, заложивший основы концепции идентичности, определял её как «чувство личного тождества и исторической непрерывности личности» [4, 52], акцентируя внимание на важности этапа юношества, когда происходит поиск устойчивых ценностных оснований. Б. Андерсон в концепции «воображаемых сообществ» показал, что национальная идентичность конструируется не только через реальные социальные связи, но и посредством символических образов, транслируемых средствами массовой коммуникации [5]. Эта мысль напрямую соотносится с современными условиями цифровой медиасреды, превращающей «онлайн-сообщества» в новые формы воображаемого единства. Э. Гидденс рассматривает идентичность как «рефлексивный проект личности», постоянно переосмысливающийся в условиях глобализации и социальной изменчивости [6]. Его идеи важны для понимания цифровой эпохи, где идентичность приобретает множественный и гибридный характер.

В контексте темы данной статьи необходимо отметить и поколенческий подход [7;8]. По мнению исследователей, поколения формируются в условиях исторических переломов, и их идентичность определяется уникальным опытом социализации. В частности, для поколения Z характерна ранняя цифровая социализация, клиповое мышление, высокая зависимость от лидеров мнений и инфлюенсеров как источников политических смыслов.

Идентичность предстает как динамическое и многомерное явление, объединяющее психологические механизмы самоопределения, институциональные факторы, коммуникативные практики и поколенческие особенности. Поэтому исследование политической идентичности молодежи в условиях цифровой медиасреды требует синтеза этих подходов.

Понимание динамики формирования политической идентичности молодежи невозможно без обращения к историческому контексту постсоветской России. 1990-е гг. стали периодом кризиса ценностей и идейных ориентиров, что определило особенности

социализации поколения, которому сегодня 30 – 35 лет – верхняя граница «молодежи» и одновременно родители будущих участников социально-политических отношений.

Как отмечают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, эпоха Б. Ельцина воспринимается россиянами как «этап всеобщего социального неравенства, полномасштабного экономического и социального кризиса, бездуховности и повальной коррупции» [9,92]. На основе их эмпирических данных, интегральный показатель «идейности» в 1990-е был менее 10 % – минимальный уровень за весь XX век.

Учитывая положение поколенческой теории К. Маннгейма о том, что именно кризисные периоды формируют уникальный опыт и ценностные установки молодежи, очевидно, что молодое поколение 1990-х оказалось носителем «отрицательной идентичности», формировавшейся на фоне социального распада и утраты прежних ориентиров.

В терминах Б. Андерсона, в 1990-е годы произошло разрушение образа нации как «воображаемого сообщества» [5]. Символические опоры, которые в советский период обеспечивали чувство принадлежности и коллективной идентичности (пионерия, комсомол, массовая идеология), были демонтированы, но новых устойчивых конструктов не появилось. Ценностный вакуум в результате оказался заполнен фрагментированными нарративами массовой культуры и коммерческих медиа.

Наследие низкого идейного капитала 1990-х гг. наложилось на качественно новые условия социализации молодежи в XXI в. Современная молодежь формирует свою политическую идентичность преимущественно в цифровом пространстве. По данным Mediascope, в первом квартале 2025 г. ежедневный охват интернета молодежной аудитории (18 – 34 года) в России 94 – 96 %. Среднесуточное время пребывания молодежи в сети достигает 6 часов 25 минут [10]. При этом телевидение она смотрит в среднем менее 2 часов в день.

Особую роль в этом процессе играет эффект, который Ж. Бодрийяр определил как «псевдореальность»: в условиях постоянного потока новостей и репостов объективные события подменяются симулятивными конструкциями [11]. Молодые люди оказываются в ситуации, где негативные события распространяются быстрее и привлекают больше внимания, чем позитивные.

По данным ВЦИОМ, 92 – 94 % молодых россиян ежедневно пользуются социальными сетями, что выводит цифровые медиа на уровень базовой жизненной практики. Нельзя в данном случае не согласиться с М. Кастельсом [12], описывающим медиасреду как ключевой элемент «сетевого общества» и Г. Дженкинсом [13], рассуждающим о формировании «культуры участия», где пользователь становится не только потребителем, но и соавтором медиаконтента.

Воздействие цифровой медиасреды проявляется в нескольких ключевых эффектах. Во-первых, происходит формирование множественных идентичностей: подростки и молодые взрослые могут одновременно принадлежать к различным онлайн-сообществам, что приводит к ценностной фрагментации. Во-вторых, именно цифровые медиа стали главным каналом протестной мобилизации, т. к. оперативность распространения информации, эмоциональная насыщенность контента и низкий порог участия делают социальные сети привлекательным инструментом для политической активности. В-третьих, блогеры и инфлюенсеры выполняют роль новых лидеров общественного мнения. На их политические интерпретации ориентируются, их стиль поведения и стратегии самореализации в интернете копируются.

Очевидно, произошёл глубокий разрыв с прежней системой социализации. В советский период идентичность формировалась через массовые государственные институты (пионерия, комсомол, трудовые коллективы, официальная идеология), которые

транслировали единые ценности и стандартизировали молодежные практики. В цифровую эпоху функции социализации распределены между множеством сетевых сообществ, блогеров и цифровых платформ. В результате. идентичность становится множественной, гибридной и подверженной постоянной трансформации под влиянием алгоритмов и медиапотоков.

Таким образом, цифровая медиасреда выступает как ключевой фактор формирования политической идентичности молодежи. Она дополняет институты социализации – образование и семью, которая по историческим причинам не может выступать гарантом преемственности политических ценностей. Но при этом отдельные единицы контента наполнены манипулятивными стратегиями, ведут к ценностной дезинтеграции и поверхностному усвоению политических смыслов. Поэтому контроль за цифровой средой в целях соблюдения баланса – является необходимым условием современной политики государства.

1. *Гончарова И. В., Чувардин Г. С. Проблемы формирования национальной идентичности в контексте молодежной политики: уроки прошлого и новые вызовы // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024.С.1037-1040.*
2. *Конституция РФ. http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter2 (дата обращения 15.09.2025)*
3. *Указ Президента РФ. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения 15.09.2025)*
4. *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. 344 с.*
5. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.*
6. *Giddens A. The Consequences of Modernity. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1990. – 188 p.*
7. *Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. – М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.*
8. *Хоув Н., Штраус В. Четвёртое превращение: Как американские поколения формируют будущее нации. – М.: АСТ, 2005. 445с.*
9. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020.*
10. *Актуальные цифры медиапотребления россиян. Режим доступа: https://mediascope.net/news/2928545/*
11. *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Рипол-классик, 2018. 240 с.*
12. *Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. 591 с.*
13. *Дженкинс Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа – М.; СПб.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. 381 с.*

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ – ПОИСК БАЛАНСА И ПУТИ К САМОРЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ТУРИЗМА)

Гришина Екатерина Сергеевна
(СПбГУ)

Проблема самореализация молодёжи в современном мире является одной из самых актуальных в отечественной социологии. Данный процесс невозможен без трудностей, поэтому современная молодёжь сталкивается с различными вызовами и перспективами.

Туризм, как одна из динамично развивающихся сфер современного общества, служит средством к формированию устойчивой и целеустремлённой личности, способной адаптироваться к нововведениям и реализовывать свой потенциал.

Туризм становится не только формой отдыха, но и важнейшим механизмом личностного развития и самоопределения личности в обществе, социализации и поиска баланса между профессиональной деятельностью и личной жизнью. Актуальность социологического подхода к изучению туризма заключается в необходимости осмысления

его как социального конструкта, как системы социальных отношений и социальных практик.

Начнём с того, то самореализация – это сложный многогранный процесс. Самореализация – высшая потребность личности, включающую раскрытие своих способностей и достижение личностных целей. Важным понятием в социологических теориях, связанных с самореализацией, выступает идентичность. В работах Э. Эриксона идентичность понимается как ощущение человеком своей самотождественности, устойчивости «Я» в социальном пространстве. Специфическое «Я» представляет собой личность автономную со своими мыслями способностью к действию. Для молодёжи процесс формирования идентичности тесно переплетается с практиками самореализации, в том числе через туризм: путешествия становятся способом самопознания, расширения социальных ролей и поиска баланса между личными устремлениями и социальными ожиданиями.

Самосознание и саморефлексия как социальная ценность являются одним из важнейших факторов на пути к самореализации и самоизменению, поскольку это позволяет индивиду не только осознавать себя и анализировать свои действия, но и пытаться скорректировать свои дальнейшие планы.

Молодёжь не боится экспериментировать и ввиду своей креативности и нестандартного мышления готова привносить всё более новые идеи и инновации.

Современная молодёжь более податлива к современным тенденциям и изменениям. Она смотрит на путешествия как на возможность саморазвития, познания мира и готова исследовать то, что ещё не стало популярным. Теория Р. Флориды о креативном классе говорит о создании благоприятной среды для самореализации молодёжи., когда города привлекают креативный класс и предлагают больше возможностей для карьерного роста, что способствует самовыражению и самоопределению молодёжи в обществе. «Больше, чем путешествие» – это инновационный проект Росмолодёжи, трансформирующий традиционное представление о туризме, помогающее получать ценный опыт самореализации.

В заключение можно сказать, что туризм в современном мире требует глубокого социального изучения. Туризм как деятельность социальная носит целенаправленный, целеполагающий характер и выступает в роли уникального инструмента развития и роста личности, помогая не только расширять кругозор, но и вырабатывать социальные и коммуникативные навыки, приобрести уверенность в себе. Среди основных факторов благополучия молодёжи выступает возможность раскрытия собственного потенциала. Также стоит отметить важность поддержки молодых инициатив, ведь только в данном случае туризм станет мощным инструментом личностного роста.

1. *Петров А. Н. Социальные аспекты адаптации молодёжи // Вестник социологии. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 112–119.*
2. *Маслоу А. Теория мотивации личности / Пер. с англ. – М.: Наука, 1943. – 256 с.*
3. *Козлова Е. Б. Самореализация молодежи в условиях современного общества // Социология и политика. – 2018. – № 1. – С. 33–41.*
4. *Новиков Д. А. Туризм как фактор развития молодёжи // Туризм и общество. – 2022. –№5. – С. 28–35.*
5. *Соколов М. В. Межкультурное взаимопонимание и туризм среди молодёжи // Международное образование. – 2020. – №2. – С. 59–66.*
6. *Лукина Т. С., Захарова Л. Н. Барьеры доступа молодёжи к туризму // Образование и общество. – 2021. – №4. – С. 101–108.*
7. *Васильев И. И. Комплексные подходы к развитию туристической активности молодёжи// Молодёжь и инновации. – 2023. – №1. – С. 12–19.*
8. *Медведева Н. В. Образовательные программы и туризм: опыт и перспективы // Педагогика и развитие. – 2022. – №3. – С. 67–74.*

РАЗРАБОТКА ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В АПК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Давлетшина Лилия Авальевна
(ФГБОУ ВО «Казанский государственный аграрный университет»)

Гатауллина Лейсан Наилевна
(ФГБОУ ВО «Казанский государственный аграрный университет»)

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Федеральный проект «Кадры в АПК» подчеркивают важность развития сельских территорий и кадрового обеспечения аграрной отрасли. Успех этой задачи напрямую зависит от закрепления молодежи на селе. Агропромышленный сектор сталкивается с двойным дефицитом: количественным (старение кадров, отток молодёжи) и качественным (нехватка специалистов с компетенциями в области цифровых технологий, генетики, биоинженерии). Существующие образы аграрных профессий у молодёжи устарели и не соответствуют технологической реальности высокопродуктивного АПК, что создает негативный имидж и препятствует притоку кадров.

Республика Татарстан, являясь флагманом агропромышленного производства, демонстрирует всю остроту данных проблем, что делает её идеальной площадкой для разработки пилотной модели, пригодной для тиражирования. Отсутствие системного мониторинга профессиональных предпочтений молодежи приводит к неэффективности профориентационных мероприятий и снижает качество управления кадровой политикой в АПК. Внедрение инструментов социологического исследования среди целевых групп (агрегаторы, студенты) позволит получать репрезентативные данные для корректировки образовательных и кадровых политик в режиме, близком к реальному времени.

Значительный вклад в развитие данной проблематики вносят ученые Республики Татарстан, которые на протяжении ряда лет последовательно исследуют вопросы формирования и развития кадрового потенциала аграрного сектора. Анализ публикаций, посвященных профессиональной трансформации АПК, показал, что научные парадигмы исследований включают: исследование глобальных вызовов и трендов развития аграрного сектора [3], определение приоритетных направлений модернизации АПК [2, 7], оценка инновационного потенциала региональных агропромышленных кластеров [8]. Анализ современного состояния исследований в области прогностики профессионального ландшафта позволяет выявить ряд актуальных исследовательских векторов: трансформация моделей подготовки кадров [4], формирование интегративных профессиональных компетенций [5], корреляция рынка труда и профессионального самоопределения выпускников общеобразовательных организаций [1], механизмы социализации молодежи в контексте новых профессиональных реалий [6].

Представленный обзор демонстрирует необходимость комплексного подхода к разработке стратегии привлечения молодежи в АПК с учетом современных тенденций развития аграрного сектора и особенностей региональной экономики. Концептуальные положения современных исследований определяют необходимость комплексного анализа перспективных векторов развития агропромышленного комплекса, прогнозируемых трансформаций профессиональной структуры, компетентностных моделей специалистов будущего.

Привлечение молодёжи в АПК Республики Татарстан в настоящее время является одним из актуальных вопросов, решение которого должно обеспечить аграрный сектор экономики высококвалифицированными кадрами, а также усилить интеграцию научной, образовательной и производственной деятельности региона. Кластерный подход на основе взаимодействия органов государственного и муниципального управления сельским хозяйством, органов управления занятостью населения, научных и образовательных учреждений, информационно-консультационных структур и работодателей представляет собой форму такой интеграции.

В условиях цифровой трансформации и технологического переосмысления агропромышленного комплекса актуализируется необходимость фундаментального исследования перспективных профессиональных компетенций и специальностей, востребованных в секторе АПК. Формирование актуального Агроатласа профессий выступает в качестве системообразующего инструмента для прогнозирования динамики потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах.

В качестве методологической основы для комплексного исследования процессов формирования и развития профессионального пространства в аграрном секторе экономики предлагается использовать системно-аналитический подход, предполагающий многоуровневый анализ профессиональной структуры с учетом макроэкономических факторов развития АПК, технологических трендов в сельском хозяйстве, социально-демографических изменений сельских территорий. Детерминационный анализ позволит исследовать как внешние (технологические инновации, цифровизация производства), так и внутренние (развитие производственных процессов, модернизация оборудования) факторы, влияющие на профессиональную структуру АПК. Междисциплинарный подход предполагает интеграцию с**оциологических (а**нкетирование, сравнительный анализ, корреляционный анализ) и экономических **(э**кономико-статистический анализ, факторный анализ, метод экономико-математического моделирования) методов исследования. Будет выявлен и концептуализирован качественный состав дисбалансов на рынке труда АПК, а именно, между устаревшим профессиональным имиджем и реальными технологическими требованиями, а также между мотивационными установками молодежи и предлагаемыми карьерными траекториями. Результатом станет пилотная научно-обоснованная модель развития кадрового потенциала агропромышленного кластера, интегрирующая стратегии и механизмы преодоления как количественного, так и качественного дефицита кадров.

1. *Влияние потребностей регионального рынка труда и профильного обучения на профессиональный выбор школьников / Л. А. Давлетшина, М. Р. Шаехов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2021. – № 2(19). – С. 53-61. – DOI 10.24412/2541-9056-2021-2-53-61. – EDN BDNQEH.*
2. *Приоритеты развития агропромышленного комплекса и задачи аграрной науки и образования / А. Р. Валиев, Р. М. Низамов, Р. И. Сафин [и др.] // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2022. – Т. 17, № 1(65). – С. 97-107. – DOI 10.12737/2073-0462-2022-97-107. – EDN BFQMKB.*
3. *Global challenges for the agrarian sector of russian economy and its human resources / A. Z. Ibatova, F. T. Nezhmetdinova, F. F. Sitdikov // Espacios. – 2018. – Vol. 39, No. 26. – EDN YBTGIP.*
4. *Improving the Quality of Training of Engineering Personnel for the Agro-Industrial Complex / F. Nezhmetdinova, A. Valiev, G. Fassakhova [et al.] // BIO Web of Conferences. – 2021. – Vol. 37. – P. 00130. – DOI 10.1051/bioconf/20213700130. – EDN QSHHNM.*
5. *Problems of training qualified personnel for agriculture / G. R. Fassakhova, R. V. Gataullina, L. R. Islamova [et al.] // Bio web of conferences: International Scientific-Practical Conference "Agriculture and Food Security: Technology, Innovation, Markets, Human Resources" (FIES 2019), Kazan, 13–14 ноября 2019 года. Vol. 17. – EDP Sciences: EDP Sciences, 2020. – P. 00091. – DOI 10.1051/bioconf/20201700091. – EDN EDZCIY.*

6. *Socialization of rural youth issues in the development of agricultural industry and society / L. N. Gataullina, G. M. Tuktarova, F. T. Nezhmetdinova, G. R. Fassakhova // BIO Web of Conferences. – 2024. – P. 00068. – DOI 10.1051/bioconf/202410300068. – EDN PRVVTG.*
7. *Staffing of agrarian economy: challenges and solutions / G. R. Fassakhova, F. T. Nezhmetdinova, N. Kh. Sharypova, N. N. Hamidullin // BIO Web of Conferences. – 2020. – Vol. 27. – P. 00146. – DOI 10.1051/bioconf/20202700146. – EDN DZZNHG.*
8. *Stimulation factors of innovation activity as an important condition for the effective development of agriculture / D. A. Pinaeva, F. T. Nezhmetdinova, R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov // BIO Web of Conferences. – 2022. – Vol. 52. – P. 00065. – DOI 10.1051/bioconf/20225200065. – EDN QJIKQS.*

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АСПЕКТЕ РАЗЛИЧИЙ РОССИЙСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Дудин Геннадий Алексеевич
(независимый исследователь)

Аннотация. Вопрос о межпоколенческой преемственности является не простым, а преемственность не является «однолинейной». Противоречия преемственности поколений усугубляются экстраординарным неравенством и бедностью значительных масс россиян. Усугубляются также риски отчуждения разных поколений друг от друга. Не следует преувеличивать межпоколенческие различия, в частности, в отношении ментально-поведенческих особенностей поколений, однако, и пренебрегать ими нельзя.

Ключевые слова: межпоколенческая преемственность, ментальность поколений, молодёжь, поколение, преемственность поколений, социология поколений, ценности поколений.

Благодаря межпоколенческой преемственности «сохраняется целостность социума» [14, с. 132]. Однако, приходится признавать «ослабление системы межпоколенческих связей» [16]. Поэтому вопрос о межпоколенческой преемственности является не простым, а сама преемственность является не «однолинейной». В связи с этим вполне обоснованно ставится вопрос об исследовательском концепте «преемственность и конфликтность поколений» [6].

На процессы преемственности поколений оказывают своеобразное влияние все основные (и многие частные) социальные институты, прежде всего, семья. К сожалению, не все семьи благополучные; так, по социологическим данным, более одной трети семей – более или менее благополучные, но более одной четверти семей – «психолого-неустойчивые», а около 5 % семей – «неблагополучные» [1, с. 56]. Усугубляют «неоднолинейность» и противоречивость преемственности поколений экстраординарное (экстремальное) неравенство и бедность значительных масс россиян, что является препятствием для «гармоничной преемственности поколений» [13, с. 78]. При этом имеют место различия в восприятии проблемы бедности представителями разных поколений. В частности, «поколение детей более категорично и определённо признаёт бедность как несправедливость» [2, с. 40].

Социализация личности (и любое воспитание) начинается в семье, затем подкрепляется и продолжается при участии других социальных институтов. Особо требуется «единство учебной и воспитательной деятельности, реализуемой совместно с

семьей и иными институтами воспитания» [17]. При этом в отношении содержания молодежной политики всё важнее «жизненные смыслы» [11, с. 66]. И среди них особого внимания заслуживают «альтруизм и эгоизм, активная или пассивная жизненная позиция» [9, с. 119].

Партнерство семьи и школы, как и приоритет семьи, в воспитании подрастающих поколений можно считать аксиомой. Но эта аксиома требует творческого к себе отношения и наполнения практическим содержанием с учётом меняющихся общественных условий.

Естественно, что процессы социализации личности на основе разнообразных связей между поколениями происходят также в рамках трудовых и общественных организаций с их своеобразными субкультурами [19].

В нынешних условиях, например, нельзя обойти вниманием процессы цифровизации общества и развитие «онлайн-культуры», которая в особенной мере затрагивает молодёжь (и молодежную субкультуру) [8]. Новые и важные аспекты социализации молодежи реализуются «в интернет-пространстве и с его помощью» [18]. Вместе с этим проявляются разнообразные риски цифрового неравенства в поколенческом аспекте [3, 4]. А вместе с этими рисками усугубляются также риски отдаления разных поколений друг от друга, усиления «ментальной автономности (обособленности, отдалённости) младшего поколения» [5, с. 292]. В то же время, не следует преувеличивать межпоколенческие различия, в частности, в отношении ментально-поведенческих особенностей поколений [5, с. 292]. Хотя, разумеется, есть и проблемы для разных поколений [7, с. 18], и межпоколенческие различия. Однако, консервативная тенденция «сохраняет свои сравнительно прочные позиции» [12, с. 46], что имеет значение как «вектора» преемственной связи поколений.

Более того, в отношении вопроса о верности пути России в последние годы, начиная с 1922 г., «наметившийся отрыв установок 18 – 24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом понемногу стал сокращаться» [15, с. 195]. В числе приоритетных направлений молодежной политики: формирование и укрепление «общероссийской гражданской идентичности» [16]. Без решения таковой задачи практически невозможно говорить об осуществлении «бесконфликтной и гармоничной преемственности поколений» [10, с. 155].

Таким образом, проблема межпоколенческой преемственности в аспекте различий российских поколений заслуживает более глубокого научного понимания и учёта в управленческой и педагогической практике в интересах гармонизации преемственности поколений.

1. *Вагин Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. № 7 (70). С. 52-58. 3356 EDN: WJKVHF*
2. *Лебедева Л. Г. Бедность в представлениях разных поколений (на примере абитуриентов и их родителей) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 35-45. DOI: 10.37279/2413-1709-2021-7-1-35-45 EDN: QFLPJL*
3. *Лебедева Л. Г. К проблеме рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 165-173. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_165 EDN: PPLQIL*
4. *Лебедева Л. Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147-151. EDN: YSJDFH*
5. *Лебедева Л. Г. Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 3. С. 286-294. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-286-294 EDN: BVSOZK*

6. *Лебедева Л. Г. О концепте «преемственность и конфликтность поколений» как противоречивых интеграционных и дезинтеграционных аспектах межпоколенческих взаимоотношений // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9. № 1. С. 25-32. DOI: 10.35634/2587-9030-2025-9-1-25-32 EDN: VUZBEY*
7. *Лебедева Л. Г. Проблемы поколений в дискурсе жизненной ситуации // Primo Aspectu. 2021. № 2 (46). С. 15-19. DOI: 10.35211/2500-2635-2021-2-46-15-19 EDN: YSGOFX*
8. *Лебедева Л. Г. Роль масс-медиа в социализации личности поколений (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 139-144. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-139-144 EDN: QRBNMG*
9. *Лебедева Л. Г. «Смыслы жизни» в динамике преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 2. С. 119-124. EDN: VBEZWB*
10. *Лебедева Л. Г. Социальное государство как императив гармоничной преемственности поколений в России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 147–157. 155. EDN: UCNWJN*
11. *Лебедева Л. Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 57-68. EDN: ZXWSIX*
12. *Лебедева Л. Г. Социологический взгляд на нынешние поколения россиян (гендерный аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2025. Т. 11 (77). № 2. С. 39-49. EDN: LYDDYP*
13. *Лебедева Л. Г. Человеческий капитал и бедность в дискурсе преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 3. С. 76-82. – С. 29. EDN: XHPAJF*
14. *Меликян К. А. Межпоколенческая преемственность: проблема разногласия между поколениями // В сборнике: Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук. 2017. С. 131-134.*
15. *Седова Н. Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 176–198. 1822 DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10 EDN: XQEVZG*
16. *Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf (дата обращения: 18.07.2025).*
17. *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. N 287 (ред. от 22.01.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 08.07.2025).*
18. *Ashmarina, S. I., Lebedeva, L. G., Tokarev, Yu. A., Izmailov, A. M. Students' and Their Parents' Choice of Higher Education Institution in the Era of Digitalization // Digital Age: Chances, Challenges and Future, ISCDTE 2019, Lecture Notes in Networks and Systems (LNNS), vol. 84, Springer Nature Switzerland (Zug), 2020, pp. 514-525. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_62*
19. *Lebedeva L.G. Areas of Interests of Age-Generational Groups as a Factor of Social Management of Settlement Structures / Text: electronic // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 960. Article number 032085. URL: https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/960/3/032085 (дата обращения: дата обращения: 18.07.2025).*

СРЕДОВЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ

Евсеев Владимир Владимирович
(СПбПУ)

Современные условия социально-экономической и технико-технологической модернизации порождают спрос на новые инженерные кадры. В связи с этим меняются основные требования к выпускникам технических специальностей в рамках инновационных кластеров цифровой технологической среды. Со стороны государства, работодателей и самой профессиональной среды усиливается внимание к объему и

уровню компетенций будущих выпускников, необходимых для дальнейшего профессионального и личностного развития. Созданная развивающая образовательная среда способствует не только освоению компетенций, предусмотренных образовательными программами, но и формирует навыки самоорганизации и самодисциплины обучающихся. Для инженерных профессий новым ориентиром выступает многовариантность образовательных траекторий. Обеспечение эффективности развития современных социально-коммуникативных педагогических технологий требует проведения мониторинговых социологических исследований.

Согласно взглядам В. А. Ясвина, образовательная среда – это система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [1]. Это психолого-педагогическая реальность, создающая условия и возможности для развития активности обучающихся, самостоятельности и личностной траектории обучения. Влияние развивающей образовательной среды обеспечивает системное развитие личности студента, раскрытие его интеллектуальных, креативных способностей, коммуникативных навыков, нравственного потенциала, психофизиологических способностей, общего ресурса саморазвития.

Современная образовательная ситуация характеризуется неоднозначностью, так как студенты проявляют готовность развивать в своем арсенале одни деловые качества, тогда как работодатели подчас нуждаются в специалистах с другими компетенциями и установками. Это порождает запрос на «транспрофессионалов», отличающихся универсальным набором сформированных компетенций, ожиданий и устремлений.

«Студенты технических вузов, – по мнению исследователей О. В. Лешер, П. А. Хромова, – характеризуются развитым невербальным интеллектом, структура которого включает способности к конструктивной деятельности, более развитое пространственное, формально-логическое мышление, сочетание синтетического и аналитического мышления; им свойственен высокий уровень концентрации, высокая скорость и точность протекания мыслительных операций» [2, 114].

С нашей точки зрения средовый подход рассматривается сегодня как ведущий фактор развития и обучения. Следует отметить ряд подходов, в рамках которых исследуется образовательная среда: коммуникативно-ориентированный (В. В. Рубцов), эколого-психологический (В. А. Ясвин), педагогический (Ю. С. Мануйлов), антропологопсихологический (В. И. Слободчиков), информационный и другие.

Образование, в рамках данного подхода, может рассматривается как открытая, самоорганизующаяся, динамичная система. В этой связи, эффективность обучения зависит именно от степени согласованности, самодисциплины, саморазвития, взаимообогащения развивающей образовательной среды и запросов студентов. Использование средового подхода в профессиональной подготовке будущих инженеров может стать ключевым фактором достижения открытости образовательных учреждений.

Дальнейшее развитие дискурса совершенствования образовательной среды университета может быть связано с таким ее свойством, как резильентность. Резильентность системы понимается как способность предотвратить существенные трудности («бедствия»), переживать трудности с наименьшими потерями и нарушениями системности и балансов [3]. Развивать это свойство образовательной среды можно на основании совершенствования управления образовательным процессом, системного управления внутренними и внешними факторами. Резильентность среды обеспечивается также развитием метакомпетенций обучающихся. Востребованные сегодня

метакомпетенции студента основаны на выдержке, резильентности, саморегулировании и эмпатии.

Способность творчески подходить к решению сложных задач повышает управленческий потенциал специалиста, будучи посредником, а креативный подход создает пространство поливозможностей, что необходимо для работы в условиях неопределенности.

Проводимые исследования позволяют оперативно отслеживать динамику изменения сформированности организационно-управленческой компетентности студентов. С помощью социологических исследований можно отслеживать влияние образовательной среды на развитие активности, самостоятельности, креативности студентов, их вовлеченности в работу в цифровой образовательной среде. Важно подчеркнуть, что для объемного раскрытия творческого потенциала необходимо расширять возможности участия студентов в разработку собственной образовательной траектории, в культурно-спортивных и досуговых мероприятиях.

Современная ситуация, связанная с разработкой новых инструментов персонализации маршрутов обучения, требует расширения практики исследований и мониторинговых методов, позволяющих отслеживать проблемные моменты и устанавливать динамику изменений.

1. *Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М., 2001. 365 с.*
2. *Лешер О. В., Хромов П. А. Развивающая среда технического университета и ее характеристика // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1. С. 114. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26125 (дата обращения: 14.09.2025).*
3. *Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г., Евсеева Л. И. Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики. Дискурс. 2023. Т. 9. № 3. С. 18-31.*

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ И МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РОССИИ: ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Еремина Екатерина Витальевна
(ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»)

Ефремов Михаил Алексеевич
(ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025 г.: проект «Аксиосфера молодежи: структурное единство традиционных ценностей как основа цивилизационного кода и идеологического суверенитета российского общества (FSGE-2025-0003)» 1025021100047-3-5.4.1;5.6.1;5.6.2. Регистрационный номер проекта 125081309529-9.

Аннотация. Статья анализирует ключевые детерминанты формирования отношения российской молодежи к миграционным процессам в контексте современных социокультурных трансформаций. На основе анализа статистических данных и социологических исследований выявляется комплекс факторов, определяющих миграционные установки молодежи. Полученные результаты имеют практическую

значимость для разработки дифференцированных подходов в государственной миграционной политике.

Ключевые слова: миграционные установки, российская молодежь, социокультурные трансформации, детерминанты отношения, миграционная политика, возрастная динамика.

Миграционные процессы в современной России представляют собой значимый социально-демографический феномен, оказывающий комплексное воздействие на формирование демографической структуры и культурного ландшафта общества. Согласно официальной статистике, в 2024 году страна зафиксировала рекордный миграционный прирост, составивший 568,5 тысячи человек, что стало максимальным показателем за последние 29 лет [6]. При этом анализ данных МВД РФ свидетельствует о существенных изменениях в миграционной политике: сокращение в 2024 году на 44,8 % числа лиц, получивших российское гражданство, и уменьшение на 50,4% выданных разрешений на временное проживание по сравнению с 2023 годом [5].

В контексте интенсивных миграционных процессов особый научный интерес представляет изучение отношения к миграции в молодежной среде как наиболее динамичной социальной группы, активно формирующей общественное мнение и влияющей на политические процессы. Эмпирические исследования демонстрируют сложную и противоречивую картину восприятия миграции российским обществом. Согласно данным ВЦИОМ, 81 % россиян не испытывают неприязни к мигрантам, при этом отмечается региональная дифференциация установок – наиболее доброжелательное отношение фиксируется в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах (86-87%), тогда как в Центральном и Северо-Западном округах скептические оценки превышают среднероссийские показатели [2].

Возрастной анализ выявляет значимые различия в восприятии миграции: среди молодежи 18 – 24 лет неприязнь к мигрантам выражают 19 % респондентов, в то время как в старшей возрастной группе (60+) этот показатель составляет 10 % [2]. Социально-демографический профиль респондентов, демонстрирующих настороженное отношение к миграции, включает следующие характеристики: молодой возраст (23 – 26 % среди зумеров и младших миллениалов), проживание в столичных агломерациях (23 %), активное использование интернета как основного источника информации (22 %) [2].

Однако в восприятии трудовой миграции результаты исследования «Иммигранты в России: за и против», проведенного в 2023 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показали два ключевых социальных раскола: возрастной и имущественный. Более лояльны к трудовым мигрантам оказались молодые люди (18 – 34 года) и граждане с высокими доходами, тогда как респонденты старше 45 лет и с низким уровнем дохода склонны подчеркивать отрицательные стороны этого явления [1].

Анализ данных, на наш взгляд, выявляет комплексный характер общественных установок, обусловленный различным восприятием экономических и социокультурных аспектов миграции. Молодежь демонстрирует экономический прагматизм, признавая позитивную роль трудовой миграции, что связано с глобализированным сознанием и меньшей вовлеченностью в прямую профессиональную конкуренцию. В то же время их социокультурная настороженность объясняется уязвимостью в конкурентной борьбе за ресурсы и влиянием цифрового информационного поля. Старшее поколение проявляет черты социального традиционализма, негативно оценивая трудовую миграцию как угрозу

социальной стабильности, но демонстрируя более высокую бытовую толерантность из-за меньшей актуальности социальной конкуренции. Таким образом, выявленный диссонанс отражает стратификацию публичного дискурса, где экономическая целесообразность миграции конфронтирует с социокультурными тревогами, наиболее выраженными у молодежи.

Отметим, что позитивное отношение к миграции, как правило, ассоциируется с оптимистичной картиной мира и характерно для молодежи, ориентированной на квалифицированный труд в сегментах занятости, недоступных для большинства мигрантов [4, 286]. Этот факт подтверждает тезис о структурной обусловленности миграционных установок, связанных с положением молодежи на рынке труда и ее профессиональными перспективами.

Отношение молодежи к миграции, как отмечает Н. С. Мастикова, не является устойчивым стереотипом, а формируется под влиянием текущего состояния общества и специфики социальной среды [4, 287]. Находясь в фазе активной социальной интеграции, молодежь особенно чувствительна к изменениям, и в условиях нестабильности это может провоцировать формирование негативных установок к мигрантам как к «чуждым элементам» [4, 286].

Ценностный аспект анализа миграционных установок раскрывает исследование И. М. Кузнецова, демонстрирующее корреляцию между традиционалистскими ценностями и негативным отношением к мигрантам, в противоположность ценностям модернизма. При этом автор констатирует преобладание в российском обществе смешанного ценностного типа, тогда как «чистые» модернисты составляют лишь 2% населения [3, 243].

В рамках исследования ценностных ориентаций молодежи, проведенного с участием авторов в Пензенской области (n = 500, возраст 18 – 35 лет), был выявлен комплексный характер отношения к трудовой миграции, демонстрирующий значительную возрастную дифференциацию. Полученные данные свидетельствуют о преобладании прагматического подхода к миграционным процессам при сохранении выраженной возрастной динамики установок.

Согласно результатам исследования, 44,8 % респондентов в целом поддерживают как внутреннюю, так и внешнюю трудовую миграцию. Однако детальный анализ выявляет существенные межвозрастные различия: в группе до 18 лет этот показатель достигает 52,5 %, тогда среди респондентов 26 – 35 лет он снижается до 34,6 %. Одновременно наблюдается обратная тенденция в отношении к внутренней миграции: если среди молодежи до 18 лет поддержку внутренней миграции выражают 32,8 %, то в возрастной группе 26 – 35 лет этот показатель возрастает до 45,2 %.

Наиболее выраженная негативная позиция к миграционным процессам фиксируется в старшей возрастной группе: 20,2 % респондентов 26 – 35 лет выступают против любой трудовой миграции, что значительно превышает показатели младших возрастных групп (14,8 % среди респондентов до 18 лет и 11,9 % в группе 19 – 25 лет).

Полученные данные позволяют сделать вывод о существовании трех доминирующих моделей отношения к миграции в пензенской молодежной среде:

Либерально-прагматическая (44,8 %) – характерна для младших возрастных групп, ориентированных на открытость и мобильность

Избирательно-поддерживающая (41,0 %) – преобладает среди старшей молодежи, отдающей приоритет внутренней миграции

Рестриктивная (14,2 %) – наиболее выражена в возрастной группе 26 – 35 лет, демонстрирующей наибольший консерватизм в миграционных вопросах

Выявленная возрастная динамика отражает процесс социально-экономического взросления молодежи: от открытости глобальным процессам в юношеском возрасте к большей ориентации на национальные и региональные интересы по мере интеграции в трудовые отношения и формирования социальной ответственности.

Таким образом, отношение российской молодежи к миграции представляет собой сложный социально-психологический феномен, детерминированный комплексом взаимосвязанных факторов. Проведенное исследование в Пензенской области выявило значимую возрастную динамику миграционных установок: от либерально-прагматической позиции в младших возрастных группах (52,5 % поддержки любой миграции среди респондентов до 18 лет) к избирательно-поддерживающей и рестриктивной позициям среди старшей молодежи (45,2 % поддержки только внутренней миграции и 20,2 % против любой миграции в группе 26 – 35 лет). Эти данные, согласующиеся с общероссийскими тенденциями, подтверждают, что миграционные установки формируются под влиянием не только ценностных ориентаций и социально-экономического положения, но и возрастной специфики, связанной с этапами социального взросления и профессионального становления. Понимание этих детерминант имеет ключевое значение для разработки дифференцированной миграционной политики и адресных программ социальной интеграции, учитывающих возрастные и региональные особенности молодежной среды и способствующих гармонизации межэтнических отношений в российском обществе.

1. *Всероссийский центр изучения общественного мнения. Иммигранты в России: за и против. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv (дата обращения: 28.09.2025).*
2. *Всероссийский центр изучения общественного мнения. Межнациональные отношения и проблема иммиграции. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnoshenija-i-problema-immigracii (дата обращения: 30.09.2025).*
3. *Кузнецов И. М. Ценностные основания межрелигиозного согласия // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 236-244.*
4. *Мастикова Н. С. Динамика отношения российской молодежи к мигрантам по материалам ESS // Россия реформирующаяся. 2017. №15. С. 273-288.*
5. *Министерство внутренних дел Российской Федерации. Миграционная ситуация. URL:https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 01.10.2025).*
6. *Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года. 2025. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b (дата обращения: 28.09.2025).*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА И «РЕТРОТОПИЯ» З. БАУМАНА

Жемчураева Седа Шахитовна
(ФГБУН КНИИ им. Х. И. Ибрагимова РАН)

Современные процессы глобальных трансформаций отличаются невиданной ранее интенсивной динамикой, при которой анализ тенденции развития не поспевает за изменениями. Времена кризисных изменений требуют новых подходов в решении проблем, однако «туманность» и неопределенность будущего способствуют поиску ответов в прошлом. Подобные ностальгические настроения не являются в полной мере эмоциональными, скорее строятся на пережитом опыте эффективного функционирования общественной системы. Чеченское общество на протяжении многих веков являло собой четко структурированную систему, пропитанную традициями и нормами. В основе такого

общества находился человек и его свободы. В данной работе рассматривается значимость прошлого в контексте настоящего и будущего. В качестве теоретической базы использованы тезисы Зигмунта Баумана из книги «Ретротопия».

На сегодняшний день очевидны существенные резкие трансформации, которые можно трактовать как «эпоху новой революции» [1, с. 164]. В соответствии с мировым масштабом ее можно назвать глобальной революцией. Перемены связаны не только с географией охвата, но и с многообразием форм. В отличие от известных политических, культурных, научных, научно-технических революций, последствия которых влияют на социальную реальность, современные революционные процессы серьезно влияют на перспективы всего человечества [1, с. 165]. Ученые предполагают смену модели этнического многообразия мира [2], а также обсуждают возможность конца истории и появления «постчеловеческой цивилизации» [3,4].

Размышления З. Баумана в части происходящих социальных изменений отражены в книге «Ретротопия». Само название «Ретротопия» – авторский новояз. Так ученый называет общественное настроение, чувство ностальгии по ушедшему, по социальной Атлантиде, идеализируемой перед лицом непонятных и пугающих перемен [1, с. 165]. Предлагаемые идеи и рассуждения ученого особенно актуальны при анализе социальных, духовных трансформаций, наблюдаемых в современном чеченском обществе.

Сложная этническая история чеченцев, включавшая на протяжении последних столетий войны, депортацию, репрессии, социальные катастрофы и кризисы, массовые миграции предполагает экстраполяцию общемировых процессов на локальный региональный уровень. Социальная действительность в чеченском сегменте усугубляется деформациями общественного сознания, доминированием материальных интересов над моральными, нравственными и духовными. Тенденция подавления уникальных этнических норм, традиций и преемственности является абсолютно не свойственной для данного общества, отвергаемой и отторгаемой значительной частью старшего поколения чеченцев. Процессы дезинтеграции в чеченском обществе приобрели ускоренный темп в первой четверти XXI века. Пережитые чеченцами этнические травмы порождают настороженность перед лицом глобальных перемен, влияют на восприятие действительности и формируют мнение о цикличности социальных кризисов и/или фатализме. «Бауман ярко показывает, как стремительно меняется вектор общественного развития, а с ним – наши надежды, как старые страхи уступают место новым, как мир становится все более хрупким, а будущее – неопределенным. В конце концов, «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» [1, с. 166; 5, с. 19].

Зигмунд Бауман, рассуждая о крахе надежд на глобализацию, видит в мире без границ угрозу собственной идентичности. «Когда по соседству живет много чужаков – это верный, осязаемый признак того, что определенность исчезает, а жизненные перспективы, равно как и возможности их реализовать, не просматриваются» [5, с. 66]. Британский социолог видит выход из кризиса идентичности, вызванного миграционными потоками, в устремлении к прошлому «с его такими надежными и понятными национальными границами, в пространство коллективной памяти с ее архетипами рода, крови, связи» [1, с. 167].

Модель архаизации, предложенная ученым, для чеченского этноса не является новой. В отличии от многих общественных систем, чеченское общество имеет уникальный опыт самоорганизации, основу которого составляли тесные кровнородственные отношения и институт тайпа. Принадлежность к определенному тайпу в прошлом определялась

чеченцами множественными родственными связями, знанием собственной родословной (по крайней мере, семи предков), историей тайпа и другими факторами. Тайповая структура чеченского общества, согласно результатам социологических исследований, для ныне живущих чеченцев утрачивает свою особенность [6]. Что не исключает вероятности использования представителями чеченского этноса потенциала тайповой идентичности в кризисных социальных реалиях в будущем.

Актуальным в современных реалиях для чеченского этноса становится замечание З. Баумана об усиливающейся разнице в использовании национального языка. Происходит гибридизация чеченского и русского языков среди молодежи, обусловленная во многом использованием популярных социальных сетей и значительным спадом популярности чеченского языка во внутри этническом общении. Низкая частота употребления снижает и размывает лексический фонд чеченского языка, вследствие чего остается угроза этнической идентичности чеченцев посредством ослабления ее социолингвистической составляющей. Значимость русского языка как государственного не стоит умалять, а распространение билингвизма может способствовать развитию социолингвистических преимуществ среди молодежи.

Экстраполируя на чеченское общество рассуждения социолога о полной эгоистической индивидуализации или атомизации общества, сложно не согласиться с его основополагающими постулатами. «Новая мораль из центробежной превратилась в центростремительную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размещения, отчуждения и разрыва» [5, с. 127]. Значимость морали в традиционном чеченском обществе сложно переоценить. Мораль и нравственность пронизывали все грани общественной жизни, а стремление к признанию моральным авторитетом зачастую являло собой смысл жизни человека, его главную цель.

Под моральным авторитетом (от лат. auctoritas – суждение, влияние, пример) в социальных науках обычно понимают общепризнанное влияние какого-либо человека на различные сферы общественной жизни, которое основано на его нравственных достоинствах, знаниях, опыте; как правило, взгляды и поведение людей, имеющих моральный авторитет в обществе, признается критерием или идеалом поведения для остальных членов социума [7, с. 120].

Человек в традиционном чеченском обществе становился моральным авторитетом посредством совершаемых действий, никак не коррелирующих с материальным положением или статусом в социально-политической системе. В настоящее время наблюдается тенденция обратной направленности, при которой моральный авторитет человека в чеченском обществе становится дополнением в случае материального благополучия или его высокого социального статуса. Важным социологическим аспектом, вытекающим из этого обстоятельства и заслуживающим особого внимания, является нарушение стрежневой основы этнической идентичности чеченцев, состоящей из традиций справедливости, самоотверженности, бескорыстия, альтруизма, реципкорности и других качеств, формирующих ее фундамент. Деформация общественного сознания, связанная с искажением подлинных ценностей при формировании модели морального авторитета, свойственна первой четверти XXI века и требует специальных социологических исследований.

Мы все оказались на беговой дорожке, скорость движения которой значительно превышает физические и интеллектуальные возможности человека [8, с. 487]. Эта управляемая кем-то свыше дорожка выбивает нас из «естественной среды обитания надежд и верных ожиданий», и будущее превращается «в обитель кошмаров – страхов

потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может «сменить собственника», страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению» [5, с. 20].

Подводя итог, отметим основные точки, которые актуализируются в той же степени и с той же скоростью, с которой происходит трансформация духовных и морально-нравственных процессов в чеченском социуме.

Деформации и трансформации морально-нравственных и духовных процессов обусловлены глобальными изменениями, которые при полном отсутствии иллюзий рационализированы британским социологом Зигмунтом Бауманом и могут быть экстраполированы на современное чеченское общество.

В эпилоге книги «Ретротопия» ученый формулирует актуальную задачу, которая «заключается в том, чтобы впервые в истории человечества, ни больше, ни меньше, спланировать интеграцию без опоры на разделение» [5, с. 152]». Речь идет о стремлении к заживлению ран мультиполярного и мультиконфликтного мира. Что касается чеченского общества, то очевидна потребность в разработке мер, направленных на усиление этно-интегрирующих механизмов.

Социальная действительность текущего времени не предлагает вариантов выхода из сложившейся кризисной ситуации. В чеченском социуме пути решения, на наш взгляд, следует искать в использовании морально-нравственного потенциала этноса, сложившегося исторически и имеющего позитивный опыт функционирования. Традиционность, преемственность, возрождение института дружбы и морального авторитета, популяризация родного языка, внедрение этнического интернета (контент на чеченском языке), применение постулатов из уникальных кодексов «Нохчалла» и «Къонахалла» – лишь некоторые из имеющихся в «арсенале» чеченского этноса маркеров идентичности, подлежащих реконструкции и использованию в повседневных практиках.

Отдельного внимания заслуживает поддержание тесных кровнородственных отношений на фоне атомизации и индивидуализации глобального общества. Для чеченского этноса традиции реципкорности, самопожертвования, альтруизма не являются чуждыми, а вплетены в повседневность. Первая четверть текущего века – это незначительный временной интервал в истории, который привнес в социальную реальность невиданные доселе скорости и кризисы. Чеченское общество, преодолев разобщенность сумеет превзойти духовные, моральные и нравственные трансформации, направив их в русло созидания и интеграции.

1. *Андреев А. Л., Гешева Е. Г. Четыре шага назад: возвращение… в будущее? (о книге З. Баумана «Ретротопия») // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 164-171.*
2. *Андреев А.Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.*
3. *Steinhoff J. Transhumanism and Marxism: Philosophical Connections // Journal of Evolution and Technology. 2014. Vol. 24. Iss. 2. May. P. 1–16.*
4. *Wennemann D.J. The Concept of the Posthuman: Chain of Being or Conceptual Saltus? // Journal of Evolution and Technology. 2016. Vol. 26. Iss. 2. July. P. 16–30.*
5. *Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.*
6. *Жемчураева С. Ш. Тайповая идентичность молодежи Чеченской Республики: 11 лет спустя (опыт социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 5. С. 15-19.*
7. *Ядова, М. А. 2017.01.018. М. А. Ядова. Моральные авторитеты российской молодежи. (Аналитический обзор) / М. А. Ядова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2017. – № 1. – С. 120-131.*

8. *Багдасарьян Н. Г. Ностальгия по прошлому или в будущее – с надеждой. Рец. на кн.: Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019 № 2. С. 486–492. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23.*

МНЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. ВЛАДИМИРА О РОЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Запретилова Дарья Романовна
(ВлГУ (Владимирский государственный университет))

Аргунова Вера Николаевна
(ВлГУ (Владимирский государственный университет))

Аннотация. Анализируются мнения студенческой молодежи г. Владимира о высшем образовании как канале социальной мобильности. На основе статистических данных и авторского пилотажного исследования показывается, что студенческая молодежь считает высшее образование каналом вертикальной социальной мобильности. Вместе с тем, меняются требования к знаниям и навыкам, полученным в период обучения в соответствии с новыми тенденциями на рынке труда.

Ключевые слова: высшее образование, социальная мобильность, канал социальной мобильности, студенты.

В последние годы, по мнению ряда исследователей, у молодежи снижается авторитет высшего образования, как канала социальной мобильности [2, 4, 5, 6, 7, 8]. Это происходит по целому ряду причин, в том числе в связи с изменившимися требованиями к работникам любой сферы. На рынке труда часто ценится не диплом о высшем образовании сам по себе, а наличие определенных умений и навыков, которые нельзя получить на студенческой скамье. К ним относятся как опыт общения в профессиональном коллективе, так и навыки фактчекинга и других новейших информационных технологий [5, 6].

Кроме того, идет процесс появления новых профессий, а система высшего профессионального образования не может так быстро реагировать на эти запросы. Прежде всего, это касается сферы информационных технологий (IT). Система образования выпускает кадры, которым затем приходится проходить дополнительное обучение, на практике приобретать необходимые специальные знания и навыки. По этой причине появилось большое количество курсов по повышению квалификации программистов, веб-дизайнеров и аналитиков, SEO-специалистов и др., а также большое количество специалистов-самоучек в данной среде.

Существует Атлас новых профессий, в котором указаны еще около тридцати отраслей, в которых появятся новые профессии: образование, медицина, медиа и развлечения, биотехнологии, безопасность, авиация, новые материалы и нанотехнологии, нейронет, космос и т.д. [1, с. 48, 66, 150, 162, 282, 308, 364, 382]. То есть рынок труда и требования к знаниям и навыкам специалистов в этих областях меняются настолько быстро, что вузы не успевают вовремя перестроиться.

В этой связи представляет собой особую научную и практическую ценность приобретает анализ восприятия высшего образования студенческой молодежью. Мы

полагаем, что значение высшего образования, как канала социальной мобильности не падает, но приобретает новые очертания, обусловленные особенностями современного общества.

Подтверждением данной гипотезы служат результаты приемной компании 2025 года во Владимирском государственном университете. В 2025 году было подано рекордное количество заявлений – 24 тысячи, что на 1,5 тыс. больше прошлого года; 186 отличников с высокими баллами ЕГЭ сделали выбор в пользу ВлГУ вместо столичных университетов. Отмечается рост целевых договоров на 53 %, что демонстрирует стратегическое отношение студентов к высшему образованию как социальному лифту. [3]

Значительная доля поступивших из Владимирской области (72 %). Из других регионов – 22 % (представлены 70 регионов РФ). Среди первокурсников 263 иностранных абитуриента, что на 29 человек больше, чем в 2024 году. [9]

Данные статистические показатели свидетельствуют о важности университета не только для местной молодежи, но и для представителей других регионов и стран, что говорит о росте популярности региональных вузов.

Весной 2025 г. нами было проведено пилотажное социологическое исследование с целью выявления отношения студентов ВлГУ к высшему образованию как реальному каналу социальной мобильности. В исследовании приняло участие 100 респондентов, студенты разных курсов.

Результаты исследования мотивации поступления в вузы показывают, что большинство студентов самостоятельно принимали решение о поступление в вуз (78 %). Были выявлены и внешние факторы, среди которых доминирует влияние родителей (16,7 %), учителей (3,33 %) и друзей (1,67 %). Полученные данные свидетельствуют о высокой степени автономии современной молодежи при принятии решения о получении высшего образования.

Были выявлены основные мотивы и цели, которые руководствовались респонденты при поступлении в высшее учебное заведение. 56,67 % опрошенных поступили в вуз с целью получения новых знаний, которые им прежде были недоступны. Среди инструментальных целей почти в равных пропорциях набрали варианты «приобрести полезные знакомства и связи» (45 %) и «получить диплом о высшем образовании» (46,67 %). При этом установление социальных связей более значимо для мужчин (18,97 %), чем для женщин (16,33 %), а получение диплома, напротив, вдвое чаще отмечают женщины (22,45 %) по сравнению с мужчинами (10,34 %).

Исследование показывает высокую оценку значимости высшего образования для будущего трудоустройства. 73,34 % респондентов уверены, что наличие диплома существенно увеличит их возможность трудоустройства, хотя каждый четвертый (26,67 %) выражает сомнения в этом. На основе полученных данных можно предположить, что современная молодежь демонстрирует интерес к высшему образованию как важному фактору для карьерного роста. При проверке данной тенденции контрольными вопросами было выявлено, что 58,34 % выразили согласие с тем, что высшее образование дает возможности для достижения успеха, в то время как 28,34 % придерживаются противоположной точки зрения.

Вместе с тем, по мнению студентов, для успеха в карьере требуются дополнительные ресурсы и навыки. Среди них были названы: профессиональный опыт как ключевой элемент в данном вопросе (63,33 %); и коммуникативные навыки (51,12 %); гибкость и адаптивность (61,67 %). Сохраняют значимость социальные связи (56,67 %), причем мужчины (20,59 %) придают им большее значение, чем женщины (17,25 %).

Современные студенты понимают, что высшее образование является необходимым, но в тоже время недостаточным условием для успеха. Поэтому они также выделяют и делают упор на дополнительные факторы, которые смогут помочь им в будущем.

Мнения студентов о роли высшего образования зависят от курса обучения. Наблюдается изменение восприятия значимости диплома в процессе обучения: от формального подтверждения квалификации на младших курсах к пониманию его практической ценности для трудоустройства на старших курсах. Исследование выявило популярное мнение относительно роли диплома в трудоустройстве – 85 % респондентов считают, что наличие высшего образования упрощает процесс устройства на работу. При этом наблюдается следующая динамика: если среди первокурсников так считают 71,43 %, то среди старшекурсников это почти единогласное мнение.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд значимых выводов о восприятии высшего образования как фактора социальной мобильности современной молодежью. Анализ статистических данных приемной кампании Владимирского государственного университета и результатов социологического исследования среди владимирских студентов свидетельствует о сохранении высокой значимости высшего образования. Однако сегодня наблюдается трансформация в понимании ценности образования. Современные студенты проявляют стратегическое мышление, рассматривая диплом как фундамент, а не как конечную цель. Они осознают, что построение карьеры в будущем требует не только академических знаний, но и практических компетенций, различных навыков и профессионального опыта. Полученные результаты указывают на необходимость совершенствования существующих образовательных программ. Университетам предстоит найти баланс между сохранением академических традиций и внедрением практических подходов, чтобы оставаться актуальными в меняющемся мире и соответствовать запросам времени и современной молодежи.

1. *Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина Про, 2021. 472 с.*
2. *Беляев С.А. Обесценивание престижа высшего образования как фактор снижения численности обучающихся на заочной форме обучения // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 21–24.*
3. *В ВлГУ на 53% выросло количество «целевых» студентов // https://trc33.ru/news/society/v_vlgu_na_53_vyroslo_kolichestvo_celevyh_studentov46419 Дата обращения 10.10.2025.*
4. *Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 201–223.*
5. *Новодерова А. П. Обесценивание значимости высшего образования среди современной молодежи как педагогическая проблема // Самарский научный вестник. 2023. Т.12. №1. – С.288-292.*
6. *Почему студенческая молодежь в современной России низко ценит высшее образование? // Психологическая газета. 21.11. 2022.*
7. *Пригожин В. Л., Саволайнен Р. А., Моткина Е. А. Обесценивание высшего образования в Российской Федерации // Инновации в научно-техническом обеспечении агропромышленного комплекса России: мат-лы всерос. (нац.) науч.-практ. конф. (г. Курск, 5–6 февраля 2020 г.). Ч. 3. Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2020. С. 345–349.*
8. *Пузанова Ж. В., Гаспаришвили А. Т., Ларина Т. И. Образовательные тренды современной российской молодёжи // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8, № 3. С. 53–68.*
9. *Решения ученого совета ВлГУ от 25 сентября 2025 г. // https://www.vlsu.ru/novosti-i-sobytija/novost/news/reshenija-uchenogo-soveta-vlgu-ot-25-sentjabrja-2025-g Дата обращения 10.10.2025*

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Захаренко Надежда Андреевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Выраженным свойством современного российского общества является социальная турбулентность, что указывает на длящиеся противоречивые процессы, вызванные смысловым плюрализмом существующих культурно-исторических трактовок, ценностных доктрин, идеологий, а также ослаблением межпоколенческих связей. Студенческая молодежь являет собой потенциал социума, от качественных характеристик ее ценностной системы и правосознания зависит вектор развития страны. На основе данных эмпирического исследования показан ценностный портрет учащейся молодежи и место традиционных ценностей в структуре ее правосознания.

Ключевые слова: правосознание молодежи, традиционные ценности, социологическое исследование, социальная турбулентность.

Условием социальной безопасности российского социума, всего государственного организма является целенаправленная опора на традиционные ценности, созидательные целеполагания, идеалы справедливости, стремления к развитию и общественному порядку. Правосознание, как и общественная мораль, формируются путем восприятия молодым поколением права и закона в свете распространенной культуры, вероучений, идеологий, традиций, определяющих ценностную позицию не только отдельных лиц, но и целых социальных групп в отношении права, закона, власти, свободы, обязанности, гражданственности, патриотизма, справедливости, семьи, совести и т. п.

В 2025 году на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова было проведено исследование, позволившее определить ценностный портрет студентов. Объектом исследования являлись учащиеся 1 – 4 курсов отделения бакалавриата юридического факультета, предметом – ценностные и нормативные установки. Методом анкетного опроса были опрошены 344 респондента. Методика исследования предполагала множественный выбор молодыми людьми наиболее значимых в современной России ценностей из предлагаемого закрытого списка. В приоритетную группу, согласно выбору респондентов, вошли: «традиционные семейные ценности», «честь, достоинство, благородство», «доброта, великодушие», «уважение к людям другой расы, веры и национальности» и «любовь к Родине». Наименее востребованы на текущий момент, по мнению опрошенных, ценности и качества – духовность, коллективизм / взаимопомощь, социальная дисциплина, а также религиозность и трудолюбие.

Семья в своем традиционном понимании остается для молодежи важным социальным институтом. Несмотря на распространенный стереотип о том, что для молодого поколения ценность института семьи дискуссионна, ответы студентов на вопрос о жизненных целях показывает обратное – основной целью является создание крепкой счастливой семьи. На второй позиции по частоте выбора оказалось стремление к материальному благополучию и достатку (респонденты выбирали эту цель в полтора раза реже). Следующими по значимости для студентов являются цели, которые можно рассматривать как инструменты достижения вышеуказанных доминант – построение успешной карьеры, совершенствование и развитие личных способностей, обретение устойчивого круга друзей. В целом перечисленные целевые установки традиционно распространены в современном российском обществе. Важно отметить, что транслятором

традиционных ценностей выступает именно семья, которая, сохраняя свое социальное значение, остается для молодежи источником устойчивых поведенческих паттернов. Социологи, основываясь на данных общероссийских репрезентативных исследований, отмечают, что «представления наших сограждан о традиционных российских ценностях в первую очередь сконцентрированы вокруг семьи» [1].

На укорененность традиционных ценностей в массовом сознании указывает также тот факт, что, характеризуя вектор нравственного развития сверстников, респонденты чаще всего указывали на преобладание традиционных ценностей и норм – такой точки придерживается более четверти опрошенных. Однако студенческая молодежь в мнениях неоднородна, и несколько менее популярная точка зрения заключается в том, что в среде молодежи преобладают либеральные (западные) ценностные ориентации – 22 % респондентов. Часть опрошенных отметили, что ценностная система современной молодежи не статична, а трансформируется, однако относительно вектора изменений мнения разошлись. Одна пятая часть студентов (19 %) указывает на разворот к традиционным ценностям и нормам, а сопоставимая по численности группа (18 %) склонна видеть разрушение традиционной ценностной модели в среде современной молодежи. Неоднородность оценок можно объяснить тем, что представление о молодежной культуре сильно зависит от ближайшего окружения и социальной среды, в которой проходит взросление, а у студентов указанные условия неодинаковы.

Исследование показало, что собственное личностное и профессиональное развитие студентами рассматривается как более предпочтительное по сравнению с общественным, выражающимся, в частности, в желании принести пользу стране и обществу. Ориентация на личную самореализацию свойственна не только студентам, но молодежи в целом – такая установка особенно характерна для поколения цифры и миллениалов, по возрастной границе которых проходит смена идеалов и уход от ценностей коллективизма.

Несмотря на неоднозначные процессы, наблюдаемые в молодежной среде, полученные в ходе проведенного исследования данные свидетельствуют о том, что у студентов существует представление о традиционных ценностях как о нравственном базисе и необходимой основе правосознания.

1. Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ-Новости, 8.07.2025

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Зубова Оксана Геннадьевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Музей как социокультурный институт в современном обществе не утратил своей актуальности и направлен на сохранение культурного наследия, образование и воспитание разных социально-демографических групп, организацию досуга и развитие туризма. Основные трансформации связаны с появлением новых форм музейных пространств, использованием современных цифровых технологий, расширением коммуникативных функций [9].

Исторически сформировалось понимание музея как института социальной памяти, сохраняющего и транслирующего ценности и знания об природных и общественных процессах [12; 13], что имеет важное значение с точки зрения социально-

коммуникативных практик для образования, социализации и культурно-досуговой деятельности молодежи [1; 5; 14].

Привлечению внимания молодежной аудитории способствуют интерактивные экспозиции, мультимедийные инсталляции, игровые технологии, виртуальная и дополненная реальность, интеграция музея в городскую среду через создание открытых общественных пространств вокруг здания, а также партисипативные форматы участия в разработке экспозиций и программ, проведении исследований [3]. Современные технологии позволяют расширять возможности музеев и их целевую аудиторию, так виртуальные экспозиции доступны для посетителей из любой точки мира; **интерактивные музейные приложения** позволяют посетителям исследовать коллекции, получать дополнительную информацию о выставках, участвовать в интерактивных играх и заданиях; благодаря цифровизации коллекций появляются цифровые копии артефактов и их документирование; онлайн-курсы, вебинары и цифровые образовательные платформы позволяют развивать разнообразные образовательные музейные программы [11].

Согласно данным Министерства культуры за 2024 год в России более трех тысяч музеев с преобладанием в Центральном федеральном округе [7]. Каждый год открываются новые или обновленные музеи, корпуса и филиалы известных музеев, так в 2025 году открылся филиал Третьяковской галереи в Калининграде, музейные комплексы на Дальнем Востоке, Экспозиционный корпус «Планета Океана» Музея Мирового океана, запланировано открытие после реставрации Политехнического музея в Москве и т.д. Это создает больше возможностей населению на разных территориях России, в том числе и удалённых от центра, для саморазвития, приобщения к культуре, формирования современной картины мира.

Проанализируем данные ВЦИОМ об изучении отношения населения России, в том числе молодежи, к музеям за 2008 – 2024 года. Если на вопрос о том, когда последний раз посещался музей, в 2008 году 50 % опрошенных отвечали, что несколько лет назад, 13 % за последние два года, 14 % никогда не были в музеях, 7 % затруднились ответить и лишь 16 % за последний год, то в 2024 году несколько лет назад были в музеях 40%, никогда не посещали – 10 %, суммарно за последний год побывали 30 %, два года назад – 18 %, затруднились с ответом – 2 %. Изменение в сторону увеличения посещаемости наблюдаются с 2018 года, в 2024 году женщины чаще чем мужчины бывают в музеях, если сравнивать по поколениям и выделять молодежь, то среди них меньше всего тех, кто никогда не был в музее и больше всего тех, кто посещал музей в последние 2-3 месяца. У поколения цифры (с 2001 года) больше тех, кто часто посещает музей или не интересуется этим, при имеющихся возможностях, все поколения отметили, что чаще ходили бы в музей (в 2009 – 53 %, в 2024 – 66 %). При этом, 85 % ответивших респондентов довольны оснащением и состоянием посещаемых музеев, лишь 8 % оценивают его как неудовлетворительное, 7 % затруднились с ответом. Довольных материальными характеристиками музеев больше всего среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а также крупных городов [2].

По интересам привлекают музеи исторические (63 %), художественные (44 %), краеведческие (35 %), технические (31 %), естественнонаучные (30 %), литературные (13 %), другие, в том числе военно-патриотические (7 %). Для современного поколения в приоритете выбора исторические, художественные и естественно-научные, также упоминаются военно-исторические, менее всего интересны литературные и краеведческие. ВЦИОМ отмечает, что чаще всего посетителями современных музеев

является заинтересованная городская, образованная, материально обеспеченная молодая аудитория, активная в цифровом пространстве [2].

Возникший интерес к музеям можно использовать в образовательном процессе как с русскими, так и иностранными студентами, разрабатывая образовательные квесты, туристические маршруты, организуя научно-исследовательскую деятельность. Квест как универсальная технология, применимая к разным областям и различным возрастным социально-демографическим группам, представляет собой проблемное поисковое занятие, реализующее образовательные, развивающие и воспитательные задачи посредством ролевой игры-путешествия [10, С. 84]. Выделяются следующие стадии в реализации: ознакомление с условиями, основными правилами и содержанием заданий к квесту; индивидуальная или групповая работа по выполнению всех заданий; достижение итогового результата; рефлексия участников и подведение итогов, когда соотносится поставленная в начале цель и задачи с их последующей реализацией [8]. По содержанию квесты бывают линейные, штурмовые и кольцевые, также выделяют по форме: текстовой, интерактивный квест, веб-квест, где используются только интернет-ресурсы, подвижный квест и игровой [4].

С помощью игровой технологии в форме квеста каждый участник получает новые знания и практический опыт, учится публично представлять полученные результаты. Использование квеста в работе со студентами позволяет решать не только образовательные задачи, но и развивает интерес к истории и культуре России, содействует улучшению коммуникативных навыков, формирует творческое мышление, исследовательский интерес. Разработанный квест в рамках курса «Основы российской государственности» соотносился с основными 5 разделами и ключевыми историческими и политическими событиями. Квест включал посещение разнообразных музеев, постоянных и временных выставок и выполнение в каждом пространстве своего задания с последующим оформлением в итоговую презентацию, отображающую фотографии, сделанные участники и комментарии к каждой локации по выполненной задаче. Апробировав методику, в дальнейшем можно разработать соответствующий путеводитель с самыми разнообразными вариантами маршрутов, предлагая студентам не только квест, но и выбор тематики соответствующего маршрута.

Пространство музея можно использовать как материал для практикума по работе с визуальными данными, для проведений наблюдений, участия в фестивалях, конференциях, мастер-классах и форумах. Особое значение для образования и воспитания, а также формирования корпоративной культуры имеют университетские музеи [6]. Так, в МГУ имени М. В. Ломоносова расположены несколько университетских музеев, среди них важное место занимает Музей истории МГУ.

Итак, музеи в современном обществе отражают множеством функций, связанных с актуальными потребностями, что определяет возможность использования их потенциала через образовательные практики и воспитательную работу с молодежью, для которой становится интересным восприятие этого социального института, в том числе, благодаря цифровой трансформации.

1. *Березутская А. Ю. Современный музей и его роль в культурном развитии студенческой молодежи // Молодой ученый. – 2020. – № 26.1 (316.1). – С. 52-54.*
2. *Всероссийский центр изучения общественного мнения представляет результаты опроса россиян о посещении музеев. Электронный ресурс: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poshli-v-muzei (дата обращения: 10.10.2025).*

3. *Зубова О. Г. Музей Мирового океана как альтернативная образовательная площадка для популяризации естествознания для детей и молодежи // Комплексные исследования детства. – 2019. – № 3 – Т. 1. – С. 220–231.*
4. *Коляденкова А. П. Игровая технология «квест» как средство повышения эффективности воспитательных мероприятий // Молодой ученый. – 2024. – № 15 (514). – С. 273-273.*
5. *Кузнецова Т. И. Роль музеев в образовании и воспитании современной студенческой молодежи // E-Scio. – 2019. – № 5(32). – С. 702-706.*
6. *Мельникова Г. Ф., Гильманшина С. И. Музеи университета как фактор поликультурного воспитания молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21133 (дата обращения: 10.10.2025).*
7. *Министерство культуры Российской Федерации, Портал открытых данных. Электронный ресурс: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum_svod#a:eyJ0YWIiOiJidWlsZF90YWJsZSJ9 (дата обращения: 10.10.2025).*
8. *Рогачев А. М., Дурягин А. М., Мазурская О.Р. Использование игровых технологий в образовательном процессе // Magister. – 2022. – № 1. – С. 34-38.*
9. *Саркисова Е. Г. Музей и общество: трансформация социальных функций (Опыт современной России) [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. В. Коваленко; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия имени Д. С. Лихачёва. – М.: Институт Наследия, 2023. – 188 с.*
10. *Сафонова Е. В. Образовательный квест: смысл, содержание, технологические приёмы // Народное образование. – 2018. – № 1-2(1466). – С. 83-87.*
11. *Сизова И. А., Гордин В.Э. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы (по материалам социологического исследования) // Информационное общество. – 2022. – № 4. – С. 35-44.*
12. *Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 55–56.*
13. *Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496 (дата обращения: 10.10.2025).*
14. *Хачатрян Л. А., Чернеги А.А. Социальная польза музея для учащейся молодёжи: сущность и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. – № 2(10). – С. 167-172.*

ЦЕННОСТЬ СЧАСТЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Иванова Мария Олеговна
(Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург)

Оганян Карина Каджиковна
(Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург)

Аннотация. На сегодняшний день общество демонстрирует активный интерес к проблеме поиска счастья, дефицит которого ощущается в современном мире. Счастье – одна из основных человеческих ценностей. Стремление к счастью заложено в каждом человеке и составляет неотъемлемую часть его природы. Представления человека о счастье входят в жизненную систему его ценностей и выражают его сущностное отношение к миру [2, 3]. В связи с этим, изучение феномена счастья становится актуальным с точки зрения социологии, так как это позволяет понять, каким образом социальные, экономические и культурные факторы влияют на чувство счастья и благополучия индивидов.

Ключевые слова: счастье, молодежь, студенты, социологическое исследование, анкетирование.

Счастье – это: состояние полного удовлетворения жизнью, наслаждения ею, ощущение нужности, важности в ней; достижение поставленных целей, реализация своих планов; моменты ощущения огромной любви к близким, стране, народу, понимания нужности для них; возможность самореализации, самовыражения в любимом виде деятельности; наслаждение красотой жизни, каждого её мгновения, неповторимостью мира, который окружает.

Цель исследования: выявление социальных факторов, влияющих на уровень и качество жизни людей. Это может помочь обществу разработать более эффективные политики и стратегии, направленные на обеспечение счастья и благополучия граждан.

Задачи:

– проверить наличие статистически значимых различий между людьми, ощущающими и не ощущающими себя счастливыми;

– выявить взаимосвязи между параметрами личности в группах «счастливых» и «несчастливых»;

– оценить влияние места проживания на формирование у студента субъективного отношения к счастью.

Объект исследования: студенты высших образовательных учреждений.

Предмет исследования: взаимосвязь личностных особенностей с субъективным ощущением счастья на примере современной молодежи.

В ходе исследования было опрошено 50 студентов из 7 регионов Российской Федерации и были выявлены следующие результаты.

На вопрос «Что такое счастье?» респонденты ответили следующим образом: 8 студентов описали «счастье» как чувство благополучия, уверенности в себе, безопасности и глубокой удовлетворённости; 18 студентов понимают «счастье» как момент, когда ты нашёл или находишься на своём месте и в обществе, котором царит полное взаимопонимание; 13 студентов отметили, что счастье проявляется в мелочах, на которые мало кто обращает внимания в иное время; 4 студента отметили, что основой счастья является дофамин; 4 студента относится к счастью, как к «награде» за выполнение поставленных целей; 4 студента назвали «счастье» идеальной реальностью, созданной из мечт; 7 студентов воздержались от ответа.

На вопрос: «Считаете ил вы себя счастливым?» – было выявлено, что 40% опрошенных студентов, выбрали вариант «скорее да, чем нет», что может свидетельствовать, что студент не полностью удовлетворён своим кругом общения, местом пребывания, направлением подготовки в образовательном учреждении и т.п., что, скорее всего, связано с социальным статусом «студент», так как сфера карьеры либо еще не реализована полностью, либо присутствует в жизни частично, учитывая финансовую, бытовую зависимость от родственников, что не может говорить о полной мере самостоятельности, к которой стремиться молодежь в данном возрасте, обостряя проблему закрытия потребностей, при удовлетворении которых повышается уровень счастья.

Большинство студентов (40 %) чувствуют себя счастливыми несколько раз в неделю; 32 % – несколько раз в месяц; 24 % – несколько раз в году; 4 % – раз в год или реже.

Вопрос: «От чего зависит ваше чувство счастья?», являлся открытым, мы выделили наиболее популярные группы. Большинство респондентов (24 %) решили, что их счастье в первую очередь зависит от благополучия внутри семьи и окружения в целом. На втором тоже окружение, но уже ближайшее – друзья, общение с ними и любимый человек. (14 %) Далее, счастье зависит от личных достижений (12 %), хобби (9 %) и денег (8 %). Меньше

всего студентов обращают внимание на сюрпризы, мелочи жизни и появления шанса отвлечься от негативных эмоций. Семья и окружение для студента является одной из важных составляющих в жизни, которая, по исследованию системы ценностей, занимает наивысшее положение [1, 121 – 125]. Ключевую роль в данном возрасте играют взаимоотношения с друзьями и любимым человеком – данные отношения относятся к самостоятельному выбору этапа взросления. Для исследуемых чувство счастья, получаемое от личных достижений, связано с амбициозностью, стремлением «показать себя» миру, свою самостоятельность.

Были выделены общие группы действий, в наибольшей степени влияющих на ощущение счастья: прогулки, свидания, встречи с друзьями (20 %); прослушивание музыки (12 %); активный отдых (10 %).

В сравнении с предыдущим вопросом, общение с семьёй оказалось не настолько популярным, как общение с друзьями или любимыми (всего 7 %).

Дружеские отношения связаны с совместными отдыхом и интересами, что связано с такой оценкой ответов. Прослушивание музыки, как акт терапии, является одним из самых доступных и легких вариантов для ощущения счастья. Но, стоит подчеркнуть, что прослушивание музыки, также часто связано с состоянием печали человека, тогда оно используется как снятие стресса и преодоление негативных состояний. Активный отдых в данном возрасте способствует выплеску накопленных и получением новых эмоций, смене обстановки, что также часто происходит совместно с друзьями или семьей.

Меньше всего респондентов ощущают счастье от видеоигр (2 %), учёбы (2 %) и сна (3 %). Вероятнее всего, это связано с негативным влиянием игр и учёбы на нервную систему и эмоциональный фон.

Студентам было предложено отметить регион их проживания или обучения с целью изучения связи субъективной оценки и понимания счастья в регионе, где они проводят большую часть своего времени.

При подсчёте собранных данных, было выявлено, что из 50 опрошенных студентов 60 % учатся и живут в г. Санкт-Петербург, оставшиеся 40 % учатся в регионах, таких как Кемеровская область, Северо-Кавказский Федеральный Округ (г. Кисловодск и г. Пятигорск), Рязанская область, Орловская область, Хабаровский край и Донецкая Народная Республика.

Студентам было предложено оценить уровень счастья в Российской Федерации (не опираясь на индекс россиян).

Оценка проходила по шкале от 0 до 5, где: 0 – крайне низкий уровень счастья; 1 – низкий уровень счастья; 2 – уровень счастья ниже среднего; 3 – средний уровень счастья; 4 – уровень счастья выше среднего; 5 – высокий уровень счастья.

Изучив полученные данные, оказалось, кто никто из 50 респондентов не считает, что уровень счастья в стране равен нулю. 60 % считают, что уровень счастья в России – средний.

Больше всего людей, считающих, что в России уровень счастья выше среднего и высокий – Северо-Кавказский Федеральный Округ (средняя оценка 4). По Петербургу средняя оценка составила 2,7. Самые низкий уровень отметили студенты из Рязани и Хабаровска.

Данные результаты могут быть связаны с большим количеством факторов: экономические условия, услуги здравоохранения, образования, условия безопасности, экологическая ситуация, инфраструктура и услуги, рабочая среда и условия труда и т.п.

Выводы. По итогам исследования было выявлено следующее:

Студенты при оценке феномена счастья опираются на собственное понимание счастья и не существует чёткого разделения между счастьем и несчастьем;

Студенты считают самой важной частью формирования уровня счастья общение с семьёй и друзьями;

Большая часть опрошенных студентов не считают себя счастливыми, однако уровень счастья – выше среднего;

Самыми счастливыми оказались студенты Северо-Кавказского Федерального округа.

Если сравнивать полученную статистику уровня счастья среди студентов с общим индексом счастья россиян от 20.03.2023 г. (ВЦИОМ), то можно увидеть, что процент несчастливых россиян (14 %) в 2 раза выше, нежели среди студентов (8 %). Счастливых в общей статистике (82 %) значительно выше полученной статистике среди студентов (20 %).

Предложения по повышению уровня счастья: выявление причин несчастья среди студентов; коррекция системы образования; повысить материальную и социальную поддержку учащейся молодежи.

1. *Иванова М. О. Социологическое исследование роли образования в жизни студентов физкультурно-спортивных вузов. – Развитие парадигмы социально-гуманитарного образования как системы формирования нравственных идеалов и гражданской позиции выпускников физкультурно-спортивного вуза: сборник научных статей и докладов Международной научно-практической конференции, 23-24 мая 2024 г. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – 223 с.*
2. *Мишутина Е. А. Социально-философский анализ феномена счастья / Е. А. Мишутина. – Новочеркасск.: Социальная психология, 2009. – 186 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Иванова Наталья Анатольевна
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Социальная политика государства рассматривается, как комплекс мероприятий, направленных на достижение социально значимых целей в таких областях, как здравоохранение, образование, молодежная, семейная, демографическая политики и другие. Показаны проблемы в области демографии, меры социальной политики, реализуемые Российской Федерацией и отражающие согласованные и многогранные усилия по противостоянию имеющимся вызовам и их преодолению.

Ключевые слова: социальная политика, демография, кризис, семья.

Социальная политика – то, без чего не обходится ни одно государство. Социальная политика [3] сильно взаимосвязана с демографией, а точнее, является частью социальной сферы страны. Демографический кризис – это состояние, при котором демографические показатели, такие как рождаемость, смертность, миграция приводят к негативным последствиям для общества: уменьшение численности населения, его старение, недостаток рабочей силы и прочие проблемы, которые могут оказывать воздействие на социально-экономическое развитие страны.

На сегодняшний день численность населения Российской Федерации сокращается. Число родившихся в 2024 году снизилось на 3,4 % – до 1 млн 222,4 тыс. детей с 1 млн

264,9 тыс. в 2023 году [5], в 2025 году прогнозируемый суммарный коэффициент рождаемости составит 1,33, в то время как в 2015–2016 гг. отмечался рекордный показатель – 1,8 [8]. По данным Росстата, население Российской Федерации к 2046 году снизится до 138,8 млн человек [16], причиной является уменьшение числа женщин детородного возраста, их процент с 2020 г. снижается и будет снижаться в среднем на 0,54 млн чел. в год [9]. К основным причинам сокращения числа рождаемости также можно отнести и падение доходов: по данным ВЦИОМ, при благоприятных условиях около 6 % не заводили бы детей, 32 % предпочли бы иметь двух детей, меньше десяти процентов отметили, что хотели бы иметь одного ребенка, треть отметила трех, пятая часть отозвалась о желании иметь более четырех детей [9]. В то же время с 2014 года отмечается рост многодетных семей в 1,8 раза [8].

Демографический кризис характеризуется негативной динамикой в показателях народонаселения: низкая рождаемость, высокая смертность или отрицательный прирост населения. Несмотря на сокращение естественной убыли (по данным Росстата, естественная убыль населения в России в 2024 году выросла на 20,4 % по сравнению с 2023 годом [5]), и снижение смертности, общий прирост постоянного населения принимает отрицательные значения [4].

Анализ нормативных источников показывает, что социально-демографическую политику Российской Федерации регулирует ряд правовых актов: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014) [11], Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (последняя редакция) [12], Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (последняя редакция) [15], Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, действ. ред.) [7], Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 (в ред. от 31.07.2025) № 181-ФЗ [13] и другие. В Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [10] была поставлена цель в постоянном наращивании количества людей в стране. Для этого необходимо увеличить рождаемость и снизить смертность населения.

Одним из ключевых аспектов позиционирования состоятельности государства как эффективного актора в рамках благоустройства и развития жизнедеятельности граждан является способность государственной системы путем конструирования соответствующих условий увеличивать человеческий капитал [1], трансформировать его потенциал в драйвер развития, создавать конкурентное преимущество в рамках растущей международной конкуренции.

Проблема развития демографического кризиса является для Российской Федерации угрозой национальной безопасности [2; 6]. При снижении уровня населения возрастают угрозы, связанные с обороноспособностью государства. Снижается уровень трудоспособного населения, что ведет к подрыву экономики страны. Растет нагрузка на пенсионную систему. Помимо этого, первостепенным является то, что Россия является социальным государством и государственные органы, реализуя положения Конституции РФ, должны обеспечивать государственную поддержку семьи.

Инструментами осуществления целей социальной политики обычно выступают: пособия, субсидии, социальные доплаты к пенсии, социальные контракты, программы социальной адаптации [12].

Одной из правовых основ российской социальной политики, направленной на предотвращение демографического кризиса, закрепляется Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ [14], который определяет порядок предоставления материальной помощи в форме материнского капитала. Так, в нашей стране материнский капитал, который регулярно индексируется, могут получить родители или усыновители даже одного ребенка, причем объем материнских средств дифференцируется в зависимости от года рождения (усыновления), а также от количества рождения детей. Расходование материнского капитала, определяемое законодательством, составляет большой перечень целей, на которые можно израсходовать средства, начиная от улучшения жилищных условий до образования детей. Государство обеспечило легкую процедуру для получения маткапитала, можно сделать онлайн на портале Госуслуг, лично в МФЦ и территориальном отделении Социального фонда России. Таким образом, данные процедуры облегчают жизнь гражданам, что может привести к повышению стимула рождения детей.

Современное демографическое положение в России остается сложным из-за большого количества факторов, но самое важное, что государство осознает текущую ситуацию и принимает большое количество мер, чтобы добиться роста рождаемости. Выход из демографического кризиса – не самый быстрый процесс, именно поэтому не стоит ждать быстрых изменений, необходимо продолжать отслеживать тенденции демографического положения, проводить социальную политику и делать все возможное для поддержки населения.

Таким образом, проблемы демографического кризиса в России носят социальный характер. Во-первых, сокращение населения приводит к уменьшению рынка рабочей силы, увеличению бремени на налогоплательщиков и к демографическому старению населения, что влияет на социальную защиту и пенсионную систему. Во-вторых, демографический кризис влечет за собой проблемы в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения, так как уменьшение численности населения может сказаться на качестве и доступности этих услуг. Он может привести к демографическим неравенствам, что в свою очередь отразится на социальной структуре общества. Наконец, здоровье населения оказывает влияние на общественное благополучие, социальную стабильность, что является важным аспектом улучшения качества жизни.

1. *Авдеева Д. А. Вклад человеческого капитала в рост российской экономики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 28. № 1. С. 9–43.*
2. *Агеев А. И., Золотарева О. А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. Т. 30. № 2. С. 53–71. DOI: https://doi.org/10.34023/2313638320233025371.*
3. *Егорова М. С., Смирнова А. А. Социальная политика России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-2. С. 302-304.*
4. *Единая межведомственная информационно-статистическая система. Официальный сайт. URL: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 05.10.2025).*
5. *Естественная убыль населения РФ в 2024 году выросла на 20,4% // Интерфакс Россия: сайт. URL: https://www.interfax.ru/russia/1010241 (дата обращения: 05.10.2025).*
6. *Золотарева О. А., Накисбаев Д. В. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 154–173. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.9.*
7. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.10.2025).*
8. *Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? 25 февраля 2025 г. // ВЦИОМ: сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume (дата обращения: 05.10.2025).*

9. *Семья и дети: установки и реалии. 02 декабря 2021 г. // ВЦИОМ: сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii (дата обращения: 05.10.2025).*
10. *Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 05.10.2025).*
11. *Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 05.10.2025).*
12. *Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 05.10.2025).*
13. *Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 05.10.2025).*
14. *Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в посл. ред.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 05.10.2025).*
15. *Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 05.10.2025).*
16. *Численность населения РФ на начало 2024 г снизилась до 146,204 млн человек // Интерфакс Россия: сайт. URL: https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/chislennost-naseleniya-rf-na-nachalo-2024-g-snizilas-do-146-204-mln-chelovek (дата обращения: 05.10.2025).*

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Иванова Татьяна Николаевна
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Набокин Андрей Игоревич
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Семечкин Семен Сергеевич
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

В современном обществе музыка играет ключевую роль в формировании социальной идентичности молодежи. Она не только отражает культурные тенденции, но и активно влияет на самоидентификацию молодых людей, их ценности и поведенческие модели. Изучение этого феномена особенно важно в условиях глобализации и цифровизации, когда музыкальные предпочтения становятся маркером принадлежности к определенным социальным группам.

Проблема социальной идентичности занимает центральное место в современных социологических и социально-психологических исследованиях, представляя собой сложный многоаспектный феномен, требующий комплексного междисциплинарного подхода. В наиболее общем виде социальную идентичность можно определить, как результат процесса самоотождествления индивида с определенными социальными группами и категориями, сопровождающегося осознанием и эмоциональной оценкой этой принадлежности, а также соответствующими поведенческими проявлениями [1, с. 16].

Теоретико-методологические основания изучения социальной идентичности были заложены в работах представителей символического интеракционизма (Дж. Г. Мид,

Ч. Кули), которые рассматривали идентичность как продукт социального взаимодействия. Мид, в частности, подчеркивал, что «Я-концепция» формируется через усвоение индивидом «обобщенного другого» – коллективных представлений и ожиданий социальной группы [2, с. 134]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в концепции социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера, которые рассматривали идентичность как систему когнитивных, ценностных и эмоциональных компонентов, формирующихся в процессе социальной категоризации [3, с. 18–19].

Структурный анализ социальной идентичности позволяет выделить несколько взаимосвязанных уровней и компонентов. На макроуровне идентичность формируется под влиянием широких социальных структур – национальных, этнических, профессиональных, гендерных и других категорий. На мезоуровне важную роль играют референтные группы и субкультурные объединения. На микроуровне идентичность конструируется в процессе межличностного взаимодействия и повседневных практик [3, с. 80–82].

Ключевыми структурными компонентами социальной идентичности являются:

Когнитивный компонент – осознание своей принадлежности к определенным социальным группам и категориям, включая знание их характерных признаков и границ. Этот компонент тесно связан с процессами социальной категоризации и самокатегоризации [1, с. 21].

Эмоционально-оценочный компонент – значимость и ценностная окраска групповой принадлежности, которая может варьироваться от позитивной (гордость за свою группу) до негативной (стремление дистанцироваться от стигматизированных категорий) [3, с. 85].

Поведенческий компонент – готовность действовать в соответствии с групповыми нормами и ожиданиями, демонстрировать свою принадлежность через определенные практики и символические маркеры [4, с. 118].

Важнейшей характеристикой современной социальной идентичности является ее множественность и ситуативная актуализация. Как отмечает Э. Гидденс, в условиях позднего модерна индивид вынужден постоянно осуществлять рефлексивный проект самоидентификации, комбинируя различные идентификационные ресурсы [5, с. 75]. Эта особенность особенно ярко проявляется в молодежной среде, где идентичность часто носит экспериментальный и ситуативный характер [6, с. 56].

Особое значение в процессе формирования социальной идентичности имеют культурные практики и символические ресурсы. П. Бурдье в своей теории культурного капитала показал, что вкусовые предпочтения (включая музыкальные) выполняют важную функцию социального различения и позиционирования [4, с. 125]. Музыкальные предпочтения становятся особенно значимым маркером идентичности в подростковом и юношеском возрасте, когда происходит активный поиск "своей" группы и стиля жизни [7, с. 62].

В цифровую эпоху процессы идентификации претерпевают существенные изменения. Социальные медиа и стриминговые платформы создают новые возможности для конструирования и презентации идентичности через музыкальные практики [8, с. 215]. Как показывают исследования, современная молодежь часто использует музыкальные предпочтения как инструмент самопрезентации в социальных сетях, формируя «звуковой ландшафт» своей идентичности [9, с. 122].

Таким образом, социальная идентичность представляет собой сложную динамическую систему, формирующуюся под влиянием макро- и микросоциальных факторов, культурных практик и индивидуальных биографических траекторий. Ее

изучение требует учета как устойчивых структурных компонентов, так и ситуативных процессов идентификации, особенно значимых в молодежной среде.

Перспективы исследования: дальнейший анализ должен быть направлен на выявление специфики музыкальных практик как ресурса конструирования социальной идентичности в различных молодежных группах с учетом современных цифровых трендов.

Культурные факторы играют ключевую роль в процессе формирования социальной идентичности, выступая в качестве важнейшего ресурса для самоопределения индивида в социальном пространстве. Современные исследования подчеркивают, что идентичность конструируется не только через формальные социальные структуры, но и через повседневные культурные практики, символы и значения, которые индивиды присваивают в процессе социализации [10, с. 67]. Особое значение в этом контексте приобретает концепция культурного капитала П. Бурдье, который рассматривает культурные предпочтения и компетенции как важнейшие инструменты социальной дифференциации и позиционирования [4, с. 145]. Согласно его подходу, вкусовые предпочтения, в том числе музыкальные, не являются сугубо индивидуальным выбором, но отражают глубинные социальные диспозиции и траектории мобильности.

В современном обществе наблюдается усложнение роли культурных факторов в процессах идентификации. С одной стороны, глобализация и развитие цифровых технологий приводят к унификации культурных образцов и появлению глобальных идентичностей [7, с. 88]. С другой стороны, происходит фрагментация культурного пространства и рост значения локальных и субкультурных идентичностей [5, с. 72]. Этот парадокс особенно ярко проявляется в молодежной среде, где глобальные культурные тренды переосмысляются и адаптируются в локальных контекстах [11, с. 231].

Музыка как культурный феномен занимает особое место в процессах идентификации. По мнению Т. ДеНоры, музыка выполняет три ключевые функции в формировании идентичности: она служит ресурсом для самопрезентации, средством создания социальных связей и инструментом эмоционального саморегулирования [7, с. 78]. Эмпирические исследования показывают, что музыкальные предпочтения тесно связаны с важнейшими аспектами социальной идентичности – гендерными ролями, этнической принадлежностью, социальным статусом и политическими взглядами [1, с. 52].

Современные исследования подчеркивают возрастающую роль музыкальных фестивалей и концертов как пространств коллективной идентификации. Эти события создают временные «лиминальные зоны» (В. Тернер), где участники переживают интенсивный опыт принадлежности к сообществу через общие музыкальные переживания и ритуальные практики [12, с. 112]. При этом цифровые технологии трансформируют эти практики, создавая гибридные формы участия (например, онлайн-трансляции концертов), которые по-новому структурируют процессы идентификации [7, с. 258].

Важно отметить, что влияние культурных факторов на формирование идентичности носит нелинейный и опосредованный характер. Как показано в работах Ю. Левады, между декларируемыми культурными предпочтениями и реальными идентификационными практиками может существовать значительный разрыв [13, с. 154]. Кроме того, в условиях культурного плюрализма индивиды часто используют стратегии «кодового переключения», адаптируя свои культурные практики к разным социальным контекстам [4, с. 162].

Таким образом, культурные факторы, и особенно музыкальные практики, представляют собой сложную систему ресурсов для конструирования социальной идентичности. Их роль в современных условиях определяется взаимодействием

нескольких тенденций: глобализацией культурных потоков, цифровизацией культурных практик, фрагментацией культурного пространства и ростом значения субкультурных идентичностей. Эти процессы приобретают особую значимость в молодежной среде, где музыка продолжает оставаться важнейшим инструментом самоопределения и социального позиционирования.

1. *Adorno T. W. The Culture Industry. London: Routledge, 2001. 224 p.*
2. *Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.*
3. *Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 2004. 280 с.*
4. *Бурдье П. Различение: социальная критика суждения. СПб.: Алетейя, 2007. 416 с.*
5. *Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 632 с.*
6. *Луков В. А. Теории молодежных субкультур. М.: Флинта, 2022. 280 с.*
7. *DeNora T. Music in Everyday Life. Cambridge University Press, 2000. 192 p.*
8. *DeNora T. Music in Everyday Life. Cambridge University Press, 2000. 192 p.*
9. *Попова В. В. Проблемы формирования социальной идентичности молодежи // Социология и общество. 2021. № 23. С. 112–120.*
10. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.*
11. *Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. SAGE, 2019. 496 p.*
12. *Thornton S. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Wesleyan University Press, 1996. 224 p.*
13. *Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.*

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Иванчук Мария Константиновна
(СПбГУ)

Бардукова Дарья Дмитриевна
(СПбГУ)

Аннотация. Статья исследует, как генеративный ИИ трансформирует образовательные и профессиональные стратегии молодежи. На основе анализа Google Trends (2021 – 2025) показан переход от традиционного заказа работ к сотрудничеству с алгоритмами. Студент становится оператором сетевого познания, что требует пересмотра образовательных стандартов и развития критической грамотности.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, образовательные стратегии, коллективное познание, цифровая социализация, академические практики, философия образования.

В статье показывается, как распространение генеративного ИИ трансформирует образовательные, трудовые и профессиональные стратегии современной молодежи. Это обусловлено тем, что студенты перестают рассматривать ИИ как внешнее «помогало» и начинают включать его в архитектуру коллективного познания. Искусственный интеллект становится компонентом сетевой конфигурации, в которой формируются знания, принимаются решения и выстраиваются практики поведения и адаптации к окружающей среде. Эмпирические выводы опираются на анализ Google Trends (2021 – 2025) – сравнение традиционных форм делегирования (покупка работ) и алгоритмических

стратегий (AI essay writer, ChatGPT) и на социотематическую интерпретацию этих трендов в контексте институциональной литературы [3].

Переход к генеративным моделям, начиная с публичного распространения ChatGPT в конце 2022 года, создал новую образовательную ситуацию для студентов: привычные стратегии сокращения академических нагрузок (заказ работы, помощь от знакомых) начали соперничать с массовым доступом к автоматизированным инструментам генерации текста. Этот сдвиг можно рассматривать как изменение нетолько инструментальной практики, но и стратегии социализации и профессионального становления. Студент сегодня не просто индивид, обладающий компетенциями, а оператор сеть-познавательных процессов, включающих алгоритмы и платформы.

Однако технологизация образования требует философского и ценностного сопровождения, более глубокого рассмотрения политической и этической стороны «персонализации» [2, 112], выявления проблем и рисков деполитизации и неравенства при внедрении ИИ в образование [3, 623], а также необходимости развития новых форм коллективного творчества, пересмотра образовательных стандартов, и, соответственно, публичной дискуссии об образовательных целях. Такой подход позволяет рассматривать ИИ как структурный элемент когнитивной среды, а не нейтральный инструмент.

Для проверки гипотезы о сдвиге стратегий в ориентации молодежи были сопоставлены две группы запросов: традиционные (buy essay, buy thesis, essay writing service) и ИИ-ориентированные (AI essay writer, ChatGPT essay, AI thesis), позаимствованные из данных Google Trends за 2021–2025 годы. Анализ включал визуализацию временных рядов и географического распределения интереса. Такая методика позволила увидеть массовые тенденции адаптации, не прибегая к опросам, а также динамику интереса, которая отражает культурное и институциональное освоение ИИ как новой образовательной стратегии.

До конца 2022 года доминировали запросы buy essay и essay writing service, отражающие старую форму делегирования учебных задач. После появления ChatGPT наблюдается резкий рост интереса к AI essay writer и ChatGPT essay. К 2025 году эти запросы стабильно превышают «buy essay» в 4 – 6 раз. Сохраняется сезонность: пики в декабре–январе и мае–июне. Это показывает, что ИИ встроен в учебный цикл как механизм адаптации. Географически лидируют Филиппины, Индия, США, Нигерия и Великобритания, где доминирует англоязычное онлайн-обучение.

Падение интереса к «buy essay» при росте «AI essay writer» интерпретируется как переход от внешней делегации к архитектурной делегации – сотрудничеству с алгоритмом. Студент превращается из заказчика в куратора когнитивного процесса: формулирует запрос, редактирует, проверяет уникальность. Университетская система должна учитывать, что обучение происходит в распределённой когнитивной среде, где человек и алгоритм совместно создают знание, Подобный подход коррелирует с призывами Selwyn к критическому рассмотрению технологий [3, 628] и с аргументом Pelletier о необходимости политического контроля персонализации [2, 115].

Распространение генеративного ИИ радикально изменяет стратегии молодежи в сфере образования и профессионального обучения. Студенты интегрируют ИИ в коллективные когнитивные процессы, формируя новую экосистему знаний. В этой связи университетам необходимо развивать критическую грамотность работы с ИИ, обновлять формы оценки и стимулировать коллективное проектное мышление. ИИ становится частью архитектуры образовательной среды, где управление образовательным процессом – это управление архитектурой коллективного интеллекта.

1. *Пашков М. В., Мальцева А. В. Искусственный интеллект в образовании: некоторые проблемы и перспективы использования // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 963-965.*
2. *Pelletier C. Against Personalised Learning // International Journal of Artificial Intelligence in Education. – 2024. – Vol. 34. – P. 111–115.*
3. *Selwyn N. The future of AI and education: Some cautionary notes // European Journal of Education. – 2022. – Vol. 57. – P. 620–631.*

ВИДЕОИГРА КАК ФОРМА МОЛОДЕЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исмаилова Джаннет Рамизовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современная социология коммуникации все чаще обращает внимание на феномены, возникающие на пересечении медиа, информационных технологий и социальных практик. Одним из таких феноменов являются видеоигры. Для молодого поколения сегодня видеоигры стали способом поддержания социальных связей, вовлечения в коллективные формы взаимодействия и конструирования идентичности.

Так, по данным ВЦИОМ на 2025 год, почти восемь из десяти российских пользователей Интернета имеют опыт гейминга и 41 % россиян играют в видеоигры [1]. И, безусловно, в большей степени видеоигры интересуют молодежь: 67 % россиян в возрасте 18 – 24 года и 58 % – 25 – 34 года [1]. Больше половины молодежи играют в видеоигры, тогда как старшее поколение играющих оказывается в меньшинстве: чем старше возрастная группа, тем меньше процент играющих [1].

Таким образом, видеоигровую культуру в России можно назвать массовой и сравнить по значению с социальными сетями. Также как социальные сети видеоигры становятся уже не просто формой досуга, а медиумом, средством передачи информации от коммуникатора получателю. Однако мы не остановимся на таком рассмотрении феномена видеоигр в контексте коммуникации. И для того, чтобы объяснить каким образом видеоигры становятся формой молодежной коммуникации и как игровые практики выступают пространством общения и формирования идентичности, рассмотрим ключевые для предложенной темы теории коммуникации и теоретические основания рассмотрения феномена видеоигр.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса задаёт важную рамку для понимания видеоигры как формы коммуникации. По Ю. Хабермасу коммуникативное действие представляет собой процесс, направленный на достижение взаимопонимания между участниками. Оно основывается на способности индивидов аргументировать свои позиции, признавать друг друга в качестве равноправных субъектов и приходить к консенсусу, формируя общее смысловое пространство [2, 118]. Видеоигровая среда во многом воспроизводятся по такому же принципу. Совместная игровая практика требует постоянного коммуникативного взаимодействия, которое предполагает соблюдение правил, обсуждение стратегий, распределение ролей, корректировку действий друг друга, а значит, формирует коллективное понимание ситуации. Даже в условиях цифровой среды, где коммуникация опосредована, сохраняется её социальная природа. Таким образом, опираясь на теоретические основания Ю. Хабермаса, видеоигры можно рассматривать как пространство повседневного коммуникативного действия, где смысл

создаётся не индивидуально, а в совместном, диалогическом процессе, основанном на взаимопонимании и согласии.

Теоретическая рамка Ю. Хабермаса позволяет рассматривать видеоигру через призму коммуникативного действия, раскрывая её социальную природу и ориентированность на взаимопонимание между участниками. Однако данная теория делает акцент на механизмах взаимодействия, тогда как само понятие коммуникации остаётся концептуально широким. Для уточнения содержания этого термина обратимся к определению, предложенному Н. Г. Осиповой, которая рассматривает социальную коммуникацию как передачу информации, чувств, оценок, значений, смыслов и ценностей в процессе социального взаимодействия людей, групп, народов, государств [3, 360]. Это определение акцентирует внимание на многоуровневом характере коммуникации, охватывающей не только рациональные, но и эмоционально-ценностные аспекты общения. Так, понятие социальной коммуникации позволяет зафиксировать сложную природу взаимодействия, объединяющего когнитивное, эмоциональное и культурное измерения, что особенно важно для анализа видеоигры как формы молодежной коммуникации, которая включается в себя среду общения.

Отдельное внимание в контексте видеоигр и молодежной коммуникации заслуживает вопрос формирования идентичности. Виртуальные пространства предоставляют возможность для создания и отыгрывания множества «я». Игроки используют никнеймы, создают аватары, наделяя их определёнными характеристиками, стилем поведения и репутацией, которые отражают их индивидуальные стремления и самовосприятие. Отечественные исследователи А. К. Мамедов и Э. Д. Коркия выделяют несколько подходов к изучению виртуальной личности, рассматривая её как результат творческой деятельности субъекта, реализующего потенциал самопознания через объект своего игрового образа. В этом смысле видеоигры становятся пространством творческой самоидентификации, где человек не только играет, но и выстраивает отношения с самим собой.

Молодежь, выросшая в условиях цифровой трансформации, наиболее активно вовлечена в видеоигровую культуру. Их процесс социализации протекает параллельно с развитием телекоммуникационных технологий, что делает видеоигры естественной частью их повседневности. Игровые практики становятся для них способом формирования социальных связей, коллективных смыслов и эмоциональной близости. Молодые игроки вырабатывают новую коммуникативную грамотность, основанную на мгновенном отклике, визуальном мышлении и способности к интерпретации символов.

Мы рассмотрели коммуникативную природу видеоигр, однако стоит также обратиться к теоретическим основаниям изучения самого феномена видеоигр. На сегодняшний день существует несколько подходов к их рассмотрению. Одни исследователи указывают на нарративную природу видеоигр, акцентируя внимание на тексте, который транслирует видеоигра. Другие считают, что важной характеристикой любой видеоигры является ее «игровость», все остальное вторично – в первую очередь важен «геймплей», сама игровая практика. Третьи же предлагают рассматривать видеоигры в качестве новых медиа. Привычные аналоговые медиа такие, как книги, ТВ, кино или радио, безусловно, оказали влияние на способы получения и восприятия информации и типы коммуникации, в то время как компьютер, став «метамедиумом», позволил все аналоговые медиа перевести в цифровые. Мы остановимся на первом и последнем из упомянутых подходов, поскольку в данном контексте они являются наиболее перспективными.

Подход, рассматривающий видеоигры как текст, можно теоретически обосновать и раскрыть через семиотическую концепцию Ю. М. Лотмана. В лотмановской традиции культура рассматривается в качестве «совокупности всей ненаследственной информации, способов организации информации и ее хранения» [4, 442]. Текст же является основой его подхода к исследованию культур и единицей коммуникации. Коммуникация для Ю. М. Лотмана не просто передача информации, а процесс, в котором при столкновении кодов (при взаимодействии) создаются новые смыслы и интерпертации. Видеоигра в этом контексте выступает как культурный текст, как структура, содержащая в визуальные коды, язык, символику, нормы поведения, которая в первую очередь несет в себе смысл и включена в семиосферу. Саму игровую практику в этом контексте можно рассматривать как акт коммуникации, в ходе которого происходит обмен символами и интерпретациями.

Таким образом, рассматривая видеоигру через теорию Ю. М. Лотмана, мы можем видеть, как она не только структурирует смысловое пространство культуры, но и становится площадкой для реальной коммуникации, в которой рождаются в том числе и новые формы языка. Видеоигра, будучи частью современной культурной семиосферы, формирует собственный язык и особую систему смыслов. Общаясь в игровых пространствах, молодежь не только общается, но и создает специфическую лексическую систему, которая становится важным элементом их коммуникации.

Теория медиа М. Маклюэна, в свою очередь, позволяет уже смотреть на видеоигру с другой стороны, в качестве средства коммуникации или медиума, определяющего характер самой коммуникации. Говоря, что «средство есть сообщение», М. Маклюэн подразумевал, что способ передачи информации непосредственно влияет на содержание и структуру человеческого взаимодействия [5, 145]. Видеоигра в этом контексте является медиумом, который не только транслирует смыслы, но и активно формирует их через интерактивность, телесное участие и визуальную насыщенность. Коммуникация в этом смысле не сводится к обмену сообщениями, поскольку она реализуется в совместных действиях и телесной вовлеченности. Для молодежи, выросшей в цифровой среде, такой тип коммуникации становится уже привычным, так как соединяет элементы игры, социального взаимодействия и медиаопыта. Таким образом, видеоигра воплощает идею М. Маклюэна о том, что каждый новый медиум трансформирует саму природу общения: в цифровую эпоху коммуникация становится не вербальной, а деятельной, превращая игрока в активного соавтора смыслов.

Таким образом, видеоигра может рассматриваться как сложная форма социальной молодежной коммуникации, включающая в себя средство передачи информации (медиум), пространство взаимодействия, нормы и правила, а также механизмы самопрезентации и идентификации. Через игровые практики молодежь осваивает коммуникативные навыки, учится координации и сотрудничеству, вырабатывает символические формы взаимопонимания. При этом видеоигровая среда позволяет сочетать традиционные формы социализации с новыми цифровыми практиками, создавая уникальный баланс между индивидуальными стремлениями и общественными интересами. В этом смысле видеоигры становятся не просто досугом, а значимой социальной и культурной практикой, отражающей динамику перехода молодежи между традицией и современностью, а также формирующей их способность к успешной самореализации в изменяющемся обществе.

Таким образом, видеоигры в современном обществе перестают быть лишь способом досуга и превращаются в форму социальной коммуникации, где молодежь взаимодействует, создает смыслы и формирует идентичность. Анализ через призму теорий Ю. Хабермаса, Ю. М. Лотмана и М. Маклюэна показывает, что видеоигра

объединяет диалогическое понимание, культурно-семиотическую структуру и медиумный эффект, превращая участников в активных соавторов смыслов. Так, видеоигры становятся уникальным феноменом цифровой культуры, отражающим не только социальные связи, но и новые формы мышления, общения и самовыражения.

1. *Азиатские игры для русских игроков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aziatskie-igry-dlja-russkikh-igrokov (дата обращения: 10.10.2025)*
2. *Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. К. Судакова. – М.: «Весь Мир», 2022. – 880 с.*
3. *Осипова Н. Г. Современная социологическая теория / Н. Г. Осипова. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2019.*
4. *Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.*
5. *Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; заключ. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Калинич Владислав Сергеевич
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Формирование и укрепление патриотизма сегодня является задачей государственного значения и упоминается в актуальных стратегических нормативно-правовых актах, которые будут определять развитие нашей страны и общества на ближайшие годы [3].

Вопрос патриотического воспитания самым широким образом охватывается в различных программных и стратегических государственных документах, от федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» до Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нормативных актах отмечается важность воспитания патриотов, формирования патриотического сознания, что, по сути своей, является элементом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В связи с чем не меньшую важность обретает вопрос изучения структуры формирования патриотических ценностей и ориентиров у разных поколений граждан.

В рамках изучения возможной структуры формирования ценностных ориентаций, рассмотрим подход к формированию патриотических ориентиров, выдвинутый В. А. Кольцовой и В. А. Сосниным, в соответствии с которым данные учёные выделяют три ключевых компонента для воздействия на индивида.

1. Когнитивный компонент. Углубленное осмысление сущности патриотизма и способов его проявления в различных видах деятельности.

2. Эмоциональный компонент. Использование разнообразных инструментов и методик воздействия для формирования патриотических чувств, таких как любовь к Родине, гордость за ее богатую и глубокую духовную культуру, уважение к историческому наследию, а также оптимистичный взгляд на перспективы развития России и созидательные возможности ее народа.

3. Поведенческий компонент. Все средства общественного воспитания, социализации, могут быть направлены на формирование моделей поведения, ориентированных на общественные интересы [1, с. 89 – 98].

Переосмысляя данный подход, можно предложить следующую структуру формирования патриотических ориентиров современной молодёжи:

Эмоциональный компонент. Эмоциональная поддержка и развитие личности молодого человека, выработка устойчивого положительного отношения к своей родной стране и обществу.

Когнитивный компонент. Историческое и политическое просвещение молодёжи, выработка устойчивой политической позиции и однозначной точки зрения на историческую роль России и основные исторические события.

Деятельностный компонент. Добровольная, безвозмездная социально значимая деятельность, осуществляемая в коллективе единомышленников, конструирует осознание молодыми людьми «служения обществу», которое является неотъемлемой частью патриотического сознания. С функциональной точки зрения, такая совместная деятельность несёт в числе других коммуникативную функцию, провоцируя сплочение, развивая чувство принадлежности, солидарности, идентификации личности молодого человека с социумом, в котором он существует. Таким образом, с одной стороны, патриотизм проявляется в социально значимой деятельности на благо общества. С другой стороны, во время этой деятельности формируется представление об общем благе, ценности результатов сделанного. То есть расширяется диапазон нравственных представлений молодого человека через активную деятельность как средство формирования патриотизма. Наиболее эффективным представляется комбинирование всех упомянутых компонентов формирования патриотизма в системе ценностных ориентаций индивида, но нравственный потенциал личности во многом определяет моральный выбор, который, по своей сути, часто заключается в выборе между личным и социальным благами. Только опыт дает возможность составить свое представление о нравственном поле. Так что в представленном подходе, важнейшим компонентом формирования патриотизма является деятельностный компонент.

Деятельность может выступать не только компонентом формирования, но и средством проявления патриотизма. Обратимся к результатам эмпирических исследований. По мнению студенческой молодёжи, опрошенной в 2022 и в 2024 гг., в образе патриота присутствуют в числе ведущих такие элементы как «быть готовым защищать свою страну», «пытаться сделать жизнь в стране лучше», «добросовестно трудиться на благо своей страны». Деятельностный компонент отмечают и опрошенные эксперты. Говоря о критериях, по которым можно говорить о патриотичности поведения, большинство экспертов среди всех компонентов поведения делают акцент на деятельностном компоненте, отмечая в качестве индикатора патриотического поведения участие в созидательной деятельности, готовность отстаивать интересы своей страны. Некоторые эксперты подчеркивают, что патриотизм может проявляться не только в участии в каких-то акциях, а именно через осознанную. деятельность, даже если она не выглядит чем-то выдающимся: забота об окружающей среде, помощь другим. Даже небольшое действие, в том числе, и положительный комментарий в социальных сетях, противодействие фейковой информации – тоже патриотическое действие.

В завершении выступления следует обратить внимание на результат мониторинга ВЦИОМ, который центр проводит уже 25 лет. Для граждан России, быть патриотом – значит, в первую очередь, работать, действовать во благо, для процветания страны (48 % опрошенных). Патриотизм проявляется через вклад в общее дело [2] (см. таблицу).

Для эффективного построения крепкого в ценностном плане общества необходимо прививать конструктивные ценности и ориентации с раннего детства. Наиболее эффективным патриотическое воспитание становится, когда ведется планово, а не

стихийно, начиная с привития любви к Родине с самых ранних лет в семье, затем в рамках программ воспитания дошкольных образовательных организаций, образовательных организаций общего среднего образования, профессиональных образовательных организаций среднего и высшего образования. Важную роль также играют общественные организации, объединения и прочие социальные институты.

Что, по-Вашему, значит быть патриотом? Вы можете дать от одного до трех ответов	**Все, %**	**Мужской**	**Женский**	**18 – 24 года**	**25 – 34 года**	**35 – 44 года**	**45 – 59 лет**	**60 лет и старше**
Работать/действовать во благо / для процветания страны	48	48	48	48	55	57	52	33
Защищать свою страну от любых нападок и обвинений	38	37	39	35	32	36	42	42
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	32	38	28	50	36	30	25	33
Считать себя частью страны	32	27	35	24	34	33	32	31
Стремиться улучшить положение дел в стране	31	30	32	50	43	35	29	17
Считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны	18	15	21	7	13	20	17	24
Считать, что у твоей страны нет недостатков	3	2	3	4	3	4	2	2
Другое	5	6	4	5	3	4	6	7
Затрудняюсь ответить	3	3	3	7	2	3	2	4

1. *Кольцова, В. А., Соснин, В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе / В.А. Кольцова, В.А. Соснин // Психологический журнал. – 2005. – № 4. С. 89-98.*
2. *Патриотизм: мониторинг [электронный ресурс] режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring . Дата обращения: 23.09.2025*
3. *Указ Президента Российской Федерации от 09.12.2022 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [электронный ресурс] режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502. Дата обращения: 04.12.2024.*

КОНФЛИКТЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Келасьев Олег Вячеславович
(СПбГУ)

Понятие самореализации приобретает особое значение для молодежи, находящейся в стадии формирования жизненных целей и профессиональных ориентиров. Молодой человек сталкивается с резко возросшей сложностью социальной среды, большим числом трудностей в проектировании жизненного пути. При этом потребность в самореализации

у студентов достаточно высокая, отчасти завышенная, и далеко не всегда она удовлетворяется, что приводит к напряжённости и конфликтам. Причина этих конфликтов – в столкновении с препятствиями, возникающими на пути проявления и раскрытия устремлений и потенциала молодого человека.

Под конфликтом самореализации понимается наиболее острый способ проявления противоречия между стремлением проявить свой потенциал и барьерами на пути реализации этого стремления.

Конфликты самореализации можно разделить на внутренние и внешние.

Внутренние – конфликты внутри психического мира личности, представляющие собой столкновение противоположно направленных мотивов, интересов, целей, идеалов. Проявляются в состоянии дисбаланса, возникающего из-за того, что молодой человек не может выбрать между трудно согласующимися, но одновременно существенно важными для него потребностями, интересами, желаниями, влечениями.

Внешние конфликты – проявляются в столкновении личности со значимым социальным окружением, которое не только не создаёт условий для проявления его интересов, способностей, талантов, но порой им и препятствует. Разновидностями таких внешних конфликтов выступает, например, конфликт социальных ролей, конфликт социальной мобильности, семейный конфликт, конфликты, связанные с несоответствием получаемого образования запросам рынка труда, конфликты, связанные с материальными ограничениями, жилищной депривацией, разрыв между культурными целями и доступными средствами их достижения и т.д.

У конфликтов самореализации могут быть как позитивные, так и негативные функции. Если препятствия на пути самореализации под силу личности, и она их может преодолеть без избыточных нервно-психических затрат, то такие конфликты будут способствовать развитию личности, её самореализации, повышать её устойчивость к ударам судьбы. Если же препятствия на пути самореализации личности являются для неё непреодолимыми, подвергают её длительному глубокому стрессу и она, выкладываясь, не достигает при этом успеха, то такие конфликты являются деструктивными, разрушают уверенность в себе, занижают самооценку и т.д. Примером позитивной функции можно считать удачное совмещение учебы с работой по профессии на последних курсах университета, так что студент при выпуске имеет уже опыт работы, что позволяет ему успешно конкурировать на рынке труда.

Можно говорить также о ложном конфликте самореализации: он кажется непреодолимым, но на самом деле эта непреодолимость обусловлена личностным восприятие ситуации, представляющейся молодому человеку непреодолимой.

Выдвигалось предположение, что конфликты самореализации обуславливаются сочетанным воздействием внешних и внутренних факторов. «Неудачное» сочетание этих факторов препятствует полноценному профессиональному и личностному развитию, в конечном счёте тормозит самореализацию. Исследовалось влияние комплекса внутренних и внешних факторов порождаемых ими причин и разновидностей конфликтов самореализации в среде студенческой молодежи.

На основе разработанной методики проведено эмпирическое исследование, которое включало анкетирование и интервьюирования студентов, что позволило выявить актуальные конфликты самореализации студентов, помехи и препятствия на пути преодоления этих конфликтов. Выделены конфликты между учёбой и личными увлечениями, между необходимостью работать и учёбой, между семейными ожиданиями и собственными целями, между потребностью в отдыхе и стремлением к успеху и ряд

других. В качестве причин конфликтов самореализации студенты указывают прежде всего на внутренние личные барьеры: недостаток мотивации, времени, энергии, чёткого понимания собственных целей, страхи, неуверенность, прокрастинация. В качестве внешних причин конфликтов самореализации студенты указывают на недостаток финансов, отсутствие поддержки со стороны образовательной среды и государства.

Выявлены тенденции: доминирование внутренних барьеров, значимость баланса между учебой, работой и личной жизнью, а также недостаточность институциональной поддержки.

Также нами были представлены рекомендации, среди которых подчёркнута необходимость помощи студентам в достижении баланса между учебой, работой и личной жизнью, способствование адаптации иногородних студентов к условиям мегаполиса, помощь во включении в новую социальную среду.

В связи с распространённостью ошибок самореализации и недостаточной информированностью о них, целесообразно на первом курсе во введении в специальность знакомить студентов о типичных ошибках, которые подстерегают их на пути к самореализации и стратегиях их профилактики. Поскольку выявлено доминирование внутренних барьеров (лень, прокрастинация, страх неудачи), то необходимо способствовать студентам в нахождении баланса между учебой, работой и личной жизнью. Для этого необходимо внедрять более гибкие образовательные форматы, позволяющие студентам совмещать обучение с профессиональной деятельностью, личными интересами и отдыхом. Это может быть достигнуто за счёт большей гибкости учебных планов, отказа от излишней бюрократизации учебного процесса и т.д. Также поскольку в вузах Санкт-Петербурга основная масса студентов – иногородние, то для них очень непростой является проблема адаптации к мегаполису: отключение от привычной среды, родителей, страх больших расстояний и т. д. Пока трудности адаптации порождают и трудности в самореализации. Поэтому нужна помощь иногородним студентам в адаптации к новой для них социальной среде. Эту помощь могут оказывать студенты, проживающие в Санкт-Петербурге.

Таким образом было разработано новое понятие (конфликт самореализации), проведено исследование внутренних и внешних детерминант этих конфликтов, выделены конкретные помехи и препятствия самореализации (с точки зрения студентов), сформулированы конкретные и реализуемые рекомендации.

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ

Кирилина Татьяна Юрьевна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учрежд)

Киритив Алина Михайловна,
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонов – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учрежде)

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных проблем молодежи Московского региона и роли молодежных организаций в их решении. На основе опроса 539 респондентов анализируются приоритеты молодежи, эффективность механизмов поддержки и факторы, влияющие на деятельность молодежных организаций. Исследование выявляет роль молодежных организаций в решении ключевых социальных проблем молодежи Московского региона. Предложены рекомендации по повышению эффективности деятельности молодежных организаций при решении социальных проблем молодежи.

Ключевые слова: молодежные организации, социальные проблемы, Московский регион, социальный капитал, самореализация, молодежная политика, опрос.

Современная молодежь сталкивается с комплексом социально-экономических проблем, решение которых требует участия как государственных институтов, так и общественных организаций. Данное исследование направлено на выявление наиболее актуальных проблем молодежи Московского региона и оценку роли молодежных организаций в их решении. Теоретической основой работы стали структурно-функциональный подход, теория социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнэм) [1; 6; 8; 9], теория структурации Э. Гидденса [7], концепция молодежной политики И. М. Ильинского [4] и теория жизненных стратегий Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [2; 3; 5].

Концепция молодежной политики И. М. Ильинского определяет государственные и общественные механизмы поддержки молодежи. Концепция молодежной политики И. М. Ильинского основывается на идее формирования условий для всестороннего развития молодежи как стратегического ресурса общества. Ильинский подчеркивает, что молодежь – это не только объект воспитания и социализации, но и активный субъект социальных преобразований. Ключевой задачей молодежной политики он считает создание механизмов, позволяющих молодым людям реализовать свой потенциал в образовании, трудоустройстве, творчестве и общественной жизни. При этом особое внимание уделяется преодолению таких проблем, как социальное неравенство, безработица и отсутствие перспектив, которые могут привести к маргинализации молодежи [4].

Важным аспектом концепции является интеграция молодежи в процессы модернизации общества. И. М. Ильинский акцентирует необходимость сочетания государственной поддержки с инициативами самих молодых людей. Это включает развитие молодежных организаций, программ волонтерства, образовательных проектов и

культурных мероприятий. По его мнению, молодежная политика должна быть направлена не только на решение текущих проблем, но и на формирование ценностей, способствующих устойчивому развитию общества. Например, воспитание гражданской ответственности, толерантности и стремления к инновациям. В современных условиях концепция И. М. Ильинского остается актуальной, особенно в контексте вызовов цифровизации, глобализации и изменений на рынке труда. Его подход подчеркивает, что эффективная молодежная политика требует межсекторального взаимодействия: участия государства, бизнеса, образовательных учреждений и общественных организаций. Критически важным является учет региональных особенностей и интересов разных групп молодежи – от студентов до молодых специалистов и предпринимателей. Таким образом, идеи И. М. Ильинского служат основой для разработки гибких стратегий, направленных на включение молодежи в социально-экономические и культурные процессы.

Анализ различных социальных проблем и роли молодежных общественных организаций в их решении возможен сквозь призму концепции жизненных стратегий Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова. Авторы отмечают, что эффективность таких организаций зависит от их автономности и способности адаптироваться к запросам молодежи. В представлении Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова проблемы молодежи структурируются по сферам жизнедеятельности: труд, образование, быт, семейные отношения, культура, общественная жизнь [2; 3; 5].

Методология

Проблема исследования заключается в противоречии между наличием многочисленных молодежных организаций (как государственных, так и общественных), недостатком информации о б их реальном влиянии на решение актуальных социальных и личных проблем молодежи Московского региона. В частности, остается неясным, насколько такие организации способны эффективно реагировать на запросы молодежи, выступать посредниками между государством и молодыми людьми и способствовать их социальной адаптации. Современная молодежь сталкивается с комплексом социальных проблем, включая трудности трудоустройства, отсутствие доступного жилья, недостаточное качество образования, социальную исключенность и низкий уровень вовлеченности в общественно-политическую жизнь.

Эмпирическую базу исследования составил онлайн-опрос, проведенный в марте 2025 года среди 539 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих в Московском регионе. Выборка стратификационная случайная, ошибка выборки составляет ±4,2 % при доверительной вероятности 95 %. В опросе приняли участие респонденты с разным уровнем образования: 44,7 % – среднее специальное, 25 % – неполное среднее, 16 % – полное среднее, 9,5 % – высшее. Исследование включало оценку социальных и личных проблем, субъектов их решения, опыт обращения в социальные службы и эффективные механизмы поддержки.

Ключевые результаты

Наиболее значимыми социальными проблемами респонденты назвали:

Жилищную проблему (8,32 балла из 10);

Качество медицинской помощи (7,97 балла);

Проблемы пожилых людей и инвалидов (7,97 и 7,93 балла соответственно). Менее критичными, но все еще важными, оказались проблемы наркомании, межнациональных отношений, доступности высшего образования и нехватки рабочих мест.

Среди личных проблем доминируют:

Жилищный вопрос (40,3 %);

Материальные трудности (38,2 %);

Политическая обстановка в стране (32,1 %);

Неуверенность в завтрашнем дне (31,9 %).

Наименее актуальными оказались конфликты с родителями, отношения в семье и разногласия на работе.

Респонденты видят решение проблем через:

Самостоятельные действия молодежи (34 %);

Правительство РФ (30,4 %);

Президента РФ (21,2 %);

Родителей (24,6 %).

Молодежные и общественные организации занимают более скромное место (20,4% и 13,4% соответственно), что свидетельствует о недостаточном доверии или низкой осведомленности об их деятельности.

Большинство респондентов знают о существовании социальных служб (наркологическая служба – 75,1 %, телефон доверия – 72,2 %), но лишь немногие обращались к ним за помощью (3,7 % и 8,3 % соответственно). Значительная часть молодежи ничего не знает о социальных приютах (31,2 %) и центрах занятости (21,7 %).

Наиболее эффективными механизмами молодежь считает:

Создание условий для самореализации (67,8 %);

Разработку молодежных программ и проектов (56,9 %);

Развитие малого и среднего бизнеса (49 %);

Вовлечение в социально значимую деятельность (47,8 %), усиление межведомственного взаимодействия получило наименьшую поддержку (22 %).

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают, что молодежные организации играют важную роль в формировании социального капитала, предоставляя ресурсы для самореализации, профессионального роста и гражданской активности. Однако их потенциал ограничен из-за недостаточной ресурсной базы, низкой информированности молодежи и неадаптивности к изменяющимся запросам. Теоретический синтез подходов П. Бурдье и Р. Патнэма позволяет объяснить разнообразие мотиваций участия молодежи – от прагматичного наращивания ресурсов до поиска солидарности.

Заключение и рекомендации

Для повышения эффективности молодежных организаций необходимо:

Усилить межведомственное взаимодействие между государством, бизнесом и общественными институтами.

Разрабатывать целевые программы, ориентированные на ключевые запросы молодежи: жилье, трудоустройство, образование.

Повышать информированность о деятельности социальных служб и молодежных организаций.

Создавать условия для самореализации через поддержку предпринимательства, волонтерства и профессионального развития.

Молодежь является не только объектом социальной политики, но и активным субъектом изменений. Интеграция ее потребностей в общественные стратегии остается критически важной задачей.

1. *Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология электронный журнал www.ecsoc.msses.ru Том 3, № 5, 2002. С. 60–74;*
2. *Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614.*

3. *Зубок, Ю. А. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3(157). – С. 13-41. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602. – EDN GTXODD.*
4. *Ильинский И. М. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого // Вузовский вестник. – 2021. – №3 (75). – 135 с.*
5. *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание- М.: Наука, 2003.*
6. *Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (pp. 241–258). New York: Greenwood.*
7. *Giddens, A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press. P. 25–28.*
8. *Putnam, R. (1993). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press.*
9. *Putnam, R. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. Simon & Schuster.*

СПЕЦИФИКА БУЛЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ.

Клочкова Анна Валентиновна
(МГУ имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет)

Аннотация. В публикации рассмотрен буллинг как актуальная проблема современной действительности. Выделены новые закономерности развития данного вида девиантности в школьной среде. Отдельное внимание уделено определению и причинам кибербуллинга на современном этапе. Акцентировано внимание на важности проведения мониторинга проявлений буллинга как эмпирической базы для разработки комплексной национальной программы противодействия травле.

Ключевые слова: буллинг, травля, кибербуллинг, агрессия, жертва, онлайн пространство, подросток, этнобуллинг.

Актуальной проблемой является эскалация деструктивного и антисоциального контента как в офлайн, так и в онлайн среде. Данный контент, оказывая негативное влияние на общественное сознание, способствует девальвации традиционных ценностей и норм поведения, а также популяризации девиантных практик, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан. С учетом современной обстановки и стремительного распространения различных видов буллинга в образовательных учреждениях в «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года"» [1] в рамках профилактики преступности среди несовершеннолетних и в отношении них в качестве основной задачи выделено предотвращение агрессивного поведения и травли.

Физический буллинг, проявляющийся в нанесении телесных повреждений, издевательствах и физическом насилии, наиболее распространен в 5-6 классах школы. В 7 – 8 классах эта форма буллинга часто приобретает сексуальный подтекст, мотивированный ревностью, соперничеством или местью. Кроме того, буллинг перемещается в онлайн-пространство, трансформируясь в кибербуллинг. Кибербуллинг можно определить, как общественно-опасное социальное явление, выражающееся в систематическом агрессивном поведении, лица или группы лиц, направленном на унижении чести и достоинства пользователя социальной сети, характеризующееся массовостью и повышенным уровнем латентности вследствие использования виртуальных форм коммуникации. Целью кибербуллинга является разрушение внутреннего равновесия и эмоционального баланса жертвы.

По результатам эмпирического исследования «Дети России онлайн», жертвой онлайн буллинга являются около четверти интернет-активных пользователей из числа молодежи [2, 8]. Симптоматичными являются данные о том, что для 29 % детей в России кибербуллинг стал нормой взаимоотношений.

По данным некоторых исследований, процент детей, которые считают, что можно избежать травли, сократился [3], что является показателем ощущения незащищенности, недоверия к тем, кто должен защитить ребенка от агрессии. При этом численность несовершеннолетних, состоящих в интернет-сообществах, занимающихся травлей и троллингом, остается постоянной на протяжении последних лет и составляет около 2,5 млн человек [4].

Приведенные результаты исследований свидетельствуют об адаптации почти каждого третьего ребенка к существованию в коллективе с эмоционально-психологической напряженностью, основанной на повышенном уровне агрессии в межличностных коммуникациях. Агрессивное поведение в школе становится нормой взаимодействия, столкновение с кибербуллингом обладает высокой степенью вероятности в процессе освоения ребенком онлайн пространства, то есть опыт киберагрессии всё чаще формирует цифровую идентичность личности.

По результатам исследование «Школьная стрельба: комплексный анализ», выполненного на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, подавляющее большинство студентов (2/3) никогда не сталкивались с буллингом. Тем не менее, значительная часть опрошенных (1/4) сообщила о наличии такого негативного опыта своей жизни (рис. 1) [5]. Полученные данные соответствуют результатам исследования ВЦИОМ, где каждый четвертый ответил, что лично сталкивался с травлей в школе (25 %) [6].

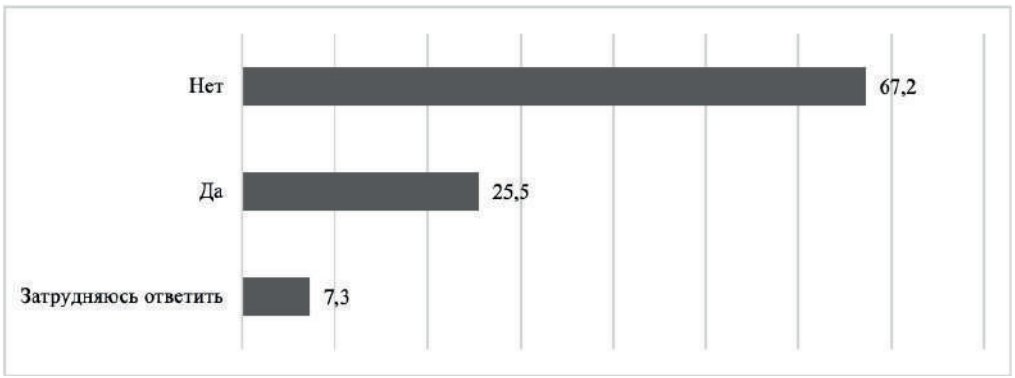

Рис. 1. Опыт буллинга в жизни студентов

Агрессивное поведение в отношении человека, как правило, вызывает у него определенную ответную реакцию, внутреннюю, эмоциональную, и внешнюю, выраженную в конкретных действиях. Большинство студентов в ходе опроса заявили, что их реакция в гипотетической ситуации агрессии по отношению к ним зависит от ее контекста (рис. 2). А контекст ситуации отражает не только ее характер, но и повторяемость. Буллинг характеризуется неоднократностью агрессивных выпадов в отношении жертвы. В такой ситуации остаться индифферентным нельзя: либо ты принимаешь многократные физические, психологические или эмоциональные травмы и оказываешься в роли жертвы, либо отвечаешь агрессией на агрессию, что приводит к открытому конфликту-противостоянию, завершится который может сменой ролей, когда жертва и агрессор меняются местами. В любом случае последствия негативны для жертвы

буллинга: либо психологический надлом и дезориентация, либо ожесточение и выбор девиантного варианта поведения, направленного на унижение чести и достоинства бывшего буллера.

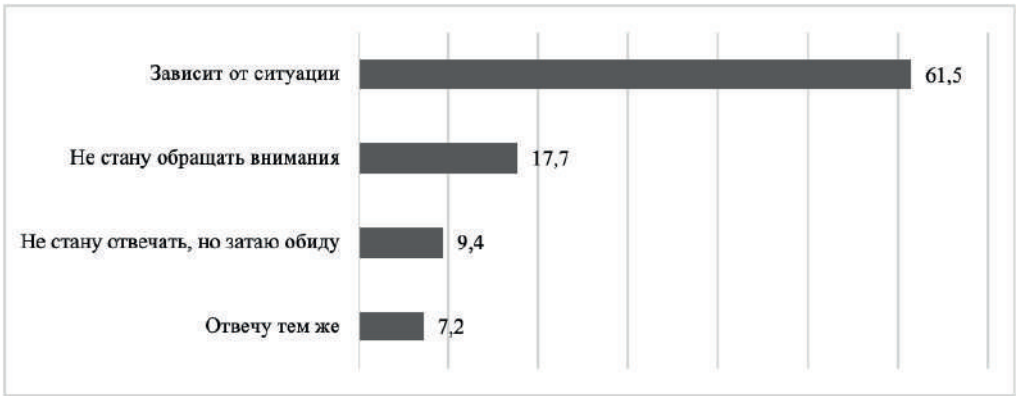

Рис. 2. Возможная реакция на агрессивные действия

Следует отметить, что буллинг с течением времени меняется. Современные дети и подростки характеризуются более неустойчивой психикой, меньшей стрессоустойчивостью в результате воздействия все увеличивающегося лавинного потока информации, в котором сложно разобраться и отфильтровать ненужный шлак, негативно воздействующий на несформированное подростковое сознание, а тем более сознание ребенка. С другой стороны, из сети Интернет черпается любая негативная информация, в том числе обучающая навыкам девиантного поведения. Как следствие фиксируется большая изобретательность и изощренность в методах как физического, так и психологического воздействия на жертву.

Если раньше агрессия была направлена, как правило, на сверстников, то теперь все чаще фиксируются случаи, когда жертвой буллинга становятся школьники младшего по отношению к агрессору возраста. Буллинг выражается в групповых физических издевательствах и расправах над жертвой, которые сопровождаются видеосъёмкой для последующего обнародования видеоматериалов в социальных сетях, что усугубляет страдания пострадавшего.

Буллинг, как общественно-опасное социальное явление, развивается через появление новых видов агрессии. Одним из них является этнобуллинг или проявление агрессии, выражающееся в унижениях, оскорблениях и дискриминации по национальному или этническому признаку. Склонность к агрессивному поведению на почве отсутствия общей этнической идентичности в школах, исключение из них детей мигрантов по результатам сдачи теста по русскому языку (12,6 % от общего числа подавших заявления [7]), не получивших достаточного образования и культурного воспитания, требуют серьезного подхода к проблеме дальнейшей судьбы этих детей и подростков.

Результатом негативного воздействия киберпространства может быть выплеск агрессивных импульсов в девиантное или противоправное поведение. Наивысшую степень общественной опасности представляет «буллицид», или гибель жертвы кибербуллинга, доведенной до самоубийства вследствие уничижительных действий по отношению к ней со стороны буллера, снижения ее самооценки, эмоционального фона и дезориентации в искусственно созданной для нее жизненной ситуации. Актуализируется проблема буллинга в этиологии скулшутинга. При этом фактически нет уголовных дел по

фактам противоправного поведения в онлайн пространстве, имеющего черты кибербуллинга в отношении несовершеннолетних [8, 341].

Именно поэтому крайне важно проводить мониторинг проявлений буллинга в школьной среде и выявлять динамику отношения детей и подростков к фактам агрессии в межличностных отношениях учащихся, чтобы не допустить как роста жестокости и насилия в межличностных отношениях, так и роста толерантности по отношению к такому рода общения среди учащихся образовательных учреждений. С учетом собранных эмпирических данных по результатам мониторинга необходимо разработать комплексную национальную программу противодействия травле. Подобные программы эффективно работают во многих странах мира. Так норвежский опыт противодействия буллингу был успешно реализован в Америке более 30 лет назад, а сама программа Olweus Bullying Prevention Program, названная в честь норвежского ученого и представляющая набор стратегий для работы на уровне школы, класса, а также отдельных учеников, разработана еще в 80-е годы прошлого столетия.

1. *Указ Президента РФ от 17.05.2023 N 358*
2. *Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. 2011. С.8. [Электронный ресурс] URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/edd/bd8/8799799/RussianKidsOnline_Final_ReportRussian.pdf (дата обращения:10.10.2024).*
3. *Травля с 1 класса: детский омбудсмен рассказала о ситуации с буллингом в томских школах [Электронный ресурс]. URL: https://vtomske.ru/news/209539-travlya-s-1-klassa-detskii-ombudsmen-rasskazala-o-situacii-s-bullingom-v-tomskih-shkolah*
4. *Анализ распространения деструктивного поведения молодёжи в социальных медиа. Аналитический отчёт. Подготовлен Крибрум 19.09.2019 г. [Электронный ресурс]. URL:http://digital-gigiena.ru/ (дата обращения:10.10.2024).*
5. *Исследование проведено межкафедральной лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения. 2022. Выборка: 191 студент 1-4 курсов Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.*
6. *Новости ВЦИОМ. Москва, 18 сентября 2024. [Электронный ресурс]. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-shkole-masshtab-problemy-i-puti-reshenija.*
7. *https://lenta.ru/news/2025/09/10/pochti-90-protsentov-detey-migrantov-ne-dopustyat-v-shkoly-oni-provalili/*
8. *Кудрявцев А.В., Симагина Н.А. Кибербуллинг как актуальная проблема XXI века. Право и управление. 2924. №11. С. 339-343.*

РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ СУИЦИДОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кокорева Марина Евгеньевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет))

Одной из самых серьёзных и сложных проблем, которые стоят перед мировыми системами здравоохранения – является суицид, особенно в молодежной среде. Данная проблема затрагивает не только людей, совершающих самоубийства, а также их семью и общество. А это значит, что профилактика суицидов среди молодежи говорит нам о том, что активная работа специалиста по социальной работе в предотвращении суицидов среди молодежи и подростков будет способствовать снижению уровня самоубийств в регионах.

Вместе с тем в России в силу различных факторов многие молодые люди, которые испытывают жизненные проблемы (социальные, психологические, экономические и др.), не могут своевременно обратиться за помощью. По официальным данным, которые были

озвучены ВОЗ, каждый год больше 700 тысяч человек заканчивают самоубийством, а это является четвертой по значимости причиной смерти среди молодежи в возрасте 15 – 29 лет.

В России в разные промежутки времени формировались разные направления не только социальной политики, но и различные профилактические методы со стороны специалиста по социальной работе, которые были направлены на формирование среди молодежи основных ценностей и на преодоление саморазрушительного поведения.

Особое внимание необходимо уделить созданию условий для эффективного взаимодействия специалистов по социальной работе с молодежью. Необходимо обеспечить проведение регулярных встреч и консультаций, которые будут направленны на обсуждение трудностей и эмоциональных переживаний молодых людей, особенно склонных к суициду. Специалисты по социальной работы должны проявить искреннюю заинтересованность и уважение к проблемам каждого подростка и активно вовлекаться в процесс коммуникации и поддерживать открытый диалог с молодежью.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ, КАК СПОСОБ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВРАЖДЕБНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Костенко Валерий Валерьевич
(ФГКВОУ ВО «Академия ФСО России»)

Баранова Галина Васильевна
(ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева»)

Современная Россия постоянно сталкивается с различными проблемами, связанными с агрессивными действиями мира Запада, которые усилились после начала в 2022 году специальной военной операции на Украине (СВО), что оказывает значительное влияние на все сферы существования общества. Особенно увеличились попытки оказать на российскую молодежь враждебное информационное воздействие (ИВ).

Информационное воздействие является сложным, многоуровневым процессом распространения информации, который направлен на целевое влияние, на восприятие и анализ информации получателями [1]. ИВ реализовывается с применением информационно-телекоммуникационных технологий, таких как средства массовой информации (СМИ), социальные сети, ресурсы сети Интернет и направлено на внедрение необходимых общественных мнений, поведенческих стереотипов, дезинформации и протестной мобилизации масс. ИВ является важным средством враждебного манипулирования сознанием и психологического воздействия, основанным на внедрении информации, призванной воздействовать на рассудок, эмоции, суждения и поведение. ИВ способно вносить осознанные или неосознанные изменения в восприятие и поведение индивида, изменяя таким образом его действия и поступки [2]. ИВ направлено на разнообразные аспекты восприятия и поведения индивида, такие как ценности, привычки, убеждения и может реализовываться не только на личном, но и на социально-групповом или массовом уровне.

В этих условиях возникает необходимость формирования у молодых граждан нашей страны навыков анализа и критической оценки получаемой информации, которые позволят им адекватно воспринимать возможные угрозы и соответственно принимать обоснованные решения. Цифровая культура молодежи (ЦКМ) является важным

инструментом в борьбе с фейками и дезинформацией, негативными и паническими настроениями, попытками втягивания в противоправную деятельность, основанными на ИВ, способствует воспитанию устойчивости к манипуляциям, формирует способности к разумному поведению в критических ситуациях.

ЦКМ представляет собой совокупность знаний и навыков, дающих возможность молодому человеку результативно находить, анализировать, истолковать и применять получаемую информацию. В современном обществе, где информация является важнейшим ресурсом, ЦКМ играет большую роль. Она вырабатывает способность критически относиться к источникам данных, что особенно актуально в условиях высокого разнообразия и значительной интенсивности информационных потоков, а также направленного враждебного ИВ.

Особенно актуальным формирование ЦКМ является с учетом того факта, что согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 58 % молодых людей в России используют социальные сети в качестве основного источника новостей и другой информации [3], что делает необходимым формирование необходимых навыков для приспособления к быстро меняющемуся информационному обществу. К ним относятся навыки поиска, анализа и применения информации для выполнения всевозможных образовательных и профессиональных задач, а также развитие критического восприятия, что особенно важно в контексте множественности данных, обрабатывающихся с помощью цифровых технологий. Цифровые технологии оказывают большое воздействие на восприятие информации молодежью, обеспечивая доступ к огромным объемам данных. В тоже время, их использование также связано с рядом вызовов, в первую очередь с необходимостью иметь навыки по отделению достоверных источников от недостоверных. Многие молодые люди ощущают трудности с определением достоверности информации, особенно циркулирующей в социальных медиа. Смартфоны, планшеты и иные цифровые устройства, имеющиеся у более чем 95 % молодых людей, на сегодня являются главным инструментом для получения информации, облегчающим доступ к образовательным, научным, социальным, медицинским, развлекательным ресурсам. Однако, они также увеличивают риск получения недостоверной информации, что еще раз подтверждает необходимость воспитания ИКМ и формирования привычки критического анализа цифрового контента.

Воспитание ЦКМ – это многогранная задача, которая включает в себя целый ряд классических и обновленных компетенций в образовании. Как наиболее перспективные, следует представить интеграцию модулей обучения ЦКМ в учебную программу, дискуссии и обучение критическому мышлению, а также применение цифровых площадок для получения навыков работы с информацией и обучение работе с цифровыми технологиями. Так, государственные программы, например, программа развития цифровой грамотности в РФ, содержат специально разработанный подход к развитию навыков анализа и работы с вредной информацией и дезинформацией, который помогает овладеть не только техническими навыками обращения с данными, но и принимать во внимание социальную ответственность, что особенно важно в критических ситуациях [4].

Рост ЦКМ поднимает степень устойчивости общества к различным вызовам, готовность принимать необходимые решения и приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Исследователи отмечают, что «воспитание культурно-правовой личности характеризует уровень ее индивидуального сознания, отражает психологию, установки и оценки, а также предопределяет действия личности в сфере правопорядка» [5].

Таким образом, в современную эпоху, когда доступ к информации стал простым и всеобщим, враждебное ИВ стало обыденной частью информационно-коммуникационных технологий. Важно понимать, что ИВ обладает глубоким контекстом и может оказать влияние как на отдельных лиц, так и на общество в целом. Особенно уязвимой к ИВ является молодежь, в силу возрастных, социально-демографических, психологических особенностей. В этих условиях, формирование цифровой культуры молодежи является одним их действенных способов противостояния враждебному информационному воздействию.

1. *Шейнов В. П. Интегративная модель психологического воздействия / В. П. Шейнов // Психологический журнал. – 2011. – № 1–2. – С. 27–32.*
2. *Шейнов В. П. Психологическое влияние / В. П. Шейнов. – Минск: Харвест, 2011. – 640 с.*
3. *Исследования ВЦИОМ // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija?ysclid=m9siv65ssg375103930 (дата обращения: 11.09.2025).*
4. *Цифровая грамотность в РФ // https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 12.09.2025).*
5. *Педагогическая наука и образование: материалы IV региональной научно-практической конференции / Под ред. д-ра пед. наук, доцента В. П. Максимова. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. С 82.*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

Кудрин Павел Михайлович
(СПбГУ)

В настоящее время можно утверждать, что молодежная политика приобретает системный и межведомственный характер, интегрируясь в стратегию социально-экономического развития страны. В фокусе государственной Стратегии находится повышение конкурентоспособности молодежи, формирование у нее профессиональных, предпринимательских и инновационных компетенций [8]. При этом существующие меры социальной поддержки не утрачивают своей значимости, но выступают элементом более широкой системы, направленной на развитие инициативности и активное участие молодежи в экономической, социальной и общественно-политической жизни страны.

Развитие молодежного предпринимательства и содействие предпринимательской активности молодежи, в соответствии с положениями ключевых нормативно-правовых актов, относятся к числу приоритетных направлений государственной молодежной политики [9; 8; 7]. Однако, выходя за рамки правового поля молодежной политики, развитие молодежного предпринимательства рассматривается не только как инструмент раскрытия потенциала молодежи, но и как значимый фактор развития предпринимательской экосистемы в целом [6].

Аналитические исследования также подтверждают значимость данного направления. В докладе ВЦИОМ «Молодежное предпринимательство» отмечается, что малый и средний бизнес, на долю которого приходится около пятой части экономики страны по объему ВВП и более трети занятых, во многом опирается на инициативу молодых предпринимателей [1]. «Происходит не просто омоложение класса предпринимателей, а связанная с поколенческим сдвигом трансформация подходов к ведению бизнеса, изменение взглядов на взаимосвязи бизнеса и образования, бизнеса и государства» [1].

Институционализация механизмов развития молодежного предпринимательства представляет собой многоуровневый процесс, включающий постоянное совершенствование нормативно-правовой основы, формирование организационной инфраструктуры, финансовых, образовательных и консультационных инструментов поддержки.

Нормативно-правовое обеспечение развития молодежного предпринимательства формируется на федеральном уровне и закрепляется рядом ключевых документов:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» – редакцией от 28.12.2024 № 550-ФЗ определяет «поддержку и содействие предпринимательской деятельности молодежи» в числе основных направлений государственной молодежной политики [9];

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» – определяет молодежь в качестве социальной базы развития предпринимательства, а содействие предпринимательской деятельности молодежи одним из приоритетных направлений [8];

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 года № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года» – в числе целей определяет создание условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи [7];

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий («дорожной карты») по ее реализации» – включает развитие предпринимательского потенциала молодежи [6].

На региональном уровне (на примере г. Санкт-Петербурга) развитие молодежного предпринимательства закреплено в Законе Санкт-Петербурга от 27 июня 2013 года № 425-62 «О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге» [4] и Распоряжении Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга от 29 марта 2021 года № 1135-р «Об утверждении специальной программы «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность» [5].

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение развития молодежного предпринимательства имеет системный и многоуровневый характер, закрепляя приоритетность содействия предпринимательской активности молодежи.

Инфраструктура, обеспечивающая реализацию мер по развитию молодежного предпринимательства, представляет собой систему взаимодействия органов государственной власти, некоммерческих организаций и компаний с государственным участием, объединенных целью стимулирования молодежного предпринимательства. Ключевыми субъектами этой системы выступают:

1. Министерство экономического развития Российской Федерации – разработка и координация программ развития предпринимательства, в том числе программы грантовой поддержки молодых предпринимателей до 25 лет;

2. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации – развитие университетской инфраструктуры технологического предпринимательства в рамках федерального проекта «Технологии», включая координацию «Платформы университетского технологического предпринимательства» и поддержку конкурса «Студенческий стартап» Фонда содействия инновациям;

3. Федеральное агентство по делам молодежи – обеспечение межведомственного взаимодействия, реализация программы «Росмолодежи. Предпринимай» в рамках

национального проекта «Кадры», программы «Росмолодежь. Бизнес», а также грантовых проектов «Росмолодежь. Гранты» и «Ты – предприниматель»;

4. Институты развития предпринимательства и инновационной экономики – Фонд содействия инновациям, Корпорация «МСП», АНО «Платформа НТИ» и АНО «Агентство стратегических инициатив», обеспечивающие взаимодействие государства, бизнеса и научного сообщества.

5. Компании с государственным участием – ПАО «Газпром», ПАО «Сбербанк России», ГК «Росатом», реализующие собственные образовательные, акселерационные и грантовые проекты.

В контексте развития молодежного предпринимательства исследователи придают особое значение формированию предпринимательской культуры [2; 3]. В Санкт-Петербурге в качестве инструмента ее формирования могут рассматриваться молодежные предпринимательские сообщества: Клуб предпринимателей СПбГУ, Falcon Business Club (GSOM), HSE SPB Business Club, Союз молодых предпринимателей Санкт-Петербурга, региональная программа «Я в деле». Несмотря на различия в своем происхождении и организационной структуре, эти объединения выполняют схожие функции: способствуют развитию коммуникации между студентами, молодыми предпринимателями и бизнес-наставниками, обеспечивают обмен опытом и распространение успешных практик, выполняют образовательную и консультационную роль, формируя ценностные ориентиры [10].

Таким образом, инфраструктура развития молодежного предпринимательства представляет собой многоуровневую систему взаимодействия государственных институтов, некоммерческих организаций и образовательных учреждений, направленную на стимулирование предпринимательской активности молодежи. Сформирована нормативно-правовая основа, регулирующая и определяющая цели, выделены ключевые субъекты, ответственные за координацию и реализацию программ, а также инфраструктура, обеспечивающая их практическое воплощение на региональном уровне.

1. *ВЦИОМ. Молодёжное предпринимательство: экспертно-аналитический доклад. – М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2025. – 59 с. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/ehkspertno_analiticheskii_doklad_molodezhnoe_predprinimatelstvo.pdf (дата обращения: 10.10.2025).*
2. *Глухих П. Л., Шкурин Д. В., Воронина Л. В. Оценка социокультурных детерминант развития предпринимательской культуры молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 122–151.*
3. *Глухих П. Л., Воронина Л. В., Иванова А. В. Предпринимательская культура молодежи и факторы ее развития: социокультурный подход // Управленец. – 2016. – № 3 (61).*
4. *Закон Санкт-Петербурга от 27 июня 2013 г. № 425-62 «О реализации государственной молодёжной политики в Санкт-Петербурге». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/537937085.*
5. *Распоряжение Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга от 29 марта 2021 г. № 1135-р «Об утверждении специальной программы „Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность“». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/603121404.*
6. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий („дорожной карты“) по ее реализации». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/420359173.*
7. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/727589199/titles/64U0IK.*

8. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: https://docs.cntd.ru/document/1307068392.*
9. *Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2025. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328.*
10. *Шатохин М. В., Новосельский С. О., Шлеенко А. В. Молодежное предпринимательство в системе молодежной политики Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 116–124.*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВИДЕОБЛОГИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лукьянов Виталий Евгеньевич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Историческая память играет ключевую роль в формировании национальной и государственной идентичности, определяя связь общества с прошлым и задавая направление его будущего развития. Она соединяет общество с его прошлым, формирует чувство принадлежности к культуре и задаёт вектор будущего развития. Традиционно передача исторических знаний происходила через классическое образование: школьные уроки, университетские курсы. Однако в условиях современного мира, где молодёжь всё больше полагается на цифровые технологии, система образования сталкивается с новым вызовом – перенести историческую память в цифровую среду и адаптировать её к новым способам восприятия информации.

В России ежемесячная аудитория социальных сетей и видеохостингов составляет 106 млн. чел., включая Telegram (88,43 млн человек), ВКонтакте (91,65 млн), YouTube (89,57 млн) и Rutube (70,5 млн). В свою очередь, аудитория просветительских и образовательных видеоблогов различается в зависимости от платформ. Хоть и на отечественных платформах Вк-видео или RuTube среднее количество пользователей небольшое (166 тыс. чел и 68 тыс. чел. аналогично), на YouTube средний показатель посещений составляет около 1,07 миллиона человек, что говорит о неугасающем интересе к просветительскому контенту.

В условиях цифровизации исторический блогинг приобрёл разнообразие форм, которые можно условно разделить на три основные категории: популяризаторы истории, образовательные платформы и идеологически направленные блоги. Блогеры, относящиеся к первой категории, стремятся сделать сложные темы доступными для широкой аудитории. Авторы блогов используют лаконичную подачу, яркие визуализации и интригующие заголовки: «История. РФ», «Цифровая история» и «Минаев Live». Здесь акцент делается на образовательных и культурных аспектах: от анализа великих личностей до описания ключевых исторических событий.

Образовательные платформы ориентированы на систематизацию знаний и подготовку школьников и студентов. Такие платформы предоставляют учебные материалы, тесты и видеоуроки, фокусируясь на подготовке к ЕГЭ и олимпиадам. Например, каналы «Умскул» и «Lomonosov School» структурируют уроки в форме, понятной и удобной для учащихся.

В идеологически направленных блогах история используется как инструмент для формирования определённых взглядов и позиций. Их цель – не только освещение исторических событий, но и продвижение собственной интерпретации прошлого, например, многие блогеры: Тамара Эдельман*, Максим Кац*, Александр Варламов*, Александр Штефанов* – интересны для зрителей. Авторы таких блогов часто используют лексические приёмы и риторические конструкции, чтобы вызвать эмоциональный отклик.

Цифровые платформы открывают современные возможности не только для популяризации истории, но и создают новые риски. С одной стороны, они позволяют охватить широкую аудиторию, способствуя формированию патриотизма и интереса к национальной культуре. С другой – дают простор для манипуляций и субъективных интерпретаций.

Исторический блог и образовательные исторические блоги как феномены цифровой культуры и образовательной практики привлекают внимание исследователей в контексте изучения новых форм популяризации исторического знания и их роли в образовательном процессе. В международной научной литературе этот вопрос рассматривается через призму медиаграмотности и цифрового образования. Например, С. Вайнберг и С. МакГрю подчеркивают важность критического анализа цифрового контента, в том числе исторических видеоблогов, для развития навыков информационной грамотности у студентов и школьников. Д. Э. Хесс в своей работе «Сила спора. Демократические сила обсуждения» подчеркивает роль медиа, включая блоги и видеоплатформы в создание дискуссионного пространства для обсуждения исторических событий и их интерпретаций.

В российской научной литературе образовательно-исторические блоги также начинают привлекать внимание исследователей.

В контексте цифровизации образования и анализа информации значительный вклад внесли такие ученые, как О. А. Александров первый, который в своей статье «Цифровая дискретность и анализ информации» рассматривает вопросы, связанные с обработкой и интерпретацией цифровых данных в образовательных целях. Е. П. Зайцев в работе «Анализ больших данных в исторических исследованиях» рассматривает применение методов больших данных для изучения исторических процессов, что особенно актуально при анализе популярности исторического контента в блогах и социальных сетях.

А. А. Иванов в работе «Традиционные методы преподавания истории» рассматривает баланс между классическими и цифровыми подходами в образовании, подчеркивая необходимость внедрения новых технологий, в том числе видеоблогов, в учебный план. Л. Н. Кузнецова в работе «Мобильные приложения в образовательном процессе: Плюсы и минусы» оценивает потенциал мобильных технологий в доступе к образовательным ресурсам, в том числе историческим блогам. И. И. Новикова в работе «Платформы для дистанционного обучения: Эффективность и применение» изучает роль онлайн-платформ в организации образовательного процесса, что особенно актуально для интеграции исторических блогов в учебные программы. Н. С. Федорова в работе «Проблемы интеграции технологий в образовательный процесс» рассматривает проблемы адаптации цифровых инструментов, в том числе блогов и видеоконтента, к традиционным образовательным практикам.

Социальная значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие новых форм популяризации исторического знания и интеграции цифровых технологий в образовательный процесс. Исторические и образовательные блоги становятся важными инструментами формирования исторического сознания, особенно

* Признан в РФ иностранным агентом.

среди молодежи, которая активно потребляет контент через видеоплатформы и социальные сети. Исследование имеет практическую ценность для педагогов и методистов, поскольку предлагает новые подходы к включению исторических видеоблогов в учебные программы. Это обогащает учебный процесс, делая его более интерактивным и соответствующим требованиям цифровой эпохи. Результаты исследования вносит вклад в развитие цифровой культуры, укрепление исторической памяти и формирование ответственного отношения к истории у современных поколений.

В чём мы видим социальную значимость нашего исследования. Социальная значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие новых форм популяризации исторического знания и интеграции цифровых технологий в образовательный процесс. Исторические и образовательные блоги становятся важными инструментами формирования исторического сознания, особенно среди молодежи, которая активно потребляет контент через видеоплатформы и социальные сети. Исследование имеет практическую ценность для педагогов и методистов, поскольку предлагает новые подходы к включению исторических видеоблогов в учебные программы. Это обогащает учебный процесс, делая его более интерактивным и соответствующим требованиям цифровой эпохи. Результаты исследования вносит вклад в развитие цифровой культуры, укрепление исторической памяти и формирование ответственного отношения к истории у современных поколений. Также необходимо решить ряд проблем.

Во-первых, качество исторического контента, создаваемого блогерами, часто остается непроверенным и может содержать ошибки, чрезмерные упрощения или даже искажения исторических фактов. Это связано с отсутствием четких критериев оценки достоверности информации, а также с недостаточным участием профессиональных историков в создании и модерации такого контента. В результате у широкой аудитории, особенно у молодежи, может сложиться поверхностное или искаженное представление о прошлом.

Во-вторых, отсутствие методик интеграции исторических видеоблогов в образовательный процесс ограничивает их потенциал как инструмента обучения. Несмотря на то, что видеоблоги могут эффективно вовлекать студентов в изучение истории, их использование в школах и вузах остается спонтанным и неструктурированным. Во многом это связано с педагогическими подходами, учитывающими специфику цифрового контента и его роль в формировании исторического мышления.

В-третьих, все более актуальной становится проблема цифровой грамотности как студентов, так и преподавателей. Многие учителя и преподаватели не обладают необходимыми навыками для критического анализа исторического контента в блогах и социальных сетях, что затрудняет включение таких материалов в образовательные программы. В то же время студенты несмотря на то, что являются активными потребителями цифрового контента, зачастую не обладают навыками критического анализа информации, что делает их уязвимыми для манипуляций и распространения исторических мифов.

Наконец, разрыв между академическими историческими исследованиями и общественным интересом к истории остается значительным. Профессиональные историки зачастую не используют современные цифровые форматы для популяризации своих исследований, что снижает влияние академических знаний на общественное сознание. При этом блогеры без профессиональной подготовки становятся основными «доносчиками» исторических знаний до широкой аудитории, что может привести к чрезмерному упрощению или искажению сложных исторических процессов.

Канал	Ссылки	Описания	Охват (количество подписчиков в You Tube, ВК Видео и др.)	Видео о Петре 1	Правление Александра 1 (181-1825)	1905-1917
История РФ	https://www.youtube.com/@russian.history.channel https://vk.com/histrfvk	Канал посвящён популяризации российской истории. Здесь публикуются лекции, документальные фильмы, интервью с учёными и аналитические обзоры, направленные на сохранение исторической памяти и развитие интереса к прошлому.	206 тыс.- You Tube 126 тыс.- VK Видео 9557 - Rutube	**3**	**4**	**6**
Цифровая история	https://www.youtube.com/@dhistory https://vk.com/dighistory	Канал представляет исторические данные в современном цифровом формате. Выпуски включают визуализацию событий, интервью, подкасты и видеоролики, которые делают историю доступной и понятной для широкой аудитории.	607 тыс. - You Tube 133 тыс.- VK Видео 61 тыс - Rutube	**20**	**7**	**10**
История России для «чайников»	https://www.youtube.com/@dummy_historian https://vk.com/historyfordummies	Канал ориентирован на доступное изложение исторических событий и процессов. Информация подаётся простым языком, чтобы увлечь зрителей с	233 тыс. чел — You Tube 24.3 тыс — ВК группа Нет - Rutube	**3**	**2**	**0**

Таблица 1. Количество видео о рассматриваемых периодах с каналов из видеохостингов YouTube, RuTube, VK видео с тематикой просвещения об истории России

		разным уровнем подготовки. Подходит для тех, кто хочет начать изучать историю России.				
Минаев Live	https://www.youtube.com/channel/UCeKCxQDv6lWDSzuqUXGtMRA	Канал Сергея Минаева, посвящённый различным аспектам российской и мировой истории, с акцентом на дискуссии, интервью и осмысление исторических процессов.	3, 31 млн. чел. — You Tube 361 тыс. чел. - VK Видео 134 тыс. - Rutube	**2**	**1**	**6**
Минутная история	https://www.youtube.com/@MinuteHistory https://vk.com/1minutehistory	Канал представляет краткие видео о событиях российской и мировой истории. Каждый выпуск длится около минуты, что делает контент лёгким для восприятия и запоминающимся.	390 тыс. чел. — You Tube	**8**	**40**	**20**
Лекторий Достаевский	https://www.youtube.com/@dostoverno_ru https://vk.com/lectorydostoevsky	Канал публикует лекции на исторические темы, записанные в формате публичных выступлений. Затрагиваются ключевые события и фигуры российской истории, делается акцент на их значение в современном контексте.	1,7 млн. чел — You Tube	**18**	**4**	**4**

Таблица 2. Количество видео о рассматриваемых периодах с каналов из видеохостингов YouTube, RuTube, VK видео с тематикой просвещения об истории России

Проблемная ситуация заключается в противоречии между растущей популярностью исторического блогинга как инструмента популяризации истории и отсутствием научно обоснованных подходов к его использованию в образовании, оценке качества контента и интеграции в академическую среду.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проведен систематический анализ содержания учебно-информационных блогов на русском языке, посвященных истории Российской империи (1721 – 1917). В фокусе исследования – ключевые исторические периоды, в том числе правления Петра I, Александра I (особенно Отечественная война 1812 года) и Николая II (особенно период с 1905 по 1917 год). В отличие от традиционных исследований, в которых изучаются преимущественно текстовые источники, в данной работе рассматриваются видеоблоги как новый формат исторического повествования. Такой подход позволяет глубже изучить способы подачи исторического материала визуальными и аудиальными средствами, что крайне важно для понимания формирования исторического сознания у современной аудитории.

В данном исследовании были проанализированы видео блоги на платформах You Tube, RuTube, VK видео. Каналы, которые будут рассматриваться: История РФ, Цифровая история, История России для чайников, Минутная история, Минаев Live, Лекторий Достаевский, а также каналы авторов, **признанными министерством юстиции иностранными агентами** Максим Кац, Tamara Edelman [2]. Ниже приведена таблица с количеством видеороликов по темам связанные с правлением Петра I, Александра I и периодом с 1905 – 1917. Нужно отметить, что блогеры зачастую дублируют свой контент на разных видеохостингах с целью завлечение всё большей аудитории.

Таким образом, исторические блоги и блоги по истории образования представляют собой актуальную тему для исследований на стыке медиаобразования, исторических исследований и педагогики. Данное исследование призвано восполнить существующие пробелы в понимании этого феномена и предложить новые подходы к анализу его роли в современных образовательных и культурных контекстах.

1. *Аудитория соцсетей в России: Telegram, ВКонтакте, YouTube и Rutube (январь 2025) // Инклиент/ [Электронный источник] Режим доступа URL: https://inclient.ru/soci al-network-ru-digest/?ysclid=m6dglhlggu286890617 (дата обращения 25.02.2025)*
2. *Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента;*
3. *Камалова Н. С. Видеоблогинг и создание видеоконтента об истории, культуре и географии родного края как метод развития патриотического воспитания подростков // Вестник науки. 2024. № 9 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/videobloging-i-sozdanie-videokontentaob-istorii-kulture-i-geografii-rodnogo-kraya-kak-metod-razvitiya-patrioticheskogo-vospit aniya (дата обращения: 08.02.2025).*
4. *Побудей С. В. Видеоблог как средство формирования исторических знаний. Белорусский государственный университет. Научная конференция студентов и аспирантов (74 ; 2017 ; Минск). Сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 15–24 мая 2017, Минск. В 3 ч. Ч.3 / БГУ, Гл. управление науки ; отв. за выпуск С. Г. Берлинская. – Минск : БГУ, 2017. – С. 294-298.*
5. *D. E. Hess (2010). Controversy in the Classroom. The Democratic Power of Discussion. 10.4119/UNIBI/jsse-v9-i3-1136.*
6. *Wineburg, Sam & McGrew, Sarah. (2019). Lateral Reading and the Nature of Expertise: Reading Less and Learning More When Evaluating Digital Information. Teachers College Record: The Voice of Scholarship in Education. 121. 1-40. 10.1177/016146811912101102.*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Лядова Анна Васильевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. В исследовании анализируется влияние цифровой медиатизации на психическое здоровье молодежи. Автор отмечает, что новые медиа оказывают амбивалентное воздействие на отношение молодежи к проблемам психического здоровья: с одной стороны, они детабуируются, с другой, возникает «эффект романтизации» проблемных состояний, в связи с чем в работе предлагается дифференцированный подход к исследованию данной темы.

Ключевые слова: цифровизация здоровья; цифровые медиа; психическое здоровье молодежи.

Изучение вопросов, связанных с проблемами психического здоровья современной молодежи, является актуальным направлением научных изысканий. Как отмечают социологи [1], в «обществе риска» молодёжь, находясь на этапе формирования идентичности, оказывается наиболее уязвимой группой, сталкиваясь с мультипликацией угроз: от цифровой гиперстимуляции до экзистенциальных кризисов, вызванных климатическими изменениями и пандемийными последствиями. В связи с этим все чаще среди ее представителей фиксируются различные психические заболевания [2; 4; 8; 12].

В этой связи актуальным является изучение ключевых детерминант, которые вызывают распространение проблем психического здоровья у современной молодежи. Следует отметить, что данная тема достаточно разработана в научном дискурсе. По результатам анализа и систематизации релевантных публикаций можно выделить три группы факторов, которые, по мнению исследователей [3; 7; 9], выступают причинами нарушений психического здоровья молодых людей: а) биологические и нейрофизиологические (генетическая предрасположенность, дисбаланс нейромедиаторов, последствия перинатальных травм); б) индивидуально-психологические; в) социально-средовые.

Наряду с этой классификацией указанные факторы можно условно разделить на: а) традиционные и б) новые, связанные с процессом цифровой трансформации общества.

Хотя действие выделенных детерминант носит сочетанный, комплексный характер, тем не менее, анализ современных «трендов» в состоянии психического здоровья молодежи демонстрирует «приоритет» влияния как раз новых, среди которых, на наш взгляд, ключевую роль играет фактор цифровой медиатизации [5; 6; 10; 11]. Данный термин означает процесс трансформации существующей и конструирования новой институциональной структуры, социальных представлений, установок и паттернов в сфере здоровья вследствие воздействия новых медиа [5].

Для выявления роли указанного фактора на состояние психического здоровья современной молодежи в данной работе было проведено эмпирическое исследование российских блогов, посвященных психическому здоровью. Результаты исследования демонстрируют, что блоггинг как особая коммуникативная деятельность выполняет ряд значимых для его участников функций:

а) интегративную: блоги становятся мостом для сообществ, где люди с общими вызовами обретают чувство сопричастности – их изолированное «Я» превращается в разделяемое «Мы», создавая пространство поддержки и солидарности»;

б) регулирующую: как подчёркивают создатели контента, визуальные и текстовые материалы, описывающие этапы развития болезни, способствуют осмыслению личного опыта, определению хронологических границ расстройства и, как следствие, формированию чёткого понимания своего положения;

в) терапевтическую: онлайн-дневники выполняют двойную роль: личная вербализация опыта ведёт к принятию болезни, а обмен этими записями создаёт коллективное знание, где тревога теряет остроту, а поиск решений становится совместным процессом.

Также блоги формируют новое дискурсивное поле, где цифровые нарративы создаются вне рамок институционального языка. В отличие от клинического дискурса, здесь понимание психического здоровья рождается из персонального опыта и его экзистенциального проживания, что порождает феномен коллективной эмпатии, создает эффект сближения, раскрытия и соучастия, что дестигматизирует переживаемые состояния, способствуя их «нормализации» и включению в социально-культурный контекст как полноправных элементов человеческого опыта.

Наряду с этим в зависимости блоги можно разделить по типам дискурсивных практик, для блогов, которые оказываются т.н. «цифровыми убежищами», характерен дискурс солидарности, тогда как в онлайн-дневниках, ориентированных на рефрейминг, актуализируют дискурс принятия («Я научился жить с этим»).

Таким образом, цифровые медиа формируют альтернативный эпистемологический режим, где социальное знание о проблемах и отношение к ним конструируется не из диагностических критериев, а из «прожитого опыта», что способствует дестигматизации психических проблем, их культурной легитимации, а также эмансипации.

Хотя цифровая медиатизация поля психического здоровья имеет положительные эффекты, следует указать и на ряд «проблемных» зон, а именно: усиление цифровой зависимости от виртуального сообщества; распространение фейков, которые снижают восприятие проблем, и как следствие, могут привести к ухудшению состояний; доксинг; «эстетизация» проблем, что делает их объектом монетизации; эксплуатация уязвимости; «краудсорсинговый диагноз». Также цифровая медиатизация психического здоровья порождает парадоксальные эффекты, связанные с воспроизводством как традиционных социальных противоречий в восприятии психических проблем, так и конструированием новых.

1. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.*
2. *Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.*
3. *Кузьминова М. В., Солохина Т. А. Роль социальных факторов в генезе психических расстройств: развитие исследований в XXI в. // Психиатрия. 2023. Т. 21(7). С. 31–45.*
4. *Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1-11.*
5. *Лядова А. В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30(1). С. 53-71.*
6. *Лядова А. В. Особенности медиатизация сферы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 20–24.*
7. *Полякова О. Б., Бонкало Т. И, Психическое здоровье: дайджест [Электронный ресурс]. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. С. 16.*

8. *Психическое здоровье подростков. Всемирная организация здравоохранения. 10 октября 2024 г. Available at: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 02.10.2025).*
9. *Регуш Л. А., Орлова А. В., Пежемская Ю. С. Модификация методики «Психологические проблемы молодёжи» в контексте цифровизации // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. Выпуск 5. С. 337-348.*
10. *Aschoff N. The Smartphone Society: Technology, Power, and Resistance in the New Gilded Age. Beacon Press, 2020.*
11. *Hepp A. Deep Mediatization. London, Routledge, 2020.*
12. *Mental Disorders. WHO. https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders (дата обращения: 02.10.2025).*

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КОНФЛИКТ ИДЕАЛА И РЕАЛЬНОСТИ

Макарова Софья Андреевна
(ФГБОУ ВО Липецкий государственный технический университет)

Большунова Татьяна Валерьевна
(ФГБОУ ВО Липецкий государственный технический университет)

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречия между просемейными установками студенческой молодежи и их реальным репродуктивным поведением. Выявлен феномен «условной готовности» к родительству, обусловленный социально-экономическими барьерами. Предложены направления политики по гармонизации демографических установок и практик через комплекс мер поддержки молодых семей.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, студенческая молодежь, демографическая политика, просемейные установки.

Сложная демографическая ситуация в России, характеризующаяся сокращением и старением населения, требует разработки эффективных мер. Ключевую роль в улучшении этой ситуации играет молодежь, чьи репродуктивные установки нуждаются в изучении для точного прогнозирования тенденций и выработки направлений демографической политики.

Объект исследования – студенческая молодежь.

Предмет исследования – образ идеальной семьи и репродуктивные установки студенческой молодежи.

Целью исследования является выявление структуры и содержания идеального образа репродуктивного поведения студенческой молодежи и разработка обоснованных рекомендаций по минимизации разрыва между репродуктивными установками и реальными практиками.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубинных причин разрыва между сохраняющимися просемейными установками молодежи и их практической реализацией. В условиях трансформации семейных ценностей и роста экономической нестабильности изучение "идеального образа" репродуктивного поведения приобретает особую значимость для разработки эффективных мер демографической политики.

Гипотеза была выдвинута следующая: гедонистические установки, транслируемые массовой культурой, прекариатизация молодежи усиливают диссонанс между представлениями об идеальной семье, присущие современной молодежи и их реальным воплощением, тормозя демографические процессы и, оказывая негативное влияние на демографическую ситуацию.

В основе изучения демографического выбора лежат два ключевых понятия: репродуктивное поведение и репродуктивная установка. Репродуктивное поведение представляет собой совокупность действий и отношений индивидов и пар, которые непосредственно приводят к рождению или отказу от рождения детей. Это поведение классифицируется по типам в зависимости от результата: малодетное (1 – 2 ребенка), среднедетное (3 – 4 ребенка) и многодетное (5 и более детей) [1].

Эти действия не являются спонтанными; им предшествует сложный внутренний процесс формирования намерений. Этот процесс описывается понятием репродуктивная установка, которое понимается как устойчивое психическое состояние личности, выражающее её положительное или отрицательное отношение к рождению определенного числа детей [1]. Согласно классическому подходу, данная установка обладает трехкомпонентной структурой: когнитивный компонент, эмоциональный компонент, поведенческий компонент [2].

Согласованность этих трех элементов определяет устойчивость установки и её потенциальное воплощение в реальном поведении, в то время как диссонанс между ними может приводить к противоречиям и отсрочке принятия решений. Таким образом, репродуктивная установка выступает центральным звеном, опосредующим влияние внешних социально-экономических условий на фактическое демографическое поведение человека.

Для России характерна глубокая трансформация семейно-брачных отношений. Это выражается в устойчивом снижении числа браков, повышении среднего возраста вступления в брак, высоком уровне разводов и массовом распространении незарегистрированных сожительств, особенно в молодежной среде.

В сфере репродуктивного поведения отмечается последовательное откладывание рождения первого ребенка. Средний возраст матери при рождении первенца увеличился до 29 лет, что соответствует общемировым тенденциям, но имеет специфические последствия для демографической динамики России [3]. Данная практика «отсроченного материнства» непосредственно влияет на снижение суммарного коэффициента рождаемости, который упал до показателя 1, 4, что значительно ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения [4].

Важной характеристикой современной демографической реальности становится нарастающий разрыв между репродуктивными установками и реальным поведением. При сохранении в массовом сознании двухдетной модели как идеальной, фактическое число детей в семьях не превышает 1,7 [5]. Этот диссонанс обусловлен комплексом социально-экономических барьеров, препятствующих реализации репродуктивных намерений. Одновременно фиксируется рост внебрачной рождаемости, достигшей 22,8 %, что непосредственно связано с увеличением доли незарегистрированных сожительств и изменением общественного отношения к таким формам семейных отношений.

Совокупность этих тенденций формирует новую демографическую конфигурацию, для которой характерно сочетание традиционных просемейных установок с современными практиками откладывания брака и деторождения, что в конечном итоге определяет сохранение негативных тенденций в воспроизводстве населения страны.

Эмпирическое исследование репродуктивных установок студенческой молодежи, проведенное методом анкетного опроса в мае 2025 года на репрезентативной квотной выборке (N = 250) в Липецкой области, выявило комплексное взаимодействие традиционных ценностей и современных социально-экономических ограничений. Большинство респондентов (70 %) демонстрируют выраженную ориентацию на реализацию родительской роли в будущем, что свидетельствует о сохранении фундаментальной ценности семьи в системе жизненных приоритетов молодежи.

Доминирующей репродуктивной моделью в сознании студентов выступает двухдетная семья. Данная установка проявляется как в практических планах (58 %), так и в идеальных представлениях (60 %), что отражает ее нормативный статус в современном общественном сознании. Однако анализ выявил существенную гендерную дифференциацию репродуктивных стратегий. Девушки проявляют большую консервативность в брачных установках (60 % считают официальный брак обязательным условием) и последовательнее придерживаются двухдетной модели (65 %). В то же время юноши демонстрируют парадоксальное сочетание более амбициозных репродуктивных идеалов (50 % ориентируются на многодетность) с большей осторожностью в практических планах и более высокой частотой сознательного отказа от родительства (25 %).

Важным фактором формирования репродуктивных установок выступает семейный опыт респондентов. Обнаружена устойчивая корреляция между составом родительской семьи и планируемым числом детей, что подтверждает гипотезу о межпоколенческой передаче семейных моделей поведения.

Ключевым результатом исследования стало выявление системы условий, которые студенты воспринимают как необходимые для реализации репродуктивных планов. В структуре этих «идеальных условий» доминируют факторы материальной стабильности: наличие постоянного дохода и собственного жилья. Немаловажное значение придается также социально-правовому аспекту (официальный брак) и ресурсному состоянию (здоровье, завершенное образование).

Наряду с этим идентифицированы основные барьеры, препятствующие реализации репродуктивных установок. Абсолютное большинство респондентов (89 %) указывают на экономические факторы как на главное ограничение, а 72 % выделяют проблему доступности жилья. Значительная часть студентов связывает возможность родительства с необходимостью сначала завершить образование и достичь определенных карьерных позиций.

В этом контексте особую актуальность приобретает отношение молодежи к мерам государственной поддержки. Подавляющее большинство опрошенных (79 %) считают такие меры важными, выделяя в качестве наиболее эффективных инструментов материнский капитал, единовременные выплаты и программы льготного ипотечного кредитования. Эти ожидания отражают запрос молодежи на создание надежных социально-экономических условий для совмещения профессиональной и репродуктивной функций.

Таким образом, исследование выявляет глубокий дуализм в репродуктивных установках современной студенческой молодежи: при сохранении традиционной ценностной ориентации на семью и двухдетную модель, реальная реализация этих установок откладывается до достижения комплекса социально-экономических условий, которые воспринимаются как необходимые для ответственного родительства.

Преодоление разрыва между репродуктивными установками молодежи и реальным поведением требует комплексной политики на макро-, мезо- и микроуровнях. Ключевые направления включают:

Адресную государственную поддержку: льготные ипотечные программы с отсрочкой платежей для студентов и дифференцированные пособия с учетом этапа жизненного цикла семьи.

Инфраструктурные решения в образовании: внедрение в вузах курсов по семейной психологии, гибких учебных траекторий и создание центров поддержки студентов-родителей.

Трансформацию социокультурных норм: популяризация через медиа позитивного образа молодой семьи и равного распределения родительских ролей.

Экономическое стимулирование работодателей: налоговые льготы для компаний, внедряющих программы поддержки молодых родителей, и развитие гибких форм занятости.

Реализация этих мер требует учета региональной специфики и обеспечения долгосрочности политики. Интеграция усилий государства, образовательных учреждений и бизнеса позволит создать условия для реализации репродуктивных планов молодежи.

Перспективы исследований связаны с изучением адаптации репродуктивных стратегий к меняющимся условиям, оценкой эффективности демографической политики и анализом региональных различий для разработки дифференцированных мер поддержки семей.

1. *Антонов, А. И. Социология семьи. / А. И. Антонов, В. М. Медков // М.: Издательство МГУ: Изд-во Международного бизнеса и управления («Братья Карич») – 1996. – С. 105.*
2. *Гордеева, С. С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии. / С. С. Гордеева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология – 2016. – №3. С. 136.*
3. *Щербакова, Е. М. Тенденции рождаемости в странах с длительно сохраняющейся низкой рождаемостью по оценкам ООН 2024 года / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly – 2025. – № 1063-1064.*
4. *ЕМИСС. Государственная статистика. Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] Режим доступа: https://fedstat.ru/indicator/31517*
5. *Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html*

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Марченко Дарья Дмитриевна
(НГУ им. П. Ф. Лесгафта)

Оганян Карина Каджиковна
(НГУ им. П. Ф. Лесгафта)

Аннотация. Работа посвящена межпоколенческому восприятию успеха среди молодежи поколений Z и Y. Исследование выявило, что оба поколения придают важное значение материальной обеспеченности, семейным ценностям и профессиональной реализации, однако зумеры в большей степени связывают успех с личным счастьем. Влияние достижения успеха на психологическое состояние одинаково высоко у обеих групп. Результаты подтверждают многогранность понимания успеха в современной

молодежной среде, а также необходимость индивидуального подхода к формированию мотивации и ценностей разных поколений.

Вопрос межпоколенческого взаимодействия все чаще попадает в повестку обсуждения и становится актуальной темой различного рода исследований. Все поколения взаимосвязаны: через свою деятельность предыдущее поколение сформировало поколение настоящее, которое в свою очередь формирует будущее. Карьерные установки каждого поколения отличны от установок предыдущего. Мотивация и удержание каждого отдельного поколения предполагает индивидуальный подход.

Поколение Z в России – это примерно 21 млн. молодых людей и девушек, которые родились в промежутке между 2003(4) и 2010 годами.

В. Ю. Филин в своем исследовании охарактеризовал поколение Z следующим образом: многозадачность; желание быть независимыми; не любят ждать; принимают правила, но не ограничения; мотивируют интересные задачи и отсутствие скуки.

Миллениалы – люди, рождённые во временной промежуток с 1984 по 2003(4) года. Особенностью этого поколения является обширное влияние цифровых технологий на все сферы жизни человека. В настоящее время представители поколения Y активно вступают в общественную жизнь, претендуя и занимая руководящие должности и значимые места в социальной иерархии в политической, социокультурной и экономической сферах.

Характерные черты поколения Y: склонность к индивидуализму; основной ценностью является свобода; умение подчиняться; легко обучаются новому, быстро приспосабливаются к незнакомой среде; уделяют много времени поиску призвания.

Переходя к понятию «успеха», стоит отметить, что современная молодежь понимает, что «сегодня «игру с жизнью» выигрывает тот, кто способен максимально быстро перестроить привычный жизненный маршрут». Но тут возникает вопрос, «а все ли хотят выигрывать эту игру»?

Авторы рассматривают успех с различных сторон: как «системная интегральная характеристика жизнедеятельности», как «совокупность критериев успешности, актуальных для данного общества в данное время» и т.п. Отвечая на вышепоставленный вопрос, существуют и альтернативные взгляды на успех, такие как «жизнь для себя», «образ жизни, подразумевающий добровольный отказ от карьерной гонки и стандартов общества потребления».

Цель исследования – Создать представление об успехе современной молодежи сравнивая поколение зумеров и миллениалов.

По итогам анализа научной литературы, мы выдвинули несколько гипотез, для проверки которых был создан опрос, позволяющий расширить понимание успеха для современной молодежи и провести сравнительный, межпоколенческий анализ, результаты которого будут частично представлены в тексте.

Опрос проводился среди молодежи в возрастной категории от 1997 до 2006 годов рождения. В опросе приняли участие 86 человек, из которых 42 – представители поколения Z, а 44 – поколения Y.

Нами была выдвинута 1 гипотеза: «Успех поколения Z в большей степени будет зависеть от материальной обеспеченности, чем поколения Y». Для подтверждения или опровержения данной гипотезы были сформулированы следующие вопросы: 1. Что, в Вашем понимании, является успехом? 2. Как бы Вы описали успешного человека? 3. Зависит ли успешность человека от заработной платы?

Отвечая на первый вопрос, можно сформулировать триаду критериев, определяющих успех, в понимании современной молодежи. Ими стали финансовая

обеспеченность (23,5 %), получение удовольствия от профессиональной деятельности (20,8 %) и уважение окружающих (14,9 %). Данные ответы говорят о высокой значимости финансовой, профессиональной и социальной реализованности для современной молодежи. Но, рассматривая данный вопрос более детально, хотим отметить, что миллениалы чаще ставили на 1 место удовольствие от профессиональной деятельности и уважение окружающих, тогда как зумеры чаще возвышали финансовую обеспеченность. Также анализируя ответы, отмечается частое упоминание создания крепкой семьи и сохранение здоровья в равной степени у обеих групп представителей современной молодежи.

Модель успешного человека, по мнению молодежи сформировалась следующим образом: человек, добивающийся всех поставленных целей (27,4 %), спокойный, уверенный в себе человек (25,3 %), человек, занимающийся любимым делом (25,3 %). Богатого человека описали как успешного лишь 4,2 % респондентов, из которых преобладающее большинство – зумеры.

По мнению большинства опрошенных, успех человека напрямую зависит от его заработной платы, так считают 67,7 %. Анализируя ответы более углубленно, можно сказать, что и зумеры и миллениалы в равной степени придерживаются такого мнения.

Таким образом, полученные результаты не в полной мере подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о прямой взаимосвязи материальной обеспеченности и успехе человека для поколения Z. Зумеры, как и миллениалы в равной степени считают материальную обеспеченность одним из важных критериев модели успешного человека, при этом не оставляя в стороне семейные ценности, профессиональную и социальную реализацию.

Следующая выдвинутая нами гипотеза – «Поколение Y в большей степени вкладывает в понятие успеха собственное счастье, чем поколение Z». Для проверки данной гипотезы были составлены следующие вопросы: 1. Можете ли Вы сказать, что одинокий человек может быть в полной мере успешным? 2. Готовы ли Вы пожертвовать своим счастьем ради успеха? 3. Считаете ли Вы, что успешный человек и счастливый – одно и то же?

Анализ ответов на 1 вопрос дал следующие результаты: 53,7 % респондентов считаю, что одинокий человек может быть в полной мере успешным. 28,4 % человека отметили, что он будет успешным, но не будет счастлив, что, по их мнению, указывает на отсутствие взаимосвязи между успехом и счастьем. Категорически не согласились с данным выражением и увидели прямую взаимосвязь между счастьем и успехом 17,9 % упрошенных, из которых преобладающее большинство – представитель поколения зумеров.

73,1 % опрошенных не готовы пожертвовать своим счастьем ради успеха, 14,9 % отметили, что без успеха они не смогут быть счастливыми. Позицию «без счастья я не буду успешен/а» в равной степени приняли оба поколения.

Анализируя ответы на последний вопрос: «Считаете ли Вы, что успешный человек и счастливый – одно и то же?», относившийся к выдвинутой выше гипотезе, были получены следующие результаты: нет, это не одно и то же – 80,6 %, да, это одно и то же – 19,4%. В большей степени посчитали, что есть прямая взаимосвязь между счастьем и успехом представители поколения Z.

Данные результаты опровергают выдвинутую нами гипотезу о том, что миллениалы в большей степени вкладывают в понятие успеха собственное счастье. Проведенный опрос показал, что напротив, представители поколения зумеров в большей

степени вкладывают в понятие успеха собственное счастье и видят между этими понятиями прямую взаимосвязь.

Последняя гипотеза звучит так: «успех в большей степени будет положительно влиять на психологическое состояние миллениалов, нежели зумеров». Для проверки этой гипотезы в опросе есть такие вопросы, как:

1. Будет ли влиять успех на Вашу самооценку?
2. Достигнув своего успеха, будете ли Вы чувствовать себя увереннее в социуме?
3. Может ли Ваш успех отразиться на психологическом состоянии?

Анализ ответов на первый вопрос дал следующие результаты: 75 % респондентов отметили, что успех повлияет на их самооценку и они станут чувствовать себя увереннее, для 16,2 % успех не будет влиять на самооценку. Успех положительно скажется на самооценке как миллениалов, так и зумеров в равной степени, но в большей мере зумеры отметили, что никак не поменяет. 80,9 % опрошенных, достигнув успеха, будут увереннее чувствовать себя в обществе, такие ответы дали представители обоих поколений. Также оба поколения в равной степени отметили, что благодаря достигнутому успеху они будут чувствовать себя спокойнее и защищеннее, а также будут чувствовать счастливыми.

Таким образом, гипотеза подтвердилась только частично. По результатам анализа полученных результатов, было выявлено, что влияние успеха на психологическое состояние высоко для молодежи обоих поколений.

Подводя итог отмечается, что зумеры, как и миллениалы в равной степени считают материальную обеспеченность одним из важных критериев модели успешного человека, при этом не оставляя в стороне семейные ценности, профессиональную и социальную реализацию, представители поколения зумеров в большей степени вкладывают в понятие успеха собственное счастье и видят между этими понятиями прямую взаимосвязь, а также что влияние успеха на психологическое состояние высоко для молодежи обоих поколений.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Митрофанова Светлана Юрьевна
(федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» (Самарский университет))

Кузнецов Виктор Александрович
(федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» (Самарский университет))

Статья выполнена при поддержке Губернского гранта в области науки и техники (Самарская область)

Взросление молодежи отличается «поисками себя» в различных направлениях. В молодости происходит становление личности, объективно еще не сформировано в полной мере мировоззрение, не развиты навыки критического мышления. Вместе с тем в

этот период социальными нормами общества предписывается совершать выборы, имеющие значение для дальнейшей жизни человека (выбор направления и места учебы, работы, супруги/супруга и другие). В России на особенности взросления молодежи, характерные для всех современных обществ, накладываются обстоятельства, связанные с тем, что этот процесс происходит в условиях напряженной геополитической обстановки, кризиса ценностей идеологии неолиберализма, получившей распространение, прежде всего, в западном обществе. Потому для российской молодежи сегодня важен вектор поиска точек опоры, направленный в сторону традиционных ценностей. В роли таких реперных точек, с нашей точки зрения, выступают солидарности на разных уровнях: страны, государства, региона, города, рабочего коллектива, друзей, семьи и другие. Исходим из того, что первичной точкой опоры и той солидарностью, которая содержит потенциал для преодоления проблем, для молодых людей является семья, как родительская, так и их собственная, будущая или уже для кого-то созданная. Утверждение значимости семьи как родительской, так и своей собственной будет способствовать приобретению молодыми юношами и девушками необходимого опыта для дальнейшей успешной социализации и интеграции в структуры сложившихся социальных отношений.

Крепкая семья является традиционной ценностью российского общества, что зафиксировано в пункте 5 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [3]. Традиционные духовно-нравственные ценности находятся в фокусе внимания не только органов власти, но и отечественных ученых. А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова в 2023 году разработали и впервые представили системную модель российского мировоззрения**,** и такой элемент модели как семья раскрывается через традиции, преемственность поколений [5].

Важным представляется реализация на территории Самарской области проекта, цель которого – выявление представлений о роли семьи и семейных ценностей в жизненных траекториях и проектах студенческой молодежи. Именно студенческая молодежь является передовой и основной составляющей российской молодежи, и Самарской области как субъекта федерации, в том числе. Потенциал будущего региона во многом зависит от современных студентов, их ценностей, как духовных, так и материальных; их установок на создание семьи, репродуктивных ожиданий, представлений о возможности совмещения семейной жизни с учебой и работой, а также условий, препятствующих и способствующих официальному заключению брака и рождению детей. Особый исследовательский интерес представляет позиция органов власти, формирующих социальную политику в интересах молодежи в Самарском регионе в отношении содействия трудоустройству студенчества и поддержки молодых семей, необходимости социальных программ, направленных на помощь студенческой молодежи, и студенческой семье, в частности. Выявление успешных региональных кейсов является полезным с точки зрения их дальнейшей популяризации как в Самарской области, так и за ее пределами.

Методология и методы. Социологическое исследование содержит два этапа. Первый – количественный – позволяет выявить ценность семьи в системе ценностей «типичной» или «обычной» студенческой молодежи, как материальных, так и духовных. Это внешний аспект в исследовании семьи. Второй – качественный этап – направлен на выявление ценности семьи в жизненных траекториях и проектах конкретных групп студенческой молодежи. Считаем этот аспект внутренним.

Результаты. Первые результаты позволяют говорить о наличии некоторых точек напряженности в рамках рассматриваемой темы, остановимся на некоторых из них. С одной стороны, семья является важной ценностью в студенческой молодежной среде.

Но с другой стороны, есть ряд нюансов, проясняющих и детализирующих осмысление ценности семьи молодежью. Так, молодежь на уровне своего поведения не спешит с созданием собственной семьи, отодвигая это событие к зрелому возрасту [1]; [4]. Э. К. Наберушкина, О. В. Бессчетнова, О. А. Судоргин приходят к выводу о том, что хотя «для большинства молодых людей семья по-прежнему важна, однако традиционные представления о ней утрачивают свою доминирующую роль. Молодежь чаще выбирает отложенные браки и рождение детей, мотивируя это экономическими факторами, необходимостью карьерного роста и личной реализацией» [2, 708].

Отметим, что само значение семьи как традиционной ценности может иметь разные смыслы. Традиционность в смысле ориентации на возрождение семьи, которая была характерна для традиционного общества с ее патриархальностью, высокой рождаемостью и низким статусом женщины. Традиционность в отношении распределения ролей в семье в гендерном аспекте, когда мужские и женские роли строятся по принципу взаимодополнительности, а не взаимозаменяемости. Традиционность в поколенческом измерении, в отношении комплементарности статуса родителей и статуса детей, наличия у детей не только прав, но и обязанностей по отношению к родителям. Традиционность в противовес современной неолиберальной повестке, в противовес ЛГБТ* сообществам с их «родителем № 1 и родителем № 2» и другие. Для прояснения смыслов понятия «традиционная семья», вкладываемых в него молодежью, требуется более глубокий анализ.

Одна из точек напряженности связана с тем, что разными социальными агентами формируются разные и порой противоречивые ожидания от молодежи. С одной стороны, социальные институты образования, экономики, труда со всеми соответствующими их структурами предъявляют требования учебы, получения профессии, работы в отношении молодежи. С другой стороны, в это же время социально-демографические институты требуют от соответствующих структур активизировать работу с молодежью, чтобы мотивировать их на заключение брака, рождение детей, создание собственной семьи. Считаем, в этом ключе вполне оправданы предложения Е. С. Митрофановой о том, что «достичь баланса между социоэкономической и демографической сферой поможет более гибкая система совмещения родительства и занятости» [1, 71] и Э. К. Наберушкиной, О. В. Бессчетновой, О. А. Судоргина о том, что необходимы новые меры, среди которых: «поддержка гибкого графика работы и сокращенной рабочей недели для родителей с маленькими детьми, введение оплачиваемого декретного отпуска для отцов, увеличение доступности мест в яслях и детских садах с гибким графиком нахождения ребенка в них. Также следует уделить внимание развитию транспортной инфраструктуры и созданию рабочих мест, ориентированных на молодых родителей» [2, 709].

Считаем, что полученные по итогам исследования в Самарской области данные будут работать на создание благоприятных региональных условий и возможностей укрепления ценности семьи, совмещения семейных, образовательных и трудовых статусов для поколения современной студенческой молодежи.

1. *Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С.53-82.*
2. *Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. (2024) Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения. Журнал исследований социальной политики, 22 (4): 697–714*
3. *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-*

* Запрещенная на территории Российской Федерации организация

нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 16.01.2025).

4. *Чистопашин Я. А., Черепанова М. И. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 195–209. doi: 10.14258/ssi(2025)1-13.*
5. *Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022 Т. 6. № 3. С.9-19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.*

РОЛЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СПОРТСМЕНА

Мотовичева Милана Константиновна
(НГУ им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург)

Оганян Карина Каджиковна
(НГУ им. П. Ф.Лесгафта)

Аннотация. Современный спорт является одной из наиболее динамично развивающихся сфер человеческой деятельности, где успех определяется не только уровнем физической подготовки, но и глубиной культурных, социальных и семейных традиций. В условиях растущей конкуренции и глобализации спорта роль преемственности возрастает, поскольку она способствует сохранению уникальной спортивной культуры и укреплению профессиональной устойчивости спортсмена.

Ключевые слова: преемственность, семейные традиции, спортивная карьера, социологическое исследование.

Семейные традиции во все времена играли значимую роль в становлении личности, и спорт не является исключением. Передача ценностей, привычек и опыта от старших поколений к младшим формирует и мировоззрение, и профессиональные ориентиры будущего спортсмена. В работах Л. П. Матвеева отмечается, что спортивная деятельность во многом определяется воспитательной средой, в том числе примером родителей и старших членов семьи, чьи установки формируют отношение ребёнка к спорту [2, 73]. Аналогичную позицию занимает В. К. Бальсевич, подчёркивая значимость семейной поддержки и раннего вовлечения в спортивную практику [1, 46]. Среди зарубежных авторов особое внимание следует уделить исследованиям Дж. Коте, который рассматривает семью как ключевой фактор становления спортивного таланта. По его мнению, именно эмоциональная поддержка и организация условий для тренировок формируют основу будущих достижений спортсмена [3, 401].

Цель – выявить роль семейных традиций и межпоколенной преемственности в становлении профессиональной карьеры спортсмена.

Задачи:

Определить понятие преемственности поколений применительно к спортивной сфере.

Рассмотреть влияние семьи и спортивной среды на карьерный путь спортсмена.

Сформулировать выводы о значении семейной преемственности в подготовке будущих спортсменов.

Общая характеристика респондентов. Нами было проведено социологическое исследование и составлена анкета, включающая в себя 16 вопросов. Всего в опросе приняли участие 73 человека. Среди них – бакалавры и магистранты НГУ им. П. Ф. Лесгафта. В анкетировании приняли участие 64 % девушек и 36 % юношей. Большинство (73 %) опрошенных были в возрасте 18 – 21 год, 16 % – в возрасте 22 – 25 лет, 10 % пришлось на возрастную группу 14 – 17 лет и 1 % – на возрастную группу 25 – 28 лет.

Результаты и их обсуждение. По итогам ответов на вопрос о наличии в семье родственников, занимавшихся спортом, было выявлено: у 21 % респондентов вид спорта совпал с профессиональной деятельностью родственников, у 18 % – с любительскими занятиями. Таким образом, лишь 39 % связали свой выбор со спортивной историей семьи, тогда как большинство (61 %) руководствовались личными предпочтениями. Таким образом, семейные традиции важны, но не являются решающим фактором в выборе спортивного пути. В подростковом возрасте выбор становился индивидуальным, формируясь под влиянием личных интересов, не всегда зависящих от примеров родственников.

Анализ ответов показал, что основными формами влияния семьи на спортивную карьеру респондентов стали моральная поддержка (23%) и вдохновение на занятия спортом (21 %). Ещё 15 % отметили помощь в доступе к ресурсам и рост мотивации, что отражает многогранное значение семейного участия. Вместе с тем 19 % сообщили об отсутствии влияния, так как их семьи не были связаны со спортом. Следовательно, семейный фактор можно рассматривать как значимый, но неодинаково проявляющийся элемент в становлении спортивной карьеры.

На вопрос «считаете ли вы, что наличие спортивных достижений у ваших родственников мотивировали/мотивируют Вас на успех в спорте?», 44 % респондентов ответили положительно (указав на частичное или значительное влияние), в то время как 36% не увидели такой связи. Полученные данные показывают, что спортивные достижения родственников могут стимулировать студентов к успеху, однако не являются обязательным условием формирования мотивации.

Большинство участников опроса не стремятся повторить спортивные успехи своих родственников. Так, лишь 4 % выразили желание повторить достижения родственников, объяснив это их значительными успехами. Однако 26 % заявили, что собственные результаты полностью их удовлетворяют, 44 % отметили, что превзошли достижения семьи. Ещё 10% указали, что их успехи сопоставимы с результатами родственников. Это подчёркивает уверенность студентов в своих силах и личных успехах, а также стремление к самостоятельности.

При анализе ответов по вопросу о давлении, связанном с оправданием ожиданий, выяснилось, что более трети спортсменов (35 %) в той или иной степени сталкивались с влиянием ожиданий родственников, связанных с их спортивной деятельностью. При этом большинство (55 %) утверждают, что давления со стороны семьи не было, что может свидетельствовать о поддерживающем характере семейных отношений или отсутствии жёсткой ориентации на спортивные достижения.

При ответе на вопрос о возникавших трудностях, связанных с семейной историей в спорте (например, сравнение с родственниками), ответы распределились следующим образом: пятая часть респондентов (19 %) сталкивалась с похожими проблемами, у этой группы в большинстве случаев братья или сестры занимались профессиональным спортом, 69 % воспринимают семейную историю как нейтральный или позитивный фактор, не оказывающий давления на их профессиональный путь. Полученные данные

подтверждают, что в целом спортивное прошлое семьи помогает, а не осложняет профессиональный путь студента.

На последний вопрос «как вы думаете, насколько важны родственники, имеющие опыт в спорте для достижения высоких результатов» мы получили следующие ответы: большинство респондентов (61 % в сумме) считают, что наличие родственников с опытом в спорте играет значимую роль в достижении высоких результатов. При этом 22 % отметили этот фактор как «очень важный», а 39 % – как просто «важный». Вместе с тем 27 % участников считают его «не очень важным», а 6 % полностью отрицают его значимость. Таким образом, можно сделать вывод, что спортивный опыт семьи воспринимается студентами скорее как поддерживающий, но не определяющий фактор успеха.

Заключение. В семьях с богатой спортивной историей влияние родственников сильнее, тогда как в семьях без опыта занятий спортом этот фактор минимален.

Семейные достижения и опыт в спорте оказывают существенное влияние на психоэмоциональное состояние атлета, поддерживая его мотивацию и вдохновение.

Семейный спортивный опыт рассматривается студентами как фактор поддержки, но не как главный элемент их профессионального роста.

Прослеживается тенденция к формированию индивидуальной спортивной идентичности. Современные спортсмены стремятся утвердиться через собственные достижения, а не только через повторение успехов родственников.

Сохранение преемственности в спорте важно не только для передачи традиций, но и для создания конструктивных межпоколенных связей, где старшие делятся опытом, не превращая его в источник давления.

1. *Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – Москва : Теория и практика физической культуры, 2000. – 274 с.*
2. *Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты : учебник для вузов / Л. П. Матвеев. – Санкт – Петербург : Лань, 2005. – 384 с.*
3. *Côté, J. The Influence of the Family in the Development of Talent in Sport / J. Côté // The Sport Psychologist, 1999. – P. 395 – 417.*
4. *Володкович, С. Л. Преемственность в физическом воспитании и в формировании ценностного отношения к здоровью в средней и высшей школе / С. Л. Володкович, Е. Н. Ярчак, Л. М. Ярчак // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 23-26.*
5. *Смолонская, А. Н. Диагностика преемственности процесса формирования жизненных компетенций у детей: учебно-метод. пособие / А. Н. Смолонская. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 396 с.*

ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Мурзиков Лев Евгеньевич
(Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.)

Перевалова Ульяна Сергеевна
(Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.)

Аннотация. В статье рассматриваются основные трудности, с которыми сталкиваются молодые учителя в своей профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется проблеме буллинга молодых педагогов, агрессорами в котором становятся различные агенты образовательного процесса. Авторами освещаются

последствия буллинга учителей, также предпринимается попытка систематизировать разнообразные стратегии, к которым обращаются молодые преподаватели для решения проблемы травли.

Ключевые слова: молодые учителя, карьерные траектории, буллинг, внутригрупповая эксклюзия, девальвация профессии.

Актуальность исследования

Численность учителей, занятых в общеобразовательных учреждениях на 2024/2025 учебный год, сократилась на 2 % относительно 2016/2017 уч. г., в то время как число обучающихся выросло на 18,5 % [3, 8]. Внутри педагогического состава сохраняется значительный перевес в сторону возрастных сотрудников; несмотря на расширение мер поддержки молодых педагогов (федеральная программа «Земский учитель», региональные мероприятия поддержки, например социальная ипотека, компенсация аренды жилья, единовременные выплаты молодым учителям и др.), доля молодых учителей существенно не изменилась (22,2 % на 2016/2017 уч. г. и 22,7 % на 2024/2025 уч. г.) [3, 14]. Одновременно с этим количество выпускников со средним профессиональным и высшим образованием, которые были приняты на должность учителя, снизилось на 6,1 п. п. к 2024/2025 уч. г. [3, 70]. Таким образом, низкие темпы роста доли молодых кадров в составе педагогического штата общеобразовательных учреждений обуславливают актуальность исследований, направленных на освещение трудностей, с которыми сталкиваются молодые учителя в школах, и барьеров на их пути вхождения в карьеру. Настоящее исследование было проведено методами онлайн-опроса целевой выборки с 25 по 27 июня 2025 года (при посредничестве OMI и Oprosso в рамках международного конкурса молодых исследователей ESOMAR Research Got Talent 2025; n=229, учителя общеобразовательных школ в возрасте до 35 лет, ошибка выборки – 6,5 %) и глубинного интервью (n=22, учителя общеобразовательных школ в возрасте до 35 лет, столкнувшиеся с буллингом лично или опосредованно).

Проблемы современного школьного образования

К пересмотру студентами педагогических вузов своей карьерной траектории может приводить ряд проблем современной школы: низкая заработная плата (53 %), низкая заинтересованность учеников в учёбе (43 %), а также забюрократизированность образовательного процесса (40 %) (рис. 1). Совокупность факторов оказывает влияние на то, что многие выпускники не рассматривают перспективу работы в школе, выбирая частное репетиторство, которое позволяет поддерживать достойный уровень дохода и самостоятельно контролировать трудовую нагрузку:

*«Многие хотят в репетиторство, потому что **ты сам себе начальник**. Понятно, что на репетиторстве можно заработать больше»* (женщина, учитель английского языка, стаж менее 1 года).

*«Просто представив тот объем работы, который ему предстоит в школе, он решил найти **более подходящий, удобный и пригодный для жизни вариант**»* (мужчина, учитель русского языка, стаж 5 лет).

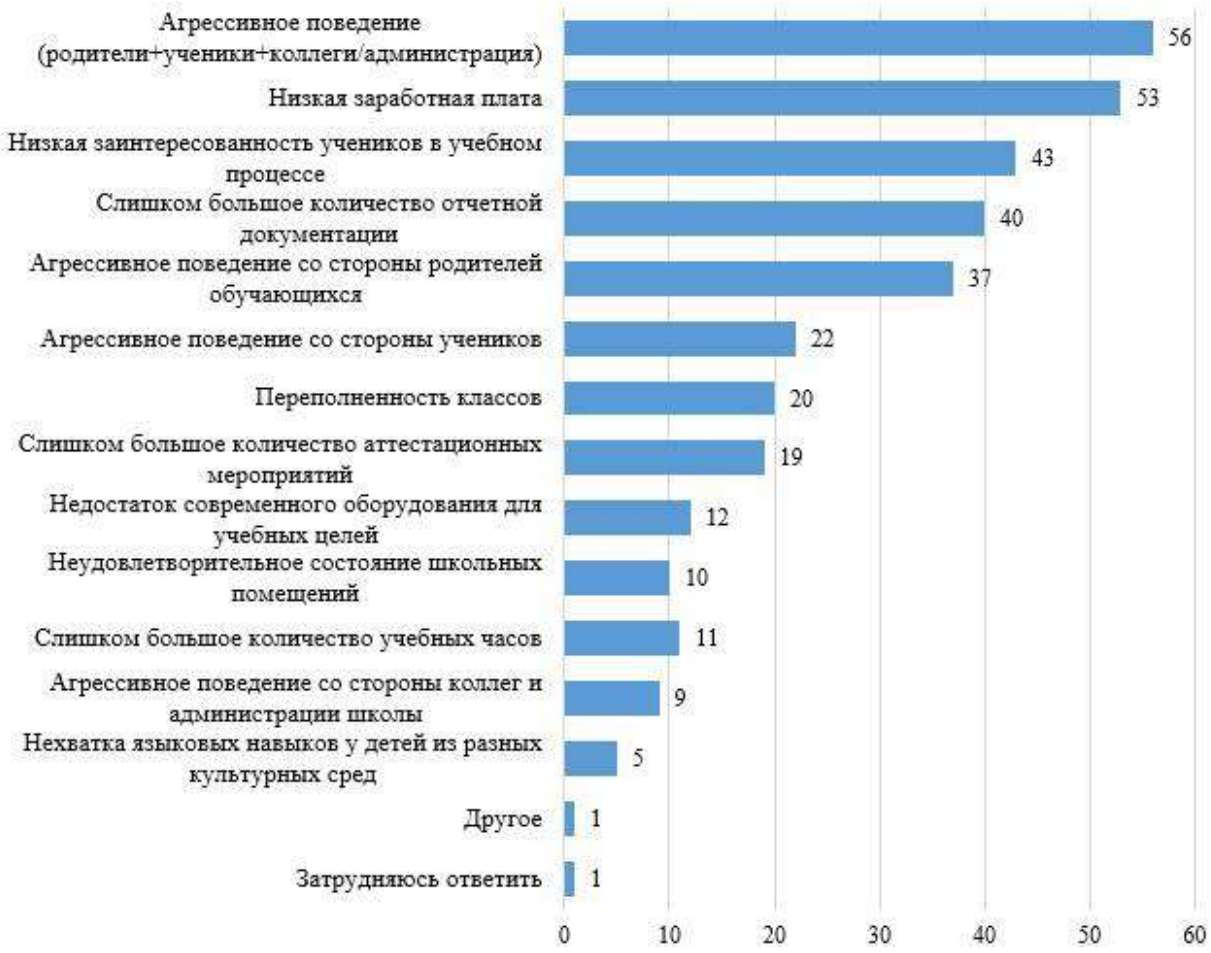

Рисунок 1. Оценка молодыми учителями ключевых проблем в их работе, в %

Проблема буллинга: причины и механизмы противодействия

Основной проблемой, которая сильнее всего волнует молодых учителей, стало агрессивное поведение со стороны различных агентов образовательного процесса (56 %). Четверть опрошенных (27 %) признаются, что они стали жертвами буллинга, в то же время 47 % отмечают, что знают случаи буллинга в отношении коллег (рис. 2). Поскольку тема травли сохраняет свою высокую сенситивность, необходимо принять во внимание возможное обращение к проективной оценке буллинга учителями – переносу собственного опыта (перед вопросами респондентам показывалась преамбула с определением буллинга, составленным совместно с «АНО БО "Журавлик"», специализирующейся на школьном буллинге, а также с опорой на научные публикации в области психологии [2, 43], педагогики [1, 166] и социологии [4, 138]; «Пожалуйста, прочитайте определение буллинга и ответьте на несколько простых вопросов. Буллинг – это умышленное, длительное, повторяющееся физическое или психологическое насилие, которое не носит характера самозащиты и исходит со стороны человека или группы с некоторыми физическими, психологическими и административными преимуществами над другим человеком»).

Рисунок 2. Опыт столкновения с буллингом, в %

Анализ нарративов интервью показал существование двух стратегий объяснения причин буллинга учителей со стороны учеников: «понимающая» и «авторитарная». К первому виду стратегий относятся проблемы взросления, социализации, адаптации, а также личные/семейные обстоятельства: «У всех бывают разные ситуации: я столкнулся с различными и полными семьями, и неполными, детьми из детдома. И нужно просто находить индивидуальный подход и быть человеком» (мужчина, учитель географии, стаж 1 год). К авторитарному виду стратегий – проблема достижения авторитета учителем, отсутствия строгой дисциплины и контроля за поведением обучающихся: «Сначала дисциплина – потом любовь» (мужчина, учитель математики, стаж 1 год). В ряде случаев буллинг со стороны учеников может расцениваться педагогами как собственная некомпетентность.

Первая стратегия оценки причин буллинга предполагает обращение к механизму рационализации: поиск первопричин травли (в т. ч. скрытых) и непосредственная работа с ними. На этом уровне будут задействованы механизмы эмпатии, когда учитель ставит себя на место ученика, пытаясь с занимаемой позиции интерпретировать поведение агрессора. Авторитарная стратегия объяснения причин приводит к действиям, направленным на утверждение авторитета учителя и достижение строгой дисциплины. Педагог стремится изначально определить границы дозволенного поведения учащихся, нарушение которых влечет негативные санкции: «Задавить авторитетом. То есть он тебе 10 слов говорит, а ты ему одно и взглядом показываешь, что ты на него внимание обращать не будешь. Надо показать свой авторитет, кто тут главный» (женщина, учитель истории и обществознания, стаж 6 лет).

Буллинг со стороны родителей считают важной проблемой 37 % опрошенных. Причинами такого вида травли, по мнению учителей, может быть распространение «детоцентризма», который находит выражение в недовольстве оценками ребёнка, недоверии молодым педагогам и т. п. Информанты отмечают снижение авторитета учителя и признаются, что родители могут отказываться сотрудничать с ними:

«Педагог говорит одно. Родители говорят, что педагог говорит неправильно, слушай меня, я говорю правильно, я знаю, как правильно» (женщина, учитель начальных классов, стаж менее 1 года).

«Школьный педагог – это вот точно сфера услуг, когда тебе что-то не понравилось и ты сразу идешь качать права, ругаться» (женщина, учитель английского языка, стаж менее 1 года).

Среди молодых учителей отсутствует консенсус в отношении способов решения конфликтов с родителями. Ряд педагогов пытается решить проблему самостоятельно: «Садился, разговаривал тоже, пытался понять, что им не нравится, что не так, почему они считают, что я такой вот ужасный, плохой и меня на костре сжечь нужно» (мужчина, учитель истории и обществознания, стаж более 10 лет), а кто-то оставляет эти вопросы администрации школы: «Сил больше нет с этим связываться самостоятельно. Это не

учитель должен решать» (женщина, учитель русского языка и литературы, стаж 1 год). Выбор тактики во многом будет зависеть от ощущения защищённости педагога со стороны администрации, что является важной проблемой, приводящей не только к низкому уровню солидаризации внутри организации, но и негативно сказывающейся на работе при переносе фрустрации на образовательный процесс. Некоторые информанты отмечают, что при возникновении конфликтной ситуации с родителями администрация школы зачастую занимает сторону родителя без детального изучения ситуации, что приводит к низкому уровню внутригруппового доверия и сплочённости.

Вышеупомянутые факторы, а также ограниченность ресурсов и конкуренция за их обладание, приводит к росту уровня конфликтогенности среды, провоцируя распространение буллинга внутри административно-педагогического коллектива школы. При этом одинаковое статусное положение учителей позволяет решать конфликты на уровне межличностного взаимодействия. Если же таким образом проблема не разрешается, то следующий шаг предполагает обращение за помощью к администрации школы: «Нужен диалог с этим учителем, попытаться поговорить, решить все мирным путем. Возможно, на этом этапе уже все получится. Если нет, то только администрация нам тут может помочь: завучи, директора» (женщина, учитель математики, стаж 2 года). Из-за существующей статусной иерархии между учителем и администрацией единственным выходом, который видят информанты, будет смена школы или уход из профессии: «Когда тебя буллит администрация, тут прямой смысл сразу увольняться» (женщина, учитель музыки, стаж 2 года).

Последствия буллинга

Среди последствий буллинга молодые учителя выделяют ухудшение общего самочувствия из-за стресса, что делает практически невозможным продолжение деятельности в сложившихся условиях и не оставляет других вариантов, кроме увольнения. Молодые учителя признаются, что слабо осведомлены о правовом статусе педагогических работников. К тому же профессиональное сообщество не всегда проявляет высокую степень сплоченности, что находит отражение в «атомизированном» подходе к проблеме буллинга. Ряд информантов отмечают, что испытывают потребность поделиться своими проблемами с теми, кто может их понять, – со своими коллегами.

«Просто весь вечер плакала, не могла успокоиться, и ей ещё потом снились кошмары» (женщина, учитель английского, стаж 3 года).

«Я подхожу домой, я рыдаю. У меня была истерика. Я вообще уже ничего не хотела. Какие-то психосоматические проявления были. Меня обсыпало из-за того, что мне было жутко» (женщина, учитель русского языка и литературы, стаж более 10 лет).

1. *Белеева И. Д. и др. Феномен буллинга: когда жертвой становится учитель //Педагогическое образование в России. – 2022. – №. 4. – С. 164-169. (дата обращения: 10.06.2025)*
2. *Кошеленко К. С., Чикер В. А. Буллинг со стороны учеников и профессиональное выгорание учителей // PSY-Вышка: Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 31 октября – 02 ноября 2019 г.) под ред. ЕС Горбунова. – М.: РосНОУ. – 2020. – С. 43-45. (дата обращения: 10.06.2025)*
3. *Учитель на перекрестках российского рынка труда – 2025 [Текст]: Аналитический доклад НИУ ВШЭ / К. М. Анчиков, С. И. Заир-Бек, И. Ю. Иванов, Т. А. Мерцалова, Е. В. Овакимян, К. В. Рожкова, С. Ю. Рощин, П. В. Травкин; науч. ред. С. Ю. Рощин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. URL: https://lirt.hse.ru/data/2025/09/18/153484194/teachers.pdf (дата обращения: 12.09.2025 16:22)*
4. *Черненко Ю. А., Сапрыкина Д. И. Феномен буллинга в российских школах: учителя–жертвы //Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2018. – Т. 3. – №. 2. – С. 136-150. (дата обращения: 10.06.2025)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Нестеренко Елизавета Геннадиевна
(Мелитопольский государственный университет)

Аннотация. Исследование посвящено изменениям профессиональных стратегий студентов Запорожской области в условиях интеграции в Российскую Федерацию. Изучены факторы, влияющие на выбор карьерных путей, и предложены меры поддержки адаптации молодежи к новым экономическим условиям.

Ключевые слова: стратегия, стратегические решения, студенческая молодежь, новые субъекты, Запорожская область, интеграция.

Процесс интеграции новых субъектов Российской Федерации, оказывает существенное влияние на профессиональную ориентацию и карьерные планы студенческой молодежи. Возникающая необходимость адаптации к новым экономическим условиям и особенностям российского рынка труда обязует студентов пересмотреть свои профессиональные стратегии. В данной работе исследуются особенности трансформации профессиональных стратегий студентов Запорожской области в условиях интеграции, выявляются факторы, влияющие на этот процесс, и предлагаются рекомендации по поддержке студенческой молодежи региона в процессе адаптации.

Изучение стратегического мышления и профессиональных стратегий мы видим в научных трудах таких ученых классиков как: Элиот Фридсон (профессионализация как социальный процесс), Пьер Бурдьё (концепция социального и культурного капитала в профессиональном выборе), советских и современных российских ученых В. Н. Шубкин, пионер исследований профессиональных ориентаций молодежи, М. Х. Титма, разработка концепции жизненных путей, М. К. Горшков, исследования ценностных ориентаций молодежи, Д. Л. Константиновский – образовательные и профессиональные стратегии, Е. А. Гришина, карьерные стратегии в меняющемся обществе.

В работе *Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова, П. А. Чистякова* представление о социальном и профессиональном будущем понимается как совокупность взглядов, ценностных установок и эмоциональных состояний молодежи по поводу перспектив общественного развития и возможностей реализации ею собственного жизненного пути в конкретном обществе, что очень важно учитывать в процессе адаптации к профессиональным ориентациям в новых субъектах РФ во время интеграционного процесса [1, 63].

Научные труды и исследования ученых являются важным инструментом для понимания и улучшения профессиональных стратегий студенческой молодежи на воссоединенных территория, что в конечном итоге способствует формированию их успешной адаптации и профессиональному росту.

Трансформация на воссоединенных территориях сопровождается значительными изменениями в социально-экономической и образовательной сферах, что оказывает существенное влияние на формирование профессиональных стратегий студенческой молодежи. В данном контексте Запорожская область представляет особый интерес как регион, переживающий этап адаптации к новым условиям профессионального самоопределения.

Перечислим основные особенности трансформации:

Институциональная переориентация образовательной системы: переход на российские образовательные стандарты (ФГОС) потребовал пересмотра учебных программ и компетенций; введение новых дисциплин (российское право, история России), которые были запрещены предыдущей украинской властью, формирует иные профессиональные ориентиры.

Языковая и социокультурная адаптация: возможность свободно говорить на любом языке; происходит формирование новых профессиональных ценностей и норм деловой культуры; необходимость участия в общероссийских студенческих программах и проектах.

Рост информационной нагрузки: необходимость дополнительного образования и повышений квалификаций, так как местные специалисты вынуждены конкурировать с российскими коллегами.

Необходимость государственной поддержки: обязательной является активная поддержка студенческой молодежи со стороны образовательных учреждений, государственных и региональных структур для адаптации молодого поколения региона к новым профессиональным стандартам.

Образование и профессиональная ориентация студенческой молодежи Запорожской области в период интеграции подвергаются влиянию ряда существенных факторов: экономических, образовательных, социальных и психологических и др.

Происходят изменения экономических условий. Интеграция территории сопряжена с трансформацией экономики, возникновением новых отраслевых приоритетов и ростом конкуренции на региональном рынке труда. Студенческая молодежь региона вынуждена перестраивать образовательные и карьерные стратегии.

Возникновение образовательных запросов требуют от студентов скорейшего освоения российских образовательных стандартов. Образовательная адаптация студенческой молодежи на воссоединенных территориях необходима для того, чтобы помочь студентам успешно интегрироваться в новую образовательную систему и к изменившимся условиям образовательных программ.

Важным фактором является социальная и психологическая адаптация студенческой молодежи на воссоединенных территориях. Это необходимо для того, чтобы помочь студенческой молодежи успешно интегрироваться в новую социальную и культурную среду. Студенты должны привыкнуть к новым стандартам образования, методам преподавания и требованиям, которые могут отличаться от тех, к которым они привыкли ранее.

Переход в новую образовательную среду может быть стрессовым, поэтому важно обеспечить психологическую поддержку, чтобы студенты могли справиться с эмоциональными трудностями.

Необходимость адаптированности студенческой молодежи Запорожской области к новой социальной среде заключается в важности найти друзей, единомышленников, установить контакты с преподавателями и другими студентами. Образовательная адаптация помогает студентам понять, какие профессии и навыки востребованы на новом рынке труда, и как лучше подготовиться к будущей карьере.

Не маловажна во время переходного периода и информационная поддержка. Обеспечение студентов информацией о доступных ресурсах, таких как библиотеки, онлайн-курсы и другие учебные материалы, которые помогут им в учебе.

Ко всему вышеперечисленному нельзя не отнести важный процесс в формировании студенческих профессиональных стратегических решений – это формирование самосознания молодежи. Важность самосознания отражена в работе В. Н. Келасьева и

И. Л. Первовой. Самосознание студенческой молодежи Запорожской области проявляется в высокой чувствительности к политическим и социально-экономическим преобразованиям, происходящим в обществе. Эти изменения оказывают существенное влияние на формирование ценностных и профессиональных ориентиров молодежи. Для обеспечения стабильности профессионального выбора среди студентов Запорожской области требуется проведение систематических мониторингов их профессиональных взглядов и предпочтений. Необходимо также осуществление целенаправленных социальных мероприятий, направленных на формирование у молодежи ценностей, наиболее значимых для российского общества [2, 1274].

В сложившейся ситуации на воссоединенных территориях конечно же необходимо учитывать и возникшие кризисы личности среди студенческой молодежи, о данных изменениях упомянуто в научной работе Л. Ю Москалевой и Ю. В. Шевченко. Современные угрозы общественной безопасности на новых территориях оказывают негативное влияние на способность студенческой молодежи принимать стратегические решения. В частности, наблюдается тенденция к неопределённости в профессиональных планах выпускников высших учебных заведений. Многие молодые люди затрудняются с точным определением своего будущего карьерного пути и выбора профессии [3, 56].

Тема трансформации профессиональных стратегий студенческой молодежи новых субъектов Российской Федерации, в частности Запорожской области, в условиях интеграции, является важным направлением исследования, отражающим динамику социально-экономических и образовательных изменений в регионе.

В связи с интеграцией в российскую экономику происходит переориентация профессиональных предпочтений молодежи:

− повышается спрос на специальности, востребованные в РФ (IT, инженерия, агрономия, госуправление);

− возрастает интерес к трудоустройству в российских компаниях и госструктурах;

− развивается готовность к трудовой миграции в другие регионы страны.

Для эффективной интеграции студенческой молодежи Запорожской области необходимо: развитие программ профессиональной переподготовки с учетом российских стандартов; создание системы стажировок и трудоустройства при поддержке российских работодателей; социально-психологическое сопровождение студентов в период адаптации.

Трансформация профессиональных стратегий студенчества в новых субъектах РФ – сложный, но закономерный процесс, который при грамотном управлении может стать драйвером развития региона. Интеграция Запорожской области в российское образовательное и экономическое пространство открывает перед студенческой молодежью новые перспективы, однако их реализация требует системной поддержки со стороны государства, вузов и бизнеса. Учет региональной специфики и адресные меры адаптации позволят минимизировать риски и максимально использовать потенциал студенческой молодежи для социально-экономического развития территории.

Успешность данного процесса во многом зависит от эффективности взаимодействия образовательных учреждений, органов власти и бизнес-структур, а также от готовности самой студенческой молодежи Запорожской области к профессиональной переориентации.

1. *Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Чистяков П. А. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 63-77. DOI 10.31857/S013216250 027778-8.*

2. *Келасьев, В. Н. Парадигмы ценностного самосознания молодежи / В. Н. Келасьев, И. Л. Первова // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 1273-1274. – EDN KQXSHH.*
3. *Москалева, Л. Ю. Содержание и структура готовности студентов к принятию стратегических решений в изменяющемся культурно-образовательном пространстве: рискологический подход / Л. Ю. Москалева, Ю. В. Шевченко // Стратегические проблемы, угрозы и риски Азовского бассейна и Приазовья («Опасные явления – V») : Материалы V Международной научной конференции памяти члена-корреспондента РАН Д.Г. Матишова, Ростов-на-Дону, 10–14 июля 2024 года. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2024. – С. 56-60. – EDN ECQNIM.*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Никитина Татьяна Николаевна
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Зинурова Раушания Ильшатовна
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Тузиков Андрей Римович
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Аннотация. В статье анализируются аксиологические трансформации, происходящие в системе ценностей поколения Z под влиянием цифровизации. На основе обзора российских и международных исследований показано, что внедрение цифровых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные и нейросети, приводит к доминированию инструментальных ценностей над гуманистическими. Особое внимание уделяется утрате критического мышления, снижению моральной ответственности. Приводятся результаты пилотажного исследования, подтверждающего тенденцию к снижению когнитивной нагрузки и этической рефлексии у молодежи. Авторы подчеркивают необходимость разработки образовательных стратегий, направленных на формирование цифровой этики и укрепление гуманистических ценностей в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: цифровизация, поколение Z, аксиологические трансформации, гуманистические ценности, инструментальные ценности, цифровая этика, искусственный интеллект, нейросети, критическое мышление, социализация в цифровой среде.

Исследование научным сообществом перспектив внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности позволяет не только выявить области аксиологической проблематики, но и найти ответы на вопрос о содержательной стороне прогресса. Аксиологические проблемы в социологии молодежи занимают ведущее место, в ходе изучения природы ценностей затрагиваются все сферы жизнедеятельности поколения, актуализируются вопросы сохранения или трансформации системы традиционных ценностей современной молодежи.

Цифровизация как процесс, определяющий современный этап развития общества, означает переход на новый формат мышления и новые поведенческие практики.

Цифровые технологии определяют процессы социализации и идентификации. Обзор научной литературы по аксиологическим проблемам цифровизации современного поколения Z включает российские и международные исследования. Ученые однозначно высказываются о глубоком влиянии цифровизации на систему ценностей современного поколения. Наиболее уязвимыми оказываются гуманистические ценности (эмпатия, ответственность, достоинство), а также представления о справедливости и равенстве. Современные технологии создают неблагоприятные условия для фрагментации ценностной системы и доминированию в системе инструментальных ценностей. Научные труды об аксиологических трансформациях в цифровую эпоху В. С. Степина и Е. В. Соколовой посвящены созданию новой «онтологии бытия», в которой традиционные ценности (истина, свобода, достоинство) подвергаются переосмыслению или вытесняются инструментальными ценностями – эффективностью, скоростью, удобством [4], а цифровизация ведёт к «дегуманизации ценностей» молодежи, объясняемой логикой цифрового потребления [5].

Исследования А. В. Репиной и М. А. Киселёвой определяют формирование у поколения Z новой аксиологии приватности: личные данные всё чаще рассматриваются не как ценность, требующая защиты, а как «валюта» для обмена на цифровые блага (доступ к сервисам, социальному капиталу и т.п.) [3]. Зарубежные авторы также отмечают трансформацию ценности личной автономии, которая заключается в постоянной связи молодого поколения с цифровыми устройствами, что в конечном виде формирует «зависимость от подтверждения» (validation dependence), подрывая внутреннюю свободу [6]. В работе О. В. Малиновой подчёркнуто, что в цифровой среде формируется «мораль алгоритмов» – система норм, где этические суждения заменяются техническими решениями. Это особенно влияет на молодёжь, чьи моральные установки формируются в условиях постоянного взаимодействия с ИИ и платформами [2]. Исследование И. В. Бессоновой посвящено кризису эпистемических ценностей у молодёжи: в условиях информационной перегрузки и алгоритмической фильтрации теряется ориентир на объективную истину, а доминирует «эмоциональная правда» [1].

В международной литературе значительное внимание уделяется «digital well-being» и «moral development» в цифровой среде. Например, UNESCO в докладе «Ethics of Artificial Intelligence» (2021) подчёркивает необходимость сохранения гуманистических ценностей в условиях цифровизации, особенно в образовании молодёжи [7].

Современная молодежь становится наиболее восприимчивой к внедрению инновационных цифровых технологий. Это поколение пионеров в освоении нового типа взаимодействия с окружающей действительностью. И от того каким оно будет сформировано, зависит будущее. На первый взгляд, использование молодыми людьми нейросетей кажется безобидным и очевидным с точки зрения объемов и скорости перерабатываемой информации, с другой стороны, несомненно эти процессы влияют на личностные характеристики и систему ценностей. Исследование аспектов цифрового влияния на личность поможет определить вектор развития современного поколения, составить представление об аксилогических основах жизнедеятельности.

Неоднозначность влияния цифровизации приводит к следующим проблемам в поколении: трансформационным процессам системы ценностей коммуникативного порядка, означающим перевод общения в виртуальную среду, снижение эмпатийных проявлений и трансформацию социальных механизмов межличностного взаимодействия; активное взаимодействие с цифровыми сервисами в обычной жизни, например на портале «Цифровая Россия»; цифровизацию профессиональной сферы и появление новых цифровых компетенций как требований со стороны работодателя и рынка труда в целом,

что усиливает цифровое неравенство в обществе, а «слепая» вера в могущество нейросетей – к ложным выводам и искажению информации.

Проблемное поле включает усиление роли инструментальных ценностей в целом, что обеспечивает скорость и эффективность решения повседневных или профессиональных задач. Но, при этом снижается роль когнитивной сферы личности в решении жизненных обстоятельств. Доминирование индивидуалистических ценностей, ценностей прибыли и благосостояния создает новые поведенческие паттерны – молодежь становится группой активных «пользователей», желающих посредством цифровизации получить общественное одобрение или повысить посредством виртуального пространства свой социальный рейтинг. А неравный доступ к цифровым ресурсам создает почву для культурного, социального или экономического неравенства. При этом выбор инструментальных ценностей для обеспечения определенного социального статуса не всегда соответствует вопросам нравственности или морали.

Цифровая среда ставит под сомнение подлинность и ответственность молодого человека за свои слова или действия. Мы представлены в виртуальном пространстве как «профили». Выставляя на всеобщее обозрение только нужную и отобранную информацию, мы подвергаем искажению восприятие нас как личностей в социальной системе. Общаясь с программами и технологиями, возможна не только утрата жизненных ориентиров и внутреннее выгорание, но и угроза нетолерантного отношения и принятия людей со всеми их недостатками. Как итог – потребительское отношение к жизни и утрата нравственных ориентиров. Что в таком случае является духовным развитием, входит ли ИИ в эти процессы? Появление науки роботоэтики, изучающей вопросы внедрения роботов в человеческое сообщество, ставит на одну линию или один уровень личность и технологии? Использование нейросетей подвергает сомнению вопросы ответственности за принятые решения. Если решение принято при помощи нейросетей – кто отвечает за результаты – ИИ или человек? Для современного молодого человека принятие решений при помощи нейросетей приводит к снижению уровня критического мышления и ответственного отношения к жизненным обстоятельствам. И мы, к сожалению, можем констатировать, что снижение критичности мышления в связи с применением ИИ становится тенденцией современной молодежи.

Скорость внедрения цифровых технологий (ИИ, big data, нейроинтерфейсы) не подкрепляется развитием этических норм, взаимосвязанных с процессами цифровизации. Передача ответственности на ИИ создает неправильные посылы и приводит к снижению уровня контроля, дисциплины и идентификации. Размываются границы моральной ответственности в условиях автоматически принятых ИИ решений. Кто может сказать о доле правдивости, собранной в системе больших данных информации, насколько она обладает объективными характеристиками и не поляризует контент?

Главные проблемы наступают в ситуации поиска смыслов жизни и экзистенциальных рисков. Выгорание и потеря смыслов жизни, возрастных кризисов переживется молодыми людьми острее, так как существует ситуация подмены обычной жизни виртуальной.

Приведем результаты пилотажного исследования ценностей молодежи в связи с цифровизацией. На основе опроса и интервьюирования были выявлены основные тенденции в трансформации системы ценностей. Результаты исследования, показали, что использование цифровых технологий для решения личных и образовательных задач становится нормой, поведенческие практики обращения к нейросетям для решения повседневных задач – повседневный навык. Снижение когнитивной нагрузки ведет к снижению уровня ответственности за принятые решения. Молодежь все меньше

задумывается об этических дилеммах, для нее все становится очевидно, ведь на многие решения ответы получены в виртуальном пространстве.

Выводы: Трансформация ценностей современного поколения, связанная с цифровизацией, ориентирует на доминирование индивидуалистических, инструментальных ценностей. Потеря самостоятельности и самоконтроля определяет экзистенциальные основы поколения. На основании исследования мы считаем, что фокус внимания со стороны научного сообщества должен быть обращен к вопросу трансформации системы ценностей, нравственным аспектам применения нейросетей. Это может выражаться в создании новых учебных курсов или модулей, связанных с цифровым образовательным контентом, например, курсов цифровой этики или тайм-менеджмента в цифровом пространстве.

1. *Бессонова И. В. Ценностные ориентиры поколения Z в условиях цифровой постправды // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 112–125. DOI: [10.18500/1818-4286-2023-1-112-125](https://doi.org/10.18500/1818-4286-2023-1-112-125)*
2. *Малинова О. В. Аксиологические вызовы цифровой культуры: этика и мораль в эпоху искусственного интеллекта // Философия и культура. – 2021. – № 12. – С. 1–10. DOI: [10.25136/2454-75X.2021.12.36652](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36652)*
3. *Репина А. В., Киселёва М. А. Цифровая идентичность и ценности приватности у современной молодёжи // Социологические исследования. – 2022. – № 6. – С. 58–67. DOI: [10.31857/S013216250020348-1](https://doi.org/10.31857/S013216250020348-1)*
4. *Степин В. С. Философия науки и техники в условиях цифровой трансформации общества // Вопросы философии. – 2020. – № 10. – С. 3–14. DOI: [10.21146/0042-8744-2020-10-3-14](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-3-14)*
5. *Соколова Е. В. Ценностные ориентации молодёжи в условиях цифровой трансформации культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 45. – С. 22–29. DOI: [10.17223/22263004/45/3](https://doi.org/10.17223/22263004/45/3)*
6. *Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. – New York: Basic Books, 2011. – 384 p. ISBN: 978-0465031467*
7. *UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. – Paris, 2021. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137*

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Николаев Андрей Игоревич
(Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»)

Социальный оптимизм как адаптационный ресурс общества приобретает особую значимость в условиях масштабных социально-экономических трансформаций и геополитической нестабильности.

Особую значимость имеет изучение социального оптимизма студенческой молодежи – ключевого кадрового и интеллектуального ресурса страны, от которого напрямую зависят перспективы экономического роста и достижение технологического суверенитета. Современные вызовы (специальная военная операция, санкционное давление, социокультурная изоляция) создают для этой группы серьезные риски. К их числу относятся формирование протестных настроений, ослабление национально-государственной идентичности, распространение пессимистических взглядов на будущее страны, а также снижение уверенности в возможности профессиональной самореализации внутри России.

Эти риски усугубляются для поколения, социализировавшегося в эпоху глобализации и цифровизации, что, по мнению ряда исследователей, создает «существенные трудности в принятии новой политической и социально-экономической реальности» [2, с. 87]. С одной стороны, студенчество как группа, находящаяся на этапе жизненного старта, традиционно характеризуется высоким уровнем социального оптимизма [3]. С другой стороны, текущая ситуация требует переоценки их представлений о будущем России и собственных жизненных траекториях.

При этом в эмпирических исследованиях социальный оптимизм часто операционализируется через «показатели, связанные, с удовлетворенностью нынешней ситуацией (удовлетворенность работой, семьей, досугом, образом жизни, и т.д.)» [3, с. 78]. В то же время, ключевым компонентом этого конструкта является отношение к будущему. Как справедливо отмечает Г. С. Степанова, именно уверенность в завтрашнем дне может доминировать над ситуативными факторами. Однако связь между внешними условиями и ожиданиями не является прямолинейной. Стабильные внешние условия преимущественно влияют на текущую удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие, но не всегда предопределяют оптимистичное отношение к будущему. Таким образом, фокус на изучении именно уверенности в завтрашнем дне, а не только удовлетворенности сегодняшним, приобретает особую научную значимость, особенно в контексте нестабильности.

В связи с этим актуальным представляется исследование, направленное на изучение социального оптимизма студенческой молодежи через призму ее представлений о геополитическом статусе России, возможностях экономического развития, социальной безопасности, а также личных установок и перспектив самореализации. Целью данной статьи является анализ уровня социального оптимизма студенческой молодежи в современных условиях.

В ходе исследования информация собиралась посредством анкетного опроса, в котором приняли участие 152 студента НГУЭУ (1 курс – 26 %, 2 курс – 21 %, 3 курс – 32 %, 4 курс – 20 %).

Гипотезы исследования:

1. Образ будущего России у студентов в основном связан с преодолением текущих проблем и среднесрочным развитием.

2. Большинство студентов НГУЭУ демонстрируют высокий уровень уверенности в завтрашнем дне, не обращая внимания на влияние внешних факторов.

В ходе исследования установлено, что текущее состояние экономики оценивается критически (20 % респондентов указали на её кризисное состояние, 25 % – как на стабильную, но слабую), взгляд на будущее демонстрирует осторожный оптимизм. 70 % опрошенных признают, что санкционное давление ограничивает развитие, однако 43 % уверены в способности российской экономики к медленному, но устойчивому росту в среднесрочной перспективе. Это формирует сложный образ национальной экономики, сочетающий критическое восприятие настоящего с верой в её адаптационный потенциал.

Высокий приоритет социальной стабильности объясняется результатами оценки субъективной защищенности. Используя методику Я. В. Дидковской, Ю. Р. Вишневского и О. Б. Зыряновой, мы рассчитали индекс защищенности, демонстрирующий степень обеспокоенности студентов различными социальными рисками, который «рассчитывается как разность между суммой ответов «защищен» и «пожалуй, защищен» и суммой ответов «пожалуй, не защищен» и «не защищен», выраженная в долях единиц (пронормированная на 100 %)» [1, с. 65]. Результаты расчета представлены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка студентами своей защищенности от различных рисков, %

Риски	% от респондентов					Индекс
	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен	
От экологической угрозы	17	30	27	16	9	+0,22
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	39	25	17	16	3	+0,45
От ущемления из-за Вашей национальности	55	26	11	2	7	+0,72
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	57	26	8	5	4	+0,74
От преступности	12	30	27	22	9	+0,11
От произвола чиновников	11	14	27	25	24	–0,24
От произвола правоохранительных органов	14	22	28	19	17	0,00
От преследований за политические убеждения	19	24	18	19	20	+0,04
От бедности	16	20	25	22	16	–0,02
От безработицы	16	31	22	18	12	+0,17

Данные таблицы демонстрируют, что наибольшую тревогу вызывают проблемы, связанные с произволом чиновников (–0,24) и угрозой бедности (–0,02), что свидетельствует о глубокой озабоченности вопросами социальной справедливости и экономического благополучия. В то же время, риски безработицы (+0,17), преступности (+0,11) и особенно различные формы дискриминации (индексы от +0,45 до +0,74) вызывают значительно меньшую обеспокоенность. Это свидетельствует о смещении акцентов с традиционных социальных рисков на проблемы социальной справедливости и экономической стабильности.

Студенты демонстрируют трезвое восприятие текущей роли России в мире: большинство оценивает её влияние как сильное, но не доминирующее. При этом в прогнозах на 5 – 10 лет преобладает оптимизм, проявляющийся в том, более половины респондентов ожидают усиления влияния страны, а каждый третий прогнозирует существенный рост. Это сочетание отражает понимание текущих сложностей с надеждой на укрепление международных позиций.

Таким образом, образ будущего России у студентов действительно связан с преодолением текущих проблем и ожиданиями умеренно-позитивного развития в среднесрочной перспективе. Это подтверждается критической оценкой текущего состояния экономики при одновременной вере в ее потенциал, трезвым восприятием геополитической ситуации в сочетании с ожиданием усиления влияния страны, а также видением социальной стабильности как результата решения проблем социальной несправедливости. Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась.

В личном планировании преобладает краткосрочный горизонт (54 % ограничиваются одним годом), что отражает высокую неопределенность внешних условий. При этом 60 % респондентов выражают относительную уверенность в ближайшем году, что свидетельствует об осторожном оптимизме.

В структуре долгосрочных устремлений доминируют прагматические цели: финансовая независимость (76 %), профессиональная самореализация (67 %) и создание

семьи (46%). Традиционные ценности, такие как семья, часто воспринимаются как этап, достижимый лишь после обретения экономической стабильности. Творческие (8 %) и гражданско-патриотические (3 %) цели занимают периферийное положение.

Ключевым ресурсом для реализации планов студенты считают поддержку семьи и друзей (72 %). Среднюю позицию занимают личностные и профессиональные ресурсы: свободное время для саморазвития (45 %), физическое здоровье и энергия (41 %), доступ к информации (38 %), а также специальные знания и навыки (33 %). Группа дефицитных ресурсов включает ограниченность полезных социальных связей (22 %) и недостаточную финансовую стабильность (18 %).

Большинство студентов (50 %) ориентированы на трудоустройство в организации, демонстрируя запрос на стабильность. Около четверти рассматривают возможность предпринимательства, а 16 % планируют продолжить обучение (стратегия отложенного профессионального самоопределения).

В оценке профессиональных перспектив преобладает рациональный подход: большинство уверены в возможности найти работу, но ожидают трудностей. Лишь 23 % настроены максимально оптимистично, а 22 % выражают сомнения.

Таким образом, гипотеза 2 подтвердилась частично. Уверенность студенческой молодежи в завтрашнем дне действительно носит осторожно-оптимистичный характер. Её основу составляет не столько вера в благоприятные внешние условия, сколько уверенность в собственных силах и адаптационных способностях, сочетающаяся с трезвым пониманием системных ограничений и рыночных рисков.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что социальный оптимизм студентов можно охарактеризовать как рационально-адаптационный. Он базируется не на отрицании рисков, а на вере в способность системы и самих себя адаптироваться к новым реалиям. Преобладание прагматических ценностей и ориентация на личную стабильность свидетельствуют о формировании поколения, настроенного на последовательное достижение целей в условиях неопределенности.

1. *Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. №. 4. С. 57-70.*
2. *Домбровская А. Ю., Огнев А. С. Репрезентация образа будущего России в сознании современной российской молодежи и в социальных медиа: результаты проективной, инструментальной когнитививстики и киберметрии // Человеческий капитал. 2023. №. 8. С. 86-98.*
3. *Степанова Г. С. Динамика уровня социального оптимизма студенческой молодежи в период общественно-политических трансформаций в обществе / Современные проблемы психологии образования: мат-лы научно-практ. конф. с междунар. участием, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации. – Воронеж: ВГПУ, 2023. С. 77-84.*

МОЛОДЕЖЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: АДАПТАЦИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ ПРИ СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Нор Дарья Сергеевна
(ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»)

Аннотация. В эпоху глобализации и стремительных социальных изменений проблема самоидентификации молодежи приобретает особую актуальность. Молодые люди сталкиваются с необходимостью не только адаптироваться к современным вызовам, но и сохранять связь с культурным наследием и традиционными ценностями. Данная

работа посвящена сложности процесса поиска идентичности, его особенностей и факторов, влияющих на его формирование.

Ключевые слова: Молодежь, идентичность, самоидентификация, традиционные ценности, современность, адаптация, глобализация, социализация, межкультурная коммуникация.

В современном мире, характеризующемся стремительными технологическими изменениями и глобализацией, проблема самоидентификации молодежи приобретает особую остроту. Молодые люди сталкиваются с необходимостью не только адаптироваться к новым реалиям, но и сохранять связь с культурным наследием и традиционными ценностями. Вследствие этого, данная проблематика обладает значительной важностью, поскольку освещает потребность в осмыслении процессов становления самосознания в текущих социокультурных условиях.

С одной стороны, глобализация открывает перед молодым поколением беспрецедентные возможности для получения образования, трудоустройства и культурного обмена. С другой стороны, она порождает вызовы, связанные с размыванием национальных границ, унификацией культурных ценностей и усилением конкуренции на рынке труда. В этих условиях, сохранение традиционных ценностей становится не просто данью прошлому, а важным фактором формирования устойчивой идентичности и противостояния негативным последствиям глобализации.

Ведь данный процесс представляет собой динамичное взаимодействие между внутренним миром личности и внешними социальными факторами. Молодежь, находясь под влиянием как современных трендов, так и устоявшихся традиций, активно формирует свое представление о себе, о своем месте в обществе и о своем будущем. Важную роль в этом процессе играют семья, образование, социальное окружение и средства массовой информации.

Одной из ключевых задач является нахождение баланса между усвоением современных ценностей и сохранением традиционных устоев. Многие молодые люди испытывают внутренний конфликт между стремлением к инновациям и потребностью в сохранении культурной самобытности. Преодоление этого конфликта требует критического мышления, осознанного выбора и умения адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

Так же стоит отметить, что в современном мире на процесс формирования идентичности молодежи оказывают влияние следующие факторы [1]:

Глобализация и мультикультурализм: Доступ к информации из разных культур, возможность путешествовать и общаться с представителями других народов расширяют горизонты, но одновременно могут вызывать размывание собственной культурной принадлежности.

Цифровизация и социальные сети: Виртуальное пространство предоставляет платформу для самовыражения и поиска единомышленников, но также может способствовать формированию поверхностной или искаженной идентичности, основанной на идеализированных образах.

Быстрые социальные и экономические изменения: Нестабильность на рынке труда, новые формы занятости, изменения в семейных структурах требуют от молодежи гибкости и адаптивности, что может влиять на их представления о будущем и своем месте в нем.

Информационный шум и переизбыток мнений: Обилие информации, часто противоречивой, затрудняет формирование четкой системы ценностей и убеждений.

Следует акцентировать внимание на понятие – традиционные ценности. Традиционные ценности – это совокупность норм, правил, убеждений и обычаев, передаваемых из поколения в поколение в рамках определенной культуры или общества. Они могут включать в себя [2]:

Семейные ценности: Уважение к старшим, крепкие семейные узы, забота о близких.

Духовные и религиозные ценности: Вера, моральные принципы, нравственные ориентиры.

Культурные традиции: Национальные обычаи, язык, искусство, история.

Социальные нормы: Ответственность, трудолюбие, взаимопомощь.

Так же вопрос о роли традиционных ценностей в жизни современной молодежи неоднозначен. С одной стороны, они могут служить [3]:

Опорой и стабильностью: В условиях неопределенности традиции дают ощущение корней, принадлежности к чему-то большему, чем индивидуальное «я».

Источником моральных ориентиров: Традиционные ценности часто содержат в себе мудрость поколений, помогая различать добро и зло, правильное и неправильное.

Основой для формирования устойчивой идентичности: Осознание своей культурной принадлежности и приверженность традициям могут способствовать формированию сильной и цельной личности.

С другой стороны, некоторые традиционные ценности могут восприниматься как [3]:

Ограничивающие и устаревшие: Вступая в противоречие с современными реалиями, они могут препятствовать развитию, самовыражению и адаптации.

Навязанные и не соответствующие личным убеждениям: Молодежь, стремясь к автономии, может отвергать ценности.

Поэтому само сохранение традиционных ценностей не означает отрицания прогресса и современных достижений. Наоборот, оно предполагает творческое переосмысление культурного наследия и его интеграцию в современную жизнь. Ведь молодежь, способная сочетать уважение к прошлому с открытостью к будущему, становится движущей силой позитивных изменений в обществе.

В заключении хотелось бы отметить, что поиск идентичности – это сложный и многогранный процесс, требующий поддержки и понимания со стороны общества. Создание благоприятной среды для развития молодежи, укрепление культурной самоидентификации и формирование гражданской ответственности – важные шаги на пути к гармоничному и устойчивому развитию общества.

1. *Коробейникова Л. А. «Глобализация в контексте культурного разнообразия», Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение 2018 г. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1718/files/30-073.pdf*
2. *Кривец А. А. «Традиционные семейные ценности: сущность понятия и характеристика», ВГУ имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь URL: https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/40052/1/88-90.pdf*
3. *Резунков, А. Г. Жизненные ценности современной российской молодежи в переломный момент времени на примере технических колледжей Санкт-Петербург / А. Г. Резунков // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK123.pdf*

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ

Ореховская Наталья Анатольевна
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Нынешняя русская речь находится в состоянии глубокого кризиса. Ярко выраженным доказательством этого явления выступает все возрастающее употребление нецензурной брани, сленга, инвективов, появление новых слов, правописание которых официально не утверждено. Ненормативная лексика прочно вошла в нашу речь: даже среди людей образованных широко распространено убеждение, что ругань естественна для человека, так как служит своеобразным громоотводом и выполняет положительную регулятивную роль. [5]

Молодой человек в современном динамичном обществе, благодаря своей мобильности, информационной свободе, гибкости сознания, становится главным критиком, создателем, носителем и потребителем культуры. В этом смысле вполне убедительно звучит утверждение К. Ясперса: «Каждый знает – кто завоюет молодежь, обладает будущим» [8, с. 99].

Многие исследователи уже с 90-х годов прошлого века и до настоящего времени обращают внимание на широкое и интенсивное распространение ненормативной лексики, особенно в молодежной среде. По мнению Н.Р. Москвиной, «нынешняя русская речь находится в состоянии глубокого кризиса» [5, с. 306].

Сегодня можно заметить, что среди подрастающего и молодого поколения наблюдается тенденция, когда ненормативное речевое поведение начинает восприниматься как норма, принятая в обществе. Как отмечает В. И. Пацыба, «с одной стороны, в обществе не приветствуется употребление мата и различных ругательств, а с другой стороны, резко и не осуждается: в большинстве ситуаций общения, в кругу друзей, на улице, на учебе нецензурные слова используются наравне с нормативной лексикой. Такая пассивная реакция общества на использование в речи ненормативной лексики способствует её дальнейшему процветанию в различных сферах общественной жизни» [7, с. 75].

В сознании современных россиян устойчивую позицию заняло нейтральное, а зачастую безразличное отношение к грамотному разговору, требованиям речевой культуры, соблюдению элементарных норм письменной речи [6, с. 12].

Назовем лишь несколько, на наш взгляд, основных причин экспансии ненормативной лексики.

Одной из причин снижения культурного уровня могут являться реформы образования, которые направлены на повышение практических навыков и подготовки карьеры, что привело к уменьшению внимания к гуманитарным наукам и культурному развитию. Это приводит к тому, что молодежь становится более ориентированной на потребление и менее заинтересованной в культурных ценностях.

Другой причиной является отсутствие влиятельных молодежных организаций, которые могли бы объединить молодежь для решения ряда социальных проблем. Сегодня для общества очень важно осознать как и почему так быстро и кардинально меняются интересы и потребности молодых людей. Понимание природы происходящих процессов способно показать нам новые решения в плане культурной политики, направленной на молодежь. [2]

Третья, обострившаяся в последнее время, проблема связана с усилением такого явления как инфантилизм в молодежной среде. Культурная планка, а вместе с нею и

требования по отношению к своему личному росту и духовному развитию, как в психологическом, так и в экономическом плане заметно снижаются [3]. Граница возраста «молодого человека» периодически повышается, его статус оказывается приближенным к такому набору социальных ролей, который позволяет уже вполне взрослому юноше или девушке оставаться в экономической зависимости от родителей.

В-четвертых, для современных молодых людей становится все более характерным стремление к духовному и ценностному эклектизму. Отсутствие устойчивой системы ценностей имеет ряд серьезных последствий, с которыми может столкнуться повзрослевшая молодежь в будущем.

Кроме того, серьезной проблемой можно считать результаты процессов глобализации в культурной сфере. Молодежь становится объектом самого сильного и непосредственного воздействия глобализации, она не только очень быстро впитывает и ассимилирует чужие культурные ценности, но еще и в результате своей социальной мобильности распространяет их в окружающем социальном пространстве.

Все указанные причины в конечном итоге проявляются в конкретным действии – трансформации упрощении языка.

Нашу обеспокоенность происходящим подтверждают данные социологических исследований, проводимых в разных регионах России. Мы обратились к примерам изучения отношения к ненормативной лексике студенческой молодежи, т.к. убеждены, что именно от интеллектуальной элиты общества зависит будущее страны, в том числе и ее безопасность.

По результатам исследования И. В. Мешковой и Л. П. Завьяловой, проведенном в Уральской Федеральном округе [4] более половины участников опроса указали, что им часто приходится слышать нецензурные выражения (74 %).

При этом 69 % студентов выбрали вариант ответа, что слышат ненормативную лексику «везде» – в Интернете, в школах, на улице, в транспорте, в магазинах, в местах отдыха и других общественных местах.

Особое внимание привлек следующий факт: 43 % студентов написали, что слышат ненормативную лексику в институте и в общежитии [4, с. 4].

Описывая свое отношение к ситуации, когда в присутствии участника опроса используют ненормативную лексику друзья, 66 % охарактеризовали его как «безразличное», 27 % выбрали вариант ответа – могу «поддержать разговор в таком формате» [4, с. 5].

Среди основных причин употребления ненормативной лексики в молодежной среде студенты назвали социальные причины – «влияние общества, ближайшего окружения» (81 %), «влияние социальных сетей (определенного контента), мода» (64 %), «образ "героя", использующего ненормативную лексику» (30 %). Треть опрошенных назвали «недостатки воспитания в семье» (34 %) и «возрастные особенности подростков» (31 %). [4, с.5].

По результатам исследования Н. Р. Москвиной среди студентов Тюмени 17 % опрошенных студентов неоднократно слышали ненормативную лексику от преподавателей и 53 % регулярно слышат бранную речь от родителей, братьев, сестер и близкого социального окружения. Получается, что 70 % студентов пребывают в неблагополучной лингвистической среде и, выражаясь медицинским языком, являются «носителями» ненормативной лексики.

При этом 8 6% из них не хотят, чтобы их будущие дети слышали и употребляли нецензурные слова, однако, 40 % сами пользуются бранью, чтобы выпустить свои эмоции или снять стресс.

По результатам исследования А. С. Волошиной, М. Н. Смердовой, Е. В. Стуровой, И. С. Степановой на примере Дальнего Востока для большинства респондентов характерно наличие в окружении людей, которые ругаются. Так, 39,6 % отметили, что в их окружении есть люди, которые «часто» ругаются матом. При этом чаще всего матерятся в окружении респондентов друзья (40,4 %), любимые люди (12,4 %), родители (мама – 12,2 %; папа – 13,9 %) и братья/сёстры (9,4 %). Среди тех, кто указал на наличие матерящихся в их окружении, большинство и сами нецензурно выражаются – 93,11 %. [1]

Обращает на себя внимание факт гендерного распределения – распространённость использования мата имеет незначительные преобладания в сторону женского пола. Возможно, данное преобладание связано с устоявшимися стереотипами в обществе, что мужчины имеют более агрессивный и грубый стиль общения. Вследствие быстрого темпа жизни и изменяющихся условий среды меняются и стереотипы. Поэтому студентки могут использовать ненормативную лексику как способ демонстрации независимости или для усиления экспрессии в определенных контекстах.

Кроме того, было выявлено, менее половины респондентов (43,1 %) испытывали стыд за употребление ненормативной лексики хотя бы однажды. Еще 9,2 % испытывали стыд после замечания за употребление ненормативной лексики. При этом значительная часть респондентов не испытывает стыда, объясняя это тем, что «все иногда ругаются» (33,9 %). Низкий процент испытывающих стыд за употребление ненормативной лексики может быть обусловлен снижением социальных табу на ненормативную лексику в современном обществе.

Как мы можем видеть результаты исследований схожи, что позволяет сделать вывод о системном характере рассматриваемого вопроса.

Проделанный анализ, подводит нас к следующим выводам.

Можно констатировать, что в современном российском обществе формируется поколение, демонстрирующее свое безразличное отношение к феномену нецензурной лексики.

Молодые люди, использующие нецензурные выражения чаще склонны к девиантным формам поведения в силу стирания границ дозволенного.

Отсутствие интереса к культуре в принципе и легкомысленное отношение к родному языку может привести к потере национальной и культурной идентичности, уменьшению культурного разнообразия и потере культурных традиций.

В рамках разработки системы суверенизации российского образования необходимо увеличивать гуманитарную составляющую, учитывающую, в том числе, обучение речевому этикету [4].

Несмотря на сложившуюся в обществе ситуацию перед педагогами стоит задача воспитания культурного и образованного человека, поэтому выявление отношения студентов к проблеме широкого употребления ненормативной лексики среди молодежи будет способствовать формированию их готовности к решению профессиональных задач. Не стоит забывать слова Ф. М. Достоевского: «Так, как мы говорим сегодня, – мы будем жить завтра».

1. *Волошина А. С., Смердова М. Н., Стурова Е. В., Степанова И. С. Исследование ненормативной лексики у студенческой молодежи //Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2025. 2 (38). URL: http://joumal.asu.ru/index.php/zosh.*
2. *Гутова С. Г. Молодежная культура в современном российском обществе: проблемы и перспективы / С. Г. Гутова, Д. И. Смоков // Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры : сборник материалов Всероссийской молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 27–28 октября 2014 г.) . – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 107-111.*

3. *Кириллович С. В. Молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций: дис. д-ра социол. наук: 22.00.06 –Социология культуры духовной жизни, защищена 2002. М., 2002. 382 с.*
4. *Одинцова Е. В. Речевая культура как характеристика нравственного здоровья молодежи / Е. В. Одинцова. – DOI: 10.35211/2500-2635-2020-1-41-11-23 //PRIMO ASPECTU. – 2020. – № 1(41). – С. 11–23. – URL:https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42572352 (дата обращения: 10.07.2021)., с. 12*
5. *Пацыба В. И. Ценностная структура личности и ненормативное речевое поведение / В. И. Пацыба // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования, психология развития. – 2014. – Т. 3, № 1. –С. 74–77. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21834503 (дата обращения: 12.07.2021)., с. 75*
6. *Мешкова И. В., Завьялова Л. П. Отношение современной молодежи к ненормативной лексике в контексте воспитания подрастающего поколения // Мир науки. Педагогика и психология, 2021 №4, https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN421.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.*
7. *Москвина Н. Р. Ненормативная лексика как социокультурная проблема современной молодежи / Н.Р. Москвина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбил. Всерос. науч.-практ.конф. «XX Уральские социологические чтения». г. Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г. / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. –С. 306–310. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31919/1/srbu_2015_61.pdf (дата обращения: 12.07.2021)., с. 306*
8. *Ясперс К., Бодрийар Ж. Власть массы. Призрак толпы. М : Алгоритм, 2008. 272 с., с. 99.*

ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В САМОРАЗВИТИИ МОЛОДЕЖИ

Орлова Анна Владимировна
(ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»)

Система образования находится в постоянном развитии, стремясь удовлетворять разнообразные запросы современного общества, которое предъявляет все более жесткие требования к профессиональной подготовке молодежи. Важнейшим фактором соответствия новым требованиям является постоянное и непрерывное образование человека, его готовность получать новые знания и квалификации. Образование обладает всеохватывающим характером и способностью проникать практически во все сферы общественной жизни со стороны человеческой деятельности. Оно воздействует на различные объекты, явления и процессы социальной жизни, что дает им возможность с той или иной степенью результативности влиять на общее состояние дел в обществе, регулировать и контролировать их. Разработка новых стандартов обучения, модернизация содержания образования, переосмысление профессиональной подготовки – все это направлено на повышение качества образования. Современный мир предоставляет все больше возможностей для выбора товаров и услуг, коммуникаций, в том числе и с использованием современных информационных технологий. Внедрение новых технологий не только на рабочих местах, но и в обыденной жизни, делает необходимым получение дополнительных навыков [3]. Возникает необходимость в «подготовке «компетентного горожанина» в вопросах финансовой грамотности, жилищного просвещения, обучение работе с сервисами электронного муниципального управления и другими актуальными компетенциями в зависимости от потребностей региона». В рамках реализации мероприятий национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» осуществляется совершенствование системы образования: формирование цифровых компетенций у всех направлений высшего и среднего профессионального образования; обучение цифровым профессиям; развитие и использование отечественных ИТ-разработок, в том числе и для получения дистанционного образования и др. Тем не менее, до сих пор остается острым вопрос о неравенстве в образовании. Рост многообразных платных образовательных услуг приводит к закреплению структуры

социального неравенство. Образование перестает быть каналом широкой социальной мобильности. Помимо этого, происходят и изменения в образовательной миграции. Регионы, имеющие меньше возможностей для развития системы образования (ресурсного типа), становятся поставщиками человеческого капитала. Ради получения более престижного, современного, качественного профессионального образования семьи готовы менять место жительство. Тем самым происходит отток из регионов «не только потенциальных специалистов, но и действующих высококвалифицированных работников и предпринимателей» [2, с. 108]. Новые информационные технологии были призваны обеспечить доступ к качественному, современному образованию различным группам населения (независимо от места жительства, возраста, материальных возможностей), однако до сих пор присутствуют определенные ограничения в получении профессиональным навыков.

Полученные в процессе жизни и обучения знания, умения, навыки и практический опыт объединяются в ценные компетенции, которые определяют траектории развития современной молодежи. Способствовать формированию компетенций, необходимых для полноценного функционирования в обществе, может как профессиональное образование (среднее и высшее), так и дополнительное. Его возможно приобрести, в том числе, с помощью онлайн-образования, предоставляющего широкий спектр специальностей, которые могут быть освоены молодыми людьми. Однако открытым остается вопрос о доступности данных программ обучения для всех представителей молодежи, без ограничений по возрасту, уровню образования и уже имеющимся базовым навыкам и знаниям.

Современные тенденции развития образования в России говорят о том, что государство стремится создать все условия для обеспечения тренда образования всю жизнь, прививает гражданам желание к саморазвитию и самомотивированному приобретению новых компетенций. Больше всего такое желание демонстрирует современная молодежь, для которой саморазвитие становится одной из самых важных ценностей.

Нами было выявлено несколько аспектов использования онлайн-образования, которые требуют особого внимания.

Мотивация и контроль. Существующие платформы онлайн-образования ориентированы на обучение только мотивированной молодежи. Для мотивированных студентов, которые сами хотят получить новые компетенции, онлайн-образование не будет отличаться от традиционного ничем принципиально новым. Зато для людей, слабо мотивированных к обучению и труду, цифровые образовательные платформы будут практически бесполезны. Однако согласно ФГОС одним из требований к освоению образовательной программы является готовность студентов к самостоятельному планированию и организации учебного процесса. Остается открытым вопрос о том, как должна выглядеть система мотивации и контроля на цифровых образовательных платформах. В идеале система контроля в цифровых образовательных платформах должна адаптироваться под различных учеников, с различным уровнем успешности. В большинстве случаев в мотивации ключевую роль играет преподаватель. Именно от него зависит, как будет выстроена система мотивации и контроля.

Стоимость. Пользователи цифровых образовательных платформ зачастую отмечают, что их смущает стоимость онлайн обучения. Сами же создатели онлайн-курсов считают стоимость адекватной и даже временами заниженной.

Прямая коммуникация. Одним из достоинств внедрения цифровых технологий в образования является появление удобных коммуникативных сервисов, которые

обеспечивают связь субъектов образовательных отношений. Рекомендация Европейского совета 2018 года [2], уточняя основные компетенции для обучения и рассуждая о цифровой компетенции, гласила о том, что цифровые технологии должны способствовать обучению уверенному и критическому использованию цифровых и коммуникационных технологий учениками. Социальным потенциал цифровых образовательных платформ делает именно коммуникативная составляющая – взаимосвязь ученика и учителя в цифровом пространстве. При электронном обучении ученик оказывается представлен сам себе. Социальные навыки студентов сводятся к простому поиску и правильном использованию информации. Из-за этого у участников процесса формируется потребительское отношение к социальному взаимодействию.

Контент. Материалы, предоставляемые на цифровых образовательных платформах, должны быть оригинальными, а не представлять собой просто отсканированный учебник.

Функция наставника. Если преподаватель не может уделить свое внимание большому количеству учеников, то отличным способом заменить его для коммуникации было бы введение на платформах новой функции – наставничества. Наставник был бы призван поддерживать студента в процессе его обучения, мотивировал бы на выполнение заданий и, что главное, контролировал бы их выполнение.

Формы обратной связи. В цифровых образовательных платформах зачастую не хватает не только связи и коммуникации с преподавателем, но и связи с технической поддержкой. Для того, чтобы цифровая платформа не «застаивалась» в одном положении, необходимо постоянно получать обратную связь от пользователей. Также следует внедрить регулярное контролирование удовлетворенностью работой на платформе.

Таким образом, онлайн-образование на данный момент популярный, быстрый, эффективный и географически доступный способ получить компетенции, расширяющие жизненные траектории молодежи. Цифровые образовательные платформы несут в себе множество как положительных, так и негативных социальных эффектов. Но несмотря на то, что в нашей стране активно поддерживается тренд на образование всю жизнь, правительственные рекомендации не содержат платформ, которые помогали бы развивать дополнительные профессиональные компетенции у молодежи. В качестве положительного момента можно отметить то, что цифровые образовательные платформы, которые все же предоставляют возможность приобретения новых компетенций, не имеют никаких ограничений – ни по возрасту, ни по уровню образования, ни по уже имеющимся у человека знаниям и навыкам, однако они являются негосударственными, а, следовательно, не всегда материально доступны для молодежи.

1. *Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А., Леухова М. Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 91-112. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112.*
2. *Рекомендации Европейского совета об образовательных компетенциях URL: https://base.garant.ru/403138383/#block_881 (дата обращения 12.10.2025 г.).*
3. *Система жизнеобеспечения городов Кузбасса: ресурсы населения, гражданская поддержка / Е. В. Белик, Я. А. Брандт, А. Л. Бурмакина [и др.]; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. 305 с. ISBN 978-5-8353-2743-0. EDN QEWMTO.*

ПАТТЕРНЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПРАКТИК ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Павлов Герман Александрович
(УМВД России по Ярославской области)

Загребин Владимир Владимирович
(ЯрГУ им П. Г. Демидова)

Процессы интенсивной информатизации и медиатизации современного общества формируют новую социальную реальность, оказывающую комплексное воздействие на политические реакции индивидов [1]. Наиболее интегрированной в цифровую среду социальной группой является молодежь [2, с. 974], что делает актуальным вопрос о взаимосвязях медиапрактик и политических предпочтений. Данная статья посвящена анализу данной связи на примере членов формальных политических организаций.

Цель исследования – выявить и проанализировать корреляции между структурой, интенсивностью и характером медиапотребления и политическими предпочтениями ярославской молодежи. Важно подчеркнуть, что дизайн исследования позволяет говорить о статистических взаимосвязях, а не о причинно-следственных связях, поскольку невозможно полностью исключить влияние латентных факторов.

Для достижения поставленной цели был применен комплексный методологический подход, сочетающий количественные и качественные стратегии сбора и анализа данных (mixed methods).

– Количественный компонент был реализован методом онлайн-анкетирования. В качестве эмпирического индикатора политических предпочтений было избранно формальное членство в молодёжной политической организации. Выборочная совокупность составила 55 человек ярославских отделений организаций. Из них, 18 человек являются представителями «Ленинский коммунистический союз молодёжи» (ЛКСМ РФ) и 37 человек – члены «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР). Выборка является простой и охватывает практически всех участников данных организаций в городе Ярославле.

– Качественный компонент включал проведение полуформализованных экспертных интервью с (врио) руководителями местных отделений указанных организаций. Целью интервью было получение глубинной информации о практиках медиапотребления и влияния информационной среды.

Такой дизайн исследования позволяет совместить количественные данные с интерпретационными, способствует более полному пониманию изучаемого феномена.

Каналы и платформы медиапотребления

Данные проведенного анкетирования подтвердили гипотезу о доминировании цифровых источников информации в медиапотреблении респондентов. При этом качественный анализ выявил тенденцию в различии предпочтения платформ. Респонденты, состоящие в ЛКСМ, демонстрируют более высокую приверженность к видеохостингу YouTube (Видеохостинг YouTube (принадлежащий Google LLC) на территории Российской Федерации признан организацией, осуществляющей экстремистскую деятельность, и его деятельность запрещена. Ссылки на ресурс приведены в рамках научного цитирования) (около 80 % указали его как ключевой

источник), в то время как среди респондентов МГЕР эта доля составила менее половины (*«Я так думаю, что не только мы все перешли в Телеграм-каналы. У нас вся страна в принципе, перешла в Телеграм-каналы больше, когда заблокировали YouTube (*Видеохостинг YouTube (принадлежащий Google LLC) на территории Российской Федерации признан организацией, осуществляющей экстремистскую деятельность, и его деятельность запрещена. Ссылки на ресурс приведены в рамках научного цитирования*)»* [Интервьюер 1]). Как показало экспертное интервью, последние в значительной степени мигрировали в мессенджер Telegram после блокировок иных платформ (*«По моим наблюдениям, молодежь использует VPN и продолжает смотреть YouTube И влияние остается прежним.»* [Интервьюер 2]).

Применение критерия χ^2 не выявило статистически значимой корреляции между предпочтением видеохостингов и политическими ориентациями ($p>0,05$), что указывает на необходимость осторожной интерпретации и дальнейшей проверки данной тенденции на более крупных выборках.

Тематика контента и активность потребления

Статистический анализ с применением точечного критерия Фишера выявил наличие статистически значимых различий между группами по одной тематической категории – «политическая аналитика» ($p>0,05$). Респонденты из ЛКСМ потребляют данный тип контента значимо чаще. Качественные данные позволяют предположить, что одной из причин может быть практика регулярных образовательных кружков в рамках организаций, формирующая спрос на аналитический материал для дискуссий: *«Люди, которые меньше потребляют политической информации, меньше активничают на кружке, они не могут вступить в диспут. То есть им скажешь одно, и они не могут сопоставить это с другим мнением, потому что они не знают другого мнения.»* [Интервьюер 2]. Таким образом, прослеживается корреляция между членством в организации и потреблении специализированного контента.

Общая интенсивность медиапотребления в группах примерно одинаковая. Однако выявлены различия в его характере. Паттерн потребления в целом является пассивным (58 %), но респонденты ЛКСМ менее склоны к пассивному «скроллингу» новостной ленты, что коррелирует с их большей ориентацией на активный поиск аналитического контента.

Роль информационной среды

Наиболее значимый, с нашей точки зрения, результат получен при анализе качественных данных. Эксперты единодушно указывают на второстепенную роль информационной среды в формировании базовых политических предпочтений. Ключевым фактором, по их мнению, являются личные контакты и офлайн-вовлеченность: *«На встречах… формируется вот эта вот некая общность. И, соответственно, в этой общности формируются, мне кажется, достаточно моментами однотипные политические предпочтения»* [Интервьюер 2].

Информационной среде отводится функция «калибровки», артикуляции и верификации уже сформированных взглядов. Она выступает как пространство для ознакомления с альтернативными точками зрения (*«Я стараюсь просматривать разнообразный политический контент и сверять его…»* [открытый вопрос в анкете, ЛКСМ]) и как площадка для конфликта, который чаще возникает онлайн, а не в реальном взаимодействии (*«Все вот эти ссоры, они происходят именно в чате»* [Интервьюер 2]).

Анализ открытых ответов также выявил эффект селективного воздействия среды: для одних она является инструментом расширения кругозора, а для других – механизмом усиления границ «эхо-камеры» [3, с. 14] (*«В основном даю предпочтение… источникам левого толка»* [открытый вопрос в анкете, ЛКСМ]), а для третьих – фактором информационной перегрузки и последующего отстранения.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Несмотря на глубокую интеграцию в цифровую среду, молодежь, состоящая в политических организациях, не склонна абсолютизировать ее влияние. Информационное пространство воспринимается как важный, но не определяющий фактор политической социализации.

2. Первичная роль в формировании предпочтений отводится офлайн-факторам: личным контактам и групповой сплоченности внутри организаций.

3. Функция медиасреды заключается во «вторичной обработке» предпочтений: их калибровке, артикуляции и верификации через столкновение с альтернативными точками зрения.

4. Между группами выявлены статистически значимые различия в потреблении контента тематики «политическая аналитика», что может быть связано с внутренними практиками организаций.

Стоит отметить и ограничение данного исследования заключающимся в специфичности и объеме выборки, что не позволяет экстраполировать выводы на всю молодежь. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется компаративный анализ медиапрактик молодежи, вовлеченной в формальные политические структуры, и вне их.

1. *Нестерова А. А., Кичман Д. Н. Личностные особенности ли, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (Хикикомори) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2022. №2. С. 117-134.*
2. *Янкина И. А. Молодежь в информационном пространстве // Теория и практика современной науки. 2017. №6 (24). С. 973-975.*
3. *Русаков А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 2(39), 2019. С. 11-15.*

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И КАРЬЕРНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЕЖИ

Петрова Мария Сергеевна
(СПбГУП)

Каждый человек в своей жизни встречается с выбором образовательного и карьерного пути. Принятие подобных решений принято считать одним из важнейших жизненных этапов, в связи с чем молодежь в современном обществе испытывает давление, в том числе психологическое при определении своего будущего. Это явление объясняется концепцией жизненных траекторий, согласно которой личность стремится достичь материальной независимости с помощью профессии. На образовательный и карьерный выбор влияет множество факторов: интересы (склонности), способности, предпочтения, мнения семьи и сверстников, уровень знаний об определенной профессии, потребности общества. Одним из ключевых становится фактор внешней среды.

Влияние семьи, окружения, СМИ, культурной и социальной повестки общества оказывается очень значимым для образовательного и карьерного самоопределения молодых людей [1, 40]. Отметим также, что различия проявляются и в условиях разной городской среды, в которой воспитывался и социализировался индивид [2, 54]. Изучение влияния этих факторов на определение молодежью своего будущего поможет лучше понять направление современных образовательных и карьерных предпочтений, высокий спрос на трудовые кадры также обуславливает актуальность данной темы.

Можно классифицировать внешние факторы согласно делению их на микросреду (ближайшее окружение), мезосреду (локальное окружение) и макросреду (общие тенденции в стране и мире). Микросреда – это семья, школа, соседи и знакомые. Родители выступают агентами образовательной социализации, а также отображают экономический, культурный и социальный уровень индивида. Семья определяет доступность образовательных опций на ранних стадиях подготовки к карьерному выбору. Нельзя недооценивать и влияние сверстников, друзей, образовательные планы которых могут стать ориентиром и предметом сравнения, что может как мотивировать, так и дестабилизировать подростка. Говоря о карьере, семья в ее выборе также выступает моделью, впервые раскрывая сущность некоторых профессий, отражая варианты карьерного пути и отношения к работе (на примере родителей). Социальный капитал семьи тут играет схожую с ситуацией образовательного выбора роль. Она обеспечивает возможность вхождения в профессиональные сети. Остальное ближайшее окружение молодежи и их общественная деятельность позволяет получать актуальную информацию о трендах рынка труда, приобретать опыт. Сверстники формируют субъективное восприятие карьерных достижений.

Мезосреда – промежуточный уровень социальной организации, представляющий собой систему взаимосвязей между различными микросоциумами индивида [3, 54]. Говоря о мезосреде мы раскрываем влияние каналов взаимодействия различных социальных институтов на образовательный и карьерный выбор молодежи. Связь семьи и образовательного учреждения укрепляет намерения при согласованности и порождает конфликт при расхождении транслируемых ценностей. Канал между школами и высшими учебными заведениями создают систему профориентации, а работа образовательных учреждений с локальным сообществом задает контекст функционирования образовательных институтов. Таким образом, мезосреда интегрирует ресурсы и в случае их согласованности становится мощным указателем, диктующим образовательный и карьерный выбор.

Под макросредой принято понимать систему социально-экономических, политических, технологических и культурных условий, существующих в глобальном контексте [4, 23]. Многие социологические теории выделяют систему образования ключевым фактором воспроизводства социальной структуры. Среда влияет на выбор профессии и учреждения образования, а это, в свою очередь, отражается на составе социальных групп. Социально-экономическая обстановка в стране и регионе способствует разделению жизненных выборов молодежи в зависимости от капитала и ресурсов. Различие входных данных порождает социальное неравенство. Экономика устанавливает спрос на тот или иной род профессий, что оказывает прямое влияние на выбор бывшего школьника. Молодые люди следуют актуальным тенденциям. В периоды кризисов выбирают стабильные, надежные профессии (связанные с государственным сектором, например). В период же технологического и инновационного развития предпочитают новые, творческие профессии (связанные с креативным сектором). Влияние государства также очень весомо. Образование и будущий выбор молодежи заранее структурируется органами государственной власти с помощью таких инструментов, как обязательные государственные экзамены, систему аккредитации и финансирования. Меры государства могут выступать как стимулом (предоставление бюджетных мест в университетах), так и барьером (составление перечня обязательных экзаменов для поступления на определенное направление подготовки). Промышленные революции как явление макросреды также диктуют спрос на появляющиеся профессии. В наше время это область анализа данных, кибербезопасности, искусственного интеллекта. Макросреда диктует и социокультурный,

идеологический дискурс. Он обуславливает образовательный выбор, оказывая влияние с помощью системы социальных лифтов, формирования рейтингов университетов.

Для карьерного выбора макросреда является фундаментом, в отличие от микро- и мезосреды, анализирующих социальный контекст. Фаза экономического цикла отражается на ситуации на рынке труда, влияет на уровень безработицы, заработных плат. Молодежь в таких условиях действует по принципу, схожему с выбором образовательной траектории, выбирая более стабильные или новаторские профессии. В современном мире прослеживается тенденция сокращения спроса на физический труд и повышение интереса к высокотехнологичным индустриям. Согласно этому появляются востребованные секторы экономики и отмирают устаревшие отрасли. Современная повестка также открывает новые формы занятости, такие как удаленная работа, фриланс, проектная деятельность. Молодые люди обращают внимание на формат работы, а не только специальность, при принятии решения. Налоговые льготы и государственные инвестиции в определенные отрасли также обеспечивают приток кадров в некоторые направления. На карьерный выбор молодежи влияют и СМИ. Социальные сети транслируют образы успешных профессионалов, создавая «тренд» на определенные профессии (блогеры, инфлюенсеры, предприниматели).

Исследование определило высокий уровень влияния внешней среды на образовательный и карьерный выбор молодежи. Окружение личности становится активным конструктором, указывает ключевые направления при принятии решения. Образовательный и карьерный выбор не являются субъективным волеизъявлением индивида, а отражает среду, в которой прошло формирование личности. Внешняя среда выполняет не пассивную фоновую функцию, а выступает активным фактором формирования профессиональных траекторий молодежи. Влияние семьи, социальных контактов и коммуникации институтов, экономической динамики, технологических трансформаций, государственной политики и культурных установок создает условия для образовательного и карьерного самоопределения молодежи.

1. *Репникова К. А. Ценности современной молодежи в условиях нестабильности внешней среды / К. А. Репникова // Контентус, 2021. С. 34–42*
2. *Черепанова С. Л. Взаимосвязь оценки городской среды и особенностей планирования карьеры у студентов высших учебных заведений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2017. С. 53–54.*
3. *Турусин Ю. Д. Стратегический менеджмент: учеб. пособие / Ю. Д. Турусин, С. Ю. Ляпина, Н. Г. Шаламова; Гос. ун-т управления. – Москва: ИНФРА-М, 2003. 231 с.*
4. *Тюрина А. Учебное пособие по теории организации [Электронный ресурс] / Тюрина А. Д. – Электрон. текстовые данные. – Саратов: Научная книга, 2012. 159 с.*

НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Полтавская Мария Борисовна
(ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»)

Аннотация. Исследование раскрывает ИИ как «новую нормальность» в повседневности молодежи. Через интервью выявлена интеграция ИИ в коммуникацию, образование и досуг как «невидимой» инфраструктуры. Показано амбивалентное восприятие: прагматичное принятие сочетается с критической дистанцией и страхами. ИИ

трансформирует культурные практики и идентичность, формируя новую реальность, где технологии – активный участник жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, молодежь, повседневная культура молодежи, культурные практики

Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть технологией будущего или абстрактной концепцией, окончательно воплотившись в повседневную реальность. Для современной молодежи, являющейся социально-демографической группой с наиболее гибкими паттернами поведения и усвоения нового, технологии на основе ИИ становятся «новой нормальностью» – неотъемлемым фоном жизни, органично вплетенным в культурные практики, общение, досуг и образование.

Несмотря на отсутствие единого научного определения ИИ, в рамках данного исследования мы опираемся на его прагматическое понимание как технологии, способной решать конкретные прикладные задачи, ранее ассоциировавшиеся с человеческим интеллектом: анализ информации, планирование, перцепция и генерация контента. Именно в этом прикладном ключе ИИ и существует в жизни молодых людей.

Молодежь можно рассматривать как драйвер «цифровой нормальности». Молодежь, особенно студенческая (18 – 25 лет), характеризуется не только схожестью социального статуса, связанного с образованием и профессиональным становлением, но и формированием особой культурной идентичности, в основе которой лежит цифровая социализация. Будучи «цифровыми аборигенами», они не адаптируются к технологиям, а живут в изначально технологичной среде, где границы между онлайн и офлайн стираются [1]. По данным ВЦИОМ, молодые люди проводят в интернете в среднем до 9 часов в день, что делает цифровое пространство основным полем для их социальной жизни [2].

Встраивание ИИ в повседневность происходит на нескольких уровнях, формируя новую культурную норму. Коммуникация молодежи перенесена в мессенджеры, которые становятся не просто каналом связи, а платформой, управляемой алгоритмами (умная сортировка, боты, рекомендации). Лидер – Telegram, где 28 % пользователей проводят более 5 часов в сутки. Виртуальное общение (61 % против 33 % живых встреч) – это уже не вынужденная практика, а осознанный выбор, поддерживаемый комфортом цифровых интерфейсов [2].

Онлайн-курсы и дистанционное обучение – лишь первый шаг. «Нормальностью» становятся персонализированные образовательные траектории, которые выстраивают системы адаптивного обучения и ИИ-репетиторы, подстраиваясь под индивидуальный темп и потребности современного студента.

Использование AI-платформ для фриланса и поиска работы – стандартная практика молодежи. Алгоритмы подбора вакансий и автоматизированные скрининг-собеседования с чат-ботами воспринимаются не как нечто экстраординарное, а как обычный, хоть и не всегда приятный, этап трудоустройства.

В сфере досуга и творчества рекомендательные алгоритмы музыкальных платформ и соцсетей, стриминговых сервисов формируют культурный вкус и кругозор молодежи. Генерация мемов, фильтры в социальных сетях, создание изображений и музыкальных треков с помощью нейросетей – это становится массовыми практиками самовыражения и развлечения.

Цель данного исследования – понять, как ИИ, став «новой нормальностью», трансформирует повседневную культуру молодежи: ее привычки, ожидания, стили коммуникации и самовосприятие. Метод глубинного интервью (N=7) с молодыми людьми

в возрасте от 18 до 25 лет, активно пользующимися цифровыми технологиями и имеющими опыт взаимодействия с ИИ в различных сферах жизни.

Проведенные интервью подтверждают, что искусственный интеллект для современной молодежи – это не футуристическая абстракция, а «новая нормальность», органично и глубоко вплетенная в ткань повседневности. Анализ высказываний респондентов позволяет выделить ключевые аспекты этой интеграции: от полного растворения технологий в рутинах до формирования амбивалентного отношения к их влиянию.

ИИ предстает как «невидимая» инфраструктура повседневности. Для молодых людей цифровая среда, управляемая алгоритмами, стала естественной средой обитания. Высказывание «Я как киборг!» (инф. 2, жен., 19 лет) – не просто метафора, а точное отражение ощущения сращенности с технологиями. ИИ функционирует как «невидимая» инфраструктура, аналогичная электричеству или водопроводу: он присутствует постоянно, но осознается лишь в момент сбоя. Постоянное онлайн-взаимодействие – это «как дышать» (инф. 3, муж., 18 лет), что подчеркивает его нормативный и безусловный характер.

Широкий спектр используемых сервисов (от Telegram и TikTok до ELibrary и фриланс-платформ) образует экосистему, где ИИ выполняет роль «цифрового дворецкого»: он фильтрует информацию (рекомендации), организует коммуникацию (боты), оптимизирует время (поиск в базах данных) и персонализирует досуг.

Несмотря на повсеместность, восприятие ИИ молодежью глубоко амбивалентно, что является характерной чертой становящейся «нормальности». Можно выделить прагматичное принятие – информанты ценят его за эффективность и удобство, особенно в учебе и поиске информации «Это очень удобно и экономит много времени» (инф. 5, муж., 22 года).

Однако эта прагматичность не означает слепого доверия. Молодежь демонстрирует развитую «алгоритмическую грамотность». Они осознают риски «пузыря фильтров» и сознательно ему противодействуют: «Я чаще выбираю сам, чтобы не попадать в "пузырь"» (инф. 3, муж., 18 лет). Недоверие к чат-ботам в техподдержке («они часто не понимают мой вопрос») (инф. 7, жен., 24 года) и нежелание доверять ИИ жизненно важные решения («в важных решениях... – нет» – (инф. 7, муж., 25 лет) показывают четкое понимание границ его компетенции.

На более глубоком уровне (экзистенциальном) присутствуют страхи, связанные с потерей контроля, приватности («Безработица, нарушение приватности, манипуляции» (инф. 5, муж., 22 года). Эта амбивалентность ярко выражена в словах: «С одной стороны, интерес и надежда. С другой – немного страшно» (инф. 2, жен., 19 лет).

ИИ можно рассматривать как технологию, формирующую новую культуру и идентичность. Интеграция ИИ выходит за рамки простого использования и начинает влиять на культурные практики и самоощущение молодежи. Мнения о влиянии на коммуникацию разделились. С одной стороны, отмечается рост эффективности, с другой – опасения о формализации и потере эмпатии: «Мы разучиваемся общаться вживую» (инф. 7, жен., 24 года). Это указывает на пересмотр самих основ социального взаимодействия.

Доступность информации благодаря ИИ общепризнанный факт. Однако ключевым навыком в новой нормальности становится критическое мышление. Информанты понимают, что ценность смещается от запоминания информации к умению ее оценивать и применять: «Важно уметь критически оценивать информацию» (инф. 3, муж., 18 лет).

Пока молодежь в целом не сравнивает свои когнитивные способности с ИИ, видя в нем инструмент. Однако появляются тревожные нотки, связанные с тем, что алгоритмы могут лучше знать их потребности. Фраза «алгоритмы лучше меня знают, что мне самой нужно» (инф. 2, жен., 19 лет) – сигнализирует о потенциальном влиянии ИИ на формирование желаний и самоидентификацию, что является одним из самых глубоких культурных последствий.

Итак, повседневная культура современной молодежи формируется в условиях тесного контакта с искусственным интеллектом. ИИ стал для них «новой нормальностью»: невидимой, но необходимой инфраструктурой, которая одновременно предлагает беспрецедентные возможности и порождает новые социальные и экзистенциальные вызовы. Амбивалентность их восприятия – сочетание прагматичного принятия, осознанной критики и смутных опасений – является адекватной реакцией на этот сложный и стремительно меняющийся ландшафт. Молодежь не просто «использует» ИИ; она учится жить в мире, где он является активным участником формирования их реальности, коммуникации и собственного «Я».

1. *Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. No. 9(5–6). pp. 1–6.*
2. *Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи, Аналитический центр ВЦИОМ, 24 июня 2025 г. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi*

ДИНАМИКА УРОВНЯ И ПРИЧИН МОЛОДЕЖНОЙ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

Приходько Владимир Андреевич
(Череповецкий Государственный Университет)

Аннотация. В статье рассматриваются динамика уровня молодежной смертности в России начиная с 1995 года, а также причин смертности молодежи с 2014 по 2022 гг. Доказывается, что уровень молодежной смертности стабильно снижается как в целом, так и по отдельным классам причин. Обсуждается половозрастные особенности смертности молодых людей в России.

Ключевые слова: смертность, молодежь, эпидемиологический переход

Не самым обсуждаемым, но заслуживающим внимания фактором естественной убыли и старения населения России остаётся молодежная смертность. Несмотря на революцию в медицинском обеспечении и гигиене, произошедшую в большинстве индустриальных стран, в том числе и в России, смертность российской молодежи довольно высокая, гораздо выше, чем в Европе, и за последние полвека разрыв только увеличился. Как отмечает Е. А. Николаюк «разница в уровне смертности колеблется в интервале от 1,64 (Белоруссия) до 6,19 раза (Испания). Причем 50 лет назад (…) она была значительно меньше: разрыв был в интервале от 1,02 (Латвия) до 2,68 раза (Нидерланды)» [1, 8]. Слишком частая гибель молодых людей – это сама по себе проблема, заслуживающая государственного и исследовательского внимания, но она имеет особую значимость в общем демографическом контексте, являясь одной из причин, почему доля молодых россиян в обществе становится всё меньше.

Источником данных для исследования стала официальная статистика Росстата. Возрастные коэффициенты смертности рассчитаны в промилле (в местах о причинах

смерти – на 100 тыс. человек) как отношение умерших человек соответствующего пола и возраста в течение календарного времени к среднегодовой численности лиц данного возраста. Все данные приводятся по возрастным группам в диапазоне 15 – 35 лет.

За последние 30 лет молодежная смертность в России прошла через период роста и, начиная с середины 2000-х, пошла на спад (рис. 1). На протяжении второй половины 90-х и начала 2000-х она была достаточно высокой, достигнув пикового значения в 2005 году, – 3,21 смерть на 1000 населения в возрасте 15 – 35 лет, – однако с тех пор неуклонно снижалась вплоть до 2020 года, когда коэффициент молодежной смертности составил 1,36, несмотря на пандемию COVID-19. В 2022 году снова наблюдался небольшой рост, однако в целом за последние 20 лет можно фиксировать более чем двукратное снижение смертности среди населения молодых возрастов.

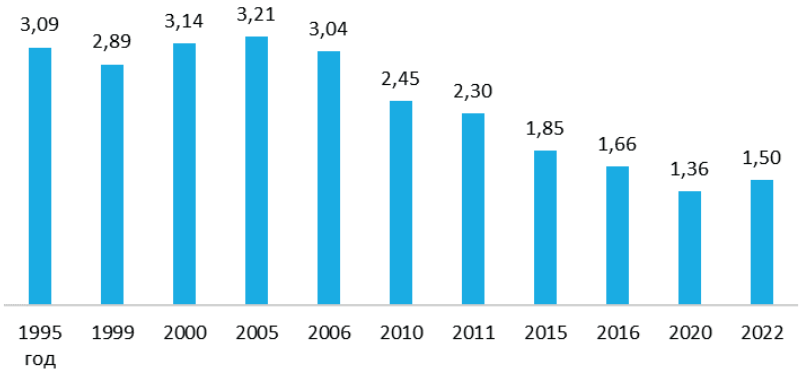

Рисунок 1. Коэффициент смертности населения в возрасте 15-34 лет

При этом половозрастной профиль молодежной смертности за эти годы практически не изменился. Динамика смертности молодых мужчин и женщин в целом соответствовала общим трендам, отличаясь лишь интенсивностью изменений (рис. 2, 3).

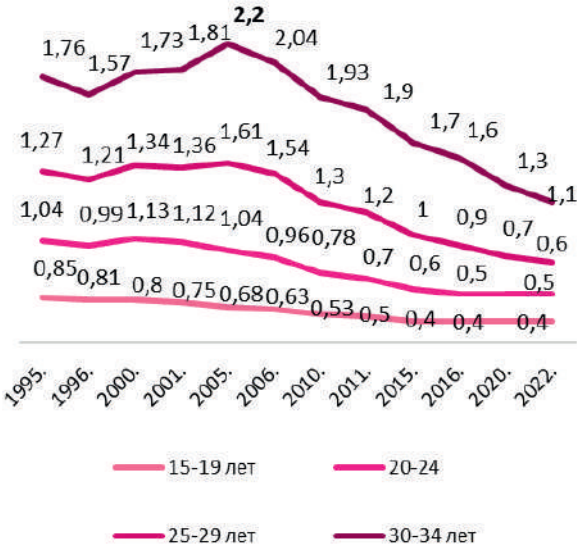

Рисунок 2. Коэффициент смертности населения в возрасте 15 – 34 лет, женщины

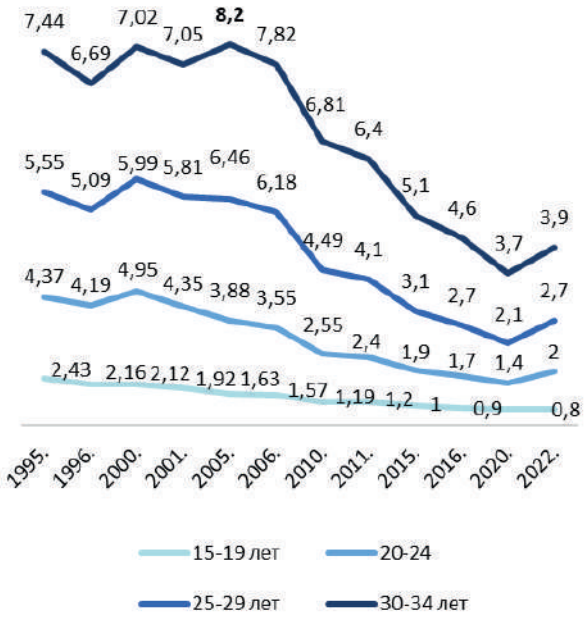

Рисунок 3. Коэффициент смертности населения в возрасте 15 – 34 лет, мужчины

Мужская смертность на протяжении всего рассматриваемого периода значительно превышала женскую во всех возрастных группах, однако со временем этот разрыв уменьшался. В последние 30 лет мужская смертность сокращалась гораздо быстрее: коэф. смертности мужчин упал почти на 4 п.п., а у женщин – всего на 1. В 1995 году смертность мужчин в возрасте 20 – 34 лет была выше женской почти в 4,5 раза и почти втрое больше для подростков 15 – 19 лет. В 2022 году такое соотношение вновь наблюдалось в возрастных группах 20 – 24 и 25 – 29 лет, но еще к 2020 году оно значительно уменьшилось среди всех возрастов, так что молодые мужчины уходили из жизни лишь в 2 – 3 раза чаще, чем женщины, смертность которых падала ощутимо медленнее.

Из приведенных рисунков также можно заметить, что по мере движения молодежи к старшим возрастным группам коэффициент смертности увеличивается как среди женщин, так и среди мужчин, при чем, начиная с 2010 года, у обоих полов наиболее резкое увеличение смертности происходит при достижении возраста 30 – 34 лет. Однако проблемная ситуация вновь возникла в 2022 году, когда при вступлении мужчин в возраст 20 – 24 лет их смертность увеличивалась на 50 % по сравнению с подростковой.

Дифференциация по полам и возрастам позволяет увидеть, что некоторое увеличение общей молодежной смертности с 2020 по 2022 год произошло в первую очередь за счет значительного повышения частоты смертей у мужчин 20 – 24 и 25 – 29 лет (на 30 % и 22 % соответственно), при продолжении тренда на снижение у женщин и мальчиков-подростков.

При анализе причин смерти молодёжи применятся следующая типология основных причин смерти, предложенная Росстатом на основе рекомендаций МКБ-10: инфекционные и паразитарные болезни; туберкулез; новообразования; болезни системы кровообращения; болезни органов дыхания; болезни органов пищеварения; внешние причины (травмы, убийства, голод и пр.). С 2020 года она в нее также входит COVID-19.

Рассмотрим, как менялось со временем соотношение этих причин в структуре молодежной смертности (рис. 4). К сожалению, в открытом доступе находятся лишь данные от 2014 года.

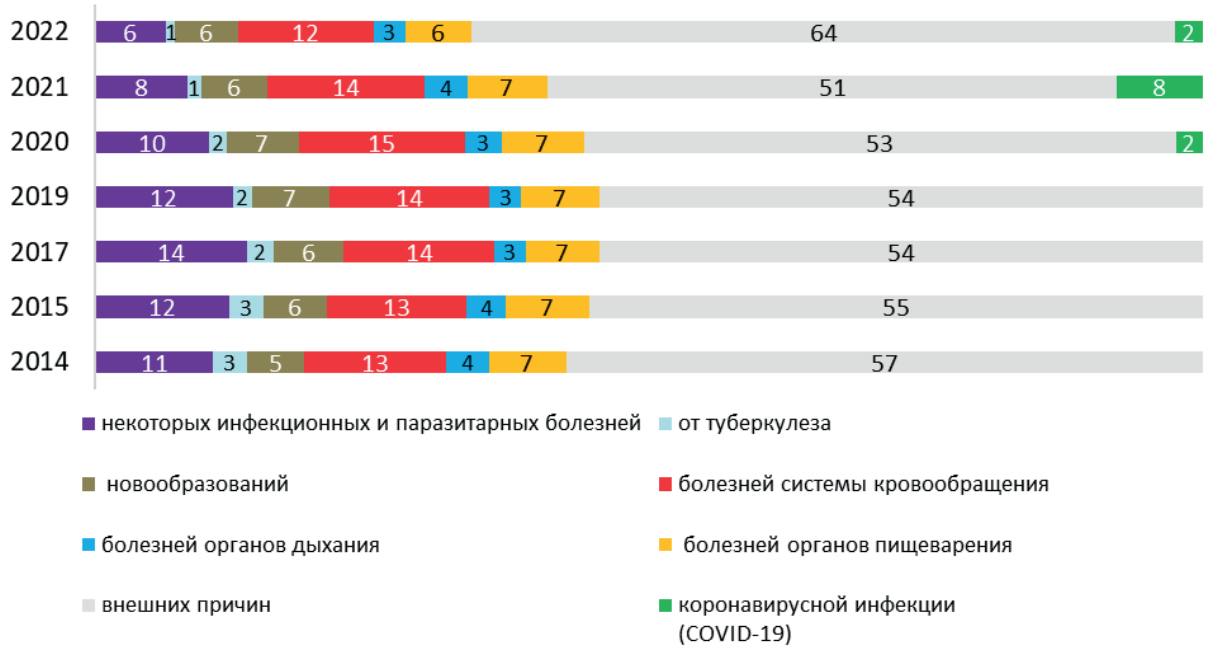

Рисунок 4. Структура причин смертности населения в возрасте 15-34 лет в России

Из этих данных следует, что доминирующее положение в структуре молодёжной смертности имели и по-прежнему имеют внешние причины, при этом смертность от инфекционных заболеваний находится на низком уровне и стабильно снижается – всё это соответствует особенностям молодежной смертности после так называемого эпидемиологического перехода. Однако высокая смертность молодых людей от заболеваний системы кровообращения, которая на втором этапе эпидемиологического перехода должна сменяться новообразованиями, показывает, что в России переход на этот этап пока не завершен.

Сама структура за эти годы практически не изменилась: наибольшие долгосрочные изменения, как уже говорилось, наблюдаются в уровне смертности от инфекций. Значимые перемены принесла пандемия – 8 % смертей молодежи в 2021 году произошли от COVID-19 (однако уже через год их было всего 3 %), а также 2022 год, когда доля смертей от внешних причин увеличилась на целых 13 %.

При том, что структура мало изменялась, уровень смертности от всех перечисленных причин претерпевал ощутимые изменения (рис. 5).

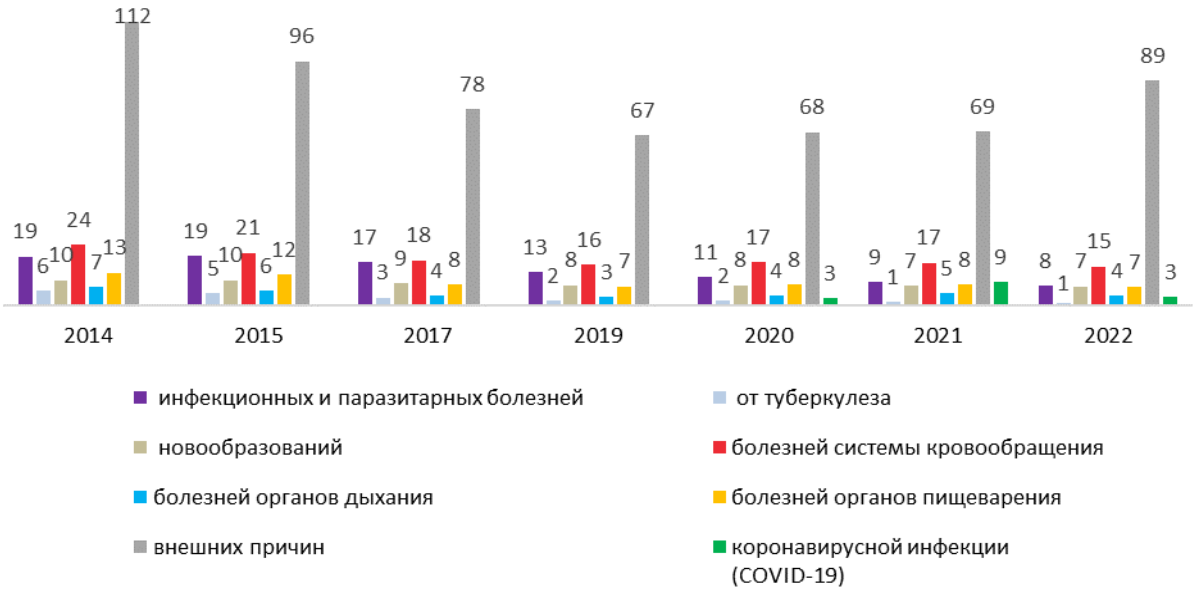

Рисунок 5 – Динамика смертности от основных причин смерти населения в возрасте 15-34 лет в России в расчете на 100 тыс. чел.

Абсолютно по всем классам причин смерти наблюдается более или менее значительное снижение. С 2014 по 2021 год смертность от внешних причин, болезней органов пищеварения, органов дыхания снизилась почти в 2 раза. Более чем вдвое уменьшилась смертность от инфекций, в 6 раз – от туберкулеза. Структура смертности в целом остается прежней, однако уровень молодежной смертности внутри нее стабильно снижается.

При этом в 2022 году действительно наблюдался резкий рост смертности от внешних причин, превысивший уровень 2017 года, т.е. став самым высоким за 5 лет, однако даже он был значительно ниже, чем 2014-м.

Таким образом, в России начиная с середины 90-х и по середину 2000-х наблюдался настоящий кризис молодежной смертности, прежде всего, из-за чрезвычайно высокой смертности среди молодых мужчин, уровень которой достиг пика в 2005 году. С этого момента началось постепенное улучшение показателей как среди мужчин, так и среди женщин.

В России молодые мужчины погибают значительно чаще, чем женщины, и хотя со временем этот разрыв стабильно уменьшается, он всё равно остается достаточно большим. Среди основных возрастных особенностей следует отметить, что уровень смертности неизменно повышается по мере взросления, достигая пика в возрасте 30-34 лет как для мужчин, так и для женщин, что связано не только с увеличением смертности от заболеваний в ходе старения организма, но также и с устойчивым ростом смертности от внешних причин.

Анализ причин смертности показал: молодые люди по-прежнему часто погибают от болезней системы кровообращения, что является второй по частоте причиной смертности после внешних причин, доминирующих в структуре, что характерно для первого этапа эпидемиологического перехода. Позитивным сигналом является то, что для всех перечисленных классов наблюдается устойчивый тренд к снижению, за счет чего структура причин смерти молодых людей в целом остаётся прежней, однако общая смертность от всех классов причин снижается.

1. Николаюк Е. А. Динамика и структура причин смерти молодежи России и Европы // Профилактическая медицина. 2016. № 4. С. 7-14.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА В ОЦЕНКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ОЖИДАНИЯ, ВЫЗОВЫ

Проказина Наталья Васильевна
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Современная российская муниципальная служба находится в состоянии структурных трансформаций, обусловленных процессами цифровизации управленческих практик, усложнением общественных запросов к качеству публичных услуг и кардинальным изменением ценностных ориентаций молодежи [7]. В условиях обострившейся конкуренции за квалифицированные кадры между государственным и частным секторами критически актуализируется проблема привлечения и удержания молодых специалистов в органах местного самоуправления.

Значимость данной проблематики определяется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, демографические тенденции и дефицит молодых кадров в муниципальной службе создают реальную угрозу для воспроизводства профессионального потенциала и снижают инновационную активность органов местного самоуправления. Во-вторых, молодое поколение, активно выходящее на рынок труда, демонстрирует принципиально иные профессиональные установки, ценности и ожидания от работодателя, что требует переосмысления традиционных подходов к кадровой политике [8].

Мотивационные механизмы молодых специалистов в сфере муниципальной службы обусловлены не только социально-демографическими и статусно-ролевыми характеристиками, но и индивидуальными особенностями, проявляющимися в специфических ценностных ориентациях и профессиональных ожиданиях [9]. В этой связи исследование оценок и ожиданий региональной молодежи относительно муниципальной службы позволяет выявить социальные механизмы формирования кадрового потенциала и определить ключевые вызовы развития муниципального управления в субъектах РФ.

Для адекватного понимания сформировавшихся и формирующихся представлений о муниципальной службе у региональной молодежи целесообразно использовать полипарадигмальный подход, основанный на синтезе исследовательских парадигм и концепций. Постпозитивистская парадигма позволяет учитывать сложность анализа мотивационных установок, сочетание объективных и субъективных факторов выбора профессии, региональную и социокультурную контекстуальность. «Неоинституциональный подход дает возможность исследовать влияние формальных (нормы, регламенты, требования) и неформальных (корпоративная культура, неявные ожидания, традиции) институтов муниципальной службы» [7; 8; 9] на мотивацию молодежи. Теория поколений предопределяет исследовательский ракурс на раскрытие уникальных ценностей, ожиданий и запросов представителей молодого поколения, позволяя понять формирование ожиданий, связанных с ориентацией на гибкость, поиском баланса работы и жизни, самореализацией и быстрым профессиональным ростом. Концептуальные основы социологии мотивации позволяют анализировать специфическую мотивацию к общественной службе, акцентируя альтруизм, приверженность общественным интересам и готовность к служению [8].

Представления молодежи о муниципальной службе: социологический анализ

Эмпирические данные последних лет свидетельствуют о противоречивости и многоаспектности представлений молодежи о муниципальной службе в регионах [8].

Социологические исследования показывают, что около трети молодых людей ассоциируют муниципальную службу с возможностями развития, решением сложных задач и ответственностью за судьбу территории. Более 30% опрошенных отмечают престижность профессии и готовность служить обществу, однако почти столько же выражают сомнения, связывая сферу муниципального управления с бюрократизмом, рутиной и низкой заработной платой [2].

Восприятие муниципальной службы напрямую связано с проведением профориентационных мероприятий, практическими стажировками, диалогом с действующими служащими и наличием публичных историй успеха молодых коллег.

Региональные исследования демонстрируют дифференцированность представлений в зависимости от типа территории. В регионах отмечается тренд на омоложение кадрового состава, что способствует изменению образа муниципального служащего с акцентом на творческой и проектной работе.

Ожидания молодежи: ценностные трансформации и новые запросы

Анализ мотивационных установок молодежи позволяет выделить несколько типов ожиданий от органов местного самоуправления:

Первое. Профессиональное развитие и карьерные перспективы. Молодые специалисты ожидают прозрачных карьерных траекторий, объективной системы оценки и возможности профессионального и личностного роста. Актуализируется вопрос достижения баланса между материальными и нематериальными стимулами, применяемыми к молодым работникам [7].

Втрое. Гибкие условия труда и work-life balance. Представители молодого поколения высоко ценят реализацию принципа баланса работы и жизни, включая возможности гибкого графика работы, удаленной или проектной занятости. Это кардинально отличает их от предыдущих поколений, для которых приоритетной была стабильность занятости.

Третье. Участие в принятии решений и социально значимых проектах. Молодежь стремится к участию в принятии решений и реализации крупных социальных и

инфраструктурных проектов, что соответствует их желанию приносить пользу обществу и влиять на развитие территории.

Четвертое. Цифровизация и современные технологии. «Перспективным направлением повышения привлекательности является интеграция муниципальной службы в цифровую экосистему, что в полной мере соответствует запросам молодежи» [8].

В большинстве регионов России эти ожидания частично реализуются через проекты молодежных резервов, конкурсы лидерских инициатив, практики «ГосСтарт» «Служение», стажировки и дни открытых дверей в органах власти. Однако сохраняются институциональные барьеры: недостаточная прозрачность и стандартизация отбора, ограничение доступа к карьерному росту, отсутствие индивидуальных траекторий подготовки кадров.

Вызовы и противоречия

Несмотря на возрастающую популярность муниципальной службы среди части молодежи, выделены барьеры, снижающие привлекательность муниципальной службы: низкая динамика карьерного роста, ограниченность нематериальных стимулов и недостаточная цифровизация рабочих процессов [9].

Следует учитывать тенденцию, связанную с демографическими и кадровыми вызовами. Отмечается снижение доли молодых сотрудников в ряде региональных администраций, что создает угрозу для воспроизводства профессионального потенциала и требует принятия экстренных мер.

Серьезным вызовом выступают институциональные ограничения, проявляющиеся в консерватизме и бюрократизме управленческой среды муниципалитетов, недостаточной поддержке инноваций, которые создают разрыв между ожиданиями молодежи и реальностью рабочих процессов.

Нельзя оставить в стороне и значительный разрыв между ожиданиями молодого поколения о быстром карьерном старте и реальным темпом продвижения по службе. Так, если ожидания не оправдываются в первые годы работы, молодые специалисты часто покидают государственную службу.

И серьезным барьером выступают материальные ограничения. Уровень материального вознаграждения в муниципальной службе не всегда соотносится с уровнем сложности и социальной значимости выполняемых задач, что создает конкурентные недостатки по сравнению с частным сектором.

Обозначенные проблемы сформировали представление о направлениях трансформации кадровой деятельности по схеме от вызовов к решениям [8]. Формирование комплексной кадровой работы должно включать прозрачные практики отбора, информирование о карьерных перспективах, расширение форматов наставничества и внедрение гибких режимов занятости (там, где это возможно).

Анализ существующих региональных практик показал, что эффективными направлениями работы с молодежью являются:

– Профориентационные программы, включающие стажировки, дни открытых дверей, встречи с успешными молодыми служащими;

– Конкурсы и проекты развития, такие как «ГосСтарт», «Служение», молодежные резервы, лидерские программы;

– Цифровизация процессов отбора, адаптации и профессионального развития;

– Гибкие формы занятости и возможности совмещения различных видов деятельности.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что «оценки региональной молодежи относительно муниципальной службы формируются под влиянием комплексного набора факторов: информационной открытости органов власти, организационных практик кадровой работы, возможностей профессионального развития и реализации общественно-полезной мотивации» [8].

Молодое поколение привносит в сферу муниципального управления принципиально новые ценностные ориентации, связанные с потребностью в гибких условиях труда, быстром профессиональном росте, участии в социально значимых проектах и использовании современных технологий. Эти ожидания кардинально отличаются от традиционных мотивов поступления на государственную службу.

Решение ключевых вызовов требует системных институциональных изменений, направленных на повышение престижности муниципальной службы, модернизацию кадровой политики, сокращение бюрократических барьеров и учет ценностных установок молодых специалистов.

Формирование эффективной политики привлечения молодежи в муниципальную службу должно базироваться на понимании мотивационных особенностей молодежи, создании современной инфраструктуры профессионального развития, внедрении гибких форм занятости и обеспечении реальных возможностей для творческой самореализации. Только при условии комплексного подхода к решению данной проблемы возможно обеспечение кадровой устойчивости и инновационного потенциала органов местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления.

1. *Агеева, А. Н. Ожидания молодежи, связанные с деятельностью органа МСУ, в контексте «сервисной» модели государственного и муниципального управления / А. Н. Агеева // Juvenis Scientia. – 2015. – № 1. – С. 46-49. – EDN VHVPBT.*
2. *Игнатькова, В. А. Исследование привлекательности государственной и муниципальной службы для молодых специалистов / В. А. Игнатькова // Научные записки молодых исследователей. – 2024. – Т. 12, № 5-6. – С. 62-70. – EDN IJQPQI.*
3. *Калгин, А. С. Источники и последствия наличия мотивации к государственной службе (Public Service Motivation): обзор исследовательской области / А. С. Калгин // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 2. – С. 215-239. – EDN WIDQUN.*
4. *Каменева, Т. Н. Барьеры привлечения молодых специалистов в систему муниципальной службы / Т. Н. Каменева // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 7(207). – С. 35-40. – DOI 10.24158/tipor.2025.7.3. – EDN SYCKKW.*
5. *О реализации мероприятий по привлечению и удержанию молодежи на государственной гражданской службе в регионах Приволжского федерального округа в 2022 – 2023 гг. // http://pfo.gov.ru/media/files/file/9m47UkAsoFa8A9swUK6jFNPX6GixQZ96.pdf*
6. *ПМЭФ'24. Государство для молодежи: как реализовать себя на государственной службе и в GR // https://b-c-g.ru/news/spief24-gosudarstvo-dlya-molodezhi/*
7. *Проказина, Н. В. Мотивация молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда / Н. В. Проказина, Н. Ю. Бобылева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1(73). – С. 55-70. – DOI 10.21685/2072-3016-2025-1-5. – EDN WIZYZT.*
8. *Проказина, Н. В. Привлекательность муниципальной службы в субъективных оценках молодежи / Н. В. Проказина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 2(98). – С. 75-93. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-2-75-93. – EDN QDREUS.*
9. *Проказина, Н. В. Социологический анализ мотивационных механизмов муниципальных служащих: теоретические подходы и социальная практика / Н. В. Проказина, А. С. Голобородова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 75-90. – DOI 10.24412/2071-6141-2025-2-75-90. – EDN VCYSCT.*

ТРАДИЦИЯ И ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рагимова Сабина Исмаиловна
(СПбГУ)

Образовательные стратегии можно рассматривать как путь обучающегося, который включает в себя выбор уровня и направления образования, способы освоения знаний. Формирование таких стратегий сегодня происходит в условиях противоречивых тенденций. С одной стороны, сохраняются традиционные основы системы образования в виде единых стандартов, программ и ценностей, с другой – усиливается процесс персонализации, предполагающий формирование индивидуального маршрута. Образовательные стратегии молодежи формируются на основе и традиций, и персонализации, так как выход на современный рынок труда требует больше, чем только окончания высшего учебного заведения.

Несмотря на усиливающееся внимание к персонализации образования, традиции по-прежнему продолжают играть значительную роль в образовании России. Так, например, следует иметь в виду принцип доступности образования, который обеспечивает равные начальные возможности независимо от происхождения и социального статуса человека. Кроме того, государственные школы и университеты придерживаются традиционного подхода и в организации учебного процесса. Это проявляется в едином расписании, изучении базовых предметов, коллективных занятиях, системе оценивания через контрольные и т.д. Однако на современном рынке труда востребованы не только знания, но и гибкость, инициативность, а главное – умение самостоятельно учиться в течение всей жизни. Успешное освоение таких навыков и умений усиливает значение персонализированного подхода.

Персонализация представляет собой подход, при котором образовательная программа адаптируется к индивидуальным потребностям обучающегося. В настоящее время персонализация осуществляется несколькими способами. Во-первых, благодаря цифровым технологиям студент может выстраивать свой образовательный маршрут, выбирая образовательный контент из разных стран, а также использовать искусственный интеллект в качестве инструмента поддержки его обучения. Во-вторых, в школах и университетах поддерживается идея вариативности обучения: выбор профиля обучения в старших классах и элективные курсы в вузах, а также возможность молодежи расширить пределы формального обучения, посредством участия в проектной деятельности, стажировках, стартапах и т.п. В-третьих, университеты, следуя тренду персонализации обучения по всему миру, внедряют микрокурсы. Необходимость в этих курсах связана как с интересом обучающегося к их содержанию, так и с возможностью повторить информацию с занятий. В Китае они, например, позволяют студентам точечно закрыть определенные темы. Онлайн-занятия и массовые открытые онлайн курсы (МООС) предоставляют студентам возможность более гибко выстраивать свой образовательный маршрут. Персонализированное обучение позволяет обучающимся в короткие сроки добавить или скорректировать учебный материал и соответственно сформировать навыки профессиональной мобильности.

Формирование индивидуальных траекторий возможно как самостоятельно, так и с помощью тьютора, наставника. Они помогут разработать образовательный маршрут с учетом индивидуальных запросов студента. Однако внедрение такого вида наставничества требует определенных организационных ресурсов: достаточного

количества квалифицированных тьюторов, грамотного распределения времени преподавателей и студентов. Поэтому в условиях массового образования для многих университетов это может оказаться трудно реализуемым делом. Таким образом, даже при внедрении наставничества, оно станет дополнением к традиционному подходу, а не заменой.

Однако персонализация образования как форма развития образовательного процесса, связана и с определенными рисками. Как отмечает, например, Каролин Пеллетье, в реальности персонализация усиливает социальное неравенство. Это связано с тем, что реализация индивидуальных маршрутов требует значительных ресурсов [1, 113]. Доступ к нужным для этого финансовым, цифровым, географическим ресурсам имеют не все обучающиеся. Поэтому персонализация образования может одновременно расширять образовательные перспективы для одних и ограничивать их для других.

Еще одна проблема персонализации связана с изменением роли преподавателя. Персонализированный подход перераспределяет функции педагога: студент получает большую самостоятельность в формировании своего образовательного маршрута и несет основную ответственность за результат обучения. Поэтому функции преподавателя трансформируется: из носителя знаний он превращается в модератора учебного процесса.

Подобные изменения создают определенные риски. Не все студенты обладают достаточной дисциплиной и мотивацией для организации учебного процесса. Существует вероятность выполнения минимальных требований или не завершения отдельных курсов, что может привести к фрагментарности образования.

Известно, что для большинства выпускников университетов диплом остается важным символом традиционной образовательной траектории, но далеко не все из них продолжают совершенствовать приобретенные навыки и развивать полученные компетенции. Между тем работодатели предъявляют требование к работникам – постоянно совершенствовать конкретные практические навыки и умения. Учитывая такие требования, мотивированные студенты включают в свои резюме опыт стажировок, дополнительных курсов, олимпиад и собственных проектов.

Таким образом, стратегией молодежи становится сочетание традиционного и персонализированного подходов к образованию. В процессе получения образования в университете студент выходит за рамки предложенного плана и дополняет свой профессиональный опыт востребованными на рынке труда знаниями. Именно сочетание традиции и персонализации становится ресурсом успешного профессионального старта.

1. Pelletier C. Against Personalised Learning // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2024. Vol. 34. P. 111–115.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Радченко София Максимовна
(МГИМО МИД России)

Аннотация. В статье рассматривается проблема недостаточности взаимодействия молодежи с государственными институтами. Взаимодействие, являясь многоаспектным процессом, влияет на формирование гражданской активности и качественную и

количественную интеграцию молодежи в социальную среду. Несмотря на наличие разнообразных государственных программ и механизмов, в стране все еще наблюдается разрыв между ожидаемым результатом вовлечения и реальностью. Статья нацелена на выявление причин данной проблемы и разработку рекомендаций и практических предложений по их решению.

Ключевые слова: молодежь, государственные институты, взаимодействие, гражданское общество.

За последние десятилетия актуальность проблемы формирования гражданской активности и социальной интеграции молодежи становится все более высокой, занимая одно из важнейших направлений внутренней государственной политики. Молодежь, обладая значительным потенциалом социально-экономического развития государства, составляет основу, фундамент прочного будущего.

Однако взаимодействие молодой аудитории с большинством соц-государственных институтов встречало и продолжает встречать ряд сложностей, что не только сказывается на уровне вовлеченности молодых людей в процессы социально-политического, но и на развитии российского гражданского общества как таковом.

Цель настоящей статьи – исследовать ключевые проблемы в сфере взаимодействия молодежи и государственных институтов, опираясь на официальную статистику Российской Федерации, а также выявить причины этих проблем с последующей разработкой предложений и рекомендаций по их устранению.

Конечно, в случае, когда мы рассматриваем именно молодежь как одну из ключевых целевых аудиторий взаимодействия государственных институтов, выявить одну главную проблему крайне тяжело. Среди таких проблем можно назвать и недостаточный уровень образованности и просвещения, что, соответственно, ведет к малому интересу молодых людей к политике и всему политическому, и неправильные пути распространения государственных механизмов, и попытки привлечь нецелевую аудиторию, делая упор не просто на не интересующуюся часть общества, но на такую часть общества, которая не способна, согласно системному подходу Дэвида Истона, давать качественный «вход» – требования или поддержку, в политическую систему «черного ящика». В попытке объединить все вышеперечисленные и иные факторы, можно обобщить **главную проблему** как проблему недостаточной эффективности и неправильной адресности механизмов вовлечения молодежи в процессы государственной политики (в т. ч. молодежной) и социального участия.

Несмотря на наличие достаточно большого количества разнообразных государственных и партийных программ, проектов и движений, в стране все еще наблюдается разрыв между ожиданиями и реальностью молодежной активности внутри государства. Согласно данным Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (здесь и далее – ВЦИОМ) на 2022 год, только 47 % россиян отмечают наличие общественной активности среди молодого поколения, при этом примерно такой же показатель говорит и об обратном – респонденты не замечают наличие особой активности в 45% случаях (каждый второй респондент). Вместе с тем, более 80 % опрошенных настаивают на поддержке молодежных инициатив со стороны государства. Эти показатели, на момент написания статьи, мало изменились, и, более того, продолжают указывать не только на растущую значимость молодежных инициатив, но и на их недостаточное освещение и продвижение.

В то же время, недавнее исследование Е. И. Васильевой, Т. Е. Зерчаниновой и А. С. Сергеевны, сотрудников Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, охватывающее молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, выявило огромное количество разнообразных форм гражданской активности среди молодежи, включая цифровые платформы, уличные акции и перформансы, флешмобы. Отмечается, что социальная активность близится к еще большей цифровизации и виртуализации своих проявлений, что, конечно же, требует адаптации традиционных механизмов и большей внимательности к программам цифровизации государства.

Вместе с этим, в своем ежегодном докладе от 2024 года Общественная палата Российской Федерации отмечает существенное расширение причастности общественных институтов к решению социально-экономических вопросов. Также подчеркивается и формирование новых площадок для построения качественного и качественно-нового диалога государства и гражданского общества, которое, соответственно, включает и молодых граждан. К примеру, Росмолодежь еще в 2022 году акцентировала на имплементации межведомственного подхода к молодежной политике, направленного на создание необходимых для самореализации и развития молодежных (в большинстве своем волонтерских) движений условий. Среди таких общественных инициатив все громче звучат и все ярче выделяются «Движение Первых», «ДОБРО.РФ», «#МЫВМЕСТЕ».

Несмотря на перечисленные, казалось бы, положительные тенденции развития механизмов вовлечения молодежи сначала в социальную, а затем и в социально-экономическую повестки, тесно связанные с политической, статистика ВЦИОМ все еще указывает на труднодоступность общественных инициатив, недостаточное их освещение в медиа, СМИ, Сети. Это, в свою очередь, значительно снижает и гражданскую активность. Молодая аудитория и вовсе находится в потерянном положении, относительно как разнообразных инициатив, узнать о которых можно через устаревшие источники, так и относительно излишне формальных предложений, созданных будто бы не для них.

И здесь прослеживается первая причина столь глобальной проблемы.

Несвоевременная адаптация и не самая грамотная адресность молодежной политики часто кажется непосредственной целевой аудитории слишком формальной, одинаковой и бесперспективной. Что, в свою очередь, приводит и к не всегда правдивому мнению молодежи о неучитывании различий в их интересах, предпочитаемых формах активности и ценностях.

Проблемы коммуникации, во многом вытекающие из адресности, также оказывают негативное влияние на развитие и распространение общественных молодежных инициатив, важных для социальной интеграции и взаимодействия молодежи с собственным государством. Доносить мысли и идеи не просто важно, но необходимо правильно и корректно. Формальные структуры чаще кажутся отстраненными, что снижает мотивацию просто узнать больше о той или иной инициативе.

Конечно, отдельным пунктом стоит вынести проблему социального неравенства в России, связанного как с традиционно экономическими факторами, так и с неравенством витальным (прим. «дефицит здоровья», проявляющийся в разной доступности медицинских услуг в разных регионах), экзистенциальным (социальная эксклюзия – исключение людей из полноценной общественной жизни, прим. «цифровой разрыв») и пространственным (уровень бедности, доступ к услугам и т.п., прим. «внутригородское неравенство Москвы»).

Вопрос лишь один – как устранить ключевую проблему, причины которой пролегают в нескольких областях?

В качестве вывода данного исследования предлагаю следующее:

Разработать и внедрить адаптированные формы коммуникации и взаимодействия, которые учитывали бы разнообразные, порой даже противоречащие интересы целевой аудитории (молодежи), а также цифровую доступность и грамотность молодых людей в разных регионах страны.

В качестве примера одной из таких форм, следует взять наиболее популярные агрегаторы среди молодежи, т.е. социальные сети, и развивать их при помощи молодого персонала. Привычное место обеспечит простую доступность, молодой персонал – современные идеи и подачу.

Усилить поддержку инициатив молодых людей через грантовые программы и создание специализированной адаптивной инфраструктуры, для поддержки существующих и новых инициатив.

Вновь важно привлекать именно молодежь к управленческим процессам в непосредственно молодежной политике, аккумулирую современные подходящие идеи и тенденции, предотвращая тем самым возможность появления массовых недовольств.

Повысить прозрачность и открытость государственных институтов, создать программы и механизмы качественной обратной связи.

Сформировать и начать развивать локальные площадки для диалога между властными структурами и гражданским обществом в лице молодежи не только на федеральном уровне, но и на муниципальном.

Реализация только этих мер уже позволит повысить уровень гражданской активности, укрепить молодежную социальную интеграцию и создать условия для развития устойчивого гражданского общества в России. Молодежь – будущее.

НЕДВИЖИМОСТЬ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

Савенкова Анастасия Сергеевна
(«Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии)

Онзимба Ленюнго Жанна Борисовна
(«Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»)

Согласно теории У. Штрауса и Н. Хау, современное общество делится на четыре поколенческие группы: «бэби-бумеры», «X», «миллениалы» и «зумеры» или поколение «Z». Жизненные стратегии представителей поколения Z характеризуются рядом особенностей. Для зумеров важны вопросы личных границ, тематика свободы, социальной справедливости и проблемы экологии [2, 26]. В процессе потребления зумеры ориентируются на личный комфорт, эмоциональную удовлетворённость и персонифицированность представляемых услуг.

Одним из важнейших элементов в системе потребления является недвижимость. Практики владения и пользования жильем неоднородны и включают в себя различные стратегии, в основном, подразделяющиеся на два типа: владение собственной недвижимостью и аренда.

Доля зумеров в числе собственников жилья в России невелика – лишь 7 % представителей группы осуществили покупку недвижимости самостоятельно [10]. В собственности у представителей поколения Z преимущественно квартиры студийного плана, небольшой площади. Молодежь предпочитает новостройки вторичному жилью. Нередко молодые люди покупают квартиры совместно со старшими родственниками.

На рынке съемного жилья зумеры представлены значительно шире. В настоящее время эта демографическая группа составляет около 30 – 35 % арендаторов [9]. Согласуясь с вышеобозначенными жизненными установками, представители поколения Z ценят арендное жилье за возможность свободного поиска и смены работы, смены жилой локации. Требования молодежи к формату арендуемого жилья носят весьма утилитарный характер. Так, зумеры предпочитают современные жилые комплексы, районы с развитой транспортной и социальной инфраструктурой. Важна и обстановка квартиры: представители поколения Z скорее арендуют небольшую квартиру с минималистичным ремонтом, которую можно переделать «под себя», нежели стилистически устаревшее бюджетное жилье с избытком мебели [1, 100].

Зумеры нередко обращаются к аренде апартаментов, являясь одной из демографических категорий, обусловивших рост строительства такого типа жилья. Другой формой недвижимости, арендуемой молодыми людьми, являются современные коливинги. В коливингах зумеров привлекают комфортные условия проживания, возможность коммуникации со сверстниками, наличие сайтов поддержки [6, 106].

Таким образом, статистические данные соотносятся с теоретическим представлением о жилищных стратегиях зумеров: молодые люди отказываются от владения жильем в пользу аренды. Однако трактовка указанного феномена не должна ограничиваться лишь свободолюбивыми ориентациями молодых людей.

Одной из причин предпочтения зумерами арендного жилья собственному является снижение остроты межпоколенческих конфликтов [7, 77]. Представители молодого поколения спокойно относятся к совместному проживанию с родителями, либо пользуются финансовой поддержкой последних при обращении к аренде или покупке квартиры.

Кроме того, молодежь крайне низко оценивает уровень доступности жилья в России [4, 255]. Актуальная для миллениалов и представителей поколения X стратегия приобретения недвижимости посредством обращения к ипотечному кредитованию фактически недоступна для зумеров. Так, с весны 2022 года средняя ставка по ипотечному платежу не опускалась ниже 10%; с осени 2023 стоимость ипотечного кредита составляла не менее 16% и находится выше 21% на момент осени 2025 [3]. Программы льготной ипотеки также затруднительны для представителей поколения зумеров. Семейная ипотека не согласуется со стремлением к позднему вступлению в брак и рождению детей; арктическая, дальневосточная и IT ипотека требуют привязки к региону или рабочему месту, в силу чего смотрятся крайне рискованно. Фактически заградительным для недавно вступивших на трудовой рынок зумеров является и первоначальный взнос по ипотеке – большинство банков оценивают первоначальный взнос в размере не менее 20 % от стоимости жилья [8]. В таких условиях зумеры отказываются от идеи долгосрочного накопления денежных средств, предпочитая расходовать финансы на менее обременительные продукты: путешествия, рестораны, сферу услуг [5, 198]. С этим вполне согласуется и интерес молодых людей к качеству арендуемого жилья: не имея возможности приобрести собственное, зумеры становятся требовательнее к арендной недвижимости.

В таких условиях весьма тревожным видится популяризация мнения о добровольности предпочтения арендного жилья собственному в среде представителей поколения Z. Нормализация мысли об излишне высокой стоимости собственного жилья делает вполне рациональной модель сиюминутного потребления, что, в свою очередь препятствует формированию навыка накопления денежных средств, либо обращению к рискованным стратегиям, требующим высокой информированности и аналитических способностей (например, криптовалютным инвестициям). Такое положение дел превращает временный отказ от владения собственным жильем в самоисполняющееся пророчество, усиливая социальное расслоение в российском обществе.

1. *Александрова О. А., Борковская Е. И. «Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 5. С. 97-104.*
2. *Амеличева Д. В., Белова О.Р., Семенова Е. А, Тиханов Н. Е. Ценностные ориентиры и карьерные предпочтения поколения Z: какие экономические изменения принесет молодое поколение // Вестник Академии знаний. 2021.Т.6. № 46. С. 24-30.*
3. *Ипотека. Динамика ставок предложения топ-20 ипотечных банков. Дом РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Аналитика. Ипотека (дата обращения 07.10.2025).*
4. *Коленникова Н. Д. Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 4. С. 247-263.*
5. *Котовщикова К. В. Теория поколений: специфика поколения Z // Сборник статей Международной научно-практической конференции Вызовы времени и ведущие мировые научные центры. – Уфа: Омега Сайнс, 2019. – С. 192-195.*
6. *Миргородская О. Н. Состояние и перспективы развития глобального рынка коливингов в условиях экономики совместного потребления // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. Т.3. №79. С. 97-108.*
7. *Морозова А.А. Конфликты родителей и детей-студентов на фоне их совместного проживания // Форум молодёжной науки. 2021. № 4. С. 75-80.*
8. *Первоначальный взнос по ипотеке: изменения с 2025 года. ЦИАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Первоначальный взнос по ипотеке в 2025 году (дата обращения 06.10.2025).*
9. *Эксперты рассказали, как зумеры разрушают стереотипы найма жилья. Недвижимость РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Эксперты рассказали, как зумеры разрушают стереотипы найма жилья – Недвижимость РИА Новости, 09.08.2024 (дата обращения 07.10.2025).*
10. *44% зумеров и 37% миллениалов не имеют квартиры в собственности. Forbes.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:. 44% зумеров и 37% миллениалов не имеют квартиры в собственности | Forbes.ru (дата обращения 05.10.2025).*

ЦИФРОВОЕ Я: КАК СТУДЕНТЫ ФОРМИРУЮТ СВОЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ (НА ОСНОВЕ СТУДЕНЧЕСКИХ МИНИ-ЭССЕ)

Салтанович Ирина Петровна
(Кафедра истории и социальных наук)

Цифровая идентификация становится ключевым понятием современного общества, отражая способы, с помощью которых индивиды конструируют и презентуют себя в онлайн-среде. По результатам анализа мини-эссе студентов можно выделить ряд социологически значимых тенденций и тезисов.

В эпоху цифровой трансформации процессы конструирования идентичности кардинально изменились. Современные молодые люди формируют представления о себе не только в физическом мире, но и в многочисленных цифровых пространствах, где действуют особые правила, возможности и ограничения. Цифровые платформы

предоставляют беспрецедентные возможности для самопрезентации, экспериментирования с идентичностью и социального взаимодействия. Для поколения, выросшего в цифровую эпоху, граница между онлайн и офлайн идентичностью становится все более размытой. Цифровое пространство не является просто дополнением к "реальной" жизни – оно становится полноценной ареной для развития личности, построения отношений и социального самоопределения. В этом контексте понимание стратегий цифрового конструирования Я приобретает критическую важность для социологии, психологии и образования.

Несмотря на растущий интерес к цифровой идентичности, большинство исследований фокусируется либо на технологических аспектах, либо на негативных последствиях использования социальных сетей. Существует разрыв между теоретическими концепциями цифровой идентичности и эмпирическим пониманием того, как именно происходит процесс конструирования Я в повседневных цифровых практиках.

Работа опирается на интеграцию нескольких теоретических подходов. Символический интеракционизм (Дж. Мид, И. Гофман) предоставляет концептуальную основу для понимания идентичности. Концепция "управления впечатлениями" Гофмана особенно релевантна для анализа цифровой самопрезентации. Теория социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) позволяет рассматривать цифровую идентичность как результат активного конструирования реальности в специфическом социально-технологическом контексте. Концепция "текучей современности" З. Баумана объясняет множественность и изменчивость цифровых идентичностей как отражение общих характеристик современного общества.

Цифровая идентичность имеет сложную структуру: она включает персональный уровень – «твердое ядро» уникальных характеристик, и социальный уровень – идентификацию с нормами и ценностями определённых виртуальных сообществ. В цифровой среде усиливается тенденция к стандартизации, унификации, желанию понравиться широкому кругу виртуальных лиц, что может подавлять индивидуальность и творчество, свойственные реальному человеку.

Исследование базируется на методологии, позволяющей глубоко изучить субъективный опыт цифрового самоконструирования. Основным методом сбора данных явился анализ рефлексивных эссе студентов (280), дополненный элементами цифровой этнографии, давший возможность выявления как осознанных, так и неосознаваемых стратегий, понимания субъективных смыслов цифровых практик.

Основные категории анализа:

Цифровая идентичность: как автор определяет себя в цифровом пространстве.

Роли и функции: какие роли выполняет автор

Навыки и компетенции: какие цифровые навыки и умения отмечает автор

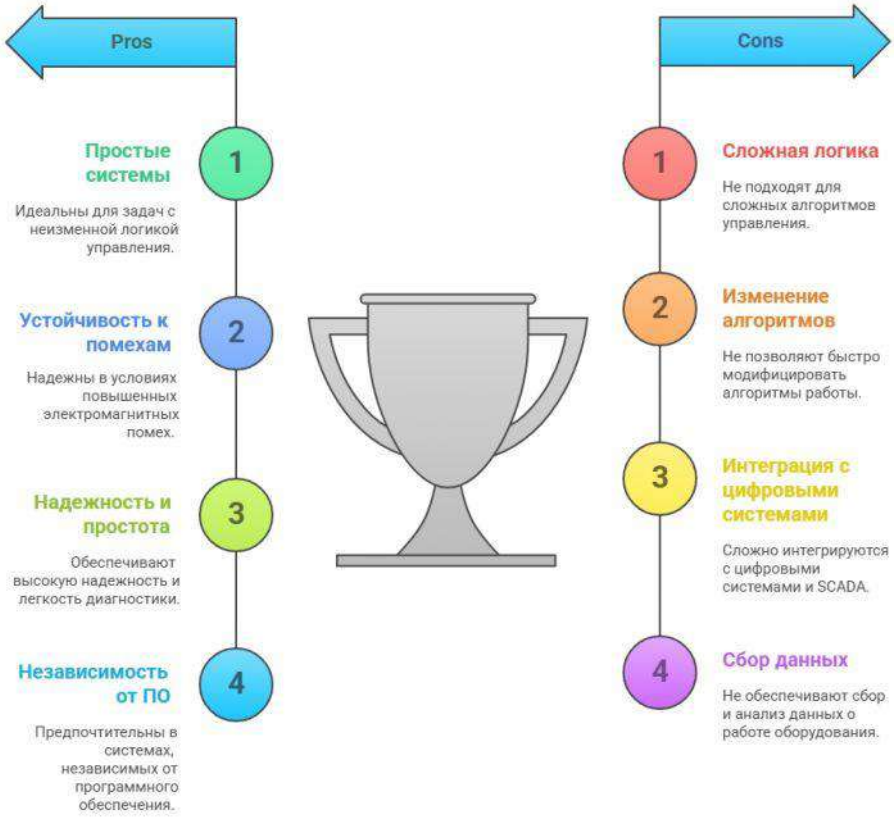
Отношение к технологиям: как автор воспринимает технологии

Конструирование Я в цифровом мире

Многоуровневость понятия. Цифровая идентификация воспринимается студентами не как разовый акт регистрации в системе, а как длительный процесс самопрезентации и социального подтверждения. Молодые люди отмечают различие между «официальной» цифровой идентичностью (банковские системы, образовательные порталы) и «неформальной» (соцсети, игровые профили, творческие аккаунты).

Онлайн-профили становятся продолжением оффлайн-личности, но одновременно и пространством для эксперимента с новыми идентификациями (роль, стиль общения, визуальный образ). Студенты подчеркивают, что цифровая идентичность формирует социальные роли быстрее, чем традиционные институты социализации.

Отношение к цифровому миру выстраивается в эссе как позитивное (осознание положительных возможностей, инструмент для обучения, работы, общения и самореализации), так нейтрально-осторожное с большой долей осознания рисков.

Роли в цифровом мире. Эссе показывают глубокое понимание студентами своей роли в современном цифровом мире. Они осознают как преимущества (доступ к информации, возможности для развития), так и риски (перегрузка информацией, угрозы безопасности). Студенты стремятся быть сознательными пользователями технологий, сохраняя баланс между онлайн-активностью и офлайн-жизнью.

Роли в цифровом мире	**Процент**
Потребитель контента	60 %
Создатель контента	30 %
Нейтральная позиция/не определились	10 %

Цифровой мир многими воспринимается как волшебная шкатулка. Некоторые студенты подчеркивают свою роль в анализе информации или просто в наблюдении за происходящим, фильтруют информацию, осознают риски избытка данных, определяя себя как *критика/наблюдателя. Исследователи: п*остоянно открывают новые горизонты, учатся и экспериментирует. *Потребители контента:* многие студенты идентифицируют себя как активных потребителей информации и цифрового контента (социальные сети, музыка, сериалы, новости). Также во многих работах отмечено эмоциональное восприятие своей роли.

Самоидентификация в цифровом мире. Некоторые студенты глубже размышляют о своей роли в цифровой эпохе и выделяют следующие аспекты:

• Гибрид реальности и виртуальности: жизнь одновременно в онлайн- и офлайн-мире.

• Критический мыслитель: Умение анализировать информацию и отличать факты от мнений.

• Цифровой хранитель информации: Использование виртуальных хранилищ для сохранения воспоминаний и данных.

• Путешественник в интернете: Исследование различных сайтов и цифровых пространств.

Студенты осознают свою *цифровую идентичность* как совокупность данных (социальные профили, история поиска, активности в интернете). Некоторые отмечают эволюцию своей роли от наблюдателя к активному пользователю.

Также в эссе прослеживается *поколенческая идентичность*. Студенты осознают себя как «цифровых уроженцев», выросших в эпоху стремительного развития технологий. Они отмечают, что старшие поколения склонны рассматривать цифровую идентификацию исключительно в утилитарном ключе (доступ к услугам), тогда как молодежь – как часть самовыражения и социальной капитализации. Цифровая идентичность рассматривается ими как ресурс (для карьеры, сетевого позиционирования, поиска единомышленников). Упоминаются особенности поколения, такие как многозадачность и быстрая адаптация к изменениям.

Конструируя Я в цифровом пространстве, современные студенты живут одновременно в онлайн и офлайн-мире, что создает уникальную гибридную реальность. Это сочетание требует от них умения адаптироваться и находить баланс между двумя мирами, осознавать влияние цифрового следа. Значительная часть эссе указывает на амбивалентность цифрового следа: с одной стороны, он позволяет подтвердить «подлинность» пользователя, с другой – формирует ощущение контроля и утраты приватности. Осознается риск «цифрового досье», где информация об учебе, покупках, комментариях становится неподвластной индивидуальной коррекции.

Важно понимать, что взаимодействие в цифровом пространстве не отменяет реальных социальных связей, а, наоборот, может их обогащать. Студенты видят себя как часть цифрового мира с разнообразными ролями – от пассивных наблюдателей до активных создателей контента, осознавая влияние технологий на жизнь своего поколения, включая как преимущества (многозадачность, доступ к информации), так и недостатки. Большинство студентов стремятся найти баланс между реальной жизнью и цифровым пространством.

Игра с новыми медиа-инструментами и технологиями – это увлекательный и продуктивный аспект открытия новых способов мышления. Мы сейчас переносим будущее в новые пространства, особенно путем взращивания связей между ИИ – предвидением и средствами массовой информации, искусством и дизайном, которые призваны помочь аккультурировать – встроить в нашу культуру – новые способы мышления.

По текстам можно сделать вывод, что студенты осознают: цифровая идентификация становится новой формой социального капитала – количество подписчиков, репутация в сети и видимость в профессиональном онлайн-пространстве получают ценность, сопоставимую с дипломом или опытом работы. Цифровая идентичность в будущем связывается ими с концепцией «цифрового гражданства», где личность оценивается по ее онлайн-активности и цифровым следам.

Проведенный анализ позволил выявить сложную и многоуровневую систему стратегий цифрового конструирования Я среди современной молодежи. Основные

результаты можно сформулировать по типологическому разнообразие стратегий, по степени осознанности, по направленности, по социальной ориентации: от индивидуалистических до коллективистских подходов. Цифровое конструирование идентичности представляет собой не статичный результат, а динамический процесс, характеризующийся возрастной эволюцией, кризисными трансформациями, постоянной адаптацией: гибким реагированием на изменения технологической и социальной среды.

Исследование расширяет понимание процессов идентификации в цифровой среде, показывая, что цифровая идентичность не является простым отражением офлайн-личности, а посредством множественности цифровых платформ создаются возможности для развития полиидентичности. Следовательно, рекомендуется в современном образовании в понимание цифровой грамотности включать не только технические навыки, но и рефлексию понимания стратегий цифрового самоконструирования, учитывая в педагогических практиках множественность цифровых идентичностей студентов.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Свиридов Борис Александрович
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Зорина Елизавета Юрьевна
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Аннотация. В статье рассматривается проблема самореализации молодежи в контексте современного общества, акцентируется внимание на необходимости достижения внутреннего баланса для эффективного развития личности. Проанализированы теоретические подходы к понятию самореализации, выделены ключевые факторы, влияющие на ее реализацию, а также выявлены препятствия и предлагаются стратегии формирования гармоничного личностного развития. В результате представлены рекомендации по оптимизации процессов самореализации молодежи, способствующие формированию устойчивых ценностных ориентаций и психологического благополучия.

Ключевые слова: самореализация, молодежь, личностное развитие, баланс, психологическое благополучие, мотивация, социальные факторы.

Введение. В условиях быстроменяющегося информационного общества и глобализации проблема личностной самореализации молодежи приобретает особое значение. Согласно теории Маслоу (1943), самореализация – вершина иерархии потребностей человека, предполагающая раскрытие внутренних потенциалов и достижение личных целей. Однако современные исследования выявляют, что процесс самореализации сопряжен с необходимостью поиска внутреннего баланса между различными аспектами жизни – профессиональной, социальной, личной, духовной – что особенно актуально для молодежи, находящейся в стадии активного формирования идентичности [1, 2, 3].

Цель данной статьи – провести системный анализ факторов, влияющих на процесс самореализации молодежи, определить основные препятствия и предложить научно

обоснованные стратегии достижения внутреннего баланса в контексте личностного развития.

Понятие самореализации. Самореализация – это осознанный процесс активного раскрытия своих способностей и реализации потенциала в рамках личностных и социальных возможностей. В современной психологии выделяют различные подходы к изучению этого явления: гуманистический, когнитивный, мотивационный.

Важность баланса в самореализации. Исследования показывают, что успешная самореализация достигается при условии гармоничного сочетания различных сфер жизни, что способствует психологическому здоровью и устойчивости личности. Недостаток баланса ведет к профессиональному выгоранию, стрессам и снижению качества жизни.

Методология исследования. Для анализа процесса самореализации молодежи использовались методы системного обзора литературы, сравнительный анализ современных исследований, а также эмпирические данные, полученные посредством анкетирования и интервью с представителями молодежных групп (возраст 18 – 25 лет), а также специалистами в области психологии и социологии.

Основные факторы, влияющие на самореализацию молодежи

Внутренние факторы

Мотивация. Внутренняя мотивация, основанная на личных ценностях и интересах, способствует более высокой степени самореализации. Внешняя мотивация, напротив, может ограничивать развитие личности.

Самоэффективность. Вера в собственные силы является ключевым фактором достижения целей.

Личностные ресурсы. Эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, гибкость мышления способствуют адаптации и развитию.

Внешние факторы

Социальная среда. Семья, образовательные учреждения, сверстники, социальные сети оказывают значительное влияние на мотивацию и возможности самореализации.

Экономические условия. Финансовая стабильность и доступ к ресурсам расширяют возможности для обучения, самообразования и профессионального роста.

Культурные установки. Общепринятые ценности, нормы и стереотипы могут либо стимулировать, либо препятствовать развитию индивидуальности.

Препятствия на пути к внутреннему балансу и реализации потенциала

Социальное давление. Стремление соответствовать ожиданиям окружения может подавлять личностные инициативы.

Психологические барьеры. Низкая самооценка, страх неудачи, тревожность мешают активным действиям.

Информационный шум и переизбыток. Непрерывный поток информации усложняет выбор и способствует распылению усилий.

Экономическая нестабильность. Недостаток ресурсов ограничивает возможности для обучения и самореализации.

Стратегии достижения гармонии и эффективности в самореализации

1. Формирование осознанных целей

Использование методов целеполагания по модели SMART способствует ясности и конкретности задач, повышая мотивацию и уверенность).

2. Развитие внутренней мотивации и самоэффективности

Обучение навыкам саморегуляции, развитие навыков рефлексии и эмоционального интеллекта улучшают внутреннюю мотивацию и способствуют устойчивости к стрессам.

3. Создание системы поддержки

Поддержка наставников, участие в группах по интересам, развитие социальных связей обеспечивают эмоциональную поддержку и расширяют возможности для личностного роста.

4. Балансировка профессиональной деятельности и личной жизни

Практики тайм-менеджмента, включение в жизнь хобби, спорт и отдых помогают поддерживать внутреннюю гармонию.

5. Гибкость и адаптивность

Развитие навыков адаптации к изменениям, обучение новым компетенциям и открытость к новым опыту позволяют преодолевать препятствия и находить новые возможности для самореализации.

Практические рекомендации для специалистов и молодежи

Образовательные программы должны включать компоненты развития личностных ресурсов, навыков эмоциональной регуляции и критического мышления.

Психологическая поддержка и тренинги по развитию саморегуляции должны быть доступны для молодежи.

Информационная грамотность поможет избежать перегрузки и выбрать качественные источники информации.

Создание условий для самореализации в рамках молодежных инициатив, волонтерских программ и стажировок способствует формированию компетенций и повышению мотивации.

Заключение. Процесс самореализации молодежи – сложный и многоаспектный, требующий гармоничного сочетания внутренних ресурсов и внешних условий. Важнейшим аспектом является поиск внутреннего баланса, позволяющего реализовать потенциал без ущерба для психологического и физического здоровья. Научные исследования указывают на необходимость системного подхода к формированию условий для развития личности, в том числе через развитие мотивации, эмоциональной компетентности и социальной поддержки. В условиях современного общества от молодежи требуется не только достигать целей, но и сохранять внутреннюю гармонию, что является ключом к успешной и полноценной жизни.

1. *Байлук, В. В. Человекознание. Духовная самореализация личности: законы успеха: монография / В. В. Байлук / – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 511 с.*
2. *Печеркина, А. А. Личностно-профессиональная самореализация: анализ исследований отечественных и зарубежных авторов / А. А. Печеркина, К. Д. Катькало // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 1. – С. 88 – 95.*
3. *Пископпель, А. А. Природа человека в концепции А. Маслоу// Вопросы психологии. 1999. – № 2. – С. 75 – 87.*

СОЦИАЛЬНАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О РЕПРОДУКТИВНОМ ЗДОРОВЬЕ

Соломатина Елена Николаевна
(ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет)

Аннотация. В докладе представлены результаты прикладного социологического исследования, раскрывающие отношение российской молодежи к репродуктивному здоровью. В ходе исследования были реализованы количественный (анкетный онлайн опрос) и качественный (глубинное интервью с экспертами) методы. Исследовательские

вопросы затрагивали оценку респондентами состояния собственного репродуктивного здоровья, частоту посещения врачей-специалистов, основные источники информации для получения знаний о репродуктивном здоровье.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивное здоровье, уровень социальной осведомленности.

Репродуктивное здоровье молодежи является одним из приоритетных социальных факторов развития современного российского общества. Отношение к репродуктивному здоровью у молодежи и формирование различных социальных практик во многом определяется той информацией, которую транслируют современные социальные институты.

В отечественной научной литературе акцентируется внимание на необходимость усиления государственной поддержки семейных ценностей и создания условий для здорового репродуктивного поведения, способствующего росту населения. В этом контексте репродуктивное здоровье молодежи рассматривается как фактор социального благополучия и стабилизации численности населения. Российские программы охраны репродуктивного здоровья содержат меры по улучшению медицинского обслуживания молодежи, основной акцент при этом делается на воспитании традиционных ценностей и повышение уровня ответственности [1, 184 – 194].

Несмотря на активную государственную политику в области повышения репродуктивного здоровья молодежи, наличие всевозможных действующих программ, состояние репродуктивного здоровья молодежи остается неудовлетворительным. Более того многие молодые люди не стремятся к получению новых знаний и улучшению своего здоровья, что ставит под угрозу успешное развитие и формирование репродуктивного потенциала.

Для изучения важности и отношения молодежи к вопросам репродуктивного здоровья был проведен онлайн-опрос среди студентов г. Москвы, обучающихся в высших учебных заведениях по разным направлениям подготовки. Базой исследования стала выборка, состоящая из 350 респондентов в возрасте от 21 до 35 лет.

Вопросы анкеты касались оценки респондентами состояния собственного репродуктивного здоровья, частоты посещения врачей-специалистов, а также того, какие источники информации они считают основными для получения знаний о репродуктивном здоровье. Структурно анкета была представлена 4 блоками, которые содержали социально-демографические характеристики, понимание репродуктивного здоровья, информированность и источники информации, а также заботу о собственном здоровье.

Анализ социально-демографических характеристик респондентов показал, что исследуемая выборка охватывает как мужчин, так и женщин в соотношении, близком к равному (мужчины – 45,7 %, женщины – 54,3 %), что обеспечивает представительность данных. Основная возрастная категория респондентов приходится на 25 лет (51,4 %), именно эта группа активно участвует в онлайн-опросах и демонстрирует интерес к вопросам репродуктивного здоровья. Более половины респондентов являются студентами естественно-научных направлений обучения (57,1 %), а остальные – гуманитарных (42,9 %). При этом лишь 34,3 % участников имеют детей, что подчеркивает актуальность вопросов репродуктивного здоровья для этой группы на уровне планирования и профилактики (рис. 1.).

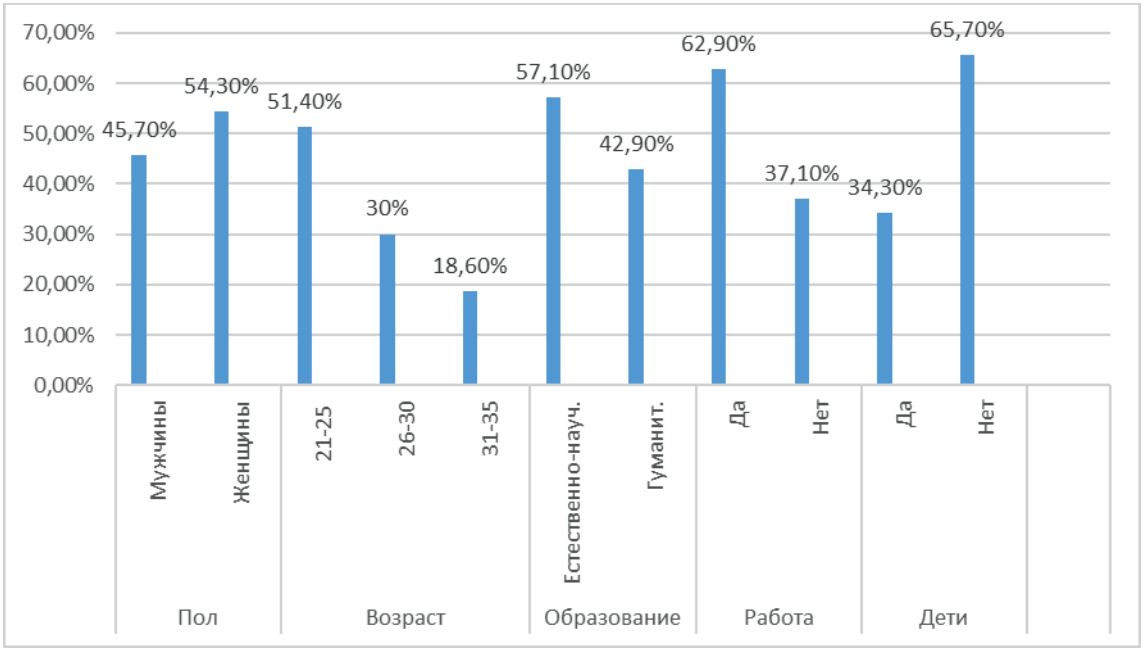

Рисунок 1. Результаты распределения социально демографических показателей респондентов

Результаты по вопросам понимания репродуктивного здоровья показывают, что, хотя большая часть респондентов (60%) знакомы с термином, существует неоднородность в его восприятии. Так, почти половина респондентов (45, 7%) определяют репродуктивное здоровье как способность к зачатию и рождению детей, тогда как только 35, 7% видят его как состояние физического и психологического благополучия (рис. 2.).

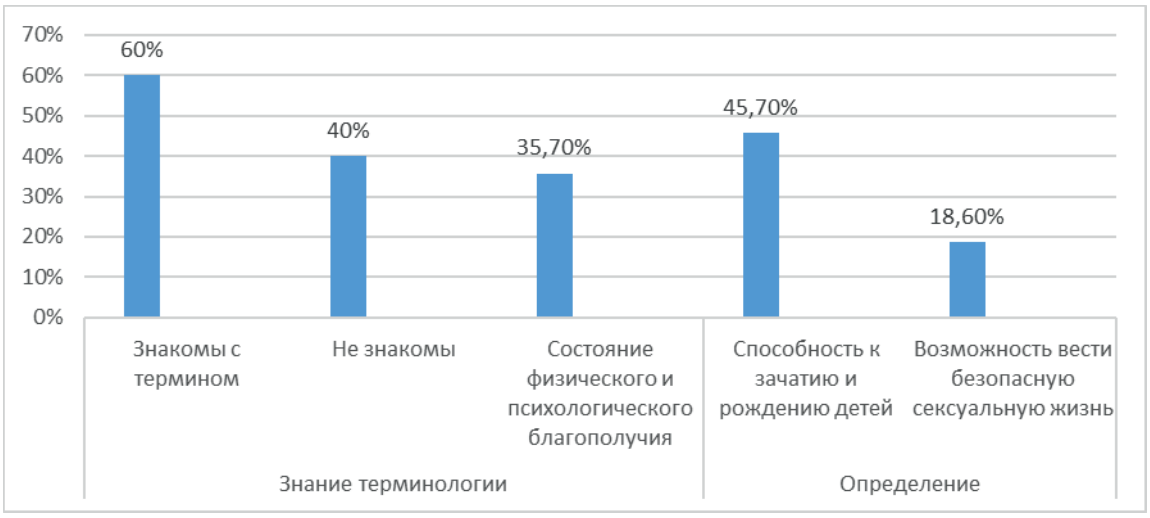

Рисунок 2. Распределение понимания факторов репродуктивного здоровья среди респондентов

Собственный уровень информированности по вопросам репродуктивного здоровья чуть менее половины респондентов (48,6 %) оценили как средний. Основным источником информации были названы интернет и социальные сети (62,9 %), при этом только 22,9 % респондентов обращаются за информацией к медицинским специалистам. Данная тенденция отражает склонность молодежи к самостоятельному поиску необходимой информации.

Частота посещения врачей-специалистов среди респондентов остается относительно низкой. Так, почти 64,3 % участников посещают специалистов реже одного раза в год или избегают посещений вообще, только 14,3 % опрошенных посещают врачей каждые полгода.

Для получения экспертной оценки, были проведены 12 глубинных интервью с экспертами, работающими в областях молодежной политики, здравоохранения и просвещения. Экспертами выступили представители медицинских учреждений, исследователи в области репродуктивного здоровья и руководители молодежных программ, имеющие не менее пяти лет опыта работы с молодежной аудиторией.

В ходе интервью эксперты выделили несколько основных направлений, характеризующих уровень осведомленности молодежи:

ограниченность базовых знаний о репродуктивном здоровье;

основные источники информации и их качество;

институциональные барьеры и проблемы в системе образования;

роль семьи и общества.

В контексте ограниченности базовых знаний о репродуктивном здоровье, по мнению экспертов, значительная часть молодых людей сталкивается с проблемами недостатка информации, поскольку в образовательных учреждениях вопросы здоровья либо не охватываются должным образом, либо касаются лишь поверхностных тем. «*На мой взгляд, уровень знаний крайне низок. Молодежь часто не понимает, что репродуктивное здоровье охватывает не только физиологические, но и психологические аспекты*.» (Эксперт клиники «Инвитро», врач акушер-гинеколог, 47 лет).

Также интервьюируемые подчеркивали, что интернет и социальные сети являются основными источниками информации для молодежи, что дополнительно подтверждается и данными анкетного опроса. «*Социальные сети сейчас практически заменили молодежи традиционные источники информации, но это создает риск дезинформации*.» (Эксперт клиники «A MED Clinic», врач акушер-гинеколог, 43 года). *«Интернет и социальные сети часто становятся источником заблуждений, особенно когда они используются без фильтрации контента.»* (эксперт клиники «Инвитро», врач акушер-гинеколог, 52 года).

Специалисты указали на высокую вероятность попадания молодежи на ресурсы, где распространяются мифы и заблуждения о методах предохранения, последствиях заболеваний и профилактических мерах. Одной из причин недостаточной информированности, по мнению экспертов, является также отсутствие обязательных образовательных программ по вопросам репродуктивного здоровья в школах и вузах.

В ходе интервьюирования многими экспертами было отмечено, что на уровень информированности также влияет недостаточное внимание к вопросам репродуктивного здоровья в семейной среде. Эксперты отметили, что в российском обществе обсуждение сексуального и репродуктивного здоровья зачастую табуировано. Такая среда создает барьеры для формирования открытого и здорового восприятия этих тем среди молодых людей. Многие респонденты анкетного опроса указывали, что в их семьях такие темы либо не обсуждаются вовсе, либо обсуждаются поверхностно. Такой пробел в семейном воспитании подчеркивается и экспертами как один из факторов, ограничивающих доступ молодежи к объективной и научно обоснованной информации.

Также, экспертами, в ходе интервью были сформулированы основные перспективы и предложения по улучшению информированности молодежи о репродуктивном здоровье. В числе рекомендаций – создание специализированных онлайн-платформ, поддерживаемых государственными или медицинскими учреждениями, где молодые люди могли бы получать достоверную информацию от квалифицированных

специалистов; значимость интеграции образовательных программ по репродуктивному здоровью в систему высшего образования.

Основные результаты исследования и полученные выводы:

Умеренная положительная корреляция (r = 0,45) была выявлена между уровнем осведомленности о репродуктивном здоровье и частотой посещения врачей. Данный факт указывает на то, что информированные респонденты чаще проходят профилактические обследования.

Информированность тех, кто ориентируется на интернет и социальные сети, оценивается ниже, чем у тех, кто полагается на медицинских специалистов (средняя оценка 3.2 и 4.1 по пятибалльной шкале соответственно).

Выявлена умеренная положительная корреляция между направлением подготовки (естественные или социально-гуманитарные направления) и уровнем осведомленности о репродуктивном здоровье. Данная тенденция указывает на то, что студенты естественнонаучных направлений подготовки, как правило, обладают более глубокими знаниями и осведомленностью по сравнению с социально-гуманитарными.

Анализ экспертных оценок указывает на системные проблемы в обеспечении информированности молодежи о репродуктивном здоровье, которые обусловлены недостатками в образовательной системе и социальными, а также культурными барьерами. Основными источниками информации остаются интернет и социальные сети, которые, несмотря на свою доступность, содержат риски распространения ложной информации. Эксперты подчеркивают необходимость комплексного подхода, в который входила бы разработка и реализация образовательных программ, поддержка специалистов и участие семьи для формирования у молодежи ответственного отношения к вопросам репродуктивного здоровья.

1. *Русанова Н. Е., Исупова О. Г. Прокреативные ориентации и прокреативное поведение российского студенчества // Человек как открытая целостность: Монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – с. 420. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prokreativnye-orientatsii-i-prokreativnoe-povedenie-rossiyskogo-studenchestva (дата обращения: 19.08.2025).*

РОЛЬ ЕГЭ И ГАОКАО В СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КНР

Стаценко Полина Евгеньевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Ключевые слова: единый государственный экзамен, Гаокао, социальная мобильность.

Экзаменационные инструменты являются неотъемлемой частью систем образования. Они позволяют педагогам объективно оценить уровень усвоения учебного материала, а учащимся – получить справедливую оценку своих знаний, и в большинстве стран, определенные социальные преимущества. Так, в России и Китае высокие баллы на едином государственном экзамене (ЕГЭ) и Гаокао соответственно открывают для выпускников средней школы двери в вузы.

Изначальная концепция ЕГЭ в 2001 г. предполагала решение двух основных задач: совмещение выпускных экзаменов в средней школе и вступительных испытаний в вузах,

что должно было снизить нагрузку на выпускников. Помимо этого, введение ЕГЭ рассматривалось как инструмент повышения прозрачности и справедливости системы отбора абитуриентов, а также для противодействия коррупции. Российский педагог Э. Д. Днепров [2, 333], анализируя концепцию внедрения ЕГЭ, выделял следующие ключевые задачи:

ЕГЭ призван решить демократическую задачу, то есть расширить доступность высшего образования для выпускников из малообеспеченных семей и отдаленных регионов;

ЕГЭ решал бы гуманистическую задачу, снимая с ученика двойной стресс – от выпускных и вступительных экзаменов одновременно;

ЕГЭ ослаблял бы вузоцентризм системы образования, освобождал школу от диктата вузов;

ЕГЭ мог бы стать основой системы объективной оценки образовательной подготовки выпускников, деятельности в этом отношении школ и системы образования в целом.

Хотя сегодня ЕГЭ является не единственным каналом вертикальной мобильности молодежи, его функционал остается значимым. Ежегодно около 600 тыс. выпускников сдают ЕГЭ, чтобы поступить в вузы России. Для многих из них это означает переезд и возможность достичь более высокого социального статуса, чем тот, который был им доступен ранее.

В контексте теории капиталов П. Бурдье [1, 60], ЕГЭ может выступать как механизм воспроизводства социального неравенства. Достижение максимального балла требует от абитуриентов не только академических знаний, но и владения специфическими компетенциями: понимания критериев оценки, структуры заданий, ожиданий экзаменаторов и др. Поскольку школьная образовательная программа не всегда обеспечивает полноценное формирование данных компетенций, возникает потребность в привлечении внешних образовательных ресурсов: репетиторов и платных курсов. Это порождает существенные барьеры для семей с низким социально-экономическим статусом. Тем не менее, дискуссия о коммерциализации подготовки к ЕГЭ является не столь однозначной. Примером конструктивного подхода служит инициатива онлайн-школы «Школково» [4], которая стремится сгладить проблему неравных образовательных возможностей, предоставляет бесплатный доступ к своим курсам для школьных учителей. Данная мера направлена на интеграцию подготовки к ЕГЭ в учебный процесс и потенциально способствует снижению образовательного неравенства.

Согласно Б. Бернштейну [5] и теории педагогических дискурсов, экзаменационные системы представляют собой метод обучения. Когда участники экзамена осознают, на что им следует ориентироваться в своей деятельности и какие «рычаги» использовать, педагогическая деятельность теряет свою спонтанность и стихийность. В этом контексте стоит отметить функциональный аналог ЕГЭ – олимпиады для школьников, предназначенные для тех, кто стремится продемонстрировать более глубокое понимание изучаемого материала. Подготовка к олимпиадам, как правило, организована имплицитно, что создает у обучающихся иное восприятие учебной активности. Таким образом, формируется отдельная траектория для тех, кто считает ЕГЭ «слишком стандартизированным» или «необъективным» экзаменом.

Валидность ЕГЭ как прогностического инструмента для отбора абитуриентов требует дальнейшего изучения. Исследователи [3, 149] отмечают слабую корреляцию между баллами ЕГЭ и результатами входного тестирования студентов первого курса. Это

свидетельствует о недостаточной прогностической валидности ЕГЭ в отношении успешности обучения в вузе.

Если обращаться к КНР, Гаокао, как ключевой элемент образовательной политики Коммунистической партии Китая, воплощает принцип меритократии, стремясь выявить наиболее способных студентов вне зависимости от их социального происхождения, экономического статуса или идентичности. Исторически Гаокао восходит к древнему императорскому экзамену Кэцзюй, учрежденному в 606 г. до н.э. с целью отбора талантов из различных слоев общества для занятия государственных должностей. С момента своего введения экзамен характеризовался акцентом на запоминании и воспроизведении информации, что остается его отличительной чертой и в настоящее время. Современный вид Гаокао получил в 1952 г. и существует до сих пор с перерывом на 10 лет в период Культурной революции.

Для сельских школьников Гаокао – практически единственный шанс повысить свой социальный статус. Обычно абитуриенты поступают в ближайший к дому университет, если набирают минимальный проходной балл, установленный Министерством образования. Поступление в престижный университет дает своеобразный «вид на жительство» в другой провинции, позволяющий переехать и начать новую жизнь, при этом можно забрать с собой семью. В условиях политики «одного ребенка» и отсутствия пенсионных выплат, вся забота о старших поколениях ложится на плечи единственного ребенка. Поэтому и он, и его родные прилагают максимум усилий для достижения высшего балла на Гаокао, что обеспечит лучшую жизнь всей семье. Родители инвестируют в дополнительные курсы, максимально загружая свободное время ребенка. Подготовка к экзамену превращается в изнурительный труд под постоянным давлением ожиданий.

В китайском обществе также наблюдается парадоксальная, но эффективная система распределения образовательных амбиций. Традиционно значительная часть выпускников ориентируется на поступление в университеты в пределах своих провинций. Тем не менее, в провинциях, где сконцентрированы ведущие вузы страны, процент местных выпускников, успешно поступающих в них, относительно низок. Учащиеся из Пекина, Шанхая и Сианя часто имеют стремление к получению образования за рубежом (преимущественно в США, Европе и России) благодаря финансовым возможностям их семей. В результате, освобождаются места в престижных китайских университетах, которые, посредством конкурсного отбора, достаются студентам из провинций, чем приводится в действие социальный лифт.

Функционирование меритократической системы требует, чтобы рычагом социальной мобильности был действительно объективный инструмент оценивания знаний. Сравним ЕГЭ и Гаокао с этой точки зрения. Основываясь на таксономии Блума [6] (по возрастанию сложности: знание, понимание, применение, анализ, синтез, оценка), а также анализа открытых заданий ЕГЭ и Гаокао, можно сделать следующие выводы. В ЕГЭ превалируют задания на знание и понимание, в заданиях с развернутым ответом – на применение; в Гаокао – на знание и применение, а в заданиях с развернутым ответом – на оценку и создание. Таким образом, можно предположить, что Гаокао в среднем проверяет знания на более глубоком уровне и, в связи с этим более качественно дифференцирует китайских выпускников, нежели ЕГЭ.

Оба экзамена имеют свои плюсы и минусы для молодежи. К ЕГЭ проще подготовиться и сдать при помощи «натаскивания на критерии», изучения клише и т.п., и в то же время для одаренных школьников есть альтернативный путь поступления в вузы – олимпиады по 24-м профилям. Китайский Гаокао не имеет функциональных аналогов в

стране и является единственным способом поступить в вуз, однако он действительно приводит знания к тому виду, который пригодится в дальнейшей жизни, вплоть до работы.

ЕГЭ и Гаокао выступают ключевыми инструментами социальной мобильности в России и КНР, формально обеспечивая равные возможности. Однако на практике оба экзамена воспроизводят социальное неравенство из-за неравного доступа к качественной подготовке. Тем не менее, для многих выпускников, особенно из регионов и малообеспеченных семей, экзамены остаются важнейшим путем к лучшей жизни.

1. *Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. №5.*
2. *Днепров, Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки / Э. Д. Днепров. – 2-е изд., доп. – Москва : Мариос, 2011. – 471 с.*
3. *Новикова, Е. В. О соответствии между успеваемостью студентов первого курса и результатами ЕГЭ по математике / Е. В. Новикова // Преподавание математики и информатики в школах и вузах: проблемы содержания, технологий и методики : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2022. – С. 144–151.*
4. *Школково. Специальное предложение для учителей. БЕСПЛАТНЫЙ доступ к любому курсу подготовки к ЕГЭ или олимпиадам от «Школково» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – URL: https://vk.com/wall-118664176_63088 (дата обращения: 06.10.2025).*
5. *Bernstein, B. Social Structure, Language and Learning / B. Bernstein // Educational Research. – 1961. – Vol. 3, № 3. – P. 163–176.*
6. *Bloom, B. S. Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals. Handbook I: Cognitive Domain / B. S. Bloom. – New York: David McKay Company, 1967. – 207 p.*

СТУДЕНТЫ-СОЦИОЛОГИ СМОЛГУ О СВОЕЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ И БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

Сухова Елена Евгеньевна
(Смоленский государственный университет)

Кажанов Олег Александрович
(Смоленский государственный университет)

Преобразования в современной России диктуют потребность в высококвалифицированных кадрах, способных обеспечить поступательное развитие страны с учетом новых вызовов. Особое место здесь отводится социологам. При этом до сих пор в нашей стране сохраняется довольно низкий уровень информированности населения о социологии как профессии и виде деятельности [1; 5], что оказывает существенное влияние на количественные и качественные характеристики приема в вузы на соответствующее направление подготовки, мотивацию студентов-социологов во время обучения, и в конечном итоге на решение выпускников остаться в отрасли или сменить профессию.

В 2025 году на социологическом факультете Смоленского государственного университета проведен опрос студентов-социологов очной формы обучения (n=114) с целью выявления их отношения к учебе и будущей профессии. Получены следующие результаты. Основным мотивом выбора направления подготовки при поступлении оказалась возможность учиться на бюджетной основе (31,17 %). На 16,24 % опрошенных повлияла рекламная информация о специальности, полученная на факультете, а 14,29 % респондентов посчитали, что процесс обучения будет несложным, и лишь 11,04 % отметили, что считают профессию социолога своим призванием. Тот факт, что

поступление абитуриентов во многом носило случайный характер, подтверждается признанием половины респондентов в том, что решение об участии в конкурсе они принимали в момент подачи документов для поступления в вуз (50,00 %). Только каждый пятый студент указал, что определился с направлением подготовки во время обучения в выпускном классе школы (21,05 %). Схожая картина зафиксирована при изучении Лобановой М. И. и Сторожевой С. П. мотивов поступления на направление подготовки «Социология» в вузах Новосибирска [2, 92 – 95]. Слабая информированность абитуриентов о содержании социологического образования констатируется также в работе Чирковой А. В. [6, 901].

Выявлено, что у более половины студентов-социологов в процессе обучения изменилось отношение к профессии (70,18 %), к тому же 64,91 % опрошенных демонстрируют устойчивый интерес к ее освоению. Эту тенденцию подтверждают, например, итоги опроса, проведенного Поповым Е. А. среди студентов-социологов, обучающихся в вузах Сибирского федерального округа [3, 137]. В то же время, если бы смоленские обучающиеся вновь оказались в ситуации выбора направления подготовки, то каждый второй не изменил бы его (49,12 %), а около одной трети опрошенных (38,60 %) поступили бы на другую специальность. В качестве основного обоснования своей позиции студенты указали интерес к социологии (26,32 %) или его отсутствие (14,04 %). Симптоматично, что почти треть респондентов затруднились объяснить свой выбор (31,58 %).

Определяя набор личностных качеств, присущих профессиональному социологу, студенты акцентировали внимание на коммуникабельности (18,66 %), терпении (12,4 %), объективности (10,83 %), что в целом соотносится с выбором опрошенными основных умений и навыков, необходимых специалисту: способность быстро выступать в контакты с незнакомыми людьми (15,05 %), знание основ социологии и других смежных наук (15,05 %), владение информационными технологиями для обработки и анализа данных (11,99 %), умение применять методы социологического исследования (11,99 %). Другими словами, профессия социолога ассоциируется у студентов с работой с населением как объектом изучения, а также с использованием специальных научных знаний, получаемых в вузе.

Качество получаемого социологического образования респонденты определяют следующим образом: 16,7 % удовлетворены полностью, 48 % – скорее да, чем нет. И, хотя почти половина обучающихся не демонстрирует полной уверенности в высказанной оценке, подавляющее большинство опрошенных считают ряд важнейших теоретических и практических компетенций сформированными. В первую очередь, это – умение самостоятельно осваивать новые знания (95,61 %), работать в команде над совместными проектами (90,35 %), выполнять требуемый объем работы в установленные сроки (88,60 %), логично и аргументировано излагать свои мысли (87,72 %), работать с большим объемом информации и анализировать социально значимые проблемы (по 85,09 %). К числу наименее сформированных компетенций почти треть респондентов относят владение современными методами анализа социологической информации (28,95 %), умение составлять программу социологического исследования (27,19 %) и использование теоретических знаний для интерпретации результатов (26,32 %). Возможно, этим объясняется тот факт, что в отличие от результатов исследований, проведенных в ведущих вузах страны [1 и 4], в Смоленске не большинство, а только половина опрошенных (50,00 %) считает, что получаемая в вузе квалификация соответствует требованиям современного рынка труда.

Заинтересованность в поиске работы по специальности параллельно с обучением в вузе высказывает большинство студентов. Лишь 16 % считают, что это мешает учебе.

Однако, найти такую работу по специальности смогли лишь 3,51 % опрошенных, 28 % – хотели бы найти такую работу, столько же работают по другой специальности, и менять сферу деятельности не собираются. Среди ожиданий от будущей профессии у студентов-социологов доминирует, как и в других исследованиях, например упоминаемом выше опросе Лобановой М. И. и Сторожевой С. П. [2, 95 – 96], высокая заработная плата (98,25 %). Не менее значимыми для студентов СмолГУ оказались хорошие условия труда (97,37 %) и удовольствие от трудовой деятельности (93,86 %). 30,7 % опрошенных рассматривают основным показателем профессиональной деятельности самореализацию, личностный рост. Однако реальность вносит свои коррективы в высказываемые надежды. Лишь 35,97 % респондентов планируют после окончания вуза работать в сфере, связанной с социологией. 39,48 % настроены на трудовую деятельность вне сферы социологии, 24,56 % – не определились. 78,00 % студентов не верят в то, что в Смоленской области можно найти высокооплачиваемую работу в качестве социолога, 49,12 % считают, что в других регионах страны это сделать значительно легче. Опрошенные считают, что уровень престижности выбранной профессии выше в России в целом, чем в регионе, где они учатся.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что серьезным препятствием привлечения абитуриентов к получению социологического образования в Смоленском государственном университете является сохраняющаяся неопределенность социологии как направления подготовки и вида профессиональной деятельности, слабая востребованность профессии на региональном рынке труда и ее непрестижность в сознании молодежи. Это, во многом, определяет «случайный» характер выбора социологии как направления подготовки, нежелание повторять такой опыт в случае возникновения возможности, неверие в то, что профессия социолога позволит получить хорошо оплачиваемую работу в домашнем регионе. Смоленские студенты считают, что сделать это можно за пределами области, где в этом отношении складываются более благоприятные условия.

Установившиеся стереотипы создают сложности в проведении профориентационной работы, нивелируют в определенной степени эффективность образовательного процесса, стимулируя администрацию и преподавателей факультета к поиску новых возможностей и путей преодоления сложившейся ситуации.

1. *Кушнарев Ф. Ю. Представление и отношение студентов и магистрантов-социологов к выбранной специальности и будущей профессии // Alma mater: Вестник высшей школы. 2023. Вып.8 (август). С. 78-87.*
2. *Лобанова М. И., Сторожева С. П. Профессиональные ожидания студентов социологов // Идеи и идеалы. 2014. №2(20), Т.2. С. 88-97.*
3. *Попов Е. А. Профессия социолога: идеалы абитуриентов и консенсус студентов // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 130-139. DOI 10.31857/S013216250013144-1.*
4. *Попов Е.А. Будущая профессия социолога: ожидания абитуриентов // Социодинамика. 2020. № 10. С. 46–55.*
5. *Скворцов Н. Г., Зырянов В. В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40.*
6. *Чиркова А. В. О профессиональном самоопределении студентов-социологов // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Ответственный редактор. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 900–902.*

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Тарченко Вера Сергеевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова)

Лоскутова Ирина Мироновна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова)

Лещинская Софья Николаевна
(Институт международных экономических связей)

Проблема одиночества приобретает особое звучание в контексте цифровизации современного общества, благодаря которой произошли существенные изменения механизмов межличностной коммуникации. В настоящее время виртуальное пространство оказывает диалектически амбивалентное влияние на становление личности. Предлагая человеку все новые и новые возможности, оно подвергает его, как и многие процессы в современном обществе, отчуждению.

О трансформации коммуникативности свидетельствует и тот факт, что в настоящее время в межличностном взаимодействии наблюдается снижение качества человеческого общения: преобладают кратковременные, ценностно и эмоционально нейтральные связи и отношения, особенно в пространстве виртуального общения. Конечно, нельзя не признать, что виртуальное взаимодействие обогащает и расширяет количественные характеристики возможности коммуникации, но, с другой стороны, оно снижает ее качество: мы наблюдаем не более чем имитацию живого диалога между людьми, в которой нивелируется личность участника общения со всеми его индивидуально-личностными чертами.

Таким образом, увеличение чувства одиночества у молодёжи связано с ухудшением качества социальных связей в современном обществе. Современное общество предъявляет к молодёжи высокие требования и формирует установку на достижение успеха. Это приводит к ощущению одиночества из-за недостатка времени для социальных взаимодействий в реальной жизни. В результате этих изменений молодёжь может испытывать ухудшение качества социальных связей, что ведёт к повышению чувства одиночества. Однако стоит отметить, что не все молодые люди испытывают одиночество, и для некоторых это является индивидуальным опытом, зависящим в большей степени от таких факторов как занятость и отсутствие поддержки окружения.

Цифровое неравенство – это разрыв между людьми, который обусловлен неравномерным доступом к интернету и ограниченным доступом к цифровым ресурсам. Причем такой феномен может наблюдаться даже при наличии интернета и навыков, так как в таком случае цифровое неравенство может проявляться в ограниченном доступе к качественным цифровым ресурсам и образовательным материалам. То есть цифровое пространство стратифицировано, и доступ к ресурсам и материалам высокого уровня имеют не все люди.

Выделяют три уровня цифрового неравенства. Первый – физическое или материально-экономическое неравенство по уровню и качеству доступа и ИКТ. Второй – неравенство в навыках, то есть в возможностях самостоятельно создавать контент, осуществлять значимую для данной социальной группы коммуникацию. И третий уровень – особенности использования ИКТ. К таким особенностям использования

относится возможность увеличить уровень и качество жизни с помощью цифровых технологий.

При общей доступности цифровых услуг неравенство в цифровом пространстве не исчезает, а укрепляется.

Цифровизация может усиливать социальное одиночество, а цифровое неравенство – ограничивать возможности для общения и участия в общественной жизни.

ЖЕЛАЕМАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ШКОЛЬНИКОВ 1-11 КЛАССА

Тишина Полина Валерьевна
(Череповецкий Государственный Университет)

Молодежь в системе общественно-демографического воспроизводства общества играет особую роль – она в настоящем выступает зеркалом будущего того общества, в котором осуществляется ее социализация, профессиональное становление и изменение демографического статуса. Демографический статус молодежи имеет особое значение для демографического развития общества, поскольку в нем заложен социально-демографический потенциал воспроизводства населения этой группы. Важным фактором влияния на формирование демографического статуса молодежи выступают семейные ориентации.

Для выявления установок на тип семьи были использованы результаты социологического исследования проведенного в апреле 2025 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета в рамках гранта социальных проектов Благотворительного фонда «Дорога к дому» по теме «Моя будущая семья и семья будущего: представления школьников Череповца». Эмпирической базой исследования стал опрос учащихся 5 – 11 классов общеобразовательных школ г. Череповца по формализованной анкете по месту обучения, проведенный по кластерной выборке в десяти общеобразовательных школах города. Всего опрошено 780 человек.

Для анализа представлений о желаемой модели семьи жителей г. Череповца в исследовании использовалась типология А. В. Верещагиной, согласно которой в современной России сосуществуют три типа институциональных семей: традиционный, трансформационный и современный. Каждый из них отличается своими ценностными ориентирами, семейными установками и формами внутрисемейных отношений. Для нас интересен вопрос о том, как типология семей, предложенная А. В. Верещагиной, соотносится с демографическими ориентациями и представлениями подрастающего поколения о семье [1, 82 – 83].

Традиционный тип семьи характеризуется сохранением устойчивых патриархальных норм. Для него типичны ориентация на многодетность, осуждение разводов и добровольной бездетности, доминирующая роль мужчины в браке, а также признание необходимости официального оформления брачных отношений [1].

Трансформационный тип семьи отражает переходное состояние между традиционной и современной моделью. Для него свойственна неустойчивость ценностей и наличие противоречий: традиционные установки подвергаются сомнению, но новые нормы ещё не закреплены. Такие семьи нередко сохраняют верность идее официального брака и родительства, но в то же время допускают возможность вариативности ролей и личного выбора [1, с. 73].

Современный тип семьи основан на эгалитарных принципах, предполагающих равноправие супругов, ориентацию на качество межличностных отношений и приоритет личностного развития над ролевыми предписаниями. В рамках этой модели допускаются отложенное или сознательное бездетное родительство, гибкое распределение обязанностей и признание разнообразных форм брачно-семейных союзов [33, с. 89].

Ниже представлены интерпретации утверждений из исследования «Моя будущая семья и семья будущего: представления школьников Череповца», отражающие ключевые аспекты желаемой семейной модели в соответствии с типологией А. В. Верещагиной.

«Брак должен быть зарегистрированным, сожительство – это не настоящая семья» – согласие с этим утверждением характерно для традиционного типа семьи, где официальный брак обязателен. Трансформационный тип допускает частичное согласие, рассматривая сожительство как пробную форму отношений. Современный тип признаёт сожительство равноправной альтернативой браку, отдавая приоритет личному выбору.

«В семье должно быть много (3 и более) детей» – традиционный тип ценит многодетность как признак полноценной семьи, трансформационный тип выражает умеренное согласие, учитывая социально-экономические условия, а современный тип ориентирован на малодетность, считая важным качество воспитания.

«У женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок» – для традиционного типа наличие детей обязательно, трансформационный тип допускает индивидуальный выбор, а современный тип признаёт право на бездетность как социально приемлемое решение

«Семья может быть счастливой и без детей» – традиционные семьи отвергают такую возможность, считая детей основой счастья; трансформационный тип демонстрирует разнонаправленные мнения, отражающие переходное состояние ценностей; современный тип рассматривает гармонию семьи как независимую от наличия детей.

«Мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним» – традиционный тип нехарактерен, воспитательная роль традиционно у женщины; трансформационный тип желает равного участия, но не всегда реализует его; современный тип считает равное участие родителей ключевым.

«Мужчина должен активно принимать участие в ведении домашнего хозяйства» – в традиционном типе нехарактерно, в трансформационном желаемо, но может не выполняться; современный тип ориентирован на равноправное участие в быту.

«Уход и забота о ребенке – задача женщины, а не мужчины» – традиционный тип рассматривает это как норму, трансформационный допускает частичное согласие и гибкость, современный тип отвергает такую строгую гендерную роль.

«Главой семьи должен быть мужчина» – традиционный тип поддерживает патриархальное лидерство, трансформационный тип выражает частичное согласие с его элементами, а современный тип рассматривает лидерство как совместное и равноправное.

Таким образом, приведённые утверждения позволяют выявить преобладающие семейные установки и соотнести их с типами семьи по Верещагиной: традиционные ценности проявляются в патриархальных взглядах на брак, детей и распределение ролей; трансформационный тип отражает переходное состояние с элементами традиции и гибкими альтернативами; современный тип демонстрирует ориентацию на равноправие, эмоциональное благополучие и индивидуальный выбор в вопросах семьи.

С целью выявления преобладающих установок на тот или иной тип семьи были проанализированы утверждения, отражающие ключевые аспекты желаемой семейной модели. Респонденты оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 до 5 (1 – «не согласен», 5 – «полностью согласен») (см. таблицу).

Таблица. Распределение ответов респондентов на утверждения об аспектах семейной жизни (%)

	Полностью согласен	**Скорее согласен**	**Скорее не согласен**	**Полностью не согласен**	**Затрудняюсь ответить**
Брак должен быть зарегистрированным, сожительство – это не настоящая семья	19	24	27	14	17
В семье должно быть много (3 и более) детей	4	8	37	39	12
У женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок	24	24	18	20	13
Семья может быть счастливой и без детей	45	27	14	7	8
Мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним	72	20	2	1	5
Мужчина должен активно принимать участие в ведении домашнего хозяйства	49	33	7	3	7
Уход и забота о ребенке – задача женщины, а не мужчины	8	10	30	42	11
Главой семьи должен быть мужчина	23	24	16	20	17

Анализ анкетных данных показал, что у современных школьников преобладает современный тип семьи. Высокие средние значения согласия с утверждениями, отражающими современные семейные установки, демонстрируют яркую ориентацию на равноправие родителей, гибкость ролей и ценность эмоционального благополучия.

Так, участие мужчины в воспитании ребенка (среднее = 4,6) и в ведении домашнего хозяйства (среднее = 4,19) показывает, что молодежь рассматривает обязанности родителей как равноправные. Высокое среднее согласие с утверждением, что семья может быть счастливой и без детей (среднее = 3,88), а также высокая оценка отношений с родителями (среднее = 4,40) указывает на приоритет эмоционального климата и гармонии в семье, а не строгого соблюдения традиционных норм. Низкое среднее значение согласия с утверждением, что уход за ребенком – задача женщины (среднее = 2,13), также подтверждает отказ от консервативного распределения гендерных ролей.

Позиции, относящиеся к трансформационному типу семьи, выражены умеренно. Средние значения по обязательности брака (= 3,07), наличию хотя бы одного ребенка (= 3,14) и главенству мужчины в семье (= 3,14) находятся около нейтральной отметки. Это свидетельствует о том, что молодежь сохраняет элементы традиционных представлений, но проявляет гибкость и допускает современные альтернативы, например, сожительство или равное распределение ролей.

Традиционный тип семьи выражен слабо. Низкие средние значения по утверждениям о многодетности (= 2,01) и уходе ребенка исключительно женщиной (= 2,13) показывают, что молодежь отказывается от строгих гендерных ролей и идеи многодетности как обязательного критерия полноценной семьи (см. таблицу)

Таким образом, школьники ориентированы на модернизацию семейных ценностей, где главным критерием является эмоциональное благополучие, партнерство и личный выбор, а строгие традиционные нормы постепенно теряют значимость. Современный тип семьи выступает доминирующим, трансформационный проявляется частично, а традиционный – минимально.

1. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 158-163.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ. ПРОБЛЕМЫ РОЖДАЕМОСТИ И МЕЖПОЛОВОЙ КОНФЛИКТ

Токарев Александр Михайлович
(СПбГУ)

Аннотация. Автор анализирует демографический кризис в Республике Корея (РК), и причины его возникновения, уделяя особое внимание неравенству полов как важному фактору, усугубляющему внутриполитическую ситуацию в стране. Автор рассматривает мужские и женские объединения как субъекты демографического поведения, выделяя радикализацию корейской молодежи, ведущую к поляризации и последующему межполовому конфликту как одну из причин сохраняющейся низкой рождаемости на территории Южной Кореи. В работе автор делает вывод о необходимости комплексного подхода, учитывающего социально-экономические проблемы и проблему неравенства полов, представляя южнокорейский опыт как показательный пример неэффективности односторонних мер в демографической политике.

Ключевые слова: демографический кризис, Республика Корея, неравенство полов, межполовой конфликт, общественное движение.

Республика Корея на протяжении нескольких десятков лет переживает глубокий демографический кризис, последствия которого угрожают будущему страны. По данным ОЭСР на 2024 год, РК занимает последнее место в рейтинге стран по суммарному коэффициенту рождаемости – 0.72 ребенка на 1 женщину [5]. Если тенденция сохранится, то к концу 21 столетия Южная Корея столкнется с угрозой потери 2\3 населения страны, что принуждает правительство, помимо выделения экономических послаблений и льгот молодым семьям, принимать меры, популяризирующие материнство и традиционные семейные ценности [4]. Однако подобные действия корейского истеблишмента не способствуют решению проблемы: коэффициент рождаемости не идет вверх, а выделенные места для беременных в общественном транспорте крайне редко заняты молодыми девушками.

Среди причин, влияющих нежелание молодых семей заводить детей, выделяются: 1. Экономическое давление, в частности высокая стоимость жилья, поглощающая значительную часть доходов молодежи; 2. Корпоративная культура, характерная для стран Восточной Азии, которая легитимизирует системные переработки и предусматривает минимальный отпуск в 10 дней в год с учетом календарных праздников; 3. сохраняющийся дестабилизирующий фактор в регионе, выраженный в предконфликтном состоянии между КНДР, РК и Японий. Наряду с данными причинами, половое неравенство выступает не менее важным фактором кризиса рождаемости на территории Корейского полуострова, оказывая прямое влияние на демографическое поведение корейской молодежи.

Неравенство между мужчиной и женщиной в Южной Корее является частью традиционной модели корейской семьи, свойственной странам Восточной Азии, где женщина, в первую очередь, предстает в образе матери и хранительницы домашнего очага, однако процесс вестернизации, ускорившегося после ликвидации японской колониальной администрации в 1945 году, внедрение демократических институтов, и принятие Конституции страны 17 июля 1948 года, в которой законодательно закреплены

равенство полов и право женщины на трудоустройство, вызвали кризис в корейской системе традиционных ценностей. В 2025 году, несмотря на видимость равенства между мужчиной и женщиной, молодые девушки сталкиваются с существенными проблемами в современном корейском обществе: наибольшее неравенство оплате труда среди стран ОЭСР, притеснения и сексуальные домогательства на рабочем месте [3].

С целью защиты собственных прав, кореянки вступают неправительственные правозащитные организации и объединения, оказывающие психологическую и юридическую помощь пострадавшим. Тем не менее, неспособность умеренных правозащитных движений эффективно противостоять дискриминации женщин, наряду с имплементацией спорных правительственных инициатив, направленных на повышение рождаемости, сыграли ключевую роль в радикализации взглядов молодых кореянок. К числу таких инициатив относятся, в частности, открытие в 2016 году Министерством внутренних дел и безопасности веб-сайта «Карта рождаемости в Корее», на котором было указано количество женщин детородного возраста в зависимости от региона, а также предложения позволить женщинам идти в школу на год раньше для повышения их привлекательности в глазах мужчин. Эти меры, вкупе с системным игнорированием социально-экономических и правовых проблем, способствовали популяризации антагонистических феминистких движений по отношению к корейским мужчинам [1]. Примером радикального объединения может послужить движение 4B – феминистское движение, цель которого заключается в борьбе с неравенством между мужчиной и женщиной, а также «системным патриархатом» через отказ от деторождения (비혼kor., bihon), брака (비출산kor., bichulsan), отношений (비연애kor., biyeonae) и половых контактов (비섹스kor., bisekseu). В результате игнорирования экономических и социальных проблем, а также проблем, связанных с защитой прав женщин и равенства полов со стороны политического истеблишмента, стратегия все большего числа кореянок смещается от традиционной модели материнства в сторону личной и финансовой автономии, что выражается в сознательном отказе от деторождения.

Недоверие части корейских девушек к противоположному полу, а также борьба радикального меньшинства и некоторых феминистских объединений за эмансипацию женщин путем предоставления кореянкам дискриминационных привилегий, повлияли на популяризацию антифеминистских настроений и мизогинистских взглядов среди молодых корейцев. Согласно опросу общественного мнения 2019 года, около 70% корейцев в возрасте 20 лет считают мужскую дискриминацию серьезной проблемой, также порядка 80% молодых респондентов-мужчин испытывают неприязнь к феминизму [2]. Результаты опроса существенно разнятся с ответами корейцев старшего возраста (30+ лет), которые настроены менее радикально по отношению к мужской дискриминации и феминистским движениям. На фоне радикализации взглядов молодых корейцев возник новый термин, характеризирующий корейского мужчину 20-ти лет, не поддерживающего феминизм – идэнам (이대남 kor., idaenam). Данному конфликту внутри корейского общества также поспособствовал некоторые движения и организации за права мужчин, такие как New Man of Korea (신 남성연대kor.), Корейская мужская Ассоциация.

Следует отметить корреляцию между периодом наиболее активной государственной пронаталистской политики (2006 – 2024 гг.) и формированием значительной части радикальных феминистских движений среди корейской молодежи. В ответ на их публичную риторику возникли антифеминистские группы, чьи цели включают, в частности, ликвидацию Комитета по половому равенству, воспринимаемого ими как институт, ущемляющий права мужчин. Процесс радикализации корейской

молодежи привел к межполовому конфликту и дальнейшей поляризации молодого корейского общества. Данная проблема, возникшая по причине серьезных ошибок во внутриполитической стратегии страны допущенных политическим истеблишментом, значительно осложняет решение демографического кризиса в РК.

Таким образом, на протяжении последних двух десятилетий политика Республики Корея в сфере демографии не привела к преодолению внутреннего кризиса. Неэффективная политика по увеличению рождаемости, игнорирование проблемы неравенства полов и неспособность политического истеблишмента устранить основные причины кризиса, спровоцировали межполовой конфликт в молодежной корейской среде. Действия руководства страны привели к возникновению новой причины демографического кризиса – радикализации корейской молодежи с последующей поляризации части молодого населения по признаку пола, что создало дополнительные системные препятствия для его дальнейшего разрешения. Опыт реализации политики повышения рождаемости в Республике Корея представляет собой релевантный кейс для анализа неэффективности мер, направленных на преодоление демографического кризиса. Изучение данного примера позволяет разработать более результативные стратегии, основанные на комплексном устранении структурных барьеров, препятствующих реализации благоприятных условий для повышения рождаемости.

1. *«Является ли женщина машиной для родов»... [Электронный ресурс] // Womennews kr URL: https://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=248514 (дата обращения: 10.09.2025).*
2. *Мужчины в возрасте 20 лет, кто они? [Электронный ресурс] // Sisain URL: https://www.sisain.co.kr/news/articleView.html?idxno=34344 (дата обращения: 05.08.2025).*
3. *South Korea's gender pay gap worst in OECD [Электронный ресурс] // Straitstimes URL: https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/south-korea-s-gender-pay-gap-worst-in-oecd (дата обращения: 20.08.2025).*
4. *Why South Korea could become the first country to disappear from Earth [Электронный ресурс] // Firstpost. URL: https://www.firstpost.com/explainers/south-korea-disappear-earth-decline-fertility-rate-demographic-crisis-13840864.html (дата обращения: 06.08.2025).*
5. *Yoonyoung Y., Hyungjeong H., Pareliussen J. Korea's unborn future: lessons from OECD Experience // OECD Economics Department Working Papers. 2024. № 1824. P. 1-58.*

ВООБРАЖАЕМОЕ БУДУЩЕЕ МОЛОДЁЖИ АРКТИКИ: (НЕ) МОБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АГЕНТНОСТИ В ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЯХ

Толстых Дарья Сергеевна
(НИУ ВШЭ)

Исследование выполнено в рамках программы Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Современная социология молодёжи всё чаще отказывается от бинарной оппозиции «агентность против структуры» в пользу анализа сложных форм действия, в которых выбор, контекст и ограничения не противопоставлены, а переплетены [4; 9]. Критика индивидуализационных подходов показала структурную неравномерность способностей к рефлексивному выбору и конструированию будущего [8; 5]. Представления о будущей жизни (imagined future) формируют притязания молодых людей и подталкивают к принятию решений в процессе взросления, влияя на демографические, образовательные и трудовые контуры будущего общества [2]. Традиционный образ взрослости (с

ассоциациями «потери принадлежности себе») способствует формированию негативных сценариев будущего; альтернативный желаемый образ собирается вокруг **приобретения агентности**, где свобода означает добровольное принятие ответственности и заботы о других [10].

Исследовательская традиция длительное время опиралась на урбанизированные кейсы среднего класса, где наличие инфраструктур, «работающих» лифтов и разнообразия образовательных опций позволяет «выбирать биографию» и пролонгировать переход ко взрослости [6]. Однако для периферийных территорий, где пространственные, институциональные и культурные ограничения иные, подобные рамки оказываются нерелевантными [3; 2].

Арктический регион в целом, и Норильск в частности, представляет собой уникальный случай глубокой внутренней периферии [7], где взросление происходит в условиях жёстко заданных институциональных и пространственных рамок. Географическая изоляция, отсутствие сухопутного сообщения, зависимость городской экономики от одного предприятия и высокая стоимость жизни задают молодёжи узкое поле возможностей и структурируют способы осмысления будущего. Цель работы – как формируются воображаемые будущие молодежи в жестких структурно-предопределённых границах показать и как (не)мобильность в этих условиях становится **формой агентности**, через которую организуется понимание «взрослости» и порядок достижения её маркеров.

Настоящее исследование основано на 31 полуструктурированном глубинном интервью со студентами технических колледжей Норильска, проведённых в рамках экспедиции в 2024 году. Тематический анализ интервью позволил реконструировать, как молодые люди формируют представления о будущем и каким образом (не)мобильность становится центральной осью их жизненного планирования.

(Не)мобильность как рамка осмысления будущего

Ключевой осью, вокруг которой организуются нарративы о будущем у молодёжи Норильска, является устойчивая дихотомия «тут» / «на материке». Она не сводится к географическому различию: это фундаментальная символическая рамка, через которую молодые люди осмысляют жизнь, возможные траектории и границы своего действия.

На уровне смыслов: «тут» – пространство, ассоциируемое с предсказуемостью и гарантиями, благодаря северным надбавкам, стабильной работой на градообразующем предприятии и быстрым достижением маркеров взрослости – жилья, семьи, дохода. «На материке», напротив, мыслится как пространство возможностей, свободы и самореализации, где можно «заниматься тем, что действительно интересно», но оно связано с риском, неопределённостью и слабым знанием реальных образовательных и трудовых структур.

Эта дихотомия укоренена в объективных характеристиках региона: экологические проблемы, высокая стоимость жизни и ограниченное количество жилищной инфраструктуры делают мобильность неизбежной на каком-то жизненном этапе. Таким образом, «тут» и «на материке» выступают не просто как альтернативные точки на карте, а как две модели жизни, между которыми молодёжь ведёт постоянные внутренние переговоры, определяя, где и как им «становиться взрослыми».

Именно поэтому у (не)мобильности появляется структурирующая роль: даже если информанты выбирают остаться «сейчас», они делают это как временную стратегию с перспективой отъезда «потом» [3].

Мобильность как форма агентности

В условиях арктического моногорода мобильность – форма агентности, через которую молодые люди управляют своей траекторией и перераспределяют ресурсы и

риски. В терминах темпорально-реляционной модели агентности [4] проектная рефлексивность проявляется в способности воображать альтернативные сценарии и переупорядочивать события взрослой жизни, а мобильность становится её операционализацией. Она позволяет планировать, когда и где достигать ключевых маркеров, какие из них переносить между локациями и в какой последовательности их собирать.

Таким образом, молодёжь не просто «подстраивается» под структуру, а ведёт с ней переговоры, используя мобильность как главный рычаг влияния на свою жизненную траекторию. Даже решение «остаться сейчас» оказывается агентным, если оно встроено в стратегию накопления капитала или стажа перед последующим переездом.

На основе анализа интервью выделены четыре типа воображаемых будущих, различающихся по степени рефлексивности, агентности и месте мобильности:

«По накатанной» (низкая агентность, отложенная мобильность, ранняя взрослость). Сценарий учеба на востребованной специальности в колледже – работа на предприятии – заочное ВО – достижение маркеров взрослости. Траектория с кратким горизонтом планирования и минимизацией рисков: агентность, по сути, в отказе от активных действий по изменению траектории и выбор стабильности.

Север как инвестиция (агентность внутри траектории, накопительная взрослость). Траектория, фактически повторяющая предыдущую, но с агентными действиями внутри траектории: молодые люди имеют высокие притязания и конкретные карьерные планы внутри «накатанной траектории».

Переговоры между мечтой и ресурса (ранняя мобильность, высокая агентность). Недолгая жизнь в Арктике ради «северных надбавок» и отъезд ради образования и самореализации; часть маркеров откладывается или переупорядочивается (сначала обучение и работа «там», затем жильё и семья). Агентность заключается в готовности выпасть из «линейного» пути; рефлексивность – в оценивании своих реальных интересов и желаний.

Два параллельных будущих: рефлексивное переосмысление «по накатанной» без ресурсов (низкая агентность, высокая рефлексивность). По сути, одновременное удерживание сценариев «остаться/уехать», где решения зависят от пороговых событий. Молодые люди могут понять, чего бы они действительно хотели, но также отдают себе отчет в том, что скорее всего не смогут этот реализовать в силу отсутствия как экономического, так и культурного капитала, а потому будут реализовывать «линейную траекторию».

Заключение

Во всех четырёх типах мобильность неразрывно связана с рефлексивностью: через проектное воображение и оценку альтернатив молодые люди не просто мечтают о будущем, но и создают механизмы его реализации. Они учатся соотносить режимы времени и пространства и превращают воображаемые сценарии в планы.

Арктический кейс показывает, что (не)мобильность – выступает не просто как перемещение в пространстве, но как **способ организации взрослости**. Она превращает маркеры в переносимые и переупорядочиваемые элементы, задаёт ритмы взросления, а также создаёт пространство для рефлексивного выбора в условиях ограниченности ресурсов. Именно поэтому изучение воображаемого будущего в арктическом контексте позволяет увидеть не только структурные пределы, но и то, как агентность реализуется внутри них – через проектирование, планирование и стратегическое управление мобильностью.

1. *Cook J. Young people's strategies for coping with parallel imaginings of the future // Time & Society. 2015. Vol. 3. P. 700–717.*
2. *Cuzzocrea V. 'Rooted mobilities' in young people's narratives of the future: A peripheral case // Current Sociology. 2018. Vol. 66, no. 7. P. 1106-1123.*
3. *Cuzzocrea V., Mandich G. Students' narratives of the future: Imagined mobilities as forms of youth agency? // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19, no. 4. P. 552-567.*
4. *Emirbayer M., Mische A. What is agency? //American journal of sociology. – 1998. – Т. 103. – №. 4. – С. 962-1023.*
5. *France A., Haddon E. Exploring the epistemological fallacy: Subjectivity and class in the lives of young people //Young. – 2014. – Т. 22. – №. 4. – С. 305-321.*
6. *Furlong A. Youth Studies: An Introduction. 1st ed. London: Routledge, – 2012. – 312 с. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203862094.*
7. *Musil J., Müller J. Inner peripheries of the Czech Republic as a form of social exclusion // Space and Historical Time as Dimensions of Social Change. MATFYZPRESS, Prague, 2008.*
8. *Roberts S. One step forward, one step Beck: a contribution to the ongoing conceptual debate in youth studies //Journal of youth studies. – 2012. – Т. 15. – №. 3. – С. 389-401.*
9. *Woodman D. The mysterious case of the pervasive choice biography: Ulrich Beck, structure/agency, and the middling state of theory in the sociology of youth //Journal of youth studies. – 2009. – Т. 12. – №. 3. – С. 243-256.*
10. *Андреева А. С. Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота // Социологические исследования. – 2023. – № 7. – С. 105–116. DOI: 10.31857/S013216250023698-0.*

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЁЖНОГО ЦЕНТРА (НА ПРИМЕРЕ ПМЦ «ОХТА»)

Трушников Павел Дмитриевич
(Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы)

Аннотация. Исследование посвящено анализу эффективности профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в условиях молодежного центра. Эмпирически подтверждено, что индивидуальный подход, доверительные отношения с наставниками и межведомственное взаимодействие являются ключевыми факторами успешной социализации подростков группы риска.

Ключевые слова: профилактика девиантного поведения, несовершеннолетние группы риска, подростково-молодежный центр, социальная работа с молодежью, межведомственное взаимодействие, индивидуальный подход, доверительные отношения, социализация подростков.

В современной России наблюдается тревожная динамика роста числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в том числе особо тяжких. Следственный комитет РФ отмечает ключевые факторы риска: негативное влияние интернет-среды, социальную неустроенность, безнадзорность и влияние неблагополучного семейного окружения. В этой связи поиск эффективных моделей профилактики девиантного поведения подростков является одной из приоритетных задач социальной работы и молодёжной политики.

Цель исследования – изучить и проанализировать опыт социально-профилактической деятельности с несовершеннолетними, склонными к девиантному поведению, на базе молодёжного центра «Тепло».

Исследование проводилось на базе ПМЦ «Охта» (МЦ «Тепло»). Был применён комплекс методов: анализ нормативно-правовой базы и внутренней документации учреждения, полуструктурированные экспертные интервью с заведующим центром и специалистом по социальной работе, а также анкетный опрос несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет, состоящих на учёте в полиции.

Деятельность ПМЦ «Охта» регламентирована Уставом и внутренними приказами (напр., Приказ №127), которые предписывают ведение индивидуальной профилактической работы с подростками «группы риска». Ключевая роль отводится специалисту по социальной работе, в чьи обязанности входит социальная поддержка, вовлечение в досуговую деятельность, консультирование и межведомственное взаимодействие.

В ходе экспертного интервью удалось выявить ключевые принципы успешной профилактики в условиях молодёжного центра, такие как:

• Индивидуальный подход и доверительные отношения. Специалисты избегают авторитарного стиля, выстраивая коммуникацию на равных, используя техники активного слушания.

• Добровольность и позитивная мотивация. Акцент делается на создании комфортной, безопасной среды, где подросток может получить помощь без осуждения.

• Вовлечение в просоциальные виды деятельности. Центр предлагает широкий спектр активностей: спортивные, творческие и интеллектуальные занятия. Наибольшей популярностью среди респондентов пользуется тренажёрный зал (53,3%).

• Межведомственное взаимодействие. Центр активно сотрудничает с полицией, КДН, школами и центром «КОНТАКТ», что позволяет осуществлять комплексный подход к сопровождению подростка.

Основываясь на анализе интервью и данных, полученных в результате проведения анкеты, были подтверждены гипотезы:

• Комплексная работа центра способствует социализации: 73,3 % опрошенных подростков отметили, что посещение помогает им избегать проблем с законом.

• Межведомственное взаимодействие повышает эффективность профилактики рецидивов: 80 % респондентов отметили, что начали посещать центр по направления из учреждений, косвенно или напрямую занимающихся профилактикой девиантного поведения.

• Установлена положительная корреляция между продолжительностью посещения центра, установлением доверительных отношений с наставниками (80 % респондентов указали на наличие такого взрослого) и успешностью профилактики.

• Потребности подростков. По данным анкетирования, ключевыми потребностями являются поддержка взрослых (60 % как сдерживающий фактор) и помощь с учебой/трудоустройством (40 % респондентов указали на нехватку этого ресурса).

На основе вышесказанного можно сделать вывод. что досуговые молодёжные учреждения глубоко интегрированы в систему профилактики, функционируя на принципах добровольности, индивидуального подхода и создания безопасной развивающей среды. Критически важным элементом успеха является установление доверительных отношений «наставник-подросток», что подтверждается как мнением экспертов, так и результатами анкетирования. Межведомственный подход, в свою очередь, интегрируют усилия центра, полиции, школ и социальных служб, значительно повышая эффективность профилактики повторных правонарушений. Для повышения эффективности работы необходима дальнейшая разработка программ, ориентированных

на образовательные и карьерные потребности подростков, а также оптимизация ресурсного обеспечения (кадрового и материально-технического) подобных учреждений.

Таким образом, исследование показало необходимость систематизации позитивных практик работы с подростками, состоящими на учёте в полиции для широкого масштабирования и тиражирования в других молодёжных центрах Санкт-Петербурга и РФ.

1. *Данова, Н. Ю. Профилактика асоциального поведения молодежи: социально-педагогическая деятельность / Н. Ю. Данова // Вестник ТГУ. – 2023. – № 5. – С. 78-84.*
2. *Сосновская, Ю. Н. Совершенствование координации деятельности органов внутренних дел в реализации профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Ю. Н. Сосновская, Э. В. Маркина // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 112-118.*
3. *Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.*
4. *Шуршалова, Е. С. Факторы, влияющие на формирование противоправного поведения у подростков / Е. С. Шуршалова, А. К. Арутюнян // Базис. – 2025. – № 1 (17). – С. 45-52.*

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ И КОЛЛЕКТИВНЫМ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Тулегенова Динара Дархановна
(ИНИОН РАН)

Современная молодежь – сложное и внутренне противоречивое поколение, социализация которого происходит под перекрестным влиянием традиций отечественной политической культуры и современных глобальных социокультурных процессов, одним из которых является индивидуализация, проявляющаяся в автономизации людей. При этом отечественную политическую культуру относят к категории коллективистских как зарубежные, так и отечественные исследователи, утверждая, что коллективное начало – это неотъемлемый компонент российской цивилизации.

Теоретико-методологическим фундаментом данного исследования является политико-психологический подход, который позволяет изучать структурно-содержательные характеристики сознания, самосознания, мировоззрения молодежи в предметном поле политической науки с применением концептуальных положений и инструментальных возможностей социологии и психологии. Эмпирической основой исследования выступили данные проведенного осенью 2022 г. всероссийского репрезентативного опроса граждан в возрасте 14 – 30 лет выборкой общим объемом 2 500 человек из разных типов субъектов России из всех Федеральных округов. Качественная часть исследования представлена материалами проведенных осенью 2023 г. 8 фокус-групп, участниками которых стали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие во всех федеральных округах РФ.

По результатам исследования можно заключить следующее.

Ценность солидарности хоть и не занимает лидирующих позиций в иерархии ценностных категорий, но актуальна и входит в десятку приоритетных ценностей молодежи *(«очень значима» для 37,5 % респондентов).* Ценность коллективизма менее актуальная для современной российской молодежи, чем ценности солидарности *(«очень значима» для четверти респондентов – 25,7 %).* При этом, необходимо указать на рост ее актуальности – в 2020 году коллективизм был «очень значим» для 18,6 % опрошенных.

Материалы фокус-групп показывают, что респонденты демонстрируют ориентации на общее благо. В качестве важных жизненных ориентиров российской молодежи является возможность приносить пользу своему народу, обществу. В то же время, в ответах респондентов просматривается прагматичный и утилитарный характер ценностных ориентаций и жизненных целей молодёжи: «общее» и «общественное» всегда воспринимается сквозь призму личного блага и интереса, в связи с чем и готовность сделать что-либо для других определяется пользой для себя.

Ценности солидарности и коллективизма проявляются в наличии у молодых людей установок на объединение и солидарные социально-политические отношения. Они реализуются в поведении и деятельности людей – в практиках социальной активности, гражданского и политического участия, основанных на взаимодействии, взаимопомощи, согласии и сотрудничестве. Ярким примером социальной солидарности и гражданской активности в российском обществе является волонтерство, значимость которого замечается и по результатам других исследований. Респонденты выражают готовность по мере сил участвовать в помощи и поддержке тех, кто в этом нуждается. Однако, участие в политике для молодежи не является важным жизненным приоритетом: регулярно готовы участвовать в общественно-политической жизни страны 38,1 % опрошенных нами молодых людей.

Ориентации на солидарные социально-политические отношения имеют действенный характер и определяются целями, мотивами и результатами. Молодые люди готовы объединяться с представителями разных социальных, в том числе этноконфессиональных групп. При этом, мотивация и цели объединения – разнообразны и сочетают в себе индивидуалистические и коллективистские, прагматические и альтруистические аспекты.

Основные факторы солидаризации у наших респондентов связаны с государством. Ключевым из них являются вложения со стороны государства в молодых людей как обязательное условие их участия в достижении коллективных целей. Кроме того, для них важно наличие какой-то обозначенной государством общей цели, которой сегодня, по их мнению, нет: «Я даже не слышала, чтобы государство декларировало какую-то публичную цель, которую надо достигать» (20 лет, жен., Новосибирская область).

В качестве выводов можно отметить следующее. Противоречивый характер системы ценностей российской молодежи проявляется в том, каким образом отражаются в ней коллективное и индивидуальное начала. С одной стороны, традиционные ценности солидарности и коллективизма, не занимая в ценностной иерархии приоритетных позиций, являются значимыми для молодежи. С другой стороны, она четко артикулирует и демонстрирует индивидуалистические прагматические установки и ориентации.

Молодые люди демонстрируют высокий уровень социальной активности, для них актуальны практики волонтерства и другие формы самоорганизации, которые позволяют приносить пользу и оказывать помощь другим людям и обществу в целом. Однако, мы фиксируем выборочный подход в отношении практик социального участия и отмечаем отчуждение молодых людей от политической сферы. Кроме того, мотивация вовлечения в солидарные социально-политические отношения носит индивидуалистический характер и определяется, прежде всего, личным интересом, личным благом, выгодой.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: НОВЫЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ.

Улькин Александр Гарникович
(МГИМО МИД России Одинцовский филиал)

Яровова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД России Одинцовский филиал)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу парадоксального влияния цифровой социализации на формирование личности молодёжи. Цифровая среда открывает беспрецедентные возможности для образования, экспериментов с идентичностью и развития социального капитала, а также порождает системные риски: от кибербуллинга и цифровой зависимости до диффузии идентичности и клипового мышления. Цель работы – выявить эту двойственность и предложить стратегии гармонизации процесса социализации через развитие цифровой грамотности и переосмысление роли традиционных институтов.

Ключевые слова и фразы: цифровая социализация, формирование личности, молодёжь, социальные сети, кибербуллинг, цифровая грамотность, идентичность, интернет-риски.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется глубинным проникновением цифровых технологий во все сферы человеческой жизни. Для поколения, выросшего со смартфоном в руках, интернет-пространство перестало быть просто инструментом для поиска информации или развлечения; оно превратилось в полноценную среду обитания – «цифровой мир», где происходит значительная часть социального взаимодействия. Этот процесс закономерно привел к формированию нового, сложного и многогранного явления – **цифровой социализации** [1, с. 75].

Цифровая социализация – это процесс интеграции индивида в социальную систему, усвоения им норм, ценностей, образцов поведения и построения идентичности, который происходит с помощью и в пространстве цифровых и интернет-технологий [2, с. 265]. Если традиционная социализация проходила в семье, школе и группах сверстников в офлайне, то сегодня она обрела гибридную форму, где онлайн- и офлайн-реальность тесно переплетены и взаимно дополняют друг друга.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что цифровая среда кардинально трансформирует классические механизмы формирования личности. Она предлагает беспрецедентные возможности: от доступа к глобальным знаниям и нишевым сообществам до новых форм творческой самореализации и социальной поддержки. Однако параллельно с этим она порождает и уникальные системные риски, такие как кибербуллинг, информационная перегрузка и формирование зависимого поведения [3, с. 152].

Таким образом, **центральной проблемой** статьи является анализ неоднозначности цифровой социализации и поиск ответа на ключевой вопрос: каким образом одна и та же цифровая среда одновременно создает мощнейшие стимулы для развития личности и представляет серьезные угрозы для ее психического здоровья и целостности? Целью работы является комплексное рассмотрение новых возможностей и рисков цифровой

социализации, а также выработка стратегий для гармоничного развития личности в условиях необратимой цифровизации социальных практик.

Новые возможности цифровой среды для формирования личности

Цифровое пространство открыло перед личностью горизонты, ранее недоступные. В первую очередь, это касается сферы образования и саморазвития. Онлайн-курсы, виртуальные библиотеки, образовательные платформы и видеоуроки позволили получить доступ к знаниям. Подросток из небольшого города может изучать программирование под руководством ведущего специалиста из Кремниевой долины, а студент – прослушать лекцию профессора Оксфорда. Это не только расширяет кругозор, но и воспитывает критическое мышление и навыки самоорганизации, так как пользователь учится фильтровать огромные массивы информации и самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию.

Во-вторых, цифровая среда стала мощным инструментом для **самореализации и построения идентичности**. Социальные сети, блоги, игровые вселенные и платформы для творчества (такие как YouTube, TikTok, Telegram, VK …) позволяют молодому человеку экспериментировать с разными социальными ролями и образами. Он может быть геймером, блогером-путешественником, цифровым художником или участником нишевого сообщества по интересам – от астрофизики до редких видов рукоделия. Этот процесс помогает найти единомышленников, получить социальное признание и сформировать более сложное и многогранное представление о самом себе, что соответствует формированию новой цифровой культуры [4, с. 110].

Наконец, интернет способствует развитию **социального капитала**. Он разрушает географические и социальные барьеры, позволяя поддерживать связь с друзьями и находить новые знакомства. Для многих людей, оказавшихся в изоляции в офлайне (из-за особенностей здоровья, характера или непопулярных интересов), онлайн-сообщества становятся жизненно важным источником поддержки и понимания, выполняя компенсаторную функцию [6, с. 158]. Кроме того, именно в цифровой среде наиболее активно формируются ключевые для 21 века компетенции: цифровая грамотность, сетевое взаимодействие, проектная работа и медиапродуктивность.

Системные риски и вызовы цифровой социализации

Однако у этой медали есть и обратная, тревожная сторона. Яркие возможности цифрового мира сопровождаются целым спектром новых угроз, которые в научной литературе характеризуются как **основные риски киберсоциализации** [3].

Одной из самых острых проблем являются угрозы психическому здоровью. **Кибербуллинг** – травля в сети – обладает разрушительной силой из-за своей анонимности, публичности и невозможности скрыться от преследователей даже в собственном доме. Его последствия – тревожность, депрессия и даже суицидальные мысли – могут быть гораздо серьезнее, чем у традиционного школьного буллинга [5, с. 65]. **Информационная перегрузка** и постоянный поток уведомлений ведут к синдрому «цифровой усталости» и выгорания. Кроме того, кураторский контент социальных сетей, где пользователи демонстрируют идеализированные версии своей жизни, провоцирует сравнительную тревожность (FOMO – Fear Of Missing Out) и подрывает самооценку молодых людей, заставляя их чувствовать свою неполноценность.

Не менее важен вопрос **формирования идентичности**. В цифровой среде личность рискует рассыпаться на множество не связанных друг с другом профилей – «Я для профессиональной сети», «Я для игрового форума». Этот феномен, известный как **диффузия идентичности**, осложняет формирование целостного и устойчивого «Я». Самооценка начинает зависеть от внешнего влияния – количества лайков, репостов и

комментариев, что создает внутренний конфликт между потребностью в одобрении и стремлением к самоутверждению, что особенно ярко проявляется в подростковой и молодежной среде [6, с. 204].

Коммуникация в цифровую эпоху также претерпела изменения, и не всегда в лучшую сторону. Обеднение невербального общения (эмодзи вместо живых эмоций) и клиповый характер переписки могут приводить к **деформации коммуникативных навыков**, затрудняя установление глубоких, долгосрочных эмоциональных связей в реальной жизни.

Наконец, существуют риски для когнитивного развития. Преобладание коротких, ярких видеороликов и фрагментированной информации способствует формированию клипового мышления – снижению способности к концентрации и глубокому анализу длинных текстов и сложных концепций. Алгоритмы платформ, построенные на принципе бесконечной ленты и мгновенного вознаграждения, легко могут привести к развитию **цифровой зависимости**, подрывая механизмы волевой регуляции. Эти процессы являются частью глобальной трансформации социальных практик, описанной в трудах по социологии интернета [7, с. 98].

Стратегии и решения: как гармонизировать цифровую социализацию

Перед лицом этих двойственных вызовов стратегия тотального запрета и цифрового детокса оказывается несостоятельной. Вместо этого требуется выработка комплексного подхода к формированию цифровой грамотности, который рассматривается как ключевой элемент компетентности цифрового поколения [6, с. 285].

Важнейшей задачей становится развитие «гибридной» социализации. Необходимо стремиться к здоровому балансу между онлайн и офлайн-активностями, используя цифровые инструменты для усиления, а не замены реального общения. Например, онлайн-сообщество по интересам может организовать офлайн-встречу, а обсуждение в групповом чате – перерасти в совместный проект в реальном мире.

Ответственность лежит и на создателях цифровых платформ и регуляторах. Требуется разработка и внедрение более этичных дизайнерских решений: эффективных систем модерации контента, прозрачных алгоритмов, встроенных функций контроля времени пребывания в приложении и надежных возрастных фильтров. **В задачи государства и общественных институтов входит популяризация позитивного и образовательного контента**, что способствует формированию зрелой **цифровой культуры** [4, с. 120].

Заключение. Цифровая социализация – это неотъемлемая и противоречивая реальность 21 века, оказывающая огромное влияние на формирование личности. Она представляет собой парадокс: являясь источником беспрецедентных возможностей для образования, самореализации и построения сообществ, она одновременно порождает серьезные системные риски для психического здоровья, целостности идентичности и самостоятельности мышления.

Ответ на главный вызов цифровой эпохи заключается не в отрицании технологий, а в целенаправленном развитии осознанной цифровой компетентности на уровне личности, семьи и общества в целом. Ключ к успешной социализации в современном мире – это способность критически осмысливать цифровую среду, использовать ее ресурсы для роста и в то же время сохранять психологическую автономию и устойчивость. **В будущем становление личности будет проходить в гибридной реальности, где цифровое пространство не подменяет собой жизнь, а становится ресурсом для её обогащения и расширения человеческого потенциала.**

1. *Борисов, Е. С. Социализация личности в условиях цифровизации / Е. С. Борисов // Психолого-педагогические исследования – Тульскому региону : Сборник материалов V Региональной научно-практической конференции с международным участием, Тула, 14 мая 2025 года. – Чебоксары: ООО Издательский дом "Среда", 2025. – С. 74-79. – EDN UULIKC.*
2. *Никитина, Д. О. Социализация молодежи в условиях цифрового общества / Д. О. Никитина // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 264-269. – EDN SWOGNA.*
3. *Болдакова И. А. Основные риски киберсоциализации молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 37. С. 151 – 155.*
4. *Шишов, С. Е. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы / С. Е. Шишов, В. А. Кальней // Гуманизация образования. – 2025. – № 1. – С. 103-127. – DOI 10.24412/2541-8734-2025-1-103-128. – EDN ORMJAY.*
5. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В. Кибербуллинг: травля в пространстве цифровых технологий // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 6. – С. 63–77.*
6. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.*
7. *Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.*

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ И ПОРА КОЛЛЕКТИВНОГО: ВОЗРАСТ КАК ФАКТОР ПРЕВАЛИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ МОЛОДЁЖИ

Хворостяной Артём Александрович
(Амурский государственный университет)

Аннотация. В статье рассматривается содержание ценностей индивидуальных и коллективных, демонстрируется корреляция возраста с процессом выстраивания ценностных ориентаций индивидом, а также анализируется распределение индивидуальных и коллективных ценностей в связи с конкретным жизненным этапом индивида.

Ключевые слова: ценность, индивидуальные ценности, общественные ценности, семья.

Вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных ценностей в русской философии и отечественной гуманитарной науке окончательно не решён: само российское общество, представляя собой поляризационную структуру, не демонстрирует единодушия в решении данной проблемы. Превалирование индивидуальных или же общественных ценностей в социуме, как показывает история нашего государства за последнее столетие, зависит от состояния внешней политики и от взглядов на российское общество конкретного правительства, ангажированного социальной реальностью.

Цель нашей работы – проанализировать отношение молодёжи (18 – 35 лет) к индивидуальным и коллективным ценностям, а также выявить (при наличии) зависимость этого отношения от возрастного фактора.

Под индивидуальными ценностями принято понимать те блага, которые удовлетворяют потребности самого индивида в контексте обособленности. Здоровье, образование, карьера, свобода и саморазвитие – всё это является распространёнными примерами таких ценностей. Из них человек и «строится» как единица, социальный субъект.

Общественные (коллективные) ценности представляют собой систему благ, позволяющих индивиду состоять в определённых социальных группах, где такие ценности

служат нормой, обеспечивающих солидаризацию в социуме, служащих опорой для сплочённости и ощущения справедливости. Здесь на первый план выходят безопасность, равенство (в широком, философском смысле), патриотизм, солидарность и т. п.

Однако есть ценность, которую крайне сложно отнести к одной из двух названных нами групп. Это – семья, и дело тут в субъективной интерпретации людьми данного понятия. Нужно учитывать, что в значение слова «семья» разными людьми могут вкладываться абсолютно отличные смыслы.

Среди опрошенных нами молодых людей были респонденты с очень разнообразными точками зрения на то, кого называть семьёй или кого относить к ней. Обобщая, можно обозначить несколько наиболее чётких позиций. Итак, семья – это:

– родители (такой ответ встречается чаще – хотя и ненамного – у респондентов в возрасте 18 – 21 год);

– родственники (в широком смысле, то есть все те, с кем у респондентов есть кровная связь);

– супруг/супруга и дети (классический вариант);

– только супруг/супруга;

– гибридный вариант (например, сочетание первого и третьего пунктов, если респондент рассуждал в ключе многопоколенной семьи).

Ценности – и индивидуальные, и коллективные – зависят от социальной реальности, в которую погружен индивид. Процесс формирования ценностей человеком учитывает весь спектр особенностей данной культуры, в которую погружён этот человек. В этой связи среди тех ценностей, которые выбирает сегодняшняя молодёжь, судя по нашему опросу, можно назвать следующие.

Образование – ценность несколько нестабильная, для достаточно большого количества респондентов (около 31 %) она не вошла в топ-3. Была выявлена прямая зависимость с местом жительства респондентов: чем меньше населённый пункт, тем ниже ценность образования находится в общей градации ценностей, что логично и вписывается в теорию социологии региона.

Здоровье – та ценность, которая уже продолжительное время занимает место в топе градаций ценностей россиян. Безусловно, данный аспект яснее выражен у женщин, поскольку мужчины традиционно имеют огромное количество пагубных привычек и пренебрегают медицинскими обследованиями и услугами.

Карьера – ценность, занимающая первое место по упоминаниям респондентов. Это обосновывается нестабильной ситуацией в экономике, ростом цен (особенно – на жильё), что выступает существенным мотивом для концентрации собственных сил в профессиональной области для заработка денег.

Среди общественных (коллективных) ценностей таких однозначных, ярко выраженных и чётко сформулированных ответов нет. Были респонденты, которые затруднились с определением таких ценностей. Однако из наиболее значимых вариантов, опрошенными были названы: мир, справедливость, патриотизм.

Обусловлен выбор этих ценностей, с одной стороны, физической опасностью для жизни в условиях непростой ситуации на внешнеполитической арене и желанием закончить вооружённую конфронтацию вдоль административно-территориальных границ, с другой стороны – ростом солидарности и сплочённости в пределах российского государства.

Семья, наряду со здоровьем, занимает второе место по популярности, однако, как мы говорили выше, относить эту ценность к индивидуальным или коллективным можно только в частном порядке.

Также мы задавали респондентам вопрос: «Как Вы оцениваете себя, исходя из собственных жизненных целей и задач, в системе культурных ценностей по шкале, где 1 – заинтересован только в индивидуальных ценностях, а 10 – заинтересован только в коллективных ценностях?» Средняя оценка респондентов – 4,8. Однако здесь интереснее то, как оценки распределились в связи с возрастом респондентов. Можно выделить четыре возрастные категории:

1) 18 – 22 года;
2) 22 – 23 года;
3) 23 – 30 лет;
4) 30 – 35 лет.

В первой и третьей группах ясно видна заинтересованность людей в удовлетворении личных потребностей, потому и ценности в приоритете для них соответственные.

Вторая и четвёртая группы показали тенденцию к смещению собственных интересов и ценностей в сторону общества. Да, такие ценности не начинают доминировать над индивидуальными, но выходят на один уровень с последними.

Первая группа представляет из себя студентов вузов. Люди, которые получают образование, строят планы в профессиональной сфере и более глубоко расширяют мировоззрение в отношении жизненных аспектов.

Вторая группа – выпускники вузов. Здесь высшее образование получено, карьерная область уже определена, поэтому к ценностям личным присоединяются ценности общественные (патриотизм, мир, справедливость, семья – в широком смысле). Но этот всплеск коллективного небольшой.

Третья группа – профессионально настроенные специалисты, кто-то продолжает учиться (магистратура, аспирантура), кто-то – оттачивает профессиональные навыки на практике с целью социального роста, для активных движений по карьерной лестнице.

Четвёртая группа – люди, занимающая уже стабильное положение в профессиональной среде, которые собираются завести – или уже обзавелись – семью, чётко понимающие в какую сторону двигаться. Как правило, актуальны вопросы в работе решены, проблема с жильём – также перестала быть актуальной, поэтому такие люди начинают рассуждать в контексте социальных групп и российского общества в целом.

Ещё один вопрос касался идентификации респондентов с определёнными социальными группами. Приведём наиболее распространённые ответы респондентов. Как члена семьи себя определяют 93 % опрошенных, как гражданина России – 98 %, как православного – 48 %, как патриота – 67 %, что может говорить о достаточно высоком уровне солидарности внутри российского общества.

Таким образом, можно прийти к выводу, что коллективные ценности не противостоят индивидуальным. Напротив, они, сливаясь в единую систему культурных ценностей с последними, задают полноценные векторы в социальном пространстве для индивидов. В юности каждый старается как можно скорее добиться материального благополучия, закрыть первичные потребности, позволив себе думать о более абстрактных, но не менее важных институтах, таких как семья, страна, вера, профессия.

Достижение материалистических планок в молодости даёт возможность в зрелости обладать трезвым взглядом на реальным мир вокруг, а также инструменты для его перемены к лучшему, и, возможно, способно привести к идеалистическим концепциям. Важно понимание с ранних лет, что представляют из себя основные социальные институты, чтобы люди могли выработать чёткое отношение к ним ещё в юности.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЁЖИ

Хлопунова Полина Игоревна
(ТюмГУ)

Киндеев Дмитрий Александрович
(ТюмГУ)

Аннотация. В работе представлен анализ социального самочувствия среди молодежи – что из себя представляет данная характеристика и какие факторы на неё влияют. Приведены примеры из авторского исследования в Тюменской области, опрос 2025 года об уровне удовлетворённости, эмоциональном состоянии, а также заинтересованности в изменении своей жизни.

Ключевые слова. Молодёжь, социальное самочувствие, удовлетворённость, оценка жизни.

В контексте социальной нестабильности и динамичных изменений социальное самочувствие выступает значимым индикатором, отражающим степень благополучия, удовлетворённости жизнью и соотношение оптимистических и пессимистических настроений в обществе. Мониторинг данного феномена позволяет отслеживать ключевые тенденции в различных сферах общественной жизни и оценивать успешность адаптации социума к новым вызовам. Особый интерес представляет молодёжь, для которой в силу возрастных особенностей характерны повышенная тревожность, неопределённость и неуверенность в перспективах. Изучение данной группы позволяет своевременно идентифицировать риски социальной неустойчивости. Начнём с того, что разберём мониторинг социального самочувствия, который проводил ВЦИОМ в 2024 году [1].

Таблица 1. В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, индекс в пунктах) [1]

	Все опрошенные	**18 – 24 года**	**25 – 34 года**	**35 – 44 года**	**45 – 59 лет**	**60 лет и старше**
Вполне устраивает	30	47	26	29	28	31
По большей части устраивает	30	37	34	31	26	29
Отчасти устраивает, отчасти нет	23	11	25	27	25	20
По большей части не устраивает	11	5	11	8	13	12
Совершенно не устраивает	5	0	3	4	7	6
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1	1	2
Индекс удовлетворенности жизнью	67	89	71	75	59	62

Согласно имеющимся данным, респонденты в возрасте 18 – 24 лет транслируют наиболее высокие оценки уровня удовлетворённости. Более старшая группа (25 – 34 года) также продолжает эту тенденцию, но, как можно заметить, уменьшилось число респондентов, выбравших вариант «вполне устраивает». Что касается факторов,

формирующих удовлетворенность, то можно отметить, что самым важным выступает материальное положение (85 % с высоким доходом отмечают высокую удовлетворённость жизнью).

В апреле 2025 года в г. Тюмень было проведено авторское онлайн-исследование социального самочувствия молодёжи. Генеральная совокупность составила 222012 человек, выборочная совокупность – 400 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет.

Рассмотрим основные результаты, начиная с уровня удовлетворённости (рис. 1).

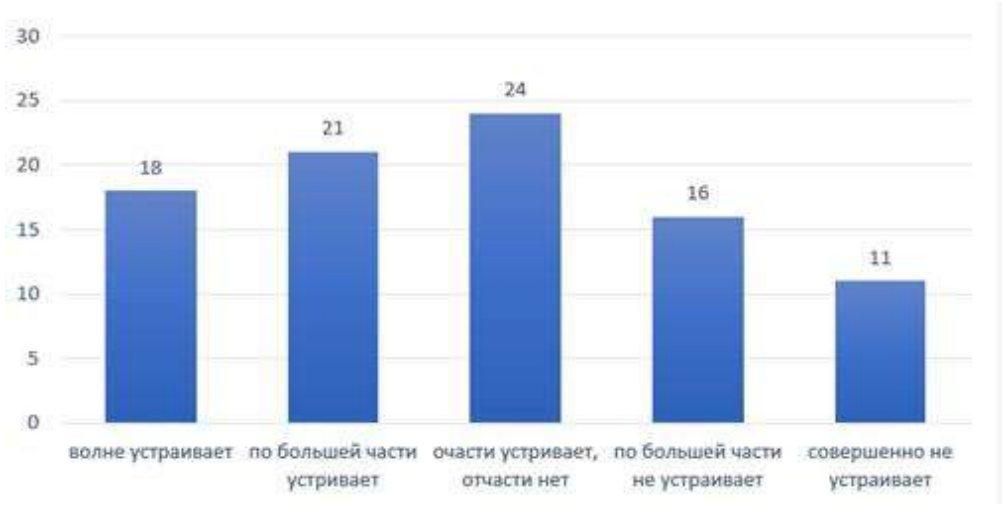

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вас устаивает жизнь, которую Вы сейчас ведёте?»

Источник: составлено авторами. Рисунок – прикрепляется к тезисам в отдельном файле. Целевая выборка 400 человек в возрасте от 14 до 35 лет. Тюмень, 2025.

Большинство опрошенных склоняются к нейтральным оценкам (24 %), тогда как оптимистичные варианты («по большей части устраивает» – 21 %, «вполне устраивает» – 17 %) превалируют над негативными.

Наибольшая удовлетворённость зафиксирована среди лиц с высоким уровнем дохода. Также выявлена значимая корреляция с удовлетворённостью состоянием здоровья и жилищными условиями.

Перейдём к оценке эмоционального состояния (рис. 2).

За последний месяц 23 % респондентов отмечали эпизодически возникающую тревогу. При этом молодёжь 14 – 17 лет демонстрирует высокий уровень социального оптимизма: 26 % не испытывали беспокойства. В группах 18 – 22 и 23 – 27 лет преобладает умеренная тревожность (25 % и 20 % соответственно), что может быть связано с повседневными проблемами и не говорить о постоянном пессимизме. Тем временем, почти не испытывали чувства тревоги опрошенные возрастной группы 28 – 35 лет.

В целом эмоциональный компонент социального самочувствия молодёжи Тюмени характеризуется умеренно-оптимистичными оценками при отсутствии выраженных негативных тенденций. Снижение ощущения счастья в старших возрастных группах может объясняться социально-экономическими факторами (рост ответственности, карьерные и финансовые ожидания), психологическими перестройками и возрастными изменениями. Однако даже в этих группах сохраняется высокий уровень положительных оценок.

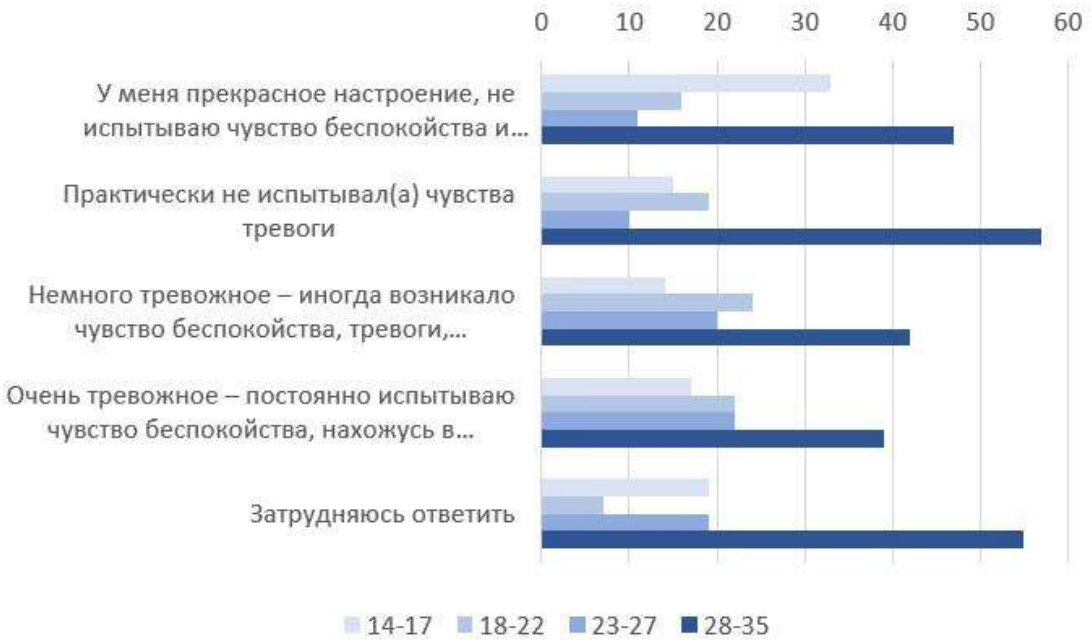

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, оцените своё эмоциональное состояние за последний месяц»

Источник: составлено авторами. Рисунок – прикрепляется к тезисам в отдельном файле. Целевая выборка 400 человек в возрасте от 14 до 35 лет. Тюмень, 2025.

В таблице 2 представлены результаты оценки уровня заинтересованности в изменении/улучшении своей жизни.

Таблица 2. Оценка уровня заинтересованности в изменении/улучшении своей жизни

	14 – 17	**18 – 22**	**23 – 27**	**28 – 35**
Очень заинтересован(а)	25	49	39	29
Скорее заинтересован(а)	39	35	30	29
Скорее не заинтересован(а)	22	8	12	20
Совсем не заинтересован(а)	14	8	18	22

Источник: составлено авторами. Рисунок – прикрепляется к тезисам в отдельном файле. Целевая выборка 400 человек в возрасте от 14 до 35 лет. Тюмень, 2025.

66 % респондентов проявили интерес к изменениям (34 % – «очень заинтересованы», 32 % – «скорее заинтересованы»), тогда как 17 % продемонстрировали полное безразличие. Наименьшая доля высокой заинтересованности – в группе 14 – 17 лет (25 %), где преобладает умеренная мотивация (39 %). Пик заинтересованности наблюдается в возрасте 18 – 22 лет (49 %), что связано с этапом профессионального самоопределения. К 23 – 27 годам мотивация снижается (39 %), а доля безразличных возрастает (18 %).

Можно отметить, что наиболее важными мотивами для изменения своей жизни являются: улучшение материального положения (26 %), стремление к саморазвитию (25 %), повышение качество жизни (25 %). Наименьшее влияние имеют внешние обстоятельства.

Что касается препятствий – общими для всех возрастов барьерами выступили финансовые трудности, отсутствие свободного времени и неуверенность в своих амбициях (по 25 %).

Результаты показали, что в подростковом возрасте 14 – 17 лет мотивы распределяются равномерно, с акцентом на саморазвитие, материальное положение и влияние окружения (по 21 %); в диапазоне 18 – 22 лет превалирует желание улучшить качество своей жизни (39 %) и материальное положение (32 %), в группе 23 – 27 лет ведущую роль играют внешние обстоятельства (24 %) и материальные факторы (21 %), а также растет доля немотивированных (19 %); фиксируется резкое снижение мотивации в возрасте опрошенных 28 – 35 лет, что может быть связано с утратой веры в возможность кардинальных изменений.

Основные результаты исследования:

1. Социальный оптимизм молодёжи Тюмени достаточно высок, однако с возрастом его уровень снижается, особенно в период 18 – 25 лет, что связано с ростом социальных и финансовых обязательств.

2. Большинство опрошенных идентифицируют себя как счастливых людей: 38 % удовлетворены жизнью полностью, 24 % – частично.

3. Преобладает заинтересованность в улучшении качества жизни и материального положения, однако с возрастом мотивация снижается. Основные барьеры – финансовые ограничения и нехватка времени.

4. В группе 18 – 22 лет 70 % респондентов уверены в улучшении своего будущего, однако с возрастом данная уверенность ослабевает. Основные страхи связаны с потерей близких, одиночеством, болезнями и бездетностью.

5. Ведущими факторами, влияющими на социальное самочувствие, являются возраст и материальное положение.

1. Социальное самочувствие: мониторинг // ВЦИОМ: сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024 (дата обращения: 05.03.2025).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО СПОРТА И КИБЕРСПОРТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Хлюпин Семён Алексеевич
(ТюмГУ)

Аннотация. В данной статье предлагается разобрать взаимоотношения классического спорта и компьютерного спорта и взглянуть на фиджитал спорт.

Ключевые слова: классический спорт, киберспорт, компьютерный спорт, фиджитал, фиджитал спорт, интернет.

Киберспорт и фиджитал спорт становятся новым трендом в сфере спорта современного мира. С развитием технологий и выпуском соревновательных компьютерных игр у игроков появилось желание показать свои навыки игры и стать лучшим среди таких же, как и они. Вследствие этого начали проводить турниры и чемпионаты, а игроки стали считаться настоящими спортсменами. Такой же процесс появления и развития киберспорта и фиджитал спорта наблюдается и в России. Однако в

информационном поле всё ещё существует сомнения в том, что компьютерным играм нет места в реальном спорте.

В прошедшем десятилетии в современной России можно было наблюдать большое событие, которое изменило положение спорта в обществе и открыло двери для миллионов людей – в 2016-м году компьютерный спорт (киберспорт) был признан официальным видом спорта [1]. Порог входа для новых спортсменов, на первый взгляд, низкий: необходим компьютер, стабильное интернет-подключение и умение играть в определённую, понравившуюся игру. Но на самом деле киберспорт по количеству нюансов и тонкостей не уступает классическому спорту. Помимо компьютерного спорта популярность стал набирать так называемый «фиджитал» спорт – квинтэссенция классического и компьютерного спорта, проверяющая игроков в соревновании как вживую, так и в киберпространстве.

Согласно исследованию, выполненному для Global Esports Market Report аналитической компанией Newzoo, в 2019-м глобальная аудитория киберспорта достигла 454 млн. человек (+22 % за год), а её оборот возрос до $950,6 млн. (+10 %). При этом 2/3 доходов индустрия получает от спонсоров и реализации медиа прав [2]. По итоговым данным 2019 года представители киберспорта уже достаточно солидно выглядят на фоне потребителей интернет-услуг и тех, кому интересны видеоигры (табл. 1).

Таблица 1. Топ-5 стран мира (по итогам 2019 года) по объему аудитории любителей киберспорта (млн. чел) на фоне пользователей интернет-услугами и видеоиграми

Место	Страна	Интернет	Видеоигры	Киберспорт
1	Китай	900,6	650	**149,5**
2	США	273,7	186,6	**52,8**
3	Россия	116,2	66,1	**22,3**
4	Бразилия	149,6	79,8	**21,1**
5	Индия	529,5	270,4	**15,3**

Согласно этой таблицы Россия входит в тройку мировых лидеров по числу приверженцев киберспорта [3]. По прогнозам все той же компании Newzoo, которые были сделаны на начало октября 2020 года, общая выручка компаний, работающих в сфере киберспорта, по итогам года составит только 950,3 миллиона долларов из-за пандемии коронавируса (COVID-19). Ранее предполагалось, что доходы глобального рынка киберспорта в 2020 году составят 973,9 миллиона [2].

Помимо крупных заработков киберспортсменов можно выделить и следующие причины, по которым киберспорт становится очень популярным:

Быстрое развитие технологий: с появлением более доступного интернета и инновационных технологий киберспорт стал более доступным для массовой аудитории. Это позволяет большему количеству людей играть и следить за профессиональными матчами.

Широкий выбор игр: существует огромное количество киберспортивных игр в различных жанрах, таких как стратегии, шутеры, MOBA и другие. Благодаря этому каждый может найти для себя подходящую игру и стать ее поклонником или игроком.

Профессиональная организация: киберспорт развился в настоящий профессиональный спорт, с соревнованиями, командами, спонсорами и трансляциями. Это создает интересную и захватывающую атмосферу, которая привлекает зрителей.

Коммуникация и сообщество: киберспорт объединяет людей со всего мира, позволяет им взаимодействовать и общаться, как внутри игр, так и за их пределами. Сообщество киберспорта создает дружественные отношения и поддержку между игроками и фанатами.

Развитие медиаиндустрии: благодаря развитию стриминговых платформ, таких как Twitch и YouTube, а также телевизионных трансляций, интерес к киберспорту растет. Это позволяет доступно и удобно следить за соревнованиями и изучать игровые стратегии

Все эти факторы совместно способствуют росту популярности киберспорта и делают его привлекательным не только для игроков, но и для широкой аудитории.

Фиджитал спорт – это новая форма соревновательной деятельности, которая сочетает физическую активность с использованием цифровых технологий. Во время фиджитал спорта спортсмены участвуют в виртуальных или дополненных реальности соревнованиях, используя специальные девайсы, такие как виртуальные очки или датчики движения. Этот вид спорта становится все более популярным, поскольку он позволяет людям заниматься физической активностью в интерактивной и захватывающей форме.

С целью популяризации компьютерного и фиджитал спорта Всероссийским федерациям совместно с другими заинтересованными лицами необходимо увеличить количество таких официальных спортивных соревнований. Спортивные соревнования, сочетающие в себе элементы классического спорта и киберспорта, способны стать высокодоходными проектами за счет заинтересованности крупных спонсоров, т. к. соревнования должны привлечь большую аудиторию на самом объекте спорта, но ещё большую её часть – в онлайн-формате.

Спортивные движения и объединения реагируют на киберспорт смешанным образом. Некоторые из них признают киберспорт как новую форму спорта и включают его в свою структуру. Например, в 2017 году Международный олимпийский комитет (МОК) официально признал киберспорт как вид спорта. Однако существуют и те, кто по-прежнему относится скептически к киберспорту. Некоторые представители традиционных спортивных организаций и общественности считают, что киберспорт не может быть настоящим спортом, так как в нем нет физической активности и присутствия реальных соперников. Тем не менее, в последние годы мнение о киберспорте начало меняться, особенно у молодого поколения. Популярность киберспорта растет, а профессиональные киберспортсмены получают признание и поддержку от сторонников традиционного спорта. В целом, реакция спортивных движений и объединений на киберспорт может быть разной в зависимости от конкретной страны или организации. Однако, с развитием киберспорта и его всеобщей признанности, ожидается, что в будущем его статус будет более признан и принят спортивным сообществом.

1. *Рыбчинский, А. А. Сравнение киберспорта в России с классическим спортом / А. А. Рыбчинский, М. А. Капустин, Д. Б. Воробьев // Современное состояние гуманитарных и социально-экономических наук : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Белгород, 31 января 2019 года. Том Часть II. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство перспективных научных исследований", 2019. – С. 118-121. – EDN VWCOMQ.*
2. *Виноградов Д. Эксперты оценили потери мирового рынка киберспорта // Прайм [Агентство экономической информации]. – 8.10.2020. – URL: https://1prime.ru/business/20201008/832131908.html (дата обращения: 27.01.2021).*
3. *Никитин К. Киберспорт – это спорт будущего или развлечение // Парламентская газета – [сайт]. – 03.06.2017. – URL: https://www.pnp.ru/economics/kibersport-eto-sport-budushhego-ilirazvlechenie.html (дата обращения: 22.01.2021).*

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: ДИХОТОМИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ОПАСНОСТИ

Черкасова Татьяна Васильевна
(УГНТУ)

Аннотация. Вопросы культурного развития молодежи, живущей в странах СНГ, привлекают внимание ювенологов. Культурное пространство, в котором происходит личностное формирование, оказывает существенное влияние на молодежную генерацию, предопределяет ее настроения и устремления. В условиях интервенции западных влияний обострилась тема культурной безопасности как барьера для сохранения культурного пространства суверенных государств, защищающего молодежь от негативных контркультурных воздействий.

Ключевые слова: культурная безопасность и опасность, молодежь, институты-агенты социализации, российское и туркменское студенчество.

Культурное пространство представляет собой результат комплексных усилий первичных и вторичных агентов социализации, от функциональной деятельности которых зависит качество созданных воспитательных условий, привлекательность пропагандируемых традиционных культурных образцов и норм для усвоения и подражания растущим поколением страны. На наш взгляд, феномен культурной безопасности надо конкретизировать и определять как необходимое состояние для общественной жизни именно в культурной сфере, при котором социализирующие первичные и вторичные институты-агенты, во-первых, обеспечивают исполнение своих культурно-воспитательных функций по отношению к молодому поколению, во-вторых, создают гармоничное культурное пространство для жизнедеятельности граждан страны. Прокси-война, спровоцированная воинствующими и властвующими ортодоксами западной цивилизации с «русским миром» и его тысячелетней евразийской культурой только обостряют ситуацию на арене культурного противостояния за умы молодежи. Современные реалии требуют государственно-культурной рефлексии на любые внешние и внутренние угрозы, сегодня необходима консолидация и слаженные усилия всех социализирующих институтов, воздействующих на своем уровне, своими культурно-воспитательными технологиями на молодую генерацию.

На наш взгляд, взаимосвязанная институциональная деятельность агентов социализации, которые проанализированы в таблице, позволит сформировать основы культурной безопасности, воспитать культурную молодую личность с ценностно-нормативным багажом знаний и навыков, с социальным иммунитетом к любым контркультурным вмешательствам и угрозам.

Тем не менее, в реальности наблюдаются ситуации, когда какие-нибудь институты социализации из указанной «связки» дисфункциональны, тогда усиливается риск возникновения «культурной опасности». Контр-продуктивная и антикультурная деятельность таких институтов на этапе «сбоев» должны подвергаться внешнему социальному контролю или регулироваться в правовом поле, или прекращаться по ситуативному кризисному плану.

Кризисная семья способна приобщить детей к культуре воинствующего или защитного национализма. Конфликтогенная семья полностью утрачивает родственные связи и воспитывает детей на принципах «манкуртизма» или «межпоколеннного нигилизма».

Таблица. Агенты социализации молодежи в комплексном взаимодействии способны сформировать культурную безопасность страны

Агенты социализа-ции молодежи	**Тип культур, которые усваивает молодежь**	**Базовые ценности для принятия молодым поколением**	**Ожидаемые нормы социального поведения молодежи**	**Уровень воспита-тельного влияния**	**Основные технологии воздействия на молодежь**
Семья	Народная (этнонацио-нальная) культура	Семья Материнство Отцовство Детство Любовь Здоровье Национальность Родной Язык История рода Эмпатия и др.	Уважительное и вежливое отношение к родным, к старшим, к окружающим; исполнительность; послушание, чистоплотность, знание истории рода, семьи, национального языка	Микро-уровень	Личный пример родителей
Учебные заведения	доминирующа я культура	Учеба История страны Образование Творчество Свобода личностного выбора своих действий Соревнование Прогресс Наука и др.	Ответственная учеба, стремление к знаниям, саморазвитие, обретение профессии и новых ЗУН, соблюдение золотого правила этики, усвоение истории, языка культурных и иных достижений страны	Микро- и макро-уровень	Уроки, лекции, диспуты учителей, преподава-телей
Трудовые организации	корпоративна я культура	Труд Деньги Коллектив Дисциплина Профессиональная карьера и др.	Соблюдение делового этикета, уставов, регламентов, трудовой дисциплины, профессионально-карьерный рост, самореализация	Микро-уровень	Деловая работа руководи-теля с персоналом
СМИ	массовая и элитарная культура	Мода Высокое искусство Кинематограф Музыка Живопись и др.	Умение культурно организовать свой отдых-релакс, понимать, участвовать в создании или сохранении высокого искусства своей страны	Макро-уровень	Ауди-визуальный контент коммуникац ий
Друзья	субкультура	Дружба Любовь к противоположному полу Взаимопомощь Хобби Жизнь каждого человека, как уникального индивида Национальность друга Общение и др.	Умение общаться с ровесниками, с лицами противо-положного пола, людьми другой национальности, желание помогать друг другу, изобретать новое, заниматься творчеством	Микро-уровень	Неформальн ое общение

Религия	религиозная культура	Морально-нравственные заповеди религия народа вера в Бога священные книги религиозные праздники, традиции и символы	Соблюдение религиозных канонов, обрядов, предписаний, праздников. Послушное и смиренное поведение для верующего человека, проявление милосердия, оказание милостыни нуждающимся лицам	Микро и макро-уровень	Проповедь духовного служителя
Государство	гражданско-патриоти-ческая, гражданско-правовая культура	Родина Патриотизм Законы страны Свободы личности Мир на Земле Честь Доблесть Мужество Природа и фауна Статус гражданина Государственные символы и др.	Любить, гордиться, защищать родной край, свой народ, соблюдать законы, чтить историю страны, язык, символику	Макро-уровень	Правовые технологии

Культурная опасность станет очевидной угрозой, если система образования в стагнации от затянувшегося реформирования, а учебные заведения погружены в отчетность и заимствование зарубежных моделей образования. В этих условиях преподаватели – «зарубежные грантоеды» будут насаждать российской молодежи прозападные ценности и контркультурные установки.

Трудовые организации с рыночной практикой – «получить выгоду и разбежаться» погрузят молодых специалистов в слабую корпоративную культуру с отказом от трудовой дисциплины. В этом случае не избежать «культурной опасности».

Частные и неконтролируемые СМИ будут массированно рекламировать примитивную массовую культуру потребления и обывательских взглядов на жизнь. Подобные трансформации вызовут состояние культурной угрозы-опасности.

Псевдо-друзья-приятели легко навязывают молодежи образцы девиантно-делинквентной субкультуры с явной антисоциальной направленностью.

Псевдорелигиозные организации с фундаменталистскими и радикальными взглядами насаждают среди доверчивой и малообразованной молодежи культуру религиозного экстремизма и терроризма.

Слабое государство, находящееся под внешним управлением другого государства-сюзерена, утрачивает свой суверенитет, не способно создать гражданско-патриотическо-правовую культуры среди молодых граждан. Оно заполнит культурное пространство страны абстракцией – «культурой абсолютной демократической свободы и вседозволенности».

В подобных вариантах институциональной дисфункции и возникает реальная «культурная опасность», то есть состояние масштабной деформации культурного пространства и традиционных основ культуры в обществе.

Предлагаемая дихотомия – «культурная безопасность» и «культурная опасность» позволяет гораздо лучше понять, насколько существенна функциональная роль институтов социализации в формировании у молодежи важных культурных качеств и поведенческих образцов.

В нашем социсследовании 2025 года появилась возможность сравнить мнение российской и туркменской молодежи, обучающейся в нефтяном вузе, для того чтобы выяснить, какие культурные трансформации переживали страны (Россия и Туркменистан) в постсоветский период, и как все это отразилось в мировосприятии и в культурной самоидентификации молодого поколения. Российские студенты-респонденты представляли собой многонациональную общность, поэтому в приоритет культурному индивиду они внесли – «Знание общей истории своей страны, народа, семьи». Туркменские респонденты перенесли акцент на иную альтернативу – «Уметь говорить и думать на родном языке», показывая тем самым его архиважную роль. Предпочтения респондентов по второй и по третьей позициям сравниваемых шкал совпали – «Жить по морально-нравственным требованиям» и «Уметь дружить с людьми разных национальностей». Весьма порадовал тот факт, что все студенты в своем подсознании хранят и активно используют знаковый культурный код «советской эпохи», скорее всего, полученный от семьи, частично от школы. Конечно же, эти молодые студенты не жили в СССР. Тем не менее, они понимают, что независимо от международных и межкультурных ситуаций – исторический распад СССР в 90-х годах XX в. и создание суверенных границ у России и Туркменистана – это негативные процессы из прошлого, поэтому в XXI веке в межкультурном пространстве двух стран востребован «человек-моральный» и «человек-интернационально-ориентированный».

СИСТЕМА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Чиркова Любовь Анатольевна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Аннотация. Исследуется структура жизненных ориентиров представителей цифровой эпохи, формирующихся в условиях технологической модернизации и культурной глобализации. Анализируются приоритеты в сфере труда, образования и самореализации, а также влияние технологической среды на формирование мировоззренческих установок, межпоколенческое взаимодействие и социальное поведение современной молодёжи.

Ключевые слова: поколение Z, ценности, цифровая культура, мировоззрение, самореализация, труд, образование, молодёжь, социальные установки, гуманизм

Актуальность изучения ценностных ориентиров поколения Z обусловлена тем, что представители данной возрастной когорты активно входят во взрослую жизнь и начинают формировать новые социально-экономические тенденции. Постмиллениалы, или зумеры, формировались в уникальных условиях цифровой трансформации, что существенно повлияло на их мировоззрение, ценностные ориентации и модели поведения. Современные исследователи рассматривают их как первых «цифровых аборигенов» – людей, для которых интернет, мобильные технологии и социальные сети являются естественной средой существования [11, с. 129]. Именно поэтому исследование их системы жизненных ориентиров имеет не только академическую, но и прикладную важность для понимания социальных трансформаций в XXI веке. Демографическая значимость подтверждается данными исследований: к 2025 году представители Gen Z

составят примерно 27% мировой рабочей силы [20], а их глобальная покупательная способность превышает 450 миллиардов долларов [23].

Понятие «поколение Z» происходит из теории поколений, предложенной американскими социологами У. Штраусом и Н. Хоувом, согласно которой каждая когорта формируется под влиянием исторических условий и культурного контекста [18, с. 111]. В их классификации этот слой населения следует за миллениалами и объединяет людей, родившихся в период с конца 1990-х до середины 2010-х годов. В российской научной традиции границы зумеров обычно определяются периодом 1997 – 2012 гг. [8, с. 29]. По словам

М. Г. Бреслера, представители данной возрастной группы принадлежат к новому типу когнитариата – носителей интеллектуального труда в цифровом обществе, для которых «знание становится ресурсом личного и общественного прогресса» [1, с. 143]. Они отличаются открытостью к инновациям, гибкостью мышления и стремлением к гармоничному сочетанию материального благополучия и духовного развития. Теория поколений Штрауса-Хоува имеет западное происхождение и опирается на исторический опыт США. По мнению ряда отечественных исследователей, её положения требуют адаптации к российским реалиям, поскольку хронология и характер социальных событий, определяющих мировоззрение разных возрастных групп, в России и на Западе существенно различаются [15, с. 407].

Степень разработанности темы высока: исследователи последовательно описывают ценности поколения Z. М. Г. Бреслер характеризует «когнитариат» как креативный и автономный, сочетающий прагматизм с духовностью и ориентацией на личностный рост [1, с. 146]. И. С. Глебова с коллегами, сопоставляя российских зумеров с китайскими сверстниками, отмечают универсальные установки (самореализация, толерантность, независимость) при сохранении культурной специфики; цифровизация стирает границы и формирует общие паттерны поведения [3, с. 59]. По Д. Ю. Колчину, жизненная философия данного поколения основана на подлинности и свободе выбора; прагматизм и гуманизм сосуществуют как две стороны единой системы координат [9, с. 131; 9, с. 133].

Одной из ключевых характеристик является их отношение к традиционным ценностям. О. В. Катуржевская и Т. С. Кочурина выявили амбивалентность этого отношения: с одной стороны, молодёжь демонстрирует отход от традиционных норм, с другой – стремится сохранить семейные связи и уважение к старшим. Авторы отмечают, что «современная молодёжь стремится не отвергнуть традиционные ценности, а переосмыслить их» [7, с. 130], при этом «семья и дружба остаются приоритетами, но в более демократичной форме» [7, с. 132]. Е. А. Коган и Е. И. Пронина подтверждают, что для студенческой молодежи семья остаётся значимой ценностью, хотя её структура становится более демократичной и партнёрской [8, с. 35]. Теоретические положения подтверждаются актуальными данными исследования Ipsos Generations Report 2025, согласно которому 60 % представителей Gen Z считают, что увеличение расового и этнического разнообразия полезно для общества [21].

К. В. Филиппова рассматривает трансформацию трудовых ценностей российского общества через призму теории поколений, отмечая, что молодые специалисты среди зумеров связывают профессиональную деятельность прежде всего с самореализацией, а не с формальной карьерой. Автор подчёркивает, что «поколение Z воспринимает труд как пространство для самовыражения и творчества» [17, с. 67], при этом «цифровая культура изменяет представление о карьере: важнее гибкость, чем иерархия» [17, с. 68]. По мнению А. Г. Рубцова, «современная молодёжь переходит от коллективистских ценностей к индивидуализированным моделям успеха» [13, с. 259], при этом «вместо материальных

приоритетов всё чаще выдвигаются самореализация и личная результативность» [13, с. 261]. Глобальное исследование Deloitte 2025 Gen Z and Millennial Survey, охватившее 23 000+ респондентов, показало, что только 6 % среди данного поколения заявили, что их основная карьерная цель – достичь руководящей должности [20], при этом 77 % высоко ценят баланс между работой и личной жизнью [23].

Н. В. Тонких с коллегами подчёркивают привлекательность цифровых форм занятости для digital-когорты, стремящейся сочетать трудовую деятельность и личное пространство без жёстких иерархий. Авторы считают, что «гибкие формы занятости становятся нормой для digital-поколения» [14, с. 40], при этом дистанционный формат воспринимается как способ контроля над временем и пространством [14, с. 42]. Тем самым формируется установка на свободу выбора и самореализацию через индивидуальные проекты и фриланс. А. В. Буханцов указывает, что представители данной возрастной категории требуют не контроля, а доверия, прозрачности и признания личных достижений [2, с. 11]. Учёный добавляет, что «гибкий график, вовлечённость и внутренняя мотивация становятся ключевыми факторами удержания молодых специалистов» [2, с. 12], что подчёркивает значимость нематериальных стимулов в корпоративной культуре.

В образовательной сфере цифровая поколенческая когорта проявляет прагматичный подход, предпочитая визуальные и интерактивные методы обучения. Е. С. Филиппова и Д. Д. Старикова подчёркивают, что «обучение должно строиться на интерактивных технологиях и мультимедийных ресурсах» [16, с. 67], поскольку традиционные формы теряют результативность без визуальной поддержки [16, с. 68]. Н. С. Медведовская отмечает, что «современные дети требуют постоянного вовлечения и активности в учебном процессе» [10, с. 803], а интерактивные методы способствуют развитию креативности [10, с. 804].

П. В. Ерохина и Н. И. Мартишина фиксируют снижение интереса к академической науке при росте внимания к прикладным технологиям. По их словам, «новое поколение воспринимает науку как средство самореализации, а не как сферу абстрактных знаний» [4, с. 380]; решающее значение имеет практическая применимость информации [4, с. 381]. 63 % представителей Gen Z считают изучение новых навыков важным [23], при этом 80 % молодежи активно потребляет просветительский контент [19]. Представители поколения Z проводят в интернете 5 – 6 часов ежедневно, при этом 95% времени приходится на мобильные устройства, а 73 % зумеров находятся на социальных платформах более 3 часов в день [19]. Время концентрации внимания составляет всего 8 секунд, что требует особого подхода к созданию контента [19].

М. Г. Бреслер подчёркивает, что когнитариат нового типа сочетает рациональность и духовность, стремление к личностному росту и гуманистическим идеалам [1, с. 146]. И. С. Глебова с соавторами добавляют, что молодёжь стремится соединить прагматизм и альтруизм, технологическую рациональность и моральную чувствительность [3, с. 58]. Д. Ю. Колчин уточняет, что представители цифровой эпохи «мыслят категориями возможностей, а не ограничений» [9, с. 134], демонстрируя оптимизм и конструктивность: 90 % считают, что компании должны активно решать экологические и социальные проблемы [23], 70% выбирают этичный бизнес [25], а 66 % проявляют беспокойство об экологии [24].

О. А. Парфенова описывает молодых взрослых как носителей толерантности, уважения к личным границам и эмоциональной сдержанности. По её мнению, они «избегают открытых конфликтов, предпочитая эмоциональную дистанцию» [11, с. 130], что отражает высокий уровень социальной адаптивности и самоконтроля. Ж. Г. Калеева

показывает, что цифровые платформы становятся пространством диалога между молодыми пользователями и детьми альфа-поколения: «стриминг и творчество в онлайн-среде выступают формой межкультурной коммуникации» [6, с. 242]. Г. П. Рогочая выявляет у цифрового поколения высокую толерантность, низкий уровень доверия к политическим структурам и ориентацию на сетевую гражданскую активность [12, с. 30]. С. В. Захаров указывает на тенденцию к позднему родительству и стремлению к балансу между личной и общественной жизнью [5, с. 10]. Ф. Р. Филиппов отмечает преобладание горизонтальной мобильности – готовность менять сферу деятельности и место проживания [15, с. 408].

Таким образом, представители цифровой эпохи демонстрируют сочетание прагматизма и гуманизма, гибкости и ответственности, технологической компетентности и этической зрелости. Их ценностная система динамична, а стремление к развитию и свободе делает их важным двигателем общественных перемен. Проведённое исследование подтверждает, что поколение Z формирует принципиально новую модель социального поведения, в которой традиционные ценности переосмысливаются через призму цифровой культуры. Особенностью зумеров является гиперсвязность с цифровым пространством при одновременном критическом отношении к контенту, что создаёт уникальную ситуацию, когда молодое поколение одновременно является самым технологически продвинутым и самым требовательным к аутентичности и социальной ответственности брендов и институтов.

1. *Бреслер М. Г. Специфика российского когнитариата поколения Z // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. № 2. С. 141–153.*
2. *Буханцов А. В. Методики работы с поколениями (X–Z) в организации // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 5 (62). С. 10–16.*
3. *Глебова И. С., Воробьев А. А., Хабибрахманова Р. Р. Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1 (64). С. 51–61. DOI: 10.26907/20795912.2024.1.51–61.*
4. *Ерохина П. В., Мартишина Н. И. Наука и поколение Z // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 4 (95). С. 378–383. DOI: 10.24412/1999-625X2024-495-378-383.*
5. *Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. № 3. С. 5–20.*
6. *Калеева Ж. Г. Культурное взаимодействие поколений Z и Альфа: стриминг и творчество // МедиаАльманах. 2024. № 2 (85). С. 240–244.*
7. *Катуржевская О. В., Кочурина Т. С. Выявление отношения современного подрастающего поколения к традиционным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 129–132.*
8. *Коган Е. А., Пронина Е. И. Семья и связь поколений в представлении студенческой молодежи // Primo aspectu. 2024. № 4 (60). С. 25–31. DOI: 10.35211/2500-26352024-4-60-25–31.*
9. *Колчин Д. Ю. Жизненная философия поколения Z // Манускрипт. 2025. Т. 18. №*
10. *1. С. 130–135. DOI: 10.30853/mns20250020.*
11. *Медведовская Н. С. Обучение младших школьников: новые подходы в условиях поколений Z и Альфа // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 6 (75). С. 800–807.*
12. *Парфенова О. А. Поколение Z как самые молодые из нынешних взрослых: штрихи к портрету зумеров сквозь призму межпоколенных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 126–133. DOI: 10.52452/18115942_2024_2_126.*
13. *Рогочая Г. П. Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 21– 37. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-21.*
14. *Рубцов А. Г. Трансформация ценностных ориентаций современной молодёжи // Право и практика. 2023. № 4. С. 258–263. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-258–263.*
15. *Тонких Н. В., Бабинцева А. В., Джума В. И., Маркова Т. Л. Привлекательность гибких и цифровых форм занятости для digital-поколения // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. № 4. С. 36–45. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(4).36–45.*

16. *Филиппов Ф. Р. Социальная мобильность в межпоколенческой перспективе // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 407–412.*
17. *Филиппова Е. С., Старикова Д. Д. Анализ особенностей обучения поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8-2 (95). С. 66–68. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-8-2-66–68.*
18. *Филиппова К. В. Трансформации системы трудовых ценностей российского общества в контексте теории поколений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 66–70.*
19. *Strauss, W.; Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.– New York: William Morrow and Company, 1991.– 538 p. – ISBN 0-688-08133-9.*
20. *12 characteristics of Gen Z in 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.gwi.com/blog/generation-z-characteristics (дата обращения: 07.10.2025).*
21. *2025 Gen Z and Millennial Survey [Electronic resource]. – URL: https://www.deloitte.com/global/en/issues/work/genz-millennial-survey.html (дата обращения: 07.10.2025).*
22. *Ipsos Generations Report 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.ipsos.com/en/ipsos-generations-report-2025 (дата обращения: 07.10.2025).*
23. *От альфы до бумера: маркетинг поколений в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: https://companies.rbc.ru/news/QF6almviq4/ot-alfyi-do-bumera-marketing-pokolenij-v-2025godu/ (дата обращения: 07.10.2025).*
24. *Поколение Z задает тренды: что нужно знать маркетологам в 2025? [Электронный ресурс]. – URL: https://b-mag.ru/pokolenie-z-zadaet-trendy-chto-nuzhno-znatmarketologam-v-2025/ (дата обращения: 07.10.2025).*
25. *Статистика и тренды маркетинга для поколения Z, на которые нельзя забывать [Электронный ресурс]. – URL: https://www.qrcode-tiger.com/ru/gen-z-marketing-statistics (дата обращения: 07.10.2025).*
26. *Тренды в продажах 2025: платежеспособные зумеры и как научиться им продавать? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sostav.ru/blogs/276471/57341 (дата обращения: 07.10.2025).*

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ

Чу Сяохань
(СПбГУ)

В данной работе рассматриваются меры социальной политики, направленные на решение проблем занятости молодежи. Данный анализ основан на теоретической литературе и посвящен изучению взаимосвязи между занятостью молодежи и динамикой рынка труда. Кроме того, в нем выявлены неблагоприятные факторы, влияющие на результаты занятости молодежи. Исследования в области образования и развития карьеры показывают, что семейное происхождение, уровень образования и гендерные различия оказывают значительное влияние на успех молодых людей на рынке труда. Опираясь на конкретные примеры из разных стран, в данной работе подчеркивается важность повышения трудоспособности молодежи посредством оптимизации систем образования. Что касается влияния социальной политики и систем социального обеспечения, существующая литература объясняет прямые или косвенные последствия безработицы, психологических стрессоров и политики социального обеспечения для занятости, особенно в условиях открытой экономики. Углубленный анализ соответствующих политик показывает долгосрочные последствия демографических изменений для рынков труда. Культурные и социальные исследования изучают роли и обязанности молодых людей в различных социальных контекстах. При этом подчеркивается сложность социальной политики в решении проблем занятости молодежи и определяются потенциальные направления будущих исследований.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФОРМА ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Чуклинов Андрей Евгеньевич
(Независимый исследователь)

Аннотация. В статье дается характеристика особенностей развития правового нигилизма в современном российском обществе. Выявляется особенность идеологического и практического уровней этого явления. Исследуется система факторов, обусловливающих скептическое отношение к государству и праву, в частности: особенности социализации подрастающего поколения, специфика молодежной субкультуры, отдельные аспекты правотворческой и правоприменительной практики государства и т. д.

Ключевые слова: молодежь, правовой нигилизм, девиантное поведение молодежи, молодежная субкультура, молодежь и государство, политическое участие молодежи.

В силу целого ряда объективных причин молодежь является одним из наиболее активных субъектов социально-политической самодеятельности, которая может выступать в различных формах: конструктивной, агрессивной, альтернативной, эпатажной и т. п. Одним из проявлений альтернативной самодеятельности молодежи является правовой нигилизм, который традиционно трактуется как отрицание регулятивной и институциональной значимости права. Справедливости ради следует признать, что нигилизм в целом является одной из характерных социально-психологических черт молодежной когорты. Однако собственно правовой нигилизм присущ молодому поколению не онтологически: он является одним из негативных проявлений вторичной социализации молодежи, охватывающей период ее ментального взросления и становления личностных характеристик более высокого уровня.

Нельзя не учитывать и того факта, что правовой нигилизм, к сожалению, традиционно в течение длительного времени был характерной чертой политико-правовой культуры российского социума в целом. Подобного рода тенденция достаточно явно прослеживалась на протяжении XIX – XX веков как в научной, так и в художественной литературе, где отмечалось, что для российского общества характерен приоритет морализма и политической целесообразности над объективным правом. Такая мировоззренческая позиция нашла свое отражение и в фольклоре в виде поговорок «Закон, что дышло – как повернул, так и вышло», «Строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения», «Где закон, там и обида» и пр.

Отдельно следует отметить, что правовой нигилизм молодежи не тождественен ее противоправному поведению: последнее является наиболее радикальным способом отрицания права и социально-политических ценностей в целом, но никак не его доминантой. Пожалуй, наиболее распространенной формой правового нигилизма молодежи является ее аполитичность, которая в значительной степени обусловлена отсутствием четких ориентиров в будущем. В данной ситуации нередко правосознание уступает место утилитарной целесообразности, напрямую диктующей выбор моделей поведения. Наиболее характерным следствием пассивной гражданской позиции молодого поколения является его политический абсентеизм, который выражается не только в сознательном отказе от участия в выборах, но и в отсутствии интереса к политической жизни в целом.

Не менее ярко оппозиционный характер политико-правовой культуры молодежи проявляется и в сфере содействия обеспечению законности и правопорядка в стране. «Молодым людям свойственно отрицательное отношение к личному участию в обеспечении правопорядка – нежелание оказывать содействие правоохранительным органам: сообщать о фактах противоправного поведения, выступать в качестве понятых при производстве следственных действий, свидетелями в процессе расследования правонарушений», – утверждает Я. С. Бутакова [1, с. 119].

Характерной чертой правового нигилизма молодежи является его нередко демонстративный характер, что зачастую обусловлено увлеченностью молодых людей различного рода течениями радикального толка. Такого рода девиация дает основания некоторым авторам ставить правовой нигилизм в один ряд с такими деструктивными социально-политическими явлениями, как ксенофобия, национализм, экстремизм и т. п. [5, с. 511]. Кроме того, можно встретить утверждение, что правовой нигилизм является наиболее низким уровнем развития политико-правового сознания российской молодежи. [3]. На наш взгляд, подобного рода констатации несколько радикализируют проблему правового нигилизма в молодежной среде. Скорее, следует признать, что нигилистическое отношение к праву – это неприятие его априорной консервативности, онтологически чуждой большинству молодых людей. Для их субкультуры гораздо более характерно стремление к открытости, мобильности и динамизму, что, по их мнению, плохо коррелируется с достаточно жесткими формами правовых предписаний.

Исследуя феномен правового нигилизма молодежи, представляется конструктивным обратиться к его структурному анализу, в рамках которого в составе данного явления выделяются идеологический и прагматический уровни [4]. Идеологический уровень отрицания значимости права молодежью характеризуется абсолютизацией свободы, антагонистом которой в ее сознании нередко представляется закон. Прагматический уровень связан с весьма критичным отношением к правоприменительной практике и гарантиям прав и свобод в государстве в целом. Данный подход позволяет снять часть ответственности с молодежной когорты за нигилистические настроения в отношении права, так как система обеспечения законности и правопорядка в стране далека от идеальной.

Существенным фактором, детерминирующим отрицание значимости права молодежью, является поступательное развитие общества потребления в России, что, в свою очередь, способствует формированию гедонистической жизненной позиции, нередко не совпадающей с требованиями правовых норм. Как результат, осознанному правомерному поведению противопоставляется социально-политический конформизм. Наиболее ярко это явление проявляется в крупных городах, сталкивающихся с активными миграционными потоками, для населения которых свойственны процессы атомизации и аномии. В результате происходит размывание нравственно-этических рамок в молодежной среде, девальвация социальных ориентиров и культивирование чуждых культурно-исторических ценностей. Именно в этих условиях наиболее продуктивно вызревают основания для таких крайних проявлений правового нигилизма, как экстремизм и терроризм.

Достаточно опасной, на наш взгляд, представляется всё более актуализирующаяся среди молодежи тенденция противопоставления личных и общественных интересов. Здесь так же было бы ошибочным перекладывать всю ответственность на плечи молодых людей: нередко само общество отторгает проявления различного рода молодежных субкультур, создавая конфликтную ситуацию в данной области и размывая основы механизмов социального контроля. «Этика сообщества в большей мере сконцентрирована

вокруг защиты общественных интересов и опирается на нормы уважения авторитетов/власти и лояльности группе/обществу», – утверждают авторы социологического исследования, проведенного в 2020 году [4, с. 169]

Правовой нигилизм современной российской молодежи неразрывно связан и с особенностями процессов ее социализации. Прежде всего, следует отметить существенную трансформацию агентского состава в данной области. Традиционно значимые социальные институты – семья, образование, государство – уступают место цифровому пространству, которое нередко разбалансирует и без того не сформированное политико-правовое сознание подрастающего поколения. Всё чаще исследователи говорят об информационном вакууме в молодежной среде, вызванном значительным сокращением непосредственных межличностных отношений. В подобной ситуации разрушаются не только вертикальные, но и горизонтальные социальные связи, и получаемая из виртуальных источников информация крайне недостаточно верифицируется, подрывая доверие к информационному политико-правовому пространству в целом. Профессиональная бесперспективность в сочетании с размыванием семейных ценностей так же усиливает маргинальность молодежи как социальной группы, что отражается и на ее отношении к государству и праву. Совокупность указанных факторов создает благоприятные предпосылки для формирования девиантного поведения, основанного, в том числе, на принципах правового нигилизма.

Проблему социально-политической отчужденности представители молодого поколения нередко решают уходом в «параллельные реальности»: виртуальный мир, алкоголизм, наркомания и т.п. В данном случае можно говорить о том, что изначальная социально-психологическая девиация неизбежно приводит к отрицанию государства и права, поскольку в них человек видит механизмы сдерживания, противоречащие их социальной практике.

Таким образом, правовой нигилизм молодежи в современной России, являясь одной из форм девиации, обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов, ответственность за которые лежит как на плечах молодежи, так и на обществе и государстве.

1. *Бутакова, Я. С. Правовой нигилизм в молодежной среде как тенденция современной правовой культуры //Культура. Образование. Право. Вып. 2. Екатеринбург, 2009, С. 119-123.*
2. *Котляров, В. С. Правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой конформизм в среде молодежи // Молодой ученый. 2021, № 50 (392), С. 241-242*
3. *Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура, 2013, № 1, С. 8-18.*
4. *Протасова И. Н., Сычев О. А., Аношкин И. В. Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи //Психология и право, 2020, Том 10, № 3, С. 158-173*
5. *Хованова С. В. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема российского государства // Государственно-правовые исследования, Тамбов, 2020, Вып. 3, С. 511-513*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ

Шахова Екатерина Владимировна
(ФГБОУ ВО «РОСБИОТЕХ», ФГБОУ ВО «АлтГУ»)

Щеглова Дарья Константиновна
(ФГБОУ ВО «РОСБИОТЕХ», ФГБОУ ВО «АлтГУ»)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024 – 2026 гг.)

Аннотация. В статье анализируется этническая идентичность молодых людей в приграничных регионах Сибири. Выявлено, что 86,4 % молодежи ощущают связь со своей этнической группой, при этом наиболее значимыми маркерами идентичности являются язык, кровное родство и культурное воспитание. Исследование демонстрирует региональную специфику и подтверждает высокую значимость этничности как ресурса самоидентификации молодых людей в современном обществе.

Ключевые слова. Этническая идентичность, молодежь, приграничные регионы Сибири, межэтнические отношения.

В современном мире изучение вопросов, связанных с этнической идентичностью молодых людей являются актуальными, способствует более полному пониманию того, что происходит в современном обществе, помогает в разработке стратегий, направленных на развитие социальной гармонии и устойчивого развития современного общества.

В молодом возрасте происходит активная рефлексия относительно своей групповой принадлежности. Согласно концепции Дж. Берри, молодежь в поликультурной среде вырабатывает различные стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция [3]. На формирование этнической идентичности современной молодежи воздействуют разнонаправленные социальные векторы. Глобализация и цифровизация создают условия для формирования «символической этничности» (Г. Ганс) – этническая принадлежность становится ситуативным выбором, проявляющимся через отдельные культурные маркеры [7]. В то же время усиливается инструментальная функция этничности, она используется как ресурс социальной мобилизации и защиты групповых интересов.

Современные исследования демонстрируют, что для молодежи характерна множественность идентификационных моделей, когда этническая идентичность сочетается с региональной, религиозной, гражданской и другими формами социальной принадлежности [1, 4, 5, 6]. Особенностью молодежного возраста является также высокая восприимчивость к медийным дискурсам и социальным сетям, которые становятся ключевыми площадками для конструирования и презентации этничности. Это создает основу для формирования как толерантных установок в межэтническом взаимодействии, так и рисков этнической интолерантности.

С целью изучения особенностей этнической идентичности молодых людей в приграничных регионах Сибири было проведено социологическое исследование (2025 год, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край, N = 900 человек). В исследовании приняли участие представители наиболее многочисленных этнических групп: русские, тувинцы, буряты, алтайцы, казахи, челканцы, тубалары, теленгиты, киргизы, армяне и др.

Одним из основных рассматриваемых показателей являлся следующий: степень ощущения близости с представителями своей этнической общности. Подавляющее большинство молодых людей (86,4 %) указали на ощущение данной близости. В зависимости от региона проведения исследования, данный показатель изменяется, так максимальные значения этнической идентичности представлены в Республике Алтай (63,9 % молодых людей отмечают близость с представителями своей национальности в значительной степени), в Республике Бурятия (62,5 %), и в Республике Тыва (60,6 %), немного ниже данный показатель в Забайкальском и Алтайском краях (56,0 % и 49,0 % соответственно). Данные различия, вероятнее, связаны с более высокой долей коренного населения в республиках и компактностью его проживания (табл. 1).

Таблица 1. Степень ощущения близости с представителями своей этнической общности, по регионам, %

Представители моей национальности	**Алтайский край**	**Республика Алтай**	**Республика Тыва**	**Республика Бурятия**	**Забайкальский край**	**Всего**
в значительной степени	49,0	63,9	60,6	62,5	56,0	56,7
в небольшой степени	32,1	27,7	26,9	27,2	32,7	29,7
крайне редко	13,1	5,0	10,6	8,1	9,3	10,1
не ощущаю близости	5,9	3,4	1,9	2,2	2,0	3,5

Анализ показал, что для молодых людей наиболее важными компонентами этнической идентичности выступают язык («говорю и думаю на языке этого народа» – 75,1 %), родство по крови («мои родители – представители этой национальности» – 68,2 %), воспитание («воспитан на национальной культуре и считаю ее своей» – 65,0 %), национальные праздники («отмечаю национальные праздники» – 50,6 %), территория («живу на территории, являющейся родиной народа» – 50,2 %). При этом молодые люди республики Алтай чаще других относят себя к тому или иному народу по причине того, что их родители – представители данной национальности (80,3 % в Республике Алтай, 75,4 % в Республике Бурятия, 73,2 % в Забайкальском крае, 70,1 % в Республике Тыва, 56,8 % в Алтайском крае). Молодежь Республики Бурятия чаще указывает на фактор воспитания (Республика Бурятия – 76,8 %, Республика Тыва – 72,4 %, Забайкальский край – 69,9 %, Республика Алтай – 58,1 %, Алтайский край – 56,1 %). Кроме того, молодые жители Республики Бурятия, чаще других, среди причин отнесения себя к тому или иному народу называли национальные праздники (67,4 %), территорию (58,7 %), схожие черты внешности (52,9%), соблюдение традиций, обычаев своей этнической группы (51,4 %) (табл. 2).

Выявлены значимые различия и в оценках молодых людей разных регионов относительно того, ощущают ли они себя защищенным человеком ($p < 0,05$). Чаще на защищенность от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости указывает молодежь Забайкальского края (77,0 %) и Республики Тыва (75,8 %). Молодые люди Алтайского края реже указывают на данную защищенность (62,9 %) (табл. 3).

Таблица 2. Факторы этнической идентичности, % наблюдений

	Алтайский край	**Республика Алтай**	**Республика Тыва**	**Республика Бурятия**	**Забайкальский край**	**Всего**
Воспитан на национальной культуре и считаю ее своей	56,1	58,1	72,4	76,8	69,9	65,0
Говорю и думаю на языке этого народа	74,4	76,9	76,4	73,2	75,8	75,1
Живу на территории, являющейся родиной народа	48,8	43,6	53,4	58,7	46,4	50,2
Имею общее историческое прошлое	34,2	34,2	21,3	35,5	45,1	33,5
Имею схожие черты внешности	34,6	54,7	29,9	52,9	47,1	41,6
Имею схожие черты национального характера, менталитет	32,9	36,8	23,0	40,6	41,8	34,1
Исповедую религию своего народа	24,6	27,4	32,2	39,1	26,8	29,1
Мои родители – представители этой национальности	56,8	80,3	70,1	75,4	73,2	68,2
Осознаю себя представителем этой этнической группы	43,5	44,4	42,5	48,6	47,7	45,0
Отмечаю национальные праздники	43,5	50,4	49,4	67,4	51,6	50,6
Соблюдаю традиции, обычаи своей этнической группы (своего народа)	36,2	35,9	50,6	51,4	41,8	42,2
Считаю, что у нас общая государственность	27,9	23,9	17,2	30,4	37,9	27,2
Умею готовить национальную пищу	32,6	32,5	43,1	47,8	39,2	38,0

Таблица 3. Защищенность жителей региона от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости, от нарушения права на свободу вероисповедания, %

	Алтайский край	**Республика Алтай**	**Республика Тыва**	**Республика Бурятия**	**Забайкальский край**
Защищенность в настоящее время от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости					
Отсутствие защищенности	37,1	29,7	24,2	29,4	23,0
Наличие защищенности	62,9	70,3	75,8	70,6	77,0

Результаты исследования демонстрируют высокую степень значимости этнической идентичности для молодого поколения. Подавляющее большинство молодых людей ощущают близость с представителями своей этнической общности, причем для более половины – это чувство является глубоким и значимым. Это свидетельствует о том, что этничность остается мощным ресурсом самоидентификации и формирования групповой солидарности в современном поликультурном обществе. Наиболее ярко этническая идентичность выражена в национальных республиках (Алтай, Тыва, Бурятия), где выше доля коренного населения и сильнее традиции компактного проживания. Среди маркеров этнической идентичности молодые люди особенно выделяют язык, кровное родство, воспитание, национальные праздники и территорию.

1. *Аипова А. К. Сущность понятия «этническая идентичность» // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования : сб. науч. ст., Могилев, 26–27 апр. 2018 года / под ред. М. И. Вишневского, Е. И. Снопковой. – Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова. – 2018. – С. 129–133.*
2. *Лепшокова З. Х., Татарко А. Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 125–146.*
3. *Павлова И. В., Исаева Е. Ю. Феномен этничности и элементы этнического сознания студенческой молодежи г. Орла // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 136–149.*
4. *Розин В. М. Особенности и проблемы национально-этнического самоопределения молодого человека в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 700–709.*
5. *Шахбанова М. М. Этническая идентичность дагестанской молодежи: динамика и содержание // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 282–287.*
6. *Stone J., Harris K. Symbolic Ethnicity and Herbert Gans: Race, Religion, and Politics in the Twenty-First Century // – 2019.*

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Шевченко Анастасия Сергеевна
(Московский педагогический государственный университет)

Ключевые слова: патриотизм, военно-патриотическое воспитание, образовательные практики, современные технологии.

Патриотизм – каждый человек трактует это понятие по-своему. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова: «Патриотизм – преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу». Словарь В. Даля определяет «патриота», как «любителя Отечества», свято оберегающего и защищающего интересы своей страны.

Согласно данным ВЦИОМ, 94 % россиян называют себя патриотами. «Быть патриотом» для россиян – значит, в первую очередь, «работать и действовать во благо, для процветания страны» (48%) [4]. В свою очередь большинство школьников, осознавая и поддерживая важность патриотизма, показывает низкий уровень вовлеченности в соответствующие мероприятия, участия в тематических общественных движениях [5]. С чем это может быть связано и как это исправить?

Анализ данных дает основания полагать, что школьники не посещают мероприятия в рамках военно-патриотического направления, ссылаясь на занятость, подготовку к сдаче ЕГЭ, занятия в кружках, секциях и т. д. [3] Также прослеживается зависимость участия ребят в военно-патриотических мероприятиях от таких факторов, как воспитание в семье, внедрение программ военно-патриотического воспитания непосредственно в учебный процесс, внедрение современных технологий и интерактивных методов обучения.

Современные подходы к воспитанию должны учитывать изменения в обществе и адаптировать методы к новым реалиям: так, например, геймификация, визуализация информационных материалов, внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс могут сделать занятия более привлекательными для молодежи. Говорить с молодыми людьми на их языке, заинтересовать их инструментами, которые они уже используют в повседневной жизни – приоритетные задачи образовательной системы и государства в этом направлении.

19 августа 2025 года Валерий Федоров выступил с докладом «Молодежь – как она есть: ценности, практики, ожидания» на Летней школе для учителей обществознания по

теме «Учебный предмет «Обществознание»: новая педагогическая реальность» [6]. Отличительной особенностью коммуникации молодежи автор доклада назвал визуализацию контента. Согласно данным проведенного исследования, «самый действенный и быстрый способ выйти на молодежную аудиторию – короткие видео (Reels, Shorts)». Эти сведения стоит учитывать при создании методических пособий в школе и планировании уроков, связанных с военно-патриотическим воспитанием [2]. Такие уроки должны не только быть инструментом передачи знаний, но и способствовать развитию важных моральных качеств, таких как мужество, стойкость, готовность прийти на помощь.

Повышению эффективности военно-патриотического воспитания, на мой взгляд, могут способствовать:

Повышение квалификации учителей в области патриотического воспитания, создание методических материалов (создание более эффективной образовательной среды) [1];

Сотрудничество с общественными организациями, партнерство с ветеранскими организациями и другими НКО (более глубокое понимание истории и традиций);

Внедрение современных технологий в процесс обучение (вовлечение молодежи, концентрация их внимания сначала на способах донесения информации, а уже потом и на самой информации).

Военно-патриотическое воспитание школьников – важная задача общества, требующая комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон. Пока деды, отцы и братья сегодняшних школьников находятся в зоне специальной военной операции (СВО), ребята оказывают им посильную поддержку – плетут маскировочные сети, изготавливают полезные детали на 3D-принтерах и т.д. Этим занимаются на уроках труда в школе, а также под руководством учителей организуют «Разговоры о важном» в формате классных часов, учатся оказывать первую медицинскую помощь на уроках обществознания и изучают современную историю не только по учебникам, но и по личным рассказам тех, кто сегодня защищает страну.

Формирование патриотических чувств у молодежи – надежная инвестиция в будущее страны, которая обеспечит ее безопасность и стабильность. Важно помнить, что патриотизм – это не только любовь к родине, но и активное участие в её жизни, готовность защищать её интересы и ценности.

1. *Бурлакова И. И. Патриотическое воспитание: от теории к практике // Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе. 2015. № 6. С. 3–81.*
2. *Вороненко А. Г. Патриотическое воспитание в России // Педагогические науки. 2006. № 5. С. 12–19. Как научить детей любить Родину: руководство для воспитателей и учителей (программы, конспекты занятий, методические рекомендации) // сост. Ю. Е. Антонов и др. М.: АРКТИ, 2013. 168 с.*
3. *Соломченко, М. А. Анализ организации патриотического и физического воспитания в старшей школе / М. А. Соломченко, Р. А. Семин // Наука-2020. – 2023. – № 4(65). – С. 198-204.*
4. *АЦ ВЦИОМ // Аналитические обзоры / Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring?ysclid=mg9i05ihkp353155205&cHash=e77539a6d149e4878bf76596b48d839b (дата обращения 08.10.2025).*
5. *АЦ ВЦИОМ // Аналитические обзоры / Движение Первых: общественная оценка [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dvizhenie-pervykh-obshchestvennaja-ocenka (дата обращения 08.10.2025).*
6. *АЦ ВЦИОМ // Презентации / Молодежь – как она есть: ценности, практики, ожидания [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-kak-ona-est-cennosti-praktiki-ozhidanija (дата обращения 10.10.2025).*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Шлыкова Дарья Витальевна
(Филиал ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ» «НИИИС им. Ю. Е. Седакова»
Россия, Нижний Новгород)

Аннотация. В статье рассматривается позиция современной молодежи, которая формирует свои профессиональные и трудовые стратегии в условиях быстроменяющегося рынка труда, технологического прогресса и глобальных вызовов.

Ключевые слова: Социализация, трансформация, трудовые и профессиональные стратегии, социальный ресурс.

В контексте интенсивной, прогрессивной и глубокой трансформации современного российского общества наблюдаются коренные сдвиги в материальных, общественно-социальных и социокультурных детерминантах социализации и самоопределения молодого поколения, находящегося в поиске работы. Происходит существенная реконфигурация усваиваемых молодежью в процессе социализации норм, ценностей и социокультурных образцов, а также трансформация механизмов ее инкорпорации в различные сферы общественной жизни.

Недостаточная изученность процесса социально-профессионального самоопределения молодежи, охватывающего формирование и реализацию стратегий получения профессионального образования и начала трудовой карьеры в трансформирующемся российском обществе, является актуальной проблемой. Кроме этого, необходимо отметить, что недостаточно исследована роль молодых поколений в становлении новых институциональных, культурных и поведенческих норм и практик, а также в сохранении традиционных, и возникновении новых моделей поведения в системе образования, на рынке труда и в сфере занятости.

Трудоспособное население, в той или иной мере, всегда следует определенным трудовым стратегиям. Даже отсутствие занятости можно рассматривать как одну из ее форм. По сути, трудовая стратегия присуща каждому человеку: это выбор, это решение касаемо дальнейшего самоопределения в условиях происходящих реалий. Мы будем понимать под ней сознательное решение работника относительно своего долгосрочного профессионального развития. Люди с активной жизненной позицией и высокой самооценкой формируют свою трудовую стратегию на ранних этапах и способны корректировать ее, если обстоятельства меняются. Те, кто менее склонен к инициативе, чаще опираются на советы окружения, а бездеятельные и пассивные люди не строят долгосрочных планов, предпочитая действовать по ситуации.

Молодежные стратегии складываются под влиянием их ценностных ориентиров и окружающих обстоятельств. Для сегодняшней молодежи трудовая занятость представляется способом реализации личных целей. Посредством работы большинство стремится к материальной обеспеченности и профессиональному росту, а также к организации собственного дела. Выбор карьерного пути для молодежи – это процесс согласования личных ценностей и целей с доступными возможностями. Основное отличие молодежи от других акторов на рынке труда состоит в том, что молодые люди могут выбрать любую трудовую стратегию. На них не давит груз прошлых ошибок [1, 37].

Существует ряд ключевых факторов, которые определяют, насколько успешно человек может выбрать наиболее подходящую для себя профессиональную стратегию и развитие профессиональной деятельности: состояние здоровья, личностные качества, воспитание, уровень образования, социальное окружение, организационная среда.

Выбор профессиональной стратегии формируется под воздействием множества факторов, которые побуждают человека принимать решения, исходя из собственных рациональных установок. Эти установки могут быть как материальными, так и идеалистическими. Профессиональное самоопределение, как составная часть социального самоопределения в процессе социализации, играет роль в закреплении социального статуса. В практическом плане, трудовое самоопределение выражается в выборе определенной линии поведения и деятельности.

Учитывая, что молодежь является ценнейшим социальным ресурсом, проблема еѐ профессионального самоопределения становится первостепенной. Среди различных видов самоопределения, исследователи особо выделяют профессиональное или трудовое [2, 53].

Поведение выпускников на рынке труда определяется комплексом факторов, включающих: трудовую мотивацию, способы поиска работы, систему предпочтений и приоритетов, имеющийся трудовой опыт; имеющийся опыт поиска работы.

Современные трансформации в обществе диктуют необходимость применения инновационных методов при изучении вопросов, касающихся формирования и эволюции личности и различных социальных общностей в профессиональной сфере. В нынешних реалиях индивидуум постоянно сталкивается с вызовами и непредсказуемостью. Как утверждал известный социолог У. Бек, в контексте «общества риска» профессиональная деятельность утрачивает роль определяющего фактора, позволяющего безошибочно оценивать человека, его материальное положение, социальный статус и потенциальные интересы. Возникает тенденция к расширению профессиональных направлений и видов трудовой деятельности, что оказывает существенное воздействие на структуру занятости, процессы адаптации и определения собственной профессиональной траектории [3, 330].

Наше представление о будущем, которое мы активно конструируем, базируется на наших ценностях, установках и окружающей действительности. Это формирует жизненные стратегии, способные к трансформации, но сохраняющие ядро желаемого будущего. Поставленные цели напрямую влияют на наше поведение в любой сфере. Труд же выступает как средство достижения этих целей, будь то материальное благополучие, социальный рост, самовыражение или личное удовлетворение.

Для реализации этих планов выстраиваются целые комплексы действий, составляющие трудовые стратегии. У каждого человека свое понимание труда и его роли в жизни, что обусловлено его трудовыми ценностями и установками. Личные качества играют значительную роль в трудовой деятельности, однако внешняя среда, особенно в условиях нестабильности, оказывает существенное влияние, заставляя пересматривать поведение. В такие периоды неопределенности происходит перестройка не только конкретных действий, но и всей стратегии в целом. Сегодня трудовые стратегии молодежи формируются в контексте трансформации ключевых социальных институтов, таких как рынок труда и система образования, а также в условиях изменения самой ценностной структуры.

1. *Омельченко Е. Л. Стилевые стратегии занятости и их гендерные особенности // Социологические исследования. – 2002. – №11. – С. 36-47.*
2. *Шарова Е. Н., Мулина Т. В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8, № 1. С. 50–68.*
3. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция. – 2000. – 383 с.*

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И БАРЬЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Щербакова Лидия Ильинична
(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова)

Развитие социальных ресурсов студентов инженерных вузов находится в центре стратегии по достижению технологического лидерства, поскольку высшее профессиональное образование всегда были каналом воспроизводства инженерных кадров и научно-технической элиты. Обновление инженерного образования, которое осуществляется на основных уровнях функционирования института образования: макро-, мезо- и микро-, базируется на лавных принципах – фундаментальности, практико-ориентированности, гуманизма. Стоит подчеркнуть, что за последнее время существенно изменились и расширились функции основных субъектов образовательного процесса в вузах – студентов, администрации, бизнес-партнеров. Требования к социальному потенциалу инженерных кадров динамично изменяются в контексте изменений индустриального производства, в котором увеличивается научно-технологическая оснащенность, уровень внедрения цифровых технологий, процессов роботизации, элементов искусственного интеллекта. Инженерный труд становится интеллектуальным, а творчество, креативность, умения создавать инновационный продукт являются составляющими социальных ресурсов инженера.

Особое внимание к пространственному развитию региональных вузов подтверждается тем, что из увеличения на 20 тыс. количества бюджетных мест на инженерные направления большинство направлены в вузы регионов, поэтому не случайно ежегодно анализируется приток новых абитуриентов и трудоустройство выпускников. Вместе с тем, пока не удается на должном уровне осуществлять комплектование инженерными кадрами предприятия реального сектора экономики согласно их запросам. По данным ежегодного мониторинга, процент трудоустройства по полученной инженерной специальности составляет немногим больше 60 процентов, из числа выпускников разных инженерных направлений каждый третий работает на должностях, которые не связаны с высшим образованием.

Уже подчеркивалось, что главным субъектом обновления инженерного образования остается студент, его социальные ресурсы, под которыми понимается совокупность имеющихся возможностей и способностей удовлетворения индивидуальных потребностей в профессиональном росте и наращивании жизненного капитала, способствующих воспроизводству социального слоя инженеров. В этом контексте имеет значение уточнение следующих вопросов: каково мировоззрение современного студенчества, его предпочтительные стратегии поведения, надежды на достижение достойного уровня жизни в новой реальности, отличающейся турбулентностью, неопределенностью? Готово ли оно к профессиональным пробам на производстве, ответственному выбору и освоению будущей профессии? Идентификация факторов развития социальных ресурсов студентов служит основой для определения технологий образовательной деятельности, управленческих решений как внутри вуза, так и за его пределами, поскольку у региональных вузов остается стратегическая миссия – быть центрами культуры, науки и образования.

Основой изучения социальных ресурсов, как многокомпонентного феномена, являются социально стратификационная и структурно-функциональная теории, институциональный и ресурсный подходы, позволяющие учитывать влияние факторов

внутренней и внешней институциональной среды, жизненный мир студентов и их субъективную оценку имеющихся нематериальных активов. Жизненный мир современных студентов включает отпечаток существовавшего противоречия между массовой подготовкой инженерных кадров, не в полной мере готовых работать по полученной специальности, их инерционностью в освоении инновационных стратегий поведения и запросом высокотехнологического производства на специалистов с максимальной адаптивностью к изменениям, которое может быть разрешено путем формирования у молодежи осознанного выбора профессии, вовлечения работодателей к процессам формирования социальных ресурсов, к профессиональной социализации и развитию профессиональной культуры студенчества.

Процесс наращивания социальных ресурсов инженеров напрямую зависит от внешних факторов – современной российской событийной динамики, сохраняющейся социально-экономической неопределенности и дестабилизирующими процессами в институциональной системе образования, от динамики развития регионов, в том числе Ростовской области, которая является на Юге России центром многоотраслевой промышленности и взаимодействия с новыми субъектами РФ. Важным фактором влияния внешней среды остаются неформальные институты. Ростовская область, как территории проживания Донского казачества, является значимым ресурсом в развитии духовно-нравственных качеств личности инженера, механизмом воздействия на формирование социальных ресурсов, потребностных диспозиций личности студента как основы их трудовой и социальной активности. Ресурсный подход акцентирует внимание на возможности студентов конвертировать свои знания и умения в реальные проблемы экономики региона. Именно в этой связи получает поддержку на областном уровне деятельность студенческих конструкторских бюро, стартапов, региональные гранты. Органы управления и технологии взаимодействия с вузами формируют режим благоприятствования для ранней вовлеченности студентов в решение приоритетных задач и являются стимулирующим фактором закрепления в регионе после окончания вуза. Роль внешней среды в формирования социальных ресурсов студентов региональных вузов будет не только способствовать укреплению инженерного потенциала в регионе, но и повышать его конкурентоспособность среди российских территорий, а социальный капитал студентов позволит им стать активными участниками конструирования и внедрения новых промышленных технологий.

К внутренним факторам следует отнести внутренний мир студента, динамику формирования его социально-психологических черт и жизненных ценностей, всего набора установок, включенных в диспозиционную структуру личности. Именно эти составляющие определяют социальный потенциал и могут стать источником инновационного поведения будущих молодых инженеров в профессиональной сфере. Ключевое значение среди социальных ресурсов имеет ценность труда и отношение к нему, как источнику общественного богатства и нравственности, механизму воспроизводства личностных социально-психологических характеристик будущих субъектов социально-трудовых отношений. Именно на микроуровне проявляется социализирующая функция системы образования: или молодой человек будет ориентироваться на потребительское поведение, или будет предпочитать на основе упорного труда добиваться жизненного успеха, благополучия, карьерного роста. Актуализация социальных ресурсов демонстрирует наличие баланса между индивидуальными потребностями студентов, собственными усилиями для их реализации и общественным запросом на производительный труд на промышленных предприятиях. При этом проявляется неоднородность состава студенческого сообщества по ряду наиболее значимых дифференцирующих и стратифицирующих признаков: представительство сельского или городского типа

поселения, национальная принадлежность, привлекательность инженерной профессии и нацеленность на карьерный рост, склонность к научно-инновационной, управленческой или практической деятельности, готовность работать в регионе или сменить место дальнейшей профессиональной карьеры, духовные и социокультурные особенности, наличие обширной сети межличностных коммуникаций.

Важным компонентом инфраструктуры региона являются образовательные учреждения, которые формируют инженерные компетенции у студентов и у взрослого населения в системе дополнительного профессионального образования. Первым вузом на Юге России стал Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, который за более чем столетнюю историю стал признанной кузницей инженерных кадров. В университете проводится целенаправленная работа по развитию личностных характеристик инженеров на основе разработанной модели инженера – созидающего, включающей, в том числе, критическое мышление, умение работать с большими базами данными и технологиями искусственного интеллекта. Ее апробация осуществлялась среди молодых рабочих и инженеров в ООО «ПК «Новочеркасский электровозостроительный завод». При реализации проекта «Приоритет 2030» синхронизированы перспективы развития университета и национальные интересы технологического предпринимательства, укрепляется кооперация вуза и бизнес-партнеров с целью финансирования подготовки кадров по договорам целевого обучения, оснащения образовательного процесса высокотехнологичным оборудованием. Практика подтвердила, творческий инженер с высоким социальным потенциалом может быть подготовлен только в университетском образовательном пространстве, в котором поддерживается оптимальное соотношение фундаментальности, практико-ориентированности, включения социальных ресурсов, потенциала саморегуляции и самоорганизации каждого студента. Это обеспечивает высокий уровень готовности выпускников приступать к профессиональной деятельности сразу после окончания инженерного вуза, как говорят, бесшовно.

Импульсом для дальнейшей когнитивной рефлексии процесса формирования социальных ресурсов студентов является возможность смягчения сохраняющегося диссонанса между субъективными предпочтениями, ожиданиями студентов и объективными условиями, которые могут предоставить молодым выпускникам бизнес-партнеры. При выборе места проживания и трудоустройства у студентов вызывают тревогу технологическое отставание отдельных отраслей экономики, плохое состояние медобслуживания, слаборазвитая инфраструктура региона – транспорт, состояние дорог, связь, доступ к спорту, другим видам досуга. Оказывают влияние и субъективные факторы – профессиональные амбиции, завышенные притязания к уровню первоначальной заработной планы, обеспечению жильем и набором социальных благ для молодых семей и их детей. Другая сторона рисков в реализации социального потенциала молодежи связана с наблюдаемым сравнительно невысоким уровнем доверия на местах органам государственного и муниципального управления, правопорядка, СМИ. Недоверие имеет и более глубокий смысл – атомизация жизненного мира студентов может усиливать десолидаризацию социальных отношений, что не способствует укреплению стабильности и солидаризации в региональном социуме. Разрешение существующих проблем в формировании социальных ресурсов студенчества инженерных вузов во внутренней и внешней среде будет способствовать наращиванию человеческого потенциала молодежного слоя населения Ростовской области как важного стратегического региона на Юге России. Важно добиваться того, чтобы в результате реформирования и обновления инженерного образования социальные ресурсы инженера нового поколения отличались высоким интеллектуальным потенциалом, способностью решать сложные нестандартные инженерные и организационные задачи широкого спектра.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К НЕМОДАЛЬНЫМ БРАЧНО-РЕПРОДУКТИВНЫМ ПРАКТИКАМ: МЕЖДУ ДОПУСТИМОСТЬЮ И ОДОБРЯЕМОСТЬЮ

Янак Алина Леонидовна
(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00190, https://rscf.ru/project/24-78-00190/

Для анализа использованы данные исследования «Представления студентов о семье», проведённого методом анкетного онлайн-опроса кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского в Нижнем Новгороде в 2024 г. Объектом исследования выступили обучающиеся нижегородских ВУЗов и организаций СПО (n=1033, возраст 18 – 22 года, где 48 % – студенты ВУЗов, 52 % – учащиеся СПО; 42 % – юноши, 58 % – девушки). Позволим себе отметить некоторые интересные моменты, связанные со сдвигами в отношении молодых людей к различным немодальным (современным, альтернативным) [1] практикам и явлениям в брачно-репродуктивной сфере. Это представляется актуальным в условиях интенсификации семейно-демографического дискурса в информационной повестке и «разворота» к укреплению традиционных (семейных) ценностей, в основе которых зарегистрированное и крепкое супружество, многодетность, тесные межпоколенные связи, семейно-детный образ жизни.

Для оценки тех или иных практик использовалась шкала от «не одобряю» до «одобряю» (табл. 1).

Таблица 1. Отношение к различным явлениям брачно-репродуктивной сферы, средние значения
(5-балльная шкала, где 1 – не одобряю, 2 – скорее не одобряю, 3 – и да, и нет, 4 – скорее одобряю, 5 – одобряю)

	Среднее значение
Супружеские измены мужчин	1,132
Супружеские измены женщин	1,136
Раннее родительство	1,895
Раздельное проживание в браке	1,986
Полный отказ от контрацепции	1,986
Рождение ребенка женщиной вне брака (одинокое материнство)	2,600
Аборты	2,661
Позднее родительство (после 40 лет)	3,085
Сознательная бездетность	3,291
Использование репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство)	3,400
Сознательная многодетность (5 и более детей)	3,553
Использование средств контрацепции для планирования деторождения	3,676
Браки в пожилом возрасте	3,678
Усыновление, приемное родительство	3,930

Безапелляционно негативные оценки «заслужили» супружеские измены. В рамках аналогичного анкетирования студенческой вузовской молодежи, проведенного нашим коллективом в 2020 – 2021 гг., использовалась шкала оценок «не допустимо – допустимо». При всех ограничениях сопоставимости данных, отметим, что тогда допустимость адюльтера мужчин составляла 1,246 (не допустим для 91,3 % респондентов), женщин – 1,200 (не допустим для 96 % респондентов).

Наблюдается поддержка традиционных образа и ценности брака с формированием парой общего домохозяйства. Данные взгляды подтверждаются ответами на вопрос, связанный с «наполнением» семьи: 61,4 % опрошенных считают совместное проживание супругов обязательным компонентом семейных отношений, 28,1 % – желательным.

В репродуктивном поведении молодые люди стремятся к сохранению возможностей маневра и выбора траектории, поддерживая использование контрацепции и вспомогательных репродуктивных технологий как средств управления фертильностью, планирования и регулирования деторождения. По результатам исследования 2020 – 2021 гг., средние значения оценок допустимости данных явлений составили 4,527 (86,3 % респондентов) и 4,002 (79,2 % респондентов), соответственно. Отказ от контрацепции, раннее (несовершеннолетнее) родительство и одинокое материнство (в отличие от 3,523 балла, или 53,3 % допускающих, согласно данным, собранным 2020 – 2021 гг.), по всей видимости, рассматриваются как проявление безответственности.

Молодые люди не определись в оценках позднего родительства. Инструментарий ограничивает или, напротив, размывает интерпретацию феномена (что необходимо учесть в случае дальнейших или повторных исследований), поскольку не содержит отсылок ни к очередности рождений, ни к полу родителя – индикаторам, способным оказать влияние на оценки. Могут иметься в виду риски позднего родительства для зачатия, вынашивания, здоровья ребенка и долговременного обеспечения его потребностей, в том числе в образовании.

В сравнении с данными, полученными в ходе опроса в 2020 – 2021 гг., снижается лояльность к абортам: ранее среднее значение достигало 3,190, допустимым аборты считали 46,4 %, не допустимыми 35 %, сейчас – 47,8 % молодых людей не одобряют прерывание беременности, 21 % – затруднились с ответом. Вероятно, на общественное мнение так или иначе влияет реанимация в социально-политическом дискурсе и правовом поле антиабортной кампании: ответственность за склонение женщины к абортам, с одной стороны, и дискуссии о (социально-медицинских, морально-этических, демографических) последствиях абортов, широкое освещение вопросов сбережения и укрепления репродуктивного здоровья – с другой.

О приверженности к автономии и разнообразию в реализации семейно-детных сценариев говорят оценки сознательной бездетности и, напротив, многодетности. Установки студенческой молодежи в отношении родительства нельзя считать конечными – смена жизненных циклов, встреча спутника жизни и устойчивый партнерский союз, появление собственного жилья и стабильного дохода могут стать основой для их пересмотра в сторону диаметрально противоположных (от «пока не представляю себя в роли мамы/ папы» до «мы хотим много детей»). Учитывая размытость категории, развернутую структуру детерминант рождения детей и, соответственно, факторов его откладывания или малодетности, молодые люди с пониманием относятся к феномену, на наш взгляд, «условной» сознательной бездетности в контексте текущих позиций. Инструментарий опроса 2020 – 2021 гг. не подразумевал прямых вопросов, касающихся оценки данных явлений, однако 42,7 % респондентов тогда поддержали тезис

о том, что «многодетность – фактор риска бедности», и лишь 19,9 % – что «многодетные семьи пользуются уважением в обществе».

Как в 2020 – 2021 гг. (4,350 среднее значение), так и сейчас, усыновление, приемное родительство пользуются широкой поддержкой в молодежной среде. Это может быть связано с признанием высокой государственной и общественной значимости данных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Динамика оценок молодежью тех или иных нестандартных форм семейно-демографического поведения или явлений брачно-репродуктивной сферы, на наш взгляд, зависит от социально-исторического контекста, а именно, трансформации их морально-этической и социально-правовой нагрузки, связанных, в свою очередь, с укреплением курса на трансляцию и воспроизводство традиционных семейных ценностей, существенным расширением мер стимулирования рождаемости и поддержки, популяризации супружества и родительства в целом, освещения в СМИ и риторики официальных лиц и экспертов проблемных сторон отказа от семейно-детного образа жизни, а также соотношения категорий «допустимость» («имеет место быть») и «одобряемость» («поддерживаю»), требующего, однако, дальнейшей теоретико-методологической и эмпирической проработок.

1. Егорова Н. Ю., Янак А. Л. Семейная немодальность: понятие, структура, практики // Социальная политика и социология. 2024. Т.23. №3(152). С. 32-40. DOI 10.17922/2071-3665-2024-23-3-32-40.

Секция 10: Инновационные направления в современной социальной работе

ВНИМАНИЕ К УЯЗВИМЫМ СЕМЬЯМ ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА КУБЕ

Ediltrudis Borjas Solares Sierra
(Университет Ольгина, Министерство высшего образования Кубы)

Pedro Antonio Mariño Castellanos
(Университет Ольгина, Министерство высшего образования Кубы)

Danelis Céspedes Ávila
(Провинциальное управление труда и социального обеспечения Ольгина.)

Yenny Angulo Escobar
(Провинциальное управления труда и социального обеспечения Ольгина.)

Исследование разработано в рамках совместной деятельности Университета Ольгина под научным руководством Маэстранте, который является специалистом Управления труда и социального обеспечения провинции Ольгин и Группы ANTENA – Обсерватории социального и трудового развития Ольгина Кубы (Министерство труда и социального обеспечения).

Аннотация. Кубинское общество переживает одну из самых сложных трансформаций в социальной сфере: переход от государственного управления к цифровому, или электронному, правительству (ЭП). В этом процессе, сопряженном с рядом трудностей, специалисты социальной работы должны взять на себя инновационную и важную роль. Выполнение своих обязанностей в условиях электронного правительства требует основательной подготовки в области новых технологий и всех новых механизмов, возможностей и каналов, которые стали доступны для обслуживания населения и удовлетворения его потребностей, особенно семей, обслуживаемых системой социальной помощи, и лиц, находящихся в социально уязвимом положении. В данной статье рассматривается тезис об обосновании управления путем преодоления этих трудностей в практике социальной работы в новых условиях электронного правительства.

Содержание. Электронное правительство – это применение информационнокоммуникационных технологий (ИКТ) в государственном управлении для повышения эффективности, прозрачности, участия граждан и качества государственных услуг. (Гонсалес Бустаманте Б., Карвахаль А. и Гонсалес А., 2020) это означает изменения в социальном управлении.

На Кубе в настоящее время существует ряд проблем, связанных с переходом правительства к цифровому или электронному правительству (ЭП). В этой структуре специалисты по социальной работе играют важную роль. Выполнение их обязанностей в среде электронного правительства требует основательной подготовки, основанной на

знании всех механизмов, способов и каналов обслуживания населения и удовлетворения его потребностей. Одна из основных задач для правительств – обеспечение взаимодействия между населением и структурами, осуществляющими власть.

Социальная работа как дисциплина, ориентированная на работу с уязвимыми группами населения и продвижение социальных прав, видит в электронном правительстве инструмент, позволяющий: облегчить доступ людей к социальным услугам, процедурам и государственным ресурсам быстрее и эффективнее; содействовать цифровой инклюзии и сокращению пробелов в доступе к информации, особенно для уязвимых групп; расширять участие граждан в процессах принятия решений и общественном контроле государственной политики; оптимизировать межведомственное управление и координацию для комплексного и своевременного оказания помощи (Лаура Весиндай (2020); Хельдер Бинимелис-Эспиноза (2017)).

Электронное правительство можно предложить в качестве альтернативы социальной работе, рассматривая его и проектируя в направлении социальной инклюзии и развития граждан, способных использовать технологии и понимать их влияние на общество и свою жизнь. Следовательно, для внедрения электронного правительства, или цифрового правительства, а также для переосмысления каналов и механизмов реализации функций социальной работы необходима прочная теоретическая основа. В этом сценарии социальная работа может улучшить социальное управление (эффективность государственного управления, прозрачность и социальную инклюзивность) при условии учёта и принятия во внимание социокультурных и технологических условий жизни населения. Электронное правительство – это инструмент государственной политики, продукт развития СМИ и технологий. Оно подразумевает трансформацию деятельности правительства и профессиональной практики социальной работы.

Что касается определения электронного правительства или цифрового правительства, Хавьер Ольмедо Барраган Мартинес (2019) рассматривает электронное правительство как технологический ресурс государственных секторов во всем мире, обеспечивающий участие граждан и прозрачность; предлагающий интегрированные государственные услуги с качественным и эффективным управлением; и оказывающий экономическую и социальную поддержку гражданам, бизнесу и гражданскому обществу на местном, региональном, национальном и международном уровнях с целью повышения ожиданий граждан относительно возможностей, эффективности и результативности управления государством через Интернет.

Оскар Антонио Вольпе Альварес, со своей стороны, также признает, что электронное правительство характеризуется: интенсивным использованием ИКТ для облегчения доступа к правительственной информации, процедурам и услугам; содействием участию граждан и укреплением демократии; инновациями во внутренних отношениях правительства и с обществом, оптимизацией ресурсов и процессов; постепенным внедрением, проходящим через этапы: присутствие (онлайн-информация); взаимодействие (двусторонняя связь), транзакция (проведение электронных процедур) и трансформация (структурные изменения в государственном управлении). (2022)

В Латинской Америке ряд авторов, включая ECLAC (2001), Espinoza E

(2017), Salazar Y (2018), Zamora C и Cedeño N (2018) и Encomenderos I (2020), анализируют GE во взаимосвязи с государственным управлением и качеством услуг.

Его можно кратко охарактеризовать следующим образом:

Интенсивное использование ИКТ для облегчения доступа к правительственной информации, процедурам и услугам.

Содействие участию граждан и укрепление демократии.

Инновации во внутренних отношениях правительства и в отношениях с обществом, оптимизация ресурсов и процессов.

Постепенное внедрение, проходящее через этапы: присутствие (онлайн-информация), взаимодействие (двусторонняя связь), транзакция (проведение электронных процедур) и трансформация (структурные изменения в государственном управлении).

Преимущества включают в себя повышение прозрачности, сокращение бюрократии, более прямой и справедливый доступ к услугам и улучшение государственного управления. Считается необходимым отстаивать идею о том, что именно специалисты по социальной работе способны предотвратить воспроизводство неравенства и социальной изоляции в электронном правительстве, ограничивая участие тех, кто не имеет необходимой технологической и образовательной поддержки. Поэтому предлагается рассматривать электронное правительство как платформу, ориентированную на инклюзивность и развитие активных и критически настроенных граждан.

При выполнении своих обязанностей специалисты по социальной работе должны учитывать различные факторы, влияющие на эффективное функционирование ЭГ и гарантирующие социальное управление, такие как:

Для достижения эффективности ЭГ как механизма участия граждан необходима грамотность в области цифровых технологий. Подчеркивается важность цифровой грамотности как среди социальных работников, так и среди граждан для формирования социально-технического гражданства, способного реализовывать права и демократически участвовать в электронной среде, преодолевая потенциальные пробелы и изоляцию.

Возможность социальной изоляции и цифрового неравенства: Социальные, культурные и экономические различия могут порождать цифровое неравенство, ограничивающее доступ к ИКТ и их эффективное использование широкими слоями населения, особенно наиболее уязвимыми. Это может иметь обратный эффект: усугублять изоляцию вместо её сокращения. Избегать чрезмерной бюрократизации и централизации: Политика электронного правительства должна адекватно учитывать культурное разнообразие и особые потребности различных социальных групп, а также избегать воспроизводства жестких и централизованных бюрократических структур, которые порождают отношения, лишенные межкультурного признания.

Профессиональная роль и недостаточная подготовка: Социальная работа сталкивается с проблемой критически важной подготовки в области ИКТ для эффективного участия в разработке, реализации и оценке политики электронного правительства, избегая при этом сведения своей роли к механическим или чисто инструментальным функциям.

Ненейтральный характер использования технологий: Электронное правительство не является нейтральным или чисто техническим инструментом, а находится под влиянием идеологических и политических ориентаций, часто связанных с неолиберальной логикой и иерархическим контролем, которые могут воспроизводить социальную изоляцию и структурное неравенство.

Расширение участия граждан и демократии: Хотя электронное правительство обещает более широкое участие, на практике оно часто сохраняет иерархический подход, что ограничивает реальное вовлечение граждан в процесс принятия решений и политического контроля, тем самым сдерживая демократизацию.

Или это должно происходить в обоих направлениях – сверху вниз и наоборот.

Выводы. В работе ЭГ специалисты по социальной работе играют важную роль в процессах ориентации, обучении населения использованию технологий и преимуществах внедрения ЭГ.

Социальным работникам необходима критическая подготовка в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для эффективного участия в реализации государственной политики электронного правительства и, таким образом, содействия социальной инклюзии и участию граждан в условиях, когда технологии не являются нейтральными и подвержены влиянию властных отношений.

1. *Bastián González-Bustamante, Ariane Carvajal, Andrea González; Determinantes del gobierno electrónico en las municipalidades. Evidencia del caso chileno; Gestión y Política Pública Volumen XXIX, No. 1, primer semestre 2020 97-129.*
2. *Espina Prieto Mayra, Dayma Echevarría León; El cuadro socioestructural emergente de la 'actualización' en cuba: retos a la equidad social; Pluto Jornals International Jornal of Cuban Studies, Summer*
3. *2020, Vol. 12, No. 1 pp. 29-52*
4. *Massal, J, y Sandoval, C. (2010). Gobierno electrónico ¿Estado, ciudadanía y democracia en Internet? Análisis Político. Vol. 23 Núm. 68*
5. *(2010). Recuperado a partir de: https://revistas.unal.edu.co/index.php/anpol/article/view/45788.*
6. *Mola, D. J., Reyna, C. (2022). Indicadores de desigualdad y Gobierno*
7. *Electrónico: revisión sistemática y estado del arte. Gestión y Análisis de*
8. *Políticas Públicas, 30, 45-55. https://doi.org/10.24965/gapp.10987*
9. *Navarro, R. (2021). Gobierno electrónico y desarrollo sostenible en la gerencia regional de control de Lambayeque, Contraloría General de la República. Universidad César Vallejo. Recuperado a partir de:*
10. *http://renati.sunedu.gob.pe/handle/sunedu/1747032*
11. *Helder Binimelis-Espinoza; R. Katál Florianopolis, v. 20, n. 3, p. 448-457, set. / dez. 2017 ISSN 1982-0259.DOI: http://dx.doi.org/10.1590/198202592017v20n3p448.*
12. *Olmedo Barragán Martínez Xavier. 2019. Factores de incidencia del gobierno electrónico en los procesos de transparencia y participación ciudadana en la gestión pública local del Ecuador. Tesis doctoral almacenada en el Repositorio Institucional UASB-DIGITAL. con licencia creativa Commons 4.0 Internacional.*
13. *Vecinday Laura; Sistemas de información y prácticas de vigilancia en la protección social: controversias, tensiones y desafíos para el Trabajo*
14. *Social; Rev. Plaza Pública, Año 13 – Nº 23, jul. 2020 pp 58-75 ISSN 1852-2459.*
15. *Silva, D. y Heredia, F. Gobierno electrónico y transparencia en la municipalidad distrital de la victoria. Rev. INGENIERÍA: Ciencia, Tecnología e Innovación. Enero-Julio 2021. Vol. 8/No. 1, pp. 179-194. ISSN: 2313-1926, versión electrónica.*
16. *Zamora, C., & Cedeño, N. (2018). El Gobierno Electrónico en Ecuador: la innovación en la administración pública. Revista Espacios Vol. 39 (Nº 06)*
17. *Año 2018. Pág. 15.*
18. *http://www.revistaespacios.com/v39n06/a18v39n06p15.pdf*
19. *Wolpes Álvarez Oscar Antonio; Retos del gobierno electrónico en la transformación digital de la administración pública en Cuba; Retos de la Dirección 2022; 16(1): 126-156.*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ: ОПЫТ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Архипова Елена Борисовна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено в СПбГУ при поддержке РНФ, Проект № 28–18–00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты»

Аннотация. На основе эмпирического исследования проанализирован практический опыт оказания социальной помощи участникам СВО и членам их семей в различных учреждениях г. Екатеринбурга. Выделены различные модели работы, которые

определяются спектром проблем, с которыми обращаются клиенты. Сделан вывод о том, что модель комплексной поддержки и реабилитации ветеранов СВО еще только формируется.

Ключевые слова: социальная помощь и поддержка, социальная реабилитация, специальная военная операция, ветеран боевых действий.

С самого начала проведения специальной военной операции (СВО) вопросы социальной поддержки ее участников и членов их семей вошли в число ключевых аспектов национальной повестки. Начиная с 2022 г. на региональном и федеральном уровнях проводится работа по выстраиванию единой комплексной системы оказания помощи для данной категории граждан: принимается соответствующая нормативно-правовая база, создаются специализированные организации (например, государственный фонд «Защитники Отечества», расширяются меры социальной поддержки и социального обеспечения участников СВО и членов их семей [1].

На данный момент к участникам СВО относятся: военнослужащие по контракту, мобилизованные из запаса, участники добровольческих формирований, заключившие контракт с Министерством обороны и содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, сотрудники правоохранительных и иных органов, выполняющих задачи СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года [2]. Все вышеуказанные категории в дальнейшем получают статус ветеранов боевых действий и могут пользоваться мерами социального обеспечения, закрепленными законодательно, за данной категорией граждан. Однако, с учетом многогранности самой группы участников СВО на сотрудников социальных служб, особенно в первый период, была возложена сложная задача выстроить свою работу таким образом, чтобы удовлетворять потребности и запросы данной группы клиентов. После возвращения с войны участники боевых действий сталкиваются с различными социальными, медицинскими и психологическими проблемами. Помимо правовых вопросов с подтверждением своего статуса и нарушений физического здоровья (как последствий ранений) у людей, побывавших в экстремальных ситуациях, возникают посттравматические стрессовые нарушения, психологические травмы, которые приводят к нарушениям памяти и концентрации внимания, депрессии, общей тревожности, приступам ярости, злоупотреблению лекарственными и наркотическими веществами Пережитый опыт влияет на формирование семейных отношений и жизненных сценариев и определяет всю дальнейшую жизнь человека.

Для изучения практических аспектов оказания помощи участникам СВО и членам их семей нами было проведено исследование, которое включало в себя 7 интервью со специалистами различных учреждений г. Екатеринбурга, работающими с данной категорией клиентов: Свердловский областной клинический психоневрологический госпиталь для ветеранов войн (2 интервью), Комплексный центр социального обслуживания населения Октябрьского района (2 интервью), Комплексного центра социального обслуживания населения «Малахит» (2 интервью), Русская православная церковь Екатеринбургской епархии (1 интервью). Данные три типа организаций (медицинская, социальная и духовная) к настоящему моменту выстроили отличные друг

от друга модели реабилитации в зависимости от специфических потребностей обращающихся к ним клиентов и профиля организации.

В госпитале ветеранов войн реализуется интегративный подход, предполагающий скоординированную работу мультидисциплинарной команды специалистов. Данная модель функционирует по четкому алгоритму: лечащий врач, осуществляя первичное обследование пациента, определяет ключевые направления реабилитации и привлекает профильных специалистов – психологов, физиотерапевтов и других медицинских работников (рис. 1). Такой подход обеспечивает последовательность и преемственность на всех этапах лечебно-реабилитационного процесса.

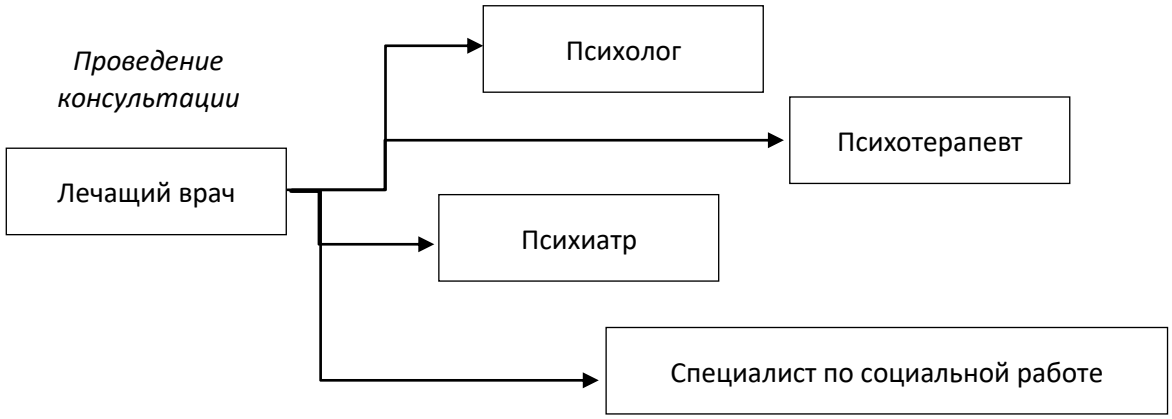

Рисунок 1. Схема работы с ветеранами боевых действий и участниками СВО в госпитале ветеранов войн

В комплексных центрах социального обслуживания населения на первом этапе с клиентом работает психолог, задача которого диагностировать проблему клиента. Если он понимает, что ситуация сложная, то, на втором этапе, подключается клинический психолог, который также может включить в процесс реабилитации дополнительных специалистов (рис. 2).

Рисунок 2. Схема работы с ветеранами боевых действий и участниками СВО в КЦСОН

В отличие от госпиталя ветеранов войн, в который обращаются, преимущественно, за получением медицинской помощи Комплексные центры социального обслуживания работают с участниками СВО, у которых имеются различные посттравматические стрессовые нарушения и расстройства, а также с членами их семей. Специалисты КЦСОН выделяют три типа семейных ситуаций, требующих дифференцированного подхода. В первую группу входят семьи, чьи родственники приняли участие в боевом конфликте по собственному желанию, во вторую – семьи, чьих родственников мобилизовали, а в третью – семьи, где родственники не вернулись с боевых действий. У данных типов семей различные проблемы и запросы к специалистам организаций, при этом третья категория семей признается самой сложной, требующей привлечения большего количества специалистов.

Помимо психологической помощи и поддержки ветераны СВО часто нуждаются в срочных услугах, таких как временное проживание. Поскольку многие клиенты приезжают в г. Екатеринбург для прохождения комиссии, оформления документов,

лечения, реабилитации из малых населенных пунктов и часто не имеют родственников в городе, то специалисты КЦСОН размещают их в пунктах временного проживания, кризисных отделениях и оказывают содействие и помощь в оформлении необходимых документов, чтобы сократить время пребывания участников СВО и членов их семей на территории г. Екатеринбурга.

Особая модель работы с ветеранами СВО сложилась в рамках православной церкви, где процесс помощи начинается с работы дежурного по горячей линии, выполняющего важные функции: установление первичного контакта и создание атмосферы доверия; предварительная диагностика проблемы; направление к профильному специалисту (рис. 3). В дальнейшем при оказании духовно-психологической поддержки участникам СВО ключевым звеном в выявлении проблем и активизации реабилитационного процесса выступает близкое окружение.

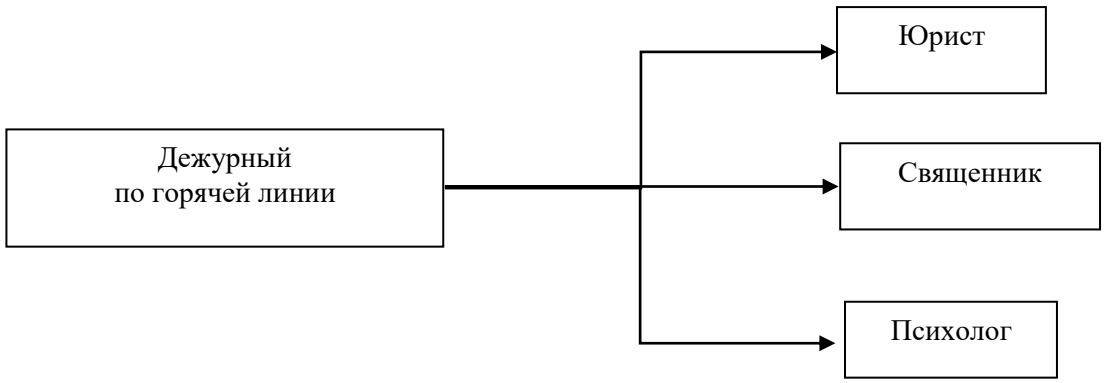

Рисунок 3. Схема работы с ветеранами боевых действий и участниками СВО в РПЦ Екатеринбургской епархии

Анализ межведомственного взаимодействия в системе реабилитации и оказания помощи участникам СВО и членам их семей показал, что модель комплексной поддержки и реабилитации ветеранов СВО еще только формируется и требует времени для отлаживания механизмов взаимодействия организаций различного профиля, хотя определенные шаги в этом направлении уже проводятся. В частности, сотрудничество проанализированных организаций с фондом «Защитники Отечества», который выступает важным связующим звеном между ветеранами, реабилитационными службами, Министерством внутренних дел, Фондом социального страхования и др. структурами, а также привлечение специалистов из партнерских учреждений.

1. *Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Чащина Т. В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. 2024. №1 (54). С. 138-146*
2. *Журавлева М. А., Берестова Л. И. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО // Государственная служба. 2023. №4 (144). С.88-93.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ К ЦИФРОВЫМ СЕРВИСАМ

Балкарова Милана Валерьевна
(РУДН им. Патриса Лумумбы)

Аннотация. В статье рассматривается процесс внедрения цифровых технологий в социальную работу в России. Переход от традиционных форм поддержки к цифровым сервисам способствует повышению доступности помощи, однако сопровождается новыми организационными и этическими вызовами. Отмечается необходимость выработки единых стандартов цифровой практики и развития профессиональных компетенций социальных работников.

Ключевые слова: социальная работа, инновации, цифровизация, социальные сервисы, профессиональные компетенции, управление изменениями.

Развитие инновационных подходов в социальной работе отражает общие тенденции цифровой трансформации социальной сферы в России. В последние годы всё активнее внедряются электронные формы предоставления услуг, дистанционные консультации и системы сопровождения граждан в цифровом пространстве [1]. Пандемия COVID-19 ускорила переход социальных служб на новые модели взаимодействия, что сделало особенно актуальным вопрос о соотношении традиционной и цифровой помощи [2].

По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, к 2023 году более 60 % региональных учреждений социальной защиты частично перешли на электронные форматы взаимодействия с населением, включая онлайн-запись на приём, дистанционные консультации и цифровое сопровождение социальных кейсов [3]. В этом контексте социальная работа всё чаще рассматривается как гибридная система, сочетающая очные и дистанционные формы поддержки [4].

Во-первых, активно развиваются информационно-консультационные платформы, предоставляющие доступ к социальным услугам в режиме онлайн. Такие платформы позволяют гражданам получать консультации специалистов, оформлять документы и отслеживать статус обращений без личного визита в учреждения.

Во-вторых, внедряются мобильные приложения и телекоммуникационные сервисы, облегчающие связь между клиентами и социальными работниками. Эти технологии расширяют охват целевых групп, особенно в труднодоступных регионах [5].

В-третьих, значительный потенциал имеют искусственный интеллект и аналитические системы, применяемые для прогнозирования потребностей населения и оптимизации распределения ресурсов. Однако данные технологии требуют строгого соблюдения этических и правовых норм в отношении обработки персональных данных [6].

Переход к цифровым форматам в социальной работе поднимает ряд проблем, связанных с конфиденциальностью, доступностью и цифровым неравенством. Как отмечает Е. А. Савинова, цифровизация не должна снижать уровень доверия между специалистом и клиентом, а также исключать личный контакт при необходимости [7]. Кроме того, сотрудники социальных служб нередко испытывают недостаток цифровых компетенций, что требует системной профессиональной подготовки и методического сопровождения [8].

Для эффективной реализации инновационных подходов необходим комплекс мер: развитие инфраструктуры, адаптация нормативно-правовой базы, создание этических

стандартов цифровой социальной работы. Особое внимание следует уделить формированию цифровой культуры профессионала, включающей навыки коммуникации в онлайн-среде, владение аналитическими инструментами и ответственное использование технологий.

Таким образом, инновационные подходы в социальной работе способствуют повышению эффективности социальной поддержки, расширению её доступности и индивидуализации. В то же время они требуют осмысления новых этических ориентиров и выработки стратегий профессиональной адаптации. Цифровизация не должна рассматриваться как замена традиционной социальной работы, а как средство её развития и укрепления.

1. *Гаврилова, Е. П. Цифровая трансформация социальной работы: проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. – 2022. – № 4. – С. 101–108.*
2. *Бородина, Н. В. Инновационные технологии в социальной работе в условиях пандемии // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 490–498.*
3. *Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Государственный доклад «О положении в сфере социального обслуживания населения в Российской Федерации». – М., 2023.*
4. *Пашин, С. Н., Романов, П. В. Социальная работа в цифровом обществе: новые вызовы и решения // Человек и общество. – 2022. – № 5. – С. 64–73.*
5. *Данилова, И. А. Инновационные технологии в социальной сфере: возможности и ограничения // Социологические исследования. – 2020. – № 10. – С. 122–129.*
6. *Ермакова, О. С. Этические проблемы цифровизации социальной работы // Социальная работа. – 2023. – № 2. – С. 35–42.*
7. *Савинова, Е. А. Цифровизация социальной сферы: вызовы профессиональной этике // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – № 1. – С. 78–84.*
8. *Федотова, Т. М. Формирование цифровых компетенций работников социальной сферы // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6. – С. 55–61.*

ЦЕННОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ИХ СВЯЗИ С ТИПАМИ ЛИЧНОСТИ

Басимов Михаил Михайлович
(Автономная некоммерческая организация высшего образования Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского)

Аннотация. Статья посвящена выявленным четырем связям между отношениями молодежи к отдельным ценностям: ощущение близости со своей семьей, оценка превосходства одних национальностей над другими, уважение к сложившимся обычаям и традициям, отношение к достижению общественного признания и уважения» и проявлением у них тех или иных психологических типов в рамках методики Дж. Олдхема и Л. Морриса.

Ключевые слова: семья, национальность, уважение и традиции, общественное признание и уважение, тип личности, простейшие нелинейные зависимости

Формирование ценностей и видов толерантности молодежи как тематика исследований довольно часто встречается в различных гуманитарных науках, в том числе это касается социологии и психологии. Но при этом, если оставаться только в рамках линейных моделей, теряется много содержательной информации, которая более точно позволяет понять социальное и психологическое содержание изучаемого предмета.

Кроме того, оставаясь в рамках линейного мышления, при изучении объектов преимущественно нелинейной природы возникают проблемы, которые решаются сомнительными способами: либо слабые, но «значимые» корреляции, которых всегда достаточно много, предлагаются как достойный результат исследования, либо обосновываются сомнительные преимущества коэффициентов Пирсона и Спирмена друг перед другом [3, С. 62 и др.]. При этом за полем зрения остается множество простейших нелинейных зависимостей, прежде всего с максимумом и минимумом, которые часто соответствуют природе и сущности психического и социального.

Зависимости по предлагаемой тематике определились при обработке данных опроса студентов Курганского государственного университета, в котором принимали участие 146 студентов различных специальностей. В диагностике использовалась с одной стороны социологическая анкета, изучающая различные виды толерантности, а с другой стороны психологическая методика Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности» и «Вероятностные расстройства» данного типа. Для расчета использовался авторский метод изучения статистических связей [1].

Рассмотрим четыре зависимости, две из которых отобраны среди результатов в задаче для триад независимой переменной, а еще две – для кварт независимой переменной.

1. Зависимость показателя «**Ощущение близости со своей семьей»** (Y) от показателя «**Преданный тип»** (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для триад (X1, X2, X3) независимой переменной X (рис. 1).

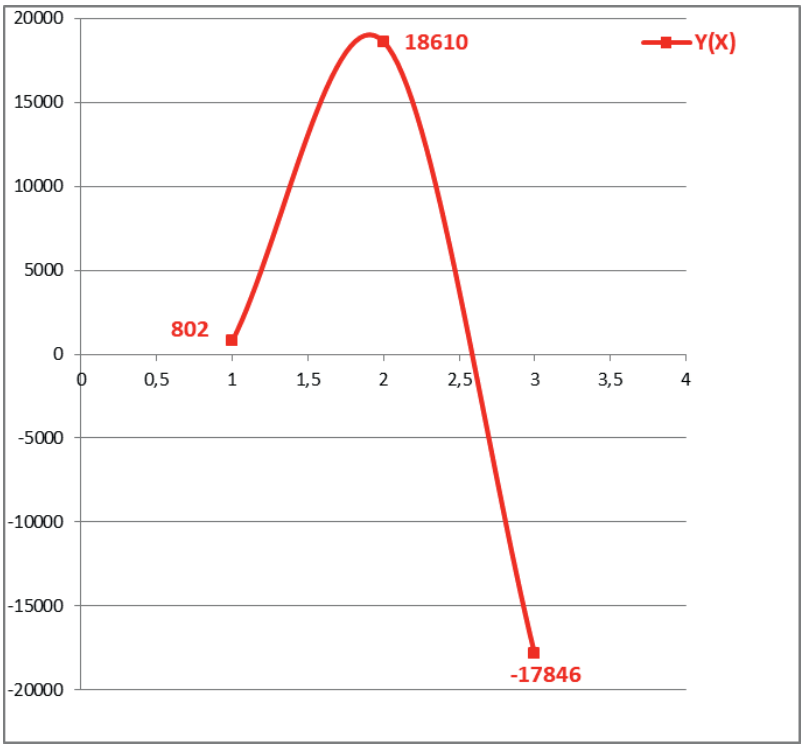

Рисунок 1. Зависимость переменной «Ощущение близости со своей семьей» (Y) от переменной «Преданный тип» (X)

Триады X	1	2	3	SV, SV’ и R
Y(X)	+802	+18610	-17846	SV = 0.91 (SV’ = 0.14) R = -0.19

При очень слабой корреляции (r = -0.19), которая в рамках линейных моделей не должна представлять научного интереса, выход за рамки линейных представлений позволяет наблюдать сильную зависимость Y(X) с максимумом в модели для триад независимой переменной с коэффициентом силы связи SV = 0.91. При этом обратная зависимость X(Y), что характерно для зависимостей с явно выраженным максимумом (минимумом), крайне слабая SV' = 0.14. Но для этой зависимости, кроме того, можно говорить как об ошибке 2 типа при традиционной в последнее время интерпретации коэффициента корреляции в научных кругах, когда эта зависимость должна определяться как «значимая» линейная и представлять исследовательский интерес (для p = 0.05 и N = 146 критическое значение равно 0.1624).

В рассматриваемой зависимости с максимумом при переходе с 1 на 2 триаду независимой переменной «Преданный тип» (X) происходит резкий рост по сравнительной весомости показателя «Ощущение близости со своей семьей» (Y) от (+802) до (+18610). Но после при переходе независимой переменной на 3 триаду наблюдается еще более резкий спад показателя «Ощущение близости со своей семьей» (Y) до (-17846). Таким образом, ощущение близости со своей семьей (Y) при общей тенденции к убыванию при сравнении результатов для 1 и 3 триад компоненты типа личности «Преданный», на 2 триаде X имеет максимальное значение, причем значительно большее, чем для 1 триады переменной X.

2. Зависимость показателя **«Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других»** (Y) от показателя **«Преданный тип»** (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для триад (X1, X2, X3) независимой переменной X (рис. 2).

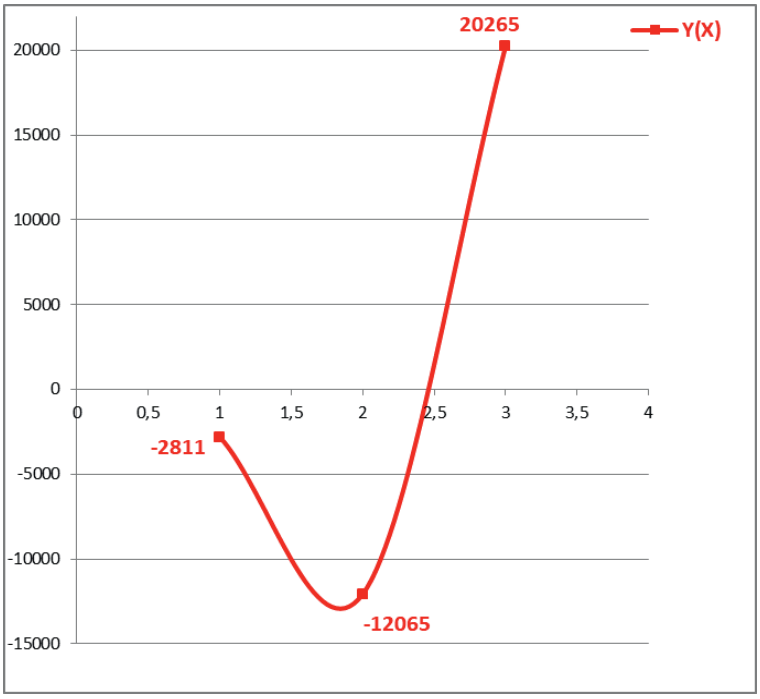

Рисунок 2. Зависимость переменной «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от переменной «Преданный тип» (X)

Триады X	**1**	**2**	**3**	**SV, SV' и R**
Y(X)	**-2811**	**-12065**	**+20265**	**SV=0.70 (SV'=0.39) R=0.30**

При достаточно слабой, но «значимой» корреляции r = 0.30, при выходе за рамки линейных представлений можно наблюдать достаточно сильную зависимость Y(X) с минимумом в модели для триад независимой переменной с коэффициентом силы связи SV = 0.70 (ошибка 2 типа).

В рассматриваемой зависимости с минимумом при переходе с 1 на 2 триаду независимой переменной «Преданный тип» (X) происходит существенный спад по сравнительной весомости показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от (-2811) до (-12065). Но после при переходе независимой переменной на 3 триаду наблюдается еще более сильный рост показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) до (+20265). Таким образом, явно выраженный преданный тип личности способствует положительному отношению к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других (Y). При общей тенденции к возрастанию при сравнении результатов для 1 и 3 триад компоненты типа личности «Преданный», на 2 триаде X имеет минимальное значение, причем значительно меньшее, чем для 1 триады переменной X.

3. Зависимость показателя «**Агрессивный тип**» (Y) от показателя «**Отношение к высказыванию, что главное – это уважение к сложившимся обычаям и традициям**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X (рис. 3).

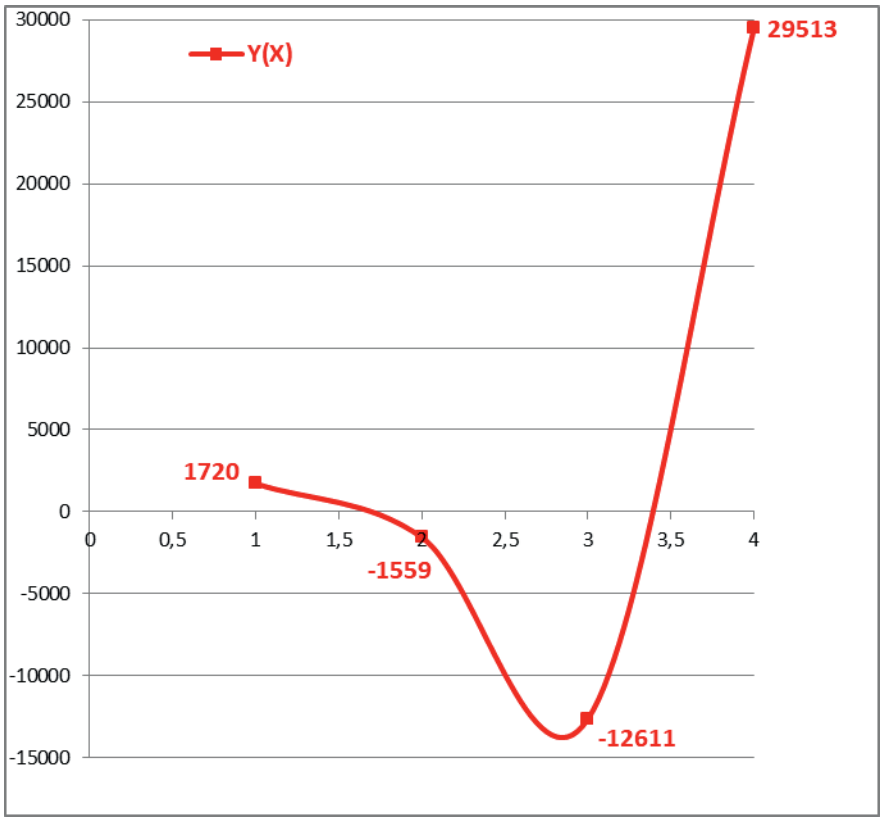

Рисунок 3. Зависимость переменной «Агрессивный тип» (Y) от переменной «Отношение к высказыванию, что главное – это уважение к сложившимся обычаям и традициям» (X)

Триады X	1	2	3	4	SV, SV' и R
Y(X)	+1720	-1559	-12611	+29513	SV=0.71 (SV'=0.04) R= -0.01

Корреляция практически нулевая r=-0.01, но при выходе за рамки линейных представлений можно наблюдать достаточно сильную зависимость Y(X) с минимумом в модели для кварт независимой переменной с коэффициентом силы связи SV=0.71. Это ошибка 1 типа, когда содержательная зависимость, далекая от линейной, при корреляционном анализе не определяется и не является каким-либо результатом.

В рассматриваемой зависимости с минимумом при переходе с 1 на 2 кварту независимой переменной «Отношение к высказыванию, что главное – это уважение к сложившимся обычаям и традициям» (X) происходит вначале незначительный спад по сравнительной весомости показателя «Агрессивный тип» (Y) с (+1720) до (-1559) и далее на 3 кварте уже значительный спад переменной Y до (-12611). Но в дальнейшем на 4 кварте X происходит очень резкий скачек по Y (+29513). Таким образом, крайне выраженное положительное отношение к сложившимся обычаям и традициям прогнозируют в изучаемой студенческой выборке проявление явно выраженных черт агрессивного типа в рамках рассматриваемой личностной типологии. При этом достаточно выраженное уважение к сложившимся обычаям и традициям (3 кварта), но не в наибольшей степени (4 кварта) в изучаемой студенческой выборке способствует наименьшему среди кварт переменной X проявлению черт агрессивного типа (Y).

4. Зависимость показателя «**Самоуверенный тип**» (Y) от показателя «**Отношение к высказыванию, что в жизни максимальное внимание нужно уделять достижению общественного признания и уважения**» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X (рис. 4).

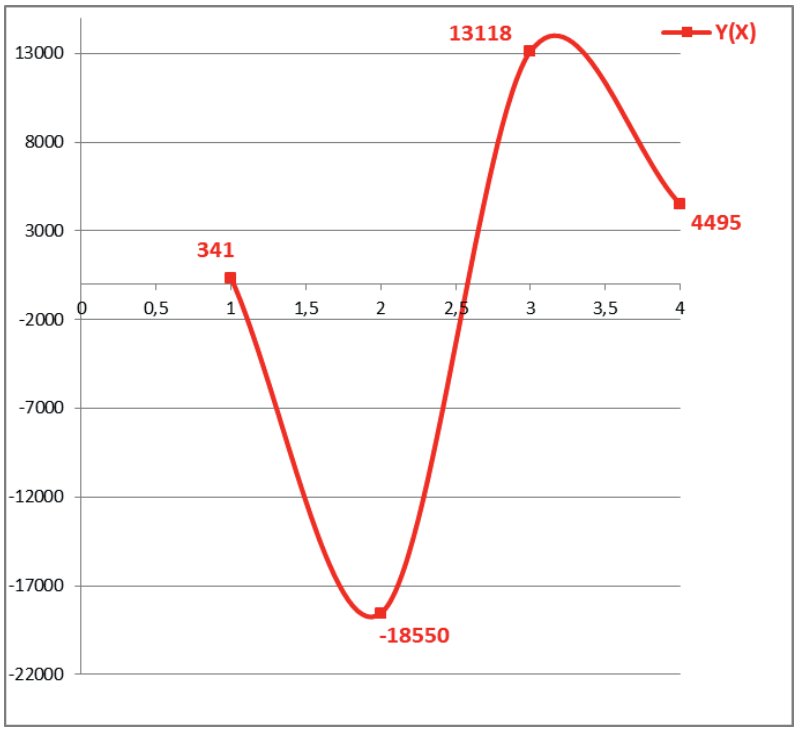

Рисунок 4. Зависимость переменной «Самоуверенный тип» (Y) от переменной «Отношение к высказыванию, что в жизни максимальное внимание нужно уделять достижению общественного признания и уважения» (X)

Триады X	**1**	**2**	**3**	**4**	**SV, SV' и R**
Y(X)	**+341**	**-18550**	**+13118**	**+4495**	**SV=0.74 (SV'=0.31) R=0.18**

При слабой, но «значимой» корреляции r = 0.18 коэффициент силы связи как простейшей нелинейной зависимости в модели для кварт независимой переменной SV = 0.74 (ошибка 2 типа). В рассматриваемой зависимости наибольшие, но далеко не явно выраженные, проявления черт самоуверенного типа (+13118) наблюдаются на 3 кварте по шкале суждения, что максимальное внимание нужно уделять достижению общественного признания и уважения (X), а наименьшие проявления черт самоуверенного типа (-18550) наблюдаются на 2 кварте X.

В заключение можно сделать вывод, что при изучении и анализе ценностей студенческой молодежи, как, впрочем, и во многих других разделах социологической и психологической науки [2], часто наблюдаются содержательные нелинейные эффекты, описываемые той или иной простейшей нелинейной зависимостью.

1. *Басимов М. М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.*
2. *Басимов М. М. Природа статистических связей в психологии / М. М. Басимов. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023.*

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СЕМЬЯМИ УЧАСТНИКОВ СВО

Билюк Людмила Геннадьевна
(ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»)

Аннотация. В работе рассматриваются направления практико-ориентированной социальной поддержки семей участников специальной военной операции. Исследованы потребности ключевые в оказании помощи: психосоциальной, финансовой, правовой; определены меры по восстановлению социальной устойчивости,аргументация вовлечения НКО в систему поддержки.

Ключевые слова: семья, социальная работа, участники СВО, ценности, поддержка.

Annotation. The paper examines practice-oriented of social support for families of participants of the special military operation. The key needs for psycho social, financial and legal assistance are analyzed. Measures to restore social stability and the importance of NGO involvement in the support system are substantiated.

Keywords: family, social work, participants of the special military operation, values, support.

С начала 2022 года в нашей стране семьям участников СВО стало уделяться особое внимание. Они часто сталкиваются с целым комплексом проблем: материальной, психологической, бытовой и юридической. Цель исследования – обосновать практические направления поддержки: системной, адресной, социальной. Разработать рекомендации сопровождения.

Для понимания потребностей семей, проводится диагностика: специалисты оценивают финансовое положение, здоровье, уровень социальной изоляции, доступность необходимых услуг (медицинских, трудовых, образовательных). Анализирование – помогает увидеть скрытые потребности, уровень тревожности, нехватку психологической помощи, как показали результаты фокус-групп [1, с. 46 ; 3, с. 79].

Одним из направлений помощи является – психосоциальная поддержка, она должна быть в приоритете, в работе с семьями. Стресс, страх, чувство потери, одиночество – сопровождают семьи участников СВО. Необходима психологическая интервенция на ранней стадии, групповая и семейная терапия, консультации, арт – терапия, которые снижают риск хронической дезадаптации. Программы совмещения групповых и краткосрочных встреч – люди делятся опытом, получают эмоциональную поддержку.

Материальная, правовая помощь как базовая основа семейной стабильности. Важно сделать механизмы получения выплат и льгот прозрачными и более понятными. Отличным решением станет механизм « единого окна» – получения информации, оформление пособий в одном месте, это сократит стресс, повысит уровень доверия к институтам социальным[4, с. 145 ; 5].

Эффективная работа не возможна без координации ведомств в партнёрстве с НКО – социальная защита, образование, здравоохранение, полиция, службы занятости и некоммерческие организации. Когда службы работают сообща, формируется «карта поддержки семьи», которая обеспечивает адресную, системную помощь, закрепляется кейс-менеджер для каждой семьи.

Значение реабилитации и социальной адаптация – необходимы не только для участников СВО, но и для их близких. Программы переподготовки, трудоустройства, создание гибких условий занятости, возвращение к активной социальной жизни. Привлечение ветеранских и добровольческих организаций помогают восстановить экономическую устойчивость, расширяют спектр предоставления помощи, дают возможность обмениваться опытом и вернутся к нормальной жизни.

Отдельным немаловажным направлением можно считать работу с детьми и подростками, она должна проводится при участии педагогов, психологов, соцработников. Специалисты могут проводить школьные программы адаптации, диагностику раннюю, создавать группы психологической поддержки, что снизит риск вторичной травматизации, предотвратит проблемы в поведение и учёбе [2, с. 118 ; 6, с. 41 ; 8, с. 102].

Более доступной, помощь делает цифровизация социальной работы, она включает в себя онлайн – консультации, горячии линии, мобильные приложения – они позволяют записаться на приём, получить дистанционно консультацию, что облегчает получение необходимой помощи.

Также нужно обратить внимание, что помощь необходима и самим социальным работникам. Они находятся в постоянном эмоциональном напряжении, подвержены риску выгорания, из-за ежедневного столкновения с чужой болью, историями потерь, тревогами. Поэтому они нуждаются в супервизиях, тренингах, профессиональной психологической помощи[7, с. 220].

Таким образом, социальная работа с семьями участников СВО должна быть комплексной и гибкой, опираться на диагностику индивидуальную, объединять различные формы помощи: психологическую, финансовую, юридическую. Координироваться между ведомств и общественных структур. Должны проводиться: мониторинги и оценки результатов социальной политики; обучение специалистов навыкам сопровождения кризисного; использовать цифровые технологии. Такой подход действительно поможет укрепить устойчивость семьи, снизит уровень стрессового состояния, восстановит привычный ритм жизни.

1. *Агапов А.В. Социальная поддержка семей военнослужащих : современные практики и перспективы // Социальная политика и социология. – 2023. – № 5 – С. 45 – 52.*
2. *Григорьева И. В. Социальная работа с семьёй : теория и практика. – М . : Академический проект, 2021. – 240 с.*
3. *Иванова Е. Н. Психологическая помощь семьям участников боевых действий // Вестник социальной работы. – 2022. – № 4. – С. 77 – 85*
4. *Мачинская Н. И. Психология семьи : кризисы, ресурсы, поддержка. – СПб. : Питер, 2020. – 304 с.*
5. *Минтруд РФ. Меры социальной поддержки семей военнослужащих [Электронный ресурс]. – URL : https://mintrud.gov.ru(дата обращения : 02.10.2025).*
6. *Соколов М. М. Семейная идентичность в условиях социальных трансформаций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – №2. – С. 33 – 49.*
7. *Холостова Е. И. Теория социальной работы : учебник для вузов . – М. : Юрайт, 2022. – 512 с.*
8. *Яковлева О. В. Социальная адаптация детей в кризисных семьях : опыт школьной практики // Психология и образование. – 2022. – №6. – С. 98 – 106.*

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Бородкина Ольга Ивановна
(СПбГУ)

Федорова Екатерина Дмитриевна
(СПбГУ)

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты»

Аннотация. Статья анализирует концепцию устойчивого развития как основу современной социальной политики. Рассматриваются взаимосвязи экологических, экономических и социальных факторов, роль государства и общества, трансформация социальной политики под влиянием глобальных вызовов и перспективы интеграции принципов устойчивости в современную социальную политику.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная политика, социальное инвестирование, экосоциальный подход, инклюзия.

Современный этап общественного развития характеризуется усложнением социальных и экологических проблем, усиливающим необходимость поиска новых моделей социальной политики. Изменение климата, рост социального неравенства, старение населения, миграционные процессы и цифровая трансформация обостряют противоречия между экономическим ростом и социальным благополучием. В этих условиях концепция устойчивого развития становится не просто экологическим лозунгом, а универсальной рамкой, задающей ориентиры для социальной модернизации.

Идея устойчивого развития, впервые сформулированная в Докладе Брундтланд (1987), предполагает удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущерба для будущих [11]. Сегодня она является неотъемлемой частью политики ООН и выражена в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года», включающей 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), среди которых – ликвидация бедности, обеспечение

достойного труда, снижение неравенства, развитие устойчивых городов и борьба с изменением климата [10]. Социальная политика XXI века должна рассматриваться как ключевой инструмент реализации принципов устойчивого развития, обеспечивая баланс между экономической эффективностью, социальной справедливостью и экологической ответственностью.

Теоретические основания устойчивого развития в социальной политике

Концепция устойчивого развитие несмотря на свою распространенность и огромную популярность, которую она приобрела за прошедшие годы, по-прежнему вызывает вопросы относиться ее применения в теории и практики [10]. В современной научной мысли устойчивое развитие трактуется как системное состояние общества, обеспечивающее баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и сохранением природных ресурсов [7].

Социальное измерение устойчивости предполагает, что устойчивое общество – это общество равных возможностей, где каждый человек имеет доступ к базовым социальным благам: образованию, медицинским услугам, социальной защите, культурным и экономическим ресурсам [4]. Достижение этого баланса требует интеграции принципов социальной справедливости в экономическую и институциональную систему. Для социальной политики это означает переход от узкой функции социальной защиты к более широкому – инвестиционному подходу, направленному на укрепление человеческого потенциала и снижение уязвимости населения [6]. В отличие от традиционной модели социального государства, ориентированной преимущественно на компенсацию социальных рисков, политика социального инвестирования концентрируется на профилактике этих рисков через инвестиции в человеческий капитал, устойчивые формы занятости и социальные инновации [1].

Социальная политика становится стратегическим инструментом обеспечения устойчивости – не только реакцией на кризисы, но и активным механизмом развития человеческого потенциала. Устойчивое развитие в социальной сфере означает не столько стабильность, сколько способность общества адаптироваться к изменениям, снижая уязвимость своих членов и укрепляя социальную сплочённость [9].

Теоретические подходы к устойчивости всё чаще связываются с концепцией социальной инклюзии, подразумевающей вовлечение всех членов общества в процессы развития, а также с понятием «социального капитала», отражающим качество взаимодействия между людьми и институтами. В рамках современной социальной политики устойчивость рассматривается, как способность общества воспроизводить эти связи и обеспечивать доверие, необходимое для долгосрочного развития [2].

Социальное измерение устойчивого развития выражается в укреплении человеческого потенциала, обеспечении равного доступа к социальным услугам и ресурсам, а также в создании условий для участия граждан в принятии решений. Это направление требует трансформации институтов социальной политики – от системы помощи к системе социального инвестирования и партнёрства.

Российский контекст устойчивого развития в социальной политике

В России концепция устойчивого развития постепенно интегрируется в стратегические документы государственной политики. Основные национальные проекты: «Экология», «Демография», «Образование» и «Здравоохранение» – включают элементы социальной и экологической устойчивости. В то же время серьезной проблемой остается дисбаланс между экологическими и социальными приоритетами: внимание чаще уделяется вопросам экономического роста и модернизации промышленности, тогда как

социальные аспекты устойчивости (инклюзия, защита уязвимых групп, доступ к услугам) остаются на периферии [2].

Наряду с этим в России активно развиваются гражданские инициативы, ориентированные на устойчивое развитие: экологическое просвещение, волонтёрские движения, социальное предпринимательство. Для системного эффекта необходима институциональная поддержка таких практик на уровне государственной политики – создание межведомственных программ, развитие образовательных модулей по устойчивому развитию и внедрение принципов ESG (экология, социальная ответственность, управление) в сферу социальной защиты.

Ключевые проблемы и вызовы интеграции устойчивого развития в социальную политику

Анализ отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить ряд барьеров, препятствующих эффективной реализации принципов устойчивого развития в социальной политике.

Во-первых, сохраняется фрагментарность институциональной структуры, что проявляется в слабой координации между министерствами и ведомствами, ответственными за социальную и экологическую политику. Это приводит к дублированию функций и отсутствию единой системы мониторинга [3].

Во-вторых, наблюдается социальная селективность устойчивых практик: доступ к экологичным и инновационным решениям часто ограничен для низкодоходных и сельских групп населения, что усугубляет социальное неравенство [4].

В-третьих, бизнес-сообщество может внести более значимый вклад в устойчивое развитие [5]. Кроме того, недостаточно развиты механизмы участия граждан в формировании и реализации программ устойчивого развития. Несмотря на активность волонтерских движений и цифрового экоактивизма, институциональные формы диалога между обществом и государством требуют дальнейшего развития.

Наконец, одной из системных проблем является дефицит научно обоснованных методик оценки социальной составляющей устойчивости. В большинстве случаев мониторинг ограничивается экологическими и экономическими показателями, тогда как социальные эффекты (снижение неравенства, инклюзия, качество жизни) оцениваются фрагментарно.

Заключение

Устойчивое развитие сегодня становится основным направлением модернизации социальной политики, определяющим её стратегические приоритеты и инструменты. Переход от модели компенсации к модели социально-экологического инвестирования требует системной интеграции принципов справедливости, равенства и участия в государственные и региональные программы. Реализация концепции устойчивого развития в социальной политике требует системного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества.

Эффективная социальная политика в контексте устойчивого развития должна не только снижать социальные риски, но и создавать условия для расширения человеческого потенциала, укрепления социальной солидарности и формирования экологически ответственного поведения.

Для России ключевой задачей является институционализация принципов устойчивого развития – включение их в нормативную базу, образовательные стандарты и практику социальной работы. Только комплексный подход позволит обеспечить долгосрочную устойчивость социальной системы, где забота о человеке и природе становится единым приоритетом государственной политики.

1. *Бородкина О. И., Старшинова А. В., Архипова Е. Б. Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 99–110*
1. *Ватолкина Н. Ш., Левкина А. Ю. Эволюция концепции устойчивого развития: новые подходы // Экономика и управление инновациями. – 2021. – № 1 (18).*
2. *Чернышева Е. В., Бычкова Л. В. Социальная защита как элемент социальной политики в условиях рисков //Политика, экономика и инновации. – 2023. – № 1 (48).*
3. *Юрьева Т. В. Социальный компонент устойчивого развития // Экономика, государство и общество. – 2023. – № 4 (48).*
4. *Brodhag C., Taliere S. Sustainable development strategies: Tools for policy coherence //Natural Resources Forum. – 2006. – Vol. 30. – P. 136–145*
5. *Gough I. Heat, Greed and Human Need: Climate Change, Capitalism and Sustainable Wellbeing. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. – 288 p.*
6. *Lele S. M. Sustainable development: A critical review //World Development. – 1991. – Vol. 19, No. 6. – P. 607–662.*
7. *Mensah J. Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action: Literature review // Cogent Social Sciences. – 2019. – Vol. 5.*
8. *Närhi K., Matthies A.-L. The ecosocial approach in social work as a framework for structural social work // International Social Work. – 2016. – Vol. 59 (4). – P. 1–13.*
9. *United Nations. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. – 2015.*
10. *World Commission on Environment and Development. Our Common Future (Brundtland Report). – Oxford: Oxford University Press, 1987.*

МЕТОД «ГИМНАСТИКА МОЗГА» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Вандышева Людмила Владимировна
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Моисеева Лариса Викторовна
(Областной центр социальной помощи семье и детям)

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей метода образовательной кинезиологии – «Гимнастики мозга» в работе с семьями с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Результаты опроса экспертов, применяющих данный метод в качестве основного и дополнительного метода в своей профессиональной деятельности, позволили выявить особенности и методические аспекты реализации метода «Гимнастика мозга».

Ключевые слова: социальная работа, кинезиология, образовательная кинезиология, семьи с детьми с ограниченными возможностями здоровья, метод «Гимнастика мозга».

В настоящее время в социальной работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья используется широкий арсенал методов из смежных научных дисциплин, особое место среди которых занимает кинезиология, в частности, образовательная кинезиология [1; 3]. Учеными отмечается значение образовательной кинезиологии в решении ряда социономических задач [4; 5]. Наше внимание сосредоточено на методе «Гимнастика мозга» (авторы: П. Э. Деннисон и Г. Э. Деннисон) [2].

С целью выявления особенностей реализации метода «Гимнастика мозга» было проведено 10 интервью со специалистами (экспертами), которые в своей профессиональной деятельности на базах социальных служб, реабилитационных центров,

образовательных и общественных организаций, применяют данный метод. Все опрошенные работают с семьями с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Выяснили, что обращение специалистов к методу произошло по следующим причинам: возникла потребность в самопомощи в результате проблем со здоровьем, совершенствовании или смене профиля профессиональной деятельности. Прокомментируем суть этих причин.

На момент знакомства с образовательной кинезиологией у самих специалистов или их родных/ близких людей были различные проблемы со здоровьем. После прохождения обучения на специальных курсах по образовательной кинезиологии опрошенные отметили улучшения, положительные результаты в состоянии здоровья: «*… мне было легко. Улучшается общее состояние, лучше справляюсь со стрессом, меняется эмоциональное состояние, плаксивое сменяется, всё воспринимается легче. Супруг легко встает и идет на работу. С детками практиковали: легко стали запоминать тексты*» (информант 9, 38 лет).

Итак, собственный опыт стал для этой категории опрошенных основанием продолжить профессиональное обучение и внедрять методы образовательной кинезиологии в своей профессиональной деятельности. Отмечаем, что у всех опрошенных на момент знакомства с методами образовательной кинезиологии была предрасположенность к занятиям физическими упражнениями и регулярным тренировкам, спорту или специальное профессиональное образование (инструктор по физической культуре).

Потребность в совершенствовании своей профессиональной деятельности связана, во-первых, с тем, что специалисты не получали нужный или быстрый результат от свой работы, несвязанной с образовательной кинезиологией или в процессе сотрудничества с другими «помогающими» специалистами и, во-вторых, с решением сменить профессию:

– «*Я прошла обучение по кинезиологии. Я думала, что мне хватит этого. Когда пошли дети с ОВЗ… нужен был быстрый результат. Его показала «Гимнастика мозга». Потом пошли дети неговорящие. У меня по времени была возможность обучаться, администрация пошла на встречу. В Москву ездила на очные занятия*» (информант 3, 65 лет);

– «*Я шла за практикой. Интерес начался с метода сенсорной интеграции. Именно работа с сенсорными системами плюс «Гимнастика мозга» мне давали быструю динамику*» (информант 6, 39 лет);

– «*Я пошла учиться в институт, знакомиться с ранним развитием. Столкнулась с «Гимнастикой мозга». На одном из семинаров показали. Мне стало любопытно, я пошла. После двух дней понесла детям, обнаружила изменения: просто после подвигались, поделали упражнения. Лучше контролировали себя на группе*» (информант 8, 33 лет).

На обращение к методам образовательной кинезиологии влияло сходство этих методов с техниками, применяемыми специалистами в своей профессиональной деятельности, например: «*Кинезиология и иппотерапия связаны, похожи и действуют на основе действия. Принцип похож и его можно усилить. В кинезиологии 5-шаговая модель. Так же работаем в иппотерапии. Обучение через движение*» (информант 2, 37 лет).

К числу основных особенностей «Гимнастика мозга» (далее: Гимнастика) отнесены: простота, доступность, адаптивный характер метода, положительное воздействие на эмоциональную сферу личности, возможность получения быстрого результата. Прокомментируем эти особенности.

Простота Гимнастики связана с тем, что выполнение упражнений не предполагает особой физической подготовленности человека с ограниченными возможностями

здоровья: «*Простые, но глубокие, работают как катализатор*» (информант 6, 39 лет); «*Не сложная работа, легко было сделать и объяснить родителям*» (информант 8, 33 года).

Выше заявленная особенность связана с доступностью Гимнастики, указывающей на то, что она может выполняться человеком любого возраста: «*Для детей от 0 до самого зрелого возраста. Для любого человека*» (информант 3, 65 лет). Доступность достигается благодаря наглядности проведения Гимнастики и обеспечивается работой специалиста, который адаптирует упражнения с учетом ограничений возможностей здоровья: «… *подобрана так, что не можешь навредить клиенту… Каждый может подхватить на своем уровне. Везде можно добавлять*» (информант 6, 39 лет).

Адаптивность как особенность Гимнастики проявляется в том, что Гимнастика проводится с людьми с разными ограничениями здоровья:

– «*Я провожу РАСЕ и перебираю упражнения. И смотрю: что сработает. С каждым работает что-то свое и они начинают понимать, где они работают*» (информант 2, 37 лет);

– «*Гимнастика мозга» удобна тем, что могу использовать на лошади, а что-то можно адаптировать*» (информант 2, 37 лет); «*Можно делать сидя, стоя, лежа. Есть варианты. Нужно учитывать, насколько активно включен человек. Может ли исполнить целиком, самостоятельно. Если ЦНС сильно повреждена, то специалист подключается. Учитываем принцип адаптации: «Сидя сложно – ложимся*» (информант 8, 33 года).

Гимнастика положительно влияет на эмоциональную, когнитивную сферу личности:

– «*…поднимает уровень позитивных эмоций*» (информант 1, 48 лет);

– «*Работа всего головного мозга, активизируют нейронную сеть. Помогают при травмах, воздействуя на нейронные связи, увеличиваем их. Можем решать многие задачи: дети с ОВЗ становятся внимательными, хорошо слышат учителя, понимают, говорят; восстанавливаются ограниченные участки тела; снимается стресс*» (информант 3, 65 лет);

– «*… с ДЦП, особенно лежащие или сидящие, я увидела, что они начинают чувствовать себя безопаснее. Работа становится возможной: дети допускают до тела. Как вход и сопровождение*» (информант 6, 39 лет);

– «*Концентрация увеличивается, лучше материал усваивают. На следующем занятии, когда остаточные знания применяют, процентное отношение остаточных выше, чем их усвоение без упражнений. Дети были лишены возможности двигаться после травм, задержка в развитии. После упражнений появился осознанный взгляд. Дети быстро догоняли сверстников*» (информант 8, 43 года).

Для специалистов важным является быстрый результат. Это не значит, что после проведения одного сеанса с клиентом работа специалиста завершается. Речь идет о возможности увидеть изменения в теле человека с ограниченными возможностями здоровья не только специалисту, но и самому человеку (его родителям (опекунам)), у которого появляется мотив продолжать занятия. Данная особенность Гимнастики вдохновляет специалиста и клиентов. Специалисты в этой связи отмечают:

– «*Девочка не могла попасть. Делали «Кнопки космоса», «Кнопки земли». Девочка забивает четыре мяча из пяти. Сразу сделала и попала, а до этого не попадала*» (информант 1, 48 лет);

– «*вместо стандартной разминки делали РАСЕ. Пошло лучше. Ребенок более включенный. Дети нет, не говорили. Я просто видела глазами результат*» (информант 2, 37 лет);

– «*…тут же видишь быстрый результат. У меня приходили дети с функциональным сколиозом...со слабым мышечным корсетом девочка играла на скрипке. За короткое время девочка выправилась*» (информант 6, 39 лет).

Результаты опроса позволили выделить методические аспекты реализации метода:

1. Обязательная постановка цели на каждое занятие.

2. Гимнастика проводится перед началом основной работы специалиста и выступает в качестве диагностики.

3. Занятие начинается с РАСЕ (специальный комплекс из 4-х упражнений).

4. При выборе и реализации упражнений следует соблюдать следующие рекомендации:

– количество упражнений может быть от 2 – 3 (кроме РАСЕ) до 8-ми упражнений;

– упражнения подбираются под возможности конкретного человека;

– специалист помогает человеку с ограниченными возможностями здоровья при выполнении упражнений, может выполнять упражнения за него, вместе с ним;

– важно построить диалог с человеком с ограниченными возможностями здоровья, его родителями (опекуном), что во многом достигается, когда специалист оценивает состояние человека в настоящий момент времени и, учитывая его, подбирает упражнения;

– при проведении упражнений важно соблюдение этических принципов;

– приоритет отдается растягивающим и энергетизирующим упражнениям, позволяющих людям с ограниченными возможностями здоровья повысить уровень энергии;

– упражнения проводятся с элементами игры, игровых образов;

– выполнение упражнений сопровождается наглядным материалом (плакаты, видео-инструкции и т. п.);

– с течением времени упражнения усложняются, модифицируются;

– упражнения можно комбинировать с нейро-упражнениями, другими методами образовательной кинезиологии;

– на выполнение упражнений с людьми с ограниченными возможностями здоровья уходит больше времени, чем при работе с нормотипичными людьми;

– результат в индивидуальной работе эффективнее, чем в групповой работе;

– закрепить результат возможно лишь при регулярных занятиях;

– график и регулярность выполнения упражнений может нарушаться по причинам совмещения с реабилитационными процедурами и т.п.

5. К проведению Гимнастики важно привлечь, заинтересовать родителей и поддерживать с ними обратную связь.

6. Соблюдать «Кодекс этики и поведения кинезиологов», поддерживать связь с профессиональным сообществом, коллегами-кинезиологами. Выстроить партнерские отношения, сотрудничество с коллегами.

Таким образом, эксперты подчеркивают эффективность метода «Гимнастика мозга» как основного и дополнительного в работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья.

1. *Амурская О. В., Стрелкова Я. А., Комарова И. Г., Арсеенко Е. А. Теоретико-практические предпосылки возникновения образовательной кинезиологии // Культура физическая и здоровье. 2023. № 1 (85). С. 256–259.*
2. *Деннисон Пол Э., Деннисон Гейл Э. Гимнастика мозга: Книга для учителей и родителей. Hearts at play, INC. A Division of Edu-Kinesthetics. 2010. 130 с.*
3. *Зайчикова Л. А., Смолина Н. В. Гимнастика мозга. нейрогимнастика и образовательная кинезиология // Специальное образование и социокультурная интеграция. 2022. № 5. С. 218–225.*

4. *Красовских Т. И. Использование методов кинезиологии в коррекционно-образовательном процессе у детей с ограниченными возможностями здоровья //молодой ученый. 2025. № 9 (560). с. 90–94*
5. *Тутиченко А. С. Образовательная кинезиология – через движение к развитию и обучению // В сборнике: Актуальные проблемы специального и инклюзивного образования детей и молодежи. Материалы III-й Региональной научно-практической конференции. Науч. ред. О.А. Музыка. 2019. С. 285–289.*

НЕОБЫЧНЫЕ ВОЛОНТЕРЫ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОТОЦИКЛИСТОВ И ВОСПИТАННИКОВ МГИНСКОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА ДЛЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

Гаенко Елена Сергеевна
(СПбГУ)

Аннотация. В докладе рассматривается опыт неформального волонтёрского проекта мотоциклистов, взаимодействующих с воспитанниками Мгинской школы-интерната для детей с нарушениями зрения. Анализируется социально-культурное значение инициативы, её инклюзивный потенциал и влияние на участников с позиций социологии и социальной работы.

Ключевые слова: волонтёрство, социальная работа, инклюзия, мотоциклисты, дети с нарушениями зрения, субкультура.

Добровольчество сегодня становится одним из важнейших проявлений гражданской активности и человеческой солидарности. Исследователи отмечают, что волонтёрская деятельность играет всё более значимую роль в развитии общества, помогая формировать доверие, ответственность и горизонтальные связи между людьми [1, 87]. Как пишет Т. Н. Коваленко, добровольчество – это не только помощь нуждающимся, но и пространство человеческого взаимодействия, где реализуется потенциал эмпатии и взаимного признания [3, 91].

Особый интерес вызывают случаи, когда волонтёрство исходит не от профессиональных организаций, а от сообществ, чья деятельность изначально не связана с социальной сферой. Именно таким примером стал проект, который с 2011 года реализуют мотоциклисты в Мгинской школе-интернате для детей с нарушениями зрения. На протяжении многих лет байкеры приезжают к воспитанникам, проводят праздники, встречи, прогулки, создавая атмосферу доверия и радости. Всё началось с одной поездки – спонтанного визита нескольких энтузиастов. Но уже после первой встречи стало ясно, что эта форма общения имеет глубокий смысл. С тех пор проект стал традицией, а для школы – важным и долгожданным событием.

Для детей с нарушениями зрения звук мотоцикла, возможность потрогать байк, ощутить вибрацию двигателя становятся не просто развлечением, а способом «увидеть» мир по-своему – через звук и прикосновение. Эти впечатления остаются надолго, вызывают эмоции, чувство сопричастности, уверенности и радости. Как отмечают педагоги, после таких встреч дети становятся более открытыми и активными. Помощь здесь выражается не в материальных вещах, а в человеческом контакте, в уважении и искреннем внимании. Байкеры не приходят как благотворители, не стремятся «пожалеть», они приходят как друзья – и именно это делает общение живым и равным.

Подобные встречи меняют и самих волонтёров. Мотоциклисты часто говорят, что этот опыт стал для них переломным: он помогает переосмыслить ценности, почувствовать благодарность за простые вещи и увидеть, насколько значимым может быть человеческое участие. Происходит взаимная социализация: дети учатся доверию и открытости, а взрослые – вниманию и ответственности. Со временем проект приобрёл устойчивость, он не имеет формального статуса, но живёт благодаря внутренней мотивации участников. Это волонтёрство «по зову сердца», не ради отчёта, а ради человеческого контакта.

С социологической точки зрения, такие инициативы показывают, насколько разнообразным может быть современное волонтёрство. Мотоциклисты, которых общественное мнение нередко воспринимает как носителей протестной субкультуры, становятся здесь проводниками гуманистических ценностей. Они создают мост между мирами – между сообществом свободы и скоростей и миром детей, для которых движение и звук становятся способом познания жизни.

Опыт Мгинской школы-интерната показывает, что социальная работа может быть не только профессией, но и человеческим действием, рождающимся из внутренней потребности быть полезным. Эти «необычные волонтёры» вносят в социальную практику неформальную, но крайне важную энергию – энергию доверия, сопричастности и доброты. Подобные инициативы расширяют понимание социальной ответственности и доказывают, что общество развивается не только через институты и программы, но прежде всего через способность людей видеть в другом человека.

1. *Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.*
2. *Григорьева И. А. Социология волонтёрства: теория и практика добровольческой деятельности. – СПб.: Алетейя, 2018. – 240 с.*
3. *Коваленко Т. Н., Платонова Н. М., Платонова Ю. Ю. Развитие добровольческих ресурсов в системе социального обслуживания: научно-практическое пособие / под ред. Н. М. Платоновой. – СПб.: СПбГИПСР, 2020. – 221 с. – С. 91.*
4. *Рождественская Е. Ю. Социальное волонтёрство как форма гражданской активности в современной России. – М.: Изд-во РГСУ, 2016. – 198 с.*
5. *Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная работа: теория, история, инновационные практики. – Саратов: СГУ, 2014. – 312 с.*

РОЛЬ СПОРТА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Горбенко Татьяна Дмитриевна
(Волгоградский институт управления филиал РАНХиГС)

Проблема девиантного поведения является предметом изучения многих отраслей науки и на сегодняшний день остается актуальной, так как проявлений отклоняющегося поведения у школьников и молодых людей с каждым годом становится больше. В 2025 году в России зафиксирован рост подростковой преступности. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в этом году число совершенных преступлений несовершеннолетними увеличилось на 18 %, а количество тяжких и особо тяжких преступлений – в 1,5 раза, по данным Следственного комитета РФ.

Рассмотрим определение девиантного поведения от различных авторов (табл.1).

Таблица 1. Определение девиантного поведения в педагогической и психологической литературе

Автор	Определение
В. Ф. Шевчук	Отклоняющееся поведение представляет собой совокупность действий, не соответствующих общественным нормам и вызывающих негативные психологические эффекты в социальной среде, при этом граничащих с социально-психологической деградацией личности
Педагоги И. А. Ларионова и О. С. Тоистева и врач-психиатр А. Г. Коняхин	Девиантное поведение представляет собой типичную реакцию, связанную с нарушением социальных правил и норм, что может привести к социальной неадаптации
И. С. Кон	Девиантное поведение – это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали

Вышеизложенное доказывает, что девиантное поведение наносит ущерб общественным устоям. Однако следует отметить, что девиантное поведение подразделяется на:

– негативное, основными признаками которого являются разрушающие действия личности, направленные на себя или других и социальная дезадаптация;

– позитивное, основными признаками которого являются способность к самопожертвованию и повышенные чувства жалости и/или справедливости.

Наиболее подверженными девиантному поведению являются молодые люди и подростки, которые имеют проблемы в семье, недостаток образования или испытавшие воздействия неблагоприятной социальной среды, например, бедность или жизнь в криминальной обстановке. В 2023 году в Волгоградской области было зарегистрировано на профилактическом учете в полиции 1739 подростков, причем 1339 из них безнадзорные.

Спорт является сильным социальным институтом, который реализует несколько функций, к примеру:

– реализация двигательного потенциала;

– физическое и духовное развитие личности;

– коммуникативная функция;

– воспитательная функция, проявляющаяся в развитии дисциплины, и другие.

Кроме того, занятия спортом нередко способствуют стремлению человека всегда придерживаться здорового образа жизни, отказаться от вредных привычек и физических зависимостей. Девиантное поведение, в свою очередь, тесно связано с вредными привычками и различными зависимостями, которые способствуют проявлению агрессии. В спортивной психологии агрессия подразделяется на эмоциональную, для которой характерен враждебный настрой к окружающим, и инструментальную, то есть подразумевающую действия для достижения цели. Это формирует нападающую тактику поведения спортсменов, повышенное чувство готовности. Таким образом, во время физических нагрузок снижается эмоциональный стресс и уменьшается агрессивность ввиду высокой концентрации на выполнении упражнений.

Также занятия физической активностью благоприятно влияют на психоэмоциональное состояние. После тренировки вырабатываются гормоны: эндорфин,

серотонин и дофамин. Данные гормоны помогают бороться со стрессом, улучшают самочувствие и снимают напряжение.

Затрагивая командные виды спорта, следует упомянуть значимость коллектива для каждого члена команды. Достаточно часто команда, в которой оказывается игрок, оказывает влияние на его личностные качества, развивая чувство ответственности, коммуникативные навыки, а в некоторых случаях даже лидерство.

Таким образом, спорт является одним из самых действенных способов профилактики девиантного поведения молодежи. Занятия физической активностью укрепляют физическое и психическое здоровье, формируют личностные качества и помогают молодым людям «перенаправить силы» в позитивные увлечения.

ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Данилова Юлия Игоревна
(ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»)

Сегодня мы будем говорить о явлении, которое подобно тревожному сигналу, свидетельствующему о неблагополучии в нашем обществе. Речь пойдёт о девиантном поведении в молодёжной среде. Что скрывается за этим научным термином? Проще говоря, это устойчивое поведение, отклоняющееся от наиболее распространённых, общепринятых норм. Однако это не просто нарушение правил. За каждым таким случаем стоит история подростка, который не смог найти своего места в мире и выбрал разрушительный путь.

Актуальность этой темы невозможно переоценить. В России с каждым годом отмечается рост детской преступности, наркомании, прослеживается тенденция к увеличению числа детей с девиантным поведением. По данным МВД РФ, ежегодно подростками совершается около 150 тысяч преступлений, при этом отмечается рост тяжких и повторных преступлений, в том числе совершаемых группами несовершеннолетних. От того, сумеем ли мы понять причины этого явления и найти эффективные меры профилактики, зависит не только судьба молодого поколения, но и будущее всего нашего общества. Давайте вместе разберёмся в сути проблемы, её масштабах и наметим возможные пути решения.

Что такое девиантное поведение и каким оно бывает?

Часто, говоря о девиациях, мы сразу думаем о чём-то сугубо негативном – преступлениях, наркомании, алкоголизме. Действительно, к негативным отклонениям относят действия, которые причиняют вред как самому человеку, так и окружающим. Это асоциальное поведение (алкоголизм, наркомания) и противоправное поведение (грабежи, вандализм).

Но важно помнить, что отклонения могут быть и позитивными – такими, которые не вредят обществу, а наоборот, обогащают его. Яркие примеры – героизм, самопожертвование, гениальность или просто благотворительность. Представьте себе человека, который бросается в горящий дом, чтобы спасти ребёнка. Его поступок выходит за рамки «нормального» поведения обычного человека, но мы восхищаемся им. Это и есть позитивная девиация.

Особую значимость приобретает феномен «конструктивной девиации», который в последнее время становится объектом пристального научного внимания. Речь идет о таких отклонениях от общепринятых норм, которые носят социально-полезный характер –

социальный активизм, гражданский активизм, помогающее поведение, альтруизм. Эти формы девиации развивают социальный, интеллектуальный и гражданский потенциал молодых людей.

К сожалению, в молодёжной среде чаще всего мы сталкиваемся с негативными формами. К ним сегодня относят не только традиционные – преступность, пьянство, наркоманию, проституцию, самоубийства, – но и современные вызовы: трудоголизм, игровую и компьютерную зависимость, пищевые расстройства. Подростки с девиантным поведением часто демонстрируют агрессию, склонны ко лжи, убегают из дома, имеют проблемы с законом и учебой.

Статистика и примеры: масштаб проблемы

Цифры, которые приводят исследователи, заставляют серьёзно задуматься. Давайте обратимся к конкретным данным:

– Алкоголизация. Исследования, проведённые ещё в 1990-х годах, показывали, что спиртные напитки в 8-м классе употребляли 75 % мальчиков, а в 10-м – 95 %. Более современные данные свидетельствуют, что 70 – 80 % опрошенных подростков пробовали алкоголь в возрасте 13 – 15 лет. И если раньше первая проба чаще происходила в кругу семьи по праздникам, то теперь подростки, как мальчики, так и девочки, выпивают в основном в компании друзей, без контроля взрослых (51,5 % и 53,5 % соответственно).

– Группа риска. Социологические опросы выделяют так называемую «группу риска» – школьников, употребляющих алкоголь от 2 раз в месяц до 1 раза в неделю и чаще. В эту категорию входит почти каждый выпускник-юноша. Данные Федеральной службы государственной статистики показывают удручающую картину среди воспитанников учреждений вне семейного воспитания: 40 % воспитанников склонны к совершению преступлений, 40 % уже совершили их, 10 % склонны к суициду и только 10 % имеют позитивную мотивацию на будущую жизнь.

– Портрет аудитории. Интересные данные были получены при анкетировании школьников, посещающих научные фестивали – мероприятие, казалось бы, для мотивированной молодёжи. Оказалось, что при нормальной учебной мотивации у этих подростков наблюдаются сложности в отношениях с родителями и низкая социабельность, что также позволяет отнести их к группе риска. Специалисты отмечают, что наиболее криминальной частью молодежи являются подростки 16 – 17 лет.

За этими цифрами стоят живые люди. Возьмём, к примеру, гипотетического Виктора, который воспитывался в строгости, под тотальным контролем отца-военного. В подростковом возрасте его протест против давления вылился в манипуляции, шантаж и, в конечном счёте, в пристрастие к наркотикам как форме ухода от невыносимой реальности. Эта история наглядно показывает, как социальные и семейные факторы могут подтолкнуть молодого человека к девиантному пути.

Почему молодёжь выбирает девиантный путь?

Причины девиантного поведения всегда комплексны и лежат в нескольких плоскостях:

1. Социальные причины. Это одна из самых весомых групп факторов.

– Семейное неблагополучие: неполные или асоциальные семьи, конфликты между родителями и детьми, гиперопека или, наоборот, безнадзорность. Как метко заметил один эксперт, причина девиации часто кроется в «явном или скрытом неблагополучии семьи подростка».

– Школьные проблемы: неуспеваемость, конфликты с учителями и одноклассниками, ощущение несправедливости. Школа, вместо того чтобы стать поддерживающей средой, порой сама провоцирует отчуждение.

– Экономическое неравенство и неблагоприятная ситуация в обществе в целом также вносят свой вклад.

2. Психологические причины. Подростковый возраст сам по себе является мощным провоцирующим фактором. Гормональные сбои приводят к обострению черт характера. Подростку свойственно желание привлечь внимание, показать свою власть или отомстить за обиду. Кроме того, выпивка или употребление наркотиков часто являются ложным способом погасить характерное для подростков состояние тревожности, избавиться от застенчивости или почувствовать себя взрослее и сильнее в компании сверстников.

3. Биологические причины. Иногда корни проблемы уходят глубже – в генетическую предрасположенность, последствия черепно-мозговых травм или аномалии в развитии центральной нервной системы, которые влияют на эмоциональную стабильность и способность к адаптации.

4. Воздействие масс-медиа

Средства массовой информации могут оказывать значительное негативное воздействие на формирование поведения подростков. Избыток насилия, аморального поведения и жестокости, показываемый в СМИ, может порождать идеи девиантного поведения. Чрезмерное времяпрепровождение перед телевизором, компьютером и другими гаджетами затрагивает все уровни психической структуры личности подростка.

Пути решения и профилактические меры. Что же делать?

Опыт показывает, что бороться с уже сформировавшимся отклоняющимся поведением крайне сложно. Поэтому ключевая роль отводится профилактике. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает разделять её на три уровня:

– Первичная профилактика направлена на устранение неблагоприятных факторов и повышение устойчивости личности к их влиянию. Она наиболее успешна при работе с подростками.

– Вторичная профилактика фокусируется на раннем выявлении и работе с группой риска.

– Третичная профилактика – это работа с уже сформировавшимся отклоняющимся поведением, направленная на предотвращение рецидивов.

На практике в рамках образовательных учреждений можно выстроить систему мер, которая будет включать в себя несколько направлений.

1. Расширение возможностей для самореализации

Содействие саморазвитию и самоосознанию подростков путем предоставления различных возможностей для занятий спортом, искусством, наукой и другими интересными хобби помогает предотвратить скуку и отсутствие целей, которые часто провоцируют девиантное поведение.

2. Развитие социальных навыков

Предоставление возможностей для расширения социальной сети подростков и развития навыков коммуникации чрезвычайно важно. Участие в различных общественных и благотворительных мероприятиях помогает научиться сотрудничать, выражать эмоции и разрешать конфликты, что уменьшает вероятность девиантного поведения.

3. Образовательные программы

Предоставление доступного и качественного образования, включая программы, рассказывающие о правильном поведении, здоровье, этике и ответственности, способствует развитию критического мышления и принятию осознанных решений.

4. Поддержка семьи

Поддержка родителей в их роли воспитателей, предоставление родительских тренингов и консультаций, где они могут обсудить свои проблемы и получить

практические советы, является ключевым фактором профилактики. Родители являются первым примером для подростков, и их взаимодействие играет важную роль в предотвращении девиантного поведения.

5. Развитие конструктивной девиации

Актуализация конструктивных форм девиации – социального и гражданского активизма, помогающего поведения, альтруистических инициатив – позволяет направить энергию молодёжи в позитивное русло. Развитие практик помогающего поведения формирует условия гипернормальности – превышения нормативных требований в социально-полезном направлении.

6. Совершенствование социальной политики

Профилактика девиантного поведения молодежи признается одной из основных проблем социальной политики как на федеральном, так и региональном уровнях. Необходимо развитие системы социальных услуг, особенно в сельской местности, где их доступность ограничена.

Межведомственное взаимодействие. Школа не должна оставаться один на один с проблемой. Необходимо тесное сотрудничество с органами внутренних дел, социальными службами, центрами занятости и общественными организациями.

К сожалению, как показывают исследования, сегодня многие школы сталкиваются с трудностями в организации такой работы. 80% директоров оценивают уровень её результативности как «средний» или «низкий». Среди причин – дефицит кадров (тьюторов, психологов, медицинских работников), слабая материальная база, а главное – отсутствие чёткого государственного заказа и финансирования этой деятельности. Учителя не получают доплат за работу с «асоциальными» детьми, в отличие, например, от работы с одарёнными.

Уважаемые коллеги! Проблема девиаций в молодёжной среде – это не просто перечень статистических данных и теоретических выкладок. Это отражение глубинных процессов, происходящих в нашем обществе. Подростки своим поведением, порой шокирующим и отталкивающим, сигнализируют нам о том, что им больно, страшно и одиноко. Они ищут своё место, и наша задача – не навешивать ярлыки и не отворачиваться от них, а протянуть руку помощи.

Эффективная профилактика невозможна без объединения усилий. Семья, школа, государство и общественные институты – все мы несём ответственность за то, какой путь выберет молодой человек. Это сложная, ежедневная работа, которая требует терпения, такта и профессионального подхода. Но именно в этой работе заключается наш вклад не только в исправление «трудных» подростков, но и в строительство более здорового и благополучного будущего для всех. Давайте помнить, что, надо остерегаться смешивать "хороший" и "удобный"».

Наша цель – помочь стать подросткам не удобными, а хорошими, полноценными и счастливыми членами общества, в котором каждый молодой человек будет чувствовать себя нужным и востребованным. Давайте работать над этим вместе, создавая мир, где молодость – это не время поиска себя в страданиях, а период активного участия в жизни общества и его развития.

1. *Бодалев, А. А., Лебедева, Е. Н. (2015). "Психология девиации в молодежной среде". М.: Издательство Московского университета.*
2. *Зинченко, В. П. (2018). "Социальная психология молодежи". М.: Питер.*
3. *Ковалева, И. В. (2020). "Проблемы девиационного поведения молодежи: Социокультурные аспекты". Пермь: Пермский государственный университет.*
4. *Левашов, В. В. (2017). "Девиации и их влияние на молодежное сообщество". М.: Наука.*

5. *Маслова, Н. А. (2019). "Профилактика девиантного поведения среди молодежи". Санкт-Петербург: Издательство РГПУ имени А. И. Герцена.*
6. *Овчарова, Т. П. (2021). "Социальные технологии в работе с молодежной девиацией". Екатеринбург: Уральский университет.*
7. *Сахаров, В. В. (2023). "Криминология и молодежь: девиации и их преодоление".*
8. *Шамшурина, И. А. (2016). "Социальная работа с молодежью: рычаги влияния на девиации". Казань: Казанский университет.*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ОСНОВЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Добрицкий Валерий Ярославович
(СПбГУ)

Аннотация: В статье представлен анализ классификации рисков деятельности организации социального обслуживания. Особое внимание уделено оценке риска в организациях социального обслуживания.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, риск, возможности, источники риска, структура процесса оценки риска, способы реагирования на риск.

В условиях современного динамичного рынка социальных услуг, где конкуренция между государственными и частными секторами постоянно увеличивается, а воздействие различных внутренних и внешних факторов становится всё более заметным, организации сталкиваются с возрастающими рисками в области управления, финансирования и качества обслуживаемых услуг.

В данных условиях улучшение системы управления качеством с акцентом на риск-ориентированный подход становится необходимым. Важно осознать, что риск-ориентированный подход в сфере социальных услуг находится в процессе формирования, что приводит к разному восприятию и применению технологий и методов оценки рисков.

Риск в контексте управления качеством следует рассматривать как потенциальное событие или набор факторов, которые могут значительно повлиять на достижение как краткосрочных, так и стратегических целей организации социального обслуживания.

Каждая организация в сфере социальных услуг сталкивается с уникальными рисками, и соответственно уровень угроз будет разным для деятельности организации.

Основные риски, влияющие на качество социальных услуг, могут быть классифицированы следующим образом:

1) Стратегические риски – риски, возникающие из-за просчетов в управленческих решениях, касающихся стратегии развития организации. Они, как правило, связаны с неправильно определёнными приоритетами, недостатком ресурсов и несоответствующими управленческими решениями.

2) Отраслевые риски возникают вследствие изменений в секторе социального обслуживания.

3) Репутационные риски связаны с потенциальными убытками от уменьшения числа клиентов из-за негативного восприятия организации и ее услуг.

4) Риски правового регулирования связаны с убытками, вызванными неопределенностью в правовых нормах и их интерпретации.

5) Инновационные риски связаны с вложениями в разработку и внедрение новых форм социального обслуживания и видов социальных услуг.

6) Финансовые риски возникают из-за инфляции, ликвидности активов и финансово-хозяйственных аспектов деятельности организации, что может привести к убыткам или дополнительным расходам.

7) Коммуникационные риски – риски, связанные с различными нарушениями во взаимодействии организации с внешними лицами, включая искажение или потерю информации и документов, которые передаются или принимаются.

8) Технологические риски возникают в результате неэффективности (несоответствия) применения технологий и методик, используемых в социальной работе. Это может включать сбои в работе структурных подразделений и действий сотрудников, а также нарушения в взаимодействии между подразделениями и аппаратными средствами, включая информационную безопасность и процессы электронного документооборота.

9) Профессиональные риски – это риски, вызванные неадекватными действиями персонала: неисполнение (ненадлежащее) исполнение обязанностей сотрудниками, в связи с недостаточной квалификацией (халатностью), что включает риск неисполнения или неадекватного исполнения требований клиентов, в том числе при работе с электронным документооборотом (ЭДО), выполнение сотрудниками действий, выходящих за пределы их должностных полномочий, совершение сотрудниками ошибок и др.

8) Внешние риски – риски, вызванные ненадлежащими действиями внешних лиц по отношению к организации. К ним относится: неисполнение (ненадлежащее) исполнение обязательств внешними сторонами, а также умышленные действия, направленные на причинение ущерба организации и клиентам.

11) Технические риски связаны с ненадлежащей работой используемого оборудования, программного обеспечения и других технических средств. Они могут проявляться в несоответствии оборудования, выходе его из строя и сбоях, приводящих к несанкционированным изменениям данных.

12) Комплаенс-риски (регуляторные риски) возникают из-за санкций регулирующих органов, если организация не соблюдает законодательные нормы, правила и стандарты, касающиеся социальной работы.

13) Организационные риски связаны с неэффективностью существующей системы управления и организации. Это может касаться организационной структуры, правил распределения обязанностей и полномочий.

14) Форс-мажорные риски связаны с непредотвратимыми чрезвычайными ситуациями, которые могут вызвать убытки, такими как стихийные бедствия, техногенные катастрофы или социального характера.

Для оценки источников риска организация использует индикаторы рисков (ИР), которые обеспечивают оценку эффективности системы управления рисками. Появление негативных сигналов от ИР о повышении вероятности реализации рисков. В организации устанавливается пороговое значение для ИР, при превышении которого необходимо принимать меры по реагированию.

Пример ключевых индикаторов рисков приведен в таблице 1.

Вместе с рисками необходимо принимать во внимание и возможности, которые могут быть полезны для организации – это благоприятные условия способствуют достижению целей [4].

Использование или пренебрежение возможностями непосредственно влияет на уровень риска: он может быть приемлемым, оправданным или недопустимым [6].

Способность учитывать возможности в процессе планирования считается одним из основных преимуществ системы обеспечения качества.

Риск-ориентированный подход помогает выявить факторы, которые могут привести к отклонению от запланированных результатов, и применять превентивные меры для снижения негативных последствий, а также для максимально эффективного использования возникающих возможностей [2].

Главной целью управления рисками является создание и защита ценностей организации, повышение производительности, стимулирование инноваций и поддержка в достижении установленных целей.

Процесс управления рисками включает в себя мероприятия по идентификации рисков в системах управления качеством и воздействию на них для обеспечения достижения целей [7, с.10].

Концепция управления рисками, система ключевых понятий, рекомендации по ее реализации, а также описание технологий и методов анализа рисков представлены в стандартах: ГОСТ Р 51897-2021, ГОСТ Р 58771 – 2019, ГОСТ Р ИСО 31000 – 2019.

Таблица 1. Пример ключевых индикаторов рисков

Вид риска	**Категория риска**	**Ключевые индикаторы рисков**	**Пороговое значение**
Риск персонала (служебный риск)	Дефицит ресурсов персонала	- открытые вакансии; - переработка сотрудниками	количество (в % от рабочего дня)
Риск персонала (служебный риск)	Умышленные действия работников организации	- конфликтные ситуации с администрацией организации	количество
Риск персонала (служебный риск)	Непреднамеренные ошибки работников организации	- факты совершения ошибочных действий персонала различного свойства	количество
Риск внешних лиц	Неисполнение (ненадлежащее исполнение) внешними лицами своих обязательств	- судебные разбирательства с контрагентом	количество
Коммуникационный риск	Изменение, искажение (порча, утрата) получаемой/передаваемой информации и документов	- конфликтная ситуация с администрацией организации у работника организации	количество
Коммуникационный риск	Невозможность связаться с клиентом организации в процессе его обслуживания	- случаи невозможности установить связь с клиентом по каналам связи, известным организации, в течение 1 месяца	количество
Стратегический риск	Отсутствие в полном объеме необходимых ресурсов и организационных мер для обеспечения достижение стратегических целей	- случаи отсутствия возможности обеспечения в срок необходимыми ресурсами, заявленными для конкретного проекта, бизнес-процесса и т.п.	количество

Технический риск	Сбои в работе оборудования (ПК, серверное оборудование, средства связи)	- случаи невозможности осуществления привычной деятельность Организации на протяжении более 1 часа	количество
Технологический риск	Сбои в процедуре заключения договора	- случаи нарушений процессов подразделения, осуществляющего подготовку и подписание договора с клиентом	количество
Регуляторный риск (комплаенс-риск)	Применение регулирующими органами, а также уполномоченными государственными органами различного рода санкций к организации	- случаи получения различных предписаний, содержащих требование об устранении нарушений законодательства	количество
Организационный риск	Неэффективное распределение функциональных (должностных) обязанностей и полномочий между структурными подразделениями	- случаи выполнения функциональных задач, не закрепленных за работником в должностной инструкции или ином внутреннем документе организации	количество

Методы оценки рисков зависят от сложности ситуации, её новизны, а также от опыта и осведомленности специалистов.

В простых ситуациях, где риски хорошо изучены, решения принимаются на основе заранее установленных правил и процедур с использованием предыдущих оценок.

В новых ситуациях, характеризующихся высокой степенью неопределенности и ограниченным опытом, традиционные методы могут оказаться малоприменимыми. В таких случаях необходимо задействовать несколько различных технологий для оценки, принимая во внимание организационные ценности и мнения заинтересованных сторон [4].

Таким образом, при планировании деятельности организация социального обслуживания обязана учитывать риски и возможности. Это необходимо для обеспечения надежности в достижении поставленных целей, увеличения позитивного влияния и снижения негативных последствий рисков. Важно осуществлять планирование деятельности организации по анализу рисков и возможностей, а также интегрировать и внедрять эти действия в систему управления качеством, регулярно оценивая ее эффективность.

Повышение эффективности деятельности организации социального обслуживания при использовании риск-ориентированного подхода достигается за счет улучшения управления, обеспечения высокого качества социальных услуг, повышение доверия и удовлетворённости потребителей.

1. *ГОСТ Р 51897-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. «Менеджмент риска. Термины и определения», (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11.11.2021 №1489-ст). [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1200181662. Дата обращения: 7.08.2025.*

2. *ГОСТ Р 58771-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. «Менеджмент риска. Технологии оценки риска», (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.12.2019 №1405-ст). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200170253. Дата обращения: 8.08.2025.*
3. *ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. «Менеджмент риска. Принципы и руководство», (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.12.2019 №1379-ст). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200170125. Дата обращения: 8.08.2025.*
4. *Абашин Н. В. Описание реализации концепции риск-ориентированного мышления и требования в системе менеджмента качества вуза // ФБУ «Тест – С.Петербург». – Экономика качества. – 2016. – №4 (16). Электронный журнал. http://eq-journal.ru/pdf/16. Дата обращения: 01.08.2025.*
5. *Гродзенский С. Я., Гродзенский Я.С. Цикл PDCA и семь инструментов качества // Методы менеджмента качества. 2013. №11. С. 20-24.*
6. *Добрицкий В. Я. Риск-ориентированный подход в системе управления качеством организации социального обслуживания // Учёные записки СПбГИПИСР. – 2020. №2 (34). С. 92-100.*
7. *Управление рисками в системах менеджмента качества организаций социального обслуживания: практ. пособие / авт.-сост.: М. Э. Беспалова, Е. С. Юшкова. – Сургут: Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2017. – 60 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://methodcentr.ru. Дата обращения: 01.08.2025.*

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СПОРТИВНЫХ ПРАКТИК ДЛЯ ЛИЦ С АМПУТИРОВАННЫМИ КОНЕЧНОСТЯМИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ФОНДА ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ермилова Анна Вячеславовна
(Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Осипов Николай Валерьевич
(Автономная некоммерческая спортивно-реабилитационная организация «Спарта»)

Аннотация. С помощью исследования, осуществленного методами интервьюирования специалистов фонда «Защитники Отечества» (n = 5 чел.) и лиц с ОВЗ из НРООИ «Инватур» (n = 20 чел.), наблюдения за ампутантами на выставке «Интеграция-2025», а также на основе практического опыта деятельности членов спортивно-реабилитационной организации «Спарта» выявляется положительное влияние спортивных практики на ампутантов: повышение их самооценки, оптимизация физического и психологического состояния.

Ключевые слова: лица с ампутированными конечностями, спортивные практики, реабилитация.

Сегодня в условиях российской действительности, демографические параметры лиц с ОВЗ претерпевают изменения в связи с влиянием специальной военной операции (СВО), а именно возвращением инвалидизированных военнослужащих в мирную жизнь. Одним из самых опасных и типичных ранений на СВО являются осколочные ранения и травматические ампутации военнослужащих [4], что, в свою очередь, еще в большей степени актуализирует проблему реабилитации лиц с ампутированными конечностями. Пережившие ампутацию военнослужащие пополняют ряды и так достаточно

многочисленной группы лиц с дисфункциями опорно-двигательного аппарата [2, с. 12]. Практическая ценность изучения проблем жизнедеятельности ампутантов сегодня достигла критического уровня из-за ежегодного увеличения, во-первых, лиц, получивших минно-взрывные травмы на СВО; во-вторых, больных сахарным диабетом первого типа, атеросклерозом сосудов [1], приводящим к ампутациям, маломобильному или неподвижному образу жизни. Следовательно, в современном российском обществе формируется постоянно увеличивающаяся по объему социальная общность ампутантов, требующая к себе пристального внимания со стороны общественности и экспертов в различных областях.

В число мер поддержки лиц с ампутированными конечностями входит спортивная реабилитация, представляющая собой важнейшее направление в системе восстановления здоровья и физической активности человека. Спортивная реабилитация позволяет достичь физического восстановления, психологической адаптации, социальной интеграции, профессиональной реабилитации, по мнению исследователя Е.В. Рачицкой [3], так как в ее основе лежит междисциплинарный подход, объединяющий медицину, психологию, физиологию и спортивную науку.

С опорой, во-первых, на авторское социологическое исследование «Спорт в системе реабилитации ампутантов», осуществленное методами интервьюирования специалистов, работающих с ампутантами в государственном фонде «Защитники Отечества» (n = 5 чел.) и непосредственно самими лицами с ОВЗ на базе НРООИ «Инватур» (n = 20 чел.), а также методом включенного наблюдения за ампутантами, участвующими в спортивных практиках на 9-й международной выставке «Интеграция-2025»; во-вторых, на опыт деятельности сотрудников, членов и учредителей автономной некоммерческой спортивно-реабилитационной организации «Спарта», авторами была поставлена цель – определить реабилитационный потенциал и значимость спортивных практик, применяемых сегодня различными социальными организациями, работающими с ампутантами.

Сегодня различные организации могут способствовать интеграции ампутантов в сферу ФКС, на что указали, как лица с дисфункциями опорно-двигательного аппарата (ОДА) из НРООИ «Инватур», так и представители «Спарты», заявляя о пользе спортивных практик, способствующих:

повышению самооценки инвалида: «*Я могу заниматься спортом наравне с другими, что способствует повышению моей* самооценки» (жен., 40 лет); *«Посмотрите на самооценку Н. Вуйчича. Однозначно, спорт укрепляет уверенность в себе»* (жен., 51 год);

оптимизации физического состояния: *«Спорт дисциплинирует, помогает держать тело в тонусе»* (жен., 40 лет); *«В нашем положении спортом нужно заниматься хотя бы 2-3 раза в неделю. В процессе занятия спортом я укрепляю мышцы, улучшаю кровообращение»* (муж., 44 года);

оптимизации эмоционального состояния: *«Спорт способствует выработке позитивного настроения. Жить хочется!»* (жен., 51 год); *«Занимаясь спортом, я меньше подвержен стрессу»* (муж., 57 лет); «Занятия волейболом делают меня счастливее» (муж, 50 лет).

Специалисты, работающие с ветеранами-ампутантами, выражают аналогичную точку зрения, указывая на положительное влияние спорта на физическое и психологическое здоровье клиентов.

«Спорт, конечно, благотворно влияет на здоровье ветеранов. Командный дух важный фактор восстановления. Поиск единомышленников положительно отражается на их психологическом самочувствии» (специалист 5).

«Физически становятся крепче, выносливее. Благодаря спорту ветераны психологически чувствуют себя лучше, ощущают себя нужными, полезными для общества» (специалист 2).

Представители организации «Спарта» считают, что спорт позволяет человеку с ампутацией не стесняться поврежденного тела, раскрепощая его, что в итоге способствует раскрытию внутренних ресурсов в среде себе подобных. Следовательно, как показывает опыт работы фонда «Защитники Отечества», организаций «Инватур» и «Спарта», именно через спорт процессы социальной реабилитации и адаптации проходят значительно быстрее и эффективнее.

Анализ включенного наблюдения за ампутантами, участвующими в деятельности спортивной направленности, показывает на неподдельный интерес к различным спортивным практикам, будь то футбол на электронных колясках, футбол и волейбол сидя, боевые искусства, большой теннис, тяжелая атлетика, фехтование, передвижение с препятствиями.

Представители фонда «Защитники Отечества» актуализируют командные виды спорта, обосновывая данный выбор потребностью в эмоциональной поддержке друг друга. Кроме этого, специалисты указали на востребованность плавания как вида спорта: *«Большинство военнослужащих-ампутантов хотят заниматься плаванием, видя в этом большую пользу»* (специалист 2); *«Чаще всего наши клиенты предпочитают записываться в ФОКи, так как там есть бассейны»* (специалист 3). Особую популярность, по их мнению, среди бывших военнослужащих приобретает следж-хоккей.

Кульминацией спортивных практик является участие в соревнованиях различного уровня. В современных условиях развития спортивной реабилитации ампутантам предоставлены уникальные возможности принимать участие в соревнованиях, о чем сообщают, во-первых, специалисты фонда «Защитники Отечества»: *«Если возникает такая потребность, то они могут записаться и поучаствовать»* (специалист 1); «*Мы освещаем актуальные спортивные мероприятия, желающие есть всегда»* (специалист 5).

Специалисты обеспечивают поддержку и сопровождают ветеранов СВО в процессе подготовки и участия в спортивных соревнованиях, тем самым расширяя возможности для ветеранов в спорте.

«У нас есть команда по следж-хоккею, которая регулярно ездит на соревнования. Недавно одержали победу» (специалист 1).

«Да, мы сопровождали наших ветеранов на Всероссийский Кубок Защитников Отечества по зимним видам спорта» (специалист 5).

Определенный опыт реализации спортивных практик через участие в соревнованиях накоплен сотрудниками/спортсменами некоммерческой спортивно-реабилитационной организации «Спарта». Организация интенсивно наращивает свой потенциал, интегрируя ампутантов в профессиональный футбол «Патриот НН», волейбол «НАС» и легкую атлетику.

На сегодняшний день партнером клуба «Спарта» является, прежде всего, Министерство спорта Нижегородской области, которое оказывает финансовую и материальную поддержку командам. Сотрудничество клуба с фондом «Защитники Отечества» способствует интеграции военнослужащих, переживших ампутацию, в поле спортивных практик, что благоприятно отражается на их самочувствии.

В ближайшей перспективе представители «Спарты» ставят перед собой следующие задачи:

1. Провести совместные тренировки ампутантов с представителями учебно-образовательных учреждений для нивелирования проблемы стигматизации инвалидов в молодежной среде.

2. Освоить спортивные дисциплины инвалидам с ампутацией конечностей: легкая и тяжелая атлетика, настольный теннис, единоборства, велоспорт.

3. Увеличить количество участников клуба «Спарта» за счет инвалидов, получивших увечья на СВО и в гражданской жизни.

4. Войти в тройку сильнейших на Чемпионате России по волейболу сидя.

Итак, спортивные практики являются важной составляющей процесса реабилитации инвалидов с ампутациями конечностей, способствуя интеграции инвалидов в социум. Качественная реабилитация данной категории населения включает в себя тренировочно-спортивные мероприятия, повышающие качество жизни ампутантов через социальную и физическую активизацию индивида. Участие ампутантов в соревновательной деятельности во многом способствует духовно-нравственному и физическому развитию, что благоприятно отражается на их личностной и профессиональной самореализации.

1. *Дедов И. И., Шестакова М. В. и др. Сахарный диабет в Российской Федерации: динамика эпидемиологических показателей по данным федерального регистра сахарного диабета за период 2010-2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dia-endojournals.ru/jour/article/view/13035/pdf_205 (дата обращения: 10.05.2025).*
2. *Мазаев М. С. Комплексная реабилитация мужчин 50-60 лет с последствиями посттравматической ампутации нижней конечности на уровне бедра: дисс. ... к.мед.н. по специальности 14.03.11 восстановительная медицина, спортивная медицина, лечебная физкультура, курортология и физиотерапия, 14.01.15 – травматология и ортопедия. 2018. Москва: «Российский национальный медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации. 139 с.*
3. *Рачицкая Е. В. Физическая нагрузка как компонент спортивной и лечебной реабилитации // Физическая культура и спорт в современном социуме: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Витебск, 16 мая 2024 г.) / Витебская государственная академия ветеринарной медицины. Витебск: ВГАВМ, 2024. С. 234-237.*
4. *Топ-10 самых опасных ранений на современной войне: медицинский аспект [Электронный ресурс]. URL: https://hospital419.ru/articles/military/top-10-samyh-opasnyh-ranenij-na-sovremennoj-vojne-mediczinskij-aspekt/ (дата обращения: 10.05.2025).*

ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ И ИХ ПРОФИЛАКТИКА

Жейнова Оксана Анатольевна
(ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»)

Аннотация. Рассматриваются причины и формы девиантного поведения в молодёжной среде. Современные практические подходы его профилактики. Сделан акцент на раннюю диагностику, межведомственное взаимодействие, роль семьи, образовательных учреждений, цифровой среды. Внедрение инновационных технологий в профилактическую работу.

Ключевые слова: молодёжь, девиация, профилактика, социализация, ценности, риски, семья, цифровая среда, устойчивость.

Всё чаще наблюдается в работе с подростками, что считалось единичными проявлениями – оказалось системной тенденцией: рост проявления девиантного поведения, агрессия и буллинг перешли в интернет – зависимость, вступления в деструктивные сообщества. Явления эти опасны, описаны в современных исследованиях как комплекс социальных и личностных рисков, и требуют комплексного ответа [1, с. 47 – 49].

Исследования показывают, девиации редко возникают по одной причине. На первом месте – экономическая нестабильность и уязвимость социальная семей, они снижают возможности поддержки, повышают вероятность у подростков маргинализации. Семейные конфликты, насилие или эмоциональное пренебрежение, равнодушие создают дефицит опоры у ребёнка, это приводит к повышению склонности рискового поведения, дети ищут замену в асоциальных компаниях или сообществах виртуальных. Необходимо учитывать в профилактике, что сочетание этих факторов действуют синергетически, не суммируются формально. Нельзя забывать и об образовательной среде, во многих школах программы по предупреждению отклоняющегося поведения носят лишь формальных характер: лекции « для галочки», отчёты – без вовлечённости, в заведении царит атмосфера давления и равнодушия, что способствует развитию девиации. Именно школа может стать тем местом, где подросток почувствует поддержку и сможет получить помощь [3, с. 98 ; 2, с.117 – 119].

Мы живём в эпоху, где границы между реальностью и виртуальностью стираются. Интернет стал неотъемлемой частью жизни для молодого поколения (площадкой самовыражения и зоной опасности). Кибербуллинг, зависимость, манипуляции, участие в онлайн группах деструктивных, что разрушает их психику. Но интернет – это не только угроза, но и мощный ресурс профилактики. Онлайн-консультации, группы поддержки дистанционные, образовательные игровые проекты, тренинги в формате виртуальной реальности способны вовлекать молодёжь, говорить с ней на её языке, формировать навыки безопасного поведения, эмпатии и эмоционального самоконтроля.

Эффективная профилактика, должна быть не надзором или наказанием, а ранней диагностикой, поддержкой и вовлечением. Уметь замечать тревожные сигналы: изменения в поведении, эмоциональные всплески, погружения в себя. Также профилактика невозможно без координаций усилий (школа, медицинские службы, органы социальной защиты, семья). В школах нужно проводить на регулярной основе психологические скрининги, краткие интервенции, для своевременного выявления тревожных сигналов. Обучать педагогов и соцработников необходимыми специальными знаниями: распознавание признаков эмоционального выгорания, агрессии, интернет-зависимости. Школа должна стать пространством развития, в котором царит атмосфера доверия и уважения. Профилактика в школе должна быть встроена в образовательный процесс: уроки медиаграмотности, тренинги коммуникации, проекты волонтерства и творчества [6, с. 41 – 43; 2, с. 230 – 232].

Семья «первая рельса» социализации, она формирует ценности и модели поведения ребёнка, если он знает, что дома его ждут понимание и принятие, он проще переживает кризисы и соблазны внешнего мира. Но родители зачастую сами не знают, как реагировать на трудности – они нуждаются в практических рекомендациях, просвещение которые они могут получить на консультациях, группах взаимопомощи, программах « родительского просвещения», такие встречи помогают заново выстраивать контакт с их детьми, становятся точкой отсчёта для изменений.

Профилактика невозможна без вовлечения технологий. Геймификация – игровая форма обучения, вовлекает и мотивирует. Виртуальная реальность – дают подросткам возможность прожить ситуацию выбора, увидеть последствия поступков, осознать

личную ответственность. Мобильные приложения – самопомощь, анонимные консультации [1, с. 52 – 53].

Девиации – это не «ошибка» отдельных подростков, а следствие отсутствия доверия, поддержки и внимания. Чем выше уровень социальной нестабильности, тем больше молодёжи теряют устойчивость и уверенность в себе, что показывает пробелы в системе социальной защиты, образования, семейной поддержке. Задача профилактической работы – не «борьба с последствиями», а создание среды, в которой подростки чувствуют поддержку и смысл; это не контроль, а забота; не запреты, а вовлечение; не давление, а доверие. Она должна быть человеко-ориентированной – ранняя диагностика, работа всех служб синхронизированной, обучение родителей и учителей, разумное использование цифровых инструментов. Инвестиции в профилактику – инвестиции в будущее, в котором молодёжь сможет войти уверенно, с чувством собственного достоинства и пониманием ценностей своих, не потеряв ориентиры.

1. *Аникина Е. В. Девиации в молодёжной среде : современные вызовы и профилактика // Социальная политика и социология. – 2023. №6 . – С. 44 – 53.*
2. *Григорьева И. В. Социальная работа с подростками группы риска : учебное пособие. – М. : Юрайт, 2023. – 286 с.*
3. *Литвинова Т . А. Психосоциальные факторы риска девиаций у подростков // Вопросы психологии . – 2023. – № 1 . – С. 95 – 104.*
4. *Министерство просвещения РФ Национальный проект « Образование» : профилактика девиантного поведения. – М. , 2023. – 45с.*
5. *Николаева О. В. Ранняя диагностика психоэмоциональных нарушений у подростков // Психиатрия и психология. – 2022. – №5 . – С. 33 – 41.*
6. *OECD. Digital Well – Being of Youth : Risks and Preventive Strategies. – Paris, 2023 . – 88h/*
7. *Фёдорова Н. А. Буллинг и кибербуллинг в школьной среде : профилактические практики // Вестник педагогики. – 2022. – № 9 – С. 115 – 122.*
8. *Шестакова Л. П. Психологическая помощь детям группы риска в школе . – СПб. : Питер, 2023. – 192 с.*

РОЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И САМООРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Коваленко Татьяна Николаевна
(СПбГУ)

Аннотация. В статье рассматривается роль добровольчества (волонтёрства) как социального механизма, способствующего развитию гражданской активности и формированию устойчивого гражданского общества в Российской Федерации. Анализируется влияние волонтёрских практик на социально-экономическое развитие страны и раскрывается их значение как формы самоорганизации общества. Особое внимание уделяется концепции самоорганизации, согласно которой добровольчество является проявлением инициативы граждан и согласованных форм социального действия. Показано, что волонтёрство выполняет двойную функцию – решает социальные задачи и укрепляет социальную сплочённость, доверие и горизонтальные связи между людьми.

Ключевые слова: добровольчество, волонтёрство, социальная политика, самоорганизация общества, гражданская активность, социальная сплочённость

Современные условия социально-экономического развития России характеризуются активизацией человеческого потенциала, ростом гражданской активности и вовлечённости населения в решение общественно значимых задач. В этих процессах особое место занимает добровольчество (волонтёрство), соединяющее инициативу граждан и систему государственной поддержки. Развитие волонтёрства становится не только гуманистическим, но и стратегическим направлением государственной политики, обеспечивающим формирование гражданского общества, укрепление горизонтальных связей и повышение уровня социальной сплочённости [2, 90].

Добровольчество в современном понимании отражает один из важнейших принципов социального государства – принцип солидарности. Оно способствует восполнению дефицитов в сфере социальной помощи, здравоохранения, культуры, экологии, образования, особенно в тех областях, где возможности государства ограничены. Вместе с тем волонтёрство выполняет функции не только компенсационные, но и развивающие: оно активизирует личностные и коллективные ресурсы общества, формирует навыки взаимопомощи, ответственности и доверия.

В этом контексте волонтёрство можно рассматривать как проявление процессов самоорганизации общества. Как отмечают В. Н. Келасьев и И. Л. Первова, общество представляет собой самоорганизующуюся систему, развитие которой обеспечивается инициативой граждан и их готовностью к согласованным формам социального действия. Добровольчество, по сути, является одной из ключевых форм такой самоорганизации, когда социальная активность исходит «снизу» и объединяет людей вокруг значимых общественных целей. Степень самоорганизации, по мысли авторов, напрямую связана с числом компетентных и ответственных граждан, способных к взаимодействию и коллективным действиям. Именно самоорганизация граждан является важнейшим условием устойчивого развития и фактором консолидации общества [1, 69 – 70].

Важной составляющей развития добровольчества (волонтёрства) является нормативно-правовая база. В последние годы принят целый ряд документов, определяющих цели, задачи и механизмы государственной поддержки добровольческой деятельности. Среди них – Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2017 года № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтёра)», Распоряжения Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г., а также Стратегия государственной молодежной политики до 2030 года. Законодательно на федеральном уровне закреплены понятия «доброволец (волонтёр)», определены цели добровольческой (волонтерской) деятельности, формы и принципы их участия в социально значимых проектах [3].

Однако, как справедливо отмечают исследователи, развитие волонтёрства не может быть обеспечено исключительно государственными инициативами. Самоорганизация общества – это процесс, происходящий изнутри социальной системы, в котором ключевая роль принадлежит инициативе граждан, локальных сообществ и добровольных объединений. Поэтому государственная политика в сфере поддержки добровольчества должна не подменять гражданскую активность, а создавать условия для её естественного роста: развивать инфраструктуру волонтёрства, стимулировать горизонтальные связи между организациями и формировать культуру общественного участия.

На сегодняшний день в России можно выделить несколько направлений добровольческой активности: социальное волонтёрство, культурное, экологическое, спортивное, событийное и корпоративное. Каждое из них имеет свои задачи, но объединяет их общее свойство – ориентация на социальную пользу и общественное благо.

Добровольцы участвуют в мероприятиях по поддержке малоимущих семей, помощи ветеранам как Великой Отечественной войны, так и Специальной военной операции и их семьям, сопровождению людей с инвалидностью, проведению культурных акций, охране природы и просвещению. Всё это способствует формированию активного гражданского общества и укреплению социального капитала.

Можно предположить дальнейшие сценарии развития добровольчества (волонтерства) в России. Первый – условно назовем его инновационно-государственным, ориентирован на усиление координирующей роли государства, развитие специализированных центров, программ обучения и системы грантовой поддержки. Второй – самоорганизационный, в котором ключевую роль играют горизонтальные связи, инициативные группы и общественные объединения. Такой сценарий продемонстрирует зрелость общества и способность его членов к согласованным действиям во имя общего блага. Разумное сочетание элементов первого и второго сценария вероятнее всего обеспечат наибольшую продуктивность.

Таким образом, самоорганизация выступает как практический механизм развития волонтёрства. Чем выше уровень гражданской активности и доверия, тем устойчивее добровольческие практики и эффективнее взаимодействие общества и государства. Добровольцы становятся связующим звеном между индивидуальной инициативой и общественным развитием, между локальными сообществами и институциональными структурами.

Следует отметить, что процессы самоорганизации в волонтёрской среде проявляются не только в создании общественных объединений, но и в формировании устойчивых сетей сотрудничества. Волонтёры зачастую сами вырабатывают механизмы координации, обмена информацией, поддержки и мотивации участников. В этом смысле добровольчество становится школой социальной компетентности и самоуправления, формируя новые типы социальных отношений, основанные на доверии, уважении и взаимной ответственности.

В заключение следует подчеркнуть, что волонтёрство в России выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно способствует решению конкретных социальных проблем, с другой – служит механизмом самоорганизации общества. Добровольческая деятельность укрепляет горизонтальные связи, способствует развитию гражданских инициатив, повышает уровень общественного доверия и социальной сплочённости. Развитие добровольчества – это не только направление социальной политики, но и показатель зрелости гражданского общества, способного самостоятельно инициировать и реализовывать общественно полезные проекты.

1. *Келасьев В. Н., Первова И. Л. Самоорганизация общества и механизмы её активизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2014. – № 4. – С. 66–73.*
2. *Коваленко Т. Н. Развитие добровольческих ресурсов в системе социального обслуживания : научно-практическое пособие / Т. Н. Коваленко, Н. М. Платонова, Ю. Ю. Платонова ; ред. Н. М. Платонова. – Санкт-Петербург : СПбГИПСР, 2020. – 221 с.*
3. *Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтёрстве)» (ред. от 31.07.2025).*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Лебедева Светлана Соломоновна
(Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы)

Аннотация. Актуальность востребования социологических исследований социальных проблем в аспекте опоры на использование интегративного подхода вызвано необходимостью многогранного совершенствования социальной сферы, развитием нормативно-правовой базы социальной защиты населения, институциализации, выразившейся в создании новых социально-реабилитационных, абилитационных, социально-профессиональных и других структур, а также требованиями межведомственного подхода к организации социальной поддержки групп риска. В связи с реализацией федеральных и региональных социальных программ возникает ряд трудностей по комплексному решению сложных социальных проблем, нуждающихся в опоре на теоретические аспекты их рассмотрения в процессе практической деятельности по организации комплексной поддержки населения групп риска.

Ключевые слова: социологическое исследование, социальные проблемы, интегративный подход, социальная работа, специалист по социальной работе, группы риска.

Одним из перспективных направлений использования прикладных исследований в практиках работы с разными социальными группами населения выступает потенциал исследований в области социальной проблемы.

Актуальность этого направления социальной работы в данном контексте обусловлена следующими обстоятельствами:

постоянным совершенствованием законодательной базы социальной защиты граждан, особенно групп риска;

развитием спектра федеральных и региональных программ, проектов, инициатив с учётом индивидуальных и групповых потребностей граждан;

расширением масштабов институциализации, созданием новых форм и проектов социально-реабилитационной и абилитационной деятельности в специализированных учреждениях социальной защиты лиц с инвалидностью с ограниченными возможностями здоровья, участников СВО и семей участников СВО и др.;

использование современных исследований в частности научного потенциала интегративных концепций, касающихся социальных проблем, а также опыта их реализации с учётом развития таких наук как экономика, экология, психология, социология, педагогика, культурология и др.; использование мультипарадигмальных аспектов исследования социальных проблем в связи с межведомственным подходом к разным социальным группам населения в связи с их девиациями и разнообразными рисками.

Последнее положение приобретает особую значимость в связи с возрастанием и объёмом сложных социальных проблем, которые возникают в деятельности специалиста по социальной работе, обслуживающего группы риска.

Опора на основные положительные интегративные концепции социальных проблем позволяет использовать инновационные подходы к изучению социальных

проблем, разработке моделей её анализа и в дальнейшем предложить её решение. Как известно, решение социальной проблемы предполагает прохождение ряда последовательных этапов:

Прежде всего возникает необходимость в выделении проблемы, её идентификацию в качестве социальной проблемы, указать на её объективные и субъективные стороны, которые рассматриваются в непосредственном единстве. Основное внимание уделяется структуре социальной проблемы [1].

Одной из её частей выступает объективная составляющая, в рамках которой рассматривают сложную, часто негативную ситуацию. Другой составляющей частью является субъективная компонента. Она выражается в данном случае в личности получателя социальной услуги. В ней он видит сложную проблему «для себя». В данном аспекте критерием идентификации ситуации рассматриваемой социальной проблемой может быть возникающее противоречие не только ценностного характера (не отвечает идее социальной справедливости), но и возможного недостаточного учёта определённых положений нормативных актов (возможно регионального, местного характера), дающих дополнительные резервы для оказания различных видов поддержки определённым группам населения. Это обстоятельство часто объясняется запаздывающей информацией.

При рассмотрении объективной составляющей проблемы целесообразно использовать объективистский подход в процессе анализа социальной проблемы, позволяющий уделять внимание как количественным, так и качественным параметрам. При этом опираются на системную методологию, позволяющую анализировать проблему с позиции внутреннего плана, в контексте сетевой методологии. В условиях обновления нормативно-правовой базы и необходимости реализации государственных и региональных социальных программ возможности использования дополнительных ресурсов для отдельных групп населения значительно возрастают и требуют творческого подхода от специалиста по социальной работе. Важно не только ознакомление получателей социальных услуг с отдельными видами поддержки, но усиление консультативной деятельности, связанное с межведомственным подходом, направленным на повышение качества жизни получателя этой услуги.

Внимание к потенциалу субъективной составляющей проблемы в теоретическом плане связано с использованием субъективистского подхода в социологии социальных проблем [2]. В контексте этих подходов рассматриваются субъекты идентификации проблемы, среди них выделяются «жертвы», страдающие от несправедливой ситуации, «носители» проблем для окружающих, а также группы, которые могут оказать влияние на решение проблемы. В качестве вовлечённых в проблему могут входить не только работники социальной сферы. Опыт часто показывает, что среди них центральное место принадлежит специалистам по социальной работе. Однако значительную помощь также оказывают люди, не относящиеся непосредственно к специалистам помогающих профессий: благотворители, волонтёры, члены семей и др.

Необходимость исследования социальных проблем государственного масштаба на микро/мезо/макроуровнях актуализируется в период реализации государственных программ поддержки граждан Российской Федерации на 2025-2030-ые годы. В качестве основных социальных проблем реализации этих программ выступают следующие проблемы: снижение уровня бедности, адресная поддержка малоимущих, повышение уровня жизни семей с детьми с введением единого пособия на ребенка, развитие дошкольных учреждений, повышение качества жизни граждан пожилого возраста (в рамках подпрограмм «активное долголетие» и «долговременный уход»), развитие

гериатрической службы, поддержка занятости, цифровизация социальной сферы, создание единой цифровой платформы.

Государственная программа, направленная на решение социальных проблем, укрепляет функции социальной работы, как целостного социального института. Интегративная концепция позволяет более глубоко рассмотреть структуру социальной проблемы и качественные показатели, выступающие как традиционные (масштаб проблемы, тенденции развития), обогатить качественными характеристиками, связанными с конкретными ситуациями. Такие данные делают объективную ситуацию более живой, конкретной в составе социокультурного поля.

Субъективная составляющая социальной проблемы, связанные с повышением качества жизни населения, как мы видим из содержания государственных программ, состоит из различных социальных групп и слоёв, нуждающихся в социальной защите. При этом, их количество растёт в связи с потребностями и обеспечением безопасности в условиях социальной нестабильности. Одновременно увеличивается и потенциал вовлечённых на макро/мезо/микроуровнях, государственных и негосударственных учреждений, отдельных групп граждан и стратегических коммуникаций, обеспечивающих интеграционны потенциал в решении социальных проблем.

Интеграция макро/мезо/микроподходов к решению социальных проблем, выраженная в интегративной концепции, в наибольшей мере актуальна на современном этапе развития инновационной практики, так как строится на идеях цифровизации, ресурсы которой наиболее полно, объёмно, всесторонне могут способствовать исследованию социальных проблем с учётом ею мультипарадигмальных аспектов.

Опора на основные положения интегративной концепции социальных проблем позволяет использовать субъектно-объектный подход к её изучению, а также для разработки моделей для её анализа и решения в деятельности специалиста по социальной работе.

1. *Симонова Т.М. Решение социальных проблем как социальный процесс // Регион: политика, экономика, социология – 2006г. – №3-4. С. 105-107.*
2. *Симонова Т.М. Теоретические аспекты изучения социальных проблем // Социологические исследования – 2009г. – №8(304) С.65-69.*

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РЕСПОНДЕНТОВ НА ПОКАЗАТЕЛИ МОНИТОРИНГА ВЫПОЛНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ

Мальков Николай Романович

Штепа Алена Владимировна
(Федеральное государственное бюджетное учреждение Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Федеральный ресурсный (информационно-методический) центр по формированию доступной среды для инвалидов)

Федеральный ресурсный (информационно-методический) центр по формированию доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения (далее Федеральный ресурсный центр) ежегодно проводит репрезентативные социологические исследования, направленные на оценку удовлетворенности граждан с инвалидностью

доступностью услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности, возможности реализовать свои права и жизненно важные потребности наравне с другими гражданами с учетом их потребительского выбора.

Целевой группой социологических исследований являются граждане Российской Федерации, признанные в установленном порядке инвалидами – люди с ограниченными возможностями, у которых навсегда или на длительный срок нарушены какие-то важные функции организма (глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, нарушениями опорно-двигательного аппарата, с ментальными нарушениями, в том числе дети-инвалиды).

В ходе социологических опросов оценивается уровень удовлетворенности граждан с инвалидностью доступностью услуг в таких сферах жизнедеятельности, как здравоохранение, социальная защита населения, информация и связь, транспорт, потребительский рынок товаров и услуг, жилищно-коммунальное хозяйство, культура и туризм, физкультура и спорт, образование.

В 2019 г. была запущена государственная программа Российской Федерации «Доступная среда». В качестве цели программы было заявлено создание условий для интеграции инвалидов в общество путем обеспечения их равного доступа к объектам и услугам в приоритетных сферах.

В качестве одного из индикаторов, оценивающих общий социально-экономический эффект от реализации мероприятий госпрограммы, был предложен показатель Доля получателей услуг, удовлетворенных доступностью объектов и услуг для инвалидов.

Его значения выводятся на основании подсчета числа положительных ответов на вопрос, показывающий удовлетворенность лиц с инвалидностью уровнем доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности:

$$p = \frac{b*100}{n}$$

где:
p – показатель;
b – сумма положительных ответов на вопрос;
n – количество респондентов, ответивших на вопрос.

Процент суммы положительных ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены уровнем доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности?», подсчитывается от числа респондентов, давших ответ на вопрос (респонденты, выбравшие вариант ответа «Затрудняюсь ответить», не учитываются).

Положительная динамика показателя должна свидетельствовать о соответствии набора мероприятий госпрограммы в целях повышения уровня доступности объектов и услуг, а также отражать результативность и эффективность мероприятий аналогичных государственных программ субъектов Российской Федерации.

В 2024 году Федеральным ресурсным центром было проведено пилотное исследование лиц с инвалидностью, связанное с уточнением вопросов и проверкой корректности шкал для ежегодного мониторингового исследования по проблеме формирования доступной среды.

Одной из задач исследования была оценка влияния когнитивных способностей лиц с инвалидностью при ответах на вопросы полуструктурированного социологического интервью, которые используются при построении показателей удовлетворенности доступностью объектов и услуг.

Опрос проводился в 4-х субъектах Российской Федерации: Московской области, Мурманской области, Республике Башкортостан, Хабаровском крае. Выборка составила 213 человек (женщины – 92 чел., мужчины – 121 чел.; инвалиды, имеющие выраженные ограничения в передвижении – 83 чел., имеющие нарушения (отсутствия) функции верхних конечностей – 25 чел., имеющие сенсорные нарушения (слепота, глухота) – 62 чел., имеющие ментальные нарушения – 43 чел.; лица первой группы инвалидности составили 50 чел., второй группы – 110 чел., третьей группы– 47 чел., дети-инвалиды – 6 чел.). Выборочная совокупность не является репрезентативной.

По окончании интервью интервьюеры, в качестве которых выступили специалисты региональных центров социального обслуживания, предлагали респондентам решить задания для оценки когнитивных способностей. В качестве стимульного материала были использованы 10 вопросов Шкалы «В» Теста Кеттелла 16PF (Форма А): 28, 53, 54, 77, 102, 127, 152, 153, 177, 178. Шкала «В» направлена на измерение когнитивных способностей человека – высокий балл по шкале является признаком способности к аналитическому мышлению и решению сложных задач, низкий балл свидетельствует об ограниченном мышлении, сложности в анализе и умении обобщать.

Индивидуальные результаты респондентов, полученные в ходе решения заданий, были переведены сначала в стандартную Z-шкалу с нулевым средним значением и единичным стандартным отклонением, а затем преобразованы в Шкалу IQ для ограничения определенным диапазоном зоны нормы (таблица 1).

Таблица 1. Перевод «сырых» баллов в Шкалу IQ

Кол-во «сырых» баллов	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**
IQ	71	77	83	89	95	101	107	113	119	125	131

Для оценки влияния когнитивных способностей лиц с инвалидностью на характер ответов на вопросы полуструктурированного интервью, были выделены две подвыборки: респондентов, набравших по Шкале IQ менее 100 баллов, и респондентов, набравших более 100 баллов. В таблице 2 представлены частотные распределения ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены уровнем доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности?» респондентов из указанных подвыборок.

Таблица 2. Оценка респондентами с разным уровнем развития когнитивных способностей удовлетворенности доступностью объектов и услуг (%)

	Респонденты, набравшие по Шкале IQ менее 100 баллов (n = 88)	**Респонденты, набравшие по Шкале IQ более 100 баллов (n = 97)**
Полностью удовлетворен	15,0	25,0
Скорее удовлетворен	27,0	36,0
Затрудняюсь ответить	42,0	31,0
Скорее не удовлетворен	9,0	6,0
Определенно не удовлетворен	3,0	2,0
Интервьюируемому вопрос не понятен	3,0	0,0

Сумма положительных ответов респондентов, набравших по Шкале IQ более 100 баллов, больше на 19 %, чем в подвыборке респондентов, набравших менее 100 баллов IQ (61 % против 42 %). Респонденты, набравшие по Шкале IQ менее 100 баллов, чаще выбирали вариант ответа «Затрудняюсь ответить» (42 % против 31 %), некоторые не поняли смысл вопроса (3 %).

Статистически достоверное различие в частотных распределениях ответов в сопоставляемых подвыборках отсутствует ($\chi^2 = 9{,}23846$; df = 5; p = 0,1000).

Сопоставление частотного распределения ответов на вопрос об удовлетворенности уровнем доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности респондентов всей выборки и без респондентов, набравших по Шкале IQ менее 100 баллов, представлено в таблице 3.

Таблица 3. Оценка удовлетворенности доступностью объектов и услуг респондентами всей выборки и без респондентов со сниженными когнитивными способностями (%)

	Вся выборка (N = 213)	**Выборка без респондентов, набравших по Шкале IQ менее 100 баллов (n = 125)**
Полностью удовлетворен	19,2	22,4
Скорее удовлетворен	32,4	36,0
Затрудняюсь ответить	35,7	31,2
Скорее не удовлетворен	8,0	7,2
Определенно не удовлетворен	3,3	3,2
Интервьюируемому вопрос не понятен	1,4	0,0

Статистически значимое различие между частотными распределениями ответов по всей выборке и без респондентов, набравших по Шкале IQ менее 100 баллов, отсутствует ($\chi^2 = 2{,}18196$; df = 5; p = 0, 8234).

При удалении данных респондентов, набравших по Шкале IQ менее 100 баллов, доля положительных ответов на вопрос возрастает на 6,8 % (58,4 % против 51,6 %), количество ответов «Затрудняюсь ответить» снижается на 4,5 % (31,2 % против 35,7 %), отсутствуют респонденты, которые не поняли сути заданного вопроса.

Был вычислен показатель Доля инвалидов, удовлетворенных доступностью объектов и услуг от числа давших ответ на вопрос. По всей выборке его значение составило 82,1 %, без учета респондентов, набравших менее 100 баллов по шкале IQ, – 84,9 %. Таким образом, имеет место рост показателя на 2,8 %. Вероятно, респонденты с хорошей концентрацией и памятью точнее и быстрее выполняют мониторинговые задачи, в то время как респонденты с проблемами внимания могут пропускать важные признаки, а с ослабленной памятью – забывать, что происходило раньше, что приведет к неверным выводам и ошибкам в мониторинге.

Точность измерения индикаторов, оценивающих общий социально-экономический эффект от реализации мероприятий в целях повышения уровня доступности объектов и услуг очень важна, поскольку они отражают результативность государственных программ.

В связи с этим стоит задача снижения влияние шума в данных – случайных или систематических вариаций, которые не несут полезной информации и искажают истинные закономерности в данных, понижают точность прогнозов.

Ввиду отсутствия на сегодняшний день общепринятого подхода к снижению влияния предвзятости в ответах респондентов на вопросы с высокими когнитивными требованиями, целесообразно использовать две модели мониторинга – для целевой группы и без лиц со сниженными когнитивными способностями.

ТИПОЛОГИЯ УЯЗВИМЫХ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Мишеничев Константин Сергеевич

Исследование выполнено при поддержке БФ «Абсолют-Помощь» в Ассоциации «Е.В.А.» в рамках проекта «Типология и маршрутизация уязвимых ВИЧ-положительных женщин с детьми».

Эпидемия ВИЧ в России остается серьезной проблемой общественного здравоохранения с высоким уровнем распространенности. По состоянию на конец 2023 года показатель пораженности ВИЧ-инфекцией составлял 817,6 на 100 тысяч населения, что означает, что почти 0,8 % всех россиян живут с диагностированным ВИЧ [5]. По данным на середину 2023 года, в России за все время от ВИЧ-инфицированных матерей родилось уже 250 446 детей, у 12 471 (5,0 %) из них была подтверждена ВИЧ-инфекция. Благодаря внедрению и широкому применению трехэтапной химиопрофилактики и следованию клиническим рекомендациям, риск вертикальной передачи вируса от матери ребенку удалось снизить до 1 – 2 %. В первом полугодии 2023 года из 5 365 детей, рожденных ВИЧ-положительными матерями, диагноз был подтвержден лишь у 0,8 % [2].

Этот безусловный медицинский триумф породил новый социально-демографический вызов: массовое появление диады «ВИЧ-положительная мать – ВИЧ-отрицательный ребенок». Внимание системы здравоохранения смещается с сугубо медицинской задачи (предотвращение инфицирования новорожденного) на более сложную, междисциплинарную задачу медико-социальной поддержки материнства. После родов и завершения курса профилактики для ребенка (при условии отказа от грудного вскармливания) медицинская цель в основном достигнута. Однако для женщины наступает один из самых уязвимых периодов в жизни. Физиологические и психологические трудности послеродового периода накладываются на бремя хронического заболевания, стигму и потенциальное отсутствие социальной поддержки [3, 4].

Цель исследования заключалась в выявлении устойчивых профилей уязвимости ВИЧ-положительных женщин с детьми до 2-х лет на основе совокупности социально-экономических, медицинских и психологических показателей оценки. Для достижения цели исследования были использованы внутренние данные CRM-базы Ассоциации «Е.В.А.» о 355 ВИЧ-положительных женщинах с детьми в возрасте до 2-х лет, которые получали социальные услуги в рамках проекта организации «Комплексная помощь детям ВИЧ-положительных родителей в кризисной ситуации». Проект был реализован в 5 субъектах РФ: г. Санкт-Петербург, Тюменская область, Республика Татарстан, Красноярский Край, Приморский Край. Сбор данных среди женщин осуществлялся в русле мониторинга силами сообщества [1], т.е. в качестве интервьюеров выступали сами ВИЧ-положительные женщины с детьми. Для анализа данных и выделения типологии был применен латентный классовый анализ, который наиболее чувствителен к категориальным переменным. Всего для анализа использовались данные по 11 переменным, характеризующим различные виды уязвимостей ВИЧ-положительных женщин.

В результате исследования удалось выявить 3 класса уязвимых ВИЧ-положительных женщин с детьми раннего возраста: 1) социально уязвимые, но психологически устойчивые; 2) психологически и соматически истощенные; 3) социально дестабилизированные и мультиуязвимые.

Для первого класса было характерно отсутствие работы (76 %), нуждаемость в деньгах и предметах первой необходимости (87 %), а также столкновение с ситуациями насилия со стороны интимного партнера за последний год (64 %). В то же время у женщин, которые были отнесены к этому классу, реже встречались жалобы на соматическое (26 %) или ментальное здоровье (8 %). Также в большинстве случае у них отсутствовал опыт употребления психоактивных веществ (81 – 91 %).

Для второго класса были характерны частые жалобы на соматическое (58 %) и ментальное здоровье (83 %), а также почти все женщины из этого класса были безработные (97 %). Половина из них имела в прошлом опыт употребления психоактивных веществ неинъекционным путем (50 %) и около четверти имели опыт употребления инъекционным путем (23 %).

Для третьего класса была характерна ситуация множественной уязвимости: 95 % были безработными; 96 % нуждались в деньгах и предметах первой необходимости; 62 % сталкивались с ситуациями насилия со стороны интимного партнера за последний год. Большинство из них имели жалобы на соматическое (63 %) или ментальное (60 %) здоровье. И более трети имели опыт употребления психоактивных веществ инъекционным (34 %) или неинъекционным путем (30 %).

В результате исследования были успешно выявлены три устойчивых класса уязвимых ВИЧ-положительных женщин с детьми раннего возраста: социально уязвимые, но психологически устойчивые; психологически и соматически истощенные; а также социально дестабилизированные и мультиуязвимые. Эти результаты подчеркивают необходимость разработки дифференцированных подходов к медико-социальной поддержке, учитывающих специфические профили уязвимости для каждой группы. Дальнейшие исследования и медико-социальные программы должны быть направлены на создание целевых интервенций для улучшения качества жизни и здоровья ВИЧ-положительных матерей и их детей.

1. *IAS (International AIDS Society). Community-led monitoring [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iasociety.org/ias-programme/community-led-monitoring (дата обращения: 12.10.2025).*
2. *Антиспид НН (объединённый информационно-аналитический центр). ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 30 июня 2023 [Электронный ресурс]. – Н.Новгород : Антиспид НН, 2023. – Режим доступа: https://files.antispidnn.ru/uploads/docs/spec/vich2023.pdf (дата обращения: 12.10.2025).*
3. *Бородкина О.И. ВИЧ-активизм в России: этапы развития, проблемы, перспективы // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 509. – С. 81-91.*
4. *Трегубенко И. А., Выходцев С. В., Федорова А. И., Лукьянова А. А. Опыт материнства у женщин, инфицированных ВИЧ // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 2019. – № 4. – С. 117–123.*
5. *Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. ВИЧ. 37 лет спустя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/infektsionnye-i-parazitarnye-zabolevaniya/infektsii-ot-a-do-ya/vich-37-let-spustya/ (дата обращения: 12.10.2025).*

ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И ИХ ПРОФИЛАКТИКА

Мясникова Варвара Александровна
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Аннотация. В статье рассматриваются современные формы девиантного поведения подростков в условиях мегаполиса и анализируются эффективные подходы к его профилактике. На основе теоретических и эмпирических данных обосновывается

необходимость системного взаимодействия образовательных, семейных и социальных институтов.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежь, профилактика, мегаполис, социализация.

Введение. Современное российское общество переживает глубокую трансформацию традиционных механизмов социализации. Ускоренная урбанизация, повсеместная цифровизация и растущая социальная гетерогенность создают благоприятную среду для формирования и закрепления девиантных моделей поведения среди молодёжи – под которой в данной работе понимаются лица в возрасте от 14 до 22 лет, находящиеся в периоде активного личностного и социального становления.

Согласно Я. И. Гилинскому, девиантность – это не просто нарушение норм, а «социальный феномен, требующий анализа как самого поведения, так и реакции общества на него» [1, 45]. В российской действительности наиболее распространены три категории девиантного поведения: асоциальное (аморальное), антисоциальное (делинквентное) и аутодеструктивное (саморазрушающее) [2, 78]. К ним относятся как классические проявления – употребление психоактивных веществ, агрессия, буллинг, – так и новые формы, порождённые цифровой средой: кибербуллинг, интернет- и гемблинг-зависимость, а также планирование актов насилия в образовательных учреждениях (скулшутинг).

Особую тревогу вызывает тот факт, что даже молодые люди из благополучной социальной среды становятся уязвимыми под влиянием деструктивного онлайн-контента и доступности азартных платформ. Как отмечает Т. Г. Киселева, «интеллектуальная недостаточность и низкий уровень правовой культуры усиливают склонность к девиантным проявлениям, особенно в условиях информационной перегрузки и дефицита живого социального взаимодействия» [3, 112].

Эта трансформация социализационных практик обусловлена не только внешними структурными изменениями, но и внутренними кризисами институтов, традиционно отвечающих за передачу социальных норм и ценностей. Семья, школа и местное сообщество всё чаще утрачивают свою регулятивную функцию, уступая влияние анонимным и дезорганизованным цифровым пространствам.

Особое значение в этом контексте приобретает феномен так называемой «цифровой социализации», при которой формирование идентичности, ценностных ориентаций и поведенческих паттернов происходит преимущественно через взаимодействие с онлайн-контентом и виртуальными сообществами. Алгоритмические рекомендательные системы социальных сетей усиливают когнитивные искажения, способствуя формированию «информационных пузырей», в которых нормализуются девиантные установки и поведенческие модели. Особенно уязвимы в этом отношении подростки, чья психика характеризуется повышенной восприимчивостью к внешним влияниям и стремлением к групповой идентификации. На основе анализа статистических данных можно выделить основные формы девиантного поведения среди российской молодёжи. Они представлены на *рисунке 1*.

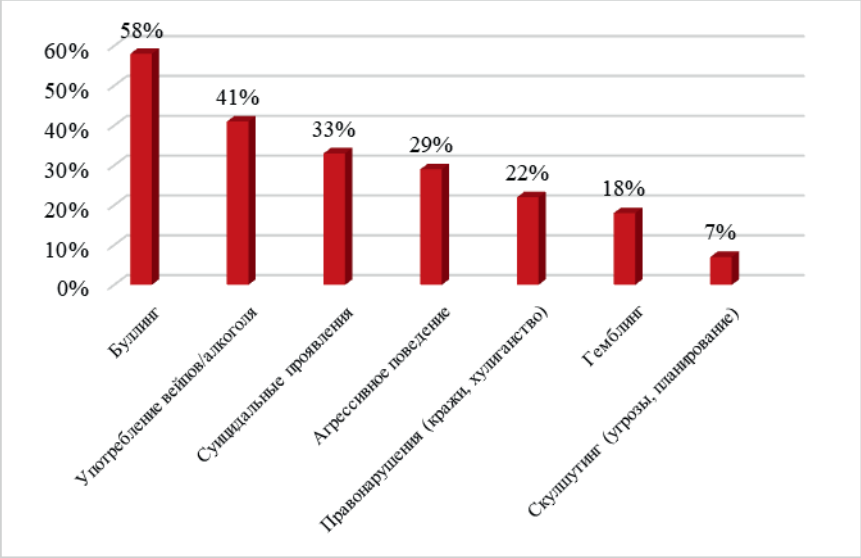

Рисунок 1. Распространённость форм девиантного поведения среди молодёжи России, 2024 год [6]

На основании представленных данных можно сделать вывод, что среди молодёжи в 2024 году наиболее распространённой формой девиантного поведения является буллинг, отмеченный 58 % респондентов. Значительное место занимают также употребление вейпов и алкоголя (41 %) и суицидальные проявления (33 %), что указывает на острую необходимость усиления психолого-педагогической поддержки. Наименее распространённой, но не менее опасной формой является скулшутинг (7 %), требующий особого внимания со стороны правоохранительных органов и образовательных учреждений. Общая картина свидетельствует о высокой распространённости деструктивных форм поведения и в подростковой среде, обусловленной как внутренними, так и внешними факторами, и подчеркивает критическую важность системной профилактики.

Эффективная профилактика требует многоуровневой стратегии. На уровне первичной профилактики реализуются общенациональные просветительские инициативы: формирование цифровой грамотности, развитие критического мышления, укрепление правовой и нравственной культуры. Примерами служат федеральные проекты «Разговоры о важном», программы по «цифровой гигиене», а также поддержка волонтёрства и гражданской активности.

Вторичная профилактика направлена на раннее выявление и сопровождение лиц из групп риска – молодых людей с признаками дезадаптации, агрессивности или зависимостей. В ряде регионов уже внедрены межведомственные системы взаимодействия между образовательными организациями, психологами, социальными службами и правоохранительными органами.

Третичная профилактика ориентирована на ресоциализацию тех, кто уже совершил правонарушения или проявил выраженные деструктивные тенденции. Здесь ключевую роль играют индивидуальные программы с участием комиссий по делам несовершеннолетних, специалистов по зависимостям и некоммерческих организаций.

Особое значение имеет организация содержательного досуга. Социологические исследования подтверждают: дефицит структурированного свободного времени – один из главных факторов, способствующих девиации [4, 160]. В ответ на это расширяется сеть

молодёжных центров, спортивных и творческих площадок, создаются условия для реализации гражданских инициатив.

Как подчёркивал А. С. Макаренко, «воспитательная работа должна быть системной, последовательной и опираться на здоровую социальную среду» [5, 203]. В современной России эта задача приобретает особую актуальность. Только комплексный подход – сочетающий правовое просвещение, психологическую поддержку, работу с семьёй и создание позитивных социальных практик – способен сформировать у молодого поколения устойчивую систему ценностей и навыков ответственного поведения.

В заключение, девиантное поведение молодёжи в современной России представляет собой сложный социальный феномен, обусловленный как внутренними (психологическими, возрастными), так и внешними (цифровыми, урбанистическими, социально-экономическими) факторами. Его профилактика не может быть сведена к репрессивным или исключительно образовательным мерам. Необходима целостная, межведомственная система, в которой профилактика, поддержка и ресоциализация выступают как единый процесс. Успех такой модели зависит от согласованности усилий государства, семьи, профессиональных сообществ и самой молодёжи.

1. *Гилинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, суицида и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 608 с. – С. 45.*
2. *Ефремова, Г. А. Досуговая активность и профилактика девиантного поведения подростков // Социальная политика и социология. – 2021. – № 3 (134). – С. 155–168. – С. 160.*
3. *Киселёва, Т. Г. Правосознание и девиантное поведение молодёжи в условиях цифровой трансформации общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 4 (60). – С. 108–116. – С. 112.*
4. *Иванова, О. Н., Кузнецова, Д. С. Гендерные особенности проявлений девиантного поведения среди российской молодёжи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2024. – № 5 (89). – С. 201–210. – С. 205.*
5. *Макаренко, А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. / А. С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. – 464 с. – С. 203.*
6. *Федеральная служба государственной статистики. Распространённость форм девиантного поведения среди молодёжи России. https://rosstat.gov.ru/?ref=website-popularity. (дата обращения 10.10.2025)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Первова Ирина Леонидовна
(СПбГУ)

Келасьев Вячеслав Николаевич
(СПбГУ)

С точки зрения социологии семья представляет собой малую социальную группу, члены которой связаны брачными и/или родственными узами, общностью быта, жизни и взаимной ответственностью. Семья выполняет ряд ключевых для общества функций, целый ряд которых в современных условиях трансформируются, в частности, меняются репродуктивная, воспитательная, регулятивная и даже сексуальная функции.

Российская молодежь, выросшая в условиях рыночной экономики, поздно создает семьи и поздно заводит детей, что во многом обусловлено экономической нестабильностью, отсутствием собственного жилья, озабоченностью карьерным ростом и изменением ценностных установок, при которых брак и родительство рассматриваются

как результат достижения финансовой зрелости. В сознании молодежи господствует одержимая ориентация на карьеру. Получение образования, построение карьеры и самореализация становится свехценной идеей, а бездетность, малодетность и позднее материнство становятся нормой. Уровень рождаемости в стране в 2025 г. упал до 1,41 %, а средний возраст рожениц составляет почти 30 лет (29,8).

Воспитательная среда подвергается существенному воздействию цифровых технологий. Семья как традиционный институт воспитания трансформируются под действием субкультур, сетевых групп, виртуальных сообществ, в связи с чем дети и подростки социализируются в новых форматах.

Регулятивная функция семьи также претерпела значительные изменения, сместив акцент на диалог, моральную оценку и индивидуальное развитие. Семьи теперь чаще придерживаются равенству супругов, уходит принуждение, и ключевую роль в формировании базовых норм поведения играют пример, обсуждение и эмоциональная поддержка.

Сексуальная функция семьи становится всё больше связанной с удовлетворённостью в отношениях и направленной на эмоциональное и эротическое удовлетворение партнёров, причем сексуальная удовлетворённость становится не просто следствием, но и условием устойчивости брака. Семья всё реже рассматривается как единственный легитимный контекст для сексуальных отношений.

Несмотря на существенную трансформацию функций, семья сохраняет ключевое значение в современном российском обществе, по-прежнему воспринимаясь как опора и условие успешной социализации, формируя моральные ценности, поведенческие нормы и эмоциональную устойчивость личности. Однако для укрепления современной семьи необходимы меры, направленные на поддержку семейных ценностей, в частности разработка образовательных программ по подготовке молодежи к ответственному супружеству и родительству. Такие программы способствуют укреплению гражданской идентичности, приобщают к традиционным духовно-нравственным ценностям, акцентуируют значимость крепкой семьи и многодетности и способствуют устойчивости брачных союзов.

Вариант программы, подготавливающей подрастающее поколение к семейной жизни и формирующий позитивный имидж семьи подготовлен на кафедре теории и практики социальной работы СПбГУ (В. Н. Келасьев, И. Л. Первова Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни. С-Петербург, Астерион. 2019). Программа прошла апробацию в ряде общеобразовательных школ города. Также в рамках кафедры выполнен ряд выпускных квалификационных работ по этой тематике. Для внедрения в практику имеющихся разработок, тем не менее, требуется подготовка персонала общеобразовательных школ и колледжей, поскольку необходимо учитывать сложность поставленной задачи и вооружить учителей не только содержательной стороной программ, но и навыкам использования игрового подхода, привлечения позитивного опыта молодых семей и созданием доверительной обстановки при обсуждении этой непростой темы с молодыми людьми.

Семья должна оставаться основой здорового и устойчивого российского общества.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ФОРМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ И РИСКИ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Равчик Михаил Игоревич
(СПбГУ)

Аннотация. Статья посвящена цифровой социализации пожилых людей как инновационному направлению социальной работы. Рассматриваются трансформация социальной среды под влиянием технологий, риски цифрового неравенства и изоляции, новые компетенции социальных работников, барьеры освоения цифровых сервисов и перспективы развития цифровой инклюзии для поддержания активности и автономии старшего поколения.

Ключевые слова: цифровая социализация, пожилые люди, социальная работа, цифровая инклюзия, активное долголетие.

Современная действительность характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, что ставит новые требования к компетенциям человека и трансформирует социальную среду. Американский социолог М. Пренски выделял «цифровых аборигенов», выросших в онлайн-среде, и «цифровых мигрантов», приходящих в интернет в зрелом возрасте [6]. Пожилым людям, почти всю жизнь прожившим вне цифрового мира, требуется помощь в освоении технологий. В таких условиях социальная работа должна переосмыслить свою роль как связующего звена между человеком и технологией, обеспечивая пожилым людям поддержку и ресурсную опору при интеграции в цифровое общество.

В то же время демографические тренды усиливают актуальность этой задачи. По прогнозам ООН, к середине XXI века доля людей старше 65 лет во всем мире удвоится и составит почти шестую часть населения [10]. Ускоренное старение населения диктует новые потребности: пожилым людям нужны не только традиционные соцуслуги, но и возможности оставаться активными и включенными в общественную жизнь через современные каналы коммуникации. Национальные программы и стратегии в интересах старшего поколения всё чаще включают цифровую грамотность в число приоритетных направлений. Например, в России «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года» предусматривает стимулирование занятости пенсионеров посредством создания условий для обучения компьютерной грамотности [4]. Подобные инициативы уже демонстрируют определенный эффект: по данным на март 2023 г., около 42 % граждан старше 64 лет ежедневно пользуются интернетом [2], и эта доля продолжает расти.

Отсутствие доступа к цифровым сервисам становится новой формой социального неравенства, особенно для пожилых, которые рискуют оказаться вне образовательных, социальных и государственных онлайн-процессов [9]. Интернет и другие цифровые технологии становятся для пожилых людей новой социальной средой. Активное цифровое присутствие – регулярное использование соцсетей, мессенджеров и онлайн-платформ – помогает пожилым людям поддерживать социальные связи и ощущать себя частью общества. Массовое распространение социальных сетей уже доказало свою эффективность в преодолении изоляции: границы между поколениями при общении в Сети сглаживаются, а пожилые пользователи находят новые способы самоидентификации

и взаимоотношений с другими [8]. Понятие «цифрового присутствия» можно понимать как способность пожилого человека быть видимым в информационном пространстве и пользоваться услугами электронного правительства, онлайн-образования и др. Это условие социальной включенности в современном обществе [7]. Технологии таким образом выступают своеобразными посредниками, расширяя границы традиционной социальной работы: цифровые платформы и мобильные приложения позволяют социальному работнику координировать оказание помощи удаленно, а самому пожилому – получать консультации и обратную связь, оставаясь дома. Такой подход постепенно вытесняет чисто клиентскую модель «подачи услуг» и ведет к модели цифрового гражданства, где пожилой человек не просто получает поддержку, но и участвует в цифровом сообществе как полноценный субъект.

Роль специалиста по социальной работе в цифровом обществе при этом кардинально меняется. Теперь от него требуются не только эмпатия и знание социальных методик, но и цифровая компетентность: умение работать с онлайн-инструментами, платформами дистанционного сопровождения и аналитическими системами. Социальный работник становится медиатором между пожилым поколением и техническими системами. Важной составляющей этой работы становится медиаграмотность и соблюдение этики онлайн-взаимодействия. Важно отметить и социальный аспект, при котором вовлечение пожилых людей в цифровое взаимодействие повышает их видимость в общественном пространстве и способствует ослаблению возрастных стереотипов. Социальный работник в этом процессе выступает медиатором для тех представителей старшего поколения, которые не получают поддержки в освоении технологий со стороны семьи.

Вместе с тем существует ряд значимых барьеров для цифровой социализации пожилых. Во-первых, культурные и когнитивные – многим старым людям технологии кажутся чуждыми, вызывают страх непонимания или стыд за отсутствие необходимых компетенций. Низкий уровень базовой цифровой грамотности серьёзно ограничивает их возможности: так, лишь 25 % европейских граждан старше 65 лет имеют базовые навыки обращения с цифровыми устройствами, тогда как в молодых возрастах этот показатель многократно выше [9]. Во-вторых, инфраструктурные – во многих сельских районах или домах престарелых недостаточно надежного интернета, а электронные сервисы часто не адаптированы под потребности слабовидящих, слабослышащих или малоподвижных пользователей. Кроме того, недоверие к цифровым сервисам и страхи мошенничества затрудняют принятие технологий. Наконец, сами социальные работники не всегда имеют достаточный ИКТ-набор навыков и информационно-технических средств: это профессиональный дефицит, требующий адресного развития в системе подготовки и повышения квалификации.

Перспективы развития социальной работы с пожилыми людьми в условиях цифровизации связаны с системным подходом к «цифровой инклюзии». Необходимо формировать междисциплинарные исследования старения в цифровом обществе, интегрировать цифровую компоненту в образовательные стандарты социальных работников и вырабатывать гибкие программы обучения пожилых людей. Социальная политика должна включать поддержку создания сообществ пожилых пользователей в сети – клубов, форумов и волонтерских проектов для «серебряных» цифровых граждан. Ключевой задачей остаётся адаптация технологий под нужды пожилых, а не наоборот. С точки зрения экспертов, важнейший принцип – «Цифровые решения следует разрабатывать с учётом потребностей пожилых людей, а не навязывать им модели, ориентированные на более молодые поколения» [3].

В заключение подчеркнём, что цифровая социализация пожилых людей открывает новые возможности к снижению возрастного неравенства, сохраняя социальную автономию и активность старшего поколения. Освоение цифрового пространства расширяет их возможности для общения, мобильности и доступа к образованию, экономя при этом время и ресурсы [5]. Социальная работа в этом процессе может играть роль связующего звена между человеком, технологией и обществом. Инновации здесь проявляются не только в технических решениях, но и в мировоззренческой перестройке, так как требуется перейти от патерналистской модели к модели партнерства, где каждый пожилой гражданин рассматривается как полноценный участник цифровой среды. Таким образом повышение цифровой грамотности и дальнейшая цифровая социализация пенсионеров становятся стратегически важным направлением современной социальной работы, способствующим общему благополучию общества и преодолению возрастных барьеров [1].

1. *Костюрина Н. Ю., Завалишин А. Ю. Два клика и «четвёртый возраст»: путь старика в интернете // Международный журнал исследований культуры. – 2024. – № 2 (55). – С. 70-87.*
2. *Кочетков А.Е., Мельникова М.М. Интернет в повседневной жизни пожилого человека // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V международной научно-практической конференции. 14–15 ноября 2024 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. С. 484–493.*
3. *Смирных Л. И. Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 104-124.*
4. *Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830-р. – Москва, 2025. – (Распоряжения Правительства РФ).*
5. *Emmesjö L., Hallgren J., Gillsjö C. Older adults' digital technology experiences: a qualitative study // BMC Digital Health. – 2025. – Vol. 3, Article 24.*
6. *Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, No. 5. – P. 1-6*
7. *Sourbati M. Age(ism) in Digital Information Provision: The Case of Online Public Services for Older Adults / Maria Sourbati // Human Aspects of IT for the Aged Population. Design for Aging (ITAP 2015). – Cham : Springer, 2015. – Pp. 376-386.*
8. *Stockwell S., Stubbs B., Jackson S. E., Fisher A., Yang L., Smith L. Internet use, social isolation and loneliness in older adults // Ageing & Society. – 2020. – Vol. 40, No. 9. – P. 1903-1921.*
9. *United Nations Economic Commission for Europe. Ageing in the Digital Era: UNECE Policy Brief on Ageing No. 26 / United Nations Economic Commission for Europe. – Geneva : UNECE, 2021. – 26 c. – (UNECE Policy Brief on Ageing ; July 2021)*
10. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects 2019: Highlights. – New York : UN, 2019.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В МЕГАПОЛИСЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Рогова Анна Михайловна
(СПбГУ)

Давыдов Сергей Анатольевич
(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

Цифровизация социальной работы характеризуется развитием различных электронных ресурсов, Интернет-платформ, социальных сетей, а также ряда других электронных сервисов, ориентированных на различных получателей социальных услуг. Санкт-Петербург не стал исключением в этом вопросе. Исследования и практика

социальной работы показывают, что количество цифровых сервисов растет, их разработка становится важным фактором регионального развития. Так же в перспективе Создание Единой социальной цифровой платформы Санкт-Петербурга, которая будет охватывать разные вопросы, в том числе и консолидировать информацию по вопросам социальной поддержки [1].

Наибольшей популярностью пользуется портал «Цифровой Петербург». На сегодня число посетителей платформы достигает 2,5 млн человек в неделю. Портал содержит цифровые сервисы для различных категорий семей по различным вопросам, в том числе по вопросам социальных услуг и выплат. Всего система содержит 228 сервисов. Они направлены как на получение социальной помощи, так и на улучшение качества жизни семей с детьми.[3]

Так, в рамках развития социальной работы с семьями и детьми, цифровизация позволяет оформить пособия и социальные выплаты различным категориям, а также помогает развитию неформальных электронных ресурсов социальной помощи (групп вКонтакте, групп в Телеграм-канале, например). Кроме того, отдельные сервисы помогают подобрать мероприятия с детьми и детские лагеря для детей (сайт Я-родитель, например). Развиваются мобильные приложения (например, Социальный навигатор для родителей детей-инвалидов), а также чат-боты в Телеграм-канале (чат-бот Социальный участковый).

Следует отметить, что цифровые сервисы становятся постепенно частью системы социального обслуживания и практикой получения социальных услуг для семей с детьми. Например, каждый центр социальной помощи семья и детям в Санкт-Петербурге имеет официальную группу вКонтакте, где публикуются новости и события центра. Портал «Госуслуги» позволяет оформить выплаты и пособия семья с детьми.

Как показывают выборочные эмпирические исследования, все электронные ресурсы, используемые в работе с семьей можно поделить на формальные и неформальные. Формальные часто содержат официальную информацию об учреждении и клиентах (сайт, социальный регистр), неформальные(группы, чат-боты, мессенджеры, социальные сети, платформы) же часто становятся инструментов взаимодействия между специалистом и клиентом, а также являются информационным каналом о событиях и мероприятиях центров социальной помощи. [2].

В условиях развития электронных ресурсов, практика социальной поддержки семей с детьми постепенно перемещается в онлайн формат. В таких условиях актуальными становятся вопросы о цифровой грамотности и компетентности среди специалистов и получателей услуг, о цифровом доверии, о цифровом регулировании (цифровое право), о цифровой безопасности. Кроме того, необходимо определить границы использования электронных ресурсов, а также выявить проблемы и перспективы их использования.

1. *Видясова Л. А., Видясов Е. Ю., Тенсина Я. Д. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга) / Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 43–57. https://doi. org/10.14515/monitoring.2019.5.03*
2. *Рогова А. М., Зарецкая В.Д Развитие электронных ресурсов для семей с детьми в рамках цифровизации социального обслуживания в условиях мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга)//CREDO NEW// № 1 2025 С.144-153*
3. *https://www.gov.spb.ru/press/government/263218/ дата обращения 03.10.2025*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ

Свиридов Борис Александрович
(РЭУ им. Г. В. Плеханова)

Введение. Социальная работа с семьёй – одна из важнейших сфер социальной сферы, направленная на оказание поддержки и помощи семьям в решении различных проблем, связанных с воспитанием, образованием, здравоохранением, экономическими трудностями и социальным взаимодействием. В условиях современного мира, быстрого технологического прогресса, глобальных изменений и новых вызовов, роль социальной работы с семьями приобретает особую актуальность. В этой статье рассматриваются современные тенденции, формирующие новые подходы, методы и стратегии в работе с семьями, а также их влияние на практику социальной работы.

Современные вызовы и необходимость новых подходов. Современное общество сталкивается со множеством сложных проблем, таких как рост числа одиноких родителей, семей с низким доходом, миграционные процессы, изменение традиционных семейных ролей, рост числа семей с детьми, нуждающихся в психологической и медицинской поддержке, а также проблемы, связанные с цифровыми технологиями и информационной безопасностью [1]. Эти вызовы требуют инновационных подходов, интеграции новых методов и использования современных технологий. Тенденции в социальной работе с семьями развиваются под влиянием международных стандартов, научных исследований и практического опыта, что способствует повышению эффективности оказания помощи [2].

Основные тенденции в социальной работе с семьями.

1. Упор на превентивную деятельность. Одной из ключевых тенденций является переход от реактивных методов помощи к превентивным стратегиям. Вместо того чтобы реагировать только на уже возникшие кризисные ситуации, социальные работники сосредотачиваются на профилактике проблем, укреплении семейных ресурсов, развитии навыков эффективного взаимодействия и разрешения конфликтов. Примеры таких подходов включают программы повышения родительской компетентности, обучение навыкам коммуникации, развитие эмоциональной грамотности, а также профилактику насилия и жестокого обращения. Такой подход позволяет снизить риск возникновения кризисных ситуаций и способствует формированию устойчивых и гармоничных семейных отношений.

2. Интеграция междисциплинарных методов. Современная социальная работа с семьями всё чаще основывается на междисциплинарном подходе. В практике участвуют специалисты различных сфер: психологи, педагоги, юристы, медики, социальные работники и другие профессионалы. Такой интегративный подход позволяет учитывать все аспекты семейной жизни и разрабатывать комплексные программы поддержки. Например, при работе с семьёй, испытывающей трудности в воспитании детей с особенностями развития, привлечение психолога, дефектолога, юриста и педагогов помогает создать индивидуальный план поддержки, учитывающий все стороны ситуации.

3. Использование информационно-коммуникационных технологий. Технологии активно внедряются в практику социальной работы с семьями. Онлайн-консультации, вебинары, мобильные приложения, электронные платформы для взаимодействия и мониторинга ситуации – все эти инструменты позволяют расширить доступ к помощи, сделать её более оперативной и удобной. Особенно актуально это в условиях пандемии COVID-19, когда личное взаимодействие было ограничено. Виртуальные консультации позволяют сохранять связь с семьями, оказывать поддержку в кризисных ситуациях и

обучать родителей навыкам эффективного воспитания. Кроме того, использование цифровых технологий способствует расширению информационной грамотности и повышению осведомленности о доступных ресурсах [1, 2].

4. Фокус на правовых и этических аспектах. Современная социальная работа с семьями акцентирует внимание на защите прав человека и соблюдении этических стандартов. Важной тенденцией является развитие правовой грамотности семей, обучение их правам и обязанностям, а также юридическая поддержка в случае нарушений. Также особое значение приобретает этическое взаимодействие социального работника с семьёй, уважение к личной сфере, конфиденциальность и честность. Это способствует укреплению доверия и повышению эффективности помощи.

5. Развитие семейных ресурсов и усиление их потенциала. Современные подходы делают акцент на развитие внутренних ресурсов семьи, их потенциала и самостоятельности. Вместо навязывания решений социальные работники помогают семьям самостоятельно находить пути выхода из сложных ситуаций, развивать навыки самопомощи и саморегуляции. Такая стратегия способствует формированию устойчивых и самодостаточных семей, способных преодолевать трудности без постоянной внешней поддержки.

6. Культурная чувствительность и индивидуализация помощи. В условиях глобализации и миграционных процессов социальные работники сталкиваются с многообразием культурных ценностей, традиций и языковых особенностей семей. Новая тенденция – это уважение к культурному многообразию и адаптация методов помощи под особенности каждой семьи. Индивидуализация помогает учитывать уникальные потребности, ценности и убеждения семей, что повышает эффективность вмешательств и способствует созданию доверительных отношений.

7. Ориентация на развитие устойчивых сообществ. Современная социальная работа с семьями всё больше ориентирована на развитие не только отдельных семей, но и целых сообществ. Создание условий для формирования поддерживающих сообществ, развитие локальных инициатив, создание сетей поддержки – все это способствует укреплению социальной сплоченности и устойчивости. Такая стратегия помогает не только решать текущие проблемы, но и предотвращать их в будущем, создавая благоприятную социальную среду.

8. Внедрение методов активного участия и партнерства. Современные подходы предполагают активное участие самих семей в процессе оказания поддержки. Это включает развитие партнерских отношений между социальными работниками и семьями, совместное планирование и реализацию программ помощи. Такая стратегия способствует укреплению ответственности, повышению мотивации и развитию навыков самостоятельного решения проблем.

Практические примеры современных инициатив:

1. Программы повышения родительской компетентности – обучение родителей навыкам воспитания, разрешения конфликтов и развития эмоциональной грамотности.

2. Цифровые платформы для семей – мобильные приложения и сайты, предоставляющие информацию, консультации и поддержку.

3. Междисциплинарные команды – создание мультидисциплинарных групп для комплексной работы с семьями, находящимися в кризисных ситуациях.

4. Социальное предпринимательство – развитие инициатив, направленных на укрепление семейных ресурсов и создание рабочих мест для родителей.

5. Культурно-адаптивные программы – разработка подходов, учитывающих особенности миграционных и этнических групп.

Заключение. Современная социальная работа с семьями развивается в направлении интеграции инновационных методов, технологий и междисциплинарных подходов. Основные тенденции – это акцент на превентивных мерах, использование информационных технологий, развитие правовой и этической грамотности, уважение к культурному многообразию, активное участие семей в процессе помощи и развитие устойчивых сообществ.

Эти изменения способствуют более эффективной поддержке семей, укреплению их ресурсов и созданию условий для гармоничного развития каждого члена. В условиях постоянных изменений и новых вызовов социальная работа с семьями должна оставаться динамичной, инновационной и ориентированной на развитие потенциала семейных единиц.

1. *Мустаева, Ф. А. Социальная работа с семьей как часть семейной политики // Изв. Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. Т. 5, вып. 2. С. 178 – 186.*
2. *Приступа, Е. Н. Теория социальной работы. М.: Юрайт, 2015. – 415 с.*

ОТРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ ПРИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЛУХИХ

Сдобникова Полина Романовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В настоящее время существуют различные подходы к определению того, кто такие глухие люди и, как следствие, отсутствуют единые термин или понятие, которые подходят для описания таких людей. В зависимости от того, с позиции какой науки и какого научного направления рассматриваются глухие, меняется и термин, описывающий исследуемую группу. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы произвести различия в научных подходах между терминами, которые используются для описания глухих.

При упоминании глухих могут использоваться самые разные понятия: «лица с нарушением слуха», «инвалиды по слуху», «лица с ограниченными возможностями слуха», «неслышащие», «тугоухие», «глухонемые», «глухие», «слабослышащие» и т. д.[2, 31] Несмотря на кажущееся сходство этих понятий, их трактовка все-таки различается: одни акцентируют внимание на аудиологическом статусе человека, принимая медицинские и связанные с социальной работой характеристики за основу, другие, напротив, признают исследуемую группу как социокультурное лингвистическое меньшинство, отличающееся наличием собственного языка – жестового языка – и целым рядом других характеристик [4, 14].

Если упомянутые выше термины характерны для описания глухих в России, то в англоязычных странах эти термины отличаются посредством различного написания: «deaf» и «Deaf». Исследователь А. Комарова выявляет существенное отличие в написании терминов, где «deaf» характеризует лиц с нарушением слуха и их автономность от сообщества глухих, а «Deaf», напротив, отражает принадлежность к одной «нации», именуемой сообществом глухих [4, 14].

Характеризуя медицинский подход к определению глухих, необходимо обозначить основные критерии признания тугоухости и глухоты, где тугоухим называется человек, среднеарифметические значения порогов слуха посредством проведения аудиограммы, варьируются в диапазоне 26 – 90 дБ, а глухим – человек, со значения 90 и более дБ [7].

В сфере социальной работы центральной характеристикой является понятие инвалидности, которое признается на основе медицинского заключения и решения бюро

медико-социальной экспертизы (МСЭ). В этом случае инвалидом по слуху признается человек со среднеарифметическими значениями порогов слуха 55 и более дБ на лучшее ухо, ограничениями жизнедеятельности, связанными со снижением или отсутствием слуха, а также потребностями в мерах социальной защиты, включая реабилитацию и абилитацию [8, 17-18].

Сурдопедагогика как наука представляет собой область педагогики, отвечающую за изучение проблем и специфики обучения и воспитания глухих детей, исследуя теоретические и практические аспекты образования лиц с нарушениями слуха [6, 5]. Здесь уместны такие термины как «люди с нарушением слуха», «люди с ограниченными возможностями здоровья», «люди с особыми образовательными потребностями», «неслышащие». Сурдопедагогический подход своей целью, главным образом, ставит гармоничное слухоречевое развитие в первую очередь ребенка на всех последующих этапах его взросления в условиях образовательного и смежных с ним процессах, в том числе «коррекцию различных нарушений» [2, 35] и разработку таких условий обучения, которые будут способствовать этому процессу. Исследователи отмечают, что такой подход в большей степени разделяет идеи медицинской и частично социальной модели понимания глухоты, абстрагируясь от культурной трактовки [2, 35]. Это объясняется рядом причин: 1) усиление стигматизации за счет восприятия глухоты как состояния недуга, которое необходимо преодолеть; 2) игнорирование жестового языка как самостоятельной лингвистической системы [1, 171].

Социологическая наука на текущий момент предлагает небольшое количество исследований сообщества глухих, в сравнении с вышеперечисленными научными областями. Тем не менее наблюдается тенденция, когда при описании глухих используют термины «глухие» и «слабослышащие», подчеркивая социальную целостность и культурную идентичность сообщества глухих и его представителей. Социологи, с одной стороны, предлагают рассматривать сообщество глухих как составную часть общества в целом, а, с другой стороны, все больше обращаются к внутренней структуре сообщества глухих [3, 62].

Особое внимание уделяется самоидентификации глухих, которые могут себя определять по-разному. Например, те, кто называет себя как «слабослышащий», непосредственно воспринимают себя частью сообщества. Тогда как за пределами сообщества такой термин не получил должного распространения. Так «инвалиды по слуху» или «люди с нарушением слуха» чаще упоминаются в слышащей среде, незнакомой с сообществом глухих. Представители, определяющие себя в таких терминах, как следствие, в меньшей степени ассоциируют себя с сообществом. Кроме того в сурдопедагогическом подходе также встречаются термины «глухие» и «слабослышащие», однако они упоминаются при уделении меньшего внимания роли жестового языка в процессе образования и повседневного общения глухих, а также при игнорировании роли (со)общества в жизни глухого человека [1, 171].

Существует и такой термин для описания глухих, который в настоящее время признается некорректным – «глухонемые», от англ. «deaf-mute» [1, 161]. С одной стороны, далеко не все глухие являются немыми: большая часть из них обладают речью и способны издавать звуки. С другой стороны, состояние немоты свидетельствует об отсутствии языка общения и, как следствие, игнорируется жестовый язык, что унижает достоинство глухих. Более того, термин «глухонемой» формирует «предвзятое, отрицательное мнение, как ярлык, наклеивается на все наши попытки доказать противное» [5] и подвергает глухих все большей стигматизации.

Таким образом, терминологическое определение глухих различается в зависимости от того, с позиции какой науки дан тот или иной термин, а также различается от модели понимания глухоты, которой придерживается конкретная наука. Кроме того, в отдельных научных областях, которые склонны придерживаться сравнительно схожих терминов, наблюдается их смешение при описании глухих. Тем не менее при описании сообщества глухих с позиции социокультурной модели понимания глухоты отмечается использование терминов «глухой» и «слабослышащий», подчеркивающих принадлежность к сообществу глухих как к самостоятельной социокультурной группе.

1. *Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – 19(2). – С. 160-174.*
2. *Варинова О. А. Особенности описания социального сообщества глухих людей / О. А. Варинова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 7. – С. 31-36.*
3. *Варинова О. А. Результаты опроса глухих и слабослышащих в рамках социокультурного анализа сообщества глухих / О. А. Варинова. – Текст : непосредственный // Исследуя сообщество глухих : альманах. – Москва : V-A-C Press, 2024. – Вып. 1. – С. 61-76.*
4. *Комарова А. А. О культуре глухих на английском языке // В едином строю. – 2010. – № 11. – С. 14-15.*
5. *Материалы заседания Всероссийского съезда глухонемых. проходившего 17-22 июля 1917 года. Проект устава, протоколы заседания подлинные, доклады делегатов, воззвания к глухонемым, списки делегатов // Всероссийский союз глухонемых. – 1917. – 466 с.*
6. *Сурдопедагогика: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / Л. В. Андреева; Под науч. ред. Н. М. Назаровой, Т. Г. Богдановой. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 576 с.*
7. *Лечение снижения слуха // ГБУЗ НИКИО им. Л. И. Свержевского ДЗМ. URL: https://nikio.ru/лечение-снижения-слуха/ (дата обращения: 03.09.2025).*
8. *Постановление Правительства Российской Федерации «Правила признания лица инвалидом» от 05.04.2022 № 588 URL: http://government.ru/docs/all/140380/ (дата обращения: 05.09.2025).*

ЭКО-СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Сулимова Алина Алексеевна
(СПбГУ)

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты», реализуемого в СПбГУ.

Аннотация. В статье рассматривается влияние климатических и экологических факторов на функционирование системы социальной защиты населения. На основе интервью с представителями государственных и некоммерческих организаций выявлены ключевые направления адаптации учреждений к изменяющимся условиям, а также практики интеграции экологической проблематики в социальную работу.

Ключевые слова: эко-социальная работа, климатические риски, социальная защита, экологические факторы, адаптация социальных служб, устойчивое развитие.

Климатические и экологические изменения приобретают всё большее значение в качестве детерминант функционирования системы социальной защиты населения. Воздействие климатических факторов проявляется в изменении доступности социальных

услуг, трансформации условий профессиональной деятельности специалистов по социальной работе и во влиянии на физическое и психологическое благополучие получателей социальной помощи. Для уязвимых категорий населения – людей старшего возраста, лиц с инвалидностью, семей с несовершеннолетними детьми, экологические изменения создают дополнительные барьеры социальной инклюзии.

Несмотря на возрастающую значимость экологических факторов, их влияние по-прежнему недостаточно отражается на процессах разработки и реализации программ социальной поддержки [2]. В этом контексте эко-социальная работа (ecological social work) представляет собой инновационное направление практики, интегрирующее принципы экологической устойчивости с традиционными задачами социальной работы и рассматривающее благополучие человека и состояние окружающей среды как взаимосвязанные компоненты единой системы [1, 49]. Актуальность данного подхода возрастает в условиях усиления климатических рисков и диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, а также необходимости институциональной адаптации системы социальной защиты к изменяющимся экологическим условиям [3, 480].

Эмпирическую базу исследования составили интервью (n=20) с представителями государственных учреждений социального обслуживания, некоммерческих организаций и профильных ведомств.

По итогам анализа были выделены пять тематических категорий, структурирующих влияние климатических и экологических факторов на практику социальной работы:

влияние климатических условий на доступность социальных услуг;

сезонная вариативность потребностей и состояния получателей социальной помощи;

экологические риски как факторы ухудшения здоровья уязвимых групп населения;

организационные и инфраструктурные адаптации учреждений социального обслуживания к изменяющимся условиям;

интеграция экологической проблематики в практику социальной работы.

Результаты исследования демонстрируют, что сезонные колебания и экстремальные погодные явления выступают значимыми факторами для доступности социальной помощи. Снегопады и низкие температуры ограничивают возможности выездной работы специалистов и передвижение маломобильных граждан.

«Ну, климатический фактор <…> влияет на как бы возможность, допустим, того же социального работника добраться до своего подопечного, клиента, кому он должен что-то доставить, что-то сделать. <…> То есть получается доступная среда, ну как сказать, она очень сильно связана <…> с климатом. То есть у нас зачастую вся доступность заканчивается со снегопадом. Всё, снегопад, и больше ты никуда уже не можешь ни на какой коляске проехать.»

(Министр семьи, труда и социальной защиты, Республика Башкортостан)

В южных регионах, напротив, высокие температуры создают риски для здоровья благополучателей и снижают работоспособность специалистов. Климатические различия регионов формируют неравенство в доступе к услугам, что можно интерпретировать как специфическую форму пространственной уязвимости [4, 63].

Активность получателей услуг и их самочувствие, по словам специалистов, подвержены выраженной сезонной динамике. Весной и осенью отмечается учащение обострений нервных и психических заболеваний. Кроме того, в летний период существенно снижается посещаемость реабилитационных центров в связи с занятостью на

загородных участках, что характерно, преимущественно, для лиц старшего возраста. Это актуализирует необходимость гибкого планирования с сезонной корректировкой графиков предоставления услуг.

Проблемы загрязнения воздуха и воды, описанные респондентами, усугубляют состояние здоровья уязвимых категорий. В индустриальных регионах Башкортостана жители ощущают выбросы предприятий:

«Да, там тоже эти нефтеперерабатывающие заводы, тоже как бы тяжелый воздух бывает. Дышать достаточно бывает сложно.»

(Директор, автономная некоммерческая организация, Республика Башкортостан)

Для людей с инвалидностью экологические факторы становятся дополнительным барьером, особенно в ситуациях, когда универсальные меры социальной поддержки не учитывают индивидуальную восприимчивость к средовым условиям.

«<…> для детей с аутизмом, для взрослых, из-за их сопутствующих всяких заболеваний, ну, например, у моего вот астма развилась в свое время, аллергии на какие-то вещи. То есть тут, конечно, экология влияет. То есть загрязнение воздуха, загрязненная вода может влиять <…> выбросы какие-то в вполне могут быть. У него, например, аллергия на животных. И тоже этот фактор мало кто учитывает. <…> Нас там приглашали несколько раз на иппотерапию. Мы приезжали, и после этого я его возила и откачивала, потому что он задыхался у меня. <…> То есть у нас очень много же всяких реабилитаций с животными, а она вообще катастрофически не всем подходит.»

(Исполнительный директор, автономная некоммерческая организация, Республика Башкортостан)

Несмотря на отсутствие федеральных стратегий климатической адаптации социального обслуживания, на региональном уровне формируются локальные решения:

– Дистанционные форматы: в зимний период консультации переводятся в онлайн-режим – успешно используется опыт пандемии COVID-19.

– Надомное обслуживание: социальные службы организуют выезды к маломобильным гражданам;

– Инфраструктурные решения: в учреждениях поддерживается микроклимат – кондиционирование летом, дополнительное отопление в межсезонье;

– Адаптивное планирование: при проведении инклюзивных мероприятиях предусматриваются резервные помещения, тенты, запасы воды.

Перечисленные меры демонстрируют рост институциональной чувствительности к климатическим рискам, однако реализуются несистемно и зависят от инициативы отдельных организаций.

Экологическая повестка постепенно интегрируется в практику государственных учреждений социального обслуживания. В ряде организаций внедряются программы экологического просвещения:

«В основном мы сейчас занимаемся тем, что выполняем указания сверху. Нам спустили экологическое просвещение <…>, я посмотрела цикл бесед, очень много материалов.»

(Заведующая отделением, государственное учреждение, Санкт-Петербург)

В некоммерческом секторе экологическая проблематика также интегрируется в инклюзивную повестку. Московские организации сотрудничают с экоцентрами, создают рабочие места для людей с ментальными особенностями в сфере сортировки отходов, проводят экологические мастер-классы на фестивалях.

«Например, уборка территории, сортировка крышечек – это стало нашей традицией. На каждом лагере и крупном мероприятии мы, как минимум, собираем крышечки и сортируем отходы. У нас также установлен бак для переработки бумаги – туда мы всё и сдаём.»

(Менеджер проекта, благотворительный фонд, Москва)

Перечисленные практики формируют у участников основы экологического поведения и чувство социальной сопричастности.

Респонденты отмечают отсутствие комплексных решений: экологические вопросы остаются в компетенции Минприроды и МЧС и не интегрированы в программы здравоохранения и социальной защиты. Указанный институциональный разрыв делает локальные инициативы фрагментарными и затрудняет масштабирование подобных практик.

Результаты исследования демонстрируют, что климатические и экологические вызовы оказывают системное влияние на сферу социальной защиты населения. Социальные учреждения оперативно адаптируются к ним, создавая собственные решения – дистанционные услуги, погодозависимые графики, экологические инициативы. Эти практики формируют основу эко-социальной работы несмотря на отсутствие институционального закрепления.

«Откладывать решения на государственном уровне – это означает проиграть на старте.»

(Методист, благотворительная общественная организация, Санкт-Петербург)

Для дальнейшего развития данного направления необходимы:

– включение климатических и экологических рисков в стандарты социальных услуг;

– развитие межведомственных механизмов реагирования;

– учёт экологической чувствительности клиентов при планировании реабилитационных и иных программ;

– расширение экологического просвещения и партнёрств с экоцентрами.

Эко-социальная работа в таком понимании становится не практикоориентированным направлением, а концептуальной рамкой для всей системы социальной защиты с акцентом на устойчивость, адаптацию и социальную справедливость в условиях климатических и экологических изменений.

1. *Boetto H. (2017). A Transformative Eco-Social Model: Challenging Modernist Assumptions in Social Work// British Journal of Social Work. 2017. 47(1). P. 48-67.*
2. *Dominelli L. Green Social Work: From Environmental Crises to Environmental Justice. Polity Press, 2012. 200 p.*
3. *Powers M. C. F., Rinkel M. (2019). A Model for Teaching Climate Justice in Social Work Education // Journal of Social Work Education. 2019. 55(3). P. 475-488*
4. *Tschakert P., Ellis N.R., Anderson C., Kelly A., Obeng J. One thousand ways to experience loss: A systematic analysis of climate-related intangible harm from around the world // Global Environmental Change. 2019. 55. P. 58-72.*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ, СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ

Чикова Евгения Викторовна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-18-00542, реализуемого в СПбГУ.

Совокупность принятых в последние годы нормативных документов стратегического значения, таких как Стратегия, национальной безопасности Российской Федерации [1], Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года [2], Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [3], свидетельствует о том, что поддержка семьи является одним из приоритетных направлений деятельности государственных структур.

Ориентация государства на укрепление института семьи как инструмента улучшения демографической ситуации находит отражение в формировании системы поддерживающих мер, начиная с целого спектра социальных выплат и льгот и заканчивая существованием разветвленного комплекса услуг, предоставляемых семьям с детьми на базе государственных учреждений социального обслуживания. При этом последние не являются единственным типом организаций, оказывающих поддержку представителям указанной категории населения, поскольку роль активного партнера берут на себя некоммерческие организации (далее – НКО) [4].

В целом и НКО, и государство вписывается в теорию экологических систем Ури Бронфенбреннера [5], занимая собственные ниши в системе оказания помощи семьям с детьми. Внутри данной системы семья является первичным звеном поддержки, но также выступает посредником в обращении к внешним акторам, ресурсы которых могут быть направлены на удовлетворение потребностей ребенка и его родителей, что позволяет повысить качество их жизни.

Параллельно с феноменом разгосударствления сферы социальных услуг, протекает процесс цифровизации, в который НКО, оказывающие помощь семьям с детьми, также оказываются включены. Распространение цифровых технологий и рутинизация их применения меняет форматы и саму логику взаимодействия помогающих организаций и семей с детьми как категории получателей социальных услуг или иных форм помощи.

Цифровизация при этом предстает не только как процесс использования тех или иных цифровых продуктов, но и как перенос коммуникации в искусственно созданное за счет уровня развития информационнно-коммуникационных технологий общественное пространство, снимающее барьеры физической среды [6].

Вокруг каждого из участников виртуального взаимодействия формируется собственная цифровая среда, архитектоника которой образуется тремя элементами: цифровой инфраструктурой, собственно самими цифровыми технологиями и навыками использования цифрового пространства, иначе обозначаемыми как цифровые компетенции.

Возвращаясь к теме формирования цифровой среды организаций, стоит отметить, что она испытывает на себе давление целой группы факторов, которые условно могут быть разделены на две группы: внешние и внутренние. Первые продуцируются

руководством и специалистами самих НКО, тогда как внешние являются результатом действий представителей органов власти, государственных и негосударственных учреждений, клиентских групп и т. д.

Так, например, к внутренним факторам может относиться стремление руководителя и специалистов НКО к внедрению новых цифровых решений в деятельности организации, закреплению оформленной стратегии цифровизации, включению в расходные статьи бюджета пункта о приобретении оргтехники и лицензий на использование программного обеспечения и т. д. То есть речь идет прежде всего о готовности вкладывать ресурсы в формирование условий для развития цифровой среды и выборе направления ее развития.

Не менее разнообразен и спектр внешних факторов, к которым могут быть отнесены уровень развития цифровой инфраструктуры региона/населенного пункта (зона покрытия интернета, скорость и стабильность работы интернет сетей и т. д.), включенность структур власти в процесс внедрения цифровых сервисов для жителей, общий уровень цифровых компетенций последних, фиксируемый спрос потребителей услуг на цифровые/дистанционные форматы взаимодействия и т. д.

Описывая специфику формирования цифровой среды в секторе социально ориентированных организаций, в целом можно выделить несколько ключевых особенностей. Во-первых, в части развития инфраструктуры НКО склонны апеллировать к усилиям органов власти в части обеспечения условий для бесперебойной работы интернет- и телекоммуникаций, которые осуществляют контролирующие функции по отношению к компаниям, работающим в сфере коммуникаций, и одновременно определяют стратегические приоритеты цифровизации в регионе.

Внедрение цифровых продуктов в рамках деятельности НКО как правило является решением руководящего звена, а на процесс развития цифровой среды накладывают ограничения два фактора: ресурсные возможности НКО и целеполагание в отношении внедрения и использования тех или иных цифровых технологий. Другими словами новые цифровые решения должны покрывать определенный дефицит НКО, обеспечивая ей новые возможности, выгода от приобретения которых перевешивает все ресурсные затраты. При этом НКО также склонны ожидать проявления инициативы со стороны бизнеса или органов власти, если речь идет, например, о предоставлении программного обеспечения на безвозмездной основе или на льготных условиях.

Касательно цифровых навыков специалисты НКО преимущественно демонстрируют как минимум наличие базовых компетенций, что в целом позволяет им решать значительное количество вопросов в рамках операционной деятельности. Однако на поверхности лежит классическая проблема сотрудников старшей возрастной группы, которые затрачивают куда больше времени на освоение цифровых продуктов, используемых организацией, и в наименьшей степени мотивированы к участию в процессе формирования цифровой среды.

Что же касается особенностей развития цифровой среды непосредственно социально ориентированных НКО, оказывающих поддержку семьям с детьми, то в целом по сравнению с другими некоммерческими организациями можно выделить несколько отличительных характеристик.

Во-первых, их отличает высокая плотность коммуникации со своими клиентскими аудиториями и высокая же степень реагирования на их запросы в части использования цифровых решений или разработки цифровых продуктов. Учредители «семейно-ориентированных» НКО часто сами имеют опыт преодоления широкого спектра проблем жизнеустройства, который был связан с приобретением ими родительского статуса.

Поэтому они склонны к организации качественной онлайн коммуникации с использованием сразу нескольких цифровых площадок, которые обеспечивают возможность получения оперативной консультации по широкому кругу вопросов.

Кроме того, НКО, оказывающие помощь семьям с детьми, демонстрируют склонность к трансформации тех цифровых площадок, на которых представлена организация, речь идет например о страницах или группах в социальных сетях. Таковые становятся, с одной стороны, агрегатором информации, а с другой – интернет-сообществом, члены которого объединены циклом оказания и получения помощи.

Сильной стороной многих семейно ориентированных НКО является ориентация на построение сетевого взаимодействия, в том числе с использованием решений цифровой среды, во-первых, с другими организациями схожего профиля для обмена опытом и поддержания партнерских связей, а во-вторых, ради расширения территориального охвата клиентской аудитории. В особенности подобные примеры распространены в Сибирском федеральном и Дальневосточном федеральном округах, где множество населенных пунктов находится на значительном удалении от регионального центра, где сконцентрирована наибольшая часть НКО.

В завершение отметим, что, с нашей точки зрения, оформление упомянутых черт развития цифровой среды вызвано к жизни особенностью той целевой аудитории, с которой работают рассматриваемые НКО. Так, родители, обращающиеся за помощью в НКО, как правило относятся либо к молодежи, либо являются людьми средней возрастной группы, адаптированными к коммуникации в цифровом пространстве.

1. *Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 10.09.2025)*
2. *Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf (дата обращения: 10.09.2025)*
3. *Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986 (дата обращения: 10.09.2025)*
4. *Salamon L. M., Toepler S. Government-nonprofit co-operation: Anomaly or necessity? // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. – 2015. – Vol. 26. – iss. 6. – P. 2155 – 2177.*
5. *Старшинова А. В., Чикова Е. В., Бородкина О. И. Проблемы развития некоммерческого сектора социальных услуг детям с расстройствами аутистического спектра // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 4. – С. 631-642.*
6. *Forrest K. B, Wexler J. Is justice real when reality is not? Constructing ethical digital environments. London: Academic press, 2023. 200 p.*

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С НЕПОЛНЫМИ ОТЦОВСКИМИ СЕМЬЯМИ

Шамкова Светлана Владимировна
(СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»)

Исследование неполных семей является одним из актуальных вопросов социальной работы и определяется рядом проблем, связанных с особенностями такой семьи: социально-психологическими, социально-педагогическими, социально-экономическими, социально-правовыми и другими. Имеющиеся достижения и предпринимаемые усилия

системы социальной поддержки и обслуживания направлены на реализацию технологий социальной работы для решения комплекса проблем. Монородительская семья, нередко тождественно понимаемая как материнская неполная семья, в качестве классического объекта социальной работы заняла прочную нишу в научно-практическом дискурсе. Вместе с тем, отметим значимость теоретических и практических исследований неполной отцовской семьи, ее специфики, потребностей и потенциала.

Необходимость изучения проблематики одинокого отцовства связана, в том числе, с актуализацией таких феноменов как ответственное отцовство, активное отцовство, вовлеченное отцовство. Установление празднования Дня отца Указом Президента Российской Федерации от 4 октября 2021 года № 573, утверждение почетного знака «Отцовская слава» свидетельствуют о важных шагах государства к укреплению значимости роли отца.

Одинокие отцы представляются неоднородной и недостаточно исследованной социальной группой. В качестве возможных причин возникновения неполной отцовской семьи выделим следующие: смерть жены, лишение родительских прав, развод (например, уход женщины из семьи), нахождение жены в местах лишения свободы и др. Безусловно, причины влияют на тактику выстраиваемой социальной работы с семьей.

Ключевыми направлениями социальной работы с неполными отцовскими семьями являются следующие:

– помощь в решении социально-бытовых проблем (организация быта, питания и ухода за детьми);

– содействие в решении психологических проблем (поддержка психолога, индивидуальные и семейные консультации, стратегии преодоления эмоциональных трудностей);

– содействие в решении педагогических проблем (консультации по вопросам развития ребенка, методам воспитания, установлению границ и решению конфликтов);

– помощь в решении экономических проблем (получение пособий, поиск работы, переподготовка);

– информационная поддержка (консультирование, посредничество, информационное сопровождение по всему спектру социальных вопросов) и межведомственное взаимодействие.

Обозначим некоторые особенности рассматриваемой категории. Заявительный характер социального обслуживания реализуется отлично от материнской неполной семьи. Нередко, одинокие отцы не являются инициаторами обращения за помощью в учреждения социального обслуживания. С одной стороны, это определяется недостаточным уровнем информирования о подобных учреждениях, с другой стороны – сложившимся представлением о системе социального обслуживания как источнике сугубо экономических выплат (например, пособий). Значимым в данном контексте представляется вывод О. Н. Натсак о том, что одинокие отцы в меньшей степени подвержены социально-экономическим проблемам, чем одинокие матери [1]. Это, безусловно, не отменяет нуждаемость в экономической поддержке доли таких семей, но определяет специфичность объекта социальной работы.

Объединяют неполные семьи (как материнские, так и отцовские) трудности совмещения гендерных ролей, а значит и проблемы, вызванные дефицитом временных ресурсов. В случае одинокого отцовства затруднено выполнение воспитательных функций, присущих, как правило, матери. Соответственно, акцентными становятся потребности, связанные с реализацией компенсирующего ролевого функционала матери. Социальная работа с неполными отцовскими семьями, включая профилактику негативных

семейных процессов, подразумевает применение технологий, в первую очередь, направленных на повышение образовательного потенциала одиноких отцов, формирование у них ресурсных навыков для преодоления трудностей и возникающих проблем, улучшение психологического климата, эмоционального состояния и коммуникативных связей.

Традиционные технологии социальной работы с материнской неполной семьей не всегда отвечают потребностям, особенностям и применимы к одиноким отцам. Важный аспект деятельности специалистов по социальной работе выражается в нахождении и применении тех социальных инструментов, которые соответствовали бы индивидуальным потребностям рассматриваемой категории. Предполагаем, что развитие и укрепление гражданских инициатив, направленных на поддержку одиноких отцов, является эффективным дополнением деятельности государственных социальных учреждений. Например, деятельность Всероссийского общественного движения «Отцы России», реализация программы «Особенный папа» Благотворительного фонда «Движение – это жизнь» и др.

Социальная работа с неполными отцовскими семьями представляет собой особое направление, определяющее спецификой потребностей и проблем. Применение идентичных технологий и к материнским, и к отцовским неполным семьям является недостаточным. Методологическое и технологическое наполнение социальной работы с неполными отцовскими семьями предстоит формировать с опорой на имеющийся опыт работы с данной категорией и, безусловно, благодаря теоретическим, в том числе, междисциплинарным исследованиям.

1. Натсак О. Д. Одинокие отцы в России: социальное положение и проблемы // Научный результат. Социология и управление. Т. 10, № 4, 2024. – С. 144-166.

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ РИСКОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕВЕНЦИИ

Шипунова Татьяна Владимировна
(СПбГУ)

Аннотация. Субъект-субъектный подход в исследованиях возможностей превенции базируется на положениях теории повседневности и представлениях о нарративной природе рисков. Его цель – выявить оценки рисков и превентивных мероприятий как агентами социального контроля, так и несовершеннолетними, являющимися реципиентами превентивного воздействия. Последующее соотнесение этих оценок дает возможность более адекватно продумывать стратегии и тактики превенции.

Ключевые слова: субъект-субъектный подход, несовершеннолетние, девиантное поведение, превенция

В России складывается неблагополучная ситуация с девиантностью несовершеннолетних. Так, в 2025 г. по итогам четырех месяцев криминальные проявления подростков выросли на четверть – с 7 630 до 9 522 случаев, а число тяжких и особо тяжких преступлений выросло в полтора раза [2]. Высока доля подростков, потребляющих

алкоголь и наркотики [6, с. 42]. Стабильно сложной остается ситуация с буллингом и кибербуллингом: по данным сети «Телеграм» распространенность кибербуллинга среди несовершеннолетних в возрасте 10 – 17 лет составляет 33 %, из них 13 % сталкиваются с кибертравлей ежедневно [5]. Все это свидетельствует о низкой эффективности профилактической работы. Поиск способов ее совершенствования видится не только во внедрении новых технологий и методов работы с несовершеннолетними, но и в изменении подхода к изучению превенции на уровне локальных территорий. Для этого можно использовать субъект-субъектный подход, суть которого заключается в одновременном изучении мнений и оценок не только агентов превентивного контроля, но и реципиентов воспитательного воздействия – подростков, чьи поведение, психика, мышление подвергаются влиянию множества факторов, способствующих формированию девиантного поведения.

Субъект-субъектный подход базируется на идеях теории повседневности и представлениях о нарративной природе рисков. Необходимость использование идей теории повседневности обусловлена тем, что превенция, рассматриваемая как совокупность запланированных мер по нейтрализации рисков нарушения социальных норм, отражает лишь теоретический аспект деятельности. Прикладной или действенный аспект реализуется чаще всего на практике в конкретном локальном пространстве взаимодействия агентов контроля и подростков. Пространством превентивного взаимодействия может быть школа, социальное учреждение, кризисный центр, колония и тому подобные учреждения, где социальные работники, психологи, педагоги, воспитатели и т.д. ставят перед собой цель организации воздействия на факторы риска (социальные, психологические), формирующие девиантное поведение подростков. Исходя из содержания и технологий превентивной работы, такие взаимодействия не могут протекать по принципу «стимул-реакция», они организуются как повседневные практики, включающие определенные переживания, ритуалы [1, с. 249 – 250], следование определенным правилам, «с учетом функций, социальных статусов и ролей индивидов», жизненного опыта и сложившегося образа жизни [4, с. 58]. Такое взаимодействие «лицом к лицу» обладает собственной организацией и когнитивным стилем [3], может быть эффективным только в том случае, если не только агенты контроля, но и их несовершеннолетние подопечные имеют статус субъектов.

Общая превенция строится на основании представлений экспертов о рисках девиантного поведения и рекомендаций для превенции, однако представления о том, что экспертное знание является единственно верным давно перестало быть общепринятым, поскольку восприятие рисков специалистами-экспертами также подвержено влиянию субъективных факторов (мировоззрения, социокультурных установок, предпочтений и т.д.). В соответствии с данным утверждением, правильнее было бы говорить о нарративной природе рисков [8, s. 42-43]. Не отрицая значимости экспертной калькуляции рисков девиаций и их рекомендаций по превенции, следует все же принять тот факт, что лица несовершеннолетнего возраста также имеют свое видение этих моментов. Их мнение (воспринятое через сито здоровой критики) важно, прежде всего, для понимания степени вовлеченности в превентивные мероприятия, от чего зависит успех превенции.

В качестве примера приведем результаты исследования по теме кибербуллинга в отношении учащихся старших классов, проведенного под научным руководством автора. В исследовании участвовало 200 школьников 8 – 11 классов, проживающих в Санкт-Петербурге, и 10 экспертов-специалистов (педагоги школ, психологи, социальные работники). Было выявлено, что педагоги школ знают о кибербуллинге в теории, но не считают проблему актуальной для школы. Основным фактором риска они назвали

непохожесть потенциальной жертвы на других. Главный акцент сделан на факторах личности агрессора, среде воспитания и безответственности одноклассников. Специалисты социальных учреждений имеют более развернутое представление о рисках кибертравли, однако, в целом они согласны с педагогами. Школьники также считают, что риски кибербуллинга связаны с личностью агрессора, но к этому они добавляют другие важные фактора: потенциальных жертв, которым трудно избежать кибербуллинга из-за своего школьного статуса (подростки из бедных семей, любимчики учителей, незаслуженные «отличники»), а также отсутствие сплоченности в классе и игнорирование учителями проблем детей [7]. Расхождение наблюдается и в оценках успешности превенции кибербуллинга. Если эксперты-специалисты считают эффективными общие беседы на тему безопасности в интернете, психосоциальную работу со школьниками (мастер-классы, тренинги, консультирование, помощь жертвам), развитие межведомственного взаимодействия, то школьники помимо этих форм видят успешность превенции, в первую очередь, в формировании благополучной школьной среды с атмосферой уважения, внимания и справедливого отношения педагогов ко всем ученикам. Невозможно не согласиться, что дружелюбная к детям школьная среда может сыграть решающее значение как в распространении агрессии в школе, так и в случае остановки самими учениками ситуаций кибербуллинга в классных чатах, где и происходит в основном травля, на стадии их возникновения.

Использование субъект-субъектного подхода в изучении девиантного поведения подростков может быть полезным для развития превенции в том случае, если: проводится в локальном пространстве, где возможно установление личных взаимодействий между агентами и реципиентами профилактических мероприятий; агенты контроля готовы воспринимать мнение подростков и совершенствовать превентивную работу; у учреждения есть возможности для приглашения «внешних» исследователей для разработки программы, методики, проведения исследования и обработки полученных данных (напр., это могут быть студенты вузов, проходящие практику по определенной тематике). Соблюдение этих условий может повысить качество профилактических мероприятий и итоге – повысить эффективность превенции.

1. *Березовая А. Ю. Становление термина «Повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «Повседневность» учеными // Культура. Духовность. Общество. 2012. №1. С. 244-252.*
2. *В России выросло число тяжких преступлений, совершенных подростками [Электронный ресурс] // Сайт RIA.RU. URL: https://ria.ru/20250603/prestupleniya-2020693152.html (дата обращения: 17.07.2025).*
3. *Гофман И. Порядок взаимодействия / пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теоретическая социология: антология. М.: Ун-т Кн. дом : CEU, 2002. Т. 2. С. 163−199.*
4. *Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен //Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8(52). С. 56-71. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 20.07.2025).*
5. *Кибербуллинг: 52 % детей сталкивались с агрессией в онлайн-играх [Электронный ресурс] // Сайт «Анкетолог». URL: https://iom.anketolog.ru/2024/07/19/deti-i-kiberbulling (дата обращения: 03.07.2025).*
6. *Финько Е. В. Гендерные особенности подростков с предрасположенностью к девиантному поведению: дис. канд. псих. Наук. Тольятти, 2022.*
7. *Шипунова Т. В., Яковлева Д. В. Оценка старшеклассниками кибербуллинга и его профилактики в школьной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 409–427.*
8. *Engert S. Der Leviathant im Dilemma: Politische Entscheidungen zwischen objekriver und subjektiver Sicherheit. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (Hg.) // Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014. S. 33–48.*

Секция 11: Семья, брак, женская и мужская социально-демографические общности в контексте новой современности

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СЕМЕЙНОЙ ПОВЕСТКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Биккинина Джамиля Дамировна
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Смысловое содержание традиционных семейных ценностей: постановка вопроса. Консервативная политическая линия России [3; 136 – 162] способствует созданию семейных нарративов, задающих контекст традиционных ценностей. Как подчёркивается в исследовании, «модель или образ семьи является предметом постоянного конструирования, на который оказывают влияние политические и социально-экономические условия, потребность власти и другие факторы» [9; 155 – 159]. Социальные практики формируют соответствующий дискурс, в который интегрируются вопросы семьи и семейных ценностей. Позиционирование подобных вопросов происходит в рамках социально-политического контекста. Согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года к приоритетным направлениям относится «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи».

Определение семейной повестки. Несмотря на разноречивые трактовки традиционных семейных ценностей, ведущие к разделению общества, семейная повестка используется в целях консолидации адресатов политических сообщений согласно интересам политических элит. Считается, что «критика дискурса традиционных ценностей связана с их расплывчатостью и неопределенностью» [5; 18], а также с их «открытостью» различным смысловым наполнениям. В политическом дискурсе семейная повестка формируется как совокупность взаимосвязанных высказываний о семье и связанных с ней проблемах, которые применяются политическими элитами в рамках их коммуникационной стратегии, соединяясь с дискурсивным образом семьи и семейных ценностей. При этом формирование представлений о семейных ценностях осуществляется посредством нарративов с символическим содержанием; данный подход позволяет политической коммуникации апеллировать к эмоциям, иррациональному началу и сфере бессознательного. Семейная повестка выступает дискурсивной конструкцией политических элит, чьи форма и содержание модифицируются под влиянием их коммуникационной деятельности, а также социально-политического контекста, риторики и репрезентаций политического мифа в общественной жизни. Таким образом, концепты семьи и традиционных семейных ценностей требуют интерпретации, учитывающей современные нарративы и условия их формирования, определяемые целями политических элит. Поэтому семейная повестка может быть определена как совокупность смыслов, приписываемых образам семьи и семейных ценностей в процессе политико-коммуникативного взаимодействия, в результате чего данные смыслы получают интерпретации в публичной политике. Представление о такой политике выражается в

значениях и нарративах, отражающих формирование и различные режимы существования политического дискурса (например, «консервативный» и «либеральный»). Семейная повестка иллюстрирует не только динамику политических процессов, демонстрирующих изменения в восприятии института семьи, но и дискурсивную трансформацию данного института. Основные функции семейной повестки заключаются в: 1) консолидации носителей определённых ценностей вокруг политических элит, а также мобилизации и активизации этих ценностей; 2) формировании доверительных отношений, способствующих эффективности политических сообщений.

Особенности политического дискурса. Политический дискурс, как значимая форма коммуникативных смыслов, структурируется вокруг нарратива, в рамках которого ценностно-символическое содержание интегрируется в повествование, допускающее множественность интерпретаций. В рамках семейного дискурса могут существовать разные нарративы, что определяет исследовательскую задачу «описать коды, при посредстве которого повествователь и читатель обозначиваются на протяжении всего процесса рассказывания» [1; 201 – 204] в ходе коммуникации. Нарратив становится средством прослеживания и трансляции дискурса, а также выражения политического мифа, формируя заданное отношение к ценностям. Политические дискурсы, связанные с семьёй, являются инструментом перераспределения электорального влияния в политическом процессе. В рамках этих дискурсов речевые практики становятся формой артикуляции общественного сознания, предопределяя действия, нацеленные на изменение существующей системы власти и возникновение новых форм политически мотивированного насилия [4; 11 – 12]. Корреляция между восприятием семьи и политических институтов усиливается по мере роста доверия к власти на фоне консолидации общества.

Динамика содержания семейных ценностей. Доверие функционирует как двусторонняя связь между автором политических сообщений (властью) и коллективным адресатом (населением), который олицетворяет электорат. Традиционные семейные ценности, существующие в социальной практике, переосмысливаются властью с целью влияния на общественное сознание, формируя нарратив, отражающий интересы политических элит. Это доверие обеспечивает условия для разнообразных интерпретаций и открытости структуры семейно-политического дискурса. Наряду с этим у населения формируется готовность принимать определённые социальные практики, что обусловлено исторически сложившимся институциональным доверием к определённым нормам и ценностям, из-за чего политическая риторика становится частью культурного кода. Как отмечают специалисты, «для каждого общества характерна особая культура доверия, охватывающая как исторически сформированные установки, нормы и ценности социального взаимодействия, так и активно воспроизводимые в социальных практиках структуры отношений, которые могут сознательно планироваться и регулироваться» [8; 52].

Символизация семейных ценностей. Общество обладает предрасположенностью к определённым установкам, к которым апеллируют политические элиты – подобные смыслы обретают реальность в коллективном восприятии. Создаваемая таким образом реальность может обладать большей символической и социальной значимостью, чем объективная [7; 3 – 14]. Доверие выступает предпосылкой легитимности политического авторитета и эффективности аргументации, используемой в формировании дискурса социальных понятий. Различие между реальностью повседневной жизни и иными реальностями, которые трактуются как «конечные области значений», определяется спецификой восприятия [2; 20]. В таком подходе становится понятным, почему именно «традиционные ценности» и «семья» оказываются приоритетными и удобными

источниками смыслов для символизации. Само явление «традиции» способствует развитию мифа, поскольку за счет продолжительного существования наполняет восприятие адресатов политических сообщений определёнными смыслами и знаками. Коннотации, сформированные традицией, обнаруживают как силу, так и уязвимость потенциальной аудитории, поскольку новые политические смыслы, возникающие в результате переосмысления мифа, принимаются широкой общественностью, объединённой вокруг элит.

Итоги и практические рекомендации. Повышенный интерес к проблематике традиционных ценностей сочетается с тенденцией к их нивелированию, что может приводить к снижению стимулов для создания и укрепления семьи. Восприятие семейных ценностей неразрывно связано с трансформацией самого понятия семьи, которое охватывает как представления о её текущем состоянии («как выглядит современная семья»), так и нормативный аспект («какой семье следует быть»). В то же время, именно нормативная составляющая приобретает ключевое значение при формировании политически значимого семейного образа. Символическое наполнение этого образа становится продолжением семейной повестки и служит основой для последующего формирования политического дискурса.

1. *Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М: Изд-во Московского университета. 1987. С. 387– 422.*
2. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.*
3. *Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // Метаморфозы истории. 1997. С. 136-162.*
4. *Долгий В. И. Идеологические дискурсы терроризма в обществах индустриального и радикального модерна, к. соц. н., 2013. 152 с.*
5. *Ковба Д. М. Семья и семейные ценности в президентском дискурсе: содержание, анализ, дискуссия // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 6–25.*
6. *Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р). Разд. III // СЗРФ. 2014. № 35. Ст. 4811.*
7. *Кравченко С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3-14.*
8. *Купрейченко А. Л. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 564.*
9. *Носкова А. В. Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6(33). С. 155–159.*

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК МОЛОДЫХ МУЖЧИН НА РЫНКЕ БЬЮТИ-УСЛУГ

Брушкова Людмила Алексеевна
(Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН)

В современном обществе отношение человека к собственному телу и своей внешности принимает новые, более сложные формы. Поддержание и изменение внешнего облика стало одним из способов самовыражения, а также показателем социального статуса, финансового положения человека.

В последнее время в развитых странах, включая Россию, отмечается рост интереса мужчин к услугам индустрии красоты, о чем свидетельствуют данные многочисленных исследований.

Так, согласно данным интернет-сервиса Авито, все больше мужчин в 2021 г. регулярно обращались к специалистам по маникюру, педикюру, косметологии, эпиляции и депиляции. За период 2021 – 2022 гг. предложений от мастеров, предлагающих эти услуги мужчинам, стало больше на 23 %. Спрос на мужские бьюти-услуги за 2021 г. вырос по всей стране на 58 %». [1].

По итогам исследования, проведенного совместно МТС Банком и маркетплейсом YouDo в июне 2023 г., выяснилось, что спрос мужчин на парикмахерские услуги вырос на 38 %, ногтевой сервис – на 36 %, услуги косметолога – на 29 %, эпиляцию – на 27 % (по сравнению с предыдущим годом). Также выросло количество мужских транзакций в СПА-салонах и магазинах косметики – на 27 % и 25 % соответственно [6].

При этом важно отметить, что «столичные мужчины в два раза чаще обращаются к косметологам, чем российские мужчины в целом (22 % против 11 %), что следует из опроса, проведенного ВЦИОМ в 2023 г. [5].

Говоря о мотивации мужчин, обращающихся за бьюти-услугами, хотелось бы привести данные сравнительного исследования «Discovery Species: Современный мужчина от А до Я», проведенного телеканалом Discovery Channel в 21 стране в 2010 г. и охватившего мужчин в возрасте 18-39 лет. В ходе исследования выяснилось, что уход за внешностью для российских мужчин – один из способов справиться с давлением окружающего мира. 67 % опрошенных полагали, что уход за собой помогает им выглядеть привлекательно в глазах своей супруги или подруги, 60 %, благодаря уходу за собой, чувствовали себя более уверенно на работе, 56 % респондентов делали это, чтобы создать правильное впечатление о себе, 53 % опрошенных уход за собой помогал почувствовать себя более успешными [8].

Показательным является тот факт, что, если в 2008 г. лишь 30 % российских мужчин комфортно чувствовали себя, когда на них обращали внимание, то в 2010 г. почти 50 % мужчин считали, что уход за внешностью придает им уверенности в себе как в личных, так и в рабочих отношениях.

По мнению исследователей Discovery Channel, российские мужчины используют различные средства по уходу за внешностью, и молодые россияне проявляют больший интерес к своей внешности, по сравнению с европейцами. Авторы данного исследования приходили к выводу, что тренд «мужчина в зеркале» является одним из ключевых для молодых российских мужчин с перспективой быстрого развития в будущем.

Можно сказать, что этот прогноз вполне оправдался и, как следует из данных исследования ВЦИОМ, проведенного в 2020 г., «более половины россиян считают, что в современной России успех человека скорее зависит от того, как он выглядит (62 %). При этом женщины чаще соглашались с этим мнением (67 % против 55 % мужчин)» [4].

Рост интереса мужчин к бьюти-услугам отражается в динамике таких предприятий индустрии красоты как барбершопы. По данным геосервиса 2ГИС, за год (с июля 2022 по июль 2023 гг.) в городах-миллионниках количество барбершопов выросло на 18,6 % и достигло 3337 точек. А за последние четыре года барбершопов стало больше на 97 % [7].

С чем же связано значительное повышение интереса мужчин к своей внешности и, соответственно, услугам индустрии красоты в современном обществе?

Большинство исследователей этой проблематики согласно, что в современном обществе происходит трансформация не только женской, но и мужской гендерной идентичности. В частности, отмечается тенденция к эстетизации маскулинности и связанная с этим диверсификация покупательской активности мужчин, когда, наряду с социально значимыми продуктами (автомобили, недвижимость), они начинают приобретать одежду, обувь, косметику и уходовые процедуры [1, 163].

По нашему мнению, происходит не только эстетизация, но и феминизация маскулинности, что связано, прежде всего, с постиндустриальными изменениями в сфере занятости и перераспределением гендерных ролей в семье.

Рост занятости в сфере услуг и ориентация компаний и организаций на клиента означают большую востребованность таких качеств работника, как гибкость, чуткость, стремление к сотрудничеству, терпение и др., которые традиционно считались феминными.

Другим важным процессом в этом отношении стало изменение ролевого сценария мужа и отца в семье, включение в него обязанностей, традиционно считавшихся женскими: домашняя работа, воспитание детей и уход за ними

В 1980-е годы появилось понятие «нового мужчины», изначально представленное рекламой и СМИ, когда мужчина стал демонстрироваться заботливым, эмоциональным, понимающим, избегающим агрессии и конкуренции. Кроме всего прочего для нового мужчины характерны интерес к собственной внешности, косметике, стилю, посещению салонов красоты, модных магазинов и др. [2, 108 – 109].

С целью изучения потребительских практик молодых мужчин на рынке бьюти-услуг, в 2024 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование методом глубинного интервью. В качестве респондентов выступили молодые мужчины города Москвы (до 35 лет).

Как показало исследование, молодые россияне признают значимость ухода за собственной внешностью, хотя при этом традиционно считают, что в мужчине, в первую очередь, ценятся волевые и интеллектуальные качества и только потом внешние данные.

Основными каналами получения информации о бьюти-услугах и уходе за собой для мужчин являются социальные сети, реклама, отзывы медийных личностей и рекомендации друзей и знакомых, включая женщин.

Наиболее популярные среди мужчин косметологические услуги: стрижка, удаление лишний волосков в определенных зонах, маникюр и педикюр, пилинг лица, массаж и СПА-услуги, удаление родинок и шрамов из эстетических соображений.

Делясь своими впечатлениями от полученных бьюти-услуг, мужчины отмечали, что, в процессе некоторых процедур они испытывали стеснение при обнажении некоторых частей своего тела перед специалистом, особенно, если им являлась женщина. Также респонденты указывали на определенные сложности с записью к определенным специалистам, так как салоны были ориентированы только на женскую аудиторию.

Полученные мнения респондентов подтверждают востребованность и популярность барбершопов среди молодых мужчин. Главными преимуществами таких салонов называются: высокий профессионализм мастеров, клиентоориентированность, сервис и особая атмосфера мужского клуба. Вместе с тем, среди респондентов были и те, кто считал стрижку в барбершопе неоправданно дорогой и выбирал универсальные парикмахерские.

В ходе интервью также выяснилось, что мужчины не склонны посещать разные салоны и обращаться к разным мастерам. Им более свойственно находить «своего мастера» и постоянно пользоваться его услугами.

Респонденты также признавались, что на посещение салонов красоты и уход за собой их часто мотивируют жены или подруги, которых мужчины считают «экспертами» в вопросах красоты.

Таким образом, хотя уход за собой и посещение салонов красоты стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодых мужчин, они еще чувствуют себя новичками на рынке бьюти-услуг. В то же время развитие индустрии красоты, ее большая

ориентированность на мужчин, а также утверждение в общественном сознании образа «нового мужчины» будут способствовать изменению данной ситуации в недалеком будущем.

1. *Авито.ру. Услуги в Москве // URL: https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.*
2. *Брушкова Л. А. Социология: учебник и практикум для вузов / Л. А. Брушкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 433 с.*
3. *Бубенкова, А. Д. Предложения индустрии красоты для мужчин в современной городской культуре / А. Д. Бубенкова // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2023. – № 38. – С. 161-171.*
4. *ВЦИОМ: более половины граждан считает внешний вид важным фактором успеха в России // URL: https://tass.ru/obschestvo/9813369 (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.*
5. *Косметологи: на свету и в тени // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kosmetologi-na-svetu-i-v-teni (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.*
6. *Мужчины стали чаще ухаживать за собой // URL: https://www.sravni.ru/novost/2023/7/7/muzhchiny-stali-aktivnee-uhazhivat-za-soboj/?upd (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.*
7. *Портал предпринимателей Smallbusiness.ru: 2ГИС зафиксировал рост числа барбершопов на 97% за четыре года // URL: https://smallbusiness.ru/news/2gis_zafiksiroval_rost_chisla_barbershopov_na_97_za_chetyre_goda_1852.html (дата обращения 05.10.2025). – Текст: электронный.*
8. *Discovery Channel. Всестороннее исследование современных мужчин // URL: https://gtmarket.ru/news/culture/2010/08/23/2687 (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.*

ЦЕННОСТНАЯ ПОДДЕРЖКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Вдовина Маргарита Владимировна
(Российский государственный социальный университет)

Румянцев Владислав Викторович
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация: В работе на основе результатов авторского онлайн-анкетирования 2024 года обсуждаются пути и условия поддержки ценностей современной семьи. Обозначены аксиологический, фамилистический, институциональный подходы к анализу поддержки этого социального института в России. Ценностная поддержка семьи интерпретируется авторами как совокупность направленных действий различных субъектов, целью которых является сохранение, укрепление и развитие института семьи.

Ключевые слова: российская семья, брак, дети, семейные ценности, поддержка института семьи

Положение и перспективы развития современной российской семьи вызывают интерес академического сообщества, государственных деятелей и широкой общественности. Нормальное функционирование семьи обеспечивает духовное и физическое воспроизводство общества [1]. Актуализируется проблема ценностной поддержки этого социального института. Это обусловлено необходимостью понять и пытаться повлиять на идеалы, цели, к которым необходимо стремиться ради достижения общественного, семейного и индивидуального блага, консолидации и укрепления российского общества.

Неслучайно 2024 год в Российской Федерации был объявлен Годом семьи, что ориентировано на повышение статуса семьи в российском обществе, популяризацию семейных ценностей, совпадает с приоритетами национального проекта «Семья» на период 2025 – 2030 гг. [7] и концепцией государственной семейной политики. Также в указе Президента РФ №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (9.11.2022 г.) акцентируется сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей в нашей стране [8].

Для анализа взглядов населения на ценности, скрепляющие и определяющие современную семью, в июле 2024 года нами было проведено онлайн-анкетирование россиян различных возрастных категорий, включая представителей подрастающего и старшего поколений. Распространение разработанной нами анкеты осуществлялось посредством специализированных групп и каналов популярных российских социальных сетей «ВКонтакте» и «Телеграм».

В исследовании приняло участие 1363 человека, из которых 653 – мужчины и 710 – женщины. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием статистического программного обеспечения SPSS.

Каждый третий опрошенный нами воспитывает двоих детей, каждый пятый – одного, каждый десятый – троих детей. У трети респондентов детей нет.

Согласно мнению большей части участников опроса, самой главной семейной ценностью является любовь, проявляющаяся в нежности, заботе, защите и стремлении быть рядом с близкими. Второе место по значимости занимает доверие, подразумевающее возможность открытого обсуждения проблем, неудач и переживаний с членами семьи. Преданность, понимаемая как готовность оказать поддержку близкому человеку в любых жизненных обстоятельствах, является приоритетом для каждого десятого респондента. Доброта, проявляющаяся в стремлении помогать и поддерживать нуждающихся, была отмечена каждым пятым участником опроса.

По данным нашего исследования, первостепенное значение для половины респондентов имеют безопасность детей, проявление к ним любви и заботы, а также уважительного отношения. Четверть участников опроса акцентирует внимание на важности формирования моральных принципов, отводя семье роль оплота нравственности. Десятая часть опрошенных считает ключевым развитие навыков коммуникации, включая уважение, толерантность и умение эффективно взаимодействовать в семейном коллективе.

В отношении воспитательных практик, две трети участников опроса считают важным предоставление детям равных прав в семье и учет их мнения при принятии решений. Почти 17 % респондентов предпочитают строгий контроль над поведением ребенка, ожидая от него беспрекословного подчинения. Меньше десятой части опрошенных придерживается подхода невмешательства, предоставляя детям полную свободу действий.

Треть участников опроса полагает, что образование способствует углубленному пониманию семейных ценностей, в то время как одна пятая убеждена, что семейные ценности являются залогом жизненного успеха. Шестая часть высоко ценит имеющиеся ценности, а 11 % считают, что образование укрепляет взаимоотношения с окружающими.

Ровно половина опрошенных регулярно участвует в семейных мероприятиях, в то время как четвертая часть признает, что испытывают нехватку времени для этого. Треть респондентов отмечает, что участие в семейных мероприятиях укрепляет связи с партнером, а еще четверть фиксирует улучшение эмоционального состояния. У 17 %

опрошенных в процессе общесемейной деятельности совершенствуются отношения с детьми; 20 % не замечают влияния совместного семейного досуга на взаимоотношения.

Респонденты акцентируют внимание на значимости духовных принципов, таких как любовь, вера и взаимная поддержка, для укрепления семейных уз. Примерно каждый десятый опрошенный считает, что важно создать условия для самореализации каждого домочадца. Незначительная часть респондентов (около 5 %) подчеркивает важность комфорта и уюта в домашней атмосфере, а также гармоничных отношений между родственниками, рассматривая это как наивысшую ценность семейного существования.

Влияние цифровизации на систему ценностей современной семьи проявляется в стремлении к приобретению современных электронных устройств [3]. Респонденты проявляют интерес к повышению квалификации в сфере информационных технологий. 10% опрошенных констатируют заинтересованность каждого члена семьи в использовании современных гаджетов, при этом дети, как правило, используют их в развлекательных целях, а взрослые – больше в профессиональной деятельности.

На основании полученных данных можно отметить сохранение семейных ценностей у современных россиян. Семья позиционируется как один из ключевых факторов, способствующих повышению устойчивости к негативным воздействиям среды, который не только формирует благоприятный психоэмоциональный климат, но и оказывает благотворное влияние на многие аспекты жизни людей.

Гармонии в семейных отношениях, на наш взгляд, содействует ценностная поддержка семьи как процесс оказания помощи семье, основанный на ценностях, принципах и убеждениях, который способствует преодолению конфликтов [5].

По результатам проведенного исследования авторы делают ряд выводов. В современном российском обществе весьма востребована ценностная поддержка семьи как: 1) поддержка семейных ценностей в обществе; 2) поддержка семьи при помощи духовных и материальных ценностей (не только семейных, но и других – национальных, традиционных, политических, религиозных и т. д.). Такая поддержка представляет собой совокупность направленных действий различных субъектов, целью которых является сохранение, укрепление и развитие института семьи. Этими субъектами могут быть государство, общественные движения (профсоюзы и т. д.), корпоративные объединения, местные власти, взаимодействующие с семьей институты (образование, здравоохранение, религия, наука, культура, СМИ и т. п.), а их действия по ценностной поддержке, по нашему мнению, должны носить мотивирующий, стимулирующий характер, который побуждает и убеждает людей ценить семью и то, что с ней сущностно связано: брак, родство, дети и т. п. В число их действий, с нашей точки зрения, входят: государственные программы поддержки семьи; корпоративные проекты поддержки работников с семейными обязанностями, профсоюзные семейные путевки и т. п.; научные исследования семьи, образовательные курсы семьеведения для высшей и средней школы [6]; содействие церкви (православной и других) в поддержке семейного образа жизни и семейных ценностей, создание и популяризация книг, фильмов, песен и т. п. о ценности семьи; развитие женских и семейных консультаций, центров охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи; подготовка соответствующих кадров [2] и т. д. В совокупности подобные действия и связи между ними способствуют укреплению ценностей законного брака на всю жизнь, семейно-детного образа жизни, деторождения и многодетности, родства и взаимодействия родственников – дружного, бескорыстного, основанного на любви, доверии и милосердии, персонализированного (с учетом индивидуальных особенностей личности) [3]. Последнее является особенно значимым в современной семье, по сравнению с традиционной.

1. *Антонов А. И. Возможен ли социум приемлемый для семьи с несколькими детьми: возможна ли семья как суверенный посредник между интересами личности и общества? В сборнике: Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024. С. 1320-1323.*
2. *Вдовина М. В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 63-68.*
3. *Вдовина М. В. Цифровое благополучие семьи и детства // Социальная политика и социология. 2024. № 2. С. 40-47.*
4. *Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: дисс… д-ра социол. наук / Московский гуманитарный университет. Москва, 2008. 370 с.*
5. *Румянцев В. В. Ценностная поддержка семьи в ситуации конфликта // Миссия конфессий. 2024. № 1. С. 103-108.*
6. *Семьеведение / Прохорова О. Г., Холостова Е. И. и др. (1-е изд.). Москва, 2013. 403 с.*
7. *Семья: Национальный проект. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/ (дата обращения 10.10.2025).*
8. *Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения 8.10.2025).*

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Вэй Ицзюнь
(СПбГУ)

Аннотация: Цель данной статьи – проанализировать отношение современной китайской молодежи к традиционным семейным ценностям. Исследование показывает, что китайская молодежь не отвергает традиции полностью, а демонстрирует сложную модель «избирательного принятия» и «адаптивной реконструкции».

Ключевые слова: современная китайская молодежь, поколение Z, семейные ценности

Несмотря на сильное влияние «современности», традиционные семейные ценности среди современной китайской молодежи по-прежнему демонстрируют высокую устойчивость, и их основное ядро в определенной степени сохраняется. Во-первых, эмоциональная привязанность в контексте «семейно-центрированной модели» остается значительной. Семья как система эмоциональной поддержки и «надёжная гавань» от внешних рисков не утратила своей важности в сознании молодежи. Многочисленные исследования показывают, что молодежь в целом признает семью важным источником личного счастья [1, 258; 3, 298; 9,5].

Сравнительное исследование китайской и российской молодежи также показало, что, несмотря на различия в культурном фоне, «семейная эмоциональная поддержка» (Family Emotional Support) является важным позитивным прогностическим фактором формирования ценностей [4, 299; 12, 9]. Это указывает на то, что, независимо от социальных изменений, стремление к семейному теплу и чувству принадлежности является универсальным. Во-вторых, культура «сыновней почтительности» переосмысливается, а не отвергается. Традиционная «сыновняя почтительность», подчеркивающая абсолютное послушание, трансформируется в «новую сыновнюю почтительность», акцентирующую эмоциональную заботу, коммуникативное понимание и материальную поддержку. Молодое поколение больше не отождествляет

«почтительность» с «покорностью», а считает, что, уважая волю родителей, следует сохранять независимое пространство для принятия решений. Они более склонны выполнять семейные обязанности через «качественное совместное времяпрепровождение», откровенное общение и экономическую поддержку родителей [1, 258; 8, 7]. Таким образом, духовное ядро сыновней почтительности – благодарность и ответственность – наследуется, но формы его реализации больше соответствуют современным равноправным и рациональным межпоколенческим отношениям.

Наследуя традиции, китайская молодежь одновременно подвергает глубокой критике и переосмыслению многие аспекты традиционных семейных ценностей, демонстрируя яркие черты современной эпохи, что особенно заметно среди молодого поколения, представленного в основном «поколением Z» [5, 111; 10,22].

Во-первых, индивидуализм превосходит коллективизм. Традиционная семья подчеркивала принцип «пожертвовать малой семьей ради большой семьи», когда личные интересы должны были подчиняться общим интересам клана. Однако современная молодежь, особенно ее высокообразованная часть, ставит личное развитие, профессиональные достижения и самореализацию на невиданно высокий уровень [13, 3047]. При выборе брака, решении иметь детей и выборе профессии она все чаще исходит из собственного чувства счастья и самореализации, а не просто из стремления оправдать ожидания родителей или исполнить семейную миссию по «продолжению рода». Эта трансформация наиболее ярко проявляется в отношении к браку: брак все чаще рассматривается как «эмоциональное партнерство» двух независимых личностей, а не как союз между семьями [11, 3].

Во-вторых, эгалитаризм осуществляет деконструкцию иерархического порядка. Внутри традиционной семьи существует строгая иерархия, основанная на возрасте и поле. Современная молодежь повсеместно подвергает эту модель сомнению и активно отстаивает идею равноправных семейных отношений. Это проявляется преимущественно в двух направлениях: равноправие в межпоколенческих отношениях, выражающееся в стремлении выстроить с родителями «дружескую» модель взаимодействия, основанную на взаимном уважении и двусторонней коммуникации [11, 8]; равноправие в гендерных ролях, что подразумевает решительный отказ от стереотипного разделения труда по принципу «мужчина – для публичной сферы, женщина – для дома» и утверждение практик совместного участия супругов в принятии семейных решений, воспитании детей и выполнении домашних обязанностей. Для женщин семья более не является единственным жизненным предназначением – реализация профессионального потенциала рассматривается как столь же важная задача, что и выполнение семейных обязанностей.

В-третьих, наблюдается рационализация и упрощение традиционных ритуалов. Молодежь воспринимает сложные семейные церемонии (например, связанные со свадьбами, похоронами, праздничными ритуалами) как несущие в себе больше формализма, чем эмоциональной сути. Они предпочитают упрощать процессы или находить более индивидуальные и современные способы выражения чувств, что свидетельствует об их прагматических и ориентированных на эффективность ценностных установках, а также о дистанцировании от традиционных авторитетов.

При помещении китайской молодежи в поле международного сравнения уникальность ее семейных ценностей выступает еще рельефнее. Сравнительное исследование с российской молодежью выявило некоторые глубокие различия. Исследования показывают, что, хотя молодежь обеих стран сталкивается с ценностным шоком, вызванным глобализацией, китайская молодежь в целом демонстрирует более сильную коллективистскую ориентацию и сберегательную установку (таких как накопление и бережливость) [7; 10, 22]. В одном межкультурном измерении традиционных ценностей китайская выборка набрала значительно более высокие баллы

по измерению «общественных ценностей» (Public Values), чем российская выборка, что указывает на сохраняющееся сильное влияние моральных ограничений на социальном и коллективном уровнях среди китайской молодежи [3, 16]. В отличие от этого, российская молодежь может выражать личную свободу и выбор более прямо и решительно [2, 36]. Это говорит о том, что длительное влияние китайских культурных традиций и социалистических основных ценностей привело к тому, что путь развития индивидуализма китайской молодежи все еще в значительной степени регулируется и зависит от коллективистских рамок, формируя уникальный «индивидуализм, интегрированный в коллектив».

В заключение, по состоянию на 2025 год, взгляды современной китайской молодежи на традиционные семейные ценности представляют собой не просто «полную вестернизацию» или «разрывный бунт», а динамичный, сложный и творческий процесс реконструкции. Они – «прагматичные идеалисты»: с одной стороны, они ценят ключевую функцию семьи как эмоциональной гавани и продолжают культурный код сыновней почтительности и ответственности современными способами; с другой стороны, они же – убежденные «модернисты», смело принимающие индивидуализм, равенство и свободу для формирования новых семейных отношений, соответствующих их собственным потребностям и духу времени. Ключевыми характеристиками формирующегося «современного фамилизма» (Modern Familism) являются: ориентация на индивидуальное счастье, приоритет эмоционального качества отношений, использование равноправного общения как моста и укрепление взаимной ответственности как связующей силы. Данная тенденция указывает на то, что китайская семейная модель будет развиваться в направлении большей плюрализации, индивидуализации и демократизации. Для разработчиков социальной политики понимание и адаптация к этому глубокому межпоколенческому сдвигу, а также предоставление поддерживающих социальных услуг (таких как поддержка в уходе за детьми, консультирование по межпоколенческому общению), станут ключом к содействию социальной гармонии и устойчивому развитию.

1. *Биккинина Д. Д. Ценности семьи в представлениях молодежи: традиции и трансформации // Образование и право. 2017. № 8. С. 258–263.*
2. *Гарипова Р. Р., Кузнецов В. О. Репродуктивные установки и семейные ценности современной студенческой молодежи (на материалах авторского социологического исследования). Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024:31-37.*
3. *Глебова Е. Д., Ахметзянова Е. Л., Мустафин А. Ш. Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. Т. 8, № 4. С. 30–39.*
4. *Кириллова В. А., Ткач Е. Н., Трусова Е. А. Особенности представлений современной молодежи о браке и сожительстве как варианте семейно-брачных отношений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2А. С. 294–301.*
5. *Hampton D. C., Keys Y. Generation Z students: Will they change our nursing classrooms? // Journal of Nursing Education and Practice. 2017. Vol. 7, № 4. P. 111-115.*
6. *Ren G., Yang G., Chen J., Xu Q. Traditional Value Identity and Mental Health Correlation Among Chinese Adolescents // Behavioral Sciences. 2024. Vol. 14, No. 11. P. 1079. DOI: 10.3390/bs14111079.*
7. *World Bank.**中国社会是保持高**储蓄率的典范 // World Bank Document, 2008.URL:https://documents1.worldbank.org/curated/en/530881468337201524/pdf/449860PUB0CHIN101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf*
8. ***李宝**艳. **从青年偶像的**变化看集体主义价值观的历史变迁 // **中国青年研究**. 2005, № 8.*
9. ***李春玲**. **我国青年价**值观变迁研究的多重理论视角// **青年探索**. 2020. № 6. С. 5-13.*
10. ***李春玲**. **社会**经济变迁中的Z**世代青年：构成、**观念与行为 // **中国青年研究**. 2022. № 8. С. 21-27.*
11. ***李**树茁, **王**欢. **家庭**变迁、家庭政策演进与中国家庭政策构建 // **人口与**经济. 2016. № 6. С. 1-9.*
12. ***宋**丽萍, 张益群. **社会**变革中的家庭代际关系变动、问题与调适 // **中国特殊社会**. 2022. 2(2): 1-10.*
13. ***于**凯敏. **中国**传统家庭观的嬗变及启示 // **哲学**进展. 2024. № 11. С. 3046-3051.*

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Гайкович Екатерина Константиновна
(НГЛУ им. Н. А. Добролюбова)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на тему «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект») (FSWZ-2023-0031).

Очевидно, что Россия, как и многие страны, не сумела преодолеть многолетние тенденции депопуляции, смертность по-прежнему значительно превышает рождаемость, сужается окно возможностей для восполнения поколений коренными народами России, что ведет к внешнему миграционному замещению. Коэффициент рождаемости, который к 2025 г. должен был составить 1,443 [2], составил 1,376, что является худшим демографическим показателем с 2006 г. [4].

Во многом это является следствием длительной ориентации отечественных исследователей на зарубежные демографические подходы. Сегодня российское законодательство по вопросам демографического развития отличает конформизм в использовании заимствованных смыслов и терминологии. Ключевые термины должны получить четкое определение и толкование в российском законодательстве в контексте национальных задач демографического развития [5, 510 – 621].

Целью обеспечения демографической безопасности должно быть признано достижение состояния защищенности «естественного замещающего режима воспроизводства населения» [3]. Нормативное оформление должны получить вопросы защиты культурного и ментального пространства [7, 41 – 42]; демографических структур общества; репродуктивных ценностей; процесса стеореотипизации репродуктивных ценностей и установок в раннем детском возрасте; репродуктивного поведения и установок молодежи; системы воспитания и образования.

Понятие «*демографический суверенитет*» может быть закреплено как право и возможность принимать и реализовывать политические решения; национальный интерес, в соответствии с которым реализуются решения; самостоятельность государства в определении векторов принятия и реализации политических решений в сфере демографии [8, 7 – 9].

Понятие *«демографическая безопасность»* может быть закреплено как состояние защищенности системы «естественного замещающего воспроизводства населения» [3; 11] (демографических структур, поведения, ценностей) от прямых и когнитивных угроз.

Под *«демографической политикой»* предлагается понимать как деятельность государства по защите демографического суверенитета и обеспечению демографической безопасности всех элементов системы естественного замещающего воспроизводства населения [3]. Демографическая политика является главным механизмом решения демографической проблемы, связанной с естественной убылью населения (депопуляцией) [6, 85]. И единственным – в противодействии когнитивным технологиям разрушения репродуктивных ценностей [1, 4 – 7].

Понятие *«демографическое развитие»* предлагается рассматривать через призму двух взаимодействующих и детерминированных процессов, процесса естественного воспроизводства населения и процесса развития общества. Демографическое развитие не может измеряться лишь параметрами рождаемости, смертности, брачности, разводимости, оно должно отражать не только понимание «закономерностей воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса», но и предлагать смыслы развития для населения, осознанность процесса воспроизводства, отвечать не только на вопрос «как», но и «зачем» [5, 510 – 621].

«Стабилизация численности населения», «устойчивый естественный рост численности населения», «устойчивое развитие», «устойчивый рост численности населения» (Концепция демографической политики, Указы Президента № 474, 1351, др.). Термины не уточняются в российском законодательстве. По причине множественности трактовок в международном праве, термины должны получить толкование в контексте национальных интересов России;

«Охрана репродуктивного здоровья»; «репродуктивные права» (ФЗ № 323, 256, Конституция РФ, Указ Президента № 1351 и др.). Термины в российском законодательстве применяются в традиционном значении в контексте права на деторождение, отпуск по уходу за ребенком, материнство, отцовство, родительство, права не работать на вредных и тяжелых производствах, права на получение медицинской помощи, дородовый и послеродовый патронаж. Спорным и требующим научной верификации направлением является финансирование вспомогательных репродуктивных технологий, находящихся зарубежом под жестким запретом или ограничением по причине неизученности и рисков для матери и ребенка, разрушения образа материнства и представлений о репродукции в обществе;

«Охрана материнства», «поддержка женщин», «поддержка отцовства», «безопасное материнство» (Нацпроект «Демография», Концепция демографической политики, Указ Президента «О мерах по реализации Концепции демографической политики», документы по кадровой политике Министерства экономического развития, Внешэкономбанка и др.). В законодательстве РФ термин «поддержка материнства» чаще используется в контексте создания условий для занятости матерей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, одиноких или желающих совмещать семейный обязанности по уходу за ребенком с трудовой активностью. Данное направление может быть вспомогательным, но основные акценты важно сместить на меры, направленные на охрану здоровья матери и ребенка. Рост женской занятости (феминизация труда), напротив, ведет к увеличению интервалов между родами, откладыванию детородного возраста, меньшему количеству желаемых детей, снижению фертильности и рождаемости;

«Профилактика абортов», «репродуктивный выбор» (Распоряжение Правительства РФ № 2233-р, Приказ Минздрава № 50 и др.). Термины в российском праве применяется в традиционном контексте, как оказание помощи в ситуации репродуктивного выбора и консультационная работа с целью сохранения беременности. Следует не допустить имплементацию данных терминов в контексте права на контрацепцию и аборт, а также закрепления понятия «экстренная контрацепция» в отношении препаратов, обладающих абортивным свойством. Термины «право на жизнь», «право на свободу убеждений», «право на здоровье», «право на образование» также не могут применяться в контексте вопросов контрацепции и абортов;

«Насилие в семье», «семейное насилие», «защита детей» (УК РФ; КоАП РФ; проект ФЗ «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ»). Термины не могут применяться в законодательстве в контексте, трактующем институт семьи как источник угрозы и

опасности, институт семьи должен трактоваться в документах не как объект надзора, а прежде всего, как полноправный партнер государства в вопросах демографического развития. Негативный эффект на формирование репродуктивных установок детей и молодежи окажет практика тиражирования проблематики семейного насилия в обществе, а также использование терминов «домашнее насилие», «семейное насилие», «патриархальное насилие» применительно к институту семьи и родительству в общественном дискурсе;

«Нежеланный ребенок», «нежелательная беременность» (План реализации концепции демографической политики на 2021 – 2025 гг., Приказы Минздрава №527, 389, 1130н и др.). В общественном дискурсе данная терминология негативно влияет на формирование репродуктивных установок у детей и молодежи. А также вступает в противоречие с представлениями части общества о том, что каждый ребенок от рождения обладает полнотой человеческого достоинства и правом на жизнь вне зависимости от обстоятельств его рождения;

«Гендерное равенство» (ст. 19, 38 Конституции РФ, ФЗ «О государственных гарантиях равных прав и свобод возможностей мужчин и женщин в РФ, др.). Термин применяется в российском законодательство в традиционных значениях в контексте «равенства прав и свобод и равенства возможностей для их реализации» мужчин и женщин, равенстве «в заботе о детях, их воспитании». Не допустимы трактовки в контексте «преимущественной»/«доминирующей» поддержки особых прав женщин или мужчин, мальчиков или девочек, прав женщин при нивелировании мужской роли в социуме и семье;

Таким образом, существует настоятельная потребность в уточнении российского законодательства в сфере демографического развития. Данная работа должна быть проведена в ходе открытой научной дискуссии и верификации существующих демографических подходов.

1. *Гайкович Е. К. «Разворот мировой демографии»: трансформация подходов по вопросам народонаселения: монография / Е.К. Гайкович. Москва: ИНФРА-М, 2025. 380 с.*
2. *Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство России. 2025. URL: http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf*
3. *Кузнецова Е. Д. Демографическая политика Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Кузнецова Елена Дмитриевна. Краснодар, 2012. 27 с.*
4. *Лебедева Д. Суммарный коэффициент рождаемости в России опустился до минимума за 19 лет // Медвестник. 2025. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Summarnyi-koefficient-rojdaemosti-v-Rossii-opustilsya-do-minimuma-za-19-let.html*
5. *Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: диссертация ... доктора политических наук: 5.5.4. – Нижний Новгород, 2023. С. 510-621.*
6. *Синельников А. Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения / А. Б. Синельников // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 84-92.*
7. *Сулакшин С. С. Информационная война против Российской Федерации // Материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М.: Научный эксперт, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2011. 112 с. С. 41-42.*
8. *Сулакшин С. С. Категория, структура государственного суверенитета и состояния России // Проблема суверенности современной России. Материалы всероссийской научно-общественной конференции. М.: Наука и политика, 2014. С. 7-9.*

ДРУЖБА В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГА И. С. КОНА

Герасимова Ульяна Никитична
(СПбГУ)

Игорь Семёнович Кон (1928 – 2011 гг.) – советский и российский социолог, психолог, антрополог, философ, сексолог, доктор философских наук. Окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена, далее две аспирантуры, по новой истории и философии. И.С. Кон был членом Международной социологической ассоциации, являлся академиком Российской академии образования, основателем и первым президентом, а затем вице-президентом Исследовательского комитета по истории социологии МСА. Он также возглавлял сектор в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ) и с 1975 года был сотрудником Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН). В сферу научных интересов И.С. Кона входили такие направления, как этика, история социологии, социология и этнография детства, сексология, социальные и психологические проблемы юношеского возраста, теория личности, философия и методология истории, социальная и историческая психология и др. В число его основных работ входят: «Социология личности», «Позитивизм в социологии», «Введение в сексологию», «Этнография детства», «Открытие Я», «Дружба» и т.д.

И. С. Кон написал этико-психологический очерк «Дружба» в 2005 году. В работе проводится анализ дружбы как многогранного социального феномена. Дружба рассматривается как сложное научное явление, существующее на трех основных уровнях. Первым уровнем является социальный институт, изучением которого занимается история, социология и антропология. Второй уровень – реальные личные взаимоотношения, изучаемые социальной психологией. И заключающий, третий уровень – чувства и переживания, которые исследуются психологией эмоций и личности.

В данном труде автор также исследует историческую эволюцию дружбы как социального явления. Первым этапом были архаические общества, в которых дружба была жестко регламентирована, являлась реализованной. Вторым этапом является античность. И. С. Кон пишет об эволюции дружбы в Древней Греции от аспекта родства к самостоятельному институту. Дружба выполняла функции, необходимые для социализации и эмоциональной близости в условиях гендерной сегрегации. Третий этап – Средневековье, где дружба была преимущественно иерархической и сословной. Тогда существовало несколько основных канонов: христианский, рыцарский и монашеский. Четвертым этапом является эпоха Возрождения и Просвещения. На данном этапе наиболее значимые гуманисты того времени (например Ф. Бэкон, М. Монтень) говорили о дружбе, как о высшей и добровольной форме общения людей, основанной на близости, отражающей духовную суть человека. В период Просвещения философы начали рассматривать дружбу с точки зрения социологических позиций, в основе которых лежит личный интерес и взаимная выгода. Пятый этап – романтизм, характеризующийся возникновением романтической дружбы, характерными чертами которой являются эмоциональность, интимность и экзальтация; стираются границы между дружбой и любовью. Г. Гегель критиковал данный идеал в связи с его иллюзорностью. Также И. С. Кон выделяет такой особый тип дружбы, как культурный. Для данного типа характерны высокая душевная близость, бескорыстие и самораскрытие.

В работе И. С. Коном рассматриваются психология и виды дружбы. Первый вид характеризуется психологическими основами. Дружба базируется на аттракции, самораскрытии, сходстве личных ценностей и интересов. В основе второго вида лежит возрастная динамика. Основные точки: детство (в основном, дружба ситуативна), юность (дружба выполняет функции самопознания, формирования идентичности), взрослость (избирательная дружба) и старость (дружба необходима для психологического благополучия). Третий вид опирается на гендерные различия. То есть, отсюда вытекают мужская и женская дружба.

Также автор рассматривает соотношение дружбы и любви. Это два разных социологических феномена, которые имеют тесно связанные формы привязанности. В основе дружбы лежит сходстве интересов и других социальных и духовных ценностей. В то время как любовь основывается на страсти и влечении.

Таким образом, выше описанная работа российского социолога И. С. Кона представляет собой фундаментальное исследование, раскрывающее сущность дружбы, как сложного социального и психологического феномена, меняющегося под влиянием культурных, исторических и социальных структур.

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ: АНАЛИЗ ПРИОРИТЕТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Денисова Анна Владимировна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

На современном этапе развития мирового сообщества наблюдается настораживающая тенденция, которая перестала быть исключительной проблемой отдельных стран, превратившись в глобальный вызов. Речь идет о системной убыли населения, угрожающей социально-экономической стабильности в долгосрочной перспективе. Согласно данным медианного варианта вероятностного прогноза ООН [1], мировой суммарный коэффициент рождаемости (СКР) уже к 2050-м годам достигнет своего критического значения в 2,12 рождений на одну женщину, после чего прогнозируется лишь его дальнейшее снижение (см. рисунок № 1). Этот показатель является рубежом, ниже которого начинается депопуляция – неспособность поколений численно замещать себя. Низкая рождаемость, таким образом, утвердилась в качестве универсального тренда, характерного как для развитых, так и для многих развивающихся стран, что свидетельствует о фундаментальных цивилизационных сдвигах, выходящих за рамки экономических или политических конъюнктур. Данные ООН наглядно демонстрируют, что человечество в целом неуклонно движется к модели «однодетной» или «малодетной» семьи, что делает проблему низкой рождаемости глобальным трендом современности.

Российская Федерация является органичной частью этого глобального процесса, что не отменяет наличия специфических национальных особенностей. Из заголовков газет и новостей в СМИ каждый россиянин знает о демографическом кризисе в стране – этот вопрос активно обсуждается на государственном уровне. В данной связи крайне важно обозначить, что представляет собой демографический кризис в нашей стране и какие процессы сопутствуют ему.

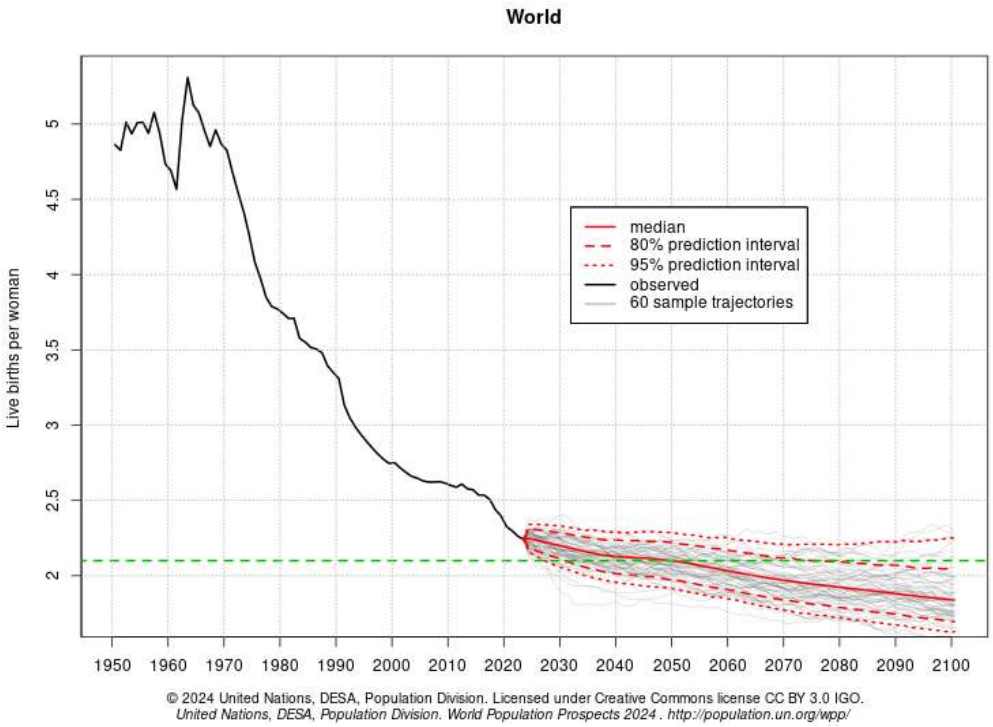

Рисунок №1 Вероятностный прогноз ООН, СКР

Демографический кризис в России сложился во второй половине 1960-х годов, и привел к прямой депопуляции в 1992 году. С тех пор естественная убыль населения стала устойчивой тенденцией. Сегодня суммарный коэффициент рождаемости в России находится заметно ниже уровня простого замещения поколений – он составляет 1,40 ребенка на женщину (по данным Росстат на 2024 год [2]). За сухими цифрами скрывается глубинный ценностный кризис, который является системообразующей причиной депопуляции. В основе процесса депопуляции, который во многом определяет сложившийся демографический кризис, лежит ценностный разрыв, связанный с исключением семьи как ценности из системы ценностей россиян. Историческое развитие, включая индустриализацию и урбанизацию, привело к трансформации института семьи: традиционная расширенная семья была замещена нуклеарной, для которой характерен упадок детоцентризма. Делегирование функций воспитания и образования государственным институтам усилило массовый переход взрослых членов семьи во внесемейное производство, что закономерно привело к приоритету профессиональной самореализации и индивидуального потребления над семейными ценностями. Этот феномен, известный в научной литературе как ценностно-институциональный кризис семьи [3], сопровождается сдвигом от «семьецентричной» идеологии к «индивидоцентричной», где рождение детей откладывается или ограничивается в пользу личной свободы, карьерного роста и гедонистических установок. В этих условиях многодетность перестала восприниматься как социальная норма.

Важно отметить – демография является единственной наукой, которая занимается комплексным изучением воспроизводства населения. Семья, в свою очередь, является единственным социальным институтом, обеспечивающим это воспроизводство. Следовательно, любые дискуссии о преодолении демографического кризиса неизбежно должны фокусироваться на семье как агенте воспроизводства и, в частности, на семье с несколькими детьми (3 – 4-мя и более) как на единственной модели, гарантирующей простое или расширенное замещение поколений в долгосрочной перспективе.

Что же происходит в современном обществе при выборе жизненной стратегии относительно семьи? Рассмотрим ситуацию в терминах теории классика социологии П. Бурдье. Социальное пространство, по П. Бурдье, представляет собой поле конкурентной борьбы за различные виды капитала. В этом контексте решение о создании многодетной семьи или ограничении рождаемости выступает не просто личным выбором, а стратегией распределения ограниченных ресурсов. Одним из центральных понятий у П. Бурдье является габитус – «индивидуализированная социальность, которая производит стратегии как формы поведения» [Цит. по: 4, С. 87]. Габитус, являясь продуктом социализации и коллективной истории, ориентирует агентов на накопление экономического, культурного и социального капитала. Многодетность в этой системе координат для большинства агентов (за исключением тех, для кого многодетная жизненная стратегия – преемственная ценность) становится стратегически невыгодной, поскольку ведет к распылению ресурсов, которые в случае малодетной модели можно сконцентрировать на обеспечении конкурентных преимуществ для 1-2-их детей и поддержании собственного профессионального статуса родителей. Символический капитал многодетности, включающий семейные ценности, преемственность поколений, внутрисемейную сплоченность, оказывается неконвертируемым в доминирующие виды капитала в современных социальных полях. Принципиальная проблема заключается в том, что сама логика символического капитала многодетности остается непрозрачной для значительной части общества. Ценности семейно-детного образа жизни не могут быть адекватно восприняты агентами, чей габитус формировался в условиях доминирования малодетности (модальный тип семьи в России – однодетная, 60 % [5, С. 46]). Для них подобные категории остаются абстрактными понятиями, не подкрепленными личным опытом и не встроенными в систему жизненных ориентаций. Таким образом, символический капитал многодетности не просто неконвертируем – он не несет ценности для тех, чья социализация проходила вне многодетной, многопоколенной системы. Многодетность оказывается не просто экономически невыгодной, но и ценностно чужеродной для значительной части общества.

Сложившаяся ситуация требует системного пересмотра приоритетов демографической политики. Современная парадигма, делающая основной акцент на единовременных финансовых стимулах (материнский капитал, региональные выплаты), безусловно, важна, однако оказывается недостаточной для преодоления глубокого ценностного кризиса. Она адресована преимущественно «логике выгоды», в то время как решение проблемы лежит в плоскости «логики смыслов». Все вышеописанное позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра мер демографической политики с последующим акцентом на ценностный аспект. Это предполагает стратегический переход от политики, ориентированной на стимулирование рождаемости, к политике, направленной на формирование просемейных ориентаций и потребности в нескольких детях у подрастающих поколений.

Безусловно, интеграция многодетности в систему ценностей современного российского общества представляет собой комплексный и многоуровневый процесс, требующий преодоления как социокультурных, так и институциональных барьеров. Так, долгосрочной целью выступает поэтапное становление поколений с принципиально иными репродуктивными стратегиями, что создаст предпосылки для преодоления демографического кризиса в ретроспективе XXI века.

1. *World Population Prospects 2024. UN, Department of Economic and Social Affairs. // URL: https://population.un.org/wpp/graphs?loc=643&type=Probabilistic%20Projections&category=Fertility&subcategory=Total%20Fertility%20Rate [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 12.10.2025)*

2. *Суммарный коэффициент рождаемости. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 12.10.2025)*
3. *Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. – М.: Издательский дом Ключ-С, 2006. – 192 с.*
4. *Воронцов А. В., Громов И. А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – №3. – С. 82-102.*
5. *И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / под ред. А. И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. – У Никитских ворот Москва, 2022. – 270 с.*

ФЕНОМЕН МУЖСКОГО ОДИНОЧЕСТВА В СОВЕРМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дудыгина Мария Константиновна

В современной российской научной и общественной повестке наблюдается существенный дефицит исследований феномена инцелов (involuntary celibacy), что создает информационный вакуум в понимании данного социального явления, в то время как зарубежная академическая среда демонстрирует активное изучение и осмысление феномена инцелов как значимого социокультурного феномена XXI века. Цель данной работы – проанализировать феномен инцелов в зарубежном контексте и оценить его влияние на современное общество.

Эпидемия мужского одиночества активно обсуждается в зарубежном научном и медийном пространстве, [1] тогда как в России эта тема освещается значительно реже. Видео на английском языке набирают миллионы просмотров, в то время как русскоязычный контент существенно отстает по популярности.

Движение инцелов зародилось в 1997 году как платформа поддержки одиноких людей, но со временем радикализировалось. Сегодня оно связано с мизогинией и радикализацией мужчин, особенно подростков. [2] Ярким примером опасности движения стала трагедия с участием Эллиота Роджера, совершившего массовое убийство в 2014 году.

Проблема радикализации затрагивает западный общественный дискурс. Показательным примером служит сериал «Переходный возраст», исследующий мотивы преступления подростка, убившего одноклассницу.

Маносфера и фигуры вроде Эндрю Тейта (осужденного за торговлю людьми) пропагандируют токсичную маскулинность, привлекая молодых последователей. В России аналогичную риторику использует Арсен Маркарян.

Инцел-сообщество разработало собственный жаргон (looksmaxing, чад, инцел), который проникает в общий обиход. Участники движения часто обвиняют женщин в своем одиночестве, феминистки – мужчин и инфлюенсеров, но проблема остается актуальной.

Разные стороны конфликта предлагают свои объяснения феномена, однако единого решения пока не найдено. Мужчины продолжают жаловаться на трудности в поиске партнерш как онлайн, так и в реальной жизни.

1. *Men's Social Circles are Shrinking, Daniel A. Cox, June 29, 2021 [Survey Center on American Life] / URL: https://www.americansurveycenter.org/why-mens-social-circles-are-shrinking/ (дата обращения: 8.10.2025)*
2. *The Rage of Lonely Men: Loneliness and Misogyny in the Online Movement of "Involuntary Celibates" (Incels), Ruth Rebecca Tietjen and Sanna Tirkkonen, April 2023 [ResearchGate] / URL: https://www.researchgate.net/publication/370261938_The_Rage_of_Lonely_Men_Loneliness_and_Misogyny_in_the_Online_Movement_of_Involuntary_Celibates_Incels (дата обращения: 8.10.2025)*

РОДИТЕЛЬСТВО: МНОГООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Ильиных Светлана Анатольевна
(Новосибирский государственный университет экономики и управления)

Аннотация. В статье анализируются современного родительства. Показывается, что одновременно сосуществуют нормативное и одиночное родительство, идеология детоцентризма, феномен интенсивного родительства и ориентация на бездетность. На основе эмпирического исследования автор приходит к выводу о противоречивости, неоднородности в восприятии родительства, сочетании традиционных и лабильных представлений.

Ключевые слова: нормативное родительство, интенсивное родительство, «чайлдфри», «бежевые мамы»

Модели современного родительства различаются содержанием и социальными практиками. В индустриальном обществе легитимной признана нормативная модель родительства, в основе которой официальный брак, рождение и воспитание детей в полной семье. Мать обеспечивает уход за детьми, а отец обеспечивает семью материально [1]. В постиндустриальном обществе в связи с разнообразием семейных установок, моделей социального конструирования семьи, типов репродуктивного поведения отмечается сложная реальная картина мира семьи. Сегодня сосуществуют нормативное и одиночное родительство, идеология детоцентризма, феномен интенсивного родительства и ориентация на бездетность. В последнем случае отметим, что еще П.А. Сорокин, изучая причины изменения супружеских и детско-родительских отношений, высказался о появлении представлений о детях как помехе в развитии карьеры [2, с. 173]. У молодежи появляются репродуктивные страхи, ориентация на бездетность – феномен «чайлдфри».

Если коснуться модели нормативного родительства в современном проявлении, то можно отметить новые тренды. Одним из таковых является феномен интенсивного родительства, который получил широкое распространение в России. М.Майофис, И.Кукулин отмечают, что практики такого родительства характерны для молодых родителей генерации Х [3]. Идеология детоцентризма проявляется по-разному: от постоянного стремления к следованию рекомендациям экспертов в области ухода, воспитания, обучения до значительных ограничений со стороны родителей «для пользы детей». Здесь можно отметить так называемый феномен «бежевых мам». Его суть в том, что в воспитании своих детей придерживаются принципа экологии и эстетики. В детской одежде предпочтительны бежевые и пастельные цвета. Интерьер дома минималистичен и имеет однотонную палитру, исключая яркие цвета [4]. При этом О. Е. Дорофеева и коллеги отмечают даже отношения соревновательности между родителями [5].

Между тем, исследователи считают, что женщины, практикующие интенсивное материнство, имеют более низкий уровень счастья и удовлетворенности жизнью, но при этом более высокий уровень усталости [6].

Итак, современные модели родительства разнообразны, одновременно сосуществуют традиционные и лабильные социальные представления, воплощенные в социальные практики. Для проверки того, какая реальная картина имеется в отношении родительства, в июне 2025 года под руководством автора было проведено социологическое исследование (n = 465). В качестве респондентов выступили жители

города Новосибирска. Выборка двухступенчатая, стратифицированная. Метод исследования – анкетирование.

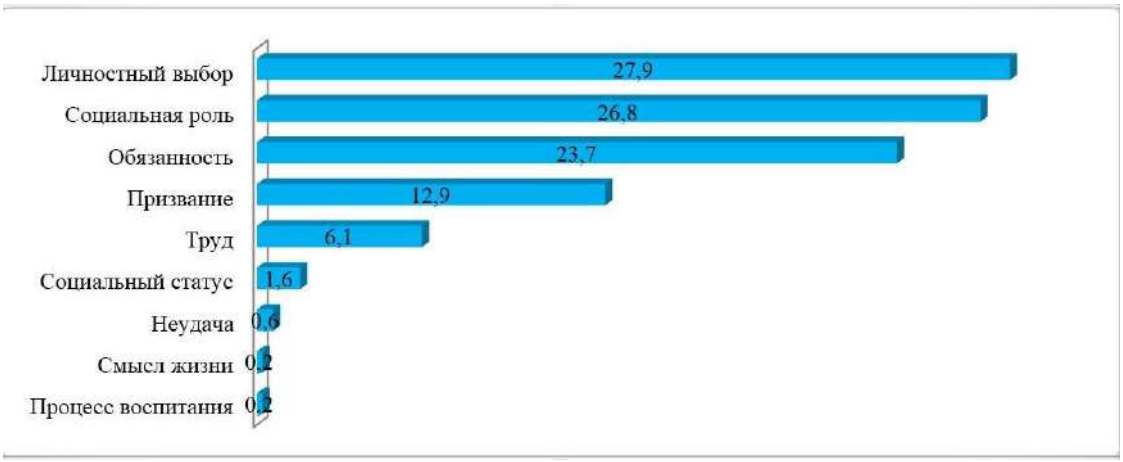

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о том, что такое родительство в первую очередь (%)

Показательно, что для 27,9 % родительство – это, прежде всего, личностный выбор. Безусловно, родительство – это и социальная роль (26,8 %), и обязанность (23,7 %). Хотелось бы обратить внимание, что лишь каждый десятый отмечает призвание (12,9 %). Всего лишь 0,6 % отмечают, что родительство ассоциируется с неудачей. А для 1,6 % опрошенных родительство связывается с социальным статусом.

Следующий вопрос ориентировал респондентов на оценку отношения к феномену «чайлдфри». Результаты показывают, 44,4 % относятся нейтрально. 32,5 % критикуют «чайлдфри». 13,9 % оценивают этот феномен позитивно, полагая, что это личное дело каждого. Нейтральная и позитивная оценки феномена «чайлфри» отражают не только толерантность, но, с нашей точки зрения, безразличие. Современный уклад жизни ориентирован на индивидуализм и одиночество. Е. Н. Новосёлова высказывает идею о том, что уделом жителей мегаполисов является одиночество, поскольку именно так они могут встроиться в городские темпы [7].

Респонденты оценивали еще одну модель современного родительства – феномен «бежевые мамы» (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к родителям, которые сознательно ограничивают ребёнка в цветах одежды, игрушках и окружении ради «эстетики»? (%)

Варианты ответа	**% опрошенных**
Нейтрально, это их выбор	33,6
Отрицательно, так как зачастую это происходит против воли детей	43,1
Положительно, дети действительно выглядят модно, на это приятно смотреть	23,4
Итого	100,0

43,1 % опрошенных негативно относятся к феномену «бежевые мамы». Но более половины респондентов в совокупности либо нейтрально (33,6 %), либо положительно (23,4 %). Однако можно отметить и некоторое противоречие во мнениях, которое обнаруживается в ответах следующего вопроса (рисунок 2).

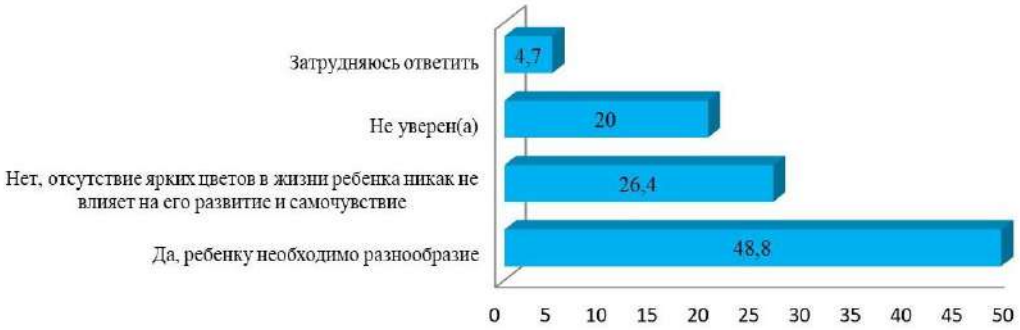

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что такие ограничения (один стиль, исключительно пастельные тона) могут повредить развитию ребёнка? (%)

Все же почти половина опрошенных отмечает необходимость цветового разнообразия для развития ребенка, тем самым выражая уже не столь нейтральное отношение, как в вопросе выше.

Как мы рассматривали в теоретической части, одной из форм современного родительства является одиночное или монородительство. 50,8 % опрошенных разделяют идею о том, что в некоторых случаях одиночное родительство негативно сказывается на ребёнке. 29,2 % выбирают ответ «скорее, да». В целом можем видеть достаточно критичное отношение к монородительству.

Подведем итоги. Сегодня сосуществуют самые разнообразные модели родительства – нормативное, одиночное, интенсивное материнство, отказ от родительства. В целом жители мегаполиса, несмотря на часто нейтральное отношение в прямом вопросе, в косвенном вопросе выражали свою неготовность поддержать ту или иную модель. Респонденты по-разному трактуют родительство. Это и личностный выбор, и обязанность, и труд, и неудача. Таким образом, проведенное исследование подтвердило наличие противоречивости, неоднородности в восприятии родительства, сочетание традиционных и лабильных представлений. Задача института образования, института культуры состоит в подготовке молодежи к родительской роли. Важно и укрепление ценности родительства в самом институте семьи.

1. *Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3-14.*
2. *Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 2/3. С. 173–186.*
3. *Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et contra. 2010. № 1-2. С. 6-19.*
4. *Родители по всему миру лишают детей ярких цветов ради популярности в соцсетях. Чем опасны «бежевые мамы»? URL: https://lenta.ru/news/2024/03/20/beigemoms/ (дата обращения 20.08.2025)*
5. *Дорофеева О.Е., Кавеева А.Д., Андреева А.А., Вербилович О.Е. Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 451-464.*
6. *Исупова О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 180-189.*
7. *Новосёлова Е.Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. №4. С.166-188.*

ТРАЕКТОРИИ ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Карпова Вера Михайловна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Современные демографические тенденции в рождаемости остаются стабильно низкими по величине суммарного коэффициента рождаемости и более того имеют тенденцию к постепенному ухудшению (с 2019 года СКР в России снизился на 0,1: с 1,5 до 1,4). Причем данная ситуация характерна для большинства развитых стран мира и можно с уверенностью говорить, что пока ни в одной стране не смогли предложить достаточно эффективных мер демографической политики, которые привели бы к стабильному и долгосрочному повышению показателей рождаемости. Поэтому столь важна разработка научно-обоснованных мер демографической политики, базирующихся на глубоком понимании тенденций и закономерностей репродуктивного поведения на микро и на макроуровне. Более того, особе внимание сейчас необходимо уделять изучению поведения и ценностно-мотивационной сферы многодетных родителей, так как рождение 3 и более детей, как показывают результаты исследований, не оправдано не только с экономической, но и с социальной точки зрения [3]. Массовое распространение норм малодетности привело к тому, что рождение трех и более детей является своего рода девиацией, которая может вызывать разную реакцию у окружающих [2; 5]. Основными мотивами рождения детей любой очередности на данный момент являются психологические, поэтому изучение взаимосвязи репродуктивных установок, мотивов и дальнейшего поведения приобретает большое значение.

Формирование репродуктивных установок происходит в процессе развития ценностно-мотивационной сферы личности и поэтому важное значение здесь играют установки, ценности и реальное репродуктивное поведение, которое дети наблюдают в своей семье. Таким образом для понимания процесса формирования установок необходимо изучать историю родительской семьи современной молодежи и те паттерны репродуктивного поведения и отношения к семьям с разным числом детей, которые в них транслируются.

В данной работе представлены результаты анализа данных исследования жизненных стратегий семей с разным числом детей, проведенного в 2024 году (ЖСС-2024) [1]. В рамках данного исследования был проведён парный опрос супругов, находящихся в конце репродуктивного периода жизненного цикла семьи (возраст жены 40 – 60 лет), имеющих хотя бы одного общего ребенка. Всего в исследовании приняли участие 472 супружеские пары (944 анкеты). В рамках опроса респондентов просили дать оценку различным аспектам их репродуктивных установок, базируясь на методологии изучения репродуктивных установок, предложенной А. И. Антоновым [4, 258]. Для данной работы были отобраны 3 основных вопроса, которые позволяют проследить внутрисемейную динамику и трансляцию репродуктивный установок: сколько детей было в родительской семье респондента, сколько детей есть у респондента и сколько детей он посоветует иметь своим детям.

Для первого этапа анализа все ответы на данные вопросы были сгруппированы в две категории: малодетные семьи/установки (1 – 2 ребенка) и многодетные (3+ детей). Любопытно, что распределения по этим категориям во всех вопросах были практически одинаковыми: 76,8 % респондентов росли в малодетных семьях, 72,1 % сами имеют 1 – 2 детей и 72,7 % посоветуют своим собственным детям иметь не более 2 детей. Однако траектории внутрисемейной трансляции репродуктивного поведения и установок очень

разнообразны. Всего при делении в каждом вопросе на 2 категории (мало- и многодетные) на основе трех вопросов можно получить 8 теоретически возможных траекторий. В таблице 1 представлены данные о распространенности каждой из них. В первую очередь обращает на себя внимание, что все теоретически возможные траектории представлены в выборочной совокупности, что может говорить о сохранении вариативности репродуктивного поведения и транслируемых ценностей в семье.

Таблица 1. Траектории межпоколенной трансляции репродуктивного поведения и установок

№	Прародители	Родители (респонденты)	Дети	Доля	Комментарий
1	*Многодетные*	*Многодетные*	*Многодетные*	4,3%	Традиционная семейная многодетность
2	Малодетные	*Многодетные*	*Многодетные*	10,6%	Новая семейная многодетность
3	Малодетные	Малодетные	*Многодетные*	8,2%	Мечты о многодетности
4	*Многодетные*	Малодетные	*Многодетные*	4,3%	Воспоминания о многодетности
5	*Многодетные*	*Многодетные*	Малодетные	3,7%	Отказ от семейной многодетности
6	Малодетные	*Многодетные*	Малодетные	9,3%	Не транслируемая многодетность
7	*Многодетные*	Малодетные	Малодетные	11,1%	Отмирание норм многодетности
8	Малодетные	Малодетные	Малодетные	48,6%	Традиционная семейная малодетность

Среди представленных траекторий можно выделить ряд более благоприятных для демографического будущего России, но есть и те, что свидетельствуют о массовом распространении норм малодетности в современном обществе. Наиболее тревожными с точки зрения потенциала роста рождаемости являются траектории № 7 и № 8: они отражают отмирание и исчезновение норм многодетности среди населения. Траектория № 7 соответствует ситуации, когда респонденты выросшие сами в многодетных семьях сами стали лишь родителями 1 – 2 детей и своим детям транслируют установки на малодетный образ жизни (11,1 %). Последняя траектория № 8 отражает устойчивую трансляцию малодетного образа жизни (оба поколения и респондента и родителей имеют в семьях по 1 – 2 ребенка и столько же советовали бы иметь собственным детям). Обращает на себя внимание, что эта группа составляет почти половину всех респондентов (48,6 %)! В совокупности две группы позволяют определить меру фиксации малодетного образа жизни: почти для двух третей населения (59,7 %) малодетность стала нормой жизни, которую они транслируют из поколения в поколение.

Две первые траектории, наоборот являются отражением позитивных с точки зрения роста рождаемости тенденций. Так первая траектория (№ 1) соответствует сохранению и трансляции традиций многодетного образа жизни в семье, однако ее распространенность весьма ограничена – 4,3 %. Вторая траектория (№ 2) наиболее перспективна с точки зрения как демографической политики, так и изучения многодетного образа жизни в современных условиях. Это люди, которые, несмотря на происхождение из малодетной семьи, сами образовали семью с 3 и более детьми и транслируют такие же ценности своим детям, что позволяет предположить, что собственный опыт многодетного образа жизни эти семьи оценивают как положительный. Размер этой группы не столь велик (10,6 %),

однако учитывая, что это многодетные родители, чьи дети с большей вероятностью сохранят традиции многодетного образа жизни, можно надеяться на масштабирование этой доли в будущих поколениях.

Следующие две группы соответствуют ситуации, когда родители советуют своим детям иметь больше, чем имеют они сами: причем в 8,2 % эти рекомендации идут в полном противоречии с реальным репродуктивным поведением двух поколений (респонденты и их родители малодетные), а 4,3 % могут отчасти объясняться наличием опыта многодетного образа жизни у респондентов в их родительских семьях.

В противовес тем, кто надеются стать многодетными бабушками и дедушками, советуя своим детям иметь 3 и более детей, есть примерно такая же по размеру часть респондентов, придерживающихся противоположных взглядов. Несмотря на имеющийся у них опыт многодетного родительства как собственного (9,3 %), так и на протяжении последних двух поколений (3,7 %) они не хотели бы видеть своих собственных детей многодетными. Изучение причин такого выбора, анализ жизненного цикла этих семей является важным направлением исследований для понимания необходимых мер поддержки многодетных семей.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что при общей схожести долевого распределения малодетных и многодетных ориентаций в разных поколениях траектории их внутрисемейной трансляции очень разнообразны. Некоторые из них обладают большой внутрисемейной устойчивостью, в то время как другие основаны на непостоянных комбинациях и могут обладать большим потенциалом для корректировки в будущих поколениях.

1. *Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. – ИСЭПН ФНИСЦ РАН Москва, 2024.*
2. *Журавлева Е. К., Копцева О. А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение. 2024. №S1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opornye-tochki-mnogodetnosti-v-usloviyah-transformatsii-sovremennoy-rossii*
3. *Карпова В. М., Ляликова С. В. Особенности мотивационной сферы родителей в семьях с разным числом детей // Факторы и механизмы демографического развития: сб. науч. ст. / ред. д.э.н., проф. О.А. Козлова, д.э.н. А.П. Багирова и др. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2025. – С. 502–511*
4. *Микросоциология семьи: учебник / А.И. Антонов. – 3-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018.*
5. *Шубат О.М., Сетяев А.Н. Информационная политика в демографической сфере: вопросы поддержки и стимулирования рождаемости // Государственная служба. 2023. №5 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-politika-v-demograficheskoy-sfere-voprosy-podderzhki-i-stimulirovaniya-rozhdaemosti*

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ И СЕМЬЕ

Ковалевская Елена Викторовна
(Институт социально-экономических проблем народонаселения им Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН)

Аннотация. По результатам опросов, проведенных ВЦИОМ в 2023, 2024, 2025 годах, проведен сравнительный анализ отношения россиян, российских мужчин и женщин, к традиционным ценностям и к самой важной из ценностей – семье; выявлены приоритетные ценности, которые россияне считали наиболее важными.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, семейные ценности, традиционные духовные принципы.

Семейные ценности и традиции очень важны для формирования основ общества, определения межличностных отношений, принципов воспитания, передачи знаний и опыта из поколения в поколение. Семья как главный социальный институт общества выполняет самые важные функции, необходимые для его сохранения и развития: репродуктивную, социализация и защита детей, преемственность поколений.

Если в обществе пренебрегают семейными ценностями, забывают традиции, то это может привести к дезориентации, утрате идентичности и культурного наследия. Сохранить семейные ценности и традиции можно только тогда, когда в обществе и государстве созданы условия для передачи их молодым поколениям, поддерживается культурное разнообразие и многообразие традиций.

Данные результатов опросов о традиционных ценностях, проведенных ВЦИОМ, в которых респондентам было предложено выбрать пять самых важных для них ценностей, крепкая семья была на первом месте. Семью можно считать ключевой традиционной ценностью, которая является опорой и поддержкой в самые трудные времена. Семья была приоритетной и наиболее важной ценностью для 68 % россиян в 2023 году и в 2025 году и для 67 % россиян – в 2024 году. Среди участвовавших в опросе в 2025 году семью считали важной ценностью 63 % мужчин и 73 % женщин, то есть женщин, считающих семью важной ценностью, было на 10 % больше, чем мужчин.

Историческая память и преемственность поколений была важной ценностью для 31 % в 2023 году, для 32 % респондентов – в 2024 году и для 33 % опрошенных – в 2025 году. В 2025 году историческая память и преемственность поколений была важной ценностью для 30 % мужчин и для 35 % женщин, то есть среди выбравших такой ответ женщин было больше чем мужчин на 5 %.

Гордость за страну была важной ценностью для 31 % россиян в 2023 году, для 37 % опрошенных – в 2024 году и для 30 % респондентов в 2025 году, среди которых такой ответ выбрали 29 % мужчин и 32 % женщин.

Наиболее важными ценностями считали жизнь, достоинство, права и свободы человека 29 % россиян в 2023 году, 34 % респондентов в 2024 году и 29 % опрошенных в 2025 году. Среди опрошенных в 2025 году жизнь, достоинство, права и свободы человека были самыми важными ценностями для 29 % мужчин и 31 % женщин, то есть эти ценности были более значимыми для женщин, чем для мужчин.

К наиболее важным ценностям относили единство народов России 28 % респондентов в 2023 году, 34 % опрошенных в 2024 году и 29 % россиян в 2025 году, а в 2025 году эту ценность считали самой важной 27 % мужчин и 31 % женщин, то есть женщин было на 4 % больше, чем мужчин.

Дружбу назвали наиболее важной ценностью в 2023 году 29 % опрошенных, в 2024 году так ответили 33 % от общего числа опрошенных, в 2025 году так думали 27 % респондентов, причем в 2025 году дружбу важной ценностью считали 26 % мужчин и 28 % женщин, то есть дружба как ценность была почти одинаково важна как для мужчин, так и для женщин.

Милосердие, гуманизм считали важной ценностью в 2023 году 26 % россиян, в 2024 году так думали 27 % опрошенных, в 2025 году так считали 25 % респондентов, среди которых было 19 % мужчин и 30 % женщин. Таким образом, женщин, считающих гуманизм и милосердие важной ценностью, было больше, чем мужчин на 11 %.

Самореализация была самой важной ценностью в 2023 году для 27 % респондентов, в 2024 году и в 2025 году так ответили по 22 % россиян, причем в 2025 году среди мужчин и женщин самореализацию как важную ценность выбрали 22 % мужчин и 22 % женщин. Таким образом, отношение и стремление к самореализации у российских мужчин и женщин одинаковое.

Развитие в качестве наиболее важной ценности в 2023 году выбрали 21 % респондентов, в 2024 году так ответили 19 % опрошенных, в 2025 году считали важной ценностью 20 % респондентов. Среди опрошенных в 2025 году развитие важной ценностью считали 20 % мужчин и 19 % женщин, то есть только каждый пятый из опрошенных россиян наиболее важной ценностью считал развитие.

Приоритет духовного над материальным считали важной ценностью в 2023 году 18 % россиян, в 2024 году так отвечали 20 %, а в 2025 году такой ответ выбрали 19 % респондентов. То есть почти каждый пятый россиянин считал важным приоритет духовного над материальным. Среди опрошенных в 2025 году 15 % мужчин и 22 % женщин считали наиболее важной ценностью приоритет духовного над материальным, то есть женщин было больше чем мужчин на 7 %.

Созидательный труд был наиболее важной ценностью в 2023 году для 13 % от общего числа опрошенных, в 2024 году так считали 16 % респондентов, и в 2025 году созидательный труд считали важной ценностью 15 % респондентов. Среди опрошенных в 2025 году 16 % мужчин и 14 % женщин ответили, что созидательный труд являлся наиболее важной ценностью. Таким образом, созидательный труд не является приоритетной важной ценностью для большинства россиян, как для мужчин, так и для женщин, так как разница в их ответах незначительная (только 2 %).

Коллективизм был наиболее важной ценностью в 2023 году для 7 % россиян, в 2024 году так считали 9 % респондентов, а в 2025 году его назвали важной ценностью 8 % от общего числа опрошенных. Среди опрошенных в 2025 году 9 % мужчин и 7 % женщин считали коллективизм наиболее важной ценностью, то есть отношение к коллективизму у мужчин и женщин почти одинаковое, то есть не является приоритетной ценностью.

Традиционными российскими ценностями 49 % россиян назвали семейные ценности, к которым относится и крепкая семья, и семейные ценности, и семья с детьми, и забота о детях, и многодетные семьи, и брак, как союз мужчины и женщины, воспитание и образование детей, уважение к старшим, забота о пожилых членах семьи. Традиционными российскими ценностям 34 % россиян считают патриотические ценности и 32 % респондентов – гуманистические ценности.

Идеальной семьей 57 % россиян считают семью, которая состоит из мужа, жены и детей, это полноценная семья, в которой много детей (больше трех). Для 48 % респондентов идеальная семья основана на взаимной любви, взаимоуважении, взаимопонимании, верности, взаимопомощи и взаимовыручке друг друга, где супруги умеют слышать друг друга, умеют прощать, поддерживают и заботятся друг о друге и о детях, делают все вместе, это крепкая семья без конфликтов и ссор, с достатком, собственным домом, есть дедушки и бабушки, в которой все хорошо и нет проблем.

В 2023 году для 77 % россиян важно было сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетные семья, а в 2025 году так считали 84 % россиян, среди которых было 85 % мужчин и 84 % женщин, то есть для большинства российских мужчин и женщин важно сохранить традиционные семейные ценности в России. Но в 2023 году 16 % россиян считали, что не стоит держаться за традиционные семейные ценности, так как они меняются со временем, а в 2025 году так считали 11 % респондентов, среди которых 9 % мужчин и 12 % женщин.

Таким образом, мнения мужчин и женщин о сохранении традиционных ценностей почти не отличаются.

Для большинства россиян важны традиционные духовные принципы, и они готовы всегда им следовать, даже в том случае, если они противоречат современной реальности. В 2023 году так думали 63 % россиян, в 2024 году и в 2025 году так считали по 65 % респондентов. В 2025 году 67 % мужчин и 63 % женщин были скорее согласны с тем, что они будут следовать традиционным духовным принципам, даже, если они противоречат современной реальности. Таким образом, среди мужчин было на 4 % больше тех, кто поддерживал традиционные духовные принципы и хотел действовать в соответствии с ними.

1. *Традиционные ценности: ожидания и реальность. Аналитический обзор 08 июля 2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost?ysclid=mgm3uhmszz745284741 (Дата обращения: 11.10.2025 г.).*

ПОЗДНЕЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Кузеванова Ангелина Леонидовна
(Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС)

Меркулова Лилия Сергеевна
(Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС)

В современном российском обществе феномен позднего родительства получил достаточно широкое распространение, что свидетельствует о серьезных изменениях репродуктивных установок женщин [1, 14]. В целях изучения практик позднего родительства нами в феврале-марте 2025 г. было проведено качественное социологическое исследование, в рамках которого было проведено 20 глубинных интервью с жительницами г. Волгограда, родившими ребенка в возрасте старше 35 лет. Выборочная совокупность была сформирована с помощью метода «снежного кома».

В процессе анализа полученных данных выяснилось, что основными причинами, побудившими женщин выбрать модель позднего материнства, стали следующие обстоятельства:

– рациональное принятие роли матери в позднем возрасте как продолжение процесса самореализации, начавшегося с осознанного отказа от материнства в молодом возрасте из-за желания реализоваться в профессии;

– несостоявшиеся планы стать матерью в более молодом возрасте по причине отсутствия достойного брачного партнера;

– вступление в новый брак и рождение ребенка для укрепления семейных отношений;

– желание начать новый этап своей жизни, получить ощущение «второй молодости», наполнить жизнь новым смыслом;

– рождение собственного ребенка в зрелом возрасте по причине отсутствия внуков от взрослых детей, практикующих отложенное родительство.

При разработке программы нашего исследования была выдвинута гипотеза о том, что основные трудности, с которые сталкивались возрастные родители, связаны с ограничениями по состоянию здоровья. Позднее родительство сопряжено с

физиологическими сложностями, основная причина которых – биологическое старение организма. При рождении ребенка в зрелом возрасте повышается вероятность кесарева сечения, после которого восстановление женщины может занять достаточно длительное время. Проблемы зрелых родителей напрямую связаны с усталостью организма, которая была вызвана ежедневным уходом за ребенком.

Физически восстанавливаться после родов в 40+ сложнее, чем в 20 или 30. Усталость чувствуется сильнее, дольше уходит вес, сложнее вернуться в форму. Уход за младенцем требует огромного количества энергии и выносливости. Ночные кормления, колики, зубы – все это истощает. В молодости сил больше, легче переносить бессонные ночи и постоянное напряжение (женщина, 43 года).

Информанты подчеркивали повышенную утомляемость, трудности с организацией сна, снижение уровня энергичности и выносливости по сравнению с более молодым возрастом. Однако большинство информантов не рассматривали эти физические ограничения как критический фактор, а скорее как естественные возрастные особенности, к которым можно адаптироваться. Многие находили способы компенсировать физические сложности за счет более рационального распределения времени.

В задачи нашего исследования входило выявление психологических проблем, с которыми сталкивались возрастные родители. Это достаточно важный вопрос для исследования выбранной проблематики, так как родительство в зрелом возрасте часто сопровождается страхом не успеть воспитать и вырастить ребенка. Большинство информантов отметили, что не сталкивались с психологическими трудностями. Скорее всего, это связано с тем, что такие родители чаще всего очень рационально подходят к вопросу материнства и тщательно готовятся к беременности. Зрелые родители очень ответственно подходят к выполнению своих обязанностей, беспокоятся о дальнейшей жизни своих детей, особенно если это их первый и долгожданный ребенок. Очень сильно эта тревога проявляется у родителей – одиночек, у которых нет помощи со стороны.

Важным для нашего исследования было изучение того, как зрелые родители справляются с задачами, связанными с профессиональной деятельностью, и обязанностями по уходу за ребенком. Выяснилось, что возрастные родители рационально подходят к поиску баланса между профессиональной и семейной жизнью. Для поздних родителей осознанной необходимостью становится управление временем (тайм-менеджмент), которое позволяет справляться с различными проблемами, которые характерны для родительства. Так, большинство информантов отметили, что совмещение работы и ухода за ребенком не вызывает сложностей и стресса.

Таких прямо особых проблем нет, если разграничивать работу и дом. И как нас учили, чтобы не было выгорания ни дома, ни на работе, нужно отключаться. Когда ты на работе, ты думаешь только о работе. Как только ты от неё уходишь, приходишь в дом – всё. Надо думать только о доме, родных, близких. Если ты будешь дома думать о работе или наоборот, то тут будет выгорание. И в профессиональной сфере, и в семье то же самое. Я стараюсь придерживаться этого правила (женщина, 46 лет).

Очевидно, что устойчивый эмоциональный контакт между ребенком и родителем – это основа психологического благополучия детей. Большинство информантов отметило, что главное – это выстраивать диалог с ребенком и достигать взаимного доверия. Зрелые родители делают акцент не на авторитарном контроле, а на объяснении, поддержке и уважении к мнению ребёнка. Такой подход формирует прочную эмоциональную связь, благодаря которой дети чувствуют себя безопасно, обращаясь к родителям со своими проблемами.

Я всегда стараюсь выслушать, понять ребёнка, даже если что-то он сделал неправильно, где-то он ошибся, не ругать, не наказывать, а стараться объяснить ему, что он сделал не так. Чтобы моё мнение было и его мнением. Вот поэтому мои дети со всеми проблемами идут ко мне, они не боятся мне рассказывать обо всем и прислушиваются к моим советам (женщина, 45 лет).

С целью выявления ограничений практики позднего родительства нами в гайд глубинного интервью был введен вопрос: «Присутствует ли у Вас беспокойство о будущем ребенка, связанное с Вашим возрастом?» Половина опрошенных информантов ответили, что у нет никаких переживаний о будущем своего ребенка и они стараются отойти от гиперопеки, и делают акцент на воспитании самостоятельности ребенка, чтобы он при необходимости смог жить без родительной опеки.

Нет, меня перестало это беспокоить, потому что важно ребенку заложить фундамент во время школы, а потом он уже сам выбирает свой путь, чем ему заниматься, и сейчас такой момент, что жизнь меняется, и меняется время, и ребенок сам будет подстраиваться, и твои взгляды, твой возраст не повлияют, ребенок сам будет разбираться, как ему взаимодействовать в этом мире без помощи родителей (женщина, 48 лет).

Вторая половила опрошенных все-таки отметила, что в силу возраста переживают о будущем своего ребенка. Основная причина таких переживаний в ограниченности времени, в том, что возрастные родители боятся что-то не успеть, опасаются физической немощности, которая может наступить в старости.

Я прекрасно понимаю, что, возможно, я не увижу от неё внуков или если даже увижу, то я буду очень старенькой и больной женщиной. В этом плане да, у меня, естественно, есть беспокойство. Хотелось бы ей подарить побольше положительных моментов, но в связи с возрастом я не смогу этого сделать. Я не смогу ей помочь в какой-то момент. Страх как бы в этом плане у меня есть. Я переживаю, что когда ей нужна будет помощь, когда именно в 20 – 25 лет такая вот именно бабушкина помощь понадобится, а я не смогу (женщина, 46 лет).

Большинство информантов отметило, что главный плюс позднего родительства – это накопленный жизненный опыт, который влияет на уровень ответственности. В отличие от молодых родителей, которые принимают какие-либо решения чаще всего импульсивно, возрастные родители делают это обдуманно и осознанно.

*Ну, может быть, более ответственно относишься к воспитанию ребёнка, грамотнее. Когда дети болеют, не цепляешься за всё, что там назначают врачи, не начинаешь пичкать ребёнка. Нет, тут уже сама начинаешь включать мозг и думать, стоит ли давать какое-то лекарство ребёнку или нет в этом плане. В плане воспитания именно сравниваешь, когда с первым ребёнком какие-то, может быть, недочёты были, а со вторым ты уже стараешься как-то исправиться (*женщина, 46 лет).

Помимо жизненного опыта информанты отнесли финансовую стабильность к преимуществам позднего родительства. По их мнению, молодые родители начинают семейную жизнь с нуля, им приходится одновременно воспитывать детей и строить карьеру, что приводит к дефициту времени на общение с ребенком. Возрастные родители, напротив, подходят к этапу рождения детей, уже решив все материальные и финансовые вопросы.

1. Галиева Э. Р. Традиционные и современные модели репродуктивного поведения // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 1. – С. 12-15.

СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ В МАТРИЦЕ ЗАБОТЫ ОБЩЕСТВА И СЕМЬИ О ДЕТЯХ

Лебедева Людмила Геннадьевна
(Самарский государственный экономический университет)

Аннотация. Общество и государство (а не только отдельные семьи) должны позаботиться об увеличении благоприятных возможностей (условий) для создания молодыми людьми своей семьи. Разнообразная забота о детях – магистральный путь к стремлению нынешних детей в будущем иметь свою полноценную семью, тем самым реализовать свою мужественность и женственность и наполнить их семейным содержанием.

Ключевые слова: семья, дети, молодёжь, ценность семьи, поколения, социализация, преемственность поколений.

Формирование семейных ценностей и ценности семьи как таковой в рамках социализации молодежи, в целом, является важнейшим аспектом преемственности поколений [2]. При этом семья в качестве основного социального института выступает основным фактором «первичного мироощущения человека» [5, 121]. И семья – «уникальный институт воспроизводства и первичной социализации человека, воспитания граждан и т.д.» [3, 128].

Вступив в более взрослый мир за пределами семьи, осваивая просторы социума, индивид и дополняет, и уточняет, и в чём-то меняет своё «первичное мироощущение». Когда в рамках семьи у индивида формируется, например, религиозное мироощущение, в дальнейшем оно может укрепляться, ослабляться или меняться на атеистическое представление о мире (возможно также и обратное движение – от атеизма к религиозности). А это относится и к проблеме смысложизненного (мировоззренческого) и жизненно-практического отношения к семье, а вместе с этим – и к ценностям семьи, среди которых главной личностной и социальной ценностью являются дети.

Вместе с этим, возникает и проблема: «Формирование семейных ценностей должно начинаться с первичных агентов социализации, то есть еще в детстве в родительской семье» [8, 149]. С этим тезисом невозможно спорить в буквальном смысле. Но, если «прицепиться» к слову «должно», то открывается простор для многих дополнений, уточнений, предложений и т. п. В самом деле, что «должно» (должное), то не всегда реализуется на практике по самым разным причинам – родители целыми днями (порой, и ночами) «пропадают» на работе, нет рядом бабушки, дедушки, других родственников – помощников в воспитании детей, и по другим вполне объективным причинам (о субъективных причинах разговор особый). Поэтому анализ указанной проблемы нуждается в дополнениях.

Необходимо учитывать, например, существование разнообразных молодёжных субкультур. Дело в том, что, по мере взросления, дети и подростки становятся всё более обособленными в пространственном и социальном (или пространственно-социальном) отношении [1, 117]. всё больше связаны со своими группами сверстников и их локальными субкультурами. И в рамках локальных молодёжных субкультур формируются в том числе некоторые мировоззренческие представления и установки в отношении мужественности и женственности (мужского и женского типов поведения), в отношении брака и семьи – иногда не в духе интересов общества в целом. С учётом этого, важны

конкурирующие объединения, организации, движения подростков и молодёжи, вовлекаясь в которые молодые индивиды могут получить «противоядие» от крайностей эгоизма и индивидуализма, от скептических и антиобщественных представлений и установок в отношении к семье и детям.

В том числе своеобразные группы и локальные субкультуры возникают в рамках социальных сетей – «онлайн» [1, 118]. Соответственно, и в «онлайн-поле» научная, культурно-педагогическая, а также и политическая, общественность призваны всё более активно проявлять себя, привлекать к себе, перетягивать на себя «центр внимания» со своими гуманистическими и интересными для подростков и молодёжи «контентами». В том числе, важным направлением для такой активности в «онлайн-поле» является систематическая поддержка того, что называется «семейная память» [7], как часть более обширной «коллективной памяти» [6].

В принципе, необходимо развивать общественные формы социализации детей, помогающие семьям, – некоторые из таких форм даже не требуют их «изобретения», а лишь актуализации и адаптации к особенностям современных условий общества. Это, например, говоря «языком советской эпохи», – детские Дома пионеров и школьников (сегодня есть Клубы юных техников, Кванториумы), различные кружки при Дворцах (Домах) культуры, спортивные секции (но желательно на бесплатной основе) и т. д. Школы должны быть реорганизованы так, чтобы после учебных занятий ученики могли заниматься в каких-то кружках, секциях – при этом просто быть под воспитательным надзором педагогов-профессионалов. Благодаря этому не будет образовываться «педагогический вакуум» (когда нет рядом с ребёнком необходимых воспитателей). И вот с этими разнообразными воспитательно-социализирующими агентами родители, семья могут иметь такие контакты, взаимодействие, которые, при всей их периодичности, непостоянстве, смогут восполнять роли родителей, семьи.

Обратимся ещё к одному тезису: «в настоящее время ощущается разрыв поколений, меняется восприятие семьи и родственных связей молодежью» [4, 26]. Однако, по социологическим наблюдениям, «процент значимости семьи как ценности в жизни молодого человека увеличивается в возрастной категории от 26 и более лет. Из этого можно сделать вывод: ценность семьи увеличивается, когда у молодого человека расширяются возможности для создания своей собственной семьи» [5, 125]. Из этого, в свою очередь, можно сделать и такой вывод: общество – общественность (гражданское общество) и государство (а не только отдельные семьи сами по себе) должны позаботиться об увеличении благоприятных возможностей (условий) для создания молодыми людьми своей собственной семьи.

В целом, разнообразная забота общества и семьи (включая прямую и косвенную заботу со стороны родителей) о детях – магистральный путь к желанию и стремлению нынешних детей в будущем иметь свою полноценную семью, тем самым реализовать свою мужественность и женственность и наполнить их семейным содержанием.

1. *Букин Д. Н., Фантров П. П., Мейдер В. А. Социальная онтология молодежной субкультуры: теория и практика // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 4. С. 115–123. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.12*
2. *Дудин Г. А., Лебедева Л. Г. Социализация молодежи как аспект преемственности поколений // В книге: Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции. 2008. С. 106-109. EDN: USWMLW*
3. *Ильинская С. Г. Традиционная семья как базовая ценность Российской Федерации // Вопросы социальной теории. 2024. Т. 16. С. 126-146. DOI: 10.30936/2227_7951_2024_16_126_146 EDN: KEMXFT*

4. *Коган Е. А., Пронина Е. И. Семья и связь поколений в представлении студенческой молодежи // Primo aspectu. 2024. № 4 (60). С. 25-31. DOI: 10.35211/2500-2635-2024-4-60-25-31 EDN: ZCGUPA*
5. *Лагуновская Е. А., Скакун Е. В. Место и роль семьи в формировании у молодежи представлений о ценностях христианских конфессий // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2024. Том: 14, № 1. С. 120-129. EDN: OKIFGG*
6. *Максимук Е. Г. Из опыта исследования феномена коллективной памяти // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. Т. 14, № 1. С. 130-137. EDN: HMDNJD*
7. *Максимук Е. Г. Механизмы формирования и сохранения семейной памяти // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. Т. 14, № 3. С. 63-70. DOI: 10.52275/2221-5336-2024-14-3-63-70 EDN: HTWRTC*
8. *Нуруллина Э. Р. Брачно-семейные отношения как основа формирования ответственного отцовства и материнства: пути популяризации семейных ценностей и родительства // Вестник Удмуртского. университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 2. С. 149–157. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-2-149-157*

ТРАДИЦИОННЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ И ФЕМИНИЗАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В РОССИЙСКИХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ

Леонтьева Таисия Викторовна
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования женских образов в современных российских мультипликационных фильмах с помощью глубинного экспертного полуструктурированного интервью. Отмечаются следующие тенденции в представлении женских образов в мультипликации: феминизация маскулинности, представление женского образа-супергероя, гипертрофированные женские черты. На фоне феминизация мужских образов в современной анимации, эти тенденции могут привести к искажению восприятия традиционных семейных ролей и ценностей.

Ключевые слова: женский образ, традиционные ценности, феминизация, маскулинность, мультипликационные фильмы.

Актуальность исследования традиционных женских образов в современных российских мультипликационных фильмах обусловлена изменением роли женщины в семье и в обществе в целом [1]. В условиях глобализации, цифровизации и трансформации общественных норм наблюдается кризис семьи: трансформация межличностных отношений, рост числа разводов, изменение ценностных приоритетов сопровождается и резким ухудшением репродуктивной функции женщин. Эти вызовы требуют глубокого научного осмысления и разработки методологических подходов к изучению традиционных женских образов в современных российских мультипликационных фильмах.

Образы девочек, девушек и женщин с присущими им характеристиками, такими как внешность, способность выстаивать межличностные отношения, социальные роли, которые появляются в средствах массовой информации, и, в частности, в мультипликационных фильмах, во многом определяют модели поведения подрастающего поколения, создают определенные эталоны, которые, оказывают значительное влияние на мировоззрение каждого индивида, особенно в раннем возрасте, потому что просмотр

мультфильмов играет важную роль в развитии ребёнка во всех аспектах – физическом, эмоциональном, мировоззренческом, интеллектуальном [4].

Социокультурный аспект исследования женских образов проявляется в изучении роли матери в образовании ранних личностных структур ребенка в работах Адлера А., Фрейда З., Пайнза Д. Мид М., Эриксон Э., Кон И. С. рассматривают женские функции в рамках воспитания и отношения к ребенку, стиль и содержание которых определен социальными установками общества. Материнство как социальная функция женщин в большей степени разработано в социологии в традиции тендерных исследований. Влияние образов значимых других, в том числе абстрактных визуальных образов, на формирование представлений о себе отмечают многие авторы, такие как Ф. Н. Гоноболин, Е. А. Климов, Н. В. Кузьмина, А. А. Реан, Л. А. Регуш и другие.

Для исследования традиционных женских образов т феминизации маскулинности в современных российских мультипликационных фильмах был использован экспертный глубинный полуструктурированный опрос.

По мнению некоторых экспертов исследования, мультфильмы отражают ту социальную реальность, в которой мы живем. Меняются социальные роли мужчины и женщины – и это находит отражение не только в кинематографе, но и анимации. В большей степени в российских мультфильмах, по мнению экспертов, девочка предстает независимой, смелой, героической, в то время как раньше образ был наделен такими качествами как скромность, прилежность. Как заметил один из респондентов, образ сильной женщины пришел из советских фильмов: «Это была героиня, и мужчина очень часто был ей поставлен на место, где-то даже иногда унижен в какой-то степени». Эксперты отмечают, что сейчас мужчины в обществе становятся феминными, поэтому для возрождения традиционных образов и семейных ценностей необходимо, чтобы мужские образы выступали в маскулинной роли. На их фоне продвижение традиционных женских образов, наделенных мягкостью, мудростью, выступающих в роли хранительниц очага, любящего родителя будет гармонично для восприятия молодым поколением.

Маскулинный женский образ в мультфильме может оказать определенное влияние на ребенка, особенно младшего возраста: в одном случае он будет стремиться ему подражать и воспитывать в себе какие-то сильные качества, в другом случае – у ребенка может развиться комплекс неполноценности [3]. В мультфильмах часто представлен женский образ, наделенный качествами супергероя: женщина /девочка сама справляется со всеми жизненными трудностями, не ограничена никакими рамками, в том числе гендерными и социальными [2]. Такая излишняя феминизация маскулинности ведет к искажению восприятия традиционных женских образов, затем проецируется на современное общество, и в дальнейшем может искажать и переосмысливать роль женщины в социуме и семье.

1. *Ермизина Е. В. Мультфильмы – дети: от контента к пониманию // Мир психологии. 2010. № 1 (61). С. 51–58*
2. *Леонтьева Т. В. Особенности структуры образа семьи в современных российских мультипликационных фильмах // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4. С. 45–49*
3. *Леонтьева Т. В., Долгорукова И. В. Детская мультипликация как фактор социального здоровья семьи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 5. С. 1152–1155. https://doi.org/10.32687/0869- 866X-2021-29-5-1152-1155*
4. *Немова О. А., Бурухина А. Ф. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1. С. 152–173.*

БАРЬЕРЫ СОВМЕЩЕНИЯ МАТЕРИНСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ РЕМЕСЛЕННОМ СЕКТОРЕ

Лермонтов Даниил Андреевич
(НИУ «Высшая школа экономики» (СПб.), Санкт-Петербург, Россия)

Совмещение материнства и предпринимательства не является новым или «нетипичным» режимом для российских женщин. Они и прежде вовлекались в различные практики, которые маркируются сегодня как предпринимательство. Тем не менее, как феномен, «предпринимательство матерей» было впервые концептуализировано только в 90-е гг. XX в. исследователями из США и Великобритании [4].

Сегодня включение матерей в сферу предпринимательства является одним из направлений государственной поддержки женского предпринимательства в России, а также одним из векторов развития сферы малого и среднего предпринимательства [8]. Тем не менее, несмотря на политику интеграции данной группы, матери сталкиваются с рядом трудностей, которые существенно затрудняют их развитие в сфере бизнеса.

Среди барьеров предпринимательства матерей выделяли финансовые, институциональные, юридические [10] и психологические факторы [6], внутренний ролевой конфликт [5], плохие условия для совмещения предпринимательства и материнства внутри семьи, негативные стереотипы [7]. Также было отмечено влияние дискриминации и маргинализации группы бизнес-матерей [2], наличие различных онлайн-рисков [9]. Для данного исследования наиболее существенными являются факторы ролевого конфликта, бытовой- и бизнес-дискриминации матерей, поскольку в фокусе находится сложный режим совмещения бизнеса и родительства.

В процессе тематического анализа были последовательно определены три группы кодов: 1) «описательные», 2) «объяснительные» и 3) «коды-паттерны», которые были аналитически отнесены в две общие категории: «трудности предпринимательства матерей» и «способы преодоления барьеров материнского предпринимательства» [1]. В эмпирическую базу исследования вошли 13 лейтмотивных интервью с российскими предпринимательницами в сфере малого крафтового бизнеса [3] с детьми до 12 лет. Исследование было реализовано нами в рамках качественной методологии, поскольку для анализа необходима детализированная фиксация проблем, упомянутых информантками в нарративах о совмещении материнства и бизнеса. Таким образом, были выявлены ключевые категории, связанные с барьерами такого совмещения в сфере крафта: «пространство для творчества и производства», «временной режим предпринимательства», «особенности окружения бизнес-матерей», «проблема внешней валидации» и «организационные трудности совмещения бизнеса и родительства». Также были определены основные способы преодоления барьеров российскими матерями, отражающие проявление их агентности в кризисные периоды: «советы окружения», «подруги по аренде», «ночные заказы», «бизнес нон-стоп», «хитрое делегирование», «время на себя», «ближайший круг поддержки», «сообщество мастеров», «дети на работе», «больше не мама-такси» и «поддержка няни, школы и детсада».

Результаты доклада будут полезны как для обсуждения возможных направлений развития политик включения женщин в сфере ремесленного производства уникальных товаров, так и для будущих эмпирических исследований предпринимательства российских матерей в целом.

1. *Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77-101.*
2. *García A. C., Villares-Varela M. Contesting the boundaries of marianismo and entrepreneurial identity: meanings of motherhood amongst Latin American migrant women entrepreneurs // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 149-169. DOI:10.1108/IJGE-06-2022-0102.*
3. *Luckman S. (ed.) Craft and the Creative Economy. London: Palgrave Macmillan, 2015. DOI: 10.1057/9781137399687.*
4. *Richomme-Huet K., Vial V. Business lessons from a "mompreneurs" network // Global Business and Organizational Excellence. 2014. No. 33 (4). P. 18–27.*
5. *Weidhaas A. Mompreneur: Is This a Real Job // Mothering and Entrepreneurship: Global Perspectives, Identities and Complexities. / Ed. by T. Esnard, M. Knight. Ontario: Demeter Press. 2020. P. 72–104. DOI: 10.2307/j.ctv1840448.5.*
6. *Годованная М., Темкина А. «Мать ты навечно, но и художница – всегда»: творчество в условиях интенсивно-расширенного материнства // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2017. Т. 9. № 1. С. 30–61.*
7. *Лапа Е. А., Кибирева Е. Н. Образовательный проект «Мама – предприниматель» как один из успешных способов формирования профессиональных компетенций обучающихся // Цели и ценности современного образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 08–10 апреля 2020 года. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2020. С. 151–156.*
8. *Цыбенко Ю. Д., Гилязева Е. С. Оценка эффективности проектов по развитию женского предпринимательства в России // Научные записки академии. 2022. № 4 (44). С. 10–14.*
9. *Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривощёкова М. С. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. 2022. Т. 23. №. 4. С. 12-36. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36.*
10. *Эль-Сибаи Н. М., Ганебных Е. В. Мамы-предприниматели: причины женской самозанятости и скрытый потенциал // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 541–556. DOI 10.18334/epp.9.4.41487.*

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ И РОССИИ

Ли Дяньчэн
(СПбГУ)

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция гендерных подходов в социальной политике Китая и России, анализируется влияние демографической политики на трансформацию роли женщин из традиционных матерей в современных работающих женщин. Этот сравнительный анализ показывает разные пути модернизации и традиционного перехода между двумя странами, где культурные ограничения по-прежнему препятствуют гендерному равноправию.

Ключевые слова: Гендерная политика, Социальная политика, Гендерное равноправие

С развитием общества и процессов модернизации гендерное равноправие стало важным индикатором прогресса в Китае и России. Индивидуальное гендерное самосознание пробуждается в рамках государственной политики, особенно в демографических стратегиях и на рынке труда, что ведет к трансформации роли женщин от традиционной матери к современной профессионалке. Культура, представляющая совокупность социальных норм, установок и практик, формирует эволюцию гендерных ролей, а государственная политика через правовые, образовательные и экономические меры оказывает на них ключевое влияние.

В этом контексте понятие перформативности Джудит Батлер предлагает эффективную аналитическую призму. Согласно Батлер, гендер не является врожденной сущностью, а конструируется через повторяющиеся социальные практики [1, 29]. Исходя из этого, государственную политику можно рассматривать как мощный механизм такого конструирования. В Китае и России меры, направленные на стимулирование рождаемости и поддержку занятости, через правовые и экономические стимулы задают и постоянно воспроизводят «сценарий» для исполнения гендерных ролей. Таким образом, политика не просто регулирует, но и активно инсценирует переход от традиционного материнства к профессиональной идентичности, усиливая его через повседневные практики. Государство как институциональная сила интегрирует демографические стратегии и гендерные нормы в уникальную культуру, передающуюся из поколения в поколение. В связи с этим, содействие гендерному равноправию является ключевым путем трансформации и центральной целью политики. В статье через анализ практики и эффективности мер исследуется степень достижения этой цели.

Гендерные перспективы в социальной политике Китая

Гендерная перспектива в социальной политике Китая ориентирована на достижение существенного равноправия и реализуется через многомерные механизмы, включая правовую систему, корректировку государственной политики и трансформацию социокультурных норм. С 1995 года, когда гендерное равноправие было провозглашено базовым государственным курсом, сформировалась законодательная база во главе с Конституцией и Законом о защите прав женщин, охватывающая противодействие домашнему насилию, обеспечение равноправия в трудоустройстве и образовании. Программа 14-й пятилетки институционализировала гендерный мейнстриминг в системе госуправления.

В сфере образования рост доступности базового обучения и расширение образовательных возможностей для женщин сопровождались интеграцией принципов равноправия в подготовку педагогов, что способствует переходу от формальной к содержательной справедливости. Однако на рынке труда сохраняются структурные дисбалансы: антидискриминационные законы и программы про поддержки не устраняют профессиональной сегрегации и гендерного разрыва в оплате (доходы женщин на 12% ниже) [2, 2], особенно для женщин репродуктивного возраста, сталкивающихся со скрытой дискриминацией из-за материнства.

Демографическая политика, эволюционировавшая от «полуторадетной» к «трехдетной» модели, дополняется мерами по развитию дошкольных учреждений и увеличению отцовских отпусков для перераспределения семейных обязанностей, но традиционное предпочтение сыновей продолжает вызывать дисбаланс полов при рождении (111.3 мальчика на 100 девочек в 2020 году)[3], особенно в сельской местности.

В политическом участии, несмотря на рост доли женщин среди госслужащих до 40 %, сохраняется проблема «номинального представительства» с преобладанием заместительных позиций, формальных квот и ограниченного доступа к ключевым ведомствам, что отражает разрыв между декларативными целями и реальной практикой.

Гендерная перспектива в российской социальной политике

Гендерная перспектива в социальной политике России характеризуется двойственной природой – сочетанием традиционалистской ориентации и приоритета демографической безопасности, где институциональное закрепление семейных ролей позиционирует женщину как субъекта «демографического воспроизводства» и хранительницу семейных ценностей. На уровне политических мер такие инструменты, как программа «материнского капитала» (репродуктивные субсидии) и трёхлетний

оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком, через экономические стимулы неявно укрепляют модель «мужчина-кормилец/женщина-хранительница очага», связывая репродуктивное поведение женщин с национальной безопасностью для преодоления устойчивой депопуляции. Параллельно консервативная идеология проявляется в правовой и публичной сфере: закон 2017 года, переведший первичные случаи побоев в семье из уголовного преступления в административное правонарушение, что критиками расценивается как имплицитное снисхождение к гендерному насилию со стороны государства[4], а синтез православных ценностей с риторикой «борьбы с западной гендерной идеологией» подавляет публичное обсуждение гендерного разнообразия (например, расширительная трактовка закона о «запрете пропаганды ЛГБТ»). Женщины, как правило, зарабатывают меньше мужчин на рынке труда (В 2023 году средняя начисленная заработная плата мужчин составит 87 757 рублей, женщин – 61 113 рублей, разница составит 26 000 рублей или 43,5 %)[5], однако сохраняющаяся значительная региональная диспропорция в доступности дошкольных учреждений (в 2023 г. при общероссийском уровне охвата в 74,9 %, показатель варьировался от 53,8 % в Северо-Кавказском до 90,2 % в Северо-Западном федеральном округе)[6] обнажают внутренний конфликт политических целей – инструментализация репродуктивной функции женщин при одновременном ограничении социальной мобильности через традиционные ролевые предписания. Такой инструментализированный подход к гендерному регулированию формально сохраняет советское наследие равноправия, но на практике создаёт парадокс «дифференцированного равноправия», формируя противоречивый ландшафт современного российского гендерного порядка.

Социальная политика Китая и России демонстрирует как сходства, так и различия в подходах к гендерным вопросам. Обе страны стремятся к стабильности численности населения посредством политики, укрепляющей роль женщин в деторождении. Китай поддерживает совмещение карьеры и материнства посредством политики «трех детей» и развития детских садов, в то время как Россия укрепляет традиционные семейные роли с помощью «материнского капитала» и трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. Китайская политика продвигает современное равноправие, в то время как Россия делает акцент на традиционной стабильности, формируя тем самым разные пути трансформации роли женщин.

Различия в подходах обусловлены комплексом факторов. Китай, делая акцент на модернизации и экономическом росте, рассматривает женскую рабочую силу как ключевой ресурс, что способствует политике совмещения карьеры и материнства. В России же, после распада СССР, сильная реакция против «западных ценностей» и обращение к «традиционным» институтам, таким как православие, способствовали укреплению консервативного гендерного порядка, где демографическая безопасность часто ставится выше индивидуальных прав женщин.

Заключение. Социальная политика Китая и России оказала глубокое влияние на восприятие роли женщин и их практическую деятельность посредством демографических мер. Этот вывод раскрывает уникальные траектории эволюции гендерной культуры в обеих странах, демонстрируя, как государственная политика целенаправленно формирует и меняет гендерные роли и идентичности современных женщин.

Процесс модернизации способствовал проведению различных экспериментов в области женских ролей, однако культурные традиции, такие как гендерные предрассудки в Китае и консерватизм в России, остаются препятствиями, мешающими полной реализации гендерного равенства. На фоне глобализации гендерная политика в обеих

странах претерпевает глубокие изменения. Сохранение баланса между традиционными ролями и целями равенства в процессе модернизации при одновременном продвижении гендерной справедливости в рамках культурного наследия стало неотложной задачей для обоих обществ.

1. *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge // Батлер Дж. Гендерная проблема: Феминизм и подрыв идентичности. Лондон: Рутледж, 1990. 29с.*
2. *2023中国女性职场现状调查报告 // Zhaopin. Отчет о текущей ситуации женщин на рабочем месте в Китае за 2023 год. 2023. 2с.*
3. *中国国家统计局. 第七次全国人口普查主要数据 // Национальное бюро статистики Китая. Основные данные седьмой национальной переписи населения. Пекин: Национальное бюро статистики, 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1901080.html(дата обращения: 3.10.2025).*
4. *Уголовного кодекса России. ст. 116*
5. *Росстат. Росстат оценил разрыв в зарплатах мужчин и женщин в России // Forbes.ru. [Электронный ресурс] URL: https://www.forbes.ru/society/528664-rosstat-ocenil-razryv-v-zarplatah-muzcin-i-zensin-v-rossii(дата обращения: 3.10.2025).*
6. *Statista. Доля детей в дошкольном образовании в России с 2015 по 2021 год [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.statista.com/statistics/1264214/share-of-children-in-preschool-education-russia/(дата обращения: 3.10.2025).*

БЕСПЛОДИЕ КАК ВЫЗОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ИМПЕРАТИВАМ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Любчинская Александра Сергеевна
(СПбГУ)

Проблема бесплодия приобрела глобальный характер, став одним из наиболее актуальных вызовов для систем здравоохранения по всему миру. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, с этим состоянием в течение жизни сталкивается примерно каждый шестой человек, а на весну 2023 года заболевание было диагностировано у 17,5 % взрослого населения планеты [2]. Важно отметить, что показатели распространенности сопоставимы в странах с разным уровнем дохода, что указывает на универсальный характер проблемы. В специфическом контексте современной России, переживающей затяжной демографический кризис и проводящей активную пронаталистскую политику, бесплодие из сугубо медицинской проблемы трансформируется в сложный социопсихологический феномен, бросающий вызов как макроуровню государственных демографических установок, так и микроуровню личностной идентичности женщины.

Демографическое измерение этой проблемы в России характеризуется тревожной динамикой. Исследования показывают, что за период с 2011 по 2021 год распространенность женского бесплодия в Москве выросла почти в 3 раза, а мужского – почти в 2 раза [5, 39]. При этом официальная статистика фиксирует значительный перекос: в 2021 году в структуре зарегистрированных случаев бесплодия в Москве на долю женщин приходилось 98 %, а на долю мужчин – лишь 2 % [5, 40]. Это диспропорциональное соотношение, как справедливо отмечают эксперты, в значительной степени является следствием системного недоучета мужского бесплодия в первичном звене здравоохранения, отсутствия развитой андрологической службы и практики установления диагноза женщине даже при наличии мужского фактора [5, 43]. Непосредственным следствием этого являются репродуктивные потери: так, масштабы

потерь потенциальных рождений в стране за счет женского бесплодия оцениваются в 18 %, в то время как вклад мужского фактора составляет около 3 % [5, 41]. Таким образом, женское бесплодие становится одним из значимых факторов, усугубляющих демографический вызов в стране.

Столкновение женщины с диагнозом «бесплодие» провоцирует не только социальный, но и глубоко личностный кризис, затрагивающий самые основы ее самоощущения. В ситуации, когда материнство в общественном сознании зачастую воспринимается как неотъемлемая составляющая женственности и социальной состоятельности, невозможность реализации репродуктивной функции переживается как крах жизненного проекта. Психологические исследования выявляют специфический портрет женщин, сталкивающихся с данной проблемой. Для них характерны общая инфантильность, повышенный уровень тревожности, эмоциональная неустойчивость и осложненные отношения с близкими [3, 98]. Формируется так называемый «синдром репродуктивной неполноценности», который сопровождается интенсивными переживаниями вины, стыда и чувством социальной неполноценности.

Эмпирические данные убедительно демонстрируют структурную деформацию социальной идентичности у женщин в состоянии бесплодия. Как показало исследование Х.В. Бежиной, у данной категории женщин наблюдается устойчивый сдвиг локуса контроля в сторону экстернальности, что отражает тенденцию к приписыванию ответственности за происходящее внешним обстоятельствам или другим людям и формирует пассивную «надежду на чудо» [1, 119]. Параллельно происходит обеднение смысловой сферы: жизнь начинает восприниматься как лишенная целей и интересов, а будущее видится в мрачных тонах. Временной континуум сужается, и настоящий этап жизни оценивается крайне негативно, как тупиковый и бесперспективный [1, 119-120]. Еще одной яркой особенностью является гипертрофированная концентрация на телесном опыте. Повышенная саморефлексия телесного потенциала приводит к тому, что телесность, ее ощущения и состояния становятся ядром идентичности, вокруг которого сосредотачиваются все остальные переживания, тогда как иные сферы личного и социального бытия уходят на периферию [1, 120]. Все это в совокупности подтверждает, что невозможность реализовать одну из центральных социальных ролей ведет к глубокой трансформации всей структуры личности.

Способ совладания с этим многогранным кризисом во многом определяется избираемыми женщиной стратегиями. Исследователи выделяют два основных модуса бытия в условиях ситуации бесплодия. «Экстремальный» модус характеризуется поглощенностью проблемой, пассивностью и надеждой на внешнее чудо или врачей. В противоположность ему, «предельный» модус предполагает принятие болезни как жизненного испытания, активный поиск новых смыслов и принятие ответственности за свою жизнь и происходящее [6, 99]. Именно женщины, демонстрирующие «предельный» модус, проявляют большую психологическую устойчивость. Ключевую роль в поддержке и формировании адаптивных стратегий играет психологическое вмешательство. Данные метаанализов, в том числе работы Frederiksen Y. et al., свидетельствуют о том, что различные формы психосоциальной помощи (когнитивно-поведенческая терапия, программы «Разум/тело», групповая терапия) способны вдвое увеличивать шансы на наступление беременности по сравнению со стандартным медицинским лечением [7]. Эффективность психокоррекции подтверждается и отечественными исследованиями, где положительный результат после комплексной работы с психологом отмечался у 61,1% женщин, что в 1,5 раза превышает показатели в группе, получавшей только медицинскую помощь [4, 13]. Перспективным направлением в этой области считается арт-терапия,

которая предоставляет женщине безопасный способ исследования и выражения сложных, часто неосознаваемых переживаний, связанных с материнством и идентичностью, через невербальные каналы коммуникации.

Таким образом, бесплодие в современной России представляет собой комплексный феномен, находящийся на стыке демографии, медицины и психологии. С одной стороны, оно напрямую противостоит государственным демографическим императивам, обуславливая значительные репродуктивные потери. С другой – становится мощным фактором деформации личностной и социальной идентичности женщины, приводя к глубокому экзистенциальному кризису, смысловой опустошенности и тотальной концентрации на телесном неблагополучии. Преодоление этого двойного вызова требует не только совершенствования и развития медицинских, в том числе андрологических, служб, но и обязательной интеграции системной и доступной психологической помощи в процесс лечения и сопровождения бесплодных пар. Такой комплексный подход будет способствовать не только повышению клинической эффективности лечения, но и сохранению психического здоровья, личностной целостности и качества жизни женщин, оказавшихся в этой трудной жизненной ситуации.

1. *Бежина Х. В. Социальная идентичность женщин в ситуации бесплодия // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2010. – № 3. – С. 117–121.*
2. *ВОЗ. Бесплодием страдает каждый шестой человек в мире. 2023. URL: https://www.who.int/ru (дата обращения 21.10.2025).*
3. *Гольшикина М. С., Геворгин М. М., Николенко В.Н. Женское бесплодие как фактор эмоционального расстройства: значение психотерапии в лечении бесплодия // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 97–103.*
4. *Иванова А. Р. Медико-психологические особенности женщин и психокоррекция в комплексном лечении бесплодия // Мать и дитя в Кузбассе. – 2010. – № 3(42). – С. 13–17.*
5. *Савина А. А., Землянова Е. В., Фейгинова С. И. Потери потенциальных рождений в г. Москве за счет женского и мужского бесплодия // Здоровье мегаполиса. – 2022. – Т. 3. – № 3. – С. 39–45.*
6. *Фоменко Г. Ю. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) // Южно-российский журнал социальных наук. – 2008. – № 4. – С. 17–29.*
7. *Frederiksen Y., Farver-Vestergaard I., Skovgard N.G. et al. Efficacy of psychosocial interventions for psychological and pregnancy outcomes in infertile women and men: a systematic review and meta-analysis // BMJ Open. – 2015. – Vol. 5(1). – P. e006592. DOI: 10.1136/bmjopen-2014-006592.*

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Ляликова Софья Викторовна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Современное российское общество переживает глубокую трансформацию системы жизненных ценностей, особенно это касается сферы семейно-детных ориентаций. Сторонники фамилизма, относят происходящие изменения к кризисным, представители модернизационной парадигмы считают процесс «закономерным следствием общественного прогресса» [Кучмаева, Кучмаев, Петрякова, 2009:28]. Вынужденная передача ряда специфических и неспецифических функций семьи госинститутам, ограниченность оснований для совместной деятельности родителей и детей являются одной из причин институционального кризиса семьи [Антонов, 2014]. Сегодня особую роль приобретает анализ отдельных аспектов совместной деятельности родителей и детей. В рамках статьи на микроданных «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением» (Росстат–2019), сделана попытка проанализировать основные

направления совместной деятельности родителей и детей, которую удалось зафиксировать при помощи дневников наблюдений. Сравнение структуры бюджетов времени проводилось при помощи стандартных статистических методов сравнения средних значений (t-тест для независимых и зависимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ, z-тест и χ^2 для сравнения долевых распределений).

Объем выборочной совокупности – 10326 респондентов. В нее были включены мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном браке и имеющие совместно проживающих с ними детей до 15 лет. Многодетными (3+ детей) являются 7,2 % опрошенных, еще 40,2 % имеют двоих детей, остальные – однодетные. Информанты преимущественно проживают в городской местности (74,8 %), 46,8 % имеют высшее образование. Подавляющее большинство опрошенных (97,9 %) на прошлой неделе имели оплачиваемую работу, большинство мужчин и женщин работают согласно фиксированному графику (86,1 %), еще 12,3 % – имеют гибкий график или работают неполную неделю.

Прежде чем приступить к анализу эмпирических данных, дадим определение совместной деятельности родителей и детей. Структура совместной деятельности включает в себя: общую цель, мотивы, действия и результаты [Рогов, 2018]. Не каждое взаимодействие определяется как совместная деятельность, в ряде случаев определение дается через процесс (А. Л. Журавлев, Н. Н. Обозов, В. Н. Панферов и др.), в других же через форму (Г. М. Андреева, Я. Яноушек и др.) [Гайдукова, 2013]. Согласно Н. Н. Обозову выделяется два ключевых аспекта совместной деятельности: «предметная деятельность и совокупность процессов, устанавливающих различные связи и зависимости между людьми в процессе этой деятельности» [Обозов, 2009]. К. К. Платонов определяет совместную деятельность как «сознательное взаимодействие двух или нескольких человек в процессе совместного достижения общей цели в труде, игре, обучении, воспитании» [Цит. по: Обозов, 2009:134 – 135].

В рамках данной статьи определим совместную деятельность родителей и детей как социально обусловленную форму интеракции двух и более субъектов семейных отношений, направленную на достижение общих целей, связанных с воспроизводством культурных норм, усвоением социальных ролей и поддержанием целостности семейного института, в том числе осуществлением взаимной заботы субъектов, включенных в семейную структуру, друг о друге. На основании эмпирических данных выделено четыре ключевых направления деятельности родителей, которые можно наиболее четко соотнести с совместной деятельностью: физическая деятельность по уходу (кормление детей, купание, оказание медицинской помощи (переменные: K_411, K_412.0)); развлекательная деятельность (игры, спортивные занятия, творчество и др.) (K_415.0); воспитательно-образовательная деятельность (вопросы, возникающие в процессе взаимодействия ребенка с образовательной организацией, социализация) (K_413.0, K_414.0); организационная деятельность (сопровождение детей, пассивный уход, присмотр) (K_416.0, K_442.0). Были исключены из анализа переменные, которые могли исключать субъекта «ребенка» из процесса взаимодействия.

Согласно полученным результатам горожане ежедневно проводят со своими детьми порядка полутора часов вне зависимости от дня недели, в сельской местности вовлеченность родителей оказалась несколько ниже: 1,4 часа – в будний день, 1,3 часа – в выходной (см. табл. 1). В будний день наибольшее время уходит на физическую деятельность по уходу за детьми, затем следует воспитательно-образовательная деятельность, организационная и развлекательная. В выходные дни структура совместной деятельности несколько меняется: ведущей деятельностью по-прежнему остается

физический уход, в то время как остальные виды деятельности теряют свою значимость, перераспределяя высвободившееся время на развлекательную деятельность, время отводимое на которую, как мы видим на примере горожан и сельчан, возрастает в 1,7-1,8 раза. Мужчины, проживающие в городах, а также мужчины, получившие высшее образование, по всем видам деятельности оказываются более вовлеченными в совместную деятельность со своими детьми как в будние, так и в выходные дни, за исключением мужчин-горожан, занимающихся физической деятельностью по уходу за детьми в будние дни, отличия сохраняются, но на уровне тенденции.

Таблица 1. Типы совместной деятельности родителей и детей, выраженные в бюджетах времени, в минутах

Тип деятельности / Место проживания	**Будний день**						**Выходной день**					
	Среднее по выборке		**Мужчины**		**Женщины**		**Среднее по выборке**		**Мужчины**		**Женщины**	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Физическая деятельность по уходу	37,8	34,0	8,6	7,4	66,8	60,6	36,1	31,9	14,1	10,0	58,0	53,7
Воспитательно-образовательная деятельность	21,4	21,3	11,1	9,3	31,6	33,3	17,8	15,2	13,1	9,2	22,4	21,2
Организационная деятельность	21,0	16,2	9,5	7,0	32,5	25,3	18,8	12,7	17,3	11,3	20,2	14,0
Развлекательная деятельность	12,9	10,2	11,4	9,4	14,4	11,0	22,7	17,1	27,7	20,3	17,8	13,9
Общее время, отведенное на совместную деятельность	***93,0***	***81,7***	***40,5***	***33,0***	***145,3***	***130,1***	***95,3***	***76,8***	***72,2***	***50,8***	***118,3***	***102,7***

Безусловно, материалы исследования подтверждают тот факт, что матери больше времени проводят со своими детьми, в сравнении с отцами [Карпова, Ляликова, Антонов, 2024]. На примере горожан видно, что женщины в 3,6 раза больше времени посвящают совместной деятельности с детьми в сравнении с мужчинами, в выходные дни разрыв сокращается до 1,6 раза. Интересным остается вариативность статистически значимых отличий в разные дни недели. Не обнаружено значимых отличий в вовлеченности женщин из городской и сельской местности в воспитательно-образовательную деятельность за исключением несколько большего внимания, которое уделяют сельчанки данному типу деятельности в будний день. В то же время женщины 30-39 лет посвящают воспитательно-образовательной деятельности больше времени как в будний, так и в выходной день (36,4 мин. к 24,4 мин.) в сравнении с другими возрастными когортами (18-29 лет – 24,0 мин. к 18,9 мин.; 40+ лет – 29,1 мин. к 19,5 мин.), возможно это связанно с возрастом детей. Данный тип деятельности также находит большее отражение в среде более обеспеченных женщин в сравнении с теми, чей доход составляет меньше 1 прожиточного минимума (<1 ПМ – 27,7 мин. в будни к 16,7 мин. в выходные, 1,5-2 ПМ – 34,1 мин. к 23,5 мин.). Что касается деятельности по физическому уходу за детьми, то в будни этому вопросу уделяют больше времени горожанки в сравнении с представителями сельской местности, в выходные дни отличия теряют значимость. Женщины с высшим образование уделяют данному типу деятельности больше внимания в выходные дни в сравнении с сельчанками. Во всех остальных случаях, как и при описании зависимостей среди мужчин, женщины из городской местности и респондентки с высшим

уровнем образования оказываются более вовлеченными в совместную деятельность со своими детьми.

Описанная картина дает нам возможность рассуждать о скрытом потенциале укрепления института семьи через большую вовлеченность родителей в совместную деятельность со своими детьми. Представляется возможным увеличить время, которое отцы и матери посвящают воспитанию и обучению своих детей посредством альтернативных форм обучения. Новая модель семьи-школы и семьи-офиса в связи с её полифункциональностью позволит объединить труд родителей и детей в рамках совместного семейного производства и образования. Семейное образование позволит серьезно продвинуться в направлении воссоздания семьи как совместной жизнедеятельности родителей и детей, нуждающихся в друг друге на всем протяжении семейного цикла жизни.

1. *Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. 2014. № 1.*
2. *Гайдукова И. Е. Совместная деятельность как педагогическая категория // МНКО. 2013. №3 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnaya-deyatelnost-kak-pedagogicheskaya-kategoriya (дата обращения: 08.10.2025).*
3. *Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3.*
4. *Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О.Л . Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. №3. 2009.*
5. *Обозов Н. Н. Модель регуляции совместной деятельности // Социальная психология. Л., 2007.*
6. *Рогов Е. И. Организационная психология. М.: Юрайт, 2018.*

НОВЫЙ ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ

Мехова Альбина Анатольевна
(Череповецкий государственный университет)

Воробьева Ирина Николаевна
(Череповецкий государственный университет)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854 (https://rscf.ru/project/24-18-00854).

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отражения гендерного порядка современного российского общества в представлениях студентов о своей будущей семье. Исследование свидетельствует о превалировании в установках и планах молодых людей эгалитарного типа семейных отношений. Такой выбор, как правило, предполагает отложенное (позднее) родительство, малодетность или бездетность, что усиливает современные демографические вызовы.

Ключевые слова: гендерный порядок, семья, модели семейных отношений

Семья представляет собой мини модель общественной системы, то есть, стиль отношений, типы поведения супругов, принятые в отдельно взятой семье, могут многое сказать о существующем общественном укладе. В дискурсе заявленной темы важным для

анализа выбора предпочтительной модели организации отношений супругов является гендерная составляющая социального уклада. Гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению.[4] Результатом многовековой борьбы за права стало расширение возможностей женщин получить образование, иметь оплачиваемую работу за пределами своего домохозяйства; влиять и самостоятельно принимать значимые решения. В эпицентре так называемого нового гендерного порядка – достижение гендерного равноправия, развитие эгалитарности, институционализация отцовства.

Представляется актуальным и интересным исследовать, как отражается гендерный порядок в установках на семью у студентов. Молодые люди как раз в том возрасте, когда происходит выбор партнера, формируется образ будущей семьи. Эмпирической базой исследования стали 169 неформализованных интервью эссе студентов из вузов трех федеральных округов РФ – Северо-Западного (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» и Череповецкий государственный университет), Сибирского (Иркутский государственный университет и Новосибирский государственный университет экономики и управления) и Уральского (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Южно-Уральский государственный университет), данные фокус-дискуссии студентов Череповецкого государственного университета «Идеальный супруг».

Современные социологи и демографы [1; 2; 3]. выделяют две основные модели семьи по характеру распределения супружеских и родительских ролей:

Традиционалистская модель семьи: мужчина – «кормилец», а женщина – хозяйка дома и воспитательница детей независимо от того, имеет ли она работу вне дома или нет. В системе традиционалистских взглядов «правильная» модель мужчины прежде всего связана с его работой и успехом. Для женщины в системе традиционных взглядов главный смысл жизни – материнство.

Современная (эгалитарная) модель семейных отношений – свободное партнерство. Такая семья отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют взаимные чувства и потребность в близости и приватности. Предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномалией. И мужчины, и женщины принимают на себя ответственность за материальное обеспечение семьи, воспитание и развитие детей, выполнение хозяйственных работ.

Однако, система представлений о своей будущей семье в сознании молодежи не укладывается в эту типологию, характеризуется противоречивыми, не согласующимися между собой предпочтениями, характерными как для традиционалистской модели семьи, так и для современной – эгалитарной, партнерской семьи.

Формируется смешанный тип, в котором существует партнерство в ведении домашнего хозяйства, но при этом есть четкое разделение на женские и мужские обязанности. Мужчина активно вовлекается в воспитание детей, женщина претендует на самостоятельность и свободу, но при этом предпочитает закрепить за мужчиной роль кормильца, добытчика.

Контент анализ высказываний участников исследования позволил выявить количественное распределение моделей семейных отношений в представлениях студентов. Исследование убедительно доказывает превалирование установок на эгалитарную семью. (рис. 1)

Предпочтения традиционных супружеских отношений чаще встречаются в рассуждениях мужчин. Молодые люди, предпочитающие традиционные отношения, возлагающие на себя обязанности кормильца, ответственного за достойный уровень жизни семьи, чаще откладывают время создания семьи и рождение детей. Женщины, наоборот, снимая с себя обязанности по обеспечению материального достатка, стремятся выйти замуж раньше. В таких семьях брак – обязательное условие, рождение детей только в браке, ярче выражена установка на многодетность.

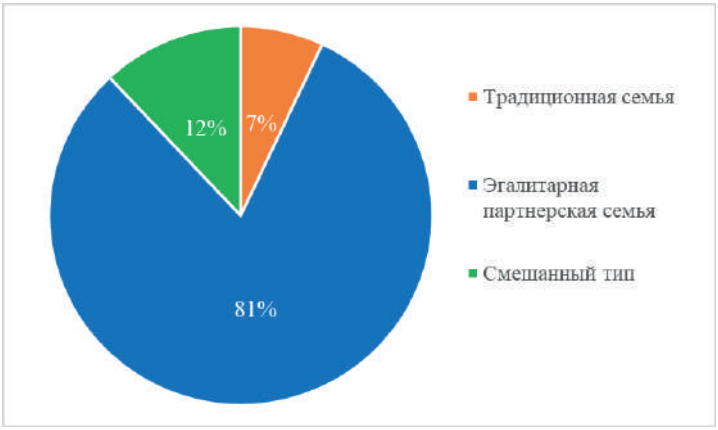

Рисунок. 1. Приоритеты моделей будущих семейных отношений студентов (Источник: составлено автором на основе контент анализа высказываний)

«Я бы хотел, чтобы моя будущая жена была хорошей хозяйкой и матерью. Жена, по поему мнению, должна поддерживать порядок, обеспечивать себя и мужа едой и заботиться о детях. Мужчина – это добытчик, который должен обеспечивать семью материальным достатком» (М, 20 лет)

Эгалитарную семью, партнерский тип взаимоотношений предпочитают большинство участников исследования, мужчины и женщины представлены пропорционально. Основные ценности – комфорт и свобода. Такие студенты за регистрацию брака, но чаще не придают этому особого значения, не считают необходимым. В таких семьях меньше выражена репродуктивная функция, менее рельефно прослеживается роль детей, чаще – установка на малодетность.

Предпочитающие партнерский тип отношений считают, что при распределении обязанностей не должно быть никакого деления на «женские» или «мужские». Главным способом для их распределения является – договариваться со своим супругом/супругой о выполнении обязанностей.

«Моя жена должна быть свободной, образованной, независимой. Я бы не хотел жену-домохозяйку, зацикленную на доме» (М., 19 лет)

«На равных. Нет какого-то разделения на обязанности «только мужа» или «только жены». В моем представлении каждый делает всё, что нужно, по мере возможности» (Ж, 20 лет)

В размышлениях студентов, предпочитающих партнерские отношения, присутствует некая романтизация семьи, («будем много вместе путешествовать», «не заморачиваться бытом», «есть будем в кафе», «уборку в доме сделает клининговая компания» и т. п.»). Очень редко в мечтах о партнерской семье звучат реальные ситуации, например, кто берет больничный по уходу за больным ребенком, «декретный отпуск» и т.п.

Так называемый смешанный тип вобрал в себя черты и традиционной, и современной эгалитарной семьи. На наш взгляд, именно такой тип наиболее адекватно

отражает современные реалии, отвечает условиям современного российского социального уклада.

Такой тип чаще предпочитают женщины. Он дает им возможность претендовать на реализацию своих прав на интересную работу, на карьеру, на хобби, на личное свободное время и т.п., при этом традиционно возлагать обязанности добытчика на мужа. Для женщин этого типа включение мужа в ведение домашнего хозяйства и воспитание детей обязательно, даже если она предпочитает не работать.

«Я бы хотела, чтобы обязанности в семье были распределены равноценно, чтобы и я и муж занимались как работой, так и хозяйством, но для меня также является приемлемым вариант, если у моего мужа будет достаточно средств, чтобы обеспечить семью, когда он будет работать и помогать мне по дому, а я в основном заниматься домашними делами и каким-то своим делом для души» (Ж, 21 год)

Материалы исследования демонстрируют, что в сознании молодого поколения вполне укрепились черты нового гендерного порядка, большинство в своих будущих семьях будут стремиться к партнерским равноправным отношениям. Центральная составляющая представлений о будущей семье, особенно в части эгалитарной модели, установка на личный комфорт, или комфорт вдвоем, в такую семью мечты с большим трудом вписываются дети и быт. Проблема с детьми «решается» малодетностью и отложенным родительством (первенец только после того, как пожили «для себя»). Мечта молодых людей о возможности отдать бытовые проблемы «на аутсорсинг» заставляет вспомнить о причинах ранних разводов, о пресловутом «любовная лодка разбилась о быт». Очевидна необходимость корректировки системы воспитания и семейного просвещения молодежи, формирования, своего рода, модных трендов, мэйнстрима «молодая семья с детьми».

1. *Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126–131*
2. *Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2. С. 65–80*
3. *Кашина М. А., Клецина И. С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. №2. С. 47–64*
4. *Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка// Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 3–16*

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Панкратова Лилия Сергеевна
(СПбГУ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067, https://rscf.ru/project/23-18-01067/ «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос о влиянии процесса рационализации общества на трансформацию семейных отношений на современном этапе

цивилизационного развития российского общества. На основе данных эмпирических исследований подчеркивается значимое место семьи в иерархии ценностей представителей различных поколений. Выделена тенденция рационализации эмоциональной сферы, что может рассматриваться как фактор конституирования семейных отношений.

Ключевые слова: семья, трансформация семейных отношений, институционализация, рационализация, цивилизационное развитие, современное российское общество

Современный этап цивилизационного развития российского общества сопряжен с необходимостью поиска и разработки решений в ответ на целый спектр вызовов (экономических, технологических, культурных, геополитических, демографических, экологических, проч.), приводящих к изменениям, возникновению новых тенденций в институциональной логике и практиках, представлениях представителей различных социальных групп [3]. Одной из ключевых задач в общественно-политическом и научном дискурсах признается обеспечение демографической безопасности Российской Федерации, в частности достижение стабильного естественного прироста населения, повышение уровня рождаемости. Реализации данной цели зависит в том числе от таких факторов, как репродуктивные установки мужчин и женщин в отношении детности (желаемое, идеальное, ожидаемое число детей); распространенность разнообразных институциональных моделей семейных отношений, включая супружеские, детско-родительские, межпоколенные. В свою очередь институты семьи и брака претерпевают существенные трансформации под влиянием социокультурных процессов, особенностей эпохи позднего модерна. В рамках настоящей работы рассматривается вопрос о влиянии процесса рационализации, понимаемого в трактовке М. Вебера как тренд вытеснения традиций, ценностей и эмоций как мотивов социальных взаимодействий принципами целеориентированности, расчета, эффективности, на организацию семейных отношений в современном российском обществе.

Данные опросов населения Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) демонстрируют сохранение традиционной значимости семьи для россиян. Согласно исследованию 2025 года [8], более двух третей респондентов (68 %) определяют крепкую семью в качестве субъективно приоритетной ценности. При этом семья как ценность занимает лидирующие позиции среди представителей всех поколений: поколение цифры (2001 год рождения и позднее), младшие миллениалы (1992 – 2000), старшие миллениалы (1982 – 1991), реформенное поколение (1968 – 1981), поколение застоя (1948 – 1967), поколение оттепели (до 1947). Создание крепкой семьи отмечали в качестве актуальной жизненной цели около трети опрошенных (32 %) в 2024 году [6]. Результаты исследований указывают на тот факт, что несмотря на структурные трансформации (разнообразие типов семей от многопоколенной, нуклеарной до семей с одним родителем), культурные изменения (патриархальные, детоцентристские, эгалитарные типы семей), пространственную локализацию (совместно проживающие члены семьи или раздельно), семейные отношения занимают высокое положение в иерархии ценностей представителей различных социально-демографических групп.

В течение первой четверти XXI века, в соответствии с результатами социологических исследований, по-прежнему наиболее распространенным мотивом для заключения брака как основы семьи по мнению россиян является любовь (45 %) [7]. Общественное признание любви в качестве легитимного основания вступления в

романтические, а затем супружеские отношения было значимым социокультурным изменением прошлого столетия, знаменовавшим переход от логики традиции, строгого социального порядка, долга к индивидуальному выбору в сфере частной жизни. Культурный образец романтической любви (сакрализация возлюбленного/возлюбленной; жертвенность любящего; высшая степень духовной, интеллектуальной, эмоциональной, физической близости между влюбленными) предлагается и продвигается в качестве идеала, основы для подражания различными акторами, прежде всего, в поле символического производства (киноиндустрия, литература, изобразительное искусство, театр, проч.).

Однако, как отмечает ряд исследователей [1], наряду с идеалом романтической любви в эпоху позднего модерна получают распространение паттерны рационализированной любви, предлагающие алгоритмы, сценарии взаимодействия, поведения в романтических, супружеских отношениях, основанные на управлении эмоциями, расчетливом подходе к индивидуальному выбору партнера и «расколдовывании» в терминологии Макса Вебера чарующей любви. Современные сервисы онлайн-знакомств, благодаря возможностям информационно-коммуникативных технологий, внедрению алгоритмизированных систем в работу приложений, использованию технологий искусственного интеллекта, являются одними из ключевых механизмов распространения, реализации рационального подхода в частной жизни. Поиск и выбор супруга/супруги, как обязательный этап в процессе создания семьи, с помощью соответствующих приложений и сайтов макдональдизируется [5], т.е. преобразуется в систему организации массовых романтических «встреч» (высокая скорость и большое количество знакомств при снижении индивидуальных усилий, затрат). Сервисы онлайн-знакомств, которые не способны воплотить в своей работе социокультурную логику, включающую принципы эффективности, просчитываемости, предсказуемости и контроля, оказываются мало востребованными и проигрывают в конкурентной борьбе на рынке соответствующих услуг [4]. При этом интерес для пользователя может представлять не только массово предоставляемая в настоящее возможность рационализации и делегирования операционного аспекта поиска партнера, но также эмоциональной работы, связанной с необходимостью коммуникации, взаимодействия с кандидатами для осуществления выбора [2].

Трансформация семейных отношений на современном этапе цивилизационного развития российского общества сопряжена с возможностью возникновения различных конфигураций традиционных ценностей (крепкая семья, любовь как основа брака и семьи) и новых социокультурных образцов (рационализация эмоций) в институционализирующихся моделях в сфере частной жизни, конкуренции / борьбы между ними. Таким образом, современная российская политика, основывающаяся на принципах семьецентризма, заботы и обеспечения благополучия семьи, требует дальнейшего совершенствования в условиях возникновения новых социокультурных вызовов.

1. *Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М., Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.*
2. *Искусственная сваха с последствиями. Стоит ли искать любовь с помощью ChatGPT // Общественное телевидение России. 1 февраля 2024. URL: https://otr-online.ru/news/iskusstvennaya-svaha-s-posledstviyami-stoit-li-iskat-lyubov-s-pomoshchyu-chatgpt-229164.html (дата обращения: 01.10.2025)*
3. *Козловский В.В. Цивилизационные вызовы современности // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 55-67.*

4. *Панкратова Л.С. Этические проблемы и политика регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта в сервисы онлайн-знакомств // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Том 8. № 4 (29). С. 47-50.*
5. *Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М.: Праксис, 2011. 592 с.*
6. *Семья в системе ценностей россиян // ВЦИОМ. Официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan (дата обращения: 01.10.2025)*
7. *Семья и брак в России в XXI века // ВЦИОМ. Официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka (дата обращения: 11.10.2025)*
8. *Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. Официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 11.10.2025)*

КОНЦЕПТ ЖЕНСТВЕННОСТИ И МУЖЕСТВЕННОСТИ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Плахин Тарас Александрович
(ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»)

Говоря такие фразы как: «Я мужчина» или «Я женщина», мы подразумеваем их как что-то данное нам природой, проявившаяся при рождении константа которую нельзя оспорить или тем более изменить, однако гендерные исследования и социология как наука в общем доказывают, что гендер – это не биологическая предопределенность, а сложный социальный конструкт. В своей работе «Концепты маскулинности и фемининности в русле гендерного подхода» С. А. Ильиных даёт следующее определение понятию «гендер» – это специфический набор культурных характеристик, которые определяет социальное поведение мужчин и женщин, их взаимоотношения. На ряду с биологическими характеристиками пола стоят и социокультурные аспекты жизни (социальные нормы, статусы, стереотипы) [6, 132]. В соответствии с теорией социального конструктивизма реальности, предложенной П. Бергером и Т. Лукманом, социальная структура поддерживается благодаря непрерывному процессу её воссоздания в человеческом разуме, что впоследствии проявляется в поведении. Таким образом, можно утверждать, что индивид активно формирует окружающий мир, который затем воспринимается им как нечто обособленное, существующее независимо от его личного влияния. Из этого следует, что гендер представляет собой неотъемлемую составляющую общественного устройства, постоянно воспроизводимую как в ментальных структурах, так и в практической деятельности. Гендерные нормы и ожидания внедряются в сознание и реализуются через социальное взаимодействие, поддерживая устойчивость существующего социального порядка [2, 157]. Другими словами, гендер – это не просто биологическая характеристика, а сложный социальный конструкт, который формируется и поддерживается обществом. Сегодняшняя социальная реальность – эпоха постмодерна, характеризующаяся ярковыраженной цифровизацией, движением массовой культуры, характерным нигилизмом, поиском искусства «в каждой мелочи», переосмыслением «нормальной» семьи. Ядро наших размышлений – ответ на вопрос: «как в нынешних условиях взаимодействуют концепты мужественности и женственности, их конфронтация?».

Вызов современности: переход от бинарности к многообразию традиционных моделей

Чтобы эффективнее рассмотреть проблематику взаимоотношений мужчины и женщины, нужно рассматривать их в контексте гендерной системы общества.

С. А. Ильиных отмечает что гендерная система – это институты. Поведение и социальное взаимодействие, которое предписывается в соответствии с полом [6, 133]. Роберт Коннелл, австралийский ученый, предлагает три отдельные «структурные модели», описывающие гендерные взаимоотношения и формирующие гендерную систему. Эти модели включают разделение труда и экономические аспекты, акцентируя внимание на распределении ролей между полами в общественном производстве и домашнем хозяйстве. Кроме того, они охватывают политическую сферу, а также эмоциональные и сексуальные связи, которые Р. Коннелл обозначает термином «катексис» [8, 263]. По мнению Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, эти три сферы – экономика и труд, политика, эмоциональные отношения – формируют гендерный режим, устанавливая правила поведения в различных ситуациях и проявляясь в разнообразных практиках мужественности, которые поддерживаются на местном уровне [9, 173]. Таким образом, гендерная композиция, согласно Р. Коннеллу, представляет собой совокупность структурных возможностей для существующих и новых действий, охватывающих три основные области: труд и экономику, политику и эмоциональные связи. Именно эти возможности формируют условия гендерного режима.

Под влиянием теории эволюции Дарвина, ученые XIX века пытались создать подобную теорию для объяснения культурного развития. Эта устаревшая теория однолинейной культурной эволюции предполагала последовательное развитие социальной организации: от сексуальной распущенности к матриархату, затем патриархату и позднему матриархату. Однако исследования показали, что патриархат не был изначальной формой. Анализ искусства и культуры палеолита и неолита указывает на отсутствие мужского доминирования. Женщины имели равные права и обязанности с мужчинами. Современная антропология и социология считают, что, хотя власть в обществе может быть сосредоточена в руках одного пола, патриархат не является универсальным явлением, как считалось ранее. Например, в гендерной картине советского общества, А. Темкина и А. Роткирх выделяют тип гендерного взаимодействия, в котором создан образ «работающей женщины». Такое гендерное определение подразумевает труд советских женщин на благо общественности и обязательное выполнение миссии матери, домохозяйки, как биологическое предназначение женщины и выполнение гражданского долга [12 ,14]. Постсоветский период характеризуется кризисом маскулинности и совмещения ролей женщинами. И правда, изменения в сфере труда, политики и в целом общества очевидны. Женщины всё чаще занимают лидерские позиции. В сфере эмоциональных отношений можно утверждать, что женщинам стало свойственно проявлять «мужскую» агрессию, жестокость, а мужчинам – «женскую» чувствительность и сентиментальность. Эти характеристики поведения женщин и мужчин и есть концептами «маскулинности» и «феминности». «Словарь гендерных терминов» под ред. А. А. Денисовой даёт нам следующее определение понятию «маскулинность» – (мужественность) представляет собой комплекс подходов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола» [9, 197]. Другими словами, маскулинность – это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли. А вот «фемининность» (женственность) – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же «социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине» [3, 208]. Изначально считалось, что женственность имеет биологическую основу, и ее связывали с такими качествами, как восприимчивость, нежность, преданность материнству, эмоциональность, а также мягкость и пассивность.

Эти устоявшиеся взгляды отражали закрепление женщин за личным, а не общественным пространством.

Для анализа этих моделей ключевыми стали две теоретические концепции. Социолог Р. Коннелл разработал концепцию «гегемонной маскулинности». Согласно его теории, любое общество характеризуется разнообразием моделей «маскулинного» поведения, но на вершине этой иерархии, как правило, находится особь, воплощающая культ подчинения женщин, культ физической силы и склонность к насилию (как физическому, так и эмоциональному) [7, 260]. Важно отметить, что большинство мужчин не соответствуют этому идеалу, однако он представляет собой культурно идеализированную, доминирующую форму. Эта модель служит мерилом, по которому оцениваются все остальные типы маскулинности (например, «подчинённые» – гомосексуальные или этнические), и она же оправдывает существование патриархата. Философ Джудит Батлер предложила концепцию «перформативности гендера». В соответствии с её теорией, гендер – это не врождённая характеристика, а скорее непрерывный процесс. Это своеобразный «спектакль», состоящий из регулярно повторяющихся действий, жестов, манеры речи и выбора одежды, которые в обществе определены как мужские или женские [1, 22]. Гендер – это не то, с чем мы рождаемся, а то, что мы постоянно воспроизводим, и именно эта повторяемость создаёт видимость его естественности. Однако современные социокультурные изменения выявляют искусственность этих жёстких рамок. Интернет даёт возможность для развития альтернативных дискурсов, глобализация сталкивает различные культурные модели поведения, а экономика больше не гарантирует мужчинам статус единственного добытчика. В результате, бинарная гендерная система теряет свою актуальность, уступая место пониманию гендера как многогранного спектра.

Трансформация маскулинности: между заботой и яростью

Утрата рабочих мест в промышленности, увеличение доли женщин в сфере обслуживания и их растущая финансовая независимость ослабили традиционную опору доминирующей модели мужественности – роль кормильца семьи. Это привело к кризису традиционной маскулинности, дезориентации и необходимости поиска новых форм самоидентификации. В результате возникают новые, порой противоречивые концепции мужественности. С одной стороны, развивается образ «заботливого мужчины». Эта концепция подразумевает переосмысление роли мужчины в семье и обществе, где приоритетами становятся активное отцовство, эмоциональная открытость, сочувствие и равноправие в браке. Современная культура все чаще предлагает подобные образы, демонстрируя заботливых отцов в рекламе или сложных и уязвимых мужских персонажей в кино и сериалах. С другой стороны, наблюдается сильная ответная реакция, проявляющаяся в феномене «токсичной маскулинности». Она включает в себя подавление эмоций, стремление к доминированию и использование агрессии для решения проблем. Это можно рассматривать как защитную реакцию, попытку вернуться к устаревшим, но привычным формам власти.

Многообразие феминности: концепт интерсекциональности

Преобразование представлений о женственности в современности представляет собой непростую задачу. Устарела ли идея о безупречной супруге и матери? Вероятно, она подверглась изменениям, обрастая новыми формами социального давления, что делает ее еще более комплексной. Основополагающим для осмысления данной динамики служит понятие «интерсекциональность», предложенное Кимберли Креншоу. Эта концепция демонстрирует, что переживание женственности вариативно. Оно формируется под влиянием таких факторов, как этническая принадлежность, социально-экономический

статус, сексуальная ориентация, физические особенности и прочих элементов идентичности. Жизненный путь белой женщины из среднего сословия существенно разнится с опытом афроамериканки-иммигрантки или женщины с ограниченными возможностями. Феминистское движение, принимая во внимание этот факт, отказывается от единого определения «женственности», акцентируя внимание на множественности ее проявлений [11, 153].

Под влиянием неолиберальной экономики и соцсетей возник новый образ женщины, которая должна быть успешной во всём. Ей навязывают образ успешного профессионала, прекрасной матери, спортивной и сексуально привлекательной. Это влияние создает перегрузку, заставляя женщин стремиться к идеалу, играть несколько «гендерных спектаклей» одновременно. Параллельно растет запрос на другие модели поведения. Движения, такие как чайлдфри, карьеризм, бодипозитив и отказ от общепринятой красоты, – это протест против единообразия.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что мы являемся свидетелями тектонического сдвига от жесткой гендерной дихотомии к более пластичной, текучей и социально обусловленной модели. Гендер, подобно фениксу, возрождается в новой парадигме, превращаясь в поле битвы идей, бурлящий котел символических споров о его сущности. В будущем горизонте просматривается калейдоскоп гендерных идентичностей, где во главу угла ставится личный выбор и самовыражение.

1. *Батлер Д. Гендерный беспорядок / Д. Батлер ; пер. с англ. Н. С. Мнацаканян, Н. А. Осовской ; под науч. ред. А. А. Погоржельской. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 299 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). – ISBN 978-5-4448-1755-6.*
2. *Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.*
3. *Большой толковый социологический словарь (Collins) : в 2 т. Т. 1 : А–О / пер. с англ. – Москва : Вече : АСТ, 1999. – 544 с.*
4. *Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс ; при участии К. Бердсолл ; пер. с англ. ; изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с. – ISBN 5-354-01093-4.*
5. *Здравомыслова Е. А. Социальное конструирование гендера / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 171–182.*
6. *Ильиных С. А. Концепты маскулинности и феминности в русле гендерного подхода / С. А. Ильиных // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 1, № 4. – С. 131–144. – EDN OOSRGP.*
7. *Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 251–279.*
8. *Коннел Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов : переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – С. 250–280.*
9. *Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – Москва : Информация XXI век, 2002. – 256 с.*
10. *Тартаковская И. Н. Маскулинность и глобальный гендерный порядок [Электронный ресурс] / И. Н. Тартаковская. – URL: http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/32.php (дата обращения: 29.09.2025).*
11. *Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. – 1989. – Vol. 1989, Iss. 1. – P. 139–167.*
12. *Rotkirch A. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia / A. Rotkirch, A. Temkina // Idantutkimus. – 1997. – № 4. – P. 6–24.*

ВОСПРИЯТИЕ КРЁСТНОГО РОДСТВА КАК РАЗНОВИДНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА МОЛОДЁЖЬЮ (НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК)

Пленкин Антон Александрович
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Череповецкий государственный университет")

Современный демографический кризис, выражающийся в падении рождаемости и, следовательно, сокращения населения сопровождается трансформационными процессами, которые затронули институт семьи в нынешнем обществе. Данный социальный институт в современности демонстрирует ряд изменений, которые, возможно, свидетельствуют о кризисе семьи, как ячейки общества. Так, уменьшается готовность вступления в брак, сами брачные обязательства менее связаны с репродуктивной функцией в оценках граждан, а также увеличивается доля тех, кто не планирует в принципе заводить детей, что подтверждается данными Всероссийского центра изучения общественного мнения [2]. Более того, наиболее распространенный тип семьи меняется с расширенной, многопоколенной на нуклеарную, которая, к тому же, становится менее готовой к рождению детей и сосредотачивается на индивидуальных отношениях супругов.

Эти факторы привлекают внимание исследователей к детальному анализу семейных отношений и восприятия института семьи в современном обществе. Однако изучение института семьи было бы неполным без детального разбора тех отношений, на которых строится восприятие семьи – отношений родства.

Родство – сложный с точки зрения оценок и трактовки феномен. Еще в XX веке исследователь Д. Шнайдер подчеркивал, что европейский подход к определению родства исключительно через кровные узы и брак не может считаться исключительно верным [6]. Его наблюдения далее составили фундамент для исследования иных форм восприятия родства. Это вызвало бурный интерес исследователей к изучению так называемого «искусственного» или же «фиктивного» родства. Данный термин еще не получил однозначной трактовки в исследовательской среде, наравне существуют самые различные подходы к его определению и даже названию. Однако мы исходим из определения, предложенного этнографом А. С. Коганом: «Искусственным (фиктивным, названным) родством в этнографии и социальной антропологии называют систему связей, приравненных к кровнородственным (или даже наделяемых большей важностью, чем последние), устанавливаемых между индивидами, не состоящими в кровном родстве» [2, 4]. Однако к концовке данного определения мы бы добавили «не состоящими в кровном или брачном родстве» для полноты ясности.

Изучение искусственного родства позволит более точно определять те процессы, на основе которых зиждется современная семья, понимать те основы, с позиции которых определяется восприятие семьи и родственников индивидами. Разновидностей и форм данного феномена существует огромное множество – родство по молоку, побратимство, аталычество, а также крестное родство. Именно на основе изучения последнего мы проанализируем восприятие и современные оценки искусственного родства в обществе, так как оно является весьма распространенным явлением в России, как было доказано в исследовании Борисовой О. Н. [1]

Крестное родство, как одна из форм искусственного родства, было детально проанализировано в 1960-х годов исследователем Ю. Хаммелем, который выдвинул теорию «альтернативных социальных структур», изучая семейные и родственные

отношения на Балканах. По мнению Хаммеля, на Балканах сосуществовали 3 альтернативные друг другу структуры родства: кровные узы, брак и ритуальное родство. К последнему он, в первую очередь, относил именно крестное родство. В заключении своего анализа он сделал вывод о том, что данные структуры могут сосуществовать на качественно одинаковом друг с другом уровне и восприниматься со стороны индивидов, как равные [5]. К схожим выводам пришел в свое время итальянский социолог Г. Альфани [1]. Именно с данной теоретической позиции мы будем исходить при рассмотрении восприятия крестного родства.

Чтобы подтвердить гипотезу о восприятии крестного родства как проявления искусственного родства, нами была выбрана проективная методика неоконченных предложений. В исследовании приняло участие 40 студентов г. Череповца, которым было предложено заполнить пропуски в конце предложений в разработанной анкете.

Анкета включала в себя, помимо прочих, следующие предложения: «Крестный/ая и крестник друг для друга, как <…>», «Когда у меня появятся дети, я бы попросил стать крестным/ой <…>», а последний вопрос представлял из себя моделирование ситуации выбора крестного для своего ребенка из предложенного перечня, куда входили: священник, друг детства респондента, его дядя, друг семьи, а также сосед. На основании ответов были сделаны выводы о характере восприятия крестного родства со стороны молодёжи.

В исследовании приняли участие 40 студентов Череповецкого государственного университета в возрасте 18 – 20 лет, а также 20 обучающихся школ в возрасте 17 – 18 лет. В результате проведенной работы получены следующие данные: из 60 респондентов 33 человека указали в ассоциативном вопросе, что крестный/крестная для них – это «семья» или «родственник» в той или иной вариации, что составляет 55 % от выборки. Если сравнить эти данные в группе школьников и студентов, то итоговый процент для каждой группы останется неизменным – 55 %.

При этом, из указанных 27 человек ответили на вопрос о выборе крестного ответили, что попросили бы стать крёстным/крёстной «друга» или «подругу», что составляет 81%. Если разложить данные по группам, то мы снова придем к тому, что удельный вес данного выбора у школьников и студентов является практически идентичным – 81 и 80 процентов соответственно. На вопрос о выборе крёстного из предложенного перечня одинаковый процент респондентов выбрали «друга детства».

10 человек (16 % от выборки) на вопрос о том, с кем у них ассоциируется крёстный/крёстная указали «близкий человек» или «очень близкий человек». Из них 7 человек при выборе потенциального крёстного из перечня выбрали дядю, то есть родственника, что составляет 11 % от выборки, а в прямом вопросе о выборе крёстного все 10 респондентов указали «друга» или «подругу», 3 добавили «сестру/брата» и 1 дополнительно указал «своих родителей».

Остальные респонденты на вопрос об ассоциации с крёстным указали «друг» в той или иной вариации, за исключением 3 респондентов, которые определили отношения между крёстным и крещаемым, как «наставнические» или отношения «ученик – учитель» и 2 респондентов, которые указали, что крёстный и крещаемый друг другу – «никто» или «чужие люди». Таким образом, доля тех, кто указал своей ассоциацией с крёстным «друг» составляет 20 % от общей выборки.

Если интерпретировать полученные данные, то мы увидим, что преобладающей ассоциацией с институтом крёстных является семья или родство, что по меньшей мере составляет 55 % от опрошенных. Однако, если мы прибавим к этим данным также ответы тех, кто указал, что крёстный – «очень близкий человек», но при этом на вопрос о выборе

крёстного указал того или иного родственника (11 % от опрошенных), то мы получим 66 % от выборки. Указанные данные приводят к выводу о том, что восприятие института крестного родства как разновидности искусственного родства преобладает в молодёжной среде. При этом, абсолютное большинство опрошенных считают крёстного в той или иной степени близким человеком (родственником, другом/подругой или просто «близким человеком»), тогда как лишь 3 % респондентов считают, что крёстного и крещаемого ничего не связывает и они являются чужими людьми.

Таким образом, мы можем считать, что гипотеза о том, что крёстное родство может восприниматься как равное кровному или брачному родству находит свое подтверждение в ответах респондентов. Полученные данные, тем не менее, нуждаются в дальнейшей апробации, что предполагается нами проделать в рамках дальнейшего изучения темы.

1. *Борисова, О. Н. Крестные и крестники в современной России: по материалам социологического опроса / О. Н. Борисова. – Москва: ПСТГУ, 2022. – 150 с.*
2. *Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). «Семья и брак в России XXI века». 12 мая 2025 года. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka (Дата обращения: 05.10.2025)*
3. *Коган, А. И. К вопросу о происхождении и функциях искусственного родства у народов Памиро-Гиндукушского региона / А. И. Коган // История и современность. – 2021. – № 4 (42). – С. 3 – 15.*
4. *Alfani, G. Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy. – London; New York: Routledge, 2009. – 273 p.*
5. *Hammel, E. A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans / E. A. Hammel. – Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1968. – 120 p.*
6. *Schneider, D. American kinship: a cultural account. – Chicago: University of Chicago Press, 1968. – 148 p.*

БАРЬЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ СЕМЕЙ С НОРМОТИПИЧНЫМИ ДЕТЬМИ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩЬЮ

Помощникова Диана Николаевна
(СПбГУ)

Сегодня можно наблюдать повышенный интерес со стороны государства к институту семьи, материнства и детства. Правительство РФ утвердило новую стратегию семейной и демографической политики в 2025 г., направленную на поддержку семей, повышение качества жизни и улучшение демографических показателей [1]. По данным, размещенным на информационно-аналитическом портале «Реестр ЗАГС», в России ежегодно рождается более 1 млн детей [2], при этом доля семей с детьми раннего возраста составляет значительную часть от общего числа [3]. Одновременно в России функционирует разветвленная сеть некоммерческих организаций (НКО), ориентированных на поддержку семьи и детства, в частности семей с детьми раннего возраста. Они предоставляют услуги по психолого-педагогической поддержки, консультирования, ранней помощи и просветительской работы. В числе проектов – федеральный проект «Поддержка семей, имеющих детей», который реализовывался в рамках национального проекта в 2019-2024 г., социальное предприятие АНО «Первые годы», и другие инициативы, направленные на повышение доступности и качества помощи семьям с детьми раннего возраста, а также снижение барьеров обращения за профессиональной помощью и укрепление ресурсов родителей в сложный ранний период родительства.

Однако наблюдается существенный разрыв между институциональными механизмами поддержки и их фактическим применением семьями с нормотипичными детьми. Под нормотипичностью понимается воспитание детей без выявленных отклонений в развитии и психических расстройств. Основным препятствием становится не только объективная недоступность ресурсов, но и невидимость потребности обращения в НКО. Согласно результатам опроса, проведенного в период с апреля по июль 2025 года в рамках конкурса молодых исследователей (n=100, родители 25 – 44 лет, Москва), было выявлено что, 90% респондентов не осведомлены о существовании НКО, предоставляющих услуги ранней помощи родителям детей до трех лет. Кроме того, 91 % респондентов не рассматривают НКО как потенциальный источник поддержки, несмотря на высокий уровень потенциального спроса на помощь [4]. Согласно результатам онлайн-опроса, проведённого в марте 2023 года среди женщин, имеющих хотя бы одного ребёнка до года, 87 % респондентов столкнулись с симптомами послеродовой депрессии. Этот показатель был установлен при помощи Эдинбургской шкалы (ЭШПД), используемой для оценки состояния матерей [5]. Институциональный разрыв проявляется не только на уровне взаимодействия семей с организациями, но и в их территориальной доступности, при котором Москва и другие крупные города выступают основными центрами концентрации НКО. По данным реестра Росстата, по состоянию на октябрь 2025 года в Москве зарегистрировано более 6 тыс. НКО, тогда как в других субъектах РФ уровень поддержки семей остается низким. Такая неравномерность усугубляет социальное неравенство и ограничивает доступ семей к необходимой помощи, особенно в малых городах и сельской местности [6].

При этом субъективное восприятие собственных потребностей в помощи и поддержке считается семьями как недостаточно значимым для профессионального вмешательства. Данные количественного исследования (n = 100, родители 25 – 44 лет, Москва) демонстрируют парадоксальную ситуацию: при высоком уровне объективных трудностей наблюдается крайне низкая обращаемость за институциональной поддержкой. Согласно опросу (n = 100, родители 25 – 44 лет, Москва), 64 % родителей обеспокоены вопросами здоровья и усталости, 60% – питанием, сном и привыканием ребёнка, 57 % – развитием навыков [5]. Однако субъективное восприятие собственных потребностей маркируется как недостаточно значимое для профессионального вмешательства: лишь 59 % обращаются к педиатрам, и значительно меньше – к психологической помощи. При этом основными мотиваторами обращения становятся отзывы других родителей – 33 %, бесплатные консультации – 24 % и онлайн-форматы – 21 %, что указывает на преобладание неформальных каналов поддержки над институциональными. Этот разрыв представляет собой проявление социального конструирования «нормального родительства», при котором трудности ранних лет воспринимаются как неизбежная часть материнского опыта, не требующая легитимации через профессиональную помощь. Исследование структуры потребностей семей с детьми первых трех лет жизни в различных регионах России подтверждает эту тенденцию: родители сообщают о трудностях, связанных с медицинской помощью, психолого-социальным сопровождением и даже базовыми аспектами ухода, при этом, уровень удовлетворенности этих потребностей остается низким. Отношение родителей к психологической помощи часто существует в варианте, при котором она воспринимается как помощь, предоставляемая исключительно для ребенка, профессиональная поддержка родителей рассматривается малозначимой формой поддержки [7].

Центральным для понимания данного феномена является концепт «невидимой потребности» – состояния, при котором объективная необходимость в профессиональной

поддержке не осознается семьей как легитимное основание для обращения за помощью. Невидимая потребность характеризуется тремя взаимосвязанными компонентами: объективным наличием проблем, требующих профессионального вмешательства; субъективным отрицанием права на получение помощи; социальной нелегитимностью обращения, обусловленной общественными установками о том, что воспитание нормотипичных детей является исключительно семейной ответственностью. Родители часто не признают за собой право на помощь, принимая на веру общественные стереотипы о родительстве.

На основании проведенного анализа исследований представляется возможным предложить типологию барьеров обращения семей за профессиональной помощью.Она включает четыре типа: информационные барьеры, социально-культурные барьеры, психологические барьеры и институциональные барьеры. Информационные барьеры связаны с недостатком знаний о существующих возможностях получения помощи. Исследование показывает (n = 100, родители 25 – 44 лет, Москва), что 90 % нормотипичных семей не осведомлены о деятельности некоммерческих организаций, предоставляющих услуги по поддержки семей с детьми раннего возраста [5]. Даже при наличии общей информации о существовании НКО, родители зачастую не понимают, какую конкретную поддержку они могут получить, и испытывают сложности с навигацией в системе социальных услуг. Социально-культурные барьеры обусловлены господствующими в обществе установками относительно родительства и права на поддержку. Обращение за помощью семьями часто воспринимается как признание родительской некомпетентности и несоответствия социальным ожиданиям. Культурные установки самодостаточности и идеализация «естественного» родительства создают дополнительные препятствия для обращения. Психологические барьеры связаны с особенностями восприятия собственных потребностей и трудностей. Страх негативной оценки компетенций и перфекционистские ожидания относительно «идеального родительства» создают дополнительные препятствия для обращения за помощью. Родители опасаются, что обращение к специалистам будет интерпретировано как неспособность справиться с родительскими обязанностями. Институциональные барьеры обусловлены особенностями организации системы социальной поддержки семей. Отсутствие услуг, адаптированных под потребности нормотипичных семей, и применение формализованных подходов, разработанных для проблемных семей, создают дополнительные препятствия для обращения за поддержкой.

Преодоление выявленных барьеров требует комплексного подхода, включающего трансформацию практик НКО, социальной политики и социальных установок. Важно переходить к превентивному подходу, предполагающий предложение услуг на этапе подготовки к родительству и использование равной поддержки как ключевого мотива обращения. Трансформация информационной политики может быть направлена на нормализацию дискурса о родительских трудностях и повышение осведомленности о важности профессиональной поддержки в раннем родительстве. На уровне социальной политики необходима институционализация поддержки через включение консультационных услуг в стандартный пакет поддержки семей с детьми раннего возраста и интеграция психологической поддержки с медицинскими услугами. Феномен «невидимой потребности» указывает на необходимость пересмотра существующих моделей социальной поддержки и разработки специализированных подходов, учитывающих специфику барьеров обращения нормотипичных семей за профессиональной помощью.

1. *Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года. URL: http://government.ru/docs/54573/ (дата обращения: 18.09.2025).*
2. *Статистика актов рождения. Федеральная налоговая служба России. URL: https://zags.nalog.gov.ru/analytics/birth (дата обращения: 18.09.2025).*
3. *Statista. Russia: child population by age & gender 2024 / Statista [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1100728/number-of-children-by-age-and-gender/, свободный.*
4. *Исследование поведенческих и когнитивных преград в использовании поддержки НКО матерей с детьми 0-3 лет : проект. – URL: https://researchtalent.ru/materials/ (дата обращения: 18.09.2025).*
5. *Исследование распространенности послеродовой депрессии в Российской Федерации : тезисы / Федака А.А. – Москва, 2023. – URL: https://congress.orgzdrav.com/orgzdrav/theses/44 (дата обращения: 18.09.2025).*
6. *"Министерство экономического развития Российской Федерации. Аналитика деятельности социально ориентированных НКО в Тверской области [Электронный ресурс]. URL: https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/69 (дата обращения: 05.10.2025)*
7. *Исследование структуры потребностей семей с детьми первых трёх лет жизни в различных регионах Российской Федерации // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. – 2022. – № 33. – URL: https://alldef.ru/ru/articles/almanac-33/the-structure-of-the-needs-of-families-with-children-the-first-three-years-of-life-in-var (дата обращения: 01.10.2025).*

ЭГАЛИТАРИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ В ОТНОШЕНИЯХ: ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕВУШЕК

Разомазова Мария Николаевна
(ФГБОУ Липецкий государственный технический университет)

Овчинникова Элла Викторовна
(ФГБОУ Липецкий государственный технический университет)

Современные исследования констатируют трансформацию гендерных отношений: мужчины формально поддерживают равноправие в семье, но сохраняют традиционную идентичность кормильца и защитника. В то же время женщины усиливают запрос на самореализацию вне семьи. Возникает конфликт между новыми социальными практиками и консервативной системой ценностей.

Образованные молодые женщины оказываются на передовой социальных изменений: они успешно осваивают эгалитарные ценности – равноправие, профессиональную реализацию, экономическая независимость. Однако сфера межличностных отношений зачастую остается полем неразрешенных противоречий. Можно предположить, что принятая женщиной роль самостоятельной и независимой личности сталкивается с укорененными консервативными ожиданиями от мужчины. Этот диссонанс может являться не только источником внутреннего психологического конфликта для каждой отдельной женщины, но и значимым социальным феноменом, затрагивающим целое поколение.

Цель данной статьи – выявить, описать и проанализировать гендерные установки современных девушек относительно мужской роли, совмещающие эгалитарные ценности с консервативными ожиданиями от партнера.

В настоящее время не существует более удобного понятия для обозначения предмета изучения данной статьи, чем «гендерные установки», при всей его неоднозначности.

Гендерные установки – это разновидность социальных установок, которые определяют отношение к человеку как к представителю определенного пола, задают

стандарты поведения для мужчин и женщин, а также стандарты поведения по отношению к ним.

В основу операционализации (рис. 1) понятия легла классификация Д. В. Воронцова и И. В. Дроздовой. Авторы указывают, что в современном мире существуют два вида гендерной идеологии: консервативная, характеризующаяся как патриархальная и основанная на идее иерархии и доминирования мужчин в обществе, и эгалитарная, базирующаяся на принципе гендерного равенства [1, 48].

Рис. 1. Операционализация понятия «гендерные установки»

В рамках эмпирического исследования, проводившегося в сентябре 2025, респондентки заполняли анкету, разработанный на основе данной операционализации. В исследовании приняли участие 200 девушек от 16 до 34 лет. Анализ данных проводился в программах Excel и SPSS версии 23.

Для выявления ключевых латентных факторов, влияющих на формирование установок, был проведен факторный анализ (по каждому из критериев операционализации были составлены высказывания, которые респонденткам предлагалось оценить по шкале).

Метод главных компонент с вращением «Варимакс», примененный к 29 переменным, позволил выделить семь ключевых факторов, которые в совокупности объясняют 64,4 % дисперсии.

Характеристика полученных компонентов:

Консервативные установки – убежденность в обязанности мужчины быть защитником и инициатором в отношениях, материально обеспечивать семью.

Добровольное подчинение – желание уступить доминирующую роль мужчине, одобрение его настойчивости и принятия ключевых решений.

Принципы эгалитаризма – идея равноправия, включающая одинаковую важность карьер и разделение бытовых обязанностей.

Образ «настоящего мужчины» – ожидание, что партнер будет старше, опытнее и эмоционально сдержаннее.

Финансовая вовлеченность – предпочтение совместного управления финансами и обсуждения крупных трат.

Бытовое равноправие – уважение к мужчине, который активно участвует в домашних делах.

Принцип равного участия – важность равных прав на принятие решений в паре и негативное отношение к подавлению воли мужчины женщиной.

Для выделения групп девушек со схожими установками установок использовался кластерный анализ по методу k-средних, который позволил выделить три группы респонденток.

Первый кластер: «Традиционалистки» (35 человек). Для этой группы наиболее характерны консервативные установки, добровольное подчинение и предпочтение образа «настоящего мужчины», основанного на статусе и сдержанности. Они в наибольшей степени отвергают эгалитарные принципы. Большинство девушек в этом кластере относятся к возрастной группе 20 – 24 года (45,7 %), также высока доля респонденток 16 – 19 лет (34,3 %). Преобладает неоконченное высшее образование. Это группа демонстрирует наиболее сложное материальное положение, отмечая, что денег хватает только на самое необходимое. При этом именно в этой группе наиболее высок процент выросших в неполной семье (43 %).

Второй кластер: «Эгалитарные прагматики» (136 человек). Это самый многочисленный кластер, ядро ценностей которого составляют принципы эгалитаризма, бытовое равноправие и настойчивость в отстаивании равенства решений. Они отрицают добровольное подчинение и патриархальные установки, при этом демонстрируя нейтральное отношение к финансовой вовлеченности. В этой группе максимальное количество взрослых девушек в возрасте 25 – 34 года, а 71 % респонденток имеют высшее образование, что подтверждает вышеозначенный тезис о девушках с образованием. Материальное положение стабильнее: денег хватает на текущие расходы и недорогие покупки.

Третий кластер: «Колеблющиеся» (29 человек). Это самый малочисленный и молодой кластер, куда входят преимущественно девушки 16 – 24 лет. Их установки представляют собой парадоксальное сочетание: они в максимальной степени ценят патриархальные устои, но при этом так же сильно настаивают на принципе равного участия в принятии решений. Для них важно финансовое равенство партнеров, но при этом они резко отрицают общие принципы эгалитаризма и образ «сдержанного» мужчины. Большинство имеют среднее общее образование, что объясняется юным возрастом. Их материальный статус идентичен материальному статусу девушек второго кластера.

Проведенный анализ показывает связь между социально-демографическими характеристиками выделенных групп девушек и их гендерными установками. Эгалитарные взгляды явно коррелируют с возрастом и уровнем образования, будучи доминирующими среди более зрелых и образованных женщин. Консервативные установки, напротив, чаще встречаются среди молодежи, особенно в условиях экономической неуверенности и опыта взросления в неполной семье, что, возможно, формирует запрос на стабильность и традиционные модели.

Анализ разочарований и источников гордости у девушек из трех кластеров выявил их специфические ожидания от партнеров.

Для представительниц первого кластера («Традиционалистки») ключевым разочарованием является пассивность мужчины, отказывающегося от роли защитника, а также его невнимательность и эгоизм в трудных ситуациях. Соответственно, гордость у них вызывает мужчина с успешной карьерой, чуткий по отношению к ним, ответственный в семейных отношениях и демонстрирующий серьезность намерений.

Девушки из второго кластера («Эгалитарные прагматики») более всего не приемлют агрессии, резкости и негативных высказываний мужчин. Их волнует

демонстрация гендерных стереотипов. Также для них характерна фрустрация из-за неопределенности в отношениях (мужчины не дают четких ответов относительно будущего их отношений). Это можно объяснить характерным для этой возрастной категории желанием создания семьи. Парадоксально, но наибольшую гордость у них вызывают проявления мужчинами поведения в рамках традиционных гендерных стереотипов: умение заступиться, взять на себя ответственность, защитить. Наряду с этим они ценят самостоятельную самореализацию партнера и его добрые поступки. Таким образом, в этом самом многочисленном кластере наблюдается внутренний конфликт: при декларировании эгалитарных ценностей чувство гордости вызывают именно консервативные проявления в мужском поведении, а эмоциональность мужчин, соответствующая идее равенства, часто раздражает.

Для третьего кластера («Молодые консерваторы с запросом на участие») разочарование связано прежде всего с моральными аспектами: неуважением и игнорированием их чувств. В связи с молодым возрастом, финансовые вопросы отходят на второй план, а гордость вызывает эмоциональная поддержка, доброта и искренний интерес партнера к их увлечениям.

Подтвердилось первоначальное предположение о сложной структуре гендерных установок у современных девушек. Наиболее интересной оказалась позиция самого многочисленного второго кластера: совмещение эгалитарных ценностей с отдельными элементами традиционной модели. Образованные и экономически самостоятельные женщины в этой группе, декларируя равноправие, на глубинном уровне продолжают ценить в партнере такие традиционные качества, как способность к материальному обеспечению, защите и принятию ответственности. Это показывает внутренний конфликт между рациональным принятием равенства и эмоциональными ожиданиями, сформированными под влиянием культуры.

Кроме того, исследование позволило описать формирующийся новый социальный пласт, представленный третьим кластером. Его специфика заключается в гибридной установке: принятие консервативных норм как структурной основы для семьи сочетается с требованием полного эмоционального равенства, уважения и поддержки. Это указывает на то, что для молодого поколения традиционность не обязательно означает подчинение, а может служить рамками для построения партнерских отношений. Отчасти, этот кластер противоположен второму кластеру.

Специфика каждого из трех кластеров демонстрирует разные стратегии согласования противоречивых ожиданий. Если «Традиционалистки» принимают патриархальную модель целиком, а «Эгалитарные прагматики» находятся в состоянии ценностного диссонанса, то «Колеблющиеся» пытаются синтезировать обе модели, выбирая из них наиболее выгодные для себя элементы.

1. *Воронцов Д. В., Дроздова И. И. Либерализм vs. консерватизм: гендерные контроверзы об идеальных семейных отношениях // Научная мысль Кавказа. 2016. №1 (85). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-vs-konservatizm-gendernye-kontroverzy-ob-idealnyh-semeynyh-otnosheniyah (дата обращения: 11.10.2025).*

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ И ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родионова Елена Юрьевна
(НИТУ МИСИС)

Аннотация. В статье идет речь о необходимости и актуальности правовой защиты семьи и детей в современном обществе. Рассматриваются основные аспекты законодательства, направленные на защиту семейных прав и интересов. Приведены примеры судебной практики в данной сфере.

Ключевые слова: семья, дети, права детей и родителей, защита прав детей, ответственность несовершеннолетних.

Современные вызовы демографии, государственная поддержка традиционных семейных ценностей, общая гуманистическая направленность нашего государства – все эти обстоятельства позволяют говорить об актуальности вопроса защиты семьи и детей.

По оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2024 г. составила 146,2 млн человек. Доля детей и подростков в общей численности населения составила 20,5 %. В 2023 г. в целом родилось 1 264,4 тыс. детей. Общий коэффициент рождаемости в 2023 г. составил 8,6 родившихся на 1 000 человек населения.

Защита семей и детей в России на современном этапе является приоритетной задачей государственной политики. В последние годы реализуются различные меры и программы, направленные на улучшение условий жизни семей, поддержку материнства и детства, а также защиту прав детей, реализуются комплексные меры по защите семей и детей, направленные на повышение качества жизни, укрепление семейных институтов и обеспечение прав детей.

В Государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2023 г., отмечено, что в целях выработки единой государственной политики в сфере обеспечения комплексной безопасности детей Президентом России утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.

Реализация указанной Стратегии предполагает выполнение мероприятий по 5 направлениям сбережение детей, укрепление благополучия семей, имеющих детей; развитие современной безопасной инфраструктуры для детей, формирование условий для активного участия детей, в том числе детей с инвалидностью и детей с ограниченными возможностями здоровья, в жизни общества; профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении них; формирование безопасной информационной среды для детей; укрепление института семьи, сохранение и поддержка традиционных российских духовно-нравственных, в том числе семейных, ценностей.

Институт защиты семьи и детей предполагает наличие ответственности за несоблюдение норм, регламентирующих общественные отношения в данной сфере. В зависимости от степени общественной опасности, от степени нанесенного вреда выделяют уголовную и административную ответственность, а также гражданско-правовую, под которой понимается прежде всего механизм возмещения морального вреда. Анализ статистических данных показывает, что фактически половина преступлений в отношении детей совершаются родителями или иными законными представителями.

УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за невыполнение родителями своих обязанностей при наличии жестокого обращения с несовершеннолетним. Семейным кодексом Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами установлена обязанность родителей воспитывать детей, помогать им стать личностью, приносящей пользу государству и самому себе, помогать находить свое место в жизни, адаптироваться в обществе и другое эмоциональное участие. Также предусмотрена обязанность по физическому развитию детей, в том числе организации питания, наблюдение и поддержания здоровья, обеспечение одежды в соответствии со временем года и т.п.

Примером ответственности по ст. 156 УК РФ может стать решение суда г. Новотроицка. В ходе судебного заседания было установлено, что мать двух девочек, одной было 6 месяцев, другой – 1,5 года, находясь в алкогольном состоянии, ненадлежащим образом исполняла свои родительские обязанности, безразлично относилась к здоровью малолетних детей, не занималась их лечением, не обеспечивала должным уходом, питанием, отдыхом, не следила за гигиеной. По итогам рассмотрения дела женщине назначено наказание в виде 1 года исправительных работ с удержанием 5 % из заработной платы в доход государства. Кроме того, прокурором г. Новотроицка Оренбургской области в интересах несовершеннолетних детей заявлен гражданский иск о компенсации морального вреда, который подсудимая признала в полном объеме, гражданский иск удовлетворен, в пользу детей с нее взыскано пятьсот тысяч рублей. Другой пример. Мировой судья г. Мегион ХМАО-Югра вынес обвинительный приговор в отношении жительницы города Мегиона обвиняемой по ст. 156 УК РФ. Было установлено, что мать малолетней с рождения не занималась оздоровлением ребенка, режим дня периодически не соблюдала, на прививки являлась несвоевременно, на прием к врачу являлась с опозданием, и после неоднократных напоминаний, при тяжелом состоянии заболевания ребенка, которое угрожало жизни и здоровью, от стационара отказывалась. На неоднократные указания врачей о дефиците веса ребенка и соблюдения рациона питания, мать несовершеннолетней не реагировала. В результате вес ребенка составил 7 кг, при норме не менее 10,5 кг.

В этом случае суд также признал подсудимую виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ и назначил наказание в виде лишения свободы сроком 2 года условно, с испытательным сроком 3 года.

Положительный момент в указанном направлении стала тенденция к снижению этого процента, так если в 2021 г. было 57,5 %, в 2022 г. – 58,2 %, то в 2023 году это 48 % .

Законодательством России ст. 5.35 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Решения по таким делам принимаются комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН) или судами.

Для профилактики правонарушений в отношении несовершеннолетних организована деятельность субъектов профилактики. В частности, достаточно успешна практика проведения проверок неблагополучных семей «социальными патрулями», в которые входят сотрудники полиции и представители заинтересованных ведомств, родительской общественности. Так, в Приморском крае в 2023 г. такими патрулями охвачено 532 человека, в том числе 295 детей. Также благодаря выездным мобильным бригадам «Друг, помощник, консультант» помощь получили 3 970 человек. На территории Чувашской Республики организована работа мобильной бригады срочной

психолого-педагогической помощи детям и их родителям, находящимся в трудной жизненной ситуации. В 2023 г. осуществлены 9 выездов, в ходе которых посещено 654 человека.

Для обеспечения необходимыми услугами и консультативной помощью семей, проживающих в отдаленных районах Астраханской области, организована работа мобильных бригад «Здоровая семья» с участием сотрудников органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что позволяет повысить эффективность раннего выявления фактов семейного неблагополучия, установления и устранения причин, им способствующих и реализации программ социального сопровождения. В 2023 г. в ходе 474 организованных выездов указанных мобильных групп социальное содействие оказано 4 013 взрослым и 8 152 детям.

Коллективными усилиями удалось добиться снижения подростковой преступности. Согласно статистическим сведениям МВД России, в течение последних трех лет подростковая преступность в Российской Федерация снизилась с 31 865 в 2021 г. до 27 325 в 2023 г., максимально сократился удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, от общего количества всех уголовно наказуемых деяний, если в 2021 г. он составил 3,1 %, в 2022 г. – 2,9 %, то в 2023 г. – уже 2.7 %, такая динамика позволяет говорить об определившейся тенденции.

Правовая основа и правоприменительная практика являются основой стабильности института семьи, поскольку именно правовые нормы составляют юридическую основу для защиты прав и интересов всех ее членов, что в свою очередь создает условия для развития членов семьи и позволяет им чувствовать себя в безопасности.

1. *Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).*
2. *Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 2023. https://mintrud.gov.ru/docs/2670*
3. *Калинина С. В. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. / Сб. статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург, 2022*

ЦЕННОСТНАЯ ПОДДЕРЖКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Вдовина Маргарита Владимировна
(РГСУ)

Румянцев Владислав Викторович
(РГСУ)

Аннотация: В работе на основе результатов авторского онлайн-анкетирования 2024 года обсуждаются пути и условия поддержки ценностей современной семьи. Обозначены аксиологический, фамилистический, институциональный подходы к анализу поддержки этого социального института в России. Ценностная поддержка семьи интерпретируется авторами как совокупность направленных действий различных субъектов, целью которых является сохранение, укрепление и развитие института семьи.

Ключевые слова: российская семья, брак, дети, семейные ценности, поддержка института семьи

Положение и перспективы развития современной российской семьи вызывают интерес академического сообщества, государственных деятелей и широкой общественности. Нормальное функционирование семьи обеспечивает духовное и физическое воспроизводство общества [1]. Актуализируется проблема ценностной поддержки этого социального института. Это обусловлено необходимостью понять и пытаться повлиять на идеалы, цели, к которым необходимо стремиться ради достижения общественного, семейного и индивидуального блага, консолидации и укрепления российского общества.

Неслучайно 2024 год в Российской Федерации был объявлен Годом семьи, что ориентировано на повышение статуса семьи в российском обществе, популяризацию семейных ценностей, совпадает с приоритетами национального проекта «Семья» на период 2025 – 2030 гг. [7] и концепцией государственной семейной политики. Также в указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (9.11.2022 г.) акцентируется сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей в нашей стране [8].

Для анализа взглядов населения на ценности, скрепляющие и определяющие современную семью, в июле 2024 года нами было проведено онлайн-анкетирование россиян различных возрастных категорий, включая представителей подрастающего и старшего поколений. Распространение разработанной нами анкеты осуществлялось посредством специализированных групп и каналов популярных российских социальных сетей «ВКонтакте» и «Телеграм».

В исследовании приняло участие 1363 человека, из которых 653 – мужчины и 710 – женщины. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием статистического программного обеспечения SPSS.

Каждый третий опрошенный нами воспитывает двоих детей, каждый пятый – одного, каждый десятый – троих детей. У трети респондентов детей нет.

Согласно мнению большей части участников опроса, самой главной семейной ценностью является любовь, проявляющаяся в нежности, заботе, защите и стремлении быть рядом с близкими. Второе место по значимости занимает доверие, подразумевающее возможность открытого обсуждения проблем, неудач и переживаний с членами семьи. Преданность, понимаемая как готовность оказать поддержку близкому человеку в любых жизненных обстоятельствах, является приоритетом для каждого десятого респондента. Доброта, проявляющаяся в стремлении помогать и поддерживать нуждающихся, была отмечена каждым пятым участником опроса.

По данным нашего исследования, первостепенное значение для половины респондентов имеют безопасность детей, проявление к ним любви и заботы, а также уважительного отношения. Четверть участников опроса акцентирует внимание на важности формирования моральных принципов, отводя семье роль оплота нравственности. Десятая часть опрошенных считает ключевым развитие навыков коммуникации, включая уважение, толерантность и умение эффективно взаимодействовать в семейном коллективе.

В отношении воспитательных практик, две трети участников опроса считают важным предоставление детям равных прав в семье и учет их мнения при принятии решений. Почти 17 % респондентов предпочитают строгий контроль над поведением

ребенка, ожидая от него беспрекословного подчинения. Меньше десятой части опрошенных придерживается подхода невмешательства, предоставляя детям полную свободу действий.

Треть участников опроса полагает, что образование способствует углубленному пониманию семейных ценностей, в то время как одна пятая убеждена, что семейные ценности являются залогом жизненного успеха. Шестая часть высоко ценит имеющиеся ценности, а 11% считают, что образование укрепляет взаимоотношения с окружающими.

Ровно половина опрошенных регулярно участвует в семейных мероприятиях, в то время как четвертая часть признает, что испытывают нехватку времени для этого. Треть респондентов отмечает, что участие в семейных мероприятиях укрепляет связи с партнером, а еще четверть фиксирует улучшение эмоционального состояния. У 17 % опрошенных в процессе общесемейной деятельности совершенствуются отношения с детьми; 20 % не замечают влияния совместного семейного досуга на взаимоотношения.

Респонденты акцентируют внимание на значимости духовных принципов, таких как любовь, вера и взаимная поддержка, для укрепления семейных уз. Примерно каждый десятый опрошенный считает, что важно создать условия для самореализации каждого домочадца. Незначительная часть респондентов (около 5 %) подчеркивает важность комфорта и уюта в домашней атмосфере, а также гармоничных отношений между родственниками, рассматривая это как наивысшую ценность семейного существования.

Влияние цифровизации на систему ценностей современной семьи проявляется в стремлении к приобретению современных электронных устройств [3]. Респонденты проявляют интерес к повышению квалификации в сфере информационных технологий. 10% опрошенных констатируют заинтересованность каждого члена семьи в использовании современных гаджетов, при этом дети, как правило, используют их в развлекательных целях, а взрослые – больше в профессиональной деятельности.

На основании полученных данных можно отметить сохранение семейных ценностей у современных россиян. Семья позиционируется как один из ключевых факторов, способствующих повышению устойчивости к негативным воздействиям среды, который не только формирует благоприятный психоэмоциональный климат, но и оказывает благотворное влияние на многие аспекты жизни людей.

Гармонии в семейных отношениях, на наш взгляд, содействует ценностная поддержка семьи как процесс оказания помощи семье, основанный на ценностях, принципах и убеждениях, который способствует преодолению конфликтов [5].

По результатам проведенного исследования авторы делают ряд выводов. В современном российском обществе весьма востребована ценностная поддержка семьи как: 1) поддержка семейных ценностей в обществе; 2) поддержка семьи при помощи духовных и материальных ценностей (не только семейных, но и других – национальных, традиционных, политических, религиозных и т. д.). Такая поддержка представляет собой совокупность направленных действий различных субъектов, целью которых является сохранение, укрепление и развитие института семьи. Этими субъектами могут быть государство, общественные движения (профсоюзы и т. д.), корпоративные объединения, местные власти, взаимодействующие с семьей институты (образование, здравоохранение, религия, наука, культура, СМИ и т. п.), а их действия по ценностной поддержке, по нашему мнению, должны носить мотивирующий, стимулирующий характер, который побуждает и убеждает людей ценить семью и то, что с ней сущностно связано: брак, родство, дети и т.п. В число их действий, с нашей точки зрения, входят: государственные программы поддержки семьи; корпоративные проекты поддержки работников с семейными обязанностями, профсоюзные семейные путевки и т. п.; научные

исследования семьи, образовательные курсы семьеведения для высшей и средней школы [6]; содействие церкви (православной и других) в поддержке семейного образа жизни и семейных ценностей, создание и популяризация книг, фильмов, песен и т. п. о ценности семьи; развитие женских и семейных консультаций, центров охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи; подготовка соответствующих кадров [2] и т. д. В совокупности подобные действия и связи между ними способствуют укреплению ценностей законного брака на всю жизнь, семейно-детного образа жизни, деторождения и многодетности, родства и взаимодействия родственников – дружного, бескорыстного, основанного на любви, доверии и милосердии, персонализированного (с учетом индивидуальных особенностей личности) [3]. Последнее является особенно значимым в современной семье, по сравнению с традиционной.

1. *Антонов А. И. Возможен ли социум приемлемый для семьи с несколькими детьми: возможна ли семья как суверенный посредник между интересами личности и общества? В сборнике: Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024. С. 1320-1323.*
2. *Вдовина М. В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 63-68.*
3. *Вдовина М. В. Цифровое благополучие семьи и детства // Социальная политика и социология. 2024. № 2. С. 40-47.*
4. *Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: дисс… д-ра социол. наук / Московский гуманитарный университет. Москва, 2008. 370 с.*
5. *Румянцев В. В. Ценностная поддержка семьи в ситуации конфликта // Миссия конфессий. 2024. № 1. С. 103-108.*
6. *Семьеведение / Прохорова О.Г., Холостова Е.И. и др. (1-е изд.). Москва, 2013. 403 с.*
7. *Семья: Национальный проект. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/ (дата обращения 10.10.2025).*
8. *Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения 8.10.2025).*

ТЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Савин Сергей Дмитриевич
(Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, https://rscf.ru/project/24-28-00424

Острота восприятия социальных проблем в современном обществе напрямую зависит от их информационного освещения. Поэтому борьба за информационную повестку становится ключевой задачей различных общественных сил, которые стремятся представить и утвердить свою позицию в публичном пространстве. Это касается и такой, казалось бы, нейтральной для политики темы как домашнее насилие, традиционно рассматриваемой больше в криминально-правовой и психолого-педагогической плоскости. Однако динамика института семьи и семейных отношений в период современных общественных трансформаций переводит проблему домашнего насилия в ранг базовых ценностных вопросов семьи и брака. В условиях хрупкости семейных союзов, роста количества разводов, проблем социализации детей в семье, домашнее насилие становится все более неприемлемой формой отношений. Даже в некриминальных

формах, без физического насилия, оно все чаще воспринимается не как правило для усиления семейных скреп, а как опасное девиантное поведение, ведущее к деструкции семьи. И что важно, к негативным последствиям для членов семьи, прежде всего, для женщин и детей. Поэтому общественная борьба с домашним насилием направлена не на разрушение семьи, а на ее укрепление через выстраивание взаимоуважительных и психологически бережных отношений в ней.

Как часто происходит в периоды социальной нестабильности и изменений, находятся силы, которые занимают противоположные позиции: за возврат к прошлому и за стремление к новому. Отсюда вытекает конфликт ценностей, который может иметь и поколенческую выраженность во взглядах, и политическую плоскость идеологического противостояния, и этноконфессиональные влияния и др. Обусловленность конфликта дополнительными факторами формирует его многослойность, усиливает конфронтационную составляющую, определяет его длительную временную перспективу динамики. Значительную роль в этой динамике, влияющую на общественное восприятие проблемы, играют СМИ.

Чтобы выявить обусловленность восприятия проблемы домашнего насилия СМИ нами был проведен выборочный контент-анализ наиболее популярных электронных СМИ в период с 01.01.2017 г. по 30.04.2025 г. Исследование проходило в два этапа. Анализировался контент Интернет-СМИ, отобранных по рейтингу Медиалогии, в период с 01.01. 2017 по 31.08.2019. Проводился анализ выпусков изданий на их официальных сайтах. Всего было взято для проведения контент-анализа 14 изданий как либеральной, так и консервативной направленности. Общий массив выявленных публикаций по теме составил 539. Лидерами по количеству релевантных публикаций были издания «Лента.ру» (137), «РИА Новости» (78), «Лайф.ру» (61), АиФ (55). Как показал анализ публикационной активности в выделенных изданиях, всплески роста публикаций были связаны 1) с обсуждением последствий принятия закона о декриминализации домашнего насилия и перспектив принятия нового закона «о домашнем насилии» в Государственной Думе РФ, а также реакция других представителей власти; 2) активизацией общественного мнения и проведения ряда публичных акций с реакцией на «дело сестер Хачатурян»; 3) с историей россиянки Валерии Володиной, выигравшей дело о жертве домашнего насилия в ЕСПЧ. При этом наблюдалось нарастание публикационной активности по теме с лета 2018 года, когда в СМИ стали широко освещать «дело сестер Хачатурян», что повлекло и к росту публикаций по более широкой тематике по проблеме прав женщин в России, проблеме гендерного неравенства и дискриминации. Массив публикаций по теме домашнего насилия за 2019 год суммарно превысил объемом публикаций за два предыдущих года. В целом исследования в интернете показали большой общественный интерес к проблеме домашнего насилия в период 2018 – 2019 г., что подтверждается широким обсуждением в социальных сетях и значительным количеством публикаций в СМИ. Кроме того, информационная повестка формировала конфликтный фон вокруг проблемы, что еще больше притягивало общественное мнение [1].

На втором этапе было проведено исследование в социальной сети Телеграмм, охватывающее период с 01.09 2019 г. по 30.04.2025 г. Оно носило комбинированный характер. В его методологии соединялись предмет исследования социальных сетей и средств массовой информации. Социальная сеть Телеграмм была выбрана как более популярная для новостных агрегаторов. Для исследования был взят не весь массив постов и комментариев русскоязычных пользователей сети, а только публикации интернет-СМИ. Для этих целей был использован рейтинг Telegram-каналов СМИ аналитического портала Медиалогия.

По результатам исследования было выявлено, что количество информационных сообщений на тему домашнего насилия резко снизилось после 2020 г. Кроме того сместился акцент в освещении проблемы от насилия над женщинами к насилию над детьми. Чаще всего на данную тему за анализируемый период публиковали информационные сообщения телеграм-каналы SHOT (48), RT на русском (43), KP.RU (22), Mash (20), Baza (18). В основном это событийные каналы без аналитики, в которых часто публикуется информация о происшествиях и громких преступлениях.

Таблица 1. Частота встречающихся сюжетов в Телеграм-СМИ по видам домашнего насилия

Телеграм-СМИ	**Сексуальное насилие**	**Физическое насилие**	**Психологическое насилие**
SHOT	3	1	0
BAZA	2	1	0
E1.RU	3	2	1
Readovka	2	1	0
Осторожно, новости	1	2	0
KP.RU	5	1	1
Mash	3	2	1
Лента дня	3	2	1
Mash на Мойке	2	1	0
РИА Новости	1	1	0
RT на русском	2	0	0
Всего	27	14	4

Приведенные в таблице 1 данные о содержании распространенных сюжетов в телеграм-СМИ о домашнем насилии показывают смещение акцента в освещении этой темы в сторону сексуального насилия. Разумеется, в конкретных случаях домашнего насилия чаще всего присутствуют различные виды насилия. Данный анализ носил выборочный характер с определением преимущественного характера содержания публикаций. Из него мы видим, что сексуальное насилие на треть больше встречается по сравнению с описанием других сторон этого явления.

Таблица 2. Частота встречающихся сюжетов в Телеграм-СМИ по категории жертв домашнего насилия

Телеграм-СМИ	**Ребенок**	**Супруг женщина**
SHOT	3	1
BAZA	0	3
E1.RU	1	2
Readovka	2	0
Осторожно, новости	2	1
KP.RU	5	1
Mash	2	2
Москва 24	0	0
Лента дня	2	3
Mash на Мойке	1	1
РИА Новости	1	0
RT на русском	2	1
всего	21	15

Из анализа информационного интереса Телеграм-СМИ к теме домашнего насилия можно отметить, что абсолютное большинство случаев относится к насилию по отношению к детям (табл. 2). При этом насилие происходит преимущественно в неблагополучных семьях, в которых также наблюдается асоциальное поведение. Часто речь идет о семьях с незарегистрированными брачными отношениями, о многодетных семьях [2]. В периоды всплесков сетевой активности количество опубликованных сообщений в сопоставлении с другими периодами обеспечивается одним или несколькими событиями, которые получили несколько большее внимание со стороны журналистов. В основном о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних. Большинство описываемых случаев имело резонанс по жестокости и высокой аморальности совершенных преступлений. Реакция в комментариях, соответственно, носила гневный характер с единодушными призывами к жесткому наказанию преступников, вплоть до смертной казни. Но непосредственно широкой общественной реакции указанные случаи не нашли. Информационный интерес к произошедшему событию быстро уходил, ограничиваясь, как правило, периодом задержания подозреваемых в преступлении и вынесения судебных решений по совершенным преступлениям. Заметен акцент в информационных сообщениях на мигрантах и теме покрывательства домашнего насилия со стороны членов семьи и родственников, оказания давления на жертву. При этом закон о домашнем насилии как мера борьбы с этим явлением в последнее время практически не обсуждается ни в публикациях, ни в российских социальных сетях. Информационная повестка сместилась к простому моральному осуждению и реакции гнева в отношении насилия к детям.

Подводя итоги проведенных исследований можно отметить, что информационное освещение случаев домашнего насилия, как правило, вызывает общественный резонанс и широкое обсуждение в публичном пространстве. В исследовании 2019 г. фиксировались значительные всплески сетевой публикационной активности, что создавало общий фон повышенного интереса к проблеме и роста сообщений в СМИ. Однако в последние годы информационный накал в этой сфере снизился. Вследствие начала специальной военной операции на Украине и усиления консервативного тренда в пропаганде национальных ценностей тематика домашнего насилия ушла с «первых полос» информационной повестки государственных российских СМИ и новостных агрегаторов. Тем не менее, информация о домашнем насилии по-прежнему в целом широко представлена. По данным проведенных нами всероссийских социологических опросов в 2019 и 2024 гг. увеличилась доля тех, кто «слышит о домашнем насилии время от времени» – 32,9 % (2024 г), 25,8 % (2019 г.). Доля тех, кто получает информацию о данной проблеме часто, напротив, сократилась с 31,3 % (2019 г.) до 21,4 % (2024 г.).

1. *Щепельков В. Ф., Савин С. Д., Тимошина Е. М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244*
2. *Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: social and social-cultural aspects // RUDN Journal of Sociology. 2021. T. 21. № 2. P. 311-321.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВОДОВ В РОССИИ

Сивоплясова Светлана Юрьевна
(Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук)

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу взаимосвязи динамики разводов и ключевых социально-экономических показателей: средней заработной платы, реального располагаемого денежного дохода, индекса потребительских цен, уровня безработицы. Результаты показали, что, несмотря на преобладание в обществе суждений о том, что разводы чаще всего случаются по экономическим причинам, статистические данные такой связи не выявили. Такие несовпадения, вероятнее всего, могут быть связаны, с одной стороны, с влиянием субъективной оценки уровня благосостояния семьи, а с другой – с существованием временного лага между изменением экономических показателей и интенсивностью разводов.

Ключевые слова: разводимость, факторы, средняя заработная плат, реальный располагаемый денежный доход, индекс потребительских цен, уровень безработицы

За последние 50 лет институт брака претерпел заметные изменения. Значимым компонентом трансформаций является изменение в обществе отношения к разводам в сторону более лояльного, и увеличение их числа. Вместе с тем, в научном дискурсе преобладают отрицательные оценки последствий разводов. Так, Семина А. А. и Давыдова А. А. в своем исследовании говорят о негативном влиянии развода родителей на психику детей и трансформацию моделей поведения юношей и девушек [7]. Жиркова А. А. и Титова П. А. выделяют три объекта влияния разводов: самих разводящихся, детей и общество. При этом рассматриваются психологические, социальные, демографические и экономические последствия, которые, главным образом, выражаются в росте депрессивных расстройств и повышении заболеваемости населения, сокращении рождаемости, снижении производительности труда [1]. В. Б. Уилкокс, Ж. Прайс и Р. И. Лерман в своей книге анализируют взаимосвязь между брачной структурой населения и экономическим ростом на уровне штатов США, приходя к выводу, что отказ от заключения брака и рождения детей, одиночество, снижают экономическую мобильность и увеличивают распространение бедности, а, кроме того, негативно влияют на динамику преступности [8].

В связи с этим закономерным является стремление органов государственной власти и представителей научного сообщества предложить систему мер, которые способствовали бы сохранению семей и снижению разводимости. Важно понимать, что это довольно затруднительно сделать без понимания комплекса причин, вызывающих распад семей.

Определению причин разводов посвящены исследования, проводимые академическими институтами и исследовательскими центрами. Так, по данным ВЦИОМ ключевыми факторами, вынуждающими людей к разводу, являются финансовые проблемы, безденежье, низкий доход (38 %), неверность, измена, встреча другого человека (18 %) и недопонимание (14 %) [4]. Согласно исследованию ИОМ «Анкетолог» в России увеличилось число разводов в связи с более спокойным отношением в обществе к разводам (46 %), нестабильной экономической ситуацией (39 %), распространением

индивидуалистских ценностей (33 %) [2]. Результаты исследования ФОМ показывают, что, по мнению респондентов, ключевыми причинами, по которым чаще всего разводятся люди, являются отсутствие взаимопонимания, семейные конфликты, невозможность сойтись характерами (29 %), материальные трудности (18 %), бытовые проблемы (9 %) [6]. Согласно исследованию Лактюхиной Е. Г. и Антонова Г. В., опрашивавших разведенных, к факторам, способствующим стабильности брака, можно отнести взаимное уважение, чувство любви, супружескую верность, взаимную помощь и поддержку и др. [3]. То есть, наиболее распространенные по мнению россиян причины разводов лежат, с одной стороны, в психологической и поведенческой плоскости, а с другой – в экономической. При этом, важно отметить, что, согласно данным ВЦИОМ, финансовые трудности – это те причины, по которым, по мнению россиян, чаще всего распадаются браки. Респонденты не только выбирают эти варианты ответов чаще остальных, но и их доля выросла с 2019 г. по 2025 г. почти на 10 п.п. (с 38 % в 2019 г. до 47 % в 2025 г.) [5]. В связи с этим, представляется целесообразным начать исследование факторов разводов с экономической группы причин.

Была проанализирована динамика ключевых социально-экономических показателей (средней заработной платы, реального располагаемого денежного дохода, индекса потребительских цен и уровня безработицы) и динамика разводимости в 2003 – 2024 гг. в России. Результаты корреляционного анализа показали, что между средней заработной платой и числом разводов существует слабая взаимосвязь. Коэффициент корреляции составил -0,20. То есть в незначительном числе случаев низкий уровень заработных плат может стать причиной распада семей. Но верно и обратное, в некоторой степени разводы могут привести к снижению доходов людей, ставших одинокими после развода.

Корреляция между числом разводов и реальными располагаемыми денежными доходами также является слабой. Коэффициент корреляции составил 0,25. А взаимосвязь между индексом потребительских цен (используемым для оценки уровня инфляции) и динамикой разводов – средней. Коэффициент корреляции равен 0,53. Это значит, что чем выше уровень инфляции, тем выше разводимость в стране. Учитывая особенности методики расчета индекса потребительских цен, а также тот факт, что на протяжении рассматриваемого периода (2003 – 2024 гг.) уровень реального располагаемого денежного дохода пусть с разным темпом, но увеличивался (исключение составляют 2014 – 2017 гг., 2020 г. и 2022 г., когда уровень располагаемых денежных доходов снижался), возможно говорить, что устойчивость семьи зависит, прежде всего, от субъективной оценки супругами благосостояния семьи и возможности его повышения. Сокращение набора потребительских благ, которые может позволить себе семья (а вероятнее всего, и невозможность его расширения), может привести к конфликтам и распаду семьи.

Важно отметить, что тесной связи разводимости и уровня безработицы установлено не было. Коэффициент корреляции составил 0,17. Вместе с тем, проведенное исследование позволяет говорить, что во многих случаях развод вынуждает людей, оставшихся без супруга, выходить на рынок труда. Причем, такая ситуация больше характерна для женщин.

Таким образом, несмотря на то, что, по мнению людей в возрасте 18 лет и старше, финансовые трудности в семье чаще других приводят к разводам, анализ статистических данных показывает, что низкий уровень доходов и отсутствие работы у супругов не часто вызывают рост разводимости. Вместе с тем, увеличение разводимости в стране нередко

происходит на фоне роста инфляции. То есть, снижение уровня инфляции может иметь косвенный эффект в виде сокращения разводов.

Полученные результаты позволяют говорить, что, анализируя экономические факторы разводов, важно учитывать субъективные оценки семей уровня своего благосостояния. Этот же факт необходимо принимать во внимание при реализации мероприятий, направленных на снижение разводимости в стране.

1. *Жиркова, А. А., Титова, П. А. Социальные последствия семейных разводов // Студенческий научный форум – 2018. URL: https://files.scienceforum.ru/pdf/2018/9727.pdf (дата обращения: 26.06.2025).*
2. *Измена – самая частая причина развода в России. Исследование // Институт общественного мнения «Анкетолог», 1 июля 2024 – URL: https://iom.anketolog.ru/2024/06/20/razvody-issledovanie (дата обращения: 01.09.2025).*
3. *Лактюхина, Е. Г., Антонов, Г. В. Причины развода в современной России // Народонаселение, 2016. – №4. – С. 57-67.*
4. *Разводы в России: мониторинг // ВЦИОМ, 24 октября 2024 – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (дата обращения: 15.09.2025).*
5. *Развод по-русски // ВЦИОМ, 10 июня 2025 г. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki (дата обращения (12.09.2025).*
6. *Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины // ФОМ, 14 июля 2022 – URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750 (дата обращения: 12.09.2025).*
7. *Семина, А. А, Давыдова, А. А. Развод и его последствия // Наука и современность – 2010: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 228-231.*
8. *Brad Wilcox, Robert I. Lerman, Joseph Price. Strong Families, Prosperous States: Do Healthy Families Affect the Wealth of States? / Institute for Family Studies, 2015. URL: https://www.aei.org/research-products/report/strong-families-prosperous-states/ (дата обращения: 29.06.2025).*

СЕМЬЯ КАК РЕСУРС И БАРЬЕР В СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ: ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК

Сидорова Елизавета Алексеевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России)

Аннотация. Раскрывается сущность семьи, как основного ресурса развития ребёнка с ОВЗ: их семейная среда, проблемы, с которыми встречаются при воспитании детей, и пути их решения.

Ключевые слова: семья, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, социализация, адаптация.

Семья является ключевым фактором для формирования механизмов адаптации к обществу у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Ценности и убеждения принятые в семье напрямую влияют на развитие адекватной самооценки, способность социализироваться и реализацию ребенка, как личности. Учитывая сложную демографическую ситуацию в России и политические изменения, можно сделать вывод о том, что современная молодежь потерпела ряд коренных изменений при подходе к вопросу семейных ценностей. Этот факт доказывают многочисленные исследования, одно из них проведено в регионах Сибирского Федерального округа. Результаты показали, по мнению респондентов, образ «счастливой семьи» возможен только при наличии взаимодополняемых жизненных ценностей: приоритет семьи, карьера и материальный достаток [2, 152,153].

Согласно данным Росстата за 2024 г., в России живут 11,1 млн людей с инвалидностью, из них 779 тыс. из общего числа – дети[4]. Инклюзия и принятие – сильные ценностные ориентации для семей, воспитывающих особенных детей. Высокий уровень социальной интеграции влияет на развитие навыков самообслуживания у детей с ОВЗ. Однако некоторые семейные установки, ограничивающие доступ ребёнка к общественной жизни и межличностным связям, могут стать барьером для благоприятной социализации и сепарации детей-инвалидов, а также повлиять на качество их жизни в будущем.

Целью исследования является влияние особенностей семейной среды на процесс социализации детей с ОВЗ.

Взаимоотношения родителей с детьми с ОВЗ можно разделить на четыре группы, каждая из которой имеет влияние на ребёнка и его адаптацию: гиперопека, гиперпротекция, репрессивны стиль, стиль сотрудничества [3]. Наиболее благоприятным для детей с ОВЗ признано считать «стиль сотрудничества», при котором семейный диалог выстраивается на принципах гибкости, взаимоуважения, поддержки и реалистичных взглядах на особенности ребёнка. Подобная атмосфера оказывает положительное воздействие на освоение навыков самообслуживания у детей. Как итог, у ребёнка формируется уверенность в своих способностях и адаптивность к различным социальным изменениям. В остальных случаях детско-родительские отношения имеют менее высокие показатели успешной сепарации детей. Например, в случае активного проявления заботы (гиперопеки) к ребёнку с ОВЗ может формироваться эгоцентричность, осложняющая адаптацию ребёнка в обществе. Гипопротекция (стиль холодного общения) характеризуется сосредоточенностью родителей на медицинских аспектах, вследствие чего ребенок может испытать эмоциональную нестабильность, связанную с особенностями его здоровья. Репрессивный стиль общения связан с огромным контролем и постоянными ограничениями со стороны родителей. Часто это бывает связано с пессимистическим настроем родителей на успешное становление ребёнка с ОВЗ как личности. Как итог, такая модель приводит к низкой самооценке и постоянному чувству тревоги у ребёнка.[1]

Чтобы в полной мере оценить проблему, было проведено исследование. Объём выборки составил 100 семей из различных регионов РФ, а именно 60 % семьи с детьми с инвалидностью от 3 до 18 лет, 40 % – семьи с детьми с физическими, ментальными и сенсорными нарушениями.

Было выяснено, что 100 % опрошенных семей участвуют в специальных образовательных программах и реабилитационных мероприятиях, направленных на медицинские и социальные аспекты развития ребёнка, при этом только 35 % респондентов участвовали в мероприятиях, направленных на создание определенной семейной обстановки при воспитании детей с ОВЗ, что свидетельствует о недостатке оказания психологической и социальной помощи родителям.

Семьям также было предложено выбрать несколько основных барьеры, которые они испытывают в процессе воспитания. Респондентами отметили недостаток информации о мерах поддержки, как для детей, так и для родителей (78 %), финансовые сложности, которые влияют на качество жизни семьи (50 %), эмоциональную усталость и стресс (45 %), конфликты внутри семьи (25 %), негативное отношение со стороны окружающих (10 %).

В конце опроса родителям был предложен тест для определения модели их воспитания в соответствии с вышеперечисленными группами. Результаты показали, что

модель «гиперопека» свойственна 45 % респондентов, «стиль сотрудничества» – 25 %, «гипопротекция» и «репрессивный стиль» – 20 % и 10 %, соответственно. Данные показатели свидетельствуют о том, что отсутствие или недостаток информации о методах воспитании детей с ОВЗ может повлиять на уровень интеграции ребёнка в общество.

В результате исследования было выявлено, что семьи, воспитывающие детей с ОВЗ, обладают большим потенциалом как ресурс, но наряду с этим возникают барьеры, которые требуют системных или коренных изменений, так как это напрямую влияет на семейную среду. Только комплексная работа как с детьми, так и с родителями, повысит уровень эффективности социализации и интеграции в общество ребёнка с ОВЗ. Исходя из данных исследования, целесообразным является создание адаптивных методик обучения родителей, которые будут учитывать индивидуальные особенности семьи, и находить баланс между вниманием со стороны взрослых и развитием навыков самообслуживания, а также социализации у детей с ОВЗ.

1. *Кокорева М. Е. Семья как агент социализации в комплексной реабилитации детей с инвалидностью // Социология. – 2025. – №. 2. – С. 28.*
2. *Матвеева Е. В., Сат А. В. Кросс-регинальный анализ семейных ценностей студенческой молодёжи в регионах Сибирского Федерального округа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2025. – Т. 19. – №. 1. – С. 152-153.*
3. *Уклеина А.Е., Мухортова С.А., Горбачёва Т.В., Пчелинцева С.В., Козельцева Н.П. Роль семьи в социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // НАУ. – 2021. – N° 71-1. – С. 42.*
4. *Федеральная служба государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/storage/ mediabank/Zdr4-4_2024.xlsx (дата обращения: 15.09.2025)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИИ СЕМЬИ И ОБЩЕСЕМЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Степанов Данил Вадимович
(МГУ имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет)

Сегодня капиталистическое общество сталкивается с серьезными проблемами, связанными с демографическим кризисом, изменением структуры занятости и потерей традиционных семейных ценностей. Современные тенденции приводят к снижению рождаемости, увеличению числа одиноких и малодетных семей, а также росту зависимости от внешней миграции. Исследования показывают, что современное состояние экономики негативно влияет на стабильность и развитие семей, создавая серьезные угрозы национальной безопасности и устойчивости государств [3, 62]. Многолетние преобразования привели к ослаблению роли семьи как главного механизма воспроизводства и воспитания подрастающего поколения.

Параллельно развивается новый тренд, утверждающий отсутствие потребности в детях как субъекте, обладающем социальным значением, превращая инстинкт продолжения рода в нечто сугубо биологическое. Про инстинкт продолжения рода известный демограф А. И. Антонов писал, что «на определённом этапе развития человек отобрал у природы контроль над этим инстинктом и уравнял его с другими удовольствиями, которые получает от жизни» [1, 217]. Это привело к изменению системы жизненных ценностей, в которой детям остаётся всё меньше места. Между тем, капитализм, стремясь к максимизации прибыли, систематически уничтожает базовые

основы семейных отношений, ибо крепкая семья, обеспечивающая здоровье и благополучие общества, противоречит интересам нынешней экономической системы.

История показывает, что сильная семья обеспечивает мощь государства, способна защитить страну от угроз внутренней дезинтеграции и сохранить уникальность народной культуры. Однако в погоне за прибылью семья стала объектом экспансии и подавления со стороны государства и крупных корпораций, вытесняемых в сферу нерегулируемых процессов и безработицы. Тем временем огромные запасы природных ресурсов, которыми обладает наша страна, постепенно переходят в руки иностранцев, использующих российские просторы как площадку для удовлетворения своих аппетитов. Вопрос стоит остро: сможет ли семья выжить в условиях, когда ее уничтожение выгоден тем, кто контролирует мировые финансы и политическую власть? Задача исследования – разобраться в причинах кризиса семьи и предложить реальные меры, которые позволят остановить деградацию и вернуть семье статус главной опоры общества и гаранта национальной безопасности.

Данный кризис находит отражение в снижении рождаемости, изменении структуры занятости, а также эрозии традиционных семейных ценностей. Утверждение приоритета личного успеха над общим благом привело к возникновению специфического феномена – превалированию индивидуального эгоизма, который определяет стратегию принятия решений большинством людей. При этом именно семья как уникальная ячейка общества становится ареной, где впервые реализуется возможность выхода за рамки собственного интереса и перехода к новому уровню сознательного поведения – самотрансценденции.

Самотрансценденция – это явление, возникающее, когда личность осознает собственное существование не изолированно, а в тесной связи с окружающим сообществом, испытывая внутреннюю готовность жертвовать собственными желаниями ради высших целей. Впервые подобный феномен описал А. В. Чаянов, исследуя структуру сельской общины: основной движущей силой сельского хозяйства была добровольная самоэксплуатация, подразумевавшая принятие определенных ограничений ради общих интересов семьи. Эгоистичный подход заканчивается появлением первого ребенка, когда супруги начинают ощущать собственные границы и перестают мыслить категориями личного комфорта. Появление наследника влечет за собой осознание ответственности за другого члена семьи, что естественным образом приводит к перераспределению усилий и ресурсов. Изначально эти перемены воспринимаются как тяжелая нагрузка, но постепенно превращаются в мощный фактор саморазвития и сближения супругов. Появление второго ребенка закрепляет новое мировоззрение, делая позицию родителей прочнее и яснее.

Переход от индивидуального эгоизма к коллективизму посредством появления детей отражает фундаментальную черту человеческой природы. Когда эгоистичное поведение превращается в альтруистическое, возникает уникальное явление, называемое самотрансценденцией. Оно проявляется в способности отказаться от мелких удобств ради благополучия близких и общества в целом. Причем этот эффект усиливается пропорционально количеству детей в семье. Два ребенка заставляют родителей прилагать вдвое больше усилий, усиливая чувство принадлежности к общему делу и обостряя понимание значимости собственной миссии.

В первую очередь важно понимать природу самотрансценденции в контексте семьи. Термином «самотрансценденция» обозначается способность индивидов преодолевать индивидуальные ограничения и осознавать свою принадлежность к большей социальной группе, в данном случае – к семье. Эта концепция предполагает, что семья служит платформой для личностного роста и взаимного обогащения участников [3, 65].

П. А. Сорокин подчеркнул особую значимость самотрансценденции в последние годы своей жизни, получив финансирование от американского Фонда Рокфеллера для исследования феномена альтруизма. Его открытия подтвердили простую истину: эгоизм двоих родителей сменяется чувством единства, как только в семье появляется ребенок. Первенец активизирует скрытые резервуары энергии и терпения, заставляет забыть о собственных удобствах и искать компромисс ради благополучия маленького существа. Следовательно, появление детей запускает цепочку преобразований, выводящих взаимоотношения пары на качественно иной уровень.

Критически важным аспектом представляется изучение механизмов воздействия рождения детей на уровни самоэксплуатации и самотрансценденции. Первая стадия формирования новой семьи начинается с осознания супругами своего эгоизма и готовности перейти к самоограничениям ради улучшения условий жизни новорожденного. Постепенно этот процесс распространяется на последующие этапы семейной жизни, углубляясь и усложняясь по мере взросления детей. Однако в условиях капитализма, где доминирует стремление к максимальной прибыли, самотрансценденция семьи подвергается серьезным испытаниям. Исторически семья выполняла целый ряд важнейших функций: воспитание детей, обеспечение материальной базы, поддержка психоэмоционального здоровья и формирование идентичности. Однако с приходом капитализма эти функции начали подвергаться деформации. Материальные ценности вышли на первый план, вытеснив духовные и эмоциональные составляющие. Это выразилось в росте занятости обоих супругов вне дома, увеличении числа малодетных семей и появлении феномена так называемой «несемейной» занятости, когда женщина вынуждена выбирать между карьерой и выполнением материнских обязанностей.

Несмотря на многочисленные достижения технического прогресса, капитализм привел к определенному обеднению семейного пространства. Семья утрачивает способность поддерживать здоровую атмосферу сотрудничества и взаимоподдержки, уступая место потребительскому отношению к жизни. Подобное поведение формирует замкнутый цикл, усугубляющий проблемы демографии и социальных отношений. Однако практика показывает, что выход существует. Одной из наиболее действенных технологий является организация общесемейной деятельности, основанной на совместных действиях всех членов семьи. Общесемейная деятельность подразумевает вовлечение взрослых и детей в единые проекты, будь то бытовые обязанности, досуг или образовательная активность. Одним из примеров успешной реализации подобной технологии являются инновационные методики, разработанные Уральской демографической научной школой под руководством А. П. Багировой. Идея заключается в признании родительского труда самостоятельной формой профессиональной деятельности, заслуживающей адекватной оплаты и признания со стороны общества. Родители, воспитывающие детей, выполняют важнейшую функцию по формированию здорового общества, однако в настоящее время их вклад недооценивается и практически не вознаграждается экономически [2, 37].

Однако важно учитывать, что в условиях современного капитализма возникают дополнительные барьеры, затрудняющие подобную интеграцию. Экономические обстоятельства нередко вынуждают родителей чрезмерно сосредотачиваться на зарабатывании средств, оставляя мало времени и сил на взаимодействие с детьми. Для устранения этого диссонанса необходима государственная политика, направленная на поддержку семей с несколькими детьми, создающая условия для равноправного сочетания профессиональной деятельности и родительских обязанностей [2, 133].

Подводя итог, можно заключить, что семья в условиях современного капитализма переживает сложный этап, связанный с адаптацией к изменившимся обстоятельствам.

Таким образом, именно семья становится единственной подлинной моделью сообщества, способной развивать истинный альтруизм и самопожертвование. Следует подчеркнуть, что только в семье человек учится действительно заботиться о ближнем, проявлять сочувствие и помогать слабым членам общества. Коллективная природа спортивных команд, учебных групп и профессиональных объединений важна, но именно семья олицетворяет подлинный коллективизм и демонстрирует полную реализацию самотрансценденции.

Следовательно, одна из центральных задач сегодняшнего дня – выработка новых видов деятельности, которые позволили бы полноценно интегрировать детей в жизнедеятельность семьи, исключив излишнюю концентрацию внимания на эгоистичных интересах родителей. Подобные направления включают организацию досуга, посещение музеев, участие в спортивных мероприятиях и творческих мастерских. Совокупность подобных действий способна усилить чувство сплоченности и способствовать полноценному проявлению самоидентификации. Одним из важных этапов к созданию такой формы общесемейной деятельности является официальное признание родительского труда как профессиональной деятельности и введение соответствующей оплаты, которое может открыть новые горизонты для эффективного воспитания детей, предотвратив раскол между карьерой и семьей. Лишь признав высокую социальную значимость самотрансценденции и обеспечив необходимые условия для ее проявления, мы сможем гарантировать гармоничное развитие наших семей и всего общества в будущем.

1. *Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 414 с.*
2. *Багирова А. П. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 171 с.*
3. *Гавриленко О. А., Морозова Е. В. Семейные ценности и традиции в условиях современности. М.: Изд-во РАН, 2022. 121 с.*

ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА)

Тарченко Вера Сергеевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет))

Синяев Максим Викторович
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет))

Добрачное поведение студенческой молодежи характеризуется рядом особенностей, которые формируются как процессами, происходящими в обществе, так и находятся под влиянием образовательной среды. Кроме того, добрачное поведение является своеобразным индикатором, показывающим изменение брачно-семейных установок молодежи. Изменение отношения к добрачным сексуальным отношениям, раннее начало половой жизни, смена партнеров до вступления в брак будет свидетельствует об изменении тенденций брачно-семейного поведения.

Лабораторией социальных технологий РНИМУ им. Н. И. Пирогова было проведено исследование добрачного поведения студенческой молодежи. Опрошено 1200 студентов в

возрасте от 17 до 35 лет. В исследовании опрашивались студенты, которые состоят в отношениях в течение трех месяцев и более. Были получены результаты о том, кто был инициатором знакомства, о местах знакомства, о поведении во время свиданий, в том числе оплата расходов.

Первокурсники в качестве площадки для знакомства указывали школу, а вот старшекурсники знакомятся больше на рабочем месте. РНИМУ им. Н.И. Пирогова создает благоприятную почву для встреч студентов в зависимости от своих интересов (землячества, научные и творческие кружки и многое другое). Интернет в качестве площадки для знакомств продолжает лидировать, предпочтение ему отдали 17 % респондентов, при этом более 20 % опрошенных одобряют, либо знакомятся на виртуальных площадках и сайтах знакомств.

Меняется и отношение к тому, кто должен выступать инициатором знакомства и оплачивать расходы во время свиданий. Инициатива в этих вопросах все еще принадлежит юношам, но наблюдается изменение мнения о том, что расходы на свидании могут нести оба партнера: поровну, либо тот, кто пригласил на свидание, вне зависимости от пола. Также студенты отмечают, для заключения брака необходимы взаимопонимание, уважение между партнерами, доверие и любовь.

Резюмируя результаты проведенного исследования, мы приходим к выводу, что меняются не только места для знакомств, что связано с увеличением доли использования виртуальных площадок среди молодежи. Отмечено, что происходит не только откладывание регистрации брака, но откладывание создания серьезных и длительных отношений, смена партнеров. Происходит либерализация отношения со стороны общества к таким отношениям. Кроме того, наличие зависимости для современной молодежи официальной регистрации брака от финансового положения, свидетельствует о сдвиге ценностных ориентаций молодежи от ценности личного счастья к ценности достижений в общественной жизни. Студенты отмечают, что для вступления в брак, необходимо завершить получение образования, найти хорошую и высокооплачиваемую работу, а также финансовую и экономическую независимость от родителей.

Таким образом, исследование добрачного поведения студенческой молодежи является актуальным, представляет научный интерес и поставленные задачи требуют дальнейшего изучения.

ПРОГНОЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЯВЛЕНИЯ АБОРТОВ НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Тишина Полина Валерьевна
(Череповецкий Государственный Университет)

Аборты как социально-демографический феномен отражают не только особенности репродуктивного поведения населения, но и уровень развития системы здравоохранения, степень информированности женщин, господствующие культурные ценности и экономическую ситуацию в стране. Исследование динамики числа абортов предоставляет возможность выявить общие тенденции в обществе и спрогнозировать возможное направление дальнейших изменений. В данной работе рассматривается применение полиномиальной регрессии для прогнозирования количества абортов, что позволяет проанализировать нелинейные взаимосвязи в демографических процессах.

Для построения прогноза была использована модель полиномиальной регрессии второй степени, основанная на статистических данных о числе абортов за ряд предшествующих лет. В отличие от линейного подхода, данный метод способен более гибко учитывать изменения тенденций и отражать колебания, вызванные влиянием социальных и экономических факторов.

Полиномиальная регрессия представляет собой один из ключевых инструментов машинного обучения, применяемый для описания сложных, нелинейных зависимостей между переменными. Этот метод широко используется в различных областях – экономике, медицине, инженерных науках, биологии и других – благодаря своей способности повышать точность прогнозов и выявлять закономерности, недоступные при линейном моделировании. Таким образом, полиномиальная регрессия обеспечивает более глубокий аналитический подход к обработке данных и способствует принятию обоснованных управленческих решений.

Эмпирической базой исследования послужили статистические сведения Росстата о количестве абортов за семнадцатилетний период. На основании этих данных была построена аппроксимирующая кривая, отражающая динамику изменения показателя во времени. Оценка качества построенной модели проводилась с использованием коэффициента детерминации, среднеквадратичной ошибки и визуального анализа точности аппроксимации.

Результаты моделирования позволили определить возможное направление изменения числа абортов в последующие годы. В зависимости от выявленного тренда прогноз может свидетельствовать о снижении уровня абортов – как следствии эффективных мер в области планирования семьи и повышения доступности контрацепции; о стабилизации показателя – при устойчивом социально-демографическом положении; либо о росте числа абортов, что может быть связано с ухудшением социально-экономической ситуации или недостаточным уровнем сексуального просвещения населения.

Следовательно, применение полиномиальной регрессии в качестве метода прогнозирования является значимым инструментом для оценки будущих демографических рисков, выявления скрытых закономерностей и обоснования мер социальной политики.

В таблице 1 анализ основан на данных о числе абортов на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет в период с 2005 по 2022 годы. С целью построения прогноза была введена переменная t = Год − 2005, отражающая временной шаг относительно базового года.

Таблица 1. Вычисление переменных для полиномиальной кривой на основе числа абортов на 1000 женщин от 15 – 49.

Год	**С (t = Год – 2005)**	**Аборты**
2005	0	78
2010	5	49
2015	10	36
2018	13	29
2019	14	26
2020	15	24
2021	16	21
2022	17	19

На основе этих данных была построена полиномиальная модель регрессии (табл. 2), описывающая тренд снижения абортов в исследуемый период. Полученное уравнение полинома позволило рассчитать прогнозные значения числа абортов на 2023 – 2030 годы.

Таблица 2. Вычисление прогноза числа абортов до 2030 года (ед.)

Год	**E(t = год – 2005)**	**F (прогноз)**
2023	18	20,8968
2024	19	20,0899
2025	20	19,532
2026	21	19,2231
2027	22	19,1632
2028	23	19,3523
2029	24	19,7904
2030	25	20,4775

Результаты прогноза свидетельствуют о том, что после периода устойчивого снижения числа абортов, наблюдавшегося до 2022 года, начиная с 2023 года ожидается стабилизация показателя. Вероятными причинами этого процесса могут быть постепенное исчерпание эффекта от ранее реализованных профилактических мер, рост численности женщин репродуктивного возраста, а также воздействие социально-экономических факторов.

Таким образом, несмотря на то, что общая динамика остаётся благоприятной, прогноз указывает на возможное изменение траектории развития. Это требует повышенного внимания со стороны государственных институтов и профильных организаций, ответственных за поддержание уровня репродуктивного просвещения, расширение доступности современных средств контрацепции и совершенствование качества медицинской помощи в области охраны материнства и детства.

Анализ эмпирических данных показал, что показатель числа абортов в расчёте на 1000 женщин репродуктивного возраста (15 – 49 лет) в период с 2005 по 2022 год демонстрировал отчётливо выраженную тенденцию к снижению. Подобная динамика может объясняться целым комплексом факторов: повышением информированности населения о методах контрацепции, ростом доступности медицинских услуг, активным внедрением программ планирования семьи и изменением общественных установок, формирующих ответственное репродуктивное поведение.

Применение полиномиальной регрессии второй степени позволило построить модель, адекватно описывающую нелинейный характер динамики рассматриваемого показателя. В отличие от линейных методов, данный подход отличается повышенной чувствительностью к изменениям тренда и способен выявлять потенциальные точки перегиба – периоды, когда прежнее устойчивое снижение может сменяться стабилизацией или постепенным ростом. Проверка качества модели проводилась как визуально, так и статистически – с использованием коэффициента детерминации и среднеквадратичной ошибки, что подтвердило надёжность и применимость модели для краткосрочного прогнозирования.

Согласно рассчитанному прогнозу на 2023 – 2030 годы, ожидается завершение фазы снижения числа абортов и переход к периоду относительной стабильности, при котором показатель колеблется в диапазоне 19 – 20 абортов на 1000 женщин

репродуктивного возраста. Подобное изменение может отражать исчерпание действия ранее реализованных профилактических и образовательных программ, а также указывать на перестройку демографической структуры и влияние новых социально-экономических обстоятельств. Среди возможных факторов – рост численности женщин фертильного возраста, экономическая нестабильность, снижение доступности медицинских и образовательных ресурсов, а также ухудшение условий жизни, способное нивелировать положительный эффект прошлых лет.

Следует отметить, что полиномиальная модель не раскрывает причинных связей, однако служит основой для их последующей интерпретации и анализа. Само по себе замедление темпов снижения или стабилизация числа абортов не должны оцениваться исключительно как негативная тенденция. Для адекватной интерпретации необходим сопоставительный анализ с данными о рождаемости, брачности, уровне сексуального просвещения, доступности контрацепции, а также с показателями вовлечённости женщин в экономическую сферу и мерами государственной поддержки семей.

Таким образом, полученные результаты позволяют обозначить потенциально уязвимые направления демографической политики. Прогноз подчёркивает значимость сохранения и развития программ репродуктивного и сексуального образования, расширения сети консультативных и медицинских услуг по планированию семьи, а также обеспечения равного доступа женщин к современным средствам контрацепции. В условиях возможной стабилизации показателя особую роль приобретает систематический мониторинг и аналитическая оценка динамики абортов, что позволит своевременно реагировать на возникающие вызовы и формировать долгосрочную стратегию укрепления репродуктивного здоровья населения.

РОЖДАЕМОСТЬ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И БУРЯТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ткачёв Сергей Дмитриевич
(Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова)

Современная демографическая политика России

Суть современной государственной демографической политики выразил Президент РФ В. В. Путин: «Улучшение демографической ситуации, поддержка рождаемости, повышение качества жизни людей, продвижение ценностей большой многодетной семьи – приоритетная общенациональная задача» [4]. Так, президентский «майский» указ 2024 года первым пунктом обозначает сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи [8].

Рождаемость в России, ДФО и Бурятии

Демографическая структура республики, в общем и целом, в последние десятилетия повторяет изгибы общероссийских тенденций, такие как снижение рождаемости, рост смертности, и в целом, депопуляция народонаселения. При этом Бурятия в плане рождаемости традиционно демонстрировала показатели выше среднероссийских. Так, в 1990 году суммарный коэффициент рождаемости (СКР) по России составлял 1,892; по Дальневосточному федеральному округу (ДФО) 2,067; по Бурятии – 2,494. К 2024 году эти значения снизились до 1,4; 1,491; и 1,511 соответственно. Динамика СКР представлена в графике 1

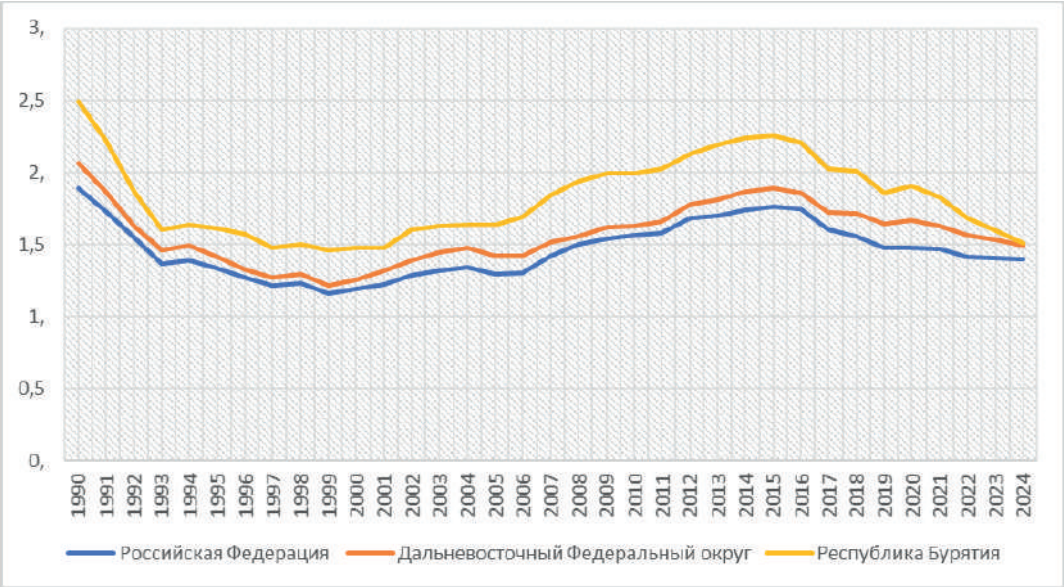

График 1. Динамика СКР в РФ, ДФО, РБ за 1990-2024 гг. [2]

Отмечаем, что в постсоветский период Бурятия выделялась относительно благополучной динамикой рождаемости, а в период 2010 – 2018 гг. республика достигала уровня естественного воспроизводства населения, когда СКР превышал 2. Пик пришёлся на 2015 год (2,257), что не наблюдалось ни в ДФО (1,893), ни в целом по России (1,762). Этот период можно рассматривать как краткосрочную волну демографического оптимизма, связанную с активным действием мер поддержки семей с детьми и благоприятной возрастной структурой женщин фертильного возраста. Выгодно республика отличается и от регионов ДФО, что представлено в *графике 2.*

График 2. Суммарный коэффициент рождаемости регионов ДФО [2, 14]

Констатируем, что в последние годы рождаемость демонстрирует устойчивую нисходящую динамику во всех представленных регионах. Так, число новорождённых сократилось с 12 063 в 2021 году до 10 985 в 2022 году (–8,9 %); в 2024 году

зарегистрировано уже 9 524 рождения (–7 % к 2023 году) [3], что соотносится с кризисными «дефолтными» годами 1998/97 гг.

Однако важно отметить, что предпринятые федеральные меры стимулирования рождаемости, активно развёрнутые с середины 2000-х (т.к. программа «Семейного (материнского) капитала»), в большей степени ускорили принятие решения о рождении ребёнка, который всё равно появился бы позже [1, 164]. Это подтверждают данные выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. Так, среди женщин при рождении первого ребёнка 24,7 % отметили, что меры поддержки помогли, но ребёнка просто откладывали; 12,7 % – что без поддержки не могли себе позволить; 53,9 % – что меры не повлияли. Аналогичные показатели наблюдаются у мужчин. При рождении второго и третьего ребёнка доля тех, кому поддержка помогла, выше: 34,0 % и 17,4 % соответственно [6]

Следовательно, не стоит переоценивать влияние федеральных материальных программ. Тем более что мировая тенденция – сдвиг рождаемости к старшим возрастам: сегодня в России средний возраст женщин при рождении первого ребёнка составляет 26 лет, второго – 31, третьего – 33 года [7]

Репродуктивный возраст женщин: Россия и Бурятия

Репродуктивный потенциал напрямую зависит от возрастной структуры женского населения. С 2018 года в России наблюдается устойчивое сокращение численности женщин репродуктивного возраста. Иными словами, сейчас детородный возраст вступает поколение, которое само родилось в период демографической «ямы» 1990-х годов – этот провал теперь «аукнулся» в виде снижения потенциала рождаемости.

По данным на 2025 год, численность женщин 20 – 29 лет составляет 7,23 млн человек, а в возрасте 30 – 39 лет – 10,57 млн (для сравнения: пик численности женщин 30–39 лет пришёлся на 2019 год и составил 12,61 млн). Прогнозы показывают, что к 2036 году число женщин 30 – 39 лет сократится на 5,2 млн (или на 41,2 %), тогда как в группе 20 – 29 лет ожидается рост на 2,1 млн (+22,6 %). Таким образом, к 2032 – 2033 годам численность женщин детородного возраста войдёт в демографическое «узкое горлышко»: 20 – 29 лет – 8,08 млн, 30 – 39 лет – 7,62 млн, 15–19 лет – 4,73 млн, 40–49 лет – 12,38 млн. [3] *В связи с этим рост числа рождений ожидается не ранее начала 2030-х гг.*

По данным на май 2025 года СКР третьих и последующих детей составляет: по России – 0,367; по ДФО – 0,456; по Республике Бурятия – 0,597 (2-е место в ДФО после Республики Саха (Якутия)). Многодетность в Бурятии отображена в *таблице 1.*

Таблица 1. СКР по количеству детей в России и Бурятии в 2020 году [5]

Субъект	**Не имеют детей**	**Один ребенок**	**Двое детей**	**Трое детей**	**Четверо детей**	**Пять и более детей**	**Не указавшие число детей**
Российская Федерация	20,84%	21,23%	19,92%	5,76%	1,29%	0,64%	30,33%
Республика Бурятия	19,38%	19,50%	26,04%	11,94%	2,85%	1,41%	18,88%

Согласно прогнозам Минтруда России в Бурятии, к 2035 году численность женщин детородного возраста снизится на 28 %. [5] При этом доля женщин, имеющих двух и более детей, в регионе выше среднероссийского уровня, а по числу женщин, имеющих

одного ребёнка, республика уступает среднему показателю по стране на 1,73 %. Это говорит о заметно *более сильных тенденциях многодетности в Бурятии*

Современные вызовы семейно-демографического развития России

Целевые ориентиры государственной демографической политики по СКР таковы: к 2025 году – 1,443; к 2030 году – 1,593 (для ДФО это 1,814 к 2030 году). Ни один из вариантов демографического прогноза Росстата, включая высокий, не предполагает повышения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,6 к 2030 году и 1,8 к 2036 году. [3]

Однако на пути достижения данных показателей встаёт ряд вызовов.

Во-первых, сохраняется высокий уровень прерываний беременности по желанию женщины. В 2012 году на 3 рождения приходился 1 аборт, в 2023 году – уже 8 к 1. Цель к 2030 году: 10 к 1 [3]

Во-вторых, наблюдается ослабление ценности института семьи, особенно среди граждан молодого возраста. Число браков в России сократилось с 1 225 501 в 2013 году до 945 995 в 2023 году (- 22,8 %). При этом количество разводов увеличилось с 667 971 до 683 796 (+ 2,4 %). [3] Хотя для большинства россиян крепкая семья остаётся важнейшей ценностью (67 %), доля таких ответов значительно различается по возрастным группам: 94 % среди граждан 60 лет и старше, 77 % в группе 35 – 44 года, и лишь 57 % – среди молодёжи 18 – 24 лет.

Помимо этого, соотношение браков и разводов по субъектам РФ в 2023 году также отражает эту тенденцию: в среднем по стране оно составило 1,38, тогда как в Республике Бурятия – лишь 1,09. [3]

В-третьих, Репродуктивные установки и демографические вызовы современного российского общества в 1,5 раза у женщин и в 1,7 раза у мужчин, что снижает возможности государства по стимулированию рождаемости. На *графике 3* представлены результаты исследования репродуктивных установок населения.

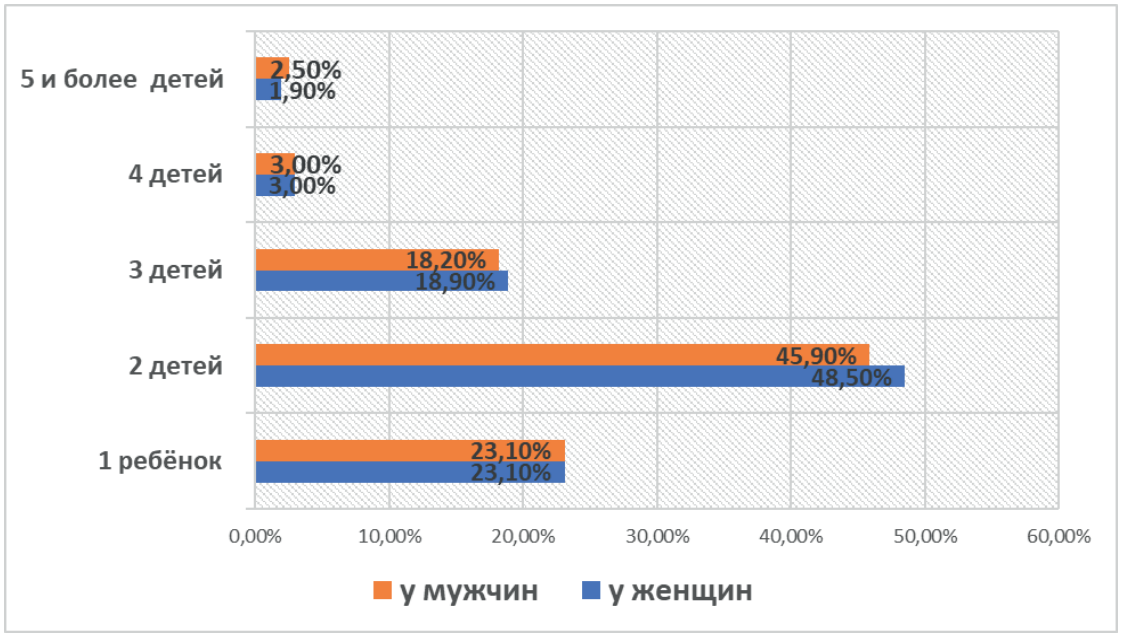

График 3. Желаемое число детей у россиян [3]

Большинство россиян хотели бы иметь двух и более детей – 72,3 % женщин и 69,6 % мужчин. При этом 2,4 % женщин и 3,5 % мужчин не планируют иметь детей вовсе.

В-четвёртых, это *личные причины, связанные с восприятием россиянами современных социально-экономических реалий, которые препятствуют росту рождаемости.* На *графике 4* представлены данные опросов

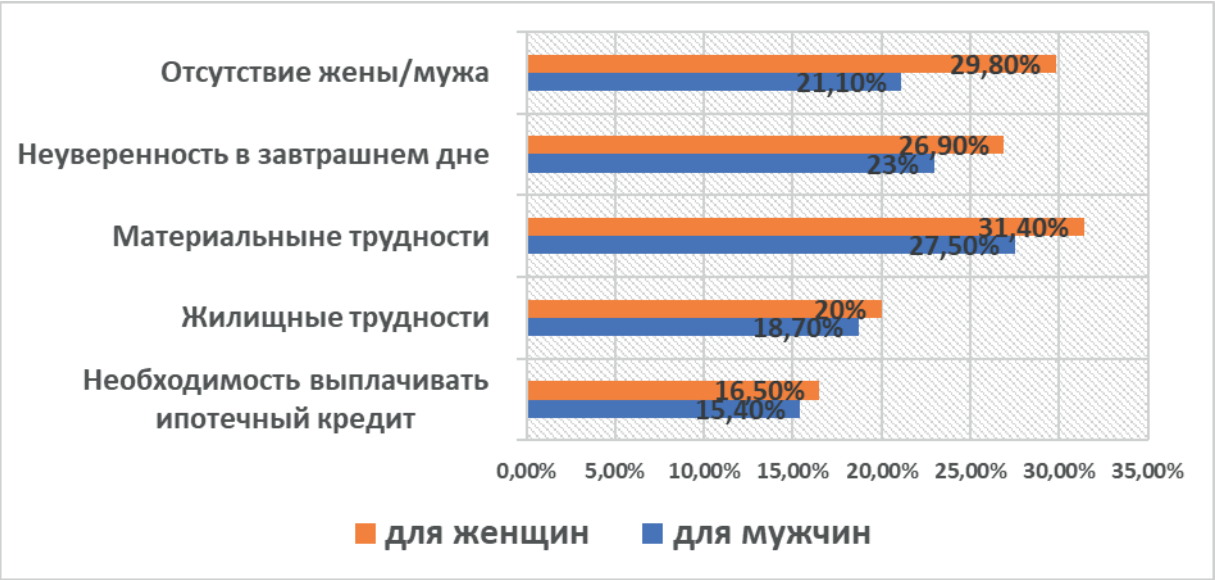

График 4. Препятствия к рождению детей [3]

Так, очевидно, что для принятия решения о рождении ребёнка современным семьям в первую очередь необходимы:

Комфортные жилищные условия и доступность приобретения жилья;

Стабильная работа, рост заработной платы и уверенность в завтрашнем дне;

Семейно-ориентированная среда для жизни и воспитания детей;

Итак, препятствия находятся не столько в сфере ценностных установок – население в целом готово иметь детей, – сколько в материальных условиях. Поэтому ключевая задача государства в области демографической политики заключается в снятии этих социально-экономических барьеров.

1. *Вишневский А. Г. Россия перед демографическим выбором: выступления и интервью [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 299 с. – ISBN 978-5-7598-0504-5.*
2. *Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа [Электронный ресурс]. – Москва, 2024. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=mgj3hecoah94923022 – дата обращения: 09.10.2025.*
3. *Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс]. – М.: Минсоцразвития, 2025. – URL: https://minsotc.alania.gov.ru/sites/minsotc/files/media/pages/files/202505/%D0%9D%D0%9F_%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F_1907_%D0%BA%D1%80.pdf – дата обращения: 09.10.2025.*
4. *Путин назвал улучшение демографии национальным приоритетом [Электронный ресурс] // РБК. – 11.09.2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68c29af89a79474d87280504?ysclid=mgkhycb2c7303556909 – дата обращения: 08.10.2025.*
5. *Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 29.06.2023 № 496-р (ред. от 20.12.2024) «Об утверждении Комплексной оценки демографического потенциала Республики Бурятия, Региональной программы по повышению рождаемости в Республике Бурятия на 2024–2027 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://consultant.govrb.ru/cgi/online.cgi?searchFilters=&SORTTYPE=0&BASENODE=239074&bases=&req=doc&cacheid=CE1739AE64C2D456E67D65C1178F0490&mode=searchcard&base=RLAW355&n=87562&rnd=yVPLkw#W9ES2xUQvI81dbLJ2 – дата обращения: 10.10.2025.*
6. *РОССТАТ. Итоги наблюдения. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html – дата обращения: 08.10.2025.*

7. *ТАСС. В РФ средний возраст женщин при рождении первого ребенка составляет 26 лет [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/23492303 – дата обращения: 10.10.2025.*
8. *Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 – дата обращения: 08.10.2025.*

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ушакова Валентина Григорьевна
(СПбГУ)

Аннотация. В статье содержится анализ содержания основных духовно-нравственных ценностей российского народа, нашедших отражение в Домострое, Стратегии национальной безопасности (2021), Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Выделено общее и особенное.

Ключевые слова. Традиционные духовно-нравственные ценности, Домострой, Указ Президента (2022)

Содержание Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] вытекает из положений «Стратегии национальной безопасности», утвержденной Президентом России летом 2021 года. Защита традиционных ценностей обозначена в «Стратегии» как одна из задач национальной безопасности. [3] «Стратегия» не только вводит понятие культурного суверенитета, но и придаёт ему такое же значение, как политическому, военному, продовольственному, научному суверенитету и т.д.

«Стратегия национальной безопасности» по политической значимости является вторым документом после Конституции Российской Федерации. Изменения в Конституцию вносятся раз в 30 – 40 лет, а «Стратегия национальной безопасности» обновляется каждые 6 лет. «Стратегия национальной безопасности» является важнейшим смысловым, идеологическим документом, который описывает мировоззренческое состояние общества на данный момент и обозначает те проблемы, которые предстоит решить обществу и государству.

Интеллектуальное содержание «Стратегии» теснейшим образом связано с понятием российской идентичности. Идентичность отвечает на вопросы: какие мы, где наши корни, каковы наши традиции, каким образом мы передаем эти традиции от поколения к поколению? Описание идентичности – это научно-историческое описание нашего общества.

Идентичность тесно связана с идеологией. Но если идентичность отвечает на вопрос: какие мы, то идеология отвечает на вопрос: куда мы движемся, какова наша цель?

«Стратегия национальной безопасности» обозначает цели, которые стоят перед государством, и ставит задачи, которые должна решать исполнительная власть. «Стратегия» является базовым документом, для реализации которого необходимо

разработать механизм реализации. Указ Президента о сохранении традиционных ценностей является именно таким механизмом. Он определяет государственную политику по защите традиционных ценностей и противостояние деструктивной идеологии Запада в условиях цивилизационной войны.

Фактически Указ лишает либеральное меньшинство на оценку добра и зла и передает это право народному большинству.

Нравственное здоровье народа так же важно, как и физическое. Поэтому необходимо защищать не только физическое существование человека, но и нравственное.

Главный смысл Указа заключается в том, что российское государство впервые за последние 100 лет берет традиционные духовно-нравственные ценности народа под свою защиту. Фактически восстанавливается связь времён. До 1917 года общество нашей страны руководствовалось поддерживаемыми церковью и государством ценностями, изложенными в Домострое. Краткий сравнительный анализ содержания Домостроя и Указа свидетельствует об очевидной исторической преемственности.

В частности, Домострой определяет семью как «маленькое царство» со строгой иерархией, где каждый член семьи должен был знать свое место и обязанности. «Не забывайте трудов отца-матери, ибо о вас заботились и за вас печалились, упокойте старость их и о них позаботьтесь» [1, Гл. 22, 17 – 18]. Указ подчёркивает, что крепкая семья» – это ключевая ценность (п. 5), которая обеспечивает преемственность поколений, заботу о достойной жизни старшего поколения (п. 24в). Отрицание ценности крепкой семьи, брака, многодетности определяется как угроза (п. 14) [2].

Власть воспринималась в Домострое как богоустановленная, а патриотизм проявлялся через служение государю и государству: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли... Кто противится власти, тот Божию повелению противится» [1, Гл. 5, 5]. Указ акцентирует внимание на служении Отечеству: «Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству» (п. 5). Угрозой является «отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству» (п. 14) [2].

Центральное место в Домострое занимает обоснование значимости христианской веры для человека. Вся жизнь освящалась верой и религиозными обрядами: «Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере...» [1, Гл. 2, 4]. «Каждый день вечером муж с женою и с детьми... отпеть вечерню... в тишине со вниманием» [1, Гл. 12, 9 – 10]. Указ формулирует жизнеопределяющий принцип: «Приоритет духовного над материальным» (п. 5) и утверждает, что «Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» (п. 6) [2].

Особое место в отечественном культурном коде занимает трудолюбие. Домострой: Труд – богоугодное дело, основа праведной жизни. Начинать дело следовало с молитвы: «Всякому человеку... любое дело начать и рукодельничать... прежде всего – святым образам поклониться... "Господи, благослови, Отче!"» Подчеркивалась важность честного заработка [1, Гл. 24, 18 – 19]. Указ продолжает поддержку ценности «созидательного труда» (п.5) и предостерегает от угрозы «обесценивания идей созидательного труда» (п. 17б) [2].

Важнейшее значение в жизни нашего народа имели милосердие и справедливость. По Домострою милосердие было обязанностью каждого христианина: «...всех, кто страдает в бедности и в нужде, как нищего не презирай, пригласи в свой дом, напои, накорми, согрей...» [1, Гл. 15, 12 – 14]. «…служек и нищих кормить, как себя, ибо то Богу в честь, а себе во спасение» [1, Гл. 18, 15-16]. О справедливости: «...судит справедливо и нелицемерно и одинаково всех, богатого и бедного» [1, Гл. 29, 22 – 23]. Эти же ценности

нашли отражение в Указе: «Милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» (п. 5) [2].

Домострой резко осуждал пороки, разрушающие душу и общество: «...отриньте пороки... блудит... содомский грех... сквернословие... бесовские песни, пляски... чародейство и волхвование...» [1, Гл. 8, 8 – 9]. Указ однозначно утверждает осуждение «безнравственности», «аморального образа жизни, вседозволенности и насилия» (п. 14, 17г) и ставит важнейшую цель – противодействие распространению деструктивной идеологии [2].

Однако, наше общество, будучи живым организмом, прошло сложный исторический путь, обогатилось новым социальным опытом, приобрело новые значимые качества. Новые ценности нашли отражение в Указе.

Ключевые различия:

Аспект	**«Домострой» (XVI в.)**	**Указ № 809 (XXI в.)**
Семейная модель	Абсолютная патриархальная власть мужа. Жена «чиста и послушна»	Партнерская семья, основанная на взаимном уважении супругов, детей
Воспитание	Допускались телесные наказания: «Наказывай сына своего в юности... если жезлом накажешь его, не умрет»	Ценности гуманизма и защиты прав ребенка
Социальный статус	Крепостные – собственность, нижний уровень иерархии	Равенство прав и свобод человека, закрепленное в Конституции
Права человека	Концепция отсутствует. Акцент на обязанностях и долге	Права и свободы человека – базовая ценность (п.5)
Отношение к власти	Беспрекословное повиновение как божественному установлению	Патриотизм и гражданственность в рамках правового поля
Источник общественных норм	Религиозные догмы, обычаи	Конституция РФ, российское и международное право (п.2)

В нынешней напряженной и нестабильной геополитической обстановке сохранение традиционных ценностей является стратегическим ресурсом Российской Федерации. Этот ресурс не только консолидирует российское общество, но и укрепляет позиции России, как на внутреннем, так и на внешнеполитическом контуре.

Традиционная духовно-нравственная составляющая российского общества – залог победы. Её отсутствие – залог поражения.

1. *Домострой. М., Наука; 1994 // https://antonievskiyhram.cerkov.ru/files/2014/02/Домострой.pdf (дата обращения: 8.10.2025).*
2. *Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 8.10.2025).*
3. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 8.10.2025).*

СОЦСЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЕМЕЙНЫЕ БЛОГИ И ПУБЛИЧНЫЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА

Фасахудинов Владислав Вадимович
(СПбГЭТУ ЛЭТИ)

Аннотация: Статья исследует роль социальных сетей в формировании казачьей идентичности через семейные блоги и онлайн-сообщества. Анализируется, как цифровые платформы становятся пространством для передачи традиций, исторических нарративов и современных практик, создавая новые формы культурной преемственности. Особое внимание уделяется механизмам виртуальной социализации и трансформации идентичности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: казачья идентичность, социальные сети, сохранение культурного наследия, онлайн-сообщества, семейные блоги, виртуальная социализация

С развитием интернет-технологий и социальных сетей новые площадки стали местом для выражения и формирования культурных идентичностей, включая и казачью. В социальных сетях казачьи общины создают страницы и группы, где рассказывают о своей истории, традициях и современной культурной жизни. Эти площадки стали важным инструментом не только для сохранения культурного наследия, но и для конструирования современной казачьей идентичности.

История казачьей идентичности в соцсетях

Одной из ключевых тем в казачьих социальных сетях является обсуждение истории. Посты и видео, посвященные значимым для казачества событиям, занимают центральное место. Участники обсуждают исторические битвы, значимые личности и турниры, создавая связь между прошлым и настоящим. Эти материалы помогают молодому поколению казаков чувствовать гордость за свою историю и принадлежность к казачьей культуре.

Большое внимание уделяется также семейным традициям. В соцсетях активно распространяется информация о казачьих свадьбах, крещениях и других церемониях. Фото и видеорепортажи с этих событий позволяют сохранить уникальные традиции и передать их следующим поколениям. Эти материалы служат не только документацией культурных практик, но и способствуют их популяризации среди широкой аудитории.

Одним из главных направлений казачьего контента в соцсетях является обучение через мастер-классы и образовательные программы. Профессиональные казаки делятся своими навыками владения холодным оружием, верховой езды, ручного боя и других умений, которые традиционно ассоциируются с казаками. Эти мероприятия привлекают внимание не только жителей казачьих регионов, но и людей из других частей мира, заинтересованных в изучении казачьей культуры [5].

Взаимодействие в сети способствует формированию ощущения общности и солидарности между казаками разных поколений и географических регионов. Крупные онлайн-события, такие как юбилеи, памятные даты или совместные виртуальные встречи, укрепляют связи внутри общины. Особенно это важно в условиях глобализации, когда члены сообщества могут находиться в разных частях света, но благодаря интернету остаются в постоянном контакте с родной культурой.

Таким образом, вклад социальных сетей в сохранение и развитие казачьей культуры и идентичности огромен. Используя современные технологии для распространения информации, обучения и взаимодействия, казачьи сообщества находят новые способы для воссоздания и передачи уникальной культуры будущим поколениям [1].

Семейные блоги: сохранение культурного наследия казачьей культуры

Современные семейные блоги играют значительную роль в сохранении и популяризации казачьей культуры, представляя собой не только инструмент развлечения, но и важный источник культурной памяти для многих поколений. Особенно это актуально в контексте глобализации и утраты национальной самобытности, когда традиционные значения и обычаи подвергаются риску забвения.

Блоги казачьих семей часто включают в себя многообразие тем и форматов, от видеодневников о повседневной жизни до специализированных образовательных программ о казачьем этикете, истории и искусстве. Такие блоги не только передают детальные знания о казачьей истории, но и воспитывают у молодежи уважение к своему наследию, чему способствуют регулярные публикации о важных исторических событиях, значимых личностях и традиционных праздниках.

Через рассказы о казачьих обрядах и промыслах, а также демонстрацию ремесленных мастер-классов, такие блоги делают культурное наследие доступным и понятным для современного потребителя информации. Они помогают укрепить связи между поколениями, так как дети и подростки, увлекаясь контентом, созданным их родителями или близкими, могут лучше понять и оценить своё происхождение и культурные корни.

Публикации в семейных блогах обычно несут вдохновляющую мотивацию: например, они могут призвать к участию в казачьих народных играх и фестивалях или к изучению старинных музыкальных инструментов. Это позволяет не только сохранять культуру в её первозданном виде, но и адаптировать её к потребностям и интересам современной молодёжи.

Важность таких блогов также заключается в их способности формировать публичные онлайн-сообщества вокруг семейных блогеров, создавая прочные социальные сети, где члены сообществ могут обмениваться идеями и мнениями, поддерживая друг друга в стремлении сохранить свою уникальную культуру. Эти сообщества становятся живым организмом, систематически расширяющим свои границы и включающим новых членов, интересующихся казачьей тематикой [6].

Таким образом, семейные блоги оказываются не просто личным пространством для самовыражения, а мощным инструментом культурной самоидентификации и самохранения, через который казачья культура продолжает жить и развиваться, привлекая широкие круги аудитории и вдохновляя новые поколения на изучение и уважение к этому богатому культурному наследию.

Онлайн-сообщества казаков: взаимодействие и обмен опытом

В современном мире казачья культура находит новые пути для своего выражения и продолжения, активно используя возможности социальных сетей для конструирования и укрепления общественной идентичности. Особое место в этом процессе занимают онлайн-сообщества казаков, которые становятся платформами для обмена опытом и взаимодействия. Эти виртуальные пространства служат не только для целей коммуникации и обмена новостями, но и как средство передачи традиционных знаний и общекультурных ценностей в современном контексте.

Онлайн-сообщества, такие как форумы, группы в социальных сетях типа Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) или ВКонтакте и даже специализированные приложения, предоставляют казакам возможность обсуждать важные для себя темы, организовывать образовательные проекты, праздники и мероприятия, которые касаются казачьей культуры и наследия. Такие платформы делают возможным приобщение к традициям широкого круга людей, включая молодёжь и представителей других регионов и стран.

Через онлайн-сообщества происходит не просто сохранение культурных и традиционных особенностей, но и их адаптация к современным условиям. Пользователи делают публикации по историческим темам, делятся методиками обучения казачьим умениям, например, верховой езде или владению шашкой, рассказывают о казачьем быте, одежде, кулинарии, обрядах и праздниках. Это способствует не только информационному обогащению участников, но и укреплению общности и принадлежности к большому культурному организму.

Онлайн-платформы также играют ключевую роль в молодежном воспитании. Казачьи общины используют интернет как средство пропаганды здорового образа жизни, патриотического воспитания, а также как инструмент противостояния современным вызовам, таким как культурная глобализация. В контексте возрождения и поддержания интереса к казачьей культуре создаются специализированные обучающие програмы, которые транслируются через Интернет и доступны для пользователей со всего мира.

Обмен опытом в онлайн-сообществах часто выходит за рамки простого совета или деления мнений. Все чаще здесь можно встретить проекты с коллективным участием, такие как совместное изготовление атрибутики, реставрация исторических мест или организация общественно-полезных мероприятий. Это позволяет участникам ощущать себя частью более широкой общности, способствует формированию лидерских качеств и укрепляет социальные связи между казаками разных поколений [3].

Онлайн-сообщества, таким образом, выступают не просто как места сбора людей с общими интересами, но как активные центры культурной и социальной активности, в которых каждый участник может найти поддержку, наставничество и вдохновение. Это среда, где казачья идентичность не просто сохраняется, но и развивается, адаптируется к меняющимся условиям жизни и продолжает вдохновлять как старшие, так и новые поколения казаков.

Виртуальные связи и укрепление казачьей общности

В современном мире казачество воспринимается не только как историческое и культурное явление, но и как активно формирующаяся субкультура, которая использует возможности современных технологий для сохранения и передачи традиционных ценностей. Социальные сети играют значительную роль в укреплении связей между казаками, не только в пределах одной страны, но и на международном уровне.

Использование соцсетей позволяет казачьим общинам не просто сохранять, но и активно развивать свою уникальную идентичность. Отдельные казачьи семьи, создавая личные блоги, начинают не просто делиться сведениями о бытовой жизни или праздниках, а формировать образ современного казака, интересного не только узкому кругу посвящённых, но и широкой аудитории. Такие блоги часто носят и образовательный характер, проливая свет на давние традиции, обычаи и историческое наследие казачества.

Публичные онлайн-сообщества выполняют роль форумов, где участники могут обсуждать актуальные вопросы, связанные с развитием и функционированием казачьих обществ. В таких сообществах казаки обмениваются опытом, новостями, планируют

общественные мероприятия или даже организуют сборы средств на нужды общины. Это способствует не только укреплению связей между участниками общины, но и формированию единой информационной среды, которая помогает казакам ещё больше интегрироваться в общество.

Не следует забывать о молодежи, которая особенно активно использует социальные медиа. Для неё казачьи онлайн-платформы могут стать местом самовыражения и поиска идентичности в современном мире. Через участие в жизни онлайн-сообществ молодые казаки могут лучше понять и принять свою роль в культуре, унаследованной от своих предков [2].

Таким образом, социальные сети и блоги не только способствуют сохранению культурной идентичности казаков, но и служат мостом, соединяющим прошлое с настоящим и будущим. Это интерактивные платформы, где каждый может внести свой вклад в развитие и популяризацию казачьих традиций. Подобное взаимодействие помогает не только сохранять, но и обогащать культурное наследие, делая его доступным и понятным для широких масс в России и за её пределами.

Эволюция казачьей идентичности в цифровой эпохе

С появлением интернета и развитием социальных сетей процессы идентификации и самопозиционирования обрели новые формы и платформы для развития. Особенно это заметно на примере казачества, где цифровые технологии оказали заметное влияние на процесс восприятия и проявления казачьей идентичности. сайтов, форумов и социальных сетей стали местом, где казаки могут обмениваться знаниями, обсуждать свою историю и культуру, а также формировать общественное мнение и стереотипы в более широком масштабе.

С развитием технологий казачьи сообщества начали активно использовать социальные сети для организации мероприятий, обучения и воспитания молодежи, обсуждения актуальных вопросов, что способствовало созданию новых форм субкультурной идентичности. В частности, значимую роль стали играть такие платформы, как ВКонтакте, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации), YouTube, где казачьи общественные страницы, блоги и видеоканалы привлекают тысячи подписчиков.

Один из важных аспектов цифровой эры – возможность казачьих семейных блогов проецировать и распространять определенный образ жизни и культурные ценности, встроенные в контекст современной России и мирового сообщества. Такие блоги не только помогают сохранять и передавать традиции, но и создают новые формы казачьей идентичности, доступные и понятные для широкой аудитории. Рассказы о повседневной жизни, праздниках, обычаях, нравственных и духовных ориентирах становятся основой для формирования стабильного и положительного имиджа казачества.

Также цифровая коммуникация способствует глобальному объединению казаков. Интернет-платформы и соцсети поддерживают связь между казаками разных регионов и стран, что ранее было значительно затруднено. Это помогает не только в обмене опытом и распространении информации, но и в скоординировании совместных проектов и мероприятий. В результате формируется международная сеть, которая вносит свой вклад в развитие казачьей культуры и её адаптацию к глобальным условиям.

Кроме того, интернет даёт возможность для быстрого и массового реагирования на социальные, политические и культурные вызовы, с которыми сталкивается казачество сегодня. Например, в виртуальном пространстве активно обсуждаются вопросы сохранения казачьих традиций, законодательной поддержки и роли казачества в современном обществе. Эти дискуссии не только способствуют осмыслению казачьей

идентичности, но и видоизменяют её в соответствии с текущими социокультурными трендами [4].

Таким образом, в условиях информационной глобализации и цифровизации казачья идентичность переживает период значительных трансформаций. Социальные сети и онлайн-платформы становятся не просто местом для общения, но и мощным инструментом культурной интеграции и конструкции современной казачьей идентичности, позволяя ей оставаться живой и релевантной на фоне быстро меняющегося мира.

1. *Семенов А. В. Казачество в социальных сетях: стратегии репрезентации идентичности // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. – 2020. – № 4. – С. 189-201.*
2. *Бондарь Н. И. Казачья семья: традиции и современность. – Краснодар: Традиция, 2015. – С. 240.*
3. *Коваленко Е. Ю. Воспитание детей в казачьей семье: традиции и современные практики // Педагогика и просвещение. – 2020. – № 4. – С. 34-42.*
4. *Бойцов И. В. Казачья идентичность в цифровую эпоху: между традицией и модернизацией // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 45-62.*
5. *Теннис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Фердинанд Теннис; Пер. с нем. Д. В. Скляднева. – М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – 450, [1] с. – (Полιε).; ISBN 5-93615-020-8 (в пер.). С. 451.*
6. *Козлова Н. Н. Семейные блоги как форма трансляции культурной памяти // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2022. – № 15. – С. 112-125.*

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ДОБРАЧНЫЕ И БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Юманова Алиса Викторовна
(УрФУ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных стереотипов, актуальных среди молодых людей Москвы и Екатеринбурга, в добрачных и брачных отношениях. В ходе количественно-качественного исследования выявлены ключевые гендерные установки мужчин и женщин, а также их влияние на распределение ролей, финансовую модель, репродуктивные настроения в добрачных и брачных отношениях.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, добрачные отношения, брак.

Влияние гендерных стереотипов на отношения в малой группе выражаются в их социальных функциях, к которым относятся сохранение и воспроизведение существующего порядка, гарантирующего общественную стабильность и устойчивость (регулятивная и ретрансляционная функции). Кроме того, стереотипы часто разъясняют гендерную асимметрию и иерархию в различных сферах (объяснительная функция). Уникальной функцией гендерных стереотипов является защитная (оправдательная) [1, 44 – 61]. Целью исследования стало обнаружить проявления описанного влияния и взаимосвязь между социальными практиками индивидов в добрачных и брачных отношениях с индивидуальными и групповыми гендерными установками.

Эмпирическую базу исследования составили 1) анкетный онлайн-опрос с квотированием по полу (283 чел.); 2) глубинные интервью (14 чел.). Исследование проводилось среди молодых людей 18 – 35 лет, проживающих в Москве и Екатеринбурге.

Характерной чертой для актуальных гендерных установок молодых людей Москвы и Екатеринбурга является переход от категоричной дифференциации мужчин и женщин к менее полярным взглядам, доминированию нейтральных и средних оценок. Тем не менее,

по некоторым характеристикам взгляды молодых людей остаются весьма консервативными.

Сохраняется строгая бинарность только для некоторых качеств. В первую очередь, речь идёт о женской эмоциональности, которая является одновременно гетеро- и автостереотипом. Довольно часто при этом эмоциональность и синонимичные качества несут негативную коннотацию в добрачных и брачных отношениях:

«Но она так как девушка, она может как-то сэмоционировать, и чтобы она не переживала, не ругалась, могу с ней чаще всего согласиться» (3-М26-ЕКБ).

«Учитывая то, что я слишком эмоциональная, он меня может очень вовремя осадить и сказать: «Так, стой, что-то ты не туда пошла» (5-Ж23-ЕКБ).

Автостереотип женской эмоциональности подтверждают и косвенные показатели. Например, женщины чаще мужчин отмечали своё эмоциональное и громкое поведение в общественных местах – 77% среди женщин против 49% среди мужчин.

Также в качестве гендерной оппозиции существует представление молодых людей о женской открытости и, в противопоставление ей, мужской закрытости. Важно отметить, что в перечне из 16 качеств только закрытость отнесена к исключительно мужским качествам большинством – 51% среди всех опрошенных. При этом нам удалось выявить некоторые аспекты мотивации мужской закрытости, среди которых выделяется стремление к самостоятельности в отдельных сферах жизни:

«Исключительно о своих переживаниях по поводу каких-то важных для меня процессов по работе, каких-то проблем в семье и так далее я не буду с ней обсуждать, чтобы банально человек не нервничал» (6-М33-МСК).

В целом, наблюдается сохранение тенденции к разделению на женские эмоционально-коммуникативные и мужские функционально-деловые качества. Эти установки в полной мере отражены в вопросах распределения бытовых и трудовых обязанностей в зависимости от пола.

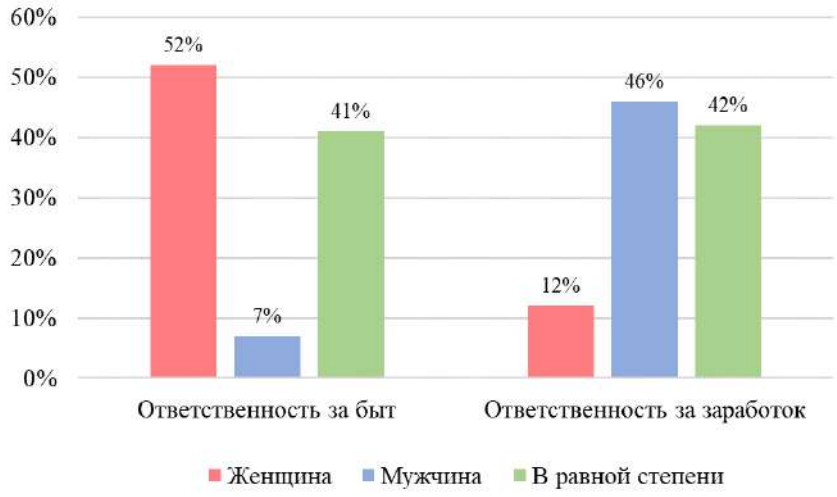

Рис. 1. Распределение финансовой и бытовой ответственности сожительствующих пар по результатам исследования (в % от ответивших)

В диадах, где партнёры противопоставляют женское мужскому, а, следовательно, и себя друг другу, чаще наблюдается патриархальная модель распределения ролей. При этом на графике мы видим сближение количества проявлений патриархальной и эгалитарной моделей отношений. Приведём яркие примеры данных моделей из качественного исследования.

«По сути, я работаю, она занимается уборкой, готовкой и такими вот банальными вещами, которыми, наверное, должна заниматься женщина» (6-М33-МСК).

«По дому у нас обязанности тоже делятся напополам, но в моменте кто-то что-то может более подхватывать. Как сейчас, когда там [парень] устает, я могу чуть больше готовить, чуть больше убираться, потому что он очень устал, а я, в целом, не очень устала» (2-Ж24-МСК).

Из глубинных интервью становится заметной взаимосвязь патриархального уклада жизни и степени открытости в общении романтических диад. Так, в парах с более эгалитарной и гибкой моделью разделения обязанностей информанты не находят закрытых тем для обсуждения внутри диады. В патриархальных же отношениях, где ответы свидетельствуют о строгом разделении обязанностей и ролей на женские и мужские, находится немало тем, которые никогда не обсуждались между партнёрами. Среди закрытых тем называются сексуальные, репродуктивные, профессиональные.

Также особым вопросом, тесно связанным с гендерными установками на патриархальную или эгалитарную модель отношений, становится способ формирования бюджета пары, что потенциально влияет на статусно-ролевое и властное распределение в отношениях. Мужчины считают, что, обеспечивая партнёра и имея более высокий доход, они приобретают над женщиной власть, что способно привести к социальной изоляции женщины в силу экономической зависимости в виде ограничения мобильности и свободы воли.

Интересно, что мужчины неоднократно акцентировали внимание на том, что финансовая модель в диаде была выстроена на основании разницы в доходах. Мы связываем внимание к этой разнице со стороны мужчин с социальным давлением в виде стереотипа о мужчины-добытчике. Сила мужских автостереотипов приводит к формированию внутри мужского коллектива (например, трудового) механизма социальной солидарности, который стимулирует продвижение и финансовый рост других мужчин. При этом зарубежные исследования показывают, что гетеростереотипы женщин о мужском превосходстве также сильны, и заставляют расти именно мужские зарплаты, в то время как женские доходы остаются на прежнем уровне [2].

Также увлекательно рассмотреть добрачные и брачные отношения с точки зрения особо актуального сейчас вопроса репродуктивной функции семьи. Женщины, в соответствии со стереотипом, заметно более развёрнуто выражают мысли на эту тему. Будущие отцы говорят, в какой-то степени, отстранённо:

«…когда она спрашивает: «А будешь ли ты мне помогать с ребенком?», как-то отвечаю даже в шутку, потому что, мне кажется, это логично, что, конечно, буду помогать с ребёнком» (3-М26-ЕКБ).

Фигура речи подчёркивает вспомогательную роль отца в жизни ребёнка. Исследования на тему вовлечённого отцовства показывают, что переход к новой модели заботящейся маскулинности с позиции сильного приводит к разрушению насильственных социальных моделей в перспективе [3], что благоприятно повлияет на социальную адаптацию и детей, и самих отцов.

1. *Ким Л. Гендерные стереотипы / Введение в теорию и практику гендерных отношений, 2007.*
2. *The Old Boys' Club: Schmoozing and the Gender Gap / American Economic Review, v. 113 (7), 2023. С. 1703-1740.*
3. *Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность / Мониторинг. 2020. №5 (159). С. 155-185.*

Круглый стол: Социальная идентичность молодежи в новой современности

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Афанасьева Юлия Александровна
(СПбГУ)

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта: 124032600013-2.

Аннотация. В эпоху глобализационных процессов возникают новые проблемы, среди которых – сохранение национальной самобытности внутри единого мирового пространства. Глобализация ставит культурную идентичность в центр внимания, подчеркивая необходимость сохранять уникальные черты каждой народности при смешивании культур. Культурная идентичность играет ключевую роль в жизни, определяя формы взаимодействия между людьми, способствуя формированию чувства принадлежности к сообществу и поддержанию общих ценностей и обычаев.

Ключевые слова: культурная идентичность, этническое меньшинство, этническое большинство, этнофанатизм, этноэгоизм, глобализация.

Глобализационные процессы представляют собой явления, существенно воздействующие на международное сообщество путем сглаживания культурных различий и формирования единого информационного поля. Одновременно с этим, глобализация несет риск растворения уникальных национальных культур. Технологический прогресс и развитие медиа играют ключевую роль в интенсификации процессов глобализации, обеспечивая доступность культурного наследия разных стран во всех уголках планеты [1]. Современные молодые люди сталкиваются с мощными потоками массовой культуры, поступающими через Интернет-портал. Исследование путей поддержания собственной идентичности помогает сформировать защитные механизмы против негативных влияний чужих ценностей и моделей поведения [5].

Общеизвестно, что люди, уверенные в своем культурном наследии, легче находят общий язык друг с другом внутри страны, формируют устойчивое общество и эффективно решают социальные проблемы. Осознанное отношение к национальной культуре укрепляет чувство принадлежности к своему народу и территории проживания [4]. Изучение способов укрепления культурной идентичности позволяет сохранить самобытность народов, передать молодому поколению ценности предков и укрепить национальные корни общества.

С целью изучения культурной идентичности, предикторами которой явились типы этнической идентичности и смысложизненные ориентации, было опрошено 768 человек русской и осетинской этнических групп, проживающих в г. Владикавказ и г. Санкт-Петербург [6]. Группы респондентов отобраны нами для установления влияние

этнической принадлежности и региона проживания на формирование культурной идентичности.

Комплекса психодиагностических методик включал в себя: «Типы этнической идентичности», (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой); «Смысложизненные ориентации» (адаптирована Д. А. Леонтьевым) и авторская анкета, направленная на изучение социально-демографических характеристик респондентов. Для обработки полученных результатов использован анализ средних величин и двухфакторный дисперсионный анализ математической статистики. Также был использован теоретический анализ психологической и исторической литературы по проблеме исследования.

Определено влияние принадлежности к этнической группе и региона проживания на формирование культурной идентичности, а именно смысложизненные ориентации и этническую идентичности [2]. Представители этнического меньшинства (а именно представители русской этнической группы г. Владикавказ и представители осетинской этнической группы г. Санкт-Петербург), сочетают в себе позитивное отношение к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Для представителей осетинской этнической группы обоих регионов проживания выявлена большая готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, высока вероятность отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями [1]. Осмысление своего места в мире и взаимодействие с различными культурами позволяет человеку сформировать уникальную культурную идентичность.

При сравнении ответов жителей городов Владикавказ и Санкт-Петербург были выявлены следующие особенности. Во-первых, русские жители обоих регионов демонстрируют практически одинаковые уровни смысложизненных ориентаций, независимо от места жительства. Это значит, что принадлежность к русскому этносу играет ключевую роль в формировании чувства цели и значимости жизни, независимо от внешних обстоятельств. Согласно концепции Л. Н. Гумилева, традиционная русская культура характеризуется высоким уровнем социальной сплоченности и взаимоподдержки [7]. Даже в крупных городах сохраняется ощущение принадлежности к сообществу, что способствует укреплению чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Общинный дух проявляется в различных формах – от семейных праздников до общественных инициатив и волонтерства, что создает благоприятную среду для поддержания высоких уровней смысложизненных ориентаций [3].

Во-вторых, осетины, живущие в Санкт-Петербурге, обладают заметно более высоким уровнем общего показателя осмысленности жизни, нежели их земляки во Владикавказе. Такое различие может указывать на восприятие жителями северной столицы большей свободы действий и возможностей выстраивать жизнь согласно своим личным устремлениям и убеждениям.

Санкт-Петербург отличается особым культурно-историческим наследием, которое оказывает значительное влияние на формирование высокого уровня смысложизненных ориентаций среди его жителей. К ключевым аспектам данного феномена относится: культурная среда и историческое наследие города. Город известен своими музеями, театрами, галереями и архитектурными памятниками мирового значения. Постоянное окружение искусством и культурой стимулирует интеллектуальное развитие и творческое мышление. Также город обладает мощной образовательной системой, включающей ведущие университеты страны, научно-исследовательские институты и академии наук. Высокий уровень образования позволяет жителям получать глубокие знания и развивать профессиональные навыки, что открывает широкие перспективы для карьерного роста и личного успеха. Важно также отметить, что Санкт-Петербург занимает лидирующие позиции

по уровню доходов населения и качеству жизни. Благоприятная бизнес-среда привлекает предпринимателей и инвесторов, обеспечивая стабильный рост экономики и благосостояния горожан [2].

Установлено, что русские жители Владикавказа отличаются высокими показателями по параметру интереса и эмоциональной насыщенности жизни. Эти характеристики говорят о высоком уровне осознанности, целеполагания и удовлетворения от текущего жизненного процесса и достигнутых результатов. Напротив, осетинские жители Владикавказа характеризуются низкими оценками по этому показателю, тогда как осетинская диаспора Санкт-Петербурга демонстрирует лучшие результаты.

Проведенный сравнительный анализ результатов исследования русских и осетинских жителей города Владикавказ выявил следующие закономерности: представители русской этнической группы продемонстрировали немного более высокие баллы по всем шкалам теста «Смысложизненные ориентации». Это позволяет предположить, что они испытывают большее удовлетворение от жизни, воспринимают свою повседневность как интересную, эмоционально богатую и имеющую глубокий личностный смысл.

Напротив, участники исследования из осетинской этнической группы показали меньшие значения по всем параметрам теста. Среди возможных причин низкого уровня смысложизненных ориентаций осетин, проживающих в г. Владикавказ, могут быть культурные и исторические особенности. Осетины имеют богатую историю и традиции, однако современные реалии часто требуют адаптации к новым условиям, что может вызывать стресс и неуверенность. Например, миграция осетинской молодежи в крупные города России и потеря связи с традиционными ценностями могут привести к ощущению потери идентичности. Молодое поколение осетинской этнической группы подвергается воздействию западных ценностей и образа жизни, что может приводить к конфликту между традициями и современными представлениями о счастье и успехе. Это может создавать чувство неопределенности и отсутствия четких ориентиров в жизни [1].

Таким образом, формирование культурной идентичности играет ключевую роль в сохранении уникальности каждого этноса, укреплении внутреннего единства и повышения международного авторитета страны. Развитие осознанной культурной идентичности снижает вероятность конфликтов на почве различий, способствуя мирному сосуществованию различных этносов.

1. *Афанасьева Ю. А. Кросс-культурные особенности копинг-поведения представителей русской и осетинской этнических групп: автореферат дис. ... кандидата психологических наук – Санкт-Петербург, 2023. – 191 с.*
2. *Афанасьева Ю. А., Ильченко В.В. Влияние региона проживания на формирование этнической идентичности (на примере русских и осетин) // Russian Journal of Education and Psychology, Красноярск, 2023, Том 14 № 4-2, С. 84-90. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-4-2-84-90.*
3. *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 283 с.*
4. *Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М.: АСТ, 2024. – 512 с.*
5. *Гуриева С. Д., Шилкина Н. Е., Зинина А. Ю., Афанасьева Ю. А., Александров М. А., Машаро Т. С. «База данных для изучения идентичности молодежи» (YouthID-плюс). Официальный бюллетень «Программы для ЭВМ. Базы данных. Топологии интегральных микросхем» №11-2024, 21.102024-20.11.2024, № 2024624665. URL:https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2024624665&TypeFile=html*
6. *Майерс Д. Социальная психология. Серия: Мастера психологии / Перев. с англ. – СПб.: Питер, 1996. – 684 с.*
7. *Мацумото Д. Психология и культура. /пер. с англ. Т.Гутман. – СПб: Питер, 2003, – 718 с.*

ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ: РИСКИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЦИФРОВЫХ АЗАРТНЫХ ИГР

Зинина Анна Юрьевна
(СПбГУ)

Гуриева Светлана Дзахотовна
(СПбГУ)

Работа подготовлены в рамках проекта СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструктов гражданской идентичности российской молодежи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей».

Цифровизация общества радикально трансформировала формы социального взаимодействия молодежи, предоставив новые возможности для самовыражения и конструирования идентичности в виртуальной среде. Одновременно возросла вовлеченность в цифровые азартные игры благодаря высокой доступности игровых онлайн-платформ, круглосуточному режиму работы, использованию алгоритмов вовлечения и механизмов подкрепления, что существенно повышает риск развития игрового расстройства [15]. Эмпирические данные указывают что, несмотря на активное использование цифровых технологий, молодежь демонстрирует недостаточную осведомленность о потенциальных рисках цифровой среды, включая формирование аддиктивного поведения и другие формы отклоняющегося поведения [4].

Согласно Э. Эриксону, период молодости является критическим этапом становления идентичности, связанным с поиском себя, осмыслением опыта и построением жизненных перспектив [6]. Теории социальной идентичности подчеркивают значимую роль социальной группы и социокультурного контекста в формировании «Я-образа» [13]. Динамика современного общества, характеризующаяся столкновением традиционных ориентиров с новыми цифровыми практиками, обусловила необходимость переосмысления процессов формирования идентичности. Данный концептуальный сдвиг нашел отражение в теории киберсоциализации, определяемой как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребностной сферы» под влиянием цифровых технологий и новых форм социального взаимодействия [1; 5, с. 5].

Киберсоциализация включает в себя процесс усвоения и воспроизведения культурных норм и ценностей через виртуальное социальное взаимодействие, коммуникацию в социальных сетях и использование цифровых агентов (чат-боты, виртуальные помощники и т.д.) [5]. Именно в цифровой среде сегодня в значительной степени происходит формирование идентичности молодежи, где новые формы коммуникации создают условия для самореализации и социальной интеграции в виртуальных сообществах. Вместе с тем на пересечении поиска идентичности и цифровых практик возникает повышенная уязвимость – вовлеченность в цифровые азартные игры.

В этом контексте цифровые азартные игры представляют собой особый риск, маскируя деструктивные модели поведения под формы социализации (участие в сообществе, достижение статуса, стремление к признанию), выступая иллюзорной формой социальной интеграции, сопряженной с повышенными поведенческими рисками, способными негативно влиять на адаптацию и устойчивость социальных связей молодых людей [4; 15].

Согласно Международной классификацией болезней (МКБ-11), игровое расстройство определяется как паттерн поведения, связанный с утратой контроля, приоритетом игры над другими видами деятельности и продолжением вовлеченности вопреки негативным последствиям [14]. Молодежь, учитывая возрастные и психологические особенности, оказывается особенно уязвимой к развитию игрового расстройства.

Благодаря стремительному технологическому прогрессу, современный ландшафт азартных игр претерпел значительные трансформации. В отличие от традиционных форм азартных игр (букмекерские конторы, казино или залы игровых автоматов), цифровая эпоха предоставила игрокам XXI века круглосуточный и беспрепятственный доступ к многочисленным онлайн-платформам. Такая доступность, в сочетании с алгоритмами геймификации, механизмами подкрепления и стимуляцией дофаминовой системы, усиливает риск формирования зависимости, превращая игровой процесс в инструмент регуляции эмоционального состояния и, в ряде случаев, в основу патологической зависимости [7].

Психологический профиль лиц, зависимых от азартных игр, характеризуется «диффузной идентичностью»: снижением когнитивной и эмоциональной дифференциации самосознания, низким уровнем психологической автономии и хрупкостью «Я-идеального», который поддерживается демонстративными ценностями и стремлением к сиюминутному признанию [16]. Для ценностно-смысловой сферы азартных игроков характерна гедонистически-эгоистическая направленность, ориентированная на кратковременное удовлетворение через стимуляцию (риск, азарт), зачастую в ущерб долгосрочным целям и личностному развитию. Такая ориентация способствует снижению значимости семьи, профессии и социальных отношений, которые начинают восприниматься инструментально – как средства достижения выгоды, а не самостоятельные жизненные опоры [2]. Современные исследования подчеркивают, что подобные изменения в ценностной структуре затрудняют социальную интеграцию и повышают риск девиантного поведения [8].

Социальные последствия игровой зависимости опосредованы комплексом психосоциальных факторов, среди которых ключевыми являются стигматизация и одиночество. С одной стороны, стигматизация, проявляющаяся на различных уровнях (общественная маргинализация, внутрисемейное осуждение и самостигматизация), способствует социальной изоляции индивида [9]. С другой стороны, возникающее чувство одиночества само по себе является мощным фактором риска, подталкивающим к игре как к компенсаторному механизму. Это формирует порочный круг: зависимость углубляет изоляцию и стигматизацию, которые, в свою очередь, усугубляют зависимость, затрудняя выход из нее [3; 12].

Ключевую роль в преодолении зависимости играют поддерживающие ресурсы. Семейная система, основанная на взаимном доверии и поддержке, выступает значимым ресурсом, способствующим снижению риска рецидива и укреплению устойчивости [11]. Группы взаимопомощи и волонтерские сообщества создают безопасное пространство для обмена опытом, укрепления мотивации и формирования новых социальных ролей, что положительно влияет на процесс восстановления [10]. Цифровые ресурсы, такие как онлайн-группы поддержки, расширяют возможности преодоления географических и социальных барьеров, однако требуют контроля и осторожности для предотвращения вторичных аддикций.

Особое внимание необходимо уделять развитию цифровой грамотности и внедрению профилактических программ, направленных на формирование критического

мышления и ответственного поведения в онлайн-среде. Психолого-педагогическое сопровождение молодежи, включающее информирование о рисках цифрового взаимодействия и развитие навыков саморегуляции, выступает ключевым элементом конструктивной цифровой социализации и профилактики зависимостей [4].

Таким образом, цифровая среда формирует противоречивые условия для становления идентичности молодежи: с одной стороны, расширяет возможности самореализации и социальной интеграции, с другой – усиливает угрозы, связанные с рисками девиантного поведения. В этом контексте патологическая вовлеченность в азартные игры становится одним из деструктивных факторов, нарушающих процессы идентификации, искажая ценностно-смысловую сферу и способствуя социальной дезинтеграции.

Минимизация негативных последствий цифровизации предполагает реализацию системного междисциплинарного подхода, интегрирующего психолого-педагогическое сопровождение личности, целенаправленную работу с семейными системами, мобилизацию ресурсов сообществ и рациональное использование потенциала цифровых технологий в профилактических и коррекционных целях. Перспективным направлением является разработка комплексных моделей профилактики и реабилитации, учитывающих специфику цифрового общества и интегрирующих медицинские, педагогические и социально-психологические подходы.

1. *Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски //Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – №. 4. – С. 42-57.*
2. *Зинина А. Ю., Гуриева С. Д., Такеяши К. Трансформация ценностно-смысловой сферы азартных игроков в условиях прохождения реабилитации //Российский девиантологический журнал. – 2021. – №. 1 (1). – С. 99-115.*
3. *Клыжина В. С. Взаимосвязь интернет-зависимости и социальной адаптации у подростков //Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – №. 7 (88). – С. 214-219.*
4. *Комаров В. В. Современные тенденции цифровой социализации молодёжи: вызовы, риски и перспективы //Психологическая наука и новые вызовы современности. – 2023. – С. 142-148.*
5. *Плешаков В. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens' a до Homo Cyberus' a. – Litres, 2022.*
6. *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./Общ. ред. и предисл //АВ Толстых. М.: Прогресс. – 1996. – Т. 344. – С. 12.*
7. *Albarrán Torres C., Goggin G. Mobile social gambling: Poker's next frontier //Mobile Media & Communication. – 2014. – Т. 2. – №. 1. – С. 94-109.*
8. *Calado F., Alexandre J., Griffiths M. D. Prevalence of adolescent problem gambling: A systematic review of recent research //Journal of gambling studies. – 2017. – Т. 33. – №. 2. – С. 397-424.*
9. *Hing N. et al. The stigma of problem gambling: Causes, characteristics and consequences //Victoria, Australia: Victorian Responsible Gambling Foundation. – 2015.*
10. *Kelly J. F. et al. Alcoholics anonymous and 12-step facilitation treatments for alcohol use disorder: A distillation of a 2020 Cochrane review for clinicians and policy makers //Alcohol and Alcoholism. – 2020. – Vol. 55. – №. 6. – P. 641-651.*
11. *Kourgiantakis T., Saint-Jacques M. C., Tremblay J. Facilitators and barriers to family involvement in problem gambling treatment //International Journal of Mental Health and Addiction. – 2018. – Т. 16. – С. 291-312.*
12. *Mahon N. E. et al. A meta-analytic study of predictors for loneliness during adolescence //Nursing research. – 2006. – Т. 55. – №. 5. – С. 308-315.*
13. *Tajfel H. (ed.). Social identity and intergroup relations. – Cambridge University Press, 2010. – Т. 7.*
14. *World Health Organization et al. ICD-11: International Classification of Diseases 11th Revision. https://icd.who.int/en*
15. *Zarichanskyi O. et al. Analysis of cultural and identity transformations in the modern world //Multidisciplinary Reviews. – 2024.*
16. *Zinina A. Y., Gurieva S. D. Transformation of relationships between time perspective and life-sense orientations in people with gambling disorder in a rehabilitation setting //Journal of Gambling Issues. – 2024. – Vol. 54.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ВЕКТОРА И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА ЦИФРОВОЙ АРХИТЕКТОНИКИ

Лежебоков Андрей Александрович
(ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»)

Тер-Аванесова Ирина Николаевна
(ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации №1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» шифр (FSRN-2024-0009)

Аннотация. В статье анализируется один из проблемных аспектов политического направления функционально – когнитивного блока цифровой социализации пользователей российского сегмента цифровой архитектоники и акцентируется проблемные аспекты в ее прохождении. На основании сравнительного анализа социокультурных характеристик в offline социокультурном профиле России и online профиле российского сегмента цифровой архитектоники, намечается путь предотвращения выявленных противоречий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая архитектоника, российский сегмент цифровой архитектоники, долгосрочная ориентация, конфуцианский динамизм, социальная динамика, социокультурный профиль, социокультурные ценности, политическое направление функционально – когнитивного блока цифровой социализации, политическая цифровая идентичность.

На заре споров о сути «новой личности» Э. Тоффлер констатировал: «чтобы создать желаемую эмоциональную жизнь и здоровую психосферу для зарождающейся цивилизации будущего, мы должны признать три основных требования любой личности: потребности в общности, структуре и смысле» [9]. Преобразование упомянутых конструктов под влиянием информационных технологий сформировало феномен цифровой социализации, ставшей значимым социокультурным фактором устойчивого развития современного общества, а также актуализировало проблему цифровой идентичности акторов, включенных в этот процесс.

Цифровая социализация, являясь сложным и многоаспектным явлением, предполагает наличие нескольких взаимосвязанных блоков [7], один из которых, (в силу его дальнейшей компетентностной преемственности в цифровом суверенитете современного государства) представляет особый интерес. Значение функционально – когнитивного блока цифровой социализации заключается в воспитании восприятия, познания и усвоения информации в цифровой реальности, основанного на основании критического поиска, анализа информации и эффективного использования полученного потенциала. Политическое ее направление предполагает формирование соответствующего набора политических и социальных норм, ценностей и установок и развитие критического

мышления, направленного на объективное познание окружающей действительности с целью сохранения ощущения ее значимости и дальнейшее эффективное функционирование личности в политической системе.

Эффективная политическая цифровая социализация определяет вектор дальнейших политических предпочтений пользователя, формирует политическую идентичность на индивидуальном и коллективном уровнях и обеспечивает воспроизводство политической и культурной системы. К сожалению, традиционное понимание политической социализации, как: «процесса, в ходе которого у личности поэтапно формируются определенная картина политического мира, опыт политической деятельности и политического общения» [6] значительно осложняется в цифровой среде. Проблемы субъективного характера предполагают отсутствие значимых «агентов» социализации, необходимость отсеивания «фейков» или сложность обнаружения манипуляций мнением при цифровом взаимодействии. Объективная сложность заключается в специфике социокультурных показателей российского цифрового сегмента, имеющей недостаточно благоприятные стартовые позиции для механизмов цифровой социализации в оффлайн-измерении и приобретающей настораживающие значения под воздействием цифровой среды, и требует дополнительного анализа.

Динамика карты социокультурных ценностей Р. Иглхарта-Вельцеля [2] демонстрирует рост традиционности и самовыражения, социокультурный профиль России, построенный по методике Г. Хофстеде [8], обращает наше внимание на уникальный набор российских социокультурных показателей, представленных одним из наивысших индексов «дистанции власти», наименьшей «снисходительностью» (подтверждающей проблему адаптации членов общества к новым условиям) и плавающим, в зависимости от внешних средовых условий, показателем «долгосрочная ориентация» («Конфуцианский динамизм»).

Сложившаяся система показателей видится благоприятной в контексте сохранения вектора преемственного развития цифровой архитектоники, обусловленного «традиционными ценностями» в российском сегменте, за исключением динамики последнего показателя. Повышение «Конфуцианского динамизма» в цифровом сегменте на фоне снижения в offline-профиле позволяет предположить опасность возникновения размытости восприятия традиционных установок в цифровой среде. Данный вывод подтверждается данными ВЦИОМ, отразившим незыблемость традиционных духовных принципов в поколениях среднего и старшего возраста (поколения «застоя» и «оттепели»), но отметившим настораживающую пластичность в восприятии традиционных установок у представителей поколения «цифры» и младших миллениалов [1]. Подобная пластичность демонстрирует способность адаптировать традиции к изменяющимся условиям: более юные пользователи верят, что истина во многом зависит от ситуации, контекста и времени, а большое значение традиционных установок в цифровом социальном сегменте не исключает оперативной трансформации самих установок. В этой связи примечательна следующая связка статистических данных Роскомнадзора за 2023 год: с одной стороны, в российском сегменте цифрового пространства заблокировано 558 200 ссылок на противоправный контент [4], с другой Россия занимает второе место в мире по количеству использования VPN (34.9 %) [3].

Отмеченные противоречия могут негативно повлиять на выбор стратегии развития современного российского общества и российского сегмента его цифровой архитетоники. Устойчивое поступательное развитие национального цифрового сегмента, обеспеченное преемственным воздействием системы социокультурных факторов (от цифровой социализации каждого пользователя, до цифрового суверенитета России), возможно при

условии выбора оптимального вектора развития, синхронизированного с национальными интересами российского общества и отражающего гармоничные цели и задачи его функционирования. Политическая идентичность, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне представляет собой значимый, если не ключевой элемент данной системы.

Внимание общества к заявленной проблеме подтверждаются как повседневными практиками, так и новыми социальными инициативами. С 1 сентября 2021 года в российских школах стартовали патриотические уроки-беседы «Разговоры о важном», открываются современные музейные комплексы «Россия – моя история». Подтверждая компетентностную преемственность, внедряются федеральные программы подготовки кадров, такие как «Время героев», направленные на поддержку участников специальной военной операции и их семей. Активно развиваются центры и публичные площадки для патриотического и гражданского воспитания, охватывающие федеральную территорию «Сириус», Центр знаний «Машук» и цифровые центры молодежных инициатив, такие как «Патриот» и «Трамплин». Однако особенности «виртуального мира» требуют особого внимания в контексте формирования цифровой составляющей политической идентичности.

Достижение устойчивого поступательно-прогрессивного развития современного российского общества и его суверенное цифровое функционирование невозможно без рационального осмысления потенциальных проблем и нахождения путей их преодоления, что возможно в русле разработки и дальнейшего изучения функционально-когнитивного направления политической цифровой социализации. Развитие социально-политической активности пользователей в цифровом пространстве, правовое и политическое просвещение с использованием современных технологий, совершенствование умений и навыков, связанных с дальнейшей самореализацией, от индивидуальных компетенций до коллективных социокультурных значений, имеющих критическую важность для выбранного направления (например, повышение доверия, как интегрального критерия социальной саморегуляции [5]), проведение информационной политики, заключающейся в планомерном и целенаправленном воспитательном воздействии значимых «агентов» социализации. Эти и подобные меры способны стать вспомогательными механизмами при формировании цифровой политической идентичности: от политического сознания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности до суверенной государственной идентичности с высоким уровнем политической культуры в российском цифровом сегменте.

1. *Данные Всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник» 21 июня 2025 г. URL https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения 10.10.2025).*
2. *Исследование Всемирной ассоциации исследований ценностей (WVSA): Глобализация и конвергенция ценностей. URL https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp (дата обращения: 04.10.2025).*
3. *Отчет о состоянии цифровой сферы Digital 2023 October Global Statshot Report URL https://datareportal.com/reports/digital-2023-october-global-statshot (дата обращения 09.10.2025)*
4. *Роскомнадзор в 2023 году заблокировал более 558 000 сайтов и интернет-страниц // Ведомости. 26 января 2024 URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/26/1016847-roskomnadzor-zablokiroval-bolee-558-000-saitov?ysclid=mezc2psa9s922200668 (дата обращения 09.10.2025)*
5. *Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Зубок ; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с.*
6. *Социологический энциклопедический словарь. – Москва: Норма: НОРМА- ИНФРА. М, 2000. – 480 с.*
7. *Тер-Аванесова И. Н. Проблемы определения границ возраста молодежи в условиях цифровой социализации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2021. – № 2(85). – С. 49-57.*

8. *Хофстеде Г. «Последствия культуры: сравнение ценностей, поведения, институтов и организаций разных стран», 2-е изд. Sage Publications, Лондон, 2001. С. 624. URL https://archive.org/details/culturesconseque0000hofs (дата обращения: 04.10.2025)*
9. *Toffler. A. The Third Wave. William Morrow and Company, Inc., 105 Madison Ave., New York, N.Y 1980. URL: https://archive.org/details/TheThirdWave-Toffler (дата обращения 09.10.2025)*

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАК ПРЕДИКТОР ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ляпина Татьяна Евгеньевна
(СПбГУ)

Гуриева Светлана Дзахотовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструктов гражданской идентичности российской молодёжи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей» (ID PURE 116230058).

Аннотация. Исследование посвящено анализу связи социальных идентичностей с просоциальным поведением молодежи. Обобщены данные, характеризующие особенности оценки и проявления просоциальности в отношении различных социальны групп.

Эмпирически выявляются связи между реляционной, гражданской и глобальной идентичностями и формами просоциального поведения. Делается вывод о большем потенциале гражданской идентичности для актуализации просоциальности у российской молодёжи.

Ключевые слова: социальная идентичность, реляционная идентичность, гражданская идентичность, глобальная идентичность, просоциальное поведение, современная российская молодежь.

Введение. Просоциальное поведение характеризует поступки, совершаемые одним человеком для другого и ради его пользы [5]. Исследования указывают, что люди стремятся помогать тем, с кем идентифицируют себя. Помощь ближайшему окружению (группой реляционной идентичности) связывают с сильным чувством сопереживания, эмпатией [6] или с эволюционными механизмами, закрепившими социальные нормы взаимопомощи для повышения шансов на выживание индивида и передачи генов потомству [8]. Современные работы отмечают, что помощь близким оценивается людьми как вносящая меньший вклад в развитие общества [10]. Это может указывать на восприятие семьи и близких как социально обособленной группы, а также на обязательный и естественный характер помощи.

Связи с просоциальностью обнаруживаются и для более крупных идентичностей: исследователи отмечают, что люди чаще помогают тем, кто имеет схожие с ними политические взгляды [9], эстетические предпочтения [7], а также принадлежат к одной этнической группе [11]. Однако часто, повышение просоциальности в отношении членов

«своей» группы сочетается с ростом дискриминации к «чужой» ввиду внутригруппового фаворитизма [12]. В результате, многонациональные и поликонфессиональные общества могут сталкиваться с трудностями в виде низкой взаимопомощи среди их представителей.

Решением этой проблемы может быть развитие общей для людей крупной идентичности, например гражданской, отражающей установку человека на принадлежность к сообществу граждан страны [1] или глобальной – отождествляющей его с человечеством в целом [4]. Поскольку чрезмерное расширение группы принадлежности может привести к размыванию идентичности и угасанию просоциальных тенденций, целью нашего исследования является изучение потенциала реляционной, гражданской и глобальной идентичностей как предикторов просоциального поведения российской молодёжи.

Методы

Выборку составили 355 респондентов (n = 355) в возрасте от 18 до 35 лет (M = 22.78, SD = 3.65), из которых 298 женщин (83,94 %), 57 мужчин (16,06 %) [3].

Для измерения показателей реляционной, гражданской и глобальной идентичностей была использована методика «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. МакФарленда в адаптации Т. А. Нестика [4]. Для определения выраженности форм просоциального поведения использовалась методика «Измерение просоциальных тенденций» в адаптации Н. В. Кухтовой [2]. Социально-демографические характеристики респондентов фиксировались в анкете.

Анализ проводился в программе JASP 0.19.3. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (α-Кронбаха, ω-Макдоналда), расчет линейной регрессии с принудительным включением.

Результаты

Для характеристики актуального состояния социальных идентичностей российской молодёжи были использованы описательные статистики (таблица 1).

Таблица 1. Средние значения показателей идентичности российской молодёжи

Шкалы	Mean	SD
Реляционная идентичность	37,43	5,76
Гражданская идентичность	25,85	6,68
Глобальная идентичность	23,70	5,98

Наблюдается последовательное снижение выраженности идентичности при расширении группы идентификации от близкого окружения до всего человечества.

Для выявления связи между видами социальной идентичности и формами просоциального поведения использовался метод линейной регрессии с принудительным включением, где в роли предикторов выступали виды идентичности, а в качестве зависимых переменных были последовательно определены шесть форм просоциального поведения. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Наиболее выраженные и разнообразные связи с формами просоциального поведения имеет гражданская идентичность. Она положительно связана с конформным, анонимным, экстренным, эмоциональным и альтруистическим просоциальным поведением на уровне от низкого до умеренного. Реляционная идентичность также имеет широкий круг связей, однако они характеризуются более слабой выраженностью. Глобальная идентичность оказалась связана только с анонимной просоциальностью на низком уровне.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа

Шкалы	Коэффициенты β			Скорр. R^2
	Реляционная идентичность	**Гражданская идентичность**	**Глобальная идентичность**	
Конформное просоциальное поведение	**0,129***	**0,315*****	-0,035	0,127
Публичное просоциальное поведение	-0,012	0,119	0,020	0,008
Анонимное просоциальное поведение	**0,112***	**0,296*****	**0,139***	0,194
Экстренное просоциальное поведение	**0,186*****	**0,326*****	0,040	0,202
Эмоциональное просоциальное поведение	**0,233*****	**0,220*****	0,012	0,141
Альтруистическое просоциальное поведение	**0,214*****	**0,147***	0,068	0,109

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; *p < .05; **p < .01; ***p < .001.

Обсуждение результатов

Установлено, что среди исследуемых социальных идентичностей гражданская идентичность имеет более выраженные связи с различными формами просоциального поведения, преимущественно с конформным, экстренным и анонимным, т.е. помощь согражданам чаще реализуется в ответ на запрос, основывается на знании об уязвимом положении человека и публично не афишируется. Эта характеристика может указывать на когнитивный характер идентификации, поскольку помогающему необходимо обладать знаниями о получателе, его потребностях и способах передачи ресурсов.

Реляционная идентичность также ассоциирована с большим количеством форм помощи, при этом наибольшей выраженностью обладает связь с экстренной, эмоциональной и альтруистической формой, наименьшей – с конформной, анонимной. Это позволяет предположить, что в основе помощи близким лежат механизмы заботы, эмоциональной идентификации, основанной на сопереживании и чувстве ответственности.

Обнаружено, что глобальная идентичность не имеет выраженных достоверных связей с формами просоциального поведения. Это может быть связано с отсутствием чувства сопричастности, а также с незнанием о способах помощи глобальному сообществу.

Выводы. Среди исследуемых социальных идентичностей молодёжи наибольшим потенциалом для актуализации просоциального поведения обладает гражданская идентичность. Предполагается, что её развитие позволит снизить дифференциацию, создаваемую локальными идентичностями. Также стоит обратить внимание на развитие эмоциональной стороны идентификации с согражданами для стимулирования большего числа форм помощи.

1. *Асмолов А. Г., Карабанова О. А., Марцинковская Т. Д. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монографии в 2 ч.: ч. 1. Москва: Федеральный ин-т развития образования, 2011. 111 с.*
2. *Кухтова Н. В., Доморацкая Н. В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи : теоретические основы и методики изучения. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. 48 с.*

3. *Ляпина Т. Е., Юмкина Е. А., Гуриева С. Д., Гриценко В. В. База данных для изучения связи идентичности и просоциального поведения российской молодежи: Набор данных. // RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. 2025. https://doi.org/10.48612/MSUPE/n53t-825e-3x47 (дата обращения 19.07.2025).*
4. *Нестик Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145-185.*
5. *Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя!. СПб.: праймЕВРОЗНАК, 2002. 336 с.*
6. *Batson, C.D. Prosocial motivation: Is it ever truly altruistic? // Advances in experimental social psychology, 1987. V. 20. P. 65–122.*
7. *Billig M., Tajfel H. Social categorization and similarity in intergroup behaviour // European journal of social psychology. 1973. V. 3. № 1. P. 27-52.*
8. *Dawkins R. The extended selfish gene. Oxford University Press, 2016. 592 pp.*
9. *Fowler J.H., Kam C.D. Beyond the self: Social identity, altruism, and political participation // The Journal of politics, 2007. V. 69. № 3, P. 813–827.*
10. *Reinhart E.C., Carey R.M., Markus H.R. Who feels they contribute to US society? Helping behaviors and social class disparities in perceived contributions //Journal of personality and social psychology, 2024. V. 127. № 4. P. 731–757.*
11. *Singh, P. Subnationalism and Social Development // Inside countries: Subnational research in comparative politics, 2019. V. 31. P. 245–287.*
12. *Van Der Vegt G. S., Van De Vliert E., Oosterhof A. Informational dissimilarity and organizational citizenship behavior: The role of intrateam interdependence and team identification // Academy of Management Journal, 2003. V. 46. № 6. P. 715-727.*

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТРУМЕНТА

Мальцева Анна Васильевна
(СПбГУ)

Матвеев Михаил Сергеевич
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина))

Публикация подготовлена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 124032600013-2.

Аннотация. Статья посвящена разработке и апробации Telegram-бота как инструмента социологического исследования идентичности российской молодежи. Показано, что перенос опроса в привычную для молодых людей цифровую среду повышает вовлеченность респондентов и реализует принцип двойной герменевтики, превращая процесс измерения идентичности в акт саморефлексии.

Ключевые слова: молодежь, социальная идентичность, цифровая социология, Telegram-бот, реактивные методы, двойная герменевтика

Говоря об актуальной дискуссии по всей совокупности современных реактивных исследований в социологии, нельзя не отметить, что даже на фоне общей тенденции снижения уровня готовности индивидов выступить в качестве респондентов

«классического» социологического исследования, молодежь представляет собой «особенно труднодоступную группу» для изучения [1]. Молодые люди существует в условиях гибридной социальной реальности, где цифровые платформы стали неотъемлемым пространством самовыражения и самоидентификации, при этом параллельным трендом отмечается их крайне низкое желание «уделить пару десятков минут на телефонный опрос, заполнить классическую бумажную анкету с паспортичкой очно» или даже воспользоваться специализированными платформами для исследований.

Для социолога это означает ровно одно: необходимость адаптации инструментария: к примеру, его перенос и интеграция с популярными цифровыми платформами, и следование уже устоявшимся внутри этих социальных систем ритмам и логикам взаимодействия. Данная статья описывает процесс разработки опросного Telegram-бота для изучения идентичности современной российской молодёжи.

Не вдаваясь в технические особенности, тем не менее отметим, что разработанный инструмент представляет собой Telegram-бот, реализованный на языке Python с использованием библиотеки python-telegram-bot, обеспечивающей взаимодействие с Telegram API через протокол long polling [2]. Программа функционирует в асинхронном режиме, что позволяет одновременно обрабатывать множество сессий без потери отклика. Сбор и хранение данных организованы через облачный сервис Google Sheets API, к которому бот подключается посредством сервисного аккаунта Google Cloud и авторизации по ключу формата JSON. Все ответы респондентов автоматически записываются в таблицу в реальном времени, что исключает человеческий фактор при вводе и обеспечивает возможность последующего статистического анализа.

Важно отметить, что с точки зрения респондента взаимодействие с ботом представляет собой просто еще один чат внутри его списка контактов в привычной и знакомой для него медиасреде [3]. Это, на наш взгляд, способствует увеличению количества завершенных анкет. Также для увеличения этого показателя реализована диалоговая форма взаимодействия: бот приветствует респондента, реагирует на его ответы, то есть буквально снижает дистанцию между исследовательским актором и участником.

Безусловно, особенности виртуального пространства ставят перед исследователями и новые задачи: одной из которых наличие так называемых «спам-аккаунтов», «роботов» и проч. [4]. Для этого в боте реализован механизм контроля времени реакции, что выступает в качестве определенной технической защиты от формальных стратегий прохождения анкеты: система измеряет, сколько секунд прошло между вопросом и ответом, и помечает слишком быстрые реакции как потенциально недостоверные. Этот параметр, безусловно, является настраиваемым, и может изменяться в зависимости от предпочтений исследовательской группы. Такой инструмент, стоит отметить, создает еще одну проблематику для будущих исследований: это формирование выборки социологических метаданных (к примеру, время прохождения и тд), что позволит внести свой вклад в формирование методик уже непосредственно цифровых реактивных исследовательских стратегий.

В контексте вопроса исследовательской этики и получения социо-демографический данных респондента бот реализован в классической стратегии реактивного исследования: участник сам заполняет аналог анкеты, самостоятельно вносит данные. Проблема крайне актуальна в условиях цифровых исследований, когда огромный объем выгруженных данных дает детализированную картину о предпочтениях и коммуникативных паттернах индивида, но зачастую не дает ответа на вопрос о том, кто же является участником исследования. Без той самой «паспортички» пока не обойтись [5].

Безусловно, смысловое наполнение бота может меняться в зависимости от исследовательских целей. В данном случае речь идет об изучении идентичности современной российской молодёжи. Пятьдесят вопросов разделены десять блоков в соответствие с авторской методикой исследовательского коллектива. Каждый блок содержит пять утверждений с учетом интенсивности мнений по шкале Лайкерта от 1 до 6: от «категорически не согласен(а)» (=1) до «полностью согласен(а)» (=6). Для каждого блока задан вектор весов и пороговые зоны интерпретации (низкий, средний, высокий). На основании такой структуры формируется итоговый «профиль идентичности». Сама же идентичность операционализирована десятью тематическими блоками (гражданская, национальная, культурная, религиозная, профессиональная и т. д.). В результате исследовательская группа получает приведенный к общей форме массив данных: и ответы респондентов в числовом выражении (по каждому пункту и блоку), и агрегированные показатели по всем блокам. Все это формируется в одном месте: в Google таблицах, но данный параметр можно также изменять.

Бот для опроса организован таким образом, что после завершения опроса участник получает краткий отчёт, содержащий итоги по каждому блоку идентичности: числовой балл, его словесную интерпретацию («низкий», «средний» или «высокий уровень»), а также обобщённую характеристику собственного профиля. Такая обратная связь выступает в качестве определенного методического механизма рефлексивного взаимодействия между исследователем и респондентом: то есть молодой человек вступает в процесс осмысления того, как его позиция выглядит в исследовательской системе координат. То есть, буквально новейшие цифровые исследовательские инструменты позволяют внести свой вклад в принцип двойной герменевтики, о котором писал Э. Гидденс: социальные науки интерпретируют действия людей, и благодаря этим интерпретациям индивиды способны переосмыслить себя и скорректировать собственные действия [6]. Или же, другими словами, фактически адаптирует частную научную процедуру к процессу просветительской деятельности в широком смысле.

Таким образом, опыт разработки и апробации Telegram-бота показал, что цифровые среды могут быть и площадкой для реализации полноценных социологических процедур, особенно это актуально для задач, связанных с изучением наиболее «труднодоступных» социальных групп. В этом и есть большая удача, что именно такие среды, благодаря использованию языков программирования, становятся не только пространством коммуникации молодёжи, но и местом, где от них можно получить релевантную исследовательскую информацию. Инструмент, встроенный в повседневную коммуникационную экосистему респондента, оказывается более органичным, чем традиционные формы опроса, сохраняя при этом всю необходимую исследовательскую строгость. Введение алгоритмов фиксации времени реакции, автоматической записи данных и мгновенной обратной связи демонстрирует, во-первых, снижает риск возникновения методологических сложностей, связанных именно с особенностью виртуальной среды, а также, что является не менее важным: вносит свой вклад в развитие всей эмпирической социологии в условиях тотальной цифровизации: теперь можно не только собрать эмпирические данные в удобном и привычном для респондента месте, но и инициировать у него процесс саморефлексии, выдав ему мгновенную обратную связь, и фактически сделав его участником герменевтического круга, где понимание и самопонимание взаимно усиливают друг друга.

1. *Parutis V. Recruiting and retaining young people in longitudinal surveys: lessons from Understanding Society: UK Household Longitudinal Study [Электронный ресурс] // Understanding Society Working Paper Series. – 2023. – № 2023-15. – Colchester: University of Essex.*
2. *python-telegram-bot – библиотека для работы с Telegram API. URL: https://python-telegram-bot.org/ (Дата доступа: 10.10.2025)*
3. *Шилкина Н. Е. Чем «карьерист» отличается от «киллера»? Социальная адаптация в компьютерно-моделируемом виртуальном мире// Казанская наука. 2014. № 1. С. 266-268.*
4. *Мальцева А. В., Матвеев М. С. Цифровые следы: от технологической составляющей к эвристическим возможностям социологии в изучении молодежи // Цифровое общество в России и Китае : сборник статей. ред. / А. В. Петров; А. В. Мальцева; Ван Сюй. СПб : «Астерион», 2025. стр. 51-56.*
5. *Матвеев М. С. След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии // Социодинамика. 2025. № 4. С. 71-80.*
6. *Вершинина И. А. Формирование теории структурации энтони Гидденса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. №4. С. 103-117.*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Чистова Анастасия Алексеевна
(СПбГУ)

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, проект №225013106092-3

В период с мая по август 2025 года было проведено исследование среди российской молодежи с целью выявления конструктов гражданской идентичности. Респондентами были молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет проживающие в России. Исследование проводилось методом онлайн-опроса (N = 603). В выборке обеспечивалось равное представительство по полу, уровню образования и 2-ум возрастным когортам (от 17 – 20 и более 21 лет) [1].

Говоря о городах, в которых наиболее высокая вероятность достижения жизненного успеха, респонденты выделили Москву и Санкт-Петербург (Таблица 1). Интересно, что в возрастной когорте старше 21 года чаще, чем в когорте 17 – 20 лет, выбирали вариант, что успех можно достичь в крупных городах страны, помимо Москвы и Санкт-Петербурга. Различий по полу и уровню образования не выявлено.

Таблица 1. Город наиболее высокой вероятности достижения жизненного успеха по мнению респондентов (%)

№ п/п	Город	% ответивших утвердительно
1	Москва, Санкт-Петербург	46%
2	Крупные города моей страны	19%
3	Город, в котором я родился(-лась)	11%
4	Город, в котором я учусь/работаю в настоящее время	11%
5	За рубежом	13%
6	Другое	0%

Для респондентов важно в первую очередь проводить время в кругу близких и друзей, так и уделять время себе и своим интересам (табл. 2). Женщины чаще проводят

время с близкими и друзьями, в то время как мужчины чаще уделяют время себе и своим интересам. В возрастной когорте 17 – 20 лет респонденты чаще уделяют время себе и своим интересам, в то время как респонденты старше 21 года в первую очередь стараются заниматься бытовыми вопросами, касающихся их или их семьи. Молодые люди с высшем образованием и аспирантурой чаще в первую очередь стараются заниматься бытовыми вопросами, в то время как люди со средним образованием в первую очередь уделяют время себе и своим интересам.

Таблица 2. Чему в первую очередь посвящаете свободное время? (%)

№ п\п	Времяпрепровождение	% ответивших утвердительно
1	Стараюсь заняться бытовыми вопросами, касающихся меня и/или моей семьи	21%
2	Провожу время с близкими/друзьями	34%
3	Стараюсь в первую очередь выполнить что-либо по работе	10%
4	В первую очередь уделяю время себе и своим интересам	33%
5	Другое	2%

Опрошенные в первую очередь уделяют время себе и личным интересам, во вторую очередь семье (табл. 3). В возрастной группе старше 21 года одинаково уделяется время себе и семье. Респонденты с высшим образованием чаще уделяют в первую очередь внимание семье, чем остальные респонденты. Различий по полу не выявлено.

Таблица 3. Кому Вы уделяете внимание в первую очередь? (%)

№ п\п	Кому уделяете время	% ответивших утвердительно
1	Себе и своим личным интересам	48%
2	Коллегам	0,8%
3	Семье	33%
4	Близким друзьям	16%
5	Другое	2,2%

Многие респонденты отмечали, что можно построить и счастливую семью и карьеру. Но если выбирать между двумя вариантами, то больше половины опрошенных выбрали иметь счастливую семью (табл. 4). В возрастной когорте 21 и старше чаще выбирали счастливую, благополучную семью, в то время как в когорте 17 – 20 лет респонденты почти поровну выбирали счастливую семью и карьеру. Различий по полу и уровню образования не выявлено.

Таблица 4. Если бы у Вас была возможность выбора – успешная карьера или благополучная семья, чтобы Вы выбрали? (%)

№ п\п	Выбор/ пол	% ответивших утвердительно
1	Счастливая, благополучная семья	51%
2	Профессиональная реализация в карьере	32%
3	Другое	17%

Таблица 5. Иерархия идентифиретов гражданской идентичности (%)

№ в иерархии	**Текст вопроса**	**Суммарный % ответивших «отчасти да» + «да» + «полностью да»**
1	Я считаю, что возраст не должен быть препятствием для личностного роста и вклада в общество	96%
2	Я полагаю, что люди всех возрастов достойны уважения	95%
3	Я считаю, что чувство общности и сотрудничества в учебе или профессии имеет важное значение для личного и коллективного роста	94%
4	Для меня важно поддерживать высокий уровень профессионализма в учебе или профессии	94%
5	Я чувствую наибольшую близость со своей семьей, близкими, друзьями	94%
6	Я чувствую наибольшую близость к тем, кто сам «делает» свою судьбу и жизнь	93%
7	Я испытываю сильное чувство удовлетворения, когда вношу свой вклад в учебу или выбранную профессию	92%
8	Я считаю, что участие молодого поколения в принятии политически важных для страны решений должно быть активным	90%
9	Я горжусь своей национальностью	89%
10	Я горжусь принадлежностью к своему культурному наследию	88%
11-40		
41	Я чувствую наибольшую близость с теми, кто живет в моем городе (поселке, деревне)	59%
42	Ценности, которыми я руководствуюсь в жизни, основаны на моих религиозных или духовных убеждениях	59%
43	Я чувствую сильную связь с ценностями и принципами моей религии	59%
44	Я считаю, что люди вроде меня, имеют какое-нибудь влияние в государстве	57%
45	Я чувствую наибольшую близость с теми, кто не интересуется политикой	48%
46	Я активно участвую в мероприятиях, которые продвигают культуру и традиции в моем городе (поселке, деревне)	46%
47	Я чувствую наибольшую близость со всеми людьми на планете	44%
48	Я чувствую наибольшую близость с теми, кто предпочитает жить как все	35%
49	Я испытываю стыд за людей своей национальности	34%
50	Я чувствую наибольшую близость с теми, кто верит, что от его действий мало, что зависит	25%

Говоря о конструировании гражданской идентичности, были предложены утверждения и варианты ответа по шкале Лайкерта. Список из 50 утверждений был пронумерован от наибольшего количества положительных ответов к наименьшему. В таблице представлены первые 10 и последние 10 пунктов. Исходя из первых 10 утверждений, можно сказать, что для молодежи важен личный рост в работе и учебе,

вклад в общество и политические решения не смотря на возраст, чувство общности и сотрудничества, близость с семьей и друзьями и с теми, кто сам принимает решения в своей жизни и судьбе. Молодежь гордится своей национальностью и принадлежностью к своему культурному наследию.

Исходя из утверждений на последних местах, можно сказать, что чуть больше половины респондентов, ответивших утвердительно, наиболее близки с теми, кто находится в их родном городе; ценностями, которыми руководствуются по жизни связаны с религиозными убеждениями; и люди вроде них, имеют какое-нибудь влияние в государстве. Меньше половины респондентов, ответивших утвердительно, чувствуют наибольшую близость с теми, кто не интересуются политикой; участвуют в мероприятиях, которые продвигают культуру и традиции в родном городе и чувствуют наибольшую близость со всеми людьми на планете, и с теми, кто предпочитает жить как все. Испытывает стыд за людей своей национальности около трети респондентов и четверть респондентов испытывают близость с теми, кто верит, что от его действий мало, что зависит.

Таким образом можно сделать вывод, что молодежь в первую очередь уделяет время себе и своим интересам, нежели семье и близким. Однако такое поведение присуще более молодому поколению 17 – 20 лет со средним образованием, тогда как люди старше 21 с высшим образованием чаще уделяют время семье. Это может быть связано с тем, что молодые люди 17 – 20 лет только стали жить самостоятельно, возможно даже переехав в другие города, и для них в приоритете учеба и свои интересы, тогда как в группе старше 21 года люди уже задумываются о построении семьи и карьеры.

Компоненты гражданской идентичности молодежи можно разделить на несколько сфер: 1) Поддержание профессионального уровня в учебе и работе 2) Вклад в общественную и политическую жизнь общества не смотря на возраст 3) Близкие семейные и дружеские отношения 4) Гордость за свою национальность и принадлежность к своему культурному наследию.

Исходя из вышеперечисленного можно сделать вывод, что молодежь больше настроена на индивидуализм в реализации своих жизненных планов и целей. А при конструировании своей гражданской идентичности ориентируется на актуальные и интересующие на данный момент сферы жизни.

1. *Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024624665 Российская Федерация. «База данных для изучения идентичности молодежи» (YouthID-плюс): № 2024624440 : заявл. 16.10.2024 : опубл. 23.10.2024 / С. Д. Гуриева, Н. Е. Шилкина, А. В. Мальцева [и др.]; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».*